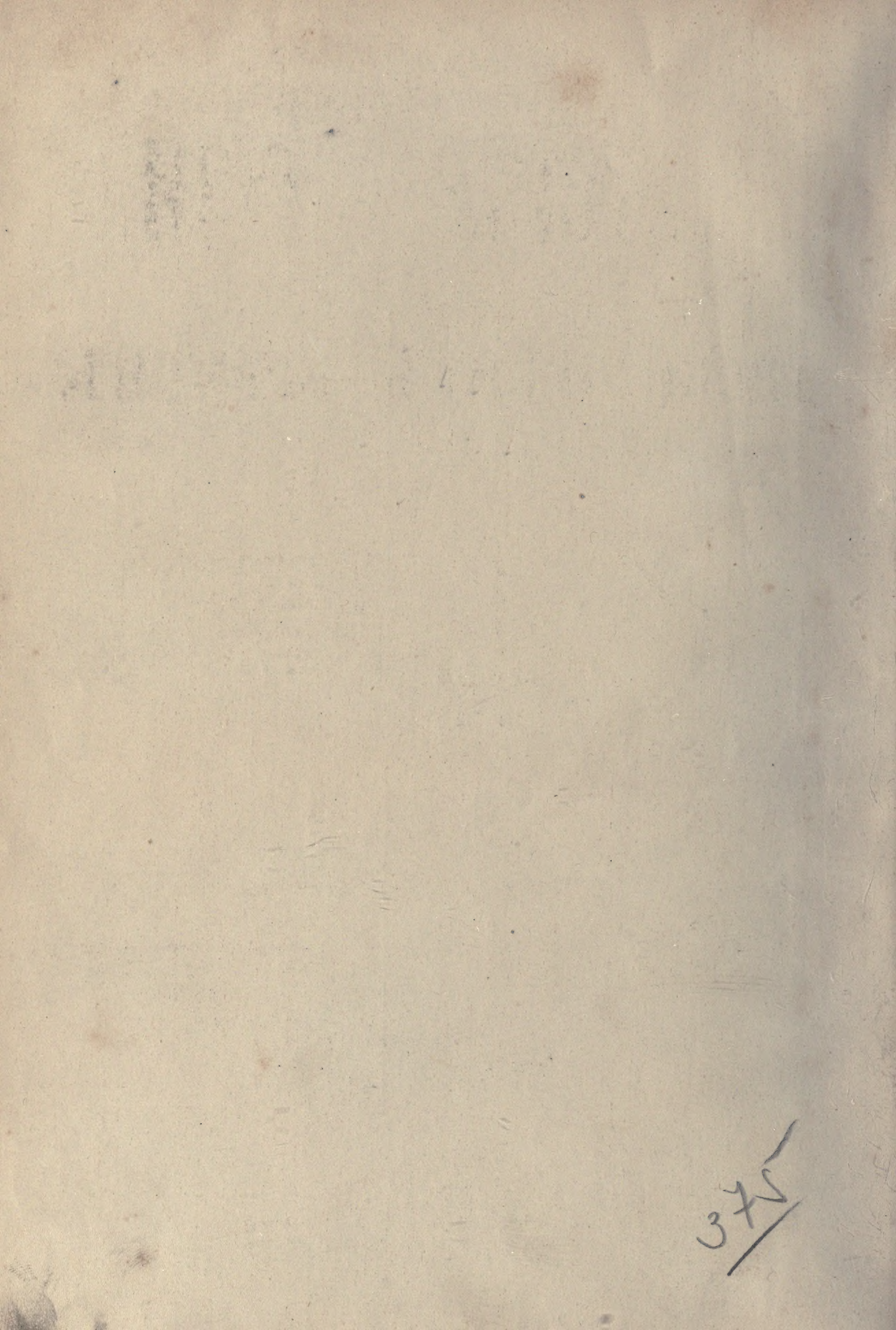
С. М. Соловьевъ.

Исторія Россіи.


375

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга пятая.

Томъ XXI—XXV.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подъяческая соб. домъ. № 39.

LIBRARY
MAR 2 - 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Томъ двадцать первый.

Томъ двадцать второй.

Томъ двадцать третій.

Томъ двадцать четвертый.

Томъ двадцать пятый.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать первый.

Глава I.

Брауншвейгская фамилія.

Уставъ о регентствѣ Бирона.—Странность въ распоряженіи о наслѣдствѣ престола.—Распоряженія регента.—Ропотъ народный.—Неудовольствіе гвардіи.—Движеніе отдѣльныхъ лицъ противъ Бирона.—Ссора Бирона съ принцемъ Антономъ Брауншвейгскимъ.—Сцена между ними въ чрезвычайномъ собраніи министровъ, Сената и генералитета.—Отношенія Бирона къ цесаревнѣ Елисаветѣ.—Биронъ и Минихъ.—Минихъ арестуетъ Бирона.—Анна Леопольдовна правительница; Минихъ первый министръ.—Пожалованія.—Анна Леопольдовна и Юлія Менгденъ.—Минихъ и Остерманъ.—Движеніе противъ Миниха; его отставка.—Судъ надъ Бирономъ и всѣми помогавшими ему въ достиженіи регентства.—Приговоръ надъ ними.—Страхъ предъ Минихомъ.—Внутренняя дѣятельность правительства при Аннѣ Леопольдовнѣ.—Разладъ между правительницею и ея мужемъ.—Движеніе противъ Остермана.—Линаръ.—Внѣшняя дѣятельность правительства.—Обзоръ состоянія Европы въ концѣ 1740 года.—Отношенія Россіи къ Австріи, Пруссіи и Швеціи.—Шведская война.—Сношенія Русскаго Двора съ Прусскимъ по поводу Шведской войны.—Отношенія Россіи къ Польшѣ и Саксоніи, къ Турціи, Персіи, Даніи, Англіи и Франціи.—Цесаревна Елисавета Петровна, ея положеніе при императрицѣ Аннѣ, при Биронѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ.—Ея сношенія съ французскимъ посланникомъ Шетарди и шведскимъ—Нолькеномъ.—Положеніе Елисаветы во время Шведской войны.—Движеніе гвардіи.—Переворотъ 25 ноября 1741 года.

Императрица Анна скончалась; присягаютъ внуку ея, императору Іоанну VI Антоновичу; но императоръ новорожденный младенецъ: кто же будетъ управлять? Въ сенатской типографіи печатаютъ уставъ о регентствѣ: покойная государыня распорядилась,—будетъ регентъ. Уставъ вышелъ изъ типографіи; въ немъ читаютъ: „По волѣ Божеской случиться можетъ, что внукъ нашъ въ сіе ему опредѣленное наслѣдство вступить можетъ въ невозрастныхъ лѣтахъ, когда онъ самъ правительство вести въ состояніи не будетъ: того ради всемилостивѣйше опредѣляемъ, чтобъ въ такомъ случаѣ и во время его малолѣтства правительство и государствованіе именемъ его управляемо было чрезъ достаточнаго къ таковому важному правленію регента, который бы какъ о воспитаніи малолѣтняго государя должное попеченіе имѣлъ, такъ и правительство такимъ образомъ велъ, дабы по регламентамъ и уставамъ и прочимъ опредѣленіямъ и учрежденіямъ отъ дяди нашего, государя императора Петра Великаго, и по немъ во время нашего благополучнаго государствованія учиненнымъ, какъ въ духовныхъ, военныхъ, такъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ поступано было безъ всякихъ отмѣнъ. Къ чему мы, по всемилостивѣйшему нашему матернему милосердію къ имперіи нашей и ко всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ во время малолѣтства упомянутаго внука нашего великаго князя Іоанна, а именно до возраста его семнадцати лѣтъ, опредѣляемъ и утверждаемъ симъ нашимъ всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ регентомъ государя Эрнста-Іоанна, владѣющаго свѣтлѣйшаго герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Семигальскаго, которому во время бытія его регентомъ даемъ полную мочь и власть управлять на вышеозначенномъ основаніи всѣ государственныя дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, и сверхъ того въ какія бы съ коею иностранною державою въ пользу имперіи нашей договоры и обязательство вступилъ и заключилъ, и оныя имѣютъ быть въ своей силѣ, какъ бы отъ самого Всероссійскаго самодержавнаго императора было учинено, такъ-что по насъ наслѣдникъ долженъ оное свято и ненарушимо содержать. Не менѣе же ему, регенту, по такой ему порученной власти вольно будетъ о содержаніи сухопутной и морской силы, о государственной казнѣ, о надлежащихъ по достоинствамъ и по заслугамъ къ Россійской имперіи всякихъ награжденіяхъ и о всѣхъ прочихъ государственныхъ дѣлахъ и управленіяхъ такія учрежденія учинить, какъ онъ по его разсмотрѣнію запотребно въ пользу Россійской имперія изобрѣтетъ. А ежели Божескимъ соизволеніемъ оный любезный нашъ внукъ, благовѣрный великій князь Іоаннъ, прежде возраста своего и не оставя по себѣ законнорожденныхъ наслѣдниковъ, преставится, то въ такомъ случаѣ

опредѣляемъ и назначиваемъ въ наслѣдники перваго по немъ принца брата его отъ нашей любезнѣйшей племянницы, ея высочества благовѣрной государыни принцессы Анны, и отъ свѣтлѣйшаго принца Антона-Ульриха, герцога Брауншвейгъ-Люнебургскаго, рождаемаго, а въ случаѣ и его преставленія — другихъ законныхъ изъ того же супружества рожденныхъ принцевъ всегда перваго, и при оныхъ быть регентомъ до возраста ихъ семнадцати же лѣтъ упомянутому-жъ государю Эрнсту-Іоанну, владѣющему свѣтлѣйшему герцогу Курляндскому, Лифляндскому и Семигальскому; въ такомъ случаѣ, ежелибъ, паче чаянія, по волѣ Божеской случиться могло, что вышеупомянутые наслѣдники какъ великій князь Іоаннъ, такъ и братія его преставятся, не оставя послѣ себя законнорожденныхъ наслѣдниковъ, или предвидится иногда о ненадежномъ наслѣдствѣ, тогда долженъ онъ, регентъ, заблаговременно съ кабинетъ-министрами и Сенатомъ, и генералами-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ о установленіи наслѣдства крайнѣйшее попеченіе имѣть, и, по общему съ ними согласію, въ Россійскую имперію сукцессора изобрать и утвердить, и по такому согласному опредѣленію имѣетъ оный Россійской имперіи сукцессоръ въ такой силѣ быть, яко-бы по нашей самодержавной императорской власти отъ насъ самихъ избранъ былъ. И яко мы вышеписанное опредѣленіе по довольному и здравому разсужденію въ пользу нашей имперіи и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ учинили, того ради и чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, чтобъ всѣ государственные чины въ управленіи по должностямъ своимъ дѣлъ оныхъ регенту были во всемъ такъ, какъ намъ, послушны и въ пользу имперіи всѣ его повелѣнія и учрежденія исполняли. А между тѣмъ неизмѣнно уповаемъ, что оной опредѣленный отъ насъ регентъ по имѣющей чрезъ многіе годы къ намъ вѣрной ревности оставшей нашей императорской фамиліи достойное и должное почтеніе показывать и по ихъ достоинству о содержаніи оныхъ попеченіе имѣть будетъ. И яко съ одной стороны такое регентское правленіе его любви, герцогу Курляндскому, натуральнымъ образомъ неинако какъ тягостно и трудно быть можетъ, и онъ сію тягость принять изъ единой къ намъ и государству и подданнымъ нашимъ любви и ревности склонился: тако и съ другой стороны, ежели-бъ такія обстоятельства, како въ разсужденіи собственнаго его любви состоянія, такъ и другихъ, въ тягость ему приключающихся, околичностей случилось, что онъ правленіе регентское необходимо снизложить пожелалъ, то мы на оное снизложеніе ему всемилостивѣйше соизволяемъ, и въ такомъ случаѣ ему, регенту, съ общаго совѣту и согласія Кабинета, Сената, генераловъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета учредить такое правленіе, которое бы въ пользу нашей имперіи и нашихъ вѣрныхъ подданныхъ до вышеписанныхъ наслѣдника нашего уреченныхъ лѣтъ продолжиться могло. И, учиня такое учрежденіе, можетъ онъ, регентъ, по своему изволенію, или здѣсь остаться, или въ свое герцогство возвратиться, въ чемъ ему упомянутымъ нашимъ кабинетъ-министрамъ, Сенату, генераламъ-фельдмаршаламъ и генералитету всякое вспоможеніе и удовольствіе учинить".

Этотъ актъ былъ напечатанъ 18 октября; на другой день, 19 числа, печатаютъ указъ императора Іоанна VI: „По указу его императорскаго величества, будучи въ собраніи, Кабинетъ, Синодъ Сенатъ, обще съ генералами-фельдмаршалами и прочимъ генералитетомъ, по довольномъ разсужденіи согласно опредѣлили и утвердили—его высококняжескую свѣтлость отъ сего времени во всякихъ письмахъ титуловать по сему: Его высочество, регентъ Россійской имперіи, герцогъ Курляндскій, Лифляндскій и Семигальскій". И только черезъ четыре дня вышелъ указъ императора титуловать высочествомъ „вселюбезнѣйшаго его, государя, отца принца Антона Ульриха" [1]).

Замѣтили странность въ распоряженіи о наслѣдствѣ [2]): въ случаѣ бездѣтной смерти императора Іоанна, ему должны были наслѣдовать родные братья его *отъ того же брака* Анны Леопольдовны съ принцемъ Антономъ. Это распоряженіе имѣло такой смыслъ, что если бы принцъ Антонъ и всѣ сыновья его умерли, или если бы Анна Леопольдовна развелась съ принцемъ Антономъ и вышла замужъ за другого, то дѣти ея отъ втораго брака лишались права на престолъ; слѣдовательно это право дѣлалось принадлежностію не внуки царя Іоанна Алексѣевича, но принца Антона Брауншвейгскаго. Распоряженіе о престолонаслѣдіи составлялъ Остерманъ, въ которомъ трудно было предположить ненамѣрное допущеніе такой странности; гораздо легче предположить, что Остерманъ, будучи самымъ ревностнымъ приверженцемъ принца Антона и зная нерасположеніе къ нему жены его, Анны Леопольдовны, хотѣлъ этимъ выраженіемъ—„отъ того же брака"—заставить ее сохранить брачную связь съ принцемъ Антономъ. Бестужевъ, писавшій распоряженіе о регентствѣ Бирона, долженъ былъ повторить это условіе, чтобъ не розниться съ только-что объявленнымъ манифестомъ о престолонаслѣдіи. Болѣе внимательные могли замѣтить и другую странность въ упомянутыхъ актахъ: при вопросѣ объ избраніи государя и о новомъ регентствѣ, въ случаѣ если бы Биронъ сложилъ съ себя званіе регента, необходимо было участіе кабинетъ-министровъ, Сената и генералитета, о Синодѣ—ни слова, только когда надобно было дать Бирону титулъ высочества, то является и Синодъ.

Какъ бы то ни было, въ первыя минуты всѣ эти

[1]) Напечатано въ приложеніи къ книгѣ Пекарскаго—Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи.

[2]) Шетарди, стр. 113. Я пользовался депешами Шетарди въ Государ. Архивѣ, гдѣ онѣ находятся въ такъ-называемомъ Тургеневскомъ сборникѣ; но такъ какъ онѣ напечатаны въ переводѣ и съ примѣчаніями г. Пекарскимъ, то я и привожу страницы его книги.

распоряженія прошли безпрепятственно, и герцогъ Курляндскій сталъ управлять Россійскою имперіею; безпрекословное повиновеніе всѣхъ оправдывало послѣднее слово умирающей Анны своему фавориту: „Небось" [1]). Биронъ началъ милостями. Еще въ царствованіе Анны былъ возвращенъ изъ ссылки князь Александръ Черкасскій и жилъ въ своихъ деревняхъ; теперь регентъ возвратилъ ему камергерскій чинъ и позволилъ пріѣзжать изъ деревень въ Москву и другія мѣста, и жить свободно, гдѣ захочетъ. Василію Кирилловичу Тредіаковскому изъ конфискованнаго имѣнія Волынскаго выдано 360 рублей,—сумма, равная годовому жалованью Василія Кирилловича [2]). Изданъ былъ манифестъ о строгомъ соблюденіи законовъ, о судѣ правомъ, безпристрастномъ, во всемъ повсюду равномъ безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы и противныхъ истинѣ проклятыхъ корыстей, избавлены были отъ наказанія преступники, кромѣ виновныхъ по двумъ первымъ пунктамъ, воровъ, разбойниковъ, смертныхъ убійцъ и похитителей многой казны государственной. Сбавлено на 1740 годъ по 17 копѣекъ съ души [3]). Сдѣлано распоряженіе, чтобъ часовымъ въ зимнее время давались шубы, ибо въ великіе морозы безъ шубы они претерпѣваютъ великую нужду. Бирона-фаворита упрекали за роскошь, введенную имъ въ царствованіе Анны; Биронъ-регентъ запрещаетъ носить платье дороже четырехъ рублей аршинъ [4]).

Изъ другихъ распоряженій въ регентство Бирона замѣтимъ слѣдующія. Президентъ Коммерцъ-Коллегіи фонъ-Менгденъ успокоился, увѣрившись, что Нѣмцы не пропадутъ и представилъ въ Сенатъ, что необходимо изъ кадетскаго корпуса взять въ Коммерцъ-Коллегію четырехъ кадетъ, двоихъ Русскихъ и двоихъ иноземцевъ, и быть имъ подъ особеннымъ присмотромъ президента въ офицерскомъ рангѣ и съ офицерскимъ жалованьемъ, а когда нѣсколько лѣтъ въ Коллегіи послужатъ и окажутъ усердіе въ дѣлахъ, то производить ихъ на вакантныя мѣста въ члены Коллегіи, чтобъ не было нужды искать постороннихъ. Сенатъ, признавъ это дѣло „весьма полезнѣйшимъ", потребовалъ отъ Кабинета общаго разсужденія, послѣ котораго предложеніе Менгдена было одобрено [5]). При этомъ ни Сенатъ, ни Кабинетъ не обратили вниманія на то, зачѣмъ потребовано кадетъ равное число изъ Русскихъ и изъ иноземцевъ. Послѣ уничтоженія главнаго магистрата, въ Петербургѣ оставалась ратуша, но еще въ 1739 году велѣно было Сенату имѣть разсужденіе объ учрежденіи въ Петербургѣ магистрата; теперь Сенатъ доложилъ, что за многонужнѣйшими дѣлами разсужденія о магистратѣ учинить невозможно; но до учрежденія магистрата не соизволено-ль будетъ опредѣлить нынѣ въ ратушу одного члена съ жалованьемъ; этому члену необходимо быть для того, что въ нынѣшней ратушѣ, безъ главнаго командира, бурмистры, ежегодно перемѣняющіеся, не имѣютъ ни попеченія о распорядкахъ городскихъ, ни смѣлости къ защитѣ самихъ себя, отчего петербургскіе горожане пришли въ крайнее изнеможеніе. Соизволеніе послѣдовало, и такимъ членомъ отъ короны былъ сдѣланъ статскій совѣтникъ Языковъ [6]). Сенаторамъ дѣйствительно было не до разсужденія о петербургскомъ магистратѣ: были дѣла многонужнѣйшія, общество волновалось подъ невыносимымъ гнетомъ стыда, оскорбленнаго народнаго чувства. Тяжелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ-иноземецъ, но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ, и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнымъ, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, наброшенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей Русскихъ, власть Петра Великаго въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ, имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ верховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывались священнымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли Преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ семью Русскихъ царей; но другіе и лучшіе люди смѣялись надъ этими баснями. А теперь въявь, безъ прикрытія, иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіею и будетъ управлять семнадцать лѣтъ;—по какому праву?—потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Какими глазами православный Русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго раскольника? Россія была подарена безнравственному и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было нельзя [7]).

Даже иностранцы, недавно пріѣхавшіе въ Россію, не могли не замѣтить, что на лицѣ каждаго изъ Русскихъ была написана горесть, вслѣдствіе чего надобно ожидать всевозможныхъ безпокойствъ и смятеній; Русскіе понимали, что герцогъ Курляндскій унизилъ ихъ государыню въ глазахъ цѣлой Европы и покрылъ ее вѣчнымъ стыдомъ, который она унесла съ собою въ могилу. Въ негодованіи и горѣ они жаловались и на несправедливость, оказанную цесаревнѣ Елисаветѣ; говорили,

[1]) Финчъ. Депешами Финча и его преемниковъ пользовался я въ Московск. Архивѣ Минист. Иностр. Д., куда онѣ доставлены гр. Воронцовымъ.

[2]) Указы въ Государ. Архивѣ.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 8262, 8263, 8264.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 8266.—Указъ о платьи въ Государ. Архивѣ.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 8267.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 8283.

[7]) Шетарди, стр. 118, 119.

что если уже регентомъ непремѣнно долженъ быть иноземецъ, то болѣе правъ имѣлъ на него отецъ императора, принцъ Браунпвейгскій; другіе говорили, что если уже надобно подвергаться неудобствамъ государева малолѣтства, то почему же не призванъ на престолъ молодой герцогъ Голштинскій, который по лѣтамъ своимъ могъ бы гораздо скорѣе освободить Россію отъ регентства, чѣмъ Іоаннъ Антоновичъ. Замѣчая всеобщее неудовольствіе, иностранные министры писали объ опасномъ положеніи регента и объяснили его желаніе занимать эту должность страхомъ очутиться въ Митавѣ въ кругу надменнаго и безпокойнаго дворянства, которое его ненавидитъ, страхомъ быть принужденну удалиться въ свои имѣнія Вартенбергъ въ Силезіи, или Бигенъ близъ Франкфурта-на-Одерѣ, гдѣ онъ былъ бы въ рукахъ Австрійскаго или Прусскаго правительствъ, одинаково ему враждебныхъ. Уже толковами, что для утвержденія себя въ Россіи Биронъ не ограничится регентствомъ; что онъ соблазнится примѣромъ персидскаго Кулы-хана, который свергнулъ съ престола молодого шаха и самъ занялъ его мѣсто; уже толковали, что Биронъ, неравнодушный къ цесаревнѣ Елисаветѣ, женится на ней, и такимъ образомъ пріобрѣтетъ право на престолъ Русскій. Эти толки усиливали всеобщее недовольство новымъ порядкомъ, которое высказывалось въ разныхъ слояхъ общества при удобныхъ случаяхъ. Роптали, слыша какъ въ церквахъ, послѣ императора, его матери и цесаревны Елисаветы, поминали иновѣрнаго герцога Курляндскаго. Роптала гвардія. Во всѣхъ дворцовыхъ переворотахъ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ мы видимъ сильное участіе гвардіи; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что перевороты производились преторіанцами, янычарами по своекорыстнымъ побужденіямъ, войскомъ, оторваннымъ отъ страны и народа: не должно забывать, что гвардія заключала въ себѣ лучшихъ людей, которымъ были дороги интересы страны и народа, и доказательствомъ служитъ то, что всѣ эти перевороты имѣли цѣлію благо страны, производились по національнымъ побужденіямъ. Гвардія была противъ Бирона; гвардейцы говорили громко, публично: „Теперь нечего дѣлать, пока матушка-государыня не предана землѣ; а тамъ, какъ вся гвардія соберется, то ужъ...“ [1]).

Гвардія ждала погребенія Анны, чтобъ начать дѣйствовать противъ ея распоряженія относительно регентства. Но въ гвардіи были люди, которые по природѣ своей не могли долго ждать. Поручикъ Преображенскаго полка, Петръ Ханыковъ, стоявшій въ Лѣтнемъ дворцѣ на караулѣ во время кончины Анны, когда услыхалъ, что правителемъ назначенъ Биронъ, не утерпѣлъ и сказалъ: „Для чего такъ министры сдѣлали, что управленіе имперіею мимо родителей императора поручили герцогу Курляндскому?“ Черезъ два дня, 20 октября, Ханыковъ пріѣхалъ на стройку казармъ и, увидавши сержанта своего полка, Алфимова, опять не утерпѣлъ и сказалъ: „Что мы сдѣлали, что государева отца и мать оставили? Они, думаю, на насъ плачутся, а отдали все государство какому человѣку, регенту! Что онъ за человѣкъ? Лучше бы до возраста государева управлять отцу императора или матери“. Алфимовъ отвѣчалъ: „Это было бы справедливо“. Согласіе сержанта ободрило Ханыкова; онъ продолжалъ: „Какіе вы унтеръ-офицеры, что солдатамъ объ этомъ не говорите! У насъ въ полку надежныхъ офицеровъ нѣтъ—не съ кѣмъ посовѣтоваться и надѣяться не на-кого, развѣ вы, унтеръ-офицеры, станете объ этомъ толковать солдатамъ. И я уже объ этомъ здѣсь при строеніи казармъ и въ другихъ мѣстахъ многимъ солдатамъ говорилъ, и солдаты всѣ на это позываются, говорятъ, что напрасно мимо государева отца и матери регенту государство отдали, и бранятъ насъ, офицеровъ, также и унтеръ-офицеровъ, для чего не зачинаютъ, что если имъ, солдатамъ, зачать нельзя, и, какъ былъ для присяги строй, напрасно тогда о томъ не толковали. А кабы гренадерамъ только сказалъ, то-бъ всѣ за мною пошли о томъ спорить: они меня любятъ, и офицеры, побоявшись того, всѣ-бъ стали солдатскую сторону держать. Только я, скрѣпя уже свое сердце, гренадерамъ о томъ не говорилъ, для того-что я намѣренія государыни принцессы не знаю, что угодно ли ей то будетъ“.

На другой день сержантъ Алфимовъ встрѣчается еще съ офицеромъ Михайлою Аргамаковымъ, который говоритъ то же самое и еще сильнѣе плачетъ: „До чего мы дожили и какая намъ жизнь? Лучше бы самъ закололъ себя, что мы допускаемъ до чего, и хотя бы жилы изъ меня стали тянуть, я говорить этого не перестану“. Алфимовъ тотчасъ передалъ Ханыкову, что нашелся надежный офицеръ, съ которымъ посовѣтоваться можно. „Если бы я“, сказалъ Ханыковъ, „повидался съ Михайлою Аргамаковымъ, посовѣтовался бы съ нимъ и провѣдали бы отъ государыни принцессы, угодно ли ей это будетъ, то я здѣсь, и Аргамаковъ на Петербургскомъ острову учинили бы тревогу барабаннымъ боемъ и гренадерскую свою роту я привелъ бы къ тому, чтобъ вся та рота пошла со мною, а къ тому-бъ пристали и другіе солдаты, и мы-бъ регента и сообщниковъ его, Остермана, Бестужева, князь Никиту Трубецкаго убрали. Ко мнѣ Трубецкой и добръ былъ, только онъ съ ними больше въ тѣхъ дѣлахъ сообщникомъ имѣется и у регента на ухѣ лежитъ; однако завтра пойду на Васильевскій островъ и увижусь съ Михайлою Аргамаковымъ. Слышалъ я отъ солдата Преображенскаго полка, который ходитъ къ регентовымъ служителямъ, что регентово намѣреніе есть ко всѣмъ милость показать, между тѣмъ и въ Преображенскій полкъ большихъ (высокихъ ростомъ) изъ Курляндцевъ набрать, отчего полку будетъ красота; вотъ, ни-

[1]) Шетарди, стр. 149.

чего не видя, хотятъ Нѣмцевъ набрать и насъ изъ полку вытѣснить" [1]).

Ханыковъ въ своихъ разговорахъ обнаруживалъ больше всего злобы на Остермана и князя Трубецкаго, и тѣмъ показывалъ, какъ мало въ гвардіи знали настоящія отношенія и расположенія лицъ, стоявшихъ наверху; это, разумѣется, происходило оттого, что высокопоставленныя лица, не отличаясь смѣлостію, не имѣя средствъ и способностей дѣйствовать впереди во имя извѣстныхъ интересовъ и убѣжденій, отличались осторожностію и скрытостію въ такое смутное и тяжелое время, и если кому изъ нихъ случалось проговориться, то, испугавшись, старался еще болѣе притвориться усерднымъ къ существующему порядку, еще болѣе надвинуть маску на лицо. Остерманъ былъ знаменитъ этою осторожностію, этимъ притворствомъ, и, разумѣется, никакіе Ханыковы не могли проникнуть въ глубину его души и усмотрѣть непріязнь къ регенту, тогда какъ въ дѣйствительности эта непріязнь была сильная. Биронъ, и не будучи еще регентомъ, не могъ переносить *оракула*, и сначала подставилъ противъ него Волынскаго, а теперь Бестужева, вслѣдствіе чего Остерманъ пересталъ быть душою Кабинета; а въ регентство Бирона онъ долженъ былъ опасаться еще худшаго: съ Бестужевымъ ему нельзя было ужиться, а Бестужевъ не Волынскій. Люди болѣе проницательные, чѣмъ Ханыковъ съ товарищами, министры иностранные писали, что Остерманъ поставленъ въ унизительное положеніе, въ какомъ до того времени никогда не былъ [2]). Генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой въ первомъ порывѣ негодованія проговорился, — передъ кончиною Анны онъ имѣлъ неосторожность сказать: „Хотя герцога Курляндскаго регентомъ и обираютъ, только, какъ скоро императрица скончается, мы это передѣлаемъ" [3]). Императрица скончалась, герцогъ Курляндскій былъ провозглашенъ регентомъ — и генералъ-прокуроръ является однимъ изъ самыхъ ревностныхъ его приверженцевъ, и это не противорѣчило его прежнему заявленію; онъ говорилъ: „*Мы* передѣлаемъ", а не „я передѣлаю"; и такъ какъ множественнаго числа не оказывалось, то князь Никита въ единственномъ числѣ служилъ Бирону, возбуждая этимъ неудовольствіе патріотовъ.

Ханыковъ не зналъ, на кого особенно сердиться: погубилъ его не князь Никита Трубецкой, хотя, какъ ему казалось, и лежалъ на ухѣ у регента; погубилъ его и не хитрый иноземецъ Остерманъ, — погубилъ его другой кабинетъ-министръ, Бестужевъ-Рюминъ, главный приверженецъ Бирона по тѣсной связи своихъ интересовъ съ интересами регента, потому что Бестужевъ держался только Бирономъ и необходимо падалъ вмѣстѣ съ нимъ. 22 октября Алфимовъ былъ у другого сержанта Акинѳіева и здѣсь встрѣтился съ вахмистромъ Конно-гвардіи Камынинымъ, который говорилъ: „Хотятъ нынѣ къ солдатству милость казать и за треть жалованье выдать, доимку не взыскивать, а съ которыхъ доимка взята — возвратить; изъ гвардейскихъ полковъ дворянъ отпустить въ годовой отпускъ, и вычетными изъ жалованья ихъ деньгами хотятъ казармы достраивать, и тѣмъ солдатство и всѣхъ приводятъ къ милости. Чудесно, что господа министры допустили кого править государствомъ! Вотъ мнѣ и дядюшка Бестужевъ, а какой онъ министръ? Вотъ если-бы Михайла Аргамаковъ сдѣлалъ подписку...." Но агентъ-подстрекатель не дождался подписки и въ тотъ же вечеръ донесъ дядюшкѣ Бестужеву на Ханыкова, Аргамакова и Алфимова, которые на другой же день были арестованы; на пыткѣ они не сказали ничего новаго. Бестужевъ служилъ вѣрную службу своему благодѣтелю — Бирону. Капитанъ Бровцынъ разсказывалъ кабинетъ-секретарю Яковлеву: „Однажды, будучи на Васильевскомъ острову, съ нѣсколькими солдатами, плакалъ я о томъ, что Биронъ учиненъ регентомъ; увидя это, Бестужевъ погнался за мною съ обнаженною шпагою, такъ что я насилу могъ уйти въ домъ Миниха" [4]).

Другой кабинетъ-министъ, *тѣло* Кабинета, князь Черкасскій, не отсталъ отъ Бестужева въ вѣрной службѣ регенту. О движеніяхъ Ханыкова знали другіе офицеры и дѣйствовали противъ Бирона, когда Ханыковъ былъ уже схваченъ. Служившій въ Ревизіонъ-Коллегіи подполковникъ Пустошкинъ еще 6 октября, когда узнали о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ престола, имѣлъ со многими разговоры, что надобно отъ россійскаго шляхетства подать челобитную о назначеніи регентомъ принца Брауншвейгскаго. 21 октября онъ былъ въ гостяхъ у кабинетъ-секретаря Яковлева и говорилъ о томъ же съ другими гостями, причемъ хозяинъ Яковлевъ сказалъ: „Чѣмъ вамъ такъ пустое балякать, подите о томъ бейте челомъ чрезъ графа Остермана или князя Черкасскаго; а ежели меня спросятъ, то знаю я, на какомъ основаніи то дѣлано". На другой день Пустошкинъ явился къ князю Черкасскому и объявилъ, что ихъ собралось много, между ними офицеры Семеновскаго полка, а изъ Преображенскаго поручикъ Ханыковъ, и всѣ они желаютъ, чтобъ правительство было поручено принцу Брауншвейгскому. Когда Черкасскій спросилъ, кто его къ нему послалъ, то Пустошкинъ отвѣчалъ, что послалъ его графъ Михайла Головкинъ. Отъ Черкасскаго Пустошкинъ отправился къ графу Головкину и разсказалъ ему въ чемъ дѣло; Головкинъ отвѣчалъ: „Что вы смыслите, то и дѣлайте; однако-жъ ты меня не видалъ и я отъ тебя сего не слыхалъ; а я отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣду въ чужіе краи". Головкинъ былъ изъ числа вельможъ, недовольныхъ настоящимъ ре-

[1]) Шетарди, стр. 154 и слѣд.
[2]) Шетарди, стр. 139.
[3]) Показаніе кабинетъ-секретаря Яковлева въ Госуд. Архивѣ.
[4]) Показаніе кабинетъ-секретаря Яковлева въ Госуд. Архивѣ.

гентствомъ. Какъ родственникъ принцессы Анны по женѣ (урожденной Ромодановской, двоюродной сестры императрицы Анны по матери), онъ надѣялся получить важное значеніе, если бы Анна была назначена правительницею; при ссорѣ принцессы съ Бирономъ, въ послѣднее время царствованія Анны, Головкинъ сталъ на сторону принцессы и позволилъ себѣ „вольныя рѣчи" о фаворитѣ, за что подпалъ гнѣву императрицы; а теперь, при регентствѣ Бирона, былъ отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣхалъ въ чужіе края. Головкинъ отрекся отъ всякаго участія въ предпріятіи противъ Бирона; но Черкасскій пошелъ дальше: онъ отправился къ регенту и донесъ на Пустошкина, который и былъ схваченъ [1]).

Офицеры, хотѣвшіе свергнуть Бирона, рознились относительно вопроса, кому быть его преемникомъ: одни указывали на мать, другіе — на отца императора. Понятно, что не обошлось безъ движенія между людьми близкими, домашними къ принцу и принцессѣ Брауншвейгскимъ. На другой день послѣ взятія Пустошкина и Ханыкова съ товарищами, пришелъ доносъ на секретаря конторы принцессы Анны, Михайлу Семенова, въ томъ, что онъ заподозрѣвалъ указъ императрицы Анны о регентствѣ, будто бы онъ не былъ подписанъ собственною ея рукою. Семеновъ, на допросахъ, указалъ уже на извѣстнаго намъ кабинетъ-секретаря Яковлева; тотъ признался, что дѣйствительно внушалъ Семенову сомнѣніе насчетъ подлинности указа; признался, что не донесъ о разговорѣ своемъ съ Пустошкинымъ и товарищами его потому, что „всегда имѣлъ усердіе больше къ сторонѣ родителей его императорскаго величества, а правительство государственное желаетъ, чтобъ было въ рукахъ ихъ же, родителей его императорскаго величества". Семеновъ „внушалъ подозрѣніе насчетъ указа для того, чтобъ сообщено то было родителямъ его императорскаго величества, ибо онъ, Яковлевъ, чрезъ то уповалъ, въ случаѣ ежели бы государственное правительство чрезъ что ни есть перешло въ руки ихъ высочествъ, дабы онъ, Яковлевъ, могъ тогда избѣгнуть отъ слѣдствія и бѣды и получить отъ ихъ высочествъ милость, ибо какъ по кончинѣ ея императорскаго величества для провѣдыванія, что о нынѣшнемъ правленіи въ народѣ говорятъ, надѣвая худой кафтанъ, хаживалъ онъ собою по ночамъ по прешпективной (Невскому проспекту) и по другимъ улицамъ, то слышалъ онъ, что въ народѣ говорятъ о томъ съ неудовольствіемъ, а желаютъ, чтобъ государственное правительство было въ рукахъ у родителей его императорскаго величества".

Легко понять, съ какимъ чувствомъ Биронъ долженъ былъ узнать, что въ гвардіи движеніе противъ него, что въ народѣ его не хотятъ имѣть регентомъ, а хотятъ родителей императора. Принцъ и принцесса Брауншвейгскіе — заклятые его враги съ тѣхъ поръ, какъ Анна Леопольдовна отказалась выйти замужъ за его сына; эти принцъ и принцесса пользуются расположеніемъ въ войскѣ и народѣ, для нихъ хотятъ отнять у него регентство. Мы видѣли, что Биронъ во время своего фавора привыкъ раздражаться, выходить изъ себя при первомъ сопротивленіи и не разбирать средствъ, чтобъ отдѣлаться отъ человѣка, осмѣлившагося стать къ нему во враждебныя отношенія. Но теперь дѣло шло не о какомъ-нибудь безпокойномъ человѣкѣ, рѣшившемся высказаться противъ фаворита; теперь дѣло шло не о какомъ-нибудь Волынскомъ: теперь дѣло шло о могущественныхъ соперникахъ, которые опираются на свои права, признаваемыя войскомъ и народомъ, и которые поэтому легко могутъ отнять у него власть, и больше чѣмъ власть; теперь Биронъ дѣйствуетъ уже по инстинкту самосохраненія;—а извѣстно какъ люди дѣйствуютъ, когда руководятся инстинктомъ самосохраненія, особенно такіе люди, какъ Биронъ. Регентъ идетъ къ герцогу Брауншвейгскому и начинаетъ кричать на него, что онъ затѣваетъ смуту, кровопролитіе, надѣется на свой Семеновскій полкъ; но его, Бирона, не испугаетъ [2]). Люди, которые кого-нибудь боятся, обыкновенно говорятъ этому кому-нибудь, что не боятся, что ихъ нельзя испугать. Биронъ повторилъ эту сцену съ принцемъ и его женою, когда они пріѣхали къ нему; тутъ, когда принцъ безъ намѣренія положилъ руку на ефесъ своей шпаги, то Биронъ принялъ это движеніе за угрозу, и, ударяя рукою по своей шпагѣ, сказалъ: „Я готовъ и этимъ путемъ съ вами раздѣлаться, если вы этого желаете" [3]).

Биронъ не довольствовался вскрытіемъ движеній Ханыкова, Аргамакова, Пустошкина, Семенова: ему хотѣлось узнать что-нибудь подробнѣе о движеніяхъ самого принца и принцессы Брауншвейгскихъ. Съ этою цѣлію онъ велѣлъ арестовать адъютанта принцева, Петра Граматина, и подвергнуть допросу. Граматинъ показалъ, что когда во время предсмертной болѣзни императрицы Анны принцу Антону дали знать о подпискѣ какой-то бумаги въ Кабинетѣ, то онъ говорилъ Граматину: „Чинится подписка въ Кабинетѣ, подписываются генералитетъ и гвардіи офицеры, только о чемъ — невѣдомо, а меня не пригласили. Знать, они подписываютъ то, что мнѣ вѣдать не слѣдуетъ, и конечно что-нибудь о наслѣдствѣ престола подписываютъ. Сказывалъ мнѣ прусскій посланникъ Мардефельдъ, будто до возраста великаго князя будетъ учиненъ для правленія Тайный Верховный Совѣтъ, и въ томъ Совѣтѣ будетъ засѣдать супруга моя, герцогъ Курляндскій, три кабинетъ-министра, фельдмаршалъ Минихъ, генералъ Ушаковъ и кн. Куракинъ, а про меня ничего не упомянулъ; только я его рѣчамъ не вѣрю". Граматинъ сказалъ на это, что можетъ

[1]) Шетарди, 158, 159.—Записки Миниха-сына, стр. 195 и слѣд.

[2]) Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.

[3]) Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ, и Записки Миниха—сына, стр. 198.

быть и такъ, только лучше бы, чтобъ правленіе государственное было поручено одной персонѣ, потому что „наши министры между собою будутъ не согласны и чрезъ то государству не будетъ пользы". Принцъ поручилъ Граматину развѣдывать всячески о подпискѣ. На другой день принцъ спросилъ Граматина, развѣдалъ ли онъ что-нибудь, и тотъ отвѣчалъ, что ничего не узналъ; тогда принцъ сказалъ, что слышалъ о назначеніи регентомъ герцога Курляндскаго. Послѣ этого разговора Граматинъ вышелъ въ другую комнату и нашелъ тамъ секретаря Семенова, подлѣ котораго сѣлъ и спросилъ: „Что ты дѣлаешь?" Тотъ отвѣчалъ: „Охъ, что намъ, братецъ, дѣлать; худо у насъ дѣлается". — „А что, развѣ ты слышалъ, что-нибудь?" спросилъ Граматинъ. — „Да, мы ныньче остаемся овцы безъ пастыря; знаешь ли ты, для чего подписка въ Кабинетѣ чинится? Доложи ты его свѣтлости герцогу Брауншвейгскому, чтобъ я былъ къ нему допущенъ: я обо всемъ скажу; пусть его свѣтлость на меня изволитъ положить эту коммисію; я сдѣлаю, что дѣло можетъ быть и передѣлано, только чтобъ впередъ я былъ защищенъ его свѣтлости милостію". Граматинъ пересказалъ все принцу; тому и хотѣлось войти въ сношенія съ Семеновымъ, и трусилъ: „А что, если онъ попадется и объявитъ, что у меня былъ? Вѣрно, у него есть какой нибудь пріятель у Андрея Ивановича Остермана,—черезъ него онъ это развѣдалъ". Въ такомъ трудномъ и опасномъ дѣлѣ надобно съ кѣмъ-нибудь посовѣтоваться, и принцъ посылаетъ Граматина къ брауншвейгскому посланнику Кейзерлингу спросить, какъ онъ думаетъ, допускать ли къ себѣ секретаря Семенова. Кейзерлингъ присовѣтовалъ допустить Семенова, выслушавъ, обнадежить своею милостію и секретомъ. Но Семеновъ обѣщалъ передѣлать дѣло; можно ли на него въ этомъ положиться? Граматинъ не вѣрилъ, чтобъ такой маленькій человѣкъ могъ сдѣлать что-нибудь важное, и представилъ Кейзерлингу, что опасно положиться на Семенова относительно коммисіи передѣлать то, что было подписано въ Кабинетѣ: „Когда ему поручится, а онъ не сдѣлаетъ и объявится, то послѣ будетъ не безъ стыда". Кейзерлингъ согласился, и принцъ только видѣлся съ Семеновымъ, а никакой коммисіи на него не возлагалъ.

19 октября принцъ завелъ съ Граматинымъ разговоръ, что носятся слухи, будто императрица Анна завѣщаніе своеручно не подписала, подписано оно не ея рукою; императрица съ начала своей болѣзни ни о какихъ государственныхъ дѣлахъ не говорила, тѣмъ менѣе о наслѣдствѣ,—все надѣялась выздоровѣть. При этомъ принцъ сказалъ: „Надѣюсь, что всѣ бывшіе ныньче у регента министры могли замѣтить, съ какимъ неудовольствіемъ я былъ у него. Я намѣренъ былъ ныньче послать къ Андрею Ивановичу Остерману за совѣтомъ, чтобъ завтра, когда при Лѣтнемъ дворцѣ соберутся на караулъ люди болѣе тысячи человѣкъ, чтобъ всѣхъ министровъ, которые будутъ въ Кабинетѣ, арестовать; только я этого уже не сдѣлаю" [1]). Саксонскому посланнику Линару самъ принцъ только разсказывалъ, что онъ спрашивалъ совѣта у Остермана, и тотъ сказалъ: если принцъ имѣетъ вѣрную партію, то долженъ открыться и говорить; въ противномъ случаѣ лучше будетъ согласоваться съ другими [2]). Граматинъ также отвѣчалъ принцу, что рѣшительныя дѣйствія опасны: „Вашей свѣтлости собою сказаться, что недовольны, не такъ прилично; развѣ когда государыня принцесса изволитъ сказать, что недовольна, то и вашей свѣтлости тогда о себѣ объявить пристойнѣе, а напередъ надобно посовѣтоваться о томъ съ министрами." Принцъ сказалъ на это: „Хотя я вижу, что супруга моя недовольна, однако она очень боится. Надѣюсь, что о моемъ неудовольствіи можно мнѣ объявить Андрею Ивановичу Ушакову." Граматинъ отвѣчалъ, что можно, и тогда принцъ поручилъ ему переговорить объ этомъ съ адъютантомъ Ушакова, Власьевымъ. Граматинъ увидалъ Власьева во дворцѣ, въ большой аудіенцъ-залѣ и началъ съ нимъ разговоръ: „Что ты скажешь? здорово живешь? что у васъ дѣлается?" Власьевъ отвѣчалъ: „А что у насъ дѣлается,—вѣдь ты и самъ знаешь, что у насъ регентъ сдѣланъ. Что государыня принцесса и его свѣтлость изволятъ объ этомъ говорить?" — „Сколько мнѣ извѣстно", сказалъ Граматинъ, „они не очень довольны; только принцъ не знаетъ, кому свое неудовольствіе открыть изъ министровъ."— „Да на что лучше нашего старика", отвѣчалъ Власьевъ; „пусть ея высочество призвать изволитъ и о томъ объявить: онъ дастъ совѣтъ, какъ поступить." Когда Граматинъ передалъ эти слова принцу, тотъ велѣлъ ему сказать Власьеву, чтобъ передалъ своему генералу Ушакову желаніе принца повидаться съ нимъ, только чтобъ пришелъ по какому-нибудь дѣлу и далъ бы знать, когда придетъ. Граматинъ переговорилъ съ Власьевымъ, Власьевъ съ Ушаковымъ, и тотъ обѣщалъ побывать у принца.

Между тѣмъ Кейзерлингъ сдерживалъ рьяность придворныхъ принца и принцессы Брауншвейгскихъ. 19 октября Кейзерлингъ былъ у принца и потомъ имѣлъ разговоръ съ камеръ-юнкеромъ Шеліаномъ, который послѣ этого разговора со слезами говорилъ Граматину: „Что намъ дѣлать, что посланника Кейзерлинга не можемъ уговорить, чтобъ онъ присовѣтывалъ принцу спорить! Все говоритъ: „Молчите, молчите!" А его свѣтлости никакой опасности, чтобъ молчать, нѣтъ; Кейзерлингъ говорилъ, что когда принцъ станетъ спорить, то его могутъ арестовать; но кто можетъ арестовать его свѣтлость?" Граматинъ сказалъ ему: „Какъ его свѣтлости начать спорить, когда государыня принцесса о томъ ничего говорить не изволитъ!" Шеліанъ отвѣчалъ: „Мы до того времени будемъ молчать, пока они съ нами что хотятъ—то сдѣлаютъ." Граматинъ былъ у Кейзерлинга, когда тотъ получилъ извѣстіе,

[1]) Шетарди, 164 и слѣд.
[2]) Herrmann—Geschichte des russ. Staates. IV. 632.

что принцу Брауншвейгскому данъ титулъ высочества. Кейзерлингъ сказалъ при этомъ: „Пусть они насъ теперь повышаютъ; я бы желалъ, чтобъ они его свѣтлость сдѣлали генералиссимусомъ,—а тамъ мы ихъ достанемъ.“ Тотъ же Кейзерлингъ спрашивалъ Граматина: „Какъ ты думаешь, утвердится ли нынѣшнее опредѣленіе о регентствѣ?“ И когда Граматинъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, утвердится, то Кейзерлингъ сказалъ: „Можетъ быть, министры между собою впредь не будутъ согласны, и чрезъ то послѣдуетъ какая-нибудь отмѣнка. При вступленіи императрицы Анны на престолъ, сперва было сдѣлано такъ, и потомъ передѣлано въ самодержавство.“ Граматинъ взаключеніе доносилъ, что принцъ Антонъ въ послѣдній разговоръ съ нимъ сказалъ: „Видно, на то, что такое опредѣленіе о регентствѣ сдѣлано, есть воля Божія, и я уже себя успокоилъ. Мы лучше хотимъ съ супругою моею терпѣть, нежели чрезъ насъ государство обезпокоить“ [1]).

Принцъ Антонъ, по словамъ Граматина, успокоился; но Биронъ не могъ успокоиться. Принцъ Антонъ былъ недоволенъ, ему очень хотѣлось перемѣнить постановленіе о регентствѣ, но недоставало смѣлости, умѣнья воспользоваться какою-нибудь благопріятною минутою; люди, къ которымъ онъ обращался за совѣтомъ, Остерманъ, Кейзерлингъ, сдерживали его, но не порицали его поведенія, его желанія, совѣтовали только ждать удобнаго времени, составленія многочиленной партіи. А партія эта не могла составиться легко и скоро; волненіе было сильное въ гвардіи; кромѣ названныхъ лицъ, попался еще князь Иванъ Путятинъ, который разсуждалъ съ своими товарищами, офицерами Семеновскаго полка, что государствомъ слѣдовало править принцу Брауншвейгскому. Путятинъ ходилъ во дворецъ, поручилъ тамъ Шеліану передать принцу, что если его высочеству угодно, то нѣкоторые изъ сенаторовъ его сторону держать будутъ; пріѣзжалъ къ капитану того же Семеновскаго полка Василью Чичерину съ извѣстіемъ, что Аргамаковъ взятъ, и Чичеринъ отвѣчалъ: „И намъ не миновать“. Путятинъ сказалъ при этомъ: „Вотъ кабы полкъ былъ въ строю, то-бы, написавъ челобитную, и подали, чтобъ государыня принцесса приняла государственное правленіе“ [2])

Напуганный и раздраженный этими открытіями, Биронъ сталъ выживать Брауншвейгскихъ изъ Россіи; не только другимъ лицамъ, но и самому принцу и принцессѣ Аннѣ говорилъ, что хочетъ вызвать въ Россію молодаго принца Голштинскаго Петра. Чтобъ отнять популярность у Брауншвейгскихъ, Биронъ говорилъ, что принцесса Анна называетъ Русскихъ канальями, а мужъ ея хотѣлъ генераловъ и министровъ арестовать и побросать въ воду [3]).

23 октября данъ былъ указъ о ежегодной выдачѣ родителямъ императора по 200,000 руб. въ годъ, а цесаревнѣ Елисаветѣ по 50,000 р.; но въ тотъ же день принцъ Антонъ былъ призванъ въ чрезвычайное собраніе кабинетъ-министровъ, сенаторовъ и генералитета. Биронъ изложилъ собранію все дѣло на основаніи показаній, сдѣланныхъ приверженцами Брауншвейгской фамиліи въ Тайной Канцеляріи, и спросилъ принца, чего ему хотѣлось. Тотъ со слезами отвѣчалъ, что хотѣлъ произвести бунтъ и завладѣть регентствомъ. Тутъ Ушаковъ началъ говорить: „Если вы будете вести себя какъ слѣдуетъ, то всѣ будутъ почитать васъ отцомъ императора; въ противномъ случаѣ будутъ считать васъ подданнымъ вашего и нашего государя. По своей молодости и неопытности, вы были обмануты; но если-бъ вамъ удалось исполнить свое намѣреніе, нарушить спокойствіе имперіи, то я, хотя съ крайнимъ прискорбіемъ, обошелся бы съ вами такъ же строго, какъ и съ послѣднимъ подданнымъ его величества“. — Послѣ этой грозной выходки управляющаго Тайною Канцеляріею, началъ говорить Биронъ; говорилъ о своихъ правахъ, о дѣйствительности распоряженія покойной императрицы, и кончилъ словами: „Такъ какъ я имѣю прав отказаться отъ регентства, то если это собраніе сочтетъ вашу свѣтлость больше меня къ нему способнымъ, я сію же минуту передамъ правленіе вамъ.“ Тутъ многіе изъ присутствующихъ объявили, что просятъ герцога продолжать правленіе для блага всей Земли. Тогда Биронъ, указывая на лежавшее передъ нимъ распоряженіе покойной императрицы о регентствѣ, спросилъ Остермана: „Та ли эта бумага, которую вы сами относили къ императрицѣ для подписи?“ Остерманъ отвѣчалъ утвердительно; но регентъ не удовольствовался этимъ отвѣтомъ: онъ потребовалъ, чтобъ всѣ присутствующіе подписали бумагу и приложили свои печати;—всѣ исполнили требованіе, равно какъ принцъ Антонъ.

Биронъ и на этомъ не успокоился: онъ боялся, что принцъ будетъ имѣть возможность дѣйствовать на войско по своимъ военнымъ чинамъ — подполковника Семеновскаго полка и полковника кирасирскаго Брауншвейгскаго полка; регенту непремѣнно хотѣлось отнять у него эти должности. Минихъ, который не любилъ принца, охотно подслужился Бирону и велѣлъ брату своему, отъ имени принца Антона, написать просьбу объ увольненіи отъ всѣхъ военныхъ должностей. Фельдмаршалъ Минихъ принесъ эту просьбу въ Кабинетъ, причемъ просилъ, что если отошлютъ ее къ Остерману, то чтобъ переписали, ибо онъ не хочетъ, чтобъ Остерманъ видѣлъ руку брата его и догадался, что все дѣло идетъ черезъ него, фельдмаршала. Въ просьбѣ отъ имени принца Антона говорилось къ имени императора: „Я нынѣ, по вступленіи вашего императорскаго величества на Всероссійскій престолъ, желаніе имѣю мои военные чины низложить, дабы при вашемъ императорскомъ величествѣ всегда неотлучнымъ быть“. Принцъ Антонъ подписалъ просьбу, въ которой онъ является такимъ нѣжнымъ отцомъ, и 1-го ноября данъ быль

[1]) Шетарди, 164 и слѣд.
[2]) Шетарди.
[3]) Обвиненія Бирона въ Государ. Архивѣ.

указъ Военной Коллегіи, подписанный по обычаю: „Именемъ его императорскаго величества Іоаннъ регентъ и герцогъ". Въ указѣ говорилось: „Понеже его высочество, любезнѣйшій нашъ родитель желаніе свое объявилъ имѣвшіяся у него военные чины снизложить, а мы ему въ томъ отказать не могли, того ради чрезъ сіе Военной Коллегіи объявили для извѣстія" [1]).

Бестужевъ говорилъ одному иностранному дипломату: „Если бы захотѣли, могли бы поступить съ принцемъ вовсе не такъ милосердо. Онъ отецъ императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ и его подданный. Петръ I подалъ примѣръ, что́ въ правѣ сдѣлать отецъ противъ бунтующаго сына; то же, наоборотъ, и совершенно логично, прилагается и къ настоящему случаю; принцесса Анна это очень хорошо понимаетъ: она бросилась на шею герцогу Курляндскому съ просьбою не давать гласности дѣлу, и обѣщала сама смотрѣть за мужемъ. До сихъ поръ герцогъ Брауншвейгскій разсчитывалъ на Вѣнскій Дворъ; но теперь онъ увидитъ, что эта опора безполезна, потому что мы не только совершенно отстранили партію, преданную ему или женѣ, но мы можемъ вообще сказать, что наше дѣло выиграно. Я рисковалъ головою и не имѣлъ ни минуты покоя въ первые три дня послѣ кончины императрицы, потому что я Русскій народъ знаю: по первому толчку онъ въ состояніи что-нибудь предпринять, но потомъ, какъ скоро эта минута пройдетъ, переходитъ къ совершенному послушанію. Вотъ почему еще при жизни императрицы я изготовилъ манифестъ о регентствѣ; его напечатали въ ночь по смерти императрицы вмѣстѣ съ присяжною формою, и сейчасъ же можно было приводить къ присягѣ, прежде чѣмъ безпокойныя головы имѣли время что-нибудь затѣять. Если посудить, какъ велико само по себѣ это событіе и какъ значительно народонаселеніе столицы, то нечего удивляться, что нашлось нѣсколько недовольныхъ; надобно удивляться одному,—что не оказалось ихъ болѣе. Теперь, для общаго единенія, остается дѣлать одно: награждать благонамѣренныхъ и строго наказывать тѣхъ, въ которыхъ будетъ замѣчено дурное направленіе" [2]).

Людей неблагонамѣренныхъ, дѣйствовавшихъ противъ Бирона въ пользу принца Антона или принцессы Анны,—Яковлева, Пустошкина съ товарищами, били кнутомъ въ Тайной Канцеляріи, давали по 15, 16 и 17 ударовъ. Но явились доносы на приверженцевъ цесаревны Елисаветы Петровны. Во время присяги войска Іоанну Антоновичу, какъ наслѣднику престола, капралъ Хлоповъ, встрѣтившись съ капраломъ Гольмштремомъ, сказалъ ему: „Присягали мы нынѣ ея императорскаго величества внуку, а государыни принцессы сыну"; а потомъ, немного погодя, махнулъ головою на домъ цесаревны Елисаветы и сказалъ: „Не обидно-ль"? Въ тотъ же день Хлоповъ говорилъ своимъ товарищамъ Русскимъ: „Вотъ императоръ Петръ Первый въ Россійской имперіи заслужилъ и того осталось. Вотъ коронованнаго отца дочь, государыня цесаревна оставлена". Нѣмецъ Гольмштремъ донесъ на Хлопова: Хлопова взяли—и отпустили, равно какъ и товарищей его, Русскихъ, виноватыхъ въ томъ, что не донесли, отпустили „для многолѣтняго его величества здравія, но только впредь въ такія противныя разсужденія отнюдь бы они не вступали". Привели въ Тайную Канцелярію счетчика изъ матросовъ, Максима Толстого, за то, что отказался присягать регенту. Толстой прямо объявилъ, что не пошелъ къ присягѣ „для того, что государствомъ повелѣно править такому генералу, каковы у него, Толстого, родственники генералы были. До возраста государева повелѣно править герцогу Курлянскому, а орелъ леталъ, да соблюдалъ все дѣтямъ своимъ, а дочь его оставлена: императоръ Петръ Первый соблюдалъ и созидалъ все дѣтямъ своимъ, а у него, государя, осталась дочь цесаревна Елисавета Петровна, и надобно нынѣ присягать ей, государынѣ цесаревнѣ. О томъ между собою говорили лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдаты, идучи отъ присяги" [3]). Толстого сослали въ Оренбургъ—наказаніе легкое, если принять во вниманіе то, что онъ презрительно отзывался о Биронѣ, не хотѣлъ присягать ему. Могло казаться удивительнымъ такое снисхожденіе къ приверженцамъ цесаревны Елисаветы. Мы видѣли, что уже и прежде ходили слухи о видахъ Бирона на цесаревну. Теперь самъ Биронъ грозится, что противъ Брауншвейгцевъ вызоветъ въ Россію племянника цесаревны Елисаветы, принца Голштинскаго, и пошли новые слухи, что Биронъ хочетъ женить на Елисаветѣ сына своего, принца Петра, а дочь свою потомъ выдать за герцога Голштинскаго. Какъ бы то ни было, говорили, что Биронъ имѣлъ съ цесаревною Елисаветою частыя свиданія, продолжавшіяся иногда по цѣлымъ часамъ [4]).

Бестужевъ думалъ, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ заставить другихъ думать, что опасность для Бирона прошла, потому что первая вспышка неудовольствія была потушена въ самомъ началѣ. Вспышка была потушена, потому что недовольные не нашли себѣ вождей; но недовольныхъ оставалось очень много: неодвольно было все общество, весь народъ. Не довѣряя гвардіи, призвали шесть армейскихъ батальоновъ и 200 драгунъ. Чтобъ гвардія не обидѣлась этою недовѣрчивостію, Минихъ произнесъ къ ней рѣчь, въ которой говорилъ, что гвардейцы служатъ только высочайшимъ особамъ и что регентъ рѣшился призвать на службу въ Петербургъ армейскихъ солдатъ, желая облегчить по службѣ гвардейцевъ. Но говорили, что рѣчь не произвела желаемаго дѣйствія. Драгуны

[1]) Дѣло Миниха въ Государ. Архивѣ.—Финчъ.—Шетарди, 630, 631.

[2]) Herrmann—Geschichte des russ. Staates. IV, 653, 654.

[3]) Шетарди, 177.

[4]) Manstein.

сослужили службу: 24 октября ночью народъ началъ быстро собираться толпами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но былъ разогнанъ драгунскими патрулями. Биронъ поговаривалъ, что надобно преобразовать гвардію, зачѣмъ въ ней рядовые солдаты изъ дворянъ: ихъ можно опредѣлить офицерами въ армейскіе полки, а ихъ мѣсто занять людьми простаго происхожденія [1]).

Даже и тѣ, которые отказались быть вождями движенія и выдали людей, неспособныхъ дожидаться, и тѣ не принадлежали къ числу довольныхъ, имѣвшихъ сильныя побужденія поддерживать регента, и когда Бестужевъ говорилъ *„мы“*, то подъ этимъ *„мы“* должны было разумѣть очень немногихъ, его да самого Бирона съ братьями и Бисмаркомъ. Это очень хорошо понималъ человѣкъ, сильно недовольный тѣмъ, что не онъ занимаетъ первое мѣсто, а Биронъ, котораго онъ считалъ ничтожностію въ сравненіи съ собою:—это очень хорошо понималъ Минихъ. Современники и люди, близкіе къ Миниху, объясняли его усердіе въ доставленіи регентства Бирону тѣмъ, что онъ надѣялся играть при такомъ неспособномъ регентѣ главную роль, надѣялся получить званіе генералиссимуса всѣхъ военныхъ силъ имперіи, сухопутныхъ и морскихъ. Но мы видѣли, что Биронъ и прежде боялся Миниха и старался оттѣснять его отъ источника власти, какъ соперника, опаснаго по своей смѣлости, энергіи, талантамъ и страшному честолюбію: понятно, что и теперь въ Биронѣ-регентѣ не могла исчезнуть эта боязнь, и онъ нисколько не былъ расположенъ увеличивать значеніе опаснаго человѣка; Минихъ былъ въ ссорѣ съ генераломъ Бирономъ, и регентъ бралъ сторону брата. Минихъ видѣлъ, что ошибся въ своихъ разсчетахъ, видѣлъ всеобщее неудовольствіе, видѣлъ, что недовольнымъ недостаетъ только вождя для низверженія ненавистнаго регента, и рѣшился быть этимъ вождемъ. Въ свое имя онъ, разумѣется, дѣйствовать не могъ; всего ближе ему было дѣйствовать во имя принцессы Анны, матери императора. Прежде онъ могъ не желать регентства Анны вслѣдствіе неладовъ съ принцемъ Антономъ, находившимся подъ вліяніемъ Остермана; прежде онъ могъ предпочитать регентство Бирона, но теперь другое дѣло: принцесса и ея мужъ въ невыносимо-тяжкомъ положеніи, ждутъ избавителя и, разумѣется, ихъ благодарности къ этому избавителю не будетъ границъ.

7 ноября, какъ шефъ кадетскаго корпуса, Минихъ представилъ Аннѣ Леопольдовнѣ нѣсколько кадетъ, изъ которыхъ она хотѣла выбрать для себя пажей. Когда кадеты были отпущены, принцесса со слезами на глазахъ стала говорить Миниху: „Вы видите, графъ, какъ регентъ со мною обходится; я знаю отъ вѣрныхъ людей, что онъ думаетъ выслать насъ изъ Россіи. Я готова къ этому, я уѣду; но употребите все свое вліяніе надъ регентомъ, чтобы по крайней мѣрѣ мнѣ можно было взять съ собою сына“. Въ отвѣтъ Минихъ даетъ слово освободить ее отъ тирана, и принцесса говоритъ, что полагается на него одного. Свое участіе въ избраніи Бирона Минихъ оправдывалъ тѣмъ, что еслибъ Биронъ не былъ сдѣланъ регентомъ, то никогда не побудилъ бы императрицу назначить себѣ преемника, отчего Россія была бы ввергнута въ ужасное положеніе. На другой день утромъ Минихъ видится съ принцессою опять и объявляетъ, что намѣренъ схватить регента. Сначала принцесса поцеремонилась, начала говоритъ, какъ это фельдмаршалъ рискуетъ жизнію своею и всего своего семейства, предлагала посовѣтоваться съ Левенвольдомъ; но Минихъ отвѣчалъ, что она обѣщала положиться на него одного, и притомъ онъ не хочетъ никого вовлекать въ опасность. Тогда принцесса начала хвалить великодушіе и смѣлость фельдмаршала, и сказала: „Ну хорошо, только дѣлайте поскорѣе“ [2]). Медленность не была въ характерѣ Миниха, да и не было выгоды медлить: притомъ Преображенскій полкъ, въ которомъ онъ былъ подполковникомъ, долженъ былъ смѣниться на другой по карауламъ.

Въ тотъ же день, 8 ноября, Минихъ обѣдалъ у Бирона, который пригласилъ его пріѣхать и вечеромъ. Герцогъ былъ весь этотъ вечеръ безпокоенъ и задумчивъ. Вмѣстѣ съ Минихомъ сидѣлъ у него Левенвольдъ, который вдругъ спросилъ фельдмаршала: „А что, графъ, во время вашихъ походовъ вы никогда не предпринимали ничего важнаго ночью?“ Минихъ сначала смутился этимъ вопросомъ, въ которомъ какъ будто намекалось на его намѣреніе; скоро впрочемъ оправился и отвѣчалъ: „Не помню, чтобъ я когда-нибудь предпринималъ что-нибудь чрезвычайное ночью; но мое правило пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ“.

Регентъ и фельдмаршалъ разстались въ одиннадцать часовъ вечера, и Минихъ немедленно сталъ распоряжаться „чрезвычайнымъ ночнымъ предпріятіемъ“. Возвратясь изъ дворца, онъ сказалъ своему первому адъютанту, подполковнику Манштейну, чтобъ былъ готовъ, потому что понадобится ему очень рано. Дѣйствительно, въ два часа пополуночи фельдмаршалъ позвалъ къ себѣ Манштейна; оба сѣли въ карету и отправились въ Зимній дворецъ, гдѣ жилъ императоръ съ отцомъ и матерью. Фельдмаршалъ и адъютантъ вошли въ покои принцессы Анны черезъ гардеробъ и велѣли разбудить фрейлину Менгденъ, фаворитку принцессы. Менгденъ, услыхавъ отъ Миниха въ чемъ дѣло, велѣла разбудить принца и принцессу, но вышла къ фельдмаршалу одна принцесса. Поговоривши съ нею минуту, Минихъ велѣлъ Манштейну позвать къ принцессѣ всѣхъ караульныхъ офицеровъ, и, когда тѣ вошли, принцесса обратилась къ нимъ съ жалобами на регента: „Мнѣ нельзя, мнѣ стыдно долѣе сносить всѣ эти обиды, я рѣшилась его арестовать и по-

---

[1]) Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.

[2]) Herrmann, 655, 656. Manstein, Финчъ.

ручила это дѣло фельдмаршалу Миниху; надѣюсь, что храбрые офицеры будутъ повиноваться своему генералу и помогать его ревности". Офицеры обѣщали исполнить волю принцессы, которая допустила ихъ къ рукѣ и потомъ всѣхъ перецѣловала. Сошедши съ фельдмаршаломъ внизъ, офицеры поставили подъ ружье караульныхъ солдатъ, которымъ Минихъ объявилъ въ чемъ дѣло; мы знаемъ, что солдаты только этого и дожидались: они крикнули въ одинъ голосъ, что ради идти всюду, куда онъ ихъ поведетъ. Сорокъ человѣкъ солдатъ было оставлено при знамени, а съ осьмидесятью Минихъ отправился къ Лѣтнему дворцу, гдѣ жилъ регентъ.

Около двухъ сотъ шаговъ отъ дворца отрядъ остановился; Минихъ послалъ Манштейна къ караульнымъ офицерамъ объявить имъ о намѣреніи принцессы Анны: тѣ съ радостію выслушали это объявленіе и предложили даже свою помощь при арестованіи герцога. Тогда фельдмаршалъ велѣлъ Манштейну взять офицера и двадцать солдатъ, войти во дворецъ, арестовать герцога, и, въ случаѣ сопротивленія, убить его. Манштейнъ, войдя во дворецъ, велѣлъ солдатамъ слѣдовать за собою издали, чтобъ не дѣлать шума. Всѣ караульные пропустили его безпрепятственно, думая, что старшій адъютантъ фельдмаршала присланъ къ герцогу за какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ вдругъ нашелся въ большомъ затрудненіи: онъ не зналъ гдѣ спальня герцога и, въ то же время, не хотѣлъ спросить объ этомъ у лакеевъ, чтобъ не поднять шума. Подумавъ съ минуту, онъ рѣшился идти впередъ, въ надеждѣ отыскать наконецъ спальню. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверьми, запертыми на ключъ; онъ попробовалъ – и двери отворились, потому что не были приперты задвижками внизу и вверху. Войдя въ комнату, онъ увидалъ большую кровать, на которой герцогъ и герцогиня спали глубокимъ сномъ; они проснулись тогда только, когда Манштейнъ откинулъ занавѣсы у кровати и началъ говорить. Мужъ и жена разомъ вскочили и начали кричать: „Караулъ!" Манштейнъ отвѣчалъ, что привелъ много караульныхъ. Такъ какъ Манштейнъ стоялъ по ту сторону кровати, гдѣ была герцогиня, то Биронъ соскочилъ на полъ съ намѣреніемъ, какъ показалось Манштейну, спрятаться подъ кровать. Тогда Манштейнъ обѣжалъ кровать, бросился на Бирона, схватилъ его крѣпко и держалъ до тѣхъ поръ, пока пришли солдаты. Когда они подошли къ Бирону, чтобъ взять его, тотъ сталъ обороняться, отмахиваясь кулакомъ направо и налѣво. Въ этой борьбѣ солдаты разорвали у него рубашку и сильно поколотили его, повалили на землю, засунули носовой платокъ въ ротъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, закутали въ одѣяло и вынесли въ караульню; здѣсь набросили на него солдатскую шинель, посадили въ карету Миниха, куда сѣлъ съ нимъ офицеръ и повезъ въ Зимній дворецъ. Въ то время какъ солдаты управлялись съ Бирономъ, жена его выбѣжала въ одной рубашкѣ изъ дворца и, видя какъ увозятъ мужа, бросилась за ворота на улицу: тутъ одинъ солдатъ схватилъ ее, притащилъ къ Манштейну и спрашивалъ, что съ нею дѣлать. Тотъ велѣлъ отвести ее во дворецъ; но солдату не хотѣлось съ нею возиться: онъ бросилъ ее на кучу снѣга и ушелъ; капитанъ гвардіи нашелъ ее въ этомъ положеніи, поднялъ, велѣлъ одѣть и проводилъ во дворецъ. Тотъ же Манштейнъ арестовалъ Густава Бирона, а другой адъютантъ Миниха, капитанъ Кёнигфельсъ, арестовалъ Бестужева, который подумалъ, что Биронъ велѣлъ арестовать его, и спросилъ у Кёнигфельса: „Что за причина немилости регента" [1])?

Къ шести часамъ утра все было кончено, и Минихъ явился къ принцессѣ Аннѣ съ докладомъ, что все обошлось благополучно. Первымъ дѣломъ принцессы было послать за человѣкомъ, безъ котораго считали невозможнымъ рѣшить какое-нибудь важное дѣло,—за Остерманомъ. Оракулъ, недовольный положеніемъ дѣлъ и чуя бурю въ воздухѣ, нѣсколько времени уже сказывался больнымъ; и теперь, когда такъ рано прислали за нимъ отъ имени принцессы, велѣлъ отвѣчать, что нездоровъ; тогда Минихъ послалъ къ нему генерала Стрѣшнева, родственника Остерману по женѣ, сказать, что есть обстоятельство, которое должно заставить его перемочь болѣзнь и пріѣхать во дворецъ: это обстоятельство заключалось въ томъ, что Стрѣшневъ собственными глазами видѣлъ бывшаго регента въ караульнѣ Зимняго дворца. Остерманъ перемогъ болѣзнь и явился поклониться восходящему свѣтилу. А между тѣмъ всѣ такъ привыкли вѣрить въ могущество Остермана, въ его умѣнье таинственными путями устраивать перевороты, что сначала приписали ему низверженіе Бирона. Шетарди, донося своему королю о переворотѣ, писалъ: „Болѣзнь графа Остермана сильно, если не ошибаюсь, способствовала къ лучшему сокрытію тайныхъ мѣръ, которыя онъ принималъ, показывая видъ, что ни съ кѣмъ не имѣетъ сообщенія. Такъ онъ поступалъ всегда; вѣрный и смѣлый пріемъ, которымъ нанесенъ ударъ, можетъ быть только плодомъ и слѣдствіемъ политики и опытности графа Остермана" [2]). Румянцевъ, получивши въ Константинополѣ извѣстіе о сверженіи Бирона, писалъ Остерману: „Что касается до той, съ Богомъ начатой перемѣны,—не только я здѣсь, но и всѣ въ свитѣ моей сердечное порадованіе возымѣли и яко едиными усты Богу моленье принесли съ прославленіемъ имени вашего сіятельства, яко перваго сына отечества Россійской имперіи, вѣдая, что все то мудрыми вашего сіятельства поступками учинено" [3]).

Въ Константинополѣ могли долго такъ думать; но въ Петербургѣ скоро узнали, что единствен-

[1]) Manstein – Финчъ, которому разсказывалъ самъ Минихъ.

[2]) Шетарди, 181.

[3]) Письмо отъ 31 декабря 1740 года. Дѣла Турецкія того же года.

нымъ виновникомъ переворота былъ не Остерманъ, а Минихъ. Возвратившись по совершеніи своего подвига домой, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ сына своего и родственника, барона Менгдена, предсѣдателя Коммерцъ-Коллегіи, и велѣлъ сыну писать списокъ наградъ. Во-первыхъ, принцесса Анна, которая должна быть провозглашена правительницею вмѣсто Бирона, возлагаетъ на себя Андреевскій орденъ, а Миниха жалуетъ въ генералиссимусы. Сынъ замѣтилъ, что можетъ быть этого званія желаетъ мужъ правительницы, принцъ Антонъ, надобно бы объ этомъ развѣдать; сынъ совѣтовалъ просить лучше званія перваго министра. Отецъ согласился; но потомъ задалъ вопросъ: какъ Остерманъ будетъ терпѣть надъ собою перваго министра? Ему отвѣчали, что надобно повысить Остермана; но какъ? Фельдмаршалъ наконецъ припомнилъ, что въ 1732 году, работая надъ новымъ Положеніемъ для флота, Остерманъ намекалъ, что желалъ бы быть великимъ адмираломъ. Рѣшили пожаловать Остермана въ великіе адмиралы—званіе почетное, но не опасное, не стѣсняющее перваго министра. Казалось бы всего естественнѣе было дать Остерману, какъ вице-канцлеру, званіе великаго канцлера, котораго никто не имѣлъ съ 1734 года, со смерти стараго Головкина; но иностранными дѣлами хотѣлъ заправлять Минихъ, и великимъ канцлеромъ назначили не *душу*, а *тѣло* Кабинета, князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, хотя и было замѣчено, что Черкасскій за свое поведеніе относительно Бирона заслуживаетъ больше наказанія, чѣмъ награды; вице-канцлеромъ сдѣлали графа Михайлу Головкина, человѣка близкаго къ новой правительницѣ и не опаснаго. Минихъ велѣлъ сыну написать бумагу о всѣхъ этихъ назначеніяхъ и отвезти во дворецъ для поднесенія принцессѣ на утвержденіе, а чрезъ нѣсколько часовъ пріѣхалъ самъ во дворецъ и узналъ, что принцесса на все согласна [1]). По пріѣздѣ Миниха, Остермана и цесаревны Елисаветы, началось во дворцѣ долгое совѣщаніе, вслѣдствіе котораго Биронъ съ семействомъ былъ перевезенъ въ Александро-Невскій монастырь; здѣсь они переночевали, а утромъ отправлены были въ Шлюссельбургъ. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ Бирономъ былъ схваченъ и самый ревностный приверженецъ его, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ. Судьба видимо преслѣдовала этого человѣка, видимо смѣялась надъ нимъ жестокою насмѣшкою. Послѣ стольких усилій, хлопотъ, пробился онъ наконецъ впредъ — для того, чтобъ, заплативши за кратковременную честь страшнымъ безпокойствіемъ, безсонными ночами, попасть изъ кабинетъ-министровъ подъ арестъ и ожидать самаго печальнаго рѣшенія своей участи. Въ самомъ началѣ блеснулъ-было лучъ надежды: адъютантъ Миниха, Кёнигфельсъ, два раза пріѣзжалъ къ женѣ Бестужева и спрашивалъ ее, хочетъ ли она ѣхать съ мужемъ на мѣсто ссылки.

[1]) Записки Миниха (сына), 207—310.

Та отвѣчала, что хочетъ; Кёнигфельсъ утѣшалъ ее, говорилъ, что фельдмаршалъ бьетъ себя въ грудь и божится, что будетъ истиннымъ другомъ ея мужу. Къ самому Бестужеву Минихъ прислалъ другого адъютанта своего, Манштейна, объявилъ, что принцесса Анна приказала послать его въ ссылку недалеко. Бестужевъ просилъ, нельзя ли ему видѣться съ фельдмаршаломъ, но Манштейнъ возвратился съ отвѣтомъ: „Видѣться тебѣ съ фельдмаршаломъ невозможно,—ему недосугъ; посылаютъ васъ въ Кексгольмъ, и будете вы тамъ, пока съ другими раздѣлаются, а потомъ и съ тобою скоро перемѣна будетъ“. — „Попросите фельдмаршала“, говорилъ Бестужевъ Манштейну, „чтобъ онъ меня не оставилъ, а помнилъ то, что онъ состоитъ въ дирекціи Божіей, какъ самъ видитъ изъ моей судьбы: вчера я былъ кабинетнымъ министромъ, а теперь арестантъ“ [2]). Бестужева сначала заключили въ Нарвскую крѣпость, а потомъ перевели въ Копорье. Двоихъ братьевъ Бирона, Карла и Густава, и генерала Бисмарка, какъ *адгерента* бывшаго правителя, отправили въ Сибирь [3]).

На другой день, 9 ноября, Анна Лаопольдовна провозгласила себя правительницею — и никто не противорѣчилъ. Вышелъ манифестъ, подписанный Синодомъ, министерствомъ и генералитетомъ: императоръ Іоаннъ VI объявлялъ, что хотя, по предписанію императрицы Анны, регентомъ былъ назначенъ герцогъ Курляндскій, но ему велѣно было свое регентство вести по государственнымъ правамъ, конституціямъ и прежнимъ преданіямъ и уставамъ, и особливо велѣно, не токмо о дражайшемъ здравіи и воспитаніи нашемъ попеченіе имѣть, но и къ родителямъ нашимъ и ко всей императорской фамиліи почтеніе оказывать. Но, вмѣсто должнаго тому исполненія, онъ дерзнулъ не токмо многіе противные государственнымъ правамъ поступки чинить, но и къ любезнѣйшимъ нашимъ родителямъ великое непочитаніе и презрѣніе публично оказывать и притомъ съ употребленіемъ непристойныхъ угрозъ, и такія дальновидныя и опасныя намѣренія объявить дерзнулъ, которымъ не только любезнѣйшіе родители наши, но и мы сами, и покой и благополучіе имперіи нашей въ опасное состояніе приведены быть могли бы. И потому принуждены себя нашли, по усердному желанію и прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ духовнаго и мірскаго чина, онаго герцога отъ регентства отрѣшить и по тому же прошенію всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ оное правительство поручить нашей государынѣ матери“. 11 ноября вышелъ указъ: „Ноября 10 дня всемилостивѣйше пожаловали мы: 1) любезнѣйшему нашему государю-родителю быть генералиссимусомъ, и хотя генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ за его къ Россійской имперіи оказанныя знатныя службы и то нынѣ онъ уже первый въ Россійской имперіи командующій генералъ-

[2]) Дѣло Миниха въ Государ. Архивѣ.

[3]) Кабинетныя дѣла 1740 года въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

фельдмаршалъ и въ Коллегіи Военной президентъ къ пожалованію-бъ сего знатнаго чина надежду имѣть могъ, токмо во всенижайшемъ къ вышеупомянутому его высочеству почтеніи отъ сего высочайшаго чина отрекается; притомъ же его высочество чинъ Конной гвардіи подполковника на себя принять изволилъ. 2) Генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху по вышеписаннымъ обстоятельствамъ и особливо въ разсужденіи при нынѣшнемъ случаѣ намъ, родителямъ нашимъ и всему государству оказанной усердной ревности, при которой онъ, оставляя свое и своей фамиліи благополучіе и не щадя пота и крови, поступалъ, дабы онъ по то время, пока ему Богъ животъ и силу продолжитъ, въ состояніи былъ намъ ревностныя услуги оказать, всемилостивѣйше пожаловали чинъ перваго министра въ нашихъ консиліяхъ, и какъ онъ нынѣ уже первый рангъ въ имперіи имѣетъ, то ему по генералиссимусѣ первымъ въ имперіи быть, причемъ и супругѣ его предъ всѣми знатнѣйшими дамами, въ томъ числѣ и тѣхъ принцевъ, кои невладѣющіе въ нашей службѣ обрѣтаются, супругами, первенство имѣть. 3) Вице-канцлеру имперіи, графу Остерману, пожаловали чинъ давно состоящей ваканціи генералъ-адмирала, причемъ ему и кабинетъ-министромъ быть попрежнему. 4) Дѣйствительному тайному совѣтнику князю Черкасскому пожаловали чинъ также давно состоящей ваканціи великаго канцлера и быть ему попрежнему въ Кабинетѣ. 5) Дѣйствительному тайному совѣтнику Головкину пожаловали чинъ вице-канцлера и кабинетъ-министра". — Левенвольду дана „знатная сумма" на расплату долговъ. Фельдмаршалъ князь Трубецкой освобожденъ отъ взысканія 10,000 рублей и получилъ пенсіонъ. Генералъ-кригсъ-коммисаръ Лопухинъ освобожденъ отъ взысканія 12,000 рублей. Ушаковъ, Головинъ и Куракинъ получили Андреевскій орденъ [1]).

Всѣ были довольны; но при этой, повидимому всеобщей, радости нашлись люди, которые предсказывали, что это не послѣдній переворотъ [2]).

Бирона захватилъ фельдмаршалъ Минихъ; Минихъ не могъ провозгласить себя регентомъ и отдалъ свою ночную добычу матери императора съ тѣмъ, чтобъ подъ именемъ перваго министра управлять Россіею. Характеръ новой правительницы дѣйствительно могъ утверждать Миниха въ его надеждахъ, ибо не было существа, менѣе способнаго находиться во главѣ государственнаго управленія, какъ добрая Анна Леопольдовна. Сильно доставалось ей въ молодости отъ матери, герцогини Екатерины Ивановны, за дикость; императрица Анна имѣла полное основаніе считать племянницу неспособною къ правленію. Не одѣваясь, не причесываясь, повязавъ голову платкомъ, сидѣть бы ей только цѣлый день во внутреннихъ покояхъ съ неразлучною фавориткою, фрейлиною Менгденъ! Фрейлина была очень довольна, что „мы попали въ правительство." Какъ только схватили страшнаго, ненавистнаго герцога Курляндскаго, такъ правительница подарила своей фавориткѣ четыре кафтана Бирона, да три кафтана сына его, Петра: Менгденъ занялась спарываніемъ съ нихъ позументовъ и отдала на выжигу: вышло изъ выжиги четыре шандала, шесть тарелокъ, двѣ коробки. Но щедрость правительницы не ограничилась позументами: пошли подарки по 1,000, по 2,000, по 3,000, иногда по десяти и по тридцати тысячъ; дана была и мыза Оберъ-Паленъ въ Дерптскомъ уѣздѣ [3]).

Съ Анной Леопольдовной и съ фавориткою Миниху легко было ужиться, тѣмъ болѣе что Менгденъ была его родственница. Ни одинъ изъ русскихъ вельможъ, стоявшихъ наверху, не могъ быть ему опасенъ; но былъ человѣкъ, который привыкъ считать себя необходимымъ въ управленіи Россійскою имперіею и привыкъ считать себя первымъ по способностямъ и опытности: то былъ оракулъ—Остерманъ. Биронъ не любилъ Остермана и подставлялъ ему соперниковъ, то Волынскаго, то Бестужева-Рюмина, но Остерманъ продолжалъ сохранять свое положеніе. Теперь Биронъ въ крѣпости, Бестужевъ-Рюминъ въ крѣпости; но первымъ министромъ Минихъ, который не будетъ доволенъ однимъ титуломъ, который во всѣхъ дѣлахъ, и особенно внѣшнихъ, будетъ давать чувствовать свое значеніе перваго министра; и дѣйствительно, первымъ его дѣломъ было отстраненіе Остермана отъ департамента иностранныхъ дѣлъ возведеніемъ его въ званіе генералъ-адмирала. Наблюдательные иностранцы писали къ своимъ Дворамъ: „Остерманъ никогда не терпѣлъ совмѣстника въ главномъ управленіи дѣлами Россіи, а теперь онъ на мѣстѣ далеко не на первомъ и можетъ быть въ отчаяніи, видя фельдмаршала первымъ министромъ. Должно думать, что Остерманъ въ настоящее время считаетъ себя обезчещеннымъ на весь міръ человѣкомъ, если не выйдетъ изъ этого положенія посредствомъ паденія фельдмаршала." Иностранцы предполагали, что Остерманъ для сверженія Миниха рѣшился дѣйствовать и въ пользу цесаревны Елисаветы [4]). Но для этого Остерману не нужно было такъ далеко ходить; ему не трудно было свергнуть Миниха и посредствомъ принцессы-правительницы и ея мужа. Знаменитый фельдмаршалъ, покоритель Данцига, Очакова и Хотина, свергнувшій регента, не имѣлъ ни въ комъ и ни въ чемъ опоры, былъ безсильнѣе Бирона, ибо не былъ правителемъ; не имѣлъ въ рукахъ своихъ верховной власти, права всѣмъ распоряжаться: слѣдовательно не имѣлъ возможности распоряжаться въ свою пользу, для своего утвержденія и безопасности; правительница назначила его первымъ министромъ, правительница могла и лишить его этого званія, и никто не могъ ей въ томъ помѣшать, некому было заступиться за

[1]) Манифестъ и указъ въ Государ. Архивѣ.
[2]) Manstein.

[3]) Показанія Менгденъ въ Государ. Архивѣ.
[4]) Шетарди, 196.

фельдмаршала. Вся сила Миниха основывалась на расположеніи къ нему Анны Леопольдовны; но какого рода было расположеніе!—это не была сильная привязанность къ человѣку, отсутстіе котораго производило бы около нея пустоту, безъ котораго ей тяжело было обойтись; подавить привязанность къ такому человѣку очень трудно: для этого нужно по крайней мѣрѣ очень много времени, ибо внушенія, дѣлаемыя противъ такого человѣка, противъ его достоинства и вѣрности, непріятно раздражаютъ, съ такими внушеніями подходить опасно. Но отношеніе Анны Леопольдовны къ Миниху было совершенно другого рода: она не чувствовала къ нему никакого особеннаго расположенія, ей было скучно съ нимъ, какъ со всякимъ другимъ, кромѣ Юліаны Менгденъ и еще кого-нибудь; единственное чувство, которое связывало ее съ нимъ,—это было чувство благодарности за освобожденіе отъ Бирона; но благодарность — чувство тяжелое, если не поддерживается другими чувствами, если нужно безпрестанно говорить самому себѣ: „Я долженъ быть расположенъ къ этому человѣку, потому что онъ оказалъ мнѣ услугу“, тогда какъ внутренняго влеченія къ нему нѣтъ никакого. На такомъ-то непрочномъ основаніи утверждалось значеніе и могущество Миниха! Если бы же при этомъ Аннѣ Леопольдовнѣ постоянно внушали, что она должна держаться Миниха, какъ человѣка вѣрнаго и необходимаго, то конечно она бы и держалась его, и съ теченіемъ времени привыкла къ нему; но тутъ именно близкіе люди употребляли всѣ старанія, чтобъ увѣрить правительницу въ неблагонамѣренности и опасныхъ замыслахъ фельдмаршала, знаменитаго честолюбца, который не можетъ быть доволенъ ничѣмъ;—а можно ли сохранять благодарность къ такому человѣку, который все дѣлаетъ только для удовлетворенія своему челобитію, и если вчера свергнулъ одного, то завтра свергнетъ также легко другого, чтобъ никто не стоялъ на его дорогѣ: Минихъ даже опаснѣе Бирона, потому что даровитѣе и отважнѣе его. При такихъ внушеніяхъ, безъ средствъ и охоты опровергать ихъ, медлить можно было только изъ чувства приличія, изъ страха, что скажутъ: человѣкъ оказалъ такую услугу, а ему отплатили неблагодарностію!

Если легко было подкопать хрупкое основаніе Минихова могущества, то Остерманъ, которому очень хотѣлось это сдѣлать, не могъ да и не желалъ сдѣлать это прямо, одинъ. У него были хорошіе помощники, и прежде всего принцъ Антонъ. Принцъ Антонъ, несмотря на сверженіе Бирона, былъ опять недоволенъ: Минихъ явно пренебрегъ имъ, ведя дѣло сверженія Бирона съ Анною Леопольдовною, ея именемъ, ее провозгласилъ правительницею, тогда какъ другіе хотѣли правителемъ его, принца Антона. Ему дали званіе генералиссимуса, но и то не съ полнымъ значеніемъ: фельдмаршалъ Минихъ не хочетъ признавать своего подчиненія генералиссимусу, пишетъ къ нему не такъ, какъ подчиненные должны писать къ начальникамъ. Даже въ самомъ указѣ о назначеніи принца генералиссимусомъ, Минихъ включилъ оскорбительныя выраженія: хотя фельдмаршалъ, графъ Минихъ, за знаменитыя услуги, оказанныя имъ государству, имѣлъ право разсчитывать на мѣсто генералиссимуса, однако онъ отказывается отъ него въ пользу герцога Антона-Ульриха, отца императора, довольствуясь мѣстомъ перваго министра. Принцъ замѣчаетъ, что о важныхъ дѣлахъ фельдмаршалъ ему не представляетъ, представляетъ только о ничтожныхъ. Въ печальномъ положеніи принцъ прибѣгаетъ къ оракулу: Остерманъ вполнѣ раздѣляетъ его негодованіе и даже, говорятъ, первый возбуждаетъ неудовольствіе принца [1]).

Съ Остерманомъ заодно дѣйствуетъ издавна неразрывный съ нимъ оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ. Есть также изъ Русскихъ одинъ, близкій къ правительницѣ человѣкъ и родственникъ, графъ Михаилъ Головкинъ, который недоволенъ вице-канцлерствомъ съ подчиненіемъ Миниху, и мечтаетъ управлять всѣми внутренними дѣлами.

На бѣду свою, фельдмаршалъ захворалъ тотчасъ послѣ своего торжества: пищевареніе совершенно разстроилось, поднялось колотье въ боку. Говорили, что причиною болѣзни было приказаніе правительницы уменьшить глубокій трауръ, какой надѣлъ Минихъ по императрицѣ Аннѣ и какой носилъ бывшій регентъ; говорили, что Минихъ недолго останется на своемъ мѣстѣ, что его никто не любитъ, и какое счастіе было бы для Россіи, для Анны Леопольдовны, для него самого и для его семейства, еслибъ онъ теперь умеръ. Болѣзнь Миниха облегчила врагамъ его возможность дѣйствовать, какъ нѣкогда болѣзнь оказала ту же услугу врагамъ Меншикова. Въ концѣ декабря, иностранные министры уже пишутъ къ Дворамъ своимъ: „Трое самыхъ главныхъ лицъ работаютъ противъ Миниха:—Головкинъ, Остерманъ и Левенвольдъ“ [2]). Январь и февраль 1741 года прошли въ тѣхъ же работахъ. Каждый вечеръ принцъ Антонъ сидѣлъ у Остермана, и тотъ настаивалъ, чтобъ принцъ жаловался женѣ на недостойное обращеніе съ нимъ фельдмаршала. Въ январѣ 1741 года правительница нашла на своемъ туалетѣ письмо, написанное какъ будто за-границею; въ немъ говорилось, какъ опасно ей полагаться совершенно на одну фамилію и притомъ иностранную, вслѣдствіе чего состояніе подданныхъ ея сына не улучшится, хотя и нѣтъ болѣе Бирона. Съ другой стороны, принцъ приступилъ съ жалобами, и Минихъ получилъ указъ сноситься съ генералиссимусомъ обо всѣхъ дѣлахъ и писать къ нему по установленной формѣ. Это былъ тяжелый ударъ Миниху. Но Остерманъ готовитъ и другіе удары, и, чтобъ сдѣлать ихъ подѣйствительнѣе, онъ уже не полагается на другихъ,

---

[1]) Manstein.
[2]) Финчъ.—Herrmann, 663.

дѣйствуетъ самъ. Въ царствованіе императрицы Анны онъ по цѣлымъ годамъ не выходилъ изъ своей комнаты; а теперь больного очень часто носятъ къ правительницѣ. Оракулъ внушаетъ Аннѣ Леопольдовнѣ, что первый министръ несвѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ, которыми онъ, Остерманъ, управлялъ въ продолженіи двадцати лѣтъ; что по своей неопытности Минихъ можетъ вовлечь Россію въ большія непріятности; что онъ, Остерманъ, былъ бы очень радъ сообщать первому министру всѣ нужныя свѣдѣнія, но болѣзненное состояніе мѣшаетъ ѣздить къ фельдмаршалу. Остерманъ внушаетъ также, что Минихъ одинаково несвѣдущъ и во внутреннихъ дѣлахъ имперіи, потому что всегда былъ занятъ только военными дѣлами. И эти внушенія подѣйствовали: 28 января 1741 года кабинетъ-министры получили именной указъ: „Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ, кромѣ присутствія въ Кабинетѣ, дѣлами другихъ департаментовъ заняты и не столько времени къ безпрестанному въ Кабинетѣ присутствію имѣютъ, то разсудилось намъ, дабы входящія въ нашъ Кабинетъ дѣла вдругъ и безостановочно теченіе свое имѣли, разсматривать дѣла по департаментамъ: 1) Первому министру, генералъ-фельдмаршалу графу фонъ-Миниху вѣдать все, что касается до всей нашей сухопутной полевой арміи, всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, артиллеріи, фортификаціи, кадетскаго корпуса и Ладожскаго канала, рапортуя обо всемъ томъ герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому. 2) Генералъ-адмиралу графу Остерману вѣдать все то, что подлежитъ до иностранныхъ дѣлъ и Дворовъ, также адмиралтейство и флотъ. 3) Великому канцлеру князю Черкасскому и вице-канцлеру графу Головкину вѣдать все то, что касается до внутреннихъ дѣлъ по Сенату и Синоду, и о государственныхъ по Камеръ-Коллегіи сборахъ и другихъ доходахъ, о коммерціи, о юстиціи. Каждый кабинетъ-министръ разсматриваетъ входящія въ его департаментъ дѣла; не подлежащія до кабинетскаго и нашего рѣшенія отсылаетъ въ подлежащія мѣста съ запискою, а по надлежащимъ до Кабинета мнѣніе свое подписываетъ и такъ ли тому быть—сообщаетъ прочимъ министрамъ для соглашенія; если же по какому-нибудь департаменту случится такое важное дѣло, которое требуетъ неотмѣннаго общаго разсужденія, о такомъ тотчасъ учинить общій совѣтъ“. Принцъ Антонъ говорилъ англійскому посланнику Финчу: „Я имѣлъ горячіе споры съ фельдмаршаломъ. Хотя я много одолженъ имъ въ походахъ, хотя онъ можетъ быть мнѣ полезенъ на своемъ настоящемъ мѣстѣ и недавно оказалъ услугу, однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ ему быть здѣсь верховнымъ визиремъ. Если онъ будетъ такъ умѣренъ, что согласится на настоящія распоряженія (указъ 28 января), то нѣтъ намѣренія дѣлать ему какой-нибудь вредъ; но если онъ станетъ слушаться только неумѣреннаго своего честолюбія и природной жестокости своего нрава, то можетъ своею глупостію навлечь на себя гибель“ [1]). Минихъ согласился на раздѣленіе департаментовъ,— но отъ этого положеніе его не улучшилось. При докладахъ перваго министра правительница казалась затрудненною множествомъ предметовъ, отговаривалась неимѣніемъ времени, призывала на помощь принца Антона. Минихъ рѣшился прекратить такое невыносимое для него положеніе дѣлъ требованіемъ отставки, причемъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, надѣялся, что испугаются, станутъ упрашивать и примутъ всѣ его условія. Сначала правительница дѣйствительно была смущена этимъ требованіемъ и отвѣчала, что не можетъ обойтись безъ совѣтовъ фельдмаршала; но фельдмаршалъ не довольствовался этимъ отвѣтомъ и поставилъ условіемъ продолженія своей службы, чтобъ все было постарому, какъ въ первые два мѣсяца правленія Анны. Объ этомъ надобно было подумать: принцъ Антонъ пріѣзжаетъ къ графу Головкину съ задняго крыльца, сидитъ съ нимъ цѣлый часъ, послѣ чего выходитъ заднимъ же крыльцомъ и отправляется къ Остерману, куда пріѣзжаетъ и графъ Головкинъ. Втроемъ совѣщаются они три часа, и, вслѣдствіе этого совѣщанія, на оберъ-гофмаршала Левенвольда и на сына Миниха возлагается порученіе объявить фельдмаршалу, что онъ получаетъ столь желаемую имъ отставку. Принцесса Анна такъ объяснила причины этого рѣшенія: „Фельдмаршалъ неисправимъ въ своемъ доброжелательствѣ къ Пруссіи, хотя я много разъ объявляла ему свою рѣшительную волю помочь императрицѣ Маріи-Терезіи; также мало обратилъ онъ вниманія на внушеніе, чтобъ исполнялъ приказанія моего мужа, какъ мои собственныя; мало того, онъ поступаетъ вопреки и собственнымъ моимъ приказаніямъ, выдаетъ свои приказы, которые противорѣчатъ моимъ. Долѣе имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ значитъ рисковать всѣмъ“ [2]).

3 марта 1741 года принцу Антону приносятъ бумагу: „Указъ нашему генералиссимусу. Всемилостивѣйше указали мы нашего перваго министра и генералъ-фельдмаршала графа фонъ-Миниха, что онъ самъ насъ проситъ за старостію и что въ болѣзняхъ находится и за долговременныя намъ и предкамъ нашимъ, и государству нашему вѣрныя и знатныя службы, его отъ военныхъ и статскихъ дѣлъ уволить, и нашему генералиссимусу учинить о томъ по сему нашему указу. Именемъ его императорскаго величества Анна“ [3]). Принцъ Антонъ на радостяхъ распорядился: на петербургскихъ улицахъ раздался барабанный бой и народу торжественно читался указъ объ отставкѣ перваго министра. Минихъ страшно оскорбился: мало того, что ему объявили отставку, не дождавшись отъ него письменнаго прошенія, теперь объявили объ этомъ народу при барабанномъ боѣ! Анна Леопольдовна, у которой и безъ того лежалъ на

[1]) Финчъ.—Полн. Собр. Зак., № 8326.
[2]) Шетарди, 210, 211.—Herrmann 666.—Manstein.
[3]) Указъ въ Государ. Архивѣ.

сердцѣ поступокъ съ человѣкомъ, спасшимъ ее отъ Бирона и сдѣлавшимъ правительницей, которая по слабости только уступила настояніемъ принца Антона, Остермана и Головкина,—Анна Леопольдовна сильно была недовольна распоряженіемъ супруга и послала сказать Миниху, что готова дать ему какое угодно удовлетвореніе за эту обиду. Минихъ отвѣчалъ, что вполнѣ удовлетворенъ, получивши такіе знаки милости отъ правительницы. Несмотря на то, Сенатъ долженъ былъ отправить къ нему троихъ изъ своихъ членовъ съ извиненіями [1]).

Говорили, что отставкѣ Миниха много способствовали показанія Бирона. Дѣйствительно, и Биронъ, и Бестужевъ въ отвѣтахъ своихъ складывали на Миниха вину избранія Бирона въ регенты; кромѣ того, Биронъ старался обвинить Миниха въ чемъ только могъ, въ нерасположеніи къ родителямъ императора и въ опасныхъ замыслахъ. Но дѣло въ томъ, что Биронъ началъ выставлять съ дурной стороны Миниха, когда узналъ о паденіи перваго министра. „Что онъ, Биронъ, вступилъ въ дѣло о правительствѣ, въ томъ онъ, Минихъ, главнѣйшую имѣетъ винность, ибо онъ первѣйше ему о томъ говорилъ и непрестанно просилъ и возбуждалъ, и понеже онъ, Биронъ, всегда съ нимъ въ особливомъ дружелюбіи пребывалъ, того ради инако подумать не могъ, что онъ, Минихъ, его, Бирона, съ такимъ горячествомъ къ тому дѣлу, которое наилучше выдумано, присовѣтовать будетъ, и по тому присовѣтыванію его, Минихову, основаніе есть къ сему худому дѣлу. Сіе все и другимъ много извѣстно, но никто не дерзаетъ все то сказать, что вѣдаетъ, какъ ему, Бирону, и самому было, ежелибъ онъ, Биронъ, сперва, какъ генералъ Ушаковъ въ Шлюссельбургѣ былъ, открылъ то, что Минихъ впервые ему о томъ предлагалъ, то-бъ онъ, Биронъ, нынѣ, можетъ быть, и въ живыхъ уже не былъ; онъ-де того не говоритъ, что онъ впервыхъ на то мнѣніе пришелъ, но онъ ему впервыхъ предлагалъ, а слова и дѣло не одно, но великая въ томъ стоитъ разность, ибо иной много говоритъ, а мало исправитъ, а онъ, Минихъ, дѣйствительно исправилъ, что другіе говорили.“

„Фельдмаршала“, продолжалъ показывать Биронъ, „я за подозрительнаго держу той ради причины, что онъ съ прежнихъ временъ себя къ Франціи склоннымъ показывалъ, а Франція, какъ извѣстно, съ Россіею недовольна, и французскія интриги распространяются и до всѣхъ концовъ свѣта. Посолъ (Шетарди) инструкцію свою, которую онъ получилъ, никому не открываетъ, а фельдмаршалу онъ однакоже сказывалъ, что онъ нѣкоторую получилъ. Его фамилія впервые сказывали мнѣ о прожектѣ принца Голштинскаго и о величинѣ его, а нравъ графа фельдмаршала извѣстенъ, что имѣетъ великую анбицію и притомъ десператъ и весьма интересоватъ. Такожъ слыхалъ я отъ него, что Преображенская гвардія нынѣ его болѣе любитъ, нежели при жизни блаженной памяти императрицы; такожъ сказывалъ онъ мнѣ однажды по кончинѣ императрицы, что онъ нѣкоторые полевые полки остановить или ближе къ Петербургу приступить велѣлъ, на которыхъ онъ надѣяться можетъ; а къ чему онъ ихъ употребить хотѣлъ, того онъ мнѣ не сказывалъ, а я его не спрашивалъ же. А послѣ того времени принялъ я въ разсужденіе: у него первый и люднѣйшій гвардіи полкъ и почти вся армія подъ командою, а потомужъ пришли и вышеобъявленныя обстоянія; того ради воспріялъ я намѣреніе о семъ его императорскаго величества высокимъ родителямъ объявить и мнѣніе свое о фельдмаршалѣ обоимъ ихъ императорскимъ высочествамъ я открылъ бы, но понеже его фамилія въ милости обращалась, того ради въ томъ отважиться не хотѣлъ. О Ханыковѣ я твердо и свято помыслилъ, что онъ намѣреніе свое не въ пользу его императорскаго величества или высокихъ его родителей предвоспріять хотѣлъ, но чаялъ я конечно и подлинно, что когда-бъ онъ собралъ великое число солдатъ, то-бъ объявилъ принца Голштинскаго, чего ради приказывалъ я генералу Ушакову, такожъ и Трубецкому наижесточайше экзаменовать, что не имѣлъ ли онъ какого другого намѣренія. Еще приходитъ мнѣ на память, что назадъ тому года съ два принесли ко мнѣ съ почтоваго двора письмо, писанное къ ея императорскому величеству, блаженной памяти, и какъ я то письмо ея императорскому величеству вручилъ, то оное распечатала и письмо было понѣмецки, а ничьею рукою не подписано, а въ ономъ донесено, что принцъ Голштинскій тайно въ Греческой религіи обучается. Письма мои явно свидѣтельствовать могутъ, была-ль когда у меня корреспонденція съ Голштинскимъ Дворомъ, кромѣ того, что когда поздравительныя письма къ Новому году ко мнѣ писаны и я ему благодарствовалъ. Помнится, что онъ къ императрицѣ писалъ собственною рукою русское письмо, о которомъ ея императорское величество мнѣ сказывала, что собственная его рука, и въ ономъ покойный герцогъ весьма преклонительно ее просилъ, чтобъ приказать ему 100,000 рублей дать, ибо находится онъ въ великомъ недостаткѣ, и желалъ ея императорскому величеству въ войнѣ ея счастія и благословенія. Притомъ просилъ онъ, чтобъ его увѣдомить о ея императорскаго величества мнѣніи, апробуетъ ли она, ежели онъ намѣреніе воспріемлетъ между сыномъ своимъ и принцессою Курляндскою бракъ предложить; и какъ ея императорское величество мнѣ оное сказывала, то отвѣтствовалъ я: Сіе есть удивительный бракъ, дочь моя, и милости вашего императорскаго величества, можетъ и безъ его сына мужа достать; мнѣ королевскаго высочества въ зятья не надобно, пускай онъ съ Богомъ его женитъ гдѣ онъ хочетъ. Императрица отвѣтствовала: „А мнѣ онъ думаетъ симъ способомъ 100,000 рублей достать“; взяла письмо и бросила въ камелекъ въ Лѣтнемъ домѣ и говорила: „Вотъ тебѣ отвѣтъ! Онъ

---

[1]) Manstein.

у Басевица выучился плутовать". Наконецъ Биронъ старался выставить Миниха эгоистомъ и неблагодарнымъ, именно такимъ человѣкомъ, съ которымъ, какъ выражалась правительница, всѣмъ рисковать можно: „Поступки его въ свѣтѣ уже извѣстны", говорилъ Биронъ; „какъ фельдмаршалъ Флеммингъ въ убожествѣ его принялъ и всякое добро ему дѣлалъ, а онъ ему какую мзду воздать хотѣлъ. Графъ Ягужинскій много его защищалъ, а онъ его въ несчастіе привелъ и старался лишить живота и напослѣдокъ сослать въ Сибирь; графа Остермана, который его всегда добрымъ показывалъ и защищалъ и вѣрно съ нимъ поступалъ, старался онъ десять лѣтъ лишить чести, живота и имѣнія; графа Остермана старался онъ весьма со мною ссорить,—токмо то не удалось. Ежели всѣ его, фельдмаршаловы, дѣйствія, предвоспріятыя во время войны въ разсужденіе приняты будутъ, то явно покажется, съ осмотрительною ли осторожностію или отчаяніемъ произведены. Когда бы въ немъ совѣсть была, то бы онъ втайнѣ мнѣ присовѣтовать могъ, чтобъ сей чинъ (регентство) сложилъ, что ему по правдѣ и чинить было должно, для того что онъ первый мнѣ къ тому присовѣтывалъ. А что напослѣдокъ со мною учинилъ, и то не отъ ревности къ его императорскому величеству или государству, но къ тому возбудили и привели его три причины: 1) увидалъ, что народъ былъ въ безпокойствѣ, и для того хотѣлъ себя напередъ показать, понеже когда бы дошло до слѣдствія, то бы явно показалось, что онъ впервые мнѣ предлагалъ и болѣе въ томъ побужденіе чинилъ; 2) чтобъ получить отъ его императорскаго величества милость и потомъ чрезмѣрную свою амбицію удовольствовать; 3) свою несытность насытить".

По поводу обвиненія въ намѣреніи ввести въ Петербургъ армейскіе полки, также взять изъ гвардейскихъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, дворянъ и распредѣлить ихъ по другимъ полкамъ, а въ гвардію набрать изъ мужиковъ, — Биронъ также указалъ на Миниха: „О раскасованіи гвардіи полковъ и о навербованіи другими онъ не говорилъ, кромѣ того что какъ при жизни ея величества, такъ и послѣ говаривалъ онъ, что лучше въ тѣхъ полкахъ солдатамъ быть не изъ дворянъ, а дворянъ производить въ офицерство, понеже оные чрезъ многіе годы въ солдатствѣ продолжаются безъ произвожденія. О другихъ полкахъ, какъ припомнить онъ могъ, сказывалъ ему генералъ-фельдмаршалъ неоднократно, что онъ нѣкоторые полевые полки привелъ къ С.-Петербургу, ибо онъ на тѣ полки надеженъ; а для чего онъ то чинилъ и въ чемъ на нихъ надежду имѣлъ,—того не открылъ". Наконецъ Биронъ набросилъ тѣнь и на сына Минихова, гофмейстера, женатаго на Менгденъ, сестрѣ фаворитки: „Бестужеву о шпіонахъ говорилъ ли я, что при Дворѣ ихъ императорскихъ высочествъ отъ меня имѣются, того не упомню, только я имѣлъ надежду на гофмейстера, графа фонъ-Миниха; онъ мнѣ обо всемъ, что при Дворѣ ея высочества обо мнѣ, или объ чемъ другомъ новомъ услышитъ, за то, что я ему награжденіе чинить обнадежилъ, сообщать обѣщалъ, ибо ему лучшій къ тому случай былъ, что его своячина при ея высочествѣ въ ближайшей милости находится, въ чемъ и надежду на него имѣлъ; только онъ мнѣ ничего не сообщалъ за краткостію времени до моего несчастія."

Старанія Бирона сложить всю вину на Миниха нисколько не облегчили его собственной участи. Генералитетская коммисія, состоявшая изъ осьми членовъ (графа Чернышева, Хрущова, Лопухина, Бахметева, Новосильцева, Яковлева, Квашнина-Самарина, Соковнина), 8 апрѣля приговорила казнить бывшаго регента смертію, четверовать, и все имѣніе отобрать въ казну; но 14 апрѣля изданъ былъ манифестъ, въ которомъ отъ имени императора говорилось: „Какъ мы, по природному нашему великодушію и въ разсужденіи добровольнаго признанія, какъ всегда, такъ и нынѣ особливо къ милости больше склонны, такъ указали мы его отъ смертной казни всемилостивѣйше освободить, а напротивъ того со всею его фамиліею, такожъ и братьевъ его обоихъ и зятя Бисмарка, которые въ винѣ оскорбленія величества явно съ нимъ обще приличились, по отписаніи всего ихъ имѣнія на насъ, въ вѣчномъ заключеніи содержать, дабы тяжкое оное гоненіе и наглыя обиды, которые вѣрныя наши подданные отъ него претерпѣли, безъ всякаго взысканія не остались, такожъ всему тому, что нашему государству и общему покою и благополучію опасно и вредительно быть можетъ, такимъ образомъ вдругъ предупреждено было". Этотъ любопытный манифестъ начинается воспоминаніемъ о Годуновѣ, который, по искорененіи древней фамиліи Россійскихъ царей, избранъ на царство своими совѣтниками и единомышленниками, и привелъ-было Россію къ совершенному паденію, если-бы премудрый Промыслъ Божій этому не воспрепятствовалъ.—Всякій легко могъ понять, къ чему клонилась рѣчь о Годуновѣ; но послѣ Годунова поведена рѣчь о двоевластіи, бывшемъ при царѣ Михаилѣ,—сказано, что народъ, боясь прежнихъ коварствъ, просилъ его величество принять въ помощники и правители отца своего, патріарха Филарета, которому былъ данъ и титулъ великаго государя, а отъ этого самаго времени Россійская имперія высочайше процвѣла и распространилась. Если этимъ намекомъ хотѣли указать, что Россія процвѣтетъ и распространится въ правленіе матери императора, то намекъ былъ неудаченъ, потому что при царѣ Михаилѣ соправителемъ былъ отецъ. Очень можетъ быть, что манифестъ былъ составленъ Остерманомъ или по его мысли, и нарочно былъ вставленъ намекъ на необходимость быть правителемъ отцу императора.

Далѣе манифестъ обращается опять къ сравненію Бирона съ Годуновымъ, и обвиняетъ герцога Курляндскаго въ невинномъ пролитіи крови и въ мучительномъ заточеніи многихъ знатныхъ особъ

духовнаго и свѣтскаго чина; обвиняетъ въ коварствахъ и интригахъ, направленныхъ противъ родителей императора; обвиняетъ въ томъ, что онъ, Биронъ, „чрезъ своихъ креатуръ различные способы употреблялъ въ Россійской имперіи яко самовластному государю быть, у насъ самодержавную власть вовсе отнять и нашихъ родителей отъ правленія исключить". И здѣсь говорится о замыслѣ исключить изъ правленія обоихъ родителей. Потомъ Биронъ обвиняется въ полученіи, не по достоинству своему, неисчислимаго богатства, тогда какъ въ Россію прибылъ въ „мизерномъ состояніи" [1]).

Биронъ былъ сосланъ въ Пелымь, гдѣ для него былъ выстроенъ домъ, какъ говорятъ, по рисунку Миниха [2]),—знакъ, что судьба герцога Курляндскаго была рѣшена ужъ давно, когда еще Минихъ былъ первымъ министромъ. Сосланы были его братья, своякъ Бисмаркъ; но вмѣстѣ съ Бирономъ и Бисмаркомъ арестованъ былъ русскій человѣкъ, вполнѣ преданный регенту, кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ. Одно изъ обвиненій Бирону было: „Вы Бестужева всегда фаворитомъ имѣли и въ Кабинетъ министровъ ввели съ великимъ презрѣніемъ и поношеніемъ прежнихъ министровъ". И въ обвиненіяхъ Бестужеву выставлено исканіе и полученіе благосклонности бывшаго регента: 1) Бывъ въ Копенгагенѣ, съ Бирономъ корреспонденцію имѣлъ и во время перваго его въ С.-Петербургъ пріѣзда искалъ онъ въ немъ, дабы чрезъ него получить кавалерію Александра Невскаго и прибавку жалованья, что и получилъ. Когда посланъ паки въ Копенгагенъ, то онъ, Биронъ, произвелъ его тайнымъ совѣтникомъ и еще обѣщалъ произвесть въ кабинетъ-министры, и отцу его въ винѣ прощеніе исходатайствовать. 2) По повелѣнію Бирона у Датскаго Двора старался, чтобъ Бирону титулъ свѣтлости приданъ былъ. 3) Послѣ вторичнаго пріѣзда Бестужева въ Петербургъ, Биронъ произвелъ его въ кабинетъ-министры. Потомъ слѣдуютъ обвиненія въ извѣстномъ уже стараніи Бестужева доставить Бирону регентство и удержать его за нимъ. Бестужевъ велъ себя дурно при допросахъ: сначала обговаривалъ Бирона, потомъ, когда Минихъ пересталъ быть въ силѣ, началъ признаваться, что наговаривалъ ложно на бывшаго регента, желая угодить Миниху и получить посредствомъ него облегченіе своей участи; просилъ помилованія для здравія и благополучія императора и родителей его. Но коммисія 27 января 1741 года опредѣлила: Бестужева четвертовать [3]).

„Бестужева четвертовать"; но въ томъ же самомъ стараніи утвердить за Бирономъ регентство сверженный регентъ обвинялъ и другихъ. По его показаніямъ, привлечены были къ дѣлу и оказались виновны: фельдмаршалъ графъ Минихъ, канцлеръ и кабинетъ-министръ князь Черкасскій, генералъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, адмиралъ графъ Головинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, оберъ-маршалъ графъ Левенвольдъ, тайный совѣтникъ баронъ фонъ-Менгденъ, тайный совѣтникъ фонъ-Бреверкъ, генералъ-майоръ Альбрехтъ. 24 апрѣля имъ было объявлено прощеніе; объявленіе это оканчивалось такъ: „Хотя по онымъ явнымъ обличеніямъ, по силѣ правъ государственныхъ, надлежало о такомъ вредительномъ намъ самимъ и нашимъ родителямъ и опасаемомъ всей нашей Россійской имперіи дѣлѣ вконецъ дослѣдовать, однако-жъ мы, по природному нашему великодушію, изъ высочайшей нашей имп. величества милости, васъ во всемъ томъ прощаемъ, въ томъ упованіи, что впредь, по должности своей данной намъ присяги, вѣрно и истинно поступать будете и къ такимъ бездѣльнымъ вредительнымъ дѣламъ приставать не станете". Бестужеву-Рюмину также было объявлено прощеніе съ тѣмъ, чтобъ подробно описалъ все, какъ Биронъ достигъ регентства; но по указу 22 мая онъ былъ сосланъ въ отцовскую пошехонскую деревню на житье безъ выѣзду, а женѣ его и дѣтямъ пожаловано на пропитаніе 372 души въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, оставшіяся за раздачею [4]).

Не сочли неблагоразумнымъ, опаснымъ для новаго правительства дважды оскорбить главныхъ лицъ въ государствѣ, оскорбить обвиненіемъ и прощеніемъ. Миниха простили вмѣстѣ съ другими; но въ манифестѣ о винахъ Бирона обнародовано и обвиненіе человѣку, свергнувшему Бирона; въ числѣ винъ бывшаго регента читали: „Вѣдая подлинно, что нѣкоторая знатная персона по своимъ поступкамъ еще при жизни нашей государыни-бабки подозрительна была въ томъ: 1) что съ такимъ иностраннымъ Дворомъ дружбою собязана, который Россіею недоволенъ; 2) нѣкоторыхъ изъ Россіянъ, честныхъ заслуженныхъ людей, въ несчастіе привелъ и старался лишить живота и имѣнія; 3) имѣлъ (Биронъ) изъ его писемъ довольное основаніе, что упомянутая персона къ Россійскимъ честнымъ людямъ и ко всей націи весьма золъ, и о томъ по самое свое паденіе молчалъ и потакалъ, и, съ нимъ крайнѣйшее дружество имѣя, во всѣхъ своихъ дѣлахъ и начинаніяхъ на него крѣпкую надежду полагалъ".

Бывшаго перваго министра постарались выставить „персоною, къ Россійскимъ честнымъ людямъ и ко всей націи весьма злою", и, разумѣется, должны были предполагать, что персона будетъ за это весьма зла. Въ страхѣ предъ этою злостію, не знали что́ дѣлать съ Минихомъ, куда его дѣвать. Удалить его въ ближайшее ингерманландское помѣстье—опасно: будетъ знать обо всемъ, что́ дѣлается въ Петербургѣ, и по характеру своему не останется въ покоѣ. Назначить ему пребываніе въ его ливонскихъ владѣніяхъ:—но онъ тамъ, окруженный своими, можетъ предпринять что-нибудь

[1]) Дѣло о Биронѣ въ Государ. Архивѣ.
[2]) Manstein.
[3]) Дѣло о Бестужевѣ въ Государ. Архивѣ.
[4]) Указъ въ Государ. Архивѣ.

въ пользу Шведовъ; въ украинскихъ,—но и прежде, при императрицѣ Аннѣ, не дали ему главнаго начальства въ Малороссіи, дали Кейту, боясь, чтобъ Минихъ не поднялъ казаковъ. Боялись оставить его въ Россіи, боялись выпустить за-границу [1]). Были даже внушенія, что всего безопаснѣе сослать Миниха туда, гдѣ онъ не будетъ знать того, что дѣлается въ Петербургѣ, не будетъ въ состояніи ни поднимать казаковъ, ни помогать Шведамъ,—сослать въ Сибирь, и внушеніямъ этимъ послѣдовали бы, если бы фрейлина Менгенъ не заступилась за своего родственника. А боялись Миниха сильно: стража во дворцѣ была удвоена; шпіоны слѣдили повсюду за фельдмаршаломъ и доносили о всякомъ его поступкѣ; принцъ и принцесса Брауншвейгскіе каждую ночь мѣняли спальни до тѣхъ поръ, пока Минихъ не перебрался изъ ихъ сосѣдства на другой берегъ Невы [2]).

Регентъ Биронъ сосланъ; Минихъ уже не первый министръ: онъ фельдмаршалъ только по имени, лишился всякаго значенія; Бестужевъ сосланъ; кто же остался?—остался невредимъ тотъ, кого и прежде величали душою Кабинета. Остерманъ остался незаподозрѣннымъ; даже и тѣло Кабинета, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, подвергся слѣдствію и обвиненъ, ибо получилъ прощеніе въ винѣ; одинъ Остерманъ вышелъ чистъ, безучастенъ въ дѣлѣ Биронова регентства. Никогда еще Остерманъ не былъ такъ могуществененъ, какъ въ первое время послѣ паденія Миниха. „Можно безъ преувеличенія сказать", писали послы иностранные, „что Остерманъ теперь настоящій царь Всероссійскій; онъ имѣетъ дѣло съ принцемъ и принцессою, которые по своимъ лѣтамъ и по тому положенію, въ какомъ ихъ держали, не могутъ имѣть никакой опытности, никакихъ свѣдѣній" [3]). Теперь взглянемъ, въ какомъ положеніи находились внутреннія и внѣшнія дѣла въ рукахъ перваго министра Миниха и великаго адмирала Остермана.

Мы видѣли, что, по указу 28 января, для отнятія слишкомъ обширной власти у перваго министра, Кабинетъ былъ раздѣленъ на три департамента—военный, внѣшнихъ дѣлъ вмѣстѣ съ морскимъ и внутреннихъ дѣлъ. По военному департаменту въ правленіе Миниха вышелъ именной указъ 31 января, подтверждающій распоряженіе предшествовавшаго царствованія объ отставкѣ военныхъ чиновъ по выслугѣ 25 лѣтъ, считая отъ 20. Какъ сказано въ самомъ указѣ, онъ былъ вызванъ тѣмъ, что распоряженіе императрицы Анны не исполнялось, ибо когда, по окончаніи Турецкой войны, всѣ бросились въ отставку, то почли нужнымъ затормозить движеніе, придумывая различныя ограниченія и затрудненія, какъ напримѣръ, стали требовать, чтобъ просящійся въ отставку представлялъ аттестаты отъ всѣхъ полковъ, гдѣ бы ни служилъ. Поднялся, разумѣется, ропотъ: дали льготу и отнимаютъ,—и вышелъ указъ 31 января: „Нынѣ мы усмотрѣли, что служащему въ полкахъ шляхетству отставка не только тѣмъ, кои по выслуженіи опредѣленныхъ 25 лѣтъ, но и тѣмъ, которые за ранами и неисцѣльными болѣзнями, за совершенною старостью и дряхлостію, имѣя при себѣ отъ полковъ и генералитета аттестаты, объ отпускѣ просятъ, почти всѣмъ генерально остановилась. А понеже мы, дабы шляхетскіе домы въ экономіи не упадали, но отъ времени до времени въ добромъ состояніи находиться могли, имѣемъ прилежное попеченіе: того ради повелѣваемъ шляхетству отъ воинской службы отставку чинить въ нашей Военной Коллегіи, съ такимъ наикрѣпчайшимъ притомъ подтвержденіемъ, дабы оная Коллегія въ той отставкѣ поступала съ довольнымъ разсмотрѣніемъ и свидѣтельствомъ по аттестатамъ командующаго генералитета и отъ полковъ и докторскихъ, и лѣкарскихъ, и отставлены были такіе, кои за совершенною старостію и дряхлостію и за неисцѣльными болѣзнями болѣе полевой и гарнизонной службы снести не могутъ, такожде и тѣ, кои просить будутъ объ отставкѣ по экономіи, по выслуженіи, считая отъ рожденія двадцати, до сего назначенныхъ 25 лѣтъ, не взыскивая притомъ такихъ затруднительныхъ и почти невозможныхъ аттестатовъ отъ всѣхъ полковъ, въ коемъ бы кто ни служилъ" [4]).

Относительно дѣлъ внутреннихъ и правительница, подобно своимъ предшественникамъ, должна была прежде всего издать популярный, но мало дѣйствительный, указъ противъ изстари знаменитой *волокиты*. Въ именномъ указѣ, данномъ Сенату 27 ноября 1740 года, говорилось: „Намъ не безъизвѣстно есть, коимъ образомъ не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ, по подаваемымъ отъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а паче отъ людей бѣдныхъ и неимущихъ челобитнымъ, не только въ опредѣленномъ срокѣ, но и чрезъ долгопрошедшія времена и годы рѣшенія не чинятся, и тѣ бѣдные челобитчики, таскаясь за тѣми своими дѣлами, приходятъ въ крайнее разореніе и нищету, и напослѣдокъ, не получа никакого рѣшенія, принуждены нѣкоторые и вовсе отъ дѣлъ своихъ отставать, что намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно". Такимъ челобитчикамъ велѣно подавать просьбы прямо на имя императора рекетмейстеру Фенину,—„и тѣ коллегіи, и канцеляріи, и самый Сенатъ, которые такихъ челобитчиковъ въ указные сроки не удовольствовали, имѣютъ быть за нерадѣніе и волокиту штрафованы" [5]). Вслѣдъ за этимъ указомъ, при Сенатѣ учреждена была особенная коммисія для рѣшенія неоконченныхъ дѣлъ [6]). Велѣно подавать въ Кабинетъ ежедневные рапорты о рѣшенныхъ дѣлахъ не только въ Сенатѣ, какъ дѣлалось и прежде, но во всѣхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, „дабы мы

[1]) Шетарди, стр. 224

[2]) Manstein.

[3]) Шетарди, 213.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 8331.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 8293.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 8294.

*

могли видѣть, съ какою ревностію и попеченіемъ данные нами указы и высочайшая воля исполняются" [1]). Но 4 марта 1741 года вдругъ вышелъ именной указъ Кабинету: „Указали мы рекейтмейстеру Фенину въ той должности не быть, и челобитчикамъ свои прошенія подавать въ тѣхъ мѣстахъ, кому гдѣ по прежнимъ указамъ повелѣно" [2]). Если мы обратимъ вниманіе на день выхода указа—4 марта, а 3-го марта дана отставка Миниху, то не можемъ не придти къ заключенію, что позволеніе подавать жалобы на волокиту канцелярій, коллегій и самаго Сената было дѣломъ перваго министра, съ паденіемъ котораго падало постановленіе, исчезалъ и рекетмейстеръ Фенинъ.

Прежніе указы противъ нищенства оказывались такъ же недѣйствительны, какъ и указы противъ волокиты въ судебныхъ мѣстахъ, и потому придумали запереться въ Петербургѣ отъ нищихъ; въ іюнѣ 1741 года Сенатъ приказалъ нищихъ обоего пола въ С.-Петербургъ ни откуда отнюдь не пропускать [3]). Изъ указа видно, что нищіе, приходившіе въ Петербургъ, были большею частію помѣщичьи крестьяне. На сѣверо-западѣ ихъ не пускали въ столицу; на юго-востокѣ ихъ попрежнему пускали на Донъ и Яикъ, и оттуда попрежнему требовало ихъ правительство по жалобамъ землевладѣльцевъ [4]). Но нужно было принять мѣры противъ зла, которое дѣлало нищими и горожанъ, купцовъ богатыхъ: то было банкротство, и, въ декабрѣ 1740 года, изданъ былъ Уставъ о банкротахъ, въ предисловіи къ которому говорилось: „Извѣстно есть, какіе убытки и ущербы отъ банкротовъ общему народу, и особливо коммерціи происходятъ, ибо отъ тѣхъ кредиту ослабленіе и купечеству остановка чинится; а надежность и имѣніе всякаго торговаго человѣка въ сомнѣніе приводится, и напослѣди множество безвинныхъ людей въ великіе убытки и часто въ крайнее разореніе и въ самую нищету приходятъ. И понеже весьма нужно, дабы оному вредительному злу всячески предупредить: того ради учиненъ сей Уставъ, который частію съ правами и обыкновеніями другихъ государствъ, въ которыхъ негоція расцвѣтаетъ, сходенъ, частію-жъ по обстоятельству для дѣла тако потребенъ" [5]).

Относительно промышленности правительство сочло нужнымъ обратить вниманіе на суконныя фабрики, которыя поставляли свои произведенія на войско, а войсковое начальство подняло сильныя жалобы противъ дурного качества суконъ. Безъ сомнѣнія, по настоянію перваго министра, въ январѣ 1741 года, Кабинету данъ былъ именной указъ: изслѣдовать, почему на русскихъ фабрикахъ дѣлаются плохія сукна. Составлена была коммисія, которая нашла, что работы на фабрикахъ производятся медленно отъ недостатка регламентовъ, какъ поступать рабочимъ людямъ, напримѣръ, чтобъ не по своей волѣ на работу и съ работы ходить. Коммисія нашла, что надобно учредить надъ фабриками директоровъ, которыми въ настоящее время могли быть двое: суконный фабрикантъ Степанъ Болотинъ да иноземецъ Шмитъ; Болотинъ въ молодыхъ лѣтахъ иностраннымъ языкамъ научился, въ чужіе края ѣздилъ, а потомъ занимался купечествомъ и суконными фабриками. Тутъ же коммисія представила и регламентъ суконнымъ и каразейнымъ фабрикамъ [6]).

Въ декабрѣ 1740 года, правительница возстановила запрещеніе, „чтобъ отнынѣ вновь богатыхъ съ золотомъ и серебромъ и изъ другихъ шелковыхъ парчей и штофовъ, дороже отъ трехъ до четырехъ рублей, платьевъ никто изъ нашихъ подданныхъ (окромѣ трехъ первыхъ классовъ и кто изъ придворныхъ нашихъ кавалеровъ сами пожелаютъ) дѣлать и носить не дерзалъ, яко же благополучное государствованіе всякаго зависитъ не отъ чего иного, какъ отъ удовольствія и соблюденія отъ всякихъ излишностей своихъ подданныхъ" [7]). Но что за смыслъ въ выраженіи: дороже отъ трехъ до четырехъ рублей?

Еще въ 1738 году медицинская канцелярія требовала резолюціи послать въ Парижъ молодыхъ лѣкарей шесть человѣкъ съ годовымъ жалованьемъ каждому по 300 рублей, „чтобъ тамъ въ хирургіи и анатоміи такъ утвердились, дабы при главныхъ госпиталяхъ въ Россійскомъ государствѣ, а именно въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Кронштадтѣ для обученія подлѣкарей и лѣкарскихъ учениковъ могли употреблены быть; а между тѣмъ, пока оные шесть лѣкарей въ Парижѣ выучатся, отъ оной канцеляріи стараніе приложено будетъ, какъ наилучше возможно здѣшнихъ хирургическихъ школъ содержать". Кабинетъ остановился на вопросѣ: какихъ молодыхъ людей пошлетъ канцелярія въ Парижъ—Русскихъ или иноземцевъ, потому что иноземцы могутъ взять русскія деньги и не возвратиться; поэтому въ Кабинетѣ послѣдовала резолюція такая: „Справиться, молодые лѣкаря иноземцы или Русскіе посылаются въ Парижъ, и если иноземцы въ Россіи родились и семейство имѣютъ, такихъ, какъ природныхъ Русскихъ, можно послать, однако взявши съ отцовъ ихъ или родственниковъ подписку, что они возвратятся въ Россію". Быть можетъ вслѣдствіе этого затруднительнаго условія, постановленнаго Кабинетомъ, только въ 1741 году медицинская канцелярія представила молодыхъ людей, годныхъ для отсылки за границу, и то не болѣе троихъ, изъ которыхъ одинъ Русскій—Ножевщиковъ, двое другихъ иноземцы, родившіеся въ Россіи, Минау и Цирольдъ. Въ инструкціи имъ между прочимъ говорилось: „По пріѣзду имъ въ Парижъ навѣдываться имъ того-жъ часа о квартирѣ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 8299.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 8345.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 8407.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 8359, 8411.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 8300.
[6]) Полн. Собр. Зак. № 8440.
[7]) Полн. Собр. Зак. № 8301.

его княжескаго сіятельства принца Кантемира, а при отданіи поклона предаться имъ въ его защищеніе и протекцію, а потомъ отдать имъ г. профессору Гунольту отправленное къ нему писаніе, и въ наукѣ ихъ поступать имъ по его совѣтамъ и наставленію". Они должны были въ продолженіи трехъ лѣтъ обучаться анатоміи, хирургіи, лѣченію очныхъ болѣзней, употребленію бандажей и какъ новорожденныхъ принимать [1]).

Въ Синодѣ, по смерти Ѳеофана Прокоповича, первымъ членомъ былъ Амвросій Юшкевичъ, епископъ Вологодскій и потомъ архіепископъ Новгородскій, далеко не могшій замѣнить Ѳеофана ни по способностямъ, ни по энергіи. Все оставалось попрежнему, хотя Юшкевичъ былъ противнаго Ѳеофану направленія. Только паденіе Бирона подало Синоду надежду на возможнось исполненія двухъ самыхъ сильныхъ желаній. Мы видѣли мѣры Петра Великаго противъ наполненія монастырей людьми, шедшими туда не по призванію; мы видѣли также, что мѣры эти послѣ не исполнялись: позволяли себѣ для шутки постригать мальчиковъ безъ всякаго приготовленія; но когда, при Аннѣ, взялъ верхъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, то онъ, считая мѣры Петра относительно монашества своими собственными, возстановилъ ихъ во всей строгости. Въ декабрѣ 1740 года, Синодъ просилъ всемилостивѣйшаго указа постригать изъ разночинцевъ уволенныхъ отъ всѣхъ службъ, особенно учительныхъ людей, также изъ крестьянъ, которые въ монастыряхъ къ экономическимъ и прочимъ исправленіямъ потребны, иначе монастыри совершенно опустѣютъ и заведенныя училища останутся безъ учителей. Позволеніе послѣдовало, но велѣно притомъ смотрѣть, чтобъ постригали только въ потребномъ числѣ, безъ всякаго излишества, для чего посылать въ Синодъ ежегодно рапорты, въ томъ году изъ какихъ чиновъ сколько пострижено и сколько въ какомъ монастырѣ церквей и монаховъ, чтобъ Синоду можно было видѣть, не будетъ ли гдѣ лишнихъ монаховъ; а впередъ Синоду имѣть прилежное стараніе о сочиненіи порядочнаго штата всѣмъ монастырямъ: какому числу монаховъ въ какомъ монастырѣ быть; что имъ изъ доходовъ употреблять, а остальные доходы употребить на госпитали, на школы, на содержаніе сиротъ, показавъ, какому числу гдѣ быть и что слѣдуетъ издерживать на ихъ содержаніе [2]).

Исполненіе одной просьбы подавало недежду, что будетъ исполнена и другая. Мы видѣли, что съ 1701 года архіерейскія и монастырскія имѣнія находились въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа, управлявшагося графомъ Ив. Мусинымъ-Пушкинымъ; потомъ, съ учрежденіемъ Синода, они перешли въ его вѣдѣніе. Въ 1727 году всѣ имѣнія были отданы въ вѣдомство архіерейскихъ домовыхъ вотчинъ и монастырей по принадлежности; но петровское раздѣленіе на вотчины, опредѣленныя на содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырей, и на вотчины, доходы съ которыхъ шли на благотворительныя учрежденія, оставалось, и духовенство платило съ послѣднихъ вотчинъ денежные и хлѣбные доходы въ Коллегію Экономіи. Въ 1740 году, графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ подалъ доношеніе въ Кабинетъ, что когда имѣнія духовенства были въ вѣдѣніи Монастырскаго Приказа, то архіерейскіе домы и монастыри были во всякомъ довольствѣ, сверхъ того доходами съ этихъ имѣній содержался въ Москвѣ большой госпиталь, и, за всѣмъ тѣмъ, съ 701 по 711 годъ въ казнѣ осталось болѣе 1.000,000 рублей и доимокъ не было, вслѣдствіе чего потребовалъ, чтобъ тѣ вотчины, доходы съ которыхъ шли въ Коллегію Экономіи, были и въ полномъ вѣдомствѣ этой Коллегіи, а домы архіерейскіе и монастыри управляли бы только вотчинами, назначенными на ихъ содержаніе, что и было исполнено. Теперь Синодъ представилъ, что бывшій графъ Мусинъ-Пушкинъ въ своемъ доношеніи показалъ ложно, и просилъ, чтобъ вотчины, доходы съ которыхъ шли въ Коллегію Экономіи, попрежнему находились въ вѣдомствѣ монастырей, которые бы получали изъ нихъ съѣстные припасы и пользовались работами крестьянъ, безъ чего монастыри содержаться и поддерживать свои строенія не могутъ. И эта просьба была исполнена [3]).

Выгораживая память императрицы Анны и обременяя отвѣтственностію за все при ней сдѣланное фаворита ея, послали указы о возвращеніи ссыльныхъ Аннинскаго царствованія: освободили изъ крѣпости Ѳеофилакта Лопатинскаго, котораго уже считали мертвымъ. Полумертваго Ѳеофилакта привезли на Новгородское подворье, очистили отъ грязи, въ которой держали его въ крѣпости, и Амвросій Юшкевичъ, со слезами на глазахъ, одѣлъ его въ монашеское и архіерейское платье. Пріѣхала цесаревна Елисавета и спросила Ѳеофилакта, знаетъ ли онъ ее. „Ты искра Петра Великаго", отвѣчалъ тотъ. Цесаревна отвернулась и заплакала; она оставила ему на лѣкарство 300 рублей; но лѣкарство уже не могло помочь,—въ маѣ 1741 года Ѳеофилактъ умеръ. Синодъ потребовалъ отъ Тайной Канцеляріи извѣстія, гдѣ другіе сосланные при Аннѣ архіереи, Георгій Дашковъ, Сильвестръ, Игнатій, Левъ. Полученъ былъ отвѣтъ, что двое—Сильвестръ и Георгій—уже умерли, Игнатій и Левъ живы; ихъ освободили изъ заточенія и помѣстили въ монастырѣ простыми монахами. Маркеллъ Родышевскій освобожденъ былъ изъ Тайной Канцеляріи и отосланъ въ Синодъ для опредѣленія въ монастырь. Освобожденъ изъ ссылки Аврамовъ [4]). Женѣ казненнаго фаворита Петра II, князя Ивана Долгорукаго, княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ, изъ отписнаго имѣнія свекра ея, князя

[1]) Полн. Собр. Зак. № 8425.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 8303.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 8406.
[4]) Чистовича—Ѳеофанъ Прокоповичъ, стр. 668 и слѣд.

Алексѣя, дано село Старое Никольское съ деревнями въ Вологодскомъ уѣздѣ. Были пожалованы чинами всѣ пострадавшіе въ послѣднее время при Биронѣ—Яковлевъ, Пустошкинъ, Ханыковъ и другіе [1]).

Но эти милости къ опальнымъ прежняго времери далеко не могли доставить Аннѣ Леопольдовнѣ такого народнаго расположенія, которое поддержало бы ея колеблющееся правленіе. Для этого къ милости нужно было присоединить твердость, дѣятельность и разумность, а этихъ-то качествъ и недоставало правительницѣ. Всѣ ждали, что, по сверженіи Миниха, власть перейдетъ въ искусныя руки Остермана. Дѣйствительно, къ Остерману обращались какъ къ первому министру.

Въ мартѣ 1741 года, Кейтъ писалъ ему изъ Глухова: „Я долженъ признаться, что безъ помощи генералъ-маіора Шипова, который хорошо знаетъ канцелярскій порядокъ и объясняетъ мнѣ все то, что я не могу знать самъ, я былъ бы въ большомъ затрудненіи на моемъ мѣстѣ, не имѣя возможности узнать о чемъ-либо отъ здѣшнихъ казацкихъ ассесоровъ. Я освѣдомился здѣсь о поведеніи Шипова—и не слыхалъ на него ни одной жалобы; онъ не запирается, что беретъ подарки, т.-е. бездѣлицы, необходимыя для стола, и я вижу, что давній обычай страны освящаетъ это; но онъ клянется, что никогда не взялъ ни копѣйки денегъ, хотя ему часто ихъ предлагали. Предъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, ваше превосходительство сказали мнѣ, что вакантныя мѣста не должны быть замѣщены до тѣхъ поръ, пока я буду на мѣстѣ и не спишусь съ вами. Я просмотрѣлъ листъ кандидатовъ и нашелъ мало лицъ, мнѣ извѣстныхъ, такъ что мнѣ невозможно представить своего мнѣнія о ихъ способностяхъ. Если бы на мѣсто Камынина ассесоромъ въ главную войсковую канцелярію я могъ имѣть полковника Ливена, то я увѣренъ, что онъ былъ бы полезенъ. Я поставилъ своею обязанностію свободно открывать мои мысли вашему превосходительству, ибо вижу въ этомъ единственное средство изучить истинные интересы этой страны относительно Россіи: поэтому я долженъ вамъ сказать, что нахожу здѣсь скрытное нерасположеніе къ Русскимъ; Малороссіяне думаютъ, что дѣла пошли бы лучше, если бы въ коммисіи было нѣсколько иностранцевъ. Я не вижу никакого препятствія удовлетворить этому желанію здѣшнихъ жителей, и потому предлагаю Ливена“ [2]).

Къ Остерману обращался и Донской атаманъ Данила Ефремовъ съ такими, напримѣръ, письмами: „Вашему высокографскому сіятельству не безъизвѣстно, какимъ образомъ не токмо брегадиры, Иванъ Краснощоковъ, Иванъ Фроловъ, яко по заслугамъ, но и дѣти Краснощоковы высочайшею его им. в.-ства милостію награждены и большими медалями пожалованы, а я нижайшій, какъ о томъ увѣдалъ, то не могъ безъ соизволенія вашего высокографскаго сіятельства, яко издревле милостиваго государя и отца, смѣлости принять въ высшее мѣсто прошеніе взнесть, но токмо нижайше прошу, дабы, чрезъ вашего высокографскаго сіятельства, милостивѣйшее ходатайство противъ означенныхъ брегадировъ высочайшей милости не былъ оставленъ, въ чемъ отдаю себя во всемилостивѣйшее ваше покровительство и остаюсь съ должнѣйшимъ моимъ рабскимъ почтеніемъ, милостивѣйшій государь, вашего высокографскаго сіятельства всепокорнѣйшій рабъ“ [3]).

Но очень скоро люди, бывшіе поближе чѣмъ Кейтъ и Ефремовъ, увидали, что Остерманъ не только не царь Всероссійскій, но даже и не первый министръ; что ему нужно употребить большее усиліе, произвести новый, болѣе трудный переворотъ, чѣмъ сверженіе Бирона и Миниха, чтобъ стать такимъ всемогущнымъ правителемъ, какимъ издали его представляли. Анна Леопольдовна сама не могла управлять: ей было скучно заниматься дѣлами; но въ то же время она не умѣла и не хотѣла найти человѣка опытнѣе, способнѣе другихъ, на котораго бы могла сложить все бремя дѣлъ, т.-е. не производя никакихъ перемѣнъ, сложить все бремя дѣлъ на Кабинетъ; а въ Кабинетѣ, по удаленіи сначала Бестужева, а потомъ Миниха, душою оставался попрежнему Остерманъ, а кн. Черкасскій только тѣломъ, слѣд. Остерманъ становился на дѣлѣ первымъ министромъ. Но Анна Леопольдовна, не умѣя управлять, скучая дѣлами, хотѣла однако управлять, и это желаніе естественно поддерживали въ ней приближенные люди, которые хотѣли управлять, по крайней мѣрѣ вмѣшиваться въ управленіе, играть видную роль, пользоваться важнымъ значеніемъ. Такими приближенными людьми были фрейлина Менгденъ и графъ Михайла Гавриловичъ Головкинъ, которые не любили Остермана, не хотѣли подчиняться ему. Вполнѣ былъ преданъ Остерману, вполнѣ подчинялся его вліянію принцъ Антонъ; но это только вредило Остерману во мнѣніи правительницы и ея приближенныхъ, потому что между мужемъ и женою были нелады. Отсюда естественное желаніе Остермана поднять значеніе принца Антона, а это желаніе только усиливало нерасположеніе къ нему со стороны правительницы и людей къ ней близкихъ.

Для лучшаго уясненія отношеній, господствовавшихъ при тогдашнемъ Дворѣ, характера лицъ и способа ихъ дѣйствій приведемъ слѣдующій разсказъ.

У Амвросія Юшкевича сидитъ гость, дѣйствительный статскій совѣтникъ Темирязевъ; ведется разговоръ политическій. „Остерманъ“, говоритъ хозяинъ, „дѣлаетъ въ государствѣ многія неправды; думаю, что и въ нынѣшней Шведской войнѣ онъ больше виноватъ; я на него многократно государынѣ го-

[1]) Указы императора Іоанна VI въ Государ. Архивѣ.
[2]) Кабинетныя дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.
[3]) Кабинетныя дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д. Письмо отъ 21 апрѣля 1741 года.

варивалъ, только къ нему ничто не льнетъ".—*Темирязевъ:* "Да и манифестъ о правленіи великой княгини чаю онъ сочинилъ!"—*Архіерей:* "Онъ, онъ! да и регенту онъ все помогалъ, всѣ дѣйствія его; только къ нему ничто не льнетъ!" *Темирязевъ:* "Смотрите, преосвященный, какъ онъ регента сверсталъ съ великою княгинею!" Преосвященный встрепенулся, принесъ манифестъ: "Ради Бога покажи, въ которой рѣчи онъ сверстанье учинилъ?" Темирязевъ показалъ ему, что, по смыслу манифеста, великая княгиня должна править на томъ же основаніи, какъ правилъ Биронъ.—"Поставь противъ этой рѣчи точки, я малопамятенъ", сказалъ ему архіерей. Темирязевъ поставилъ точки.—"Хорошо", продолжалъ преосвященный, "я пойду къ государынѣ и покажу на него, Остермана, все, что это подлинно все его дѣло".

Дня черезъ два Темирязевъ опять пріѣхалъ къ архіерею спрашивать, какъ идетъ дѣло.—"Доносилъ я государынѣ объ этомъ", отвѣчалъ Амвросій; она изволила сказать, что подлинно тѣмъ обижена, да не только тѣмъ, что съ регентомъ ее сверстали,—и дочерей ея обошли; а про Остермана ничего не изволитъ говорить, къ нему ничего не льнетъ; онъ и книгу у насъ запечаталъ, "*Камень Вѣры*"; я сколькократно на него просилъ государыню, чтобъ ту книгу распечатать, только не могъ милости получить, и поднесь книга запечатана, и во всемъ онъ все мѣшаетъ черезъ генералиссимуса, для того и мы ему противны, что онъ не одного съ нами закону. Знаетъ ли тебя фрейлина Менгденова; она очень у великой княгини въ милости".—"Не знаетъ", отвѣчалъ Темирязевъ.—"Ну такъ ты пойди къ ней", продолжалъ архіерей, "и про манифестъ, какъ сравнена великая княгиня съ регентомъ, скажи, и ту рѣчь покажи, и то ей подкрѣпи, что все это дѣло Остерманово; можетъ, что она будетъ великой княгинѣ на него представлять".

Темирязевъ не зналъ какъ пройти къ Менгденъ; архіерей послалъ келейника показать ему крыльцо, ведшее къ ея спальнѣ. Только-что началъ Темирязевъ объяснять фавориткѣ обиду, нанесенную принцессѣ Аннѣ въ манифестѣ, о сверстаніи съ Бирономъ, какъ та перебила его: "У *насъ* все это есть, *мы* знаемъ, постой-ка здѣсь", и сама ушла. Темирязевъ догадывался, что она пошла къ правительницѣ. Возвратившись, Менгденъ начала говорить: "Сходи ты къ Михайлѣ Гавриловичу (Головкину), скажи ему, что онъ по приказу великой княгини написалъ ли, и буде написалъ, то бы привезъ, да и манифестъ, какъ сверстана великая княгиня съ регентомъ, покажи, и что онъ тебѣ скажетъ, ты приди сюда и скажи". Темирязевъ отправился къ Головкину; тотъ взялъ манифестъ, посмотрѣлъ и сказалъ: "*Мы* про это давно вѣдаемъ; я государынѣ объ этомъ доносилъ обстоятельно; а написано или нѣтъ, скажи фрейлинѣ, что я самъ завтра буду во дворецъ".

Темирязевъ отправился къ фрейлинѣ, вошелъ къ ней въ спальню—смотритъ: вмѣсто фаворитки, сама правительница. "Что съ тобой говорилъ Михайла Гавриловичъ?" спросила Анна. Темирязевъ пересказалъ слова Головкина. Принцесса начала опять: "Мнѣ не такъ досадно, что меня сверстали съ регентомъ, досаднѣе то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли; поди ты, напиши такимъ манеромъ, какъ пишутся манифесты, два: одинъ—въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станетъ и братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству; въ другомъ напиши, что ежели такимъ же образомъ государя не станетъ, чтобъ наслѣдницею быть мнѣ". Темирязевъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Подъискаться подъ манифестъ Остермана онъ сумѣлъ, но самому написать два манифеста, самому вдругъ изъ Темирязева сдѣлаться Остерманомъ!.. "Чего ты боишься", продолжала Анна: "ты государю присягалъ? присягалъ также, чтобъ у меня быть послушну?"—"Присягалъ", отвѣчалъ Темирязевъ. Анна была неумолима въ своей наивной логикѣ: "А коли присягалъ", продолжала она, "то помни присягу и поди сдѣлай, и сдѣлавъ отдай фрейлинѣ, только этого не проноси,—помни свою голову".—Съ этими грозными словами несчастный Темирязевъ былъ отпущенъ. Что оставалось ему дѣлать: самому не написать, надобно посовѣтоваться съ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ,—и вотъ Темирязевъ отправляется къ секретарю Иностранной Коллегіи Познякову. "Такъ и такъ, выручи ради Бога!"—"Что же дѣлать", отвѣчалъ Поздняковъ, "не робѣй, много нынѣ непорядковъ происходитъ, да коли это приказано отъ правительницы, то сдѣлать надобно".—"Сдѣлай ты, напиши", сталъ умолять Темирязевъ.—"Добро", отвѣчалъ коллежскій искусникъ, "я напишу и ужо къ тебѣ завезу". Дѣйствительно, ночью Поздняковъ явился къ пріятелю съ манифестами; обрадованный Темирязевъ отвезъ ихъ немедленно къ фрейлинѣ [1])

Между тѣмъ правительница призвала Остермана и спросила его, какимъ образомъ случилось, что въ утвержденіи о наслѣдствѣ не упомянуто о принцессахъ, которыя всегда въ Россіи, за неимѣніемъ принцевъ, наслѣдницами бываютъ. Тономъ вопроса правительница давала знать Остерману, что она считаетъ его виновникомъ этого упущенія.—"Надобно подумать", продолжала "Анна, какъ бы это поправить; приходилъ ко мнѣ Темирязевъ и объявлялъ, что объ этомъ и въ народѣ толкуютъ".—На другой день Остерманъ отправилъ къ правительницѣ маленькое письмо: "Понеже", писалъ онъ, "то извѣстное дѣло важно, то не прикажете ли о томъ съ другими посовѣтовать, а именно съ княземъ Алекс. Мих. Черкасскимъ и архіреемъ Новгородскимъ?" Правительница отвѣчала собственноручно, что кромѣ этихъ лицъ надобно призвать къ совѣщанію и графа Мих. Гаврил. Головкина, потому что это дѣло отъ него происходитъ. Остерманъ послалъ къ Головкину звать его къ себѣ. Го-

[1]) Показаніе Темирязева въ Государ. Архивѣ.

ловкинъ пріѣхалъ и, поговоря о дѣлѣ, объявилъ, что денька два подумаетъ и пришлетъ сказать, когда имъ всѣмъ съѣхаться. Наконецъ съѣхались у Остермана Головкинъ, Черкасскій, Амвросій Юшкевичъ [1]), но событія не дали имъ покончить своихъ толковъ.

Мы видѣли, какъ народное чувство, оскорбленное господствомъ иностранцевъ, высказалось тотчасъ же по смерти императрицы Анны, когда герцогъ Курляндскій объявилъ себя регентомъ. Паденіе Бирона приняли съ восторгомъ; но скоро увидали, что прежній порядокъ вещей оставался, только ослабѣлъ вслѣдствіе розни, усобицы его представителей. Какъ господство Нѣмцевъ было приготовлено усобицею между способными Русскими людьми, оставленными Петромъ Великимъ: такъ теперь паденіе нѣмецкаго господства приготовляется раздоромъ, усобицею между Нѣмцами, которые губятъ другъ друга. Биронъ свергнутъ Минихомъ; подъ Миниха подкопался Остерманъ; но Остерманъ не можетъ господствовать: онъ встрѣчаетъ нерасположеніе въ правительницѣ. Русскіе не любятъ Остермана какъ Нѣмца, не любятъ принца Антона за то же, слѣдовательно тѣмъ болѣе должны быть расположены къ Аннѣ Леопольдовнѣ и къ графу Головкину, ея главному совѣтнику, который уже выставился какъ противникъ Остермана. Какое выгодное положеніе для Анны Леопольдовны, если бы она умѣла пользоваться имъ! Но ея умѣнье вести дѣла всего рѣзче высказалось въ сценѣ съ Темирязевымъ, гдѣ она человѣка, съ которымъ вѣроятно говорила въ первый разъ въ жизни, заставляетъ писать манифесты, и въ одномъ изъ нихъ она должна быть объявлена наслѣдницею престола, въ случаѣ смерти сына. Головкинъ и его отношенія къ правительницѣ и къ фрейлинѣ Менгденъ такъ же рѣзко высказывались въ дѣлѣ Темирязева. Гораздо вліятельнѣе Головкина была эта фаворитка Менгденъ; но она была Нѣмка; Нѣмцы хлопотали, какъ бы посредствомъ нея сблизить Остермана съ правительницею и удалить Головкина; Остерманъ жаловался Менгдену, что графъ Головкинъ старался его, Остермана, оставить въ подозрѣніи у правительницы и просилъ похлопотать, чтобъ принцесса была къ нему милостива. Менгденъ пошелъ къ фрейлинѣ и говорилъ ей, чтобъ склоняла правительницу имѣть болѣе довѣрія къ Остерману, чѣмъ къ Головкину, потому что Остерманъ въ дѣлахъ больше разумѣетъ [2]). Отъ Головкина, какъ человѣка больнаго и лишеннаго энергіи, не ждали многаго; фаворитка, которая могла больше сдѣлать, была Нѣмка; и Нѣмецъ Остерманъ, несмотря на то, что къ нему не благоволили, имѣлъ большую силу: къ нему ничто не льнетъ, жаловался архіепископъ Новгородскій, не хочетъ выпускать книги „Камень Вѣры“, и книга запечатана. Значитъ, Нѣмцы владѣютъ попрежнему, съ тою только разницею, что прежде, при императрицѣ Аннѣ, былъ порядокъ, а теперь „много непорядковъ происходитъ“. Но что всего хуже, будетъ новый Биронъ. Въ 1735 году саксонскій посланникъ Русскомъ Дворѣ, графъ Линаръ, по требованію императрицы Анны, былъ отозванъ своимъ правительствомъ изъ Петербурга; причиною было то, что красивый Линаръ внушилъ нѣжное чувство племянницѣ императрицы, Аннѣ Леопольдовнѣ. Теперь Линаръ является опять въ Петербургѣ, и нѣжныя отношенія его къ правительницѣ не тайна [3]). Для бóльшаго удобства, въ

[1]) Показаніе Остермана въ Государ. Архивѣ.

[2]) Показаніе Менгдена тамъ же.

[3]) Манштейнъ.—Минихъ: Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'Empire de Russie, 140. Неоспоримымъ доказательствомъ служатъ письма Анны къ Линару, находящіяся въ Государ. Архивѣ.

1) Собственноручное отъ 8-го сентября 1741 года: J'ai appris avec plaisir votre heureuse arrivée à Narva. Dieu continue sa grace et nous donne la joie de vous revoir bientôt. Nous nous portons bien et je ne fais que consoler Julie, mais Dieu sait qui en a plus besoin. Vous avez tort quand vous me conseillez dans votre lettre de chercher ailleurs ce que je pourrais mieux trouver dans mon coeur, et je croie que vous en pourriez être contant.

2) Отъ 13 октября 1741 чужою рукою; рукою Анны написаны только тѣ слова, которыя въ скобкахъ; въ подлинникѣ эти слова наверху соотвѣтствующихъ, а эти послѣднія зачеркнуты.

Je vous félicite de votre arrivée à Leipzig, mais je ne serai pas satisfaite avant que je vous sache en chemin pour retourner ici. Si vous n'avez pas reçu des lettres de Pétersbourg, prenez vous-en à Pezold qui les a mal adressées. Pour ce qui est de Julie, comment pouvez-vous douter un moment de son (mon) amour et de sa (ma) tendresse, après toutes les marques qu'elle (je) vous en a donnée. Si vous l (m') aimez ne lui (me) faitez plus de pareilles reproches pour peu que sa (ma) santé vous est chère. L'ambassadeur de Perse avec tous ses éléphants a eu son audience de la même manière que l'a eut le Turc. On dit qu'un de principaux objets de sa commission est de demander en mariage pour le fils du Schach-Nadir la princesse Elisabeth et qu'en cas de refus il nous fera guerre. Patiencé! ce serait donc le troisième ennemi, le bon Dieu nous garde du quatrième. Ne prenez pas pour une conte cette demande du Persan, je ne ris pas, c'est par la voie du favori de l'ambassadeur que l'on a appris ce secret. Nous aurons mascarade le 19 et le 20 de ce mois, mais je ne crois pas que je pourrai (sans vous, mon cher coeur) prendre beaucoup de part à ce divertissement, car je prevois déjà qui ma chère Julie, qui a son coeur et son âme ailleurs, ne s'y divertira guères. La chanson dit fort bien: je ne voi rien qui vous ressemble, et cependant de vous tout me fait souvenir. Mandez-moi le temps de votre retour, et soyez persuadé que je suis votre bien affectionnée (je vous embrasse et meurs toute à vous).

3) Собственноручное отъ 17 октября 1741: Nous avons eu ici je ne sais que de France qui a fait ce petit voyage uniquement pour rendre visite à Mr. Chetardie à ce que prétend celui-ci. Le beau pretexte! il est fort probable. Pendant le séjour qu'il a fait ici il ne s'est point montré à la cour, mais il est allé tous les jours voir la P. Eli. comme aussi Chetardie. Jusqu'ici nous ne savons pas quel but a eu le voyage de ce faiseur de visites. On me donne tant d'avis que je ne sais qu'en croire: je voudrais quelquefois n'en savoir pas tant, car la moitié n'etant certainement que de mensonges; jamais de ma vie je n'ai eu tant d'amis ou soit disant tels que depuis que j'ai pris la régence. Heureuse si je pouvais toujours demêler les veritables d'entre les faux! Mandez-moi ce que

августѣ 1741 года, Линаръ объявленъ женихомъ фаворитки Менгденъ, и отправился въ Дрезденъ, чтобъ устроить тамъ свои дѣла, возвратиться въ Петербургъ и вступить въ русскую службу въ званіи оберъ-камергера. Линаръ повезъ съ собою 35,000 рублей, которые дала ему невѣста для положенія въ дрезденскій банкъ [1]). Линаръ уже получилъ Андреевскій орденъ.

Для Русскихъ настоящее ничѣмъ не лучше прежняго: Нѣмцы такъ же владѣютъ, только безпорядковъ много, и готовится уже новый Биронъ. Это ожиданіе новаго Бирона въ Линарѣ всего болѣе возмущало; чѣмъ слабѣе было правительство, тѣмъ громче высказывалось неудовольствіе; даже женщины, которыхъ иностранцы находили въ Россіи сдержаннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, не стѣснялись въ своихъ рѣчахъ. Вмѣстѣ съ Русскими сильно возмущался и Остерманъ, потому что въ Линарѣ ему готовился господинъ еще болѣе тяжелый, чѣмъ Биронъ: Линаръ былъ искуснѣе въ дѣлахъ иностранныхъ; притомъ у него съ Остерманомъ и прежде уже были непріятности, когда Линаръ въ первый разъ былъ въ Петербургѣ. Минихъ, теперь заклятой врагъ Остермана, долженъ естественно присоединиться къ Линару, съ которымъ ему сблизиться легко чрезъ жену послѣдняго. Чтобъ предотвратить опасность, Остерманъ рѣшается войти въ сношенія съ Головкинымъ: онъ посылаетъ къ нему двоихъ своихъ родственниковъ по женѣ, Стрѣшневыхъ, которые болѣе двухъ часовъ толковали съ нимъ заперщись. Чего не понимала Анна Леопольдовна, то понимаетъ Остерманъ: онъ понимаетъ, что идетъ сильное народное движеніе, съ которымъ надобно считаться, и онъ готовъ на всевозможныя уступки; еще въ концѣ марта, устрашенный движеніями фрейлины Менгденъ въ пользу сверженнаго Миниха и готовностію правительницы сблизиться съ своимъ прежнимъ первымъ министромъ, Остерманъ хлопочетъ какъ бы отстранить Анну Леопольдовну и передать правленіе принцу Антону; но онъ знаетъ нерасположеніе народа къ послѣднему какъ Нѣмцу, иновѣрцу, и потому ведетъ дѣло о принятіи принцемъ Православія. Любопытно, что въ послѣдніе дни императрицы Анны иностранные министры знали о намѣреніи обратить принца Антона въ Православіе [2]). Но понятно, что дѣло было трудное и потому откладывалось, когда опасность уменьшалась. Такимъ образомъ, съ обѣихъ сторонъ, на которыя дѣлилось правительство, не принималось быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ по отсутствію лицъ, способныхъ на такія мѣры, ибо самый даровитый между людьми, желавшими поддержать престолъ императора Іоанна, Остерманъ, умѣлъ пользоваться обстоятельствами, дѣломъ чужихъ рукъ, умѣлъ ходить подземными, потаенными ходами, но былъ совершенно неспособенъ стать въ челѣ рѣшительнаго движенія; единственный человѣкъ, способный къ этому, Минихъ,—былъ въ опалѣ, могъ служить только страшилищемъ для принца Антона и Остермана и запаснымъ орудіемъ для правительницы и Юліи Менгденъ въ крайнемъ случаѣ. Войско, гвардія, могшія имѣть сильное и рѣшительное вліяніе при всякомъ важномъ событіи, при всякой перемѣнѣ, какъ показалъ примѣръ восшествія на престолъ Екатерины I, возстановленія самодержавія при Аннѣ, сверженія Бирона,—гвардія не была на сторонѣ правительства, которое не имѣло человѣка, который бы, съ одной стороны, былъ ему преданъ, а съ другой—пользовался любовію войска.

Такая слабость правительства, такое разъединеніе силъ въ немъ не обѣщали прочности престолу Іоанна VI; это чувствовали и свои и чужіе, и послѣдніе употребляли всевозможныя средства ускорить переворотъ для собственныхъ цѣлей.

Мы видѣли, что единовременно съ императрицею Анною умерли: государь Австрійскихъ земель императоръ Карлъ VI и Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I-й. Слабость Русскаго правительства въ царствованіе преемника Анны, внутреннія смуты, поглощавшія все вниманіе, приходились именно въ то время, когда въ Европѣ поднималась сильная борьба и Россія не могла остаться ей чуждою, ибо по отношеніямъ къ сосѣднимъ державамъ, Швеціи, Польшѣ и Турціи, у нея опредѣлились отношенія и къ другимъ европейскимъ державамъ, а теперь готовится переворотъ въ системѣ этихъ державъ: владѣнія Австрійскаго Дома, союзнаго Россіи, назначались къ раздѣлу, что усиливало Францію, враждебность которой къ Россіи была очевидна. Императоромъ Карломъ VI прекращалась мужская линія Габсбургскаго Дома: у него была только одна дочь, Марія-Терезія, выданная замужъ за герцога Франца-Стефана Лотарингскаго, который по Вѣнскому миру промѣнялъ Лотарингію на Тоскану. Карлъ VI хотѣлъ, чтобъ всѣ владѣнія Габсбурговъ достались нераздѣльно его дочери; онъ думалъ, что дипломатическимъ путемъ, путемъ уступокъ, обезпечитъ дочери наслѣдство, склонитъ всѣ Дворы признать его распоряженіе, такъ-называемую прагматическую санкцію, но жестоко ошибался: уступками онъ только выказывалъ свою слабость и тѣмъ приманивалъ хищниковъ. Принцъ Евгеній Савойскій говорилъ ему, что единственное средство упрочить наслѣдство за Маріею-Терезіею—это держать на готовѣ 180,000 войска.

Кто же могли быть эти враги, противъ которыхъ, по мнѣнію Евгенія Савойскаго, наслѣдница Габсбурговъ оружіемъ должна была защищать свое достояніе? Разумѣется, старый герой имѣлъ прежде всего въ виду свое прежнее отечество, Францію, извѣстную соперницу Габсбурговъ. Франція въ описываемое время, казалось, возвратила свое прежнее значеніе, ослабленное въ послѣдніе годы

---

vous pensez du manifeste des Suèdois. Conservez votre santé et aimez-moi toujours, c'est tout ce que je souhaite.

[1]) Показанія Юліи Менгденъ въ Государств. Архивѣ.

[2]) Шетарди, 114, 232.

царствованія Людовика XIV; особенно поднялъ ее Вѣнскій миръ, блистательно окончившій безславную для нея войну за Польскій престолъ; она выдала партію Лещинскаго въ Польшѣ, выдала Данцигъ, заставила тестя своего короля спасаться бѣгствомъ; войска ея не ознаменовали себя никакимъ значительнымъ дѣломъ, а между тѣмъ Франція пріобрѣла Лотарингію. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, и, по словамъ Фридриха II, съ Вѣнскаго мира Франція была рѣшительницею судебъ Европы. Съ войны за Испанское наслѣдство опасною соперницею Франціи явилась Англія; но скоро можно было усмотрѣть, что ея вліяніе на дѣла континента вовсе не будетъ такое непосредственное, какъ вліяніе Франціи. Англія, по своему островному положенію, отрѣзанный ломоть отъ континентальной Европы, по своей конституціи чужда завоевательныхъ стремленій относительно Европы; вся ея дѣятельность обращена на другую сторону: она распространяетъ свои владѣнія за океаномъ; ея господствующій интересъ—торговый; она внимательно приглядывается и чутко прислушивается только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ея торговыхъ и промышленныхъ выгодахъ, отчего политика ея принимаетъ характеръ узкости и односторонности. Англія не любитъ войны, предпринимаетъ ее только въ крайности, когда прямо затронутъ ея господствующій интересъ; любитъ вести войну чужими руками, давать деньги вмѣсто войска и прекращать войну при первой возможности, когда опасность для ея господствующаго интереса прошла. Интересы Ганноверской династіи втягивали Англію въ дѣла континента; но она сильно упиралась; и политика знаменитаго министра двоихъ первыхъ Георговъ, Вальполя, явно обнаруживала основной характеръ національной англійской политики — стремленіе ограничиться тѣснымъ кругомъ насущныхъ интересовъ страны, боязнь предъ вмѣшательствомъ въ континентальныя отношенія, боязнь предъ войною. Въ концѣ 1739 года миролюбивая Англія объявила войну Испаніи, ибо затронутъ былъ господствующій интересъ ея, интересъ торговый. Послѣ долгой и упорной войны, бывшей слѣдствіемъ перемѣны династіи и вмѣшательства чужихъ державъ во внутреннія дѣла Испаніи, послѣдняя стала пробуждаться отъ долгаго сна, и средства пробуждающагося народа высказались въ преемственной дѣятельности троихъ министровъ — Альберони, Риперды и Патиньо. Морскія силы и торговля Испаніи начали увеличиваться, она готовилась выйти изъ страдательнаго положенія, въ какомъ до сихъ поръ держали ее иностранцы относительно торговли. Это сильно не понравилось Англичанамъ. „Я замѣчаю съ большимъ неудовольствіемъ успѣхи, которые дѣлаетъ Патиньо въ своемъ стремленіи усилить испанскій флотъ“, писалъ англійскій посланникъ; онъ же наивно жаловался своему правительству на злокозненность Патиньо, „который старается отстранить все, что наноситъ вредъ Испаніи“. Жалобы посланника находили сильные отголоски въ Англіи, и миролюбивый Вальполь не былъ въ состояніи сдержать порывы народа, затронутаго въ своемъ главномъ интересѣ. Пробужденіе Испаніи, ея упорное стремленіе утвердиться въ Италіи заставили обратить на нее вниманіе и разсчитывать на ея участіе въ войнѣ за Австрійское наслѣдство, въ которую она должна была вступить, опять имѣя въ виду Италію. Долженъ былъ принять участіе въ войнѣ и король Сардинскій съ цѣлію распространить свои владѣнія насчетъ австрійскихъ областей въ Италіи, насчетъ Милана. Сардинскій король Викторъ-Амедей, по словамъ Фридриха II, былъ государемъ искуснымъ въ политикѣ и ясно сознававшимъ свои интересы; политика Пьемонта состояла въ томъ, чтобъ держать равновѣсіе между Австріей и обѣими вѣтвями Бурбонскаго Дома, французскою и испанскою, и этимъ пріобрѣтать средства къ распространенію своихъ владѣній.

Испанія будетъ дѣйствовать въ Италіи; Франція такъ же будетъ дѣйствовать съ этой стороны, будетъ стараться привлечь къ себѣ Сардинскаго короля. Но Франція будетъ также дѣйствовать въ Германіи, здѣсь возбуждать противъ Австріи сильнѣйшихъ владѣльцевъ. Кто же эти сильнѣйшіе владѣльцы? Вопервыхъ, курфирстъ Саксонскій, онъ же король Польскій. Саксонія самая богатая страна Германіи: она обязана своимъ богатствомъ плодородію почвы и промышленности жителей; курфирстъ получаетъ 6 милліоновъ талеровъ ежегоднаго дохода, у него 24,000 войска, но въ случаѣ нужды онъ можетъ имѣть еще 8,000. Польша доставляла Саксонскому курфирсту королевскій титулъ, но не прибавляла ничего къ его силамъ, а личность курфирста Августа II (короля Августа III) отнимала у Саксоніи возможность играть видную роль. Вотъ портретъ Августа III, хотя и писанный враждебною кистью Фридриха II, однако похожій: „Августъ былъ кротокъ по лѣни, щедръ изъ тщеславія, безъ религіозныхъ убѣжденій подчинялся своему духовнику, и безъ любви преклонялся предъ волею жены; кромѣ этихъ двухъ подчиненій, подчинялся еще любимцу графу Брюлю. Брюль отличался тѣми тонкостями и хитростями, которыя составляютъ политику мелкихъ владѣльцевъ; ни у кого не было больше платья, часовъ, кружевъ, сапоговъ, чулокъ и туфлей. Цезарь отнесъ бы его къ числу тѣхъ отлично завитыхъ и раздушенныхъ головъ, которыхъ нечего бояться“.

Сильнымъ владѣльцемъ въ Германіи считался также курфирстъ Баварскій. Баварія приносила пять милліоновъ талеровъ дохода; Франція платила курфирсту субсидію въ триста тысячъ талеровъ; но курфирстъ не могъ выставить въ поле болѣе 12,000 человѣкъ.

Но сильнѣе всѣхъ курфирстовъ Германіи былъ курфирстъ Бранденбургскій, носившій титулъ короля Прусскаго. Въ 1740 году народонаселеніе Прусскихъ владѣній простиралось до трехъ милліоновъ, доходы—до семи милліоновъ съ половиною,

а число войска до 76,000 человѣкъ, изъ которыхъ почти 26,000 были иностранцы. Несоразмѣрность войска съ количествомъ народонаселенія была очевидна; войско было собрано прусскимъ Калитою, королемъ-скопидомомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, который копилъ войско точно такъ-же, какъ копилъ деньги, видя въ томъ и другомъ главныя условія силы; онъ оставилъ своему преемнику 8.700,000 талеровъ въ казнѣ и ни копѣйки долгу. Накопленныя силы требовали употребленія; войско и деньги вызывали на войну, на завоеваніе, на пріобрѣтеніе новыхъ силъ. Разумѣется, все здѣсь зависѣло отъ личности преемника короля-скопидома: деньги могли быть истрачены на пустыя удовольствія; войско могло быть такъ-же истрачено или продано, какъ тогда водилось, могло исчезнуть въ безполезныхъ войнахъ. Но преемникомъ Фридриха-Вильгельма былъ сынъ его, Фридрихъ II, едва не казненный отцомъ за то, что отецъ съ сыномъ не сошлись характерами. Фридрихъ II развилъ свои блестящія способности сильнымъ вниманіемъ къ литературному движенію XVIII вѣка, развилъ свои способности посредствомъ этого движенія, не подчинившись ему въ томъ, что не было полезно ему въ его положеніи. Фридрихъ II философствовалъ, либеральничалъ себѣ-на-умѣ, писалъ противъ Макіавелли,—и не разбиралъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ рѣшился воспользоваться вопросомъ объ Австрійскомъ наслѣдствѣ, чтобъ употребить накопленныя отцомъ войско и деньги для расширенія своихъ владѣній. Но онъ видѣлъ, что средствъ Пруссіи недостаточно для веденія успѣшной войны, и началъ искать союзниковъ. Вотъ его соображенія: Франція, кромѣ старинной ненависти къ Англичанамъ, питала одинакую вражду и къ Австрійскому Дому; Франція хотѣла добыть Фландрію и Брабантъ и довести свои границы до Рейна. Такой планъ не можетъ быть исполненъ вдругъ; надобно, чтобъ онъ созрѣлъ отъ времени и чтобъ обстоятельства ему благопріятствовали. Такимъ образомъ, Франція могла быть вѣрною союзницею въ войнѣ противъ Австріи. Что касается другихъ государствъ, то Испанія и Австрія почти равны силами; но Испанія можетъ вести войну только съ Португаліей или съ Австріей въ Италіи, тогда какъ Австрія можетъ воевать всюду: у нея больше подданныхъ, чѣмъ у короля Испанскаго, и она можетъ, посредствомъ интриги, присоединить къ своимъ силамъ силы Германской имперіи. Но Испанія богаче Австріи; послѣдняя, какъ бы ни обременяла налогами своихъ подданныхъ, все будетъ нуждаться въ иностранныхъ субсидіяхъ для войны; кромѣ того, она истощена Турецкою войною, обременена долгами. Пруссія не такъ сильна, какъ Испанія и Австрія, не можетъ мѣряться съ нимъ одинъ-на-одинъ, но можетъ занять слѣдующее за ними мѣсто. Пруссія можетъ дѣйствовать, только опираясь на Францію или на Англію. Можно идти вмѣстѣ съ Франціею, которая всегда желаетъ себѣ славы и Австрійскому Дому униженія. Отъ Англичанъ можно вытянуть только субсидіи, которыя они дадутъ, имѣя въ виду собственные интересы.

Фридрихъ не ошибся относительно чувствъ Франціи къ Австрійскому Дому; но ошибся относительно военныхъ средствъ Франціи, которая была уже не прежняя. На ея престолѣ сидѣлъ Людовикъ XV, который уронилъ монархическое начало во Франціи на столько, на сколько оно было поднято знаменитымъ его предшественникомъ; вмѣсто короля, дряхлаго въ молодости своей, управлялъ дряхлый лѣтами кардиналъ Флёри, не любившій войны, старавшійся поддерживать значеніе Франціи только средствами дипломатическими. Аристократія Французская также одряхлѣла и не могла выставить ни одного замѣчательнаго полководца. Когда, 20 октября 1740 года, умеръ императоръ Карлъ VI, во Франціи произошло движеніе, но движеніе конвульсивное, которое лучше всего выразилось въ дѣятельности графа Белиля, вождя воинственной партіи. Никакого заранѣе составленнаго плана дѣйствія не было.

Дочь Карла VI, Марія-Терезія, приняла титулъ королевы Венгерской и Богемской; но курфирстъ Баварскій Карлъ предъявилъ свои права на Габсбургское наслѣдство, какъ мужъ дочери старшаго брата Карла VI, бывшаго императора Іосифа I. Баварскія претензіи и остались бы претензіями, еслибы въ Германіи не было Фридриха II Прусскаго. Когда другіе еще думаютъ и пишутъ, Фридрихъ начинаетъ дѣло. Несмотря на то, что Пруссія признала права Маріи-Терезіи, или прагматическую санкцію, прусское войско въ концѣ 1740 вступило въ Силезію подъ предлогомъ, чтобъ другіе претенденты на Австрійское наслѣдство не заняли этой провинціи; въ то же время Фридрихъ предложилъ Маріи-Терезіи, что гарантируетъ прагматическую санкцію и поможетъ мужу ея, Францу Лотарингскому, получить императорскую корону, если она уступитъ Пруссіи часть Нижней Силезіи за 6 милліоновъ. Предложеніе было отвергнуто. Марія-Терезія обратилась къ державамъ, гарантировавшимъ прагматическую санкцію; помощи ни откуда, а между тѣмъ Пруссаки уже овладѣли большею частію Силезіи. Удержитъ ли Фридрихъ свою добычу?—рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ Франціи и Россіи. Во Франціи Белиль настаивалъ на необходимости войны; правительство отдастъ отчетъ потомству, если не воспользуется такимъ благопріятнымъ случаемъ для окончательнаго сокрушенія австрійскаго могущества. Ненужно много войска, много денегъ для раздробленія австрійскихъ владѣній, и послѣ этого раздробленія въ Германіи не будетъ уже ни одного сильнаго государства, которое было бы опасно для Франціи. Надобно: соединиться съ Баваріею, давнею союзницею Франціи; дать курфирсту Карлу императорскую корону; Богемію, австрійскую Швабію, Тироль, Верхнюю Австрію, Миланъ—отдать второму сыну Испанскаго короля, женатому на дочери Людовика XV; Маріи-Терезіи

оставить Венгрію, Нижнюю Австрію и Бельгію (которая, принадлежа къ такому слабому и отдаленному государству, можетъ быть всегда легкою добычею Франціи). Старикъ Флёри былъ противъ войны; но за войну была любовница королевская, придворные; дочь короля, жена Испанскаго принца, присылала отцу слезныя письма, требуя надѣла своему мужу въ Италіи насчетъ Австріи,—и Людовикъ XV объявилъ себя за войну; Флёри уступилъ.

Но что скажутъ на другомъ, противоположномъ, восточномъ краю Европы, въ Россіи? Фридрихъ II, предъ началомъ своей дѣятельности, сдѣлалъ смотръ всѣмъ державамъ Европы, ихъ средствамъ, чтобъ уяснить себѣ, противъ кого можно успѣшно дѣйствовать и гдѣ искать помощи. Разумѣется, онъ не могъ забыть о Россіи: онъ подходилъ съ разныхъ сторонъ къ этой новорожденной загадочной имперіи, всматривался внимательно и заботливо; то успокоивалъ себя, то вдругъ тревожился. Россія, казалось Фридриху въ 1740 году, не имѣла достаточно значенія въ европейской политикѣ, чтобъ дать перевѣсъ той сторонѣ, за которую она стояла. Вліяніе этой новой имперіи не простиралось далѣе Швеціи и Польши. Петръ I, чтобы цивилизовать свой народъ, работалъ надъ нимъ какъ крѣпкая водка надъ желѣзомъ, былъ и законодателемъ, основателемъ обширной имперіи; онъ создалъ людей, солдатъ, министровъ, основалъ Петербургъ, завелъ значительный флотъ и заставилъ всю Европу уважать свой народъ и свои удивительные таланты.

„Въ 1740 году Россія могла выставить въ поле безъ усилія 170,000 войска; флотъ ея состоялъ изъ 12 линейныхъ кораблей, 26 кораблей низшаго разряда и 40 галеръ. Доходы имперіи простирались до 15 милліоновъ талеровъ—сумма умѣренная въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ страны; но въ Россіи все дешево. Самая необходимая для государей жизненная потребность—солдаты—не стоятъ здѣсь и половины того, что тратятъ на ихъ содержаніе другія государства Европы. Петръ I составилъ проектъ, какого не составлялъ ни одинъ государь до него. Завоеватели стараются только о томъ, чтобъ распространить свои владѣнія, а Петръ хотѣлъ сократить пространство своего государства, потому что послѣднее было дурно населено въ сравненіи съ обширностью. Онъ хотѣлъ сосредоточить 12 милліоновъ жителей, разселенныхъ по имперіи, между Петербургомъ, Москвою, Казанью и Украйною, чтобъ это пространство было хорошо населено и обработано; остальныя же области представляли бы пустыню, превосходную защиту отъ Персіянъ, Турокъ и Татаръ. Смерть помѣшала великому человѣку привести въ исполненіе этотъ планъ. Послѣ несчастій Карла XII и утвержденія Августа Саксонскаго въ Польшѣ, послѣ побѣдъ Миниха надъ Турками, Россія держала въ своихъ рукахъ судьбы Сѣвера; Русскіе были такъ страшны, что никто не могъ ждать успѣха въ нападеніи на нихъ, ибо, чтобъ достигнуть до нихъ, нужно пройти пустыни, и можно было все потерять, если бы даже ограничиться оборонительною войною, въ случаѣ ихъ нападенія. У нихъ въ войскѣ множество Татаръ, казаковъ и Калмыковъ; эти кочевыя орды хищниковъ и зажигателей способны опустошить сильныя цвѣтущія провинціи, прежде чѣмъ регулярное русское войско вступитъ въ нихъ. Для избѣжанія этихъ опустошеній, сосѣди уклоняются отъ столкновеній съ Россіею, а Русскіе смотрятъ на союзы, заключенные ими съ другими народами, какъ на покровительство, которымъ они удостоиваютъ своихъ кліентовъ“.

Фридрихъ какъ будто предчувствовалъ удовольствіе, какое должны были впослѣдствіи доставить ему Татары, казаки и Калмыки. Россія миролюбива, обращаетъ вниманіе только на ближайшихъ сосѣдей; но именно для ближайшихъ цѣлей она опредѣлила взгляды свои и на отношенія къ другимъ государствамъ. Такъ, она держалась Австрійскаго союза по одинаковости интересовъ относительно Турціи и Польши, и отвергала союзъ Французскій. Въ интересахъ Россіи не допускать крайняго ослабленія Австріи и преобладанія Франціи при союзахъ послѣдней съ Турціею и Швеціею. Это хорошо понимали въ Западной Европѣ и принимали свои мѣры: Франція держала наготовѣ Швецію, чтобы при первой надобности спустить ее на Россію и, такимъ образомъ, отвесть послѣднюю отъ поданія помощи Австріи. Прусскій король спѣшитъ сблизиться съ Россіею, предлагаетъ ей оборонительный союзъ, зная, что у нея такой же союзъ съ Австріей. Только смерть помѣшала императрицѣ Аннѣ подписать союзный договоръ съ Пруссіею; враждебныя отношенія Швеціи заставляли искать ближайшаго къ прибалтійскимъ областямъ союзника; кромѣ того, на союзъ настаивалъ Биронъ, ибо въ союзномъ договорѣ Пруссія гарантировала Курляндію. По смерти Анны—Биронъ регентъ; онъ сверженъ, но первымъ министромъ становится фельдмаршалъ Минихъ, который не терпитъ Австріи за послѣдній миръ съ Турціею. Минихъ явно выставляетъ себя другомъ Пруссіи, требуетъ союза съ нею; Остерманъ представляетъ необходимость, уже по существующимъ обязательствамъ, охранять Австрію, на которую новый предлагаемый союзникъ намѣренъ напасть, и тогда въ какомъ положеніи найдется Россія? Анна Леопольдовна пишетъ письмо Фридриху II-му, говоритъ о слухахъ, что прусскія войска идутъ въ Силезію, увѣряетъ Прусскаго короля въ своей дружбѣ, но выражаетъ сильное желаніе, чтобъ Фридрихъ удержался отъ возбужденія военнаго пламени въ большей части Европы.

11 декабря его высокографское сіятельство, господинъ кабинетный первый министръ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ послалъ объявить другимъ членамъ Кабинета, что онъ въ заключеніи прусскаго трактата никакого особливаго затрудненія не находитъ, только одно сомнительно: прусскимъ министромъ сообщено, что король его

съ войскомъ прямо пошелъ въ Силезію, и поэтому еще надобно посовѣтоваться сообща, слѣдуетъ ли заключать съ нимъ договоръ, или нѣтъ. Вице-канцлеръ графъ Головкинъ подалъ мнѣніе, что Россія по существующимъ обязательствамъ съ Вѣнскимъ Дворомъ должна его защищать, и потому надобно повременить заключеніемъ прусскаго трактата, пока усмотрится, какое участіе морскія державы примутъ въ защитѣ Австріи и сама она чѣмъ будетъ отвѣчать на такое наглое нападеніе: можетъ быть Вѣнскій Дворъ съ Прусскимъ полюбовно раздѣлается, заплатитъ нѣкоторую сумму денегъ. Въ донесеніи нашихъ министровъ при иностранныхъ Дворахъ, особенно при Вѣнскомъ, мы усмотримъ, надобно ли намъ за Австрію вступаться; но при этомъ не надобно спѣшить предложеніемъ дѣйствительной помощи, а дожидаться, будутъ ли морскія державы дѣйствительными силами вступаться за Вѣнскій Дворъ, или будутъ употреблять только добрыя услуги. Здѣшнему министерству надобно принять въ разсужденіе нынѣшнюю систему въ Европѣ, какъ недавно Голландцы по смерти Цесаря сдѣлали, и, взявъ за основаніе состояніе здѣшняго государства (которое хотя и плохо вслѣдствіе тяжкихъ войнъ, однако нынѣ случай есть совершенно его поправить), постановить между собою правила, какимъ образомъ, по здѣшнему состоянію, поступать съ другими державами. Составивши такой планъ, легко будетъ здѣшнему министерству и говорить съ пребывающими здѣсь иностранными министрами и содѣйствовать интересамъ ихъ Дворовъ. Если Вѣнскій Дворъ станетъ требовать помощи по союзному договору, то отговариваться, что государство истомлено Польскою и Турецкою войнами и потому не можетъ подать скорой помощи, и между тѣмъ надобно смотрѣть, что будутъ дѣлать морскія державы. Если прусскій министръ станетъ неотступно домогаться заключенія союзнаго договора, то не удобнѣе ли будетъ весь этотъ договоръ съ сепаратными артикулами показать австрійскому резиденту Гогенгольцеру, и когда онъ объявитъ, что въ немъ нѣтъ ничего противнаго его Двору, то договоръ и можно будетъ заключить [1]).

Хотѣли дожидаться донесеній русскихъ министровъ при иностранныхъ Дворахъ, особенно изъ Вѣны. Ланчинскій въ началѣ 1741 г. доносилъ о морскихъ державахъ, что Голландія являетъ склонность помочь Маріи-Терезіи, но притомъ желаетъ, чтобъ какая-нибудь другая держава прежде нея оказала эту помощь; притомъ находитъ трудность, что полки посылать далеко. Англійскій король показываетъ себя склоннѣе прежняго; но такъ какъ прошелъ слухъ, что съ прусской стороны сдѣланы Маріи-Терезіи выгодныя предложенія, то Англійскій король прежде всего желаетъ ихъ сообщенія; при этомъ совѣтуетъ полюбовно помириться, но безъ малѣйшаго нарушенія прагматической санкціи: иначе какая-нибудь держава откажется отъ гарантіи этой санкціи подъ предлогомъ, что сама наслѣдница Карла VI нарушила ее и, такимъ образомъ, освободила другихъ отъ гарантіи. У Прусскаго короля въ Силезіи до 50,000 войска, да еще ожидается 20,000, и потому страна можетъ быть спасена только диверсіею съ русской стороны, чего усильно домогаются въ Вѣнѣ, ибо мирное посредничество Россіи не помогаетъ. Фридрихъ II, прочтя грамоту русскаго министра, только поморщился, но отъ своихъ поисковъ не унялся. Франція молчитъ въ Вѣнѣ и интригуетъ въ Германіи, располагаетъ курфирстами Баварскимъ, Кельнскимъ и Пфальцскимъ, обѣщаетъ Баварскому провозгласить его Швабскимъ королемъ и добыть ему часть австрійскаго наслѣдства; курфирстъ Майнцскій и Трирскій по слабости ничего не могутъ сдѣлать, и такимъ образомъ Франція грозитъ всемірною Бурбонскою монархіею.

Въ Петербургѣ хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Маріи-Терезіи и заставить признать императорскій титулъ Русскихъ государей. Но австрійскіе министры и тутъ не сдались; государственный секретарь баронъ Бартенштейнъ сказалъ Ланчинскому, что надобно подождать: „Знаете", сказалъ онъ, „сколько явныхъ враговъ и тайныхъ недоброжелателей у насъ въ имперіи, особенно при предстоящемъ императорскомъ избраніи, самыя маловажныя обстоятельства толкуютъ злостно, а за такой поступокъ стали бы сильно кричать и подняли гоненіе". Петербургскій Дворъ требовалъ также, чтобъ въ пересылкѣ между обоими Дворами употреблялся не Латинскій, а Нѣмецкій языкъ, понятный правительницѣ и мужу ея. На это министры отвѣчали, что Венгрія есть первенствующее королевство въ державѣ Маріи-Терезіи, а короли Венгерскіе изстари употребляли Латинскій языкъ. Ланчинскій возражалъ, что Латинскій языкъ принадлежитъ Римскимъ цесарямъ, а Марія-Терезія есть Нѣмецкая государыня, и Венгрія принадлежитъ ей какъ эрцгерцогинѣ Австрійской; но министры упорно стояли при своемъ, указывая, что французскій посолъ не принялъ первой извѣстительной грамоты о восшествіи Маріи-Терезіи на престолъ потому, что грамота была не на Латинскомъ языкѣ. Министры жаловались: „У насъ сильные враги и могущественные друзья; только первые на насъ нападаютъ дѣйствительно, а дружеская помощь еще далеко, тогда какъ безъ нея, послѣ двухъ несчастныхъ, разорительныхъ войнъ, здѣшнему Дому не устоять; одинъ на другого ссылается: Англійскій король указываетъ на союзъ, который надѣется заключить съ Петербургскимъ Дворомъ, итакъ единственная надежда остается на Россію, которая должна сдѣлать починъ и ободрить пріятелей нашихъ".

На эти донесенія въ Петербургѣ отвѣчали: „Цѣлый свѣтъ не можетъ довольно надивиться

---

[1]) Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д. Кабинетныя дѣла 1740 года.

слабому оборонительному состоянію Вѣнскаго Двора; надобно было ожидать, что въ такомъ крайнемъ случаѣ употребятся и крайнія мѣры. Всю тягость войны навалить на союзниковъ невозможно. Королева Венгро-Богемская главнѣйшая интересованная партія: отъ нея и главнѣйшія дѣйствія ожидаются, которымъ союзники должны помогать. Такіе большею частію отвѣты получаемъ отъ всѣхъ Дворовъ, гдѣ мы по вѣрному нашему доброжелательству въ пользу ея величества стараемся. Вы можете внушать, что никто другія державы не можетъ такъ склонить къ поданію скорѣйшей помощи, какъ прямыя и сильныя дѣйствія съ королевиной стороны. На жалобы австрійскихъ вельможъ, что Россія оставляетъ ихъ безъ помощи, можете отвѣчать, что если кому жаловаться, то намъ; но, избѣгая непріятныхъ объясненій, мы все предаемъ забвенію. О Франціи и сумнительныхъ ея поступкахъ мы уже давно съ Вѣнскимъ Дворомъ въ конфиденціи изъяснились; но жаль, что всѣ наши изъясненія были мало уважены, и слѣдствія этого теперь ясны. Швеція одною Франціею противъ насъ двигается; стараніемъ Франціи заключенъ противъ насъ оборонительный союзъ между Швеціею и Турціею; король Прусскій въ надеждѣ на Францію такъ смѣло и отважно поступаетъ, ибо Франція одною миною и декларацiею могла его удержать; курфирста Баварскаго Франція содержитъ и явно прочитъ его въ императоры, безъ сомнѣнія, желая доставить ему притомъ и значительную часть Австрійскаго наслѣдства, ибо безъ этого императорское достоинство было бы ему тяжело. Курфирстовъ Кельнскаго и Пфальцскаго Франція утверждаетъ въ ихъ противныхъ положеніяхъ; Англія и Голландія должны смотрѣть на Францію, боясь отъ нея нападенія, если станутъ помогать Австріи; сколько Франція помогла въ бывшихъ съ Портою несогласіяхъ и въ нынѣшнемъ послѣднемъ случаѣ,—о томъ въ Вѣнѣ извѣстно, и въ томъ состоятъ всѣ плоды, которые мы всѣ до сего времени отъ Франціи имѣемъ, и можно видѣть, что она теперь ищетъ во всемъ свѣтѣ зажечь военный огонь, а потомъ уже будетъ приводить въ исполненіе свои дальновидныя намѣренія съ наибольшею силою и съ наименьшею тягостію и опасностію. Хотя жаль, что мы, отдавая сами себя и свои интересы въ руки Франціи, привели эту державу въ такое опасное для насъ состояніе, однако дѣло уже сдѣлано, и ничего другого не остается, кромѣ принятія сильныхъ мѣръ".

Между тѣмъ, въ апрѣлѣ ожидали въ Вѣну патріарха Пекскаго и администратора митрополіи всего Сербскаго и Славянскаго народа; патріархъ долженъ былъ пріѣхать на поклонъ къ новой королевѣ Маріи-Терезіи, и Ланчинскій имѣлъ указъ изъ Петербурга, чтобъ патріархъ въ своей капеллѣ отслужилъ благодарственный молебенъ о здравіи императора Іоанна, его родителей и цесаревны Елисаветы Петровны, по приложенной печатной формѣ. Ланчинскій доносилъ, что указъ исполненъ съ большимъ торжествомъ: онъ, посланникъ, ѣздилъ на патріаршую квартиру шестернею; сначала была литургія съ достодолжнымъ поминовеніемъ по формѣ, потомъ самъ патріархъ, надѣвъ богатое облаченіе и драгоцѣнную митру—даръ государей Русскихъ—служилъ молебенъ съ четырьмя архіереями—Петервардейнскимъ, Кроатскимъ и двумя выѣхавшими изъ турецкой Сербіи; послѣ молебна предсѣдатель патріаршей консисторіи говорилъ проповѣдь, приличную настоящему торжеству. За такой *гоноръ* Ланчинскій угостилъ патріарха рыбнымъ столомъ, и послѣ обѣда проповѣднику подарилъ на весь клиръ 50 червонныхъ, „и все обошлось къ прославленію имени императорскаго величества".

Когда, въ томъ же апрѣлѣ, Ланчинскій донесъ своему Двору, что въ Вѣнѣ обрадованы готовностію Англіи и Голландіи помогать Венгерской королевѣ, то получилъ отвѣтъ: „Съ сожалѣніемъ мы видимъ, что до сего времени всѣ Дворы, гарантировавшіе прагматическую санкцію, ограничиваются одними представленіями Прусскому королю, а къ самому дѣлу или хотя къ надежному уговору и плану важныхъ дѣйствій, въ случаѣ недѣйствительности представленій, еще никто не приступаетъ. Всѣ желаютъ, чтобъ мы напередъ начали дѣйствительное нападеніе на Пруссію, ясно въ томъ намѣреніи, чтобъ насъ только затянуть, а сами напередъ будутъ смотрѣть, какъ наши дѣла пойдутъ, и тогда ужъ станутъ свои мѣры принимать. Но такимъ поведеніемъ они будутъ только дѣла тянуть, на насъ свалили всю тягость, тогда какъ мы одни достаточную силу для поправленія дѣла употребить не въ состояніи: ожидаемъ ежедневно шведскаго нападенія; слѣдовательно наше вмѣшательство въ войну повело бы только къ тому, что противная сторона съ большею силою наступила бы на Австрійскія земли, и такъ какъ тамошній Дворъ не въ состояніи обороняться, то отворились бы ворота и другимъ къ нападенію на владѣнія Маріи-Терезіи и низложенію Австрійскаго Дома, несмотря на наши дѣйствія, и потомъ, соединя свои силы съ шведскими, враждебныя державы станутъ дѣйствовать и противъ насъ. Мы сами отъ души сожалѣемъ, что шведскія движенія, происходящія по французскимъ внушеніямъ и за французскія деньги, побуждаютъ насъ къ сильному вооруженію и препятствуютъ употребить всѣ наши войска въ пользу общаго дѣла. Вы можете о всемъ этомъ сообщить въ конфиденціи, при удобномъ случаѣ, въ надежномъ мѣстѣ".

На эти конфиденціи австрійскіе министры отвѣчали печальными минами, пожатіемъ плечъ и замѣчаніемъ, что въ Швеціи еще не рѣшена война съ Россіею. Тогда велѣно было Ланчинскому изложить подробнѣе поведеніе Россіи со смерти императора Карла VI: „Тотчасъ по смерти цесарской, предусмотря всѣ печальныя слѣдствія, какія должно имѣть во всей Европѣ это горестное событіе, мы обратились ко всѣмъ державамъ, заинте-

ресованнымъ въ вольности и равновѣсіи Европы, съ увѣщаніемъ принять заблаговременно нужныя и серьезныя мѣры для поддержанія прагматической санкціи, представляя свою готовность къ общему соглашенію; а какъ скоро узнали о намѣреніи Прусскаго короля вступить въ Силезію, то, не дожидаясь никакого требованія отъ Вѣнскаго Двора, тотчасъ написали объ этомъ Прусскому королю въ наисильнѣйшихъ выраженіяхъ и, не довольствуясь этимъ, всѣмъ прочимъ державамъ живыми красками представили важность прусскаго предпріятія, склоняя ихъ къ наискорѣйшему соглашенію для общаго съ нами дѣйствія. Мы же, сверхъ того, тотчасъ сдѣлали распоряженіе, чтобъ изъ разбросаннаго по всему государству войска собранъ былъ значительный корпусъ. Все это было сдѣлано нами, пока еще не открыты были шведскія движенія, пока еще мы, подобно другимъ, не могли думать, что Франція намѣрена привести Швецію въ состояніе дѣйствительно начать съ нами войну. Какимъ образомъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ со стороны другихъ поступлено, о медленности, о заботливости каждой державы только о своихъ частныхъ выгодахъ—здѣсь распространяться недля-чего; но вѣрно одно, что отъ этого Франція получила свободное время и способы привести свои дальновидныя и нами давно предусмотрѣнныя намѣренія къ такой зрѣлости, что нынѣ явно со всѣхъ сторонъ можетъ снять маску. Мы первые почувствовали ея злобу на наше постоянное союзническое усердіе къ Австрійскому Дому,—мы ежедневно должны ожидать непріятельскаго нападенія со стороны Швеціи, которая, кромѣ флота и галеръ, уже придвинула къ нашимъ границамъ 30,000 войска; отъ этого нападенія ничто на свѣтѣ отвратить ея не можетъ, кромѣ готовности съ нашей стороны встрѣтить ее съ превосходными силами. Война должна быть самая серьезная, потому что шведскій флотъ будетъ усиленъ французскими кораблями, а сухопутная армія будетъ удвоена, вслѣдствіе рѣшенія шведскаго крестьянскаго сословія. Напрасно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ себя льстятъ, что эта Шведская война еще не такъ близка: мы здѣсь, находясь меньше чѣмъ въ 150 верстахъ отъ шведской границы, лучше о томъ разсуждать можемъ". Такъ какъ Франція показывала явно свое недоброжелательство и къ королевѣ Венгерской, то Ланчинскій долженъ былъ представлять министрамъ Маріи-Терезіи о необходимости скорѣйшаго примиренія съ Пруссіею, хотя бы и съ пожертвованіемъ чего-нибудь, потому что „при продолженіи войны о крѣпчайшемъ короля Прусскаго соединеніи съ Швеціею сомнѣваться не надлежитъ".

Сильно сталъ домогаться Ланчинскій примиренія Маріи-Терезіи съ Фридрихомъ II, когда получилъ изъ Парижа отъ Кантемира извѣстіе, что сорокатысячное французское войско готово къ переходу чрезъ Рейнъ, для соединенія съ курфирстомъ Баварскимъ и для нападенія вмѣстѣ съ нимъ на Богемію. Онъ представлялъ австрійскимъ министрамъ о неотлагаемой нуждѣ привлечь въ общій союзъ короля Прусскаго, который такъ силенъ, что великій вѣсъ придастъ поддерживаемой имъ сторонѣ; представлялъ, что надобно спѣшить этимъ дѣломъ, чтобъ быть въ состояніи сопротивляться Франціи, Испаніи и Баваріи, которыя хотятъ разгромить Австрійскій Домъ. Министры признавали необходимость примиренія съ Пруссіею, но спрашивали, какъ этого достигнуть, когда Фридрихъ II такъ возвысилъ свои требованія, что безъ отдачи въ вѣчное владѣніе всей Нижней Силезіи съ Бреславлемъ не мирится; жаловались на Англію: въ Ганноверѣ заключена была конвенція объ обновленіи прежнихъ договоровъ; но что ганноверскіе министры съ трудомъ построили, то англійскіе вдругъ разорили; король обѣщалъ прислать на помощь королевѣ 6,000 Гессенъ-Кассельцевъ и столько же Датчанъ,—и не исполнилъ обѣщанія, а еслибъ исполнилъ, то теперь прусскаго войска уже давно не было-бъ въ Силезіи; теперь Англія требуетъ, что для общаго блага надобно что-нибудь уступить Фридриху II изъ Силезіи. Польскій король не отказывался начать военныя дѣйствія съ опредѣленнаго въ англійской конвенціи времени, но Англія его удержала; слѣдовательно то государство, которое должно было подать примѣръ другимъ союзникамъ и поручителямъ, остановило доброе намѣреніе всѣхъ; а Франція поднимаетъ войну противъ королевы подъ предлогомъ, что королева вступила въ тайныя обязательства съ Англіею. Королева не можетъ исполнить требованіе Англіи, т.-е. уступить Фридриху II что-нибудь изъ Силезіи, ибо это было бы противно интересамъ короля Польскаго, какъ курфирста; Саксонія стоитъ коммерціею и мануфактурами, а король Прусскій, какъ скоро получитъ часть Силезіи, тотчасъ причинитъ немалый вредъ саксонской торговлѣ и промышленности.

„Здѣшнее смущеніе велико", писалъ Ланчинскій: „съ-горя говорятъ, что если поручители за прагматическую санкцію оставятъ королеву безъ помощи, то принуждена будетъ раздѣлываться съ тою стороною, гдѣ будетъ меньше потери, потому что утопающій и за бритву хватается; потомъ всякій свою очередь имѣть будетъ, особенно Ганноверъ, а намъ противъ Пруссіи, Франціи, Испаніи и Баваріи однимъ стоять нельзя и ждать, чтобъ Баварецъ, вступивъ въ Богемію, короновался тамъ. Министры говорятъ, что еслибъ Французская война противъ королевы была такъ же невѣрна, какъ и нападеніе Шведовъ на Россію, то здѣшній Дворъ въ утѣсненіи своемъ отъ Прусскаго короля имѣлъ бы отраду".

Дворъ и министры иностранные находились все это время въ Пресбургѣ.

Когда, въ сентябрѣ, Ланчинскій извѣстилъ Марію-Терезію, что Швеція объявила войну Россіи, то королева отвѣчала: „Вѣрю и надѣюсь, что Богъ постыдитъ непріятеля, несправедливо нападаю-

щаго". Потомъ, пожавъ плечами, продолжала: „Я сама нахожусь въ такомъ же положеніи, и безъ средствъ къ сопротивленію; на меня нападаютъ со всѣхъ сторонъ, и непріятель уже проникъ въ сердце моихъ владѣній, и грозитъ крайнею погибелью, а помощи ни откуда не ожидаю. Однако у Россіи собрано болѣе 100,000 войска,— могла-бы и мнѣ сколько-нибудь на помощь удѣлить; Шведы всѣ русскія силы на сухомъ пути занять не въ состояніи, а дѣйствовать моремъ уже время прошло. Королю Прусскому Нижняя Силезія уже предложена,—но недоволенъ: требуетъ Верхней, и притомъ хочетъ оставаться нейтральнымъ. Баварцы уже взяли Линцъ. Вѣнѣ грозитъ осада; я остаюсь здѣсь, надѣясь на вѣрность моихъ Венгерцевъ. Буду принимать крайнія мѣры, предавшись въ волю Божію. Донесите, что я больше всего надѣялась и еще надѣюсь на близкое родство и союзъ вашего государя" [1]).

Мы видѣли, что, въ концѣ 1740 года, въ Петербургѣ хотѣли подождать и заключеніемъ союзнаго договора съ Пруссіею, и вспоможеніемъ Австріи. Прусскій министръ Подевильсъ писалъ своему королю: „Россія безъ сомнѣнія заступится за Австрію, сдѣлаетъ диверсію; 40 эскадроновъ будутъ ли въ состояніи прикрыть страну?—не надобно ли прибавить къ нимъ пѣхоты?"—„Piano", отвѣчалъ король: „онъ уже распорядился, чтобъ никакой диверсіи не было". Фридрихъ прислалъ въ Петербургъ хлопотать о союзѣ родственника Миникова, Винтерфельда [2]), подарилъ женѣ Миниха перстень въ 6,000 рублей, сыну 15,000 талеровъ и имѣніе въ Бранденбургѣ [3]); Прусская королева прислала Юліи Менгденъ портретъ свой, осыпанный бриллiантами [4]). Но понятно, что враги Миниха, которые подъ нимъ подкапывались, обвиняли его въ приверженности къ Фридриху II, вредной для Россіи и для Европы; это обвиненіе было очень важно въ глазахъ принца Антона и его жены, которые были за Австрію. Между правительницею и первымъ министромъ были сильныя столкновенія изъ-за Пруссіи и Австріи: „Вы всегда за Прусскаго короля"! сказала съ сердцемъ Анна Леопольдовна Миниху; „я увѣрена, что какъ только мы двинемъ войска, то Прусскій король отзоветъ свои изъ Силезіи" [5]). Въ февралѣ 1741 г. англійскій посланникъ Финчъ имѣлъ разговоръ съ принцемъ Антономъ, который сказалъ ему, что Прусскій король употребляетъ въ свою пользу сильныя средства: предложилъ правительницѣ наслѣдство Мекленбурга послѣ отца и дяди ея, ему, принцу,—Курляндію, но что эти предложенія не произвели на нихъ никакого впечатлѣнія; но Минихъ совершенно на сторонѣ Пруссіи. Прусскій посланникъ Мардефельдъ предлагалъ 100,000 кронъ Геннингеру, бывшему учителю правительницы, думая, что онъ имѣетъ сильное вліяніе на ученицу; но тотъ отказалъ и тотчасъ объявилъ правительницѣ объ этомъ предложеніи [6]). Несмотря на то, Минихъ осилилъ, союзъ съ Пруссіею былъ заключенъ.

Отъ 20 января Бракель доносилъ изъ Берлина, что король изъявилъ ему свое удовольствіе о заключеніи договора между Россіею и Пруссіею, и обнадежилъ, что если Шведы предпримутъ что-нибудь противъ Россіи, то онъ, несмотря на Силезскую войну, какъ вѣрный и истинный союзникъ, будетъ помогать Россіи. Относительно Курляндіи Фридрихъ II обѣщалъ дѣйствовать заодно съ Россіею и поддерживать ея требованіе въ Польшѣ и при Саксонскомъ Дворѣ; обѣщалъ ходатайствовать на имперскомъ сеймѣ, чтобъ священная Римская имперія признала другую имперію, Всероссійскую, признавъ за Русскимъ государемъ императорскій титулъ. Но заключеніе оборонительнаго союза съ Пруссіей ставило Русское правительство въ затруднительное положеніе: у него существовалъ издавна такой же союзъ съ Австріею, на которую напалъ Фридрихъ II и которую, слѣдовательно, она должна была защищать отъ него; Россія должна была дѣлать новому союзнику непріятное для него представленіе, чтобъ онъ удержался отъ нападенія на другого ея союзника. Браклю посланъ былъ 28 февраля рескриптъ: „Можете вы его королевскому величеству о нашемъ истинномъ высокопочитаніи къ службѣ онаго засвидѣтельствовать и обнадежить, что представленія, кои мы ему о наступленіи на герцогство Шлезинское учинить необходимо принуждены были, подлинно отъ вѣрнаго, сущаго и благаго сердца произошло, и намъ ничего радостнѣе не было-бъ, какъ чтобъ его королевское величество склоннымъ уступленіемъ усильному нашему прошенію насъ въ состояніе привесть изволилъ, ему при всѣхъ случаяхъ въ дѣйствѣ самомъ показать, коль высоко мы дружбу онаго почитаемъ и коль зѣло мы въ другихъ случаяхъ интересы онаго по лучшей возможности поспѣшествовать склонны будемъ". Въ другомъ циркулярномъ рескриптѣ излагались побужденія, заставившія заключить союзъ съ Пруссіею: „Нынѣ владѣющее его королевское величество Прусское, тотчасъ по преставленіи короля отца своего, о возобновленіи между обоими Дворами оборонительнаго союза желаніе свое объявилъ и у вселюбезнѣйшей государыни-бабки нашей домогаться велѣлъ, на которое возобновленіе отъ ея величества со всякою склонностію поступлено и еще при жизни ея совсѣмъ на мѣрѣ поставлено; но за приключившимся вскорѣ преставленіемъ ея величества совершенно заключено быть не могло. Его королевское величество потомъ и у насъ сіе свое желаніе повторить повелѣлъ, и мы на такое

[1]) Дѣла Австрійскія 1741 года.
[2]) Mémoires de Frédéric II, I, 81, изд. Бутарика.
[3]) Manstein.
[4]) Шетарди, 201.
[5]) Миниха—Ebauche pour donner une idée de la forme du gouvornement russe, 143, 148.
[6]) Финчъ.

возобновленіе съ толь вящшею готовностію поступили, понеже: 1) весьма непристойно было одной державѣ, которая нашей дружбы и союза искала, въ томъ въ самомъ началѣ нашего государствованія отказать; 2) сей союзъ просто оборонительный и никому къ предосужденію не касается; 3) собственное наше истинное желаніе есть съ королемъ Прусскимъ и съ Бранденбургскимъ Домомъ ненарушимую добрую дружбу содержать, да сверхъ того 4) справедливо уповать имѣли, что чрезъ возобновленіе сего союза при нынѣшнихъ случаяхъ въ Европѣ генеральный покой еще столь наипаче утвердиться можетъ. И хотя при самомъ совершеніи сего дѣла вѣдомость получена, коимъ образомъ король Прусскій намѣреніе взялъ военною рукою въ Шлезію вступить, о чемъ до того времени ни малѣйшее извѣстіе не имѣлось, однакожъ и затѣмъ заключеніе онаго остановить тѣмъ наипаче не заблагоразсудили, понеже сей союзъ прежнимъ съ другими державами нашимъ обязательствомъ ни въ чемъ силу не отнимаетъ, и мы еще надѣяться могли, что наши доброжелательныя королю Прусскому чинимыя представленія для отвращенія онаго отъ такого дальновиднаго намѣренія чрезъ то тѣмъ вящше дѣйствительны быть могутъ, когда его величество усмотритъ, что мы въ прочемъ въ совершенномъ добромъ согласіи и соединеніи съ нимъ быть истинно желаемъ". Отъ того-жъ числа былъ отправленъ Браклю другой рескриптъ, въ которомъ говорилось: „О нашемъ съ королемъ Прусскимъ возобновленномъ трактатѣ мы увѣдомились, что объ ономъ не токмо разнымъ чужестраннымъ министрамъ въ Берлинѣ открыто, но и многимъ Дворамъ формальныя нотификаціи о томъ учинены; и понеже сіе сообщеніе не инако какъ вообще и съ здѣшнимъ позволеніемъ учиниться надлежитъ, то мы желали же бы, что съ королевско-прусской стороны по тому-жъ бы поступлено было, тѣмъ наипаче, ибо сіе возобновленіе воспослѣдовало, когда здѣсь о учиненномъ вступленіи въ Шлезію еще никакой вѣдомости не было, и сія отъ прусской стороны учиненная нотификація всякія непристойныя толкованія во многихъ мѣстахъ произвела, хотя нашего намѣренія никогда не было, чрезъ сей трактатъ нашимъ напредъ сего съ другими державами имѣющимъ обязательствамъ наималѣйшій ущербъ приключить". Самъ Минихъ не признавалъ возможнымъ, чтобъ Россія отказалась отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи; Остерманъ со слезами на глазахъ и вспоминая, что онъ природный Пруссакъ, увѣрялъ прусскаго посланника Мардефельда, что Фридрихъ навлечетъ на себя и на Европу величайшія опасности, если будутъ настаивать на свои требованія относительно Австріи; что русскіе интересы требуютъ непремѣнно, чтобъ Силезія оставалась за Австріею, и что Венгерская королева (Марія-Терезія) скорѣе уступитъ Нидерланды Франціи, чѣмъ Силезію Пруссіи. Такимъ образомъ, союзъ съ двумя враждебными между собою государствами заставлялъ Россію въ Берлинѣ хлопотать, чтобъ Фридрихъ II умѣрилъ свои требованія, а въ Вѣнѣ—чтобъ Марія-Терезія уступила что-нибудь Прусскому королю. Россія поневолѣ должна была принимать роль посредницы.

Фридрихъ II не отвергалъ посредничества Россіи и Англіи въ примиреніи его съ Австріею, но на какихъ условіяхъ онъ хотѣлъ мириться,—это видно изъ письма его къ Миниху отъ 30 января, по поводу заключенія союза съ Россіею: „Прежде я былъ безсоюзенъ и дѣйствовалъ, не открываясь никому; теперь у меня есть союзники, и я хочу увѣдомить ихъ о всѣхъ моихъ намѣреніяхъ, чтобъ дѣйствовать съ ними заодно". Описавъ свои успѣхи въ Силезіи и выставивъ, что только одна умѣренность воспрепятствовала ему преслѣдовать австрійскія войска до самой Вѣны, Фридрихъ продолжаетъ: „У меня нѣтъ намѣренія уничтожить Австрійскій Домъ, я хочу просто поддержать мои неоспоримыя права на часть Силезіи. Я надѣюсь, что если Вѣнскій Дворъ обратитъ вниманіе на ваши совѣты и посредничество, то онъ признаетъ мои права и дастъ мнѣ возможность употребить въ его пользу то самое оружіе, которое онъ принудитъ меня обратить противъ него, если не признаетъ моихъ правъ. Вы видите, что я открываю вамъ свое сердце со всевозможною искренностію. Такъ я буду поступать всегда въ отношеніи къ вамъ" [1]). Минихъ платилъ королю такою же искренностію. Мардефельдъ писалъ, что Минихъ проситъ короля никакъ не довѣрять Саксонскому Двору; что въ томъ же смыслѣ говорилъ и герцогъ Брауншвейгскій, давая знать, что въ Дрезденѣ идетъ дѣло о раздѣлѣ Пруссіи. Мардефельдъ утѣшалъ извѣстіемъ, что когда саксонскій посланникъ графъ Линаръ сообщилъ русскому министерству планъ раздѣла Пруссіи, то ему отвѣчали, что это негодный проектъ, такія бумаги можно только въ огонь бросить. Но, вслѣдъ за тѣмъ, тотъ же Мардефельдъ писалъ, что посланники австрійскій (Ботта), англійскій (Финчъ) и саксонскій (Линаръ) представили русскому министерству слѣдующіе вопросы: находитъ ли Россія желательнымъ уничтоженіе Австрійскаго Дома; согласна ли Россія допустить, чтобъ Пруссія покореніемъ Силезіи отрѣзала у нея всякое сообщеніе съ Германіею и пограничными странами; не должно ли противодѣйствовать этому въ удобное время и надлежащими силами; не будетъ ли потому лучшимъ средствомъ отдѣлить отъ Прусскихъ владѣній хорошую долю, чтобъ поставить Пруссію въ уровень съ ея сосѣдями.—Мардефельдъ доносилъ, что Остерманъ взялся склонить герцога Брауншвейгскаго къ принятію этого предложенія, и ужъ курьеръ готовъ былъ отправиться въ Дрезденъ съ предписаніемъ русскому посланнику при тамошнемъ Дворѣ, Кейзерлингу, приступить къ австро-саксонскому плану, но Минихъ отказалсь

[1]) Дѣла Прусскія 1741 года

подписать рескриптъ Кейзерлингу, грозясь сложить съ себя всѣ должности. Вслѣдъ затѣмъ Мардефельдъ доносилъ о сильныхъ колебаніяхъ при Петербургскомъ Дворѣ, о борьбѣ между Остерманомъ и Минихомъ, о возрастающемъ вліяніи австрійскаго посланника, маркиза Ботты; писалъ, что онъ отказался отъ обмѣна ратификацій Прусско-Русскаго союза, ибо въ русскомъ экземплярѣ нашелъ двусмысленныя выраженія, вслѣдствіе чего разгорѣлась еще большая вражда въ Кабинетѣ, кончившаяся тѣмъ, что Минихъ потребовалъ отставки и получилъ ее.

Минихъ потерялъ мѣсто перваго министра; Остерманъ, вѣрный началу политическаго равновѣсія, твердитъ, что необходима осторожность съ такимъ предпріимчивымъ государемъ, какъ Прусскій король, и что малѣйшее раздробленіе Австрійскихъ владѣній нанесетъ ударъ Европѣ [1]. Но Остерманъ занятъ внутренними дѣлами, непрочностью своего положенія, движеніями Швеціи, а между тѣмъ Бракель явно держитъ сторону Пруссіи, настаиваетъ, что не слѣдуетъ вмѣшиваться въ войну и помогать Австріи; что отъ невмѣшательства другихъ державъ война скорѣе прекратится. Отъ 25 апрѣля Бракель писалъ: „Я совершенно удостовѣренъ, что король Прусскій понынѣ еще ни въ какія обязательства съ Франціею и Шведами не вступалъ, и никакъ на это не рѣшится безъ самой крайней нужды; а между тѣмъ несомнѣнно и то, что никакими представленіями и переговорами нельзя его склонить къ очищенію Силезіи. Поэтому очень сомнительно, успѣютъ ли силою въ своемъ намѣреніи державы, поручившіяся за прагматическую санкцію, т.-е. успѣютъ ли возстановить опять тишину и соблюдутъ ли цѣлость Австрійскихъ владѣній безъ малѣйшаго ущерба. Венгерская королева имѣетъ достаточныя силы сравнительно съ здѣшними, а въ способахъ къ веденію войны превосходитъ Пруссію, такъ-что съ однимъ Фридрихомъ II она можетъ управиться. Пока Австрія и Пруссія однѣ ведутъ между собою войну, до тѣхъ поръ пути къ скорому примиренію отворены, и обѣ воюющія стороны сами утомиться могутъ; если же вся Европа приведена будетъ въ движеніе, то легко произойдетъ тридцатилѣтняя война, по окончаніи которой Римляне (Католики) будутъ имѣть пользу и удовольствіе, потому что Протестанты или совершенно искоренятъ другъ друга, или, по крайней мѣрѣ, обезсилѣютъ". Потомъ, донося, что Франція предлагаетъ Пруссіи 60,000 вспомогательнаго войска, Бракель настаиваетъ, что державы, которымъ усиленіе Франціи можетъ быть опасно, должны обратить всѣ свои силы только противъ этой державы. Когда въ Петербургъ стали приходить слухи, что Прусскій король входитъ въ тѣсную связь съ Швеціею, то Бракель писалъ: „Не могу понять, на чемъ нѣкоторые иностранные министры, находящіеся въ Силезіи, основываютъ свои утвержденія, будто Прусскій король вступилъ въ обязательство съ Швеціею. По крайней мѣрѣ надобно великому государю или министерству его вѣрить до тѣхъ поръ, пока противное ихъ увѣреніямъ не окажется безпрекословнымъ; но король самъ объявляетъ, что у него свободныя руки, ни въ какія обязательства еще не вступилъ: поэтому не вижу, для чего бы онъ сталъ вредить собственному интересу, отнимая у всѣхъ возможность вѣрить себѣ. Если бы Вѣнскій Дворъ согласился на миръ, то здѣшній Дворъ охотно исполнилъ бы всѣ обязательства свои противъ Швеціи и Франціи и на самомъ дѣлѣ опровергъ всѣ подозрѣнія".

Изъ Петербурга писали Браклю: „Прусскія представленія, какъ дѣлаемыя вамъ въ Берлинѣ, такъ и здѣсь чрезъ посла Мардефельда, сопровождаются всегда такими внушеніями, которыя отзываются угрозами; объявляютъ, что при первомъ движеніи съ нашей стороны Пруссія будетъ принуждена употребить другія мѣры, вступить въ союзъ съ другими державами. Мы думаемъ, что такія угрозы дѣлаются очень не во-время; всего менѣе мы могли ихъ заслужить, потому что дружба Россіи была очень полезна Бранденбургскому Дому: въ недавнее время развѣ не Россія доставила ему Штетинъ и Померанію, хотя Пруссія ее за это покинула и заключила съ Швеціею отдѣльный миръ; можно безъ похвальбы сказать, что Россія не мало способствовала нынѣшней силѣ и значенію Королевско-Прусскаго Двора, и, разумѣется, имѣетъ полное право желать взаимности. Здѣсь поступается съ доброю вѣрою и вѣрностію и съ наилучшимъ намѣреніемъ, и хотя мы нынѣшняго прусскаго предпріятія не одобряемъ или одобрять не можемъ и объ этомъ свое мнѣніе королю чистосердечно даемъ знать, однако наше поведеніе не заслуживаетъ такихъ ненавистныхъ угрозительныхъ изъясненій; принятіе благонамѣренныхъ представленій кажется было бы полезнѣе. Безумный поступокъ шведскаго министерства приписывается прусскимъ предложеніямъ, и подлинно извѣстно, что Пруссія всюду дѣлаетъ различныя внушенія противъ насъ" [2]). Въ чемъ же состоялъ безумный поступокъ шведскаго министерства?

1-го января Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ писалъ изъ Стокгольма, что ѣздилъ видѣться съ извѣстнымъ пріятелемъ, котораго нашелъ въ большомъ смущеніи и печали: пріятель объявилъ, что начало сейма не таково, какъ надѣялись; въ секретной коммисіи, въ двухъ чинахъ, дворянскомъ и городскомъ, большинство принадлежитъ противной сторонѣ, и потому надобно стараться получить большинство въ городскомъ чинѣ; такъ какъ тамъ уже есть на нашей сторонѣ человѣкъ шесть, то къ нимъ надобно *закупить* персонъ восемь или десять, для чего надобно денегъ. Бестужевъ отвѣ-

---

[1]) Шетарди, 212.

[2]) Дѣла Прусскія 1741 года, Droysen—Friedrich der Grosse, I, 202—224.

чалъ, что ему, пріятелю, извѣстно самому, съ какою охотою императоръ принималъ всѣ ихъ предложенія, не жалѣлъ ни труда, ни денегъ, и теперь онъ, Бестужевъ, готовъ сдѣлать все, что можетъ содѣйствовать достиженію извѣстной цѣли, только бы русскія деньги не понапрасну были истрачены, ибо что касается подкупа бюргеровъ, то бюргеры люди непостоянные, много обѣщаютъ и деньги берутъ отъ обѣихъ сторонъ, и только обманываютъ, какъ на прошломъ сеймѣ случилось; мелкими суммами давать имъ денегъ впередъ не слѣдуетъ, ибо они деньги возьмутъ и потомъ обманутъ, а надобно обѣщать каждому, смотря по человѣку, извѣстную сумму и накрѣпко ихъ обнадежить, что если они при справедливомъ дѣлѣ непоколебимо съ нами до конца останутся, тогда каждый обѣщанную сумму получитъ, а для увѣренія ихъ показать имъ такое мѣсто, откуда они непремѣнно деньги получатъ. Пріятель согласился; но когда онъ сталъ совѣтоваться съ своими друзьями, тѣ объявили, что съ бюргерами не нужно вступать въ дѣло, потому что въ секретной коммисіи всѣ они изъ мелкихъ городовъ и люди пустые: положиться на нихъ нельзя, но лучше держаться дворянскаго чина, изъ котораго въ коммисіи пятнадцать надежныхъ людей; и если къ нимъ закупить еще двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ, то большинство будетъ на нашей сторонѣ.

Въ Петербургѣ были недовольны Бестужевымъ, который сначала представлялъ дѣла въ болѣе благопріятномъ видѣ, чѣмъ какъ они впослѣдствіи оказались. Бестужевъ объяснялъ неблагопріятный оборотъ смертію императрицы Анны, что потревожило друзей Россіи и ободрило противную партію, которая поспѣшила воспользоваться случаемъ, разглашая всевозможныя лжи. Бестужевъ писалъ, что присланныя къ нему десять тысячъ червонныхъ всѣ употреблены, и хотя на эти деньги желаемаго большинства не получено, однако все же пріобрѣтена та выгода, что не допущено до примиренія русской партіи съ противною, чего онъ, Бестужевъ, не мало опасался, ибо противная партія сильно искала этого примиренія при помощи французскаго посла; самъ король какъ извѣстному пріятелю, такъ и другимъ друзьямъ Россіи предлагалъ о примиреніи; но деньги и обѣщанія поддержки въ будущемъ не допустили до примиренія, что и надобно продолжать, ибо главный русскій интересъ состоитъ въ томъ, чтобъ въ Шведскомъ народѣ было всегда раздѣленіе. Король отдался въ руки Гилленборгу, хотя и не отъ чистаго сердца, но это все равно, ибо дѣлаетъ по его, а то вредитъ русскимъ намѣреніямъ

Въ февралѣ пріятели объявили, что обѣщаніями ничего нельзя сдѣлать, надобно немедленно употребить деньги для составленія большинства въ секретной коммисіи. Бестужевъ далъ деньги; но секретарь англійскаго посольства объявилъ, что не дастъ денегъ до тѣхъ поръ, пока при какомъ-нибудь важномъ рѣшеніи большинство не окажется противъ министерства. Англичанинъ былъ правъ: русскія деньги пропали, потому что въ томъ же февралѣ секретная коммисія оказалась враждебною Россіи, вслѣдствіе чего пошли опять толки о войнѣ, и молодые офицеры стали говорить о ней какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Бестужевъ писалъ: „Когда здѣшнее министерство усмотритъ, что Россія рѣшилась помогать королевѣ Венгерской, то вступитъ съ королемъ Прусскимъ во всякія интриги и коварства противъ Россіи. Отъ Шведскаго короля ни добраго, ни худаго ожидать не слѣдуетъ; какъ бы дѣла ни пошли, та или другая партія одолѣетъ, — ему все равно, лишь бы его величество съ извѣстною дамой въ покоѣ время свое проводить могъ. Дѣла нынѣ находятся въ кризисѣ; между обѣими партіями разгорѣлась такая сильная вражда, что въ послѣднемъ засѣданіи въ ритергаузѣ едва не дошло до кровопролитія". 26 февраля, въ полночь, одинъ надежный пріятель, первый секретарь канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ, баронъ Гильденштернъ, вышелъ изъ дома русскаго посланника вмѣстѣ съ мекленбургскимъ канцлейратомъ Кеппеномъ и вдругъ былъ схваченъ пятью людьми, а Кеппенъ возвратился разсказать Бестужеву объ этомъ событіи. Посланника схватила лихорадка и начался ломъ въ ногѣ при этомъ извѣстіи; схваченный пріятель былъ, по его мнѣнію, человѣкъ самый добрый и честный, любимецъ всей доброй партіи, происходилъ отъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій, находился въ родствѣ съ графомъ Горномъ. Посланнику было очень чувствительно то, что пресѣкался источникъ извѣстій, которымъ онъ пользовался въ послѣдніе три года; схваченному будетъ поставлено въ вину, зачѣмъ онъ при такихъ обстоятельствахъ былъ тайкомъ у русскаго посланника; другіе друзья сильно встревожатся и перестанутъ водиться съ Бестужевымъ; Кеппенъ находится въ опасности, потому что его считаютъ шпіономъ русскаго посланника. У Гильденштерна нашли письмо отъ старика Горна, въ которомъ тотъ благодарилъ его за точную корреспонденцію и давалъ знать, что всѣ письма его сожжены. Вмѣстѣ съ захватомъ Гильденштерна произведено было нѣсколько другихъ арестовъ, которые навели ужасъ на партію мира. Бестужевъ писалъ отъ 5 марта: „Секретная коммисія вмѣстѣ съ министерствомъ такъ деспотически поступаютъ, что и въ самодержавныхъ государствахъ такого примѣра не бывало. Слышу, что несчастный Гильденштернъ многихъ изъ нашей партіи оклеветалъ; увидимъ, что дальше будетъ; только это злое министерство и его клики такъ жестоко здѣсь въ городѣ простой народъ противъ Россіи и меня возстановили и озлобили, что сказать нельзя; а я съ печали духомъ и тѣломъ боленъ; подагра возобновилась Однако ѣздилъ я ко Двору на обыкновенное собраніе, и болѣе двухъ часовъ пробылъ тамъ бодро и смѣло. Мнѣ дали знать, что на прошлой недѣлѣ въ секретной коммисіи рѣшенъ вопросъ о войнѣ: надобно быть во всякой осторожности и готовности,

ибо теперь всякаго зла отъ нихъ ожидать надобно. Друзей нашихъ всегда такое мнѣніе было, что если ни труды, ни деньги, ни терпѣніе, ни умѣренность не помогутъ, то надобно смирить оружіемъ, отнять Финляндію, что можетъ быть окончено въ одну кампанію; жители финляндскіе такъ Шведскимъ правительствомъ скучаютъ, что съ охотою поддадутся Россіи. Замѣчательно, что посолъ французскій иначе сталъ теперь поступать, чѣмъ прежде, и недаромъ у противной партіи обнаружился такой военный жаръ. Мои служители едва смѣютъ выходить изъ дому; надобно опасаться, чтобъ и мнѣ самому какого оскорбленія не нанесли. Кеппену велѣно выѣхать въ 24 часа изъ Стокгольма и въ 8 дней изъ Швеціи за то только, что изъ моего дома вмѣстѣ съ Гильденштерномъ вышелъ и у меня безпрестанно бывалъ. Слышу, будто хотятъ на меня у вашего величества жалобы приносить, что я канцелярскихъ служителей подкупаю и раздѣленіе въ народѣ произвожу. Что касается подкупа, то, еслибъ можно было, я подкупилъ бы весь ихъ сенатъ для интересовъ вашего величества; относительно же раздѣленія въ народѣ, хотя въ девятилѣтнее мое здѣсь пребываніе я сблизился со многими особами и могъ бы ревностныя услуги вашему величеству оказать, если бы дѣла пошли иначе,—но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ я сталъ здѣсь очень непотребенъ, ибо друзья мои черезъ третьяго и четвертаго человѣка меня просили не только самому съ ними не видаться, но и людей моихъ къ нимъ не присылать. Я не въ состояніи что-либо провѣдать; увѣдомляю объ одномъ, чтобъ у насъ были осторожны. Всѣ важныя бумаги мои я передалъ голландскому министру".

19 марта Бестужевъ писалъ: „Такъ какъ велѣно флотъ экипировать, то ясно, что Франція Шведовъ на то подвигнула и денегъ дать обѣщала, ибо своими средствами Шведы этого дѣлать не въ состояніи. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что Франція тутъ дѣйствуетъ и коварство свое производитъ, дабы всегда содержать Россію въ тревогѣ и опасеніи отъ здѣшней стороны и не дать ей возможности употребить свои силы въ другомъ мѣстѣ. Мы надѣялись, что англійскія предложенія субсидій произведутъ какую-нибудь перемѣну въ дѣлахъ, но вмѣсто того секретарю англійскаго посольства запрещено являться къ Двору". 2-го апрѣля Бестужевъ доносилъ: „Никакой Шведъ ко мнѣ въ домъ ходить не смѣетъ, потому я здѣсь живу въ такомъ положеніи, какъ будто Россія со Швеціею дѣйствительно находилась въ войнѣ; бывшіе въ моей службѣ Шведы меня оставили; простой народъ всякими ежедневно вымышляемыми разглашеніями возбуждается противъ Россіи; а если бы кто эти лжи вздумалъ опровергать, то его сейчасъ называютъ измѣнникомъ или Русскимъ, и послѣднее слово между простыми людьми считается браннымъ". Наконецъ Шведское правительство стало отказывать Русскому государю въ императорскомъ титулѣ, утверждая, что этотъ титулъ давался всѣмъ предшественникамъ Іоанна VI лично.

Впрочемъ апрѣль, май, половина іюня прошли спокойно. Бестужевъ доносилъ, что, судя по приготовленіямъ, Швеція не можетъ сдѣлать противъ Россіи ничего важнаго, и вообще военныя силы ея находятся въ плохомъ состояніи. Отъ 19 іюня Бестужевъ писалъ: „Изъ всѣхъ здѣшнихъ дѣлъ и поступковъ можно видѣть, что графъ Гилленборгъ хотя бы и хотѣлъ со мною объясниться или рѣшить дѣло объ императорскомъ титулѣ, но не можетъ, потому что всѣ здѣшнія военныя движенія и приготовленія сдѣланы по понужденію французскому; Франція обѣщала заплатить за издержки; слѣдовательно министерство безъ позволенія ея ничего сдѣлать не можетъ, притомъ же графъ Гилленборгъ обѣщалъ войну здѣшнимъ молодымъ людямъ, и потому не можетъ склониться на примиреніе съ Россіею въ видахъ охраненія своего кредита и своего положенія. Наконецъ министерство внушило народу, что Россія изъ страха предъ войною отдастъ Швеціи, по крайней мѣрѣ, Выборгъ". Бестужевъ прибавляетъ, что у Шведовъ есть надежда на какую-то смуту въ Россіи. Русскій агентъ, Шевіусъ, доносилъ о слухѣ между Шведами, что въ Россіи будетъ бунтъ въ пользу цесаревны Елисаветы; что фельдмаршалъ Леси съ 60,000 войска ужъ идетъ изъ Лифляндіи къ Петербургу; что къ Леси конечно пристанетъ и бóльшая часть гвардіи: и тутъ-то для Швеціи настанетъ желанное время ловить рыбу въ мутной водѣ; говорили, будто цесаревна тайно отправилась изъ Петербурга въ Москву, гдѣ будетъ дожидаться украинской арміи, и будетъ объявлена императрицею. Потомъ стали говорить, будто шведскій уполномоченный во Франціи, графъ Тессинъ, пріѣхалъ въ Швецію вмѣстѣ съ графомъ Морицемъ Саксонскимъ, который съ принцессою Елисаветою тайно сговоренъ; будто Елисавета уже въ Финляндіи, откуда вступитъ вмѣстѣ съ Морицемъ въ Россію впереди шведской арміи, а въ Россіи болѣе половины войска на ея сторонѣ. Вспомнили и о старомъ газетномъ слухѣ, пущенномъ при Аннѣ для объясненія казни Долгорукихъ: толковали, что женихъ Елисаветы не Морицъ, а Нарышкинъ, живущій во Франціи. Шевіусъ ходилъ по стокгольмскимъ кофейнямъ и слышалъ тамъ толки молодежи, что миръ между Россіею и Турціею непроченъ: какъ скоро Швеція объявитъ Россіи войну, то и Турція сдѣлаетъ то же самое, и Поляки не утерпятъ,—сядутъ на коней; Пруссія не поможетъ Россіи, потому что ее удержитъ Франція. Шведы боялись одного Миниха, признавая за нимъ большія военныя способности; но и насчетъ Миниха ходили слухи, что онъ или умеръ, или подъ арестомъ, или сосланъ.

3 іюля Бестужевъ далъ знать, что „шведская горячность къ войнѣ" начала усиливаться. Сеймъ все еще тянулся; когда депутаты духовнаго и крестьянскаго чиновъ спрашивали, кчему „дѣ-

лаются такія издержки на вооруженіе, то получ в отвѣтъ: что военныя приготовленія Швеціи чего не стóятъ и Франція Швецію никогда не оставитъ; что Швеція должна воспользоваться нынѣшними благопріятными обстоятельствами, и, для этого, она должна быть вооружена, и вооружается она на чужія деньги. Отъ 21 іюля Бестужевъ увѣдомилъ, что 17 числа въ сенатѣ было разсужденіе, теперь ли начинать войну съ Россіею или нѣтъ. „Поэтому", писалъ Бестужевъ, „да соизволитъ ваше величество во всякой готовности и осторожности быть. Если сначала Шведамъ не удастся и они будутъ побиты, то война можетъ этимъ кончиться, ибо всему свѣту извѣстно, что Шведы войны долго выдержать не могутъ. Мнѣ необходимо выѣхать отсюда какъ можно скорѣе, ибо нельзя ждать какихъ-либо объясненій и примиренія". 27 іюля явился къ Бестужеву надворный канцлеръ и объявилъ, что король съ четырьмя государственными чинами усмотрѣлъ себя принужденнымъ объявить войну царю Россійскому. Причины войны въ манифестѣ были объявлены слѣдующія: Русскій Дворъ во многихъ случаяхъ мало уважалъ народныя права самыя священныя; не упоминая объ оскорбительныхъ угрозахъ, онъ нарушалъ 7 параграфъ Ништадтскаго мира, вмѣшиваясь непозволительнымъ образомъ во внутреннія дѣла королевства для возбужденія смуты и для установленія престолонаслѣдія по своей волѣ, вопреки правамъ чиновъ. Русскій Дворъ постоянно говорилъ съ Швеціею языкомъ высокомѣрнымъ, неприличнымъ между государствами равными и независимыми. Судамъ въ Россіи было именно запрещенно удовлетворять справедливымъ жалобамъ шведскихъ подданныхъ,—распоряженіе, котораго постыдились бы и варвары; запрещено вывозить хлѣбъ въ Швецію, тогда какъ это запрещеніе не касалось другихъ народовъ. Есть столкновенія, которыя можно отстранить путемъ переговоровъ; но за оскорбленіе можно удовлетворить только съ оружіемъ въ рукахъ: таково оскорбленіе, нанесенное убійствомъ Синклера [1]).

Русскій манифестъ отъ имени императора Іоанна былъ выданъ 13 августа; въ немъ, между прочимъ, говорилось: „Между невѣрными и дикими, Бога не исповѣдающими погаными, не только между христіанскими державами, еще не слыхано было, чтобъ, не объявя напередъ о причинахъ неудовольства своего, или не учиня, по послѣдней мѣрѣ, хотя мало основанныхъ жалобъ, и не требуя о пристойномъ поправленіи оныхъ, войну начать, какъ то дѣйствительно нынѣ отъ Швеціи чинится" [2]). Въ изданномъ того же числа указѣ говорилось, что императоръ, несмотря на вышеупомянутый, со шведской стороны, неправедный, Богу противный поступокъ, по великодушію своему повелѣлъ: шведскимъ подданнымъ, со всѣмъ принадлежащимъ имъ имѣніемъ, пока они отсюда и изъ других мѣстъ Россійской имперіи въ свое отечество выѣхать не могутъ, всемилостивѣйшую протекцію и защищеніе показать; никто изъ русскихъ подданныхъ не долженъ дѣлать имъ никакихъ обидъ, досадительства и вреда [3]).

Главнымъ начальникомъ шведскаго войска въ Финляндіи былъ назначенъ графъ Левенгауптъ, сеймовый маршалъ, самый популярный въ это время человѣкъ въ Швеціи. По своимъ обязанностямъ на сеймѣ, онъ могъ пріѣхать къ войску только черезъ четыре недѣли послѣ объявленія войны. Въ Россіи, по депешамъ Бестужева, заблаговременно были приняты мѣры: такъ какъ нельзя было употребить первую военную знаменитость имперіи, Миниха, то вызвали знаменитѣйшихъ послѣ него генераловъ, Леси и Кейта, и первому, какъ фельдмаршалу, поручено было главное начальство надъ финляндскимъ корпусомъ; другой корпусъ, менѣе значительный, былъ расположенъ у Красной Горки, подъ начальствомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, съ цѣлію защищать Петербургъ; положено было также собрать небольшіе корпуса въ Лифляндіи и Эстляндіи, подъ начальствомъ генерала Левендаля.

16 августа выѣхалъ Леси изъ Петербурга и 18 прибылъ въ Выборгъ, куда вызвалъ къ себѣ для совѣщаній генерала Кейта. Осматривали укрѣпленія Выборга и артиллерію, и, назначивши генералъ-маіора Шипова оберъ-комендантомъ, Леси, 20 числа, отправился къ войску, стоявшему въ Каннаноѣ. Отъ перебѣжчика фельдмаршалъ зналъ, что шведскія силы невелики, состоятъ изъ двухъ корпусовъ, изъ которыхъ въ каждомъ не болѣе 4,000 человѣкъ: одинъ, подъ начальствомъ генерала Врангеля, находится въ трехъ миляхъ отъ Вильманштранда, а другой, подъ начальствомъ генерала Будденброка, въ шести миляхъ отъ этого города, котораго гарнизонъ не превышалъ 600 человѣкъ. Леси созвалъ военный совѣтъ, на которомъ положено съ частію корпуса идти немедленно къ Вильманштранду, взявши съ собою только на пять дней провіанта. Приблизившись къ Вильманштранду, Русскіе 22 числа остановились въ деревнѣ Армилѣ, а вечеромъ подошелъ къ городу шведскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Врангеля; число Шведовъ, включая вильманштрандскій гарнизонъ, простиралось, по русскимъ извѣстіямъ, до 5,256 человѣкъ, по шведскимъ—до 3,500; у Русскихъ было 9,900 человѣкъ. На другой день Леси двинулся противъ непріятеля, который занималъ очень выгодное положеніе подъ пушками крѣпости; несмотря на то, Русскіе шли на него прямо „съ толь многою бодростію и храбростію, какъ добрымъ порядкомъ чрезъ пригорокъ и долины." Вначалѣ русское войско было встрѣчено Шведами съ такою свирѣпостію, что принуждено было податься назадъ; но Леси остановилъ напоръ Шведовъ, велѣвши конницѣ наступить на ихъ флангъ, послѣ чего Шведы были сбиты съ возвышеній и лишились своихъ пушекъ

[1]) Дѣла Шведскія 1741 года.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 8432.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 8433.

это такъ ободрило Русскихъ, что они наступили на непріятеля съ удвоеннымъ мужествомъ и покончили трехчасовой бой пораженіемъ Шведовъ. Преслѣдуя непріятеля, бѣжавшаго въ крѣпость, Русскіе прорвались до самаго контръ-эскарпа, и Леси послалъ барабанщика требовать сдачи города; но барабанщикъ былъ застрѣленъ, и Леси велѣлъ жестоко штурмовать городъ, противъ котораго дѣйствовали только-что отнятыя у Шведовъ пушки. Черезъ часъ осаждающіе были въ палисадахъ и, вслѣдъ затѣмъ, русскія знамена уже развѣвались на валу. Командовавшій шведскимъ корпусомъ генералъ Врангель попался въ плѣнъ съ семью штабъ-офицерами и 1,250 рядовыхъ. Побѣдителямъ досталось также 13 пушекъ съ запасами, 2,000 лошадей, а „тѣ солдаты, которые штурмомъ въ городъ вошли, равномѣрное знатное число добычи деньгами золотыми и серебряными, разною серебряною посудою, платьемъ, провіантомъ и иными разными вещами получили". Русскіе потеряли убитыми генералъ-маіора Ускхуля, троихъ штабъ и одиннадцать оберъ-офицеровъ и съ небольшимъ 500 человѣкъ рядовыхъ.

Это было единственное значительное дѣло въ кампаніи 1741 года; побѣдители ограничились мелкою войною; Леси и Кейтъ возвратились въ Петербургъ, гдѣ шли совѣщанія о мѣрахъ на случай, если шведскій главнокомандующій Левенгауптъ предприметъ зимою наступательное движеніе. О состояніи провіантской части въ это время можетъ дать намъ понятіе слѣдующее извѣстіе. Въ октябрѣ 1741 года генералъ-прокуроръ далъ Сенату предложеніе, что, по указу Петра Великаго, велѣно было учредить въ Петербургѣ и другихъ остзейскихъ мѣстахъ запасные магазины; кромѣ того, на полевые и гарнизонные полки заготовлялось къ наличному еще на годъ и восемь мѣсяцевъ, почему такой нужды, какая теперь состоитъ въ провіантѣ, никогда не было. Въ 1731 году было положено провіанта содержать меньше, какъ видно, вслѣдствіе тогдашняго мирнаго времени; а такъ какъ извѣстно, какая при настоящемъ военномъ времени нужда въ провіантѣ и фуражѣ, то прав. Сенату предлагается имѣть разсужденіе: въ которыхъ магазинахъ поскольку надобно держать провіанта. По указу Петра Великаго велѣно учредить должность генеральнаго эконома, который долженъ былъ вездѣ заботиться о хлѣбныхъ запасахъ, чтобъ въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ, причемъ взять иностранные уставы и прибавить своего. Въ указѣ 1736 года написано: генералъ-провіантъ-мейстеръ долженъ стараться о заготовленіи провіанта и фуража на армейскіе и гарнизонные полки и въ запасные магазины, и, для отвращенія казеннаго убытка, заготовлять провіантъ въ магазины у помѣщиковъ и крестьянъ, а не у подрядчиковъ, смотря по дешевизнѣ, хотя-бъ и лишнее было и нужды въ тотъ годъ не было; но такого генералъ-провіантъ-мейстера и до сихъ поръ нѣтъ; при арміи генералъ-провіантъ-мейстеръ былъ, но онъ исполнялъ только то, что ему отъ генералъ-кригсъ-комисара приказывалось, а съ ноября 1740 года и никакого генералъ-провіантъ-мейстера нѣтъ. Въ сентябрѣ 1740 года генералъ-прокуроръ предлагалъ Сенату, не лучше ли въ магазинахъ держать рожь, а муки только для внезапныхъ расходовъ понемногу, ибо солдатамъ лучше раздавать свѣжій хлѣбъ, а мука черезъ годъ или два получаетъ затхлость и горечь; для молотьбы же содержать мельницы и ручные жернова, сверхъ того можно молоть и на частныхъ мельницахъ; но и по этому предложенію до сихъ поръ разсужденія еще не было [1]).

Какъ скоро Швеція объявила войну, то, разумѣется, первымъ дѣломъ Русскаго правительства было обратиться къ союзнику, который обязанъ былъ помогать Россіи противъ нападающей державы и давалъ такія торжественныя обѣщанія, что поможетъ непремѣнно. 16 августа былъ изготовленъ въ Петербургѣ рескриптъ Браклю, въ Берлинъ съ извѣстіемъ о Шведской войнѣ и съ указомъ, чтобъ ѣхалъ въ Силезію къ Фридриху II и требовалъ помощи въ силу заключеннаго недавно оборонительнаго союза. Въ постскриптѣ къ этому указу говорилось: „Хотя нельзя надѣяться, чтобъ король Прусскій склонился дать намъ союзническую помощь, однако мы разсудили ее потребовать на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Еслибъ мы этого не сдѣлали, то король могъ принять дѣло такъ, что мы отъ союза напередъ отступили. 2) Требованіе наше можетъ нѣкоторымъ образомъ способствовать къ тому, чтобъ Пруссія не вступала въ дальнѣйшія сближенія съ Швеціею. 3) Король не можетъ объявить достаточно важной причины къ отказу намъ въ помощи, ибо хотя мы старались отвратить его отъ Силезскаго предпріятія сильными увѣщаніями, однако противъ него по сіе время не дѣйствовали".

По прибытіи въ Бреславль, Бракель прежде всего имѣлъ разговоръ съ министромъ Подевильсомъ о договорѣ, заключенномъ между Пруссіею, Франціею и Баваріею противъ Австріи. Бракель замѣтилъ, что конечно новое обязательство Пруссіи съ Франціею не повредитъ обязательствамъ Пруссіи съ Россіею. Подевильсъ сталъ обнадеживать его честію, что въ договорѣ съ Франціею ни однимъ словомъ не упомянуто о Шведахъ, тѣмъ менѣе непосредственно съ ними что-либо заключено. „Я знаю", говорилъ Подевильсъ, „что носятся разные слухи: утверждаютъ, будто нашъ король Шведамъ деньги далъ; но я желаю, чтобъ тотъ талеръ, который данъ Шведамъ, сгорѣлъ въ моей душѣ. Вы можете смѣло обнадежить свой Дворъ, что король нашъ предпочитаетъ дружбу съ Россіею всѣмъ прочимъ, будетъ постоянно и свято ее сохранять, и съ Шве-

[1]) Донесеніе Леси въ Кабинетскихъ дѣлахъ 1741 года Московс. Архивъ Мин. Иностр. Д. Ср. также Манштейна по Парижскому изданію 1860 года II, 163 и слѣд. — Журналы и протоколы Сената 1741 года, въ Архивѣ Минист. Юстиціи.

дами ни въ какой союзъ безъ вѣдома и соизволенія Россіи не вступитъ". 22 октября Бракель имѣлъ аудіенцію у Фридриха II въ лагерѣ. Король принялъ его очень милостиво, призналъ объявленіе войны Шведами насильственнымъ и неправеднымъ, призналъ и обязанности свои въ силу послѣдняго трактата; но при этомъ далъ знать: что ему нѣтъ никакой возможности исполнить этихъ обязанностей при настоящихъ обстоятельствахъ, такъ какъ онъ самъ вплетенъ въ упорную войну; параграфъ союзнаго договора, по которому онъ обязанъ былъ давать помощь, король измѣнялъ такъ, что и Россія освобождалась отъ обязанности помогать Пруссіи, въ случаѣ если бы сама находилась въ войнѣ съ другими державами. Наконецъ Фридрихъ велѣлъ Браклю увѣрить императорское правительство его королевскимъ словомъ и честію, что онъ ничего не предпринималъ въ предосужденіе Россіи, съ Шведами не вступалъ ни въ какія соглашенія, намѣренъ оставаться съ Россіею въ союзѣ, и увѣренъ, что она въ состояніи смирить своихъ враговъ и безъ чужой помощи, и потому легко можетъ обойтись безъ прусскаго войска. Послѣ этого Бракель имѣлъ смѣлость, какъ выражается, со всякимъ почтеніемъ представлять королю злыя слѣдствія союза его съ Франціею, которая прежнюю свою систему перемѣнить не можетъ, перемѣнитъ только предметъ ненависти и зависти: до сихъ поръ домогалась она раздробленія Австрійскихъ владѣній, и такъ какъ она этой цѣли теперь достигла, Римской имперіи дала особаго цесаря, получила также возможность довести свои границы до Рейна, то не станетъ смотрѣть равнодушно на увеличеніе прусскихъ силъ, а будетъ стараться ослабить ихъ или сама собою, или чрезъ посаженнаго ею цесаря. Бракель представлялъ необходимость скорѣйшаго примиренія Пруссіи съ Австріею и союза между ними противъ Франціи, чему Русскій Дворъ не откажется содѣйствовать всѣми своими силами. Король отвѣчалъ, что онъ противъ воли долженъ былъ вступить въ союзъ съ Франціею, и такъ какъ теперь Французы съ большими силами вошли въ Германію и стоятъ недалеко отъ его собственныхъ земель, то ему нельзя отступить отъ своихъ обязательствъ и подвергнуть свои клевскія и вестфальскія земли мщенію Французовъ [1]).

Былъ еще другой союзникъ—король Польскій и курфирстъ Саксонскій. Относительно Польши первымъ дѣломъ новаго правительства, по сверженіи Бирона, было поручить Кейзерлингу вывѣдать у короля, какого онъ мнѣнія насчетъ дальнѣйшей судьбы Курляндскаго герцогства. Кейзерлингъ объявилъ королю, по какимъ „великимъ и важнымъ" причинамъ герцогъ Курляндскій отрѣшенъ отъ регентства Россійской имперіи и что необходимо держать отрѣшеннаго регента подъ постояннымъ арестомъ, ибо герцогъ, по безпокойному и запальчивому нраву, при полученіи свободы, не замедлитъ употребить во зло свое знаніе Россійской имперіи. Король отвѣчалъ, что онъ готовъ помогать императору при новомъ избраніи Курляндскаго герцога, но совѣтуетъ не спѣшить, а составить сначала общій планъ. Потомъ начали пересчитывать разныхъ принцевъ, и самъ король, догадываясь, за кого будетъ хлопотать Россія, предложилъ, какъ угоднѣйшаго ему кандидата, принца Брауншвейгъ-Бевернскаго, роднаго дядю Русскаго императора.

Вторымъ порученіемъ, возложеннымъ на Кейзерлинга, было освѣдомиться, чью сторону приметъ король-курфирстъ въ открывшейся борьбѣ на западѣ; въ Петербургѣ были получены извѣстія, что Августъ III сносился съ Франціею, хочетъ получить съ ея помощью императорское достоинство, для чего намѣренъ отказаться отъ Польскаго престола въ пользу Станислава Лещинскаго. Кейзерлингъ въ началѣ 1741 года спѣшилъ увѣрить свой Дворъ, что король Августъ не думаетъ объ императорской коронѣ, и безъ соглашенія съ Россіею не вступитъ ни въ какой союзъ: такъ уже онъ высказался, когда Фридрихъ II предложилъ ему свой союзъ; король желаетъ поддержанія прагматической санкціи и спокойствія въ имперіи,—доказательствомъ служатъ представленія, сдѣланныя Прусскому королю, чтобъ удержался отъ вступленія въ Силезію. Королева Венгро-Богемская требуетъ 6,000 вспомогательнаго войска на основаніи договора 1733 года; но король Августъ уклоняется отъ исполненія этого требованія на основаніи того же договора, который говоритъ, что онъ освобождается отъ исполненія этого обязательства, если самъ принужденъ будетъ вести оборонительную войну, а теперь военное пламя загорается подлѣ границъ королевскихъ владѣній и опасность становится день-ото-дня очевиднѣе. Король, по близкому свойству, не удалится отъ тѣснѣйшаго союза съ Маріею-Терезіею, но можетъ вступить въ такой союзъ только вмѣстѣ съ Россіею и съ условіемъ получить отъ королевы вознагражденіе за военные убытки, причемъ долженъ получить въ закладъ нѣкоторыя Богемскія волости. Донося объ этомъ, Кейзерлингъ прибавлялъ, что въ Дрезденѣ питаютъ нѣкоторые недовѣріе къ Вѣнскому Двору.

Въ половинѣ марта Кейзерлингъ донесъ, что король готовъ вступить въ обязательство съ королевою Венгро-Богемскою и все это дѣло предаетъ въ руки Русскаго императора и короля Англійскаго. Дѣло о союзѣ четырехъ державъ—Россіи, Австріи, Саксоніи и Англіи—двинулось вслѣдствіе паденія Миниха. Кейзерлингъ объявилъ, что его императоръ готовъ перенять на себя гарантію въ вознагражденіе убытковъ, которое Венгро-Богемская королева обязана будетъ сдѣлать королю Польскому, готовъ приступить и къ общимъ мѣрамъ, и ждетъ только плана общихъ дѣйствій, а между тѣмъ войска его готовятся къ немедленному выступленію въ походъ.

Въ мартѣ пріѣхалъ въ Дрезденъ отъ Русскаго

[1]) Дѣла Прусскія 1741 года.

Двора, въ качествѣ полномочнаго посла, тайный совѣтникъ графъ фонъ-Сольмсъ; но Кейзерлингъ остался — и оба вмѣстѣ вели дѣла. Въ апрѣлѣ оба министра увѣдомили свой Дворъ, что между королемъ Польскимъ и Маріею-Терезіею заключенъ договоръ, по которому первый обязанъ помогать второй всѣми своими силами, какъ скоро другіе союзники двинутъ свои войска противъ Пруссіи, и продолжать войну до тѣхъ поръ, пока состоится миръ съ согласія всѣхъ союзниковъ; притомъ король обязанъ, при избраніи императора, подать свой голосъ въ пользу мужа Маріи-Терезіи, герцога Франца Лотарингскаго, и склонять къ тому же другихъ курфирстовъ. Марія-Терезія обѣщала за это, по заключеніи мира съ Пруссіею, выплатить Саксонскому курфирстскому Дому двѣнадцать милліоновъ ефимковъ въ продолженіи восемнадцати лѣтъ. Завоеванія раздѣлить поровну. Прошло четыре мѣсяца, и въ половинѣ августа тайный кабинетъ-министръ Брюль объявилъ Кейзерлингу и Сольмсу къ конфиденціи, что Вѣнскій Дворъ размѣною ратификацій заключеннаго договора болѣе четырехъ мѣсяцевъ медлилъ, а въ это время обстоятельства чрезвычайно измѣнились; Англійскій король далъ знать, что договоръ съ Австріей не время уже ратификовать, а между тѣмъ король Польскій этимъ договоромъ поставленъ въ очень непріятное положеніе: несмотря на то, что уговорились содержать его втайнѣ, онъ уже извѣстенъ Франціи и Пруссіи. Наконецъ должно прибавить, что королю Августу стоило нѣсколько милліоновъ привести армію въ военное положеніе, и если бы съ самаго начала поступили съ прямою ревностію и соединеніемъ силъ, то положеніе Европы не было бы теперь такъ опасно и сомнительно; Прусскаго короля удержать было можно, пока онъ не вступилъ въ соглашеніе съ Франціею и Баваріею. Теперь французское войско уже вступило въ германскія границы; Дворы Кельнскій, Баварскій и Пфальцскій соединились съ Франціею, къ нимъ пристали Майнцскій и Трирскій, такъ-что теперь нѣтъ возможности препятствовать Прусскому королю, который объявилъ, что если еще нѣсколько недѣль не будетъ заключено мира, то онъ потребуетъ всей Силезіи. При такихъ деликатныхъ и сомнительныхъ обстоятельствахъ, короли Польскій и Англійскій не въ состояніи что-либо предпринять, тѣмъ болѣе - что и время прошло соглашаться насчетъ плана, безъ котораго общія дѣйствія союзныхъ Дворовъ не могутъ быть начаты и продолжены. Объ этомъ уже сообщено въ Вѣну отсюда и изъ Англіи; но Вѣнскій Дворъ хочетъ идти своимъ особеннымъ путемъ и старается удовольствовать Баварію чрезъ посредство Франціи, чтобъ имѣть свободу дѣйствовать противъ Пруссіи. Что касается достоинства Римскаго Цесаря, то король Польскій, если его справедливыя требованія будутъ удовлетворены, охотно дастъ свой голосъ въ пользу герцога Лотарингскаго и будетъ стараться удалить Баварскаго курфирста отъ императорской короны, ибо при такомъ возвышеніи Баварскаго Дома Саксонскій Домъ будетъ лишенъ всякой надежды получить хоть малѣйшую долю Австрійскаго наслѣдства, на которое король имѣетъ неоспоримое и большее право, чѣмъ курфирстъ Баварскій; уже изъ выраженія, употребленнаго курфирстомъ Баварскимъ: „*Можно и королю Польскому кой-что уступить*“ — видно, какъ мало онъ обратитъ вниманія на королевскія права, когда будетъ императоромъ. Поэтому здѣсь, пока еще руки свободны, можно бы принять рѣшеніе — послать тайно во Францію довѣреннаго человѣка освѣдомиться у кардинала Флёри, что Франція, хлопоча такъ усердно за Баварскаго курфирста, намѣрена дать королю изъ Австрійскаго наслѣдства. Впрочемъ, каково бы ни было здѣсь положеніе дѣлъ, король непоколебимо пребудетъ въ своей дружбѣ къ Россіи и будетъ также стараться предупредить начинающуюся войну. Есть извѣстіе, что король Прусскій старается возбудить Порту противъ Польши; вѣрно также, что настоящія шведскія движенія есть дѣло Пруссіи и Франціи: онѣ обѣ дали Шведамъ денегъ. Это показываетъ, чего Россія можетъ надѣяться отъ такого сосѣда, когда при злостномъ намѣреніи силы его еще умножатся. Здѣсь какъ можно скорѣе желаютъ знать, какое при настоящихъ обстоятельствахъ намѣреніе Россіи, такъ какъ столько времени потеряно и ничего полезнаго не сдѣлано. Къ этому Брюль прибавилъ, что такъ какъ въ Европѣ грозитъ страшная опасность, грозитъ генеральная революція, то нельзя ли привести кардинала Флёри къ мысли о генеральномъ конгрессѣ, убѣдивъ его, что этимъ путемъ можно достигнуть того, чего иначе надобно искать сомнительнымъ путемъ войны.

Вслѣдъ за этимъ конфиденціальнымъ разговоромъ было получено извѣстіе о разрывѣ между Россіею и Швеціею. Кейзерлингъ и Сольмсъ объявили королю, что императоръ готовъ показать истинность своихъ союзническихъ намѣреній, сколько допустятъ обстоятельства Шведской войны, и, наоборотъ, твердо надѣется, что и король не откажетъ въ союзнической помощи. Августъ III отвѣчалъ, что никогда не удалится отъ дружбы съ императоромъ и о своихъ союзническихъ обязательствахъ еще очень помнитъ, но теперь самъ находится въ страшномъ безпокойствѣ и будетъ принужденъ искать помощи. Дѣйствительно, французскій уполномоченный, графъ Белиль, далъ знать во Франкфуртѣ, что Саксонскій Дворъ долженъ ясно высказаться, чью сторону будетъ держать; оставить нейтральнымъ его нельзя. Съ другой стороны, пришло извѣстіе, что въ Польшѣ коронный гетманъ затѣваетъ конфедерацію.

Въ концѣ сентября Кейзерлингъ и Сольмсъ увѣдомили свой Дворъ, что въ воеводствѣ Бельзскомъ, въ округахъ Хельмскомъ и Галицкомъ, уже составились конфедераціи подъ предлогомъ умно-

женія войска; но, по мнѣнію пословъ, дѣло было затѣяно не для умноженія войска, а по проискамъ прусскимъ и французскимъ, потому что приверженцы коронного гетмана часто бываютъ у прусскаго резидента въ Варшавѣ; русскому резиденту въ Варшавѣ Люблинскій воевода далъ знать, что суммою отъ 20 до 30 тысячъ рублей онъ надѣется удержать армію отъ конфедераціи. Впрочемъ, въ октябрѣ послы сообщили утѣшительныя извѣстія, что стараніемъ воеводы Подольскаго, Ржевускаго, въ украинскихъ воеводствахъ не только не состоялось никакихъ конфедерацій, но воеводства эти протестовали противъ всѣхъ конфедерацій, какъ запрещенныхъ закономъ и вредныхъ отечеству. Утвердивъ такимъ образомъ тишину въ Украйнѣ, Подольскій воевода поѣхалъ въ Хельмъ и тамъ успѣлъ разстроить конфедерацію. Воеводство Познанское также протестовало противъ конфедераціи; а Ленчицкое воеводство прислало къ коронному гетману съ запросомъ, для чего онъ собиралъ войско и куда идти намѣренъ: если противъ одной изъ сосѣднихъ державъ, то ему должно быть извѣстно, что республика желаетъ жить со всѣми ими въ мирѣ; если же для другихъ какихъ-нибудь цѣлей, то ему такъ же извѣстно, что государственный уставъ запрещаетъ собирать войско безъ вѣдома короля и Рѣчи Посполитой. По мнѣнію Кейзерлинга и Сольмса, такое доброе расположеніе воеводствъ было слѣдствіемъ недавняго проѣзда графа Понятовскаго чрезъ Великую Польшу и старанія находящихся здѣсь обоихъ коронныхъ канцлеровъ. Видя, что шляхта не хочетъ конфедераціи, коронный гетманъ упалъ духомъ и началъ представлять дѣло такъ, что онъ считалъ своею обязанностію собирать войско, видя повсюду въ сосѣдствѣ военное пламя и слыша объ угрозахъ турецкихъ и татарскихъ. Но Кейзерлингъ и Сольмсъ увѣряли свой Дворъ, что гетманъ дѣйствовалъ по наущеніямъ прусскимъ и шведскимъ. Графъ Брюль объявилъ посламъ, что мѣры, принятыя королемъ противъ безпокойствъ и конфедерацій въ Польшѣ, служатъ доказательствомъ, что его величество не допускаетъ въ Польшѣ ничего, что бы могло быть непріятно Россіи; достовѣрно, что Швеція въ послѣднихъ безпокойствахъ принимала наибольшее участіе, а Франція не могла принимать никакого, ибо странно было бы, чтобъ эта держава, стараясь тѣснѣе соединиться съ Саксонскимъ Дворомъ, въ то же время хотѣла бы тревожить его въ Польшѣ. Брюль объявилъ и о результатахъ этого старанія Франціи насчетъ тѣснѣйшаго соединенія съ Саксоніею: заключенъ союзъ, говорилъ онъ, но собственно это не союзъ, а болѣе—приступленіе къ трактату между Франціею, Баваріею и Пруссіею относительно раздѣла Австрійскихъ наслѣдныхъ земель. Брюль извинялъ поведеніе Саксоніи въ этомъ случаѣ тѣмъ, что король не упоминалъ о своихъ, хотя безпрекословныхъ, правахъ на Австрійское наслѣдство до тѣхъ поръ, пока не осталось болѣе никакого способа къ содержанію прагматической санкціи и притомъ обнаружилась ближайшая опасность его наслѣдственнымъ землямъ [1]).

Легко понять, что Франція и Швеція употребляли всѣ усилія, чтобъ заставить Турцію отвлечь русскія силы; но, къ счастію для Россіи, Туркамъ было не до Европы, ибо они трепетали за Азію, ожидая съ-часу-на-часъ нашествія грознаго шаха Надира. Этотъ страхъ Турецкаго правительства предъ Персіею далъ возможность Румянцеву сохранить твердость въ Константинополѣ, настаивать, что Азовъ не будетъ срытъ прежде, чѣмъ опредѣлено будетъ мѣсто для новыхъ крѣпостей и освобождены будутъ всѣ плѣнные. Подкупленный Миралемъ, бывшій прежде посломъ въ Россіи, давалъ знать, что твердостію все получить можно отъ Порты. Въ іюнѣ Румянцевъ доносилъ, что шведскіе посланники имѣютъ частыя свиданія съ министрами Порты, а венеціанскій посолъ посекрету сообщилъ ему, что Франція подкрѣпляетъ шведскія интриги всѣмъ своимъ кредитомъ; ея посланникъ объявилъ Портѣ, что король Французскій далъ Шведамъ три милліона субсидій, и что Турки должны сдѣлать то же. Но Румянцевъ замѣчалъ, что визирь ласкаетъ Шведовъ только для того, чтобъ возбуждать опасенія въ Петербургѣ; опасаться нечего, потому что Турки заняты Персидскими дѣлами. 5 іюля у Румянцева была конференція съ великимъ визиремъ, въ присутствіи *медіатора*, французскаго посланника графа Кастелляна. Визирь требовалъ исполненія условія о разореніи Азова; Румянцевъ отвѣчалъ, что Азовъ будетъ разоренъ, когда Турки отпустятъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ. Визирь настаивалъ, что въ мирномъ договорѣ условіе объ Азовѣ не состоитъ ни въ какой связи съ условіемъ объ освобожденіи плѣнныхъ; Румянцевъ возражалъ, что обязательство объ Азовѣ точно, но о плѣнныхъ еще крѣпче того; слѣдовательно оба пункта должно исполнить; что всѣ артикулы трактата въ равной силѣ и вмѣстѣ составляютъ одинъ корпусъ трактата, который во всѣхъ пунктахъ равномѣрно исполненъ быть долженъ. На это медіаторъ сказалъ, что хотя справедливо, что каждый трактатъ состоитъ изъ такихъ статей, которыя всѣ должны быть исполнены, однако всегда есть статьи главныя, какъ, напримѣръ, въ настоящемъ договорѣ статья объ Азовѣ, ибо извѣстно, что и война велась за этотъ городъ, и весь договоръ основанъ на его разореніи: слѣдовательно эту статью надобно исполнить прежде другихъ, и ему кажется, что Россія противъ этого не можетъ выставить никакихъ основательныхъ причинъ. Румянцевъ отвѣчалъ: „Всему свѣту извѣстно, что война началась не за Азовъ; но о прошломъ говорить нечего; я не спорю, что для Порты главная статья объ Азовѣ, а для Россіи - о плѣнныхъ, и потому обѣ статьи должны быть исполнены въ одно время. Русское требованіе справедливѣе турецкаго тѣмъ болѣе, что Портѣ давно объявлено: съ русской стороны не

[1]) Дѣла Польскія 1741 года.

сдѣлають ничего, если Турки не будутъ исполнять и съ своей стороны обязательствъ". Медіаторъ замѣтилъ, что Россія обязалась разорить Азовъ въ четыре мѣсяца, считая съ прошлаго мая, тогда какъ обязательство насчетъ плѣнныхъ обоюдное; какъ у Турокъ находятся русскіе плѣнные, такъ у Русскихъ—турецкіе, причемъ секретарь французскаго посольства Пейсонель прибавилъ, что въ Россіи больше турецкихъ плѣнныхъ, чѣмъ въ Турціи русскихъ. Румянцевъ отвѣчалъ, что число плѣнныхъ нейдетъ къ дѣлу, важенъ вопросъ: отдастъ ли Порта всѣхъ плѣнныхъ;—тогда Россія немедленно Азовъ разоритъ. „Пусть разорятъ Азовъ, плѣнные сейчасъ же будутъ выданы", говорилъ визирь.—„Между словомъ и дѣломъ большая разница", возражалъ Румянцевъ; „не только въ провинціяхъ, но и здѣсь въ Константинополѣ ни одного плѣнника отъ Турка не взято, и Жидамъ указа не объявлено". Конференція кончилась взаимными пререканіями. Румянцевъ обратился къ помощи англійскаго посла, чтобъ возбудить сановниковъ Порты противъ визиря, который, зная положеніе дѣлъ въ Европѣ, хотѣлъ имъ воспользоваться, а французскій посланникъ естественно поддерживалъ его въ томъ, не желая скорымъ окончаніемъ дѣла обезопасить Россію со стороны Турціи. Но главнымъ образомъ Румянцевъ надѣялся на Персію и считалъ необходимымъ выказывать, съ своей стороны, полную твердость и неуступчивость—не разорять Азова до тѣхъ поръ, пока Турки исполнятъ всѣ русскія требованія и признаютъ императорскій титулъ Русскаго государя. Румянцевъ увѣрялъ свой Дворъ, что отъ Турокъ не можетъ быть никакой опасности; шведскіе посланники добиваются субсидій, но, кромѣ красныхъ словъ, ничего не получаютъ.

Но въ Петербургѣ думали иначе, и Румянцевъ получилъ указъ оканчивать дѣла какъ можно скорѣе, не останавливаясь въ крайнемъ случаѣ ни за сроками исполненія обязательствъ, ни за предварительнымъ выборомъ мѣстъ къ постройкѣ новыхъ крѣпостей. Румянцевъ отвѣчалъ, что исполнитъ указъ, но прибавилъ: „Портѣ столько же, если еще не больше, нужно скорое окончаніе дѣлъ съ Россіею; хотя визирь, по ненависти своей, и желалъ бы всякія каверзы произвесть, но султанъ внутри сераля и народъ не хотятъ слышать ни о какихъ столкновеніяхъ съ Россіею; а Французы съ Шведами, несмотря на всѣ свои усилія, ничего не сдѣлаютъ". Но, дѣлать нечего, надобно было исполнить указъ, и, 27 августа, Румянцевъ подписалъ конвенцію, въ которой Турки признали императорскій титулъ Русскаго государя, а съ русской стороны положено немедленно разореніе Азова; съ обѣихъ же сторонъ дано наикрѣпчайшее обѣщаніе возвратить плѣнныхъ.

Когда получено было извѣстіе о начатіи войны между Россіею и Швеціею, то шведскіе посланники старались выставить ее съ своей стороны оборонительною, чтобъ заставить Турокъ, по договору, подать помощь Швеціи; но при Портѣ хорошо знали, что Швеція начала войну, и потому легко было отговориться отъ поданія помощи, да и подать ея было нельзя войскомъ по персидскимъ отношеніямъ, и деньгами—по неимѣнію ихъ въ казнѣ; но Вильманштрандская побѣда не понравилась въ Константинополѣ, потому-что здѣсь боялись усиленія Россіи. Румянцевъ писалъ, что если Турки и освободятся отъ опасности съ персидской стороны, то скорѣе нападутъ на Австрійскія владѣнія, границы которыхъ обнажены, ибо при Портѣ давно толкуютъ, что Бѣлграду безъ Банната Темешварскаго быть нельзя. 28 октября великій визирь пригласилъ Румянцева на дружескій обѣдъ, и, между разнымъ разговоромъ, заведя рѣчь о Шведскихъ дѣлахъ, вдругъ предложилъ посредничество Турціи въ примиреніи воюющихъ державъ. Румянцевъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на этотъ счетъ никакихъ высочайшихъ повелѣній. Румянцевъ писалъ къ своему Двору, что это предложеніе сдѣлано единственно для того, чтобъ отдѣлаться отъ шведскихъ требованій помощи и выиграть время; принимать же турецкое посредничество не соотвѣтствуетъ русскимъ интересамъ, ибо нельзя думать, чтобъ Порта вступилась за Швецію и подала ей помощь. Между тѣмъ переводчикъ русскаго посольства, Пини, пріискалъ въ канцеляріи рейсъ-еффенди пріятеля, подъячаго, который сообщилъ „разныя штуки", а именно—копію съ письма шведскаго министра Гилленборга къ визирю и съ предложеній, поданныхъ шведскими посланниками. Здѣсь Порту убѣждали воспользоваться настоящими обстоятельствами и начать войну съ Россіею; выставляли, что Швеція объявила войну Россіи въ угодность Портѣ, и обѣщали не заключать мира до тѣхъ поръ, пока Турція не получитъ желаемаго ею удовлетворенія; требовали, чтобъ Турція не только помогла деньгами, но чтобъ нынѣшній же годъ выслала Татаръ на Россію и дала помощь Орлику для возмущенія Запорожья, а о Персіи бы не безпокоилась: Швеція помиритъ ее съ шахомъ Надиромъ; кромѣ того, обѣщали возбудить противъ Россіи Поляковъ. По заключеніи извѣстной конвенціи, Румянцевъ выѣхалъ изъ Константинополя, оставивъ Вешнякова въ качествѣ полномочнаго посла [1]).

Турки сдерживались Персіянами, знаменитымъ завоевателемъ Индіи—шахомъ Надиромъ: это заставляло Россію обращать особенное вниманіе на Персію. Въ мартѣ отправленъ былъ изъ Петербурга рескриптъ къ резиденту при Персидскомъ Дворѣ Ивану Калушкину: „Вы должны стараться всѣми средствами войти въ кредитъ у шаха и при всякомъ случаѣ увѣрять его въ нашемъ истинномъ намѣреніи жить въ дружбѣ съ Персидскимъ государствомъ, а между тѣмъ вы должны съ крайнимъ прилежаніемъ вывѣдывать о его движеніяхъ и намѣреніяхъ. Отправленный отъ шаха ко Двору на-

[1]) Дѣла Турецкія 1741 года.

шему посолъ, Магометъ Усеинъ-ханъ, прибылъ въ Астрахань съ 126 человѣками свиты и столькими же лошадьми, принятъ со всякимъ почтеніемъ и довольствомъ въ корму; въ дорожные приставы данъ ему подполковникъ Эгбрехтъ съ приличнымъ солдатскимъ конвоемъ; но посолъ въ дорогѣ ведетъ себя самовольно и сурово, какъ будто въ непріятельской Землѣ, жестоко бьетъ палками и топорными обухами не только конвойныхъ унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и знатныхъ донскихъ старшинъ, но хотѣлъ бить палками и самого подполковника Эгбрехта за то только, что собранныя для посла въ подводы лошади случились малорослы; подполковникъ едва спасся отъ палокъ, которыя уже были принесены къ послу. Прежній персидскій посолъ Хулефа, отпущенный изъ Петербурга, жилъ долго въ Москвѣ, а теперь въ Тамбовѣ ждетъ Усеинъ-хана и посылаетъ къ шаху лживыя доношенія, поносительныя для нашей имперіи извѣстія. Объ этихъ поступкахъ обоихъ пословъ вы должны сдѣлать приличныя представленія при шаховомъ Дворѣ, какъ по тамошнему положенію дѣлъ наилучше разсудите". Калушкинъ доносилъ, что когда, въ маѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи Надира въ Тегеранъ, онъ былъ у него на аудіенціи и подалъ двѣ грамоты—одну отъ императора, а другую отъ правительницы, то шахъ взялъ только первую, а вторую велѣлъ держать у себя министру своему Михтихану. Резидентъ писалъ: „Прежде хотя съ трудомъ, однако можно было еще говорить о дѣлахъ, а теперь такъ неслыханно возгордились какъ шахъ, такъ и всѣ его министры, что и подступиться нельзя; шахъ только и говоритъ, что нѣтъ въ свѣтѣ государя, котораго бы можно было съ нимъ сравнить: на какое государство оборотитъ свою саблю,—то сейчасъ же покорится, причемъ ругаетъ скверными словами то великаго Могола, то султана Турецкаго, не обходя ихъ женъ и дѣтей, причемъ не говоритъ, а кричитъ во все горло. Подражая государю, министры и придворные, набранные вновь изъ послѣдней подлости, ни съ кѣмъ говорить не хотятъ. На твердость шахову къ русской сторонѣ вовсе положиться не смѣю; враждебные замыслы у него на насъ уже были и теперь тайно продолжаются; недавно пріѣзжали къ нему въ лагерь депутаты, трое Киргизовъ и четверо Трухменцевъ, русскіе подданные, кочующіе вмѣстѣ съ Калмыками между Астраханью и Кизляромъ; именемъ всѣхъ ауловъ они объявили, что желаютъ быть въ службѣ шаха, не требуя отъ него ни оружія, ни лошадей, а только жалованья; обѣщали притомъ, что уговорятъ къ тому же и Калмыковъ. Надиръ принялъ ихъ ласково, велѣлъ дать каждому по 20 рублей и отпустилъ съ тѣмъ, чтобъ они слово твердо держали и были готовы, когда дѣло до нихъ дойдетъ. Что касается шаха, то слабый мой умъ всѣхъ неслыханныхъ его затѣй понять не можетъ; 28 мая призваны были къ нему армянскіе архіереи, католическій епископъ съ патерами, Жиды и муллы, которые Евангеліе и талмудъ на Персидскій языкъ переводили. Когда одинъ изъ армянскихъ архіереевъ объявилъ шаху, что они окончили переводъ Св. Писанія, то шахъ сказалъ: „Вы совершили богоугодное дѣло, за что будете нами пожалованы. Вы видите, что Всевышній намъ даровалъ величество, власть и славу, и въ сердце наше вселилъ желаніе разсмотрѣть различіе столь многихъ законовъ, и, выбравъ изо всѣхъ нихъ, сдѣлать новую вѣру, такую, чтобъ Богу угодна была, и мы бы отъ того спасеніе получили. Для чего столько на свѣтѣ разныхъ религій, и всякій своею дорогою идетъ, а не одною: если Богъ одинъ, то и религія должна быть одна"! — „Шахъ", писалъ резидентъ, „одержимъ постоянно неутолимымъ гнѣвомъ, едва не каждый день казнитъ и ослѣпляетъ по нѣскольку знатныхъ управителей. Недавно шира̀зскіе старшины подали просьбу, чтобъ шахъ опредѣлилъ къ нимъ прежняго губернатора. Надиръ такъ на нихъ за это разсердился, что велѣлъ привесть ихъ предъ себя и пять человѣкъ задавилъ; потомъ опомнился и спросилъ, какое ихъ преступленіе. Когда ему объяснили, въ чемъ состоитъ ихъ просьба, то онъ велѣлъ прогнать ихъ отъ себя палками". Новый Навуходоносоръ обезумѣлъ отъ своихъ успѣховъ: „Стоило мнѣ", говорилъ онъ, „лягнуть одною ногою,— и вся Индія рушилась съ престоломъ великаго Могола; слѣдовательно, если обѣими ногами лягну, то весь свѣтъ въ пепелъ обращу. Между всѣми нашими неусыпными трудами мы заботимся о спасеніи души; мы не можемъ ослушаться вдохновенія Божія и не дать всѣмъ такой вѣры, которая была бы пріятна и мусульманамъ и христіанамъ".

Калушкинъ не переставалъ остерегать свой Дворъ насчетъ враждебныхъ намѣреній Надира. Резидентъ слѣдовалъ за шахомъ въ походъ противъ Лезгинцевъ больной, претерпѣвалъ крайнюю нужду. Однажды, въ августѣ мѣсяцѣ, разговаривая съ Афганскимъ предводителемъ, Надиръ вдругъ сталъ кричать: „Персія скверная, достойна ли ты такого великаго государя имѣть! Единъ Богъ на небѣ, а мы единый государь на землѣ, ибо ни одинъ монархъ на свѣтѣ о насъ безъ внутренняго страха слышать не можетъ. Если бы мы теперь саблю нашу на Россію обратили, то легко бы могли завоевать это государство; но оставляемъ его въ покоѣ по той причинѣ, что намъ отъ этого завоеванія пользы не будетъ: во всей Россіи больше казны расходится, тѣмъ сбирается, о чемъ я подлинно знаю; слѣдовательно надобно такого государства искать, гдѣ бы намъ была прибыль". Калушкинъ былъ тѣмъ болѣе раздраженъ этою выходкою, что питалъ глубокое презрѣніе къ персидскому войску, составленному изъ всякой сволочи, не имѣвшей никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Слухъ о движеніи русскихъ полковъ къ Кизляру заставилъ Надира пріутихнуть; точно такъ же остыла у него охота къ войнѣ съ Турками, когда послѣдніе приняли мѣры для защиты границъ своихъ. Походъ Надира въ Дагестанъ кончился неудачно: горцы успѣшно защищались въ своихъ неприступныхъ убѣжищахъ, и шахъ съ

большимъ урономъ долженъ былъ поспѣшно отступить отъ Аварскихъ горъ, плача отъ досады, произнося хулы на Бога. Безвременно ночью, иногда по два и по три раза, выходилъ онъ изъ женскихъ шатровъ въ переднюю палатку и сидѣлъ часа по два; тутъ кто-бъ ему ни пришелъ на память, приказывалъ звать къ себѣ и казнить; кричалъ, что счастіе начинаетъ отъ него отступать и потому произведетъ послѣдній опытъ: или самъ пропадетъ и все свое войско погубитъ, или добьется того, что весь Дагестанъ обратитъ въ пепелъ; велѣлъ собрать вдругъ девять милліоновъ рублей денегъ и 25,000 войска; наконецъ Надиръ призвалъ къ себѣ индѣйскаго волшебника, чтобъ тотъ предсказывалъ ему будущее. По этому поводу Калушкинъ писалъ: „Напрасно онъ столько труда принимаетъ, потому что и безъ волшебства знать можно, что онъ скорѣе все свое войско растеряетъ и самъ пропадетъ, нежели Лезгинцевъ покоритъ“ [1]).

На шаха Надира Россіи можно было такъ же полагаться, какъ на Фридриха II: отношенія были одинакія къ обоимъ завоевателямъ—и восточному и западному; но Персидскій шахъ, по крайней мѣрѣ, сдерживалъ Турокъ, а Прусскій король, несмотря на союзный договоръ, никого не сдерживалъ. Но оставался еще союзникъ, король Датскій.

Весною 1741 года на освѣдомленіе русскаго посланника Корфа датское министерство отвѣчало, что если Шведы начнутъ непріятельскія дѣйствія противъ Россіи, то король не преминетъ исполнить свои союзническія обязательства; впрочемъ надобно надѣяться, что до такой крайности не дойдетъ. Министръ фонъ-Шулинъ основывалъ свои надежды преимущественно на томъ, что у Шведовъ нѣтъ денегъ, и не знаетъ онъ въ Европѣ такой казны, которая была бы къ ихъ услугамъ; дѣлаютъ же вооруженія Шведы въ угоду нѣкоторымъ державамъ, чтобъ удержать Россію отъ поданія помощи Венгерской королевѣ. Когда же дѣло доходило до подробнѣйшихъ изъясненій о помощи, то Шулинъ отвѣчалъ, что Данія, по своимъ обязательствамъ, и съ Швеціею не можетъ ничего начать, прежде чѣмъ Шведы нападутъ на Россію и прежде чѣмъ истекутъ отъ этого времени назначенные въ договорѣ три мѣсяца. Изъ этихъ словъ Корфъ заключалъ, что фонъ-Шулинъ не столько старается о сохраненіи тишины на сѣверѣ, сколько хочетъ показать свое усердіе Французскому Двору, и если Швеція объявитъ войну Россіи, то къ этому понудитъ ее поведеніе Даніи. Шулинъ увѣрялъ Корфа, что датскій министръ при Шведскомъ Дворѣ дѣлаетъ послѣднему уже четвертое представленіе противъ движенія войскъ въ Финляндіи, а Бестужевъ изъ Стокгольма увѣрялъ, что никакихъ представленій не было сдѣлано. „Я опасаюсь“, писалъ Корфъ въ іюлѣ, „что здѣшній Дворъ будетъ отрицаться отъ исполненія договоровъ. Угодничество Французскому Двору и зависть къ Россіи съ нѣкотораго времени довольно вышли наружу, и нѣтъ сомнѣнія, что при случаѣ окажутся на дѣлѣ“.

Въ августѣ, когда Швеція объявила Россіи войну, и русскіе посланники, Корфъ и Чернышевъ, потребовали исполненія союзныхъ обязательствъ, то имъ отвѣчали, что король отправилъ къ своему министру, въ Стокгольмъ, инструкцію, чтобъ онъ самымъ настойчивымъ образомъ предложилъ со стороны Даніи добрыя услуги для возстановленія мира, и если Шведы отклонятъ это предложеніе, то король обнадеживаетъ, по прошествіи назначеннаго срока, подать дѣйствительную помощь Россіи, къ чему теперь, особенно для вооруженія флота, время уже прошло и надобно ограничиться одними переговорами. Въ концѣ сентября посланники доносили, что Датскій Дворъ хотя не будетъ явно помогать Шведамъ, но ни мало не склоненъ также выполнять и союзническія обязательства съ Россіею. Для приличія тянули время, представляя русскимъ посланникамъ, что ведутся переговоры съ Швеціею и, въ случаѣ неудачнаго исхода ихъ, король непремѣнно дастъ помощь Россіи, если въ Германіи, между тѣмъ, не произойдетъ ничего особеннаго, ибо Французы, по послѣднимъ извѣстіямъ, намѣрены расположиться до ольденбургскихъ границъ, а Флёри и Белиль публично сказали, что отыщутся способы для удержанія Датскаго короля отъ поданія помощи Россіи противъ Швеціи. Если такъ пойдутъ дѣла, то Данія не въ состояніи сопротивляться сильной Франціи, предъ которою всѣ преклоняются. Когда, въ началѣ ноября, русскіе министры представили, что опредѣленный въ договорѣ срокъ, именно три мѣсяца по объявленіи войны, уже прошелъ, и Данія, по буквѣ трактата, обязана дать помощь, то Шулинъ отвѣчалъ, что Швеція господствуетъ на Балтійскомъ морѣ, а Французы находятся у границъ ольденбургскихъ, и помощь Даніи, т. е. присылка эскадры, зависитъ отъ того—будетъ ли Англія помогать Россіи. Русское правительство должно откровенно объявить Датскому, какъ условлено у Россіи съ Англіею: если британская эскадра явится весною на Балтійскомъ морѣ, то быть можетъ приняты будутъ мѣры соединить съ нею и здѣшнюю эскадру; въ противномъ случаѣ не видится возможности провести здѣшніе корабли: они непремѣнно попадутся въ шведскія руки, отчего Данія потерпитъ вредъ, а Россія ничего не выиграетъ“ [2]).

Старые союзники отказывались помогать; но была въ Европѣ держава, которая болѣе другихъ толковала о необходимости поддержать политическое равновѣсіе, не дать Франціи самой и посредствомъ другихъ раздробить Австрійскія владѣнія: то была Англія, интересы которой были совершенно одинаковы съ интересами Россіи; между этими державами естественно долженъ былъ образоваться крѣпкій союзъ.

Въ Лондонѣ князь Иванъ Щербатовъ объявилъ,

[1]) Дѣла Персидскія 1741 года.

[2]) Дѣла Датскія 1741 года.

что его Дворъ намѣренъ поддерживать прагматическую санкцію и въ этомъ поступать согласно съ королемъ Англійскимъ. Министры Георга II отвѣчали, что и Англійскій король желаетъ того же самаго, но какъ начать поддержку прагматической санкціи—насчетъ этого ожидается изъясненіе отъ Русскаго Двора, потому что никто изъ сосѣдей не осмѣлится подняться противъ Прусскаго короля прежде Россіи. Въ парламентѣ члены обѣихъ партій единогласно говорили, что надобно поддерживать прагматическую санкцію, а какъ поступить—время научитъ. Щербатовъ доносилъ, что король и всѣ министры спрашивали его ежечасно о дальнѣйшихъ рѣшеніяхъ Россіи. Министръ Маріи-Терезіи въ Лондонѣ, графъ Остейнъ, сказалъ Щербатову посекрету, что, по его мнѣнію, Робертъ Вальполь вбилъ королю въ голову, что Вѣнскій Дворъ не можетъ собрать войско для сопротивленія Прусскому королю. Робертъ Вальполь говорилъ ему, Остейну, чтобъ Марія-Терезія подумала, какъ бы лучше сговориться съ Прусскимъ королемъ, потому что опасно начать непріятельскія дѣйствія, и неизвѣстно, какъ Россія намѣрена поступить, а Французскій король начинаетъ имѣть соглашеніе съ Прусскимъ. Послѣ этихъ словъ Остейнъ потребовалъ аудіенцію у короля, чтобъ узнать ясно, будетъ ли Англія дѣйствительно помогать Вѣнскому Двору. По мнѣнію Щербатова, Остейнъ напрасно горячился; Вальполь не желаетъ новой войны, радъ былъ бы прекратить и старую, притомъ же у него новыя хлопоты: противная партія въ парламентѣ намѣрена представить адресъ королю объ удаленіи Вальполя отъ всѣхъ должностей. На аудіенціи у короля Остейнъ настаивалъ, какъ нужно подать Маріи-Терезіи скорую помощь, ибо поддержаніе Австрійской монархіи въ цѣломъ объемѣ необходимо для всей Европы; если не отнята будетъ сила у короля Прусскаго, то онъ современемъ и къ другимъ сосѣдямъ визитъ съ войскомъ сдѣлаетъ, что прежде другихъ можетъ случиться съ королемъ Англійскимъ въ нѣмецкихъ его владѣніяхъ. Георгъ II отвѣчалъ, что онъ думаетъ совершенно такъ-же и намѣренъ дѣйствовать противъ Прусскаго короля; но прежде всего надобно узнать навѣрное, какимъ образомъ намѣрена поступить Россія. Получивъ донесеніе объ этомъ отвѣтѣ отъ Щербатова, Остерманъ написалъ ему: „Оная королевская декларація собою явна; а что до насъ надлежитъ, то вамъ уже давно дано знать и тамошнему Двору сообщить велѣно, что мы для содержанія прагматической гарантіи готовы съ его королевскимъ величествомъ во всѣ пристойныя и потребныя мѣры вступить и дѣйствительный концертъ учинить. Вы можете о томъ тамошнимъ министрамъ, однакожъ всегда въ потребной конфиденціи и безъ разглашенія о томъ другимъ министрамъ, сообщить. Графу Остейну одному можете вы о вышеписанномъ сообщить, однакожъ съ подтвержденіемъ, чтобъ кромѣ у однихъ англійскихъ министровъ индѣ нигдѣ о томъ какое употребленіе не учинилъ, якожъ онъ самъ вѣдаетъ, что отъ секрета все зависитъ. Съ прусскимъ министромъ можете вы дружеское свое обхожденіе неизмѣнно продолжать и о дѣлахъ, до государя его касающихся по какому его вопросу, сказать, что вы къ войнѣ никакихъ инструкцій и указовъ не имѣете“.

Шведскія движенія заставили Россію забыть о прагматической санкціи и требовать отъ Англіи высылки эскадры въ Балтійское море; но въ началѣ іюля Щербатовъ донесъ, что въ этомъ году ждать англійской эскадры нечего, ибо увѣрены, что и французская эскадра въ этомъ году въ Балтійское море также не отправится. На это донесеніе Остерманъ отвѣчалъ, что если Россія проситъ у Англіи эскадры въ помощь противъ Швеціи, то это потому, что англійскій интересъ, одинаково съ русскимъ, требуетъ предупрежденія сѣверной войны. Если войны миновать нельзя, то необходимо кончить ее какъ можно скорѣе, а посылка эскадры одинаково служитъ къ тому и другому; „чрезъ предупрежденіе или скорое окончаніе войны мы получимъ свободныя руки и будемъ въ состояніи помогать общему дѣлу“. Но Англія стояла на своемъ, и въ заключаемомъ съ Россіею союзномъ договорѣ постановила пунктъ, что во время войны съ Испаніею, за неимѣніемъ кораблей, не пошлетъ эскадры въ Балтійское море, но вмѣсто того будетъ давать Россіи ежегодно по сту тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Договоръ не былъ ратификованъ. Въ такомъ же положеніи находились дѣла и по объявленіи Шведами войны [1]).

Россія и Англія сближались по одинаковости враждебныхъ отношеній своихъ къ Франціи. Непріязненныя дѣйствія послѣдней противъ Россіи были очевидны, и, несмотря на то, дипломатическія сношенія между двумя Дворами не прерывались: русскій посланникъ находился въ Парижѣ, французскій—въ Петербургѣ.

Вице-канцлеръ графъ Головкинъ обратился къ великому адмиралу графу Остерману съ откровеннымъ мнѣніемъ, „что зѣло потребно бы было всячески стараться себя изъ рукъ Франціи вывесть въ разсужденіи ея тайныхъ непріятельскихъ поступковъ“. Великій адмиралъ отвѣчалъ во взаимной конфиденціи, что находитъ мнѣніе вице-канцлера очень основательнымъ; но „такъ какъ Франція была посредницею при заключеніи мира между Россіею и Портою и приняла на себя его гарантіи, то мнится, что при нынѣшнихъ конъюнктурахъ не надобно ея огорчать никакимъ наглымъ поступкомъ, но всячески менажировать, ибо хотя она теперь тайно намъ злодѣйствуетъ, однако наружно всякую дружественную апаренцію оказываетъ; но когда мы что-либо явно ей учинимъ, тогда она уже наружнымъ образомъ намъ вредить можетъ, и такъ лучше ея злости истинною твердостію удерживать, нежели самимъ въ чемъ-либо

[1]) Дѣла Англійскія 1741 года.

зачинщикамъ быть, чтобъ весь свѣтъ видѣлъ, какую мы къ ней умѣренность показываемъ, и лучше тайное злодѣйство ея нынѣ сносить, нежели явно ее на себя подвигнуть" [1]).

Въ мартѣ Остерманъ писалъ въ Парижъ Кантемиру: „По нашему мнѣнію, французское намѣреніе ни къ чему иному клонится, окромѣ чтобъ напередъ военный огонь вездѣ запалить, а потомъ, получа чрезъ то свободные способы, свои дальніе виды тѣмъ скорѣе и лучше въ дѣйство производить. Сіе наше мнѣніе отъ того не отдалено, что вы уже неоднократно въ прежнихъ своихъ реляціяхъ доносили и въ нынѣшней надежно подтверждаете, а именно, что Франція дѣйствительно противъ Вѣнскаго Двора оружіе употреблять не станетъ, и по тѣмъ же отъ васъ самихъ объявленнымъ резонамъ мы и нынѣ въ томъ съ вами утверждаемся: однакожъ по нѣкоторымъ надежнымъ же секретнымъ вѣдомостямъ является: 1) что между Франціею, Гиспаніею и курфирстомъ Баварскимъ противу Дому Австрійскаго дѣйствительное согласіе учинено; 2) что вслѣдствіе того великая сумма денегъ къ Баварскому Двору отъ Гиспаніи дѣйствительно уже заплачена, изъ которой чрезвычайныя въ Баваріи происходящія сильныя вооруженія чинятся; 3) что изъ Алзаціи подъ образомъ дезертированія много людей изъ французскаго войска въ Баварію отпускаются; 4) что Франція дѣйствительно 30 тысячъ своего войска къ нему, курфирсту Баварскому, во вспоможеніе послать намѣрена; 5) что такожде короля Прусскаго къ себѣ присоединить намѣреніе имѣетъ; 6) и дабы Австрійской Домъ вовсе и нашего вспоможенія лишить, то Швецію на насъ поднимаютъ, которой для того и два милліона денегъ обѣщали. Сія вѣдомость отъ доброй части тѣмъ, что нынѣ въ Швеціи происходитъ, подтверждается. Мы вамъ о томъ для того пространно сообщаемъ, дабы вы, будучи тамъ на мѣстѣ, толь наипаче обо всемъ томъ подлинно провѣдать въ состояніи были и надлежаще стараться могли, что надлежитъ до вашихъ поступковъ, при всѣхъ такихъ обстоятельствахъ. Подлинно оные наиглавнѣйше въ томъ состоять имѣютъ, что съ крайнымъ прилежаніемъ и тамошные поступки и происхожденія смотрѣть, и заблаговременно и обстоятельно обо всемъ доносить".

Чтобъ вызвать какое-нибудь объясненіе, въ концѣ марта Кантемиръ обратился къ кардиналу Флёри съ предложеніемъ, что императоръ готовъ вступить въ соглашеніе съ Французскимъ королемъ объ общихъ мѣрахъ для исполненія гарантіи прагматической санкціи; императоръ тѣмъ охотнѣе открываетъ свое намѣреніе королю, что изъ всѣхъ донесеній его, Кантемира, усмотрѣлъ доброе расположеніе короля къ Маріи-Терезіи и къ сохраненію европейской тишины, и что если двѣ такія сильныя державы примутъ общія мѣры, то исполненіе гарантіи будетъ легко. Кардиналъ отвѣчалъ съ сердцемъ, что король не можетъ и не долженъ принимать никакихъ мѣръ къ поправленію дурнаго положенія королевы Венгерской; удивительно, что отъ короля требуютъ помощи Маріи-Терезіи, къ чему онъ вовсе не обязанъ; эту тягость нести должны тѣ державы, которыя приняли на себя гарантію прагматической санкціи, а Французскій король прагматическую санкцію не гарантировалъ; Франція хотя и не объявляла войны Англичанамъ, однако находится съ ними не въ такой дружбѣ, чтобъ вмѣстѣ съ ними принимать общія мѣры въ пользу королевы Венгерской.

„Такая неожиданная и дикая рѣчь" привела Кантемира въ великое удивленіе. Кардиналъ, отвѣчалъ онъ, не могъ забыть, что между королемъ и покойнымъ императоромъ Карломъ VI заключенъ союзный договоръ, въ которомъ Франція, за большія уступки со стороны Австріи, гарантировала прагматическую санкцію. Договоръ этотъ такъ новъ, что и чернила на немъ еще не высохли; кардиналъ не можетъ такъ же забыть, сколько словесныхъ и письменныхъ обнадеживаній сдѣлано Французскимъ правительствомъ какъ министрамъ Вѣнскаго Двора, такъ и находящимся здѣсь министрамъ другихъ державъ о святомъ исполненіи этихъ обязательствъ. Эти обнадеживанія немало побудили и Русскій Дворъ къ принятію извѣстнаго рѣшенія, и теперь онъ, Кантемиръ, не знаетъ, какъ согласить настоящій отвѣтъ кардинала со всѣмъ предшествовавшимъ и какъ донести объ этомъ своему государю.—„Правда", отвѣчалъ кардиналъ, „король заключилъ съ покойнымъ императоромъ упомянутый договоръ, но договоръ этотъ въ совершеніе не приведенъ, ибо покойный императоръ не только обѣщанной имперской ратификаціи не доставилъ, но самъ старался ее задержать, заставя виртембергскаго посланника на Регенсбургскомъ сеймѣ протестовать противъ выдачи этой ратификаціи. Такимъ образомъ, король Французскій нисколько не обязанъ исполнять договоръ; что же касается до обнадеживаній, сдѣланныхъ Французскимъ правительствомъ по смерти императора Карла VI, то никто не можетъ доказать, чтобъ Франція поступала вопреки имъ". Кантемиръ возразилъ, что не знаетъ, что происходило на Регенсбургскомъ сеймѣ, но знаетъ, что покойному императору не было никакой пользы останавливать ратификацію, которая впрочемъ и не нужна, потому-что прагматическая санкція касается не имперіи, а частныхъ владѣній Австрійскаго Дома. „Объекціи сіи", пишетъ Кантемиръ, „будучи такого основательства, что ничего къ опроверженію ихъ резонабельно привести не можно, господинъ кардиналъ такіе смѣшные и несостоятельные резоны противъ нихъ употребилъ, что стыдно объ оныхъ и упоминать: столь они были безпутны и безъ всякаго основанія. Когда кардиналъ, уже отложа всякій

---

[1]) Кабинетныя дѣла въ Москов. Архивѣ Министр. Иностр. Д. 1741 года.

стыдъ, прямо выговорилъ, что король санкцію прагматическую не гарантировалъ, никакого сомнѣнія уже не остается, что всѣмъ способомъ вредить королевѣ Венгерской намѣрены. *Квестія* (вопросъ) потому о томъ идетъ, чтобъ знать, когда и какимъ образомъ свою злую склонность въ дѣйство произвести намѣрены". Кантемиръ думалъ, что Франція дѣйствительно войны противъ Маріи-Терезіи не объявитъ и не будетъ препятствовать державамъ, которыя станутъ помогать Австріи противъ Прусскаго короля, но будетъ стараться возбудить междоусобную войну въ Германіи, и, потомъ, подъ предлогомъ защиты союзныхъ себѣ германскихъ государей, ввести свое войско въ имперію, для пріобрѣтенія новыхъ областей и для исполненія дальнѣйшихъ своихъ видовъ, которымъ трудно предвидѣть границу. Отсюда Кантемиръ заключаетъ, что необходимо пресѣчь эти виды благовременнымъ предупрежденіемъ; удивляется при этомъ медленности морскихъ державъ, которыя больше всѣхъ имѣютъ причину опасаться слѣдствія прусскихъ успѣховъ, нарушенія всей европейской системы раздѣленіемъ областей Австрійскаго Дома.

3 мая Кантемиръ имѣлъ любопытный разговоръ съ кардиналомъ Флёри. Кардиналъ упомянулъ, что въ Швеціи усматривается военное движеніе. Кантемиръ отвѣчалъ, что съ русской стороны не пренебрежено ничѣмъ для сохраненія сѣверной тишины, и если начнется война, то весь свѣтъ долженъ признать правду Россіи. Кардиналъ сказалъ, что онъ самъ не понимаетъ, какъ Шведскій Дворъ можетъ отважиться на войну съ Россіею, ибо силы обѣихъ державъ вовсе не равны, и потомъ началъ распространяться въ обычныхъ своихъ разсужденіяхъ о недостаткѣ довѣрія въ Европѣ; о подозрительности, господствующей между державами; о распространяющемся всюду духѣ несогласія, который долженъ произвесть страшное кровопролитіе. Кардиналъ высказывалъ свое миролюбіе и сожалѣніе, что всѣ его труды для сохраненія европейскаго спокойствія были напрасны. Кантемиръ замѣтилъ, что тяжкій отвѣтъ отдадутъ тѣ, которые подали поводъ къ наступающимъ бѣдамъ. Флёри продолжалъ въ томъ же проповѣдническомъ тонѣ, что не только войною, но и другими язвами Богъ людей наказываетъ: въ одинъ и тотъ же годъ видимъ и жестокую зиму, и неурожай, и болѣзни; что онъ не можетъ понять, какъ эти язвы не остановили высокомыслія войнолюбивыхъ людей; и, что всего хуже, при такой общей склонности къ войнѣ нельзя найти ни одного посредника, который бы привелъ всѣхъ къ доброму согласію, напротивъ, всякій спѣшитъ принять участіе въ войнѣ, которая до него собственно не касается. Кантемиръ замѣтилъ, что всѣ дѣла можно было бы окончить полюбовно, если бы тому не помѣшало внезапное нападеніе Пруссаковъ на Силезію, ибо другія державы по договорнымъ обязательствамъ и для собственной безопасности не могутъ не принять участія въ войнѣ; что же касается посредничества, то Франціи всего лучше принять его на себя по извѣстной правотѣ и миролюбію его, кардинала. Флёри отвѣчалъ на это, что онъ вовсе не оправдываетъ поступка короля Прусскаго, но есть извѣстія, что Пруссія удовольствуется одною Нижнею Силезіею, если Венгерская королева покажетъ склонность къ примиренію, и, быть можетъ, королева и показала бы эту склонность, еслибъ другія державы не ободряли ея надеждою помощи. Впрочемъ, какъ онъ, кардиналъ, ни склоненъ къ умиротворенію, его добрыя услуги были бы совершенно безплодны, ибо хотя Франція и находится со всѣми другими державами въ мирѣ, однако многія смотрятъ на нее подозрительно, повторяя старинныя бредни о ея стремленіи ко всемірной монархіи, и, на основаніи этихъ бредней, заключая другъ съ другомъ союзы и принимая ненужныя мѣры. Кантемиръ отвѣчалъ, что отъ кардинала зависитъ уничтожить такое предубѣжденіе, удаляясь отъ войны, тѣмъ болѣе что Франція очень сильна и никакая держава напрасно раздражать ея не рѣшится. „Хотя я не придаю никакого значенія сладкимъ словамъ кардинала", писалъ Кантемиръ, „однако счелъ своею обязанностію донесть объ этомъ разговорѣ, изъ котораго видно, съ какимъ искусствомъ онъ производилъ свои внушенія, клонящіяся къ тому, чтобъ отклонять союзниковъ отъ поданія помощи королевѣ Венгерской, ибо это будетъ препятствовать видамъ Франціи, какъ напримѣръ вооруженіе морскихъ державъ помѣшаетъ пріобрѣтенію Люксембурга или другой какой-нибудь части Австрійскихъ Нидерландовъ"

Полученныя Кантемиромъ извѣстія о вооруженіи въ Брестѣ эскадры, назначаемой въ Балтійское море, побудили русскаго посланника имѣть новое объясненіе съ кардиналомъ. Флёри отвѣчалъ, что эскадра не получила еще назначенія и въ Балтійское море отправлена не будетъ, если король Датскій обнадежитъ, что при начатіи войны на сѣверѣ сохранитъ нейтралитетъ Балтійскаго моря, и если Англичане не отправятъ въ то же море своей эскадры. Впрочемъ, король не намѣренъ принимать ни малѣйшаго участія въ войнѣ между Россіею и Швеціею; онъ, кардиналъ, особенно жалѣетъ, видя такую горячность со стороны шведской, и по чистой совѣсти можетъ засвидѣтельствовать, что его совѣты шведскому министерству клонились къ сохраненію тишины. Кантемиръ отвѣчалъ, что Россія никакъ не можетъ принять этихъ *если*, ибо Данія и Англія связаны съ нею обязательствами союзнаго договора и потому не могутъ остаться нейтральными, когда Шведы нападутъ на Русскія области. Кардиналъ отвѣчалъ, что онъ уже упомянулъ о намѣреніи Французскаго Двора не принимать участія въ войнѣ между Швеціею и Россіею, и Франція тѣмъ охотнѣе будетъ содержать доброе согласіе съ Россіею, что нѣтъ причинъ къ жалобамъ противъ Русскаго Двора; но англійское высокомѣріе становится нестерпимо, и онъ безъ осужденія отъ всего свѣта не можетъ позволить Англійскому Двору вступаться въ дѣла

всей Европы, усиливать свое вліяніе, стараться повсюду властвовать; поэтому не знаетъ, не будетъ ли принужденъ сопротивляться предпріятіямъ Англичанъ на сѣверѣ. Можно было бы обойти всякое затрудненіе, остановя отправленіе англійской эскадры въ Балтійское море, тѣмъ болѣе что Русскій государь имѣетъ свои морскія силы и Шведскій король подлинно не въ состояніи противиться Россіи. Извѣстно, что въ послѣдней войнѣ между Франціею и Цесаремъ русское войско было прислано на помощь Цесарю и, несмотря на то, между Россіею и Франціею разрыва не послѣдовало. На это Кантемиръ сказалъ: „Что касается англійскихъ поступковъ, то это дѣло мнѣ не принадлежитъ, равно я не вступаю въ изслѣдованіе, какъ должна въ этомъ случаѣ вести себя Франція; я и прежде никогда не отзывался о французскихъ вооруженіяхъ, когда они не касались интересовъ моего государя, и теперь я не говорю о такихъ движеніяхъ англійскихъ, которыя не имѣютъ связи съ русскими интересами; но судите сами, имѣете ли вы право препятствовать поданію помощи Россіи отъ кого бы то ни было. Дѣло отправленія вспомогательнаго русскаго войска покойному Цесарю совершенно другое: между Россіею и покойнымъ Цесаремъ существовалъ давній оборонительный союзъ, и вы сами стали бы порицать Русскій Дворъ, если бы онъ не исполнилъ своихъ обязательствъ; но между Франціею и Швеціею никакого подобнаго обязательства нѣтъ, какъ вы мнѣ сами объявили. Потомъ, въ послѣдней войнѣ между Франціею и Австріею Франція первая напала, а въ войнѣ между Россіею и Швеціею, если она откроется, первые нападутъ Шведы“. Кардиналъ отвѣчалъ, что еще самъ не знаетъ, какое приметъ рѣшеніе, и началъ распространяться о своемъ миролюбіи и жаловаться, что всѣ его труды для сохраненія спокойствія въ Европѣ остались тщетными вслѣдствіе честолюбія Англичанъ.

Въ іюнѣ Кантемиръ получилъ отъ своего Двора приказаніе внушить кардиналу, что отъ него одного зависитъ заключеніе оборонительнаго союза съ Россіею, который ни мало не будетъ препятствовать подобнымъ договорамъ Россіи съ другими державами. Кантемиръ отвѣчалъ, что нельзя имѣть никакой надежды, чтобъ Франція захотѣла искать пользы Россіи или, по меньшей мѣрѣ, захотѣла союзомъ съ ней ослабить тревогу на сѣверѣ; напротивъ: дѣла зашли такъ далеко, что по требованію французскаго интереса Россія должна быть занята защитою своихъ областей, чтобы не имѣть возможности помочь Венгерской королевѣ, противъ которой во Франціи готовятъ явную войну. „Мнѣ дано знать“, писалъ Кантемиръ, „что уже заключенъ договоръ между Франціею и Пруссіею; что французское войско будетъ отправлено въ Баварію, чтобъ вмѣстѣ съ тамошнимъ курфирстомъ идти въ Богемію; что въ меморію, гдѣ изслѣдуются интересы Французскаго Двора, главнымъ основаніемъ положено раздробленіе Австрійскихъ владѣній; Богемія должна достаться курфирсту Баварскому, который будетъ императоромъ, Италія—королю Испанскому и частію Сардинскому, Силезія—королю Прусскому, а часть Нидерландовъ—самой Франціи. Для исполненія этого проекта главнымъ средствомъ поставляется ослабленіе Россіи и Англіи, которыя однѣ въ Европѣ могутъ помѣшать ему. Авторъ меморіи совѣтуетъ начать войну противъ Англіи и въ Германіи, а между тѣмъ Шведскому Двору дать не только субсидіи для нападенія на Россію, но даже войска и корабли; также постараться устроить союзъ между Швеціею, Даніею и Пруссіею, наконецъ возбудить противъ Россіи Турокъ и Персіянъ, и дѣйствовать противъ Россіи до тѣхъ поръ, пока Россія потеряетъ все пріобрѣтенное ею по Ништадтскому миру“.

Въ августѣ Кантемиръ имѣлъ свиданіе съ кардиналомъ по поводу объявленія Шведами войны противъ Россіи. Кардиналъ повторилъ прежнія увѣренія: что Французскій Дворъ не принималъ никакого участія во всѣхъ шведскихъ движеніяхъ; что объявленіе войны считаетъ дѣломъ безразсуднымъ; что онъ не разъ представлялъ шведскому посланнику, графу Тессину, что Швеція не можетъ надѣяться на успѣхъ въ войнѣ противъ Россіи, а на чужую помощь напрасно бы полагалась; но все понапрасну, потому что настоящая война есть дѣло народной ярости, которую шведское министерство унять не въ состояніи; что онъ, кардиналъ, долженъ признаться, что Русскій Дворъ сдѣлалъ все для избѣжанія войны. Относительно движенія французскаго войска въ Германію, Флёри сказалъ, что съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ былъ согласиться на это въ видахъ предупредить англійское нападеніе, и что желалъ бы кровью своею купить возможность избѣжанія всеобщей войны. Когда Кантемиръ замѣтилъ, что союзники королевы Венгерской не дѣлали никакихъ военныхъ приготовленій, то кардиналъ съ горячностію отвѣчалъ: „Не должно думать, чтобъ я не зналъ о томъ, что въ свѣтѣ дѣлается; а знаю хорошо, какіе были виды и намѣренія Англичанъ, которые, не довольствуясь господствомъ на морѣ, желаютъ предписывать законы Европѣ и на сухомъ пути, раздавать короны по своей волѣ; если теперь Англія не дѣйствуетъ, то это должно приписать движенію французскихъ войскъ. Впрочемъ, я самъ до сихъ поръ не знаю, къ чему ваше войско будетъ употреблено; но объявляю министрамъ иностраннымъ и отъ своихъ Французовъ не скрываю, что какъ скоро представится случай къ полюбовному соглашенію, то я его не упущу, и сердечно сожалѣю, что не вижу ни одной державы, которая бы предложила свое посредничество, потому что всѣ въ настоящей распрѣ приняли участіе. Королева Венгерская государыня весьма похвальныхъ свойствъ; о ея несчастіи я самъ сожалѣю; но чрезмѣрно она своего мужа любитъ и своимъ упорнымъ уклоненіемъ отъ мира съ Пруссіею привела европейскія дѣла въ нынѣшнее со-

стояніе; теперь же о примиреніи ея съ Прусскимъ королемъ нечего и думать, потому что онъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ предпріятіяхъ".—„Понеже", писалъ Кантемиръ, „нынѣшніе здѣшніе поступки довольно показываютъ, что всякое чувствованіе стыда на сторону отложено, нечаянная перемѣна во всемъ случиться можетъ, и для того предосторожность всегда нужна".

Остерманъ писалъ Кантемиру въ октябрѣ: „Поступки Шетарди такъ явно недоброжелательны, что мы имѣемъ полную причину желать его отозванія отсюда; только это надобно исходатайствовать такимъ образомъ, чтобъ французское министерство, при нынѣшнемъ своемъ счастіи и безъ того ни на кого не смотрящее, не получило повода къ преждевременному разорванію съ нами дипломатическихъ сношеній и къ сложенію вины на насъ. Поэтому надобно поступать въ этомъ дѣлѣ, смотря по тамошнимъ склонностямъ, министерскому нраву и обращеніямъ дѣлъ, и притомъ на ваше благоразсужденіе оставляемъ, не можете ли черезъ того благосклоннаго къ вамъ пріятеля, о которомъ въ реляціяхъ своихъ упоминаете, тамошнему министерству между прочимъ искусно внушить, что поступки Шетарди и интриги совершенно открылись, и потому онъ для французскихъ интересовъ здѣсь болѣе уже не можетъ быть полезенъ, и что, вслѣдствіе его поведенія, никто не желаетъ съ нимъ знакомства, всѣ избѣгаютъ его, какъ только можно, безъ явнаго озлобленія" [1]).

Открылась интрига Шетарди; открылось, что онъ хлопоталъ объ ускореніи переворота о сверженіи существующаго правительства.

Мы видѣли, что въ Россіи были недовольны существующимъ правительствомъ, и это неудовольствіе усиливалось и громче высказывалось вслѣдствіе слабости правительства, котораго не любили и не уважали. Но какъ и въ чью пользу долженъ былъ совершиться переворотъ? Биронъ, недовольный отцомъ и матерью императора Іоанна, грозилъ имъ герцогомъ Голштинскимъ, роднымъ внукомъ Петра Великаго; кто же теперь былъ настолько могуществененъ, чтобъ дѣйствовать въ пользу ребенка, жившаго далеко, въ чужой сторонѣ, привезти этого ребенка въ Россію и посадить на престолъ? У герцога Голштинскаго была въ Россіи тетка, дочь Петра Великаго, и это было единственственное лицо, во имя котораго можно было произвести переворотъ. Мы видѣли [2]), что въ инструкціи Шетарди было прямо указано на цесаревну Елисавету, велѣно вывѣдать о значеніи ея приверженцевъ и т. п. Мы довольно часто упоминали о Елисаветѣ при описаніи царствованія Петра II, когда она своимъ вліяніемъ на племянника не давала покоя людямъ, боровшимся за волю молодаго императора. По восшествіи на престолъ Анны, Елисавета, чтобъ не возбудить подозрѣнія и гоненія императрицы, очень хорошо понимавшей, какую опасную соперницу имѣетъ она въ дочери великаго дяди, должна была вести себя такъ, чтобъ о ней не было слышно; ей оказывали внѣшній почетъ, но зорко слѣдили за ея поведеніемъ. Минихъ, по порученію императрицы, помѣстилъ къ ней въ домъ урядника Щегловитаго въ качествѣ смотрителя за домомъ, и Щегловитый доносилъ, кто бывалъ у цесаревны и куда она выѣзжала [3]); чтобъ слѣдить за нею по городу, онъ нанималъ особыхъ извозчиковъ. Анну не переставалъ безпокоить внукъ Петра Великаго, маленькій герцогъ Голштинскій: „Чертушка въ Голштиніи еще живетъ", обыкновенно говорила она [4]); но понятно, что она должна была разсчитывать на тѣсную связь между интересами тетки и племянника. Елисавета была почтительна къ императрицѣ, къ Бирону. Она сохраняла свою красоту; но уже никто не говорилъ больше о ея живости и веселости, которыя не шли теперь къ опальной дочери Петра Великаго. Елисавета не могла не знать, что за нею наблюдаютъ, и потому жила скромно, уединенно среди своего маленькаго Двора. Эта полузатворническая жизнь, боязнь принимать живое участіе въ событіяхъ, боязнь сноситься съ важнѣйшими дѣятелями государственной жизни, да и самая невозможность сноситься съ ними, ибо конечно они почтительно удалялись отъ опальной и потому опасной цесаревны, все это должно было препятствовать умственному развитію и развитію энергіи Елисаветы; десять лѣтъ ей предоставлено было жить однимъ чувствомъ. Указывали на ея фаворитовъ; но несогласно съ характеромъ нашего сочиненія упоминать о дѣлахъ и людяхъ темныхъ, не имѣвшихъ вліянія на ходъ историческихъ событій. Мы должны упомянуть о фаворитѣ Елисаветы, Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ, сынѣ простаго казака, взятомъ въ придворные пѣвчіе; утверждали, что Елисавета была съ нимъ обвѣнчана. Разумовскій былъ человѣкъ безъ способностей и безъ энергіи, но, будучи доволенъ своимъ выгоднымъ положеніемъ, не вмѣшиваясь въ дѣла, онъ не вредилъ никому и ничему, а этого уже было очень много, и мы обязаны отдать честь Разумовскому, сказавши, что онъ, какъ фаворитъ, представлялъ противоположность фавориту Анны, Бирону. До насъ дошла только одна жалоба на Разумскаго,—что онъ былъ непокоенъ въ хмелю; но, какъ видно, невыгоду отъ этого безпокойства чувствовали люди очень близкіе, которые умѣли и вознаградить себя за претерпѣнное. Изъ будущихъ важныхъ дѣятелей при Дворѣ цесаревны находились двое братьевъ Шуваловыхъ, Александръ и Петръ Ивановичи, и Михайла Ларивоновичъ Воронцовъ. Эти люди уже принадлежали ко второму поколѣнію русскихъ дѣятелей XVIII вѣка, причисляя къ первому птенцовъ Петра Великаго,

---

[1]) Дѣла Французскія 1741 года.
[2]) Исторія Россіи, кн. IV, т.XX.
[3]) Шетарди, 293.
[4]) Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ.

непосредственно имъ вызванныхъ къ дѣятельности, имъ воспитанныхъ; Шуваловы съ товарищами были дѣти тѣхъ отцовъ, которые являются при Петрѣ, нѣкоторые въ довольно значительныхъ должностяхъ, но не первостепенныхъ. При Дворѣ цесаревны давно уже занималъ видное мѣсто медикъ Лестокъ. Вызванный при Петрѣ Великомъ въ числѣ другихъ, надобныхъ по своему искусству, иностранцевъ, Лестокъ при Петрѣ же былъ сосланъ въ Казань, по жалобѣ на неосторожное поведеніе его съ дочерью одного придворнаго служителя. По возвращеніи изъ ссылки, онъ опять является при Дворѣ, и по смерти Екатерины I мы видимъ его именно при Дворѣ цесаревны Елисаветы. Дѣятельный, веселый, говорливый, любившій и умѣвшій со всѣми сблизиться, всюду обо всемъ развѣдать, Лестокъ былъ дорогой человѣкъ въ однообразной жизни Двора опальной цесаревны. Но, кромѣ развлеченія, которое могъ доставлять Лестокъ въ скукѣ, кромѣ привычки къ человѣку, необходимо близкому, какъ медику, Елисавета имѣла право полагаться на Лестока: когда, въ началѣ царствованія Анны, Минихъ, по иноземству, предлагалъ Лестоку наблюдать за цесаревною и доносить обо всемъ,—Лестокъ не согласился.

Развлеченіемъ, хотя и не совсѣмъ пріятнымъ, служили для Елисаветы хозяйственныя занятія. Она должна была содержать свой Дворъ доходами съ имѣній, находившихся въ разныхъ мѣстностяхъ; доходы были незначительны, а расходы большіе по необходимости поддерживать значеніе высокой особы, по необходимости не отпускать съ пустыми руками просителей, по необходимости являться прилично къ Большому Двору, при которомъ господствовала разорительная роскошь. Понятно, что пріисканіе хорошаго управителя вотчинами было дѣломъ большой важности для Елисаветы: это всего лучше видно изъ писемъ ея къ Воронцову, бывшему въ Москвѣ въ началѣ 1739 года. „Прошу васъ, какъ пріѣдете къ Москвѣ, то имѣйте стараніе, чтобъ вамъ прямо спознать Воронина, каковъ онъ, понеже я ни на кого такую надежду не имѣю, какъ на васъ: такъ какъ себѣ вѣрю, понеже много абрабаціи (аппробаціи) имѣла. Также и объ Чистомъ прошу увѣдомиться, каковъ онъ, и увѣдомить меня, понеже немалая остановка имѣется.... Объ Воронинѣ прошу васъ призвать къ себѣ и спросить отъ себя, не будетъ ли ему обидно, чтобъ секретаремъ у меня быть, понеже онъ нынѣ въ комисарахъ; а я, ей, не знаю, которой у нихъ чинъ больше. И ежели онъ вамъ скажетъ, что онъ желаетъ, то можете ему послѣ сказать, что будто вы надѣетесь, что вотчины всѣ ему во управленіе вручатся, и что онъ вамъ скажетъ на сіе“ [1]).

Нужно было искать хорошихъ людей еще и потому, что смѣна дурныхъ могла повести къ большимъ непріятностямъ: человѣкъ, навлекшій неудовольствіе цесаревны, всегда могъ быть увѣренъ, что правительство будетъ смотрѣть на него съ сочувствіемъ, особенно если онъ не поскупится на извѣстія, неблагопріятныя для Елисаветы или людей къ ней близкихъ. Вотъ любопытное прошеніе Елисаветы императрицѣ Аннѣ, написанное въ 1736 году и подписанное – „Вашего и. в—ства послушная раба Елисаветъ“:—„Понеже бывшій въ моей канцеляріи судьею Степанъ Корницкой, преступя въ началѣ должность христіанскаго закона и забывъ показанныя отъ меня ему благодѣянія, а наипаче презрѣвъ указы вашего и. в—ства, всякія непорядочныя дѣла отправлялъ, многія взятки съ крестьянъ и съ другихъ людей бралъ и за тѣмъ упущалъ доходы, получаемые съ деревень, волочилъ многихъ челобитчиковъ, ходя за дѣлами напрасно, и во всю бытность свою ни единаго дѣла къ окончанію не привелъ; посылаемые мои указы въ канцелярію не токмо по онымъ исполненія не чинилъ, но въ одномъ изъ оныхъ выскребъ написанную рѣчь и, переправя, написалъ какъ ему надобно было для его пользы, которое его преступленіе великаго наказанія достойно по указамъ вашего и. в—ства. Еще въ самомъ слѣдствіи о управителѣ Висингѣ, на котораго показано было на нѣсколько тысячъ рублевъ похищенныхъ денегъ, дѣлалъ ему всякое похлѣбство, бралъ взятки и съ резолюцій моихъ посылалъ къ нему точныя копіи, и многія другія безчисленныя продерзости являлъ. Я велѣла его взять подъ караулъ, чтобъ сдалъ порученныя ему дѣла, и по семъ, изслѣдовавъ о немъ, хотѣла донесть вашему и. в—ству, что съ нимъ повелите указомъ учинить. А оной арестъ ему для того учинила безъ соизволенія вашего и. в—ства, надѣючись на сіе, что всякій помѣщикъ можетъ такъ поступать съ своимъ подчиненнымъ, ежели предъ нимъ явится въ похищеніи. И оной Корницкой свобожденъ по указу вашего и. в—ства чрезъ генерала Ушакова. И оное мнѣ все сносно, токмо сіе чрезмѣрно чувствительно, что я невинно обнесена предъ персоною вашего и. в—ства, въ чемъ не токмо дѣломъ, но ни самою мыслію никогда не была противна воли и указамъ вашего и. в—ства, ниже впредь хощу быть. Того ради, для оправданія моего предъ вашимъ и. в-ствомъ, всепокорнѣйше прошу всемилостивѣйше приказать о немъ изслѣдовать или его возвратить ко мнѣ, гдѣ по окончаніи слѣдствія о всемъ нижайше донесу сама вашему и. в-ству“ [2]). Участіе страшнаго Ушакова въ дѣлѣ показываетъ, какое значеніе придавалось ему по крайней мѣрѣ вначалѣ. Могло быть, что Корницкій позволялъ себѣ подобные поступки, въ надеждѣ на сильное покровительство, будучи агентомъ Ушакова.

Смерть Анны произвела нѣкоторое измѣненіе въ тяжкихъ, натянутыхъ отношеніяхъ Елисаветы къ Большому Двору. Правительство оказалось слабымъ, начались смуты, перевороты. Регентъ Биронъ, разсорившись съ отцомъ и матерью маленькаго импе-

[1]) Архивъ князя Воронцова I, 7.

[2]) Архивъ князя Воронцова I, 4.

ратора, грозитъ имъ герцогомъ Голштинскимъ и, съ какою бы то ни было цѣлію, очень внимателенъ и любезенъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, увеличиваетъ ея содержаніе (что впрочемъ совѣтовалъ и Остерманъ)[1]), оказываетъ снисхожденіе къ людямъ, уличеннымъ въ преданности дочери Петра Великаго. Паденіе Бирона могло только ухудшить положеніе Елисаветы, ибо не стало во главѣ управленія человѣка къ ней расположеннаго; цесаревна поспѣшила убрать портретъ своего племянника, герцога Голштинскаго, который повѣсила-было у себя во дворцѣ тотчасъ по смерти Анны Іоанновны [2]). Собственно отъ Анны Леопольдовны нечего было опасаться; но дѣло не въ Аннѣ Леопольдовнѣ; Минихъ, Остерманъ старые злодѣи, отъ которыхъ уже терпѣла Елисавета, они и всякій другой, кто будетъ править Россіею, поддерживая престолъ Іоанна VI, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительно смотрѣть на Елисавету, слѣдить за нею, и эта подозрительность должна усиливаться съ возрастаніемъ ея опаснаго племянника. А между тѣмъ обнаруживается всеобщее неудовольствіе, и Елисавета не можетъ не замѣтить, что недовольные обращаются мало-по-малу къ ней, отъ ней ждутъ избавленія отъ безтолковаго и ненаціональнаго правительства. Опальное положеніе, уединенная жизнь Елисаветы при Аннѣ послужили къ выгодѣ для цесаревны. Молодая, вѣтреная, шаловливая красавица, возбуждавшая разныя чувства, кромѣ чувства уваженія, исчезла. Елисавета возмужала, сохранивъ свою красоту, получившую теперь спокойный, величественный, царственный характеръ. Рѣдко въ торжественныхъ случаяхъ являлась она предъ народомъ прекрасная, ласковая, величественная, спокойная, печальная; являлась какъ молчаливый протестъ противъ тяжелаго, оскорбительнаго для народной чести настоящаго, какъ живое и прекрасное напоминаніе о славномъ прошедшемъ, которое теперь уже становилось не только славнымъ, но и счастливымъ прошедшимъ. Теперь уже, при видѣ Елисаветы, возбуждалось умиленіе, уваженіе, печаль; тяжелая участь дала ей право на возбужденіе этихъ чувствъ, тѣмъ болѣе-что вмѣстѣ съ дочерью Петра всѣ Русскіе были въ бѣдѣ, опалѣ; а тутъ еще слухи, что нѣтъ добрѣе и ласковѣе матушки-цесаревны Елисаветы Петровны. Такимъ образомъ, съ значеніемъ дочери Петра Великаго соединились теперь большія права, но вмѣстѣ и большія, страшныя обязанности. Отъ нея чего-то ждутъ, она должна что-то исполнить. Но съ кѣмъ и какъ? Самые видные Нѣмцы перессорились, губятъ другъ друга и тѣмъ даютъ возможность Русскимъ взять верхъ; но за то и у Русскихъ нѣтъ человѣка, который бы могъ стать въ челѣ движенія, который бы могъ, хотя въ ночномъ нападеніи, какъ Минихъ, овладѣть Брауншвейгскою фамиліею и провозгласить новаго императора или императрицу, герцога Гольштинскаго или тетку его. Елисавета должна была сама стать въ челѣ движенія, сама направить народъ или войско противъ нелюбимаго правительства. Но какъ могла рѣшиться на это женщина, проведшая столько лучшихъ лѣтъ жизни въ бездѣйствіи, робкая, загнанная, привыкшая униженною уклончивостію спасаться отъ гнѣва и преслѣдованія сильныхъ? Женское ли это дѣло производить перевороты, свергать правительство, водить войско? Легко понять, что Елисавета будетъ медлить, ждать человѣка.

Правительство думало, что Елисавета можетъ взойти на престолъ съ помощію того же человѣка, который свергнулъ и Бирона, т.-е. Миниха. Въ январѣ 1741 года, когда Минихъ былъ еще первымъ министромъ, маіоръ гвардіи Альбрехтъ призвалъ аудитора Барановскаго и объявилъ ему именной указъ: „Долженъ ты быть поставленъ на безъизвѣстный караулъ близь дворца цесаревны Елисаветы Петровны, имѣешь смотрѣть: во дворецъ цесаревны какія персоны мужеска и женска пола пріѣзжаютъ, такожъ и ея высочество куды изволитъ съѣзжать и какъ изволитъ возвращаться,—о томъ бы повсядневно подавать записки по утрамъ ему, Альбрехту. Въ которое время генералъ-фельдмаршалъ во дворецъ цесаревны прибудетъ, то-бъ того часа репортовать словесно о прибытіи его ему-жъ, маіору Альбрехту; а если дома его, Альбрехта, не будетъ, то отрепортовать герцогу Брауншвейгъ-Люнебургскому. Французскій посолъ когда пріѣзжать будетъ во дворецъ цесаревны, то и объ немъ репортовать съ прочими въ подаваемыхъ запискахъ“. Послѣ отставки Миниха, когда его еще больше стали бояться, принцъ Антонъ поручилъ секундъ-маіору Василью Чичерину выбрать до десяти гренадеръ съ капраломъ, одѣть ихъ въ шубы и сѣрые кафтаны, и наблюдать: если Минихъ пойдетъ со двора не въ своемъ платьи, то поймать его и доставить во дворецъ; если же пойдетъ къ цесаревнѣ, то взять уже на возвратномъ пути отъ нея [3]). Принцу донесли о разныхъ толкахъ между солдатами и женскою дворцовою прислугою. Разсказывали, что Минихъ былъ однажды у цесаревны и, припадши къ ея ногамъ, просилъ, что если ея высочество ему повелитъ, то онъ все исполнить готовъ, на что Елисавета, будто бы, сказала ему: „Ты ли тотъ, который корону даетъ кому хочетъ? Я оную и безъ тебя, ежели пожелаю, получить могу“. По другому разсказу, Елисавета отвѣчала Миниху, что онъ самъ знаетъ чего ей надобно и на что она имѣетъ право, и потомъ Елисавета обошлась съ Минихомъ очень милостиво и провожала до крыльца [4]). Принцъ Антонъ, въ простотѣ сердечной, повѣрилъ, что все такъ было, и говорилъ англійскому резиденту Финчу, что отъ Миниха надобно отдѣлаться, что онъ уже предлагалъ свои услуги Елисаветѣ.

[1]) Москов. Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ. Записка Остермана, поданная въ началѣ царствованія Іоанна VI въ портфеляхъ Миллера и Малиновскаго.

[2]) Финчъ.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 8506, Шетарди 294.

[4]) Показанія литаврщика Грубера въ Государ. Архивѣ.

*

Минихъ не сблизился съ Елисаветою. Онъ понималъ, что вступленіе на престолъ Елисаветы будетъ имѣть слѣдствіемъ торжество національнаго дѣла; что при ней иностранцу не удастся играть первенствующей роли. Всѣ его симпатіи были въ пользу Брауншвейгской фамиліи; онъ ждалъ своего времени, когда вражда принцессы Анны и фрейлины Менгденъ къ принцу Антону и Остерману разгорится до высшей степени, и принцесса Анна снова потребуетъ его помощи для низложенія ненавистнаго Остермана. Только братъ фельдмаршала, гофмаршалъ Минихъ, на всякій случай, старался дѣлать всевозможныя угожденія цесаревнѣ; но братья не жили дружно.

Минихъ не ѣздилъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ, но французскій посланникъ ѣздилъ.

Мы видѣли, какая инструкція была дана маркизу Шетарди передъ отъѣздомъ его въ Россію; видѣли, что Елисавета была указана, какъ единственное лицо, въ пользу котораго нужно дѣйствовать для сверженія нѣмецкаго правительства и для оттѣсненія Россіи опять на востокъ. И Шетарди не спускаетъ глазъ съ Елисаветы. Во время Биронова регентства ему нечего предпринимать: Елисавета спокойна, довольна быстрой перемѣной къ лучшему въ своемъ положеніи; ему видимо не нравится это заискиваніе регента у цесаревны, онъ подозрѣваетъ его въ какихъ-то дерзкихъ замыслахъ; съ другой стороны, французскій посланникъ не имѣетъ побужденій очень сильно тревожиться,—у Бирона нѣтъ ни досуга, ни желанія помогать Маріи-Терезіи противъ Франціи и Пруссіи. Но дѣло перемѣнилось по сверженіи Бирона; Вѣнскій Дворъ получилъ сильную надежду на помощь отъ Россіи, а это заставляло Францію, съ одной стороны, поднимать Швецію для задержанія Россіи, съ другой—поднять въ Россіи внутреннія волненія, затѣмъ правительственный переворотъ, чтобъ также занять Россію дома, и потомъ помочь Швеціи одержать верхъ въ борьбѣ, ибо иначе слабая Швеція не могла надѣяться на успѣхъ; наконецъ теперь и Елисавета недовольна, слѣдовательно болѣе возможности сдѣлать ее доступною внушеніямъ французскаго посланника. Шетарди увѣряетъ ее въ добромъ расположеніи къ ней своего короля, въ готовности его оказать ей помощь. Но эта помощь непосредственно можетъ быть оказана ближайшею державою, Швеціею, и потому шведскій посланникъ Нолькенъ вводится также къ цесаревнѣ для необходимыхъ переговоровъ; для сношеній Елисаветы съ обоими посланниками внѣ дворца употребляется Лестокъ. Нолькенъ обѣщаетъ помощь, но требуетъ вознагражденія; требуетъ; чтобъ Елисавета на письмѣ обѣщала вознаградить Швецію при своемъ восшествіи на престолъ. Елисавета не соглашается дать письменное обязательство. Для Шетарди интересъ Швеціи не на первомъ планѣ; ему хочется, чтобъ какъ можно скорѣе произошелъ переворотъ, который обезпечитъ невмѣшательство Россіи въ европейскія дѣла и, слѣдовательно, дастъ Франціи всю свободу распоряжаться ими. Шетарди внушаетъ Лестоку, что Елисавета не должна медлить, что ей должно воспользоваться счастливымъ расположеніемъ, которое начинаетъ высказываться въ народѣ, и не дать Русскимъ привыкнуть къ настоящему правительству. Въ разговорахъ такого рода, разумѣется, не отзывались доброжелательно о Брауншвейгской фамиліи. Говорилось, что маленькаго императора намѣренно никому не показываютъ; Лестокъ увѣрялъ, что цесаревна убѣждена въ этомъ и нарочно часто навѣщаетъ малютку, и уже позаботилась о средствахъ знать все, что бы ни случилось съ нимъ. Лестокъ разсказывалъ Шетарди: что Іоаннъ слишкомъ малъ для своего возраста; что въ немъ съ нѣкотораго времени обнаружились признаки сокращенія нервовъ; что у него запоры съ самаго рожденія и никакое лѣкарство не могло возбудить въ его организмѣ обыкновенныхъ отправленій; что малютка непремѣнно умретъ отъ первой сколько-нибудь значительной болѣзни.

Шетарди знаетъ, что въ народѣ сильное расположеніе къ Елисаветѣ, что можно легко составить партію; но около кого изъ сильныхъ и способныхъ людей будетъ составляться эта партія, кто будетъ ея главою, кто двинетъ ее въ рѣшительную минуту во имя дочери Петра Великаго? Елисавета остановилась на Ушаковѣ, объявила Шетарди, что она довѣряетъ преданности страшнаго начальника Тайной Канцеляріи и считаетъ его даже расположеннымъ стать во главѣ ея партіи. На основаніи этихъ словъ, Шетарди приглашаетъ Ушакова къ себѣ, чтобъ начать сношенія, но Ушаковъ дѣлаетъ неучтивость, не ѣдетъ къ французскому посланнику. Въ Версали это сильно обезпокоило: тамъ подумали, не открытъ ли заговоръ Елисаветы; притомъ же узнали, что и Нолькенъ такъ же безпокоится, потому что Лестокъ не явился на три назначенныя ему свиданія. Заговоръ не былъ открытъ; но и Шедарди находился въ большомъ безпокойствѣ: врага Вѣнскаго Двора, Миниха, не было болѣе во главѣ правительства, слѣдовательно приходилось удержать Россію отъ поданія помощи Маріи-Терезіи Шведскою войною; но Швеціи надобно помочь внутреннимъ волненіемъ, надобно заручиться у будущей императрицы вознагражденіемъ Швеціи. Елисавета отказывается дать письменное обѣщаніе, но если-бъ и согласилась, то Шетарди и Нолькенъ не знаютъ, въ какомъ смыслѣ должно быть написано это обѣщаніе; не знаютъ, чего требовать отъ Елисаветы. „Мы можемъ только по догадкамъ судить о тѣхъ предметахъ, которые были бы болѣе пригодны Швеціи“, писалъ Шетарди. Онъ считалъ Шведскую войну необходимостью, и въ то же время считалъ преждевременнымъ начинать ее лѣтомъ 1741 года. „Вѣрно“, писалъ онъ въ мартѣ: „что Австрійскій Домъ не имѣетъ болѣе надобности бороться съ нерасположеніемъ къ нему Миниха; что Прусскій король теряетъ въ послѣднемъ усерднаго приверженца; что вліяніе Вѣнскаго Двора на Це-

тербургскій будетъ теперь такъ сильно, какъ никогда прежде; что графъ Остерманъ никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь; что, независимо отъ его привязанности къ Вѣнскому Двору, онъ въ Ништадтскомъ договорѣ обожаетъ свое созданіе и для поддержанія его будетъ всячески стараться не дать Швеціи возможности къ усиленію. Я заключаю изъ этого, что никогда не было такъ нужно для Швеціи нанести рѣшительный ударъ; всякая минута дорога: надобно спѣшить извлечь выгоды изъ внутренняго волненія и извѣстнаго расположенія (въ Россіи къ Елисаветѣ); но не должно и думать о началѣ дѣла нынѣшнимъ лѣтомъ, развѣ только будутъ значительныя силы. Ошибочно представляютъ себѣ страшилищемъ Московское государство. Я не скрою выгоды его положенія; не скрою, что оно можетъ выставить значительныя силы для оборонительной войны; что оно легко можетъ пріобрѣтать припасы дешевою цѣною; но я убѣжденъ, что соединенный датско-шведскій флотъ можетъ легко помѣшать русскому флоту выйти изъ гаваней, и слѣдовательно шведскіе берега будутъ безопасны отъ высадокъ, которыя причинили такъ много вреда въ послѣднюю войну. Шведы могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ со стороны Выборга, особенно если Данія согласится сдѣлать диверсію небольшимъ корпусомъ войскъ въ Эстоніи. Этотъ одинъ планъ быстро смиритъ надменность и жестокость Русскихъ: порукой въ томъ ихъ характеръ и политика. За исключеніемъ нѣкоторыхъ государствъ, съ которыми они не желаютъ столкновеній, они въ опьянѣніи отъ своего величія, которое въ томъ и состоитъ, что весь свѣтъ не можетъ къ нимъ явиться, и они хотятъ предписывать законы всей Европѣ. При малѣйшемъ пораженіи они перейдутъ такъ-же быстро изъ одной крайности въ противоположную и будутъ уважать чрезмѣрно другихъ. Къ этимъ доводамъ, которые одни заставляютъ исчезнуть страшилище, прибавьте, что можно легко быть увѣрену въ диверсіи со стороны Турокъ, которые могутъ это сдѣлать безъ объявленія войны; что Прусскій король, какъ только представится ему возможность, не можетъ не признать своихъ интересовъ, что Пруссія можетъ возвысится именно какъ сѣверная держава, и возможность произвести враждебное движеніе противъ Россіи облегчается нерасположеніемъ, которое Русскій Дворъ высказываетъ къ Прусскому королю" [1]).

Въ то время какъ Франція хлопотала о произведеніи правительственнаго переворота въ Россіи, для отвлеченія ея отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, Англія хлопотала о томъ, какъ бы обезопасить существующее правительство и дать ему возможность, въ союзѣ съ морскими державами, помочь Австріи и тѣмъ воспрепятствовать видамъ Франціи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Гаррингтонъ, 17 марта писалъ своему резиденту въ Петербургѣ Финчу: „Король получилъ свѣдѣнія: шведскій тайный комитетъ одобренъ и побужденъ къ вооруженію извѣстіемъ отъ Нолькена, что въ Петербургѣ образовалась сильная партія, которая готова поднять оружіе и соединиться съ Шведами въ пользу цесаревны Елисаветы, какъ только шведскія войска покажутся на границахъ. Планъ окончательно постановленъ между нимъ и агентомъ цесаревны при содѣйствіи Шетарди". Гаррингтонъ предписывалъ Финчу противодѣйствовать франко-шведскимъ замысламъ, которые въ случаѣ удачи отдадутъ весь Сѣверъ въ распоряженіе Швеціи, и слѣдовательно приведутъ его въ полную зависимость отъ Франціи. Финчъ повезъ это извѣстіе къ Остерману и имѣлъ случай наблюдать, какъ хитрецъ, притворившись, что принимаетъ сообщеніе совершенно равнодушно, ничему не вѣритъ, въ то же время старался вывѣдать всѣ малѣйшія подробности. Но скоро Остерманъ не почелъ болѣе нужнымъ притворяться предъ англійскимъ резидентомъ по общности интересовъ. Остерманъ хорошо зналъ, что агентомъ цесаревны при переговорахъ ея съ Нолькеномъ служитъ Лестокъ, котораго Нолькенъ для большаго удобства пригласилъ лѣчить себя. Остерманъ спросилъ мнѣнія Финча, не будетъ ли полезно арестовать Лестока. Финчъ отвѣчалъ, что не годится это сдѣлать по одному только подозрѣнію, возбужденному сообщеннымъ отъ него извѣстіемъ; правительство должно дѣйствовать по болѣе вѣрнымъ указаніямъ, иначе Елисавета получитъ только справедливый предлогъ къ жалобамъ. У правительства не было болѣе вѣрныхъ указаній; но Остерманъ сильно безпокоился, особенно по дурнымъ отношеніямъ правительницы къ мужу, а слѣдовательно и къ нему. Когда Финчъ уговаривалъ его не заниматься такъ усердно Шведскими дѣлами, потому что Швеція только стращаетъ войною, а на самомъ дѣлѣ не рѣшится объявить ее, то Остерманъ отвѣчалъ: „Не будь сообщеннаго вами извѣстія, то мы вовсе не заботились бы о Швеціи". По словамъ принца Антона Финчу, Остерманъ признавался, что правительство не достигло еще желаемой твердости. Принцъ хотѣлъ самъ принять начальство надъ войскомъ въ случаѣ Шведской войны, но Остерманъ не соглашался, боясь, что въ его отсутствіе Минихъ, съ помощію Юліи Менгденъ, опять войдетъ въ силу. Что правительница во всякомъ случаѣ берегла Миниха, разсчитывая на него,—это было ясно. Когда одинъ изъ друзей Финча сказалъ при ней, что носится слухъ, будто Миниху будутъ возвращены всѣ должности, то она отвѣчала. „Этому не бывать; любятъ измѣну, но не любятъ измѣнниковъ; нельзя довѣрять ему такъ много, хотя и можно употребить его съ пользою для того, чтобъ держать людей въ страхѣ и принудить ихъ къ исполненію своей обязанности". Кого разумѣла правительница

[1]) Шетарди.

подъ этими людьми [1])? Остерманъ могъ думать, что скорѣе всего она могла разумѣть его.

При внутреннемъ разладѣ въ правительствѣ, который отнималъ у него руки и позволялъ врагамъ дѣйствовать передъ его глазами, оно менѣе всего могло положиться на войско, которое было на сторонѣ цесаревны. При Дворѣ знали, что по сверженіи Бирона три гвардейскіе полка шли ко дворцу въ убѣжденіи, что императрицею будетъ провозглашена ихъ матушка Елисавета Петровна; тотъ же духъ оказался въ гарнизонномъ полку на Васильевскомъ островѣ и въ Кронштадтѣ; здѣсь опасались возстанія, потому что солдаты кричали: „Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елисаветы Петровны“ [2])! При Дворѣ знали, какъ Елисавета любима въ въ гвардіи; знали, что цесаревна постоянно креститъ дѣтей у гвардейцевъ, радушно принимаетъ, угощаетъ отцовъ и матерей своихъ крестниковъ; у ней былъ домъ (Смольный, или Смоляной дворъ) подлѣ гвардейскихъ казармъ; въ этотъ домъ она часто ѣздила ночевать, и здѣсь-то видѣли ее гвардейскіе офицеры и солдаты. При Дворѣ говорили въ насмѣшку: „У цесаревны Елисаветы ассамблеи для Преображенскихъ солдатъ“ [3]). Правительница считала все это пустяками, не стоящими вниманія; но Остерманъ и, слѣдовательно, покорный ученикъ его—принцъ Антонъ—сильно тревожились.

Между тѣмъ Шетарди продолжалъ видаться съ Лестокомъ, который въ мартѣ передалъ ему, что цесаревна очень обижена правительницею. Елисавета просила, чтобъ правительство заплатило за нее 32,000 долговъ, съ которыми ей нѣтъ возможности раздѣлаться даже и при помощи 50,000 рублей, назначенныхъ ей Бирономъ. Въ просьбѣ не отказали, но заподозрили, что деньги нужны для чего-нибудь другого, а не для расплаты съ долгомъ, и потому потребовали, чтобъ цесаревна представила счеты купцовъ, которымъ должна. Елисавета представила счеты, и по нимъ оказалось долгу, вмѣсто 32,000, сорокъ три тысячи; принуждены были заплатить лишнее и, въ добавокъ, подали поводъ къ раздраженію и жалобамъ.

Елисавета была откровенна и съ Нолькеномъ. Такъ, она разсказала ему свой разговоръ съ правительницею по поводу отставки Миниха. Анна спросила ее, знаетъ ли она объ этомъ; Елисавета отвѣчала, что трудно было бы не знать о томъ, о чемъ говоритъ весь городъ. „А что же говорятъ въ городѣ?“ спросила Анна. Елисавета отвѣчала, что вообще удивлены, какъ это она согласилась на отставку. „Любя васъ нѣжно“, продолжала цесаревна, „не могу скрыть отъ васъ, что вы поступили дурно, тѣмъ болѣе-что васъ обвинятъ въ неблагодарности и вы лишаетесь человѣка, на котораго могли совершенно положиться послѣ того, что онъ для васъ сдѣлалъ“. Тутъ правительница разсыпалась въ сожалѣніяхъ, и, въ оправданіе свое, приводила только, что она не соглашалась на удаленіе Миниха отъ дѣлъ, но принцъ Антонъ и Остерманъ не давали ей покою. Разсказавши объ этомъ, Елисавета прибавила: „Надобно имѣть мало ума, чтобъ высказаться такъ искренно; она очень дурно воспитана, не умѣетъ жить, и къ этому у нея есть еще хорошее качество—быть капризною такъ же, какъ и герцогъ Мекленбургскій, ея отецъ“. Елисавета разсказала Нолькену кое-что и о принцѣ Антонѣ,—именно то, что должно было особенно заинтересовать его и Шетарди по отношеніямъ политическимъ: сама правительница разсказывала ей, что принцъ Антонъ прыгалъ какъ ребенокъ, когда получилъ извѣстіе о рожденіи сына у Маріи-Терезіи; онъ говорилъ, что это событіе тѣмъ болѣе имѣетъ значенія для Россіи, что оно снова обезпечиваетъ Австріи преимущество сохранить императорскую корону. „Здѣсь только думаютъ оказать помощь Венгерской королевѣ“, говорила цесаревна, „а между тѣмъ сильно боятся Швеціи, хотя и скрываютъ этотъ страхъ отъ правительницы. Я была на дняхъ свидѣтельницею, какъ Головкинъ увѣрялъ ее, что никогда Швеція не была такъ слаба, что въ ней ужасная бѣдность и одна надежда у васъ на помощь Франціи, у которой у самой денегъ нѣтъ и ей приходится думать о себѣ только, а не другимъ помогать“. Но когда Нолькенъ, ободренный такою откровенностію, начиналъ дѣло объ обязательствахъ со стороны Елисаветы относительно вознагражденія Швеціи за помощь, то она упорно отмалчивалась. Шетарди и Нолькенъ объясняли эту нерѣшительность Елисаветы тѣмъ, что она совѣтуется съ своею партіею, которая представляетъ ей, какъ она сдѣлается ненавистною въ глазахъ народа, если откроется, что она призвала Шведовъ на Россію, особенно если она должна будетъ хотя чѣмъ-нибудь пожертвовать въ вознагражденіе за корону; притомъ же Швецію не-для-чего побуждать къ тому, что она должна сдѣлать для собственныхъ выгодъ.

Нолькену не удалось. Въ апрѣлѣ самъ Шетарди сталъ убѣждать Лестока, что Елисаветѣ необходимо дать Шведамъ письменное обязательство. На увѣреніе посла, что король его заботится только о цесаревнѣ и ея выгодахъ, Лестокъ, отъ имени Елисаветы, объявилъ, что она относительно внѣшнихъ средствъ полагается совершенно на волю королевскую; относительно же внутреннихъ ограничивается суммою въ 100,000 рублей на случай, еслибъ въ рѣшительную минуту понадобилось привлечь на свою сторону того или другого. Шетарди отвѣчалъ, что король охотно доставитъ средства на покрытіе издержекъ, какъ только будетъ указано, какимъ образомъ можно будетъ при этомъ сохранить тайну. Потомъ посолъ перешелъ къ настоящему дѣлу: отдаленность препятствуетъ королю дѣйствовать непосредственно, онъ можетъ

[1]) Финчъ.
[2]) Финчъ.
[3]) Минихъ— Ebauche pour donner une idée etc.

вооружить только своихъ союзниковъ, сосѣдей Россіи, т. е. Шведовъ, которые сами хорошо расположены къ цесаревнѣ; но у нихъ все зависитъ отъ сейма: пусть цесаревна обѣщаетъ существенныя выгоды,—и этимъ дастъ Шведскому королю возможность убѣдить подданныхъ къ начатію войны. Лестокъ отвѣчалъ, что цесаревна не скрываетъ отъ себя невозможности побудить Шведовъ даромъ оказать ей помощь. „Итакъ", сказалъ Шетарди, „пусть же она подтвердитъ то, что̀ считаетъ необходимымъ; пусть передастъ мнѣ на письмѣ, что̀ хотѣла бы она устроить въ случаѣ успѣха предпріятія. Бумага никогда не выйдетъ изъ моихъ рукъ. Король, мой государь, увѣдомленный только о ея содержаніи, будетъ въ состояніи принять мѣры убѣдить Шведовъ, и когда успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, его величество можетъ взять на себя оцѣнку обѣщаній принцессы, и, ставши посредникомъ между нею и Швеціею, укрѣпитъ миръ, столь необходимый между двумя сосѣдственными государствами. Я такъ сильно желаю видѣть цесаревну въ положеніи, котораго она сама можетъ и должна желать, что не скрою отъ васъ ни одной изъ причинъ, которыя должны побудить ее къ исполненію того, что я сказалъ. Вамъ не безъизвѣстно, какимъ образомъ поступаетъ Русскій Дворъ съ Швеціею въ продолженіи многихъ лѣтъ. Терпѣніе имѣетъ предѣлы. Предпринятыя Швеціею вооруженія, кажется, доказываютъ это. Зачѣмъ цесаревнѣ допускать, чтобы они принесли пользу другимъ, а не ей? Не обманывайтесь: правительница, принцъ Брауншвейгскій и графъ Остерманъ чувствуютъ, что они здѣсь иноземцы,—а правительство такого рода, для поддержанія себя, очень неразборчиво въ средствахъ, мало смотритъ на пожертвованія, лишь бы отдѣлаться отъ войны и купить миръ у Шведовъ, которые не упустятъ воспользоваться такимъ случаемъ; что̀ изъ этого выйдетъ? Цесаревна потеряетъ все и не будетъ имѣть ни малѣйшей надежды на будущее. Я пойду далѣе и скажу вамъ, что если Шведы не вступятъ заранѣе въ соглашеніе съ цесаревною на прочныхъ основаніяхъ, то они выскажутся въ пользу внука Петра I. Не имѣя въ томъ препятствія, они вѣрнѣе возведутъ на престолъ герцога Голштинскаго, тогда какъ цесаревна видитъ себя лишенною принадлежащаго ей и удаленною отъ трона навсегда. Другое соображеніе, менѣе важное, но все же могущее имѣть вліяніе на успѣхъ ея плановъ: она довольна стараніями, которыя видитъ съ моей стороны; но положеніе, въ которое я поставленъ, и встрѣчаемыя мною затрудненія вѣроятно должны ускорить мой отъѣздъ, и у цесаревны, лишенной и безъ того помощи, будетъ менѣе однимъ человѣкомъ, которому, какъ доказалъ опытъ, она могла совершенно довѣриться".

Сыграно было на всѣхъ струнахъ. Лестокъ отправился съ этими внушеніями къ Елисаветѣ, и въ слѣдующее свиданіе привезъ отвѣтъ, что цесаревна очень тронута доказательствами усердія, постоянно показываемаго посланникомъ; она желала бы отплатить ему, слѣдуя его внушеніямъ, но она всегда будетъ опасаться упрековъ отъ своего народа, если для достиженія престола нанесетъ ему ущербъ какими-нибудь уступками. Лестокъ, именемъ Елисаветы, спрашивалъ у Шетарди, нельзя ли будетъ удовольствовать Шведовъ значительною суммою денегъ, которая была бы въ состояніи вознаградить ихъ за издержки и потери. „Цесаревна надѣется", продолжалъ Лестокъ, „что вы войдете въ ея положеніе и согласитесь, что, какъ дочь Петра I, она должна соблюдать крайнюю осторожность относительно завоеваній своего отца, стоившихъ ему такъ дорого".—„Король", отвѣчалъ Шетарди, „хочетъ одного—видѣть цесаревну на престолѣ, и готовъ оказать содѣйствіе, если только она дастъ ему возможность къ тому. Его величество, какъ бы ни былъ радъ подать помощь, будетъ впрочемъ одинаково доволенъ, какимъ бы способомъ цесаревна ни достигла престола. Слѣдовательно ей надобно обдумать, можетъ ли она этого достигнуть своими собственными средствами. Если можетъ,—тѣмъ лучше: развязка будетъ болѣе славна для нея и помощь иностранная сдѣлается ей безполезною".—„Но какъ вы хотите, чтобъ она сама этого достигла"? возразилъ Лестокъ.—„Въ такомъ случаѣ", отвѣчалъ Шетарди, „опять дѣло цесаревны обдумать, можетъ ли она надѣяться на счастливый исходъ дѣла безъ помощи Шведовъ. Надобно, чтобъ она доставила королю средство служить ей, или совершенно отказалась бы отъ надежды царствовать. Она тѣмъ болѣе должна увѣриться въ этой истинѣ, что не можетъ не признать, какъ поддается Русской народъ тяжести слѣпаго рабства, и лишь только она отложитъ исполненіе своего намѣренія, то этотъ же народъ такъ привыкнетъ повиноваться настоящему правительству, что не будетъ болѣе отличать иноземца, завладѣвшаго властію, отъ законнаго государя".

Этими объясненіями переговоры надолго прекратились. Лестокъ не являлся къ Шетарди; а между тѣмъ Нолькенъ получилъ отъ своего правительства дозволеніе на отъѣздъ изъ Петербурга, съ тѣмъ однако, что предварительно достанетъ отъ Елисаветы письменное удостовѣреніе, безъ котораго секретный комитетъ ничего не можетъ сдѣлать. Несмотря на молчаніе Елисаветы, Шетарди настаивалъ, что для Швеціи необходимо объявить войну; онъ писалъ: „Если бы даже Шведы не могли ожидать себѣ помощи изнутри Россіи, то я тѣмъ не менѣе убѣжденъ въ необходимости для нихъ воспользоваться этою минутою. Россія была очень привержена къ Австрійскому Дому, отнынѣ она будетъ предана ему окончательно; а если Вѣнскій Дворъ будетъ здѣсь посредственно царствовать, то отъ этого будетъ постоянный вредъ для Швеціи и ея союзниковъ. Напротивъ, если принцессѣ Елисаветѣ будетъ проложена дорога къ трону, то можно быть убѣжденнымъ, что претерпѣнное ею прежде и любовь ея къ своему народу побудитъ ее удалить иностранцевъ и совершенно довѣриться Русскимъ. Усту-

ная склонности своей и народа, она немедленно переѣдетъ въ Москву; знатные люди обратятся къ хозяйственнымъ занятіямъ, къ которымъ они склонны и которыя принуждены были давно бросить; морскія силы будутъ пренебрежены, и Россія мало-по-малу станетъ обращаться къ старинѣ, которая существовала до Петра I и которую Долгорукіе хотѣли возстановить при Петрѣ II, а Волынскій—при Аннѣ. Такое возвращеніе къ старинѣ встрѣтило бы сильное противодѣйствіе въ Остерманѣ; но со вступленіемъ на престолъ Елисаветы послѣдуетъ окончательное паденіе этого министра, и тогда Швеція и Франція освободятся отъ могущественнаго врага, который всегда будетъ противъ нихъ, всегда будетъ имъ опасенъ. Елисавета ненавидитъ Англичанъ, любитъ Французовъ; торговыя выгоды ставятъ народъ Русскій въ зависимость отъ Англіи; но ихъ можно освободить отъ этой зависимости, и на развалинахъ англійской торговли утвердить здѣсь французскую".

Шетарди напрасно старался убѣдить свой Дворъ въ выгодахъ правительственнаго переворота въ Россіи. Версальскій Дворъ и безъ него понималъ эти выгоды, понималъ, что Елисаветѣ трудно дать обязательство вознаградить Швецію изъ отцовскихъ завоеваній; но онъ понималъ также, что Швеція можетъ надѣяться на успѣхъ только въ случаѣ движенія Елисаветиной партіи, а объ этомъ движеніи Шетарди не могъ увѣдомить. Стали ходить зловѣщіе слухи, что правительство знаетъ о заговорѣ и медлитъ только для того, чтобъ вѣрнѣе захватить заговорщиковъ. Со стороны принца Антона, т.-е. со стороны Остермана, явились попытки привлекать гвардейцевъ на свою сторону благодѣяніями. Принцъ велѣлъ позвать къ себѣ капитана Семеновскаго полка, ревностнаго приверженца Елисаветы, и, въ присутствіи генерала Стрѣшнева, затя Остермана, спросилъ: „Что съ тобою, я слышу ты грустишь,—развѣ ты недоволенъ?" Капитанъ отвѣчалъ, что имѣетъ причины грустить: у него большое семейство и маленькое имѣніе далеко, около Москвы, что лишаетъ возможности извлекать изъ него доходъ.— „Я вашъ полковникъ", сказалъ на это принцъ, „и хочу, чтобъ вы благоденствовали и были моими друзьями; обращайтесь ко мнѣ съ откровенностію— и я всегда буду поступать такъ, какъ теперь". При этихъ словахъ принцъ подалъ ему кошелекъ съ 300 червонцевъ. Стрѣшневъ былъ тутъ недаромъ: когда капитанъ вышелъ отъ принца, онъ подошелъ къ нему и началъ расхваливать и принца, и жену его, указывалъ, какъ вся Европа уважаетъ ихъ, доказательство—такой съѣздъ иностранныхъ министровъ въ Петербургѣ, какого прежде не бывало; а цесаревна не пользуется уваженіемъ ни иностранныхъ государей, ни своего народа, и кто не хочетъ попасть въ бѣду, тотъ долженъ держаться настоящаго правительства. — Шетарди и Нолькенъ справедливо заключили, что вся эта исторія показываетъ, до какой степени дошли слабость и трусость правительства. Но въ ихъ глазахъ и въ противномъ лагерѣ не были храбрѣе. Лестокъ объявилъ присланному къ нему секретарю Нолькена, что ему нельзя больше бывать у посланника; что какъ скоро онъ придетъ къ нему, то будетъ арестованъ при выходѣ. Даже у себя, разговаривая съ секретаремъ, онъ обнаруживалъ сильное безпокойство: при малѣйшемъ шумѣ на улицѣ онъ кидался къ окну и считалъ себя погибшимъ; про цесаревну говорилъ, что она должна бояться яда или какого-нибудь насилія. А между тѣмъ во Франціи сердились на медленность, съ какою шло дѣло въ Петербургѣ; министръ писалъ Шетарди: „Дѣло Елисаветы нечувствительно клонится къ упадку; она дѣйствуетъ такъ, какъ будто перемѣнила намѣреніе, въ чемъ не смѣетъ однако признаться; я не могу скрыть своего опасенія, что Елисавета отступитъ въ ту самую минуту, когда Шведы приступятъ къ дѣлу; это подвергнетъ страшной опасности шведскія предпріятія и чрезвычайно повредитъ намъ: съ одной стороны, не будетъ никакой диверсіи въ пользу Шведовъ отъ волненія приверженцевъ Елисаветы; съ другой—нареканія падутъ на насъ, потому что мы побуждали Швецію высказаться и дѣйствовать".

Шетарди складывалъ вину на Нолькена, который подалъ своему Двору слишкомъ много надеждъ, на робость Лестока и Елисаветы. „Напрасны старанія вылѣчить людей отъ страха", писалъ онъ. Во второй половинѣ мая одинъ изъ агентовъ Нолькена приходилъ сказать ему, что гвардейскіе офицеры выходятъ изъ терпѣнія и просятъ выразить цесаревнѣ, что ея молчаніе удивляетъ ихъ; что она должна разъяснить имъ, какъ они могутъ служить ей. Въ началѣ іюня, гвардейскіе офицеры, подстерегая минуту говорить съ цесаревною, приступили къ ней въ Лѣтнемъ саду, и одинъ началъ говорить: „Матушка! мы всѣ готовы и только ждемъ твоихъ приказаній, что наконецъ велишь намъ".— „Ради Бога молчите," отвѣчала Елисавета, „чтобъ васъ какъ-нибудь не услыхали; не дѣлайте себя несчастными, дѣти мои, не губите и меня. Разойдитесь, ведите себя смирно; время еще не пришло; я велю вамъ тогда сказать заранѣе".

Нолькенъ уѣзжалъ, и, на прощальной аудіенціи у Елисаветы, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить Елисавету дать ему письменное обязательство, совершенно необходимое для него, какъ оправдательный документъ, на основаніи котораго онъ могъ рѣшительно говорить въ Стокгольмѣ,—и все понапрасну: Елисавета относилась очень холодно къ дѣлу, давала замѣтить, что не помнитъ хорошенько, въ чемъ оно состоитъ; что Лестокъ не ясно передавалъ ей содержаніе требованій Нолькена. Тотъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что копія, списанная Лестокомъ мѣсяца три тому назадъ, находится у нея въ рукахъ. Елисавета отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ теперь эта бумага. „Подлинникъ у меня въ карманѣ", сказалъ Нолькенъ, „и въ одну минуту дѣло можетъ быть окончено, потому что стоитъ только вашему высочеству подписать и при-

ложить свою печать." Но Елисавета отвѣчала, что теперь она этого не можетъ сдѣлать, потому что тутъ находится придворный, на котораго она не полагается. Отказываясь дать письменное обязательство, цесаревна увѣряла Нолькена въ своей благодарности Швеціи за ея доброе расположеніе; увѣряла, что первыя движенія съ шведской стороны произведутъ немедленное дѣйствіе въ Россіи; что она ждетъ только этой минуты, чтобъ положить конецъ предосторожностямъ, которыя принуждена соблюдать теперь. Нолькенъ хотѣлъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, дѣйствительно ли партія Елисаветы сильна и ждетъ перваго движенія со стороны Шведовъ: онъ спросилъ, точно ли капитанъ гренадеровъ, получившій 300 червонныхъ отъ принца Брауншвейгскаго, встрѣтилъ ее нѣсколько дней тому назадъ на дорогѣ и предлагалъ ей располагать его ротою; точно ли между 160 гвардейскими офицерами 54 готовы стоять за нее. Елисавета отвѣчала утвердительно и обѣщала за себя и за свою партію дѣйствовать мужественно, какъ скоро Шведы доставятъ возможность дѣйствовать навѣрное. На прощаніи она сказала, что на другой день пришлетъ къ Нолькену Лестока. Посланникъ надѣялся, что медикъ привезетъ письменное обязательство; Лестокъ пріѣхалъ, но желанной бумаги не привезъ: привезъ только письмо для доставленія племяннику Елисаветы, герцогу Голштинскому. Лестокъ оправдывался предъ Нолькеномъ, увѣряя, что исправно передавалъ все ему поручаемое, но что цесаревна сердилась на него по нѣскольку дней за напоминаніе о письменномъ обязательствѣ; что онъ не могъ настаивать при мысли, что Нолькена могли схватить, несмотря на его посланническій характеръ, и письменное обязательство, найденное между его бумагами, погубило бы Елисавету и ея приверженцевъ. Нолькенъ предложилъ ему хорошій подарокъ, и Лестокъ обѣщалъ за это употребить послѣднее усиліе и пріѣхать еще разъ. Но посланникъ ждалъ его напрасно—и выѣхалъ изъ Петербурга 23 іюня. Шетарди писалъ своему Двору: „Я дѣйствительно полагаю, что ничего нельзя ожидать отъ приверженцевъ Елисаветы до тѣхъ поръ, пока они не увидятъ, что ихъ поддерживаютъ. Я надѣялся и могу надѣяться, что они, судя по недовольству и волненіямъ, здѣсь царствующимъ, не измѣнятъ своимъ обѣщаніямъ. Трудно будетъ потомъ найти подобныя обстоятельства, если пропустить ихъ теперь. Признаюсь однако, что чрезвычайная слабость принцессы Елисаветы и нерѣшительность ея относительно людей, къ которымъ она должна была бы имѣть всего болѣе довѣренности, стóятъ того, чтобъ ее удалить отъ престола и возвести на него молодаго герцога Голштинскаго. Но это противорѣчило бы главной цѣли, ибо въ такомъ случаѣ, пожалуй, одно иностранное правительство замѣнится другимъ, тогда какъ если Елисавета будетъ на тронѣ, то любезная Россіи старина одержитъ вѣроятно верхъ. Быть можетъ (и весьма было бы желательно не обмануться въ этомъ), въ царствованіе Елисаветы, при ея лѣтахъ, старина успѣетъ укорениться настолько, что племянникъ ея привыкнетъ къ ней, и когда вступитъ на престолъ, то не будетъ уже имѣть понятія ни о чемъ другомъ."

Шетарди не обманывался, что въ движеніи въ пользу Елисаветы дѣло шло о національномъ интересѣ, національной чести; что иностраннаго правительства больше не хотѣли: это было такъ очевидно, что даже иностранцу нельзя было ошибиться. Но Французъ жестоко обманывался, предполагая, что торжество національнаго интереса будетъ имѣть слѣдствіемъ возвращеніе Русскихъ къ допетровскимъ временамъ; странно, какъ онъ, понимая деликатность Елисаветы относительно отцовскихъ завоеваній, не понималъ, что тѣ же самыя побужденія заставятъ дочь Петра сохранять и развивать все сдѣланное при Петрѣ; въ такое странное заблужденіе Шетарди могъ быть приведенъ только сильнымъ національнымъ движеніемъ, кидавшимся въ глаза, и неумѣньемъ разобрать, въ чемъ заключалась сущность этого движенія.

Въ іюлѣ приверженные къ Елисаветѣ гвардейскіе офицеры были сильно обезпокоены слухами, что цесаревну хотятъ выдать замужъ за брата принца Антона, принца Людовика, назначавшагося, какъ мы видѣли, въ герцоги Курляндскіе. Дѣйствительно, правительницѣ было внушено насчетъ выгодъ этого брака: съ одной стороны, Елисавета будетъ привязана къ Брауншвейгскому Дому, съ другой—удалена въ Курляндію. Но Елисавета объявила, что никогда не выйдетъ замужъ; успокоила на этотъ счетъ и офицеровъ. Правительницѣ очень тяжело было разстаться однако съ этимъ планомъ: она въ это время разрѣшилась отъ бремени дочерью Екатериною; лежа въ постели послѣ родовъ, она приняла однажды поутру оберъ-гофмаршала Левенвольда и наединѣ говорила ему: „Пріѣхалъ сюда братъ герцога-генералиссимуса, и желается мнѣ его въ брачный союзъ привесть съ цесаревною Елисаветою; не можете ли вы съ тою пропозиціею идти къ ней". Левенвольдъ, зная, что это будетъ понапрасну, отговорился, что ему неприлично идти съ пропозиціею; не соизволитъ ли она сама о томъ съ цесаревною поговорить [1]).

Нолькенъ, уѣзжая, передалъ дѣло секретарю посольства Лагерфлихту. Въ концѣ іюля Елисавета дала ему знать, что если Шведы будутъ еще медлить, то расположеніе умовъ можетъ измѣниться; надобно спѣшить, потому что правительство не щадитъ ни обѣщаній, ни наградъ для пріобрѣтенія себѣ приверженцевъ. Противъ Шведовъ рѣшено дѣйствовать быстро, но этого нельзя бояться: Русскіе дадутъ слабый отпоръ, какъ скоро Шведы явятся защитниками правъ Петра I. Лагерфлихтъ сейчасъ же передалъ это Шетарди, и тотъ велѣлъ отвѣчать, что если дѣла идутъ не такъ быстро, то виновата она сама: отказавшись подписать обя-

[1]) Показанія Левенвольда въ Государ. Архивѣ.

зательство, она лишила тайный комитетъ въ Стокгольмѣ возможности дѣйствовать съ желаемою быстротою; впрочемъ, въ ея власти поправить дѣло, поспѣшивъ дать письменное обязательство. Елисавета велѣла отвѣчать Лагерфлихту, что страхъ выдать себя и своихъ, въ случаѣ если бы дѣла пошли дурно, рѣшительно не позволяетъ ей подписать требованія, но что она подпишетъ, когда дѣла примутъ хорошій оборотъ и она будетъ въ состояніи дѣлать это безопасно. Ея обѣщанія заключаются въ слѣдующемъ: 1) вознаградить Швецію за военныя издержки, считая со времени перваго транспорта войскъ въ Финляндію; 2) давать Швеціи субсидіи во все продолженіе своей жизни; 3) предоставить Шведамъ всѣ торговыя преимущества, которыми пользуются Англичане; 4) отказаться отъ всѣхъ трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ между Россіею, Англіею и Австрійскимъ Домомъ, и ни съ кѣмъ не вступать въ союзы, кромѣ Франціи и Швеціи; 5) содѣйствовать во всѣхъ случаяхъ выгодамъ Швеціи и тайно ссужать деньгами, когда она будетъ въ нихъ нуждаться. Донося своему Двору объ этомъ, Шетарди писалъ: „Видно, съ какимъ стараніемъ хотѣли въ этихъ статьяхъ избѣгнуть всякаго намека на земельныя уступки".

Наконецъ Шведы объявили войну, и Шетарди писалъ своему Двору о внушеніяхъ, которыя онъ получалъ изъ дворца Елисаветы: „Считаютъ очень важнымъ, чтобъ герцогъ Голштинскій былъ при шведской арміи, не сомнѣваясь, что русскій солдатъ положитъ передъ нимъ оружіе въ минуту сраженія: такъ сильно въ немъ отвращеніе сражаться противъ крови Петра I. Думаютъ, что было бы очень полезно публиковать въ газетахъ, что герцогъ Голштинскій въ арміи, или, по крайней мѣрѣ, въ Швеціи. Желаютъ, чтобъ между войсками и внутри страны было распространено письмо, въ которомъ бы указывалось на опасность для религіи при иноземномъ правленіи". Шетарди требовалъ также, чтобъ Шведы издали прокламацію, что они возстали для поддержки правъ потомства Петра I. Въ концѣ августа Шетарди имѣлъ разговоръ съ Елисаветою на придворномъ балу. Недалеко стоялъ принцъ Людвигъ Брауншвейгскій, и Елисавета начала насмѣшками надъ нимъ и выходками противъ мысли выдать ее за него замужъ. „Эти люди", говорила она, „думаютъ, что у другихъ нѣтъ глазъ, когда сочиняютъ такіе прекрасные проекты; сами-то слѣпы: правительница говорила мнѣ недавно шутя, что безъ сомнѣнія скоро будутъ думать, что графъ Линаръ и дѣвица Менгденъ сдѣлаются новыми герцогомъ и герцогинею Курляндскими". Елисавета жаловалась на высокомѣрный тонъ, который уже принялъ Линаръ, на оскорбительные поступки съ нею: такъ, за обѣдомъ при Дворѣ, по случаю дня рожденія императора, принцъ Антонъ и братъ его были посажены за столъ оберъ-гофмаршаломъ, а она—простымъ гофмаршаломъ. Цесаревна объявила Шетарди: что ея партія увеличивается, и въ числѣ самыхъ усердныхъ приверженцевъ своихъ она можетъ считать всѣхъ князей Трубецкихъ и принца Гессенъ-Гомбургскаго; что въ Ливоніи всѣ недовольны и преданы ей; что, судя по расположенію умовъ, предпріятіе будетъ имѣть счастливый успѣхъ.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого Шетарди, въ лѣсу подъ Петербургомъ, имѣлъ свиданіе съ повѣреннымъ цесаревны, который объявилъ ему, что всѣ гвардейскіе солдаты, отправленные въ походъ, привержены къ Елисаветѣ. Она приказала каждому изъ нихъ дать по 5 рублей, и, на замѣчаніе относительно такой щедрости, она выразила правительницѣ крайнее удивленіе, что считаютъ новостію то, что она дѣлала открыто во всѣ времена для тѣхъ солдатъ, у которыхъ крестила дѣтей. Повѣренный замѣтилъ Шетарди, что хотя цесаревна, для покрытія этихъ издержекъ, удержала жалованье у всѣхъ своихъ придворныхъ, но денегъ у нея все же нѣтъ, тогда какъ въ настоящія минуты надобно быть щедрою; поэтому цесаревна была бы очень обязана королю, еслибъ онъ могъ ссудить ее 15,000 червонныхъ. Шетарди немедленно могъ выдать только 2,000. Потомъ повѣренный сталъ перечислять людей недоброжелательныхъ къ цесаревнѣ и больше всего дурно отзывался объ Остерманѣ; изъ его словъ можно было видѣть, что съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы тотъ лишится всѣхъ своихъ должностей; цесаревна видѣла въ немъ человѣка неблагодарнаго, позабывшаго, что онъ обязанъ всѣмъ ея отцу и матери. Наоборотъ, Биронъ долженъ ожидать всего хорошаго при перемѣнѣ правительства. Шетарди былъ очень радъ слышать о дурномъ расположеніи цесаревны относительно Остермана; но ему не понравилось слишкомъ доброе расположеніе ея къ Бирону. Превознося благодарность Елисаветы, какъ признакъ прекрасной души, онъ началъ однако внушать повѣренному, что будетъ совершенно достаточно, если Елисавета возвратитъ свободу Бирону, дастъ ему средства жить прилично и спокойно въ какомъ-нибудь русскомъ городѣ, даже возьметъ дѣтей его въ службу; но она повредитъ себѣ, возбудивъ сильное неудовольствіе, если захочетъ снова приблизить его ко Двору. Повѣренный замѣтилъ, что цесаревна и сама хочетъ только ограничиться тѣмъ, что совѣтуетъ посланникъ.

Такимъ образомъ, Елисавета съ своими приближенными уже толковала о томъ, какъ, сдѣлавшись императрицею, накажетъ людей къ ней нерасположенныхъ и наградитъ тѣхъ, которые заслужили ея благодарность. Слѣдовательно, надежда смѣняла страхъ, и можно думать, что страхъ нарочно усиливали предъ Нолькеномъ и Шетарди, чтобъ отговориться отъ непріятныхъ объясненій по извѣстнымъ обязательствамъ, требуемымъ Швеціею. Надежду поддерживала слабость правительства, доказательствомъ которой служилъ явный ропотъ, вольныя сужденія о его дѣйствіяхъ. Швед-

ская война въ народѣ миролюбивомъ по преимуществу, какъ Русскій, сильно увеличила неудовольствіе, которое особенно должно было пасть на Остермана, не умѣвшаго сохранить миръ, и обычнымъ припѣвомъ ропота служило то, что отъ иностранца нечего ждать хорошаго для Россіи; что Остерманъ бралъ деньги съ иностранныхъ Дворовъ. Шведской войны не было бы, еслибъ Остерманъ слѣдовалъ системѣ Петра Великаго, заключилъ тѣсный союзъ съ Франціею и Пруссіею: тогда нечего было бы бояться ни Шведовъ, ни Турокъ. Теперь Шведская война, когда еще не оправились послѣ Турецкой: Турки могутъ опять подняться, пожалуй поднимутся и Персіяне, а Башкиры и Калмыки воспользуются этимъ, чтобъ свергнуть русское подданство. Что же изо всего этого выйдетъ?—то, что можетъ быть завтра вмѣсто Антоновича будетъ на престолѣ внукъ Петра Великаго; это уже тѣмъ выгоднѣе, что герцогъ Голштинскій на возрастѣ, чрезъ три года можетъ царствовать самъ. Недовольные сравнивали настоящее съ недавнимъ прошедшимъ, съ царствованіемъ Анны, съ Бироновщиною, и находили возможность отдавать преимущество этому прошедшему; тогда кадили только двумъ идоламъ, а теперь обязаны кадить дюжинѣ. Правительница съ своими фаворитами и фаворитками уничтожаетъ то, что дѣлаетъ ея мужъ съ Остерманомъ; эти отплачиваютъ—тѣмъ же. Правительница становится день ото дня неприступнѣе, а цесаревна Елисавета принимаетъ такъ, что, войдя къ ней, не хочется уйти. Хорошаго впереди ждать нечего; правительница не терпитъ мужа: часто Юлія Менгденъ запрещаетъ ему входить въ комнату принцессы. Другихъ бѣгаетъ отъ дикости; правда, что дика, и мать бивала ее за дикость; съ однимъ Линаромъ не дика. Линаръ женится на Юліи Менгденъ; но и Биронъ женился на дѣвицѣ Трейденъ; разница въ томъ, что дѣти Бирона, Петръ и Карлъ, хотя были дѣти Анны, но до Россіи имъ не было никакого дѣла, а теперь быть можетъ Русскій престолъ достанется Линаровымъ дѣтямъ.

Но вотъ война, возбудившая такое неудовольствіе, идетъ успѣшно; Шведы разбиты при Вильманштрандѣ. Правительство торжествуетъ; во дворцѣ Елисаветы сильное раздраженіе противъ подобныхъ союзниковъ, противъ Нолькена, который обманулъ, не сдѣлалъ ничего; герцога Голштинскаго нѣтъ при шведской арміи, нѣтъ манифеста, что Шведы дѣйствуютъ въ пользу потомства Петра Великаго, а манифестъ имѣлъ бы громадный успѣхъ. Елисавета обратилась къ Шетарди за подробностями о Вильманштрандской битвѣ: нѣтъ ли какихъ обстоятельствъ, которыми можно было бы воспользоваться для успокоенія ея приверженцевъ. Шетарди успокоивалъ тѣмъ, что Шведовъ было очень мало; что не слѣдуетъ приходить въ отчаяніе отъ первой неудачи и предполагать, что вдругъ можно сдѣлать все то, что было условлено съ Нолькеномъ. Въ половинѣ сентября Елисавета видѣлась сама съ Шетарди; она начала разговоръ благодарностію Людовику XV за ссуду 2,000 червонныхъ; просила увѣрить короля, что она во всю жизнь свою постарается доказывать ему свою благодарность и проситъ его содѣйствія для окончанія дѣла. Шетарди увѣрялъ ее въ помощи своего короля, но требовалъ, чтобъ она и сама помогала дѣлу, чтобъ ея партія дѣйствовала. „Дѣйствія моихъ приверженцевъ будутъ безуспѣшны", отвѣчала Елисавета, „пока съ шведской стороны не будетъ сдѣлано всего того, что обѣщано. Русскій народъ способенъ къ привязанности и самоотверженію, но его трудно заставить рѣшиться. Чтобъ побудить его къ рѣшительному дѣйствію, всего лучше издать манифестъ, что Шведы идутъ на помощь потомству Петра Великаго. Король также долженъ убѣдить Швецію, чтобъ въ ея войскѣ находился герцогъ Голштинскій. Офицеры и солдаты, отправлявшіеся въ Финляндію, высказывали на этотъ счетъ необыкновенное одушевленіе; чтобъ оставить ихъ въ увѣренности относительно присутствія герцога въ шведскомъ войскѣ, я говорила имъ, чтобъ не убивали, по крайней мѣрѣ, моего племянника. Онъ возбуждаетъ живѣйшія безпокойства правительницы, какъ бы она ни старалась скрывать ихъ. Вотъ что случилось наканунѣ отъѣзда Линара въ Саксонію. Онъ присутствовалъ па совѣщаніи, бывшемъ у Остермана. Принцъ Антонъ, возвратившись оттуда, сначала все глубоко вздыхалъ, а потомъ громко сказалъ, что напрасно не слѣдовали совѣтамъ Линара. Эти совѣты состояли въ томъ, чтобъ подвергнуть меня допросу насчетъ тайныхъ сношеній съ Швеціею, и во всякомъ случаѣ заставить меня подписать отреченіе отъ престола. Но въ этомъ случаѣ правительница оказалась разсудительнѣе ихъ: „Къ чему это послужитъ", отвѣчала она также со вздохомъ; „развѣ нѣтъ тамъ чертенка (разумѣя герцога Голштинскаго), который будетъ всегда мѣшать нашему спокойствію"!

Въ концѣ разговора, Шетарди спросилъ Елисавету: „Говорила ли ей пять или шесть мѣсяцевъ тому назадъ госпожа Каравакъ (жена придворнаго живописца) о бракѣ".—Елисавета отвѣчала, что эта женщина дѣйствительно бываетъ у нея, но никогда не имѣла случая дѣлать ей подобныя предложенія. „Но какой же это бракъ"?—„Съ французскимъ принцемъ", отвѣчалъ Шетарди.—„Я могу васъ увѣрить", сказала Елисавета, „что это пустой слухъ, нѣтъ ни одного слова правды. Вы должны быть тѣмъ болѣе увѣрены въ томъ, что я давно рѣшилась никогда не выходить за мужъ, и тѣмъ менѣе буду слушать предложенія Каравакъ, что было бы неблагоразумно обижать правительницу и ея мужа, потому что я прямо отвергла довольно глупое предложеніе, сдѣланное мнѣ принцемъ Людовикомъ Брауншвейгскимъ".—„Это было сказано такъ опредѣленно, что не представлялось возможности настаивать", писалъ Шетарди. Французскій женихъ былъ принцъ Конти.

Толкуя съ Шетарди объ осторожности, съ какою обязана была поступать, Елисавета, подъ вліяніемъ своего новаго положенія и слабости правительства, не могла иногда сдерживаться. Такъ, въ октябрѣ она не могла сдержаться относительно Остермана, котораго считала главнымъ своимъ врагомъ, котораго боялась, какъ самаго умнаго приверженца настоящаго правительства, слѣдовательно, какъ самаго способнаго повредить ей; ненависть была слишкомъ велика къ человѣку, обязанному всѣмъ отцу и матери и болѣе всѣхъ вредившему дочери; страстная натура брала верхъ надъ благоразуміемъ, заставлявшимъ не высказывать своихъ чувствъ врагу еще сильному. Персидскій посланникъ привезъ дары всѣмъ членамъ Царскаго Дома и желалъ вручить ихъ лично; но ему не позволили этого сдѣлать относительно Елисаветы. Та сильно обидѣлась и, приписывая дѣло Остерману, сдѣлала противъ него жестокую выходку предъ гофмаршаломъ Минихомъ и генераломъ Апраксинымъ, которые явились къ ней съ дарами: „Скажите графу Остерману: онъ мечтаетъ, что всѣхъ можетъ обманывать; но я знаю очень хорошо, что онъ старается меня унижать при всякомъ удобномъ случаѣ; что по его совѣту приняты противъ меня мѣры, о которыхъ великая княгиня по добротѣ своей и не подумала бы; онъ забываетъ, кто я и кто онъ; забываетъ, чѣмъ онъ обязанъ моему отцу, который изъ писцовъ сдѣлалъ его тѣмъ, чѣмъ онъ теперь; но я никогда не забуду, что получила отъ Бога, на что имѣю право по моему происхожденію“. Эта выходка произвела сильное впечатлѣніе; иностранные министры поспѣшили передать о ней своимъ Дворамъ [1]).

Елисавета могла безнаказанно дѣлать выходки противъ Остермана: человѣкъ, котораго недавно величали царемъ всероссійскимъ, долженъ былъ теперь бояться за сохраненіе своего значенія и при настоящемъ правительствѣ. Главный врагъ его, графъ Головкинъ, не былъ опасенъ по своей недаровитости, болѣзненности и отсутствію энергіи; но Головкину помогали другіе: генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и австрійскій посланникъ Ботта, который, видя, что Остерманъ холодно относится къ интересамъ Маріи-Терезіи, передался на сторону Головкина и сдѣлался его гувернеромъ, по выраженію англійскаго посланника Финча. Но борьба съ Остерманомъ была трудна особенно въ такое смутное время, и, какъ прежде Биронъ, для противодѣйствія Остерману, ввелъ въ Кабинетъ сперва Волынскаго, а потомъ Бестужева, такъ и теперь партія, противная Остерману, для той же цѣли рѣшается призвать снова Бестужева. Въ движеніи противъ Остермана, который „запечаталъ „Камень Вѣры“, Головкинъ и Трубецкой нашли вѣрнаго союзника въ Новгородскомъ архіепископѣ Амвросіи Юшкевичѣ; всѣмъ вмѣстѣ удалось уговорить правительницу возвратить Бестужева изъ ссылки. И вотъ Алексѣй Петровичъ снова въ Петербургѣ, и прежде всѣхъ иностранныхъ министровъ дѣлаетъ визитъ маркизу Ботта.

Между тѣхъ, одно изъ желаній Елисаветы было исполнено: Шетарди привезъ ей манифестъ, изданный шведскимъ главнокомандующимъ, графомъ Левенгауптомъ, для „достохвальной Русской націи“, которой объявлялось, что шведская армія вступила въ русскіе предѣлы только для полученія удовлетворенія за многочисленныя неправды, причиненныя Шведской коронѣ *иностранными* министрами, господствовавшими надъ Россіею въ прежніе годы, для полученія необходимой для Шведовъ безопасности на будущее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ для освобожденія Русскаго народа отъ несноснаго ига и жестокостей, которыя позволяли себѣ означенные министры, чрезъ что многіе потеряли собственность, жизнь или сосланы въ заточеніе. Намѣреніе короля Шведскаго состоитъ въ томъ, чтобъ избавить достохвальную Русскую націю, для ея же собственной безопасности, отъ тяжкаго чужеземнаго притѣсненія и безчеловѣчной тиранніи и предоставить ей свободное избраніе законнаго и справедливаго правительства, подъ управленіемъ котораго Русская нація могла бы безопасно пользоваться жизнію и имуществомъ, а со Шведами сохранять доброе сосѣдство. Этого достигнуть будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока чужеземцы, по своему произволу и для собственныхъ цѣлей, будутъ господствовать надъ Русскими и ихъ сосѣдями—союзниками. Вслѣдствіе такихъ справедливыхъ намѣреній его королевскаго величества, должны и могутъ всѣ Русскіе соединиться со Шведами и, какъ друзья, отдаваться сами и съ имуществомъ подъ высокое покровительство его величества, и ожидать отъ его высокой особы всякаго сильнаго заступленія.

Елисавета очень обрадовалась манифесту; но въ противномъ лагерѣ онъ, разумѣется, произвелъ противоположное дѣйствіе. Оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ услыхалъ о немъ отъ принца Антона, а потомъ, когда пріѣхалъ къ Остерману, то хозяинъ прочелъ его ему и началъ разсуждать, что въ манифестѣ о чужестранныхъ весьма противно написано и что это не до однихъ чужестранныхъ касается, но и до принцессы Анны и всей фамиліи; другого теперь дѣлать нечего, какъ лучшую военную предосторожность взять, и надобно опредѣлить, что гдѣ такіе манифесты явятся, въ народѣ ихъ не разглашать, а собирать въ Кабинетъ, и чтобъ онъ, Левенвольдъ, донесъ объ этомъ правительницѣ. Левенвольдъ согласился. При свиданіи съ правительницею, она спросила его, — слышалъ ли про манифестъ; Лавенвольдъ отвѣчалъ, что слышалъ, и что онъ о чужестранныхъ, о министерствѣ и о незаконномъ наслѣдствѣ очень остро написанъ и касается самой фамиліи, причемъ упомянулъ о мѣрѣ противъ распространенія манифестовъ, указанной Остерманомъ. Принцесса сказала на это: „Правда, очень остро писанъ“, и тѣмъ дѣло кон-

[1]) Hermann 671; Шетарди 364; Финчъ.

чилось [1]). Остерманъ однако не позабывалъ о манифестѣ: отъ имени русскаго главнокомандующаго онъ написалъ письмо къ Левенгаупту, что манифестъ, подписанный его именемъ, оставленъ въ деревнѣ шведскимъ отрядомъ; по всему видно, что манифестъ выданъ подложно подъ его именемъ, потому что такіе манифесты между христіанскими и политическими народами не въ употребленіи. Членъ Иностранной Коллегіи и правая рука Остермана, Бреверпъ, принесъ это письмо Левенвольду съ тѣмъ, чтобъ тотъ отдалъ его правительницѣ. Анна Леопольдовна, взявши письмо, сказала: „Хорошо", и оставила его у себя.

Остерманъ напрасно безпокоился насчетъ манифеста; цесаревна Елисавета напрасно радовалась ему: нѣтъ сомнѣнія, что онъ не произвелъ бы никакого дѣйствія, если бы даже и былъ распространенъ. Хлопоты о манифестѣ, хлопоты о присутствіи молодаго герцога Голштинскаго при шведскомъ войскѣ происходили со стороны Елисаветы отъ желанія, чтобъ дѣло началось какъ-нибудь—и именно началось въ войскѣ. Мы уже упоминали, въ какомъ затруднительномъ положеніи находилась она: у нея было множество приверженцевъ, за нее была гвардія, и однако не было человѣка, который бы сталъ во главѣ движенія, сдѣлалъ бы для нея, во имя ея то, что сдѣлалъ Минихъ для Анны Леопольдовны. Елисавета должна была сама начать дѣло, сама вести солдатъ; легко понять, какъ ей трудно было на это рѣшиться, какъ она должна была медлить и ждать, не начнутъ ли другіе, не встанетъ ли войско въ Финляндіи, возбужденное манифестомъ или присутствіемъ внука Петра Великаго въ шведской арміи. Но долѣе медлить было нельзя: 23 ноября, въ понедѣльникъ, былъ обыкновенный пріемъ (куртагъ) во дворцѣ; Шетарди замѣтилъ, что правительница, долго ходивъ взадъ и впередъ, отправилась въ отдаленную комнату, куда велѣла позвать Елисавету, которая, возвращаясь оттуда, имѣла взволнованный видъ. На другой день повѣренный сообщилъ Шетарди, что разговоръ, такъ взволновавшій цесаревну, шелъ о немъ: описавши его самыми черными красками, Анна объявила, что рѣшилась просить короля объ его отозваніи изъ Петербурга, и внушала Елисаветѣ, что она не должна болѣе принимать такого человѣка. Елисавета отвѣчала, что это ей трудно сдѣлать: можно сказать посланнику разъ-два, что ея нѣтъ дома, нельзя сказать этого въ третій разъ; вчера, напримѣръ, Шетарди подъѣхалъ къ ея дому въ ту самую минуту, когда она, выйдя изъ саней, входила къ себѣ. Правительница, не обративъ вниманія на эту отговорку, продолжала настаивать на своемъ. Тогда Елисавета сказала: „Можно сдѣлать гораздо проще,—вы правительница, прикажите Остерману сказать Шетарди, чтобъ не ѣздилъ ко мнѣ болѣе." Правительница отвѣчала, что такъ нельзя сдѣлать, нельзя раздражать такихъ людей, какъ Шетарди, и подавать имъ явный поводъ къ жалобамъ. Елисавета возразила, что если Остерманъ, будучи главнымъ министромъ, имѣя повелѣніе правительницы, не смѣетъ этого сдѣлать, то она, цесаревна, тѣмъ менѣе рѣшится на это. Правительница, раздосадованная противорѣчіемъ, приняла повелительный тонъ; Елисавета, съ свою очередь, возвысила голосъ.

Разговоръ этотъ трудно выдумать; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ былъ веденъ на самомъ дѣлѣ и былъ переданъ Шетарди исключительно, такъ какъ всего болѣе долженъ былъ интересовать его. Но, какъ видно, была вторая половина разговора, которая должна была гораздо сильнѣе взволновать Елисавету; по другимъ извѣстіямъ, правительница сказала ей: „Что это, матушка, слышала я, будто ваше высочество имѣете корреспонденцію съ арміею непріятельскою, и будто вашъ докторъ ѣздитъ къ французскому посланнику и съ нимъ факціи въ той же силѣ дѣлаетъ; въ письмѣ изъ Бреславля совѣтуютъ мнѣ немедленно арестовать лѣкаря Лестока. Я всѣмъ этимъ слухамъ о васъ не вѣрю; но надѣюсь, что если Лестокъ окажется виноватымъ, то вы не разсердитесь, когда его задержатъ." Елисавета отвѣчала: „Я съ непріятелемъ отечества моего никакихъ аліанцевъ и корреспонденцій не имѣю; а когда мой докторъ ѣздилъ до посланника французскаго, то я его спрошу, и какъ онъ мнѣ донесетъ, то я вамъ объявлю."

Это былъ первый серьезный разговоръ съ правительницею, изъ котораго Елисавета должна была понять всю опасность своего положенія. Если уже Анна Леопольдовна рѣшилась высказаться, то чего ждать со стороны Остермана; правда, Анна Леопольдовна въ разладѣ съ мужемъ и Остерманомъ; но общая бѣда легко можетъ ихъ соединить, и правительница въ своихъ рѣшеніяхъ противъ Елисаветы будетъ точно такъ же оправдываться, какъ и въ рѣшеніяхъ противъ Миниха: „Мужъ и Остерманъ не давали мнѣ покоя." Лестока возьмутъ, станутъ пытать, и чего онъ тогда не наскажетъ на себя и на Елисавету? Такимъ образомъ, разговоръ съ правительницею 23 ноября долженъ былъ побудить Елисавету дѣйствовать; событіе слѣдующаго дня не оставило ей возможности сколько-нибудь еще промедлить своимъ движеніемъ. 24 ноября, въ 1 часу пополудни, правительство отдало приказъ по всѣмъ гвардейскимъ полкамъ быть готовыми къ выступленію въ Финляндію противъ Шведовъ, на основаніи, какъ говорили, полученнаго извѣстія, что Левенгауптъ идетъ къ Выборгу; но во дворцѣ Елисаветы поняли, что правительство нарочно хочетъ удалить гвардію, зная приверженность ея къ цесаревнѣ, и люди близкіе. Воронцовъ, Разумовскій, Шуваловъ и Лестокъ, начали настаивать, чтобъ Елисавета немедленно съ помощію гвардіи произвела переворотъ. Легко понять, чего стоило женщинѣ, не привыкшей къ дѣятельности, уступить этимъ настояніямъ. Елисавета представляла своимъ совѣтникамъ всю

[1]) Шетарди, 386.

опасность предпріятія, на что Воронцовъ сказалъ: „Подлинно, это дѣло требуетъ не мало отважности, которой не сыскать ни въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго.“ Эти слова могли подстрекнуть самолюбіе Елисаветы; но надобно признать, что Елисавета, согласившись вести гвардію, дѣйствительно доказала, что она дочь Петра Великаго. Разумѣется, больше всѣхъ торопилъ Лестокъ, который каждую минуту ждалъ, что придутъ арестовать его; онъ требовалъ, чтобъ немедленно было послано за гренадерами. Послѣ, уже будучи въ изгнаніи, онъ разсказывалъ одному французскому путешественнику, будто Елисавета никакъ не соглашалась начать дѣло, и онъ убѣдилъ ее тѣмъ, что показалъ двѣ картинки, нарисованныя наскоро на игральныхъ картахъ: на одной была представлена Елисавета въ монастырѣ, гдѣ ей обрѣзываютъ волосы, на другой—вступающею на престолъ при восторгахъ народа. Лестокъ предложилъ ей на выборъ то или другое, и Елисавета выбрала послѣднее. Лестокъ могъ рисовать подобныя картинки на картахъ: это было совершенно въ его духѣ; но, разумѣется, Елисавета въ рѣшительную минуту не имѣла нужды въ такомъ дѣтски-наглядномъ убѣжденіи:—она давно знала, что ей грозятъ монастыремъ.

Послали за гренадерами; тѣ явились между 11 и 12 часами ночи и сами первые объявили Елисаветѣ, что должны выступить въ походъ, и потому не будутъ болѣе въ состояніи служить ей, и она совершенно остается въ рукахъ своихъ непріятелей: такъ нечего терять ни минуты. На вопросъ Елисаветы, можетъ ли она на нихъ положиться, гренадеры отвѣчали клятвенными увѣреніями въ преданности. Елисавета заплакала, велѣла имъ выйти изъ комнаты, а сама начала молиться на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя. Есть извѣстіе, что въ эту-то страшную минуту она дала обѣщаніе не подписывать никому смертныхъ приговоровъ. Помолившись, она взяла крестъ, вышла къ гренадерамъ и привела ихъ присягѣ, сказавши: „Когда Богъ явитъ милость Свою намъ и всей Россіи, то не забуду вѣрности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всякой готовности и тихости, а я сама тотчасъ за вами пріѣду“. Былъ уже второй часъ по полуночи 25 ноября, когда Елисавета, надѣвъ кирасу на свое обыкновенное платье, сѣла въ сани и отправилась въ казармы Преображенскаго полка, въ сопровожденіи Воронцова, Лестока и Шварца, своего стараго учителя музыки. Пріѣхавши въ гренадерскую роту, извѣщенную уже заранѣе о ея прибытіи, она нашла ее въ сборѣ и сказала: „Ребята, вы знаете, чья я дочь, ступайте за мною!“—Солдаты и офицеры закричали въ отвѣтъ: „Матушка!“ мы готовы; мы ихъ всѣхъ перебьемъ.“ Озадаченная такимъ дикимъ выраженіемъ усердія, Елисавета сказала: „Если вы будете такъ дѣлать, то я съ вами не пойду.“ Умѣривъ этими словами излишнее усердіе, Елисавета велѣла разломать барабаны, чтобъ нельзя было произвести тревоги, потомъ взяла крестъ, стала на колѣни, а за нею и всѣ присутствующіе, и сказала: „Клянусь умереть за васъ; клянетесь ли умереть за меня?“—„Клянемся“! прогремѣла толпа.—„Такъ пойдемте-же“, сказала Елисавета, „и будемъ только думать о томъ, чтобъ сдѣлать наше отечество счастливымъ, во что бы то ни стало“.

Елисавета отправилась изъ казармы въ Зимній дворецъ; она ѣхала въ саняхъ, окруженная гренадерами. Дѣйствія Миниха при арестѣ Бирона служили примѣромъ; мало было арестовать Брауншвейгскую фамилію,—нужно было прежде или, по крайней мѣрѣ, одновременно арестовать людей, къ ней приверженныхъ, могшихъ быть опасными для возникающей власти. Начали съ Миниха: съ дороги отправленъ былъ отрядъ арестовать его въ его домѣ, гдѣ караульный унтеръ-офицеръ былъ уже предупрежденъ. Проходя Невскимъ проспектомъ, арестовали графа Головкина и барона Менгдена. Достигши конца проспекта, послали 20 гренадеръ объявить домовый арестъ оберъ-гофмаршалу Левенвольду и его кліенту, морскому генералъ-коммисару Лопухину, тогда какъ 30 другихъ гренадеръ отправлены были арестовать Остермана. Здѣсь, на концѣ Невскаго проспекта, когда уже стали приближаться къ Зимнему дворцу, гренадеры посовѣтовали Елисаветѣ, для избѣжанія шума, выйти изъ саней и идти пѣшкомъ; но едва она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ они стали говорить ей: „Матушка! такъ нескоро дойдемъ, надобно торопиться.“ Елисавета ускорила шаги, но, безъ привычки ходить скоро, никакъ не могла поспѣть за гренадерами. Тогда они взяли ее на руки и донесли до дворца.

Здѣсь Елисавета отправилась прямо въ кураульню, гдѣ солдаты, спросонку, не будучи предупреждены, не знали сначала, что такое дѣлается. „Не бойтесь, друзья мои“, начала имъ говорить цесаревна: „хотите ли мнѣ служить, какъ отцу моему и вашему служили? Самимъ вамъ извѣстно, какихъ я натерпѣлась нуждъ и теперь терплю, и народъ весь терпитъ отъ Нѣмцевъ. Освободимся отъ нашихъ мучителей“.—„Матушка“, отвѣчали солдаты, „давно мы этого дожидались, и что велишь,—все сдѣлаемъ.“ Но четыре офицера, по недоумѣнію или нежеланію, не высказались одинаково съ солдатами: тогда Елисавета велѣла арестовать ихъ, причемъ должны были схватить ружье у одного солдата, который направилъ-было штыкъ на офицера. Покончивши въ караульнѣ, Елисавета отправилась во дворецъ, гдѣ не встрѣтила никакого сопротивленія отъ караульныхъ, кромѣ одного унтеръ-офицера, котораго сейчасъ же арестовала. Войдя въ комнату правительницы, которая спала вмѣстѣ съ фрейлиною Менгденъ, Елисавета сказала ей: „Сестрица, пора вставать!“—Правительница, проснувшись, сказала ей: „Какъ, это вы, сударыня“! Увидавши за Елисаветою гренадеръ, Анна Леопольдовна догадалась въ чемъ дѣло, и стала умолять цесаревну не дѣлать зла ни ея дѣтямъ, ни дѣвицѣ Менгденъ, съ кото-

рою бы ей не хотѣлось разлучаться. Елисавета обѣщала ей все это, посадила ее въ свои сани и отвезла въ свой дворецъ; за ними въ двухъ другихъ саняхъ отвезли туда же маленькаго Іоанна Антоновича съ новорожденною сестрою его Екатериною. Разсказывали, что Елисавета, взявши свергнутаго ею императора на руки, цѣловала и говорила: „Бѣдное дитя! ты вовсе невинно; твои родители виноваты.“ Дворецъ цесаревны наполнился гостями: привезли принца Антона вмѣстѣ съ его пріятельницею, фрейлиною Менгденъ; привезли еще двоихъ друзей — Миниха и Остермана, которымъ обоимъ досталось отъ солдатъ во время арестованія:—Миниху —за то, что его сильно не любили солдаты; Остерману—за то, что онъ вздумалъ сопротивляться—словами: хотѣлъ испугать солдатъ, что они жестоко пострадаютъ за свой поступокъ, причемъ неучтиво отозвался объ Елисаветѣ. Вздумали сопротивляться президентъ Менгденъ съ женою—и также были избиты солдатами. Въ домахъ подъ арестомъ остались: незванный женихъ, принцъ Людвигъ Брауншвейгскій, графъ Головкинъ съ женою и сестрою, графинею Ягужинскою, графиня Остерманъ съ дѣтьми и братьями Стрѣшневыми, камергеръ Лопухинъ съ семействомъ и генералъ Альбрехтъ. Елисавета велѣла призвать принца Гессенъ-Гомбургскаго и поручила ему вѣдать военныя силы Петербурга и охранять съ ними порядокъ. Двадцать гренадеръ сѣли на лошадей и поскакали въ разные концы города для сбора остальныхъ гвардейскихъ полковъ; Воронцовъ, Лестокъ и Шварцъ отправились на саняхъ съ гренадерами къ знатнѣйшимъ лицамъ—духовнымъ и свѣтскимъ—съ вѣстію о случившемся событіи и съ приглашеніемъ ѣхать немедленно во дворецъ цесаревны. Фельдмаршалъ Леси явился сейчасъ же, съ увѣреніями въ готовности служить крови Петра Великаго; пріѣхалъ и другой фельдмаршалъ, князь Трубецкой, адмиралъ Головинъ. Явились и статскіе чины: канцлеръ князь Черкасскій, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, кабинетъ-секретарь Бреверпъ, самый довѣренный человѣкъ Остермана, но не хотѣвшій теперь раздѣлять участи своего милостивца; Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Черкасскій, Бревернъ и Бестужевъ занялись сочиненіемъ слѣдующаго манифеста [1]). „Божіею милостію, мы, Елисаветъ Первая, императрица и самодержица Всероссійская, объявляемъ во всенародное извѣстіе. Какъ то всѣмъ уже чрезъ выданный въ прошломъ 1740 году въ октябрѣ мѣсяцѣ 5 числа манифестъ извѣстно есть, что блаж. памяти отъ великія государыни императрицы Анны Іоанновны при кончинѣ ея наслѣдникомъ Всероссійскаго престола учиненъ внукъ ея величества, которому тогда еще отъ рожденія нѣсколько мѣсяцевъ только было, и для такого его младенчества правленіе государственное чрезъ разныя персоны и разными образы происходило, отъ чего уже какъ внѣшніе, такъ и внутрь государства безпокойства и непорядки, и слѣдовательно немалое же разореніе всему государству послѣдовало-бъ: того ради всѣ наши какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чиновъ вѣрные подданные, а особливо лейбъ-гвардіи нашей полки всеподданнѣйше и единогласно насъ просили, дабы мы, для пресѣченія всѣхъ тѣхъ происшедшихъ и впредь опасаемыхъ безпокойствъ и непорядковъ, яко по крови ближняя, отеческій нашъ престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, и по тому нашему законному праву по близости крови къ самодержавнымъ нашимъ вседражайшимъ родителемъ государю императору Петру Великому и государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по ихъ всеподданнѣйшему нашихъ вѣрныхъ единогласному прошенію тотъ нашъ отеческій Всероссійскій престолъ всемилостивѣйше воспріять соизволили, о чемъ всѣмъ впредь со обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ манифестъ выданъ будетъ, нынѣ же, по всеусердному всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію, всемилостивѣйше соизволяемъ въ томъ учинить намъ торжественную присягу“ [2]).

Къ 8 часамъ утра манифестъ, форма присяги, форма титуловъ,—все было готово. Елисавета надѣла Андреевскую ленту, объявила себя полковникомъ трехъ гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ, Конной Гвардіи, Кирасирскаго полка и приняла поздравленіе особъ высшихъ классовъ; потомъ вышла на балконъ, и была встрѣчена громкимъ восклицаніемъ народа; несмотря на жестокую стужу, прошлась и между рядами гвардіи, послѣ чего, возвратившись во дворецъ, принимала знатныхъ дамъ [3]). Въ началѣ 3 часа новая императрица съ торжествомъ переѣхала изъ своего стараго дома въ Зимній дворецъ и, немного отдохнувъ, отправилась въ церковь къ молебну; тутъ окружили ее Преображенскіе гренадеры и стали говорить: „Ты, матушка, видѣла какъ усердно мы сослужили тебѣ свою службу; за это просимъ одной награды—объяви себя капитаномъ нашей роты, и пусть мы первые присягнемъ тебѣ“. Елисавета согласилась

Большинство ликовало; но были и недовольные,—тѣ, которыхъ интересы были связаны съ интересами падшаго правительства или по крайней мѣрѣ людей, падшихъ съ нимъ вмѣстѣ. Мы уже встрѣчались съ княземъ Яковомъ Шаховскимъ, видѣли его отношенія къ Бирону. Похвалы Волынскаго, съ которымъ онъ сблизился, оттолкнули отъ него Бирона; Волынскій обѣщалъ ему сенаторство, но послѣ гибели его Шаховской долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ совѣтника главной полиціи. Сдѣлавшись регентомъ и желая усилить себя способными людьми, Биронъ вспомнилъ о Шаховскомъ и сдѣлалъ его управляющимъ полиціею;

[1]) Шетарди, 397 и слѣд.; 404 и слѣд., 411, 426 и слѣд.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 8473.

[3]) Петербургск. Вѣдомости, 1741, № 96.

когда новопожалованный благодарилъ герцога, тотъ сказалъ ему: „Вотъ, князь Шаховской! я не забылъ дружбу дяди твоего и что я тебя любилъ, а ты промѣнялъ-было меня на Волынскаго. Но я все забылъ, и будьте увѣрены, что я всегдашній вашъ доброжелатель". Шаховской наивно отвѣчалъ: „Мнѣ весьма было надобно благосклонность къ себѣ Волынскаго честными поведеніями сыскивать, понеже кабинетъ-министръ, который первѣйшія государственныя дѣла производитъ, повѣренность и всегдашній къ монархинѣ съ своими совѣтами доступъ имѣетъ, всегда въ состояніи просвѣтить или затемнить тѣхъ службы и добрыя поведенія, которые еще далеко за ихъ спинами находятся". Биронъ показалъ благосклонный видъ. Паденіе Бирона понизило Шаховского изъ начальника полиціи въ товарища его, но не надолго: князь Яковъ приходился сродни женѣ графа Головкина, который приблизилъ его къ себѣ и доставилъ сенаторское мѣсто. День 24 ноября молодой сенаторъ провелъ у Головкина, по случаю имeнинъ жены его. „Въ обѣдѣ, такъ и въ ужинѣ болѣе ста обоего пола персонъ, а по большей части изъ знатныхъ чиновъ и фамилій, торжествовали, употребляя во весь день между обѣда и ужина, также и потомъ въ веселыхъ восхищеніяхъ танцы и русскую пляску съ музыкою и пѣснями, что продолжалось съ удовольствіемъ до перваго часа; за полночь по домамъ разъѣхались. Что же до меня касалось, то и я уже тутъ весь же день, какъ домашній, иногда въ подчиваніи знатнѣйшихъ гостей, въ числѣ коихъ и всѣ иностранные министры были, то по нѣскольку хозяину, одному въ своей комнатѣ съ болѣзнями борющемуся, компанію дѣлалъ". Шаховской, возвратясь отъ Головкина, заснулъ въ пріятныхъ мысляхъ, что онъ уже сенаторъ и любимецъ „многомогущаго министра", и потому можетъ надолго считать себя счастливымъ и безопаснымъ отъ всякихъ злоключеній,—но былъ разбуженъ стукомъ въ ставень спальни и крикомъ сенатскаго экзекутора, чтобъ ѣхалъ какъ можно скорѣе во дворецъ цесаревны, которая изволила принять престолъ Россійскаго правленія. Шаховской вскочилъ и сперва подумалъ, не сошелъ ли экзекуторъ съ ума, но скоро увидѣлъ, что народъ толпами бѣжитъ по направленію ко дворцу Елисаветы. Шаховской отправился туда же. Несмотря на то, что ночь была темная и морозъ большой, улицы были наполнены людьми, полки гвардіи шеренгами стояли въ ближнихъ ко дворцу улицахъ и раскладывали огни отъ стужи, а другіе подчивали другъ друга виномъ, и среди шума разговоровъ громко раздавались восклицанія: „Здравствуй, наша матушка императрица Елисавета Петровна"! Шаховской долженъ былъ оставить карету и пѣшкомъ продираться сквозь толпу съ учтивымъ молчаніемъ, слыша болѣе грубыхъ, чѣмъ ласковыхъ словъ. Въ дверяхъ дворца увидѣлъ онъ товарища своего, сенатора князя Алексѣя Димитріевича Голицына; сенаторы спросили другъ друга:—„Какъ это сдѣлалось?" и оба отвѣчали—„не знаю". Протѣснившись въ третью комнату, они остановились, увидавши многихъ знатныхъ господъ; тутъ подошелъ къ нимъ камеръ-юнкеръ цесаревны, Петръ Ивановичъ Шуваловъ, поцѣловался въ знакъ всеобщей радости и кратко разсказалъ о случившемся. Едва Шуваловъ успѣлъ окончить свой разсказъ, какъ выбѣгаетъ изъ другой комнаты генералъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, нерасположенный ни къ Шаховскому, ни къ Голицыну. Онъ схватилъ Шаховского за руку, и, громко смѣясь, сказалъ: „Вотъ сенаторы стоятъ!" Шаховской отвѣчалъ: „Сенаторы, сударь!" Салтыковъ захохоталъ еще громче и закричалъ: „Что теперь скажете, сенаторы!" Эта сцена привлекла толпу зрителей, и, чтобъ выйти изъ своего страннаго положенія, Шаховской началъ говорить Салтыкову: „Что это значитъ, что вы теперь въ такое время, когда всѣ радуются, такъ насъ атакуете! Не находите ли вы на насъ какой мѣтки, или по высочайшему повелѣнію такъ съ нами поступаете?—такъ бы соизволили намъ надлежащимъ образомъ объявить; а мы во всемъ по незазрѣнной совѣсти безъ боязни отвѣчать готовы". Салтыковъ усмирился и отвѣчалъ съ ласковою улыбкою: „Я, другъ мой, теперь отъ великой радости внѣ себя, и поступилъ такъ по дружеской любви, а не по какой другой причинѣ; я вамъ сердечно желаю всякаго благополучія и поздравляю со всеобщею радостію." При этомъ онъ расцѣловалъ Шаховскаго въ обѣ щеки и поспѣшно скрылся въ другую комнату [1]).

1) Записки кн. Якова Шаховскаго I, 67 и слѣд.

Глава II.

Царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; Конецъ 1741-го и 1742 годъ.

Манифестъ съ объясненіемъ правъ Елисаветы на престолъ.—Намѣреніе относительно Брауншвейгской фамиліи.—Пріѣздъ герцога Голштинскаго въ Россію.—Возвышеніе Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина и Черкасова.—Первыя милости.—Возвращеніе ссыльныхъ.—Лейбъ-Компанія.—Судъ надъ Остерманомъ, Минихомъ, Левенвольдомъ и другими; ихъ ссылка.—Возстановленіе Сената въ прежнемъ значеніи, какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ.—Управленіе иностранными дѣлами.—Дѣятельность Сената.—Отношеніе къ иностранцамъ.—Драка въ Петербургѣ съ иностранными офицерами.—Духовенство.—Выходки проповѣдниковъ противъ низвергнутаго правительства.—Дѣятельность Синода.—Финансы.—Промышленность.—Указъ о Жидахъ.—Мѣры относительно крестьянъ и дворовыхъ людей.—Отъѣздъ Двора въ Москву.—Коронація Елисаветы.—Милости.—Назначеніе наслѣдникомъ престола Петра Θеодоровича.—Распоряженія относительно Москвы.—Заговоръ Турчанинова.—Положеніе правительственныхъ лицъ въ началѣ царствованія Елисаветы.—Ихъ отношенія къ дѣламъ европейскимъ.—Переговоры съ Швеціею и возобновленіе войны.—Волненіе въ русскомъ лагерѣ, направленное противъ иностранцевъ.—Возобновленіе переговоровъ.—Сношенія съ Франціею, Англіею, Даніею, Австріею, Пруссіею, Польско-Саксонскимъ Дворомъ, Турціею и Персіею.

Мы видѣли, что въ манифестѣ 25 ноября обѣщанъ былъ другой манифестъ „съ обстоятельствомъ и съ довольнымъ изъясненіемъ.“ Обѣщанный манифестъ вышелъ 28 ноября. Въ немъ прежде всего указывается на порядокъ престолонаслѣдія, опредѣленный завѣщаніемъ Екатерины I и утвержденный присягою всего народа; здѣсь, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра II, престолъ переходилъ къ цесаревнѣ Аннѣ и ея потомству, послѣ—къ цесаревнѣ Елисаветѣ, послѣ Елисаветы—къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; мужескому полу дано предпочтеніе предъ женскимъ, но за то постановлено, что никто не принадлежащій къ Православному исповѣданію или имѣющій другую корону не можетъ быть наслѣдникомъ. На основаніи этого пункта, по смерти Петра II Елисавета была единственною законною наслѣдницею; но, недоброжелательными и коварными происками Андрея Остермана, духовная Екатерины по смерти Петра II была скрыта, ибо тогда всѣ важнѣйшія дѣла были въ его рукахъ; происками его же, Остермана, желавшаго удалить Елисавету, какъ знавшую многіе его коварные и вредные государству поступки, избрана была на престолъ Анна Іоанновна. Когда, въ 740 году, Анна разболѣлась смертельною болѣзнію, онъ же, Остерманъ, сочинилъ опредѣленіе о наслѣдствѣ, по которому престолъ переходилъ къ сыну принца Антона Брауншвейгскаго отъ Мекленбургской принцессы Анны, и, къ большому оскорбленію и удаленію отъ престола Елисаветы, опредѣленъ былъ порядокъ престолонаслѣдія въ Брауншвейгской фамиліи. Анна подписала опредѣленіе, будучи уже въ крайней слабости. Всѣ были принуждены присягать Іоанну Антоновичу, потому что гвардія и полевые полки были въ командѣ графа Миниха и принца Антона. Принцъ Антонъ съ женою присягали сами соблюдать и сдѣланное покойною императрицею опредѣленіе о регентствѣ, но потомъ, съ помощію графовъ Остермана, Миниха и Головкина, презря свою присягу, эти опредѣленія нарушили, правительство имперіи въ свои руки насильствомъ взяли; принцесса Анна Мекленбургская не устыдилась назвать себя великою княгинею Всероссійскою, отчего не только большіе безпорядки, крайнія утѣсненія и обиды начались, но даже отваживались утвердить принцессу Анну императрицею Всероссійскою еще при жизни сына ея. Тогда Елисавета соизволила воспріять родительскій престолъ по прошенію всѣхъ вѣрноподданныхъ, „а наипаче и особливо лейбъ-гвардіи нашей полковъ“. Манифестъ оканчивался такъ: „И хотя она, принцесса Анна, и сынъ ея—принцъ Іоаннъ, и ихъ дочь—принцесса Екатерина ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію Всероссійскаго престола ни почему не имѣютъ, но однако въ разсужденіи ихъ, принцессы, и его, принца Ульриха Брауншвейгскаго, къ императору Петру II по матерямъ свойствъ, и изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствіемъ (удовольствованіемъ), предавъ всѣ ихъ вышеписанные къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли“ [1]).

Въ минуту изданія этого манифеста Елисавета дѣйствительно хотѣла отправить Брауншвейгскую фамилію какъ можно скорѣе изъ Россіи. Она говорила Шетарди: „Отъѣздъ принца и принцессы Брауншвейгскихъ съ дѣтьми рѣшенъ, и, чтобъ заплатить добромъ за зло, имъ выдадутъ деньги на путевыя издержки и будутъ съ нимъ обходиться съ почетомъ, должнымъ ихъ званію“ [2]). Елисавета хотѣла назначить имъ болѣе или менѣе значительное годовое содержаніе, смотря по тому, какъ они будутъ вести себя въ отношеніи къ ней; оставляла принцессѣ орденъ Св. Екатерины, принцу Антону, его сыну и брату Андреевскій орденъ. Но, въ то же время, она послала въ Киль за племянникомъ своимъ, молодымъ герцогомъ Голштинскимъ; ею овладѣло безпокойство, допустятъ ли его спокойно

[1]) Полн. Собр. Зак. № 8476.
[2]) Шетарди, 444.

пріѣхать въ Россію, и въ этомъ безпокойствѣ ей пришла мысль, или была внушена другими — задержать Брауншвейгскую фамилію въ дорогѣ и въ Ригѣ до тѣхъ поръ, пока герцогъ Голштинскій достигнетъ русской границы. Поэтому Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ, провожавшій Брауншвейгскую фамилію, получилъ указъ, что хотя въ инструкціи и велѣно ему было въ города не заѣзжать, однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ теперь это отмѣняется, и онъ долженъ продолжать путь какъ можно тише и останавливаться дня по два въ одномъ мѣстѣ [1]). За герцогомъ Голштинскомъ былъ отправленъ маіоръ, баронъ Николай-Фридрихъ Корфъ, который благополучно и привезъ герцога въ Петербургъ 5 февраля 1742 года, вмѣстѣ съ оберъ-гофмаршаломъ его, Блюммеромъ, и оберъ-камергеромъ, Бергхольцемъ. Императрица немедленно надѣла на племянника Андреевскую ленту съ бриллiантовою звѣздою, а герцогъ далъ учрежденный отцомъ его орденъ Св. Анны Разумовскому и Воронцову. 10 февраля праздновалось рожденіе герцога: ему исполнились 14 лѣтъ [2]). Мы видѣли, что во второмъ манифестѣ выставлено было распоряженіе Екатерины, по которому послѣ Петра II престолъ принадлежалъ герцогу Голштинскому; Елисавета получала право съ устраненіемъ племянника только потому, что онъ не былъ Православнаго исповѣданія. Но императрица отказывается отъ брака, и намѣрена объявить племянника наслѣдникомъ престола; для этого необходимо, чтобъ герцогъ принялъ Православіе, и пока это условіе не выполнено, внукъ Петра Великаго величается его королевскимъ высочествомъ, владѣтельнымъ герцогомъ Голштинскимъ.

Съ первыхъ же дней новаго царствованія было видно, что съ перемѣною лицъ произойдутъ немедленныя перемѣны и въ учрежденіяхъ. Нѣтъ души Кабинета—Остермана, нѣтъ помину и о самомъ Кабинетѣ, упоминается чрезвычаный совѣтъ по внѣшнимъ и внутреннимъ дѣламъ — *„учрежденное при Дворѣ министерское и генералитетское Собраніе“*. Въ этомъ Собраніи нѣтъ Остермана, Миниха, Головкина, но нѣтъ новыхъ назначеній съ цѣлію замѣнить выбывшихъ, особенно Остермана. Кто будетъ вести внѣшнія сношенія въ такое трудное время, когда вся Европа въ пламени и изо всѣхъ силъ стараются втянуть въ пламя и Россію. Никто, разумѣется, за тѣломъ Кабинета, великимъ канцлеромъ, княземъ Черкасскимъ, не признавалъ способности замѣнить душу Кабинета, Остермана И падшее правительство, для противодѣйствія Остерману, нашлось вынужденнымъ возвратить изъ ссылки Алексѣя Петр. Бестужева; новое правительство естественно должно было остановиться на томъ же Бестужевѣ для совершенной замѣны Остермана. Говорятъ, что Лестокъ особенно располагалъ Елисавету въ пользу Бестужева, и прибавляютъ, будто императрица пророчила Лестоку, что онъ выводитъ Бестужева на свою голову. Мы не поручимся, что пророчество не выдумано послѣ своего исполненія; но ходатайство Лестока намъ очень понятно, ибо вспомнимъ, что во время своей бѣды старикъ Бестужевъ завелъ связи со дворцомъ цесаревны Елисаветы, и именно съ Лестокомъ [3]). Это самое обстоятельство заставляло, разумѣется, и самую Елисавету благопріятно смотрѣть на Бестужевыхъ. Потомъ Бестужевъ былъ поднятъ, сдѣланъ кабинетъ-министромъ въ концѣ царствованія Анны, когда Биронъ, покровитель Бестужева, разсорился съ Брауншвейгскою фамиліею и поэтому сближался съ Елисаветою, съ которою никогда не ссорился. Сближеніе это усилилось во время регентства; понятно, что Бестужевъ, котораго интересы были тождественны съ интересами Бирона, долженъ былъ такъ-же сблизиться съ цесаревною и ея Дворомъ, и, разумѣется, сумѣлъ это сдѣлать. Регентство Бирона возбуждало въ новой императрицѣ очень пріятное воспоминаніе; понятно, что въ этомъ воспоминаніи Бестужевъ долженъ былъ занимать видное мѣсто. Такимъ образомъ, благосклонность Елисаветы къ Бестужевымъ, даже и безъ внушеній Лестока, объясняется легко, и доброе расположеніе Лестока объясняется также легко само по себѣ. 29 ноября данъ былъ Сенату именной указъ, чтобъ Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину „для его извѣстно неповиннаго претерпѣнія“ старшинство имѣть съ того времени, какъ онъ отъ императрицы Анны Іоанновны въ тотъ чинъ пожалованъ, именно съ 25 марта 1740 года. И въ тотъ же день былъ данъ указъ о повышеніи человѣка, который въ самомъ началѣ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ Бестужевской партіи— Черкасова: прежде бывшій тайный кабинетъ-секретарь Иванъ Черкасовъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и назначенъ при Дворѣ ея величества при отправленіи комнатныхъ письменныхъ дѣлъ. Бестужеву легко было напомнить Елисаветѣ о Черкасовѣ, вѣрномъ слугѣ ея отцу и матери, подвергшемся гоненію послѣ ихъ смерти, съ тѣхъ поръ какъ и она сама стала терпѣть бѣды [4]).

Наступило 30 ноября, — первое торжество въ новое царствованіе, и торжество особенно важное въ настоящемъ случаѣ, ибо напоминало великаго родителя императрицы, — наступилъ орденскій праздникъ Андрея Первозваннаго. Послѣ литургіи въ придворной церкви, императрица пожаловала Андреевскую ленту троимъ генералъ-аншефамъ— Румянцеву, Чернышеву и Левашову, и дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину; уже имѣвшимъ ордена—Ушакову, графу Головину и князю Куракину—золотыя цѣпи ордена; кромѣ того, кавалеры прежняго Двора цесаревны, Петръ и Александръ Шуваловы, Ворон-

[1]) Шетарди, № 452.

[2]) Депеши Пецольда въ Сборникѣ Русск. Ист. Общ. VI, 412, 413.

[3]) Исторія Россіи, кн. IV, т. XIX.

[4]) Журналы и протоколы Сената въ Архивѣ Минист. Юстиціи.

цовъ и Разумовскій сдѣланы дѣйствительными камергерами [1]). Потомъ въ разныя числа 1741 и начала 1742 года пожалованы: Германъ Лестокъ, за его особливыя и давнія услуги и чрезвычайное искусство,—первымъ лейбъ-медикомъ въ рангѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, съ назначеніями главнымъ директоромъ надъ медицинскою канцеляріею и всѣмъ медицинскимъ факультетомъ, съ жалованьемъ по семи тысячъ рублей. Бестужевъ и Черкасовъ не могли забыть своихъ пріятелей: Исаакъ Веселовскій изъ ассессоровъ произведенъ въ дѣйствит. стат. совѣтники и опредѣленъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ; подполковникъ артиллеріи, Аврамъ Петровъ Ганнибалъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, сдѣланъ оберъ-комендантомъ въ Ревелѣ и получилъ 569 душъ крестьянскихъ; Михайла Петр. Бестужевъ Рюминъ пожалованъ въ оберъ-гофъ-маршалы.

Вмѣстѣ съ указами о наградахъ, Сенатъ получилъ указы о возвращенія пострадавшихъ въ прежнее царствованіе. 4 декабря князья Василій и Михайла Владиміровичи Долгорукіе, возвращенные изъ заточенія, востановлены въ прежнихъ чинахъ и, за старостію, отставлены отъ службы; но 23 декабря князь Василій Владиміровичъ сдѣланъ президентомъ Военной Коллегіи. Князю Сергѣю Мих. Долгорукому и графу Платону Мусину-Пушкину позволено выѣхать изъ деревень—первому въ Петербургъ, а другому—въ Москву. Өедоръ Соймоновъ выпущенъ изъ деревень, съ позволеніемъ жить гдѣ пожелаетъ; секретарю Судѣ позволено изъ Москвы выѣхать въ Петербургъ. Вспомнили о знаменитой свояченицѣ Меншикова, Варварѣ Арсеньевой, освободили ее изъ монастыря, въ который была она сослана въ 1728 году, и позволили жить въ Москвѣ, въ которомъ захочетъ монастырѣ. 8 января дѣтямъ Волынскаго возвращено все конфискованное имѣніе отца; а чрезъ десять дней послѣдовалъ указъ объ освобожденіи изъ ссылки Бирона, братьевъ его и Бисмарка, объ увольненіи ихъ изъ службы и о возвращеніи Бирону силезскаго имѣнія Вартенберга, отданнаго-было Миниху. Матросъ Максимъ Толстой, который въ 1740 году не хотѣлъ присягать Іоанну Антоновичу и за то былъ истязанъ, изувѣченъ,—произведенъ въ армейскіе капитаны, уволенъ въ отставку за увѣчье и награжденъ пятью стами рублей. Понятно, что теперь старые доносы на опальныхъ Аннинскаго царствованія не считались болѣе заслугами, и доносчикъ на Долгорукихъ, Сибирскаго Приказа секретарь Осипъ Тишинъ, за непорядочные и противные указамъ поступки, за неспособность и пьянство отставленъ былъ отъ должности съ тѣмъ, чтобъ никуда не опредѣлять [2]).

Мы видѣли, что Елисавета согласилась на просьбу гренадерской роты Преображенскаго полка быть ея капитаномъ. Въ послѣдній день 1741 года состоялся именной указъ: „Понеже во время вступленія нашего на Всероссійскій родительскій нашъ престолъ полки нашей лейбъ-гвардіи, а особливо гренадерская рота Преображенскаго полка, намъ ревностную свою вѣрность такъ показали, что мы одною ихъ службою, помогающу намъ Всемогущему Господу Богу, желаемый отъ всего государства нашего успѣхъ въ воспріятіи престола, безо всякихъ дальностей и не учиня никакого кровопролитія, получили; и якоже мы въ томъ благодарны есть Господу Богу, Подателю всѣхъ благъ, за неизреченную Его милость къ намъ и всему государству нашему,—такъ, имѣя во всемилостивѣйшемъ нашемъ разсужденіи и вѣрную службу вышеписанныхъ, не можемъ остаться, не показавъ особливой нашей императорской милости къ нимъ“. Милость состояла въ томъ, что офицерамъ гвардіи и двухъ полковъ, Ингерманландскаго и Астраханскаго, выдана была денежная сумма, равнявшаяся третному жалованью, солдатамъ выдано было на Преображенскій полкъ 12,000 рублей, на Семеновскій и Измайловскій—по 9,000, на Конный—6,000, на Ингерманландскій и Астраханскій —по 3,000. Гренадерская рота Преображенскаго полка получила названіе Лейбъ-Компаніи, капитаномъ которой была сама императрица, капитанъ-поручикъ равнялся полному генералу, два поручика—генералъ-лейтенантамъ, два подпоручика —генералъ-маіорамъ, прапорщикъ—полковнику, сержанты—подполковникамъ, капралы—капитанамъ. Потомъ унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы были въ потомственные дворяне, въ гербы имъ внесена надпись: „За ревность и вѣрность“. Оберъ и унтеръ-офицеры и рядовые Лейбъ-Компаніи получили деревни, и нѣкоторые съ очень значительнымъ числомъ душъ, напримѣръ адъютантъ Грюнштейнъ 927 душъ; 258 человѣкъ рядовыхъ получили каждый по 29 душъ [3]). Богатое пожалованіе Грюнштейну объясняется тѣмъ, что онъ былъ постоянно на первомъ планѣ между гвардейцами, усердствовавшими Елисаветѣ [4]). Сынъ саксонскаго крещенаго Еврея, Грюнштейнъ 18-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Россію искать счастія, началъ торговать, накопилъ денегъ, отправился въ Персію, гдѣ прожилъ 11 лѣтъ; но, возвращаясь оттуда съ значительнымъ состояніемъ, былъ въ степи ограбленъ, избитъ и оставленъ замертво двумя астраханскими купцами; очнувшись, былъ захваченъ въ плѣнъ Татарами, какъ-то освободился изъ него и, возвратившись въ Россію, началъ дѣло противъ ограбившихъ его купцовъ, но хлопоталъ понапрасну, потому что противники задаривали судей. Въ отчаяніи Грюнштейнъ поступилъ рядовымъ въ Преображенскій полкъ и перешелъ изъ Лютеранства въ Православіе [5]).—Въ по-

[1]) Петербург. Вѣдом. 4 декабря 1741 г.
[2]) Журналы и прот. Сената.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 8491, 8639, 8666.
[4]) Москов. Архив Мин. Иностр. Д. Портфель Малиновскаго, рукопись: Историческое описаніе о бѣдственномъ злострадапіи и о благополучномъ восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны.— Русск. Вѣстн. 1842 года, апрѣль, № 4.
[5]) Пецольдъ, 392.

слѣдній же день 1741 года отняты были всякаго рода пожалованья у тѣхъ, которые получили ихъ не отъ коронованныхъ государей, т.-е. въ царствованіе Іоанна VI, кромѣ тѣхъ, которые были произведены въ чины по удостоенію командирскому [1]).

Оберъ-офицеры и солдаты Лейбъ-Компаніи получили деревни изъ отписныхъ имѣній тѣхъ лицъ, которыя были арестованы въ ночь на 25 ноября. Главнымъ изъ нихъ былъ Остерманъ, оракулъ трехъ царствованій. Мы видѣли, что судъ—и судъ не правый—надъ нимъ уже былъ произнесенъ во второмъ манифестѣ о воцареніи Елисаветы, гдѣ на него сложена была вина скрытія распоряженій Екатерины I и такимъ образомъ устраненія дочери Петра Великаго отъ престола; поэтому уже никто не могъ ждать помилованія знаменитому министру. Надъ Остерманомъ накопилось много ненавистей. Въ восшествіи на престолъ Елисаветы выразилось противодѣйствіе порядку вещей, господствовавшему въ два предшествовавшія царствованія, когда на главныхъ мѣстахъ, съ главнымъ вліяніемъ на дѣла военныя и гражданскія, явились иностранцы. Въ послѣднее время Остерманъ оставался представителемъ этого порядка, самымъ виднымъ и вліятельнымъ изъ людей иностраннаго происхожденія, о которомъ внутри Россіи говорили, что онъ Нѣмецъ и потому запечаталъ „Камень Вѣры", съ именемъ котораго и за-границею соединяли мысль о нѣмецкомъ управленіи Россіею. Послѣ переворота 25 ноября, люди, стоявшіе наверху и стремившіеся ко власти, всѣ были враждебны Остерману, всѣ имѣли съ нимъ старые счеты; друзей не было,—тѣмъ болѣе что характеръ знаменитаго дипломата отталкивалъ, а не привлекалъ: такіе характеры осуждаютъ людей на одиночество. Такимъ образомъ, за Остермана не могло быть ходатаевъ у новой императрицы, всѣ спѣшили наперерывъ вооружать ее противъ него, всеобщею ненавистію оправдать ея личное нерасположеніе, а это нерасположеніе, какъ мы видѣли, было велико. Елисавета не любила Остермана, потому что съ его стороны не встрѣчала къ себѣ ни малѣйшаго сочувствія, на которое считала себя въ правѣ, какъ дочь Петра Великаго, выведшаго Остермана; съ Петра II между Елисаветою и Остерманомъ должны были начаться столкновенія, борьба за вліяніе; при Аннѣ примиренія быть не могло; въ послѣднее время къ нерасположенію присоединялся страхъ. Елисавета болѣе чѣмъ кого-либо боялась Остермана, а это чувство не располагаетъ къ любви; мы видѣли, что Елисавета даже не могла сдерживаться и позволяла себѣ выходки противъ Остермана, который платилъ тѣмъ же; при всей своей осторожности и скрытности, онъ не могъ удержаться, и, когда пришли арестовать его, сдѣлалъ выходку противъ Елисаветы, что, разумѣется, не могло содѣйствовать къ смягченію гнѣва новой императрицы.

Коммисія, которой было поручено производить слѣдствіе надъ Остерманомъ, съ товарищами, состояла изъ генераловъ Ушакова и Левашова, тайнаго совѣтника Нарышкина, генералъ-прокурора князя Трубецкаго и князя Михаила Голицына. Остермана спрашивали, зачѣмъ онъ не приводилъ въ дѣйствіе распоряженія Екатерины I о престолонаслѣдіи и участвовалъ въ выборѣ Анны Іоанновны. Онъ отвѣчалъ, что во время болѣзни Петра II былъ при немъ безотлучно и находился въ такомъ состояніи, что себя не помнилъ; за нимъ прислали и объявили, что избрана Анна; при этомъ онъ представлялъ цесаревну Елисавету, но не согласились. Въ царствованіе Анны словесныя отъ императрицы предложенія при немъ и Биронѣ были неоднократно, чтобъ Елисавету, сыскавъ жениха, отдать въ чужіе края, и отъ него о томъ письменные проекты были. Въ угожденіе императрицѣ Аннѣ, онъ писалъ проектъ объ отлученіи Елисаветы и герцога Голштинскаго отъ престола. — На обвиненіе въ томъ, что покровительствовалъ иностранцамъ въ предосужденіе Русскимъ людямъ, Остерманъ отвѣчалъ: чужихъ націй людей въ россійскую службу больше и больше принимать и ихъ въ знатныя достоинства производить и награждать, а Россійскихъ природныхъ отъ произвожденія отлучать и ихъ всякой милости лишать не старался, въ чемъ онъ ссылается на поданное имъ, по требованію бывшихъ регента и правительницы, о государственномъ правленіи мнѣніе, въ которомъ о произвожденіи и награжденіи Россійскаго народа передъ чужестранцами во всякихъ случаяхъ именно написано. — Спрашивали: для чего принцессѣ Аннѣ внушалъ, чтобъ Лестока въ крѣпость посадить и допрашивать Остерманъ отвѣчалъ: для того, что въ письмѣ и предостереженіи, присланномъ изъ-за границы, Лестокъ именно упомянутъ; но онъ, Остерманъ, мнѣніе объявилъ, что принцесса, для показанія къ цесаревнѣ Елисаветѣ конфиденціи, сообщила ей объ этомъ, и если не хочетъ одна этого сдѣлать, чтобъ изволила въ присутствіи кабинетъ-министровъ исполнить. Когда принцесса дала ему знать о своемъ разговорѣ съ цесаревною Елисаветою, то онъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, цесаревна дѣйствительно о томъ не знаетъ, причемъ было ему приказано стараться объ отзывѣ изъ Петербурга подозрительнаго французскаго министра Шетарди. Но былъ вопросъ, на который оракулъ не нашелъ отвѣта. „Въ домѣ у тебя въ письмахъ найдено по дѣлу Волынскаго нѣкоторыя изъ коммисіи подлинныя дѣла и черные экстракты, да сверхъ того къ оскорбленію и обвиненію Волынскаго. Явилось собственное твое мнѣніе и прожектъ ко внушенію на имя императрицы Анны, какимъ бы образомъ сначала съ Волынскимъ поступить, его арестовать и объ немъ въ какихъ персонахъ и въ какой силѣ коммисію опредѣлить, гдѣ между прочими и тайный совѣтникъ Неплюевъ въ ту коммисію включенъ, чѣмъ оную начать, какія его къ погубленію вины состоятъ, и кого еще подъ арестъ побрать, и ему, Волынскому, вопросные пункты учинены:—для чего ты Волынскаго

[1]) Полн. Собр Зак., № 8490.

такъ старался искоренить?“ Остерманъ отвѣчалъ: „Виноватъ и согрѣшилъ. Неплюевъ къ тому дѣлу по представленію моему опредѣленъ для того, что онъ, Неплюевъ, былъ мнѣ пріятель, дабы чрезъ него о всемъ въ томъ происхожденіи вѣдать могъ, ибо Волынскій противъ меня поднимался“. Остерманъ дополнилъ свои показанія тѣмъ, что относительно наслѣдства дочери принцессы Анны совѣтовалъ дѣлать дѣло чрезъ прошеніе народное, о чемъ просилъ Левенвольда внушить принцессѣ [1]).

Вторымъ государственнымъ преступникомъ былъ фельдмаршалъ Минихъ, находившійся со врагомъ своимъ, Остерманомъ, въ одинаковомъ положеніи. Остерманъ пріобрѣлъ себѣ только враговъ, а не друзей, своею недовѣрчивостію, скрытностію, своею таинственною рѣчью, которой никто не понималъ, страшнымъ честолюбіемъ, вслѣдствіе котораго онъ не допускалъ ни высшаго, ни равнаго, если только они не были въ умственномъ отношеніи ниже его, стремленіемъ заправлять всѣми дѣлами, оставляя другимъ только подписывать ихъ. Минихъ, повидимому, представлялъ противоположность Остерману своею живостію, своею обильною и откровенною рѣчью; но если нынче онъ обошелся съ человѣкомъ такъ ласково, такъ сердечно, что тотъ не нахвалился и готовъ идти за него въ огонь и воду, то завтра онъ обойдется съ тѣмъ же самымъ человѣкомъ такъ непочеловѣчески, что навсегда оттолкнетъ его отъ себя; смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ,—и отсюда постоянная смѣна хорошихъ и дурныхъ поступковъ не давали никому ручательства въ прочности отношеній своихъ къ фельдмаршалу и заставляли сторониться отъ него, тѣмъ болѣе-что этотъ человѣкъ не разбиралъ средствъ, прокладывая себѣ дорогу къ чему-нибудь, толкая всѣхъ встрѣчныхъ. Такимъ образомъ, и Минихъ не могъ найти заступника. Сама Елисавета, кромѣ невниманія, могла обвинять его и въ поступкахъ прямо враждебныхъ: онъ приставлялъ къ ней шпіоновъ въ царствованіе Анны. Было еще любопытное обвиненіе: гвардейскіе гренадеры показали, что Минихъ, приглашая ихъ арестовать Бирона, упоминалъ о цесаревнѣ Елисаветѣ и ея племянникѣ герцогѣ Голштинскомъ. Объ этомъ записаны два несогласныя показанія, изъ которыхъ въ одномъ говорится: „Бывшіе при арестованіи Бирона на караулѣ гренадеры объявили, что, пришедъ-де оный фельдмаршалъ къ караулу, говорилъ имъ: „Хотите ли вы государю служить — вѣдайте, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ, племяннику ея, принцу Іоанну, и родителямъ его есть утѣсненіе и надобно-де его взять“; и спрашивалъ ихъ: „Ружья у васъ заряжены?“ на что они отвѣчали: „Готовы *государю* съ радостію служить“. И пошли и взяли; а потомъ уже они, видя, что на другой день дѣло не туда пошло, руки опустили. И, того ради, оному Миниху представлены тѣхъ гренадеровъ девять человѣкъ, которые нынче въ Лейбъ-Компаніи, и сказали, что-де онъ имъ, тогда бывшимъ на караулѣ, именно предъ фунтомъ о государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и принцѣ Голштинскомъ говорилъ. На что онъ, графъ Минихъ, отвѣтствовалъ, что онъ такихъ рѣчей, какъ они объявляютъ, не говаривалъ. И въ томъ обѣ стороны на очной ставкѣ на своихъ словахъ сначала утверждались; но потомъ, когда отъ нихъ, Лейбъ-Компаніи прапорщика, вахмистровъ и рядовыхъ, онъ, графъ Минихъ, въ томъ уличенъ сталъ, то онъ признался, говоря, что понеже онъ слабую имѣетъ память, якоже для того и объ отставкѣ отъ службы просилъ, то такія слова, какія они показываютъ, онъ тогда, какъ нынѣ припоминаетъ, говорилъ, и что въ томъ за своимъ безпамятствомъ прежде не признался,—въ томъ признаетъ себя винна и проситъ о милосердіи, а тѣ слова безъ сомнѣнія говорилъ для того, чтобъ тогда тѣхъ гренадеръ въ исполненіе воли принцессы Анны тѣмъ больше анкуражировать.“ Въ этомъ показаніи есть ложь объ утѣсненіи Бирономъ цесаревны и ея племянника, но нѣтъ обмана, ибо прежде всего Минихъ спрашиваетъ, хотятъ ли солдаты служить государю, и послѣ всего солдаты говорятъ, что готовы съ радостію служить государю; другого государя, кромѣ того, которому они присягали, никто разумѣть не могъ. Другое показаніе говоритъ яснѣе: Минихъ, подойдя къ караульнымъ, сказалъ, что ежели они хотятъ служить цесаревнѣ Елизаветѣ и ея племяннику, такъ шли бы съ нимъ арестовать Бирона, „ибо-де кого хотите государемъ, тотъ и быть можетъ, хотя принца Іоанна или герцога Голштинскаго“, что они слыша всѣ согласно сказали, что ея величеству (Елисаветѣ) служить охотно желаютъ [2]).

Подъ одну опалу съ такими видными людьми, какъ Остерманъ и Минихъ, подпалъ и относительно темный человѣкъ, оберъ-гофмаршалъ Левенвольдъ. Обязанный своимъ возвышеніемъ фавору Екатерины I, онъ выдвинулъ Остермана, котораго, какъ мы видѣли, Бестужевская партія иначе не называла какъ „клеатурою (креатурою) Левенвольда“. Теперь Левенвольдъ палъ вмѣстѣ съ своей креатурой, ненавидимый Русскими какъ сильный, по своему придворному положенію, членъ нѣмецкой партіи, безъ сочувствія и со стороны Нѣмцевъ, которые не могли найти въ немъ ничего хорошаго, не могли толковать, что Россія много потеряла въ Левенвольдѣ, какъ толковали, что Россія не замѣнитъ Остермана и Миниха. Наконецъ Левенвольдъ заслужилъ личное нерасположеніе Елисаветы, хотя и оправдывался, что дѣйствовалъ по приказанію правительницы, но такія оправданія въ подобныхъ случаяхъ не принимаются. „Къ нынѣшней государынѣ“, говорилъ Левенвольдъ, „я всегда имѣлъ свое должнѣйшее почтеніе, а что въ торжество дня рожденія принца Іоанна для нея при публичномъ столѣ поставленъ

[1]) Дѣло Остермана въ Государ. Архивѣ.

[2]) Дѣло Миниха въ Госуд[а]р. Архивѣ.

былъ стулъ съ прочими дамами врядъ, то сіе учинено по приказу принцессы, а не по моему разсужденію, и хотя я притомъ ей представлялъ, что не обидно ли то будетъ цесаревнѣ, однакожъ она мнѣ именно приказала, чтобъ тарелку положить такъ, какъ выше написано, и „я-де какъ сама выйду, то уже сдѣлаю, что надобно" [1]). Головкинъ, Менгденъ, Темирязевъ, Яковлевъ допрашивались, какъ слишкомъ усердные слуги падшаго правительства. По окончаніи слѣдствія, 13 января, Сенатъ получилъ указъ „судить ихъ по государственнымъ правамъ и указамъ". Кромѣ сенаторовъ, для этого суда приглашены были и другія лица, президенты Коллегій. По выслушаніи экстрактовъ изъ дѣла, долго разсуждали, потомъ начали собирать голоса съ младшихъ: Остермана приговаривали къ смертной казни просто; князь Василій Владиміровичъ Долгорукій имѣлъ слабость произнести смертную казнь колесованіемъ. Минихъ приговоренъ былъ къ четвертованію; Головкинъ, Менгденъ, Левенвольдъ и Темирязевъ къ отсѣченію головы.

Бестужевъ, или находившійся еще подъ впечатлѣніемъ недавняго суда и приговора надъ нимъ самимъ, или желая показаться великодушнымъ предъ иностранцами, говорилъ секретарю саксонскаго посольства Пецольду [2]), что приговоръ, произнесенный судною коммисіею надъ Остерманомъ съ товарищими, ужасенъ; что канцлеръ князь Черкасскій и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой настояли, чтобъ Остерманъ былъ приговоренъ къ колесованію, а Минихъ къ четвертованію, но что онъ, Бестужевъ, надѣется на милосердіе императрицы и, вмѣстѣ съ Лестокомъ, употребить все стараніе, чтобъ это милосердіе оказалось именно въ этомъ случаѣ.

17 января, утромъ, по всѣмъ петербургскимъ улицамъ раздавался барабанный бой: народу объявляли, что на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, будетъ совершена публичная казнь надъ врагами императрицы и нарушителями государственнаго порядка. 18 числа съ ранняго утра толпа уже начала собираться на Васильевскомъ островѣ, на площади передъ зданіемъ коллегій; здѣсь Астраханскій полкъ окружалъ эшафотъ, на которомъ виднѣлось роковое бревно (плаха). Арестанты въ то же утро были переведены изъ крѣпости въ зданіе коллегій. Какъ только пробило 10 часовъ, ихъ начали выводить на площадь. Впереди всѣхъ показался Остерманъ, котораго, по причинѣ болѣзни въ ногахъ, везли на извощичьихъ саняхъ въ одну лошадь; на немъ былъ небольшой парикъ, черная бархатная фуражка и старая короткая лисья шубка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ у себя дома. За Остерманомъ шли Минихъ, Головкинъ, Менгденъ, Левенвольдъ и Темирязевъ. Когда они всѣ поставлены были въ кружокъ одинъ подлѣ другого, четыре солдата подняли Остермана и взнесли на эшафотъ, гдѣ посадили на стулъ; сенатскій секретарь началъ читать приговоръ, который Остерманъ долженъ былъ выслушивать съ обнаженною головою. Бывшій великій адмиралъ обвинялся въ утайкѣ духовной Екатерины I, въ составленіи проектовъ, гдѣ доказывалъ, что Елисавета и племянникъ ея не имѣютъ права на престолъ, и предлагалъ, для предовращенія всякихъ опасностей, выдать Елисавету замужъ за чужестраннаго убогаго принца, а „паче всего" дерзнулъ составлять проекты о пріобщеніи къ наслѣдію Русскаго престола дочерей Мекленбургской принцессы Анны. Онъ же, Остерманъ, учинилъ императрицѣ еще разныя озлобленія; кромѣ того, не представлялъ о лучшей предосторожности къ защитѣ государства; въ важныхъ дѣлахъ съ прочими повѣренными персонами откровенныхъ совѣтовъ не держалъ, но обыкновенно поступалъ по собственной волѣ; къ нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ, въ предосужденіе всего Россійскаго народа, употреблялъ чужихъ націй людей, а не Россійскихъ природныхъ, и, будучи въ своемъ министерствѣ, имѣя все государственное правленіе въ своихъ рукахъ, многія славныя и древнія россійскія фамиліи опровергать и искоренять, у монарховъ во озлобленіе приводить и отъ Двора многихъ отлучать и жестокія и неслыханныя мученія и экзекуціи, какъ надъ знатными, такъ и надъ незнатными, не щадя и духовныхъ персонъ, въ дѣйство производить и между Россійскими подданными несогласія вселить старался и т. п. [3]). Послѣ прочтенія приговора, солдаты положили Остермана на полъ, лицомъ внизъ; палачи обнажили ему шею, положили ее на плаху, одинъ держалъ голову за волосы, другой вынималъ изъ мѣшка топоръ. Въ эту минуту подходитъ къ осужденному тотъ же секретарь, вынимаетъ другую бумагу и читаетъ: „Богъ и государыня даруютъ тебѣ жизнь". Тутъ солдаты и палачи подняли его, снесли съ эшафота и посадили на прежнія сани, на которыхъ онъ оставался все время, какъ читали приговоры его товарищамъ.

Миниху читали, что онъ не защищалъ духовной Екатерины I, хлопоталъ больше другихъ о возведеніи Бирона въ регенты, того же Бирона низвергъ для частныхъ своихъ выгодъ, причемъ обманулъ солдатъ, сказавши имъ, что регентъ притѣсняетъ цесаревну Елисавету и ея племянника, и кого они хотятъ государемъ, тотъ и быть можетъ, принцъ Іоаннъ или герцогъ Голштинскій; дѣлалъ нынѣшней императрицѣ многія озлобленія, приставлялъ шпіоновъ наблюдать за нею; командуя арміею, не берегъ людей, позорно наказывалъ офицеровъ безъ суда, расточалъ государственную казну. Головкинъ, Левенвольдъ и Менгденъ обвинены въ стараніяхъ въ пользу принцессы Анны; кромѣ того, второй—въ расточеніи суммы, сбиравшейся отъ казенной продажи соли, а третій—въ

[1]) Дѣло Левенвольда, въ Государ. Архивѣ.

[2]) Стр. 401.

[3]) Полн. Собр. Зак., № 8506.

злоупотребленіяхъ по президентству въ Коммерцъ-Коллегіи; Темирязевъ—за извѣстныя намъ движенія въ пользу бывшей правительницы. Всѣмъ этимъ лицамъ объявлено было помилованіе безъ возведенія на эшафотъ. Въ Остерманѣ послѣ помилованія не замѣтили никакой перемѣны, кромѣ нѣкотораго дрожанія рукъ; Минихъ велъ себя во все время мужественно и гордо, Левенвольдъ—спокойно и прилично, въ Головкинѣ и Менгденѣ зрители замѣтили малодушіе. Когда народъ увидѣлъ, что во вчерашнемъ объявленіи его обманули, никому не отрубили головы, то встало волненіе, которое должны были усмирить солдаты [1]). Нѣкоторые могли быть недовольны тѣмъ, что не видѣли, какъ рубятъ головы людямъ; другіе могли быть недовольны тѣмъ, что недавно рубили же головы Долгорукимъ, Волынскому, за что же помилованы Остерманъ, Минихъ и Левенвольдъ; но историкъ долженъ замѣтить, что, послѣ кровавыхъ примѣровъ Аннинскаго царствованія, никто изъ людей, враждебныхъ и опасныхъ правительству, не былъ казненъ смертію, при допросахъ никого не питали.

Сибирь назначена была мѣстомъ ссылки избавленныхъ отъ смерти лицъ (Остерману—Березовъ, Миниху—Пелымъ), только для Левенвольда назначенъ былъ Соликамскъ. Отправить ихъ изъ крѣпости въ ссылку поручено было, не разъ упомянутому уже нами, князю Якову Шаховскому, который за дружбу съ Головкинымъ исключенъ былъ изъ списка сенаторовъ и опредѣленъ оберъ-прокуроромъ въ Синодъ. Шаховской оставилъ намъ разсказъ [2]), какъ онъ исполнилъ свое печальное порученіе. Вошедши въ казарму, гдѣ содержался Остерманъ, онъ нашелъ его лежащаго и громко жалующагося на подагру; увидавъ Шаховскаго, онъ изъявилъ сожалѣніе о своемъ преступленіи и прогнѣвленіи государыни, и окончилъ просьбою поручить покровительству императрицы дѣтей его. Жена его отправилась вмѣстѣ съ нимъ въ ссылку: „О ней", говоритъ Шаховской, „кромѣ слезъ и горестнаго стенанія описывать не имѣю." Отправивъ Остермана, Шаховской пошелъ въ казарму Левенвольда, и „лишь только вступилъ въ оную казарму, которая была велика и темна, то увидѣлъ человѣка, обнимающаго мои колѣни весьма въ робкомъ видѣ, который притомъ въ смятенномъ духѣ такъ тихо говорилъ, что я и рѣчи его разслушать не могъ, паче же что видъ на головѣ его склокоченныхъ волосъ и непорядочно оброслая сѣдая борода, блѣдное лицо, обвалившіяся щеки, худая и замаранная одежда ни мало не вообразили мнѣ того, для кого я туда шелъ,—то подумалъ, что то былъ какой-нибудь по инымъ дѣламъ изъ мастеровыхъ людей арестантъ же. Итакъ, оборотясь, говорилъ офицеру, чтобъ его отъ меня отвели, а показали-бъ, въ которомъ углѣ въ той казармѣ бывшій графъ Левенвольдъ находится; но какъ на сіе сказали мнѣ, что сей-то самый графъ Левенвольдъ, то въ тотъ моментъ живо предстали въ мысль мою долголѣтныя его всегдашнія и мною часто виданныя поведенія, въ отмѣнныхъ у Двора монаршихъ милостяхъ и довѣренностяхъ, украшеннаго кавалерскими орденами, въ щегольскихъ платьяхъ и приборахъ, въ отмѣнномъ почтеніи предъ прочими.... Въ смятенныхъ моихъ размышленіяхъ пришелъ я къ той казармѣ, гдѣ оный бывшій герой (Минихъ), а нынѣ наизлосчастнѣйшій находился, чая увидѣть его горестью и смятеніемъ пораженнаго. Какъ только въ оную казарму двери передо мною отворены были, то онъ, стоя тогда у другой стѣны возлѣ окна ко входу спиною, въ тотъ мигъ, поворотясь въ смѣломъ видѣ съ такими быстро раствореннными глазами, съ какими я его имѣлъ случай неоднократно въ опасныхъ съ непріятелемъ сраженіяхъ порохомъ окуриваемаго видѣть, шелъ ко мнѣ навстрѣчу и, приближаясь, смѣло смотря на меня, ожидалъ что я начну. Я, сколько возмогъ, не перемѣняя своего вида, такъ-же какъ и прежнимъ двумъ уже отправленнымъ, все подлежащее ему въ пристойномъ видѣ объявилъ и довольно примѣтилъ, что онъ болѣе досаду, нежели печаль и страхъ на лицѣ своемъ являлъ. По окончаніи моихъ словъ, въ набожномъ видѣ поднявъ руки и возведъ взоръ свой къ небу, громко сказалъ онъ: „Боже, благослови ея величество и государствованіе ея!" Потомъ, нѣсколько потупя глаза и помолчавъ, говорилъ: „Когда уже теперь мнѣ ни желать, ни ожидать ничего иного не осталось, такъ я только принимаю смѣлость просить, дабы, для сохраненія отъ вѣчной погибели души моей, отправленъ былъ со мною пасторъ." А какъ уже все было къ отъѣзду его въ готовности и супруга его, какъ бы въ какой желаемый путь въ дорожномъ платьи и капорѣ, держа въ рукѣ чайникъ съ приборомъ, въ постоянномъ видѣ скрывая смятеніе своего духа, была уже готова." Всего тягостнѣе было для Шаховскаго исполнить свое печальное порученіе относительно „благотворителя" своего, графа Головкина, котораго онъ нашелъ въ казармѣ въ самомъ печальномъ положеніи: „Горько стоналъ онъ отъ мучившей его въ тѣ же часы подагры и хирагры и отъ того сидѣлъ недвижимо, владѣя только одною лѣвою рукою. Я подошелъ къ нему ближе и крѣпясь, чтобъ не токмо въ духу вкорененная, но и на лицѣ моемъ написанная объ немъ жалость не упустили слезъ изъ моихъ глазъ, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ весьма было бы къ моему поврежденію, объявилъ ему высочайшій указъ. Онъ, жалостно взглянувъ на меня, сказалъ: „Тѣмъ онъ болѣе нынѣ несчастливѣйшимъ себя находитъ, что воспитанъ въ изобиліи и что благополучія его, умножаясь съ лѣтами, взвели на высокія степени, не вкушая донынѣ прямой тягости бѣдъ, коихъ теперь сносить силъ не имѣетъ".

Кромѣ Остермана, Миниха, Головкина, Левенвольда, Менгдена и Темирязева, къ болѣе легкимъ

[1]) Пекольдъ, стр. 410.
[2]) Записки, I, 102.

наказаніямъ приговорены были: сынъ фельдмаршала, оберъ-гофмейстеръ Минихъ; родственникъ жены Остермана, тайный совѣтникъ Василій Стрѣшневъ, за шпіонство при Дворѣ по приказу Остермана; генералъ Хрущовъ — за подслуживаніе тому же Остерману; дѣйствительный статскій совѣтникъ Андрей Яковлевъ — за „крайнюю и наиближайшую конфиденцію" съ Остерманомъ; директоръ канцеляріи принца Антона Петръ Граматинъ, секретарь Семеновъ, „обрѣтившійся всегда при графѣ Остерманѣ въ партикулярной его услугѣ"; секундъ-маіоръ Василій Чичеринъ — за шпіонство надъ Елисаветою; секретарь Поздняковъ, поплатившійся за услугу, оказанную Темирязеву въ сочиненіи манифестовъ [1]).

Самые вліятельные члены прежняго управленія лишены своихъ мѣстъ, сосланы:— кто же замѣнитъ ихъ? 12 декабря 1741 года явился именной указъ [2]), въ которомъ читали, что императрица усмотрѣла нарушеніе порядка государственнаго управленія, какъ онъ былъ при отцѣ ея: происком нѣкоторыхъ вновь изобрѣтенъ Верховный Тайный Совѣтъ; потомъ сочиненъ Кабинетъ въ равной силѣ, какъ былъ Верховный Совѣтъ, только имя перемѣнено, отчего произошло многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло. Поэтому, для отвращенія прежнихъ непорядковъ, императрица повелѣвала, чтобъ правительствующій Сенатъ имѣлъ прежнюю свою силу и власть, какъ было при Петрѣ Великомъ; повелѣвала всѣ указы и регламенты Петра Великаго наикрѣпчайше содержать и по нихъ неотмѣнно поступать, не отрѣшая и послѣдующихъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые съ состояніемъ настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. Сенаторами были назначены: генералъ-фельдмаршалъ князь Иванъ Трубецкой, великій канцлеръ князь Черкасскій, оберъ-гофмейстеръ графъ Семенъ Салтыковъ, генералъ Григорій Чернышевъ, генералъ Ушаковъ, адмиралъ графъ Головинъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ; дѣйствительные тайные совѣтники — Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и Александръ Нарышкинъ; генералъ-лейтенанты — князья Голицынъ (Михайла) и Урусовъ, Бехметевъ; тайный совѣтникъ Новосильцевъ; дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Алексѣй Голицынъ. Генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой и оберъ-прокуроръ Брылкинъ утверждены въ своихъ должностяхъ; въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ, какъ въ резиденціяхъ, такъ и въ губерніяхъ, должны быть учреждены прокуроры съ ихъ прежнею должностію. Управленіе иностранными дѣлами поручается канцлеру, князю Алексѣю Черкасскому, и дѣйствительному тайному совѣтнику Алексѣю Бестужеву-Рюмину, который возводится въ вице-канцлеры; тайному совѣтнику Бреверну — быть въ прежней должности при иностранныхъ дѣлахъ; а когда случится какое важное дѣло, то въ конференціяхъ съ ними должны присутствовать адмиралъ графъ Головинъ и оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ. Какъ Сенатъ, такъ и министры иностранныхъ дѣлъ будутъ имѣть засѣданіе во дворцѣ (въ императорскомъ домѣ), въ особливыхъ апартаментахъ, и въ засѣданіяхъ этихъ, смотря по надобности, сама императрица будетъ присутствовать. Кабинетъ упраздняется, и вмѣсто того будетъ при Дворѣ Кабинетъ въ томъ значеніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ, и вести дѣла въ немъ будетъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Черкасовъ.

Послѣ этого указа, въ концѣ декабря 1741 и въ продолженіи 1742 года, Елисавета семь разъ присутствовала въ Сенатѣ, приходила иногда въ одиннадцатомъ, иногда въ исходѣ десятаго, а иногда и въ девятомъ часу утра, оставалась часа по три [3]). Генералъ-прокуроръ предложилъ возстановленному Сенату, не соизволитъ ли для самонужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ положить въ недѣлю одинъ день, въ который сенаторамъ всѣмъ съѣзжаться поранѣе, а именно: пополуночи въ седьмомъ часу;— приказали съѣзжаться въ пятницу и не позже семи часовъ [4]). Въ концѣ 1741 и въ продолженіи 1742 года Сенатъ сдѣлалъ нѣсколько постановленій, которыя обнаруживаютъ особенное направленіе. Въ Сибири случилось страшное происшествіе: четырнадцатилѣтняя дѣвочка убила двухъ другихъ маленькихъ дѣвочекъ, а въ Уложеніи и послѣдующихъ указахъ не было означено, до которыхъ лѣтъ дѣти освобождаются отъ пытки и смертной казни; надобно было дѣлать постановленіе, и генералъ-прокуроръ объявилъ, что по приказу Петра Великаго въ такихъ случаяхъ Сенатъ обязанъ былъ собрать всѣ коллегіи и сообща мыслить и толковать. Коллегіи были собраны къ лицѣ своихъ президентовъ и нѣкоторыхъ членовъ; генералъ-прокуроръ предложилъ дѣло, и потомъ поставилъ на столъ песочные часы, по которымъ дано времени на разсужденіе два часа; по довольномъ разсужденіи, сенаторы и коллежскіе президенты и члены согласно объявили свое мнѣніе, что малолѣтними надобно считать до 17 лѣтъ; до этого возраста преступники, подлежащіе ссылкѣ, кнуту или смертной казни, отъ нихъ освобождаются, подвергаются только наказанію плетьми и отсылкѣ на 15 лѣтъ въ монастырь на покаяніе [5]). Въ одно изъ засѣданій, въ которое присутствовала императрица, генералъ-прокуроръ представилъ [6]), что во многихъ дѣлахъ въ титулѣ императорскомъ являются описки по простотѣ, и виновные отсылаются въ Тайную Канцелярію и страдаютъ, а въ дѣлахъ происходитъ остановка. Императрица ука-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8506.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 8480.

[3]) Журналы и протоколы Сената 1742 года.
[4]) Журналъ Сената 23 іюня.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 8601; журналъ Сената 23 дек.
[6]) Журн. Сен. 7 апрѣля.

зала: о такихъ погрѣшностяхъ впредь болѣе не слѣдовать, описки переправлять, только подтвердить, чтобъ писали осмотрительно. Въ другое присутствіе свое въ Сенатѣ [1]), императрица указала: за ложное сказываніе слова и дѣла кнутомъ не бить и крестьянъ отдавать помѣщикамъ, а посадскихъ—въ слободы. По дѣлу московскаго священника при церкви Сергія въ Рогожской, Михайлы Степанова, Сенатъ приказали [2]): за учиненное имъ смертное убійство работницы его смертной казни не чинить, а послать его св. Синоду въ дальній монастырь на покаяніе, для того: хотя онъ въ духовной декастеріи въ двухъ разспросахъ и показалъ, что работницу ножемъ зарѣзалъ, помня ея продерзости и за похвальныя ея слова, но въ Сыскномъ Приказѣ съ трехъ розысковъ и огня утвердился, что зарѣзалъ въ безпамятствѣ и умысла въ томъ не было, а въ декастеріи показалъ онъ съ принужденія судей и секретаря для того, что они обѣщали ему—ежели повинную принесетъ, въ Сыскной Приказъ не отсылать, а отдать подъ началъ въ монастырь. Въ обыску объ немъ 49 человѣкъ показали, что онъ въ разныя времена отъ пьянства въ безпамятствѣ бывалъ, отчего въ той церкви недѣли по двѣ и по три не служивалъ, а сверхъ того показали, что онъ человѣкъ добрый и напередъ сего въ подозрѣніяхъ не бывалъ.

Во вступленіи на престолъ Елисаветы выразилось народное движеніе, направленное противъ преобладанія иноземцевъ, утвердившагося въ два послѣднія царствованія. Ссылка Остермана, Миниха, Левенвольда и Менгдена показывала, что это господство прекращается при новомъ правительствѣ. Иностранные дипломаты, по своей неопытности, по незнанію хода Русской Исторіи, да и по незнанію общаго хода историческихъ явленій, не понимали въ чемъ дѣло, и толковали о немъ каждый посвоему, соотвѣтственно съ интересами, для охраненія которыхъ были присланы къ Русскому Двору. Нѣмцы тужили о паденіи Нѣмцевъ, въ которыхъ видѣли представителей связи Русскаго Двора съ своими Дворами, враждебно смотрѣли на новое правительство, не предсказывая ему добра; утверждали, что Россія не выпутается изъ затруднительныхъ обстоятельствъ безъ Остермана и Миниха, толковали о ихъ возвращеніи. Французъ Шетарди смотрѣлъ иначе на дѣло. Съ самаго вступленія Россіи въ систему европейскихъ державъ, Франція почуяла въ ней опасную соперницу, которая, поддерживая противъ нея слабѣйшихъ, особенно помогая извѣчной ея соперницѣ, Австріи, будетъ мѣшать ей въ стремленіи къ игемоніи въ Европѣ. Для Франціи Россія была незванная, непрошенная гостья въ Европѣ, и проводить ее назадъ къ Азіи, выжить Русскій Дворъ изъ Петербурга назадъ въ Москву—стало завѣтною цѣлію французской политики. Шетарди хлопоталъ о низверженіи Брауншвейгской фамиліи посредствомъ Елисаветы именно съ этою цѣлію, съ восторгомъ видѣлъ вражду Елисаветы къ Остерману и раздувалъ эту вражду, наговаривалъ, что императрица должна замѣнить Русскими всѣхъ Нѣмцевъ на дипломатическихъ постахъ при иностранныхъ Дворахъ. Блестящій маркизъ не понималъ, что дочери Петра Великаго гораздо труднѣе отказаться отъ основнаго внутренняго дѣла отца своего, чѣмъ отъ завоеванныхъ имъ областей, а онъ зналъ, что и послѣднее было для нея невозможно; маркизъ не догадывался, что Русскіе люди, по ясному сознанію чисто русскихъ интересовъ, какое они получили, благодаря Петру, ревностнѣе Нѣмцевъ будутъ поддерживать новое значеніе Россіи въ Европѣ. Съ первыхъ же дней царствованія Елисаветы было видно, что національное движеніе будетъ состоять въ возвращеніи къ правиламъ Петра Великаго; слѣдовательно, согласно съ этими правилами, долженъ былъ и рѣшиться вопросъ объ отношеніи Русскихъ къ иностранцамъ,—а правило Петра было всѣмъ извѣстно: должно пользоваться искусными иностранцами, принимать ихъ въ службу, но не давать имъ предпочтенія предъ Русскими, и важнѣйшія мѣста въ управленіи занимать исключительно послѣдними. Елисавета въ этомъ отношеніи высказалась ясно въ засѣданіи Сената 15 февраля 1742 года;—когда ей было доложено о пріемѣ въ службу инженеръ-подполковника Гамбергера, также объ опредѣленіи его въ инженерный корпусъ, то она указала: генералъ-фельдцейхмейстеру въ инженерномъ корпусѣ освидѣтельствовать, есть ли въ подполковничій чинъ изъ Россійскихъ къ произвожденію достойные, и буде изъ Россійскихъ въ тотъ чинъ достойнаго не найдется, то объявленнаго Гамбергера въ наукахъ его свидѣтельствовать и представить ея величеству [3]).

Можно было опасаться волненій въ низшихъ слояхъ народонаселенія, гдѣ уже давно съ воцареніемъ Елисаветы соединили изгнаніе всѣхъ иноземцевъ изъ Россіи; еще въ царствованіе Анны здѣсь толковали: „Государыня цесаревна Елисавета Петровна имѣетъ ссору съ ея императорскимъ величествомъ за иноземцевъ, что ея императорское величество жалуетъ иноземцевъ золотыми, а ея высочество мѣдными монетами. И ея императорское величество изволила ея высочество призвать къ себѣ и изволила сдавать ей, цесаревнѣ, Россійское государство: только-де ея высочество говорила, ежели-де ея императорское величество на три года учинитъ черни льготы, да иноземцевъ всѣхъ изъ государства вышлетъ, потомъ-де ея высочество государство принять изволитъ“ [4]). Теперь цесаревна приняла государство, но иноземцевъ не выслала, хотя они и жили постоянно между страхомъ и надеждою, слыша угрозы отъ солдатъ [5]); иностранные министры писали къ своимъ Дворамъ, что

[1]) Журн. Сен. 25 іюня.
[2]) Журн. Сен. 1 ноября.
[3]) Журн. Сен. означеннаго числа.
[4]) Шетарди, стр. 414.
[5]) Нольдъ.

солдаты позволяютъ себѣ насилія, особенно противъ Нѣмцевъ, но не приводятъ ни одного примѣра насилія. До насъ дошло извѣстіе только объ одномъ столкновеніи, бывшемъ въ Петербургѣ 18 апрѣля 1742 года на гуляньи подъ качелями на Адмиралтейской площади. Гвардейскіе солдаты Семеновскаго полка подрались съ разнощикомъ, который продалъ имъ гнилыя яйца, а потомъ подрались между собою; армейскіе офицеры изъ иностранцевъ—фонъ-Розъ, Гейкинъ, Зитманъ и Миллеръ,— бывшіе подлѣ въ билліардномъ домѣ, вышли разнимать ихъ; когда одинъ изъ солдатъ началъ бранить ихъ непристойными словами, то одинъ изъ офицеровъ ударилъ его,—тогда солдаты толкнули офицеровъ, и драка усилилась; офицеры побѣжали назадъ въ билліардный домъ,—солдаты за ними, и на крыльцѣ дома началась опять драка; офицеръ обнажилъ шпагу и порубилъ солдату ладонь. Увидѣвъ кровь, солдаты разсвирѣпѣли и наперли на крыльцо, причемъ еще двое солдатъ были ранены. Офицеры ушли и заперли за собою двери, но солдаты разломали ихъ: тогда офицеры побѣжали на потолокъ (палати или чердакъ) и загородили входъ на него скамьями и стульями; бывшій въ томъ же домѣ штабъ-лѣкарь Фусади спрятался вмѣстѣ съ хозяиномъ дома въ особую каморку. Солдаты пошли на потолокъ, гдѣ, кромѣ означенныхъ, сидѣли другіе офицеры, бывшіе въ билліардномъ домѣ, все иностранцы; солдаты лѣзли, браня офицеровъ непристойными словами, также шельмами, канальями, иноземчишками. Офицеры побѣжали съ потолка въ слуховое окно на кровлю и спустились на другой дворъ; но на потолкѣ остались капитанъ Браунъ, флигель-адъютантъ Сотро и служитель Брауна Камнфъ, которые стояли съ обнаженными шпагами и не пускали солдатъ; однако солдаты, къ которымъ присоединились теперь и другіе люди, ворвались и начали бить Нѣмцевъ кулаками и топтать ногами. Сотро былъ порубленъ шпагою по головѣ и сброшенъ съ потолка внизъ, также былъ стащенъ внизъ. и избитъ Браунъ, найдены и избиты лѣкарь Фусади и хозяинъ билліарднаго дома Берлиръ. Побоище это сопровождалось грабежемъ и битьемъ посуды. Офицеры показали при слѣдствіи, что солдаты, нападая на нихъ, говорили: „Велѣно вашу шведскую каналью всѣхъ уходить; вы, шведскія канальи, здѣсь отъ насъ не отсидитесь, это намъ не Очаковъ брать; у насъ указъ есть, чтобъ васъ всѣхъ перерубить; надобно всѣхъ васъ, иноземцевъ, прибить до смерти; васъ, нѣмецкихъ собакъ, всѣхъ сегодня перевѣшаютъ". Народъ внизу кричалъ. „Нодобно иноземцевъ всѣхъ уходить". — Но дѣло кончилось одними криками. Драчуновъ схватили и они на слѣдствіи показали, что все надѣлали въ пьянствѣ, злого умысла не имѣли. Судная коммисія приговорила: главныхъ виновниковъ колесовать, другихъ, менѣе виновныхъ повѣсить, третьихъ бить кнутомъ, гонять сквозь строй. Приговорила и офицеровъ наказать:—посадить въ тюрьму на два и на три мѣсяца за то, что не должны были связываться съ солдатами, а послать за карауломъ и арестовать ихъ, потомъ въ билліардной не соблюли должныхъ правилъ обороны. Сенатъ, принимая во вниманіе, что виновные совершили преступленіе безъ злого умысла, представилъ императрицѣ, не соизволитъ ли облегчить казни. Елисавета приговорила четвертыхъ главныхъ драчуновъ сослать на сибирскіе заводы въ вѣчную работу, остальныхъ отправить въ дальніе гарнизоны [1]).

Понятно, что измѣненію отношеній къ иноземцамъ и паденію Остермана должно было обрадоваться духовенство. Мы видѣли какъ Новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ жаловался на Остермана, и не ограничивался однѣми жалобами. Показанія Темирязева о томъ, какъ Амвросій хлопоталъ въ пользу принцессы Анны, могли бы навлечь большую бѣду на свѣтское лицо, но преосвященнаго Новгородскаго не тронули, ибо, кромѣ извѣстнаго благочестія новой императрицы, было бы слишкомъ неблагоразумно начинать царствованіе гоненіемъ на самаго виднаго архіерея и ревнителя Православія, тѣмъ болѣе что хлопоты Амвросія были собственно не въ пользу Анны Леопольдовны, а противъ еретика Остермана. Амвросій спѣшилъ отблагодарить Елисавету за снисхожденіе. 18 декабря 1741 года, въ день рожденія императрицы, Амвросій говорилъ проповѣдь, причемъ указъ Анны Іоанновны, чтобъ длинныхъ проповѣдей не говорить, былъ забытъ. Амвросій этою проповѣдію ввелъ въ обыкновеніе начинать прославленіе Елисаветы прославленіемъ Петра Великаго, а прославлять Петра можно было за то же, за что прославляли его и прежніе ораторы: „Когда онъ воевалъ,—училъ воевать воинство; когда училъ воинство,—устроялъ благополучіе внутренняго гражданства; когда устроялъ благополучіе гражданства,—и о духовномъ своемъ чинѣ промышлять не оставилъ. Видѣлъ онъ совершенно ово изъ древнихъ исторій, ово же и самъ своимъ уже искусствомъ, какъ народъ Россійской тогда былъ неславный и посмѣятельный; видѣлъ, какъ былъ вовсе темный въ наукахъ и непросвѣщенный: и того ради великою суммою снискивалъ людей ученыхъ, держалъ ихъ во всякомъ довольствѣ и почтеніи, посылалъ своихъ подданнымъ для науки и всякой экспиренціи въ иностранныя государства, старался вездѣ заводить училища духовныя и политическія; снабдѣвалъ ихъ весьма мудрыми и славными учителями" и проч. Событие 25 ноября ораторъ разсказывалъ такимъ образомъ: „Пошла (Елисавета) къ надежнымъ своимъ и давно уже того желающимъ солдатомъ и объявила имъ свое намѣреніе, и кратко имъ сказать изволила: „Знаете ли, ребята, кто я и чья дочь? Родители мои вселюбезнѣйшіе Петръ Великій и Екатерина трудились, заводили регулярство, нажили великое сокровище многими трудами; а нынѣ все то растащено; сверхъ же

[1]) Дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.

того, еще и моего живота ищутъ. Но не столько мнѣ себя жаль, какъ вседражайшаго отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно разоряется и людей столько невѣдомо за кого пропадаетъ. Кому же вѣрно служить хочете:—мнѣ ли, природной государынѣ, или другимъ, незаконно мое наслѣдіе похитившимъ?“ И какъ то они услыхали, тогожъ часа всѣ единогласно закричали: „Тебя, всемилостивѣйшая государыня!“ и проч. Но всего замѣчательнѣе въ проповѣди изображеніе поведенія иностранцевъ, управлявшихъ Россіею. „Смотри, какую дьяволъ далъ имъ придумать хитрость. Вопервыхъ, на благочестіе и вѣру нашу Православную наступили; но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, но непотребное и весьма вредительное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворомъ людей духовныхъ, а наипаче учебныхъ истребили, монаховъ поразстригали и перемучили! Спроси же, за что?—больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобъ вовсе въ Россіи истребить священство Православное и завесть свою нововымышленную безпоповщину. Разговору большаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ; о Боже! какъ-то несчастлива въ томъ Россія, что людей учебныхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Незнающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его. Былъ ли кто изъ Русскихъ искусный, напримѣръ художникъ, инженеръ, архитекторъ или солдатъ старый, а наипаче ежели онъ былъ ученикъ Петра Великаго: тутъ они тысячу способовъ придумывали, какъ бы его уловить, къ дѣлу какому-нибудь привязать; подъ интересъ подвесть и такимъ образомъ или голову ему отсѣчь, или послать въ такое мѣсто, гдѣ надобно необходимо и самому помереть отъ глада, за то одно, что онъ инженеръ, что онъ архитекторъ, что онъ ученикъ Петра Великаго. Подъ образомъ будто храненія чести, здравія, интереса государства, о! коль безчисленное множество, коль многія тысячи людей благочестивыхъ, вѣрныхъ, добросовѣстныхъ, невинныхъ, Бога и государство весьма любящихъ, въ-тайную похищали, въ смрадныхъ узилищахъ и темницахъ заключали, гладомъ морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали! Сей ихъ обманъ народъ незнающій помышлялъ, что они дѣлаютъ сіе отъ крайнія вѣрности; а они, какимъ-то безбожнымъ образомъ и какою-то завѣсою покровенные, людей вѣрныхъ истребляли. Кратко сказать: всѣхъ людей добрыхъ, простосердечныхъ, государству доброжелательныхъ и отечеству весьма нужныхъ и потребныхъ, подъ разными претекстами губили, разоряли и вовсе искореняли, а равныхъ себѣ безбожниковъ, безсовѣстныхъ грабителей, казны государственныя похитителей—весьма любили, ублажали, почитали, въ ранги великіе производили, отчинами и денегъ многими тысячами жаловали и награждали. Было то воистину, что и говорить стыдно, однако то сущая правда! пріидетъ какой-нибудь человѣкъ иностранный незнаемый (не говорю о честныхъ и знатныхъ персонахъ, которыя по заслугамъ своимъ въ Россіи всякія чести достойны, но о тѣхъ, которыя еще въ Россіи никогда не бывали и никакихъ заслугъ ей не показали), такого, говорю я, новаго гостя ежели они усмотрятъ, что онъ къ ихъ совѣсти угоденъ будетъ, то хотя бы и не зналъ ничего, хотя бъ не умѣлъ трехъ перечесть, но за то одно, что онъ иноземецъ, а наипаче, что ихъ совѣсти нравенъ, минувъ достойныхъ и заслуженныхъ людей Россійскихъ, надобно произвесть въ президенты, въ совѣтники, въ штапы, и жалованье опредѣлять многія тысячи. И такой-то совѣсти были оные внутренніи враги наши! Такой-то сатанинской вѣрности! Многимъ казалось, что они вѣрно служатъ, воюютъ за Церковь Христову, подвизаются за отечество; а они такимъ образомъ приводили Россію въ безсиліе, нищету и въ крайнее разореніе. Воспомяните себѣ только недавно минувшую войну Турецкую: сколько они безъ всякой баталіи и сраженія старыхъ солдатъ гладомъ поморили, сколько въ степяхъ жаждою умертвили, да сколько-жъ сотъ тысячъ церковниковъ и другихъ рекрутъ перебрали, и всѣ они, почти напрасно, для одной только ихъ добычи и суетной корысти, головы свои положили; но тѣ все то дѣлали притворно подъ образомъ вѣрности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою къ Россіи вѣрность и доброжелательство, но лгали безсовѣстно на свою душу, ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, такъ ли бы нарочно людей нашихъ на явную смерть посылали; такъ ли бы только тѣнью, только тѣломъ здѣсь, а сердцемъ и душою внѣ Россіи пребывали? Такими они сами оказали себя, когда всѣ свои сокровища, все богатство, въ Россіи неправдою нажитыя, вонъ изъ Россіи за море высылали и тамо иные въ банки, иные на проценты многіе милліоны полагали“.

Въ тотъ же день и въ томъ же духѣ въ Москвѣ говорилъ проповѣдь ректоръ тамошней академіи, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря, Кириллъ Флоринскій: „Всѣ мы“, говорилъ проповѣдникъ, „чрезъ десятилѣтіе и болѣе нечувственныя древеса быхомъ, не примѣчая, како созрѣвше сильное сѣмя Петрово; запамятовали были, коимъ образомъ Петръ Великій обрѣте насъ подобныхъ древу лѣсному, криву, суковатому, дебелу, ожелтѣлу, неотесанну, ни на каково дѣло неудобну, своими руками коль въ красныя статуи передѣлалъ, да еще и не бездушныя... О пречудная вещь! возрастѣ сѣмя Петрово, подъ его же вѣтвіями намъ, Россіянамъ, отраду и прохлажденіе давно надлежало было пріяти; но мы отягчены всѣми наругательствы, страждуще гоними, гоними и мучими, мучими и вяжеми, вяжеми и уязвлени, отечества и правовѣрія лишаеми, дремлюще, благовонно-лиственнаго сего не

видѣхомъ древа. Древо сіе человѣкоядны птицы, Остерманъ и Минихъ, съ своимъ стадищемъ начали было сѣщи и терзати; обаче мы дремлюще не видѣхомъ, ниже чувствовахомъ, доколѣ же само сіе сельное сѣмя насъ не пригласи спящихъ: доколѣ дремлете? доколѣ страждати имате?.. Доселѣ дремахомъ, а нынѣ увидихомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонмищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи дьявольскіе, имъ же, попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но искореня истребятъ... Яко же бо Діи и Ерміи во языцахъ, такъ Остерманъ и Минихъ были въ Россіи кумиры златые, имъ же совѣсти не устыдѣшася, яко болваномъ, и жрати, своя совѣсти воли ихъ закалающе въ жертву; но уже сокрушишася о камень Петровъ... Жертвенники, образы и жрецы вааловы, Остерманъ, Минихъ и споузники тѣхъ, ихже и кромѣ насъ, яко скудельни идолы, самъ сокрушитъ Господь“ [1]).

Кириллъ Флоринскій въ доказательство вражды къ Православію бывшаго правительства приводилъ то, что въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ возвышается армянская церковь. Синодъ раздѣлялъ взглядъ Флоринскаго, и, въ январѣ 1742 года, исходатайствовалъ у императрицы указъ—упразднить армянскія церкви въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, кромѣ одной каменной въ послѣднемъ городѣ, и впредь не позволять ихъ строить [2]). Синодъ представилъ о необходимости уволить священниковъ и причтъ отъ хожденія къ рогаткамъ на караулы, на пожары и отъ всякихъ другихъ полицейскихъ обязанностей, исполненіе которыхъ мѣшаетъ исправленію требъ церковныхъ; 7 апрѣля просьба Синода была исполнена [3]). Оберъ-прокуроромъ Синода былъ назначенъ, какъ мы видѣли, князь Яковъ Шаховской. Онъ такъ описываетъ свое вступленіе въ новую должность: „Явился я въ собраніе св. Синода, и вступленіе то мнѣ было не непріятно, ибо того мѣста, также какъ и при Сенатѣ находящійся, такого-жъ ранга экзекуторъ, уже ожидая моего прибытія, встрѣтилъ меня на лѣстницѣ съ нѣкоторыми секретарями и прочихъ нижнихъ чиновъ канцелярскихъ служителями, съ почтеніемъ рекомендовался, и очищая, мнѣ дорогу, проводилъ меня до той палаты, гдѣ присутствуетъ собраніе св. Синода; двери обѣ половинки отворились, и при тѣхъ встрѣтилъ меня оберъ-секретарь. Первый издали во оную палату мой взглядъ мнѣ былъ весьма пріятенъ: оная изрядно была убрана, и за столомъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ, какъ помнится мнѣ, восемь или девять духовныхъ особъ, архіепископовъ и епископовъ, и нѣсколько архимандритовъ, мужей, какъ своими отмѣнными одеждами, такъ и благочинными видами привлекающихъ почтеніе, и лишь только я приближался къ концу того стола, они всѣ въ постоянномъ и ласковомъ видѣ встали со своихъ стульевъ и одинъ по другомъ, и въ первыхъ преосвященный Новгородскій архіепископъ Амвросій, яко старшій членъ, меня поздравленіемъ въ томъ новомъ чину, какъ въ томъ присутствіи сотоварища своего, разными словами привѣтствовать начали, и напротивъ тѣхъ, на мои учтивыя имъ о себѣ рекомендаціи представляемыя, весьма ласково мнѣ отвѣтствовали; потомъ они сѣли на свои стулья, и начатое одно дѣло, коего для моего входу чтеніе было остановлено, къ рѣшенію имъ представленное, велѣли читать; а я, увидя для меня, по надлежащему, въ той же палатѣ приготовленный небольшой столъ, подошелъ, чтобъ за него сѣсть, и, увидя на немъ только чернилицу и нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, приказалъ оберъ-секретарю, чтобъ онъ Духовный Регламентъ, послѣдующіе тому въ законъ указы, также прежде бывшихъ въ Синодѣ оберъ-прокуроровъ инструкціи и до той должности касающіеся указы и еще же о нерѣшенныхъ, находящихся въ Синодѣ дѣлахъ, о колодникахъ и оказенныхъ деньгахъ обыкновенные реестры мнѣ представилъ. Оберъ-секретарь, Духовный Регламентъ, съ своего столика взявъ, мнѣ подалъ, а объ указахъ и о реестерѣ нерѣшенныхъ дѣлъ объявилъ, что тѣ хотя въ собраніи и есть, но не весьма обстоятельны, и просилъ, чтобъ я на нѣсколько дней ему въ томъ далъ сроку, дабы онъ все наисправнѣйшимъ образомъ сочинить и мнѣ подать могъ; а что-де до прежнихъ здѣсь бывшихъ оберъ-прокуроровъ дѣлъ касается, то оныхъ-де какъ инструкцій, такъ прочихъ никакихъ ихъ должностей производствъ ни одной строки нѣтъ, и притомъ въ долгихъ рѣчахъ разсказывалъ мнѣ, какъ отъ бывшихъ пожаровъ и отъ прочихъ разныхъ приключеній въ канцеляріи Синода дѣла многія утрачены и что нынѣ отъ разныхъ препятствій дѣла безъ описей въ разныхъ палатахъ по ящикамъ и сундукамъ содержатся, и архивы нѣтъ“ [4]).

Новый оберъ-прокуроръ нашелъ указы Петра Великаго, чтобъ въ церквахъ во время службы никакихъ разговоровъ и хожденій для прикладыванія къ мощамъ и иконамъ не было, и съ нарушителей брать штрафъ въ церковную казну. Шаховской представилъ Синоду, что эти указы не исполняются, и вслѣдствіе этого представленія посланы подтвердительные указы [5]). Смотрѣть за соблюденіемъ указовъ и собирать штрафы Сенатъ назначилъ опредѣленныхъ въ монастыри отставныхъ офицеровъ, которые должны были записывать штрафы въ шнуровыя книги при священникахъ и причетникахъ, чтобъ утайки не было [6]). Синодъ опредѣлилъ разрѣшить постройку и возобновленіе

[1]) Н. Попова—Придворные проповѣдники въ царств. Елис. Петр. (Лѣтописи Русск. Литературы, 1859, III).
[2]) Полн. Собр. Зак., № 7500.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 8546.
[4]) Записки кн. Шаховскаго, I, 89 и слѣд.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 8559.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 8583.

церквей, но позволять освящать ихъ только тогда, когда окажется, что онѣ построены какъ слѣдуетъ, снабжены всѣмъ нужнымъ, и священникъ съ причтомъ будутъ имѣть достаточное содержаніе [1]). Синодъ жаловался Сенату, что Сибирскій губернаторъ не исполняетъ указа Петра Великаго, которымъ запрещалось брать духовныхъ людей въ свѣтскія судебныя мѣста безъ сношенія съ духовнымъ начальствомъ; Сенатъ подтвердилъ указъ, распространивъ его на служителей архіерейскихъ домовъ и приказчиковъ [2]).

Въ ноябрѣ 1742 года, въ Сенатъ поступила жалоба отъ Коллегіи Экономіи: архіерейскими домами и разными монастырями остаточныхъ и распроданныхъ вотчинъ оброчныхъ доходовъ не только за прошлые годы, начиная съ 730, но и за минувшій 1741 и за текущій 1742 по 14 іюня не доплачено 44,324 рубля; нарочно посланный капралъ Старковъ взыскалъ на Спасскомъ ярославскомъ монастырѣ доимку 1,806 рублей и готовъ былъ ѣхать въ Москву, но лѣкарь этого монастыря Іосифъ и строитель Ѳеофилактъ запретили его отпускать, подводы съ монастыря сбили, Старкова, браня всячески, хотѣли бить смертно и выборному цѣловальнику для отдачи той казны въ Москву ѣхать не велѣли [3]).

Дѣло шло о деньгахъ, о доходахъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы, которая провозглашала, что будетъ во всемъ руководиться правилами великаго отца своего, одинъ солдатъ [4]) очень грубо выразилъ правило Петра относительно денегъ, доходовъ государственныхъ, и былъ отведенъ въ Тайную Канцелярію, которая не поняла, что подъ грубымъ выраженіемъ заключалась великая похвала. Солдатъ сказалъ, что Петръ Великій изъ-за копѣйки давливался. Сенатъ, возстановленный дочерью въ томъ значеніи, какъ былъ при отцѣ, долженъ былъ помнить, что при отцѣ одною изъ главныхъ обязанностей его было: „Деньги какъ можно собирать". При вступленіи на престолъ Елисаветы, изъ подушнаго сбора сложено было по 10 копѣекъ съ души на 1742 и 1743 годы, что составляло болѣе милліона рублей, „въ такомъ разсужденіи, дабы вѣрные наши подданные платежемъ на прошлые годы доимочныхъ подушныхъ денегъ исподволь исправлялись" [5]). Но Елисавета получила въ наслѣдство войну, и, въ августѣ 1742 года, главный коммисаріатъ донесъ Сенату, что, несмотря ни на какія подтвержденія, какъ прошлогоднихъ доимочныхъ денегъ, такъ и за первую половину текущаго года въ недоборѣ большая сумма, такъ что однимъ полкамъ остзейской экспедиціи не дослано болѣе 200,000. Сенатъ опредѣлилъ за такую нескорую высылку положить штрафъ: на губернаторовъ и вице-губернаторовъ по 100 руб., на провинціальныхъ воеводъ по 50, на городовыхъ— по 25 рублей, на губернскихъ и провинціальныхъ секретарей—по 25 рублей, на городовыхъ и съ приписью подъячихъ—по 12 [6]). Оказалось, что виновата не одна администрація, но „вначалѣ сами помѣщики, а на нихъ смотря или и норовя имъ, губернаторы и воеводы и опредѣленные къ такимъ сборамъ управители, которые послабленіемъ своимъ къ тому неплатежу поводъ подали". Вслѣдствіе этого повелѣно: заплатить въ четыре мѣсяца безъ всякаго отрицанія, а кто не заплатитъ, у того вычитать изъ жалованья или править съ штрафомъ по 10 копѣекъ съ рубля, деревни отписывать безповоротно; кто при сборѣ въ маломъ чемъ уличенъ будетъ, тотъ бы не надѣялся ни на какія свои заслуги, „ибо яко вредитель государственныхъ правъ и народный разоритель по суду караемъ будетъ смертію" [7]). Но къ концу года увидали, что денегъ недостанетъ на войну, и потому прибѣгли къ средству Петра Великаго, которое онъ употреблялъ въ крайнихъ случаяхъ: 11 декабря, присутствуя въ Сенатѣ, императрица подписала указъ о вычетѣ на одинъ годъ изъ жалованья духовныхъ, военныхъ, статскихъ и придворныхъ чиновъ:—у архіереевъ и генераловъ по 20 копѣекъ съ рубля, у штабъ-офицеровъ и архимандритовъ по 15, у оберъ-офицеровъ и игуменовъ по 10, у оберъ-офицеровъ гарнизонныхъ, статскихъ придворныхъ и мастеровыхъ, не имѣющихъ ранговъ и духовныхъ нижнихъ чиновъ—по 5 [8]). Въ томъ же засѣданіи Елисавета подписала указъ, чтобъ никто не носилъ золота, серебра, шелковое платье носили по классамъ, а кружева не свыше трехъ пальцевъ [9]). Еще въ началѣ года Елисавета, находясь въ Сенатѣ, устно приказала: фейерверку быть только въ день коронаціи, а въ Новый Годъ, въ день рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ императрицы, также въ день рожденія и тезоименитства герцога Голштинскаго быть одной иллюминаціи [10]).

Сенатъ призналъ, что для прекращенія финансовыхъ безпорядковъ и отягощеній необходимо произвести новую ревизію, и представилъ императрицѣ, не соизволитъ ли она „для удовольствія всѣхъ помѣщиковъ и пресѣченія донынѣ происходимыхъ непорядковъ и въ платежѣ отбывательства и запущенія впредь доимокъ, учинить вновь ревизію, и на будущее время производить ее черезъ 15 лѣтъ, чѣмъ всѣ непорядки, а особливо держаніе бѣглыхъ и своевольные переводы пресѣкутся, а бѣдные и неимущіе помѣщики, кои сами и жены и дѣти въ доимкахъ подъ карауломъ содержатся и помираютъ, отъ такого бѣдствія, свободятся". Императрица согласилась. Сенатъ представлялъ извѣстіе о большой убыли народонаселенія: такъ,

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8625.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 8566.
[3]) Журн. Сената 16 ноября.
[4]) Рейтаръ Осоргинъ. Дѣло Тайн. Канцеляр. 1744 года въ Государ. Архивѣ.
[5]) Журн. Сената 8 декабря 1741 г.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 8609.
[7]) Журн. Сен. 8 дек. Полн. Собр. Зак., № 8682.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 3687.
[9]) Журн. Сен. 11 дек.
[10]) Журн. Сен. 15 февраля.

по вѣдомостямъ изъ губерній съ 1719 по 1727 г. было показано выбылыхъ 988,456 душъ, въ томъ числѣ умершихъ 733,158, бѣглыхъ 198,876, взятыхъ въ рекруты 53,928. да съ 1727 по 1736 годъ взято было въ рекруты 147,418 человѣкъ [1]).

Въ указѣ 12 декабря 1741 года было повелѣно: правленіе внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ имѣть на основаніи, учиненномъ указами Петра Великаго, кромѣ тѣхъ, которые съ состояніемъ настоящаго времени не сходны и пользѣ государственной противны. При Петрѣ, для надзора и направленія горной и фабричной промышленности были учреждены Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи; при Аннѣ, какъ мы видѣли, эти коллегіи были упразднены и соединены съ Коммерцъ-Коллегіею, хотя для управленія горными заводами учрежденъ былъ генералъ-бергъ-директоріумъ въ пользу барона фонъ-Шомберга, и для надзора надъ частными фабриками учреждены были особые директоры, получавшие жалованье и ѣздившіе ихъ осматривать. Теперь Сенатъ нашелъ, что эти перемѣны не были къ лучшему: Шомбергъ задолжалъ казнѣ и объявляетъ, что заплатить не въ состояніи. Относительно фабрикъ нельзя надѣяться, чтобъ Коммерцъ-Коллегія, имѣя много своихъ дѣлъ, могла смотрѣть заними такъ же прилежно, какъ особое учрежденіе, и потому Сенатъ представлялъ, не соизволитъ ли императрица возстановить Бергъ и Мануфактуръ Коллегію. Соизволеніе послѣдовало 7 апрѣля 1742 года [2]), а 25 іюня Елисавета, находясь въ Сенатѣ, одобрила его рѣшеніе: генералъ-бергъ-директора фонъ-Шомберга, призвавъ въ Сенатъ, объявить, чтобъ онъ имѣющіяся на немъ казенныя деньги 134,944 руб. 13 копѣекъ заплатилъ немедленно, а въ платежѣ 99,635 рублей 73 копѣекъ на срокъ далъ надежныхъ порукъ; если же объявится, что платить нечѣмъ и порукъ нѣтъ, то описать имѣніе, а самого взять подъ караулъ. По выходѣ императрицы, Шомбергъ былъ призванъ въ Сенатъ и объявилъ, что денегъ заплатить и порукъ поставить не можетъ, вслѣдствіе чего арестованъ и приказано содержать его въ квартирѣ его подъ карауломъ, пожитки запечатать, постороннихъ людей къ нему не пускать, бумаги и чернилъ не давать. Означенный начетъ на Шомберга составился изъ суммъ, которыя онъ долженъ былъ заплатить за отданные ему Лапландскіе и Гороблагодатскіе заводы [3]).

Относительно фабрикъ правительство занимали два вопроса: вопервыхъ, чтобъ фабричныя произведенія поставлялись въ казну желаемаго качества, напримѣръ сукна на войско [4]), писчая бумага въ правительственныя учрежденія; во-вторыхъ, заботились объ опредѣленіи отношеній содержателей фабрикъ къ рабочимъ, потому что со стороны первыхъ обнаружилось стремленіе притѣснять послѣднихъ. Такъ, Сенатъ роспорядился, чтобъ мастеровымъ людямъ Казанской суконной фабрики заработанныя деньги давались такъ-же, какъ платили, когда она была въ казенномъ содержаніи и потомъ при содержателѣ Микляевѣ, а именно: ткачамъ по 6 коп. съ аршина, прядильщикамъ по три копѣйки за фунтъ, тогда какъ настоящій содержатель, Дребловъ, началъ платить ткачамъ по 5 копѣекъ, а прядильщикамъ по 2 копѣйки; потомъ было постановлено платить на суконныхъ фабрикахъ работнику по шести рублей за половинку сукна [5]). Шерсть покупали тогда по рублю двадцати копѣекъ. Относительно писчей бумаги возобновили указъ Петра Великаго, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ собирали въ передѣлъ драную негодную бумагу и отдавали въ Коммерцъ-Коллегію вѣсомъ, а вмѣсто нея брали изъ этой Коллегіи годную бумагу по указанной пропорціи [6]). Въ царствованіе Анны велѣно было брать въ синодальную типографію бумагу съ фабрики Затрапезнаго; но теперь Синодъ представилъ, что для печатанія книгъ бумага Затрапезнаго очень толста, надобно бумагу тоньше, чтобъ книги могли выходить „субтильнѣе“ и не вредили своею толщиною переплетамъ; притомъ бумага Затрапезнаго дороже, чѣмъ на другихъ фабрикахъ. Императрица указала: брать бумагу во всѣ мѣста у русскихъ фабрикантовъ добротою противъ бумаги Затрапезнаго или лучше и дешевле [7]). Армянинъ Нырвановъ представилъ образцы разныхъ сортовъ шелка наилучшей доброты, добываемаго на его заведеніяхъ въ Кизлярѣ и Астрахани, и получилъ привилегію на заведеніе въ Астрахани фабрики шелковыхъ, полушелковыхъ и бумажныхъ матерій [8]).

Попрежнему считали нужнымъ поднимать промышленность, поощрять заводчиковъ и фабрикантомъ, давая имъ чины, что было тогда нужно и для обезпеченія личности и труда отъ насилія людей чиновныхъ, хотя, съ другой стороны, новый богатый чиновникъ могъ увеличивать собою число насильниковъ. По смерти извѣстнаго фабриканта Затрапезнаго, фабрика его перешла къ зятю его, капитану Лакостову; этому Лакостову позволено было выйти въ отставку, „дабы та яко знатная въ Россійскомъ государствѣ фабрика не пришла въ неисправленіе, но чрезъ его прилежное смотрѣніе могла быть приведена въ лучшее состояніе; а для большей въ смотрѣніи оной фабрики ревности онъ пожалованъ рангомъ маіорскимъ“ [9]). За тщательное произведеніе и размноженіе желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ статскій совѣтникъ Акинфій Демидовъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а братъ его, дворянинъ Никита, — въ стат-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8619.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 8543.
[3]) Журн. Сен. 25 іюня—Полн. Собр. Зак.. № 8571.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 8684.
[5]) Журн. Сен. 24 іюня; 16 сентября.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 8486.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 8545.
[8]) Полн. Собр. Зак , № 8563.
[9]) Журн. Сената, 7 іюля.

скіе совѣтники. Шелковой фабрики содержатель Яковъ Евреиновъ - въ совѣтники Мануфактуръ-Коллегіи за его службу, что онъ былъ консуломъ въ Испаніи и что прежде того былъ посланъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для обученія купечеству и мануфактурамъ. Парусной и бумажной фабрики содержатель Аѳанасій Гончаровъ пожалованъ въ коллежскіе ассесоры за распространеніе этихъ фабрикъ, особенно бумажной, въ пользу государства. Шелковый фабрикантъ Семенъ Мыльниковъ и бумажный фабрикантъ Василій Короткій—директорами своихъ фабрикъ съ рангомъ коллежскаго секретаря [1]). Подали просьбу мастеровые люди, посыланные учиться за море, шестеро, всѣ изъ дворянъ, и одинъ изъ нихъ даже князь (Нарѣцкій): обучались они кто замочному, кто столярному полатныхъ уборовъ, кто столярному кабинетному дѣлу, были они при Дворѣ и въ разныхъ городахъ, уволены въ домы до указа; теперь нѣкоторые изъ нихъ просили, что желаютъ быть попрежнему у работъ при Дворѣ, а другіе просили дать имъ на пропитаніе. Сенатъ рѣшилъ отослать ихъ въ канцелярію отъ строеній, которая должна опредѣлить ихъ къ казеннымъ работамъ, каждаго по его искусству, и дать имъ потребное число учениковъ [2]).

Относительно распоряженій по торговлѣ въ 1742 году мы должны замѣтить только именной указъ 2 декабря о Жидахъ: „Во всей нашей имперіи Жидамъ жить запрещено; но нынѣ намъ извѣстно учинилось, что оные Жиды еще въ нашей имперіи, а наипаче въ Малороссіи подъ разными видами жительство свое продолжаютъ, отъ чего не иного какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно, того для повелѣваемъ: изъ всей нашей имперіи всѣхъ мужеска и женска пола Жидовъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ, немедленно выслать за границу и впредь ни для чего не впускать, развѣ кто изъ нихъ захочетъ быть въ христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія“ [3]).

Что касается сельской промышленности, то люди, ею занимавшіеся, попрежнему указывали на невыгоду своего положенія—побѣгами. Сенатъ былъ извѣщенъ, что многіе дворовые люди и крестьяне, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ и возглашая, будто по указу ея величества велѣно всякаго чина людей принимать на Донъ, записывать въ казаки и селить въ донскихъ казачьихъ городкахъ, бѣгутъ не только дворами, но цѣлыми деревнями; въ донскихъ казачьихъ городкахъ ихъ принимаютъ и селятъ на казацкихъ земляхъ. Сенатъ приказалъ [4]) послать на Донъ грамоту: — смотрѣть Донскому войску накрѣпко и ни подъ какимъ видомъ бѣглыхъ крестьянъ и служилыхъ людей не принимать, а которые до сихъ поръ есть бѣглые, всѣхъ выслать на прежнія жилища. Вслѣдъ затѣмъ Муромскаго уѣзда помѣщики, приказчики и старосты объявили о побѣгѣ множества крестьянъ съ женами и дѣтьми; съ января по іюль 1742 года убѣжало болѣе 1,000 душъ, изъ нѣкоторыхъ дачъ всѣ безъ остатку побѣжали. Въ монастырскомъ Троицкомъ селѣ Горкахъ сотскій поймалъ 53 человѣка бѣглыхъ, которые показали, что шли въ казачьи городки, на Медвѣдицу и Донъ, по слухамъ, что принимаетъ тамъ бѣглыхъ казакъ прозваніемъ Краснощекій, всякому даетъ награжденіе 5 рублей да льготы на 5 лѣтъ. Крестьянъ били кнутомъ и батожьемъ, для сыску бѣглыхъ отправили на Донъ маіора съ 300 драгунъ [5]). Крестьяне подмосковной деревни Мамонтовой подали императрицѣ челобитную на помѣщика своего Іевлева, что живетъ онъ недобропорядочно, держитъ наложницу, одного купца жену, и ихъ по наукѣ ея разоряетъ, бьетъ и мучитъ напрасно; отъ такого разоренія многіе люди разбѣжались и подушныхъ денегъ платить некому. Крестьяне сельца Бачурина, Московскаго уѣзда, просили на помѣщика своего Ладыженскаго въ разореніи и смертныхъ убійствахъ. Сенатъ приказалъ разсмотрѣть и рѣшеніе учинить по указамъ, а по указамъ такихъ помѣщиковъ удаляли отъ управленія крестьянами [6]). По поводу ревизіи императрица утвердила сенатскій докладъ: которые дворцовые, монастырскіе и помѣщичьи крестьяне, сбѣжавъ, поселились въ низовыхъ городахъ на государевыхъ, монастырскихъ и купленныхъ ими земляхъ цѣлыми слободами,—тѣхъ на прежнія жилища не ссылать, аписать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились; если помѣщичьи крестьяне, бѣжавъ отъ одного помѣщика, поселились цѣлами слободами, тѣхъ такъ-же не высылать, а которые хотя поселились и цѣлыми слободами, да разныхъ помѣщиковъ, тѣхъ высылать на прежнія жилища [7]). Мы видѣли, что при Петрѣ Великомъ для скорѣйшаго пополненія новообразованнаго постояннаго войска позволено было крѣпостнымъ людямъ вступать въ солдаты; но послѣ Петра это было строго запрещено; теперь, по вступленіи на престолъ дочери Петра, между крѣпостными распространился слухъ, что опять позволено имъ записываться въ вольницу, и они, порознь и цѣлою толпою, стали подавать императрицѣ просьбы о принятіи въ военную службу; другіе прямо бѣжали отъ помѣщиковъ для поступленія въ солдаты; но они жестоко ошиблись въ своей надеждѣ: за таковое ихъ вымышленное и противное указамъ дерзновеніе учинено имъ на площади съ публикою жестокое наказаніе: которые подавали челобитныя немалымъ собраніемъ,—тѣхъ били кнутомъ, и пущіе изъ нихъ заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые подавали челобитныя порознь,—тѣхъ били

[1]) Журн. Сената, 9 сентября.
[2]) Журн. Сената, 6 октября.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 8673.
[4]) Журн. Сената, 1 іюля.
[5]) Журн. Сената, 21 іюля.
[6]) Журн. Сената, 11 августа.
[7]) Журн. Сената, 17 сентября.

плетьми, другихъ батогами и по наказаніи отданы помѣщикамъ [1]).

Засѣданія правительствующихъ мѣстъ, Сената и Синода, въ 1741 году происходили частію въ Петербургѣ, частію въ Москвѣ, куда спѣшила отправиться Елисавета для коронаціи, которая должна была скрѣпить дѣло 25-го ноября. 7 января 1742 года въ Сенатѣ уже было положено, чтобъ приготовленіями къ коронаціи занялись графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ и Новгородскій архіепископъ Амвросій, по образцу какъ дѣлались подобныя приготовленія въ 1724, 1728 и 1730 годахъ; а къ нимъ на помощь послать изъ Иностранной Коллегіи статскаго совѣтника Петра Курбатова, который въ означенные года былъ употребленъ къ такимъ приготовленіямъ. Парчи, бархаты, позументы, бахромы и все прочее покупать съ русскихъ фабрикъ въ Москвѣ и изъ рядовъ; если же чего готоваго не сыщется, велѣть на фабрикахъ сдѣлать вновь, а чего сдѣлать не могутъ, о томъ писать въ Сенатъ. На издержки по приготовленіямъ отпустить на первый случай 30,000 рублей. Для дѣланія балдахиновъ отправить въ Москву мастера француза Рошабота, также придворныхъ мастерицъ. Тріумфальныя ворота строить—первыя въ Земляномъ городѣ на Тверской, подъ смотрѣніемъ московской губернской канцеляріи, изъ доходовъ губерніи; вторыя—въ Китай-городѣ, у церкви Казанской Богородицы, подъ смотрѣніемъ св. Синода, изъ доходовъ Коллегіи Экономіи; третьи—на Мясницкой—строить московскому купечеству на свое иждивеніе, подъ смотрѣніемъ губернской канцеляріи [2]).

23 февраля Елисавета выѣхала изъ Петербурга, и 26 числа, въ пятомъ часу пополудни, пріѣхала въ село Всесвятское, въ семи верстахъ отъ Москвы. Здѣсь императрица отдыхала 27 число, а между тѣмъ къ слѣдующему дню учреждали церемонію торжественнаго въѣзда. 28 числа, въ пять часовъ полуночи, на Красной площади раздались девять пушечныхъ выстрѣловъ, и начался благовѣстъ въ большой Ивановскій колоколъ. Въ десятомъ часу императрица пріѣхала изъ Всесвятскаго въ Тверскую ямскую слободу, гдѣ пересѣла въ парадную карету, и начался въѣздъ въ порядкѣ, мало измѣнившемся до нашихъ временъ. Когда въ Успенскомъ соборѣ Елисавета стала на императорскомъ мѣстѣ и племянникъ ея, герцогъ Голштинскій,—на царицыномъ мѣстѣ, Новгородскій архіепископъ Амвросій произнесъ рѣчь... „Пріиде, о Россія, твоего благополучія твердое и непоколебимое основаніе; пріиде крайнее частыхъ и весьма вредительныхъ перемѣнъ твоихъ окончаніе и разореніе; пріиде тишина твоя, благосостоянія и прочихъ желаній твоихъ несомнѣнная надежда... Церковь Православная радуется, яко своего благополучія крѣпкую получила защитницу, радуется и весь правительствующій сигклитъ, что какъ чести и достоинства своего утвержденіе, такъ и живой образъ милости и правосудія отъ нея воспріемлетъ. Горитъ пламенемъ любви и несказанныя ревности къ своей природной государынѣ и все воинство, яко праведную обидъ своихъ въ произведеніи ранговъ отмстительницу и мужественную въ свобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героину пріобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отнынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины свои чаютъ произведенія... Хотя нынѣ и вся Россія отъ радости торжествуетъ, однако градъ сей, который есть якобы прямымъ всѣхъ градовъ россійскихъ сердцемъ, наибольшую въ себѣ радость ощущаетъ, для того-что онъ всѣ радости причины и прерогативы въ себѣ содержитъ... Но, о Россія, посмотри притомъ и на себя недремлющимъ окомъ, и разсуди совѣстно, какъ то Богъ милосердый не до конца гнѣвается, ниже въ-вѣкъ враждуетъ. Наказалъ было тебя праведный Господь за грѣхи беззаконія твои самымъ большимъ наказаніемъ, т.-е. отъятіемъ Петра Втораго, перваго же внука императора Петра Великаго, и коль много по кончинѣ его бѣдъ, перемѣнъ, страховъ, пожаровъ, ужасныхъ войнъ, тяжкихъ и многотрудныхъ гладовъ, напрасныхъ смертей и прочихъ безчисленныхъ бѣдствій претерпѣла еси; буди убо впредь осторожна, храни аки зѣницу ока твоего вседражайшее здравіе ея императорскаго величества, такожь и его королевскаго высочества, и притомъ бойся всегда Бога и страшнаго суда Его; трепещи крѣпкихъ и неизбѣжныхъ рукъ Бижіихъ, бѣжи отъ грѣха, яко отъ лица зміина, перестань беззаконствовать, обманывать, насильствовать, пьянствовать блудствовать, похищать, обидѣть, прелюбодѣйствовать и прочихъ творить грѣховъ и беззаконій, да не паки понудиши Бога къ наказанію. Къ тому же еще буди благодарна дивному промыслу Божію, который на тебѣ Богъ милосердый явственно и чувственно показуетъ, когда на мѣсто Петра Второго, перваго же внука императора Петра Великаго, послалъ тебѣ втораго внука тѣмъ же именемъ и такими же добродѣтелями сіяющаго. Пріими сего всерадостнымъ сердцемъ и благопріятною душею, да по имени его и сама каменна будеши, и во всякихъ случаяхъ вредительныхъ перемѣнъ не убоишися, и паки на Петровомъ имени, аки твердомъ и нерушимомъ камени утвердившемся безопасна во вѣки пребудеши...... Сокровища дражайшаго въ свѣтѣ сыскать невозможно, какъ то, отъ чего все наше благополучіе и вѣчное зависитъ спасеніе; а такое сокровище есть не иное, токмо вѣра истинная, Православная, каѳолическая. Тую убо вѣру самыхъ небесъ дражайшую, тое сокровище, неоцѣненное благочестіе наше привезе намъ въ даръ наша всемилостивѣйшая матерь отечества, - ибо какъ скоро на престолъ вступила, такъ того же времени Синоду доброе свое и суще императорское намѣреніе объявить изволила: надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ

---

[1]) Журн. Сената, 25 іюня.
[2]) Журн. Сената, 7 января.

Бога, и какъ мы утаенiемъ сего отъ премудрыхъ и разумныхъ и откровенiемъ младенцемъ честь и власть императорскую отъ Него получили, такъ вопервыхъ Его же божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одолжаемся. О слова преполезнаго! слова императорскихъ устъ достойнаго! и что словомъ сказать изволила, тоежъ самымъ дѣломъ исполнила, ибо книгу „Камень Вѣры", во тмѣ невѣдѣнiя заключенную, на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, которая книга, какъ напримѣръ всякому искусному мастеру инструменты, воину оружiе, плавающему корабленнику на морѣ кормило: такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная, и смотри, какую на насъ врази наши домашнiе стратагемму или, просто сказать, хитрость безбожныя своея войны выдумали. Читали они въ книгахъ царскихъ первыхъ подобный сему Филистиновъ умыслъ: ты и понеже непрестанную съ Израилемъ войну имѣли и многократно отъ него побѣждены бывали, инаго способу къ побѣжденiю и крайнему завоеванiю Израиля не сыскали, какъ только сей: оружiе имъ дѣлать запретили и готовое у нихъ отобрали. Такъ подобнымъ образомъ и наши внутреннiе непрiятели съ нами поступали. Вѣдали они совершенно, что наша вѣра есть крѣпкая и непобѣдимая, понеже стоитъ не на простомъ человѣкѣ, но на твердомъ краеугольномъ камени, т.-е. на Христѣ, Сынѣ Бога Живаго. И како ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у насъ оборону, оружiе и мечъ духовный, т.-е. слово Божiе, вѣру хранящее и защищающее, какъ задумали, такъ и сдѣлали. Готовыя книги во тмѣ заключили, а другiя сочинять подъ смертною казнiю запретили. Не токмо учителей, но и ученiя и книги ихъ вязали, ковали, и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ Православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было: въ тотъ часъ бѣды и гоненiя надѣйся... О коль много должны мы благодарить вашему императорскому величеству за толикiе труды и подвиги, которые какъ въ очищенiи вѣры и святыхъ почитанiи, такъ и въ освобожденiи своего вселюбезнѣйшаго отечества подъять соизволила!"

Послѣ посѣщенiя соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, императрица опять сѣла въ парадную карету и тѣмъ же порядкомъ отправилась къ Зимнему своему дому, что на Яузѣ. Когда подъѣхала къ трiумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, то встрѣтили ее сорокъ воспитаниковъ Славяно-Греко-Латинской академiи въ бѣломъ платьи, съ вѣнцами на головахъ, съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, и пропѣли кантату, изъ которой мы выпишемъ нѣсколько стиховъ, вторившихъ словамъ церковныхъ проповѣдниковъ:

Приспѣ день красный,
Возсiяло ведро,
Милость Россiи
Небеса прещедро
Давно желанну
Зрѣти показали;
Прочь всѣ печали!
Не одно, ни два,
Но многая лѣта
Все дождь проливалъ
И не было свѣта.
Когда Богъ велѣлъ
Вѣтромъ умолчати,—
Тишина стала,
Кто могъ противъ-стати? и проч. [1]).

Днемъ коронацiи было назначено 25 апрѣля. Въ коммисiю о коронацiи отпущено, сверхъ прежнихъ 30,000 рублей, еще 20,000 да на фейерверкъ 19,000; иллюминацiи велѣно быть, по прежнимъ примѣрамъ, 8 дней, на Ивановской и прочихъ колокольнахъ отъ Коллегiи Экономiи, а во дворцѣ, на Красномъ крыльцѣ и около,—изъ дворцовой канцелярiи. Архитекторъ Иванъ Бланкъ, строившiй трiумфальныя ворота, устраивалъ троны въ Успенскомъ соборѣ и Грановитой палатѣ, также иллюминацiю и фонтаны; медали вырѣзывалъ мастеръ Рейбишъ [2]).

Въ день коронацiи тотъ же Новгородскiй архiепископъ Амвросiй говорилъ императрицѣ поздравленiе, въ которомъ, между прочимъ, прославлялъ подвигъ 25 ноября: „И коежъ большее можетъ быть великодушiе какъ сiе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компанiи на очевидное здравiя своего опасенiе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти грудью противъ непрiятеля и сидящихъ въ гнѣздѣ орла Россiйскаго нощныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побороть и наслѣдiе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать и сыновъ Россiйскихъ изъ неволи высвободить и до перваго привесть благополучiя, — нѣсть ли убо сiе всему свѣту удивительно?"

По поводу коронацiи объявленъ былъ длинный листъ пожалованiй, изъ которыхъ укажемъ слѣдующiя: принцъ Гессенъ-Гомбургскiй произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы; Андреевскiй орденъ получили: генералъ-фельдмаршалъ князь Василiй Владимiровичъ Долгорукiй, генералъ Василiй Салтыковъ, оберъ-гофмаршалъ Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой, сенаторъ Александръ Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ при герцогѣ Голштинскомъ Брюммеръ. Фаворитъ Разумовскiй, бывшiй уже дѣйствительнымъ камергеромъ и лейтенантомъ Лейбъ-Компанiи, сдѣланъ оберъ-егермейстеромъ и получилъ Андреевскiй орденъ; дѣйствительные камергеры и Лейбъ Компанiи лейтенанты Воронцовъ, Александръ и Петръ Шуваловы получили орденъ Александра Невскаго. Кромѣ того, возведены въ графское достоинство родственники императрицы по матери—Гендриковы и Ефимовскiй, генералъ Григорiй Чер-

[1]) Обстоятельное описанiе торжественныхъ порядковъ священ. коронованiя императр. Елисаветы Петровны.

[2]) Журн. Сената, 31 марта, 7 апрѣля, 2 ноября, 4 декабря.

нышевъ и —забытый отецъ двоихъ сыновей, которыхъ никогда не могли забыть, Петръ Бестужевъ-Рюминъ, вслѣдствіе чего оберъ-гофмаршалъ и вице-канцлеръ становились также графами. Старый другъ и сострадальникъ этой фамиліи – Черкасовъ— былъ возведенъ въ бароны [1]). Вице-канцлеръ Алексѣй Петр. Бестужевъ еще 22 марта получилъ въ свое завѣдываніе почту — по наслѣдству отъ Остермана [2]).

Знатнѣйшіе опальные прошлыхъ царствованій были возвращены; но помнили, что были менѣе значительные, и 27 сентября былъ данъ указъ [3]): „Ея и. в.—ству извѣстно учинилось, что въ бывшія правленія нѣкоторые люди посланы въ ссылки въ разныя отдаленныя мѣста государства, и объ нихъ, когда, откуда и съ какимъ опредѣленіемъ посланы, ни въ Сенатѣ, ни въ Тайной Канцеляріи извѣстія нѣтъ, и именъ ихъ тамъ, гдѣ обрѣтаются—невѣдомо: потому ея и. в—ство изволила послать указы во все государство, дабы гдѣ есть такіе невѣдомо-содержащіеся люди, оныхъ изъ всѣхъ мѣстъ велѣть прислать туда, гдѣ ея и. в—ство обрѣтаться будетъ, и съ вѣдомостями — когда, откуда и съ какимъ указомъ присланы". Въ декабрѣ бывшій тайный кабинетъ-секретарь Эйхлеръ пожалованъ въ статскіе совѣтники и уволенъ отъ службы [4]). Тогда же князю Юрію Долгорукому отданы всѣ его деревни, другимъ не въ образецъ, „понеже онъ за ея и. в-ство страдалъ" [5]).

Послѣ коронаціи Дворъ оставался въ Москвѣ до конца года. Въ древней же столицѣ, 7 ноября, вышелъ манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола племянника императрицы, герцога Голштинскаго Петра, „яко по крови намъ ближайшаго, котораго отнынѣ великимъ княземъ съ титуломъ „его императорское высочество" именовать повелѣваемъ". При этомъ объявлено, что наслѣдникъ принялъ благочестивую вѣру Греческаго исповѣданія. Въ церквахъ поминали послѣ императрицы „наслѣдника ея, *внука Петра Перваго*, благовѣрнаго государя великаго князя Петра Ѳеодоровича" [6]).

Долгое пребываніе Двора въ Москвѣ должно было заставить обратить вниманіе правительства на не очень удовлетворительное состояніе древней столицы. Сенатъ разсуждалъ, что полиція имѣетъ весьма слабое и нерадѣтельное смотрѣніе, и что̀ ей по должности ея поручено, все то отъ нерадѣтельнаго ея смотрѣнія опущено: караулы содержатся весьма слабые и во многихъ мѣстахъ происходитъ воровство, драка, въ жильѣ стрѣляютъ изъ ружья, и чистоты въ городѣ почти никакой нѣтъ, мосты починиваются очень слабо [7]). Полицмейстерская канцелярія отвѣчала, что полиція исполняетъ свои обязанности съ крайнимъ попеченіемъ, сколько человѣческая возможность допускаетъ, но встрѣчаетъ слѣдующія препятствія: 1) Въ полицейской командѣ офицеры многіе стары и неспособны, отчего проистекаетъ нѣкоторое упущеніе и медленность. 2) Для искорененія непорядковъ велѣно полиціи имѣть двѣ роты драгунъ да роту солдатъ, а теперь драгунъ и солдатъ только по 50 человѣкъ, и такимъ малымъ числомъ по общирности здѣшняго мѣста усмотрѣть всѣхъ безпорядковъ скоро нельзя. 3) При отправленіи полицейскихъ обязанностей немалыя конфузіи происходятъ отъ гвардейскихъ полковъ и прочихъ командъ, которые у полицейскихъ отбиваютъ людей, взятыхъ подъ караулъ, и самихъ ихъ бьютъ, даже отбиваютъ арестантовъ съ съѣзжихъ дворовъ; въ квартирахъ своихъ, несмотря на запретъ, печи топятъ, срывая съ нихъ печати и запрещая печатать; съ квартиры на квартиру переходятъ сами собою, вслѣдствіе чего отъ обывателей происходятъ жалобы. Сенатъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ полиція была удовлетворена [8]).

Но въ то время, когда заботилась о безопасности жителей Москвы, вдругъ разнесся слухъ, что императрица не безопасна во дворцѣ своемъ. Слухъ подтвердился, когда 15 іюля, въ день освященія церкви въ Московской академіи, ректоръ Кириллъ Флоринскій въ проповѣди своей сдѣлалъ выходку противъ внутреннихъ враговъ Елисаветы [9]). Проповѣдь была на текстъ: „Не творите дому Отца Моего дому купленнаго"; ораторъ представилъ Россію въ видѣ храма, созданнаго Петромъ Великимъ, по смерти котораго въ этомъ храмѣ нѣкоторые завели торговлю. Торговля не прекратилась и по восшествіи на престолъ дочери Петра: „Какъ же ужасно и подумать", говорилъ ораторъ, „яко осмимѣсячію не претекшу, егда провозсія на престолѣ отчи вѣнценосица Елисаветъ, и уже на ино торжники прелагаются. Странная вѣсть: давно ли вожделѣнная,—и уже ненавидима Елисаветъ; давно ли въ сердцахъ и въ устнѣхъ сладка,- и уже горька Елисаветъ; давно ли оживотворившая насъ,—и уже опасна жизнь ей посреди дому; давно ли обрадовавшая насъ,—и уже въ слезахъ опечаляема посредѣ дому; давно ли матерь (и еще всемилостивѣйшая, яко и истинно есть),—и уже тяжка и немилосердна. О непостоянство злоковарныхъ торжниковъ!... Но аще тіи, злобою воспящаеми, о благостинѣ ея величества нѣмотствуютъ, то поне вы, прежде расточенніи и заточенніи, нынѣ же всегда бѣдствующимъ состраждующіе, матере Елисаветы милостію возвращенніи и уже мнози собранніи отъ Сибири, Иркута, Камчадала, отъ многихъ трудно и именуемыхъ странъ и отъ подземленныхъ нѣдръ мертвецы прежде – живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лука-

[1]) Обстоятельное описаніе и проч.
[2]) Журн. Сената, 22 марта.
[3]) Журн. Сената, 27 сент.
[4]) Журн. Сената, 11 дек.
[5]) Журн. Сената, 14 дек.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 8658, 8560, 8671.
[7]) Журн. Сената, 25 іюня.
[8]) Журн. Сената, 22 іюля.
[9]) Придворные проповѣдники, стр. 23.

вымъ торжникомъ государства Елисаветъ ненавидима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенное отцомъ возобновляя и васъ бѣдствовавшихъ возвращая, словомъ, вся отеческая въ первобытное состояніе приводя, не попущаетъ долѣе злодѣямъ, на домъ отеческъ и ея величества наслѣдный содѣлывають домомъ купли и вертепомъ разбойническимъ.... Что же, ваше императорское величество, долго терпите, и на торжницѣхъ государства, сіе есть чудное премудрыя экономіи вашего величества дѣло, по разуму притчи Христомъ реченныя: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како, восторгая плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу".

Дѣло состояло въ слѣдующемъ: камеръ-лакей Александръ Турчаниновъ, Преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Ивашкинъ, Измайловскаго полка сержантъ Иванъ Сновидовъ составляли заговоръ съ цѣлью захватить и умертвить Елисавету и племянника ея герцога Голштинскаго, и возвести на престолъ свергнутаго Іоанна Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ея Анна прижиты внѣ брака и потому незаконныя дочери Петра Великаго. Дѣло тянулось до декабря, когда виновныхъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь, у Турчанинова вырѣзавши языкъ и ноздри, а у двоихъ товарищей его — только ноздри [1]).

Въ декабрѣ Дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, чего съ нетерпѣніемъ ждали послы европейскихъ державъ, требовавшихъ вмѣшательства Россіи въ дѣла Запада.

Ко времени вступленія на престолъ Елисаветы ходъ европейскихъ дѣлъ уяснился вполнѣ. До сихъ поръ, по убѣжденію образованныхъ людей въ Европѣ, политическое равновѣсіе въ ней поддерживалось уравновѣшиваніемъ силъ между Австрійскимъ и Бурбонскимъ Домами, какъ самыми могущественными на континентѣ: какъ только одна сильнѣйшая держава брала явный верхъ надъ другою и такимъ образомъ нарушала равновѣсіе,—остальныя державы должны были соединиться для вспомоществованія слабѣйшей и для возстановленія равновѣсія. Теперь это нарушеніе равновѣсія было очевидно: пользуясь прекращеніемъ мужеской линіи Габсбургскаго Дома, Франція хочетъ низложить окончательно свою постоянную соперницу, Австрію, раздѣленіемъ ея владѣній, съ тѣмъ чтобы въ Германіи не было болѣе обширной, сильной и потому опасной для Франціи державы; Баварія, Саксонія уже вошли въ виды Франціи; чтобы подѣлить Австрійскія земли, Прусскій король, не имѣя родственныхъ правъ, пользуется правомъ сильнаго и спѣшитъ добыть себѣ богатый кусокъ изъ добычи, и такимъ образомъ пока дѣйствуетъ въ видахъ Франціи. Успѣхи Фридриха II показывали ясно, что наслѣдницѣ Габсбурговъ не управиться безъ постороней помощи съ врагами, грозившими ей со всѣхъ сторонъ. Кто же долженъ помочь ей? Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, когда Франція такъ-же нарушила политическое равновѣсіе, противъ нея составили союзъ, возстановившій равновѣсіе. Починъ дѣла тогда принадлежалъ морскимъ державамъ, Голландіи и Англіи, благодаря особенно дѣятельности Вильгельма Оранскаго. И теперь Англія и Голландія хлопочутъ о возстановленіи политическаго равновѣсія; но вмѣсто Вильгельма III въ Англіи бездарный Георгъ II, который только заботится о своемъ Ганноверѣ, и для его охраненія, для его нейтралитета готовъ на всякую сдѣлку. Морскія державы только толкуютъ, что политическое равновѣсіе нарушено, что необходимо помочь Маріи-Терезіи, но сдѣлать ничего не могутъ, ибо имъ непремѣнно нужно прикрѣпиться къ какой-нибудь сильной континентальной державѣ. Такой была Россія, и понятно, что теперь Петербургъ или Москва, смотря по тому, гдѣ находится императорскій Дворъ, становятся средоточіемъ европейской дипломатической дѣятельности, — ареною, гдѣ министры различныхъ европейскихъ Дворовъ борются другъ съ другомъ, кто осилитъ, кто склонитъ Русское правительство помочь Маріи-Терезіи и тѣмъ поддержать европейское равновѣсіе, или кто заставитъ его содѣйствовать окончательному нарушенію равновѣсія прямо или косвенно, посредствомъ невмѣшательства.

Кто же осилилъ?

Разумѣется, здѣсь долженъ былъ рѣшиться вопросъ: созрѣла ли Россія для своей великой роли которую указалъ ей Петръ Великій; понимаютъ ли русскіе государственные люди ея интересы въ связи съ общими интересами Европы; руководятся ли этимъ яснымъ пониманіемъ или только своими мелкими личными интересами, и Россія будетъ вступать въ войну, заключать союзы и миры, смотря по тому, какая придворная партія одержитъ верхъ или сколько денегъ русское министерство получитъ отъ того или другого Двора.

До сихъ поръ направителемъ русской политики былъ иностранецъ; слава ея успѣховъ принадлежала ему; но теперь его нѣтъ, и долженъ рѣшится вопросъ: можетъ ли Русскій человѣкъ замѣнить Остермана. Такъ какъ ходъ европейскихъ дѣлъ достаточно выяснился, то можно было уже опредѣлить, въ чемъ должна состоять политика Россіи, можетъ ли она продолжать свое невмѣшательство. Въ предшествовавшее царствованіе Шведская война освобождала Россію отъ рѣшенія этого труднаго вопроса; но теперь все показывало, что война эта должна скоро кончиться, и надобно было опредѣлить свои отношенія къ государствамъ, которыя были опаснѣе для Россіи, чѣмъ Швеція. Было ясно, что Россія, какъ членъ европейской семьи государствъ, не должна была спокойно сносить нарушенія политическаго равновѣсія въ пользу Франціи, которая была виновницею Шведской войны, отъ интригъ которой Россія никогда не могла быть по-

[1]) Выписка изъ дѣлъ Тайной Канцеляріи 1742 года въ Госудap. Архивѣ.

койна ни въ Швеціи, ни въ Турціи; согласно ли было съ русскими интересами допустить, чтобъ Австрія сошла на степень мелкихъ государствъ и Франція распоряжалась бы, какъ хотѣла, въ Германіи и чрезъ Саксонію получила вліяніе въ Польшѣ. Слѣдовательно, необходимо было поддержать Марію-Терезію и не отдавать Саксонію, а вмѣстѣ съ нею и Польшу въ руки Французовъ. Но кромѣ Франціи, средства которой скоро оказались несоотвѣтствующими ея стремленіямъ, явилась опасность ближайшая: подъ-бокомъ у Россіи Прусскій король, который своими дарованіями и энергіею превосходилъ всѣ корованныя лица Европы, обнаружилъ намѣреніе во что бы то ни стало усилить свое государство; неразборчивость средствъ дѣлали его еще болѣе опаснымъ. Со временъ Петра Великаго выгодное положеніе Россіи обезпечивалось слабостію сосѣдей — Швеціи, Польши, Турціи; слѣдовательно, прямые интересы ея требовали остановить властолюбивые замыслы Фридриха II, а для этого необходимо было поддерживать противъ него Австрію и Саксонію.

Программа Россіи, слѣдовательно, была проста и ясна; — большинство, почти всѣ главные дѣятели были согласны относительно ея; программа, какъ увидимъ, и была выполнена въ главномъ, т. е. въ поддержкѣ Австріи и Саксоніи и въ остановкѣ завоевательныхъ стремленій Пруссіи. Но программа была выполняема медленно, съ колебаніемъ, особенно въ первые годы царствованія Елисаветы. Эта медленность и колебаніе зависѣли отъ разныхъ причинъ. Переворотъ 25 ноября произвелъ новизну въ отношеніяхъ между правительственными лицами. Того давленія, какое прежде оказывали на дѣла авторитеты Миниха и Остермана и значеніе Бирона, не было болѣе. Люди, которые прежде сдерживались этими авторитетами, теперь явились свободными, самостоятельными дѣятелями, и, спѣша пользоваться своею свободою и самостоятельностію, необходимо сталкивались другъ съ другомъ. Самыми даровитыми и дѣятельными людьми, стоявшими наверху въ описываемое время, были братья Бестужевы и генералъ-прокуроръ князь Никита Трубецкой. Назначеніе Алексѣя Петровича Бестужева вице-канцлеромъ показывало ясно, что въ немъ хотятъ видѣть преемника Остерману по дѣламъ внѣшнимъ; званіе генералъ-прокурора при возстановленіи Сената въ прежнемъ его правительствующемъ значеніи давало Трубецкому самое широкое вліяніе по дѣламъ внутреннимъ. Повидимому можно было бы раздѣлиться; но люди не любятъ дѣлежа. Мы видимъ, что при Аннѣ Леопольдовнѣ Трубецкой былъ за Бестужева; но тогда онъ хотѣлъ имѣть въ немъ орудіе противъ Остермана и могъ разсчитывать, что Бестужевъ, обязанный ему и не имѣя другой подпоры, будетъ только его орудіемъ. Но со вступленіемъ на престолъ Елисаветы отношенія перемѣнились: Бестужевъ сейчасъ же началъ искать себѣ подпоры и возобновлять старыя связи съ людьми, приближенными къ новой императрицѣ, людьми, принадлежавшими къ цесаревниному Двору, съ Разумовскимъ, Лестокомъ и Воронцовымъ. Это должно было оттолкнуть отъ Бестужева Трубецкаго, который соединился теперь съ великимъ канцлеромъ, княземъ Черкасскимъ, чтобъ не давать воли Бестужеву, который въ ихъ глазахъ была выскочка, интриганъ, если хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно, а не быть покорнымъ слугою ихъ сіятельствъ. Князь Черкасскій, освободившись отъ Остермана, вдругъ захотѣлъ быть настоящимъ канцлеромъ, заправлять внѣшними дѣлами, вмѣсто того чтобъ положиться во всемъ на способнаго, опытнаго и дѣятельнаго вице канцлера. Эти претензіи неспособнаго и лѣниваго старика, раздражая Бестужева, могли только вредно дѣйствовать на дѣла. Князь Трубецкой считалъ себя въ правѣ смотрѣть вначалѣ на Бестужевыхъ какъ на перебѣжчиковъ во враждебный лагерь, измѣнниковъ русскому дѣлу за то, что позволили себѣ соединиться съ Лестокомъ. Генералъ-прокуроръ считалъ переворотъ 25 ноября неполнымъ, пока иностранцы еще занимали важныя мѣста въ войскѣ и были въ приближеніи у государыни. Онъ вооружился противъ фельдмаршала Леси, который, по его словамъ, отъ старости не знаетъ что дѣлаетъ; говорилъ, что генерала Левендаля надобно отдать подъ судъ за его дѣйствія во время Шведской войны; но больше всего онъ былъ враждебенъ Лестоку, который, по своему приближенію, имѣлъ большое вліяніе на дѣла; вражда разгорѣлась до такой степени, что Трубецкой и Лестокъ жаловались другъ на друга императрицѣ и публично объявляли себя заклятыми врагами. Разумѣется, враги Трубецкаго не щадили его: говорили, что генералъ-прокуроръ заправляетъ самовольно внутренними дѣлами, и поступки его представляютъ рядъ насилій и несправедливостей. Низложивъ всѣхъ, кто стоитъ ему на дорогѣ, особенно Нѣмцевъ, онъ хочетъ ограничить верховную власть и устроить престолонаслѣдіе по своей волѣ. Быть можетъ, нерасположеніе его къ нѣмецкому дворику герцога Голштинскаго подавало поводъ къ послѣднему заключенію; Трубецкаго упрекали въ томъ, что онъ не угождаетъ никому, кромѣ духовенства и гвардіи [1]).

Елисавета, будучи отъ природы умна и наблюдательна, не могла не замѣтить очень скоро борьбы между своими вельможами; она отнеслась къ ней спокойно; будучи одинаково хорошо расположена ко всѣмъ нимъ, считая ихъ всѣхъ нужными для своей службы, она не хотѣла жертвовать однимъ для другого. Эти люди, стремившіеся овладѣть ея довѣріемъ, ея волею, какъ обыкновенно бываетъ, не понимали, сколько гарантіи для нихъ заключается въ этомъ спокойствіи, въ этой ревности императрицы относительно ихъ; они обыкновенно упрекали ее въ непостоянствѣ, въ томъ, что, выслушавъ нынче мнѣніе одного и повидимому согла-

---

[1]) Пецольдъ, 424, 446.

сившись съ нимъ, завтра, выслушавъ другого, она перемѣняетъ прежнее мнѣніе; упрекали ее въ скрытности и хитрости. Не имѣя блестящихъ способностей, образованія, приготовленія, опытности и привычки къ дѣламъ правительственнымъ, Елисавета, разумѣется, не могла имѣть самостоятельныхъ мнѣній и взглядовъ, исключая тѣхъ случаевъ, гдѣ она руководилась чувствомъ. Выслушивая одно мнѣніе, она принимала его, и, по живости характера, не могла удержаться отъ выраженія своего одобренія; не торопясь рѣшать дѣло по первому впечатлѣнію, она выслушивала другое мнѣніе и останавливалась на новой сторонѣ дѣла; приведенная въ затрудненіе, сравнивая и соображая, она естественно медлила, и тѣмъ приводила въ раздраженіе людей, желавшихъ, чтобъ ихъ мысль была приведена какъ можно скорѣе въ исполненіе. Они кричали, что императрица не занимается государственными дѣлами, отдаетъ все свое время удовольствіямъ. Мы не станемъ отрицать, чтобъ въ этихъ жалобахъ не было значительной доли правды. Елисавета могла быть и лѣнива, и предана удовольствіямъ; мы замѣтимъ только, что указанія на эти недостатки идутъ отъ людей, находившихся въ раздраженномъ состояніи, страстно желавшихъ спѣшить; мы замѣтимъ только, что были и другія причины медленности, укажемъ на трудность рѣшенія дѣлъ при разнорѣчіи мнѣній, при спокойномъ, ровномъ отношеніи къ людямъ, высказывавшимъ разнорѣчивыя мнѣнія.

Относительно внѣшнихъ дѣлъ политика, единственно возможная при тогдашнемъ положеніи Европы, единственно сообразная съ интересами Россіи, единственно національная, т.-е. сохраненіе политическаго равновѣсія, недопущеніе съ одной стороны Франціи, а съ другой—Пруссіи усилиться насчетъ Австрія и Саксоніи,—эта политика вначалѣ встрѣтила противодѣйствіе въ личныхъ отношеніяхъ Елисаветы къ тѣмъ или другимъ Дворамъ, въ ея симпатіяхъ и антипатіяхъ къ Дворамъ и представителямъ ихъ въ Россіи. Мы видѣли, что европейскія державы, раздѣлившись на двѣ группы—противниковъ и защитниковъ Австрійскаго Дома, должны были посредствомъ своихъ представителей бороться при Петербургскомъ Дворѣ за союзъ или, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ Россіи. Такъ какъ сочувствіе Брауншвейгской фамиліи было на сторонѣ Австріи, то, разумѣется, особеннымъ расположеніемъ правительства пользовались представители державъ, защищавшихъ Марію-Терезію. Представители этихъ державъ, съ своей стороны, должны были желать добра Брауншвейгской фамиліи именно за ея сочувствіе къ Австріи и непріязненно относиться ко всему ей враждебному, слѣдовательно и къ цесаревнѣ Елисаветѣ, на торжество которой они должны были смотрѣть какъ на торжество Франціи и Пруссіи. Англійскій посланникъ Финчъ сообщилъ Остерману о движеніяхъ Елисаветы; посланникъ Маріи-Терезіи, Ботта, имѣлъ самыя сильныя побужденія быть на сторонѣ Брауншвейгской фамиліи и враждебно относиться къ Елисаветѣ; со стороны Саксоніи, представляемой Линаромъ, Елисавета не могла ждать для себя ничего хорошаго, слѣдовательно и сама не могла быть расположена къ ней; прусскій посланникъ Мардефельдъ ведетъ себя осторожно, несближается съ Елисаветой; но по сверженіи Миниха у Пруссіи съ Русскимъ правительствомъ небольшіе лады, слѣдовательно Фридриху II было легко пріобрѣсть расположеніе Елисаветы; самымъ сильнымъ расположеніемъ новой императрицы должна была, разумѣется, пользоваться Франція и ея представитель Шетарди. Такимъ образомъ людямъ, которые были убѣждены, что внѣшнія отношенія Россіи нисколько не должны были измѣниться съ переворотомъ 25 ноября, людямъ, которые были настолько честны, что хотѣли слѣдовать національно-русской политикѣ, несмотря на то, что ее поддерживалъ ненавистный имъ Остерманъ,—этимъ людямъ прежде всего надобно было выдержать борьбу съ симпатіями и антипатіями императрицы.

Шетарди, который такъ хлопоталъ о возведеніи на престолъ Елисаветы, былъ очень непріятно пораженъ, когда узналъ о переворотѣ 25 ноября, потому что этотъ переворотъ былъ произведенъ безъ его вѣдома гораздо раньше, чѣмъ онъ разсчитывалъ, и одними русскими средствами, безо всякой помощи Шведовъ, что ставило Францію и ея посланника въ Петербургѣ въ крайне затруднительное положеніе.

Въ первые дни по вступленіи на престолъ Елисаветы, французскаго посланника, о преданности котораго новой императрицѣ теперь всѣ знали, окружалъ необыкновенный почетъ. Финчъ писалъ своему Двору, что если первый поклонъ императрицѣ, то второй Шетарди. Быть можетъ какой-нибудь Бестужевъ и понималъ, что торжество не будетъ продолжительно и, въ предвидѣніи страшныхъ затрудненій для Шетарди, не желалъ быть на его мѣстѣ; но толпа смотрѣла иначе. Гвардейцы, разнуздавшіеся отъ милостей императрицы и позволявшіе себѣ безцеремонное обращеніе, считали Шетарди своимъ товарищемъ въ дѣлѣ, ими совершенномъ. Очевидецъ разсказываетъ, какъ однажды двое изъ нихъ пришли къ французскому посланнику поздравить его съ Новымъ Годомъ, бросились цѣловать его, цѣловали ему руки, говорили, что считаютъ его за отца родного, а короля его за самаго надежнаго друга Россіи; просили его уговорить государыню поскорѣе ѣхать въ Москву и вызвать герцога Голштинскаго; просили, чтобъ поскорѣе пріѣзжала въ Россію Французская принцесса, которую надобно привести въ Русскую вѣру и выдать замужъ за герцога, а что герцогъ будетъ наслѣдникомъ престола, за это они ручаются. Шетарди напоилъ ихъ виномъ, далъ имъ денегъ [1]).

Первый и самый важный вопросъ, представившійся новому правительству, былъ вопросъ о Швед-

[1]) Пецольдъ, 397.

ской войнѣ. Шведы объявили, что они начали войну для возстановленія правъ потомства Петра Великаго; теперь эти права были возстановлены, слѣдовательно причины къ войнѣ не было болѣе; такъ какъ Шведы, потерпѣвши неудачу въ самомъ началѣ войны, не оказали новому Русскому правительству никакой помощи въ переворотѣ 25 ноября, то на Елисаветѣ не лежало никакой обязанности въ отношенін къ Швеціи. Если Франція хотѣла упрочить свое вліяніе въ Россіи, то она могла это сдѣлать не иначе, какъ поступивши съ Швеціею такъ же безцеремонно, какъ поступила съ нею Англія передъ Ништадтскимъ миромъ, т.-е. показать, что Швеція служила только орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей; Франція должна была представить Швеціи, что, потерпѣвши неудачу и не помогши Елисаветѣ при вступленіи ея на престолъ, она должна воспользоваться этимъ воцареніемъ Елисаветы, чтобъ съ благовидностію окончить войну, которую продолжать съ успѣхомъ не въ состояніи. Вмѣсто того, Франція хотѣла непремѣнно, чтобъ Швеція получила отъ Россіи какое-нибудь вознагражденіе; но этимъ могла только раздражить Россію, заставляя ее ни за что дѣлать уступки, произвести охлажденіе въ Елисаветѣ, касаясь такъ неделикатно самаго чувствительнаго для нея вопроса, а Швецію могла только ввести въ новую бѣду, и, вмѣсто пріобрѣтенія, заставить ее только потерять земли.

Первымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ новой императрицы было обратиться къ Шетарди, чтобъ онъ помогъ прекратить войну, какъ не имѣющую болѣе смысла. Шетарди далъ знать Левенгаупту, бывшему съ войскомъ на дорогѣ къ Выборгу, о вступленіи на престолъ Елисаветы, чѣмъ война должна прекратиться. Но Левенгауптъ отвѣчалъ, что не будетъ причиною кровопролитія, если его удостовѣрятъ, что Швеція получитъ выгодный миръ. Шетарди опять написалъ ему, что удовлетвореніе относительно выгоднаго мира заключается въ природной правотѣ и искренности Русской государыни, и бралъ на себя отвѣтственность за прекращеніе военныхъ дѣйствій. Шетарди объяснялъ свой поступокъ увѣренностію, что Швеція не можетъ съ успѣхомъ вести войну. Россія, по его мнѣнію, была не та, какою была недѣлю тому назадъ. Ея силы удвоились отъ переворота; конфискованныя имѣнія арестованныхъ лицъ дадутъ средства продолжать войну безъ отягощенія народа. Народъ, одушевленный любовью къ родинѣ, будетъ вести войну съ ожесточеніемъ; Шведы изгладятъ память о своей услугѣ, оказанной извѣстнымъ манифестомъ, и увѣковѣчатъ въ Русскихъ ненависть къ себѣ; какъ ни храбро шведское войско, Левенгауптъ не приведетъ назадъ въ Швецію ни одного человѣка. Кромѣ того, онъ получилъ свѣдѣнія о жалкомъ состояніи шведскаго войска, и потому считалъ себя въ правѣ изумиться, что Левенгауптъ хочетъ заключить миръ не иначе, какъ если Россія уступитъ Швеціи всѣ завоеванія Петра Великаго. Какъ бы то ни было, Левенгауптъ возвратился къ Фридрихсгаму, хотя сначала грозилъ продолжать походъ, если ему не отдадутъ предварительно Выборга и Кексгольма [1]).

Между тѣмъ, освобожденный изъ плѣна шведскій капитанъ Дидронъ былъ отправленъ къ Шведскому королю съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Елисаветы. Отъ 30 декабря графъ Левенгауптъ прислалъ Шетарди письмо: „Король, мой государь, узнавъ чрезъ капитана Дидрона о восшествіи на престолъ принцессы Елисаветы (madame la princesse), приказалъ мнѣ немедленно засвидѣтельствовать всю ту радость, которую причинила ему такая пріятная и желанная вѣсть. Въ исполненіе этого, прошу ваше превосходительство взять на себя увѣреніе въ уваженіи и преданности, которыя его величество питаетъ къ этой великой государынѣ, и въ удовольствіи, которое онъ ощущаетъ, видя ее на престолѣ, принадлежащемъ ей по рожденію и заслуженномъ высокими ея качествами. Король вполнѣ убѣжденъ, что эта государыня отвѣтитъ на его чувства своимъ расположеніемъ къ тѣмъ средствамъ, которыя бы могли дружбу государей сдѣлать согласною съ интересомъ и безопасностію обоихъ государствъ. Король очень чувствителенъ къ милости, оказанной ея величествомъ капитану Дидрону; онъ жаждетъ случая засвидѣтельствовать свою совершенную благодарность, а на первый разъ приказалъ мнѣ освободить русскихъ плѣнниковъ, находящихся въ Фридрихсгамѣ“. Взаключеніе письма Левенгауптъ просилъ Шетарди сообщить Русской государынѣ именемъ королевскимъ о кончинѣ королевы Ульрики-Элеоноры. Отъ Русскаго Двора Шетарди вручена была нота съ обозначеніемъ, въ какомъ смыслѣ онъ долженъ былъ отвѣчать на письмо Левенгаупта; поступокъ императрицы съ капитаномъ Дидрономъ можетъ убѣдить короля въ усердіи, съ какимъ ея величество ищетъ случаевъ засвидѣтельствовать ему свое совершенное уваженіе, и пользуется настоящимъ случаемъ для повторенія его величеству искреннихъ увѣреній, что она ничего такъ не желаетъ, какъ вполнѣ соотвѣтствовать добрымъ намѣреніямъ и расположеніямъ, высказаннымъ въ письмѣ графа Левенгаупта.

Обмѣняться учтивыми выраженіями было легко; но приступить къ дѣлу примиренія было очень трудно. Какъ чувствовала эту трудность виновница войны, Франція,—видно изъ письма Амелота къ графу Кастеллану, посланнику въ Константинополѣ, отъ 12 января 1742 года: „Теперь еще рано начертать планъ нашихъ дѣйствій относительно Россіи. Восшествіе на престолъ принцессы Елисаветы намъ выгодно въ настоящую минуту потому, что Нѣмецкое правительство было совершенно предано Вѣнскому Двору; и новая царица обнаруживаетъ расположеніе къ Франціи и требуетъ ея посредничества для окончанія Шведской

[1]) Шетарди, 440 и слѣд.

войны. Но до сихъ поръ все это только одни слова, и его величество король какъ прежде, какъ и теперь желаетъ чести и безопасности Шведовъ. Они не могутъ заключить мира, не приведя, по меньшей мѣрѣ, въ безопасность своихъ границъ, и я предвижу, что Россія можетъ согласиться на это только изъ страха предъ союзами, могущими образоваться противъ нея. Поэтому вы должны поддерживать расположеніе, которое Порта начала оказывать въ пользу Швеціи“ [1]).

Согласно съ этимъ, Шетарди получилъ сильный выговоръ въ письмѣ отъ Амелота: „Я былъ очень изумленъ, что на другой день послѣ переворота вы рѣшились писать къ гр. Левенгаупту о прекращеніи военныхъ дѣйствій.—Еще болѣе изумило меня то, что вы хотѣли взять на свою отвѣтственность всѣ послѣдствія этого. Я не могу примирить такого образа дѣйствій съ знаніемъ намѣреній короля, какое вы имѣете, и съ вашими собственными извѣстіями о худомъ состояніи московской арміи, которая нуждалась въ необходимомъ и которая, по вашему мнѣнію, неизбѣжно потерпитъ пораженіе при первой встрѣчѣ со Шведами. Ваши письма были наполнены извѣстіями о слабости Русскаго правительства, которое до сихъ поръ внушало почтеніе иностранцамъ только наружнымъ блескомъ, скрывавшимъ внутреннія язвы. Какимъ образомъ могло случиться, что въ 24 часа измѣнилось все, и Русскіе сдѣлались столь страшными, что Шведы могутъ найти себѣ спасеніе только въ добротѣ царицы, которая можетъ ихъ уничтожить? Король думаетъ совсѣмъ иначе и болѣе правдоподобно, что поспѣшность, съ какою воспользовалась царица вашимъ значеніемъ, чтобъ остановить гр. Левенгаупта, скорѣе проистекала отъ опасенія, внушеннаго слухами о походѣ этого генерала, чѣмъ изъ желанія угодить королю и быть осторожною съ народомъ, дружественнымъ съ Франціею. Вы были введены въ заблужденіе извѣстіями о дурномъ положеніи Шведской арміи, извѣстіями страшно преувеличенными и даже ложными въ существенномъ. Но предположимъ, что извѣстія были справедливы, и въ такомъ случаѣ вы никогда не должны были останавливать гр. Левенгаупта, когда царица отказалась дать просимыя имъ обезпеченія. Пусть бы лучше шведская армія была разбита на-голову. Ошибка генерала не падала бы на министерство, которое не имѣло времени взять назадъ данныхъ имъ приказаній. И тогда миръ былъ бы заключенъ такъ же выгодно, какъ вы заставляете надѣяться теперь, потому что не позволяете даже догадываться о желаніи царицы что-нибудь уступить, а Швеція не могла бы ни въ чемъ насъ упрекать. Когда же, напротивъ, Левенгауптъ одержалъ бы верхъ, то царица сочла бы себя счастливою, если бы королю угодно было доставить ей миръ. Не скрываю отъ васъ, что вся Шведская нація раздражена до крайности и не сомнѣвается, что король хотѣлъ пожертвовать ею. Я посылаю сегодня курьера въ Стокгольмъ, чтобы стараться успокоить тамъ умы и дать знать, какъ это и есть въ дѣйствительности, что перемѣна государя въ Россіи нисколько не измѣняетъ чувствъ короля къ Швеціи, ни видовъ Франціи. И точно, если король всегда желалъ переворота въ Россіи, только какъ средства облегчить Шведамъ исполненіе ихъ намѣреній, и если этотъ переворотъ произвелъ противное дѣйствіе, то надобно жалѣть о трудахъ, предпринятыхъ для его ускоренія. Честь короля обязываетъ поддерживать Шведовъ и доставить имъ по крайней мѣрѣ часть обезпеченій и преимуществъ, на которыя они надѣялись; его величество не долженъ допускать, чтобъ они терпѣли отъ послѣдствій вашего слова.... Если война продолжится, то Шведы не останутся безъ союзниковъ... Важно, чтобъ заключеніе мира между Россіею и Швеціею было въ нашихъ рукахъ. Пусть царица остается въ увѣренности насчетъ благонамѣренности короля; однако не нужно, чтобъ она слишкомъ обольщала себя надеждою на выгодность мирныхъ условій“ [2]).

Вслѣдствіе такихъ взглядовъ на дѣло въ Версали, Шетарди долженъ былъ, по присланной ему инструкціи, объявить въ Петербургѣ слѣдующее: „Швеція принялась за оружіе какъ для полученія удовлетворенія въ обидахъ, нанесенныхъ ей прежнимъ Нѣмецкимъ правительствомъ Россіи, такъ и изъ желанія возвратить себѣ прежнія свои провинціи. Обязательства, въ которыя король Французскій вошелъ относительно Швеціи, не могутъ быть условны, и такъ какъ король хлопоталъ за государыню, нынѣ царствующую въ Россіи, именно помогая Швеціи, то ея величество не можетъ сердиться на него за то, что онъ нашелся въ необходимости служить шведскимъ интересамъ. Шведы надѣются получить отъ благодарности ея величества то, что прежде они думали получить только силою оружія. Надежда графа Левенгаупта основана не на химерахъ, доказательствомъ чему послужитъ кампанія будущей весны, если, по несчастію, война продолжится. Левенгауптъ, на основаніи словъ Шетарди, удержалъ походъ свой, вслѣдствіе чего на Францію возлагается отвѣтственность за слово, данное ея посланникомъ. Король Французскій находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, по личной склонности, онъ желаетъ быть полезнымъ ея величеству, содѣйствовать ея славѣ и благополучію ея царствованія, а съ другой стороны—онъ связанъ съ Швеціею, самою старинною союзницею Франціи, и если покинетъ ее, то измѣнитъ самымъ формальнымъ своимъ обязательствамъ. Кажется, Швеція никогда не согласится на безвыгодный для себя миръ. Король Французскій можетъ умѣрить шведскія претензіи; но, какъ онъ надѣется также, ея величество пойметъ,

[1]) Дѣла Шведскія 1741 и 1742 годовъ.

[2]) Шетарди, 481 и слѣд.

что надобно чѣмъ-нибудь пожертвовать, если хотятъ привести дѣло къ скорому примиренію“ [1]).

11 января Шетарди прочелъ это самой императрицѣ въ присутствіи Лестока, переводившаго порусски тѣ мѣста, которыхъ она не понимала. Елисавета отвѣчала, что она употребила бы всѣ средства, указанныя ей Французскимъ королемъ, для выраженія своей благодарности Шведамъ, если бы только дѣло не касалось уступокъ, противныхъ ея славѣ и чести; пусть самъ король будетъ судьею: что скажетъ народъ, увидя, что иностранная принцесса, мало заботившаяся о пользахъ Россіи и ставшая случайно правительницей, предпочла однако войну стыду уступить что нибудь, а дочь Петра I, для прекращенія той же самой войны, соглашается на условія, противорѣчащія столько же благу Россіи, сколько благу ея отца и всему, что было куплено цѣною крови ея подданныхъ для окончанія ея трудовъ.—Шетарди долженъ былъ повторять, что Французскій король поднялъ Шведовъ для доставленія престола ей, Елисаветѣ, и она должна помочь королю выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какое онъ попалъ изъ-за нея. Елисавета отвѣчала, что король поступилъ бы точно такъ-же, какъ она, т. е. ни за что не согласился бы нарушить уваженіе къ памяти отца.

Изъ Версали Шетарди, между прочимъ, было внушено, чтобы онъ не раздражалъ русскихъ министровъ, производя переговоры непосредственно съ самою императрицею, и потому Шетарди просилъ позволенія у Елисаветы прочесть то же заявленіе и вице-канцлеру Бестужеву. Въ это время Шетарди считалъ Бестужева наравнѣ съ Лестокомъ, человѣкомъ способнымъ дѣйствовать въ интересахъ Франціи, по враждебности отношеній его къ великому канцлеру, князю Черкасскому, котораго взглядъ на европейскія дѣла уже высказался рѣшительно, именно въ пользу Австріи, тогда какъ Бестужевъ еще не высказывался противъ Франціи, вѣроятно имѣя въ виду воспользоваться ея услугами въ Шведскомъ дѣлѣ. На этомъ основаніи, Шетарди еще прежде хотѣлъ выдвинуть Бестужева и отстранить враждебнаго Черкасскаго; онъ представилъ императрицѣ, что иностранные министры затрудняются имѣть сношенія съ кн. Черкасскимъ, который не знаетъ ни одного иностраннаго языка, и желаютъ избранія министра, къ которому бы они могли непосредственно обращаться. „Еще не время“, отвѣчала Елисавета: „впрочемъ, что вамъ за нужда? Вы будете вести переговоры прямо со мною, а другіе иностранные министры пусть дѣлаютъ какъ знаютъ“. Бестужевъ выжидалъ, какъ поведетъ себя Франція въ Шведскомъ дѣлѣ; прямо давалъ знать Шетарди, что находится въ затруднительномъ положеніи отъ неизвѣстности насчетъ этого, отъ неизвѣстности, будетъ ли война или миръ съ Швеціею, тогда какъ представители Австріи и Англіи, Ботта и Финчъ, не даютъ ему покоя, склоняя на свою сторону. Шетарди предложилъ ему ежегодную пенсію въ 15,000 ливровъ за то, что король очень доволенъ его намѣреніями въ пользу Франціи; Бестужевъ отказался, объявивъ, что еще ничего не сдѣлалъ, чтобъ имѣть право на благосклоность королевскую; что онъ безо всякаго вознагражденія готовъ служить интересамъ короля, во сколько они согласуются съ выгодами его государыни Лестокъ, пришлецъ, не могшій питать сильнаго сочувствія къ Россіи, имѣвшій очень смутное понятіе о ея интересахъ,—Лестокъ не дожидался, окажутся ли интересы Франціи тождественны съ интересами Россіи, и принялъ пенсію, обѣщаясь заслужить ее.

Заявленіе, прочитанное Шетарди Бестужеву, вывело вице-канцлера изъ нерѣшительнаго положенія, показавъ, что отъ Франціи нечего ждать добра для Россіи. Онъ прямо объявилъ Шетарди, что нельзя начинать никакихъ переговоровъ иначе, какъ на основаніи Ништадтскаго мира, и онъ заслуживалъ бы смертную казнь, если бы сталъ совѣтовать уступить хотя бы одинъ вершокъ земли. „Надобно вести войну“! сказалъ Бестужевъ: „вотъ чего каждый изъ насъ долженъ требовать для славы государыни и народа. Мы будемъ вести войну; однако думаю, что, не прибѣгая къ такой крайности, мы можемъ доставить обезпеченіе Швеціи и даже быть ей полезными въ ея видахъ. Не намъ однимъ она уступала земли, и не выгоднѣе ли будетъ для нея возвратить уступленное другимъ“?—„Не намекаете ли вы на Бременъ и Верденъ, не хотите ли ихъ возвратить Шведамъ“?—сказалъ смѣясь Шетарди —„Можно всегда сговориться“, отвѣчалъ Бестужевъ; „мы искренне желаемъ Швеціи добра, желаемъ пріобрѣсти ея дружбу. Если Французскій король водворитъ спокойствіе на Сѣверѣ, войдетъ съ нами въ тѣсный союзъ, заведетъ прямую торговлю и упрочитъ все это кровными связями, то, располагая Россіею и Швеціею, онъ будетъ въ состояніи дать европейскимъ дѣламъ какое ему угодно направленіе. Помогите искреннимъ намѣреніямъ, и не будемъ упускать минутъ, чтобъ прекратить напряженное положеніе; напишите скорѣе королю то, что внушаетъ мнѣ усердіе къ его службѣ“.

Вслѣдствіе заявленія Шетарди, созвана была конференція изъ троихъ извѣстныхъ намъ членовъ совѣта по внѣшнимъ дѣламъ; приглашены были также генералъ-прокуроръ и фельдмаршалъ Леси; императрица сама присутствовала [2]); рѣшеніе было единогласное, что никакая земельная уступка невозможна, и Шетарди получилъ отвѣтъ: обиды, причиненныя Россіею, не извѣстны, а дѣйствія Россіи въ пользу Швеціи довольно явны; намѣреніе Швеціи отобрать свои прежнія провинціи крайне несправедливо, противно Ништадтскому миру и союзу 1735 года, отъ которыхъ Россія отступить никогда не можетъ. Какъ бы надежда графа

[1]) Дѣла Шведскія, 1742 г.

[2]) Шетарди, 509 и слѣд.

Левенгаупта ни была основательна, однако если война продолжится, то и мы должны будемъ поступать по правиламъ и обычаямъ воинскимъ. Какое право Швеція имѣетъ требовать исполненія обѣщаній отъ Франціи,—оставляемъ этотъ вопросъ, какъ намъ не принадлежащій, на рѣшеніе этихъ обѣихъ державъ. Швеція можетъ не соглашаться на безвыгодный миръ, а Россія не согласится ни на малѣйшее нарушеніе Ништадтскаго мира [1]).

Соотвѣтственно этому объявленію, рѣшено было возобновить и продолжать войну со всевозможною энергіею. Въ началѣ марта военныя дѣйствія возобновились. Въ шведскомъ войскѣ страшно переполошилось. Въ Финляндія явился манифестъ императрицы Елисаветы [2]), въ которомъ жители страны приглашались не принимать участія въ несправедливой войнѣ, и въ случаѣ, если бы они захотѣли отдѣлиться отъ Швеціи и составить независимое государство, то императрица обѣщала свое содѣйствіе; въ манифестѣ говорилось, что и сама Швеція не можетъ найти ничего дурного въ этомъ отдѣленіи, ибо, имѣя между собою и Россіею независимое государство, избавится отъ всякихъ безпокойствъ и опасеній. Рѣшительность Россіи заставила Францію понизить тонъ.

19 марта Шетарди спросилъ князя Черкасскаго, не можетъ ли онъ уполномочить его донести своему государю, что ея величество обѣщаетъ, какъ и прежде, будучи цесаревною, обѣщала, пріискать Швеціи такія выгоды, которыя бы не нарушили Ништадтскаго договора, принимая въ разсужденіе, сколько эта предпринятая Шведами война содѣйствовала ея величеству въ полученіи родительскаго престола. Канцлеръ отвѣчалъ, что, не зная о такомъ обѣщаніи, онъ не можетъ ничего ему на то сказать, а донесетъ императрицѣ; только можетъ его увѣрить, что твердое намѣреніе ея величества состоитъ въ томъ, чтобъ ни пяди земли не отдавать. Если Шведы хотятъ заставить вѣрить, будто они начали войну въ пользу ея величества, когда она была цесаревною, то безъ явнаго для себя стыда объявить этого не могутъ, ибо всѣмъ извѣстно, что Швеція еще при императрицѣ Аннѣ готовилась къ войнѣ противъ Россіи, рѣшеніе было принято, и дѣйствительно въ 1739 году войска были перевезены въ Финляндію. Шетарди имѣлъ безстыдство отвѣчать: „Могу обнадежить подлинно, что когда уже Шведы войну объявили, то отстали отъ перваго своего намѣренія возвратить хотя сколько-нибудь изъ прежде у нихъ завоеваннаго, и другого ничего не имѣли въ виду, какъ только содѣйствовать вступленію на престолъ ея величества; я могу это доказать всѣмъ тѣмъ, что тогда въ высочайшемъ секретѣ происходило, такъ-же и какія обѣщанія ея величество изволила давать еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ“ [3]).

[1]) Дѣла Шведскія 1742 года.
[2]) Manifest an das Herzogthum Finland. Есть въ Импер. Публич. Библіот.
[3]) Дѣла Шведскія 1742 года.

Дворъ переѣхалъ въ Москву для коронаціи; Шетарди также отправился туда; въ Москву же пріѣхалъ для ускоренія мирныхъ переговоровъ бывшій уже при Русскомъ Дворѣ шведскимъ посланникомъ Нолькенъ, и помѣстился въ домѣ Шетарди. 2 мая Нолькенъ былъ приглашенъ на конференцію въ домъ великаго канцлера, гдѣ, кромѣ князя Черкасскаго, присутствовали генералъ Румянцевъ и оберъ-маршалъ Михайла Петровичъ Бестужевъ, братъ котораго, вице-канцлеръ, не былъ по болѣзни. На слова князя Черкасскаго къ Нолькену, что присутствовавшіе готовы выслушать его предложенія, тотъ отвѣчалъ, что онъ можетъ вести переговоры о мирѣ, но такъ какъ французское посредничество принято ея величествомъ, то онъ, Нолькенъ, безъ присутствія Шетарди ни въ какія изъясненія вступить не можетъ. Нолькену возразили, что императрица никогда не требовала и не просила французскаго посредничества, но только добрыхъ услугъ, и если онъ, Нолькенъ, уполномоченъ вести переговоры, то ничье посредничество не нужно. „Добрыя услуги и посредничество одно и то же“, сказалъ Нолькенъ, „и мнѣ прискорбно встрѣтить затрудненія по этому предмету; я присланъ съ тѣмъ, чтобъ вести дѣло въ присутствіи и при посредствѣ Шетарди, что могу засвидѣтельствовать своею инструкціею; поэтому, не теряя времени, послать бы за Шетарди, чтобъ намъ можно было вмѣстѣ приступить къ доброму дѣлу, а безъ Шетарди мнѣ говорить нельзя“.—„Посредничество и добрыя услуги далеко не одно и то же“, отвѣчалъ Черкасскій, „и вамъ, какъ бывшему посланнику, это должно быть очень хорошо извѣстно. Добрыя услуги Шетарди долженъ оказывать вамъ особо, а не въ присутствіи вашемъ, и только въ случаѣ какихъ-нибудь столкновеній между обѣими сторонами можетъ дѣлать свои представленія какъ Русскому, такъ и Шведскому Двору. Кромѣ того, французское посредничество не можетъ быть принято и потому, что, какъ всему свѣту извѣстно, Франція и Швеція находятся въ тѣсномъ союзѣ, и объявлено, что Франція не оставитъ Швеціи въ настоящемъ затруднительномъ случаѣ; понятно, слѣдовательно, что такое посредничество невозможно. Впрочемъ, и самой Швеціи честнѣе, когда она сама о своихъ дѣлахъ будетъ вести переговоры и приведетъ ихъ къ концу“.—„Все это такъ“, отвѣчалъ Нолькенъ, „но у меня руки связаны, и потому прошу подать мнѣ помощь, именно формальнымъ отстраненіемъ французскаго посредничества“. Ему отвѣчали, что Шетарди нечего требовать: Россія не приглашала Францію къ посредничеству, а просила только добрыхъ услугъ.

5 мая происходила вторая конференція, на которой Нолькенъ продиктовалъ для донесенія императрицѣ слѣдующее: „Рѣшеніе вопроса о французскомъ посредничествѣ тѣсно связано съ принципомъ, который долженъ служить основаніемъ переговоровъ. Этотъ принципъ есть не иное что,

какъ намѣренія и виды Швеціи, объясненные въ манифестѣ, изданномъ подъ именемъ генерала графа Левенгаупта. Въ этихъ-то самыхъ видахъ и намѣреніяхъ Франція согласилась съ Швеціею. Небо ихъ благословило, возложивши корону на главу ея Всероссійскаго величества, къ великому удовольствію означенныхъ союзныхъ державъ и всего Русскаго народа. Уповается, что ея величество не захочетъ отвергнуть правду этого принципа. Со времени ея благополучнаго восшествія на престолъ намѣренія Швеціи и Франціи оставались одни и тѣ же, слѣдовательно остается только облечь дѣло въ формальность договора. Взявши такое основаніе, нельзя придумать здравой причины, почему бы можно было продлить затрудненіе насчетъ французскаго посредничества, тѣмъ болѣе что съ восшествія на престолъ ея величества мирныя заявленія съ обѣихъ сторонъ передавались посредствомъ французскаго посланника". Конференцъ-министры отвѣчали, что такія несправедливыя замѣчанія вмѣсто ускоренія мира отдаляютъ его; они не смѣютъ всего того и донести ея величеству, ибо на какомъ основаніи онъ упоминаетъ о манифестѣ графа Левенгаупта и даетъ, хотя скрытно, понять, будто ея величество получила родительскій престолъ, благодаря Шведамъ и Французамъ, чего никто въ Россійской имперіи не признаетъ. Нолькенъ отвѣчалъ: „Прошу доложить дѣло на рѣшеніе императрицѣ; впрочемъ, смѣло говорю, что король, государь мой, и весь народъ Шведскій начали эту войну не противъ ея величества, что доказывается тою радостію, какую весь Шведскій народъ почувствовалъ, услышавъ о восшествіи ея величества на престолъ; каждый думалъ, что война уже прекращена, и я ѣхалъ сюда вести переговоры съ пріятелями, а не съ врагами. Смѣло говорю, что причины и цѣли войны тѣ самыя, которыя истолкованы въ манифестѣ графа Левенгаупта. Я не говорю, чтобъ Шведы ея величество на престолъ посадили, но нельзя же отрицать, чтобъ они этого не желали;—и такъ какъ Франція для того же съ ними согласилась, то необходимость ея посредничества въ настоящемъ мирномъ дѣлѣ осязательна". На это министры отвѣчали, что напрасно онъ ссылается на такой постыдный манифестъ: ни одного человѣка въ Россіи, тѣмъ менѣе ихъ, министровъ, онъ не увѣритъ въ томъ, чтобъ Шведы начали войну въ пользу ея величества; каждому извѣстно, какъ давно они искали случая напасть на Россію и какіе происки чинили при разныхъ Дворахъ уже послѣ восшествія ея величества на престолъ; а можно ли принять французское посредничество—пусть онъ самъ разсудитъ, выслушавъ то, что маркизъ Шетарди сообщилъ вице-канцлеру графу Бестужеву, какъ извлеченіе изъ рескрипта, полученнаго имъ отъ 4 января. Это сообщеніе было прочтено, и вниманіе Нолькена остановлено особенно на первомъ пунктѣ, гдѣ говорится, что Швеція начала войну для возвращенія уступленныхъ ею по Ништадтскому миру провинцій, и на томъ пунктѣ, гдѣ говорится, что Франція нарушила бы свои наиторжественнѣйшія обязательства, еслибъ оставила Швецію. Министры спросили Нолькена: согласно ли это сообщеніе съ тѣмъ, что онъ теперь провозглашаетъ, въ чемъ старается увѣрить, и въ такихъ ли безпристрастныхъ отношеніяхъ долженъ находиться посредникъ. Хотя бы и подлинно ея величество просила Французскаго короля о посредничествѣ, то послѣ упомянутаго сообщенія имѣла бы полное право отъ него отказаться.

Нолькенъ былъ смущенъ этими словами, съ минуту молчалъ, не зная что сказать, потомъ началъ, что хотя прежде, быть можетъ, нѣкоторые и были того мнѣнія о цѣли войны, какъ заявлялъ Шетарди, однако удивительно, какимъ образомъ маркизъ объ этомъ сообщилъ вице-канцлеру, а ему, Нолькену, не сказалъ. Усматривая, что ея величество считаетъ дѣломъ чести не уступать ничего Швеціи, надобно пріискать другіе способы для вознагражденія за понесенные Шведами въ войнѣ убытки, и если что-нибудь Швеціи уступится, то уступка будетъ сдѣлана пріятелями для показанія дружбы ея величества къ Швеціи, со стороны которой дружески требуется обезпечить безопасность границъ.—На это министры ему отвѣчали, что Россія, как держава потерпѣвшая нападеніе, имѣетъ право требовать отъ Швеціи вознагражденія за военные убытки, а не наоборотъ; объ уступкахъ нечего и думать: ея величество ни пяди земли отдать не изволитъ и, по милости Всевышняго, нужды не имѣетъ этого дѣлать, соизволитъ держаться во всемъ Ништадтскаго мира, развѣ Швеція для безопасности границъ уступитъ Россіи остальную Финляндію, и если Нолькенъ искренно желаетъ прекращенія войны, то, оставя всѣ споры о цѣляхъ, съ которыми начата война, приступитъ прямо къ дѣлу, не вмѣшивая Шетарди, который не можетъ быть допущенъ къ посредничеству. Этимъ и кончилась конференція.

12 мая Нолькенъ объявилъ министрамъ, что, по внимательномъ обсужденіи дѣла, онъ нашелъ всего лучше отправиться изъ Москвы назадъ въ Швецію, гдѣ засвидѣтельствуетъ о миролюбивомъ расположеніи Русскаго правительства и желаніи его вести переговоры прямо съ Швеціею безъ французскаго посредничества, которое, какъ онъ слышитъ здѣсь, и требовано не было, тогда какъ въ Швеціи ни королю, и ни кому другому объ этомъ неизвѣстно:—всѣ были убѣждены, что ея величество требовала французскаго посредничества и приняла его, на какомъ основаніи онъ, Нолькенъ, и былъ присланъ сюда. Въ конфиденціи же Нолькенъ объявилъ министрамъ, что онъ въ Стокгольмъ не поѣдетъ, но остановится въ Фридрихсгамѣ, у генерала Левенгаупта.

Нолькенъ отправился изъ Москвы и дѣйствительно остановился въ Фридрихсгамѣ, откуда 6 іюня прислалъ въ лагерь къ фельдмаршалу Леси съ унтеръ-офицеромъ и барабанщикомъ извѣстіе о своемъ

прибытіи и письмо на имя Шетарди, для пересылки въ Москву. Унтеръ-офицеръ и барабанщикъ были помѣщены при командѣ Конной Гвардіи, въ ставкѣ генералъ-маіора Ливена. Но въ тотъ же день среди гвардейскихъ пѣхотныхъ полковъ раздался крикъ: „Къ ружью! Шведы, Шведы!“ На этотъ крикъ всполошились-было и армейскіе пѣхотные полки, но были удержаны своими полковниками. Тогда въ гвардейскихъ полкахъ выстрѣлили изъ ружья, солдаты бросились къ ставкѣ Ливена, вытащили Шведовъ, урядника и барабанщика, прибили ихъ жестоко; а другая толпа кинулась въ палатки ротмистра Конной Гвардіи Респе и поручика Искуля, и вытащили ихъ обоихъ съ крикомъ: „Нѣмцы измѣняютъ и переписываются съ Шведами!“ Между тѣмъ четверо гвардейскихъ солдатъ, сѣвши на лошадей, помчались по лагерю, крича: „Надобно Нѣмцевъ всѣхъ побить“. Услыхавъ это, генералъ Кейтъ выбѣжалъ изъ палатки съ тростью, велѣлъ Кирасирамъ и Конной Гвардіи построиться съ ружьемъ, а пѣхотной гвардіи закричалъ, что если изъ ружья не выступятъ, то велитъ по нимъ стрѣлять. Это утишило пѣхоту, послѣ чего Кейтъ распорядился взятіемъ подъ караулъ зачинщиковъ, которые, лежа связанные, бранили свою братью солдатъ: „Вотъ вы теперь смотрите, какъ насъ измѣнники Нѣмцы вяжутъ, и не вступитесь, а прежде не такъ было говорено“. Такъ разсказывалъ въ Москвѣ присланный отъ Леси поручикъ Штакельбергъ; но въ рапортѣ генерала Кейта фельдмаршалу Леси разсказывалось дѣло такъ: „6 іюня, въ Троицынъ день, большая часть гвардейскихъ офицеровъ обѣдали у меня; тутъ гвардіи маіоръ Черницовъ репортовалъ мнѣ о ропотѣ гренадеръ на то, что берется въ походъ только по три гранаты на человѣка, и я въ тотъ же часъ приказалъ употребить крайнее стараніе взять въ походъ всѣ гранаты, и о томъ дать знать гренадерамъ и тѣмъ ихъ успокоить. Но въ то самое время, какъ я этимъ распоряжался, входитъ прапорщикъ гвардіи Алексѣевъ и репортуетъ, что въ лагерѣ начинаетъ умножаться шумъ и между солдатами проносится слухъ, что ядра по большей части не по пушечнымъ калибрамъ; въ Конной Гвардіи патроны безъ пуль и въ лагерѣ, въ ставкѣ генералъ-маіора Ливена, находятся шпіоны. За Алексѣевымъ является гвардіи маіоръ Салтыковъ и репортуетъ, что въ лагерѣ большой безпорядокъ: гренадеры пришли въ лагерь Конной Гвардіи и отбили шведскаго унтеръ-офицера и барабанщика, взяли ихъ изъ палатки Ливена и отвели въ свой лагерь, ищутъ также съ крикомъ офицера своего Искуля. Я въ ту же минуту побѣжалъ самъ съ находившимися у меня офицерами въ ихъ лагерь. Подходя къ лагерю Конной Гвардіи, я увидѣлъ толпу гренадеръ, также гвардейскихъ и армейскихъ солдатъ безъ ружья, при однѣхъ шпагахъ, а при самомъ входѣ въ лагерь встрѣтилъ одного гренадера и троихъ солдатъ пѣшей гвардіи, которые вели ротмистра Конной Гвардіи Респе; я отнялъ у нихъ ротмистра и тотчасъ велѣлъ взять ихъ подъ караулъ; чтобъ навести на своевольниковъ побольше страху, я приказалъ гвардіи маіору сейчасъ велѣть сыскать попа, который бы исповѣдывалъ виновныхъ, назначенныхъ къ немедленному разстрѣлянію; офицерамъ приказалъ идти къ своимъ ротамъ и перекликать всѣхъ солдатъ, записывая отсутствующихъ. Услыхавъ это, всѣ солдаты, бывшіе въ лагерѣ Конной Гвардіи, побѣжали въ свои роты. Самъ я съ генераломъ-маіоромъ Черницовымъ отправился перекликать пѣшую гвардію и нашелъ шведскаго унтеръ-офицера и барабанщика въ гренадерской палаткѣ и при нихъ двоихъ гренадеръ съ примкнутыми штыками на часахъ; часовые эти поставлены были по приказу подпоручика Щербакова, чтобъ охранять Шведовъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій; я велѣлъ ихъ отвести обратно въ лагерь Конной Гвардіи. Послѣ переклички я приказалъ всѣмъ солдатамъ разойтись по палаткамъ, что и было исполнено, причемъ нѣсколько человѣкъ я велѣлъ арестовать, потому что на нихъ было указано какъ на зачинщиковъ смуты“.

Для изслѣдованія дѣла и суда надъ виновными отправленъ былъ къ арміи генералъ Александръ Ивановичъ Румянцевъ, и „хотя“, какъ сказано въ указѣ 14 апрѣля 1743 года, „всѣ по суду смертной казни и прочихъ опредѣленныхъ наказаній достойны, однако мы, по нашему природному милосердію, отъ казни смертной и наказанія оныхъ освобождаемъ“. Виновные 17 человѣкъ были разосланы или на сибирскіе заводы въ работу вѣчно, или въ дальніе гарнизоны солдатами.

Скоро Румянцевъ долженъ былъ заняться другимъ дѣломъ. 23 іюля фельдмаршалъ Леси получилъ письмо отъ Нолькена изъ Борго, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что съѣздилъ въ Стокгольмъ, сообщилъ своему правительству о ходѣ переговоровъ въ Москвѣ, и теперь возвратился въ Финляндію въ качествѣ коммисара и полномочнаго министра для веденія мирныхъ переговоровъ. Съ русской стороны эти переговоры поручены были Румянцеву, къ которому послѣ приданъ былъ генералъ Любарсъ, равно какъ и съ шведской стороны первымъ уполномоченнымъ назначенъ былъ сенаторъ баронъ Цедеркрейцъ, а Нолькенъ остался вторымъ. Мѣстомъ конгресса назначенъ былъ Або [1]). Всѣ эти сношенія и переговоры не останавливали военныхъ дѣйствій. Воевали одни Русскіе, потому что безпрепятственно опустошали страну, причемъ особенно отличались Донскіе казаки, подъ начальствомъ своего старшины Краснощекова, пожалованнаго въ бригадиры. Въ концѣ іюня Леси подошелъ къ Фридрихсгаму, и Шведы поспѣшно покинули эту крѣпость, зажегши ее. Левенгауптъ поспѣшно отступилъ за Кюмень, направляясь къ Гельсингфорсу; Русскіе безпрепятственно заняли Борго, вслѣдствіе „обыкновенной робостной ретирады непріятеля“, и отправились за Шведами къ Гельсингфорсу; съ дру-

---

[1]) Дѣла Шведскія 1743 года.

гой стороны безъ сопротивленія сдался Нейшлотъ посланному къ нему отряду подъ начальствомъ князя Мещерскаго; примѣру Нейшлота послѣдовалъ Тавастгусъ. Въ августѣ мѣсяцѣ Леси настигъ шведскую армію у Гельсингфорса и отрѣзалъ ей дальнѣйшее отступленіе къ Або, пройдя по дорогѣ, проложенной нѣкогда по приказанію Петра Великаго и указанной теперь фельдмаршалу финскимъ крестьяниномъ; въ то же время русскій флотъ заперъ Шведовъ со стороны моря; Левенгауптъ и Будденброкъ оставили армію, отозванные въ Стокгольмъ для отданія сейму отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Принявшій по ихъ отъѣздѣ начальство надъ арміею, генералъ Бускетъ заключилъ съ Русскими капитуляцію, по которой вся армія должна была переправиться въ Швецію, оставивъ Русскимъ всю артиллерію; финскому войску позволено было разойтись по домамъ. 26 августа капитуляція была выполнена—и Русскіе вошли въ Гельсингфорсъ. Шведская армія, заключившая эту капитуляцію, простиралась до 17,000 человѣкъ; русская армія превышала ее не болѣе какъ на 500 человѣкъ. Современникъ, оставившій намъ описаніе этой войны, говоритъ: „Поведеніе Шведовъ было такъ странно и такъ противно тому, что обыкновенно дѣлается, что потомство съ трудомъ повѣритъ извѣстіямъ объ этой войнѣ". Вслѣдствіе отъѣзда шведской арміи изъ Финляндіи, столица этой страны, Або, была занята Русскими [1]).

Въ Стокгольмѣ отдали подъ судъ генераловъ, которые и поплатились жизнію за свое непонятное поведеніе; но этимъ дѣла поправить было нельзя; возобновленіе войны для отнятія у Русскихъ Финляндіи было немыслимо; надобно было мириться, и мириться не на условіи земельной уступки со стороны Россіи: вопросъ шелъ о томъ, какими средствами можно получить отъ Россіи наименѣе тяжкія условія мира, удержать Финляндію, хотя и не всю. Средство было найдено: въ наслѣдники Шведскаго престола избрали герцога Голштинскаго, племянника Русской императрицы. Съ этимъ извѣстіемъ, въ концѣ года, пріѣхали въ Россію три шведскихъ депутата: Зюдерманландскій губернаторъ, графъ Бонде, конференцъ-совѣтникъ баронъ Гамильтонъ и камергеръ баронъ Шеферъ. Созванный по этому случаю въ домѣ фельдмаршала Долгорукаго совѣтъ 25 декабря рѣшилъ, что, не отдаляясь отъ миросклонныхъ оказательствъ, наилучшій способъ къ полученію скорѣйшаго покоя состоитъ въ показаніи неотмѣнной твердости во всѣхъ поступкахъ, почему непріятель принужденъ будетъ, всѣ свои хитрыя коварства оставя, прямо къ дѣлу приступить; и нынѣшняя присылка предпринята съ цѣлію обольщенія, чтобъ получить обратно Финляндію или постановленіемъ прелиминарій удержать Россію отъ приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ на будущую весну. На конференціи 28 декабря депутатамъ были предложены слѣдующія условія мира: удержаніе Россіею всего завоеваннаго, вознагражденіе за военные убытки или, вмѣсто этого вознагражденія, выборъ въ наслѣдники Шведскаго престола епископа Любскаго, дяди герцога Голштинскаго. Одинъ изъ депутатовъ, баронъ Гамильтонъ, отвѣчалъ съ жаромъ, что никогда Швеція не согласится на такія условія; и такъ какъ имъ, депутатамъ, нельзя отдалиться отъ основаній Ништадтскаго договора, то они просятъ паспорта для возвращенія въ Швецію, гдѣ донесутъ, какъ Россія, пользуясь своими успѣхами, хочетъ вмѣшиваться во внутреннія шведскія дѣла и нарушать ихъ вольность, за которую каждый Шведъ готовъ умереть. Баронъ Шеферъ, хотя поумѣреннѣе, но повторилъ то же самое [2]).

Отъ словъ до дѣла было далеко. Продолженіе войны для Швеціи было невозможно; торжество Россіи надъ „мироломнымъ" непріятелемъ было полное, и этимъ торжествомъ она была обязана твердости своего правительства, которой не могли поколебать личныя отношенія ни самой императрицы, ни ея министровъ. Шведскія дѣла выказали ясно отношенія Франціи къ Россіи и повели къ разрыву между Бестужевымъ и Лестокомъ. Послѣдній, получая пенсію отъ Французскаго Двора, остался ему преданъ и дѣйствовалъ противъ русскихъ интересовъ какъ теперь по отношенію къ Швеціи, такъ послѣ—по отношенію къ Пруссіи. Бестужевъ, убѣжденный въ несовмѣстимости французскихъ и прусскихъ стремленій съ русскими интересами, долженъ былъ вступить въ открытую борьбу съ человѣкомъ, чрезвычайно опаснымъ по своему приближенію къ императрицѣ, по необходимости, какую она въ немъ чувствовала вслѣдствіе привычки

Бестужева сильно раздражало это приближеніе Лестока, возможность говорить съ государынею во всякое время, удобство разрушать то, что было построено министромъ во время нечастыхъ докладовъ о государственныхъ дѣлахъ. Бестужевъ горько жаловался саксонскому резиденту Пецольду: „Государыня отличается непостоянствомъ усвоивать себѣ мнѣніе, смотря по тому, въ какую минуту оно ей предложено, также высказано ли оно пріятнымъ или непріятнымъ образомъ. Лестокъ серьезно и въ шутку можетъ говорить ей болѣе, чѣмъ всякій другой. Когда государыня чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, то онъ, какъ медикъ, имѣетъ возможность говорить съ нею по цѣлымъ часамъ наединѣ, тогда какъ министры иной разъ въ теченіи недѣли тщетно добиваются случая быть съ нею хоть четверть часа. Недавно у государыни сдѣлалась колика, какъ это съ нею часто бываетъ: позванъ былъ Лестокъ,—и чрезъ нѣсколько времени ввели къ императрицѣ Шетарди, съ которымъ у нихъ было какое-то тайное совѣщаніе; а когда пришли министры, она начала имъ объявлять новыя доказательства, почему дружба Франціи полезна и желательна для Россіи,

[1]) Manstein.—Примѣчанія къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1742 года.

[2]) Дѣла Шведскія 1742 года.

стала превозносить Шетарди, его преданность и безпристрастіе. Положимъ, что Шетарди преданъ и безпристрастенъ, но князь Кантемиръ пишетъ изъ Парижа въ каждомъ донесеніи, чтобъ ради Бога не довѣряли Франціи, которая имѣетъ въ виду одно—обрѣзать крылья Россіи, чтобъ она не вмѣшивалась въ чужія дѣла: могу ли я послѣ этого, по долгу и совѣсти, быть за Францію, и не заслуживаю ли я вмѣстѣ съ братомъ сожалѣнія, когда государыня, несмотря на мой прямой способъ дѣйствія, слушается все-таки Лестока и Шетарди, которые для своихъ цѣлей прибѣгаютъ ко всякимъ неправдамъ и клеветамъ. Мнѣ извѣстно, что мое паденіе составляетъ цѣль нѣкоторыхъ лицъ; но я полагаюсь на свое правое дѣло".

Пецольдъ долженъ былъ выслушивать и другую сторону. Лестокъ говорилъ ему: „На меня нападаютъ за отношенія къ Шетарди; но я люблю хорошее общество, а нигдѣ нельзя съ такимъ удовольствіемъ поговорить, поѣсть, попить и поиграть, какъ у этого министра; съ другой стороны, я много обязанъ Шетарди за услуги и денежную помощь, которыя онъ оказалъ какъ мнѣ, такъ и государынѣ; наконецъ я убѣжденъ, что дружба Франціи очень полезна и выгодна для Россіи. Прежде всего нужно было прекратить Шведскую войну, и я присовѣтовалъ государынѣ обратиться къ Французскому королю и просить его о посредничествѣ. Великій канцлеръ и вице-канцлеръ считаютъ это какимъ-то преступленіемъ съ моей стороны; разглашаютъ, будто я присовѣтовалъ поступокъ, противный достоинству и интересамъ государыни, тогда какъ нужно было продолжать военныя дѣйствія въ Финляндіи зимою; даже внушали государынѣ, что я получаю отъ Французскаго Двора деньги, о чемъ она мнѣ сама сказала. Лучше было бы, если бы канцлеръ и вице-канцлеръ обратили вниманіе на собственные грѣхи. Сюда прибыла депутація отъ Башкирцевъ, и канцлеръ задержалъ ее слишкомъ два мѣсяца, не представляя императрицѣ. Башкирцы обратились ко мнѣ, и я узналъ, что такъ какъ они имѣли справедливую жалобу на Астраханскаго губернатора Татищева, то послѣдній прислалъ канцлеру подарокъ въ 30,000 рублей, чтобъ онъ оставилъ ихъ просьбу безъ послѣдствій. Я доложилъ объ этомъ государынѣ, и она спросила съ сердцемъ. „Если великій канцлеръ молчалъ, то почему же вице-канцлеръ ничего не дѣлалъ?" Я по этому поводу разсказалъ ей, что дѣлается въ Иностранной Коллегіи: великій канцлеръ изъ зависти всѣ дѣла переноситъ къ себѣ домой и оставляетъ ихъ у себя цѣлые недѣли и даже мѣсяцы, прежде чѣмъ вице-канцлеръ что-нибудь узнаетъ о нихъ, а вице-канцлеръ отличается большою скромностію и самъ никогда не рѣшится доложить дѣло. Отсюда ясно видно, что я до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вредить Бестужеву, напротивъ: всегда заступался и просилъ за него, начиная съ того, что доставилъ ему мѣсто и голубую ленту. Я никогда не былъ высокаго мнѣнія о его умѣ; но что же дѣлать, когда нѣтъ способнѣйшаго! Я надѣялся, что онъ будетъ послушенъ, и что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, совершенно его образуетъ; но я жестоко ошибся въ своемъ разсчетѣ: оба брата люди ограниченные, трусливые и лѣнивые, и потому или ничего не дѣлаютъ, а если дѣлаютъ, то руководятся предразсудками, своекорыстіемъ и злобою, чѣмъ особенно отличается вице-канцлеръ. Теперь они находятся подъ вліяніемъ генерала Ботты, и, по ихъ мнѣнію, императрица не должна оставлять безъ помощи королеву Венгерскую. Императрица давно уже это замѣтила и теперь открыла мнѣ, что подозрѣваетъ вице-канцлера въ полученіи отъ королевы Венгерской 20,000 рублей; это подозрѣніе подкрѣпляется тѣмъ, что Бестужевъ каждый разъ то блѣднѣетъ, то краснѣетъ, когда она при немъ скажетъ что-нибудь противъ Ботты. Время, слѣдовательно, должно показать, кто изъ насъ болѣе подкупленъ,—я или вице-канцлеръ, и чьи совѣты были полезнѣе. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ союзъ между здѣшнимъ Кабинетомъ и Вѣнскимъ, Россія не получила ни малѣйшей отъ него пользы, и скорѣе получила вредъ, какъ оказалось въ послѣднюю Турецкую войну. Кромѣ того, вице-канцлеръ наводитъ на себя подозрѣніе тѣмъ еще, что усиленно настаиваетъ на отъѣздъ Брауншвейгской фамиліи изъ Риги за границу; хотя это и обѣщано въ манифестѣ, но поступлено опрометчиво, безъ достаточнаго обдуманія дѣла; въ настоящее время никто, желающій добра государынѣ, не посовѣтуетъ этого, и, пока я живъ и пользуюсь какимъ-нибудь значеніемъ, бывшая правительница не выѣдетъ изъ Россіи. Россія все таки Россія, и такъ какъ это не послѣднее обѣщаніе, которое не исполняется, то императрицѣ все равно, что объ этомъ будутъ говорить въ обществѣ".—Выходка Лестока относительно способностей обоихъ братьевъ Бестужевыхъ показывала, до какой степени уже разгорѣлась въ немъ вражда къ нимъ. Шетарди высказывался такъ-же рѣзко: „Остерманъ былъ плутъ, но умный плутъ, который отлично умѣлъ золотить свои пилюли; теперешній же вице-канцлеръ просто полусумасшедшій; что же касается оберъ-гофмаршала, то онъ, можетъ быть, и не глупъ, но слишкомъ слѣпо довѣряетъ Боттѣ" [1]). Но Шетарди долженъ былъ, по крайней мѣрѣ на время, уступить полусумасшедшему человѣку; онъ уѣхалъ изъ Россіи, сочтя невозможнымъ оставаться долѣе послѣ того, какъ его не допустили посредничать при мирныхъ переговорахъ съ Нолькеномъ. Елисавета простилась съ нимъ какъ съ старымъ пріятелемъ, не утратившимъ нисколько ея расположенія; но дружбѣ Французскаго Двора не вѣрила болѣе.

Бестужевъ, указывая на враждебныя намѣренія Франціи, ссылался на депеши князя Кантемира.

7 января 1742 года Кантемиръ писалъ императрицѣ: „Здѣшнее министерство отъ счастливой перемѣны въ Россіи ожидаетъ полезныхъ для фран-

---

[1]) Пецольдъ, 424 и слѣд.

цузскихъ интересовъ послѣдствій, и если въ вашемъ имп. в—ствѣ найдетъ склонность, соотвѣтственную здѣшнимъ намѣреніямъ, то не сомнѣваюсь, что будетъ показано самое искреннее расположеніе ко вступленію въ тѣснѣйшія обязательства съ Россіею. Всѣ движенія здѣшней политики имѣютъ цѣлію—королеву Венгерскую и Англичанъ. Главныя усилія Франціи клонятся къ конечному ниспроверженію силы Австрійскаго Дома, и всѣ тѣ державы, которыя поставляютъ препятствія этимъ усиліямъ, считаются здѣсь не менѣе враждебными, и не меньше желаютъ здѣсь ихъ ослабленія. Потому всегда здѣсь на Россію непріятными глазами смотрѣли, поднимали противъ насъ непріятелей, чтобъ препятствовать ей вступаться за Австрійскій Домъ. На томъ же главнѣйшимъ образомъ основана здѣшняя ненависть и противъ Англичанъ, умалчивая о томъ, что эта ненависть усиливается могуществомъ Англичанъ на морѣ и процвѣтаніемъ ихъ торговли. Изъ этого ваше имп. в—ство изволите усмотрѣть, что если ваше величество намѣрены содержать прежнія обязательства съ Вѣнскимъ и Англійскими Дворами, то не можете себя льстить дружбою съ здѣшнимъ, и не трудно предвидѣть, что въ дѣлѣ примиренія Россіи съ Швеціею спѣшить здѣсь не станутъ, пока вашего величества намѣренія совершенно не высмотрятъ“

Относительно примиренія съ Швеціею Кантемиръ писалъ въ мартѣ: „Предложенія Франціи нисколько не сходны съ часто повторенными обнадеживаніями объ истинномъ доброжелательствѣ королевскомъ къ вашему величеству. Кромѣ этихъ предложеній, Франція составляетъ проектъ о тройномъ союзѣ: между нею, Швеціею и Даніею. Франція побуждаетъ Порту противъ Россіи; изъ этого ясно, что древній здѣшній проектъ объ уменьшеніи русскихъ силъ не выходитъ изъ головы. Я обязанъ подтвердить, что всякая предосторожность противъ здѣшнихъ хитростей не только прилична, но и очень нужна, потому что на здѣшнія обнадеживанія полагаться никакъ нельзя. Вѣрно то, что одна опасность со стороны Англіи и Голландіи можетъ остановить отправленіе здѣшней эскадры въ Балтійское море, чего шведское министерство сильно добивается. Съ другой стороны, опасеніе общей войны не допуститъ здѣшнее министерство убавить свои сухопутныя силы отправленіемъ хотя малой части ихъ на помощь Швеціи. Но отъ этой невозможности вредить Россіи нельзя заключать, что Франція къ намъ доброжелательна“.

Въ апрѣлѣ, когда получены были извѣстія о возобновленіи войны между Россіею и Швеціею, Флёри и Амелотъ встрѣтили Кантемира выговорами за то, что рѣшеніе возобновить войну было принято русскимъ правительствомъ вопреки слову, данному императрицею маркизу Шетарди. Кардиналъ соблюдалъ при этихъ жалобахъ учтивость; но Амелотъ не взвѣшивалъ своихъ словъ, называя поступокъ Россіи не очень честнымъ (peu honnete) и внезапнымъ нападеніемъ (surprise). Донося объ этомъ своему Двору, Кантемиръ повторяетъ обычный припѣвъ: „Изъ этого изволите имѣть новую причину наиболѣе увѣриться въ здѣшнемъ злобномъ намѣреніи относительно интересовъ вѣнскихъ, отъ котораго, думаю, никогда не отстанутъ, поставляя главнымъ правиломъ, что французскій интересъ требуетъ умаленія силы русской“ [1]).

За охлажденіемъ новаго Русскаго правительства къ Франціи по дѣламъ Шведскимъ, естественно слѣдовало сближеніе его съ Англіею, причемъ для Россіи опять на первомъ планѣ были шведскія отношенія, а для Англіи—общеевропейскія. Переворотъ 25 ноября ни на кого не произвелъ болѣе непріятнаго впечатлѣнія, какъ на Финча, который въ восшествіи на престолъ Елисаветы видѣлъ торжество Шетарди и Франціи, разрушеніе всѣхъ надеждъ, которыя его государство полагало на вмѣшательство Россіи въ борьбу за Австрійское наслѣдство, съ цѣлью помочь Маріи-Терезіи. Кромѣ того, Финчъ не могъ оставаться въ Россіи, ибо новая императрица не могла пріязненно относиться къ человѣку, дававшему на ея счетъ предостереженія прежнему правительству. На его мѣсто въ Петербургъ былъ присланъ Вейчъ.

Въ то же время произошла перемѣна относительно представителя Русскаго Двора въ Лондонѣ: на смѣну князя Ивана Щербатова пріѣхалъ дѣйствительный камергеръ Семенъ Нарышкинъ. Министерство Вальполя пало вслѣдствіе доведенной имъ до крайности политики невмѣшательства, непригодной въ описываемое время и для Англіи. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Картеретъ, встрѣтилъ новаго посла словами: „Хотя вашъ пріѣздъ сюда пріятенъ, только король очень былъ доволенъ княземъ Щербатовымъ“. Когда Нарышкинъ спросилъ Картерета, не прикажетъ ли онъ ему что-нибудь написать къ высочайшему Двору въ Петербургъ, тотъ отвѣчалъ: „Его величество король ничего такъ не желаетъ, какъ дружбы съ ея императорскимъ величествомъ; мы довольно знаемъ силу Россіи въ дѣлахъ европейскихъ. Многіе ищутъ дружбы вашего Двора, но никакой союзъ не будетъ такъ согласенъ съ интересами Россіи, какъ союзъ ея съ морскими державами, который и Петръ Великій старался содержать для сохраненія европейскаго равновѣсія; надѣюсь, что и ея величество не оставитъ этихъ великихъ правилъ. Ни изъ какаго государства не приходитъ къ вамъ столько пустыхъ кораблей для нагрузки вашими товарами, какъ изъ Англіи; изъ другихъ земель могутъ приходить къ вамъ корабли съ виномъ и другими пустяками, но такая торговля столько чистыхъ денегъ у васъ не оставитъ, какъ наша“. Въ мартѣ мѣсяцѣ Нарышкинъ получилъ приказаніе изъ Петербурга засвидѣтельствовать въ общихъ выраженіяхъ неизмѣнную склонность Россіи къ содержанію дружбы съ королемъ Англійскимъ, объявить, что импе-

[1]) Дѣла Французскія 1742 года.

ратрица велѣла разсмотрѣть составленный союзный договоръ между Россіею и Англіею, но что это дѣло еще не кончено за разными хлопотами, случившимися по восшествіи ея на престолъ и за отъѣздомъ въ Москву; Нарышкинъ долженъ былъ избѣгать дальнѣйшихъ изъясненій насчетъ нынѣшней политической системы, насчетъ вспоможенія королевѣ Венгерской.

Въ концѣ апрѣля Картеретъ объявилъ Нарышкину, что король, запрещая ему входить въ откровенное объясненіе, велѣлъ только вскользь поручить просить императрицу, для ея собственныхъ интересовъ, возвратиться какъ можно скорѣе изъ Москвы въ Петербургъ: одно пребываніе въ послѣднемъ городѣ будетъ равняться 30,000 вспомогательнаго войска по близости къ европейскимъ событіямъ, ибо можно спасти королеву Венгерскую и всю Европу одними совѣтами императрицы королямъ Прусскому и Польскому. Пріѣздъ въ Петербургъ уничтожитъ слухи, разсѣянные Французами для ободренія Турокъ и Шведовъ, будто въ Россіи входятъ въ моду старинные взгляды, будто выбиваютъ всѣхъ иностранцевъ изъ службы и оставляютъ Петербургъ для Москвы. Если окажется справедливымъ слухъ, что императрица хочетъ, по обѣщанію, ѣхать въ Кіевъ, то все лѣто пройдетъ въ бездѣйствіи, слѣдовательно пройдетъ въ пользу враговъ европейскаго спокойствія. „Если императрица захочетъ обратить вниманіе на насъ, то втроемъ, съ Голландцами, мы можемъ успѣшно сдержать бурю европейскую“.

Возобновленіе Шведской войны побудило Русскій Дворъ говорить нѣсколько опредѣленнѣе съ Англійскимъ, опять начать дѣло о высылкѣ англійской эскадры въ Балтійское море для защиты своихъ торговыхъ судовъ. Картеретъ отвѣчалъ на это Нарышкину: „Наши купцы этого не требуютъ, потому-что довольны письменнымъ объявленіемъ, даннымъ мнѣ шведскимъ министромъ отъ имени королевскаго, что наши торговые корабли могутъ смѣло идти во всѣ гавани русскія; причемъ я сказалъ шведскому министру прямо, что эти корабли повезутъ въ Петербургъ сукно для обмундированія русской арміи. Такъ какъ Швеція всегда дорожитъ Англіею, то можно положиться на обѣщанія Шведскаго короля. Если же наша торговля потерпитъ хотя малое стѣсненіе, то сумѣемъ отомстить эскадрою, которая уже на всякій случай приготавливается. Неприлично Англіи послать 5 или 6 кораблей; если пошлемъ, то 15, 20 или больше. Посылка эта единственно зависитъ отъ императрицы: если изволитъ войти въ наши виды, то корабли будутъ готовы такъ скоро, какъ захочетъ; а истинные интересы россійско-англійскіе требуютъ полнаго согласія въ общемъ и усиленномъ вспоможеніи королевѣ Венгерской“.

Чтобъ побудить Россію поскорѣе войти въ виды Англіи, лордъ Картеретъ писалъ Вейчу 8 іюня: „Королю не безъизвѣстно вліяніе г. Лестока, который природный подданный его величества, какъ курфирста Ганноверскаго; поэтому королю угодно, чтобъ вы вывѣдали, какъ онъ расположенъ къ своей родинѣ, и не согласится ли оказать услугу королю, который въ такомъ случаѣ уполномочиваетъ васъ обѣщать ему отъ насъ пенсію. Такимъ же образомъ повелѣвается намъ поступить въ разсужденіи обоихъ Бестужевыхъ. Ни одинъ изъ этихъ господъ не имѣетъ причины совѣститься принять отъ короля такого рода милость, ибо ничего болѣе отъ нихъ не требуется, какъ только содѣйствія къ заключенію между морскими державами и Россіею тѣснѣйшаго союза для возстановленія спокойствія на Сѣверѣ и обезпеченія свободы Европы, что все совершенно согласно съ истиннымъ интересомъ Россіи“. На это Вейчъ отвѣчалъ 9 сентября: „Я не щадилъ здоровья и денегъ для пріобрѣтенія дружбы Лестока; просиживалъ съ нимъ цѣлыя ночи, игралъ въ большую игру; онъ увѣрялъ меня, что будетъ стараться о тѣснѣйшемъ союзѣ между Россіею и Англіею; я предложилъ ему пенсію—и онъ принялъ ее“. Пенсія была въ 600 фунтовъ стерлинговъ.

Въ концѣ ноября Вейчъ сдѣлалъ Русскому Двору конфидентное представленіе, что его Дворъ очень желаетъ имѣть откровенное сообщеніе о намѣреніяхъ императрицы въ разсужденіи Шведскихъ дѣлъ, возстановленія стараго министерства и англійскаго вліянія, объявляя со стороны Англіи всякую готовность къ соглашенію съ Россіею и къ принятію съ нею общихъ мѣръ. Вейчу отвѣчали, что такое доброжелательное намѣреніе со стороны короля пріятно императрицѣ, и для приведенія этого намѣренія въ исполненіе она готова дѣйствовать съ Англіею сообща въ Швеціи. Такъ какъ при сеймахъ въ этой странѣ много помогаютъ деньги, то императрица опредѣлила съ своей стороны 40,000 р. Нарышкину въ Лондонъ дали знать, что Россія желаетъ доставить шведское наслѣдство администратору Голштинскому, епископу Любскому. Нарышкинъ долженъ былъ открыть это желаніе лорду Картерету и требовать содѣйствія, причемъ для сильнѣйшаго склоненія короля къ этому содѣйствію предложить брачный союзъ епископа Любскаго съ Англійскою принцессою; для окончательныхъ переговоровъ объ этомъ дѣлѣ долженъ былъ пріѣхать въ Лондонъ голштинскій министръ Бухвальдъ. Нарышкину наказано было поступать въ этомъ дѣлѣ съ величайшею тайною, чтобъ не испортить его рановременнымъ разглашеніемъ. На сообщенія Нарышкина Картеретъ отвѣчалъ, что Французы назначаютъ 40,000 фунтовъ въ Швецію для того, чтобъ сеймъ выбралъ наслѣдникомъ престола герцога Цвейбрикенскаго, а если Россія дастъ сорокъ тысячъ рублей, да Англія столько же, то выйдетъ только 20,000 фунтовъ; дастъ ли императрица еще денегъ по требованію необходимости? Нарышкинъ отвѣчалъ: „Надѣюсь, что императрица не остановится за деньгами для исполненія своего желанія“. Потомъ Картеретъ сказалъ: „Наше намѣреніе было доставить шведское наслѣдство брату

нынѣшняго Шведскаго короля". Нарышкинъ отвѣчалъ, что это было бы чрезвычайно трудно, вопервыхъ, по причинѣ разновѣрія, ибо Шведы не хотятъ Кальвинкста; вовторыхъ, по народному нерасположенію къ особѣ принца Гессенскаго; въ третьихъ, — французская партія никакъ на это не согласится. Слѣдовательно, чтобъ не потерять окончательно вліянія въ Швеціи, Англіи остается одинъ способъ — помогать Россіи въ доставленіи наслѣдства епископу Любскому, который можетъ жениться на принцессѣ Англійской. Картеретъ согласился съ этимъ и сказалъ: „Только бы намъ выжить отъ васъ Французовъ, а то мы много для васъ сдѣлаемъ". Картеретъ далъ понять, что его королю очень хочется быть посредникомъ въ примиреніи Россіи съ Швеціею, тѣмъ болѣе-что Франціи въ этомъ посредничествѣ было отказано. На донесеніе Нарышкина объ этомъ Бестужевъ замѣтилъ: „Когда одному отказано, никому другому никакимъ образомъ быть не можно".

Между тѣмъ обѣщанный пересмотръ союзнаго договора былъ окончень, и 11 декабря въ Москвѣ подписанъ съ англійской стороны Вейчемъ, а съ русской—Бестужевымъ и Бреверномъ. Въ случаѣ нападенія отъ кого-либо на короля Англійскаго, Русская императрица немедленно посылаетъ ему на помощь 10,000 пѣхоты и 2,000 конницы; а въ случаѣ нападенія на Россію - Англійскій король высылаетъ ей на помощь эскадру изъ 12 кораблей при 7,000 пушкахъ. По взаимному соглашенію эта помощь можетъ быть замѣнена съ обѣихъ сторонъ 500,000 рублей въ годъ. Если одна изъ договаривающихся сторонъ, во время нападенія на другую, сама будетъ находиться въ войнѣ, то не обязана подавать помощи. Англія не обязана помогать Россіи въ войнахъ съ Турками и другими восточными народами; Россія не помогаетъ Англійскому королю въ случаѣ нападенія на его владѣнія, внѣ Европы находящіяся; въ Европѣ король не посылаетъ русскаго войска въ Италію, Испанію и Португалію.

Послѣ заключенія договора, Вейчъ писалъ Картерету: „Лестокъ получаетъ отъ Франціи пенсію; но должно отдать ему справедливость, что онъ былъ мнѣ очень полезенъ, ибо ускорилъ заключеніе нашего договора" [1]).

Мы видѣли, какъ въ предшествовавшее царствованіе помогла Россіи Данія, съ которою давно былъ заключенъ оборонительный союзъ. Теперь, когда въ Россіи произошелъ переворотъ, столь полезный для Гольштинскаго Дома и, слѣдовательно, столь опасный для Даніи, на союзную помощь ея еще менѣе можно было разсчитывать.

Въ первыхъ числахъ января 1742 года, Корфъ и Чернышевъ писали изъ Копенгагена, что переговоры съ Англіею о продолженіи субсидскаго трактата не получили успѣха потому, что происшедшая въ Россіи правительственная перемѣна, съ которою связанъ интересъ герцога Голштинскаго, требуетъ всего вниманія и осторожности Датскаго Двора, и потому послѣдній естественно желаетъ болѣе тѣснаго соединенія съ Пруссіею и Швеціею, чѣмъ съ Англіею. Въ январѣ же Чернышевъ долженъ былъ отправиться въ Берлинъ, и въ Копенгагенѣ остался одинъ Корфъ, который доносилъ, что исполненія союзнаго обязательства, т.-е. помощи противъ Швеціи, отъ Даніи ожидать нельзя, но не должно думать также, чтобъ Франція могла склонить Данію къ войнѣ противъ Россіи, потому что слабое состояніе войска и финансовъ не можетъ допустить къ тому Данію [2]).

Даніи слѣдовательно опасаться было нечего; съ Англіею оборонительный союзъ; но союзница постоянно толкуетъ о необходимости поддержать свободу Европы, помочь Маріи-Терезіи, и объ этомъ толкуетъ не одинъ англійскій посланникъ, не одинъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ:— объ этомъ толкуютъ русскіе министры; въ этомъ согласны и Трубецкой, и Черкасскій, и Бестужевы, несмотря на вражду ихъ другъ къ другу. Но императрица не хочетъ слышать объ этой помощи, она не можетъ преодолѣть враждебнаго чувства къ Австріи, которая представляется ей тѣсно связанною съ Брауншвейгскимъ Домомъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, она разсказала Шетарди, что австрійскій посланникъ Ботта, при содѣйствіи князя Черкасскаго, уже потребовалъ помощи для своей королевы въ 30,000 войска. „Я", сказала Елисавета, „велѣла ему отвѣчать, что сама принуждена вести войну, и первое правило думать прежде о себѣ. Я желала бы знать, на что полезенъ союзъ съ Австрійскомъ Домомъ и какое изъ него сдѣлать употребленіе". — „Очень небольшое въ настоящее время", отвѣчалъ Шетарди. „Вы можете припомнить, что я имѣлъ честь говорить вамъ годъ-тому назадъ. Если бы не было васъ и если бы не выказали вы мужества, то Вѣнскій Дворъ, всегда надѣявшійся руководить Россіею по своему усмотрѣнію, успѣлъ бы возложить корону на главу сына, принца Брауншвейгскаго, и этимъ докончилъ бы дѣло, надъ которымъ началъ работать съ 1711 года, при помощи брака царевича съ съ принцессою Беверна" [3]). Такимъ образомъ искусно поддерживалось это представленіе о необходимой связи между Домами Австрійскимъ и Брауншвейгскимъ. Елисавета знала, что отъ Вѣнскаго Двора шли внушенія прежнему правительству, чтобъ объявить ее незаконною дочерью Петра Великаго и заключить въ монастырь. Поэтому неудивительно, что Елисавета не могла удержаться отъ выходокъ противъ Вѣнскаго Двора; такъ, когда, по поводу поздравленій съ коронаціею, возникъ споръ между посланниками о старшинствѣ, то она сказала: „Ботта не имѣетъ ни малѣйшаго основанія много о себѣ думать; когда онъ будетъ

[1]) Дѣла Англійскія 1742 года.

[2]) Дѣла Датскія 1742 года.

[3]) Шетарди, 474.

слишкомъ важничать, то можетъ отправляться туда, откуда пришелъ, такъ какъ мнѣ дороже дружба тѣхъ, которые въ прежнія времена не оставляли меня, чѣмъ расположеніе его нищей королевы". Когда князь Черкасскій и Бестужевъ вдвоемъ увѣдомляли императрицу объ интригахъ Франціи въ Турціи, то она отвѣчала, что ничему не вѣритъ, а знаетъ, что въ рукахъ Ботты 300,000 рублей для подкупа ея министровъ [1]).

Но, разумѣется, эти выходки не мѣшали формальнымъ учтивостямъ.

По восшествіи своемъ на престолъ, Елисавета отправила грамоту королевѣ Венгро-Богемской съ увѣреніями „въ истинной и ненарушимой склонности". Марія-Терезія отвѣчала Ланчинскому, что всегда радуется и принимаетъ участіе, когда узнаетъ о какомъ-нибудь благополучномъ происшествіи въ Россіи, съ какимъ удовольствіемъ слышитъ увѣренія въ неотмѣнной дружбѣ и союзѣ, и съ своей стороны равнымъ образомъ поступать не преминетъ. Взаключеніе королева спросила: „Вѣдь вы меня увѣрили въ неотмѣнномъ союзѣ?"— и когда Ланчинскій повторилъ увѣреніе, то сказала: „Радуюсь". Когда въ обществѣ узнали о петербургскомъ переворотѣ, то начались разные толки; одни испугались и съ горестію говорили: „Сколько перемѣнъ въ такое короткое время! Послѣдняя перемѣна принесетъ здѣшнему Дому большой вредъ, потому что все это сдѣлала Франція своими интригами чрезъ своего посла, обѣщая помирить Россію съ Швеціею; такимъ образомъ наша королева отъ нынѣшняго Русскаго правительства помощи ожидать не можетъ и послѣ мира у Россіи съ Швеціею" Другіе говорили, что прежде правительство, несмотря на близкое родство, не помогало королевѣ, тянуло больше къ Прусскому королю, съ которымъ у него было такъ-же свойство, теперь скорѣй можно получить помощь, потому что мать нынѣшней царицы заключила съ покойнымъ Цесаремъ союзъ, и нынѣшняя царица не уничтожитъ дѣла матери своей. Россіи нечего обязываться съ Франціею за миръ съ Швеціею: Россія—государство сильное само по себѣ, людное и самодержавное, съ Швеціею управится можетъ и во Французскомъ союзѣ не нуждается [2]).

Мы видѣли, что Марія-Терезія нашлась въ отчаянномъ положеніи, когда Франція прямо объявила себя противъ нея, когда король Прусскій заключилъ союзъ съ курфирстомъ Баварскимъ съ цѣлію присоединить Силезію къ Пруссіи, а Верхнюю Австрію, Тироль и Богемію—къ Баваріи. Въ это время, по словамъ Фридриха II [3]), на Сѣверѣ произошло одно изъ самыхъ выгодныхъ и рѣшительныхъ событій: Швеція объявила войну Россіи и этимъ отвлеченіемъ русскихъ силъ уничтожила всѣ планы короля Англійскаго, короля Польскаго и принца Антона-Ульриха, направленные противъ Пруссіи. Король Августъ былъ увлеченъ потокомъ и соединился съ курфирстомъ Баварскимъ для уничтоженія Австрійскаго Дома. Французы и Баварцы уже вошли въ Австрію, потомъ двинулись въ Богемію, куда съ другой стороны вошли Саксонцы; курфирстъ Баварскій былъ избранъ императоромъ подъ именемъ Карла VII. Тогда Марія-Терезія рѣшилась освободиться отъ самого опаснаго врага своего, Прусскаго короля, и заключила съ нимъ миръ въ Бреславлѣ, съ пожертвованіемъ Силезіею.

Ланчинскій воспользовался избраніемъ курфирста Баварскаго въ императоры, чтобъ поднять дѣло объ императорскамъ титулѣ Русской государыни, надѣясь, что Вѣнскій Дворъ согласится теперь на это, потерявши надежду удержать Римско-Германскую имперію за собою. Государственный секретарь объявилъ Ланчинскому, что королева пошлетъ Елисаветѣ грамоту съ императорскимъ титуломъ, причемъ прибавилъ, что Марія-Терезія надѣется на русскую помощь, и Россія не найдетъ вѣрнѣйшаго союзника какъ Вѣнскій Дворъ, а Франція какъ другія державы обманываетъ, такъ и для Россіи ничего не сдѣлаетъ; если Россія допуститъ государство королевы до разрушенія, то нанесетъ вредъ самой себѣ. Другія значительныя лица толковали Ланчинскому, что его государыня вдругъ можетъ пріобрѣсти себѣ безсмертную славу тремя великими дѣлами: успокоеніемъ Европы, удовлетвореніемъ Швеціи въ другомъ мѣстѣ, а не насчетъ Россіи, поданіемъ помощи Австрійскому Дому, который гибнетъ отъ напавшихъ на него со всѣхъ сторонъ непріятелей. Со Шведами надобно заключить договоръ на основаніи Ништадтскаго, ибо Россія не можетъ желать пріобрѣсти что-нибудь въ каменистой и болотистой Финляндіи; сверхъ того, Швеціи надобно указать на Померанію, гдѣ она можетъ получить себѣ вознагражденіе, а для ея обнадеженія Русская государыня должна послать свое войско въ Померанію, чѣмъ подастъ помощь королевѣ, отвлекши прусскія силы для защиты Штетина и другихъ городовъ; эта посылка войска противъ Пруссіи заставила бы Англію и Голландію объявить себя противъ Франціи и дать субсидіи Швеціи. „Не знаемъ, какую выгоду думаетъ получить Русскій Дворъ отъ дружбы съ Прусскимъ королемъ; намъ кажется, что надобно обратить вниманіе на чрезмѣрное увеличеніе силы этого государя, который скоро будетъ въ состояніи вывести въ поле 150,000 войска, который давно имѣетъ аппетитъ на Курляндію. Франція острить зубы на Россію отъ зависти; сдѣлавши въ Германіи все по своему съ помощію короля Прусскаго, она въ союзѣ съ тѣмъ же королемъ можетъ предпринять что-нибудь и противъ Россіи".

Въ іюнѣ Ланчинскій донесъ, что Австрія принуждена заключить миръ съ Пруссіею на тяжелыхъ для себя условіяхъ. Канцлеръ королевы, графъ Улефельдъ, говорилъ Ланчинскому: „Англичане приступають къ намъ съ ножемъ къ горлу, чтобъ мы помирились съ Пруссіею, и мы уступаемъ все,

[1]) Пецольдъ, 434, 435.
[2]) Дѣла Австрійскія 1741 года.
[3]) Memoires de Frédéric II, I, 113 по изд. Бутарика.

что Прусскій король запросилъ; наилучшій алмазъ изъ королевской короны выхватывается, а на постоянство мира надѣяться нельзя: можетъ быть, попрежнему невзначай разорветъ миръ и нападетъ. Но что же дѣлать: крайняя нужда заставляетъ! денегъ никакимъ способомъ больше собрать не можемъ" [1]).

Фридрихъ II-й, которому полезнѣе всего было видѣть продолженіе войны между Россіею и Швеціею, что мѣшало этимъ державамъ принимать участіе въ борьбѣ за Австрійское наслѣдство,— Фридрихъ II былъ точно такъ-же недоволенъ стараніемъ Шетарди прекратить Русско-Шведскую войну, какъ и само Французское правительство; но, не зная, что Шетарди позволилъ себѣ вмѣшаться въ дѣло безъ вѣдома своего правительства, Фридрихъ сердился на Французскій Дворъ, взумлялся странности его поведенія: „Я не понимаю", писалъ онъ Мардефельду, „съ какой стати Франція такъ усердно хлопочетъ о прекращенія войны, тогда какъ ей вовсе невыгодно тушить пламя, вздутое ею самою съ такимъ трудомъ, а напротивъ—выгодно занимать Русскихъ Шведами и препятствовать тѣмъ и другимъ вмѣшиваться въ европейскія дѣла". Съ другой стороны, Фридрихъ боялся, чтобъ Франція, помиривъ Россію со Швеціей, не стала располагать силами этихъ державъ, не употребила эти силы для принужденія его, Фридриха, подчиняться ея распоряженіямъ, ибо онъ очень хорошо зналъ, что Франція не промѣняетъ сильную Австрію на сильнѣйшую Пруссію, что ей нужно раздробленіе Германіи на мелкія государства. Мардефельдъ своими донесеніями утверждалъ его въ этомъ страхѣ передъ Франціею, и Фридрихъ, какъ утверждаютъ, отъ этого поспѣшилъ выйти изъ войны.

Что касается непосредственныхъ сношеній новаго Русскаго правительства съ Пруссіею, то Елисавета, тотчасъ по восшествіи на престолъ, написала Прусскому королю, что будетъ пользоваться всякимъ случаемъ все болѣе и болѣе удостовѣрять его величество въ своей истинной и ненарушимой склонности. Бракель былъ отозванъ съ своего поста и вскорѣ послѣ того умеръ; на его мѣсто былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ камергеръ, графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ. Новый посланникъ получилъ такой рескриптъ отъ 26 декабря: „Такъ какъ король Прусскій предъ недавнымъ временемъ чрезъ министра своего Мардефельда велѣлъ подъ рукою потребовать отзыва Бракля, которымъ онъ не очень былъ доволенъ, то и вы пристойнымъ образомъ имѣете нашимъ именемъ представить королю, чтобъ онъ показалъ намъ взаимное снисхожденіе, отозвалъ отъ нашего Двора своего министра Мардефельда" [2]). Но Мардефельдъ не былъ отозванъ, и Фридрихъ II употребилъ всѣ усилія, чтобъ заискать расположеніе новой императрицы. Онъ разсчитывалъ: что великій канцлеръ князь Черкасскій не проживетъ долго; что вице-канцлеръ Бестужевъ имѣетъ сильныхъ враговъ и не пользуется особеннымъ расположеніемъ императрицы; что важное назначеніе въ управленіи иностранными дѣлами готовится человѣку близкому къ императрицѣ, графу Воронцову, женатому на любимой родственницѣ Елисаветы по матери, Аннѣ Карловнѣ Скавронской,—и, вслѣдствіе этихъ разсчетовъ, осенью 1742 года Воронцовъ получаетъ отъ Фридриха орденъ Чернаго Орла; при этомъ Мердефельдъ объявилъ, что король, принимая во вниманіе заслуги господина камергера и то, что онъ имѣетъ честь быть женатымъ на родственницѣ императрицы, желаетъ этою наградою выразить свое высокое уваженіе къ ея величеству [3]).

Въ сношеніяхъ съ Польско-Саксонскимъ Дворомъ опять прежде всего сталъ на очереди вопросъ Курляндскій; съ перемѣнами въ Петербургѣ перемѣнился и кандидатъ на Курляндскій престолъ: вмѣсто принца Брауншвейгскаго, императрица велѣла Кейзерлингу хлопотать объ извѣстномъ намъ принцѣ Гессенъ-Гомбургскомъ, фельдмаршалѣ русской службы, и король Августъ попрежнему отвѣчалъ, что очень радъ исполнить желаніе императрицы, тѣмъ болѣе-что питаетъ пріязнь и склонность къ назначенному ею кандидату.

Прежній герцогъ Курляндскій, Биронъ, былъ оставленъ на житье въ Ярославлѣ; но былъ еще старый претендентъ на герцогство, который теперь вздумалъ возобновить свои исканія,—графъ Морицъ Саксонскій. Императрица была за принца Гессенъ-Гомбургскаго; но Лестокъ и Шетарди были противъ него, потому что этотъ нѣмецкій принцъ, по женитьбѣ своей на дочери фельдмаршала Трубецкаго, пранадлежалъ къ враждебной имъ сторонѣ. Лестокъ чрезъ Кейзерлинга далъ знать Морицу, чтобъ онъ пріѣзжалъ въ Россію, и Морицъ явился въ Москву послѣ коронаціи и остановился у Шетарди, который давалъ для него богатые обѣды и ужины. Елисавета приняла очень милостиво стараго жениха, танцовала съ нимъ, брала на прогулки, но этимъ все и кончилось. Послѣ переговоровъ съ министрами, великій канцлеръ объявилъ Морицу, что посѣщеніе его пріятно императрицѣ, но что касается Курляндскаго дѣла, то ея величество уже разъ рекомендовала принца Гессенъ-Гомбургскаго и не можетъ отступиться отъ своей рекомендаціи. Впрочемъ, такъ какъ она не намѣрена дѣлать насилія ни королю Польскому, ни республикѣ, ни Курляндцамъ и требуетъ только одного, чтобъ Курляндія сохранила свои старыя права и вольности, то ея величество никогда не будетъ дѣйствовать противъ графа Морица. Съ этимъ отвѣтомъ графъ и отправился изъ Москвы.

Кейзерлингъ давалъ знать на основаніи тайныхъ сообщеній гетмана Польскаго, князя Радзивила, и другихъ благонамѣренныхъ Поляковъ, что многіе, особенно же староста Сапѣга, получающій

[1]) Дѣла Австрійскія 1742 года.

[2]) Дѣла Прусскія 1741 года.

[3]) Пецольдъ, 454.

французскую пенсію, стараются Курляндское и другія малыя дѣла раздуть и раздражить Поляковъ, причемъ внушаютъ о шведской помощи и большихъ суммахъ, которыя дадутся другими державами, такъ что, пользуясь настоящими обстоятельствами, республика можетъ усилиться и придти въ прежнюю славу. Эти люди внушаютъ такъ-же, что графъ Брюль и патеръ Гварини, духовникъ короля, преданы Россіи, но что самъ король иначе думаетъ. Такъ какъ объ этомъ сказалъ Кейзерлингу самъ Брюль, то посолъ внушилъ ему, какъ было бы полезно удостовѣрить Поляковъ относительно истинныхъ чувствъ короля къ Россіи, что легко сдѣлать по поводу посольства, имѣющаго отправиться къ императрицѣ для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ. Брюль обѣщалъ исполнить это. Потомъ Кейзерлингъ началъ внушать коронному гетману Потоцкому, какъ настоящее положеніе Европы можетъ повредить спокойствію республики, для поддержанія котораго необходимы извѣстные союзы: республика граничитъ съ четырмя сильными сосѣдями, и потому надобно смотрѣть, какое сосѣдство ей особенно можетъ быть полезно. Разумѣется, русское, потому что императрица находится въ особенной дружественной склонности къ республикѣ и желаетъ бо́льшаго утвержденія ея тишины и безопасности. На это гетманъ отвѣчалъ, что и по его мнѣнію для спокойствія и безопасности республики ничего не можетъ быть лучше дружбы съ Россіею. Дѣйствительно, въ этомъ духѣ составлена была инструкція Огинскому, отправлявшемуся посломъ въ Петербургъ съ поздравленіемъ. По случаю замѣшательствъ въ Европѣ, король не могъ пріѣхать въ Польшу и потому созвалъ польскій сенатъ въ пограничномъ городѣ Фрауштадтѣ. Туда съѣхалось множество польской знати, и Кейзерлингъ могъ удостовѣриться, что усиленіе Пруссіи произвело на Поляковъ самое неблагопріятное впечатлѣніе, и „хотя“, по выраженію посла, „въ республиканскомъ государствѣ легко найти друзей и приверженцевъ, однако изъ польскихъ вельможъ никто не является прусскимъ приверженцемъ, кромѣ воеводы Бельзскаго“. Изъ страха передъ Пруссіею Поляки обнаруживали сильную любовь и довѣренность къ своему королю. Гетманъ Потоцкій, всегда бывшій во главѣ противной Двору партіи, теперь съ своими друзьями вполнѣ выражался въ пользу короля и даже подарилъ ему изъ собственнаго войска нѣсколько сотъ человѣкъ. Изъ страха же предъ Пруссіею объяснялось и расположеніе къ Россіи. Несмотря однако на это общее расположеніе, Кейзерлингъ не отвергалъ возможности, что шведскіе приверженцы, хотя и незначительные, будутъ въ состояніи произвести нѣкоторыя волненія, и потому совѣтовалъ составить сильную русскую партію подъ начальствомъ Люблинскаго воеводы Тарло, которому надобно помочь деньгами; да и гетманъ Потоцкій намекнулъ, что ему не доплачена пенсія: хорошо было бы утвердить его въ добрыхъ намѣреніяхъ. Шведскій эмиссаръ, полковникъ де-Бона, ѣздилъ по вельможамъ польскимъ, предлагалъ деньги, чтобъ составили генеральную конфедерацію, сулилъ войско, запасы и требовалъ, чтобъ Лифляндія была театромъ войны противъ Россіи,—представлялъ, что послѣ трудно будетъ дождаться болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Узнали, что стольникъ литовскій, Петръ Сапѣга, старается въ пользу Шведовъ, набираетъ для нихъ войско и обучаетъ его, уговариваетъ шляхту, суля офицерскія мѣста съ шведскими пенсіями. Молодой Орликъ писалъ отцу своему въ Яссы: что Россія потеряла въ Финляндіи больше половины войска отъ болѣзней; что въ Россіи находится сильная партія въ пользу сверженнаго императора. „Увидимъ“, писалъ Орликъ, „что произойдетъ на будущемъ сеймѣ; всего желательнѣе было бы внушить королю Польскому, чтобъ онъ соединился съ народомъ и не упускалъ самаго удобнаго случая къ освобожденію своего королевства отъ русскаго притѣсненія и къ возвращенію завоеванныхъ Россіею польскихъ областей: чрезъ это онъ получилъ бы успѣхъ въ своихъ частныхъ видахъ относительно наслѣдственности Польской короны въ его Домѣ“. Но королю не-съ-кѣмъ было соединяться: народъ въ Польшѣ, т.-е. шляхта, въ огромномъ большинствѣ, не сочувствовала шведскимъ внушеніямъ, и де-Бона былъ схваченъ въ Данцигѣ. Въ концѣ іюля Кейзерлингъ писалъ, что нечего опасаться относительно Польши, и великій гетманъ будетъ вести себя постояннымъ вслѣдствіе милости, оказанной ему императрицею[1]).

Другая сосѣдняя держава, Турція, казалось, была доступнѣе враждебнымъ, т.-е. французскимъ и шведскимъ, внушеніямъ. Вешняковъ въ началѣ 1742 года уже доносилъ, что французскій посолъ внушаетъ Портѣ, будто Шведы начали войну съ Россіею въ ея пользу, всячески старается, чтобъ Турки помогли Шведамъ деньгами и позволили Татарамъ впасть въ русскіе предѣлы; но Турки не давались въ обманъ: „Я“, писалъ Вешняковъ, „всякое французское коварство и слабость Портѣ довольно истолковалъ, въ чемъ англійскій посолъ не мало помогаетъ, котораго дружбою и конфиденціею нынѣ зѣло доволенъ“. Въ половинѣ апрѣля Вешняковъ доносилъ, что война у Турокъ съ Персіею дѣло рѣшенное, поэтому Порта такъ занята и затруднена, что ни о чемъ другомъ и подумать не можетъ, хотя съ французской стороны и внушается, что Порта должна поддержать Швецію въ войнѣ ея съ Россіею, именно для того, чтобъ быть безопасною отъ Россіи во время своей войны съ Персіею, хотя шведскій посланникъ Карлсонъ хлопоталъ о заключеніи союза между Турціею и Пруссіею, въ силу котораго Пруссіи позволено было бы набирать войско въ Дунайскихъ княжествахъ; Молдавскій господарь Гика былъ на сторонѣ Карлсона.

---

[1]) Дѣла Польскія 1741—1742 гг. — О Морицѣ у Вебера —Moriz Graf von Sachsen, стр. 181 и слѣд.

Въ сентябрѣ Миралемъ сообщилъ Вешнякову, что по французскимъ настояніямъ визирь принужденъ былъ доложить султану о необходимости помочь Швеціи, по обязательствамъ союза, если не открытою силою, то по крайней мѣрѣ деньгами. Султанъ сильно разсердился на визиря за этотъ докладъ,—сказалъ, что жалѣетъ, что не велѣлъ отрубить голову бывшему рейсъ-еффенди, который былъ главнымъ виновникомъ этого нелѣпаго союза у Турціи съ Швеціею, обманулъ его, султана, увѣреніями, что Швеція такая же великая держава, какъ и Россія. „Когда я былъ въ войнѣ съ Россіею“, продолжалъ султанъ, „то Швеція была спокойна, а когда Франціи понадобилось Россію удержать, то Швеція войну начала. Не хочу и слышать объ этомъ Шведскомъ союзѣ; у меня съ Швеціею договоръ такой же, какой со всѣми христіанскими державами. Не смѣй мнѣ впередъ упоминать объ этомъ дѣлѣ, противномъ интересамъ моимъ и закону, потому что казна моя должна употребляться только въ пользу магометанства и подданныхъ моихъ, а не на субсидіи гяурамъ; нѣтъ мнѣ нужды, хотя и пропадутъ“. Вслѣдствіе этого, Порта отвѣчала кардиналу Флёри, что она не имѣетъ никакой обязанности помогать Швеціи, которая сама объявила войну Россіи, не давши Турціи заранѣе знать о причинахъ войны и не требуя добрыхъ услугъ для ея предотвращенія, что должно было сдѣлать по договору. Разорвать съ Россіею султанъ никакъ не можетъ, потому что послѣдняя держава не подала ни малѣйшей причины къ неудовольствію. Притомъ если бы Турція захотѣла нарушить миръ съ Россіею, то Франція должна ее отъ этого удерживать, какъ поручительница за миръ. Стало быть, французское ручательство не годится, когда сама Франція побуждаетъ къ нарушенію гарантированнаго ею мира, по причинѣ дѣлъ своихъ между христіанами, въ которыя Порта отнюдь мѣшаться не хочетъ. Кромѣ того, находясь наканунѣ войны съ Персіею, неблагоразумно было бы возбуждать противъ себя Россію, такую сильную державу, которая четвертою долею своихъ силъ не только защитилась отъ Швеціи, но и совершенно ее низложила, остальныя же силы свои она употребила бы противъ Порты, вступивъ въ союзъ съ шахомъ. Причины, объявленныя Швеціею, не могутъ произвести не только войны, но даже холодности, слѣдовательно Порта должна признать эту войну несправедливою со стороны Швеціи, и потому не можетъ въ нее вмѣшиваться. На внушенія шведскаго посла, что Швеція начала войну для Порты, отвѣчать много нечего: если Швеція такъ усердствуетъ Портѣ, то ей слѣдовало бы начать войну, когда Турція воевала съ Россіею, а не два года спустя послѣ заключенія мира. Порта имѣетъ полное право разсердиться на такія внушенія, въ которыхъ ясно видно неуваженіе къ ней, ибо разсчитывается на ея неразуміе и легковѣріе. Наконецъ, если бы Порта и хотѣла что-нибудь сдѣлать изъ уваженія къ Франціи, то теперь уже поздно [1]).

Изъ Персіи приходили прежнія диковинныя вѣсти. Когда резидентъ Калушкинъ объявилъ шаху Надиру о вступленіи на престолъ Елисаветы, тотъ отвѣчалъ: что слышитъ объ этомъ со всякою пріятностію и желаетъ, чтобъ держава ея имп. величества во-вѣки была непоколибима; что Русскій престолъ по закону и по праву крови только ей и принадлежитъ, какъ дочери Петра Великаго; что онъ давно желалъ этого событія, потому что о добродѣтеляхъ императрицы онъ давно знаетъ. Въ знакъ своей радости, онъ велѣлъ подарить резиденту 1,000 рублей и кафтанъ съ кушакомъ и чалмою, студенту Братищеву—триста рублей, толмачу—двѣсти. Но послѣ этихъ учтивостей Надиръ сейчасъ же заявилъ слѣдующія требованія: 1) чтобъ отпустили назначенныхъ для Персіи и задержанныхъ въ Кизлярѣ 200 лошадей, и чтобъ дозволено было покупать въ Россіи и большее число лошадей и верблюдовъ; 2) чтобъ прислали ему десять мореходныхъ судовъ, изъ которыхъ три были бы вооружены и наполнены артиллерійскими припасами, снабжены матросами и пушкарями, чтобъ съ ихъ помощію онъ, шахъ, могъ искоренить своихъ бунтовщиковъ, живущихъ на островѣ Каспійскаго моря; 3) чтобъ остальныя семь судовъ были нагружены хлѣбомъ, для закупки котораго онъ пошлетъ нарочныхъ въ Астрахань; хлѣбъ долженъ быть доставленъ въ ближайшія къ его лагерю гавани. Лагерь находился попрежнему около Дербента и множество персидскаго войска помирало отъ стужи и голода, не говоря уже объ истребительныхъ битвахъ съ Лезгинцами, которые въ послѣдней битвѣ едва не захватили въ плѣнъ самого шаха. Калушкинъ попрежнему не пророчилъ Надиру ничего добраго, кромѣ окончательнаго разоренія Персіи отъ безумнаго Дагестанскаго похода, въ продолженіи котораго шахъ упорствуетъ; резидентъ писалъ, что единственное средство умѣрить его требованія—это двинуть войско къ границѣ и потомъ не обращать на завоевателя Индіи никакого вниманія. Угождать Надиру, исполнять его требованія вовсе не согласно съ русскими интересами, ибо если суда разъ попадутъ въ его руки, то возвратить ихъ будетъ очень трудно; пока шахово желаніе завести на Каспійскомъ морѣ персидскій флотъ продлится,—до тѣхъ поръ русскія суда всегда будутъ находиться въ безпокойствѣ. Персіяне всегда будутъ дѣлать разные происки для полученія съ нихъ людей и матеріаловъ. Калушкинъ, опасно заболѣвшій отъ непріятностей, трудовъ и всякаго рода лишеній въ Персіи, жаловался на Остермана, который заставлялъ его терпѣть все это, чтобъ не раздражать Надира, тогда какъ снисхожденіямъ и ласкою съ этими варварами ничего сдѣлать нельзя; всѣ представленія резидента, чтобъ посту-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1742 года.

нать съ Персіею смѣло и рѣшительно и тѣмъ внушать уваженіе,—были презрѣны Остерманомъ. Калушкинъ совѣтовалъ даже прекратить на нѣсколько времени торговыя сношенія съ Персіею и тѣмъ усмирить шахову гордость; пусть персидскіе купцы ѣздятъ въ Астрахань, этимъ русскіе купцы освободятся отъ насилій, которыя они терпятъ въ Персіи.

Калушкинъ умеръ; но представленія его были приняты новымъ Русскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе-что оскорбленія, нанесенныя русскому консулу въ Рящѣ, Арапову, убѣждали въ необходимости перемѣнить ласку на угрозу. Преемникъ Калушкина, переводчикъ Братищевъ, писалъ въ іюлѣ, что извѣстіе о постоянномъ движеніи русскихъ войскъ къ Кизляру испугало Надира и сбавило спеси. И Братищевъ, подобно Калушкину, постоянно писалъ, что Персіянъ бояться нечего: „Смѣю рабски донести, что для укрощенія такого безпокойнаго сосѣда никакой трудности не предвидится; для завладѣнія всѣмъ персидскимъ лагеремъ нужно 10, много 15 тысячъ регулярнаго войска, да столько же нерегулярнаго. Множество знатныхъ Персіянъ, даже придворные ближніе евнухи усердно желаютъ подчиниться Россіи; Дербентцы, горожане и сельскіе жители, боясь истребленія отъ тирана, денно и нощно просятъ у Бога избавленія, и подчиненіе Россіи сочтутъ за великое счастіе: однимъ словомъ, во всей Персіи едва-ли найдется одинъ человѣкъ, который бы не имѣлъ склонности къ русскому подданству“.

Въ октябрѣ Братищевъ доносилъ, что шахъ намѣренъ напасть на Кизляръ, прибавляя, что всѣ горскіе народы нетерпѣливо желаютъ съ русской стороны наступленія на шаха. Донесенія Братищева о всеобщемъ неудовольствіи подтверждались тѣмъ, что открытъ былъ заговоръ родного сына Надирова противъ жизни отцовской; а сынъ на допросѣ обвинялъ отца, что тотъ хотѣлъ его отравить. „Шахъ“, писалъ Братищевъ, „въ неумѣренной запальчивости находится и рѣдко дѣла выслушиваетъ, только твердитъ о преступленіяхъ сына, причитая, что попадется подъ языкъ. Весь лагерь трепещетъ, и никто не смѣетъ подступить съ докладами къ суровому тирану“. Надиръ велѣлъ ослѣпить сына. Въ ноябрѣ и началѣ декабря Братищевъ продолжалъ писать о враждебныхъ намѣреніяхъ шаха противъ Россіи; но потомъ увѣдомилъ, что намѣренія эти отмѣняются по совѣтамъ любимца шахова, мирзы Зеки, и главнаго муллы, который внушалъ, что Русскіе будутъ дѣйствовать противъ Персіи сухимъ путемъ и моремъ, Андреевцы и Кабардинцы вооружатся, какъ русскіе подданные; наконецъ Россія подниметъ Дагестанцевъ и Турокъ; въ Кизлярѣ русскій генералъ съ большимъ войскомъ уже прибылъ. Во второй половинѣ декабря снова предостереженіе отъ Братищева относительно враждебныхъ намѣреній Надира, который отъ другихъ слышитъ внушенія, что на Россію легко напасть, и между такими находится англичанинъ Эльтонъ, построившій себѣ корабль на Каспійскомъ морѣ; на этомъ кораблѣ Эльтонъ изъявлялъ готовность перевозить людей и съѣстные припасы въ случаѣ похода шахова на Россію; но, какъ видно, самымъ сильнымъ побужденіемъ къ походу въ Россію служило для Надира желаніе загладить безславіе неудачнаго похода противъ горскихъ народовъ [2]).

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. 1743 годъ.

Новыя возвращенія ссыльныхъ.—Дѣятельность Сената.—Донесеніе прокуроровъ о безпорядкахъ въ разныхъ учрежденіяхъ. — Подрядчики въ Сенатѣ.—Финансы.—Коммисія о воровскомъ клеймѣ.—Мѣры относительно торговли и промышленности. — Крестьяне. — Возстаніе Мордвы. — Мѣры относительно новокрещеныхъ инородцевъ.—Раскольники. — Столкновеніе Сената съ Синодомъ. — Мѣры относительно религіознаго образованія.—Намѣреніе удалить церкви иностранныхъ исповѣданій съ Невскаго проспекта въ Петербургѣ.—Приготовленія къ путешествію императрицы въ Москву и Кіевъ.—Дѣла внѣшнія.—Конгрессъ и миръ въ Або.—Послѣдующія отношенія Россіи къ Швеціи.—Сношенія съ Франціею.—Лопухинское дѣло.—Сношенія съ Австріею и Англіею.—Интриги въ Петербургѣ.

Въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы возвращали изъ ссылки и возстановляли въ прежнемъ значеніи недавнихъ опальныхъ, о которыхъ память была свѣжа и которые могли имѣть усердныхъ напоминателей. Только въ началѣ 1743 года вспомнили о вѣрномъ слугѣ Петра и Екатерины: Антонъ Девьеръ, „который безвинно страдалъ“, пожалованъ былъ прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта, графскимъ достоинствомъ и орденомъ Александра Невскаго [1]). Семеновскаго полка прапорщикъ Алексѣй Шубинъ, сосланный, какъ утверждали, императрицею Анною за связь его съ Елисаветою, былъ пожалованъ въ Семеновскій же полкъ премьеръ-маіоромъ и притомъ генералъ-маіоромъ за то, что „безвинно претерпѣлъ многія лѣта въ ссылкѣ въ жестокомъ заключеніи“ [3]).

Неизвѣстно по какому поводу, въ самомъ началѣ года, Сенату было запрещено начинать дѣла по предложеніямъ, письменнымъ или словеснымъ, безъ

[1]) Журналы Сената, 15 февраля.

[2]) Дѣла Персидскія 1742 года.

[3]) Журналы Сената, 27 марта.

письменнаго указа за рукою императрицы [1]). Елисавета въ продолженіи года четыре раза присутствовала въ Сенатѣ, занятія котораго въ этомъ году увеличились донесеніями прокуроровъ о безпорядкахъ, происходившихъ по разнымъ учрежденіямъ. Такъ, генералъ-прокуроръ предложилъ донесеніе прокурора Бергъ-Коллегіи Василья Суворова [2]), что въ концѣ прошлаго 1742 года президентъ этой Коллегіи, пріѣхавъ въ присутствіе и не собравъ членовъ, одинъ сочинилъ и подписалъ опредѣленіе о свободѣ изъ-подъ караула на поруки заводчика Бѣлова; это опредѣленіе послѣ вице-президентъ, одинъ совѣтникъ и два ассесора закрѣпили, но два другіе совѣтника и одинъ ассесоръ подали особливое мнѣніе, что Бѣлова освободить нельзя. Тутъ дѣло кончилось, но черезъ мѣсяцъ съ чѣмъ-нибудь явилось опредѣленіе, за руками президента, вице-президента и ассесоровъ, чтобъ представить объ освобожденіи Бѣлова въ Сенатъ, тогда какъ остальные члены Коллегіи не имѣли никого понятія, когда этотъ приговоръ сочиненъ и подписанъ: секретарской руки на немъ не было, и потому полагали, что онъ сочиненъ и подписанъ внѣ Коллегіи. Прокуроръ словесно и письменно протестовалъ противъ такого веденія дѣла, но его не послушали, возвратили ему его протестъ назадъ и послали въ Сенатъ донесеніе объ освобожденіи Бѣлова. Сенатъ приказалъ: „Впредь Бергъ-Коллегіи поступать порядочно, а не такъ, какъ оная нынѣ учинила, а противъ прокурорскаго доношенія, что протоколъ явился сочиненъ внѣ Коллегіи, взявъ отъ Коллегіи отвѣтъ, изслѣдовать“. Въ Коммерцъ-Коллегіи опредѣлено было для осмотра поташныхъ заводовъ отправить ассесора Красовскаго, а потомъ въ журналѣ записано, чтобъ для этого отправить изъ Нижегородской губерніи офицера, а прежнее опредѣленіе о Красовскомъ отмѣнить. Прокуроръ остановилъ новое рѣшеніе, требуя исполненія стараго, — Коллегія не согласилась, и Сенатъ высказался въ пользу прокурора [3]). Архангельской губерніи прокуроръ донесъ, что секретари ходятъ въ канцелярію всякій по своей волѣ, отчего колодниковъ держатъ очень долго, а челобитчикамъ напрасная волокита и разореніе; кромѣ того, вслѣдствіе нехожденія секретаря, доимка осталась безъ взысканія, и когда прокуроръ сталъ взыскивать на секретарѣ, то тотъ отвѣчалъ очень неучтиво, „а отъ губернатора въ томъ ему никакого сокращенія не учинено“. — Прокуроръ Коллегіи-Экономіи доносилъ, что члены въ засѣданіи всѣ никогда не бываютъ, а которые и бываютъ, то одинъ безъ другого хотя бы и неважныхъ дѣлъ не слушаютъ, отчего дѣла тянутся долго. — Архангельскій губернскій прокуроръ доносилъ, что въ Архангельскѣ и Вологдѣ въ правленіи полицейской должности не только великое упущеніе или слабое смотрѣніе, но вовсе надлежащая полицейская должность оставлена, отъ полиціи остается одно названіе, а исправленія никакого нѣтъ. Въ апрѣлѣ генералъ-прокуроръ предлагалъ Сенату [4]): усмотрѣно, что обрѣтающіеся въ Москвѣ президенты и члены въ коллегіи, канцеляріи и приказы пріѣзжаютъ очень поздно, не ранѣе девятаго часа пополуночи, и потому дѣлъ рѣшается очень мало; приказали: подтвердить накрѣпко, чтобъ пріѣзжали и уѣзжали въ указанные часы. Но это подтвержденіе не дѣйствовало: ноября 1 генералъ-прокуроръ предложилъ, что сегодня, въ исходѣ седьмаго часа пополуночи, посылалъ онъ по коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ осмотрѣть — присутствующіе имѣютъ ли засѣданіе по Регламенту, но посланные не нашли не только никого изъ судей, но и секретарей, — кромѣ Военной Коллегіи и губернской канцеляріи, никого нигдѣ не было [5]). Опять посланы указы, чтобъ съѣзжались по Генеральному Регламенту, въ противномъ случаѣ будутъ платить штрафъ. О безпорядкахъ въ разныхъ коллегіяхъ доносили прокуроры; но главный коммисаріатъ самъ извѣстилъ Сенатъ о своемъ странномъ распоряженіи: безъ слѣдствія и не требуя указа отъ Сената, онъ послалъ указъ въ Бѣлгородскую губернію объ отрѣшеніи отъ должности Сѣвскаго воеводы [6]). Начальникъ коммисаріата долженъ былъ за это просить прощеніе у Сената.

Любопытную черту изъ дѣятельности Сената описываемаго года составляютъ переговоры его съ подрячиками на кронштадтскія работы [7]). 3 іюня допущены были въ собраніе Сената каменнаго дѣла подрядчики; сенаторы долго уговаривали ихъ взять кладку каменныхъ стѣнъ канала и теску плитъ съ платою посаженно, но подрядчики не соглашались, говоря, что на такую посаженную работу каменьщики нейдутъ и они ихъ набрать не могутъ, а помѣсячно возьмутъ за шесть рублей на человѣка, и когда въ дѣло вступятъ, то, разсмотрѣвъ обстоятельно работы, черезъ мѣсяцъ надѣются взять и посаженно. Сенатъ находился въ большомъ затрудненіи, потому что именнымъ указомъ запрещено было при этой работѣ нанимать каменьщиковъ за помѣсячную или поденную плату, кромѣ необходимыхъ мѣстъ. Однако, дѣлать нечего: видя упорство подрядчиковъ, Сенатъ рѣшилъ нанять ихъ помѣсячно съ тѣмъ, чтобъ черезъ мѣсяцъ, по разсмотрѣніи тѣхъ работъ, нанялись посаженно и поштучно, къ чему опредѣленные къ работамъ офицеры должны ихъ прилежно склонять. Сенаторы опять принялись уговаривать подрядчиковъ, чтобъ помѣсячно просили цѣну настоящую; представляли, что имъ при этомъ строеніи никакихъ притѣсненій, обиды и удержки заработныхъ денегъ не будетъ; если же хотя малая отъ кого-нибудь будетъ обида, то позволяется имъ приходить прямо въ

[1]) Журналы Сената, 11 января.
[2]) Журналы Сената, 3 марта.
[3]) Журналы Сената, 3 октября.
[4]) Журналы Сената, 21 апрѣля.
[5]) Журналы Сената, 1 ноября.
[6]) Журналы Сената, 7 сентября.
[7]) Журналы Сената, 3 іюня.

Сенатъ съ жалобою. Но подрядчики меньше шести рублей на человѣка въ мѣсяцъ не взяли, представляя, что они не надѣются нанять каменьщиковъ за меньшую цѣну и боятся такой же бѣды, какъ до сихъ поръ два подрядчика за непоставку по договору каменьщиковъ лѣтъ девять держатся подъ карауломъ въ конторѣ кронштадтскихъ строеній. Тогда сенаторы объявили имъ послѣднюю цѣну—по 5 рублей на мѣсяцъ, причемъ объявленъ имъ высочайшій указъ, что кромѣ Кронштадта каменьщики другой работы въ Петербургѣ не сыщутъ нигдѣ. Съ этимъ подрядчики были отпущены, а въ контору кронштадтскихъ строеній посланъ указъ: велѣно прислать въ Сенатъ вѣдомость, какіе именно два подрядчика въ какомъ дѣлѣ содержатся и почему такъ долго не выпущены. 6 іюня подрядчики опять явились въ Сенатъ и объявили, что изъ шести рублей болѣе 10 копѣекъ имъ уступить нельзя, потомъ сбавили еще 5 копѣекъ. Сенатъ доложилъ императрицѣ; но до 21 числа высочайшей резолюціи на этотъ докладъ не послѣдовало, и потому Сенатъ приказалъ Адмиралтейской Коллегіи имѣть крайнѣйшее стараніе въ прискании другихъ каменьщиковъ и плотниковъ. Муку въ казну покупали куль въ 9 пудовъ по 2 рубля; крупу четверть въ 8 пудовъ по 2 рубля 80 коп. Сенатъ уговаривалъ купцовъ, 19 человѣкъ, уступить, но не уступили, потому что уплата должна была производиться въ слѣдующемъ 1744 году [1]).

Работы становились дороги, а финансовая машина попрежнему шла медленно. Президентъ Штатсъ-Конторы внесъ въ Сенатъ докладъ, что контора на разные нужнѣйшіе расходы должна отпустить большія суммы денегъ, но ей должна Коллегія-Экономіи 141,024 рубля, да Сибирскій Приказъ 105,562 руб., и по неоднократнымъ указамъ изъ Сената до сихъ поръ ничего не платятъ: объявили разныя отговорки [2]). Доимки не выплачивались; угрозы губернаторамъ и воеводамъ не помогали; принялись за Камеръ-Коллегію: ей предписано, чтобъ она сама, не складывая на губернаторовъ и воеводъ, старалась о взысканіи доимокъ и бездоимочномъ сборѣ настоящихъ доходовъ,—въ противномъ случаѣ штрафъ будетъ наложенъ на ея членовъ и секретарей. Сенатъ узналъ, что губернаторы, воеводы и приказные люди берутъ даромъ казенныя питья изъ кабаковъ, а изъ таможенъ дрова и свѣчи: послѣдовало запрещеніе [3]). Одинъ Нѣмецъ предложилъ завести клейменыя карты, брать съ нихъ пошлину по 15 копѣекъ съ игры, и клейменыя отдавать на откупъ, но Сенатъ отвергъ предложеніе, потому что указами Петра Великаго и Анны Іоанновны игра въ карты на деньги была запрещена [4]).

Возобновили, какъ было при Петрѣ, Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи; естественно было возобновить Главный Магистратъ, учрежденный Преобразователемъ для „собранія разсыпанной храмины“, и въ маѣ описываемаго года Главный Магистратъ возстановленъ; оберъ-президентомъ его былъ назначенъ князь Василій Хованскій [5]). Новый годъ начался учрежденіемъ слѣдственной коммисіи о воровскомъ клеймѣ. Коммисія усмотрѣла, что многія изъ приличившихся по тому дѣлу иностранныхъ купцовъ ввозимые въ Россію изъ-за моря товары клеймили поддѣльными клеймами, также изъ пакгауза многіе товары, по согласію съ таможенными служителями, воровски вывозили, и вмѣсто нихъ ввозили другіе, недорогіе товары [6]). Купцы повинились, и всѣхъ ихъ освободили съ тѣмъ, чтобъ они сумму утаенныхъ пошлинъ, въ какой сами признались, именно 21,000 рублей, заплатили вдвое въ одну недѣлю. Преступленіе было прощено, лишь бы поскорѣе дали денегъ. Такъ и въ другой разъ, когда дѣло пошло о скорѣйшей выручкѣ денегъ, то отступили отъ правила возвращаться къ постановленіямъ Петра Великаго и оставили въ силѣ указъ Анны Леопольдовны. Петръ Великій оставилъ казенными товарами только поташъ и смольчугъ, а прочіе товары „уволилъ въ народъ“; но въ правленіе Анны Леопольдовны смолу сдѣлали опять казеннымъ товаромъ. Теперь, на основаніи указа о возстановленіи распоряженій Петра Великаго, хотѣли-было и смоляной торгъ уволить въ народъ; но соблазнились, разсчитавши прибыль отъ казеннаго торга, и оставили смолу за казною [7]). Только тамъ, гдѣ дѣло шло о религіозномъ интересѣ, Елисавету нельзя было соблазнить никакою выгодою. Сенатъ подалъ докладъ, что отъ прошлогодняго указа о недопущеніи Жидовъ въ имперію торговля какъ въ Малороссіи, такъ и въ Остзейскихъ областяхъ потерпѣла большой ущербъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерпитъ и казна отъ уменьшенія пошлинъ. Императрица написала такую резолюцію: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“ [8]). Остались вѣрны правилу Петра Великаго развивать торговлю распространеніемъ просвѣщенія, здравыхъ понятій о торговлѣ между купцами. Коммерцъ-Коллегіи президентъ объявилъ Сенату, что Коллегія поручила секретарю академіи наукъ Волчкову перевесть экстрактъ изъ Саваріева лексикона о коммерціи съ Французскаго на Русскій языкъ, котораго нѣсколько уже и переведено, а остальное Волчковъ обѣщается перевесть, только требуетъ за такое многотрудное дѣло 500 рублей; Коллегія представляетъ, не угодно ли будетъ во славу императора Петра Великаго и для пользы русскому купечеству въ будущемъ эту книгу перевесть и означенныя деньги выдать, ибо отъ перевода ея можетъ произойти только государственная прибыль и слава Россіи. Приказали: „означенный экстрактъ со всякою исправностію секретарю Волчкову пе-

[1]) Журналы Сената, 9 сентября.
[2]) Журналы Сената, 22 сентября.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 8734.
[4]) Журналы Сената, 10 марта.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 8734.
[6]) Журналы Сената, 5 февраля, 10 марта.
[7]) Полн. Собр. Зак., № 8790.
[8]) Полн. Собр. Зак., № 8840.

ревесть, и ему пять сотъ рублевъ, ежели меньше не возьметъ, выдать"[1]).

Для увеличенія доходовъ сочли нужнымъ устроить особое управленіе казенными рыбными промыслами на Нижней Волгѣ и Яикѣ[2]), главнымъ командиромъ астраханской рыбной конторы назначенъ былъ вице-президентъ Раевскій; въ его командѣ были начальники саратовской и гурьевской рыбныхъ конторъ; товарищемъ главнаго командира въ Астрахани назначенъ московскій купецъ Мыльниковъ на пять лѣтъ, до будущаго усмотрѣнія; для размноженія промысловъ назначено было 55,000 рублей, а Мыльниковъ обязался, что казна будетъ получать ежегодно прибыли не меньше 50,000 рублей. На юго-востокѣ правительство занималось устройствомъ прибыльныхъ рыбныхъ промысловъ; на Сѣверномъ океанѣ частные люди ходили промышлять на отдаленный Шпицбергенъ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ. Въ описываемомъ году доставлены были въ Петербургъ изъ Любека отъ русскаго резидента 12 человѣкъ крестьянъ Мезенскаго уѣзда, которые для моржеваго промысла были на „окіанѣ островѣ Грумантѣ", гдѣ ихъ судно великимъ волненіемъ разломало надвое и потопило, а они спаслись на „щерботѣ" и взяты на голландскій корабль, на которомъ привезены были въ Амстердамъ къ русскому резиденту, а оттуда въ Гамбургъ и Любекъ. Адмиралтейская Коллегія выдала имъ паспорты для возвращенія на родину и на дорогу надѣлила сухарями для ихъ бѣдности[3]).

Относительно нѣкоторыхъ отраслей промышленности приходили къ печальному убѣжденію, что передача казенныхъ заводовъ въ частныя руки повредила производству.

Въ іюнѣ императрица дала указъ Сенату, что производство кирпича и черепицы никуда не годится: кирпичъ худъ, а черепицу только для виду дѣлаютъ, крѣпости въ ней никакой нѣтъ, гдѣ употреблена на кровли,—вездѣ течетъ насквозь и трескается. Въ такое дурное состояніе производство пришло послѣ кончины родителей императрицы, когда казенные заводы вовсе уничтожены и въ частныя руки отданы, а частные владѣльцы не соблюдаютъ старыхъ обрядовъ при работѣ: глину заранѣе не готовятъ, не мнутъ ея какъ слѣдуетъ, сараевъ не имѣютъ и пр.[4]). Для возобновленія этого производства чрезъ архитектора Осипа Дрезина выписаны изъ Италіи мастера кирпичнаго и черепичнаго дѣла два человѣка, которые съ названнымъ архитекторомъ отыскали годную глину на казенныхъ земляхъ по обѣ стороны Невы рѣки, на московской сторонѣ, гдѣ и слѣдуетъ устроить новые заводы, а для обученія тому мастерству дать содатскихъ дѣтей изъ гарнизонной школы. Суконное и полотняное производство шло хорошо въ частныхъ рукахъ. Воронежскій купецъ Постоваловъ завелъ въ Воронежѣ суконную фабрику въ 1739 году, употребивъ на на нее 40,000 капитала; теперь она явилась въ добромъ состояніи, и Постовалову позволено было завести еще бумажный заводъ, а для вспоможенія правительство дало ему казенный каменный домъ въ Воронежѣ, Липскую суконную фабрику, которая не пошла въ рукахъ иностранца Аріольти, инструменты и мастеровыхъ людей съ фабрикъ, отнятыхъ у Сахарова и Плотникова за „неразмноженіе ихъ суконныхъ фабрикъ"; позволило купить деревню до 50 дворовъ, съ тѣмъ, чтобы крестьянъ, кромѣ фабрики, не употреблять никуда. За эти милости Постоваловъ обязанъ былъ приготлять мундирныя сукна и каразеи—на первые годы не меньше 30,000 суконъ въ годъ, а впредь—съ умноженіемъ[5]). Относительно выдѣлки полотенъ возобновленъ былъ указъ Петра Великаго, чтобъ дѣланы были широкія полотна, какія требовались за-границу[6]). Съ казенной Почепской фабрики продано было купцу Тиммерману 6,500 кусковъ по 4,31 копѣйки за кусокъ[7]). 16 декабря императрица, присутствуя въ Сенатѣ, устно приказала, чтобъ Коммерцъ-Коллегія вмѣстѣ съ магистратомъ разсмотрѣли, отчего какъ шелковые, такъ и другіе товары сильно вздорожали[8]).

Шведская война прекратилась; но положеніе европейскихъ дѣлъ не давало ручательства за продолжительное сохраненіе мира, не позволяло надѣяться на значительное уменьшеніе расходовъ на войско. Кромѣ того, возстановляя во всемъ распоряженія Петра Великаго, должны были позаботиться о любимомъ его учрежденіи—флотѣ, который, какъ доносили, находился въ жалкомъ положеніи. Въ концѣ года корабельный подмастерье Острецовъ подалъ императрицѣ доносъ на адмиралтейство, что оно и флотъ находится въ весьма слабомъ состояніи, магазины опустошены, гавани въ Кронштадтѣ корабельными днищами засорены и обмелѣли, для вычищенія ихъ машинъ нѣтъ, мачтовые лѣса безъ остатку погноены, люди при флотѣ и верфяхъ безмѣрно загнаны; когда флотъ долженъ выходить въ море противъ непріятеля, тогда провіантъ закупаютъ, пива варить подрядомъ начинаютъ, смолу купить пріискиваютъ, купеческія суда для перевозки нанимаютъ, а все съ немалою передачею казны[9]).

Внѣшняя война прекратилась, но войско надобилось для внутренней войны, для войны съ разбойниками, театромъ которой попрежнему служила восточная окраина Европейской Россіи. Въ самомъ началѣ года Сенату докладывано, что, по челобитью казанскихъ землевладѣльцевъ, для поимки бѣглыхъ крестьянъ и для искорененія воровъ по рѣкамъ Волгѣ, Медвѣдицѣ, Карамышу и въ сара-

---

[1]) Журналы Сената, 26 іюля.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 8730.
[3]) Журналы Сената, 12 декабря.
[4]) Журналы Сената, 14 іюня.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 8698.
[6]) Полн. Собр. Зак., 8826.
[7]) Журналы Сената, 2 сентября.
[8]) Журналы Сената. 16 декабря.
[9]) Журналы Сената, 14 декабря.

товской степи опредѣлено послать штабъ-офицера съ командою [1]). Донской атаманъ донесъ, что всѣ казачьи хутора, въ которыхъ бѣглецамъ не безъ пристанища было, искоренены, а бѣглыхъ, скрывавшихся въ станицахъ и лѣсахъ, отправили въ крѣпость Св. Анны въ Царицынъ и другія мѣста. Но осенью нижегородская губернская канцелярія доносила, что въ тамошней губерніи являются воры и разбойники великими компаніями, сухимъ и водянымъ путями, а канцелярія, за неимѣніемъ солдатъ, искоренить ихъ не можетъ [2]). Сенатъ велѣлъ изъ стоящихъ по близости полковъ опредѣлить пристойную команду. По Петербургской дорогѣ было воровство и разбои; недалеко отъ Москвы разбили морского офицера [3]). Въ самой Москвѣ крестьянинъ Зацѣпляевъ, собравшись съ гренадеромъ Лейбъ-Компаніи Тѣлесниковымъ и съ дворовыми людьми, всего десять человѣкъ, ѣздили за Калужскія ворота и Донской монастырь для разбою въ два дома [4]).

Кромѣ погони за разбойниками, въ той же Нижегородской губерніи войско должно было выдержать бой съ Мордвою, возставшею по слѣдующему случаю [5]). Нижегородскій архіерей Димитрій (Сѣченовъ), объѣзжая епархію, въ Терешевской волости, въ селѣ Сарлеяхъ, велѣлъ разорить мордовское языческое кладбище, находившіеся подлѣ церкви; за это Мордва собралась и напала на архіерея, который едва отсидѣлся въ погребѣ у священника, пока подоспѣли христіане изъ окрестныхъ деревень. Димитрій, донося объ этомъ происшествіи, писалъ, что бунтовщики не Мордва, а старые русскіе идолопоклонники, по-мордовски говорить не умѣютъ, а говорятъ ярославскимъ нарѣчіемъ, рознясь отъ русскихъ Нижегородцевъ. Какъ бы то ни было, въ Терешевскую волость отправился премьеръ-маіоръ Юнгеръ со командою: велѣно ему Мордву склонять къ покорности, и если не склонятся, то репортовать, а безъ указа съ ними военною рукою не поступать. Но Юнгеръ не имѣлъ возможности исполнить указа, ибо репортовать было нельзя, когда Мордва встрѣтила его съ луками, рогатинами и огнестрѣльнымъ оружіемъ въ числѣ 1,000 человѣкъ и начала стрѣлять въ его команду. Юнгеръ долженъ былъ вступить въ бой и поразилъ непріятеля: у Мордвы побито 35 человѣкъ, живыхъ взято 136, въ томъ числѣ раненыхъ 31, а въ командѣ ранено 5 человѣкъ. Послѣ этого Мордва стала просить прощенія; Юнгеру велѣно было заводчиковъ и пущаго— Несмѣянку—прислать въ губернскую канцелярію, остальныхъ простить и объявить имъ, что если кто хочетъ принять Христіанскую вѣру, пусть подастъ просьбу епископу Димитрію. Въ губернскую канцелярію прислано было 130 человѣкъ заводчиковъ. Главный изъ нихъ, новокрещенъ Несмѣянко кривой, за то, что отступилъ отъ христіанства, снявъ съ себя крестъ, раскололъ икону, приговоренъ къ сожженію; но къ архіерею Синодъ долженъ былъ послать указъ, чтобъ неволею никого не крестилъ и не озлоблялъ.

Обрусѣлые, если не Русскіе, язычники нападають на архіерея, вступаютъ въ битву съ войскомъ правительства, новокрещенный снимаетъ съ себя крестъ, рубитъ икону и становится главою возстанія идолопоклонниковъ! Мы видѣли, что въ царствованіе Анны лучшимъ средствомъ для успокоенія областей стараго Казанскаго царства считали распространеніе и утвержденіе христіанства между иновѣрными его жителями, и въ 1740 г. назначенъ былъ для этого дѣла въ Казань Димитрій Сѣченовъ, тогда еще архимандритъ. При Елисаветѣ онъ представилъ въ Синодъ [6]), что въ мѣстахъ, населенныхъ новокрещенами, необходимо построить по меньшей мѣрѣ 30 деревянныхъ церквей, ибо новобращенные отъ русскихъ селъ живутъ въ разстояніи осьмидесяти, ста и болѣе верстъ, и что на это церковное строеніе надобно употребить 9,000 рублей, считая каждую церковь въ 300 рублей. Сенатъ нашелъ, что эта сумма велика, что Коллегія Экономіи должна отпустить только половину, а издержка сократится тѣмъ, что церкви будутъ строиться мѣстными жителями, даже и тѣми, которые не захотятъ креститься; указалъ, какъ пріобрѣсти подешевле книги, колокола, утварь. По доношенію того же Сѣченова, Синодъ представлялъ, что до построенія церквей нужно къ каждымъ 250 дворамъ посвятить по два священника, по одному діакону и по три церковника, которые будутъ наблюдать за строеніемъ церквей, новокрещенныхъ будутъ обучать Закону Божію, а дѣтей ихъ—грамотѣ, и всячески стараться вводить между ними христіанскіе обычаи, а требы исправлять хотя при часовняхъ; жалованье имъ давать—священникамъ по 30 рублей и по 30 четвертей хлѣба, дьяконамъ—по 20 рублей и по 20 четвертей хлѣба, а церковникамъ—по 15 рублей и по 15 четвертей хлѣба. По указу 1740 года велѣно было новокрещеновъ переселять изъ тѣхъ деревень, гдѣ они живутъ вмѣстѣ съ иновѣрцами; но Сѣченовъ представилъ, что въ деревняхъ новокрещеновъ бываетъ большинство, и переселеніе будетъ имъ убыточно и зазорно, какъ будто за принятіе Св. крещенія они лишаются старинныхъ своихъ жилищъ, что отвратитъ многихъ иновѣрцевъ отъ крещенія; слѣдовательно гораздо лучше переселять иновѣрцевъ, которые, не желая лишиться прежнихъ своихъ домовъ и земель, придутъ всѣ къ Св. крещенію *самовольно*. Сенатъ согласился съ этимъ представленіемъ. Согласился и на возобновленіе стараго распоряженія: чтобъ принимавшіе крещеніе холопи и крестьяне иновѣр-

---

[1]) Журналы Сената, 29 января.
[2]) Журналы Сената, 20 сентября, 28 ноября.
[3]) Журналы Сената, 5 декабря
[4]) Журналы Сената, 19 декабря.
[5]) Журналы Сената, 19 декабря.—Кромѣ того, дѣла въ Государ. Архивѣ.

[6]) Полн. Собр. Зак., № 8792.

ныхъ землевладѣльцевъ освобождались отъ крѣпостной зависимости, а если сами землевладѣльцы примутъ христіанство, то получаютъ постарому своихъ холопей и крестьянъ; чтобъ принявшіе крещеніе освобождены были на три года отъ всѣхъ поборовъ, которые должны быть разложены на оставшихся въ иновѣріи; чтобъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ по кабаламъ у заимодавцевъ, были отъ нихъ освобождены; чтобъ тѣ изъ иновѣрцевъ, которые содержатся подъ карауломъ по маловажнымъ дѣламъ и захотятъ принять крещеніе, освобождались изъ-подъ караула безъ всякаго наказанія. По донесенію Сѣченова, въ 1741 и 1742 годахъ было обращено въ христіанство 17,362 человѣка.

Иновѣрцевъ освобождали изъ-подъ караула и не подвергали наказанію, если они принимали крещеніе, причемъ не возбуждалось подозрѣніе насчетъ побужденій. Иначе смотрѣла раскольничья контора на обращавшихся въ православіе раскольниковъ. Въ Сибири, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, 18 человѣкъ раскольниковъ сожгли сами себя; нѣкоторые, хотѣвшіе послѣдовать ихъ примѣру, были схвачены и обратились въ Православіе; но раскольничья контора представила Сенату [1]), что они обратились, „знатно избывая истязаній“; что надобно ихъ разспросить подъ плетьми о сгорѣвшихъ 18 человѣкахъ и сообщникахъ ихъ; такъ какъ они, не объявивши начальству, допустили этихъ 18 человѣкъ до самосожженія, то подвергаются смертной казни; но такъ какъ они обратились въ Православіе, то слѣдуетъ ихъ для острастки другимъ наказать кнутомъ. Сенатъ приказалъ: конторѣ поступать по точнымъ указамъ, имѣя которые, ей не слѣдовало и представлять въ Сенатъ; обратившихся раскольниковъ не трогать, только смотрѣть, чтобъ они твердо пребывали въ Православіи. Сенатъ долженъ былъ также умѣрить ревность архангельской губернской канцеляріи: архіерейская домовая канцелярія дала ей знать, что въ Мезенскомъ уѣздѣ и другихъ мѣстахъ многочисленными скитами живутъ потаенные раскольники обоего пола, монахи и бѣльцы; доносчикъ признаетъ ихъ изъ шляхетства или знатнаго купечества, или изъ подрядчиковъ, которые можетъ быть бѣжали, забравши изъ казны большія суммы. Губернская канцелярія отправила премьеръ-маіора съ командою забрать всѣхъ раскольниковъ съ пожитками и отправить въ Архангельскъ, а строеніе ихъ сжечь; если же они будутъ сопротивляться, то силою ихъ склонить и увѣщевать; если же вознамѣрятся отбиваться, то по нимъ стрѣлять и захватывать. Сенатъ приказалъ: послать указъ, чтобъ поступали весьма осмотрительно, безъ разоренія и грабежей, и отнюдь бы не вступали въ бой, подъ опасеніемъ военнаго суда; поступать во всемъ такъ, какъ повелѣваютъ прежніе указы о раскольникахъ; а для чего и по какимъ указамъ губернія распорядилась, чтобъ команда по раскольникамъ стрѣляла и пожитки забирала,—прислать доношенія съ первою почтою [2]).

Такъ какъ Синодъ потребовалъ освобожденія изъ-подъ караула и отъ наказанія за небольшія вины тѣхъ иновѣрцевъ, которые примутъ крещеніе, то Сенату естественно было обратиться къ Синоду съ вопросомъ, не слѣдуетъ ли раскольниковъ, уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, освобождать отъ смертной казни, если они обратятся въ Православіе. Съ такимъ вопросомъ обратился Сенатъ по поводу обращенія изъ раскола крестьянина Степанова, совершившаго смертоубійство. Синодъ отвѣчалъ, что онъ не находитъ правилъ Св. Отецъ, чтобъ освобождать отъ смертной казни убійцъ, когда они обратятся къ Св. Церкви, ибо обращеніе къ благочестію отъ вѣчной только смерти избавляетъ, а временная по винамъ смерть присуждается гражданскими законами [3]). Но, спустя короткое время,—новый случай: разбойникъ, крестьянинъ Петровъ, былъ приговоренъ къ смерти; на исповѣди объявилъ себя раскольникомъ и обратился въ Православіе; Нижегородскій епископъ Димитрій представилъ, чтобъ его, не въ образецъ другимъ, къ лучшему исправленію для спасенія душевнаго, отъ смертной казни освободить и заточить въ монастырь. Такъ какъ являлось архіерейское представленіе, то Сенатъ счелъ нужнымъ сообщить въ Синодъ и требовать, „чтобъ св. Синодъ благоволилъ, разсмотря, коимъ образомъ въ такомъ случаѣ съ онымъ Петровымъ поступить надлежитъ, сообщилъ прав. Сенату свое разсужденіе“. Синодъ далъ любопытный отвѣтъ: „Ежели реченный Петровъ отъ смертной казни учинится свободенъ, то св. Синодъ въ монастырь для покаянія его опредѣлитъ“. Сенатъ приказалъ: о томъ колодникѣ до будущаго указа обождать [4]).

Кромѣ сношеній по иновѣрческимъ и раскольничьимъ дѣламъ, Сенатъ имѣлъ съ Синодомъ нѣсколько непріятныхъ объясненій. Коллегія Экономіи разослала по монастырямъ Ростовской епархіи отставныхъ служилыхъ людей; но Ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ не принялъ ихъ на томъ основаніи, что прежде отставные содержались на монашескія порціи, которыя оставались вслѣдствіе сокращенія числа монаховъ по распоряженію Петра Великаго, а теперь всѣ эти порціи издерживаются новопостриженными монахами; въ доношеніи своемъ Арсеній позволилъ себѣ рѣзкія выраженія о воеводахъ и вообще о свѣтскихъ правителяхъ. Синодъ послалъ Арсенію указъ, чтобъ впредь, подъ опасеніемъ штрафа, не употреблялъ подобныхъ поносительныхъ словъ; но Сенатъ не былъ этимъ доволенъ и грозилъ, что если Синодъ не пресѣчетъ такихъ поступковъ, то онъ, Сенатъ, доложитъ императрицѣ [5]).

Другое объясненіе было по поводу возобновлен-

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8786.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 8845.

[3]) Собраніе постановленій по части раскола, I, 434.

[4]) Журналы Сената, 14 декабря.

[5]) Журналы Сената, 23 апрѣля, 18 августа.

наго указа о надзорѣ за соблюденіемъ тишины во время богослуженія. Синодъ прислалъ въ Сенатъ вѣдѣніе, что въ указѣ о безмолвіи въ церквахъ находится лишнее противъ указа Петра Великаго и несогласное съ Духовнымъ Регламентомъ, именно: что у сбора штрафныхъ денегъ должны быть въ церквахъ и монастыряхъ отставные офицеры и солдаты, ибо это дѣло принадлежитъ церкви и ея пастырямъ и должно быть въ вѣдѣніи архіереевъ и священниковъ съ причтомъ. Приказали: объявить Синоду, что опредѣленіе Сената сдѣлано въ силѣ указа Петра Великаго, равно какъ и синодскаго разсужденія 11 января 1723 года: въ указѣ Петра говорится: „Брать штрафъ по рублю съ человѣка, не выпуская изъ церкви, и употреблять на церковное строеніе, для чего употреблять кого пристойно изъ людей добрыхъ“; — ясно, что велѣно употребить людей свѣтскихъ, а не духовныхъ, и при жизни Петра Великаго были у этого сбора свѣтскіе люди; духовнымъ особамъ и церковнослужителямъ смотрѣть за разглагольствующими во время службы Божіей Сенатъ признаетъ неудобнымъ, что отдается на особливое разсужденіе св. Синода [1]).

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Синодъ жаловался, что Тверской воевода Давыдовъ обидѣлъ Тверскаго епископа Митрофана, посылалъ брать въ провинціальную канцелярію къ суду двоихъ семинарскихъ учителей [2]). Воевода, спрошенный Сенатомъ, отвѣчалъ, что поручикъ Фохтъ подалъ ему слѣдующую жалобу: пасынокъ его, пятилѣтній Семенъ Воейковъ, гулялъ у городоваго вала, и учителя семинаріи, взявъ его въ архіерейскій домъ и затаща къ себѣ въ келью, чинили надъ нимъ ругательское мученіе, обнажа били батожьемъ смертно; по свидѣтельству открылось, что ребенокъ дѣйствительно избитъ и оттого боленъ; Фохтъ объявилъ, что онъ двукратно просилъ архіерея на учителей, только никакого рѣшенія не сдѣлано, потому что эти учителя состоятъ съ его преосвященствомъ въ близкомъ родствѣ. Сенатъ приказалъ объявить Синоду, что никакой въ томъ дѣлѣ продерзости со стороны воеводы признать не можетъ. Синодъ возражалъ, что онъ не признаетъ отвѣта воеводы Давыдова вѣроятнымъ, истины познать безъ изслѣдованія не по-чему, а учителя тверскіе ѣздили въ чужія государства и обучались своимъ коштомъ на разныхъ діалектахъ, такъ что достойными учителями оказываются, и если имъ не дать удовлетворенія, то и другіе ученые люди въ Великую Россію пріѣзжать для преподаванія въ школахъ будутъ очень опасаться; а по Регламенту семинарскіе учителя свѣтскому суду не подлежатъ. Тверской архіерей жаловался на своего воеводу; а Коломенскій воевода жаловался на своего архіерея Савву, который запретилъ приходскому священнику исправлять требы въ деревнѣ Свитягинѣ по злобѣ на ея крестьянъ, оспаривавшихъ у него землю; вслѣдствіе этого запрещенія, родильницы оставались безъ молитвъ, умершіе—безъ погребенія [3]).

Но Сенатъ не могъ не согласиться съ Синодомъ относительно требованія расширенія религіознаго образованія. Синодъ представилъ, что россійскіе дворяне и прочихъ чиновъ люди дѣтей своихъ обучаютъ изъ *россійскихъ книгъ* только чтенію Часовника и Псалтыря, а потомъ употребляютъ въ разныя свѣтскія науки, а чтобъ знать всеблагаго Бога и нашу къ нему должность и догматъ Православной христіанской вѣры, въ чемъ истинный путь спасенія нашего состоитъ, тому едва-ли кто обучать старается. Синодъ требовалъ, чтобъ обучали букварю и катихизису, безъ знанія которыхъ ни въ какіе чины не повышать. Сенатъ не только согласился, но и приказалъ съ отцовъ, нерадящихъ о такомъ обученіи дѣтей своихъ, брать штрафъ: съ шляхетства—по десяти, а съ прочихъ — по два рубля [4]).

Дорогая для Синода книга „Камень Вѣры“ была распечатана; но Синодъ не довольствовался этимъ и хотѣлъ запечатать книги, которыя пришли въ Россію счужа въ то время, какъ „Камень Вѣры“ была запечатана. Онъ представилъ Сенату, и Сенатъ издалъ указъ: книгу „О истинномъ христіанствѣ“, Арнта, напечатанную въ 1735 году на Русскомъ языкѣ въ Галле, и книгу „О кончинѣ христіанскаго житія“, безыменнаго автора, какъ несвидѣтельствованныя Синодомъ, отбирать у всѣхъ въ Синодъ, и впредь такихъ книгъ, напечатанныхъ за-границею на Русскомъ языкѣ, въ Россію какъ Русскимъ, такъ и иностранцамъ ни подъ какимъ видомъ не вывозить, чего на границахъ и при портахъ, наблюдая накрѣпко, не пропускать. Русскимъ, находящимся за границею для обученія и прочихъ дѣлъ, объявить и впредь отпускаемымъ подтвердить, чтобы они такихъ книгъ на Русскій языкъ отнюдь не переводили, и внутрь имперіи никакихъ богословскихъ книгъ съ другихъ языковъ на Русскій безъ позволенія Синода переводить запретить [5]).

Соотвѣтственно духу переворота 25 ноября, показалось неприличнымъ, что церкви иностранныхъ исповѣданій находятся въ Петербургѣ на самомъ видномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ. Императрица велѣла пріискать для нихъ другія, болѣе отдаленныя мѣста. Мѣста были пріисканы, составлены планы и смѣты издержкамъ построенія, и рѣшили доложить государынѣ, не соизволитъ ли указать оставить кирхи до будущаго времени на прежнихъ мѣстахъ, потому что по смѣтѣ на строеніе новыхъ денежной казны надобна сумма немалая, а въ настоящее время деньги потребны на самонужнѣйшіе расходы [6]).

Съ октября Дворъ началъ собираться въ Москву. Сенатъ приказалъ: для шествія ея императ.

[1]) Журналы Сената, 18 августа.
[2]) Журналы Сената, 10 ноября 1743 года, 16 февраля 1744 года.
[3]) Журналы Сената, 11 августа.
[4]) Журналы Сената, 16 марта.
[5]) Журналы Сената, 9 декабря.
[6]) Журналы Сената, 17 марта.

величества въ Москву поставить по станціямъ ямскихъ и отъ купечества по 200 лошадей съ каждой станціи; но чтобъ находящіеся по той дорогѣ ямщики и купцы одни отъ поставки подводъ не понесли излишняго отягощенія, то въ помощь къ нимъ расписать по способности прочіе города и села разстояніемъ отъ той дороги хотя въ 200 верстахъ; смотрѣть, чтобъ купечество и ямщики лошадей ставили съ хомутами, вожжами и дугами, и кормили ихъ, чтобъ были сыты [1]). Для шествія же господъ министровъ, сенаторовъ, Синода, придворныхъ и прочихъ чиновъ и чужестранныхъ министровъ – поставить на тѣхъ же станціяхъ уѣздныхъ по 500 подводъ. Потомъ велѣно было къ двумъ стамъ подводамъ прибавить еще по 100 на каждой станціи съ ямщиковъ и купечества [2]). Изъ Москвы императрица намѣревалась ѣхать въ Кіевъ, и потому велѣно было исправлять дорогу, строить дворцы по станціямъ; но потомъ нашли, что Малороссіянъ нельзя отягощать постройкою дворцовъ по причинѣ недостатка въ лѣсѣ, и потому велѣно отъ Глухова до Кіева приготовить только погреба для питей и припасовъ [3]).

Императрица сбиралась въ Москву, чтобъ праздновать тамъ миръ съ Швеціею. На какихъ же условіяхъ былъ заключенъ этотъ миръ?

Мы видѣли, въ какомъ отношеніи находилась императрица Елисавета и ея главные вельможи къ иностраннымъ дѣламъ въ концѣ 1742 года. Благодаря явному пристрастію къ Швеціи, выказанному Французскимъ правительствомъ, благодаря тому, что съ французской стороны была задѣта самая чувствительная струна, именно отношенія Елисаветы къ Швеціи передъ ея воцареніемъ, Лестокъ и Шетарди проиграли дѣло противъ русскихъ вельможъ, и Шетарди долженъ былъ оставить Россію. Въ началѣ ноября 1742 года приверженцы Франціи были обрадованы смертію великаго канцлера, князя Алексѣя Мих Черкасскаго, который подъ конецъ жизни заглаживалъ старые грѣхи, стоя твердо за русскіе интересы; но все же его смерть послужила болѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ этимъ интересамъ, отдавая ихъ въ руки даровитаго и энергическаго Бестужева, который становился теперь самостоятельнымъ. Впрочемъ, въ первое время по смерти Черкасскаго никто не былъ увѣренъ, что Бестужевъ получитъ верховное завѣдываніе иностранными дѣлами. Мы знаемъ, что у вице-канцлера были сильные враги, которые должны были употреблять всѣ усилія, чтобы оттолкнуть его отъ мѣста великаго канцлера. Но для этого имъ нужно было указать императрицѣ человѣка, который былъ бы достойнѣе, или, по крайней мѣрѣ, столько же достоинъ этого мѣста, какъ и Бестужевъ. Указывали на Румянцева; но Елисавета не считала его способнымъ и опытнымъ: „Можетъ быть, онъ добрый солдатъ, да худой министръ", писала она [4]). По своему обыкновенію, Елисавета отложила трудное дѣло, не назначила никого пока великимъ канцлеромъ; но Бестужевъ въ прежнемъ званіи вице-канцлера сталъ самостоятельно завѣдывать иностранными дѣлами, и Бревернъ продолжалъ служить ему вѣрнымъ помощникомъ, какимъ былъ прежде и для Остермана.

Шетарди не было; но у Лестока нашелся другой товарищъ, столь же опасный для Бестужева и русскихъ интересовъ, какъ и Шетарди: то былъ Голштинецъ Брюммеръ, гофмаршалъ Двора великаго князя наслѣдника Петра Ѳедоровича. Провозглашеніе Петра Ѳедоровича наслѣдникомъ произошло внезапно; никто до послѣдней минуты не зналъ объ этомъ, кромѣ Лестока, Брюммера и Новгородскаго архіепископа Амвросія Юшкевича [5]); ясно, что боялись сопротивленія, неудовольствія съ чьей-то стороны. Но у Брюммера на сердцѣ было еще другое дѣло, чисто голштинское – это выборъ въ наслѣдники Шведскаго престола, отъ котораго отказался великій князь, дяди его, епископа Любскаго, администратора Голштиніи за малолѣтствомъ Петра Ѳедоровича. Разумѣется, Брюммеру и Лестоку легко было убѣдить Елисавету въ необходимости поддерживать избраніе Голштинскаго герцога со стороны Россіи; близкая родственная связь между наслѣдниками Русскаго и Шведскаго престоловъ обезопаситъ Россію со стороны Швеціи и упрочитъ миръ на Сѣверѣ. При этомъ въ Елисаветѣ дѣйствовало и печально-нѣжное воспоминаніе: дѣло шло о помощи родному брату того герцога Голштинскаго и епископа Любскаго, который былъ женихомъ ея и былъ отнятъ у нея смертію. Лестокъ, разумѣется, сильно содѣйствовалъ Брюммеру въ этомъ дѣлѣ, ибо за избраніе епископа Любскаго Швеція могла получить болѣе выгодный миръ, которымъ Лестокъ отслуживалъ Франціи за ея пенсію. И Русскіе люди могли желать избранія герцога Голштинскаго въ наслѣдники Шведскаго короля, но съ условіемъ, чтобъ за это не было дорого заплачено, чтобъ не пострадалъ ближайшій русскій интересъ при заключеніи мира со Шведами, ибо родственныя связи между государями далеко не всегда служатъ ручательствомъ за союзъ между государствами. Понятно послѣ этого, какъ важно было назначеніе уполномоченныхъ на Абовскій конгрессъ. Назначеніе Румянцева первымъ уполномоченнымъ было непріятно Бестужеву: Румянцевъ былъ избранникъ противной стороны, кандидатъ ея на канцлерство для оттѣсненія Бестужева. Вторымъ уполномоченнымъ Бестужевъ хотѣлъ видѣть сенатора князя Голицына, но Лестокъ постарался о назначеніи генерала Любраса. Императрица сначала не хотѣла Любраса, выставляя, что онъ Нѣмецъ, но Лестокъ нашелся и возразилъ: „Отецъ

[1]) Журналы Сената, 24 октября.
[2]) Журналы Сената 16 декабря.
[3]) Журналы Сената, 28 октября.

[4]) Записка Елисаветы въ Государст. Архивѣ.
[5]) Нецольдъ, 462.

вашего величества велъ переговоры въ Ништадтѣ черезъ Нѣмца же". Елисавета подписала назначеніе Любраса [1]).

Мы видѣли, съ какимъ отвѣтомъ относительно мирныхъ условій отправились изъ Петербурга шведскіе депутаты, пріѣзжавшіе объявлять объ избраніи герцога Голштинскаго въ наслѣдники Шведскаго престола. Въ январѣ 1743 года начался Абовскій конгрессъ. Отъ 30 числа Румянцевъ писалъ, что между шведскими уполномоченными, Цедеркрейцемъ и Нолькеномъ, примѣчено несогласіе; поэтому онъ, Румянцевъ, улуча послѣ обѣда удобный часъ, вступилъ съ Цедеркрейцемъ въ откровенный разговоръ о прошедшемъ, и открылъ, къ своему сожалѣнію, что сенаторъ многаго не знаетъ, а что и знаетъ, то отъ Нолькена, въ которомъ, слѣдовательно, заключается вся сила: поэтому надобно опасаться, что на конгрессѣ много будетъ лишнихъ споровъ и затрудненій, ибо Нолькенъ, будучи однимъ изъ зачинщиковъ войны, естественно долженъ защищать свое дѣло. Румянцевъ сказалъ Цедеркрейцу: „Какъ жаль, что товарищъ у васъ не такой честный человѣкъ, какъ вы". Цедеркрейцъ отвѣчалъ на это просьбою обходиться съ нимъ откровенно, сказать прямо, въ чемъ состоитъ намѣреніе императрицы относительно мира. Румянцевъ повторилъ то, что̀ было объявлено шведскимъ депутатамъ въ Петербургѣ. Цедеркрейцъ сказалъ на это, что если нельзя имѣть на Шведскомъ престолѣ герцога Голштинскаго, то другого кандидата не остается, какъ дядя его, епископъ Любскій; только совѣтовалъ для лучшаго успѣха выражаться на конференціяхъ такъ, что епископа Любскаго рекомендуетъ герцогъ Голштинскій, прибавляя, что императрицѣ также это будетъ пріятно. „Эта рекомендація", говорилъ Цедеркрейцъ, „государственнымъ чинамъ не такъ противной покажется". Что же касается Финляндіи, то Цедеркрейцъ объявилъ, что Швеціи безъ нея обойтись нельзя. Впрочемъ, Румянцевъ писалъ, что мирные переговоры будутъ идти только тогда успѣшно, когда будутъ подкрѣплены оружіемъ, и надобно приготовляться къ будущей кампаніи такимъ образомъ, чтобъ непріятель имѣлъ въ виду разореніе шведскихъ береговъ. Румянцевъ внушилъ Цедеркрейцу, что въ случаѣ благополучнаго окончанія дѣла онъ можетъ быть увѣренъ въ благодарности Русскаго Двора. Цедеркрейцъ по первому же разговору *податенъ* явился, „только", писалъ Румянцевъ, „вся сила въ рукахъ у Нолькена, и онъ дѣло ведетъ какъ хочетъ, почему хотя при случаѣ денежная дача лакомому къ деньгамъ Цедеркрейцу была бы и не бездѣйствительна, однако теперь еще рано". 16 февраля Румянцевъ донесъ, что шведскіе уполномоченные рѣшительно отказались заключить миръ на условіи, кто чѣмъ владѣетъ (uti possidetis): объявили, что король и государственные чины лучше дойдутъ до всякихъ крайностей, чѣмъ согласятся на это, причемъ Шведы старались выпытать, какая именно будетъ уступка со стороны Россіи въ случаѣ избранія епископа Любскаго. Румянцевъ просилъ императрицу снабдить его по этому обстоятельству дальнѣйшими предписаніями, прибавляя, что въ дѣлѣ наслѣдства надобно опасаться отъ Шведовъ какого-нибудь коварства: обѣщаютъ для полученія Финляндіи — и потомъ обманутъ; къ достиженію мира одинъ способъ—твердость со стороны Россіи.

22 февраля императрица велѣла подать мнѣніе объ условіяхъ мира съ Швеціею слѣдующимъ лицамъ: фельдмаршаламъ, князьямъ Долгорукому и Трубецкому, графу Леси и принцу Гессенъ-Гомбургскому; сенаторомъ—адмиралу графу Головину, оберъ-шталмейстеру князю Куракину, дѣйствительному тайному совѣтнику Нарышкину, генералъ-лейтенантамъ князьямъ Голицыну и Урусову, тайному совѣтнику Новосильцеву, дѣйств. статскому совѣтнику князю Голицыну; членамъ Иностранной Коллегіи—вице-канцлеру графу Бестужеву-Рюмину, тайному совѣтнику Бреверну, дѣйств. статскимъ совѣтникамъ—Ивану Юрьеву и Исааку Веселовскому; кромѣ того,—генералу Левашову, графу Михайлѣ Бестужеву-Рюмину, князю Никитѣ Трубецкому; генералъ-лейтенантамъ — князю Репнину, Игнатьеву и Измайлову. Фельдмаршалъ князь Долгорукій представилъ мнѣніе, что изъ Финляндіи можно уступить Шведамъ только отдаленную Остерботнію; если же они изберутъ наслѣдникомъ своего престола герцога Голштинскаго епископа Любскаго, то можно имъ будетъ уступить и Абовскую область. По мнѣнію фельдмаршала князя Трубецкаго, надобно было стараться всѣми силами удержать всю Финляндію: „Возвратить ее Шведской коронѣ ни по какимъ правильнымъ причинамъ невозможно, ибо въ противномъ случаѣ не только всему свѣту подастся поводъ разсуждать не къ пользѣ и не къ славѣ оружія ея величества, но и для благополучія и безопасности Россійской имперіи весьма надлежитъ, чтобъ граница была отдалена, ибо опасность отъ близкой границы нынѣшняя война доказала; наконецъ обыватели финляндскіе, видя, что ихъ страну возвратили Шведамъ, въ другой разъ будутъ противиться всѣми силами русскимъ войскамъ. Но если Шведы никакъ не согласятся отдать всю Финляндію, то заключить миръ съ удержаніемъ части Финляндіи по Гельсингфорсъ и Нейшлотъ; или удовлетворить Шведовъ денежною суммою; или выговорить условіе, чтобъ Финляндія была отдѣльнымъ владѣніемъ подъ властію нейтральнаго государя; значительную уступку изъ завоеваннаго можно сдѣлать только въ томъ случаѣ, когда Шведы выберутъ на престолъ епископа Любскаго." По мнѣнію фельдмаршала Леси, изъ Финляндіи можно было уступить только Остерботнію, какъ область отдаленную, каменистую, болотную и нехлѣбородную. По мнѣнію адмирала Головина, если нельзя удержать всю Финляндію по Ботническій заливъ *съ живою границею*, то надобно оставить за Россіею Гельсингфорсъ и всю Нюландскую провинцію: гавань Гельсингфорсская очень способна для стоянки военныхъ судовъ, которыя могутъ въ ней зимовать безъ малѣйшаго препятствія, могутъ по нуждѣ и зимой выйти въ море, притомъ въ соленой водѣ

[1]) Пецольдъ, 460, 465.

кораблямъ лежать прочнѣе и легче. По мнѣнію князя Куракина, надобно было удержать по крайней мѣрѣ Абовскую область. По мнѣнію Нарышкина, можно было уступить отъ Вазы къ сѣверу. По мнѣнію генералъ-лейтенанта князя Михаила Голицына, нужно было преимущественно удержать приморскія мѣста. Вице-канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ представилъ такое мнѣніе: „Вся почти Европа, равно какъ сосѣди наши - Турки и Персы, — открытыми глазами смотрятъ, какое мы доставимъ себѣ вознагражденіе и удовлетвореніе за наглое съ шведской стороны нарушеніе мира и нанесенные Россіи тяжелые военные убытки; поэтому слава императрицы, Россійскаго народа и государственный интересъ требуетъ приложить всевозможное стараніе для заключенія мира на условіи *чъмъ кто нынѣ владѣетъ* (uti possidetis), хотя бы это стоило великой суммы денегъ (до двухъ милліоновъ); для показанія же на весь свѣтъ, что Россія въ удержаніи Финляндіи ищетъ не расширенія государства своего или умноженія доходовъ, но единственно тишины на сѣверѣ, то можно позволить однимъ шведскимъ подданнымъ свободную и безпошлинную торговлю въ Финляндіи. Если же Шведы никакъ на это не согласятся, то на Абовскомъ конгрессѣ установить такую форму правительства въ Финляндіи, которая бы устранила всякія съ обѣихъ сторонъ непріятельскія столкновенія, на что исходатайствовать отъ другихъ державъ гарантію: это предложеніе всѣ Финляндцы охотно будутъ поддерживать чрезъ своихъ депутатовъ на конгрессѣ, не желая отдать себя на жертву мстительности Шведовъ. Въ крайнемъ случаѣ заключить миръ съ удержаніемъ Абова или Гельсингфорса съ приличнымъ округомъ, причемъ выговорить, чтобъ Финляндцы имѣли право выселяться изъ шведскихъ владѣній въ русскія. Въ доказательство необходимости этого условія припомню только, какую гибель понесли въ недавнее замиреніе наше съ Турками Волохи; а при возвращеніи шаху персидскихъ провинцій — Грузинцы и Армяне, положившись на данное имъ съ нашей стороны обнадеживаніе, и впредь при новой войнѣ съ сосѣдями едва ли уже можно будетъ ихъ склонить какими-нибудь обѣщаніями. Наконецъ, необходимо низвергнуть настоящее шведское министерство, устроившее войну, и возстановить старое, миролюбивое; въ противномъ случаѣ Россія никогда не будетъ покойна: настоящее министерство вмѣстѣ съ Франціею всегда будетъ интриговать, Турокъ или другихъ непріятелей противъ Россіи возбуждать и, приведя насъ постороннею войною въ слабость, опять нечаянно вѣроломно миръ нарушитъ“.

По мнѣнію Бреверна, Финляндія такъ важна для Швеціи, что хотя бы она и принуждена была ее на время уступить, но никогда не перестанетъ хлопотать о ея возвращеніи, и потому Россія будетъ находиться въ постоянномъ безпокойствѣ; притомъ и другія державы не будутъ равнодушно смотрѣть на такое расширеніе русскихъ границъ и такое ослабленіе Швеціи; для защиты Финляндіи нужно будетъ содержать въ ней войско; войско понадобится большое по обширности страны, а прокормить его будетъ трудно, потому что страна разорена, на финскія же войска надѣяться нечего; Россія нуждается въ мирѣ, а если война ея съ Швеціею продлится и въ Германіи возстановится спокойствіе, то другія державы могутъ вмѣшаться въ нашу войну для ловли рыбы въ мутной водѣ: поэтому весьма желательно, чтобъ мирные переговоры еще до начала будущей кампаніи были приведены къ благополучному окончанію, тѣмъ болѣе что военныя дѣйствія подвержены счастію и несчастію. По мнѣнію графа Михаила Бестужева, надобно удержать Финляндію и заплатить за нее деньгами, по примѣру Петра Великаго. Если Шведы на это никакъ не согласятся, то смотрѣть, въ какихъ отношеніяхъ находится Россія къ сосѣднимъ государствамъ, особенно къ Пруссіи, которая опаснѣе для нея всѣхъ другихъ; и если опасности нѣтъ, то продолжать войну; если же есть опасность,—то заключить миръ съ удержаніемъ Гельсингфорса съ округомъ, и съ условіемъ, чтобъ Шведы провозгласили наслѣдникомъ своего престола епископа Любскаго; если же и на это не согласятся, то назначить епископа Любскаго владѣтельнымъ княземъ Финляндіи подъ русскимъ покровительствомъ.—Мнѣнія остальныхъ не представили ничего особено замѣчательнаго.

Между тѣмъ, шведскіе уполномоченные объявили Румянцеву и Любрасу, что епископъ Любскій изберется наслѣдникомъ престола на такихъ только условіяхъ: Россія возвратитъ Швеціи все завоеванное, заключитъ съ нею оборонительный и наступательный союзъ, ибо въ случаѣ выбора епископа Любскаго, администратора Голштинскаго, война съ Даніею необходима, если только Россія не гарантируетъ Даніи Шлезвига, въ какомъ случаѣ три Сѣверные Двора могутъ вступать въ союзъ; наконецъ Россія должна дать Шведамъ субсидію. Румянцевъ сказалъ, что на такія предложенія одинъ отвѣтъ: незачѣмъ здѣсь больше жить, надобно разъѣхаться; какія Шведы получили надъ Русскими выгоды, чтобъ такія идеи себѣ дѣлать и субсидій просить?—Въ дѣлѣ наслѣдства они вольны поступать, какъ хотятъ, только императрица никогда всей Финляндіи имъ не возвратитъ.

Въ началѣ марта русскіе уполномоченные получили письмо отъ голштинскаго посланника Бухвальда, находившагося въ Стокгольмѣ. Бухвальдъ писалъ, что предстоитъ опасность, чтобъ Шведы, мимо администратора Голштинскаго, не выбрали на престолъ принца Датскаго или Биркенфельдскаго, вслѣдствіе чего совѣтовалъ не медлить мирными переговорами, объявивъ Шведамъ выгодныя для нихъ условія. Румянцевъ написалъ по этому случаю Бестужеву: „Можно разсудить, что Бухвальду въ томъ нужды нѣтъ, хоть бы мы и Новгородъ отдали, только бы его герцогъ королемъ избранъ

былъ. Бога ради, государь мой братецъ, надобно недреманнымъ окомъ на такія неосновательныя пропозиціи смотрѣть и ея величеству съ истолкованіемъ всего того, что онъ пишетъ, представить, дабы впредь отъ нихъ такія вѣтренныя мнѣнія отнять. Правда, онъ стращаетъ насъ выборомъ кронъ-принца Датскаго; но хотя бы это и правда была, то лучше намъ противъ Швеціи и Даніи въ войнѣ быть, нежели безчестный и нерезонабельный миръ на основаніи Ништадтскаго заключить".

На основаніи рѣшенія, принятаго въ Петербургѣ, Румянцевъ и Любрасъ объявили шведскимъ уполномоченнымъ, что, въ случаѣ выбора епископа Любскаго, императрица оставитъ за собою добрую часть Финляндіи, а имъ уступитъ нарочитую, въ противномъ же случаѣ не уступитъ ничего. Если Данія нападетъ на нихъ за избраніе принца Голштинскаго, то естественно честь заставитъ Россію помочь имъ; впрочемъ, нельзя сомнѣваться, что, по заключеніи между Россіею и Швеціею мира, Данія никогда не рѣшится напасть на нихъ. 28 марта шведскіе уполномоченные объявили, что чины склонны къ избранію въ наслѣдники епископа Любскаго, но желаютъ знать, что императрица соизволитъ для нихъ за это сдѣлать; чины ласкаютъ себя надеждою, что императрица, принимая во вниманіе шведскія нужды, доставитъ имъ и соотвѣтственныя тому выгоды и прикажетъ заключить миръ на основаніи Ништадтскаго. Король надѣется, что Россія возьметъ надлежащія мѣры относительно другихъ державъ, именно относительно Даніи, или гарантируетъ ей Шлезвигъ, или заключитъ съ Швеціею оборонительный союзъ противъ всѣхъ, которые возстанутъ на нее за выборъ епископа Любскаго. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что Шведы первые должны объявить, что они уступаютъ Россіи изъ Финляндіи; Шведы назначили землю по Мейделаксъ; Румянцевъ и Любрасъ возразили, что и по Кюмень мало. Шведы говорили, что если Россія хочетъ раздѣлить Финляндію пополамъ, то Швеція должна отдаться въ руки Даніи, избрать Датскаго принца. Русскіе уполномоченные объявили имъ уступку Остерботніи, Аланда и Біорнеборгскаго уѣзда. Шведы обнаружили при этомъ удивленіе и ужасъ, и объявили, что для пользы мира лучше не писать объ этомъ въ Швецію, ибо тамъ сейчасъ же приступятъ къ избранію новаго кандидата. Румянцевъ писалъ въ Петербургъ, что надежда на миръ слаба, что Шведы не удовольствуются и послѣднимъ рубежомъ—по Нюландію, по которую позволено ему было уступить. Къ Бестужеву Румянцевъ писалъ: „Изволите взять сіи дѣла въ здравое разсужденіе,—какимъ образомъ сіе дѣло въ концу приводить, понеже я здѣсь не могу знать намѣренія ея величества, ниже вашего разсужденія, что вамъ болѣе надобно,—миръ или война. Ежели первое, то надобно еще кондицій прибавить къ уступкѣ, а безъ того другое само собой дойдетъ, только заблаговременно извольте стараться пріуготовленіями къ тому какъ корабельнымъ, такъ и товарнымъ флотомъ, дабы ранѣе выйти могли, а безъ того великія пакости они намъ подѣлать могутъ. У насъ здѣсь военныхъ людей очень мало, около Абова и до самыхъ Вазъ не будетъ 4,000; провіанта въ Абовѣ и Вазахъ только по іюнь мѣсяцъ". Между тѣмъ Бухвальдъ писалъ изъ Стокгольма, что извѣстіе о русскихъ условіяхъ произвело тамъ отчаяніе, начались сильныя военныя приготовленія, и уполномоченнымъ предписано разорвать конгрессъ, если не услышатъ болѣе выгодныхъ предложеній.

10 апрѣля Румянцевъ и Любрасъ объявили Шведамъ уступку Финляндіи по Нюландъ, какъ ультиматумъ, а 30 апрѣля писали императрицѣ, что мирный конгрессъ скоро долженъ рушиться, ибо изъ Швеціи нѣтъ никакого отвѣта насчетъ ультиматума, а потому ничего не остается, какъ усмирять гордаго непріятеля силою оружія. Бухвальдъ въ началѣ мая писалъ, что въ Швеціи никогда не согласятся на уступку по Нюландъ, ибо считаютъ эту провинцію и Фридрихсгамскую гавань столь важными, что съ потерею ихъ остальная Финляндія ничего не значитъ. „Здѣсь", писалъ Бухвальдъ, „съ прежнимъ усердіемъ продолжаются военныя приготовленія, арміи будетъ отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ („Угрозы"! замѣтилъ Бестужевъ на полѣ: „столько нѣтъ!"). Флотъ будетъ состоять изъ двадцати четырехъ военныхъ кораблей („Неправда!" замѣтилъ Бестужевъ). „Если Данія достигнетъ здѣсь своихъ цѣлей, то немедленно пришлетъ 10,000 человѣкъ, которыхъ она наготовѣ держитъ въ Норвегіи для соединенія съ шведскими войсками, и вмѣстѣ будетъ дѣйствовать въ Вестерботніи; остальныя же датскія войска будутъ употреблены для нападенія на Финляндію съ аландской стороны". На это Бестужевъ замѣтилъ: „Прежде ни о чемъ не писалъ, а нынѣ съ разными угрозами!" Бестужевъ вообще былъ недоволенъ веденіемъ дѣла; не былъ доволенъ Бухвальдомъ, который думалъ только объ интересахъ Голштинскаго принца и стращалъ Русское правительство для того, чтобъ оно поспѣшило уступить всю Финляндію на условіи избранія епископа Любскаго; Бестужевъ не былъ доволенъ и Румянцевымъ, котораго упрекалъ въ излишней торопливости, и отвѣчалъ ему не очень ласково на его письма. Разобиженный Румянцевъ писалъ ему: „Я никогда не думалъ, чтобъ ваше сіятельство на мое покорное письмо такъ недружески отвѣтствовали: хотя-бъ что и противно можетъ быть неискусствомъ пера моего усмотрѣть изволили, то-бъ дружески, а не съ такими выговорами дали мнѣ знать". Когда Румянцевъ и Любрасъ написали въ Петербургъ, что нѣтъ надежды на уступку Шведами Нюландіи, то Бестужевъ замѣтилъ: „Худые пророки".

Но Бестужеву бороться было трудно: императрица сильно желала возведенія на Шведскій престолъ епископа Любскаго; всѣ сильно желали мира, и, 24 апрѣля, собраніе разсудило слѣдующее: „По настоящимъ нынѣ въ Европѣ конъюнк-

турамъ и состоянію здѣшней имперіи весьма желательно и нужно, чтобъ война прекращена была полезнымъ миромъ для того: если въ Нѣмецкой Землѣ настоящая война прекратится, а Шведы мимо епископа Любскаго выберутъ въ наслѣдники престола кронъ-принца Датскаго или принца Биркенфельдскаго, то опасно, чтобъ Пруссія, Польша, Данія, Франція, Турція и другія державы не вмѣшались въ войну между Россіею и Швеціею и не стали помогать Шведамъ; притомъ продолжать войну тяжело будетъ для Россіи, потому что имперія и безъ того уже нѣсколько лѣтъ въ безпрерывной войнѣ находится. Поэтому если епископъ Любскій дѣйствительно признанъ будетъ наслѣдникомъ Шведскаго престола, то Россія можетъ оставить за собою Кюменогорскую область, включая сюда Фридрихсгамъ и Вильманштрандъ, также Саваласъ и Нейшлотъ съ ихъ дистриктами, ибо эти области прикрываютъ Выборгскій, Кексгольмскій и Олонецкій уѣзды".

На это мнѣніе императрица отвѣчала: „Лучше намъ оставить за собою малое да нужное, а Шведамъ уступить большее и имъ полезное, а намъ ненужное, а именно: намъ оставить за собою Нюландскую провинцію и Кюменогорскую область, что очень нужно для сообщенія съ нашимъ эстляндскимъ, ингерманландскимъ и карельскимъ берегомъ; изъ Кексгольміи столько оставить за нами, сколько заняла граница, учиненная по Ништадтскому миру, а Шведамъ уступить въ прибавокъ къ прежней уступкѣ Тавастію всю и Саваласъ. Итакъ Шведамъ большая часть Финляндіи останется, а намъ меньше, но нужнѣе для удержанія сосѣдей отъ непріятельскихъ нападеній, которыхъ ожидать надобно отъ лежащихъ по морю мѣстъ, а не на Олонецъ и Кексгольмъ. Противу опасности отъ имѣющихъ вступиться въ нынѣшнюю противъ насъ войну предлагается отъ насъ собранію: вопервыхъ, помощь Божія, отъ многихъ лѣтъ государство наше въ правдѣ защищающая; да и опасности теперь еще на дѣлѣ не видно, а еслибъ и оказалась, то имѣемъ на границахъ войско. Что государству нашему отъ продолжающейся войны не безъ тягости, и на оное отвѣтствуемъ, что оное все какъ было, такъ и будетъ по предвидѣнію Божію; однакожъ видѣли и видимъ, что Господь Богъ въ правдѣ государству нашему свою помощь подавалъ и подаетъ; сего и впредь отъ Его же благословенія ожидать имѣемъ. Мы ничего иного отъ собранныхъ не желаемъ, токмо дабы поступали и нынѣ съ тѣмъ же духомъ крѣпости, который явили намъ въ собственныхъ своихъ мнѣніяхъ". Собраніе отвѣчало, что указанныя императрицею условія оно признаетъ за наилучшія и благодаритъ за откровеніе высочайшаго намѣренія.

Въ половинѣ мая пришелъ изъ Швеціи отвѣтъ, что король не можетъ уступить Нюландіи, а только Кюменогорскую область. Русскіе уполномоченные, по указу изъ Петербурга, согласились на уступку Нюланда, но потребовали къ Кюменогорской области Саваласа и Кареліи и, въ случаѣ несогласія, объявили что уѣзжаютъ; это было 14 іюня. Между тѣмъ въ Петербургѣ 8 іюня собраніе разсуждало объ уступкѣ Саваласа и рѣшило, „чтобъ не допустить кронъ-принца Датскаго на Шведскій престолъ и помочь въ достиженіи его принцу Голштинскому, *въ разсужденіи слабой негоціаціи здѣшнихъ на конгрессѣ министровъ, изъ ихъ же собственныхъ реляцій усмотрѣнной*, уступить шведамъ Саваласію, ограничившись Кюменогорскою областію съ Фридрихсгамомъ, Вильманштрандомъ и Нейшлотомъ съ уѣздами. Объ этомъ засѣданіи собранія Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ писалъ Черкасову любопытное письмо: „При вчерашнемъ собраніи въ двухъ пунктахъ жестокій споръ учинилъ генералъ-прокуроръ, которому послѣдовалъ Ушаковъ и князь Мих. Мих. Голицынъ: 1) въ томъ, что въ мнѣніи написано было, что ежели города Нишлота уѣздъ въ нашу сторону подался, а въ непріятельскую ничего нѣтъ, чтобъ выговорено было прибавить изъ Саваласіи къ городу Нишлоту пять или, по послѣдней мѣрѣ, три мили, противъ чего крѣпко закричали, ничего больше требовать не надлежитъ, хотя-бъ не токмо по палисады, но и подъ самую стѣну граница была, и такъ перекричали, что оставлено просто на всякую удачу. 2) Внесено было въ мнѣніе, что въ разсужденіи слабой негоціаціи министровъ здѣшнихъ на конгрессѣ, какъ изъ реляцій ихъ усмотрѣно, то надлежитъ Саваласію уступить, и хотя всѣ о слабой негоціаціи разсуждали и осуждали, однако наконецъ перекричали, чтобъ изъ концепта выкинуто было, даже потомъ фельдмаршалъ князь Долгорукій и генералъ графъ Чернышевъ съ прочими, кромѣ вышеозначенныхъ и Бахметева, вновь за то ухватились, чтобъ оное внесть, и согласились по обѣдѣ у него-жъ, фельдмаршала, вновь съѣхаться, куда пріѣхавъ, изготовя два инструмента, одинъ—со внесеніемъ спорнаго пункта, а другой – съ выпущеніемъ онаго, кто что подписать, по чистой своей совѣсти, заблагоразсудитъ. Генералъ-прокуроръ полуторомъ часомъ назначеннаго времени позже пріѣхалъ, что между тѣмъ со внесеніемъ спорнаго пункта девять персонъ и генералъ Ушаковъ подписали, оставя ему мѣсто: за то жестоко прогнѣвался на всѣхъ, а особливо на меня и всю коллегію, для чего не дождавшись его подписали, хотя ему и представлено было, что и другой инструментъ готовъ безъ внесенія спорнаго пункта,—на волю его предается, который по чистой своей совѣсти подписать заблагоразсудитъ, однакожъ, съ часъ еще гнѣваясь, наконецъ обще съ княземъ Голицынымъ и Бахметевымъ, которые въ томъ же сильно спорили, съ неспорующимися равномѣрно подписались. Могу поистинѣ сказать, что отъ помянутыхъ спорщиковъ и крикуновъ сіе собранія совѣтъ подобенъ былъ казацкому кругу".

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ Або. Здѣсь 15 іюня Нолькенъ пріѣхалъ къ Любрасу и со слезами просилъ отмѣны въ условіяхъ, которую уполномоченные взяли бы на себя. Румянцевъ и Любрасъ отвѣчали, что взять на себя отмѣну условій

они никакъ не согласны, но только въ надеждѣ на апробацію императрицы назначаютъ новыя условія: уступку Россіи всей Кюменогорской области, половины Кареліи и Нейшлота. „Запросъ о части Кареліи мы сдѣлали для того", писали Румянцевъ и Любрасъ, „чтобъ тѣмъ легче Шведы согласились на отдачу Нейшлота, и притомъ не желая упустить ничего, чѣмъ бы можно было получить отъ нихъ побольше". Шведы не хотѣли уступить побольше, и послѣ жаркихъ споровъ написали проектъ договора: Шведы обязывались избрать въ наслѣдники престола принца Голштинскаго, уступить Кюменогорскую область со всѣми устьями рѣки Кюмени; о Нейшлотѣ шведскіе уполномоченные обязались въ надеждѣ на апробацію, точно такъ, какъ Русскіе насчетъ Савалакса и Кареліи, хотя они имѣли указъ императрицы объ уступкѣ этихъ земель; Россія обязывалась принять мѣры для защиты Швеціи, еслибъ послѣдняя подверглась нападенію вслѣдствіе заключенія такого договора съ Россіею; „какъ о томъ прежде говорено". Относительно этого обязательства Румянцевъ и Любрасъ писали: „Сей пунктъ всѣхъ тяжелѣе для насъ былъ, ибо въ указѣ вашего величества въ томъ отказать велѣно, и только тогда на то поступлено, когда увидали дѣйствительно, что уже разрывъ всего отъ того зависитъ и потому оный такъ по нашему рабскому мнѣнію изображенъ, что ваше величество ничѣмъ не обязуетъ, ибо пристойныя мѣры не въ одномъ оружіи, но и въ негоціаціи разумѣются; а болѣе того заключеніе: „Какъ о томъ говорено", все опровергаетъ, соотвѣтственно тому, какъ отъ насъ сказано, что ваше величество никакихъ обязательствъ въ мирное дѣло включить не намѣрены".

На этомъ основаніи составленъ былъ подписанный 17 іюня: „Увѣрительный актъ", „на который поступить", писали уполномоченные, „мы по рабскому нашему ревностному усердію къ высочайшимъ вашего величества интересамъ и отечеству дерзнули, наипаче для того, чтобъ конгрессъ, по точному указу вашего величества, до разрыву не допустить и шведское съ Даніею соединеніе отвратить". „Увѣрительный актъ" едва успѣли во-время привезти въ Стокгольмъ, потому что далекарлійскіе крестьяне, въ числѣ осьми тысячъ, ворвались 22 іюня въ столицу съ тѣмъ, чтобъ провозгласить наслѣдникомъ принца Датскаго; картечи заставили крестьянъ разбѣжаться; а такъ какъ „Увѣрительный актъ" былъ уже полученъ 19 числа, то 23 король, сенатъ и всѣ четыре государственныхъ чина единогласно выбрали коронным наслѣдникомъ Голштинскаго принца Адольфа-Фридриха, и, одновременно съ провозглашеніемъ этого избранія, объявленъ былъ и миръ съ Россіею [1]). Императрицею мирный договоръ былъ подписанъ 19 августа: „Свѣйскій король уступилъ ея импер. величеству и наслѣдникамъ ея и послѣдователямъ Всероссійскаго императорскаго престола въ совершенное непрекословное вѣчное владѣніе и собственность, въ сей войнѣ завоеванную, изъ великаго княжества Финляндскаго провинцію Кюменегоръ, съ находящимися въ оной городами и крѣпостями Фридрихсгамъ и Вильманштрандъ, и сверхъ того часть кирхшпиля Пюттиса, по ту сторону и къ востоку послѣдняго рукава рѣки Кюмени или Келтиса обстоящую, который рукавъ между большимъ и малымъ Аборфорсомъ течетъ, а изъ Савалакской провинціи городъ и крѣпость Нейшлотъ съ дистриктомъ и со всѣми принадлежностями и правами" [2]).

Относительно войны, оконченной Абовскимъ миромъ, до насъ дошло любопытное сочиненіе, неизвѣстно кѣмъ написанное въ формѣ разговора между двумя солдатами. Во время стоянки арміи у Аландскихъ острововъ передъ заключеніемъ мира, солдатъ Симонъ говорилъ своему товарищу Якову: „Для чего мы столько долго въ пустомъ мѣстѣ стоимъ, гдѣ не можно на пищу ничего достать купить, да и вода самая нужная и нездоровая? А видимъ по островамъ финскова скота шатается много безъ пастуховъ, и жителей въ деревняхъ нѣтъ, а брать его не велятъ, и отъ такова недовольствія въ полкахъ весьма больныхъ умножилось, да и мрутъ, а главные наши командиры о довольствѣ нашемъ не стараются, и въ хорошія мѣста не переводятъ; Богъ имъ судитъ! Съ великою бы мы охотою противъ непріятеля съ ружьемъ померли, нежели нынѣ здѣсь отъ недовольствія. Ежели бы такимъ образомъ случилось Шведамъ войти въ наши россійскія мѣста, то бы они по своей гордости и къ намъ зависти не точію скотъ нашъ не пощадили, но и женъ и дѣтей нашихъ мучительски обругали и церкви осквернили, какъ то въ прежде бывшую войну отъ нихъ въ Малороссіи было. Развѣ мы скота ихъ хуже? *Яковъ:* Фельдмаршалъ человѣкъ хотя и добрый, да такъ уже ему иного, по старости лѣтъ, и въ умъ не придетъ, а генералитетъ говорить о томъ опасаются, чтобъ не досадить еще; подлинно мы знать не можемъ, каковы дѣла происходятъ въ Стокгольмѣ и на мирномъ конгрессѣ въ Абовѣ. *Симонъ:* Въ какомъ состояніи эту нашу со Шведами войну надѣялися быть, какъ бы прежніе россійскіе правители у насъ еще цѣлы были, и чѣмъ бы то она окончилась,—страшно и спрашивать. *Яковъ:* Памятуешь ли прошлые годы, когда пошли мы въ Польшу для избранія нынѣшняго короля Августа III на мѣсто отца его? Былъ у насъ главнымъ командиромъ генералъ Лессій, который нынѣ фельдмаршалъ; хотя иноземецъ, только человѣкъ добрый. А какъ пришли подъ Гданскъ, тогда пріѣхалъ къ намъ генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, природный Нѣмчинъ и не нашей вѣры, сталъ жестоко съ нами, россійскими солдатами и съ офицерами поступать, и, не разсуждая о государственныхъ нашихъ убыткахъ и о по-

[1]) Дѣла Шведскія 1743 года.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 8766.

гибели нашего народа, во многія нехитростныя тогда партіи посылалъ, а паче подъ Вилборгъ, напившись пьянъ, лучшихъ тогда изо всей арміи гренадеровъ и мушкатеровъ ночью на приступъ командировалъ, откуда малое число назадъ въ лагерь пришли, да и то почти всѣ переранены, и тутъ множество добрыхъ солдатъ погубилъ, а пользы никакой не получилъ... Съ Турками войну объявилъ и поручили главную армію въ команду ему же, Миниху, а генерала Лессія пожаловали въ фельдмаршалы и Азовъ брать послали. Вотъ стали у насъ оба фельдмаршалы иноземцы, чего съ начатія Россіи и при милостивѣйшемъ отцѣ нашемъ императорѣ Петрѣ Великомъ не было. Пошли мы подъ командою его, Миниха, въ Крымъ, вышли въ степь пустую, и сталъ Минихъ Россійскихъ людей перебирать, штабъ-и оберъ-офицеровъ штрафовать, въ солдаты безъ суда писать, и самыхъ старыхъ и заслуженныхъ полковниковъ предъ фрунтомъ арміи подъ ружьемъ водить, а все за бездѣлицу: увидитъ, что у офицеровъ галстукъ не бѣлый, или не напудренный, а въ степи кому на это смотрѣть... Вотъ Петра Великаго законы начали уничтоживать... Провіанту у насъ уже ничего не стало; люди стали ослабѣвать и съ-голоду помирать; Минихъ на то ни на что не смотритъ. Хотя многихъ мертвыхъ старыхъ солдатъ предъ собою лежащихъ видитъ, никого не сожалѣлъ, ибо не его крестьяне и не съ его деревни взяты, а россійскихъ дворянъ онъ ни одного въ свойствѣ себѣ не имѣетъ,—чего ихъ жалѣть? Не вѣчно думалъ въ Россіи жить, только бы ко Двору о своихъ храбрыхъ поступкахъ реляцію сообщить, и отъ того славу, богатство себѣ получить. И при Дворѣ въ то время кому было разсуждать?—главные правители—Нѣмцы, его други и родственники, а россійскихъ генераловъ, сенаторовъ они тогда за людей не почитали: того и смотрѣли, какъ бы кому голову отсѣчь, а по малой мѣрѣ въ ссылку сослать. О невозможности Россійскихъ людей онъ, Минихъ, и слышать не хотѣлъ и часто говаривалъ: „А, а, батушка! у Русскихъ людей невозможности нѣтъ“... Дворяне бѣдные, которые въ полкахъ служили, такъ загнаты были, что ужъ ничего не желали, только бы сыскать дорогу въ отставку, понеже ихъ въ чины не производилъ, а кого производилъ, развѣ за недостаткомъ Нѣмцевъ, и какъ онъ, Минихъ, такъ и прочіе тогдашніе генералы Нѣмцы ругали ихъ и обижали, дураками и скотомъ прозывали, и до того довели, что въ иномъ полку ни одного россійскаго офицера не было, и откуда какой Нѣмчинъ пріѣхалъ, пожалуй его генераломъ, полковникомъ, штабъ-офицеромъ, а по послѣдней мѣрѣ въ капитаны, также въ штатскіе чины; уже они всѣхъ россійскихъ дѣлъ управители стали, и въ Курляндіи гезелей и мясниковъ не много осталось—всѣ въ офицерахъ. Въ Митавѣ случилось съ нарочитымъ купцомъ мнѣ говорить, и дошла рѣчь до офицерства; онъ мнѣ сказалъ: „У васъ-де въ арміи бывшихъ при мнѣ гезелей и разночинцевъ больше дюжины въ штабъ-офицерахъ нынѣ служитъ; развѣ у васъ россійскихъ достойныхъ дворянъ не стало?“ *Симонъ:* Скажи, пожалуй, были ли съ нимъ, Минихомъ, въ тѣхъ походахъ наши россійскіе генералы, и для чего ему, Миниху, о такихъ непорядочныхъ поступкахъ не говорили? *Яковъ:* Тогда съ нимъ были почти всѣ генералы Нѣмцы, его союзники и единой вѣры, а именно: два Бирона, Левендаль и прочіе, а россійскихъ полковыхъ генераловъ одинъ Румянцевъ, и хотя онъ человѣкъ добрый, храбрый и умный, свидѣтельствованный министръ и любимый генералъ-адъютантъ государя императора Петра Великаго, и нынѣ со Шведами въ Абовѣ на конгрессѣ миръ учинилъ,—да что ему было дѣлать? Вся пленипотенція Миниху предана: россійскихъ полковниковъ разстрѣливалъ, а генераловъ въ солдаты писалъ; Румянцевъ такъ отъ него всегда ожидалъ смертной напасти. Въ то время, будучи въ Хотинскомъ походѣ, призвалъ Минихъ къ себѣ съ прочими генерала Румянцева на консиліумъ; Румянцевъ намѣренію его прекословилъ, а предлагалъ о цѣлости россійскаго интереса; за то Минихъ такъ на него осерчалъ, что изъ палатки своей такого честнаго и вѣрнаго человѣка нечестно выслалъ, да неоднократно на него ко Двору писалъ и бездѣльныя слѣдствія за нимъ учинилъ; только сего добраго человѣка и Россійскаго отечества сына, за его правду и добрыя дѣла, отъ такого злокозарнаго человѣка самъ Богъ закрылъ и до погибели не допустилъ... Послѣ же оной Турецкой войны, какъ объявили намъ о кончинѣ покойной императрицы Анны, а Бирона правителемъ Россійскаго государства, такъ у меня, братецъ, по кожѣ подрало какъ медвѣжьимъ ногтемъ: вотъ теперь бѣдная Россія попала изъ лихорадки въ горячку; прости наша Православная вѣра, церковные учители! И такъ десять лѣтъ почти молчали, а нынѣ уже и ничего говорить не будутъ. Прости россійское вѣрное дворянство, Петромъ Великимъ наученное солдатство! Десять лѣтъ вы забыты и уничтожены были, а нынѣ конецъ вамъ и всѣмъ славнымъ дѣламъ вашимъ приходитъ. Простите отъ Петра Великаго насажденныя фабрики и мануфактуры и всѣ премудрыя науки: чужеземцы обладаютъ! Вотъ скоро велятъ намъ забыть законы и дѣла Петровы, а учинятъ новыя интриги. Притомъ же и прочіе мои братья, вѣрные Россійскаго отечества дѣти, сердечно и болѣзненно о томъ сожалѣли по законной наслѣдницѣ государынѣ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, еже, ей-ей, братецъ, многажды со слезами воспомянули: не родителя ли ея все то, чѣмъ нынѣ иноплеменники владѣютъ?... Вотъ послѣ того услышали вскорѣ, что Минихъ Бирона арестовалъ и въ ссылку послалъ со всей его креатурой, въ томъ числѣ и Пруссакъ Бисмаркъ; а мы, россійскіе солдаты, сошлись между собою тихонько пошептали: сталъ гонить чортъ дьявола, и обоимъ не миновать; да рубитъ Татаринъ Татарина, а оба въ Россіи не надобны.... Всемогущій

Богъ коварные совѣты языковъ разоряетъ, Духомъ Своимъ Святымъ возводитъ духъ Петра Великаго, живущій въ дочери его; подалъ ей вырвать изъ чужихъ рукъ скипетръ отца ея и избавилъ отъ насилія и обиды, учиненной россійскому дворянству и всему народу, которыхъ онъ, Петръ Великій, научилъ и кровавымъ своимъ потомъ и трудами людьми учинилъ, которыхъ прежніе наши нѣмецкие правители порицали, что нѣтъ изъ Русскихъ достойнаго ни одного человѣка и ни въ какой чинъ не годны; а Петръ Великій изъ своихъ природныхъ Россіянъ учреждалъ генераловъ-фельдмаршаловъ, генераловъ-адмираловъ, министровъ, сенаторовъ и президентовъ, да интересъ его въ цѣлости сохраняли и многими народами обладали" [1]).

Миръ съ Швеціею былъ заключенъ; но по его поводу вооружилась Данія, и на спросъ шведскаго посла, что значатъ эти вооруженія, ему отвѣчали, что они предпринимаются для собственной безопасности, ибо, по письмамъ изъ Гамбурга, Киля и Стокгольма, отъ Даніи потребуютъ возвращенія Шлезвига, что объ этомъ толкуетъ Бухвальдъ. Получивъ донесеніе объ этомъ изъ Або, Бестужевъ замѣтилъ: „Сія скоропостижныя голштинскія угрозы впутать могутъ въ новую войну, которая безъ всякой прибыли удаленія ради еще тяжелѣе прежней будетъ". Шведское правительство требовало, чтобъ корабельный русскій флотъ подался поближе къ Зунду, для воспрепятствованія выходу датскаго флота и обезпеченія переѣзда герцога-администратора въ Швецію; требовало также, чтобъ шедшая изъ Архангельска эскадра и бывшая въ Зундѣ возвратилась въ Нѣмецкое море и крейсировала противъ Норвегіи для воспрепятствованія датскому транспорту, а зимовать она могла бы въ шведской гавани Марштрандѣ. На это Бестужевъ замѣтилъ: „Время позднее, развѣ людей поморить и флотъ разорить; къ тому-жъ въ чужой гавани, кромѣ отваги (опасности), содержать зиму не въ однѣ сто тысячъ рублевъ станетъ" Румянцевъ и Любрасъ писали императрицѣ: „Сколько мы изъ словъ Шведовъ здѣсь заключить могли, они не прочь, чтобъ его импер. высочество (Петръ Ѳедоровичъ) Голштинію Даніи уступилъ, ибо они уже толковали, что по законамъ Римской имперіи Греческой вѣры государь въ Германіи владѣть не можетъ; изъ этого видно, что Шведы рады были бы этимъ способомъ Датскій Дворъ удовлетворить и успокоить". Шведскіе уполномоченные въ Або не переставали толковать объ опасности и требовать русской помощи; кромѣ флота, стали требовать, чтобъ Россія высадила въ Швецію и сухопутное войско отъ семи до осьми тысячъ не только противъ Датчанъ, но и для поддержанія внутренней тишины въ Швеціи: объявили, что у нихъ есть полки, на которые положиться нельзя; что Датскій Дворъ полагаетъ надежду, вопервыхъ, на партію между крестьянами, которая непремѣнно соединится съ датскимъ войскомъ; вовторыхъ, на какую-то большую революцію въ Россіи, ибо датскіе министры сказали шведскому послу, стращавшему ихъ силою Россіи: „Правда, Россія сильна, но она привыкла къ революціямъ, и онъ, посолъ, не знаетъ, какая въ ней скоро перемѣна можетъ послѣдовать".

Вслѣдствіе этихъ извѣстій, лица, которыя прежде собирались для обсужденія мирныхъ условій, 22 августа получили указъ императрицы: „Понеже получили мы отъ нашихъ полномочныхъ министровъ изъ Абова реляціи, что Шведы въ случаѣ нынѣ чинимаго отъ Датчанъ къ нападенію приготовленія просятъ нашей помощи, — того для повелѣваемъ по оной реляціи имѣть совѣтъ, что и какъ возможно дѣлать къ помощи Шведамъ, и чтобъ оное съ нашею честію и интересомъ государственнымъ сходно могло быть и чтобъ оной совѣтъ учинить немедленно и намъ донесть, ибо время коротко остается. Елисаветъ". Разсудили согласно подать ея величеству мнѣніе: 1) не соизволено-ль будетъ нынѣ 30 галеръ подъ командою генерала Кейта обратно отправить къ Гельсингфорсу, и быть имъ тамъ до наступленія большихъ холодовъ, а тогда перейти къ Ревелю и тамъ зимовать. 2) Корабельному флоту подъ начальствомъ адмирала Головина пробыть сентябрь въ морѣ, идти ему до Карлскроны и, по возможности, далѣе для соединенія со шведскимъ флотомъ и для прикрытія транспорта избраннаго наслѣдника шведской короны, а въ случаѣ нападенія датскаго флота на Шведовъ—защищать послѣднихъ, и никакихъ датскихъ транспортовъ къ шведскимъ берегамъ не допускать. Но 3-го сентября собраніе уже рѣшило: генералу Кейту съ полками на галерахъ идти немедленно отъ Гельсингфорса къ Стокгольму и тамъ зимовать.

Герцогъ-администраторъ, получивши отъ Русскаго Двора на проѣздъ 50,000 рублей, благополучно достигъ Стокгольма, куда съ поздравленіемъ къ нему отправленъ былъ изъ Копенгагена дѣйствительный камергеръ Николай Корфъ. 21 ноября Корфъ имѣлъ аудіенцію у принца, который объявилъ ему, что такой милости отъ императрицы не достоинъ, что къ нему присланъ онъ, Корфъ, съ поздравленіемъ, и за свое настоящее положеніе послѣ Бога онъ долженъ благодарить одну императрицу; благодарность эту словами онъ изобразить не можетъ и поручаетъ себя императорской милости и покровительству. 30 ноября два русскихъ полка, Ростовскій и Казанскій, имѣли торжественный входъ въ Стокгольмъ, съ музыкою и и распущенными знаменами. Старый король выражалъ большое удовольствіе, и всѣ удивлялись бодрому и военно-храброму виду солдатъ, которые, несмотря на продолжительное и трудное пребываніе на галерахъ, шли бодро и въ хорошемъ порядкѣ. Король говорилъ: „Я очень доволенъ, что прежде смерти имѣю счастіе видѣть передъ собою и подъ своею командою войска столь могуществен-

[1]) Напечатано въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1862 года, кн. 1.

ной и славной императрицы, и въ случаѣ нужды я никому не уступлю чести командовать ими". Получая отъ Корфа и Кейта грамоту императрицы, король цѣловалъ ее.

Бывшая до сихъ поръ въ гоненіи партія противниковъ русской войны торжествовала и хотѣла упрочить свое торжество совершеннымъ отстраненіемъ французскаго вліянія какъ въ Швеціи, такъ и въ Россіи. Члены этой партіи, вмѣстѣ съ саксонскимъ резидентомъ Вальтеромъ, увѣряли Корфа, что Шетарди хвастается полученіемъ полнаго успѣха въ Петербургѣ милостію императрицы, но въ то же время *продерзостно* отзывается, что если Елисавета не захочетъ принять его внушеній и проектовъ, то онъ знаетъ средство свергнуть ее, какъ прежде помогалъ ея возведенію на престолъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ помогала ей болѣе судьба, чѣмъ онъ, потому-что ему собственно нужно было произвести въ Россіи внутренній раздоръ и замѣшательства. Шетарди же отзывался, что онъ, въ силу своего кредита при императрицѣ, поднялъ Бестужевыхъ, Бреверна и Воронцова для привлеченія ихъ на французскую сторону; но такъ какъ они, вмѣсто благодарности за то, что онъ вывелъ ихъ изъ грязи, не оказали никакого содѣйствія его видамъ, то онъ будетъ стараться лишить ихъ кредита и привести въ немилость, и если можно, то лишить ихъ добраго имени и жизни. Члены старой русской партіи просили Корфа, чтобъ къ нимъ присланъ былъ министръ, который бы могъ добрыхъ патріотовъ защищать и подкрѣплять, а приверженцевъ Франціи держать въ уздѣ. Добрые патріоты указывали на Михайлу Бестужева, какъ человѣка, знающаго французскую партію и интриги [1]).

Франція выдала Швецію, какъ прежде выдала Польшу, хотя съ другой стороны надобно замѣтить, что во Франціи никакъ не могли думать, чтобъ Швеція такъ позорно повела свои дѣла въ Финляндіи. Какъ бы то ни было, Франція не могла подать ей никакой помощи, потому что сама дурно вела свои дѣла въ войнѣ съ Маріею-Терезіею. Относительно Сѣвера Франціи теперь оставалось одно — хлопотать при Русскомъ Дворѣ, чтобъ онъ не соединился съ морскими державами для подания помощи королевѣ Венгерской; относительно же Швеціи—стараться или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что старается доставить Швеціи наименѣе невыгодный миръ, подъ условіемъ требуемаго Россіею избранія Голштинскаго принца въ наслѣдники шведскаго престола. Послѣ отъѣзда Шетарди, полномочнымъ министромъ Франціи въ Петербургѣ остался Дальонъ, бывшій въ Россіи и при Шетарди, знавшій хорошо дѣла и людей. Но въ Петербургѣ жалѣли о Шетарди. Императрица скучала, не встрѣчаясь болѣе съ человѣкомъ, который умѣлъ такъ забавлять своими шутками и разсказами [2]).

[1]) Дѣла Шведскія 1743 года.
[2]) Пецольдъ, 422.

Лестокъ и Брюммеръ, разумѣется, не упускали случая усиливать желаніе видѣть снова веселаго собесѣдника.

Еще въ концѣ 1742 г. Кантемиръ получилъ отъ своего Двора рескриптъ, въ которомъ приказывалось ему домогаться всевозможными способами о возвращеніи маркиза Шетарди въ Россію, и если этого достигнуть нельзя, то молчать о назначеніи другого министра на мѣсто Дальона. Никакихъ домогательствъ, повидимому, употреблять не было нужды: самъ Шетарди охотно соглашался на возвращеніе, Амелотъ такъ же, и однако проходили мѣсяцы, а Шетарди не возвращался; быть можетъ мѣшало этому условіе, безъ сомнѣнія придуманное Бестужевымъ, что императрица не приметъ Шетарди въ оффиціальномъ значеніи, если въ присланныхъ съ нимъ королевскихъ грамотахъ ей не будетъ данъ императорскій титулъ. Медленность Шетарди оскорбила императрицу, такъ что она запретила Кантемиру настаивать на его возвращеніи въ Россію. Въ январѣ 1743 года умеръ кардиналъ Флёри отъ старости и съ горя, что Франція запуталась въ войну, изъ которой не могла выйти съ честію и пользою. Король объявилъ, что перваго министра болѣе не будетъ. Между тѣмъ у Кантемира съ Амелотомъ шли важныя объясненія относительно избранія наслѣдника Шведскаго престола; Амелотъ объявилъ, что Франція исключаетъ только принца Гессенъ-Кассельскаго по преданности его Англійскому Двору; всякій же другой принцъ будетъ одинаково пріятенъ Франціи; король особенно желаетъ, чтобъ его поведеніе въ этомъ дѣлѣ было пріятно Русской государынѣ, и потому было бы очень нужно дать поскорѣе сюда знать о ея намѣреніяхъ. Кантемиръ доносилъ своему Двору, что для Франціи всего былъ бы пріятнѣе принцъ Цвейбрюкенскій; но если онъ не возможенъ, то она охотно признаетъ и герцога епископа Любскаго. Кантемиръ старался сблизиться съ генералъ-контролеромъ Орри по его сильному вліянію на дѣла. Орри заявилъ, что онъ всегда былъ въ пользу дружбы Франціи съ Россіею, но теперь находитъ препятствіе къ этой дружбѣ въ союзныхъ договорахъ Россіи съ Англіею и королевою Венгро-Богемскою, также въ запрещеніи русскимъ подданнымъ носить платье изъ богатыхъ матерій, что вредитъ и французской торговлѣ, и конечно внушено Англичанами. Кантемиръ возражалъ на это: что союзы Россіи съ иностранными державами суть союзы оборонительные безо всякаго предосужденія для третьей державы; что онъ самъ, Орри, долженъ согласиться, какъ при нынѣшнемъ положеніи Сѣверный союзъ съ Англіею выгоденъ для Россіи, а союзъ съ королевою Венгерскою нуженъ для всего христіанства, для сдержанія турецкаго могущества; что же касается до запрещенія употреблять богатыя матеріи на платье, то оно основано на одной пользѣ Русскаго народа и не есть слѣдствіе какихъ-нибудь чуждыхъ внушеній. Орри согласился съ справедливостью этихъ объясненій и полагалъ, что

нужно начать съ трактата дружбы между Франціею и Россіею, а затѣмъ приступить къ союзному или торговому

Но прежде всего нужно было рѣшить Шведское дѣло. Кантемиръ наконецъ объявилъ Амелоту, что кандидатъ императрицы есть епископъ Любскій, въ пользу котораго однако Россія будетъ употреблять только добрыя услуги. „Это я понимаю", отвѣчалъ Амелотъ, „но вотъ чего не понимаю: Русскій Дворъ находится съ Англійскимъ Дворомъ въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ съ здѣшнимъ, и, несмотря на то, здѣшній Дворъ готовъ содѣйствовать желанію Русской государыни, тогда какъ англійскій министръ въ Стокгольмѣ не жалѣетъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобъ не допустить до избранія епископа Любскаго; хотѣлось бы мнѣ знать, какимъ образомъ Русскій Дворъ въ этомъ случаѣ соглашается съ Англійскимъ?" Кантемиръ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: каждому государю естественно желать, чтобъ избраніе пало на человѣка ему пріятнаго, и разногласіе въ одномъ дѣлѣ не ведетъ еще къ нарушенію согласія въ другихъ, если для достиженія своихъ цѣлей Дворы употребляютъ только добрыя услуги. Амелотъ спросилъ также, будетъ ли дѣло избранія соединено съ дѣломъ примиренія, потому что въ такомъ случаѣ желаемая Россіею особа, смотря по мирнымъ условіямъ, можетъ надѣяться успѣха, и если бы условія были выгодны для Шведскаго Двора, то онъ бы, Амелотъ, сталъ совѣтовать шведскому министерству не отлагать избранія епископа Любскаго. Кантемиръ отвѣчалъ, что не знаетъ, намѣрена ли императрица связать эти два дѣла; но, сколько можетъ судить, не думаетъ, чтобъ она намѣрена была дорого купить избраніе епископа Любскаго. При этомъ Кантемиръ писалъ своему Двору: „Изъ всѣхъ этихъ часто повторяемыхъ внушеній Амелота я заключаю: первое, что изъ боязни усиленія партіи принца Гессенъ-Кассельскаго стараются тревожить Русскій Дворъ и заставить его препятствовать англійскому проекту; второе, что желали бы здѣсь какимъ-нибудь образомъ возстановить свой кредитъ въ Швеціи, соединивъ дѣло примиренія съ дѣломъ избранія, въ надеждѣ, что такимъ способомъ можно будетъ Шведскому Двору доставить болѣе выгодныя условія, и въ послѣднемъ отношеніи я признаю согласнымъ съ русскими интересами не подавать Амелоту никакой надежды; хотя я замѣчаю теперь въ здѣшнемъ министерствѣ лучшее расположеніе къ Россіи, однако я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, что во всѣхъ поступкахъ французскаго министерства преслѣдуется одна своя польза, опредѣляемая врожденнымъ народу высокомысліемъ; слѣдовательно легко будетъ отложить дѣло вступленія въ союзъ съ здѣшнимъ Дворомъ, учтиво избѣгая по этому дѣлу объясненій съ министрами. Здѣшнее лучшее расположеніе къ Россіи происходитъ отъ дурного состоянія здѣшнихъ дѣлъ или отъ желанія разлучить Россію съ прочими державами. По первому обстоятельству мнѣ кажется, что, каковы бы ни были поступки Русскаго Двора, здѣшній принужденъ сносить ихъ терпѣливо, да и жалобы его можно принимать равнодушно".

Послѣ заключенія Абовскаго мира, Кантемиръ писалъ: „Насколько ваше императорское величество больше славы получаетъ, и насколько основывается тишина въ государствѣ вашемъ и безопасность на будущее время,—настолько Дворъ здѣшній менѣе доволенъ такою удачею вашею, ибо съ одной стороны предусматриваетъ, что кредитъ французскій на Сѣверѣ долженъ очень убавиться, а съ другой — боится, что ваше величество получаете возможность помочь королевѣ Венгерской, что было бы верхомъ здѣшнихъ несчастій Этому страху я долженъ приписать усиленное вниманіе ко мнѣ здѣшняго министерства. Состояніе здѣшнихъ дѣлъ столь плохо, что никакими усиліями не могутъ привести въ безопасность свои границы; государство истощено деньгами и людьми, военныя силы недостаточны, министерство слабое и для такихъ важныхъ дѣйствій неспособное, генералы неискусные, народъ бѣдный и недовольный, король пренебрегаетъ дѣлами"

Въ августѣ Кантемиръ обѣдалъ у генералъ-контролера Орри, который, заведя рѣчь о движеніи короля Датскаго противъ Швеціи, сказалъ: „Принимая во вниманіе слабость короля Датскаго и отсутствіе всякой надежды на помощь какой-нибудь иностранной державы, надобно опасаться, что онъ надѣется на какую-нибудь революцію въ Россіи. О такой революціи приходятъ слухи со всѣхъ сторонъ, какъ уже ея величеству отсюда много разъ было сообщено, и я считаю нужнымъ еще повторить, чтобъ ея величество обратила должное вниманіе на эти слухи". Кантемиръ отвѣчалъ, что онъ получилъ отъ своего Двора доказательство ложности всѣхъ этихъ слуховъ. Извѣщая объ этомъ разговорѣ, Кантемиръ писалъ: „Прежніе поступки здѣшняго Двора не позволяютъ мнѣ допустить, чтобъ подаваемыя отсюда извѣстія о предстоящей революціи въ Россіи происходили отъ здѣшняго добраго расположенія къ вашему величеству. Извѣстно, каковы были всегда здѣшніе происки противъ нашихъ интересовъ при Портѣ, въ Швеціи и другихъ мѣстахъ; по смерти кардинала Флёри злоба здѣшняя прекратилась бы, если бы ваше величество совершенно предались въ здѣшнія руки, какъ тогда и надежду имѣли; но теперь нельзя ожидать никакихъ знаковъ здѣшней благосклонности, когда здѣсь почти увѣрены, что Россія къ будущей веснѣ присоединитъ свое войско къ войску союзниковъ королевы Венгерской. Слѣдовательно, здѣшнія сообщенія о революціи дѣлаются или для того, чтобъ, заставивъ ваше величество заботиться о внутренней тишинѣ государства, отнять у васъ охоту присоединиться къ союзникамъ королевы Венгерской, или отвратить отъ

себя всякое подозрѣніе, въ случаѣ еслибъ дѣйствительно въ Россіи произошла какая-нибудь смута"[1]).

Донесенія Кантемира служили твердою опорою для Бестужева, который прямо представлялъ императрицѣ, что на французскія отношенія надобно смотрѣть на основаніи донесеній Кантемира: онъ одинъ можетъ доставлять вѣрныя свѣдѣнія, а никакъ не петербургскіе совѣтники императрицы, которые издалека не могутъ имѣть яснаго понятія о дѣлахъ. Бестужевъ намекалъ на Лестока и Брюммера, къ которымъ естественно примыкалъ и Дальонъ, пользовавшійся, по старой памяти, расположеніемъ императрицы. Въ началѣ іюля Дальонъ доносилъ своему правительству слѣдующее: „29 іюня былъ балъ, на которомъ ея величество мнѣ разсказывала, что она, гуляя наканунѣ въ своемъ саду, встрѣтила гвардейскаго солдата, который подошелъ къ ней со слезами на глазахъ и объявилъ, что разглашается, будто бы она своихъ вѣрныхъ подданныхъ хочетъ оставить и уступить корону племяннику своему. „Я", говорила Елисавета, „никогда въ такомъ удивленіи не была, и сказала солдату, что это совершенная ложь, и позволяю ему каждаго, который станетъ то же говорить, застрѣлить, хотя бы то и фельдмаршалъ былъ".—Она разсказывала это и г. Брюммеру, который ей представилъ, что подобныя разглашенія имѣютъ одну цѣль—возбудить несогласіе между нею и великимъ княземъ; изъ этого видно, какъ нужно приставить къ молодому принцу такихъ людей, на которыхъ она могла бы совершенно положиться. А я ей сказалъ, что этотъ слухъ носится уже недѣли съ три". Дальонъ хвалился своему правительству, что онъ, вмѣстѣ съ Брюммеромъ и Лестокомъ, имѣлъ важное вліяніе на рѣшеніе шведскихъ дѣлъ, невзирая на кредитъ Бестужевыхъ и интриги англійскаго посланника Вейча. „*Мы* всѣ проекты о супружествѣ между епископомъ Любскимъ и Англійскою принцессою опровергаемъ. Господа Брюммеръ и Лестокъ мнѣ сказали, что они недавно склонили царицу писать принцу, чтобъ онъ не думалъ болѣе объ этомъ бракѣ. Оба, по моему наущенію и собственнымъ выгодамъ, удвоятъ усилія, чтобъ низвергнуть Бестужевыхъ; они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія уполномоченныхъ изъ Абова, которые должны открыть довольно тайнъ и неправильныхъ поступковъ; намѣреніе Брюммера и Лестока состоитъ въ томъ, чтобъ, по низверженіи Бестужевыхъ, поручить завѣдываніе иностранными дѣлами генералу Румянцеву, господину Нарышкину, который уже сюда ѣдетъ, и князю Кантемиру, котораго возвратятъ изъ Франціи". Дѣйствительно, камергеръ Семенъ Нарышкинъ, посланникъ въ Лондонѣ, былъ отозванъ оттуда; но Кантемира, страдавшаго смертельною болѣзнію, возвратить не успѣли. Увѣдомляя свой Дворъ объ уменьшеніи кредита оберъ-гофмаршала Мих. Петр. Бестужева, Дальонъ писалъ: „Кредитъ гофмаршала, правда, много упалъ, но онъ опять поднимется;—это такой человѣкъ, котораго поневолѣ надобно будетъ чрезъ непріятелей его погубить, или же онъ въ этомъ государствѣ будетъ играть важную игру". Въ половинѣ августа Дальонъ доносилъ: „Царица имѣетъ твердое намѣреніе поддерживать въ Швеціи принца Голштинскаго, хотя нѣтъ такихъ способовъ, какихъ бы вице-канцлеръ тайно не употреблялъ, чтобъ удержать ее отъ серьезнаго вмѣшательства въ дѣло, но голосъ его и шайки его уже очень слабъ теперь. Въ случаѣ перемѣны въ министерствѣ, генералъ Румянцевъ будетъ имѣть большое участіе въ новыхъ распоряженіяхъ, и хотя онъ самъ по себѣ не склоненъ къ Французамъ, но можно обнадежиться его женою, интриганткою и очень ловкою госпожею. Вейчъ уже начинаетъ за ней ухаживать"[2]).

„Голосъ Бестужева и его шайки очень слабъ теперь". Отчего же произошла эта слабость?

21 іюля по Петербургу разнесся слухъ, что открытъ какой-то важный заговоръ. Лестокъ прискакалъ изъ Петергофа въ Петербургъ; императрица, находившаяся въ этотъ день инкогнито въ Петербургѣ, осталась здѣсь, не поѣхала въ Петергофъ, хотя лошади были уже приготовлены; ночью по улицамъ разъѣзжали патрули. Прошло три дня въ безпокойномъ ожиданіи; наконецъ 25 числа, въ пятомъ часу пополуночи, генералъ Ушаковъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и капитанъ гвардіи Григорій Протасовъ арестовали подполковника Ивана Лопухина, сына бывшаго генералъ-кригсъ-комиссара Лопухина, близкаго человѣка къ Левенвольду и попавшаго подъ опалу вмѣстѣ съ нимъ; къ матери Ивана Лопухина, Натальѣ, приставленъ караулъ и письма ихъ запечатаны. Въ тотъ-же день спрошены были доносчики—поручикъ Лейбъ-Кирасирскаго полка Бергеръ, родомъ Курляндецъ, и майоръ Фалькенбергъ, и объявили слѣдующее: поручикъ Бергеръ сказалъ, что 17 числа былъ онъ въ вольномъ домѣ, гдѣ былъ также и подполковникъ Иванъ Степанавичъ Лопухинъ; изъ вольнаго дома пошли они въ домъ къ Лопухину, гдѣ хозяинъ наединѣ жаловался ему на свою обиду: „Былъ я при Дворѣ принцессы Анны камеръ-юнкеромъ въ рангѣ полковничьемъ, а теперь опредѣленъ въ подполковники, и то не знаю куда; канальи Лялинъ и Сиверсъ въ чины произведены—одинъ изъ матросовъ, а другой—изъ кофешенковъ за скверное дѣло. Государыня ѣздитъ въ Царское Село и напивается, любитъ англійское пиво и для того беретъ съ собою непотребныхъ людей... ей наслѣдницею и быть было нельзя, потому что она незаконнорожденная. Рижскій караулъ, который у императора Іоанна и у матери его, очень къ императору склоненъ, а нынѣшней государынѣ съ тремя стами канальями ея Лейбъ-Компаніи что

[1]) Дѣла Французскія 1743 года

[2]) Перлюстраціи 1743 годъ въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

сдѣлать? Прежній караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали; а теперь перемѣнѣ легко сдѣлаться: если-бъ и тогда Петру Семеновичу Салтыкову можно было выйти, то онъ бы и самъ ударилъ въ барабанъ; за то его тогда и отъ Двора отрѣшили. Будетъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна; отецъ мой писалъ къ матери моей, чтобъ я никакой милости у государыни не искалъ, поэтому и мать моя ко Двору не ѣздитъ, да и я, послѣ того какъ былъ въ послѣднемъ маскарадѣ, ко Двору не хожу". Идучи съ Бергеромъ 21 числа мимо дома фельдмаршала князя Трубецкаго, Лопухинъ бранилъ послѣдняго, также принца Гессенъ-Гомбургскаго, и говорилъ: „Нынѣшняя государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама просто живетъ, а большіе всѣ ея не любятъ".

По допосу Фалькенберга, Лопухинъ говорилъ: „Нынѣшніе управители государственные всѣ негодные, не такъ какъ прежніе были Остерманъ и Левольдъ; только Лестокъ проворная каналья. Императору Іоанну будетъ король Прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся". На вопросъ Фалькенберга, скоро ли это будетъ, отвѣчалъ: „Скоро будетъ". Фалькенбергъ при этомъ сказалъ ему, что когда дѣло благополучно кончится, то онъ бы его вспомнилъ, и Лопухинъ обѣщалъ вспомнить. Фалькенбергъ спросилъ: „Нѣтъ ли кого побольше, къ тому бы заранѣе забѣжать"? На это сначала Лопухинъ ничего не отвѣчалъ, только пожалъ плечами; но потомъ сказалъ, что австрійскій посланникъ, маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель.

Въ тотъ же день Лопухинъ былъ допрошенъ въ присутствіи Ушакова, Трубецкаго и Лестока, и повинился: „Говорилъ въ поношеніе ея величества, что изволитъ ѣздить въ Царское Село для того, что любитъ англійское пиво кушать; я же говорилъ, что ея величество до вступленія родителей ея въ бракъ за три года родилась; и тѣ слова употреблялъ, что подъ бабьимъ правленіемъ находимся, а больше того никакихъ поносительныхъ словъ не говорилъ; а учинилъ ту продерзость, думая быть перемѣнѣ, чему и радовался, что будетъ намъ благополучіе, какъ и прежде". Относительно Ботты Лопухинъ заперся, и сказалъ: „Фалькенбергъ говорилъ: „Должно быть, маркизъ Ботта не хотѣлъ денегъ терять, а то бы онъ принцессу Анну и принца выручилъ".—И я противъ того молвилъ, что „можетъ статься". Послѣ очной ставки съ доносителями, Лопухинъ во всемъ повинился. Отъ него потребовали, чтобъ открылъ все о злыхъ умыслахъ; онъ попросилъ времени обдумать, и на другой день, 26 іюля, сказалъ: „Въ Москвѣ пріѣзжалъ къ матери моей маркизъ Ботта, и послѣ его отъѣзда мать пересказывала мнѣ слова Ботты, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ. Ботта говорилъ, что и Прусскій король будетъ ей помогать, и онъ, Ботта, станетъ о томъ стараться. Тѣ же слова пересказывала моя мать графинѣ Аннѣ Гавриловнѣ Бестужевой, когда та была у нея съ дочерью Настасьею. Я слыхалъ отъ отца и матери, какъ они противъ прежняго обижены, безъ вины деревня отнята, отецъ безъ награжденія отставленъ; сынъ изъ полковниковъ въ подполковники опредѣленъ".

Привели къ допросу мать, Наталью Ѳедоровну Лопухину; она объявила: „Маркизъ Ботта ко мнѣ въ домъ ѣзжалъ и говаривалъ, что отъѣзжаетъ въ Берлинъ; я его спросила: „Зачѣмъ? Конечно ты что-нибудь задумалъ?" Онъ отвѣчалъ: „Хотя бы что и задумалъ, по объ этомъ съ вами говорить не стану". Слова: что „до тѣхъ поръ не успокоится, пока не поможетъ принцессѣ Аннѣ", я отъ него слыхала и на то ему говорила, чтобъ они не заварили каши и въ Россіи безпокойствъ не дѣлали, и старался бы онъ объ одномъ, чтобъ принцессу съ сыномъ освободили и отпустили къ деверю ея, и говорила это, жалѣя о принцессѣ за ея большую ко мнѣ милость. Ботта говорилъ также, что будетъ стараться возвести на Русскій престолъ принцессу Анну, только я на это ему, кромѣ объявленнаго, ничего не сказала. Мужъ мой объ этомъ ничего не зналъ. Съ графинею Анною Бестужевою мы разговоръ имѣли о словахъ Ботты, и она говорила, что у нея Ботта то же говорилъ" Лопухину допрашивали въ ея домѣ.

Допросили графиню Анну Гавриловну Бестужеву, жену Михайлы Петровича (вдову Ягужинскую, урожденную графиню Головкину). Та сказала только: „Говаривала я не тайно: дай Богъ, когда бы ихъ (Брауншвейгскую фамилію) въ отечество отпустили!" Но дочь ея, Настасья Ягужинская, подтвердила показаніе Лопухиной. Послѣ этихъ допросовъ Ивана Лопухина, его мать и Бестужеву посадили въ крѣпость, а дочь Бестужевой оставили въ домѣ подъ карауломъ. Въ крѣпости Наталья Лопухина призналась: „Такіе разговоры Ботта и при мужѣ моемъ держалъ, и какъ мы его подлиннѣе допрашивали, то онъ отозвался: „Вотъ захотѣли, чтобъ я вамъ, Русскимъ, и о томъ разсказалъ!" причемъ меня и выбранилъ".—Иванъ Лопухинъ былъ приведенъ въ застѣнокъ, гдѣ прибавилъ, что Бестужева говорила его матери: „Охъ Натальюшка! Ботта-то л страшенъ, а иногда и увеселитъ". 27 іюля поручикъ Мошковъ объявилъ, что Лопухинъ говорилъ ему: „Сказывалъ матери моей Александръ Зыбинъ, что принцессу скоро отпустятъ въ отечество Брауншвейгское, а съ нею и прежній ея штатъ, въ томъ числѣ и молодого Миниха; я для того и отъ службы отбываю, что, какъ что сдѣлается, и я при ней попрежнему буду камеръ-юнкеромъ. Не бойся, Мошковъ! можетъ быть, принцесса попрежнему будетъ здѣсь, и тогда счастье получимъ. А ежели принцесса освобождена не будетъ, то надѣюсь, что война будетъ; а когда меня пошлютъ, то я драться не буду, а уйду въ прусское войско: развѣ мнѣ самому противъ себя драться? Думаю, что и многіе драться не станутъ". На другой день призванъ былъ къ допросу Зыбинъ и сказалъ: „О принцессѣ и принцѣ отъ

Натальи Лопухиной я слыхалъ: она ихъ жалѣла и желала, чтобъ имъ быть попрежнему; отъ такихъ словъ я ее унималъ, говоря, что я могу отъ нихъ пропасть, на что она сказала: „Развѣ тебѣ будетъ первый кнутъ?" Въ тотъ же день была очная ставка Бестужевой съ Лопухиными, и Бестужева призналась въ всемъ, что показали Лопухины. 29 іюля были допрошены Конной Гвардіи вицеротмистръ Лиліенфельдъ, того же полка адъютантъ Степанъ Колычовъ и жена камергера Лиліенфельда Софья Васильевна. Двое первыхъ не показали ничего новаго; Софья Лиліенфельдъ объявила: „Съ маркизомъ Боттою я встрѣчалась въ домахъ Бестужевой и Лопухиной, и слыхала, какъ онъ съ сожалѣніемъ говорилъ, что принцесса неосторожно жила, отчего и правленіе потеряла, всегда слушалась фрейлины Юліи, на что мы ему отвѣчали, что то совершенная правда, сама она, принцесса, пропала и насъ погубила, въ подозрѣніе нынѣшней государынѣ привела. Говаривали при мнѣ графиня Бестужева съ Лопухиной, что ея величество непорядочно и просто живетъ, всюду безпрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ. Говаривали про принцессу: лучше-бъ намъ было, когда-бъ она была; можетъ быть это и сдѣлается, а когда не сдѣлается, то хотя-бъ ее отпустили".—Софья Лиліенфельдъ оговорила камергера князя Сергѣя Васильевича Гагарина, но тотъ во всемъ заперся, равно какъ и камергеръ Лиліенфельдъ. Иванъ Лопухинъ поднятъ былъ на дыбу и получилъ одиннадцать ударовъ, но не прибавилъ ничего больше къ своему показанію. 11 августа его снова пытали, дали 9 ударовъ,—и опять никакихъ новыхъ признаній.

Отецъ его, Степанъ Лопухинъ, въ допросѣ сказалъ: „Маркизъ Ботта у меня часто бывалъ и говаривалъ о принцессѣ, что лучше-бъ и спокойнѣе было, еслибъ она оставалась правительницею, а теперь такіе безпорядки происходятъ, министровъ прежнихъ всѣхъ разослали, послѣ императрица будетъ о нихъ и тужить, да взять будетъ негдѣ. На это и я говорилъ, что правда, но говорилъ, что и тогда было не совсѣмъ хорошо, завладѣли-было Нѣмцы, потому что принцесса никуда не выхаживала. Что ея величествомъ я недоволенъ и обиженъ,—объ этомъ съ женою своею я говаривалъ, и неудовольствіе причиталъ такое, что безвинно былъ арестованъ и безъ награжденія рангомъ отставленъ; а чтобъ принцессѣ быть попрежнему,—желалъ я для того, что при ней мнѣ будетъ лучше, а что присягу свою презрѣлъ,—въ томъ приношу мою предъ ея величествомъ вину. Говорилъ я про сенаторовъ, что нынѣ путныхъ мало, и прочіе всѣ дураки; что дѣла не дѣлаютъ и тѣмъ приводятъ ея величество народу въ озлобленіе. Когда императоръ Петръ II скончался, тогда меня призвали фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Димитрій Голицынъ да фельдмаршалъ князь Долгорукій и спрашивали, не подписывалъ ли его величество какой духовной, и я сказалъ:—„Не видалъ". И притомъ они имѣли разсужденіе, кого выбрать на престолъ, и сперва говорили о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, что она уже стара, потомъ о царевнахъ Екатеринѣ и Прасковьѣ, что ихъ нельзя, сказавъ нѣкоторыя слова непристойныя; потомъ о ея величествѣ молвилъ изъ нихъ, помнится, фельдмаршалъ князь Долгорукій, что она родилась до брака, и за тѣмъ, и за другимъ, сказавъ еще нѣкоторыя непристойныя слова, выбрать нельзя, и потомъ положили намѣреніе къ выбору императрицы Анны". 17 августа Степанъ Лопухинъ былъ поднятъ на дыбу, висѣлъ десять минутъ—и ничего новаго не сказалъ. Потомъ подняты были на дыбу жена его Наталья и графиня Бестужева,—и такъ-же не прибавили ничего къ прежнимъ показаніямъ.

Слѣдователи спрашивали императрицу, что Софья Лиліенфельдъ больна (беременна), и потому нужно ли дѣлать ей очную ставку съ оговоренными ею. Елисавета собственноручно написала: „Сіе дѣло мнѣ пришло въ память когда оная Лиленьфелтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очьную ставкою про из водить несмотря на ея болезнь понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутофъ и наипаче желеть не для чего, луче чтобъ и вѣкъ ихъ не слыхать нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать."

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, привлечены были къ дѣлу: князь Иванъ Путятинъ, подпоручикъ Нилъ Акинѳовъ, дворянинъ Николай Ржевскій. Учрежденное въ Сенатѣ генеральное собраніе (въ которомъ были и духовныя лица—Троицкій архимандритъ Кириллъ, Суздальскій епископъ Симонъ, Псковской епископъ Стефанъ) 19 августа положило сентенцію: Лопухиныхъ всѣхъ троихъ и Анну Бестужеву казнить смертію, колесовать, вырѣзавъ языкъ. Ивана Мошкова, Александра Зыбина, князя Ивана Путятина, Софью Лиліенфельдъ казнить смертію—Мошкова и Путятина четвертовать, Зыбину и Лиліенфельдъ отсѣчь голову за то, что, слыша опасные разговоры, не доносили. Камергера Лиліенфельда за нерадѣніе о томъ, что слышалъ отъ жены, лиша всѣхъ чиновъ, сослать въ деревню; вице-ротмистра Лиліенфельда, подпоручика Акинѳова и адъютанта Колычова опредѣлить въ армейскіе полки; дворянина Ржевскаго высѣчь плетьми и написать въ матросы. Императрица измѣнила эту сентенцію такимъ образомъ: троихъ Лопухиныхъ и Анну Бестужеву высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, послать въ ссылку; Мошкова и Путятина высѣчь кнутомъ, Зыбина—плетьми и послать въ ссылку, Софью Лиліенфельдъ, пока не разрѣшится отъ бремени, не наказывать, а только объявить, что велѣно ее высѣчь плетьми и послать въ ссылку. Имѣніе всѣхъ означенныхъ конфисковать. Прочимъ учинить по сентенціи, только Ржевскаго написать въ матросы безъ наказанія. Экзекуція учинена была на публичномъ мѣстѣ, передъ коллежскими апартаментами. Въ Сибири сосланныхъ держали подъ карауломъ; на содержаніе давали каждому въ день по

рублю; но Ивану Лопухину, Мошкову и Путятину давали по 50 копѣекъ; для прислуги при Степанѣ Лопухинѣ съ женою было отправлено четыре человѣка, двое мужчинъ и двѣ женщины, изъ нихъ одинъ поваръ; при Аннѣ Бестужевой и Софьѣ Лиліенфельдъ—по четыре человѣка при каждой, при Зыбинѣ – два человѣка, при Иванѣ Лопухинѣ, Мошковѣ и Путятинѣ—по одному; прислуга получала по десяти копѣекъ на день [1]).

Люди, дурно отзывавшіеся о поведеніи императрицы, жалѣвшіе о падшемъ правительствѣ, желавшіе его возстановленія и питавшіе надежу на это возстановленіе, были наказаны. Но кто возбуждалъ въ нихъ эту надежду, *увеселялъ* ихъ?—Маркизъ Ботта—посланникъ Венгерской королевы.

Въ сентябрѣ Ланчинскій изложилъ канцлеру Улефельду причины неудовольствія своего Двора на маркиза Ботту. Улефельдъ, выслушавъ все молчаливо и съ печальнымъ лицомъ, сказалъ: „Никакъ я этого не ожидалъ; какъ государственный канцлеръ, имѣя въ рукахъ всѣ реляціи маркиза Ботты, могу засвидѣтельствовать, что онъ ревностно исполнялъ и исполняетъ инструкціи королевы относительно дружественныхъ и союзническихъ чувствъ ея къ вашей государынѣ; въ его реляціяхъ не видно ни малѣйшаго неудовольствія или злого намѣренія, о происшествіяхъ же разсказываетъ просто, какъ что́ было.“ Ланчинскій отвѣчалъ, что жалоба не на реляціи, а на богомерзкіе, неоднократные въ конфидентныхъ обхожденіяхъ имѣвшіеся разговоры, на продерзостныя слова, ругательныя выраженія и злостныя намѣренія, которыя должны быть изслѣдованы въ Берлинѣ. Улефельдъ возражалъ, что надобно и другую сторону выслушать,—знатнаго ранга персонъ. Нѣсколько времени спустя, Улефельдъ объяснилъ Ланчинскому, что королева очень огорчена неудовольствіемъ императрицы, которой дружбу особенно цѣнитъ и старается поддерживать союзническія обязательства; но маркиза Ботту, до выслушанія отъ него отвѣта, ни обвинить, ни оправдать не можетъ, въ чемъ полагается на правосудіе императрицы. Ланчинскій отвѣчалъ, что по имѣющимся достовѣрнѣйшимъ доказательствамъ Ботта оправдаться не можетъ.

Въ октябрѣ Ланчинскій имѣлъ разговоръ съ самою королевой. Жалобнымъ голосомъ начала рѣчь Марія-Терезія: „Непріятели мои, для поврежденія нашей съ Россійскою императрицею дружбы, нанесли на маркиза Ботту затѣйныя, но тяжкія вины; а онъ человѣкъ разумный,—какъ онъ могъ такъ постыдно вмѣшиваться въ Петербургѣ во внутреннія дѣла?“ Ланчинскій отвѣчалъ, что и его государыня никакъ бы не повѣрила извѣстіямъ о такихъ поступкахъ Ботты, еслибъ не были ей представлены ясныя доказательства. Королева возразила: „Что касается доказательствъ, то преступники изъ страха могли насказать на Ботту, а другое нанесено отъ моихъ непріятелей, и какъ мнѣ имъ пожертвовать, не выслушавши его оправданій? И въ Константинополѣ, и въ Швеціи усердно старалась я въ пользу вашей императрицы; однако непріятели своими ковами и внушеніями явно берутъ верхъ“. Графъ Улефельдъ говорилъ Ланчинскому, что въ Парижѣ дѣлу Ботты радуются больше, чѣмъ побѣдѣ своего войска, и хвалятся, что теперь могутъ разрушить дружбу и союзъ между Россіею и Австріею.

Когда Ботта пріѣхалъ изъ Берлина, то изъ Вѣны въ Петербургъ пошло требованіе подробныхъ доказательствъ его вины, а между тѣмъ ко всѣмъ министрамъ королевы при иностранныхъ Дворахъ разосланъ былъ циркуляръ, въ которомъ оправдывали Ботту и нарекали на Русскій Дворъ, который, вопреки справедливости, выставилъ его виновнымъ въ манифестѣ о преступленіи Лопухиной. Циркуляръ возбудилъ сильное раздраженіе въ Петербургѣ, что видно изъ рескрипта императрицы къ Ланчинскому; „Мы никакъ не могли думать, чтобъ стараніе оправдать Ботту зашло въ Вѣнѣ такъ далеко, что отложили въ сторону всякое уваженіе къ намъ, и надъ нашею собственною особою захотѣли выместить за мнимую несправедливость, оказанную Боттѣ. Партія кажется неравна:—мы и маркизъ Ботта; однако Ботту во что бы то ни стало хотятъ оправдать, тогда какъ невинность его и несправедливость нашей жалобы основывается на одномъ—на установленной при Вѣнскомъ Дворѣ безпорочной репутаціи маркиза; поврежденіе этой репутаціи считается нарушеніемъ всѣхъ естественныхъ народныхъ правъ, тогда какъ оскорбленіе нашей высочайшей особы поставляется очень легкимъ дѣломъ. Невинность Ботты въ Вѣнѣ доказывается: 1) пріобрѣтенною репутаціею; 2) данными ему отъ королевы указами; 3) свидѣтельствомъ Берлинскаго Двора и обстоятельствами тамошняго министерства Ботты; 4) отсутствіемъ письменныхъ уликъ; противъ маркиза имѣются только допросныя рѣчи нѣкоторыхъ преступниковъ, которые будто по принужденію, по интригамъ и пристрастію

[1]) Лопухинское дѣло въ Государст. Архивѣ. По разсказу Пецольда, Бергеръ, показавшій себя уже прежде безпокойнымъ человѣкомъ, былъ назначенъ для смѣны офицера, приставленнаго къ несчастному графу Левенвольду въ Соликамскѣ. Когда объ этомъ узнала жена камергера Лопухина, назначенная въ нынѣшнее царствованіе статсъ-дамой, то она чрезъ своего сына попросила Бергера, чтобы по прибытіи своемъ онъ увѣрилъ графа Левенвольда въ неизмѣнной ея памяти о немъ, и добавила, чтобы онъ не отчаивался, но твердо надѣялся на лучшія времена. Такъ какъ Бергеръ неохотно отправлялся въ это мѣсто заточенія, то онъ почелъ за вѣрное средство отдѣлаться отъ командировки и сверхъ того заслужить еще награду, донеся о данномъ ему молодымъ Лопухинымъ порученіи, и потому немедленно обратился къ Лестоку. Отъ послѣдняго онъ получилъ наставленіе, что такъ какъ было бы невозможно обнадежить такимъ образомъ графа Левенвольда, не имѣя на это основаній, то нужно постараться выпытать несомнѣннымъ образомъ у молодого Лопухина, въ присутствіи свидѣтеля, въ чемъ состоятъ сказанныя основанія. Съ этою цѣлію Бергеръ повелъ Лопухина вмѣстѣ съ нѣкіимъ Фалькенбергомъ, адъютантомъ принца Гессенъ-Гомбургскаго, въ питейное заведеніе, усердно угощалъ его и т. д.

или въ надеждѣ избѣжать тяжкаго наказанія, весьма легко могли быть приведены къ ложному оговору. Что касается перваго пункта, то мы не хотимъ оспаривать прежнихъ услугъ маркиза Ботты; утверждаемъ только одно, что у насъ онъ мало старался о поддержаніи своей великой репутаціи, ибо онъ не только при прежнемъ здѣсь правленіи довольно извѣстнымъ и явнымъ образомъ во многія интриги противъ насъ вмѣшивался, но продолжалъ такой же способъ дѣйствія и послѣ нашего законнаго вступленія на престолъ. Мы никогда не сомнѣвались, что данные ему отъ королевы указы и инструкціи предписывали ему совершенно другой способъ дѣйствія; но это его нисколько не оправдываетъ, напротивъ — подвергаетъ наказанію; что касается его поведенія при Прусскомъ Дворѣ, то, по объявленію послѣдняго, хотя маркизъ Ботта и не сдѣлалъ самому королю никакихъ обвиняющихъ его предложеній, однако въ разговорахъ съ другими очень часто отзывался о необходимой вскорѣ революціи въ Россіи. Наконецъ относительно недостаточности доказательствъ вины, взятыхъ изъ допросныхъ рѣчей, которыя могли быть вынуждены, мы приказали объявить Вѣнскому Двору, что мы сами при допросахъ присутствовали и сами можемъ засвидѣтельствовать, что они происходили въ должномъ порядкѣ, и ни малѣйшаго принужденія или какихъ-нибудь другихъ неправильностей не было: думаемъ, что такое свидѣтельство и положительное обнадеживаніе можетъ идти за достаточное доказательство. Остается недостатокъ письменнаго изобличенія; но во многихъ случаяхъ виновные изобличаются и безъ письменныхъ свидѣтельствъ; а съ другой стороны — и письменныя свидѣтельства не всегда бываютъ свободны отъ возраженій и споровъ, — слѣдовательно въ письменныхъ уликахъ необходимости нѣтъ особенно въ настоящемъ случаѣ, когда содержаніе совѣтовъ у Ботты и его сообщниковъ было такъ опасно, что нельзя ожидать собственноручныхъ писемъ отъ Ботты, а если бы они были, то сообщники его не могли ихъ сохранять; такъ же нельзя предполагать, чтобъ Ботта велъ переписку съ своими сообщниками, когда онъ могъ имѣть съ ними довольно частыя свиданія, да и все дѣло состояло только въ безбожныхъ и достойныхъ наказанія расположеніяхъ, желаніяхъ, разговорахъ и совѣтахъ, ибо всѣ такія интриги были и всегда будутъ безсильными произвести въ нашей имперіи прямую противъ насъ революцію. Мы считаемъ Ботту достойнымъ наказанія за продерзостные и возмутительные разговоры и совѣты противъ нашей особы и величества, причемъ онъ былъ не только участникомъ, но и главнѣйшимъ руководителемъ. Намъ было бы пріятно, еслибъ Вѣнскій Дворъ, прекратя всякія проволочки и сомнительныя обнадеживанія, далъ краткій и точный отвѣтъ о своихъ намѣреніяхъ, какого удовлетворенія мы должны отъ него ожидать".

Но въ Вѣнѣ не хотѣли спѣшить такимъ рѣшительнымъ отвѣтомъ и говорили Ланчинскому, что королева связана уложеніями, изъ которыхъ выступить не можетъ; по дѣлу Ботта наряжена судная коммисія, и если-бы можно было предвидѣть заранѣе, что маркизъ будетъ обвиненъ, то королевѣ было бы очень пріятно наказаніемъ его освободиться отъ такого непріятнаго дѣла и удовлетвореніемъ Русской императрицы получить продолженіе ея дружбы: для королевы особа одного изъ подданныхъ ничего не значитъ! Но что, если бы коммисія оправдала Ботту? Въ здѣшнемъ уголовномъ правѣ опредѣлено, во сколько могутъ обвинить человѣка показанія разыскиваемыхъ лицъ, а Ботту надобно судить по здѣшнимъ нѣмецкимъ правамъ. Онъ присягаетъ, что имѣлъ дозволенныя сношенія только съ двумя женщинами, со старикомъ Лопухинымъ болѣе пяти или шести разъ въ домѣ его не говорилъ, а съ молодымъ — никогда; въ домѣ Лиліенфельда болѣе одного раза въ годъ не былъ, а другихъ людей, замѣшанныхъ въ дѣло, не знаетъ. Собственное свидѣтельство императрицы принимается съ должнымъ уваженіемъ, но возлагается надежда на мудрое разсужденіе ея величества, что преступники и въ присутствіи своихъ государей осмѣливаются говорить неправду для облегченія себѣ наказанія, и что тѣ, которыхъ маркизъ Ботта вовсе не зналъ, разумѣется, могли сказать только неправду [1]).

Въ Вѣнѣ говорили, что въ Парижѣ дѣлу Ботты радуются больше, чѣмъ выигранному сраженію. Кантемиръ писалъ императрицѣ: „Министерство здѣшнее вложило себѣ въ мысль, что, послѣ открытія вредныхъ и богомерзкихъ умысловъ маркиза Ботты, здѣшній Дворъ долженъ всѣми способами искать, чтобъ тѣмъ обстоятельствомъ (отъ котораго по меньшей мѣрѣ холодности межъ вашимъ императорскимъ величествомъ и королевою Венгерскою ожидаютъ) пользоваться, и при такихъ обстоятельствахъ присутствіе Шетардіево при Дворѣ вашего императорскаго величества признаваютъ весьма нужнымъ". Шетарди отправился тайкомъ въ Россію, и Кантемиръ писалъ: „Тому его потаенному отсюда отъѣзду весь городъ со мною дивится, и всѣмъ такой его поступокъ кажется чрезвычайнымъ" [2]).

Легко понять, что противоположное впечатлѣніе дѣло Ботты должно было произвести въ Лондонѣ. Здѣсь, въ началѣ года, торжествовали заключеніе союзнаго договора съ Россіею. Лордъ Картеретъ говорилъ Нарышкину, что надобно стараться поднять въ Швеціи прежнее министерство: „Черезъ это", говорилъ онъ, „наша партія усилится естественными друзьями для наилучшаго успѣха нашихъ желаній. Король Прусскій очень безпокоится, слыша о нашей дружбѣ съ вами". Англійскій министръ въ Петербургѣ, Вейчъ, объявилъ министрамъ императрицы, что его король готовъ дѣйствовать въ Швеціи заодно съ Россіею, но должно соблюдать большую осторожность въ такомъ деликатномъ дѣлѣ

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1743 года.

[2]) Дѣла Французскія 1743 года

какъ предложеніе наслѣдника вольнымъ шведскимъ чинамъ, чтобъ не придать этимъ силы французской партіи; надобно поступать не торопясь, и, прежде всего, составить себѣ сильную партію. О бракѣ между епископомъ Любскимъ и Англійскою принцессою не сказалъ ни слова. Въ Англіи хот ли прежде всего знать, будетъ ли женихъ имѣть состояніе; Картеретъ говорилъ Нарышкину, что когда епископа Любскаго выберутъ въ наслѣдники Шведскаго престола, то великій князь Петръ Ѳеодоровичъ долженъ ему уступить хотя часть Голштинскихъ земель, потому что, какъ Шведскій наслѣдникъ, епископъ больше пяти или шести тысячъ ефимковъ годоваго содержанія не получитъ. Нарышкинъ отвѣчалъ, что объ этомъ увѣдомитъ голштинскій посланникъ, который скоро пріѣдетъ въ Лондонъ, такъ какъ прежде-назначенный въ Англію Бухвальдъ отправился въ Стокгольмъ. Относительно издержекъ въ Швеціи, необходимыхъ для составленія сильной партіи въ пользу епископа Любскаго, Нарышкинъ объявилъ, что Россія денегъ не пожалѣетъ. Но дѣло шло не объ однѣхъ деньгахъ: въ Англіи не понравились мирныя условія, предложенныя сначала русскими уполномоченными въ Або; здѣсь желали, чтобъ Россія легкими условіями мира достигла избранія своего кандидата въ наслѣдники Шведскаго престола, и, такимъ образомъ освободившись отъ войны, могла вмѣшаться въ европейскія дѣла согласно видамъ Англіи. Картеретъ говорилъ Нарышкину: „Уступками вы можете достигнуть желаемаго; но если вы доведете Шведовъ до крайности своими запросами, то принудите ихъ отдаться Даніи“. Нарышкинъ отвѣчалъ, что нельзя ожидать соединенія двухъ народовъ, такъ страшно ненавидящихъ другъ друга, какъ Шведы и Датчане; Россіи же необходимъ Ботническій заливъ. Картеретъ продолжалъ: „Отъ всего сердца желаемъ, чтобъ ваши дѣла на Сѣверѣ окончились поскорѣе; со стороны Персіи и Турціи вы безопасны, въ Европѣ Россія могла бы играть важную роль, помогая королевѣ Венгерской вмѣстѣ съ нами; а Франція всѣми силами будетъ стараться, чтобъ ваши дѣла не оканчивались“. Наконецъ Картеретъ просилъ Нарышкина донести императрицѣ, что гофмаршалъ великаго князя, Брюммеръ, переписывается съ Нолькеномъ, и эта переписка приводитъ въ негодованіе друзей Россіи и Англіи; кромѣ того, Бухвальдъ обнаруживаетъ холодность къ англійскому посланнику въ Стокгольмѣ, ласкаетъ французскую партію, даетъ ей деньги: та деньги беретъ, но дѣйствуетъ не въ его пользу. При слѣдующихъ свиданіяхъ съ Нарышкинымъ Картеретъ продолжалъ твердить: „Лучше бъ вамъ не дѣлать большихъ запросовъ, а заключить миръ прочный; можно имѣть хорошую границу и безъ всей Финляндіи“. Когда Нарышкинъ указывалъ на датскія вооруженія, имѣвшія цѣлію поддерживать избраніе кронъ-принца Датскаго въ наслѣдники Шведскаго престола, и требовалъ, для удержанія Даніи, посылки англійской эскадры въ Балтійское море, то Картеретъ отвѣчалъ: „Если-бъ Франція послала свою эскадру въ Балтійское море, то мы тотчасъ бы велѣли своей за нею слѣдовать; а Данія не страшна, — ея намѣренія химерическія, захочетъ ли она возобновить Кальмарскій союзъ безъ Финляндіи? — ей дорого станетъ кормить Швецію безъ этого герцогства: это было бы все равно какъ взять жену безъ приданаго, притомъ Даніи объявлено отъ насъ, что если она нападетъ на Россію, то мы, по союзу съ послѣднею, пошлемъ нашу эскадру. Миръ съ Швеціею и избраніе епископа Любскаго зависитъ отъ императрицы: если будетъ отдана вся Финляндія, то сейчасъ же будетъ избранъ епископъ; а если по рѣку Кюмень, — то миръ будетъ заключенъ, но въ наслѣдники Шведы выберутъ кого хотятъ“. Когда Нарышкинъ настаивалъ, чтобъ англійскому посланнику въ Копенгагенѣ посланы были указы увѣщевать датское правительство оставаться въ покоѣ, то Картеретъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: „Вѣдь мы знаемъ, что надобно дѣлать въ такихъ случаяхъ; наши интересы предписываютъ намъ быть всегда съ Россіею, только намъ неприлично стращать Данію“.

Когда Нарышкинъ объявилъ королю Георгу о заключеніи мира со Шведами, то король съ благосклоннѣйшимъ лицомъ отвѣчалъ: „Надѣюсь, что я ничего не испортилъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, когда присовѣтовалъ ея величеству уступить большую часть завоеванной Финляндіи для истиннаго блага Россіи, ибо ея величество имѣетъ и безъ того довольно земли; а если бы опоздали заключить миръ, то въ короткое время былъ бы избранъ принцъ Датскій“. Лордъ Картеретъ говорилъ: „Хотя Французы вамъ на насъ и наносятъ, будто мы хотѣли войну затягивать, но вашимъ министрамъ довольно извѣстно, что если мы рѣшались вашему Двору въ чемъ поперечить, — то одними совѣтами прекратить какъ можно скорѣе войну пристойными уступками. Прежде вашего проекта о наслѣдствѣ Шведскомъ для Голштинскаго принца мы прочили это наслѣдство принцу Кассельскому; когда узнали ваше намѣреніе, то я не такъ простъ былъ, чтобъ трудиться надъ невозможнымъ дѣломъ. Для васъ нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ усиливать свою торговлю дружбою съ нами, потому что у васъ много всякой всячины, кромѣ денегъ; съ другой стороны, для своей безопасности отъ Турокъ, вы должны скрѣплять союзъ съ королевою Венгерскою“. Мы видѣли, что дѣло шло о бракѣ епископа Любскаго, теперь наслѣднаго принца Шведскаго, на Англійской принцессѣ Луизѣ; но въ то время какъ шли выборы епископа Любскаго и мирные переговоры въ Або, Луизу просватали за наслѣднаго принца Датскаго, что не могло быть пріятно Русскому Двору, особенно вслѣдствіе датскихъ движеній, грозившихъ Швеціи и Голштиніи. У Нарышкина по этому случаю было объясненіе съ Картеретомъ, который съ обычною своей безцеремонностію говорилъ: „Шлюсь на всѣхъ: что можетъ быть лучше какъ выдать принцессу Луизу за принца Датскаго! Онъ самодержав-

ный, а у епископа Любскаго нѣтъ никакой земли; Россія не захочетъ сдѣлать его самодержавнымъ или полновластнѣе, чѣмъ нынѣшній король, а у него самого немного денегъ, а Швеція большого содержанія ему не дастъ. Если-бъ онъ и другую нашу принцессу взять захотѣлъ, то надобно знать напередъ, какое содержаніе ему будетъ даваться". На замѣчаніе Нарышкина, что содержаніе будетъ достаточное, Картеретъ возразилъ: „Развѣ вы половину будете давать, а Шведы не очень богаты. Мы въ датскомъ бракѣ ничего не ищемъ, кромѣ приличнаго мужа для нашей принцессы; это дѣло чисто семейное; мы отъ этого не будемъ ни больше любить, ни больше ненавидѣть Датскій Дворъ; вотъ онъ теперь проситъ 80,000 фунтовъ стерлинговъ, а мы не намѣрены дать больше 40,000, т. е. болѣе нашего обыкновеннаго приданнаго... Дивлюсь я, чего вы боитесь: что вамъ Данія можетъ сдѣлать? Изволила-бъ императрица заключить договоръ съ королевою Венгерскою да вступила съ нами въ союзъ для ея обороны: этимъ закрѣпится согласіе съ нами въ истинную славу ея императорскаго величества... Я увѣренъ, что Данія ничего не сдѣлаетъ противъ Россіи; только претензіи великаго князя (Петра Ѳедоровича) на Шлезвигъ ее безпокоятъ, оттого и всѣ эти шумныя приготовленія— все для сохраненія Шлезвига, хотятъ побудить Швецію, чтобъ она просила великаго князя отказаться отъ своихъ претензій. Можетъ быть, и Франція ее подучаетъ" [1]).

Въ то время какъ англійскій министръ твердилъ, что Россія должна помочь королевѣ Венгерской, въ Англіи узнаютъ, что на эту помощь разсчитывать нельзя вслѣдствіе Лопухинскаго дѣла; мало того:—что это дѣло даетъ врагамъ Бестужевыхъ удобный случай низложить ихъ; что Шетарди спѣшитъ въ Россію, чтобъ ускорить низверженіе Бестужевыхъ, порвать Англійскій союзъ и отдать Россію въ руки Франціи. Вейчъ писалъ Картерету по поводу Лопухинскаго дѣла: „Я вижу, что непріятели оберъ-гофмаршала Бестужева усильно стараются вплести его въ несчастіе жены. Если они въ своихъ проискахъ успѣютъ, то мнѣ очень горько будетъ видѣть, что императрица лишится совѣтовъ чрезвычайно искуснаго и честнаго министра. Онъ и братъ его, вице-канцлеръ, присовѣтовали императрицѣ въ началѣ ея царствованія не принимать французской медіаціи въ Шведскихъ дѣлахъ. Оберъ-гофмаршалу объявлено, чтобъ онъ остался на своемъ загородномъ дворѣ до окончанія дѣла жены, а вице-канцлеру императрица продолжаетъ попрежнему оказывать милость, ибо весь Дворъ хорошо знаетъ, что онъ сильно противился браку оберъ-гофмаршала на графинѣ Ягужинской, и что этотъ бракъ произвелъ холодность между обоими братьями" [2]).

О стараніяхъ погубить Бестужевыхъ видно изъ письма Дальона къ Амелоту отъ 20 августа: „Я ни на одну минуту не выпускаю изъ виду погубленія Бестужевыхъ. Господа Брюммеръ, Лестокъ и генералъ-прокуроръ Трубецкой не меньше моего этимъ занимаются. Первый мнѣ вчера сказалъ, что готовъ прозакладывать голову въ успѣхѣ этого дѣла. Князь Трубецкой надѣется найти что-нибудь, на чемъ бы могъ поймать Бестужевыхъ; онъ клянется, что если ему это удастся, то уже онъ доведетъ дѣло до того, что они понесутъ на эшафотъ свои головы". Не въ одномъ Петербургѣ,—и въ Стокгольмѣ усердно трудились надъ погибелью Бестужевыхъ. Картеретъ писалъ Вейчу: „Французы теперь въ Стокгольмѣ стараются достать фальшивые экстракты изъ допросовъ Гилленштерна на послѣднемъ сеймѣ и прибавить къ нимъ такія вещи, которыя должны повредить господину Бестужеву. Такъ какъ они хотятъ эти фальшивые документы переслать императрицѣ, то вы увѣдомите объ этомъ тамошнее министерство и употребите всѣ средства для открытія такого наглаго и ужаснаго обмана. Отправленные въ Петербургъ шведскіе депутаты получили инструкцію — сначала разными лестными предложеніями склонять Бестужева къ французской сторонѣ; если же увидятъ, что успѣть въ этомъ нельзя, то употреблять всякія интриги и раздать до 100,000 рублей, которые Франція заплатить хочетъ, чтобъ подкопать кредитъ Бестужевыхъ" [3]).

Но Бестужевыхъ сломить было трудно. Изъ Лопухинскаго дѣла враги ихъ не могли извлечь ничего, что бы могло набросить хоть тѣнь сомнѣнія не только на вице-канцлера, но и на оберъ-гофмаршала. Императрица была убѣждена въ невинности и вѣрной службѣ обоихъ братьевъ; Разумовскій и Воронцовъ были за нихъ; за нихъ былъ и самый видный изъ архіереевъ, Новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, успѣвшій пріобрѣсть значительный вѣсъ при Дворѣ набожной Елисаветы [4]). Когда увидали, что изъ Лопухинскаго дѣла Бестужевы выходятъ чисты, то Лестокъ началъ внушать императрицѣ, что если жена оберъ-гофмаршала будетъ наказана, то мужа ея и его брата необходимо будетъ перемѣстить на такія должности, гдѣ бы они не имѣли возможности отмстить. Елисавета возразила, что она знаетъ вѣрность и привязанность къ себѣ обоихъ братьевъ, да и другіе люди убѣждены въ томъ же относительно ихъ. Послѣднія слова взорвали Лестока и онъ рѣшился сказать, что онъ знаетъ только одного человѣка, который защищаетъ Бестужевыхъ, это именно Воронцовъ; но Воронцовъ по молодости своей не въ состояніи судить объ этомъ дѣлѣ и потому на его свидѣтельства нельзя полагаться. Елисавета передала объ этой выходкѣ Воронцову, а тотъ—Бестужеву. Лестокъ не унялся, и нѣсколько разъ подступалъ къ императрицѣ съ своими вну-

[1]) Дѣла Англійскія 1743 года.

[2]) Перлюстраціи 1743 года, въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

[3]) Перлюстраціи 1743 года, въ Моск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

[4]) Пецольдъ, 487.

шеніями противъ Бестужевыхъ, но всякій разъ Елисавета выпроваживала его [1]).

Защищаемый отъ Лестока Разумовскимъ и Воронцовымъ, вице-канцлеръ нашелъ средство собственной защиты и нападенія на враговъ во вскрытіи и переводѣ съ цыфирнаго языка депешъ иностранныхъ министровъ и получаемыхъ ими отъ своихъ Дворовъ рескриптовъ, — средство, разумѣется, не придуманное самимъ Бестужевымъ, но заимствованное отъ западныхъ сосѣдей. Почтъ-директоръ Ашъ и академикъ Таубертъ трудились надъ дешифровкою депешъ; вице-канцлеръ извлекалъ нужныя ему мѣста, снабжалъ ихъ своими примѣчаніями и подносилъ императрицѣ. Разумѣется, главное вниманіе его было обращено, кромѣ депешъ Дальона, на депеши Мардефельда, потому что онъ сильно подозрѣвалъ Пруссію во враждебныхъ замыслахъ противъ Россіи, и на депеши Нейгауза, посла императора Карла VII, императора милостію Франціи и Пруссіи, и потому тѣсно связаннаго съ этими обѣими державами. Вскрыта и прочтена была депеша Нейгауза, въ которой онъ писалъ императору по поводу Лопухинскаго дѣла, что оберъ-гофмаршалъ Бестужевъ можетъ быть удаленъ отъ Двора, тогда какъ онъ по уму своему управляетъ всѣми поступками брата вице-канцлера. На это послѣдній замѣтилъ: „Вице-канцлеръ, не видавъ брата своего 22 года, отъ 1720 по 1742 годъ, собственнымъ своимъ умомъ министерство свое управлялъ". Нейгаузъ доносилъ своему Двору, что вице-канцлеръ совершенно преданъ Австріи и Англіи.— Бестужевъ замѣчаетъ: „Сіе злоумышленное внушеніе Нейгаузу учинено весьма уповательно отъ подобно-такого, который не устрашится дерзнуть и у самой ея и. в—ства противъ своего знанія и совѣсти оклеветать, яко-бы онъ, вице-канцлеръ, отъ королевы Венгерской подкупленъ. Всевѣдущему Единому все откровенно, какія и болѣе оклеветанія учинены, и еще продолжаются. Оный да буди вскорѣ Судіею и Воздателемъ всякому по дѣламъ его". — Въ октябрѣ Нейгаузъ давалъ знать своему Двору, что Мардефельдъ получилъ отъ своего короля повторительные указы объявить русскимъ министрамъ, какъ было бы прискорбно Фридриху II, если-бъ Россія продолжала отвергать всѣ способы для установленія добраго согласія между нею и императоромъ Карломъ.—На это Бестужевъ замѣтилъ: „Прусскій Дворъ всѣми удобь-вымышленными способы старается, чтобъ Россійско-императорскій съ Римско-императорскимъ Дворомъ соединить, дабы чрезъ оное Россійско-императорскій Дворъ у древнихъ союзниковъ въ подозрѣніе, а наконецъ и въ несогласіе привесть и онымъ въ тайныхъ своихъ предвосприятіяхъ пользоваться" [2]). Въ какихъ тайныхъ предвосприятіяхъ Бестужевъ подозрѣвалъ Пруссію,— видно изъ письма его къ барону Черкасову отъ 30 апрѣля 1743 года: „Отъ стороны турецкой можно быть спокойнымъ, а ежели Франція намѣрена какую въ Россіи впредь диверсію учинить, не было бы то учинено королемъ Прусскимъ, на котораго подлинно надлежитъ смотрѣть недреманнымъ окомъ... Онъ можетъ подкупить курляндское шляхетство, чтобъ выбрали герцогомъ брата его; а если Прусскій король въ Шведскую войну не вмѣшается, то Данія вмѣстѣ и съ Франціею не опасны" [3]).

Изъ депешъ Нейгауза открылось, что его поддерживали Брюммеръ и Лестокъ, изъ которыхъ послѣдній пересказывалъ ему отзывъ императрицы о его дѣйствіяхъ. Бестужевъ замѣтилъ по этому поводу: „Вмѣсто того, что было надлежало о всемъ томъ, что Нейгаузенъ Лестоку и Брюммеру открылъ, вѣрно ея и. в—ству донести, а они, напротивъ того, противъ своей совѣсти, что отъ ея и. в—ства ни слышали, ему, Нейгаузену, и другимъ иностраннымъ министрамъ сообщали".

Но Бестужеву очень трудно было бороться съ Фридрихомъ II, который умѣлъ пользоваться случаемъ для пріобрѣтенія расположенія императрицы. Какъ только въ Берлинѣ получено было извѣстіе о вскрытіи Лопухинскаго дѣла, Фридрихъ писалъ своему министру Подевильсу: „Надобно воспользоваться благопріятнымъ случаемъ; я не пощажу денегъ, чтобъ теперь привлечь Россію на свою сторону, имѣть ее въ своемъ распоряженіи; теперь настоящее для этого время, или мы не успѣемъ въ этомъ никогда. Вотъ почему намъ нужно очистить себѣ дорогу сокрушеніемъ Бестужева и всѣхъ тѣхъ, которые могли бы намъ помѣшать, ибо когда мы хорошо уцѣпимся въ Петербургѣ, то будемъ въ состояніи громко говорить въ Европѣ". Отъ Фридриха пошли въ Петербургъ добрые совѣты, изъ которыхъ императрица могла видѣть все искреннее участіе Прусскаго короля къ ея особѣ: Фридрихъ совѣтовалъ заслать подальше Ивана Антоновича со всѣмъ его семействомъ, удивлялся медленности и нерадѣнію, съ какимъ поступаютъ въ такомъ важномъ дѣлѣ; совѣтовалъ, что если Елисавета хочетъ имѣть наслѣдника престола, великаго князя Петра, въ своихъ рукахъ, чтобъ не женила его на принцессѣ изъ могущественнаго Дома, а напротивъ—изъ маленькаго нѣмецкаго Дома, который обязанъ будетъ императрицѣ своимъ счастіемъ. Такъ какъ Ботта, послѣ Бреславскаго мира, переведенъ былъ своимъ Дворомъ изъ Петербурга въ Берлинъ, то Фридрихъ, по поводу Лопухинскаго дѣла, потребовалъ отъ Маріи-Терезіи, чтобъ она отозвала Ботту и отъ Прусскаго Двора. Этотъ поступокъ былъ представленъ Мардефельдомъ въ Петербургѣ, какъ доказательство самаго сильнаго сочувствія его короля къ Елисаветѣ,— и та была очень довольна. Если вѣрить донесеніямъ Мардефельда,—она торжественно за столомъ сказала, что Прусскій король наисовершеннѣйшій монархъ въ свѣтѣ. Мардефельдъ догадывался, что его депеши

[1]) Пецольдъ, 496, 497.
[2]) Перлюстраціи 1743 года.
[3]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

прочитываются, и страшно сердился, забывая, что Бестужевъ въ этомъ отношеніи бралъ себѣ за образецъ „наисовершеннѣйшаго монарха въ свѣтѣ". Онъ писалъ къ своему Двору: „Всѣ выходящія изъ здѣшней имперіи письма продолжаютъ вскрывать. Надѣюсь, что тѣ, которые въ моихъ письмахъ нюхаютъ, современемъ сами носомъ въ грязь попадутъ. Я бы этому только смѣялся, если бы плуты не причитали мнѣ то, что читаютъ въ письмахъ членовъ своей шайки. Я не драчливъ и не задорливъ, но современемъ, удостовѣрившись, кто этимъ промышляетъ, проколю каналью шпагою".

Наконецъ враги Бестужевыхъ были обрадованы пріѣздомъ могущественнаго союзника — Шетарди. Мардефельдъ писалъ своему Двору 29 ноября: „Шетарди непремѣнно преодолѣетъ всѣхъ своихъ политическихъ соперниковъ и оставитъ ихъ съ длиннымъ носомъ. Онъ у меня обѣдалъ и нынѣшнимъ вечеромъ будетъ ужинать". Императрица приняла очень хорошо своего стараго знакомаго и пріятнаго собесѣдника, хотя приняла его какъ простаго дворянина, ибо, не привезши грамотъ отъ короля съ императорскимъ титуломъ для Елисаветы, онъ, какъ тогда выражались, долженъ былъ остаться *безхарактернымъ*, т.-е. не могъ получить значенія какъ посланникъ. Скоро послѣ его пріѣзда, императрица послала ему розгу, велѣвши сказать, что онъ долженъ быть наказанъ, какъ маленькій ребенокъ за неосторожную игру съ порохомъ. Шетарди дѣйствительно перевязалъ себѣ руку, объявляя, что обжогъ ее порохомъ. Но всѣ знали, что рука болѣла у него не отъ пороха. Никто не былъ такъ взбѣшенъ пріѣздомъ Шетарди, какъ Дальонъ, потому что видѣлъ въ немъ человѣка, который оттѣснитъ его на задній планъ, порветъ начатую имъ работу, и, въ случаѣ успѣха, выставитъ одного себя его виновникомъ. Дальонъ не могъ сдержать своей досады и, явившись къ Шетарди, началъ дѣлать ему выговоры, зачѣмъ онъ возвратился въ Россію, гдѣ его весь народъ ненавидитъ. Воронцовъ пересказалъ Бестужевымъ все, что онъ, Шетарди, говорилъ о нихъ дурного, потому онъ не можетъ надѣяться никакого успѣха, и онъ, Дальонъ, одинъ можетъ здѣсь служить съ пользою для Франціи. Шетарди вспылилъ и, съ своей стороны, началъ попрекать Дальона не очень честными дѣлами. Дальонъ крикнулъ въ отвѣтъ, что Шетарди каналья; Шетарди далъ ему пощечину; Дальонъ бросился на него съ обнаженною шпагою; Шетарди схватилъ ее, чтобъ удержать ударъ, и обрѣзалъ себѣ руку; прибѣжали слуги и развели борцовъ; но рука долго не заживала у маркиза.

Эта исторія впрочемъ нисколько не отняла у Шетарди возможности дѣйствовать заодно съ Брюммеромъ, Лестокомъ, и Мардефельдомъ противъ Бестужевыхъ. Но и вице-канцлеръ принималъ свои мѣры. 23 декабря, во время доклада, вице-канцлеръ подалъ императрицѣ просьбу: „Отъ самаго почти начала даже до сего времени обрѣтаясь при вашего и. в — ства всемилостивѣйше повѣренныхъ мнѣ дѣлахъ, принужденъ отъ непріятелей моихъ, не знаю по какой-либо злобѣ или съ зависти, претерпѣвать мерзкія нареканія и разныя Богу противныя оклеветанія, иногда яко бы я закупленъ былъ отъ Австріи, иногда отъ Англіи подкупленъ, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, вашему интересу противнымъ, то и отъ Датчанъ. Однакожъ тѣ же мои непріятели должны и принуждены по совѣсти своей сами признавать, что при Божескомъ благословеніи еще до сего времени какъ въ европейскихъ, такъ и въ азіятскихъ, мнѣ повѣренныхъ, дѣлахъ ничего нигдѣ ни мало не упущено или бы пренебрежено было... Дерзновеніе взялъ къ вашимъ монаршескимъ стопамъ себя повергнуть, всеподданнѣйше прося отъ такихъ оклеветаній, что и въ бывшую богомерзкую конспирацію меня приплетаютъ, монаршескою своею властію оборонить, повелѣть о томъ изслѣдовать, отъ кого, въ какое время и какія о мнѣ произведены ни были... И по такимъ злоумышленнымъ внушеніямъ ежели ваше и. в—ство какое обо мнѣ сумнѣніе или недовѣренность возъимѣть соизволите, то какого успѣха въ дѣлахъ можно ожидать, ибо я не токмо въ превеликую отъ того робость приведенъ буду, но и всѣ отъ чистаго моего сердца произносительные труды и усердствованія весьма отвергнуты и въ ничто превращены будутъ" [1]). Просьба была подана для вызова увѣреній, что никакого сумнѣнія и недовѣренности возъимѣть не будетъ соизволено. Увѣренія конечно были даны, потому что Бестужевъ остался въ прежнемъ значеніи. Бестужевъ оставался теперь одинъ, потому что братъ его, оберъ-гофмаршалъ, вслѣдствіе дѣла жены, долженъ былъ на время оставить Дворъ и Россію; но онъ отправился за-границу съ дипломатическимъ порученіемъ,—отправился въ Берлинъ, самый важный постъ, гдѣ могъ всего успѣшнѣе своими наблюденіями охранять интересы Россіи и свои собственные.

И русскіе министры, и послы иностранные съ надеждою и страхомъ ѣхали въ Москву, гдѣ императрица намѣрена было прожить 1744 годъ. Въ древней столицѣ долженъ былъ рѣшиться вопросъ: кто побѣдитъ — Шетарди или Бестужевъ, — вопросъ, занимавшій всю Европу.

---

[1]) Перлюстраціи 1743 года.

Глава IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1744 годъ.

Дѣятельность Сената въ 1744 году.— Безпорядки въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ.—Недостатокъ въ соли —Дѣло о суконныхъ фабрикахъ.—Недостатокъ рабочихъ рукъ.—Разбои.—Усмиреніе крестьянъ.—Дѣятельность Синода: распоряженія о новокрещенахъ. — Расколъ.—Хлыстовщина.—Уничтоженіе Коллегіи Экономіи.—Воеводы и архіереи. — Исправленіе Библіи.— Вопросъ о женитьбѣ великаго князя наслѣдника.—Императрица останавливается на принцессѣ Ангальтъ-Цербстской.—Письма Брюммера къ ея матери.—Участіе Фридриха II въ дѣлѣ.—Пріѣздъ Цербстскихъ принцессъ въ Москву.—Отношеніе принцессы-матери къ партіямъ.—Обрученіе.—Высылка Шетарди изъ Россіи.—Поѣздка императрицы въ Кіевъ.—Вниманіе сосредоточивается на прусскихъ отношеніяхъ.

16 января 1744 года Елисавета присутствовала въ Сенатѣ, а 21 отправилась въ Москву, гдѣ въ продолженіи года присутствовала еще три раза въ Сенатѣ [1]). Въ этомъ году Сенату случилось рѣшить собственное дѣло: донесли на служителя графа Головкина, Татарянова, что онъ, въ сердцахъ на одного изъ своихъ товарищей, толковавшаго, что подастъ прошеніе въ Сенатъ, выбранилъ это учрежденіе неприличными словами. Сенатъ приказалъ высѣчь Татаринова кнутомъ нещадно въ страхъ другимъ, подведя статью Уложеніи о безчестіи бояръ, окольничьихъ и думныхъ людей, нанесенномъ простыми людьми [2]).

Немедленно по пріѣздѣ въ Москву, генералъ-прокуроръ уже началъ жаловаться Сенату, что члены присутственныхъ мѣстъ поздно являются на службу [3]). Прокуроръ Мануфактуръ-Коллегіи донесъ, что присутствующіе даже очень рѣдко ѣздятъ, отчего въ дѣлахъ волокита, и колодники, которыхъ набралось 32 человѣка, держатся безъ всякаго рѣшенія; Сенатъ приказали: призвать всѣхъ членовъ Коллегіи въ Сенатъ и учинить *репримандъ*, а которые не придутъ подъ предлогомъ болѣзни, къ тѣмъ послать сенатскаго экзекутора съ докторомъ освидѣтельствовать [4]). 3 августа генералъ-прокуроръ объявилъ Сенату, что нынѣшняго числа, по осмотру коллегій и канцелярій, найдено огромное число членовъ, не явившихся въ указные часы; приказали: призвать ихъ въ Сенатъ, сказать репримандъ и подтвердить, что если не станутъ съѣзжаться въ указные часы, то непремѣнно будутъ штрафованы [5]). Реприманды и угрозы не помогали: 20 сентября генералъ-прокуроръ опять подалъ длинный листъ неявившихся; велѣно имъ подать отвѣты, почему не явились. 9 октября Трубецкой заявилъ, что ни одного отвѣта еще не подано, а между тѣмъ наканунѣ найдено опять большое число неявившихся, и въ тотъ самый день, 9 октября, солдатъ, посланный въ Юстицъ-Коллегію съ требованіемъ взноса одного дѣла, возвратясь, объявилъ, что въ Коллегіи нѣтъ ни одного человѣка [6]).

Узнаны были чрезъ прокуроровъ и другіе безпорядки. Въ Коммерцъ-Коллегіи между президентомъ, княземъ Юсуповымъ, и вице-президентомъ, Мелиссино, происходили многіе споры, вздоры и крики; Мелиссино подалъ доношеніе о великомъ нападеніи на него князя Юсупова и произношеніе ругательныхъ словъ [7]). Новгородскій прокуроръ донесъ, что въ Новгородѣ счетовъ о сборѣ подушныхъ денегъ не составлено и въ указныя мѣста не отослано съ 737 по 743 годъ, провіантскихъ—за многіе годы, крѣпостныхъ—за 12 лѣтъ, и въ доимкѣ находится съ 730 по 743 годъ таможенныхъ и кабацкихъ 476,884 рубля, канцелярскихъ 13,270 р., и хотя онъ губернской канцеляріи многократно предлагалъ, только она объявляетъ, что по многимъ запущеніямъ прежнихъ губернаторовъ и приказныхъ служителей имъ теперь, за многими текущими дѣлами, счетовъ прежнихъ годовъ исправить нельзя. Прокуроръ спрашивалъ, не приказано-ль будетъ для составленія и свидѣтельства запущенныхъ счетовъ опредѣлить особое число приказныхъ служителей и къ нимъ особливую надежную персону. Сенатъ приказалъ опредѣлить такую персону [8]).

Въ самомъ началѣ года Сенатъ и генералъ-прокуроръ должны были обратить все свое вниманіе на большую бѣду для народа—недостатокъ въ соли, потому что соль, шедшая изъ пермскихъ Строгановскихъ варницъ, остановилась за мелководіемъ. 13 февраля тайный совѣтникъ баронъ Строгановъ съ братьями подалъ въ Сенатъ доношеніе, чтобъ правительство помогло имъ, ибо они потерпѣли убытокъ, именно: чтобъ велѣно было набрать 9,500 рабочихъ, не упуская времени, а безъ такой помощи въ поставкѣ соли исправиться имъ невозможно, вольныхъ рабочихъ людей съ печатными паспортами достать нельзя. Стали торговаться; Строгановъ уступилъ, согласился, чтобъ правительство дало ему 5,000 рабочихъ, нарядивъ съ обывателей, за его жалованье; потомъ сбавилъ

[1]) Журналы Сената, 15 марта, 11 мая, 27 іюля.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 8968.
[3]) Журналы Сената, 14 февраля.
[4]) Журналы Сената, 22 мая.
[5]) Журналы Сената, 22 мая.
[6]) Журналы Сената, 22 мая.
[7]) Журналы Сената, 11 апрѣля
[8]) Журналы Сената, 4 мая

свое требованіе на 4,500 рабочихъ. Сенатъ согласился и отправилъ для скорѣйшаго доставленія соли генералъ-маіора Юшкова. А между тѣмъ народъ терпѣлъ недостатокъ въ соли, увеличиваемый скупщиками изъ солдатъ, которые продирались первые къ магазинамъ, оттѣсняя черный народъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ Сенату, что въ Москвѣ изъ лавокъ казенную соль продаютъ больше разночинцамъ, солдатамъ и скупщикамъ, а крестьянство и прочіе подлые люди едва могутъ купить, нѣкоторые же за тѣснотою никакъ не достанутъ; что онъ, генералъ-прокуроръ, 9 февраля въ одиннадцатомъ часу утра ѣздилъ къ лавкамъ, но уже продажи соли не засталъ, нашелъ у лавокъ крестьянъ и прочей подлости многое число, которые ему объявили, что уже нѣсколько дней не могутъ добиться купить соли. По предложенію генералъ-прокурора, Сенатъ приказалъ: казенную соль въ лавкахъ продавать одному только крестьянству и прочимъ подлымъ людямъ цѣлый день; солдатамъ изъ лавокъ не продавать, а по требованію Военной Коллегіи и прочихъ командъ отпускать соляной конторѣ помѣсячно на деньги, чтобъ солдаты, подъ предлогомъ своей покупки, другимъ и скупщикамъ лишнею цѣною перепродавать не могли; такъ-же не продавать изъ лавокъ въ знатные и прочіе домы и разночинцамъ, чтобъ крестьянству и прочимъ подлымъ въ покупкѣ соли остановки и задержанія не было, а продавать имъ съ соляного двора, а ежели цѣловальники продадутъ соль скупщикамъ, а скупщики будутъ ее перепродавать лишнею цѣною, то какъ цѣловальниковъ, такъ и скупщиковъ бить кнутомъ нещадно [1]). По городамъ отправлены были чиновники для открытія и преслѣдованія скупщиковъ. Наконецъ поспѣшили привезти въ Москву запасы соли изъ Петербурга.

Но хлопоты о соли этимъ не кончились. Въ маѣ, баронъ Александръ Строгановъ объявилъ, что ему съ братьями къ завару соли на 1745 годъ дрова свозить и прочихъ приготовленій дѣлать нельзя за многотысячными убытками, къ вознагражденію которыхъ никакого обнадеживанія не имѣютъ; въ февралѣ у поставки заморозной соли съ Балахны до Ярославля принуждены были давать за провозъ по 5 копѣекъ съ пуда, а имъ положено на всякіе расходы по 3½ копѣйки; также за провозъ въ нынѣшнемъ году соли до Москвы отъ Нижняго подрядчики явились и просили по 5½ копѣекъ съ пуда, а теперь и сыскать ихъ не могутъ, тогда какъ указная имъ цѣна съ расходами положена по 5 копѣекъ пудъ, и они не только не могутъ дѣлать приготовленій къ завару 745 года, но не знаютъ чѣмъ окончить заваръ и нынѣшняго года, также не въ состояніи отправить соль, уже пришедшую изъ Нижняго, въ верховые города, и просятъ, чтобъ принято было рѣшеніе о принятіи ихъ промысловъ въ казну, а въ нынѣшнемъ году за передачу при поставкѣ соли обнадежить милостивымъ награжденіемъ, безъ чего имъ въ поставку вступить никакъ невозможно [2]).

Строгановъ предложилъ вопросъ слишкомъ трудный для рѣшенія. Сенатъ отмалчивался, и слѣдствія оказались нехороши. Въ сентябрѣ призваны были въ Сенатъ тайный совѣтникъ Александръ да дѣйствительный камергеръ Сергѣй бароны Строгановы, и выслушали объявленіе, что соль, отпущенная изъ Нижняго въ Моску въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, не только вся ими не поставлена, но и та, которая уже пришла въ ближнія къ Москвѣ мѣста, стоитъ цѣлый мѣсяцъ, а въ Москву не привозили, отчего произошелъ недостатокъ въ продажѣ народу:—Сенатъ приказывалъ, чтобъ они въ доставкѣ соли въ Москву приложили крайнее стараніе, въ противномъ случаѣ непремѣнно будутъ штрафованы. Строгановы отвѣчали, что они отъ соляныхъ промысловъ несутъ великій убытокъ, и просили, чтобъ сенаторы выслушали сдѣланную изъ прошенія ихъ выписку объ увольненіи ихъ отъ содержанія соляныхъ промысловъ [3]). Въ ноябрѣ Сенатъ объявилъ барону Александру Строганову, чтобъ онъ готовилъ соль и поставилъ въ 745 г. до Нижняго и верховыхъ городовъ. Строгановъ отвѣчалъ, что они подали челобитную императрицѣ о снятіи съ нихъ соляныхъ заводовъ, а по опредѣленію Сената, сколько возможности есть, исполненіе чинить долженъ, въ случаѣ же невозможности—будетъ доносить, въ чемъ и подписался [4]).

Мы видѣли, что въ прошломъ году на докладъ Сената о подрядахъ на кронштадтскія работы не послѣдовало высочайшей резолюціи. Подряды были нововведеніемъ, ибо до сихъ поръ для казенныхъ построекъ прибѣгали къ принудительной высылкѣ рабочихъ изъ областей. И теперь, такъ какъ дѣло не состоялось, вздумали возобновить тотъ же старый обычай: генералъ Любрасъ, завѣдывавшій кронштадтскими работами, просилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Сенатъ, чтобъ приказано было выслать 1,033 человѣка каменьщиковъ самыхъ добрыхъ, а не такихъ, какіе были высланы въ 1742 году, когда и половины добрыхъ не набралось. Но Сенатъ отвѣчалъ: наряда каменьщиковъ изъ провинціи за упущеніемъ времени и за наступившею рабочею порою сдѣлать нельзя, и прежде изъ высланныхъ явилось болѣе половины неспособныхъ, только послѣдовало народное отягощеніе безо всякой пользы;—нанимать помѣсячно добровольнымъ договоромъ [5]).

Много хлопотъ было Сенату съ поставкою суконъ съ русскихъ фабрикъ въ армію. Главный коммисаріатъ донесъ, что московскіе суконные фабриканты подписались доставлять сукно по образцамъ, сдѣланнымъ на фабрикѣ Болотина, обя-

[1]) Журналы Сената, 13 февраля.

[2]) Журналы Сената, 29 мая.

[3]) Журналы Сената, 12 сентября.

[4]) Журналы Сената, 6 ноября.

[5]) Журналы Сената, 20 апрѣля.

зались поставить 178,500 аршинъ; но когда поставили, то браковщики въ годныя обраковали у Болотина изъ 1,800—1,509, у Сѣрикова изъ 200—38, у Третьякова изъ 80—27, да и то, кромѣ фабрики Болотина, выбраковано съ большою натяжкою. Но президентъ Мануфактуръ-Коллегіи объявилъ, что бракъ коммисаріата ему сомнителенъ. Военная Коллегія предлагала, что, за такими спорами между коммисаріатами и Мануфактуръ-Коллегію, не лучше ли бракъ поручить одной Мануфактуръ-Коллегіи или суконныя фабрики отдать въ полное вѣдѣніе главнаго коммисаріата. Сенатъ приказалъ: сукно свидѣтельствовать главному коммисаріату вмѣстѣ съ Мануфактуръ-Коллегію; а фабрикантовъ обязать дѣлать по образцамъ и лучше; если же станутъ дѣлать хуже, то будутъ наказаны не только уменьшеніемъ цѣнъ, но съ нихъ будетъ взысканъ весь убытокъ, какой потерпитъ казна отъ выписыванія иностранныхъ суконъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ коммисаріатъ опять жаловался на негодность суконъ, кромѣ Болотинскихъ, тогда какъ плата производится всѣмъ равная, отчего Болотину немалая обида; справедливость требуетъ цѣну прочимъ понизить, а Болотину повысить. Сенатъ приказалъ: купцамъ, торгующимъ сукнами въ рядахъ, оцѣнить, насколько представленныя сукна ниже цѣною образцовъ,—по той цѣнѣ и выдавать деньги, что будетъ служить вмѣсто штрафа; а Болотину цѣны не прибавлять, ибо цѣна опредѣлена указомъ ея и. в—ства, именно по 58 копѣекъ за аршинъ. Въ концѣ года вопросъ о поставкѣ суконъ опять возобновился, и Сенатъ приказалъ: принудить Болотина съ товарищами ставить сукно на 745 годъ по образцамъ 743 года и по 58 копѣекъ за аршинъ, потому что образцы самъ Болотинъ на своей фабрикѣ сдѣлалъ; прочимъ же фабрикантамъ, которые по этимъ образцамъ ставить суконъ не могутъ,—ставить по новымъ образцамъ, сдѣланнымъ на фабрикѣ Сѣрикова, и такъ какъ эти образцы ниже, то платить имъ только по 56 копѣекъ за аршинъ. Болотину съ товарищами выдать взаймы безъ процентовъ на поправленіе и усиленіе фабрики ихъ 30,000 рублей, разложивъ уплату на 10 лѣтъ при поставкѣ суконъ [1]). Фабриканты упоминаются преимущественно московскіе, потому что Москва становилась фабричнымъ городомъ по дешевизнѣ содержанія сравнительно съ Петербургомъ. Такъ, московскій купецъ Залѣсскій снялъ у фабриканта Солодовникова двѣ шелковыя фабрики,—одну въ Петербургѣ, а другую въ Москвѣ, и просилъ перевести петербургскую въ Москву, ибо по дороговизнѣ въ Петербургѣ содержать невозможно. Мануфактуръ-Коллегія представила объ этомъ Сенату, который отвѣчалъ, что позволеніе ясно само собою, и безпокоить Сенатъ такимъ представленіемъ не слѣдовало [2]).

Мы уже не разъ должны были упоминать, что въ промышленной дѣятельности, какъ въ другихъ отправленіяхъ народной жизни, и въ новой Россіи главнымъ препятствіемъ служилъ недостатокъ рукъ; несмотря на сознаніе достоинства и выгоды вольнонаемнаго труда, онъ часто былъ не возможенъ. Московскіе суконные фабриканты—Болотинъ, Еремѣевъ, Третьяковъ, Сѣриковъ—представили Мануфактуръ-Коллегіи, что имъ нельзя укомплектовать своихъ фабрикъ рабочими людьми: вольныхъ набрать негдѣ, продажныхъ безъ земель, и особенно малолѣтнихъ купить негдѣ; помѣщики своихъ людей или крестьянъ не продадутъ, кромѣ негодныхъ; на фабрикахъ же настоитъ большая нужда въ малолѣтнихъ, отъ 10 до 15 лѣтъ, которые должны быть въ прядильщикахъ. То же самое объявляли шелковые и другіе фабриканты, что главное препятствіе для нихъ—недостатокъ рабочихъ. На основаніи этихъ объявленій, Мануфактуръ-Коллегія представила Сенату, не соизволитъ ли онъ, для удовлетворенія русскихъ фабрикъ, разночинцевъ, которые будутъ являться при нынѣшней ревизіи (церковничьихъ дѣтей, незаконнорожденныхъ, вольноотпущенныхъ), отдавать всѣхъ безъ изъятія, изъ платежа подушныхъ денегъ, на фабрики. Сенатъ не согласился, потому что по инструкціи ревизіи велѣно такихъ разночинцевъ приписывать, по желанію ихъ, въ посады и цехи, годныхъ брать въ солдаты, а если въ посады, цехи и въ службу не пожелаютъ,—то къ помѣщикамъ и на фабрики [3]).

Для честнаго труда рабочихъ рукъ не было, а между тѣмъ столько рукъ было занято нечестнымъ промысломъ, противъ котораго правительство не могло съ успѣхомъ дѣйствовать опять по недостатку людей. Всякій разъ, какъ оно обращалось къ полиціи съ выговоромъ, та отвѣчала, что не въ состояніи охранять порядокъ по недостаточности войска, находящагося въ ея распоряженіи. Но всего чаще заводчиками безпорядковъ, виновниками преступленій являлись люди изъ войска; сила, даваемая оружіемъ, вела грубыхъ людей къ тому, чтобъ пользоваться этою силою противъ безоружныхъ согражданъ. Въ Петербургѣ убитъ былъ малороссійскій шляхтичъ Лещинскій, жившій въ домѣ графа Чернышева, стоящими въ томъ домѣ на караулѣ солдатами [4]). За Москвою-рѣкою солдаты ночью вломились въ домъ купца Петрова, жену его и племянницу били смертно, кололи шпагами и пожитки пограбили. Сенатъ призналъ, что при слѣдствіи полиціймейстерская канцелярія поступила слабо и неосмотрительно; она должна была, какъ скоро узнала о разбоѣ, послать для слѣдствія члена своего, а въ полки гвардіи и въ Военную Коллегію сообщить съ требованіемъ, чтобъ у всѣхъ драгунъ и солдатъ осмотрѣть, не явится ли чего изъ покраденныхъ пожитковъ, и всѣ ли въ ночь были на квартирахъ неотлучно [5]). 27 іюля импе-

[1]) Журналы Сената, 16 іюня, 6 ноября, 17 декабря 19 декабря.

[2]) Журналы Сената, 5 іюня.

[3]) Журналы Сената, 10 апрѣля.

[4]) Журналы Сената, 4 мая.

[5]) Журналы Сената, 22 мая.

ратрица, присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что главная полиція слабое смотрѣніе имѣетъ: въ Москвѣ не только непотребства, но и многія воровства происходятъ, въ домахъ обывательскихъ приходя крадутъ; также умножилось нищихъ, которые работать могутъ и, подъ образомъ разныхъ болѣзней притворяясь, милостыни просятъ; во многихъ мѣстахъ рогатокъ нѣтъ и ходятъ по ночамъ безъ фонарей, а во время торжества о замиреніи съ Швеціею во многихъ домахъ не только иллюминацій, но и свѣчъ въ окнахъ не было.—Но полицію оправдывали происшествія, подобныя тому, какое случилось 8 сентября: въ пятомъ часу пополудни, за Яузою, у Землянаго вала, начался кулачный бой; полицейская команда два раза его разгоняла; но гвардейскіе солдаты велѣли биться ученикамъ разныхъ фабрикъ и прочимъ чинамъ, и когда прибылъ патруличный разъѣздъ и началъ останавливать бой, то народъ, схвативъ изъ огорода колья и каменья, бросился на вахмистра патруличной команды и прибилъ его до полусмерти; зачинщикомъ драки былъ Измайловскій солдатъ [1]).

Такъ было въ столицѣ; что же въ областяхъ?

Въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Семеновскомъ, принадлежавшемъ маіору Докторову, указаны были разбойники и смертоубійцы изъ его крестьянъ; для взятія ихъ былъ отправленъ офицеръ съ командою; но они возвратились безъ успѣха: привезли 14 человѣкъ своихъ солдатъ больныхъ отъ побоевъ, нанесенныхъ семеновскими крестьянами. Посланъ былъ другой офицеръ добрый съ командою; ему было приказано: если крестьяне станутъ сопротивляться, то для страха палить пыжами и накрѣпко стараться, чтобъ разбойники были взяты безъ кровопролитія; если же и послѣ этого будутъ сопротивляться, то поступать какъ съ злодѣями [2]). Изъ Астрахани писали, что на три купеческія рыбныя ватаги пріѣзжали въ двухъ лодкахъ разбойники, больше 50 человѣкъ, и, ограбя ватаги, побрали большія морскія лодки, также пушки, порохъ, говоря, что намѣрены ѣхать въ море [3]). Въ Ветлужской вотчинѣ графа Головкина, селѣ Никольскомъ, Баки тожъ, убили приказчика, разграбили казенную палатку—все это днемъ и въ вотчинѣ, гдѣ считалось 1,668 человѣкъ крестьянъ [4]). Въ половинѣ года Сенату дано было знать, что по большимъ дорогамъ и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы, особенно по Владимірской дорогѣ, разбои умножаются, разбиваютъ не только проѣзжихъ, но нападаютъ на деревни [5]). Генералъ-маіоръ Шереметевъ объявилъ, что ночью пришли въ Сокольскую его волость, въ село Воскресенское, разбойники, дворъ его разбили, деньги взяли, приказчика били и жгли; въ той же волости выжгли двѣ деревни; атаману шайки прозваніе Кнутъ. Оберъ-президентъ Главнаго Магистрата, князь Хованскій, объявилъ, что разбойники приходили многолюдствомъ въ Суздальское его село Пестяково: церковь, его дворъ и крестьянскіе дворы выжгли, пять человѣкъ крестьянъ убили до смерти, четверо лежатъ при смерти [6]). Вслѣдствіе этихъ заявленій, Военная Коллегія распорядилась: по Волгѣ, отъ Твери до Астрахани, разставлены были въ извѣстныхъ разстояніяхъ войска, назначенныя для преслѣдованія разбойниковъ; съ тою же цѣлію разставлены были войска по Окѣ, отъ Калуги до Нижняго, также въ Бѣлгородской, Воронежской и Архангельской губерніяхъ. Сенатъ приказалъ изслѣдовать о прежнихъ сыщикахъ, для чего они своею слабостію допустили такихъ злодѣевъ къ умноженію ихъ компаній, также почему губернаторы и воеводы не старались о ихъ искорененіи [7]). Черезъ мѣсяцъ Сенатъ получилъ извѣщеніе, что, по доносу извѣстнаго уже ему сыщика Ивана Каина, пойманы въ Москвѣ три разбойника и одинъ атаманъ; разбойники объявили, что атаманъ Кнутъ, который прежде назывался Посулихинъ, со всею воровскою станицею, которая разбойничала около Нижняго, находятся на приплывшихъ въ Коломну купеческихъ судахъ. Немедленно отправлены были въ этотъ городъ 50 драгунъ [8]).

Войско должно было дѣйствовать и противъ возмутившихся крестьянъ. Въ селѣ Рогачевѣ и другихъ селахъ и деревняхъ, принадлежащихъ Никольскому монастырю на Пѣсношѣ, приписному къ Троицко-Сергіевой лаврѣ, крестьяне отказались повиноваться монастырскому начальству, посланнаго усмирять ихъ капитана покололи, солдатъ прибили, и Сенатъ распорядился послать штабъ-офицера *изъ Русскихъ*. Этому удалось усмирить крестьянъ, которые объявили, что причиною неповиновенія былъ слухъ, будто крестьяне приписныхъ монастырей объявлены свободными [9]). Въ другомъ мѣстѣ, въ псковской Велейской вотчинѣ графини Анны Бестужевой, крестьяне самовольно выбрали себѣ управителя Трофимова, а прежняго управителя—Залевскаго—выгнали. Усмирить ихъ отправился изъ Пскова съ командою подполковникъ Головинъ, который сначала послалъ небольшую команду, чтобы схватить *самозваннаго* управителя съ сообщниками; но крестьяне вышли навстрѣчу въ числѣ 150 человѣкъ съ ружьями, копьями и бердышами, и начали стрѣлять въ солдатъ; тѣ, отстрѣливаясь, убили одного крестьянина, шестерыхъ захватили, прочіе разбѣжались. На другой день была отправлена новая команда, которая, подошедъ къ крестьянской толпѣ, стала-было уговаривать ее къ сдачѣ; но крестьяне отвѣчали выстрѣлами и ранили одного солдата: солдаты, начавши стрѣлять, ранили дѣвицу, и пойма-

[1]) Журналы Сената, 13 сентября.
[2]) Журналы Сената, 4 іюня.
[3]) Журналы Сената, 20 іюня.
[4]) Журналы Сената, 10 іюля.
[5]) Журналы Сената, 13 іюля.
[6]) Журналы Сената, 3 сентября.
[7]) Журналы Сената, 7 сентября.
[8]) Журналы Сената, 10 октября.
[9]) Журналы Сената, 18 іюня.

ли пять человѣкъ, въ томъ числѣ мать Трофимова; прочіе снова разбѣжались. Схваченные крестьяне объявили, что съ ослушниками находится солдатъ Измайловскаго полка и производитъ многіе злодѣйскіе поступки. На третій день крестьяне, въ числѣ 300 человѣкъ, напали на команду, состоявшую изъ 126 человѣкъ, и убили одного солдата, да ранили троихъ; солдаты начали палить, крестьяне побѣжали, и поймано ихъ было 22 человѣка. Послѣ этого сопротивленіе прекратилось, крестьяне начали записываться, что приходятъ въ покореніе, и записалось ихъ 731 человѣкъ. Управитель со старостою и цѣловальникомъ сначала скрывались; потомъ Трофимовъ былъ пойманъ, но ушелъ изъ-подъ караула, скинувъ оковы, явился въ Москву и лично подалъ просьбу императрицѣ на Головина; Сенатъ отправилъ его въ Сыскной Приказъ [1]).

У Синода были свои борьбы.

13 апрѣля происходило общее засѣданіе обоихъ правительствующихъ учрежденій, Сената и Синода, по поводу просьбы казанскихъ Татаръ о позволеніи возобновить сломанныя мечети. По справкѣ оказалось, что въ Казанской губерніи было сломано изъ 536 мечетей 418, причемъ Казанскій архіерей объявилъ, что ему синодальнымъ указомъ 1743 года запрещено допускать постройку новыхъ мечетей; построенныя послѣ запретительныхъ указовъ мечети вездѣ велѣно разобрать. Изъ Астраханской губерніи донесено, что ломать мечети опасно: магометане—старые подданные—могутъ разбрестись, а у другихъ охота къ выходу въ Россію отнимается. Приказали: мечети сломать и вновь не строить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить Русскіе и новокрещены, чтобъ имъ соблазна не было, а иновѣрцевъ изъ тѣхъ деревень перевести въ другія, гдѣ одни магометане живутъ. Если всѣ мечети сломать, то опасно, чтобъ не дошелъ слухъ въ тѣ государства, гдѣ между магометанами живутъ люди Греческаго исповѣданія и построены св. церкви: не произошло бы тамъ церквамъ какого утѣсненія,—и потому велѣть построить Татарамъ въ Казани, въ Татарской слободѣ, двѣ мечети; также повсюду строить мечети въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ одни Татары, нѣтъ Русскихъ и новокрещенъ, и гдѣ жителей отъ 200 до 300 человѣкъ; а если по этому разсчету останутся лишнія мечети, то сломать немедленно[2]).

Для покровительства новокрещенамъ и побужденія иновѣрцевъ къ принятію христіанства отправленъ былъ въ Казанскую губернію совѣтникъ Ярцевъ. Онъ донесъ, что новокрещены терпятъ обиды отъ всякихъ людей: держатъ ихъ у себя въ работѣ и берутъ на нихъ крѣпостныя записи; а если кто изъ нихъ пожелаетъ освободиться, то хозяева на этихъ безгласныхъ новокрещенъ, которые не только ябедническихъ дѣлъ, но и Русскаго языка мало знаютъ, подаютъ въ городахъ челобитныя, и, по происку хозяевъ, воеводы поступаютъ съ новокрещенами немилостиво, держатъ подолгу въ тюрьмахъ и принуждаютъ къ миру съ хозяевами, т.-е. принуждаютъ опять давать на себя крѣпости; которыхъ, по настоянію Ярцева, освободили,—то безъ всякаго награжденія; у нихъ же проѣзжіе люди берутъ подводы безъ подорожныхъ и безъ платежа прогоновъ, берутъ конскіе кормы и съѣстные припасы. Иновѣрцы страшно ихъ обижаютъ, принуждаютъ платить вмѣстѣ съ собою подати, хотя новокрещены освобождены отъ этого платежа на три года; отдаютъ въ рекруты за некрещеныхъ, клевещутъ на нихъ въ канцеляріяхъ, вслѣдствіе чего новокрещенъ забираютъ и держатъ долгое время подъ карауломъ, бьютъ до полусмерти; Ярцевъ подаетъ объ этомъ промеморія, но воеводы не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Сколько не хвалитъ Ярцевъ воеводъ, столько же превозноситъ Нижегородскаго архіерея Димитрія, который, по его словамъ, въ своей епархіи въ обращеніи иновѣрцевъ и въ охраненіи новокрещенъ отъ обидъ неусыпное раченіе имѣетъ. Ярцевъ требовалъ для себя конвоя, потому что когда придетъ въ иновѣрческую деревню съ конвоемъ, то желающіе креститься могутъ объявлять себя безъ страха, а безъ конвоя опасно и вызывать желающихъ принять христіанство, ибо во многихъ мѣстахъ некрещеные сопротивлялись указу, и его, Ярцева, ругательски бранили и хотѣли бить, а команды его солдатъ и били; безъ конвоя иновѣрцы не слушаются и на опредѣленныя имъ къ переселенію мѣста не переходятъ. Изъ иновѣрцевъ всего болѣе противятся принятію христіанства магометане. Во многихъ уѣздахъ некрещеные выбираются въ сотники, старосты и выборные, начальствуютъ такимъ образомъ надъ новокрещенами и дѣлаютъ имъ несносныя обиды, бьютъ немилостиво и собираютъ всякія подати.—Сенатъ приказалъ: для такого богоугоднаго дѣла опредѣлить въ Казанскую, Нижегородскую и Воронежскую губерніи по одному офицеру, которымъ быть подъ начальствомъ Ярцева; они должны смотрѣть, чтобъ новокрещенамъ никакихъ обидъ и озлобленія не было [3]).

Другая забота—расколъ. Въ Волоколамскѣ поймано было двадцать человѣкъ крестьянъ, которые пробирались за польскую границу, на Вѣтку, подговоренные пушкарскимъ сыномъ изъ Ржевы Володимеровой, Ямщиковымъ, который за провожанье до Вѣтки подрядился взять съ нихъ по пяти рублей съ семьи; онъ же научилъ ихъ молиться пораскольничьи [4]). Движеніе, которое мы видѣли въ царствованіе Анны, не прекратилось, несмотря на строгія мѣры правительства. Въ Богословской пустыни, въ 60 верстахъ отъ Москвы, у строителя, въ особой пустой кельѣ въ саду, происходило сборище, на которомъ между прочимъ присутствовала княжна Дарья Ѳедоровна Хованская. Всѣ сидѣли по лавкамъ, мужчины по одну

[1]) Журналы Сената, 18 сентября, 17 декабря.
[2]) Журналы Сената, 13 апрѣля.
[3]) Журналы Сената, 19 апрѣля.
[4]) Журналы Сената, 9 августа.

сторону, женщины—по другую, и пѣли стихъ: „Дай къ намъ, Господи, дай къ намъ, Іисусе Христе, дай къ намъ, Сыне Божій, помилуй насъ! Пресвятая Богородица, упроси объ насъ Сына своего и Бога нашего, да Тобою спасетъ души наши многогрѣшныя на землѣ!“ Во время пѣнія купецъ Иванъ Дмитріевъ, вскоча съ лавки, затрясся и вертѣлся кругомъ болѣе часа и говорилъ присутствующимъ: „Вѣрьте мнѣ, что во мнѣ дѣйствуетъ Духъ Св. и что я говорю не отъ своего ума, но чрезъ Духа Св.“, и, подходивъ, кого зналъ, называлъ именемъ: „Богъ помочь тебѣ, братецъ или сестрица; какъ ты живешь? молись Богу по ночамъ, а блуда не твори; на свадьбы и крестины не ходи, вина и пива не пей, и гдѣ пѣсни поютъ,—не слушай; гдѣ драки случатся, тутъ не стой.“ Кого именемъ назвать не умѣлъ,—того называлъ: „Велмушка, велмушка! помолись за меня!“ Отходя отъ нихъ, говорилъ: „Прости, мой другъ, не прогнѣвалъ ли я въ чемъ тебя?“ Потомъ тотъ же Иванъ Дмитріевъ взялъ ломоть хлѣба, изрѣзалъ въ куски и, положа на тарелку вмѣстѣ съ солью и наливъ въ стаканъ воды, раздавалъ присутствующимъ, приказывая ѣсть на рукѣ, прихлебывать съ водой и прикладываться къ стакану, творя крестное знаменіе. Послѣ этого всѣ присутствующіе, взявъ другъ друга за руки, вертѣлись вкругъ, вспрыгивая, что у нихъ называлось *корабль*; вертѣлись по солнцу, причемъ пѣли прежнюю молитву и бились обухами и ядрами, поставляя въ этомъ сокрушеніе плоти; княжна Хованская, испугавшись этого битья, вышла съ своими людьми вонъ и послѣ не приходила, а прочіе продолжали вертѣться и биться во всю ночь, и на разсвѣтѣ разъѣхались. Строитель Дмитріевъ былъ схваченъ и показалъ, что былъ наученъ штофной фабрики ученикомъ Александромъ Голубцовымъ, когда еще былъ на искусѣ въ московскомъ Андреевскомъ монастырѣ, въ 732 году. Голубцовъ свелъ его за Яузу въ сборище, состоявшее изъ 10 человѣкъ, гдѣ молились двуперстнымъ крестомъ; Голубцовъ вертѣлся и говорилъ, что первое крещеніе имъ было водою, а второе—духомъ, и кто вторымъ крещеніемъ не крестится, тотъ и въ царство небесное не войдетъ. Строитель показалъ, что во время дѣйствія одни бились обухами, а другіе рѣзались ножами, вставленными въ палки. Открылось, что и послѣ разгрома еретиковъ, бывшаго въ царствованіе Анны, сборище продолжалось въ Ивановскомъ монастырѣ. Хотя еретики отвергали законный бракъ и находившимся въ бракѣ запрещали совокупляться (совокупленіе грѣхъ, уставилъ-де то напрасно Адимъ да Ева), однако учитель сборищъ, Григорій Сапожниковъ, имѣлъ связь съ согласницею Ѳедосьею Яковлевою. На сборищѣ, бывшемъ въ домѣ Григорья Сапожникова, хозяинъ вертѣлся и говорилъ: „Молитесь Богу, идетъ на васъ гнѣвъ Божій, взяты будете подъ караулъ, будете мучены и биты, нападутъ на васъ архіереи и судьи, а вы ихъ не вините и не кляните, и потерпите, а потерпя Богъ и всемилостивѣйшая государыня освободятъ“. Ѳедосья Яковлева показала: слышала она отъ согласныхъ своихъ, что есть у насъ, въ Ярославлѣ, нашъ государь-батюшка крестьянинъ Степанъ Васильевичъ, который содержитъ небо и землю, и мы его называемъ христомъ, а жену его Афросинью—госпожею богородицею; учителемъ Степана и жены его былъ крестьянинъ Астафій Апуфріевъ [1]).—Для помощи въ борьбѣ съ расколомъ Синодъ исходатайствовалъ у императрицы позволеніе издать двѣ книги: „Розыскъ о раскольничей Брынской вѣрѣ“, Димитрія Ростовскаго, и „Возраженія на отвѣты выгорѣцкихъ раскольниковъ“, Ѳеофилакта Лопатинскаго [2]).

Въ описываемомъ году Синодъ имѣлъ удовольствіе получить слѣдующій указъ: Коллегію Экономіи отставить, и всѣ доходы синодальныхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ отдать въ вѣдомство и управленіе Св. Синода попрежнему со всѣми расходами, на что было положено и употреблялось изъ тѣхъ доходовъ при Петрѣ Великомъ, исключая одинъ только Заиконоспасскій училищный монастырь, который содержанъ будетъ на особую сумму [3]). Кончились столкновенія съ Коллегіею Экономіи, но продолжались столкновенія съ воеводами. Воеводскій товарищъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, князь Щепинъ-Ростовскій, бранилъ и мучилъ одного священника, который отъ этого заболѣлъ и умеръ. Сенатъ приказалъ накрѣпко изслѣдовать и Щепина взять въ Москву [4]). Чрезъ нѣсколько времени Синодъ представилъ въ Сенатъ длинный списокъ, присланный Казанскимъ епископомъ Лукою,—списокъ побоямъ, которымъ подверглись духовныя лица отъ свѣтскихъ, причемъ Синодъ жаловался, что губернаторы и воеводы продолжаютъ привлекать къ своему суду духовныхъ людей [5]). Съ другой стороны, Вятскій архіерей Варлаамъ далъ пощечину воеводѣ Писареву. Воевода жаловался, что на него напали архіерейскіе служки и школьники съ дубьемъ, но онъ ихъ разогналъ и двоихъ схватилъ; когда воевода допросилъ схваченныхъ, то явился къ нему въ канцелярію самъ архіерей, сталъ бранить скаредною бранью и наконецъ далъ пощечину. Архіерей показывалъ, что у него на обѣдѣ, 6-го декабря, былъ воевода и сынъ его, Измайловскаго полка подпоручикъ, пріѣхавшій въ отпускъ. Сынъ заставилъ пѣвчихъ пѣть вѣчную память, и, взявъ кубокъ съ пивомъ, говорилъ купцамъ: „Здраствуйте, господа канальи, хлыновское купечество!“—потомъ приходилъ къ кельѣ архіерейскаго казначея и хотѣлъ его бить плетьми. 9 числа воеводскій сынъ зашибъ архіерейскаго секретаря до полусмерти, а на улицѣ были схвачены цѣловальникъ и хлѣбникъ семинар-

---

[1]) Дѣла по слѣдственной въ Москвѣ о раскольникахъ коммисіи, въ Сенатскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 9046.
[3]) Журналы Сената, 16 іюля.
[4]) Журналы Сената, 2 августа.
[5]) Журналы Сената, 27 сентября.

скіе и взяты въ воеводскую канцелярію для розыска; пьяный воевода съ сыномъ велѣли уже и огонь въ застѣнкѣ разложить для пытки. Тогда архіерей поѣхалъ въ воеводскую канцелярію; но на его увѣщаніе воевода отвѣчалъ неучтивыми словами, за что архіерей ударилъ его по ланитѣ [1]).

По пріѣздѣ въ Москву, въ февралѣ мѣсяцѣ Синодъ получилъ тяжелый для себя указъ императрицы: „Понеже дѣло исправленія Библіи, къ печатанію оной вновь давно уже зачатое, и понынѣ не совершено, а нужда въ томъ церковная и народная велика: того для симъ нашимъ указомъ повелѣваемъ, дабы Св. Синода всѣ члены въ сію Святую Четыредесятницу въ исправленіи оной Библіи къ печатанію оной вновь трудились отъ полученія сего нашего указа каждый день поутру и пополудни, кромѣ недѣльныхъ дней, чтобъ, ежели возможно, оное исправленіе окончить къ празднику Св. Пасхи, а по окончаніи оное исправленіе Библіи объявить намъ, но не печатать оную, вновь исправленную, безъ нашего указу, токмо потребныя къ тому печатанію вещи приготовлять, а особливо бумага чтобъ была употреблена на оное печатаніе, сдѣланная на россійскихъ фабрикахъ совѣтника Затрапезнова и ассесора Гончарова и на другихъ, къ тому дѣлу годная. Къ сему-жъ дѣлу повелѣваемъ употребить и кромѣ членовъ синодальныхъ духовнаго чина людей учебныхъ. Для исправленія текущихъ дѣлъ по синодальной должности, которыхъ въ постъ меньше другихъ временъ бываетъ, отрядить нѣсколько изъ членовъ же синодальныхъ, которые имѣютъ о приключившихся иногда важныхъ дѣлахъ Синоду доносить и рѣшеніе требовать". Къ празнику Пасхи исправленіе Библіи не было кончено, и въ іюлѣ Амвросій Новогородскій подалъ просьбу императрицѣ уволить его отъ исправленія Библіи по причинѣ болѣзни, „потому что головою весьма немощенъ, а дѣло требуетъ довольнаго разсужденія" [2]). Дѣло затянулось, какъ увидимъ, на нѣсколько лѣтъ.

Елисавета не могла обратить большого вниманія на это неисполненіе своего указа, потому что была занята въ это время важнымъ семейнымъ дѣломъ, которое по тогдашнему напряженному состоянію Европы не могло остаться свободнымъ отъ политическихъ интригъ. Императрица, обезпокоенная сочувствіемъ къ Брауншвейгской фамиліи, высказавшимся въ дѣлѣ Турчанинова и потомъ въ дѣлѣ Лопухиныхъ, хотѣла какъ можно скорѣе устроить бракъ наслѣдника престола, великаго князя Петра Ѳедоровича. Но легко понять, какъ важенъ былъ вопросъ о выборѣ невѣсты и для своихъ, и для чужихъ. Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди нужно было, чтобъ молодая великая княгиня, ея родственники и приближенные, которые съ нею пріѣдутъ въ Россію, не пошли наперекоръ ихъ вліянію и видамъ; чтобъ не содѣйствовали видамъ Бестужева. Выборъ послѣдняго уже палъ на Саксонскую принцессу Маріанну, дочь Польскаго короля Августа III, ибо этотъ бракъ вполнѣ соотвѣтствовалъ его политической системѣ, союзу между морскими державами, Россіею, Австріею и Саксоніею, для сдержанія Франціи и Пруссіи. Какъ только въ противномъ лагерѣ узнали о намѣреніи Бестужева относительно Саксонской принцессы, такъ поспѣшили найти другую невѣсту: то была Софія-Августа-Фредерика, дочь принца Ангальтъ-Цербстскаго, находившагося въ прусской службѣ, и Елисаветы Голштинской, сестры епископа Любскаго, избранняго въ наслѣдники Шведскаго престола. 10 декабря 1743 года Шетарди писалъ Амелоту: „Саксонскій посланникъ Герсдорфъ не могъ получить 25,000 вспомогательнаго русскаго войска за англійскія субсидіи, благодаря Лестоку и Брюммеру Герсдорфъ предлагалъ также бракъ между великимъ княземъ и дочерью Польскаго короля. Брюммеръ и Лестокъ, провѣдавъ объ этомъ, представили царицѣ, что принцесса изъ сильнаго Дома едвали будетъ склонна къ послушанію, — надобно избрать такую, для которой бы бракъ былъ подлиннымъ счастіемъ. Употребили и духовныхъ лицъ для внушенія, что принцесса католичка будетъ опаснѣе для Православія, чѣмъ протестантка, и предложили принцессу Цербстскую. Лестокъ вчера вечеромъ приходилъ ко мнѣ сказать, что дѣло сдѣлано, и царица послала секретно 10,000 рублей къ принцессѣ Цербстской, чтобъ поскорѣе ѣхала сюда" [3]). Брюммеръ въ письмѣ къ принцессѣ-матери отъ 17 декабря новаго стиля писалъ слѣдующее: „Надѣюсь, ваша свѣтлость вполнѣ увѣрены, что съ самаго пріѣзда моего въ Россію я не перестаю трудиться для счастія и величія наияснѣйшаго герцогскаго Дома (Голштинскаго). Успѣлъ ли я въ этомъ или нѣтъ,—пусть судятъ другіе. Питая давнее глубокопочитаніе къ особѣ вашей свѣтлости и всегда желая увѣрить ее въ моемъ уваженіи на дѣлѣ болѣе, чѣмъ пустыми словами, я думалъ дни и ночи, нельзя ли сдѣлать что-нибудь блистательное въ пользу вашей свѣтлости и вашей знаменитой фамиліи. Зная великодушіе вашего сердца и благородство вашихъ чувствъ, я не колеблюсь ни минуты открыть вашей свѣтлости дѣло, которое прошу содержать въ глубочайшей тайнѣ, по крайней мѣрѣ на первое время. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, какъ я нахожусь при этомъ Дворѣ, я имѣлъ часто случай говорить ея импер. величеству о вашей свѣтлости и о вашихъ достоинствахъ. Я долго ходилъ около сосуда и употреблялъ разные каналы, чтобъ довести дѣло до желаннаго конца. Послѣ долгихъ трудовъ, наконецъ, думаю, я успѣлъ,—нашелъ именно то, что пополнитъ и закрѣпитъ совершенное счастіе герцогскаго Дома. Теперь надобно, чтобъ ваша свѣтлость завершили дѣло, счастливо мною начатое. По приказанію ея импер. величества, я долженъ вамъ внушить, чтобъ ваша

[1]) Синодальныя дѣла въ Государ. Архивѣ 1744 года.
[2]) Синодальныя дѣла въ Государ. Архивѣ 1744 года.

[3]) Перлюстраціи, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

свѣтлость, въ сопровожденіи старшей дочери, немедленно пріѣхали въ Россію. Ваша свѣтлость конечно поймете, почему ея величество такъ сильно желаетъ видѣть васъ здѣсь какъ можно скорѣе, равно какъ и принцессу, вашу дочь, о которой разсказывается такъ много хорошаго. Бываютъ случаи, когда гласъ народа есть именно гласъ Божій. Въ то же время наша несравненная монархиня прямо приказала мнѣ увѣдомить вашу свѣтлость, чтобъ принцъ, супругъ вашъ, ни подъ какимъ видомъ не пріѣзжалъ вмѣстѣ съ вами. Чтобъ ваша свѣтлость не были ничѣмъ затруднены; чтобъ вы могли сдѣлать для себя и для принцессы, вашей дочери, нѣсколько платьевъ; чтобъ могли предпринять путешествіе безъ потери времени: я имѣю честь присоединить къ своему письму и вексель. Правда, сумма умѣренна; но надобно сказать вашей свѣтлости, что это сдѣлано нарочно, чтобъ выдача большой суммы не кидалась въ глаза людямъ, наблюдающимъ за нашими дѣйствіями. Чтобъ ваша свѣтлость не нуждались въ необходимомъ по пріѣздѣ сюда въ Петербургъ, я распорядился, чтобъ купецъ, именемъ Людольфдомъ, выплатилъ вашей свѣтлости двѣ тысячи рублей, въ случаѣ надобности. Я ручаюсь, что по счастливомъ прибытіи къ намъ ваша свѣтлость не будетъ ни въ чемъ нуждаться". Брюммеръ опредѣлялъ въ письмѣ, сколько людей должна была взять принцесса съ собою: одну штатсъ-даму, двухъ горничныхъ, повара (мебель, необходимую въ этой странѣ, по выраженію Брюммера), одного офицера для распоряженій почтою и троихъ или четверыхъ лакеевъ. Брюммеръ училъ принцессу, какъ она должна объяснять причину своего отъѣзда въ Россію: „Вашей свѣтлости стоитъ только сказать, что долгъ и учтивость требуютъ отъ васъ съѣздить въ Россію какъ для того, чтобъ поблагодарить императрицу за необыкновенную благосклонность, оказанную герцогскому Дому, такъ и для того, чтобъ видѣть совершеннѣйшую изъ государынь и лично поручить себя ея милостямъ. Чтобъ ваша свѣтлость знали всѣ обстоятельства, имѣющія отношенія къ этому дѣлу, имѣю честь сообщить, что король Прусскій знаетъ секретъ; въ волѣ вашей свѣтлости говорить съ нимъ объ этомъ, или не говорить; что же касается меня, то я почтительнѣйше совѣтовалъ бы вашей свѣтлости поговорить съ королемъ, ибо въ свое время и въ своемъ мѣстѣ вы почувствуете слѣдствія, какія естественно отъ того проистекутъ. Г. Лестокъ, который конечно работалъ вмѣстѣ со мною и который очень преданъ интересамъ герцогскаго Дома, просилъ меня засвидѣтельствовать вашей свѣтлости его глубочайшее уваженіе. Я долженъ отдать ему справедливость, что онъ относительно интересовъ вашей свѣтлости велъ себя какъ честный человѣкъ и ревностный слуга".

21 декабря Брюммеръ послалъ новое письмо, чтобъ принцесса спѣшила какъ можно скорѣе, ковала бы желѣзо, пока горячо. Навстрѣчу путешественницамъ отправленъ былъ камергеръ Нарышкинъ, вручившій въ Ригѣ принцессѣ-матери новое письмо отъ Брюммера, который писалъ: „Императрица ежедневно освѣдомляется, не имѣю ли я извѣстій о васъ, проѣхали ли вы Данцигъ и когда можете пріѣхать въ Москву; я отвѣчаю, это если-бы ваша свѣтлость имѣла крылья, то воспользовались бы ими, чтобъ не терять ни минуты". Брюммеръ умолялъ принцессу принять его совѣтъ и, при первомъ свиданіи съ императрицею, оказать ей чрезвычайное и болѣе чѣмъ совершенное уваженіе (une déference extraordinaire et plus parfaite), именно—поцѣловать у нея руку. Брюммеръ извѣщалъ также, что великій князь ничего не знаетъ о пріѣздѣ тетушки и сестрицы [1]).

Женихъ ничего не зналъ о пріѣздѣ невѣсты, а Прусскій король очень хорошо зналъ объ этомъ, и въ концѣ декабря писалъ принцессѣ-матери, чтобъ поскорѣе ѣхала въ Россію, гдѣ для ея дочери готовится знаменитая судьба; хвалился, что мысль о бракѣ между ея дочерью и наслѣдникомъ Русскаго престола исходитъ отъ него; требовалъ сохраненія величайшей тайны, такъ, чтобы ни принцъ, ея мужъ, ни русскій посланникъ въ Берлинѣ, Чернышевъ, ничего не знали объ этомъ. Принцесса отвѣчала, что ставитъ себѣ закономъ повиноваться совѣтамъ его величества; и только въ одномъ случаѣ не могла вполнѣ имъ послѣдовать: не могла скрыть цѣли своей поѣздки отъ мужа [2]). Самъ Фридрихъ такъ описываетъ свой взглядъ на дѣло и свое участіе въ немъ: „Изъ всѣхъ сосѣдей Пруссіи Русская имперія заслуживаетъ наибольшее вниманіе, какъ сосѣдка самая опасная:—она сильна, она близка. Будущіе правители Пруссіи также должны будутъ искать дружбы этихъ варваровъ". Король употребилъ всѣ средства для снисканія дружбы Россіи. Императрица Елисавета была намѣрена тогда женить великаго князя, своего племянника, и хотя ея выборъ не былъ еще рѣшенъ, однако она всего болѣе склонялась на сторону принцессы Ульрики, сестры короля (Прусскаго); но Саксонскій Дворъ желалъ выдать за великаго князя принцессу Маріанну, вторую дочь короля Августа. Ничего не могло быть противнѣе прусскому интересу какъ позволить образоваться союзу между Россіею и Саксоніею, и ничего хуже,—какъ пожертвовать принцессою королевской крови, чтобъ оттѣснить Саксонку. Придумали другое средство. Изъ нѣмецкихъ принцессъ, могшихъ быть невѣстами, принцесса Цербстская болѣе всѣхъ годилась для Россіи и соотвѣтствовала прусскимъ интересамъ. Ея отецъ былъ фельдмаршаломъ королевской службы, ея мать, принцесса Голштинская, сестра наслѣдника Шведскаго престола и тетка великаго князя Русскаго. Мы не войдемъ въ подробности переговоровъ: довольно знать, что надобно было употреблять такія усилія, какъ будто дѣло шло о величайшемъ интересѣ въ мірѣ. Самъ отецъ невѣсты

[1]) Письмо Брюммера въ Государств. Архивѣ.
[2]) Correspondance de Frédéric II, X, 597.

противился браку: будучи ревностнымъ лютераниномъ, какіе бывали въ первыя времена реформы, онъ не хотѣлъ позволить своей дочери сдѣлаться схизматичкою, и согласился только тогда, какъ одинъ священникъ, отличавшійся большею терпимостію, доказалъ ему, что Греческая религія почти то же самое, что лютеранская. Въ Россіи Мардефельдъ умѣлъ такъ хорошо скрыть пружины, которыя онъ приводилъ въ дѣйствіе, отъ канцлера Бестужева, что принцесса Цербстская пріѣхала въ Петербургъ къ великому удивленію Европы, и была принята въ Москвѣ императрицею съ явными знаками удовольствія и дружбы" [1]).

Въ этомъ разсказѣ очевидны преувеличенія,—стараніе выставить свое участіе въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ какъ оно было на самомъ дѣлѣ. Странно предположить, чтобъ первая мысль объ этомъ бракѣ принадлежала Прусскому королю, а не Брюммеру, при извѣстной преданности послѣдняго къ „герцогскому Дому". Брюммеръ могъ сдѣлать Мардефельда повѣреннымъ своей тайны; но Мардефельду нечего было тутъ дѣлать,—всѣ пружины приводились въ дѣйствіе Брюммеромъ и Лестокомъ, да и много пружинъ приводить въ дѣйствіе было не нужно: въ Елисаветѣ была жива нѣжная память о покойномъ женихѣ, ей пріятно было родную племянницу этого жениха имѣть женою своего роднаго племянника; чувство было удовлетворено, и умъ такъ-же, потому что дѣйствительно, при тогдашнихъ европейскихъ дѣлахъ, всего выгоднѣе было избрать невѣсту для великаго князя изъ незначительнаго Дома, котораго интересы не могли имѣть вліянія на политическія соображенія; бракъ заключали въ своей семьѣ. Тайну было сохранить легко, ибо дѣло шло между тремя-четырьмя лицами, одинаково заинтересованными въ сохраненіи тайны. Что дѣло было вовсе нетрудное,—видно всего лучше изъ того, что Фридрихъ не умѣетъ указать ни на одну трудность, кромѣ сопротивленія отца невѣсты.

Какъ бы то ни было, 3 февраля 1744 года принцесса Цербстская съ дочерью пріѣхала въ Петербургъ, а 9 февраля—въ Москву. Исполняя совѣты Брюммера, принцесса поцѣловала руку императрицы и сказала: „Повергаю къ стопамъ вашего величества чувство глубочайшей признательности за благодѣянія, оказанныя моему Дому". Елисавета отвѣчала: „Я сдѣлала малость въ сравненіи съ тѣмъ, что бы хотѣла сдѣлать *для моей семьи;* моя кровь мнѣ не дороже вашей". Завязался оживленный разговоръ, который императрица вдругъ прервала и вышла въ другую комнату; потомъ принцессѣ сказали, что Елисавета, найдя въ ней необыкновенное сходство съ братомъ ея, не могла удержаться отъ слезъ, и вышла, чтобъ скрыть ихъ [2]).

Легко понять, какъ пріѣздъ Цербстскихъ принцессъ непріятно поразилъ Бестужева, который незадолго предъ тѣмъ лишился своего товарища Бреверна, умершаго скоропостижно въ январѣ. Принцесса-мать естественно обратилась къ людямъ, въ которыхъ видѣла своихъ друзей, покровителей: къ Брюммеру, Лестоку, Мардефельду, Шетарди, а эти люди указали ей въ Бестужевѣ злого врага, котораго она больше всего должна бояться. Такимъ образомъ, число враговъ вице-канцлера увеличилось, и это увеличеніе произошло именно въ то опасное для него время, когда враги употребляли всѣ старанія для его низверженія, или по крайней мѣрѣ ограниченія его власти. Въ началѣ января Шетарди писалъ Амелоту: „Мы, Мардефельдъ, Брюммеръ, Лестокъ, генералъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, ихъ приверженцы и я, согласились стараться произвести въ канцлеры генерала Румянцева, который, будучи главнымъ въ Коллегіи, будетъ имѣть силу сдерживать Бестужева. Если же это намѣреніе не удастся, то надобно будетъ изъ Иностранной Коллегіи устроить Совѣтъ или Кабинетъ съ такимъ числомъ членовъ, при которомъ вице-канцлеръ не могъ бы всѣмъ завладѣть" [3]).

Всѣ эти движенія противъ Бестужева происходили преимущественно въ пользу Фридриха II, которому теперь было необходимо привлечь Россію въ союзъ съ собою или, по крайней мѣрѣ, заставить ее быть нейтральною. Успѣхи Австріи въ войнѣ съ императоромъ Карломъ VII и несостоятельность Франціи, не могшей защитить своего союзника, возбуждали сильное безпокойство въ Берлинѣ, ибо если дать Австріи усилиться, то она не оставитъ Пруссію въ покоѣ, пока не отниметъ у нея Силезіи. Саксонія, въ злобѣ на Пруссію и Францію за то, что онѣ ее обманули, за то, что Пруссія, получивъ Силезію по Бреславскому миру, не помогла королю Августу получить никакой доли въ добычѣ,—Саксонія сблизилась съ Австріею. Для того, чтобъ сдержать успѣхи Австріи и сохранить Силезію, Фридрихъ считалъ необходимымъ снова напасть на Марію-Терезію, подъ предлогомъ помощи, которую онъ обязанъ былъ подать императору. Но какъ взглянутъ на этотъ предлогъ въ Россіи? Чтобъ здѣсь взглянули на него благопріятно, для Фридриха необходимо было уничтожить партію людей, которые толковали объ опасныхъ замыслахъ Прусскаго короля, а въ челѣ этихъ людей былъ Бестужевъ. Фридрихъ писалъ Мардефельду: „Осторожность и благоразуміе требуютъ непремѣнно, чтобъ я предупредилъ врага (Австрію), который хочетъ меня предупредить. Я не вижу безопасности ни для себя, ни для имперіи, если дѣла останутся въ томъ же положеніи, въ какомъ они теперь. Если я долженъ буду воевать съ одною Венгерскою королевою, то всегда выйду побѣдителемъ. Но для этого необходимое условіе (conditio sine qua non)—низверженіе Бестужева. Я не могу ничего сдѣлать безъ вашего искусства

[1]) Mémoires de Frédéric II, I, 206.

[2]) Письмо принцессы Цербстской, въ Государ. Архивѣ.

[3]) Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

и безъ нашего счастія; отъ вашихъ стараній зависитъ судьба Пруссіи и моего Дома". Въ то же время Фридриху нужно было высвободить изъ-подъ вліянія Россіи Швецію, замѣнить здѣсь русское вліяніе прусскимъ, чтобъ въ случаѣ нужды употребить Швецію противъ Россіи точно такъ-же, какъ недавно употребила ее Франція. Для достиженія этихъ цѣлей въ Россіи и Швеціи служили ему два брака: бракъ наслѣдника Русскаго престола на принцессѣ Цербстской и бракъ наслѣдника Шведскаго престола на его родной сестрѣ Ульрикѣ. Самъ Фридрихъ говорилъ въ своихъ мемуарахъ: „Послѣ того какъ императрица рѣшилась выбрать принцессу Цербстскую въ невѣсты великому князю, не было уже большого труда заставить ее согласиться на бракъ Прусской принцессы Ульрики съ наслѣдникомъ Шведскаго престола. На этихъ двухъ бракахъ Пруссія основывала свою безопасность" [1]). Но у Фридриха была еще забота относительно Россіи. Зная личное нерасположеніе Елисаветы къ Австріи и Саксоніи, онъ не думалъ, чтобъ она рѣшилась оказать дѣятельную помощь Маріи-Терезіи и королю Августу противъ Пруссіи; слѣдовательно для Пруссіи было важно, чтобъ Русскій престолъ остался за Елисаветою и за ея племянникомъ, женатымъ на преданной Пруссіи принцессѣ Цербстской: отсюда стараніе Фридриха II отнять у Брауншвейгской фамиліи возможность получить опять Русскій престолъ, ибо австрійскія симпатіи этой фамиліи были хорошо извѣстны. Еще въ концѣ 1743 года, разговаривая съ Чернышевымъ о дѣлѣ Ботты, Фридрихъ поручилъ посланнику переслать императрицѣ искренній совѣтъ—„удалить находящуюся теперь въ Лифляндіи Брауншвейгскую фамилію въ такія мѣста, чтобъ никто не могъ узнать, куда она дѣвалась, и такимъ образомъ въ Европѣ позабыли бы о ней; сдѣлать это легко, потому что ни одна держава за нее не вступится" [2]). Шетарди писалъ Амелоту въ январѣ 1744 года: „Мардефельдъ получилъ отъ своего короля указъ требовать у царицы секретной аудіенціи, открыть ей о близкой опасности, которая ей угрожаетъ, просить ради Бога подумать объ ея отвращеніи, домогаться удаленія Бестужевыхъ и представить необходимость—возвратить принца Антона Брауншвейгскаго въ Германію, а жену и дѣтей его разослать въ разныя мѣста Россіи, такъ чтобы ни одна живая душа не знала объ ихъ отъѣздѣ и куда они отправлены; иначе, если принцъ Иванъ и его семейство останутся жить подлѣ Риги, то Англія, Данія, Вѣнскій Дворъ и Саксонія не замедлятъ исполнить свое намѣреніе, на которомъ они основываютъ лучшія свои надежды.—Такой совѣтъ царица могла получить только отъ отца роднаго, ибо если она поступаетъ несправедливо и употребляетъ во зло свою власть, задерживая вольнаго принца (Антона Брауншвейгскаго), то здравая политика давно требуетъ поступить именно такъ въ разсужденіи жены его и дѣтей, число которыхъ увеличилось рожденіемъ другого принца, какъ мнѣ царица сказала посекрету. По моему мнѣнію, совѣтъ короля Прусскаго искрененъ, принимая въ соображеніе страхъ его предъ Россіею: онъ знаетъ слабость царицы и увѣренъ, что въ ея царствованіе Русскіе будутъ имѣть предпочтеніе." Отеческій совѣтъ былъ исполненъ: Брауншвейгская фамилія переведена въ Раненбургъ. Въ то же время Шетарди внушалъ своему правительству, что не надобно жалѣть денегъ на подкупы; что, кромѣ Лестока, которому онъ увеличилъ подарокъ, назначенный королемъ, на 2,000 рублей, кромѣ двухъ дамъ, надобно подкупить духовника императрицы и членовъ Синода, по ихъ вліянію на суевѣрную Елисавету [3]).

Въ то время какъ Брюммеръ и Шетарди съ компаніею такъ усердно подкапывались подъ Бестужева, въ надеждѣ на помощь, которую имъ окажетъ принцесса Цербстская, вдругъ, въ половинѣ марта, они были поражены страшнымъ безпокойствомъ: молодая принцесса опасно занемогла. О причинахъ болѣзни и ходѣ ея пусть разскажетъ она сама, потому что въ этомъ разсказѣ мы впервые можемъ познакомиться съ будущею Екатериною *Великимъ* (Catherine le Grand); въ четырнадцати-лѣтней дѣвочкѣ можемъ увидать проблески той сильной воли и яснаго пониманія своего положенія, которыми впослѣдствіи отличалась знаменитая императрица. „Въ десятый день послѣ моего пріѣзда въ Москву, императрица уѣхала въ Троицкій монастырь. Мнѣ уже дали троихъ учителей: Симона Теодорскаго для наставленія въ Греческой религіи, Василья Ададурова—въ Русскомъ языкѣ и Лоде—для обученія танцамъ. Чтобъ скорѣе успѣть въ Русскомъ языкѣ, я вставала ночью, и, когда всѣ спали мертвымъ сномъ, я заучивала тетрадки, оставленныя мнѣ Ададуровымъ. Такъ какъ въ комнатѣ было тепло и я не имѣла никакой опытности насчетъ климата, то я занималась, какъ была въ постели, босикомъ. И вотъ, на пятнадцатый день я схватила болѣзнь, отъ которой чуть-было не отправилась на тотъ свѣтъ. Въ то время какъ я одѣвалась, чтобъ идти съ матерью обѣдать къ великому князю, стало меня знобить. Съ трудомъ упросила я мать позволить мнѣ лечь въ постель. Когда она возвратилась съ обѣда, то нашла меня почти безъ чувствъ, въ страшномъ жару и съ нестерпимою болью въ боку. Она вообразила, что у меня оспа, послала за лѣкарями и хотѣла, чтобъ они лѣчили меня отъ оспы. Лѣкари утверждали, что надобно мнѣ пустить кровь. Она не хотѣла объ этомъ слышать, говоря, что брата ея уморили въ Россіи кровопусканіемъ, тогда какъ у него была оспа, а она не хочетъ, чтобъ и со мною тоже случилось. Мать и лѣкаря спорили; я лежала безъ чувствъ, въ жару, стоная отъ страшной боли

[1]) Mémoires de Frédéric II, I, 209.
[2]) Дѣла Прусскія 1743 года.
[3]) Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

въ боку, а мать бранила меня, зачѣмъ я такъ нетерпѣлива. Наконецъ, на пятый день моей болѣзни, пріѣзжаетъ императрица отъ Троицы, прямо изъ кареты въ мою комнату, и застаетъ меня безъ чувствъ; съ нею былъ Лестокъ и еще другой лѣкарь. Выслушавъ ихъ мнѣнія, она велѣла пустить мнѣ кровь. Какъ только кровь пошла, я очнулась, и, открывъ глаза, увидала, что императрица держитъ меня въ своихъ объятіяхъ. 27 дней я была между жизнію и смертію; наконецъ нарывъ въ правомъ боку прорвался, и я стала выздоравливать. Я тотчасъ замѣтила, что поведеніе матери во время моей болѣзни произвело на всѣхъ очень дурное впечатлѣніе. Увидавши, что мнѣ дурно, она хотѣла послать за лютеранскимъ пасторомъ; когда мнѣ объ этомъ сказали, я отвѣчала: „Это зачѣмъ? позовите лучше Симона Теодорскаго, я охотно буду съ нимъ говорить". Призвали его, и онъ говорилъ со мною въ присутствіи всѣхъ, и всѣ были очень довольны нашимъ разговоромъ. Это очень расположило ко мнѣ императрицу и весь Дворъ. Императрица часто плакала обо мнѣ" [1]).

По словамъ Шетарди, люди, неохотно смотрѣвшіе на бракъ великаго князя съ принцессою Цербстскою и желавшіе видѣть невѣстою наслѣдника принцессу Саксонскую, имѣли неосторожность обнаружить свою радость во время болѣзни молодой принцессы Цербстской. Это сильно разсердило Елисавету, и она сказала Брюммеру и Лестоку, что приверженцы саксонскаго брака ничего не выиграютъ, и еслибъ она имѣла несчастіе потерять такое дорогое дитя, то все же Саксонской принцессы никогда не возьметъ. Брюммеръ, на случай несчастія, имѣлъ въ виду другую невѣсту для великаго князя,—принцессу Дармштадтскую, на которую такъ-же указывалъ Фридрихъ II, на случай, если Цербстская принцесса не поправится.

Молодая принцесса Цербстская выздоравливала, подкопы подъ Бестужева продолжали вестись всѣми способами. Императоръ Карлъ VII возвелъ Разумовскаго, Брюммера и Лестока въ графы священной Римской имперіи; Прусскій король обласкалъ и одарилъ молодого брата Разумовскаго, Кирилла Григорьевича, который воспитывался въ Берлинѣ. Но гораздо важнѣе было привлечь на свою сторону человѣка болѣе вліятельнаго, чѣмъ Разумовскій,— Воронцова. Шетарди представилъ Брюммеру, Лестоку и Мардефельду, что въ настоящее время Воронцовъ пользуется полною довѣренностію императрицы, и поэтому не надобно упускать ни минуты для привлеченія его на свою сторону, иначе Бестужевъ возьметъ верхъ. Пусть Лестокъ, оставя личныя отношенія, объявитъ Воронцову, что онъ постоянно питалъ къ нему дружеское расположеніе, но не могъ имѣть къ нему довѣренности, видя его преданнымъ Бестужеву, злому врагу императрицы и Голштинскаго Дома. Такимъ заявленіемъ легче будетъ открыть глаза Воронцову насчетъ вице-канцлера, а потомъ возбудуть его честолюбіе, указавши на возможность для него быть великимъ канцлеромъ, и употребить его орудіемъ для низверженія Бестужева. Лестокъ и Брюммеръ объявили, что они, съ своей стороны, готовы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, а Мардефельдъ, не теряя времени, отправился къ Воронцову закидывать свои сѣти. „Я пріѣхалъ къ вамъ", началъ онъ говорить Воронцову, „чтобъ открыть тайну моего сердца. Я не могу безъ сердечной боли выносить того положенія дѣлъ, въ которомъ находится Россія, и единственный способъ помочь бѣдѣ — это ваше вступленіе въ министерство. Искренность вашихъ намѣреній и доброта вашего сердца будутъ васъ руководить лучше и надежнѣе всякаго знанія и опытности въ дѣлахъ, и потому императрица найдетъ въ васъ помощь, которая отвратитъ приготовляемыя ей опасности. Она нашла бы сильную помощь въ дружбѣ короля, моего государя, но теперь насъ стараются ссорить. Вице-канцлеръ явно объявилъ себя противъ насъ, и я вамъ объявляю, что и я его болѣе жалѣть не буду. Объявляю вамъ, что пока онъ одинъ управляетъ иностранными дѣлами, мой Дворъ не будетъ имѣть никакого довѣрія ко всему тому, что бы императрица ни дѣлала и мнѣ ни говорила".—„Изъ этого выходитъ", замѣтилъ Воронцовъ, „что его надобно отправить къ какому-нибудь иностранному Двору или опредѣлить больше членовъ въ совѣтъ иностранныхъ дѣлъ: а если я одинъ съ нимъ буду, то онъ и меня погубитъ, когда онъ такой человѣкъ, какимъ вы его описываете".

„Первый путь самый разумный", отвѣчалъ Мардефельдъ; „но и во второмъ случаѣ, кого бы вы ни опредѣляли, они всегда будутъ зависѣть отъ васъ, потому что вы пользуетесь довѣріемъ императрицы; сначала они помогутъ вамъ своею опытностію, а потомъ вы и безъ нихъ можете обойтись. По своей дружбѣ къ вамъ, я обязанъ и то вамъ замѣтить, что вы должны упрочивать свое счастіе; но можетъ ли оно быть прочно въ томъ случаѣ, когда принцесса Анна опять вступитъ на престолъ, что легко можетъ случиться при настоящемъ ходѣ дѣлъ. Можетъ ли ваше счастіе почитаться твердымъ и тогда, когда преемникомъ императрицы будетъ великій князь? Повѣрьте, онъ вамъ не проститъ того, что вы были въ тѣсной дружбѣ съ непріятелемъ его Дома; не вѣрите мнѣ, — спросите великаго князя самого. Такимъ образомъ, вы можете утвердить счастіе свое и своихъ дѣтей только стараніемъ объ утвержденіи престола императрицы и порядка престолонаслѣдія, установленнаго ею въ Россіи и Швеціи. Король, мой государь, уже почтилъ васъ орденомъ Чернаго Орла, прислалъ вамъ портретъ свой, украшенный алмазами; будьте увѣрены, что онъ этимъ не ограничится".—Чтобъ Воронцовъ могъ увѣриться въ истинѣ словъ Мардефельда, вели-

[1]) Mémoires de l'Impératrice Catherine II, p. 10.

кому князю было внушено сказать Воронцову, что Бестужевъ — врагъ Голштинскаго Дома и что объ этомъ сказала ему сама императрица.

Но Бестужевъ, стоявшій повидимому одинокъ предъ своими врагами, имѣлъ въ рукахъ могущественное средство защиты: всѣ эти депеши Шетарди были перехвачены, цыфирь разобрана съ помощью академика Гольдбаха, и вице-канцлеръ имѣлъ возможность поднесть императрицѣ, при докладѣ, всѣ эти любопытныя вещи съ своими замѣчаніями и оправданіями. Такъ, противъ того мѣста, гдѣ Шетарди писалъ, что онъ и пріятели его надѣются на помощь принцессы Цербстской, Бестужевъ замѣтилъ: „Неслыханное гоненіе и стараніе къ невинному погубленію вице-канцлера, такъ-что Французскимъ Дворомъ король Прусскій побужденъ министра своего Мардефельда инструировать обще съ маркизомъ Шетардіемъ стараться его, оклеветавъ, погубить, и какъ они безбожно поступаютъ, что уже и чистою душею мутятъ, принцессу Цербстскую къ тому же склонить, и когда на такое безбожество поступили, то безъ сомнѣнія вѣроятно, что и его императорскаго высочества, государя великаго князя, противъ его, вице-канцлера, толь наипаче прсогорчили, и, въ такомъ будучи грустномъ и печальномъ состояніи, только утѣшеніе — на правосудіе ея императ. величества, что всещедрымъ своимъ покровомъ не допуститъ его, вице-канцлера, невиннымъ быть сакрифисомъ (жертвою)“.

Шетарди писалъ, что Бестужевъ въ ярости отъ пріѣзда принцессы Цербстской и дотого забылся, что сказалъ: „Посмотримъ, могутъ ли такіе брачные союзы заключаться безъ совѣта съ нами, большими господами этого государства“. Шетарди писалъ также, что Бестужевъ склонилъ на свою сторону Московскаго архіерея, который сталъ представлять императрицѣ незаконность брака великаго князя на принцессѣ Цербстской по причинѣ родства и указывать на другую невѣсту, принцессу Саксонскую. На это Бестужевъ замѣтилъ: „Какого зла въ свѣтѣ и вымыслить не можно, такое маркизъ Шетардій съ своими сообщниками, Лестокомъ и Брюммеромъ, умышленно вице-канцлеру приписуетъ. Сіе ихъ богомерзкое и вымышленное оклеветаніе удостовѣрительно доказать можно, когда ея императ. величеству высочайше угодно будетъ Московскаго архіепископа или всякую иную духовнаго чина особу подъ клятвою спросить, учинено ли было ему или кому иному какое-либо ни есть отъ вице-канцлера о супружествѣ съ принцессою Цербстскою внушеніе, или хотя, по меньшей мѣрѣ, имѣлъ ли вице-канцлеръ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ какіе партикулярные разговоры, наименьше же какія о семъ соглашенія“.

Въ одной изъ своихъ депешъ Шетарди выразился, что Бестужевъ и его партія показываютъ такую же ярость и противъ Берлинскаго Двора, какую противъ Франціи. На это Бестужевъ замѣтилъ: „Правда, что вице-канцлеръ не больше вѣритъ Прусскому, яко Французскому Двору, да оный же и опаснѣе Французскаго по близости сосѣдства и великой его умножаемой силѣ; однакоже вице-канцлеръ ни противъ одного, ни противъ другого, хотя они обще его и погубить стараются, ни малѣйшей ярости не показывалъ, но токмо во всемъ присяжную свою должность исполнялъ“. По поводу допроса Лифляндца Штакельберга, который въ Кенигсбергѣ, въ гостинницѣ, дурно отзывался о Россіи и предсказывалъ ей новую революцію, Шетарди писалъ, что, кромѣ Ушакова, они надѣются назначить для допроса еще генералъ-прокурора князя Трубецкаго, — Бестужевъ замѣчаетъ: „По обыкновенной Двора своего системѣ, яко иностранный министръ, не токмо прибирая себѣ партіи, во всѣ внутреннія дѣла мѣшается, но уже и дотого приводитъ, чтобъ и по дѣламъ тайной канцеляріи вмѣшиваться; предается ея императ. величеству во всевысочайшее разсужденіе, что наконецъ изъ того воспослѣдовать можетъ.“ Шетарди хвалился: что онъ написалъ проектъ отвѣта, какой долженъ быть посланъ генералу Кейту въ Швецію по тамошнимъ дѣламъ; что предъ собраніемъ совѣта по иностраннымъ дѣламъ онъ совѣщался съ своими пріятелями, какъ бы провести свой планъ, и планъ былъ дѣйствительно проведенъ съ нѣкоторыми прибавленіями. Бестужевъ замѣчаетъ: „Что иностранный министръ россійско-императорскому генералу, а нынѣ яко и министру, отвѣтъ (чѣмъ указъ разумѣется) самъ проектовалъ и сочинялъ, толь весьма непонятно, что о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ того воспослѣдовать могутъ, умъ и разумъ превосходитъ рефлекцію учинить. О такомъ въ свѣтѣ неслыханномъ дѣлѣ, чтобъ отъ иностраннаго министра наставленіе принимать, какъ по его видамъ въ совѣтахъ поступать, — еще примѣру нѣтъ; а чему такія персоны, которыя тайности открываютъ, достойны, и какого впредь отъ такого собраннаго совѣту ея императ. величеству и государству пользы ожидать можно, — во всевысочайшее разсужденіе подвергается. Неслыханное въ свѣтѣ дѣло, чтобъ въ совѣтѣ по проекту иностраннаго министра оканчивалось, и все, что въ ономъ прибавлено или происходило, ему точно извѣстно. Генералъ Кейтъ въ сумнѣніи будетъ, по какимъ указамъ ему исполнять: — по отправленнымъ ли изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, или какъ по Шетардіеву составленію о сентиментахъ ея импер. величества ему знать дается“. Шетарди писалъ, что Елисавета будетъ поступить вопреки собственнымъ интересамъ, если не разстанется съ своимъ вице-канцлеромъ, который признаетъ спасеніе Россіи только въ союзѣ съ морскими державами, королевою Венгерскою, королемъ Августомъ и ихъ приверженцами, и безъ всякаго зазрѣнія объявилъ себя противъ Франціи, короля Прусскаго и противъ всего того, что держится Французскаго и Берлинскаго Двора. На это Бестужевъ замѣтилъ въ оправданіе своей политики: „Древняя россійская и толь паче государя Петра Великаго система“.

Но самое сильное оружіе для себя Бестужевъ нашелъ въ тѣхъ мѣстахъ депешъ, гдѣ Шетарди дѣлаетъ выходки противъ самой императрицы, будучи раздосадованъ тѣмъ, что Елисавета, обращаясь съ нимъ какъ нельзя лучше, однако не входитъ въ его планы и не жертвуетъ своимъ вицеканцлеромъ въ угоду франко-прусской партіи. Шетарди жалуется постоянно на слабость Елисаветы, на ея лѣнь, отвращеніе къ дѣламъ; она, по его словамъ, принимаетъ мнѣнія своихъ министровъ только для того, чтобы избавиться отъ труда думать; доброта ея — доброта дурно понимаемая и основанная всегда на слѣпой довѣренности къ другимъ. Елисавета имѣетъ въ виду одни удовольствія, и желаетъ мира для того, чтобъ безпрепятственно имъ предаться и тратить на нихъ деньги, поглощаемыя войною. Любовь, чистый пустякъ какойнибудь, наслажденіе перемѣнять четыре или пять разъ въ день туалетъ, удовольствіе видѣть себя внутри дворца, окруженною лакействомъ,—есть ея главное желаніе. Всякій человѣкъ выше тѣхъ, которые ее окружаютъ ежедневно, уже ее безпокоитъ; мысль о малѣйшемъ занятіи ее пугаетъ и сердитъ. Лѣнь и страхъ найти въ новыхъ министрахъ методу, не столь благопріятную для ея распущенности, заставляютъ ее удерживать при себѣ вице-канцлера [1]) и т. п. Всѣ эти мѣста изъ депешъ были представлены Елисаветѣ.

Въ маѣ императрица отправилась въ другой разъ къ Троицѣ, взявши съ собою великаго князя, обѣихъ принцессъ Цербстскихъ, Лестока и Воронцова. Молодая принцесса замѣтила, что съ нѣкотораго времени императрица холодно обращается съ ея матерью. Однажды у Троицы послѣ обѣда, когда великій князь пришелъ въ комнаты принцессъ, императрица также вошла къ нимъ и вызвала принцессу-мать въ другую комнату, куда за ними пошелъ и Лестокъ. Великій князь и молодая принцесса усѣлись на окно дожидаться возвращенія старшихъ. Ждали очень долго; наконецъ является Лестокъ, подходитъ къ великому князю и принцессѣ, которые чему-то смѣялись, и говоритъ: „Ваше веселье сейчасъ прекратится"; потомъ, обратившись къ принцессѣ, сказалъ: „Укладывайте ваши вещи, вы немедленно отправитесь восвояси".—„Отчего это?" спросилъ великій князь. — „Узнаете послѣ", отвѣчалъ Лестокъ и вышелъ. Потомъ вошла императрица, съ разсерженнымъ лицомъ, вся красная; за нею шла принцесса, съ красными, заплаканными глазами. Когда при ихъ входѣ великій князь и молодая принцесса спѣшили слѣзть съ высокаго окна, императрица разсмѣялась, поцѣловала ихъ обоихъ и ушла [2]).

Въ связи съ этою сценою была другая. 6 іюня, рано утромъ, въ половинѣ шестаго часа, на квартиру маркиза Шетарди явились — генералъ Ушаковъ, князь Петръ Голицынъ, двое чиновниковъ Иностранной Коллегіи, Веселовскій и Неплюевъ, и секретарь Коллегіи Курбатовъ. Шетарди вышелъ къ нимъ въ парикѣ и полушлафрокѣ, и Ушаковъ объявилъ ему, что присланъ по указу ея императ. величества для нѣкотораго объявленія. Это объявленіе было прочитано Курбатовымъ и заключалось въ томъ, что Шедарди предписывалось выѣхать изъ Москвы въ 24 часа. Шетарди потребовалъ доказательствъ, на которыхъ основано объявленіе, и Курбатовъ прочелъ ему всѣ экстракты изъ его писемъ, гдѣ онъ говорилъ о необходимости подкупать свѣтскія и духовныя лица, и дурно отзывался объ императрицѣ. Выслушавши экстракты, Шетарди сказалъ, что ему „остается только исполнить волю ея величества; и *хотя онъ сожалѣетъ о принятой ея величествомъ объ немъ резолюціи, но когда оная принята, то онъ съ благодарніемъ чувствуетъ ту милость, съ каковою ея величество ему соизволеніе свое объявить повелѣть соизволила*". „При происшествія всего вышеписаннаго", говорится въ рапортѣ Ушакова, „явно было, что онъ, Шетардій, сколь скоро генерала Ушакова увидѣлъ, то онъ въ лицѣ перемѣнился. При прочтеніи экстракта столь конфузенъ былъ, что ни слова во оправданіе свое сказать или что-либо прекословить могъ. На оригиналы только взглянулъ и, увидя свою руку, ниже больше смотрѣть не хотѣлъ, будучи при всемъ томъ весьма смутенъ, и образъ лица его, такожъ и неоконченныя рѣчи и дрожащій голосъ, показуя его вину и робость, чтобъ иногда больше съ нимъ учинено не было, какъ то послѣднія его, Шетардія, подчерченныя слова сказуютъ. Якоже и видно было, что тяжчайшего съ нимъ поступка, по винѣ своей, ожидалъ".

Бестужевъ въ восторгѣ писалъ Воронцову къ Троицѣ, посылая ему копію съ Ушаковскаго репорта: „Изъ приложенной при семъ копіи ваше превосходительство усмотрѣть изволите благополучное окончаніе коммисіи Андрея Ивановича Ушакова, чѣмъ имѣя честь поздравить, поистинѣ доношу, что такой въ Шетардіи конфузіи и торопости никогда не ожидали. Конфузія его была велика: не опомнился, ни сѣсть попотчивалъ, ниже что малѣйшее въ оправданіе свое принесть; стоялъ, потупя носъ, и во все время сопѣлъ, жалуясь немалымъ кашлемъ, которымъ и подлинно неможетъ! По всему видно, что онъ никогда не чаялъ, дабы столько противу его доказательствъ было собрано, и когда оныя услышалъ, то еще больше присмирѣлъ, а оригиналы когда показаны, то своею рукою закрылъ и отвернулся,— глядѣть не хотѣлъ" [3]).

Послѣ Бестужева больше всѣхъ долженъ былъ обрадоваться англійскій посланникъ, лордъ Тироули, смѣнившій Вейча; онъ писалъ лорду Картерету: „Я не имѣлъ покойной минуты, пока шло дѣло Шетарди, потому что поставленъ былъ во-

[1]) Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

[2]) Mémoires de l'Impératrice Catherine II, p. 15.

[3]) Архивъ князя Воронцова II, 4 и слѣд.

просъ: кому побѣдить—Англіи или Франціи. Когда мы открыли императрицѣ его поступки и представили его не только опаснымъ, но и съ самой смѣшной стороны, то это очень скоро на нее подѣйствовало. Цербстская принцесса, которую я прозвалъ *Королевою-матерью* (это прозвище вице-канцлеру такъ понравилось, что онъ ее иначе не называлъ), кажется предвидѣла паденіе Шетарди: говорятъ, что она за нѣсколько дней передъ тѣмъ плакала. Паденіе Шетарди уже было рѣшено до поѣздки Елисаветы къ Троицѣ, а во время поѣздки поддерживалъ ее въ этомъ намѣреніи Воронцовъ. Теперь надобно смотрѣть, какъ подѣйствуетъ это происшествіе на тѣхъ, съ которыми онъ жилъ въ тѣсной дружбѣ,—на Брюммера, Лестока, Трубецкаго и Румянцева съ женою". Чрезъ десять дней онъ писалъ: „Главная цѣль наша теперь—продолжать подрывъ, причиненный французскимъ интересамъ высылкою Шетарди, и низложить окончательно французскую партію, особенно Лестока и Брюммера; надѣюсь, что мы въ томъ успѣемъ, но на это нужно нѣсколько времени. 16 числа (іюня) я былъ у вице-канцлера, и онъ мнѣ сказалъ, что сію минуту отправилъ курьера въ Берлинъ и Стокгольмъ съ указами его брату и посланнику въ Швеціи Лчбрасу—не вступать болѣе въ переговоры о четверномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею, Швеціею и Франціею, равно и о другомъ союзѣ, который предложенъ Мардефельдомъ, о тройномъ союзѣ между Россіею, Пруссіею и Швеціею, къ которому должна была приступить и Франція; что Цербстская принцесса послѣ отъѣзда Шетарди убѣждала императрицу заключить этотъ послѣдній союзъ; но Елисавета заставила ее молчать, сказавъ, что ей вовсе не пристало вмѣшиваться не въ свои дѣла, что на то есть министры, которые докладываютъ ей, императрицѣ, о сношеніяхъ съ другими державами. —Я было-хотѣлъ", продолжаетъ Тироули, „сберечь королю пенсію, которую Лестокъ такъ мало заслуживаетъ, и говорилъ о томъ съ вице-канцлеромъ, но тотъ совѣтовалъ, для скрытія подлинныхъ моихъ о немъ мнѣній, продолжать выдавать пенсію". Потомъ впрочемъ Бестужевъ перемѣнилъ мнѣніе, опасаясь, чтобъ Лестокъ не отказался отъ пенсіи и не сталъ этимъ хвастать, тѣмъ болѣе-что Фридрихъ II распустилъ слухъ, будто Тироули привезъ въ Москву 600,000 червонныхъ [1]).

Принцессѣ Цербстской сдѣлано было внушеніе не вмѣшиваться не въ свои дѣла; но Лестокъ напрасно напугалъ молодую принцессу, объявивъ ей, чтобъ она укладывала свои вещи для возвращенія на родину: императрица нисколько не измѣнила относительно ея своихъ намѣреній. Къ концу іюня архимандритъ Теодорскій долженъ былъ окончить свои наставленія въ вѣрѣ. Принцесса Цербстская-мать писала своему мужу въ апрѣлѣ: „Я подлинно могу засвидѣтельствовать, что ихъ (т. е. Православное) ученіе, кромѣ нѣкоторыхъ наружныхъ церемоній, совершенно съ нашимъ сходно, поклоненіе святымъ у нихъ не пріемлется, добрыя же дѣла принимаются за знакъ вѣры" [2]). Принцесса-дочь писала отцу въ маѣ: „Такъ какъ я не нахожу почти никакого различія между религіею Греческою и Лютеранскою, то я рѣшилась перемѣнить исповѣданіе" [3]). 28 іюня было совершено мѵропомазаніе принцессы, названной Екатериною Алексѣевною. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" помѣщено было такое извѣстіе изъ Москвы по этому случаю: „Ея высококняжеская свѣтлость принцесса Ангальтъ-Цербстская, будучи по сіе время ежедневно наставляема отъ нѣкотораго архимандрита въ Православномъ исповѣданіи Греческія вѣры, сего дня предъ полуднемъ, въ здѣшней придворной церкви, въ высочайшемъ присутствіи ея императ. величества и его императ. высочества государя великаго князя, при собраніи всего духовенства, генералитета и знатнѣйшихъ придворныхъ персонъ, приняла публично исповѣданіе Православнаго Греческаго закона; послѣ чего отъ преосвященнаго архіепископа Новгородскаго Св. мѵромъ помазана и именована Екатерина Алексѣевна. По совершеніи сей церемоніи, ея императ. величество пожаловала свѣтлѣйшей принцессѣ аграфъ и складень бриліантовый, цѣною въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Впрочемъ, невозможно описать, коликое съ благочиніемъ соединенное усердіе сія достойнѣйшая принцесса при помянутомъ торжественномъ дѣйствіи оказывала, такъ что ея императ. величество сама и большая часть бывшихъ при томъ знатныхъ особъ отъ радости не могли слезъ удержать."

На другой день, 29 іюня, въ день именинъ великаго князя, послѣдовало обрученіе его съ Екатериною Алексѣевною, которая получила титулъ великой княжны. По этому случаю мать ея писала: „Ея императ. величество имѣла намѣреніе посадить меня за обѣдъ вмѣстѣ съ собою и молодою четою подъ балдахиномъ; но отъявленный врагъ, котораго мы имѣемъ въ ея совѣтѣ и для котораго весь этотъ день былъ невыносимъ (Бестужевъ), или будучи столь глупымъ и вообразивъ, что я буду сопротивляться и этимъ сопротивленіемъ навлеку негодованіе императрицы, или желая нанести ударъ моему тщеславію, привелъ въ дѣйствіе столько пружинъ, что посланники заявили претензію обѣдать вмѣстѣ съ императрицею подъ балдахиномъ въ шляпахъ, если я буду тамъ обѣдать, ибо они могутъ уступить мѣсто только великому князю и его невѣстѣ, а что касается до меня, то они должны идти впереди." Вслѣдствіе этого принцесса обѣдала одна на хорахъ [4]).

26 іюля великій князь съ невѣстою и ея матерью отправились въ Кіевъ, а на другой день

[1]) Депеши Тироули, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д., въ томъ же собраніи, гдѣ депеши Финча и Вейча.

[2]) Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

[3]) Письмо въ Государ. Архивѣ 14/3 мая.

[4]) Письмо принцессы въ Государ. Архивѣ.

отправились туда же сама императрица, и возвратилась въ Москву 1-го октября. Въ этомъ путешествіи ее сопровождалъ новопожалованный вице-канцлеръ и новопожалованный графъ священной Римской имперіи Воронцовъ, а Бестужевъ, пожалованный въ канцлеры, оставался въ Москвѣ. Доходы Бестужева были недостаточны для поддержанія съ честію его новаго достоинства, и потому онъ обратился къ императрицѣ съ просьбою пожаловать ему земли въ Лифляндіи, приносящія 3,642 ефимка годоваго дохода. По этому случаю онъ писалъ Воронцову, что если императрица не исполнитъ его просьбы, то онъ принужденъ будетъ „въ старую деревянную конуру влѣзть, держать тамъ попрежнему съ иностранными министрами конференціи, да и при случаѣ императорскимъ столомъ ихъ трактовать“ [1]).

Но гораздо важнѣе для насъ переписка его съ Воронцовымъ по поводу дѣлъ иностранныхъ.

Легко понять, какое впечатлѣніе должна была произвести на Французскій Дворъ высылка Шетарди. Въ Парижѣ въ это время уже не было болѣе Кантемира: онъ умеръ 31 марта, оставивъ дѣла въ вѣдѣніи секретаря Гросса.

30 іюня Гроссъ объявилъ управляющему иностранными дѣлами С. Флорантэну, что Шетарди покусился не только подкупать свѣтскія и духовныя лица, но осмѣлился даже безстрашнымъ и дерзостнымъ образомъ описывать ея императорское величество и поносить, что дало императрицѣ право поступить съ нимъ, какъ съ простымъ провинившимся иностранцемъ. При этомъ императрица надѣется, что король не только не одобритъ поступка Шетарди, но признаетъ умѣренность и снисхожденіе ея величества въ томъ, что она не захотѣла воспользоваться положеніемъ Шетарди, какъ человѣка, не имѣвшаго никакого дипломатическаго характера, и потому будетъ продолжать дружбу съ Россіею; императрица же, съ своей стороны, готова отвѣчать тѣмъ же, готова во всякомъ случаѣ оказывать его величеству вниманіе и особенное почтеніе. С. Флорантэнъ, перебивая нѣсколько разъ рѣчь Гросса, отвѣчалъ, что Шетарди до сихъ поръ считался человѣкомъ благоразумнымъ, значитъ,—непріятели его наконецъ успѣли одержать побѣду. Гроссъ замѣтилъ, что императрица поступила такъ съ Шетарди не по чьей-либо клеветѣ, но на основаніи оригинальныхъ его писемъ, и самъ онъ въ оправданіе свое ничего принести не могъ; когда ему сдѣлано было объявленіе о рѣшеніи императрицы, то онъ измѣнился въ лицѣ, пришелъ въ величайшее смущеніе, считая себя счастливымъ, что съ нимъ такъ великодушно поступили. С. Флорантэнъ возразилъ, что перемѣна въ лицѣ не всегда знакъ виновности: она можетъ произойти отъ удивленія; что съ Шетарди поступили измѣнническимъ образомъ, взявши у него ключъ къ цифрамъ. Гроссъ отвѣчалъ на это, что ключа не брали, но нашелся способъ имѣть его.

Но въ Россіи перестали теперь обращать главное вниманіе на Францію. Бестужевъ объявилъ прямо, что Пруссія опаснѣе Франціи „по близости сосѣдства и великой умножаемой силѣ“ [2]).

Мы знаемъ, что въ Берлинѣ въ это время находился въ качествѣ чрезвычайнаго посланника братъ канцлера, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ; онъ такъ доносилъ (отъ 28 іюня) о впечатлѣніи, какое произвела въ Берлинѣ высылка Шетарди: „Когда я графу Подевильсу о семъ дѣлѣ пристойное объявленіе учинилъ, а онъ письменную декларацію читалъ, то по лицу и разговорамъ его признать можно было, что сія вѣдомость его потревожила, и ему весьма чувствительна была, ибо онъ мнѣ притомъ такіе вопросы чинилъ, которые, какъ мнѣ кажется, тогда и гораздо неприличны были, а именно: подлинно ли маркизъ Де-ла-Шетарди выѣхалъ; не оставилъ ли онъ по себѣ какого секретаря и будетъ ли путь свой продолжать черезъ Берлинъ. На это я ему отвѣтствовалъ, что оному изъ вашего императорскаго величества имперіума дѣйствительно выѣхать велѣно; а чтобъ по немъ остался какой секретарь,—мнѣ о томъ неизвѣстно; неизвѣстно такъ-же и то, чрезъ какія мѣста онъ поѣдетъ, потому что въ этомъ его воля. Потомъ, за обѣдомъ у саксонскаго министра Бюлау, Подевильсъ никакъ не могъ себя принудить, чтобъ скрыть, какъ прискорбно ему было извѣстіе о высылкѣ Шетарди, такъ что сидѣвшіе за столомъ могли это примѣтить. Второй государственный министръ, фонъ-Боркъ принялъ извѣстіе спокойнѣе и сказалъ, что Французы такъ уже привыкли: кто дастъ имъ одинъ палецъ, то они непремѣнно захотятъ взять и всю руку. Впрочемъ вашего императорскаго величества великодушіе и умѣренность въ отношенія къ Шетарди, виновному въ такихъ продерзостныхъ и важныхъ преступленіяхъ, здѣсь всѣ довольно выхвалить не могутъ и признаютъ, что оказанныя въ семъ дѣлѣ особливая твердость и мудрый поступокъ къ безсмертной славѣ и къ наивящему прославленію вашего императорскаго величества, и особенно къ наибольшему респекту и консидераціи при всѣхъ европейскихъ Дворахъ служить могутъ. Что Прусскій Дворъ въ интригахъ Шетарди имѣлъ немалое участіе,—тому доказательствомъ быть можетъ слѣдующее: 1) Я увѣдомленъ, что король былъ очень озабоченъ извѣстіемъ о Шетарди, ибо ожидалъ совершенно другихъ вѣстей; здѣсь огорчены не тѣмъ, что Шетарди высланъ изъ Россіи, но тѣмъ, что онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и такая сильная партія не могла низвергнуть министерства. Если баронъ Мардефельдъ далеко вмѣшался съ Шетарди въ дѣлѣ, и отъ вашего величества будетъ принесена

[1]) Архивъ князя Воронцова II, 12.

[2]) Дѣла Французскія 1744 года.

на него жалоба, то со стороны короля не будетъ никакого затрудненія относительно его отозванія изъ Петербурга. Изъ этихъ сообщеній видно, что Мардефельдъ съ Шетарди дѣйствовалъ сообща. 2) Генералъ Любрасъ, которому король оказываетъ особенную ласку, сказывалъ мнѣ, что король спрашивалъ его, нѣтъ ли въ Россіи какого новаго заговора, ибо онъ получилъ извѣстіе, что тамъ еще неспокойно, — все находится въ великомъ волненіи, и по прошествіи трехъ или четырехъ дней онъ надѣется съ нарочнымъ курьеромъ получить извѣстіе о нѣкоторомъ важномъ событіи, причемъ король внушилъ, что британскій посолъ привезъ для этого 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Вчера нѣкоторые изъ моихъ старыхъ знакомыхъ и друзей дали мнѣ знать, что они чрезвычайно рады высылкѣ Шетарди, ибо теперь они могутъ надѣяться, что король ихъ останется въ покоѣ, чего здѣсь всѣ желаютъ. Изъ такихъ разговоровъ легко можно видѣть, какъ здѣшній Дворъ боится Россіи, которая одна только можетъ удержать Прусскаго короля отъ дальнѣйшихъ замысловъ".

Отъ 14 іюля Бестужевъ прислалъ слѣдующее любопытное донесеніе: „Пріѣзжалъ ко мнѣ тайный совѣтникъ фонъ-Ротъ и говорилъ мнѣ именемъ королевскимъ, какъ его величество мною доволенъ, но не доволенъ братомъ моимъ: 1) за то, что всѣ русскіе министры при иностранныхъ Дворахъ съ прусскими министрами обходятся неоткровенно; 2) за то, что вице-канцлеръ препятствуетъ заключеніе тройнаго союза между Россіею, Пруссіею и Швеціею. При этомъ говорилъ, что Англія хвастаетъ, будто бы ея посланникъ повезъ съ собою 600,000 червонныхъ для подкупа вице канцлера и другихъ, и будто эти деньги отданы вице-канцлеру на раздачу. Король велѣлъ все это мнѣ объявить, чтобъ я частнымъ образомъ относился къ брату съ такимъ обнадеживаніемъ, что если онъ не будетъ противиться видамъ его величества, то король обоихъ насъ будетъ благодарить и при первомъ случаѣ самъ объ этомъ со мною будетъ говорить, что третьяго-дня и дѣйствительно случилось. Позванъ я былъ на балъ и ужинъ съ прочими иностранными министрами къ королевѣ, гдѣ и король присутствовалъ. Его величество подошелъ ко мнѣ и сталъ говорить очень тихо, чтобъ никто не слыхалъ: говорилъ то же самое, что и фонъ-Ротъ, только съ тою разницею, что англійскій посланникъ лордъ Картеретъ хвасталъ, будто 100,000 гиней переведено въ Россію для составленія партіи, и будто эти деньги даны моему брату для раздачи кому заблагоразсудитъ. Я отвѣчалъ, что быть можетъ Англія и хвастаетъ, — о томъ не спорю; но трудно повѣрить, чтобъ такія деньги отданы были брату моему, и если бы это была правда, то братъ мой заслужилъ наижесточайшее наказаніе. Я спросилъ, угодно ли его величеству, чтобъ я обо всемъ этомъ донесъ моей государынѣ. Король отвѣчалъ: „Я вамъ это говорю не для того, ибо я вмѣшиваться и компрометировать себя не хочу, но отпишите частнымъ образомъ къ брату своему, остерегите его, чтобъ онъ зналъ, каковъ Англійскій Дворъ; вразумите его, чтобъ онъ былъ ко мнѣ доброжелательнѣе".

Фридриху II было очень нужно, чтобъ русскій канцлеръ былъ къ нему доброжелательнѣе. Успѣхи Австрійцевъ въ Эльзасѣ заставили его начать войну ранѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобъ вторгнуться разными путями въ Богемію; но для этого нужно было пройти чрезъ саксонскія владѣнія. Такъ какъ Прусскій король объявлялъ, что онъ начинаетъ войну только для того, чтобъ подать помощь императору Карлу VII, то послѣдній прислалъ грамоту курфирсту Саксонскому, требуя свободнаго пропуска союзныхъ прусскихъ войскъ; но Фридрихъ II не сталъ дожидаться разрѣшенія Саксонскаго правительства и ввелъ свои войска въ его владѣніе, направляясь на Прагу. Августъ III протестовалъ противъ такого нарушенія своей территоріи, но понапрасну; легко понять, какое впечатлѣніе произвелъ этотъ поступокъ Прусскаго короля на союзниковъ Маріи-Терезіи.

Увѣдомляя свой Дворъ о новыхъ движеніяхъ Прусскаго короля противъ Австріи, Бестужевъ писалъ отъ 21 іюля: „И при нынѣшнемъ своемъ состояніи Пруссія представляетъ для своихъ сосѣдей немалую опасность; а если король, по извѣстному своему старанію распространять свои границы при каждомъ удобномъ случаѣ, еще болѣе себя усилитъ, то по вліянію, какое онъ тогда получитъ въ Польшѣ и Швеціи, станетъ очень опасенъ для Россіи; такимъ образомъ не только вашего величества интересъ, но и безопасность настоящая и будущая требуетъ не допускать здѣшній Дворъ до бо́льшаго усиливанія, тѣмъ болѣе-что одна Россія въ состояніи это сдѣлать, и, по моему мнѣнію, въ такомъ важномъ дѣлѣ надобно заблаговременно принять мѣры, ибо когда время упустится, то пособить уже будетъ некогда". Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ писалъ: „Ваше величество усмотрѣть изволите, въ какихъ гордыхъ терминахъ и полагаясь только на свою силу, здѣшній Дворъ нынѣшній свой „мироломный демаршъ" неосновательными резонами предъ безпристрастнымъ свѣтомъ оправдать ищетъ; все сіе осязательно покажетъ, сколь мало впредь на здѣшнія обязательства и трактаты полагаться можно". Указывая постоянно на страшное приращеніе прусскихъ силъ, Бестужевъ писалъ: „Когда я еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ здѣсь въ академіи былъ, то помню, что въ то время дѣдъ нынѣшняго короля болѣе 20,000 войска не имѣлъ; покойный король увеличилъ его до 80,000, а нынѣшній—до 140,000, и если еще границы свои распространитъ, то доведетъ до 200,000. Хотя король Прусскій старается всевозможными ласкательствами ваше величество усыпить и тѣмъ отвратить отъ принятія какого-нибудь участія въ нынѣшнихъ европейскихъ дѣлахъ, но какъ скоро достигнетъ своей цѣли, пріобрѣтетъ еще что-ни-

будь, то, уже не говоря о томъ, что можетъ присоединить къ своему государству и Польскую Пруссію,—получитъ въ Польшѣ и Швеціи, по свойству и сосѣдству, великое вліяніе, а потомъ, по честолюбивымъ своимъ видамъ, можетъ быть, будетъ стараться посадить одного изъ своихъ братьевъ на Польскій престолъ, и не только самъ, вмѣстѣ съ Франціею, будетъ хлопотать, чтобъ привести Россію въ прежнія границы, но не преминетъ возбудить противъ нея Шведовъ и Поляковъ. Я слышалъ заподлинно, что когда кто-то спросилъ короля, не будетъ ли настоящему предпріятію препятствія со стороны Россіи, то король отвѣчалъ: „Я отъ Россіи такъ безопасенъ, какъ младенецъ во чревѣ матери". Въ томъ же смыслѣ Бестужевъ писалъ и брату своему, канцлеру: „При нынѣшнемъ уже позднемъ времени года, думаю, что всего лучше напугать здѣшній Дворъ и удержать отъ нападенія на Австрію сильными представленіями съ моей стороны и разглашеніемъ, что нашъ Дворъ намѣренъ дать королевѣ Венгерской должную по союзному договору помощь и велѣно войскамъ готовиться къ походу, также и казакамъ (которыхъ здѣсь сильно боятся). По обязательствамъ нашимъ къ Австріи и по собственному нашему интересу необходимо принять мѣры, соотвѣтствующія чести и достоинству императрицы, тѣмъ болѣе-что здѣшній Дворъ играетъ договорами и по своему принципу ничего не считаетъ святымъ и ненарушимымъ: съ такою наглостію и пренебреженіемъ разорвалъ онъ Бреславскій договоръ, гарантированный Россіею и Англіею; здѣсь вошло въ обычай нападать на своихъ союзниковъ въ то самое время, когда ихъ обнадеживаютъ въ непремѣнной къ нимъ дружбѣ. Мнѣ, mon cher frère, кажется необходимымъ, что если у насъ еще никакой прямой системы не принято, то чтобъ вы теперь, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, принявши твердую и самую полезную для Россіи систему, составили планъ и по нему поступали. На сихъ дняхъ графъ Подевильсъ далъ мнѣ знать, что король ему сказывалъ, будто я его обнадежилъ, что нашъ Дворъ въ нынѣшнія европейскія дѣла мѣшаться не будетъ. Я отвѣчалъ, что я такого обнадеживанія королю никогда не дѣлалъ и не могъ дѣлать, не имѣя указа отъ своего Двора. Это недоразумѣніе могло произойти оттого, что когда король говорилъ со мною объ обманахъ Англійскаго Двора и какъ Австрійскій Дворъ обманулъ насъ Бѣлградскимъ миромъ, то прибавилъ: „Я думаю, что вашъ Дворъ въ настоящія европейскія замѣшательства впутываться не будетъ",—я отвѣчалъ, что мнѣ намѣреніе ея величества вовсе не извѣстно, а впрочемъ мой Дворъ желаетъ, чтобъ тишина на Сѣверѣ нарушена не была. Я пишу вамъ объ этомъ потому, что вамъ извѣстно, какъ здѣсь умѣютъ затѣвать и запираться" [1]).

Въ Лондонѣ, 9 августа, лордъ Картеретъ сказалъ князю Щербатову: „Король Прусскій снялъ маску, началъ дѣлать насилія курфирсту Саксонскому и наступать на королеву Венгерскую вопреки Бреславскому договору. Представьте императрицѣ, чтобъ изволила обратить вниманіе на такіе поступки короля Прусскаго, и, по силѣ союзовъ съ другими державами, немедленно предпринять мѣры для недопущенія его усиливаться новыми завоеваніями, ибо это усиленіе можетъ быть вредно и самой Россіи". Въ сентябрѣ самъ король говорилъ Щербатову „съ сильнѣйшими изображеніями", какъ много нынѣшнія европейскія дѣла зависятъ отъ рѣшенія Русской императрицы, какъ легко она можетъ ихъ поправить, остановивъ движенія короля Прусскаго [2]). Но еще до полученія этихъ внушеній, 11 августа Бестужевъ писалъ Воронцову въ Кіевъ „о нечаянныхъ и вредныхъ поступкахъ" короля Прусскаго: „Воспамятуйте только", писалъ канцлеръ, „что я толикократно вамъ объ немъ говорилъ, и изслѣдуйте оное зрѣло, то вы найдете, что я правду сказывалъ. А когда и ея императорское величество трудъ воспріять соизволитъ оное всевысочайше припамятовать, еже я почти всегда когда счастіе имѣлъ со всенижайшими докладами, быть, представлялъ, то я увѣренъ нахожусь, что ея императорское величество сама всемилостивѣйше признаетъ, что я не напрасно всегда говаривалъ что королю Прусскому много вѣрить не надобно, и что его поведеніе и поступки натуральнѣйшимъ предметомъ и наидостойнѣйшею аттенціею нашему отечеству быть имѣютъ. Сей король, будучи наиближайшимъ и насильнѣйшимъ сосѣдомъ сей имперіи, потому натурально и наиопаснѣйшимъ, хотя бы онъ такого непостояннаго, захватчиваго, безпокойнаго и возмутительнаго характера и нрава не былъ, каковъ у него суще есть, и хотя бы мнѣнія и дѣйствія его такъ извѣстны не были, какъ объ оныхъ нынѣ весь свѣтъ знаетъ по всему тому, еже оный въ краткое время его правительства видѣлъ. Онъ первымъ начинателемъ злоключительной войны въ Германіи былъ. Сія война худою вѣрою съ наиласкательнѣйшими дружбы и вспоможенія обнадеживаніями начата, и съ такою же худою вѣрою окончена; сей принцъ прекращеніемъ одной Францію, императора и короля Польскаго, курфриста Саксонскаго, учиня партикулярный миръ, въ жертву предалъ, и тѣмъ себѣ Шлезію пріобрѣлъ. По заключеніи и возстановленіи Бреславльскимъ трактатомъ мира, ваше сіятельство сами знаете, съ какимъ чрезвычайнымъ раченіемъ и съ коликомъ притворствомъ онъ здѣсь о приступленіи ея императорскаго величества къ сему трактату домогался. Едва оное съ здѣшней стороны воспослѣдовало, то онъ сей трактатъ паки добровольно безъ всякой причины (преступя данное свое слово ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ въ войну не вмѣшиваться) нарушилъ. Можно ли послѣ сего такому принцу вѣру отдавать, который свои обѣщанія наиторжественнѣйшія, трактаты и обяза-

[1]) Дѣла Прусскія 1744 года.

[2]) Дѣла Англійскія 1744 года.

тельства столь мало держитъ? Чего другія державы отъ того себѣ обѣщать могутъ? И чего мы ожидать имѣемъ, когда сему, всегда новыми проектами наполненному, принцу понравится съ нами такимъ же образомъ поступать? Ея императорскаго величества честь и слава требуютъ принятыя съ союзниками своими обязательства нынѣ исполнить. А хотя бы ея императорское величество такихъ обязательствъ и не имѣла, то однакожъ интересъ и безопасность ея имперіи всемѣрно требуютъ такіе поступки, которые изо-дня-въ-день опаснѣе для насъ становятся, индеферентными не поставлять, и ежели сосѣда моего домъ горитъ, то я натурально принужденъ ему помогать тотъ огонь для своей собственной безопасности гасить, хотя бы онъ наизлѣйшій мой непріятель былъ, къ чему я еще вдвое обязанъ, ежели то мой пріятель есть. Ея величество тѣмъ соблюдетъ славную систему государя Петра Перваго, которая нашему отечеству толико блага принесла. Сіе ея имперію въ такой кредитъ приведетъ, что никто впредь не осмѣлится оную задрать; сверхъ же того, мы симъ другихъ державъ дружбу себѣ пріобрѣтемъ, еже для предку всегда весьма нужно есть. Коль болѣе сила короля Прусскаго умножается, толь болѣе для насъ опасности будетъ, и мы предвидѣть не можемъ, что отъ такого сильнаго, легкомысленнаго и непостояннаго сосѣда толь обширной имперіи приключиться можетъ. Тѣ новые союзы, которые помянутый король супружествомъ принца-наслѣдника съ его сестрою въ Швеціи учинилъ, достойны всякаго примѣчанія, и ваше сіятельство изъ взятыхъ съ собою протоколовъ объ учиненыхъ мною всенижайшихъ докладахъ довольно усмотрите, колико я ея императорскому величеству представленіи чинилъ, что такое супружество Всероссійской имперіи чрезъ долго или коротко предосудительно быть можетъ... Польза и безопасность имперіи въ томъ состоитъ, чтобъ своихъ союзниковъ не покидать, а оныя суть морскія державы, которыхъ Петръ Первый всегда соблюдать старался, король Польскій, яко курфирстъ Саксонскій, и королева Венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею имперіею интересъ имѣютъ".

Воронцовъ отвѣчалъ пріятными извѣстіями, что присланный въ Кіевъ къ императрицѣ отъ Августа III графъ Флеммингъ былъ принятъ очень благосклонно, и сама Елисавета сказала ему на прощаніи: „Обнадежьте его величество, что я всегда вѣрною и истинною его союзницей пребывать и, въ случаѣ какого нападенія на его земли, скоро помомощію поспѣшить не оставлю". Воронцовъ прислалъ также копію съ своего мнѣнія объ иностранныхъ дѣлахъ, которое онъ подалъ императрицѣ, и это мнѣніе оказалось совершенно согласнымъ со взглядами Бестужева. Въ своемъ мнѣніи Воронцовъ предполагаетъ, что Фридрихъ II имѣетъ тайные виды — завоевать Богемію и подѣлить ее съ императоромъ: „Въ такомъ усиленіи короля Прусскаго, и что онъ хитрый, скрытый и конкерантный нравъ имѣетъ, — кто порукою по немъ есть, что онъ противъ Россіи ничего не предпріиметъ. Буде станетъ противъ Польши дѣйствовать и не токмо отбирать пристойные къ себѣ города и земли, но и, конфедераціи заведя, короля Польскаго съ престола свергнетъ, и такого властію и силою своею посадитъ, отъ котораго самъ въ покоѣ останется, а противъ Россіи всякіе неоконченные еще споры и претензіи на Украйну, Смоленскъ и Лифляндію производить и тѣмъ обезпокоивать: тогда что будемъ дѣлать? Ежели сему препятствовать, то безъ помощи другихъ державъ однимъ не управиться, да и не поздно ли уже будетъ начинать препятствовать, когда никто изъ постороннихъ державъ въ состояніи не будетъ сопротивленіе сдѣлать. Къ сему же прибавить можно, что Шведы и Датчане противъ насъ спокойны останутся ли? И тако ежели во всѣхъ сихъ предпріятіяхъ королю Прусскому помѣшательства не дѣлать, то какія отъ того произойти могутъ несчастія и конечное потеряніе Лифляндіи и прочія опасности, — о томъ и вздумать страшусь. Теперь подумать надобно, что не токмо по наущеніямъ французскимъ и прусскимъ для облегченія своимъ войскомъ (и ежели, подлинно освѣдомися, какъ объявляютъ, что король Прусскій посылалъ нарочнаго эмиссара въ Турки для заключенія аліанціи и возбужденія противъ королевства Венгерскаго и Россіи войны), и самъ салтанъ Турецкій и Персіяне не упустятъ полезной для себя конъюнктуры, чтобъ въ войну не вмѣшаться и противъ Россіи не начать, дабы оную со всѣхъ сторонъ поубавить, — тогда какимъ образомъ себя оборонять можемъ? Когда всѣ дружескія державы, какъ выше упомянуто, въ несостояніе приведены будутъ и помощи дать не возмогутъ, тогда по человѣческому разуму никакого спасенія уже имѣть не видится. И хотя ваше императорское величество персонально отъ злого намѣренія и поступковъ мерзкаго Ботты не мало огорчены находитесь, — токмо, для общаго интереса государства вашего, сіе паденіе Дома королевы Венгерской допустить весьма опасно въ разсужденіи томъ, что въ случающихся весьма часто непостоянныхъ перемѣнахъ европейскихъ, къ тому-жъ и для чинимой диверзіи войсками своими какой-либо войны съ турецкой стороны, она нужна для Россіи быть можетъ, тѣмъ наипаче, что всѣ сіи усиливанія и авантажи, которые короли Прусской, Испанской, Французской и Цесарь и еще нѣкоторые другіе нѣмецкіе малые князья въ нынѣшней войнѣ получатъ, оные всѣ вашему императорскому величеству спасибо никто не скажутъ, только явную оплошность всѣ признаютъ, и наконецъ всѣ вышеписанныя несчастія конечно наводить не оставятъ для того, что они на великую силу Россіи съ немалою завидливостію смотрятъ и всѣ всячески того ищутъ, чтобъ въ прежнія границы оную привести и чтобъ такой силы и помѣшательства впредь дѣлать отнюдь въ Европѣ и нигдѣ имѣть не могла". Воронцовъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) поставить себя

въ неоплошную позитуру, расположить на границахъ Лифляндіи и Польши значительное войско, послѣ чего императрица объявитъ себя посредницею между воюющими сторонами. 2) Войти въ соглашенія съ русскими союзниками, пригласивъ и Голландію; чтобъ союзники „не увалили всю тягость на Россію, надобно установить планъ дѣйствія“. 3) Русскій посланникъ въ Польшѣ долженъ внушить королю и магнатамъ, что императрица готова помочь имъ въ случаѣ нападенія на ихъ области или въ случаѣ составленія конфедераціи.

Бестужевъ былъ въ восторгѣ отъ этого мнѣнія: „Я въ пріятное удивленіе приведенъ“, писалъ онъ Воронцову, „что ваше всеусердно-рабское разсужденіе, по причинѣ нынѣшнихъ европейскихъ замѣшательствъ, не токмо съ моимъ, но и со мнѣніемъ прочихъ нашей Коллегіи членовъ толь точно сходствуетъ, что мы всѣ вмѣстѣ ничего лучше и съ интересами, славою и честію ея императорскаго величества сходственнѣе сочинить не могли-бъ... И ежели сей заносчивый сосѣдъ (я думаю — король Прусской) немного усмиренъ не будетъ, то мы его, какъ ваше сіятельство зрѣло разсуждаете, чрезъ долго или коротко, въ нашей Лифляндіи съ вящшею силою, нежели у него теперь есть (хотя онъ уже и такъ весьма опасенъ) увидѣли-бъ“ [1]). Бестужевъ указывалъ на Швецію, Воронцовъ на Польшу: и здѣсь, и тамъ нужно было, по ихъ мнѣнію, бороться съ интригами Прусскаго короля.

Еще въ концѣ 1743 года отправлены были въ Стокгольмъ деньги на содержаніе русскаго войска, чтобъ отнять у недовольныхъ причину жаловаться на лишнія тягости. Генералъ Кейтъ, имѣвшій по отъѣздѣ Корфа назадъ въ Копенгагенъ и дипломатическое порученіе, передалъ своему Двору извѣстіе о впечатлѣніи, произведенномъ въ Стокгольмѣ щедростію императрицы: наслѣдникъ сказалъ ему, что онъ считаетъ Русскую государыню единственною виновницею своего благополучія, и послѣдняя щедрота утверждаетъ его на томъ мѣстѣ, на которое возведенъ ея величествомъ. Самъ король съ радостнымъ видомъ сказалъ Кейту: что императрица изволитъ жаловать къ новому году богатые подарки, и что трудно найти благодарныя слова, соотвѣтствующія ея милости, но что онъ, находясь съ младенчества въ военной службѣ, теперь, несмотря на старость, чувствуетъ въ себѣ довольно силы отслужить шпагою за милость императрицы, лишь бы только представился для того благопріятный случай; что вмѣстѣ съ нимъ вся Швеція вѣчно будетъ обязана императрицѣ и никогда не забудетъ оказанной себѣ милости. Сенаторы говорили, что теперь зажмется ротъ зломыслящимъ, которые перетолковывали въ дурную сторону присылку русскаго вспомогательнаго корпуса. Кейтъ писалъ, что присылка денегъ такъ же важна, какъ и присылка войска, ибо чрезъ присылку денегъ отъ Даніи отпадетъ большая часть ея приверженцевъ, а только на нихъ-то она и могла надѣяться, если бы вздумала напасть на Швецію.

Но въ то же время въ Петербургъ пришла не очень пріятная вѣсть изъ Стокгольма: король объявилъ Кейту о намѣреніи наслѣднаго принца вступить въ бракъ съ сестрою Прусскаго короля, требуя согласія на то императрицы. Самъ наслѣдный принцъ обратился письменно къ императрицѣ, „какъ сынъ къ матери“, съ просьбою о согласіи на этотъ бракъ, который „совпадаетъ съ его расположеніемъ къ Берлинскому Двору“. Елисавета, въ январѣ 1744 года, отвѣчала: „Сіе дѣло такой натуры есть, что оное главнѣйше зависитъ отъ собственнаго вашего королевскаго высочества благоизобрѣтенія и согласія его королевскаго величества и шведскихъ государственныхъ чиновъ; тако намъ все то, еже къ напвящему вашему благосостоянію и укрѣпленію между его величествомъ и вашимъ высочествомъ отеческихъ и сыновнихъ сентиментовъ служить можетъ, пріятно и угодно будетъ“. Родственный союзъ наслѣднаго принца съ Берлинскимъ Дворомъ могъ казаться тѣмъ опаснѣе, что со стороны Шведскаго народа нельзя было ожидать добраго расположенія къ Россіи, почему и наслѣдный принцъ для пріобрѣтенія народной любви могъ подвергаться сильному искушенію стать неблагодарнымъ къ своей благодѣтельницѣ, тѣмъ болѣе-что дѣла съ Даніею улаживались. 1 апрѣля Кейтъ писалъ, что Гилленборгъ и Нолькенъ уже спрашиваютъ, когда русскій вспомогательный корпусъ намѣренъ возвратиться въ отечество; въ народѣ стали поговаривать, будто императрица хочетъ оставить два или три полка наслѣднику, вмѣсто гвардіи. Эти толки, по мнѣнію Кейта, пошли отъ недоброжелателей, которымъ хочется внушить народу, что наслѣдный принцъ, не довѣряя Шведамъ, намѣренъ для своей безопасности держать чужое войско. Кейтъ доносилъ, что въ Швеціи двѣ господствующія партіи—французская и англійская, изъ которыхъ первая сильнѣе второй—заключаютъ въ себѣ большую часть дворянства и почти всѣхъ горожанъ; духовенство раздѣлено между ними почти поровну, а крестьяне еще не совсѣмъ отстали отъ мысли соединенія съ Даніею. „Изъ всѣхъ сихъ факцій“, писалъ Кейтъ, „я не могу сказать, чтобъ которая совершенно интересы вашего и. величества наблюдала; король невеликую партію имѣетъ, которая ничего важнаго учинить не въ состояніи. Что-жъ ваше и. величество повелѣвать мнѣ изволите искуснымъ образомъ внушить о дальнѣйшемъ пребываніи здѣсь корпуса войскъ императорскихъ, то по-истинѣ сія есть струна, наивысочайшей осторожности подлежащая; всенижайше дозволенія прошу оное внушеніе на нѣсколько времени поудержать, кое время свободно проволочь можно будетъ чрезъ распорядки съ ними, по ихъ же волѣ учиняемые. Я въ состояніи буду

[1]) Архивъ князя Воронцова II. 18, 44, 69, 71.

до конца мая мѣсяца, не подавая ни малаго Шведамъ сумнѣнія, посаженіе войскъ на галеры проволочь, и, въ случаѣ вашего и. величества соизволенія, чтобъ оному корпусу далѣ пробавиться, тогда претекстъ недостатка провіанту можетъ мнѣ служить причиною ожидать здѣсь онаго изъ Россіи присылки".

Миръ между Швеціею и Даніею былъ заключенъ окончательно, и шведское министерство обратилось къ Кейту съ внушеніемъ, что русскія войска, теперь болѣе ненужныя, могутъ отправиться изъ Швеціи — хорошо, если уйдутъ до жатвы, а еще лучше -- до сѣнокоса; и когда Кейтъ объявилъ, что ежечасно ожидаетъ присылки провіанта, то министерство обязалось немедленно выдать провіантъ изъ своихъ магазиновъ; когда же Кейтъ объявилъ наслѣдному принцу, что полученъ указъ императрицы о выходѣ русскаго войска изъ Швеціи, то принцъ отвѣчалъ: „Очень радъ, потому что долгое ваше здѣсь пребываніе народъ приписываетъ мнѣ, и началъ уже на меня роптать".

Кейтъ долженъ былъ оставить Швецію вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ, и чрезвычайнымъ министромъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ генералъ Любрасъ, участвовавшій въ Абовскомъ конгрессѣ и, какъ видно, непріятный и подозрительный Бестужеву; слѣдовательно надобно заключить, что его назначеніе было дѣломъ противной канцлеру партіи. Любрасъ поѣхалъ черезъ Берлинъ, откуда отъ 25 іюня писалъ императрицѣ о разговорѣ своемъ съ королемъ. Фридрихъ II объявилъ ему, что онъ очень безпокоится насчетъ Русскаго Двора, ибо императрица подвергается многимъ противностямъ и опасностямъ отъ замысловъ злостныхъ и невѣрныхъ людей. Въ томъ же донесеніи Любрасъ писалъ, что онъ былъ у короля въ Потсдамѣ двое сутокъ и имѣлъ съ нимъ долгіе разговоры, о содержаніи которыхъ донесетъ впослѣдствіи. На это Бестужевъ замѣтилъ: „Въ двои сутки не одумался писать, что съ нимъ король разговаривалъ, а можетъ быть, что вѣдомость о Шетарди и всю реляцію Любраса отмѣнитъ".

Наконецъ реляція Любраса пришла отъ 28 іюня: король повторялъ, что онъ сильно безпокоится о дѣлахъ при Русскомъ Дворѣ; но какія бы интриги ни производились, лишь бы только императрица могла удержаться на престолѣ. „Я навѣрное знаю", говорилъ Фридрихъ II, „что теперь при Дворѣ и въ народѣ такое сильное волненіе, что скоро что-нибудь нечаянно должно выйти наружу. У меня въ рукахъ доказательство, что лордъ Тиравлей имѣетъ у себя больше 600,000 червонныхъ для подкупа. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю своего курьера. Что у васъ въ министерствѣ; кто будетъ великимъ канцлеромъ?" Фридрихъ нарочно пугивалъ Русскій Дворъ, чтобъ онъ не мѣшался въ европейскія дѣла, ибо всего болѣе боялся этого вмѣшательства, всего больше продолжалъ бояться нерегулярныхъ русскихъ войскъ и потому разспрашивалъ Любраса о казакахъ и Калмыкахъ.

Изъ Берлина Любрасъ отправился въ Копенгагенъ, гдѣ Датскій король говорилъ ему: „Римская имперія находится въ плохомъ состояніи, и если король Прусскій будетъ продолжать прежнее поведеніе, то не только многимъ имперскимъ князьямъ предстоитъ близкая погибель, но и всѣ сосѣди подвергаются опасности нападенія, если заблаговременно не приведутъ себя въ оборонительное состояніе. Прусскій король одного за другимъ поглотаетъ, а тогда чередъ дойдетъ и до сильнѣйшихъ, чего и Россія имѣетъ основательную причину ожидать". Любрасъ сказалъ на это, что если его величество самъ сознаетъ необходимость возстановленія спокойствія общаго, и особенно на Сѣверѣ, то, разумѣется, и будетъ содѣйствовать этому сильнѣйшимъ образомъ. Король отвѣчалъ: „Буду содѣйствовать этому всѣми силами, и главное средство здѣсь—постоянное доброе согласіе между Россіею и Даніею, отчего зависитъ и истинный интересъ обоихъ государствъ; все зависитъ отъ императрицы". На прощаніи король повторилъ, что его искреннѣйшее желаніе—быть съ императрицею въ добромъ согласіи, и, со слезами на глазахъ, смотря на небо, прибавилъ: „Кто внушаетъ императрицѣ иное, тотъ ей недоброхотъ."

Въ Стокгольмъ пріѣхалъ Любрасъ только 25 октября, и въ ноябрѣ уже доносилъ, что французская партія сильно увеличилась и ежедневно умножается по прибытіи изъ Пруссіи кронъ-принцессы; французскій посланникъ, Ланмари, дѣйствуетъ въ Стокгольмѣ и провинціяхъ свѣжими, недавно полученными деньгами, чтобъ къ сейму своихъ креатуръ заготовить. Скоро Любрасъ донесъ также, что отъ прусскаго посла сдѣлано предложеніе оборонительнаго союза между Пруссіею и Швеціею, но что король велѣлъ напередъ дать знать объ этомъ Русскому Двору. Наслѣдный принцъ обнадеживалъ Любраса, что будетъ изо всѣхъ силъ стараться не допускать ничего, что могло бы быть противно волѣ императрицы: это будетъ его постояннымъ правиломъ. Любрасъ началъ толковать съ сенаторами патріотической (т.-е. русской) партіи, что если Швеція будетъ въ постоянной дружбѣ съ Россіею, то ни отъ кого никогда непріятельскаго нападенія ожидать причины не имѣетъ, а слѣдовательно и нѣтъ ей нужды въ постороннемъ оборонительномъ союзѣ; а если Прусскій король, вслѣдствіе продолжающихся германскихъ смутъ, подвергнется отъ кого-нибудь нападенію, то Швеція принуждена будетъ въ этой войнѣ принять союзническое участіе. Патріотическіе сенаторы, разумѣется, были одного мнѣнія съ Любрасомъ; но когда онъ сталъ дѣлать свои представленія наслѣдному принцу, тотъ отвѣчалъ, что, по обнадеживанію отъ Прусскаго Двора, союзъ этотъ имѣетъ главною цѣлію поддерживать его, принца, на шведскомъ престолѣ и будетъ обязателенъ только по окончаніи настоя-

щей войны въ Германіи. По мнѣнію Любраса, „оное токмо для одного амюзированія инсинуировано.“

Въ такихъ обстоятельствахъ члены русской партіи требовали, чтобъ Россія какъ можно скорѣе заключила союзный договоръ съ Швеціею, чтобъ предупредить Францію и Пруссію; и здѣсь главное затрудненіе состояло въ томъ, что Швеція не могла безъ субсидій заключить ни съ кѣмъ союзнаго договора, а для Россіи было тяжело платить субсидіи. Въ половинѣ декабря Любрасъ извѣщалъ, что съ помощію французской и прусской партій въ провинціяхъ являются эмиссары, которые назначаемыхъ на будущій сеймъ депутатовъ уговариваютъ ввести самодержавіе, внушая, что бѣдственное состояніе Швеціи происходитъ главнымъ образомъ отъ республиканскихъ учрежденій и необходимаго ихъ слѣдствія — несогласія; войско и крестьяне особенно къ этому склонны; между мѣщанами многіе того же мнѣнія, а къ этимъ чинамъ обыкновенно пристаетъ и духовенство; кронъ-принцъ, осаждаемый женою и приверженцами самодержавія, будетъ благопріятствовать этому дѣлу, а не препятствовать ему;—онъ уже добылъ себѣ полковничій чинъ въ гвардіи. Мелкое дворянство желаетъ самодержавія, богатое одно не желаетъ; но, во-первыхъ, его немного, а потомъ и оно желаетъ усиленія королевской власти, именно какъ было при Густавѣ-Адольфѣ, только чтобъ король не могъ объявлять войны, заключать мира, налагать податей,—что должно остаться во власти чиновъ. Любрасъ, признавая эту перемѣну весьма предосудительною интересамъ Россіи, предлагалъ внести въ союзный договоръ условіе, чтобъ настоящая форма Шведскаго правительства оставалась нетронутою, а чтобъ Шведамъ было необидно,—требовать съ ихъ стороны гарантіи настоящаго образа правленія въ Россіи [1]).

Что касалось Польскихъ дѣлъ, то въ продолженіи 1742 и 1743 годовъ ко Двору Елисаветы приходили постоянныя жалобы Русскихъ людей въ польскихъ владѣніяхъ на гоненіе отъ католиковъ. Нѣсколько разъ Кейзерлингъ жаловался министрамъ и самому королю:—и все понапрасну. Въ концѣ 1743 года онъ старался „живо представить“ королю, что совѣсть Русскихъ людей, находящихся въ его подданствѣ, жестоко оскорбляется хулами на ихъ вѣру, что происходитъ неслыханнымъ въ христіанствѣ образомъ; такіе нехристіанскіе поступки чувствительно оскорбляютъ императрицу, которая считаетъ своею обязанностію вступаться за единовѣрцевъ тѣмъ болѣе, что она имѣетъ на это и право по мирному договору; что Русскіе люди при соединеніи Литвы съ Польшею пришли съ своею вѣрою, свободное отправленіе которой подкрѣплено потомъ королемъ и сеймами. Король отвѣчалъ, что ему очень прискорбно слышать о продолженіи такихъ безпорядковъ и наглостей относительно жителей Греческой вѣры. „И по прежнимъ вашимъ жалобамъ“, говорилъ король, „я писалъ къ обоимъ канцлерамъ, Польскому и Литовскому, чтобъ они постарались о прекращеніи этихъ притѣсненій. Злоба къ людямъ чуждыхъ вѣръ заставляетъ притѣснять невинныхъ, не обращая никакого вниманія на общее благополучіе, на законы, на договоры. Такихъ ревнителей въ Польшѣ немало, которые поступаютъ тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ больше тамошніе законы благопріятствуютъ злоупотребленію свободой. Напишу еще къ коронному канцлеру, чтобъ вступился за жителей Греческой вѣры“. Грамота къ канцлеру была дѣйствительно написана; но этотъ канцлеръ былъ католическій епископъ. Къ вельможамъ польскимъ Кейзерлингъ писалъ съ угрозою, что императрица не оставитъ своихъ единовѣрцевъ безъ защиты и употребитъ средства равносильныя злу; министрамъ напомнилъ, что въ 1599 году уже было соглашеніе между Русскими и протестантами, чтобъ стоять сообща за свободу вѣры. Коронный канцлеръ отвѣчалъ, что жители Греческой вѣры сами неправы, обращаясь съ своими жалобами къ Русскому Двору, а не къ польскому министерству. Кейзерлингъ возражалъ, что жалобы людей Греческой вѣры на всѣхъ сеймахъ слушаны, но ни на одномъ не выслушаны такъ, чтобъ жалобщики были успокоены.

Приближалось время сейма, и, въ мартѣ 1744 года, коронный канцлеръ Залуйскій написалъ Кейзерлингу: что король больше всего желаетъ тѣснѣйшаго союза между Россіею и Польшею; что онъ будетъ склонять къ этому союзу чиновъ республики, причемъ король обнадеженъ, что представленное на сеймѣ умноженіе войска не только не будетъ противно императрицѣ, но она будетъ содѣйствовать проведенію этого предложенія, ибо чрезъ это республика придетъ въ состояніе содѣйствовать Россіи въ общихъ видахъ. Кейзерлингъ писалъ къ своему Двору, что увеличеніе войска составляетъ предметъ желанія и требованія всей націи, и противиться этому дѣлу публично нельзя. Но другой вопросъ: откуда взять для этого средствъ. По этому предмету на предыдущемъ сеймѣ происходили безконечные споры; почти каждый день подавались новыя предложенія и отвергались; время прошло и сеймъ разошелся, не постановивъ ничего. Человѣкъ, который бы захотѣлъ прямо противодѣйствовать общему желанію умноженія войска, навлекъ бы на себя всеобщую ненависть. Итакъ, если Пруссія захочетъ воспрепятствовать этому умноженію, то она можетъ только подкупать сеймовыхъ депутатовъ, чтобъ чрезъ нихъ мѣшать соглашенію о средствахъ; или, если это будетъ невозможно,—сеймъ разорвать подъ какимъ-нибудь другимъ предлогомъ. О воеводѣ Бельзскомъ, Потоцкомъ, давно уже извѣстно, что онъ совершенно предался Прусскому Двору, и надобно ожидать, что на будущемъ сеймѣ онъ будетъ дѣйствовать въ видахъ этого Двора; то же утверждаютъ о старомъ Тарло, воеводѣ Сендомирскомъ; но это еще

[1]) Дѣла Шведскія 1744 года.

требуетъ подтвержденія. Можетъ быть, у Пруссіи въ Польшѣ и больше приверженцевъ, но не между сенаторами и знатью, а въ мелкой шляхтѣ или при арміи; слѣдовательно важнаго вліянія на дѣла имѣть не могутъ. Кейзерлингъ далъ знать королевскому министерству, что императрица вовсе не намѣрена препятствовать умноженію войска, предоставляя это дѣло благоусмотрѣнію короля и республики. Это объявленіе было принято съ большимъ удовольствіемъ.

Въ маѣ Кейзерлингъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, потому что Дворъ переѣхалъ туда же. Здѣсь посланникъ былъ встрѣченъ жалобами Православныхъ: въ Дрогичинѣ, въ Троицынъ день, студенты, по приказу префекта Ушинскаго, напали на Православный крестный ходъ, бросали грязью въ духовенство, міринъ били дубинами, разодрали хоругви, разбили иконы; въ воеводствѣ Новоградскомъ отняты были у Православныхъ двѣ церкви и отданы уніатамъ. Кейзерлингъ подалъ опять королю промеморію, настаивая на принятіи сильнѣйшихъ средствъ къ прекращенію зла; король поручилъ дѣло коронному канцлеру, а тотъ передалъ Кейзерлингу рескриптъ къ ректору Дрогичинскаго іезуитскаго коллегіума съ предписаніемъ не трогать Православныхъ. Король заявлялъ, что если-бы прекращеніе этихъ религіозныхъ преслѣдованій находилось въ его силѣ и власти, то оно давно бы уже послѣдовало. Кейзерлингъ не могъ нахвалиться дружескимъ расположеніемъ къ Россіи короля, министерства и польскихъ вельможъ.

Но въ концѣ іюля вниманіе было отвлечено отъ этихъ Польско-Русскихъ дѣлъ движеніями Прусскаго короля. Кейзерлингъ далъ знать, что пріѣхалъ въ Варшаву прусскій министръ Валленродъ, съ требованіемъ пропуска прусскихъ войскъ чрезъ Саксонію въ Богемію. Но этимъ дѣло не ограничивалось: Кейзерлингъ извѣщалъ о французско-прусскихъ намѣреніяхъ завести смуту въ Польшѣ. Литовскій стольникъ, Сапѣга, который прежде бывалъ подкупаемъ Швеціею и Пруссіею, получилъ письмо отъ Чигиринскаго старосты Яблоновскаго: Яблоновскій уговаривалъ его составить конфедерацію, причемъ обнадеживалъ, что Прусскій король будетъ сильно ее поддерживать; имѣнія Сапѣги будутъ охранены; а если онъ потерпитъ какіе убытки, то получитъ за нихъ вознагражденіе. Сапѣга показалъ это письмо королю, который далъ ему за такую благонамѣренность орденъ. Французскій министръ, Шавиньи, писалъ воеводѣ Мазовецкому, графу Понятовскому, что теперь наступило самое благопріятное время исполнить то, чего прежде нельзя было сдѣлать для ихъ вольности. Эти внушенія происходили оттого, что Французскій Дворъ, въ случаѣ нападенія Австрійцевъ на Лотарингію, намѣренъ былъ отказаться отъ обязательствъ 1738 года относительно Станислава Лещинскаго. Кейзерлингъ писалъ, что вниманіе Поляковъ поглощено движеніями прусскихъ войскъ,—объ этомъ только и говорятъ; но какъ ни старается графъ Валленродъ обнадеживать Поляковъ насчетъ дружескихъ намѣреній своего Двора,—внушенія его принимаютъ съ недовѣріемъ, которое возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Валленродъ былъ съ визитомъ у великаго гетмана, причемъ объявилъ, что король его питаетъ такую преданность къ Польской націи и такое уваженіе къ республикѣ, что если бы ея вольность, ея благо, ея интересъ были нарушены или грозила бы имъ какая опасность, то онъ явился бы къ ней на помощь и защищалъ бы ее всѣми своими силами. Гетманъ отвѣчалъ: „Мирныя и дружескія обнадеживанія со стороны сосѣдей могутъ быть только пріятны республикѣ, которая сама любитъ миръ и тишину; но нельзя полагаться на дружескія обнадеживанія Прусскаго короля; три прусскихъ посольства увѣряли въ дружескихъ намѣреніяхъ королеву Венгерскую, а съ четвертымъ посольствомъ, состоящимъ изъ многочисленной арміи, Прусскій король самъ пришелъ и Силезію отнялъ“. Скоро и самъ Кейзерлингъ услыхалъ отъ Валленрода любопытныя для себя новости: 24 августа прусскій посланникъ подошелъ къ нему при Дворѣ и объявилъ, что получилъ рескриптъ отъ своего государя,— король пишетъ, что такъ какъ онъ, Кейзерлингъ, сильно отдаляется отъ прусскихъ интересовъ, то онъ, король, велѣлъ своему министру при Петербургскомъ Дворѣ просить императрицу сдѣлать такое перемѣщеніе: къ Польско-Саксонскому Двору назначить брата канцлерова, Мих. Петр. Бестужева-Рюмина, а его, Кейзерлинга, перевести къ Римско-императорскому Двору, что уже и рѣшено въ Петербургѣ. Кейзерлингъ написалъ канцлеру: „Ваше сіятельство, мнѣ особенную милость покажете, если объявите, насколько я долженъ вѣрить этимъ словамъ“.

Извѣстіе оказалось справедливо: Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ назначенъ къ Польско-Саксонскому Двору; но Кейзерлингъ долженъ былъ вмѣстѣ съ нимъ присутствовать на сеймѣ въ Гроднѣ, и уже по окончаніи сейма долженъ былъ отправиться въ Франкфуртъ, къ Римско-императорскому Двору.

Бестужевъ пріѣхалъ въ Гродно 23 сентября, наканунѣ открытія сейма. Въ первомъ разговорѣ съ нимъ, графъ Брюль, приглашая Россію къ союзу съ Саксоніею, Англіею, Голландіею и королевою Венгерскою, высказалъ увѣренность, что императрица, какъ одна изъ первыхъ коронованныхъ главъ въ Европѣ, по извѣстному своему великодушію и справедливости, не будетъ равнодушна къ той опасности, которая угрожаетъ всѣмъ частямъ Европы, ибо французскіе и прусскіе виды велики и ихъ слѣдствіе могло бы распространиться гораздо далѣе, чѣмъ теперь человѣческій разумъ предусмотрѣть или потомъ отмѣнить могъ. Побѣдоносное оружіе Петра Великаго нѣкогда избавило сѣверную часть Европы отъ завоеванія и даровало ей миръ и тишину:—онъ, Брюль, надѣется, что благословенное оружіе императрицы положитъ

надлежащіе предѣлы дальновиднымъ замысламъ тѣхъ, которые стремятся ко владычеству въ Европѣ и хотятъ по своей волѣ располагать благополучіемъ или злополучіемъ народовъ и государствъ. Брюль окончилъ разговоръ словами кардинала Ришелье: „Нѣтъ ничего вреднѣе для государства, какъ снести хладнокровно, когда какой-нибудь государь завоюетъ самовольнымъ насильствомъ земли сосѣдняго государства, ибо это завоеваніе можетъ служить ему мостомъ къ дальнѣйшему движенію; поэтому союзники обиженнаго государя должны употребить всѣ свои силы для его поддержанія, ибо, воюя за него, стоятъ сами за себя; а когда непріятель уже у воротъ—несвоевременно требовать защиты". Относительно сейма Бестужевъ доносилъ, что прусскій министръ Валленродъ и резидентъ Гоерманъ, получа изъ Берлина 20,000 червонныхъ, стараются этими доказательствами, даваемыми изъ рукъ, удостовѣрить Поляковъ въ добромъ расположеніи къ нимъ своего Двора. Прусскія деньги раздаются земскимъ посламъ, чтобъ сдѣлать сеймъ безплоднымъ.

Бестужевъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ на сеймѣ не было рѣчи о Курляндіи. Это дѣло было трудное; всего легче было бы освободить Бирона и отпустить его въ Курляндію; объ этомъ просилъ императрицу король Августъ; но Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать, что, по государственнымъ причинамъ, Биронъ и потомство его не могутъ быть освобождены и выпущены изъ предѣловъ Россіи. Императрица предлагала въ герцоги принца Гесенъ-Гомбурскаго; на этотъ счетъ король велѣлъ сказать Бестужеву, что лучше бы императрица соизволила ходатайствовать за кого-нибудь другого; по мнѣнію почти всѣхъ польскихъ вельможъ, этотъ кандидатъ невозможенъ: принцъ Гесенъ-Гомбургскій во время послѣдней революціи въ Польшѣ пріобрѣлъ здѣсь болѣе непріятелей, чѣмъ друзей. Тогда Бестужевъ и Кейзерлингъ предложили другого кандидата—принца Августа Голштинскаго, и это предложеніе было принято съ удовольствіемъ.

Но отъ Курляндіи постоянно отвлекала Пруссія. Въ октябрѣ Бестужевъ и Кейзерлингъ доносили, что Валленродъ предлагалъ польскую корону Сендомирскому воеводѣ, Тарло; а если онъ не хочетъ, то обѣщалъ возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, лишь бы только Тарло принялся за конфедерацію и отказалъ въ повиновеніи королю Августу. У Тарло съ Валленродомъ начались ночныя совѣщанія; король велѣлъ Брюлю сказать Тарло, что онъ удивляется этимъ ночнымъ бесѣдамъ, которыя не могутъ имѣть цѣлію благо и спокойствіе государства, ибо доброе и позволительное дѣло дня и свѣта не боится, и если сеймъ желаемаго конца не получитъ, то король найдется принужденнымъ заявить объ этомъ поведеніи воеводы въ сенатѣ и въ депутатской камерѣ. Испуганный Тарло просилъ быть представленнымъ королю, разсказалъ самъ, о чемъ у него шло дѣло съ прусскимъ посланникомъ, и обѣщалъ, что не позволитъ чужестраннымъ обольщеніямъ отвести себя отъ вѣрности. Ждали, что французскій посланникъ С. Северинъ привезетъ деньги, назначенныя для возбужденія конфедераціи на Волыни, и Бестужевъ съ Кейзерлингомъ писали, что Французскій Дворъ долженъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать по соглашенію съ Прусскимъ королемъ. Оба посланника писали: „Изо всего можно признать, какъ Франція и Пруссія стараются имѣть въ Польшѣ такого короля, который бы зависѣлъ отъ нихъ, именемъ котораго были бы оживлены всѣ прежніе договоры съ Франціею, Швеціею и Пруссіею и рѣшительная власть надъ Европой могла быть утверждена. Люди, проникающіе во вредныя слѣдствія французскихъ и прусскихъ внушеній и показавшіе свою благонамѣренность относительно интереса вашего величества, желаютъ и требуютъ отъ насъ, чтобъ мы именемъ вашего величества объявили, что Россія никакъ не будетъ спокойно смотрѣть на конфедерацію и волненія въ Польшѣ, но постарается прекратить ихъ въ самомъ началѣ,—никакъ не допуститъ, чтобъ въ сосѣдствѣ ея разгорѣлся такой же пожаръ, какой свирѣпствуетъ въ остальной Европѣ". Послы указывали своему правительству на родословную, изданную въ Бреславлѣ, въ которой значилось, что Юрій Подебрадъ и Владиславъ были похитителями венгерской и богемской короны, а законное наслѣдство принадлежало курфирсту Іоанну Бранденбургскому, отъ котораго происходитъ нынѣшній король Прусскій.

Въ концѣ октября сеймъ былъ приведенъ въ чрезвычайное движеніе: депутатъ Вильчевскій объявилъ всей посольской избѣ, что прусскій министръ деньгами склонялъ его къ разорванію сейма, далъ тысячу ефимковъ и обѣщалъ три тысячи червонныхъ; при этомъ Вильчевскій вынулъ изъ кармана полученныя деньги и бросилъ на полъ избы. По примѣру Вильчевскаго, и другіе депутаты объявили о томъ же. Но Валленродъ, не дожидаясь никакихъ сообщеній объ этомъ отъ польскаго министерства, потребовалъ удовлетворенія. Такъ какъ сношеніе съ Тарло окончилось неудачно, то Валленродъ обратился съ предложеніемъ польской короны къ форшнейдеру Потоцкому. Брюль увѣрялъ Бестужева и Кейзерлинга, что самъ читалъ обнадеживанія, сдѣланныя Прусскимъ королемъ Потоцкому. Послы доносили, что число прусскихъ и французскимъ приверженцевъ ежедневно умножается. Вельможи и мелкая шляхта больше прежняго другъ противъ друга раздражаются, и такимъ образомъ огонь уже тлѣетъ подъ пепломъ. Послы совѣтовали на границахъ у Кіева и Смоленска собрать нѣсколько тысячъ войска и объявить, что Россія не допуститъ нарушенія спокойствія въ Польшѣ. Рѣшительныя средства, казалось, были необходимы, потому-что вскрытіе подкупа Вильчевскимъ не помогло: девять земскихъ пословъ, подкупленныхъ прусскими деньгами, не допустили до соединенія земской избы съ сенатомъ, и сеймъ прекратился за истеченіемъ срока; съ французской и

прусской стороны было внушено подкупленнымъ вельможамъ и шляхтѣ, что если они не уничтожатъ сейма, то имена ихъ будутъ обнародованы. Послѣ этого Михаилъ Петровичъ Бестужевъ счелъ нужнымъ написать изъ Варшавы такое письмо графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову: „Пребывающій здѣсь прусскій министръ фонъ-Валленродъ и резидентъ Германъ, по возвращеніи своемъ изъ Гродно, Полякамъ чрезъ пріятелей своихъ подъ рукою внушаютъ, коимъ образомъ Мардефельдъ съ Москвы писалъ, что онъ отъ вѣроятной персоны словесное обнадеживаніе имѣлъ, что объявленною декларацією токмо учинена проформа, дабы тѣмъ Польскій и Саксонскій Дворъ нѣкоторымъ образомъ успокоить и чтобъ они, слѣдовательно, на оную не смотрѣли и ничего бы не опасались. Сему подобныя внушенія какъ съ ласкою, такъ отчасти угрозами чинимыя, немалое дѣйствіе и у Поляковъ уже великую импрессію причиняютъ. Какую же сильную инфлюенцію нынѣ Прусскій Дворъ къ очевидному умаленію нашего прежняго здѣсь въ Польшѣ суперіоритета и кредита въ здѣшнихъ дѣлахъ уже имѣетъ,—о томъ интригами его разорванный сеймъ въ Гродно довольно показуетъ, да и намъ больше бы еще сія инфлуенція къ крайней россійскаго интереса вредѣ и предосужденію не было бы, ежели бы его предвоспріятія въ Богеміи лучшій успѣхъ получили или ежели ему впредь удастся сію отъ всего свѣта нечаянную войну по желанію своему окончить: въ такомъ случаѣ заподлинно вѣрить должно, что онъ, по окончаніи оной, не токмо Гданскъ,Варминское епископство, но и всѣ Польскіе Прусы безъ великаго труда державѣ своей присовокупить можетъ; и хотя въ такомъ случаѣ по сущимъ нашимъ интересамъ въ Польшу вступиться необходимо принуждены будемъ,—то однакожъ тогда сему пособить не токмо уже поздно, но и понеже между тѣмъ въ наивящшую силу себя приведетъ, то ему въ произведеніи такихъ Россіи зѣло опасныхъ видовъ препятствовать гораздо труднѣе будетъ. Россія тогда истинно въ крайнѣйшей опасности находиться будетъ, ибо какъ Французскому, такъ и Прусскому Дворамъ, которые всегда токмо то ищутъ и желаютъ, какъ бы россійскую силу такъ умалить, чтобъ она въ прочихъ европейскихъ дѣлахъ участіе принимать никогда въ состояніи не была, тогда весьма легко будетъ съ одной стороны Шведовъ, обѣщая имъ Лифляндію и всѣ нами завоеванныя провинціи возвратить, а съ другой стороны — Поляковъ, обѣщая симъ Смоленскъ и Кіевъ, аки непостоянному народу, который чрезъ деньги и угрозы ко всему безъ великаго труда склонить можно, на насъ напустятъ, пока между тѣмъ Прусскій Дворъ самъ въ средину чрезъ Курляндію насъ атаковать и тако обще съ нимъ Россію въ прежнія ея границы привести стараться будутъ, не упоминая еще притомъ о Туркахъ и Татарахъ, у которыхъ уже какъ французскіе, такъ и прусскіе эмиссары дѣйствительно имѣются. Необходимо нужное и зрѣлое разсужденіе не точію нашей предбудущей безопасности, но и нынѣшнихъ россійской славѣ и интересу толь удобополезныхъ конъюнктуръ—подали мнѣ поводъ вашему сіятельству, яко вѣрному ея императорскаго величества подданому и сущему сыну отечества, а моему милостивому патрону, вышеизображенное мое искреннее мнѣніе по совѣсти и по всегдашней моей вѣрной-рабской ревности ко всевысочайшей чести, славѣ и службѣ ея императорскаго величества, сколько моего смыслу есть, симъ откровенно сообщить. Всему свѣту извѣстно, въ какой великой депенденціи Прусскій Дворъ при жизни Петра Великаго отъ насъ зависѣлъ, и что тогда здѣсь въ Польшѣ никакой инфлюенціи не имѣлъ — напротивъ того, въ какую оный Дворъ нынѣ великую и наипаче намъ весьма опасную силу пришелъ. Прусскій Дворъ насъ нынѣ притворствомъ токмо для того уласкать и усыпить ищетъ, дабы мы по нашимъ натуральнымъ интересамъ нынѣшними, намъ толь удобными конъюнктурами не пользовались, ибо онъ совершенно удостовѣренъ, что токмо ея императорское величество въ состояніи находится въ непродолжительномъ времени всѣ нынѣшнія и единственно токмо отъ него и Франціи произведенныя европейскія замѣшательства и невинной крови пролитіе пресѣчь и прежній системъ и балансъ въ Европѣ (при которомъ Россія всегда въ благосостояніи находилась) возстановить, и всѣ дальновидные ихъ и намъ всемѣрно опасные замыслы вдругъ прекратить, притомъ же съ утвержденіемъ общаго въ Европѣ покоя, безсмертную себѣ славу, а государству своему существительную пользу получить. Толь немалое число обрѣтающихся нынѣ при нашемъ Дворѣ чужестранныхъ пословъ, чему въ древнихъ временахъ никакого примѣра сыскать не можно, довольно доказуетъ, коль прилежно почти всякая потенція дружбу нашу получить старается, и что, слѣдовательно, при нынѣшнихъ дѣлъ обращеніяхъ токмо отъ насъ самихъ зависитъ не токмо нашихъ натуральныхъ друзей сохранить, но и при возстановленіи нарушенной Французскимъ и Прусскимъ Дворами вышеупомянутой европейской системы и балансу собственную нашу предбудущую безопасность на добромъ основаніи въ вѣчныя времена утвердить. Притомъ же всякой благоразумной и здравой политики главнѣйшая максима всегда сія быть имѣетъ: чтобъ заблаговременно не допущать, дабы сосѣдъ мой въ наибольшую и слѣдовательно мнѣ самому не иначе, но весьма предосудительную силу не приходилъ; ибо коль больше оный себя усиливаетъ, толь вящше я себя самъ въ безсиліе и очевидную опасность привожу“ [1]).

Для возстановленія равновѣсія въ Европѣ нужно было поддержать Австрію противъ Пруссіи, а для этого прежде всего нужно было прекратить непріязненныя отношенія Русской императрицы къ королевѣ Венгерской, возникшія по дѣлу Ботты.

Январь и февраль мѣсяцы 1744 года прошли

[1]) Дѣла Польскія 1744 года.

въ Вѣнѣ у Ланчинскаго въ безплодныхъ требованіяхъ скораго и точнаго отвѣта насчетъ сатисфакціи по дѣлу Ботты: ему отвѣчали прежнее, что наряженъ судъ; что въ дипломатическихъ переговорахъ можно гнуть и поворачивать дѣла въ ту или въ другую сторону, но въ судѣ другое,—по законамъ поступать надобно, а законы гнуть и переломить нельзя. Въ мартѣ, по указу изъ Петербурга, Ланчинскій объявилъ на это, что передача дѣла Ботты въ судъ неприлична и излишня; что императрица, по естественному праву, ожидаетъ сатисфакціи явной и соразмѣрной тяжкому преступленію Ботты. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Вѣнскій Дворъ прибѣгъ къ посредничеству Саксонскаго: король Августъ III предложилъ свои дружескія услуги для прекращенія дѣла Ботты; но Ланчинскій долженъ былъ объявить, что иностранныя державы какъ вначалѣ не имѣли участія въ дѣлѣ Ботты, такъ и теперь не имѣютъ; пусть на посредства не полагаются, даютъ должную сатисфакцію, а императрица не вступается въ то, какимъ порядкомъ королева прикажетъ судить Ботту. При этомъ Ланчинскій прибавилъ, что слѣдствіемъ упорства Вѣнскаго Двора будетъ отзывъ его, посла, изъ Вѣны. Боттѣ былъ объявленъ домовый арестъ; министры обходились съ Ланчинскимъ ласково, но постоянно уклонялись отъ разговоровъ о дѣлѣ Ботты. Въ іюнѣ Улефельдъ предложилъ Ланчинскому присутствовать при допросѣ Ботты; тотъ отвѣчалъ, что такъ какъ Ботта во всемъ запирается, то онъ не можетъ быть свидѣтелемъ такихъ *отлыганій* и вступаться въ судебные порядки, ибо императрица прямо объявила, что она въ нихъ не вступается, а требуетъ удовлетворенія на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ виновности маркиза. Чрезъ нѣсколько времени Улефельдъ объявилъ Ланчинскому, что коммисія по дѣлу Ботты кончила свои занятія, но никакого приговора не положила, а подала письменно свои мнѣнія, которыя и посылаются ко Двору императрицы; между тѣмъ королева, перенесши дѣло снова на дипломатическій путь, велѣла Ботту перевезти за арестомъ въ замокъ города Граца на шесть мѣсяцевъ и долѣе, если императрицѣ будетъ угодно; если же такой способъ удовлетворенія не примется при Русскомъ Дворѣ, то изъ Вѣны потребуютъ сообщенія полныхъ слѣдственныхъ актовъ вмѣстѣ съ допросами и отвѣтами преступниковъ,—въ такомъ случаѣ Ботту опять сюда привезутъ изъ Граца и процессъ противъ него будетъ возобновленъ. Ланчинскій отвѣчалъ, что отвезеніе Ботты въ Грацъ не составляетъ достаточнаго удовлетворенія, и что онъ, Ланчинскій, получилъ указъ выѣхать изъ Вѣны. Улефельдъ изумился и просилъ подождать извѣщенія, какъ будетъ принято императрицею распоряженіе относительно заточенія Ботты въ Грацъ. Ланчинскій согласился ждать на томъ основаніи, что отсылку Ботты въ Грацъ можно почитать началомъ удовлетворенія.

Въ Вѣнѣ должны были спѣшить окончаніемъ дѣла Ботты, потому что новыя движенія Прусскаго короля опять ставили Марію-Терезію въ опасное положеніе. Въ началѣ августа Ланчинскій писалъ: „Дѣла здѣшнія вдругъ въ великую опасность пришли,—ежечасно ожидается вѣдомость о вступленіи многочисленныхъ прусскихъ войскъ чрезъ Саксонію въ Богемію; безъ всякихъ околичностей говорятъ почти публично, что если ваше императорское величество здѣшнему Двору руки помощи не подадите, то этотъ Дворъ вмѣстѣ съ Саксонскимъ прійдетъ отъ Пруссіи въ крайнее разореніе и оба будутъ раздавлены. Прусскій король издалъ манифестъ, что онъ противъ королевы ничего не имѣетъ и объ его интересѣ дѣло нейдетъ, но онъ принимаетъ на себя защиту императора и хочетъ быть посредникомъ между воюющими сторонами. Здѣсь знаютъ подлинно, что между императоромъ, королемъ Прусскимъ, курфирстомъ Пфальцскимъ и принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ заключенъ договоръ, по которому король Прусскій обязался императору доставить Богемію, а императоръ обѣщалъ ему изъ нея уступить три округа. Король Польскій, какъ курфирстъ Саксонскій, долженъ потомъ ожидать своей очереди: король Прусскій присвоитъ себѣ Лузацію на томъ основаніи, что прежде она принадлежала къ Силезіи; потомъ доберется и до Ганноверскихъ земель подъ какимъ-нибудь предлогомъ: и такъ одного сосѣда за другимъ будетъ обирать и надъ всѣми ругаться; теперь, напримѣръ, не ожидая отъ Саксонскаго Двора ни позволенія, ни указанія пути, прямо прислалъ ему описаніе дороги, какою прусскія войска пойдутъ чрезъ Саксонскія владѣнія. Въ это самое время Ланчинскій объявляетъ министрамъ, что онъ отъѣзжаетъ изъ Вѣны въ Дрезденъ вслѣдствіе дѣла Ботты. Сначала отвѣтомъ было „изумленіе и плечами пожиманіе". Потомъ министры начали говорить: „Будетъ отъ вашего выѣзда нашимъ непріятелямъ утѣха, а пріятелямъ уныніе. Печально, что союзники, имѣющіе съ нами естественные и общіе интересы, такъ осязательно насъ покидаютъ, особенно при нынѣшнимъ нападеніи отъ Пруссіи. Въ третій разъ приходится призвать на помощь Бога и самимъ обороняться по крайней возможности. Что могла сдѣлать королева болѣе, какъ отправить графа Розенберга посломъ съ пространнѣйшими инструкціями дать императрицѣ полное удовлетвореніе". Министры подавали видъ, чтобъ посланникъ остался въ Вѣнѣ. „Но я", писалъ Ланчинскій, „рабски разсуждая, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно безо всякаго условія предписано мнѣ выѣхать, и не зная съ чѣмъ къ вашему величеству королевинъ министръ пришлется, не могъ обратить вниманія на ихъ внушенія,—не мое рабское дѣло въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставить соизволили".

13 августа Ланчинскій выѣхалъ изъ Вѣны въ Дрезденъ; а между тѣмъ Розенбергъ уже былъ въ Москвѣ, и 22 августа подалъ канцлерамъ промемо-

рію, въ которой говорилось: „Изъ всѣхъ непріятностей, какія ея величество королева испытала со времени вступленія своего на престолъ, ни одна не была ей такъ прискорбна, какъ нечаянное извѣстіе, что ея министръ при Дворѣ ея императорскаго величества обвиненъ въ мерзостномъ и проклятія достойномъ преступленіи. Ея королевино величество тотчасъ примѣтила, что ея столь многочисленные, частію явно злобящіеся, частію для вида только примирившіеся непріятели воспользуются этимъ случаемъ для возбужденія несогласія и холодности между императрицею и королевою, зная, что ея императорское величество, славы достойная и неизреченными великими качествами одаренная монархиня (не такъ они—съ презрѣніемъ всякаго страха Божія, договоры, обязательства, клятвы, ручательства и все то, что только святымъ въ обществѣ человѣческомъ назваться можетъ, ногами попирать привыкли), какъ христіанская богобоязливая государыня и достойная дочь и наслѣдница Петра Великаго и Екатерины, по окончаніи побѣдоносной Финляндской войны, весьма легко могла бы припомнить ту великую дружбу, которую государь родитель ея имѣлъ съ Римскимъ императоромъ Леопольдомъ, и то торжественное обязательство, которое въ 1726 году императрица Екатерина дала за себя и за своихъ наслѣдниковъ относительно Австрійскаго наслѣдства и своимъ святымъ императорскимъ словомъ утвердила, — зная все это, непріятели опасались, что императрица великодушно будетъ защищать королеву Венгерскую, отдающуюся въ ея руки и препорученную императрицею Екатериною своимъ наслѣдникамъ. Моя всемилостивѣйшая государыня отнюдь не стыдится признать, что она связана законами тѣхъ земель, которыми владѣетъ, слѣдовательно не можетъ поступать такъ, какъ другіе самодержцы. Несмотря на то, королева, изъ высокаго почитанія къ ея императорскому величеству, узнавъ, что саксонское посредничество не принято, сколько возможно, время и предписанныя законами формальности сократила и обвиненнаго, послѣ предварительнаго долговременнаго ареста, велѣла посадить въ замокъ Грацъ, гдѣ обыкновенно содержатся государственные арестанты, а время заключенія представила опредѣлить прославленной съ свѣтѣ милости ея императорскаго величества“.

29 августа Розенбергъ объявилъ канцлеру, что королева прислала его затѣмъ, что она, не имѣя никакой надежды, кромѣ ея императорскаго величества, совершенно предаетъ въ ея волю и руки себя и благополучіе своего Дома. И послѣ этого объявленія канцлеръ и вице-канцлеръ старались избѣгать свиданія съ Розенбергомъ и отклонять подъ разными предлогами его просьбы о скорѣйшемъ отвѣтѣ на его промеморію и о допущеніи его на аудіенцію къ императрицѣ. Такъ прошло два мѣсяца; только 22 октября Елисавета подписала проектъ объявленія Розенбергу, гдѣ говорилось, что для полнаго удовлетворенія необходимо правительству королевы оговориться насчетъ сдѣланныхъ имъ печатныхъ заявленій по дѣлу Ботты, которыхъ содержаніе далеко несогласно съ заявленіями его, Розенберга, ибо въ нихъ дѣло показывается ничтожнымъ и Ботта оправдывается. Розенбергъ съ радостію согласился на это условіе и подалъ декларацію, что „означенныя заявленія сочинены не для какого-либо хотя малѣйшаго предосужденія Русскому Двору, еще менѣе высочайшей персонѣ ея величества, но явились вслѣдствіе необходимости опровергнуть непріятельскія разглашенія и вслѣдствіе незнанія тогда всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и потому теперь, когда королева почитаетъ преступленіе маркиза Ботты мерзостнымъ и проклятія достойнымъ,—эти заявленія сами собою совершенно недѣйствительными, уничтоженными и всегдашнему забвенію преданными признаваемы быть имѣютъ. Въ доказательство справедливости всего вышеупомянутаго я, именемъ ея величества, наикрѣпчайшимъ образомъ обнадеживаю, что всемилостивѣйшая моя государыня циркулярный рескриптъ въ точной силѣ сей деклараціи ко всѣмъ своимъ министрамъ послать и немедленно въ печать издать повелѣть изволитъ. Въ сущее увѣреніе того я, уполномоченный королевинъ посолъ, сію декларацію за собственноручнымъ моимъ подписаніемъ и природною графскою печатью далъ. Москва, 23 октября (3 ноября) 1744. Филиппъ Орсини графъ Розенбергъ“.

Когда послѣ того Розенбергъ попытался внушить Бестужеву и Воронцову, что преступленіе Шетарди едвали не превосходитъ преступленіе Ботты, то получилъ отвѣтъ, что преступленіе Ботты несравненно сильнѣе: преступленіе Шетарди состояло только въ томъ, что онъ домогался низвергнуть министерство и подкупить нѣкоторыхъ особъ; а Ботта дѣйствовалъ противъ императрицы; возмущенія произыскивалъ и людей злонамѣренныхъ поощрялъ въ ихъ предпріятіяхъ, и хотя ея величество нынѣшнею деклараціею королевы изволитъ быть довольна, однако была бы еще довольнѣе, еслибъ такая декларація была сдѣлана за три четверти года назадъ. Розенбергъ получилъ аудіенцію у императрицы, и, въ отвѣтъ на свою рѣчь, выслушалъ объявленіе, что императрица, „вслѣдствіе присланнаго королевою нарочнаго посольства и деклараціи, сдѣланной посломъ, предаетъ дѣло Ботты совершенному забвенію и, не желая упомянутому Боттѣ никакого отмщенія и зла, освобожденіе его оставляетъ на благоусмотрѣніе королевы“ [1]).

Самое трудное дѣло наконецъ уладилось. Легче стало дѣлать внушенія о необходимости помочь Венгерской королевѣ противъ Прусскаго короля; усилилась надежда, что отъ Брюммера, Лестока и Мардефельда можно отдѣлаться, какъ отдѣлались

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1744 года.

отъ Шетарди. Могущественнымъ средствомъ для успѣшной борьбы противъ нихъ оставалось попрежнему прочтеніе ихъ заграничной переписки, и Бестужевъ 1 сентября писалъ Воронцову: „Хотя я желалъ и ваше сіятельство ея императорскаго величества всемилостивѣйшее соизволеніе исходатайствовать изволили, чтобъ министерскихъ писемъ болѣе не просматривать, то однакожъ я за потребно нахожу при нынѣшнихъ обстоятельствахъ за баронами Мардефельдомъ и Нейгаузомъ посматривать, яко они (особливо же послѣдній, какъ изъ приложеннаго перевода съ его письма, наипаче же что въ цифрахъ написано, которымъ, искусствомъ господина Гольдбаха, ключъ имѣется, пространнѣе усмотрите) часто провираются [1]). Вскрыта и прочтена была слѣдующая депеша Нейгауза отъ 13 іюля: „Вчера, по окончаніи куртага, принцесса Цербстская вручила мнѣ письмо къ вашему императорскому величеству, прибавивъ, что она, не только какъ имперская вассалка, всякую должную венерацію къ высочайшей вашей особѣ, но и своею собственною персоною врожденную ея Дому особенную покорность и венерацію имѣетъ, къ чему она и свою дочь, которая съ своимъ будущимъ супругомъ и безъ того склонна, съ прочими окружающими людьми, ревностнѣйше будетъ привлекать".

Мардефельдъ также сильно *провирался* относительно принцессы Цербстской, ея дочери и будущаго зятя. Отъ 14 сентября онъ писалъ въ Берлинъ: „Я долженъ отдать справедливость принцессѣ Цербстской, что она истинно радѣетъ интересамъ королевскимъ. Она сильно желаетъ возвратиться въ Германію; но я не вижу, чтобъ она съ благопристойностію могла оставить Россію прежде брака ея дочери". Походъ Фридриха II въ Богемію былъ удаченъ; онъ взялъ Прагу. Поздравляя короля съ этимъ торжествомъ, Мардефельдъ писалъ ему: „Великій князь мнѣ сказалъ: „Я сердечно поздравляю". Молодая великая княжна многократно повторяла: „Слава Богу!" Принцесса-мать не могла найти довольно сильныхъ выраженій для своей радости; другіе многіе меня такъ-же поздравляли; но число тѣхъ, которые отъ этого морщатся, превосходитъ". Въ концѣ октября Мардефельдъ писалъ: „Тому около 15 дней, какъ принцесса Цербстская меня просила, чтобъ я помѣшалъ пріѣзду сюда ея супруга, ибо ей хорошо извѣстно, что императрица ему Курляндіи не дастъ. Я отвѣчалъ, что увѣренъ въ желаніи вашего величества видѣть принца герцогомъ Курляндскимъ, тѣмъ болѣе-что вы не имѣете видовъ на это княжество для своего Дома, но что я вижу два большія затрудненія: первое, императрица всѣмъ заинтересованнымъ державамъ рекомендовала принца Гомбургскаго; второе, что она не захочетъ потерять получаемые оттуда доходы."

---

[1]) Архивъ князя Воронцова II, 39.

Елисавета не хотѣла отдать Курляндію принцу Цербстскому, назначала ее принцу Гомбурскому или Голштинскому. Бестужеву всѣ эти претенденты были одинаково непріятны, и онъ стоялъ за стараго своего благодѣтеля, Бирона, который попрежнему жилъ въ Ярославлѣ въ почетной ссылкѣ. Въ декабрѣ онъ писалъ Бестужеву: „Узнавъ, что ваше сіятельство оставляете Москву, не могъ я преминуть, чтобъ не увѣрить васъ въ вѣчномъ моемъ почтеніи, пожелать счастливаго пути и поблагодарить за любовь, расположеніе и сожалѣніе, вами ко мнѣ показанныя; Господь Богъ да будетъ вамъ воздателемъ! Не прогнѣвайтесь, что я въ своей долговременной и жестокой бѣдности постоянно надѣюсь на ваше испытанное усердіе. Боже, Ты видишь сердце мое! и если-бы я зналъ, что въ моемъ намѣреніи и дѣйствіи было какое-нибудь зло, за которое и осужденъ на бѣдствіе, то готовъ былъ-бы страдать; но сначала и до сихъ поръ не знаю за собою никакого преступленія, кромѣ того, что со всякимъ честно я поступалъ; Богу извѣстно, что я и вы, вмѣстѣ съ моими братьями, были жертвою свирѣпыхъ людей. Намъ поставлено было въ вину, что мы нынѣшнюю самодержицу и великаго князя на престолъ возвести хотѣли, и за то я въ ссылку посланъ. Что же я сдѣлалъ и въ чемъ состоитъ мое преступленіе? Ея императ. величество есть сама милость и щедрота; однако я уже три года бѣдствую. Ваше сіятельство меня 26 лѣтъ во всякихъ обстоятельствахъ знаете: у кого я что похитилъ, кто мною обиженъ? Все, что имѣлось у меня движимаго,—изъ рукъ самодержицы получилъ; Курляндію не обманомъ и не хитростію добылъ, но Божьимъ Провидѣніемъ и по милости короля, который имѣлъ право мнѣ ее пожаловать; Россія же не способствовала мнѣ въ этомъ ни единымъ словомъ ни у короля, ни въ королевствѣ, и ни малѣйшаго иждивенія не употребила. Теперь я нахожусь съ семействомъ въ такихъ обстоятельствахъ, что насущный хлѣбъ свой со слезами вкушаю, и моя герцогиня часто и на человѣка похожа не бываетъ, и почти на всемъ своемъ тѣлѣ опухоль имѣетъ; я также подверженъ припадкамъ, которые мучительнѣе самой горькой смерти; семейство мое страшно бѣдствуетъ, такъ-что не было бы удивительно, если-бъ я въ отчаяніи самъ на себя наложилъ руки; изъ дому выйти мы не можемъ, потому что не-въ-чемъ, такъ-что почти живые гніемъ; видимъ при себѣ постоянный караулъ, такъ-что черезъ порогъ не можемъ переступить безъ караульныхъ. Куда-жъ мнѣ бѣжать и для чего? Ваше сіятельство, покажите малость, исходатайствуйте, чтобъ меня отсюда отправили въ Нарву."

Елисавета, узнавъ о болѣзни Бирона, послала въ Ярославль доктора Шмидта. Благодаря за это, Биронъ писалъ императрицѣ: „При видѣ, какъ дѣти мои проводятъ время безъ всякаго обученія, забывая и то, что знали, я такъ сильно сокрушаюсь, что и камни могли бы умилосердиться.

Если бы Богъ далъ имъ такое счастіе пожертвовать жизнію на службѣ вашего величества и вашей имперіи, я бы съ радостію ихъ на это посвятилъ! Всемилостивѣйшая государыня императрица! услышь наконецъ моленіе, воздыханіе и рыданіе наше. Никогда-бъ я не дерзнулъ просьбу мою къ стопамъ вашимъ повергнуть, если-бъ я зналъ за собою какое-нибудь преступленіе; но призываю Бога во свидѣтели, что во всѣхъ случаяхъ поступалъ я честно и вѣрно; да и будучи въ пропасти, я не преклонился ни на какія угрозы и обѣщанія, и не нарушилъ своихъ обязанностей къ вашему величеству" [2]).

---

[2]) Перлюстраціи 1744 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ двадцать второй.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1745 годъ.

Дѣло Грюнштейна.—Судьба Татищева.—Вятскій архіерей Варлаамъ. — Насильственные поступки противъ духовенства.—Обращеніе инородцевъ въ христіанство. — Стараніе Елисаветы о поддержаніи Православія.—Дѣло о продажѣ церковныхъ книгъ.—Хлопоты объ изданіи Библіи.—Мысль объ иностранной цензурѣ; канцлеръ не даетъ ей осуществиться.—Хозяйственныя заботы Сената: забота о соли; дѣла о желѣзномъ, полотняномъ, суконномъ и шелковомъ производствахъ.—Разбои, пожары.—Ревизія.—Семейныя хлопоты императрицы. — Свадьба великаго князя.—Раздраженіе противъ принцессы Цербстской и отъѣздъ ея изъ Россіи.—Брюммеръ и Лестокъ теряютъ вліяніе.—Перемѣна въ отношеніяхъ Воронцова къ Бестужеву.—Отношенія Россіи къ Западной Европѣ по поводу войны Фридриха II-го съ Саксоніею.—Совѣщаніе въ Петербургѣ о томъ, должно ли сдержать Прусскаго короля поданіемъ помощи Саксоніи.—Рѣшеніе двинуть русское войско на помощь Саксоніи.—Дѣла Шведскія.—Дѣла Датскія.—Дѣла Турецкія.

Не всѣ лица, отправившіяся съ императрицею въ Москву, возвратились съ нею назадъ въ Петербургъ; недоставало человѣка очень замѣтнаго. Мы упоминали о Петрѣ Грюнштейнѣ, который выставился на первый планъ между преданными цесаревнѣ гвардейцами во время переворота 25-го ноября и въ приготовленіяхъ къ нему. Успѣхъ дѣла отуманилъ голову Грюнштейна. Несмотря на богатое награжденіе за свою услугу, онъ былъ недоволенъ, выказывалъ притязанія на большое значеніе и старался напомнить о себѣ самымъ непріятнымъ образомъ. Мы упоминали о недостаткѣ соли и о причинахъ его; но толпа обыкновенно не углубляется въ изслѣдованіе причинъ и любитъ складывать всю вину на одного человѣка,—такъ и тутъ: посыпались упреки на генералъ-прокурора князя Трубецкаго, и Грюнштейнъ явился представителемъ толпы; онъ пришелъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и началъ ему говорить, что если тотъ, пользуясь расположеніемъ государыни, не убѣдитъ ее удалить генералъ-прокурора, то онъ, Грюнштейнъ, убьетъ на мѣстѣ этого явнаго измѣнника, спасая императрицу и государство отъ самаго зловреднаго человѣка [1]). Трубецкаго Грюнштейнъ не убилъ,—отъ слова до дѣла далеко; но скоро онъ столкнулся съ самимъ Разумовскимъ.

По возвращеніи императрицы изъ путешествія въ Кіевъ, она получила слѣдующую жалобу: 19 сентября въ Нѣжинѣ, во второмъ часу ночи, бунчуковый товарищъ Власъ Климовичъ съ женою своею, Агаѳьею Григорьевною, со двора отъ матери Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, а отъ своей тещи, ѣхалъ на свою квартиру, и въ темнотѣ столкнулся съ Грюнштейномъ, который, выскоча изъ коляски, началъ кричать: „Что за канальи ѣздятъ и для чего генералитету чести не отдаютъ, а съ дороги не сворачиваютъ“? Послѣ чего велѣлъ стащить съ лошади ѣхавшаго передъ коляскою Климовича слугу его, Дегтяренко, который сказалъ, что ѣдетъ сестрица графа Разумовскаго съ мужемъ. Услыхавъ это, Грюнштейнъ началъ бранить Разумовскаго скверными словами, кричалъ: „Я Алексѣя Григорьевича услугою лучше и онъ чрезъ меня имѣетъ счастіе, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ,—его государыня жалуетъ, а мы погибаемъ!“ и, крича это, ударилъ въ лицо кучера Климовичева и столкнулъ съ козелъ, велѣлъ бить и другихъ слугъ Климовича. Когда самъ Климовичъ вступился въ дѣло, то Грюнштейнъ ударилъ и его по лицу и началъ бить палкою; пересталъ бить только послѣ униженной просьбы жены Климовича. Но когда избитый Климовичъ, садясь въ коляску, велѣлъ Дегтяренку ѣхать къ тещѣ Разумихѣ и разсказать ей, какъ ея зятя Лейбъ-Компанія избила, то Грюнштейнъ закричалъ: „Лейбъ-Компанія, принимайтесь!“ Лейбъ-Компанцы принялись, схватили Климовича за волосы, повалили на землю и начали бить, и Грюнштейнъ кричалъ: „Вашъ богъ

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VI, 506.

Разумовскій воскресъ чрезъ меня, а мы теперь страждемъ!" И жену Климовича ругали и били дубиною. Между тѣмъ Дегтяренко далъ знать о происшествіи въ домъ Разумихи, и служня ея прибѣжала выручать Климовичей. Тогда Грюнштейнъ закричалъ: „Намъ Разумовскихъ и надобно!" и велѣлъ командѣ своей бить наповалъ, насмерть. Тутъ выбѣжала на улицу сама Разумиха и стала упрашивать не драться, но, вмѣсто того, и ее чуть не прибили. На другой день, когда горячка уже прошла, Грюнштейнъ пришелъ къ Разумихѣ и требовалъ письменнаго заявленія, будто зять ея, Климовичъ, его бранилъ и намѣревался бить тростью. Разумиха отвѣчала: „Какъ забойство начали дѣлать, такъ и росписку въ Москвѣ берите". Грюнштейнъ сказалъ на это: „Меня государыня жалуетъ; я не только зятю вашему, но хотя бы и сыну вашему не уступилъ", — и съ этими словами вышелъ.

До сихъ поръ Грюнштейну все сходило съ рукъ, его государыня жаловала, въ немъ заискивали какъ въ человѣкѣ, опасномъ для враговъ, и при случаѣ очень полезномъ для друзей. Но столкновеніе съ фаворитомъ, и въ такой формѣ, не могло пройти даромъ. Немедленно по возвращеніи въ Москву, Грюнштейнъ попалъ въ Тайную Канцелярію, потому-что вспомнили о другихъ дѣлахъ, о которыхъ, можетъ быть, и позабыли бы безъ нѣжинскаго происшествія. Грюнштейна спрашивали: 1) до кіевскаго похода ты объявилъ императрицѣ, что тебѣ въ окно подкинули письмо, гдѣ было сказано, что Лейбъ-Компанія ея величеству ненадежна, и сказалъ императрицѣ, что ты это письмо изодралъ, тогда какъ ты его и распечатывать не смѣлъ, а долженъ быть отдать куда слѣдуетъ.—Грюнштейнъ отвѣчалъ: „Письмо было не запечатано и въ немъ было написано, что Французъ прислалъ въ Москву деньги, чтобъ перевесть Лейбъ-Компанію, а сказалъ я императрицѣ, что Лейбъ-Компанія ей ненадежна въ этомъ смыслѣ, и когда Шетарди выслали, то я письмо разодралъ, какъ ненужное больше". 2) Къ камеръ-юнгферѣ Беатѣ Андреевнѣ ты приходилъ и сказывалъ, что компанія великая сбирается и тебя звали.—Грюнштейнъ отвергъ это показаніе, но объявилъ слѣдующее. „Я былъ въ ссорѣ съ князь Никитою Трубецкимъ, и помирилъ насъ Брюммеръ въ комнатѣ принцессы Сербской (Цербстской). Брюммеръ давно мнѣ говорилъ: „Помирись съ князь Никитою, потому что онъ человѣкъ добрый". Какъ добрый? сказалъ я: онъ интересанъ!—„Еслибъ не онъ", говорилъ Брюммеръ, „то мы такихъ проклятыхъ дѣлъ не знали бы: надѣялись (враги наши), что великій князь не женится на молодой принцессѣ (Цербстской). И старая принцесса упрашивала меня помириться съ Трубецкимъ. Послѣ мира, отведши къ окну, Трубецкой говорилъ: „Вотъ, когдабъ ты боленъ не былъ, то увидѣлъ бы ты, какъ россійскій генералитетъ и сенаторы веселы были, когда прибыла великая княжна; они смотрятъ въ землю и прибытія великой княжны не желали, хотѣли принять Польскую принцессу".—Всѣ ли они таковы? спросилъ я.—Трубецкой отвѣчалъ: „Голицыны добрые люди, особенно князь Михайла. Чрезъ архіереевъ ея величеству толковали, что свадьбѣ быть нельзя,—родня! А ты самъ разсуди, что на мнѣ Польской кавалеріи нѣтъ; я растолковалъ ея величеству, что свойства нѣтъ; понеже лютерская вѣра еретическая; а когда великая княжна приняла Православную вѣру, то уже за свойство признавать не надлежитъ". И притомъ Трубецкой весь генералитетъ и Сенатъ уничтожилъ и объявлялъ, что свадьба великаго князя чрезъ него одного сдѣлана". 3) Ты говорилъ Лейбъ-Компаніи вице-сержанту Ивинскому, что теперь, кромѣ Бога, служить никому не хочешь; въ какой силѣ такія слова говорилъ? Грюнштейнъ отвѣчалъ: „Въ той силѣ, что боленъ; думаю, что скоро умру, и думалъ проситься въ отставку".

Наконецъ дѣло дошло и до нѣжинскаго происшествія. На вышеизложенное обвиненіе Грюнштейнъ отвѣчалъ, что начали ссору люди Климовича, требовавшіе, чтобы онъ очистилъ дорогу, ругали его и замахивались плетьми. Климовичъ билъ его палкою, онъ только оборонялся; Климовичъ замахивался на него съ обнаженною саблею, но другіе Лейбъ-Компанцы отводили удары. У матери Разумовскаго онъ былъ и докладывалъ, что зять ея его билъ, причемъ отнято у Климовича оружіе, и не хочетъ ли она это оружіе взять подъ росписку; говорилъ, что для Разумовскаго онъ на Климовичѣ искать не будетъ, но чтобъ Климовичъ впредь такъ не поступалъ, генераловъ не билъ.

Дѣло перешло въ 1745 годъ. 18 февраля былъ дополнительный допросъ Грюнштейну, который объявилъ, что утверждается въ прежде сказанномъ. Свидѣтель Лейбъ-Компанецъ Журавлевъ показалъ, что Грюнштейнъ съ командою остановился ночью въ Нѣжинѣ на большой Кіевской дорогѣ, и люди мазали колеса при свѣчахъ, какъ вдругъ на дорогѣ показалась коляска съ двумя верховыми напереди; одинъ изъ вершниковъ кричалъ, чтобъ очистили дорогу, и всѣхъ бранилъ непристойными словами; Грюнштейнъ сталъ отругиваться; тогда Климовичъ, вышедъ изъ коляски и подойдя къ Грюнштейну, ударилъ его палкою по головѣ раза три или четыре; Журавлевъ ухватилъ палку, а Грюнштейнъ, усмѣхнувшись и перекрестясь, ударилъ Климовича по щекамъ раза три или четыре. Черезъ день послѣ этого допроса Грюнштейна привели въ застѣнокъ; онъ признался, что о подкинутомъ письмѣ донесъ ложно; но относительно ссоры съ Климовичемъ утвердился на прежнихъ показаніяхъ.

Слѣдователи — Ушаковъ и Александръ Ивановичъ Шуваловъ—подали мнѣніе, что Грюнштейнъ не только подозрителенъ, но и очень виновенъ оказался, потому что дѣлалъ ложные доносы. У Грюнштейна съ Журавлевымъ должно быть стачки; надобно бы допросить другихъ свидѣтелей—Лейбъ-Компанцевъ, но у нихъ должна быть также стачка; надобно будетъ пытать, отчего

можетъ произойти немалое кровопролитіе, а истины найти нѣтъ надежды, и потому слѣдствіе надобно оставить. Императрица велѣла сослать Грюнштейна съ женою и сыномъ въ Москву, гдѣ онъ содержался въ Тайной Конторѣ; потомъ отправленъ въ Устюгъ [1]).

Въ томъ же 1745 году произнесено было осужденіе гражданской дѣятельности одного изъ птенцовъ Петровыхъ, одного изъ самыхъ видныхъ членовъ „ученой дружины", созданной временемъ преобразованія. Мы оставили Татищева въ 1739 году, когда онъ былъ отданъ подъ судъ. Жалобщиковъ на злоупотребленія Татищева легко было найти, когда противъ него былъ Биронъ. Во время регентства Бирона Татищевъ, разумѣется, не могъ ждать для себя ничего хорошаго; но и послѣ паденія регента дѣла его не поправились, потому что при новой правительницѣ близкимъ человѣкомъ былъ врагъ его, графъ Михайла Головкинъ. Татищевъ обратился къ сопернику Головкина, Остерману, и тотъ присовѣтовалъ ему просить прощенія въ винахъ; не видя другого выхода, Татищевъ исполнилъ совѣтъ, но подвергся только напрасному униженію: судная коммисія по его дѣлу не прекратила своихъ работъ. 31 іюля 1741 года состоялся указъ о назначеніи Татищева къ Калмыцкимъ дѣламъ,—порученіе трудное и важное въ то время, но сановникъ, на котораго оно было возложено, оставался попрежнему подъ судомъ.

Мы видѣли, какъ много хлопотъ было Русскому правительству съ Калмыками при Петрѣ Великомъ и его преемницѣ; видѣли здѣсь дѣятельность Волынскаго и жалобы его на трудность дѣла [2]). Волненіе не прекращалось между варварами. Въ 1731 году Дундукѣ-Омбо поразилъ намѣстника Черенъ-Дундука, принудилъ его бѣжать въ Саратовъ и овладѣлъ 15,000 кибитокъ; но, не смѣя вступить въ борьбу съ русскимъ войскомъ, ушелъ въ крымскую сторону. Черенъ былъ возстановленъ; но Русское правительство убѣдилось окончательно въ его неспособности и рѣшилось отослать его въ Петербургъ, вызвать Дундукъ-Омбо и дать ему ханство. Дундукъ-Омбо служилъ вѣрную службу во время Турецкой войны, опустошая Кубанскія владѣнія Татаръ; но послѣ смерти этого энергическаго хана начались опять въ степяхъ волненія, для прекращенія которыхъ и былъ отправленъ Татищевъ. Въ то время, какъ онъ исполнялъ свое трудное порученіе, мирилъ Калмыцкихъ князьковъ, такъ однако, чтобъ оставалась всегда возможность ссоръ, т. е. чтобъ новый намѣстникъ ханства Дундукъ-Даши не могъ усилиться окончательно,—въ это время, въ декабрѣ мѣсяцѣ, пріѣзжаетъ къ нему изъ Петербурга капитанъ Приклонскій съ извѣстіемъ, что воцарилась дочь Петра Великаго, что Головкинъ подъ арестомъ, а Трубецкой, Черкасовъ и Бестужевъ, съ которыми у Татищева была старая дружба, въ большой милости. Новая императрица велѣла сказать Татищеву, что она его помнитъ. Татищевъ отвѣчалъ ей [3]): „Присланный отъ вашего императорскаго величества капитанъ Приклонскій объявилъ мнѣ словесное вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее о мнѣ, недостойномъ рабѣ вашемъ, напоминаніе. А понеже я чрезъ такъ многіе годы за мои вѣрныя и радѣтельныя къ ихъ величествамъ и государству службы отъ злодѣевъ государственныхъ тяжкое гоненіе и разореніе терпѣлъ и въ такомъ отчаяніи находился, что ничего кромѣ крайней гибели ожидать не могъ, нынѣ же нечаянно, яко во тьмѣ сидячаго, оставшій свѣтъ Петра Великаго паки на меня возсіялъ и единою печаль и страхъ отрѣшилъ: того ради, наипаче сего вашего императорскаго величества показанную ко мнѣ, недостойному, милость чувствуя, хотя возблагодарить и заслужить до гроба моего не могу, но только прошу всещедраго Бога, да умножитъ лѣтъ живота вашего императорскаго величества и утвердитъ престолъ въ наслѣдіи Петра Великаго въ безконечные вѣки неподвижно".

Радость Татищева была впрочемъ непродолжительна: его не вызвали въ Петербургъ, оставили при прежней трудной калмыцкой коммисіи, присоединивъ къ ней не менѣе трудное управленіе пограничною Астраханскою губерніею; судная коммисія надъ нимъ не была закрыта, слѣдовательно печаль и страхъ не были отрѣшены. Причиною было то, что Татищеву изъ Астрахани трудно было слѣдить за петербургскими отношеніями, поддерживать дружбу сильныхъ людей и отражать удары могущественныхъ враговъ. Злой врагъ Татищева, Головкинъ, былъ сосланъ, но на его мѣсто съ важнымъ значеніемъ сенатора и предсѣдателя Военной Коллегіи, въ большой милости при Дворѣ явился изъ ссылки старый фельдмаршалъ, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, который не могъ простить Татищеву за ревностное участіе въ уничтоженіи замысла Верховниковъ, что повлекло паденіе Долгорукихъ. Надѣясь на старую дружбу съ княземъ Никитою Трубецкимъ, однимъ изъ членовъ „ученой дружины", какъ видно изъ отношеній къ нему Кантемира, Татищевъ велъ дѣятельную переписку съ генералъ-прокуроромъ, не зная, что между Трубецкимъ и Бестужевымъ непримиримая вражда; Бестужевъ сердился на Татищева и вредилъ ему по Иностранной Коллегіи, куда Астраханскій губернаторъ долженъ былъ постоянно обращаться по дѣламъ Калмыковъ и другихъ пограничныхъ народовъ. Наконецъ Татищевъ имѣлъ неосторожность вооружить противъ себя принца Гессенъ-Гомбургскаго, оспоривъ его проектъ о построеніи Астраханской крѣпости. Мы должны привести переписку Татищева съ Черкасовымъ, потому что она имѣетъ далеко не одинъ біографическій интересъ.

21 января 1742 года Татищевъ уже писалъ Черкасову: „Понеже я, какъ вамъ, чаю, уже не

[1]) Дѣло Грюнштейна въ Государ. Архивѣ.

[2]) См. Исторію Россіи, кн. 4, т. XVIII.

[3]) 29 декабря 1741 года. Письмо въ Государ. Архивѣ.

безызвѣстно, за мои вѣрныя къ государямъ и государству услуги отъ злодѣевъ государственныхъ такъ гонимъ и разоряемъ былъ, что уже не радъ былъ животу, и хотя многократно объ отставкѣ просилъ, токмо и того къ большему мнѣ огорченію не улучилъ, ея же императорское величество о томъ неизвѣстна, и опасаясь, чтобъ мои злодѣи не нашли способа болѣе меня оскорблять, принужденъ вамъ, какъ моему другу, обстоятельно донести. Вамъ, чаю, памятно, какъ государыня Екатерина Алексѣевна въ 1724 году съ великимъ обнадеживаніемъ изволила меня опредѣлить въ монетную канцелярію, гдѣ я столько труда моего изъявилъ, что ея императорское величество всемилостивѣйше изволила письмомъ обнадежить, что мой трудъ безъ награжденія оставленъ не будетъ; однакоже за скорою кончиною ея величества того лишился. Потомъ я въ учрежденіи монетномъ хотя явныя великія пользы пріобрѣлъ, но по злости на меня бывшаго графа Головкина и лакомствомъ Бирона отъ того отрѣшенъ; компанія передѣла мелкихъ денегъ невинно разорена и немалая сумма съ монетныхъ дворовъ подъ именемъ новой прибыли потеряна, причемъ Головкинъ съ Дудоровымъ довольно получили, въ чемъ явно обличиться могутъ дѣла ихъ. Въ 1734 году ея императорское величество повелѣла меня отправить въ Сибирь для размноженія заводовъ, гдѣ я чрезъ три года такъ оные размножилъ и старые исправилъ, что безъ сумнѣнія надѣялся высочайшую милость ея императорскаго величества и довольное награжденіе получить, особливо видя всегда въ указахъ всемилостивѣйшія обѣщанія, ни о чемъ болѣе, какъ о пользѣ государственной прилежалъ, токмо и въ томъ обманулся тѣмъ, что Биронъ, увидя отъ заводовъ такъ великую государству пользу и прибыль каждогодную, вознамѣрился себѣ доходъ похитить, и вначалѣ опредѣлили начальникомъ Саксонца Шомберга, который ничего о желѣзныхъ заводахъ и о пользѣ нашего государства не разумѣетъ, и оному меня подчинили; а вскорѣ потомъ меня отлучили и чрезъ имя Болохонца Осокина главные заводы Благодать похитить вознамѣрились, чему я явно съ твердыми доводы противное мнѣніе представилъ; они же, оставя ту околичность, явно отдачу Шомбергу или паче тому бывшему герцогу отдали, а на меня крайне озлобились и заводы оные съ великимъ государству вредомъ разорили. Сія его злоба хотя мнѣ довольно видима была, и видѣлъ, что искали порока, но не нашли; въ 1737 году перевели меня въ оренбургскую коммисію, которую, какъ видно, по обману Тевкелева и Кириллова, для частнаго великаго прибытка начали; я жъ, прибывъ, усмотрѣлъ, что оное вымышлено болѣе для собственной, нежели казенной пользы, сталъ истину доносить и тѣ обманы обличать, которымъ того бывшаго герцога и Остермана наипаче озлобилъ. За сіе, какъ они скоро свѣдали, что Тевкелевъ и другіе за ихъ неправости и безпорядки смиряеми жаловались на меня, то Остерманъ велѣлъ имъ бить челомъ, и представилъ ея императорскому величеству,—по оному велѣли меня спросить, то секретарь бывшей Яковлевъ сочинилъ мнѣ вопросные пункты, противные формѣ суда и точнымъ указамъ, ибо имя челобитчиковъ не показалъ, изъ челобитья избралъ непорядкомъ, но смѣшивалъ и одинъ пунктъ разбилъ на многіе, а многое отъ себя прибавилъ, чего въ челобитьи нѣтъ. Получа они мои отвѣты и видя, что всѣ тѣ клеветы съ доказательствомъ опровергнуты, а доносители плутовства обличены, наипаче озлобясь, доносили ея величеству, будто тяжкія преступленія мои явились, и, учредя особливую коммисію и велѣли для учиненія мнѣ обиды судить, выбирая изъ гражданскаго и военнаго правъ, и хотя коммисія, или за страхъ, или собственными прихотями, чрезъ три года прилежно и разными образы трудилась, токмо обвинить меня чѣмъ не нашла; потомъ какъ милостивые указы отъ бывшаго герцога Курляндскаго и потомъ отъ принцессы Анны объявлены и всѣ коммисіи велѣно оставить, но по моей велѣно наикрѣпчайше слѣдовать; и хотя я не одну челобитную подавалъ, прося о скоромъ и справедливомъ того рѣшеніи, но видя, что то не успѣваетъ, по совѣту отъ Остермана чрезъ его креатуру подалъ повинную, прося въ винахъ прощенія, ибо я, видя себя въ крайнемъ разореніи, принужденъ то учинить; но никакой милости не получилъ. Затѣмъ я хотя нескоро какъ для важнаго дѣла отправленъ, но вмѣсто мнѣ поохочиванья, жалованья удержаннаго не выдано и опредѣленнаго на сей годъ выдана половина, а въ коммисіи подтверждено, чтобы наикрѣпчайше слѣдовали за мной. Сіе какъ мнѣ огорчительно и страшно ни было, ибо видѣлъ, что меня въ такое трудное дѣло опредѣлили безъ всякой помощи, а особливо и безъ инструкціи отправили, прилежалъ колико возможно вѣрность мою засвидѣтельствовать и, благодатію Божіею, сдѣлалъ столько, чего господа министры не чаяли, и калмыцкихъ хановъ въ такое подданство и порядокъ привести, въ какомъ не бывали. За сей мой трудъ получилъ отъ ея имп. величества всевысочайшую грамоту съ похвалою и высокимъ обнадеживаніемъ; но на той же почтѣ указъ отъ бывшаго Кабинета съ великимъ мнѣ оскорбленіемъ и обидою, которымъ мнѣ повелѣно по затѣйному челобитью вѣдомаго вора и публично наказаннаго Семена Иноземцова противъ Уложенья и формы суда отвѣтствовать. И хотя я присягать готовъ въ томъ, что невиненъ, и челобитья такъ бездоказательнаго, а паче, что онъ билъ челомъ на меня, перво въ держаніи невинномъ подъ карауломъ, а спустя четыре года сталъ показывать взятки и свидѣтеля представляетъ казанскаго купца Микляева, о которомъ я слышалъ, что г. камергеръ Брылкинъ, какъ обязанный другъ явнаго плута Иноземцова, принудили письмо дать, того ради посылаю при семъ челобитную и прошу васъ, моего государя, оную при удобномъ случаѣ подавъ ея импер. величеству, рѣшеніе исходатайствовать, а наипаче просить господъ министровъ о выдачѣ мнѣ

невинно удержаннаго жалованья, и чтобъ меня отсюда взяли, ибо я для пользы и чести импер. величества въ великой убытокъ напрасно вошелъ, которое прежде всѣмъ было давано казенное, и для того нынѣ принужденъ здѣсь занять 1,000 рублевъ, надѣясь, что отъ ея величества оставленъ не буду, и на васъ, какъ на моего друга, надѣяся, пребываю всегда“ и проч.

Въ февралѣ того же года Татищевъ такъ описываетъ Черкасову состояніе Астраханской губерніи, и на свое назначеніе туда губернаторомъ смотритъ какъ на заключеніе въ тюрьму безъ объявленія вины:

„По волѣ ея импер. в—ства, хотя и безъ объявленія вины, въ сіе узилище я опредѣленъ, гдѣ я, чрезъ нѣсколько дней разсматривая съ прилежаніемъ, вижу, что сія губернія такъ разорена, какъ недовольно свѣдучей повѣрить не можетъ, понеже люди разогнаны, доходы казенные растеряны или расточены, правосудіе и порядки едва когда слыханы, что за такъ великимъ отдаленіемъ и недивно. Причина же сего есть главная, что нѣколико губернаторовъ сюда вмѣсто ссылки употреблялись, и, не имѣя смѣлости, или ничего, или боясь кого, по нуждѣ неправильно дѣлали, а можетъ и то, что, не имѣя достаточнаго жалованья, принуждены искать прибытка, не взирая на законы. Особливо здѣшняя канцелярія болѣе оттого безпорядочна, что секретарямъ и подъячимъ дѣлъ такихъ, отъ которыхъ достаточный доходъ имѣть можно, мало, а жалованья нѣтъ,—то принуждены коварствами и безпорядками доставать: купцы сильнѣйшіе чѣмъ болѣе торгуютъ или отъ чего имъ великое обогащеніе, какъ токмо отъ хищенія казенныхъ и разоренія безсильныхъ; они же, не желая къ защищенію ихъ, какъ мню, нескупо предстателей закупили, то и видя ихъ непорядки нужно губернатору смотрѣть сквозь пальцы, опасаясь, чтобъ и за вѣрность, какъ я въ томъ искусился, и такъ равномѣрно о себѣ разсуждаю, что и отъ меня ея импер. в—ство и сія губернія пользы болѣе видѣть не могутъ, ибо мнѣ, не имѣя надежды и смѣлости, болѣе прежде бывшихъ трудиться невозможно“.

1743-й годъ Татищевъ начинаетъ тѣми же жалобами и просьбами объ освобожденіи изъ тюрьмы.

„Я твердо увѣренъ, что вы къ показанію ко мнѣ милости и ко освобожденію отъ сего узилища трудъ прилагать изволите“. Причины своего желанія освободиться изъ Астрахани Татищевъ выставляетъ слѣдующія: „1) Губернскія дѣла и сборы или доходы весьма упущены и люди разорены, и хотя-бъ поправить можно, только надобно снабденіе людьми и власть, безъ котораго исправить не можно, а Камеръ-Коллегія, не разсмотря обстоятельствъ, бранитъ и штрафами грозитъ; мнѣ же, видя такое упущеніе, весьма не безгорестно, что, имѣя ко исправленію смыслъ и желаніе, да немогу. 2) Пограничныя дѣла также не въ надлежащемъ порядкѣ находятся, а паче, какъ дознаюсь, оттого, что господамъ министрамъ Иностранной Коллегіи къ разсмотрѣнію времени недостаетъ, а я оное писать опасаюсь, чтобъ болѣе злобы не нажить, къ тому-жъ мимо Коллегіи о тѣхъ дѣлахъ писать запретили. 3) Вы уже довольно извѣстны, что я за мой трудъ и немалую по Калмыцкой коммисіи услугу, вмѣсто милостиваго награжденія, терплю обиду и стыдъ; но чтобъ вамъ при случаѣ можно обстоятельнѣе говорить, для того оные пространнѣе представляю. По губерніи имѣемъ токмо три канцеляриста: одинъ у иностранныхъ, одинъ—у прокурора, одинъ—у судныхъ (дѣлъ) и прихода; подканцеляристовъ и копіистовъ съ пьяницами и негодными 9, коими никакъ по указамъ исправить не можно. Татарской судья Шахматовъ хотя велѣе вреда, чѣмъ пользы приноситъ, и Татары болѣе отъ его лакомства и несмотрѣнія разбѣжались, токмо онъ подъ протекціею Коллегіи ни на кого не смотрѣлъ; однакожъ я, несмотря на то, велѣлъ его судить и на мѣсто его иного опредѣлить. Сборы кабацкіе, таможенные и прочіе оттого упущены, что здѣсь за малостію купцовъ или посадскихъ принуждены, переходя отъ одного сбора къ другому, всѣ у дѣлъ (быть), а никто не считанъ и считать нельзя; отъ неимѣнія же страха крадутъ, какъ хотятъ, и вы, какъ чаю, извѣстны, какъ невѣроятно великая доимка со здѣшнихъ прошлаго года сложена, почему и впредь не меньше, если не усугублена будетъ; не упоминаю о рыбной и соляной конторахъ, которыя особо правятся, и Армянъ, что отъ посада уволнены, а торги имѣютъ болѣе посадскихъ, чрезъ что здѣсь русскимъ купцамъ въ состояніе придти не можно. Мнѣ же, видя, что каждый своихъ протекторовъ имѣетъ, а въ Сенатѣ по моимъ представленіямъ злоба безсовѣстная или недосуги ко внятному разсмотрѣнію, несходныя резолюціи или молчаніе вижу: итакъ принужденъ молчать. По Коллегіи Иностранной нынѣ я получилъ указъ, чтобъ коммисію Калмыцкую оставить и служителей въ Москву отпустить; оное хотя мнится не довольно разсмотря поспѣшили, но я радъ, что тѣхъ хлопотъ избавился. Въ Персіи, какъ вижу, интересы весьма въ презрѣніи тѣмъ, что въ такъ нужное время опредѣленъ мальчишка переводчикомъ Братищевъ, который кромѣ безпутно многорѣчивой реторики весьма мало дѣла знаетъ и пишетъ такія обстоятельства, что смотрѣть иногда стыдно. Правда, что онъ, видя предковъ своихъ Аврамова и Калушкина изъ такого-жъ убожества хотя чрезъ многіе годы и не знаю, если съ пользою россійскою сходно, великое богатство по 100 или 200,000 рублей нажили, не лѣнится собирать и друзей или протекторовъ искать, да какъ сіе полезно государству - не знаю; а я бы мнилъ послать человѣка надежнаго, несмотря, что языка не знаетъ, ибо у насъ въ Туркахъ и Персіи никакой министръ знающій ихъ языка не былъ, а дѣла лучше знающихъ правили; мнѣ же видится, что нынѣ посланнаго совѣтника Грека туда норовятъ, токмо не знаю, съ какихъ разсужденій такому повѣрять. Что моей

обиды принадлежитъ, то извѣстны вы, что я при его импер. в—ствѣ Петрѣ Великомъ пожалованъ совѣтникомъ въ Бергъ-Коллегію съ жалованьемъ полнымъ по 600 рублей; потомъ былъ въ Сибири и Оренбургской миссіи у военной команды, жалованье полное противъ армейскихъ получалъ; при отправленіи же сюда въ указѣ изъ Кабинета въ Сенатъ написано жалованье выдать полное; но Головкинъ, пославъ рентерею, велѣлъ выдать половинное за прошлый годъ, а за сей уже никакого не имѣю; и хотя я не могу сказать, чтобъ мнѣ безъ онаго жить было нечѣмъ, токмо тяжка обида: генералъ-поручикъ Бакаръ и генералъ-майоръ Долгорукой безъ меня дѣлать ничего не могутъ, я долженъ имъ совѣтомъ и дѣломъ помогать, наставлять и за ними надзирать;—они полное жалованье получаютъ, а по окончаніи вѣдаю, что и награжденіе получатъ; но мнѣ ничего. Да и просить уже болѣе ничего не смѣю, токмо увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, дабы единою отъ такихъ безпорядковъ и досадъ, а паче предъ Богомъ и государственныхъ отвѣтовъ свободиться".

Чѣмъ началъ Татищевъ 1743 годъ, тѣмъ и кончилъ. Въ декабрѣ онъ писалъ Черкасову: „Нынѣ, видя себя въ крайней горести, принужденъ васъ, моего государя, яко надежнаго благодѣтеля, просить, чтобы меня отсюда взять, и если я ни къ какой услугѣ негожусь,—въ домъ отпустить, ибо отъ клеветъ ненавидящихъ никакого полезнаго дѣла начать, ни прилежно на поступки подчиненныхъ смотрѣть и отъ продерзостей удерживать не можно; терпѣть же видимые безпорядки и вреды мнится мнѣ противъ должности и присяги моей. Съ великою мнѣ горестію слышу разсѣянныя на меня отъ моихъ злодѣевъ сущія клеветы, яко-бы я персидскихъ денегъ ни въ казну, ни другимъ купить не допускалъ, а купилъ на себя многія тысячи; другое, яко-бы я съ аглинскимъ капитаномъ Элтономъ, который въ Персіи, общій торгъ имѣю; третіе, яко-бы я у пойманной мною ханши Джины (вдовы Дундукъ-Омбо) насильно шубу соболію отнялъ".

Если было много людей, которые отзывались неодобрительно о поведеніи Татищева, распускали о немъ „сущія клеветы", по его выраженію, то и самъ онъ, въ постоянномъ раздраженіи, не щадилъ другихъ; ни одно распоряженіе правительства не заслуживало его одобренія. Самолюбіе послѣдняго „изъ ученый дружины" было страшно оскорблено; онъ считалъ себя способнѣе многихъ, а между тѣмъ эти многіе, находясь у источника власти, распоряжались, не спрашивая его совѣта, а онъ былъ загнанъ въ „узилище", откуда голоса его не было слышно. Въ октябрѣ 1744 года онъ писалъ Черкасову: „Рыбный промыселъ здѣсь въ полной конфузіи, что промышленникамъ отказали, а Раевскому [1]) вступить не можно, прибыльщики или откупщики ничего не знаютъ, работниковъ нѣтъ, деньги растеряютъ и, чаю, прибыли не сыщутъ, только я не вступаюсь. Слышу, что князя Михайлу Голицына посломъ въ Персію посылаютъ; а какъ довольно знаю, что человѣкъ хотя не глупъ, да не развязенъ,—опасно болѣе худа, особливо, что мы при настоящемъ случаѣ могли бы многую пользу пріобрѣсти, если человѣкъ способный, и лучше князь Алексѣй или иной кто проворный и ласковый, особливо не скупой". Тутъ же Татищевъ писалъ Черкасову, что можетъ принять на себя составленіе исторіи Петра Великаго и представлялъ условія: „О Гисторіи Петра Великаго хотя мнѣ сама государыня императрица Анна Іоанновна изволила говорить, и госпожа Чернышева, по приказу ли или собою, неоднова говорила, но я, вѣдая намѣреніе, отговорился тѣмъ, что лгать не хочу, а правду писать, можетъ, кому противно будетъ, ибо много тѣхъ, которые сущую правду за обиду почтутъ; нынѣ же тѣхъ многіе уже пресѣклись или подъ защитою ея императорскаго величества будутъ безопасны, то приняться можно, если потребное къ тому не оскудѣетъ и суще: 1) люди не столько для письма, сколько для исканія временъ тѣхъ по чужестраннымъ гисторіямъ, и совѣта, какимъ порядкомъ, согласно съ правилами гисторическими изъяснить, ибо славный историкъ Пуфендорфъ, сочиняя Шведскую, а потомъ Бранденбургскую гисторію, знатныхъ и въ немаломъ числѣ помощниковъ имѣлъ. 2) Денегъ къ тому не много надобно, кромѣ жалованья, но и тѣ болѣе отъ другихъ услугъ получаютъ. 3) Чтобъ потребныя извѣстія отовсюду давали, о чемъ и прежде во всѣ губерніи, помнится, въ 1736 году, указы посланы, чтобъ къ сочиненію географіи мнѣ требуемыя извѣстія присылали, и многое получено, но туне осталось. 4) Домъ,—и болѣе ничего, и если ея императорское величество за способна меня къ тому усмотрѣть изволитъ, я съ охотою трудиться готовъ, и ваше превосходительство произведеніемъ такъ полезнаго всему государству дѣла немалую честь пріобрѣсти можете, а ея величество болѣе нежели великимъ иждивеніемъ древле въ Египтѣ и Римѣ музолеями или надгробными великими строеніями таковою гисторіею вѣчную память и славу родителю своему и отцу всея имперіи безконечно устроитъ, слѣдственно и ея величеству слава и благодареніе безсмертное умножится; но за всѣмъ тѣмъ я, помня приказъ мнѣ послѣдней отца моего—ни на какое дѣло не напрашиваться, но отъ тягчайшей услуги не отбиваться, такъ единственно остаюсь въ воли и повелѣніи ея императорскаго величества".

Вслѣдъ за этимъ письмомъ написалъ онъ другое, въ которомъ представилъ перечень своихъ заслугъ, а вмѣстѣ и непріятностей, претерпѣнныхъ имъ съ самого начала служебнаго поприща: „Что моея здѣсь горести и едва сносной трудности принадлежитъ, то я воистинно радъ бы какъ можно отсюда освободиться, ибо вижу, что хотя много трудился и вѣрную услугу мою показалъ, яко вся Калмыцкая коммисія, въ персидскихъ, кабардин-

[1]) Объ этомъ распоряженіи см. Исторію Россіи. кн. V, т. XXI.

скихъ, салтонутскихъ и киргизскихъ дѣлахъ столько сдѣлалъ, чего болѣе требовать не могли и, въ указахъ вижу, чего не надѣялись; внутреннія же: канцелярію весьма въ лучшій порядокъ привелъ; дѣла трудныя, чрезъ много лѣтъ тянувшіяся, по крайнему разумѣнію, не льстяся ни на какіе посулы, по правости и законамъ перевершилъ; обиженныхъ прилежу оборонить, и воровъ и разбойниковъ надлежаще осудилъ; здѣшнему городу многія пользы открылъ и показалъ; доходы казенные умножилъ, и тягостные народу или вредительные частію отставилъ, частію къ разсмотрѣнію представилъ. Но за все оное не токмо награжденія не вижу, но и надежды не имѣю, паче же отъ злодѣевъ горестное оклеветаніе и поношеніи терплю, и мой трудъ, другимъ приписавъ, награжденіе и милость у ея величества исходатайствовали, мнѣ же и жалованья дать не хотятъ. Ваше превосходительство, довольно зная прежнія мои приключенія, сколько я терпѣлъ и несмотря на злость сильныхъ и чинительныя мнѣ препятства, вѣрно государю и государству служить прилежалъ: 1) Демидовъ чрезъ адмирала графа Апраксина такъ меня предъ его величествомъ (Петромъ В.) оклеветалъ, что всѣ думали о моей погибели; но я, вѣдая мою правду, надѣясь, что его величество самъ дѣло внятно разсмотритъ и неправую клевету наказать не оставитъ, смѣло поступалъ и, оправдався, большую его величества милость получилъ. 2) По смерти его величества сколько Меншиковъ за вымышленныя имъ вредительныя деньги на меня озлобился, что и въ ссылку послать указъ въ Сенатѣ записалъ, но, устыдясь самъ и милостію ея величества, тогда я избавился, яко невинный. 3) Долгорукіе перво съ вами въ ссылку послать опредѣлили; потомъ, какъ они вознамѣрилися честь государя и цѣлость отечества разрушить, которымъ я сильно воспротивясь съ прочими удержалъ, они мнѣ, висѣлицу и плаху суля, сами посрамились. 4) Биронъ, ища себѣ ненадлежащей власти и силы, вздумалъ, что я ему въ томъ, якоже и въ похищеніи великаго отъ сибирскихъ заводовъ дохода, препятствовать буду, разными образы искалъ меня губить,—перво ссоривалъ съ Черкасскимъ, Салтыковымъ и Головкинымъ, что всѣмъ было извѣстно; но, видя, что недостаточно, принудилъ на меня плутовъ бить челомъ и беззаконно судить велѣлъ, дважды безъ всякой вины подъ карауломъ держали; но Богъ по невинности моей меня избавилъ. Нынѣ Долгорукой, вспомня ту злобу, смертельно меня обидитъ, поноситъ и бранитъ и можетъ что̀ и ея величеству клевещетъ; токмо я не ужасаюсь, вѣдая, еслибъ я его злобу ему явно истолковалъ, то какъ онъ, такъ и другіе со стыдомъ принуждены были меня въ покоѣ оставить"

Но враги не хотѣли оставить Татищева въ покоѣ, и въ началѣ 1745 года онъ могъ ясно увидѣть, что человѣкъ, на дружбу котораго онъ больше всего полагался, Черкасовъ, счелъ нужнымъ для себя уклониться отъ посредничества между нимъ и императрицею: онъ далъ знать Татищеву, чтобъ онъ доносилъ о дѣлахъ прямо императрицѣ. Старикъ однако не понялъ намека и попрежнему отвѣчалъ Черкасову длиннымъ письмомъ: „Хотя я многимъ письмомъ на сей почтѣ вамъ скучен ъ явлюся и можетъ осердитесь, токмо сейчасъ услыша отъ Кобякова приказъ вашъ, чтобъ я о дѣлахъ нужныхъ прямо ея императорскому величеству доносилъ, и сіе бы весьма ея величеству полезно быть могло, ибо такими случаи можно бы многія пользы произвести и вредныя упущенія пресѣчь; но противно тому къ государю надобно съ доношеніемъ дерзнуть такому, ктобъ довольно на собственную ея милость или на сильныхъ защитниковъ надѣялся, въ чемъ я наипаче всѣхъ недостаточествую, и хотя подлинно имѣлъ бы нужду всеподданне донести, но за страхъ большее злодѣйство на себя нанести, принужденъ съ терпѣніемъ оставлять. Два дѣла, которыя весьма требуютъ внятнаго разсмотрѣнія: 1) Калмыки сначала поручены были мнѣ въ полную власть, и оное я началъ-было въ такое состояніе приводить, чтобъ Россія вѣчную пользу отъ нихъ имѣть, а опасностямъ, какъ прежде происходили, никакихъ страховъ имѣть не могла, къ чему главный способъ,—чтобъ, у хана власть отнявъ, болѣе ввѣрить губернатору; но нынѣ оное все превращено, и намѣстникъ Дундукъ-Даши, какъ человѣкъ великаго коварства, такую силу и власть получилъ, что уже немалой опасности виды показались, и хотя я многократно о томъ съ различными представленіи доносилъ и требовалъ скорой резолюціи, такожъ и онъ намѣстникъ послалъ посланца, а отвѣты чрезъ 4 мѣсяца получить не можемъ, чрезъ что онъ болѣе въ сумнительствѣ остается, и я что̀ дѣлать—не знаю, жаловаться же самое было бы мое безуміе. 2) Я многіе вижу здѣсь въ тягость и неправильно положенные сборы, яко орѣшной, свѣшной, извозной, водовозной, дворянской—все безъ указовъ отъ губернаторовъ въ тягость и разореніе народа прежними губернаторы введены; противно тому, подлежащіе въ казну доходы безпорядками весьма упущены, а наипаче кабацкіе и таможенные хотя гораздо умножилъ, но если-бы дали въ полную власть, то-бъ чаялъ еще столько умножить, о чемъ въ разныя коллегіи и Сенату представлялъ, которое оставлено было отъ пріѣхавшаго слышать неповинныя на меня сумнительства и злостныя оклеветанія, яко первое дружба или переписка съ Трубецкимъ поистинѣ никакому сумнительству подвержено быть не можетъ, ибо въ томъ никакой противности пользѣ ея величества нѣтъ, но паче для умноженія пользы нужное, ибо мнѣ часто случается о скоромъ по посланнымъ доношеніямъ рѣшеніи просить, и вмѣсто того, что другіе у оберъ-секретарей того ищутъ, я по старой дружбѣ его просилъ; когда же онъ за представленіе мое о рыбныхъ промыслахъ озлобился, такожъ увидавъ, что другіе меня перепискою тою бранили и за то хотя неповинному мнѣ злодѣйствовали, то я оную пресѣкъ и сего года ни одного

письма не писалъ и писать не буду. Другое о взяткахъ: сіе наипаче удивительно; вопервыхъ, отъ подрядовъ, какого званія они есть, я подписаться готовъ, что никто копѣйкою не обличитъ, и когда соленые приносили,—отказалъ и не принялъ. Судебныхъ дѣлъ весьма мало, и въ тѣхъ такой обычай имѣю, ни отъ кого обѣщанія не слушая, менше же прошу, въ чемъ меня никто обвинить не можетъ; но когда кому благодѣяніе сдѣлаю, то я по закону божескому принять приносимое безъ зазрѣнія могу. Что же о Армянахъ упоминалъ, что я въ ихъ пользу и увольненіи отъ магистрата старался, оное по должности, яко о пользѣ государственной, писать имѣлъ причину и ничего отъ нихъ за то не биралъ, въ чемъ подъ смертью подписаться готовъ. Сіе довольно видимо, что я, ихъ тѣмъ обнадежа, знатныхъ капиталистовъ въ подданство россійское призвалъ и фабрики знатно чрезъ нихъ умножилъ; но нынѣ, какъ отъ Главнаго Магистрата указъ услышали, весьма опечалились" [1]).

Письмо было написано 23 апрѣля, а уже двадцатью днями прежде, 3 апрѣля, въ Сенатѣ было рѣшено дѣло по докладу старой слѣдственной коммисіи надъ Татищевымъ. Рѣшеніе состояло въ слѣдующемъ: употребленныя тайнымъ совѣтникомъ Татищевымъ безъ указовъ, произвольно, въ ненадлежащіе расходы казенныя деньги и полученныя взятки и подарки взыскать, съ него, а именно: 1) издержанные на строеніе имъ въ Самарѣ дома и канцелярскихъ покоевъ 2,645 рублей; а всѣмъ ли обывателямъ за сломанные у нихъ дворы деньги Татищевымъ безобидно выданы, о томъ, оренбургской губернской канцеляріи изслѣдовавъ, прислать въ Сенатъ доношеніе. 2) Если не заплатилъ 1,050 рублей за взятую имъ казенную золотую и серебряную посуду, то взыскать и эти деньги. 3) Взыскать 195 рублей за полученныя имъ съ русскихъ купцовъ взятки овчинками, волчьими мѣхами и лошадьми. 4) Взыскать за упущенную сумму въ отдачѣ имъ въ новостроющихся городкахъ питейной продажи на откупъ съ уменьшеніемъ оклада противъ акцизнаго сбора. 5) Взыскать 30 рублей за передаточныя деньги при покупкѣ лошадей въ казну. 6) Взыскать 126 рублей за взятки лошадьми съ инородцевъ. 7) Взыскать 36 рублей за взятыхъ у донского атамана и есаула лошадей. 8) За взятые съ нихъ же волчьи мѣха и лошадей 76 рублей. 9) 300 рублей, взятые съ купца Кубышкина за немедленную выдачу казенныхъ денегъ при подрядѣ вина. 10) 50 рублей за двойное взятіе изъ казны денегъ на покупку красныхъ юфтей. 11) 36 рублей за лошадей, взятыхъ съ воровъ Башкирцевъ за отпускъ ихъ изъ-подъ караула на поруки.—12) 1,441 рубль, издержанные на канцелярскихъ служителей, курьеровъ и на канцелярскія принадлежности, тогда какъ эти издержки велѣно было производить насчетъ виноватыхъ по оренбургской коммисіи. Татищевъ явился виновнымъ также: 1) въ отправленіи при ташкентскомъ караванѣ собственныхъ товаровъ. 2) По смѣнѣ брата своего родного, Никифора Татищева, бывшаго коммисаромъ по оренбургской экспедиціи, не считалъ его въ канцеляріи, но отправилъ къ нему нарочно бухгалтера, и протоколиста Маркова безъ канцелярскаго опредѣленія сѣкъ плетьми. 3) Во время пріѣзда въ Оренбургъ къ присягѣ Киргизъ-Кайсацкаго хана Абулха-Ира, выдалъ жалованье непорядочно: прежде хану, салтанамъ и старшинамъ и Средней ордѣ, что Меньшая орда поставила себѣ за обиду, и при раздачѣ жалованья Киргизы поссорились, а главный старшина Меньшей орды Буксибаибатырь безъ присяги уѣхалъ, да и Киргизовъ Средней орды Татищевъ привелъ къ присягѣ не всѣхъ, а только старшинъ; жалованье раздавалъ одинъ безъ общаго согласія и канцелярскаго опредѣленія, протоколъ сочинилъ самъ и закрѣпилъ одинъ спустя немалое время. 4) Отпустилъ главныхъ заводчиковъ воровства, башкирскихъ старшинъ; — не отослалъ въ коммисію башкирскихъ дѣлъ къ слѣдствію и розыску. 5) Не исполнилъ рѣшенія консиліума 1736 года, не выслалъ воинскихъ командъ для скорѣйшаго прекращенія башкирскаго бунта раннею весною и въ распредѣленіи по границѣ войскъ учинилъ оплошность. 6) Въ 1737 году подалъ неосновательное представленіе, что полковникъ Бардекѣевичъ бралъ башкирскихъ лошадей, скота и прочее, и тѣмъ привелъ Бардекѣевича къ слѣдствію напрасно; въ 1740 году коммисія оправдала его, съ чѣмъ согласились и кабинетъ-министры. Поэтому взыскать съ Татищева жалованье, которое не получилъ Бардекѣевичъ во время слѣдствія надъ нимъ [2]).

Татищевъ прислалъ оправданіе: строеніе въ Самарѣ производилъ онъ не безъ указа, ибо въ инструкціи Кириллову и ему велѣно поступать по своему разсмотрѣнію, и въ строеніи городовъ дана полная власть. Относительно казенной посуды все вычтенно изъ жалованья тогда же, на что онъ имѣетъ квитанцію. Юфть требовалась въ казну, и онъ продалъ свою съ уступкою противъ торговой цѣны. Относительно взятокъ овчинами, волками и лошадьми—челобитчиковъ нѣтъ и судить нельзя; о цѣнѣ, кромѣ доносителя, никто не показалъ, но такихъ дорогихъ лошадей у Кайсаковъ, гдѣ онѣ куплены, никогда не бывало. Съ отпущеннаго Башкирца лошадей онъ не бралъ; а что ханскія дѣти дарили лошадей, то не брать было нельзя, по обычаю, и онъ отдарилъ ихъ гораздо богаче. Казаки также дарятъ лошадей по обычаю своему, за что командиры ихъ угощаютъ, и это извѣстно всему генералитету и Военной Коллегіи. По совѣсти онъ не помнитъ, чтобъ взялъ съ Кубышкина. По формѣ суда и указамъ Петра Великаго, доносителямъ и челобитчикамъ должно къ суду явиться со всѣми документами; Тевкелевъ, Бардукевичъ и

---

[1]) Письма Татищева къ Черкасову, въ Государ. Архивѣ.

[2]) Журналы и протоколы Сената подъ означеннымъ числомъ.

Иноземцевъ ничего не доказали, справки вожены и курьерамъ прогоны даваны напрасно. Чтобъ судьямъ и приказнымъ служителямъ кто съ суда платилъ жалованье,—о томъ въ указахъ и уложеньи нѣтъ [1]).

Между тѣмъ, 21 мая Бестужевъ доложилъ императрицѣ, что необходимо перемѣнить Астраханскаго губернатора, потому что онъ въ ссорѣ съ намѣстникомъ Калмыцкаго ханства; самъ Татищевъ проситъ объ увольненіи отъ Астраханскаго губернаторства, а намѣстникъ проситъ объ отрѣшеніи Татищева отъ Калмыцкихъ дѣлъ. Императрица согласилась и назначила преемникомъ Татищева оберъ-прокурора Брылкина. Но указъ объ этой перемѣнѣ не подписывался цѣлый мѣсяцъ. 22 іюня Бестужевъ опять доложилъ, что Татищева надобно поскорѣе перемѣнить, потому что Дундукъ-Даши, по враждѣ къ нему, можетъ уйти на Кубань или въ Персію. Елисавета отвѣчала, что перемѣна уже рѣшена, но исполнена будетъ послѣ свадьбы великаго князя.

Въ самомъ Сенатѣ приговоръ надъ Татищевымъ не обошелся безъ протеста. Оберъ-прокуроръ Брылкинъ объявилъ, что имѣетъ сумнительства: 1) присужденныя коммисіею ко взысканію съ прочихъ деньги взыскать велѣно съ одного Татищева, а тѣ люди на него по нѣсколькимъ пунктамъ не доказали; 2) вина ему отпущена по милостивымъ указамъ 1741 и 1744 годовъ, и губернаторомъ быть не велѣно, тогда какъ въ этихъ указахъ повелѣно возвращенныхъ изъ ссылки годныхъ опредѣлить попрежнему въ службу и къ дѣламъ [2]).

Послѣ брачныхъ торжествъ указъ написанъ въ такомъ смыслѣ, что Татищеву, сдавъ дѣла своему преемнику, ѣхать изъ Астрахани, и, для излѣченія болѣзни, жить въ деревняхъ. Татищевъ рапортовалъ въ Сенатъ, что за высочайшую милость рабски благодарствуетъ; что у него есть деревни въ Дмитровскомъ уѣздѣ, но за тяжкою болѣзнію доѣхать до нихъ не можетъ, а будетъ зимовать гдѣ случится на пути [3]). Зимовать пришлось ему въ симбирской деревнѣ его сына, откуда онъ написалъ послѣднее изъ дошедшихъ до насъ письмо къ Черкасову. Татищевъ умиралъ для служебной дѣятельности,—и послѣднія слова его были—о Петрѣ Великомъ. „О себѣ вамъ доношу: изъ Астрахани выѣхалъ я 17 ноября, а сюда въ симбирскую сына моего деревню прибылъ 22 декабря, и хотя мнѣ домъ приготовленъ былъ въ Симбирскѣ, который я, будучи въ Самарѣ, для пріѣзда построилъ, но, избѣгая отъ людей безпокойства, разсудилъ жить здѣсь; однакожъ и тутъ хотя благодарю Бога, что въ своемъ домѣ и отъ дѣлъ приказныхъ досадъ не вижу; но другіе не меньше досады наносятъ, вопервыхъ, что такою трудною ѣздою болѣзнь паки отяготила, и для пользованія не токмо доктора, но лѣкаря достать не могу. Второе:—хотя здѣсь недалеко драгуны на квартирахъ стоятъ, но разбои въ самой близости чинятся: за пять дней до моего пріѣзда близъ моей деревни разбили заводъ винной, гдѣ въ близости стоялъ капитанъ съ ротою, но никакого взысканія не учинилъ, и если сіе для великой здѣсь въ житахъ дороговизны происходитъ, то къ веснѣ безсумнѣнно гораздо оныхъ умножится, понеже многіе крестьяне чѣмъ сѣять не имѣютъ. Третіе: многіе купцы и шляхетство, якоже и прочіе, по знаемости пріѣзжая, въ разговорахъ съ великою горестію и слезами приносятъ жалобы на воеводъ, полицеймейстеровъ, поставленныхъ для искорененія воровъ по Волгѣ, и по винтеръ-квартерамъ офицеровъ и рядовыхъ, и хотя я отъ нихъ молчаніемъ и разсужденіями причинъ отхожу, но, по ревности моей къ пользѣ отечества, не могу безъ горести остаться, а паче видя, что за отдаленіемъ бѣдные люди скоро справедливости сыскать не могутъ, доходы же государственные невидимо умаляются, и притомъ какъ вспоминаю намѣреніе его импер. в—ства (Петра В.) о учрежденіи Коллегіи Государственной Экономіи, чрезъ которую надѣялся правосудіе возставить, а наглыя немощныхъ обиды и коварныя ябеды пересѣчь, доходъ государственный безъ отягощенія народа умножить и расходъ по достоинству и потребности уравнять, чтобъ войско жалованьемъ и прочимъ удовольствовать, а народъ оному разорять способы и случаи пересѣчь, размотрѣніе по предѣламъ, гдѣ какія подданнымъ пользы умножить, а вреды отвратить; о училищахъ, чрезъ которыя-бъ во всѣхъ обстоятельствахъ разсужденіями государству пользы приносились. Сіе сначала, мнится, князь Яковъ Ѳедоровичъ сочинялъ, потомъ графъ Брюсъ съ Фикомъ и старымъ Любрасомъ изъяснялъ и дополнялъ, что я у него съ Нѣмецкаго на Русскій переводить давалъ. Начало онаго было письмо въ поллистѣ и на многихъ мѣстахъ приписывано рукою его величества, токмо мнѣ онаго, кромѣ заглавія, читать не давалъ, а изъ перевоженныхъ можетъ нѣчто у меня осталось, все же оное къ великому государственному сожалѣнію кончиною его величества не токмо яко еще неизвѣстное угасло, но паче то сожалѣтельно, что весьма государству полезныя дѣла, которыя уже при его величествѣ въ дѣйство произведены были, по немъ разными образы уничтожены и премѣнены, такъ что горшія коварства и ябеды въ судахъ, а немощныхъ отъ сильныхъ обиды и разоренія происходить начали-было, что всякому вѣрному подданному воспомянуть не безгорестно, ибо ея императорскому величеству неудобно о всемъ томъ вѣдать. Для избѣжанія такихъ въ отдаленіи горестныхъ обстоятельствъ, намѣренъ я весною, если живъ буду, переѣхать въ дмитровскую деревню, которая отъ Москвы 50 верстъ, гдѣ я надѣюсь всѣхъ тѣхъ тягостей и недовольствъ избѣжать; токмо прошу васъ, государя моего, дать мнѣ знать, не будетъ ли

---

[1]) Оправданіе въ Государ. Архивѣ.

[2]) Доклады и мнѣнія по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ 1745 г., въ Московск. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Журналы Сената 11 іюня.

[3]) Доклады и мнѣнія по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ 1745 г., въ Московск. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ. Журналы Сената 16 декабря.

*

то противно; хотя въ указѣ, гдѣ мнѣ жить, точно ненаписано, но ваше было разсужденіе, чтобъ мнѣ здѣсь жить" [1]).

Съ Астраханскимъ губернаторомъ порѣшилъ Сенатъ; но отъ прошлаго года оставалось дѣло о Вятскомъ архіереѣ Варлаамѣ [2]), съ которымъ не легко было порѣшить. Въ первое же засѣданіе свое по возвращеніи изъ Москвы, 11 января, Сенатъ выслушалъ донесеніе обоихъ, Варлаама и воеводы Гусарева, и приказали: въ Св. Синодъ сообщить копіи и написать, что для изслѣдованія дѣла надобно назначить достойную духовную особу, а Сенатъ, съ своей стороны, назначитъ достойную свѣтскую особу [3]). Но дѣло замолкло на цѣлый годъ. Синодъ хотѣлъ непремѣнно отстоять архіерея въ его ссорѣ съ воеводою, несмотря на явную неправость и архіерея, позволившаго себѣ расправиться съ воеводою вовсе не по архипастырски. Между тѣмъ Синодъ не переставалъ требовать отъ Сената удовлетворенія по другимъ случаямъ насилія свѣтскихъ властей надъ духовными лицами. Синодъ жаловался, что въ Петербургѣ, въ полночь, объѣздной изъ полицмейстерской канцеляріи подпоручикъ Малеръ съ драгунами разломалъ двери въ домѣ дьякона Сергіевской церкви, Иванова; драгуны, взявши дьякона съ собою и привязавъ его къ лошади на арканѣ, погнали на лошадяхъ; въ такой скорой ѣздѣ, не могши бѣжать наравнѣ съ лошадьми, дьяконъ палъ отъ безсилія и разбился о камень; но драгуны, не обративъ на это вниманія, поволокли его на арканѣ по землѣ и притащили въ полицію подъ караулъ съ великимъ ругательствомъ, и отъ такого увѣчья дьяконъ едва черезъ долгое время началъ приходить въ память. Такъ было въ столицѣ: что же въ областяхъ? Въ Старицѣ, въ церковь Св. Параскевы пришелъ ко всенощной подьячій Григорьевъ, и въ то же время пришелъ къ церкви приказчикъ дворянина Чоглокова, Семеновъ, съ нѣсколькими людьми, и дожидался выхода Григорьева, чтобъ его бить, потому что у Григорьева съ помѣщикомъ Чоглоковымъ была ссора; неизвѣстно почему-то Семеновъ хотѣлъ прибить также и дьякона церкви Св. Параскевы— Ѳедорова; зная объ ожидавшей ихъ участи, Григорьевъ и дьяконъ, по отправленіи всенощной, изъ церкви не вышли и были въ ней заперты священникомъ. Во время литургіи вошелъ въ церковь самъ Чоклоковъ; увидавши его, Григорьевъ ушелъ въ алтарь, гдѣ и стоялъ безвыходно. Послѣ обѣдни Чоглоковъ изъ церкви вышелъ, но приказчикъ его съ товарищами остался. Видя, что Григорьевъ не выходитъ изъ алтаря, они подошли къ алтарю, начали заглядывать туда, потомъ врываться; одинъ изъ нихъ, чтобъ схватить Григорьева, ходилъ прямо между престоломъ и Царскими дверьми, а Григорьевъ оборонялся отъ него обнаженнымъ кортикомъ, держась другою рукою за престолъ. Семеновъ съ товарищами подавали голосъ сквозь Царскія двери, вызывали Григорьева съ великимъ сквернословіемъ и шумомъ; дьяконъ сталъ-было въ Сѣверныхъ дверяхъ, чтобъ не пускать нападающихъ въ алтарь, но одинъ изъ людей Чоглокова ударилъ его рукою въ високъ, другіе схватили его за волосы, вытащили вонъ изъ церкви и отдали стоявшимъ подлѣ нея крестьянамъ Чоглокова подъ стражу. Явился староста поповскій, но освободить Григорьева не могъ; ходилъ за помощію къ воеводѣ, но тотъ никакой помощи не далъ, вслѣдствіе чего Григорьевъ съ женою, дочерью и племянницею, вошедшими во время литургіи, оставался около сутокъ запертымъ въ церкви, окруженной толпою народа съ дубьемъ; наконецъ пришелъ коллежскій ассесоръ Сытинъ, отогналъ отъ церкви крестьянъ Чоглокова и выпустилъ Григорьева съ семьею [4]).

Приходили жалобы съ Востока по поводу обращенія инородцевъ. Синодъ давалъ знать Сенату, что Ярцевъ попрежнему жалуется на несносныя обиды новокрещенамъ: такъ въ одномъ сельцѣ разорили ихъ драгуны, которые даже забрали лѣсъ, приготовленный на строеніе церкви, и употребили его на конюшни. Новокрещены уже не требуютъ за обращеніе въ христіанство денежнаго награжденія,—просятъ только милостиваго указа объ охранѣ ихъ отъ обидъ. Сенатъ распоряжался, какъ могъ: приказалъ Военной Коллегіи изслѣдовать, взятое насильно взыскать съ виноватыхъ и впредь насилій не дѣлать [5]). Нижегородскій архіерей Димитрій все не ладилъ съ Мордвою; онъ доносилъ, что въ Терюшевской волости, въ деревняхъ Романихѣ, Березниковой, Клюихѣ, Мордва имѣла многочисленное собраніе и, посланнаго для крещенія желающихъ въ селѣ Сарлей, попа Алексѣя Мокѣева били смертно, а на посланнаго съ командою для взысканія доимокъ дворянина Бездѣлкина нападали многолюдствомъ: команда заперлась въ избѣ, всѣ исповѣдались и причастились, готовясь къ смерти. Послана была другая команда, но и ея начальникъ донесъ, что не сладитъ: Мордва собралась многолюдствомъ съ рогатинами, бердышами, стрѣлами и дубьемъ, взять себя не даютъ и помощь къ нимъ идетъ изъ другихъ деревень, все некрещеная Мордва [6]). Отправленъ былъ драгунскій капитанъ Иванъ Аксаковъ съ 75 человѣками, и скоро губернская канцелярія извѣстила, что вся Мордва приняла крещеніе, и потому надобно ли слѣдовать дѣло о попѣ Мокѣевѣ. Сенатъ отвѣчалъ, что не нужно слѣдовать, и объявить Мордвѣ, что хотя она подлежала жесточайшимъ истязаніямъ и смертной казни, но за воспріятіе христіанства прощается [7]). Но скоро потомъ Мордва той же Терюшевской волости подала просьбу императрицѣ, что епископъ Димитрій насильно припуждаетъ ее къ

[1]) Письма отъ 27 декабря въ Государ. Архивѣ.
[2]) См. выше: Исторію Россіи, кн. V, т. XXI.
[3]) Журн. Сената 11 января, 1745 года.
[4]) Журн. Сената 18 октября, 1745 г.
[5]) Журн. Сената 11 іюля, 1745 г.
[6]) Журн. Сената 14 марта, 1745 г.
[7]) Журн. Сената 13 іюня, 1745 г.

принятію христіанства, держитъ многихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кандалахъ и колодкахъ, бьетъ мучительски, смертно; многихъ и въ купель окунали связанныхъ и крестъ надѣвали на связанныхъ же; кладбища ихъ и моленные амбары архіерей всѣ пожегъ и домы разорилъ, отчего многіе разбѣжались и живутъ въ лѣсахъ; оставшіеся пришли въ конечное разореніе, такъ что податей и помѣщичья доходу стало платить нечѣмъ. По выѣздѣ своемъ изъ ихъ волости, Димитрій оставилъ протопопа, который бьетъ ихъ и мучитъ, а губернская канцелярія правитъ на нихъ подушныя доимочныя деньги 7,000 рублей будто за принявшихъ Православную вѣру. Сенатъ приказалъ: такъ какъ въ Терюшевской волости осталось мало некрещеныхъ и 7,000 заплатить нельзя, то подождать взыскивать до будущаго разрѣшенія; въ Синодъ сообщить вѣдѣніе, чтобъ отнюдь принужденія къ вѣрѣ не было, и Синоду разсмотрѣть дѣло по мордовской челобитной [1]). Но, кромѣ Мордвы роковой Терюшевской волости, и Чуваши Ядринскаго и Курмышскаго уѣздовъ подали просьбу императрицѣ на игумена Неофита, на курмышскаго протопопа Кипріанова, на двоихъ дьячковъ и крестьянъ Дудина монастыря, что били ихъ мучительски, разоряли и крестили неволею [2]).— Кромѣ Мордвы и Чувашъ, обращаемы были въ христіанство Калмыки, крещенные владѣльцы которыхъ увеличивали собою число русскихъ княжескихъ фамилій: крестившейся ханшѣ, вдовѣ Дундуко-Омбо, названной Вѣрою, велѣно называться княгинею, двумъ ея дочерямъ—Надеждѣ и Любви—княжнами, сыновьямъ—Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу—князьями Дундуковыми. На востокѣ распространяли христіанство между инородцами; на западѣ хотѣли охранить Православіе у своихъ Русскихъ и соплеменниковъ Православныхъ. 15 іюня Елисавета, при докладѣ канцлера, съ удовольствіемъ говорила о дворянахъ посольства въ Парижѣ, о которыхъ получила извѣстіе, что хорошо тамъ учатся; но при этомъ велѣла туда отписать, чтобъ они особенно вѣры и закона не забывали, а такъ какъ русской церкви и священника въ то время тамъ не было, то велѣла отправить въ Парижъ церковь съ утварью и священникомъ какъ для дворянъ посольства, такъ и для другихъ Русскихъ людей, которые тамъ временно бываютъ; также велѣла отправить церкви и ко всѣмъ Дворамъ, гдѣ министрами были Русскіе. Еще прежде, будучи въ Иностранной Коллегіи для слушанія дѣлъ, императрица приказала, между прочимъ: хотя не теперь, но современемъ приложить стараніе, чтобъ въ Вѣнѣ находящимся тамъ единовѣрнымъ Греческаго исповѣданія людямъ позволено было имѣть публичныя церкви и при нихъ колокола, взаимно какъ въ Россіи такое позволеніе дается для римскихъ церквей [3]).

[1]) Журн. Сената 8 августа, 1745 г.
[2]) Журн. Сената 7 мая, 1745 г.
[3]) Журн. Сената 10 іюля, 1745 г. Доклады и мнѣнія.

Сильно продолжала занимать Синодъ секта вертящихся, которую начали называть Хлыстовщиною, или Христовщиною, указывали также на сходство ея съ Квакерской сектой. Такъ какъ открывали все болѣе и болѣе членовъ этой секты, то въ началѣ года учредили особую слѣдственную коммисію въ Москвѣ изъ троихъ свѣтскихъ членовъ (Бергъ-Коллегіи совѣтника Казаринова съ двумя ассесорами) и изъ троихъ духовныхъ (московской Славено-Греко-Латинской академіи ректора архимандрита Порфирія съ двумя бѣлыми священниками) [4]). Армянамъ отказано было въ позволеніи отправлять богослуженіе въ старыхъ ихъ церквахъ [5]). Въ описываемое время у Сената съ Синодомъ происходила любопытная переписка относительно продажи церковныхъ книгъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. На желаніе Сената понизить цѣны Синодъ отвѣчалъ, что возвышеніе цѣнъ происходитъ отъ торгующихъ книгами въ Москвѣ, внѣ типографіи, на Спасскомъ мосту (у Спасскихъ воротъ) и въ рядахъ, и хотя Синодъ прилагалъ всевозможное стараніе, чтобъ не торговали книгами внѣ типографіи, и запрещалъ, однако продажа эта все продолжается. Тогда Сенатъ приказалъ сообщить Св. Синоду вѣдѣніе, что нельзя запрещать продажу книгъ изъ лавокъ внѣ типографіи, потому что отъ такого запрещенія многимъ людямъ можетъ произойти большое отягощеніе и обида:— такъ не соблаговолитъ ли Св. Синодъ положить книгамъ продажныя цѣны умѣренныя и чтобъ продавались онѣ всегда безостановочно; когда цѣны будутъ положены умѣренныя и книгъ будетъ въ продажѣ достаточно, то никто не захочетъ покупать ихъ въ лавкахъ по болѣе высокой цѣнѣ,—всѣ станутъ обращаться въ типографію; и чтобъ купцы въ Москвѣ и въ городахъ на ярмаркахъ не продавали книгъ дорогою цѣною,—за этимъ будутъ смотрѣть Камеръ-Коллегія и Главный Магистратъ [6]).

Сенатъ хлопоталъ о дешевизнѣ церковныхъ книгъ; но въ продажѣ все не было той книги, о скорѣйшемъ изданіи которой заботилась императрица по завѣщанію отца своего. Мы видѣли, что пересмотръ Библіи замедлился въ Синодѣ въ 1744 г., и старшій членъ его, Амвросій Юшкевичъ, отказался отъ пересмотра. 8 ноября описываемаго года Синодъ опять получилъ именной указъ: Библію, исправленную Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ, непремѣнно издать въ этомъ году для народнаго употребленія; если же члены Св. Синода это исправленіе считаютъ въ чемъ нибудь недостаточнымъ, или кто-нибудь изъ нихъ въ чемъ сомнѣвается, то представили бы письменно свои мнѣнія. 18 ноября члены Синода подписали опредѣленіе, въ которомъ „о той Библіи разсудили, что она безъ должнаго тѣхъ, кои ее исправляли, зарученія находится чрезъ много-прошедшее время, и сумнительно

[4]) Собраніе постановл. по части раскола, I, 449 и слѣд.
[5]) Журналы Сената 16 мая.
[6]) Журналы Сената 16 мая.

есть, нѣтъ ли въ ней каковой попорчки, чего ради оную безъ оговоренія печати предать опасно, и опредѣлили: оную съ печатною словенскою прочесть и исправить". Исправленіе было поручено архимандриту Илларіону [1]). Дѣло затянулось еще на нѣсколько лѣтъ. Кромѣ изданія Библіи, Синодъ получилъ чрезъ своего оберъ-прокурора, князя Шаховскаго, еще повелѣніе императрицы, чтобъ проповѣдники, назначаемые въ придворную церковь, говорили проповѣди наизустъ, а не по тетради. Къ описываемому времени относится первая мысль объ иностранной цензурѣ, которую также долженъ былъ бы взять на себя Синодъ. 11-го ноября, при докладѣ канцлера, Елисавета приказала: привозимыя на корабляхъ и сухимъ путемъ книги отбирать и объявлять Синоду, нѣтъ ли въ нихъ противностей вѣрѣ. И когда указъ былъ написанъ и Елисавета выслушала его, то Бестужевъ представилъ, что такое распоряженіе будетъ очень тяжело, такъ-что никому нельзя будетъ достать изъ чужихъ краевъ никакихъ нужныхъ для обученія и историческихъ книгъ, ибо когда всѣ такія книги будутъ свидѣтельствовать, то для прочтенія каждой потребуется немалое время, и кому она будетъ надобна, тотъ дожидаться можетъ. Пусть такимъ образомъ свидѣтельствуются только церковныя книги, а прочія, историческія и другія, пусть свободно привозятся и въ народѣ употребляются. Императрица оставила указъ у себя для разсужденія съ архіереемъ Крутицкимъ [2]).

Изъ заботъ по хозяйству имперіи Сенатъ попрежнему тяготила забота о правильномъ снабженіи областей солью. Эти продолжительныя хлопоты о соли любопытны для насъ потому, что вскрываютъ главную бѣду древней и новой Россіи,—недостатокъ рабочихъ рукъ. Въ январѣ Сенатъ уже представлялъ императрицѣ, что онъ опредѣлилъ выдавать заимобразно баронамъ Строгановымъ немалую сумму денегъ для вывозки и доставки соли; но они денегъ не берутъ, говоря, что входить въ казенные долги не желаютъ, и ждутъ рѣшенія императрицы на поданное ими прошеніе о взятіи ихъ варницъ въ казну, а Сенатъ опасается, что соли доставлено не будетъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Строгановы объявили, что соль готова, но какъ ее провезть. Работниковъ съ печатными паспортами нѣтъ, а съ письменными не велятъ брать. Приготовляться къ вываркѣ на 1746 годъ имъ нельзя, потому-что денегъ нѣтъ вслѣдствіе прошлогоднихъ убытковъ, а послать къ марту мѣсяцу надобно до 70,000 рублей; соляная контора даетъ имъ взаймы до 30,000 рублей, но они боятся взять, потому-что не надѣются отдать. Всего нужно теперь имъ денегъ 199,437 рублей, но такую сумму едва можно будетъ получить отъ продажи черезъ годъ; прибавка по копѣйкѣ на пудъ вознаградить ихъ не можетъ, тѣмъ болѣе-что продажа съ прибавочною копѣйкою будетъ происходить въ 46 и 47 годахъ, и деньги возвращаться будутъ развѣ черезъ два года; да и не въ однѣхъ деньгахъ дѣло: подрядчики отказались везти соль за неимѣніемъ работниковъ и за другими озлобленіями, почему поставку соли изъ Нижняго въ Верховые города они, Строгановы, ни за какое награжденіе производить не въ состояніи. Дѣлать нечего, надобно было приниматься за старину, и генералу Юшкову велѣно было весною озаботиться поставкою работниковъ на суда съ солью, какъ было въ 1744 году; губернаторы и воеводы будутъ отвѣчать, если къ сроку не вышлютъ людей; денегъ должны были платить Строгановы и другіе промышленники столько же, сколько платили бы вольнымъ работникамъ.

Прошло два мѣсяца. Въ маѣ Строгановы опять доносятъ, что къ отпуску 745 года соли у нихъ свезено сколько было возможно, суда подъ нее и приписаны и приготовлены, но въ рабочихъ людяхъ при промыслахъ великій недостатокъ, такъ что по 1-е апрѣля ни вольныхъ съ печатными паспортами, ни подрядныхъ по указу къ промысламъ ни одного человѣка не явилось. Также изъ Нижняго-Новгорода приказчикъ пишетъ, что посланный имъ въ Казанскую губернію служитель съ готовыми деньгами,—для найма на устьи Камскомъ прибавочныхъ для волжскаго верховаго хода работниковъ, отыскалъ только изъ иновѣрцевъ 300 человѣкъ, и то безъ паспортовъ. Подрядчики для отправленія соли изъ Нижняго до Верховыхъ городовъ просятъ за провозъ цѣну несносную, и, зная свое совершенное изнеможеніе, они, Строгановы, въ дальнѣйшіе договоры съ подрядчиками вступать опасаются. Строгановы требовали, чтобъ назначена была особенная коммисія для освидѣтельствованія всѣхъ ихъ доходовъ и расходовъ какъ при вываркѣ, такъ и при поставкѣ соли; требовали освидѣтельствовать заключеніе подрядовъ, путевые страхи, усышку и утечку; требовали, чтобъ подрядчикамъ для обороны отъ обидъ, наносимыхъ разными командами, дать отъ Сената печатные охранные указы, ибо подрядчики вносятъ въ договоръ, что если случатся имъ приметки или обиды отъ какой-нибудь команды, то обязательства ихъ недѣйствительны.—Сенатъ велѣлъ: послать указы губернаторамъ и воеводамъ—выслать рабочихъ, подрядчикамъ препятствій не дѣлать, оказывать всякую помощь; но велѣлъ также отвѣчать Строгановымъ, что они не имѣютъ права требовать денегъ на разные расходы, потому-что имъ прибавлено по копѣйкѣ съ пуда, и по прежнему освидѣтельствованію видно, что они получаютъ немалую прибыль и награждены освобожденіемъ отъ пошлинъ.

По донесенію Юшкова, въ отпуску пермской соли было 4.264,077 пудовъ. Но Строгановы въ іюнѣ опять подали жалобу въ Сенатъ, что подряженные и обзадаточенные ими люди нечаянно отъ работъ отлучаются по нарядамъ отъ правительства, а иные задатки приносятъ обратно во время крайней нужды, и къ работѣ ихъ неволею принудить никакъ

[1]) Синодскія дѣла, въ Государ. Архивѣ.
[2]) Синодскія дѣла, въ Государ. Архивѣ.—Доклады и мнѣнія.

нельзя, вмѣсто же ихъ другихъ сыскать негдѣ; притомъ нанимаютъ и задатки раздаютъ на работниковъ годныхъ, а во время отпуску на ладьи приходятъ малолѣтніе и въ работу негодные, которыхъ, за неимѣніемъ другихъ, перемѣнить уже некѣмъ. Сенатъ приказалъ выслать на строгановскія суда работниковъ, взявшихъ задатки. Сенату видимо наскучили постоянныя жалобы Строгановыхъ, и потому онъ опредѣлилъ: впредь Строгановымъ о соляныхъ дѣлахъ представлять и рѣшенія требовать отъ соляной конторы, и чего конторѣ самой сдѣлать нельзя, о томъ она должна представлять въ Сенатъ. Но, какъ нарочно, только-что, казалось, отдѣлались отъ Строгановыхъ, какъ съ противоположнаго угла является жалоба на то же самое и по тому же поводу. Астраханская губернская канцелярія прислала донесеніе, что въ поставкѣ соли съ озеръ къ Астрахани и до Верховыхъ городовъ препятствуетъ недостатокъ въ рабочихъ людяхъ: при торгахъ подрядчики объявили, что рабочіе люди, взявъ задатки, бѣгутъ; притомъ холстъ на паруса и мѣшки дорогъ: прежде покупали тысячу аршинъ по 18 и 20 рублей, а нынѣ покупаютъ по 32 и по 33 рубля. Въ Верховыхъ городахъ сыщики на заставахъ берутъ рабочихъ людей: въ 744 году съ судна подрядчика Курочкина сыщикъ взялъ 60 человѣкъ и приказчика,— по этимъ причинамъ подрядчики поставили провозныя цѣны чрезмѣрно дорогія,—до Нижняго по 19 копѣекъ за пудъ, чего никогда не бывало. Соляная контора подтвердила астраханское донесеніе, что въ Нижнемъ и другихъ мѣстахъ подрядчикамъ и рабочимъ, везущимъ соль, обиды, задержки и взятки отъ коммисіи розыскныхъ дѣлъ, отчего въ наймѣ рабочихъ на суда немалое помѣшательство. Сенатъ приказалъ прекратить эти притѣсненія подъ страхомъ воинскаго суда; но полковникъ Фраундорфъ донесъ изъ Нижняго, что на соляныхъ судахъ явилось немалое число бѣглыхъ крестьянъ, рекрутъ и разбойниковъ, а теперь запрещено эти суда задерживать: какъ же быть? Сенатъ отвѣчалъ: осматривать, но не задерживать; кто явится подозрителенъ, того брать, но судно не останавливать.

Кончились хлопоты на счетъ 745 года; пришла осень—и начались хлопоты относительно поставки въ будущемъ 746 году. Григорій Демидовъ отказался вываривать соль, потому что нѣтъ денегъ на заготовку дровъ. Сенатъ приказалъ принудить его къ вываркѣ соли, потому что онъ отъ продажи соли и данныхъ ему въ ссуду денегъ получилъ болѣе 44,000 рублей съ небольшимъ въ одинъ годъ, несравненно болѣе другихъ промышленниковъ; притомъ же Демидовъ и въ промыслъ вступилъ съ немалымъ награжденіемъ отъ отца. Строгановы опять объявили, что не въ состояніи вывозить прежняго количества соли; Сенатъ велѣлъ—обязать ихъ поставить соль въ указныя мѣста около трехъ милліоновъ пудовъ, потому что они прибыли получаютъ отъ каждаго пуда по 4 копѣйки безъ нѣкоторыхъ доль, за поставку соли въ Нижнемъ получаютъ по 9 копѣекъ съ пуда, и хотя, при провозѣ отъ Нижняго до Верховыхъ городовъ, могутъ случиться нѣкоторые убытки, однако они вознаграждаются барышемъ отъ выварки соли и поставки ея до Нижняго. Но Строгановы представили показанія своихъ приказчиковъ: крестьянамъ, поставщикамъ дровъ, напередъ роздана немалая сумма на 72 варницы; но по близости лѣса уже вырублены, надобно доставлять дрова издалека, а тутъ разныя бѣды,—маловодіе, жестокія бури, такъ-что пропало 17,783 сажени, чего вознаградить уже никакъ нельзя, ибо дрова ставили вверхъ Камы за нѣсколько сотъ верстъ, и на поставщикахъ задаточныхъ денегъ въ доимкѣ немалая сумма, которой, за ихъ крайнимъ изнеможеніемъ, взыскать никакъ нельзя;—отъ этого промысламъ конечная несостоятельность, и выварить указнаго числа 3 милліоновъ пудовъ нельзя, потому что дровъ будетъ только 139,187 саженъ, которыми можно выварить 2.780,000 пудовъ. Соляная контора представила Сенату, что надобно непремѣнно заставить Строгановыхъ выварить три милліона пудовъ, иначе грозитъ страшная опасность: мелкіе соляные пермскіе промышленники не въ состояніи доставить требуемаго числа соли; Демидовъ, у котораго въ годъ вываривалось до 264,000 пудовъ, прекратилъ работы съ мая мѣсяца; отпускъ бузуну изъ Астрахани явился неполный, за недостаткомъ рабочихъ людей. Сенатъ приказалъ: принудить Строгановыхъ вываривать соль, и дрова пусть вывозятъ зимою [1]).

Соляные промышленники отказывались вываривать и доставлять соль; содержатели желѣзныхъ заводовъ Балашовъ, Миллеръ, Даниловъ и Миляковы представляли въ Бергъ-Коллегію, что не въ состояніи выплачивать доимку. Мнѣнія членовъ Коллегіи раздѣлились: президентъ и вице-президентъ считали представленія заводчиковъ основательными; но остальные члены и съ ними прокуроръ—думали иначе, и прокуроръ жаловался Сенату, что президентъ и вице-президентъ не обращаютъ вниманія на его протестъ. Тотъ же прокуроръ Суворовъ доносилъ, что многимъ заводчикамъ подъ желѣзные и минеральные заводы отведены государственныя земли и угодья: они лѣсъ и дрова употребляютъ изъ этихъ угодій, но за земли, за лѣсъ и дрова ничего не платятъ вопреки бергъ-привиллегіи и бергъ-регламенту [2]).

Еще со временъ Петра Великаго, какъ мы видѣли, шелъ важный для русской промышленности вопросъ о выдѣлкѣ широкихъ или узкихъ холстовъ; по господствовавшему тогда повсюду правилу, старались выпускать за границу какъ можно болѣе уже выдѣланныхъ товаровъ; и такъ какъ за границу требовались широкіе холсты, то запрещалось выдѣлывать узкіе; но чрезъ такое запрещеніе производство останавливалось, потому что крестьянамъ

[1]) Журналы Сената 22 янв., 1 февр., 5 февр., 24 мая, 18 іюня, 25 іюня, 31 іюля, 4 сентября, 20 сентября, 27 сентабря, 28 сентября, 12 ноября.

[2]) Журн. Сената 8 марта.

трудно было вдругъ перейти отъ одного способа выдѣлки къ другому, и холста недоставало для удовлетворенія внутреннихъ потребностей. Главный коммисаріатъ представилъ, что ежегодно требуется большое количество холста для войска, и холстъ этотъ обыкновенно покупался не съ фабрикъ, а у крестьянъ; и такъ какъ выдѣлка узкаго холста запрещена, то и небольшаго количества холста достать негдѣ, и въ полкахъ можетъ послѣдовать большой недостатокъ. Вслѣдствіе этого представленія, разрѣшено выдѣлывать широкіе и узкіе всякихъ рукъ полотна и холсты [1]).

Относительно суконъ коммисаріатъ продолжалъ жаловаться на фабрикантовъ и Мануфактуръ-Коллегію, заступавшуюся за фабрикантовъ. Коммисаріатъ доносилъ, что фабриканты доставили 1,940 половинокъ сукна, и изъ нихъ 1,188 несходныхъ съ образцами. Сенатъ велѣлъ своей московской конторѣ: призвать всѣхъ фабрикантовъ и объявить, чтобъ впредь сукно ставили по образцамъ, и хотя нынѣшней поставки сукна у нихъ и приняты, по самой крайней нуждѣ; но если въ другой разъ они поставятъ такія же, то подвергнутся не только штрафу, но и наказанію, непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ; призвать также въ контору президента и всѣхъ членовъ Мануфактуръ-Коллегіи и сдѣлать выговоръ, что смотрятъ за фабрикантами очень слабо; самъ Сенатъ видитъ изъ доставленныхъ коммисаріатомъ образцовъ, что сукна очень плохи, иныя недовалены и шишковаты, за что Коллегія подлежитъ жестокому штрафу. Быть можетъ, не безъ участія коммисаріата, желавшаго имѣть фабрики въ одномъ своемъ завѣдываніи, въ концѣ года фабрикантъ Суровщиковъ объявилъ, что онъ положенное количество суконъ поставить не можетъ, потому что фабриканты состоятъ подъ двумя вѣдомствами—коммисаріата и Мануфактуръ-Коллегіи, и фабрики не могутъ быть исправны за частыми отлучками содержателей ихъ въ разныя командировки, и если онъ, Суровщиковъ, въ вѣдѣніи одного главнаго коммисаріата не будетъ, то пусть возьмутъ его фабрику въ казну [2]).

Выдѣлка шелковыхъ матерій шла впередъ, благодаря мастерамъ, посланнымъ за границу Петромъ Великимъ. Елисавета дала поруческіе чины мастерамъ изъ дворянъ Ивкову и Водилову, которые были отправлены отцомъ ея въ Италію и Францію и теперь жили на московской шелковой мануфактурѣ, и завели здѣсь бархатные, грезетные, штофные и тафтяные станы. Ивковъ научилъ дѣлать травчатаго дѣла бархатъ, какого прежде въ Россіи не дѣлалось, а Водиловъ научилъ дѣлать англійскіе штофы, грезеты, тафты, которыхъ прежде не было [3]).

Изъ Перми и изъ Астрахани, по поводу доставки соли, приходили жалобы на недостатокъ людей; но такія же жалобы приходили и изъ другихъ мѣстъ: недоставало людей въ канцеляріяхъ. Опредѣленный для сыску воровъ и разбойниковъ подполковникъ Львовъ доносилъ о крайнемъ недостаткѣ приказныхъ служителей, вслѣдствіе чего 200 колодниковъ ждутъ рѣшенія своихъ дѣлъ; онъ требовалъ приказныхъ служителей отъ казанской губернской канцеляріи, а та прислала ему тѣхъ, которые въ канцелярію генеральной ревизіи не приняты за негодностію. Сенатъ велѣлъ казанской губернской канцеляріи удовлетворить Львова безъ отговорокъ. Дѣло было важное, и дѣла было много у Львова съ товарищами. Опять обнаружились разбои въ 25 и 35 верстахъ отъ Москвы. Опредѣленный для сыску разбойниковъ, полковникъ Грековъ доносилъ, что разбойники появились по Окѣ, въ уѣздѣ Переяславля-Рязанскаго. Въ Сибири колодники, назначенные въ ссылку, болѣе 200 человѣкъ, когда ихъ везли въ судахъ по Иртышу, взбунтовались, стали разбойничать по Оби, хвалясь разорить городъ Сургутъ, а въ Сургутѣ не было и полфунта пороху, пушки ни одной. Рѣшенія по разбойнымъ дѣламъ замедлялись не по одному недостатку приказныхъ служителей. Юстицъ-Коллегія прислала въ Сенатъ экстрактъ изъ дѣла, которое тянулось лѣтъ тридцать. Воровскіе люди, въ томъ числѣ крестьяне стольника Милославскаго, разорили деревню помѣщиковъ Макшеевыхъ въ Касимовскомъ уѣздѣ. Преображенскій Приказъ рѣшилъ взыскать съ Милославскаго 3,000 рублей; но въ 720 году, по челобитной Милославскаго и по письму князя Ромодановскаго, управлявшаго Преображенскимъ Приказомъ, этихъ денегъ на Милославскомъ, до указа, править не велѣно. Въ 1724 году, по приговору Ромодановскаго, дѣла и колодники отосланы для слѣдствія въ шацкую провинціальную канцелярію; въ 1728 году, по указу изъ Сената, велѣно дѣло взять въ воронежскую губернскую канцелярію, но отсылки дѣла туда не значится, и потому Юстицъ-Коллегія спрашивала, что дѣлать. Сенатъ приказалъ отослать дѣло въ воронежскую губернскую канцелярію. Если недостатокъ въ людяхъ такъ чувствовался въ разныхъ отправленіяхъ государственной и народной жизни, то оказалась и польза отъ него: онъ отстранялъ жестокость въ слѣдствіяхъ по разбойнымъ дѣламъ. Такъ уже извѣстный намъ полковникъ Львовъ доносилъ, что отправленные имъ на поиски офицеры прислали ему бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ болѣе 70 человѣкъ, которые показали, что въ бѣгахъ покупали фальшивые паспорты у разныхъ невѣдомыхъ бурлаковъ, а болѣе подозрительными себя не показали; они очень молоды и видные собою люди, и если ихъ за покупку паспортовъ разыскивать, то уже они къ службѣ будутъ негодны. Сенатъ приказалъ: наказавъ ихъ плетьми, отослать для опредѣленія въ службу въ Выборгскій и Кексгольмскій гарнизонные полки [4]).

[1]) Журн. Сената 12 марта и 18 іюля.
[2]) Журн. Сената 20 мая, 29 іюля, 9 декабря.
[3]) Журн. Сената 7 мая.
[4]) Жур. Сената 8 марта, 7 іюня, 3 сентября, 24 сентября, 6 ноября.

Кромѣ разбоевъ, въ городамъ и деревняхъ терпѣли отъ пожаровъ. Были большіе пожары въ Москвѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ, Ельцѣ [1]). На пожарахъ бывали иногда любопытные случаи: казанскій полицеймейстеръ Маматовъ жаловался на губернатора Загряжскаго, что тотъ, во время пожара, пріѣхавъ со псовой охоты, наѣзжалъ на него, Маматова, на лошади, при всемъ народѣ билъ по головѣ и бранилъ шельмою, канальею и пьяницею. Губернаторъ, оправдывая себя, жаловался на слабые поступки полицеймейстера. Въ описываемое время нѣкоторыя части Россіи страдали еще и отъ скотскаго падежа; мѣры, употреблявшіяся для прекращенія бѣдствія, были слѣдующія: лошади пріѣзжающихъ изъ зараженныхъ мѣстъ должны были выдерживать карантинъ; палыя животныя зарывались въ дальнихъ мѣстахъ въ глубокія ямы, кожи съ нихъ снимать не позволялось; около зараженныхъ мѣстъ учреждены были заставы. Въ Петербургѣ правительство попрежнему должно было охранять жителей отъ степной привычки скорой ѣзды. Императрица дала полиціи изустный указъ: 1) извозчикамъ ѣздить на вожжахъ, только бы лошади были взнузданы и ѣздили бы рысью тихо, и не скакали, и сани были бы подкованы; извозчикамъ быть въ сѣрыхъ кафтанахъ неразодранныхъ, въ кушакахъ красныхъ, въ сапогахъ и въ одинакихъ шапкахъ зеленыхъ, а на лѣвыхъ рукахъ были бы нумера. Тутъ же разрѣшено ѣздить цугами [2]).

Ревизія продолжалась. Опредѣленный къ этому дѣлу въ Новгородскую губернію генералъ-маіоръ кн. Черкасскій доносилъ, что въ названной губерніи по прежней переписи считалось жителей 594,313 душъ; изъ нихъ обревизовано 198,583, въ которыхъ противъ прежней переписи явилось прибылыхъ 32,694 души; за прописныхъ съ 724 года подушныхъ и прочихъ денегъ ко взысканію положено 73,605 рублей. Такія донесенія Сенатъ призналъ очень полезными и нужными; но ихъ, кромѣ Черкасскаго, никто не присылалъ; поэтому приказали потребовать подобныхъ же донесеній отъ всѣхъ, чтобъ присылали черезъ каждые три мѣсяца, и такимъ образомъ можно было бы знать, какое число душъ мужскаго пола въ каждой губерніи обревизовано, сколько прибыло и убыло, и съ какимъ успѣхомъ ревизія производится. Это было въ январѣ; а въ мартѣ Сенатъ получилъ непріятное объявленіе: Ея императорскому величеству стало извѣстно, что астраханскіе и прочіе по Волгѣ рыбные промыслы взяты отъ частныхъ людей въ казенное содержаніе; также при ревизіи въ Астрахани явилось много простыхъ людей, которые говорятъ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, не знаютъ, гдѣ родились; такихъ людей по указамъ о ревизіи велѣно высылать оттуда въ Петербургъ на поселеніе; но они, по привычкѣ жить около Астрахани, отъ этой высылки бѣгутъ въ Персію и бусурманятся, также на рѣку Куму и на бухарскую сторону за Яикъ, и тамъ питаются звѣринымъ промысломъ, въ отчаяніи живутъ звѣрски. Обо всемъ этомъ ея императорское величество не знаетъ, о рыбныхъ ловляхъ Сенатъ отъ ея величества никакого повелѣнія не требовалъ, и о происходящимъ по ревизіи дѣлахъ, гдѣ что сдѣлано, ея величеству донесено не было. Поэтому ея величество повелѣваетъ Сенату: „рыбные промыслы частныхъ людей и воды, которыя они откупали отъ казны, немедленно имъ возвратить, а дѣла, имѣющіяся объ этомъ въ Сенатѣ, прислать къ ея величеству для разсмотрѣнія; о ревизіи, что въ ней произошло по сіе число во всемъ государствѣ, подать ея величеству извѣстіе, гдѣ показать, въ какихъ мѣстахъ противъ прежней ревизіи сколько явилось прибыли и убыли въ людяхъ; а изъ Астрахани въ Петербургъ людей до указа высылать не велѣть: по разсмотрѣніи дѣла, можетъ быть, сочтется удобнымъ тамъ же, въ Астрахани, внести ихъ въ перепись и поселить по Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя, будучи пустыми мѣстами, никакой пользы не приносятъ“.

Бѣглые, нашедшіе притонъ въ окрестностяхъ Астрахани, разбѣжались отъ ревизіи и высылки въ Петербургъ; но на Верхнемъ Хопрѣ, въ поселкѣ Туркахъ, обыватели, человѣкъ 200, встрѣтили ревизоровъ съ ружьями, копьями и дубьемъ, квартиръ имъ не дали, напали на улицѣ на опредѣленныхъ къ ревизіи драгунъ и подъячаго, и били ихъ смертнымъ боемъ. Ревизоры доносили, что причиною сопротивленія жителей поселка было большое количество бѣглыхъ между ними. Донской атаманъ Данило Ефремовъ объявилъ, что по высылкѣ съ Дону бѣглые на прежнія свои жилища нейдутъ, бѣгутъ опять на Донъ, шатаются въ лѣсныхъ и степныхъ мѣстамъ и разбиваютъ проѣзжихъ. Поэтому ревизорамъ было велѣно начать перепись съ тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ близко отъ казачьихъ городковъ, и начать перепись въ зимнее время, когда бѣглымъ холодно шататься и они поневолѣ живутъ въ городахъ и селахъ. Но не въ однѣхъ степныхъ украйнахъ ревизія встрѣтила препятствія. Въ Москвѣ многіе обыватели не сказывались дома, отговаривались неисправностями; служитель дома графа Головина, Ивановъ, по многимъ посылкамъ къ ревизіи не явился, посланному солдату запретилъ впредь приходить и поставилъ у воротъ караульнаго съ приказаніемъ бить солдата, если онъ посмѣетъ опять придти. Бергъ-Коллегія прислала вѣдомость, гдѣ на нѣкоторыхъ заводахъ именъ работниковъ не показано, и въ какихъ мѣстахъ находятся заводы не объявлено. Въ Калугѣ съ магистрата взыскано было штрафа 10 рублей за неподачу сказки о калужскомъ купечествѣ; но и это не помогло: сказка не подавалась. Въ Смоленской губерніи, въ деревняхъ подполковника Ушакова утаено было при переписи 87 душъ: староста, священникъ и

[1]) Журн. Сената 17 мая, 11 іюня, 20 іюня, 17 іюля.
[2]) Журн. Сената 2 сентября, 3 октября, 26 ноября.

крестьяне показывали, что утаить велѣлъ помѣщикъ [1]).

Во весь 1745 годъ императрица ни разу не присутствовала въ Сенатѣ: она была очень занята дѣлами внѣшними; по нимъ были частые доклады канцлера, происходили въ дворцѣ совѣты или собранія въ присутствіи императрицы, которая также иногда присутствовала инкогнито и при конференціяхъ канцлера и вице-канцлера съ министрами иностранными. Сюда присоединялись и заботы семейныя. Наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Ѳедоровичъ вовсе не отличался крѣпкимъ здоровьемъ. До поѣздки въ Москву, въ 1743 году у него былъ сильный припадокъ: вдругъ оказалась чрезвычайная слабость и равнодушіе ко всему, къ самымъ любимымъ удовольствіямъ. Елисавета, узнавши объ этомъ, поспѣшила къ племяннику, будучи сама нездорова, ужаснулась перемѣнѣ, которую нашла въ немъ, залилась слезами и потеряла языкъ. Петръ лежалъ безъ движенія; наконецъ показался потъ на лбу; докторъ Боэргавъ былъ въ восторгѣ, увидавъ въ этомъ хорошій признакъ, и дѣйствительно благопріятный переломъ совершился [2]). Въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1744 года, великій князь заболѣлъ корью; когда онъ выздоровѣлъ и санная дорога установилась, въ декабрѣ императрица отправилась въ Петербургъ; за нею, спустя нѣсколько времени, выѣхалъ и великій князь съ невѣстою и ея матерью. На дорогѣ за Тверью, въ селѣ Хотиловѣ, ему сдѣлалось дурно и на другой день оказалась оспа. Императрица, которая уже пріѣхала въ Петербургъ, получивъ извѣстіе о болѣзни племянника, немедленно отправилась въ Хотилово и оставалась здѣсь весь январь мѣсяцъ 1745 года, пока великій князь оправился и она вмѣстѣ съ нимъ могла возвратиться въ Петербургъ, что было въ началѣ февраля [3]). 10 числа этого мѣсяца праздновали день рожденія великаго князя, которому минуло 16 лѣтъ: зажжена была иллюминація, „представляющая храмъ Гигеи, т.-е. здравія и долгихъ лѣтъ, внутрь котораго статуя радости и увеселенія держала вензелевое имя его императорскаго высочества“ [4]).

Послѣ этого начались приготовленія къ свадьбѣ великаго князя, которая совершилась 21 августа съ необыкновеннымъ торжествомъ: празднество продолжалось 10 дней. Англійскій посланникъ писалъ своему Двору, что свадьбою спѣшили, чтобъ приличнымъ образомъ избавиться отъ нѣкоторыхъ безполезныхъ особъ обоего пола [5]); эти особы были прежде всего принцесса Цербстская и потомъ гофмаршалъ великаго князя, Брюммеръ, который шелъ наперекоръ канцлеру Бестужеву въ своей приверженности къ Пруссіи и Франціи. Раздраженіе, возбужденное въ императрицѣ противъ принцессы Цербстской дѣломъ Шетарди, не могло исчезнуть и высказывалось при каждомъ удобномъ случаѣ. При этомъ непріятный, мелочной характеръ принцессы возбуждалъ противъ нея всеобщее неудовольствіе, и въ то время какъ дочь старалась—и съ успѣхомъ—привязать всѣхъ къ себѣ, мать отталкивала отъ себя всѣхъ, начиная съ дочери; поссорилась изъ-за пустяковъ и съ нареченнымъ зятемъ, великимъ княземъ. Раздраженіе противъ принцессы увеличивалось еще дѣлами Голштинскими и Шведскими. Управляющій Голштинскимъ герцогствомъ во время малолѣтства Петра Ѳедоровича, дядя его, избранный потомъ въ наслѣдники Шведскаго престола, успѣлъ составить въ Голштиніи сильную партію, къ членамъ которой принадлежалъ и Брюммеръ. Эта партія хотѣла удержать за собою господство и по отъѣздѣ герцога-администратора въ Швецію, надѣялась, что настоящій герцогъ, т.-е. великій князь Петръ Ѳедоровичъ, какъ достигшій совершеннолѣтія, пришлетъ своимъ намѣстникомъ Брюммера. Но поведеніе кронъ-принца Шведскаго, который, подъ вліяніемъ жены своей, сестры Фридриха II, совершенно предался франко-прусскимъ интересамъ и тѣмъ вооружилъ противъ себя Русскій Дворъ, считавшій себя въ-правѣ упрекать его въ крайней неблагодарности,—такое поведеніе заставляло наблюдать относительно Голштиніи большую осторожность и не позволять здѣсь господствовать партіи бывшаго администратора, тѣмъ болѣе-что явилось подозрѣніе относительно добросовѣстности этой администранціи. Принцесса Цербстская ревностно поддерживала интересы своего брата кронъ-принца, который въ августѣ писалъ ей по поводу Голштинскихъ дѣлъ: „Стараются очернить людей мнѣ преданныхъ, и недостаетъ только одного, чтобъ назвали меня по имени. Я не боюсь никакого слѣдствія; напротивъ, буду радъ, ибо увѣренъ, что слѣдствіе обратится въ мою пользу. Признавая охлажденіе между мною и великимъ княземъ чрезвычайно опаснымъ для нашего Дома, считаю необходимымъ предупреждать всѣ внушенія, которыя, какъ видно, сдѣланы были ему противъ меня. Я увѣренъ, дражайшая сестрица, что вы приложите къ тому всѣ свои старанія; я требовалъ того же и у великой княгини, по вашему совѣту. Я при первомъ надежномъ случаѣ пришлю вамъ два экземпляра съ цыфирью, которыя вы и великая княгиня можете употреблять; но я васъ усерднѣйше прошу внушать ей, чтобъ она въ этихъ случаяхъ поступала со всевозможнымъ благоразуміемъ и осторожностію. Братъ мой Августъ приноситъ на меня несправедливую жалобу“ [6]).

По поводу этого брата Августа раздраженіе противъ принцессы Цербстской стало еще сильнѣе въ Петербургѣ. Принцесса еще въ 1744 году въ

[1]) Журн. Сената 18 января, 20 марта, 1 апрѣля, 1 іюля, 16 декабря.

[2]) Записки Штелина въ Государ. Архивѣ.

[3]) Mémoires de l'impératrice Catherine II, p. 25.

[4]) Петербургскія Вѣдомости.

[5]) Депеши англійскихъ посланниковъ, въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

[6]) Перлюстрація 1745 г., въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

Кіевѣ получила отъ него письмо, въ которомъ онъ изъявлялъ желаніе пріѣхать въ Россію. Ей дали знать, что Августъ хочетъ пріѣхать въ Россію съ цѣлію получить управленіе Голштиніи именемъ совершеннолѣтняго великаго князя, и что объ этомъ хлопочетъ голштинская партія, враждебная прежней администраціи. Принцесса отвѣчала брату изъ Козельска, что лучше ему вступить въ голландскую службу и пасть съ честію на полѣ битвы, чѣмъ интриговать противъ брата и присоединяться къ врагамъ сестры въ Россіи. Подъ этими врагами она разумѣла канцлера Бестужева, который велъ все это дѣло, чтобъ повредить Брюммеру и всѣмъ приверженцамъ кронпринца Шведскаго. Письмо попалось въ руки Бестужеву и было имъ прочтено императрицѣ, которую особенно поразило это жесткое слово сестры родному брату, что лучше ему быть убитымъ. Понятно, что это нежеланіе принцессы Цербстской видѣть принца Августа въ Россіи заставило поспѣшать вызовомъ его въ Петербургъ; онъ пріѣхалъ, былъ дурно принятъ сестрою,—и это еще болѣе повредило ей [1]). А между тѣмъ Бестужевъ поднесъ императрицѣ перехваченное письмо наслѣднаго принца Шведскаго къ Брюммеру, гдѣ принцъ горько жаловался на стѣснительное положеніе сестры своей въ Россіи относительно денегъ; жалѣлъ, что не можетъ помочь ей, потому что самъ кругомъ въ долгахъ, и просилъ какъ нибудь довести до свѣдѣнія императрицы о безденежьи принцессы Цербстской. Препровождая это письмо Елисаветѣ, Бестужевъ, по обычаю, снабдилъ его своимъ примѣчаніемъ, что непонятно, куда принцесса могла истратить столько денегъ, подаренныхъ ей въ разныя времена императрицею, и кромѣ того успѣла надѣлать много долговъ; канцлеръ не упустилъ случая напомнить императрицѣ, что и самъ наслѣдный принцъ получилъ 120,000 руб. русскихъ денегъ для утвержденія своего въ Швеціи и вообще облагодѣтельствованъ въ ущербъ Россійской имперіи. Еще при докладѣ канцлера 22 іюня, императрица „въ разсужденіи какихъ-либо могущихъ быть неугодностей и толкованій о нынѣшнемъ вступленіи великаго князя въ Голштинское правительство, изволила указать: корреспонденцію принцессы Цербстской секретно открывать и разсматривать, а буде что предосудительнаго найдется, то и оригинальныя письма удерживать“ [2]).

28 сентября принцесса Цербстская выѣхала изъ Петербурга, получивши на прощаньи 50,000 руб. да два сундука съ разными китайскими вещами и матеріями; свита ея была такъ же богато одарена; великій князь послалъ тестю свои брилліантовыя пуговицы съ кафтана, брилліантами украшенную шпагу, брилліантовыя пряжки и нѣсколько другихъ подобныхъ вещей [3]). Прощаясь, принцесса пала на колѣни предъ императрицею и со слезами просила прощенія, если въ чемъ-нибудь оскорбила ея величество. Елисавета отвѣчала, что теперь уже поздно объ этомъ думать; лучше было бы, если бы она, принцесса, всегда была такъ смиренна [4]).

Отъѣздъ принцессы Цербстской долженъ былъ показывать Брюммеру, что и ему надобно сбираться въ дорогу, тѣмъ болѣе-что онъ сумѣлъ окончательно озлобить противъ себя своего воспитанника, великаго князя, съ которымъ рѣшительно не умѣлъ обходиться: то выходилъ изъ себя, причемъ забывался до неприличной брани, то начиналъ униженно ласкаться. Однажды онъ забылся дотого, что бросился на Петра съ кулаками: тотъ вскочилъ на окно и хотѣлъ позвать часоваго; профессоръ Штелинъ, бывшій свидѣтель сцены, удержалъ его, представивъ, какія будутъ слѣдствія; тогда великій князь побѣжалъ въ спальню, выхватилъ шпагу и сказалъ Брюммеру: „Если ты еще разъ посмѣешь броситься на меня, то я проколю тебя шпагою“. Съ этихъ поръ между воспитателемъ и воспитанникомъ воцарилась совершенная холодность [5]) Лестокъ толковалъ, что намѣренъ проситься въ отставку и ѣхать на воды въ Германію. Замѣчали, что онъ лишился всякаго вліянія на дѣла, и хотя императрица, по старой привычкѣ и памяти о старыхъ услугахъ, не удаляла его отъ Двора, но при случаѣ безо всякой церемоніи давала ему чувствовать, какъ онъ сильно упалъ въ ея мнѣнія. Однажды, когда онъ сталъ хвалить передъ нею графа Воронцова, то она сказала ему: „Я имѣю о Воронцовѣ очень хорошее мнѣніе, и похвалы такого негодяя, какъ ты, могутъ только перемѣнить это мнѣніе, потому что я должна заключить, что Воронцовъ одинакихъ съ тобой мыслей“ [6]). Оберъ-церемоніймейстеръ, графъ Санти, мимо Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, обратился къ Лестоку за наставленіемъ, какое мѣсто назначить Брюммеру и Бергхольцу при будущихъ торжествахъ бракосочетанія наслѣдника. Лестокъ, по старой привычкѣ, обратился къ императрицѣ съ докладомъ объ этомъ дѣлѣ, но получилъ въ отвѣтъ, что канцлеру неприлично вмѣшиваться въ медицинскія дѣла, а ему – въ канцлерскія, и, при первомъ докладѣ Бестужева, велѣла ему сдѣлать выговоръ Санти, чтобъ онъ съ своими дѣлами не обращался ни къ кому мимо канцлера или вице-канцлера, иначе можетъ потерять свое мѣсто. Бестужеву это порученіе не могло быть непріятно, потому что онъ не любилъ Санти, какъ человѣка противной партіи, и называлъ его въ насмѣшку „оберъ-конфузіонсъ-мейстеромъ“. Шетарди обѣщалъ Лестоку королевскимъ именемъ подарокъ въ 12,000 рублей, а Лестокъ просилъ, чтобъ на эти деньги были сдѣланы ему въ Парижѣ кареты и ливрея. Послѣ высылки Шетарди о каретахъ и ливреѣ замолчали. Наконецъ Лестокъ чрезъ Мар-

[1]) Mémoires de l'imperatrice Catherine II, p. 34.

[2]) Перлюстраціи 1745 г., въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.—Тамъ же доклады и мнѣнія.

[3]) Архивъ князя Воронцова II, 122.

[4]) Депеша лорда Гиндфорда 1 октября.

[5]) Записки Штелина.

[6]) Депеша лорда Гиндфорда отъ 10 октября.

дефельда напомнилъ преемнику Шетарди, Дальону, о 12,000; но Дальонъ далъ знать своему Двору, что Лестокъ, вслѣдствіе побѣды Бестужева, не можетъ быть полезенъ и потому не для-чего-на него тратиться, притомъ же онъ предпочитаетъ прусскія выгоды французскимъ [1]).

Бестужевъ побѣдилъ; враговъ, которые до сихъ поръ вели противъ него такую сильную борьбу, — однихъ уже нѣтъ въ Россіи, другіе готовы удалиться, потеряли значеніе. Но въ это самое время противъ торжествующаго канцлера поднимается новый соперникъ, бывшій до сихъ поръ вѣрнымъ союзникомъ — вице-канцлеръ графъ Воронцовъ. Какъ же произошла эта перемѣна? До назначенія своего вице-канцлеромъ, Воронцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ русскихъ вельможъ, которые старались высвободить Россію изъ-подъ вліянія Франціи и утвердить національную политику, состоявшую въ поддержаніи слабѣйшихъ государствъ противъ сильнѣйшихъ, Австріи и Саксоніи противъ Франціи и Пруссіи, причемъ, по единству интересовъ, морскія державы — Англія и Голландія — были естественными союзницами Россіи. До сихъ поръ Воронцовъ дѣйствовалъ заодно съ Бестужевыми. Сильный своимъ приближеніемъ къ императрицѣ, родствомъ съ нею по женѣ, участіемъ въ переворотѣ 25-го ноября, дружбою съ фаворитомъ Разумовскимъ, Воронцовъ естественно игралъ роль покровителя въ отношеніи къ Бестужевымъ, что и видно изъ переписки обоихъ братьевъ съ нимъ [2]). Но теперь Алексѣй Петр. Бестужевъ сталъ канцлеромъ, а Воронцовъ вице-канцлеромъ: покровитель долженъ играть второстепенную роль подлѣ покровительствуемаго, и стоило только Воронцову стать оффиціально подлѣ Бестужева, какъ второстепенность, незначительность его роли обозначались рѣзко въ глазахъ всѣхъ, своихъ и чужихъ. Бестужевъ сдѣлалъ все, Бестужевъ поборолъ противниковъ своей системы. Воронцову оставалось быть скромнымъ спутникомъ блестящей планеты; но для его самолюбія это положеніе было тяжело, а тутъ искушенія съ всѣхъ сторонъ: враги канцлера ухаживаютъ за вице-канцлеромъ, — онъ теперь ихъ единственная надежда; имъ необходимо сдѣлать его соперникомъ ненавистнаго Бестужева; они утѣшаютъ другъ друга тѣмъ, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева; такія утѣшенія не могутъ скрыться ни отъ канцлера, ни отъ вице-канцлера и естественно кидаютъ между ними ножъ. Единственное средство для Воронцова выйти изъ подчиненнаго положенія — выдѣлиться, получить самостоятельное значеніе, засвѣтить собственнымъ свѣтомъ, — это породниться въ мнѣніяхъ съ канцлеромъ, а это легко и выгодно: недавно окончена Шведская война; ни императрица, ни большинство людей знатныхъ не хочетъ новой войны, а канцлеръ слишкомъ рьянъ; онъ непремѣнно хочетъ употребить сильныя средства, двинуть войска, грозить ими Пруссіи. Легко сказать „двинуть войска:“ чего это будетъ стоить и гдѣ взять денегъ; а если Пруссія не испугается одного движенія войскъ и нужно будетъ дѣйствительно начать войну? Для чего подвергаться такой опасности. Измѣнять системы не нужно; можно помогать Австріи и Саксоніи, сдерживая Пруссію сильными представленіями. Такое мнѣніе очень понравится императрицѣ и многимъ другимъ, а между тѣмъ нельзя было забыть и внушеній Шетарди: благоразумно ли вооружать противъ себя молодой Дворъ, идя рѣзко на перекоръ его привязанностямъ? Елисавета можетъ вдругъ умереть...

Такимъ образомъ Бестужевъ въ проведеніи рѣшительныхъ мѣръ противъ Пруссіи долженъ былъ встрѣтить въ своемъ товарищѣ не помощника, но противника, который вначалѣ имѣлъ возможность дѣйствовать съ успѣхомъ. Кампанія 1743 года кончилась неудачно для Фридриха II: онъ долженъ былъ очистить Богемію, а въ январѣ 1745 года умеръ союзникъ его — императоръ Карлъ VII, что еще болѣе затруднило его положеніе. Еще въ концѣ 1744 года Фридрихъ II обратился къ Елисаветѣ съ требованіемъ помощи на основаніи оборонительнаго союза; не надѣясь однако, чтобъ это ужъ слишкомъ наглое требованіе было уважено, Фридрихъ велѣлъ Мардефельду просить императрицу принять на себя посредничество для умиренія Европы. Чернышевъ, оставшійся одинъ въ Берлинѣ по отъѣздѣ Мих. Петр. Бестужева въ Дрезденъ, отвѣчалъ Подевильсу, что императрица не считаетъ себя обязанною помогать Прусскому королю въ этой войнѣ, которую онъ самъ началъ, тогда какъ никто на него не нападалъ; принять же на себя посредничество для водворенія мира въ Европѣ она согласна [3]). Поэтому 23 января въ Петербургѣ посланникъ Маріи-Терезіи, графъ Розенбергъ, былъ позванъ къ государственному канцлеру, который ему сообщилъ, что Прусскій король приглашаетъ императрицу принять на себя посредничество въ примиреніи всѣхъ воюющихъ державъ. Розенбергъ долженъ былъ увѣрить свою государыню, что императрица будетъ ждать только отвѣта отъ Вѣнскаго Двора, чтобъ приложить самое усердное стараніе о всеобщемъ примиреніи и подать новые опыты своего высокопочитанія ея величеству королевѣ. Розенбергъ отвѣчалъ, что его государыня, предавъ свою судьбу въ руки ея импер. величества, приметъ за благо все, что императрица ей ни изволитъ присовѣтывать, будучи увѣрена, что такая правосудолюбительная монархиня не можетъ одобрить поведенія Прусскаго короля, частаго нарушенія имъ трактатовъ, также обиды и разоренія, причиненнаго имъ землямъ королевы [4]).

Но въ началѣ 1745 года Чернышевъ донесъ,

---

[1]) Доклады и мнѣнія. — Архивъ князя Воронцова II, 16. — Депеша Дальона 1745 года въ перлюстраціяхъ Московск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ.

[2]) Переписку эту см. въ Архивѣ кн. Воронцова.

[3]) Дѣла Прусскія, 1745 года.

[4]) Дѣла Австрійскія, 1745 года.

что Прусскій Дворъ желаетъ одного – выпутаться изъ этой войны съ сохраненіемъ Силезіи, и домогается посредничества Россіи съ тою цѣлью, чтобъ эта держава, занявшись мирными соглашеніями, не могла предпринять ничего противъ Пруссіи; притомъ Берлинскій Дворъ представлялъ дѣло такъ, какъ будто Россія сама предложила свое посредничество, безъ требованія со стороны Пруссіи. Это произвело раздраженіе въ Петербургѣ, которое усилилось, когда узнали, что Турція предложила свое посредничество къ умиренію Европы, и что это предложеніе сдѣлано по внушеніямъ Франціи и Пруссіи! Вслѣдствіе этого, 30 марта Чернышевъ получилъ отъ своего Двора рескриптъ съ объявленіемъ, что Мардефельду отказано относительно посредничества: „Намъ не для чего", говорилось въ рескриптѣ, „такого авансу дѣлать и посредство наше навязывать. Сверхъ же того, когда съ другой стороны не точію намъ, но, какъ извѣстно, въ Гагѣ и Лондонѣ почти подобныя представленія сдѣланы, да и Порта Оттоманская свое посредство предъявляетъ, то мы какъ ни желательны скорѣйшаго возстановленія повсюду покоя, однако болѣе въ то вступаться за несходно для насъ признаемъ. При изъясненіи всего вышеписаннаго, по поводу какихъ-либо прусскихъ на здѣшнюю записку отвѣтовъ, вы не преминете прилежно избѣгать всякой досадительный видъ, но просто прилежать станете, при удобовозможной учтивости, правость всего нашего поступка имъ внятно истолковать и дать уразумѣть, съ какою умѣренностью сей нашъ отвѣтъ о медіаціи имъ учиненъ, довольно причины имѣя оный съ выговоромъ учинить, понеже его величество самъ оную медіацію предложилъ, и, по склонности уже нашей, на то отвѣтствовалъ, что будто мы оферировали" [1]).

Итакъ, несмотря на раздраженіе, сами не хотѣли раздражать, старались избѣгать „всякій досадительный видъ": понятно, что должны были стараться избѣгать всякаго досадительнаго для Прусскаго короля дѣла, къ какому старались побудить Россію, Австрія и ея союзники. Въ началѣ 1745 года былъ заключенъ въ Варшавѣ договоръ между морскими державами, Австріею и Саксоніею, по которому послѣдняя обязывалась за англійскія субсидіи выставить значительное войско для соединеннаго дѣйствія съ Австріею противъ Пруссіи. Для обезпеченія успѣха, союзнымъ державамъ необходимо было склонить къ тому же и Россію. Когда Ланчинскій, по окончаніи дѣла Ботты, возвратился въ Вѣну, то былъ принятъ министрами Маріи-Терезіи „съ оказаніемъ особливаго удовольства". При первомъ же свиданіи, канцлеръ графъ Улефельдъ вручилъ ему печатный экземпляръ циркулярнаго рескрипта королевы къ министрамъ ея при иностранныхъ Дворахъ, уничтожающаго силу прежняго рескрипта по дѣлу Ботты, послѣ чего стали внушать Ланчинскому, что на Русской императрицѣ лежитъ обязанность поддержать европейское равновѣсіе; не говоря уже о Франціи, король Прусскій одинъ въ состояніи нарушить спокойствіе Сѣвера; онъ уже знаетъ дорогу и въ Константинополь: потому необходимо силу его поубавить и не только Силезію, но и другія земли у него отнять, чему Россія легко можетъ содѣйствовать. Если же Прусскій король останется при настоящихъ своихъ владѣніяхъ, то хотя и нежелательно пророчествовать непріятное, однако нельзя не предсказать, что Фридрихъ II, исполненный завоевательнаго духа, скоро доберется до Польской Пруссіи, потомъ до Курляндіи, а потомъ получитъ аппетитъ и на Лифляндію [2]).

Въ Вѣнѣ дѣлались внушенія; въ Петербургѣ съ апрѣля мѣсяца у канцлера и вице-канцлера происходили конференціи съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Гиндфордомъ, австрійскимъ—графомъ Розенбергомъ, голландскимъ—Дедье и саксонскимъ резидентомъ—Пецольдомъ о приступленіи Россіи къ Варшавскому договору. 29 апрѣля лордъ Гиндфордъ, жалуясь, что отъ императрицы нѣтъ отвѣта на ихъ предложеніе, писалъ своему Двору: „Воронцовъ снялъ съ себя личину и смѣло противится приступленію Россіи къ Варшавскому договору; но я надѣюсь, что мы въ этомъ дѣлѣ успѣемъ. Другъ мой (Бестужевъ) намѣренъ подать свое мнѣніе въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, если соперникъ осмѣлится подать свое въ такихъ же. Всѣ старые сенаторы на нашей сторонѣ". Прошелъ еще мѣсяцъ, и только 30 мая канцлеръ сообщилъ посламъ союзныхъ державъ отвѣтъ на ихъ предложеніе; въ этомъ отвѣтѣ говорилось, что, для отстраненія всякихъ затрудненій и для скорѣйшаго окончанія дѣла, необходимо откровенное объясненіе. Въ предложеніи сказано, что отъ Россіи не требуется что-либо новое,—требуется только исполненіе старыхъ союзническихъ обязательствъ; но императрица считаетъ себя обязанною признать случай союза (casus foederis) только относительно одного короля Великобританскаго; относительно короля Польскаго случай союза еще не представился. Что же касается королевы Венгро-Богемской, то у нея нѣтъ никакого права полагаться на прежніе союзные договоры съ здѣшнимъ Дворомъ, потому что союзный договоръ съ императоромъ Карломъ VI въ 1733 г. измѣненъ въ предосужденіе великаго князя наслѣдника, какъ герцога Голштинскаго, почему союзъ отъ нынѣ царствующей императрицы не признанъ, формально до сихъ поръ не возобновленъ и не ратификованъ; впрочемъ, императрица готова заключить новый союзный договоръ. Императрица не отрекается также заключить конвенцію съ державами, подписавшими Варшавскій трактатъ; конвенція эта должна заключаться въ слѣдующемъ: Россія выставляетъ 30,000 войска, за которыя ей должно быть заплачено по милліону двѣсти пятидесяти тысячъ албертовыхъ ефимковъ ежегодно.

---

[1]) Дѣла Прусскія.

[2]) Дѣла Австрійскія.

Если на Россію нападутъ Турки, Персіяне или какіе-нибудь другіе нехристіанскіе народы, то 30.000 войска возвращаются назадъ въ Россію, но деньги продолжаютъ уплачиваться во все время продолженія войны; если же на Россію нападетъ христіанская держава, то, кромѣ уплаты денегъ, союзники обязаны сдѣлать диверсію въ пользу Россіи или оказать ей выговоренную въ договорахъ помощь; наконецъ союзники обязаны гарантировать всѣ Нѣмецкія владѣнія великаго князя наслѣдника.

Послы отвѣчали, что переданная имъ бумага тѣмъ болѣе для нихъ горька и прискорбна, что противна интересу Россіи и славѣ ея величества: они не станутъ говорить о томъ, что случай союза съ королемъ Польскимъ существуетъ очевидно; равно не станутъ говорить о томъ, что неслыханно въ свѣтѣ и не извѣстно ни одному народу, что договоръ долженъ подтверждаться при каждой перемѣнѣ правленія; не извѣстно Европѣ, что если, по требованію императрицы Анны, измѣненъ одинъ параграфъ договора между Россіею и Австріею, то и весь договоръ потерялъ силу. Опасныя послѣдствія такого принципа скоро ниспровергли бы человѣческое общество, ибо каждый государь могъ бы тогда сказать: мой предшественникъ не могъ уступить такихъ-то городовъ или такихъ-то областей, ни заключать такого договора, потому что это предосудительно для моего наслѣдника. Послы и министры не коснутся также жестокихъ и неслыханныхъ условій, требуемыхъ за русскую помощь, ибо въ цѣломъ свѣтѣ не найдется договора, въ которомъ бы подобныя условія были предложены и приняты. Впрочемъ, послы и министры признаютъ отвѣтъ 30 мая отговоркою въ исполненіи обязательствъ и полнымъ отказомъ на всѣ ихъ предложенія [1]).

Ланчинскій получилъ приказаніе передать устно министрамъ Маріи-Терезіи, что государыня согласна возобновить союзный договоръ на основаніи договора 1726 года, но съ исключеніемъ обязательства подать помощь королевѣ въ настоящей войнѣ и ручательства за прагматическую санкцію; при этомъ Ланчинскій долженъ былъ жаловаться на Розенберга, который позволилъ себѣ слишкомъ рѣзко высказать свое неудовольствіе на конференціи 30 мая. Графъ Улефельдъ отвѣчалъ, что, наоборотъ: Розенбергъ обиженъ, потому что онъ одинъ объявляется виноватымъ, а голландскій и англійксій министры въ сторонѣ, тогда какъ все дѣло въ томъ, что съ русской стороны объявлены невозможныя условія. Утопающій вопитъ о помощи, а пріятель говоритъ ему: подожди до завтра. „Кажется", продолжалъ Улефельдъ, „при вашемъ Дворѣ утверждено мнѣніе, что Россіи никакіе союзы не надобны, что нашему Двору въ Русскомъ больше нужды, чѣмъ Русскому въ нашемъ. Но какъ можно это предвидѣть?" — „Дѣло понятное", сказалъ Ланчинскій: „на Австрійскій Домъ бываютъ частыя нападенія и въ настоящее время онъ выдерживаетъ войну".— „Поэтому-то мы и помощи просимъ", возразилъ Улефельдъ; „но относительно будущаго нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Вы, можетъ быть, думаете, что теперь Порта находится въ упадкѣ, благодаря Персіянамъ, и Россія поэтому долгое время будетъ покойна; но надобно обратить вниманіе на причину упадка, которая случайна. Если настоящій султанъ будетъ низверженъ и сядетъ на престолъ одинъ изъ его племянниковъ, который поразумнѣе и пободрѣе, и если новый султанъ, помирившись съ Персіею, нападетъ на Россію, то наша королева, которую допускаютъ теперь до обезсилѣнія и разоренія, будетъ ли тогда въ состояніи подать помощь Россіи?" — „Пассажъ о которомъ вы упоминаете, не въ ту силу клонится", отвѣчалъ Ланчинскій: „Турки, оправившись, скорѣе всего нападутъ на Венгрію, которая къ нимъ близка, а въ подстрекателяхъ къ этому не будетъ недостатка" [2]).

Но Прусскій король не былъ доволенъ тѣмъ, что Россія уклонялась отъ союза съ его врагами; онъ потребовалъ, чтобъ Россія удержала Польскаго короля, какъ курфюрста Саксонскаго, отъ враждебныхъ дѣйствій противъ Пруссіи. На это Чернышову приказано было отвѣчать, что Русскій Дворъ сначала былъ того мнѣнія, что смерть императора Карла VII и выборъ новаго главы имперіи соединятъ важнѣйшихъ имперскихъ членовъ, но вышло иначе: между членами имперіи, равно какъ между ними и другими державами продолжаются прежнія отношенія, и потому Русскій Дворъ долженъ такъ-же смотрѣть на дѣло попрежнему. Если король Прусскій попрежнему хочетъ исполнять обязательства къ своимъ союзникамъ, то и король Польскій, какъ курфюрстъ Саксонскій, можетъ точно такъ-же поступать относительно своихъ союзниковъ. Предосторожности, принимаемыя королемъ Польскимъ для собственной безопасности и исполненія этимъ государемъ своихъ обязательствъ къ союзникамъ, не могутъ быть признаны враждебными дѣйствіями противъ Пруссіи, и потому саксонскія земли не могутъ за это ничего потерпѣть, тѣмъ болѣе-что король Польскій обнадежилъ Русскій Дворъ, что не хочетъ нарушить своего нейтралитета и предпринять что-нибудь прямо противъ Прусскаго короля. Если же Пруссія подвергнется нападенію по какой-нибудь новой причинѣ, а не вслѣдствіе ея прошлогодняго нападенія на Богемію, то Россія своею предупредительною помощію докажетъ, какъ она намѣрена держать свое слово.

Подевильсъ отвѣчалъ на это „съ смутнымъ и недовольнымъ видомъ", что онъ никакъ не можетъ понять причину, почему Дрезденскій Дворъ имѣетъ счастіе пользоваться дружбою Русской императрицы предпочтительно предъ Берлинскимъ. Непонятно, почему Русскій Дворъ не хочетъ предот-

[1]) Дѣла Англійскія 1745 года.

[2]) Дѣла Австрійскія.

вратить лишнее кровопролитіе, тогда какъ можетъ это сдѣлать однимъ своимъ словомъ, сказаннымъ Дрезденскому кабинету, чтобъ тотъ не помогалъ Венгерской королевѣ. „Кровопролитіе послѣдуетъ“, продолжалъ Подевильсъ, „потому что мой государь принялъ твердое рѣшеніе считать этотъ поступокъ Саксоніи за военное дѣйствіе противъ Пруссіи и, въ надеждѣ на свое правое дѣло и на своихъ союзниковъ, отомстить за это Дрезденскому Двору вредѣніемъ въ собственныя его владѣнія, не признавая его нейтралитета, ибо мы имѣемъ вѣрныя извѣстія, что между Саксоніею и Австріею уговоръ раздѣлить между собою Силезію, когда она будетъ отвоевана у Пруссіи“. На это велѣно было Чернышову отвѣчать, что Прусскій король прошлаго года самъ въ своихъ манифестахъ объявилъ, что хотя онъ, вступаясь за главу имперіи, напалъ на Богемію, однако съ Венгро-Богемскою королевою никакой ссоры не имѣетъ и при Бреславскомъ договорѣ держится; точно такъ же и король Польскій можетъ помогать Маріи-Терезіи, а съ Берлинскимъ Дворомъ продолжать доброе согласіе. А если бы отъ нашего произвола зависѣло считать помощниковъ врагамъ нашимъ также и нашими врагами и послѣдовать прусскому принципу, то между Голландіею и Франціею давно бы уже велась война; но мы видимъ другое: французскій министръ живетъ въ Гагѣ, а голландскій—въ Парижѣ. Чернышовъ долженъ былъ объявить, что его Дворъ не думаетъ, чтобъ Прусскій король рѣшился что-нибудь предпринять противъ Саксоніи, ибо въ такомъ случаѣ онъ будетъ нападчикомъ, и союзники Саксоніи, въ томъ числѣ и Россія, принуждены будутъ подать ей помощь [1]).

Между тѣмъ Франція сильно хлопотала: чтобъ Россія не дала войска Англіи за субсидіи; чтобъ не соглашалась на избраніе въ императоры германскіе мужа Маріи-Терезіи, герцога Тосканскаго Франца, а содѣйствовала избранію Саксонскаго курфюрста (короля Польскаго) Августа III; чтобъ вошла въ четверной союзъ съ Франціею, Пруссіею и Саксоніею, или, если уже этого нельзя, оставалась бы совершенно нейтральною. Въ это время, какъ мы видѣли, мѣсто русскаго министра въ Парижѣ занималъ Гроссъ; но императрица думала, что Французскій Дворъ будетъ недоволенъ назначеніемъ Гросса, что надобно будетъ отправить когонибудь познатнѣе, „да и лучше, чтобъ тамъ кто изъ Россійскихъ былъ“. Въ началѣ года министръ Людовика XV, маркизъ Даржансонъ, толковалъ Гроссу, что будетъ противно мудрости императрицы послать войско на помощь Англіи, ибо въ такомъ случаѣ Елисавета не будетъ болѣе безпристрастна и лишится своего высокаго значенія посредницы при умиротвореніи Европы. Въ апрѣлѣ Даржансонъ началъ внушать, какъ невыгодно для Россіи поддерживать избраніе герцога Тосканскаго въ императоры: онъ будетъ сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ изъ стараго Австрійскаго Дома, что для Елисаветы опасно по естественной склонности Вѣнскаго Двора къ Брауншвейской фамиліи; хотя Ботта и умеръ, но его вредные замыслы могутъ возобновиться въ Россіи. Еслибъ Россія вступила съ Франціею и Пруссіею въ такой тѣсный союзъ, чтобъ было три головы подъ одною шапкою, то ей нечего было бы бояться никакой державы.— На донесенія объ этихъ рѣчахъ Гроссъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга приказаніе не входить съ Даржансономъ въ дальнѣйшія объясненія и ограничиться только наблюденіемъ „сентиментовъ“ Французскаго Двора относительно Саксоніи. Эту сдержанность Гросса французское министерство естественно приписывало Бестужеву, и Даржансонъ въ разговорахъ съ Гроссомъ даже не могъ удержаться, чтобъ не называть Бестужева Англичаниномъ и не замѣчать, что дѣйствія русскаго министерства не согласны съ видами самой императрицы [2]). Это раздраженіе противъ Бестужева поддерживалось донесеніями Дальона, который жаловался на холодность русскаго канцлера, на невозможность его подкупить. Дальонъ старался объяснить себѣ такое поведеніе Бестужева или тѣмъ, что въ бумагахъ маршала Белиля, захваченныхъ Астрійцами, найдены какія-нибудь выходки, озлобившія русскихъ министровъ, или тѣмъ, что Порта предложила свое посредничество для заключенія всеобщаго мира, когда этого посредничества желала для себя Россія. „Если справедливо первое“, писалъ Дальонъ, „то надобно вытерпѣть послѣдствія; а второе можетъ принести пользу, ибо если Русскіе думаютъ, что мы своимъ вліяніемъ могли побудить султана къ предложенію посредничества, то графъ Бестужевъ долженъ опасаться, чтобъ мы не довели Турокъ и до чего-нибудь бóльшаго, а Россія не безъ причины ничего такъ не боится какъ Турецкой войны. Мнѣ кажется, что въ Турціи можно сдѣлать очень много хорошаго: нѣсколько татарскихъ набѣговъ, отъ которыхъ Порта всегда могла бы отречься, произвели бы между здѣшнимъ народомъ большую тревогу. 30,000 янычаръ, которые бы расположились лагеремъ со стороны Бѣлграда или начали бы усиливать пограничные гарнизоны, могли бы препятствовать выходу такого большаго войска изъ Венгріи. — Ослѣпить Бестужева можно только знатною суммою, и потому надобно ее ему дать,—иначе отъ меня требовать ничего нельзя. Вице-канцлера гораздо легче можно склонить къ принятію пенсіи; женатый на двоюродной сестрѣ императрицы, онъ свергнетъ Бестужева. Россія вовсе не такъ сильна, какъ кажется издали, да и то, если слушать людей, которымъ выгодно представлять ее сильною. Въ деньгахъ страшный недостатокъ“. Въ началѣ іюня Дальонъ писалъ: „Я вторично сдѣлалъ канцлеру тѣ пріятныя предложенія, которыя особенно могли бы его подвигнуть; но онъ выслушалъ ихъ равнодушно.

[1]) Дѣла Прусскія.

[2]) Доклады и мнѣнія.—Дѣла Французскія.

Вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: „Не дѣлайте намъ зла, а мы вамъ его дѣлать не будемъ"; я взялъ его за руку, и, смотря прямо ему въ глаза, спросилъ, можетъ ли мой Дворъ полагаться на все то, что въ этихъ четырехъ словахъ заключается; онъ, пожимая мнѣ руку и такъ же прямо смотря мнѣ въ глаза, сказалъ: „Да". Итакъ въ настоящее время о союзѣ толковать нечего, и я долженъ стараться объ одномъ: препятствовать, чтобъ Россія не давала помощи нашимъ непріятелямъ, въ чемъ и надѣюсь успѣть, не истративши ничего изъ королевскихъ денегъ. До сихъ поръ и другіе иностранные министры не больше меня успѣли, съ тою только разницею, что они деньгами сыплютъ, а я деньги королевскія сберегъ. Всѣ хотятъ что-нибудь при здѣшнемъ Дворѣ сдѣлать, но никто ничего не сдѣлаетъ".

Даржансонъ отвѣчалъ Дальону: „Ваше письмо отъ 8 числа подаетъ мнѣ большую надежду на русскій нейтралитетъ, и, какъ видно, „никто ничего и не сдѣлаетъ". Мы знаемъ важность этого нейтралитета, знаемъ, что онъ можетъ вести къ миру. Но еще важнѣе для блага Европы заключеніе четвернаго союза между Франціею, Россіею, Саксоніею и Пруссіею, и по заключеніи такого союза кто бы осмѣлился возмутить покой Европы? Мы стали бы предписывать справедливые и умѣренные законы. Знаю, что нелегко согласовать этотъ четверной союзъ съ союзнымъ договоромъ между Россіею и Англіею; но средства нашлись бы, еслибъ было доброе желаніе. Вѣнскій Дворъ подалъ теперь новый примѣръ своего тиранства относительно Баварскаго Дома: онъ обманулъ молодого курфюрста, обѣщалъ ему помощь—и оставляетъ беззащитнымъ; позволилъ ему нейтралитетъ, а между тѣмъ хочетъ посылать его войска въ Италію для защиты своего собственнаго дѣла; города его удерживаетъ; хочетъ захватить его курфюрстскій голосъ, чтобъ распорядиться имъ согласно съ своими видами; контрибуціи требуетъ, хочетъ разорить Баварію окончательно. Вѣнскій Дворъ управляетъ Германіею желѣзнымъ жезломъ. Гессенцевъ и Палатинцевъ обижаетъ; хочетъ принудить всѣхъ курфюрстовъ на императорскихъ выборахъ подать голосъ въ пользу великаго герцога Тосканскаго; но годится ли этотъ принцъ для ношенія императорской короны? Неужели императрица, столь великодушная, мудрая и щедрая, пожелаетъ содѣйствовать возведенію на императорскій престолъ принца столь мало достойнаго, который не пріобрѣлъ себѣ въ Европѣ никакого значенія и который не имѣетъ никакого права, кромѣ силы Вѣнскаго Двора? Вице-канцлеръ вамъ сказалъ, что императрица приняла рѣшеніе ни помогать, ни препятствовать избранію великаго герцога Тосканскаго; такое равнодушіе неприлично столь великой государынѣ, она упускаетъ случай пріобрѣсти великую славу въ Германіи: Петръ Великій поступалъ не такъ,—онъ ревностно искалъ случаевъ вмѣшиваться въ германскія дѣла. Мы намѣрены твердо и навсегда соединиться съ Россіею. Мы чувствуемъ, что Русскіе всегда будутъ непріятелями Турокъ; но упомянутый выше союзъ повелъ бы къ тому, что Турки не могли бы пошевелиться въ Европѣ. Вы говорите, что вслѣдствіе союза съ Англіею Россія вышлетъ только 12,000 войска—не болѣе; но вы знаете, что мнѣніе свѣтомъ владѣетъ; въ Европѣ не преминутъ объявить, что вслѣдъ за 12,000 противъ насъ пойдутъ еще 60,000. Вы должны противиться всѣмъ этимъ проектамъ и не пренебрегать ничѣмъ для склоненія къ полному нейтралитету. Я не думаю, чтобъ Англія стала давать субсидіи Россіи: эта имперія такъ сильна, что въ субсидіяхъ не нуждается. Англія будетъ давать деньги только канцлеру, которому мы предлагаемъ болѣе значительные почетные подарки и, притомъ, болѣе согласные съ интересами и славою Россіи. Англичане хотятъ эту державу вовлечь въ войну, а мы хотимъ соединиться съ нею только для примиренія Европы".

Дальонъ заговорилъ съ Воронцовымъ о четверномъ союзѣ между Франціею, Россіею, Пруссіею и Саксоніею, представляя, что при такомъ союзѣ никто не осмѣлится нарушить покой Европы; при этомъ Дальонъ просилъ, чтобъ императрица продолжала стараться о примиреніи Пруссіи съ Саксоніею. Воронцовъ, по словамъ Дальона, выслушалъ его съ такимъ лицомъ, на которомъ выражалось больше удовольствія, чѣмъ холодности. Онъ пожелалъ знать, имѣетъ ли Дальонъ точный указъ говорить ему объ этомъ проектѣ; Дальонъ отвѣчалъ, что имѣетъ. Тогда Воронцовъ обѣщалъ, вмѣстѣ съ канцлеромъ, доложить императрицѣ, обнадеживая, что прилагаются всевозможныя старанія о примиреніи Польскаго и Прусскаго королей. Для ускоренія дѣла, Мардефельдъ совѣтовалъ Дальону предложить канцлеру и вице-канцлеру по 50,000 рублей. Такъ какъ депеши Дальона перехватывались и прочитывались, то Воронцовъ написалъ по этому случаю замѣтку: „Когда Дальонъ вздумаетъ подлинно 50,000 предлагать, тогда я ему скажу, что онъ самъ помнитъ, что и въ 100,000 я ему отказалъ, и теперь некстати будетъ принять 50,000." Но перехвачена была другая депеша Дальона, которая поставила Воронцова въ большее затрудненіе. Дальонъ писалъ: „Почти нѣтъ сомнѣнія, что Воронцовъ свергнетъ Бестужева, и это событіе не заставило бы себя долго ждать, еслибъ, по несчастію, нездоровье г. Воронцова не принуждало его ѣхать на нѣсколько времени за-границу. Онъ мнѣ сказалъ, что намѣренъ ѣхать тотчасъ послѣ свадьбы великаго князя; чтобъ сдѣлать и дурное къ лучшему, я его почти уговорилъ провести зиму въ Монпелье или Парижѣ, чтобъ дать вамъ способъ совершенно расположить его къ Франціи." Воронцовъ замѣтилъ на этой депешѣ: „Кромѣ собственнаго его, Дальонова, желанія (сверженія Бестужева), отъ меня онъ ни малаго виду или признаку о семъ имѣть не могъ, какъ и въ существѣ самомъ, кромѣ прямой дружбы отъ меня ничего инаго не будетъ (т.-е. канцлеру). Никакого увѣ-

щанія и присовѣтованія отъ него не было (насчетъ Монпелье и Парижа), ибо я самъ ему сказалъ, что доктора мнѣ совѣтуютъ зиму препроводить въ Монпелье, также что и ни у котораго Двора болѣе трехъ дней пробыть не намѣренъ. Въ которомъ бы краю свѣта я ни былъ, кромѣ дѣйствительной рабской вѣрности какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ инако поступлено не будетъ" [1]).

Старанія Франціи о союзѣ съ Россіею должны были остаться безуспѣшны, потому что интересы обѣихъ державъ продолжали сталкиваться. Такъ, Россія старалась воспрепятствовать непосредственной войнѣ Пруссіи съ Саксоніею, чтобъ не быть принужденною, въ силу договоровъ, подавать помощь странѣ, которая подвергнется нападенію; Франція также хлопотала о примиреніи Саксоніи съ Пруссіею, но съ тѣмъ, чтобъ Саксонскаго курфюрста и Польскаго короля Августа III сдѣлать императоромъ Германскимъ, чего никакъ не хотѣла Россія.

Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, по прибытіи своемъ въ Дрезденъ въ началѣ 1745 года, былъ встрѣченъ важнымъ извѣстіемъ о смерти императора Карла VII. 1-го февраля онъ былъ приглашенъ къ графу Брюлю, у котораго засталъ и духовника королевскаго, патера Гварини. Разговоръ пошелъ о настоящихъ деликатныхъ германскихъ замѣшательствахъ, причемъ Брюль въ конфиденціи объявилъ о внушеніяхъ прусскаго посланника, что его государю было бы не противно, еслибъ король Польскій сдѣлался Германскимъ императоромъ, на что и всѣ другіе курфюрсты согласны. При этомъ Брюль замѣтилъ, что такъ какъ его король ничего не предпринимаетъ безъ согласія Русской императрицы, то и въ этомъ случаѣ желаетъ въ непродолжительномъ времени быть увѣдомленъ о сентиментахъ ея величества. Потомъ Брюль и Гварини начали разсуждать, что достоинство Польскаго короля и Римскаго цесаря совмѣстимы, если императрица великимъ своимъ кредитомъ захочетъ сдѣлать такъ, чтобъ Августъ, и ставши императоромъ, продолжалъ быть Польскимъ королемъ, ибо этимъ предотвратятся междоусобія и распри, которыя будутъ слѣдствіемъ избранія новаго Польскаго короля. Король Августъ самъ собою цесарскаго достоинства получить не желалъ бы; но если всѣ курфюрсты будутъ къ тому склонны, то онъ думаетъ, что его избраніемъ можетъ быть возстановлено общее спокойствіе въ Европѣ. Саксонскій министръ, находящійся въ Парижѣ, доноситъ, что и тамъ не имѣютъ ничего противъ избранія Польскаго короля въ императоры.

Елисавета прочла сама донесенія Бестужева объ этихъ разговорахъ и послала ему приказаніе удерживать короля Августа отъ принятія императорской короны. Но внушенія Бестужева имѣли мало успѣха. Брюль никакъ не понималъ его представленій, что цесарское достоинство съ саксонскимъ интересомъ несходно и съ короною Польскою не компатибельно, причемъ Брюль заявлялъ, что если хотятъ, чтобъ его король уклонился отъ избранія въ императоры и дѣйствовалъ въ пользу герцога Тосканскаго, мужа Маріи-Терезіи, то Августъ III безъ вознагражденія сдѣлать этого не можетъ. Брюль, между прочимъ, представлялъ, что король Августъ, сдѣлавшись императоромъ, получитъ болѣе возможности помогать Россіи противъ Турокъ. Но относительно этого Бестужевъ писалъ, что „авантажъ весьма не великъ и скуденъ: король Польскій, ставши Цесаремъ, больше власти отъ этого въ Польшѣ не получитъ, и, въ случаѣ войны у Россіи съ Турками, не будетъ въ состояніи заставить принять въ ней участіе ни Польшу, ни имперію, тогда какъ Россія имѣетъ основаніе ожидать сильнѣйшей помощи отъ Австрійскаго государя, которому достанется императорская корона. Посланники англійскій и голландскій заодно съ Бестужевымъ отговаривали Саксонскій Дворъ отъ принятія императорской короны. Въ Россіи смотрѣли на предложеніе Августу III императорской короны со стороны Франціи и Пруссіи, какъ на сѣти, разставленныя съ цѣлію отнять у него Польшу, и Бестужевъ уже счелъ своею обязанностію представить своему Двору, какого кандидата на Польскій престолъ можно имѣть въ виду. „Между польскими магнатами", писалъ онъ, „я не нахожу ни одного, на кого бы можно было совершенно положиться, по извѣстному этого народа непостоянству; но такъ какъ изъ золъ надобно выбирать меньшее, то представляю слѣдующее: домъ Потоцкихъ, котораго глава—великій гетманъ коронный, всегда бывшій злымъ врагомъ Россіи; теперь гетманъ старъ и дряхлъ, но весь домъ его недоброжелателенъ къ Россіи. Сендомирскій воевода, графъ Тарло, всегда былъ намъ противенъ и преданъ Станиславу Лещинскому. Домъ Сапѣговъ почти весь исчезъ; только одинъ изъ него знатенъ—великій канцлеръ Литовскій; но и тотъ для престола не годится и въ народѣ никакого кредита не имѣетъ. Князь Сангушко, великій маршалокъ Литовскій, человѣкъ знатный, но простоватъ и такъ же никакого кредита не имѣетъ. Великій маршалокъ коронный Бѣлинскій богатъ, да лукавъ и непостояненъ, сверхъ того, не имѣетъ кредита. Воевода Мазовецкій—Понятовскій—человѣкъ разумный и постоянный, и хотя нѣсколько кредиту имѣетъ, однако, принимая въ разсчетъ прежніе его поступки, едва ли можно на него положиться. Изъ князей Чарторыйскихъ вице-канцлеръ Литовскій человѣкъ умный, но безъ кредита и ненавидимъ между Поляками; братъ его, воевода Русскій, человѣкъ остраго разума, честный, постоянный, по женѣ своей (Сенявской) очень богатый; онъ во всѣхъ революціяхъ постоянно держался русской стороны, онъ имѣетъ немалый кредитъ. Изъ князей Радзивиловъ только

[1]) Перлюстрація 1745 года, въ Московск. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

одинъ великій гетманъ Литовскій человѣкъ добрый и къ Россіи былъ всегда склоненъ; онъ по своему чину въ Литвѣ немалый кредитъ имѣетъ. Гетманъ Польный коронный, графъ Браницкій, человѣкъ изрядный, честный и богатый; также ничего противнаго Россіи отъ него не примѣчено. Вице-канцлеръ коронный—Малаховскій—человѣкъ умный и добрый, кажется намъ доброжелателенъ, по крайней мѣрѣ во время послѣдней революціи постоянно при нашей сторонѣ былъ и между мелкимъ шляхетствомъ немалый кредитъ имѣетъ. Между этими четверыми—Чарторыйскимъ, Радзивиломъ, Браницкимъ и Малаховскимъ, Чарторыйскаго, воеводу Русскаго, признаю самымъ способнымъ: это человѣкъ твердый и постоянный, что рѣдкость между Поляками, знатенъ и богатъ (больше 200,000 талеровъ годоваго доходу имѣетъ). Несмотря на то, еслибъ дѣло дошло до избранія, то, по обычной другъ къ другу зависти и ненависти, кромѣ великаго безпокойства и смуты между ними ничего добраго ожидать нельзя. Они лучше Саксонскаго принца, нежели природнаго Пяста, въ короли себѣ пожелаютъ, и эти выборы могутъ произойти безъ всякаго безпокойства, если ваше императорское величество къ Саксонскому принцу склонность явите и его поддержать соизволите. Кажется, и русскій интересъ требуетъ на Польскомъ престолѣ Саксонскаго принца предпочтительнѣе предъ Пястомъ, ибо Пястъ, по природной къ Россіи ненависти, будетъ имѣть сношенія съ Французами, Шведами, Турками и Татарами ко вреду Россіи; а чужестранный принцъ для собственнаго охраненія и для полученія большаго значенія между Поляками всегда будетъ держаться русской стороны".

Между тѣмъ, Фридрихъ II велѣлъ объявить Августу III-му, что если вспомогательныя саксонскія войска вступятъ вмѣстѣ съ австрійскими въ Силезію, то Пруссія почтетъ это за объявленіе войны. Эта угроза заставила еще болѣе Саксонскій Дворъ просить Русскую императрицу о поданіи немедленной помощи. Пораженіе, претерпѣнное австро-саксонскими войсками въ Силезіи отъ Пруссаковъ, подало поводъ Бестужеву писать: „Король Прусскій, пользуясь своимъ торжествомъ, безъ сомнѣнія вступитъ въ Саксонію, которую скоро и легко можно разорить, и король Польскій, силою прусскаго оружія и страхомъ предъ неминуемымъ разореніемъ своихъ наслѣдственныхъ земель, принужденъ будетъ, оставя Польскую корону, принять императорскую, слѣдовательно, покинувъ союзъ съ морскими державами, предать себя въ руки Франціи и Пруссіи. Крайне опасныя изъ этого для русскихъ интересовъ слѣдствія, возбужденіе замѣшательствъ въ Польшѣ и возведеніе на тамошній престолъ либо Станислава Лещинскаго, либо другой какой-нибудь французской и прусской креатуры—заставляютъ меня всенижайше представить, какимъ образомъ теперь наступило настоящее время заблаговременно бодрымъ рѣшеніемъ сдержать Прусскаго короля, чтобъ не усилился чрезъ-мѣру и не принудилъ Польскаго короля, оставивъ Польшу, принять императорскую корону, ибо если со стороны Россіи не примутся немедленно сильныя мѣры, то послѣ уже будетъ поздно помочь бѣдѣ". Извѣщая, что послѣ своего торжества Прусскій король исполнилъ угрозу, отозвалъ своего посланника изъ Дрездена, Бестужевъ прибавилъ: „Обстоятельства показываютъ, что между королями Польскимъ и Прусскимъ непремѣнно дѣло дойдетъ до опасныхъ и очень непріятныхъ дальностей, если ваше величество за здѣшній Дворъ какъ можно скорѣе вступиться не соизволите". Въ іюлѣ, увѣдомляя объ успѣхахъ Французовъ въ австрійскихъ Нидерландахъ и Италіи, о колебаніи Голландіи, устрашенной этими успѣхами, о постоянныхъ требованіяхъ съ французской стороны, чтобъ король Польскій принялъ императорскую корону, Бестужевъ писалъ: „Французская и Прусская державы пришли уже въ такую силу, что невозможнымъ становится малѣйшее промедленіе въ отвращеніи вредныхъ послѣдствій этого усиленія". Но, вмѣсто извѣщенія о серіозномъ демаршѣ, котораго требовалъ Бестужевъ, ему сообщили изъ Петербурга, что Чернышову велѣно сдѣлать при Берлинскомъ Дворѣ наисильнѣйшія увѣщанія, чтобъ не предпринимали ничего враждебнаго противъ саксонскихъ земель; а между тѣмъ Бестужевъ продолжалъ доносить, что министры французскій и испанскій употребляютъ всѣ мѣры, чтобъ отлучить Польскаго короля отъ его союзниковъ, примирить съ Прусскимъ королемъ и потомъ склонить къ принятію императорской короны; въ случаѣ невозможности соединить эту корону съ Польскою, обѣщаютъ возвести на Польскій престолъ одного изъ Саксонскихъ принцевъ, наконецъ обѣщаютъ присоединить къ Саксоніи всю Богемію. Русскія представленія при Берлинскомъ Дворѣ не имѣютъ силы, Фридрихъ II готовится напасть на Саксонію, и есть извѣстіе, что въ Берлинѣ уже печатается объявленіе войны. Саксонское правительство просило, чтобъ императрица велѣла двинуть корпусъ войскъ въ Польшу и стать на нѣмецкихъ границахъ; король Августъ обязывался продовольствовать эти войска до тѣхъ поръ, пока Прусскій король не объявитъ войны Саксоніи; но одного движенія русскаго корпуса въ Польшу будетъ достаточно, чтобъ удержать Фридриха II отъ объявленія войны. 24 августа французскій посланникъ подалъ промеморію, въ которой склонялъ Польскаго короля къ принятію императорской короны, обѣщая отъ своего Двора знатную сумму денегъ и другія выгоды для поддержанія императорскаго достоинства; если же Августъ III никакъ не согласится быть императоромъ, то, по крайней мѣрѣ, пусть своимъ вліяніемъ замедлитъ избраніе новаго императора. Графъ Брюль обнадежилъ Бестужева, что король Августъ, не желая получить императорскую корону интригами Французскаго и Прусскаго Дворовъ, твердо рѣшился не дать себя поймать въ разставленныя ему сѣти и не отступать отъ своихъ союзниковъ.

Вогрепанъ при Дворѣ и въ частныхъ домахъ внушалъ, что Саксонія противъ Прусскаго короля никакой помощи отъ Россіи никогда не получитъ, ибо въ противномъ случаѣ Фридрихъ II-й не сталъ-бы дѣйствовать такъ рѣшительно. Въ то же самое время распущенъ былъ по всему Дрездену слухъ, что въ Россіи произошло возстаніе противъ императрицы, наслѣдника и его супруги, потому что послѣдніе не пріобщались публично Св. Таинъ по уставу Восточной Церкви. По мнѣнію Бестужева, эти слухи были распространены отъ Французскаго и Прусскаго Дворовъ. Изъ Константинополя приходили извѣстія, что Прусскій и Французскій Дворы — первый черезъ своихъ эмиссаровъ, а второй черезъ своего посланника,—безпрестанно и всѣми силами стараются склонить Порту, чтобъ послала сильное войско въ Венгрію, гдѣ Турки могутъ безъ всякаго труда дѣлать завоеванія по неимѣнію тамъ австрійскихъ войскъ; Прусскій король особенно домогается союза съ Портою. Наконецъ Прусскій король объявилъ войну Саксоніи [1]).

Петербургъ былъ встревоженъ этими извѣстіями въ самое неудобное время, во время приготовленій къ свадьбѣ великаго князя. 19 августа, въ присутствіи канцлера и вице-канцлера, Елисавета говорила, какъ было бы желательно какимъ-нибудь образомъ оба Двора примирить; еслибъ теперь, по союзному обязательству, послать Польскому королю на помощь 12,000 войска противъ Прусскаго короля, то, пожалуй, это можетъ навлечь на Россію дальнѣйшія слѣдствія тяжкой войны; а напротивъ, если и король Польскій, при своихъ малыхъ силахъ, будетъ принужденъ вступить въ французскіе и прусскіе виды и принять предлагаемую ему этими Дворами императорскую корону, то для русскихъ интересовъ также продолжительныя и тяжелыя слѣдствіе произойдутъ. Для рѣшенія этого вопроса, императрица велѣла немедленно собрать совѣтъ. Тутъ Воронцовъ поднесъ свое письменное мнѣніе, которое Елисавета оставила у себя. Бестужевъ испугался и объявилъ, что онъ также подастъ свое письменное мнѣніе.

Воронцовъ въ своемъ мнѣніи говорилъ, что повидимому нужно было бы послать войско на помощь королю Польскому, чтобъ отвратить его отъ исканія императорской короны; но этою посылкою Россія обнаружитъ явную вражду къ королю Прусскому, своему союзнику, безъ всякаго неудовольствія съ его стороны, безо всякой причины, и должна будетъ ждать отъ него всякаго непріятельскаго поступка. Если этою посылкою войска не достигнемъ желаемаго, т.-е. не отвратимъ Прусскаго короля отъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Саксоніи, то честь и слава императрицы заставятъ употребить всѣ свои силы для достиженія этой цѣли, отчего зайти можемъ очень далеко, навлечь на себя войну, окончаніе которой неизвѣстно. Войска наши иначе не могутъ достигнуть Саксоніи, какъ чрезъ польскія или прусскія земли. Въ первомъ случаѣ Поляки тропутся и заведутъ конфедерацію противъ своего короля, которую Франція и Пруссія будутъ поддерживать для низверженія Августа III и возведенія на престолъ своей креатуры. Если же идти чрезъ Прусскія земли, то это признано будетъ за явное нападеніе и нарушеніе союза, и конечно Пруссаки не допустятъ наше войско до соединенія съ саксонскою арміею, нападутъ на него съ превосходными силами и могутъ нанести пораженіе. Для укомплектованія войскъ нуженъ рекрутскій наборъ и чрезвычайные расходы; но состояніе имперіи позволяетъ ли такую трату людей и денегъ, а денегъ и безъ того очень мало въ нашемъ государствѣ. Для избѣжанія явнаго нареканія въ неисполненіи договора съ Саксоніею, не лучше ли вмѣсто посылки войскъ дать деньгами по 450,000 рублей въ годъ; на войско истратимъ столько же; а тутъ по крайней мѣрѣ люди останутся цѣлы. А всего было бы лучше помирить Саксонію съ Пруссіей такимъ способомъ: объявить рѣшительно прусскому министру, чтобъ король его удержался отъ нападенія на Саксонію, въ противномъ случаѣ русскія войска немедленно пойдутъ къ ней на помощь; по желанію же его короля, обѣщается ему полное обнадеживаніе, что Саксонцы не тронутъ его земель, и дѣйствительно вытребовать это обѣщаніе отъ Дрезденскаго Двора.

13 сентября Бестужевъ подалъ свое мнѣніе: „Ваше величество находитесь въ союзѣ съ разными державами. Самый древній союзъ съ королемъ Великобританскимъ, ибо онъ основанъ на взаимной безопасности обѣихъ коронъ относительно Швеціи, Даніи, Пруссіи и Польши, на взаимномъ благѣ обоихъ государствъ и на торговлѣ: Англичане ежегодно продаютъ и покупаютъ здѣсь товаровъ болѣе чѣмъ на милліонъ рублей, и такъ какъ покупаютъ болѣе, чѣмъ продаютъ, то болѣе полумилліона оставляютъ здѣсь чистыми деньгами. Петръ Великій такъ увѣренъ былъ въ необходимости постоянной дружбы съ Англіею, что и во время ссоры своей съ Англійскимъ королемъ Георгомъ I-мъ, по Мекленбургскимъ дѣламъ, старался соблюдать дружбу съ Англіею. Въ царствованіе вашего величества заключенъ съ Англіею союзный договоръ, потому что приведенные причины и интересы остаются неизмѣнными. Второй союзъ, въ царствованіе вашего величества возобновленный,— это союзъ съ Пруссіею, который могъ быть такъ же очень полезенъ, если бы мы не были научены опытомъ, какъ мало Прусскій король держитъ свое слово и свои обязательства, и какъ мало, слѣдовательно, можно положиться на всѣ его ласкательныя обнадеживанія. Я, вмѣстѣ съ покойнымъ Бреверномъ, совѣтовалъ заключить союзъ съ Пруссіею именно для того, чтобъ удержать Прусскаго короля отъ поданія помощи Швеціи деньгами или людьми, ибо извѣщали, что государь этотъ далъ значительную сумму денегъ графу Потоцкому для подкрѣпленія

[1]) Дѣла Польскія 1745 года.

польской конфедераціи, о которой такъ хлопотала Швеція для отвлеченія вниманія Россіи отъ себя. Но теперь, когда Прусскій король, посредствомъ брака своей сестры съ Шведскимъ наслѣднымъ принцемъ, чего я всегда опасался, пріобрѣлъ тамъ такія сильныя связи и вліянія, сомнѣваюсь, чтобъ онъ, въ случаѣ нашей ссоры съ Швеціею, захотѣлъ быть намъ полезенъ; напротивъ: болѣе причинъ опасаться, что связи и вліянія этого горделиваго государя и сестры его произведутъ дѣйствія, очень противныя интересамъ вашего величества, если вскорѣ не положатся этому предѣлы. Онъ уже и теперь имѣетъ въ Швеціи болѣе власти и кредита, чѣмъ мы когда-либо имѣли; безъ сомнѣнія, онъ самъ внушаетъ сестрѣ своей мысли объ отмѣнѣ нынѣшней формы правленія въ Швеціи, о возстановленіи тамъ самодержавія, не говоря уже о томъ, что въ Польшѣ и при самой Портѣ Оттоманской онъ составляетъ себѣ сильныя партіи и входитъ въ тайныя соглашенія, которыя съ интересами вашего величества и вашей имперіи вовсе не сходны. Третій союзъ у насъ—съ королемъ Польскимъ, какъ съ курфюрстомъ Саксонскимъ, союзъ полезный для взаимной безопасности отъ Пруссіи и Швеціи; кромѣ того, курфюрстъ полезенъ намъ, какъ викарій имперіи: такъ, при его содѣйствіи, великій князь Петръ Ѳедоровичъ, несмотря на перемѣну вѣроисповѣданія, признанъ способнымъ оставаться въ числѣ имперскихъ владѣльцевъ. Благодаря этимъ союзамъ, Россія наслаждалась миромъ при всеобщей войнѣ; но при настоящемъ положеніи дѣлъ осудить себя на бездѣйствіе нельзя по святости договоровъ: такимъ бездѣйствіемъ можно потерять дружбу и уваженіе всѣхъ державъ и союзниковъ. Нужно, слѣдовательно, избрать которую-нибудь сторону, и всего лучше принять мнѣніе вице-канцлера, поданное имъ 11 сентября 1744 г. Мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что интересъ вашего величества, честь и безопасность имперіи требуютъ принять такія мѣры, которыми древняя, истинная европейская система могла бы быть подкрѣплена и возстановлена, безъ принятія Россіею непосредственнаго участія въ войнѣ; примѣромъ служитъ Голландія, которая помогаетъ Англіи и королевѣ Венгерской деньгами и войскомъ, не принимая впрочемъ прямого участія въ войнѣ и считаясь только помощницею. Теперь война между двумя союзницами Россіи,—Пруссіею и Саксонію; обѣ имѣютъ право требовать отъ насъ исполненія договоровъ: на которую же сторону склониться?—Разумѣется, на саксонскую, ибо Фридрихъ II-й нарушитель всеобщаго спокойствія; онъ безъ всякой причины напалъ на Саксонію и на королеву Венгерскую, разорвалъ Бреславскій миръ, гарантированный Россіею и Англіею. Фридрихъ II, несмотря на всѣ увѣщанія со стороны Россіи, несмотря на собственныя его обнадеживанія, сдѣланныя здѣсь чрезъ Мардефельда, что онъ ничего не предприметъ противъ наслѣдственныхъ земель короля Польскаго и противъ спокойствія въ королевствѣ Польскомъ, воспользовался неудовольствіемъ Сендомирскаго воеводы Тарло и предложилъ ему Польскую корону, или если онъ ея не желаетъ, то обѣщалъ возвести на престолъ Станислава Лещинскаго, во всякомъ случаѣ—обѣщалъ поддержку со стороны Пруссіи и Франціи, если Тарло образуетъ конфедерацію и откажетъ въ повиновеніи королю Августу. Если бы принято было мое мнѣніе, сообщенное вице-канцлеру въ Кіевъ 6 августа прошлаго года, что надобно приготовить къ походу 10,000 казаковъ, или если-бы принято было представленіе брата моего изъ Дрездена и саксонскаго резидента Пецольда объ отправленіи 12,000 войска, за которыя король Польскій обязывался платить субсидныя деньги, то конечно король Прусскій никогда не отважился бы напасть на Саксонію, намъ бы теперь меньше было труда, а субсидными деньгами пользовались бы. Итакъ, если ваше импер. величество не желаете, чтобъ король Прусскій еще болѣе усилился къ очевидному вреду всѣхъ своихъ сосѣдей, а король Польскій, самый вѣрный вашъ союзникъ, преданъ былъ ему въ жертву съ своими наслѣдными землями,—если не желаете, чтобъ онъ, не будучи въ состояніи обороняться собственными силами, перешелъ на сторону Франціи и принялъ императорскую корону, отчего въ Польшѣ произойдутъ неминуемыя замѣшательства, для успокоенія которыхъ потребуется вдвое больше войска, то необходимо подать королю Польскому немедленную помощь" [1]).

Говорили, что императрица была недовольна мнѣніемъ вице-канцлера. 29 августа Елисавета подписала паспортъ Воронцову въ чужіе края. Канцлеръ доложилъ, что свадебныя торжества препятствовали собранію совѣта по прусско-саксонскимъ дѣламъ; но, по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ откладывалъ собраніе, чтобъ приступить къ совѣщанію по отъѣздѣ Воронцова. Бестужевъ объявилъ императрицѣ, что Розенбергъ отзывается своимъ правительствомъ; Елисавета спросила: „Что это значитъ?" Бестужевъ отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: Марія-Терезія отзываетъ своего посла потому, что Россія не хочетъ признать существованія договора съ Австріею въ такое время, когда послѣдняя крайне нуждается въ помощи. И другіе послы—датскій, голландскій, англійскій—уѣдутъ, видя, что имъ незачѣмъ жить, и вѣроятно Дворы будутъ присылать въ Петербургъ только посланниковъ или даже резидентовъ. Елисавета весь тотъ день была очень задумчива, и вечеромъ, уже очень поздно, велѣла на другой день собраться чрезвычайному совѣту [2]).

Къ совѣщанію были приглашены: фельдмаршалъ князь Долгорукій, фельдмаршалъ графъ Леси, канцлеръ графъ Бестужевъ, генералъ графъ Ушаковъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ графъ Румянцевъ, тайный совѣтникъ баронъ

[1]) Бумаги Елисаветинскаго царствованія, въ Государ. Архивѣ.—Доклады.

[2]) Депеша Гиндфорда.—Доклады.

Черкасовъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, тайный совѣтникъ Веселовскій, статскій совѣтникъ Неплюевъ (Адріанъ). Предложенъ былъ для обсужденія вопросъ: „Надлежитъ ли нынѣ королю Прусскому, яко ближайшему и насильнѣйшему сосѣду, долѣе въ усиленіе приходить допускать, или не сходственнѣе ли будетъ королю Польскому, яко курфюрсту Саксонскому, по дѣйствительному настоящему съ нимъ случаю союза помощь подать, и какимъ образомъ?" На другой день, 20 сентября, члены совѣта представили свои мнѣнія. Канцлеръ Бестужевъ написалъ: „Еще въ 1744 году саксонскому министру Флеммингу было объявлено (въ Кіевѣ), что ея импер. величество всегда вѣрною и истинною союзницею короля Польскаго пребываетъ и, въ случаѣ нападенія на него, скорою помощію поспѣшить не оставитъ; я на ея величества соизволеніе предаю, какимъ образомъ съ королемъ Польскимъ поступать повелитъ". Мнѣніе барона Черкасова: „Нельзя допустить короля Прусскаго болѣе усиливаться; королю Польскому помочь тѣмъ, что находящіеся въ Лифляндіи и Эстляндіи полки ввести въ Курляндію и тамъ имъ зимовать, а на весну и всѣ полевые полки придвинуть къ границамъ. Этотъ способъ всего удобнѣе дастъ понять королю Прусскому увѣщанія императрицы; а если и это его не исправитъ, то ея импер. величество можетъ употребить войско по своему усмотрѣнію, что можетъ быть и неминуемо". Румянцевъ представилъ такое же мнѣніе. Куракинъ думалъ, что должно, по договору, послать на помощь Польскому королю 12,000 войска, а по надобности и больше. Ушаковъ—послать эти 12,000 и, кромѣ того, сдѣлать диверсію въ Курляндію. Леси стоялъ за диверсію въ Курляндіи. Фельдмаршалъ Долгорукій—такъ же; онъ писалъ, что надобно положить предѣлы замысламъ Прусскаго короля: иначе онъ можетъ овладѣть Лифляндіею и Эстляндіею для себя или для Шведовъ [1]).

3 октября было снова собраніе совѣта. Всѣ поданныя мнѣнія были выслушаны въ присутствіи императрицы; читанъ былъ также переводъ съ письма Мардефельда къ канцлеру и меморія, въ которой онъ снова просилъ помощи противъ Саксоніи. По выслушаніи всѣхъ этихъ бумагъ, императрица начала говорить: „Хотя король Прусскій и требуетъ нашей помощи по союзному трактату, но случай союза (casus foederis) здѣсь признанъ быть не можетъ, потому что онъ самъ наступленіемъ своимъ на Богемію нарушилъ Бреславскій договоръ и навлекъ на себя слѣдствія нынѣшней войны съ Австріею; силы его превосходятъ саксонскія, и онъ объявилъ Саксоніи войну за то только, что ея войска помогли австрійскимъ; поэтому, кажется, справедливѣе подать помощь Саксоніи. Сверхъ того, для русскихъ интересовъ усиленіе Прусскаго короля не только не полезно, но и опасно: приходя отъ времени до времени въ большую силу, онъ можетъ когда-нибудь согласиться съ Швеціею по своему тамъ вліянію и предпринять что-нибудь противъ здѣшней имперіи, а съ другой стороны возбудить и Турокъ. На дружбу его отнюдь полагаться нельзя: примѣръ его обмана виденъ въ предложеніи намъ посредничества, отъ чего потомъ отрекся, а въ то же время появилось посредничество отъ Турокъ, какъ видно по его же наущенію". Сказавши это, императрица спросила присутствующихъ, какъ они думаютъ; тѣ сослались на свои мнѣнія и повторили, что нельзя допускать Прусскаго короля усиливаться и надобно подать помощь королю Польскому. Тогда императрица приказала отправить изъ Лифляндіи и Эстляндіи въ Курляндію такое число полковъ, какое можно будетъ расположить на зимнихъ квартирахъ въ секвестрованныхъ герцогскихъ имѣніяхъ; на ихъ мѣсто въ Лифляндію и Эстляндію подвинуть другіе полки изъ ближнихъ мѣстъ и нарядить къ веснѣ нѣсколько нерегулярныхъ войскъ; королю Польскому дать знать объ этомъ движеніи войскъ къ нему на помощь и поручить русскому министру въ Дрезденѣ условиться съ Саксонскимъ правительствомъ насчетъ направленія и пропитанія вспомогательнаго войска, а королю Прусскому чрезъ министра его представлять, чтобъ онъ отъ нападенія на Саксонію удержался и склонился на миръ съ королемъ Польскимъ; въ противномъ случаѣ—послѣдній получитъ русскую помощь [2]).

Когда канцлеръ сообщилъ Мардефельду декларацію императрицы о движеніи русскихъ войскъ, тотъ онѣмѣлъ отъ досады или удивленія. Говорили, что Елисавета, подписавъ эту декларацію, стала на колѣни предъ образомъ, призывая Бога въ свидѣтели, что поступаетъ по совѣсти и справедливо, и молила Бога благословить ея оружіе. Она спросила у фельдмаршала Леси, какъ онъ думаетъ о принятыхъ мѣрахъ; Леси, несмотря на то, что подалъ свое мнѣніе въ совѣтѣ, отвѣчалъ сначала, что онъ не министръ и что его долгъ исполнять только повелѣнія; когда же императрица настояла, чтобъ онъ говорилъ откровенно, то онъ сказалъ, что спокойствіе ея царствованія и личная безопасность требуютъ немедленнаго обузданія короля Прусскаго; что для безопасности Россіи у него необходимо отнять Пруссію, и если не оставлять ея за собою, то отдать Польшѣ, которой опасаться нечего. Елисавета была раздражена противъ Фридриха II, называла его шахомъ Надиромъ Прусскимъ; но сильно досадовала также и на короля Англійскаго, который вошелъ въ соглашеніе съ Фридрихомъ, заключилъ съ нимъ такъ называемую Ганноверскую конвенцію, по которой Силезія должна была остаться за Пруссіею. Она упрекала канцлера за то, что онъ слишкомъ дружелюбно расположенъ къ Англіи; не разъ отзывалась, что Воронцовъ ей часто говорилъ не полагаться на

---

[1]) Бумаги Елисаветинскаго царствованія, въ Государ. Архивѣ.

[2]) Дѣла Прусскія 1745 года.

Англичанъ, которые заключатъ съ Прусскимъ королемъ отдѣльный миръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ Бестужевъ Гиндфорду, и тотъ писалъ въ Англію: „Теперь наступило время, когда морскія державы должны или утвердить дружбу Русской императрицы съ собою, или навсегда ея лишиться, удержать въ силѣ, или привести въ упадокъ Бестужева, единственнаго друга, котораго мы имѣемъ при этомъ Дворѣ. Онъ воспользовался отсутствіемъ Воронцова, чтобъ побудить императрицу рѣшиться на такой смѣлый шагъ, въ надеждѣ, что морскія державы вновь предложатъ знатныя субсидіи, ибо хотя Русскій Дворъ нашелъ довольно денегъ для приведенія арміи въ движеніе, однако онъ не въ состояніи продолжать эти издержки безъ субсидій“ [1]).

Бестужевъ пользовался отсутствіемъ Воронцова; а Воронцовъ писалъ императрицѣ о своемъ разговорѣ съ Прусскимъ королемъ 22 октября: „Его величество, по принятіи сей день моего перваго поклона, ретируясь уже къ себѣ, приказалъ меня позвать въ другую камору, гдѣ, будучи наединѣ со мною, изволилъ мнѣ говорить, начавъ, вопервыхъ, о всегдашней своей дружбѣ и высокопочитаніи къ вашему импер. величеству, которыя онъ всегда непремѣнно содержать съ своей стороны изволитъ, и что онъ притомъ же совершенную надежду полагать изволитъ, что ваше импер. величество противъ него никакой резолюціи, противной въ пользу его непріятелей, принять не изволите; что его величество притомъ скрыть мнѣ не хочетъ, что онъ опасенъ находится, дабы вашего императорскаго величества къ нему дражайшая дружба чрезъ столь многія старанія и разныя оклеветанія Вѣнскаго и Саксонскаго Дворовъ не могла наконецъ отмѣниться; что его величество изъ единаго высокопочитанія къ вашему императорскому величеству удержалъ свое оружіе противъ Саксонскаго Двора, довольно имѣя къ тому причинъ на сіе поступить, ибо совершенно извѣстенъ находится о заключенномъ между Саксонскимъ и Вѣнскимъ Дворами договорѣ, дабы земли его величества отобрать и между собою раздѣлить, того ради принужденна себя нашелъ противъ Саксонскаго Двора равномѣрно недружески поступать, только дѣйствительнаго нападенія не учинилъ для вашего императорскаго величества, дабы тѣмъ не причинить вашему величеству какого неудовольства; наконецъ изволилъ говорить о склонности своей къ миру и учиненной для того конвенціи съ королемъ Англійскимъ.—Я на все его величеству только отвѣтствовалъ, что ваше императорское величество совершенную дружбу къ его величеству имѣть изволите, и всегда съ пріятностію слышать изволили о имѣющемся добромъ согласіи между его величествомъ и королемъ Польскимъ, а притомъ же его величеству и сіе не донести не могу, что въ случаѣ нападенія на Саксонію ваше императорское величество по обязательству своему, можетъ быть противъ своей воли, помощь дать принуждены будете. Наконецъ его величество изволилъ говорить, что понеже ваше императорское величество желать изволите, дабы до непріятельства съ Саксонскимъ Дворомъ не дошло, то изволили бы употребить свои дружескія старанія, какъ то и Англійскій король чинить намѣренъ, дабы Саксонскій Дворъ на сію (ганноверскую) конвенцію склонился и тѣмъ бы окончены быть могли всѣ нынѣшнія замѣшательства“ [2]).

Но Фридрихъ II, какъ самъ говоритъ, считалъ ошибкою, разъ вооружившись, щадить непріятеля съ цѣлію склонить его къ миру; онъ думалъ, что однѣ побѣды могутъ заставить врага помириться [3]). Слова Воронцова и болѣе рѣшительныя заявленія Чернышова его не безпокоили, потому что Россія, думалъ онъ, могла что-нибудь сдѣлать не ранѣе шести мѣсяцевъ, и онъ рѣшился разгромить Саксонію, объявляя, что Брюль сбирается разгромить Пруссію, взять Берлинъ, и потому надобно предупредить его, хотя прусскій главнокомандующій, принцъ Ангальтъ, и прусскій министръ Подевильсъ первые отказались вѣрить словамъ своего короля, что у Брюля открылся вдругъ такой воинственный жаръ [4]).

Фридрихъ вступилъ съ войскомъ въ принадлежавшую тогда Саксоніи Землю Лужичей (Лузацію), разбилъ саксонскій отрядъ, взялъ городъ Герлицъ. Прусскіе отряды стали уже появляться за Будишинымъ, тогда какъ австрійская армія, не чувствуя себя въ силахъ бороться съ Пруссаками, отступала къ Богемскимъ горамъ. Ужасъ напалъ на жителей Дрездена; король рѣшилъ, что, въ случаѣ приближенія Пруссаковъ, онъ уѣдетъ въ Богемію, а между тѣмъ требовалъ отъ Бестужева, чтобъ императрица, при такихъ горестныхъ обстоятельствахъ, велѣла немедленно своему союзному корпусу вступить въ Пруссію. Бестужевъ, разумѣется, немедленно передалъ въ Петербургъ королевскую просьбу, причемъ очень искусно, для возбужденія негодованія противъ Пруссіи, кончилъ свое донесеніе такими словами: „Я не могу словами изобразить печали и отчаянія здѣшняго Двора, ибо онъ, послѣ признанія вашимъ величествомъ случая союза (casus foederis), ласкалъ себя надеждою, что Прусскій король окажетъ гораздо болѣе вниманія къ предложеннымъ отъ вашего величества добрымъ услугамъ и вдругъ непріятельски дѣйствовать не отважится“.

Прусскій король взялъ Лейпцигъ, и его гусары уже начали появляться въ трехъ миляхъ отъ Дрездена. 20 ноября король, простившись съ плачущимъ народомъ, уѣхалъ въ Теплицъ, а оттуда въ Прагу. Бестужевъ остался въ Дрезденѣ. Между тѣмъ Фридрихъ II прислалъ въ Дрезденъ предложеніе, что готовъ помириться съ Саксоніей, если она

---

[1]) Депеши Гиндфорда.

[2]) Дѣла Прусскія.

[3]) Histoire de mon temps, I, 317.

[4]) Histoire de mon temps, 338—342.

приступитъ къ ганноверской конвенціи безъ сношеній съ Вѣнскимъ Дворомъ, и когда англійскій посланникъ просилъ его, чтобъ онъ, въ виду мира, велѣлъ своему войску остановиться, то онъ отвѣчалъ, что несправедливо отъ него требовать, чтобъ онъ остановилъ побѣдоносное движеніе своей арміи, ибо теперь ему всякая минута дорога. На донесеніе брата объ этихъ событіяхъ, канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ для императрицы замѣтку: „Что по требованію Дрезденскаго Двора за субсидныя деньги десять тысячъ человѣкъ здѣшняго войска въ прошедшемъ маѣ или іюнѣ мѣсяцѣ не отправлены,—весьма о томъ сожалительно, ибо король Прусскій, усмотря тогда ея императорскаго величества серіозность и разсуждая, что впредь и болѣе войска на помощь въ Саксонію или для диверсіи въ Пруссію прислано будетъ, чаятельно не осмѣлился бы равномѣрно, яко въ Богемію подкравшись, въ такое нынѣ поздое время, когда скорой помощи подать невозможно, въ Саксонію впаденіе учинить; и хотя его Прусское величество къ англійскому курьеру, оказывая наружную храбрость, о россійскомъ помощномъ войскѣ съ посмѣяніемъ и отзывался, однакожъ осязательно примѣтить можно, что внутренно стоящихъ въ Курляндіи россійско-императорскихъ войскъ страшится, дабы иногда въ Пруссіи диверсія учинена не была; инако бы при толь великихъ прогресахъ съ такимъ менажементомъ въ Саксоніи понынѣ поступлено не было; но уповательно предвѣщаніе прусскаго оберъ-маршала Валленрота, учиненное саксонскому совѣтнику Саулю, что король, его государь, въ Саксоніи камня на камнѣ не оставитъ, городы деревнями сдѣлаетъ, а селы совсѣмъ запустошитъ, исполнить не преминулъ бы, чѣмъ ея императорское величество какъ Дрезденскій Дворъ попремногу одолжитъ, такъ и додержаніемъ своего обязательства отличную себѣ въ свѣтѣ славу и кредитъ пріобрѣсти соизволила“ [1]). Фридрихъ II самъ признается, что спѣшилъ покончить Саксонскую войну съ цѣлію не допустить Россію до вмѣшательства въ нее [2]); но Михаилъ Петровичъ Бестужевъ, чтобъ побудить свой Дворъ къ рѣшительному дѣйствію противъ Пруссіи, не толковалъ о менажементѣ Фридриха II относительно Саксоніи. Онъ писалъ 2 декабря: „Я крайнѣйше сожалѣю, что всегдашняя моя о такомъ Прусскаго Двора поступкѣ опасность нынѣ въ дѣйствѣ самомъ сбылась, а именно: что онъ, пока вашего императорскаго величества союзническое вспоможеніе сюда дойдетъ, здѣшнія земли вовсе разорить можетъ, и что онъ, слѣдовательно, понынѣ какъ притворными своими ласканіями, такъ и всякими хитрыми внушеніями токмо ваше императорское величество усыпить и тѣмъ прямые свои дальновидные и зѣло опасные замыслы елико возможно скрыть старался. Немилосердо король Прусскій какъ отъ города Лейпцига, такъ и отъ прочихъ крейзовъ (округовъ) къ крайнѣйшему подданныхъ разоренію въ краткіе термины выписанныя несносныя контрибуціи, подъ угроженіемъ огня и меча, требуетъ; всѣ королевскія казны и денежные доходы забралъ и учрежденныхъ при оныхъ служителей себѣ присягать приневолилъ; неслыханнымъ между христіанами образомъ природныхъ подданныхъ противъ собственнаго своего государя и отечества оружіе носить принуждаетъ; однимъ словомъ сказать, повсюду крайнѣйшее бѣдство и разореніе причиняетъ“.

Король Прусскій вступилъ въ Дрезденъ; Бестужевъ выѣхалъ въ Прагу, откуда доносилъ императрицѣ о рѣчахъ Фридриха II, публично сказанныхъ, что если Августъ III не поспѣшитъ примириться съ нимъ и не откажется отъ русской помощи, то онъ не оставитъ въ Саксоніи камня на камнѣ, прибавивъ къ этому, что во-вѣки не забудетъ, что Россія признала случай союза съ Саксоніею, и не упуститъ отмстить за это съ своими союзниками; при этомъ онъ взглянулъ на шведскаго посланника.

Саксонія принуждена была помириться; въ Дрезденѣ заключенъ былъ миръ между Австріею, Пруссіею и Саксоніею: Австрія подтверждала Бреславскій миръ, уступая Пруссіи Силезію; Пруссія признавала императоромъ Франца I-го, мужа Маріи-Терезіи; разоренная Саксонія должна была заплатить Фридриху II значительмую сумму денегъ и оставить всѣхъ захваченныхъ имъ Саксонцевъ въ прусской службѣ. Графъ Брюль тутъ же объявилъ Бестужеву, что они не будутъ сохранять мира, заключеннаго съ ножемъ у горла. Бестужевъ, донося о причинахъ торжества Прусаковъ надъ Саксонцами, писалъ: „И того забывать не должно, что здѣсь съ самаго начала о движеніяхъ непріятельскихъ и настоящихъ его силахъ никогда прямого извѣстія не имѣли; напротивъ того, король Прусскій о малѣйшихъ и секретнѣйшихъ поступкахъ здѣшняго Двора имѣлъ подробныя свѣдѣнія“. Подлѣ этихъ словъ канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ замѣчаніе: „Всещедрый Боже да сохрани, чтобъ о здѣшнихъ предвосприятіяхъ не свѣдалъ и не предупредилъ бы, какъ и Саксонцевъ“ [3]). Какія же это были предвосприятія?

20 декабря, когда канцлеръ донесъ императрицѣ о взятіи Дрездена Пруссаками и что король Польскій просилъ о скорѣйшей диверсіи въ Пруссію, она изъявила сожалѣніе о такомъ несчастіи Августа III-го, прибавивъ, что съ ея стороны сдѣлано все возможное и русскіе полки отправлены на помощь, но что дальше Курляндіи въ такое время года имъ идти было нельзя. „Такъ какъ король Прусскій“, продолжала Елисавета, „теперь часъ-отъ-часу все болѣе и болѣе усиливается, что и для здѣшней имперіи безопасно быть не можетъ, и такъ какъ надобно ожидать, что при настоящихъ обстоятель-

[1]) Дѣла Польскія 1745 года.
[2]) Histoire de mon temps, I, 350.

[3]) Дѣла Польскія 1745 года.

ствахъ Польскій король согласится на всякій миръ, какой только ему предпишетъ король Прусскій, а послѣ объявитъ миръ вынужденнымъ и будетъ искать удовлетворенія, то и съ нашей стороны, по соглашенію съ королемъ Польскимъ и Дворомъ Вѣнскимъ, можно будетъ дѣйствовать противъ короля Прусскаго, чтобъ сколько возможно силы его сократить. Для такого случая надобно уже гораздо больше войска приготовить и теперь же велѣть ему собираться въ Лифляндіи и Эстляндіи, чтобы въ нужномъ случаѣ и съ однѣми своими силами можно было сладить съ королемъ Прусскимъ". Для надлежащаго объ этомъ разсужденія и распоряженія насчетъ войска Елисавета завтрашній же день назначила быть при Дворѣ совѣту.

21 декабря, къ 9 часамъ утра, въ Зимній ея императорскаго величества домъ собрались на совѣтъ: канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-аншефъ графъ Румянцевъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, генералъ-аншефы—Бутурлинъ и князь Репнинъ, генералъ-кригсъ-коммисаръ Апраксинъ, тайные совѣтники—Черкасовъ, Юрьевъ и Веселовскій. Баронъ Черкасовъ объявилъ имъ указъ императрицы—подать свои мнѣнія по довольномъ разсужденіи и уваженіи такихъ критическихъ обстоятельствъ, что король Прусскій, не обративъ никакого вниманія на дружественнѣйшія отсовѣтованія со стороны ея величества и предложенія добрыхъ услугъ въ примиреніи его съ королемъ Польскимъ, подъ предлогомъ предупрежденія своихъ непріятелей Австрійцевъ, сдѣлалъ нечаянное впаденіе въ Саксонію, разорилъ все это курфюршество, взялъ столицу, плѣнилъ двоихъ принцевъ, однимъ, словомъ, всю Саксонію подвергнулъ своему игу. Какія надобно принять мѣры для возвращенія королю Польскому его наслѣдственной Земли, для удержанія его на Польскомъ престолѣ и для сокращенія силъ короля Прусскаго въ виду собственной безопасности Россійской имперіи? За этимъ указомъ прочтена была особливая присяга о содержаніи секрета и подписана всѣми присутствующими. Потомъ начали слушать прежнія, касавшіяся того же дѣла мнѣнія канцлера и вице-канцлера, протоколъ совѣта 19 сентября, рескрипты къ посламъ и реляціи ихъ, что продолжалось до половины 12 часа. Въ это время вошла въ залу засѣданія императрица, сѣла въ кресла и слушала разсужденія членовъ совѣта; разсужденія эти продолжались до двухъ часовъ, и ничего еще не было рѣшено. Императрица встала и отправилась обѣдать, пригласивъ къ своему столу всѣхъ присутствующихъ. Послѣ обѣда, въ 5 часовъ опи всѣ опять собрались и занимались слушаніемъ относящихся къ дѣлу бумагъ до 11 часовъ, когда снова вошла императрица и съ полчаса разсуждала съ членами совѣта о томъ же дѣлѣ, послѣ чего члены совѣта разъѣхались. 23 числа было новое засѣданіе совѣта въ томъ же порядкѣ, и въ этомъ засѣданіи составилось единогласное мнѣніе; 24 числа это мнѣніе было написано, подписано и барономъ Черкасовымъ поднесено императрицѣ для утвержденія; 25-го, въ 5 часовъ пополудни, императрица подписала мнѣніе совѣта въ присутствіи всѣхъ его членовъ въ аудіенцъ-камерѣ [1]).

Мнѣніе состояло въ томъ, что необходимо подать дѣятельную помощь Саксоніи противъ Пруссіи. Спѣшили загладить прежнюю медленность, и Бестужевъ торжествовалъ. Онъ объявилъ Гиндфорду, что если морскія державы дадутъ Россіи немедленно шесть милліоновъ, то императрица выставитъ 100,000 войска и въ одну кампанію кончитъ войну въ Германіи [2]). Дальонъ, еще до извѣстій о Дрезденскомъ мирѣ, предложилъ канцлеру 50,000 рублей и получилъ отказъ; Бестужевъ сдѣлалъ по этому случаю замѣтку для императрицы: „Когда Дальонъ прежде сулилъ двоекратно канцлеру полмилліона ливровъ, то при этомъ никакихъ условій не предписывалъ и, несмотря на то, оба раза былъ такъ отпочтиванъ, что удивительно, какъ онъ опять осмѣлился предложить 50,000 рублей съ условіемъ, чтобъ назначенныя на помощь курфюрсту Саксонскому русскія войска остались безъ движенія въ Курляндіи" [3]).

Мы видѣли, что дѣла въ Швеціи уже начали идти не такъ, какъ бы хотѣлось императрицѣ и какъ она могла надѣяться по отношеніямъ своимъ къ облагодѣтельствованному ею кронпринцу. Но если Адольфъ-Фридрихъ полученіемъ наслѣдства Шведскаго престола былъ обязанъ Елисаветѣ, то дѣйствительно получить престолъ по смерти дряхлаго короля онъ надѣялся только пріобрѣтеніемъ популярности въ Швеціи, а популярность эту онъ не надѣялся пріобрѣсти, являясь предъ народомъ покорнымъ слугою Россіи. Вліяніе сильной характеромъ жены, сестры Фридриха II Прусскаго, всего болѣе содѣйствовало утвержденію его въ этомъ взглядѣ на отношенія свои къ Шведскому народу и Россіи.

Въ январѣ 1745 года Любрасъ доносилъ, что когда онъ увѣщевалъ наслѣднаго принца содержать всегдашнюю истинную дружбу и откровенность съ императрицею и великимъ княземъ, то Адольфъ-Фридрихъ обнадеживалъ его, что, невзирая на всѣ противныя внушенія, онъ постоянно будетъ держаться общаго интереса Швеціи и Россіи, будетъ поступать всегда съ согласія императрицы и ея наслѣдника, и что тѣхъ людей, которые совѣтуютъ ему противное, не признаетъ своими друзьями. „Надѣюсь", писалъ Любрасъ, „что его высочество слово свое держитъ, хотя онъ постоянно окруженъ молодыми людьми, питающими совершенно противоположныя чувства. Я стараюсь посредствомъ малаго числа благонамѣренныхъ, имѣющихъ доступъ къ принцу, поддерживать въ немъ

[1]) Бумаги Елисаветинскаго царствованія, въ Государ. Архивѣ.—Доклады.

[2]) Депеша Гиндфорда отъ 20 декабря.

[3]) Перлюстрація, Москов. Арх. въ Минист. Иностр. Дѣлъ 1745 г.

чувства, соотвѣтствующія его собственному интересу".

Любрасъ доносилъ императрицѣ, что въ Стокгольмѣ уже готовъ проектъ союзнаго договора съ Россіею; а секретарь посольства, Черневъ, писалъ къ канцлеру Бестужеву: „Мнѣ отъ одного моего пріятеля въ крайнѣйшей конфиденціи сообщено, какъ здѣшняя наслѣдная принцесса недавно получила письмо отъ брата своего, Прусскаго короля, въ которомъ онъ проситъ приложить все стараніе о скорѣйшемъ заключеніи оборонительнаго союза между Швеціею и Пруссіею съ гарантіею Верхней и Нижней Силезіи и дачею отъ 6 до 8,000 шведскаго войска, также проситъ помогать министру императора Карла VII, въ чемъ принцесса и обнадежила своего брата. Принцесса обо всѣхъ здѣшнихъ дѣлахъ королю Прусскому подробно сообщаетъ, будучи руководима въ своихъ поступкахъ здѣсь графомъ Тессиномъ, который съ женою своею, родственниками и креатурами находится у нея въ великой милости; но такъ какъ Тессинъ коварный человѣкъ и врагъ Россіи, то не вышло бы изъ этого какихъ-нибудь вредныхъ слѣдствій". Русскій Дворъ потребовалъ, чтобъ переговоры о заключеніи союза происходили въ Петербургѣ, а не въ Стокгольмѣ, и по этому случаю Черневъ писалъ Бестужеву: „Статсъ-секретарь Нолкенъ очень недоволенъ, что переговоры о союзѣ продолжаются не въ Стокгольмѣ, и приписываетъ это вашему высоко-графскому сіятельству; но это очень полезно сдѣлано, ибо этимъ его неописанному шильничеству лучшіе способы вовсе пресѣчены. Король очень недоволенъ поступками кронъ-принцессы, которая вмѣшивается въ государственныя дѣла и персонально очень пренебрегаетъ его величествомъ. Вслѣдствіе своего чрезвычайнаго честолюбія, она неусыпно старается установить здѣсь самодержавіе и надѣется достигнуть своей цѣли съ помощію Франціи и Пруссіи; поэтому не только покровительствуетъ франко-прусской партіи, но и старается ее усиливать, для чего учредили особый орденъ. Патріоты при Дворѣ принимаются съ большою холодностію и, не имѣя себѣ никакой опоры, легко могутъ обезсилѣть; поэтому было бы очень полезно поддержать ихъ обнадеживаніемъ помощи изъ Россіи". На это, при докладѣ, Бестужевъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Генералу Любрасу предписано всѣхъ патріотовъ обнадеживать и чрезъ нихъ недоброжелающихъ въ случающихся дѣлахъ и особливо въ недопущеніи суверенства преодолѣвать. А онъ, Любрасъ, вмѣсто доброжелательныхъ, изъ противной партіи, а именно графа Гиленборга, всевысочайшею милостію и конфиденціею безъ указа обнадежилъ".

Императрица предупредила наслѣднаго принца, чтобъ не очень сближался съ Тессиномъ, и вдругъ узнаетъ, что наслѣдный принцъ сдѣлалъ Тессина своимъ оберъ-маршаломъ. Когда Любрасъ напомнилъ ему о предостереженіи, бывшемъ изъ Петербурга, то Адольфъ-Фридрихъ отвѣчалъ, что имѣлъ случай удостовѣриться въ усердіи Тессина содѣйствовать всему, что клонится къ утвержденію дружбы между Россіею и Швеціею; впрочемъ, еслибы Тессинъ, паче чаянія, и обнаружилъ враждебныя намѣренія, то это нисколько не можетъ имѣть вліянія на чувства высокаго уваженія и благодарности, которыя онъ, наслѣдный принцъ, до конца жизни будетъ питать къ императрицѣ. Послѣ этого разговора пришелъ къ Любрасу отъ наслѣднаго принца голштинскій совѣтникъ Гольмеръ, и объявилъ, что принцъ долго медлилъ назначеніемъ Тессина, но принцесса съ членами франко-прусской партіи ни днемъ, ни ночью не давали ему покою, и такъ ему наскучили, что принужденъ былъ согласиться.

Между тѣмъ Черневъ, въ своей перепискѣ съ канцлеромъ, выставлялъ Любраса человѣкомъ неблагонадежнымъ, преданнымъ франко-прусской партіи. Такъ, отъ 2 апрѣля, онъ писалъ: „Здѣсь, исключая Минерву (наслѣдную принцессу) и главныхъ учителей эпикурейской философіи, почти всѣ чуду морскому (Любрасу) скорѣйшаго возвращенія отсюда въ прежнее его жилище желаютъ, и если это случится, то антагонисты (т.-е. преданные Россіи люди) устроятъ хорошій праздникъ. Но самъ онъ, почитая это мѣсто за прямой Соломоновскій Офиръ, ни малой охоты къ тому не показываетъ, особенно потому, что еще не освободился отъ своей жестокой болѣзни, которая его день и ночь терзаетъ, эта болѣзнь—великопосольская немощь". Черневъ при этомъ жаловался канцлеру, что ему „многія угрозы и зѣло чувствительнѣйшія разглашенія чинятся" [1]). Но еще 12 марта императрица, призвавъ къ себѣ канцлера, объявила ему: изъ открываемыхъ извѣстнымъ образомъ секретныхъ писемъ она усмотрѣла, что генералъ Любрасъ, будто по указу, обнадежилъ графа Гилленборга въ ея милости и совершенной довѣренности, о чемъ ему и никому никогда повелѣнія не было; кромѣ того, онъ обнадежилъ Гилленборга и совершенною дружбою канцлера. Все это онъ сдѣлалъ самовольно, и, въ разсужденіи такихъ его продерзостныхъ, равно какъ и прочихъ его сомнительныхъ поступковъ, она приказываетъ пріискать на его мѣсто способнаго человѣка и отправить посланникомъ въ Швецію, а его, Любраса, отозвать [2]). Бестужевъ указалъ на Корфа, бывшаго посланникомъ въ Копенгагенѣ.

Шведскій посланникъ въ Петербургѣ Цедеркрейцъ объявилъ, что его правительство согласно на заключеніе союза съ условіемъ субсидіи и уплаты обѣщанныхъ 400,000 рублей. Канцлеръ, разумѣется, поднесъ императрицѣ на утвержденіе отвѣтъ съ отказомъ. Елисавета сначала согласилась отказать, говоря, что дѣйствительно субсидій давать не-за-что, да и въ обычай этого вводить отнюдь не надобно, но потомъ перемѣнила мысли:

[1]) Дѣла Шведскія 1745 года.

[2]) Москов. Архивъ Мин. Иностр. Д. Доклады и мнѣнія по дѣламъ внѣшнимъ и внутреннимъ 1745 года.

развѣ уже дать имъ 400,000, чтобъ не выпустить ихъ изъ рукъ; но дать не вдругъ, а въ нѣсколько лѣтъ, смотря между тѣмъ на ихъ поступки и обстоятельства, и чтобъ дача эта не имѣла вида субсидій, а признавалась бы только благодѣяніемъ; но и объ этомъ до времени молчать. Канцлеръ замѣтилъ, что не надобно Шведамъ русскими деньгами на Россію же подавать оружіе, лучше ихъ содержать во всегдашней скудости, чѣмъ обогащать. Но Елисавета осталась при своемъ. 4 апрѣля, въ домѣ вице-канцлера происходила конференція съ Цедеркрейцемъ, при которой сама императрица присутствовала инкогнито. Цедеркрейцъ не соглашался на союзъ безъ уплаты 400,000 рублей. По окончаніи конференціи, Елисавета объявила, что соизволяетъ уплатить 400,000 рублей въ четыре года, чтобъ не порвать дѣло о союзѣ, но повторила, чтобъ дачу эту не признавать за должную по прежнему обѣщанію, а только слѣдствіемъ благодушія и склонности ея къ дружбѣ съ Швеціею, по случаю новаго союза съ этою державой.

Въ маѣ въ Стокгольмѣ получено было извѣстіе, что въ Петербургѣ принятъ союзный договоръ и согласились платить субсидіи на четыре года, по 100,000 рублей ежегодно, но съ тѣмъ, чтобъ дача этихъ субсидій содержалась въ-секретѣ. Это условіе всѣхъ удивило: зачѣмъ скрывать то, что могло бы произвести на Шведскій народъ благопріятное впечатлѣніе? Между тѣмъ, прусскія побѣды радовали членовъ франко-прусской партіи; кронъ-принцесса показывала Любрасу письмо брата: „Я искалъ непріятелей и, нашедши, напалъ на нихъ и совершенно побилъ, иначе въ день Ульрики и случиться не могло; всѣ принцы въ добромъ здоровьи, войска мои преслѣдуютъ непріятеля, и я, обнимая васъ, сбираюсь къ нимъ ѣхать.“ Король при этомъ извѣстіи обнаруживалъ совершенное равнодушіе, не зная, какую сторону принять; но прусская партія не довольствовалась равнодушіемъ, и Черневъ въ началѣ іюня писалъ канцлеру: „Приверженцы Франціи и Пруссіи стараются всѣми силами уговорить короля ѣхать въ Германію, ибо во время его отсутствія правленіе поручится коронному наслѣднику, который будетъ имѣть тогда въ сенатѣ три голоса и, по горячей привязанности къ женѣ и по коварнымъ совѣтамъ графа Тессина, будетъ содѣйствовать исполненію ихъ плановъ. Однимъ словомъ“, писалъ Черневъ, „здѣшнее положеніе дѣлъ часъ-отъ-часу становится серьезнѣе и требуетъ бдительной осторожности.“ Такого рода извѣстія заставили императрицу написать наслѣдному принцу 6 іюля такое письмо: „Свѣтлѣйшій кронъ-принцъ, дружебно-любезный племянникъ! Колико я во всемъ томъ, что до вашего королев. высочества касаться могло, интересовалася, и какъ лучшую вашу пользу поспѣшествовать рачительно искала, о томъ, уповаю, вы сами больше нежели кто удостовѣрены. Мои о вашемъ королевскомъ высочествѣ сентименты какъ всегда единственно въ виду имѣли ваше благополучіе, такъ нынѣ безотмѣнны, наиглавнѣйше о вашемъ постоянномъ благосостояніи усердствуя. Онымъ бы ущербъ причиненъ былъ, когда-бъ я не такъ откровенно съ вами изъяснялася, какъ существительный вашъ интересъ натурально научаетъ, и я, по ближнему свойству, обязанною къ тому себя признаваю. И тако я скрыть отъ васъ не хощу, что отъ нѣкотораго времени слышу, какимъ образомъ ваше королев. высочество всю вашу довѣренность на такихъ людей положили, кои, какъ извѣстно, во время вашего на рейхстагѣ обиранія; толь явно о Биркенфельдскомъ князѣ труды прилагая, всѣми удобовозможными образы хотѣли мои старанія ни во что обратить, слѣдовательно же ваше возвышеніе не допустить, и нынѣ прилежать и все то непрестанно своими вымышленіями вселять стараясь, еже-бы ваше коров. высочество отъ меня отдалить могло. По такомъ опытѣ ихъ доброжелательства, всѣ употребляемыя отъ нихъ ласкательства не инако, но за скрытныя хитрости справедливо признаваемы быть имѣютъ, яко-же какъ о томъ сюда подтвердительное извѣстіе подано, не для чего, но вамъ во вредъ между королемъ и вашимъ королевскимъ высочествомъ холодность воспричинствовали и вашу ко мнѣ вначалѣ оказанную конфиденцію умалили. А притворными своими происками въ Швеціи суверенство возставить и показаніемъ легкихъ вамъ къ тому способовъ ищуть, обнадежась вашею къ себѣ довѣренностію, Шведскій народъ толико о своей вольности и нынѣшней формѣ правительства ревнующій противъ васъ возбудить, и тѣмъ, коварства свои соверша, толь легче давняго ихъ злаго намѣренія къ невозвратному вашему предосужденію достигнуть. Сія вѣдомость мнѣ къ особливому и толь большему объ васъ сожалѣнію и возчувствованію касается, ибо сверхъ предвидѣнія тѣхъ крайностей, каковымъ ваше королевское высочество желаніемъ абсолютства при нарушеніи правъ цѣлаго народа, которому непремѣнное оныхъ додержаніе торжественно обѣщали, себя неминуемо подвергнете, я даже до наимнѣйшаго вида убѣжать хощу того мнѣнія, которое легко каждому придетъ и въ существѣ отъ моего намѣренія весьма далеко отстоитъ, будто бы я въ томъ какое-либо соучастіе имѣю, понеже какъ всегда думала, такъ и нынѣ со основаніемъ нахожу, что главнѣйшій поступковъ вашихъ предметъ въ томъ состоять имѣетъ, дабы благосклонность его величества короля и любовь тѣхъ подданныхъ, надъ коими вы въ свое время при сохраненіи ихъ вольности правительствовать станете, удобовозможно къ себѣ культивировать, оныя генерально привлекать и радѣтельныхъ сыновъ о благѣ своего отечества вашею милостію и конфиденціею удостоивать. Что же касается до меня, и ожидаемаго за прошедшее признанія, о томъ и упоминать излишно для того, что само въ себѣ дѣло добровольное, будучи опытовъ о моемъ къ вамъ усердіи довольно, и ваше королевское высочество истину того сами впредь лучше учуствовать, яко-же при всякомъ случаѣ спознать изво-

лите, что дружба моя къ Шведской коронѣ по своей нелицемѣрности всѣмъ другимъ, какія-бъ ни были, предпочтительна, да и сіе мое конфидентное изъясненіе и совѣтъ имѣютъ васъ наипаче и вяще удостовѣрить о той искренности, съ каковою навсегда пребуду вашего королевскаго высочества и любви дружебно-охотная тетка Елисаветъ".

Наслѣдный принцъ отвѣчалъ устно Любрасу обычными увѣреніями въ своей признательности къ императрицѣ-благодѣтельницѣ, и долго думалъ, сообщить ли сенату увѣщательную грамоту благодѣтельницы; наконецъ рѣшился сообщить, ибо если бы какимъ-нибудь образомъ разнесся слухъ о грамотѣ, въ которой говорилось о самодержавіи, то принцу было бы это очень предосудительно. 5 августа принцъ объявилъ сенату о грамотѣ съ увѣреніями, какъ онъ далекъ отъ тѣхъ намѣреній, какія приписываютъ ему его непріятели, и съ просьбою подать ему совѣтъ. Сенаторы поблагодарили принца за довѣріе, а графъ Тессинъ подалъ письменное оправданіе; послѣ этого въ сенатѣ было рѣшеніе, чтобы принцъ засвидѣтельствовалъ Русской императрицѣ свою благодарность за довѣріе и благожелательное увѣщаніе; сенаторы объявили, что въ этомъ дѣлѣ надобно поступать съ большою осторожностію и правдою, чтобъ не было возбуждено холодности между Россіею и Швеціею; положили также совѣтоваться, какъ лучше отнять у императрицы причины къ подозрѣнію. Отвѣтная грамота отъ кронъ-принца къ императрицѣ была сочинена въ сенатѣ. Кромѣ того, Адольфъ-Фридрихъ имѣлъ устное объясненіе съ Любрасомъ, просилъ, чтобъ императрица продолжала къ нему свою милость и откровенную дружбу. „Я", говорилъ принцъ, „могу своею совѣстью обнадежить (тутъ у него навернулись слезы на глазахъ), что всегда буду поступать такъ, чтобъ отдать отвѣтъ предъ Богомъ и ея императорскимъ величествомъ, которую одну за все свое счастіе долженъ благодарить. Беру смѣлость испрашивать у ея величества два пункта: 1) чтобъ императрица никакимъ противнымъ внушеніямъ не вѣрила до тѣхъ поръ, пока не получитъ ясныхъ доказательствъ противъ меня; 2) чтобъ при всякомъ случаѣ изволила объяблять мнѣ точно свою волю, которую я и буду стараться исполнять".

Въ началѣ октября Любрасъ донесъ, что какъ скоро получена была изъ Петербурга ратификація союзнаго договора между Россіею и Швеціею, такъ сейчасъ же прусскій посланникъ объявилъ предложеніе своего короля заключить оборонительный союзъ между Швеціею и Пруссіею, и получилъ отвѣтъ, что король очень радъ союзу, но что по этому дѣлу надобно открыться Россіи, какъ державѣ, находящейся въ тѣсномъ союзѣ съ Швеціею и заинтересованной въ сохраненіи тишины на Сѣверѣ. Любрасъ доносилъ, что только можно подъ рукою препятствовать переговорамъ о союзѣ. Ему нужно было обезсиливать внушенія членовъ прусской партіи, которые толковали, что Россія будетъ очень охотно смотрѣть на союзъ Швеціи съ Пруссіею, потому что императрица, несмотря на старанія разныхъ Дворовъ, постоянно держится прусской стороны. Противъ этого Любрасъ внушалъ, что Россія въ отношеніи къ Пруссіи соблюдаетъ только внѣшнюю учтивость, но никакъ не даетъ усыпить себя комплиментами, никакъ не согласится содѣйствовать усиленію безпокойнаго и властолюбиваго сосѣда. Только 18 ноября рѣшено было назначить коммисаровъ для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ о союзѣ; король, объявивъ объ этомъ Любрасу, прибавилъ: „Посланникъ мой мнѣ далъ знать изъ Петербурга, что тамъ дурно смотрятъ на союзъ между Швеціею и Пруссіею; но это будетъ только простой дружественный договоръ, и я никогда не допущу, чтобъ было что-нибудь постановлено противъ интересовъ или видовъ императрицы; только бы ея величество конфиденцію ко мнѣ имѣть изволила, повелѣла свободно и чистосердечно изъясниться, чего она желаетъ". Король дѣйствительно не разъ говорилъ въ сенатѣ, что надобно всѣ хитрости отложить въ сторону и во всѣхъ дѣлахъ поступать истинно и откровенно съ Русскою императрицею, какъ ихъ надежнѣйшею союзницею. Несмотря на то, члены прусской партіи пересиливали въ министерствѣ: такъ, патріоты настаивали, чтобъ не назначать особливой коммисіи для переговоровъ съ прусскимъ посланникомъ,—пусть прямо сносится съ министрами и черезъ нихъ съ королемъ; и однако коммисары были назначены, и именно изъ людей преданныхъ Пруссіи. Любрасъ писалъ: „Такъ какъ, вслѣдствіе успѣховъ оружія Фридриха II, прусская партія чрезвычайно усиливается, то доброжелательные очень унываютъ и прекословіемъ своимъ не смѣютъ выставиться. Они мнѣ прямо говорятъ, что если ваше величество не выскажитесь рѣшительно противъ прусскаго союза, то они препятствовать ему не будутъ въ состояніи, и навсегда погибнутъ, старики уѣдутъ въ деревни и остатокъ жизни будутъ проводить въ уединеніи, а дѣти ихъ принуждены будутъ уступить силѣ". Въ декабрѣ сенатъ постановилъ весь проектъ прусскаго союзнаго договора, со всѣми подробностями, сообщить Русской императрицѣ. Въ виду всѣхъ этихъ движеній франко-прусской партіи, которая дѣятельно приготовлялась къ будущему сейму подкупами, замѣщеніемъ вакантныхъ мѣстъ своими членами и привлеченіемъ къ себѣ большей части людей, окружающихъ кронъ-принца, Бестужевъ представилъ императрицѣ: „Какъ Шведы Датчанъ злостно ни мараютъ, то, невзирая на то, канцлеру необходимо потребно, быть видится, съ Даніею безъ потерянія времени оборонительный союзъ возобновить, который противъ Шведовъ Россіи не меньше полезенъ быть можетъ, какъ аліанція королевы Венгерской, какъ она нынѣ ни разорена и ни разграблена, противъ короля Прусскаго, и потому здравая политика требуетъ заключеніемъ оныхъ обоихъ какъ возможно спѣшить. Ея императорское величество уже давно о слабѣйшемъ канцлеровомъ

мнѣніи всевысочайше извѣстна, чтобъ ко времени начатія сейма камергера Корфа изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, а на его мѣсто, за неимѣніемъ въ Датскомъ Дворѣ великой нужды, камергера Пушкина послать; на генерала же Любраса въ такомъ важномъ обстоятельствѣ, каковъ онъ искусенъ ни есть, хотя онъ, повидимому, прежнюю свою систему отмѣнять начинаетъ, совершенно положиться никоимъ образомъ невозможно, будучи ея импер. величеству довольно памятно, какими персонами онъ рекомендованъ, и что онъ, яко урожденный Шведъ, всегда явнымъ французскимъ и прусскимъ партизаномъ былъ. Напротивъ же того, вышепомянутый камергеръ Корфъ при всякомъ случаѣ похвальную ревность и вѣрность къ службѣ ея импер. величества оказывалъ, не упоминая объ особливомъ его въ дѣлахъ искусствѣ" [1]).

Ревность и вѣрность Корфа обнаружилась не въ одномъ Копенгагенѣ. Лѣтомъ онъ отправился въ Киль для устройства Голштинскихъ дѣлъ. Герцогъ Голштинскій, великій князь наслѣдникъ Петръ Ѳеодоровичъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, вслѣдствіе чего прежняя администрація, во главѣ которой все еще считался дядя герцога, наслѣдный принцъ Шведскій, должна была прекратиться. Корфъ писалъ императрицѣ, что безъ умиленія видѣть нельзя, какую преданность оказываютъ Голштинцы своему земскому государю, и хотя шляхетство явно не смѣетъ выражать своихъ чувствъ, опасаясь Датчанъ, однако тайкомъ заявляетъ такую же преданность. Всѣ о прежней администраціи говорятъ не иначе, какъ о разорительномъ и тяжкомъ игѣ, отъ котораго теперь избавились, впрочемъ виноватымъ считаютъ не администратора, а Гольмера, Плессена и другихъ второстепенныхъ людей: говорятъ, что они старались лишить великаго князя земель и людей. Когда великій князь садился въ коляску, при выѣздѣ изъ Киля въ Петербургъ, то Гольмеръ, трепля по плечу надворнаго канцлера Вестфалена, говорилъ: „Слава Богу! онъ уѣхалъ и мы его болѣе не увидимъ". Администраторская партія приведена въ уныніе нечаяннымъ объявленіемъ совершеннолѣтія герцогова, котораго они вовсе не считали такъ близкимъ. Госпожа Брокдорфъ, принадлежавшая къ администраторской партіи, увѣряла сначала, что Корфъ пріѣхалъ въ Киль вовсе не для провозглашенія совершеннолѣтія герцога; но когда кильскій батальонъ былъ собранъ на площади, приведенъ къ присягѣ и три раза выпалилъ изъ ружья съ крикомъ „виватъ!"—то она, всплеснувъ руками, сказала: „Боже мой, что это въ Петербургѣ дѣлается! Графъ Брюммеръ еще на послѣдней почтѣ ко мнѣ писалъ, что о совершеннолѣтіи ничего не упоминалось, и боюсь, что надежда его получить званіе намѣстника не сбудется". Ни одинъ доброхотъ администратора не сдѣлалъ Корфу ни малѣйшаго привѣтствія, не выразилъ никакой радости, что герцогъ самъ принимаетъ правленіе,—какъ будто всѣ сговорились другъ съ другомъ. Радость противной стороны была уменьшена разглашеніемъ той же Брокдорфъ, что Брюммеръ можетъ быть назначенъ намѣстникомъ. Люди благонамѣренные говорили Корфу, что если управленіе страною будетъ поручено частному человѣку, кто бы онъ ни былъ, то это очень повредитъ интересамъ великаго князя, потому что этотъ человѣкъ будетъ находиться подъ вліяніемъ то шведскихъ, то датскихъ интригъ, и будетъ безнаказанъ, потому что, въ случаѣ неудовольствія на него въ Россіи, можетъ перейти сейчасъ же въ датскую службу.

По мнѣнію Корфа, штатгальтеромъ въ Голштинію необходимо было назначить принца крови, именно принца Августа, качества котораго одинаково превозносятъ и шляхетство, и горожане, а помощникомъ ему опредѣлить надворнаго канцлера Вестфалена по его опытности въ дѣлахъ, за которую онъ можетъ быть названъ живымъ архивомъ; главные недостатки Вестфалена — боязливость и нерѣшительность — не будутъ вредить, когда штатгальтеромъ будетъ не частный человѣкъ, а принцъ, и именно такой проницательный и бодрый, какъ принцъ Августъ. Корфъ писалъ, что по вопросу объ устройствѣ новаго правительства въ Килѣ нѣтъ недостатка въ конференціяхъ и совѣщаніяхъ, которыя клонятся къ тому, чтобъ удержать на мѣстахъ приверженцевъ прежней администраціи. Большіе съѣзды бываютъ у госпожи Брокдорфъ; эти съѣзды подозрительны тѣмъ, что въ нихъ участвуетъ слуга Даніи — камергеръ Бухвальдъ. Интересъ великаго князя, по мнѣнію Корфа, требовалъ, чтобъ разомъ пресѣчь иностранныя интриги и удалить отъ дѣлъ всѣхъ приверженцевъ прежней администраціи, потому что если они предпочли наслѣдника Шведскаго престола великому князю, то надобно опасаться, что они и впредь не оставятъ прежнихъ своихъ связей. Голштинскіе финансы, по донесенію Корфа, находились въ самомъ жалкомъ положеніи: во время администраціи нажито было слишкомъ 200,000 ефимковъ новыхъ долговъ, прибавилось на 192,000 ефимковъ чрезвычайныхъ расходовъ. ЖидъМусафія, посредствомъ котораго дѣлались займы, скрылся, какъ скоро объявлено было о совершеннолѣтіи великаго князя. Расходъ 1745 года превосходилъ доходы на 241,398 рейхсталеровъ, кредитъ совершенно упалъ, и для поправленія дѣлъ требуется помощь Русской государыни.

Корфъ переслалъ императрицѣ полученную имъ въ Килѣ записку неизвѣстнаго автора о дурномъ воспитаніи великаго князя Петра Ѳеодоровича во время бытности его въ Голштиніи. Здѣсь говорится, что ребенокъ часто долженъ былъ дожидаться кушанья до двухъ часовъ пополудни, и съ голоду охотно ѣлъ сухой хлѣбъ, а когда пріѣдетъ Брюммеръ и получитъ дурные отзывы учителей, то начиналъ грозить строгими наказаніями послѣ обѣда, отчего ребенокъ сидѣлъ за столомъ ни

[1]) Дѣла Шведскія 1745 г.—Доклады.

живъ, ни мертвъ, и оттого послѣ обѣда подвергался головной боли и рвотѣ желчью. Ребенка держали точно за карауломъ, такъ-что въ прекрасную лѣтнюю погоду едва позволяли имѣть движенiе на свѣжемъ воздухѣ, вмѣсто того заставляли быть два раза въ недѣлю на вечерахъ съ шести часовъ, а въ лѣтнiе дни, вмѣсто прогулокъ, играть въ кадрилью съ дочерью госпожи Брокдорфъ; такимъ образомъ, до 6 часовъ его заставляли учиться, отъ 6 до 8 играть въ кадрилью съ дочерью Брокдорфъ, а въ 8—ужинъ и потомъ спать. Великiй князь говаривалъ: „Я увѣренъ, что они хотятъ меня сдѣлать профессоромъ кадрильи, а другого ничего мнѣ знать не надобно". Однажды великiй князь въ ассамблейный день былъ сильно нездоровъ, и, несмотря на то, Брюммеръ заставлялъ его идти въ ассамблею; докторъ Лишвицъ представлялъ, что у ребенка лихорадка; но Брюммеръ не смотрѣлъ ни на какiя представленiя, толковалъ, что одна знатная дама, родственница госпожи Брокдорфъ, нарочно прiѣхала въ Киль, чтобъ видѣть великаго князя. Такимъ образомъ, полумертвый принцъ, несмотря на свою болѣзнь и прекословiе лейбъ-медика, принужденъ былъ одѣваться, чтобъ показать себя свойственницѣ госпожи Брокдорфъ. Тутъ наконецъ Лишвицъ сказалъ: „Если вамъ, господинъ Брюммеръ, угодно пожертвовать принцемъ, то мнѣ до него уже больше дѣла нѣтъ." Эти слова произвели то, что герцога на этотъ вечеръ пощадили отъ ассамблеи. Всѣ были увѣрены, что Брюммеръ не питалъ къ принцу ни малѣйшей любви. Это было видно изъ такихъ, напримѣръ, словъ его, обращаемыхъ къ воспитаннику: „Я васъ такъ велю сѣчь, что собаки кровь лизать будутъ; какъ бы я былъ радъ, еслибъ вы сейчасъ же издохли." Обыкновенныя наказанiя были: стоянiе голыми колѣнями на горохѣ, ношенiе книгъ, привязыванiе къ столу и къ печи, сѣченiе розгами и хлыстомъ. Незадолго передъ отъѣздомъ въ Россiю, въ то время, какъ придворные кавалеры обѣдали, молодой герцогъ, имѣя на шеѣ нарисованнаго осла и въ рукѣ розгу, смотрѣлъ на обѣдъ изъ своей спальни, двери въ которую были отворены. Молодой человѣкъ, именемъ Тиренъ, родственникъ госпожи Брокдорфъ, во время ярмарки сильно напился; молодой герцогъ, найдя знаки его пьянства въ ассамблейномъ залѣ, сказалъ его родственницѣ, фрейлинѣ Блюменъ, дочери Брокдорфъ, чтобъ она уговорила Тирена уйти домой. Фрейлина отвѣчала герцогу, что онъ не смѣетъ ей приказывать, не смѣетъ никого высылать вонъ:—все это принадлежитъ оберъ-гофъ-маршалу, которому она и будетъ жаловаться. Молодой герцогъ обратился къ одной знатной дамѣ, госпожѣ Боркгорстъ съ просьбою сходить къ госпожѣ Брокдорфъ и потребовать, чтобъ она сдѣлала выговоръ своей дочери, а въ случаѣ несогласiя сказать ей, чтобъ она и дочь ея впредь не являлись при Дворѣ. Боркгорстъ исполнила порученiе; но Брокдорфъ, вмѣсто выговора своей дочери, пожаловалась Брюммеру, который совершенно находился подъ ея влiянiемъ, и Брюммеръ приговорилъ наказать молодаго герцога хлыстомъ, а послѣ наказанiя заставить его просить прощенiя у госпожи Брокдорфъ. Мало того, что Брюммеръ выказывалъ такимъ образомъ въ Килѣ свою антипатiю къ молодому герцогу, внѣ Голштинiи, въ Ганноверѣ и Пирмонтѣ онъ разславлялъ, что этотъ принцъ есть вмѣстилище всѣхъ пороковъ. Однажды въ ассамблеѣ, когда герцогъ разговаривалъ съ камергеромъ Брокдорфомъ, неизвѣстно какимъ образомъ подкатилось къ его ногамъ яблоко; герцогъ, бывшiй большимъ охотникомъ до фруктовъ, взялъ яблоко и положилъ въ карманъ; но Брокдорфу яблоко показалось подозрительнымъ, онъ почти силою вынулъ его изъ кармана у герцога; яблоко разрѣзали и нашли внутри чернымъ, бросили свиньямъ, свиньи издохли:—ясно, что отрава, но Брюммеръ постарался затушить это дѣло. Французскiй учитель Миле говорилъ о Брюммерѣ, что онъ способенъ лошадей обучать, а не принца воспитывать. Этотъ Миле представлялъ Брюммеру, что его присутствiе необходимо при урокахъ герцога; что при другихъ Дворахъ воспитатели принцевъ постоянно присутствуютъ при ихъ урокахъ; на это Брюммеръ со смѣхомъ отвѣчалъ, что онъ не столько получаетъ вознагражденiя, какъ воспитатели другихъ принцевъ. Впрочемъ, Брюммера можно оправдать тѣмъ, что, будучи съ малолѣтства въ военной службѣ, онъ не имѣлъ ни о чемъ понятiя; при урокахъ верховой ѣзды онъ присутствовалъ, ибо понималъ дѣло, будучи кавалеристомъ. При жизни покойнаго герцога, къ сыну его былъ приставленъ легацiонъ-ратъ Рихардъ для обученiя Русскому языку; но какъ скоро старый герцогъ умеръ, Брюммеръ сейчасъ же уволилъ Рихарда, говоря: „Этотъ подлый языкъ пригоденъ только собакамъ да рабамъ," и вообще съ малолѣтства внушалъ молодому герцогу отвращенiе къ Русскому народу. Нолькенъ пригласилъ Брюммера въ Висмаръ и тамъ сдѣлалъ ему такое предложенiе, что если захотятъ молодаго герцога послать въ Швецiю, то Шведы готовы его провозгласить Русскимъ императоромъ въ своей армiи, стоящей на русскихъ границахъ. Брюммеръ принялъ предложенiе съ радостiю; шведская поѣздка состоялась бы, если въ голштинскомъ совѣтѣ не нашелся человѣкъ, который догадался, что Шведы въ этомъ дѣлѣ руководятся только собственнымъ интересомъ, стараются возбудить въ Россiи распри и несогласiя, и хотятъ употребить герцога Голштинскаго въ Россiи, какъ Французы употребляютъ претендента въ Англiи [1].

Желанiе Корфа, т. е. Бестужева, было исполнено: принцъ Августъ былъ назначенъ штатгалтеромъ въ Голштинiю. Было исполнено наконецъ и другое желанiе Бестужева: Корфъ былъ назначенъ на мѣсто Любраса въ Швецiю, чтобъ успѣшнѣе противодѣйствовать тамъ прусско-французскому влiянiю.

[1]) Дѣла Датскiя 1745 года.

Французскому вліянію нужно было противодѣйствовать также и на противоположномъ концѣ Европы,—въ Константинополѣ.

Здѣсь дѣло русскаго посланника облегчалось тѣмъ, что Турція была въ войнѣ съ Персіею. Предвѣщаніе русскихъ дипломатовъ, находившихся при шахѣ Надирѣ, исполнилось: побѣдитель Великаго Могола не могъ ничего сдѣлать Лезгинцамъ, и съ радостію долженъ былъ схватиться за предлогъ окончить тяжкую и безславную борьбу, начавши новую войну, болѣе легкую и выгодную. Шахъ-Надиръ спѣшилъ помочь арабскимъ племенамъ, жившимъ близъ Бассоры и отложившимся отъ Турецкаго султана; Надиръ вошелъ также въ сношенія съ измѣнившимъ султану Багдадскимъ губернаторомъ, Ахмедъ-пашою. Персидскія войска двинулись къ Бассорѣ и Багдаду, и война съ Турціею началась, къ великому прискорбію Франціи и ея союзниковъ. Прямо втянуть Порту въ европейскую войну, для отвлеченія австрійскихъ и русскихъ силъ, было нельзя, и потому придумали заставить султана предложить свое посредничество въ примиреніи европейскихъ державъ — дѣло небывалое, постыдное для христіанскихъ государствъ и не принесшее никакой пользы.

Въ началѣ февраля Вешняковъ доносилъ, что приходилъ къ нему переводчикъ Порты и, по христіанской преданности и ревности, объявилъ о полученіи султаномъ письма отъ короля Французскаго, который настоятельно требуетъ турецкой помощи; непріятели Франціи дѣлаютъ къ будущей кампаніи такія приготовленія, что силъ къ сопротивленію у нея можетъ недостать, и если непріятели Франціи возьмутъ верхъ, то Порта почувствуетъ гибельныя слѣдствія этого. Если короли Французскій и Прусскій, за пріязнь свою къ другу Порты, императору Германскому, потерпятъ пораженіе, то равновѣсіе въ Европѣ ниспровергнется, ибо тогда Австрійскій Домъ съ своими союзниками Оттоманскую имперію безпрепятственно раздѣлятъ и съ большею частію Европы подчинятъ своему игу. Королю извѣстно, что теперь сама Порта обременена Персидскою войною, и потому онъ проситъ у султана не явнаго содѣйствія, но посредничества для прекращенія войны европейской.—По поводу этого письма, было составлено много проектовъ; французскій посланникъ—Пейсонель и шведскій—Карлсонъ, вмѣстѣ съ Бонневалемъ, имѣли съ министрами Порты частыя конференціи, причемъ Карлсонъ дѣйствовалъ какъ уполномоченный Прусскаго короля, превозносилъ его силу и толковалъ, какъ Портѣ нужно пріобрѣсть дружбу Пруссіи, которая, вмѣстѣ съ Швеціею, можетъ сдерживать русское могущество. Доказательствомъ служитъ нынѣшняя кампанія; несмотря на угрозы со стороны Россіи, Прусскій король предпринялъ войну противъ Венгерской королевы и велъ ее съ успѣхомъ; кромѣ того, нанесъ Россіи ударъ въ Польшѣ разрушеніемъ сейма, на которомъ русскіе партизаны настаивали на необходимость помочь Вѣнскому Двору противъ Франціи и Пруссіи. Такими внушеніями заставили Порту рѣшиться предложить воюющимъ державамъ свое посредничество, причемъ султанъ обѣщалъ вступить въ европейскую войну, если получится возможность къ тому со стороны Персіи. Не участвующимъ въ войнѣ державамъ Порта предлагала помогать ей въ посредничествѣ.

Вешняковъ, давая знать своему Двору объ этихъ движеніяхъ, внушалъ, что они не будутъ имѣть никакого важнаго послѣдствія, благодаря Персидской войнѣ и разстройству внутреннихъ дѣлъ Порты. Онъ даже писалъ: „Отъ вашего императорскаго величества зависитъ безъ крайнихъ усилій сіе злоехидное сонмище разорить и крестъ возстановить; кажется, все къ тому промыслъ Божій предустроилъ и пріуготовилъ. Всѣ бѣдные Православные христіане ждутъ избавленія отъ вашего императорскаго величества; стоитъ только нынѣшнею осенью явиться врасплохъ россійской арміи къ Дунаю съ запаснымъ оружіемъ, то она въ короткое время удесятерится: Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія, Славонія, Далмація, Черногорцы, Албанія, вся Греція, острова и самъ Константинополь въ одно время возьмутъ крестъ и побѣгутъ на помощь вашему императорскому величеству; провіанта, фуража и денегъ нашлось бы чрезмѣрное количество. Европейскія державы, будучи въ распряхъ и всѣ истощены, помѣшать Россіи не въ состояніи. Теперь для этого такое удобное время, какого не бывало и впредь не будетъ. Я пишу это не отъ себя, но по представленію начальниковъ всѣхъ сихъ бѣдныхъ христіанъ: со слезами просятъ, что если бы хотя малый лучъ надежды просіялъ, они бы уже все устроили, и къ нимъ бы пристала и большая часть лучшихъ Турокъ, потому что множество между ними христіанъ, называющихся тринитаріями, т.-е. исповѣдниками Св. Троицы, таковъ Кизляръ-ага и муфтій Есадъ-ефенди, и множество другихъ; всѣ они только по наружности магометане и скучаютъ такою смутною бездною сего правленія; чернь была бы изгублена или покрестилась, ибо ея во всей Румеліи и пятой доли противъ христіанъ не будетъ“.

Въ концѣ мая Вешняковъ писалъ: „Недавно приходило ко мнѣ нѣсколько бѣдныхъ Молдаванъ, которые, пришедши въ крайнюю бѣдность отъ несказаннаго гоненія и грабежа правителей, принуждены были покинуть домы и бѣжать подъ покровительство вашего и. в—ства, какъ единственной ихъ законной государыни-защитницы; но ихъ отогнали отъ русскихъ границъ, потому что пришли безъ паспортовъ, а сенатскій указъ запрещаетъ такихъ принимать; многіе ихъ братья смотрѣли на Россію, какъ на вѣрное убѣжище въ бѣдахъ; но теперь, услыхавъ, что въ Россію дорога закрыта, бѣгутъ въ Польшу, Трансильванію, въ-глубь турецкихъ владѣній, въ Болгарію. Я этихъ явившихся ко мнѣ отправляю на Донъ, и считаю долгомъ представить, что такое запрещеніе произведетъ въ здѣшнихъ народахъ великую отмѣну въ древней и особенно

нынѣшней ихъ склонности къ намъ; поэтому необходимо, если есть такой указъ, отмѣнить его и тайно повелѣть такихъ бѣглецовъ пропускать безшумно. Можно быть увѣрену, что отъ нихъ никакого зла не будетъ; народъ промышленный и работящій, могутъ размножиться и впослѣдствіи великую пользу приносить; всѣ здѣшніе народы, особенно славные Далматы, Черногорцы, Маніоты, Сербы и Болгары, съ нами единородные и сходные жизнію, много возвеселятся и ободрятся, и будутъ къ намъ бѣгать, особенно когда принимать ихъ будутъ ласково, будутъ давать имъ нѣсколько лѣтъ свободу отъ податей. Побѣжитъ къ намъ народу множество,—ибо кто здѣсь смотритъ, какой здѣсь порядокъ; кто запрещаетъ, кто даетъ паспортъ? Все на гибель оставлено. Почему же вашему величеству не пользоваться собираніемъ расточаемаго сего стада, законно вамъ принадлежащаго? А Турокъ это привело бы въ большій страхъ, внушило большее къ намъ уваженіе".

Вешняковъ не ограничился этими представленіями императрицѣ: онъ писалъ длинное письмо канцлеру, указывая на сильную привязанность турецкихъ христіанъ, особенно Славянъ, къ Россіи; говорилъ, что лучшія ихъ рѣчи въ бесѣдахъ о Россіи, самое пріятное чтеніе—жизнь Петра Великаго, которую они имѣютъ на разныхъ своихъ нарѣчіяхъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, и даютъ богатыя награды тѣмъ, кто лучше напишетъ такую жизнь. Въ послѣднюю войну бились о большіе заклады, что Русскіе побѣдятъ Турокъ, и уже намѣревались пробираться къ русской арміи, еслибъ она явилась на Дунаѣ; не будучи въ состояніи скрывать своихъ чувствъ къ Россіи, они подвергались страшнымъ бѣдствіямъ и умирали съ именемъ Россіи на устахъ. Одинаковую привязанность оказываютъ Славяне къ Россіи какъ въ турецкихъ, такъ и венеціанскихъ областяхъ. Въ Турціи привязанность эта остается непоколебимою, несмотря на старанія Франціи пріобрѣсть любовь Греческаго народа покровительствомъ, ласками, заведеніемъ школъ, даровою раздачею книгъ, употребленіемъ въ службу. Такая любовь ихъ къ намъ требуетъ взаимности. Россія должна подражать Испаніи и Франціи, которыя изъ политическихъ побужденій всюду такъ усердно помогаютъ своимъ единовѣрцамъ. Но у насъ Военная Коллегія пренебрегаетъ гусарскими и влахо-молдавскими корпусами, и въ 1743 году разослала пограничнымъ командирамъ указы не принимать турецкихъ христіанъ въ службу и не пропускать за границу безъ паспортовъ. Вешняковъ настаиваетъ на необходимость завести поселенія изъ турецкихъ христіанъ, что можно сдѣлать безъ нарушенія договора, ибо Турки принимаютъ своихъ единовѣрцевъ-магометанъ, бѣгущихъ къ нимъ изъ Россіи. Бояться Порты нечего, а надобно еще ей страху задать. Отъ безчеловѣчныхъ поступковъ Валахскаго господаря Михаила болѣе 14,000 семействъ ушло въ австрійскія владѣнія, и Вѣнскій Дворъ ихъ принялъ, несмотря на то, что въ его договорѣ съ Портою есть условіе о непринимaніи бѣглыхъ; такъ же поступаютъ Венеціане и Поляки, а Порта молчитъ. Взаключеніе Вешняковъ указываетъ на выгоды для Россіи и Европы отъ разрушенія Турецкой имперіи и основанія на ея мѣсто сильной христіанской державы: „Если-бъ какимъ-нибудь образомъ могло случиться, чтобъ это варварское сонмище, находящееся въ такомъ разслабленіи, искоренилось, подобно изгнанію Арабовъ изъ Испаніи, какая-бъ отъ того произошла великая слава ея импер. величеству и какое было бы это спасительное дѣло! Мы пріобрѣли бы себѣ на многіе вѣка покой и несказанную пользу установленіемъ такой державы, которая безъ погибели своей не могла бы отстать отъ Россіи, по единству интересовъ и отдаленности границъ. Тогда бы много сократилась гордость Австрійскаго Дома; морскимъ державамъ было бы выгодно: Австрія была бы сохранена для обузданія Франціи, но та же самая Австрія была бы удержана отъ прежнихъ своихъ великихъ замашекъ. Такимъ образомъ, европейское равновѣсіе зависѣло бы отъ Россіи да отъ этого новаго государства на Балканскомъ полуостровѣ".

Это письмо было завѣщаніемъ Вешнякова. Въ іюлѣ онъ умеръ. Въ это время находился въ Константинополѣ пріѣхавшій съ депешами поручикъ Никифоровъ; Іерусалимскій патріархъ Парѳеній и Терапійскій митрополитъ Самуилъ говорили ему: „Донесите господамъ министрамъ, чтобъ для замѣны Вешнякова прислали сюда Русскаго, умнаго, въ дѣлахъ бывалаго и надежнаго человѣка, такого какъ прежде былъ Неплюевъ, и чтобъ при немъ переводчики были Русскіе же: Турки будутъ ихъ больше уважать, а Россіи вѣрнѣе и надежнѣе будетъ; они, патріархъ и митрополитъ и другіе доброжелатели Россіи, будутъ тогда безопасно объявлять тайны; природный Русскій этихъ тайнъ иностранцамъ открывать не посмѣетъ, и когда будутъ все Русскіе, тогда Русскому Двору честнѣе. Французы, Нѣмцы, Венеціане въ Константинополѣ какъ министровъ, такъ и переводчиковъ, для чести и надежности, всегда своихъ имѣютъ. Находящіеся въ русской службѣ иностранцы хотя вѣрными и усердными себя показываютъ, а на самомъ дѣлѣ на пользу Россіи никогда не будутъ имѣть ревности: будутъ искуснымъ образомъ больше о своихъ интересахъ усердствовать; такихъ иностранцевъ какъ Турки, такъ и другіе недоброжелатели Росссіи легко подкупить могутъ" [1]).

---

[1]) Дѣла Турецкія 1745 года.

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1746 годъ.

Веселости и печальныя происшествія въ Петербургѣ въ началѣ 1746 года.—Кончина Анны Леопольдовны.—Судьба Брауншвейгской фамиліи.—Дѣятельность Сената.—Смоленская шляхта.—Финансовыя распоряженія.—Промышленность.—Старыя заботы о соли.—Усиленіе внѣшней торговли.—Столкновеніе бѣлгородскаго купечества съ Главнымъ Магистратомъ.—Ревизія.—Столкновеніе эстляндскихъ привилегій съ общими распоряженіями правительства.—Дѣла церковныя.—Отношенія Синода къ его оберъ-прокурору князю Шаховскому.—Дѣла внѣшнія.—Отношенія канцлера къ вице-канцлеру.—Возвращеніе графа Воронцова въ Петербургъ.—Холодность къ нему императрицы.—Денежныя затрудненія Бестужева.—Союзный договоръ съ Австріею.—Дѣла Саксонскія и Польскія.—Непріятности съ Пруссіею.—Дѣла Шведскія.—Дѣла Датскія, Турецкія и Персидскія.

1746 годъ начался весело въ Петербургѣ. Особы первыхъ двухъ классовъ давали маскарады, на которыхъ присутствовала императрица; собирались въ шесть часовъ, играли въ карты и танцовали до десяти, когда императрица съ великимъ княземъ, великою княгинею и нѣсколькими избранными садилась ужинать; остальные ужинали стоя. Послѣ ужина опять танцовали до часу или двухъ пополуночи; хозяинъ не встрѣчалъ и не провожалъ никого, даже императрицу; кто сидѣлъ за картами, тѣ не вставали для нея. Но февраль начался непріятностями: на масляницѣ великій князь простудился на маскарадѣ, который былъ данъ на Смольномъ дворѣ. Ночью ему сдѣлалось дурно; императрицу разбудили: „Великій князь боленъ и опасно!“ Она вскочила съ постели и прямо къ больному, котораго нашла въ сильномъ жару. Въ день рожденія Петра Ѳедоровича (10 февраля) Елисавета пришла къ нему, и когда Брюммеръ, Бергхольцъ и гофмаршалъ Минихъ встрѣтили ее въ передней съ поздравленіями, то она отвѣчала со слезами на глазахъ, и на другой день изъ предосторожности велѣла пустить себѣ кровь. 11 февраля умеръ фельдмаршалъ князь Василій Владиміровичъ Долгорукій. Елисавета плакала на похоронахъ стараго слуги и опальнаго отцовскаго царствованія [1]); въ мартѣ пришло извѣстіе о кончинѣ принцессы Анны Леопольдовны.

Мы видѣли, что въ первое время вступленія своего на престолъ Елисавета хотѣла отправить Брауншвейгскую фамилію заграницу; но скоро начались внушенія и отъ своихъ и отъ чужихъ насчетъ опасности этой мѣры,— внушенія, что державы, враждебныя Россіи, будутъ употреблять сверженнаго императора орудіемъ для нарушенія спокойствія императрицы и имперіи; эти внушенія были подкрѣплены дѣломъ Турчанинова, потомъ дѣломъ Лопухиныхъ, и несчастную фамилію остановили въ Ригѣ, потомъ начали удалять отъ западной границы и завозить внутрь Россіи, и наконецъ завезли на бѣломорскую окраину. Мы видѣли, что съ Брауншвейгскою фамиліею отправился генералъ Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ; но, мимо его, императрицѣ дали знать, что принцесса Анна бранитъ Салтыкова, а маленькій принцъ Іоаннъ, играя съ собачкою, бьетъ ее плетью, и когда его спросятъ: „Кому, батюшка, голову отсѣчешь?“ то онъ отвѣчаетъ: „Василью Ѳедоровичу.“ Елисавета въ раздраженіи писала Салтыкову: „Буде то правда, то намъ удивительно, что вы намъ о томъ не доносите, и по полученіи сего пришлите къ намъ о семъ отвѣтъ, подлинно ли такъ или нѣтъ, понеже коли то подлинно, то я другія мѣры возьму какъ съ ними поступать, а вамъ надлежитъ того смотрѣть, чтобъ они васъ въ почтеніи имѣли и боялись васъ, а не тако бы смѣло поступали“. Салтыковъ отвѣчалъ: „У принцессы я каждый день поутру бываю; токмо кромѣ одного ся учтивства никакихъ противностей какъ персонально, такъ и чрезъ безсмѣнныхъ караульныхъ офицеровъ ничего не слыхалъ; а когда что ей потребно, о томъ съ почтеніемъ меня проситъ, а принцъ Іоаннъ почти ничего не говоритъ“.

13 декабря 1742 года Брауншвейгскую фамилію перевезли въ Дюнамюнде; въ январѣ 1744 г. послѣдовалъ указъ о перевезеніи ея въ Раненбургъ, причемъ ее едва не завезли въ Оренбургъ, потому что капитанъ-поручикъ гвардіи Вымдонскій, которому поручена была перевозка, принялъ Раненбургъ за Оренбургъ. Когда членамъ фамиліи объявили о выѣздѣ въ Раненбургъ и что ихъ разсадятъ въ разные возки—мужа, жену и дѣтей, то они съ четверть часа поплакали, но вида сердитаго не показали. Въ Раненбургѣ фамилія пробыла недолго: 27 іюля того же 1744 года послѣдовалъ указъ перевезти ихъ въ Архангельскъ, изъ Архангельска—въ Соловецкій монастырь и тамъ оставить. Перевезти поручено было камергеру Николаю Корфу, который получилъ наказъ—ввезти фамилію въ Соловецкій монастырь ночью, чтобъ ихъ никто не видалъ, и помѣстить въ приготовленные имъ покои особливо. На пищу и на прочія нужды брать отъ архимандрита за деньги, а чего у него нѣтъ,—то гдѣ что сыскать будетъ можно по настоящей цѣнѣ, чтобъ въ потребной

---

[1]) Письмо гофмаршала Миниха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской, въ Государ. Архивѣ.

пищѣ безъ излишества нужды не было; какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ столъ не такой пространный держать, какъ прежде было, по такой, что можно человѣку сыту быть тѣмъ, что тамъ можно сыскать безъ излишнихъ прихотей". Принца Іоанна поручено было везти особо майору Миллеру, который получилъ такой наказъ: „Когда Корфъ вамъ отдастъ младенца четырехлѣтняго, то онаго посадить въ коляску и самому съ нимъ сѣсть, и одного служителя своего или солдата имѣть въ коляскѣ для береженія и содержанія онаго; именемъ его называть „Григорій". Ѣхать въ Соловецкій монастырь; а что вы имѣете съ собою какого младенца, того никому не объявлять; имѣть всегда коляску закрытую".

30 августа Корфъ писалъ Воронцову: „Третьягодня я объявилъ извѣстнымъ особамъ о ихъ отъѣздѣ изъ Раненбурга; эта новость повергла ихъ въ чрезвычайную печаль, обнаружившуюся слезами и воплями. Несмотря на это и на болѣзненное состояніе принцессы, они отвѣчали, что готовы исполнить волю ея величества. Ея болѣзнь главнымъ образомъ происходитъ отъ беременности". Когда Корфъ объявилъ, что всѣ заразъ не могутъ ѣхать, и что фрейлина Юлія отправится послѣ, то это извѣстіе поразило принцессу какъ громомъ: вѣроятно она догадалась, что ихъ хотятъ разлучить навсегда. Анна Леопольдовна и мужъ ея не знали, что ихъ везутъ въ Соловки: думали, что мѣстомъ ссылки ихъ будетъ Пелымъ, гдѣ прежде былъ Биронъ. Въ октябрѣ они пріѣхали къ Бѣломорскому берегу, но за льдомъ въ это время года нельзя было проѣхать въ Соловки, и Корфъ остановился въ Холмогорахъ, гдѣ архіерейскій домъ былъ очень удобенъ для помѣщенія. Въ слѣдующемъ 1745 году онъ настоялъ, чтобъ ссыльныхъ оставить навсегда въ Холмогорахъ: „это будетъ", писалъ онъ, „гораздо секретнѣе, чѣмъ еще везти ихъ по Двинѣ и по морю; притомъ содержаніе въ Соловкахъ будетъ стоить гораздо дороже, чѣмъ въ Холмогорахъ, окруженныхъ деревнями". Самъ Корфъ уѣхалъ изъ Холмогоръ, сдавши надзоръ за ссыльными майору гвардіи Гурьеву. 19 марта 1745 года Анна Леопольдовна родила сына Петра; въ мартѣ 1746 года родила сына Алексѣя — и скончалась. На донесенія о кончинѣ принцессы и объ отправленіи тѣла ея въ Петербургъ, Гурьевъ получилъ отвѣтъ императрицы отъ 17 марта: „Репорты ваши о рожденіи принца и о кончинѣ принцессы Анны мы получили, и что вы по указу тѣло принцессы Анны сюда отправляете, о томъ извѣстны. Приложенное при семъ къ принцу Антону наше письмо отдай, и на оное отвѣтъ дай ему своею рукою написать, и какъ напишетъ, то оное къ намъ немедленно пришли. Скажи принцу, чтобъ онъ только писалъ, какою болѣзнью умерла, и не упоминалъ бы о рожденіи принца". Письмо, отданное Гурьевымъ принцу Антону, заключало въ себѣ слѣдующее: „Свѣтлѣйшій принцъ! Увѣдомились мы отъ майора Гурьева, что принцесса, ваша супруга, волею Божіею скончалась, о чемъ мы сожалѣемъ; но понеже въ репортѣ онаго майора Гурьева къ намъ не написано потребныхъ обстоятельствъ онаго печальнаго случая, можетъ быть затѣмъ, что ему невозможно всегда при ней быть, а ваша свѣтлость неотлучно при томъ были: для того требуемъ отъ вашей свѣтлости обстоятельнаго о томъ извѣстія, какою болѣзнію принцесса, супруга ваша, скончалась, которое, сами изволите, написавъ, прислать къ намъ. Елисаветъ" [1]).

Императрица сама распоряжалась насчетъ похоронъ принцессы. Погребеніе происходило съ большимъ торжествомъ въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ была погребена и мать Анны Леопольдовны, царевна Екатерина. Елисавета плакала [2]).

Доскажемъ и о послѣдующей участи осиротѣвшей семьи въ царствованіе Елисаветы. Юлія Менгденъ была разлучена съ принцессою Анною въ Раненбургѣ; но сестра ея—Бина Менгденъ—отправилась въ Холмогоры, и донесенія офицеровъ, сторожившихъ несчастную фамилію, наполнены извѣстіями о буйствахъ Бины, ссорѣ ея съ принцемъ Антономъ и романѣ съ лѣкаремъ Ножевщиковымъ. Послѣ сценъ съ принцемъ Антономъ, брани и даже драки, Бина выхватила однажды изъ-за пояса ключи и ударила ими солдата. Когда Вымдонскій, смѣнившій Гурьева, сталъ выговаривать ей за это, то она закричала: „Когда меня принцъ Антонъ давить хотѣлъ, я тебѣ говорила, чтобъ ты къ государынѣ о томъ писалъ". Но государыня взяла сторону принца Антона и указала: „Оную фрейлину, ежели она отъ такихъ продерзостей не уймется, держать въ той палатѣ, въ которой нынѣ живетъ, безысходно, и никуды изъ той палаты не выпускать, такожъ и къ ней въ палату никого не пускать, а ежели иногда для какой болѣзни своей потребуетъ лѣкаря, то онаго допускать при прапорщикѣ Зыбинѣ, а одного отнюдь не допускать". Безысходное заключеніе усилило раздражительность. По письму Вымдонскаго Черкасову, Бина проломала стекло въ окончинахъ и много разъ бросала за окно серебро. Когда пришли вставлять окно, то она сначала заперлась и не пускала; когда же офицеръ Зыбинъ вошелъ силою, то она встрѣтила его ругательствами, называя всѣхъ измѣнниками и колдунами, а потомъ бросилась на Зыбина, ударила его по уху и схватила за волосы, такъ-что едва могли отнять. Принцъ говорилъ Вымдонскому и Зыбину: „Когда я бываю въ саду, то мнѣ можно узнать, ѣдетъ или идетъ мимо архіерейскаго двора лѣкарь Ножевщиковъ, потому что тогда Бина надѣнетъ на себя красное или на рукахъ держитъ, стоя у окна, чтобъ онъ ее видѣлъ, и когда возвращусь въ покои и спрошу у слугъ, то непремѣнно скажутъ, что лѣкарь ѣхалъ или шелъ" [3]).

[1]) Дѣло о Брауншвейгской фамиліи, въ Государ. Архивѣ.
[2]) Письма Миниха къ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской.
[3]) Бина имѣла отъ Ножевщикова ребенка.

Бина, по донесенію Вымдонскаго, продолжала буйствовать, бросала тарелки, ножи и вилки въ приносившаго ей кушанья солдата, выливала супъ на голову служившей ей женщинѣ. Но она нашла себѣ защитника, потому что другой офицеръ, приставленный къ принцу Іоанну, Миллеръ, поссорился съ Вымдонскимъ, и оба въ своихъ письмахъ къ Черкасову доносили другъ на друга. Ихъ подѣлили: у Вымдонскаго взяли хозяйственную часть и отдали Миллеру, оставивъ первому только военную. Миллеръ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе, потому что деньги на содержаніе ссыльныхъ высылались изъ Петербурга неаккуратно. Однажды вышелъ кофе, который подавался въ день раза по три принцу Антону и его дѣтямъ; Вымдонскій прислалъ къ Миллеру съ сильнымъ выговоромъ, что принцъ Антонъ безъ кофе, какъ ребенокъ безъ молока, жить не можетъ, и потому надобно непремѣнно достать какъ-нибудь. Миллеръ послалъ солдата въ Архангельскъ и велѣлъ просить у тамошнихъ купцовъ кофе въ долгъ; но купцы отказали, говоря, что сомнѣваются, заплачены ли будутъ деньги и за прежде взятые товары. „Благоволите разсудить, что мнѣ дѣлать", писалъ Миллеръ Черкасову: „г. капитанъ (Вымдонскій) конечно напишетъ, что я морю безъ кофе извѣстныхъ персонъ; теперь же вижу, что и у поставщиковъ столовыхъ припасовъ нѣтъ денегъ отъ долговременнаго неплатежа, и каждый день опасаюсь, что откажутся ставить провизію, и что̀ въ такомъ случаѣ дѣлать—не знаю, ибо не кормить извѣстныхъ персонъ нельзя, а мужиковъ хоть сожги,—и взять имъ негдѣ. Думаю по нѣкоторымъ обстоятельствамъ и по извѣстному единомыслію г. капитана съ извѣстною персоною и его камердинеромъ, знатнымъ интриганомъ, что я безвинно оболганъ высочайшему кабинету, а можетъ быть и ея импер. величеству. Посылалъ я къ г. капитану каптенармуса за маленькимъ дѣломъ: онъ, оставя это дѣло, по своему велерѣчію началъ читать каптенармусу, что я не только ихъ морю безъ кушанья и питья, но и извѣстныхъ персонъ, наварилъ такого полпива, что бока всѣ промоетъ, у него, капитана, да и у извѣстной персоны колики смертельныя были отъ полпива, и потому извѣстная персона теперь не пьетъ и умеръ бы безъ питья, если-бъ онъ, капитанъ, не посылалъ къ нему своего; при этомъ говорилъ каптенармусу: „Скажи ты Миллеру, что я его не боюсь, посылаю и впредь посылать буду, и о томъ не только высочайшій кабинетъ, но можетъ быть и ея импер. величество теперь знать изволитъ". — Слыша такую на меня въ полпивѣ нанесенную небылицу, принужденъ призвать къ себѣ мундшенкскаго и тафельдекерскаго помощниковъ, которые поутру и ввечеру при столѣ извѣстныхъ персонъ живутъ неотходно, и спросить ихъ по чистой совѣсти, кушаютъ ли всѣ извѣстныя персоны полпиво, котораго отправляется ежедневно по 40 бутылокъ и больше, и хулятъ ли, когда его кушаютъ. На это они мнѣ сказали, что всѣ кушаютъ и не охуждаютъ.—А это дѣло уже извѣстно", оканчивалъ Миллеръ, „что и небесное полпиво, ежели только отъ меня отпускаться будетъ, какъ извѣстная персона, такъ и г. капитанъ съ сообщниками преисподнимъ конечно называть будутъ".

Въ своей борьбѣ съ Вымдонскимъ Миллеръ рѣшился выставить Бину Менгденъ жертвою клеветы капитана и принца Антона: „Дерзаю донесть", писалъ Миллеръ Черкасову, „что Бина по его клеветамъ, мню, что съ согласія учиненнымъ, теперь цѣлые два съ половиною года уже содержится безчеловѣчно; ибо, выключая то, что одна въ такой большой и пустой палатѣ заперта и кромѣ кушанья, которое, какъ собакѣ, въ дверь подаютъ, и рубашки во всѣ два съ половиною года мыть не сносятъ, пьяные солдаты и сержанты, тамъ живущіе, въ угодность капитану и прочимъ, всячески обижаютъ". Въ отчаяніи Бина ударила однажды ножемъ въ високъ солдата и заушила женщину, говоря: „Я на то пошла, чтобъ кого-нибудь уходить ножемъ или вилками; скорѣе получу резолюцію, которой третій годъ нѣтъ".

Ссора офицеровъ кончилась тѣмъ, что Миллера перевели въ Казань полковникомъ Свіяжскаго полка; въ Холмогорахъ ему нечего было больше дѣлать, потому что въ началѣ 1756 года принца Іоанна перевели въ Шлюссельбургъ. Сержантъ Лейбъ-Компаніи, Савинъ, вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь, причемъ Вымдонскій получилъ указъ: „Оставшихся арестантовъ содержать попрежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобъ не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта, чтобъ никому не сказывалъ; въ Кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта рапортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде рапортовали; а за Антономъ-Ульрихомъ и за дѣтьми его смотрѣть наикрѣпчайшимъ образомъ, чтобъ не учинили утечки". Въ Шлюссельбургѣ надзоръ за Иваномъ Антоновичемъ былъ порученъ гвардіи капитану Шубину, который получилъ такую инструкцію отъ Александра Ив. Шувалова, вѣдавшаго тайныя дѣла послѣ Ушакова: „Быть у онаго арестанта вамъ самому и Ингерманландскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ-жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, также арестанта изъ казармы не выпускать; когда-жъ для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ его видѣть не могли. Гдѣ вы обрѣтаться будете, запрещается вамъ и командѣ вашей подъ жесточайшимъ гнѣвомъ ея и. в—ства никому не писать; когда-жъ имѣть будете нужду писать въ домъ вашъ, то не именуя изъ котораго мѣста при прочихъ репор-

тахъ присылать, напротивъ которыхъ и къ вамъ обратно письма присыланы будутъ отъ меня чрезъ майора Бередникова (шлюссельбургскаго коменданта). Арестанту пища опредѣлена въ обѣдъ по пяти и въ ужинъ по пяти-жъ блюдъ, въ каждый день вина по одной, полпива по шести бутылокъ, квасу потребное число. Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеко-ль отъ Петербурга или отъ Москвы,—арестанту не сказывать, чтобъ онъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, Русскій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію, коли кто скажетъ". За болѣзнію Шубина, отправленъ былъ капитанъ Овцынъ, къ которому Шуваловъ писалъ 30 ноября 1757 года: „Въ инструкціи вашей упоминается, чтобъ въ крѣпость, хотя-бъ генералъ пріѣхалъ, не впускать; еще вамъ присовокупляется, хотя-бъ и фельдмаршалъ и подобный имъ,—никого не впущать и комнаты его императорскаго высочества великаго князя Петра Ѳедоровича камердинера Карновича въ крѣпость не пускать, и объявить ему, что безъ указа Тайной Канцеляріи пускать не велѣно". Приведемъ любопытнѣйшія донесенія Овцына о ввѣренномъ ему арестантѣ. Въ маѣ 1759 года онъ писалъ: „Объ арестантѣ доношу, что онъ здоровъ, и хотя въ немъ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался, что его портятъ шептаньемъ, дутьемъ, пусканьемъ изо рта огня и дыма; кто въ постели лежа повернется, или ногу переложитъ, за то сердится, сказываетъ „шепчутъ" и тѣмъ его портятъ; приходилъ разъ къ подпоручику, чтобъ его бить, и мнѣ говорилъ, чтобъ его унять, и ежели не уйму, то онъ станетъ бить; когда я стану разговаривать (разубѣждать), то и меня такимъ же еретикомъ называетъ; ежели въ сѣняхъ или на галлереѣ часовой стукнетъ или кашлянетъ, за то сердится". Въ іюнѣ: „Арестантъ здоровъ, а въ поступкахъ такъ-же, какъ и прежде, не могу понять, воистину-ль онъ въ умѣ помѣшался или притворничествуетъ. Сего мѣсяца 10 числа осердился, что не далъ ему ножницъ; схвативъ меня за рукавъ, кричалъ, что когда онъ говоритъ о порчѣ, чтобъ смотрѣть на лицо его прилежно, и будто я съ нимъ говорю грубо, а подпоручику, крича, говорилъ: „Смѣешь ли ты, свинья, со мною говорить"? Садился на окно: я опасенъ, чтобъ, разбивъ стекло, не бросился вонъ; и когда говорю, чтобъ не садился,—не слушаетъ и многія безпокойства дѣлаетъ. Во время обѣда за столомъ всегда кривляетъ ротъ, головою и ложкою на меня, также и на прочихъ взмахиваетъ и многія другія проказы дѣлаетъ. Стараюсь ему угождать, только ничѣмъ не могу, и что болѣе угождаю, то болѣе безпокойствуетъ. 14 числа, по обыкновенію своему, говорилъ мнѣ о порчѣ; я сказалъ ему: „Пожалуй оставь, я этой пустоты болѣе слушать не хочу", потомъ пошелъ отъ него прочь. Онъ, охватя меня за рукавъ, съ великимъ сердцемъ рванулъ такъ, что тулупъ изорвалъ. Я, боясь, чтобъ онъ не убилъ, закричалъ на него: „Что ты меня бить хочешь! поэтому я тебя уйму", — на что онъ кричалъ: „Смѣешь ли ты унимать? я самъ тебя уйму"! И если-бъ я не вышелъ изъ казармы, онъ бы меня убилъ. Опасаюсь, чтобъ не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ не помѣшался, однакожъ весьма сомнѣваюся, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно, доказываетъ Евангеліемъ, Апостоломъ, Минеею, Прологомъ, Маргаритою и прочими книгами, сказываетъ, въ которомъ мѣстѣ и въ житіи котораго святого пишетъ. Когда я говорилъ ему, что напрасно сердится, чѣмъ прогнѣвляетъ Бога и много себѣ худа сдѣлаетъ, на что говоритъ: ежелибъ онъ жилъ съ монахами въ монастырѣ, то-бъ и не сердился, тамъ еретиковъ нѣтъ, и часто смѣется, только весьма скрытно; нонѣшнее время передъ прежнимъ гораздо болѣе безпокойствуетъ". Въ іюлѣ: „Прикажите кого прислать,—истинно возможности нѣтъ; я и о нихъ (офицерахъ) весьма сомнѣваюсь, что нарочно раздражаютъ; не знаю, что дѣлать, всякій часъ боюсь, что кого убьетъ; пока репортъ писалъ, нѣсколько разъ принужденъ былъ входить къ нему для успокоиванія, и много разъ старается о себѣ, кто онъ, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вонъ".

По приказанію Шувалова Овцынъ спросилъ у арестанта, кто онъ. Сначала отвѣтилъ, что онъ человѣкъ великій, и одинъ подлый офицеръ то у него отнялъ и имя перемѣнилъ; а потомъ назвалъ себя принцемъ.—„Я ему сказалъ", писалъ Овцынъ, „чтобъ онъ о себѣ той пустоты не думалъ и впредь того не вралъ, на что, весьма осердясь, на меня закричалъ, для чего я смѣю ему такъ говорить и запрещать такому великому человѣку. Я ему повторялъ, чтобъ онъ этой пустоты конечно не думалъ и не вралъ, и ему то приказываю повелѣніемъ, на что онъ закричалъ: „Я и повелителя не слушаю", потомъ еще два раза закричалъ, что онъ принцъ, и пошелъ съ великимъ сердцемъ ко мнѣ; я, боясь, чтобъ онъ не убилъ, вышелъ за дверь и опять, помедля, къ нему вошелъ; онъ, бѣгая по казармѣ въ великомъ сердцѣ, шепталъ что не слышно. Видно, что нонѣ гораздо болѣе прежняго помѣшался; дня три какъ въ лицѣ кажется нѣсколько почернѣлъ, и чтобъ отъ него не робѣть, въ томъ, высокосіятельнѣйшій графъ, воздержаться не могу; одинъ съ нимъ остаться не могу; когда станетъ шалѣть и сдѣлаетъ страшную рожу, отчего я въ лицѣ измѣнюсь,—онъ, то видя, болѣе шалитъ". Однажды Иванъ Антоновичъ началъ бранить Овцына неприличными словами и кричалъ: „Смѣешь ты на меня кричать,—я здѣшней имперіи принцъ и государь вашъ". По приказу Шувалова Овцынъ сказалъ арестанту, что „если онъ пустоты своей врать не отстанетъ, также и съ офицерами драться, то все платье отъ него отберутъ и пища ему не такая будетъ". Услыхавъ это, арестантъ спросилъ: „Кто такъ велѣлъ сказать?" — „Тотъ, кто всѣмъ намъ командиръ", от-

*

вѣчалъ Овцынъ. — „Все это вранье", сказалъ Иванъ, „и никого не слушаюсь, развѣ сама императрица мнѣ прикажетъ".

Въ сентябрѣ 1759 года арестантъ велъ себя нѣсколько смирнѣе; потомъ опять сталъ браниться и драться, и не было спокойнаго часа; съ ноября опять сталъ смиренъ и послушенъ. Въ апрѣлѣ 1760 г. Овцынъ доносилъ: „Арестантъ здоровъ и временемъ безпокоенъ, а до того всегда его доводятъ офицеры, — всегда его дразнятъ". Въ 1761 году придумали средство лѣчить его отъ безпокойства: не давали чаю, не давали чулокъ крѣпкихъ, и онъ присмирѣлъ совершенно.

О родныхъ Ивана Антоновича, оставшихся въ Холмогорахъ, сохранилось слѣдующее извѣстіе Зыбина: „Принцъ Антонъ-Ульрихъ сложенія толстаго и многокровнаго, и нерѣдко подверженъ разнымъ припадкамъ, особенно страдаетъ грудью, однако не очень сильно и продолжительно; по заявленію лѣкарскому, имѣетъ начало цынготной болѣзни; нравомъ кажется тихъ и ведетъ себя смирно. Дѣти его: дочери—большая, Екатерина—сложенія больного и почти чахотнаго, притомъ нѣсколько глуха, говоритъ нѣмо и невнятно и одержима всегда разными болѣзненными припадками; нрава очень тихаго. Другая его дочь, Елисавета, которая родилась въ Дюнаминде, росту для женщины немалаго и сложенія нынѣ становится плотнаго, нрава нѣсколько горячаго, подвержена разнымъ и нерѣдкимъ болѣзненнымъ припадкамъ, особенно не одинъ уже годъ впадаетъ въ меланхолію и не мало времени ею страдаетъ. Сыновья: старшій, Петръ,— родился въ Холмогорахъ, въ 745 году; сложенія больного и чахотнаго, нѣсколько кривоплечъ и кривоногъ. Меньшой сынъ, Алексѣй, родился въ Холмогорахъ, въ 746 году; сложенія плотноватаго и здороваго, и хотя имѣетъ припадки, но еще дѣтскіе. Живутъ всѣ они сначала и до сихъ поръ въ однихъ покояхъ безысходно; нѣтъ между ними сѣней, но изъ покоя въ покой только однѣ двери, покои старинные, малые и тѣсные. Сыновья Антона-Ульриха и спятъ съ нимъ въ одномъ покоѣ. Когда мы приходимъ къ нимъ для надзиранія, то называемъ ихъ, по обычаю прежнихъ командировъ, принцами и принцессами".

Въ годъ смерти Анны Леопольдовны отозвался и врагъ ея, Биронъ, изъ Ярославля, отозвался горькою жалобою на свое бѣдственное положеніе. 18 марта 1746 года онъ писалъ императрицѣ: „Къ здѣшнему воеводѣ указъ присланъ изъ Высокаго Кабинета, въ которомъ изображено, яко бы по моему приказу казанскаго полка полковникъ Ливенъ одного здѣшняго мѣщанина арестовать и бить велѣлъ. Всемилостивѣйшая императрица! сколь велико мое бѣдство ни есть, и сколь долго оное ни продолжается, однакожь моего разума не лишенъ, чтобъ я въ такія дѣла вмѣшался. Я знаю, въ какомъ состояніи я нахожусь. Всѣ наказанія, кои выдуманы быть могутъ, претерплю я съ радостію, ежели я правильно въ чемъ изобличенъ быть могу, а полковникъ Ливенъ долженъ отчетъ и отповѣдь дать. Оного человѣка я не знаю, онъ же ни мнѣ, ни моимъ домашнимъ никакой бѣды не сдѣлалъ: что же бы меня къ тому побудило! Но я такими людьми здѣсь окруженъ, отъ которыхъ ежеденно многія утѣсненія претерпѣвать принужденъ безъ всякой моей вины: итакъ, ваше императорское величество, прошу не допустить, чтобъ я безвинно мучимъ былъ". — Къ Бестужеву Биронъ писалъ по тому же случаю: „Несчастіе мое ежеденно умножается; я желалъ бы все то претерпѣвать, ежелибъ я въ чемъ виновенъ былъ; но о семъ приключеніи я столько зналъ, сколько о часѣ моей смерти; я того человѣка никогда не зналъ. Я здѣсь между львами и змѣями нахожусь. Здѣшній воевода и его жена извѣстны суть: они на меня озлобились потому, что я ихъ больше не дарю, какъ то прежде дѣлалъ, когда я еще нѣчто имѣлъ. Маіоръ Лакастовъ съ фабрики, который съ воеводою въ ссорѣ былъ, добрымъ пріятелемъ сдѣлался. Сей человѣкъ намъ всякую досаду причиняетъ; я не могу, да и не смѣю упомянуть, что мы отъ сего человѣка безъ причины претерпѣваемъ" [1]).

Отъ этихъ печальныхъ извѣстій обратимся къ обычной правительственной дѣятельности 1745 г. Передвиженіе войскъ, вызванное событіями прошедшаго года, готовило Сенату новыя заботы, а между тѣмъ надобно было приводить въ порядокъ пограничныхъ служилыхъ людей, удержавшихъ среди преобразованій свой особый характеръ, вынесенный изъ XVII вѣка: то была смоленская шляхта, обязанная нести военныя повинности на польской границѣ и, вмѣстѣ съ названіемъ, удержавшая, какъ видно, и духъ своихъ собратій въ Польшѣ, ибо до насъ дошли извѣстія о частыхъ столкновеніяхъ между нею и назначаемыми для начальства надъ нею генералами. Генералъ-майоръ Вонлярлярскій доносилъ Сенату, что при разборѣ смоленскаго шляхетства является много неспособныхъ къ службѣ по старости, дряхлости и увѣчью; вмѣсто нихъ опредѣляются поротно шляхетскіе недоросли. Только нѣкоторые годные въ службу недоросли, по многократнымъ посылкамъ, къ этому разбору въ Смоленскъ къ нему не ѣдутъ, особенно пять сыновей полковника Корсака да сынъ хорунжаго Вонлярлярскаго и прочіе, и отъ форпостной службы ухораниваются и живутъ въ домахъ при отцахъ праздно. У нѣкоторыхъ изъ шляхетства отписаны за доимки движимыя и недвижимыя имущества, и они скитаются между чужими дворами, питаясь милостынею, а служба ихъ была безъ жалованья отъ вотчинъ; другіе, вслѣдствіе челобитья ихъ на него, Вонлярлярскаго, Сенатомъ отъ команды его отрѣшены, находятся въ командѣ смоленской губернской канцеляріи до указа, къ разбору не являются и форпостной службы не служатъ. Смотря на нихъ, и офицеръ команды его, поручикъ Але-

[1]) Дѣло о Брауншвейгской фамиліи. — Письмо Бирона въ перлюстраціяхъ 1746 года, въ Москов. Архивѣ Мин. Иностр. Д.

ксандръ Ивановъ Потемкинъ (отецъ знаменитаго потомъ князя Григорья Александровича), оставя форпостъ безъ отпуску его, самовольно съѣхалъ въ домъ свой. Сенатъ приказалъ: скрывающихся и съѣхавшихъ съ форпостовъ штрафовать по обыкновенію смоленскаго шляхетства, а пока явятся—отписать у нихъ деревни, людямъ и крестьянамъ не велѣть ихъ слушаться [1]).

Сенатъ отмолчался насчетъ тѣхъ шляхтичей, которые, не получая жалованья и лишившись вотчинъ, питались милостынею. Старались избѣжать новыхъ расходовъ, которые и безъ того увеличились и требовали чрезвычайныхъ доходовъ; для вооруженія и приготовленія къ движенію всѣхъ войскъ велѣно было во всемъ государствѣ собрать съ тѣхъ, кто въ семигривенномъ окладѣ, по гривнѣ съ души, а кто въ сорокаалтынномъ—съ того по пяти алтынъ [2]). Императрица распорядилась, чтобъ въ Петербургѣ по большимъ знатнымъ улицамъ не было кабаковъ и харчевенъ; кабакамъ быть только въ переулкахъ, а харчевни свести на рынокъ; но камеръ-контора представила Сенату, что когда кабаки были на знатныхъ улицахъ, то въ сборѣ было на 24,500 рублей въ годъ, а теперь уже столько не сбирается, и недобору съ 1743 года 55,321 рубль [3]). Уже 17 лѣтъ, какъ въ Московской губерніи питейные сборы откупали компанейщики, платя 222,812 рублей въ годъ; но теперь отказались: магистратъ и купечество такъ-же отказались; наконецъ явились охотники — купцы Пастуховъ, Емельяновъ и Мѣщаниновъ, и предложили взять питейные сборы на 6 лѣтъ за ту же цѣну, съ надбачею на каждый годъ по 10,000 рублей; а если отдадутъ безъ пошлинъ, то будутъ платить по 250,000 рублей. Въ это время въ Москвѣ было австерій и фартинъ 173, да въ уѣздѣ 32, при которыхъ служило 672 человѣка [4]). Муку казна покупала въ военные магазины по 2,25 коп. за четверть, крупу по 3 рубля за четверть. Писчая бумага втораго нумера стоила по 1,50 коп. за стопу, третьяго нумера—по 1,20 коп., сургучъ—по 80 коп. фунтъ [5]). Съ 1743 по 1745 годъ становили подрядомъ на войска рубашечный холстъ по 26,90 коп., для нижняго платья—по 22,90 коп., подкладочный—по 18,90 коп., крашенину—по 23,90 коп. за тысячу аршинъ; но въ 1746 году по публикаціямъ подрядчики не явились; отпускать за море было выгоднѣе; въ 1745 и 1746 годахъ холста разныхъ сортовъ было привезено въ Петербургъ 1.901,007 аршинъ: Москвичами—108,050 аршинъ, Переяславцами—347,500, Ростовцами—618,750, Ярославцами—82,029, Угличанами—94,552, Костромичами—523,927, Суздальцами—20,100, Вологжаниномъ—45,799, изъ пригорода Плеса—35,250, Кашинцемъ—23,050, Торопчанами—2,000. Эти купцы требовали съ казны по 48 руб. за тысячу аршинъ. Тогда товары ихъ были остановлены. Купцы подали прошеніе, чтобъ завезенный ими къ петербургскому порту въ заморскій отпускъ холстъ позволено имъ было теперь продать въ заморскій отпускъ, потому что Главный Коммисаріатъ даетъ имъ цѣну малую, а потомъ пусть правительство запретитъ привозъ холста ко всѣмъ гаванямъ изъ внутреннихъ городовъ для лучшаго удовольствованія арміи: тогда холсты подешевѣютъ и купцы употребятъ капиталы свои въ другіе торги и промыслы. Но Сенатъ отказалъ въ пропускѣ за море холста, пока вся армія имъ не удовольствуется [6]).

Въ Сенатъ поступали на разсмотрѣніе образцы произведеній русскихъ фабрикъ. Когда въ описываемомъ году присланы были образцы разныхъ шелковыхъ матерій и бархатовъ, то сенаторы усмотрѣли, что нѣкоторыя матеріи, напримѣръ бархатъ травчатый - по малиновой землѣ алыя травы, ленты пунцовыя кавалерскія—цвѣтами очень нехороши, и потому приказали послать указъ въ Мануфактуръ-Коллегію такого содержанія: Сенатъ, видя, что на россійскихъ мануфактурахъ тѣ работы продолжаются, доволенъ, только подтверждаетъ, чтобъ Коллегія надъ заводчиками и фабриками имѣла крайнее смотрѣніе,—пусть стараются шелковыя матеріи дѣлать самымъ хорошимъ мастерствомъ по образцу европейскихъ мануфактуръ, употребляя цвѣты хорошіе, прибирая оные по приличности [7]).

Насчетъ соли продолжались прежнія хлопоты. Строгановы явились въ Сенатъ съ жалобою на Пыскорскій монастырь, что онъ отбиваетъ у нихъ рабочихъ, платя имъ дороже: просили, чтобъ это было запрещено монастырю. Сенатъ приказалъ въ просьбѣ отказать: рабочіе люди вольные, отъ кого себѣ хорошую плату получаютъ, къ тому больше и въ работу нанимаются; поэтому и баронамъ Строгановымъ надобно крѣпкое стараніе прилагать и рабочихъ людей добывать, беря примѣръ съ Пыскорскаго монастыря. Но этимъ нравственнымъ внушеніемъ Сенатъ не отдѣлался. Лѣтомъ братья Строгановы—Александръ, Николай и Сергѣй—подали доношеніе: высочайшей резолюціи на ихъ просьбы еще не послѣдовало, а между тѣмъ указомъ Сената велѣно Соляной Конторѣ понуждать ихъ къ вываркѣ и доставкѣ соли, несмотря ни на какія невозможности, отъ чего пришли они въ такую несостоятельность, что уже не только чѣмъ бы соль изъ Нижняго въ Верховые города ставить, но и лодейнымъ работникамъ, по прибытіи въ Нижній съ солью, чѣмъ остальную расцѣнку учинить, капитала у себя не имѣютъ, притомъ и подрядчиковъ къ поставкѣ соли до Верховыхъ городовъ отыскать не могутъ: калужскіе подрядчики говорятъ, что въ 1745 году соль въ

[1]) Журн. Сената 3 ноября.
[2]) Журн. Сената 17 іюля.
[3]) Журн. Сената 16—17 іюня.
[4]) Журн. Сената 2 октября.
[5]) Журн. Сената 7 и 9 января.
[6]) Журн. Сената 12 и 16 сентября.
[7]) Журн. Сената 9 іюля.

провозѣ до Калуги стала по 7 коп. съ 1/4 съ пуда, отчего понесли они поносное разореніе, и въ подрядъ потому не вступили; а московскіе говорятъ, что взяли они за провозъ до Москвы по 6 1/2 коп. съ пуда, а стало имъ по 8 коп., и подряжаться не хотятъ, а изъ прочихъ городовъ никто не явился. По такимъ высокимъ провознымъ цѣнамъ на остальную лодейнымъ работникамъ раздѣлку и на задатки подрядчикамъ надобно будетъ въ Нижнемъ до 100,000 рублей, а у нихъ своего капитала уже нѣтъ; пусть Соляная Контора приготовитъ въ Нижнемъ эту сумму заблаговременно. Сенатъ приказалъ: Соляной Конторѣ, разсмотря, надлежащее и немедленное опредѣленіе учинить, объявивъ Строгановымъ, чтобъ они отпущенную въ 1746 соль до Верховыхъ городовъ, не упустя лѣтняго пути, оправили и поставили, въ чемъ ихъ накрѣпко принуждать, не принимая отъ нихъ никакихъ отговорокъ.— Соляная Контора доносила, что въ 1746 году приготовлено соли: у Строгановыхъ въ Орловскихъ промыслахъ 2.406,274 пуда, въ Чусовскихъ 231,436 пудъ, у Пыскорскаго монастыря 1.038,409 пудъ, у Демидова 67,902 пуда, у Турчанинова 138,345 пудъ, Ростовщикова 135,193, Суровцова 108,496; всего 4.126,028 пудъ. Относительно требуемыхъ Строгановыми ста тысячъ рублей, Соляная Контора донесла, что такой большой суммы въ Нижнемъ она не можетъ дать Строгановымъ, ибо здѣсь у нея всего 3,221 рубль, а въ самой Соляной Конторѣ на лицо 96,811 рублей. Сенатъ приказалъ: выдать Строгановымъ изъ Соляной Конторы въ Москвѣ мѣдными деньгами 42,399 рублей, прибавя всѣ деньги, которыя въ Нижнемъ и Нижегородской губерніи въ сборѣ изъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ доходовъ. Кромѣ Перми и Астрахани, соль добывалась еще на Бахмутскихъ казенныхъ заводахъ; но и здѣсь были тоже хлопоты по недостатку работниковъ. Сенатъ велѣлъ высылать туда работниковъ изъ Воронежской и Бѣлгородской губерній, изъ ближнихъ къ Бахмуту городовъ и уѣздовъ, поселившимся тамъ на великороссійскихъ земляхъ Малороссіянамъ по 600 человѣкъ въ годъ. Но бахмутская заводская контора представила, что рабочихъ на заводахъ, за недосылкою и побѣгомъ, всего въ Бахмутѣ 63, да въ Тору 6, итого 69 человѣкъ, отчего при обоихъ заводахъ въ приготовленіи дровъ и въ прочихъ работахъ слѣдуетъ остановка. Сенатъ приказалъ подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ высылались сполна по 600 человѣкъ [1]).

Сенатъ получилъ извѣстіе объ усиленіи торговли со стороны Европы и со стороны Азіи. Камеръ-Коллегія подала мнѣніе: петербургская торговля усилилась вслѣдствіе заключенія контрактовъ; многіе и разныхъ городовъ купцы, которые прежде, за неимѣніемъ капитала, къ порту товаровъ не привозили, тѣ охотно теперь ведутъ заграничную торговлю, заключивши контракты и взявши напередъ у иноземцевъ деньги; эти русскіе купцы сами по городамъ и по ярмаркамъ ѣздятъ и прикащикамъ посылаютъ, закупаютъ и привозятъ сюда товары, и наоборотъ: покупая въ долгъ у иностранныхъ купцовъ заморскіе товары, отвозятъ внутрь государства, и такимъ образомъ пріобрѣтаютъ себѣ кредитъ и пользу, усиливаютъ привозъ товаровъ къ здѣшнему порту, такъ-что русскихъ товаровъ, привезенныхъ по контрактамъ, бываетъ на 900,000 рублей, отчего и пошлинному сбору явное приращеніе и русскимъ купцамъ небогатымъ, которые на поставку товара къ порту капитала своего не имѣютъ, также и крестьянству немалая отъ заключенія контрактовъ польза, ибо крестьяне, продавая имъ свои рукодѣлія, пеньку, ленъ и прочее, получаютъ по множеству купцовъ цѣну настоящую, а не принужденную. Если же контрактамъ не быть, то весь здѣшній портовый торгъ останется въ однѣхъ рукахъ знатныхъ капиталистовъ, товары и крестьянское рукодѣлье принуждены будутъ небогатые купцы и крестьяне продавать имъ однимъ по такой цѣнѣ, по какой они захотятъ. Поэтому Коллегія думаетъ, что надобно удержать въ силѣ указъ 1720 года, позволяющій заключеніе контрактовъ и брать съ товаровъ одну портовую пошлину безъ внутренней; а чтобъ нынѣ иноземцамъ заключеніе контрактовъ запретить, того Коллегія не считаетъ полезнымъ, ибо могутъ ли одни россійскіе купцы своими капиталами здѣшніе торги къ лучшему размноженію производить,— того нельзя надѣяться, потому что въ Россіи число капиталистовъ очень не велико. Сенатъ не принялъ мнѣнія Коллегіи и приказалъ: всѣмъ россійскимъ иногороднымъ купцамъ заключать контракты съ *россійскими-жъ* иногородными купцами, кто съ кѣмъ пожелаетъ, о поставкѣ къ Петербургскому порту для заморскаго отпуску россійскихъ товаровъ, и внутреннія пошлины брать [2]).

Съ востока Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ писалъ объ усиленіи торговъ въ Оренбургѣ и Орскѣ: усиливается ввозъ азіатскихъ товаровъ, но вывозъ русскихъ сталъ превышать ввозъ азіатскихъ. Привезено было изъ русскихъ городовъ товара въ Оренбургъ на 33,388 рублей, въ Орскъ на 75,215 рублей; а въ русскіе города отпущено изъ Оренбурга на 10,343 рубля, изъ Орска на 95,364 рубля; пошлинъ собрано въ 1745 году противъ 1744 на 3,523 рубля больше. Неплюевъ доносилъ, что ѣзда въ Оренбургъ для русскихъ купцовъ безопаснѣе, чѣмъ въ Орскъ; но трудно заставить Киргизовъ перемѣнить старое мѣсто на новое [3]).

Любопытны нѣкоторыя подробности о положеніи торговыхъ и промышленныхъ людей въ городахъ, о ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, о ихъ столкновеніяхъ въ общей дѣятельности, по магн-

---

[1]) Журн. Сената 5 марта, 19 іюня, 26 іюня, 7 ноября.

[2]) Журн. Сената 9 декабря.

[3]) Журн. Сената 29 мая.

страту. Бѣлгородскій купецъ и селитряный заводчикъ Щедровъ, купцы Ворожайкинъ и Турбаевъ съ товарищи потребовали отрѣшенія опредѣленныхъ Главнымъ Магистратомъ президента бѣлгородскаго магистрата—Осипа Морозова, бурмистровъ Нижегородцева и Лашина, потому что они выбраны фальшивымъ нѣкоторыхъ купцовъ выборомъ и недостойны занимать свои мѣста: Морозовъ поступалъ противозаконно, будучи у таможенныхъ кабацкихъ и другихъ сборовъ; Лашинъ находится подъ слѣдствіемъ въ приводѣ съ неявленнымъ и утаеннымъ отъ пошлинъ товаромъ; онъ же, Лашинъ, будучи въ 1741 году въ бѣлгородской ратушѣ бурмистромъ, не только не старался охранять купечество отъ всякихъ нападокъ и налоговъ, но и самъ отягощалъ его неуказными поборами; да и потому Морозову и Лашину въ магистратскомъ правленіи быть не слѣдуетъ, что они по нынѣшнимъ конъюнктурамъ и производству судныхъ дѣлъ, и къ прочимъ приказнымъ поступкамъ не способны; и если имъ въ правленіи магистратскомъ велѣно будетъ остаться, то уже они, Щедровъ съ товарищи, которые къ ихъ выбору были на большомъ совѣтѣ несогласны, принуждены будутъ, оставя домы, идти врозь. А теперь они, съ общаго согласія, на мѣсто Морозова съ товарищи, выбрали изъ другихъ достойныхъ и неподозрительныхъ людей: Андреева—президентомъ, Мурныкина, Денисова—бургомистрами. Сенатъ вытребовалъ дѣло изъ Главнаго Магистра и приказалъ: Морозова съ товарищи отъ магистратскаго правленія отрѣшить, ибо изъ дѣла явствуетъ, что въ бѣлгородскомъ купечествѣ состоитъ 516 дворовъ, въ нихъ 1,350 душъ мужескаго пола, а къ выбору Морозова подписались только 74 человѣка; почему другіе не подписались,—объ этомъ Главный Магистратъ не спросилъ и опредѣлилъ Морозова съ товарищи неправильно, ибо на нихъ было представлено подозрѣніе. Послать указъ Бѣлгородскому губернатору — Морозова съ товарищи отрѣшить; а чтобъ дѣла не остановились,—быть въ Магистратѣ представленнымъ отъ 134 купцовъ Михайлѣ Андрееву съ товарищи, до указа, а потомъ, по силѣ магистратскаго регламента, призвавъ въ губернскую канцелярію всѣхъ купцовъ, кромѣ Морозова съ товарищи и ихъ избирателей, да кромѣ отлучныхъ и малолѣтнихъ, и спросить—желаютъ ли они Андреева съ товарищи, и если желаютъ, то утвердить, если же нѣтъ, то пусть выбираютъ другихъ [1]). Въ Бѣлгородѣ жаловались, что бурмистръ не защищалъ купечество отъ нападокъ; а въ Москвѣ купцы Автомоновъ, Ивановъ и крестьянинъ Матвѣевъ объявили прямо въ Сенатской Конторѣ, что оберъ-полицiймейстеръ Нащекинъ, пріѣхавъ съ командою на Полянку, приказалъ у торгующихъ съѣстными припасами и мелочью въ шалашахъ ломать шалаши и обирать товары, причемъ кричалъ командѣ: „Берите что помягче!“ и у купца Иванова лавку и пять шалашей, которые построены по приказу самого Нащекина, разломалъ до основанія [2]).

Ревизія подняла вопросъ: могутъ ли торговые и промышленные люди владѣть крѣпостными людьми. Разумѣется, правительство изстари должно было стараться ограничить право имѣть земли и потомъ крѣпостныхъ на нихъ крестьянъ одними служилыми людьми, сохраняя такимъ образомъ для себя возможность содержать войско. Но искони существовало холопство; холопы могли быть у всѣхъ, и, при первой ревизіи, за посадскими и мастеровыми были записаны дворовые ихъ люди. Теперь на запросъ, слѣдуетъ ли сдѣлать то же и въ настоящее время, Сенатъ отвѣчалъ утвердительно. У архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ и дѣтей боярскихъ, у разночинцевъ, которые сами въ подушномъ окладѣ, у казаковъ и ямщиковъ велѣно дворовыхъ людей отобрать, ибо въ прежнюю перепись не было указа писать ихъ за ними. За раскольниками новокрещенныхъ и никакихъ людей отнюдь не писать и немедленно отбирать, чтобъ они не могли привлечь ихъ къ раскольничьему суевѣрію [3]). Сдѣлано было исключеніе въ пользу смоленскихъ мѣщанъ, которымъ позволено было имѣть не только дворовыхъ, но и крестьянъ, на основаніи привилегій, данныхъ Польскимъ королемъ и подтвержденныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ [4]).

Ревизія продолжала вскрывать любопытныя явленія, напримѣръ, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ помѣстьи Колтовскаго, крестьяне утаили 29 человѣкъ; въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, Ношульской волости, написали 52 человѣка живыхъ мертвыми, да утаили рожденныхъ послѣ прежней переписи 146 душъ. Пришлыхъ и бѣглыхъ приписывали, вмѣсто умершихъ, чужими именами. На одныхъ казенныхъ сибирскихъ заводахъ найдено бѣглыхъ 16,391 душа, и дано знать, что примѣнить къ нимъ закона о возвращеніи бѣглыхъ нельзя, потому что пріемщики, заводскіе управители на свой счетъ отвезти ихъ на прежнія жилища не въ состояніи, а для провожанія ихъ потребуется столько войска, сколько во всей Сибирской губерніи нѣтъ; безъ провожатыхъ же никто не пойдетъ,—разойдутся по лѣсамъ, или и за границу убѣгутъ, особенно тѣ, которые на заводахъ мастерствамъ обучились. Они, хотя-бъ и съ провожатыми были вывезены, но такъ давно уже отъ пашни отстали, что на прежнихъ мѣстахъ не уживутся, но, еще и другихъ подговоря, опять въ Сибирь убѣгутъ, гдѣ могутъ быть безъ платежа подушныхъ денегъ, а на прежнихъ жилищахъ будетъ доимка; если же оставить ихъ въ Сибири, то платежъ подушныхъ денегъ будетъ исправный. Сенатъ разсудилъ не высылать, а пріемщики должны были заплатить деньги прежнимъ владѣльцамъ по 50 рублей за семью и по 30 рублей за холостыхъ; что же касается бѣглыхъ на казенныхъ заводахъ, то вмѣсто ихъ выдать прежнимъ владѣльцамъ

[1]) Журн. Сената 15 января, 14 мая.

[2]) Журн. Сената 25 февраля.

[3]) Журн. Сената 14 марта.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 9,332

крестьянъ въ Европейской Россіи изъ выморочныхъ и описныхъ деревень [1]).

Смоленскимъ мѣщанамъ позволено было имѣть крестьянъ въ силу старыхъ привиллегій, подтвержденныхъ царемъ Алексѣемъ; но не обращено вниманія на эстляндскія привиллегіи, когда во имя ихъ хотѣли пойти противъ рѣшенія, особенно важнаго для императрицы. 17 мая 1744 года велѣно было всѣмъ коллегіямъ, канцеляріямъ, губерніямъ, провинціямъ и командамъ присылать въ Сенатъ обстоятельныя выписки о колодникахъ, осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть, и не приводить въ исполненіе приговоровъ до полученія указа:—указа о приведеніи въ исполненіе смертныхъ приговоровъ ни одно вѣдомство съ тѣхъ поръ не получало, и распоряженіе 17 мая считается на дѣлѣ отмѣною смертной казни за преступленія неполитическія. Въ описываемомъ году ревельская губернская канцелярія представила Сенату, что ландраты и магистратъ, ссылаясь на древнія привиллегіи, считаютъ своимъ правомъ приводить въ исполненіе криминальныя сентенціи безъ дальней конфирмаціи со стороны высокой короны, и потому просятъ о возвращеніи этого права: въ противномъ случаѣ колодники будутъ умножаться, и на пропитаніе ихъ не будетъ ставать средствъ. Но Сенатъ приказалъ послать въ Эстляндію указъ:— отнюдь не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоровъ [2]).

Ревизія возбуждала также нѣкоторые вопросы, входившія въ область Церкви. Такъ было постановлено: иноземцамъ, находящимся въ русскомъ подданствѣ и службѣ, кромѣ идолопоклонниковъ и магометанъ, позволяется держать у себя русскихъ крѣпостныхъ людей, съ тѣмъ только, чтобъ не вывозить ихъ за-границу; иноземцамъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, живущимъ временно въ Россіи, позволяется имѣть русскихъ крѣпостныхъ людей, если они представятъ добрыхъ порукъ, имѣющихъ деревни, что тѣхъ крѣпостныхъ людей изъ Россіи не вывезутъ и подушныя за нихъ деньги будутъ платить бездоимочно. Калмыковъ, Башкиръ, Татаръ и тому подобныхъ иновѣрцевъ можно обращать только въ Православную вѣру, и по крещеніи изъ государства не выпускать [3]).

Въ началѣ описываемаго года Церковь и государство опять заявили, что послѣдователей душепагубной ереси (христовщины) сыскано уже болѣе 200 человѣкъ, но другіе укрываются, и между прочимъ три московскихъ купца, два петербургскихъ съ сестрою, два крестьянина и между ними одинъ лжехристъ, Степанъ Васильевъ, Ярославскаго уѣзда, изъ деревни Поздѣевки [4]). Благочестивая императрица очень любила, когда кто-нибудь изъ другихъ исповѣданій обращался въ Православіе; всѣ эти случаи обращенія, довольно нерѣдкіе, объявлялись въ вѣдомостяхъ. Понятно, что она дала особенную торжественность возвращенію къ Православію извѣстной княгини Ирины Долгорукой. 15 августа, въ день Успенія, въ церкви Лѣтняго дворца, въ присутствіи императрицы, княгиня Ирина съ дѣтьми, сыномъ Николаемъ и дочерью Анною, предъ литургіею отреклась отъ католицизма. Елисавета велѣла Синоду статскаго совѣтника князя Сергѣя Долгорукаго, за несмотрѣніе о женѣ своей и дѣтяхъ въ содержаніи ихъ въ законѣ и въ страхѣ Божіи, послать въ монастырь, гдѣ быть ему непсходно годъ, да при немъ сыну его Николаю по 1 января 1747 года. Долгорукихъ сослали въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь [5]). **Мамзель** Бере, которая считалась виновницею отступничества княгини Долгорукой, осталась подъ стражею въ Синодѣ; только въ 1751 году, вслѣдствіе промеморіи голландскаго посланника Шварца, императрица указала выслать ее заграницу, „хотя она, за превращеніе помянутой фамиліи въ законѣ, жестокому наказанію подлежала бъ“. Елисавета приказала канцлеру заняться слѣдующимъ дѣломъ: въ Курляндіи было много плѣнныхъ Турокъ, мужчинъ и женщинъ, которые, по обращеніи ихъ въ лютеранство, были поселены въ имѣніяхъ бывшаго герцога Бирона; а они всѣ, разсуждала императрица, полонены русскимъ оружіемъ, то ихъ вывесть въ Россію и по пристойности распредѣлить; но чтобъ Турки не стали ихъ назадъ требовать, какъ находящихся не въ Греческомъ законѣ, то постараться всѣхъ ихъ привести въ Греческій законъ. Елисавета настаивала также на возвращеніе русскихъ солдатъ (великановъ) изъ Пруссіи. Фридрихъ II отвѣчалъ, что они подарены; Елисавета возражала, что Петръ Великій давалъ ихъ покойному королю съ тѣмъ, чтобъ за каждаго было дано по три человѣка матросовъ; послѣ отпускали и безусловно; но теперь она требуетъ ихъ назадъ какъ потому, что они ея подданные, такъ и потому, чтобъ они остальную жизнь могли окончить въ своемъ законѣ и отечествѣ; притомъ съ прусской стороны ни одного матроса въ Россіи не получено, да теперь они и не требуются. — Какъ видно, въ это время забыли, что Петръ Великій перемѣнялъ великановъ, посылаемыхъ въ Пруссію, и не позволялъ имъ оставаться тамъ постоянно [6]).

Сношенія правительствующихъ учрежденій — Сената и Синода—попрежнему имѣли главнымъ предметомъ столкновеніе духовныхъ и свѣтскихъ начальствъ, жалобы: духовенства на дурное обращеніе съ ними свѣтскихъ начальствъ. Мы видѣли соблазнительное дѣло Вятскаго епископа Варлаама съ воеводою. Варлаамъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, нашелъ сильныхъ защитниковъ, и Сенатъ рѣшилъ: хотя Вятскій епископъ Варлаамъ, по Уложенью, Генеральному Регламенту и указу Петра Великаго 1724 г. января 27 и Св. Отецъ прави-

---

[1]) Журн. Сената 13 января, 10 марта.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 9,312.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 9,249.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 9,251.

[5]) Журн. Сената 22 августа.
[6]) Доклады 1751 и 1746 года.

ламъ, за свою явную продерзость подвергъ самъ себя, по снятіи сана, жесточайшему истязанію, но только онъ епископъ сана немалаго, и для того Сенатъ, безъ особливаго ея им. в—ства указа, въ томъ дѣлѣ объ немъ, епископѣ, далѣе уже поступать не можетъ, а предаетъ въ высочайшее ея им. в—ства соизволеніе; и хотя въ вѣдѣніи Св. Синода и объявлено, чтобъ о показанныхъ ссорахъ какъ архіерею, такъ и воеводѣ подать по формѣ челобитныя, произвесть надлежащій судъ и для доказательства воеводу Писарева прислать въ Св. Синодъ, но такъ какъ въ томъ, что онъ, архіерей, его, воеводу, въ канцеляріи ударилъ, самъ себя уже виновнымъ показалъ, то не-для-чего быть суду въ томъ, что онъ противъ указовъ поступилъ, ибо онъ, епископъ, самъ себя виновнымъ показалъ не въ партикулярномъ какомъ-нибудь дѣлѣ, но въ противныхъ указамъ и Св. Отецъ правиламъ поступкахъ [1]). Епископъ Воронежскій Ѳеофилактъ донесъ Синоду о слѣдующемъ съ нимъ происшествіи: въ крестовой палатѣ, при многихъ людяхъ, попъ Ефимовъ, подавая доношеніе о постриженіи одной купчихи, приложилъ при доношеніи завернутый въ бумажку рублевикъ; онъ, архіерей, пришелъ въ „зазрѣніе и безпамятство", и бросилъ рублевикъ и отношеніе попу въ глаза. Вслѣдъ за тѣмъ воронежская консисторія донесла Синоду, что губернская канцелярія заарестовала епископа Ѳеофилакта и для караула приставила къ нему прапорщика съ командою, присутствующіе въ консисторіи архимандритъ и священникъ взяты въ губернскую канцелярію и содержатся подъ карауломъ же. Архіерей велѣлъ иподіакону словесно донести Синоду, что онъ содержится по дѣлу попа Ефимова; бумаги, пера и чернилъ ему давать не велѣно. Сенатъ приказалъ выпустить архіерея и консисторскихъ членовъ, если они схвачены не по первымъ двумъ пунктамъ. Изъ экстракта, присланнаго воронежскою губернскою канцеляріею, Сенатъ усмотрѣлъ, что въ арестованіи епископа Ѳеофилакта виновенъ канцеляристъ Дмитріевъ, „который подалъ запечатанное доношеніе по первому пункту на епископа и указалъ свидѣтелей—архимандрита и священника, почему и тѣ арестованы; по опредѣленію канцеляріи, велѣно доносителя и обвиняемыхъ, по силѣ указа 1730 года, послать въ Тайную Канцелярію, но не посланы потому, что изъ поданнаго доношенія попа Ефимова и изъ разсказа Дмитріева обнаружилось содержаніе его доношенія по первому пункту: онъ обвинялъ епископа въ томъ, что тотъ бросилъ рублевикъ на землю, а на монетѣ было изображеніе императрицы.—Дмитріева, за ложный доносъ, высѣкли кнутомъ нещадно и сослали въ Оренбургъ [2]).

Въ самомъ Синодѣ происходили частыя столкновенія его членовъ съ оберъ-прокуроромъ, княземъ Шаховскимъ. Шаховской замѣтилъ, что духовные особы берутъ надъ нимъ верхъ разумомъ и краснорѣчивымъ объясненіемъ своихъ дѣйствій: поэтому не безопасно было вступать съ ними въ споры безъ приготовленія, безъ изученія духовныхъ дѣлъ и всего, связаннаго съ интересами духовнаго начальства. Другая опасность борьбы состояла въ томъ, что Синодъ, при благочестивой императрицѣ, получилъ большее значеніе, чѣмъ имѣлъ прежде: духовникъ Елисаветы, протоіерей Дубянскій, и фаворитъ Разумовскій были всегда готовы заступиться за него предъ Елисаветою. Главнымъ поводомъ къ столкновенію были интересы матеріальные. По указу Петра Великаго, синодальные члены должны были получать опредѣленное имъ жалованье только въ томъ случаѣ, когда доходы ихъ (архіереевъ съ епархій и архимандритовъ—съ монастырей) были меньше этого жалованья, и тогда имъ должно было добавить изъ него къ суммѣ доходовъ, для чего они прежде всего должны были объявить эту сумму. Но они, не объявляя доходовъ, потребовали себѣ полнаго жалованья; Шаховской не соглашался и требовалъ, съ своей стороны, чтобъ члены Синода или объявили свои доходы, или просили себѣ жалованья у императрицы, съ отмѣною закона Петра Великаго. Синодальные члены подали императрицѣ жалобу на Шаховскаго, что онъ незаконно препятствуетъ выдачѣ имъ жалованья. Елисавета потребовала объясненія у оберъ-прокурора и признала его поведеніе вполнѣ законнымъ. Шаховской хвалится въ своихъ запискахъ, что сберегъ такимъ образомъ болѣе 100,000 рублей. Синодальные члены отомстили ему за такое сбереженіе, отказавшись выдавать ему самому жалованье изъ синодальныхъ доходовъ на томъ основаніи, что не имѣютъ точнаго на этотъ счетъ указа. Шаховской, въ свою очередь, жаловался императрицѣ на письмѣ; прошло два мѣсяца—никакого отвѣта; онъ подалъ вторично письмо; прошло четыре мѣсяца—никакого отвѣта. Шаховской обратился тогда къ фавориту Разумовскому, и тотъ обѣщалъ свое ходатайство. Чрезъ нѣсколько недѣль случился церковный праздникъ, и Шаховской отправился ко всенощной въ большую придворную церковь, гдѣ была и Елисавета. Императрица обыкновенно становилась позади праваго клироса, недалеко отъ пѣвчихъ; поговоря немного съ ними и взявши одну богослужебную книгу, она подозвала къ себѣ оберъ-прокурора и показала ему, какъ книга была неисправно напечатана. Шаховской воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ въ очень некрасивомъ видѣ представить поведеніе людей, лишающихъ его жалованья. Императрица милостиво его выслушала, и потомъ чрезъ нѣсколько времени, подозвавши его,—опять сказала: „Я виновата: все позабываю о твоемъ жалованьи приказать". Но прошло еще болѣе двухъ мѣсяцевъ, а указа о жалованьи не было, какъ случился другой праздникъ, и Елисавета, увидавши его, опять сказала: „Вотъ я забыла о вашемъ о жалованьи"; но на этотъ разъ она подозвала сенатскаго оберъ-прокурора и велѣла ему завтра же ѣхать въ Си-

[1]) Журн. Сената 13 марта.
[2]) Журн. Сената 21 августа, 11 сентября.

нодъ и объявить, чтобъ не дѣлали болѣе препятствій къ выдачѣ жалованья оберъ-прокурору изъ суммы, изъ которой онъ и прежде получалъ.

Другое столкновеніе у оберъ-прокурора съ членами Синода произошло по поводу одного архимандрита, замѣченнаго недалеко отъ монастыря крестьянами въ безнравственномъ поступкѣ. Члены Синода старались замять соблазнительное дѣло; Шаховской настаивалъ, чтобъ съ преступникомъ было поступлено по всей строгости законовъ. Члены Синода нашли средство внушить императрицѣ: что крестьяне оклеветали архимандрита, что оберъ-прокуроръ излишне строгъ, и что отъ разглашенія этого дѣла происходитъ всенародное посмѣяніе всему монашеству, что теперь имъ, архіереямъ, нельзя по улицѣ ѣздить,—пальцами на нихъ показываютъ и вслухъ говорятъ оскорбительныя слова. Внушеніе подѣйствовало: крестьяне, какъ клеветники, были наказаны; архимандритъ только переведенъ въ другой монастырь, чтобъ уничтожить память о дѣлѣ; Шаховской подвергся немилости. Но онъ дождался своего времени. Однажды, когда ему случилось быть во дворцѣ, императрица подозвала его къ себѣ и съ неудовольствіемъ сказала: „Чего Синодъ смотритъ?—я вчера была на освященіи церкви въ Конногвардейскомъ полку,—тамъ на иконостасѣ,вмѣсто ангеловъ, поставлены разные болваны, наподобіе купидоновъ, чего наша Церковь не дозволяетъ". Шаховской воспользовался случаемъ и съ печальнымъ видомъ повелъ рѣчь о неустройствахъ, допускаемыхъ Синодомъ; что онъ, оберъ-прокуроръ, подаетъ безпрестанно предложенія объ уничтоженіи этихъ неустройствъ, но этимъ возбуждаетъ противъ себя только неудовольствіе синодальныхъ членовъ, которые, подъ видомъ добродѣтели, истины и справедливости, краснорѣчиво закрываютъ ложь, какъ недавно случилось въ дѣлѣ архимандрита. Тутъ Елисавета съ особеннымъ любопытствомъ спросила: „А развѣ дѣло рѣшено не такъ, какъ слѣдовало?" Шаховской постарался изъяснить и удостовѣрительно доказать злокоznámые происки. На глазахъ у Елисаветы показались слезы и она со вздохомъ сказала: „Боже мой! можно-ль мнѣ было подумать, чтобъ такъ меня обманывать отважились! Весьма о томъ сожалѣю, да ужь пособить нечѣмъ". И послѣ она не разъ повторяла эти слова при своихъ приближенныхъ, отзываясь съ похвалою о Шаховскомъ. Тогда члены Синода рѣшились на сильное средство, чтобъ отдѣлаться отъ невыносимаго оберъ-прокурора. Генералъ-прокуроръ, князь Трубецкой, призываетъ къ себѣ Шаховскаго и объявляетъ ему великое неудовольствіе императрицы, ибо синодальные члены, стоя на колѣняхъ предъ ея величествомъ, со слезами просили, что имъ нѣтъ болѣе возможности сносить докучныя, дерзкія и оскорбительныя, письменныя и словесныя предложенія и непристойные споры оберъ-прокурора,—просили, чтобъ или всѣхъ ихъ уволить отъ присутствія въ Синодѣ, или взять отъ нихъ Шаховскаго. Елисавета, какъ обыкновенно съ нею бывало подъ первымъ впечатлѣніемъ, велѣла представить кандидата на оберъ-прокурорское мѣсто въ Синодъ, и Трубецкой совѣтовалъ Шаховскому не ѣздить туда болѣе. Но Шаховской зналъ хорошо Елисавету, и потому спросилъ у генералъ-прокурора, имѣетъ ли онъ точный указъ, что ему не ѣздить болѣе въ Синодъ, и если имѣетъ, то далъ бы ему указъ на письмѣ. Трубецкой отвѣчалъ, что указа нѣтъ, а что онъ, принимая съ соображеніе обстоятельства, только совѣтуетъ не ѣздить болѣе въ Синодъ. Но Шаховской не принялъ совѣта, на другой же день поѣхалъ въ Синодъ и представилъ къ рѣшенію затянутыя дѣла, объявивъ, что если они не будутъ рѣшены немедленно, то онъ доложитъ объ этомъ ея величеству. Легко себѣ представить изумленіе членовъ Синода, одинъ изъ которыхъ сказалъ ему: „Знать, вы спокойно прошедшую ночь спали, что теперь вдругъ за такія хлопотливыя дѣла принялись!"—„Очень спокойно", отвѣчалъ Шаховской. И такъ какъ дѣла не были рѣшены, то онъ и исполнилъ свое обѣщаніе: при первомъ удобномъ случаѣ донесъ императрицѣ, какъ много важныхъ церковныхъ дѣлъ, по пристрастіямъ, остается безъ рѣшенія, и частыя напоминанія о нихъ оберъ-прокурора только умножаютъ ненависть къ нему. Елисавета выслушала благосклонно и обѣщала помочь ему. Тогда Шаховской обратился къ генералъ-прокурору съ просьбою представить его кандидатомъ на президентское мѣсто въ одну изъ коллегій. Трубецкой исполнилъ просьбу немедленно, но получилъ въ отвѣтъ отъ императрицы: „Онъ мнѣ въ Синодѣ надобенъ, и я его оттуда не отпущу,—я довольно уже узнала его справедливые поступки" [1]).

Елисавета, какъ мы видѣли изъ разсказовъ князя Шаховскаго, откровенно признавалась, что забывала о дѣлахъ. Люди нерасположенные обыкновенно приписывали это разсѣянности, страсти заниматься мелочами; но нельзя не признать, что причиною забывчивости были и заботы о дѣлахъ важныхъ, о дѣлахъ внѣшней политики, связанныхъ съ отношеніями къ людямъ близкимъ. Не видя долго оберъ-прокурора Синода, легко было забыть о его борьбѣ съ членами Синода, когда занималъ важный вопросъ войны и мира; когда канцлеръ, по поводу этого вопроса, боролся съ вице-канцлеромъ; когда, вслѣдствіе того же вопроса, надобно было зорко слѣдить за отношеніями великаго князя-наслѣдника и жены его. Мы видѣли торжество Бестужева надъ противниками въ Прусскомъ вопросѣ. Воронцовъ былъ за-границею. Въ перепискѣ своей съ нимъ, Бестужевъ называлъ вице-канцлера своимъ искреннимъ и нелицемѣрнымъ другомъ, а себя — вѣрнѣйшимъ и усерднѣйшимъ его слугою; извѣщалъ, что императрица всегда милостиво отзывается о немъ и его женѣ; писалъ: „Я безъ похвалы сказать могу, что рѣдко такой

[1]) Записки кн. Якова Петр. Шаховскаго.

день проходитъ, когда-бъ я съ прочими вашего сіятельства пріятелями за здравіе ваше не пилъ“ [1]). Но Воронцовъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что канцлеръ не согласился сообщать ему за-границу извѣстія о важныхъ секретныхъ дѣлахъ; еще болѣе огорчился онъ, когда узналъ объ удаленіи изъ Петербурга человѣка, который былъ его правою рукою и, какъ говорятъ [2]), руководителемъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ,—Адріана Неплюева, назначеннаго резидентомъ въ Константинополь. Воронцовъ не скрылъ своего неудовольствія въ письмѣ къ Бестужеву, и тотъ отвѣчалъ ему: „Что ваше сіятельство принятой резолюціи въ представленіи Андреяна Ивановича къ отправленію въ Царьградъ удивляетесь, то я, сіе въ своемъ мѣстѣ оставляя, къ тому прибавить за потребно нахожу, что каковъ онъ по мнѣнію вашего сіятельства нашей Коллегіи надобенъ быть ни казался, то однакожъ я вамъ могу засвидѣтельствовать, что ежели дѣла не лучше, то, по меньшей мѣрѣ, не хуже прежняго исправляются, какъ ваше сіятельство по благополучномъ своемъ сюда возвращеніи о томъ сами изъ дѣлъ удостовѣрены будете, и я не примѣчаю, что отъѣздъ его отсюда наималѣйшую какую остановку или отмѣну въ дѣлахъ причинствуетъ и впредь причинствовать могъ бы. Что же ваше сіятельство объ усердіи и преданности его ко мнѣ упоминать изволите, то я уповаю, что вы сами засвидѣтельствовать можете, какое я взаимно еще прежде вступленія вашего сіятельства въ министерство и во время онаго рекомендованіемъ его въ вашу милость и крайнѣйшимъ о его благополучіи усердствованіемъ попеченіе имѣлъ, такъ-что я не думаю, чтобъ отецъ за сына горячае вступаться могъ, и потому ежели у него такіе ко мнѣ сентименты были, я оные уповательно заслужилъ, да и понынѣ еще никакой причины къ жалобѣ не подалъ“ [3]).

Изъ писемъ Бестужева ясно видно, какъ онъ боялся Воронцова, какъ льстилъ ему, желая войти съ нимъ въ прежнія дружескія отношенія, въ прежнее политическое единомысліе, старался напоминать ему объ его кіевскомъ мнѣніи, направленномъ противъ Пруссіи. Говоря о мирѣ между Австріею, Саксоніею и Пруссіею, Бестужевъ пишетъ: „Ежели бы кіевское вашего сіятельства мнѣніе въ дѣйство произведено было, то всеконечно всего того не воспослѣдовало бы. Труды же и убытки, причиненные движеніемъ войскъ нашихъ, мнѣ ни малѣйше излишними быть не видятся, ибо тамъ по по меньшей мѣрѣ резонабельнѣйшій миръ заключенъ, нежели бы того при столь полезныхъ короля Прусскаго авантажахъ, когда-бъ и мы въ оплошномъ состояніи были, ожидать надлежало. Такія со стороны ея императорскаго величества премудрыя предосторожности еще вящимъ усиленіемъ войскъ неотмѣнно продолжаются, ибо вашему сіятельству довольно извѣстно и вы представленіями своими ея импер. величеству неоднократно напоминали, какого мы опаснаго сосѣда имѣемъ, который ничего болѣе за свято не поставляетъ“ [4]).

Воронцовъ проѣхалъ Италію, Францію. Отовсюду онъ писалъ своему Двору, какъ его принимали. Бестужевъ не упустилъ случая возбудить въ немъ неудовольствіе противъ Французскаго правительства, выставивъ не очень почетный пріемъ, ему сдѣланный: „Подлинно“, писалъ онъ, „вашему сіятельству во всѣхъ французскихъ городахъ толико чести, какъ коронованной главѣ, оказано, ибо для васъ гарнизоны въ ружье ставили и изъ пушекъ стрѣляно, и капитаны съ цѣлою ротою для караула придаваны бывали, почему я ожидалъ, что по тому-жъ и въ Парижѣ пріемъ для вашего сіятельства распоряженъ будетъ. Но въ какое я удивленіе пришелъ, когда я весьма противное тому усмотрѣлъ, особливо же, что ея сіятельству, дражайшей вашей супругѣ, табурета у королевы не дозволено, которая честь однакожъ всѣмъ знатнымъ гишпанскимъ дамамъ и посольскимъ женамъ, которыхъ ея сіятельство какъ по рангу своему, такъ и наипаче по природѣ не меньше чинится, и по моему слабому мнѣнію лучше было-бъ королевы совсѣмъ не видать, нежели только мимоходомъ привѣтствованною быть“ [5]).

Бестужевъ удивлялся такъ-же, что министръ Людовика XV, маркизъ Даржансонъ, не говорилъ съ Воронцовымъ о дѣлахъ. Но канцлеръ не могъ замѣтить ничего противъ пріема, какой сдѣланъ былъ Воронцову въ Пруссіи на возвратномъ пути. Воронцовъ писалъ о разговорѣ своемъ съ Фридрихомъ II въ Потсдамѣ 10 іюля: „Его величество по принятіи моего поклона мнѣ говорить изволилъ, что какъ донынѣ общая дражайшая дружба съ ея император. величествомъ съ начала счастливаго вступленія ея на престолъ толь благополучно взаимно содержана была, такъ нынѣ съ немалымъ прискорбіемъ оную видитъ совершенно алтерировану; что съ своей стороны къ тому никакого повода никогда не подалъ, кромѣ-что его непріятели и зломыслящіе, завидуя сей тѣсной дружбѣ, всячески стараются оную испровергнуть и въ ссору привести разными лживыми внушеніями, и о которыхъ никто доказать не можетъ, чтобъ онъ, король, какіе-нибудь непріятельскіе виды до ея императорскаго величества и до государства Россійскаго имѣлъ, но ниже что впредь учинить хощетъ, еже ея императорскому величеству въ противность быть можетъ, въ чемъ детестируетъ всякаго, кто-бъ противъ сего правильно сказать могъ. Я на сіе его величеству отвѣтствовалъ, что по отъѣздъ мой, сколько мнѣ извѣстно было, ея императорское величество съ своей стороны всегда соизволила желать съ нимъ, королемъ, въ непремѣнной дружбѣ пребывать: того ради надѣюсь, что и понынѣ въ тѣхъ же поле-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. II.

[2]) Объ этомъ говоритъ лордъ Гиндфордъ въ своихъ депешахъ.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, II, 145.

[4]) Архивъ кн. Воронцова, стр. 144.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, стр. 154.

ныхъ сентиментахъ находиться изволитъ. Его величество на сіе репликовалъ, что онъ по обращеніямъ дѣлъ видѣть можетъ, что оныя до такого экстремитета доводятся, чтобъ или ея императорское величество прямо недружески на него наступить имѣла, или его, столько огорчивши, принудить, чтобъ онъ самъ на то дѣйство поступилъ, къ чему съ своей стороны никогда не намѣренъ сіе учинить, развѣ бы съ обѣихъ сторонъ напрасно себя разорить хотѣли, но всѣ происшедшія неудовольства сколько возможно терпѣливо снести имѣетъ. Я спросилъ его величество, въ чемъ состоять имѣютъ сіи наущеніи непріятелей его величества. На то его величество сказать изволилъ, что внушено было, будто онъ при Туркахъ и въ Польшѣ разныя возмущенія противъ Россіи производилъ; что въ Швеціи наступательный трактатъ заключить хощетъ, по которому завоеванныя отъ Швеціи провинціи имъ назадъ возвратить обѣщаетъ; что все сіе такая мерзкая ложь, что ея императорское величество ни единаго человѣка какъ въ Швеціи, такъ и индѣ сыскать не изволитъ, который бы о семъ дѣлѣ доказать могъ, въ чемъ онъ меня своимъ королевскимъ словомъ обнадежить можетъ; что все вышеупомянутое ложно затѣяно, а что съ Швеціею оборонительный трактатъ заключить намѣренъ,—о томъ уже давно при Дворѣ ея императорскаго величества объявилъ" [1]).

Фридрихъ II подарилъ Воронцову богатую шпагу съ брилліантами и велѣлъ даромъ возить по всѣмъ своимъ областямъ. Мардефельдъ въ своихъ письмахъ къ Воронцову называлъ его наидостойнѣйшимъ министромъ и наичестнѣйшимъ человѣкомъ во всей Европѣ. Это очень не понравилось въ Петербургѣ. Очень не нравилось также сближеніе Воронцова съ принцессою Ангальтъ-Цербстскою, хотя Бестужевъ отправилъ отъ имени императрицы приказъ Воронцову, чтобъ жена его не цѣловала руки у принцессы. Принцесса дала Воронцову письмо къ дочери; но Воронцовъ, по какой-то удивительной разсѣянности, отправилъ его по почтѣ, и оно попало въ руки Бестужеву. Въ письмѣ своемъ принцесса жаловалась, что Екатерина рѣдко пишетъ къ ней и это производитъ дурное впечатлѣніе; жаловалась, что великій князь удалилъ отъ себя Брюммера и Берхгольца, людей вполнѣ ему преданныхъ; жаловалась, что въ Голштиніи преслѣдуютъ довѣренныхъ слугъ брата ея, бывшаго администратора, теперь наслѣднаго принца Шведскаго; дурное впечатлѣніе производитъ то, что первое время вступленія великаго князя въ управленіе ознаменовано гоненіями; по мнѣнію принцессы, во всемъ виноваты Датчане, которые стараются перессорить родственниковъ принцевъ Голштинскихъ. „Я въ графѣ Воронцовѣ", писала принцесса, „нахожу человѣка испытанной преданности, исполненнаго ревности къ общему дѣлу; я откровенно сообщила ему свои мнѣнія, что всѣми мѣрами надобно стараться о соглашеніи. Онъ мнѣ обѣщалъ приложить объ этомъ свое стараніе. Соединитесь съ нимъ, и вы будете болѣе въ состояніи разобрать эти трудныя отношенія; но будьте осторожны и не пренебрегайте никѣмъ. Поблагодарите вице-канцлера и жену его, Анну Карловну, что они для свиданія съ нами сдѣлали нарочно крюкъ. Усердно прошу, сожгите всѣ мои письма, особенно это".

Бестужевъ, представляя письмо Елисаветѣ, по обычаю, снабдилъ его своими примѣчаніями. „Когда принцесса Цербстская отсюда поѣхала, то сближеніе вице-канцлера съ Лестокомъ, Трубецкимъ и Румянцевымъ еще не было вполнѣ утверждено, что, по моему мнѣнію, и означаетъ соглашеніе, примиреніе духовъ (réconciliation des esprits). Вице-канцлеръ могъ обѣщать приложить свое стараніе, ибо, какъ показалъ племянникъ Лестока—Шапизо,—Воронцовъ во время путешествія своего уже производилъ съ Лестокомъ конфидентную переписку. „Соединитесь съ нимъ": еслибъ это только означало низверженіе канцлера, то не было бы нужды въ такой таинственности, не было бы нужды принимать такъ много мѣръ. „Сожгите, прошу прилежно, всѣ мои письма, особливо же сіе". Прилежная просьба о сожженіи всѣхъ писемъ показываетъ, что и прежнія письма не меньшей важности были, какъ и это". Бестужевъ жаловался императрицѣ, что отъ великаго князя и великой княгини ходятъ письма мимо его, пишутся они и къ подписанію носятся Олсуфьевымъ, тогда какъ сдѣлано распоряженіе изготовлять ихъ въ Иностранной Коллегіи, и членъ Коллегіи, Веселовскій, долженъ носить ихъ къ ихъ высочествамъ для подписанія [2]).

Много также вредили Воронцову перехватываемыя депеши Дальона: „Императрица", писалъ Дальонъ, „прекрасная, чрезвычайно пріятная, величественная, разумная и проницательная составила бы благополучіе народовъ и приводила бы иностранцевъ въ удивленіе, еслибъ не была слишкомъ предана забавамъ. Она скрытна и подозрительна, крайне горда; не знаетъ, что такое благодарность: это испытала на себѣ Франція. Ни къ какой иностранной націи она не показываетъ пристрастія; свой народъ чрезвычайно любитъ, но еще болѣе боится его. Бестужевъ ненавидитъ Французовъ, особенно по внушеніямъ брата. Онъ продаетъ императрицу за чистыя деньги Англичанамъ, Австрійцамъ и Саксонцамъ, не отнимая отъ себя, впрочемъ, свободы подбирать и гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; онъ имъ обѣщаетъ употреблять въ ихъ пользу русскія силы, но имъ не служитъ. Воронцовъ человѣкъ небольшаго ума. Неопытность вовлекла его въ большую часть проектовъ Бестужева, однако онъ имѣлъ силу многіе изъ нихъ не допускать до осуществленія. Нація вздыхаетъ больше всего о покоѣ и тишинѣ, иностранцевъ ненавидитъ,—

[1]) Дѣла Прусскія.

[2]) Перлюстрація, въ Государ. Архивѣ.

и имѣетъ право, ибо если они принесли многія знанія, за то и употребляли ихъ во зло. Баронъ Черкасовъ чрезвычайно насильственный и грубый, но притомъ умный и искусный человѣкъ, особенно въ наукѣ пользоваться слабостями своей государыни: этими качествами онъ придаетъ чрезвычайно важное значеніе своему мѣсту, которое само по себѣ не высоко. Онъ правая рука канцлера и чудное въ глазахъ націи качество имѣетъ—всѣхъ вообще иностранцевъ ненавидѣть". Дальонъ рѣшился даже написать своему Двору о возможности, что канцлеръ возьметъ сторону принца Іоанна (бывшаго императора) противъ существующаго правительства. На это извѣстіе Бестужевъ дѣлаетъ очень важное замѣчаніе, изъ котораго видно, что онъ чрезъ Воронцова и Лестока вошелъ въ сношенія съ Елисаветой до ея восшествія на престолъ: „Ея величество о несомнѣнной канцлеровой вѣрности еще прежде всерадостнаго восшествія на прародительскій престолъ чрезъ графа Михайлу Ларіоновича и Лестока удовлетворительные опыты получила и о томъ всемилостивѣйше вспомнить изволитъ".

Несмотря на не очень лестные отзывы о способностяхъ Воронцова, Дальонъ съ нетерпѣніемъ ждалъ его возвращенія, продолжая ласкать себя и своихъ надеждою, что вице-канцлеръ свергнетъ канцлера. Дальонъ въ своихъ депешахъ дѣлалъ сильныя выходки противъ великаго князя, который сначала публично и не разъ говорилъ о канцлерѣ Бестужевѣ, какъ о величайшемъ плутѣ и безчестнѣйшемъ человѣкѣ, а теперь допустилъ его къ себѣ, какъ довѣреннѣйшаго человѣка. Принцъ Августъ, братъ и непріятель кронпринца Шведскаго, и Пехлинъ, бывшій голштинскимъ министромъ въ Стокгольмѣ,—вотъ главныя орудія, которыя употребляетъ канцлеръ, чтобы войти въ приближеніе къ наслѣднику. Дальонъ ходатайствовалъ о возобновленіи годовой пенсіи въ 4,000 ливровъ княгинѣ Долгорукой (Иринѣ) и графинѣ Румянцевой: Долгорукая, урожденная Голицына, находилась въ свойствѣ со всею знатью при Дворѣ; сынъ ея, возвращающійся изъ Парижа, вѣрно будетъ употребленъ въ Иностранной Коллегіи; Румянцева въ большой милости у императрицы. Явное торжество Бестужева приводило въ отчаяніе Дальона; онъ видѣлъ все въ черномъ свѣтѣ и ждалъ спасенія—отъ пріѣзда Воронцова. „Все зло состоитъ въ томъ", писалъ онъ, „что больше уже не знаютъ, какимъ путемъ доводить до государыни свои мнѣнія: всякій держитъ себя въ величайшей скрытности, и если графъ Воронцовъ не пріѣдетъ для скорѣйшаго поправленія дѣлъ, то здѣшній Дворъ скоро будетъ походить на султанскій, при которомъ видятъ только верховнаго визиря и разговариваютъ только съ нимъ; впрочемъ, здѣшній Дворъ довольно уже походитъ на султанскій по другимъ обстоятельствамъ, которыя вы безъ труда отгадаете. Не знаютъ нынѣ здѣсь ни вѣры, ни закона, ни благопристойности". На это Бестужевъ замѣтилъ: „Сіи и сему подобныя, Даліономъ чинимыя, враки ему непримѣтнымъ образомъ путь въ Сибирь пріуготовляютъ; но понеже оныя современемъ усугубятся да и по пріумножающейся Мардефельдовой къ нему конфиденціи нѣчто и о прусскихъ проискахъ иногда свѣдано быть можетъ: того ради слабѣйше мнится ему еще на нѣсколько время свободу дать ядъ его долѣе испущать".

Удаленіе Брюммера и Бергхольца отъ великаго князя и изъ Россіи было новымъ ударомъ для французскихъ интересовъ; Дальонъ пишетъ: „Брюммеръ и Бергхольцъ отъѣзжаютъ—первый съ пенсіею около 3,000 нѣмецкихъ талеровъ, а другой и меньше того. Князь Репнинъ, одинъ изъ пріятнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей въ Россіи, сдѣланъ оберъ-гофмейстеромъ Двора великаго князя, а госпожа Чоглокова, племянница императрицы, объявлена оберъ-гофмейстериною великой княгини, ибо они въ совершенной зависимости отъ канцлера. Этимъ перемѣнамъ предшествовало заарестованіе одного стараго камердинера великаго князя, къ которому онъ питалъ большую довѣренность; арестовали его въ часъ пополуночи съ женою и дѣтьми, и вѣрно отвели въ крѣпость, гдѣ безъ сомнѣнія находится и секретарь Брюммера. Весьма строго запрещено всѣмъ приближающимся къ великому князю говорить ему объ этомъ заарестованіи. Постановлено, что лакеи великаго князя будутъ еженедѣльно перемѣняться. Брюммеръ и Бергхольцъ, люди преданные французскимъ интересамъ, удалены отъ великаго князя съ его позволенія; въ этомъ принцѣ ежедневно происходятъ перемѣны къ его невыгодѣ; онъ совершенно предался канцлеру Бестужеву, дознанному и самому опасному врагу Голштинскаго Дома; довершая свое ослѣпленіе, великій князь дѣлаетъ или своимъ именемъ дѣлать допускаетъ все, что можетъ повести къ полному несогласію между нимъ и кронпринцемъ Шведскимъ. Поступаютъ наперекоръ Петру Великому относительно духовенства, допускаютъ его день-ото-дня приходить въ большую силу, и здѣшняя страна походитъ на страну инквизиціи. Императрица дѣлаетъ это для прикрытія нѣкоторыхъ обстоятельствъ своей жизни; но страна придетъ въ прежнее варварское состояніе, ибо духовенство не можетъ получить верха безъ помощи невѣжества и суевѣрія".

Объ удаленіи Брюммера и Бергхольца Мардефельдъ такимъ образомъ донесъ своему Двору: „Принцъ-администраторъ далъ знать Брюммеру и Бергхольцу, что великій князь не признаетъ удобнымъ, чтобъ долѣе они здѣсь жили: тогда они стали просить отпуска, и тотчасъ его получили". Бестужевъ замѣтилъ на это донесеніе: „Весьма ложно Мардефельдъ доноситъ, будто великій князь Брюммера и Бергхольца выслать хотѣлъ; но имъ опредѣленія о пожалованіи амтовъ и пенсій вручены, на что они однакожъ грубымъ и непристойнымъ образомъ абшидовъ своихъ требовали, не прося ни словомъ о пенсіяхъ, слѣдовательно съ достоинствомъ и честію его императорскаго высо-

чества не сходствовало-бъ имъ милость свою пожаловать".

Наконецъ Воронцовъ возвратился въ Петербургъ въ августѣ описываемаго года, и Дальонъ далъ знать во Францію, что доволенъ визитомъ, который онъ сдѣлалъ вице-канцлеру; „онъ выслушалъ сообщенныя мною извѣстія о бывшихъ въ его отсутствіе приключеніяхъ съ такимъ видомъ, изъ котораго можно понять, что перемѣна сцены за нимъ не стала бы. Воронцовъ очевидно огорченъ на Бестужева, и сказалъ мнѣ, что зло происходитъ нѣкоторымъ образомъ оттого, что отовсюду писали въ Петербургъ о скорой перемѣнѣ, имѣющей послѣдовать по возвращеніи его въ Россію". На этой депешѣ, захваченной, прочитанной и отданной Воронцову, тотъ написалъ: „Хотя ваше императорское величество и изволили повелѣть нарочно подавать поводъ, дабы чрезъ то можно болѣе что вывѣдать о намѣреніяхъ Дальоновыхъ, токмо сіе не безъ опасности кажется съ нимъ вступать въ дальній разговоръ, ибо и безъ того разныхъ неосновательныхъ разсужденій и толкованій много происходитъ. — На сей пассажъ болѣе отъ меня ничего не сказано было, какъ токмо, что какъ о отъѣздѣ моемъ отсюда, такъ и о пріѣздѣ много напрасныхъ толкованій въ иностранныхъ государствахъ происходило, равномѣрно какъ и о пустыхъ ожиданіяхъ какой-либо перемѣны здѣсь".

Но Бестужевъ сдѣлалъ такую замѣтку: „Сіе съ учиненнымъ Даліономъ Даржансону въ прошломъ 1745 году предварительнымъ обнадеживаніемъ, а именно, что вице-канцлеръ для обученія своего разные европейскіе Дворы посѣщать, а потомъ сюда для опроверженія своего товарища пріѣхать и главное—правленіе дѣлъ себѣ присвоить намѣренъ,—весьма сходствуетъ. Ея импер. величество по природной своей прозорливости изъ того безъ затрудненія разсудить можетъ, какое бѣдное и сожалительное канцлерово житье есть, будучи уже двадцать шестой годъ въ министерствѣ, и коль легко малый остатокъ слабой памяти его поврежденъ быть можетъ, ежели всещедрѣйшимъ ея импер. величества защищеніемъ отъ того освобожденъ не будетъ, ибо канцлеръ почти ежедневно принужденъ или непріятныя извѣстія отъ французскихъ министровъ о своемъ низверженіи ни за что иное, какъ токмо за то, что онъ ея импер. величеству всею душею своею преданъ и, несмотря на всѣ препятствія и прекословія, о благѣ имперіи крайнѣйше старается, слышать, или же иногда, вмѣсто отправленія прямыхъ дѣлъ, невинно начатую и впредь ожидаемыя явки очищать, еже при случаѣ посылки галеръ въ Ревель учинилось, хотя оное собраннымъ въ Петергофѣ совѣтомъ для потревоживанія въ Стокгольмѣ французско-прусской партіи, а для одобренія добропамѣренныхъ патріотовъ, слѣдовательно въ пользу ея императ. величества всевысочайшихъ интересовъ на мѣрѣ постановлено, а потомъ ея императ. величествомъ апробовано и подписаніемъ указа подтверждено было. И потому канцлеръ какъ изъ предыдущаго, такъ и изъ сего послѣдняго заключить основательную причину имѣетъ, что непріятели его вице-канцлера на него преогорчили и съ нимъ ссорили, потому-что канцлеръ въ дѣлахъ ея императ. величества съ покойнымъ княземъ Черкасскимъ и тайнымъ совѣтникомъ Бреверномъ никогда такихъ споровъ не имѣлъ, и дабы отъ такихъ споровъ и прекословій и невиннаго преогорченія избавленнымъ быть, то канцлеръ всеглубочайше проситъ его отъ такого печальнаго въ пятьдесятъ четвертомъ году своей старости житія защитить и освободить".

Канцлеръ былъ защищенъ и освобожденъ.

Въ концѣ года Дальонъ съ отчаяніемъ писалъ Даржансону о чрезвычайномъ усиленіи Бестужева: „Въ обхожденіи моемъ съ графомъ Воронцовымъ я въ точности послѣдую вашимъ намѣреніямъ. Я съ великимъ стараніемъ его приласкаю; внушаю ему опасенія для будущаго, какъ относительно императрицы, такъ относительно его лично; я побуждаю его къ принятію сильныхъ предосторожностей; я заставляю дѣйствовать въ немъ самолюбіе. Если что можно сдѣлать, то помощи надобно ожидать отъ времени. Вице-канцлеръ находитъ на пути своемъ такія препятствія, которыя преодолѣть очень трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность, и разрушаетъ планы графа Воронцова: онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго. Очень прискорбно для меня и вредно для королевской службы, что препятствія день ото дня умножаются, такъ что я теперь не усматриваю, что намъ больше дѣлать при здѣшнемъ Дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіею, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію" [1]).

Воронцовъ, видя холодность со стороны императрицы, въ декабрѣ рѣшился написать ей: „Всенижайше у вашего импер. величества позволенія испрашиваю, какъ вашему вѣрному рабу донести бѣдное и мучительное состояніе моего сердца, которое отъ самаго пріѣзда моего денно и нощно столько страждетъ и печалится, видя дражайшую милость вашего и. в—ства къ себѣ отмѣну. Какую-жъ я отъ того скорбь и печаль терплю, о томъ Всевидящему Богу извѣстно, а мнѣ здѣсь никакъ писать не можно. Я долженъ думать, что тонкая и хитрая злость только умѣла неприметно вкрасться и такъ безсовѣстно повредить меня у вашего и. в—ства и такими красками написать, что я ежели уже невѣрнымъ вовсе, то хотя по малой мѣрѣ сумнительнымъ предъ глаза вашего и. в—ства представленъ нахожусь. Богъ свидѣтель сердца моего, сколько много я сверхъ моей всеподданнической должности ваше и. в—ство люблю и за

---

[1]) Перлюстрація въ Государ. Архивѣ, и перлюстраціи въ Москов. Архивѣ Минист. Ин. Д.

васъ животъ мой во всякомъ случаѣ отдать хочу: того ради не знаю, за что-бъ мнѣ лишиться дражайшей вашей милости и прежней повѣренности! О партикулярной же чьей вѣрности и услугѣ къ высочайшей вашей персонѣ я готовъ со всякимъ счесться, кто-бъ онъ таковъ ни былъ, ежели бъ похотѣлъ лучшею ревностію и доброжелательствомъ къ вашему и. в—ству персонально и къ интересамъ вашимъ радѣтельнѣе быть нежели я, съ которымъ намѣреніемъ и до конца жизни моей пребуду" [1]).

Это письмо служило лучшимъ доказательствомъ торжества Бестужева; но торжествующій канцлеръ находился въ затруднительномъ положеніи: онъ былъ небогатъ, а мѣсто, имъ занимаемое, требовало жизни на широкую ногу. Онъ жаловался, что не можетъ принимать и угощать иностранныхъ министровъ въ своемъ бѣдномъ и тѣсномъ домѣ: императрица подарила ему большой домъ; но его нужно было отдѣлать, а средствъ не было. Канцлеръ обратился къ англійскому посланнику лорду Гиндфорду; прежде дѣланы были ему отъ Лондонскаго Двора предложенія насчетъ подарковъ, но онъ не принималъ; теперь, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, разорившись на отстройку великолѣпнаго дома, проситъ взаймы 10,000 фунтовъ безъ процентовъ, подъ залогъ дома. Гиндфордъ отвѣчалъ, что король не можетъ исполнить этой просьбы по причинѣ убыточной войны, такъ-что министры и послы королевскіе около двухъ лѣтъ не получаютъ жалованья; но Бестужевъ настаивалъ, чтобъ Гиндфордъ отписалъ объ этомъ своему Двору. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, Гаррингтонъ, справился, чтò происходило во время посольства Вейча относительно подарковъ Бестужеву, и нашелъ, что Вейчъ никакихъ денегъ не давалъ Бестужеву, хотя имѣлъ на то полномочіе. Гиндфордъ предложилъ канцлеру 5,000 фунтовъ въ видѣ подарка; но тотъ подарка не принималъ, продолжалъ просить денегъ взаймы, говоря, что желаетъ навсегда сохранить руки и совѣсть свою чистыми; въ принятіи же денегъ взаймы безъ процентовъ можетъ оправдать себя, потому что въ Росссіи это случается каждый день. Наконецъ англійскій консулъ Вульфъ далъ ему взаймы 50,000 рублей подъ закладъ дома. Такъ какъ тогда требовался особый свидѣтель на каждую тысячу рублей, то Бестужевъ собралъ въ свидѣтели 50 человѣкъ изъ своихъ непріятелей, чтобъ отвратить подозрѣніе, будто деньги ему подарены, показать, что онъ очень бѣденъ и побудить императрицу заплатить за него долгъ" [2]).

4 января, при докладѣ, канцлеръ имѣлъ удовольствіе услышать отъ императрицы, что надобно постараться безъ замедленія заключить союзы съ Вѣнскимъ и Датскимъ Дворами [3]). Со стороны Вѣнскаго Двора нельзя было ожидать медленности.

[1]) Письмо, въ Государ. Архивѣ.
[2]) Депеши Гиндфорда.
[3]) Доклады.

Отъ 15 числа февраля Ланчинскій доносилъ изъ Вѣны, что графъ Улефельдъ сказалъ ему: „Правда, прежняя система перемѣнилась; но для будущаго времени на всякій случай надобно обоимъ Дворамъ принимать мѣры",—и скоро потомъ Улефельдъ объявилъ, что желается союзъ 1726 года перелить въ другую форму, къ общему благу обоихъ Домовъ и государствъ. Это желаніе усиливалось особенно сближеніемъ Саксоніи съ Франціей, заключеніемъ между ними договора, по которому Франція должна была платить субсидіи Саксоніи. Особенно взволновало Вѣну извѣстіе о бракѣ дофина на Саксонской принцессѣ Маріи. „Въ публикѣ безконечно о томъ резонируется", писалъ Ланчинскій 8 ноября, „что супружество это какъ Нѣмецкой имперіи вообще, такъ и здѣшнему Дому въ особенности фатально: Франція до сихъ поръ распоряжалась въ имперіи по произволу посредствомъ Пруссіи и отчасти Саксоніи, а теперь и подавно будетъ предписывать законы. Король Неаполитанскій уже имѣетъ въ супружествѣ старшую дочь Польскаго короля, а теперь уже другая замашка Бурбонскаго Дома на австрійское наслѣдство. Теперь надобно смотрѣть, какъ Саксонскій Дворъ употребитъ свои полки, а французскія субсидіи безъ сомнѣнія ему удвоятся. Правда, въ этомъ супружествѣ два благопріятныхъ обстоятельства: Прусскій Дворъ, по своей недружбѣ къ Саксонскому, не будетъ такъ расположенъ къ Франціи; потомъ это супружество произведетъ досаду въ Испаніи, которая прочила за дофина вторую свою принцессу; но все это слабое утѣшеніе: найдетъ Франція способы все согласить, всѣхъ удовольствовать".

Въ Россіи были согласны на возобновленіе союзнаго договора 1726 года съ нѣкоторыми измѣненіями: такъ, въ проектѣ выключено было обязательство подать помощь Австріи въ нынѣшней ея войнѣ съ Франціею, и когда уполномоченный Маріи-Терезіи, баронъ Бретлакъ, жаловался на это ограниченіе договора, то канцлеръ отвѣчалъ, что такая помощь была бы для Россіи въ очевидную тягость безъ всякой взаимности. Бретлакъ объявилъ, что онъ имѣетъ два полномочія для заключенія союза: одно—отъ императрицы-королевы, а другое—отъ супруга ея, какъ императора Германскаго; кромѣ того, Дворъ его желаетъ, вмѣстѣ съ Русскимъ, пригласить къ союзу короля Польскаго и республику, также короля Англійскаго въ качествѣ курфюрста Ганноверскаго; послѣдній самымъ тайнымъ образомъ велѣлъ внушить Вѣнскому Двору, что какъ скоро будетъ заключенъ союзъ между императрицами Русскою и Римскою, то онъ приступаетъ къ нему съ обязательствомъ выставить 18,000 войска, и если король Прусскій нападетъ на Россію или Австрію, то онъ обѣщаетъ не только всѣ свои силы, но и всю лежащую въ Ганноверѣ казну употребить на усмиреніе этого опаснаго сосѣда. Бретлакъ увѣдомилъ, что имѣетъ извѣстіе, будто Прусскій король старался заключить четверной союзъ съ Франціею, Швеціею и Даніею, но будто отъ по-

слѣдней державы еще мало къ нему склонности оказывается; отъ Швеціи же Фридрихъ II домогается уступки остальной Помераніи, чтобъ сдѣлать Пруссію морскою державою, и обѣщаетъ за это не только большую сумму денегъ, но и 9,000 войска въ полное распоряженіе Швеціи.

Бретлакъ сообщилъ также копію письма Бонневаля къ прусскому министру Подевильсу, отъ имени великаго визиря. Въ письмѣ говорилось объ общихъ интересахъ Турціи и Пруссіи; говорилось, что Порта безмѣрно уважаетъ заявленія дружбы, полученныя отъ Берлинскаго Двора; что она съ честію и удовольствіемъ приметъ прусскаго министра, въ какомъ бы характерѣ онъ ни явился; если его прусское величество имѣетъ еще пространнѣйшія мысли, то султанъ и визирь съ радостію сдѣлаютъ все, что будетъ служить къ удовольствію его Прусскаго величества, къ безопасности и благополучію обѣихъ имперій; все будетъ сдѣлано по инструкціямъ того министра, который пріѣдетъ изъ Пруссіи съ публичнымъ ли характеромъ, или, для большаго секрета, и безъ характера, какъ простой путешественникъ.—На это письмо Бестужевъ написалъ замѣчанія: „Въ чемъ общій прусскій и турецкій интересъ инако состоять можетъ, какъ въ обезсиленіи Россійскаго и Венгерскаго Дворовъ! Такіе королемъ Прусскимъ Оттоманской Портѣ учиненные авансы о заключеніи съ нимъ тѣснаго союза ни малѣйше съ поданными Мардефельдомъ здѣсь письменными деклараціями о неимѣніи будто никакихъ съ Турецкимъ Дворомъ корреспонденцій не сходствуютъ; но паче усматривается, что чинимыми имъ повсюду, и при самой Оттоманской Портѣ, происками объ усиленіи себя союзами и партіями, онъ ничего иного въ видѣ не имѣетъ, какъ чрезъ долго или коротко всемѣрно что-либо противъ Россіи предпринять и съ сей стороны себя безопаснымъ учинить, какъ и подлинно сущій его интересъ въ томъ состоитъ; но дабы взаимно для будущей безопасности своей колико возможно надежныя мѣры принять, то необходимо потребно было, видится, совѣтъ собрать для разсужденія въ ономъ о томъ, какимъ образомъ государственные доходы прибавить, а излишнія издержки убавить, дабы въ состояніи быть еще 50,000 человѣкъ передъ прежнимъ болѣе войска содержать, которые, кромѣ нынѣшнихъ опасныхъ обстоятельствъ, по обширности здѣшней имперіи всегда потребны".

Бретлакъ доставилъ канцеру перехваченное Австрійцами письмо маркиза Даржансона къ французскому министру въ Берлинѣ, Валори. Въ письмѣ говорилось, что Прусскій король главное препятствіе своимъ замысламъ встрѣчаетъ въ Россіи, которая мѣшаетъ ему и въ Швеціи и въ Польшѣ, и потому надобно принять сильныя мѣры для воспрепятствованія Петербургскому Двору держать въ своей зависимости такія значительныя государства, какъ Швеція и Польша. „Мы", писалъ Даржансонъ, „имѣемъ надежду при Оттоманской Портѣ найти способы занять царицу съ этой стороны и со стороны Персіи. Повидимому миръ между Турціею и Персіею скоро будетъ заключенъ, и было бы естественно соединиться имъ противъ той державы, которая становится имъ все опаснѣе, особенно если онѣ дадутъ ей время еще усилиться союзами съ другими державами. Съ этою цѣлію въ Константинополѣ сдѣланы проекты для завязанія сношеній и заключенія союза между Турціею и Пруссіею. Ищите всѣхъ способовъ для занятія и треволенія царицы. Король для достиженія этой цѣли не упустилъ ничего въ согласномъ дѣйствіи съ королемъ Прусскимъ. Послѣдній государь имѣетъ всѣ нужныя для этого политическія и военныя качества. Мы сильно были встревожены извѣстіемъ о его болѣзни; намъ нужно, чтобъ онъ жилъ и здравствовалъ: онъ одинъ своими великими качествами можетъ обезпечить вольность имперіи, равновѣсіе на Сѣверѣ и во всей Европѣ".

Всѣ эти сообщенія, разумѣется, могли содѣйствовать только ускоренію переговоровъ о союзѣ. 22 мая договоръ былъ подписанъ императрицею; онъ состоялъ въ слѣдующихъ условіяхъ: въ случаѣ нападенія на одну изъ договаривающихся сторонъ, другая высылаетъ на помощь, черезъ три мѣсяца по востребованіи, 30,000 войска, 20,000 пѣхоты и 10,000 конницы, исключая нападенія на Россію со стороны Персіи, а на Австрію со стороны Италіи, и во всякомъ случаѣ Россія не помогаетъ Австріи въ войнѣ ея съ Испаніею, а только держитъ наготовѣ 30,000 войска, равно какъ и Австрія, въ случаѣ нападенія на Россію съ персидской стороны. Помощь не подается, если обѣ державы въ одно время подвергнутся нападенію. Ни миръ, ни перемиріе не заключаются безъ взаимнаго согласія. Король и республика Польскіе приглашаются къ союзу, равно какъ и другіе государи, особенно король Англійскій, какъ курфюрстъ Ганноверскій. Договоръ заключается на 25 лѣтъ. Въ случаѣ нападенія Турокъ на одну изъ договаривающихся сторонъ, другая немедленно объявляетъ войну Портѣ и вступаетъ съ войскомъ въ ея владѣнія. Австрія гарантируетъ герцогу Голштинкому, великому князю Петру Ѳеодоровичу, всѣ его владѣнія въ Германіи. Настоящая война Австріи съ Франціею изъ договора исключается; но если-бъ, по заключеніи мира, Франція снова объявила войну Австріи, то Россія обязана выслать на помощь Австріи 15,000 войска или дать полмилліона денегъ; такое же обязательство имѣетъ Австрія въ случаѣ объявленія Шведами войны Россіи. На случай нападенія со стороны Пруссіи, обѣ договаривающіяся стороны держатъ наготовѣ по 30,000 войска въ пограничныхъ областяхъ, Австрія—въ Богеміи, Моравіи и ближнихъ венгерскихъ уѣздахъ, а Россія—въ Лифляндіи и Эстляндіи; а когда прусское нападеніе дѣйствительно послѣдуетъ, то обѣ державы въ самоскорѣйшемъ времени выставляютъ по 60,000 войска, до тѣхъ поръ, пока уступленныя Пруссіи часть Силезіи и Глацъ будутъ возвращены Австріи, которая въ

благодарность обязывается въ одинъ годъ выплатить Россіи два милліона рейнскихъ гульденовъ [1]).

Новая союзница, какъ мы видѣли, сильно безпокоилась насчетъ Саксоніи. Послѣ заключенія Дрезденскаго мира, Мих. П. Бестужевъ счелъ необходимымъ обратиться къ графу Брюлю съ вопросомъ: что намѣренъ теперь дѣлать Саксонскій кабинетъ. Брюль отвѣчалъ, что, послѣ разоренія ихъ земель, арміи, купечества, мануфактуръ, они принуждены были заключить миръ съ Прусскимъ королемъ, и теперь не въ состояніи начертать какой-нибудь твердый планъ своей будущей политики: всѣ дальнѣйшія мѣры короля главнымъ образомъ зависятъ отъ союзническихъ и дружескихъ совѣтовъ ея император. величества, ибо король при нынѣшнемъ его деликатномъ относительно Пруссіи положеніи ничего не предприметъ безъ вѣдома и сношенія съ ея величествомъ. Бестужевъ доносилъ своему Двору о словахъ Фридриха II, сказанныхъ въ Дрезденѣ саксонскимъ вельможамъ: „Я знаю, что вы надѣялись на русскую помощь; но вы сами теперь видѣли, что помощь эта скоро подана быть не можетъ; а еслибъ Россія мнѣ дѣйствительно сдѣлала диверсію въ Пруссіи, то не думайте, чтобъ я, испугавшись, покинулъ мои операціи здѣсь: напротивъ, разоривши до конца всю вашу Землю, я принудилъ бы васъ къ миру и привелъ бы въ такое состояніе, что вы потеряли бы всякую способность вредить мнѣ. Я внутреннюю силу и слабость Россіи знаю очень хорошо, какъ свои пять пальцевъ; у ней людей довольно, да денегъ нѣтъ, почему сильную помощь союзникамъ своимъ дать не можетъ; и такъ какъ я всегда долженъ опасаться этой державы, то и Саксоніи въ отношеніи къ ней надобно дѣйствовать заодно со мною, особенно если вашъ государь хочетъ, чтобъ будущій польскій сеймъ состоялся“. По поводу этихъ словъ, Бестужевъ писалъ: „Вслѣдствіе побѣдъ Прусскаго короля, вліяніе и кредитъ его въ Польшѣ чрезвычайно умножается, и потому вѣроятно, что будущій сеймъ будетъ не мало отъ него зависѣть. Имѣя такую сильную армію, онъ долго покоенъ не останется, но либо въ Имперіи, либо на Сѣверѣ вдругъ что-нибудь предприметъ, также и Швеціи не оставитъ безъ вниманія“.

23 января Бестужевъ, по приказанію отъ своего Двора, внушалъ королю Августу, что императрица крайне соболѣзнуетъ о приключившемся несчастіи съ Саксоніею, и принимаетъ въ немъ истинно дружеское участіе. Какъ усердно она старалась исполнить свои союзническія обязанности, король можетъ видѣть изъ того, что какъ скоро прусскій манифестъ противъ Саксоніи былъ изданъ, то русскіе полки двинулись въ Курляндію, но позднее время года не позволяло имъ прямо идти въ Саксонію. И впередъ императрица будетъ свято исполнять свои обязанности. Такъ какъ быстрые успѣхи Прусскаго короля надъ саксонскими и австрійскими войсками ясно показываютъ, что въ совѣтахъ и принимаемыхъ противъ него рѣшеніяхъ или весьма плохой секретъ былъ содержанъ, или, можетъ быть, при здѣшнемъ Дворѣ находятся нѣкоторыя подозрительныя особы, которыя о всемъ сообщали въ Пруссіи и, такимъ образомъ, обращали въ ничто всѣ принятыя мѣры, то императрица по союзнической дружбѣ не могла не предостеречь короля въ этомъ отношеніи.—Король отвѣчалъ благодарностію за участіе и признался, что дѣйствительно Прусскій король обо всемъ зналъ заранѣе, чему преимущественно способствовалъ находящійся при Саксонскомъ Дворѣ Шведскій министръ, давая извѣстія о каждомъ движеніи саксонскихъ войскъ; а въ австрійской арміи два человѣка находятся въ подозрѣніи. Саксонскіе министры передавали также Бестужеву, что въ Потсдамѣ ежедневно происходятъ конференціи съ Шведскимъ министромъ, котораго особенно тамъ ласкаютъ. Происходящее теперь усиленіе прусской арміи не оставляетъ сомнѣнія, что Фридрихъ II, заключивъ союзъ съ Швеціею, хочетъ что-нибудь предпринять, тѣмъ болѣе что со стороны обезсиленныхъ Австріи и Саксоніи не ждетъ себѣ помѣхи. Въ величайшемъ секретѣ давали знать Бестужеву, что Фридрихъ II имѣетъ въ виду Торнъ, Эльбингъ и Данцигъ; кромѣ того, велѣлъ двинуться корпусу войскъ къ курляндскимъ границамъ, вопервыхъ, для того, чтобъ наблюдать за движеніями русскаго войска, а главное—для того, что желаетъ возвести на Курляндскій престолъ принца Брауншвейгскаго Фердинанда. Бестужевъ, сообщая эти извѣстія, писалъ, что рано или поздно все это сбудется, потому что Прусскій король, видя, что его усиленіе несовмѣстимо съ безопасностію Россіи (и Петръ Великій имѣлъ твердымъ правиломъ не допускать до усиленія Пруссіи и Швеціи), долженъ нападеніемъ на Данцигъ и польскую Пруссію умалять опасныя ему силы Россіи, причемъ получитъ помощь отъ своей сестры, отъ французскихъ интригъ и совершенно предачнаго ему шведскаго министерства, если Россія не поспѣшитъ разстроить его плановъ въ Швеціи.

Саксонскій Дворъ, жалуясь, что невыгодный миръ заключенъ имъ изъ-подъ ножа, и указывая на разореніе страны, твердилъ, что не можетъ самъ предпринять ничего, а будетъ смотрѣть на Россію; но будетъ ли, подобно своему королю, смотрѣть на Россію Польша:—вотъ былъ самый важный вопросъ для Россіи. Приближался польскій сеймъ, а Бестужевъ писалъ въ Петербургъ, что, по обыкновенію, надобно выслать къ сейму деньги, мѣха и китайскія камки для подкупа Поляковъ. О расположеніи польскихъ вельможъ Бестужевъ отказывался дать вѣрныя извѣстія изъ Дрездена: „По извѣстному сего народа непостоянству и сребролюбію, кто болѣе денегъ дастъ, – того партію и держатъ; можетъ быть, тѣ, которые на прошломъ сеймѣ были русскими приверженцами, теперь,

[1]) Дѣла Австрійскія.

будучи подкуплены Прусскимъ королемъ, держатъ его сторону". Когда Бестужевъ обратился къ графу Брюлю съ вопросомъ, на кого изъ польскихъ вельможъ надежнѣе положиться въ общихъ интересахъ, тотъ отвѣчалъ: „Такъ какъ теперь многіе изъ нихъ находятся въ прусской партіи, то почти ни на кого съ совершенною благонадежностію положиться нельзя; впрочемъ, постояннѣе, честнѣе и патріотичнѣе всѣхъ воевода Русскій, князь Чарторыйскій,—съ нимъ можно откровенно поступать; но отъ великаго гетмана короннаго Потоцкаго и всей его фамиліи, также отъ воеводы Сендомирскаго, графа Тарло, надобно всячески остерегаться". Бестужевъ также доносилъ своему Двору о французскомъ эмиссарѣ Кастера, который опредѣлился въ услуженіе къ Сендомирскому воеводѣ Тарло, ѣздилъ во Францію и теперь, черезъ Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько времени, возвратился въ Польшу.

По предписанію изъ Петербурга, Бестужевъ внушалъ королю, чтобъ поспѣшилъ отъѣздомъ своимъ въ Польшу, ибо Поляки ропщутъ на долговременное его отсутствіе. Король отвѣчалъ: „Мнѣ извѣстно, какъ меня Поляки бранятъ, и вы сами знаете, какъ они прошлаго года на сеймѣ ругательски поступали, и хотя я цѣлую ночь, сидя на тронѣ, уговаривалъ ихъ и милости обѣщалъ, но ничего изъ этого не вышло. Поляки сами такъ мало о своихъ собственныхъ интересахъ пекутся и междоусобныя ихъ ссоры до такой степени не позволяютъ ничего полезнаго сдѣлать, что на этотъ непостоянный, легкомысленный и корыстолюбивый народъ никакъ положиться нельзя". То же повторяли и министры.

Но кромѣ Поляковъ, Брюль жаловался на Вѣнскій Дворъ. Изъ Вѣны посылали въ Петербургъ извѣстія, что Саксонія заключаетъ съ Франціею субсидный договоръ. Бестужевъ требовалъ объясненія,—Брюль постоянно отпирался и говорилъ: „Мы здѣсь съ великимъ прискорбіемъ видимъ, что императрица подозрѣваетъ нашъ Дворъ и вѣритъ лживымъ противъ него внушеніямъ. Вѣнскій Дворъ, забывъ всѣ наши благодѣянія, забывъ, что мы спасли Богемію, жертвуя собою, возбуждаетъ подозрѣнія между вами и нами въ противность собственнымъ интересамъ. Онъ злится за то, что здѣшній Дворъ слѣпо по его волѣ и прихотямъ не поступаетъ. Для доказательства того, что мы не вступали ни въ какія обязательства ни съ какою державою, король готовъ сейчасъ же приступить къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею, какъ скоро вы его пригласите къ тому, хотя мы имѣемъ извѣстіе, что такое приступленіе наше къ договору королю Прусскому будетъ чувствительно и онъ будетъ стараться привлечь нашъ Дворъ къ своимъ обязательствамъ; но мы его угрозъ не боимся и пребудемъ вѣрно при своихъ обязательствахъ съ Россіею. Положимъ, что мы приняли французскія субсидіи, на что имѣли право, потому что морскія державы отвергли насъ почти съ презрѣніемъ; но въ интересахъ ли Вѣнскаго Двора поступать съ нами такъ повелительно и грозно, отлучать отъ дружбы съ вами, приводить въ подозрѣніе?—напротивъ, ему надобно было бы стараться утверждать доброе согласіе и отводить насъ отъ Франціи ласкою".

Бестужевъ по этому случаю писалъ брату, канцлеру, что, по его мнѣнію, не слѣдуетъ вѣрить внушеніямъ Вѣнскаго Двора и оскорблять Саксонскій: „Вы, дражайшій братецъ, мои сентименты знаете, что мнѣ всѣ Дворы индиферентны, но едино смотрю и сколько смышлю высочайшей славы нашей всемилостивѣйшей государыни и благополучія и авантажу отечествія нашего". На это дражайшій братецъ отвѣчалъ ему слѣдующее: „Я съ немалымъ удивленіемъ усматриваю, что вы неотмѣнно д ю п о м ъ (обманутымъ) господина Бриля быть продолжаете; но не думайте вы, чтобъ онъ меня понынѣ д ю п и р о в а л ъ, или бы впредь въ томъ предуспѣть какую надежду имѣть могъ. Не нагло ли и не безсовѣстно ли есть, что графъ Бриль, а по инструкціи его и всѣ прочіе при иностранныхъ Дворахъ саксонскіе министры явно отрицаются, будто ни малѣйшаго чего тайнаго съ Франціею не постановлено; но вы изъ слѣдствія явно и осязательно усмотрите, что нынѣ Брилево коварство, о коемъ мы здѣсь не по внушеніямъ Вѣнскаго Двора, какъ вы то неосновательно думаете, но прямымъ и надежнымъ каналамъ съ самаго начала вѣдали, наружу вышло. Вы можете увѣрены быть, что мы здѣсь прямо о первомъ началѣ трактованія саксонскимъ министромъ, Лосомъ, въ Парижѣ субсидіальнаго и неутральнаго трактата да и о томъ увѣдомлены были, что король Французскій Прусскаго авертировалъ (увѣдомилъ), чтобъ онъ ни малѣйшаго омбража (подозрѣнія) отъ трактованія съ Саксонскимъ Дворомъ не имѣлъ, и для того его не токмо о прямой силѣ и содержаніи онаго, но и объ имѣющихъ политическихъ причинахъ увѣдомилъ, а именно, что сущій видъ къ тому распростирается, дабы курфирста Саксонскаго, какъ съ Вѣнскимъ, такъ и съ Россійскимъ императорскими Дворами такимъ тайнымъ соглашеніемъ въ несогласіе приведя, его дружбы и союза короля Прусскаго поневолѣ искать заставить, и какъ по поводу того король Прусскій пребывающаго при Дворѣ своемъ саксонскаго министра, Бюлау, о часто реченномъ тайномъ съ Франціею соглашенія сондировалъ (допрашивалъ), то онъ, по имѣвшему указу, и его величеству Прусскому въ томъ на партикулярной аудіенціи не признался. Такой поступокъ, которымъ Саксонскій Дворъ Французскаго лживцомъ учинить хотѣлъ, уповательно его величество Французское принудилъ здѣшнему своему министру, Дальону, повелѣть здѣсь объявить, что дѣйствительно съ Франціею (т.-е. у Франціи) съ Саксоніею субсидный трактатъ настоитъ, еже Дальонъ въ послѣднюю со мною и вице-канцлеромъ конференцію и учинилъ; но я для неподанія Французскому Двору ни малѣйшаго вида, что мы съ Саксонскимъ по причинѣ того въ какомъ-либо недоразу-

мѣніи находимся, ему, не останавливаясь, отвѣтствовалъ, что Саксонскій Дворъ съ нашего вѣдома и согласія на заключеніе субсиднаго съ Франціею трактата, въ разсужденіи плохихъ своихъ обстоятельствъ, поступилъ, и что ея императорскому величеству не непріятно было-бъ, еслибъ его величество король Французскій дачу субсидій хотя-бъ еще толикимъ же числомъ усугубилъ. Разсудите изъ всего вышеописаннаго, не имѣемъ ли мы достаточную причину на Саксонскій Дворъ по причинѣ такой между союзниками необыкновенной и непозволительной скрытности негодовать, и не основательно ли ея величество, Римская императрица, на оный недовольною есть, толь наипаче, что такое тайное заключеніе субсиднаго и неутральнаго трактата съ явнымъ ея непріятелемъ учинено и по натуральному слѣдствію того перепущеніе войскъ морскимъ державамъ подъ всякими неосновательными и ложными претекстами не воспослѣдовало. Кто Саксоніи въ случаѣ нужды и когда-бъ король Прусскій, взявъ въ претекстъ непризнаніе Саксонскимъ Дворомъ тайно заключеннаго съ Франціею обязательства, войну объявить и давно въ виду имѣвшую Лузацію отнять похотѣлъ, болѣе и существительнѣе, кромѣ ея императорскаго величества Всероссійской и императрицы Римской помогать, и въ случаѣ преставленія нынѣ владѣющаго короля Польскаго, Курсаксонскому Дому дѣйствительнѣйшія услуги показать могъ бы?—и потому заслуживаютъ ли сіи двѣ Саксонскаго Двора дружескія державы такого съ стороны онаго къ нимъ поведенія?"

Въ сентябрѣ сцена дѣйствія перенеслась изъ Дрездена въ Варшаву и Польскія дѣла стали на первомъ планѣ. Бестужевъ извѣщалъ, что видѣлся съ Понятовскимъ,—воеводою Мазовецкимъ, княземъ Чарторыйскимъ,—воеводою Русскимъ, съ братомъ его—подканцлеромъ, съ Залускимъ—епископомъ Краковскимъ и Малаховскимъ — подканцлеромъ, и всѣхъ ихъ нашелъ въ добромъ расположеніи къ Россіи, всѣ говорили, что сохраненіе ихъ отечества зависитъ отъ защиты Русской императрицы и собранная въ Лифляндіи русская армія удерживаетъ Прусскаго короля отъ нападенія на нихъ; но при этомъ говорили, что по поводу Курляндіи будутъ большіе крики на сеймѣ. Бестужевъ писалъ, что французскій посолъ старается возстановить кредитъ своего Двора, потерянный при послѣднемъ королевскомъ избраніи, и составить партію для принца Конти, въ случаѣ смерти королевской, а Саксонскій Дворъ ласкаетъ его въ надеждѣ брака дофина на Саксонской принцессѣ Іозефинѣ. Прусскій посолъ хлопочетъ, чтобъ Польша вступила въ союзъ съ его королемъ, а не съ Россіею. Коронный гетманъ Потоцкій и воевода Сендомирскій, Тарло, въ случаѣ разорванія сейма, думаютъ поднять конфедерацію и посредствомъ нея достигнуть умноженія войска. Бестужевъ говорилъ объ этомъ съ воеводою Русскимъ княземъ Чарторыйскимъ, самымъ постояннымъ и разумнымъ изъ всѣхъ Поляковъ, по его отзыву. Чарторыйскій сказалъ, что слухъ не безъ основанія, но онъ всѣми силами будетъ стараться до этого не допустить, ибо такое дѣло приведетъ республику къ крайнему разоренію и погибели. Графъ Брюль объявилъ Бестужеву, что мало надежды на успѣхъ сейма. О гетманѣ польномъ Браницкомъ, гетманѣ Литовскомъ Радзивилѣ и товарищѣ его Масальскомъ Бестужевъ писалъ, что они показываютъ себя доброжелательными къ Россіи и не притворяются, особенно Радзивилъ, да и вся Литва доброжелательна къ Россіи; но другого духа гетманъ великій коронный Потоцкій со всею фамиліею, также Сапѣга, Яблоновскіе и Тарло, которые всѣ склонны къ Франціи и Пруссіи. Тарло прямо сказалъ Бестужеву, что республикѣ не должно ни съ кѣмъ вступать ни въ какія обязательства.

Бестужевъ писалъ, что партія Чарторыйскихъ, въ которой находятся Понятовскій, Радзивилъ, Браницкій, Масальскій, сильнѣе партіи Потоцкаго по личному достоинству своихъ членовъ, и потому ее необходимо еще болѣе прикрѣпить къ Россіи. Князь Радзивилъ человѣкъ богатый и безкорыстный, и потому его можно привлечь только особеннымъ отличіемъ, дарить соболями, китайскими вещами, но всего лучше подарить ему саблю, осыпанную алмазами; князь Чарторыйскій, воевода Русскій, богаче всѣхъ Поляковъ, но ему хочется Андреевскаго ордена, о чемъ онъ уже два раза напоминалъ Бестужеву; князь Чарторыйскій, вице-канцлеръ, и Понятовскій, воевода Мазовецкій, хотя люди не бѣдные, но обременены семействомъ, и потому возьмутъ пенсіи въ 5 или 6,000 рублей; Браницкаго, человѣка богатаго, надобно дарить соболями или какими-нибудь галантерейными вещами. Радзивилъ разсказалъ Бестужеву, что пріѣзжалъ къ нему посолъ французскій и уговаривалъ не отдаваться Россіи, которая держитъ войско въ Лифляндіи только для того, чтобъ напасть на Польшу и оторвать отъ нея Литву. Радзивилъ отвѣчалъ, что у Россіи много земель, подобныхъ Литвѣ; въ послѣднюю революцію вся Польша была въ русскихъ рукахъ—и однако ничего у нея не взято: „Мы бы желали", прибавилъ Радзивилъ, быть въ такой же безопасности и отъ другихъ сосѣдей, какъ отъ Россіи".

11 октября Бестужевъ писалъ, что сенаторы въ своихъ рѣчахъ королю постоянно говорятъ о Курляндіи; примасъ и нѣкоторые другіе заявляли, что если герцогъ Курляндскій, будучи русскимъ министромъ, въ чемъ провинился и заслужилъ ссылку, то пусть дѣти его будутъ отпущены; другіе требовали, чтобъ Биронъ, какъ польскій подданный, былъ судимъ въ Польшѣ. Относительно сейма Бестужевъ писалъ, что на умноженіе войска нѣтъ никакой надежды, ибо хотя всѣ этого желаютъ, но пожертвовать чѣмъ-нибудь на содержаніе войска никто не хочетъ. Изъ всего было видно, что Прусскій король имѣлъ немалую партію, особенно въ Великой Польшѣ; навѣрное извѣстно, что

сюда прислано 24,000 прусскихъ денегъ, и такъ какъ одни боятся, а другіе подкуплены, то на сеймѣ противъ Пруссіи ничего не говорится, хотя очень обижены насильственнымъ вербованіемъ Поляковъ въ прусское войско. Когда они жаловались на это частнымъ образомъ, то приверженцы Пруссіи возражали, что прусское войско еще ни разу въ Польшѣ не было, а русское уже два раза побывало и съ великимъ вредомъ, особенно во время похода къ Хотину, когда казаки били и разоряли шляхту, и больше всего грабили и ругались надъ церквами. Бестужевъ справился у бригадира Ливена, бывшаго тогда членомъ коммисіи, назначенной по поводу этихъ жалобъ, и Ливенъ отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ было. „Того ради", писалъ Бестужевъ, „я стараюсь оное загладить и у нихъ изъ памяти вывести; хотя мы здѣсь пріятелей имѣемъ, однакожъ весьма за потребно нахожу партію нашу здѣсь умножить, которая бы противной партіи балансъ держать могла. По моему мнѣнію, лучше кажется Поляковъ оставить въ тѣхъ безпорядкахъ и слабости, въ которыхъ они нынѣ находятся, и въ томъ ихъ содержать, и до аукціи (умноженія) войска не допускать, ибо отъ оной никогда пользы интересамъ вашего императорскаго величества не воспослѣдуетъ, потому что ежели оная состоится, то токмо ихъ въ большую гордость, гетмановъ въ большую силу приведетъ, и ежели въ потребномъ случаѣ надобно будетъ впредь россійскому войску чрезъ здѣшнія земли противъ кого идти, то въ томъ отъ нихъ препятствія и затрудненія ожидать должно. Ежели-бъ, паче чаянія, какой Россіи дезавантажъ (невыгода) случился, то и они, памятозлобствуя бытность нашихъ войскъ въ Польшѣ и прочее, можетъ быть и сами противъ насъ замыслы имѣть будутъ: и для того весьма потребно ихъ въ нынѣшней конфузіи оставить, и не токмо до аукціи войска не допускать, но и сеймы до состоянія не допускать же, чрезъ что ваше императорское величество всегда свою инфлюенцію (вліяніе) въ здѣшнихъ дѣлахъ имѣть будете". Но для всего, повторялъ Бестужевъ, нужны деньги.

Деньги (10,000 рублей) были отправлены, но опоздали. 25 октября Бестужевъ писалъ, что сейма остается одна только недѣля и потому не надѣется употребить присланныя деньги съ пользою: передъ концомъ сейма деньги такого дѣйствія не имѣютъ какъ въ началѣ, да и сеймъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не состоится; а хлопотать, чтобъ онъ состоялся, ненужно.

Сеймъ расползся, то-есть истеченіе законнаго срока не допустило ни до какихъ рѣшеній. Бестужевъ не истратилъ ни копѣйки изъ присланныхъ ему денегъ. Но Бестужева озабочивало другое дѣло:—объявленное супружество дофина на Саксонской принцессѣ, что грозило тѣсною связью Франціи съ Саксоніею. Въ Польшѣ оставалось одно важное дѣло—защита Православныхъ. 2 декабря Бестужевъ писалъ: „Я, сколько по человѣчеству возможно было, старался исходатайствовать Православнымъ церквамъ и людямъ удовлетвореніе въ причиненныхъ имъ обидахъ и гоненіяхъ; представлялъ объ этомъ самому королю, графу Брюлю; кромѣ разговоровъ, подалъ промеморію, и, наконецъ, добился того, что король велѣлъ возобновить гродненскую коммисію и чтобъ она начала свои дѣйствія еще во время его пребыванія въ Польшѣ. Коронный канцлеръ Малаховскій пріѣзжалъ ко мнѣ съ проектомъ, на какомъ основаніи должна быть учреждена эта коммисія; я нашелъ проектъ неудовлетворительнымъ и составилъ свой; но Брюль, Малаховскій и Чарторыйскій (подканцлеръ литовскій) велѣли сказать мнѣ, что мой проектъ можетъ вооружить всѣхъ католиковъ на короля и на нихъ, и обѣщали составить новый проектъ. Когда этотъ проектъ былъ присланъ, то я призвалъ резидента Голембовскаго (замѣнявшаго въ Варшавѣ посла, когда тотъ жилъ въ Дрезденѣ), архимандрита Оранскаго и священника Каховскаго, разсмотрѣли проектъ всѣ вмѣстѣ и разсудили, что лучше его принять, ибо въ немъ утверждено, что всѣ дальнѣйшія гоненія и отбиранія церквей прекращаются и Православные остаются при полномъ отправленіи своей вѣры, и, по крайней мѣрѣ, отъ него та польза, что если впредь начнутся гоненія, то будетъ къ кому обращаться, а безъ коммисіи, во время отсутствія короля и министровъ, обращаться было не-къ-кому. Что же касается возвращенія четырехъ епархій, означенныхъ въ указѣ Св. Прав. Синода, то это дѣло чрезвычайно трудное, на которое Поляки добровольно никогда не согласятся, ибо эти епархіи уже 60 или 70 лѣтъ какъ отданы уніатамъ. Жаль, что, когда въ послѣднюю революцію русскія войска во всей Польшѣ были, ничего не было сдѣлано въ пользу Православныхъ, а теперь—трудно".

Въ концѣ декабря, уже изъ Дрездена, Бестужевъ доносилъ, что Дворъ поглощенъ заботами о свадьбѣ принцессы Іозефины, что до отъѣзда ея во Францію о серьезныхъ дѣлахъ говорить нельзя. Французскій посолъ, герцогъ Ришелье, старался о сближеніи Саксоніи съ Пруссіею, но имѣлъ мало успѣха [1]).

Въ сношеніяхъ со всѣми Дворами первое и послѣднее слово было о Пруссіи. Въ самомъ Берлинѣ 1746 годъ начался непріятными объясненіями между Чернышевымъ и Подевильсомъ, который позволилъ себѣ сказать, что императрица не имѣла права разбирать, на чьей сторонѣ справедливость, на сторонѣ Саксоніи или Пруссіи, и считать Бреславскій договоръ нарушеннымъ. По приказанію своего Двора, Чернышевъ долженъ былъ сказать Подевильсу, что императрица имѣла полное право разобрать этотъ вопросъ: она приступила къ Бреславскому договору по просьбѣ самого-же Прусскаго короля; оба Двора, и Прусскій и Саксонскій, находятся въ союзѣ съ Россіею; оба тре-

[1]) Дѣла Польскія.

бовали, по союзному договору, помощи,—слѣдовательно императрица должна была рѣшить вопросъ, кто правъ, чтобъ подать помощь правому; но прежде предложены были добрыя услуги для примиренія Саксоніи съ Пруссіею, и когда, несмотря на это, Прусскій король напалъ на Саксонію, то Россія обязана была помочь послѣдней по смыслу союзнаго договора, и потому Подевильсъ впередъ долженъ удерживаться отъ подобныхъ нареканій, которыя могутъ вести только къ обоюдной холодности. Подевильсъ отвѣчалъ, что онъ все это говорилъ не министеріально, а въ простомъ разговорѣ, но и теперь скажетъ, что императрица оказала большее расположеніе къ Саксоніи, чѣмъ къ Пруссіи, и не имѣла полнаго права считать Бреславскій договоръ нарушеннымъ, ибо хотя она къ нему и приступила, но его не гарантировала; Чернышевъ отвѣчалъ, что имѣетъ приказаніе императрицы опровергать такія несправедливыя и неприличныя нареканія на поступки Русскаго Двора. Эти слова такъ разсердили Подевильса, что онъ, возвыся голосъ, сказалъ: „Король, мой государь, знаетъ, съ какимъ пристрастіемъ относилось вы къ дѣлу въ послѣднее время, и уже послалъ указъ Мардефельду принести на васъ жалобу императрицѣ". Чернышевъ, также возвыся голосъ, отвѣчалъ: „Эти нареканія на меня имѣютъ столь же мало основанія, какъ и тѣ, о которыхъ шла рѣчь прежде, и можно было бы отъ нихъ и удержаться, ибо я отдаю отчетъ въ своемъ поведеніи одной своей государынѣ". Разговоръ этимъ кончился, но слѣдствіемъ его было то, что когда Чернышевъ на третій день пріѣхалъ ко Двору вмѣстѣ съ другими министрами, то король даже и не взглянулъ на него [1]).

Чернышеву послѣ этого трудно было оставаться въ Берлинѣ; но въ Петербургѣ давно уже хлопотали о томъ, чтобъ освободиться отъ Мардефельда. Принцессѣ Цербстской, при ея отъѣздѣ изъ Россіи, дано было порученіе побуждать Фридриха II къ отозванію Мардефельда; но принцесса медлила исполненіемъ вдвойнѣ непріятнаго для нея порученія. 10 января императрица подписала рескриптъ Чернышеву, чтобъ напомнилъ принцессѣ Цербстской объ отозваніи Мардефельда [2]); наконецъ изъ Петербурга пошло прямое требованіе; Фридрихъ II отвѣчалъ, что отзоветъ, когда императрица отзоветъ Чернышева; Чернышевъ получилъ указъ переѣхать посланникомъ въ Лондонъ, и, не дожидаясь распоряженій изъ Берлина, Мардефельду объявили, что не будутъ сноситься съ нимъ. Когда Бестужевъ далъ прочесть Мердефельду это объявленіе, тотъ сказалъ ему: „Я очень хорошо знаю, что вы одни этому причиною; вотъ почему я не премину воспользоваться первымъ случаемъ показать вамъ свою благодарность и равномѣрныя добрыя услуги". Гиндфорду Мардефельдъ сказалъ: „Канцлеръ поступилъ умно, постаравшись удалить меня до возвращенія вице-канцлера, ибо тогда я былъ бы въ состояніи низвергнуть Бестужева".

Послѣ этихъ перемѣнъ, въ Берлинѣ былъ обвиненъ въ измѣнѣ и казненъ совѣтникъ Ферберъ; этотъ Ферберъ просился въ русскую службу и имѣлъ сношенія съ Витингомъ, посылавшимся изъ Россіи въ Пруссію для развѣдываній, а въ настоящее время находившимся въ Петербургѣ. Прусскій секретарь посольства, Варендорфъ, 10 ноября пріѣхалъ къ вице-канцлеру съ объявленіемъ, что курьеръ привезъ ему цыфирныя азбуки и копіи съ двухъ статей, которыя найдены въ бумагахъ казненнаго Фербера; изъ этого можно видѣть, говоритъ Варендорфъ, какія имѣлись злыя намѣренія поссорить короля съ императрицею. Ферберъ сообщалъ въ Россію подполковнику Витингу о замыслахъ Фридриха II. Такъ, 2 іюля онъ писалъ, что король, за столомъ сказалъ: „Я не обращаю вниманія на русскія приготовленія, и ничего болѣе не желаю, какъ чтобъ императрицыны войска выступили противъ Пруссіи,—тогда бы я ихъ, какъ лисицъ, на воздухъ всбрасывать сталъ". Потомъ Фридрихъ говорилъ своему любимцу, шведскому министру Руендшильду: „Этотъ Брюммеръ велъ свои дѣла подгурацки; сколько разъ онъ могъ свергнуть канцлера, а теперь, какъ оселъ, голову себѣ сламываетъ. Какимъ образомъ теперь его дѣло можно поправить!" Руденшильдъ отвѣчалъ, что теперь это трудно, ибо Шетарди истребилъ при Русскомъ Дворѣ всѣхъ благонамѣренныхъ, да и главная опора ихъ теперь въ особѣ Брюммера рушилась; бѣдный Трубецкой одинъ остался и принужденъ подлаживаться подъ мнѣніе Бестужева хотя наружно, тѣмъ болѣе, что графъ Лестокъ, какъ слышно, съ нѣкотораго времени въ государственныя дѣла мѣшаться не смѣетъ. Впрочемъ, не надобно совершенно отчаяваться. Если бы можно было оставить тамъ Мардефельда или же, по крайней мѣрѣ, замѣнить его искуснымъ Каніони, который знаетъ отлично Русскій языкъ и всѣ тамошнія дѣла; а между тѣмъ въ Швеціи, на сеймѣ, надобно стараться о заключеніи ею союза съ Франціею и Пруссіею. „Какъ ваше величество, такъ и Швеція", говорилъ Руденшильдъ, „должны радоваться, что правленіе въ Россіи въ рукахъ Сената, а у министерства руки связаны, чего прежде не было при Кабинетѣ, который давалъ большую силу самодержавію. Главная цѣль сенаторовъ состоитъ въ томъ, чтобъ ни въ какія чужія ссоры не вмѣшиваться, не играть въ Европѣ никакой роли, однимъ словомъ—жить, какъ жилось до Петра Великаго. Эта цѣль можетъ быть достигнута, потому что императрица не слѣдуетъ примѣру своего отца (котораго правиломъ было царствовать съ жестокостію и изнуреніемъ народа): императрица относительно народа оказываетъ большую умѣренность". Король согласился съ его мнѣніемъ и сказалъ: „Съ великимъ удивленіемъ и удовольствіемъ подъ рукою я увѣдомился, что всѣ русскія войска вторичный указъ получили новыя экзерциціи оставить и употреблять старыя; такимъ образомъ, я на-

[1]) Дѣла Прусскія.
[2]) Доклады.

дѣюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ русская военная сила дойдетъ до крайняго варварства, такъ что я буду побѣждать Русскихъ своими рекрутами; и такъ какъ эта нація, повидимому, теряетъ духъ, внѣдренный въ нее Петромъ I-мъ, то быть можетъ близко время, когда она погребется въ своей древней тьмѣ и въ своихъ древнихъ границахъ. Имѣю причину очень сердиться на генерала Бисмарка, который ввелъ при русской арміи всѣ прусскія манеры". Ферберъ сообщилъ, что извѣстный полковникъ Манштейнъ, оставившій русскую службу, обѣдалъ у Фридриха II, который спросилъ его: какъ онъ думаетъ—одинъ Пруссакъ по меньшей мѣрѣ уберетъ четверыхъ или пятерыхъ Русскихъ. Манштейнъ отвѣчалъ, что если дѣло дойдетъ до драки, то Пруссакъ и съ однимъ Русскимъ будетъ имѣть полны руки дѣла. Король очень разсердился и въ утѣшеніе свое сказалъ: „Мнѣ очень хорошо извѣстно, что Россія имѣетъ по крайней мѣрѣ большой недостатокъ въ достойныхъ офицерахъ" [1]).

Но эти откровенности не улучшили отношеній между двумя Дворами. Главная дипломатическая борьба между ними была въ Стокгольмѣ.

Въ началѣ января, довѣренный человѣкъ наслѣднаго принца, Голштинецъ Гольмеръ, подозрительный въ Петербургѣ, получилъ указъ отъ своего герцога, великаго князя Петра Ѳедоровича, въ 8 дней выѣхать изъ Стокгольма въ Киль. Наслѣдный принцъ былъ въ отчаяніи; глотая слезы, онъ говорилъ Любрасу, что онъ здѣсь между чужими людьми, на которыхъ, по ихъ пристрастіямъ, положиться не можетъ; къ Гольмеру онъ привыкъ, въ вѣрности его совершенно убѣжденъ, можетъ увѣрить, что Гольмеръ всегда старался, чтобъ все происходило по желанію императрицы. Принцъ умолялъ Любраса ходатайствовать у императрицы, чтобъ Гольмера оставили еще на нѣсколько времени при немъ. Старый король просилъ о томъ же; Любрасъ, съ своей стороны, писалъ, что Гольмеръ человѣкъ благонамѣренный: сенаторы, приверженные къ Россіи, признаютъ его такимъ; онъ, по ихъ мнѣнію, противодѣйствуетъ графу Тессину и Нолькену, и склоняетъ принца на русскую сторону. Но Бестужевъ замѣтилъ на реляцію Любраса: „Сіе ни что иное какъ притворство; а ежели Гольмеръ долѣе въ Швеціи оставленъ будетъ, то интересы его императорскаго высочества въ Голштиніи весьма отъ того претерпѣть могутъ, и въ прежней плохой администраціи никто безъ него отчета дать не въ состояніи. Баронъ Любрасъ во многихъ своихъ прежнихъ реляціяхъ неоднократно доносилъ, что Гольмеръ вредительный и для здѣшнихъ высочайшихъ интересовъ въ Швеціи негодный человѣкъ, и потому объ удаленіи его оттуда самъ представлялъ; нынѣ же непонятнымъ образомъ его вдругъ отмѣнившимся и надобнымъ описуетъ". Еще сильнѣйшему нападенію Любрасъ подвергся со стороны Бестужева, когда въ донесеніи своемъ выставилъ, въ видѣ просьбы русскихъ приверженцевъ, чтобъ императрица въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ гарантировала Шведскій престолъ наслѣдному принцу и его потомству: „Это вовсе не шведскіе патріоты просили барона Любраса,—это пламенное желаніе Пруссаковъ и Французовъ. Такой гарантіи не было дано и тогда, когда мы заключали союзный договоръ съ Швеціею и когда еще была надежда удержать наслѣднаго принца въ добромъ расположеніи къ Россіи; для чего же давать такую гарантію теперь, когда, по несчастію, довольно извѣстно, что наслѣдный принцъ, по наущенію своей супруги, предпочитаетъ французскую и прусскую дружбу всѣмъ самымъ доброжелательнымъ совѣтамъ императрицы.—Такая гарантія послужитъ только къ тому, чтобъ совершенно связать руки на будущее время".

Между тѣмъ прусскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Финкенштейнъ, велъ переговоры объ оборонительномъ союзѣ между Швеціею и Пруссіею; Любрасъ, по указамъ изъ Петербурга, долженъ былъ препятствовать заключенію этого союза. На его представленія король отвѣчалъ: „Надобно смотрѣть, какъ бы это прусское требованіе добрымъ маneромъ менажировать; надѣюсь, что дѣло кончится къ удовольствію императрицы; я своимъ господамъ рекомендовалъ потише поступать". Въ Швеціи боялись заключить этотъ договоръ безъ согласія Россіи; а въ Петербургѣ нарочно медлили отвѣтомъ. Наконецъ, въ мартѣ, шведскій министръ въ Петербургѣ, Баркъ, прислалъ извѣщеніе, что императрица не одобряетъ прусскій союзъ. Король и министры были приведены этимъ извѣстіемъ въ сильное смущеніе. Король сталъ увѣрять Любраса, что этимъ союзомъ Россіи не будетъ нанесено никакого предосужденія,— онъ будетъ заключенъ самымъ простымъ и безвреднымъ образомъ. Любрасъ замѣтилъ, что, какимъ бы образомъ союзъ ни былъ заключенъ, нельзя избѣжать, чтобъ онъ и Швеціи, и Россіи не нанесъ вреда: если Пруссія хотя малую силу пріобрѣтетъ, то своими происками будетъ умалять дружбу Швеціи съ Россіею, а потомъ возбудитъ и холодность. „Пока я живъ, этого не будетъ", отвѣчалъ король. „Я отъ этого Прусскаго союза охотно бы отсталъ, и работаю противъ него; но не всѣ такъ думаютъ, какъ я,—интриги идутъ сильныя; я васъ обнадеживаю, что употреблю въ этомъ дѣлѣ всѣ свои старанія". Любрасъ поблагодарилъ его, но напомнилъ, что прежде, при сенаторахъ, король ему говаривалъ, что если Россія и Швеція будутъ поступать согласно и откровенно, то будутъ сохранять равновѣсіе на Сѣверѣ и въ большей части Европы; такъ какъ это мнѣніе его величества неоспоримо, то для чего онъ хочетъ для сохраненія этого равновѣсія призвать еще третью державу, которая до сихъ поръ не только не помогала Россіи и Швеціи въ полученіи какихъ-нибудь выгодъ, но еще причиняла имъ большой

---

[1]) Доклады; депеши Гиндфорда въ перлюстраціяхъ Москов. Архива Мин. Иностр. Д.

вредъ; по великой поспѣшности, съ какою Пруссія безъ нужды хочетъ навязать свою дружбу Швеціи, видно, что она имѣетъ одно въ виду—возбудить недовѣріе между прежними истинными друзьями.— „Вы правду говорите", сказалъ король, и, давъ Любрасу руку, повторилъ прежнія обѣщанія, но прибавилъ, показывая рукою на комнаты наслѣдной принцессы: „Вы знаете, какъ здѣсь ведутъ дѣла".—„Какъ бы другіе ни разнились во мнѣніяхъ, однако мнѣніе вашего величества, серьезно высказанное, всегда будетъ имѣть главную силу", отвѣчалъ Любрасъ.—„Да, да", заключилъ рѣчь король, „такъ бы и слѣдовало быть".—Часа черезъ два король опять подошелъ къ Любрасу и началъ говорить: „Знаете, что мнѣ пришло въ голову: если бъ заключить съ Пруссіею простой дружественный договоръ, то это было бы дѣло очень невинное, а король Прусскій не могъ бы быть очень раздраженъ; что вы думаете?" и, сказавши это, подозвалъ къ себѣ государственнаго секретаря Нолькена и задалъ ему тотъ же вопросъ. „Господа", сказалъ онъ обоимъ: „я откровенно поступаю; скажите мнѣ прямо, что вы объ этомъ мнѣніи думаете?" Нолькенъ отвѣчалъ, что онъ не приготовился дать отзывъ на такое предложеніе, но ему кажется, что форма такого трактата была бы нова и король Прусскій доволенъ имъ не будетъ.—„Будетъ ли король Прусскій доволенъ, я не знаю", сказалъ Любрасъ, „но что такіе договоры прежде часто заключались,—это дѣло извѣстное; впрочемъ, въ такой договоръ могутъ быть внесены параграфы и выраженія, которые могутъ дать союзу значеніе оборонительнаго". Король, глядя на Нолькена, сказалъ: „Надобно постараться это предупредить; мы объ этомъ еще потолкуемъ и ея величеству императрицѣ дадимъ знать". Донося объ этомъ разговорѣ, Любрасъ замѣчаетъ: „Хотя въ рѣчахъ королевскихъ высказывается благонамѣренность, однако на нихъ полагаться нельзя, потому что король не въ силахъ противостоять внушеніямъ людей, враждебныхъ Россіи. Партія этихъ людей ежедневно усиливается, а патріотическая партія становится все слабѣе, боязливѣе и оплошнѣе". Бестужевъ замѣтилъ на этомъ донесеніи: „Весьма удивительный и непонятный барона Любраса отвѣтъ, что онъ самъ заключеніе съ Пруссіею трактата апробуетъ (одобряетъ), и тѣмъ королю поводъ подаетъ о дозволеніи на заключеніе онаго у ея императорскаго величества домогаться, а ему многократно отсюда знать дано, что ея императорское величество толико отъ того удалена находится, что и въ разсматриваніе сообщеннаго графомъ Баркомъ проекта трактата вступать не повелѣла".

Въ самомъ концѣ апрѣля завѣдывавшій иностранными дѣлами, графъ Тессинъ, объявилъ Любрасу, что король, въ виду опасныхъ европейскихъ обстоятельствъ, считаетъ надежнѣйшимъ способомъ относительно предложеннаго Прусскаго союза слѣдовать дружественному совѣту Русской императрицы, и потому, для предупрежденія всякаго подозрѣнія, которое этотъ союзъ могъ бы возбудить въ другихъ государствахъ и особенно въ Россіи, приказалъ остановить дальнѣйшіе переговоры. Король особенно благодаренъ императрицѣ за добрый совѣтъ, и проситъ держать втайнѣ его рѣшеніе, чтобъ не поссорить его съ королемъ Прусскимъ, какъ онъ держалъ втайнѣ совѣты императрицы. Самъ король говорилъ Любрасу: „Я императрицу обнадеживаю не только какъ король, но какъ честный офицеръ и чистосердечный человѣкъ, что, пока буду живъ, не забуду оказанной ею мнѣ и государству дружбы присылкою войска, и всегда съ нею одного мнѣнія буду; я убѣжденъ, что Швеція найдетъ въ этомъ свое благополучіе, и тѣ, которые думаютъ иначе, отдадутъ отвѣтъ Богу".

Мы видѣли, что, по соображеніемъ русскаго канцлера, ко времени сейма, Любраса долженъ былъ смѣнить Корфъ. Корфъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ во второй половинѣ іюля и сейчасъ же долженъ былъ заняться приготовленіями къ сейму, т.-е. наборомъ голосовъ въ пользу русской партіи. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ этой партіи, купецъ Спрингеръ, объявилъ ему, что выборы депутатовъ изъ стокгольмскихъ горожанъ не удались: французская партія взяла верхъ; напротивъ того, онъ увѣренъ, что между провинціальными депутатами городскаго и сельскаго сословія русская партія возьметъ перевѣсъ; но для окончательнаго успѣха нужны деньги. Французскіе приверженцы употребляли такую хитрость: купецъ Пломгренъ всюду показывалъ золотую, осыпанную бриллiантами табакерку, будто бы полученную отъ Русскаго Двора за услуги, оказанныя имъ Швеціи. Это навело ужасъ на благонамѣренныхъ: они не знали, что думать о настоящихъ намѣреніяхъ Россіи, ибо Пломгренъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ прошлой войны. Для сверженія преданнаго Франціи и Пруссіи министерства, Спрингеръ совѣтовалъ объявить, что Россія, вмѣстѣ съ Англіею и Австріею, имѣетъ сдѣлать важныя для Швеціи предложенія, но не можетъ начать дѣла, пока въ Швеціи существуетъ враждебное ей министерство. „Нельзя описать", доносилъ Корфъ, „какія вымышляются здѣсь извѣстія: я едва успѣлъ выйти изъ коляски, какъ уже объявлены были извѣстія изъ Шоніи и изъ другихъ мѣстъ по моей дорогѣ о рѣчахъ, которыя будто бы я держалъ вслѣдствіе моей инструкціи, и которыя касались ни болѣе, ни менѣе какъ совершеннаго раздробленія и разоренія Швеціи". На этомъ донесеніи Бестужевъ сдѣлалъ любопытную замѣтку о Пломгренѣ: „Сей купецъ Пломгренъ свойственникъ графа Лестока и, въ послѣднюю съ Швеціею войну Россіи, многія пакости дѣлалъ". Приверженный къ Россіи, сенаторъ Океръгельмъ высказалъ Корфу очень неутѣшительное мнѣніе о характерѣ двухъ партій—французской и русской: онъ отдавалъ преимущество первой по ея смѣлости и энергіи; она уже и теперь держала чрезъ своихъ эмиссаровъ публичные столы въ провинціяхъ, для приласканія жите-

лей. Причина вялости благонамѣренной партіи состояла въ томъ, что ея члены уже нѣсколько лѣтъ не получали подкрѣпленія отъ иностранныхъ Дворовъ: такъ, они, имѣя большинство на прошломъ сеймѣ, должны были уступить противникамъ по скудости денежныхъ средствъ; сначала у нихъ было собрано около 133,000 рублей на русскія деньги, и они содержали провинціальныхъ депутатовъ; но потомъ, когда всѣ эти деньги вышли, депутаты, не имѣя чѣмъ жить, разъѣхались,— и большинство голосовъ было потеряно. Это произвело такое впечатлѣніе, что теперь на будущій сеймъ благонамѣренные люди не хотятъ ѣхать, отговариваясь, что денегъ нѣтъ, а на помощь иностранныхъ Дворовъ нельзя надѣяться. Кромѣ того, самые видные члены патріотической партіи, по оплошности, отъ страха или по малозначительности своей при Дворѣ, не доставляютъ выгодныхъ мѣстъ своимъ, тогда какъ приверженцы Франціи дѣйствуютъ совершенно иначе; наконецъ приверженцы Франціи имѣли ту выгоду, что располагали всѣми государственными доходами.

Англійскій посланникъ—Гюдекенсъ—объявилъ Корфу: что его правительство раздѣлитъ съ Россіею денежныя издержки, необходимыя для подкупа депутатовъ; что такъ какъ генералъ Любрасъ далъ купцу Спрингеру 10,000 купферъ-талеровъ для подкупа въ провинціяхъ, то и онъ, Гюдекенсъ, выдалъ тому же купцу такую же сумму; что время снабдить эмиссаровъ деньгами, чтобъ благонамѣренные могли явиться на сеймъ въ достаточномъ количествѣ; однако не надобно соглашаться на всѣ требованія, потому что шведскіе государственные чины привыкли торговаться, какъ купцы. Главы благонамѣренной партіи уже присылали къ нему генерала Дюринга съ требованіемъ 8,000 рублей на подкупы въ провинціяхъ; онъ отвѣчалъ, что сумма очень велика, ибо значительнѣйшія издержки еще впереди, когда чины соберутся въ Стокгольмѣ; но Дюрингъ возразилъ, что означенная сумма необходима, потому что онъ уже далъ слово, что она будетъ доставлена, и если онъ ея не получитъ, то ни за что не примется. Къ Корфу съ тѣмъ же требованіемъ отъ благонамѣренныхъ явился полковникъ Левенъ. Корфъ сказалъ ему то же, что сумма очень велика; на это Левенъ отвѣчалъ, что если Россія и Англія хотятъ достигнуть своихъ цѣлей, то должны сообща истратить триста тысячъ рублей, да еще держать сто тысячъ про запасъ на всякій случай. Наконецъ, вмѣстѣ съ англійскимъ посланникомъ сторговались на 9,000 платовъ, которые Корфъ и Гюдекенсъ выдали пополамъ. Сенаторы Окергельмъ, Цедеркрейцъ и Левенъ внушали Корфу, что надобно непремѣнно задарить барона Унгернъ-Штернберга, который легко можетъ быть выбранъ въ сеймовые маршалы, и уже непремѣнно въ члены секретнаго комитета, и Бестужевъ доложилъ императрицѣ, что Унгернъ-Штернберга надобно подарить, только не изъ тѣхъ 20,000 рублей, которые назначены на сеймовые подкупы въ Швеціи. Корфу внушали, что Унгерну надобно подарить 2,000 червонныхъ, и Бестужевъ былъ согласенъ на эту сумму. Корфъ писалъ, что не надобно ничего жалѣть, потому что какъ скоро злое министерство будетъ свержено, то Швеція будетъ въ полной зависимости отъ Россіи. Было бы желательно, чтобъ Вѣнскій, Датскій и Саксонскій Дворы такъ-же снабдили своихъ министровъ деньгами.

Для подкупа депутатовъ, въ Петербургѣ назначили 20,000 руб.; для расположенія къ себѣ цѣлаго народа Шведскаго позволено было безпошлинно вывезти изъ Россіи въ Швецію 1,000 ластовъ хлѣба. По мнѣнію Бестужева, надобно было позволить Шведскому королю вывезть безпошлинно еще 1,000 ластовъ, — „еже между патріотами лучшее дѣйство, нежели множество тысячъ рублевъ произвесть могло-бъ“. Съ противной стороны дѣйствовали тѣми же средствами: кронпринцесса заложила свои бриліанты въ банкъ за 30,000 платовъ на подкупъ голосовъ въ пользу избранія графа Тессина въ сеймовые маршалы.

22 августа Корфъ и англійскій посланникъ ѣздили за городъ на совѣщаніе съ вождями патріотовъ—Окергельмомъ, Врангелемъ, графомъ Белке, графомъ Бонде, генераломъ Дюрингомъ и полковникомъ Левеномъ. Патріоты запросили съ Россіи и Англіи 250,000 платовъ (100,000 рублей), сумму, необходимую на содержаніе столовъ для благонамѣренныхъ депутатовъ. Англійскій министръ возразилъ, что этого уже очень много; что уже выдано 83,000 купферъ-талеровъ (8,333 рубля), чтобъ дать возможность благонамѣреннымъ депутатамъ пріѣхать въ Стокгольмъ на сеймъ для составленія большинства голосовъ; на этой выдачѣ можно было бы и остановиться до начала сейма. „Мой Дворъ“, продолжалъ посланникъ, „позволилъ мнѣ истратить извѣстную сумму; но она не такъ велика, какъ требуется“. Патріоты отвѣчали, что они заранѣе не могутъ опредѣлить съ точностію сумму, какая понадобится для успѣха ихъ дѣла, только напоминаютъ, чтобъ съ деньгами поступали осторожно, выдавали бы ихъ не всякому, кто выставитъ свою благонамѣренность на продажу,—давали бы только тѣмъ, кто будетъ рекомендованъ ими главами патріотической партіи и которые для этого должны имѣть извѣстный знакъ. Самимъ себѣ они, главы партіи, не берутъ ни копѣйки, то же сдѣлаютъ и другіе Шведы, любящіе отечество; рѣчь идетъ только о людяхъ, которые такъ бѣдны, что во время сейма по дороговизнѣ жизни не могутъ сами себя содержать въ Стокгольмѣ, и о тѣхъ, которыхъ надобно отвлечь отъ противной партіи. Графъ Белке сказалъ при этомъ: „Патріоты надѣются, что Великобританія употребитъ всѣ усилія поправить то, что было ею испорчено въ 1740 году; тогда между русскимъ посланникомъ и англійскимъ было условлено, что они оба дадутъ по 50,000 ефимковъ; но первый сдержалъ слово, вто-

рой—нѣтъ, что повело къ извѣстнымъ печальнымъ послѣдствіямъ; теперь надобно хлопотать объ избавленіи Шведскаго народа изъ рукъ Франціи и ея тиранскихъ сообщниковъ. По вѣдомостямъ изъ провинціи можно надѣяться большинства голосовъ между дворянствомъ; но мало имѣть здѣсь людей: главное—содержать ихъ тотчасъ по прибытіи сюда, чтобъ французскіе приверженцы обѣщаніями и дѣйствительною помощію не перетянули ихъ на свою сторону; а французскій посланникъ ничего не жалѣетъ. Надобно назначить нѣсколько человѣкъ, которые будутъ содержать столы на 6, 8, 12 и даже 15 особъ, ставя отъ четырехъ до пяти блюдъ, и наблюдать, чтобъ при такихъ столахъ пьянства не было, ибо хуже всего, когда пьяные станутъ подавать голоса. Тѣмъ, которыхъ за такіе столы приглашать нельзя, надобно давать еженедѣльно деньгами. Необходимо, чтобъ министры обоихъ Дворовъ, по послѣдней мѣрѣ, имѣли 50,000 фунтовъ стерлинговъ наготовѣ". Патріоты клялись, что не введутъ посланниковъ ни въ какія напрасныя издержки, и себя жалѣть не будутъ, если увидятъ, что можно дѣйствовать; а дѣйствовать можно только тогда, когда будетъ рѣшенъ вопросъ, будутъ ли готовы оба посланника выдавать деньги черезъ десять дней. Англійскій посланникъ отвѣчалъ, что онъ такой большой суммы теперь при себѣ не имѣетъ, да по извѣстіямъ изъ Петербурга и русскому посланнику деньги пришлются не сейчасъ, а потому онъ, англійскій посланникъ, извѣститъ объ этомъ свой Дворъ и будетъ дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. „Время не терпитъ", отвѣчали патріоты, „и, пока онъ получитъ эти приказанія,—большинство голосовъ на сеймѣ уже обозначится". Генералъ Дюрингъ говорилъ, что если нѣтъ денегъ, то надобно объявить прямо объ этомъ въ провинціяхъ и, въ то же время, дѣйствовать смѣло и наступательно противъ французской партіи; Росссія, по поводу заключеннаго ею союза съ Вѣнскимъ Дворомъ, должна объявить, что не можетъ имѣть съ Швеціею откровенныя сношенія, не довѣряя настоящему министерству; Англія должна представить съ своей стороны жалобы на министерство. Это объявленіе Россіи произвело бы тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что теперь Россія находится въ вооруженномъ положеніи. Корфъ отвѣчалъ, что императрица и ея союзники употребятъ всѣ средства для успѣха добраго дѣла на сеймѣ, и что онъ немедленно дастъ знать въ Петербургъ о предъявленномъ планѣ, но не должно спѣшить объявленіемъ въ провинціяхъ что денегъ нѣтъ: надобно отписать къ благонамѣреннымъ депутатамъ, чтобъ ѣхали на сеймъ, а деньги между тѣмъ будутъ присланы. Дюрингъ и Окергельмъ возражали, что если пріятели въ Стокгольмъ пріѣдутъ, а денегъ на ихъ содержаніе не будетъ, то придется содержать ихъ тѣмъ, кто ихъ вызвалъ, а лучше оставить ихъ дома, чѣмъ увеличивать ими противную партію, къ которой, по крайней нуждѣ, они непремѣнно перейдутъ. Корфъ просилъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, пропустили одинъ или два почтовыхъ дня, обѣщая сейчасъ же отправить курьера въ Петербургъ съ представленіемъ положенія дѣлъ. Патріоты согласились.—На этомъ донесеніи Бестужевъ написалъ для императрицы: „По слабѣйшему мнѣнію, видится необходимо потребнымъ быть въ Швецію ежели не тридцать, то по меньшей мѣрѣ столько же, какъ недавно, а именно двадцать тысячъ рублевъ къ камергеру Корфу какъ наискорѣе отправить, и на то незамедлительная всевысочайшая резолюція толь наипаче потребна, ибо ежели прямое время въ раздачѣ достаточной денежной суммы упустится, то воспослѣдуемый изъ того вредъ ни явною войною поправленъ быть не можетъ. А при пересылкѣ же такихъ денегъ къ Корфу, ему повелѣно будетъ свое стараніе приложить, дабы со стороны англійскаго министра Гюдекенса по меньшей мѣрѣ равная сумма раздавана, и притомъ всевозможная экономія наблюдаема была".

Корфъ сообщилъ, будто графъ Тессинъ обнадеживалъ, что, по вѣрнымъ извѣстіямъ, съ прибытіемъ графа Воронцова въ Петербургъ дѣла получатъ другой видъ, ибо Воронцовъ будетъ идти противъ системы канцлера. На это Бестужевъ замѣтилъ: „Тессинъ весьма пристрастно и съ истинностію несходно разглашаетъ, ибо нынѣшняя система не канцлерова, но государя Петра Великаго, по которой во время нынѣшняго славнаго ея и. в—ства державствованія совершенно послѣдуется, и премудрымъ ея и. в—ства проницаніемъ къ всевысочайшей славѣ, чести и благополучію имперіи ея, а къ крайнему преогорченію недоброжелательныхъ Россіи съ благополучнымъ успѣхомъ въ дѣйство производится; канцлеръ же только малымъ орудіемъ есть во исполненіи толь премудрыхъ ея величества распоряженій и повелѣній".

Благонамѣренные депутаты уже находились на дорогѣ въ Стокгольмъ; для ихъ содержанія англійскій посланникъ выдалъ купцу Спрингеру 3,150 рублей на русскія деньги и камергеру Песту—420 рублей, что произвело благопріятное впечатлѣніе, ибо деньги были выданы отъ имени англійскаго и русскаго пословъ прежде французскаго. Противная партія старалась поддержать свое значеніе тѣмъ, между прочимъ, что выставляла своимъ главою наслѣднаго принца, о которомъ Корфъ писалъ: „Сей государь совершенно изволеніемъ своей супруги (которая его ни на минуту не оставляетъ, когда я при немъ нахожусь) и графа Тессина, какъ безжизненная, искусственно составленная статуя движется. Французская партія разослала своихъ забіякъ по кофейнымъ, питейнымъ и другимъ домамъ, гдѣ бываютъ народныя сборища, внушать, что Швеція находится въ зависимости отъ Россіи, отъ которой можетъ освободиться только съ помощію Пруссіи и Франціи. Противная министерству партія, сначала стыдившаяся дѣйствовать такимъ средствами, узнавъ, что французская партія получила чрезъ это большой успѣхъ, выбрала также семерыхъ говоруновъ, притомъ же видныхъ и силь-

ныхъ физически, которые должны были внушать, въ какомъ бѣдственномъ состояніи находится государство сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда управляло благонамѣренное министерство. Говоруны министерской, т.-е. французской партіи, провозглашали, что цѣль „колпаковъ“—изгнать кронпринца и наслѣдникомъ престола объявить русскаго великаго князя Петра; что для этого въ Россіи сдѣланы уже всѣ нужныя приготовленія. Внушенія эти производили сильное впечатлѣніе въ Стокгольмѣ и провинціяхъ. Такъ какъ опасались, что Финляндія особенно будетъ противиться разрыву съ Россіею, то при Дворѣ наслѣднаго принца опредѣлили, что каждый депутатъ изъ Финляндіи, какого бы званія ни былъ, можетъ безъ доклада являться къ наслѣдному принцу и женѣ его. Съ Корфомъ оба королевскія высочества обращались чрезвычайно холодно и невѣжливо. Корфъ подалъ самому королю промеморію, опровергавшую нелѣпые слухи о намѣреніяхъ Россіи, и Бестужевъ, въ своей замѣткѣ, представилъ императрицѣ, что Корфъ поступилъ, „яко весьма искусный министръ, подавъ промеморію прямо королю, а не министерству, которое нарочно замедлило бы врученіемъ ея королю, а между тѣмъ противная французско-прусская партія своими злостными внушеніями толико предуспѣла бъ, чтобъ оное болѣе и поправить не можно было, приписывая молчаніе его (Корфа) о томъ подлинности оныхъ разглашеній“. Корфъ велѣлъ перевести промеморію на Шведскій языкъ и во множествѣ экземпляровъ распространить между депутатами, которые отъ себя распространили ее по провинціямъ.

Отъ 12 сентября Корфъ писалъ, что до сихъ поръ вмѣстѣ съ Гюдекенсомъ онъ издержалъ около 20.000 рублей частію на переѣздъ надежныхъ людей изъ провинціи, частію—на закупку полномочій, частію—на пріобрѣтеніе сеймовыхъ голосовъ и учрежденіе столовъ. Корфъ сочинилъ особую записку, въ которой указывалъ на вредъ для Швеціи отъ прусскихъ замысловъ на Померанію. „Дѣла по всему виду изрядно происходить будутъ“, писалъ Корфъ въ Петербургъ: „еслибъ только деньги были; если въ нихъ недостатка не будетъ, то министерство непремѣнно спрыгнетъ“. Король тайно прислалъ просить Корфа, чтобъ ради Бога не жалѣлъ денегъ для пріобрѣтенія большинства голосовъ при избраніи сеймоваго маршала, отчего зависитъ успѣхъ дѣла на сеймѣ; король обѣщалъ, въ случаѣ нужды, дать Корфу тайкомъ въ-займы изъ казны три тысячи червонныхъ. Въ пріемной Корфа съ утра до вечера толпились люди, изъ которыхъ каждый разсказывалъ, что онъ или привезъ, или выписалъ изъ провинціи своихъ друзей и содержитъ на свой счетъ, не зная, какимъ образомъ ихъ пропитать и не дать перейти къ французской партіи. „Но я бы обнищалъ“, писалъ Корфъ, „еслибъ каждому давалъ то, что онъ требуетъ“. Поэтому онъ отправлялъ ихъ къ сенатору Окергельму для повѣрки. Окергельмъ съ пріятелями далъ ему знать, что для образованія большинства голосовъ въ дворянскомъ сословіи, при избраніи маршала, надобно истратить 12,000 рублей, да сверхъ того 2,666 рублей надобно держать про запасъ для тѣхъ, которые ежедневно пріѣзжаютъ изъ провинціи и которыхъ противная партія ловитъ; для мѣщанскаго и крестьянскаго чиновъ нужно 6,000 рублей, для духовнаго—3,333 рубля. Корфъ поѣхалъ къ англійскому посланнику, но тотъ отвѣчалъ, что больше 6,666 рублей дать не можетъ. Корфъ принужденъ былъ занять денегъ, потому что вожди патріотической партіи слали къ нему гонца за гонцомъ, торопя высылкою потребованной суммы. Патріоты требовали отъ Корфа, чтобъ онъ непремѣнно подкупилъ гофмаршала Бромана, человѣка очень сильнаго; Броманъ просилъ 25,000 платовъ, Корфъ давалъ—15,000.

15 сентября открылся сеймъ, и въ тотъ же день Корфъ получилъ изъ Петербурга 10,000 червонныхъ, а 22 числа сеймовымъ маршаломъ былъ избранъ кандидатъ патріотовъ, Унгернъ-Штернбергъ, которому за прежнія его услуги Россіи уже отправлены были изъ Петербурга 2,000 червонныхъ. Унгернъ-Штернбергъ перебилъ маршальство у Тессина только большинствомъ 18 голосовъ; но Корфъ утѣшалъ свой Дворъ тѣмъ, что противная партія понесла пораженіе, имѣя всѣ выгоды на своей сторонѣ: много лѣтъ имѣла на своей сторонѣ большинство, имѣла въ своихъ рукахъ всѣ денежные доходы; отъ нея зависѣли всѣ чины и милости; кронпринцъ съ женою явно стояли за нее, обѣщаніями и угрозами привлекали людей на сторону графа Тессина; они уговаривали и короля объявить себя за Тессина, но тотъ отвѣчалъ: „Я никогда не вмѣшивался въ сеймовы дѣла незаконнымъ образомъ, и этому приписываю свое благополучіе; совѣтую и вамъ послѣдовать моему примѣру“. Одержана была одна побѣда; но главное дѣло было впереди: избраніе членовъ въ секретный комитетъ; здѣсь побѣда была сомнительна именно потому, что при избраніи маршала большинство оказалось такимъ ничтожнымъ. Борьба партій усилилась, патріоты потребовали отъ Корфа еще 13,000 рублей, и Корфъ далъ, опять занявши. Французская партія, кромѣ раздачи денегъ, употребляла и другія средства, разглашала, что чувства императрицы Русской и ея министерства относительно Швеціи совершенно различны; что въ указахъ, которые присылаются Бестужевымъ Корфу, Елисавета не имѣетъ никакого участія. Употреблялись средства и съ русской стороны. Корфъ подалъ министерству промеморію, въ которой говорилось, что императрица приказала перевести изъ Петербурга въ Ревель четыре полка инфантеріи, и если галеры, на которыхъ перевозилось это войско, будутъ прибиты вѣтромъ къ шведскимъ берегамъ, то она надѣется, что войско ея будетъ здѣсь принято, какъ союзное, по Абовскому договору. Графъ Тессинъ не могъ скрыть своего ужаса при полученіи этой промеморіи, и хотя главы французской партіи и

поспѣшили разгласить, что Корфъ выдумалъ это нарочно для своихъ цѣлей; однако промеморія произвела сильное впечатлѣніе: члены русской партіи во множествѣ являлись къ Корфу и съ радостію давали знать, какъ бы они желали, чтобъ число 26 (число галеръ, на которыхъ отправлялись русскія войска) перемѣнилось на 86, ибо это единственное средство, какимъ императрица можетъ низвергнуть враждебное министерство, и какъ бы они желали, чтобъ Господь Богъ повелѣлъ вѣтрамъ пригнать русскія галеры къ шведскимъ берегамъ. Для ободренія патріотовъ, Корфъ, по его словамъ, не пропускалъ никакого случая атаковывать противную партію въ ея ретраншементахъ; изъ дворца наслѣдника престола ему дали знать, что тамъ составленъ планъ—тотчасъ, по образованіи секретнаго комитета, арестовать самыхъ дѣятельныхъ членовъ русской партіи, причемъ Тессинъ говорилъ: „Я знаю колпаковъ; ихъ легко можно сдержать,—стоитъ только съ однимъ изъ нихъ поступить строго, и они всѣ сейчасъ отстанутъ отъ русскаго министра, который не будетъ тогда знать, куда обратиться“. Корфъ спѣшилъ предупредить Тессина и подалъ королю двѣ промеморіи. Въ одной говорилось, что извѣстный купецъ Пломгренъ въ обществѣ горожанъ осмѣлился говорить слѣдующее: „Тѣ хорошо дѣлаютъ, которые къ русскому послу не ходятъ, ибо тѣ, которые его посѣщаютъ, носы свои обожгутъ и пальцы у нихъ будутъ отбиты; уже взяты на замѣчаніе тѣ, которые часто у него бываютъ и его именемъ держатъ столы“. Корфъ, выставляя оскорбленіе, нанесенное его Двору стараніемъ посредствомъ угрозъ отогнать посѣтителей отъ его дома, просилъ немедленно арестовать Пломгрена и наистрожайше допросить: кто ему сказалъ, что Корфъ министръ подозрительный; что всѣ, которые ходятъ къ нему въ домъ, будутъ наказаны; что онъ устроилъ трактиры, гдѣ его именемъ держатся столы. Въ другой промеморіи Корфъ жаловался на генерала Вреде, который въ самомъ дворцѣ говорилъ, что Корфъ ведетъ себя неприлично и на крыльцѣ дворянскаго дома въ день выборовъ велѣлъ раздать 1,400 червонныхъ. Корфъ требовалъ, чтобъ противъ Вреде начато было судебное слѣдствіе. Враждебная партія старалась всѣми средствами выпутать Вреде изъ этого дѣла,—требовала, чтобъ все дворянство вступилось за него; но ландмаршалъ Унгернъ-Штернбергъ съ твердостью отвѣчалъ, что это дѣло вовсе не касается всего дворянства. Нѣкоторые обратились къ королю съ просьбою заступиться за Вреде, но получили отвѣтъ: „Оставьте меня въ покоѣ; зачѣмъ вы хотите меня прельстить. Когда Вреде зажать свой ротъ не можетъ, то пусть и отвѣчаетъ за слѣдствіе“.

Корфъ имѣлъ объясненіе и съ кронпринцемъ. Какъ вѣрный и ревностный слуга Голштинскаго Дома, онъ просилъ принца не слушать тѣхъ, которые внушаютъ ему недовѣріе къ императрицѣ, чтобъ отдѣлить его интересъ отъ русскаго интереса. Принцъ отвѣчалъ, что онъ постоянно старается оказать себя достойнымъ милости императрицы, и не знаетъ изъ окружающихъ никого, кто бы этому противодѣйствовалъ, и ввѣряетъ себя только такимъ, которыхъ хорошо знаетъ. Но онъ надѣется также, что императрица, по милости своей, не будетъ требовать, чтобъ Швеція связала себѣ руки и не могла вступать въ союзы съ другими державами, когда бы нашла эти союзы для себя выгодными: „Швеція теперь—мое отечество, и я долженъ имѣть въ виду одни шведскіе интересы, въ чемъ и присягу далъ“.—„Государи“, отвѣчалъ Корфъ, „не всегда имѣютъ возможность узнать вполнѣ людей, окружающихъ ихъ, ибо эти люди показываютъ имъ только свою хорошую сторону. Но ваше высочество имѣете надежный способъ получить точныя свѣдѣнія о людяхъ: стоитъ только вамъ просмотрѣть акты вашего избранія; въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ вы въ одну минуту увидите своихъ друзей и враговъ. Императрица вовсе не старается связывать руки вольному государству въ чемъ бы то ни было, и только злонамѣренные люди хотятъ возбудить народъ разглашеніями о русской зависимости; государство находится въ зависимости только отъ своихъ собственныхъ интересовъ и согласно съ ними опредѣляетъ, въ какіе союзы оно должно вступить; впрочемъ, само собою разумѣется, что если Швеція вступитъ въ такіе союзы, которые будутъ въ противорѣчіи съ союзомъ, существующимъ между нею и Россіею, то должна будетъ произойти перемѣна и въ мѣрахъ ея императорскаго величества. Императрица съ удовольствіемъ услышитъ заявленіе вашего высочества, что вы считаете Швецію своимъ отечествомъ и, по присягѣ, должны стараться о ея благѣ. Это заявленіе утвердитъ императрицу въ пріятной надеждѣ, что ваше высочество будете допускать къ себѣ только истинныхъ патріотовъ“.—„Я“, сказалъ принцъ, „ни за французскую, ни за англійскую партію не стою, а только за прямыхъ Шведовъ, и что хорошаго сдѣлала та партія, чтобъ мнѣ объявлять себя въ ея пользу?“—„Я“, отвѣчалъ Корфъ, „говорю не о какой-либо партіи, но о настоящихъ партіотахъ; если же ваше высочество заставляете меня сказать, что хорошаго сдѣлала эта партія, то позвольте припомнить, что, послѣ Бога и моей государыни, эта партія наиболѣе способствовала доставленію престола вашему высочеству; она помѣшала приступленію къ Франкфуртскому союзу и недавно еще—заключенію другого союза, который вовлекъ бы Швецію въ очень затруднительное положеніе; готова и теперь служить вашему высочеству, если вы къ ней приклонитесь, а безъ ея добраго совѣта и помощи надобно опасаться, чтобъ невѣрные слуги не завели васъ на скользкую дорогу“.—Принцъ пожалъ плечами и сказалъ: „Тогда и увижу, какъ мнѣ сойти съ этой скользкой дороги“. Въ тотъ же день, на вечерѣ у наслѣдника, подошелъ къ Корфу король и жаловался, что въ комнатахъ жарко, а потомъ сказалъ ему на

ухо: „Не жарко ли и вамъ? Я слышалъ, что вы сегодня былу въ сильномъ огнѣ; если императрица этихъ людей исправить не можетъ, то пусть они остаются неисправимыми на собственную голову". Когда Корфъ пересказалъ свой разговоръ съ принцемъ сенатору Окергельму, тотъ обнялъ его, поблагодарилъ за услугу и прибавилъ: „Какъ было бы хорошо, если бъ вы тотчасъ по отъѣздѣ честнаго и благонамѣреннаго генерала Кейта были здѣсь: тогда принцъ не попалъ бы въ тѣ руки, въ которыхъ теперь, къ нашему несчастію, находится; отпусти, Боже, грѣхъ тому, кто вначалѣ могъ это отвратить, но не отвратилъ, а можетъ быть еще помогъ". Тутъ Бестужевъ написалъ на депешѣ: „Когда не въ глазъ, то въ самую бровь Любрасу мѣчено". Окергельмъ, расхваливая Кейта, можетъ быть не зналъ, что, какъ масонъ, Кейтъ былъ связанъ съ людьми, вовсе не принадлежавшими къ русской партіи,—именно съ Нолькеномъ. Масонство и въ это время уже имѣло значительную силу въ Швеціи, такъ-что наслѣдный принцъ счелъ нужнымъ для себя сдѣлаться масономъ. Въ апрѣлѣ Нолькенъ писалъ Кейту о вступленіи принца въ масонскую ложу и высказывалъ надежду, что это событіе дастъ новую силу ордену въ Швеціи.

Торжество русской партіи при выборѣ ландмаршала, или предсѣдателя сейма, было помрачено пораженіемъ при выборахъ въ члены секретной комисіи, куда засѣли люди противной партіи. Оставалось хлопотать о большинствѣ въ общемъ собраніи сейма; на городское сословіе Корфъ болѣе не надѣялся,—надѣялся на крестьянское. Чиновникъ русскаго посольства, Симолинъ, доставилъ ему ночное свиданіе съ тальманомъ, или ораторомъ крестьянскаго сословія въ третьемъ мѣстѣ, куда Корфъ пришелъ переодѣтый. „Никогда", писалъ онъ, „не встрѣчалъ я крестьянина такого умнаго, проницательнаго и знающаго". Оказалось, что тальманъ совершенно согласенъ со взглядомъ русскаго посланника. „Мы имѣемъ причину", говорилъ крестьянинъ, „считать императрицу своею матерью и благодѣтельницею: кто бы могъ ей запретить оставить Финляндію за собою, если бъ она этого захотѣла. Средства, которыя надобно употреблять на сеймѣ, могутъ быть умѣренныя и строгія: если первыя окажутся недостаточны, надобно приступить ко вторымъ. Промеморія о галерахъ принесла большую пользу: патріотическая партія была бы совершенно низложена, если бъ не подкрѣпила ея надежда на это вспоможеніе. Мы всѣ желаемъ, чтобъ русскія галеры уже были у нашихъ береговъ: тогда всѣ Французы пришли бы въ ужасъ, и всѣ благонамѣренные стали бы помогать галерамъ для ниспроверженія тяготѣющаго надъ нами тиранства. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ плачевномъ положеніи находится государство: полки не пополнены, оружія, мундира, лошадей, хлѣба въ магазинахъ нѣтъ, нѣтъ и денегъ въ банкѣ и во всей Землѣ, а министерство, доброхотствующее Французамъ, хочетъ еще завлечь Швецію въ опасныя предпріятія; движеніе русскихъ войскъ на финляндскихъ границахъ измѣнило бъ весь составъ секретной комисіи. Что касается умѣренныхъ способовъ, то надобно заручиться въ полномъ собраніи большинствомъ по крайней мѣрѣ трехъ чиновъ; духовенство надежно, благодаря стараніямъ пробста Сереніуса; о крестьянскомъ сословіи я буду заботиться; но дворянство до сихъ поръ еще сомнительно. Первое предложеніе, которое я сдѣлаю отъ имени крестьянства, будетъ состоять въ томъ, чтобъ возстановить прежде изгнанныхъ сенаторовъ; второе—чтобъ крестьяне допущены были въ секретную комисію; и если послѣднее намъ не удастся, то протестуемъ противъ всего, что могло бы быть сдѣлано на сеймѣ, и разойдемся. Духовный чинъ, который получаетъ отъ насъ пропитаніе, принужденъ былъ бы послѣдовать за нами, сеймъ разрушился бы, что произвело бы страшное неудовольствіе въ провинціяхъ на французскую партію". Корфъ совѣтовалъ ему раздѣлить эти два предложенія и сначала настоять на возстановленіи старыхъ сенаторовъ, чтобы, въ случаѣ, если сеймъ разорвется, то въ сенатѣ осталось бы большинство благонамѣренныхъ членовъ. Крестьянинъ согласился. Относительно Прусскаго союза тальманъ говорилъ, что не только крестьяне, но и большая часть французскихъ приверженцевъ будутъ противиться этому союзу, какъ могущему повести къ разрыву съ Россіею. Корфъ покончилъ разговоръ увѣреніемъ, что императрица не оставитъ его безъ щедраго награжденія, тѣмъ болѣе что онъ, какъ патріотъ, отвергнулъ лестныя предложенія противной стороны. Тальманъ отвѣчалъ, что дѣйствительно отъ него зависѣло выучиться Французскому языку и говорить на немъ такъ, какъ говорятъ Гилленборгъ и Тессинъ, но, какъ бѣдный крестьянинъ, онъ хочетъ довольствоваться и своимъ природнымъ языкомъ. Потомъ Корфъ имѣлъ такъ же ночное свиданіе съ протопопомъ Сереніусомъ, который говорилъ, что лучше всего разорвать сеймъ удаленіемъ крестьянъ за недопущеніе ихъ въ секретную комисію; тогда нужно было бы созывать новый сеймъ, на который можно было бы приготовиться. И протопопъ высказывалъ желаніе, чтобъ русскія галеры приблизились къ шведскимъ берегамъ и 10,000 войска вступили въ Финляндію съ провозглашеніемъ, что не уйдутъ до тѣхъ поръ, пока Шведскій народъ не освободится отъ французскаго тиранства: вся Финляндія выскажется въ пользу Россіи. Большинство голосовъ между дворянами пріобрѣсть будетъ трудно, ибо дворяне обольщены тѣмъ, что молодой Дворъ ихъ дружески принимаетъ. Многіе изъ патріотовъ огорчены презрительнымъ обхожденіемъ съ ними кронпринца и кронпринцессы. Когда болѣе 250 патріотовъ пришли для совѣщанія къ генералу Врангелю, то онъ пришелъ въ большое смущеніе и сказалъ: „Господа, васъ уже слишкомъ много! и что скажутъ объ этомъ ихъ высочества"! тогда какъ члены французской партіи публично совѣщаются

не только у своихъ начальниковъ, но и въ покояхъ кронпринца.

Отъ 24 октября Корфъ писалъ, что хотя сеймъ приведенъ въ такое сомнительное состояніе, что ни одна партія не можетъ получить успѣха, однако французская партія имѣетъ немалую выгоду въ томъ, что кронпринцъ на ея сторонѣ, что удерживаетъ патріотовъ отъ энергическихъ дѣйствій; при этомъ французская партія не пренебрегаетъ никакими средствами для устрашенія членовъ русской партіи. Чтобъ отнять у нихъ надежду на помощь изъ Россіи, распустили слухъ, что тамъ готовится революція и жизнь великаго князя въ опасности, здоровье его становится день-ото-дня хуже; сочинили такую исторію, будто бы великій князь на балу упалъ въ обморокъ, и когда ему хотѣли перемѣнить бѣлье, то одна дама предостерегла, чтобъ не употребляли его собственнаго бѣлья, потому что оно все отравлено. Не надѣясь на большинство голосовъ въ дворянскомъ чинѣ, вовсе не полагаясь на духовный и крестьянскіе чины, французская партія хлопотала, какъ бы привлечь на свою сторону послѣдній чинъ и произвести разладъ между нимъ и другими чинами. Для этого генералъ Вреде вступилъ въ сношенія съ крестьянскимъ директоромъ Гедманомъ, суля ему, что если перейдетъ на французскую сторону, то будетъ жить по-графски, и внушая, что честь Швеціи требуетъ избавленія отъ русскаго властолюбія посредствомъ союза съ Пруссіею; внушалъ также, что Русскій наслѣдникъ еще имѣетъ виды на шведскій престолъ; что императрица навязала Швеціи кронпринца, и такъ какъ теперь онъ не хочетъ исполнить ея воли, то стараются лишить его наслѣдства шведской короны, чины же должны его защищать. Получена подлинная вѣдомость, что десять русскихъ галеръ разбиты бурею, а прочія возвратились въ Кронштадтъ. И, дѣйствительно, Корфъ узналъ, что кронпринцъ за обѣдомъ, въ присутствіи своихъ приверженцевъ, провозгласилъ тость за счастливую погибель русскихъ галеръ. Гедманъ остался непреклоненъ; такъ же велъ себя и ландмаршалъ Унгернъ-Штернбергъ: тогда, когда членамъ секретнаго комитета сдѣлано было предложеніе о необходимости Прусскаго союза, и предложеніе это подкрѣплено рекомендаціею кронпринца, то Унгернъ прекратилъ засѣданіе, отправился къ кронпринцу и представилъ ему дурныя послѣдствія его вмѣшательства въ сеймовыя дѣла. Кронпринцъ заперся, что не поручалъ дѣлать предложенія о Прусскомъ союзѣ. „Ландмаршалъ“, писалъ Корфъ, „поступаетъ какъ честный человѣкъ, и ведетъ дѣло такъ, что Французы не могутъ двинуться съ мѣста; поэтому Вреде въ разговорѣ съ Гедманомъ сказалъ, что плутъ Унгернъ головою заплатитъ за тѣ препятствія, какія онъ имъ причинялъ“.

Въ ноябрѣ Корфъ донесъ, что французская партія начинаетъ употреблять средства устрашенія. Такъ, схваченъ былъ поручикъ Лагергельмъ будто за то, что говорилъ неприличныя слова противъ кронпринца, въ сущности же для того, чтобъ показалъ что-нибудь противъ патріотовъ. Корфъ писалъ, что если императрица не сдѣлаетъ заблаговременно надлежащую по этому дѣлу декларацію, то надобно опасаться, чтобъ боязливый графъ Бонде не передался, чины крестьянскій и духовный не потеряли твердости, сенатъ не наполнился бы французскими доброхотами и сеймъ не кончился бы по желанію ихъ партіи. Такою декларацією должно было служить объявленіе, сдѣланное Корфомъ кронпринцу: „Всему свѣту извѣстно, что настоящимъ своимъ благополучіемъ ваше высочество обязаны ея императорскому величеству. Грамота императрицы отъ 6 іюля прошлаго года была новымъ опытомъ старанія ея о вашемъ благополучіи: въ ней она остерегала васъ отъ тѣхъ людей, которые внѣшними льстивыми заявленіями старались снискать ваше довѣріе, но этимъ довѣріемъ пользовались только на пагубу королевства, что необходимо должно имѣть вредныя слѣдствія и для вашего высочества. Но ея императорское величество послѣ того, къ прискорбію своему, увѣдомилась, что графъ Тессинъ и его партія умѣли удержать въ своихъ рукахъ склонность и сердце вашего высочества, хотя для вашего высочества не тайно, что онъ старался изъ всѣхъ силъ воспрепятствовать согласію между Россіею и Швеціею, старался продлить безпокойства на Сѣверѣ и дѣйствовалъ явно противъ особы вашего высочества въ пользу другого принца. Разнесся слухъ, что императрица намѣрена лишить васъ короннаго наслѣдства, и она подлинно увѣдомлена, что слухъ этотъ разглашенъ графомъ Тессиномъ и его сообщниками, чтобъ отвратить ваше сердце отъ ея императорскаго величества. Поэтому императрица считаетъ необходимымъ искреннѣйшимъ образомъ совѣтовать и дружественнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ вы не допустили этого опаснаго человѣка довести васъ до такихъ мѣръ, которыя находятся въ противорѣчіи съ прямымъ благополучіемъ вашего высочества, и обратили бы вашу довѣренность къ такимъ людямъ, которые усердствуютъ пользѣ отечеству и союзу между Россіею и Швеціею. Если же ваше высочество соизволите и послѣ этого содержать графа Тессина и его сообщниковъ въ своей милости, и его злымъ совѣтамъ слѣдовать, и потому отъ ея величеста отдаляться, то и ея величество принуждена будетъ свое искреннее стараніе о вашемъ высочествѣ не только сократить, но и вовсе пресѣчь“.

Смущеніе французской партіи вслѣдствіе этого объявленія было чрезвычайное, по словамъ Корфа, тѣмъ болѣе что король и добрая партія начали поступать бодрѣе. Въ секретномъ комитетѣ дѣла остановились; графъ Тессинъ ходилъ въ глубокомъ уныніи и не зналъ за что приняться; сенаторъ Розенъ заболѣлъ отъ страха. Король далъ знать Корфу, что онъ обязанъ утвержденіемъ своимъ на престолѣ деклараціи, сдѣланной кронпринцу, по-

тому что если бы французская партія склонила къ себѣ крестьянскій чинъ и наполнила сенатъ своими членами, то королевская власть подверглась бы опасности; король провѣдалъ, что у кронпринца сдѣланы были всѣ распоряженія выслать его, короля, въ Гессенъ или какую-нибудь шведскую провинцію,—но декларація Корфа все остановила. Король надѣется, что такъ какъ дорога уже очищена, то императрица сильно поведетъ дѣло далѣе, и онъ, король, станетъ по возможности тому содѣйствовать; онъ уже подалъ свой голосъ въ сенатѣ, объявилъ измѣнникомъ отечества всякаго, кто не будетъ стараться сохранить дружбу императрицы, и этимъ показалъ путь, по которому долженъ идти кронпринцъ; и если бы можно было привлечь на свою сторону городское сословіе, то сеймъ имѣлъ бы счастливѣйшій исходъ. Французская партія стала хлопотать, чтобъ изъ дѣла Тессина, какъ оно было поставлено русскою деклараціею, сдѣлать личное дѣло кронпринца и вмѣстѣ національное; но крестьянскій чинъ объявилъ, что Шведское государство получило столько опытовъ истинной дружбы со стороны Русской императрицы, что интересъ Швеціи требуетъ не только самымъ добросовѣстнымъ образомъ сохранять эту дружбу, но и старательно отстранять все, что можетъ подать поводъ къ какому-нибудь неудовольствію и холодности. Поэтому крестьянскій чинъ проситъ не отказать Русской императрицѣ въ справедливомъ удовлетвореніи, если она чувствуетъ себя чѣмъ-нибудь обиженною. Затѣмъ крестьяне прямо указали на безполезность Прусскаго союза, представляя бѣдственное положеніе Швеціи, сильное вооруженіе сосѣдей; и если другіе чины рѣшатся на какой-нибудь поступокъ, который повлечетъ за собою опасныя слѣдствія, то крестьянскій чинъ считаетъ себя освобожденнымъ отъ тягости, которая бы въ такомъ случаѣ выпала на его долю. Наконецъ, крестьяне выражали мнѣніе, что декларація, сдѣланная Корфомъ наслѣдному принцу насчетъ Тессина, не заключаетъ въ себѣ никакой обиды ни кронпринцу, ни націи. Въ Сенатѣ относительно этого вопроса большинство сенаторовъ согласилось съ голосомъ короля противъ голоса кронпринца, который былъ, разумѣется, за Тессина; сенаторъ Кронштетъ прямо объявилъ Тессина зачинщикомъ всего зла для государства. Въ такой бѣдѣ кронпринцъ пригласилъ къ себѣ 26 человѣкъ крестьянъ; вынесли новорожденнаго принца Густава, котораго „нескладная" голова была прикрыта особымъ уборомъ, и кронпринцъ говорилъ по-шведски, что онъ находится въ опасности: графа Тессина, вѣрнѣйшаго патріота, оказавшаго государству такія великія услуги, гонятъ; онъ надѣется, что крестьянскій чинъ ему и сыну его окажетъ такую же помощь, какую оказывалъ прежнимъ своимъ государямъ. Кронпринцъ говорилъ эту выученную наизусть рѣчь такъ смутно, что крестьяне ничего не поняли. Но принцесса повторила ее явственнѣе по-шведски и кончила тѣмъ, что если крестьяне пристальнѣе посмотрятъ на принца Густава, то найдутъ, что только злые языки могли выдумать, будто у него нескладная голова. Графъ Тессинъ и капитанъ Шехта заключили актъ своими рѣчами, а крестьяне отвѣчали на все одними низкими поклонами.

Въ декабрѣ умеръ графъ Гилленборгъ,—и началась борьба за очистившееся его смертію мѣсто президента государственной канцеляріи; французская партія хотѣла доставить его графу Тессину, чему русская, разумѣется, противилась всѣми силами. Приближались святки, на которыя депутаты разъѣзжались домой. Патріоты прислали къ Корфу генерала Дюринга съ просьбою, чтобъ онъ ихъ не оставилъ, и отпустилъ депутатовъ въ провинціи съ доброю надеждою, и для этого нужно 50,000 платовъ (около 30,000 рублей) одному дворянскому чину, а крестьянскій и духовный чинъ могутъ быть удовольствованы суммою отъ восьми до десяти тысячъ платовъ. Надобно Корфу сдѣлать дальнѣйшій шагъ, пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на французскую партію деклараціею о Тессинѣ, иначе Корфъ будетъ отвѣчать за послѣдствія, ибо нельзя думать, чтобъ императрица рѣшилась погубить сенаторовъ Окергельма и Левена,—а погибель ихъ неизбѣжна, если Тессинъ сдѣлается президентомъ канцеляріи и французская партія получитъ верхъ. Обратясь къ портрету императрицы съ заплаканными глазами, Дюрингъ продолжалъ: „Я увѣренъ, что если императрицѣ представлено будетъ о нашихъ нуждахъ и безпокойствахъ, то она не откажетъ намъ въ помощи, причемъ можетъ быть увѣрена, что всѣ прямые Шведы прославляютъ ее въ сердцахъ своихъ. Вы сами слышали, что крестьяне произносятъ ея имя съ благоговѣніемъ и упоминаютъ чаще, чѣмъ имя собственнаго государя".

Но въ то время, когда колпаки заботились о ходѣ дѣлъ послѣ праздниковъ, шляпы воспользовались тѣмъ, что много изъ ихъ противниковъ разъѣхалось: возбудили вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ сенаторскихъ мѣстъ и провели своихъ кандидатовъ, такъ что въ сенатѣ стало теперь 9 голосовъ, принадлежавшихъ русской партіи, включая въ то число два королевскихъ, а на французской сторонѣ, считая голосъ кронпринца, десять [1]).

Чѣмъ затруднительнѣе становились шведскія отношенія, тѣмъ нужнѣе казалось сблизиться съ Даніею. Императрица еще въ 1745 году навѣдывалась у канцлера, скоро ли начнутся переговоры съ датскимъ посломъ о заключеніи союза; но препятствіемъ тому служили интересы племянника ея, какъ герцога Голштинскаго. Елисавета считала неделикатнымъ заставить племянника принести голштинскіе интересы въ жертву русскимъ, хотя въ разговорѣ съ канцлеромъ, при докладахъ, за-

[1]) Дѣла Шведскія.—Письмо Нолькена къ Кейту о вступленіи наслѣднаго принца въ масоны, въ перлюстраціяхъ Москов. Архива Мин. Иностр. Д.

являла, что великому князю слѣдовало бы заниматься болѣе своимъ русскимъ наслѣдствомъ, чѣмъ Голштинскими дѣлами. Въ началѣ 1746 года, когда она снова спросила Бестужева, дѣлается ли что-нибудь для начатія переговоровъ съ датскимъ посломъ, и когда канцлеръ отвѣчалъ, что призванные въ Петербургъ голштинскіе министры, Пехлинъ и Пфенингъ, толкуютъ, что Датскій король не только долженъ возвратить Шлезвигъ, но и заплатить многіе милліоны Голштиніи,—то императрица сказала: „Я въ это дѣло съ Датскимъ дворомъ не вступлю, потому что оно, собственно, принадлежитъ великому князю; однако голштинскимъ министрамъ можно сказать, что для этого дѣла я не становлю переговоровъ съ Датскимъ Дворомъ о возобновленіи союза, нужнаго для интересовъ здѣшней имперіи: такъ они бы не медлили рѣшеніемъ Шлезвигскаго дѣла“. Елисавета велѣла канцлеру начать переговоры съ датскимъ посломъ, причемъ долженъ былъ присутствовать и принцъ Августъ, какъ штатгалтеръ голштинскій, и голштинскіе министры.

Въ первой конференціи, датскій посолъ Голштейнъ предложилъ Голшинскому герцогу милліонъ ефимковъ за вѣчную уступку Шлезвига; но голштинскіе министры не согласились. Тогда Голштейнъ подалъ ноту, въ которой просилъ не останавливать переговоровъ о возобновленіи союза между Россіею и Даніею и заключить его на прежнемъ основаніи съ такими сепаратными артикулами: 1) владѣніе Шлезвигомъ выключитъ изъ гарантіи императрицы до будущаго соглашенія между королемъ Датскимъ и великимъ княземъ Петромъ Ѳедоровичемъ; 2) гарантировать это владѣніе противъ всѣхъ другихъ родственниковъ (агнатовъ) Голштинскаго Дома; 3) не допускать никогда Голштинское герцогство во владѣніе тому государю, который будетъ на Шведскомъ престолѣ. Но императрица, выслушавъ ноту, замѣтила, что, вмѣсто сепаратнаго артикула о выключеніи Шлезвига изъ русской гарантіи, надобно внести это условіе прямо и явственно въ самый договоръ, съ цѣлію дать знать и другимъ Дворамъ, что императрица не пренебрегаетъ интересами своего племянника; въ остальномъ же она совершенно согласна съ проектомъ договора.

Преемникъ Корфа въ Копенгагенѣ былъ камергеръ Алексѣй Пушкинъ, который въ одномъ изъ первыхъ своихъ донесеній увѣдомилъ о кончинѣ Датскаго короля Христіана VI, послѣдовавшей 26 іюля, и о восшествіи на престолъ Фридриха V-го. Но послѣ этого донесенія Пушкина были такъ ничтожны, что изъ Петербурга должны были прислать ему внушеніе прилежнѣе слѣдить за отношеніями Даніи къ иностраннымъ державамъ и подробнѣе сообщать о томъ своему Двору [1]). Другимъ характеромъ отличались донесенія новаго резидента въ Константинополѣ, Адріана Неплюева. Турецкіе министры прежде всего навѣдались, какіе подарки привезъ имъ новый резидентъ. Неплюевъ отвѣчалъ, что резиденты подарковъ не привозятъ, и когда переводчикъ Порты замѣтилъ, что по крайней мѣрѣ рейсъ-ефенди нужно что-нибудь дать въ знакъ дружбы, то Неплюевъ сказалъ, что когда этотъ министръ дѣйствительно окажетъ Россіи услуги, то получитъ награжденіе. Новый резидентъ обратился за вѣстями къ старому пріятелю миралему, который объявилъ ему, что на миръ съ Персіею нѣтъ надежды, и что Турція находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи, будучи подобна старому безкровному тѣлу, въ которомъ всѣ кости раздроблены и которое находится при послѣднемъ издыханіи. На дняхъ приснилось султану, что шахъ напалъ на него: страшно испугался, послалъ за муфтіемъ, чтобъ растолковалъ сонъ; тотъ кое-какъ успокоилъ его. Султанъ и отъ природы не уменъ, а видя себя окруженнымъ глупыми и злонамѣренными людьми, со страха и печали находится внѣ себя и часто заговаривается. При свиданіи своемъ съ рейсъ-ефенди, Неплюевъ началъ съ того, что у буджакскихъ и крымскихъ Татаръ и въ другихъ мѣстахъ еще много находится русскихъ плѣнныхъ, и требовалъ посылки нарочныхъ для ихъ освобожденія. Рейсъ-ефенди отвѣчалъ, что нарочные были отправлены и возвратились съ извѣстіемъ, что нигдѣ уже болѣе нѣтъ русскихъ плѣнныхъ, кромѣ обратившихся въ магометанство; новыхъ нарочныхъ посылать не-для-чего; но если резидентъ именно покажетъ, въ какомъ мѣстѣ и у какого хозяина еще остаются русскіе плѣнные, то немедленно будутъ отправлены о нихъ надлежащіе указы. Со стороны Порты даны были записки о турецкихъ плѣнныхъ въ Россіи, но полученъ былъ отвѣтъ, что такихъ не имѣется, тогда какъ извѣстно, что они находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Нѣжинѣ и Кіевѣ: визирскій посланецъ, Али, самъ ихъ видѣлъ, слезныя письма отъ нихъ привезъ, а другіе бѣгствомъ спаслись отъ неволи и подали вѣдомость объ оставшихся. Неплюевъ отвѣчалъ, что былъ бы радъ, если-бъ русское представленіе о плѣнныхъ было основательно не болѣе турецкаго; къ сожалѣнію, въ проѣздъ свой онъ самъ видѣлъ русскихъ невольниковъ; если Турки хотятъ послать нарочныхъ въ означенные русскіе города, то онъ готовъ дать паспорты; но рейсъ-ефенди самъ хорошо знаетъ правду. Рейсъ-ефенди повторялъ увѣренія въ непремѣнномъ исполненіи договора; говорилъ, что Порта не отрекается освобождать плѣнныхъ и пошлетъ указъ объ этомъ Крымскому хану, пусть только Неплюевъ подастъ письменное представленіе. Неплюевъ продолжалъ, что, кромѣ плѣнныхъ, Крымскому хану надобно внушить о соблюденіи добраго сосѣдства: онъ не высылаетъ изъ Крыма казаковъ, называемыхъ Аргатами, не высылаетъ бѣглыхъ Ногаевъ и Калмыковъ; подъ предлогомъ сыска своихъ бѣглыхъ, Татары подъѣзжаютъ къ русскимъ границамъ. Рейсъ-ефенди обѣщалъ сдѣлать внушеніе хану, и говорилъ, что все это

[1]) Доклады и дѣла Датскія.

дѣла маловажныя и не могутъ произвести холодности между двумя имперіями; что онъ не понимаетъ, зачѣмъ съ русской стороны запрещается подданнымъ ходить въ дружеское государство для зарабатыванія денегъ,—вѣдь это плоды мира. Неплюевъ возражалъ, что плоды мира состоятъ во взаимномъ распространеніи купечества, а не въ пріемѣ бѣглыхъ, и спрашивалъ, пріятно ли было бы для Порты, если-бъ въ Россіи приняли нѣсколько сотъ буджакскихъ или другихъ Татаръ, подданныхъ турецкихъ, и настаивалъ, чтобъ непремѣнно выслали изъ Крыма Аргатовъ. „Я съ вами согласенъ въ маловажности всѣхъ этихъ дѣлъ", говорилъ онъ;—„но если этимъ народамъ немного спустить, то они по своему непостоянству и хищничеству скоро изъ малыхъ большія дѣла сдѣлаютъ, которыя труднѣе будетъ исправить. Согласенъ, что непріятно, скучно слышать безпрестанныя жалобы на такія мелкія дѣла; но отъ этого вы можете избавиться, если при ханѣ будетъ находиться русскій консулъ: это особенно нужно и для торговли, если Порта желаетъ ея распространенія. Если теперь Французамъ, а прежде и Шведамъ безъ всякаго торговаго и пограничнаго дѣла позволено было держать въ Крыму консуловъ, то русскому консулу тамъ должно быть по всѣмъ причинамъ". Рейсъ-ефенди отвѣчалъ, что Порта не можетъ вмѣшиваться въ собственно ханскія дѣла, а Россія должна сдѣлать предложеніе о консулѣ прямо хану.

Въ октябрѣ Неплюевъ сообщилъ важную новость о неожиданномъ заключеніи мира между Турціею и Персіею на условіи остаться при томъ, кто чѣмъ владѣетъ (uti possidetis). Вслѣдствіе этого Неплюевъ сейчасъ же замѣтилъ австрійскому интернунцію, Пенклеру, что нельзя держать границъ такъ обнаженными, какъ до сихъ поръ было съ австрійской стороны; что Турки могутъ рѣшиться на внезапное нападеніе вслѣдствіе постоянныхъ подстреканій съ французской стороны. Неплюевъ писалъ, что и въ Россіи нужно произвести передвиженіе войскъ въ Украйнѣ. Успокоивало безденежье Порты, ибо многіе доходы были уже взяты за годъ впередъ; но тревожные слухи не прекращались. Такъ, курьеры изъ Кіева дали знать Неплюеву, что ногайскіе Татары лошадей кормятъ, и молва идетъ, что хотятъ предпринять что-то противъ Запорожья. Неплюевъ сдѣлалъ запросъ рейсъ ефенди объ этихъ приготовленіяхъ; тотъ отвѣчалъ, что Ногаи кормятъ лошадей для проѣзда Крымскаго хана въ Константинополь. Неплюевъ писалъ въ Петербургъ, что хотя онъ и безъ рейсъ-ефенди зналъ, что Ногаи кормятъ лошадей для ханскаго проѣзда, но сдѣлалъ запросъ нарочно, чтобъ показать Туркамъ, какъ съ русской стороны слѣдятъ за малѣйшими движеніями у нихъ, и врасплохъ имъ ничего сдѣлать не удастся. Резидентъ слѣдилъ внимательно за французскими интригами. „Подлинно", писалъ онъ: „нѣтъ того, чтобъ Французы постыдились выдумать и предложить Туркамъ". Такъ, они представили Портѣ, что новый императоръ, Францъ, не имѣетъ никакого права титуловаться королемъ Іерусалимскимъ; представили также, что онъ великій магистръ ордена Св. Стефана, а каждый кавалеръ этого ордена присягаетъ никогда не мириться съ невѣрными [1]).

Такъ же внимательно слѣдили за французскими интригами Англичане. Въ концѣ марта лордъ Гиндфордъ сообщилъ, въ крайнѣйшей конфиденціи, о надежномъ и несомнѣнномъ извѣстіи, полученномъ Англійскимъ королемъ, что Франція употребляетъ всѣ способы отвлечь Шведскій Дворъ отъ Россіи и для того спѣшитъ заключеніемъ договора между Швеціею и Пруссіею, съ исключеніемъ Россіи, и надобно стараться, чтобъ виды Франціи не клонились къ тому, чтобъ обязать Прусскаго короля помогать Швеціи къ завоеванію уступленныхъ ею Россіи земель, съ условіемъ уступки ему шведской Помераніи; кромѣ того, Франція старается привлечь и Данію въ этотъ союзъ, для чего старается наслѣднаго принца Шведскаго склонить къ уступкѣ всѣхъ его претензій на Голштинію въ пользу Даніи, за что Швеція должна получить вѣчное освобожденіе своихъ кораблей отъ зундской пошлины. Англійскій король, какъ искренній другъ и вѣрный союзникъ императрицы, не хотѣлъ медлить ни минуты въ сообщеніи ей этого извѣстія, усердно желая дѣйствовать заодно съ императрицею во всемъ, что касается благополучія обоихъ государствъ. Король очень желаетъ знать о намѣреніяхъ императрицы относительно общихъ европейскихъ дѣлъ, и особенно дѣлъ на Сѣверѣ; его величество приметъ за особенное одолженіе, если его сіятельство, великій канцлеръ графъ Бестужевъ, благоволитъ извѣстить о томъ въ секретѣ посла королевскаго. Канцлеръ отвѣчалъ именемъ императрицы, что начатые въ прошломъ году въ Петербургѣ переговоры съ посломъ англійскимъ и министрами другихъ державъ, соединенныхъ Варшавскимъ договоромъ, уничтожаютъ всякое сомнѣніе въ добрыхъ намѣреніяхъ императрицы; и если эти переговоры кончились ничѣмъ, то вина не на русской сторонѣ, ибо король Великобританскій, съ исключеніемъ императрицы и не давши ей знать, вступилъ въ Ганноверѣ въ соглашеніе съ Прусскимъ королемъ. Несмотря на то, ея величество безъ труда откроется конфидентно королю, что она нисколько не измѣнила своихъ взглядовъ: несмотря на издержки и неудобное время года, продолжающаяся передвижка арміи служитъ тому доказательствомъ. Цѣль этой передвижки троякая: 1) безопасность Россіи; 2) сохраненіе тишины и существующаго порядка на Сѣверѣ вообще, и особенно въ Польшѣ; 3) поданіе помощи союзникамъ. Но какъ эти три цѣли могутъ быть достигнуты,—объ этомъ ожидается обстоятельнѣйшее изъясненіе со стороны Британскаго величества [2]).

---

[1]) Дѣла Турецкія.

[2]) Дѣла Англійскія.

Своимъ докладамъ о необходимости сближенія съ Англіею канцлеръ встрѣчалъ помѣху въ извѣстіяхъ съ Востока, изъ Персіи, которыя приводили императрицу въ сильное раздраженіе. 24 апрѣля, при докладѣ объ иностранныхъ дѣлахъ, она разсуждала, что англійскіе купцы дѣйствуютъ въ Персіи такъ, что для Россіи могутъ быть отъ этого дурныя слѣдствія; что они тамъ уже построили два корабля на шаха и еще строить хотятъ, а для Россіи было бы очень вредно, если бы у Персіянъ заведенъ былъ флотъ. Англичанамъ позволено торговать съ Персіею чрезъ Россію; но отъ этой торговли великая прибыль только Англичанамъ, а здѣшней имперіи, особенно купцамъ и фабрикамъ, помѣшательство и убытки происходятъ: очень жаль, что такое позволеніе дано, и всѣми мѣрами надобно эту англійскую торговлю прекратить. Канцлеръ отвѣчалъ, что такія извѣстія и въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ получены: что одинъ военный корабль въ Персіи построенъ; а другой заложенъ, и что въ этомъ одинъ изъ Англичанъ, недобрый человѣкъ, именемъ Элтонъ, упражняется, а бѣглые изъ Россіи разбойники помогаютъ; отъ Коллегіи Англійскому Двору сдѣланы представленія, чтобъ этотъ Элтонъ вызванъ былъ изъ Персіи, и объявлено, что если онъ вызванъ не будетъ, то и торговля Англичанъ съ Персіею вся пресѣчена будетъ. Отъ англійской компаніи къ тому Элтону писано, чтобъ выѣхалъ изъ Персіи, за что обѣщана ему погодная пенсія по смерть до 2,000 рублей; но онъ, несмотря на то, оттуда не ѣдетъ, а иначе поступить съ нимъ Англійскому Двору нельзя, ибо извѣстно, что англійскій народъ—вольный. Торгующіе съ Персіею Англичане держали два собственныхъ корабля; но такъ какъ было усмотрѣно, что на этихъ корабляхъ изъ Россіи парусныя палатки и другіе такелажи, къ вооруженію судовъ принадлежащіе, туда привозили, то эти корабли въ Астрахани задержаны,—ходить въ Персію имъ болѣе не позволено, и Англичанамъ объявлено, чтобъ они товары свои на русскихъ судахъ перевозили, а свои корабли продали бы русскимъ же купцамъ, и одинъ корабль уже проданъ, а другой еще нѣтъ. На эти представленія Елисавета замѣтила: такъ какъ эта коммерція для здѣшней имперіи не только не полезна, но и опасна быть видится, то о поправленіи этого дѣла надобно прилагать стараніе, а лучше эту коммерцію отклонить и вовсе прекратить. Въ августѣ вопросъ возобновился вслѣдствіе извѣстія, что одинъ персидскій корабль съ пушками, уже совсѣмъ построенный и оснащенный, виденъ былъ у Дербента и требовалъ салютаціи отъ русскихъ судовъ, а командиръ его и команда били и другія озлобленія дѣлали русскимъ купцамъ. Императрица объявила канцлеру, что все это оттого, что Англичанамъ позволено производить торговлю изъ Россіи въ Персію, и еще хуже будетъ, когда у Персіянъ морской флотъ заведется и размножится, и потому англійскую коммерцію въ Персію теперь непремѣнно пресѣчь и англійскому послу о томъ объявить, а какимъ бы образомъ это заведенное у Персіянъ строеніе судовъ вовсе искоренить,—о томъ въ Сенатѣ вмѣстѣ съ Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ совѣтоваться и мѣры безъ упущенія времени принимать [1]).

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1747 годъ.

Отношенія канцлера Бестужева къ Сенату.—Усиленныя заботы Сената о финансахъ вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ.—Старыя хлопоты о соли.—Мѣры противъ корчемства.—Табакъ.—Недостатокъ въ деньгахъ и рабочихъ рукахъ.—Результаты ревизіи.—Записка графа Петра Шувалова о способѣ умноженія доходовъ.—Препятствія для торговли.—Магистратскіе безпорядки.—Препятствія для внѣшней торговли со стороны Польши.—Промышленность.—Разбои и пожары.—Полиція.—Областное управленіе.—Коллегіи.—Дѣла церковныя.—Дѣло о госпиталѣ.—О Пыскорскомъ монастырѣ.—Противоположныя мнѣнія иностранцевъ о Россіи.—Переговоры о „перепущеніи" русскаго войска для морскихъ державъ.—Успѣхъ переговоровъ.—Дѣла Австрійскія.—Дѣла Саксонскія.—Отношенія къ Польшѣ по поводу гоненія на Православіе.—Дѣла Прусскія.—Дѣла Шведскія.—Дѣла Турецкія.—Самозванецъ Өедоръ Ивановъ.—Дѣла Персидскія.

Мы видѣли, что Берлинскій Дворъ сообщилъ Петербургскому бумаги несчастнаго Фербера, касавшіяся русскихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ Берлинѣ думали, что письмо Фербера достигло своего назначенія, и хотѣли выказать свое чистосердечіе. Но въ Петербургѣ приняли находящіяся въ бумагахъ извѣстія за вѣрныя, и Бестужевъ воспользовался выходкою Руденшильда противъ Сената, чтобъ высказаться и съ своей стороны противъ этого учрежденія. Противъ словъ Руденшильда онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Канцлеръ ея императорскому величеству слабѣйшее свое мнѣніе всенижайше представлялъ, что какъ для облегченія ея императ. величеству государственнаго правленія рѣшеніемъ спорныхъ въ Сенатѣ и иныхъ коллегіяхъ случающихся дѣлъ, такъ и для пользы самодержавной имперіи не безполезно было-бъ Кабинетъ изъ вѣрныхъ и надежныхъ подданныхъ сочинить, при ко-

[1]) Доклады.

торомъ мнѣніи канцлеръ и понынѣ остается, не имѣя притомъ никакого о себѣ вида, ибо ему и безъ того дѣлъ довольно и едва оными исправиться можетъ“ [1]). Дѣйствительно, Алексѣй Петровичъ никогда не бывалъ въ Сенатѣ, отговариваясь постоянно иностранными дѣлами. Сенатъ въ своемъ правительствующемъ значеніи могъ не нравиться канцлеру при настоящемъ составѣ: виднѣе другихъ были въ немъ два члена,—генералъ-прокуроръ Трубецкой и Румянцевъ, оба враги Бестужева; въ послѣднее время особенною дѣятельностію началъ отличаться въ Сенатѣ графъ Петръ Ив. Шуваловъ, тоже человѣкъ враждебный Бестужеву. Но мнѣніе канцлера не могло произвести впечатлѣніе на Елисавету: отказаться отъ возстановленнаго ею отцовскаго учрежденія и возвратиться къ Кабинету, напоминавшему ей самое ненавистное время, она могла считать крайнимъ для себя униженіемъ.

Сенатъ былъ обезпеченъ при ней и продолжалъ заниматься главнымъ дѣломъ: „денегъ какъ можно болѣе сбирать, ибо деньги суть артеріею войны“, а война казалась неизбѣжна по европейскимъ отношеніямъ. Въ началѣ года уже былъ изданъ указъ о наборѣ 50,000 рекрутъ, также драгунскихъ и подъемныхъ лошадей [2]). Вопросъ о соли продолжался въ прежнемъ видѣ: въ Астрахани подрядчики объявили условія: 1) если рабочимъ за побѣгъ съ судовъ будетъ положено жестокое наказанье и будутъ ихъ ссылать въ каторжную работу заработывать взятыя ими отъ подрядчиковъ деньги; 2) если рабочимъ наемная цѣна опредѣлена будетъ закономъ,—то они, подрядчики, за поставку соли возьмутся по прошлогоднимъ цѣнамъ; въ противномъ случаѣ ни по какой цѣнѣ подряжаться не станутъ, опасаясь, чтобъ имъ отъ побѣговъ рабочихъ не придти въ совершенное разореніе [3]). Медицинская Канцелярія, по запросу Сената, объявила, что взятая съ Элтонскаго озера соль и соляной тузлукъ по всѣмъ химическимъ регуламъ изслѣдованы, и явилось, что она безъ литрованія для человѣческаго употребленія не вредна, а затѣмъ къ экономической потребѣ безъ всякой опасности и поврежденія здравія въ пищу и къ соленію мяса и рыбы полезна быть можетъ [4]). Поэтому, вслѣдствіе донесенія посланнаго осмотрѣть Элтонское озеро, полковника Чемодурова, приказали: 1) съ озера соль заготовлять и вывозить въ Дмитріевскій городъ, что на Камышенкѣ, и въ Саратовъ, и заготовленіемъ и отправленіемъ завѣдывать коммисарству, имѣющему состоять изъ Чемодурова и двоихъ другихъ членовъ. 2) Для защиты отъ набѣговъ Калмыковъ и прочихъ народовъ, и чтобъ, кромѣ казенной поставки, никто съ озера тайно соль не вывозилъ, построить земляной городокъ. 3) Для возки соли сдѣлать къ веснѣ 1748 г. въ Казанскомъ и Вятскомъ уѣздахъ десять судовъ. 4) Печатными указами вызвать поставщиковъ, которые бы взялись возить съ озера соль и ставить въ казну. Заботиться объ элтонской соли заставило Сенатъ донесеніе Строгановыхъ и другихъ пермскихъ солеваровъ, что лѣса около ихъ варницъ истребляются; а это все будетъ болѣе и болѣе препятствовать выварке соли въ достаточномъ количествѣ, и потомъ то обстоятельство, что доставлять бузунъ изъ Астрахани далеко и дорого, и потому относительно этой соли надобно ограничиться только ближними къ Астрахани мѣстами [5]). Но пользованіе элтонскою солью было еще впереди, и баронамъ Строгановымъ послали указъ, чтобъ къ отпуску 1747 года непремѣнно выварили три милліона пудовъ [6]). Строгановы въ маѣ отвѣчали жалобою на крайнее свое изнеможеніе, ктому же потерпѣли большой убытокъ отъ пожара въ Твери, гдѣ у нихъ сгорѣли домъ, амбары и соль [7]); а въ началѣ іюня соляная контора донесла, что въ настоящемъ году не доварено соли у Строгановыхъ до милліона пудъ, а другихъ четверыхъ заводчиковъ—до 300,000 пудъ. Другою солью, кромѣ пермской, Верховые города удовольствовать нельзя, потому что бузуномъ довольствуются города Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерній, а далѣе Нижняго-Новгорода въ другіе города отпускать бузунъ за высокими цѣнами нельзя: въ Нижнемъ-Новгородѣ пермской баронской соли истинная цѣна 9 копѣекъ, а съ вычетомъ таможенныхъ пошлинъ—8 коп. за пудъ, бузуну же истинная цѣна 18 копѣекъ пудъ; а если Строгановы третьяго милліона пудовъ не выварятъ, то можетъ произойти конечный недостатокъ въ соли. Послали Строгановымъ указъ съ крѣпчайшимъ подтвержденіемъ выварить до трехъ милліоновъ пудовъ [8]). Строгановы объявили, что ни одна просьба ихъ не исполнена, а между тѣмъ убытки такъ увеличились, что капиталъ ихъ весь утратился безъ остатка. Велѣно имъ варить соль на 1748 годъ, но для этого имъ нужно 509,577 рублей на одинъ заваръ; но когда первый заваръ начинается, на другой заключаются подряды и деньги въ задатки выдаются; а когда первый заваръ кончился и въ Нижній соль пошла, то второй заваръ начинается; денегъ они не выручаютъ, потому что деньги идутъ на уплату казенныхъ долговъ. Въ отвѣтъ посланъ указъ: выварить и поставить безъ отговорокъ [9]).

Кромѣ продажи соли, у казны былъ еще доходъ съ продажи вина; но этотъ доходъ уменьшался отъ корчемства. Корчемная контора послала въ дворцовую Куньевскую волость двоихъ оберъ-офицеровъ съ командою, для забранія оговоренныхъ корчемниковъ, и велѣно имъ было заѣхать въ село Измайлово, взять для подмоги тамошняго управителя и служителей. Но управитель Изволовъ указа не

---

[1]) Доклады.
[2]) Журн. Сената 27 января 1747 года.
[3]) Журн. Сената 9 января
[4]) Журн. Сената 14 января.

[5]) Журн. Сената 15 января.
[6]) Журн. Сената 22 января.
[7]) Журн. Сената 11 мая.
[8]) Журн. Сената 4 іюня.
[9]) Журн. Сената 3 декабря.

принялъ, самъ не поѣхалъ и никого не послалъ. Когда команда пришла въ деревню Кузнецы, то жителей въ домахъ никого не нашла, а въ другихъ деревняхъ и лѣсахъ сыскано 43 варницы, на которыхъ по два и по три очага и дрова горятъ, да нашли вина до 1,000 ведеръ, 14 кубовъ, 3 котла желѣзныхъ; кромѣ того, на каждой варницѣ по два великихъ чана съ брагою. Поймано было 8 человѣкъ и отдано подъ караулъ въ одной деревнѣ на крестьянскомъ дворѣ; но, когда команда занималась въ другихъ мѣстахъ сыскомъ корчемниковъ, пришли крестьяне Куньевской волости въ большомъ числѣ, забрали караульщиковъ, колодниковъ, вино, кубы и ушли невѣдомо куда [1]). Но не одни крестьяне такъ защищали свой вольный промыселъ: корчемная контора доносила, что посланный ею оберъофицеръ съ командою, для выемки вина въ домъ подполковника Дохтурова, долженъ былъ выдержать бой съ хозяиномъ [2]).

Табачный сборъ отданъ былъ на откупъ во всемъ государствѣ московскому купцу Матвѣеву на шесть лѣтъ за 42,391 рубль ежегодно [3]). Но денегъ было мало, особенно въ виду издержекъ на усиленіе и передвиженіе войска: Малороссіянамъ, поставлявшимъ въ прошлые годы провіантъ и фуражъ въ военные магазины, по недостатку денегъ, велѣно заплатить парусными полотнами съ казенной почепской фабрики [4]). Денегъ мало и рабочихъ рукъ мало. Адмиралтейство доносило: Сенату извѣстно, какъ въ привозѣ корабельныхъ лѣсовъ была остановка за недостаткомъ рабочихъ съ указными печатными паспортами; на пристаняхъ оставалось множество лѣса, отъ долговременнаго лежанія пропадало, а въ строеніи и починкѣ флота происходилъ недостатокъ. Сенатъ разрѣшилъ: если съ печатными паспортами потребнаго числа рабочихъ не сыщется, то позволить нанимать и съ письменными на одинъ 1746 годъ. Но теперь адмиралтейство опять представляетъ: хотя въ 1746 году многимъ больше лѣсовъ въ отвозъ забрано и въ пути зимовало, однако на пристаняхъ немало ихъ осталось, ибо вдругъ всего забрать въ одинъ годъ было нельзя, а подрядчиковъ никого не является, тогда какъ въ лѣсахъ крайняя нужда: нѣтъ лѣсу на 40 галеръ; нѣкоторые корабли строены въ давнихъ годахъ и сильно повреждены,— надобно ихъ чинить, а для доставки лѣса нельзя надѣяться набрать рабочихъ съ печатными паспортами. Сенатъ разрѣшилъ и на 747 годъ нанимать съ письменными паспортами. Адмиралтейство потребовало, чтобъ то же было позволено и на 748 годъ,— и Сенатъ согласился [5]).

Ревизія оканчивалась; количество народонаселенія оказывалось больше противъ прежней переписи, слѣдовательно больше должно было собираться подушныхъ денегъ, и, указомъ 27 января, вновь учрежденные баталіоны велѣно довольствовать изъ новоприбылыхъ по послѣдней ревизіи подушныхъ денегъ. Но по новой ревизіи оказывалось съ прибылыхъ душъ въ полугодовомъ окладѣ въ 32 провинціяхъ прибыли 317,329 рублей, а въ 8 провинціяхъ убыли 41,941 рубль; за исключеніемъ этой убыли, прибылыхъ денегъ было 275,388 рублей, а въ остальныхъ пяти провинціяхъ, за неприсылкою вѣдомостей, неизвѣстно было, имѣется ли прибыль или убыль; на новые же баталіоны требовалось болѣе—именно недоставало 115,810 рублей. Сенатъ приказалъ взять вѣрныя вѣдомости изъ Бергъ-Конторы, сколько теперь въ Петербургѣ на лицо и въ пути желѣза, и какая по послѣднему торгу его цѣна [6]).

31 іюля графъ Петръ Ив. Шуваловъ представилъ Сенату записку о способѣ умноженія дохода казеннаго: „Всевидящее око, особливымъ смотрѣніемъ руководствуя вѣчной славы достойнаго государя, Отца Отечества, великаго Петра, котораго трудами слава Россійской имперіи процвѣла, къ вящей же ея славѣ многія безпримѣрныя дѣла благословилъ Богъ стараніемъ и трудами Матери Отечества, государыни всемилостивѣйшей, предъ глаза свѣту произвести, а чтобъ благословенная слава имперіи не была гдѣ-либо занозою въ завидливыхъ сердцахъ—сумнительства нѣтъ, слѣдственно дальніе виды, заключенные въ зависти, чрезъ оное не закрытны быть стали. Ея императ. величества августѣйшей государыни нашей всѣ виды тѣсуть, изъ которыхъ слава и польза, безопасность и цѣлость государства состоитъ; къ оному освященному ея импер. величества виду и вящей пользѣ и безопасности государства и подданныхъ предпріятіемъ потребно, дабы доходы государственные были умножены. Конечно, полезнѣе быть ни что можетъ, какъ въ государствѣ имѣть такой пунктъ, который бы во время надобности безсумнительно доходъ государственный умножилъ, а оный не токмо къ тому служить можетъ, какъ самое его дѣйство есть пользы поискъ, о цѣлости надлежащей отпоръ въ защищеніе учинить, но довольную опасность поставить въ тѣхъ, которые буде въ разсужденіи не довольныхъ доходовъ нашихъ, завиствуя благословенной славѣ, что-либо противное покою прописываютъ, и симъ уповательно всѣ дальновидные происки, противные покою, конецъ свой примутъ, въ томъ разсужденіи, что въ благословенной державѣ ея императ. величества далъ Вышній довольно того есть, которое многія государства тѣмъ преимуществуетъ, а особливо люди, пропитаніе, къ тому-жъ весьма противъ всѣхъ государствъ дешевое войскъ содержаніе, и оное окрестнымъ державамъ не безызвѣстно; притомъ самонужнѣйшее для содержанія умноженныхъ и впредь въ потребныхъ случаяхъ умножаемыхъ на довольное содержаніе войскъ учрежденный способъ доходовъ ка-

[1]) Журн. Сената 10 апрѣля.
[2]) Журн. Сената 3 августа.
[3]) Журн. Сената 19 ноября.
[4]) Журн. Сената 15 декабря.
[5]) Журн. Сената 8 декабря.
[6]) Журн. Сената 1 декабря.

зенныхъ весьма вѣрные повсядневно въ сборъ къ теченію готовые извѣстны будутъ же, которое вяще нежели-бъ капиталъ лежащій, понеже по продолженію нужныхъ обстоятельствъ изъ него вынимая безъ возвращенія, достатковъ добраться можно, а напротивъ того нашъ порядокъ новоучрежденный быть имѣетъ такой, который умаленія въ себѣ вовсе имѣть не можетъ, но будетъ единое обращеніе циркулярное безконечное."—Порядокъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобъ уравнять повсюду цѣну соли и вина, въ нужномъ случаѣ увеличивать эту цѣну и лишекъ обращать на войско въ дополненіе къ подушному сбору. Извѣстно, что соли въ государствѣ расходится 7.474,078 пудъ, и вина не менѣе 2.000,000 ведеръ: слѣдовательно если-бъ, напримѣръ, потребно было получить денегъ 2.028,815 рублей, то сверхъ разверстки на соль прибавить по 13¾ копѣйки—и придетъ 1.028,815 рублей 85½ копѣекъ, а на вино сверхъ разверстки прибавить по 50 копѣекъ на ведро,—получится милліонъ, или прибавить больше на вино, а меньше на соль—какъ угодно. Этотъ излишекъ за соль станетъ приходить и со всѣхъ тѣхъ, которые ничего не платятъ въ помощь положенныхъ въ подушный окладъ; если же вышеписанную сумму собрать съ положенныхъ въ подушный окладъ, то придется съ числа нынѣ обревизованныхъ душъ, именно 6.491,381, сверхъ обыкновеннаго подушнаго сбора, положить на душу по 31½ копѣйки, что будетъ имъ чрезвычайно тяжело, да и нельзя надѣяться, чтобъ бездоимочно можно было собрать; а если бъ и собрано было со взысканіемъ обыкновеннымъ порядкомъ, то безъ содержанія подъ карауломъ и прочихъ строгостей обойтись нельзя будетъ. Въ послѣдующемъ же за тѣмъ годѣ не только нельзя надѣяться получить вновь такой же сборъ, но сомнительно, чтобъ и настоящій окладъ можно было выбрать по причинѣ такой значительной накладки, а конечно останется доимка немалая; а за вино станутъ платить не сохраняющіе впрокъ себѣ своихъ денегъ, которыхъ какъ ни унимать, а все нельзя удержать отъ пьянства.

Шуваловъ подавалъ мнѣніе объ уравненіи цѣнъ на соль еще въ 1745 году; Сенатъ согласился, но императрица не утвердила, склонясь на противное мнѣніе фельдмаршала князя Долгорукаго. Теперь, въ виду увеличивающихся расходовъ, Сенатъ опять принялъ мнѣніе Шувалова, разсуждая, что соль продается неравными цѣнами—отъ 3½ копѣекъ до 20, 30 и 40 копѣекъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 50; въ 1742 году соли продано 7.484,708 пудъ, денегъ въ сборѣ 1.587,111 рублей, изъ которыхъ чистаго дохода 755,600 рублей, и если для уравненія продавать соль во всѣхъ мѣстахъ по 35 копѣекъ пудъ, то прибыли будетъ 1.028,815 рублей. Объявилъ несогласіе одинъ сенаторъ, князь Ив. Вас. Одоевскій, который представлялъ, что если увеличить цѣну на вино, то винные откупщики откажутся, и требовалъ, чтобъ запрещено было частнымъ людямъ курить вино. Генералъ-прокуроръ Трубецкой подалъ мнѣніе, въ которомъ опровергалъ Одоевскаго, и послѣдній согласился. 9 декабря Шуваловъ представилъ новое мнѣніе: поташные казенные заводы становятся въ убытокъ, а крестьянъ къ нимъ опредѣлено 27,610 душъ; надобно у поташныхъ заводовъ крестьянъ взять, а вмѣсто того приписать ближайшихъ крестьянъ къ добыванію элтонской соли, иначе это добываніе не пойдетъ какъ слѣдуетъ. Окончательно Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, чтобъ продавать соль по 35 копѣекъ вездѣ, исключая Астрахань и Красный Яръ, гдѣ продавать по 17½ копѣекъ пудъ, чтобъ рыбные промышленники не очень много наложили на соленую рыбу, безъ которой народу пробыть нельзя [1]).

Для сокращенія расходовъ, Сенатъ, разумѣется, долженъ былъ хлопотать, чтобъ подрядчики брали подешевле; но 33 купца, съ которыми былъ торгъ о подрядѣ на провіантъ въ петербургскіе магазины, объявили предъ Сенатомъ, что въ провозѣ провіанта происходятъ разныя затрудненія и убытки: тверской воевода, Ивинъ, поставилъ по рѣкѣ Тверцѣ капрала съ солдатами и останавливаетъ идущія съ Волги и другихъ рѣкъ суда, которыхъ въ лѣто пройдетъ около двухъ тысячъ; капралъ беретъ прикащиковъ и работниковъ и отводитъ къ воеводѣ, который, кромѣ съѣстныхъ и другихъ припасовъ, беретъ съ идущихъ вверхъ съ грузомъ по рублю, а съ плывущихъ внизъ порожнихъ—по полтинѣ съ судна, да капралъ съ солдатами и воеводскими людьми берутъ на себя по полтинѣ и больше, а безъ того не пропускаютъ. Подобное тому дѣлаетъ и ладожскій воевода Чеблоковъ. По указамъ, велѣно отъ Вышняго-Волочка по Тверцѣ, Волгѣ и другимъ рѣкамъ, по всѣмъ берегамъ, по которымъ съ бичевою ходятъ, не запахивать, а теперь во многихъ мѣстахъ запахиваютъ, тянуть судовъ не допускаютъ и притомъ бьютъ на смерть. По Волгѣ, Окѣ и другимъ рѣкамъ суда находятъ на камни, карши и пески, для снимaнія съ которыхъ обыватели на берега не пускаютъ, отчего суда получаютъ поврежденія, хлѣбъ и прочіе товары водою разноситъ, и обыватели тѣхъ мѣстъ, перенимая, развозятъ по своимъ дворамъ и отъ нихъ скрываютъ, а оставшійся подмоклый хлѣбъ и товары на берега для пересушки и поправки безъ знатной платы не пускаютъ и бьютъ. Въ тѣхъ городахъ, откуда суда отпускаютъ, покупаютъ вино, на которое и ярлыки берутъ, для угощенія работниковъ и призываемыхъ на помощь обывателей во время бѣдствія; но въ городахъ осматриваютъ барки, и, гдѣ сыщутъ вино, начинаютъ слѣдствіе и разоряютъ. Въ Нижнемъ, Костромѣ и другихъ городахъ останавливаютъ суда для пересмотра работничьихъ паспортовъ, и пока офицерамъ, подъячимъ и караульнымъ взятокъ не поднесутъ, бьютъ и суда держатъ долгое время. Указами коллегіямъ и губернаторамъ запрещено самовольно-

[1]) Журн. Сената 31 іюля.

накладывать пошлины; а орловскій магистратъ, грубымъ своимъ смысломъ, беретъ сверхъ указной пошлины по копѣйкѣ съ рубля съ товаровъ, а съ указныхъ пошлинъ беретъ по копѣйкѣ съ рубля, будто на лѣкаря, беретъ съ извозчиковъ, перевозящихъ провіантъ, по копѣйкѣ съ лошади. Извозчики, которые возятъ провіантъ на Гжатскую пристань и въ другія мѣста, въ дорогѣ изъ кулей крадутъ муку, и, вмѣсто нея, кладутъ песокъ, золу и другія непотребности, а пріемщики ставятъ это въ вину поставщикамъ, поносятъ и убытчатъ ихъ. Иногда, спѣша исправною поставкою, наскоро нанимаютъ подводы по ямамъ, гдѣ, особенно въ Бронницахъ и на Крестцахъ, ямщики составляютъ заговоры, и, возвышая чрезвычайно цѣну, раскладываютъ между собою по очереди; у очередныхъ случаются лошади худыя, а иногда въ поляхъ, и затѣмъ происходитъ замедленіе и передача напрасная деньгамъ, а другихъ постороннихъ наниматься не допускаютъ и бьютъ, а управители ямовъ, участвуя въ этихъ взяткахъ, суда не даютъ. Разныхъ городовъ купцы, которые въ Петербургъ на продажу хлѣбъ судами привозятъ, жаловались, что на рѣкѣ Невѣ, у Невскаго монастыря, гдѣ опредѣлено стоять ихъ баркамъ, монахи и служки собираютъ съ каждой барки по копѣйкѣ въ сутки [1]).

Началось дѣло по жалобѣ купца Арефьева, что въ Тверской провинціи секретарь Башиловъ на обывателей-помѣщиковъ, духовенство и купечество дѣлаетъ нападки и въ дѣлахъ проволочку; весною при нагрузкѣ барокъ для отвоза хлѣба въ Петербургъ отсылаетъ собственный хлѣбъ, отдавая муку ржаную вѣсомъ въ полосма пуда, а съ купечества беретъ петербургскую высшую цѣну за девятипудовой куль, и за провозъ ничего не даетъ. Сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу Башилова вопервыхъ потому, что купцы не должны были брать хлѣбъ на суда, а между тѣмъ брали; потомъ, когда Башиловъ отдалъ дѣло на вѣру (присягу), то челобитчики къ присягѣ не явились и не сысканы. Слѣдователь, капитанъ Ильинъ, стоялъ за челобитчиковъ и написалъ въ донесеніи: „Хотя челобитчиковъ слѣдовало привести къ присягѣ, но Башиловъ объявилъ, что челобитчики при подпискѣ были въ бородахъ и въ неуказномъ платьи и чтобъ къ присягѣ допущены были безъ бородъ; онъ сдѣлалъ это нарочно, не имѣя оправданія и зная, что челобитчики не сбрѣютъ бородъ и потому не явятся къ присягѣ; но слѣдствіе производится не о бородахъ, а о взяткахъ“. Сенатъ замѣтилъ, что Ильинъ написалъ это неправильно, а Башиловъ сдѣлалъ свое объявленіе правильно, ибо русское платье и бороды носить запрещено, и поэтому Ильинъ за необращеніе вниманія на указы, какъ военный, долженъ отвѣчать предъ Военною Коллегіею. По другимъ многочисленнымъ челобитьямъ на Башилова, Ильинъ вездѣ обвинялъ его, а Сенатъ отвергъ всѣ мнѣнія Ильина и рѣшилъ взыскать съ него штрафу 500 рублей [2]).

Къ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ для торговли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попрежнему присоединялись магистратскіе безпорядки. Бѣлгородское дѣло продолжалось, ибо Главный Магистратъ не хотѣлъ признавать себя побѣжденнымъ, и донесъ Сенату, что онъ принужденъ взять новаго президента бѣлгородскаго магистрата, Андреева, къ отвѣту въ непорядочныхъ поступкахъ. Но Сенатъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, не захотѣлъ посмотрѣть на это равнодушно и приказали: въ Главный Магистратъ послать указъ —велѣть прислать въ Сенатъ извѣстіе немедленно: опредѣленный по удостоеніи бѣлгородскаго купечества отъ правит. Сената президентъ Андреевъ въ Главный Магистратъ къ слѣдствію по какимъ именно дѣламъ потребенъ; ибо хотя изъ Гл. Магистрата въ доношеніи и объявлено, что Андреева нарочно посланному взять велѣно, будто бы, за непорядочные его поступки, а за какіе именно,—того не показано; бѣлгородское же купечество объявляетъ, что Андреева въ Глав. Магистратъ требуютъ по проискамъ Морозова съ товарищи. Глав. Магистратъ имѣетъ злобу на Андреева и на все бѣлгородское купечество за наложеніе изъ-за нихъ на Глав. Магистратъ штрафа Сенатомъ; кромѣ того, желаетъ взятіемъ Андреева прикрыть воровство Морозова съ товарищи, именно—чтобъ Андреевъ не былъ при слѣдствіи и этимъ самымъ слѣдствіе остановилось бы; наконецъ, желаетъ Андреева бездѣльно проволочить и отъ дѣлъ бѣлгородскаго магистрата удалить; поэтому до разсмотрѣнія дѣла въ Сенатѣ Андреева въ Глав. Магистратъ не брать. — Въ челобитьи бѣлгородскихъ купцовъ Сенату было показано также, что Морозовъ съ товарищами какъ скоро вступили въ управленіе, то тѣми купцами, которые доносили на нихъ въ похищеніи казеннаго интереса, всего до 60 человѣкъ, безо всякаго суда розыскивали, иныхъ публично плетьми и батожьями наказывали, а нѣкоторымъ и уши рѣзали, и вымучили дать Морозову векселя, а у иныхъ, сбивъ отъ лавокъ замки, товары и деньги выбрали; просить въ Глав. Магистратѣ, зная тамъ защиту Морозову и товарищамъ его, они не смѣютъ, а въ бѣлгородскій магистратъ челобитій ихъ не принимаютъ затѣмъ, что нынѣшній президентъ Андреевъ на Морозова доносилъ въ похищеніи интереса и, слѣдовательно, не можетъ быть безпристрастнымъ судьею. Сенатъ велѣлъ это дѣло производить въ бѣлгородской губернской канцеляріи, съ участіемъ одного члена изъ бѣлгородскаго магистрата, на котораго отъ истцовъ и отвѣтчиковъ не будетъ показано подозрѣнія, и хотя купцы губернаторамъ и воеводамъ судомъ не подчинены, но теперь купцы сами просятъ, чтобъ ихъ дѣло производилось въ губернской канцеляріи [3]).

---

[1]) Журн. Сената 26 январл.

[2]) Журн. Сената 11 марта.

[3]) Журн. Сената 7 октября.

Калужскій купецъ Софронъ Лобовъ билъ также челомъ Сенату, что когда въ настоящее царствованіе возобновлены были магистраты, то калужское купечество выбрало нѣсколько персонъ въ бургомистры, въ томъ числѣ Осипа Шемякина, а другихъ въ ратманы, въ томъ числѣ брата его, Софронова—роднаго, Никиту, да двоюроднаго, Василья Лобовыхъ. Шемякинъ, будучи въ Москвѣ, прозыскавъ у Глав. Магистрата кредитъ, безъ вѣдома мірскаго, исходайствовалъ себѣ новый чинъ президентскій, и какъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу и вступилъ въ магистратское управленіе, то, въ надеждѣ на Главный Магистратъ, прочихъ членовъ и до дѣлъ не допускалъ, а дѣлалъ немалое время всякія дѣла одинъ; и когда прочіе члены о томъ съ учтивостію стали ему предлагать, то Шемякинъ, озлясь, подалъ въ Глав. Магистратъ несправедливое доношеніе и происками своими склонилъ Глав. Магистратъ, что безъ всякаго слѣдствія его товарищамъ разными штрафами нанесъ тягость несносную [1]).

На Западѣ сухопутная внѣшняя торговля терпѣла отъ польскаго безнарядья. Смоленскій шляхтичъ Николай Потемкинъ, бывшій на пограничной коммисіи для разбора дѣлъ по долговымъ искамъ между русскими купцами и Жидами, представилъ Сенату, что по затрудненіямъ, которыя испытываютъ русскіе купцы въ Польшѣ, и разореніямъ отъ своевольныхъ Поляковъ, лучше вести съ Польшею торгъ на границѣ, по тому примѣру, какъ онъ ведется съ Китайцами и Зюнгарцами. Лучше шли дѣла на степномъ Востокѣ: Неплюевъ писалъ, что онъ перевелъ торгъ изъ Орской крѣпости въ Оренбургъ, и въ 1746 году привезеннаго русскими купцами товара съ объявленными для торгу деньгами было на 112,000 рублей, а вымѣненнаго отъ Азіатцевъ—на 67,000 [2]).

Съ самаго дальняго Востока явился въ Сенатъ иркутскій купецъ Юговъ и, отъ имени своихъ товарищей—Мальцова, Трапезникова и Соловьева,—объявилъ, что въ Камчатской экспедиціи у Нижняго Камчатскаго устья и противъ Олюторскаго устья, близъ Караганскаго острога, въ морѣ, не въ весьма дальнемъ разстояніи отъ берега, сысканы въ 1741 году пустовые острова, а на нихъ усмотрѣно множество разныхъ звѣрей—песцы, бобры, лисицы; и приняли они, Юговъ съ товарищами, намѣреніе на этихъ островахъ звѣриный промыслъ взять на себя съ платежемъ въ казну пошлины, а для промысловъ нужно имѣть четыре мореходныя судна, которыя они построятъ на свой счетъ. Югова спросили: кѣмъ эти острова отысканы и почему онъ знаетъ, какіе на нихъ звѣри водятся. Юговъ отвѣчалъ, что на этихъ островахъ Берингъ былъ и чуть со всею командою не умеръ, а они, купцы, ходили на острова два раза на двухъ лодкахъ компаніею и въ разныхъ партіяхъ, на каждой лодкѣ по 18 человѣкъ, и получили въ первый разъ по 30 бобровъ на человѣка; а въ другой разъ—по 90, и продавали звѣря хорошаго отъ 40 до 50 рублей, а похуже—отъ 30 до 20. Сенаторы предложили, чтобъ они платили половину добычи въ казну; но Юговъ стоялъ за треть. Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ съ мнѣніемъ, что слѣдуетъ отдать Югову съ товарищами изъ третьей части [3]). Сенатъ представилъ императрицѣ и другое мнѣніе относительно мануфактурной промышленности: люди и крестьяне на фабрикахъ положены въ подушномъ семигривенномъ окладѣ, и этотъ окладъ они должны платить изъ заработныхъ денегъ; но заработная цѣна платится малая, только для пропитанія, чтобъ не возвысить цѣны сукнамъ при казенной поставкѣ, слѣдовательно подушнаго оклада изъ нея платить нельзя и работники за скудостію разбѣгутся. Фабриканты платить за нихъ также не могутъ: казна платитъ за сукно по 58 копѣекъ, а за каразеи по 14½ аршинъ, и отъ повышенія цѣны на матеріалъ фабрики приходятъ въ крайнее разореніе: Третьяковъ за долги всего имѣнія лишился; фабриканты, поэтому, не могутъ ничего прибавить къ заработной платѣ, и если за сукно имъ прибавки не будетъ или мастеровые люди не будутъ освобождены отъ подушнаго оклада, то они принуждены будутъ фабрики закрыть. По мнѣнію Сената, такъ какъ сукна и матеріалы долгое время въ одной цѣнѣ стоять не могутъ, то слѣдуетъ на сукна цѣну возвысить, чтобъ изъ это прибавки подушныя деньги могли платиться бездоимочно; кромѣ того, съ фабрикантовъ, поставляющихъ сукна въ казну, не брать рекрутъ и лошадей [4]). Для поддержанія московской шляпной фабрики Черникова и Сафьяникова, поставлявшихъ шляпы на армейскіе полки, запрещенъ вывозъ изъ Россіи за море боброваго пуху; запрещено во всей Россіи, кромѣ ихъ фабрики, дѣлать пуховыя шляпы; позволено дѣлать только шерстяныя шляпы; Черниковъ и Сафьяниковъ обязались выдѣлывать на продажу ежегодно до 8,000 пуховыхъ шляпъ [5]).

Разбои тогда только и затихали, когда государство употребляло значительныя военныя силы противъ нихъ; когда же въ описываемое время войска должны были стягиваться къ западнымъ границамъ, то о разбояхъ опять становится слышно; по Окѣ снова собираются шайки человѣкъ по сорока выше и ниже Переяславля-Рязанскаго [6]). Изъ Перми пришло извѣстіе, что разбойники разбиваютъ крестьянъ станицами въ 40 человѣкъ; по Камѣ проѣхали воры въ двухъ стругахъ; въ другомъ мѣстѣ показались воры конные и пѣшіе, человѣкъ съ 50; въ третьемъ мѣстѣ—25 человѣкъ; въ четвертомъ—56 человѣкъ съ ружьями и штыками, разбили строгановское село Рождественское и вовсе разорили; въ пятомъ мѣстѣ пришло съ 30 чело-

[1]) Журн. Сената 27 октября.
[2]) Журн. Сената 18 іюня.
[3]) Журн. Сената 14 августа.
[4]) Журн. Сената 9 ноября.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 9,467.
[6]) Журн. Сената 25 мая.

вѣкъ, сожгли двоихъ крестьянъ, и прочихъ жгли и грабили. По рѣкѣ Сивѣ явились воровскія партіи человѣкъ до 80, жгли деревни и намѣревались разграбить село Серапуль: обыватели въ страхѣ покинули домы и скитаются по лѣсамъ; умножались также воры въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ. Въ городахъ не только некого послать для преслѣдованія, но и городовъ самихъ охранять некѣмъ, если разбойники вздумаютъ напасть на нихъ, какъ уже и случилось съ Кайгородомъ: 42 разбойника приплыли подъ него и разграбили денежную казну [1]). Шайки получали вождей въ старыхъ опытныхъ разбойникахъ: съ казанскаго тюремнаго двора ушло 20 человѣкъ колодниковъ, убійцъ, разбойниковъ и бѣглыхъ съ каторги, подкопавшись подъ стѣну [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне боролись съ военными командами, по наущенію разбойниковъ. Премьеръ-майоръ Веревкинъ и поручикъ Павловъ донесли Сенату: посланы они были противъ крестьянъ Боровенскаго монастыря, воровъ и разбойниковъ Моисея и Полуехта Никитиныхъ съ товарищами, забрали 79 человѣкъ и привели въ Гжатскую пристань, да прежде взято 10 человѣкъ,—прочіе укрываются. Захваченные крестьяне объявляютъ, что они командамъ троекратно сопротивлялись, посланныхъ противъ нихъ солдатъ били и ружья отбивали по приказу, Никитиныхъ, потому что въ 1744 году была прислана команда для взятія ихъ, крестьянъ, ко взысканію за держаніе бѣглыхъ. По поводу забранныхъ нужно еще забрать много, ибо въ сопротивленіи было болѣе 700 человѣкъ; слѣдствіе скоро окончиться не можетъ и вотчина можетъ придти въ крайнее разореніе. Сенатъ приказалъ возмутившихся крестьянъ раздѣлить на три части: отъ 15 до 20 лѣтъ—бить батожьемъ, отъ 20 до 40—плетьми, отъ 40 и выше, которые въ службу негодны, пущихъ заводчиковъ—кнутомъ, а прочихъ—плетьми, и взыскать съ нихъ издержки командированія и за испорченныя ими ружья [3]).

Съ весною по рѣкамъ разъѣзжаютъ разбойники; съ весною въ городахъ пожары, и вслѣдъ за пожарами жалобы на полицію и магистраты. 27 апрѣля въ Твери, во время большого пожара, воевода съ товарищемъ и секретарь до конца находились безотлучно; обыватели и ямщики не помогали; тогда воевода собралъ рекрутъ и потушилъ пожаръ съ великою трудностію. Хотя опредѣленный Главною Полиціею въ Тверь прапорщикъ Тарховъ полиціймейстеромъ и числился, только въ Твери никогда не бывалъ,—жилъ въ деревняхъ своихъ, и хотя въ отсутствіе Тархова полицейское правленіе находилось въ вѣдомствѣ магистрата, только никакого исполненія не было [4]). Бѣда могла грозить не отъ одного пожара въ городахъ: московская полиція доносила, что на Кожевномъ дворѣ, ниже Каменнаго моста, отвалились отъ стѣны городовые зубцы, числомъ 12 и упали на обывательскіе дворы, причемъ задавили младенца до смерти, да двухъ человѣкъ поранили; также по Кремлю, Китаю и Бѣлому-городу городовыя стѣны и башни въ немалой ветхости; у Яузскихъ и Всесвятскихъ воротъ городовыя стѣны упали, отчего учинились и смертныя убійства; у Срѣтенскихъ воротъ башня первая въ крайней опасности; Мясницкія ворота въ немалую ветхость пришли и проѣзжать въ нихъ опасно. Сенатъ приказалъ поручить починку означенныхъ ветхостей коллежскому ассесору Попову, который долженъ былъ находиться въ вѣдомствѣ московской губернской канцеляріи; производить работы онъ долженъ былъ вольнонаемными людьми, чтобъ обошлось дешевле подряднаго; если же нельзя вольнонаемными, то подрядами [5]).

Въ столицѣ полиція только тогда донесла объ опасности, когда отваливающіеся отъ стѣнъ камни убили ребенка; Тверской полиціймейстеръ живетъ въ деревняхъ своихъ, и воевода долженъ исполнять его обязанности; важно для области имѣть дѣятельнаго воеводу, который въ опасномъ случаѣ не сошлется на раздѣленіе должностей, на самомъ дѣлѣ не существующее. Умеръ въ Тулѣ воевода Масловъ; разныхъ чиновъ люди Тульской провинціи и помѣщики подали двѣ челобитныя: въ оной, подписанной 23 человѣками, просили назначить воеводою воеводскаго товарища Лопатина; въ другой, подписанной 21 человѣкомъ, просили Ивана Маслова. Сенатъ отказалъ и назначилъ изъ представленныхъ герольдмейстерскою конторою кандидатовъ—Квашнина-Самарина [6]). Непристойные поступки воеводы въ пьяномъ видѣ имѣли слѣдствіемъ удаленіе его отъ воеводской должности; но вообще смотрѣли на это не очень строго. Такъ, бѣлевскій воевода, Шеншинъ, будучи въ компаніи и напившись пьянъ, обижалъ словами дамъ, придирался къ мужчинамъ, потомъ велѣлъ ударить въ набатъ, встревожилъ всѣхъ жителей; по его приказанію схватили на улицѣ подпоручика Возницына, жестоко избили, шпагу изломали и посадили въ тюрьму. Императрица простила Шеншина и велѣла опредѣлить его къ дѣламъ, къ какимъ годенъ, кромѣ воеводства, и велѣла Сенату впредь такія самовольства воеводамъ запретить [7]).

Относительно коллегій замѣчательно въ описываемомъ году донесеніе прокурора Юстицъ-Коллегіи, что въ ней совѣтниками Сабуровъ и Юшковъ, ассесорами Тарбѣевъ и Извѣковъ, Извѣковъ опредѣлился въ дворцовую контору и съ того времени въ Юстицъ-Коллегію не ѣздитъ, отговариваясь дѣлами дворцовой конторы; Тарбѣевъ по болѣзни не ѣздитъ; Юшковъ ѣздитъ чрезвычайно рѣдко; остается Сабуровъ, который одинъ спорныхъ дѣлъ рѣшить не можетъ, и дѣла въ Коллегіи остановились [8]).

Духовная Коллегія (Синодъ) продолжала жало-

[1]) Журн. Сената 5 августа.
[2]) Журн. Сената 12 августа.
[3]) Журн. Сената 15 іюня.
[4]) Журн. Сената 5 мая.
[5]) Журн. Сената 12 марта.
[6]) Журн. Сената 14 января.
[7]) Журн. Сената 28 сентября.
[8]) Журн. Сената 1 апрѣля.

ваться Сенату на притѣсненія новообращеннымъ. Извѣстный Ярцевъ доносилъ: Курмышскаго уѣзда новокрещенные Чуваши бьютъ челомъ, что по указу императрицы Анны велѣно имъ для суда въ малыхъ дѣлахъ выбрать между собою трехъ человѣкъ и судиться словесно, какъ производится судъ между купцами въ таможняхъ, и у нихъ такіе выборные старосты есть; но, несмотря на указы, всякихъ чиновъ люди дѣлаютъ имъ великія обиды и разоренія, а курмышская канцелярія привлекаетъ ихъ судомъ и расправою между собою въ ссорахъ, долгахъ и т. п., держитъ ихъ подъ карауломъ, отчего имъ убытокъ; а они не только приказныхъ порядковъ не знаютъ, и по-русски говорить не умѣютъ. Теперь они желаютъ для лучшаго своего охраненія и въ малыхъ дѣлахъ разбора разбираться у курмышскаго посадкаго бургомистра Брюханова, потому что онъ человѣкъ добросовѣстный, богобоязненный и всегда ихъ по бѣдности награждаетъ, ссужаетъ всякою ссудою и Чувашскій языкъ знаетъ довольно. Сенатъ приказалъ: исполнять указы, а о томъ, на что имѣются точные указы, утруждать Сенатъ весьма не надлежало; объ обидахъ же произвести слѣдствіе [1]).

Были и старокрещенные народцы, на которыхъ свѣтское правительство указывало Синоду какъ на полудикихъ, требующихъ снисхожденія относительно требованій христіанской нравственности. Воронежская консисторія потребовала къ слѣдствію сына донскаго атамана, Данилы Ефремова, старшину Степана Ефремова, и другихъ, незаконно женившихся людей. Военная Коллегія донесла по этому случаю Сенату, что люди Донскаго войска не похожи на внутреннихъ регулярныхъ народовъ, весьма не обычны къ правамъ и регуламъ, но больше застарѣлаго, простаго обхожденія и обычаевъ; а такъ какъ правит. Синодъ требуетъ отсылки въ архіерейскую консистотрію атаманскаго сына, который тамъ между другими знатными старшиною, то Военная Коллегія сама собою сомнѣвается такъ строго поступить [2]).

Изъ дѣлъ по церковнымъ отношеніямъ замѣчательны были въ этомъ году два слѣдующія. Медицинская Канцелярія донесла Сенату, что въ московскомъ госпиталѣ экономическая синодская канцелярія не дѣлаетъ никакихъ починокъ, отчего больные претерпѣваютъ великое безпокойство, въ пользованіи больныхъ остановка и невозможность, и больныхъ принимать нельзя, потому что въ палатахъ, гдѣ лежатъ больные, и въ ученическихъ бурсахъ окончины и печи очень ветхи, топить ихъ опасно; также и строеніе, гдѣ живутъ служители, очень ветхо, иное и попадало, а въ иномъ зимою жить нельзя. Синодъ отписывался, что его экономическая канцелярія не обязана дѣлать починки въ госпиталѣ,—указа для этого нѣтъ: хотя, по указу Петра Великаго, госпиталь построенъ изъ сборовъ Монастырскаго Приказа, но чтобъ его чинить изъ сборовъ того же Приказа—не изображено, а въ табели 1710 года не написано, а положено въ той табели только жалованье доктору съ товарищи и на покупку лѣкарствъ 3,797 рублей, что изъ доходовъ экономической канцеляріи и производится. Учреждены вновь три епархіи: Московская, Переяславская, Костромская, и еще назначено быть Владимірской и Тамбовской; на содержаніе архіереевъ и домовъ ихъ отданы монастыри: московскому—Чудовъ, переяславскому—Горицкій, костромскому—Ипатскій, и потому доходы съ этихъ монастырей, платившіеся въ экономическую канцелярію, выбыли. На починку ветхостей въ архіерейскихъ домахъ, соборныхъ церквахъ, монастыряхъ экономическая канцелярія опредѣлила не только на настоящіе 1744, 45 и 46 годы, но, за неимѣніемъ такой большой суммы, и на будущіе 47, 48, 49 и 50 годы болѣе 30,000 рублей, и еще экономическая канцелярія представляетъ о крайнихъ ветхостяхъ во многихъ монастыряхъ, а на исправленіе ихъ, по смѣтамъ архитекторскимъ, потребно болѣе 60,000 рублей; и такъ починки госпиталя изъ доходовъ синодальныхъ исправлять никакъ не слѣдуетъ, а имѣется на содержаніе госпиталей собственная, съ вѣнечныхъ памятей, собираемая въ Военную Коллегію, сумма, и требуетъ Св. Синодъ, чтобъ госпитальную починку и постройку производить изъ этихъ лазаретныхъ денегъ. Но Сенатъ приказалъ въ Св. Синодъ сообщить вѣдѣніе, что госпиталь исправить надобно непремѣнно изъ доходовъ экономической канцеляріи въ непродолжительномъ времени, чтобъ больнымъ отъ стужи не померетъ, ибо если уже госпиталь строенъ на деньги Монастырскаго Приказа и содержится на деньги экономической канцеляріи, то и чинить его надобно изъ тѣхъ же доходовъ [3]).

Мы знакомы уже съ Вятскимъ епископомъ Варлаамомъ, который вышелъ невредимъ изъ дѣла по столкновенію своему съ воеводою и возвратился въ свою епархію. Но по поводу этого возвращенія Сенатъ снова долженъ былъ услыхать о Варлаамѣ. Пыскорскаго монастыря стряпчій Карповъ объявилъ, что въ монастырѣ было денегъ, собранныхъ съ мельницъ, 1,030 рублей. Епископъ Варлаамъ наложилъ на Пыскорскій монастырь 600 рублей для вознагражденія за употребленные имъ въ Петербургѣ и Москвѣ расходы и путевыя издержки; но такъ какъ подобныхъ платежей никогда не бывало, то монастырь денегъ не отпустилъ, за что архимандритъ взятъ былъ въ Вятку и отпущенъ только по указу изъ Соляной Конторы, ибо монастырь владѣлъ соловарнями, находившимися въ вѣдѣніи Соляной Конторы. Такъ какъ для управленія соляными монастырскими промыслами назначено было особое коммисарство, то архимандритъ отослалъ туда же и мельничныя деньги вмѣстѣ съ приходными книгами: за это консисторія

[1]) Журн. Сената 8 января.

[2]) Журн. Сената 28 сентября.

[3]) Журн. Сената 5 февраля.

наложила на архимандрита штрафъ въ 50 рублей, велѣла потребовать книги изъ коммисарства обратно и запретила впредь отправлять туда деньги и книги. Епископъ Варлаамъ пріѣхалъ въ монастырь, денегъ и штрафа спрашивалъ, и хотя ему поднесено было въ почесть 200 рублей, да пушнымъ товаромъ и прочими вещами 40 рублей, да бывшимъ при немъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ 106 рублей, только онъ мельничныя деньги и штрафъ взыскивалъ, угрожая жестокимъ наказаніемъ, и изъ оставшихся отъ расхода мельничныхъ денегъ 477 рублей забралъ себѣ, причемъ билъ казначея плетьми такъ жестоко, что тотъ лежалъ безъ памяти: архимандритъ далъ архіерею своихъ и заемныхъ еще 50 руб. [1]).

Внутреннее состояніе Россіи, особенно состояніе финансовъ, представляло явленія, которыя могли дать поводъ иностраннымъ посланникамъ толковать о слабости этой державы. Въ самомъ началѣ года, Дальонъ писалъ Даржансону, что Россія слаба,—что королю Прусскому нечего ея бояться. Но любопытенъ отвѣтъ Даржансона: „Фридрихъ II другого мнѣнія", пишетъ министръ, „потому что больше чѣмъ когда-либо боится поссориться съ Россіей и навязать на свою шею силы этой державы. Въ 1733 году Россію такъ же представляли безсильною, стараясь побудить нашего короля къ доставленію Польскаго престола тестю своему, Лещинскому; но потомъ оказалось, сколько Россія могла сдѣлать въ Польшѣ и Германіи, доведя войска свои до самаго Рейна; и въ скоромъ времени та же самая держава взяла такой верхъ надъ Турками, что если бы Вѣнскій Дворъ умѣлъ держать себя только въ оборонительномъ положеніи, то Турки въ одну кампанію могли бы потерять всѣ свои европейскія владѣнія [2])".

Даржансонъ недаромъ пророчилъ о новомъ походѣ русскаго войска къ Рейну. Успѣхи Французовъ въ австрійскихъ Нидерландахъ и опасность, какою грозили эти успѣхи Голландцамъ, заставили морскія державы снова попытаться, нельзя ли склонить Россію, на болѣе сходныхъ для нихъ условіяхъ, дать имъ свое войско, причемъ выставлялось, что это будетъ единственнымъ средствомъ ускорить всеобщее замиреніе Европы. Въ самомъ концѣ 1746 года возобновились переговоры о „перепущеніи" русскаго войска для морскихъ державъ. 8 декабря лордъ Гиндфордъ подалъ объ этомъ промеморію; 22 декабря данъ ему отвѣтъ съ согласіемъ на перепущеніе войскъ и съ объявленіемъ условій, относительно которыхъ Гиндфордъ отвѣчалъ, что дорого просятъ. Тогда, 29 декабря, въ Зимній ея величества домъ, передъ полуднемъ, приглашены были для совѣщанія генералъ-фельдмаршалъ Леси, канцлеръ Бестужевъ, вице-канцлеръ Воронцовъ и членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, тайный совѣтникъ Веселовскій. Въ это засѣданіе выслушаны были только относящіяся къ дѣлу бумаги, послѣ чего во второмъ часу разошлись; а послѣ обѣда, въ 6 часу, собрались опять уже впятеромъ, потому что, по волѣ императрицы, явился генералъ-кригсъ-коммисаръ Апраксинъ, для котораго снова прочитаны были всѣ бумаги; послѣ разсужденія, составили проектъ конвенціи. Тридцать тысячъ русскаго войска, по мнѣнію фельдмаршала Леси, должны были дѣйствовать на Рейнѣ вмѣтѣ съ союзниками. Идти они должны были отъ Курляндіи, чрезъ Литву и Польшу, на Краковъ, въ Силезію по маршруту, данному австрійскимъ посланникомъ, барономъ Бретлакомъ, одною дорогою, раздѣляясь на три колонны. Проходъ чрезъ Польшу въ 162 мили, полагая на третій день роздыхъ, продолжится не меньше трехъ мѣсяцевъ; на содержаніе корпуса противъ внутреннихъ цѣнъ надобно положить вдвое, и потому выйдетъ на три мѣсяца 145,525 рублей 83 коп.: надобно, слѣдовательно, требовать у Англійскаго Двора уплаты напередъ 150,000 ефимковъ наличными деньгами, чтобъ для приготовленія провизіи и фуража въ Литву и Польшу, прежде вступленія туда войскъ, могли быть отправлены нарочные коммисары; а если эта сумма Англійскому Двору покажется велика, то пусть пришлетъ своихъ коммисаровъ, которые будутъ заготовлять и выдавать войску провизію и фуражъ Въ земляхъ Римской императрицы продовольствіе войскамъ должно быть приготовлено такъ же отъ Англійскаго Двора или отъ Римской императрицы, по ихъ соглашенію. Войска отпускаются на два года, считая съ выступленія ихъ за границу; если миръ будетъ заключенъ до этого срока, то войска отпустятся ранѣе назадъ въ Россію; если же нужно будетъ удержать ихъ долѣе срока, то объ этомъ дастся знать за полгода до истеченія двухъ лѣтъ для новыхъ соглашеній. Если Англійскій Дворъ не приметъ войска на этихъ условіяхъ, то императрица соглашается содержать на лифляндскихъ границахъ отъ 80 до 90,000 регулярнаго войска во все время продолженія настоящей войны, и 50 галеръ въ Курляндіи съ 12,000 войска, за полмилліона голландскихъ ефимковъ. Начальникомъ корпуса назначенъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Василій Репнинъ, для котораго фельдмаршалъ Леси написалъ инструкцію.

Между тѣмъ прошло два мѣсяца — январь и февраль 1747 года, и 12 марта Гиндфордъ прислалъ промеморію, что послѣ поданія имъ первой промеморіи (8 декабря) пропущено нѣсколько недѣль понапрасну, что войско не можетъ выступить въ походъ заблаговременно и можетъ быть употреблено только на половину кампаніи. Кромѣ того, данныя парламентомъ королю деньги на субсидіи текущаго года по большей части уже издержаны на наемъ войска въ другихъ ближайшихъ мѣстахъ, и потому король желаетъ заключить другую конвенцію, а именно: чтобъ Россія обязалась въ теченіи 1747 года держать тридцатитысячный корпусъ войска на

[1]) Журн. Сената 19 марта.
[2]) Перлюстраціи, въ Государ. Архивѣ 1747 года.

курляндскихъ и лифляндскихъ границахъ,—12,000 въ Курляндіи и 18,000—на лифляндскихъ и литовскихъ границахъ, сверхъ того 60 галеръ въ курляндскихъ портахъ, чтобъ все это готово было дѣйствовать по первому требованію Англійскаго короля, который обязывается на этотъ годъ одновременно заплатить 100,000 фунтовъ стерлинговъ, какъ скоро ратификаціи будутъ размѣнены. Если же войска дѣйствительно должны будутъ выступать въ походъ, то о содержаніи ихъ должно быть дальнѣйшее соглашеніе.

Канцлеръ переслалъ промеморію и проектъ конвенціи въ Коллегію на разсмотрѣніе, давая знать, что императрица вообще согласна на конвенцію, но что по его, канцлерову, мнѣнію согласиться на содержаніе войска въ Курляндіи нельзя, а надобно выразиться такъ, что войско пробудетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ возможно, ибо со стороны Поляковъ могутъ быть сильные крики. Члены Коллегіи — Воронцовъ, Юрьевъ и Веселовскій — подали мнѣніе, что въ англійскомъ проектѣ очень темно сказано: „чтобъ по первому требованію короля войско и галеры готовы были дѣйствовать". Необходимо знать: однимъ ли русскимъ войскамъ дѣйствовать или вмѣстѣ съ союзниками, и подъ какимъ именемъ, вспомогательныхъ войскъ или данныхъ за 100,000 фунтовъ, также—въ какомъ мѣстѣ должны дѣйствовать, а безъ точнаго знанія всѣхъ этихъ обстоятельствъ глухо обязываться на письмѣ кажется непристойно. Также и то надобно выговорить къ конвенціи, что если будетъ заключенъ миръ между Франціею и Англіею, то деньги все же должны быть заплачены, и войска съ галерами не были бы понапрасну продержаны цѣлый годъ. Не должно обязываться держать войска и галеры въ Курляндіи, не имѣя права держать войска въ чужой Землѣ: и такъ уже поданы Курляндцами горькія жалобы по поводу введенія только трехъ полковъ. Наконецъ, надобно постановить, что, въ случаѣ нападенія на Россію съ какой бы то ни было стороны, можно было взять эти 30,000 войска и галеры.

Тогда Бестужевъ подалъ свое „слабѣйшее мнѣніе, которымъ онъ по поводу вице-канцлерова и обоихъ тайныхъ совѣтниковъ мнѣнія ея императорское величество поневолѣ утруждать принужденъ".—„Вице-канцлеръ и тайные совѣтники не примѣтили", говоритъ Бестужевъ, „что въ проектѣ ясно сказано: если войску понадобится выступить въ походъ нынѣшнимъ годомъ, то о содержаніи его должно быть дальнѣйшее соглашеніе,—прямо поэтому слѣдуетъ, что войска прежде въ походъ не выступятъ, пока не будутъ опредѣлены условія, какъ ихъ содержать. Вице-канцлеръ и тайные совѣтники хотятъ постановлять, чтобъ деньги были заплачены, если бы даже и миръ былъ заключенъ; но въ проектѣ прямо сказано, что деньги выплачиваются немедленно послѣ ратификаціи, и потому, хотя бы миръ заключенъ былъ по прошествіи одного или двухъ дней по размѣнѣ конвенціи, деньги были бы выданы. Если же они думаютъ, что хотя бы миръ былъ заключенъ во время переговоровъ о конвенціи, однако 100,000 фунтовъ должны быть заплачены за одно сочиненіе контръ-проекта, то Англійскій Дворъ не былъ бы такъ простъ, чтобъ сталъ давать деньги даромъ, а между тѣмъ утвердился бы въ своемъ мнѣніи, что здѣсь никакого дѣла къ концу приводить не хотятъ. Если, изъ уваженія къ королю Прусскому, войска отъ границъ совершенно отвести, и ему невозбранный путь въ Лифляндію очистить, то это будетъ несогласно съ интересами вашего императорскаго величества; чтобъ не вносить въ конвенцію о содержаніи войскъ въ Курляндіи—это было мое мнѣніе. Но если принимать въ уваженіе горькія жалобы Курляндцевъ, то русскимъ войскамъ никогда изъ своихъ границъ трогаться нельзя будетъ; Петръ Великій, невзирая на всѣ ихъ прошенія и жалобы, не только войска свои тамъ содержалъ, но и Шведамъ сраженія давалъ. Что же касается до совѣта—выговорить, чтобъ въ случаѣ нападенія на имперію эти 30,000 войска могли быть отведены отъ границъ, то это противно прежнему рѣшенію, объявленному Англіи, что ваше величество соглашаетесь содержать на границахъ отъ 80 до 90,000 войска во все продолженіе войны, а теперь Англійскій Дворъ за 30,000 войска предлагаетъ почти такую же сумму, какую согласились взять за 90,000. Развѣ вице-канцлеръ и тайные совѣтники предварительно увѣрены въ праводушіи и миролюбивыхъ чувствахъ короля Прусскаго, что онъ русскія области всегда въ покоѣ оставитъ? Хотя бы ваше величество съ Швеціею, Турціею или Персіею въ войнѣ были, то, по моему слабому мнѣнію, необходимо до того времени, пока у короля Прусскаго не будетъ миролюбиваго преемника, имѣть на лифляндскихъ границахъ до 30,000 войска, дабы, въ случаѣ какого замысла со стороны Пруссіи, хотя первое нападеніе выдержать". 29 марта Гиндфорду было объявлено, что императрица согласна на новую конвенцію съ однимъ условіемъ, чтобы, въ случаѣ польскихъ криковъ, войска могли быть отодвинуты изъ Курляндіи въ Лифляндію. Англійскій Дворъ принялъ это измѣненіе,—и 12 іюня послѣдовала ратификація.

24 августа Гиндфордъ вручилъ канцлеру новую промеморію, въ которой предлагалось „отдать тридцатитысячный корпусъ русской пѣхоты на жалованье морскимъ державамъ, обѣимъ вмѣстѣ или одной изъ нихъ отдѣльно, для употребленія на Рейнѣ или въ Нидерландахъ, съ тѣмъ, чтобъ прежняя конвенція 12 іюня оставалась ненарушимою, т.-е. чтобъ 30,000 войска находились попрежнему на лифляндскихъ границахъ. Затѣмъ 12 сентября Гиндфордъ объявилъ, что онъ получилъ отъ своего Двора приказаніе договариваться непремѣнно вмѣстѣ съ голландскимъ резидентомъ Шварцемъ, ибо войска должны быть даны Англіи и Голландіи вмѣстѣ. Императрица велѣла отвѣ-

чать, что согласна на это, но съ условіемъ, чтобъ отправленный корпусъ всегда дѣйствовалъ нераздѣльно, и если одна изъ державъ захочетъ отстать, то другая исполняетъ всѣ обязательства, именно — выплачиваетъ въ годъ по 300,000 фунтовъ, всегда за 4 мѣсяца впередъ наличными деньгами. Кромѣ того, морскія державы обязаны выдать, тотчасъ по размѣнѣ ратификацій, въ Ригѣ, наличными деньгами 150,000 голландскихъ ефимковъ для содержанія войска во время прохода его чрезъ Польшу; а когда корпусъ дойдетъ до границъ Верхней Силезіи, тогда морскія державы возьмутъ его на свое содержаніе, будутъ доставлять припасы натурою на пищу людямъ и лошадямъ, именно: каждому солдату ежедневно по два фунта хлѣба, по фунту мяса или въ постный день рыбы, по 1/4 фунта крупъ, на каждый мѣсяцъ по два фунта соли, а на каждую лошадь въ день по 6 2/3 фунта овса и по 16 2/3 фунта сѣна; кромѣ того, квартиры на зиму и дрова должны быть доставлены безденежно.

Морскія державы приняли эти условія, и 4 декабря Военной Коллегіи данъ былъ секретный указъ, что, для поддержанія европейскаго равновѣсія и ускоренія мира, Россія посылаетъ морскимъ державамъ тридцатитысячный корпусъ для дѣйствія на Рейнѣ, Мозелѣ или въ Нидерландахъ. Этотъ корпусъ долженъ составиться изъ полковъ, находящихся въ Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи, и долженъ выступить въ походъ въ послѣднихъ числахъ января будущаго 1748 года, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-фельдцейхмейстера князя Репнина. Такъ какъ нынѣшнія обстоятельства европейскихъ дѣлъ необходимо требуютъ, чтобъ по выступленіи въ походъ означеннаго корпуса на лифляндскихъ границахъ и въ Курляндіи нашихъ войскъ оставалось не меньше какъ прежде было, но по возможности и болѣе, то на мѣсто отправляемыхъ перевести столько же изъ находящихся при С.-Петербургѣ и около его полковъ и новоучрежденныхъ батальоновъ, также изъ Выборга, а въ Выборгѣ дополнить новоучрежденными батальонами. Къ находящейся въ Псковѣ тысячной командѣ прибавить еще къ лифляндскимъ границамъ 3,000 Донскихъ казаковъ, да изъ слободскихъ и малороссійскихъ — по тысячѣ самыхъ исправныхъ [1]).

Какое важное значеніе придавали въ Англіи этому договору морскихъ державъ съ Россіею, видно изъ слѣдующихъ словъ въ письмѣ англійскаго посланника въ Константинополѣ, Портера, къ лорду Гиндфорду: „Я долженъ начать поздравленіемъ съ успѣхомъ въ важномъ дѣлѣ отправленія русскихъ войскъ. Этотъ шагъ спасаетъ все и принуждаетъ непріятеля къ уступчивости; вашему превосходительству будетъ принадлежать безсмертная честь за обращеніе вѣсовъ войны или мира въ нашу пользу“ [2]).

[1]) Дѣла Англійскія.

[2]) Письмо 25 января 1748 г. Перлюстраціи Москов. Архива Мин. Ин. Д.

Легко понять, какъ въ Вѣнѣ дорожили утвердившимися дружескими отношеніями къ Россіи. Въ февралѣ посолъ Маріи-Терезіи, баронъ Бретлакъ, подалъ грамоту, въ которой его императрица писала къ своей „многолюбезной пріятельницѣ и сестрѣ“, что хочетъ распространить драгоцѣнную дружбу Елисаветы и на свое потомство; а такъ какъ время къ разрѣшенію ея отъ бремени приближается, то она проситъ Русскую императрицу быть воспріемницею имѣющаго родиться ребенка. Родился эрцгерцогъ и названъ Петромъ (Петръ-Леопольдъ-Іосифъ) [3]).

У Австріи попрежнему не ладилось съ Саксоніею, а Саксонія становилась очень нужна союзникамъ. 18 декабря Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ объявилъ графу Брюлю въ крайнѣйшей конфиденціи о заключеніи морскими державами конвенціи, въ силу которой имъ посылается тридцатитысячный корпусъ русскаго войска; этотъ корпусъ въ январѣ будущаго года выступитъ въ походъ черезъ Литву и Польшу. О пропускѣ его морскія державы будутъ просить позволенія, и въ свою очередь императрица надѣется, что такъ какъ русскія войска отправляются для общаго блага всей Европы и для скорѣйшаго прекращенія настоящей войны, то король проходу этихъ войскъ не только не будетъ противенъ, но еще будетъ содѣйствовать успѣху требованія морскихъ державъ у Рѣчи Посполитой, несмотря на домогательства Французскаго Двора о непропускѣ ихъ; императрица надѣется, что король предпочтетъ Русскій, Вѣнскій и Лондонскій Дворы Французскому. Брюль отвѣчалъ, что король, для оказанія императрицѣ особеннаго вниманія и дружбы, сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ и сколько пристойно и возможно, чтобъ не подать Полякамъ на себя подозрѣнія. Бестужевъ писалъ, что французскій посолъ въ Дрезденѣ употребляетъ всѣ способы для воспрепятствованія пропуску русскаго войска, а резидентъ французскій въ Польшѣ, Кастера, интригуетъ тамъ съ тою же цѣлію. На просьбу англійскаго посланника о пропускѣ войска король отвѣчалъ, что безъ согласія всей Рѣчи Посполитой онъ ничего сдѣлать не можетъ. Чтобъ получить согласіе Рѣчи Посполитой, надобно было получить согласіе значительнѣйшихъ вельможъ. Вице-канцлеръ коронный съ жаромъ отвѣчалъ Бестужеву, что отъ прохода русскихъ войскъ безпорядки и убытокъ будутъ жителямъ, какъ случилось и во время прохода изъ-подъ Хотина. Бестужевъ возражалъ, что во время Хотинскаго похода безпорядки были отъ нерегулярныхъ войскъ, но и за то жители получили вознагражденіе, а теперь нерегулярныхъ войскъ не будетъ. Вице-канцлеръ говорилъ, что не всѣ потерпѣвшіе получили удовлетвореніе; Бестужевъ повторялъ, что назначенныя въ нынѣшній походъ войска все будутъ покупать на чистыя деньги, и будетъ за ними строгій надзоръ, чтобъ не позволя-

[3]) Дѣла Австрійскія.

ли себѣ никакого насилія. Графъ Брюль, бывшій при этомъ разговорѣ, сказалъ со смѣхомъ, что желалъ бы имѣть теперь деревни въ Польшѣ, потому что отъ похода русскихъ войскъ получилъ бы большія деньги. Наединѣ Бестужеву Брюль говорилъ, что Поляки, по своему обычаю, поднимутъ большой крикъ и шумъ противъ похода, но покричатъ да и перестанутъ; опасно одно,—чтобъ не устроили конфедераціи по французскимъ и прусскимъ наущеніямъ.

Въ Польшѣ попрежнему тянулось безконечное дѣло о притѣсненіяхъ Православныхъ католиками и уніатами,—дѣло чрезвычайно трудное, какъ видно изъ донесеній русскаго резидента въ Варшавѣ, Голембовскаго. На послѣднемъ сеймѣ было постановлено составить коммисію, на которой должно было выслушать всѣ жалобы Православныхъ и удовлетворить имъ. Бестужевъ и Голембовскій думали, что они сдѣлали все для Православныхъ, и вдругъ узнаютъ, что Православные вовсе не довольны коммисіею и вовсе не готовы явиться на нее. Голембовскій въ сильномъ раздраженіи писалъ императрицѣ жалобу на Бѣлорусскаго епископа, Волчанскаго, который будто бы выставляетъ разныя неосновательныя затрудненія, стараясь уклониться отъ коммисіи, а Слуцкій архимандритъ, Оранскій, пишетъ, что другіе игумены не даютъ ему никакого отвѣта на его внушенія и не хотятъ быть послушны указамъ Кіевскаго митрополита. „Такимъ образомъ", писалъ Голембовскій, „можно понять, какую они всѣ оказываютъ охоту явиться въ коммисію съ тѣми жалобами, которыми они безпрестанно утруждали ваше величество и о которыхъ королю и министрамъ такъ много внушено: однако безъ этого они не могутъ получить никакого удовлетворенія и привести свои дѣла въ лучшее состояніе. Громадная переписка посла Бестужева и моя свидѣтельствуютъ ясно, что съ нашей стороны все сдѣлано; теперь они сами должны приняться за дѣло, и я очень боюсь, что если они въ назначенный срокъ не явятся на коммисію со своими жалобами и доказательствами, то магнаты, которые нарочно пріѣдутъ издалека въ Варшаву для коммисіи, разсердятся и отложатъ коммисію въ дальній ящикъ или совсѣмъ оставятъ, объявивъ всѣ жалобы и претензіи Православныхъ ложными,—мало того: неявившихся, какъ непослушныхъ подданныхъ, приговорятъ къ какому-нибудь штрафу:—тогда уже мы съ посломъ лишимся всякой возможности въ чемъ-нибудь помочь имъ".

Но выслушаемъ и другую сторону, что намъ легко сдѣлать, ибо Голембовскій переслалъ въ Петербургъ письма епископа Могилевскаго. „Вы меня спрашиваете", пишетъ епископъ, „приготовленъ ли къ предстоящей коммисіи списокъ обидамъ и озлобленіямъ, также — имѣли ли мы съ архимандритомъ Слуцкимъ и другими начальными людьми монастырей и братствъ совѣтъ и соглашеніе насчетъ приготовленія доказательствъ, основанныхъ на правахъ и конституціяхъ, и уполномоченные на коммисіи въ состояніи ли вести порученныя имъ дѣла. На это, какъ прежде отвѣчалъ, такъ и теперь отвѣчаю: 1) что я во всей моей епархіи не имѣю ни одного способнаго къ тому человѣка, потому что кто и гдѣ могъ научиться правамъ? Ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ никого изъ нашихъ ни въ школы, ни въ канцеляріи не пускаютъ; а католикъ хотя бы и могъ за это взяться, но боится отлученія отъ церкви, какъ я уже нѣсколько разъ пробовалъ; у насъ даже нѣтъ человѣка, который бы могъ искусно написать позывъ къ суду и полномочіе. 2) Звать къ суду трудно, потому что въ Польшѣ крестьяне не могутъ жаловаться на своихъ господъ, равно какъ духовные на землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ которыхъ находятся ихъ церкви. Въ позывахъ надобно точно показать, отъ кого именно какія были обиды; а когда помѣщикъ прочтетъ такіе позывы, то попа и холопа прежде коммисіи велитъ повѣсить или убить. Въ Польшѣ что жбанъ—то панъ, шляхтичъ на загородѣ равенъ воеводѣ, и однимъ правомъ съ нимъ судится; а магнаты здѣшніе всегда вольное право надъ своими подданными имѣютъ, не такъ какъ въ абсолютныхъ государствахъ, въ которыхъ господину и крестьянину одинакая справедливость. Они не очень испугались универсала, выданнаго изъ королевской коммисіи, и какія дѣлали прежде, такія и теперь продолжаютъ дѣлать обиды, церкви на унію отнимаютъ, священниковъ бьютъ, вяжутъ и обираютъ. Напримѣръ, если послать позывы къ князю, воеводѣ Русскому, за насильное отнятіе на унію церквей въ графствѣ Шкловскомъ, а къ Сапѣгѣ—за отнятіе церквей въ графствѣ Домбровенскомъ, то значитъ обоихъ этихъ знатныхъ магнатовъ прежде озлобить, а потомъ у нихъ же на другихъ справедливости просить, ибо они оба въ коммисію судьями опредѣлены! Также надобно будетъ позвать въ судъ князя, подканцлера Литовскаго, Огинскаго воеводу Витебскаго, Соллогуба, воеводу Бржескаго, и Сапѣгу, воеводу Подляшскаго, съ которыми такъ же трудно тягаться, какъ трудно защитить себя отъ громовой стрѣлы. Не только ни одно духовное лицо не можетъ явиться въ коммисію съ своими жалобами, но и ко мнѣ являться съ жалобами имъ запрещаютъ. Духовенство боится бывать у меня и съ своими церковными нуждами; а которые прежде письменно доносили мнѣ о своихъ обидахъ,—тѣ теперь очень объ этомъ жалѣютъ, боясь за свое здоровье и жизнь, видя примѣръ священника Расенскаго—Цитовича, который для сохраненія жизни оставилъ церковь, домъ, жену и дѣтей, ушелъ въ Могилевъ, скитается здѣсь теперь и, для спасенія отъ смерти, сбирается уйти за границу. Огинскій, надворный маршалокъ Литовскій, въ нынѣшній проѣздъ свой въ Вильну для открытія трибунала, заѣхалъ въ Борисовъ, гдѣ приказалъ всѣмъ обывателямъ стать предъ собою, склонялъ ихъ къ уніи и, наконецъ, приказалъ борисовскому своему подстаростѣ, что если кто подастъ мнѣ жалобу на религіозное гоненіе, то для такихъ челобитчиковъ

поставить колья и висѣлицы, причемъ запретилъ починку церкви и колокольни, вѣнчаніе, крещеніе младенцевъ и прочіе обряды. Самъ онъ министръ государственный и всѣ права знаетъ, однакожъ поступаетъ противъ нихъ. Такимъ образомъ, и другіе, когда будутъ раздражены нынѣшними позывами, еще больше озлятся и нашу религію въ своихъ мѣстностяхъ совсѣмъ искоренятъ. Коммисія на время, а господинъ всегда господиномъ останется".

Оранскій, архимандритъ Слуцкій, писалъ то же самое: „Перо выпадаетъ изъ рукъ, ибо не знаю, что написать вамъ насчетъ людей, искусныхъ въ правахъ. И самъ Діогенъ со свѣчею такого человѣка между нашими духовными не сыщетъ, ибо между ними большая часть такихъ, которые только имя свое подписать умѣютъ. Въ послѣднюю бытность мою въ Варшавѣ, мнѣніе графа Бестужева было, чтобъ объ этомъ представить высшей командѣ и просить сыскать двоихъ пленипотентовъ, совершенно искусныхъ въ правахъ польскихъ, и заключить съ ними контрактъ. Поэтому прошу васъ повторить вышней командѣ прошеніе объ этихъ двоихъ пленипотентахъ: иначе никакого успѣха отъ коммисіи ожидать нельзя".

Голембовскій написалъ Огинскому съ выговоромъ за его поступокъ, обозначенный въ письмѣ Волчанскаго, причемъ напоминалъ ему о благодарности, которою онъ обязанъ за милости императрицы. Огинскій отвѣчалъ ему наглымъ письмомъ: „На ваши выговоры я отвѣчаю умѣренно и безъ оскорбленія вашей особы, съ выраженіемъ однако удивленія, что вы, будучи уже совершеннолѣтнимъ, дали себя обмануть баснями Волчанскаго, который забавляется донесеніями о такихъ дѣлахъ, какихъ никогда не бывало, съ явнымъ намѣреніемъ нарушить миръ, господствующій между обоими государствами. Увлекшись излишнею довѣрчивостію, вы запосчивымъ слогомъ упрекаете меня въ неблагодарности и другихъ качествахъ, отъ которыхъ я далекъ по природѣ моей. Пусть эта ложь останется при томъ, кто ей вѣритъ и кто ее выдумалъ. Я питаю всякую благодарность къ пресвѣтлѣйшей государынѣ, подданныхъ своихъ имѣю право наказывать и стращать какъ хочу, и въ этомъ ни у кого спрашиваться не обязанъ; дѣло же вѣры принадлежитъ одному Богу, Который Самъ просвѣщаетъ совѣсть. Соизвольте предпочесть мою правду пустымъ донесеніямъ."

Вмѣсто того, чтобъ разсердиться на Огинскаго, который позволилъ себѣ отдѣлаться одною наглостію, не привелъ ни одного доказательства въ свою пользу и подтвердилъ только показаніе Волчанскаго словами: „Подданныхъ своихъ имѣю право наказывать и стращать какъ хочу, и въ этомъ ни у кого спрашиваться не обязанъ",—вмѣсто того, чтобъ разсердиться на Огинскаго, Голембовскій разсердился на Волчанскаго, и жаловался на Православныхъ духовныхъ, что они „преждевременными и часто весьма неосновательными жалобами сами возбуждаютъ ненависть къ себѣ, а намъ причиняютъ безпокойство, насъ изъ-за нихъ обвиняютъ въ легковѣріи." Съ такими жалобами Голембовскій обращался въ Петербургъ, и въ своихъ сношеніяхъ съ западно-русскимъ духовенствомъ не скрывалъ своего неудовольствія на него. Тогда епископъ Волчанскій обратился въ Синодъ съ жалобою на резидента, какъ на невѣрнаго слугу государыни. Синодъ принялъ сторону епископа, и резидентъ получилъ предписаніе не безпокоить болѣе духовенства своими наставленіями, не вмѣшиваться въ его дѣла, развѣ оно само потребуетъ его помощи. Дѣло о коммисіи кончилось по желанію духовенства: изъ Дрездена пришелъ приказъ королевскій, что коммисія откладывается до пріѣзда самого Августа III въ Варшаву. Понятно, что Православные могли получить удовлетвореніе не отъ какой-нибудь польской коммисіи, а только отъ русскаго коммисара, какимъ былъ Рудаковскій, присланный отцомъ Елисаветы. Но теперь обстоятельства были не тѣ: хотѣли противодѣйствовать прусскому вліянію въ Польшѣ, хотѣли провести чрезъ ея земли войска, и потому не хотѣли ссориться съ Поляками [1]).

Въ Берлинѣ ничего не выиграли отъ удаленія Чернышева, ибо его мѣсто занялъ вызванный изъ Франкфурта Кейзерлингъ, извѣстный врагъ франко-прусской политики. Отъ 7 февраля Кейзерлингъ извѣстилъ свой Дворъ объ аудіенціи, которую онъ имѣлъ у Фридриха II, въ Потсдамѣ. Кейзерлингъ началъ тѣмъ, что истинное намѣреніе императрицы— ненарушимо сохранять дружду между обоими Дворами и усиливать ее, для чего онъ, Кейзерлингъ, и присланъ. Король отвѣчалъ, что и онъ ничего такъ не желаетъ, какъ еще больше затянуть этотъ узелъ дружбы, признавая драгоцѣнность послѣдней Кейзерлинга пригласили къ столу, оставили ночевать въ Потсдамѣ и на другой день опять пригласили къ столу. На мѣсто Мардефельда въ Петербургъ отправленъ былъ министромъ графъ Финкенштейнъ, о которомъ Кейзерлингъ прислалъ не очень лестные отзывы, какъ о мастерѣ подольщаться и всякаго привлекать на свою сторону интриганѣ, человѣкѣ лживомъ, необразованномъ и небольшаго ума и, потому, употребляющемъ мелкія средства [2]).

И въ Петербургѣ мало выигрывали отъ смѣны Мардефельда Финкенштейномъ. Первымъ дѣломъ новаго посланника было сблизиться съ Воронцовымъ, котораго въ депешахъ своихъ онъ обыкновенно называетъ „важнымъ пріятелемъ." Отъ 3 іюля онъ писалъ королю: „Я нахожу здѣсь дѣла въ самомъ неполезномъ состояніи для интересовъ вашего величества. Канцлеръ остается все тотъ же относительно вашего величества; но хуже всего то, что онъ теперь сильнѣе и пользуется большимъ, противъ прежняго, довѣріемъ императрицы. Онъ такъ

---

[1]) Дѣла Польскія.
[2]) Дѣла Прусскія.

хорошо воспользовался всѣми обстоятельствами, случившимися по отъѣздѣ барона Мардефельда, что непріятелямъ его ничего другого не остается дѣлать, какъ держать себя въ оборонительномъ положеніи и ожидать лучшихъ временъ. Подкупъ канцлера кажется мнѣ дѣломъ очень труднымъ, даже невозможнымъ, ибо, при его пламенномъ усердіи къ дѣлу союзныхъ Дворовъ, можно было бы только подать ему этимъ новое оружіе въ руки, которое онъ сталъ бы употреблять противъ вашего величества. По моему убѣжденію, я долженъ вести себя такъ, чтобъ не подать ему ни малѣйшаго повода ко мнѣ привязаться; я долженъ оказывать ему уваженіе, притворствовать и не возбуждать ни малѣйшаго подозрѣнія, что я нахожусь въ какихъ-либо сношеніяхъ съ его врагами, а между тѣмъ подъ рукою входить съ ними въ соглашенія, какимъ бы образомъ предупреждать и отвращать удары, которыхъ отъ него всегда должно опасаться, и съ терпѣніемъ ожидать, пока фортуна утомится служеніемъ злодѣю."

Вскорѣ затѣмъ Финкенштейнъ доносилъ, что дружба между „важнымъ и смѣлымъ пріятелями" (Воронцовымъ и Лестокомъ) неизмѣнно очень велика; они нашли способъ преклонить на свою сторону тайнаго совѣтника Веселовскаго, самаго умнаго человѣка въ Россіи и знающаго тайны канцлера. Смѣлому пріятелю, Лестоку, Финкенштейнъ далъ денегъ,—и тотъ просилъ обнадежить короля въ его усердіи.

Въ августѣ важный пріятель разсказалъ Финкенштейну, что канцлеръ съ своею шайкою обвиняетъ его, Воронцова, будто бы онъ всѣ тайны открываетъ Прусскому королю; чтобъ дать большую силу этому обвиненію, они нѣсколько смягчаютъ его, внушая, что вице-канцлеръ человѣкъ честный и преданъ интересамъ государыни, но не умѣетъ хранить тайны и, питая любовь къ Фридриху II, иногда, съ самыми добрыми намѣреніями открываетъ такія дѣла, которыя могутъ имѣть важныя послѣдствія. Воронцовъ открылъ также Финкенштейну, что послѣднее пребываніе его въ Петергофѣ дало ему возможность разговаривать о многихъ важныхъ предметахъ съ императрицею и открыть ей глаза относительно множества вещей, отчего она пришла въ большое удивленіе. Онъ указалъ ей на самовластіе канцлера, который въ Коллегіи одинъ самъ собою дѣла отправляетъ, не давая знать о нихъ ни вице-канцлеру, ни другимъ членамъ. Онъ предложилъ императрицѣ и способъ сократить чрезмѣрную власть перваго министра, именно—дать ему указъ всѣ дѣла производить чрезъ Коллегію и ни о чемъ не докладывать прежде, чѣмъ дѣло будетъ извѣстно всѣмъ, кому о немъ знать надлежитъ. Письменное мнѣніе объ этомъ Воронцова Елисавета оставила у себя, сказавши, что просмотритъ его. Въ благодарность за такую откровенность, Финкенштейнъ сообщилъ важному пріятелю извѣстіе, что канцлеру приписывается обширный замыселъ, касающійся ниспроверженія наслѣдственнаго порядка въ Россіи и возстановленія принца Іоанна на мѣсто великаго князя Петра Ѳедоровича. Воронцовъ замѣтилъ на это, что канцлеръ въ состояніи все предпринять.

Воронцовъ внушалъ Финкенштейну, чтобъ тотъ былъ осторожнѣе въ своихъ донесеніяхъ королю, потому что депеши его въ цифрахъ могутъ перехватить, ибо для этого не жалѣютъ труда. Финкенштейнъ сначала приписывалъ эти внушенія трусливости вице-канцлера, но приведенъ былъ въ крайнее изумленіе, когда тотъ разсказалъ ему содержаніе одной его депеши. Когда узнали объ отправленіи тридцатитысячнаго корпуса къ Рейну, то Финкенштейнъ сталъ внушать Воронцову, нельзя ли склонить кого-нибудь изъ духовенства представить императрицѣ съ религіозной точки зрѣнія непозволительнность этой мѣры. Но Финкенштейнъ имѣлъ мало надежды на успѣхъ, „ибо", писалъ онъ, „канцлеръ держитъ большую часть духовенства въ своихъ рукахъ, такъ-что оно чрезъ него обыкновенно дѣлаетъ свои внушенія". Финкенштейнъ сообщилъ королю, что Воронцовъ подалъ мнѣніе противъ похода на Рейнъ, но императрица не обратила на него вниманія.

Фридрихъ II, обезпокоенный этою рѣшительностію Петербургскаго Двора принять участіе въ войнѣ, боялся, что можетъ оказаться такая же энергія и относительно Швеціи, и далъ знать Финкенштейну, что это было бы противно интересамъ Пруссіи [1]).

Въ началѣ января Шведскій король объявилъ Корфу, что французская партія, по его мнѣнію, не успѣетъ провести Прусскаго союза; если же она будетъ на это настаивать, то онъ никакъ не согласится и велитъ внести въ протоколъ свой протестъ съ подробнымъ изложеніемъ причинъ, заставляющихъ его такъ дѣйствовать, и съ указаніемъ на присягу свою, которою онъ обязался предъ государствомъ. Король при этомъ высказалъ свое неудовольствіе на слабость дѣйствій патріотической партіи на сеймѣ, что подвергло его самого опасности и заставило назначить сенаторами людей ему непріязненныхъ, которые въ тайномъ комитетѣ предлагали потребовать у него отреченія отъ короны за умѣренную пенсію. „Прошу обнадежить императрицу", заключилъ король, „что я никогда не отступлю отъ главнаго моего принципа—утвердить доброе согласіе между обоими государствами". Корфъ замѣтилъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, императрица не можетъ ожидать добра отъ большинства голосовъ въ сенатѣ. Король отвѣчалъ, что на будущее время по русскимъ дѣламъ будетъ подавать свой голосъ не иначе какъ письменно: это должно сдержать злыя намѣренія большинства, которое подвергнется отвѣтственности на сеймахъ. Корфъ нашелъ въ наружности короля большую перемѣну къ худшему, и далъ знать своему Двору, что печаль отъ несчастнаго сенатор-

---

[1]) Перлюстраціи въ Государ. Архивѣ.

скаго избранія можетъ имѣть опасныя слѣдствія для здоровья короля.

Тайный комитетъ, не опасаясь теперь никакого противодѣйствія со стороны сената, вознамѣрился-было дать инструкцію шведскому послу въ Петербургѣ, графу Барку, чтобъ онъ ревностно защищалъ Тессина и перемѣнилъ къ нему отношенія Петербургскаго Двора; если же это не удастся, то французская партія надѣялась выиграть въ томъ, что непріятный ей Баркъ возбудилъ бы этимъ противъ себя нерасположеніе императрицы. Но это намѣреніе было оставлено, когда изъ Берлина пришли извѣстія, что въ Россіи дѣлаются сильныя вооруженія, немогущія имѣть никакой другой цѣли, кромѣ войны Шведской. Тогда рѣшили, чтобъ король написалъ грамоту императрицѣ, выставилъ бы всѣ свои старанія о поддержаніи дружбы; но если, вмѣсто нея, обнаруживается холодность между двумя Дворами, то виноватъ баронъ Корфъ, который вовсе поступаетъ не такъ, какъ слѣдовало бы поступать министру тѣсно-союзнаго Двора, а именно: не такъ часто бываетъ при Дворѣ, какъ другіе иностранные министры; о чемъ поговоритъ съ королемъ,—сейчасъ разскажетъ мѣщанамъ; подаетъ меморіалы свои королю не чрезъ министерство, а чрезъ другихъ особъ; въ этой же грамотѣ король долженъ былъ оправдать Тессина. Это подало поводъ въ сенатѣ къ жестокому спору между членами русской и французской партіи. Король сказалъ, что онъ отечески совѣтуетъ сенату не подавать Русской императрицѣ повода къ жалобѣ на Швецію, прекратить торговлю хлѣбомъ, льномъ, пенькою, удержать субсидіи, однимъ словомъ—предоставить Швецію ея судьбѣ. Но французское большинство объявило, что если король откажется подписать грамоту, то по уставамъ можетъ подписать и кронпринцъ. Тогда король отвѣчалъ, что подпишетъ, слагая отвѣтственность на сенатъ.

Корфъ, объясняя свое поведеніе по поводу этой грамоты, писалъ императрицѣ, что при королевскомъ Дворѣ онъ бываетъ часто, при Дворѣ кронпринца—рѣже, потому что тамъ не обращаютъ на него должнаго вниманія, приглашаютъ къ столу, когда никто не приглашенъ изъ знатныхъ, тогда какъ король всегда приглашаетъ вмѣстѣ двоихъ или троихъ сенаторовъ; вечеромъ при Дворѣ кронпринца всѣ садятся играть въ карты, а русскій посланникъ долженъ разговаривать съ какимъ-нибудь прапорщикомъ или поручикомъ. На придворныхъ балахъ кронпринцесса до тѣхъ поръ не танцуетъ, пока Корфъ не отойдетъ прочь, чтобъ только не танцовать съ нимъ.

7 февраля собрался секретный комитетъ въ чрезвычайномъ множествѣ членовъ, и бургомистръ небольшаго городка Эрегрунда, Бобергъ, потребовалъ, чтобъ арестованъ былъ купецъ Спрингеръ за то, что во время сейма часто ходитъ въ домъ русскаго посланника, слѣдовательно замышляетъ что-нибудь опасное. Предложеніе это подало поводъ къ жестокимъ и продолжительнымъ спорамъ; но члены французской партіи заперли двери и приступили къ подачѣ голосовъ, разсчитывая на успѣхъ при своемъ большинствѣ, а между тѣмъ духовные встали и удалились съ протестомъ. Когда большинствомъ голосовъ рѣшенъ былъ арестъ, то депутація секретнаго комитета, обойдя короля, который объ этомъ ничего не зналъ, отправилась къ кронпринцу съ просьбою дать съ гауптвахты офицера и 14 человѣкъ солдатъ для арестованія Спрингера. Кронпринцъ, давно уже съ нетерпѣніемъ ожидавшій этой депутаціи, немедленно далъ караулъ—и Спрингера арестовали, захватили всѣ его бумаги. Кромѣ Спрингера, хотѣли схватить еще канцеляріи совѣтника Рангштета. Корфъ, зная, что арестъ человѣка, игравшаго одну изъ самыхъ видныхъ ролей въ русской партіи, приведетъ членовъ ея въ совершенное бездѣйствіе, тѣмъ болѣе-что они сильно уныли и отъ Спрингерова ареста,—Корфъ поздно вечеромъ отправился къ королю, объявилъ, какой слухъ въ городѣ носится о Рангштетѣ, и прибавилъ, что онъ принадлежитъ къ русскому посольству, завѣдываетъ хозяйствомъ посла, ибо прочіе служители, какъ иностранцы, по незнанію мѣстныхъ условій, не могутъ вести выгодно хозяйства Король въ тотъ же вечеръ велѣлъ позвать къ себѣ Пальмштерна и Горлемана, и, въ присутствіи генерала Шталя, сдѣлалъ имъ жестокій выговоръ: „Вы", говорилъ онъ, „обнадежили меня словесно и письменно, что не предпримете ничего, что бы могло нарушить дружбу съ Русскою императрицею, а теперь вы позволяете себѣ такіе поступки, въ которыхъ едва ли можете оправдаться. Арестованіе Спрингера, въ которомъ я никакого участія не имѣю, я отдаю на вашу совѣсть; а теперь уже носится слухъ, что невиннаго Рангштета хотятъ такъ-же схватить на улицѣ, хоть извѣстно, что онъ принадлежитъ къ русскому посольскому дому, и ни одному иностранцу не запрещено держать слугъ изъ Шведовъ"

На другой день король прислалъ къ Корфу статсъ-секретаря Нолькена съ объявленіемъ, что слухъ о Рангштетѣ неоснователенъ. Но Корфъ далъ знать своему правительству, что французская партія хочетъ схватить крестьянскаго предводителя на сеймѣ Гедмана, и писалъ по этому случаю: „Если члены французской партіи этихъ трехъ человѣкъ достанутъ въ свои руки, то намѣрены, по примѣру испанской инквизиціи, хитростію, насильствомъ, обѣщаніями и угрозами, какъ они это сдѣлали въ 1741 году съ бѣднымъ Гильденштерномъ, заставить того или другого оговорить сенаторовъ—Окергельма, Левена и Цедеркрейца, также двоихъ надворныхъ совѣтниковъ—Аркенгольца и Вормгольца, чтобъ ихъ можно было такъ-же арестовать, а за ними арестовать генераловъ Дюринга и Сталя, канцлера юстиціи Сильфершильда, надворнаго суда совѣтника Фреденштирна, молодаго камергера, барона Пехлина: тогда они легко могли бы управиться и съ графомъ Белке, ниспровергнуть всю патріотическую партію, и ваше величество, въ разсужденіи

своего интереса, уже ни на что положиться не могли бы, и потому надобно употреблять всякіе способы у духовнаго и крестьянскаго чина, чтобъ отвратить этотъ опасный подкопъ. Кронпринцъ игралъ въ карты, когда капитанъ гвардіи Флемингъ изъ тайнаго комитета сообщилъ ему, что изъ писемъ канальи Спрингера ничего нельзя извлечь для его обвиненія. Принцъ перемѣнился въ лицѣ, карты выпали изъ рукъ; онъ велѣлъ позвать къ себѣ Пальмштерна и долго съ нимъ разговаривалъ".

Между тѣмъ, несмотря на силу французской партіи, арестованіе Спрингера произвело сильное волненіе, ибо здѣсь затронута была безопасность каждаго; духовенство 22 голосами противъ 14 рѣшило, что назначенные изъ секретнаго комитета въ слѣдственную коммисію надъ Спрингеромъ три члена изъ духовенства не должны въ ней присутствовать. Французская партія, съ своей стороны, разгласила въ народѣ, что въ рукахъ у секретнаго комитета списокъ тѣхъ лицъ, которыя подписали просительное о вспоможеніи письмо къ Русской императрицѣ. Это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобъ испугать членовъ русской партіи и зажать имъ ротъ. Однако, благодаря рѣшенію духовенства, слѣдственная коммисія надъ Спрингеромъ не могла состояться. Тогда кронпринцъ рѣшился на отчаянное средство: отправилъ въ секретный комитетъ письмо, гдѣ всѣ тѣ, которые откажутся присутствовать въ коммисіи надъ Спрингеромъ, названы бунтовщиками и государственными измѣнниками. Секретный комитетъ приказалъ предводителю (тальману) духовенства, архіепископу, созвать свой чинъ въ чрезвычайное собраніе, что и было исполнено. Но когда предводитель изустно предложилъ, чтобъ чинъ отмѣнилъ прежнее свое рѣшеніе относительно коммисіи надъ Спрингеромъ, ибо этого требуетъ безопасность короля, кронпринца и государства, иначе духовный чинъ, по письму кронпринца, сдѣлается виновнымъ въ государственной измѣнѣ, — то протопопъ Сереніусъ обвинилъ архіепископа въ незаконности дѣйствія, ибо тотъ сдѣлалъ такое важное предложеніе изустно, тогда какъ долженъ былъ представить извлеченіе изъ протокола секретнаго комитета. Послѣ сильныхъ споровъ, собраніе разошлось, ничего не постановивши; но архіепископъ самовольно приказалъ троимъ депутатамъ изъ духовенства присутствовать въ коммисіи. Въ это самое время Упсальскій университетъ избиралъ новаго канцлера вмѣсто умершаго графа Гилленборга; графъ Тессинъ очень добивался этого почетнаго и вліятельнаго мѣста, ибо большая часть молодаго дворянства воспитывалась въ Упсалѣ; но университетъ выбралъ сенатора Окергельма. Чтобъ не допустить одного изъ главныхъ членовъ противной партіи усилить свое значеніе, Тессинъ уговорилъ кронпринца искать канцлерскаго мѣста, вслѣдствіе чего назначены были вторые выборы, но и на нихъ снова былъ избранъ Окергельмъ. Но Окергельмъ не радовался этой побѣдѣ: онъ боялся, что если французской партіи удастся овладѣть крестьянскимъ чиномъ, то это будетъ грозить страшною опасностію существующей правительственной формѣ; онъ просилъ Корфа ради самого Бога не жалѣть никакихъ денегъ для подкрѣпленія крестьянъ; но Корфъ отвѣчалъ, что уже издержалъ послѣднія деньги и теперь ждетъ указа императрицы, а между тѣмъ надѣется, что патріоты, при такихъ сомнительныхъ обстоятельствахъ, сами постараются собрать сколько нибудь денегъ. Не имѣя денегъ, Корфъ дѣйствовалъ другими средствами: подалъ правительству промеморію противъ задержанія Спрингера, чѣмъ затруднилъ французскую партію, не знавшую, что отвѣчать на промеморію, ибо за Спрингеромъ не оказывалось никакой вины. Кромѣ того, Корфъ распространилъ въ народѣ напечатанную въ Германіи брошюру: „Разговоръ двухъ Шведовъ"; брошюра была направлена противъ Прусскаго союза. Корфъ писалъ своему Двору, что французская партія сильно домогается установленія самодержавія и все къ тому приготовлено. Когда сенаторъ Окергельмъ представлялъ кронпринцу, что если-бъ онъ имѣлъ малѣйшее извѣстіе, что его высочеству угодно быть канцлеромъ Упсальскаго университета, то никакъ бы не позволилъ внести себя въ число кандидатовъ, то кронпринцъ отвѣчалъ ему презрительнымъ тономъ: „Я это званіе хочу имѣть—и получу". Составляютъ планъ, чтобъ кронпринцу привести въ свое распоряженіе стокгольмскихъ горожанъ; для этого склоняютъ оберъ-штатгольда, барона Фукса, уступить это мѣсто кронпринцу за деньги. Составленъ также планъ въ полкахъ, находящихся въ восьми ближайшихъ къ Стокгольму провинціяхъ, заставить полковниковъ за деньги уступить свои мѣста, которыя раздать членамъ французской партіи, а полкъ лейбъ-гвардіи отдать самому принцу и такимъ образомъ приготовить корпусъ войска, который бы, по первому сигналу, могъ произвести въ дѣйствіе насильственный планъ французской партіи. Помѣхою для осуществленія этого плана служитъ старый король, и потому сильно хлопочутъ, какимъ бы образомъ лишить его престола: духовный и крестьянскій чины тутъ больше всего препятствуютъ. Король далъ знать Корфу, чрезъ генерала Сталя, что если будутъ сдѣланы ему предложенія объ отреченіи отъ престола, то онъ отвергнетъ ихъ съ твердостію, если только не будетъ употреблено насилія. Подозрительность дошла до такой степени, что король принималъ мѣры за столомъ, чтобъ не съѣсть или не выпить чего-нибудь отравленнаго.

Члены французской партіи прямо говорили въ секретномъ комитетѣ: „Благодаря дѣятельности комитета, благодаря избранію новыхъ сенаторовъ, Швеція освобождена отъ русской зависимости, а если-бъ мы позволили себѣ испугаться поступковъ русскаго посла, то государство наше навѣки должно было бы повиноваться повелѣніямъ его Двора. Всѣ извѣстія единогласно подтверждаютъ, какъ

ошиблись заблудшія дѣти шведскаго отечества, которыя полагались на русскую помощь. Извѣстенъ обычай Русскаго Двора на сеймахъ гордо говорить, но при этомъ и остаться. Удивительно, что друзья Россіи такъ упорно ея держатся, хотя они горькимъ опытомъ дознали, что, кромѣ обѣщаній, они отъ нея ничего не получили". Кронпринцъ сказалъ одному преданному человѣку, который обнаружилъ сомнѣніе насчетъ полезныхъ слѣдствій его поступковъ: „Не думаешь ли ты, что я не получалъ никакихъ извѣстій о состояніи Русскаго Двора? Если колпаки надѣются получить отъ него помощь, то они обмануты; мнѣ надобно пользоваться настоящими обстоятельствами, или навсегда отречься отъ своего плана. Когда я былъ Любскимъ епископомъ, то нуждался въ помощи Русской императрицы; а теперь, будучи кронпринцемъ шведскимъ, долженъ самъ себѣ помогать".

Кронпринцъ главнымъ средствомъ поставить себя на твердую почву считалъ привлеченіе на свою сторону крестьянства, для чего разослалъ по областямъ преданныхъ себѣ людей. Но крестьянскіе депутаты на сеймѣ крѣпко держались противъ французской стороны, и Корфъ писалъ, что причину такого поведенія ихъ должно приписать королю, ибо хотя русская партія и собрала небольшую сумму денегъ на содержаніе крестьянъ, но такъ какъ эта сумма оказалась недостаточною, то король далъ значительную сумму какъ на крестьянъ, такъ и на духовенство. „Старый мудрый государь", писалъ Корфъ, „принялъ при этомъ такія хорошія мѣры, что только три человѣка знаютъ тайну, такъ-что члены французской партіи никакъ не могутъ угадать, какимъ образомъ крестьяне оказываются имъ противны, несмотря на большія деньги, розданныя кронпринцемъ". Такъ какъ у крестьянскаго оратора были въ рукахъ доказательства интригъ, которыя производились для склоненія крестьянъ къ французской сторонѣ, въ его же рукахъ находился и списокъ лицъ, чрезъ которыя производились эти интриги,—то преданный русской партіи ландмаршалъ уговорилъ оратора и еще одного крестьянина объясниться откровенно съ графомъ Тессиномъ. Крестьяне прямо объявили графу, что онъ во всемъ государствѣ считается виновникомъ всякаго безпорядка; что преданные французской партіи крестьяне во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ хвастаютъ, будто кронпринцъ объявилъ себя главою сеймовыхъ дѣлъ, и они подъ такимъ покровительствомъ и разумнымъ руководствомъ графа Тессина надѣются имѣть полный успѣхъ. Но неудовольствіе въ большинствѣ крестьянъ отъ нарушенія ихъ вольности и привиллегій такъ усилилось, что можетъ быть опасно ему, графу Тессину. Конечно, ему извѣстно мнѣніе большинства народнаго, что пока правленіе будетъ въ его рукахъ, до тѣхъ поръ ни на какой надежный миръ съ Россіею надѣяться нельзя, ибо Россія оскорблена поступками его и его партіи на сеймѣ, и если Данія, увидавъ слабость Швеціи вслѣдствіе потери русской дружбы, начнетъ непріятельскія дѣйствія, то на кого падетъ отвѣтственность? Онъ, графъ Тессинъ, напрасно думаетъ, что тѣ крестьяне, которые извѣстнымъ образомъ его посѣщаютъ,—ему друзья; въ случаѣ опасности, они первые обратятся противъ него.—Смущеніе Тессина при этихъ словахъ было величайшее; онъ могъ только отвѣчать, что все это русскій посланникъ внушаетъ народу дурные о немъ слухи, но время покажетъ его невинность. Тутъ ораторъ, чтобъ еще болѣе напугать Тессина, объявилъ ему рѣшеніе крестьянъ отправить депутацію къ кронпринцу съ представленіемъ, что крестьянскій чинъ никакъ не можетъ думать, чтобъ его высочество позволилъ такъ употреблять во зло свое имя, чтобъ позволилъ объявить себя главою нѣкоторыхъ мятежныхъ крестьянъ, и потому крестьянскій чинъ проситъ позволенія изслѣдовать, кто распустилъ подобный слухъ. Тессинъ началъ усердно просить оратора, чтобъ онъ уговорилъ крестьянъ не приводить въ исполненіе своего рѣшенія, и, съ своей стороны, далъ честное слово донести кронпринцу обо всемъ и перемѣнить все дѣло.

Король при первомъ свиданіи спросилъ Корфа, слышалъ ли онъ о разговорѣ крестьянскаго оратора съ графомъ Тессиномъ. „Кое-что слышалъ", отвѣчалъ Корфъ.—„Я", продолжалъ король, „сегодня въ сенатѣ свое прямое мнѣніе объявилъ, а еще прежде въ своемъ кабинетѣ графу Тессину сильный выговоръ сдѣлалъ". Тутъ король подозвалъ къ себѣ сенатора Окергельма и сказалъ ему: „По моимъ вѣдомостямъ, французское большинство въ секретномъ комитетѣ начало уменьшаться, и надѣюсь, что, наконецъ, дѣла благополучно пойдутъ. Этимъ мы обязаны Русской императрицѣ: что бы теперь съ вами, бѣдными колпаками, сдѣлалось, еслибъ русскій посолъ не оказалъ твердости, и противную вамъ партію не держалъ въ страхѣ и трепетѣ? Были бы вы совершенно уничтожены, потому что насилія уже начались". Корфъ сказалъ на это: „Я сердечно желаю обращенія злой партіи, но чтобъ это обращеніе послѣдовало не отъ страха, а изъ сознанія истинныхъ шведскихъ интересовъ".

Корфъ предложилъ шведскому правительству приступить къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею. Русская партія требовала этого приступленія, указывая на датскія вооруженія, которыя кончатся ничѣмъ, какъ скоро узнаютъ о тройномъ союзѣ между Россіею, Австріею и Швеціею; тогда французская партія начала распускать слухи, что Россія не будетъ въ состояніи помочь Швеціи, ибо на нее вооружается Турція, и потому единственное спасеніе Швеціи — просить предлагаемыя Франціею субсидіи и тѣснѣе соединиться съ Пруссіею. Корфъ вмѣстѣ съ австрійскимъ резидентомъ опровергали слухи о враждебныхъ движеніяхъ Турціи, а король въ сенатѣ прочелъ и

велѣлъ записать въ протоколъ мнѣніе, гдѣ онъ указывалъ на необходимость приступить къ Австро-Русскому союзу и отвергнуть Прусскій.

Этотъ вопросъ о союзѣ подалъ поводъ къ страшнымъ спорамъ въ секретномъ комитетѣ. Приверженцы Прусскаго союза выставляли преимущественно опасность, которая будетъ грозить кронпринцу, если состоится приступленіе къ Австро-Русскому союзу, и потомъ указывали на состояніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи, цитуя тайныя извѣстія изъ Петербурга, Копенгагена, Лондона. По этимъ извѣстіямъ, будто бы состоялось соглашеніе между Россіею, Даніею и Англіею о низверженіи наслѣднаго принца Шведскаго; но Россія сама находится въ опасномъ положеніи: неудовольствіе между императрицею и великимъ княземъ усиливается день-ото-дня, и народъ раздѣлился на партіи; образовалась и третья, сильная партія въ пользу принца Ивана: она поддерживается нѣкоторыми иностранными Дворами. Персіяне съ сильнымъ флотомъ приближаются къ русскимъ берегамъ: на корабляхъ у нихъ 72,000 войска. Графъ Тарло обѣщалъ генералу Штейнфлихту, что какъ скоро будетъ заключенъ союзъ между Швеціею и Пруссіею, то онъ образуетъ конфедерацію въ пользу короля Прусскаго и выставитъ польскую конницу, которая будетъ защищать Пруссію отъ русскихъ нерегулярныхъ войскъ. Въ Россіи ни о какихъ вооруженіяхъ не помышляютъ; въ Финляндіи только пять галеръ и три полка, между которыми обнаружились болѣзни: при такихъ обстоятельствахъ Швеція поступила бы крайне неблагоразумно, еслибъ не обезпечила себя сильнымъ союзомъ Прусскимъ.

23 апрѣля сенатъ получилъ извѣщеніе изъ тайнаго комитета, что въ немъ рѣшено вступить въ союзъ съ королемъ Прусскимъ и отклонить предложеніе императорскаго Двора о приступленіи къ Австро-Русскому союзу. Король, поддерживаемый сенаторами русской партіи, потребовалъ-было, нельзя ли объ этомъ рѣшеніи сообщить напередъ Русской императрицѣ; но французская партія возстала противъ этого, говоря, что это покажетъ какую-то зависимость Швеціи отъ Россіи. Когда Корфъ выговаривалъ колпакамъ за слабость, оказанную ими въ этомъ дѣлѣ, то они отвѣчали, что они въ меньшинствѣ и на противной сторонѣ кронпринцъ, который дѣйствуетъ какъ самодержецъ; такъ какъ противная партія мало уважаетъ совѣсть, законы, честь и стыдъ, то они должны опасаться арестовъ, гоненій и самой пытки по обвиненію во враждебныхъ замыслахъ къ кронпринцу и государству, еслибъ они оказали дальнѣйшее сопротивленіе Прусскому союзу, не будучи навѣрно обнадежены въ помощи иностранныхъ державъ. Они даже не знаютъ, какой предстоитъ имъ жребій во время сейма, а крестьянскій чинъ хотя довольно постояненъ и могъ бы вмѣстѣ съ духовнымъ чиномъ много добра сдѣлать, но опасно, чтобъ и въ немъ не произведено было движеній интригами противной партіи, а противиться этимъ интригамъ нельзя безъ денегъ.

Торжествующая французская партія приступила теперь къ оправданію графа Тессина отъ взведенныхъ на него Русскимъ Дворомъ обвиненій, потому что ей хотѣлось доставить ему мѣсто президента канцеляріи иностранныхъ дѣлъ; говорили: „Графъ отнесся съ презрѣніемъ къ разглашеннымъ противъ него неосновательнымъ слухамъ; теперь не только Шведы, но даже иностранцы знаютъ о его невинности изъ напечатанныхъ въ его пользу сочиненій.“ Корфъ молчалъ; тогда начали говорить: „Еслибъ русскій посолъ могъ доказать что-нибудь противъ графа Тессина, то не упустилъ бы сдѣлать это теперь; его молчаніе показываетъ, что Русскій Дворъ, затрогивая графа Тессина, хотѣлъ затронуть не его, но кронпринца“. Тогда Корфъ препроводилъ канцлеру Нолькену промеморію, въ которой излагалъ содержаніе пересланнаго ему изъ Петербурга письма Тессинова къ извѣстному ренегату Бонневалю. Русскій Дворъ, недовольный поведеніемъ шведскаго министра въ Константинополѣ Карлсона, требовалъ его отозванія, что и было исполнено; но при этомъ Тессинъ писалъ Бонневалю: что Карлсонъ призывается въ Швецію только для необходимыхъ донесеній сейму о состояніи дѣлъ, по окончаніи чего возвратится въ Константинополь; что король очень доволенъ поведеніемъ Карлсона и богато наградитъ его. Мало того: преемника Карлсонова—Целзинга—графъ Тессинъ не усомнился поручить милости и руководству Бонневаля, т.-е. такого человѣка, который издавна оказывалъ себя врагомъ Россіи. „Императрица“, заключилъ Корфъ въ своей промеморіи, „никакъ не хочетъ приписывать этого королю; она обвиняетъ только министра, который, для прикрытія своихъ тайныхъ замысловъ, употребилъ во зло имя государя и государства, и потому императрица представляетъ просвѣщенному разсужденію, можетъ ли при министерствѣ этого сенатора соблюдаться и укореняться доброе согласіе между Россіею и Швеціею.“

Когда промеморія прочтена была въ сенатѣ, то французская партія пришла въ ужасъ, зная, что въ раздачѣ копій съ нея недостатка не будетъ. Графъ Тессинъ совершенно растерялся и поспѣшилъ объявить, что при такомъ состояніи дѣлъ никогда не приметъ званія президента канцеляріи иностранныхъ сношеній. Такъ какъ не могли понять, какимъ путемъ письма достались въ руки Корфу, и опасались, что пожалуй у него есть и оригиналы, если Неплюевъ нашелъ средство, по смерти Бонневаля, достать нѣкоторыя его бумаги, то и не имѣли духа отрицать подлинность писемъ.

Шведскій посолъ при Петербургскомъ Дворѣ, графъ Баркъ, дѣйствовалъ не такъ, какъ бы хотѣлось господствующей партіи, а потому на его мѣсто назначенъ былъ Вульфенстернъ, который передъ отъѣздомъ имѣлъ совѣщанія съ членами тайнаго комитета. Содержаніе этихъ совѣщаній не оста-

лось тайною для Корфа. Вульфенстерну было поручено, во-первыхъ, стараться о сверженіи канцлера Бестужева и потомъ о сверженіи настоящаго правительства. Не надобно упускать времени для сверженія Бестужева, пока еще война идетъ въ Европѣ, ибо послѣ мира королю Прусскому еще крѣпче будутъ связаны руки,—ему нужно будетъ тогда ласкать тѣ Дворы, которые теперь, находясь въ войнѣ, принуждены его ласкать. У Бестужева много враговъ въ Россіи, и Вульфенстернъ долженъ съ ними сблизиться; особенно надобно ему получить основательное свѣдѣніе, кто изъ дамъ въ наибольшей силѣ при Дворѣ; ихъ онъ долженъ приводить въ движеніе двумя способами, въ которыхъ ошибиться не можетъ, и которые онъ съ успѣхомъ употреблялъ при Дрезденскомъ Дворѣ, а именно—свое красивое лицо и волокитство; страсть къ игрѣ должна ему такъ-же помочь. Хотя графъ Баркъ и назвалъ нѣкоторыхъ мужчинъ и женщинъ, которые при случаѣ показывали свое расположеніе къ Франціи, и слѣдовательно къ Швеціи и Пруссіи, и находятся въ сильной враждѣ съ Бестужевымъ, но такъ какъ Баркъ поступалъ двоедушно, то Вульфенстернъ не обязанъ слѣпо слѣдовать его указаніямъ, не подвергнувши ихъ прежде повѣркѣ, въ чемъ графъ Финкенштейнъ и Дальонъ не откажутъ ему помочь. Если онъ при движеніяхъ противъ Бестужева будетъ нуждаться въ деньгахъ, то ему стоитъ только дать знать объ этомъ французскому министру, котораго Дворъ не откажется доставить надобную сумму. Пока дѣло не достигнетъ зрѣлости, онъ долженъ содержать виды шведскаго правительства въ глубочайшей тайнѣ; особенно не долженъ онъ имѣть явныхъ сношеній съ людьми, преданными принцу Ивану, хотя подъ рукою можетъ обѣщать имъ всякую помощь со стороны Швеціи. Что касается Корфа, то Вульфенстерну причтено будетъ въ особую услугу, если онъ добьется его отозванія. Во что бы то ни стало, его должно выжить изъ Стокгольма: ему одному надобно приписать то, что колпаки такъ упорно держатся и не хотятъ уступить. Настоящій сеймъ былъ самый трудный изъ всѣхъ, и, по введеніи въ сенатъ благонамѣренныхъ членовъ, давно уже долженъ былъ бы кончиться, если-бъ колпачная партія не была подкрѣплена хитростями Корфа при ея вредныхъ видахъ. Кромѣ того, самые тайные совѣты и мѣры не могутъ укрыться отъ Корфа, а каналы, которыми доходятъ до него свѣдѣнія, до сихъ поръ открыть нельзя. Вульфенстернъ долженъ стараться, чтобъ въ случаѣ отозванія Корфа на его мѣсто не былъ назначенъ графъ Михайла Бестужевъ-Рюминъ: онъ такъ знаетъ шведскія дѣла и такъ всѣми любимъ въ Стокгольмѣ, что при такой перемѣнѣ нельзя ничего выиграть. Вмѣстѣ съ Корфомъ долженъ быть удаленъ и канцеляріи юнкеръ Симолинъ, подозрительный своимъ знакомствомъ со всѣми людьми, враждебными настоящей системѣ.

Самымъ виднымъ изъ этихъ людей былъ сенаторъ Окергельмъ, и шляпы рѣшились поднять противъ него обвиненіе; такъ какъ Окергельмъ пользовался большимъ уваженіемъ, то вопросъ — наряжать ли противъ него слѣдствіе — прошелъ утвердительно только большинствомъ трехъ голосовъ. Колпаки обратились къ Корфу съ представленіемъ, что, благодаря такому расположенію къ Окергельму, можно еще выиграть дѣло; что они сложились и собрали нѣсколько денегъ, но мало, и потому не можетъ ли онъ дать имъ 4,000 рублей для соблюденія интересовъ ея величества, такъ тѣсно связанныхъ съ сохраненіемъ Окергельма. Корфъ отвѣчалъ, что пошлетъ за указомъ въ Петербургъ. Планъ французской партіи состоялъ въ томъ, чтобъ, управясь съ Окергельмомъ, въ продолженіи сейма вытѣснить изъ сената и другихъ сенаторовъ русской партіи, именно—Кронстета, Левена, Врангеля и Цедеркрейца, а чтобъ сдѣлать пріятное Елисаветѣ,—ввести снова въ сенатъ члена русской партіи графа Бонде и даже сдѣлать его президентомъ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ. Но Корфъ писалъ, что Бонде не уменъ и трусоватъ, безъ подкрѣпленія и наставленія Окергельма никакой помощи Россіи оказать не можетъ; графъ Тессинъ съ своими сообщниками въ сенатѣ стали бы совершенно имъ управлять. Всѣ благонамѣренные усердно молятся, чтобъ благопріятнымъ вѣтромъ принесло русскія галеры къ шведскимъ берегамъ: тогда французская партія ослабѣетъ, благонамѣренные пріѣдутъ изъ провинцій—и дѣла примутъ другой ходъ.

Такъ какъ графъ Баркъ далъ знать, что Корфъ сообщаетъ своему Двору самыя тайныя дѣла, то положили канцелярскую переписку раздѣлить на внутреннюю и внѣшнюю, и послѣднюю поручить только самымъ надежнымъ секретарямъ. Корфъ, донося объ этомъ распоряженіи, замѣчалъ: „Это мнѣ не помѣшаетъ имѣть вѣрныя извѣстія обо всемъ. Шведскіе молодые люди такъ испорчены, что деньгами ихъ ко всему склонить можно. Надобно опасаться одного,—что когда тѣ люди, которыми я до сихъ поръ пользовался, въ иностранномъ отдѣлѣ не останутся, то надобно будетъ отыскивать новыхъ; и такъ какъ ихъ будетъ меньше, то потребуютъ и бо́льшаго вознагражденія; поэтому ваше величество не соизволите ли малую сумму, около 1,500 рублей, опредѣлить“. Корфъ имѣлъ возможность донести своему Двору объ отвѣтѣ кронпринца одному вельможѣ, который говорилъ, что долгіе сеймы всегда бывали вредны для Швеціи: „Сдѣлай только“, отвѣчалъ принцъ, „чтобъ Окергельмъ уволился изъ сената и далъ по себѣ поруку, что впредь никогда въ сеймовыя дѣла мѣшаться не будетъ; также пусть русскій посолъ отсюда уѣдетъ,—и я обѣщаю, что сеймъ въ восемь дней окончится; но всѣ истинные патріоты такого мнѣнія, что они и принятыя ими на нынѣшнемъ сеймѣ полезныя мѣры не могутъ быть обезпечены, пока эти два человѣка будутъ вмѣстѣ“.

Чтобъ поддержать Окергельма, Корфъ велѣлъ раздать крестьянамъ 5,000 талеровъ; но это не

помогло: большинство оказалось не за Окергельма, и послѣдній, испугавшись, согласился подать въ отставку отъ сенаторской и оберъ-маршальской должности. Въ Петербургѣ графъ Баркъ подалъ императрицѣ жалобу на Корфа за его вмѣшательство во внутреннія дѣла Швеціи, за представленія настоящаго министерства злонамѣреннымъ и т. п.; но жалоба, разумѣется, не произвела никакого дѣйствія.

Въ русскомъ отвѣтѣ говорилось, что императрица „не безъ удивленія усмотрѣть принуждена, что нѣкоторая партія, которая была причиною прежнихъ несогласій, по своекорыстнымъ своимъ видамъ, сильно старается не только доброе сосѣдственное согласіе, сколько возможно, нарушить, но и свое отечество въ новыя дальности привесть. Эта партія, по своему превратному намѣренію, никакого надежнѣйшаго предмета изыскать не могла, какъ его величество, короля, склонить на ея императ. величества посла барона — Корфа — жалобы приносить повелѣть. Ея величество не можетъ не выразить своего удивленія, что съ шведской стороны хотятъ сочинять жалобы, къ которымъ сами поводъ подали". По опроверженіи всѣхъ жалобъ, отвѣтъ заключаетъ: „Ея императорское величество, по любви его величества короля и справедливости, такимъ образомъ обнадежена пребываетъ, что его величество безъ труда симъ неосновательство всѣхъ на ея посла принесенныхъ жалобъ усмотрѣть, еже его королевскому величеству и толь легче будетъ, понеже онъ посла при каждомъ случаѣ особливо отличалъ, и многіе знаки своего милостиваго удовольствія объ немъ оказалъ. Ея императорское величество имѣетъ потому основательную причину чаять, что его величество король во всѣхъ сихъ жалобахъ весьма никакого участія не принялъ, но оныя только нѣкоторыми персонами, кои охотно приватной своей корысти при поссореніи Дворовъ ищутъ, умышленно составлены". Не имѣя возможности отдѣлаться отъ Корфа, тѣмъ сильнѣе начали хлопотать о томъ, чтобъ добить членовъ русской партіи, чѣмъ наносился самый чувствительный ударъ Корфу. Тайный комитетъ рѣшилъ отказать Окергельму въ увольненіи изъ сената, а призвать его предъ особо назначенную депутацію къ отвѣту въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, равно какъ и единомысленныхъ съ нимъ сенаторовъ Кронштета, Поссе и Врангеля. Тѣ самые люди, которые напугали его и присовѣтовали подать въ отставку, теперь начали его уговаривать, чтобъ онъ, для избѣжанія бѣды, подалъ въ тайный комитетъ меморіалъ, гдѣ бы призналъ себя виновнымъ и предалъ себя великодушію тайнаго комитета: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть обнадеженъ, что съ честію выйдетъ изъ дѣла и получитъ увольненіе. Но Окергельмъ показалъ себя не совсѣмъ колпакомъ и не согласился на это предложеніе, увидавъ ясно, что его нарочно уговорили подать въ отставку, чтобъ накинуть на него подозрѣніе въ народѣ. Въ русской партіи было рѣшено, чтобъ Окергельмъ обратился ко всѣмъ четыремъ чинамъ, а между тѣмъ духовный и крестьянскій чины привести къ тому, чтобъ они его поддерживали; обратились и къ мѣщанскому чину; но бургомистръ Бобергъ потребовалъ за услугу 10,000 платовъ, какой суммы достать было не-откуда: тогда самъ король взялся ее доставить, занявши за 12 процентовъ. Тайный комитетъ настоялъ, чтобъ Окергельмъ отвѣчалъ предъ депутаціею, послѣ чего въ комитетѣ онъ былъ оправданъ и рѣшено дать ему увольненіе изъ сената; но духовный и крестьянскій чины потребовали, чтобъ Окергельмъ, за его великія заслуги, оставленъ былъ въ сенатѣ, за что получили отъ Корфа обѣщанные имъ 7,000 талеровъ (мѣдною монетою). „Такимъ образомъ", писалъ Корфъ, — „изъ назначенныхъ вашимъ величествомъ для Окергельмова дѣла 4,000 рублей издержано до 1,800 рублей; а что французская партія не примѣтила, какъ дѣлалось въ духовномъ и крестьянскомъ чинахъ, — это видно изъ смущенія ея членовъ, когда они узнали о рѣшеніи духовнаго и крестьянскаго чиновъ. Ландмаршалъ велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ крестьянскаго старшину (тальмана) и старался ему внушить объ опасныхъ слѣдствіяхъ поступка обоихъ чиновъ, прося его измѣнить дѣло на будущемъ полномъ собраніи чиновъ; послалъ и за Окергельмовымъ секретаремъ и просилъ его склонить сенатора, чтобъ онъ настоялъ на своемъ увольненіи, ибо иначе французская партія къ нему вновь придерется и вторично подниметъ его дѣло. Секретарь отвѣчалъ, что онъ не можетъ вмѣшаться въ это дѣло, да и не видитъ, какъ можно взвести на Окергельма новыя обвиненія, когда онъ уже оправданъ секретнымъ комитетомъ. Между тѣмъ комитетъ собрался въ превеликой ярости. Пальмстерна угрожалъ Окергельму конечною погибелью, и всѣ вообще нападали на духовный чинъ, особенно на епископа Альстрина, крича, что онъ хотѣлъ воспалить огонь несогласія во всѣхъ четырехъ частяхъ государства: старикъ приведенъ былъ въ такое волненіе грубыми выраженіями противниковъ, что больной отвезенъ былъ домой. Принято рѣшеніе начать переговоры съ Окергельмомъ, въ которыхъ проведенъ цѣлый день. Передъ домомъ Окергельма вдругъ появилось множество людей, одна карета отъѣзжала, другая подъѣзжала; сперва налегали на него съ угрозами, что если онъ своего увольненія не приметъ, то неминуемо придетъ въ гораздо опаснѣйшее состояніе. Такъ какъ угрозы оказались недѣйствительны, то употребили сладкія слова, обѣщая ему со стороны тайнаго комитета такое вознагражденіе, которое замѣнитъ всякую пенсію, какую бы онъ могъ получить, и потому въ его волѣ состоитъ возвратить государству согласіе. Окергельмъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не хочетъ умножить раздоръ въ государствѣ; но тайный комитетъ передалъ его дѣло чинамъ, и потому онъ будетъ ожидать ихъ рѣшенія; онъ подалъ въ отставку поневолѣ, и, несмотря на то, противъ него начали

дѣло, и нѣкоторое время его репутація подверглась пересудамъ народнымъ; отъ пенсіи же онъ отказаться не можетъ. Переговоры еще продолжаются, а между тѣмъ я стараюсь поддерживать его смѣлость и постоянство, и онъ обѣщаетъ мнѣ быть твердымъ. Нѣкоторые изъ твердѣйшихъ патріотовъ думаютъ, что не будетъ никакого вреда ихъ дѣлу, если Окергельмъ при настоящихъ обстоятельствахъ выйдетъ изъ сената: его невинность и злонамѣренность противниковъ ясны, и на будущемъ сеймѣ можно легко дѣйствовать въ его пользу, маршальскій жезлъ его не минуетъ, и такимъ образомъ онъ больше будетъ имѣть случая показать свои услуги въ рыцарскомъ дому, чѣмъ въ сенатѣ, гдѣ большинство голосовъ на сторонѣ враждебной; останется онъ въ сенатѣ, то всѣ злонамѣренные соединятся противъ него вмѣсто того, чтобъ ссориться между собою, что непремѣнно послѣдовало бы, еслибъ они не имѣли общаго предмета ненависти въ немъ".

Подучили самого короля, чтобъ и тотъ уговорилъ Окергельма выдти изъ сената; но старикъ не принялъ и королевскихъ представленій. Тогда французская партія подкупила придворнаго проповѣдника Троиліуса, одного изъ лучшихъ друзей Окергельма. Троиліусъ пошелъ въ собраніе духовнаго чина, благодарилъ его за желаніе удержать Окергельма въ сенатѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ его именемъ, что онъ для общаго блага и для возстановленія согласія между государственными чинами не хочетъ оставаться сенаторомъ. Духовный чинъ, не подозрѣвая нисколько Троиліуса, сильно разсердился на Окергельма за его непостоянство, и опредѣлилъ дать знать прочимъ чинамъ, что такъ какъ Окергельмъ настаиваетъ на своемъ увольненіи, то духовный чинъ приступаетъ къ рѣшенію дворянскаго и мѣщанскаго чиновъ. Такимъ образомъ, дѣло объ оставленіи Окергельма сенаторомъ и было покончено; враждебная партія не замедлила разгласить, что, значитъ, у Окергельма нечиста совѣсть, когда онъ не посмѣлъ остаться въ сенатѣ, находясь въ такомъ выгодномъ положеніи, имѣя на своей сторонѣ духовенство и крестьянъ. Вслѣдъ за тѣмъ французская партія одержала и другую побѣду: провела Тессина въ президенты канцеляріи иностранныхъ дѣлъ. Сеймъ кончился въ декабрѣ [1]).

Гроссъ изъ Парижа доносилъ въ Петербургъ, что Франція такъ же сильно интригуетъ противъ Россіи и въ Константинополѣ, какъ въ Стокгольмѣ. Неплюевъ въ началѣ года писалъ изъ Константинополя: „Хотя теперь съ турецкой стороны чего-нибудь опасаться и нечего; хотя всѣ пріятели обнадеживаютъ, что Порта ни о чемъ противъ вашего императорскаго величества не помышляетъ, и хану внушено сохранять спокойствіе:—однако уменьшать предосторожности не слѣдуетъ, а надобно прибавить на Украйнѣ нѣсколько полковъ; это послужитъ въ пользу Вѣнскаго Двора и противъ французскихъ подущеній, которыя не только не перестаютъ, но еще умножаются, впрочемъ, по благости Божіей, безъ успѣха". Такъ французскій посолъ—Кастелланъ—внушалъ, что въ Россіи, на Украйнѣ, вспыхнулъ бунтъ, нѣсколько казаковъ ушло въ Польшу, и вообще вся Малороссія ждетъ только удобнаго случая къ возстанію; что Порта должна воспользоваться этими обстоятельствами и сдѣлать диверсію въ пользу Швеціи, которой Россія хочетъ предписывать законы.

21 января явились къ Неплюеву три человѣка, венеціанскій подданный, корабельщикъ Макри, александрійскій Грекъ Пери и Русскій подданный Ѳеодоръ Ивановъ. Пери, служившій у послѣдняго толмачемъ, объявилъ слѣдующее: Ѳедоръ Ивановъ называетъ себя сыномъ царя Ивана Алексѣевича; будто въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ порученъ для скрытія матерью его, царицею Прасковьею Ѳеодоровною, греческому монаху, Евфимію, вмѣстѣ съ одною женщиною Голландкою, по имени Маріею. Евфимій, одѣвъ его въ женское платье, провезъ изъ Москвы въ Астрахань, а оттуда чрезъ Персію въ Бассору, гдѣ Марія умерла, а монахъ съ Ѳедоромъ Ивановымъ переѣхалъ въ окрестности Дамаска. Между тѣмъ монахъ, будто бы, три раза ѣздилъ въ Россію, жилъ тамъ по два и по три года, и привозилъ много денегъ и драгоцѣнныхъ камней, полученныхъ, будто бы, отъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны. Евфимій пропалъ въ Іерусалимѣ, а Иванъ Ѳедоровъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ Азіи, содержа себя продажею драгоцѣнныхъ камней, оставленныхъ ему Евфиміемъ; потомъ объявилъ себя лѣкаремъ и взялъ себѣ въ толмачи Пери, потому что не зналъ никакого другого языка, кромѣ Арабскаго; былъ въ Кипрѣ, гдѣ открылъ свое происхожденіе архіепископу, который посовѣтовалъ ему отправиться на Аѳонскую гору; здѣсь монахи приняли его дурно, объявивши плутомъ и лжецомъ, и онъ отправился въ Константинополь. Неплюевъ сталъ увѣщевать самозванца, чтобъ объявилъ о себѣ сущую правду; тотъ отвѣчалъ, что отъ роду ему 40 лѣтъ, и что все, сказанное Пери, правда. Тогда Неплюевъ принялся за другое средство: велѣлъ сѣчь его нещадно плетьми, и заставилъ объявить, что онъ дѣйствительно Русскій подданный, а изъ котораго мѣста, какъ выѣхалъ и кто его отецъ,—о томъ ничего не знаетъ, кромѣ того, что монахъ Евфимій и жена его, Марья, ему объявили; а если они все затѣяли ложно, то и онъ лжетъ. Неплюевъ велѣлъ его сковать и отправить въ Россію сухимъ путемъ съ поручикомъ Обрѣзковымъ, наказавъ последнему употребить всѣ средства, чтобъ не дать колоднику уйти. Самозванецъ притворился, что сильно желаетъ возвратиться въ Россію; но, пріѣхавъ съ Обрѣзковымъ въ Айдосы, закричалъ, чтобъ Турки освободили его, какъ султанскаго подданнаго, и что онъ хочетъ принять магометанство. Обрѣзковъ выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, но не попалъ, и, не успѣвши выручить его изъ

[1]) Дѣла Шведскія.

турецкихъ рукъ никакими посулами и домогательствами, поспѣшилъ возвратиться въ Константинополь. Неплюевъ, чтобъ спасти теперь Обрѣзкова отъ опасности и не завести непріятнаго дѣла съ Портою, отправилъ его немедленно опять въ Россію на Кіевъ. Послѣ Неплюевъ узналъ, что турецкое правительство отправило Ѳедора Иванова въ Алеппо, откуда онъ объявилъ себя родомъ [1]).

Новое значеніе турецкимъ отношеніямъ грозилъ дать переворотъ, происшедшій въ Персіи. Назначенный сюда полномочнымъ посломъ князь Голицынъ, въ началѣ описываемаго года, вступилъ въ персидскія границы; но въ апрѣлѣ писалъ императрицѣ изъ Ряща, что отъ самыхъ границъ до этого города, кромѣ обидъ, наглости и неудовольствій, отъ Персіянъ ничего не видалъ и на будущее время лучшаго надѣяться нельзя; притомъ во многихъ мѣстахъ начались бунты, потому что правительство обходится съ подданными безо всякаго милосердія. „Если отважиться въ дальнѣйшій путь", писалъ Голицынъ, „то не предвидится никакихъ средствъ къ охраненію моего значенія и самой жизни; нѣтъ надежды, чтобъ я могъ достать подводы даже и за свои деньги, и потому безъ указа я опасаюсь ѣхать дальше. По нынѣшнимъ дурнымъ обращеніямъ и обстоятельствамъ въ Персіи, не повелите ли мнѣ, рабу вашему, моремъ возвратиться въ Россію?" Къ умноженію непріятностей, Голицыну дали знать, что резидентъ Братищевъ „въ пьянствѣ упражнялся и такія сумасбродства, драки и прочіе непотребные поступки чинилъ, которыхъ не только резидентъ, но и самый бы бурлакъ чинить не могъ". Въ бытность свою въ Рящѣ вмѣстѣ съ резидентомъ, Голицынъ замѣтилъ, что „такое его пьянство и въ пьянствѣ сумасбродство по ночамъ случается". Мало того: получены были извѣстія отъ Персіянъ, что Братищевъ просилъ шаха принять его въ персидское подданство.

Голицынъ писалъ жалобы и на консула Бакунина, который представлялъ, что жители Ряща хотятъ отложиться отъ шаха и принять русское подданство, и требовалъ, чтобъ посолъ принялъ ихъ въ свое покровительство, стращая, что въ противномъ случаѣ ему предстоитъ отъ нихъ большая опасность; въ случаѣ же согласія на ихъ желаніе, прельщалъ тѣмъ, что въ городѣ находится шаховыхъ денегъ триста тысячъ рублей. Голицынъ отвѣчалъ ему, чтобъ онъ не только дѣломъ, но и словомъ не смѣлъ вмѣшиваться въ такія дѣла. Но и послѣ этого Бакунинъ, по словамъ Голицына, продолжалъ дѣйствовать по злодѣйскимъ и коварнымъ вымысламъ, чтобъ только поскорѣе отпустили его въ Россію.

15 мая Голицынъ извѣстилъ императрицу, что принужденъ, не дожидаясь указа, возвратиться на судахъ въ Астрахань. Ему давали знать изъ Петербурга, что изъ Крыма пронеслись на Украйну вѣдомости, будто между султаномъ и шахомъ условлено напасть въ одно время на Россію. Голицынъ отвѣчалъ, что слухи невѣроятны, потому что какъ бы Надиръ ни былъ золъ на Россію, и какъ бы Французы ни старались усиливать эту злобу, только теперь и на будущее время онъ ничего сдѣлать не въ состояніи: повсюду мятежи; войско отъ постояннаго голода такъ изнурено, что и съ внутренними врагами управиться не можетъ; новое войско набрать неоткуда, да хотя бы вооружилъ всѣхъ Персіянъ поголовно и двинулъ на Россію, то послѣдней это неопасно,—отъ рѣки Куры до Дербента мѣста пустыя, гдѣ хлѣба ни зерна; къ Дербенту пройти трудно, потому что встрѣтитъ препятствія отъ измѣнившихъ ему шемахинскихъ и генджинскихъ жителей и Грузинскаго владѣльца Теймуразъ-мирзы, которые будутъ дѣйствовать заодно съ Лезгинцами. Голицынъ впрочемъ оставался въ Рящѣ до 5 іюля, когда получилъ извѣстіе о смерти Надира, убитаго взбунтовавшимся войскомъ, послѣ чего посолъ возвратился въ Астрахань.

Увѣдомленный имъ объ этихъ событіяхъ, канцлеръ доложилъ императрицѣ: „Нынѣшнимъ въ Персіи генеральнымъ бунтомъ, раздѣленіемъ народа на многія партіи, моромъ и голодомъ предвѣщается упадокъ этого государства; но такъ какъ для Россіи очень опасно, чтобъ Оттоманская Порта, пользуясь слабостію Персіи, не овладѣла ею и не сдѣлалась для Россіи опаснымъ сосѣдомъ, и такъ какъ главная цѣль Петра Великаго въ завоеваніи Гиляни и другихъ персидскихъ областей была та, чтобъ отдалить сосѣдство Турокъ, а не та, чтобъ удерживать эти области за собою,—то канцлеръ представляетъ, не соизволитъ ли ея величество указать, для разсужденія о Персидскихъ дѣлахъ, какъ можно скорѣе собрать совѣтъ; а между тѣмъ канцлеръ думаетъ, не потребно ли иногда будетъ, подъ командою добраго генерала, послать въ Гилянь нѣсколько войска на помощь Персіянамъ противъ Турокъ, въ случаѣ внезапнаго нападенія послѣднихъ, или подъ предлогомъ успокоенія междоусобныхъ замѣшательствъ; а чтобъ отнять всякое подозрѣніе, то, нагрузя нѣсколько судовъ хлѣбомъ, размѣнивать его тамъ на шелкъ, отчего, вслѣдствіе свирѣпствующаго тамъ голода, казнѣ будетъ большая прибыль. Совѣту же быть можетъ предложено и прежнее канцлерово мнѣніе о сожженіи построенныхъ въ Персіи кораблей и о захваченіи Элтона". Императрица 21 августа указала пригласить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для разсужденія и совѣтованія о Персидскихъ дѣлахъ генерала графа Румянцова, генералъ-прокурора князя Трубецкаго, генераловъ Бутурлина, Апраксина и тайнаго совѣтника барона Черкасова. 27 августа совѣтъ постановилъ: 1) удостовѣриться въ смерти шаха Надира; 2) пригласить горскихъ дагестанскихъ владѣльцевъ ко вступленію въ русское подданство, пославши къ нимъ небольшіе подарки изъ суконъ и камокъ; 3) въ Астрахани держать

[1]) Дѣла Турецкія.

наготовѣ достаточное число морскихъ судовъ, на которыхъ, въ случаѣ нужды, перевозить войско и провіантъ; отправить туда готовыя суда изъ Казани и строить новыя; 4) заготовить въ Астрахани провіантъ; 5) отправить нынѣшнею же осенью какъ можно скорѣе къ гилянскимъ берегамъ до 1,000 четвертей пшеничной муки, для продажи тамошнимъ жителямъ на деньги или для мѣны на шелкъ; 6) воспользоваться смутою въ Персіи и смертію шаха для искорененія корабельнаго строенія, заведеннаго Элтономъ; для этого предписать находящемуся въ Гиляни резидентомъ Черкасову подкупить изъ бунтовщиковъ или другихъ Персіянъ, чтобъ сожгли всѣ корабли, построенные или еще строящіеся; сжечь также заведенное тамъ адмиралтейство; амбары, парусныя и прочія фабрики и инструменты, что можно будетъ, то бы все сожгли, а иное разорили-бъ до основанія, къ чему хотя нѣсколько ихъ разныхъ людей уговорить, чтобъ они это сожженіе какъ можно скорѣе сдѣлали, и за то имъ хотя бы и знатную сумму изъ казенныхъ денегъ выдать. Если-бъ это не удалось, можно тѣмъ командирамъ, которые на судахъ съ продажнымъ хлѣбомъ къ гилянскимъ берегамъ будутъ отправлены, поручить, чтобъ они какъ на походѣ въ морѣ, такъ и въ бытность при берегахъ всегда примѣчали, и гдѣ имъ персидскіе корабли попадутся,—всячески старались, если возможно, скрытно, а по нуждѣ хотя явно зажечь, и такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ они вовсе пропали; также командиры приложили бы стараніе, будучи тамъ на малыхъ судахъ тайно или подъ видомъ разбойниковъ, съѣздить въ Ленгерутъ и случая искать находящіеся тамъ корабли и всякое адмиралтейское строеніе сжечь и до основанія разорить. Равномѣрно и о томъ стараться, чтобъ заводчика этого корабельнаго строенія, Элтона, оттуда достать или уговорить, или тайно схватить, или у Персіянъ за деньги выпросить и немедленно въ Астрахань отослать. Императрица апробовала этотъ докладъ, подписанный графомъ Алексѣемъ Бестужевымъ, графомъ Румянцевымъ, Бутурлинымъ, графомъ Воронцовымъ, Апраксинымъ, барономъ Черкасовымъ, Юрьевымъ и Веселовскимъ.

Въ сентябрѣ было получено достовѣрное извѣстіе, что шахъ Надиръ убитъ, и шахомъ сдѣлался племянникъ его, Али-Кулы-ханъ, умертвивъ дѣтей и внука Надировыхъ. Поэтому, 6 октября, императрица велѣла опять собраться совѣту, который рѣшилъ войти съ новымъ шахомъ въ дружескія сношенія; впрочемъ, прежнее рѣшеніе совѣта остается во всей силѣ, съ исключеніемъ одного, чтобъ командиры судовъ, отправляемыхъ въ Гилянь, явно не жгли персидскихъ кораблей, чтобъ не озлобить новаго шаха, а стараться сжечь корабли самымъ скрытнымъ образомъ подъ видомъ разбойниковъ, или какъ будетъ удобнѣе. И это мнѣніе было апробовано [1]).

Глава IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1748 годъ.

Распоряженія относительно войны.—Финансовыя мѣры.—Новый характеръ консульства въ Персіи.—Страшные пожары.—Состояніе полиціи.—Разбои.—Сельское народонаселеніе.—Коллегіи.—Иностранная Коллегія; отношенія между ея членами.—Паденіе Лестока.—Сношенія съ Англіею, Австріею, Саксоніею, Польшею, Швеціею, Франціею.—Отъѣздъ императрицы въ Москву.

Россія приняла участіе въ войнѣ; войска ея двинулись на помощь морскимъ державамъ; при этомъ имѣлось цѣлію прекратить европейскую войну, но считалось возможнымъ и обратное дѣйствіе, что война вспыхнетъ съ новою силою, что нужно будетъ перевѣдываться съ опаснымъ сосѣдомъ, Прусскимъ королемъ. Нужно было приготовиться, и въ тотъ же день, когда подписанъ былъ указъ Военной Коллегіи объ отправленіи тридцатитысячнаго корпуса на помощь морскимъ державамъ, 4 декабря 1747 года поднесенъ былъ императрицѣ для подписанія указъ Сенату по поводу записки, составленной со словъ генерала Апраксина, въ которой указывалось на затрудненіе и медленность со стороны Сената во время послѣдней Шведской войны. Въ указѣ говорилось, чтобъ впредь въ Сенатѣ, по представленіямъ Военной и Адмиралтейской Коллегій, давались немедленно резолюціи, не отлагая изо-дня-въ-день, какъ нѣкоторымъ образомъ донынѣ происходило; чтобъ Сенатъ въ такихъ дѣлахъ не дѣлалъ никакихъ затрудненій и излишнихъ запросовъ, и, кромѣ того, что отъ этихъ двухъ Коллегій будетъ представлено, болѣе ни въ какія, до нихъ касающіяся, дѣла не вступался. Елисавета, читая указъ, велѣла зачеркнуть слова: „какъ то нѣкоторымъ образомъ донынѣ происходило“ и написать именно: „чтобъ впредь не такъ поступали, какъ въ минувшую Шведскую войну происходило“; и что „Сенату всегда надлежитъ объ отечествѣ своемъ ревностное попеченіе имѣть и о такихъ дѣлахъ, въ чемъ государственная нужда есть, съ вѣрнымъ радѣніемъ поступать, дабы никакого упущенія и вреда не произошло“ [2]).

---

[1]) Дѣла Персидскія.
[2]) Доклады 1747 года.

Затрудненія оказались—и не по винѣ Сената. Назначенъ былъ рекрутскій наборъ со 121 души: по послѣдней ревизіи оказалось 6.580,715 душъ, подлежащихъ рекрутской повинности, а за исключеніемъ 433,325, содержащихъ ландмилицію однодворцевъ, 6.147,390 душъ, съ котораго числа надлежало взять рекрутъ 50,804 человѣка; но по присланнымъ въ Коммисаріатъ вѣдомостямъ изъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій выходило другое число жителей обязанныхъ рекрутскою повинностію, именно 6.122,185 душъ; въ Шацкой провинціи, напримѣръ, отъ ревизора было показано 212,359 человѣкъ, а отъ провинціальной канцеляріи 182,041 [1]). Послѣ неоднократныхъ требованій, Камеръ-Коллегія прислала вѣдомости о приходѣ и расходѣ 1742 года, спрашивая: вѣдомости другихъ годовъ въ такой же ли точно формѣ приказано будетъ оканчивать. Въ Сенатѣ разсмотрѣли эту вѣдомость, сравнили съ присланною въ 1743 г. о сборѣ и расходѣ того же 1742 года, и нашли значительное несходство, а какъ оно явилось,—неизвѣстно: 1) въ прежнихъ табеляхъ показано остаточныхъ отъ 1741 года, кромѣ Остзейскихъ губерній, 832,700 рублей; червонныхъ 12; ефимковъ счетомъ 3,683, вѣсомъ три пуда тридцать девять фунтовъ четыре золотника три четверти; песцовъ шесть; а по вновь присланнымъ вѣдомостямъ тогоже остатка написано 620,606 рублей; червонныхъ 11; ефимковъ вѣсомъ 14 пудъ 23 фунта сорокъ пять золотниковъ да счетомъ 23, разница—212,093 рубля, червонныхъ одинъ, а ефимковъ больше 10 пудъ 24 фунтовъ 41 золотника. 2) Окладнымъ сборамъ написанъ окладъ 2.217,075 рублей, а по новой вѣдомости 2.263,877 рублей,—разница 46,802 рубля. 3) Окладныхъ написано въ сборѣ 1.864,483 рубля, а по новой вѣдомости 1.874,542 рубля; въ приходѣ, слѣдовательно, показано больше 10,059 рублей. 4) По прежней вѣдомости написано неокладныхъ въ приходѣ 1.242,601 рубль; ефимковъ 82 пуда 27 фунтовъ 88¾ золотника, а по новой вѣдомости 1.302,408 рублей; ефимковъ 89 пудъ 34 фунта 69 золотниковъ, да счетомъ 2 ефимка, въ приходѣ показано больше 59,807 рублей, вѣсомъ больше на 7 пудъ 6 фунтовъ 76¼ золотниковъ, да счетомъ 2 ефимка. 5) Въ первой вѣдомости показано въ расходѣ 2.430,343 рубля, а въ новой написано 3.252,601 рубль; ефимковъ 99 пудъ 16 фунтовъ 70 золотниковъ; червонныхъ 11, въ расходѣ, слѣдовательно, показано больше на 822,258 рублей, кромѣ того—ефимки и червонцы. 6) Въ прежней вѣдомости показано въ остаткѣ отъ 742 на 743 годъ 1.509,441 рубль; червонныхъ 12; ефимковъ 6 пудъ 29 фунтовъ 92¾ золотника да шесть песцовъ, а по новой—545,137 рублей; ефимковъ 2 пуда 27 фунтовъ 94 золотника, да счетомъ 25. Кромѣ того, одинъ сборъ въ два мѣста разнесенъ; сборы, идущіе въ другіе мѣста, написаны вмѣстѣ съ доходами Камеръ-Коллегіи; напримѣръ, доходы синодальнаго вѣдомства, также съ государственныхъ крестьянъ четырех гривенные и съ купечества подушные, которые отсылаются въ Коммисаріатъ [2]).

Въ доходъ прибавились субсидіи отъ морскихъ державъ; насчетъ ихъ было сдѣлано распоряженіе: такъ какъ отправленныя въ службу морскихъ державъ войска будутъ содержаться на ихъ иждивеніи и жалованье имъ будетъ выдаваться изъ субсидій, то деньги, которыя будутъ оставаться въ воинской казнѣ вслѣдствіе отсутствія этихъ расходовъ, также деньги, которыя останутся отъ субсидій, отдать въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для сбереженія ихъ на лицо, чтобъ въ готовности были къ нужному случаю, если понадобится войско умножить, и на другіе нужнѣйшіе воинскіе расходы употребить [3]).

Но въ нужномъ случаѣ нельзя было надѣяться на однѣ субсидіи: надобно было приготавливать другія средства, которыя находить было очень трудно. Въ іюнѣ Сенатъ имѣлъ разсужденіе, что многія разныя присутственныя мѣста считаютъ другъ на другѣ многіе и неоплатные долги, и долгое время не платятъ: поэтому приказалъ изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ Сенатъ подать вѣдомости, сколько какое мѣсто кому должно на нынѣшній 1748 годъ и для чего тотъ долгъ не въ платежѣ [4]). Штатсъ-Контора объявила, что она имѣетъ долгъ на Главной Полицій мейстерской Канцеляріи съ 732 г. 80,140 рублей, на Сибирскомъ Приказѣ съ 731 г. 261,660 рублей, на Соляной Конторѣ съ 727 года 676,326 рублей, всего 1.018,127 рублей [5]). Тогда же президентъ Штатсъ-Конторы, Шиповъ, доложилъ, что присланъ изъ Сената указъ объ отпускѣ въ Швецію на минувшіе три срока 150,000 рублей; но Штатсъ-Конторѣ отпустить такой суммы не-изъчего; по именнымъ указамъ, за неимѣніемъ денежной казны, исполненія еще не учинено: по именнымъ указамъ надлежитъ отпустить 99,572 рубля, да за прошлые годы и настоящій 1748 на январскую и майскую трети въ опредѣленные расходы Штатсъ-Контора заплатить должна 3.234,440 рублей, а съ вышеозначенными это составитъ 3.334,013 рублей; а губерніи высылкою денегъ всеконечно безнадежны, у нихъ и на тамошніе расходы недостаетъ. Сенатъ приказалъ: въ Штатсъ-Контору послать указъ—требуемую сумму отпустить въ Иностранную Коллегію въ самой скорости и не имѣя никакихъ отговорокъ. Это было въ іюлѣ, а въ сентябрѣ Штатсъ-Контора прислала докладъ: по именнымъ указамъ Штатсъ-Конторѣ надобно отпустить теперь денежной казны, для взносу въ комнату ихъ высочествъ на будущую сентябрскую треть,—26,666 рублей 66½ копѣйки, которые велѣно отпускать въ началѣ каждой трети. На дачу Лейбъ-Компаніи на эту майскую треть жа-

---

[1]) Журналы Сената 25 октября 1748 г.

[2]) Журналы Сената 20 апрѣля.
[3]) Доклады 4 декабря 1747 г.
[4]) Журн. Сената 9 іюня.
[5]) Журн. Сената 21 іюля.

лованья 28,221 рубль 19½ коп., которые велѣно отпускать по прошествіи трети, не продолжая болѣе недѣли; въ Камеръ-Цалмейстерскую Контору на дачу придворнымъ на майскую треть 47,305 рублей 29½ коп., что велѣно отпускать по прошествіи трети, не продолжая болѣе трехъ дней; да сверхъ того обрѣтающимся въ Петербургѣ министрамъ, сенаторамъ и всѣмъ служащимъ на майскую треть 47,806 рублей 84½ коп., итого 150,000 рублей, а въ петербургской рентереѣ денежной казны ничего нѣтъ: не повелѣно ли будетъ 150,000 отпустить изъ Монетной Канцеляріи подъ образомъ займа.—Сенатъ согласился [1]). 1 декабря опять докладъ той же Штатсъ-Конторы, что въ петербургской рентереѣ денегъ нѣтъ, а нужно платить и въ комнату ихъ высочествъ, и Лейбъ-Компаніи, и придворнымъ, и всѣмъ служащимъ въ Петербургѣ. Сенатъ приказалъ: Монетной Канцеляріи изъ капитальныхъ денегъ въ Штатсъ-Контору подъ образомъ займа отпустить 200,000 рублей немедленно, а возвратить изъ присылаемыхъ въ Штатсъ-Контору для передѣла на Монетный Дворъ ефимковъ и серебра первыхъ присылокъ [2]).

Обратили вниманіе на уменьшеніе сборовъ на Макарьевской ярмаркѣ, и рѣшили поручить надзоръ надъ вѣрными сборщиками губернатору или опредѣлить знатную особу, ибо когда ярмарка была подъ смотрѣніемъ губерніи, то въ сборѣ было до 34,000 рублей, а при нарочно опредѣленныхъ съ 1744 года сборъ уменьшился отъ 27 до 18,000 [3]). Оказалось за январскую треть въ питейной продажѣ недоборъ на 20,687 рублей; Сенатъ приказалъ: Камеръ-Конторѣ подтвердить, чтобъ она за опредѣленными выборнымиларешными и прочими сборщиками крайнее и неусыпное смотрѣніе имѣла и подтвердила, чтобъ въ нынѣшней майской и въ будущей сентябрской третяхъ противъ сборовъ прошлыхъ лѣтъ собрано было не только съ пополненіемъ, но чтобъ и происшедшій въ январской трети недоборъ замѣненъ былъ, подъ опасеніемъ взысканія этихъ недоборовъ на сборщикахъ [4]). Другая важная доходная статья, соль, попрежнему не давала покоя. Въ самомъ началѣ года Соляная Контора уже представила, что у Строгановыхъ къ надлежащей вываркѣ соли никакой надежды нѣтъ, не доваривають и противъ 1746 года, когда они цѣлаго милліона пудъ не выварили. Послѣдовало обычное рѣшеніе: послать указъ съ крайнимъ подтвержденіемъ [5]). Въ мартѣ баронъ Александръ Строгановъ явился съ просьбою, чтобъ ему съ братьями выдано было заимообразно 30,000 рублей: Сенатъ согласился [6]). Но и это не помогло: въ половинѣ года Сенатъ убѣдился, что Строгановымъ нельзя вести дѣла попрежнему при возвышеніи цѣнъ, и рѣшилъ доложить императрицѣ, не соизволитъ ли, чтобъ Строгановы отправляли соль за свидѣтельствомъ отъ Соляной Конторы, сколько лишняго въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время заплачено ими будетъ сверхъ прежняго положенія, и этотъ лишекъ доплачивать имъ изъ казны, которая потомъ выручитъ свое возвышеніемъ продажной цѣны [7]). Но Строгановы объявили, что и эта приплата, которой надобно еще дожидаться, не покроетъ ихъ убытковъ; тогда Сенатъ рѣшилъ представить императрицѣ, чтобъ снять съ Зырянскихъ промысловъ Строгановыхъ оброкъ во 100,000 пудовъ соли,—пусть ставятъ они и эту соль, только за деньги [8]).

Сальные промыслы (рыбные) у Архангельска и Колы, находившіеся въ описываемое время въ казенномъ содержаніи, отданы были на 20 лѣтъ графу Петру Шувалову, съ единовременною выдачею изъ казны 6,000 рублей и на условіяхъ, на какихъ прежде содержалъ эти промыслы купецъ Евреиновъ, платившій только настоящія пошлины [9]). Смола продана была отъ казны англійскимъ купцамъ по одному полновѣсному ефимку и по 11½ копѣекъ за осьмипудовую бочку [10]).

Относительно внѣшней торговли замѣчательно было распоряженіе насчетъ консульства въ Персіи. На мѣсто бывшаго тамъ консуломъ Бакунина, Сенатъ велѣлъ Коммерцъ-Коллегіи вмѣстѣ съ Главнымъ Магистратомъ выбрать изъ московскаго купечества достойнаго человѣка. Гл. Магистратъ поручилъ выборъ знатнымъ московскимъ купцамъ Роману Журавлеву съ товарищи, и они выбрали московскаго же купца Ивана Данилова, потому что онъ „предъ прочими достаточнѣе коммерцію знающъ". Коммерцъ-Коллегія объявила согласіе на выборъ, и Сенатъ утвердилъ съ жалованьемъ по 2,000 рублей въ годъ персидскою монетою; но жалованье это должно было производиться сборомъ съ купцовъ по разсмотрѣнію Гл. Магистрата, ибо этотъ консулъ отправлялся теперь не отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но отъ купечества, для ихъ купеческой пользы, для защиты прикащиковъ и проч. [11]). Относительно внутренней торговли Сенатъ былъ увѣдомленъ, что въ настоящемъ году изъ ѣдущихъ чрезъ Боровицкіе пороги судовъ 300 было разбито, тогда какъ по репортамъ, присланнымъ въ Сенатъ, показано съ 17 апрѣля по 1 іюня только 36 разбитыхъ судовъ, а съ 1 іюня нѣтъ донесеній, и потому Сенатъ приказалъ потребовать обстоятельныхъ донесеній [12]).

Страшный вредъ городамъ въ описываемомъ году былъ нанесенъ пожарами. Въ Москвѣ 10 мая, во 2 часу пополудни, загорѣлось въ Бѣломъ городѣ между Ильинскими и Никольскими воротами, въ

[1]) Журн. Сената 1 сентября.
[2]) Журн. Сената 1 сентября.
[3]) Журн. Сената 9 іюня.
[4]) Журн. Сената 17 іюня.
[5]) Журн. Сената 15 января.
[6]) Журн. Сената 29 марта.
[7]) Журн. Сената 8 іюня.
[8]) Журн. Сената 27 октября.
[9]) Журн. Сената 7 іюля.
[10]) Журн. Сената 26 апрѣля.
[11]) Журн. Сената 12 января.
[12]) Журн. Сената 13 іюля.

домѣ княжны Куракиной,—загорѣлось отъ кузницы. Сильный вѣтеръ перебросилъ огонь къ Златоустову монастырю и къ церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, отсюда къ Яузскимъ воротамъ, на Яузскій мостъ, отъ котораго огонь пошелъ налѣво по Николоямской улицѣ и Алексѣевской слободѣ вплоть до Андроньева монастыря, который былъ истребленъ, чѣмъ пожаръ на этой сторонѣ и кончился; но съ другой стороны—отъ церкви Всѣхъ Святыхъ огонь пошелъ къ городской стѣнѣ и, перекинувшись чрезъ городовую стѣну, пошелъ до церкви Ильи Пророка, на Воронцовомъ полѣ, потомъ по Покровской улицѣ. Пожаръ прекратился въ 1 часу пополуночи. Сгорѣло 96 человѣкъ, 1,202 дома, обгорѣло 25 церквей. 15 числа, за Яузою, въ Гончарахъ, сгорѣло 25 дворовъ; 23 мая опять большой пожаръ въ Москвѣ—въ селѣ Покровскомъ (теперь улица) и Новонѣмецкой слободѣ сгорѣло 196 дворовъ. На другой день пожаръ въ противоположномъ концѣ города: на Стоженкѣ и Пречистенкѣ сгорѣли три церкви и 72 дома. 25 мая погорѣла Покровка и пламя перекинуло на Земляной валъ въ Басманную слободу и на Красныя ворота; сгорѣло 62 дома, тріумфальныя ворота, комедіальный домъ, находившійся между Красными воротами и церковію Петра и Павла въ Новой Басманной. Указали на зажигателей; но когда чиновники пріѣхали для сыску оговоренныхъ, то въ двухъ мѣстахъ, у Новинскаго монастыря и въ селѣ Покровскомъ, они были встрѣчены жителями, которые бросились ихъ бить. Пожары не ограничились Москвою: въ тотъ день, когда былъ самый большой московскій пожаръ, 10 мая погорѣлъ Воронежъ, истреблено 681 домъ, осталась соборная Благовѣщенская церковь, архіерейскій домъ, двѣ приходскихъ церкви, да весьма малое число обывательскихъ дворовъ. 24 мая въ Глуховѣ сгорѣло 275 домовъ, въ томъ числѣ школъ и шпиталей (госпиталей) 15. 19 іюня Главный Магистратъ объявилъ Сенату, что въ Можайскѣ погорѣли безъ остатка 94 лавки и 35 домовъ, отчего купечество разорилось и уплатить подушныхъ денегъ не въ состояніи. 17 іюня былъ большой пожаръ во Мценскѣ,—сгорѣло 205 домовъ, и воеводская канцелярія объявила, что онъ былъ дѣломъ злодѣевъ: подлѣ воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьемъ поджогѣ найденъ въ соломѣ съ пухомъ и въ хлопьяхъ зажженный трутъ, отчего жители перепугались и съ пожитками вывезлись на поля и на берега рѣки. Кромѣ того, въ Ярославлѣ сгорѣло—140 дворовъ; въ Бахмутѣ—150; въ Орлѣ—16; въ Сапожкѣ—122; Михайловѣ—385; Рыльскѣ—11; Костромѣ—26; Сѣвскѣ—57; Нижнемъ—10; Переяславль южный и Венденъ выгорѣли всѣ; въ Болховѣ сгорѣло 1,500 дворовъ [1]). Въ Петербургѣ приняли предосторожности; пикеты изъ гвардейскихъ полковъ стояли на площадяхъ и на улицахъ; въ Москву былъ отправленъ генералъ Ѳедоръ Ушаковъ, который долженъ былъ предсѣдательствовать въ особой коммисіи для изслѣдованія о причинахъ пожаровъ; гвардейскіе офицеры разосланы были для того же и по другимъ городамъ [2]).

Найдено было, что полицейскія команды дѣйствовали очень плохо, и, вообще, какъ мы уже видѣли, положеніе полиціи было очень печально. Главная Полиціймейстерская Канцелярія объявила Сенату, что въ Кіевѣ, на Подолѣ, въ рядахъ чистоты никакой нѣтъ, потому что скотъ бьютъ въ рядахъ, а не въ бойницахъ, и мясо продаютъ къ пищѣ негодное, и отъ нечистоты въ рядахъ смрадный воздухъ, да и рогатокъ нѣтъ, и хотя отъ полиціи запрещеніе и принужденіе сдѣланы относительно чистоты, однако по причинѣ малой команды не исполняютъ, магистратъ не помогаетъ и рогатокъ до сихъ поръ не дѣлаетъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ ямщики, по приказанію ямскаго управителя Кучинскаго, рогаточныхъ карауловъ не содержатъ и полицейской должности не исправляютъ: оттого въ самонужнѣйшихъ мѣстахъ семь рогатокъ запустѣло и происходитъ немалое воровство. Архангельскій магистратъ сотскихъ и десятскихъ изъ купечества для полицейской должности не присылаетъ, не присылаетъ и вѣдомостей о съѣстныхъ припасахъ для смотрѣнія, чтобъ цѣнъ не возвышали [3]). Сверхъ того, изъ многихъ полицейскихъ конторъ представляютъ сильныя жалобы на магистраты, которые въ должности полицейскаго правленія сами вступаютъ, а учиненнымъ полиціямъ препятствуютъ. Препятствія эти заключались иногда въ слѣдующемъ: упомянутый ямской управитель въ Нижнемъ, прапорщикъ Кучинскій, собравшись съ ямщиками, билъ дубьемъ опредѣленнаго къ исправленію полицейской должности квартермистра Баранщикова, держалъ двое сутокъ въ цѣпи и водилъ по улицамъ, чтобъ въ ямскіе дворы не ставилъ постоя. Въ 1747 году Сенатъ велѣлъ губернской канцеляріи изслѣдовать о своевольствахъ ямщиковъ, но ничего не было сдѣлано. Послѣ этого уже, когда нѣсколько ямщиковъ взято было въ полицію за нехожденіе въ рогаточный караулъ, то Кучинскій и ямской староста Долининъ пришли въ полицію съ ямщиками человѣкъ со сто, схватили полиціймейстерскаго служителя и, вытаща за волосы на дворъ, пробили голову, причемъ Кучинскій и Долининъ кричали: „Если впередъ на караулъ будутъ наряжать, то быть великой бѣдѣ"! Полиція жаловалась въ губернскую канцелярію, но та ничего не сдѣлала. Кучинскій и Долининъ не допустили печатать печи у ямщиковъ; Долининъ вытолкалъ сотника, пришедшаго за этимъ. Губернская канцелярія, съ своей стороны, доносила, что 20 іюня у ямщика случился пожаръ—и погорѣло 10 домовъ, вѣроятно

[1]) Журн. Сената 1, 2, 19 іюня, 18 августа.—Въ томъ же Архивѣ дѣла Сената по Приказному столу, № 31—681.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 9,503; 9,505; 9,526; 9,535.

[3]) Журн. Сената 4 марта.

отъ несмотрѣнія нижегородскаго полицiймейстера Метревелева и особенно ямскаго управителя Кучинскаго, между которыми большое несогласіе, ибо полицiймейстеръ жалуется на Кучинскаго, а Кучинскій показываетъ, что онъ у ямщиковъ печи печатаетъ самъ, только позволяетъ топить въ указные дни надворныя печи, а на рогаточные караулы ямщикамъ ходить не приказалъ потому, что по указу изъ ямской канцеляріи ямщикамъ ходить на эти караулы не велѣно. Губернская канцелярія о сохранности города полицiймейстеру безпрестанно подтверждаетъ; но онъ, видя, что состоитъ въ вѣдомствѣ Главной Полицiймейстерской Канцеляріи, приказаніями губернской канцеляріи пренебрегаетъ; то же самое дѣлаетъ и ямской управитель. Изъ другихъ городовъ такія же жалобы: въ полицiймейстерской инструкціи велѣно смотрѣть, чтобъ строенія не выдавались въ улицу и оставляли проѣздъ не менѣе пяти саженъ; но въ Воронежѣ ямщикъ въ торговую площадь прибавилъ двора своего и выставилъ городьбу на 10 саженъ; полицiймейстеръ городьбу сломалъ, но ямщикъ опять загородилъ, а при ломаніи ямской управитель, Сиверцевъ, приказалъ ямщикамъ бить до смерти посланныхъ отъ полицiймейстерской конторы солдатъ и десятскихъ, отчего ямщики и прочіе обыватели пришли въ безстрашіе и полиціи не слушаются; тутъ же полицiймейстерская контора доносила, что въ Воронежѣ архитектора нѣтъ.—Главная Полицмейстерская Канцелярія доносила, что въ Москвѣ, послѣ пожара 1737 года, стоятъ ветхія каменныя строенія, которыя, вмѣсто украшенія такого знатнаго города, даютъ дурной видъ и въ нихъ можетъ быть пристанище ворамъ и другимъ ненотребнымъ людямъ; сверхъ того, находится въ нихъ множество помету и всякаго скаредства, отчего сосѣдямъ и проѣзжающимъ людямъ, особенно въ лѣтнее время, можетъ быть поврежденіе здоровью, и хотя полиція неоднократно понуждала обывателей достраивать ихъ, однако не достраиваютъ, и трудно надѣяться, чтобъ скоро достроили, а потому Главная Полиція думаетъ, что надобно положить срокъ — полгода, по истеченіи котораго отдавать это строеніе другимъ, желающимъ. Сенатъ приказалъ: принуждать достраивать, кромѣ тѣхъ, которые въ арміи или другихъ отдаленныхъ мѣстахъ; кто объявитъ, что достраивать не въ состояніи, такимъ велѣть продавать охочимъ людямъ за вольную цѣну, обязывая ихъ въ томъ подписками; а желающимъ изъ выстройки этихъ домовъ отдавать не слѣдуетъ, ибо отъ такой отдачи домовладѣльцамъ послѣдуетъ крайняя обида; также и полугодичный срокъ невозможенъ по короткости его. — Главная Полиція предлагала въ Москвѣ, на Тверской ямской, для большей красивости, такъ какъ это первая улица для пріѣзжающихъ изъ Петербурга, насадить березки, какъ на Невскомъ проспектѣ. Сенатъ и на это не согласился, такъ какъ слобода за Землянымъ городомъ, ктому же въ ней бываетъ великая грязь и многихъ разныхъ чиновъ людей пріѣзды, отъ которыхъ деревьямъ всегда можетъ происходить поврежденіе, особенно отъ скота: ямщики принуждены будутъ безпрестанно новыя деревья садить, отчего будутъ терпѣть напрасный убытокъ [1]).

Противъ пожаровъ извѣстна была самая дѣйствительная мѣра: замѣна деревянныхъ строеній каменными. По просьбѣ петербургскаго купечества, императрица приказала, вмѣсто деревяннаго гостинаго двора, строить купцамъ на свой счетъ каменный въ одинъ апартаментъ на каменныхъ погребахъ, съ наружными и внутренними галереями, покрыть черепицею или желѣзомъ, полы намостить камнемъ или кирпичемъ. Оброчныя деньги брать съ лавокъ и погребовъ по 75 коп. съ погонной сажени [2]). Труднѣе было придумать средства для улучшенія личнаго состава полиціи. Полиція жаловалась на магистраты, а Главный Магистратъ доносилъ Сенату, что присутствующій въ московской полиціи, совѣтникъ Воейковъ, обижаетъ и беретъ взятки съ московскаго купечества, купца Тимоѳеева билъ плетьми, отчего тотъ чрезъ двое сутокъ умеръ. Симбирскій воевода Колударовъ доносилъ, что худые поступки управителя полицiймейстерскихъ дѣлъ, Обухова, „преодолѣли общенародную терпѣливость“ [3]).

При описанномъ печальномъ состояніи общественной охраны случилось, что разбойники пріѣхали въ Одоевъ, взяли изъ тюрьмы четверыхъ колодниковъ и благополучно уѣхали. Воры и разбойники въ калужской провинціальной канцеляріи показывали, что они пограбленныя вещи отвозятъ за польскую границу на Вѣтку, а форпостъ на границѣ объѣзжаютъ лѣсами; также пріѣзжали въ Калугу и живали у многихъ посадскихъ людей въ домахъ недѣли по двѣ и больше безъ паспортовъ, причемъ домохозяева знали, что за люди ихъ жильцы. Полицiймейстеръ, поручикъ Волковъ, ни за чѣмъ не смотритъ; въ надлежащихъ мѣстахъ карауловъ и рогатокъ нѣтъ [4]). Прислано для поимки воровъ 20 солдатъ пѣшихъ, но надобны конные. Села Грибцова крестьяне, собравшись многолюдствомъ, напали на домъ ротмистра Дурнова, въ Калужскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Незамаевѣ, мать его мучительски били, деньги и пожитки побрали; потомъ пришли въ другой разъ, мать его закололи ножами и домъ зажгли. Люди и крестьяне Дурнова нашли въ Калугѣ разбойничью партію, троихъ схватили и привели въ калужскую провинціальную канцелярію, но воевода отпустилъ ихъ [5]). Олонецкая провинціальная канцелярія доносила о появившихся въ Олонецкомъ уѣздѣ двухъ воровскихъ партіяхъ и большомъ числѣ бѣглыхъ изъ службы людей и крестьянъ; а для поимки злодѣевъ посылать некого. Порховская воеводская канцелярія писала,

---

[1]) Журн. Сената 14 іюля.
[2]) Журн. Сената 6 іюля.
[3]) Журн. Сената 21 іюля.
[4]) Журн. Сената 7 января.
[5]) Журн. Сената 29 февраля.

что для сыску воровъ и разбойниковъ сыщика и команды никакой нѣтъ, и безпрестанно изъ запольскаго рубежа выходятъ бѣглые солдаты, матросы, рекруты, бѣглые крестьяне и имѣютъ пристани у помѣщичьихъ крестьянъ; нѣсколько церквей пограблено безъ остатку, а у жителей крадутъ лошадей [1]). Въ Новогородскомъ уѣздѣ въ разныхъ мѣстахъ, особенно по Московской дорогѣ и близь нея, появились воры и рабойники [2]). Епископъ Сарскій и Подонскій (Крутицкій) жаловался Синоду, что Бѣлевскаго уѣзда вотчины капитана Левшина управитель Семеновъ, да села Троицкаго приказчикъ Павловъ, да староста Кирилловъ съ 30 человѣками крестьянъ пришли въ церковь села Троицкаго съ ружьями, дубьемъ и цѣпами, выбили Сѣверныя двери и выстрѣлили въ алтарѣ; священника изъ алтаря выволокли, ризы на немъ изодрали; на престолѣ и жертвенникѣ одежды подрали; прочія ризы, которыя висѣли въ алтарѣ, стаща, топтали ногами и измарали все безъ остатка; священника отволокли на помѣщичій дворъ и, разложа среди двора, били кнутомъ, а управитель билъ дубиною мучительски, такъ-что священникъ едва живъ [3]).

Относительно быта крестьянъ замѣтимъ слѣдующіе распоряженія и случаи. Графъ Петръ Шуваловъ словесно предложилъ Сенату, что во многихъ городахъ и уѣздахъ, на заводахъ и на торжкахъ, при покупкѣ у крестьянъ хлѣба употребляютъ хлѣбныя мѣры, въ которыхъ сверхъ указной осьмичетвериковой мѣры больше отъ четверика до осьмины, а деньги платятъ за четверть, и отъ такихъ неровныхъ мѣръ крестьяне несутъ немалую обиду: поэтому не соизволитъ ли Сенатъ подтвердить указомъ во всѣхъ мѣстахъ имѣть хлѣбныя мѣры ровныя и заклейменныя, чтобъ въ четверти было восемь четвериковъ. Сенатъ согласился [4]). Въ ближнихъ къ Дону мѣстахъ крестьяне не отвыкали отъ бѣгства: ряжская воеводская канцелярія донесла, что изъ разныхъ помѣщиковыхъ вотчинъ людей и крестянъ бѣжало человѣкъ 270 съ женами, дѣтьми и пожитками,—нѣкоторые пойманы и показали, что бѣгутъ на житье въ казачьи городки [5]). Бѣгство крестьянъ явленіе очень для насъ знакомое; но въ описываемомъ году случилось бѣгство особаго рода: бѣжалъ воевода Черньской провинціи, Ляпуновъ; съ нимъ бѣжали съ приписью подъячій и канцеляристъ, не сдавши никакихъ дѣлъ опредѣленному на его мѣсто воеводою майору Хитрову [6]).

Мы видѣли, что въ высшихъ учрежденіяхъ, коллегіяхъ, прокуроры указывали на неправильность дѣйствій членовъ; но въ описываемое время президентъ Камеръ-Коллегіи, Кисловскій, донесъ Сенату, что онъ несогласенъ съ мнѣніемъ вице-президента и членовъ, съ общимъ опредѣленіемъ членовъ Камеръ-Коллегіи и Главн. Магистрата, ибо видитъ упущеніе интересовъ ея императорскаго величества и явную потачку ворамъ, утаителямъ товаровъ отъ пошлинъ чрезъ наглый разбойническій проѣздъ въ пограничную брянскую заставу; онъ записалъ въ протоколъ особливыя свои мнѣнія; но эти мнѣнія присутствующими уничтожены; прокуроръ Философовъ не обратилъ на нихъ вниманія, и исполнено по голосамъ вице-президента и членовъ [7]).

Любопытное явленіе въ концѣ года произошло въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. 8 декабря канцлеръ призвалъ къ себѣ въ домъ тайнаго совѣтника Веселовскаго да оберъ-секретаря Пуговишникова, показалъ имъ присылаемые къ нему отъ времени до времени изъ Коллегіи экстракты изъ министерскихъ реляцій, которыхъ накопилось очень много и по которымъ резолюціи требуются, и началъ говорить: „Удивляюся, для чего въ Коллегіи о такихъ дѣлахъ, между которыми есть и нужныя, господа члены по должности своей старанія не прилагаютъ, ибо извѣстно имъ, что, по силѣ регламента, въ дѣлахъ мнѣнія свои членамъ напередъ съ нижнихъ голосовъ президенту предлагать надобно".— „Я", отвѣчалъ Веселовскій, „какъ и другіе члены въ Коллегіи, всегдашнее сидѣніе имѣемъ и по возможности своей въ дѣлахъ упражняемся, и которыя дѣла предложены были намъ къ рѣшенію, какъ старыя, такъ и новыя,—по тѣмъ всѣмъ недавно мы, сколько ума нашего было, разсужденіе свое дали". *Канцлеръ:* „Однако мнѣ весьма мало такихъ дѣлъ видно было, которыя бы по вашимъ разсужденіямъ изготовлены были, и мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторыя дѣла по полугоду и больше въ Коллегіи безъ резолюціи лежали, хотя вы, господа члены, всѣ входящія въ Коллегію дѣла одинъ за другимъ вкруговую читаете, но о резолюціяхъ притомъ ничего не помышляете. Если вы думаете, чтобъ я самъ напередъ на всякое дѣло свои разсужденія давалъ, то это не моя должность, да мнѣ и не растянуться стать во всѣхъ дѣлахъ одному, ибо для меня довольно исправлять такія нужнѣйшія дѣла, которыя времени не терпятъ и о которыхъ безъ замедленія ея императорскому величеству докладывать надобно". *Веселовскій:* „Мнѣ не извѣстно, какія бы дѣла такъ долго безъ резолюціи въ Коллегіи лежали, развѣ которыхъ я не видалъ. *Канцлеръ:* „И такія дѣла, которыя я уже самъ, хотя и сверхъ должности своей, чтобъ не потерять времени, къ высочайшей апробаціи у себя дома сочинялъ и въ Коллегію на разсмотрѣніе посылалъ, долговременно безо всякаго дѣйствія лежали,—между ними поданный со стороны Саксонскаго Двора отвѣтъ на сдѣланное ему призываніе приступить къ союзному договору съ Вѣнскимъ Дворомъ съ полгода въ Коллегіи лежалъ.

[1]) Журн. Сената 5 августа.
[2]) Журн. Сената 13 сентября.
[3]) Журн. Сената 16 ноября.
[4]) Журн. Сената 8 марта.
[5]) Журн. Сената 8 августа.
[6]) Журн. Сената 13 іюня.
[7]) Журн. Сената 11 августа.

Я, видя, что ничего объ немъ не помышляется, сочинилъ у себя отвѣтъ и на разсмотрѣніе въ Коллегію отослалъ, но и послѣ того онъ три мѣсяца въ молчаніи пролежалъ". *Веселовскій:* „Я и другіе члены этотъ отвѣтъ Саксонскому Двору читали, а зачѣмъ онъ потомъ въ Коллегіи пролежалъ,—мнѣ не извѣстно". *Канцлеръ:* „Еслибъ вы, прочтя, свое мнѣніе объявили, такъ ли тому быть или что въ немъ перемѣнить надобно, то слѣдовало бы вамъ мнѣ о томъ знать дать; но этого не сдѣлано; съ такимъ же молчаніемъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ происходитъ. Но когда отъ меня для напамятованія о какихъ-нибудь дѣлахъ записки въ Коллегію присылаются, то, какъ слышно, на меня же нарекаютъ и такія записки указами моими называются. Принужденъ я былъ васъ нарочно теперь къ себѣ позвать и персонально напамятовать, чтобъ о дѣлахъ въ Коллегіи лучшее стараніе приложено было". *Веселовскій:* „Я съ своей стороны въ дѣлахъ столько тружусь, сколько силъ и ума у меня есть; а если въ чемъ ума недостаетъ, то гдѣ-жъ мнѣ его взять. Я бы радъ его купить или въ кузницѣ сковать, ежели бы возможно было". *Канцлеръ:* „Вамъ самимъ извѣстно, что покойный Бревернъ не хуже васъ, но также тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ да и конференцъ-министромъ былъ, однако онъ всякія дѣла на апробацію канцлерову всегда собственноручно сочинялъ; а отъ васъ не только какого сочиненія, но съ начала сидѣнія вашего въ Коллегіи до сихъ поръ еще не видно было, чтобъ вы когда либо одно слово для поправленія въ дѣлахъ своею рукою написали, кромѣ подписанія своего имени въ готовыхъ дѣлахъ; а товарищъ вашъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, хотя и въ крайней старости находится, однако часто случается, что онъ своею рукою въ сочиненныхъ дѣлахъ поправки дѣлаетъ". *Веселовскій:* „Если-бъ у меня силы и лѣта такія-жъ были, какъ у Бреверна, то и я такъ-же бы могъ трудиться". *Канцлеръ:* „Когда за старостію не можете въ сочиненіяхъ дѣлъ себя употреблять, то и не требуется отъ васъ; однако, что принадлежитъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію дѣлъ въ Коллегіи, то вамъ, какъ и другимъ членамъ, можно входящія дѣла хотя каждому про себя читать или всѣмъ вдругъ слушать, и, не откладывая вдаль, тогда же разсуждать и самимъ кратко записать или секретарю приказать, что по онымъ исполнить надлежитъ, особливо-жъ по реляціямъ министерскимъ разсматривая, какія наставленія имъ подать надобно, и такія свои разсужденія написавъ, ежели вице-канцлеръ не присутствовалъ, то ему, а потомъ и канцлеру показывать, что и съ Регламентомъ согласно будетъ". *Веселовскій:* „Ежели-бъ давно такимъ образомъ сказано, то-бъ и поступали по тому; но случаются такія важныя дѣла, о которыхъ лучше при собраніи всей Коллегіи совѣтовать". *Канцлеръ:* „Хотя и при собраніи всей Коллегіи, однако мнѣнія по дѣламъ напередъ съ нижнихъ голосовъ подавать надлежитъ; а впрочемъ вамъ самимъ не безызвѣстно, что я прежде часто въ Коллегію пріѣзжалъ, но никакой пользы въ дѣлахъ отъ того не видалъ, ибо вы, господа члены, въ такихъ моихъ присутствіяхъ только и дѣлали, что одинъ за другимъ вкруговую читали, а никакого предложенія или разсужденія не чинили. А когда я, видя ваше всегдашнее молчаніе, хотя мнѣ этого и не слѣдовало и напередъ ваши мнѣнія слышать надлежало, о нѣкоторыхъ дѣлахъ свои мнѣнія предлагалъ, въ такихъ случаяхъ одни только критическія разсужденія отъ васъ слышалъ, а какъ бы иначе по вашему мнѣнію дѣло окончить надлежало,—того никогда отъ васъ добиться не могъ. Наскучивши такими безплодными сидѣніями въ Коллегіи и жалѣя о времени, что напрасно въ томъ проходило-бъ, я и пріѣзжать въ Коллегію пересталъ, потому что я гораздо больше у себя дома, нежели сидя въ Коллегіи, нужнѣйшихъ дѣлъ исправлять могу" [1]).

Этотъ любопытный разговоръ вскрываетъ намъ ходъ дѣлъ въ Иностранной Коллегіи. Президентъ ея, канцлеръ, не ѣздилъ въ Коллегію, нужнѣйшія дѣла исправляетъ у себя дома, а между тѣмъ слышитъ, что его упрекаютъ въ деспотизмѣ, въ присыланіи указовъ членамъ Коллегіи. Онъ призываетъ къ себѣ Веселовскаго и оправдывается въ своемъ поведеніи, складывая вину на него, на то, что не находитъ помощи къ Коллегіи; жалуется, что тамъ ведутъ дѣла не такъ, не по Регламенту, а между тѣмъ самъ признается, что пріучилъ вести дѣла неправильно, дѣлалъ чего не слѣдуетъ, предлагалъ свое мнѣніе, не собирая голоса съ младшихъ. Веселовскій наивно и грубо отвѣчаетъ: „Давно бы сказалъ, что надобно поступать по Регламенту, такъ бы и поступали". Бестужеву особенно чувствительны были нареканія на его поведеніе въ Коллегіи потому, что вице-президентомъ ея былъ Воронцовъ,—его врагъ. Бестужевъ удалилъ изъ Коллегіи воронцовскаго кліента, Неплюева, пославши его въ Константинополь; но теперь получались извѣстія, что и Веселовскій, выведенный Бестужевымъ по старымъ пріятельскимъ отношеніямъ, перешелъ на сторону Воронцова.

О поведеніи враговъ канцлера, Воронцова и Лестока, мы продолжаемъ узнавать изъ депешъ Финкенштейна. Воронцовъ увѣрялъ Финкенштейна, что Прусскому королю нечего опасаться ни отъ послѣдняго заключеннаго Россіею трактата, ни отъ тридцатитысячнаго русскаго корпуса. „Я", доносилъ Финкенштейнъ своему королю, „имѣвши много случаевъ находить сообщаемыя имъ извѣстія справедливыми и хвалиться добрымъ его расположеніемъ къ интересамъ вашего величества,—я не могу думать, чтобъ онъ меня въ этомъ случаѣ хотѣлъ обмануть. Онъ, правда, боязливъ; но эта боязливость заставляетъ его скрывать отъ меня нѣкоторыя подробности только, и я никакъ не думаю, чтобъ онъ захотѣлъ представить мнѣ не то, что на

[1]) Записка разговора въ Госуд. архивѣ.

самомъ дѣлѣ" [1]). Но, кромѣ Воронцова, пріятеля важнаго, у Финкенштейна былъ еще пріятель неустрашимый,—Лестокъ. Этотъ объявилъ ему о всеобщемъ неудовольствіи, которое возбуждено походомъ тридцатитысячнаго корпуса за-границу [2]). „Боюсь одного", говорилъ Лестокъ, „чтобъ канцлеръ нарочно не замедлилъ походомъ, съ цѣлію не допустить войско придти вовремя и вступить въ дѣло съ непріятелемъ, потому что если случится противное дѣло—дойдетъ до битвы, то можно биться объ закладъ, что Русскіе потерпятъ неудачу: прежняя дисциплина исчезла и командующій генералъ, Ливенъ, нелюбимъ войскомъ. Пораженіе войска составляетъ теперь желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ генераловъ; многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что нѣтъ другого средства заставить императрицу открыть глаза насчетъ канцлера; если дѣла пойдутъ хорошо, то нечего и думать о перемѣнѣ; надобно получить пощечину,—и тогда нетрудно будетъ свергнуть канцлера". По поводу этой депеши Бестужевъ замѣтилъ; „Такою измѣнническою о войскахъ ея императорскаго величества хулою король Прусскій столько ободрится, что съ ея величествомъ равняться думаетъ, вмѣсто того, что дѣдъ и отецъ его въ зависимости государя Петра Великаго были.—Совсѣмъ ложь: генерала Ливена не только солдаты, но и офицеры всѣ любятъ и почитаютъ.—А какъ долго сіи измѣнники не искоренятся, то и помышлять нечего, чтобъ они къ присяжной своей должности обратились, ибо злость ихъ и ненависть на канцлера не допущаетъ ихъ чувствовать, что они, желая его погубить, вредятъ интересамъ своей монархини и отечества".

Воронцовъ старался отстранять причины неудовольствія Елисаветы на Фридриха II. Одною изъ причинъ неудовольствія былъ отказъ Фридриха отдать русскихъ солдатъ-великановъ, присланныхъ отцу его прежними правительствами. Воронцовъ внушалъ Финкенштейну, что если Фридрихъ возвратитъ нѣсколько изъ нихъ въ Россію, то нѣтъ сомнѣнія, что это произведетъ самое полезное впечатлѣніе въ мысляхъ императрицы; онъ, Воронцовъ, знаетъ навѣрное, что это дѣло представлено ей съ религіозной точки зрѣнія, и всякій день толкуютъ ей объ этомъ, чтобъ раздражить ее противъ Прусскаго короля [3]). Воронцовъ, въ разговорахъ съ Финкенштейномъ, укорялъ Бестужева, что тотъ посылкою тридцатитысячнаго корпуса вовлекалъ Россію въ европейскія замѣшательства. Бестужевъ по этому случаю замѣчаетъ: „Ея и. в—ства слава и интересы требуютъ въ европейскія дѣла мѣшаться. Петръ Великій столько о томъ старался, что помощный корпусъ на своемъ собственномъ иждивеніи отправить радъ былъ бы. Инако же развѣ Турками или Персіянами быть запертыми въ своихъ границахъ? Примѣръ тому недавно сдѣлался, что когда король Прусскій въ чужія дѣла вмѣшался, а съ здѣшней стороны никакого движенія противъ того чинено не было, то онъ до такой силы дошелъ, что подлинно наиопаснѣйшимъ сосѣдомъ есть" [4]).

Въ концѣ марта мѣсяца Финкенштейнъ доносилъ своему Двору объ опасной грудной болѣзни генералъ-прокурора князя Трубецкого, прибавляя: „Смерть князя Трубецкого подлинно была бы великая потеря, и канцлеръ избавился бы отъ самаго опаснаго непріятеля, какого онъ въ здѣшней Землѣ когда-либо имѣлъ. Графы Лестокъ и Воронцовъ, которые связаны съ нимъ дружбою, очень безпокоятся". Бестужевъ замѣтилъ: „Изъ сего ея имп. величество усмотрѣть изволитъ, въ какихъ людяхъ сія шайка состоитъ" [5]).

Бестужева очень обрадовала депеша Финкенштейна отъ 23 іюля, изъ которой оказалось, что Воронцовъ получаетъ пенсію отъ Прусскаго Двора. Финкенштейнъ писалъ королю: „Такъ какъ срокъ пенсіи, которую вашему величеству угодно жаловать важному пріятелю, истекъ 1 сентября прошлаго года, то я считаю долгомъ испросить приказаній вашего величества относительно ея, тѣмъ болѣе что пріятель, не называя вещь ея именемъ, однако далъ мнѣ знать, что надѣется на продолженіе къ нему милостей вашего величества. Я долженъ также прибавить, что хотя настоящее положеніе дѣлъ не даетъ ему возможности быть полезнымъ въ той же степени, въ какой онъ былъ прежде, однако онъ продолжаетъ быть одинаково благонамѣренъ и сообщать мнѣ отъ времени до времени то, что, по его мнѣнію, можетъ быть полезно службѣ вашего величества".—Бестужевъ замѣчаетъ: „Христосъ во Евангеліе глаголетъ, не можетъ рабъ двумя господинома работати, Богу и мамонѣ; а между тѣмъ изъ сего видно, что сія сумма еще прежде бытности его въ Берлинѣ знатно чрезъ Мардефельда назначена. Сіе же теперь толь больше вѣроятности подаетъ подаваннымъ отъ казненнаго въ Пруссіи тайнаго совѣтника Фербера къ полковнику Виттингу извѣстіямъ, которыхъ оригиналы изъ Коллегіи скрадены, и тому письменному извѣстію, каково камергеръ Чоглоковъ при проѣздѣ своемъ чрезъ Берлинъ отъ бывшаго тамъ секретаря Лоренца получилъ, а именно, что вице-канцлеръ сообщилъ королю Прусскому изъ Дрездена о планѣ Саксонцевъ; король Прусскій ихъ предупредилъ—и тѣмъ Саксонію разорилъ".

Въ концѣ августа Лестокъ далъ знать Финкенштейну, что императрица сильно раздражена противъ морскихъ державъ; говорила, что, повидимому, хотятъ уничтожить ея войска; но впрочемъ Вѣнскій Дворъ не перестаетъ быть любимымъ Дворомъ [6]). Увѣдомляя объ этомъ, Финкенштейнъ писалъ королю: „Выходитъ изъ этихъ словъ, что возникло охлажденіе между Русскимъ Дворомъ и морскими державами, которымъ благонамѣренные

[1]) Депеша Финкенштейна 6 февраля.
[2]) Депеша 17 февраля.
[3]) Депеша 24 февраля.
[4]) Депеша 19 марта.
[5]) Депеша 2 апрѣля.
[6]) Депеша 7 сентября.

могли бы воспользоваться, если-бъ они имѣли мужество и способны были къ дѣятельности. Говорятъ сильнѣе прежняго о путешествіи въ Москву. Канцлеръ впрочемъ еще не отчаивается откл нить его и сильно хлопочетъ объ этомъ подъ рукою". Бестужевъ замѣчаетъ: „Ея импер. величеству лучше извѣстно, изволила-ль такіе разговоры при Лестокѣ держать; но преступленіе его въ томъ равно, лгалъ ли онъ на ея величество или вѣрный рапортъ дѣлалъ министру короля Прусскаго. Ея императ. величество изъ прежнихъ писемъ уже усмотрѣть изволила, что Лестокъ совѣтовалъ, чтобъ ни министра ея величества на конгрессъ не допущать, ниже Россіи въ мирный трактатъ не включать".

Вслѣдъ за тѣмъ Финкенштейнъ писалъ: „Я внушилъ обоимъ пріятелямъ, что такое положеніе дѣлъ въ соединеніи съ раздраженіемъ императрицы мнѣ кажется благопріятнымъ случаемъ, котораго не должно упускать; что именно теперь надобно раскрыть предъ императрицею недостойное поведеніе ея перваго министра; что затрудненія, которыя дѣлаютъ Россіи въ Ахенѣ, чтобъ не допустить ея до участія въ дѣлѣ умиротворенія Европы, и печальное состояніе русскаго войска доставляютъ страшныя доказательства противъ канцлера, и можно сдѣлать эти представленія такъ, что тщеславіе императрицы не будетъ затронуто, ибо она, быть можетъ, сочтетъ дѣломъ своей чести поддерживать и ложныя мѣры своего министра. Надобно ей внушить, что величайшіе государи имѣли иногда несчастіе быть обманутыми безо всякой вины съ своей стороны; надобно напомнить ей примѣръ родного отца, который, несмотря на свой геній и всю свою дѣятельность, часто находился въ такомъ положеніи, и избавлялся изъ него посредствомъ розысковъ и примѣрныхъ наказаній, и тѣмъ не менѣе онъ считался во всей Европѣ государемъ мудрымъ, правосуднымъ, правителемъ самостоятельнымъ. Важный пріятель, казалось, принялъ мои внушенія и сказалъ, что не преминетъ воспользоваться ими при первомъ удобномъ случаѣ; но, въ то же самое время, я нашелъ его въ такомъ душевномъ разслабленіи вслѣдствіе обхожденія съ нимъ императрицы, что я не могу много на него разсчитывать, если только государыня сама не сдѣлаетъ перваго шага. Я былъ болѣе доволенъ графомъ Лестокомъ, который рѣшился объясниться съ императрицею при первомъ случаѣ. Я говорилъ имъ также о поѣздкѣ въ Москву, на которую я смотрю какъ на продѣлку партіи; я ихъ уговорилъ приложить свое стараніе при этомъ, и надѣюсь, что они успѣютъ, потому что императрица страстно желаетъ этой поѣздки" [1]).

Неизвѣстно, объяснился ли Лестокъ съ императрицею; извѣстно только, что въ ноябрѣ онъ былъ арестованъ, и ему предложены были слѣдующіе допросные пункты: „1) Зачѣмъ водилъ компаніи съ шведскимъ и прусскимъ послами. 2) Отъ богомерзкаго человѣка Шетардія табакерки къ тебѣ присланы и именно написано было, чтобъ оныя героюю отдать: ты, вѣдая, кому онъ сіе имя давалъ (Елисаветѣ) и будучи сіе уже по высылкѣ его отсюда учинено, то сіе отъ него дерзостно сдѣлано, а ты, какъ присяжный человѣкъ, таку-ль вѣрность къ государю своему имѣешь, что о семъ утаилъ? Любя Шетардія, такого плута на государя своего промѣнялъ! Не могъ ли ты себѣ представить, что ежели-бъ и партикулярной дамѣ, въ ссорѣ находящейся, кто-либо подарокъ прислалъ, то оный ни отъ кого принятъ быть не можетъ, кольмиже паче чести ея величества предосудительно. 3) Ты въ нѣкоторое время ея имп. величеству самой говорилъ, что ежели-бъ-де принцеса Цербстская послушала твоихъ и Брюммеровыхъ совѣтовъ, то-бъ она великаго князя за носъ водила: такъ объяви, въ чемъ совѣты твои состояли. 4) Ты хочешь перемѣнить нынѣшнее царствованіе, ибо совѣтуешься съ министрами шведскимъ и прусскимъ, а они ко Дворамъ своимъ писали, что здѣшнее правленіе, на такомъ основаніи какъ теперь, долго оставаться не можетъ. 5) Финкенштейнъ писалъ, что для произведенія перемѣны удобнымъ случаемъ была-бъ ссора между императрицею и великимъ княземъ: не учинено-ль отъ тебя какихъ откровеній? 6) Въ тѣхъ же письмахъ усмотрѣно, что генералъ-прокуроръ князь Трубецкой главнымъ сообщникомъ всѣхъ твоихъ злодѣйскихъ замысловъ былъ, да и то еще объ немъ упомянуто, что въ случаѣ воспослѣдуемаго происшествія перемѣны онъ такимъ между твоею шайкою признавается, который въ состояніи тѣми пріятелями предводительствовать, кои теперь въ спячкѣ находятся, а тогда всѣ возстанутъ. 7) Ты самъ Финкенштейну говорилъ, что тебѣ съ вице-канцлеромъ удалось тайнаго совѣтника Веселовскаго на свою сторону преклонить, такъ что онъ, учиня тебѣ весьма много откровеній, и отстать не можетъ. 8) Во время негоціаціи съ морскими державами о перепущеніи имъ помощнаго корпуса, ты старался всѣ тайности у вице-канцлера свѣдать и о всемъ Финкенштейну пересказывалъ; уже доказано, что и самъ вице-канцлеръ прусскому министру такія открытія чинилъ, съ тобоюже былъ въ тѣсной дружбѣ. 9) Шапизо (капитанъ Ингерманландскаго полка, племянникъ Лестока) показалъ, что ты чрезъ Мардефельда отъ короля Прусскаго 10,000 рублей получилъ".—Лестокъ ни въ чемъ не признался; его сослали въ Угличъ [2]).

Паденіе Лестока произвело сильное впечатлѣніе при иностранныхъ Дворахъ; оно показывало несокрушимую силу Бестужева, показывало, слѣдовательно, и будущее направленіе русской политики послѣ важнаго событія въ Западной Европѣ, замиренія ея на Ахенскомъ конгрессѣ.

10 мая въ Петербургѣ съѣхались къ канцлеру австрійскій посолъ баронъ Бретлакъ, англійскій—

---

[1]) Депеша 10 сентяб.

[2]) Дѣло Лестока въ Государ. архивѣ.

лордъ Гиндфортъ, голландскій посланникъ Шварцъ, и Бретлакъ жаловался не медленность князя Репнина, который въ Гроднѣ напрасно жилъ три недѣли, а 13 апрѣля былъ не далѣе мѣстечка Гуры. Князь Репнинъ, будучи боленъ, нарочно задерживаетъ войска, изъ одного желанія всѣ ихъ вмѣстѣ самому показать императору и императрицѣ Римскимъ. По словамъ Бретлака, онъ получилъ отъ своего Двора выговоръ, ибо твердо обнадежилъ, что русскія войска въ исходѣ апрѣля вступятъ въ австрійскія владѣнія; теперь же, какъ по всему видно, они прежде іюня туда не придутъ. Гиндфордъ и Шварцъ жаловались еще сильнѣе, представляя, что Французы, зная о медленномъ движеніи русскаго войска, которое потому въ нынѣшнюю кампанію не можетъ сдѣлать имъ большого вреда, безъ малѣйшаго опасенія, устремляютъ всѣ свои силы противъ союзниковъ, отчего общее дѣло очень страдаетъ. Чернышевъ доносилъ изъ Лондона, что какъ при Дворѣ, такъ и въ народѣ главнымъ предметомъ разговора служатъ движенія русскаго вспомогательнаго корпуса, вычисляютъ, поскольку миль онъ долженъ дѣлать въ день и когда придетъ къ мѣсту назначенія.

Но движеніе этого корпуса способствовало только скорѣйшему заключенію мира, переговоры о которомъ уже начаты были въ Ахенѣ. Въ апрѣлѣ Чернышевъ увѣдомилъ о заключеніи прелиминарныхъ статей, по которымъ воюющія державы обязывались возвратить другъ другу всѣ завоеванія; Прусскому королю была гарантирована Силезія; Франція признавала императоромъ Германскимъ мужа Маріи-Терезіи. Англійское министерство жаловалось Чернышеву, что Англія принуждена заключить этотъ миръ вслѣдствіе дурного дѣйствія своихъ союзниковъ, Австріи и Голландіи; что король не иначе смотритъ на него, какъ на вынужденный силою, и потому намѣренъ остаться непоколебимымъ въ своей прежней системѣ, т.-е. находиться въ тѣснѣйшей дружбѣ съ своими собственными союзниками, особенно съ Русскимъ Дворомъ, въ знакъ чего велѣлъ отослать къ графу Гиндфорду копію съ прелиминарныхъ статей и всѣхъ піесъ, относящихся къ мирнымъ переговорамъ, для представленія императрицѣ, съ увѣреніемъ, что король въ точности исполнитъ всѣ обязательства. Чернышевъ получилъ также увѣреніе, что англійское правительство не намѣрено вступать ни въ какія тѣснѣйшія обязательства съ королемъ Прусскимъ. Но въ конвенціи о перепущеніи русскаго войска было внесено условіе, что въ случаѣ мирныхъ переговоровъ Россія принимаетъ въ нихъ участіе, почему теперь Чернышевъ потребовалъ, чтобъ русскій министръ былъ допущенъ на Ахенскій конгрессъ, или, по крайней мѣрѣ, Россія была включена въ окончательный трактатъ, дабы не испытать какой-нибудь мести со стороны державъ, противъ которыхъ она подала помощь своимъ союзникамъ. Чернышеву отвѣчали, что англійскій уполномоченный на конгрессѣ, графъ Сандвичъ, предложилъ объ этомъ, но получилъ рѣшительный отказъ со стороны французскаго уполномоченнаго, графа Санъ-Северина, и потому Англія, нуждаясь въ скорѣйшемъ заключеніи мира, не можетъ болѣе настаивать ни на допущеніе русскаго министра на конгрессъ, ни на включеніе Россіи въ окончательный договоръ. Но если императрица пожелаетъ, то Англія употребитъ все свое стараніе, чтобъ Россія была приглашена приступить къ окончательному договору послѣ его заключенія; притомъ Англія обязывается не входить съ Австріею и Голландіею ни въ какіе тѣснѣйшіе союзы безъ предварительнаго сношенія и согласія съ Русскимъ Дворомъ. Князю Репнину, находившемуся въ Элберфельдѣ, послано было требованіе, чтобъ немедленно возвращался назадъ, ибо подъ этимъ условіемъ Французы обязывались вывести изъ Брабанта 35,000 своего войска. Но не князь Репнинъ привелъ назадъ русское войско: онъ умеръ 30 іюля, и начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ-поручикъ Ливенъ.

Въ октябрѣ между Чернышевымъ и англійскимъ министромъ, герцогомъ Ньюкестлемъ, были разговоры объ Австріи, по поводу столкновеній ея съ Сардинскимъ Дворомъ. Ньюкестль обвинялъ Вѣнскій Дворъ въ неполитичности его дѣйствій; настаивалъ, что необходимо щадить Сардинскій Дворъ, ибо иначе онъ передастся на сторону Франціи. Чернышевъ защищалъ Вѣнскій Дворъ, ибо враждебность отношеній къ Пруссіи заставляла въ Петербургѣ поддерживать австрійскіе интересы во что бы то ни стало. Ньюкестль говорилъ, что поведеніе Вѣнскаго Двора можетъ нарушить настоящую систему и равновѣсіе Европы; Чернышевъ возражалъ, что Австрія неоспоримо болѣе въ состояніи поддержать европейское равновѣсіе, чѣмъ Сардинское королевство, и Ньюкестль долженъ былъ съ этимъ согласиться, хотя продолжалъ выражать раздраженіе противъ Австріи [1]).

Въ Вѣнѣ раздраженіе противъ Англіи было еще сильнѣе. Ланчинскій еще отъ 30 марта сообщилъ своему Двору о словахъ канцлера Улефельда, что относительно примиренія Англія, кажется, благопріятствуетъ Пруссіи и что есть намѣреніе заключить миръ на одинхъ проторяхъ Австріи. И въ апрѣлѣ Улефельдъ пѣлъ ту же пѣсню, жаловался на Англичанъ, что слишкомъ поздно заключили конвенцію съ Россіею; говорилъ, что не заключили бы и этой конвенціи, если бы не штатгалтеръ голландскій, принцъ Оранскій, утверждалъ, что Англичане непремѣнно хотятъ ввести на конгрессъ прусскаго уполномоченнаго. Въ маѣ Улефельдъ, говоря объ ахенскихъ прелиминаріяхъ, объявилъ, что они чрезвычайно странны и заручены Англіею, Франціею и Голландіею въ предосужденіе Вѣнскому Двору, которому въ Италіи очень мало остается; Силезія гарантируется Прусскому королю, котораго Англичане и Голландцы стараются усилить на по-

[1]) Дѣла Англійскія 1748 г.

мощь себѣ впредь. „Вашему и нашему Двору", говорилъ канцлеръ, „не надобно надѣяться ни на Англію, ни на Голландію и ни на какую другую державу, но твердо держаться вмѣстѣ: у насъ одни интересы и наши системы всѣхъ другихъ постояннѣе. Но теперь, при такомъ смутномъ положеніи дѣлъ, посылается указъ графу Кауницу въ Ахенъ, чтобъ подписалъ прелиминаріи". Въ іюнѣ Улефельдъ уже толковалъ, что теперь необходимо стараться не только не допускать Прусскаго короля до тѣснѣйшаго соединенія съ Франціею, но всячески ихъ раздѣлять. „Англійскіе министры", говорилъ канцлеръ, „объявляютъ другое несостоятельное мнѣніе, что Россіи надобно соединиться съ Англіею, Пруссіею и здѣшнимъ Дворомъ противъ Франціи; но на самомъ дѣлѣ они хотятъ принести насъ въ жертву и усилить Прусскаго короля. Они хотятъ удержать субсидію, чтобъ наше войско въ Нидерландахъ голодомъ поморить. Нашимъ постояннымъ непріятелямъ, Французамъ, мы обязаны тѣмъ, что Прусскаго министра на конгрессъ не допускаютъ". Въ Вѣнѣ употребляли всѣ средства, чтобъ вооружить Россію противъ Пруссіи, разсказывали Ланчинскому, что Фридрихъ II хочетъ принять католицизмъ для полученія императорской короны; что имѣетъ виды на Польшу; въ то же время внушали, что Россія не должна настаивать на допущеніе своего министра на Ахенскій конгрессъ, ибо въ такомъ случаѣ Англія будетъ настаивать на допущеніе Прусскаго министра. Улефельдъ продолжалъ бранить Англичанъ: „Не только противности, но и неучтивости ихъ къ нашему Двору умножаются; и съ нами-то не-за-что такъ поступать, а русскія вспомогательныя войска чѣмъ провинились—для чего такъ странно отсылаются, не дождавшись рѣшенія ихъ императрицы? Смѣхотворно объявляютъ, что Франція требовала ихъ отсылки, обѣщая отпустить и съ своей стороны такое же число войска; но Французамъ возвращаться близко, а русскимъ полкамъ 300 миль идти надобно безъ отдыха. На то не обратили вниманія, что одно движеніе этихъ войскъ заставило Францію спѣшить съ прелиминаріями; если же Англичане приняли эти прелиминаріи себѣ безъ пользы, и намъ ко вреду, то русскія войска къ тому причины не подали".

Въ Дрезденѣ Мих. Петр. Бестужева прежде всего занималъ вопросъ о проходѣ русскаго вспомогательнаго отряда черезъ Польшу. Въ мартѣ графъ Брюль сообщилъ ему, что перенято письмо французскаго резидента Кастера, изъ котораго видно, что онъ пишетъ къ польскимъ магнатамъ и великому гетману, какъ безчестно и стыдно, что дозволяется пропускъ чужимъ войскамъ черезъ Польшу. Король очень разсердился, и рѣшено жаловаться Французскому Двору на Кастера. Въ апрѣлѣ Бестужевъ писалъ императрицѣ, что въ Польшѣ довольны дисциплиною и исправнымъ платежемъ проходившаго через нее репнинскаго корпуса; но такъ какъ на будущемъ сеймѣ безъ крику и шуму противъ прохода русскихъ войскъ не обойдется, то надобно прислать къ сейму нѣсколько денегъ и мягкой рухляди, для успокоенія этихъ крико въ. Надобно было ожидать на сеймѣ поднятія и другого непріятнаго для Россіи вопроса — Курляндскаго: предвидѣлось, что Поляки потребуютъ или освобожденія Бирона и его сыновей, или объявленія герцогскаго престола празднымъ и выборовъ на него; Морицъ Саксонскій, прославившійся, какъ маршалъ французской службы, не переставалъ называться герцогомъ Курляндскимъ, и носились слухи, что онъ самъ пріѣдетъ въ Польшу къ сейму. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ Бестужевъ представлялъ своему Двору необходимость разорвать сеймъ, а для этого надобились деньги и мягкая рухлядь. По этому представленію переслано было въ Польшу для сейма 11,000 рублей деньгами.

Касательно Саксоніи Бестужевъ долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобъ она приступила къ союзу, заключенному между Россіею и Австріею. На предложеніе со стороны Бестужева Брюль отвѣчалъ, что это дѣло великой важности, ибо Саксонія, будучи окружена владѣніями короля Прусскаго, первая подвергается его нападенію, какъ въ послѣднюю войну и случилось: за исполненіе обязательствъ Варшавскаго трактата король подвергся великой опасности,—почти вся Саксонія была завоевана и разорена, и не получила ни откуда ни помощи, ни вознагражденія за понесенные убытки. Поэтому желательно, чтобъ здѣшнему Двору были показаны безопасность и выгоды; а безъ того его величество приступленіе къ договору не находитъ согласнымъ съ своими интересами; наконецъ, между Россіею, Австріею и Саксоніею и безъ того существуютъ союзные договоры [1]).

Осенью начался сеймъ въ Варшавѣ. 8 октября Бестужевъ писалъ: „Дворъ продолжаетъ желать, чтобъ сеймъ состоялся; князья Чарторыйскіе, въ угодность королю, особенно же для показанія своей силы въ Рѣчи Посполитой, стараются объ этомъ всѣми средствами и почти никого противниковъ себѣ не находятъ. Правда, воевода Сендомирскій, Тарло, какъ богатѣйшій здѣсь послѣ князей Чарторыйскихъ, могъ бы имъ противиться; но его, какъ человѣка корыстолюбиваго, король какимъ-нибудь обѣщаніемъ можетъ задобрить; а великій гетманъ коронный (Потоцкій) такъ устарѣлъ и одряхлѣлъ, что уже и себя почти не помнитъ, такъ что теперь сеймъ состоитъ совершенно изъ креатуръ Чарторыйскихъ. Великій гетманъ Литовскій, князь Радзивилъ, просилъ меня, чтобъ я вашему имп. величеству засвидѣтельствовалъ о его доброжелательности и усердіи къ русскимъ интересамъ, и притомъ ко мнѣ отзывался, что хотя онъ съ князьями Чарторыйскими и въ дружбѣ находится, однако неохотно можетъ видѣть, чтобъ они приходили въ большую силу; и я самъ усматриваю, что у главныхъ магнатовъ къ фамиліи

[1]) Дѣла Австрійскія.

Чарторыйскихъ большая зависть; да и правда: эти князья вмѣстѣ съ воеводою Мазовецкимъ—Понятовскимъ—многихъ изъ нихъ умнѣе и въ дѣлахъ гораздо поворотливѣе и расторопнѣе".

9 октября, послѣ обѣда королевскаго, къ которому былъ приглашенъ и Бестужевъ, Брюль подошелъ къ нему, и, какъ бы шутя, сказалъ, что король желаетъ совершенія сейма, а слышно, что онъ, Бестужевъ, хочетъ противнаго, и не имѣетъ ли онъ объ этомъ указа императрицы. Бестужевъ признается, что былъ смущенъ этими словами, но принялъ такъ же шутливый тонъ и отвѣчалъ, что указа нѣтъ и никому никакихъ внушеній о томъ не сдѣлано. Послѣ этого Брюль попросилъ его пріѣхать къ нему на другой день, чтобъ переговорить серьезнѣе и обстоятельнѣе. На другой день Брюль началъ разговоръ просьбою, чтобъ Бестужевъ прямо и откровенно объявилъ, есть ли у него указъ императрицы разорвать сеймъ, ибо если такъ, то король и трудовъ своихъ употреблять не станетъ, зная, что императрица, по своему кредиту въ Польшѣ и посредствомъ денегъ, не допуститъ сейма до окончанія, хотя король и желалъ-бы противнаго единственно для чести и для утвержденія своего кредита въ Польшѣ, что императрицѣ можетъ быть не только не противно, но по общимъ интересамъ и пріятно, и если-бъ она прислала указъ о разорваніи сейма, то это было бы поступлено не союзнически. Бестужевъ отвѣчалъ, что точнаго указа не имѣетъ, но, слыша, что въ посольской избѣ раздаются крики о Курляндскомъ дѣлѣ, за которымъ сюда и депутаты присланы, считаетъ своею обязанностію и безъ указа разорвать сеймъ, чтобъ не было внесено въ конституцію чего-нибудь противнаго русскимъ интересамъ; впрочемъ, до сихъ поръ не сдѣлалъ еще ни одного шага и ни съ кѣмъ изъ своихъ друзей не изъяснялся, и потому подозрѣнія Брюля напрасны. Что же касается до желанія короля о завершеніи сейма, то онъ до сихъ поръ ничего объ этомъ не зналъ; а теперь, когда ему королевское намѣреніе объявляется, то оно императрицѣ ни мало противно быть не можетъ, лишьбы только въ конституцію не было внесено ничего противнаго русскимъ интересамъ. Разговоръ кончился тѣмъ, что Брюль далъ слово не вносить ничего о Курляндскомъ дѣлѣ въ конституцію, лишьбы императрица современемъ покончила это дѣло, и Бестужевъ извѣстилъ свой Дворъ, что въ сеймовыя дѣла больше мѣшаться не будетъ, вслѣдствіе чего 10,000 рублей останутся въ казнѣ. Сеймъ расползся и безъ русскихъ денегъ. Говорили, что причиною этому были французскія и прусскія интриги; но Бестужевъ писалъ, что чужихъ интригъ не было, а были интриги завистниковъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, усиленія которыхъ не хотятъ допустить. Литовскій гетманъ Радзивилъ, пріѣхавши къ Бестужеву проститься, просилъ его отъ имени всей Литвы увѣрить императрицу въ истинной преданности и въ томъ, что Литва, въ случаѣ какого-нибудь происшествія, полагаетъ надежду на помощь Россіи; при этомъ жаловался онъ на Чарторыйскихъ, что поступаютъ деспотически; что сношенія Двора съ домомъ Чарторыйскихъ во время послѣдняго сейма клонились къ тому, чтобъ на сеймахъ ввести рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ; а liberum veto уничтожить. „Отъ этого", говорилъ Радзивилъ, „вольность республики была бы истреблена вконецъ, и я скорѣе дамъ себя на части изрубить, чѣмъ позволю на введеніе такой вредной новости." Бестужевъ извѣщалъ, что этотъ замыселъ Чарторыйскихъ увеличилъ число ихъ враговъ, поднялъ противъ нихъ Радзивиловъ, Огинскихъ, Сапѣгъ, Сангушекъ, Потоцкихъ, Тарловъ; великій канцлеръ коронный Малаховскій показываетъ имъ только видъ пріязни, негодуя, что Дворъ довѣряетъ имъ болѣе, чѣмъ кому-либо другому. Бестужевъ внушалъ своему Двору, что введеніе большинства голосовъ на польскихъ сеймахъ будетъ вредно русскимъ интересамъ[1]).

Прусскій Дворъ, во время движенія русскаго воспомогательнаго корпуса и во время ахенскихъ переговоровъ, хранилъ глубокое молчаніе. Въ Швеціи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Корфъ былъ смѣненъ дѣйствительнымъ камергеромъ, Никитою. Ив. Панинымъ. Новый посланникъ долженъ былъ начать свои донесенія печальными извѣстіями о состояніи королевскаго здоровья: „Хотя жизнь его величества и не пресѣчется", писалъ Панинъ въ маѣ, „однако по причинѣ старости и невоздержанія часъ смерти не можетъ быть далекъ, и бдительная французская партія давно уже принимаетъ свои мѣры; кронпринцъ почти ежедневно присутствуетъ въ сенатѣ, куда преданные Франціи сенаторы пріѣзжаютъ постоянно, носящіе же имя патріотовъ—очень рѣдко. Эти патріоты здраво судятъ о дурныхъ послѣдствіяхъ смерти королевской; но плохая надежда, чтобъ они могли принять какія-нибудь полезныя мѣры: всѣ единогласно признаютъ слабость и трусость своихъ единомышленниковъ; одинъ изъ нихъ, Вормгольцъ, откровенно сказалъ мнѣ, что ихъ партія безъ помощи посторонней державы не двинется".

Въ письмѣ къ канцлеру Панинъ изложилъ свое мнѣніе, какъ Россіи надобно дѣйствовать послѣ смерти королевской. Она должна имѣть въ виду три задачи: 1) не допустить до установленія самодержавія; 2) низвергнуть настоящее министерство; 3) возведеніемъ на мѣста прежнихъ министровъ добрыхъ патріотовъ связать руки у молодаго Двора. Достигнуть этихъ цѣлей посредствомъ старой русской партіи (колпаковъ) нельзя,—надобно изъ французской партіи выбрать сильнаго человѣка и склонить на свою сторону; дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Даніею по единству интересовъ и подкрѣпить сеймъ оружіемъ; раздача же денегъ никакой пользы не принесетъ. Королевская болѣзнь затянулась надолго. Панинъ требовалъ, чтобъ рѣшительныя мѣры, именно—вооруженное вмѣша-

[1]) Дѣла Польскія.

тельство—было принято прежде смерти королевской, ибо послѣ будетъ уже поздно; онъ настаивалъ на то, что Швеція рѣшительно не въ состояніи сопротивляться нападенію съ двухъ сторонъ, русской и датской.

19 октября въ Петербургѣ былъ написанъ Панину секретный рескриптъ: „Усмотря изъ разныхъ вашихъ доношеній несумнѣнныя доказательства старательствамъ и проискамъ поверхнствующей въ Швеціи французско-прусской партіи о введеніи, по преставленіи его величества Шведскаго, самодержавства, мы, по неутомленному нашему о благѣ и цѣлости нашей имперіи и объ отвращеніи всего того, еже интересамъ оной вредительно быть можетъ, всегда имѣющему попеченію, уже предъ давнымъ временемъ канцлеру нашему поручили съ пребывающимъ при нашемъ Дворѣ Дацкимъ министромъ Шезомъ о такомъ важномъ и до обоихъ государствъ равно существительно-касающемся предметѣ потребныя сношенія имѣть, дабы такой предосудительный оной шайки замыслъ соединенными силами въ ничто обратить и тѣмъ покой въ Сѣверѣ постояннымъ и надежнымъ учинить. И мы на вѣрность и искусство ваше полагаемся, что вы сію деликатную матерію съ надежнѣйшими изъ патріотовъ такъ тайно трактовать будете, что о томъ ничего наружу не выйдетъ". Но Данія медлила, и Панинъ былъ недоволенъ министромъ ея въ Стокгольмѣ, Винтомъ. Послѣдній открылъ ему, что онъ увѣдомленъ отъ своего Двора о сношеніяхъ Россіи съ Даніею по поводу Шведскихъ дѣлъ, и получилъ указъ поступать съ нимъ, Панинымъ, откровенно и ободрять шведскихъ патріотовъ. Панинъ, съ своей стороны, открылъ ему только то, что датскій министръ въ Петербургѣ предложилъ принять общія мѣры противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи, и что онъ, Панинъ, будетъ обнадеживать патріотовъ въ сохраненіи ихъ свободы какъ отъ имени императрицы, такъ и отъ имени короля Датскаго; но въ дальнѣйшія изъясненія съ нимъ не вошелъ, „потому что", писалъ Панинъ, „до сихъ поръ отъ него ничего сходнаго съ его инструкціями не вижу:—это такой человѣкъ, что свои забавы и спокойствіе предпочитаетъ дѣламъ".

7 ноября Панинъ былъ приглашенъ наслѣднымъ принцемъ, который началъ ему говорить: „По окончаніи несчастной войны у Швеціи съ Россіею, недоброжелательные обоимъ Дворамъ люди постарались противъ меня лично вооружить ея импер. величество и внушить подозрѣнія, будто я, во время европейской смуты, вмѣстѣ съ Шведскимъ народомъ дѣйствовалъ вопреки интересамъ ея величества и даже хотѣлъ прямо принять непріятельскія мѣры противъ Россіи. Я боюсь, чтобъ эти подозрѣнія рано или поздно не причинили горести моему отечеству и чтобъ я не былъ первою причиною несчастія. Такъ какъ теперь, вслѣдствіе общаго замиренія Европы, несправедливость такихъ подозрѣній сама собою оказывается, то я прошу васъ дружески донести императрицѣ о моей истинной преданности и высокопочитаніи, увѣрить, что я почелъ бы себя за неблагодарнѣйшаго человѣка въ мірѣ, если-бы когда нибудь забылъ милости и благодѣянія ея величества". — „Эта штука внушена Тессиномъ", писалъ Панинъ: „онъ заставилъ принца свою ватагу Шведскою націею назвать и свои дѣйствія вымышленными будто отъ непріятелей. Что за вздоръ — общимъ замиреніемъ доказывать свои добрыя намѣренія относительно Россіи, и ставить себѣ въ заслугу свою невозможность дѣйствовать прямо противъ нея! Я отвѣчалъ, что о подозрѣніяхъ, о какихъ онъ изволилъ упоминать, никакихъ свѣдѣній не имѣю". Панинъ приписывалъ эти заявленія принца страху передъ движеніемъ Русскихъ въ Финляндіи и датскихъ—въ Норвегіи, тѣмъ болѣе-что и Тессинъ разсыпался предъ нимъ въ ласкательствахъ. Дѣло дошло до того, что Тессинъ издалека, черезъ другихъ, сталъ внушать Панину, что ему нетрудно будетъ французскіе интересы принести въ жертву русскимъ. Панину пришла въ голову мысль, что между Тессиномъ и другими членами французской партіи долженъ быть разладъ, и потому Россіи можно употребить Тессина орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Онъ выражался на этотъ счетъ такъ: „Питая въ Тессинѣ надежду успѣха, не невозможно найдется нынѣ господствующую партію раздѣлить надвое и тѣмъ Тессина съ молодымъ Дворомъ въ брани и битвѣ съ своими упражняемыми учинить, еже несказанно мудрому предпріятію вашего императорскаго величества для перемѣны здѣшнихъ дѣлъ поспѣшествовать можетъ, ибо во время того дѣйствія оный Тессинъ достаточною лозою служить можетъ, которая обычайно, послѣ наказанія другихъ, въ огонь ввергается". По мнѣнію Панина, даже и въ томъ случаѣ, если-бъ всѣ эти улаакиванія имѣли цѣлію отвлечь Россію отъ Даніи, то и тогда слѣдовало пока держать Шведовъ между страхомъ и надеждою—и тѣмъ выиграть поболѣе времени, ибо наставшая зимняя пора неудобна для военныхъ дѣйствій и нельзя надѣяться, чтобъ датское войско могло получить этою зимою значительный успѣхъ, ибо не имѣетъ магазиновъ.

Такимъ образомъ, кронпринцъ и его или, такъ называемая, французская партія, достигнувшая своими жалобами въ Петербургѣ отозванія Корфа, ничего не выиграла, получивъ на его мѣсто Панина. Корфъ отправился на свое прежнее мѣсто, въ Копенгагенъ, склонять Данію дѣйствовать заодно съ Россіею.

16 декабря отправленъ былъ къ нему рескриптъ: „Мы напередъ обнадежены пребываемъ, что его величество король чиненные ему съ нашей стороны толь откровенные авансы съ предварительнымъ сообщеніемъ о нашей въ Швеціи чинимой декларации и о сдѣланныхъ уже дѣйствительно въ Финляндіи распоряженіяхъ за удостовѣрительные опыты нашей союзнической и истинной дружбы купно съ тою надобностію, чтобъ онымъ равнымъ образомъ чрезъ откровенное объявленіе его притомъ имѣющихъ

сентиментовъ соотвѣтствовать, совершенно признаетъ, слѣдовательно же далѣе и не отречется чрезъ своего министра, Шеза, у насъ первыя предложенія учинить и его достаточными инструкціями къ неотлагательному заключенію формальной конвенціи снабдить повелѣть, дабы сіе зѣло важное дѣло, въ совершеніи котораго, въ разсужденіи зѣло слабаго состоянія здравія короля Шведскаго, ни единаго часа упускать болѣе не должно, безъ дальняго отлагательства къ совершенному состоятельству приведено было. Польза же, которая Датскому Двору при семъ произрастетъ, видится гораздо вящей важности быть, нежели для насъ, ибо мы, какъ упомянуто, ничего болѣе какъ ненарушимое сохраненіе тишины въ Сѣверѣ, не желая притомъ чего-либо завоевать, предметомъ имѣемъ; напротивъ же того,—оному Двору насчетъ Швеціи охотно нѣкоторые авантажи дозволяемъ" [1]).

И относительно другихъ Дворовъ произошли перемѣщенія русскихъ министровъ: графъ Мих. Петр. Бестужевъ-Рюминъ изъ Дрездена перемѣстился въ Вѣну; на его мѣсто, въ Дрезденъ назначенъ Кейзерлингъ—изъ Берлина; на мѣсто Кейзерлинга, переведенъ въ Берлинъ Гроссъ - изъ Парижа. Въ Парижъ не назначенъ никто, потому что охлажденіе между Россіею и Франціею достигло высшей степени, вслѣдствіе перепущенія русскаго вспомогательнаго корпуса морскимъ державамъ для дѣйствія противъ Франціи. Дальонъ былъ отозванъ еще въ концѣ 1747 года; но такъ какъ его отъѣзду было дано значеніе временное, то Гросса немедленно не отозвали, и онъ долженъ былъ выслушивать непріятныя выходки отъ завѣдывавшаго иностранными дѣлами, маркиза Пюизіе: „Такой великой державѣ, какъ Россія", говорилъ маркизъ, „неприлично свое войско за деньги отдавать другимъ державамъ; приличнѣе было бы ей прямо объявить войну противъ Франціи". Гроссъ получилъ изъ Петербурга приказаніе: „При всякомъ такомъ случаѣ разговоровъ продолжительно доказывать, что сія нашимъ союзникамъ чинимая помощь никому въ обиду причтена быть не можетъ, да и мы въ томъ никому же отчета давать не обязаны" Годъ проходилъ, но французское правительство никого не назначало въ Петербургъ на мѣсто Дальона, и, 9 декабря, императрица подписала Гроссу рескриптъ, въ которомъ приказывала ему немедленно выѣхать изъ Франціи: „Мы изъ разныхъ реляцій вашихъ усмотрѣли", говорилось въ рескриптѣ, „что маркизъ Пюизіе въ нѣкоторый реванжъ за отправленныя нами къ обѣимъ морскимъ державамъ 30,000 человѣкъ войска отзывъ отъ нашего Двора французскаго министра Дальона почиталъ, оказывая притомъ, что король, его государь, и совсѣмъ не намѣренъ кого-либо другого на мѣсто его къ намъ прислать. Сверхъ же того, по поводу помянутаго перепущенія нашихъ войскъ, весьма непріятные и всевысочайшему нашему достоинству предосудительные разговоры вамъ держаны. И яко намъ вкорененное Французскому Двору къ нашей императрицѣ недоброжелательство и произведенныя издревле при разныхъ Дворахъ, да и при самой Оттоманской Портѣ, намъ предосудительные происки и возмущенія, которые по пріобрѣтенной Франціею несправедливыми и богомерзкими войнами въ свѣтѣ знатности, отъ большей части и успѣхъ получаютъ, довольно извѣстны, — мы же для обезсиленія такой знатной инфлюенціи лучшихъ способовъ не изобрѣли, какъ вѣрнымъ и натуральнымъ нашимъ союзникамъ постороннимъ образомъ противъ оной державы сильно вспомогать, чрезъ который способъ наконецъ и пожеланный миръ въ Европѣ возстановленъ. Тако мы, какъ въ разсужденіи того, что Французскій Дворъ причиненною посылкою нашихъ войскъ препятствія прогрессомъ оружія онаго намъ не скоро позабыть можетъ, такъ и для неподанія о насъ въ свѣтѣ мнѣнія, яко бы сія корона столько намъ надобна, что мы и собственную всевысочайшую нашу честь изъ глазъ выпущаемъ, оставляя васъ тамо, невзирая на то, что при нашемъ Дворѣ французскаго министра не находится, и что хотя, почитай, ко всѣмъ другимъ новые послы и министры назначиваются, а о насъ не помышляется,—за весьма нужно изобрѣли вамъ повелѣть, чтобъ вы оттуда со всѣми у васъ находящимися канцелярскими дѣлами, какъ скоро токмо собраться можете, въ Гагу подъ такимъ претекстомъ выѣхали, что вы, по прошенію вашему о распоряженіи нѣкоторыхъ домашнихъ дѣлъ въ отечествѣ вашемъ, всевысочайшее отъ насъ позволеніе получили" [2]).

Желанный миръ былъ возстановленъ и, по общему признанію, одною изъ причинъ его ускоренія было движеніе русскаго войска къ Рейну. Такимъ образомъ, уже въ третій разъ движеніе русскаго войска останавливало завоевательные замыслы, сдерживало побѣдителя, вело къ миру въ Европѣ: появленіе русскаго войска на Рейнѣ повело къ Вѣнскому миру, окончившему войну за Польское наслѣдство; движеніе русскаго войска въ 1745 г. заставило Фридриха II ускорить Дрезденскимъ миромъ, и, наконецъ, послѣднее движеніе репнинскаго корпуса заставило спѣшить ахенскими переговорами. Новое могущество, появившееся на Востокѣ съ начала вѣка, оказывало свое вліяніе на европейскія дѣла новымъ, особеннымъ образомъ; политическое равновѣсіе получало для себя сильное ручательство.

Дѣло кончилось, повидимому, страшнымъ раздраженіемъ между Россіею и Франціею, заставившимъ ихъ прекратить дипломатическія сношенія. Но это раздраженіе Россіи противъ старой Франціи было послѣднее. Старая Франція теряла свою силу и вовсе не была такъ опасна, что ясно оказалось при окончаніи войны за Австрійское наслѣдство: съ какими надеждами вступила въ нее Франція?—съ надеждами окончательно низложить, раздробить

[1]) Дѣла Шведскія.

[2]) Дѣла Французскія.

Австрію, послѣ чего вся Германія представлялабы рядъ слабыхъ государствъ, подчиненныхъ вліянію Франціи. Но сбылись ли эти надежды?—нисколько. Австрійскія владѣнія не раздробились; но дѣло было не въ Австріи: въ Германіи явилась держава, гораздо опаснѣе Австріи; Франція вела войну для Пруссіи, ибо одна Пруссія воспользовалась войною,—одна усилилась, одна пріобрѣла отъ Австріи богатую область, потерю которой Австрія не могла забыть. Конецъ войны долженъ былъ убѣдить Францію въ томъ, въ чемъ русскіе государственные люди были давно уже убѣждены: они были убѣждены въ томъ, что Пруссія опаснѣе Франціи; Франція должна была убѣдиться, что для нея Пруссія опаснѣе Австріи,—въ этомъ убѣжденіи естественнымъ и необходимомъ лежала главная причина перемѣны старыхъ вѣковыхъ отношеній, которая была слѣдствіемъ войны за Австрійское наслѣдство и причиною Семилѣтней войны.

Но пока вся Европа замирилась, и Елисавета стала приготовляться къ своей любимой поѣздкѣ, поѣздкѣ въ Москву. Мы видѣли, что вопросъ объ этой поѣздкѣ сталъ вопросомъ партіи. Бестужевъ выставилъ сильное сопротивленіе, указывая на необходимость оставаться Двору въ Петербургѣ въ виду шведскихъ событій, въ которыхъ не преминутъ принять участіе Пруссія и Франція. Канцлеръ основывался на депешахъ Панина, который настаивалъ на томъ же, указывая, какъ обрадовалась въ Стокгольмѣ французская партія при извѣстіи объ отъѣздѣ Русской императрицы въ Москву. Но сопротивленіе Бестужева заставляло противниковъ его тѣмъ сильнѣе утверждать Елисавету въ ея намѣреніи ѣхать въ Москву.

17 октября Сенатъ получилъ указъ: въ будущемъ декабрѣ императрица ѣдетъ въ Москву и повелѣваетъ учинить нарядъ подводамъ, чтобъ было на каждый станъ по 725 подводъ, въ томъ числѣ ямскихъ и градскихъ по 300, уѣздныхъ—по 425. Для Сената, Синода и Коллегій подводы нанимать вольныя и что ненужное—отправлять другими трактами; а чтобъ, „за множествомъ проѣзда, за дороговизною кормовъ, наемщики цѣнъ безмѣрно не возвышали, того ради отпуски партикулярнымъ людямъ своихъ товаровъ до генваря мѣсяца какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ велѣть удержать, также разставленныхъ по почтамъ въ разныхъ мѣстахъ ямскихъ лошадей, кромѣ московской отсюда дороги, велѣть убавить на весь декабрь мѣсяцъ".

15 декабря императрица выѣхала въ Москву

Глава V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Образованность въ Россіи въ первыя семь лѣтъ царствованія Елисаветы.

(1741—1748 г.)

Царствованіе, занимающее послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и первое десятилѣтіе второй половины,—царствованіе Елисаветы представляетъ замѣтную перемѣну во внутренней жизни русскаго общества. Употребляя общепринятое выраженіе, историкъ имѣетъ право сказать, что нравы смягчаются, къ человѣку начинаютъ относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ и умственные интересы начинаютъ находить болѣе доступа въ обществѣ, которое начинаетъ чувствовать потребность высказаться, вслѣдствіе чего являются начатки литературы и попытки обработать, облагозвучить орудіе выраженія пробивающейся мысли,—языкъ. Эта перемѣна должна была произойти отъ разныхъ причинъ: прежде всего отъ естественнаго роста, естественнаго развитія русскаго общества по тому направленію, которое было усвоено въ эпоху преобразованія; каковы бы ни были препятствія, развитіе должно было совершаться въ сильномъ и живомъ народѣ; вовторыхъ, Россія, вошедшая въ общую жизнь европейскихъ народовъ, должна была подчиняться вліяніямъ, среди нихъ господствовавшимъ. Сильное литературное движеніе на Западѣ, охватывавшее всю Европу при господствѣ Французскаго языка, содѣйствовало повсюду возбужденію вопросовъ о человѣкѣ и обществѣ: сосѣдняя Германія почувствовала это вліяніе,—почувствовала его и Россія; наконецъ, многое зависѣло отъ условій времени и, въ государствѣ самодержавномъ, зависѣло отъ характера царствующаго лица.

Описываемое время оставило по себѣ пріятное воспоминаніе въ народѣ, несмотря на то, что за нимъ почти непосредственно слѣдовало блестящее Екатерининское время. Этому, разумѣется, содѣйствовало печальной памяти предшествовавшее царствованіе Анны, Бироновщина и слабое, безтолковое правленіе Анны Леопольдовны, не дававшее обезпеченія ни въ чемъ. Елисавета подняла славное знамя отца своего и успокоила оскорбленное народное чувство яснымъ для всѣхъ стремленіемъ неуклонно слѣдовать главному и самому важному для народа правилу—нисколько не ослабляя связей съ Западною Европою, давать первенствующее значеніе Русскимъ людямъ, въ ихъ рукахъ держать судьбу государства. Возстановленіе учрежденій Петра Великаго въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ оставилъ, постоянное стремленіе дать силу его указамъ, поступать въ его духѣ—сообщали извѣстную

твердость, правильность, систематичность дѣйствіямъ правительства, а подданнымъ - увѣренность и спокойствіе, тѣмъ болѣе-что слѣдованіе правиламъ и указамъ Петра не было рабскимъ, мертвымъ подражаніемъ чему-то отжившему или отживающему, ибо не являлось новыхъ потребностей, которыя бы вызывали новый духъ и новыя формы: напротивъ, извѣстная; хотя и безсознательная реакція, извѣстныя уклоненія отъ духа и формъ Петровыхъ, сдѣланныя съ 1725 года, оказывались вовсе небезполезными для государства. Становились на твердую почву, указавши какому образцу будутъ слѣдовать, а между тѣмъ это слѣдованіе по стопамъ Преобразователя было спокойное и легкое, чуждое волненій преобразованія, какъ уже совершившагося. Правительство отличалось миролюбіемъ, а между тѣмъ войны, имъ веденныя, ознаменовались блестящими успѣхами. Это спокойствіе, довольство, удовлетвореніе главнымъ потребностямъ народнымъ заслужило Елисаветинскому времени пріятную память, особенно по сравненію съ временемъ предшествовавшимъ, чему много способствовалъ, какъ уже было сказано, характеръ императрицы, который выразился всего рѣзче въ томъ, что народъ долженъ былъ отвыкнуть отъ ужаснаго зрѣлища смертной казни. Закона, уничтожавшаго смертную казнь, не было издано: вѣроятно Елисавета боялась увеличить число преступленій, отнявши страхъ послѣдняго наказанія; суды приговаривали къ смерти, но приговоры эти не были приводимы въ исполненіе, и въ народное воспитаніе вводилось великое начало.

Мы хорошо знаемъ препятствія правильному ходу народнаго воспитанія въ Россіи въ XVIII вѣкѣ, и наше дѣло слѣдить по возможности, во сколько, откуда и въ какой формѣ являлось противодѣйствіе этимъ препятствіямъ. Восточные дикари, вступавшіе въ русскую службу, продолжали раздѣлываться другъ съ другомъ по своему старому обычаю. Въ 1744 году, генералъ-лейтенантъ, Грузинскій царевичъ Бакаръ, велѣлъ своимъ людямъ схватить служившаго въ астраханскомъ гарнизонѣ капитаномъ Грузинскаго же князя Назарова, бить и волочить его за ноги по улицѣ. Бакара призвали въ Сенатъ и объявили ему указъ государыни, что ему не только въ резиденціи, но и нигдѣ такой своевольной продерзости чинить не надлежало, и хотя онъ, царевичъ, по указамъ, подлежитъ тягчайшему штрафу, но ея имп. в—ство, изъ высочайшей милости, указать соизволяетъ, чтобъ онъ князя Назарова во всемъ удовольствовалъ немедленно, а если не удовольствуетъ, то поступлено будетъ съ нимъ по указамъ [1]. Въ 1745 году, прокуроръ Коммерцъ-Коллегіи, Самаринъ, представилъ въ Сенатъ, что ассесоръ Красовскій отказался подписать журналъ, ибо въ немъ не сказано, какъ президентъ, князь Юсуповъ, въ судейской ударилъ солдата по щекѣ, причемъ и самъ Юсуповъ говорилъ что солдата ударилъ [2]. Государство нуждалось въ деньгахъ,—и явились люди, которые предложили средство добыть деньги. Въ началѣ 1748 года, двое бѣлгородскихъ купцовъ, Ворожайкинъ и Турчаниновъ, донесли, что, несмотря на указы Петра Великаго, многіе носятъ бороды и русское платье, и просили, чтобъ позволено имъ было такихъ преслѣдовать, обѣщаясь доставить въ казну на 1748 годъ болѣе 50,000 рублей отъ штрафовъ съ бородачей. Но Сенатъ рѣшилъ Ворожайкину и Турчанинову отказать, ибо смотрѣть за исполненіемъ указовъ о бородахъ и русскомъ платьи поручено губернаторамъ, воеводамъ и раскольничьей конторѣ [3].

Въ семейныхъ отношеніяхъ, даже въ высшихъ слояхъ общества, сильно отзывалась иногда старина. Въ 1746 году, жена экипажъ-мейстера Конона Никитича Зотова, Марья Прокофьевна, по смерти мужа, осталась беременна и родила сына Конона; но послѣ родинъ дворовые ея люди, мужчины и женщины, убѣжали изъ Петербурга въ Москву къ падчерицамъ ея—Зотовымъ, и подали челобитную, что вдова Зотова родила мертвую дочь, а мальчика принесли подставнаго, чтобъ лишить падчерицъ наслѣдства. По всему оказывается, что челобитье было ложное [4]. Внѣ дома правительство должно было вооружиться также противъ стараго явленія: въ декабрѣ 1743 года, Сенатъ велѣлъ въ Камеръ-Контору подтвердить указомъ, чтобъ въ торговыхъ баняхъ мужчинамъ и женщинамъ париться вмѣстѣ было запрещено, и смотрѣть за этимъ накрѣпко, а кто будетъ допускать,—такихъ штрафовать безо всякой пощады [5]. Подлѣ старыхъ бань условія новой жизни выставили герберги, или трактирные домы; въ Петербургѣ было такихъ герберговъ 25 съ трактирами и постелями, столомъ, кофе, чаемъ, чекулатомъ, билліардомъ, табакомъ курительнымъ, виноградными винами и водками, заморскимъ эльбиромъ и полпивомъ легкимъ перебургскаго варенья, которое употребляется вмѣсто квасу. Въ 1746 году, Сенатъ далъ указъ: если кто изъ русскихъ купцовъ пожелаетъ содержать герберги съ платежемъ акциза, то явились бы въ Камеръ-Контору [6]. Кромѣ герберговъ, съ ихъ виномъ, кофе и чекулатомъ, въ Петербургѣ публика приглашалась еще къ другимъ удовольствіямъ. Въ январѣ 1745 года, въ „Вѣдомостяхъ“ встрѣчаемъ слѣдующее объявленіе отъ 4 числа: „Сегодня пополудни, въ началѣ 6 часа, въ Морской, не далеко отъ Синяго моста, начнутъ играть комедіи съ выпускными куклами, и оная въ каждой недѣли по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ продолжаться имѣетъ.“ Въ августѣ другое объявленіе: „Сего мѣсяца 5 числа начнется нѣмецкая комедія и по вся дни впредь продожаться

---

[1]) Журн. Сената 2 іюля 1744 г.

[2]) Журн. Сената 20 іюня 1745 г.
[3]) Журн. Сената 15 и 21 января 1748 года.
[4]) Журн. Сената 15 января 1746 года.
[5]) Журн. Сената 19 декабря 1743 года.
[6]) Журн. Сената 3 іюня 1746 года.

будетъ". Въ Москвѣ существовалъ также комедійный домъ, сгорѣвшій въ 1748 году.

Въ другихъ городахъ о подобныхъ удовольствіяхъ не упоминается, и вѣроятно эти вечернія удовольствія, если-бъ существовали здѣсь, нерѣдко обходились-бы дорого. Мы видѣли, что государство должно было вести постоянную борьбу съ разбойниками, для которой надобились значительныя военныя средства. Въ городахъ мы слышали сильныя жалобы на плохое состояніе полиціи, что позволяло даже въ Москвѣ совершаться грабежамъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Это печальное положеніе,—съ одной стороны возмутительные грабежи, а съ другой—недостатокъ средствъ для ихъ преслѣдованія, безнаказанность грабителей, заставляло, для сыску преступниковъ, употреблять людей изъ преступниковъ же, которые, повидимому, приносили пользу, предавая злодѣевъ въ руки правосудія; но эта польза перевѣшивалась вредомъ, происходившимъ отъ самихъ сыщиковъ, вовсе не забывавшихъ старыхъ привычекъ. Представителемъ такихъ сыщиковъ былъ знаменитый Иванъ Каинъ. Иванъ былъ крѣпостной человѣкъ; съ ранней молодости повадился онъ воровать; въ кабакѣ подружился съ опытнымъ уже мошенникомъ, который уговорилъ его бѣжать, что Каинъ и сдѣлалъ, покравши господина. Въ священническомъ платьи, также украденномъ, онъ прошелъ мимо рогаточныхъ сторожей, и приведенъ былъ своимъ руководителемъ въ притонъ мошенниковъ, собиравшихся у Каменнаго моста. Новые товарищи привѣтствовали Каина словами: „Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ, въ которомъ всего довольно: наготы и босоты изнавѣшены мосты, а голоду и холоду амбары стоятъ; пыль да копоть, притомъ нечего и лопать". На другое же утро неопытный бѣглецъ, вышедшій днемъ погулять по Китаю-городу, былъ схваченъ и возвращенъ господину, который, по тогдашнему обычаю, вмѣсто собаки, держалъ на дворѣ на цѣпи медвѣдя. Бѣглеца приковали къ медвѣдю, не велѣли кормить два дня и потомъ высѣчь. Каинъ избавился отъ послѣдняго наказанія доносомъ на господина, закричавши „слово и дѣло". Выпущенный на волю изъ Тайной Канцеляріи за основательный доносъ, онъ присталъ уже къ знакомой шайкѣ отъ Каменнаго моста. Промышлялъ Каинъ не въ одной Москвѣ, ѣздилъ и на Макарьевскую ярмарку обворовывать армянскихъ купцовъ. Онъ искалъ все болѣе широкой дѣятельности и присталъ къ большой разбойничьей шайкѣ, состоявшей изъ 70 человѣкъ и бывшей подъ начальствомъ атамана Зори. Это была одна изъ тѣхъ страшныхъ шаекъ, извѣстія о подвигахъ которыхъ мы уже встрѣчали въ жалобныхъ донесеніяхъ изъ приволжскихъ и приокскихъ областей въ Сенатъ. Шайка разбила большой винный заводъ, село, въ другомъ селѣ на рѣкѣ Сурѣ отдыхала, жила „въ смирномъ образѣ" мѣсяца съ три; покинувъ „смирный образъ", разграбила армянское судно. Узнавши о сильной погонѣ за собою, разбойники отняли у Татаръ лошадей и отправились къ монастырю Боголюбову, подлѣ Владиміра, откуда Каинъ поѣхалъ въ Москву для присканія квартиры.

По природѣ и воспитанію Каинъ не былъ отважнымъ волжскимъ разбойникомъ, былъ столичный мошенникъ, и потому естественно пришла ему мысль заняться другимъ ремесломъ побезопаснѣе. Въ концѣ 1741 года, онъ явился въ Сыскной Приказъ и подалъ челобитную, въ которой приносилъ повинную Богу и ея импер. в—ству, что, „будучи на Москвѣ и въ прочихъ городахъ, мошенничалъ денно и нощно, въ церквахъ и разныхъ мѣстахъ, у всякаго званія людей, изъ кармановъ деньги, платки всякіе, кошельки, часы, ножи и прочее вынималъ; а нынѣ отъ того прегрѣшенія престалъ, а товарищи мои не только-что мошенничаютъ, но ѣздятъ по улицамъ и грабятъ, которыхъ я желаю нынѣ искоренить, и дабы высочайшимъ указомъ для сыску и поимки означенныхъ моихъ товарищей дать конвой". Въ приложенномъ реестрѣ Каинъ написалъ имена 32 своихъ товарищей. Каину дали конвой, 14 человѣкъ солдатъ и подъячаго, и въ одну ночь онъ захватилъ всѣхъ означенныхъ товарищей своихъ въ Зарядьи. Съ этихъ поръ „доноситель Иванъ Каинъ" ежедневно ходилъ съ солдатами по публичнымъ мѣстамъ и ловилъ мошенниковъ; въ два года онъ сыскалъ 298 человѣкъ воровъ, становщиковъ, бѣглыхъ солдатъ. Между тѣмъ, онъ женился достойнымъ образомъ: обговорилъ, застращалъ пытками, подвелъ подъ кнутъ солдатскую вдову, которая не хотѣла-было выходить замужъ за мошенника; изъ-подъ кнута онъ взялъ ее на поруки и повелъ въ церковь. У Каина былъ свой домъ—полная чаша; наполнялъ онъ эту чашу такимъ образомъ: онъ составилъ себѣ шайку изъ опытныхъ воровъ и съ ними ловилъ другихъ, причемъ пойманныхъ приводилъ прежде къ себѣ и страхомъ Сыскнаго Приказа заставлялъ откупаться; промышлялъ также игрою и фальшивыми деньгами, и, чтобъ обезопасить себя отъ доносовъ, объявилъ въ Сенатѣ, что онъ въ поимкѣ воровъ и разбойниковъ провѣдываетъ чрезъ такихъ же воровъ и съ ними принужденъ знаться, почему имѣетъ опасеніе, что когда эти злодѣи, будучи пойманы, будутъ на него показывать, то не подвергся бы онъ какому истязанію. Сенаторы увѣрили его, что никакому показанію на него не будетъ дана вѣра и что онъ будетъ за свою службу награжденъ, если только не будетъ заодно дѣйствовать съ преступниками и привлекать невинныхъ Но Каинъ не могъ выполнить этихъ условій: онъ являлся къ богатымъ раскольникамъ, забиралъ у нихъ дѣтей и заставлялъ отцовъ выкупать ихъ; захватилъ у одного богатаго крестьянина племянницу подъ предлогомъ, что она была раскольница, плетью заставилъ ее признаться въ расколѣ и оговорить дядю, потомъ освободилъ за 20 рублей. Но это не прошло ему даромъ: по доносу въ Тайную Контору, онъ былъ арестованъ, битъ плетьми нещадно, и „хотя подлежалъ жесточайшему наказанію кнутомъ и

дальней ссылкѣ, однако освобожденъ, дабы впредь въ сыскѣ разбойниковъ и воровъ имѣлъ крѣпкое стараніе,—только отданъ подъ надзоръ". Но ему трудно было перемѣнить свое поведеніе, потому что трудно было отказаться отъ доходовъ. Онъ подговорилъ товарища среди бѣлаго дня на Москвѣ-рѣкѣ разграбить стругъ богатаго купца. Наконецъ онъ попался, увезши дочь у солдата; отецъ пожаловался полиціи, а на бѣду Каина тогда пріѣхалъ самъ генералъ-полиціймейстеръ Татищевъ въ Москву, по поводу прибытія туда императрицы въ 1749 году. Каинъ принужденъ былъ разсказать Татищеву подробно всѣ свои похожденія, и, вслѣдствіе этого разсказа, генералъ-полиціймейстеръ донесъ императрицѣ, что по дѣлу Каина надобно нарядить особую коммисію, ибо въ его сообщничествѣ были секретари и другіе чиновники Сыскнаго Приказа, полиціи, раскольничьей коммисіи и сенатской конторы. Каинъ былъ приговоренъ къ смертной казни; но смертные приговоры не приводились въ исполненіе: его наказали кнутомъ и послали въ тяжкую работу [1]).

Безнравственныя явленія прекращались правительственною властію; если не топоръ палача, какъ прежде, то ссылка освобождала общество отъ Ваньки Каина съ товарищи. Взглянемъ теперь на состояніе Церкви и школы: какія у нихъ были средства освобожденія общества отъ безнравственныхъ явленій. Число священниковъ, получившихъ школьное образованіе, увеличивалось, но недостаточно: и это недостаточное количество ученыхъ священниковъ, необходимо имѣвшихъ преимущество предъ неучеными, должно было ограничивать право прихода избирать себѣ священника. Синодъ требовалъ, чтобъ къ лучшимъ церквамъ опредѣлялись окончившіе школьный курсъ, вслѣдствіе чего мѣстныя власти распоряжались, чтобъ на упразднявшіяся мѣста необученныхъ въ школахъ не представлять и заручныхъ прошеній о нихъ не собирать, а требовать ученыхъ; такимъ образомъ, епархіальное начальство стало указывать достойныхъ кандидатовъ, ибо оно одно знало и кто ученъ, и кто неученъ, кого слѣдуетъ опредѣлить на лучшее мѣсто, и кого на худшее. Отъ этого столкновенія правъ епархіальнаго начальства и прихода происходили слѣдующіе случаи: студентъ Московской академіи Некрасовъ, по приказанію своего архіепископа Платона (Малиновскаго), отправился въ церковь Спаса въ Наливкахъ, куда хотѣлъ поступить въ дьяконы, чтобъ взять себѣ заручную отъ прихожанъ; но священникъ церкви объявилъ ему, что прихожанинъ, купецъ Азбукинъ, который имѣетъ стараніе о церкви, склонилъ всѣхъ другихъ прихожанъ и его, священника, дать заручную одному дьячку горлану. Некрасовъ однако не отсталъ отъ своего намѣренія, и когда священникъ сказалъ Азбукину, что студентъ богословія хочетъ къ нимъ въ дьяконы, то Азбукинъ отвѣчалъ: „Я плюю на богословіе, и что намъ есть отъ богословія!" Чрезъ нѣсколько дней Некрасовъ опять пришелъ въ церковь и сталъ на клиросъ, но Азбукинъ согналъ его съ клироса, и онъ ушелъ въ алтарь; а когда, послѣ обѣдни, священникъ началъ говорить прихожанамъ, что Некрасовъ человѣкъ хорошій и Синодъ, по указу Петра I-го, опредѣляетъ ученыхъ людей на священническія и дьяконскія мѣста, то Азбукинъ и его пріятели стали кричать, что имъ школьниковъ отнюдь не надобно: пусть школьники идутъ въ села и учатъ тамъ деревенскихъ мужиковъ, а московскіе жители до нихъ еще переучены, да и лучше ихъ, и если школьникъ впередъ придетъ въ ихъ церковь, то они опредѣлили—метлой его выгнать. Архіепископъ Платонъ велѣлъ вызвать Азбукина въ консисторію и, объявивъ ему Регламентъ Духовный о студентахъ, допросить: „Для чего онъ противится именному указу государеву, и для чего мужикъ простой, безстудный въ церковное наше дѣло вступаетъ." Азбукинъ объявилъ, что безъ воли Главнаго Магистрата въ консисторію не пойдетъ; потомъ одумался и подалъ архіерею донесеніе, въ которомъ запирался въ своихъ словахъ о школьникахъ. Архіерей велѣлъ ему объявить съ подпискою указъ Петра I-го о студентахъ; Азбукинъ подписался,—и Некрасовъ попалъ въ дьяконы къ Спасу въ Наливки [2]).

Для введенія образованія среди духовенства необходимымъ средствомъ былъ признанъ вызовъ ученыхъ монаховъ изъ Малороссіи на архіерейскія каѳедры въ Великой Россіи. Необходимость продолжалась и послѣ Петра Великаго; но мы видѣли темную сторону этого явленія; на архіереевъ смотрѣли враждебно, какъ на чужихъ, втершихся и оттѣснившихъ Великороссіянъ; ихъ упрекали, что они благопріятствуютъ только своимъ, наполняютъ значительнѣйшія мѣста Малороссіянами же. Неудовольствіе было сильное и простиралось не только на лица, но и на дѣло, для котораго были призванны лица, на школы; вмѣсто того, чтобъ спѣшить сравняться съ Малороссіянами въ образованіи и, такимъ образомъ, сдѣлать послѣднихъ ненужными, оказывали нерасположеніе къ тому, чѣмъ были Малороссіяне выше ихъ,—къ наукѣ, къ школѣ, притомъ же смотрѣли на школу какъ на учрежденіе, которое дорого стóитъ, уменьшаетъ доходы архіерейскіе. Мы видѣли уже гоненіе на школу и учителей въ Казани, воздвигнутое архіереемъ изъ Великороссіянъ. Печальное явленіе не было единственнымъ. Архангельскій архіерей, Варсоноѳій, говорилъ о большой, хорошо выстроенной школѣ: „Чего ради такая не по здѣшней епархіи школа построена; да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи Черкасишки, ни къ чему

[1]) Автобіографія Каина, изд. Григорія Книжника; Осьмнадцатый вѣкъ, кн. III, статья Есипова—Ванька Каинъ.

[2]) Розанова, Исторія Московск. епархіальн. управленія. Часть II, кн. I.

негодницы." Экзаменатора Венедикта Галецкаго Синодъ велѣлъ произвести въ архимандриты въ Антоніевъ Сійскій монастырь; но Варсонофій, изъ ненависти къ нему, какъ Малороссіянину, не произвелъ его въ архимандриты, и пищу давалъ очень скудную, напитковъ ничего не давалъ и въ келью къ себѣ рѣдко допускалъ. Галецкій, не вынесши такого обращенія, уѣхалъ, а Варсонофій обрадовался и говорилъ: „Слава Богу, Черкашенина отсюда избыли!" Неохотникъ до школы отличался грубостію и жестокостію. Въ 1742 году въ Архангельскѣ, на Святой Недѣлѣ, 17 апрѣля, въ праздникъ Св. Зосимы Соловецкаго, архіерей служилъ обѣдню, а предъ церковію противъ алтаря стояли босые на снѣгу соборные протопопъ съ священниками и дьяконами за то, что не служили наканунѣ всенощной. Пріѣхавъ въ Николаевскій Корельскій монастырь и подгулявши, не извѣстно за что жестоко прибилъ своими руками соборнаго ключаря и велѣлъ водить вокругъ монастыря на цѣпи въ жестокій морозъ; ставилъ въ священники людей моложе двадцати лѣтъ, волочилъ ставленниками, бралъ съ нихъ взятки [1]).

Архіереи, заботливые о школахъ, встрѣчали препятствіе къ ихъ заведенію въ недостаткѣ денегъ дѣйствительномъ или мнимомъ. Въ 1748 году, Тобольскій митрополитъ, Антоній, просилъ Синодъ, и Синодъ представилъ въ Сенатъ, чтобъ въ Тобольскѣ, при архіерейскомъ домѣ, учредить Славяно-Латинскаго ученія семинарію для двухъ сотъ студентовъ съ тѣмъ, чтобъ студентовъ, учителей и проповѣдника, по примѣру московской Славяно-Греко-Латинской академіи, содержать изъ казны императорской, кромѣ учениковъ и учителя русской школы, которые, по силѣ Духовнаго Регламента, должны быть содержаны—ученики: на собираемую съ знатнѣйшихъ монастырей двадцатую часть хлѣба и на готовыхъ книгахъ архіерейскихъ, а учитель—на домовомъ архіерейскомъ коштѣ. Антоній указывалъ, гдѣ взять деньги на новый расходъ: собираемыя въ Тобольской епархіи съ вѣнечныхъ памятей на содержаніе лазаретовъ деньги (которыхъ въ сборѣ бываетъ до 500 рублей въ годъ) опредѣлить на новую семинарію, ибо на содержаніе гошпиталей послѣ 1714 года сверхъ денегъ, собираемыхъ съ вѣнечныхъ памятей, изобрѣтены и другіе немалые сборы, а именно—вычеты за повышеніе ранговъ мѣсячнаго жалованья, вычеты при выдачѣ жалованья у всѣхъ служащихъ по копѣйкѣ съ рубля, съ неисповѣдающихся всякихъ чиновъ людей положенные штрафы. Если съ вѣнечныхъ памятей сумма опредѣлится на семинарію, то она пойдетъ на платье и обувь студентамъ и на жалованье учителямъ и проповѣднику, а кормовыя деньги—пусть велѣно будетъ производить противъ студентовъ Московской академіи вполовину, т.-е. по $1^1/_2$ копѣйки каждому на день изъ неокладныхъ доходовъ Сибирской губерніи, а хлѣбомъ ихъ Синодъ опредѣлитъ довольствовать изъ архіерейскихъ житницъ, также о снабженіи семинаріи библіотекою Синодъ промыслитъ. На это представленіе Сенатъ отвѣчалъ: на содержаніе семинаріи доходовъ опредѣлить нельзя по причинѣ многочисленныхъ расходовъ, удѣлить не-изъ-чего, и потому Св. Синодъ благоволилъ бы опредѣлить изъ доходовъ своего вѣдомства, ибо, какъ уповательно, при домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ и въ канцеляріи экономическаго правленія, за расходами денежной казны и хлѣба, остается немалая сумма [2]).

Въ Тобольскѣ хотѣли заводить Славяно-Латинскую семинарію, а между тѣмъ въ Москвѣ было не болѣе 40 ученыхъ священниковъ и дьяконовъ, включая сюда и некончившихъ академическаго курса. Цѣль ихъ ученія было наставленіе прихожанъ; но, на допросъ консисторіи, кто сколько въ годъ говорилъ проповѣдей, нѣкоторые отозвались, что проповѣдей своего сочиненія не говорили за неимѣніемъ нужной для того библіотеки, чтобъ безъ справки съ книгами, „вмѣсто пшеницы праваго ученія не сказать плевелъ мерзскія ереси." Обучавшіеся въ реторикѣ объявляли, что и сложить проповѣди не могутъ; нѣкоторые показывали, что не говорили проповѣдей потому, что еще продолжаютъ учиться въ академіи. Предъ поставленіемъ въ священники, архіерей отсылалъ кандидата въ школу или къ экзаменатору, который преподавалъ ему нужное ученіе по букварю и по особо изданной тетрадкѣ, а потомъ писалъ аттестатъ: „Такой-то силу символа Православной Вѣры, десяти заповѣдей Божіихъ и церковныхъ, седьми таинствъ церковныхъ, добродѣтелей богословскихъ и евангельскихъ, и совѣтовъ о грѣсѣхъ и всего надлежащаго до катехизиса изустно сказалъ." Несмотря на то, ученые архіереи объявляли, что въ ихъ епархіяхъ духовенство, въ давнихъ и недавнихъ лѣтахъ произведенное, надлежащаго по его должности ученія ничего не знаетъ, узнанное у экзаменатора послѣ посвященія совсѣмъ забываетъ, умышленно не прилагая никакого раденія для удержанія того въ памяти, а нѣкоторые, произведенные въ давнихъ лѣтахъ, никогда ничему и не учились.

Теперь посмотримъ, чему и какъ въ школахъ учились, и начнемъ со старой московской школы, Славяно-Латинской академіи.

Здѣсь явно стремились къ тому, чтобъ учителями были постоянно одни монахи. Въ 1744 году въ академіи былъ только одинъ свѣтскій учитель, Кондаковъ, и то въ низшихъ классахъ; но и относительно его, по представленію ректора, послѣдовало такое опредѣленіе Синода: „Кондакова изъ учителей, понеже онъ монашескаго чина понынѣ не пріемлетъ, исключивъ, ни къ какимъ школамъ не опредѣлять." По штату 1745 года, на академію выдавалось ежегодно 4,450 рублей, ректоръ получалъ 300 рублей жалованья, учителя по 150 ру-

[1]) Дѣло въ Государ. Архивѣ.

[2]) Журналы Сената 25 августа 1748 года.

блей; старшіе ученики получали по 4, младшіе по 3 копѣйки въ день; учениковъ не получавшихъ жалованья, было очень немного. Духовный Регламентъ требовалъ, „чтобъ при школахъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки, какъ безъ души, академія." Несмотря на то, на библіотеку денегъ не выдавалось, учителя и ученики пользовались книгами синодальной и типографской библіотекъ, академическая же библіотека наполнялась съ теченіемъ времени книгами, оставшимися послѣ умершихъ архіереевъ и архимандритовъ. Академію составляли: ректоръ, префектъ или инспекторъ и отъ 6 до 7 учителей. Префектъ, по Регламенту, долженъ быть „не весьма свирѣпый и не меланхоликъ." Низшій или приготовительный классъ носилъ названіе Славяно-Русской школы; въ ней учили: азбукѣ, часослову, псалтырю и письму; училъ студентъ высшихъ классовъ, которому за то давалось двойное студенческое жалованье. За Славяно-Русскою школою слѣдовало ф а р а, гдѣ учили читать и писать по-латыни; за фарою — и н ф и м а, гдѣ преподавали первыя грамматическія правила Славяно-Русскаго и Латинскаго языковъ, также исторію и географію, катехизисъ и ариѳметику. За тѣмъ слѣдовали синтаксима, реторика, философія и богословія. Въ преподаваніи богословія господствовала схоластика, занимались рѣшеніемъ, напримѣръ, такихъ вопросовъ: гдѣ сотворены ангелы; могутъ ли они приводить въ движеніе себя и другія тѣла; какъ они мыслятъ и понимаютъ — посредствомъ соединенія, различенія, или какъ-нибудь иначе; какимъ образомъ они сообщаютъ другъ другу свои мысли; какъ велико по объему мѣсто, которое можетъ занимать ангелъ. Въ чемъ состоитъ сущность свѣта славы въ жизни будущей. и т. п. Въ богословіе входила глава о договорахъ, и здѣсь говорилось о договорахъ съ дьяволомъ, о колдунахъ, которые могутъ переставлять съ мѣста на мѣсто цѣлыя поля, обращаться въ невидимокъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ возсталъ противъ схоластаки, которая, по его словамъ, занимала учениковъ пустыми спорами, поселяла въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости, дѣлала изъ науки комедію: несмотря на то, новое направленіе, указанное Ѳеофаномъ, начало пробиваться въ Московской академіи только въ сороковыхъ годахъ, благодаря особенно богословскому преподаванію ректора Кирилла Флоринскаго (умершаго въ 1743 году). Профессоръ философіи преподавалъ физику, метафизику, психологію и метеорологію; въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдовалъ трактатъ о волосахъ, гдѣ рѣшались вопросы: отчего у стариковъ выпадаютъ волосы, отчего у женщинъ не ростетъ борода, и т. п. Физика оканчивалась уранографіей, гдѣ рѣшались вопросы о числѣ небесъ, жидкости неба, о движеніи небесъ, о разстояніи неба отъ земли, и, между прочимъ, вопросъ, росла ли въ раю роза безъ шиповъ. Цѣлію преподаванія реторики было заставить ученика выражаться какъ можно высокопарнѣе, вычурнѣе, какъ можно болѣе разниться въ своей рѣчи отъ рѣчи простой, разговорной. Вотъ образчикъ реторическаго упражненія въ описываемое время. Предметъ сочиненія: цари мудрые и воинственные одинаково знамениты:

„Еще доселѣ Ѳемида на своихъ не ложныхъ вѣсѣхъ сей не объяви правды, яко едали кровавой Беллоны или премудрыя Паллады славнѣйшія суть дѣла и вящіе у міра пріобрѣтають ли славы, и во правду яко гдѣ-либо Марсъ язвоноснымъ своимъ пооретъ желѣзомъ, гдѣлибо мужественная Беллона изобильную воинства своего кровь истощитъ, всегда тамо, аще бо бы были и Алпейскіе каменія, неувядаемые побѣдителей процвѣтутъ лавры; обаче весь свѣтъ исповести нужду имать, яко и Паллада подобная паче является Беллонѣ, яко во славѣ, тако и въ побѣдоносіяхъ. Не всегда бо по истощеніи кровей моря къ блаженному торжеству и блаженныя славы пристанищу Марсъ свой корабль препровождаетъ, но безопаснѣе сѣдше у кормила Палладова корабля и безъ малѣйшихъ обуреванія страстей намѣреннаго Тулліановыми волнами достигаетъ брега, неутолимое восклицая веселіе: се совершенно ладія приста ко брегу" [1]).

Такъ медленно и съ такими уклоненіями пріобрѣтались средства, указанныя Преобразователемъ русскому духовенству для его поднятія согласно съ новыми условіями быта. Но мы видѣли, что Петръ обратилъ вниманіе и на матеріальныя средства бѣлаго духовенства и на отстраненіе тѣхъ затрудненій, которыя мѣшали правильности занятія духовныхъ мѣстъ. Мы видѣли, что Петръ освободилъ духовенство отъ обязанности покупать и поддерживать дома; но въ царствованіе троихъ первыхъ его преемниковъ указъ его совершенно потерялъ силу; въ Москвѣ на мѣста были опредѣляемы только тѣ, которые давали большую цѣну за дома своихъ предмѣстниковъ. Только второй архіерей Московской епархіи, Платонъ Малиновскій, счелъ своею обязанностію требовать исполненія Петровскаго указа. Тотъ же архіепископъ старался и объ исполненіи другого указа Петрова, — чтобъ количество священнослужителей соотвѣтствовало средствамъ прихода, чтобъ духовенство такимъ образомъ получало обезпеченное содержаніе. Несмотря на строгія мѣры противъ безмѣстныхъ священниковъ, нанимавшихся на площадяхъ, или крестцахъ, отправлять церковныя службы, этотъ наемъ продолжался. Консисторія посылала на крестцы забирать священниковъ, ихъ наказывали плетьми, но они все не преставали ходить на крестецъ. Грубости нравовъ соотвѣтствовали жестокія наказанія: наказывали плетьми за пьянство и буйство, наказывали плетьми даже монахинь, сажали на тяжелыя цѣпи; но скоро мы услышимъ, какъ лучшіе люди станутъ вооружаться противъ жестокости наказаній, употреблявшихся въ монастыряхъ [2]).

[1]) Смирнова, Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинск. акад.

[2]) Розанова, Исторія Моск. епархіальн. упр. Ч. II, кн. I.

Отъ учителей церковныхъ перейдемъ къ свѣтскимъ. Мы видѣли состояніе высшаго учено-учебнаго учрежденія, Академіи Наукъ, или, по тогдашнему, Десьянсъ-Академіи, въ первое время ея существованія; видѣли, что очень скоро возникаетъ въ ней борьба между лучшими академиками и библіотекаремъ Шумахеромъ, который, умѣя находить поддержку во всѣхъ президентахъ, забралъ власть въ свои руки. Бреверпъ оставилъ президентское мѣсто, и Шумахеръ управлялъ дѣлами Академіи, какъ совѣтникъ канцеляріи. Лучшіе ученые оставили Академію и Россію; молодой Миллеръ, обѣщавшій неутомимаго труженика, хотя не оставилъ Россіи, но принужденъ былъ бѣжать отъ Шумахера въ Сибирь, въ Камчатскую экспедицію. По удаленіи лучшихъ Нѣмцевъ, главнымъ врагомъ Шумахера оставался Французъ Делиль, попытка котораго побороться съ могущественнымъ библіотекаремъ не имѣла никакого успѣха. Делиль однако остался въ Петербургѣ и дождался воцаренія Елисаветы. Его одноземецъ, Шетарди, хлопоталъ о возведеніи на престолъ дочери Петра Великаго, чтобъ этимъ возведеніемъ низложить поднявшихся при Аннѣ Нѣмцевъ, которымъ приписывалъ участіе Россіи въ дѣлахъ Европы. Понятно, что когда Шетарди считалъ себя въ правѣ думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній; когда Остерманъ, Минихъ и Левенвольдъ отправились въ ссылку, Французъ Делиль не хотѣлъ терять времени и выступилъ въ походъ противъ Шумахера и Нѣмцевъ, разумѣется, подъ знаменемъ науки и Россіи. Въ январѣ 1742 г., онъ подалъ въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ обвинялъ Шумахера въ обремененіи Академіи разными учрежденіями по части искусствъ и ремеслъ, въ искаженіи такимъ образомъ характера Академіи и лишеніи ея необходимыхъ средствъ. Русскій народъ не мало потерпѣлъ отъ этого; Русскихъ не старались обучать и двигать въ наукахъ, употребляли и повышали однихъ почти Нѣмцевъ, которые немного принесли пользы государству; профессора не имѣютъ возможности управлять Академіею по намѣренію Петра Великаго.

Французъ доноситъ на Нѣмца, что тотъ поступалъ противъ русскихъ интересовъ, а что же Русскіе? Мы видѣли, что Русскихъ, которые бы имѣли важное ученое значеніе, занимали профессорскія мѣста, въ Академіи не было. Ададуровъ былъ только адъюнктомъ; Тредьяковскій числился секретаремъ и потому долженъ былъ держать себя въ сторонѣ, когда профессора ссорились съ Шумахеромъ и президентами. Былъ въ Академіи одинъ значительный человѣкъ изъ Русскихъ, извѣстный токарь Петра Великаго, Андрей Константиновичъ Нартовъ, котораго свѣдѣнія въ механикѣ, какъ видно, очень уважались современниками; въ концѣ царствованія Анны онъ опредѣленъ былъ въ Академію къ инструментальнымъ дѣламъ, учреждена особая механическая экспедиція. Нартовъ сдѣланъ вторымъ совѣтникомъ академической канцеляріи и столкнулся съ Шумахеромъ, который видѣлъ въ немъ лишняго и мѣшавшаго ему человѣка. Нартовъ слышалъ отъ своихъ Русскихъ, мелкихъ людей въ Академіи, переводчиковъ, студентовъ, приказныхъ и мастеровыхъ, сильныя жалобы на дурное обращеніе съ ними Шумахера, на его своеволіе, казнокрадство, и рѣшился выступить въ походъ, въ союзѣ съ Делилемъ. Время было самое благопріятное: Нѣмцы попадали сверху, на престолѣ была дочь Петра Великаго, знавшая хорошо Нартова, какъ близкаго человѣка къ отцу. 2 августа 1742 года, когда Дворъ и Сенатъ были въ Москвѣ, Сенатская Контора въ Петербургѣ получила отъ совѣтника Академіи Наукъ, Андрея Нартова, представленіе, что онъ подалъ въ Сенатъ проекты „при экспедиціи лабораторій механическихъ и инструментальныхъ наукъ, главной артиллеріи и о прочихъ высочайшихъ, государственныхъ дѣлъ для пользы отечества и интересовъ ея императорскаго величества денежной казны поданы отъ него въ Правительствующій Сенатъ проекты, и требовалъ, чтобъ его для исходатайствованія по онымъ резолюціи, такожъ и для объявленія въ Москвѣ ко артиллеріи секретныхъ дѣлъ отпустить, и по отбытіи его порученныя ему дѣла исправлять имѣющемуся при той же Академіи профессору Делилю“ [1]). Нартова отпустили къ чрезвычайной досадѣ Шумахера, который уже провѣдалъ, что Делиль и Нартовъ жаловались на него Сенату. Онъ писалъ Штелину въ Москву: „Г. совѣтникъ Нартовъ получилъ изъ Сенатской Конторы паспортъ на проѣзъ въ Москву конечно для подтвержденія поданныхъ Делилемъ пунктовъ и своихъ собственныхъ клеветъ. Я не обращаю на то вниманія, потому что у меня совѣсть чиста. Делиль уже болѣе двухъ лѣтъ не имѣетъ сношеній съ Академіей, а теперь Сенатская Контора, по представленію Нартова, безъ вѣдома Академіи, передала этому Делилю экспедицію инструментальныхъ и лабораторныхъ наукъ — такъ титулуется теперь инструментальная мастерская! Это позоръ“ [2])!

Нартовъ взялъ съ собою въ Москву доносъ на Шумахера академическихъ служителей — коммисара Камера, канцеляриста Грекова, копіиста Носова; кромѣ нихъ, послали доносъ на того же Шумахера студенты Пухортъ, Шишкаревъ и Ковринъ, ученикъ гравера Поляковъ, переводчики Горлицкій и Поповъ. Переводчикъ Горлицкій писалъ Нартову въ Москву: „Что же о насъ—благодатію Божіею до сего числа здравы пребываемъ, ожидая тщеніемъ вашимъ милости Всещедраго Бога чрезъ помазанницу его получить, а супостатовъ ходатайствомъ Пресвятой Богородицы и всѣхъ святыхъ подъ ноги вѣрныхъ рабовъ и сыновъ россійскихъ покорить дай Боже“ [3]).

Сначала успѣхъ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ: императрица назначила слѣдственную коммисію

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ № 4—1204 (Въ архивѣ Министер. Юстиціи).

[2]) Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ. I, 33.

[3]) Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, I, 33.

надъ Шумахеромъ и его сообщниками, вслѣдствіе чего Шумахеръ былъ арестованъ. Всѣ академическія дѣла поручены были Нартову, который сталъ заботиться о томъ, чтобъ какъ-нибудь вывести Академію изъ ея печальнаго положенія. Въ мартѣ 1743 года онъ жаловался въ Сенатъ, что Штатсъ-Конторь, вмѣсто 24,912 рублей, выдала только 10,000 рублей, отговариваясь отсутствіемъ денегъ въ рентереѣ, тогда какъ вся Академія и за прошлый 42 годъ жалованья не получила. При этомъ Нартовъ заявлялъ, что Академія не можетъ пробыть болѣе безъ президента и безъ утвержденія штата, составленнаго еще въ 1735 году и неконфирмированнаго; также, что Академія сама долговъ своихъ заплатить не можетъ. Сенатъ приказалъ отпустить всю сумму немедленно и всегда отпускать сполна въ началѣ года. 27 іюня того же года, Нартовъ, отъ имени Академіи, подалъ доношеніе въ Кабинетъ, жаловался на долги и недостатки Академіи, выставляя главною причиной ихъ то, что въ Академіи два учрежденія — Академія Наукъ и Академія Художествъ, и вторая истощаетъ первую. При этомъ Нартовъ доносилъ, что канцелярія отрѣшила излишнихъ и вопреки указамъ пенсіоны и двойное жалованье получающихъ неподобныхъ людей, т.-е. танцмейстера, также безпашпортныхъ и тому подобныхъ служителей. Изъ гимназіи отрѣшила трехъ нѣмецкихъ учителей: первый изъ нихъ—Миллеръ, родной братъ профессору Академіи Миллеру, почти всегда больнымъ сказывался; онъ и другой учитель, Германъ, Русскаго языка вовсе не знаютъ и потому больше учили иноземческихъ дѣтей, а русскія дѣти почти напрасно къ нимъ въ гимназію и ходили, ибо Германъ и Миллеръ недѣли по двѣ и по три туда не являлись, но учили на дому за деньги, а вмѣсто нихъ одинъ только информаторъ Фишеръ въ гимназіи училъ, да и тотъ Русскаго языка почти ничего не знаетъ, ктому же глухъ и плохо видитъ. На мѣсто отрѣшенныхъ Академія имѣетъ Русскихъ людей, а именно—Василья Тредьяковскаго и Ивана Горлицкаго, которые въ гимназіи могутъ обучать русскихъ дѣтей грамматическимъ порядкомъ Латинскому и Французскому языкамъ, а для Нѣмецкаго языка будетъ опредѣленъ переводчикъ Гронингъ, который не только въ Нѣмецкомъ, но и во Французскомъ и въ Русскомъ языкѣ очень силенъ. А въ гимназіи главное дѣло, чтобъ Русской націи дѣти грамматическимъ порядкомъ на всѣхъ языкахъ учились, безъ чего право писать и говорить не могутъ; сверхъ того, можетъ надъ гимназіею смотрѣніе имѣть адъюнктъ Ломоносовъ и другіе. Нартовъ спрашивалъ, неугодно ли будетъ въ Академіи для каждой науки оставить по одному профессору и по одному адъюнкту; почетнымъ членамъ, пребывающимъ въ иностранныхъ Земляхъ, пенсіи не давать; художественные департаменты убавить, ибо никакого плода Россійскому государству не приносятъ.

Отъ Академіи представленъ былъ длинный списокъ учрежденій и лицъ, должныхъ ей за напечатаніе указовъ и забранныя книги: на самомъ Сенатѣ числилось 6,501 рубль, на бывшемъ Кабинетѣ—75, на Синодѣ—577, на императорскомъ Дворѣ за забранныя книги, комедіи и прочія вещи—813, на принцессѣ Аннѣ—260, на принцѣ Антонѣ—135, на баронѣ Менгденѣ—270, на Брюммерѣ—102; особенно значительныя суммы числились на бывшихъ президентахъ: на Блюментростѣ за книги—179, да чистыми деньгами взялъ 5,061 рубль; на Кейзерлингѣ—217, на Корфѣ—4,339, на Бреверне—355; на всѣхъ учрежденіяхъ и лицахъ числилось 32,203 рубля. Въ сентябрѣ 1743 года Нартовъ подалъ просьбу Елисаветѣ, что императрица Анна въ разные года пожаловала Академіи 110,000 рублей, а по ея кончинѣ до сего времени никакой дачи не было, отчего Академія пришла въ совершенную нищету, и всѣ ея служители не только за этотъ 1743 годъ, но и за нѣсколько мѣсяцевъ прошлаго 1742 заслуженнаго жалованья не получали, и какъ профессора, такъ и всѣ служители съ женами и дѣтьми, дневной пищи лишаясь, гладомъ таютъ, а мастеровые и художники просятъ увольненія въ другія мѣста.

Чтобъ побудить къ скорѣйшему отдѣленію отъ Академіи художественныхъ департаментовъ, Нартовъ подалъ въ Сенатъ доношеніе, гдѣ говорилось: „Въ прошломъ 1724 году поданъ былъ отъ меня его императорскому величеству письменный проектъ объ учрежденіи Академіи Художествъ, который и соизволилъ его императорское величество за благо принять и собственною своею рукою росписаніе Академіи Художествъ по классамъ написалъ, по которому намѣреніе имѣлъ опредѣлить на содержаніе помянутой Академіи Художествъ денежную сумму сверхъ Академіи Наукъ, подъ надзираніемъ особливаго директора. Въ собственноручномъ росписаніи Петра Великаго было означено: I-й классъ: 1) мастеръ архитектуры цывилисъ; 2) мастеръ механики всякихъ мельницъ и слюзовъ; 3) мастеръ живописныхъ всякихъ дѣлъ; 4) мастеръ скульпторныхъ всякихъ дѣлъ; 5) мастеръ грыдорованныхъ всякихъ дѣлъ. II-й классъ: 6) мастеръ иконныхъ дѣлъ; 7) мастеръ штыхованныхъ всякихъ дѣлъ; 8) мастеръ тушеванныхъ дѣлъ; 9) мастеръ граверныхъ дѣлъ, который отправляетъ шпейтели. III-й классъ: 10) мастеръ оптическихъ дѣлъ; 11) мастеръ фонтанныхъ дѣлъ, что надлежитъ до гидролики; 12) мастеръ токарныхъ дѣлъ, что надлежитъ до токарныхъ машинъ; 13) мастеръ математическихъ инструментовъ; 14) мастеръ лѣкарскихъ инструментовъ; 15) мастеръ слесарскихъ дѣлъ желѣзныхъ инструментовъ IV-й классъ: 16) мастеръ плотническихъ дѣлъ, что надлежитъ до шпицовъ; 17) мастеръ столярныхъ дѣлъ; 18) мастеръ замочныхъ дѣлъ; 19) мастеръ типографическихъ дѣлъ; 20) мастеръ обронныхъ мѣдныхъ дѣлъ; 21) мастеръ литейныхъ мѣдныхъ дѣлъ; 22) мастеръ оловяничныхъ всякихъ дѣлъ; 23) мастеръ мѣдныхъ мелкихъ гарнитурныхъ дѣлъ;

24) мастеръ серебряныхъ всякихъ дѣлъ. Всего мастеровъ 24 человѣка, учениковъ 240 человѣкъ, покоевъ академическихъ 115. Петръ велѣлъ архитектору Земцову сдѣлать чертежъ зданія Академіи Художествъ.

Наконецъ, Нартовъ вошелъ съ жалобою, что учрежденное въ 734 году Россійское Собраніе разрушилось [1]).

Всѣ эти движенія со стороны Нартова показываютъ въ немъ человѣка добросовѣстнаго, хотѣвшаго принести возможную пользу Академіи, и не позволяютъ намъ легко отнестись къ этому токарю, повторять о немъ отзывы людей, явно ему враждебныхъ. Предположеніе, что онъ могъ имѣть хорошаго совѣтника въ человѣкѣ болѣе даровитомъ, только можетъ увеличить его заслугу. Къ сожалѣнію, Нартовъ не могъ оставаться долго на своемъ мѣстѣ и спокойно отдаться заботамъ объ Академіи, потому что дѣло по жалобамъ на Шумахера съ самаго начала приняло неблагопріятный для него и союзниковъ его характеръ. Изслѣдованіе дѣла было поручено особой коммисіи, которая состояла изъ петербургскаго коменданта, генерала Игнатьева, и президента Коммерцъ-Коллегіи, князя Юсупова, подъ предсѣдательствомъ адмирала Головина. Почему-то главнымъ дѣятелемъ въ коммисіи явился князь Юсуповъ, что не обѣщало хорошаго исхода для жалобщиковъ. Мы уже не разъ встрѣчались съ этимъ Юсуповымъ, слышали жалобы вице-президента Коммерцъ-Коллегіи на его нападки и ругательства, слышали прокурорское извѣщеніе, какъ тотъ же Юсуповъ въ присутствіи ударилъ солдата по щекѣ. Предъ такого-то господина являются теперь нѣсколько мелкихъ, ничтожныхъ людей, которые осмѣливаются обвинять своего начальника: да это неслыханное дѣло, это просто бунтъ, въ родѣ недавняго нападенія въ Петербургѣ на Святой подъ качелями на нѣмецкихъ офицеровъ, или недавняго же бунта солдатъ въ Финляндской арміи; эти явленія надобно прекращать какъ можно скорѣе арестами, плетьми и ссылками. Не говоримъ уже о томъ, что со стороны Шумахера и его друзей были употреблены всѣ средства, чтобъ въ глазахъ людей сильныхъ представить это дѣло именно такимъ образомъ. Еще прежде разразившейся надъ нимъ бури, Шумахеръ успѣлъ заискать расположеніе Лестока, Черкасова, гофмаршала Миниха, Воронцова; есть извѣстіе, что къ Юсупову писалъ за Шумахера какой-то сильный тогда при Дворѣ человѣкъ иностранный. Жалоба на Шумахера была собственно жалоба на бывшихъ президентовъ Академіи; а эти президенты, именно двое послѣднихъ, Корфъ и Бреверпъ, были люди сильные, пользовавшіеся большимъ уваженіемъ; обвинить Шумахера значило обвинить ихъ. И въ какихъ злоупотребленіяхъ обвинялся Шумахеръ?—въ томъ, что онъ былъ любезный, услужливый человѣкъ, не спрашивалъ денегъ съ тѣхъ, кто забиралъ книги въ Академіи. Въ упомянутомъ спискѣ лицъ, должныхъ Академіи за забранныя книги, находимъ имена двоихъ членовъ коммисіи—Головина, на которомъ числилось 97 рублей, и Игнатьева, на которомъ числилось 5 рублей.

Съ другой стороны, характеръ обвиненій противъ Шумахера былъ такой, что ему легко было оправдаться. Въ обвиненіяхъ выразилось самымъ сильнымъ образомъ долго подавляемое оскорбленное національное чувство, какъ оно высказывалось въ одахъ и проповѣдяхъ; но въ одахъ и проповѣдяхъ оно высказывалось по поводу падшихъ, осужденныхъ, Бирона и Остермана съ товарищами; тогда какъ обвинители Шумахера, высказывая свою вражду, забыли, что имѣютъ дѣло не съ сибирскими и ярославскими заточниками, а съ людьми сильными, забыли, что они будутъ обязаны вести дѣло юридически, доказывать каждую выходку свою, каждое слово. Шумахеръ обвинялся въ томъ, что отъ его злого умышленнаго непорядка сущее безславіе, поношеніе, уничтоженіе и изсякновеніе наукъ и вмѣсто пользы вредъ происходитъ; что въ 18 лѣтъ ни одного профессора изъ Русскихъ нѣтъ, и что отсюда явно Шумахерово на Россію скрежетаніе. Шумахеру легко было оправдаться, указавши, что онъ былъ человѣкъ подначальный, исполнялъ волю президентовъ, а съ другой стороны, дѣло научное было не въ его рукахъ, а въ рукахъ профессоровъ. Такимъ образомъ, онъ защищался именами президентовъ, тѣмъ болѣе-что въ обвиненіяхъ была выходка и противъ нихъ. Горлицкій писалъ: „Ежели бы (по проекту Петра В.) директоръ и два его товарища были Россійскаго народа, Православные и добросовѣстные, то бы сіи три человѣка не допустили до такихъ его злоковарныхъ и вредныхъ отечеству нашему умышленій; къ тому-жъ президентъ вельми ученый и не супостатъ бы былъ Православію, понеже таковые люди не вѣрны да и разнствіе закона по нуждѣ другъ другу противиться понуждаетъ“. Шумахеръ отвѣчалъ, что президенты были опредѣлены по именнымъ указамъ, люди искусные и науки знающіе, которые и нынѣ обрѣтаются въ службѣ ея величества, Блюментростъ—въ Москвѣ при медицинскихъ дѣлахъ, Кейзерлингъ при Польскомъ Дворѣ, Корфъ—при Датскомъ—министрами, а Бревернъ въ Иностранной Коллегіи тайнымъ совѣтникомъ, и чтобъ изъ нихъ кто былъ супостатъ Православія—не знаетъ, и злоковарныхъ и вредныхъ Россійскому отечеству умышленій никакихъ отъ него, Шумахера, не было. Обвинители доставили также Шумахеру самыхъ ревностныхъ союзниковъ въ людяхъ, которые прежде были его врагами, именно въ профессорахъ Академіи; послѣдніе увидали, что обвиненія, направленныя на Шумахера, еще болѣе направлены на нихъ; изъ распоряженій Нартова относительно гимназіи увидали ясно, кчему идетъ дѣло, и сочли необходимымъ въ собственныхъ интересахъ поддерживать Шумахера противъ Нартова, жало-

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ № 4—1204.

вались въ коммисію, что Нартовъ пишетъ къ нимъ въ формѣ указовъ, чего и прежніе президенты никогда не дѣлали, и Шумахеръ такой власти себѣ не присвоивалъ. Миллеръ самъ признавался, что всѣ эти движенія противъ Нартова въ пользу Шумахера дѣлались по его совѣтамъ, что онъ писалъ всѣ представленія и просьбы.

Уже 24 декабря 1742 года слѣдственная коммисія доносила императрицѣ, что она никакого важнаго преступленія Шумахера не видитъ, а потому не соизволитъ ли ея величество Шумахера изъ-подъ ареста освободить и отдать ему шпагу. По отзывамъ коммисіи, доносители не привели ни одного доказательства, и требуютъ, чтобъ ихъ допустили до всѣхъ дѣлъ академическихъ, о которыхъ и не доносятъ, изъ чего видно, что они только хотятъ продолжать время, ибо о чемъ не имѣютъ доносить, то не для чего такихъ постороннихъ дѣлъ имъ и требовать. Гридоровальнаго дѣла подмастерье Поляковъ въ коммисіи, при генералѣ Игнатьевѣ, Нартовѣ и Делилѣ, кричалъ и неучтиво говорилъ, что у него на допросъ Шумахеровъ доказательство готово, только объявлять не будетъ и судомъ коммисіи не доволенъ, секретаря Иванова называлъ воромъ, потому что по его, Полякова, доношенію по третьему пункту Шумахеръ не допрашиванъ о самовольныхъ и непорядочныхъ расходахъ, за что коммисія велѣла заключить Полякова въ оковы.

12 марта 1743 года коммисія объявила, что всѣ доносители показывали ложно изъ злости, не исключая Нартова и Делиля; а что Нартовъ представлялъ проектъ и собственноручное росписаніе Петра Великаго объ учрежденіи Академіи рукодѣльной, то ему надлежало объявить объ этомъ въ Сенатѣ или въ Кабинетѣ и требовать исполненія; но этого до сихъ поръ имъ не сдѣлано и намѣреніе Петра Великаго не осуществлено отъ него, Нартова, за что онъ подлежитъ суду. А Делиль доноситъ за то, что Шумахеръ ему жалованья не давалъ; по слѣдствію же явилось, что онъ, Делиль, въ конференцію къ профессорамъ не ходилъ и ничего не сообщалъ; а на Нартова Шумахеръ въ 742 году Сенатской Конторѣ представлялъ, что онъ большую часть своего времени на артиллерійскія работы употребилъ и употребляетъ, тогда какъ президентъ Корфъ требовалъ его въ Академію Наукъ для того, чтобъ начатый тріумфальный столбъ всѣмъ славнымъ баталіямъ и акціямъ и героичнымъ дѣламъ Петра В. окончить; Нартовъ же, несмотря на многократныя ему отъ Академіи Наукъ напоминанія, этого великаго и важнаго дѣла не только не кончилъ, но въ шесть лѣтъ и не началъ. Онъ же, Нартовъ, съ профессоромъ Делилемъ, по вступленіи коммисіи въ слѣдствіе, архивъ ученыхъ бумагъ и шкафы географическаго департамента запечатали самовольно, безо всякой причины, и тѣмъ остановили ученыя занятія, а профессорамъ нанесли крайнюю обиду, изъ чего можно заключить, что Делиль желалъ на такую славную въ свѣтѣ Академію навлечь безславіе и поношеніе. Поэтому коммисія полагаетъ: профессора Делиля уволить за то, что онъ въ конференцію къ профессорамъ не ходитъ и никакихъ изобрѣтеній имъ не сообщаетъ; о совѣтникѣ же Нартовѣ коммисія предаетъ въ высочайшее соизволеніе, но притомъ представляетъ, что онъ Академіею Наукъ управлять не можетъ, потому что наукъ не знаетъ; необходимо опредѣлить президента, а къ нему въ помощь совѣтника Шумахера, который этого вполнѣ достоинъ, къ тому же онъ служитъ въ Академіи съ самаго ея основанія, его трудами кунтскамера и библіотека приведены въ порядокъ, а такъ какъ въ проектѣ Петра Великаго повелѣно назначить директора и двоихъ товарищей, то директоромъ быть Шумахеру, а товарищами Ададурову и Тауберту".

Нартовъ, узнавши о такомъ донесеніи коммисіи, подалъ императрицѣ челобитную: „Въ именномъ указѣ велѣно при разборѣ и разсмотрѣніи канцелярскихъ дѣлъ—все ли по силѣ указовъ происходило, равно и въ прочихъ дѣлахъ для разъясненія и доказательства всѣхъ непорядковъ и похищенія казны быть мнѣ съ профессоромъ Делилемъ, также и доносителямъ безотлучно; ясно, что требуемыя отъ нихъ изъясненія и доказательства должны быть представляемы по наличнымъ дѣламъ, а не на память, и еслибъ коммисія поступила по силѣ именного указа, то, разборомъ запечатанныхъ вещей и академическихъ дѣлъ при насъ, депутатахъ, и при доносителяхъ выведены были бы наружу не только показанныя въ доношеніяхъ неправые поступки Шумахера и похищенія казны, но и противные интересу вашего величества непорядки. Но коммисія начала не разборомъ и свидѣтельствомъ академическихъ дѣлъ вмѣстѣ съ нами, а судомъ, какъ будто бы это было партикулярное челобитчиково дѣло. Нынѣ увѣдомился я, что коммисія предложила вашему величеству докладъ, не объявя намъ, депутатамъ, не изслѣдовавъ подлинно, не допустивъ доносителей къ разсмотрѣнію и свидѣтельству составленныхъ выписокъ и экстрактовъ и къ прикладыванію рукъ; подлинныя дѣла при насъ, депутатахъ, и при доносителяхъ не свидѣтельствованы, а свидѣтельствовали и разсматривали ихъ члены коммисіи безъ насъ и по требованіямъ доносителей ничего не объявляли, представляя, что доносители доказательствъ не имѣютъ, несмотря на то, что Шумахеръ ими обличенъ и по нѣкоторымъ пунктамъ самъ винился. Коммисія полагаетъ, будто бы все то дѣлано было не имъ, Шумахеромъ, а президентами, и будто бы онъ, Шумахеръ, при президентахъ воли не имѣлъ, несмотря на то, что многія опредѣленія имъ однимъ крѣплены, и самъ онъ, Шумахеръ, въ книгѣ: „Краткое изъясненіе о состояніи Академіи Наукъ" на Нѣмецкомъ и Русскомъ языкахъ о себѣ во весь свѣтъ объявилъ, что съ самаго начала Академіи Наукъ правилъ канцеляріею и прочими академическими дѣлами, чего безъ одобренія Прав. Сената

печатать ему о себѣ не слѣдовало; да въ той же книгѣ въ началѣ въ фигурѣ у фамы на значкѣ изобразилъ, будто бы Анна (правительница) совершила то, что Петръ I началъ; что начало Академіи отъ Петра Великаго—это всѣмъ извѣстно, а что бывшая принцесса Анна будто бы ее совершила, то онъ приписалъ ложно, потому что и до сихъ поръ Академія въ несовершенствѣ; въ 19 лѣтъ ни одного русскаго профессора не произведено, а денегъ истрачено на нее болѣе полумилліона".

Поповъ, Горлицкій, Камеръ, Пухортъ и Грековъ подали также просьбу на высочайшее имя, также жаловались, что коммисія, оставя слѣдствіе, начала судъ между ними и Шумахеромъ, что они обличили Шумахера въ похищеніи казеннаго интереса. Они просили освободить ихъ отъ коммисіи и допустить къ академическимъ дѣламъ, потому что въ этихъ дѣлахъ такіе скрытные подлоги находятся, которыхъ никто незнающій академическихъ порядковъ безъ нихъ разобрать и показать ясно не можетъ. Поляковъ подалъ жалобу, что одинъ допросный пунктъ былъ въ коммисіи утаенъ; онъ завелъ объ этомъ споръ—и отданъ подъ караулъ по приказанію генерала Игнатьева; когда же онъ объявилъ, что судомъ его превосходительства недоволенъ, то пріѣхавшій въ это время въ коммисію князь Юсуповъ называлъ его плутомъ и шельмою въ противность стоящаго на столѣ зерцала, и когда онъ, Поляковъ, объявилъ, что коммисіею недоволенъ, то князь Юсуповъ велѣлъ посадить его на цѣпь, какъ злодѣя [1]).

Коммисія требовала для Шумахера директорскаго мѣста, хотя и признала его виновнымъ въ растратѣ казенной собственности; для доносителей его требовала плетей, батоговъ и ссылки. За Шумахера хлопоталъ при Дворѣ старый его пріятель, профессоръ Штелинъ, находившійся въ это время наставникомъ при великомъ князѣ наслѣдникѣ. Въ декабрѣ 1743 года послѣдовалъ указъ императрицы: Шумахеру быть въ Академіи у дѣлъ попрежнему, Нартову быть также у прежняго дѣла, у котораго онъ былъ до отрѣшенія Шумахера. По свидѣтельству Ломоносова, „уговорены были съ Шумахеровой стороны бездѣльники изъ академическихъ нижнихъ служителей, кои отъ Нартова наказаны были за пьянство, чтобъ, улуча государыню гдѣ при выѣздѣ, упали ей въ ноги, жалуясь на Нартова, яко-бы онъ заставилъ терпѣть голодъ безъ жалованья. Сіе они сдѣлали, и государыня, по наговоркамъ Шумахерова патрона, указала Нартова отрѣшить отъ канцеляріи и быть въ ней Шумахеру главнымъ попрежнему" [2]).

Коммисія закрывалась; но все дѣло было передано на разсмотрѣніе и рѣшеніе въ Сенатъ. Сенатъ призналъ справедливымъ заключеніе коммисіи о неосновательности доносовъ на Шумахера въ государственныхъ преступленіяхъ, хотя и смягчилъ наказанія для доносителей, но жалобъ на академическіе безпорядки и казнокрадство разбирать не сталъ, прося императрицу назначить президента, который и долженъ разсмотрѣть всѣ эти дѣла. Императрица велѣла освободить доносителей отъ всякаго наказанія. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ знаменитой коммисіи объ Академіи Наукъ, сохранилась вѣдомость о колодникахъ, содержавшихся по этой коммисіи; имена колодниковъ оканчиваются слѣдующимъ именемъ: „Адъюнктъ Михайла Ломоносовъ" [3]).

Мы уже видѣли, что въ первое пятнадцатилѣтіе существованія Академіи русскій элементъ не могъ имѣть въ ней значенія. На первомъ планѣ были иностранцы болѣе или менѣе знаменитые; Русскихъ было очень немного, и тѣ не выдавались своими дарованіями; виднѣе другихъ былъ Тредьяковскій; но Русскіе не могли имъ похвалиться, указывать на него, какъ на своего представителя въ наукѣ и литературѣ. Дѣла пошли иначе, когда въ Академіи явился Ломоносовъ.

Намъ неизвѣстно время рожденія отца русской науки и литературы: очень можетъ быть, что онъ и самъ съ точностію не могъ опредѣлить этого времени; но намъ извѣстно мѣсто его рожденія; поморская или бѣломорская страна пустынная, холодная, но прилегавшая къ морю, которое принадлежало Европѣ, на которомъ появлялся европейскій корабль. Сюда явился очень скоро молодой Преобразователь, жаждавшій моря; эта страна впервые почувствовала прикосновеніе его сильной руки. Страна, народонаселеніе которой давно привыкло къ трудной и опасной, развивающей силы, дѣятельности, давно привыкло къ тѣмъ явленіямъ, которыя стояли теперь на очереди, сильно потребовались,—эта страна наполнилась новымъ духомъ, новымъ движеніемъ, кто-то сильный, необыкновенный явился, прошелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народа. Всюду для людей чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: „Иди за мной, время наступило!" Подъ такими впечатлѣніями богатырскаго времени Новой Россіи воспитывался одаренный великою духовною силою сынъ холмогорскаго рыбака. Мать, происходившая изъ духовнаго званія, выучила его грамотѣ, и ребенокъ страстно схватился за книги, разумѣется, за книги церковныя, кромѣ того онъ досталъ грамматику Смотрицкаго, ариѳметику Магницкаго. Работа съ отцомъ, морскія плаванія и промыслы укрѣпляли его физическія силы, дѣлали изъ него богатыря и тѣломъ. Богатырь не усидитъ въ отцовскомъ домѣ: его тянетъ на подвигъ, а подвигъ новой, преобразованной Россіи не разминать въ степи плечо богатырское, а развивать умъ наукою въ школѣ. Семейная обстановка печальна, выживаетъ изъ дому; матери, первой наставницы, уже нѣтъ, вмѣсто нея мачиха, которая, по старому обычаю, „поѣдомъ ѣстъ" па-

---

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ, № 4—1204.

[2]) Билярскаго, Матеріалы для біографіи Ломоносова, 58.

[3]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ, № 4—1204

сынка за то, что онъ не работаетъ какъ слѣдуетъ крестьянскому сыну,—корпитъ надъ книгами, точно поповичъ. Богатырь уходитъ изъ дому—въ Москву, въ Заиконоспасскія школы. Мужика не приняли бы по уставу; Ломоносовъ сказался поповичемъ,—метрическихъ свидѣтельствъ тогда не спрашивали. Говорятъ, послѣ Ломоносовъ признался въ обманѣ вождю „ученой дружины,“ оставшейся отъ петровскаго времени, и Ѳеофанъ Прокоповичъ обѣщалъ ему покровительство. Новая жизнь встрѣтила богатыря сильными препятствіями и искушеніями; послѣ онъ писалъ: „Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться“ [1]). Ломоносовъ, какъ не имѣвшій дома никакого приготовленія въ Латинскомъ языкѣ, долженъ былъ поступить въ низшіе классы.

Но богатырь преодолѣлъ всѣ искушенія. Наука овладѣвала имъ все сильнѣе и сильнѣе; какъ представитель Новой Россіи, онъ тяготился одностороннностію направленія Спасскихъ школъ, не могшихъ удовлетворить его относительно изученія естественныхъ наукъ, къ которымъ онъ чувствовалъ преимущественно призваніе. Учителя Малороссіяне нахвастали ему, что у нихъ, въ Кіевѣ, эти науки преподаются гораздо лучше; Ломоносовъ отправился въ Кіевъ, но обманулся въ своихъ надеждахъ. Къ счастію для Ломоносова, Петръ уже прошелъ передъ нимъ: при каждой новой потребности дѣлали наборъ способныхъ, сколько-нибудь подготовленныхъ молодыхъ людей и посылали за-границу учиться. Въ 1736 году отправленъ былъ и Ломоносовъ съ двумя товарищами за-границу изучить горное дѣло; но прежде онъ долженъ былъ заняться въ Марбургскомъ университетѣ, подъ руководствомъ знаменитаго философа Вольфа. Въ 1739 году студентъ, занимавшійся по отзывамъ Вольфа съ большимъ успѣхомъ математикою, философіею и особенно физикою, прислалъ оду на взятіе Хотина, которая составила эпоху въ исторіи Русскаго языка и литературы. То, чего такъ сильно желали отъ русскихъ ученыхъ, отъ Россійскаго Собранія, и не могли дождаться отъ извѣстнаго піиты и переводчика Тредьяковскаго, именно живой русской рѣчи и сколько-нибудь гармоническаго стиха,—то было получено отъ студента, занимавшагося заграницею горнымъ дѣломъ. Для насъ въ общей исторіи Россіи вовсе не важно то, въ какомъ отношеніи находится первая ода Ломоносова къ одамъ знаменитаго тогда нѣмецкаго поэта Гюнтера,—для насъ важны извѣстныя мысли, взгляды, высказанные авторомъ по поводу воспѣваемаго событія. Историкъ спокойно и безпристрастно смотритъ и на то, что, въ извѣстное время, при извѣстномъ складѣ и настроеніи общества, замѣчательное событіе порождаетъ ли торжественную оду или рядъ газетныхъ статей и брошюръ, оцѣнивающихъ его значеніе, ибо газетная статья, брошюра и цѣлая книга можетъ также получить характеръ похвальной оды: для историка всюду, подъ какою бы то ни было формою, важны мысли и взгляды, взятые авторомъ изъ общества, или данные имъ обществу. Такъ, въ первой одѣ Ломоносова нельзя не остановиться на видѣніи, гдѣ Петръ является вмѣстѣ съ Іоанномъ IV:

Кругомъ его изъ облаковъ
Гремящіе перуны блещутъ,
И, чувствуя приходъ Петровъ,
Дубравы и поля трепещутъ.
Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?
Никакъ смиритель странъ казанскихъ?
Каспійски воды!—Онъ при васъ
Селима гордаго потрясъ,
Наполнилъ степь головъ поганскихъ.
Герою молвилъ тутъ герой:
Не тщетно я съ тобой трудился;
Не тщетенъ подвигъ мой и твой,
Чтобъ Россовъ цѣлый свѣтъ страшился.

Въ сопоставленіи Петра съ Грознымъ сопоставлены Новая и Древняя Россія, сопоставлены ровно и дружно; способность автора сопоставить ихъ такимъ образомъ основывалась на изученіи имъ русской исторіи, которое и дало ему твердую почву, устанавливало его навсегда Русскимъ человѣкомъ. Новый Русскій человѣкъ не увлекся военнымъ торжествомъ, побѣдами, завоеваніями; онъ умѣлъ понять смыслъ русской исторіи, понять цѣль русскихъ войнъ, умѣлъ выставить борьбу Россіи съ азіятскимъ варварствомъ, азіятскимъ хищничествомъ и слѣдствія торжества Россіи въ этой борьбѣ:

Казацкихъ поль заднѣстрскій тать—
Разбитъ, прогнанъ, какъ прахъ развѣянъ,—
Не смѣетъ больше ужъ топтать,
Съ пшеницей, гдѣ покой насѣянъ;
Безбѣдно ѣдетъ въ путь купецъ
И видитъ край волнамъ пловецъ,
Нигдѣ не зналъ, плывя, препятства...
Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ боязни ходитъ.

Тутъ же, въ первомъ самостоятельномъ произведеніи сына преобразовательной эпохи, знамени-

---

[1]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, I, 663.

таго труженика и представителя сѣверныхъ земскихъ людей Россіи, встрѣчаемъ вынесенное изъ исторіи и жизни опредѣленіе Русскаго народа,— встрѣчаемъ стихъ:

„Гдѣ въ трудъ избранный нашъ народъ“.

Мы не будемъ касаться чуждаго для насъ вопроса о степени поэтическаго таланта Ломоносова; мы видимъ одно,—что Ломоносовъ, по своимъ способностямъ, былъ преимущественно ученый, и этими способностями служилъ какъ нельзя болѣе своему времени и своему народу, пробужденному преобразованіемъ къ умственной жизни. Любимымъ занятіемъ Ломоносова были естественныя науки; но, по силѣ своихъ дарованій, онъ не могъ быть узкимъ спеціалистомъ, и Русскій человѣкъ съ возбужденною въ высшей степени мыслію не могъ не быть остановленъ страшнымъ недостаткомъ для выраженія мысли, результатовъ знанія, необработанностію языка; Русскій человѣкъ съ возбужденною знаніемъ мыслію испытывалъ самое тяжкое чувство, чувствовалъ себя нѣмымъ. И понятно, почему высоко-даровитый Русскій человѣкъ, естествоиспытатель, чувствуетъ обязанность, потребность заняться устройствомъ родного языка, безъ чего успѣхъ Русскихъ людей въ наукахъ былъ невозможенъ. Ученые иностранцы были призваны въ Россію,—и лучшіе изъ нихъ дѣлали свое дѣло; Академія издала труды своихъ членовъ; но что было въ этихъ трудахъ для Русскаго человѣка, когда они переводились такимъ образомъ: „О силахъ тѣлу подвиженному вданныхъ и о мѣрѣ ихъ (De viribus corpori moto insitis et illarum mensura)“, или „О вцѣлоприложеніяхъ равненія разнственныхъ“! Надобно было создавать литературный и научный языкъ, создавать не указаніемъ только извѣстныхъ его свойствъ, но умѣньемъ пользоваться указаннымъ. Первая ода Ломоносова была ученымъ опытомъ, примѣромъ лучшаго, болѣе соотвѣтствующаго духу Русскаго языка стихосложенія, надъ которымъ думалъ Ломоносовъ и за границею, будучи возбужденъ „способомъ къ сложенію русскихъ стиховъ“ Тредьяковскаго. Ломоносовъ вмѣстѣ съ одой прислалъ въ Академію письмо о правилахъ россійскаго стихотворства, гдѣ, сходясь съ Тредьяковскимъ въ главной мысли о необходимости тоническаго стихосложенія для Русскаго языка, Ломоносовъ противорѣчилъ ему въ подробностяхъ. Василій Кирилловичъ немедленно написалъ отвѣтъ и передалъ его въ канцелярію Академіи, для пересылки Ломоносову; но адъюнкты Ададуровъ и Таубертъ представили Шумахеру, чтобъ „сего, учеными ссорами наполненнаго, письма, для пресѣченія дальнихъ, безплодныхъ и напрасныхъ споровъ, къ Ломоносову не отправлять и на платежъ денегъ напрасно не терять“. Для современниковъ вопросъ заключался не въ томъ, кто первый указалъ на тоническое стихосложеніе, но кто писалъ:

Воспѣвай же, лира, пѣснь сладку,
Анну, то-есть благополучну,
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку,
Къ несчастію въ-вѣки тѣмъ скучну—

и кто писалъ:

Шумитъ съ ручьями боръ и долъ:
Побѣда, росская побѣда!
Но врагъ, что отъ меча ушолъ,
Боится собственнаго слѣда.
Тогда, увидѣвъ бѣгъ своихъ,
Луна стыдилась сраму ихъ
И въ мракъ лице, зардѣвшись, скрыла.
Летаетъ слава въ тьмѣ ночной,
Звучитъ во всѣхъ земляхъ трубой,—
Коль русская ужасна сила!

Перваго автора звали Тредьяковскимъ, второго—Ломоносовымъ. Лѣтомъ 1741 года Ломоносовъ возвратился въ Россію, уже извѣстный въ Петербургѣ и своею одою, и отличными отзывами нѣкоторыхъ его наставниковъ въ Германіи, и очень дурными отзывами другихъ, и собственными признаніями въ безпорядочномъ поведеніи [1]). Подобно великому царю, который началъ походы Русскихъ людей на Западъ за наукою, и Ломоносовъ долженъ былъ явиться здѣсь и очень хорошимъ, и очень дурнымъ человѣкомъ. У Ломоносова была та же богатырская природа, то же обиліе силъ; но мы знаемъ, какъ любили погулять богатыри, какъ разнуздывались ихъ силы, не сдержанныя воспитаніемъ, границами, которыя вырабатываетъ зрѣлое, цивилизованное общество для проявленія этихъ личныхъ силъ, часто стремящихся нарушить его нравственный строй. Отсутствіе благовоспитанности въ Петрѣ могло рѣзко броситься въ глаза людямъ изъ высшаго западнаго общества, и особенно женщинамъ, которыя и оставили намъ отзывы объ этой неблаговоспитанности вмѣстѣ съ отзывами о необыкновенныхъ достоинствахъ царя. Что же касается Ломоносова, то въ тѣхъ кругахъ, въ которыхъ онъ находился за-границею, его несдержанность, его богатырскія замашки могли поражать далеко не всѣхъ. Намъ тяжело теперь говорить о порокѣ, которому былъ подверженъ Ломоносовъ, о тѣхъ поступкахъ, которые были слѣдствіемъ его шумства; но мы знаемъ, что современники смотрѣли на это шумство и безпорядки, отъ него происходившіе, гораздо снисходительнѣе. Французскіе писатели средины XVII вѣка съ радостію отзываются, что пьянство вывелось у нихъ въ высшихъ кругахъ и предоставлено низшимъ. Германія, отстававшая въ это время отъ Франціи во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, отстала и въ этомъ. Университетская жизнь германская, въ которую попалъ нашъ Ломоносовъ, далеко не могла имѣть сдерживающаго значенія для его пылкой природы, а скорѣе разнуздывающее,—и Ломоносовъ, въ оправданіе своихъ безпорядковъ, имѣлъ право указывать на соблазнительное общество. Послѣ разныхъ

[1]) См. Куника—Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ.

приключеній, послѣ женитьбы на дочери марбургскаго портного, послѣ завербованія подъ хмелемъ въ прусскую службу, изъ которой спасся бѣгствомъ, сопряженнымъ съ величайшими опасностями, Ломоносовъ явился въ Петербургъ, когда Шумахеръ управлялъ Академіею. Могущественный совѣтникъ, котораго собственная университетская жизнь, какъ мы знаемъ, была такъ-же не безъ приключеній, встрѣтилъ Ломоносова не очень сурово, тѣмъ болѣе-что передъ пріѣздомъ онъ обратился къ нему съ почтительнымъ письмомъ, считая его единственнымъ человѣкомъ, отъ котораго зависѣла его судьба. Очень пріятно и выгодно было господину совѣтнику имѣть подъ руками даровитаго и покорнаго Русскаго, который по возвращеніи въ Россію написалъ двѣ оды—одну на день рожденія императора Іоанна, другую—на побѣду при Вильманстрандѣ, а послѣ восшествія на престолъ Елисаветы перевелъ съ нѣмецкаго торжественную оду Штелина. Пріятно и полезно было имѣть подъ руками даровитаго Русскаго человѣка, при явно враждебныхъ отношеніяхъ къ профессорамъ-Нѣмцамъ - съ одной стороны, а съ другой—при поднявшихся послѣ восшествія Елисаветы нареканіяхъ, что въ Академіи проводили только Нѣмцевъ и придавливали Русскихъ; покровительствуя Ломоносову, можно было выставить свое усердіе къ русскимъ интересамъ и сложить всю вину на ненавистныхъ профессоровъ. Ломоносовъ дѣйствительно первую непріятность въ Академіи встрѣтилъ отъ профессоровъ, которые отъ августа до ноября держали его двѣ ученыя работы безъ одобренія, оставляя его между небомъ и землей безъ мѣста и безъ жалованья. Нѣсколько разъ просилъ онъ конференцію объ опредѣленіи его адъюнктомъ,—и все безуспѣшно; но когда, въ началѣ 1742 года, онъ подалъ просьбу въ канцелярію на высочайшее имя, то совѣтникъ Шумахеръ опредѣлилъ его адъюнктомъ физическаго класса, и въ программѣ было выставлено: „Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ Академіи, руководство въ физическую географію, чрезъ Крафта сочиненное, публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штилѣ“. Такимъ образомъ, съ самаго начала занятія, словесностію становятся рядомъ съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ.

Но скоро наступило смутное время для Академіи,—борьба между Нартовымъ и Шумахеромъ, походъ противъ Нѣмцевъ. Время борьбы, раздражительно дѣйствуя на всѣхъ, особенно сильно дѣйствуетъ на такихъ людей, какъ Ломоносовъ, и онъ присталъ къ Нартову, пошелъ въ походъ противъ Нѣмцевъ, забушевалъ. Богатырь Новой Россіи сдерживался благоговѣйнымъ уваженіемъ къ знанію, уваженіемъ къ людямъ, славнымъ въ наукѣ; если-бы въ это время въ Академіи были „Петромъ Великимъ выписанные славные люди“, по выраженію Ломоносова, то, конечно, онъ не позволилъ бы себѣ выходокъ противъ нихъ; но „Россія лишилась великой отъ нихъ чаемой пользы“:—они уѣхали, и уѣхали, какъ всѣ говорили, отъ Шумахера; вмѣсто нихъ были люди, не имѣвшіе авторитета въ глазахъ Ломоносова, и онъ съ ними не поцеремонится, тѣмъ болѣе-что они держали такъ долго его диссертаціи и не давали ему адъюнктскаго званія, которое онъ получилъ прямо отъ канцеляріи. Ломоносовъ сталъ бывать шуменъ, по тогдашнему выраженію, а въ шуму онъ былъ безпокоенъ. Въ сентябрѣ 1742 года на него подалъ жалобу академическій садовникъ Штурмъ: „Пришедъ ко мнѣ въ горницу и говорилъ, какіе нечестивые гости у меня сидятъ, что епанчу его украли, на что ему отвѣтствовалъ бывшій у меня въ гостяхъ лѣкарь Брашке, что ему, Ломоносову, непотребныхъ рѣчей не надлежитъ говорить при честныхъ людяхъ, за что онъ его въ голову ударилъ и схватя болванъ, на чемъ парики вѣшаютъ и началъ всѣхъ бить, и слугѣ своему приказывалъ бить всѣхъ до смерти; и выскочивъ я изъ оконъ, и началъ караулъ звать; и, пришедъ я назадъ, засталъ я гостей своихъ на улицѣ битыхъ, и жену свою прибитую“.

Профессора, видя въ Ломоносовѣ сообщника Нартова, объявили ему, чтобъ онъ не присутствовалъ въ ихъ конференціяхъ до окончанія академическаго дѣла въ коммисіи. Они уже жаловались въ коммисіи, что Нартовъ не разъ присылалъ своихъ сообщниковъ, Ломоносова и другихъ, съ великою неучтивостію и шумомъ мѣшать имъ въ ихъ занятіяхъ, будто бы для осматриванія печатей. Въ маѣ 1743 года, профессора подали въ коммисію новую просьбу: „Сего 1743 года, апрѣля 26 дня, предъ полуднемъ онъ, Ломоносовъ, напившись пьянъ, приходилъ въ ту палату, гдѣ профессоры для конференцій засѣдаютъ и въ которой въ то время находился профессоръ Винсгеймъ и при немъ были канцеляристы. Ломоносовъ, не поздравивши никого и не скинувъ шляпы, мимо ихъ прошелъ въ географическій департаментъ, гдѣ рисуютъ ландкарты, а идучи около профессорскаго стола, ругаясь оному профессору, остановился и весьма неприличнымъ образомъ обезчестилъ, и крайне поносный знакъ (кукишъ) самымъ подлымъ и безстыднымъ образомъ руками противъ нихъ сдѣлавъ, пошелъ въ оный географическій департаментъ, въ которомъ находились адъюнктъ Трескотъ и студенты. Въ томъ департаментѣ, гдѣ онъ шляпы такъ-же не скинулъ, поносилъ онъ профессора Винсгейма и всѣхъ прочихъ профессоровъ многими бранными и ругательными словами, называя ихъ плутами и другими скверными словами, чего и писать стыдно. Сверхъ того, грозилъ онъ профессору Винсгейму, ругая его всякою скверною бранью, что онъ ему зубы поправитъ, а совѣтника Шумахера называлъ воромъ. Пришелъ обратно въ конференцію и всѣхъ профессоровъ бранилъ и ворами называлъ, за то, что ему отъ профессорскаго собранія отказали“. По словамъ свидѣтелей, Ломоносовъ

говорилъ: „Что они себѣ воображаютъ,—я такой же, и еще лучше ихъ всѣхъ, я природный Русскій!“

Вслѣдствіе профессорской жалобы, Ломоносова вызвали въ коммисію къ допросу; но онъ объявилъ Юсупову: „Я попустому отвѣчать не буду и надо мною главную имѣетъ команду Академія, а не коммисія; надобно, чтобъ Академія отъ меня потребовала отвѣта, и безъ того въ допросъ не пойду, и ничего со мною коммисія дѣлать не можетъ“.—„Сверхъ того“, сказано въ протоколѣ коммисіи, „предъ присутствіемъ кричалъ онъ, Ломоносовъ, неучтиво и смѣялся.“ Юсуповъ и Игнатьевъ велѣли его арестовать и содержать подъ карауломъ при коммисіи. Призванный вторично въ коммисію, Ломоносовъ объявилъ, что безъ воли Нартова отвѣчать не смѣетъ. Призвали въ третій разъ и объявили показаніе Нартова, что тотъ не запрещалъ ему идти въ допросъ и теперь не запрещаетъ. Несмотря на то, Ломоносовъ объявилъ, что отвѣчать не будетъ, потому что это дѣло судное. Приговорили: держать его подъ карауломъ попрежнему. Ломоносовъ подалъ просьбу въ Академію: „Содержусь подъ арестомъ, отлученъ будучи отъ наукъ, а особливо отъ сочиненія полезныхъ книгъ и отъ чтенія публичныхъ лекцій. А понеже отъ сего случая не токмо искренняя моя ревность къ наукамъ въ упадокъ приходитъ, но и то время, въ которое бы я другихъ моимъ ученіемъ пользовать могъ, тратится напрасно, и отъ меня никакой пользы отечеству не происходитъ: ибо я, нижайшій, нахожусь отъ сего напраснаго нападенія въ крайнемъ огорченіи. И того ради императорскую Академію Наукъ покорно прошу, дабы соблаговолено было о моемъ изъ-подъ ареста освобожденіи для общей пользы отечества стараніе приложить.“ Нартовъ приложилъ стараніе, но понапрасну. Коммисія представила императрицѣ дѣло въ очень неблагопріятномъ для Ломоносова видѣ, привела справку изъ Академіи, что Ломоносовъ и за-границею „чинилъ непорядочные и неспокойные поступки, и оттуда тайнымъ почти образомъ уѣхалъ, да и по пріѣздѣ сюда, въ С.-Петербургъ, явился въ дракѣ и присланъ изъ полиціи въ Академію“. Коммисія не упустила случая сдѣлать выходку и противъ Нартова: „Да и правленіе его, Нартова, по Академіи, за незнаніемъ его, недовольное, ибо онъ не только какой ученый человѣкъ и знающій иностранныхъ языковъ, но съ нуждою и по-русски только можетъ имя свое написать“. По мнѣнію коммисіи, Ломоносова слѣдовало наказать не только за „противные“ поступки его въ коммисіи и Академіи, но даже и въ Нѣмецкой Землѣ. Но 18 января 1744 года, Сенатъ приказали: „Онаго адъюнкта Ломоносова для его довольнаго обученія отъ наказанія освободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія; а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ коммисіи и въ конференціи, яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему же, Ломоносову, въ канцеляріи Пр. Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ неотмѣнно“ [1]).

Въ указѣ причиною освобожденія было означено „довольное обученіе“; но довольное обученіе Ломоносова могли оцѣнить очень немногіе; гораздо большее число Русскихъ и сильныхъ людей могло оцѣнить его оды, которыя онъ представлялъ одну за другою и какихъ прежде не читывали на Русскомъ языкѣ. Эти-то оды, конечно, и были главною причиною освобожденія отъ наказанія. Въ февралѣ 1742 года Ломоносовъ написалъ оду на прибытіе изъ Голштиніи великаго князя Петра Ѳеодоровича:

Дивится нынѣ вся вселенна
Премудрымъ Вышняго судьбамъ,
Что отъ напастей злыхъ спасенна
Россія зритъ конецъ бѣдамъ,
И что уже Елисавета
Златыя въ ону вводитъ лѣта,
Избавивъ отъ насильныхъ рукъ.
Красуются Петровы стѣны,
Что къ нимъ его приходитъ внукъ.

Въ концѣ года, Ломоносовъ написалъ оду на прибытіе Елисаветы изъ Москвы въ Петербургъ, послѣ коронаціи:

Какой пріятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ?
Какая красота яснѣетъ,
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой;
. . . .
Благословенна вѣчна буди,
Вѣщаетъ Ветхій денми къ ней,
И всѣ твои съ тобою люди,
Что ввѣрилъ власти я твоей,
Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы
И отъ меня вліянный духъ;
Въ безчисленны промчится роды
Добротъ твоихъ неложный слухъ.
Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду дарить!

Въ одѣ, написанной въ это время, естественно ожидать указаній на шведскія отношенія:

Стокгольмъ, глубокимъ сномъ покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь;
Не жди льстецовъ своихъ защиты,
Отринь коварну ихъ любовь;
Ты всуе солнце почитаешь,
И предъ луной себя склоняешь;
Цѣлуй Елисаветинъ мечъ,
Что ты принудилъ самъ извлечь,
Свою полтавску вспомни рану.
. . . .
Народы нынѣ научитесь,
Смотря на страшну гордыхъ казнь,
Союзы разрушать блюдитесь,
Храните искренно пріязнь;
На множество не уповайте
И тѣмъ небесъ не раздражайте;

[1]) Дѣла Сената по Академія Наукъ; Биларскаго, Матеріалы съ 20-й стр.

Мечи, щиты и крѣпость стѣнъ
Предъ Божьимъ гнѣвомъ гниль и тлѣнъ,—
Предъ нимъ и горы исчезаютъ,
Предъ нимъ пучины изсыхаютъ.

Въ 1743 году была написана ода на день тезоименитства великаго князя Петра Ѳедоровича; въ ней находится знаменитая языческая строфа о Петрѣ Великомъ:

Воззри на трудъ и громку славу,
Что свѣтъ въ Петрѣ не ложно чтитъ;
Нептунъ, познавъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласитъ:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскія,
Сошедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ;
Онъ нынѣ въ вѣчности сіяетъ,
На внука весело взираетъ,
Среди героевъ, выше звѣздъ.

Конечно, извѣстность, пріобрѣтенная одами, немало способствовала Ломоносову въ полученіи мѣста профессора химіи въ 1745 году; посвященіе Ломоносовымъ перевода своего сокращенной экспериментальной физики графу Воронцову указываетъ на сношенія его съ этимъ сильнымъ при Дворѣ человѣкомъ. Когда еще дѣло о производствѣ не было окончено, Кабинетъ ея величества затребовалъ отъ Академіи извѣщенія: секретарь Тредьяковскій и адъюнктъ Ломоносовъ произведены-ль въ профессора. Производство Ломоносова шло прямымъ путемъ чрезъ Академію: по его просьбѣ и по представленнымъ сочиненіямъ профессорская конференція рѣшила, что Ломоносовъ достоинъ просимаго имъ мѣста и дѣло пошло въ Сенатъ. Но Тредьяковскій получилъ мѣсто профессора элоквенціи мимо Академіи.

Въ мартѣ 1744 года, Тредьяковскій подалъ донесеніе въ Сенатъ: „Поданнымъ отъ меня доношеніемъ въ канцелярію Академіи Наукъ прошедшаго 1743 года, маія 2 дня, я предложилъ: что обучаяся языкамъ, также свободнымъ наукамъ, а наконецъ философическимъ и математическимъ знаніямъ, употребилъ на то 18 лѣтъ, сперва въ отечествѣ моемъ Астрахани, у римскихъ монаховъ, потомъ, оставя мое отечество, родителей, домъ и всѣхъ сродниковъ, чрезъ краткое токмо время въ Москвѣ въ Славяно-Латинскомъ училищѣ, напослѣдокъ въ Парижскомъ университетѣ, куда я прибылъ своею охотою, не бывши посланъ ни отъ кого, и слѣдовательно съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности, и куда дошелъ я пѣшъ изъ самаго Антверпена, все-жъ то для снисканія наукъ и съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ потомъ принести отечеству моему нѣкоторую пользу. Что по должномъ возвращеніи моемъ въ Россію увѣдомился я о родителяхъ моихъ, нѣсколькихъ кровныхъ, и почитай о всѣхъ сродникахъ, что они волею Божіею отъ язвы померли, и отеческое мое наслѣдіе за небытностію тамъ моею, какъ движимое, такъ и недвижимое, все по рукамъ растащено, и слѣдовательно увидѣлъ я себя тогда еще больше бѣднымъ для того, что, лишившись родителей моихъ, лишился не токмо надлежащаго пропитанія, но и дневныя пищи, и, не имѣя куда приклониться, сталъ быть совершенно безнадеженъ. Что почитай въ то-жъ самое время, а именно въ 1733 года, опредѣленъ я въ Академію Наукъ отъ бывшаго тогда въ ней президента, барона Карла фонъ-Кейзерлинга, съ достоинствомъ академическаго секретаря и съ полученіемъ окладнаго на годъ жалованья 360 рублей къ слѣдующей должности: 1) чтобъ мнѣ по возможности стараться о чистомъ слогѣ на нашемъ языкѣ какъ простымъ, такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ; 2) чтобъ давать при Академіи лекціи, ежели то отъ меня потребуется; 3) чтобъ трудиться совокупно съ другими надъ лексикономъ; 4) чтобъ переводить съ Латинскаго и Французскаго на Русскій все, что мнѣ дано ни будетъ.—Что исполняя назначенную мнѣ должность во всемъ выше упомянутомъ отъ того времени, ревностно я трудился и многіе опыты нѣсколькой моея къ тому способности уже подалъ какъ простымъ, такъ и стихотворнымъ сочиненіемъ; а россійское стихотвореніе и новымъ изобрѣтеніемъ, по званію академика, первый въ правильнѣйшій порядокъ привелъ и правила печатныя издалъ, которыя уже подали причину искуснымъ людямъ о совершенствѣ науки сея стараться, о чемъ прежде меня никто и не мыслилъ, довольствуяся токмо весьма неправильнымъ стариннымъ способомъ. Что-жь до переводу, не считая безчисленныхъ небольшихъ дѣлъ, какъ съ Латинскаго и Французскаго на Россійскій, такъ и съ Русскаго сверхъ должности моей на оба помянутые языка, буде не больше, то не меньше прочихъ всѣхъ при Академіи въ томъ я трудился и тружда юся понынѣ, ибо перевелъ съ Французскаго великую книгу, названную родословною исторіею о Татарахъ, которая для своихъ примѣчаній весьма достойна свѣта; перевелъ также съ Французскаго великую книгу графа Марсильи—Военное состояніе Оттоманской Имперіи, которая уже напечатана; перевелъ уже я съ Французскаго-жь и Древнея Исторіи чрезъ Ролена (состоящія въ 13 великихъ томахъ, которыхъ пользу и красоту довольно и достойно выхвалить и не мнѣ не можно) совершенно три тома, а два еще, съ Божіею помощію, почитай уже къ окончанію приведены, и уповаю скоро ихъ отдать въ Академію. Перевелъ и еще небольшую книгу, именемъ Истинная Политика, и напечаталъ ее своимъ иждивеніемъ, положивъ на то едва не цѣлый годъ моего жалованья; а сіе токмо для пользы россійскихъ читателей; напослѣдокъ, перевелъ я нынѣ недавно съ Латинскаго уже небольшую жъ книгу, именемъ Рѣчи краткія и сильныя, и поднесъ его импер. высочеству благовѣрному великому князю Петру Ѳедоровичу. При сей валовой академической работѣ трудился я и въ бывшемъ при главномъ коммандирѣ, баронѣ фонъ-Корфѣ, Россійскомъ Собраніи, приходя съ прочими трижды въ недѣлю, надъ Целларіевымъ лексикономъ и надъ прочими работами, приличными тому Собранію. Также я токмо одинъ переводилъ всѣ перечни

италіанскихъ комедій и всѣ бывшія тогда интермедіи, да одну всю италіанскую первую оперу подъ именемъ—Сила любви и ненависти, которыя всѣ напечатаны. Здѣсь не упоминаю я похвальнаго слова въ 1733 году, рѣчи къ членамъ Россійскаго Собранія въ 1735 году, одъ въ разныхъ годахъ моего сочиненія, также многихъ и переводныхъ съ Юнкеровымъ и Штелиновымъ, надъ чѣмъ всѣмъ много я пролилъ пота; одно токмо воспоминаю, что я былъ, по имянному ея импер. величества указу, и при полномочномъ французскомъ министрѣ марки де-ля-Шетарди въ Москвѣ въ 1742 году.—Для долговременнаго моего ученія, для употребленнаго къ тому страннаго способа и великія охоты, для претерпѣнія бѣдностей, для лишенія родителей и всего родительскаго за науками, для десялѣтныя при Академіи службы, для показанныхъ при ней вышепомянутыхъ услугъ и трудовъ, для того, что нынѣ, имѣя уже жену, и содержа бѣдную сироту, сестру мою родную, вдову и съ малолѣтнымъ ея сыномъ, не могу содержаться вышеозначеннымъ моимъ жалованьемъ, не имѣя-жъ ни откуда ни прибавки, ни надежды и приходя уже въ лѣта, впалъ я въ долги, а слѣдовательно въ бѣдность же и печаль; для всего сего просилъ я канцелярію Академіи Наукъ благоволить сравнить мое жалованье съ жалованьемъ секретаря Волчкова, который получаетъ по 560 рублей въ годъ.

„Канцелярія Академіи Наукъ не захотѣла учинить мнѣ сравненія просимаго отъ меня такъ просто, чтобъ я еще какой должности на себя не принялъ. Я, увидѣвъ ея намѣреніе, паки просилъ ее доношеніемъ августа 18 дня прошедшаго жъ 1743 года, въ такой силѣ, чтобъ благоволить постараться о произведеніи меня въ профессора элоквенціи какъ латинскія, такъ и россійскія и также при томъ о такомъ уже мнѣ жалованіи, каково получаютъ профессоры элоквенціи при Академіи; а я обѣщался при профессорской должности отправлять еще по прежнему и переводы книгъ, понеже въ нихъ великая нужда Россіи. По благосклонномъ принятіи онаго моего доношенія канцеляріи Академіи Наукъ надлежало сообщить того содержаніе господамъ профессорамъ для того токмо, дабы имъ благоволить меня освидѣтельствовать, по ихъ должности, въ способности къ элоквенціи, что канцелярія Академіи Наукъ и учинила октября 10 дня прошедшаго-жъ 1743 года. Но господа профессоры, вмѣсто чтобъ принять меня на свой экзаменъ, а потомъ или удостоить меня, или показать къ тому мою неспособность, опредѣлили письменно отвѣтствовать и отвѣтствовали того-жъ октября 17 дня: понеже-де при Академіи Наукъ профессія элоквенціи латинской поручена господину Штелину, а профессія-де элоквенціи на Россійскомъ языкѣ отъ императора Петра Великаго не учреждена, и для того-де напрасно стараніе будетъ о полученіи при здѣшней Академіи такова профессорскаго мѣста.

Видя загражденный мнѣ путь къ профессорству сею ихъ отговоркою, прибѣгъ я къ мужамъ весьма больше почтеннымъ, а искуснымъ равно въ элоквенціи латинской, но въ россійской совершеннѣйшимъ, т.-е. къ членамъ Св. Прав. Синода, и просилъ ихъ покорнѣйше освидѣтельствовать меня въ такой силѣ, имѣю ли я нѣсколько достатка въ элоквенціи, какъ латинской, такъ и россійской. Св. Прав. Синода члены благоволили свидѣтельствовать меня въ томъ чрезъ надлежащее время и нашли меня не нѣсколько, но довольно искусна въ обѣихъ помянутыхъ элоквенціяхъ; а въ увѣреніе сего дали мнѣ непостыдный аттестатъ. Получивши такой аттестатъ, сообщилъ я оный при доношеніи въ канцелярію Академіи Наукъ, которымъ еще просилъ благоволить прописать всѣ причины, изъясненныя въ первыхъ моихъ доношеніяхъ, для которыхъ я прошу быть профессоромъ, и подать о мнѣ удостоеніе съ мнѣніемъ въ Прав. Сенатъ, ибо я нынѣ, получа толь твердое и важное отъ членовъ Св. Прав. Синода засвидѣтельствованіе, признаваю себя способнымъ къ исправленію должности профессора хотя латинскія, хотя россійскія элоквенціи; а профессорскую отговорку отразилъ въ ономъ доношеніи цѣлымъ пунктомъ слѣдующаго содержанія: 1) хотя и есть профессоръ элоквенціи латинской, однако надлежитъ ему быть токмо по то время, пока нѣтъ къ тому способнаго человѣка изъ Россійскихъ: ибо сія Академія учреждена въ пользу Россійскихъ людей, какъ то явствуетъ въ прожектѣ Петра Великаго и въ указѣ объ Академіи Наукъ 1725 года декабря 25 дня. 2) Такъ могутъ быть два профессора элоквенціи, какъ теперь дѣйствительно находятся три профессора астрономіи. 3) Хотя и не положена префессія россійскія элоквенціи, да не положена-жъ и латинская; но токмо положена просто элоквенція, которая не привязана къ одному Латинскому языку, для того, что можетъ состоять на всякомъ: положено токмо, чтобъ всякому профессору курсъ своея науки издавать на Латинскомъ языкѣ. 4) Ежели бы элоквенція здѣсь привязана была къ одному токмо Латинскому, то бы всѣ профессоры элоквенціи обрѣтавшіеся здѣсь и нынѣ обрѣтающійся г Штелинъ не издавали своихъ сочиненій стихами и прозою на Нѣмецкомъ, котораго элоквенція также не положена въ прожектѣ, какъ и россійскаго. 5) Слѣдовательно, россійская элоквенція въ здѣшней Академіи еще больше имѣетъ права нѣмецкой для наичастѣйшаго и общаго во всей Россіи употребленія, и толь больше, что сія Академія учреждена въ пользу Россіянамъ. 6) Профессорская должность не въ томъ состоитъ, чтобъ не допускать до профессорскія степени Россійскаго человѣка, на которой онъ можетъ стоять съ честію и пользою, но чтобъ токмо освидѣтельствовать, достоинъ ли претендентъ того, чего требуетъ, ибо имъ должно токмо видѣть пробу искусства просителева, которой наслѣдовать имъ имѣетъ право по силѣ прожекта. 7) Для того, что господа профессоры охотно принимали въ 1733 годѣ на свой экзаменъ

переводчика Горлицкаго, который также просилъ быть профессоромъ, и мѣста профессорскія всѣ были заняты-жъ чужестранными; но онъ самъ къ нимъ не пошелъ, отговариваяся парижскимъ свидѣтельствомъ,—то видно, что меня для того не приняли, что я къ нимъ съ радостію самъ шелъ на экзаменъ, хотя и я также имѣю парижское свидѣтельство: ибо вѣдаютъ тѣ, что имъ меня не удостоить и трудно и стыдно; однако надобно было заградить путь Россійскому человѣку какъ-нибудь, такъ что кто къ нимъ нейдетъ, того принимаютъ, а кто идетъ, того всячески не хотятъ. 8) Оный профессорскій отвѣтъ въ канцелярію къ непринятію меня на экзаменъ нисколько кажется и не въ честь толь ученымъ и благоразумнымъ людямъ, для того что онъ не къ дѣлу и не кстати: ибо не требовала отъ нихъ запросомъ канцелярія, что есть-ли профессоръ элоквенціи латинской и положена ли профессія россійскія элоквенціи въ прожектѣ, вѣдая о томъ извѣстно; но токмо просила ихъ благоволить освидѣтельствовать меня въ искусствѣ элоквенціи. И посему, истолковавъ прямо вышеписанную профессорскую отговорку, не знаю, не будетъ ли она значить точно сіе слѣдующее: хотя Тредіаковскій и достоинъ быть профессоромъ элоквенціи, однако онъ намъ не надобенъ; ибо въ почтенную наши компанію вмѣшается Русской, чего здѣсь отроду не бывало да и быть не должно, потому что добрый случай опредѣлилъ сей хлѣбъ точно нашимъ, а онъ, вмѣшавшись къ намъ, можетъ быть сего хлѣба лишитъ нашего, и потому впредь будетъ лишать кого-нибудь изъ нашихъ, которой еще не выѣхалъ сюда; а за нимъ тожъ учинитъ другой, подобной ему, и третій, для того что уже мы ихъ нѣсколько видимъ готовыхъ. И такъ запремъ путь сему Тредіаковскому, то потомъ и прочихъ отлучать не будетъ намъ труда.

„Въ такой силѣ было послѣднее мое помянутое доношеніе въ канцеляцію И. А. Н. отъ 22 ноября 1743 года. А по силѣ просьбы содержащіяся въ семъ доношеніи, помянутая канцелярія А. Н. готовила уже доношеніе съ мнѣніемъ въ Прав. Сенатъ. Но между тѣмъ совѣтникъ Нартовъ отрѣшенъ отъ помянутыя канцеляріи, а опредѣленъ по прежнему совѣтникъ Шумахеръ, котораго я многократно просилъ словесно о произведеніи моея просьбы въ дѣло. Сей совѣтникъ многократно-жъ меня о томъ и благосклонно обнадеживалъ, а иногда говорилъ мнѣ совѣтуя, чтобъ я и не просился въ профессоры: ибо имѣетъ онъ намѣреніе выпросить мнѣ хорошій рангъ и довольное жалованье, а быть бы мнѣ токмо при старомъ дѣлѣ, для того что-де Россіи больше въ томъ дѣлѣ нужды и пользы, нежили хотя бы я былъ и профессоръ. Однако, напослѣдокъ, объявилъ мнѣ генваря 19 дня сего 1744 года, что онъ нынѣ не имѣетъ ни времени, ни свободности, и для того, буде я желаю, то бы я самъ просилъ Прав. Сенатъ".

Вслѣдствіе этого объявленія, Тредьяковскій и подалъ просьбу въ Сенатъ—повелѣть быть ему профессоромъ элоквенціи; если же это за благо не разсудится, пожаловать въ ассесоры въ Академію Наукъ съ 600 рублей жалованья, по примѣру Ададурова, переведеннаго изъ адъюнктовъ въ ассесоры; если и это не будетъ угодно, то дать майорскій рангъ, по примѣру секретаря Иностранной Коллегіи, съ окладомъ профессора элоквенціи, и быть при прежнихъ должностяхъ, которыя всѣ касаются до элоквенціи же россійской и до переводовъ, для того-что въ семъ состоитъ великая нужда и „почитай не нужнѣе ли еще должности профессора элоквенціи".

Въ приложенномъ къ просьбѣ аттестатѣ, даннымъ Тредьяковскому синодальными членами, говорилось, что они „предложенныя сочиненія его виды, какъ Россійскимъ, такъ и Латинскимъ языкомъ, разсмотрѣли и симъ свидѣтельствуютъ, что оныя его сочиненія виды по точнымъ правиламъ элоквенціи произведены, чистыми и избранными словами украшены и по всему тому явно есть, яко онъ не нѣсколько, но толико произшелъ въ элоквенціи, си есть, въ краснорѣчіи россійскомъ и латинскомъ, что праведно надлежащее въ томъ искусство приписатися ему долженствуетъ" [1]).

Сенатъ, на основаніи синодальнаго аттестата, утвердилъ Тредьяковскаго профессоромъ элоквенціи; но мы видѣли, что и о немъ былъ запросъ изъ Кабинета, слѣдовательно имѣемъ право заключать о ходатайствѣ сильныхъ лицъ. Какъ бы то ни было, 30 іюля 1745 года, Тредьяковскій и Ломоносовъ присягнули, какъ профессора Академіи въ церкви Апостола Андрея, на Васильевскомъ Острову.

Новый профессоръ химіи не переставалъ напоминать о себѣ одами. Въ томъ же году онъ написалъ оду на бракосочетаніе великаго князя:

Исполнилъ Богъ свои совѣты
Съ желаніемъ Елисаветы:
Красуйся свѣтло, Россійскій родъ.—
Се паки Петръ съ Екатериной
Веселья общаго причиной.

Въ концѣ слѣдующаго года, въ одѣ на день восшествія на престолъ Елисаветы читали, что отъ Русской императрицы вся Европа ожидаетъ возстановленія мира:

Отъ той Европа ожидаетъ,
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

Въ одѣ на день рожденія Елисаветы поэтъ возвѣстилъ, что нѣтъ болѣе смертной казни:

Ты судъ и милость сопрягаешь,
Повинныхъ съ кротостью караешь,
Безъ гнѣву злобныхъ исправляешь,
Ты осужденныхъ кровь щадишь.

Въ концѣ 1747 года, когда велись окончательные переговоры о движеніи русскихъ войскъ на помощь морскимъ державамъ, и когда, несмотря на увѣренія правительства, что это участіе въ войнѣ необходимо для ускоренія мира, многіе думали, что

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ. № 5—1205.

такое участіе можетъ имѣть слѣдствія противныя и завлечь Россію въ опасныя „дальности“, по тогдашнему выраженію, Ломоносовъ пишетъ знаменитую оду на день восшествія на престолъ, въ которой прославляетъ миръ и его главный плодъ—процвѣтаніе наукъ. Вспомнимъ отношенія Ломоносова къ противнику воинственнаго канцлера—Воронцову, и вспомнимъ, что новый президентъ Академіи, младшій Разумовскій, не слѣдовалъ примѣру старшаго и былъ другомъ Воронцову.

Кто изъ насъ въ дѣтствѣ не зналъ наизусть этихъ стиховъ?

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
....
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами
Себя прославить въ наши дни:
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Тогда божественны науки,
Чрезъ горы, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды
....
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская Земля рождать.

Ода оканчивается обращеніемъ къ императрицѣ, соотвѣтствовавшимъ тогдашнему положенію дѣлъ,—ожиданію войны, которая могла быть вызвана движеніемъ русскихъ войскъ:

Тебѣ, о милости источникъ,
О ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою,
Противъ тебя возстать войною.

Въ концѣ слѣдующаго 1748 года, Ломоносовъ имѣлъ возможность прославить возстановленіе мира въ Европѣ не безъ содѣйствія Россіи посылкою вспомогательнаго корпуса. Въ надписи на иллюминаціи въ день имепинъ императрицы, 5 сентября, онъ говорилъ:

Смущенный бранью міръ миритъ Господь тобой,
Россійска тишина предѣлы превосходитъ,
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ міръ приводитъ.

Въ одѣ на восшествіе на престолъ Елисаветы Ломоносовъ говоритъ:

Европа, утомленна въ брани,
Изъ пламени поднявъ главу,
Къ тебѣ свои простерла длани
Сквозь дымъ, куреніе и мглу.
Твоя кротчайшая природа,
Чѣмъ, для блаженства смертныхъ рода,
Всевышній нашъ украсилъ вѣкъ,
Склонилась для ея защиты.—
И мечъ твой, лаврами обвитый,
Не обнаженъ войну пресѣкъ.

Отъѣздъ императрицы въ Москву, испепеленную страшными пожарами, заставилъ Ломоносова окончить свою оду такъ:

Москва едина, на колѣна
Упавъ, передъ тобой стоитъ.
Власы сѣдые простираетъ,
Тебя, богиня, ожидаетъ,
Къ тебѣ единой вопія:
Воззри на храмы опаленны,
Воззри на стѣны разрушенны,
Я жду щедроты твоея.
Гряди, краснѣйшая денницы,
Гряди, и свѣтлостью лица
И блескомъ чистой багряницы
Утѣшь печальныя сердца,—
И время возврати златое.
Мы здѣсь въ возлюбленномъ покоѣ
Къ полезнымъ припадемъ трудамъ.
Отсутствуя, ты будешь съ нами:
Покрытымъ орлими крылами,
Кто смѣетъ прикоснутся намъ?
Но если гордость ослѣпленна
Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ,—
Тебѣ, въ женахъ благословенна,
Противъ ея помощникъ Богъ.
Онъ верхъ небесъ къ тебѣ преклонитъ,
И тучи страшныя нагонитъ
Во срѣтенье врагамъ твоимъ.
Лишь только ополчишься къ бою,—
Предъидетъ ужасъ предъ тобою,
И слѣдомъ воскурится дымъ.

Вспомнимъ, что поѣздка въ Москву была также предметомъ раздора между двумя партіями; Бестужевъ не хотѣлъ этой поѣздки, враги его хлопотали, чтобъ она состоялась, чего нетрудно имъ было достигнуть при сильномъ желаніи самой императрицы ѣхать въ Москву. Окончаніе оды, если не было внушено Воронцовымъ съ товарищи, то было для нихъ какъ нельзя кстати; Елисаветѣ она должна была особенно понравиться: она подарила за нее автору 2,000 рублей, сумму, по тому времени, очень значительную [1]).

Возвратимся къ академической дѣятельности Ломоносова. Въ октябрѣ 1745 года, совѣтникъ Шумахеръ донесъ Сенату, что книга, именуемая—Сокращенная эксперементальная физика, переведенная профессоромъ Ломоносовымъ, въ конференціи проф. Гмелинымъ прочтена, и усмотрѣно, что объявленный переводъ по большей части довольно хо-

---

[1]) С.-Петербургск. Вѣдомости 1748 года.

рошъ, кромѣ немногихъ мѣстъ, которыя профес. Ломоносовымъ при проф. Гмелинѣ отчасти тогда же исправлены, а отчасти исправленіе ихъ отложено до будущаго печатанія, чтобъ письменнаго экземпляра поправками не испортить. Приказали: книгу по исправленіи напечатать, а проф. Ломоносову на русскомъ діалектѣ показывать лекціи [1]). Это донесеніе и распоряженіе были сдѣланы на томъ основаніи, что книга не могла быть выпущена безъ разрѣшенія Сената: въ 1743 году посланъ былъ указъ въ Академію Наукъ, чтобъ она немедленно прислала въ Сенатъ по одному экземпляру всѣхъ книгъ, какія были напечатаны съ начала Академіи, съ реестромъ, и впредь какія будутъ печататься такъ же присылать, съ означеніемъ цѣнъ, а прежде взнесенія книги въ Сенатъ для народнаго извѣстія въ продажу не употреблять [2]).

Въ мартѣ 1746 года билъ челомъ Сенату проф. Ломоносовъ, чтобъ ему положено было годовое жалованье по 660 рублей въ годъ, „ибо химическая наука состоитъ не токмо въ одной теоріи, но и въ весьма трудной практикѣ, которая и здравію вредительна бываетъ“. Просьба была исполнена [3]). Въ іюнѣ того же года въ „Вѣдомостяхъ“ читали слѣдующее извѣстіе [4]): „Сего іюня 20 дня, по опредѣленію Академіи Наукъ президента, той же Академіи профессоръ, господинъ Ломоносовъ, началъ о физикѣ экспериментальной на Россійскомъ языкѣ публичныя лекціи читать, при чемъ, сверхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей, и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами присутствовалъ“.

Въ то время, какъ даровитѣйшій изъ членовъ Академіи, первый русскій ученый, овладѣвшій вполнѣ европейской наукою и создававшій для нея языкъ, собиралъ въ академической аудиторіи слушателей изъ разныхъ чиновъ, воинскихъ и гражданскихъ, Академія дожидалась рѣшенія своихъ внутреннихъ распрей. Возстановленіе Шумахера въ прежнемъ значеніи, разумѣется, не могло прекратить этихъ распрей, ибо онъ возвратился съ прежними стремленіями, законности которыхъ никакъ не хотѣли признать профессора, тѣмъ болѣе теперь, когда они думали, что, оказавъ своею поддержкою великую услугу совѣтнику, имѣютъ право требовать отъ него перемѣны поведенія въ отношеніи къ нимъ. Другой совѣтникъ, Нартовъ, успокоился на рѣшеніи Сената; у него была дѣятельность внѣ Академіи: въ 1746 году „Вѣдомости“ извѣщали, что совѣтникъ Академіи, Андрей Нартовъ, пожалованъ деревнями и знатною денежною суммою за новообрѣтенныя дѣла при артиллеріи, чего еще понынѣ не было [5]). Кромѣ того, Нартовъ жилъ воспоминаніями о великомъ человѣкѣ, подлѣ котораго судьба привела его работать въ началѣ поприща, и онъ записывалъ эти воспоминанія для потомства. Все, что осталось отъ Петра Великаго, было драгоцѣнно для его усерднаго токаря, и, въ маѣ 1747 года, онъ представилъ въ Сенатъ [6]), что въ 1723 году трудами Петра Великаго сдѣланы и имѣются въ Петропавловскомъ соборѣ два костяныя паникадила и одинъ Животворящій Крестъ съ апостольскими ликами, также и въ Троицкомъ соборѣ—костяное паникадило; а нынѣ онъ усмотрѣвъ, что такое великое и премудрое дѣло многотрудныхъ рукъ Петра Великаго отъ нападающей пыли чрезъ долгое время весьма повредилось, отъ чего столь уже оно не удивленія, но сожалѣнія достойно; а понеже древнихъ славныхъ государей, наприм. Александра Великаго и прочихъ, токмо по повелѣнію сдѣланныя куріозныя вещи хранятся въ кунсткамерахъ съ великимъ присмотромъ, то кольми паче вышеозначенныя вещи, произведенныя собственными премудрыми трудами несравненнаго въ семъ свѣтѣ императора Петра Великаго, долженствуется всѣми мѣрами хранить и содержать въ великомъ наблюденіи; а по мнѣнію его надлежитъ сдѣлать изъ зеркальныхъ стеколъ въ мѣдныхъ рамахъ футляры и вызолотить въ пристойныхъ мѣстахъ фигуры, на что нужно 2,500 рублей. Сенатъ велѣлъ выдать на первое время 1,000 рублей. Въ 1748 году Сенатъ выразился, что „совѣтникомъ Нартовымъ въ зачинкѣ въ пушкахъ раковинъ совершенное искусство оказано, коихъ пушекъ починено многое число“ [7]).

Успокоился Нартовъ, но не могъ успокоиться товарищъ его въ походѣ на Шумахера, Делиль. Видя, что коммисія взяла рѣшительно сторону Шумахера, Делиль, въ августѣ 1743 года, подалъ императрицѣ просьбу объ увольненіи по слѣдующимъ побужденіямъ: возвратившись изъ Сибирской ученой экспедиціи, увѣдомился онъ, что президентъ Академіи, Корфъ, взялъ его астрономическія наблюденія и отдалъ молодому профессору Гейнзіусу, который выписанъ трудиться подъ надзоромъ его, Делиля. Оскорбленный этимъ, Делиль перестал бывать въ конференціяхъ; Шумахеръ удержалъ жалованье его за 1741 и 1742 годы, а коммисія рѣшила удержать все жалованье. Делиля не уволили: какъ видно, Шетарди вмѣшался въ дѣло. Только въ іюнѣ 1745 года императрицѣ былъ представленъ докладъ объ отпускѣ Делиля. Но у Делиля, кромѣ Шетарди, были русскіе доброжелатели, которые успѣли представить ей, какъ вредно для Академіи и для Россіи лишиться знаменитаго ученаго, вызваннаго отцомъ ея. Поэтому, при докладѣ, „ея импер. величество, въ разсужденіи, что оный профессоръ при Академіи надобенъ, указала его склонять, чтобъ онъ здѣсь еще остался“. При этомъ уговариваніи остаться, Делиль прежде всего потре-

[1]) Журналы Сената 3 октября 1745 г.
[2]) Журналы Сената 17 января 1743 г.
[3]) Журналы Сената, 6 марта 1746 г.
[4]) Петербургск. Вѣдомости 24 іюня.
[5]) Петербургск. Вѣдомости 23 мая.
[6]) Журналы Сената 25 мая.
[7]) Журналы Сената 19 августа.

бовалъ выдачи всего заслуженнаго жалованья и отпуска денегъ на устройство обсерваторіи; императрица приказала исполнить эти требованія [1]). Потомъ въ сентябрѣ Делиль подалъ въ Сенатъ доношеніе: императрицѣ угодно его оставить; но онъ можетъ остаться только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобъ Академія была такимъ образомъ установлена, дабы канцелярія не имѣла никакой власти надъ профессорами и надъ принадлежащими вещами до наукъ, ниже надъ академическою экономіею; а оное установленіе можно въ дѣйство произвесть, давши Академіи регламентъ, по которому бы она на разные департаменты, касающіеся до наукъ, раздѣлена была, и чтобъ каждый профессоръ надъ приличнымъ ему департаментомъ главнымъ былъ, и въ томъ никому иному отвѣтъ не далъ, какъ только Правительствующему Сенату и профессорскому корпусу; и, по регламенту Петра Петра Великаго, выбрать одного изъ профессоровъ въ президенты, или директоры, который бы безперемѣнно въ ономъ чину находился, или попеременно каждый годъ или полгода; а понеже онъ, Делиль, изъ профессоровъ старшій и имѣетъ совершенное извѣстіе о всѣхъ прочихъ европейскихъ академіяхъ, для того уповаетъ, что директорское избраніе сперва бы ему досталось.—Сенатъ приказали: о опредѣленіи президента подать ея импер. величеству докладъ, и до полученія указа что касается до наукъ и имъ принадлежащихъ вещей, то поручить вѣдать и смотрѣть и исправлять обще въ собраніи всѣмъ профессорамъ, а для того и служителямъ тѣхъ наукъ быть у нихъ же, профессоровъ, а канцеляріи академической нынѣ, что до наукъ принадлежитъ, имъ, профессорамъ, не точію какого помѣшательства, но всякое по ихъ требованіямъ чинить вспоможеніе безъ продолженія времени [2]).

Между тѣмъ и остальные профессоры выступили въ походъ противъ Шумахера.

Въ іюнѣ 1745 года, совѣтникъ получилъ отъ профессоровъ—Гмелина, Вейтбрехта, Миллера, Леруа и Рихмана—слѣдующее оффиціальное письмо: „Вашему высокоблагородію памятно, что по полученному изъ Правительствующаго Сената, прошлаго 1744 года іюля 10 дня указу о распечатаніи и ревизіи библіотеки и кунтскамеры, того-жъ іюля 27 дня въ обыкновенный день нашего собранія вы приходили къ намъ въ Академію и о содержаніи помянутаго указа намъ въ собраніи объявили, что указано производить ревизію двумя адъюнктами, назначенными отъ Академіи; и притомъ ваше высокоблагородіе свое мнѣніе предложили, что ревизія очень продолжительна будетъ, если только двумъ адъюнктамъ у того дѣла быть; къ тому же нельзя положиться на адъюнктовъ, чтобъ они во всѣхъ наукахъ достаточную опытность имѣли, чтобъ ревизію производить какъ слѣдуетъ; скорѣе и исправнѣе она будетъ произведена, если при ней будутъ присутствовать нѣсколько изъ профессоровъ, и можно надѣятся, что Сенатъ на это склонится охотно. Послѣ совѣщанія объ этомъ каждый изъ насъ охотно на себя принялъ производить ревизію такихъ вещей, которыя тѣснѣе соприкасаются съ его науками. Надлежало тогда вашему высокоблагородію намъ сообщить подлинный сенатскій указъ, чтобъ намъ можно было обсудить, на какомъ основаніи намъ поступать при ревизіи, ибо нельзя думать, что намѣреніе Прав. Сената было такое, какъ ваше высокоблагородіе насъ изволили удостовѣрить, а именно, чтобъ на печатныхъ каталогахъ основаніе положить, потому что ревизія наиболѣе для того и учреждена, дабы извѣстно было, правда ли то, что на васъ донесено, будто во время двадцатипятилѣтнаго вашего правленія библіотекарской должности, и библіотеки, и кунтскамеры много унесено и утрачено, а печатные каталоги сочинены въ недавнихъ годахъ и въ нихъ внесено только то, что въ то время находилось на лицо, слѣд. эти каталоги показать не могутъ, чему въ кунсткамерѣ и библіотекѣ быть надлежитъ,—это можетъ быть усмотрѣно по самымъ старымъ каталогамъ и счетамъ, какъ каждая вещь куплена и въ Академію внесена; но такъ какъ мы этому дѣлу не судьи и это могло оскорбить ваше высокоблагородіе, то мы по справедливости уклонились и разсмотрѣнію Правительствующаго Сената оставили, изволитъ ли такую ревизію за достовѣрную принять, однако-жъ еще сверхъ означеннаго другая причина есть, почему намъ очень обидно, что ваше высокоблагородіе сенатскій указъ отъ насъ утаили. Ревизію окончивши, услыхали мы, что по сенатскому указу велѣно Юстицъ-Коллегіи Мелисино быть при ревизіи, которая адъюнктамъ была приказана. Правител. Сенатъ вѣроятно разсуждалъ, что въ такомъ дѣлѣ, которое вашего высокоблагородія такъ близко касается, на одинхъ адъюнктовъ всю надежду положить нельзя, потому что они, для угожденія вамъ, легко что-нибудь пропустить могутъ; также адъюнкту не оскорбительно трудиться въ чемъ-нибудь подъ смотрѣніемъ какого-нибудь ассессора. Но такъ какъ вмѣсто адъюнктовъ мы въ это дѣло вступили, то вашему высокоблагородію надлежало съ нами поступать не такъ скрытно и важнаго такого обстоятельства отъ насъ не таить. Вамъ не безызвѣстно, что профессора при Академіяхъ Наукъ никогда не ставятся ниже коллежскихъ ассесоровъ, и уже причины не было, зачѣмъ господину Мелисину при ревизіи присутствовать, ибо надѣяться можно, что намъ не меньше, какъ и ему, повѣрятъ. Итакъ надобно думать, что ваше высокоблагородіе сенатскій указъ отъ насъ утаили для того во 1) чтобы мы не знали, на какомъ основаніи велѣно сдѣлать ревизію; во 2) дабы къ уменьшенію чести нашей скрытно насъ отдать подъ надзоръ ассессору юстиціи, противъ чего мы, конечно, протестовали бы, если-бы намъ о томъ извѣстно было; однако притомъ на господина Мелисино

[1]) Докладъ 2 августа.

[2]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ № 5—1205; Журналы Сената 16 января 1747 года.

жаловаться причины никакой не имѣемъ, потому что онъ во время ревизіи никакой себѣ надъ нами власти не взялъ. Также мы и того не знали и до сихъ поръ еще очень сомнѣваемся, что вашему высокоблагородію при ревизіи велѣно главное правленіе имѣть. Въ сенатскомъ указѣ написано, чтобъ вамъ при томъ быть, а чтобъ вамъ надъ ревизіею дирекцію имѣть, того не написано, ибо такъ какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ никто судьею быть не можемъ, то и думать нельзя, что намѣреніе Прав. Сената было вашему высокоблагородію правленіе такого дѣла поручить, которое противъ васъ самихъ гласитъ: и такъ мы больше разсуждаемъ, что вашему высокоблагородію при томъ быть велѣно только для того, чтобъ объ утраченныхъ вещахъ отвѣтъ дать. Поэтому намъ удивительно кажется, какъ ваше высокоблагородіе случай себѣ нашли при ревизіи такъ поступать, будто бы она и отъ васъ зависѣла. Ваше высокоблагородіе съ г. ассесоромъ Мелисиномъ какую-то новую коммисію учредили, въ которой вы оба назывались членами, а мы вамъ подчиненными; вамъ же довольно извѣстно, что мы ни въ нашихъ дѣлахъ въ вашей командѣ не состоимъ, ниже при такомъ чрезвычайномъ случаѣ вамъ послушными быть могли; только мы тогда не знали, что труды наши отъ вашего правленія зависятъ, а какъ мы теперь о томъ увѣдомились и опредѣленіе видѣли, которое вы о томъ съ г. ассесоромъ Мелисиномъ составили, то мы уже съ позволенія вашего о томъ еще упомянемъ попространнѣе. Это опредѣленіе внесено въ журналъ Академической канцеляріи о ревизіи прошлаго 1744 года іюля 16 дня, т.-е. одиннадцатью днями прежде, какъ ваше высокоблагородіе о томъ съ нами въ собраніи совѣтовались. Это опредѣленіе съ сдѣланнымъ въ собраніи согласно въ томъ, что каждый изъ насъ ревизію на себя принялъ, только разница въ томъ, что въ вашемъ канцелярскомъ опредѣленіи намъ будто повелѣвается отъ вашего высокоблагородія и отъ г. ассесора Мелисина все то, что мы одиннадцать дней спустя своею охотою на себя приняли, и журналистъ развѣ пророческимъ духомъ одаренъ былъ, что 16 іюля могъ знать о томъ, что 27 числа сдѣлается. Такими коварствами намъ въ обиду и чести нашей въ поврежденіе вы величаться хотѣли. Если правда, что опредѣленіе написано было уже 16 числа, то для чего ваше высокоблагородіе его къ намъ въ собраніе не принесли и для чего вы его никому изъ насъ не сообщили? Если-бы у вашего высокоблагородія совѣсть была чиста, то-бъ вы въ томъ не такъ скрытно поступали. Хотя всѣ пункты этого опредѣленія чести нашей весьма вредны, однако одиннадцатый больше всего подаетъ поводъ къ жалобѣ: въ немъ вы надсмотрщикомъ надъ нами поставили такого человѣка, котораго мы и въ самъ маломъ дѣлѣ не считаемъ такимъ, какъ вы о немъ разсуждаете: рѣчь идетъ о г. Таубертѣ. Правда, что по Русскому, а отчасти и Францускому языкамъ обученъ и въ переводахъ, если постарается, значительное искусство имѣетъ, и онъ бы могъ при Академіи служить съ пользою, еслибъ вы его при тѣхъ переводахъ оставили; но, какъ видно, вашему высокоблагородію этого показалось для него слишкомъ мало. Вы ему, какъ родственнику своему, титулъ адъюнкта исходатайствовали, который можетъ быть полученъ только вслѣдствіе занятій науками и ихъ преподаваніемъ; потомъ вы ему исходатайствовали титулъ унтеръ-библіотекаря, дабы ему мало-по-малу и библіотекарство, и канцелярское правленіе поручить, и, такимъ образомъ, оба чина наслѣдственными въ вашей фамиліи сдѣлать; а всему свѣту извѣстно, что для библіотекаря больше требуется знаній, чѣмъ г. Таубертъ имѣетъ; сверхъ того онъ произведенъ въ адъюнкты и унтеръ-библіотекари безъ вѣдома Академіи. Отъ того и происходятъ такіе страшные безпорядки въ библіотекѣ; печатные каталоги свидѣтельствуютъ, что нѣтъ въ Академіи человѣка, который бы могъ ихъ составить, какъ составляются они въ другихъ библіотекахъ. Безъ труда разсудить можете, что съ нашею честью несогласно умолчать о томъ, что вы изволили насъ отдать подъ надзоръ г. Тауберта, написавши въ опредѣленіи, что унтеръ-библіотекарь Таубертъ долженъ смотрѣть, чтобъ все порядочно происходило. И для чего вы опредѣлили взять съ насъ письменный реверсъ подъ присягою, что при ревизіи честно и совмѣстно поступать будемъ? ибо 1) вы не имѣете надъ нами такой власти, чтобъ намъ это приказывать; 2) въ сенатскомъ указѣ этого и отъ адъюнктовъ не требовалось; въ 3) ни ваше высокоблагородіе того отъ насъ никогда не требовали, въ чемъ и нужды не было, ибо ревность наша и вѣрность и справедливые поступки всякому извѣстны, и никто еще на насъ ни въ какой погрѣшности не доносилъ. Учиненная намъ отъ вашего высокоблагородія въ этомъ дѣлѣ обида такъ важна, что намъ нельзя не требовать удовлетворенія, если вы сами не поспѣшите оказать его намъ и тѣмъ прекратить наши жалобы. Такъ какъ мы ничего болѣе не желаемъ, какъ всегда жить съ вашимъ высокоблагородіемъ въ покоѣ и согласіи, то мы предлагаемъ вамъ самый легкій способъ, именно въ томъ же журналѣ внести новый пунктъ такого содержанія, что въ опредѣленіи 16 іюля 1744 года мы, бывшіе у ревизіи профессора, обижены, будто трудовъ нашихъ при библіотекѣ и кунсткамерѣ не было, но что мы все сдѣлали по своей охотѣ, ревнуя о благополучіи Академіи по силѣ состоявшагося въ академическомъ собраніи того-жъ іюля 27 дня опредѣленія, и что слѣдовательно ни ваше высокоблагородіе, ни г. ассесоръ Мелисино, ниже г. Таубертъ надъ нами смотрѣнія никакого не имѣли; и, наконецъ, что намъ это опредѣленіе не въ то время объявлено, но только 7 іюня текущаго 1745 года, когда мы уже по всеобщему слуху о томъ извѣстились и отъ вашего высокоблагородія требовали, чтобъ его изъ канцеляріи намъ сообщили. А такъ какъ ваше высокоблаго-

родіе о всемъ выписанномъ и Прав. Сенату отъ имени Академіи Наукъ представили и не упомянули о нашемъ опредѣленіи, состоявшемся въ академическомъ собраніи, донесли, такимъ образомъ, этому вышнему суду несправедливо, а нашу честь публично повредили, то и требуемъ, чтобъ ваше высокоблагородіе въ другомъ донесеніи предъ Прав. Сенатомъ въ своей погрѣшности повинились и о всемъ дѣлѣ донесли справедливо. На этихъ условіяхъ мы готовы сдѣланную намъ обиду предать забвенію, и радостно намъ будетъ, если ваше высокоблагородіе соизволите какъ себя, такъ и насъ избавить отъ дальнѣйшаго веденія дѣла, чтобъ мы для защиты чести нашей не были принуждены утруждать жалобами вышній судъ".

Шумахеръ не далъ никакого отвѣта, и профессора перенесли дѣло въ Сенатъ, приложивши къ своей просьбѣ и копію съ приведеннаго выше письма своего къ Шумахеру. Сенатъ отвѣчалъ указомъ, что о слѣдствіяхъ учрежденной имъ ревизіи до сихъ поръ отъ Академіи ему не репортовано, и потому приказали: при осмотрѣ библіотеки и кунсткамеры быть и профессорамъ, подавшимъ жалобу, и о слѣдствіяхъ ревизіи репортовать въ Сенатъ чаще; относительно же дѣла, изложеннаго въ профессорской жалобѣ, подать отвѣтъ немедленно. Шумахеръ отвѣчалъ, что прежній сенатскій указъ о ревизіи былъ сообщенъ профессорамъ; они 4 сентября собрались въ канцелярію академическую и по общему согласію назначили время для начатія ревизіи. Ассесоръ Мелисино въ назначенный срокъ въ канцелярію явился, но изъ профессоровъ не явился никто, а прислали за рукою опредѣленнаго при конференціи писца, какъбы въ поруганіе канцеляріи, записку, что совѣтникъ Шумахеръ оскорбилъ ихъ, осмѣлившись вызвать въ канцелярію, которой они ни мало не подчинены; что Шумахеръ обязанъ подавать въ конференцію профессорскому корпусу присылаемые изъ Сената указы, и прочія тому подобныя непристойности. Вслѣдствіе чего канцелярія требуетъ оборонить честь ея отъ такихъ ругательныхъ поступковъ и самовольства профессоровъ и принудить ихъ къ надлежащему повиновенію. Канцелярія доносила, что Мелисино началъ немедленно производить ревизію съ двумя адъютантами, уже всю библіотеку пересмотрѣлъ, а теперь ожидаетъ сенатскаго указа, при комъ ему новые каталоги сличать съ старыми, ибо профессора къ этому сличенію не являются [1]).

Это дѣло довело раздраженіе съ обѣихъ сторонъ до высшей степени. 28 ноября 1745 года, въ Сенатъ явилась новая просьба профессоровъ: они требовали наказанія Шумахеру за нанесенное имъ поруганіе доктору Гмелину, просили поручить управленіе Академіею профессорскому собранію, а Шумахера отрѣшить [2]). Сенатъ съ нетерпѣніемъ ждалъ назначенія президента въ Академію, чтобъ избавиться отъ этихъ тяжелыхъ, неудоборѣшаемыхъ для него дѣлъ. Наконецъ президентъ былъ назначенъ.

У фаворита Алексѣя Григорьевича Разумовскаго былъ младшій братъ, Кирилла. Чтобъ сдѣлать молодого человѣка болѣе достойнымъ того положенія, на которое фаворъ Елисаветы поднялъ малороссійскихъ мужиковъ, чтобъ дать ему возможность получить серьезное образованіе, чему въ Петербургѣ было, какъ видно, много помѣхи, и дать брату даже средства затмевать и родовитыхъ Русскихъ людей, графъ Алексѣй рѣшился отправить его за-границу учиться. Молодой Кирилла получилъ предъ отъѣздомъ отъ брата инструкцію, написанную, по всѣмъ вѣроятностямъ, извѣстнымъ Ададуровымъ, котораго Алексѣй Григорьевичъ приблизилъ къ себѣ, какъ необходимаго по своему образованію человѣка. Въ инструкціи предписывалось [3]): „во-первыхъ, крайнее попеченіе имѣть о истинномъ и совершенномъ страхѣ Божіи, во всемъ поступать благочинно и благопристойно, и вѣру Православнаго Греческаго исповѣданія, въ которомъ вы родились и воспитаны, непоколебимо и нерушимо содержать, удерживая себя притомъ отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и прочихъ, честному и добронравному человѣку неприличныхъ поступковъ и пристрастій. А понеже главное и единое токмо намѣреніе при семъ вашемъ отправленіи въ чужестранныя государства состоитъ въ томъ, чтобы вы себя къ вящей службѣ ея импер. величества по состоянію вашему способнымъ учинили, и фамиліи бы вашей впредь собою и своими поступками принесли честь и порадованіе, того ради имѣете вы о дѣйствительномъ исполненіи онаго намѣренія прилагать съ своей стороны неусыпное попеченіе, и оное за едино токмо средство всего вашего будущаго благополучія признавать, оставя всѣ другія разсужденія и пристрастія. Дабы вы, при семъ уже довольно созрѣвшемъ возрастѣ, пренебреженное понынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще, по вашимъ младымъ лѣтамъ, въ васъ способность въ собственную вашу пользу употребить могли, что къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ".

СъРазумовскимъ за-границу, въ качествѣ наставника, отправленъ былъ адъюнктъ Академіи Григ. Никол. Тепловъ. Именнымъ указомъ повелѣно было его для дальнѣйшаго и совершеннаго обученія и усмотрѣнія въ чужестранныхъ академіяхъ установленныхъ наилучшихъ порядковъ и учрежденій отправить въ Виртембергское княжество въ городъ Тубингъ (Тюбингенъ), а оттуда въ Парижъ, дабы онъ, возвратясь послѣ четырехъ или пяти лѣтъ, при здѣшней Академіи Наукъ достойнымъ профессоромъ быть могъ, и для того опредѣлить ему жалованья по 600 рублей на годъ [4]).—Это требованіе отъ Теплова, чтобъ онъ присмотрѣлся къ порядкамъ, существующимъ въ чужестранныхъ акаде-

---

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ, № 5—1205.
[2]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ № 5—1205.

[3]) Москвитянинъ 1852 г. № 12.
[4]) Журналы Сената 8 марта.

міяхъ, можетъ обнаруживать намѣреніе сдѣлать Кириллу Разумовскаго президентомъ Академіи, а Теплова—помощникомъ ему въ этомъ званіи. То же намѣреніе обнаруживается и въ долгомъ неназначеніи президента, несмотря на нудящую необходимость, выставляемую и самою Академіею, и Сенатомъ: кого-то ждали. Въ 1745 году Разумовскій возвратился изъ-за границы и былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а 21 мая 1746 года назначенъ президентомъ Академіи, съ жалованьемъ по 3,000 рублей въ годъ. 12 іюня Разумовскій въ первый разъ явился въ Академію и обратился къ профессорамъ съ такими словами: „За необходимо вамъ объявить нахожу, что собраніе ваше такія мѣры отъ перваго нынѣшняго случая принять должны, которыя бы не одну только славу, но и совершенную пользу въ семъ пространномъ государствѣ производить могли. Вы знаете, что слава одна не можетъ быть столь велика и столь благородна, ежели къ ней не присоединена польза. Сего ради Петръ Великій какъ о славѣ, такъ и о пользѣ равномѣрное попеченіе имѣлъ, когда первое основаніе положилъ сея Академіи, соединивъ оную съ университетомъ". Профессоръ элоквенціи, Тредьяковскій, привѣтствовалъ новаго президента: „Академія, чрезъ ваше графское сіятельство оживотворивши всѣ свои члены и въ здравіе пришедши, какъ съ одра тяжкія болѣзни возстала. Академія чрезъ васъ, первую россійскую свою главу, всеконечно изобрящетъ всегда дѣйствительный способъ, дабы исполнить основателя своего намѣреніе—множиться россійскими членами, въ россійскихъ твердо обращаемыми составахъ" ¹).

Въ рѣчи новаго президента было ясно высказано, что изъ двухъ цѣлей, указанныхъ Академіи ея основателемъ, одна, именно университетская, учебная, не достигалась, мало было славы, что въ Петербургѣ существуетъ Академія Наукъ, что произведенія ея членовъ съ интересомъ читаются учеными Западной Европы: государство хотѣло еще пользы, хотѣло, чтобъ Академія имѣла не одинъ ученый, но и учебный характеръ, преимущественно соотвѣтствовавшій потребностямъ тогдашней неразвитой Россіи; хотѣла, чтобъ она была университетомъ, гдѣ бы Русскіе молодые люди знакомились съ наукою. Такимъ образомъ, правительство устами назначеннаго имъ президента признавало справедливость упрековъ, дѣлаемыхъ Академіи въ продолженіи пяти лѣтъ, оправдывало Нартова и Делиля съ товарищи; разница была въ томъ, что Нартовъ, Делиль и другіе обличители академическихъ безпорядковъ складывали всю вину ихъ на одного человѣка, Шумахера, а теперь упрекъ правительства обращался не къ канцеляріи, ни къ ея совѣтнику, а къ профессорскому корпусу. Шумахеру, какъ прежде предъ коммисіею, такъ теперь предъ новымъ президентомъ, легко было оправдаться и сложить всю вину на своихъ враговъ—профессоровъ; конечно, онъ воспользовался обстоятельствами, чрезвычайно для того благопріятными, выставлявшими его дѣятельность въ свѣтломъ видѣ и бросавшими тѣнь на дѣйствія профессоровъ. Укоряли Академію, что она выводитъ Нѣмцевъ, заграждаетъ путь Русскимъ: но кто въ этомъ виноватъ? Виднѣе всѣхъ по талантамъ русскій профессоръ Ломоносовъ; но въ то время какъ онъ возвратился изъ-за границы и профессорская конференція неизвѣстно почему не хотѣла признать его правъ, Шумахеръ назначилъ его адъюнктомъ; Шумахеръ присовѣтовалъ и почтенному Тредьяковскому обратиться прямо въ Сенатъ съ просьбою о профессурѣ, зная, что профессорская конференція никогда не согласится сдѣлать его профессоромъ; изъ иностранцевъ болѣе другихъ трудился для Россіи Миллеръ; а кто вызвалъ и провелъ Миллера, несмотря на открытое сопротивленіе профессоровъ?—Шумахеръ. Что ему платили за его благодѣянія, за его старанія въ пользу Россіи и Русскихъ черною неблагодарностію—это его несчастіе, но не вина.

Сенатъ спѣшилъ воспользоваться назначеніемъ президента въ Академію, чтобъ сдать ему всѣ дѣла, всѣ жалобы на Шумахера. Разумовскій переслалъ въ Сенатъ оправданія Шумахера и свое собственное мнѣніе обо всемъ этомъ академическомъ дѣлѣ, такъ долго безпокоившемъ Сенатъ. Отвѣты Шумахера на обвиненія состояли въ томъ, что канцелярія академическая выдумана не имъ, но Петръ Великій въ 1724 году пожаловалъ его секретаремъ Академіи, а президентъ Блюментростъ приказалъ ему набрать переводчиковъ, писцовъ и другихъ служителей; если же онъ, въ небытность президентовъ, одинъ канцелярскими дѣлами управлялъ и профессоровъ не допускалъ, то дѣлалъ онъ такъ потому, что о допущеніи ихъ къ дѣламъ указа не имѣлъ. Шумахеръ не виноватъ въ задержкѣ жалованья: и въ другихъ командахъ это часто бываетъ. Профессорскія требованія канцелярія исполняла: такъ, Шумахеръ, поданный Ломоносовымъ, рисунокъ лабораторіи изъ канцеляріи въ конференцію послалъ, требуя отъ профессоровъ о немъ мнѣнія; но они, приславши рисунокъ назадъ, объявили, что они объ этомъ дѣлѣ высшему мѣсту представили, причемъ такъ и осталось; а если-бъ профессора Ломоносовскій проектъ одобрили, то канцелярія Академіи потребовала-бы отъ Строительной канцеляріи, чтобъ та построила лабораторію. Онъ, Шумахеръ, въ посторонпія и неизвѣстныя ему дѣла мѣшаться не привыкъ; также не помнитъ, чтобъ ему отъ честныхъ и умныхъ людей такія грубыя и неосновательныя нареканія когда были; не только студентамъ, но самимъ профессорамъ добрымъ и полезнымъ совѣтомъ съ охотою служилъ, когда они его о томъ просили; а что гимназіею управлялъ и переводчикамъ приказывалъ книги переводить, то дѣлалъ онъ по чину и званію своему. Другіе умные люди

¹) Петербургскія Вѣдомости.

никогда никакимъ упущеніемъ должности его, Шумахера, не упрекали: каталоги академическимъ книгамъ съ такою возможною исправностію сдѣланы, что всѣми посторонними людьми одобрены: а хотя въ нихъ нѣкоторыя малыя погрѣшности быть и могутъ, однако профессора и сами признаться должны, что такое дѣло безъ частыхъ поправокъ въ надлежащее совершенство привесть не возможно. Такъ какъ въ коммисіи справедливые и разумные судьи засѣдали, то ей не въ пользу совѣтника Шумахера окончиться было невозможно: только совѣтникъ отъ этого ни мало не возгордился и профессорамъ никакой обиды не дѣлалъ. Поданнаго профессоромъ Миллеромъ проекта для того Сенату не представилъ, что президенты Академіи давно разныя опредѣленія о россійской исторіи сдѣлали, которыя Миллерову проекту противны и для того онъ, Шумахеръ, Миллеру совѣтовалъ этимъ дѣломъ обождать, пока президентъ опредѣленъ будетъ. Что же на совѣтника показано, что онъ сочиненной профессоромъ Гмелинымъ книги о сибирскихъ травахъ переписывать не велѣлъ, — и то неправда! Гмелинъ самъ представилъ для переписки информатора Германа, что по его представленію и сдѣлано; но послѣ того Гмелинъ въ конференціи ложно объявилъ, что такъ какъ Шумахеръ списывать не велитъ, то не прикажутъ-ли профессора эту книгу Герману переписать; за такую ложь Шумахеръ Гмелина по справедливости плутомъ назвалъ. Совѣтникъ Шумахеръ не виновенъ и въ томъ, что великому князю Петру Ѳедоровичу книгу въ четверть листа посвятить былъ намѣренъ, потому что не въ формѣ или величинѣ, но въ добротѣ книги сила состоитъ: изъ этого можно явно видѣть, съ какою злостью профессора съ нимъ, совѣтникомъ, обходились и такими неправдами облыгать старались. Главное намѣреніе ихъ было—его отъ Академіи отрѣшить, а правленіе ея къ себѣ въ руки взять.

Заключеніе президента Разумовскаго состояло въ слѣдующемъ: „Отъ каждаго изъ профессоровъ я требовалъ письменно, имѣютъ-ли что еще въ подтвержденіе или доказательство своихъ жалобъ, и когда каждый письменно объявилъ, что никакого доказательства въ улику приносить не можетъ, а нѣкоторые объявили, что и сами того не знали и не разумѣли, къ чему руки свои прикладывали, но дѣлали это больше по наученію другихъ,—то усмотрѣлъ я, что совѣтникъ Шумахеръ во всѣхъ своихъ поступкахъ предъ профессорами правъ и ненависть отъ нихъ однимъ только тѣмъ заслужилъ, что, по ревности своей къ пользѣ и славѣ государственной въ небытность президентовъ, принуждалъ профессоровъ къ отправленію ихъ должности и къ показыванію дѣйствительныхъ трудовъ, за которые имъ столь знатное жалованье опредѣлено. Когда, по вступленіи моемъ въ правленіе академическихъ дѣлъ, разсмотрѣны труды профессоровъ, то нашлось, что нѣкоторые изъ нихъ больше въ убытокъ государству здѣсь жили и обманывали командировъ, нежели старались произвести пользу въ народѣ; притомъ не по достоинству своихъ трудовъ и знанія требовали себѣ жалованья и къ полученію его всякіе происки употребляли; а какъ потомъ строгій надъ ними надзоръ учрежденъ, то главный возбудитель всѣхъ ссоръ и несогласій между профессорами и совѣтникомъ Шумахеромъ, бывшій при Академіи профессоръ Делиль, видя, что дѣла академическія не по его намѣренію стали происходить, и что ему невозможно уже канцелярію обманывать, взялъ свой абшидъ (увольненіе). И ежели-бы описать всѣ прежніе поступки нѣкоторыхъ бывшихъ и нѣкоторыхъ нынѣ находящихся при Академіи профессоровъ, изъ которыхъ однако-жъ исключаются добрые и достойные, то бы Прав. Сенатъ могъ совершеннѣе видѣть ревность къ пользѣ отечества Россійскаго Шумахерову и лѣность и нерадѣніе къ трудамъ разныхъ профессоровъ. И тѣмъ подтверждаю, что при нынѣшнемъ времени многіе въ порученныхъ имъ дѣлахъ такъ нерадѣтельно поступали, что насилу возможно было пріискать способъ, чтобъ ихъ привести въ надлежащій порядокъ, и могу увѣрить Прав. Сенатъ, что между профессорами многими ничего иначе не усматривается, какъ желаніе одно—стараться всегда о прибавкѣ своего жалованья, получить разными происками ранги великіе и ничего за то не дѣлать и не быть ни у кого въ командѣ, и дѣлать собою, что кому вздумается подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія, но любятъ свободу“ [1]).— Сенатъ успокоился на этомъ бездоказательномъ донесеніи. Содержаніе отдѣльныхъ сказокъ, поданныхъ профессорами о Шумахерѣ, по требованію президента, осталось тайною и для членовъ Академіи, по свидѣтельству Ломоносова.—„Но то вѣдомо“, прибавляетъ Ломоносовъ, „что Шумахеръ остался по прежнему въ своей волѣ, и вскорѣ получилъ большое подкрѣпленіе“. Профессора Крафтъ, Гейнзіусъ, Вильде, Крузіусъ, Делиль и Гмелинъ оставили Россію [2]).

24 іюля 1745 года изданъ былъ регламентъ Академіи Наукъ и Художествъ [3]). Въ немъ говорится, что „по сіе время Академія Наукъ и Художествъ плодовъ и пользы совершенно не произвела потому только одному, что не положенъ былъ регламентъ и доброе всему опредѣленіе“. Регламентъ замѣчателенъ тѣмъ, что хотя и въ немъ Академія Наукъ и Художествъ и университетъ соединялись еще въ одномъ учрежденіи, но раздѣлены обязанности собственно академиковъ отъ обязанности преподавателей или профессоровъ“. Академія собственно называется собраніе ученыхъ людей. Сіи люди не только о томъ стараются, чтобъ собрать все то, что уже въ наукахъ извѣстно, но и далѣе трудятся въ изобрѣтеніяхъ поступать. Видно посему, что такіе люди заняты безпрестаннымъ трудомъ, чтобъ

[1]) Дѣла Сената по Академіи Наукъ, № 5—1205.
[2]) Пекарскаго—Матеріалы.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 9,425.

дѣлать свои примѣчанія, читать книги и вновь сочинять ихъ: чего ради имъ времени мало останется на то, чтобъ обучать другихъ публично. Итакъ опредѣляются особливые академики, которые составляютъ Академію и никого не обучаютъ, кромѣ приданныхъ имъ адъюнктовъ и студентовъ, и особливые профессоры, которые учить должны въ университетѣ. Но ежели нужда востребуетъ и время допустить и академику трудиться въ университетѣ, въ такомъ случаѣ отдается на президентское разсужденіе, чтобъ опредѣлить онъ могъ и академика для читанія потребныхъ лекцій въ университетѣ. Академиковъ должно быть десять и они собственно симъ именемъ называются, а не профессоровъ; и почетныхъ внѣ государства десять же. Всякъ академикъ имѣть долженъ при себѣ адъюнкта, который должность имѣетъ помощника академику; и при томъ стараться долженъ, какъ академикъ объ адъюнктѣ, такъ и адъюнктъ самъ о себѣ, чтобъ ему современемъ заступить академика своего мѣсто. Стараться, чтобъ адъюнкты были всѣ изъ Русскихъ. Всѣмъ управляетъ и повелѣваетъ президентъ. Онъ смотрѣть долженъ, чтобъ всякъ вездѣ у своего званія былъ прилеженъ, и напрасно на него иждивеніе не было употреблено. Президентъ имѣетъ совершенную власть выписать или отпустить надлежащимъ порядкомъ всякаго академика.—Россія не можетъ еще тѣмъ довольствоваться, чтобъ только имѣть людей ученыхъ, которые уже плоды науками своими приносятъ; но чтобъ всегда на ихъ мѣста заблаговременно поставлять въ наукахъ молодыхъ людей, а особливо что за первый случай учрежденіе академическое не можетъ быть сочинено инако, какъ изъ иностранныхъ по большей части людей, а впредь должно оно состоять изъ природныхъ Россійскихъ; того ради къ Академіи другая ея часть присоединяется, университетъ. Университетъ есть собраніе учащихъ и учащихся людей. Первые называются профессоры, а другіе студенты. Профессоры не обучаютъ языковъ, но обучаютъ наукъ. Того ради студенты должны уже искусны быть въ языкѣ Латинскомъ, дабы лекціи въ наукахъ, которыхъ на иномъ ни на какомъ языкѣ давать не дозволяется, какъ токмо на Латинскомъ и Русскомъ, могли они совершенно разумѣть: сего ради надлежитъ выбрать изъ училищъ россійскихъ, гдѣ президентъ за лучшее усмотритъ, тридцать учениковъ способныхъ и знающихъ уже Латинскій языкъ, и оныхъ опредѣлить при Академіи, давъ имъ жалованье и квартиру такую, чтобъ они всѣ могли быть въ одномъ домѣ. А чтобъ впредь сіе число студентовъ могло всегда наполняться, то учредить гимназію, при которой 20 человѣкъ молодыхъ людей содержать на коштѣ академическомъ и годныхъ производить въ студенты, а негодныхъ отдавать въ Академію Художествъ; вольныхъ людей принимать свыше сего позволятся, сколько случится, а за науку отъ учениковъ ничего не требовать. Принимать въ университетъ изъ всякихъ чиновъ людей, смотря по способности, кромѣ положенныхъ въ подушный окладъ. Профессоры, при начинаніи такого дѣла, могутъ быть всякаго закона люди, только при вступленіи въ свою должность присягою обязываться должны, чтобъ имъ ни ученіемъ, ни совѣтомъ о законѣ противнаго Православному Греческому исповѣданію не внушать ничего учащимся. Чего ради духовникъ быть долженъ при университетѣ изъ ученыхъ іеромонаховъ, который всякую субботу учить долженъ катехизиса. Науки въ университетѣ отправляются слѣдующія: 1) Латинскій языкъ; 2) просодія; 3) языкъ Греческій; 4) латинское краснорѣчіе; 5) ариѳметика; 6) рисованіе, 7) геометрія и прочія части математики; 8) географія, исторія, генеалогія и геральдика; 9) логика и метафизика; 10) физика теоретическая и экспериментальная; 11) древности и исторія литеральная; 12) права натуральныя и философія практическая или нравоучительная. Президентъ при себѣ долженъ всякіе четыре мѣсяца, когда рапорты принимаетъ отъ академиковъ, что они сдѣлали, и что ихъ адъюнты и студенты выучили, экзаменовать учениковъ въ гимназіи и студентовъ въ университетѣ. Канцелярія учреждается по указамъ ея императорскаго величества, и оная есть департаментъ, президенту для управленія всего корпуса академическаго принадлежащій, въ которой члены быть должны по нѣскольку искусны въ наукахъ и языкахъ, дабы могли разумѣть должность всѣхъ чиновъ при Академіи и въ небытность президента корпусомъ такъ, какъ президентъ самъ, управлять, чего ради и въ собраніи академиковъ имѣть имъ голосъ и засѣданіе. Ученымъ людямъ и учащимся, кромѣ наукъ, ни въ какія дѣла собою не вступать, но о всемъ представлять канцеляріи, которая должна имѣть обо всемъ попеченіе".

Новый регламентъ не понравился ученымъ членамъ Академіи: права канцеляріи были подтверждены и, что всего болѣе раздражало, этими правами пользовался попрежнему Шумахеръ. Ломоносовъ такъ отзывается о новомъ уставѣ: „Въ его расположеніи и составленіи никого, сколько извѣстно, не было изъ академиковъ участника. Шумахеръ подлинно давалъ сочинителю совѣты, что изъ многихъ его духа признаковъ, а особливо изъ утвержденія канцелярской великой власти, изъ выписыванія иностранныхъ профессоровъ, изъ отнятія надежды профессорамъ происходить высшіе чины несомнѣнно явствуетъ. Многіе жалѣли, что оный регламентъ и на другихъ языкахъ напечатанъ и поданъ случай къ невыгоднымъ разсужденіямъ о Академіи и въ другихъ государствахъ" [1]). Въ концѣ 1747 года въ Академіи произошелъ пожаръ,—сгорѣло зданіе, гдѣ находились библіотека и кунсткамера; но президентъ донесъ Сенату, что, сколько въ скорости узнать было можно, всѣ нужныя вещи благополучно вынесены, только лежатъ въ крайнемъ непорядкѣ. Императрица велѣла подъ библіотеку и кунсткамеру

[1]) Билярскаго—Матеріалы.

отдать домъ дворянъ Демидовыхъ впредь до указа [1]). Ломоносовъ обвиняетъ (хотя не непосредственно) Шумахера въ этомъ несчастіи: „Для большаго уваженія канцеляріи, при такой перемѣнѣ (регламента), надобно было и мѣсто просторнѣе; прежнее разсудилось быть узко и тѣсно. Таковыхъ обстоятельствъ не пропускалъ Шумахеръ никогда, чтобъ не воспользоваться какимъ-нибудь образомъ къ утѣсненію своихъ соперниковъ. И для того присовѣтовалъ перенести канцелярію въ рисовальную и грыдоровальную палату, а рисовальное дѣло перебрать въ механическую экспедицію, гдѣ имѣлъ засѣданіе Нартовъ, который для сего принужденъ былъ очистить мѣсто, рушить свое засѣданіе; а инструменты и мастеровые разведены по тѣснымъ угламъ. Сіе же было причиною академическаго пожара, ибо во время сей перемѣны переведены были нѣкоторые мастеровые люди въ кунсткамерскія палаты въ такіе покои, гдѣ печи едва ли съ начала сего зданія были топлены, и при переводѣ тогдашнихъ мастеровъ либо худо поправлены, или совсѣмъ не осмотрѣны. Сказываютъ, что близъ трубы лежало бревно, кое отъ топленія загорѣлось. Разныя были о семъ пожарѣ разсужденія, говорено и о Геростратѣ; но слѣдствія не произведено никакого. А сторожъ тѣхъ покоевъ пропалъ безызвѣстно, о коемъ и не было надлежащаго иску. Погорѣло въ Академіи, кромѣ немалаго числа книгъ и вещей анатомическихъ, вся галлерея съ сибирскими и китайскими вещами, астрономическая обсерваторія съ инструментами, Готторпскій большой глобусъ, оптическая камера со всѣми инструментами и старая канцелярія съ оставшимися въ ней старыми дѣлами. Однако поврежденіе Двору и публикѣ показано весьма малое, и о большомъ глобусѣ объявлено, что онъ только повредился, невзирая на то, что онаго въ цѣлости ничего не осталось, кромѣ старой его двери. Для лучшаго увѣренія о маломъ вредѣ отъ пожару, въ „Вѣдомостяхъ“ описано хожденіе по кунсткамерѣ нѣкоего странствующаго мальтійскаго кавалера, Загромозы, въ коемъ именованы оставшіяся въ цѣлости вещи, кои онъ, Загромоза, видѣлъ. Но если бъ и то объявлено въ тѣхъ же „Вѣдомостяхъ“ было, чего уже онъ въ кунсткамерѣ не видалъ, то бы едва ли меньшій реестръ изъ того вышелъ“ [2]).

Въ самое смутное для Академіи Наукъ время, именно въ концѣ 1743 года, Сенатъ потребовалъ отъ нея извѣстія—для надзиранія при сочиненіи исторіи Петра Великаго изъ ученыхъ достаточный къ тому человѣкъ имѣется-ль и кто именно [3]). Академія донесла, что „при ней имѣются переводчикъ Иванъ Горлицкій, секретарь Василій Тредьяковскій, и уповательно, что оные въ томъ надзираніи способными себя учинить могутъ“. Нашелся въ это время для Петра историкъ незванный и непрошенный. Въ 1746 году Делиль заявилъ въ профессорской конференціи о желаніи Вольтера быть избраннымъ въ почетные члены Петербургской Академіи, и желаніе было исполнено, а въ слѣдующемъ году новый почетный членъ сталъ хлопотать чрезъ Дальона и Разумовскаго, чтобъ ему было поручено писать исторію Петра Великаго [4]).

Мы видѣли, что на обязанности Академіи Наукъ лежалъ переводъ и изданіе нужныхъ для Россіи книгъ. Въ концѣ 1746 года канцелярія Академіи Наукъ донесла Сенату, что, переведенная съ Французскаго, капитаномъ-поручикомъ Ремезовымъ Вобанова книга „Объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей“ напечатана академическимъ иждивеніемъ, а Ремезову выдано за трудъ 300 рублей и велѣно тѣ книги пустить въ вольную продажу; но до сихъ поръ и 50 книгъ не продано, потому что онѣ нужны только людямъ, занимающимся фортификаціею и инженерствомъ, для которыхъ она и напечатана, а хотя о взятіи этихъ книгъ канцелярія Академіи не разъ просила письменно артиллерійскихъ командировъ, однако до сихъ поръ не берутъ, и Вобанова книга лежитъ понапрасну, а употреблено на нее 3,560 рублей казенныхъ денегъ. Прежде въ Артиллеріи напечатаны „Артиллерійскія записки С. Реми“, за которыя Артиллерія въ Академію деньги заплатила, а книги раздала офицерамъ въ жалованье. На этомъ основаніи, канцелярія Академіи просила, чтобъ велѣно было Вобановы книги взять въ Артиллерію и раздать артиллерійскимъ и инженернымъ офицерамъ, какъ принадлежащія къ ихъ занятіямъ, а слѣдующія въ Академію деньги заплатить: этимъ академическіе служители, терпящіе нужду отъ неполученія вовремя жалованья, могли бы быть удовольствованы. Сенатъ согласился [5]). Потомъ канцелярія Академіи донесла Сенату [6]), что секретарь ея, Волчковъ, перевелъ съ Нѣмецкаго и Французскаго на Русскій языкъ въ разные годы три нравоучительныя книги: 1) „Наука счастливымъ быть“; 2) „Языкъ“; 3) „Житіе и дѣла римскаго консула Цыцерона“, съ тремя частями о должности человѣческой, и за то его должно наградить, и такъ какъ за переводъ книги „Объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей“ выдано поручику Ремезову 300 рублей, да отъ Академіи Наукъ за корректурный трудъ этой книги дано ему 46 экземпляровъ, да онъ же, Ремезовъ, перемѣненъ чиномъ, то, по мнѣнію канцеляріи, секретарь Волчковъ противъ Ремезова большаго награжденія достоинъ.

Въ началѣ 1748 года Академія объявила: „Понеже многіе изъ россійскихъ какъ дворянъ, такъ и другихъ разныхъ чиновъ людей, находятся искусны въ чужестранныхъ языкахъ: того ради, по указу ея императорскаго величества, канцелярія Академіи Наукъ чрезъ сіе охотникамъ объявляетъ, ежели кто пожелаетъ какую книгу перевесть съ

[1]) Журналы Сената 24 декабря.
[2]) Билярскаго—Матеріалы.
[3]) Журналы Сената 10 ноября.
[4]) Вѣстникъ Европы 1807 г., № 7—Перлюстраціи 1747 г. въ Гос. архивѣ.
[5]) Журналъ Сената 9 декабря.
[6]) Журналъ Сената 30 марта 1747 г.

Латинскаго, Французскаго, Нѣмецкаго, Итальянскаго, Англинскаго или съ другихъ какихъ языковъ, то-бъ явились въ канцелярію Академіи Наукъ съ тѣмъ намѣреніемъ, что отъ нихъ сперва будутъ пробы взяты ихъ переводовъ, а потомъ, буде найдется ихъ искусство довольно къ переводу книгъ, то дана будетъ книга для переводу; а какъ скоро оная будетъ переведена и, переписавъ начисто, принесена въ канцелярію, то за труды оному, по напечатаніи съ его именемъ, ежели онъ пожелаетъ, выдано ему будетъ въ подарокъ сто печатныхъ экземпляровъ той же книги" [1]).

Сенатъ прислалъ въ Академію поручика Быкова, какъ знающаго Китайскій языкъ. Академія донесла, что Быковъ въ Манжурскомъ языкѣ искусенъ и учениковъ обучать можетъ, но по-китайски можетъ только говорить въ просторѣчіи о всякихъ дѣлахъ; за великимъ множествомъ китайскихъ литеръ всего вытвердить не могъ, поэтому и въ переводахъ будетъ недостаточенъ и учениковъ ему выучить невозможно; а такъ какъ при Академіи находится съ 1741 года прапорщикъ Разсохинъ, который Китайскій и Манжурскій языки довольно знаетъ, переводить и учениковъ учить въ состояніи; ученики же надобны такіе, которые въ Латинскомъ и Французскомъ языкахъ хорошее начало имѣли, слѣдовательно двоимъ учителямъ при Академіи быть не-для-чего. На основаніи этого донесенія Быкова велѣно представить къ другимъ дѣламъ[2]).

Взаключеніе приведемъ объявленія отъ академической книжной лавки, изъ которыхъ видно, какими книгами и за какую цѣну снабжались читающіе Русскіе люди. Публиковалась книга Марка Аврелія по 1 рублю; Истинная Политика съ Катоновыми стихами по 35 коп.; Апоѳегмата по 25 коп.; Юности честное зерцало по 15 коп.; Троянская исторія по 50 коп.; Географія русская и нѣмецкая по 60 коп.; Основательныя примѣчанія на манифестъ Прусскаго короля противъ Курсаксонскаго Двора по 30 коп.; Похожденіе Телемака, сына Улиссова, по 1 руб. 50 коп. [3]).

Въ 1748 году ассесоръ академической канцеляріи, Тепловъ, подалъ Сенату доношеніе: какъ для отвращенія при Академіи казеннаго убытка (ибо лишнія книги гніютъ), такъ и для удовольствія всякаго чина людей, желающихъ имѣть книги (а изъ Петербурга по дальности, дороговизнѣ и неудобству не выписывающихъ), учредить въ Москвѣ книгопродавочную палату, въ которой имѣютъ быть всякія книги, портреты, ландкарты, календари, россійскія и нѣмецкія газеты, по стольку же, сколько и въ петербургской книжной лавкѣ, ибо есть совершенная надежда, что тамошняя продажа не меньше здѣшней плода приносить будетъ, и потому требуетъ назначить въ Кремлѣ, въ пристойномъ мѣстѣ двѣ палаты. Приказали: Сенатской конторѣ велѣть находящіяся въ Москвѣ за Спаскими воротами палаты, въ которыхъ и прежде купцомъ Купреяновымъ продажа книгъ производилась, осмотрѣть, и если способны и никому не отданы, то отдать въ вѣдомство канцеляріи Академіи Наукъ [4]).

Правительство рѣшительно потребовало университета и гимназіи отъ Академіи Наукъ; но мы видѣли, что въ Петербургѣ существовало учебное заведеніе, которое, по условіямъ тогдашней Россіи, не могло получить спеціальнаго военнаго характера, носило смѣшанный военно-гражданскій характеръ, — Шляхетскій кадетскій корпусъ, назначенный для приготовленія дворянъ въ военную и гражданскую службы. Въ 1742 году предъ собраніе Сената представлены были присланные отъ Академіи Наукъ кадеты—Колошинъ, князь Циціановъ, Ляпуновъ, Поповъ, которые въ кадетскомъ корпусѣ обучались юриспруденціи, ариѳметикѣ и другимъ наукамъ, и были посланы въ Академію Наукъ для свидѣтельства. Профессора этой Академіи въ аттестатахъ показали, что князь Циціановъ, Ляпуновъ и Поповъ во всей юриспруденціи, универсальной исторіи и географіи нарочито упражнялись, по-нѣмецки совершенно говорятъ и во Французскомъ и Латинскомъ языкахъ доброе познаніе получили, въ ариѳметикѣ и геометріи нарочито искусны, а Колошинъ въ натуральномъ и гражданскомъ правѣ нѣсколько упражнялся, въ универсальной исторіи, географіи, ариѳметикѣ нарочитое искусство показалъ, по-нѣмецки хорошо говоритъ и обратно съ него на Россійскій переводитъ. Сенатъ приказалъ опредѣлить этихъ кадетъ къ правленію секретарской должности: — Колошина — въ Юстицъ-Коллегію, Циціанова и Ляпунова — въ Вотчинную, Попова — въ Судный Приказъ [5]). Любопытно, что кадетскій корпусъ находилъ Русскихъ людей, которые могли преподавать науки на иностранныхъ языкахъ, даже учить Нѣмецкому языку и учить такъ, что Академія Наукъ признала въ ихъ ученикахъ совершенное званіе этого языка. Послѣ фельдмаршала Миниха корпусъ перешелъ въ завѣдываніе принца Гессенъ-Гомбургскаго, а преемникомъ принца былъ князь Репнинъ, который въ началѣ 1747 года донесъ Сенату, что велѣно въ корпусѣ преподавать фортификацію, и русскимъ кадетамъ преподавали—капитанъ-поручикъ Ремезовъ и поручикъ Пановъ, а иноземцамъ—инженеръ-поручикъ Черновъ. Ремезовъ умеръ, и, по усмотрѣнію штабъ-офицеровъ корпуса, оказалось, что того же корпуса служитель Мошковъ, по особенно ревностнымъ занятіямъ въ этой наукѣ и искусству, въ состояніи преподавать, и потому Репнинъ, по примѣру учителя Нѣмецкаго языка въ корпусѣ, поручика Брылкина, просилъ произвести Мошкова въ поручики и назначить преподавателемъ фортификаціи. Сенатъ согласился [6]).

[1]) Петербургск. Вѣдомости 1 февраля.
[2]) Журналы Сената 16 іюня 1748 г.
[3]) Петербургск. Вѣдомости 1745 и 1748 гг.
[4]) Журналы Сената 4 августа.
[5]) Журналы Сената 10 іюня.
[6]) Журналы Сената 9 февраля.

И въ кадетскомъ корпусѣ въ малыхъ размѣрахъ происходила борьба вродѣ той, какую мы видѣли въ Академіи Наукъ, и Сенатъ долженъ былъ рѣшить распрю между преподавателемъ и канцеляріею. Нѣмецкій ученый Флюгъ заключилъ съ канцеляріею корпуса контрактъ на три года, съ обязанностью быть адъюнктомъ юриспруденціи и обучать натуральному и гражданскому правамъ, также стилю Нѣмецкаго языка, съ жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, съ квартирою и лѣченіемъ. Обучалъ онъ, съ 1746 по 1748 годъ, кромѣ упомянутыхъ наукъ, еще логикѣ и нравоучительной философіи, и Академія Наукъ дала хорошій отзывъ о его ученикахъ. Но потомъ инспекторъ классовъ въ корпусѣ, юстицъ-совѣтникъ фонъ-Сиггеймъ, сталъ требовать отъ него преподаванія Латинскаго языка: старшій классъ онъ принялъ, но отъ младшаго отказался, представляя, что по штату не адъюнкту юриспруденціи, но дьякону велѣно помогать въ обученіи Латинскому языку. Тогда Сиггеймъ представилъ въ канцелярію, что Флюгу при кадетскомъ корпусѣ никакого дѣла нѣтъ, а по-латыни онъ учить не хочетъ. Первоприсутствующій въ канцеляріи, полковникъ Сиггеймъ, братъ инспектора, сказалъ Флюгу, что если онъ не приметъ обоихъ классовъ Латинскаго языка, то долженъ просить увольненія, а если не будетъ просить, то уволятъ и безъ просьбы. Флюгъ отвѣчалъ, что онъ контракта нарушать не хочетъ, но пусть укомплектуютъ его настоящіе классы юриспруденціи или дадутъ ему доучивать оставшихся у него учениковъ. На это полковникъ сказалъ, что незнающими Латинскаго языка укомплектовать нельзя; Флюгъ возражалъ, что философскія науки преподаются въ корпусѣ не на Латинскомъ, а на Нѣмецкомъ языкѣ, и что есть кадеты, которые уже четыре года обучаются Латинскому языку и къ философскимъ наукамъ приготовлены. Несмотря на это, у Флюга отняли и послѣдніе классы Нѣмецкаго стиля и уволили изъ службы. Флюгъ подалъ жалобу въ Сенатъ, который потребовалъ объясненія отъ канцеляріи корпуса. Та отвѣчала, что всѣ учившіеся юриспруденціи кадеты выпущены, потому Флюгу и было предложено, не хочетъ ли онъ занять Латинскій классъ; но онъ отказался и потому уволенъ, а въ Нѣмецкомъ штилѣ онъ не весьма искусенъ, и потому отъ него ученики взяты и переведены къ другимъ учителямъ. Но Сенатъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ въ кадетскомъ корпусѣ постоянно 24 человѣка обучались юриспруденціи, по надобности въ нихъ для гражданской службы: недавно передъ тѣмъ генералъ-прокуроръ представилъ о необходимости наикрѣпчайше подтвердить канцеляріи кадетскаго корпуса, чтобъ 24 кадета, обучающіеся юриспруденціи, впредь въ военныя экзерциціи отнюдь употребляемы не были,—и вдругъ Сенатъ узнаетъ изъ донесенія самой канцеляріи, что такихъ кадетъ вовсе нѣтъ! Поэтому приказали: Флюга оставить въ корпусѣ для преподаванія философіи и юриспруденціи, ибо всегда въ корпусѣ должны этимъ наукамъ обучаться 24 русскихъ кадета; кромѣ того, канцелярія корпуса не исполнила контракта, въ которомъ сказано, что если Флюгъ не будетъ надобенъ, то объявить ему объ увольненіи за полгода [1]).

Въ Петербургѣ существовало высшее специальное учебное заведеніе—Морская Академія. Въ 1739 году профессоръ этой Академіи, Фарфонсонъ, обучавшій ариѳметикѣ, геометріи, навигаціи, астрономіи, географіи и геодезіи, умеръ; вызвали на его мѣсто Англичанъ; тѣ просили по 500 фунтовъ жалованья и обязывались быть въ службѣ не болѣе 5 лѣтъ. Въ 1745 году математическихъ и навигацкихъ наукъ учитель Кривовъ, да подмастерья Четвериковъ, Костюринъ и другіе объявили, что такіе англійскіе профессора въ такое короткое время Морской Академіи никакой пользы не принесутъ по незнанію Русскаго языка, а учениками—Англійскаго, да и переводчиковъ сыскать нельзя, знающихъ математическіе и навигацкіе термины, а мореплаваніе особенно сильно у Англичанъ и книги по этой части больше на Англійскомъ языкѣ, которыхъ и въ Морской Академіи не мало и будутъ лежать безъ употребленія, за неимѣніемъ переводчиковъ: поэтому Кривовъ и подмастерья просятъ, чтобъ приказано было, наградя ихъ рангомъ, послать нынѣшнимъ лѣтомъ въ Лондонъ на три года для обученія Англійскому языку; а какъ обучать,—то и безъ англійскаго профессора при Академіи можно будетъ исправиться, потому что они будутъ книги переводить и учениковъ обучать. Адмиралтейсъ-Коллегія представила эту просьбу Сенату, который приказалъ: Кривова, Четверикова и Костюрина отпустить въ Англію, съ жалованьемъ по 400 рублей въ годъ, да на подъемъ выдать по 100 рублей [2]).

Въ 1745 году, въ московской Артиллерійской школѣ было сверхъ комплекта учениковъ дворянъ и недворянъ 128 человѣкъ, въ Инженерной—45, и въ Артиллерійской школѣ нѣкоторымъ сверхкомплектнымъ ученикамъ, по указу 1732 года, давалось на пропитаніе по одному четверику муки да по 30 копѣекъ денегъ. Теперь Сенатъ приказалъ: артиллерійской конторѣ разобрать школьниковъ и изъ нихъ годныхъ опредѣлить въ службу въ число артиллерійскаго и инженернаго штата,—они могутъ, и будучи въ службѣ, оканчивать свои науки; также способныхъ къ наукѣ изъ шляхетства и дѣтей артиллерійскихъ служителей комплектное число оставить въ школѣ, а изъ разночинцевъ и солдатскихъ дѣтей отослать въ Гарнизонную школу, потому что въ Артиллерійскую школу, кромѣ дворянъ, никого и опредѣлять не слѣдовало; если затѣмъ сверхъ комплекта явятся изъ шляхетства, такихъ присылать къ разсмотрѣнію въ Герольдмейстерскую контору [3]).

Мы видѣли, что при госпиталѣ въ Москвѣ на-

[1]) Журналы Сената 7, 13 октября и 1 ноября 1748 г.
[2]) Журналы Сената 12 августа 1745 г.
[3]) Журналы Сената 28 сентября 1745 г.

ходилась Медицинская школа. Въ 1748 году госпитальный докторъ, Блюментростъ, жаловался Сенату, что изъ Славяно-Греко-Латинской Академіи въ Госпитальную школу прислано только 8 человѣкъ, ибо тамъ разночинскихъ дѣтей болѣе нѣтъ, а изъ священно- и церковно-служительскихъ дѣтей отпускать не велѣно. Этихъ 8 мальчиковъ Блюментростъ экзаменовалъ—и оказались негодны, также въ Латинскомъ языкѣ неискусны: давалъ онъ имъ переводить самое легкое—и ни одинъ не умѣлъ, слѣдовательно ни одинъ не въ состояніи понимать его лекціи или какого-нибудь легкаго автора о медицинѣ и хирургіи; однако по нуждѣ и этихъ 8 человѣкъ приняли. Сенатъ приказалъ сообщить въ Синодъ вѣдѣніе: хотя Св. Синодъ и опредѣлилъ, чтобъ въ госпиталь не отпускать священническихъ и причетническихъ дѣтей, ибо они обучаются въ пользу священства, а отсылать разночинскихъ дѣтей, но такъ какъ теперь въ Спасской Греко-Латинской школѣ разночинскихъ дѣтей нѣтъ, то благоволитъ Синодъ потребное число учениковъ отослать хотя и изъ церковническихъ дѣтей, которыя къ тому собственную охоту и натуральную склонность имѣютъ, ибо въ ученикахъ медико-хирургической науки состоитъ крайняя надобность, а въ церковно-служителяхъ отъ такого малаго числа недостатка быть не можетъ.—Не надѣясь, что изъ Спасской Академіи будетъ присылаться достаточное количество учениковъ, Сенатъ въ то же время послалъ запросъ въ Медицинскую канцелярію: не лучше ли будетъ при госпиталѣ содержать учителя для обученія наличныхъ госпитальныхъ служителей, также и разночинскихъ дѣтей, которыя бы могли быть, по обученіи, опредѣлены въ медицинскіе чины. Медицинская контора отвѣчала, что имѣть въ госпиталѣ латинскаго учителя очень надобно; въ петербургскихъ и кронштадтскихъ госпиталяхъ есть студіозы для обученія подлѣкарей и учениковъ Латинскому языку, и въ московскомъ госпиталѣ былъ, да умеръ, а на его мѣсто нельзя опредѣлить, потому что Синодальное Экономическое правленіе жалованья не даетъ [1]).

Тѣсное сближеніе Россіи съ западною Европою во время войны за австрійское наслѣдство, важное значеніе, пріобрѣтенное Россіею въ это время, когда столица Русской государыни становилась ареною дипломатической борьбы, когда пріобрѣсти союзъ или даже настоять на нейтралитетъ Россіи считалось важнымъ дипломатическимъ торжествомъ, заставляли Русскихъ людей, желавшихъ достигнуть высокаго положенія, пріобрѣтать европейскія средства, пріобрѣтать образованіе, чтобы достойно держать себя среди министровъ иностранныхъ. Вслѣдствіе переворота 25 ноября, Нѣмцы, стоявшіе наверху, попадали; высшее правительство очутилось въ русскихъ рукахъ; но иностранцы толковали, что этотъ переворотъ будетъ гибеленъ для Россіи; Русскіе, по своей необразованности, не умѣя вести дѣла, погубятъ то, что было создано искуснымъ Нѣмцемъ, Остерманомъ, или принуждены будутъ возвратить его изъ ссылки. Новое поколѣніе Русскихъ людей, выведенное Елисаветою наверхъ, должно было постараться уничтожить мнѣніе, что безъ помощи иностранцевъ Россія не можетъ быть управляема, не можетъ поддержать своего значенія, даннаго ей отцомъ Елисаветы, а необходимое средство для этого было—образованіе. Алексѣй Разумовскій посылаетъ молодого брата своего учиться за-границу; вице-канцлеръ графъ Воронцовъ ѣдетъ за-границу какъ для поправленія здоровья, такъ и для образованія; молодой Иванъ Шуваловъ въ образованіи, въ сближеніи съ учеными, писателями готовитъ себѣ знаменитое мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Нѣмцы съ презрѣніемъ относились о необразованности Русскихъ; но когда Русскіе, въ поискахъ за образованностью, внимательнѣе посмотрѣли на Европу, то увидали, что сами Нѣмцы, столь гордые своимъ учительскимъ характеромъ въ Россіи, у себя дома рабски подчиняются вліянію французскому. Отсюда понятно, что Русскіе люди непосредственно обращаются ко Франціи, къ ея языку, къ ея литературѣ. Графъ Воронцовъ прислалъ изъ Берлина гувернантку Француженку, для дѣтей брата своего, Романа Ларіоновича; и сынъ Романа Ларіоновича, Александръ, такъ говоритъ о своемъ воспитаніи: „Мы нечувствительно выучились по-французски. Я долженъ сказать, что воспитаніе, намъ данное, не отличавшееся блескомъ и не стоившее огромныхъ издержекъ нынѣшняго воспитанія, имѣло однако въ себѣ много хорошаго,—во-первыхъ, насъ учили по-русски, чего теперь не дѣлаютъ. При Дворѣ два раза въ недѣлю давались французскія представленія; отецъ возилъ насъ туда. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно съ самаго ранняго дѣтства содѣйствовало развитію въ насъ рѣшительной склонности къ чтенію и литературѣ. Отецъ выписалъ изъ Голландіи библіотеку, довольно хорошо составленную, гдѣ были лучшіе авторы и поэты французскіе и книги историческія, такъ что 12 лѣтъ я уже былъ хорошо знакомъ съ Вольтеромъ, Расиномъ, Корнелемъ, Буало и другими французскими писателями“ [2]).

Взаключеніе скажемъ о состояніи искусства въ Россіи въ описываемое время. Въ 1743 году встрѣчаемъ извѣстіе, что живописцу Ивану Вишнякову за написаніе для Сената портрета императрицы выдано 200 рублей, по примѣру живописца Линдина, писавшаго портретъ императрицы Анны [3]). Въ томъ же году императрица велѣла послать свои портреты ко всѣмъ русскимъ министрамъ при иностранныхъ Дворахъ; написать ихъ было поручено придворному живописцу, полковнику

[1]) Журналы Сената 23 мая и 22 августа 1748 года.

[2]) Архивъ князя Воронцова, V, II и слѣд.

[3]) Журналы Сената 10 марта.

Караваку, который за 14 портретовъ, написанныхъ двумя кунштами, взялъ 1,200 рублей [1]). Въ 1747 году призванъ былъ предъ собраніе Сената живописный мастеръ Иванъ Вешняковъ и объявлено ему, чтобъ онъ скопировалъ портретъ императрицы Екатерины Алексѣевны съ вывезеннаго изъ нѣмецкихъ краевъ и находящагося у вице-канцлера графа Воронцова; Вешняковъ принялъ порученіе, причемъ ему подтверждено, чтобъ онъ копію снялъ съ оригиналомъ сходную, стоячую и платье изобразилъ по приличности [2]). И за этотъ портретъ онъ получилъ 200 рублей. Въ 1748 году Вешнякову въ Петербургѣ, а въ Москвѣ, находившемуся при Оружейной Палатѣ, живописному мастеру Адольскому поручено было смотрѣть, чтобъ портреты императрицы, великаго князя и великой княгини писаны и дѣланы были искуснымъ мастерствомъ [3]). Въ томъ же году, Вешняковъ объявилъ, что велѣно ему, находившійся въ Сенатѣ старый портретъ Петра Великаго исправить, и онъ исправилъ его весь вновь съ прибавкою длины и ширины противъ портрета ея величества; его наградили за это 50 рублями [4]).

Въ 1745 году оберъ-архитекторъ, графъ Растрелли, объявилъ Сенату, что онъ выливаетъ изъ мѣди портретъ Петра Великаго, сидящаго на конѣ [5]). Упоминается и другой архитекторъ Бланкъ [6]), также Осипъ и Петръ Трезины [7]). Въ 1747 году академическій мастеръ Иванъ Соколовъ вырѣзалъ на мѣди портретъ императрицы, который и былъ ею одобренъ [8]).

[1]) Журналы Сената 7 сентября.
[2]) Журналы Сената 7 апрѣля.
[3]) Журналы Сената 4 февраля.
[4]) Журналы Сената 14 іюня.
[5]) Журналы Сената 14 марта.
[6]) Журналы Сената 11 іюля 1745 г.
[7]) Журналы Сената 27 января 1748 г.
[8]) Журналы Сената 20 января.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Записка графа Петра Ивановича Шувалова о своей дѣятельности.

Хотя всемилостивѣйшею моею самодержицею и государынею дѣла мои, которыя ея и. в—ству извѣстны, апробованы, но какъ изъ оныхъ такого нѣтъ, котораго бы мои ненавистники не старались порочить и изпровергать, а кольми паче тѣ въ заключеніи держать, о которыхъ еще доклады не поданы, не меньше того и то, что въ присутствіяхъ отъ меня предлагаемо было. Какая бы надобность могла быть подкрѣплять добродѣтель по причинѣ ея твердости, когда-бъ ненависть не была ея спутникъ; равнымъ образомъ великъ порокъ говорить объ своихъ дѣлахъ, когда надлежащая справедливость имъ отдается, въ противномъ же случаѣ не токмо безпорочно, но и долгъ обязываетъ то дѣлать, дабы употребленный трудъ въ пучину забвенія погруженъ не былъ, а чрезъ то пріобрѣтеннаго не лишить потомковъ. Достиженіе арміи въ такое хорошее состояніе, въ какомъ оная при началѣ нынѣшней войны была, вопервыхъ увеличиваніемъ двоекратно,вовторыхъ приведеніемъ ея въ познаніе движеній и установленіемъ способнѣйшей экзерциціи, а чрезъ то полученіемъ проворныхъ добрыхъ офицеровъ и солдатъ; третіе—исключеніемъ неспособныхъ и безнадежныхъ какъ генералитетъ, такъ и штабъ-офицеровъ, а чрезъ то способнѣйшимъ наблюденіемъ авантажей; плоды сего свидѣтельствуютъ побѣды, одержанныя надъ непріятелемъ. Отъ чего-жъ то произошло—суть слѣдующее:

1) До поѣздки въ 748 году въ Москву, я, будучи удостоенъ быть въ конференціи, гдѣ открыты мнѣ стали силы нашего непріятеля, за главное тогда основаніе принявъ обширность имперіи, представя себѣ вокругъ лежащихъ ей сосѣдей и чаемую отъ нихъ опасность въ разсужденіи уменьшенія ихъ областей, а присовокупленія оныхъ къ намъ, о умноженіи войска моя пропозиція и учинена. Слѣдствіе сего произвело, что пятьюдесять батальонами армія увеличена, а полки сдѣланы трехбатальонные. Потомъ, когда казалось войнѣ быть необходимою и 749 году собраніе при дворѣ Сената, Иностранной и Военной Коллегій было: тогда я представилъ, что по числу непріятельскихъ силъ въ разсужденіи нашихъ обстоятельствъ, невзирая на то, что пятьдесять батальонами армія увеличена, мы не въ такомъ еще состояніи, чтобъ безопасно войну производить могли, да и дѣйствительно сего ради настоялъ о умноженіи войскъ, которое и послѣдовало прибавкою во всякій полкъ 450 человѣкъ гранодеръ и знатнаго числа мушкатеръ, и такъ полкъ вмѣсто одной гранодерской роты получалъ три, которыя составляли 600 человѣкъ, а мушкатерскія увеличены-жъ, а потомъ изъ ротъ гранодерскихъ отъ всякаго полку по одной отдѣлено и сочинены гранодерскихъ четыре полка.

2) Когда я получилъ въ команду девизію, то, примѣтя людей не токмо весьма худо экзерцированныхъ, но и такъ великую розницу, что одинъ полкъ съ другимъ ниже въ пріемахъ согласно дѣлалъ, а офицеры весьма слабо должности свои исполняли и объ нужнѣйшей вещи, касающейся до маршированія и обращенія корпусами, худое понятіе имѣли, отъ всѣхъ моей команды полковъ,

хотя не здѣсь находились, со всякой роты рядовыхъ,—отъ полку офицера и барабанщика къ себѣ взялъ, экзерцируя ихъ и приведя въ соглашеніе, въ полки отправилъ, а оные потому и поправились. Въ 753 году, будучи въ Москвѣ, истребовалъ 230 человѣкъ, которыхъ не токмо экзерциціею или маршировать, но и разныя обращенія дѣлать обучилъ, такъ что Военная Коллегія и генералитетъ, тогда тамъ находившійся, свидѣтельствовалъ: и я доказывалъ необходимость въ томъ всей арміи. Сіе было основаніемъ слѣдующаго: 755 году, по требованію моему, дозволено мнѣ въ командѣ моей находящійся С.-Петербургскій полкъ взять въ Петербургъ для установленія и обученія новой экзерциціи, маршированія и эволюціи; равнымъ образомъ для кавалеріи Лейбъ-Кирасирскій полкъ, и какъ однимъ для инфантеріи, а другимъ для кавалеріи не токмо способнѣйшая экзерциція въ состояніе приведена, но эволюціи и марши до такого состоянія доведены, что, по свидѣтельству Военной Коллегіи, всего генералитета и высочайшей апробаціи всемилостивѣйшей государыни, всей арміи по тому исполнять повелѣно и печатныя съ планами книги для того выданы; мнѣ жъ тогда повелѣно отъ всей арміи всякаго полку по штабъ-офицеру въ С.-Петербургъ взять и, ихъ обуча, отправить къ ихъ полкамъ для скорѣйшаго приведенія въ то-жъ состояніе арміи, какъ и сіи полки, что мною и учинено.

3) Реформа генералитета и штабъ-офицеровъ по моему сочиненію сдѣлана, чрезъ что не токмо негодные, но и неспособные выключены, а способнѣйшіе, отъ которыхъ болѣе успѣху ожидать было можно, поступили на ихъ мѣста; сія послѣдніе пользу сего съ успѣхомъ и доказали.

4) Артиллерійскій корпусъ до того доведенъ былъ, что по причинѣ наступающей войны самое нужное въ немъ поправленіе конференціею почтено, признано и представлено было, что въ слабое и невыгодное состояніе пришедшій; къ поправленію того полагая надежду на меня, избрали и докладывали оный мнѣ поручить, что высочайшею конфирмаціею и послѣдовало, я, невзирая на то, что уже при самомъ началѣ войны было, стараніемъ и попеченіемъ моимъ такъ исправилъ и въ такое состояніе привелъ, что съ лучшею, нежели когда бывало, пользою дѣйствуетъ, да къ тому-жъ мною изобрѣтенная артиллерія столько силу и преимущество предъ прежнею доказала, что какъ вся наша армія, такъ разумной свѣтъ да и самый непріятель должную ей справедливость отдаетъ.

5) Какъ вышеописанное умноженіе войскъ ни велико было, однако-жъ оказалось при самомъ началѣ войны недостаточнымъ, чего ради по высочайшему повелѣнію еще корпусомъ въ тридцати тысячахъ человѣкъ арміи умножить опредѣлено, и какъ никто на себя сего дѣла взять не хотѣлъ, то повелѣно мнѣ оное учинить. Мое попеченіе и ревность не меньше въ семъ предуспѣла, какъ и въ прочемъ, ибо не токмо въ полугодовое время сформированъ, обмундированъ новою амуниціею и новаго изобрѣтенія артиллеріею снабденъ, не мѣшало то, что люди со всего государства для основанія ротъ изъ гарнизоновъ были свожены, и три части и болѣе рекрутъ вступило, однако-жъ въ сраженіяхъ съ непріятелемъ самымъ дѣломъ соотвѣтствовалъ моему наставленію и попеченію и тѣмъ доказалъ, что онъ въ такое состояніе исправное приведенъ, какъ только желать можно.

6) Не довольно всего того какъ умноженія арміи, такъ исправленія и усиленія артиллерійскаго корпуса, полезными изобрѣтеніями, ниже сформированія тридцати тысячъ вновь войска, чтобъ тѣмъ только ограничено было мое къ службѣ моей всемилостивѣйшей государыни и пользѣ отечества стремленіе, но я, обращаясь въ государственныхъ изобрѣтеніяхъ, видя недостатки доходовъ и думая быть совершенному отъ того паденію, ибо состояніе оныхъ не токмо на умноженное число войскъ или на произведеніе войны довольно было, но ниже на тогдашніе обыкновенные расходы и прежнее число войска доставало, потому что ежегодный расходъ превосходилъ доходъ государственный милліономъ рублевъ, я изобрѣлъ способы, чрезъ которые доходъ государственный столько увеличенъ, что умноженныя войска содержать не токмо достаточно изъ онаго навсегда опредѣлено, но и многія государству полезныя учрежденія въ состояніи были установить, яко то банкъ, уничтоженіе таможенъ и прочее; какія же отъ сего полезности, сопряженныя съ сими изобрѣтеніями есть и послѣдуютъ, оставляю благоразумному и безпристрастному свѣту заключить, а только то упомяну, что доходу по моимъ изобрѣтеніямъ казна дѣйствительно получила 21.427,786 рублевъ и ежегодно во оную вступаетъ 2.809,164 рубли, а что сію не токмо надобность, но и необходимость я предвидѣлъ, о томъ подробныя объясненія въ разныя времена о разныхъ способахъ изобрѣтенія доходу государственнаго изъ поданныхъ въ Сенатъ моихъ предложеній явно, гдѣ обо всѣхъ нужныхъ къ объясненію матеріяхъ трактовано.

7) Въ сатисфакцію всѣхъ сихъ трудовъ моихъ и попеченія представить одно то надобно, каковая нынѣшняя война была безъ умноженія войскъ, какъ бы одерживала армія побѣды безъ приведенія ея въ наилучшее предъ прежнимъ состояніе, и какой бы успѣхъ продолженія сей войны былъ безъ денегъ, и наконецъ могла-ль бы супротивляться малая сила толь превосходящему непріятельскому вооруженію, да еще съ малочисленною и весьма посредственною противъ его бывшею предъ симъ артиллеріею, въ мое-жъ время мною изобрѣтенной донынѣ сдѣлано 741 орудіе. Показавъ касающееся до усиленія государства, въ войскѣ и доходахъ состоящее, равно важное, какъ и вышеписанное, упомяну, т.-е. о законахъ и государственныхъ дѣлахъ.

Сколько пресвѣтлѣйшій монархъ, отецъ и государь—Петръ Великій ни желалъ и какой трудъ къ

тому ни прилагалъ, а послѣдующіе государи о томъ же старались чрезъ сорокъ лѣтъ, а по благополучномъ восшествіи на престолъ всепресвѣтлѣйшей самодержицы, матери и государыни нашей первое то и было, чтобъ законы разобрать и въ порядокъ привести, но продолжаясь чрезъ 13 лѣтъ безплодно было и со всѣми попеченіями и трудами успѣхъ не соотвѣтствовалъ желанію; мнѣ послужило счастіе сыскать къ тому такой способъ, которой высочайшей конфирмаціи удостоенъ, и по оному водинъ годъ двѣ части Уложенья сдѣланы, а прочіе двѣ изготовлены, матеріи-жъ ко всѣмъ законамъ такъ приготовлены, что ежели-бъ тому помочь была учинена, то-бъ меньше годового времени обитатели пользовались ясными и достаточными законами, и чрезъ то совершеннымъ правосудіемъ.

Сверхъ того, умалчивая о произведенныхъ мною государственныхъ дѣлахъ, которыя въ своемъ теченіи находятся, яко то: обмежеванье всего государства, о безконечной соли вмѣсто той, которая уже не токмо уменьшилась, но и знатнымъ числомъ пресѣклась, отъ чего народъ терпѣлъ бѣдство, и тому подобныхъ; а назначу тѣ, которыя поданы близь пяти лѣтъ и лежатъ въ Сенатѣ безплодно, а именно:

1) Объ учрежденіи надежныхъ форпостовъ въ сохраненіи уменьшенія народа и умноженія доходовъ и прочихъ потребныхъ предосторожностей ради. 2) О сохраненіи народъ положенный въ подушный окладъ отъ поборовъ рекрутъ такой препорціи, какая въ комплектъ потребна и армія безъ недостатку-бъ была укомплектована, число-жъ народа, прежде въ то употребляемое, симъ способомъ оставшееся, умножало-бъ народъ къ земледѣлію, и о неупотребленіи изъ армейскихъ полковъ по внутреннимъ дѣламъ, отъ чего они приходятъ въ несостояніе, напротивъ того объ учрежденіи, кѣмъ то исправлять. 3) Для сохраненія поселянъ и притомъ порядочнаго удовольствія арміи провіантомъ и фуражомъ и отвращенія вредительныхъ интересу подрядовъ. 4) Средство охранять поселянъ и обитателей отъ грабительствъ и прочихъ имъ притѣсненій, донынѣ бываемыхъ, причемъ и штатъ прилагается. 5) О полезностяхъ государственныхъ отъ общества свободное познавать мнѣніе и объ экономіи, въ случаѣ-жъ недороду хлѣба о безнужномъ пропитаніи народа, о вспоможеніи поселяномъ во время великаго урожая возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ безъ принужденія къ той кого-либо покупки и безъ ущерба казеннаго интереса. 6) О приведеніи въ достойное состояніе людей къ правленію губерней, провинцей и городовъ, а чрезъ то довольное число имѣть способныхъ къ главному правительству безъ принужденія ихъ къ тому. 7) Главная коммерція и пропитаніе народа въ здѣшнемъ краю способнѣе происходитъ отъ сдѣланной водою коммуникаціи съ рѣкою Волгою; но, какъ извѣстно, многія затрудненія въ семъ пути находятся, яко то: въ сухія времена крайнее маловодіе и опасность пороговъ, отъ чего многажды съ крайнимъ разореніемъ промышленникамъ, кто что везетъ, а не меньше того какъ здѣшняго краю, такъ и коммерціи не токмо отягощеніе, но и разореніе происходитъ, а паче всего, что барки отъ пристаней, гдѣ нагрузки бываютъ, дошедъ сюда, безповоротно пропадаютъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, какъ по дѣламъ явно, столько умалился лѣсъ и въ такую высокую цѣну барки становятся, что уже сумнѣнія нѣтъ, дабы на продолженіе онаго стало, и тако хотя-бъ суховодья и опасности пороговъ и не было, то по пресѣченіи лѣсовъ доставлять сюда ни товаровъ, ни провизей по сей коммуникаціи будетъ невозможно. Я, видя неминуемое бѣдство, которое грозитъ не токмо убыткомъ, но совершеннымъ разореніемъ, въ... году предложилъ Сенату, назнача къ новой коммуникаціи такія мѣста, которыя не подвергнуты ни одному изъ вышеписанныхъ опасныхъ обстоятельствъ, а именно, что суховодья никогда, пороговъ ни одного, и лѣсовъ на безконечность станетъ, съ тѣмъ порядкомъ, какой къ тому учредить слѣдуетъ, ибо изъ оныхъ за первый почесться долженъ тотъ, дабы суда были по препорціи тѣхъ водъ, такимъ манеромъ и работою, чтобъ много въ себя нагрузить и многіе годы служить въ состояніи были, учредя станціи, до которыхъ мѣстъ возить и назадъ до своихъ мѣстъ обращаться: изъ сего и другая польза, какой нынѣ нѣтъ, для усиленія коммерціи послѣдуетъ, яко то — привозимые товары изъ иностранныхъ земель къ здѣшнему порту, такъ равномѣрно водянымъ путемъ во все государство возиться будутъ, какъ нынѣ оттуда сюда. Оное такъ приготовлено, что отъ единаго приказанія зависитъ, ибо генералъ поручикъ Рязановъ весь тотъ путь не токмо на планы положилъ, но профили и смѣту, во сколько станетъ, которая въ... году въ Прав. Сенатъ подана, а по оной потребно капитала на приведеніе въ совершенство меньше милліона рублевъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.
Томъ двадцать третій.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1749 и 1750 годы.

Москва въ 1749 году; заботы о ея возстановленіи.—Распоряженія на случай опасности со стороны Швеціи; распоряженія по флоту и арміи.—Увеличеніе цѣны вина и соли.—Распоряженія о инородцахъ.—Призывъ бѣглыхъ.—Мѣры о сохраненіи народнаго здоровья.—Мѣры противъ разбоевъ.—Столкновенія между частями городскаго населенія.—Сопротивленіе бѣглыхъ крестьянъ въ Брянскѣ.—Магистраты.—Воеводы и полиція.—Положеніе фабрикъ и заводовъ.—Жалоба русскихъ купцовъ на иностранныхъ браковщиковъ.—Коллегіи.—Столкновеніе членовъ Синода съ оберъ-прокуроромъ кн. Шаховскимъ.—Изданіе Библіи.—Жалобы Синода на дурное обращеніе свѣтскихъ лицъ съ духовенствомъ.—Запрещеніе книгъ и вещей на религіозныхъ основаніяхъ.—Состояніе Малороссіи.—Возстановленіе гетманства въ Малороссіи.—Дѣятельность Неплюева въ Оренбургскомъ краѣ.—Борьба съ инородцами въ Сѣверо-восточной Сибири.—Отношеніе къ европейскимъ державамъ.—Положеніе канцлера Бестужева.—Прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Пруссіею.—Сношенія съ Австріею по поводу Православныхъ ея подданныхъ.—Сношенія съ Польско Саксонскимъ Дворомъ.—Вопросъ Курляндскій.—Неудачная попытка Морица Саксонскаго.—Дѣйствія Никиты Ив. Панина въ Стокгольмѣ, Корфа въ Копенгагенѣ, Неплюева въ Константинополѣ.

Ломоносовъ имѣлъ право въ своей одѣ представить старую, испепеленную, полуразрушенную Москву, ждущую возставленія отъ пріѣзда Елисаветы. Дѣйствительно, пребываніе императрицы въ Москвѣ въ продолженіи 1749 года было полезно для древней столицы, такъ сильно пострадавшей отъ пожаровъ. Москва больше всего страдала тѣснотою въ самыхъ населенныхъ частяхъ своихъ, что вело, съ одной стороны, къ частымъ истребительнымъ пожарамъ, а съ другой—заражало воздухъ. Послѣ Смутнаго времени, при новой династіи уже видимъ стремленіе царей высвободиться, хотя временно, изъ кремлевской тѣсноты на просторъ подгорныхъ мѣстъ. При царѣ Михаилѣ такимъ царскимъ мѣстопребываніемъ становится село Покровское, при царѣ Алексѣѣ—Измайлово, потомъ Преображенское, которое при Петрѣ такъ тѣсно соединяется съ Нѣмецкою слободою. Вслѣдствіе этого, XVII и XVIII вѣка видятъ новую Москву,—Москву Яузскую, въ противоположность старой,—омываемой Москвою-рѣкою и Неглинною. Но между тѣмъ въ старой Москвѣ становится просторнѣе какъ вслѣдствіе отъѣзда Двора и выселенія знати на новыя приузскія мѣста, такъ особенно вслѣдствіе пожаровъ; въ Кремлѣ становится возможнымъ жить людямъ, привыкшимъ къ петербургскому простору, которые въ началѣ вѣка не могли выносить кремлевской тѣсноты и зловонія. Кромѣ того, старая Москва брала верхъ своими святыми и славными древностями и съ половины XVIII вѣка начинаютъ думать, какъ бы опять перенести царское мѣстопребываніе въ Кремль.

Здѣсь становилось просторнѣе; но въ торговомъ Китаѣ-городѣ была сильная тѣснота. Камеръ-Коллегіи, Главному Магистрату, московской губернской и полиціймейстерской канцеляріямъ, съ присоединеніемъ коммисіи изъ купечества, поручено было составить планъ для очищенія Китая-города, и планъ былъ составленъ въ маѣ мѣсяцѣ 1749 года: скамьи, каменные приступки и другія, загромождающія пространство, постройки предположено сломать, препятствующіе проѣзду погреба - засыпать. Сенатъ велѣлъ привести этотъ планъ въ исполненіе [1]). Сенату было представлено, что на Всесвятскомъ мосту, единственномъ каменномъ въ Москвѣ, находятся лавки и палатки, въ которыхъ живутъ люди и которыя стоятъ непокрыты, отчего, этимъ лавкамъ и палаткамъ, да и мосту самому можетъ быть не безъ поврежденія: Сенатъ распорядился, чтобъ покрыли ихъ. Мостъ требовалъ починки; починку эту принялъ на себя крестьянинъ Кузнецовъ съ торговъ за 8,120 рублей съ тѣмъ, чтобъ позволено было ему при мосту построить разныя мельницы; оброка съ нихъ онъ платить не будетъ,

[1]) Журналы и протоколы Сената, 29 мая.

но будетъ въ продолженіи десяти лѣтъ содержать мостъ въ исправности. Но пріискали указъ императрицы Анны, въ которомъ говорилось, что мельницы вредятъ Всесвятскому мосту: ежегодно надобно его чинить, потому что для мельницъ между быковъ сдѣлана плотина, весною здѣсь ледъ спирается и ломаетъ быки; особенно выше и ниже плотины годъ отъ году все болѣе вырываетъ землю и насыпало островъ, отчего не безопасно всему мосту, и потому велѣно всѣ мельницы сломать. Кузнецова стали уговаривать взять починку моста безусловно; онъ согласился, но уже за 8,770 рублей [1]). Петербургскихъ гостей въ Москвѣ поразило явленіе, которое прежде оставалось незамѣченнымъ. Несмотря на указъ Петра Великаго 1722 года, запрещавшій отпускать колодниковъ на связкахъ просить милостыню, Сенатъ усмотрѣлъ, что многіе колодники, пытанные, въ рубищахъ, до такой степени ветхихъ, что тѣло едва прикрыто лоскутьями, стоя скованными на Красной площади и по другимъ большимъ улицамъ, просятъ милостыню необыкновенно, нараспѣвъ, съ крикомъ; также ходятъ по рядамъ и по всей Москвѣ по улицамъ. Сенатъ приказалъ: колодниковъ, которые сами себя прокормить не могутъ, отсылать на казенныя работы и давать заработной платы по двѣ копѣйки на день человѣку; а которые содержатся въ искахъ, тѣхъ кормить истцамъ [2]). Замѣчено было и другое явленіе, болѣе чѣмъ непріятное: до самой императрицы дошло, что господскіе люди не только ночью, но и днемъ проѣзжихъ бьютъ и грабятъ; дошло это потому, что прибитъ былъ и ограбленъ камердинеръ великаго князя: лавочники и проѣзжіе видѣли, но помощи никакой не подали, также и обывательскій караулъ [3]). Лѣтомъ донесено было Сенату, что въ Москвѣ всякій хлѣбъ продаютъ очень высокими цѣнами, отчего народу немалая тягость, а московскій магистратъ не только не старается объ уменьшеніи такихъ чрезвычайныхъ цѣнъ, но и не присылаетъ въ Главную Полицію вѣдомостей о цѣнахъ: за мартъ мѣсяцъ прислана вѣдомость въ половинѣ апрѣля; въ мартѣ рожь продавалась по семи гривенъ, а въ іюнѣ продаютъ не меньше полутора рублей, муку по 180 копѣекъ, и скоро будетъ продаваться дороже двухъ рублей [4]).

Императрица посѣщала и московскія окрестности: село Софьино, забавный домъ Перово, и оставалась тамъ по нѣскольку дней. Свои именины, 5 сентября, она провела въ Воскресенскомъ монастырѣ (Новый Іерусалимъ) [5]). 22 декабря она возвратилась въ Петербургъ; но о Москвѣ надобно было заботиться и по отъѣздѣ Двора. Въ маѣ 1750 года узнали, что часть каменной стѣны Бѣлаго города упала и задавила нѣсколько человѣкъ. Ветхости кремлевскихъ стѣнъ и башенъ взялись исправить подрядчики въ два года за 12,950 рублей; а по Китаю и Бѣлому городу, гдѣ стѣны и башни обвалились или грозятъ паденіемъ, велѣно чинить, не упуская лѣтняго времени, съ крайнимъ осмотрѣніемъ и береженіемъ казны, безъ передачи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ [6]). При этихъ починкахъ нашли кладъ особаго рода: въ угольномъ погребу у Тайнинскихъ воротъ нашли соль бузунъ въ ветхихъ куляхъ; спросили Дворцовую Канцелярію и Соляную Контору, и получили отвѣтъ, что объ этой соли у нихъ никакого извѣстія не имѣется [7]).

Хотѣли обмануть надежду тѣхъ, которые думали, что удаленіе Двора въ Москву на цѣлый годъ помѣшаетъ энергическимъ мѣрамъ Россія въ виду опасности, грозившей со стороны Швеціи: военныя приготовленія, вооруженіе флота и движеніе сухопутныхъ войскъ къ финляндскимъ границамъ шли усиленно и давали много заботъ Сенату въ финансовомъ отношеніи. Адмиралтейская Коллегія доносила въ январѣ 1749 года, что велѣно вооружить нѣкоторую часть корабельнаго флота и отправить въ море въ маѣ мѣсяцѣ; а галерный флотъ, сколько есть наличныхъ галеръ, всѣ приготовить, и морскихъ провизій на эти корабли и галеры заготовить на четыре мѣсяца; затѣмъ и весь корабельный флотъ, сколько годныхъ къ службѣ кораблей и фрегатовъ находится, къ будущей кампаніи велѣно исправить и вооружить, чтобъ въ нужномъ случаѣ по первому указу могли выступить въ море. Для этихъ приготовленій теперь самое удобное время; но Коллегія въ денежной казнѣ имѣетъ крайній недостатокъ, и вслѣдствіе многочисленныхъ доимокъ въ сборахъ, опредѣленныхъ на Адмиралтейство съ губерній и провинцій, и надежды предвидѣть не можетъ, чѣмъ бы это вооруженіе флотовъ исправить. Необходимо имѣть 361,266 рублей; эта сумма должна быть употреблена прежде выхода флота въ море, и то только на тѣ корабли и фрегаты, которые должны выступить въ маѣ; теперь въ Адмиралтействѣ въ наличности и 10,000 рублей не будетъ, да и тѣ деньги употребятся на жалованье служителямъ, которые за майскую треть 1748 г. сполна еще не получили жалованья. Поступленіе денегъ съ положенныхъ на Адмиралтейство сборовъ начнется не ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; на Штатсъ-Конторѣ долгу за 1747 и 1748 г. 142,218 рублей; но этого долга, несмотря на многократныя требованія, Штатсъ-Контора не платитъ, да еще доимку въ 97,984 рубля зачитаетъ въ счетъ другихъ издержанныхъ постороннихъ сборовъ; съ 1740 по 1747 годы въ положенной суммѣ на Адмиралтейство продолжается до сихъ поръ доимка больше милліона, и объ этой доимкѣ Коллегія не разъ представляла Сенату и требовала ее; Сенатъ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 7 іюня и 13 октября.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 27 января.
[3]) Журналы и протоколы Сената, 17 февраля.—Полн. Собр. Зак. № 9,574.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 9,630.
[5]) Петербургскія Вѣдомости, 1749 года.
[6]) Журналы и протоколы Сената, 4 мая; 5 іюля.
[7]) Журналы и протоколы Сената, 3 сентября.

велѣлъ Штатсъ-Конторѣ сдѣлать счетъ, который и сочиняется; но по этому счету Контора показываетъ немалые зачеты, о которыхъ требуется обстоятельнаго разсмотрѣнія; впрочемъ, и за тѣми зачетами, хотя бы они и справедливы были, все-же въ доимкѣ остается до 450,000 рублей.

Сенатъ приказалъ Штатсъ-Конторѣ отпустить въ Адмиралтейскую Коллегію немедленно 71,109 рублей, также какъ можно скорѣе окончить съ нею всѣ счеты, и что явится въ недосылкѣ,—отпустить сейчасъ же. Въ февралѣ новое доношеніе: баронамъ Строгановымъ и прочимъ солянымъ промышленникамъ для поставки соли, за недостаткомъ наемныхъ работниковъ, оказывается немалое вспоможеніе особымъ нарядомъ уѣздныхъ крестьянъ—въ прошломъ году было наряжено 4,000 человѣкъ; а высочайшій интересъ требуетъ, чтобъ и флотъ былъ въ исправномъ состояніи, и хотя Коллегія заготовленія лѣсовъ и не упускаетъ, но доставка ихъ за недостаткомъ рабочихъ людей идетъ очень медленно, лѣса на пристаняхъ остаются, и теперь не иначе могутъ умѣститься какъ на 112 судахъ, на которые рабочихъ надобно до 3,000 человѣкъ, а по примѣру найма рабочихъ прошлаго года можетъ отправиться изъ пристани только 29 судовъ, затѣмъ прочіе лѣса останутся опять на пристаняхъ: потому требуетъ Коллегія нарядить въ Казанской, Нижегородской, Московской и Новгородской губерніяхъ до 1,500 человѣкъ; а чтобъ были всѣ 3,000 человѣкъ, то дозволить нанимать и съ письменными паспортами. Сенатъ сначала не согласился; но потомъ долженъ былъ для возки дубоваго лѣса велѣть нарядить до 1,500 человѣкъ уѣздныхъ людей, а 3,000 остальныхъ позволилъ нанимать съ письменными паспортами. Наступилъ май мѣсяцъ, когда флоту надобно было выходить въ море, и Адмиралтейская Коллегія снова объявляетъ, что для этого выхода нужно не менѣе 100,000 рублей, у нея на лицо только 17,401 рубль, а Штатсъ-Контора къ платежу показываетъ невозможность, слѣдовательно флота выпустить не-на-что; несмотря на запрещенія, Штатсъ-Контора и Камеръ-Коллегія посылаютъ указы, по которымъ принадлежащіе Адмиралтейству доходы употребляются на посторонніе расходы; такъ, въ Нижегородской губерніи Камеръ-Коллегія употребила на свои расходы 11,554 рубля: съ Олонца опредѣлено получать Адмиралтейству по 21,300 рублей; этой суммы за разными изнеможеніями никогда въ платежѣ сполна не бываетъ, и на 1748 годъ не заплачено 13,018 рублей; съ Кіевской губерніи назначенная сумма 10,487 рублей почти всегда употребляется мимо Адмиралтейства въ другіе расходы. Сенатъ приказалъ: съ монетныхъ дворовъ изъ капитальной суммы отпустить въ Адмиралтейство 50,000 рублей, а возвратить эту сумму изъ недосланныхъ въ Адмиралтейство сборовъ за прошлые годы. Въ маѣ 1750 года Адмиралтейская Коллегія потребовала доимочной на Камеръ-Коллегіи и Штатсъ-Конторѣ суммы—155,925 рублей на покупку провіанта и пеньки: Сенатъ велѣлъ доставить себѣ немедленно вѣдомости изъ присутственныхъ мѣстъ, гдѣ сколько имѣется наличной денежной казны. Относительно флота въ это время было опредѣлено: содержать стопушечный корабль одинъ, осмидесятипушечныхъ 8, такимъ образомъ перваго ранга 9 кораблей; втораго ранга 66-ти-пушечныхъ—15; третьяго ранга 54-хъ-пушечныхъ—три, всего 27 кораблей, то же число, какое было и въ 1720 году; фрегатовъ 32-хъ-пушечныхъ—шесть. При Петрѣ Великомъ было шесть шнавъ, но теперь признали за лучшее оставить только двѣ, а четыре замѣнить пакетботами, ибо послѣдніе въ разныя посылки удобны и море терпѣть могутъ надежнѣе и строеніемъ въ крѣпости лучше; кромѣ того, опредѣлено имѣть два прама и три бомбардирскихъ корабля [1]).

Въ маѣ 1750 года Сенатъ былъ встревоженъ извѣстіемъ, что изъ Сербскаго и Венгерскаго гусарскихъ полковъ 59 человѣкъ подали просьбы объ увольненіи. Сенатъ велѣлъ освѣдомиться, отчего это, нѣтъ-ли какого неудовольствія. Бригадиръ Витковичъ сообщилъ, что единственная причина неудовольствія заключается въ несвоевременной выдачѣ порціонныхъ и раціонныхъ денегъ, ибо хотя окладное жалованье, по шести рублей по третямъ, всегда получаютъ исправно, но этого жалованья достаетъ только на нижнюю одежду и харчи; а лошадьми, ружьемъ, мундиромъ, амуниціею, палатками должны содержать себя на порціонныя и раціонныя деньги, которыя отпускаются по прошествіи двухъ, а большею частію и трехъ третей, и въ промежуткахъ этихъ отпусковъ гусары впадаютъ въ немалые долги. Въ 1749 году изъ опредѣленной на нерегулярные полки суммы изъ доходовъ Штатсъ-Конторы больше 65,000 рублей не дослано, да на той же Штатсъ-Конторѣ одного провіантскаго долга на 1747 годъ больше 240,000 рублей. И теперь въ Цесарскую область отправляются офицеры для вербованія въ гусарскіе полки, и хотя людей прибавится, но если опять такъ долго не будутъ платить имъ денегъ, то надежда впередъ имѣть оттуда гусаръ въ здѣшней службѣ исчезнетъ; притомъ надобно опасаться, чтобъ отъ нестерпимой скудости гусары не впали въ своевольства и грабежи, о чемъ на нихъ уже и жалобы были, или ударятся въ побѣги, какъ было въ 1749 году. Получивъ это объясненіе, Сенатъ приказалъ: чтобъ удержать гусаръ въ службѣ, удовольствовать ихъ поскорѣе деньгами, для чего взять заимообразно у Военной Коллегіи, а вмѣсто недосланной суммы въ Военную Коллегію отпустить прямо изъ Бергъ-Конторы 100,000 рублей изъ полученныхъ за проданное желѣзо денегъ, и Штатсъ-Конторѣ крайнее стараніе имѣть, чтобъ впредь на гусарскіе полки деньги не задерживались.

Сенатъ велѣлъ Штатсъ-Конторѣ отпустить въ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 16 января, 13 февраля, 7 марта, 12 мая 1749 года; 25 мая, 6 іюня 1750 года.

артиллерійскую канцелярію 25,000 рублей для укомплектованія артиллеріи; но Штатсъ-Контора прислала только 8,000, да еще зачитывала въ ту же сумму деньги, отпущенныя въ Ригу на фортификаціонные расходы. Военная Коллегія просила Сенатъ по этому случаю разсмотрѣть и пресѣчь разсужденія и вошедшіе въ обычай отговорки Штатсъ-Конторы, которая только по упрямству продолжаетъ зачитывать 5,000 на фортификаціонныя работы, тогда какъ онѣ къ артиллеріи вовсе не относятся. Сенатъ велѣлъ Штатсъ-Конторѣ отпустить въ артиллерійскую канцелярію требуемыя деньги безъ зачетовъ. Тогда же провіантская канцелярія доносила, что въ 1749 году, подрядная цѣна въ Ригу за рожь (за куль въ полъ-осма пуда) была рубль 70 копѣекъ, а теперь купцы не берутъ меньше рубля 99 копѣекъ, за крупу 2 р. 76 копѣекъ; въ провіантской канцеляріи денегъ почти ничего нѣтъ, а въ Ригѣ торги не состоялись, потому что тамъ рожь стоитъ 2,60 копѣекъ. Въ іюлѣ 1750 года Штатсъ-Контора доносила, что на Лейбъ-Компанію жалованья на сентябрскую треть 1747 года и январскую 1748, всего 54,787 руб. до сихъ поръ не отпущено и отпустить не изъ чего. Сенатъ приказалъ отпустить деньги изъ первыхъ приходовъ, безъ всякой задержки.

Въ донесеніяхъ Военной Коллегіи слышали тонъ до сихъ поръ небывалый. Такъ, въ сентябрѣ 1749 года она доносила, что на Штатсъ-Конторѣ остается долгу 383,853 рубля, и требовала, чтобъ въ Главную Провіантскую канцелярію долгъ былъ отпущенъ какъ можно скорѣе, ибо въ самыхъ нужныхъ дѣлахъ крайняя остановка, хлѣбные поставщики, за неполученіемъ въ свое время платы, жалуются и отъ поставокъ провіанта впередъ будутъ отказываться. Если же и послѣ этого представленія Провіантская канцелярія скоро удовлетворена не будетъ деньгами, вслѣдствіе чего войско потерпитъ нужду, то самъ Правительствующій Сенатъ долженъ будетъ дать отвѣтъ предъ ея величествомъ, потому что Военная Коллегія по всеусиленнымъ своимъ стараніямъ изъ общей воинской суммы помогала, а теперь больше помогать не въ состояніи, и впредъ Правительствующій Сенатъ на нее въ этомъ надежды полагать не благоволилъ бы. Кромѣ того, по даннымъ отъ Главнаго Коммисаріата и провіантской канцеляріи вѣдомостяхъ, долгу на Штатсъ-Конторѣ показано на неположенные на воинскую сумму, выведенные изъ Персіи, также гусарскіе и другіе полки съ 1742 года 2.305,013 рублей. Правительствующему Сенату велѣно, по представленію Военной Коллегіи, тотчасъ исполнять и помогать; несмотря на то, по многимъ и усиленнымъ требованіямъ нѣтъ удовлетворенія, все только дѣлаются подтвержденія Штатсъ-Конторѣ, которая отвѣчаетъ одно,—что денегъ нѣтъ, а будутъ ли,—не подаетъ надежды, и способа, какъ помочь недостатку въ деньгахъ, не изыскано. Военная Коллегія требовала, по крайней мѣрѣ, отпустить до 800,000 рублей на войско, несодержащееся подушнымъ сборомъ, а на заготовленіе провіанта до 300,000 рублей.—Сенатъ отвѣчалъ, что по показаніямъ Штатсъ-Конторы суммы на войска, содержащіяся не подушнымъ сборомъ, отпущены, а Военная Коллегія, не представивъ своихъ счетовъ съ Штатсъ-Конторою, полагаетъ долгъ въ 2.305,000; но, за совершеннымъ недостаткомъ государственныхъ доходовъ, не только за прошлые годы всю эту сумму отпустить неоткуда и не изъ чего, но и на текущій годъ нельзя удовлетворить войска, не содержащіяся подушнымъ сборомъ. Императрицѣ Сенатъ опредѣлилъ доложить: по пятилѣтней сложности государственныхъ доходовъ, приходу въ годъ должно быть 3.965,965 рублей, а въ Штатсъ-Конторѣ окладныхъ ежегодныхъ расходовъ состоитъ 3.601,534 руб., да на неокладныхъ чрезвычайныя дачи 851,473 р., итого 4.453,007 руб., слѣдовательно въ расходъ на каждый годъ недостаетъ 487,852 рублей; да велѣно отпускать на Измайловскій полкъ въ годъ по 176,578 рубля изъ доходовъ Сибирскаго Приказа; но за неимѣніемъ въ томъ Приказѣ денежной казны отпускается эта сумма изъ Штатсъ-Конторы, и за такимъ недостаткомъ удовлетворить требованіямъ Военной и Иностранной Коллегій нельзя. До сихъ поръ Сенатъ удовлетворялъ, какъ могъ, изъ наличныхъ денегъ съ крайнею остановкой другихъ расходовъ; а теперь изъ монетнаго капитала, котораго уже очень мало остается и который, за употребленіемъ его въ расходъ, не дастъ надлежащей прибыли, 50,000 рублей, да изъ разныхъ сборовъ, сколько гдѣ можетъ набраться, опредѣлено отпустить: только такой большой суммы, какую требуетъ Военная Коллегія, взять неоткуда. Сенатъ опредѣлилъ просить конфирмаціи ея величества на преждеподанные доклады о изысканныхъ способахъ къ пополненію государственныхъ доходовъ, ибо кромѣ того Сенатъ никакихъ другихъ способовъ, къ удовлетворенію означенныхъ расходовъ, изыскать не можетъ [1]).

Эти неконфирмированные съ 1747 года доклады заключали въ себѣ извѣстное мнѣніе графа Петра Ив. Шувалова о продажѣ соли и вина вездѣ равною цѣною, которая должна быть увеличена [2]). Теперь, вслѣдствіе повторенной просьбы, императрица согласилась употребить представленные способы умноженія доходовъ, и въ началѣ 1750 года наложено на ведро вина по 50 копѣекъ во всемъ государствѣ ровно, кромѣ Остзейскихъ губерній, Малороссіи, Слободскихъ полковъ и Сибири. Также и соль положено продавать по 35 копѣекъ за пудъ, кромѣ Астрахани и Чернаго Яра, гдѣ цѣна опредѣлена вполовину; въ Соляной Конторѣ оставлять отъ этой продажи милліонъ рублей и употреблять ихъ въ расходъ по особливымъ указамъ императрицы; а что будетъ лишку въ сборѣ, то отсылать въ зачетъ подушныхъ денегъ въ Главный Ком-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 19 сентября 1749 г.; 21 мая, 5 іюля 1750 года.

[2]) Исторія Россіи, кн. V, т. XXII.

мисаріатъ. Сначала встрѣтились затрудненія: Главный Магистратъ донесъ, что въ Казани винная продажа началась по новому положенію съ 1-го марта, и противъ прежняго сборъ очень уменьшился: явилось 1,229 рублей, а въ 1749 году въ мартѣ мѣсяцѣ собрано было 2,622 рубля; то же случилось и въ Вяткѣ. Коммисаріатъ доносилъ также, что тамбовскіе откупщики, подъ видомъ выемки корчемнаго вина, пріѣзжая многолюдствомъ, забираютъ уѣздныхъ обывателей, и хотя вина не вынимаютъ, однако бьютъ ихъ смертно и разоряютъ, отчего эти обыватели могутъ придти въ несостояніе платить подушный сборъ и прочія подати. Такія же жалобы приходили изъ Псковской провинціи. Сенатъ рѣшилъ принять самыя дѣятельныя мѣры противъ того, чтобъ изысканный способъ увеличенія доходовъ не оказался недѣйствительнымъ. Онъ заподозрилъ казанскій и вятскій магистраты въ нерадѣніи и послалъ освидѣтельствовать тамошніе сборы; а въ концѣ года во всѣ губерніи отправлены были особые чиновники для наблюденія за правильною продажею соли и вина по новому положенію [1]).

А между тѣмъ Сенатъ все еще не имѣлъ подробныхъ вѣдомостей приходамъ и расходамъ: 13 апрѣля 1749 года Сенатъ разсуждалъ, что онъ велѣлъ наикрѣпчайшимъ образомъ взыскивать на Камеръ-Коллегіи, чтобъ немедленно сочинены были вѣдомости о доходахъ и расходахъ съ 1743 по 1747 годъ, а до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поданы въ Сенатскую контору, президента коллегіи и членовъ, секретарей и приказныхъ служителей держать въ Коллегіи безъ выпуску и смотрѣть за этимъ экзекутору; несмотря на то, вѣдомостей до сихъ поръ не подано, и потому приставить сенатской роты унтеръ-офицера съ солдатами, чтобъ не выпускать президента и прочихъ. Но это была только угроза, чтобъ заставить поспѣшить дѣломъ. Вѣдомости не подавались, и 19 сентября призванъ былъ въ Сенатъ прокуроръ Камеръ-Коллегіи, Философовъ, и спрашиванъ — сочинены-ль вѣдомости и для чего до сихъ поръ не внесены въ Сенатъ. Прокуроръ отвѣчалъ, что вѣдомости сочиняются, и какъ скоро окончатся, то подадутся. На это ему приказано, чтобъ Коллегія въ этомъ дѣлѣ крайнее стараніе имѣла и для того бы присутствующіе какъ до полудня, такъ и послѣ полудня въ Коллегію съѣзжались, а секретарей и приказныхъ служителей держать въ Коллегіи безъ выпуску; если же вѣдомости скоро не будутъ окончены, то прокурора и присутствующихъ держать будутъ безъ выпуску [2]).

Послѣднимъ прибѣжищемъ въ финансовыхъ нуждахъ былъ, какъ мы видѣли, Монетный дворъ, изъ котораго брали необходимыя суммы, обыкновенно подъ видомъ займа; но свидѣтельство, что запасный капиталъ уже истощался, показываетъ, какъ Штатсъ-Контора платила свои долги. Такъ и въ концѣ 1750 года Штатсъ-Контора потребовала, чтобъ приказано было отпустить до 300,000 рублей заимообразно съ денежныхъ дворовъ насчетъ отсылаемыхъ туда пошлинныхъ ефимковъ и серебра; а если отпущено не будетъ, то въ расходахъ послѣдуетъ остановка. Съ 1746 по 1750 годъ на Монетномъ дворѣ было вычеканено 1.467,145 рублей, въ томъ числѣ полуполтинниковъ 815,645 рублей, гривенниковъ 651,500 рублей; Сенатъ приказалъ сдѣлать гривенниковъ еще на 532,855 рублей, чтобы въ случаѣ ихъ недостатка въ размѣнѣ крупной монеты не могло послѣдовать крайней нужды [3]).

Надобно было обратить вниманіе на то, чтобы число плательщиковъ увеличивалось, а не уменьшалось, и чтобъ они могли платить. Постановленіе, что новообращенные въ христіанство жители восточныхъ окраинъ освобождались на извѣстный срокъ отъ податей, которыя раскладывались на оставшихся въ язычествѣ или магометанствѣ, это постановленіе должно было вести къ большимъ затрудненіямъ. Въ Казанской губерніи всѣхъ инородцевъ въ подушномъ окладѣ считалось 319,085 душъ: изъ этого числа къ первому января 1749 года крестилось 170,759 душъ, изъ которыхъ минула льгота 30,153 душамъ, а льготы еще не минуло 140,606 душамъ; осталось въ невѣріи 148,326 душъ; слѣдовательно новокрещенныхъ противъ иновѣрцевъ приходилось больше 22,433 душами, и на этихъ, оставшихся въ невѣріи, расположено на вторую половину 1748 года по 53 копѣйки, итого 79,850 рублей, да доимокъ расположено 379,581 рубль, всего должно было изыскать 459,431 рубль, да съ тѣхъ же оставшихся въ невѣріи рекруты и лошади взысканы, да и еще слѣдовало взыскать по послѣднему набору. Но Сенатъ получилъ донесеніе, что взысканіе скоро призойти не можетъ: многіе отъ такого великаго и строгаго взысканія бѣгутъ въ лѣса, о другихъ неизвѣстно, гдѣ они; оставшіеся—пришли въ крайнее разореніе [4]).

Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, былъ принятъ Сидоръ Тарасовъ Заграбскій, явившійся въ 1749 году повѣреннымъ отъ живущихъ въ Польшѣ и Молдавіи Русскихъ людей. Онъ просилъ императрицу о прощеніи за побѣги и о позволеніи возвратиться и жить въ Миргородскомъ полку на пустыхъ мѣстахъ, съ обязательствомъ служить береговую и пограничную службу, какъ служатъ Донскіе казаки, или платить сорокаалтынный окладъ, причемъ Заграбскій объявилъ, что такихъ бѣглецовъ будетъ больше 25,000. Императрица согласилась на ихъ просьбу, но съ тѣмъ, чтобъ они поселились не въ Миргородскомъ полку, потому что земли принадлежатъ Малороссіи, а отведутся имъ свободныя земли въ Великой Россіи, въ Бѣлогородской или Воронежской

[1]) Журналы и протоколы Сената, 1750 года 12 февраля, 5 марта, 8 іюня, 11 іюня, 1 ноября.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 13 апрѣля.
[3]) Журналы и протоколы Сената, 8 іюня, 11 декабря 1750 года.
[4]) Журналы и протоколы Сената, 13 марта 1749 года.

губерніи; которые изъ нихъ захотятъ быть въ купечествѣ, тѣ будутъ положены въ сорокаалтынный окладъ, а кто захочетъ быть въ казацкой или другой какой службѣ, довольствуясь отведенными имъ землями и угодьями, тѣ будутъ опредѣлены по желанію. Кіевскій генералъ-губернаторъ, Леонтьевъ, доносилъ о желаніи другихъ, находящихся въ Польшѣ, бѣглыхъ Русскихъ перейти въ малороссійскія Быковскія и раскольничьи слободы: и относительно ихъ послѣдовало то же рѣшеніе [1]).

Перезывали бѣглыхъ изъ-за границы; но принимались ли мѣры о сохраненіи жизни и здоровья остававшихся въ Россіи жителей? Лѣкарей было очень недостаточно; но Медицинская контора преслѣдовала самозванныхъ лѣкарей, и Сенатъ подтверждалъ ея права на это преслѣдованіе. Въ Бергъ-Коллегію прислана была изъ Медицинской конторы премеморія, что въ Москвѣ архангельскій купецъ, раскольникъ Прядуновъ, ходя по домамъ, лѣчитъ людей отъ разныхъ болѣзней нефтью, которою онъ самъ торгуетъ въ Китаѣ-городѣ, близъ Сыскнаго Приказа, у Троицы на-Рву, въ казенныхъ палатахъ, причемъ извѣстно, что онъ своимъ неискуснымъ лѣченіемъ нѣкоторымъ людямъ нанесъ вредъ немалый, а иные и жизни лишились. Лѣчитъ онъ не одинъ подлый народъ, но и знатныхъ персонъ, безъ вѣдома и свидѣтельства Медицинской канцеляріи, въ противность указамъ, а говоритъ, что по данной ему отъ Бергъ-Коллегіи привилегіи на нефть состоитъ въ вѣдомствѣ этой Коллегіи, и потому Бергъ-Коллегія прислала бы его въ Медицинскую контору. Прокуроръ Бергъ-Коллегіи, Суворовъ, настаивалъ, чтобъ этого купца Прядунова немедленно отослать въ Медицинскую контору, но Коллегія отсылать не велѣла. Суворовъ представилъ дѣло въ Сенатъ; — тотъ велѣлъ отослать Прядунова въ Медицинскую контору, а у Бергъ-Коллегіи запросить, для чего не отослала, презрѣвши предложеніе прокурора. Бергъ-Коллегія отвѣчала: не только въ Россіи, но и въ другихъ сѣверныхъ странахъ не слышно, чтобы нефть добывалась, только въ Персіи она есть, и великую прибыль отъ нея тамошняя нація получаетъ; а въ Россіи нефть сыскана стараніемъ и собственнымъ капиталомъ Прядунова недавно; Коллегія позволила ему построить нефтяной заводъ, дала привиллегію и указъ производить и продавать нефть, потомъ Коллегія позволила ему ту нефть привезти въ Москву для передвойки въ лабораторіи, которая устроена для минеральныхъ и всякихъ матеріальныхъ казенныхъ и партикулярныхъ пробъ; а нефть числится въ тѣхъ же минеральныхъ матеріалахъ, и въ томъ заводчикамъ всякіе способы показывать и наставленія по силѣ привиллегій и указовъ давать надобно, и хотя онъ, изъ лабораторіи вынося, нефть продавалъ, и то не въ противность указамъ, ибо отъ этого никакого казеннаго ущерба нѣтъ; какой-же отъ прядуновской нефти послѣдовалъ вредъ и даже смертные случаи и кого именно Прядуновъ лѣчилъ, — о томъ Медицинская контора не объявила, и Бергъ-Коллегіи своего вѣдомства людей, прежде не осмотрясь и не опознавъ, не должна такъ по глухому и неосновательному требованію тотчасъ отдавать и послушать прокурора, какъ только онъ предложитъ, и прокурору вовсе не надлежало Правительствующему Сенату представлять и въ напрасное затрудненіе приводить, ибо, по усмотрѣніи истины и перепиской между собою, Бергъ-Коллегія и Медицинская контора могли бы согласиться, постановить и публиковать, къ какому употребленію та нефть пригодна. Къ сему-жъ Бергъ-Коллегія представляетъ, что мазаньемъ этою нефтью совѣтникъ Бергъ-Коллегіи, Чебышевъ, получилъ разгибаніе перстовъ у руки, о чемъ онъ не-разъ Коллегіи представлялъ и прокуроръ зналъ; генералъ-маіоръ Засѣцкій въ рукахъ и ногахъ получилъ движеніе, о чемъ далъ и письмо Прядунову, и отъ другихъ слышно, что такъ же получили пользу отъ нефти, и потому не повелѣно-ль будетъ медицинскому факультету эту нефть по искусству медицины и химіи эксперементовать, а Прядунову объявлено, чтобъ онъ ея до указу никому не продавалъ; притомъ Прядуновъ подалъ въ Бергъ-Коллегію доношеніе, что свою нефть онъ въ Гамбургъ для пробы посылалъ, и какова она тамъ по пробѣ явилась, о томъ приложилъ, присланный ему невѣдомо отъ какого доктора Миллера, аттестатъ и просилъ, чтобъ его для поправленія завода отпустить и впредь позволить добываемую имъ нефть продавать. Сенатъ рѣшилъ дѣло такъ: Прядунова отослать въ Медицинскую канцелярію и съ нефтью; относительно продажи конторѣ Бергъ-Коллегіи сноситься съ Медицинскою канцеляріей. Бергъ-Коллегія въ этомъ дѣлѣ поступила очень непорядочно: допустила Прядунова жить въ палатѣ, гдѣ ея лабораторія, и онъ тамъ нефть продавалъ; лабораторія не для того учреждена, а для свидѣтельства рудъ и минераловъ; Коллегія не отсылала Прядунова въ Медицинскую канцелярію и требовала отъ нея извѣстія, кому Прядуновъ вредъ сдѣлалъ, тогда какъ ей не подлежало въ чужія дѣла вступаться, не обратила вниманія на представленіе прокурора и дерзко объ немъ отозвалась, наконецъ и сенатскаго указа не послушала. За такіе непорядочные поступки наложенъ былъ на членовъ Бергъ-Коллегіи штрафъ вычетомъ изъ жалованья [2]).

Мѣры правительства къ охранѣ народа отъ лихихъ людей попрежнему оказывались недостаточными: попрежнему разбои производились въ широкихъ размѣрахъ. Назначенный для сыску воровъ и разбойниковъ, премьеръ-маіоръ Горбуновъ доносилъ въ 1749 году, что въ Брянскомъ уѣздѣ злодѣи появились, войско на нихъ нападало въ лѣсу и взяло нѣсколько человѣкъ съ атаманомъ и часть добычи: въ собраніи ихъ было по выходѣ изъ-за польскаго рубежа 14 человѣкъ; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ-за

[1]) Журналы и протоколы Сената, 19 марта 1750 года.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 14 апрѣля 1749 г.

границы прошло въ Россію 17 числа 30 человѣкъ, 29 числа—15, 30 — около 50, и ходятъ по Брянскому уѣзду; немалое число такихъ же злодѣевъ находится за границею, сбираются идти въ Россію. Это было подлѣ границы; но скоро пришло извѣстіе отъ московской губернской канцеляріи, что въ Московскомъ уѣздѣ разбойники жгутъ обывателей въ ихъ домахъ и появились на Переяславской, Углицкой и Александро-Слободской дорогахъ; въ 18 верстахъ отъ Москвы, по Серпуховской дорогѣ, убили ассесора Ладыженскаго въ деревнѣ его и домъ его совершенно пограбили. Опредѣленный въ Вятской и Пермской провинціяхъ для искорененія воровъ и разбойниковъ, секундъ-маіоръ Есиповъ, увѣдомлялъ о появившейся на рѣкѣ Вяткѣ воровской компаніи, и какъ онъ на нее напалъ и имѣлъ съ нею немалую с у к т и ц ы ю. Сенатъ приказалъ написать Есипову, чтобъ въ искорененіи злодѣевъ имѣлъ крайнее стараніе, а впредь въ доношеніяхъ своихъ такихъ рѣчей, „что имѣлъ съ ворами суктицыю", отнюдь бы не писалъ, а писалъ Россійскимъ діалектомъ. Въ Олонецкомъ уѣздѣ поручикъ Глотовъ поймалъ немалое число разбойниковъ, которые показали, что товарищи ихъ живутъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ въ особомъ лѣсномъ разбойничьемъ стану; для поимки ихъ Глотовъ послалъ партію, которая встрѣтила въ лѣсу двоихъ крестьянъ. Крестьяне эти разсказывали, что по лыжному слѣду дошли они до избы, изъ которой вышли три человѣка и начали звать ихъ въ избу, грозясь убить ихъ, если не войдутъ; звѣроловы, войдя въ избу, увидали ружья, рогатины,—догадались, куда попали, и подслушали, что разбойники совѣтуются ихъ убить, чтобъ не были на нихъ языками (не донесли на нихъ). Двое разбойниковъ пошли въ баню, а третій остался въ избѣ: тогда одинъ изъ крестьянъ напалъ на него и покололъ ножомъ, послѣ чего оба пошли къ банѣ, заложили двери бревномъ накрѣпко, подошли къ окну и одного моющагося разбойника застрѣлили изъ винтовки, другой началъ ломиться въ двери, и когда вышелъ, то и его застрѣлили; переночевали въ избѣ, и утромъ, уходя, сожгли ее безъ остатка, чтобъ другимъ ворамъ пристанища не было. Крестьянамъ этимъ было одному 20, другому 17 лѣтъ. Сенатъ приказалъ: сдѣлать повальный обыскъ, и если міромъ одобрятъ крестьянъ, то отпустить ихъ безъ всякаго наказанія. Въ Муромскомъ уѣздѣ оказалось большое вооруженное собраніе разбойниковъ.

Приходили извѣстія о разбояхъ особаго рода. Въ 1749 году въ сѣвскую провинціальную канцелярію подалъ прошеніе управляющій имѣніями графини Чернышевой, Суходольскій: крестьяне госпожи его—Башкирцевъ, Михайловъ и Кислый съ товарищами, крестьянами разныхъ селъ и деревень, человѣкъ до 3,000, собравшись наряднымъ дѣломъ, съ ружьями, шпагами, рогатинами и дубьемъ, пришли на заводы госпожи своей, Чернышевой—Лѣтажскій, Лупандинскій и Крапивенскій, пограбили хлѣба четвертей до 1,000 да вина болѣе 800 ведеръ, цѣловальниковъ побили и разогнали; потомъ, пришедши въ слободу Бабинецъ, въ господскій домъ, управителя и людей били смертно и нѣкоторыхъ убили, домъ пограбили; то же самое сдѣлали въ селѣ Радогощѣ. Шайки все усиливаются и, ходя по селамъ, бьютъ и грабятъ, старостъ и сотскихъ отъ себя опредѣляютъ. Рыльскій помѣщикъ, Поповкинъ, собрался съ разбойническою партіей, съ безпаспортными и бѣглыми рекрутами, въ числѣ 50 человѣкъ, пришелъ къ помѣщику Нестерову въ село Глиницы, произвелъ разбой и грабежъ, причемъ двухъ человѣкъ убилъ до смерти. Въ 1750 г., въ Бѣлгородской губерніи была захвачена многолюдная разбойничья партія: воры и разбойники винились во многихъ разбояхъ, воровствахъ, сожиганіи людей и показали на отставнаго прапорщика Сабельникова, что онъ держалъ разбойную пристань, отпускалъ ихъ на разбои, бралъ долю изъ разбойныхъ денегъ и самъ ѣздилъ на разбои. Поручикъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ подалъ жалобу, что новгородская помѣщица, дѣвица Катерина Дирина, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ Морской Академіи гардемариномъ, Ильею, и родственниками дворянами—Ефимомъ, Мелетьемъ, Тимоѳеемъ и Агаѳьею Дариными, съ людьми и крестьянами, въ числѣ 50 человѣкъ, пріѣзжала въ деревню его, Кукино, Новгородскаго уѣзда, произвела разореніе и драку, причемъ убито было двое крестьянъ [1]).

Такъ было въ селахъ, преимущественно въ отдаленныхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ и востокѣ и въ Бѣлгородской губерніи, прежней Московской украйнѣ, издавна извѣстной безпокойнымъ характеромъ своихъ жителей. Обратимся къ любопытнымъ явленіямъ въ городахъ. Здѣсь иногда происходили междоусобія между частями народонаселенія. Кирпичники города Коломны, Митяевской слободы, 21 человѣкъ, жаловались на обиды отъ коломенскихъ купцовъ и выпросили, чтобъ дѣло ихъ было разсмотрѣно членомъ отъ Главнаго Магистрата и членомъ отъ Московской губерніи. Но прежде рѣшенія дѣла приписали ихъ къ купцамъ въ посадъ и отдали въ команду подъ магистратъ. Ямщики обратились снова съ жалобою, что въ коломенскомъ магистратѣ, которому они теперь стали подвѣдомственны, ратманы Добычинъ и Бочарниковъ, которые къ нимъ въ Митяеву слободу пріѣзжали и съ прочими купцами дворы ихъ разбивали, ихъ смертельно били и мучили и едва не сожгли ихъ всѣхъ въ домѣ, куда они скрылись въ числѣ 27 человѣкъ, и пріѣзжали наряднымъ дѣломъ, скопомъ и заговоромъ, съ дрекольемъ и пожарными крючьями, у церкви били въ набатъ, пріѣзжало человѣкъ до 200 коломенскаго купечества. Потомъ привезли ихъ въ магистратъ, и сторожъ, заковывая кирпичника Колчина въ ножныя желѣза, убилъ его до смерти; ратманы съ смертными побоями начали отъ нихъ требовать, чтобъ показали,

[1]) Журналы и протоколы Сената, 1 іюня, 20 іюня, 28 іюня, 4 іюля, 7 іюля, 21 сентября 1749 года, 3 апрѣля, 2 мая, 12 іюня 1750 года.

что купцы къ нимъ не пріѣзжали, разоренія и пожара не производили и Колчинъ въ магистратѣ не убитъ, а взятъ былъ больной и въ магистратѣ умеръ отъ воли Божіей, и кирпичники, видя надъ собою безчеловѣчное мученіе, подписались.

Но и подобныя столкновенія въ городахъ происходили преимущественно въ прежней Украйнѣ, въ Бѣлгородской губерніи. Брянскіе купцы — Григорій, Иванъ и Кузьма Кольцовы — жаловались, что ночью напали на ихъ брата, Григорія, разбоемъ на большой Смоленской дорогѣ брянскаго помѣщика Ивана Зиновьева люди и завезли его къ помѣщику во дворъ, въ село Бѣжичи, гдѣ Зиновьевъ его билъ и держалъ на цѣпи въ приворотной избѣ. По просьбѣ остальныхъ братьевъ, Григорій освобожденъ былъ оттуда посланными изъ брянской воеводской канцеляріи, и по суду здѣсь разбой Зиновьева былъ доказанъ; но онъ, избывая слѣдствія, не подавая жалобы въ Брянскѣ, просилъ въ Главномъ Магистратѣ на двухъ братьевъ, Ивана и Кузьму, будто бы пріѣзжали къ нему въ домъ и безчестили его. По его челобитью, Главный Магистратъ опредѣлилъ изслѣдовать дѣло сѣвскому провинціальному магистрату, и однако дѣло въ Сѣвскъ не передано. Главный Магистратъ потребовалъ Кольцовыхъ на судъ прямо къ себѣ, и они принуждены выслать повѣреннаго, посадскаго Бадулина; а между тѣмъ въ Главный Магистратъ опредѣленъ оберъ-президентомъ близкій родственникъ Зиновьева — Степанъ Зиновьевъ. Новый оберъ-президентъ судилъ судъ по родству: повѣреннаго Бадулина держали въ цѣпи и желѣзахъ подъ карауломъ, и судныя рѣчи говорилъ онъ въ цѣпи. Иванъ Зиновьевъ, сообща съ коллежскимъ ассесоромъ Аѳанасьемъ Гончаровымъ (который купилъ въ Брянскѣ верхнія и нижнія дворцовыя слободы) началъ дѣйствовать противъ Кольцовыхъ: приказчикъ Гончарова и люди Зиновьева нападали на нихъ въ городѣ и хвалились убить до смерти. Зиновьевъ, захватя посадскаго Моренкова, который былъ повѣреннымъ Кольцовыхъ въ брянской воеводской канцеляріи, билъ его немилостиво и грабилъ, а Гончаровъ жаловался на Кольцовыхъ въ Сенатѣ, будто они приступали ко двору прапорщика Юшкова, гдѣ скрылись приказчикъ его и крестьяне; потомъ Гончаровъ подалъ въ Главный Магистратъ прошеніе, что Кольцовы и съ ними 700 человѣкъ купцовъ приступали къ его конюшенному двору и стрѣляли изъ ружья по его крестьянамъ, вслѣдствіе чего Главный Магистратъ опредѣлилъ всѣхъ ихъ забрать въ Москву къ слѣдствію. Сенатъ велѣлъ сдѣлать запросъ въ Главный Магистратъ обо всемъ дѣлѣ и присутствовалъ-ли оберъ-президентъ Зиновьевъ, при разбирательствѣ дѣла своего родственника. Главный Магистратъ тянулъ время, отдѣлываясь всѣми средствами отъ подачи отвѣта Сенату, и вдругъ обвинилъ Кольцовыхъ за безпорядки по брянской таможнѣ. Но Сенатъ потребовалъ, чтобъ прежде этого новаго дѣла Главный Магистратъ далъ отвѣтъ по старому: тогда Главный Магистратъ донесъ, что отвѣтъ надобно писать на гербовой бумагѣ, а Кольцовы не являются въ Главный Магистратъ и бумаги не даютъ, слѣдовательно отвѣта за недачею гербовой бумаги писать не на чемъ. Сенатъ приказалъ: подать отвѣтъ на гербовой бумагѣ, купивъ ее на деньги Главнаго Магистрата, который изыщетъ потомъ ихъ на Кольцовыхъ.

Но въ то же время, какъ Главный Магистратъ искалъ гербовой бумаги, дѣло разыгрывалось въ Брянскѣ. Гончаровъ жаловался, что у него ушли крестьяне, — 21 человѣкъ; прикащикъ Гончарова, Зайцевъ, объявилъ, что бѣглые живутъ въ городѣ и, стоя по переулкамъ днемъ, нападаютъ на другихъ крестьянъ господина его, бьютъ и рѣжутъ ихъ рогатинами, ножами и кинжалами, отчего крестьяне находятся при смерти. Брянская воеводская канцелярія, которой велѣно было сыскать бѣглыхъ, доносила, что военная команда отъ этой поимки отказалась по недостатку людей; магистратъ отказался подъ предлогомъ, что у него съ Гончаровымъ приказныя ссоры по поводу Зиновьева и Кольцовыхъ; бѣглые крестьяне заперлись на одномъ дворѣ, и малою командой взять ихъ никакъ нельзя, хотя канцелярія и оцѣпила дворъ карауломъ. Караульщики донесли, что къ бѣглымъ приходилъ попъ Максимовъ отъ Архангельской церкви съ братомъ Егоромъ и съ брянскимъ купцомъ Коростинымъ, который несъ образъ, и, побывши на дворѣ, ушли обратно. Только что эти ушли, смотрятъ — идетъ другой попъ, Секіотовъ, съ образомъ отъ Рождественской церкви, образъ несутъ брянскіе купцы Коростинъ и Сѣриковъ. Канцелярія поручила схватить бѣглыхъ прапорщику Ѳедосѣеву, назначенному для сыску воровъ и разбойниковъ. Прапорщикъ донесъ, что ходили къ избѣ, но бѣглые, имѣя при себѣ огненное ружье, копья и бердыши, взять себя не дали и объявили, что живы въ руки не дадутся; въ то же время и брянскихъ посадскихъ выбѣжало человѣкъ до ста умышленно съ дубьемъ, а отъ полиціймейстерской конторы опредѣленные на караулъ помощи не даютъ, должно быть по согласію; попы и монахи проходятъ къ бѣглымъ безпрепятственно: еще прошелъ съ образомъ попъ Григорій отъ Николы Чудотворца и два монаха брянскаго Петропавловскаго монастыря.

Явился для поимки бѣглыхъ Рязанскаго полка капитанъ Маховъ и сдѣлалъ распоряженіе: — чтобъ легче взять крестьянъ, разломать заборы сосѣднихъ дворовъ; но посадскіе ломать заборовъ не дали, и посадскій Коростинъ съ товарищами кричалъ, что если самъ полиціймейстеръ или воевода придутъ ломать ихъ заборы, то они ихъ самихъ кольемъ побьютъ до смерти или животы распорятъ ножами; а если капитанъ Маховъ придетъ съ командою и хотя одинъ колъ выломаетъ, то самъ на колъ посаженъ будетъ; если же кто на дворъ ихъ взойдетъ и овощи потопчетъ, то голову положитъ. Брянская полиція съ своей стороны доносила, что она потребовала отъ магистрата, чтобъ онъ собралъ посадскихъ для взятія злодѣевъ

и чтобъ посадскіе ничѣмъ не ссужали послѣднихъ. Магистратъ отмолчался: тогда полиція прямо обратилась ко всѣмъ обывателямъ, чтобъ подписались въ слушаніи и исполненіи предписанія; но никто подписываться не сталъ, а бѣглые натаскали большія кучи каменья и песку, на крыши втащили огромныя колоды и повѣсили на веревкахъ: если осаждающіе подойдутъ близко, то станутъ метать каменьями, сыпать въ глаза пескомъ и съ избъ опускать привязанныя колоды. Маховъ послалъ къ бѣглымъ крестьянамъ капрала Салкова для увѣщанія ихъ и съ вопросомъ, будутъ-ли слушать указъ; крестьяне отвѣчали, что указъ слушать будутъ, причемъ объявили, что приходилъ къ нимъ брянскій воевода и говорилъ: „Ступайте къ Гончарову, онъ васъ бить не будетъ и станете жить въ домахъ своихъ; а не хотите идти къ Гончарову, то разойдитесь куда-нибудь", и они ему отвѣчали, что идти имъ некуда. Маховъ, взявши всю свою команду, пошелъ ко двору бѣглыхъ крестьянъ и, не доходя саженъ ста до двора, команду оставилъ и одинъ пошелъ къ бѣглымъ; но они на дворъ его не пустили, и сидятъ всѣ на крышахъ и у заборовъ стоятъ на примощенныхъ лавкахъ, почему принужденъ былъ стоять на улицѣ и увѣщевалъ, чтобъ отдались, въ противномъ случаѣ поступитъ съ ними, какъ съ противниками указовъ; говорилъ болѣе часа, но тѣ никакой склонности не показали, а кричали страшно, звѣрскимъ образомъ. Тогда онъ велѣлъ приступить командѣ и читать копію съ сенатскаго указа: крестьяне выслушали и крикнули, что указъ воровской, Сенатъ указъ своровалъ и далъ Гончарову за великія деньги, и генералъ команду далъ за деньги же, взявши съ Гончарова до 2,000 рублей, да и онъ, капитанъ, взялъ до 100 рублей или и больше; и приступили они, крестьяне, къ забору съ ружьями, рогатинами и бердышами, и кричали, что если команда будетъ ихъ брать и хотя одного человѣка поворошитъ или заборъ велитъ ломать, то они всѣхъ перестрѣляютъ и переколютъ; а если силы ихъ не будетъ, то сами себя перерѣжутъ, а живыми въ руки не дадутся.

Маховъ, для устрашенія бѣглыхъ, велѣлъ у сосѣднихъ посадскихъ обывателей разобрать заборы; но хозяева домовъ разбирать заборовъ не дали и такимъ же свирѣпымъ образомъ на Махова и команду кричали: если хотя за одну заборню тронутся, или по огородамъ ихъ пойдутъ, то побьютъ всѣхъ до смерти. И, опасаясь, чтобъ команду не убили до смерти, Маховъ разбирать заборовъ не велѣлъ. Бѣглыхъ на дворѣ было человѣкъ 50, да позади ихъ двора на огородѣ посадскихъ съ кольями и дубьемъ человѣкъ до 300; а прочіе, стоя на улицахъ и на кровляхъ домовъ своихъ, кричали необычайнымъ образомъ, угрожая бить команду до смерти. Маховъ, увидавъ сообщеніе посадскихъ съ бѣглыми, принужденъ былъ съ командою отступить и поставилъ по концамъ улицы съ двухъ сторонъ двора, гдѣ сидѣли бѣглые, караулъ. Нужно было бы поставить караулъ на дворѣ Коростина, гдѣ колодезь, изъ котораго бѣглые брали воду, но Коростинъ и посадскій Мамоновъ съ товарищами кричали, что кто взойдетъ на дворъ Коростина, тотъ будетъ убитъ. 300 человѣкъ посадскихъ не дали поставить караула и сзади двора, говоря, что пришли не командѣ помогать, но охранять свои огороды. Маховъ доносилъ, что находится съ командою своею въ превеликомъ страхѣ и ежеминутно ожидаетъ нападенія; крестьянъ можно взять цѣлою ротою, и то если посадскіе не вступятся. Гончаровъ подалъ просьбу въ Сенатъ на послабленіе брянской воеводской канцеляріи: она выпустила двоихъ его бѣглыхъ крестьянъ, которые бѣжали за границу; канцелярія сдѣлала это по злобѣ, ибо ей не велѣно вѣдать его вотчинъ. Брянскій магистратъ и жители Брянска бѣглыхъ его крестьянъ держатъ у себя и не отдаютъ, и оставшимся его крестьянамъ дѣлаютъ всякія обиды и разоренія, нигдѣ проходу и проѣзду не даютъ; бѣглые, засѣвшіе въ Коростинѣ улицѣ, называютъ свое воровское собраніе коммисіею. Брянчане, по его словамъ, привыкли противиться указамъ и сами хвалятся: „У насъ многія коммисіи были, и капитанъ Шпорейтеръ съ командою если-бъ въ городкѣ не отсидѣлся, то былъ бы безъ головы, и то дѣло такъ изволочилось, и многія коммисіи, новолочась, отстали". Сенатъ по этимъ донесеніямъ и жалобамъ велѣлъ Военной Коллегіи послать въ Брянскъ штабъ-офицера, и если крестьяне не сдадутся, то поступить съ ними, какъ со злодѣями, но только въ самой крайней нуждѣ.

Здѣсь представляется намъ въ обширныхъ размѣрахъ столкновеніе между сословными частями городскаго народонаселенія; въ другихъ мѣстахъ встрѣчалось такое столкновеніе въ меньшихъ размѣрахъ: такъ, въ Серпуховѣ титулярный совѣтникъ Казариновъ приходилъ многолюдствомъ на дворъ купца Серебреникова, разломалъ заборъ, порубилъ садовыя деревья, разломалъ баню и овладѣлъ огородною землей. Въ Бѣлгородѣ мы видѣли сильное столкновеніе между купцами по поводу выборовъ въ магистратъ, причемъ Главный Магистратъ былъ обвиненъ Сенатомъ въ неправильныхъ дѣйствіяхъ и штрафованъ. Скоро Главному Магистрату представился случай привлечь къ слѣдствію враждебнаго ему президента бѣлгородскаго магистрата, Андреева. Бѣлгородскій купецъ, Степанъ Прокоповъ, подалъ жалобу: вмѣстѣ съ купцомъ Есиповымъ требовалъ онъ въ бѣлгородскомъ магистратѣ установленнаго закономъ свидѣтельства къ подряду на поставку провіанта въ днѣпровскій магазинъ. Но президентъ Андреевъ съ товарищами, злобясь на нихъ за то, что они были въ числѣ тѣхъ, которые не соглашались на избраніе Андреева и товарищей его въ магистратскіе чины, отреклись дать требуемое свидѣтельство, развѣ просители дадутъ имъ за него большую взятку; тогда они, Прокоповъ и Есиповъ, принуждены были дать пять векселей—на имя президента Андреева—въ 500 рублей, бургомистра Денисова и троихъ ратмановъ—на каждаго по 50 руб.

Давши взятку, Прокоповъ и Еспповъ донесли объ этомъ въ Главный Магистратъ и просили объ изслѣдованій. Главный Магистратъ жаловался также на Андреева, что онъ членовъ Главнаго Магистрата называлъ государственными ворами. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло въ коммисіи о фальшивыхъ векселяхъ.

Мы видѣли, какъ недоставало въ Россіи рабочихъ силъ, какъ онѣ потому были дороги; казна и частные промышленники перебивали другъ у друга рабочихъ, и по этому случаю нижегородскій магистратъ былъ изобличенъ въ насильствѣ. Одного изъ работниковъ, нанявшихся для отправленія корабельныхъ лѣсовъ, президентъ нижегородскаго магистрата, Жуковъ, билъ батожьемъ нещадно, другого вытолкалъ въ шею изъ магистрата; когда били работника, то приговаривали: „Не нанимайтесь на лѣсныя,нанимайтесь на промышленныя суда“!Чтобъ застращать посадскихъ людей, отклонить ихъ отъ найма на лѣсныя суда, Жуковъ нанявшимся на послѣднія давалъ паспорты съ прописью, что имъ въ работѣ быть только на лѣсныхъ судахъ и никому другому ихъ въ работу не принимать. Жуковъ за это присужденъ былъ къ уплатѣ 180 рублей штрафа, бурмистръ—120 р., ратманы заплатили по 50, земскіе старосты – по 25.

Воеводамъ трудно было уладиться съ полиціею: двѣ силы сталкивались.Симбирскій полиціймейстеръ жаловался, что воевода Колударовъ вступаетъ въ полицейскія дѣла, приказываетъ полиціймейстера и команду его ловить; грозится его, полиціймейстера, бить кошками и людей его ловить, и въ тюрьму сажать, и платье съ нихъ велитъ обирать; разсыльщики Колударова полицейскую команду бьютъ безо всякой причины,и онъ, полиціймейстеръ, ѣздить для исправленія своей должности боится, чтобъ по старости его не изувѣчили; полицейской должности править некому, ибо осталось команды три человѣка – и тѣ стары и дряхлы; а подъячій одинъ, и тотъ престарѣлъ и слѣпъ, копіистовъ и писчиковъ нѣтъ, а вольнымъ ходить для письма въ полицейскую контору воевода запретилъ. Полиціймейстеръ терпѣлъ притѣсненіе отъ воеводы, а воеводѣ доставалось иногда отъ другой силы. Въ Сѣвскѣ товарищъ воеводы, Борноволоковъ, занимался въ канцеляріи дѣлами, какъ вдругъ присылаетъ къ нему генералъ-майоръ Карауловъ, находившійся въ городѣ для рекрутскаго пріема, и велитъ явиться къ себѣ; Борноволоковъ отвѣчаетъ, что занятъ важными дѣлами и потому благоволилъ бы генералъ требовать по указному порядку отъ провинціальной канцеляріи письменно или хотя и словесно, почему надлежащее исполненіе послѣдовать непремѣнно имѣетъ. Тогда Карауловъ прислалъ за нимъ двоихъ унтеръ-офицеровъ съ угрозою, что если не пойдетъ, то пришлетъ команду вытащить его подъ карауломъ. Борноволоковъ пошелъ и былъ встрѣченъ ругательствами; съ него сняли шпагу и повели рынками и по улицамъ въ торговый день—въ пятницу, въ баталіонную канцелярію. Сенатъ велѣлъ судить Караулова военнымъ судомъ.

Отъ описываемаго времени дошло до насъ извѣстіе, въ какихъ домахъ жили губернаторы и воеводы; изъ описанія этихъ домовъ мы можемъ получить нѣкоторое понятіе объ обширности и удобствахъ городскихъ жилищъ въ Россіи въ половинѣ XVIII вѣка. Въ 1749 году Камеръ-Коллегія подала мнѣніе, что въ губернскихъ городахъ для губернаторовъ строить дома о 8 покояхъ, и залъ былъ бы между угловъ 10 аршинъ, а прочіе покои отъ 8 до 6 аршинъ, три или двѣ избы людскихъ, поварня, два погреба—сухой и ледникъ, баня, сарай для экипажей, конюшня о 12 стойлахъ, канцелярія о 8 покояхъ; въ провинціальныхъ городахъ воеводамъ дома строить о 5 покояхъ, а въ приписныхъ о 4. Сенатъ согласился [1]).

Въ описываемое время правительство должно было имѣть дѣло съ движеніемъ рабочихъ на одной изъ самыхъ значительныхъ фабрикъ. Въ 1749 году содержатель суконной фабрики, Ефимъ Болотинъ, съ товарищами объявилъ, что рабочіе, въ числѣ болѣе 800 человѣкъ, неизвѣстно съ какимъ умысломъ, оставили суконное дѣло и работать не хотятъ. Мануфактуръ-Коллегія спросила оставшихся при дѣлѣ рабочихъ о причинѣ; тѣ объявили, что не знаютъ, заработныя деньги всѣ получаютъ по указу сполна безъ удержанія, и работу фабриканты даютъ безпрерывно; на фабрикѣ 170 становъ, при нихъ въ работѣ находилось болѣе 1,000 человѣкъ. Коллегія всѣмъ присутствіемъ отправилась на фабрику для увѣщанія; но возмутители объявили, что они объ обидахъ отъ фабрикантовъ и безпрестанныхъ жестокихъ наказаніяхъ подали прошеніе императрицѣ, и пока указа не послѣдуетъ, до тѣхъ поръ на работу не пойдутъ. Всѣ увѣщанія остались тщетны. Тогда пятерыхъ заводчиковъ мятежа высѣкли кнутомъ; но и послѣ этого рабочіе объявили, что въ работу не пойдутъ; пошло только человѣкъ 20, потомъ вступило въ работу еще 286 человѣкъ; но въ бѣгахъ осталось 586. Сенатъ приказалъ: заводчиковъ смуты бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ; другихъ—бить плетьми и принудить къ работѣ. Чрезъ нѣсколько времени Болотины, ставившіе въ казну по 100,000 аршинъ сукна, объявили, что теперь больше 80,000 поставить не могутъ, ибо по причинѣ московскихъ пожаровъ долгое время работы не было, сгорѣлъ домъ Суровщикова, гдѣ производилась часть суконнаго дѣла, да и на всей ихъ суконной фабрикѣ, за уборкою матеріаловъ и припасовъ отъ пожара въ кладовыя палаты и за разломаніемъ нѣкоторыхъ деревянныхъ строеній и вслѣдствіе того, что у многихъ мастеровыхъ людей сгорѣли дома, работы не производились; кромѣ того, они терпятъ недостатокъ въ людяхъ, ибо послѣ ревизіи убыло у нихъ по разнымъ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 20 и 25 января, 15 и 20 февраля, 3 марта, 18 апрѣля, 11 мая, 24 августа, 28 сентября 1749 года; 2 августа 1750 года.

случаямъ болѣе 200 человѣкъ. Они узнали, что въ гарнизонныхъ школахъ въ Москвѣ и по городамъ солдатскихъ и зазорныхъ дѣтей немалое число, изъ которыхъ многія не только къ военной экзерциціи, но и къ словесному ученію непонятливы, а жалованье и содержаніе имъ производится: поэтому они, Болотины, требуютъ, чтобъ повелѣно было изъ этихъ школъ до 400 человѣкъ учениковъ, начиная отъ 12 лѣтъ, которые еще для службы молоды, опредѣлить къ ихъ суконной мануфактурѣ; они будутъ получать здѣсь задѣльныя деньги, и когда достигнутъ 25 лѣтъ и годны будутъ въ военную службу, тогда ихъ въ нее опредѣлить. По справкѣ, оказалось въ московской гарнизонной школѣ (которая раздѣлялась на словесную и письменную науку) триста человѣкъ, да сверхкомплектныхъ 545, и отъ 400 человѣкъ, отданныхъ на фабрику, будетъ казнѣ прибыли ежегодно 2,841 рубль. Сенатъ согласился.

Въ концѣ 1749 года императрица приказала Сенату: взять вѣдомости отъ всѣхъ шелковыхъ фабрикантовъ, могутъ ли они выдѣлать на своихъ фабрикахъ достаточное количество товара, такъ что можно было бы обойтись безъ вывоза шелковыхъ матерій изъ-за границы; потребовать вѣдомости также о золотыхъ и серебряныхъ галунахъ. Сенатъ донесъ, что русскіе фабриканты обязываются дѣлать: бархатовъ травчатыхъ и гладкихъ 4,590, косматыхъ 1,680 аршинъ, итого 6,270; штофовъ—цвѣтныхъ 9,000, гладкихъ—17,080, грезетовъ 49,477, свистуновъ 10,500, тафтъ травчатыхъ и гладкихъ 41,267, гродетуровъ травчатыхъ 400, подкладокъ 500, коноватовъ персидскихъ 1,050, кутней персидскихъ 600, лентъ разныхъ сортовъ 196,846 аршинъ, чулокъ сто паръ, платковъ разныхъ цвѣтовъ 49,244, кружевъ персидскихъ 200 косяковъ. По справкѣ обнаружилось, что такихъ шелковыхъ иностранныхъ товаровъ по всѣмъ россійскимъ гаванямъ въ привозѣ было въ 1746 году:—бархатовъ гладкихъ въ кускахъ 15,722, слѣдовательно лишняго 9,452 аршина; штофовъ 28,887 — лишняго 2,807 аршинъ; грезетовъ 31,492 — меньше 17,985; свистуновъ 4,880—меньше 5,620; тафтъ 47,965—больше 6,290; гродетуру 17,028 — больше 16,628; лентъ съ золотомъ и серебромъ 3 пуда 1$^1/_2$ фунта; кружевъ 16 кусковъ — многимъ меньше; платковъ 14,976 дюжинъ и 4 штуки, да флеровыхъ съ золотомъ и серебромъ 79 платковъ — больше 10,800, 72 дюжины и 4 штуки; чулокъ—690 дюжинъ съ половиною—больше 681 дюжина. Въ 1747 году въ привозѣ эти шелковые товары были противъ 1746 года гораздо меньше, а именно: бархатовъ 5,655 аршинъ, штофовъ 23,836, грезетовъ 15,902, свистуну 40 аршинъ, тафтъ 13,889, гродетуру 9,106 аршинъ; лентъ только флорентовыхъ шесть кусковъ, да цвѣтныхъ и флеровыхъ 7 фунтовъ 56 золотниковъ, а платковъ и кружевъ въ привозѣ уже не было; чулокъ 63 дюжины. Фабриканты плащильнаго, волоченаго и пряденаго золота и серебра объявили, что могутъ удовольствовать Россію безъ привоза иностранныхъ произведеній. Сенатъ рѣшилъ представить императрицѣ эту вѣдомость со слѣдующимъ своимъ мнѣніемъ: запретить привозъ тѣхъ продуктовъ, которыхъ производится въ Россіи достаточное количество; остальные привозить къ одному Петербургскому порту, чтобъ узнать, сколько тѣхъ шелковыхъ товаровъ еще надобно. Такъ какъ указъ Петра Великаго отъ 31 января 1724 года о присылкѣ въ Сенатъ ежегодныхъ рапортовъ о состояніи фабрикъ и образцовъ дѣлаемыхъ на нихъ товаровъ не исполняется, то послать въ Мануфактуръ-Коллегію указъ о неотмѣнномъ его исполненіи и потребовать отзыва, для чего не исполнялся, для наложенія штрафа на Мануфактуръ-Коллегію. По просьбѣ шелковыхъ фабрикантовъ, велѣть Сибирскому Приказу вывозить изъ Китая сырецъ при казенномъ караванѣ и отдавать въ Мануфактуръ-Коллегію, которая должна отдавать его на русскія фабрики за наличныя деньги, а не въ долгъ.

По поводу знаменитой ярославской фабрики Затрапезнаго, вскрылось дѣло, любопытное по отношенію къ нравамъ времени. Фабрикою завѣдывалъ майоръ Лакостовъ, зять умершаго фабриканта Ивана Затрапезнаго, и завѣдывалъ ею только до совершеннолѣтія малолѣтняго шурина своего, Алексѣя Затрапезнаго, котораго онъ, по его выраженію, опредѣлилъ къ наукамъ для Нѣмецкаго языка и ариѳметики. Меньшая дочь покойнаго Ивана Затрапезнаго вышла замужъ за шелковаго фабриканта Данилу Земскаго, который вскорѣ послѣ женитьбы своей началъ подкапываться подъ Лакостова; тотъ подалъ жалобу въ Мануфактуръ-Коллегію, что Земскій шурина своего Алексѣя Затрапезнаго отъ учителя Жилкина изъ школы укралъ; вмѣсто честныхъ наукъ, купилъ ему голубей; держалъ его въ домѣ своемъ въ праздности и играхъ два мѣсяца; возилъ его въ Ярославль и, отлуча отъ наукъ, велѣлъ его тамъ оставить безо всякаго призрѣнія; юноша сталъ развращеннымъ и непристойнымъ, въ самой пагубной праздности ходя по улицамъ въ непристойной одеждѣ, а иногда въ балахонѣ; игралъ съ фабричными ребятами въ бабки. Тотъ же Земскій, въ пріѣздъ свой въ Ярославль на порученную Лакостову мануфактуру, заводилъ между людьми смуту, чтобы мастера Лакостова не слушали; тещу свою, Затрапезнову, привелъ къ тому, что она съ того времени говорила: „Все Данилушкино“; а теща эта не въ своемъ умѣ, что извѣстно и Мануфактуръ-Коллегіи. Въ 1744 году, по общему согласію другого свояка Балашова, жены его и третьей свояченицы, вдовы Сусанны Болотиной, и по просьбѣ самого шурина Алексѣя Затрапезнаго, Лакостовъ опять опредѣлилъ его къ наукамъ, послалъ въ Нарву, а въ 1747 году перевелъ въ Ригу. Земскій отправлялъ

нарочно человѣка своего въ Нарву и Ригу, чтобы вторично украсть шурина или выманить; послалъ воровское письмо отъ имени тещи, которая писала, чтобы безъ благословенія ея не ѣздилъ за-море, куда хочетъ послать его Лакостовъ.

Относительно печальнаго состоянія тещи своей Лакостовъ ссылался на Мануфактуръ-Коллегію. Дѣйствительно, въ этой Коллегіи находился рапортъ ассесора ея, Меженинова, объ осмотрѣ фабрики Затрапезнаго: на фабрикѣ товаровъ и наготовленныхъ для ихъ производства матеріаловъ много; но покойнаго Затрапезнаго вдова въ постоянномъ своемъ пьянствѣ сильно вредитъ фабрикѣ, запрещаетъ мастерамъ повиноваться зятьямъ своимъ—Лакостову и Балашову, называя ихъ людьми посторонними и твердя, что настоящій господинъ фабрики—это ея малолѣтній сынъ, и потому она имѣетъ надъ ними власть. Мастера, заискивая ея милости, пьютъ постоянно съ нею вмѣстѣ, и отъ этого не такъ исправно исполняютъ свои обязанности, а рабочіе люди находятся въ такомъ безстрашіи, что при немъ случилось у нихъ и смертное убійство. На приходящихъ для покупокъ на фабрику всякихъ людей вдова Затрапезнаго мечется какъ бѣшеная, потому что всегда пьяна: кусаетъ, деретъ, кидаетъ ножами, вилками и всѣмъ, что попадается подъ-руку, и такимъ образомъ мѣшаетъ приходить на фабрику, да и самъ онъ, Меженинов, спасенъ былъ отъ ея побоевъ только помощью зятя ея, Балашова, ибо она удивительную имѣетъ силу. При немъ же пріѣзжалъ на фабрику сынъ ея и разглашалъ, будто бы фабрика отдается третьему зятю—Данилѣ Земскому, и его мать отъ великой любви къ этому зятю своему безпрестанно повторяетъ: „Все Данилушково!" А молодой Затрапезный, хотя по дурному воспитанію своему и по природѣ очень глупъ, однако Лакостова и Балашова ругать и Земскаго хвалить твердо навыкъ. Несмотря на это донесеніе Меженинова, Мануфактуръ-Коллегія рѣшила оставить безъ вниманія жалобу Лакостова на Земскаго по поводу писемъ къ молодому Затрапезному въ Ригу, ибо эти родственныя письма съ приглашеніемъ пріѣхать на свиданіе ничего преступнаго въ себѣ не заключаютъ, вымысловъ и подлоговъ и Лакостову обиды никакой нѣтъ; а если Земскій мѣшаетъ ему въ управленіи мануфактурою, то онъ бы прямо жаловался на это, не примѣшивая постороннихъ дѣлъ; Затрапезный же въ такихъ уже лѣтахъ, что можетъ самъ жаловаться на Земскаго; да и не видно ни откуда, почему бы Лакостовъ долженъ былъ имѣть большее вліяніе на него, чѣмъ другіе родственники. Тогда Лакостовъ перенесъ дѣло въ Сенатъ, который рѣшилъ, что Мануфактуръ-Коллегія поступила неправильно, не давъ суда Лакостову съ Земскимъ, ибо въ прошеніи перваго указаны были преступные поступки второго, именно: выкрадываніе шурина отъ учителя и возбужденіе фабричныхъ и письма въ Ригу, дѣйствительно составныя воровскія; опредѣлено за это съ Мануфактуръ-Коллегіи взыскать штрафъ въ 500 р. [1]).

Относительно промышленнаго и торговаго значенія Ярославля замѣчательна слѣдующая просьба, поданная ярославскими и другихъ городовъ купцами, Кузьмою Зеленцовымъ съ товарищами, всего 54 человѣка: при Петербургскомъ портѣ главный торгъ юфтяный, а ярославское купечество изстари занимается кожевеннымъ промысломъ, оно же привозитъ къ Петербургскому порту воскъ, щетину и русаковъ, т.-е. невыдѣланныхъ зайцевъ на большую сумму; только отъ непорядочныхъ браковщиковъ, иноземцевъ, купечество приходитъ въ упадокъ, потому что браковщики все иноземцы, и присяжные-ль они или неприсяжные, того русское купечество не знаетъ, да и тѣхъ иностранные купцы посылаютъ не по очереди, не по выбору,—по своей волѣ; который браковщикъ угождаетъ имъ, тотъ и бракуетъ, и отъ русскихъ купцовъ о неправильномъ бракѣ представленія и спору какъ иностранные купцы, такъ и браковщики не принимаютъ. При такомъ непорядочномъ бракѣ бѣдный продавецъ принужденъ терпѣть и даетъ браковщику волю, чтобъ онъ, мстя за справедливое представленіе, еще болѣе не охуждалъ товара, да и для того: когда иностранный купецъ купитъ юфти у многихъ русскихъ продавцовъ, а за уменьшеніемъ числа браковщиковъ всего товара скоро не перебракуетъ, и въ то время, какъ идетъ бракъ, привезутъ къ порту еще юфти, или по заморскимъ извѣстіямъ цѣна упадетъ,—тогда иностранные купцы прикажутъ браковщику забраковать ту юфть, которую они купили высокою цѣною. Бѣдные продавцы принуждены поневолѣ иностраннаго купца удовольствовать сбавкою цѣны; если же продавецъ не захочетъ цѣны уменьшить и станетъ продавать другимъ иностраннымъ купцамъ,—по согласію ихъ между собою, другой иностранный купецъ забракованнаго товара, какъ негоднаго, не покупаетъ и длитъ время, чтобъ получить наибольшую сбавку цѣны, вслѣдствіе чего продавцы должны съ горестью продавать, дѣлая немалыя уступки. Если же русскій купецъ станетъ торговать ихъ заморскіе товары, да упомянетъ, чтобъ товаръ перебраковать, то какъ только услышитъ иностранный купецъ это слово,—сейчасъ вышлетъ покупщика вонъ изъ амбара и сдѣлается ему на будущее время непріятелемъ, и во многія конторы объявитъ о немъ, чтобъ ему не продавали, и такъ предъ Русскими спесиво себя ведутъ, что о правдѣ слышать не хотятъ; особенно разоряютъ небогатыхъ русскихъ купцовъ, которые берутъ у нихъ иностранные товары въ долгъ съ великими въ цѣнахъ передачами и обязываются русскіе товары ставить по контрактамъ низкими цѣнами, отчего многіе лишились промысловъ своихъ и впали въ неоплатные долги. Петербург-

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 6 іюля, 6 ноября 1749 года; 23 января, 7 марта 1750 года.

скіе и другихъ городовъ купцы, Солодовниковъ съ товарищами, въ прошеніи своемъ написали, чтобъ браковать юфти знающими людьми и представили петербургскихъ купцовъ, Бѣлякова и Вавилова, не справясь съ знатными купцами и кожевенными промышленниками, и опредѣлили за бракъ юфтей платить русскимъ купцамъ по 2 копѣйки съ пуда, а не такъ, какъ при бракѣ пеньки и льна браковщики получаютъ половину съ русскихъ и половину съ иностранныхъ купцовъ,—и отъ такого учрежденія съ обѣихъ сторонъ безопасность. Коммерцъ-Коллегія опредѣлила Бѣлякова и Вавилова браковщиками; но они люди незнающіе, объявляютъ негодною кожу съ дырами, но на кожевенныхъ заводахъ всякая кожа дѣлается съ дырами и безъ того обойтись нельзя. Потому ярославскіе купцы просили Сенатъ разсмотрѣть дѣло, Бѣлякова и Вавилова отрѣшить, и вмѣсто нихъ опредѣлить изъ ярославскаго купечества Григорія Истомина, знатнаго мастера, да въ товарищи къ нему ярославскаго купца Швылева, а къ нимъ двоихъ иноземцевъ, и привести всѣхъ ихъ къ присягѣ; кромѣ того, прислать на гостиный дворъ члена Коммерцъ-Коллегіи или портовой таможни, собрать браковщиковъ и русскихъ юхотныхъ купцовъ, и сообща учредить юфтямъ бракъ порядочный; такъ-же учредить бракъ и прочимъ иностраннымъ и русскимъ товарамъ, давши браковщикамъ инструкцію. Сенатъ приказалъ: быть браковщиками юфти Истомину и Швылеву, привести ихъ къ присягѣ, дать инструкцію и сдѣлать все такъ, какъ просили ярославскіе купцы[1]).

Рѣдко которая Коллегія не чувствовала власти Сената, отмѣнявшаго ея рѣшенія и налагавшаго денежные штрафы за неправильные, по его мнѣнію, приговоры. Прокуроръ Юстицъ-Коллегіи, Жилинъ, донесъ, что въ нѣкоторые дни присутствующіе съѣзжаются въ разные часы, и хотя всѣ въ собраніи бываютъ, только слѣдственныхъ дѣлъ не слушаютъ, а читаютъ сами положенные передъ ними журналы по дѣламъ о переносѣ изъ города въ городъ и о запискѣ духовныхъ, и въ этомъ читаніи почти все время проходитъ, пока ударитъ часъ выходить всѣмъ изъ Коллегіи; иные подпишутъ прочтенные журналы, а другіе оставляютъ безъ подписанія, и затѣмъ слѣдственныя дѣла понынѣ остаются безъ рѣшенія, да и отъ челобитчиковъ происходятъ въ нерѣшеніи дѣлъ безпрестанныя докуки. Сенатъ послалъ въ Коллегію принести неподписанные журналы; посланный, возвратясь, объявилъ, что въ Коллегіи присутствующихъ никого нѣтъ: тогда Сенатъ послалъ капитана сенатской роты съ приказомъ, что когда присутствующіе въ Коллегію съѣдутся, то за поздній пріѣздъ держать ихъ подъ карауломъ безысходно. Совѣтникъ Юшковъ объявилъ, что опоздалъ потому, что въ его домѣ потолокъ провалился. Сенатъ приказалъ по такой законной причинѣ освободить его изъ подъ ареста [2]).

[1]) Журналы и протоколы Сената, 4 декабря 1750 г.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 22 и 24 августа 1749 года.

Въ духовной коллегіи,—въ Св. Синодѣ—продолжались также несогласія между членами и оберъ-прокуроромъ. Въ 1749 году князь Шаховской писалъ императрицѣ: „Я, не премолчевая съ оными членами о томъ, что когда, усмотря по божескимъ и вашего императорскаго величества законамъ въ неисполненіи оставленное ими не по силѣ тѣхъ производимое, спорю; за то часто не токмо на меня сердятся и многими словами персонально оскорбляютъ, и заочно, уповаю, и жалобы на меня произносятъ. И тако мнѣ противъ многихъ спорить, опредѣленному и разными опасностями окруженному, единое только есть спасеніе и покровъ—правосудіе и милость вашего императорскаго величества. А мнѣ бъ то была наивысочайшая милость, когдабъ мои поступки и для соблюденія вашего императорскаго величества интересовъ ревностныя домогательства и съ синодальными членами не заедино ихъ жалованье и доходы, но также за упущеніе экономическихъ порядковъ и за раздачу въ великовотчинные архіерейскіе домы и монастыри на строеніе, безъ надлежащаго прежде о доходахъ и остаткахъ отчета, болѣе 40,000 рублевъ изъ казны вашего императорскаго величества денегъ, и за несобираніе въ Синодъ оставшихся въ епархіяхъ и монастыряхъ послѣ духовныхъ персонъ пожитковъ (въ коемъ числѣ одних денегъ и червонныхъ болѣе 20,000 рублевъ находится) и по прочимъ таковымъ же дѣламъ споры и противъ всѣхъ приносимыхъ на меня жалобъ персонально предъ очьми вашего императорскаго величества при нихъ самыми дѣлами доказать и оправдаться позволено было“ [3]).

Шаховской также могъ указать на медленность Синода въ исправленіи и изданіи Библіи,—медленность въ дѣлѣ, которое особенно занимало Елисавету, какъ завѣщанное отцомъ. Мы видѣли, что исправленіе Библіи было поручено архимандриту Иларіону. Оказалось, что въ Ѳеофилактовской (Лопатинскаго) исправленной Библіи, во многихъ главахъ и стихахъ, текстъ съ текстомъ старой печатной Библіи и ни съ какими греческими кодексами не согласенъ, иные стихи перемѣнены, другіе дополнены или убавлены, и главы нѣкоторыя начинаются не оттуда, откуда по греческимъ кодексамъ должны начинаться, а по указу Петра Великаго велѣно именно эти несогласія исправить согласно съ греческимъ переводомъ 70 толковниковъ. 17 ноября 1746 года опредѣлили: перемѣны рѣчей у Ѳеофилакта выносить на брегъ (на поля), а старыя рѣчи писать въ текстѣ на-ряду; что же касается до перемѣны въ разумѣ, также прибавки или убавки стиховъ или перемѣны главъ, то смотрѣть на сдѣланныя выписки изъ разныхъ греческихъ кодексовъ, и если сыщется хотя въ одномъ кодексѣ такъ, какъ въ старой печатной, то оставить такъ и въ томъ разумѣ, какъ въ старой печатной; а если ни въ одномъ изъ греческихъ ко-

[3]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.

дексовъ не сыщется такъ, какъ въ старой печатной лежитъ, то представлять на разсужденіе Синода. 9 января 1747 года, архимандритъ Иларіонъ подалъ доношеніе, что усмотрѣлъ онъ много въ старопечатной Библіи такихъ рѣчей и цѣлыхъ стиховъ, которые противны новоисправленной Библіи, а исправить то по надлежащему невозможно, и притомъ, объявляя о своемъ Греческаго языка незнаніи и что онъ глазами, трудясь при чтеніи той Библіи, ослабѣлъ, проситъ отъ того библейскаго труда увольненія въ Воскресенскій монастырь, гдѣ ему, будучи настоятелемъ, и жалованье нынѣ, за библейскій трудъ даемое, производить. Синодъ опредѣлилъ Иларіона уволить, а изъ Кіева вызвать двоихъ іеромонаховъ, знающихъ Греческій языкъ. — Въ экстрактѣ о библейскомъ дѣлѣ, поданномъ императрицѣ, въ концѣ находится замѣчаніе, должно быть оберъ-прокурорское: „И тако Св. Синода члены отъ порученнаго имъ именными ея императорскаго величества указами библейскаго исправленія сами отбывъ, разнымъ персонамъ оную повѣряя, за разными же сумнительствы оно дѣло безконечно продолжаютъ, и жалованье вотще употребилось. А когда и означенные кіевскіе монахи одни токмо безъ искуснѣйшихъ къ тому изъ синодальныхъ членовъ исправленіе Библіи учинятъ, то по примѣру вышеозначенныхъ премѣнъ чаятельно, что паки и потомъ сумнительствы еще какія изобрѣтутъ“.

Іеромонахи начали исправлять Библію; показалось долго, и 1-го марта 1750 года Синодъ получилъ указъ—печатать безъ всякаго отлагательства. 10 іюля началось печатаніе; 8 сентября новое требованіе, чтобъ Синодъ подалъ вѣдомость, въ какомъ положеніи находится печатаніе Библіи. Синодъ доложилъ, что начавшееся 10 іюля 1750 года печатаніе производилось безъ перерыва; что же касается до того, въ какое время всѣ Пророческія и Маккавейскія книги могутъ Синодомъ быть освидѣтельствованы и исправлены, — того показать точно не можно, ибо хотя Синодъ о семъ и безпрестанное попеченіе имѣетъ, но понеже многотрудныя въ нихъ находятся къ разобранію мѣста, каковыя наипаче состоятъ въ пророчествіяхъ, ктому-же въ Синодѣ, сверхъ того библейскаго исправленія, завсегда происходитъ слушаніе и другихъ многихъ текущихъ и неотлагаемаго рѣшенія требующихъ, дѣлъ, не упоминая о епархіескихъ [1]).

Изъ дѣлъ, слушаніемъ которыхъ занимался Синодъ, замѣтимъ слѣдующія: Тверской архіепископъ Митрофанъ жаловался на обиды, причиняемые духовенству свѣтскими людьми: 1) Ржевскій воевода Венюковъ избилъ батогами дьякона Преображенской церкви, Барсова; слѣдствіе провинціальною тверскою канцеляріей произведено, но рѣшенія нѣтъ. 2) Майоръ Свѣчинъ священника Тимоѳеева билъ по щекамъ и проломилъ голову тростью, о чемъ провинціальная канцелярія до сихъ поръ слѣдствія не произвела. 3) Полиціймейстеръ Тарховъ пономаря Григорьева велѣлъ бить плетьми, самъ билъ тростью и едва оставилъ жива,—слѣдствія не произведено. 4) Ржевскій помѣщикъ Юрьевъ билъ батогами приходскаго своего священника, отчего тотъ и умеръ; началось слѣдствіе, Юрьевъ бѣжалъ и до сихъ поръ не сысканъ. 5) Ржевскаго уѣзда вотчинникъ, капитанъ Новокщеновъ, съ людьми и крестьянами пріѣхалъ къ священнику, билъ его, жену и дѣтей дубьемъ и кольемъ, одного сына увезъ и держалъ пять дней скована. 6) Кашинскаго уѣзда, села Фроловскаго вотчинникъ, гвардіи поручикъ Фамендинъ, священника за невѣнчаніе людей его безъ вѣнечныхъ памятей билъ по щекамъ и дубиною, и принудилъ вѣнчать. 7) Старицкаго уѣзда помѣщикъ, прапорщикъ Поликарповъ, принуждалъ священника вѣнчать крестьянина съ десятилѣтнею дѣвочкой и, за неисполненіе, пришелъ съ людьми въ домъ его, грозясь убить: священникъ спрятался; тогда Поликарповъ велѣлъ разломать его избу, имѣніе все пограбилъ, дочь и сноху его травилъ собаками. Въ вѣдѣніи Синода Сенату по поводу этихъ жалобъ было выставлено, что въ свѣтскихъ командахъ по консисторскимъ промеморіямъ слѣдствій не производятъ, а принуждаютъ обиженныхъ съ обидчиками вступать въ суды по формѣ и за тѣми дѣлами волочиться; а обиженныя духовныя особы представляютъ, что они въ суды вступать, бумагу гербовую давать и за дѣлами волочиться по скудости и земледѣльству не въ состояніи, особенно же, за отлучкою ихъ отъ церквей, въ отправленіи службы Божіей и мірскихъ требъ послѣдуетъ остановка. Сенатъ рѣшилъ: поступить во всѣхъ этихъ дѣлахъ по силѣ указовъ, а требованіе Синода, чтобъ обиженныхъ не привлекать къ суду по формѣ, исполнить невозможно.

Синодъ обвинялъ и Главный Магистратъ въ потачкѣ раскольникамъ. Въ 1749 году Синодъ сообщилъ Сенату, что въ городѣ Ржевѣ-Володимировѣ раскольники выбрали бургомистромъ въ магистратъ купца Чупятова, который хотя въ явный расколъ и не былъ записанъ, но жилъ съ отцомъ своимъ, записнымъ раскольникомъ, въ одномъ домѣ, и тайно держался раскола, ибо въ церковь никогда не ходилъ. Главный Магистратъ утвердилъ Чупятова, который своихъ родственниковъ и прочихъ злыхъ раскольниковъ всячески защищаетъ и живущихъ у нихъ пришлыхъ учителей прикрываетъ. Сенатъ велѣлъ послать въ Главный Магистратъ указъ объ отрѣшеніи Чупятова. Но въ слѣдующемъ году, по тому же поводу, Синодъ жаловался опять на Главный Магистратъ, тверской магистратъ, тверскую и ржевскую провинціальныя канцеляріи: во Ржевѣ, при ревизіи, записались вновь въ раскольники 187 человѣкъ и крестили многихъ Православныхъ дѣтей своихъ, крещенныхъ Православными священниками, учатъ своимъ ересямъ; въ домахъ своихъ имѣютъ потаенныя мольбища и держатъ у себя учителей раскольническихъ старцевъ, старицъ и бѣльцовъ съ Вѣтки и изъ другихъ мѣстъ. Хотя

[1]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.

въ 1746 году, въ бытность въ Ржевѣ архіепископа Митрофана, нѣкоторые, по его увѣщанію, и показались склонными къ обращенію, но предводителемъ своимъ, Андреемъ Свѣшниковымъ, отъ того были удержаны; хотя этотъ Свѣшниковъ, вмѣстѣ съ купцомъ Кудряевымъ и другими, были присоединены къ Православію, однако опять возвратились въ расколъ, и, ходя по другимъ городамъ и уѣздамъ, разсѣваютъ лжеученія и развращаютъ простой народъ. Къ защитѣ своей они отыскали средство въ Главномъ Магистратѣ, который подтвердилъ указомъ тверскому магистрату не отыскивать ихъ и не отдавать къ слѣдствію въ консисторію, вслѣдствіе чего подъячіе и канцеляристы ржевской воеводской канцеляріи держатся раскола, несмотря на то, что такимъ, по указамъ, у дѣлъ быть не велѣно. Въ 1747 году было послано изъ консисторіи отыскивать раскольничьихъ учителей въ деревняхъ Старицкаго уѣзда, Чуриловѣ и Васильевской; но бургомистръ, записной раскольникъ, Константиновъ, имѣющій у себя раскольничью пристань, вмѣстѣ съ крестьянами смертно прибилъ и ограбилъ этихъ посланныхъ, и отбилъ взятую ими женщину съ раскольническими лже-тайнами, а тверская провинціальная канцелярія ничего за это не сдѣлала.

Другія вѣсти о расколѣ приходили съ Сѣвера; въ Устюжскомъ уѣздѣ, изъ Бѣлослуцкаго стана, изъ разныхъ деревень сбѣжали тайно ночью крестьяне, записавшіеся по послѣдней ревизіи въ расколъ и незаписавшіеся: всего 53 человѣка мужчинъ и женщинъ. За ними погнался прапорщикъ съ солдатами, крестьянами и присланными изъ консисторіи священниками: онъ нашелъ бѣглецовъ въ одномъ скиту, въ которомъ съ прежними бѣглецами набралось болѣе 70 человѣкъ. Бѣглецы изъ окна переговаривали съ священниками, и на всѣ увѣщанія ихъ отвѣчали: „Зачѣмъ пріѣхали, то и творите, а у насъ намѣреніе положено одно, какое сами знаемъ". Прапорщику присланъ былъ указъ не брать бѣглецовъ приступомъ, чтобъ не сожглись; но бѣглецы и безъ приступа зажгли скитъ и сгорѣли въ немъ всѣ.

Предметомъ синодскихъ занятій была также цензура книгъ. За неимѣніемъ новыхъ книгъ, разбирали старыя, и въ 1749 году велѣно было отбирать книгу: „Ѳеатронъ, или позоръ историческій", переведенную съ латинскаго Гавріиломъ Бужинскимъ и изданную въ 1724 году. Въ слѣдующемъ году, по именному указу, взяты были изъ таможни объявленныя въ ней купцомъ Бузанкетомъ фарфоровыя вещи въ томпаковой оправѣ наподобіе гусиныхъ яицъ, 14 штукъ, съ изображеніемъ на нихъ страстей Христа Спасителя, Богоматери и Св. угодниковъ, которыя къ употребленію въ нихъ никакихъ мірскихъ вещей не приличны; императрица приказала отдать ихъ Бузанкету обратно съ такимъ подтвержденіемъ, чтобъ онъ не продавалъ ихъ ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ Россійскаго государства, подъ тяжкимъ штрафомъ, отправилъ бы ихъ за-границу и впредь съ такими изображеніями никакихъ вещей, сосудовъ и прочихъ, которыя кладутся въ карманы, на столы, употребляются для стѣнныхъ уборовъ, онъ и другіе купцы отнюдь не выписывали и не вывозили [1]).

Члены Синода, попрежнему, были изъ Малороссіянъ; духовникъ императрицы, протоіерей Дубянскій, былъ Малороссіянинъ, фаворитъ Разумовскій былъ также Малороссіянинъ. Мы уже говорили, что главнымъ достоинствомъ Елисаветы, несмотря на вспыльчивость ея въ отдѣльныхъ случаяхъ жизни, было безпристрастное и спокойное отношеніе къ людямъ; она знала всѣ ихъ столкновенія, вражды, интриги,—и не обращала на нихъ никакого вниманія, лишь бы это не вредило интересамъ службы; она одинаково охраняла людей, полезныхъ для службы, твердо держала равновѣсіе между ними, не давала имъ губить другъ друга. Этому спокойному, безпристрастному отношенію императрицы къ людямъ кн. Шаховской обязанъ былъ возможностью сохранять свое трудное мѣсто, несмотря на сильную набожность императрицы, несмотря на то, что иностранцы уже кричали о чрезвычайномъ вліяніи, данномъ Елисаветою духовенству, несмотря на то, что Малороссіяне должны были находить себѣ заступника въ фаворитѣ Малороссіянинѣ. Но понятно, что тамъ, гдѣ интересъ Малороссіянъ и Малороссіи не сталкивался ни съ какими и ни съ чьими другими интересами, Елисавета охотно должна была выслушивать представленія фаворита и охотно дѣлать все то, что могло содѣйствовать благосостоянію страны, откуда онъ былъ родомъ.

Мы оставили Малороссію предъ восшествіемъ на престолъ Елисаветы, когда главнымъ правителемъ страны былъ генералъ Кейтъ. Мы видѣли, что Кейтъ намекалъ Остерману, что надобно воспользоваться нерасположеніемъ Малороссіянъ къ Великороссіянамъ и въ число великороссійскихъ членовъ управленія ввести Нѣмца [2]). Но планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, Кейтъ скоро понадобился въ Петербургѣ, и Остерманъ назначилъ главнымъ правителемъ Малороссіи своего приверженца изъ Русскихъ—извѣстнаго Ив. Ив. Неплюева. Но и Неплюевъ недолго пробылъ въ Малороссіи. Въ концѣ октября 1741 года пріѣхалъ онъ въ Глуховъ, а 3 декабря пріѣхалъ туда генералъ Бутурлинъ съ манифестомъ 25 ноября о восшествіи на престолъ Елисаветы; Бутурлину было велѣно смѣнить Неплюева, отправить его въ Петербургъ, а самому остаться правителемъ Малороссіи, впредь до новаго распоряженія. Старшина и полковники поднесли за это извѣстіе Бутурлину 2,000 рублей и выбрали троихъ депутатовъ—Апостола, Марковича и Горленко для отправленія въ Петербургъ ходатайствовать по Малороссійскимъ дѣламъ предъ новою императрицею. Въ январѣ 1742 года, депутаты

[1]) Журналы и протоколы Сената, 23 мая, 8 іюня 1749 года; 18, 26 января и 11 іюля 1750 года; Собраніе постановленій по части раскола, означенные годы.

[2]) Исторія Россіи, см. выше, т. XXI.

отправились, и наняли себѣ въ Петербургѣ квартиру—пять каменныхъ палатъ въ верхнемъ этажѣ, за 14 рублей въ мѣсяцъ; извозчикъ съ парою лошадей стоилъ 40 алтынъ въ день,—сани и упряжь свои. Первые визиты были къ генералу Ушакову, продолжавшему завѣдывать Тайною Канцеляріей, и къ канцлеру, князю Черкасскому. Затѣмъ слѣдовали другіе вельможи, изъ которыхъ только князь Александръ Бор. Куракинъ, любившій сильно попировать, угостилъ депутатовъ—„напоилъ и накормилъ съ особливою своею похвальною склонностію". Только на четвертый день депутаты были по службѣ у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, нашего Малороссіянина. На шестой день, послѣ обѣда, были во Дворѣ и имѣли аудіенцію у ея императорскаго величества. Государыня изволила стоять въ присутствіи дамъ и господъ. Привѣтъ говорилъ панъ полковникъ Лубенскій, Апостолъ; на привѣтъ отвѣтствовалъ тайный совѣтникъ, баронъ Минихъ, обнадеживая милостію монаршею весь народъ и партикулярно депутатовъ. Послѣ того допущены были къ ручкѣ ея величества.

Депутатовъ ласкали, часто приглашали по вечерамъ во дворецъ на оперы, „гдѣ дѣвки италіанки и кастратъ пѣли съ музыкою". Бывали у земляка Разумовскаго, у котораго выпивали по 10 бокаловъ венгерскаго; ѣздили въ Академію покупать книги, смотрѣли кунсткамеру, глобусъ, библіотеку и другія диковинки; въ Академіи же были на лекціи: профессоръ физики Крафтъ многіе дѣлалъ при нихъ опыты стеклами зажигательными, чрезъ микроскопіумъ композитумъ, чрезъ зажигательные планы, принзъ металльный и деревянный, чрезъ барометръ и гидрометръ. Ѣздили смотрѣть слоновъ, львицъ, бобровъ полосатыхъ, медвѣдей бѣлыхъ и другихъ звѣрей и птицъ.

Насмотрѣвшись этихъ диковинокъ въ новой столицѣ, малороссійскіе депутаты въ мартѣ мѣсяцѣ поѣхали въ Москву присутствовать при коронаціи. Здѣсь, на третій день по пріѣздѣ, отправились въ Нѣмецкую слободу, во дворецъ къ Разумовскому, который напоилъ ихъ венгерскимъ. Потомъ опять ѣздили во дворецъ къ Разумовскому, и удостоились быть у ручки ея величества и милостивыя слова слышать, и подпили; вечерять отправились къ отцу духовнику, также своему Малороссіянину. Въ Москвѣ, по поводу коронаціи, начались увеселенія при Дворѣ: депутаты ѣздили во дворецъ и были на оперѣ въ оперной залѣ, гдѣ, „въ изъясненіе милосердыхъ квалитетовъ ея величества, репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ Римскомъ, и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ поущенія Вителліи, дочери убіеннаго Вителлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено было декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ при преизрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ". Но для Малороссіянъ были особенныя удовольствія; Разумовскій пользовался случаемъ, чтобъ погулять со своими: сосватается его дворовый человѣкъ на дворовой дѣвушкѣ,—Разумовскій позоветъ своихъ на малороссійскую свадьбу, и подопьютъ. Воротятся депутаты вечеромъ домой, и тамъ уже ждутъ ихъ дворцовые—слѣпой бандуристъ и пѣвчіе, и начнется куликанье. Поѣдутъ къ архіерею Черниговскому, Тверскому: все это свои же,—и покуликаютъ довольно. И у себя депутаты могли поить и кормить гостей: къ нимъ изъ Малороссіи приходили обозы, привозили горѣлку двойную, анисовую, вишневку, тютюнъ, сало, ветчину, гусей, утокъ, индюковъ, пшено, свѣчи восковыя и сальныя, розу варенье, пряннчки, сыры, пригоняли воловъ, овецъ. Не все куликали: ѣздили въ Сенатъ, подавали просьбы по общимъ и частнымъ дѣламъ, ѣздили къ почтмейстеру, вносили по 18 рублей, чтобъ въ слѣдующемъ году получать газеты французскія, амстердамскія; подговаривали иноземцевъ для обученія дѣтей Нѣмецкому и Латинскому языкамъ за 35 рублей въ годъ [1]).

Такъ провели малороссійскіе депутаты въ Москвѣ 1742 годъ, въ концѣ котораго отправились домой. А между тѣмъ Разумовскій не былъ праздёнъ. Еще 15 декабря 1741 года Елисавета, въ свое присутствіе въ Сенатѣ, указала имѣть разсужденіе, какое Малороссійскому народу сдѣлать облегченіе въ податяхъ и въ прочемъ, чтобъ онъ могъ поправиться отъ убытковъ, претерпѣнныхъ въ бывшую Турецкую войну вслѣдствіе пребыванія у него большого войска. 21 мая 1742 года, генералъ-прокуроръ предложилъ слѣдующія средства облегчить Малороссію: проѣзжіе ничего не должны брать даромъ, сами не должны ставиться на квартиры, а брать—какія отведетъ имъ мѣстное начальство. Въ 1739 году генеральная войсковая канцелярія запретила прежде бывшій переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, подъ предлогомъ, что отъ этого много пароду уходитъ за-границу: теперь этотъ переходъ позволить, но смотрѣть накрѣпко, чтобъ побѣговъ за-границу изъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ не было. Почты, учрежденныя во время Турецкой войны, свести, а содержать только одну—отъ Глухова по Кіевскому тракту. Доимку снять. Сенатъ согласился. Запрещено было также Великороссіянамъ закрѣплять за себя Малороссіянъ [2]).

Правителемъ Малороссіи, или министромъ, какъ тогда выражались, былъ назначенъ генералъ Ив. Ив. Бибиковъ. Правительство строго наблюдало, чтобъ льготы малороссійскія сохранялись ненарушимо; но какъ прежде, такъ и теперь сами Малороссіяне просили, какъ милости, нарушенія этихъ льготъ. Такъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ людей въ Малороссіи, человѣкъ образованный, или, по крайней мѣрѣ, большой охотникъ до образованія, покупавшій книги русскія и иностранныя и дѣлавшій изъ нихъ длинныя выписки, выписывавшій иностранныя газеты и учителей иностранныхъ къ дѣтямъ своимъ, оставившій намъ любопытныя записки, бунчуковый

[1]) Записки Марковича, II, 151 и слѣд.
[2]) Журналъ Сената, 15 декабря 1741 года; 21 мая 1742 года.

товарищъ Яковъ Марковичъ. котораго въ 1742 году посылали депутатомъ отъ Малороссіи привѣтствовать новую императрицу и ходатайствовать о льготахъ для Малороссіи, — этотъ самый Яковъ Марковичъ, по возвращеніи въ Малороссію, въ 1743 году подалъ просьбу о пожалованіи его за службу чиномъ полковничьимъ на ваканцію. Сенатъ рѣшилъ отказать въ просьбѣ, потому что по пунктамъ, даннымъ гетману Апостолу, велѣно въ полковники выбирать вольными голосами по прежнему ихъ малороссійскому обыкновенію.

Въ Малороссіи, странѣ земледѣльческой и бѣдной народонаселеніемъ, вопросомъ первой важности былъ вопросъ объ отношеніяхъ земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ. Мы знаемъ, что издавна въ Малороссіи слышалась жалоба на стремленіе землевладѣльцевъ дѣлать своими подданными или крѣпостными вольныхъ казаковъ. Закрѣпощенные такимъ образомъ крестьяне поднимали иски, добиваясь попрежнему въ казаки. Въ 1746 году войсковая канцелярія представила Сенату, что по указу Петра Великаго позволено крестьянамъ искать казачества; но отъ этого происходятъ злоупотребленія: во время войны молчатъ, а въ мирное время, чтобъ не платить податей и завладѣть панскими землями, начинаютъ отыскивать казачества, затрудняютъ и малороссійскіе суды и Сенатъ. Являются челобитчики лѣтъ въ 70: и онъ и отецъ его постоянно были въ мужикахъ, а показываютъ, что дѣдъ былъ казакомъ, и поставляютъ свидѣтелей моложе себя, которые говорятъ, что отъ отцовъ своихъ слыхали, будто челобитчиковъ дѣдъ служилъ въ казакахъ, а въ старыхъ казачьихъ спискахъ его нѣтъ. Чтобъ уничтожить такое злоупотребленіе, надобно назначать годовой срокъ, въ который бы всѣ отыскивали казачества, а по прошествіи срока челобитчикамъ отказывать, иначе просьбамъ конца не будетъ; притомъ же мужики принимаютъ такую суровость, что какъ скоро подали челобитье, то уже владѣльцевъ отнюдь и слушать не хотятъ, бьютъ ихъ и прикащиковъ. Сенатъ не согласился, запретилъ назначать годовой срокъ. На этомъ основаніи, въ слѣдующемъ году 79 человѣкъ Черниговскаго полка били челомъ, что еще Павелъ Полуботокъ и сынъ его завели ихъ себѣ въ подданство; они просили освобожденія, но справедливости имъ не оказано, только взятками разорены: бригадиръ Ильинъ взялъ съ нихъ куфу горѣлки, полковникъ Тютчевъ—12 рублей денегъ и двѣ куфы горѣлки, подполковникъ Семеновъ—два рубля. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло; обвиняемые заперлись, но обвинители присягнули въ правдѣ своихъ показаній, и рѣшено, что надобно взять съ обвиненныхъ за взятки вдвое и отдать обвинителямъ.

Въ 1749 году, Кіевскій губернаторъ, Леонтьевъ, представилъ въ Сенатъ, что великороссійскіе купцы для всенародной пользы просятъ позволенія сидѣть въ Кіевѣ въ рядахъ сообща съ кіевскими мѣщанами и врозь всякими товарами торговать; подати у себя, въ великороссійскихъ городахъ, будутъ они платить бездоимочно и кіевскому магистрату всякія повинности отправлять; по мнѣнію кіевской губернской канцеляріи, это слѣдовало позволить, ибо кіевскимъ мѣщанамъ отъ этого никакого стѣсненія не будетъ. Но Сенатъ, справившись, что въ грамотѣ Петра Великаго запрещено пріѣзжимъ въ Кіевъ торговымъ людямъ сидѣть въ лавкахъ вмѣстѣ съ кіевскими мѣщанами и продавать товары въ лотки, фунты и золотники, послалъ Леонтьеву выговоръ, что онъ объ отмѣнѣ существующихъ указовъ не долженъ былъ представлять. Еще прежде кіевскій магистратъ жаловался Сенату, что Главный Магистратъ привлекаетъ его подъ свое вѣдѣніе, тогда какъ онъ въ вѣдомствѣ главнаго магистрата никогда не бывалъ, и слался на привилегіи, подтвержденныя Петромъ Великимъ. Главный Магистратъ объяснилъ, что онъ кіевскій магистратъ въ свое вѣдѣніе не привлекаетъ, а посылаетъ для извѣстія указы о пожалованіи разныхъ людей чинами и объ отставкахъ. Сенатъ приказалъ: изъ Главнаго Магистрата въ кіевскій магистратъ никакихъ указовъ не посылать.

Малороссія много пострадала отъ засухи и саранчи; поэтому, въ августѣ 1748 года, императрица приказала Сенату постановить мѣры для облегченія Малороссіи. Призваны были въ Сенатъ находившіеся тогда въ Петербургѣ малороссійскіе депутаты и спрошены, не признаютъ-ли они полезнымъ, вслѣдствіе недостатка въ хлѣбѣ, запретить малороссійскимъ обывателямъ курить вино. Депутаты отвѣчали, что надобно позволить курить вино только духовенству и шляхетству, генеральной и прочей тамошней старшинѣ и выборнымъ казакамъ, потому что они для винокуренія хлѣбъ большею частью покупаютъ, и то противъ наличнаго числа казаковъ половинѣ; а прочимъ рядовымъ казакамъ и подсосѣдкамъ, также мѣщанству и посполитому народу винокуреніе запретить. Сенатъ согласился.

Великороссійскій офицеръ не могъ позволить себѣ безнаказаннаго насилія надъ Малороссіяниномъ: кирасирскій поручикъ, Ланской, за разграбленіе дома Малороссіянина Степанова, за смертельные ему побои, за держаніе жены его въ двухъ колодкахъ, за пытки и мученія племянницы и служительницъ его и постороннихъ пяти женщинъ, лишенъ былъ всѣхъ чиновъ, наказанъ плетьми въ Малороссіи и написанъ въ солдаты [1]).

Отъ насилій великорусскихъ офицеровъ легко было доставить безопасность Малороссіянамъ; но и въ Малороссіи точно такъ же, какъ и въ Великой Россіи, трудно было доставить жителямъ безопасность отъ разбойниковъ. Въ запискахъ одного изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ людей въ Малороссіи находимъ слѣдующее извѣстіе: „Пріѣхалъ въ Сварковъ и засталъ дочь мою старшую, которая объ-

---

[1]) Журн. Сената, 23 марта 1743; 7 января 1746; 27 октября 1747; 22 іюня, 26 іюля, 8 августа 1748; 23 мая 1749.

явила, что напали на нихъ въ селѣ Будиловѣ ночью разбойники, взяли ее и пана Стефана, тирански били и начали-было пекти (поджаривать) и, побравши всѣ деньги, сребро и проч., ушли за границу" [1]). Сильную заботу доставляло правительству Запорожье, какъ разсадникъ разбойничества. Въ 1742 году опредѣлено было посылать Запорожцамъ ежегодно по 4,660 рублей, кромѣ того муки по 1,000 четвертей да крупъ на то число по пропорціи; пороху и свинцу по 50 пудъ. Но Запорожцы не довольствовались этимъ жалованьемъ и рыбными и звѣриными промыслами: они нападали на казаковъ и Калмыковъ, посылаемыхъ въ пограничные разъѣзды, отбирали у нихъ лошадей и оружіе. Малороссіяне, ѣздившіе изъ Бахмута въ Черкасскъ, жаловались, что Запорожцы ихъ грабятъ; съ заставы Каменнаго Брода пріѣзжали Донскіе казаки съ жалобами, что на нихъ нападаютъ Запорожцы и ссылаютъ ихъ съ заставы, объявляя, что рѣка Міусъ въ ихъ владѣніи. Запорожцы, въ свою очередь, жаловались, что Донское войско сильно обижаетъ ихъ, изъ рѣкъ Калміуса и Міуса и прочихъ рыболовныхъ мѣстъ отгоняетъ ихъ, Запорожскихъ и Болоховскихъ казаковъ. Донцы жаловались на большія обиды, грабительства и разоренія отъ Запорожцевъ и просили, чтобъ Запорожцамъ запрещенъ былъ въѣздъ въ непринадлежащія имъ мѣста: въ Калміусъ, Калчики, Еланчики, и особливо въ Міусъ и Темерникъ, также въ морскія косы,—довольствовались бы они попрежнему мѣстами, прилегающими къ ихъ сторонѣ между Днѣпромъ и, впадающею въ Азовское море, рѣкою Бердою; а если Запорожцы на Міусѣ будутъ зимовать и весною вмѣстѣ съ Донцами добываться (промышлять), то изъ Черкасска лошадей въ поле выпустить будетъ некуда, и проѣздъ изо всѣхъ мѣстъ въ Черкасскъ съ разными припасами всякаго званія людямъ можетъ быть остановленъ. Для размежеванія отправленъ былъ подполковникъ Бильсъ, которому кошевой объявилъ, что письменные документы въ Шведскую войну всѣ пропали; надобно было прибѣгнуть къ сказкамъ старожиловъ; но по этимъ сказкамъ обѣ стороны выходили правы. Запорожцы объявили, что они владѣютъ спорными мѣстами недавно, но не самовольно; что у нихъ на то есть грамота, подписанная Ив. Ив. Неплюевымъ, бывшимъ при разграниченіи между Россіею и Турціею; но оказалось, что въ этой грамотѣ просто заключалось извѣщеніе Неплюева о заключеніи мира между Россіею и Турціею. Сенатъ приказалъ: Запорожцамъ владѣть отъ Днѣпра рѣкою Самарою, Волчьими Водами, Бердою, Калчикомъ, Калміусомъ и прочими, впадающими въ нихъ рѣчками и подлежащими къ тѣмъ рѣкамъ косами и балками по прежнюю границу 1714 года; а отъ рѣки Калміуса—Еланчикомъ, Кринкою, Міусомъ, Темерникомъ до самаго Дона и впадающими въ нихъ рѣчками, балками и косами владѣть—Донскимъ казакамъ; границею быть рѣкѣ Калміусу.

Въ началѣ 1747 года, кіевскій губернаторъ, Леонтьевъ, доносилъ, что въ Запорожье посылаются строгія грамоты о пресѣченіи воровства и разбоевъ, и кошевой съ товариществомъ представлялъ, что онъ со всѣми куренными атаманами и немалою командой рядовыхъ казаковъ ходили врознь партіями по всѣмъ степнымъ рѣчкамъ, лежащимъ при Азовскомъ морѣ, балкамъ, байракамъ и другимъ мѣстамъ для искорененія воровъ, разбойниковъ и другихъ безпаспортныхъ бродягъ, сыскали воровъ Журавля и Калгу съ 20-ю товарищами, и повѣсили. Леонтьевъ прибавлялъ, что, несмотря на это, Запорожскіе казаки не отстаютъ отъ укорененныхъ въ нихъ злодѣйствъ, ибо какъ съ польской стороны, такъ и отъ русскихъ подданныхъ много жалобъ на ихъ разбои, смертныя убійства и грабительства. Но, съ одной стороны, надобно было побуждать кошевого, чтобы онъ преслѣдовалъ разбойниковъ, а съ другой—удерживать, чтобъ онъ не казнилъ пойманныхъ смертью, а сообразовался съ общимъ распоряженіемъ для всего государства. Въ 1749 году, шесть человѣкъ Запорожцевъ въ Польскихъ владѣніяхъ разбили Жида, въ чемъ и повинились. Леонтьевъ изъ Кіева отослалъ ихъ въ Запорожье съ приказаніемъ—наказать ихъ жестоко, по войсковому обыкновенію, въ присутствіи всѣхъ казаковъ. Кошевой рапортовалъ, что двое разбойниковъ повѣшены, а прочіе публично безъ пощады кіевымъ боемъ жестоко наказаны, „ревнуя высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, дабы такое безпрерывное воровство прекратиться могло". Сенатъ велѣлъ послать указъ, чтобъ впредь не казнили, а присылали ему приговоры. Кошевой представилъ, что если не казнить, то воровства и другихъ шалостей искоренить будетъ невозможно. Сенатъ, разумѣется, не принялъ этого представленія. Безпрерывное воровство не прекращалось: гайдамаки жили въ зимовникахъ при Ингулѣ и въ урочищѣ Вербовомъ, числомъ до 3 и до 4 тысячъ. Въ 1750 году Военная Коллегія доносила, что городъ Изюмъ стоитъ на самой границѣ; за нимъ шатаются многочисленныя разбойничьи партіи изъ Запорожья и нападаютъ на промышленниковъ, проѣзжающихъ въ Торъ и Бахмутъ за солью, а въ Черкасскъ—за рыбою, также разоряютъ и обывателей изюмскихъ. Донцы жаловались опять, что Запорожцы нападаютъ на ихъ владѣнія. Сенатъ велѣлъ послать въ Запорожье обычную грамоту, чтобы тамъ прилагали стараніе объ искорененіи воровскихъ людей. Это было послѣднее распоряженіе Сената: 25 октября 1750 года Запорожье поступило въ вѣдѣніе Малороссійскаго гетмана [2]).

Мы видѣли, что въ 1744 году Елисавета предпринимала путешествіе въ Кіевъ. Малороссійская

[1]) Записки Марковича. II. 149.

[2]) Журналы Сената, 23 іюля 1742; 7 октября 1745; 15 апрѣля 1746; 26 января 1747; 7 марта 1749; 20 іюня 1749; 2 и 25 октября 1750 года.

старшина опредѣлила выставить 4,000 лошадей для проѣзда ея величества; но Алексѣй Гр. Разумовскій писалъ Бибикову, что надобно выставить еще столько же лошадей, да подъ свиту 15,0 0, и все это надобно собрать съ обывателей. Собирали подводы, но въ то же время собирали и подписи подъ челобитную государынѣ объ избраніи гетмана; впрочемъ, не вся генеральная старшина подписалась, а на этомъ основаніи не подписывались и другіе менѣе чиновные люди. 6 августа Елисавета въѣхала торжественно въ Глуховъ. Около кареты ѣхали старшины и бунчуковые съ обнаженными саблями. Подъѣхавши къ городскимъ воротамъ, Елисавета вышла изъ кареты и приняла поздравленіе Черниговскаго епископа, Амвросія Дубневича; потомъ она пѣшкомъ отправилась въ дѣвичій монастырь, гдѣ слушала обѣдню и проповѣдь Черниговскаго архіерея. Изъ церкви съ тою же церемоніей поѣхала въ министерскій домъ, гдѣ принимала знатныхъ Малороссіянъ и слушала поздравительную рѣчь Михайлы Скоропадскаго. Потомъ сѣла обѣдать, а послѣ обѣда забавлялась танцами Малороссіянокъ—польскими и казацкими. На другой день, чрезъ Разумовскаго, подано было прошеніе о гетманѣ; кромѣ того, всѣ полковники, стоявшіе съ полчанами своими на станціяхъ до самаго Кіева, подали такое же челобитье.

5 мая 1747 года Сенатъ получилъ указъ: быть въ Малороссіи гетману по прежнимъ тамошнимъ правамъ и обыкновеніямъ, и онаго во всемъ на такомъ основаніи учредить, какъ гетманъ Скоропадскій учрежденъ былъ. Только въ началѣ 1750 г. пріѣхалъ въ Глуховъ графъ Генриховъ, по требованію котораго старшина съѣхалась въ генеральную канцелярію и подписывалась на прошеніи, чтобъ гетманомъ быть брату фаворита, графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, извѣстному уже какъ президенту Академіи Наукъ. Это было 18 февраля; а ровно черезъ мѣсяцъ, 18 марта, въ Глуховѣ, въ квартирѣ министерской, было собраніе всѣхъ полковниковъ, бунчуковыхъ товарищей, старшины полковой и сотниковъ; туда же пріѣхали архіереи и все духовенство, и объявлено было избраніе гетмана Разумовскаго, а рядовыхъ казаковъ не было. 22 числа совершилось публичное избраніе. Собрались полки съ музыкой и стали около театра; торжественное шествіе двигалось отъ квартиры графа Генрихова: несли знамя, булаву, бунчукъ, печать, шли старшины, а впереди всѣхъ ѣхалъ въ каретѣ секретарь съ высочайшею грамотой, по прочтеніи которой графъ Генриховъ спрашивалъ всѣхъ, кого избираютъ, и въ отвѣтъ получилъ: „Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго". Послѣ этого всѣ отправились въ церковь, гдѣ слушали проповѣдь и молебствіе [1]).

Такъ былъ избранъ гетманъ, назначенный въ Петербургѣ. Велѣно было уничтожить въ Малороссіи казенные конскіе заводы и фабрики; отозваны были великороссійскіе члены Малороссійскаго управленія; Малороссія перешла опять въ вѣдѣніе Иностранной Коллегіи, вмѣсто Сената. Но гетманъ, воспитанный въ Петербургѣ и за-границею, нисколько не напоминалъ старыхъ гетмановъ. Онъ и жена его, урожденная Нарышкина, скучали въ Малороссіи и рвались въ Петербургъ, ко Двору: въ одномъ письмѣ, умоляя императрицу позволить пріѣхать ему въ Петербургъ, Разумовскій писалъ, что сырой климатъ Глухова ему страшно вреденъ, что онъ можетъ получить облегченіе въ своей болѣзни только въ благословенномъ климатѣ петербургскомъ [2]). Притомъ Разумовскій нуждался постоянно въ менторѣ и привезъ съ собою въ Малороссію Григорія Теплова,—а Тепловъ стоилъ четверыхъ великороссійскихъ членовъ прежней Малороссійской Коллегіи.

Возстановленіе гетманства въ Малороссіи не обошлось безъ доноса. Кіевскій генералъ-губернаторъ Леонтьевъ прислалъ въ Сенатъ письмо, писанное будто бы Миргородскимъ полковникомъ, Василіемъ Капнистомъ, къ Рудницкому, старостѣ чигиринскому, отъ 29 февраля 1750 года: „Желаніе мое быть гетманомъ не сбылось, ибо выбрали гетманомъ Кирилла Григорьевича Разумовскаго не по его должности. Нынѣ, по нашей присягѣ съ шляхтою и ордою, старайся отдать ордѣ въ ясырь заднѣпрскія мѣста отъ Архангельска до устья Тясмина, и для того отъ меня командирами въ заднѣпрскія мѣста отправлены Байракъ и Потапенко, которые ни въ чемъ ордѣ и шляхтѣ противиться не станутъ и еще помогать будутъ, а изъ россійской команды я постараюсь, чтобъ ни одинъ оттуда не вышелъ, а самъ буду искать случая, съ гетманомъ гуляючи, смертною отравою его напоить и по немъ гетманомъ быть". Въ Кіевѣ учреждена была по этому дѣлу особая коммисія, которая признала Капниста совершенно невиннымъ, и за то, что понапрасну держали подъ арестомъ, его произвели въ бригадиры и подарили 1,000 червонныхъ [3]).

Малороссійское народонаселеніе въ XVIII вѣкѣ вытягивалось далеко на востокъ, къ границамъ государства съ степною Азіею, гдѣ Россія мстила кочевникамъ за ихъ прежнія опустошенія, приглашая къ выгодной торговлѣ. Мы видѣли, какъ давно заботились здѣсь о прiисканіи и укрѣпленіи мѣста, которое должно было именно быть средоточіемъ среднеазіятской торговли; мы видѣли здѣсь дѣятельность Кириллова, котораго замѣнилъ Татищевъ; при Елисаветѣ мы видимъ здѣсь другого птенца Петра Великаго, Ивана Ивановича Неплюева, хорошо извѣстнаго намъ по дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ. Расположеніе Остермана готовило Неплюеву болѣе широкое поприще: мы видѣли, что въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ назначенъ правителемъ

[1]) Записки Марковича, II, 205 и слѣд.

[2]) Письмо Разумовскаго въ Государ. Архивѣ.

[3]) Архивъ Сената въ С.-Петербургѣ.

Малороссіи. Переворотъ 25 ноября, паденіе Остермана повели и къ паденію Неплюева, какъ креатуры Остермана; но были люди, и прежде другихъ сама императрица, которые считали Неплюева креатурою Петра Великаго и не считали полезнымъ отнять дѣятельность у человѣка, отмѣченнаго Преобразователемъ. Но оставимъ самого Неплюева разсказывать намъ о своихъ приключеніяхъ.

„Въ исходѣ того года (1741) присланъ въ Глуховъ Александръ Бор. Бутурлинъ, коему повелѣно меня, смѣня отъ всѣхъ должностей, отправить въ Петербургъ, а притомъ публиковать, такъ какъ и во всемъ государствѣ публиковано было, что всѣ указы, какого бы званія ни были, данные въ бывшее правленіе, уничтожаются, и всѣ чины и достоинства отъемлются, и посему я увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ знатнаго поста, ордена и деревень. Пріѣхавъ въ Москву, узналъ, что меня обвиняютъ дружбою съ графомъ Остерманомъ; и хотя я ничего противнаго отечеству и самодержавной власти не только не дѣлалъ, не слыхалъ, но, ей-ей, и никогда не думалъ,—совсѣмъ тѣмъ сія вѣдомость меня потревожила несказанно. Въ графѣ-жъ Андреѣ Ивановичѣ имѣлъ я всегда моего благодѣтеля, и за что онъ такъ осужденъ былъ,—того такъ же, по совѣсти, какъ предъ Богомъ явиться, не вѣдалъ. Возложился на Бога и на мою неповинность, и съ тѣми мыслями въ Петербургъ прибылъ, и явился у князя Алексѣя Михайловича (Черкасскаго) и у князя Никиты Юрьевича (Трубецкаго), кои мнѣ всегда были благодѣтели. Князь Никита Юрьевичъ сказалъ, чтобъ я ѣхалъ къ принцу Гессенъ-Гомбургскому, и ему бы доложилъ о моемъ пріѣздѣ, что я и сдѣлалъ. Отъ принца присланъ былъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я никуда не съѣзжалъ съ двора, и потомъ свѣдалъ, что въ особо учрежденной коммисіи въ 16 пунктахъ допрашивали графа Остермана: не вѣдалъ-ли о семъ Неплюевъ.—И онъ давалъ отвѣты, какъ то и подлинно было, что я ни о чемъ не былъ извѣстенъ; и хотя онъ нынѣ несчастенъ, но я не могу отпереться, что онъ былъ мой благотворитель и человѣкъ таковыхъ дарованій по управленію дѣлами, каковыхъ мало было въ Европѣ. Въ началѣ 1742 присланъ мнѣ отъ принца приказъ, чтобъ я у Двора явился, что я и исполнилъ, и при семъ случаѣ поставленъ я былъ на колѣна предъ церковью въ то время, когда императрица Елисавета Петровна проходила въ оную: она изволила, остановясь, возложить на меня паки орденъ Св. Александра Невскаго и пожаловать меня допустить къ рукѣ. Я, увидѣвъ дщерь государя, мною обожаемаго, въ славѣ ей принадлежащей и въ лицѣ ея черты моего отца и государя—Петра Перваго, такъ обрадовался, что забылъ все минувшее и желалъ ей отъ истинной души всѣхъ благъ и послѣдованія ей путемъ въ Бозѣ опочивающаго родителя. Потомъ сдѣлалъ я визиты всѣмъ знатнымъ. Старый мой благодѣтель Григорій Петровичъ (Чернышевъ), принялъ меня какъ роднаго и всѣ силы употреблялъ къ защищенію моей невинности. Чрезъ нѣсколько дней сдѣлана мнѣ отъ Сената повѣстка, чтобъ я въ оный явился, гдѣ мнѣ объявленъ имянной указъ, чтобъ ѣхать въ Оренбургскую экспедицію командиромъ“.

Это назначеніе было для Неплюева почетною ссылкой; но, благодаря своимъ способностямъ и энергіи, онъ на этомъ мѣстѣ служенія своего пріобрѣлъ наибольшее право оставить свое имя на страницахъ Русской исторіи, на страницахъ исторіи цивилизаціи. Область, ввѣренная управленію Неплюева, начиналась за Волгою, гдѣ Самара была обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ командировъ Оренбургской экспедиціи. Оренбургъ, о которомъ было столько хлопотъ, который считался оплотомъ Россіи отъ Средней Азіи, представлялъ крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землянымъ дерномъ; гарнизонъ былъ ничтожный. Въ эту твердыню командиры ѣздили разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, потому что по всей линіи регулярныхъ командъ никогда не было, кромѣ бѣглыхъ крестьянъ, называвшихся казаками. Зимою сообщеніе между Самарою и Яицкою линіею вовсе пересѣкалось. Неплюевъ въ томъ же 1742 году объѣхалъ линію, назначилъ гдѣ быть селеніямъ и какъ укрѣпить ихъ по правиламъ фортификаціоннымъ и достаточнымъ для обороны отъ степного народа, снабдивъ всѣ эти мѣста гарнизономъ изъ регулярныхъ войскъ, артиллеріею и пороховыми магазинами. Оренбургъ онъ переименовалъ въ Орскую крѣпость, назначилъ укрѣпить ее валомъ съ бастіонами, но счелъ ее неудобною быть торговымъ средоточіемъ и выбралъ для этого мѣсто на 250 верстъ ниже по теченію Яика, основалъ тутъ новую крѣпость и назвалъ ее опять Оренбургомъ. Этотъ Оренбургъ укрѣпленъ былъ рвомъ и валомъ съ каменною одеждою въ окружности безъ-малаго пять верстъ. Неплюевъ приманивалъ туда купцовъ изъ Самары и другихъ мѣстъ разными выгодами, и, желая подать примѣръ поселенцамъ въ перенесеніи трудовъ въ новомъ, только-что обстраивающемся мѣстѣ, жилъ въ землянкѣ, какъ и всѣ другіе, и вошелъ въ новостроенный свой командирскій домъ не прежде, какъ и всѣ другіе жители вошли въ свои домы, а гарнизонъ въ казармы, послѣ чего онъ уже не возвращался болѣе въ Самару, или „въ Русь“, какъ тогда говорили въ Оренбургѣ. Купцы были приманены въ новую крѣпость торговыми выгодами, и потому надобно было хлопотать о томъ, чтобъ они не обманулись въ своихъ надеждахъ. Неплюевъ сталъ приманавать другихъ купцовъ изъ Россіи, писалъ во всѣ магистраты; съ другой стороны посылалъ приглашать Киргизцевъ, Хивинцевъ, Ташкентцевъ, Кашкарцевъ, Трухменцевъ и Бухарцевъ, въ эту посылку онъ употреблялъ Татаръ Сеитовой слободы, давши имъ хорошія деньги и обѣщавши еще болѣе, если успѣютъ приманить Азіатцевъ. Татары исполнили какъ нельзя лучше порученіе, и въ 1745 г.

въ Оренбургѣ происходила уже значительная торговля [1]). Мы уже приводили извѣстія Неплюева объ успѣхахъ этой торговли. Въ 1749 году Неплюевъ писалъ въ Сенатъ, что въ прошломъ году русскіе купцы получили въ Оренбургѣ серебра персидскою монетою отъ азіатскихъ купцовъ 71 пудъ 13 фунтовъ; а съ послѣдней половины апрѣля текущаго года прибыло нѣсколько бухарскихъ и хивинскихъ каравановъ, въ которыхъ тамошнихъ обыкновенныхъ товаровъ очень немного, но персидскаго серебра 418 пудъ 22 фунта. И такъ какъ привозныхъ туда изъ Россіи товаровъ только на 140,000 рублей, изъ чего надобныхъ азіатскимъ купцамъ едва достанетъ ли, то, по просьбѣ русскихъ купцовъ, принужденъ онъ дать имъ на почтовыя подводы подорожныя, съ которыми они на своемъ囘коштѣ отправляютъ нарочныхъ въ Москву и другіе города, чтобъ какъ можно скорѣе еще доставить нужныхъ товаровъ въ Оренбургъ; сверхъ того, писано въ Казань, чтобъ тамошніе купцы спѣшили туда же съ своими товарами, ибо если однажды русскихъ товаровъ азіатскимъ купцамъ недостанетъ, то этимъ они могутъ быть отохочены отъ пріѣзда въ Оренбургъ въ большемъ числѣ. Сенатъ послалъ сказать Неплюеву, что его распоряженіями доволенъ. Скоро Неплюевъ сдѣлалъ другое распоряженіе: изъ привезеннаго Азіатцами серебра большую половину взяли астраханскіе купцы за свои товары и повезли въ Астрахань; а такъ какъ тамъ находился портъ, то Неплюевъ писалъ астраханскому губернатору о предосторожности, чтобъ это серебро опять не ушло въ Персію. Сенатъ послалъ указъ въ Астрахань: имѣть крѣпкое смотрѣніе, чтобъ за границу никакого серебра не вывозилось [2]).

Неплюевъ не былъ доволенъ малороссійскимъ народонаселеніемъ Уральскихъ степей. При императрицѣ Аннѣ вызвано было туда изъ Малороссіи 209 семей, которыя жили сперва на казенномъ содержаніи, потомъ это содержаніе велѣно прекратить, но за то ихъ не употребляли ни въ какіе наряды, никому не давали они подводъ, имѣли право ходить для промысловъ въ русскіе города. Въ 1744 году Неплюевъ представилъ Сенату о неспособности Черкасъ: несмотря на данныя имъ льготы, они нисколько не поправились, и онъ принужденъ былъ раздать имъ нѣсколько сотъ четвертей казенной ржи, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно малолѣтніе, престарѣлые и сироты съ голоду не померли. Нѣкоторые изъ нихъ просились поселиться внутрь линіи, на рѣкѣ Кинели и въ другихъ мѣстахъ ближе къ русскимъ жилищамъ, а другіе желали возвратиться въ Малороссію. Неплюевъ, разсуждая, что отъ жительства ихъ при самой границѣ никакой пользы не предвидится, даже опасно, чтобъ ихъ, неосторожныхъ и слабыхъ людей, Киргизы внезапными набѣгами не растаскали, какъ то въ прошломъ году и случилось съ ними не въ одномъ мѣстѣ,— позволилъ поселившимся на Яикѣ, при урочищѣ Разсыпномъ, гдѣ особенно часты бывали воровскіе перелазы, переселиться на рѣку Кинель; о желаніи же другихъ возвратиться въ Малороссію донесъ Сенату, требуя его разрѣшенія: Сенатъ разрѣшилъ отпустить ихъ на родину, на прежнія мѣста жительства [3]). Въ томъ же 1744 году была учреждена Оренбургская губернія, губернаторомъ которой назначенъ былъ Неплюевъ. Къ новой губерніи отошли всѣ вновь построенныя по границѣ и строящіяся крѣпости съ регулярными и нерегулярными войсками и прочими поселенцами, также двѣ провинціи—Исетская и Уфимская со всѣми Башкирскими дѣлами; наконецъ оренбургскій губернаторъ долженъ былъ вѣдать Киргизскій народъ и тамошнія пограничныя дѣла [4]).

Относительно Сибири и самыхъ отдаленныхъ ея мѣстностей, царствованіе Елисаветы началось религіознымъ распоряженіемъ: въ началѣ 1742 г. въ Камчадальскую Землицу опредѣленъ Синодомъ для проповѣди слова Божія тобольскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Іосифъ Зинкеевичъ. Въ концѣ года видимъ распоряженіе объ отправленіи туда же архимандрита Хотунцевскаго съ двумя студентами высшихъ школъ, которые должны были обучать новокрещенныхъ дѣтей русской грамотѣ, букварю съ истолкованіемъ божественныхъ заповѣдей и катихизису. Въ Пекинъ, на мѣсто умершаго архимандрита Иларіона Трусова, отправленъ былъ для проповѣди слова Божія архимандритъ Гервасій Линцевскій съ іеромонахомъ и іеродіакономъ. Вмѣстѣ съ заботами о хлѣбѣ духовномъ, шли заботы о хлѣбѣ матеріальномъ. Съ перваго поселенія Русскихъ въ Сибири до половины XVIII вѣка правительство должно было кормить своихъ служилыхъ людей въ Сибири хлѣбомъ, привозимымъ изъ Европейской Россіи. Въ 1746 году Сенатъ послалъ указъ о посѣвѣ въ верхъ-иртышскихъ крѣпостяхъ хлѣба—ржи, овса, ячменя. Сибирскій губернаторъ Киндерманъ донесъ, что въ 1747 году яровой и рожь родились съ прибылью, именно прибыли 4,795 четвертей. Весною 1748 года посѣянъ хлѣбъ въ тобольскихъ, ишимскихъ, колыванскихъ, кузнецкихъ и тарскихъ линіяхъ. Киндерманъ предлагалъ для успѣха хлѣбопашества завести скотоводство, накупить быковъ, и обѣщалъ, что черезъ два года крѣпости будутъ пробавляться своимъ хлѣбомъ и прекратится убыточная для казны привозка хлѣба въ нихъ. Сенатъ одобрилъ распряженія Киндермана и опредѣлилъ выдать ему 1,000 рублей въ награду [5]).

Но не должно думать, чтобъ въ описываемое время на всемъ протяженіи Сибири все спокойно подчинялось Русскому правительству, его распоряженіямъ церковнымъ и гражданскимъ. Изъ Анадырскаго острога майоръ Павлуцкій доносилъ, что

[1]) Жизнь И. И. Неплюева, имъ самимъ написанная: Отеч. Записки 1825 года, часть 23.
[2]) Журн. Сената, 22 мая и 14 іюля 1749 года.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 8,887.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 8,901.
[5]) Журн. Сената, 11 августа 1748 года.

1746 года, въ мартѣ мѣсяцѣ, изъ Анадырска ходилъ онъ съ командою на Колымское море для сыску непріятелей—Чукчей, которыхъ и нашли въ пяти юртахъ 16 человѣкъ, и всѣхъ ихъ побили, а другіе тутъ же сами, не хотя идти въ покорность, прирѣзались, женъ и дѣтей своихъ всѣхъ прикололи и повѣсили. Русскіе взяли въ добычу оленей сотъ съ шесть, которые употреблены на пропитаніе служилымъ людямъ; потомъ опять нашли Чукчей и отбили у нихъ 50 оленей, а самихъ отлобить не могли, потому что они, приколовъ дѣтей своихъ, бѣжали, а въ погоню за ними, по малолюдству команды и по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ, послать было нельзя. Лѣтомъ того же года Павлуцкій донесъ, что ясачные Акланскіе и Каменные Коряки измѣнили, убили ѣхавшихъ изъ Охоцка священника и при немъ 5 человѣкъ, также убили семь казаковъ Акланскаго острога, да посланныхъ Павлуцкимъ за разными дѣлами двоихъ сержантовъ, одного пятидесятника, 10 казаковъ; пріѣзжали къ Акланскому острогу, стояли подъ нимъ двое сутокъ и убили казака. Въ мартѣ 1747 года Павлуцкій, узнавъ о пребываніи Чукчей, которые разбиваютъ ясачныхъ Коряковъ, взялъ съ собою лучшихъ легкихъ солдатъ и казаковъ 97 человѣкъ, да Коряковъ 35 человѣкъ, отправился на оленяхъ и собакахъ впередъ, и за собою велѣлъ слѣдовать сотнику Котковскому съ остальнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ 202 человѣкъ. 14 марта Котковскій получилъ извѣстіе, что Павлуцкій 13 числа ночью напалъ на Чукчей при устьи рѣчки Орловой на горѣ: Чукчи разбили его и убили, убили также 50 человѣкъ, ранили 28, взяли ружья, пушку, знамя, барабанъ. Чукчи одолѣли числомъ, потому что ихъ было съ 500 или 600 человѣкъ, и удобствомъ положенія: Чукчи были на горѣ, а Павлуцкій—подъ горою. Посланный на мѣсто Павлуцкаго поручикъ Кекеровъ, въ началѣ 1749 года, началъ дѣйствовать противъ измѣнившихъ Коряковъ; измѣнники, прирѣзавъ женъ и дѣтей своихъ, человѣкъ до 30, ушли ночью; Кекеровъ самъ не могъ преслѣдовать ихъ, потому что былъ раненъ изъ ружья; погнавшаяся часть войска настигла ихъ, но они сѣли въ осаду въ пещерѣ, къ которой приступиться было нельзя, потому что въ нее ходятъ на ремняхъ. Въ концѣ 1749 года, канцелярія Охоцкаго порта доносила, что въ недальнемъ разстояніи отъ Ямскаго острога видаютъ непріятелей въ большомъ числѣ. Отправленный изъ Ямскаго острога сержантъ Бѣлобородовъ съ командой для строенія крѣпости доносилъ, что въ іюлѣ 1749 года напали на нихъ непріятели, человѣкъ 400, бились часа съ четыре; непріятель былъ прогнанъ, но Русскіе начли у себя 14 человѣкъ раненыхъ [1]).

Эти событія, происходившія въ невѣдомыхъ странахъ, на берегахъ Восточнаго океана, были извѣстны очень немногимъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ все вниманіе было обращено на Западъ, гдѣ заботливо сторожили движенія опаснаго Прусскаго короля и особенно боялись его вліянія въ сосѣдней Швеціи. Система Бестужева, въ основаніи которой лежала мысль, что самый опасный врагъ Россіи есть Фридрихъ II-й, торжествовала; но знаменитый канцлеръ не могъ спокойно наслаждаться ея торжествомъ, ибо число и значительность враговъ его не уменьшались. Осенью 1749 года Елисавета отправилась изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь (Новый Іерусалимъ), гдѣ хотѣла праздновать свои именины (5 сентября); здѣсь она пожаловала въ камеръ-юнкеры родственника графовъ Шуваловыхъ, молодого Ивана Ивановича Шувалова. Это назначеніе было событіемъ при Дворѣ: всѣ перешептывались, что это новый фаворитъ; небольшой кружокъ охотниковъ до образованія радовался возвышенію молодого человѣка, котораго видѣли всегда съ книгою въ рукахъ [2]); но не могъ радоваться этому канцлеръ, предвидя какъ фаворъ Ивана Шувалова усилитъ значеніе враждебныхъ графовъ Шуваловыхъ, Петра и Александра. Значеніе Алексѣя Гр. Разумовскаго, повидимому, не понизилось; но молодой братъ его, графъ Кириллъ, ходившій на помочахъ своего дядьки Теплова, не раздѣлялъ нисколько пріязни старшаго брата къ канцлеру. Отъ пребыванія Двора въ Москвѣ въ 1749 году до насъ дошла любопытная записка канцлера, составленная въ октябрѣ „для всевысочайшаго извѣстія“: „Хотя тогда никто слова не говорилъ, какъ Лестокъ на обѣдѣ у шведскаго посланника, Вульфенштерна (въ присутствіи пословъ, всѣхъ чужестранныхъ министровъ и здѣшнихъ знатнѣйшихъ) канцлера съ великимъ грубіянствомъ принуждалъ за здравіе ея императорскаго величества предъ всѣми людьми пить, но какъ на прошедшей недѣлѣ, въ четвертокъ, т.-е. 12 сего октября, канцлеръ на новосельи у князя Мих. Андр. Бѣлосельскаго, гдѣ было за столомъ съ хозяиномъ и хозяйкой 20 персонъ, ассесора Теплова принудить хотѣлъ, чтобы онъ за здоровье графа Алексѣя Гр. Разумовскаго бокалъ, который всѣми полонъ пить, полный же выпилъ,—то теперь по всему городу уже разсказываютъ, будто канцлеръ Теплова разругалъ, съ великимъ для него (канцлера) прискорбіемъ, что его непріятели (коихъ безъ причины столько же много, какъ волосовъ на головѣ) тѣмъ пользуются пожалованный ему отъ ея императорскаго величества изъ первѣйшихъ въ государствѣ чинъ съ такимъ молодымъ человѣкомъ смѣшивать. Канцлеръ однако-жъ за излишне поставлялъ бы ея императорскаго величества оправданіемъ своимъ предъ Тепловымъ утруждать; но дабы какъ гдѣ ложно обнесеннымъ не быть, то всенижайше дерзновенно пріемлетъ представить, что канцлеръ, увидя, что Тепловъ въ помянутый покалъ только ложки съ полторы налилъ, принуждалъ его оный

[1]) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ.

[2]) Mémoires de Catherine II, 117, 118

полонъ выпить, говоря, что онъ долженъ полонъ выпить за здоровье такого человѣка, который ея императорскому величеству вѣренъ, такъ и въ ея высочайшей милости находится, и отъ котораго ему подлинно много благодѣяній сдѣлано, и что къ чему же въ такія компаніи и ѣздить, буде съ другими наравнѣ не пить. Но какъ Тепловъ грубіянство имѣлъ и того не послушаться, то можетъ быть канцлеръ ему и сказалъ, что развѣ онъ хощетъ примѣру церемоніймейстера Веселовскаго послѣдовать, а впрочемъ никакого браннаго, ниже оскорбительнаго слова не сказалъ, и въ томъ на всѣхъ безпристрастныхъ изъ оной компаніи ссылается. Что до грубіянства Теплова принадлежитъ, то онъ въ томъ уже обыкъ, ибо въ многіе домы незванный пріѣзжалъ, гораздо у прочихъ и старшихъ себя за столомъ мѣсто снималъ, да и дамъ тѣмъ не щадитъ, какъ то особливо Авдотья Герасимовна Журавка надъ собою искусство (опытъ) тому видѣла, когда онъ отнялъ у ней мѣсто въ каретѣ, въ которой она уже ѣхала, такъ-что она на улицѣ осталась, о чемъ она сама лучше донести можетъ. А примѣръ Веселовскаго въ томъ состоитъ, что на прощальномъ обѣдѣ у посла лорда Гиндфорта, какъ посолъ, наливши полный покалъ, пилъ здоровье, чтобъ благополучное ея императорскому величеству государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель, то и всѣ оный пили, а одинъ только Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы, и то съ водою токмо налилъ, и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ изъ ревности къ ея величеству и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здравіе полнымъ покаломъ пить какъ вѣрный рабъ, такъ и потому, что ему отъ ея императорскаго величества много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный. Но канцлеръ тогда не хотѣлъ ея императорское величество симъ утруждать, какъ то и нынѣ происшедше съ Тепловымъ въ молчаніи оставилъ бы, ежели-бъ о томъ по городу иначе не толковали, хотя онъ и то и другое изъ усердія своего сдѣлалъ: первое изъ респекта и должности къ ея императорскому величеству, а другое—по любви къ графу Алексѣю Григорьевичу, а еще паче, что и то респекту противно, чтобъ не хотѣть пить за здоровье такого человѣка, который милость ея императорскаго величества на себѣ носитъ" [1].

Несмотря на то, что у Бестужева столько же было враговъ, сколько волосъ на головѣ, онъ былъ еще силенъ въ это время, такъ что самый могущественный врагъ его, графъ Петръ Шуваловъ, считалъ иногда нужнымъ сближаться съ нимъ. Такъ, осенью 1749 года, Воронцовъ объявилъ прусскому министру Гольцу, что, сверхъ его ожиданія, Петръ Шуваловъ помирился съ Бестужевымъ. Воронцовъ былъ сильно этимъ огорченъ и сказалъ, что приметъ мѣсто посланника при какомъ-нибудь Дворѣ, ибо не можетъ бороться съ безпорядкомъ, который царствуетъ въ Россіи, и утомленъ преслѣдованіями своего врага. Когда Гольцъ замѣтилъ, что надѣется на милости къ нему императрицы, то Воронцовъ отвѣчалъ, что послѣ паденія Лестока онъ не можетъ болѣе полагаться на самыя священныя обѣщанія императрицы [2]). Слабый лучъ надежды блеснулъ-было съ другой стороны: Воронцовъ сообщилъ Гольцу, что имѣлъ разговоръ съ Кирилловъ Разумовскимъ: тотъ открылъ ему, что онъ и старшій братъ его начинаютъ ревновать ко власти канцлера, который имъ очень наскучилъ, и хотя нужно время для поколебанія къ нему довѣрія императрицы, однако они надѣются успѣть въ этомъ въ продолженіи года. Надежда отдалить Разумовскаго отъ Бестужева основывалась еще на томъ, что жена молодого Бестужева умерла и такимъ образомъ порывалась родственная связь между обѣими фамиліями. Но когда Гольцъ предложилъ Воронцову деньги для привлеченія Алексѣя Разумовскаго на свою сторону, то Воронцовъ отвѣчалъ, что теперь еще не время, что Бестужевъ еще очень силенъ [3]).

Бестужевъ попрежнему былъ въ силѣ; Воронцовъ попрежнему видѣлъ себя въ опалѣ и, догадываясь, что перлюстрація, или вскрываніе депешъ иностранныхъ министровъ должна быть главною причиною опалы, подалъ въ концѣ 1749 года, за день рожденія императрицы, новое умилостивительное письмо: „Ужъ пятый годъ, всемилостивѣйшая государыня, настоитъ, какъ я, по несчастливомъ моемъ, однако-жъ безвинномъ, вояжѣ изъ иностранныхъ государствъ, неописанную и единому Богу свѣдущему болѣзнь, сокрушеніе и горестное мученіе жизни моей препровождаю, лишаясь дражайшей и безцѣнной милости и повѣренности вашего императорскаго величества. Чрезъ многія мои письменныя и словесныя прошенія утруждалъ я ваше императорское величество о милостивомъ изъясненіи, токмо кромѣ обычайно сроднаго милосердаго отвѣта отъ вашего императорскаго величества не получалъ, что я напрасно только о томъ думаю. Я Сердцевѣдца Бога во свидѣтели представляю и себя на Его страшный и праведный судъ предаю, что какъ до сего несчастнаго моего чина вице-канцлера вашему императорскому величеству вѣрный и истинный рабъ былъ, столь болѣе нынѣ въ семъ чину желаю себя достойнымъ учинить вящей высочайшей милости вашего императорскаго величества. Я никакого пристрастія и ненависти ни къ какому иностранному государю не имѣлъ, не имѣю и впредь имѣть не буду; они всѣ у меня дотолѣ въ почтеніи содержатся, доколѣ къ вашему императорскому величеству въ искренней дружбѣ и любви пребудутъ. Сіе всеподданнѣйшее прошеніе побуждаетъ меня чинить рабская моя къ вашему императорскому величеству вѣрность и должность пожалованнаго мнѣ чина, ибо чрезъ нѣсколько уже

[1]) Записка въ Государ. Архивѣ.

[2]) Депеша 16 октября.
[3]) Депеша Гольца отъ 16 іюня и 28 августа.

лѣтъ, къ немалому моему пороку, по дѣламъ вашего императорскаго величества къ докладамъ не удостоенъ. Извѣстная перлюстрація писемъ, которая множествомъ, какъ рѣка течетъ, отъ Коллегіи скрыта; а понеже довольно вѣдомо, и искусство (опытъ) научило, сколь много въ сихъ письмахъ разныя сумнительныя и ложныя внушенія писаны бывали, то весьма справедливо и нужно для осторожности знать, дабы заблаговременно вашему императорскому величеству должное изъясненіе подать. И для того слезно прошу приказать всѣ оныя письма въ Коллегію сообщить, дабы о прошедшемъ основательно вѣдать"[1]).

Просьба, какъ видно, не была исполнена. Понятно, что Воронцову очень важно было знать о прошедшемъ; что же касалось настоящаго, то перлюстраціи теряли свое значеніе. Наиболѣе возбуждавшими опасенія были депеши французскаго и прусскаго министровъ; но съ Франціею дипломатическія сношенія прекратились, съ Пруссіею готовы были прекратиться.

Въ мартѣ 1749 года, австрійскому послу, графу Бернесу, сообщена была промеморія: „Никакъ понять не можно, для чего-бъ король Прусскій въ такое время, когда вся Европа вожделѣннымъ покоемъ паки пользуется и ничего непріятельскаго опасаться не имѣетъ, такія великія военныя приготовленія, сильные рекрутскіе наборы, знатное умноженіе своей арміи предпринимаетъ. Ласкательное мнѣніе, которое онъ иногда имѣлъ бы, чтобъ шведскую Померанію себѣ присвоить, а напротиву того Швеціи къ владѣнію Эстляндскаго и Лифляндскаго герцогствъ вспоможеніе показать, одно достаточно его къ нѣкоторымъ незапнымъ предпріятіямъ пріуготовить. Кончина нынѣшняго короля Шведскаго и тайно замышляемая, а можетъ быть уже постановленная, перемѣна тамошней формы правительства королю Прусскому уповательно, по его исчисленію, наилучшій поводъ подать могутъ дальновидными его опасными намѣреніями. Коль весьма Римская императрица-королева при томъ интересована находится, оное очевидно есть, ибо легко понять можно, что ежели бы Швеціи, съ помощію Пруссіи, введеніе самодержавства удалось, то бы оная тогда съ Франціею и Пруссіею въ главныхъ дѣлахъ весьма великую инфлуенцію получила, вмѣсто того, что Швеція при нынѣшней формѣ правительства всегда связанными руки имѣетъ и за весьма слабое и негодное орудіе ея союзниковъ признаваема быть можетъ"[2]). Тогда же Кейзерлингъ доносилъ изъ Берлина, что министръ Подевильсъ, по королевскому приказанію, сдѣлалъ ему такое заявленіе: носится слухъ, что въ Швеціи нѣкоторые думаютъ измѣнить нынѣшнюю форму правленія и опять ввести самодержавіе; его величество очень хорошо знаетъ свои интересы и ясно предусматриваетъ, какое вліяніе будетъ имѣть шведскій переворотъ на эти интересы, и потому такого предпріятія онъ не дозволитъ, тѣмъ менѣе станетъ ему способствовать; онъ же велѣлъ дать знать Шведскому кронпринцу, чтобъ тотъ отвергнулъ подобные проекты, если-бъ они ему были предложены, и никоимъ бы образомъ не вмѣшивался въ это дѣло, которое не можетъ имѣть никакого успѣха. Сдѣлавши такое заявленіе относительно Швеціи, Подевильсъ началъ объяснять прусскія вооруженія: „Король", говорилъ онъ, „ничего такъ не желаетъ, какъ сохраненія всеобщаго спокойствія; но такъ какъ всѣ его сосѣди ревностно вооружаются и дѣлаютъ такія распоряженія, къ которымъ приступаютъ обыкновенно наканунѣ войны, то благоразуміе требовало позаботиться и о своей безопасности. Вотъ единственная причина, заставляющая короля приготовлять свои войска на всякій случай, въ прочемъ же онъ будетъ слѣдовать своимъ неизмѣннымъ чувствамъ, заставляющимъ его соблюдать драгоцѣннѣйшую дружбу ея императорскаго величества". На отпускной аудіенціи Кейзерлингу самъ король повторилъ всѣ эти заявленія.

Гроссъ, назначенный, какъ мы видѣли, на мѣсто Кейзерлинга, началъ свои донесенія тѣмъ, что вооруженія Прусскаго короля внушены страхомъ предъ вооруженіями Россіи и Австріи; что онъ самъ никакъ не рѣшится начать войну, и что военныя приготовленія, сдѣланныя Россіею, представляютъ лучшее средство удержать Прусскаго короля и шведское министерство отъ всякихъ нововведеній. Въ концѣ марта Подевильсъ увѣрялъ австрійскаго посланника, графа Хотека, и секретаря датскаго посольства, что его король теперь въ Сѣверныя дѣла ни прямо, ни косвенно вмѣшиваться не хочетъ, развѣ только для ихъ мирнаго улаживанія; для отнятія всякаго подозрѣнія король даже откладываетъ свою поѣздку въ Пруссію. Въ апрѣлѣ Гроссъ уже доносилъ, что военныя приготовленія въ Пруссіи день-ото-дня ослабѣваютъ, ибо въ Швеціи не предполагается никакихъ перемѣнъ, которыя не могли бы произойти безъ помощи Франціи, а Франція нуждается въ покоѣ.

1750-й годъ начался неудовольствіями. Манифестъ императрицы, чтобъ всѣ офицеры изъ Остзейскихъ провинцій, находившіеся въ чужестранной службѣ, оставили ее и возвратились въ Россію, былъ очень дурно принятъ въ Берлинѣ. Въ началѣ января Гроссъ далъ знать, что Эстляндецъ Деколонгъ, пріѣзжавшій къ нему тайно изъ Потсдама, тотчасъ по возвращеніи, по королевскому указу, былъ взятъ подъ караулъ. „Это можетъ служить доказательствомъ", писалъ Гроссъ, „что король не только хочетъ задержать силою русскихъ подданныхъ въ своей службѣ, но и, по усиливающейся день-ото-дня подозрительности своей, онъ пресѣкъ чужестраннымъ министрамъ почти всѣ сношенія съ своими подданными и съ находившимися въ его службѣ людьми". Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого Гроссъ собрался съѣздить въ Потсдамъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, II, 612 и слѣд.
[2]) Промеморія въ Государ. Архивѣ.

посмотрѣть новопостроенный королевскій замокъ—Сансуси, но получилъ отъ Подевильса дикое, какъ выражается Гроссъ, письмо, въ которомъ давалось знать, что король не желаетъ этого посѣщенія, послѣ того какъ открыта его, Гроссова, переписка—съ офицерами прусской арміи и даже съ тѣми, которые находятся въ потсдамскомъ гарнизонѣ. Переписка эта состояла въ циркулярѣ къ лифляндскимъ и эстляндскимъ офицерамъ, чтобъ они, въ исполненіе воли императрицы, взяли отставки изъ прусской службы.

13 мая Подевильсъ вручилъ Гроссу слѣдующую декларацію: „Сохраненіе спокойствія и тишины на Сѣверѣ такъ важно для короля, что онъ не можетъ далѣе откладывать дружескаго объясненія съ Русскимъ Дворомъ насчетъ тучъ, скопившихся съ нѣкотораго времени и грозящихъ этому спокойствію. Король съ горестію видѣлъ, что императрица была встревожена предполагаемою перемѣною въ шведской формѣ правленія, и это повело между Русскимъ и Шведскимъ Дворами къ объясненіямъ о предметѣ, чрезвычайно деликатномъ для каждаго независимаго государства. Потомъ король съ истиннымъ удовольствіемъ увидалъ, что въ Швеціи приняты были всѣ мѣры для удаленія малѣйшаго подозрѣнія со стороны Русскаго Двора. Но король, къ сожалѣнію, былъ обманутъ въ своихъ надеждахъ новымъ мемуаромъ графа Панина, поданнымъ въ прошломъ январѣ, гдѣ опять поднятъ тотъ же вопросъ, на который Швеція должна отвѣчать согласно съ правилами своей независимости и своимъ достоинствомъ. При такомъ положеніи дѣлъ король не можетъ удержаться отъ настоятельной и дружественной просьбы, чтобъ императрица Всероссійская отложила всякое дальнѣйшее объясненіе и прекратила дѣло, послѣдствія котораго могутъ погрузить Сѣверъ въ страшныя смуты. Король обязанъ это сдѣлать какъ по желанію спокойствія на Сѣверѣ, такъ и по союзному договору съ Швеціею, которую онъ долженъ защищать въ случаѣ нападенія на нее“.

Легко понять, какъ не понравилось это объявленіе при Русскомъ Дворѣ, а 7-го августа Гроссъ донесъ о „презрѣніи своего характера“: по приглашенію, онъ вмѣстѣ съ другими иностранными министрами поѣхалъ въ Шарлотенбургъ на представленіе въ придворномъ театрѣ. По окончаніи представленія, въ той же галлереѣ, гдѣ оно происходило, приготовленъ былъ большой столъ и Гроссъ видѣлъ, какъ король, подозвавши къ себѣ адъютанта, приказывалъ ему кого пригласить къ ужину; адъютантъ пригласилъ министровъ французскаго, датскаго и шведскаго, но обошелъ австрійскаго и русскаго, и послѣдніе отправились чрезъ садъ къ своимъ экипажамъ, чтобъ возвратиться въ Берлинъ. На дорогѣ нагоняетъ ихъ тотъ же адъютантъ и приглашаетъ австрійскаго министра къ ужину: такимъ образомъ исключенъ былъ одинъ Гроссъ. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ другіе иностранные министры были приглашены во дворецъ на балъ и ужинъ, къ одному Гроссу прислано было приглашеніе только на балъ. Гроссъ послѣ того пересталъ ѣздить ко Двору, гдѣ оказали полное равнодушіе къ его отсутствію. 6-го ноября онъ далъ знать, что приглашенный Петербургскою Академіею Наукъ профессоръ астрономіи Гришау внезапно арестованъ въ своемъ домѣ и содержится подъ карауломъ, который никого къ нему не допускаетъ. Распускалось такое обвиненіе, что онъ, отправивъ часть своего имущества въ Россію, переслалъ и карты прусскихъ провинцій; но, по мнѣнію Гросса, его задержали только за то, что онъ хотѣлъ уѣхать въ Россію.

Въ октябрѣ Бестужевъ поднесъ императрицѣ докладъ съ прописаніемъ оскорбленій, нанесенныхъ Гроссу. Докладъ оканчивался такъ: „Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ въ разсужденіи такихъ короля Прусскаго акредитованному отъ вашего императорскаго величества министру учиненныхъ презрительныхъ поступковъ и показанной чрезъ то весьма чувствительно образы (оскорбленія) предъ другими чужестранными министрами, всеподданнѣйше представляетъ, не соизволите ли ваше императорское величество для предупрежденія всего того, и чтобъ долѣе ему, Гроссу, такихъ предосудительныхъ уничтоженій показывано не было, повелѣть его оттуда сюда отозвать“. Рескриптомъ отъ 25 октября Гроссъ былъ отозванъ, причемъ ему приказывалось не объявлять прусскому министерству ни о причинѣ его отъѣзда, ни о возвращеніи своемъ назадъ въ Берлинъ, ни о томъ, что кто-либо другой будетъ присланъ на его мѣсто. Послѣднимъ порученіемъ, возложеннымъ на Гросса отъ его Двора, было:—уговорить знаменитаго математика Эйлера къ возвращенію въ Россію. 29-го октября президентъ Академіи Наукъ, графъ Разумовскій, получилъ отъ канцлера письмо: „Ея императорское величество всемилостивѣйше изволила указать вашему сіятельству объявить, что-бъ изволили къ бывшему въ здѣшней Академіи профессоромъ Эйлеру отписать, не похочетъ-ли онъ паки сюда возвратиться и въ здѣшнюю службу вступить, обнадеживая его особеннымъ ея императорскаго величества благоволеніемъ, и что ему всякія всевозможныя снисхожденія и выгодности дозволены будутъ“. Въ этомъ смыслѣ Разумовскій написалъ Эйлеру: „Вы совершенно увѣрены быть можете, что сіе всевысочайшее соизволеніе ея императорскаго величества не токмо вамъ, но и вашей фамиліи (ежели бы Богу угодно было жизнь вашу пресѣчь) быть можетъ съ немалымъ авантажемъ, потому что вы имѣете теперь случай включить все то въ кондиціи, чего покой вашъ требуетъ; на прежнія же кондиціи, о которыхъ я вамъ неоднократно писалъ при вступленіи моемъ въ правленіе Академіи, прошу не взирать, а сочинить такія, которыя къ вашему и вашей фамиліи совершенному удовольствію служить бы могли“. Другое письмо Разумовскій написалъ къ Гроссу. „Изъ приложеннаго при семъ къ г. Эйлеру письма подъ открытою

печатью усмотрѣть изволите, сколь необходимо надобно, чтобъ помянутый господинъ профессоръ паки возвратился въ службу ея императорскаго величества. Хотя всѣ наисильнѣйшія обнадеживанія въ письмѣ моемъ я ему изъяснилъ къ принятію сего предложенія,—однакожъ ежели вы за благо что усмотрите словесно дополнить, то прошу надежно ему то учинить и ничего не оставить въ персвазіяхъ вашихъ, что бы могло споспѣшествовать въ семъ дѣлѣ. Онъ человѣкъ по причинѣ многочисленной фамиліи своей немалый экономъ, и для того въ семъ случаѣ наибольше интересъ будетъ дѣйствовать. Однакожъ, что касается до спокойнаго житія его въ Россіи, яко то: свободностей полицейскихъ дому его, буде пожелаетъ имѣть собственный, то все по предписаннымъ отъ него кондиціямъ дозволено и наблюдено будетъ; однимъ словомъ, онъ добрую теперь имѣетъ оказію учредить себя, фамилію и домъ свой наилучшимъ образомъ, и чего самъ къ спокойному житію предостеречь себѣ не можетъ, а персонально мнѣ по пріѣздѣ объявитъ, въ томъ я ему буду прилежный помощникъ. Должность же его не иная будетъ при Академіи, какъ только быть профессоромъ высшей математики, лекцій публичныхъ не читать и никого безъ произволенія своего не обучать, кромѣ двухъ или трехъ ему приданныхъ адъюнктовъ россійскихъ, и то въ часы, свободные отъ трудовъ и произвольно".

Гроссу не удалось уговорить Эйлера къ возвращенію въ Россію [1]).

Прекращеніе дипломатическихъ сношеній между Дворами Петербургскимъ и Берлинскимъ было, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ Шведскихъ дѣлъ, ибо Фридриха II преимущественно раздражали рѣшительныя дѣйствія русскаго посланника въ Стокгольмѣ, а Бестужевъ спѣшилъ пользоваться раздраженіемъ Фридриха II, чтобъ избавиться отъ присутствія въ Петербургѣ прусскаго посланника, опаснаго ему по сношеніямъ съ его врагами. Тѣ же Шведскія дѣла вели къ столкновенію и обмѣну непріятныхъ нотъ съ любимымъ теперь въ Петербургѣ Кабинетомъ Вѣнскимъ: Россія требовала отъ него также рѣшительныхъ заявленій насчетъ Шведскихъ дѣлъ, а въ Вѣнѣ уклонялись. Мы видѣли, что русскимъ посломъ сюда былъ назначенъ графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ; Ланчинскій оставался нѣсколько времени при немъ съ прежнимъ значеніемъ, но скоро умеръ. Кромѣ Шведскихъ дѣлъ, къ которымъ оба Двора относились не съ одинакимъ интересомъ, Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ отъ своего Двора еще одно деликатное порученіе. Въ концѣ 1749 года онъ получилъ такой рескриптъ императрицы: „Явился здѣсь, въ Москвѣ, изъ Трансильваніи, протопопъ Николай Баломири и въ нашемъ Синодѣ подалъ прошеніе, что онъ присланъ сюда отъ клира и народа Трансильвано-Волошскаго просить милостивой защиты Православнымъ христіанамъ въ нестерпимыхъ бѣдахъ и гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ ими за непринятіе уніи съ Римскою церковью. Изъ поданныхъ имъ бумагъ, къ вамъ пересылаемыхъ, вы увидите, что издавна и до самаго царствованія императора Леопольда они пользовались совершенною свободою относительно вѣры и отправленія богослуженія, имѣли собственныхъ Греческой вѣры епископовъ и священниковъ безъ всякаго ограниченія и принужденія къ уніи; но вдругъ явились отъ папы Римскаго духовныя особы подъ именемъ богослововъ, которыя сдѣлали распоряженія къ приведенію народа въ унію, также и отъ нынѣшней императрицы объ этомъ нѣкоторые указы послѣдовали. Вы, разсмотря все это, прежде всего обстоятельно навѣдайтесь, подлинно-ли протопопъ Баломири посланъ сюда отъ всего народа съ просьбою о защитѣ, и точно ли Трансильвано-Волошскій народъ находится въ такихъ обстоятельствахъ, какъ онъ объявляетъ; и если окажется, что подлинно, то вы можете надлежащій меморіалъ сочинить и подать министерству императрицы-королевы; въ этомъ меморіалѣ вы будете домогаться, чтобъ они попрежнему были оставлены въ Греческой вѣрѣ безъ всякаго притѣсненія. Вы обратитесь къ справедливости и великодушію императрицы, укажете, что въ ея областяхъ, во всѣхъ государствахъ и въ нашей имперіи находятся разныхъ націй и религій люди и церкви, и къ перемѣнѣ вѣры не принуждаются. Впрочемъ, отдается на ваше благоусмотрѣніе—подавать меморіалъ или объясниться устно".

Только въ іюнѣ 1750 года Бестужевъ могъ отвѣчать императрицѣ на этотъ рескриптъ. По дальнему разстоянію и по малому числу пріѣзжающихъ изъ Трансильваніи онъ еще не узналъ, дѣйствительно-ли протопопъ Баломири посланъ отъ всего народа; но узналъ другое, что прошлаго лѣта пріѣзжали изъ Трансильваніи депутаты съ жалобою на религіозныя гоненія и возвратились назадъ безъ всякаго удовлетворенія. Потомъ присланы были оттуда же монахъ и приходскій священникъ, которые самой императрицѣ подали жалобу на притѣсненія отъ уніатовъ: Православныхъ, которые уніи принять не хотятъ, напрасно бьютъ, поносятъ, отнимаютъ насильно ихъ имущества, сажаютъ въ тюрьмы безвинно, двойныя подати берутъ, на церкви налагаютъ оброки и не допускаютъ въ нихъ службу совершать, отчего уже съ шесть лѣтъ младенцы безъ крещенія, старые и взрослые безъ исповѣди и пріобщенія остаются, а умершія тѣла безъ отпѣванія просто въ землю зарываютъ. До сихъ поръ еще нѣтъ никакого рѣшенія отъ императрицы. Бестужевъ сдѣлалъ экстрактъ изъ рескрипта императрицы, приложилъ къ нему декретъ императора Леопольда въ пользу Православныхъ и противоположный декретъ Маріи-Терезіи въ пользу уніи, и отдалъ канцлеру графу Улефельду съ требованіемъ прекратить гоненіе на Православныхъ, какъ добрыхъ и вѣрныхъ поддан-

[1]) Дѣла Прусскія 1749 и 1750 гг.

ныхъ ея величества. Улефельдъ отвѣчалъ, что ни о какихъ притѣсненіяхъ не слыхалъ, но помнитъ одно, что въ Трансильваніи явился какой-то возмутитель и хотѣлъ подчинить своей власти нѣкоторыхъ приходскихъ священниковъ. Его вызвали въ Вѣну для объявленія о тягостяхъ, о которыхъ онъ тамъ разглашалъ; но онъ, вмѣсто того, убѣжалъ въ турецкую Валахію, а оттуда, вѣроятно, пробрался въ Москву. При этомъ канцлеръ увѣрялъ, что у нихъ люди всѣхъ вѣръ имѣютъ полную свободу, а Греческаго исповѣданія людей въ Трансильваніи гораздо больше, чѣмъ всѣхъ другихъ.

Въ августѣ отправленъ былъ Бестужеву повторительный указъ—употребить старанія въ защиту Трансильвано-Волошскаго народа. Бестужевъ отвѣчалъ въ концѣ сентября, что нѣсколько разъ упоминалъ Улефельду объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что трансильванскіе депутаты и посторонніе, пріѣзжавшіе изъ тѣхъ мѣстъ, люди подтверждали, что повсюду тамъ Православные священники совершать службу и по домамъ ходить съ требами не допускаются, также книги церковныя русской и волошской печати и духовныхъ людей черезъ границу пропускать запрещено; духовные и мірскіе люди за непринятіе уніи содержатся по разнымъ мѣстамъ за крѣпкимъ арестомъ, и уніатскіе попы всѣмъ Православнымъ грозили, что если они не приступятъ къ уніи, то не только потеряютъ все имѣніе, но императрица-королева велитъ своимъ войскамъ искоренить ихъ мечемъ съ женами и дѣтьми. Отъ этого страха многіе разбѣжались по лѣсамъ и въ горы. На жалобы депутатовъ до сихъ поръ никакой резолюціи нѣтъ. Императрица отдала всѣ челобитныя тайному совѣтнику Коловрату, у котораго находятся въ завѣдываніи дѣла Православнаго народонаселенія; этотъ Коловратъ, по своему католическому ханженству и наущенію здѣшнихъ духовныхъ, всѣмъ Православнымъ неописанныя пакости чинитъ, и графъ Улефельдъ на представленія Бестужева отвѣчалъ, что ему надобно взять справки у Коловрата. Въ послѣдній разъ, когда Бестужевъ спросилъ Улефельда, въ какомъ положеніи дѣло, тотъ отвѣчалъ, что Трансильванскому народу никакого утѣсненія въ вѣрѣ не дѣлается; что пріѣзжающіе въ Вѣну Православные Трансильванцы и тотъ бѣглецъ, что живетъ въ Россіи, все выдумали. Потомъ Бестужевъ узналъ, что Коловратъ объявилъ депутатамъ, чтобъ, взявши паспорты, ѣхали назадъ; и когда они спросили, какъ же императрица рѣшила ихъ дѣло, то онъ съ сердцемъ сталъ кричать, что они всѣ бунтовщики, шизматики, были прежде уніатами, а теперь обратились въ шизму; на это депутаты отвѣчали, что они никогда уніатами не бывали, а если нѣкоторые изъ ихъ поповъ для корысти, безъ вѣдома народа, скрытно соединились съ Римскою церковью, то имъ до нихъ никакого дѣла нѣтъ. Затѣмъ Коловратъ, ругая ихъ всячески, сталъ имъ грозить, какъ они смѣли искать посторонней помощи, и велѣлъ имъ немедленно выѣхать изъ Вѣны. На адвоката, который принялся за ихъ дѣло и писалъ челобитныя, наложенъ штрафъ. „По всѣмъ изображеннымъ обстоятельствамъ ясно видно“, писалъ Бестужевъ, „въ чемъ состоятъ здѣшнихъ духовныхъ желанія и происки, и какимъ опасностямъ подверженъ этотъ бѣдный и большею частію простой и безграмотный народъ, и что къ спасенію его другого средства нѣтъ, какъ если ваше импер. величество соизволите повелѣть австрійскому послу, генералу Бернесу, серьезно объявить, что если гоненія на Греко-Каѳоликовъ не прекратятся, то вы по единовѣрію будете ихъ защищать; мои же домогательства здѣсь никакого успѣха имѣть не могутъ. Въ Сербской, Кроатской и мѣстами Венгерской Земляхъ, гдѣ живетъ множество народа Православнаго, оказавшаго въ послѣднюю войну великую вѣрность и заслуги больше другихъ подданныхъ, римское духовенство дѣлаетъ разныя обиды; но Православные и просить здѣсь не смѣютъ, зная напередъ, что никакой справедливости показано не будетъ“. Въ ноябрѣ Бестужевъ писалъ, что пріѣхали Православные депутаты изъ Кроаціи съ жалобами на притѣсненія, что не позволяютъ не только строить новыхъ церквей, но и починивать. Депутатовъ посадили въ глубокія подземныя тюрьмы, а потомъ отправили въ Кроацію и тамъ разбросали по крѣпкимъ тюрьмамъ. Изъ Трансильваніи постоянныя извѣстія, что гоненіе на Православныхъ продолжается съ неописанною жестокостью. Вслѣдъ затѣмъ Бестужевъ просилъ императрицу устроить церковь при посольскомъ домѣ какъ для него, такъ и для множества находящихся въ Вѣнѣ Православныхъ; священника предлагалъ не высылать изъ Россіи, но взять извѣстнаго ему съ хорошей стороны сербскаго священника—Михаила [1]).

Графъ Михаилъ Петр. Бестужевъ пріѣхалъ въ Вѣну и оставался здѣсь съ непріязненными чувствами къ брату своему, знаменитому канцлеру. Мы видѣли, что жена Михаила Петровича, по Лопухинскому дѣлу, была сослана въ Сибирь. Въ Дрезденѣ ему понравилась вдова оберъ-шенка Гаугвицъ, и онъ рѣшился на ней жениться, писалъ къ брату въ Петербургъ, чтобъ онъ исходатайствовалъ разрѣшеніе императрицы на бракъ, и, долго не получая никакого отвѣта, обвѣнчался безъ разрѣшенія, слѣдствіемъ чего было то, что въ Петербургѣ не признавали новую графиню Бестужеву, а потому не могли признавать ее и при Дворахъ, гдѣ графъ Бестужевъ былъ посломъ. Въ Петербургѣ обвиняли въ этомъ дѣлѣ канцлера, который, желая быть наслѣдникомъ брата, представилъ императрицѣ, что бракъ отъ живой жены не можетъ быть законнымъ [2]). Изъ письма Мих. Бестужева къ Воронцову узнаемъ, что онъ прислалъ просьбу о позволеніи вступить въ бракъ еще осенью 1747 года, а женился только 30 марта 1749 г.,—

[1]) Дѣла Австрійскія 1749 и 1750 гг.

[2]) Депеша Финкенштейна отъ 31 августа 1748 года.

все дожидался разрѣшенія. Въ этомъ письмѣ читаемъ слѣдующія строки, обращенныя къ Воронцову: „Ваше сіятельство, какъ уповаю, яко мой милостивый патронъ и истинный другъ въ семъ приключеніи участіе примете и, по искренней своей ко мнѣ дружбѣ и милости, чинимыя иногда паче чаянія, противъ сего невиннаго моего поступка внушенія по справедливости и человѣколюбію своему въ пользу мою опровергать не оставите, ибо сіе дѣло не иное, но самое партикулярное, до государственныхъ интересовъ ни мало не касается, и на которое я токмо для успокоенія моей совѣсти и для честнаго житія на свѣтѣ поступилъ". Такимъ образомъ канцлеръ, отталкивая брата, заставлялъ его обращаться во враждебный лагерь [1]).

Преемникомъ Бестужева въ Дрезденѣ былъ назначенъ, какъ мы видѣли, находившійся здѣсь прежде, графъ Кейзерлингъ. Новый посолъ долженъ былъ начать свои сношенія съ графомъ Брюлемъ по поводу готовившагося событія въ Польшѣ, смерти великаго гетмана короннаго—Потоцкаго. Брюль объявилъ Кейзерлингу, что, имѣя въ виду распоряжаться въ Польшѣ въ полномъ согласіи съ Россіею, король хочетъ назначить великимъ гетманомъ Браницкаго, а на его мѣсто польнымъ гетманомъ Подольскаго воеводу, Ржевускаго, потому что оба они постоянно оказывали опыты усердія къ королю и его союзникамъ, въ ссорахъ польскихъ фамилій не участвуютъ и сохраняютъ руки свои чистыми отъ подкуповъ Дворовъ иностранныхъ; Ржевускій же оказалъ особенное усердіе къ Россіи во время прохода войскъ ея чрезъ Польшу и въ то время, когда Швеція старалась образовать конфедерацію. Брюль сильно жаловался на Францію и Пруссію, которыя не перестаютъ сѣять сѣмена раздора въ Польшѣ, причемъ главное орудіе ихъ — фамилія Потоцкихъ со своею шайкой. „Я", говорилъ Брюль, „имѣю въ рукахъ письменныя доказательства, какъ эти люди производили новыя соглашенія съ Франціею и Пруссіею насчетъ образованія конфедераціи, и дѣло стало только за тѣмъ, что Франція не согласилась дать имъ требуемой суммы денегъ. Однако, для сохраненія людей въ своихъ сѣтяхъ, Франція не скупится на ежегодныя пенсіи; такъ Сендомирскому воеводѣ Тарло даетъ 4,000 червонныхъ. Легко понять, что Франція недаромъ обременяетъ свою истощенную казну. Старикъ Потоцкій опредѣлилъ при арміи троихъ регментарей изъ своихъ соумышленниковъ: воеводу Сендомирскаго Тарло, короннаго кравчаго—Потоцкаго и воеводу Мстиславскаго—Сапѣгу, которые давно уже упомянутымъ Дворамъ себя продали, свою неблагодарность къ Россіи самымъ чернымъ образомъ заявили и во всѣхъ замѣшательствахъ были главными дѣятелями. Коронный гетманъ вмѣстѣ съ силами тѣлесными почти потерялъ и употребленіе разума; жена его дѣлаетъ все его именемъ по предписанію Тарло. Эта безпокойная голова, посѣдѣвшая въ интригахъ, едва-ли упуститъ изъ рукъ случай оказать себя соотвѣтственно своему нраву; притомъ настоящій его регментарскій чинъ доставляетъ ему ту выгоду, что онъ легко можетъ привлечь армію въ свои виды и пользоваться ею для образованія и подкрѣпленія конфедераціи. Король употреблялъ всевозможные способы для приведенія дѣлъ въ лучшее состояніе и для сохраненія спокойствія, но отношенія его къ Франціи препятствуютъ ему сдѣлать рѣшительный шагъ. Впрочемъ, я васъ обнадеживаю, что его величество имѣетъ непремѣнное намѣреніе никогда не отступать отъ союза съ Россіею и Австріею, и способствовать его укрѣпленію; относительно же сохраненія тишины въ Польшѣ—принять всѣ тѣ мѣры, которыя императрица сочтетъ нужными для своихъ интересовъ". Кейзерлингъ въ своемъ донесеніи замѣтилъ, что характеристика лицъ, сдѣланная Брюлемъ, совершенно вѣрна.

Чрезъ нѣсколько времени Кейзерлингъ имѣлъ другой разговоръ съ Брюлемъ о Польскихъ дѣлахъ; по поводу неудачи послѣдняго сейма. Брюль сильно возставалъ противъ liberum veto: „Смутное и несчастное состояніе Польскаго государства очевидно", говорилъ онъ: „сеймы представляютъ единственный способъ для рѣшенія государственныхъ дѣлъ; но когда на этихъ сеймахъ рѣшеніе дѣла зависитъ не отъ того, какъ большинство или почти всѣ хотятъ, но отъ того, что одинъ только не хочетъ, то само собою ясно, что жребій короля, республики и всѣхъ государственныхъ дѣлъ зависитъ отъ воли одного человѣка, котораго какая-нибудь иностранная держава употребляетъ для своихъ видовъ. Государство, устройство котораго таково, что добро находитъ всегда препятствія, а зло никогда не можетъ быть отвращено, напослѣдокъ должно само собою разложиться. На такомъ гибельномъ пути находится теперь и Польская республика; ея вольность представляетъ только способъ, которымъ враги ея пользуются, чтобъ препятствовать всему для нея выгодному и полезному. Никакъ нельзя сказать, чтобъ какъ между знатными людьми, такъ и между мелкимъ шляхетствомъ не было людей благоразумныхъ и благонамѣренныхъ, которые понимаютъ опасное злоупотребленіе въ подачѣ вольнаго голоса, предусматриваютъ паденіе государства, и не только жалѣютъ о печальномъ состояніи отечества, но готовы употребить всѣ средства для отвращенія этого великаго зла".

— „Не знаю", замѣтилъ Кейзерлингъ, „въ то время, когда будутъ стараться объ отвращеніи одного зла, не впадутъ ли въ другое, гораздо большее, ибо явно, что liberum veto сдѣлалось болѣзнію уже неизлѣчимою; вся нація поклоняется ему, какъ идолу; легко можетъ статься, что малѣйшее покушеніе противъ него ослабитъ любовь народа къ королю, раздражитъ противъ него, наполнитъ сердце сомнѣніемъ, страхомъ, недовѣріемъ и повсдетъ къ безпокойствамъ, которыя принесутъ пользу только сосѣдямъ, привыкшимъ въ мутной водѣ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, II, 254.

рыбу ловить".—Брюль согласился съ этимъ, но выразилъ мнѣніе, что всѣ опасныя слѣдствія были бы предупреждены, если-бы Россія и Австрія согласились способствовать уничтоженію liberum veto, и король больше всего желаетъ одного,—чтобъ сосѣдніе друзья и союзники хорошенько разсудили, что liberum veto полезно или вредно для нихъ въ будущемъ. Если въ разсужденіи Швеціи, Порты и другихъ сосѣднихъ державъ какъ Россіи, такъ и Австріи союзъ республики нуженъ, то надобно, чтобъ этотъ союзъ приносилъ какую-нибудь пользу; а польза можетъ получиться только тогда, когда другія злонамѣренныя державы не будутъ имѣть въ рукахъ средство уничтожить всякое сеймовое рѣшеніе.—Донося объ этомъ разговорѣ, Кейзерлингъ писалъ: „Теперь уже явно оказывается, что хотя здѣшній Дворъ самъ собою перемѣну въ подачѣ вольнаго голоса сдѣлать не намѣренъ, однако не будетъ противиться, если республика сама собою догадается о сокращеніи этой употребленной во зло вольности". Изъ Петербурга Кейзерлингу было предписано — употреблять всѣ старанія, чтобы Польша непремѣнно осталась при существующихъ обыкновеніяхъ и ничего новаго не было бы введено.

Въ іюнѣ 1749 года Кейзерлингъ сообщилъ своему Двору слова Брюля, имѣвшія особенное значеніе для русской политики. „Мы", говорилъ Брюль, „не имѣемъ никакой причины щадить Пруссію, которая продолжаетъ дѣлать намъ всевозможныя досады. Мы принуждены все это сносить; но если Россія и Австрія будутъ намъ помогать, то мы заговоримъ другимъ голосомъ. Это было бы полезно видамъ обоихъ императорскихъ Дворовъ, ибо если-бъ они непосредственно предприняли что-нибудь, хотя малѣйшее противъ Пруссіи, то ея Дворъ не преминетъ объявить, что они хотятъ вырвать у него изъ рукъ Силезію; а такого истолкованія нельзя будетъ привести, если здѣшній Дворъ станетъ сопротивляться прусскимъ видамъ съ помощію Россіи и Австріи".

Въ это время въ Дрезденѣ гостилъ побочный братъ короля, маршалъ французской службы, знаменитый Морицъ Саксонскій, и его пріѣздъ подалъ поводъ къ поднятію вопроса о Курляндіи, отъ которой Морицъ не отказывался. Онъ съѣздилъ въ Берлинъ, былъ отлично принятъ Фридрихомъ II, и пошли слухи, что послѣдній предложилъ ему руку своей сестры — съ Курляндіею въ приданое. Кейзерлингъ обратился къ Брюлю съ вопросомъ, правда ли это, и тотъ, въ высшей конфиденціи, не только далъ утвердительный отвѣтъ, но прибавилъ, что Морицъ принялъ предложеніе съ глубокимъ молчаніемъ и поклономъ. Кейзерлингъ донесъ также, что Морицъ, по возвращеніи изъ Пруссіи, сказалъ англійскому посланнику Уильямсу: „Я до сихъ поръ дрался за другихъ; а теперь время и о себѣ подумать". Потомъ спросилъ у Уильямса, не можетъ ли онъ ему хорошій вооруженный корабль доставить, и когда тотъ спросилъ, какой именно корабль ему нуженъ, то Морицъ далъ ему записку: „Я желалъ бы знать, что будетъ стоить каперское судно или вооруженная шлюпка о 16 или 20 пушкахъ, хорошая, на ходу легкая, которая бы не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ была въ употребленіи". По этому поводу Кейзерлингъ сообщилъ императрицѣ свое мнѣніе о Курляндскомъ дѣлѣ: Императоръ Петръ I-й, по своей государственной мудрости, призналъ, что Россія, относительно своихъ Прибалтійскихъ владѣній, не можетъ быть равнодушна къ судьбѣ Курляндіи,—отсюда и бракъ царевны Анны съ герцогомъ Курляндскимъ, и стараніе Петра поддержать герцогство при старыхъ его правахъ. Никогда Курляндія не была въ такомъ опасномъ положеніи, какъ теперь, когда Морицъ Саксонскій возобновляетъ свои претензіи, а Дворы Французскій, Шведскій и Прусскій считаютъ для себя выгоднымъ подкрѣплять эти претензіи. Если Курляндія отдастся въ покровительство одной короны Польской, то пропадетъ неминуемо, вслѣдствіе жалкаго военнаго состоянія Польши, и легко понять, что виды означенныхъ Дворовъ не ограничатся одною Курляндіей: Курляндія, въ рукахъ преданнаго имъ герцога, будетъ служить только средствомъ для достиженія важнѣйшихъ цѣлей. Излишне было бы распространяться о томъ, какую помощь враждебные Дворы получили бы отъ того, если-бы на престолѣ Курляндскомъ сѣлъ маршалъ Франціи и зять обоихъ ея союзниковъ, королей Прусскаго и Шведскаго. Такъ какъ онъ могъ бы пользоваться множествомъ предлоговъ брать къ себѣ прусское войско, то Россія никогда бы не была безопасна въ своихъ собственныхъ границахъ: передъ ея воротами находился бы всегда внимательный наблюдатель, готовый пользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, не упоминая объ удобствѣ, какое получила бы Швеція высаживать свои войска въ курляндскихъ гаваняхъ и соединяться съ Пруссаками; уже давно рѣшено, что Швеція ключъ къ Ригѣ можетъ найти только въ Курляндіи. Единственнымъ средствомъ для отвращенія такихъ бѣдъ Кейзерлингъ считалъ возстановленіе Бирона на Курляндскомъ престолѣ [1]).

Представляя императрицѣ эту реляцію Кейзерлинга, Бестужевъ подкрѣпилъ послѣднюю ея часть своимъ мнѣніемъ, что необходимо освободить Бирона и возстановить его на Курляндскомъ престолѣ, взявши сыновей его въ русскую службу и сдѣлавши ихъ такимъ образомъ аманатами. Бестужевъ представлялъ, что если Курляндія останется въ прежнемъ положеніи, а въ Польшѣ будетъ король, недоброжелательный Россіи, то онъ можетъ объявить основательную претензію на многіе милліоны, причемъ, разумѣется, получитъ помощь отъ Турокъ, Шведовъ и Французовъ. Кромѣ того-что можно оставить дѣтей Бирона аманатами, можно еще принять другія предосторожности, именно: взять съ него обязательство, что онъ ничего отъ Россіи требовать не будетъ, а король и республика

[1]) Дѣла Польскія, 1749 года.

Польскіе поручатся за исполненіе этого обязательства на вѣчныя времена. Чрезъ возстановленіе Бирона Россія пріобрѣтетъ признательность Польскаго короля, отдалитъ всѣхъ другихъ претендентовъ, прекратитъ всякую опасность, Полякамъ кричать на сеймахъ повода не будетъ, тогда какъ теперь королю Прусскому и Франціи такъ хочется захватить въ свои руки Курляндію, что Фридрихъ II хочетъ выдать сестру свою за графа Сакса, маршала французскаго, несмотря на то, что онъ незаконнорожденный, притомъ онъ старъ и дряхлъ. Да хотя-бъ онъ и не сыгралъ этой свадьбы, то довольно извѣстно, какъ ему и Франціи нужно это герцогство въ рукахъ имѣть, дабы оттуда Россію безпокоить, Шведамъ помогать и въ Польшѣ интриги производить.—Но Елисавета отвѣчала рѣшительно, что не освободитъ Бирона.

Попытка Морица Саксонскаго подкупить въ свою пользу канцлера Бестужева дала послѣднему возможность снова поднять дѣло о Биронѣ.

Въ октябрѣ 1749 года совѣтникъ саксонскаго посольства Функъ извѣстилъ канцлера о пріѣздѣ польскаго графа Гуровскаго, который, заболѣвши, переслалъ къ нему, Функу, письмо съ предложеніемъ канцлеру 25,000 золотыхъ червонныхъ, если тотъ постарается доставить ему Курляндію. Канцлеръ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать еще представленіе въ пользу Бирона; но онъ боялся обратиться опять прямо къ императрицѣ послѣ ея рѣшительнаго отказа и повелъ дѣло чрезъ Разумовскаго, къ которому написалъ:

„Пріемлю смѣлость приложитѣ при семъ пакетъ съ крайне нужными дѣлами, и ваше сіятельство покорнѣйше прошу оный ея импер. величеству всенижайше поднести. Я уповаю, что ея величество по всевысочайшей своей довѣренности вложенное въ немъ прочитать вамъ изволитъ, слѣдовательно ваше сіятельство изъ того усмотрѣть изволите, до чего дошли производящіяся повсюду интриги о доставленіи французскому маршалу, графу Саксу, герцогства Курляндскаго. Я ея императорскому величеству недавно всенижайше представлялъ, чтобъ, для отвращенія такихъ интригъ навсегда, несчастливаго герцога Бирона освободить; но ея императорское величество сказать изволила, что его не освободитъ. Я потому не дерзаю болѣе ея императорское величество моими всенижайшими представленіями утруждать; но я ваше сіятельство покорнѣйше прошу, принявъ сіе дѣло въ уваженіе, ея императорскому величеству при случаѣ всенижайше представить, что графъ Саксъ ничего болѣе и не требуетъ, какъ такого со стороны ея императорскаго величества изъясненія, что Биронъ свободенъ быть не можетъ, слѣдовательно мнѣ легко было-бъ столь дерзостно Гуровскимъ представленные 25,000 червонныхъ принять. Но я весьма вѣрный ея императорскаго величества рабъ и сынъ отечества, чтобъ я помыслить могъ и противъ будущихъ интересовъ ея и государства малѣйше поступить. Сіе дѣло столь важно и толь великихъ слѣдствій, что оное подлинно всю аттенцію заслуживаетъ и, по моему слабѣйшему мнѣнію, теперь ничего нужнѣе нѣтъ, какъ оное единожды рѣшить и окончить, ибо: 1) по зачавшимся нынѣ въ Польшѣ крайнимъ несогласіямъ весьма скоро тамо опасной конфедераціи опасаться должно, при которой 2) и такъ зѣло о Курляндіи шумящіе Поляки сіе дѣло въ наибольшее движеніе приведутъ, а особливо когда разсѣянные почти вездѣ, а особливо въ Польшѣ, французско-прусско-шведскіе эмиссары ихъ къ тому внушеніями, а иногда и употребленіемъ денегъ побуждать станутъ, какъ дабы надобнаго имъ герцогомъ Курляндскимъ сдѣлать, такъ паче тѣмъ иногда поводъ къ дальнѣйшимъ замѣшательствамъ подать. 3) Хотя-бъ толь великой опасности для теперешняго времени и не настояло,—то однакожъ кто за будущія обстоятельства ручаться можетъ, кои всегда легко перемѣниться могутъ. Не всегда надѣяться можно, что короли Польскіе толь благонамѣренны пребудутъ. Многіе примѣры были, что они съ Турками соединялись, а польскіе вельможи и безъ того по большей части французско-прускими партизанами суть; что-жъ будетъ, когда-бъ герцогъ Биронъ въ нынѣшнемъ состояніи умеръ, а Польша, соединясь съ Турками, вмѣсто Курляндіи, претензіи его, въ коихъ она истецъ, на Украйну или Лифляндію въ дѣйство производить стала, причемъ всемѣрно Пруссія и Швеція спокойны не остались бы, но паче опасной для нихъ ея императорскаго величества силѣ предѣлы положить искали-бъ. Я желаю, чтобъ я въ сихъ мнѣніяхъ ошибся, а не такъ точно угадалъ, какъ нынѣ происшествіе оправдало, что всѣмъ нынѣшнимъ замѣшательствамъ и безпокойствамъ и премѣнѣ формы правительства въ Швеціи причиною есть супружество коронпаго наслѣдника съ сестрою короля Прусскаго, который тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, нежели король Французскій.

„Ежели токмо ея императорское величество всѣ сіи уваженія въ милостивое прозорливое свое разсужденіе принять изволитъ, то чаять нельзя, чтобъ ея величество, яко премудрая мать своего отечества, не соизволила дарованіемъ свободы несчастливому Бирону, забывъ всѣ его преступленія, предпочесть будущее благополучіе своей имперіи тому малому, а именно около 80,000 талеровъ въ годъ прибытку, который нынѣ съ курляндскихъ секвестрованныхъ мѣстностей казна ея получаетъ, но который однакожъ стократно увеличенъ будетъ, когда претензіи сильною рукою производить стали-бъ. Всѣ же сіи дальности легко предвидѣть, но по упущеніи времени не такъ скоро поправить, какъ теперь совсѣмъ отвратить можно единымъ только освобожденіемъ несчастливаго Бирона, которое толь меньше сумнѣнію подлежитъ, ибо при высвобожденіи его можно отъ него такія обязательства взять, какія токмо ея императорскому величеству угодны были-бъ; а чтобъ какая отъ него опасность была, того никакъ думать нельзя.

ибо княжество его только въ четырехъ миляхъ отъ Риги,— слѣдовательно всегда подъ грозою россійскаго оружія находится".

Гуровскій болѣе четырехъ мѣсяцевъ оставался въ Россіи, и канцлеръ составилъ слѣдующую записку для высочайшаго извѣстія: „Къ достовѣрному доказательству, что графу Гуровскому отъ маршала, графа Сакса, подлинно поручено всѣ пути и способы въ дѣйство употребить для доставленія ему герцогства Курляндскаго, и что Гуровскій и въ самомъ дѣлѣ всякими интригами сильно въ томъ трудится, довольно его собственноручныхъ писемъ и оригинальнаго графа Сакса за его подписаніемъ и печатью на 25,000 червонныхъ билета; но онъ притомъ не остался, ибо онъ камергеру, графу Бестужеву-Рюмину (сыну канцлера), 1,000 червонныхъ тотчасъ въ руки выдать представлялъ, дабы онъ канцлера склонялъ въ виды Гуровскаго вступить. А какъ потомъ онъ и къ генералу Апраксину забѣгалъ, чтобъ онъ, яко другъ канцлеру, его въ томъ подкрѣплялъ, который ему отвѣтствовалъ, что, то будучи весьма не его дѣло, онъ не токмо въ то мѣшаться не можетъ, но канцлеру о томъ и словомъ упомянуть не смѣетъ: то думать можно, что Гуровскій такія посулы и попытки не симъ только двоимъ учинилъ, но, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ о томъ проискиваетъ, а особливо, что онъ камергеру графу Бестужеву-Рюмину не токмо большое награжденіе, но притомъ и милость короля Французскаго и ежегодную отъ маршала графа Сакса пенсію обѣщалъ". 31 марта 1750 года Гуровскому было объявлено, чтобъ онъ въ три дня выѣхалъ изъ столицы [1]). Попытка Морица Саксонскаго не удалась; но не удалось и Бестужеву освободить Бирона и возстановить его на Курляндскомъ престолѣ: Елисавета осталась непреклонна въ своемъ рѣшеніи.

Между тѣмъ Брюль сообщилъ Кейзерлингу, что прусскіе отряды врываются въ пограничныя саксонскія деревни и хватаютъ людей въ рекруты; король, говорилъ Брюль, не можетъ долѣе сносить, чтобъ его подданные становились добычею иностранцевъ; никто изъ пограничныхъ жителей болѣе уже не безопасенъ; приходятъ ежедневныя жалобы на захватъ людей и увозъ ихъ за границу. Король хочетъ употребить строгость по примѣру самого короля Прусскаго, который велѣлъ повѣсить саксонскаго таможеннаго чиновника по одному только подозрѣнію, что онъ пріѣхалъ въ Галле подговаривать людей; король надѣется, что будетъ защищенъ отъ обидъ Прусскаго короля высочайшею и дражайшею дружбою императрицы, что она велитъ своему министру въ Берлинѣ сдѣлать нужныя о томъ представленія прусскому министерству. Вслѣдъ за тѣмъ Брюль далъ Кейзерлингу промеморію, въ которой выставлялась необходимость рѣшить поскорѣе Курляндское дѣло, прежде чѣмъ враждебные Дворы воспользуются имъ для своихъ видовъ.

1749 годъ Кейзерлингъ окончилъ подробнымъ донесеніемъ о состояніи Польши. На первомъ планѣ была здѣсь вражда двухъ фамилій—Потоцкихъ и Чарторыйскихъ. Началась она съ соперничества въ достиженіи гетманскаго чина. Русское покровительство дало Потоцкимъ ту силу и значеніе, которыя они, по смерти Августа II, поспѣшили употребить противъ Россіи, поддерживая Станислава Лещинскаго. Когда, послѣ сдачи Данцига, Чарторыйскіе признали Августа III, и Дворъ началъ ихъ употреблять въ дѣлѣ умиренія, то эта фамилія показала отличные опыты своей благонамѣренности. Когда же было постановлено - забыть все прошедшее и стараться привлечь къ себѣ всѣхъ благодѣяніями, то и Потоцкіе были взысканы милостями: нѣкоторые получили пенсіи, другимъ даны королевскія маетности, иные повышены въ чинахъ, а самъ воевода Кіевскій пожалованъ великимъ короннымъ гетманомъ, невзирая на сильный протестъ Кейзерлинга, находившаго опаснымъ, чтобъ два главныя въ королевствѣ достоинства—примаса и гетмана—находились въ одной фамиліи. Послѣдующія событія оправдали опасенія Кейзерлинга и до сихъ поръ оправдываютъ, хотя смерть примаса и уменьшила нѣсколько опасность.

Гетманское достоинство не могло достаться въ худшія руки. Тогдашній кабинетъ-министръ Сульковскій, не давши знать Кейзерлингу, доставилъ этотъ чинъ Потоцкому, о чемъ самъ потомъ сильно жалѣлъ, но поправить ошибки было уже нельзя безъ новаго возмущенія Поляковъ. Привыкнувъ во время революціи и при Станиславѣ управлять всѣмъ, Потоцкіе хотѣли того же и при нынѣшнемъ королѣ, но, встрѣтивъ помѣху въ Чарторыйскихъ, воспылали къ нимъ злобою, хотя Чарторыйскіе поддерживаютъ себя единственно личными достоинствами, а нисколько не милостью королевскою, отъ которой ничего не получали: чѣмъ были прежде до революціи, тѣмъ и остались, равно какъ и старый графъ Понятовскій. Всему свѣту извѣстно, что во время Турецкой и Шведской войны домъ короннаго гетмана былъ прибѣжищемъ турецкихъ и шведскихъ эмиссаровъ, которые тамъ обыкновенно собирались, соглашались насчетъ мѣръ своихъ противъ Россіи, чрезъ Потоцкаго получали нужныя имъ извѣстія; у него, какъ на почтовомъ дворѣ, держали свою переписку. Онъ съ сообщниками во время Шведской войны поднималъ противъ Россіи конфедерацію, отчего произошли бы опасныя слѣдствія, если-бы Кейзерлингъ не нашелъ въ коронной маршалыпѣ Мнишекъ орудія для успокоенія конфедератовъ, къ чему не мало способствовали также старанія Ржевускаго, Чарторыйскихъ и Понятовскаго. На всѣхъ сеймахъ коронный гетманъ производилъ крикъ и жалобы противъ Россіи, не имѣя къ тому ни малѣйшаго повода, ибо Кейзерлингъ остерегался дѣйствовать противъ Потоцкихъ враждебно:

---

[1]) Бумаги о Гуровскомъ въ Государ. Архивѣ.

напротивъ,—старался приласкать ихъ подарками, и этими средствами, привлекши на свою сторону графиню Мнишекъ, тещу гетмана Потоцкаго и сестру Тарло, равно духовныхъ и адъютантовъ гетмана, могъ узнавать заранѣе о всѣхъ враждебныхъ Россіи замыслахъ и предупреждать ихъ. Такія отношенія Кейзерлинга къ Потоцкимъ не могли нравиться Чарторыйскимъ; но Кейзерлингъ далъ знать послѣднимъ, что ихъ заслуги и благонамѣренность извѣстны Русскому Двору, и они могутъ совершенно положиться на его покровительство; но онъ не можетъ мѣшаться въ ихъ отношенія къ Потоцкимъ, ибо Россіи нужно одно—сохраненіе въ Польшѣ спокойствія, возстановленіе котораго Россіи такъ дорого стоило; а самъ онъ, Кейзерлингъ, проситъ ихъ, что если-бъ онъ потребовалъ отъ нихъ чего-нибудь, несогласнаго съ благомъ Польши и дружбою между нею и Россіею, то они-бъ не исполняли его требованія, а противились бы ему всѣми силами. Въ такомъ положеніи Кейзерлингъ оставилъ дѣла въ Польшѣ, когда былъ перемѣщенъ во Франкфуртъ. Но и здѣсь онъ получалъ извѣстія, что Потоцкіе продолжаютъ дѣйствовать попрежнему въ видахъ Франціи, безъ обращенія вниманія на своего короля. И теперь дѣлается то же самое: воевода Сендомирскій получаетъ отъ Франціи пенсію въ 4,000 червонныхъ; воеводѣ Бѣльскому въ послѣднюю бытность его въ Парижѣ подарено 10,000 ефимковъ; тамъ онъ недавно и проектъ подалъ—какимъ бы образомъ свергнуть графа Брюля. При королѣ, для Польскихъ дѣлъ, находится теперь подканцлеръ Воджицкій, который скорѣе преданъ Потоцкимъ, чѣмъ Чарторыйскимъ; великій канцлеръ коронный, Малаховскій, сначала не держался ни той, ни другой партіи; но такъ какъ онъ выдалъ дочь за одного изъ Потоцкихъ, то, пожалуй, скорѣе будетъ дѣйствовать въ интересахъ этой фамиліи. „Я не усматриваю", замѣчаетъ Кейзерлингъ, „какимъ бы способомъ Потоцкіе могли быть отвлечены отъ своихъ обязательствъ съ Франціею и наведены на другой путь; опытъ показалъ, что всѣ представленія и милости остались напрасными, и потому никогда ни Россія, ни король не могутъ довѣрять этимъ людямъ, которые не упускаютъ ни одного случая къ злымъ дѣламъ Однако благоразуміе требуетъ не раздражать ихъ; здѣшній Дворъ думаетъ такъ-же, и я не премину утверждать его въ этомъ мнѣніи. Что же касается вольнаго голоса (liberum veto), то мысль о его ограниченіи не новая и не Чарторыйскимъ принадлежитъ, а Потоцкимъ, которые уже не разъ и старались объ этомъ, и если-бъ они при королѣ получили такую же власть, какую имѣли во время междуцарствія, то давно бы уже отмѣнили вольный голосъ, и эта отмѣна была бы гораздо выгоднѣе имъ, чѣмъ Чарторыйскимъ, потому что они и въ сенатѣ и въ палатѣ пословъ имѣютъ гораздо болѣе приверженцевъ и, потому, во всякомъ случаѣ обезпечены насчетъ большинства голосовъ.

1750 годъ Кейзерлингъ началъ опять непріятнымъ для Елисаветы извѣстіемъ о разговорѣ съ коронным подканцлеромъ Воджицкимъ по поводу Курляндіи. Воджицкій объявилъ ему, что получилъ изъ Польши письма, въ которыхъ многіе магнаты домогаются, чтобъ онъ сдѣлалъ королю наисильнѣйшія представленія о необходимости скорѣйшаго рѣшенія Курляндскаго дѣла; что это дѣло заслуживаетъ теперь особеннаго вниманія, ибо нѣкоторые иностранные Дворы хотятъ воспользоваться имъ ко вреду Россіи и Польши. Въ апрѣлѣ Кейзерлингъ вмѣстѣ съ Дворомъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву, и въ маѣ увѣдомилъ о богатомъ политическими послѣдствіями бракѣ коронного гофмаршала Мнишка съ дочерью перваго министра Брюля,—а Мнишекъ былъ родной братъ коронной гетманши Потоцкой, вслѣдствіе чего Потоцкіе были очень довольны. Когда Кейзерлингъ выразилъ Брюлю надежду, что этотъ союзъ съ Потоцкими не произведетъ перемѣны въ его отношеніяхъ къ общимъ друзьямъ и въ господствовавшемъ до сихъ поръ политическомъ планѣ, то Брюль отвѣчалъ, что онъ не отдастъ интересы своего государя въ приданое за дочерью; такія же обнадеживанія дѣлалъ онъ Чарторыйскимъ и Понятовскимъ. Во второй половинѣ мая примасъ, отъ имени всѣхъ сенаторовъ, подалъ королю адресъ о необходимости рѣшить Курляндское дѣло, съ чѣмъ король былъ совершенно согласенъ, и немедленно переслалъ адресъ въ Москву. Съ другой стороны коронный гетманъ жаловался, что гайдамаки не даютъ покоя пограничнымъ польскимъ областямъ. Для успокоенія послѣдняго дѣла Кейзерлингъ сообщилъ указъ императрицы Кіевскому губернатору Леонтьеву объ искорененіи гайдамаковъ.

Между тѣмъ приближалось время чрезвычайнаго сейма и надобно было рѣшить важный вопросъ,—кому быть сеймовымъ маршаломъ. Король для своихъ интересовъ находилъ необходимымъ, чтобъ маршаломъ былъ Ржевускій, воевода Подольскій, а потому уговорилъ его отказаться отъ воеводства и сенаторства, ибо, по закону, никто изъ правительственныхъ лицъ маршаломъ быть не могъ. Но Потоцкіе этому воспротивились; въ день открытія сейма, когда надобно было выбирать маршала, поднялись страшные споры, и въ этихъ спорахъ прошелъ срокъ, назначенный для сейма, вслѣдствіе чего онъ и не могъ состояться.

Успокоенный относительно Польши, Кейзерлингъ сталъ хлопотать о томъ, чтобъ отвлечь ея короля, какъ курфирста Саксонскаго, отъ неестественнаго союза съ Франціею по причинѣ субсиднаго трактата и привлечь къ старому союзу съ Россіею и Австріею. Саксонское правительство было убѣждено въ малой пользѣ отъ перваго и необходимости втораго; но Кейзерлингу говорили одно, что если-бъ, вслѣдствіе послѣдней войны, Саксонія не находилась въ такомъ отчаянномъ положеніи и не терпѣла такую нужду въ деньгахъ, то не взяла бы ихъ отъ Франціи; самъ король сказалъ англійскому посланнику Уильямсу: „Договоръ съ Франціею былъ

заключенъ по нуждѣ, а не по расположенію". Этотъ Уильямсъ былъ переведенъ изъ Берлина къ Саксонскому Двору частью для того, чтобъ получить понятіе о дѣлахъ въ Польшѣ, главнымъ же образомъ для того, чтобъ навѣдаться, склоненъ-ли Саксонскій Дворъ оставить французскія субсидіи и вступить въ обязательство относительно сохраненія вольности, тишины и безопасности въ Европѣ. Такъ, онъ самъ объявилъ Кейзерлингу, который потому и началъ съ нимъ совѣтоваться, какъ бы это дѣло привесть въ движеніе. Рѣшили, что всего лучше начать съ общей конференціи у графа Брюля. Дѣло въ конференціи началось заявленіемъ, что французскій субсидный договоръ можетъ быть замѣненъ такимъ же договоромъ съ Англіею, если Саксонія приступитъ къ Петербургскому договору между Россіею и Австріею. Брюль отвѣчалъ, что его государь согласенъ на это и велѣлъ уже объявить о своемъ согласіи въ Петербургѣ, но требуетъ ручательства въ безопасности отъ Пруссіи; пусть Россія объявитъ, что въ случаѣ, если-бы кто-нибудь обезпокоилъ Саксонію подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, то Россія будетъ помогать ей всѣми своими силами. Брюль замѣтилъ, что такое ручательство прежде всего необходимо, ибо когда въ недавнее время Россія, по причинѣ Шведскихъ дѣлъ, требовала помощи отъ Саксоніи, то Прусскій король велѣлъ объявить въ Дрезденѣ, что какъ скоро непріятельскія дѣйствія начнутся, то онъ Саксонію задавитъ, чтобъ отнять у нея возможность продолжать игру. Кейзерлингъ и Уильямсъ признали справедливость этого требованія, причемъ Кейзерлингъ замѣтилъ, что пока у Саксоніи будетъ продолжаться союзъ съ Франціею, Россія не можетъ оказать полной довѣренности Саксоніи. Уильямсъ предложилъ, что будетъ достаточно, если король Польскій на аудіенціи объявитъ имъ, что не намѣренъ возобновить союзнаго договора съ Франціею, а намѣренъ вступить въ обязательства съ древними своими союзниками, если онъ получитъ столько же выгодъ, сколько представлялъ договоръ съ Франціею, и если Русская императрица сдѣлаетъ декларацію о безопасности и гарантіи его областей и правъ. Кейзерлингъ согласился, и 12 августа ему, а на другой день—Уильямсу король объявилъ, какъ было условлено.

Во время веденія этого дѣла о тѣсномъ союзѣ Польскаго короля съ Русскою императрицею, Кейзерлингъ былъ смущенъ возобновленіемъ жалобъ Бѣлорусскаго епископа Волчанскаго на притѣсненія Греческой вѣры, жалобъ, которыя должны были вести къ непріятнымъ объясненіямъ съ польскими министрами; а теперь Волчанскій именно жаловался на притѣсненія въ областяхъ литовскихъ канцлеровъ. Кейзерлингъ обратился къ подканцлеру, князю Чарторыйскому, съ представленіемъ, что дѣло идетъ о нарушеніи договора вѣчнаго мира, и примѣръ этого нарушенія подается въ маетностяхъ министровъ республики. Чарторыйскій отвѣчалъ, что это все зависитъ отъ Виленскаго католическаго епископа; онъ, Чарторыйскій, сносился съ нимъ, и тотъ велѣлъ отвѣчать, что онъ не можетъ дать явнаго позволенія на перестройку и починку русскихъ церквей, но хочетъ своимъ духовнымъ подъ рукою приказать, чтобъ они не препятствовали исповѣдникамъ Греческой вѣры. Чарторыйскій обнадеживалъ Кейзерлинга, что онъ, со своей стороны, всячески защищаетъ людей Греческой вѣры; что онъ имъ на собственный счетъ построилъ церковь. Кейзерлингъ окончилъ свое донесеніе слѣдующими любопытными словами: „Мнѣ здѣшнее польское министерство часто давало знать, для чего люди Греческой вѣры не обращаются съ своими жалобами къ своему королю; для чего они обо всемъ чрезъ другой Дворъ представляютъ. Они—жители и подданные республики, и слѣдовало бы имъ своему королю честь отдавать и съ довѣріемъ просить его о защитѣ и помощи. Хорошо было бы, если-бъ Греческимъ епископамъ объявили, чтобъ они впредь свои жалобы приносили обычнымъ образомъ самому королю, и потомъ пересылали бы ихъ ко мнѣ, а я ихъ не преминулъ бы подкрѣплять по высочайшимъ намѣреніямъ вашего величества; это, по словамъ польскихъ министровъ, дало бы дѣламъ лучшій видъ, ибо происходило бы естественнымъ порядкомъ"

Другое непріятное дѣло—Курляндское—также не затихало; въ сентябрѣ канцлеры подали Кейзерлингу промеморію, въ которой говорилось, что въ послѣднемъ сенатусъ-консиліумѣ, держанномъ въ концѣ августа, всѣ сенаторы единодушно просили короля возобновить наисильнѣйшія домогательства и представленія при Россійскомъ Дворѣ объ освобожденіи герцога Курляндскаго Бирона: право, потребность порядка и тишины въ Курляндіи, природная ея величества справедливость, необходимая предосторожность для предупрежденія вредныхъ политическихъ послѣдствій,—все указываетъ на это дѣло, какъ на дѣло первой важности для короля, республики Польской и Россіи, которыхъ интересы соединены. При этомъ канцлеры устно сообщили Кейзерлингу, какъ прискорбно королю и республикѣ, что, послѣ многократнаго дружескаго домогательства о герцоговомъ освобожденіи, до сихъ поръ никакого отвѣта нѣтъ [1]).

Елисавета осталась попрежнему непреклонною относительно Бирона и Курляндіи, ибо если, съ одной стороны, могли указывать на необходимость успокоить Курляндію и Польшу на случай войны съ Швеціею и Пруссіею, то, съ другой стороны, могли внушать, что именно въ случаѣ этой войны Курляндія должна оставаться безъ герцога и быть въ распоряженіи Россіи. Шведскія дѣла преимущественно обращали на себя вниманіе Русскихъ государственныхъ людей.

Въ январѣ 1749 года, въ конференціи съ шведскими министрами Тессиномъ и Экеблатомъ, Панинъ

---

[1]) Дѣла Польскія 1749 и 1750 гг.

прочелъ декларацію своего Двора противъ возстановленія самодержавія въ Швеціи. Когда Панинъ прочелъ то мѣсто декларации, гдѣ говорилось, что нѣкоторые возстановленіемъ самодержавія хотятъ избѣжать отвѣтственности за свое поведеніе предъ государственными чинами, то Тессинъ, уставивши глаза на Экеблата, нѣсколько времени оставался неподвиженъ; когда же Панинъ окончилъ чтеніе, то Тессинъ началъ говорить, что эти вѣдомости о самодержавіи для нихъ сущая новость, и что изъ всѣхъ ложныхъ слуховъ, которые въ послѣднее время разсѣяны были по провинціямъ, они ничего подобнаго не слыхали; что они, какъ сенаторы, обязались присягою охранять настоящую форму правленія; наслѣдный принцъ при своемъ избраніи поклялся и не мыслить о самодержавіи: „Наша вольность", заключилъ Тессинъ,—„такъ намъ дорога, что мы не захотимъ опять подвергнуться игу".

Послѣ этой декларации немедленно было созвано чрезвычайное собраніе сената, въ присутствіи наслѣднаго принца, и надворный канцлеръ Нолькенъ принялъ на себя сдѣлать королю ложное донесеніе, будто Панинъ въ конференціи именемъ императрицы объявилъ, что она хочетъ держать въ готовности всѣ свои силы для утвержденія, по кончинѣ королевской, наслѣднаго принца на престолѣ. Это донесеніе такъ встревожило больного короля, что онъ не могъ заснуть всю ночь, и когда, на другой день, явился къ нему съ докладами совѣтникъ Гессенской канцеляріи Бенингъ, то онъ съ глубокою печалью и упрекомъ сказалъ ему: „Вы мнѣ всегда толковали о дружбѣ ко мнѣ Русской императрицы, а вотъ что ея посланникъ объявилъ въ конференціи! Можно было бы до моей смерти подождать съ такою декларацією; и безъ того эти негодяи очень смѣлы; разузнайте, что за причина такого поступка Панина". Какъ скоро Панинъ узналъ объ этомъ чрезъ надежнаго человѣка, то немедленно отправилъ къ Бенингу оригиналъ императрицына рескрипта, для уясненія дѣла королю. Между тѣмъ, Тессинъ сообщилъ Панину, что королевскій отвѣтъ на декларации будетъ состоять въ слѣдующемъ: король узналъ съ великимъ удивленіемъ, будто бы въ Швеціи существуетъ намѣреніе возстановить самодержавіе и даже дѣлаются втайнѣ приготовленія; король тѣмъ болѣе удивляется такому слуху, что, кромѣ слуховъ изъ Норвегіи о датскихъ вооруженіяхъ въ пользу наслѣднаго принца, ни о чемъ подобномъ никакихъ неосновательныхъ разглашеній не выходило. Король находился насчетъ этого въ полномъ спокойствіи, твердо полагаясь на святость присяги, на добросовѣстность его высочества наслѣдника, на должное бодрствованіе своего сената и на всенародную ненависть къ самодержавію; впрочемъ, дружеское объявленіе со стороны императрицы король принимаетъ съ наичувствительнѣйшею признательностью.

Вслѣдъ за Панинымъ, датскій посланникъ Винтъ прочелъ Тессину отъ своего Двора такую же декларацію относительно возстановленія самодержавія, и получилъ въ отвѣтъ то же изумленіе и тѣ же отговорки. Колпаки были въ восторгѣ отъ этихъ декларацій, шляпы были особенно встревожены, тѣмъ болѣе-что смотрѣли на русскую декларацію какъ на слѣдствіе паденія Лестока. Ласковость ихъ къ Панину усилилась. Предложеніе сенатора Палмстерна о созваніи чрезвычайнаго сейма было отклонено, ибо не надѣялись на его счастливый исходъ среди двоихъ бдящихъ сосѣдей, которыхъ цѣль была явна.

Мы видѣли, что кронпринцъ непремѣнно хотѣлъ быть канцлеромъ Упсальскаго университета. Онъ достигъ своей цѣли и старался пользоваться своимъ вліяніемъ въ университетѣ. Въ Упсалѣ бывала большая ярмарка; на эту ярмарку отправился Горлеманъ, женатый на фавориткѣ кронпринцессы, бывшей фрейлинѣ Ливенъ; отправился онъ подъ предлогомъ осмотра университетскихъ строеній, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ поручить профессорамъ, которые получили это достоинство отъ кронпринца, разглашать собравшемуся на ярмарку народу, что нечего бояться военныхъ приготовленій со стороны сосѣдей; что господствующая партія имѣетъ въ рукахъ средство склонить Русскій Дворъ на свою сторону, съ помощью котораго не только можетъ противиться датскимъ видамъ, но и предупредить ихъ. Но Панинъ отправилъ на ярмарку также своего агента, Гека, секретаря крестьянскаго чина, который черезъ своихъ пріятелей внушалъ, что Русскій Дворъ никогда не будетъ дѣйствовать заодно съ злогосподствующею партіею въ ея стараніяхъ возстановить самодержавіе; что воинскія приготовленія сосѣдей, разумѣется, не причинятъ никакого вреда Швеціи, ибо имѣютъ цѣлью сохраненіе ея вольности; несомнѣнно, что если-бъ Россія и Данія не охраняли такъ бдительно настоящей формы правленія, то Шведы давно были-бы рабами извѣстной ватаги и подданными Франціи и Пруссіи. Гекъ, возвратившись изъ Упсалы, увѣрялъ Панина, что неудовольствіе противъ господствующей партіи страшное и ненависть къ кронпринцессѣ превосходитъ всякое вѣроятіе; собравшіеся на ярмарку крестьяне, жалуясь на свое бѣдственное положеніе, говорили, что все это зло привезла кронпринцесса съ собою: принца же считаютъ человѣкомъ слабымъ и неспособнымъ къ дѣламъ, которымъ управляетъ жена и графъ Тессинъ. Въ письмѣ къ канцлеру Бестужеву, Панинъ передалъ свой разговоръ съ совѣтникомъ Фриденстерномъ, оказавшимся въ послѣднее время однимъ изъ самыхъ энергическихъ людей, между колпаками. Фриденстернъ прямо объявилъ, что они не ждутъ никакого добра отъ наслѣднаго принца, и спросилъ конфиденціально Панина, могутъ ли они надѣяться, что императрица, умаливъ свою терпѣливость, наконецъ окажетъ правосудіе относительно неблагодарностей этого принца, и когда нація, благодаря ея оружію, увидитъ часъ своего избавленія, отниметъ ли отъ него свою спасительную руку. „Вы получили такъ много доказательствъ", отвѣчалъ Панинъ, „какъ ея величество

всегда далека отъ того, чтобы въ вашихъ домашнихъ дѣлахъ самовластно установлять какой бы то ни было порядокъ; вы можете быть удостовѣрены, что ея величество желаетъ одного—подкрѣплять вашу вольность. И такъ какъ до сей минуты никто изъ васъ предо мною не открывался относительно престолонаслѣдія, то я объ этомъ и не доносилъ моей государынѣ, слѣдовательно и министеріальнаго отвѣта вамъ дать не въ состояніи. Вы можете легко понять, какой важности это деликатное дѣло и какой требуетъ прозорливости для тайнаго и осторожнаго произведенія своего. По моему мнѣнію, вамъ надобно предварительно имѣть въ этомъ секретѣ еще одного или двоихъ изъ знатнѣйшихъ добрыхъ патріотовъ, съ которыми вмѣстѣ вы можете просить ея величество о защитѣ и помощи, сдѣлавши прежде между собою твердое соглашеніе, какимъ образомъ произвести это дѣло въ дѣйствіе". Фриденстернъ отвѣчалъ, что завтра же хочетъ ѣхать въ деревню къ сенатору Окергельму и уговориться съ нимъ; и такъ какъ кронпринцъ возведенъ въ свое достоинство по рекомендаціи императрицы, то онъ не желаетъ выгнать его изъ Швеціи съ какимъ-нибудь огорченіемъ, а будетъ стараться, чтобъ ему дали или пенсію, или единовременное значительное вознагражденіе.

Въ концѣ мая Панинъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ ему предписывалось сдѣлать вторичное представленіе насчетъ возстановленія самодержавія. „Хотя", говорилось въ рескриптѣ, „данный вамъ отъ королевскаго имени отвѣтъ насъ совершенно успокоилъ, ибо мы въ добрыхъ намѣреніяхъ короля удостовѣрены, однако собственный нашъ натуральный интересъ, съ которымъ связана безопасность нашей имперіи и соблюденіе тишины и равновѣсія на Сѣверѣ, требуетъ такъ просто не полагаться на обнадеживанія графа Тессина. Опытъ довольно показалъ, какъ на тамошнія обнадеживанія можно было полагаться; возьмемъ въ примѣръ негоціаціи графа Тессина при Датскомъ Дворѣ и недавно заключенный договоръ съ Прусскимъ королемъ: не были ли мы сильнѣйшимъ образомъ обнадеживаны, что они ни во что не вступятъ, не увѣдомивъ насъ предварительно? И такъ какъ получаемыя изъ разныхъ мѣстъ и изъ самой Швеціи надежныя вѣдомости говорятъ, что въ Стокгольмѣ нѣкоторыми господами подъ рукою уже все распоряжено, тотчасъ по преставленіи короля, вдругъ ввести самодержавіе, безъ извѣщенія государственныхъ чиновъ, и что въ секретнѣйшемъ комитетѣ будто постановлено, что государственные чины до 1751 года собираться не должны, то когда все это совершится, уже поздно будетъ съ нашей стороны принимать мѣры. Поэтому мы сочли необходимымъ поручить вамъ испросить у шведскаго министерства особливую конференцію и не только повторить уже сдѣланныя вами прежде словесныя представленія, но и вновь накрѣпко декларовать, что, хотя мы ничего такъ усердно не желаемъ, какъ съ нашими сосѣдями, особенно же съ королевствомъ Шведскимъ, пребывать въ ненарушимой союзнической дружбѣ и въ откровенномъ добромъ согласіи, наши обязательства съ Швеціею вѣрно исполнять и все то, что только къ нѣкоторымъ дальностямъ поводъ подать можетъ, рачительнѣйше искоренять: однако мы, если-бы подтверждающееся вездѣ намѣреніе имѣлось—тотчасъ по преставленіи короля настоящую форму правительства отмѣнить и самодержавіе снова ввести, что съ соблюденіемъ ненарушимой тишины и необходимаго равновѣсія на Сѣверѣ отнюдь согласно не было бы, то мы на такую перемѣну равнодушно смотрѣть никакъ не могли бы; но, по силѣ принятыхъ съ Швеціею Ништадтскимъ договоромъ обязательствъ, нашлись бы принужденными въ такомъ важномъ дѣлѣ принять участіе и употребить наиважнѣйшія мѣры для воспрепятствованія этой перемѣнѣ. А чтобъ однажды навсегда выйти изъ настоящаго сомнѣнія, чтобъ впредь не опасаться намъ за свой собственный интересъ и вольность Шведскаго народа, то мы считаемъ нужнымъ прибавить къ этой декларацiи слѣдующее: если бы, по смерти королевской, вздумалось отмѣнить настоящую форму правленія въ Швеціи, то мы, для предупрежденія всѣхъ будущихъ безпорядковъ, приняли рѣшеніе,—вступить съ корпусомъ нашихъ войскъ въ Шведскую Финляндію, не какъ непріятельница, но какъ пріятельница, вѣрная союзница, защитница утѣсненной шведской вольности, по примѣру 1743 года, когда мы, на собственномъ иждивеніи, корпусъ нашихъ войскъ въ Швецію посылали, дабы государство отъ тогдашнихъ сомнительныхъ внутреннихъ безпокойствъ и опасности избавить. Этотъ нашъ корпусъ не причинитъ обывателямъ Финляндіи ни малѣйшаго отягощенія, будетъ содержанъ на собственномъ нашемъ иждивеніи; въ немъ будетъ наблюдаться строгая дисциплина, въ той, разумѣется, надеждѣ, что вся Шведская нація эти наши войска приметъ самымъ дружественнымъ образомъ. Если же, паче чаянія, нѣкоторые изъ Шведовъ, по частнымъ корыстнымъ видамъ, вознамѣрились бы эту нашу полезную предосторожность превратно толковать и въ предосужденіе своего отечества намъ сопротивляться: въ такомъ случаѣ какъ собственные наши интересы, такъ и обязательство съ Швеціею необходимо потребуютъ, чтобъ мы за утѣсненную вольность націи дѣйствительно и сильно вступились, и всѣхъ тѣхъ, которые помыслили-бъ эту вольность нарушить, за измѣнниковъ своего отечества признавали, слѣдовательно съ ними, какъ съ нашими непріятелями и нарушителями внутренняго покоя поступили".

Панину удалось достать постановленія секретной коммисіи насчетъ возстановленія самодержавія по смерти королевской; пересылая ихъ къ своему Двору, онъ жаловался на слабое состояніе русской партіи: „Ихъ (членовъ русской партіи) настоящая ситуація такого состоянія, что они съ наилучшимъ

въ свѣтѣ намѣреніемъ и диспозиціею прежде не могутъ пошевелиться, пока такого щита предъ собою не увидятъ, который бы при самомъ началѣ дѣла отъ перваго удара со стороны злой партіи ихъ могъ спасти, чего они тѣмъ паче опасаются, ибо ихъ имена весьма знатны суть, и потому они страшатся, чтобъ ихъ первою кровію все дѣло не вѣнчалось". Главная трудность дѣла, по мнѣнію Панина, состояла въ томъ: что не было способа къ составленію хотя немногочисленной, но формальной партіи; чтобъ всѣхъ привесть подъ одну дирекцію и постановить общую систему; чтобъ они могли свои растерянныя разсужденія сдѣлать единомысленными и каждый бы прямо зналъ, отъ кого онъ зависитъ; вовторыхъ, трудно опредѣлить время, образъ и обстоятельства, при которыхъ дѣло должно начаться; они ничего такъ не боятся, какъ быстраго и нечаяннаго для себя удара, и наступающую зиму ожидаютъ съ ужасомъ, а замерзшее море почитаютъ своею могилою. Помогать ему, Панину, они ни въ чемъ не могутъ, ибо не имѣютъ въ дѣлахъ никакого участія, живутъ въ уединеніи безъ сношеній другъ съ другомъ; а если случится имъ неожиданно свидѣться, то при этомъ свиданіи происходятъ одни разсужденія и вздохи, которые и служатъ имъ общею отрадою.

Панинъ успѣлъ достать и реляцію шведскаго посланника Гепкена изъ Берлина, отъ 24 ноября 1747 года, въ которой описывается слѣдующій разговоръ Гепкена съ Фридрихомъ II: „Понеже", говорилъ Гепкенъ, „обязательствомъ между сими высокими Дворами намѣренія и авантажи обоихъ государствъ (Швеціи и Пруссіи) такъ равномѣрными и нераздѣлимыми учинены, что никакой иной разности, кромѣ порядка въ правительствѣ, не настоитъ,—того ради и секретный аусшусъ (коммисія) государственныхъ чиновъ старался, чтобъ въ томъ возможное равенство доставить, дабы обои ихъ величества другъ друга съ равною властью и равномѣрною скоростью, когда то потребно будетъ, во всемъ способствовать могли. Его королевское величество Прусское (пишетъ Гепкенъ) о томъ великое удовольствіе оказывалъ, а особливо понеже онъ въ такомъ мнѣніи находился, что имѣвшее его по причинѣ того съ графомъ Тессиномъ совѣтованіе, какъ его королевское высочество въ Швецію перевезенъ быть имѣлъ, къ тому первый поводъ подало, и его величество присовокупилъ къ тому, что безъ такой перемѣны постановленное обязательство въ такомъ состояніи и силѣ, какъ оное нынѣ есть, никогда съ безопасностью прочно пребывать не могло-бъ; однакожъ онъ опасается, что иногда противная партія, которая Россійскаго и Датскаго Дворовъ виды подкрѣпляетъ, въ дѣйствительномъ произведеніи такого секретнаго аусшуса полезнаго распоряженія препятствовать можетъ". Подлѣ этого мѣста канцлеръ Бестужевъ сдѣлалъ замѣтку для императрицы: „Изъ него усматривается, что еще при трактованіи о супружествѣ коронннаго наслѣдника вредительное намѣреніе о введеніи самодержавства въ виду имѣлось. Ея императорскому величеству, правда, невозможно было тогда сего предусмотрѣть, но Бриммеръ и Лестокъ, кои главнѣйше на сіе супружество присовѣтовали, конечно о томъ знали. Только-жъ канцлеръ и тогда еще противу того представлялъ, какъ то ея императорское величество чаятельно о томъ припамятовать изволитъ". 15 іюля Панинъ писалъ канцлеру Бестужеву. „Я не въ состояніи предусмотрѣть никакого способа, которымъ бы можно было не допустить Прусскій Дворъ вмѣшаться въ игру, если только она начнется введеніемъ самодержавія; дѣло кончится здѣсь прежде, нежели будетъ получено извѣстіе о его началѣ. Со стороны народа никакой надежды на сопротивленіе не видно. Добрые патріоты сами собою ни на что не отважатся, пока не увидятъ себя въ безопасности вслѣдствіе помощи своихъ союзниковъ, явившейся среди Швеціи; а наступающая зима эту надежду у нихъ отнимаетъ. Если бы возможно было еще нынѣшнею осенью нечаянно вступить въ Швецію съ требованіемъ созванія сейма и тѣмъ предупредить Пруссію"!

Сношеніе съ Корфомъ замедлили подачу второй русской деклараціи противъ введенія самодержавія; когда она была подана, графъ Тессинъ, встрѣтившись 24 августа съ Панинымъ на половинѣ кронпринцессы, сталъ ему говорить, что прежде подачи формальнаго отвѣта на декларацію онъ хочетъ объясниться съ нимъ дружески по этому дѣлу, и просилъ, чтобъ Панинъ говорилъ съ нимъ теперь не какъ съ министромъ, но какъ съ пріятелемъ, который его особенно почитаетъ за честнаго человѣка и благонамѣреннаго министра. „Я спрашиваю", продолжалъ Тессинъ, „у васъ совѣта, какимъ образомъ сочинить нашъ отвѣтъ: войдите въ наше положеніе; восчувствуйте тотъ ударъ, который такая декларація наноситъ намъ; обратите безпристрастное вниманіе на независимость, какою должна пользоваться каждая держава". Панинъ отвѣчалъ, что хотя бы онъ имѣлъ и высокое понятіе о своихъ политическихъ способностяхъ, то и тогда не воспользовался бы его учтивостью и не осмѣлился своими совѣтами предупреждать рѣшеніе его Двора; теперь же тѣмъ менѣе можетъ это сдѣлать, ибо не сознаетъ въ себѣ достаточной къ тому способности. Но, желая отвѣчать дружеской откровенности, онъ не можетъ скрыть предъ нимъ, что и ему декларація кажется очень важною и достойною всякаго вниманія; время всего лучше оправдаетъ то или другое и несомнѣнно поставитъ дѣло въ желаемое положеніе, почему и тревожиться много не слѣдуетъ, если онъ твердо увѣренъ, что никакого замысла противъ правительственной формы въ Швеціи не существуетъ. Тессинъ отвѣчалъ: „Я чувствую основательность вашего разсужденія и въ послѣднемъ случаѣ очень спокоенъ; но примите во вниманіе тотъ случай, когда одна держава объявляетъ другой, что она безъ всякаго требованія приняла рѣшеніе вступить съ войскомъ въ ея области:—какъ должна послѣдняя держава принять

такую декларацію? Каждое правительство должно сохранять внутреннюю и внѣшнюю тишину своего отечества, причемъ тогда только обращается за помощью къ союзникамъ, когда само не имѣетъ къ тому способовъ; но Швеція теперь, благодаря Бога, такой для себя нужды не предусматриваетъ". — „Прежде чѣмъ я вамъ буду отвѣчать", сказалъ Панинъ, „я попрошу изъясненія на два пункта: 1) возможное ли дѣло, чтобъ вся Шведская нація единогласно захотѣла отмѣнить настоящую форму правленія? И во 2) какъ вы толкуете седьмую статью Ништадтскаго договора?" Тессинъ нѣсколько времени собирался съ мыслями, и потомъ отвѣчалъ: „Первое я считаю совершенно невозможнымъ; а седьмая статья имѣетъ силу, когда бы дѣйствительно настоялъ такой случай и мы потребовали бы русской помощи".—„Позвольте вамъ припомнить", сказалъ на это Панинъ, „что когда я пріѣхалъ сюда, то вы меня предупреждали насчетъ существованія разныхъ партій въ королевствѣ; мы теперь, напримѣръ, и можемъ предположить, что одна изъ этихъ партій замыслила по кончинѣ королевской перемѣнить форму правленія, и произведетъ это въ дѣйствіе на сеймѣ, имѣя у себя большинство голосовъ;—спрашивается: отъ кого ожидать тогда требованія относительно исполненія обязательствъ, и можно ли въ такомъ случаѣ предупредить вредное дѣло? Разсмотрите своимъ здравымъ разсужденіемъ, какіе бы Россія потаенные и своекорыстные виды могла имѣть противъ Швеціи, чтобъ пользоваться ей такими вѣроломными стратагемами? Она не ищетъ распространенія своихъ границъ, чему достаточные опыты имѣются, а другихъ какихъ-нибудь видовъ и представить себѣ нельзя. Она можетъ имѣть въ виду только сохраненіе всеобщаго спокойствія, что несовмѣстимо съ перемѣною формы здѣшняго правительства, и я могу васъ увѣрить, что когда въ Швеціи не будутъ думать объ этой перемѣнѣ, то никогда не увидятъ въ своихъ предѣлахъ сосѣдскаго войска". Тессинъ поблагодарилъ за дружеское объясненіе

Понятно, что въ Россіи не хотѣли употребить рѣшительныхъ мѣръ, посылать войско безъ всякаго требованія со стороны Шведовъ; хотѣли помѣшать возстановленію самодержавія посредствомъ самихъ же Шведовъ, и потому требовали отъ Панина, чтобъ онъ поддерживалъ партію противниковъ самодержавія, и назначили для этого 50,000 рублей. Панинъ долженъ былъ повторить: „Такъ называемые благонамѣренные патріоты всегда готовы брать наши деньги; и при настоящемъ положеніи здѣшнихъ дѣлъ нельзя ожидать отъ этого никакой пользы; ибо безъ прикрытія своихъ спинъ они не ополчатся, тѣмъ болѣе если они увидятъ, что все это клонится только къ отстраненію самодержавія, тогда какъ у каждаго изъ нихъ другая цѣль: низверженіе господствующей партіи и полученіе знатныхъ чиновъ и должностей. Если, по выключеніи двухъ или трехъ человѣкъ, по всѣмъ другимъ моимъ знакомымъ разсуждать о всемъ Шведскомъ народѣ, то надобно прійти къ заключенію, что онъ не понимаетъ общаго блага и пользы отечества, но каждый преслѣдуетъ собственныя цѣли. Зависть и ненависть съ одной стороны, а деньги—съ другой: вотъ побужденіе хорошаго и дурного". Къ канцлеру Бестужеву Панинъ писалъ, что онъ не имѣетъ искусства и качествъ, нужныхъ для составленія партіи, не можетъ столько обращаться между людьми, ибо нравъ его требуетъ уединенія, причемъ и тупореченіе препятствуетъ".

30 августа, Панинъ былъ приглашенъ на конференцію, гдѣ получилъ отвѣтъ на декларацію, состоявшій въ слѣдующемъ: „Декларація, которую кронпринцъ недавно издалъ по собственному соизволенію, что онъ желаетъ оставить неприкосновенною настоящую форму правленія, достаточно къ уничтоженію всякаго подозрѣнія. Если же и послѣ того обнаружилось бы какое-нибудь покушеніе на вольность и права народа, то правительство имѣетъ достаточно средствъ для сопротивленія подобному покушенію. Если-же, несмотря на это, ея императорское величество, безъ предварительнаго и формальнаго требованія съ шведской стороны, приказала войскамъ своимъ перейти границы, то подобный поступокъ будетъ принятъ за нарушеніе всенародныхъ правъ и за явный разрывъ, который понудитъ Швецію употребить для защиты своей всѣ данныя ей Богомъ средства".

Датскій посланникъ, готовившій такъ-же декларацію въ смыслѣ русской, узнавши объ отвѣтѣ, испугался и не подалъ никакой деклараціи. Панинъ писалъ канцлеру Бестужеву: „Вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ высокая милость и протекція всегда меня дерзновеннымъ предъ вами учиняетъ; но, милостивый государь, при такихъ мнѣ критическихъ обстоятельствахъ здѣшнихъ дѣлъ, если бы я сей доступи еще не имѣлъ, то-бъ какъ возможно было по сіе время мнѣ спастися? Ибо поистинѣ признаюся, что теперь не вижу какъ безпорочно, наконецъ, освободиться: того ради всепокорнѣйше прошу милостиво разсмотрѣть мои слабыя мнѣнія. Датскій Дворъ довольно оказалъ свое правило—ко всему склоняться, не производя ничего въ дѣйство и съ предосужденіемъ доброй вѣрѣ искать временныхъ выгодъ. Можетъ быть, онъ надѣется много и на то, что видитъ насъ съ Швеціею въ такихъ замѣшательствахъ, и надѣется этимъ себя сохранить отъ опасности, которой когда-нибудь, рано или поздно, можетъ подвергнуться вслѣдствіе своего поведенія. Правда, еще можно сколько-нибудь надѣяться, что на введеніе въ Швеціи самодержавія Дворъ этотъ равнодушно глядѣть не можетъ, но онъ ограничится тѣмъ, что не признаетъ самодержавія въ Швеціи, въ надеждѣ, что Россія будетъ дѣйствовать противъ нея всѣми своими силами, и такимъ образомъ все бремя Шведскихъ дѣлъ падетъ на одну Россію, если только Англійскій Дворъ не будетъ дѣйствовать съ нами сообща. Поэтому было бы желательно, чтобъ Лон-

донскій и Вѣнскій Дворы о здѣшнихъ дѣлахъ получили самое ясное понятіе, какого они до сихъ поръ не имѣютъ. Весь интересъ нашихъ высокихъ союзниковъ состоитъ въ томъ, чтобъ Шведскій король самъ собою не былъ въ состояніи начать войну, вступить въ новыя обязательства и умножать свою военную силу. Когда Англія захочетъ серьезно приступить къ дѣлу, то она силою своихъ денегъ можетъ много облегчить; въ противномъ случаѣ я не вижу возможности помѣшать здѣшнему перевороту, кромѣ долголѣтней войны; если же не воевать, то надобно будетъ осудить себя на исключеніе изъ общихъ европейскихъ дѣлъ, ибо какъ скоро здѣсь характеръ правленія перемѣнится, то Россіи придется думать только о собственныхъ своихъ дѣлахъ. Признаюсь предъ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ, что моя нынѣшняя жестокая здѣшняя жизнь кажется мнѣ безплодною".

Извѣстный совѣтникъ Фриденстернъ предлагалъ Панину ввести въ Финляндію корпусъ русскаго войска, съ опубликованіемъ причинъ этого поступка, и созвать сеймъ въ Финляндіи, на что эта страна имѣетъ полное право. Панинъ писалъ императрицѣ, что онъ въ этомъ предложеніи находитъ нѣкоторое основаніе, ибо въ прошломъ вѣкѣ особые финляндскіе сеймы бывали. Въ то же время Панинъ доносилъ о намѣреніи господствующей партіи заставить короля подписать отреченіе отъ престола въ пользу наслѣднаго принца, что сдѣлать легко по душевному и тѣлесному состоянію короля, который подпишетъ актъ, не читая. Панинъ переслалъ въ Петербургъ и копію заготовленнаго уже акта отреченія. Вѣнскій Дворъ хлопоталъ, чтобъ Шведское правительство издало обнадеживательскій актъ, что правительственная форма измѣнена не будетъ; когда австрійскій резидентъ упомянулъ о необходимости этого акта французскому послу, то послѣдній замѣтилъ, что такой необходимости нѣтъ, ибо седьмой параграфъ Ништадтскаго мира никакого дѣйствія имѣть не можетъ: онъ въ Абовскомъ трактатѣ не повторенъ, а между всѣми державами въ обычаѣ послѣдними трактатами именно и спеціально обозначать прежнія обязательства.

Между тѣмъ Панинъ получилъ изъ Россіи 50,000 рублей, назначенныхъ для сформированія партіи. Несчастный посланникъ не зналъ что съ ними дѣлать, и писалъ канцлеру Бестужеву: „Ваше высокографское сіятельство, конечно, сами просвѣщенно вѣдать изволите, что съ одними такъ-называемыми добрыми патріотами ничего начать нельзя въ надеждѣ добраго успѣха. Другое дѣло, если-бъ мы имѣли въ сенатѣ одного или двухъ достойныхъ вождей; опытъ доказалъ, какъ недостаточно управленіе партіею посредствомъ иностраннаго министра, хотя бы онъ обладалъ гораздо большими для того качествами, чѣмъ я. Можетъ служить примѣромъ и противная здѣшняя партія: она, конечно, не французскими министрами, но внутренними ея вождями управляется и содержится, и укорененіе свое въ дѣлахъ получила чрезъ сенаторскій подкупъ; напротивъ того, наша сторона, какъ скоро въ 38 году потеряла свою силу въ сенатѣ, то послѣ, при разныхъ и очень полезныхъ случаяхъ, не могла поправиться. Не вижу другого способа къ начатію формированія партіи, какъ подкупъ двоихъ или троихъ сенаторовъ, которые бы имѣли всѣ нужныя для вождя партіи качества и взяли на себя дѣло составленія партіи; и такъ какъ время сейма еще не близко, а дѣло требуетъ большихъ расходовъ, то Англійскій Дворъ можетъ здѣсь своимъ золотомъ преодолѣть силу Франціи". Большихъ хлопотъ стоило провезти деньги въ Стокгольмъ, чтобъ утаить ихъ отъ таможенныхъ чиновниковъ. Гвардейскій каптенармусъ и переводчикъ привезли ихъ изъ Копенгагена. Переводчикъ оставилъ своего товарища съ деньгами за воротами Стокгольма, а самъ пріѣхалъ къ Панину. Тотъ выѣхалъ съ секретарями своими на охоту и остановился ночевать въ трактирѣ, гдѣ жилъ курьеръ съ деньгами подъ предлогомъ болѣзни; ночью перенесли суммы съ деньгами въ комнату посланника, который вмѣстѣ съ секретарями надѣли ихъ на себя подъ епанчи и такимъ образомъ провезли въ городъ.

Панину предстояло еще тяжкое дѣло — подать третье требованіе своего Двора Шведскому правительству. 26 октября императрица апробовала слѣдующій рескриптъ къ нему: „Мы изъ вашихъ донесеній усмотрѣли, какимъ образомъ мы учинили вторичную декларацію шведскому министерству и какой неудовлетворительный для насъ отвѣтъ данъ вамъ королевскимъ именемъ. Мы за наилучшее изобрѣли требовать, чтобъ Шведскій Дворъ вступилъ съ нами въ особливую негоціацію для постановленія торжественной конвенціи, чтобъ Швеція нынѣшнюю форму правленія отнюдь и ни подъ какимъ видомъ не отмѣняла, напротивъ чего мы обязались бы не только эту форму правленія, но и установленное тамъ наслѣдство гарантировать и пригласить къ той же конвенціи всѣ Дворы. При врученіи этой промеморіи вамъ подастся наилучшій способъ содержаніе ея подкрѣпить дальнѣйшими разсужденіями и явственно показать, какъ неприличенъ данный съ шведской стороны отвѣтъ, и какъ этотъ новый съ нашей стороны поступокъ свидѣтельствуетъ о нашихъ прямо дружескихъ къ Шведскому Двору чувствахъ, особенно къ наслѣдному принцу, ибо, кромѣ того-что мы ревнуемъ о соблюденіи правъ и вольности сосѣдственной намъ націи, мы не хотимъ допустить, чтобъ принцъ, покусившись когда-нибудь ихъ нарушить, преступилъ учиненную имъ присягу и тѣмъ въ началѣ своего правленія возбудилъ ропотъ цѣлой націи, любящей свою вольность, и сдѣлалъ бы это принцъ, въ возведеніи котораго въ его достоинство мы принимали такое участіе. Это довольно показываетъ, основательны ли были разсѣянные повсюду злостные слухи, будто мы старались ниспровергнуть наслѣдство, нами самими установленное, когда мы стараемся заблаговременно отвратить и то, что могло бы служить поводомъ къ такому ниспровер-

женію. Теперь шведскому министерству представляется послѣдній случай показать намъ искренность тѣхъ увѣреній, какія оно намъ не переставало твердить: имъ стоитъ только вступить въ предлагаемую конвенцію, что имъ сдѣлать легко, когда они обнадеживаютъ не имѣть никакого помышленія объ отмѣнѣ нынѣшней формы правленія; это для нихъ и выгодно, ибо они разомъ освободятся отъ безпокойствъ, въ какихъ ихъ содержатъ продолжающіяся со всѣхъ сторонъ вооруженія".

Канцлеръ писалъ Панину: „Я вашему высокоблагородію откроюсь, что мы, подлинно осмотрясь, никакого скоропостижнаго безъ разсужденія поступка не сдѣлаемъ и первые въ огонь не бросимся, хотя притомъ и всегда готовы будемъ ко всему тому, чего обстоятельства и сходство всевысочайшихъ интересовъ потребовали-бъ. Я вѣрю, что господа Датчане больше всѣхъ ошибутся; да и не худо, чтобъ они ошибку свою прямо почувствовали. Ея императорское величество со всѣмъ тѣмъ однакожь всевысочайше намѣрена къ Датскому Двору ни малѣйшей наружной отмѣны въ своихъ сентиментахъ не показывать, но паче стараться, что ежели-бъ начатую съ онымъ негоціацію о Шведскихъ дѣлахъ пресѣчь должно было, то такимъ образомъ сдѣлать, чтобъ Датскій Дворъ тому виновнымъ оставался; а впрочемъ, что до Шведовъ самихъ принадлежитъ, то хотя мы и по дѣйствительной отмѣнѣ ихъ формы правительства первые войну съ ними начать не намѣрены, а еще меньше не учиня съ союзниками нашими предварительнаго соглашенія,— однакожь, когда съ здѣшней стороны въ нынѣшней вооруженной позитурѣ останемся, то можетъ быть сіе одно довольно сильнымъ способомъ будетъ Шведовъ самихъ о томъ въ раскаяніе привесть и иногда до того достигнуть, что сами-жъ они принуждены были бъ паки нынѣшнюю форму правленія возстановить, когда собственные ихъ подданные, и безъ того великими налогами и податьми отягощенные, продолжаемымъ для того далѣе непрестаннымъ вооруженіемъ въ совершенное отчаяніе приведены будутъ и противъ самовластнаго правительства возстанутъ, еже толь имовѣрнѣе есть, ибо извѣстно, что они ни третьей доли того не снесутъ, еже ея императорское величество безъ всякаго труда въ дѣйство произвесть можетъ. Все сіе единственно для собственнаго вашего извѣстія остаться имѣетъ, а впрочемъ ни мало не препятствуетъ, чтобъ ваше высокоблагородіе по прежде даннымъ вамъ наставленіямъ не старались благонамѣренныхъ въ Швеціи сколько можно ободрять и ихъ при лучшихъ сентиментахъ содержать. Ничего лучше быть не могло-бъ какъ, пріобрѣтя Финляндію, Шведовъ съ Датчанами ихъ жребію оставить; но происходящія иногда отъ того слѣдствія не толь легко предвидѣть можно, какъ бы такое предпріятіе требовало, но паче опасаться надобно, что такимъ образомъ и самые наши союзники не только за случай союза не признали-бъ, но паче мы наступательною стороною признаны быть могли-бъ. Впрочемъ, я охотно и совершенно вступаю въ разсужденіе вашего высокоблагородія касательно до жестокой тамо вашей жизни. Но ваше высокоблагородіе противу того сами-жъ разсудить изволите, такія-ли нынѣ обстоятельства, чтобъ ея императорское величество могла хотя на малое время оттуда взять такого человѣка, на вѣрность котораго ея величество полагаться изволитъ и искусство его къ нынѣшнему соглашенію тамошнихъ дѣлъ весьма нужнымъ находитъ".

Письмо было очень лестно; но съ Панина не слагалась обязанность имѣть дѣло съ „благонамѣренными", которые, по его мнѣнію, никуда не годились, и онъ долженъ былъ подать третью декларацію, отъ которой не ждалъ никакой пользы.

Третья декларація была отдана Панинымъ шведскому министерству 4 января 1750 года; отвѣтъ полученъ былъ 26 числа того же мѣсяца и состоялъ въ рѣшительномъ отказѣ вступить въ какую-либо конвенцію относительно формы правленія. Такъ какъ Австрія и Саксонія подкрѣпляли предложеніе Русскаго Двора, то шведское министерство объявило, что король, для уничтоженія въ Европѣ всякаго сомнѣнія относительно своихъ миролюбивыхъ намѣреній, гарантируетъ всѣми своими союзниками, что онъ первый никогда мира не нарушитъ, и если Русскій Дворъ приметъ эту гарантію и съ своей стороны дастъ такую же, то спокойствіе сейчасъ же возстановится. Панинъ переслалъ канцлеру свое мнѣніе, что такою гарантіею Россія совершенно отказалась бы отъ права противодѣйствовать перемѣнѣ правительственной формы. Шведы хорошо знаютъ, что Русскій Дворъ пойметъ, въ чемъ дѣло; но имъ хочется усыпить союзниковъ Россіи, которые, быть можетъ, не такъ далеко проникаютъ въ Шведскія дѣла, могутъ смѣшать перемѣну правительственной формы съ нарушеніемъ мира и ослабить свое вниманіе, такъ что Россія одна останется занятою Шведскими дѣлами, что для Франціи и Пруссіи очень желательно. Весь безпристрастный свѣтъ долженъ признать, что противовѣсіе Франціи заключается въ силахъ одной Россіи, которой при шведской перемѣнѣ нельзя будетъ принимать большого участія въ общихъ дѣлахъ для пользы своихъ союзниковъ. Одно средство однажды навсегда пріобрѣсть безопасность и со славою окончить принятыя относительно Швеціи мѣры—это получить отъ нашихъ союзниковъ формальную гарантію насчетъ ненарушимости шведской формы правленія, причемъ въ особомъ секретномъ актѣ обозначить всѣ касающіеся дѣла пункты, отмѣною которыхъ можетъ быть нарушена общая система равновѣсія и при такомъ нарушеніи постановить признаніе союзнаго случая (casus foederis). Этимъ разсмотрѣніемъ нынѣшній образъ шведскаго правленія введется въ генеральную форму всей Европы, и господствующая въ Швеціи партія лишится возможности называть ее домашнимъ дѣломъ. Это выраженіе: „домашнее дѣло"

можетъ имѣть силу въ юридическихъ школахъ между простымъ народомъ, а не въ Кабинетахъ державъ. — Бестужевъ отвѣчалъ на это благоразсудительное мнѣніе, что его нельзя довольно выхвалить. „Я", писалъ канцлеръ, „не оставилъ бы стараться надлежащее по оному употребленіе учинить; но, зная вашему высокоблагородію можетъ быть не такъ свѣдомыя диспозиціи нашихъ союзниковъ, я предусматриваю, что сей хорошій планъ и чрезъ долгое время своего совершенства едва достигъ бы. Прошедшая война ихъ такъ засуетила, что они понынѣ ни о какихъ постороннихъ дѣлахъ помышлять не хотятъ, по меньшей мѣрѣ ни на что не поступятъ, не протягивая вдаль, еже не иначе какъ противной сторонѣ поводъ подавали-бъ тому перечить, умалчивая, что Англія и безъ того едва бы хотѣла-бъ шведскую форму правительства (гарантировать), не приглашая къ тому Франціи. Такимъ образомъ, легко сдѣлаться могло-бъ, что чинимыя нами о томъ пропозиціи втуне остались бы; слѣдовательно, теперь наилучшее есть, находясь ко всякимъ происшествіямъ въ готовности, смотрѣть и обождать, какое теченіе дѣла примутъ, потомъ уже свои мѣры принимать. Когда наши союзники, а именно: Вѣнскій, Лондонскій, Копенгагенскій и Дрезденскій Дворы, на учиненныя отъ насъ имъ по Шведскимъ дѣламъ представленія и требованія никакого удовольствительнаго отвѣта не дали, то и мы всѣ учиненныя отъ нихъ здѣсь по тѣмъ же дѣламъ пропозиціи въ молчаніи оставлять будемъ, дабы они и самымъ малѣйшимъ съ здѣшней стороны отвѣтомъ не дѣлали себѣ меритовъ (заслугъ) ни при Шведскомъ, ни при Французскомъ, ниже Прусскомъ Дворахъ, а еще меньше всѣ о нашихъ намѣреніяхъ извѣстны были. Постараемся лучше одни, елико можно, цѣлость нашихъ интересовъ наблюдать" [1]).

Особенно поведеніе Англіи заставляло думать о томъ, какъ бы „однимъ цѣлость нашихъ интересовъ наблюдать". Въ Лондонѣ Чернышевъ объявилъ герцогу Ньюкестлю, завѣдывавшему сношеніями съ Сѣверными государствами, что императрица надѣется, въ случаѣ, если Швеція не обратитъ никакого вниманія на представленія Россіи о неперемѣнѣ формы правленія, и Россія будетъ принуждена исполнять обязательства Ништадтскаго договора, то Англія признаетъ здѣсь случай союза и не откажетъ въ помощи. Ньюкестль отвѣчалъ, что сомнѣвается, чтобъ Франція допустила Швецію заключить съ императрицею какую-либо новую конвенцію о формѣ правительства: Французскій Дворъ находится въ твердомъ мнѣніи, что сдѣланное коронымъ Шведскимъ наслѣдникомъ объявленіе достаточно для успокоеніи всего свѣта; что въ Швеціи и не помышляется о введеніи самодержавія. Франція отказалась исполнить требованіе Лондонскаго Двора,—склонить Шведское правительство внести небольшую перемѣну въ манифестъ коронаго наслѣдника для большаго разъясненія дѣла; Франція основала свой отказъ на томъ, что такія требованія относительно внутреннихъ дѣлъ неприличны и достоинству Швеціи, какъ вольной державы, предосудительны; къ этому французскій посолъ прибавилъ, что очень жаль, если сдѣланная Швеціею успокоительная декларація не будетъ имѣть успѣха, и на Сѣверѣ возгорится война, ибо пламя этой войны распространится по всей Европѣ. Когда Чернышевъ подалъ промеморію о томъ, что Панинъ представилъ Шведскому правительству третью декларацію, то Ньюкестль сказалъ, что въ отвѣтѣ на промеморію будетъ заключаться просьба Англійскаго правительства къ императрицѣ, чтобъ она удержалась относительно Швеціи отъ всякихъ поступковъ, которые могутъ назваться наступательными, тѣмъ болѣе-что Лондонскій Дворъ не можетъ признать случая союза и, слѣдовательно, обязанности помогать Россіи, когда послѣдняя введетъ свое войско въ Финляндію единственно изъ досады, что Швеція откажется заключить требуемую отъ нея конвенцію относительно перемѣны правительственной формы. Чернышевъ выразилъ удивленіе относительно того, какъ этотъ отвѣтъ на его промеморію мало согласуется съ тѣми искренними союзническими чувствами, которыя Лондонскій Дворъ много разъ выражалъ императрицѣ; Чернышевъ ставилъ на видъ, какъ Англія заинтересована въ этомъ дѣлѣ не только относительно политическаго равновѣсія, о которомъ она такъ заботится, но и относительно своей торговли: и та и другая потерпятъ ущербъ, если въ Швеціи возстановится самодержавіе. „Я совершенно съ вами согласенъ", отвѣчалъ Ньюкестль, „для Англіи крайне важно, чтобъ въ Швеціи не было возстановлено самодержавіе, и нашему Двору очень пріятно, что для недопущенія этого императрица держитъ войско наготовѣ; но у насъ еще не усматривается никакой необходимости, чтобъ императрица велѣла своимъ войскамъ предпринять наступательное движеніе,—нашъ Дворъ не имѣетъ доказательствъ, могущихъ его удостовѣрить, что Швеція дѣйствительно намѣрена измѣнять свою правительственную форму; коронный наслѣдникъ, для котораго такая перемѣна должна произойти, не можетъ вступить на престолъ, пока старый король еще живъ. Французскій Дворъ продолжаетъ увѣрять, что перемѣны никакой не послѣдуетъ; что объ этомъ тамъ и не думаютъ; а если-бъ что-нибудь подобное затѣвалось, то онъ самъ готовъ тому сопротивляться, какъ дѣлу несогласному съ его интересами. Съ другой стороны маркизъ Пюизіе объявилъ нашему посланнику, лорду Альбемарлю, что если Россія дѣйствительно, какъ грозится, двинетъ свои войска въ Финляндію, то Франція союзника своего не оставитъ, но вмѣстѣ съ Прусскимъ королемъ немедленно подастъ ему помощь. Я вамъ скажу откровенно", продолжалъ Ньюкестль, „что нашъ Дворъ, недавно освободившись отъ разорительной войны, теперь ни подъ какимъ ви-

---

[1]) Дѣла Шведскія, 1749 и 1750 гг.

домъ въ новую войну вступить не склоненъ, да и не въ состояніи по усилившемуся государственному долгу, не поправя своихъ финансовыхъ дѣлъ; вотъ почему нашъ Дворъ и считаетъ своею главною обязанностію не давать вашему Двору обѣщаній, какихъ сдержать не въ состояніи, и потому долженъ отвлекать императрицу отъ всего того, что могло бы повлечь къ войнѣ, тѣмъ болѣе-что Россія можетъ имѣть противъ себя Францію, Швецію, Пруссію и даже Турцію. И Вѣнскій Дворъ согласенъ съ нашимъ взглядомъ". Герцогъ Бедфордъ, завѣдывавшій сношеніями съ южными государствами, еще разъ объявилъ Чернышеву, что если Россія начнетъ войну съ Швеціею, то Англія не приметъ въ ней никакого участія, случая союза по договору не признаетъ,—по крайней мѣрѣ онъ, Бедфордъ, въ королевскомъ совѣтѣ будетъ настаивать, чтобъ случай союза не былъ признанъ. Англіи нельзя втягиваться въ новую войну по причинѣ громадности своего долга. При этомъ онъ высказалъ неудовольствіе, что императрица, безъ вѣдома его Двора, велѣла подать Панину третью декларацію. „Я", говорилъ Бедфордъ, „совершенно согласенъ съ Французскимъ Дворомъ, что декларація наслѣднаго принца достаточна для успокоенія; никакая конвенція бóльшаго ручательства не дастъ, и я не увѣренъ, чтобъ императрица, по Абовскому договору, имѣла право требовать отъ Швеціи бóльшихъ ручательствъ".

Чернышевъ уговаривалъ обоихъ герцоговъ, чтобъ они не очень боялись французскихъ угрозъ, которыя останутся недѣйствительными при твердомъ союзѣ между Россіею, Англіею и Австріею; у Англіи есть лучшее средство прекратить французскія угрозы—это дать на русскую промеморію благопріятный отвѣтъ. „Я однако не надѣюсь", писалъ Чернышевъ, „чтобъ мои представленія имѣли какой-нибудь успѣхъ. Сомнѣнія мои основываются на слѣдующемъ: во-первыхъ, на страхѣ англійскаго министерства предъ новою войною; во-вторыхъ,—на великой экономіи въ расходахъ, которая теперь здѣсь наблюдается; въ-третьихъ,—на несогласіи министровъ въ королевскомъ совѣтѣ, которое производитъ остановку въ иностранныхъ дѣлахъ". Въ слѣдующихъ депешахъ Чернышевъ, между прочимъ, извѣщалъ свой Дворъ о разговорахъ Ньюкестля съ посланникомъ прусскимъ. Послѣдній внушалъ, что Англійскій король долженъ употребить свое стараніе при Русскомъ Дворѣ для отвращенія императрицы отъ нападенія на Швецію; въ противномъ случаѣ король его не можетъ быть равнодушнымъ и будетъ принужденъ, по оборонительному договору съ Швеціею, подать ей помощь. Ньюкестль отвѣчалъ ему, что у Англіи съ Россіею оборонительный союзъ, и потому если Россія начнетъ съ Швеціею наступательную войну, то Англія въ этой войнѣ участія не приметъ [1]).

Чернышевъ былъ очень недоволенъ этимъ отвѣтомъ англійскаго министерства; Панинъ былъ очень недоволенъ пунктами внушеній, представленными шведскому министерству отъ другой союзницы Россіи, Австріи. Въ этихъ пунктахъ говорилось, что Римская императрица не можетъ представить никакихъ новыхъ способовъ къ соглашенію между Россіею и Швеціею и ожидаетъ съ шведской стороны, не сыщутся-ли такіе способы, которыми бы возможно было какъ можно скорѣе установить тишину. Римская императрица обѣщаетъ, безъ требованія или предписанія, представить Русской императрицѣ, не можетъ ли она удовольствоваться шведскими обнадеживаніями и приказать отвести отъ границъ своихъ лишнія войска. Шведское министерство отвѣчало благодарностью за попеченіе о мирѣ и просьбою о продолженіи этихъ попеченій. Шведскій король, говорилось далѣе въ отвѣтѣ, утѣшаетъ себя надеждами, что дѣла уладятся мирно, тѣмъ болѣе-что подозрѣніе насчетъ перемѣны правительственной формы совершенно неосновательно; это доказывается извѣстнымъ манифестомъ наслѣднаго принца 12 іюня 1749 года, и хотя манифестъ касался только шведскихъ подданныхъ, однако, по своей сущности, достаточенъ для удовлетворенія Россіи и другихъ державъ. Другихъ способовъ удовлетворенія безъ предосужденія своей независимости Швеція не знаетъ.

Панинъ былъ недоволенъ австрійскими внушеніями; но когда ему прислали изъ Петербурга копіи Чернышевскихъ донесеній, то поведеніе Вѣнскаго Двора, сравнительно съ поведеніемъ Лондонскаго, показалось ему уже достойнымъ похвалы. „Наши союзники", писалъ онъ канцлеру Бестужеву, „могутъ быть извинены тѣмъ, что въ разсужденіи внутренняго состоянія своихъ государствъ стараются посторонніе дѣла вдаль протягивать и для того желаютъ утишить настоящія замѣшательства; но, тѣмъ не менѣе, англійское министерство въ своемъ поведеніи оправдаться не можетъ, ибо оно, уважая такъ мало искренность предъ своими союзниками, ослабляетъ систему равновѣсія и тѣмъ противной сторонѣ подаетъ поводъ поступать съ большею дерзостью. Какъ кажется, Вѣнскій Дворъ не теряетъ изъ виду послѣдняго пункта, и какъ ни усердно старается успокоить Сѣверныя дѣла, однако по сіе время не сдѣлалъ ни одного поступка, которымъ бы могъ поднять головы своимъ противникамъ, но при каждомъ отзывѣ мужественно оказываетъ твердость своей системы. Вѣнскій Дворъ въ своемъ рескриптѣ къ здѣшнему резиденту сильно осуждаетъ поступокъ англійскаго министерства, тѣмъ болѣе-что онъ сдѣланъ такъ публично и обнародованъ всѣми газетами".

Въ сентябрѣ Панинъ видѣлся съ знаменитымъ прежде главою колпаковъ, старикомъ Окергельмомъ, который пріѣзжалъ на время въ Стокгольмъ. Окергельмъ въ откровенномъ разговорѣ о состояніи Швеціи, объявилъ, что если Россія оставитъ Швецію ея собственному жребію, то тѣмъ скорѣе приведетъ къ упадку господствующую партію.

[1]) Дѣла Англійскія 1749 и 1750 гг.

Императрица сдѣлала все возможное и должна спокойно ожидать событій, въ необходимомъ же случаѣ—поступить согласно съ своими декларацiями, и тогда, конечно, найдетъ сочувствіе въ цѣломъ Шведскомъ народѣ, который ничего такъ не опасается, какъ войны съ Россіею. Франція не такъ щедро будетъ расточать свои деньги, если Русскій Дворъ не станетъ производить никакого движенія. Всѣ тѣ, которые Россіи обѣщаютъ на будущемъ сеймѣ золотыя горы, имѣютъ въ виду только обогатиться ея деньгами. Опытъ показалъ, какъ трудно и безполезно иностранному министру управлять здѣшними земскими дѣлами, ибо въ концѣ онъ непремѣнно будетъ обманутъ, особенно министръ русскій, ибо въ дѣйствительности Россія очень мало имѣетъ здѣсь истинныхъ друзей. Для главнаго управленія дѣлами необходимы изъ Шведовъ знатные, способные и вліятельные люди; но такихъ онъ, Окергельмъ, не знаетъ никого; что же касается до него самого, то онъ покорнѣйше проситъ оставить его въ забвеніи, ибо не признаетъ въ себѣ ни малѣйшей къ такимъ дѣламъ способности. Русскими деньгами ничего сдѣлать нельзя; другое дѣло—если будутъ дѣйствовать морскія державы въ твердомъ соединеніи съ Вѣнскимъ Дворомъ: онѣ могутъ силою денегъ искать себѣ друзей и среди французской партіи, и вообще могутъ дѣйствовать съ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ кто-либо другой, ибо система ихъ никогда не можетъ быть соединена съ зависимостью Швеціи. Настоящая форма правленія прочна по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени; господствующая партія не можетъ теперь ея нарушить безъ ускоренія собственной погибели, если только Русскій Дворъ останется при твердомъ намѣреніи исполнить свои деклараціи.

Въ отвѣтномъ рескриптѣ на донесеніе о разговорѣ съ Окергельмомъ говорилось, что мнѣнія Окергельма сходятся со мнѣніями императрицы, именно: сдѣлавши все то, что благодѣяніями можно было сдѣлать, предоставить Шведовъ ихъ собственному жребію и быть въ готовности дѣйствовать, когда безопасность русскихъ границъ того потребуетъ. „Дѣйствительно, опытъ показалъ“, говорилось въ рескриптѣ, „что употребляемыя въ Швеціи съ русской стороны деньги служатъ только къ тому, что заставляютъ Францію высылать еще больше денегъ и, такимъ образомъ, еще больше укрѣплять Шведовъ противъ насъ. Мы не хотимъ сами питать ихъ ненависть противъ себя и потому повелѣваемъ вамъ поступать такимъ образомъ, чтобъ злонамѣренные, да и почти всѣ Шведы, видѣли нежеланіе ваше искать ихъ благосклонности; вы можете при случаѣ велѣть имъ внушать, что вы французскія деньги деньгами же перевѣшивать не хотите. Это однако не связываетъ вамъ рукъ продолжать знакомства, служащія вамъ къ полученію нужныхъ извѣстій, и дѣлать издержки, которыхъ требуетъ наша служба“ [1]).

[1]) Дѣла Шведскія 1750 года.

Болѣе всѣхъ другихъ державъ русскимъ движеніямъ въ Стокгольмѣ должна была сочувствовать Данія, изъ страха предъ усиленіемъ Швеціи посредствомъ самодержавія; но Данія была держава слабая и потому не могла дѣйствовать такъ рѣшительно, какъ Россія: должна была поступать осторожно, озираться на всѣ стороны. Въ концѣ января 1749 года самъ король объявилъ Корфу, что сущность конвенціи между Россіею и Даніею должна заключаться въ двухъ пунктахъ: 1) Россія должна препятствовать Прусскому королю, въ угоду Шведовъ, напасть на Датскія области, совершенно открытыя; 2) должна быть лучше опредѣлена граница между Даніею и Швеціею, ибо хотя императрица великодушно объявила, что никакихъ завоеваній для себя отъ Швеціи не желаетъ, но датскія границы очень мало защищены отъ шведскихъ нападеній, а Шведы—такіе сосѣди, которымъ иногда вѣрить нельзя. Послѣ этого король съ часъ разговаривалъ о Шведскомъ и Прусскомъ Дворахъ. Корфъ писалъ, что изъ этого разговора можно было примѣтить въ королѣ мало высокопочитанія къ Прусскому Двору, а противъ Шведскаго, особенно противъ министерства, казался онъ очень раздраженнымъ и, между прочимъ, сказалъ: „Удивительное дѣло, что Шведскій Дворъ присылаетъ сюда всегда такихъ министровъ, которые могутъ быть названы прямыми банкрутами честности; таковъ Тессинъ, таковъ Палмстерна, Гепкенъ и настоящій Флеммингъ, у котораго такая злость и коварство на лицѣ написаны, хотя неизвѣстно, умѣетъ ли онъ говорить, потому что при всѣхъ случаяхъ заставляетъ говорить за себя французскаго министра“. „При всемъ томъ“, писалъ Корфъ, „король не изъяснился ни о тѣхъ способахъ, какими здѣсь думаютъ удержать Прусскаго короля отъ вмѣшательства въ Шведскія дѣла, ни о томъ, какую границу имъ хочется имѣть со стороны Швеціи“.

На другой день послѣ этого разговора, министръ Шулинъ прочелъ Корфу конвенцію: Россія и Данія согласились препятствовать всѣми средствами введенію въ Швецію самодержавія и потому обязуются: съ обѣихъ сторонъ выставить на шведскихъ границахъ войско и вооружить флотъ. Если бы Швеція вознамѣрилась передвинуть Финляндскій корпусъ къ норвежскимъ границамъ для дѣйствія противъ Даніи, то Россія обязана сдѣлать диверсію своими галерами въ Швеціи и тѣмъ поставить послѣднюю между двумя огнями. Если Прусскій король соберетъ войска вблизи датскихъ границъ, то Россія выставляетъ сильный корпусъ на курляндскихъ границахъ; Датскій король въ такомъ случаѣ сосредоточитъ наибольшую силу въ Голштиніи, а противъ Швеціи воевать только оборонительно. Если Прусскій король нападетъ на Данію, то Россія объявляетъ ему войну и не положитъ оружія прежде, чѣмъ Данія будетъ приведена въ совершенную безопасность; Россія должна склонять кронпринца Шведскаго, чтобъ онъ за себя и за своихъ потомковъ отказался отъ Шлезвига

и Голштиніи; Данія должна получить все то, чего она лишилась по миру въ Бремзебро. Всѣ эти пункты должны содержаться втайнѣ.

Король, по увѣренію Корфа, желалъ тѣснаго сближенія съ Россіею по Шведскому дѣлу; но министръ Шулинъ былъ французской партіи и хитрилъ: наружно не противился конвенціи и притворялся, что совершенно согласенъ съ намѣреніями королевскими, а между тѣмъ старался выиграть время, вымышляя всякіе предлоги къ остановкѣ дѣла, и желалъ дождаться такихъ обстоятельствъ, которыя были бы въ состояніи ниспровергнуть всю машину и сохранить въ Даніи французскую систему. Въ апрѣлѣ у Корфа съ Шулинымъ былъ разговоръ по поводу объявленія, сдѣланнаго Франціею Британскому Двору, что Франція сама будетъ стараться сохранить настоящую правительственную форму въ Швеціи и потому согласна доставить всякое обезпеченіе державамъ, принимающимъ въ этомъ участіе. Корфъ замѣтилъ, могутъ ли Россія и Данія ожидать такого обезпеченія отъ державы, которой приверженцы въ Швеціи приняли всѣ мѣры для возстановленія самодержавія; внутренняя слабость злонамѣренной партіи для успѣха въ такомъ трудномъ предпріятіи извѣстна, и потому можно вывести естественное заключеніе, что вожди партіи составили означенный планъ не безъ вѣдома и не безъ предварительнаго совѣта съ Франціею. Корфъ подозрѣвалъ, что Шулинъ самъ принималъ участіе въ деклараціи, сдѣланной Франціею, чтобъ доставить ей свободнѣйшія руки въ Сѣверныхъ дѣлахъ и усилить возможность возобновленія французскаго субсиднаго договора. На замѣчаніе Корфа, Шулинъ нѣсколько помедлилъ отвѣтомъ; потомъ, собравшись съ мыслями, сказалъ, что и Англійскій король считалъ такое обезпеченіе надежнымъ, и думаетъ, что получитъ его отъ Франціи. Корфъ не продолжалъ разговора, боясь подать поводъ заключить о какомъ-нибудь безпокойствѣ со стороны Русскаго Двора; по его мнѣнію, нѣкоторымъ равнодушіемъ можно было въ Копенгагенѣ больше выиграть, чѣмъ усильнымъ стараніемъ. Вслѣдъ затѣмъ, Шулинъ пригласилъ Корфа на конференцію и прочелъ ему рескриптъ короля къ Датскому министру въ Россіи—Шезу, состоявшій въ слѣдующемъ: король Великобританскій велѣлъ сообщить, что, видя опасные признаки безпокойства на Сѣверѣ, онъ велѣлъ представить обоимъ императорскимъ Дворамъ, что Англія, по окончаніи столь тяжкой войны съ Франціею, можетъ помочь своимъ союзникамъ только въ томъ случаѣ, когда на нихъ нападутъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ; тѣмъ меньше онъ склоненъ принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ установленнаго въ Швеціи порядка наслѣдства, ибо въ такомъ случаѣ начнется общая война на Сѣверѣ, причемъ Франція и Пруссія, по всѣмъ вѣроятностямъ, получатъ верхъ. Вотъ почему Англійскій король не можетъ не отсовѣтовать такихъ намѣреній своимъ союзникамъ, въ томъ числѣ и королю Датскому. Необходимо смотрѣть неусыпно, чтобъ нынѣшняя правительственная форма въ Швеціи была сохранена; но сдѣланныя въ Стокгольмѣ Русскимъ и Датскимъ Дворами декларація на первый разъ достаточны. Французскій король велѣлъ обнадежить Англійскій Дворъ, что и онъ самъ будетъ стараться сохранить существующую правительственную форму въ Швеціи, и готовъ доставить въ этомъ отношеніи обезпеченіе всѣмъ державамъ, принимающимъ участіе въ дѣлѣ. Король Прусскій такъ же велѣлъ повѣстить, что, по сдѣланному ему объявленію отъ Русской императрицы, вооруженія съ ея стороны производятся не для обиды кому-либо, но только для предосторожности на случай, если бъ явилась опасность для спокойствія на Сѣверѣ. Хотя этимъ объявленіемъ темное облако, нашедшее на Сѣверъ, казалось начало исчезать, однако недавно явилась въ Стокгольмѣ русская декларація, слѣдовально опасность отъ непогоды еще не совсѣмъ миновалась: поэтому Прусскій король желаетъ знать намѣренія Датскаго короля относительно этого дѣла. И Французскій король, продолжалъ Шулинъ, велѣлъ здѣсь объявить, что изъ датскихъ вооруженій на норвежскихъ границахъ и изъ тѣсной дружбы между Даніею и Россіею его король возымѣлъ подозрѣніе, не клонятся-ли датскія вооруженія противъ Швеціи; король объявляетъ, что въ такомъ случаѣ онъ будетъ помогать Швеціи.

Данія отвергла субсидный и оборонительный трактатъ съ Англіею и заключила его съ Франціею, на томъ основаніи, что Англія требовала за свои деньги корпуса вспомогательныхъ войскъ, а Франція не требовала. Шулинъ, объявляя объ этомъ Корфу, увѣрялъ, что этимъ трактатомъ съ Франціею король его никакъ не связываетъ себѣ рукъ относительно Швеціи, ибо когда французскій посланникъ допытывался, какъ поступитъ Данія въ томъ случаѣ, если самодержавіе въ Швеціи будетъ возстановлено на сеймѣ съ согласія всѣхъ чиновъ, то ему отвѣчали: если будутъ хотя три человѣка въ Швеціи противъ перемѣны, то Данія будетъ ихъ защищать. Въ августѣ Корфъ писалъ въ Петербургъ, что Данія хотя не мало опасается шведскаго переворота, однако не будетъ принимать серьезныхъ мѣръ прежде кончины Шведскаго короля. Трудно ожидать, чтобъ Датскій король въ такомъ важномъ дѣлѣ рѣшилъ что-нибудь одинъ безъ министерства, ибо для этого требовались бы качества, которыя даются опытностью и лѣтами; англійскій посланникъ во время своей негоціаціи имѣлъ довольно тайныхъ аудіенцій, съ которыхъ уходилъ всегда съ добрыми обнадеживаніями отъ короля, но Шулинъ умѣлъ обратить въ ничто эти обнадеживанія. Корфъ, чтобъ выпытать у Шулина его мнѣніе о Шведскихъ дѣлахъ, завелъ рѣчь о строеніи Шведами крѣпости въ Ландскронѣ, указывая, что это не можетъ оставаться безъ опасныхъ слѣдствій для Даніи, особливо когда возстановлено будетъ самодержавіе. Шулинъ отвѣчалъ, что крѣпостныя постройки въ Ландскронѣ требуютъ долгаго времени

и громадныхъ издержекъ, а впрочемъ нельзя отвергать, что это предпріятіе не можетъ быть пріятно для Даніи. Потомъ Корфъ склонилъ рѣчь на слухи, что въ концѣ года будетъ созванъ въ Стокгольмѣ чрезвычайный сеймъ для возстановленія самодержавія — дѣло легкое при совершенномъ паденіи патріотической стороны. Корфъ спросилъ у Шулина, какія, по его мнѣнію, нужно было бы принять мѣры въ такомъ случаѣ. Шулинъ отвѣчалъ, что между Россіею и Даніею еще не послѣдовало по этому важному предмету никакого согласія, и потому онъ не имѣетъ обязанности объявлять своихъ мнѣній; но такъ какъ дѣло идетъ объ интересѣ одинакой важности какъ для Россіи, такъ и для Даніи, то онъ скажетъ свое мнѣніе, но только какъ частный человѣкъ. „Я думаю", продолжалъ Шулинъ, „что сдѣланныя со стороны Россіи и Даніи военныя приготовленія на шведскихъ границахъ достаточны для удержанія злонамѣренной партіи въ ея замыслахъ: эти господа легко могутъ видѣть, что рискуютъ потерять свои головы, и кронпринцъ рискуетъ потерять престолъ и быть выгнанымъ изъ Швеціи. Злонамѣренная партія очень хорошо знаетъ, что отъ Франціи, кромѣ нѣкоторой суммы денегъ, она никакой помощи не получитъ. Король Прусскій пришлетъ свое, выговоренное въ трактатѣ, вспомогательное войско; но нельзя думать, чтобъ онъ далѣе захотѣлъ вмѣшаться въ дѣло. Несмотря на то, надобно внимательно слѣдить за движеніями злонамѣренной партіи, и я увѣренъ, что король, мой государь, въ извѣстномъ случаѣ безотлагательно примется за оружіе и вступитъ въ Швецію, хотя-бы конвенція съ Россіею и не была заключена, въ надеждѣ, что императрица, соблюдая собственный интересъ, сдѣлала то же самое".

Корфъ выпросилъ себѣ тайную аудіенцію у короля, которая происходила 3 сентября. Корфъ представилъ, что тайный комитетъ прошлаго шведскаго сейма уже подписалъ актъ введенія самодержавія, отложивъ исполненіе до будущаго сейма. Теперь надобенъ только удобный случай, который доставитъ позднее годовое время, когда злонамѣренные не будутъ опасаться никакого препятствія со стороны иностранныхъ державъ и, при совершенномъ утѣсненіи патріотовъ, будутъ безопасны и относительно внутренняго сопротивленія: и въ какое положеніе тогда были бы приведены интересованные Дворы, если-бы движенія злонамѣренныхъ заблаговременно не были предупреждены,— это онъ предоставляетъ священнѣйшему проницанію его королевскаго величества. Императрица не намѣрена оставить безъ вниманія такое важное дѣло и не сомнѣвается, что и его величество также къ нему внимателенъ и не откажетъ сообщить на его счетъ свои виды. Король отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ допустить перемѣны правительственной формы въ Швеціи и хочетъ сопротивляться этой перемѣнѣ всѣми своими силами, почему и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія въ Норвегіи; только онъ признаетъ себя обязаннымъ, вслѣдствіе своей декларація, не предпринимать ничего подобнаго наступательному движенію до тѣхъ поръ, пока злонамѣренные дѣйствительно что-нибудь затѣятъ; его цѣль—сохранить спокойствіе на Сѣверѣ, и потому онъ никакъ не желаетъ подать поводъ къ войнѣ какимъ-нибудь поступкомъ, который бы могъ быть истолкованъ какъ обида. Онъ надѣется, что императрица совершенно согласна съ нимъ въ этомъ отношеніи, и что дѣло не дойдетъ до войны, ибо извлеченная уже до половины на шведскихъ границахъ шпага можетъ привести злонамѣренныхъ на другія мысли. Впрочемъ, онъ проситъ увѣрить императрицу, что всегда будетъ поступать какъ истинный союзникъ Россіи, убѣжденный въ пользѣ и естественности этого союза; начатыя негоціаціи съ Франціею и Швеціею не содержатъ въ себѣ ничего, что могло бы ослабить его; первая касается только полученія хорошей суммы денегъ безъ связыванія себѣ рукъ; вторая же состоитъ единственно въ возобновленіи стараго трактата. „Было бы несогласно съ моимъ достоинствомъ и интересомъ", продолжалъ король, „если-бы я заключилъ новые договоры, которые были бы противны обязательствамъ моимъ съ императрицею. Я не могъ принять предложенія Англіи, вопервыхъ, потому, что эта держава въ мирныя времена большихъ субсидій давать не привыкла, вовторыхъ,— потому, что она выговаривала себѣ помощь войсками, а я не могу изъ моей арміи отправить ни одного человѣка: мои Норвежцы надобны мнѣ противъ Шведовъ; изъ голштинскихъ войскъ мнѣ нельзя ничего дать, ибо я не знаю, что окажется съ той стороны". Корфъ замѣтилъ, что король относительно германскихъ своихъ владѣній можетъ опасаться только со стороны Пруссіи, и въ этомъ отношеніи англійскій субсидный трактатъ доставилъ бы полную безопасность. Король отвѣчалъ, что этого можно достигнуть, если Англія вступитъ въ союзъ, не требуя, чтобъ Данія лишилась французскихъ субсидій.—„Это разсужденіе чрезвычайно странное", писалъ Корфъ: „хотятъ на Англію наложить обязанность заботиться о здѣшней безопасности въ то самое время, какъ отвергаютъ ея дружественныя предложенія и даютъ предпочтеніе другой державѣ; изъ этого видно, какія слабыя правила старается внушить министерство этому молодому государю".

23 ноября Корфъ былъ приглашенъ на конференцію къ министрамъ, которые объявили ему, что такъ какъ Шведскій наслѣдный принцъ недавно публикованнымъ актомъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказался противъ перемѣны правительственной формы, и такъ какъ императрица-королева Венгерская обѣщала стараться о выданіи со стороны Шведскаго правительства другого подобнаго же акта, то Датскій Дворъ призналъ излишнимъ заключить по этому предмету особую конвенцію съ Россіею: бо̀льшая часть европейскихъ державъ тѣмъ или другимъ способомъ принимаетъ участіе въ сохраненіи настоящей формы швед-

скаго правленія; и если Россія съ Даніею вступятъ въ особыя обязательства, зависящія отъ будущихъ и неподлинныхъ случаевъ, то это можетъ возбудить въ другихъ державахъ зависть и подозрѣніе, что было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно для сохраненія тишины на Сѣверѣ [1]).

Корфъ приписывалъ такой оборотъ дѣла Шулину; канцлеръ Бестужевъ соглашался съ нимъ, но совѣтовалъ быть осторожнѣе относительно могущественнаго министра: „Принятыя г. Шулинымъ странныя мѣры", писалъ Бестужевъ,—„мѣры, которыя интересу короля навсегда останутся вредны, нимало не удивляютъ, ибо я имѣлъ случай познать съ прежнихъ еще временъ превратныя его мысли и совершенную преданность къ Франціи,—почему я ему всегда не довѣрялъ и, съ самаго еще начала, когда тайная негоціація началась, невзирая на то, что первое предложеніе учинено съ датской стороны, никакого добра отъ него не надѣялся. И, дѣйствительно, въ мнѣніи своемъ не ошибся, ибо онъ внезапно уничтожилъ всю негоціацію, и мнѣніе свое въ разсужденіи теперешней формы правленія основалъ только на чаяніи и легко опровергаемыхъ мнѣніяхъ, въ чемъ послѣдовалъ предписанію Французскаго Двора съ точностью. Я имѣю у себя достовѣрное извѣстіе, что г. Шулинъ испрашивалъ у Французскаго Двора совѣта, привести-ли начатую негоціацію къ желаемому концу, въ чемъ ему непристойнымъ образомъ отказано и запрещено. Изъ сего, слѣдовательно, легко заключить можно, какую Французскій Дворъ надъ нимъ имѣетъ силу, когда разсудить, что онъ, въ угодность оному, старался Датскій Дворъ отщетить отъ нашего и возбудить между обоими несогласіе...... Я слышалъ также помощью нѣкоей посторонней переписки, что ваше превосходительство изволили у нѣкоторыхъ тамошнихъ вашихъ пріятелей называть г. Шулина пенсіонеромъ Франціи. Ваше превосходительство, можете легко себѣ представить, что если сіе дойдетъ до ушей г. Шулина, то онъ, спасая честь свою, подговоривъ двухъ свидѣтелей, потребуетъ отъ васъ отчета: и вашему превосходительству трудно будетъ доказать, поелику тотъ министръ, который беретъ мзду, свидѣтелей удаляется; а между тѣмъ онъ, раздраженъ будучи вашимъ попрекомъ, и при жалобѣ своей послѣдуетъ примѣру графа Тессина. Въ тогдашнее время стоило мнѣ несчетныхъ трудовъ ваше превосходительство изъ бывшихъ замѣшательствъ съ честью освободить. Если-же послѣдуютъ теперь отъ датскаго министерства какія-либо жалобы, то ваше превосходительство можете себѣ представить ту досаду, которую я имѣть буду за то, что васъ на теперешнее ваше мѣсто рекомендовалъ, также и то, что я васъ поддерживать не въ состояніи буду. Сей случай подалъ бы зломыслящимъ Шведамъ поводъ къ оправданію своея безполезныя на васъ жалобы. Вашему превосходительству извѣстна моя къ вамъ искренняя дружба по многимъ обстоятельствамъ, для которой я вамъ теперь и открываюсь чистосердечно. Качество господина Шулина мнѣ давно извѣстно; родъ мыслей его не годится ни къ чему: онъ исполненъ коварства; однако-жь вліяніе его при тамошнемъ Дворѣ и кредитъ у короля въ такомъ состояніи, что должно ему всевозможнымъ образомъ уступить, чтобъ противнымъ чѣмъ-либо не огорчить его и чрезъ то не привести оба Двора въ разстройку. Я совѣтую вашему превосходительству г. Шулину уступать, столько ласкать и подавать видъ старанія войти къ нему въ пріязнь, чтобъ пріятыя имъ о васъ худыя намѣренія уничтожить и привесть въ недоумѣніе. Такими поступками всего лучше можно выиграть. Я уже найду способъ за ваше превосходительство и за себя отмстить сему коварному министру,—отмстить столь чувствительно, чтобъ онъ вѣчно ощущалъ досаду, а можетъ быть удастся мнѣ свергнуть его съ мѣста; но я сіе сообщаю вашему превосходительству за сокровеннѣйшую тайну" [2]).

10 декабря Корфъ имѣлъ разговоръ съ самимъ королемъ. „Я надѣюсь", сказалъ Фридрихъ V, „получить радостную вѣдомость о возвращеніи ея императорскаго величества въ Петербургъ: хотя и эта столица довольно далеко отъ насъ, однако когда императрица въ ней находится, то мнѣ кажется, что я ея особу больше въ сосѣдствѣ имѣю и что дѣла тѣмъ много выиграютъ, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ на Сѣверѣ. По крайней мѣрѣ, изъ деклараціи Шведскаго наслѣднаго принца слѣдовало бы заключить, что Шведы сами нуждаются въ сохраненіи мира, да и старанія другихъ Дворовъ къ тому же клонятся". Корфъ отвѣчалъ, что извѣстія изъ Стокгольма удостовѣряютъ его, что манифестъ коронняго наслѣдника надобно признать хитростью французской партіи, употребленною для успокоенія его Датскаго величества и разъединенія съ Русскою императрицею. Что же касается иностранныхъ державъ, старающихся при Шведскомъ Дворѣ о соблюденіи тишины на Сѣверѣ, то между ними надобно отличить такія, которыя имѣютъ вліяніе на Шведскія дѣла, и такія, которыя его не имѣютъ: къ послѣднимъ принадлежатъ—Римско-императорскій Дворъ, котораго представленія имѣли мало успѣха, также и Великобританскій, а къ первымъ—Франція и Пруссія, которыя согласились помогать злонамѣреннымъ Шведамъ въ перемѣнѣ правительственной формы.—„Если шведское министерство", сказалъ король, „имѣло въ виду при печатаніи извѣстнаго манифеста раздѣлить Данію съ Россіею, то ошиблось, ибо я вполнѣ признаю необходимость союза между обоими Дворами, и прошу васъ удостовѣрить ея императорское величество, что я хочу способствовать всѣми средствами сдѣлать узелъ такой необходимой дружбы неразрывнымъ; прошу и васъ

[1]) Дѣла Датскія, 1749 года.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, III, 602, 606.

не переставать стараться объ этомъ. Что же касается Французскаго и Прусскаго Дворовъ, то я не могу понять, какой имъ интересъ въ возстановленіи самодержавія въ Швеціи". Корфъ писалъ, что онъ ясно доказалъ, что Франція и Пруссія имѣютъ въ этомъ сильный интересъ, и король не могъ ничего ему отвѣчать. Корфъ указалъ также королю на опасность, которая грозитъ Даніи отъ укрѣпленія Шведами Ландскроны. Потомъ король разговаривалъ о разныхъ предметахъ, о разныхъ Дворахъ; Корфъ нашелъ его разсужденія очень важными; нашелъ, что онъ Французскому и Прусскому Дворамъ не довѣряетъ, а къ наслѣдному принцу Шведскому и его партіи питаетъ прямую ненависть.

Въ концѣ 1749 года Корфъ писалъ о ненависти, а въ самомъ началѣ 1750 долженъ былъ писать о необыкновенныхъ знакахъ благосклонности, которые оказываетъ король прусскому посланнику. Въ апрѣлѣ Корфъ увѣдомилъ о внезапной смерти министра Шулина, причемъ писалъ: „Правда, этотъ министръ былъ великій противникъ интересамъ вашего императорскаго величества, но перемѣнятся-ли дѣла вслѣдствіе его смерти,—это зависитъ отъ назначенія ему преемника [1])".

Дѣла не перемѣнились, потому что датская политика относительно Шведскаго вопроса не была личнымъ дѣломъ Шулина или партіи, въ челѣ которой стоялъ этотъ министръ.

Державы, боровшіяся съ Россіею дипломатическими средствами въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, разумѣется, должны были такъ же сильно бороться съ нею и въ Константинополѣ. Неплюевъ, въ началѣ 1749 года, увѣдомилъ о слухѣ, распущенномъ въ Константинополѣ, что Россія должна будетъ вести войну противъ Швеціи, Пруссіи, Даніи и Польши; что 70,000 прусскаго войска уже двинулось для занятія Курляндіи. Тутъ же Неплюевъ сообщилъ записку, поданную Портѣ шведскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Сельценомъ. Сельценъ домогался у Порты, чтобъ она спросила у русскаго резидента, зачѣмъ его правительство дѣлаетъ такія сильныя военныя приготовленія—сухопутныя и морскія—при шведскихъ границахъ, и показала ему копію союзнаго договора, заключеннаго между нею и Швеціею. Французскій посланникъ Дезальеръ получилъ отъ своего Двора приказаніе вразумлять Порту, что ея интересы требуютъ внимательнаго взора на сѣверныя событія, ибо Россія имѣетъ одну цѣль — овладѣть Швеціею; слѣдовательно Турки, будучи съ нею въ союзѣ, должны ей помогать; да и безъ союзнаго обязательства должны всѣми средствами препятствовать, чтобъ Русскіе не умножили своихъ силъ. Эти внушенія съ шведской и французской стороны и безпрестанно подаваемые господарями Молдавскимъ и Валахскимъ ложныя вѣдомости привели Порту въ недоумѣніе и заставили ее обратиться къ англійскому посланнику, Портеру, съ просьбою объяснить причины русскихъ вооруженій: „Даромъ большія деньги на вооруженія не тратятся; правда-ли, что Россія хочетъ назначить другого короннаго наслѣдника въ Швеціи? Что такое Курляндія; что о ней въ настоящихъ Сѣверныхъ дѣлахъ упоминается? Не остановится-ли въ Польшѣ русское войско, зимовавшее въ Австрійскихъ владѣніяхъ, и правда-ли, что польскую вольность хотятъ совершенно утѣснить?" Портеръ обратился къ Неплюеву и австрійскому интернунцію, Пенклеру, за совѣтомъ, что́ ему отвѣчать. Тѣ постарались ему внушить, что онъ долженъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и снова забрать въ свои руки то вліяніе, которое морскія державы имѣли при Портѣ до Бѣлградскаго мира; что теперь время не только Туркамъ глаза открыть, но и Дезальеру съ Сельценомъ нанести чувствительный ударъ, показавши, что представленія Сельцена дѣлаются по внушеніямъ Дезальера. Неплюевъ представлялъ Портеру, что злоба Французовъ противъ Россіи происходитъ за помощь, оказанную императрицею Англичанамъ посылкою войска къ Рейну; что шведско-французско-прусская интрига направлена противъ Россіи и Англіи вмѣстѣ, и что надобно за это отомстить; что Россія принуждена, вслѣдствіе шведскаго недоброжелательства, держать войско на сѣверѣ; но такъ какъ на югѣ не прибавлено ни одного полка, то Турціи безпокоиться рѣшительно нечего. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ письменный отвѣтъ, который Портеръ и переслалъ рейсъ-эффенди.

22 іюня Неплюевъ имѣлъ разговоръ съ великимъ визиремъ, который встрѣтилъ резидента чрезвычайно ласково и сказалъ, что Русскій Дворъ не можетъ и желать большей дружбы, чѣмъ та, которую Порта къ нему имѣетъ. По этой-то дружбѣ онъ, визирь, и желалъ засвидѣтельствовать ему, резиденту, какъ бы Порта охотно видѣла Россію въ согласіи съ Швеціею, ибо ничто не можетъ быть пріятнѣе для Порты, какъ доброе согласіе между ея друзьями. Неплюевъ отвѣчалъ, что императрица одного только и желаетъ, чтобъ быть въ добромъ согласіи со всѣми державами, и Порта знаетъ сама это очень хорошо изъ того старанія, съ какимъ Россія поддерживаетъ дружбу въ отношеніи къ ней. Потомъ резидентъ перешелъ къ Сѣвернымъ дѣламъ и прямо объявилъ, что нѣкоторые неблагонамѣренные шведскіе министры желаютъ возбудить безпокойства на Сѣверѣ перемѣною правительственной формы, чтобъ избавиться отвѣтственности предъ чинами и въ угоду чужимъ державамъ; но такъ какъ гарантія Петра Великаго естественно перешла и на императрицу, то она, и по собственному интересу, и для предупрежденія неминуемыхъ безпокойствъ, велѣла своему министру объявить въ Стокгольмѣ, что она не можетъ смотрѣть равнодушно на замышляемую перемѣну; и какъ скоро злонамѣренная партія отъ своего умысла отстанетъ, то императрица не подастъ ни малѣйшей

[1]) Дѣла Датскія 1749 и 1750 гг.

причины къ безпокойству, ибо она завоеваній не желаетъ, не имѣя нужды въ приращеніи земель. Визирь отвѣчалъ, что хотя Порта и слышитъ многое, но не обращаетъ серьезнаго вниманія (тутъ онъ показалъ рукою, что въ одно ухо впускаетъ, а изъ другого выпускаетъ), и надѣется, что всѣ эти несогласія на Сѣверѣ кончатся ничѣмъ. Тутъ Неплюевъ замѣтилъ, что если Порта сильно желаетъ тишины на Сѣверѣ, то ей бы слѣдовало Шведамъ совѣтывать, чтобъ они отстали отъ своихъ вредныхъ замысловъ и не слушали совѣтовъ тѣхъ державъ, которыя стараются зажечь огонь на Сѣверѣ. И визирь долженъ быть отъ ихъ совѣтовъ и внушеній во всегдашней осторожности, потому что они не стыдятся въ двухъ мѣстахъ одинаково каверзить: здѣсь, при Портѣ, сообщаютъ ложныя извѣстія о Россіи, а въ Россіи—о Портѣ.

Въ сентябрѣ интернунцій Пенклеръ сообщилъ Неплюеву и Портеру перехваченную депешу Дезальера, въ которой тотъ хвастался, что визирь говорилъ съ Неплюевымъ повелительно; что онъ, Дезальеръ, успѣлъ открыть Турецкому правительству глаза насчетъ русскихъ замысловъ, и что, для воспрепятствованія послѣднимъ, возможна конвенція между Франціею, Пруссіею, Швеціею, Польшею и Турціею. Пенклеръ объявилъ при этомъ, что хотя его королева-императрица и не вѣритъ французскому хвастовству, однако считаетъ нужнымъ, чтобъ они втроемъ приняли мѣры для воспрепятствованія, упоминаемой Дезальеромъ, конвенціи. Три министра рѣшили, что въ этомъ дѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ упомиловеніе о Пруссіи, ибо если-бы Франція успѣла склонить Прусскаго короля на проектъ Дезальера, то это не мало нарушило бы европейское равновѣсіе. Они рѣшили внушать Портѣ съ трехъ сторонъ о благонамѣренности Россіи относительно Швеціи, но рѣшили при этомъ дѣйствовать съ крайнею осторожностью и не дѣлать ни малѣйшаго намека насчеть плана Дезальера, ибо этотъ планъ могъ остаться только въ головѣ послѣдняго, наполненной, по словамъ Неплюева, проектами: такъ, Дезальеръ постоянно твердилъ о Полякахъ, преувеличивалъ ихъ силы и въ то же время указывалъ необходимость освободить ихъ отъ русскихъ притѣсненій, необходимость съ будущаго польскаго сейма отправить въ Константинополь министра съ жалобою на проходъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу. Неплюевъ пригласилъ къ себѣ переводчика Порты и объявилъ ему, что злонамѣренная партія въ Швеціи рѣшила произвести въ дѣйствіе свой планъ тотчасъ по смерти королевской, и потому императрица приказала своему послу въ Стокгольмѣ сдѣлать вторичную декларацію, что будетъ защищать вольность утѣсненныхъ Шведовъ; но если Шведское правительство дастъ надежное удостовѣреніе, что форма правительственная измѣнена не будетъ, то Россія ничего болѣе требовать не станетъ. „Если Шведы“, говорилъ Неплюевъ, „откажутся дать всякое удовлетвореніе, то всѣ безпристрастные будутъ считать ихъ нарушителями мира; надобно надѣяться, что и Порта раздѣлитъ также этотъ взглядъ и будетъ совѣтовать Шведамъ не нарушать спокойствія на Сѣверѣ“.

Неплюевъ и Портеръ внушали, что Порта должна уговаривать Шведовъ уступить русскимъ требованіямъ; Дезальеръ внушалъ, что Шведы правы, что декларацією наслѣднаго принца дано полное обезпеченіе, и что Порта должна отговаривать Русскую государыню отъ столь несправедливыхъ требованій. Турецкіе министры не знали что дѣлать; посовѣтывались между собою и рѣшили: Шведовъ вполнѣ не оставлять, на словахъ за нихъ ходатайствовать, но Русскому Двору отнюдь не причинять неудовольствія. Увѣдомивъ объ этомъ свой Дворъ, Неплюевъ писалъ: „Мнѣ же во опроверженіе тѣхъ шведско-французскихъ здѣсь интригъ, собою директно нынѣ дѣлать нечего по опасности—какимъ-либо безвременнымъ отзывомъ непристойнаго отъ Турокъ объявленія на себя навести; но подъ рукою, при всѣхъ подавающихся случаяхъ, возможное чинить не оставляю“.

Въ началѣ 1750 года Неплюевъ присылалъ своему Двору все успокоительныя извѣстія, что, несмотря на усилія Франціи и Швеціи склонить Порту на принятіе посредничества въ Сѣверныхъ дѣлахъ, та не поддается ихъ внушеніямъ. Но 18 мая получена была отъ него въ Петербургѣ депеша другого рода: „Чрезъ посредство двухъ серальскихъ фаворитовъ и, вѣроятно, благодаря сребролюбію рейсъ-эффенди (шведскій переводчикъ трижды былъ у него въ домѣ, на разсвѣтѣ), который, по жадности своей, со всѣхъ сторонъ беретъ, противъ всякаго нашего ожиданія, испытали мы (т. е. Неплюевъ, Пенклеръ и Портеръ) турецкое непостоянство, удостовѣрились, что ни на какія здѣшнія обнадеживанія полагаться не надобно; что здѣсь не слѣдуютъ какой-нибудь принятой системѣ, но по прихотямъ самыя важныя рѣшенія отмѣняются“. Дѣло состояло въ томъ, что 14 мая Неплюевъ былъ позванъ на конференцію къ визирю, который прочелъ ему записку: въ ней было сказано, что такъ какъ, по полученнымъ изъ разныхъ мѣстъ вѣдомостямъ, извѣстно, что шведскій отвѣтъ на послѣднее русское требованіе основателенъ, то Порта надѣется, что обѣ державы будутъ сохранять путь правый и прямой, и что скоро увѣдомится она о возстановленіи между ними дружбы и добрыхъ сношеній. Неплюевъ отвѣчалъ, что отдаетъ на разсужденіе визирю: при возникшихъ между двумя государствами столкновеніяхъ, дѣло рѣшается одними-ли словесными увѣреніями, или для этого требуются трактаты и конвенціи. Шведы повсюду разглашали, будто Россія хочетъ свергнуть ихъ короннаго наслѣдника; а Россія основательно доказываетъ, что они желаютъ перемѣнить форму своего правленія: то чего же лучше, какъ заключить съ обѣихъ сторонъ конвенцію, что ни того, ни другого не будетъ. И если это разумное средство не примется, то безспорно, что Шведы, по французскимъ и прусскимъ

наущеніямъ, постараются взволновать Сѣверъ. Императрица не желаетъ ни пяди Шведской Земли; но если Шведы не отстанутъ отъ своего намѣренія перемѣнить правительственную форму, то она не сдержится никакими представленіями и употребитъ всѣ дарованные ей Богомъ способы для воспрепятствованія этому злу. Россійская держава никогда не позволитъ предписывать себѣ законовъ ни Шведамъ, ни Французамъ, ни какому-либо другому народу, устанавливая всѣ свои поступки на вѣсахъ правосудія, съ богоугоднымъ намѣреніемъ—не допускать, чтобъ отъ сосѣдей и въ ея государствахъ огонь загорѣлся. На эти слова визирь и рейсъ-еффенди твердили одно,—что Порта высказалась единственно изъ дружбы къ обѣимъ Сѣвернымъ державамъ. Послѣ Неплюевъ узналъ, что рейсъ-еффенди сказалъ визирю: „Хотя нынѣшнее свиданіе такъ-же мало принесетъ пользы, какъ и прошлогоднее, однако мы это дѣло съ рукъ сбыли".

Было ясно, что съ турецкой стороны Россіи нельзя было ожидать никакихъ значительныхъ непріятностей по Сѣвернымъ дѣламъ; столкновеніе между Крымцами и Запорожцами такъ-же не могло повести ни къ чему важному. Въ такомъ успокоительномъ положеніи находились дѣла, когда, въ концѣ года, въ Петербургѣ было получено извѣстіе о внезапной смерти Неплюева, послѣдовавшей 8 ноября. Псковскій архіепископъ, Симеонъ Тодорскій, получилъ отъ находившагося при миссіи іеромонаха Іосифа любопытное письмо о болѣзни и кончинѣ резидента: „Извѣщаю преосвященству вашему о смерти резидента, который Божіимъ смотрѣніемъ наказованъ былъ многажды болѣзнію различною, первое—отнятіемъ руки, потомъ желчію, что весь былъ жолтъ, и тая желчь происходила ему отъ серца лютости, и продолжалась все лѣто; однажды съ деревни пріѣхалъ въ Перу, не знаю за что осердился на портного такъ жестоко, что обомлѣлъ. Сколько лѣкари увѣщевали его о томъ, не слушалъ и не моглъ отстать, навыкъ всегда въ лютости и ярости. Случилось ему шестого числа сего ноября во вторникъ вечеру въ нѣмецкаго резидента быть, и тамъ сдѣлалась ему апоплексія, котораго въ лектики (на носилкахъ) въ дворъ оттуду принесли, и страдалъ по докторскому мнѣнію апоплексіею, а по моему -- отъ бѣса мучимъ, и все тое было ему отъ Бога въ наказаніе, чего для въ среду бывшу ему въ чувствѣ добромъ и въ памяти, говорилъ хорошо, чисто; я пришолъ къ нему; онъ не хотѣлъ сперва на меня смотрѣть, отворочался, якъ бѣсъ отъ креста, говорилъ ему за исповѣдь, отказалъ—„пожди". Потомъ въ среду-жъ предъ полунощію мучило его четырмя нападами, мало и дыхалъ, чего для и пріобщилъ его Божественныхъ Тайнъ безъ исповѣди, понеже не говорилъ; а послѣ полунощи стало ему полегче, пилъ чай и по утру въ четвертокъ говорилъ съ докторами; я приходилъ и хотѣлъ ему говорить и принудить къ исповѣды — ниже слово сказалъ; всѣ удивлялись, съ лѣкарами говорилъ и лѣкарства принималъ, а ко мнѣ ниже единаго слова промолвилъ; послѣ половины дня начало быть ему худше, ввечеру скончался безъ исповѣды. И по примѣтамъ преждныхъ лѣтъ житія его такъ въ Россіи, какъ и въ Стамбулѣ не былъ онъ совершенъ христіанинъ: но или лютеръ, или совсѣмъ атеиста, понеже имѣлъ великое обхожденіе съ аглицкимъ посломъ, а той—явный атеиста. Въ Стамбулѣ находятся различніи народы Православніи и имѣютъ резидента въ великомъ почтеніи, яко отъ Православнаго государства, а по теперешнемъ случаи всѣ удивились и позорствуютъ на Россію, что едно Православное государство въ свѣтѣ, и тое уже начинаетъ колибатись въ вѣрѣ и развращатись, весь Стамбулъ атеистою покойнаго называлъ за его злые поступки, напаче же теперь внушили, что не хотѣлъ исповѣдатись. О чемъ я прошу преосвященства вашего въ случаѣ внушить сіе всемилостивѣйшей государынѣ, дабы добраго христіанина избрали и прислали въ Царьградъ" [1]).

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1751 и 1752 годы.

Возстанія приписныхъ къ фабрикамъ крестьянъ.—Помѣщичьи и крестьянскія междоусобія.—Столкновенія на межахъ.—Предложенія графа Петра Иванов. Шувалова о генеральномъ межеваніи.—Указъ противъ ябедниковъ.—Смягчающее движеніе въ законодательствѣ.—Продолженіе Брянскаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ.—Магистратское дѣло въ Бѣлгородѣ.—Безпорядки въ Орлѣ.—Устюжскіе купцы и половники.—Торговое и промышленное движеніе.—Финансы.—Дѣла церковныя.—Продолженіе борьбы съ инородцами въ Сибири.—Дѣла Малороссійскія.—Письмо канцлера Бестужева къ императрицѣ.—Ссора канцлера съ братомъ его, Михаиломъ Петровичемъ Бестужевымъ. -Столкновеніе съ Австріею по поводу выселенія Сербовъ въ Россію.—Новая Сербія.—Сношенія съ Польско-Саксонскимъ Дворомъ.—Переговоры съ Англійскимъ Дворомъ о субсидіяхъ.—Дѣла Турецкія.—Кончина Шведскаго короля Фридриха и вступленіе на престолъ Адольфа-Фридриха.—Прекращеніе безпокойствъ относительно плановъ новаго короля.—Сношенія съ Даніею.

1751 годъ начали въ Петербургѣ обычными увеселеніями. На другой день Новаго Года „какъ знатныя обоего пола персоны и иностранные господа министры, такъ и все знатное дворянство съ фамиліями отъ 6 до 8-го часа имѣли пріѣздъ ко Двору на маскарадъ въ богатомъ маскарадномъ

[1]) Дѣла Турецкія 1749 и 1750 гг.

платьѣ, и собирались въ большой залѣ. гдѣ въ восьмомъ часу началась музыка на двухъ оркестрахъ и продолжалась до семи часовъ пополуночи. Между тѣмъ убраны были столы кушаньемъ и конфектами для ихъ императорскихъ высочествъ съ знатными обоего пола персонами и иностранными господами министрами въ особливомъ покоѣ, а для прочихъ, находившихся въ томъ маскарадѣ персонъ,—въ прихожихъ парадныхъ покояхъ на трехъ столахъ, на которыхъ поставлено было великое множество пирамидъ съ конфектами, также холодное и жаркое кушанье. Въ оной большой залѣ и въ парадныхъ покояхъ въ паникадилахъ и кракштейнахъ горѣло свѣчъ до 5,000, а въ маскарадѣ было обоего полу до 1,500 персонъ, которыя всѣ по желанію каждаго разными водками и наилучшими виноградными винами, также кофеемъ, шоколадомъ, чаемъ, оршатомъ и лимонадомъ и прочими напитками довольствованы". 18-го января былъ при Дворѣ другой такой же маскарадъ [1]).

Съ половины 1751 года въ разныхъ мѣстахъ Имперіи начало обнаруживаться явленіе, которое въ слѣдующемъ году приняло небывалые размѣры. Въ Вятской провинціи встали противъ своихъ властей крестьяне архіерейскаго дома, также Успенскаго-Трифонова и другихъ монастырей. Пущихъ заводчиковъ велѣно было наказать кнутомъ, а прочихъ батогами; но крестьяне не допустили до этой экзекуціи секретаря, пріѣхавшаго съ драгунскою командою: секретаря и восемь человѣкъ избили. Тогда другіе драгуны стали стрѣлять и убили двоихъ крестьянъ; остальные крестьяне отступили, но залегли по всѣмъ дорогамъ, чтобъ не пропускать команды; послана была другая команда, которая выручила секретаря и схватила троихъ зачинщиковъ мятежа въ другихъ деревняхъ зачинщики разбѣжались при появленіи команды [2]).

Вятскій воевода Дубенскій постарался исторически объяснить Сенату положеніе крестьянъ въ своей отдаленной и находившейся въ особыхъ условіяхъ провинціи. Вятскіе крестьяне платятъ подати съ трудомъ, потому что множество ихъ, за неимѣніемъ своихъ земельныхъ участковъ, скитается, питаясь подаяніемъ, а землями государственными по большей части владѣютъ домъ архіерейскій, монастыри, купечество и разнаго чина люди. Въ этой провинціи, какъ видно, сначала были мѣста лѣсныя и пустынныя, которыя при поселеніи отдавали черносошнымъ крестьянамъ во владѣніе на оброкъ; когда же стало людей умножаться, тогда эти крестьяне изъ отданныхъ имъ земель продавали другъ другу и, расчищая, селились деревнями; также отдавали на поминъ души въ архіерейскій домъ, монастырямъ и многимъ сельскимъ церквамъ въ приклады, продавали посадскимъ, приказнымъ и всякаго чина людямъ. Послѣ переписи 1722 года, крестьяне, за малоимѣніемъ въ своихъ деревняхъ земли, расчистили въ разныхъ мѣстахъ пустоши и лѣсныя земли, и поселились на нихъ деревнями и починками, а по нынѣшней переписи написали ихъ въ прежнихъ деревняхъ, а въ новорасчищенныхъ деревняхъ и починкахъ никакихъ душъ не написали, почему крестьяне подушныхъ денегъ не платятъ, отговариваясь, что на этихъ земляхъ душъ не написано, а должны платить за нихъ тѣ, которые прежними ихъ деревенскими участками владѣютъ. Между Вятскимъ и Устюжскимъ уѣздами, близъ Черной рѣчки, поселились пришлые неизвѣстные какіе люди въ большомъ числѣ, поселились насильно и живутъ деревнями и починками; посылаемыхъ къ нимъ отъ вятской канцеляріи бьютъ и увѣчатъ, а слѣдствія произвести нельзя за неимѣніемъ извѣстія о земельныхъ дачахъ; да и въ другихъ, смежныхъ съ Вятскою провинціею, мѣстахъ подлѣ Еранскаго и Казанскаго уѣзда, а болѣе на Отяцкихъ новокрещенскихъ жалованныхъ земляхъ, такихъ же пришлыхъ крестьянъ немалое число. Воевода предлагалъ прислать къ нему изъ Вотчинной Коллегіи копію съ писцовыхъ книгъ и по нимъ возстановить старыя межи. Сенатъ приказалъ: отправить изъ Вотчинной Коллегіи межевщика, геодезиста и секретаря съ копіями писцовыхъ, межевыхъ и переписныхъ книгъ въ возможной скорости, и написать, что Сенатъ представленіемъ Дубенскаго доволенъ [3]).

Въ 1751 году, статскій совѣтникъ Никита Демидовъ купилъ у князя Репнина имѣніе въ Обоянскомъ уѣздѣ. Для отказа крестьянъ за новаго помѣщика поѣхалъ майоръ съ командою да Серпуховской воевода. Когда они пріѣхали въ село Ильинское, то крестьяне ихъ туда не пустили и, по выслушаніи указа, единогласно объявили, что они себя за Демидова къ отказу не допустятъ и слушать его безъ кровопролитія не станутъ. Это было осенью; а въ концѣ года въ то же село Ильинское отправился совѣтникъ Вотчинной Коллегіи—Поляковъ; но на встрѣчу къ нему вышли въ поле крестьяне, человѣкъ до 1,500, съ рогатинами, дубинами и прочимъ дрекольемъ, и объявили, что его къ себѣ въ село не пустятъ, а чтобъ прочелъ указъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ остановленъ. Поляковъ исполнилъ требованіе и поздравилъ крестьянъ, что они уже не принадлежатъ больше Демидову, а приписаны къ собственнымъ вотчинамъ ея императорскаго величества. Крестьяне отвѣчали, что за высочайшую милость благодарствуютъ, а его, совѣтника, для переписки себя и приписки къ собственнымъ вотчинамъ государыни не пустятъ, потому что онъ посланъ по желанію и въ пользу Никиты Демидова, и высочайшая милость еще имъ невѣроятна, ибо военная команда стоитъ кругомъ ихъ вотчины; сверхъ того, о припискѣ къ государственнымъ вотчинамъ должны они ожидать указа изъ Вотчинной ея императорскаго величества канцеляріи. Сказавши это, крестьяне пошли обратно въ

[1]) С.-Петербургск. Вѣдомости.
[2]) Журн. Сената, 7 іюня 1751 года.
[3]) Журн. Сената, 25 іюля 1751 года.

село Ильинское, а совѣтникъ возвратился въ село Ивановское, въ двухъ верстахъ отъ Ильинскаго, опять посылалъ требовать, чтобъ пустили его въ Ильинское, получилъ новый отказъ и возвратился въ Москву. Сенатъ, узнавши объ этомъ, приказалъ объявить Полякову репримандъ за то, что сдѣлалъ не такъ: ему велѣно было только вотчины за Демидова не отказывать, а Демидову объявить, чтобъ онъ вотчиною не владѣлъ и сборовъ съ нея не сбиралъ [1]).

Это распоряженіе, которое самимъ крестьянамъ показалось невѣроятнымъ, не осталось безъ слѣдствій. Въ 1752 году, содержатель парусной и бумажной фабрики въ Малоярославскомъ уѣздѣ, коллежскій ассессоръ Гончаровъ подалъ жалобу на непослушаніе крестьянъ. Посланную, вслѣдствіе этой, жалобы команду крестьяне встрѣтили съ оружіемъ въ рукахъ въ числѣ 860 человѣкъ. Команда остановилась, и въ ея глазахъ крестьяне учили военной экзерциціи, какъ надобно приступать и отступать; у нихъ были какіе-то необыкновенные ножи и многіе ходили въ гренадерскихъ шапкахъ; они напали на команду, разбили ее, отняли пушки. Принуждены были послать бригадира Хомякова съ тремя полками: ему удалось разбить крестьянъ, благодаря артиллеріи, и утушить возстаніе.

Послѣ этого Хомякову дано было такое же порученіе, только потруднѣе. Дворянинъ Евдокимъ Демидовъ подалъ просьбу: „Въ Калужской провинціи куплена отцомъ моимъ у графа Головкина къ желѣзнымъ нашимъ заводамъ волость Ромодановская; изъ крестьянъ этой волости треть, обученные мастерству, всегда находились въ той провинціи на нашихъ заводахъ, другая треть на сибирскихъ заводахъ, остальные на пашнѣ. Въ 1741 г. эта волость откладывалась отъ насъ и крестьяне многія противности показывали, приказчика нашего до смерти убили; а въ нынѣшнемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, съ третьяго числа, та же Ромодановская волость самовольно отъ насъ отложилась, воду изъ заводскаго пруда крестьяне всю выпустили, держащіяся въ огнѣ угольныя дровяныя кучи оставили, всѣ люди разошлись, заводскія работы остановились и крестьяне посланныхъ нашихъ къ себѣ въ деревни не пускаютъ. Услыхавъ объ этомъ самовольствѣ, крестьяне той же волости, обученные разнымъ мастерствамъ и находящіеся на нашихъ Брынскихъ и Дугненскихъ заводахъ, многіе, покинувъ работу, ушли въ свою Ромодановскую волость, а отъ этого многія работы остановились“.

Примѣромъ для ромодановскихъ крестьянъ служило сопротивленіе крестьянъ Репнинской волости, которые, какъ мы видѣли, достигли своей цѣли—освободились отъ Демидова; какъ только пришелъ приказъ отъ владѣльца—всѣхъ крестьянъ Ромодановской волости выслать на работы на Дугненскій заводъ, то волость и поднялась; Репнинскіе говорили Ромодановскимъ: „Мы въ челобитныхъ писали, что Демидовъ грозилъ насъ размучить и тѣмъ отъ него отошли,—и вы пишите, что знаете“. Главными зачинщиками были крестьяне—Горохъ, Рыбка, Бурлаковъ, Рыженковъ, Семеновъ, Рыкъ, Чупрунъ и Волкъ; староста Бурлаковъ началъ-было отрекаться отъ бунта, но его стали бить и принудили продолжать дѣло. Жившій въ волости солдатъ Дмитріевъ обучалъ крестьянъ воинскимъ пріемамъ; вооружали не только всѣхъ мужчинъ, но женщинъ и дѣвицъ, нарядивъ ихъ въ мужское платье. Противъ возмутившихъ былъ отправленъ полковникъ Олицъ съ 500 человѣкъ команды; но онъ былъ разбитъ крестьянами и взятъ въ плѣнъ; подполковникъ фонъ-Ренъ, одинъ капитанъ, прочихъ чиновъ и рядовыхъ 30 человѣкъ были ранены тяжело, такъ-что оказались къ жизни безнадежны; 9 офицеровъ и 188 рядовыхъ получили легкія раны; изъ крестьянъ было убито 59, ранено—42 человѣка. Тогда отправленъ былъ бригадиръ Хомяковъ, усмирившій Гончаровскихъ крестьянъ. Демидовскіе крестьяне вышли и противъ него вооруженные, крича: „Мы ея императорскому величеству не противимся, да смерть себѣ отъ Демидова видимъ и въ руки къ нему нейдемъ“. Рѣка раздѣляла ихъ отъ войска; солдаты начали стрѣлять, и видно было, что въ крестьянскихъ рядахъ было много убитыхъ и раненыхъ; но это не отняло духу у крестьянъ и они ни на шагъ не отступали отъ берега. Хомяковъ требовалъ, чтобъ высланы были изъ нихъ лучшіе люди для истолкованія имъ указа; лучшіе люди пришли и объявили: „Мы ея императорскому величеству ни въ чемъ не противимся, и если за государыню будемъ взяты, а за Демидова насъ не отдадутъ и о томъ объявятъ намъ указъ, то противиться не будемъ“. Хомяковъ не рѣшался напасть, ждалъ подкрѣпленій; потомъ велѣлъ зажечь нѣкоторыя деревни и приступить къ селу Ромоданову; крестьяне выступили изъ села, причемъ схвачено ихъ было человѣкъ 200; но прочіе разбѣжались и составили многочисленныя разбойничьи шайки съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ Петербургѣ нашли, что Хомяковъ дѣйствуетъ очень слабо, и отдали его подъ военный судъ. На его мѣсто явился генералъ-майоръ Опочининъ, которому удалось поймать 674 человѣка изъ возмутившихся крестьянъ. Главные зачинщики сосланы въ Сибирь на желѣзные заводы Демидова, съ приказомъ употреблять ихъ въ тяжкія работы. Жалобы на мучительство Демидова объявлены выдуманными, ибо 257 мастеровыхъ и заводскихъ рабочихъ показали противное.

Въ томъ же 1752 году, тульскій купецъ Лугунинъ купилъ къ полотняной фабрикѣ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ село Сороколѣтово; но въ это время пошелъ слухъ о возстаніи Ромодановской волости: Сороколѣтовскіе крестьяне отказались ходить на фабрику, утверждая, что къ фабрикамъ деревнямъ быть не велѣно; они собрались всѣмъ міромъ въ приходской церкви, призвали священниковъ, отслу-

[1]) Журн. Сената, 28 октября 1751 года; 7 января 1752 года.

жили молебенъ и присягнули—не слушаться Лугинина и другъ друга не выдавать. При появленіи военной команды крестьяне разбѣжались [1]).

Дѣло не ограничивалось крестьянами, приписными къ фабрикамъ и заводамъ. Въ 1752 году олонецкія вотчины Хутынскаго монастыря отказали ему въ повиновеніи. Три раза новгородская губернская канцелярія посылала ихъ уговаривать; но они посланныхъ выгнали, команду били и бранили, и единогласно кричали, что указа не слушаютъ и подписываться не будутъ. Сенатъ велѣлъ послать достаточную команду, изслѣдовать дѣло и зачинщиковъ высѣчь плетьми нещадно [2]).

Крестьне Вятской провинціи, Хлыновскаго уѣзда, Шланской волости, вели дѣло законнымъ порядкомъ; повѣренный отъ этой волости крестьянинъ Бесперстовъ билъ челомъ въ Сенатѣ: имѣлъ онъ отъѣздъ для торговаго промысла въ Оренбуръ; узнавши объ этомъ, секретарь Вятской провинціи Перминовъ прислалъ за нимъ, какъ за своимъ крѣпостнымъ крестьяниномъ, прислалъ къ старостѣ письмо, чтобъ его сыскать и прислать къ нему. Его сыскали и привели къ Перминову, который сталъ ему говорить, чтобъ онъ съ приказчиками его, которые отъ него торгуютъ подъ чужими именами собственными его, Перминова, товарами, съѣздилъ въ Оренбургъ и за это обѣщалъ наградить. Бесперстовъ отказался и отпущенъ домой; но староста Шланской волости получилъ отъ секретаря предписаніе обобрать у Бесперстова и отца его все ихъ имѣніе, хлѣбъ и скотъ. Староста исполнилъ предписаніе, и Бесперстовъ отправился къ Перминову жаловаться на безвинную обиду. Перминовъ сказалъ ему: „Поѣдешь въ Оренбургъ съ моими приказчиками, то всѣ свои пожитки получишь назадъ, получишь и награжденіе за поѣздку; если-же не поѣдешь, то и всю волость разорю“. Бесперстовъ поѣхалъ въ Оренбургъ съ приказчикомъ Перминова, хлыновскимъ купцомъ Праздниковымъ, который жилъ въ домѣ Перминова. Съ 1745 года по 1751 годъ Бесперстовъ прожилъ въ Оренбургѣ и другихъ городахъ, имѣя смотрѣніе за приказчиками Перминова, всякій его товаръ принималъ и отправлялъ, деньги взыскивалъ по векселямъ безъ всякаго вознагражденія; а когда сталъ просить объ увольненіи, то Перминовъ прислалъ въ Шланскую волость людей своихъ и всѣ пожитки его и отца его забралъ безъ остатку; взяли разнаго серебра три фунта, 10 лошадей, 26 овецъ, 21 свинью, три улья пчелъ, денегъ 30 рублей, и все отвезено въ домъ Перминова на мірскихъ подводахъ. Этими пожитками секретарь корыстуется до сихъ поръ, а Бесперстовъ и отецъ его скитаются межъ дворами и кормятся мірскимъ подаяніемъ. Во всѣхъ государственныхъ волостяхъ Перминовъ обижаетъ и разоряетъ крестьянъ, сбираетъ разные сборы на свои домовыя нужды, раскладывая ихъ на всѣхъ крестьянъ по числу душъ. Въ 1748 году схватилъ двоихъ крестьянъ Шланской волости и вымучилъ у нихъ вексель въ 400 рублей, а деньги взыскалъ со всѣхъ крестьянъ волости, расположа по числу душъ. Въ томъ же году схватилъ 8 человѣкъ крестьянъ и вымучилъ вексель въ 200 рублей, и съ одного изъ этихъ крестьянъ взыскалъ 100 рублей, а съ прочихъ—по раскладкѣ. Крестьяне бить челомъ не смѣютъ не только въ вятской канцеляріи, но и въ казанской губернской канцеляріи, потому что многіе челобитчики на него едва не померли въ тюрьмѣ по его проискамъ: поэтому крестьяне и послали Бесперстова бить челомъ прямо въ Сенатъ [3]).

Если являлись такіе тяжкіе для крестьянъ секретари, какъ Перминовъ, то бѣда иногда приходила на нихъ и отъ своего брата. Дворцовыхъ тамбовскихъ волостей бѣглый и наказанный кнутомъ крестьянинъ Иванъ Нагорновъ съ сообщниками сочинилъ фальшивый актъ отъ имени всѣхъ крестьянъ этихъ волостей, будто бы имъ нужно занять денегъ на крестьянскія потребности, а заплатятъ они овечьею шерстью, собирая съ каждой души по два фунта. На основаніи этого акта, Нагорновъ взялъ у московскихъ купцовъ 760 рублей денегъ и въ увѣреніе платежа шерстью далъ имъ вексель въ 1,000 рублей на имя всѣхъ селъ старостъ и крестьянъ, послѣ чего бѣжалъ изъ Москвы. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, Сенатъ велѣлъ публиковать, чтобъ никто не давалъ взаймы денегъ дворцовымъ крестьянамъ, посланнымъ для хожденія по дѣламъ [4]).

На польскихъ границахъ помѣщики и крестьяне попрежнему терпѣли отъ крестьянскихъ побѣговъ. Въ 1752 году великолуцкіе помѣщики подали жалобу, что люди и крестьяне ихъ, по подговору польскихъ обывателей, бѣгутъ за польскій рубежъ, пограбя пожитки ихъ помѣщичьи и крестьянскіе, а польскіе обыватели всячески помогаютъ имъ къ побѣгу и поселенію, и потомъ подсылаютъ въ Россію для воровства, разбоя и грабежа, даютъ оружіе и порохъ, уводятъ многихъ въ неволю [5]).

Кромѣ означенныхъ случаевъ возстаній, правительство попрежнему употребляло отдѣльные воинскіе отряды въ борьбѣ съ разбойниками. Въ описываемые года случаи разбоевъ являлись въ Серпуховскомъ, Каширскомъ, Тарусскомъ и Обоянскомъ уѣздахъ [6]). Въ 1751 году находившійся у сыску воровъ и разбойниковъ отъ Калуги до Нижняго по обѣ стороны Оки подполковникъ Жеребцовъ доносилъ, что въ его командѣ колодниковъ 221 человѣкъ [7]). Въ началѣ 1752 года олонецкая воеводская канцелярія доносила, что теперь воровскихъ и разбойничьихъ артелей и никакого объ

[1]) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ Петербургѣ

[2]) Журн. Сената, 21 сентября 1752 г.

[3]) Журн. Сената, 16 іюля 1751 года.

[4]) Журн. Сената, 1 февраля, 1751 года.

[5]) Журн. Сената, 6 іюля.

[6]) Журн. Сената, 23 іюля 1751 года, 27 авг. и 6 октября 1752 года.

[7]) Журн. Сената, 15 октября.

нихъ слуху въ продолженіи двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ нѣтъ: поэтому для сыску ихъ командѣ въ Олонцѣ быть не-для-чего. Сенатъ приказалъ: офицеру, взявши отъ Олонецкаго воеводы письменный реверсъ, что у нихъ воровъ, разбойниковъ, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ нѣтъ, выступить съ командою изъ города [1]). Но тамъ, гдѣ военныя команды оставались, было видно, что онѣ не могутъ дѣйствовать съ успѣхомъ безъ помощи обывателей. Военная Коллегія, которой тяжело было веденіе этой внутренней войны, потребовала отъ Сената указа „о всеконечномъ прекращеніи пристаней ворамъ и разбойникамъ, чтобы въ селахъ и деревняхъ приказчики, старосты, выборные, сотскіе и десятскіе помогали сыщикамъ въ поискахъ за вредными людьми" [2]).

Ведшееся изстари явленіе — ожесточенныя схватки на межахъ, - скоро должны были повести къ общей мѣрѣ для ихъ уничтоженія. Полковникъ Мясновъ послалъ изъ крапивенской своей деревни, Даниловки, для кошенія сѣна на свою дачу двороваго человѣка Григорья съ крестьянами —человѣкъ тридцать; но изъ села Крутицъ помѣщиковъ Толбузиныхъ вышелъ староста съ крестьянами, человѣкъ триста, напали на косцовъ, двороваго Григорья убили до смерти, схватили 14 человѣкъ крестьянъ, увезли къ себѣ въ село и на помѣщичьемъ гумнѣ, измучивъ ихъ самымъ звѣрскимъ образомъ, умертвили; помѣщики ихъ, недоросли Толбузины, были тутъ [3]). Для размежеванія земель въ Новгородскомъ уѣздѣ послана была команда изъ 50 человѣкъ; но когда начали межевать, монастыря Антонія Римлянина келарь Евдокимъ, служитель Михайловъ, староста и выборный со всѣми крестьянами монастырской вотчины, человѣкъ болѣе 1,000, явились съ дубьемъ, кольемъ и топорами, и межевать не допустили, крича, что если станутъ межевать, то будутъ бить до смерти; останавливали солдатъ, хватая ихъ за ружья и штыки; для разсѣку между лѣсомъ рубить деревьевъ не давали; гдѣ нужно было идти для измѣренія съ цѣпью, какое дерево надобно было рубить, охватывали его руками, подставляли подъ топоры ноги и прочь толкали, чтобъ только начать драку, и такимъ многолюдственнымъ нападеніемъ фрунтъ смѣшали. Келарь вытащилъ изъ рукъ солдата цѣпь, переднія кольца ея разогнули, столбъ, привезенный для обозначенія межи, съ посмѣяніемъ оттащили назадъ [4]).

20 января 1752 года графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ подалъ въ Сенатѣ письменное предложеніе, что „Ея императорскаго величества всеавгустѣйшей государыни милосердое извѣстное предпріятіе и желаніе, дабы подданные подъ державою ея величества, дворянство и всякіе владѣльцы недвижимыхъ имѣній, обидимые лишеніемъ имъ подлежащихъ земель, удовольствованы справедливостію безъ обиды были, и для того неоднократно, въ разсужденіи оныхъ и ради пресѣченія донынѣ въ спорахъ и завладѣніи земель происходящихъ убивствъ и во изысканіи того кровопролитныхъ слѣдствіевъ происхожденіе попечительно милосердуя, о государственномъ межеваніи всемилостивѣйше упоминать соизволяетъ, требуя вѣдать, какъ скоро оное начнется и чтобъ тѣмъ не медлить. Сколько же извѣстно, всѣ книги, потребныя къ тому межеванію по Вотчинной Коллегіи, не токмо списаны, но прочтены и приготовлены по порядку находятся, а время того къ начатію удобное приближается: того ради не соизволитъ ли Высокоправительствующій Сенатъ сіе дѣло важное, государственное, давъ ему предъ другими преимущество, о сочиненіи инструкціи, въ избраніи межевщиковъ, во установленіи онаго во всѣхъ къ тому потребностяхъ немедленное начало учинить, чтобъ начало того дѣла съ началомъ весны дѣйствомъ произвесть; а притомъ не соизволитъ ли Сенатъ, въ разсужденіи постановленія порядка основательнаго и за фундаментъ одну только Московскую губернію напередъ размежевать. Когда же оное окончается, тогда въ прочихъ всѣхъ губерніяхъ въ одно время начать, для того что по большей части тѣ затрудненія, которыя въ оной, будутъ резолвированы". Сенатъ приказалъ: какія о томъ межеваніи въ Сенатѣ были опредѣленія и писцовые наказы, и сколько въ Вотчинной Коллегіи писцовыхъ книгъ списано, все это собравъ, предложить Правительствующему Сенату къ разсмотрѣнію немедленному. 19 февраля, по предложенію того же Шувалова, Сенатъ приказалъ: публиковать во всемъ государствѣ, чтобъ всѣ, кто за собою деревни и земли имѣютъ, на эти земли всякія крѣпости заблаговременно приготовляли, особливо тѣ, кто деревни и земли имѣютъ въ Московской губерніи, чтобъ при вступленіи опредѣленныхъ къ межевому дѣлу межевщиковъ въ томъ размежеваніи земель ни малаго препятствія и остановки послѣдовать не могло; а въ Вотчинную Коллегію послать указъ—имѣть съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ копіи во всякой готовности, напередъ одной Московской губерніи [5]).

Для прекращенія дракъ и убійствъ на межахъ представлялось дѣйствительное средство — генеральное межеваніе; но труднѣе было правительству находить скорыя средства противъ другихъ безпорядковъ. 25 мая 1752 года императрица велѣла Сенату публиковать, какимъ образомъ она, къ крайнему неудовольствію своему, слышитъ о разореніи и притѣсненіи подданныхъ отъ ябедниковъ, которые, не страшась суда Божія, стараются употреблять всякіе вымыслы противъ правды и тѣмъ затягиваютъ рѣшеніе дѣлъ. Извѣстно ея величеству, что въ такихъ, непристойныхъ званію своему, поступкахъ упражняется отставной лейбъ-гвардіи прапорщикъ, князь Никита Хованскій, которому впредь себя отъ того удержать и какъ явнымъ, такъ и тайнымъ

[1]) Журн. Сената, 21 января 1752 года.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 10,033.
[3]) Журн. Сената, 22 мая 1751 года.
[4]) Журн. Сената 5 октября 1752 года.
[5]) Журн. Сената, означенныя числа.

образомъ ни подъ какимъ видомъ этого не дѣлать и никому по дѣламъ никакого совѣта и наставленія не давать, подъ опасеніемъ лишенія движимаго и недвижимаго имѣнія и указнаго штрафа; равнымъ образомъ, если кто съ нимъ о какихъ приказныхъ дѣлахъ совѣтовать станетъ явно или тайно, и въ томъ будетъ уличенъ, то какъ у него, князя Никиты, такъ и совѣтовавшихся движимое и недвижимое имѣніе отписано будетъ [1]). Этотъ Хованскій 19 лѣтъ не жилъ съ женою, держалъ ее въ крайнемъ притѣсненіи и, между тѣмъ, давалъ полную волю страстямъ своимъ; 12 лѣтъ не пріобщался. Раздраженный публикаціею о своемъ ябедничествѣ, онъ сталъ дѣлать выходки противъ правительства, всѣхъ знатныхъ особъ называлъ однихъ дураками, другихъ пьяницами. „Слава Богу", говорилъ онъ, „что въ Москвѣ дворецъ сгорѣлъ,—теперь поѣдетъ государыня въ Петербургъ; изъ Петербурга ее выгнала вода, а изъ Москвы—огонь". Его высѣкли плетьми и сослали въ Никольскій Козельскій монастырь; потомъ велѣли жить въ своихъ деревняхъ [2]).

Отставной комисаръ, князь Жаровой-Засѣкинъ, въ Юстицъ-Коллегіи повинился въ троекратномъ закладѣ и продажѣ однихъ и тѣхъ же своихъ недвижимыхъ имѣній. Прокуроръ Штатсъ-Конторы, Андрей Батюшковъ, побоями вымучилъ у своей жены крѣпость на приданыя ея деревни, доставшіяся ей на седьмую часть послѣ перваго мужа, Унковскаго. Сенатъ приговорилъ его, лиша всѣхъ чиновъ, бить кнутомъ; но императрица простила его, приказавъ быть въ отставкѣ. Статскому совѣтнику Полянскому велѣно было ѣхать на слѣдствіе въ Вятскую провинцію; онъ укрылся отъ такой дальней, тяжелой поѣздки: тогда положено было запрещеніе на его недвижимое имущество, пока не явится. Полянскій явился и подалъ просьбу, что пріѣхалъ въ Петербургъ и одержимъ тяжкою болѣзнію, которая препятствуетъ ѣхать ему въ Вятскую провинцію, и потому проситъ отъ службы и отъ посылки уволить, а деревни изъ-подъ запрещенія освободить. Сенатъ приказалъ: Полянскаго отправить въ Вятскую провинцію съ провожатымъ солдатомъ, потому что когда онъ въ Петербургъ теперь пріѣхалъ, то и въ Вятку ѣхать можетъ [3]). Въ домѣ у оберъ-кригсъ-коммисара Спичинскаго произошла драка; участниками были генералъ-маіоръ, князь Владиміръ Долгорукій, и ассесоръ Иванъ Даниловъ. Почти пять лѣтъ тянулось слѣдствіе, наконецъ дѣло рѣшили: Долгорукій, какъ зачинщикъ драки, долженъ былъ заплатить обиженному, секретарю Суровцову, годовое жалованье за безчестье и увѣчье; ассесору Данилову, который хотя не былъ зачинщикомъ драки, но самоуправнымъ отмщеніемъ право свое потерялъ, вмѣнить почти пятилѣтній жестокій арестъ въ наказаніе, опредѣлить къ дѣламъ тѣмъ же чиномъ въ другое мѣсто и удержанное жалованье по бѣдности выдать [4]).

Въ законодательствѣ шло постепенно смягчающее движеніе. Петръ Великій запретилъ употреблять пытку въ малыхъ дѣлахъ; въ 1751 году ее отмѣнили въ корчемныхъ дѣлахъ, причемъ Сенатъ проговорился и тѣмъ указалъ на необходимость общей отмѣны пытки: „По корчемнымъ дѣламъ не пытать", говоритъ указъ, „для многихъ въ томъ затрудненія и кровопролитія, и чтобы, не стерпя пытокъ, не могли на кого и напрасно говорить, и тѣ-бъ, на кого станутъ говорить, и невинные не могли подпасть напрасному истязанію" [5]). Но это разсужденіе одинаково прилагалось ко всѣмъ пыткамъ.

Въ описываемое время правительственымъ распоряженіемъ обѣ столицы были лишены украшенія, которое дѣлало ихъ похожими на дремучіе лѣса: императрица запретила держать въ Петербургѣ и Москвѣ медвѣдей, „а кто къ оному охотникъ, держали-бъ въ деревняхъ своихъ, и по ночамъ бы не водили" [6]). Другіе города не были освобождены отъ медвѣдей; нѣкоторые изъ нихъ были заняты другими, важнѣйшими интересами. Мы видѣли, что Сенатъ, для поимки бѣглыхъ Гончаровскихъ крестьянъ, велѣлъ послать усиленную команду; отправленъ былъ драгунскій подполковникъ Ангеляръ; но и его командѣ крестьяне добровольно не сдались; надобно было брать ихъ приступомъ, причемъ ранены были слегка одинъ поручикъ и одинъ драгунъ; двое драгуновъ ушибены были каменьями, у одного унтеръ-офицера кафтанъ былъ прострѣленъ пулею. Изъ крестьянъ одинъ былъ убитъ наповалъ, другой умеръ отъ раны; легкія раны получили шесть человѣкъ; всего было взято 27 человѣкъ, изъ которыхъ послѣ померло и бѣжало пять человѣкъ. Такъ какъ жители Брянска, члены его магистрата оказали явное сочувствіе крестьянамъ, то, разумѣется, они не могли остаться въ сторонѣ при слѣдствіи. Брянскіе купцы подали въ Сенатъ челобитную, что подполковникъ Ангеляръ велѣлъ капитану Пловецкому атаковать ихъ дворы и никого не выпускать. Отъ этой атаки, бывшей 5 іюня 1751 г., произошелъ немалый страхъ, отъ котораго женщины и дѣти были при смерти; беременныя женщины разрѣшились преждевременно и отъ страха въ болѣзни долгое время не говорили. Взятъ былъ брянскаго магистрата ратманъ Сапожковъ, выборный къ таможеннымъ сборамъ Григорій Коростинъ, подъячій, закованы въ тяжелыя кандалы и держались болѣе трехъ недѣль въ великомъ утѣсненіи; а кого дома не было,—брали женъ и держали подъ карауломъ въ колодкахъ. Кромѣ того, подполковникъ команду свою посылалъ по дорогамъ для поимки брянскихъ купцовъ, которыхъ и не требуютъ къ суду; въ надеждѣ на это, приказчикъ Гончарова, Зайцевъ, по всѣмъ дорогамъ

---

[1]) Журн. Сената, 25 мая 1752 г.
[2]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1754 года.
[3]) Журн. Сената, 18 іюля 1751 года; 20 февраля, 4 августа, 24 августа, 1752 года.
[4]) Журн. Сената, 9 декабря 1752 г.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 9,912.
[6]) Полн. Собр. Зак., № 9,959.

около Брянска ставилъ караулы также для поимки брянскихъ купцовъ, которыхъ въ Сыскной Приказъ не требуютъ же. Въ 30 верстахъ отъ Брянска схватили купца Кузьму Гридина; отняли у него лошадь, деньги, привели къ Гончарову, посадили на цѣпь и мучили; до сихъ поръ неизвѣстно, что съ нимъ сталось Другой брянскій купецъ Анисимъ Бѣляевъ въ домѣ Гончарова убитъ до смерти; да не только купцовъ и Гончаровскихъ крестьянъ по дорогамъ хватали, но и малолѣтнихъ дѣтей, которыя въ школахъ учатся, забирали. Видя такой страхъ, купцы, оставя дворы, женъ и дѣтей, разбѣжались; все брянское купечество пришло въ разореніе, торговые промыслы и подати едва не всѣ присѣклись. Послѣ 5 іюня, спустя дней съ десять, Ангеляръ съ капитаномъ и командою ходили по всѣмъ дворамъ и, разломавъ замки, описывали всѣ пожитки и товары, которыхъ при этомъ распропало не мало [1]).

Мы видѣли, что въ дѣлѣ Бѣлгородскаго магистрата Главный Магистратъ восторжествовалъ: враждебный ему президентъ Андреевъ былъ привлеченъ къ дѣлу о фальшивыхъ векселяхъ и взятъ въ особую, учрежденную по этому дѣлу, коммисію, а на его мѣсто въ магистратѣ назначенъ другой. Но коммисія о фальшивыхъ векселяхъ объявила, что въ векселяхъ, данныхъ Андрееву, никакой фальши нѣтъ и притомъ взяты они вовсе не насильственно; самъ челобитчикъ векселей фальшивыми не называетъ, а говоритъ только, что они даны во взятку, за исходатайствованіе свидѣтельства о состояніи. Сенатъ обрадовался и приказалъ возстановить Андреева и товарищей его въ прежнихъ чинахъ по магистрату, а вновь выбранныхъ и Главнымъ Магистратомъ опредѣленныхъ отрѣшить, ибо по дѣлу коммисіи о фальшивыхъ векселяхъ и за показанными въ челобитьи бѣлгородскихъ купцовъ резонами Андреева со товарищи безъ слѣдствія отъ магистратскаго правленія отрѣшать не надлежитъ [2]). Скоро послѣ этого Сенатъ имѣлъ удовольствіе наложить штрафъ на оберъ-президента Главнаго Магистрата Зиновьева: прокуроръ Суворовъ подалъ предложеніе съ прописаніемъ точныхъ указовъ и съ показаніемъ основательныхъ резоновъ; Зиновьевъ отстранилъ это предложеніе опредѣленіемъ, сдѣланнымъ имъ только отъ одного своего имени, толкуя неправильно прописанные у прокурора указы и регламенты; кромѣ того, опредѣлилъ самъ собою въ контору Главнаго Магистрата ратсгера Ольхина безъ общаго со всѣми присутствующими разсужденія и утаилъ представленія въ Сенатъ. Прокуроръ донесъ объ этомъ генералъ-прокурору, и Сенатъ велѣлъ взыскать съ Зиновьева сто рублей [3]).

Въ Орлѣ возникла ссора между полиціймейстеромъ Бакѣевымъ и президентомъ магистрата Уткинымъ, вслѣдствіе чего пошли безпорядки въ городѣ; жители не стали помогать полиціи: пойманныхъ въ дракахъ разныхъ чиновъ людей у полицейскихъ служителей отбивали, и стоящіе при рогаткахъ на караулѣ купцы озорниковъ подъ караулъ не брали и въ полицію не приводили, опасаясь Уткина, который запретилъ и сотскимъ помогать полиціи,—отсюда въ Орлѣ днемъ и ночью происходили необыкновенные крики и драки [4]). Въ сѣверныхъ городахъ было покойно. Здѣсь устюжское купечество, обиженное своей провинціальною канцеляріею, искало управы законнымъ путемъ—и получило ее. Купцы жаловались Сенату, что канцелярія наложила запрещеніе на ихъ деревенскія земли и участки, а они владѣютъ землями старинными, родовыми слишкомъ за 200 лѣтъ, и на тѣхъ деревенскихъ земляхъ живутъ изъ черносошныхъ волостей крестьяне-половники съ записями по договору, у кого сколько лѣтъ пожелаютъ жить, а не купленные. Сенатъ приказалъ: деревнямъ попрежнему быть за ними неотъемлемымъ и половниковъ содержать, покуда они быть захотятъ, до будущаго впредь разсмотрѣнія [5]).

Въ Петербургѣ генералъ-прокуроръ обратилъ вниманіе Сената на злоупотребленія, какія позволяли себѣ иностранцы: иностранные купцы, которые въ петербургское купечество не были записаны и въ розницу торговать не имѣли права, также и другіе разныхъ чиновъ люди, особенно жившіе въ качествѣ домашнихъ учителей и мадамы, обучавшія дѣтей, также камердинеры и кухмистры не только продаютъ товары въ розницу въ домахъ, но и по улицамъ для продажи разносятъ. Сенатъ велѣлъ повѣстить хозяевамъ, у которыхъ жили эти иностранцы, чтобъ они запрещали имъ производить такую торговлю, въ противномъ случаѣ сами подвергнутся штрафу [6]). Изъ противоположнаго конца Россіи, изъ Оренбурга, продолжали приходить хорошія вѣсти. Въ концѣ 1751 года Неплюевъ донесъ, что изъ Оренбурга съ начала года вступило въ Россію золота 13 пуд. 1 фунтъ 15 золотниковъ, серебра—1,186 пуд. 22 фун.; пошлинъ взято 82,949 рублей [7]).

Говоря о состояніи русскаго купечества въ описываемое время, нельзя умолчать о судьбѣ одной книги, для него назначенной. Коммерцъ-Коллегія представила Сенату, что она разсматривала переведенную ассесоромъ Академіи, Волчковымъ, книгу подъ заглавіемъ: „Совершенный купецъ“, и хотя оная до коммерціи прилична, токмо къ понятію россійскому купечеству, за необыкновеніемъ ихъ къ объявленнымъ въ ней торговымъ обращеніямъ, не мало трудная и затѣмъ къ покупкѣ оной многихъ охотниковъ быть не уповательно, чего для напечатать ее насчетъ оной Коллегіи ненадежно, ибо и Саваріева лексикона напечатано въ 1747 г 1,200 книгъ, на которую печать употреблено

[1]) Журн. Сената, 19 сентября, 1751 г.
[2]) Журн. Сената, 31 іюля 1751 года.
[3]) Журн. Сената, 12 ноября 1751 года.
[4]) Журн. Сената, 28 ноября 1751 г.
[5]) Журн. Сената, 25 іюля, 1751 г.
[6]) Журн. Сената, 13 октября, 1752 г
[7]) Журн. Сената, 20 декабря 1751 г

3,583 рубля, а продано понынѣ только 112 книгъ на 411 рублей: и для того не соизволитъ ли Правительствующій Сенатъ повелѣть ту книгу, сколько потребно, напечатать и въ продажу любопытнымъ людямъ употребить отъ Академіи Наукъ, а за переводъ той книги ассесору Волчкову, который имѣлъ трудъ немалый, награжденіе до 400 рублей изъ казны ея императорскаго величества учинить надлежитъ. Сенатъ приказалъ напечатать насчетъ Коммерцъ-Коллегіи 400 экземпляровъ и, оставя изъ нихъ для здѣшней продажи сколько по разсмотрѣнію той Коллегіи надлежитъ, остальные всѣ отослать въ Главный Магистратъ, а ему разослать въ губерніи и провинціальные магистраты и велѣть раздать купцамъ, взыскавъ съ нихъ деньги по той цѣнѣ, по чему онѣ стали безо всякаго лишку, ибо оная книга до собственнаго ихъ купеческаго употребленія и пользы принадлежитъ; Волчкову 400 рублей выдать; съ Саваріевымъ лексикономъ поступить точно такъ-же, какъ съ „Совершеннымъ купцомъ" [1]).

Изъ большихъ городовъ въ описываемое время сильно пострадала отъ пожара Казань: 12 іюля 1752 года сгорѣло въ ней 900 дворовъ, разломано было 38; сгорѣла суконная фабрика Дряблова, два кожевенныхъ завода его же, на адмиралтейскомъ заводѣ сгорѣла кожевня [2]). Истребленіе фабрикъ и заводовъ было особенно чувствительно для молодой русской промышленности. Правительство продолжало слѣдовать примѣру Петра Великаго,—при первомъ удобномъ случаѣ переводило казенныя фабрики въ частныя руки: такъ, отдана была казенная суконная фабрика въ Путивлѣ въ вѣчное и потомственное владѣніе московскому купцу Матвѣеву [3]). Въ описываемое время очень заботились о заведеніи шелковичнаго производства, тяготясь зависимостью русскихъ шелковыхъ фабрикъ отъ привоза шелка изъ Персіи, гдѣ, по смерти шаха Надира, происходили смуты, которымъ не предвидѣлось скораго конца. Астраханскому купцу Бирюкову дали позволеніе заводить и размножать шелковые и бумажные заводы, строить фабрики для тканья изъ шелку парчей, а изъ хлопчатой бумаги—пестрядей, покупать къ этимъ заводамъ и фабрикамъ людей, мужчинъ до ста душъ, а женщинъ—сколько понадобится. Бирюковъ представлялъ, что у него близъ Астрахани собственный свой крѣпостной дворъ съ огородомъ, гдѣ насажены виноградныя деревья; въ томъ же огородѣ тутовыхъ 500 деревьевъ, съ которыхъ снимается листу довольное число и тѣмъ листомъ кормятся шелковые черви, дающіе шелку въ достаточномъ количествѣ; Бирюковъ представилъ въ Сенатъ и пробу выдѣланнаго имъ шелку [4]). Генералъ-прокуроръ предложилъ Сенату въ 1752 году, что въ Россіи шелковыхъ парчей и мануфактуры умножаются, а шелковыхъ заводовъ почти ничего нѣтъ, достаютъ шелкъ изъ Персіи, по настоящимъ тамошнимъ обстоятельствамъ, очень дорогою цѣною, тогда какъ въ Россіи тутовыхъ деревьевъ и къ размноженію ихъ мѣстъ довольно. Такъ не разсудитъ ли Правительствующій Сенатъ писать къ Малороссійскому гетману, чтобъ онъ во всей Малороссіи велѣлъ публиковать, не пожелаетъ ли кто заняться шелководствомъ; то же публиковать въ Слободскихъ полкахъ и въ Оренбургской и Астраханской губерніяхъ, чтобъ занимались шелководствомъ, не требуя указовъ изъ Мануфактуръ-Коллегіи, но только давали ей знать о существованіи производства; и если такое производство дѣйствительно окажется, то заводчики изъ купечества будутъ уволены отъ службъ и постоя, и шелкъ ихъ до 10 лѣтъ будетъ продаваться безпошлинно. Сенатъ согласился [5]).

Въ концѣ 1752 года въ Сенатъ поступила просьба коллежскаго совѣтника и Академіи Наукъ профессора Михаила Ломоносова, что онъ желаетъ къ пользѣ и славѣ Россійской имперіи завесть фабрику дѣланія изобрѣтенныхъ имъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и изъ нихъ бисеру, пронизокъ, стеклярусу и всякихъ другихъ галантерейныхъ вещей и уборовъ, чего еще понынѣ въ Россіи не дѣлаютъ, но привозятъ изъ-за моря великое количество, цѣною на многія тысячи, а онъ, Ломоносовъ, съ помощью Божіею, можетъ на своей фабрикѣ дѣлать помянутыхъ товаровъ не токмо требуемое здѣсь количество, но и современемъ такъ размножить, что и за море отпускать оные можно будетъ, которые и покупать будутъ охотно, ибо вышеписанные товары станутъ здѣсь заморскаго дешевле для того, что принадлежащіе къ сему дѣлу главные матеріалы здѣсь дешевле заморскаго. Каковы изобрѣтенные имъ стеклянные составы,—тому приложилъ пробы, также и нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣланныхъ вещей, и просилъ учинить вспоможеніе, отвесть въ Копорскомъ уѣздѣ село Ополье или въ другихъ уѣздахъ отъ С.-Петербурга не далѣе полутора сотъ верстъ, гдѣ мужеска пола около 200 душъ имѣлось, съ принадлежащими къ нему деревнями, лѣсами и другими угодьями, и тому лѣсу и крестьянамъ быть при той фабрикѣ вѣчно и никуда ихъ не отлучать, ибо наемными людьми, за новостью, той фабрики въ совершенство привести не можно; и въ обученіи того, какъ новаго дѣла, произойти можетъ немалая трудность и напрасный убытокъ, для того-что наемные работники, хотя тому мастерству и обучатся, но потомъ ихъ власти или помѣщики, для какихъ-нибудь причинъ, при той фабрикѣ быть имъ больше не позволятъ, то понадобится вновь другихъ обучать, а послѣ и съ тѣми то-жъ учинится, отъ чего въ распространеніи фабрики можетъ воспослѣдовать крайняя остановка. На строеніе на оной фабрикѣ сараевъ, на печи, на инструменты и на матеріалы

---

[1]) Журн. Сената, 26 августа 1752 г.
[2]) Журн. Сената, 27 іюля 1752 г.
[3]) Журн. Сената, 15 сентября 1752 г.
[4]) Журн. Сената, 8 марта 1751 г.

[5]) Полн. Собр. Зак., № 10,041.

сперва выдать изъ казны денегъ 4,000 рублей безъ процентовъ, которые онъ обѣщается выплатить въ пять лѣтъ, и пожаловать ему на сію фабрику привилегію на 30 лѣтъ. Сенатъ согласился, относительно же пожалованія села Ополья рѣшилъ доложить императрицѣ съ ходатайствомъ [1]).

Еще въ 1745 году, по опредѣленію Главнаго Магистрата, для возобновленія въ Москвѣ серебрянаго, черневаго и финифтянаго дѣла высланы были мастера: черневаго дѣла изъ Устюга—Климшинъ, финифтянаго изъ Сольвычегодска - Поповъ, и въ томъ же году московскій купецъ Кункинъ просилъ, что желаетъ онъ этому мастерству обучаться и съ присланными мастерами письменно обязался, что ему ихъ въ Москвѣ, пока они его обучатъ, содержать на своемъ коштѣ и, сверхъ того, дать имъ награжденіе. Главный Магистратъ согласился. Въ 1746 году Кункинъ объявилъ, что онъ черневому мастерству обучился и представилъ сдѣланныя имъ табакерки, которыя оказались добраго мастерства, почему Климшинъ и отпущенъ въ Устюгъ, а Поповъ еще оставленъ для доучиванія Кункина. Теперь, въ 1751 году, Кункинъ просилъ, чтобъ ему позволено было производить одному издѣліе священныхъ вещей, сосудовъ, крестовъ, окладовъ, ибо другіе серебряники дѣлаютъ эти вещи безобразно. Сенатъ согласился, чтобъ Кункинъ одинъ дѣлалъ священныя вещи въ Москвѣ и продавалъ безъ повышенія цѣны, но остальнымъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которыхъ въ цеху записано было всего шесть человѣкъ, дѣлать только вещи для домашняго убранства и для частнаго, а не церковнаго употребленія [2]).

Для исторіи промышленности въ Россіи любопытна исторія одного мастера, обученнаго при Петрѣ Великомъ. Коммисаръ Шаблыкинъ подалъ просьбу, что въ службу взятъ онъ въ 1718 году изъ недорослей и опредѣленъ на петербургскую шелковую и коломинковую мануфактуры въ ученики; мастерству этому обучился у иноземныхъ мастеровъ; въ 1723 году пожалованъ мастеромъ и обучилъ многихъ учениковъ; изъ нихъ нѣкоторые мастерами удостоены и опредѣлены въ Москвѣ на частныя фабрики. Когда петербургская фабрика была упразднена, то ученики его и инструменты отданы въ Ярославль купцу Максиму Затрапезному, а ему, Шаблыкину, изъ той же казенной фабрики нѣкоторая, самая малая часть для его пропитанія дана въ награжденіе: учениковъ—два человѣка, инструментовъ и съ котлами безденежно на 49 рублей, да матеріаловъ съ возвращеніемъ за нихъ въ казну денегъ 35 рублей. Онъ жилъ и работалъ въ Новгородѣ; ученики его въ городѣ и уѣздѣ во многихъ шляхетскихъ и прочихъ домахъ скатерти и салфетки и прочія полотна дѣлаютъ, и это мастерство совершенно вкоренилось и размножается. Въ 1743 году опредѣленъ онъ отъ Кабинета къ возобновленной полотняной мануфактурѣ мастеромъ, а въ 1746 сдѣланъ при ней же коммисаромъ, но служитъ безъ жалованья, на своемъ коштѣ и рангомъ никакимъ не награжденъ, почему проситъ наградить, а московскихъ шелковыхъ мануфактуръ мастера Ивковъ и Воделовъ награждены рангами порученскимъ. Сенатъ приказалъ наградить и Шаблыкина рангомъ порученскимъ [3]).

Относительно промышленности первоначальной графъ Петръ Шуваловъ указывалъ, что, благодаря ему, промыслы морскихъ звѣрей процвѣтаютъ на Бѣломъ морѣ: когда въ 1748 году ему были отданы эти промыслы, то съ нихъ пошлинъ взято 1,653 рубля, а въ 1750 году заплачено въ казну 5,231 рубль. На Ладожскомъ озерѣ тюленій промыселъ былъ отданъ ему же, а въ 1751 году онъ объявилъ Сенату, что такъ какъ въ Астрахани и около нея въ Каспійскомъ морѣ тюленей также много, но съ давнихъ лѣтъ ихъ ловлею не занимаются, то онъ имѣетъ намѣреніе и астраханскій тюленій промыселъ взять въ содержаніе, для его усиленія, по 1768 годъ. Сенатъ приказалъ отдать [4]).

Шуваловъ имѣлъ право гордиться и удачею своихъ плановъ относительно распространенія источниковъ добыванія соли и относительно ея продажи. Въ 1750 году соли въ продажѣ было 6.112,529 пудъ, денегъ въ сборѣ—2 милліона 38 тысячъ 31 рубль; прежней прибыли 700,453 рубля, новой прибыли 510,124 рубля. Изъ этой суммы 210,577 рублей Соляная Контора должна была отослать въ Главный Коммисаріатъ для замѣны въ подушный сборъ, именно—съ каждой души складывалось по три копѣйки. Въ указѣ, данномъ по этому случаю, говорилось, что предполагалось прибыльныхъ денегъ больше; но оказалось, что во многихъ мѣстахъ продавалась подвозная ломаная на степныхъ озерахъ и изъ прочихъ мѣстъ соль, въ подрывъ казенной продажѣ; также во многихъ отдаленныхъ отъ городовъ мѣстахъ казенной соляной продажи не было устроено, и цѣловальники обвѣшивали и позволяли себѣ другія воровства. Противъ всего этого приняты теперь мѣры, и государыня надѣется, что прибыльныхъ денегъ будетъ больше; кто узнаетъ о злоупотребленіяхъ, долженъ объявлять, чтобъ положенные въ подушный окладъ люди могли получить наибольшее облегченіе. Въ 1751 году продано было соли больше 78,869 пудами, и въ 1752 году велѣно Соляной Конторѣ отослать въ Главный Коммисаріатъ 210,000 рублей, а Коммисаріату изъ подушнаго оклада выключить съ каждой души по три копѣйки съ четвертью [5]).

Увеличеніе источниковъ добыванія соли прекращало затрудненія, которыя терпѣло государство отъ невольной монополіи пермскихъ солеваровъ. Въ 1750 году императрица велѣла прибавить баронамъ

[1]) Полн. Собр. Зак., № 10,057.
[2]) Журн. Сената, 24 января 1751 г.

[3]) Журн. Сената, 23 января 1751 г.
[4]) Журн. Сената, 5 марта 1751 г.
[5]) Журн. Сената, 4 іюня, 1 іюля 1751 г.; 28 апрѣля, 15 іюля 1752 г.

Строгановымъ по три копѣйки на пудъ; въ слѣдующемъ году нашли необходимымъ прибавить имъ на суда еще 600 казенныхъ рабочихъ, сверхъ прежнихъ 2,000; но въ томъ же году Сенатъ принялъ въ соображеніе, что баронамъ Строгановымъ велѣно выварнвать соли и ставить въ Нижній по три милліона пудовъ, а теперь въ тамошніе магазины элтонской соли вывезено болѣе четырехъ милліоновъ пудовъ, отпущено 95,000 пудовъ да имѣется къ отпуску 300,000 пудовъ; кромѣ того, астраханскаго бузуну въ Нижнемъ болѣе 700,000 пудовъ; поэтому Сенатъ приказалъ: для сохраненія лѣсовъ, которые употребляются на выварку пермской соли и строеніе судовъ, и чтобъ миновать нарядовъ съ Казанской губерніи рабочихъ на суда для сплавки этой соли, на будущій 1752 годъ велѣть Строгановымъ выварить соли и поставить въ Нижній и оттуда въ Верховые города не болѣе двухъ милліоновъ пудовъ, потому что третій милліонъ отпустится элтонской соли [1]). По особеннымъ условіямъ Россіи, разумѣется, и тутъ не обошлось безъ препятствій, ибо новые источники добыванія соли находились на окраинахъ, издавна знаменитыхъ какъ приволье гулящихъ людей, противополагавшихся народонаселенію внутреннихъ областей. Опредѣленный къ смотрѣнію за добываніемъ и вывозомъ соли съ Элтонскаго озера полковникъ Чемадуровъ доносилъ, что на плывущихъ Волгою судахъ отъ воровъ и разбойниковъ чинятся многія грабительства и смертоубійства, а рабочіе, которымъ, по множеству ихъ, можно было обороняться, нисколько не охраняютъ судовъ и хозяевъ, а другіе даже помогаютъ злодѣямъ. Сенатъ могъ только приказать: обязать рабочихъ, чтобъ помогали, объявивъ указъ съ запискою [2]).

Для противодѣйствія злоупотребленіямъ по продажѣ вина учреждена была въ 1751 году особая корчемная контора [3]). Табачный откупъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовалъ, отданъ на шесть лѣтъ за 70,000 рублей на годъ [4]).

До послѣдней ревизіи считалось 5.794,928 душъ податного состоянія, а съ нихъ подушныхъ денегъ собиралось 4.687,654 рубля 10 копѣекъ. По послѣдней ревизіи явилось 6.614,529 душъ, и съ нихъ подушныхъ денегъ 5.334,900 рублей 70 копѣекъ. Шуваловъ представилъ Сенату, что, по его предложенію, рѣшено было брать окладъ съ новоприписныхъ съ 1747 года, не дожидаясь окончательно числового вывода по ревизіи, и въ четыре года съ прибылыхъ душъ собрано 3.117,289 рублей, и потому проситъ внести въ докладъ императрицѣ, что такая прибыль сдѣлана по его представленію [5]).

Въ іюлѣ 1751 года на монетныхъ дворахъ, за сложеніемъ, по указамъ Сената, имѣвшихся съ 1735 года на Штатсъ-Конторѣ и прочихъ мѣстахъ долговъ и за внесеніемъ въ Кабинетъ Е. И. В. передѣланныхъ червонныхъ и золотыхъ и серебряныхъ медалей и жетоновъ, состояло всего капитала на 1.405,990 рублей, да долговъ на Штатсъ-Конторѣ 352,463 рубля, на Сибирскомъ Приказѣ 9,502 рубля, на Дворцовой канцеляріи 1,171 рубль, на Сибирской губерніи 41,745 рублей,—итого 404,882 рубля; наоборотъ,—Монетная канцелярія была должна Главному Коммисаріату 200,000 рублей. Весною 1752 года Сенатъ велѣлъ отпустить съ денежныхъ дворовъ въ Штатсъ-Контору до 300,000 рублей; Монетная канцелярія отвѣчала, что на Петербургскомъ монетномъ дворѣ въ наличности 180,473 рубля, а въ Москвѣ только 7,118 рублей, но и эти деньги подлежатъ въ отпускъ; сверхъ этихъ наличныхъ монетъ, въ Москвѣ въ передѣлахъ серебра до 900 пудъ, и передѣлъ производится съ крайнею поспѣшностью, а въ Петербургѣ ефимковъ до 242 пудовъ, только въ скорости передѣлать никакъ нельзя. Сенатъ приказалъ: наличныя деньги всѣ отпустить и потомъ отпускать по мѣрѣ передѣлки серебра и ефимковъ, да отпустить деньги, которыя въ маѣ мѣсяцѣ должны заплатить питейные откупщики. Въ августѣ та же исторія, — опять сенатскимъ указомъ велѣно отпустить по требованію Штатсъ-Конторы заимообразно съ денежныхъ дворовъ 300,000 рублей; Монетная канцелярія представляетъ, что на Петербургскомъ монетномъ дворѣ въ наличности только 8,313 рублей, а въ Москвѣ 44,560 рублей (въ томъ числѣ русскихъ червонныхъ, которые въ расходъ не употребляются, 3,422 рубля, да мѣдныхъ денежекъ и полушекъ 22,410 рублей), а сверхъ тѣхъ наличныхъ хотя въ передѣлѣ серебра въ Петербургѣ до 375 пудовъ, въ Москвѣ 825 пудовъ, но этого серебра передѣлать въ монеты скоро никакъ нельзя, да и по выходѣ изъ передѣла монетъ, кромѣ другихъ расходовъ, по сенатскимъ указамъ, надобно въ Камеръ-Контору за ту же Штатсъ-Контору заплатить 200,000 рублей. Сенатъ приказалъ: наличныя деньги и по выходѣ изъ передѣла 300,000 рублей прежде всего отпускать въ Штатсъ-Контору, а потомъ уже 200,000 въ Камеръ-Контору [6]).

15 декабря 1752 года изданъ былъ всемилостивѣйшій манифестъ о прощеніи доимокъ подушнаго сбора съ 1724 по 1747 годъ, которыхъ было 2.534,008 рублей, причемъ правительство объявило о благопріятномъ положеніи государства: „Имперія такъ силою возрасла, что лучшаго времени своего состоянія, какое донынѣ ни было, несравненно превосходитъ въ умножившемся доходѣ государственномъ и народѣ, изъ котораго состоитъ и комплектуется высокославная наша армія, ибо какъ въ доходахъ, такъ и въ упомянутомъ народѣ

---

[1]) Журн. Сената, 8 февраля, 8 марта, 17 мая 1751 г.
[2]) Журн. Сената, 13 мая 1751 г.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 9,838.
[4]) Журн. Сената, 17 ноября 1752 г.
[5]) Журн. Сената, 18 марта 1751 г.
[6]) Журн. Сената, 22 іюля 1751; 29 апрѣля и 27 августа 1752 г.

едва не пятая часть прежнее состояніе превосходитъ" [1]).

Такъ объявляло правительство о матеріальномъ состояніи Россіи. Въ нравственной жизни русскаго общества 1752 годъ замѣчателенъ изданіемъ такъ давно ожидаемой Библіи. 23 февраля императрица указала публиковать изъ Сената во всей имперіи, что начавшаяся исправленіемъ, при жизни Петра Великаго, Библія, нынѣ совсѣмъ уже окончена и напечатана, которую продавать велѣно безъ переплету по пяти рублей, и чтобъ всякій, зная о томъ, болѣе пяти рублей не платилъ, чтобъ перекупщикамъ пересѣчь путь къ повышенію цѣны, ибо книгъ печатается и впередъ будетъ печататься довольное число [2]). Чрезъ нѣсколько дней въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" читалось слѣдующее объявленіе: „При канцеляріи св. Прав. Синода каждыя недѣли въ пятокъ пополудни продаваться будетъ напечатанная вновь Св. Писанія Библія, которая начата по природно-благочестивѣйшему усердію, при жизни вседражайшаго его императорскаго величества государя родителя и императора Петра Великаго, сведеніемъ и исправленіемъ съ вѣрными греческими книгами, и ея императорскому величеству отъ св. Синода всеподданнѣйше поднесена, духовнымъ и знатнѣйшимъ въ Петербургѣ и находящимся въ рангахъ военнымъ и штатскимъ и купечеству, всякому изъ нихъ каждому купить желающему по пяти рублевъ книгу, токмо для всякаго его самого по единой съ имянною запискою, съ объявленіемъ (ежели-бъ кто сталъ требовать болѣе числомъ) того, что къ послѣдованію всѣмъ и всякимъ требующимъ удовольствія имѣетъ въ непродолжительномъ времени неоднократнымъ печатаніемъ издано быть оныхъ книгъ немалое число, о чемъ симъ объявляется" [3]).

Самое трудное для Синода дѣло окончилось; но у его членовъ попрежнему происходили неудовольствія съ оберъ-прокуроромъ, княземъ Шаховскимъ. Въ мартѣ 1752 года генералъ-прокуроръ объявилъ въ Сенатѣ, что по опредѣленію послѣдняго въ Синодъ послано шесть человѣкъ юнкеровъ, но ихъ въ Синодѣ не принимаютъ, и они живутъ праздно. Представленъ былъ рапортъ синодальнаго оберъ-прокурора съ объясненіемъ причинъ непринятія юнкеровъ; на предложеніе его, Шаховскаго, о принятіи юнкеровъ, два присутствующіе синодальные члена объявили, что они безъ присутствія большаго числа членовъ точной резолюціи положить не могутъ, но въ собраніяхъ болѣе двухъ членовъ очень рѣдко бываетъ. Сенатъ положилъ имѣть съ Синодомъ конференцію, а юнкеровъ опредѣлить въ другія мѣста [4]). Синодъ въ это время занималъ вопросъ о законности нѣкоторыхъ браковъ. 20 сентября 1752 года Шаховской объявилъ Синоду выговоръ императрицы: для чего дѣло о бракѣ поручика Пушкина до сихъ поръ остается безъ рѣшенія. Императрица очень недовольна, что членъ Синода, Стефанъ, архіепископъ Новгородскій, письменными своими разсужденіями присуждаетъ разводъ, и что относительно такихъ браковъ, которые многіе вѣка безспорно были позволяемы, теперь между членами Синода происходятъ споры (отчего многимъ немалыя оскорбленія и разоренія приключиться могутъ). Ея величество повелѣла объявить, что если преосвященный Стефанъ не согласенъ съ большинствомъ членовъ, то пусть утверждаетъ, приводя основанія не отъ своего разсужденія, но изъ Св. Писанія, изъ книгъ, принятыхъ Православною нашею Церковью и вѣроятія достойныхъ, и эти печатныя книги представилъ бы самой ея величеству [5]). 7 октября, по поводу тѣхъ же дѣлъ, происходилъ въ Синодѣ слѣдующій разговоръ: оберъ-прокуроръ, обратясь къ Стефану Новгородскому, предложилъ ему выслушать поданное мнѣніе преосв. Рязанскаго. „Я ѣздилъ ко Двору ея императорскаго величества", отвѣчалъ Стефанъ,— „ѣздилъ во исполненіе высочайшаго повелѣнія съ приличными къ тѣмъ дѣламъ книгами; но представить книги времени не улучилъ" [6]). *Шаховской*: „Такимъ разбираніемъ споровъ по книгамъ ея величество утруждать, безъ крайней нужды, не слѣдуетъ, развѣ тогда, когда не изобрѣтете уже никакого способа къ соглашенію съ прочими членами; а теперь бы поискать согласія, что ея величеству было бы гораздо угоднѣе, чѣмъ рѣшать несогласія ваши по книгамъ". *Стефанъ*: „Пока въ силу высочайшаго повелѣнія не подамъ ея величеству книгъ, ни въ какое разсужденіе по этимъ дѣламъ не вступлю". Тутъ Шаховской обращается къ протоколисту и велитъ записать это объявленіе въ журналъ. „Что это, зачѣмъ записывать"! закричалъ Стефанъ: „члены не приказываютъ, а одинъ оберъ-прокуроръ приказываетъ записать въ журналъ".— „Я", сказалъ Шаховской, „приказываю протоколисту исполнять не мои прихоти, но то, что онъ обязанъ дѣлать по Регламенту, и протоколистъ при такомъ исполненіи состоитъ не подъ вашимъ, а подъ ея величества повелѣніемъ, а моя должность наблюдать, чтобъ онъ былъ исправенъ". Стефанъ повторялъ, что протоколисту надобно записывать то, что члены приказываютъ; а ежели такое помѣшательство со стороны оберъ-прокурора происходить будетъ, то членамъ незачѣмъ и въ канцелярію ѣздить [6]).

Мы видѣли заботы Синода о томъ, чтобъ духовенство не подвергалось насиліямъ отъ свѣтскихъ людей. Въ описываемое время случилось событіе, которое потребовало всей строгости церковной и гражданской власти. Въ 1751 году въ Серпуховскомъ уѣздѣ надворный совѣтникъ, князь Иванъ Вяземскій, встрѣтивъ священника, идущаго съ да-

[1]) Полн. Собр. Зак., № 10,061.
[2]) Журн. Сената.
[3]) Петербург. Вѣдомости, 28 февраля 1752 г.
[4]) Журналы Сената, 9 марта 1752 г.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 10,028.
[6]) Донесеніе Шаховскаго императрицѣ, въ Государ. Архивѣ.

роносицею для пріобщенія больной крестьянки, билъ его конскою плетью, велѣвъ бить и крестьянамъ своимъ; они, избивши его, притащили за волосы въ село Вяземскаго, Пущино, причемъ дароносицу оборвали, изломали и Агнецъ утратился; потомъ священника опять начали бить дворовые и крестьяне и самъ Вяземскій. Синодъ приговорилъ: Вяземскаго послать въ вѣчное заточеніе въ дальній монастырь, держать скованнаго на хлѣбѣ и квасѣ, допускать въ церковь на паперть только въ праздничные и воскресные дни, причастить Св. Таинъ только при смерти; крестьянъ его, бившихъ попа, наказать плетьми нещадно; попа—за то, что, будучи позванъ поутру, засидѣлся въ гостяхъ и пошелъ къ больной только послѣ вечерни, и, имѣя при себѣ дароносицу, дерзнулъ въ полѣ отбирать лошадь свою у крестьянина князя Вяземскаго и тѣмъ положилъ начало такой страшной продерзости,—послать на годъ въ монастырскіе труды [1]).

Изъ отдаленной Вятки пришла жалоба на самоуправство особаго рода. Секундъ-маіоръ Бестужевъ, будучи въ Вятской провинціи при подушномъ сборѣ, представилъ, что архіерейскій домъ и монастыри неправильно завладѣли черносошными государственными крестьянами; въ свою очередь, архимандритъ Трифонова монастыря, Потемкинъ, и консисторскій секретарь Головковъ донесли, что Бестужевъ долговременною недачею квитанцій въ пріемѣ рекрута и лошадей вынудилъ взятку въ 50 рублей. Наряжено было слѣдствіе. Между тѣмъ, 29 іюня, въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, въ день именинъ наслѣдника престола, въ Хлыновѣ, въ соборѣ, было архіерейское служеніе; дьяконъ Свирѣповъ говорилъ проповѣдь и, обличая людей, неуважающихъ святыню и санъ духовный, при словахъ: „ты лжешь .., а священникъ у воротъ съ крестомъ стоитъ“, указалъ рукою на Бестужева. Послѣ обѣдни, на молебнѣ, при раздачѣ свѣчъ, когда Бестужевъ вмѣстѣ съ другими подошелъ за свѣчею къ епископу Антонію, тотъ не далъ ему свѣчу въ руки, а бросилъ, отвернувшись, и потомъ, обратясь къ нему и грозя пальцемъ, закричалъ: „Ты арлекинъ“, и при этомъ сталъ кривляться, передразнивая, какъ Бестужевъ ходитъ; потомъ велѣлъ было вывести его изъ церкви, но одумался, оставилъ, а велѣлъ принести ящикъ, куда кладутся штрафныя деньги съ разговаривающихъ въ церкви, хотя Бестужевъ не говорилъ ни слова; наконецъ, велѣлъ взять у него трость.

Еще далѣе, въ Тобольскѣ началось дѣло между митрополитомъ и Бухарцами съ Татарами. Въ Сенатъ явились повѣренные тобольскихъ и тарскихъ Бухарцевъ и служилыхъ и ясачныхъ Татаръ съ жалобою: Тобольскій митрополитъ Сильвестръ причиняетъ имъ несносныя обиды; схвачены были Татары и Бухарцы, жены и дѣти и дворовые люди, и отданы на митрополичій дворъ; тамъ держали ихъ въ оковахъ, морили голодомъ и этимъ заставили многихъ креститься и малолѣтнихъ, а митрополитъ вымучиваетъ у нихъ доношенія, что они крестятся по своему желанію. Митрополитъ присылаетъ въ ихъ юрты русскихъ священниковъ, будто для увѣщанія къ принятію христіанской вѣры; но эти священники, ѣздя по юртамъ на ихъ лошадяхъ и коштѣ, только пьянствуютъ и требуютъ съ нихъ подарковъ, а если кто не дастъ, то, по возвращеніи митрополиту, напрасно наговариваютъ, будто бы они, Татары и Бухарцы, поносятъ вѣру христіанскую и священниковъ бранятъ; особенно живущіе между ними новокрещены ложно доносятъ на нихъ митрополиту въ хулѣ на христіанскую вѣру, и, по этимъ доносамъ, ихъ берутъ въ консисторію и, безъ всякаго слѣдствія, бьютъ смертельными побоями, и этимъ заставляютъ подавать доношенія о желаніи креститься, а доносчиковъ отпускаютъ съ наградами, отъ чего они, Татары и Бухарцы, пришли въ крайнее разореніе, не смѣютъ для купечества и звѣринаго промысла изъ домовъ своихъ отлучиться, чтобъ безъ нихъ митрополитъ женъ и дѣтей ихъ не побралъ и не принудилъ креститься.

Когда митрополиту дали знать объ этой жалобѣ, то онъ отвѣчалъ, что все это неправда, и, въ свою очередь, прислалъ списокъ обвиненій: „Татары и Бухарцы тайну Св. Крещенія хулятъ, говорятъ: „Чортъ ли намъ велитъ креститься и въ вѣру такую идти!“ Злохулительныя на христіанство письма на Татарскомъ, Персидскомъ и Арабскомъ языкахъ носятъ на головахъ въ шапкахъ и на груди. Христіанство идолопоклонствомъ называютъ; новокрещенныхъ ругаютъ собаками и демонопоклонниками; склоняютъ ихъ въ свой законъ; одного Русскаго человѣка уговаривали принять магометанство, а другихъ Русскихъ насильно питьемъ и ѣдою оскверняютъ. Для волшебства носятъ лоскутки отъ savановъ съ мертвыхъ тѣлъ, чтобъ не чувствовать пытки; въ юртахъ своихъ сводятъ христіанъ съ магометанами на беззаконное смѣшеніе. По разореніи у нихъ мечетей, на основаніи указовъ 743 и 744 годовъ, собираются молиться въ юртахъ. Колютъ иконы и бросаютъ ихъ на землю; съ христіанъ срываютъ кресты, бросаютъ на полъ, плюютъ и топчутъ. Барабинцевъ и неимущихъ никакого закона Остяковъ, Вогуличей, Калмыковъ въ свой законъ цѣлыми деревнями превратили“ [2]).

На самомъ отдаленномъ краю Сибири шла истребительная расправа съ туземцами, которые не хотѣли признавать русскаго господства. Въ февралѣ 1752 года, ночью, въ Охотскѣ, содержащіеся подъ карауломъ измѣнники Коряки возмутились, перебили часовыхъ и засѣли въ тюрьмѣ. Охотскій командиръ осадилъ тюрьму и сейчасъ же послалъ

[1]) Журналы Сената, 5 ноября 1751 и 11 августа 1752 г.

[2]) Журналы Сената, 1 декабря 1752 г., 3 октября 1751 г.

жителямъ приказъ перевязать Коряковъ, которые у нихъ жили въ работникахъ. На разсвѣтѣ Русскіе приступили къ тюрьмѣ и начали палить въ нее изъ ружей и пушекъ; Коряки сначала отстрѣливались изъ ружей; но потомъ, видя, что не отстрѣляться, зажгли тюрьму—и всѣ погибли. Рабочіе Коряки на другой день разспрашиваны и признались, что съ тюремными Коряками были въ согласіи и хотѣли хозяевъ своихъ въ ту ночь побивать; а потомъ, когда бы товарищи ихъ вышли изъ тюрьмы, то они съ ними убили бы командира и всѣхъ Русскихъ, острогъ выжгли, ушли въ свою землицу и не были бы въ русскомъ подданствѣ. Русскіе рѣшили казнить всѣхъ этихъ Коряковъ смертью, потому что за карауломъ держать было нельзя: ихъ было слишкомъ много, а Русскихъ слишкомъ мало [1]).

На юго-западной, Европейской Украйнѣ—въ Малороссіи—ждали гетмана Разумовскаго съ его менторомъ Тепловымъ. 3-го марта 1751 года съ большою церемоніею Разумовскій принесъ присягу въ своемъ новомъ званіи и получилъ изъ рукъ императрицы булаву и другіе гетманскіе знаки. Для отправленія новаго гетмана въ Малороссію уже было нанято Сенатомъ 125 подводъ, за которыя заплачено по 3 рубля за каждую лошадь; но Разумовскій потребовалъ, чтобъ отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Малороссіи на каждомъ почтовомъ стану было приготовлено для него по 200 подводъ, и когда гетманская супруга проѣдетъ, тогда съ каждаго стана двѣ трети подводъ распустить, а треть оставить для самого гетмана. Ея величество пожаловала Академіи ассесора Теплова за его прилежаніе и труды въ коллежскіе совѣтники; но гетманъ Малороссійскій просилъ, чтобъ ему дать онаго Теплова для правленія его домашнихъ гетманскихъ дѣлъ, и ея величество повелѣла Теплову быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоусмотритъ по его чину, и получать ему свое довольствіе отъ гетмана [2]). Только въ іюнѣ мѣсяцѣ Разумовскій выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію, и объ этомъ отъѣздѣ дано было знать въ „Петербургскія Вѣдомости“: „Іюня 18-го числа его ясновельможность г. гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ, президентъ Академіи Наукъ, подполковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и кавалеръ, графъ Кирилла Григор. Разумовскій, въ провожаніи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ и многаго знатнаго дворянства, отправился отсюда въ путь благополучно, причемъ нѣкоторые провожали его ясновельможность до первой станціи Пахры, а 21-го числа его ясновельможность прибылъ въ Тулу, и отъ знатнѣйшихъ тамошняго города благополучнымъ пріѣздомъ поздравленъ и богато трактованъ“.

Къ 30 іюня значительнѣйшіе Малороссіяне съѣзжались въ Глуховъ къ пріѣзду гетмана. Компанейскіе полки, Запорожцы, депутація, архимандритъ, протопопъ и нѣсколько священниковъ, генеральный писарь Безбородко и десять бунчуковыхъ товарищей, встрѣтившіе его на дорогѣ, присоединились къ свитѣ. Когда поѣздъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ съ бунчуковыми и Запорожцы окружили гетмана; полки стояли въ два ряда отъ Сѣвскихъ воротъ до самаго гетманскаго загороднаго двора, отдавая честь Разумовскому при звукахъ музыки и ружейной стрѣльбы, пока не началась пальба изъ пушекъ. У городскихъ воротъ гетманъ былъ встрѣченъ генеральною старшиною, и генеральный есаулъ говорилъ рѣчь; въ церкви Св. Николая архимандритъ окропилъ его святою водою и сказалъ рѣчь. Изъ церкви отправились всѣ въ гетманскій домъ. Кіевскій архіерей также пріѣхалъ въ Глуховъ познакомиться съ новымъ правителемъ Малороссіи: посѣтилъ его поутру—не могъ видѣть, гетманъ еще опочивалъ; поѣхалъ вечеромъ - не засталъ дома, гетманъ поѣхалъ прогуливаться. Жители Глухова видѣли, какъ преосвященный разъѣзжалъ, добиваясь понапрасну лицезрѣть сына Разумихи, великими заслугами достигшаго столь важнаго сана.

По крайней мѣрѣ стало весело; Глуховъ сдѣлался маленькимъ Петербургомъ: въ домѣ гетманскомъ играли французскія комедіи, на которыя приглашался знатный людъ. Тепловъ игралъ важную роль: къ нему знатные Малороссіяне считали обязанностью ѣхать поздравлять съ рожденіемъ дочери. Ассесоръ Академіи сближается съ образованными Малороссіянами, мѣняется съ ними книжками [3]).

А на югѣ, въ степи, разгуливали большими шайками гайдамаки, не давая покоя пограничнымъ Польскимъ владѣніямъ: „почти ежедневно, водою и сухимъ путемъ, чинили вездѣ безчисленнѣйшія насильства дерзостнѣйшимъ и безчеловѣчнѣйшимъ образомъ“ [4]). Но въ то же время явилась попытка дать степи со стороны польской границы военное населеніе другого рода, чѣмъ казаки, — попытка, едва не нарушившая добрыя отношенія Россіи къ Австріи и поведшая къ окончательному разрыву между канцлеромъ Бестужевымъ и его братомъ, графомъ Михаиломъ Петровичемъ.

Канцлеръ крѣпко держался на своемъ мѣстѣ, пользовался полною довѣренностью императрицы, попрежнему неуклонно проводилъ свою систему осоюзиванія европейскихъ державъ, чтобъ связывать руки Пруссіи и Франціи, преимущественно первой. Но онъ постоянно страдалъ безденежьемъ и, въ октябрѣ 1752 года, обратился къ императрицѣ со слѣдующею просьбою: „Всемилостивѣйшая государыня! Я такой тягости долговъ подпалъ, что оной прибавить уже невозможно. Кредиту тѣмъ ли-

[1]) Секретныя дѣла въ Петербургскомъ Сенатскомъ Архивѣ.

[2]) Журналы Сената, 26 февраля и 2 марта 1751 г.

[3]) Записки Марковича 1751 и 1752 гг.

[4]) Петербургскія Вѣдомости 1751 г.

шаюсь, никакого уже заимодавца, кто-бъ меня ссудилъ, не нахожу, и такъ что, при наступающей поѣздкѣ въ Москву, какъ съ мѣста тронуться — не знаю. Все заложено, что съ пристойностію заложить можно было. Но правда, ежели-бъ я не канцлеръ толь великой и справедливо наибольшей въ свѣтѣ монархіи былъ, то можетъ быть имѣющимъ отъ руки-жь вашего величества иждивеніемъ могъ бы нѣсколько пробавиться, только себя не поправить. Доходы со всемилостивѣйше данныхъ мнѣ деревень и со окладнымъ жалованьемъ не сочиняютъ полныхъ 12,000 рублевъ; изъ того уже само окажется, возможно ли мнѣ было тягостныхъ долговъ избѣжать, когда я въ то же время такъ жить старался, какъ канцлеру Всероссійской самодержицы долгъ и должность повелѣваетъ. Были мои излишества въ строеніи, но были-жь и такія великія издержки, кои я по должности сдѣлалъ. Таковы суть: московскія поѣздки и разныя великія торжествы. Не знаю токмо, не можно ли однакожь и первыхъ въ число сихъ послѣднихъ включить, ибо ежели-бъ въ первомъ, т. е. въ строеніи здѣшняго, а паче нынѣ московскаго дома, я могъ нѣсколько убавить, то такимъ же образомъ и въ другомъ поступилъ бы, ежели-бъ я паки не канцлеръ вашего императорскаго величества былъ. Вновь почти построя пожалованный мнѣ здѣсь домъ, а все въ долгъ, за который въ 50,000 его на 10 лѣтъ тогда-жь и заложилъ, не могъ паки выкупить потомъ пожалованными сорокью тысячами рублевъ, такъ-что и понынѣ въ закладѣ остается, чему и половина сроку минула, ибо тѣми деньгами другія необходимыя нужды исправить и мелкіе немногіе долги заплатить, и тѣмъ свой кредитъ нѣсколько поправить тогда старался. Внутренняго не всякій видитъ; но что сказали-бъ послы, министры и другіе иностранные обо мнѣ, да не обо мнѣ, но о канцлерѣ вашего величества, когда-бъ я, живши сходно съ возложенною на меня милостію и рангомъ, подъ старость бѣдничалъ, когда другіе, такихъ должностей и ранговъ не имѣющіе и о которыхъ въ свѣтѣ развѣ по случаю говорено будетъ, отъ часу знатнѣе, огромнѣе и великолѣпнѣе живутъ. Повторяю, можетъ мнѣ въ излишество причтено быть строеніе такъ большого въ Москвѣ дома! Я самъ то еще больше чувствую, ибо, зачавъ его весь въ долгъ строить, до послѣдней крайности и дошелъ. Но, всемилостивѣйшая государыня, клянусь Всевѣдущимъ, и то—не для моего тщеславія или самолюбія. Много было бы сказать и для украшенія города, однакожь то истина, что, скупя разные пустыри, искривившіяся хижины и мерзившія болота, всѣ въ проспектѣ императорскаго дома стоявшіе, за нужно и должно я находилъ такое строеніе на томъ мѣстѣ поставить, которое, стоя противъ и подлѣ императорскихъ домовъ, не казалось бы близостію своею отнимать ихъ великолѣпіе; а для меня партикулярно, при 60 лѣтахъ старости и по тридцатитрехлѣтней вѣрной и безпорочной и всегда честной службы, оное и совсѣмъ не надобно. Я не знаю, удастся ли мнѣ въ мой вѣкъ въ ономъ жить, ибо, не имѣя чѣмъ достроить, онъ теперь такъ и остановился; буде-жь то для остающагося по мнѣ сына, то прямо, хоть и горестно, скажу, что для него и конуры не построилъ бы. Сіи обстоятельства, а паче всего поѣздка къ Москвѣ принуждаетъ меня прибѣгнуть къ изобилующему въ щедротахъ престолу вашего величества со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, да соизволите пожаловать мнѣ изъ субсидныхъ денегъ заимообразно 50,000 рублевъ на десять лѣтъ, такъ, чтобъ каждый годъ изъ моего жалованья по 5,000 вычитаемо, а въ случаѣ пресѣченія моей жизни безъ взысканія—съ моихъ наслѣдниковъ оставлено было" [1]).

Отвѣта на просьбу не было, къ радости враговъ канцлера, удвоенной ссоры братьевъ, въ которой они поспѣшили взять сторону графа Михаилы Петровича.

До сихъ поръ союзъ съ Австріею казался самымъ естественнымъ по единству интересовъ; но теперь на горизонтѣ появилось облако, которое могло предвѣщать бурю, указавши въ отношеніяхъ Россіи къ Австріи такую сторону, которая напоминала отношенія Россіи къ Польшѣ и Турціи и которая могла вести къ сильнымъ столкновеніямъ.

12 января 1751 года дана была нота австрійскому послу, графу Бернесу, въ которой говорилось, что императрица Всероссійская твердо надѣется получить отъ императрицы Римской новый пріятный опытъ ея неоцѣненной дружбы. Извѣстно, какимъ утѣсненіямъ отъ римско католическаго духовенства подвержены Трансильванскіе жители, исповѣдующіе Греческую вѣру, какъ принуждаютъ ихъ къ уніи съ Римскою церковью; не меньше извѣстно, какъ великодушны чувства ея Римско-императорскаго величества въ разсужденіи вольности въ вѣрѣ ея подданныхъ и что всякія притѣсненія дѣлаются противъ воли и указовъ ея величества, слѣдовательно надобно приписать эти гоненія измѣнѣ и несправедливой ревности нѣкоторыхъ лицъ изъ римско-католическаго духовенства. Такъ какъ Россійская императрица, вслѣдствіе единовѣрія съ упомянутыми Трансильванскими жителями, не можетъ не употребить всѣхъ способовъ, какихъ можетъ надѣяться отъ дружбы и правосудія императрицы Римской, и не заступиться за безвинно утѣсненныхъ людей, то русское министерство наиприлежнѣйше проситъ его превосходительство, графа Бернеса, да соблаговолитъ своими представленіями исходатайствовать у своего Двора свободное отправленіе вѣры Трансильванскимъ жителямъ по древнимъ ихъ привилегіямъ. Къ Мих. Петр. Бестужеву-Рюмину посланъ былъ рескриптъ, въ которомъ предписывалось ему подать австрійскому министерству промеморію въ томъ же духѣ: „Чтобъ вы въ семъ дѣлѣ то учинили, что пристойнѣе быть можетъ въ пользу единовѣрнаго

[1]) Просьба въ Государ. Архивѣ.

намъ народа". Въ отвѣтъ на это, какъ доказательство терпимости, присланъ былъ изъ Вѣны въ Петербургъ указъ Маріи-Терезіи о построеніи Православной церкви въ Тріестѣ; но въ указѣ прямо объявлялось, что эта мѣра необходима для распространенія торговли, о которой такъ заботится императрица, что церковь назначается для Грековъ.

22 мая Мих. Петр. Бестужевъ отправилъ своему Двору слѣдующее донесеніе: „Въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка, во время войны императора Леопольда съ Турками, по желанію и крайнему домогательству императора, вышло изъ Турецкихъ областей въ Австрійскія владѣнія съ Православнымъ патріархомъ Арсеніемъ Черноевичемъ съ 60,000 человѣкъ Сербскаго народа, которому даны большія выгоды, подтвержденныя всѣми преемниками Леопольда, равно какъ и нынѣшнею императрицею. Эти Сербы не только помогли Австріи освободить отъ турецкаго ига многіе венгерскіе и сербскіе города, но потомъ помогли привесть въ повиновеніе и самихъ Венгерцовъ, когда тѣ не разъ бунтовали, и въ послѣднюю войну Сербы оказали императрицѣ чрезвычайно важныя заслуги. Но такъ какъ теперь Венгерцы получили верхъ и при Дворѣ больше всѣхъ другихъ подданныхъ имѣютъ вліяніе, то они, отмщая Сербамъ за указанныя выше услуги правительству, сперва стали тѣснить ихъ въ дѣлахъ вѣры съ помощію своихъ духовныхъ, а потомъ стали неусыпно стараться: во 1) чтобъ императрица отдала ихъ въ вѣдѣніе венгерскаго правленія; во 2) чтобъ тѣ изъ нихъ, у кого есть богатыя имѣнія, принуждены были вымѣнить ихъ на плохія казенныя; въ 3) чтобъ военные поселенцы изъ Сербовъ сдѣланы были венгерскими подданными. Во всѣхъ этихъ домогательствахъ Венгерцы успѣли, и рѣшено, что тѣ Сербы, которые захотятъ остаться на прежнихъ земляхъ, должны стать венгерскими подданными; если же кто не захочетъ, то пусть ѣдетъ въ Сирмію, гдѣ уже и безъ того такъ много народа, что земли недостаетъ и для прежнихъ поселенцевъ. На это рѣшеніе нѣкоторые Сербы отвѣчали, что они ни въ прежнихъ жилищахъ на новыхъ условіяхъ остаться, ни въ Сирмію переселяться не могутъ, но просятъ вспомнить ихъ вѣрныя услуги Австрійскому Дому и позволить вступить въ службу Русской императрицы. На эту просьбу послѣдовало согласіе, вслѣдствіе чего былъ у меня на дняхъ полковникъ Иванъ Хорватъ съ заявленіемъ, что онъ и полковникъ Черноевичъ, вмѣстѣ съ другими офицерами, крайне желаютъ по единовѣрію вступить въ подданство вашего величества и просятъ, какъ можно скорѣе, этимъ высочайшимъ милосердіемъ ихъ призрить и приказать отвести имъ земли около Батурина или гдѣ-нибудь на Украйнѣ. Хорватъ увѣряетъ, что наберетъ и исподоволь приведетъ въ Россію изъ однихъ Православныхъ цѣлый гусарскій полкъ въ 1,000 человѣкъ, которыхъ всѣхъ полнымъ мундиромъ и лошадьми снабдитъ и въ дорогѣ содержать будетъ на собственномъ иждивеніи, и за это проситъ одного — генералъ-маіорскаго чина и наслѣдственнаго полковничества въ этомъ полку; кромѣ того, Хорватъ обѣщаетъ набрать и пѣхотный полкъ регулярныхъ пандуръ въ двѣ тысячи,—тоже изъ Православныхъ. Отдѣльно отъ Хорвата желаютъ вступить въ русскую службу очень искусные сербскіе офицеры—капитанъ Гаврила Новаковичъ, лейтенанты—Петръ Шевичъ, Георгій Новаковичъ и другіе. Такъ какъ мнѣ довольно извѣстно, какъ заботился Петръ Великій о томъ, чтобъ изъ этихъ самыхъ народовъ хотя нѣсколько получить въ свое подданство по ихъ особенной храбрости, благочестію, сходству съ нами и нелицемѣрной преданности къ Русскому народу, также потому, что они полезнѣе другихъ могутъ быть въ Турецкую войну, потому что всѣ тамошнія мѣста имъ извѣстны и между турецкими подданными множество ихъ единоземцевъ и свойственниковъ; также видя, что они теперь сами того желаютъ не изъ корысти какой и притворства, но только изъ ревности къ Православной Церкви и изъ благоговѣнія къ особѣ вашего величества, видя, что Римская императрица рѣшила отпустить ихъ:—видя все это, я не могъ отречься донести объ этомъ вашему императорскому величеству и буду ожидать наставленія, которое необходимо здѣсь получить не позднѣе 22 іюля, ибо къ тому времени они совсѣмъ будутъ готовы и уже чрезъ третьи руки деревни и пожитки продавать начали, и если къ означенному времени желанное ими рѣшеніе не поспѣетъ, то опасно, чтобъ Сербы изъ крайняго отчаянія не передались Туркамъ, которые ни малѣйшаго принужденія въ вѣрѣ не дѣлаютъ".

11 іюля императрица подписала Бестужеву рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Когда дѣло до того дошло, что Вѣнскій Дворъ самопроизвольно лишаетъ себя храбраго сербскаго войска, то намъ слѣдуетъ прилежно стараться, чтобъ его себѣ пріобрѣсть; да и для самого Вѣнскаго Двора несравненно лучше видѣть это войско въ службѣ своей вѣрнѣйшей союзницы, чѣмъ заставить ихъ уйти въ турецкую сторону. Повелѣваемъ вамъ съ тамошнимъ министерствомъ такимъ образомъ изъясниться, что мы, увѣдомясь, что ея величество императрица-королева отпускаетъ Сербовъ и приказала выдавать имъ паспорты, не могли подумать, чтобъ она стала препятствовать нѣкоторому усиленію нашихъ легкихъ войскъ, ибо наши интересы такъ общи, что всякую выгоду для одной стороны можно считать равною для другой, и потому мы надѣемся, что со стороны Вѣнскаго Двора не будетъ запрещено Сербамъ вступать въ нашу службу, тѣмъ болѣе что это войско, гдѣ-бъ въ случаѣ нужды его употребить ни случилось, по одинаковости интересовъ, всегда будетъ служить противъ общаго непріятеля. Вы сами, довольно зная, сколько старанія прилагалъ государь, родитель нашъ, для привлеченія къ себѣ этихъ народовъ, можете понять, какихъ попеченій и какого искусства требуется отъ васъ въ этомъ случаѣ, ибо главнымъ образомъ надобно на-

блюдать и то, чтобъ Вѣнскому Двору, какъ первому и натуральнѣйшему изъ нашихъ союзниковъ, отнюдь не подать ни малѣйшаго неудовольствія, ни малѣйшей причины къ жалобамъ и подозрѣнію".

Марія-Терезія охотно согласилась на отпускъ Сербовъ, и Хорватъ отправился въ Россію, увелъ съ собою до 300 человѣкъ, включая женъ и дѣтей; и послѣ его ухода другіе сербскіе офицеры безпрепятственно получали паспорты изъ надворнаго военнаго совѣта, несмотря на то, что Карловскій архіепископъ, Павелъ Ненадовичъ, просилъ императрицу удержать Сербовъ и не опустошать его епархію. Бестужевъ заявлялъ свое мнѣніе, что изъ Сербовъ должна быть образована пограничная милиція, какую именно они составляли въ Австрійскихъ владѣніяхъ, для чего надобно имъ отвести выгодныя мѣста и дать матеріалы на постройки, послѣ чего какъ офицеры, такъ и солдаты должны уже промышлять себѣ мундиръ, лошадей и прочее отъ своего хозяйства. Но такъ какъ Петръ Великій для грузинскихъ выходцевъ не щадилъ ни деревень, ни чиновъ, ни пенсій, то и Сербамъ, по дальности пути, который они должны были пройти на свой счетъ и прежнее свое имѣніе продали за безцѣнокъ и должны заводиться всѣмъ вновь, надобно за весь первый годъ выдать полное денежное жалованье, провіантъ и фуражъ сравнительно съ другими гусарскими полками, что дожно дѣлаться также и въ военное время; во время же мира Сербскій корпусъ не будетъ стоить ничего казнѣ. Въ заключеніе Бестужевъ доносилъ, что самаго ревностнаго помощника себѣ въ Сербскомъ дѣлѣ онъ имѣлъ въ секретарѣ Черневѣ, отъ котораго зависитъ успѣхъ и послѣдующихъ переселеній.

Въ октябрѣ 1751 года Сербы прибыли въ Кіевъ, откуда Хорватъ съ нѣсколькими выборными отправился въ Петербургъ. Здѣсь они были приняты очень милостиво. Хорватъ получилъ генералъмаіорскій чинъ и 3,000 рублей; находившіеся при немъ маіоръ, три капитана, два поручика, прапорщикъ, унтеръ-офицеръ, капралъ и четверо рядовыхъ гусаръ получили также 3,000 рублей на раздѣлъ.

29 января 1752 года Сенатъ приказалъ: артиллеріи генералъ-маіору Глѣбову дать инструкцію слѣдующаго содержанія: 1) пришедшихъ нынѣ и впредь имѣющихъ приходить въ подданство ея имп. в—ства Сербовъ и прочихъ тамошнихъ народовъ селить въ за-днѣпровскихъ мѣстахъ, а именно,—начавъ отъ устья рѣки Каварлыки прямою линіею до верховья рѣки Тура, съ верховья Тура на устье Каменки, отъ устья Каменки на верховье Березовки, отъ верховья Березовки по вершинѣ рѣки Амельника и по оной внизъ до самаго устья въ Днѣпръ, отступя отъ польской границы по 20 верстъ. На этихъ мѣстахъ поселить не свыше двухъ полковъ, одного гусарскаго генералъ-маіора Хорвата и другого пандурскаго, по четыре тысячи человѣкъ каждый. Если изъ тѣхъ народовъ неслужащіе люди, какъ напр. крестьяне, выходить будутъ, то ихъ межъ полками не селить.—для нихъ отведены будутъ особливыя удобныя мѣста. 2) Поселеніе полковъ называть Новой Сербіей, куда никого, кромѣ Сербовъ, селиться не допускать, а находящееся теперь въ тѣхъ мѣстахъ поселеніе выслать въ прежнія мѣста, потому что поселеніе выведено самовольно безъ указа, а строеніе продать Сербамъ добровольною цѣною. 3) Сдѣлать по просьбѣ Хорвата, чтобъ гусарская рота отъ роты имѣла разстоянія по 8 верстъ, а пандурская—по 6; въ степи же гусарская занимала бы 30 верстъ, а пандурская—25. 4) Кромѣ того, по представленію же Хорвата, опредѣлить количество земли для пропитанія вдовъ и сиротъ. 5) Земли каждому отводить столько же, сколько опредѣлено ландмилиціи и отставнымъ Русскимъ людямъ, а именно: капитанамъ по 100, поручикамъ по 80, подпоручикамъ по 70, прапорщикамъ по 50, рядовымъ отъ 30 до 20 четвертей на каждую семью, и священникамъ и церковнослужителямъ противъ того съ нѣкоторою прибавкою. 6) Духовенство и школы, если имъ потребны будутъ, Сербамъ содержать на своемъ коштѣ. 7) Построить земляную крѣпость, которую назвать крѣпостью Св. Елисаветы, а для ея строенія выслать до 2,000 человѣкъ изъ Малороссійскихъ полковъ.

Хорватъ говорилъ, что хотя теперь съ нимъ вышло и немного народа, но впослѣдствіи число выходцевъ увеличится, если приложено будетъ стараніе къ вызову; представлялъ, что прежде всего надобно исходатайствовать у Вѣнскаго Двора позволеніе набрать въ Австрійскихъ областяхъ отъ 500 до 1,000 человѣкъ; если же нельзя будетъ набирать публично, то хотя бы тайно. Вслѣдствіе этого представленія, Бестужеву послано было въ 1752 году повелѣніе представить Маріи-Терезіи, „въ наидружественнѣйшихъ терминахъ", нельзя ли позволить такой наборъ. Бестужевъ сдѣлалъ предложеніе, но писалъ, что плохая надежда на благопріятный отвѣтъ. Карловскій архіепископъ Ненадовичъ, злобствуя на Россію за неудовлетвореніе его просьбъ относительно присылки церковныхъ книгъ и учителей, и видя, что на всѣ представленія Русскаго правительства въ пользу Православныхъ жителей Трансильваніи не обращено въ Вѣнѣ никакого вниманія, не только разсѣвалъ въ народѣ неблагопріятные слухи о Россіи, но и всячески удерживалъ тѣхъ, которые хотѣли вступить въ русскую службу. Несмотря на то, однако, явились въ Вѣну депутаты отъ 2,228 фамилій изъ уничтожаемыхъ пограничныхъ военныхъ поселеній, съ просьбою—или выдать имъ паспорты въ Россію, или оставить ихъ въ прежнемъ положеніи. Узнавши объ этомъ, архіепископъ тотчасъ отправилъ въ Вѣну своего экзарха домогаться, чтобъ этихъ людей въ Россію не отпускать, для чего экзархъ снабженъ былъ большими деньгами. Эти деньги и особенно то, что архіепископъ совершенно присталъ къ венгерской партіи, доставили ему полный

успѣхъ. Депутатовъ повысили чинами, наградили деньгами и, давши имъ запечатанное опредѣленіе, сказали, что могутъ быть довольны и потому пусть ѣдутъ домой, а въ чемъ сотояло опредѣленіе, — объ этомъ ни полслова. Бестужевъ изъ надежнаго источника узналъ содержаніе опредѣленія: если они не хотятъ быть крестьянами, то изъ нихъ положено учредить милицію въ Банатѣ; мѣсто, отводимое имъ, самое плохое, болотистое и безплодное; въ мирное время они должны будутъ платить еще подати, кромѣ крестьянскихъ; офицеры имъ будутъ назначены или Венгерцы, или обращенные изъ Православія въ католицизмъ; если же кто пожелаетъ въ этомъ корпусѣ быть офицерами изъ прямыхъ Сербовъ, тѣ должны присягнуть, что никогда не вступятъ въ иностранную службу; а чтобъ отнять у Сербовъ охоту переселяться въ Россію, засадили подъ арестъ знатнаго и заслуженнаго подполковника Прерадовича, подавшаго просьбу объ увольненіи въ Россію. „Все это дѣлается", писалъ Бестужевъ, „по интригамъ венгерскимъ, чтобъ обратить Сербовъ въ рабство, сперва сдѣлать крестьянами, потомъ уніатами и, наконецъ, католиками". Къ арестованному Прерадовичу являлись австрійскіе офицеры съ увѣщаніями, чтобъ остался въ австрійской службѣ, за что императрица не только пожалуетъ его въ полковники, но и сдѣлаетъ генералъ-инспекторомъ всего Славянскаго корпуса; въ противномъ случаѣ, у него съ безчестіемъ отнятъ будетъ чинъ. Но Прерадовичъ отвѣчалъ, что онъ разжалованія не заслужилъ и перемѣнить свое намѣреніе переселиться въ Россію ни за что не отложитъ. Его выпустили, наконецъ, изъ-подъ ареста и дали паспортъ въ Россію, но взявши обязательство не ѣздить ни въ Славонію, ни на границы около Баната, изъ опасенія, чтобъ онъ не подговорилъ другихъ переселиться въ Россію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ—и Бестужевъ не получалъ никакого отвѣта на свое представленіе. 29 мая онъ писалъ своему Двору, что канцлеръ Улефельдъ, вполнѣ преданный Венгерцамъ, употребляетъ всѣ старанія, чтобъ отклонить императрицу отъ благопріятнаго отвѣта. Между тѣмъ пріѣхали въ Вѣну изъ Кіева выѣхавшіе съ Хорватомъ маіоръ Николай Чорба, капитанъ Ѳедоръ Чорба и поручикъ Мирковичъ, которые подали просьбу Маріи-Терезіи объ отпускѣ въ Россію родственниковъ ихъ, отцовъ, родныхъ братьевъ, племянниковъ, числомъ около 70 семействъ. Императрица, несмотря на сопротивленіе Улефельда, склонилась уже дать просимое увольненіе, какъ вдругъ изъ Петербурга отъ австрійскаго посланника, Претлака, пришло извѣстіе, что императрица Елисавета рѣшила совсѣмъ оставить Сербское дѣло. Объ этомъ объявила Бестужеву сама Марія-Терезія, въ разговорѣ, сказала и о просьбѣ Чорбы съ товарищами, причемъ прибавила: „Намъ самимъ люди надобны". Когда Бестужевъ сказалъ ей, что такъ-какъ онъ получилъ подтвердительный указъ стараться объ отпускѣ Сербовъ, слѣдовательно донесеніе Претлака невѣрно, то она удивилаеь и сказала: „Либо Претлакъ меня обманываетъ, либо у васъ ему иначе сказываютъ", и не объявила ни отказа, ни позволенія. Послѣ этого немедленно было запрещено выдавать Сербамъ паспорты въ Россію, и въ пограничныхъ мѣстахъ въ Польшѣ и въ Трансильваніи разставлены форпосты; Чорбамъ и Мирковичу дано приказаніе, чтобъ они въ 8 дней выѣхали изъ Австрійскихъ владѣній; причемъ они названы фальшивыми вербовщиками и возмутителями. За отсутствіемъ Улефельда, Бестужевъ отправился для объясненій къ вице-канцлеру, графу Коллоредо, но получилъ отъ него одни пустые, уклончивые отвѣты. „Это происшествіе", писалъ Бестужевъ своему Двору, „здѣсь всѣмъ извѣстно; и всѣ крайне удивляются такому презрительному поступку здѣшняго Двора, разсуждая, что сохраненіе Австрійскаго Дома единственно зависитъ отъ вашего императорскаго величества. Когда здѣсь четыре и пять лѣтъ тому назадъ были прямые прусскіе шпіоны, то и съ ними, вслѣдствіе трепета предъ Прусскимъ королемъ, вовсе не такъ поступлено: имъ только подъ рукою дали знать, что ихъ коммисія здѣсь обнаружилась и потому не угодно ли имъ поскорѣе выѣхать, а прямо ихъ не выслали, тѣмъ менѣе арестовали. Не могу преминуть мое слабое мнѣніе представить, не угодно ли будетъ барону Претлаку рекомендовать, чтобъ съ пріѣзжими въ Австрійскія Земли русскими подданными поступали такъ, какъ въ Россіи поступаютъ съ австрійскими подданными, ибо ваше величество своихъ вѣрноподданныхъ защищать и охранять изволите; притомъ требовать, чтобъ указы о непропускѣ русскихъ офицеровъ были отмѣнены, и чтобъ родственники извѣстныхъ сербскихъ офицеровъ были непремѣнно отпущены; впрочемъ же дать здѣшнему Двору сильно почувствовать неудовольствіе вашего величества холоднымъ пріемомъ барона Претлака и другими средствами, ибо здѣсь всѣ того мнѣнія, что если въ этомъ дѣлѣ поступится серьезно, то здѣшній Дворъ все сдѣлаетъ къ удовольствію вашего величества, потому что дружба Россіи ему необходима. Иначе будетъ очень прискорбно, что попеченіе Петра Великаго объ этихъ народахъ останется безплоднымъ именно въ ту минуту, когда можно было всего удобнѣе получить плоды; будетъ очень прискорбно, что многіе труды останутся напрасными, чему виною будетъ извѣстное обнадеживаніе, данное Претлаку, на которое здѣшній Дворъ совершенно полагается, тогда какъ мнѣ повторительно посылаются совершенно другіе указы, что приводитъ меня здѣсь въ напрасную ненависть и огорченіе, ибо здѣшній Дворъ думаетъ, что я настаиваю на Сербскомъ дѣлѣ самъ собою, а не по указамъ".

На это донесеніе своего брата, канцлеръ Бестужевъ представилъ императрицѣ слѣдующія замѣчанія: „1) Вся смута произошла отъ непонятнаго недоразумѣнія: въ рескриптахъ Бестужеву-Рюмину не дано ему никакого повелѣнія домогаться о наборѣ отъ 500 до 1,000 человѣкъ, а просто пред-

писано было просить, чтобы не препятствовали выходить Сербамъ на службу и на поселенiе въ Россiю, если они къ тому охоту и свободу имѣть могутъ; такъ и въ экстрактѣ, данномъ здѣсь барону Претлаку, ничего болѣе написано не было. Вѣнскому Двору естественно должны были показаться представленія русскаго посла несогласными съ донесеніями барона Претлака, ибо одинъ требуетъ набора отъ 500 до 1,000 человѣкъ, а другой пишетъ только о безпрепятственномъ выпускѣ тѣхъ, которые могутъ имѣть охоту и свободу выселиться, чего больше здѣсь и не желалось. 2) Непонятно, съ чего взялъ Претлакъ писать своему Двору, что здѣсь готовы оставить Сербское дѣло, ибо ему, кромѣ означенаго экстракта, ничего болѣе сообщено не было. 3) Дѣло непорядочное, что офицеры, находящіеся въ здѣшней службѣ, безъ вѣдома Русскаго правительства, подали императрицѣ Маріи-Терезіи челобитную о выпускѣ въ Россію ихъ свойственниковъ; но еще безпорядочнѣе поведеніе графа Улефельда: гораздо приличнѣе было бы объявить дружескимъ образомъ нашему послу, что присутствіе русскихъ офицеровъ въ Вѣнѣ непріятно и, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, терпимо быть не можетъ. Ясно, что графъ Улефельдъ въ этомъ случаѣ увлекся своею горячностью и пристрастіемъ, и безразсудною жестокостью подаетъ поводъ другимъ изъ малаго дѣлать великое и изъ худого – злое. Но за такіе бездѣлицы оба Двора, естественно союзные, приводить въ малѣйшую холодность есть дѣло людей если не злыхъ, то по крайней мѣрѣ слѣпыхъ; это бы значило изъза рубля потерять сто рублей. Безспорно, что Вѣнскому Двору больше нужды въ дружбѣ ея императорскаго величества, и что польза этой дружбы на дѣлѣ извѣдана, но не меньше признаться надобно, что и Россіи тѣсное соединеніе съ Австрійскимъ Домомъ необходимо: король Прусскій ничего больше не желаетъ, какъ раздѣленія этихъ Дворовъ; французскія въ Константинополѣ внушенія и интриги были бы тогда дѣйствительнѣйшими; Саксонскій Дворъ уже давно размѣрялъ бы свои шаги по прусскому барабану, если-бъ согласно не былъ подкрѣпляемъ двумя императорскими Дворами; морскія державы не противились бы такъ французской гордости, если-бъ не полагались твердо на соединеніе обоихъ императорскихъ Дворовъ; Швеція не сидѣла бы такъ тихо, по меньшей мѣрѣ не презирала бы она такъ возобновленіемъ союза съ королемъ Прусскимъ, какъ оказалось на нынѣшнемъ сеймѣ; она теперь видитъ, что онъ, какъ прикованный медвѣдь, со всею своею силою и наглостію ей безполезенъ, слѣдовательно и соединеніе съ нимъ только препятствуетъ другимъ полезнѣйшимъ союзамъ“ [1]).

Еще весною 1752 года Мих. Бестужевъ, въ письмѣ къ вице-канцлеру Воронцову, жаловался на непріятности въ Вѣнѣ: „Я съ октября мѣсяца посѣщенъ былъ прежестокою подагрою на обѣ ноги, такъ что два мѣсяца не токмо съ постели встать, ниже ворохнуться могъ; оная подагра потомъ такую мнѣ слабость въ ногахъ причинила, что едва черезъ избу пройти могу, съ лѣстницы на лѣстницу съ великимъ трудомъ и чувствованіемъ бродить могу. Такимъ приключеніямъ ни что иное, яко печали причиною суть, которыхъ я отъ 1747 году даже до сего времени много имѣлъ; вашему сіятельству все то извѣстно есть, и здѣшнее мое пребываніе много мнѣ вреды и моему здоровью причинило, ибо ни что такъ человѣка не вредитъ, яко печали, а наипаче тѣ люди наиболѣе чувствуютъ, которые вѣрно и ревностно своимъ монархамъ служатъ, честно и безпорочно жизнь свою провождаютъ“ [2]).

Въ другомъ письмѣ къ тому же Воронцову Бестужевъ писалъ: „Ваше сіятельство соизволите въ милостивое разсужденіе принять, что я человѣкъ престарѣлый: родился я въ 1689 году, и тако 63-й годъ мнѣ идетъ; лѣта немалыя, болѣе должно назвать – престарѣлыя; прежняя моя живность вся пропала сколько отъ лѣтъ, а вдвое того отъ печали; какія мнѣ съ 47 году противности и шиканы дѣланы были и какія мнѣ здѣсь неучтивости и уничтоженія во угожденіе извѣстнымъ персонамъ показаны были, не безъ труда есть все то описать“ [3]).

Понятно, что Бестужевъ не могъ долѣе оставаться въ Вѣнѣ, и канцлеръ постарался перемѣстить туда изъ Дрездена пріятеля своего, Кейзерлинга. Мих. Бестужевъ былъ очень недоволенъ этимъ назначеніемъ и писалъ о Кейзерлингѣ Воронцову: „Онъ есть человѣкъ весьма лѣнивый и комодный, какъ Французы говорятъ l'enfant gâté. Когда правительство Курляндское было, а онъ былъ фаворитомъ герцога Курляндскаго, а послѣ того иные его протежируютъ: на то и надѣется. И то некстати, что онъ, будучи польскимъ подданнымъ, при Польскомъ Дворѣ министромъ россійскимъ такое долгое время былъ и два староства получилъ. C'est un exemple sans exemple, властно, яко бы у насъ людей въ Россіи не было, умалчивая о другихъ его поступкахъ“... Уже выѣхавши изъ Вѣны въ Дрезденъ, Бестужевъ писалъ Воронцову: „О Сербскомъ дѣлѣ я ничего не слышу, и ежели съ нашей стороны такъ останется и не восчувствуется Вѣнскаго Двора странный и безо всякаго къ нашему Двору менажементу поступокъ, то не безъ стыда будетъ; да и сверхъ того сожалительно бы было, ежели-бы съ нашей стороны для полученія такого храбраго народа, а наипаче единовѣрнаго, упущено было. Я опасенъ, чтобъ посолъ нашъ въ Сербскомъ дѣлѣ не сталъ шильничать во угожденіе тамошнему Двору, ибо оный Дворъ весьма въ семъ дѣлѣ амбарасированъ... Вѣнское министерство за Сербское дѣло безмѣрно на меня злобились и всякія на свѣтѣ вымышленія и коварства противъ меня чинить будутъ“ [4]).

Отъ 26 сентября Бестужевъ получилъ отъ своего

[1]) Дѣла Австрійскія 1751 и 1752 гг.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, II, 257.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, стр. 261.

[4]) Архивъ кн. Воронцова, стр. 263, 270, 272, 274.

Двора слѣдующій рескриптъ: „Чѣмъ больше мы причину имѣемъ благоразумными поступками, вѣрною и радѣтельною службою вашею, какъ при всѣхъ случаяхъ, такъ и въ Сербскомъ дѣлѣ всемилостивѣйше быть довольными, тѣмъ меньше мы отъ васъ скрыть можемъ то крайнее удивленіе, въ которое привелъ насъ сообщенный отъ римско-императорскаго посла, барона Претлака, протоколъ конференціи, бывшей между вами и вице-канцлеромъ графомъ Коллоредо. Между прочими разговорами по случаю Сербскаго дѣла, невѣдомо, съ какой стати вы къ нему отозвались, что „вы, несмотря на то, что во время шести мѣсяцевъ получили отъ насъ два повторительные указа, однакожъ сіе дѣло такъ оставили бы, ежели-бъ къ вамъ и третій указъ присланъ не былъ; но что вы по тому должны и у противной партіи брата вашего притворяться и себя не обнажать, толь наипаче, ибо весьма ясно усматривается, что оная партія нарочитымъ образомъ поверхность надъ нимъ пріобрѣтаетъ, потому что онъ имѣвшимъ у насъ толь великимъ кредитомъ болѣе не пользуется. Мы по извѣстному намъ здравому разсужденію вашему и довольному искусству какъ въ министерскихъ дѣлахъ, такъ и въ прочихъ свѣтскаго обхожденія благопристойныхъ поведеніяхъ хотя никакъ представить себѣ не можемъ, чтобъ вы столько себя позабыть могли, что говорили вышеозначенныя, неразсудныя и не токмо въ министеріальной конференціи, но и въ партикулярныхъ разговорахъ отнюдь не пристойныя слова о притворствѣ вашемъ въ такомъ дѣлѣ, о которомъ вы же сами въ разсужденіе обращающейся въ томъ для здѣшнихъ интересовъ немалой пользы первое предложеніе намъ учинили; а паче того о противной партіи, о которой по самодержавству нашему, безъ крайней и жесточайшему наказанію подлежащей дерзости, ниже помыслить, а еще того меньше министру нашему при чужестранномъ Дворѣ въ формальной конференціи говорить возможно; однако по важности сего какъ высочайшей чести нашей, такъ и достоинства возложеннаго на васъ посольскаго характера касающагося обстоятельства, повелѣваемъ вамъ, чтобъ вы немедленно чрезъ сего къ вамъ нарочно отправленнаго курьера прислали сюда точное и пространное изъясненіе, подлинно-ли, къ какой стати и по какому поводу вы такимъ страшнымъ и вовсе непонятнымъ образомъ къ графу Коллоредо отзывались. Баронъ Претлакъ вручилъ министерству нашему еще другую промеморію, въ которой онъ приноситъ жалобу какъ на бывшаго при васъ монаха Михайлу Вани, такъ и на васъ: на перваго — въ томъ, будто онъ, будучи отъ архимандрита своего посланъ въ Вѣну съ монастырскими деньгами, оныя промоталъ и, несмотря на повторенное приказаніе Карловицкаго митрополита, въ монастырь свой не возвратился, но остался у васъ въ домѣ подъ именемъ вашего духовника, и притомъ будто онъ и главнымъ орудіемъ былъ въ подговореніи Сербовъ не токмо къ выходу въ Россію, но и къ бунту; а на васъ жалуется оный посолъ въ томъ, что вы такого честь забывшаго и безпутнаго монаха приняли къ себѣ въ духовники, отказавъ принять представленныхъ вамъ отъ митрополита въ оный чинъ трехъ достойныхъ священниковъ".

Бестужевъ отвѣчалъ изъ Дрездена 25 октября, что все заключающееся въ сообщенномъ отъ Претлака протоколѣ есть наглое вымышленіе: „Я такихъ неразсудительныхъ и здравому разсужденію весьма противныхъ разговоровъ никогда не имѣлъ; да и съ какой стати мнѣ о партіяхъ упоминать, или чей кредитъ умаляется или умножается, ибо сверхъ того ни мало мнѣ о томъ не извѣстно, понеже во все мое пребываніе въ Вѣнѣ никто ко мнѣ ни о чемъ не писывалъ. Священникъ Михайла Вани почти два года службу Божію у меня въ домѣ отправлялъ: во все то время никто о немъ ко мнѣ не отзывался и ни отъ кого требованъ не былъ; но только за три или за четыре недѣли до моего изъ Вѣны отъѣзда, вице-канцлеръ графъ Коллоредо такимъ образомъ мнѣ отозвался, что имѣющійся при моей капеллѣ старецъ, именемъ Михайла Вани, имѣлъ монастырскія деньги, а счету тѣмъ деньгамъ не отдавалъ, чтобъ я его отъ себя отпустилъ, на что я ему отвѣчалъ, что я вскорѣ изъ Вѣны отъѣзжаю и что оный священникъ болѣе мнѣ не потребенъ, а впрочемъ я у него освѣдомлюсь о такихъ монастырскихъ деньгахъ, и, пріѣхавъ домой, спрашивалъ у священника, имѣлъ-ли онъ какія деньги для нуждъ монастырскихъ, на что онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что деньги у него монастырскія были и что онъ ихъ для нуждъ монастырскихъ употребилъ и счетъ онымъ въ монастырь послалъ, и мнѣ счетъ тѣмъ деньгамъ подалъ, который, какъ мнѣ помнится, секретарь посольства Черневъ къ графу Коллоредо отвозилъ. Будто отъ митрополита представлены мнѣ были трое достойныхъ священниковъ—и это нагло вымышлено, ибо ни одного никогда мнѣ не было представлено. Что же касается жизни этого гонимаго священника, бывшаго при мнѣ, то я долженъ отдать ему справедливость, что онъ человѣкъ честный, трезвый и самой доброй христіанской жизни, а все гоненіе на него поднялось за Сербское дѣло, изъ подозрѣнія, что онъ, пользуясь довѣріемъ Сербовъ, научалъ ихъ къ выходу въ Россію".

Преемникъ Бестужева въ Вѣнѣ, графъ Кейзерлингъ поспѣшилъ донести императрицѣ, что онъ началъ дѣйствовать умѣренно, остерегаясь нарушить дружбу между двумя Дворами, и что умѣренность ведетъ къ большему успѣху дѣла; что графъ Улефельдъ на его дружественныя представленія отвѣчаетъ также дружески; онъ объяснялъ, что между Сербами распространилось странное мнѣніе, будто они вольный народъ, могутъ идти куда хотятъ, вслѣдствіе чего явилось ослушаніе императорскимъ указамъ; зло сдѣлалось такъ велико, что, для воспрепятствованія ему стать всеобщимъ, были принуждены употребить сильныя средства. Аре-

стованные офицеры были освобождены и позволено имъ по окончаніи своихъ дѣлъ ѣхать въ Россію. Такъ было поступлено съ людьми, которые уже прежде вступили въ русскую службу; но Кейзерлингъ просилъ наставленія, какъ ему дѣйствовать относительно тѣхъ Сербовъ, которые вновь просились въ русскую службу, безъ позволенія и вѣдома Австрійскаго правительства. „Я знаю", писалъ онъ, „что для укомплектованія русскихъ гусарскихъ полковъ люди надобны, и что въ прежнія времена такой наборъ иногда позволялся по дружбѣ между обоими Дворами; но теперь, вслѣдствіе потери людей въ послѣднюю войну, здѣшній Дворъ старается больше всего увеличить народоселеніе и привести въ порядокъ финансы, и потому ему нелегко отпускать подданныхъ, особенно въ большомъ числѣ". Кейзерлингъ получилъ отъ австрійскаго министерства записку, въ которой говорилось, что всему пограничному народоселенію было предоставлено на волю избирать военную или гражданскую службу, и, чтобъ дѣло пришло къ успѣшнѣйшему окончанію, многимъ изъ Сербовъ, особенно Хорвату, оказаны большія милости. Онъ сначала очень содѣйствовалъ новымъ распоряженіямъ и на одного изъ Сербовъ, Севича, доносилъ многія тяжкія преступленія; но какъ скоро онъ получилъ милости отъ правительства, а съ другой стороны увидалъ, что ему не удалось погубить Севича, то немедленно перемѣнилъ образъ дѣйствія и старался возмутить пограничную милицію противъ новаго порядка; а чтобъ сдѣлать это съ меньшею опасностью, то прибѣгъ въ покровительство къ русскому послу, графу Бестужеву-Рюмину; къ тому же послу обратился и монахъ Михаилъ Вани, только по другому побужденію, а именно потому, что не могъ отдать отчета своему монастырю въ издержанныхъ суммахъ. Эти два недостойныхъ человѣка были причиною всѣхъ воспослѣдовавшихъ потомъ замѣшательствъ, потому что для прикрытія собственнаго стыда указывали на многія непристойныя дѣла и особенно старались обнести митрополита. Безъ всякаго сомнѣнія, императрица-королева имѣла право отказать Хорвату въ просьбѣ о вступленіи въ русское подданство и поступить съ нимъ такъ, какъ онъ заслуживалъ; нельзя требовать, чтобъ подданный отрекся отъ присяги своей природной государынѣ и другихъ приводилъ на то-же: единственно изъ уваженія къ Русской императрицѣ позволено было Хорвату и многимъ другимъ вступить въ русскую службу. Ея величество тогда никакъ не могла думать, чтобъ отъ такой великодушной щедрости могло произойти такое соблазнительное злоупотребленіе. Прежде всего паспорты были распространены на нѣсколько сотъ, почти на тысячу человѣкъ. Возможно ли было бы подобное дѣло въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ? Но императрица-королева допустила и такое злоупотребленіе, въ надеждѣ, что этимъ все кончится. Надежда была обманута. Хорватъ прислалъ сюда назадъ троихъ офицеровъ, которые съ нимъ уѣхали, и эти офицеры думали, что, пользуясь покровительствомъ Русской императрицы, они могутъ и въ чужихъ земляхъ дѣлать все, что захотятъ. Въ такой многочисленной націи, какова Иллирійская, не можетъ быть недостатка въ раздорахъ, и легко понять, что нельзя всѣхъ удовольствовать, ибо чѣмъ съ одной стороны производится удовольствіе, тѣмъ самымъ съ другой стороны возбуждается злоба. Если-бъ нѣкоторымъ иностраннымъ министрамъ или офицерамъ позволено было эту злобу питать, тѣхъ, кто ее питаетъ, въ ней укрѣплять и куда-нибудь въ другое мѣсто ихъ переманивать, слѣдовательно склонять къ нарушенію подданнической вѣрности прежней природной государынѣ: то какимъ образомъ внутренняя тишина государствъ и узелъ человѣческаго общества могутъ быть сохранены! Но трое эмиссаровъ Хорвата не удовольствовались одною такою подговоркою: они осмѣлились утруждать императора и императрицу, чтобъ имъ эта подговорка была позволена; но долготерпѣніе имѣетъ конецъ. Недовольный или плохой сынъ правителя, убѣгающій отъ отеческой власти; подданный, неповинующійся указамъ своего государя; начальникъ, притѣсняющій подчиненныхъ, и другіе, когда дѣла происходили не по ихъ желанію,—считали возможнымъ избѣгать непріятностей однимъ объявленіемъ, что уѣдутъ въ Россію. Можно было бы показать множество примѣровъ этому. Зло можно было остановить только средствами, употребленными правительствомъ императрицы-королевы. Но императрицѣ должно было показаться очень страннымъ, что, повѣривъ ложнымъ показаніямъ этихъ людей, графъ Бестужевъ-Рюминъ вступился за нихъ такъ ревностно и жестоко. Императрица-королева Иллирійскую націю при ея привилегіяхъ рачительнѣйше содержать будетъ; только эти самыя привилегіи обязываютъ и ихъ, Райцевъ, къ оказыванію вѣрноподданническихъ услугъ. Каждому государю было бы чувствительно, если-бъ нѣкоторые изъ его подданныхъ обращались къ другому государю или его послу. Здѣсь Райцы признаются хотя не за рабовъ, однако за подданныхъ, которые обязаны ея величеству вѣрностью, послушаніемъ и службою. Императрица-королева, вскорѣ по вступленіи въ свое тягостное правленіе, усмотрѣла, сколько вреда нанесено безопасности ея областей тѣмъ, что многіе жители ихъ вступали въ чужестранныя гражданскія и военныя службы: поэтому много лѣтъ тому назадъ она издала на этотъ счетъ генеральное запрещеніе всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія исповѣдуемой ими религіи. Неописанно-вредныя слѣдствія произошли бы, если-бъ Райцы захотѣли быть исключенными изъ такого запрещенія. Въ такомъ случаѣ и другіе государи, какъ напримѣръ король Прусскій, прислалъ бы сюда цѣлую толпу эмиссаровъ для вербованія въ свою службу своихъ протестантскихъ единовѣрцевъ. Такъ какъ Чорба былъ уличенъ въ подговорѣ подданныхъ императрицы-королевы, то барону Иртелаку поручено было домогаться въ

Петербургѣ, чтобъ впредь русскіе подданные, уличенные въ подобномъ дѣлѣ, подвергались бы такому же наказанію, какому подвергнутъ былъ бы австрійскій подданный, если-бъ дерзнулъ склонить хотя одного русскаго подданнаго къ покинутію своего отечества; такъ-же исходатайствовать, чтобъ запрещено было всѣмъ, находящимся въ свитѣ русскаго посла или министра, поступать въ противность естественнымъ и народнымъ правамъ".

Кейзерлингъ повторялъ, что можетъ только хвалить поведеніе Вѣнскаго Двора въ Сербскомъ дѣлѣ; сама Марія-Терезія высказала ему желаніе вѣчнаго сохраненія союза съ Россіею въ такихъ искреннихъ и естественныхъ выраженіяхъ, что едва ли можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе относительно соотвѣтствія ея словъ чувствамъ. Поэтому и Кейзерлингъ считалъ своею обязанностью отвращать все то, что могло бы имѣть вредное вліяніе на счастливый союзъ, который такъ соотвѣтствуетъ натуральнымъ интересамъ Россіи. Относительно Сербскаго дѣла Кейзерлингъ внушалъ своему Двору, что, по сравненіи жалобъ сербскихъ офицеровъ съ отвѣтами Автрійскаго правительства, оказывается, что, если, съ одной стороны, Австрійское правительство могло бы поступить лучше и приличнѣе, то, съ другой стороны, и сами офицеры подали поводъ къ такимъ съ ними поступкамъ, которыхъ при большой осторожности могли бы избѣжать, притомъ—многія показанія ихъ невѣрны. 8-го октября Кейзерлингъ доносилъ, что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Венгріи, задержанные офицеры готовы къ выѣзду въ Россію со всѣми своими людьми, что надобно считать за совершенное окончаніе этого непріятнаго дѣла

Между тѣмъ, 6-го октября въ Петербургѣ баронъ Претлакъ имѣлъ окончательное объясненіе съ канцлеромъ по поводу Сербскаго дѣла, причемъ Бестужевъ очень ловко воспользовался непослѣдовательностью Вѣнскаго Двора, который сначала позволилъ Сербамъ выселяться въ Россію, а потомъ вдругъ принялъ строгія противъ этого мѣры и сталъ толковать о томъ, что Сербы—его подданные и не могутъ оставлять службу своей природной государыни. Претлакъ началъ разговоръ словами, что Австрійское правительство должно было опровергнуть принятое въ Россіи мнѣніе, будто Сербы народъ вольный и могутъ переселяться, куда хотятъ. Канцлеръ отвѣчалъ, что такого мнѣнія въ Россіи никогда не имѣли, хотя къ принятію его и могли способствовать полученныя изъ Вѣны извѣстія, что даются паспорты къ выѣзду всѣмъ, кто только ихъ ни потребуетъ. Вотъ почему такъ непріятно поразило другое извѣстіе, что вдругъ послѣдовало запрещеніе Сербамъ выѣзжать въ Россію; это извѣстіе поразило тѣмъ болѣе, что въ то же время получено было другое извѣстіе, будто многіе Сербы, не имѣя возможности уходить въ Россію, бѣгутъ въ Турцію. Здѣсь думали, что для Вѣнскаго Двора выгоднѣе, чтобъ эти люди уходили въ Россію, а не въ Турцію, и что, по тѣсному и естественному союзу между двумя Дворами, почти все равно, здѣсь ли количество легкихъ войскъ нѣсколько увеличится этими выходцами, или останутся они въ Австрійскихъ владѣніяхъ. Посолъ признался, что дѣйствительно даны были паспорты, только поименно, а не вообще, и то преимущественно потому, что хотѣли сжить съ рукъ безпокойныхъ людей: частые венгерскіе бунты научили осторожности. Но Претлакъ увѣрялъ, что ни одинъ Сербъ не вышелъ изъ Австрійскихъ владѣній въ Турцію, напротивъ: множество народа желаетъ перейти къ нимъ изъ турецкаго подданства, только они ихъ не принимаютъ, какъ желая избѣжать всякихъ распрей съ Портою, такъ и не очень полагаясь на постоянство этихъ выходцевъ. Потомъ Претлакъ распространился о томъ, что сначала дѣло шло объ отпускѣ въ Россію отъ 500 до 1,000 человѣкъ Сербовъ; но теперь отпущено до 2,000; задержанные офицеры всѣ освобождены; Шевичъ ведетъ въ Россію до 800 человѣкъ; задержанное въ Вѣнѣ семейство подполковника Прерадовича отпущено: надобно было ожидать благодарности за такія снисхожденія его Двора, а вмѣсто того онъ получилъ пространную промеморію, наполненную жестокими и чувствительными для Двора его выраженіями; поэтому посолъ просилъ, нельзя ли взять эту промеморію назадъ, ибо она очень огорчитъ императрицу-королеву. Канцлеръ отвѣчалъ, что промеморія написана соотвѣтственно той горячности и неумѣренности, съ какими было поступлено въ Вѣнѣ по Сербскому дѣлу; но такъ какъ теперь, по донесеніямъ графа Кейзерлинга, поступки съ австрійской стороны измѣнились и оказывается болѣе дружеской угодливости, то дѣло будетъ оставлено и уже готова другая промеморія, гдѣ будетъ выражена его Двору надлежащая признательность.

Но Сербское же дѣло повело къ другой непріятной для Претлака и его Двора промеморіи. Мы привели выше отвѣтъ графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина относительно словъ его о противной его брату партіи, сказанныхъ, будто, въ конференціи съ вице-канцлеромъ графомъ Коллоредо. Въ Петербургѣ, благодаря, какъ видно друзьямъ Михайлы Бестужева, людямъ, которымъ было пріятно и выгодно поддерживать его противъ роднаго брата,—въ Петербургѣ успокоились на полномъ отреченіи Бестужева отъ этихъ словъ, и Претлаку вручена была промеморія, въ которой говорилось: „Сколь пріятно было ея императорскому величеству, по основательному ея величества чаянію, изъ оправданія своего посла усмотрѣть его невинность, къ толь вящшему служитъ ея императорскому величеству неудовольствію, что графъ Коллоредо старался добрые сентименты и безпорочный поступокъ г. оберъ-гофмаршала такими къ предосужденію возложеннаго на него характера и собственной его персоны касающимися затѣями опорочитъ и притомъ и высочайшее ея императорскаго величества достоинство оскорбить тѣмъ, что въ разсужде-

нія безпредѣльной ея самодержавной власти и мудраго государствованія и одна только идея о партіи въ здѣшней имперіи мѣста никакого имѣть не можетъ. Подлинно состояніе министра, особливо при союзномъ Дворѣ, весьма худое было бы, еслибы вольно было затѣвать на него по собственнымъ видамъ предосудительныя дѣла, о коихъ онъ никогда и не думалъ“ [1]).

Какъ бы то ни было, тѣсный союзъ между Россіею и Австріею не былъ нарушенъ, и къ этому союзу, по прусскимъ отношеніямъ, непремѣнно хотѣли присоединить Саксонію. Находясь еще въ Дрезденѣ, въ 1751 году Кейзерлингъ долженъ былъ склонять Саксонское правительство присоединиться къ оборонительному союзу, заключенному между Россіею и Австріею въ 1746 году. Кейзерлингъ доносилъ своему Двору, что дѣло встрѣтило препятствія при обсужденіи своемъ въ тайной коллегіи королевскаго совѣта. Здѣсь нѣкоторые члены выразили страхъ предъ Прусскимъ королемъ, какъ будто бы находились подъ его ногами; они припоминали угрозы Фридриха II, что онъ въ извѣстномъ случаѣ примется не за Россію, а за ближайшую къ нему ея союзницу — Саксонію; они представляли, что для защиты отъ такого быстраго нападенія силы Саксоніи не достаточны, а помощь союзниковъ очень отдаленна, и, прежде чѣмъ она явится, страна уже будетъ разорена. Узнавши о выраженіи такихъ мнѣній въ коллегіи, Кейзерлингъ спросилъ графа Брюля: хотятъ ли въ Саксоніи принять въ основаніе политической системы сосѣдство короля Прусскаго, его превосходныя силы и его угрозы. Если они такъ боязливы, если хотятъ размѣрять свое строеніе только по прусскому масштабу, то сами показываютъ свою покорность; и если-бъ Прусскій король узналъ, какой ужасъ онъ здѣсь внушаетъ, то гордость его, разумѣется, усилилась бы еще болѣе. Надобно рѣшить вопросъ: благо и интересъ Саксоніи достаточно ли могутъ быть обезпечены тѣмъ, что она не будетъ находиться ни въ какихъ обязательствахъ съ императорскими Дворами и морскими державами. Кто обезпечитъ Саксонію отъ дальнѣйшихъ притѣсненій, если она останется безъ надежды на какую-нибудь помощь? Если они думаютъ обезпечить себя обязательствами съ Франціею и Пруссіею, то опытъ научилъ уже ихъ, какъ можно полагаться на эти державы: во время прошлой войны, когда они соединились съ Пруссіею и Франціею противъ Австріи, король Прусскій заключилъ миръ, а саксонскія войска должны были заботиться сами о себѣ. Что касается невозможности для Саксоніи получить скорую помощь отъ союзниковъ, то не надобно забывать, что теперь Дворы соединены гораздо тѣснѣе, чѣмъ были прежде; не должно забывать также, что если Саксонія лежитъ какъ-будто подъ ногами Прусскаго короля, то и Пруссія находится въ такомъ же положеніи относительно обоихъ императорскихъ Дворовъ. Саксонскій Домъ связанъ съ Французскимъ: Саксонская принцесса замужемъ за дофиномъ; выставляютъ, что Саксонія можетъ надѣяться на ея помощь; но можетъ случиться, что дофинъ умретъ прежде короля; да если онъ и вступитъ на престолъ, то можетъ статься, какъ и прежде бывало, что какой-нибудь кардиналъ или другой фаворитъ станетъ управлять дѣлами, или другая госпожа Помпадуръ сыщется, которая овладѣетъ и сердцемъ королевскимъ и правленіемъ. Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобъ какая-нибудь королева Французская имѣла вліяніе на тамошнее правленіе, и зависть націи всегда находила способъ не допускать королевъ до участія въ государственныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, остается вопросъ: будетъ ли тогда Пруссія имѣть уваженіе къ французскимъ представленіямъ въ пользу Саксоніи. Брюль отвѣчалъ, что онъ теперь и самъ видитъ, что лучше было бы не отдавать дѣла въ тайную коллегію; онъ хотѣлъ этимъ себя прикрыть, чтобъ не могли жаловаться, будто онъ въ такомъ важномъ, до блага всей Земли касающемся дѣлѣ, никого не допустилъ до участія и все одинъ сдѣлалъ, и если-бъ случилось что-нибудь непріятное, то члены совѣта и стали бы говорить, что они все это предвидѣли и напоминали, и надобно было бы поступать по ихъ совѣту. Кейзерлингъ замѣтилъ на это, что тотъ, кто принимаетъ нынѣшнее состояніе дѣлъ за основаніе своихъ рѣшеній, — исполняетъ требованія разума; а если смотрѣть на случайности будущихъ событій, то никто себѣ дома не построилъ бы, ибо можетъ статься, что онъ сгоритъ; никто не сталъ бы жить въ домѣ изъ страха, что онъ можетъ обрушиться.

Въ 1752 году Кейзерлинга, назначеннаго въ Вѣну, смѣнилъ въ Дрезденѣ Гроссъ, который въ началѣ мая прислалъ своему Двору любопытное донесеніе. Саксонскій посолъ въ Парижѣ, графъ Лосъ, далъ знать своему правительству о желаніи Французскаго короля, чтобъ одинъ изъ меньшихъ сыновей Августа III получилъ по смерти отца Польскую корону. Въ Дрезденѣ приписали это желаніе внушеніямъ Прусскаго короля, которому было бы выгодно, если-бъ въ Польшѣ былъ король, слабый собственными средствами, который бы потому зависѣлъ совершенно отъ Пруссіи и Франціи или, по меньшей мѣрѣ, не имѣя собственныхъ владѣній, не могъ бы быть полезенъ Россіи. Наслѣдная принцесса Саксонская, державшая мужа совершенно въ своихъ рукахъ, была сильно раздражена донесеніемъ Лоса, ибо всѣми силами старалась доставить и Польскую корону своему мужу. Съ этихъ поръ она усугубила свои ласки Гроссу и министрамъ Дворовъ, союзныхъ съ Россіею, объявляя, что совершенно полагается въ достиженіи своихъ цѣлей на помощь Россіи и ея союзниковъ, ибо если курфирстъ Саксонскій не будетъ вмѣстѣ и королемъ Польскимъ, то Саксонія не будетъ въ состояніи ни въ чемъ помогать Россіи, которая чрезъ то лишится значительной доли своего вліянія въ Европейскихъ, особенно въ Нѣмецкихъ дѣлахъ. Гроссъ узналъ

[1]) Дѣла Австрійскія 1752 г.

о намѣреніи графа Брюля и нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ доставить наслѣдному принцу и наслѣдство Польскаго престола при жизни королевской, внушая Полякамъ, что, въ случаѣ кончины королевской, этимъ средствомъ они могутъ избѣжать войны и обычнаго разоренія своихъ имѣній. Но такъ какъ король, по конституціи, не можетъ думать при своей жизни о наслѣдникѣ, и надобно, чтобъ сама республика предложила объ этомъ королю, то рѣшили хлопотать объ уничтоженіи liberum veto. Польскій вице-канцлеръ уже обратился съ этимъ къ Гроссу, внушая, что иначе никакого порядка въ Польшѣ не будетъ. Требуя отъ своего Двора инструкцій по этому важному дѣлу, Гроссъ писалъ: „По моему мнѣнію, цѣль не можетъ быть достигнута безъ конфедераціи, а на всякую конфедерацію въ Польшѣ можно смотрѣть какъ на междоусобную войну, въ которой сосѣднія державы рано или поздно принуждены будутъ принять участіе, и нѣтъ сомнѣнія, что король Прусскій приметъ это участіе съ большою охотою, чтобъ, подъ видомъ защиты польской вольности, достигнуть своихъ старыхъ намѣреній относительно Польской Пруссіи и Помераніи".

Въ іюнѣ Гроссъ опять писалъ о томъ же дѣлѣ, опять требуя инструкцій: „Хотя графъ Лосъ доносилъ о желаніи французскаго министерства, чтобъ въ Польскіе короли избранъ былъ одинъ изъ младшихъ сыновей Августа III, однако послѣ этого здѣшнее министерство получило извѣстіе, что назначенному сюда новому французскому послу, графу Брольи, предписано составить въ Польшѣ партію въ пользу герцога Пармскаго, инфанта донъ-Филиппа; съ другой стороны, король Прусскій злостно внушалъ Франціи, будто Вѣнскій Дворъ вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ величествомъ намѣренъ возвести на Польскій престолъ принца Карла Лотарингскаго. Я узналъ объ этомъ отчасти отъ самого графа Брюля ,отчасти отъ австрійскаго посла графа Штернберга. И такъ какъ эти обстоятельства могутъ побуждать благонамѣренныхъ польскихъ магнатовъ тѣмъ скорѣе подумать о такихъ мѣрахъ, которыми можно было бы предупредить замѣшательства въ ихъ отечествѣ, и потому обратиться ко мнѣ для узнанія намѣреній вашего величества,—то я считаю необходимымъ возобновить просьбу о наставленіи, какъ отвѣчать польскимъ магнатамъ. Между тѣмъ въ глубочайшемъ секретѣ я увѣдомленъ, что польскіе вельможи, для предотвращенія интригъ, разоренія страны и частныхъ имуществъ, не знаютъ другого средства, кромѣ избѣжанія междоцарствія предварительнымъ избраніемъ преемника королю въ особѣ наслѣднаго принца Саксонскаго. Для достиженія этой цѣли необходима чрезвычайная осторожность, чтобъ отнюдь прежде времени ничто не разгласилось, ибо въ противномъ случаѣ этому намѣренію будутъ препятствовать Франція и особенно Пруссія, которая ждетъ случая въ мутной водѣ рыбу ловить и часть Польскихъ владѣній себѣ присвоить. Вотъ почему на будущемъ сеймѣ еще ничего объ этомъ открыто не будетъ, только воспользуются королевскимъ пребываніемъ въ Польшѣ, чтобъ согласиться относительно способовъ, которыми надѣются безопасно, безъ конфедераціи и безъ поврежденія вольнаго голоса (liberum veto), получить желаемое. Я знаю, что король Англійскій совершенно согласенъ содѣйствовать этому намѣренію".

Извѣстіе, что двое младшихъ сыновей короля—Ксаверій и Карлъ—отправляются въ Польшу, сильно опечалило наслѣдную принцессу: она боялась, чтобъ тотъ или другой принцъ не пріобрѣлъ любовь Поляковъ въ предосужденіе ея мужу. Она объявила Гроссу, что надѣется пріобрѣсть расположеніе Поляковъ, если только ея мужу и ей позволено будетъ слѣдовать за королемъ въ Польшу. „Вы мнѣ окажете большую услугу", сказала она Гроссу, „если по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву склоните князей Чарторыйскихъ внушить графу Брюлю о необходимости пріѣзда въ Польшу наслѣднаго принца, ибо безъ такого требованія князей Чарторыйскихъ первый министръ самъ никогда не предложитъ объ этомъ королю". Ту же просьбу повторила она и въ другой разъ, прибавивъ: „Я этого особенно потому желаю, что наслѣдный принцъ большей части Поляковъ знакомъ только съ худой стороны, т. е. со стороны слабости ногъ; его присутствіе въ Польшѣ сообщило бы имъ другія понятія о немъ, они увидѣли бы въ немъ достаточный умъ, доброе сердце, ласковость и совершенное знаніе Польскаго языка, котораго нынѣшній король совсѣмъ не имѣетъ". Гроссъ спросилъ принцессу, позволитъ ли она ему испросить высочайшее соизволеніе на обращеніе его къ князьямъ Чарторыйскимъ; она отвѣчала, что премного ее этимъ обяжетъ, ибо она безъ согласія императрицы ни одного шага не сдѣлаетъ.

Въ августѣ Гроссъ переѣхалъ изъ Дрездена въ Варшаву; здѣсь онъ нашелъ большую перемѣну: въ маѣ 1751 года умеръ великій гетманъ коронный Іосифъ Потоцкій, и на его мѣсто назначенъ былъ Янъ Браницкій, который хотя и былъ связанъ родствомъ съ фамиліею, какъ тогда называли Чарторыйскихъ, однако былъ ревностный консерваторъ, стоялъ за установленныя формы Рѣчи Посполитой, тогда какъ Чарторыйскіе имѣли постоянно въ виду перемѣны, необходимыя, въ ихъ глазахъ, для поддержанія Польши. Гроссъ сталъ часто видѣться съ примасомъ, Краковскимъ кастеляномъ, графомъ Понятовскимъ, съ воеводою Русскимъ — княземъ Чарторыйскимъ, съ его братомъ—канцлеромъ Литовскимъ, также съ канцлеромъ короннымъ, и всѣ они увѣряли, что такъ какъ существенный интересъ ихъ отечества требуетъ тѣснаго согласія съ Россіею, то они вполнѣ преданы императрицѣ. Но при этомъ князья Чарторыйскіе и графъ Понятовскій дали знать, что всѣ смотрятъ на нихъ, какъ на русскихъ партизановъ, и дѣйствительно многими опытами засвидѣтельствовали они свою склонность къ поспѣшествованію интере-

самъ императрицы: поэтому не можетъ быть имъ неоскорбительно, что до сихъ поръ нѣтъ никакой резолюціи на ихъ просьбы, чтобъ императрица благоволила обнадежить ихъ своимъ покровительствомъ и помощію въ случаѣ смутъ, которыя легко могутъ произойти въ вольномъ государствѣ, гдѣ короли Прусскій и Французскій имѣютъ своихъ партизановъ, имъ, Чарторыйскимъ, враждебныхъ. Они не хотятъ ни денегъ, ни пенсій, хотятъ одного,—чтобъ императрица къ которому-нибудь изъ князей Чарторыйскихъ прислала письмо, гдѣ было бы изображено, что, узнавъ о добромъ и постоянномъ наблюденіи ими истиннаго интереса своего отечества, столь тѣсно связаннаго съ русскимъ интересомъ, императрица заблагоразсудила высказать имъ за это свое удовольствіе и притомъ обнадежить, что они могутъ вполнѣ положиться на ея благосклонность и покровительство. „Мнѣ кажется", писалъ Гроссъ, „что такъ какъ король Прусскій своихъ партизановъ часто своими ласковыми письмами удостоиваетъ, а Франція къ ласкамъ и деньги присоединяетъ, то не вижу, для чего бы имъ отказать въ ихъ просьбѣ; ваше величество еще сильнѣе привязали бы ихъ къ себѣ, если бы канцлеру Литовскому пожаловали орденъ Св. Андрея, а канцлеру коронному—пенсію въ нѣсколько тысячъ рублей, потому что онъ, по причинѣ многочисленнаго семейства, не богатъ. Я думаю, что подобными ласками полезно сохранить партію, чтобъ по кончинѣ короля не нужно было, какъ по кончинѣ отца его, создавать новую партію съ убыткомъ многихъ милліоновъ. Всѣ поименованные вельможи говорили мнѣ о необходимости принять мѣры для предупрежденія замѣшательствъ по смерти королевской; но я вижу, что относительно этихъ мѣръ они сами еще между собою не согласились, только являются склонными къ избранію наслѣднаго принца Саксонскаго; но чтобъ его выбрать при жизни королевской, какъ о томъ слышалъ я отъ графа Брюля и другихъ, о томъ до сихъ поръ никто и рта не отворялъ".

Упомянутые вельможи были нужны и относительно собственно русскихъ интересовъ. Коронный канцлеръ и подканцлеръ вмѣстѣ съ Литовскимъ канцлеромъ согласились писать каждый порознь къ уніатскому Полоцкому митрополиту въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, чтобъ возвратилъ церкви, отнятыя у Православныхъ въ Кржичевскомъ уѣздѣ; въ случаѣ сопротивленія митрополита, обѣщались уговорить старосту кржичевскаго, чтобъ онъ военною рукою способствовалъ возвращенію церквей, по примѣру канцлера Литовскаго, который такимъ же образомъ велѣлъ поступить въ своемъ староствѣ. Относительно возвращенія бѣглыхъ, польское министерство не оказывало склонности, боясь раздражить мелкое шляхетство, на земляхъ котораго бѣглые преимущественно жили. По мнѣнію Гросса, не оставалось другого средства, какъ позволить частнымъ людямъ самимъ вооруженною рукою отыскивать своихъ бѣглецовъ по примѣру короля Прусскаго, который употребляетъ то же средство на силезскихъ границахъ. Вельможи увѣряли, что если сеймъ состоится, то признаютъ императорскій титулъ Русской государыни; что же касается до Курляндскаго вопроса, то представляли, что плохо будетъ, если по смерти королевской Курляндія останется въ настоящей анархіи; особенно указывали на опасность отъ прусскаго сосѣдства. Графъ Брюль говорилъ, что если императрица не намѣрена возстановить герцога Бирона, то, по крайней мѣрѣ, изволила бы конфидентно дать знать объ этомъ Польскому Двору и согласиться съ нимъ насчетъ избранія другого герцога. Гроссъ отвѣчалъ попрежнему, что, когда обстоятельства потребуютъ и русскій интересъ позволитъ, императрица сама собою пристойную резолюцію принять не оставитъ. „Предвижу", писалъ Гроссъ, „что на сеймѣ будетъ не мало шуму о Биронѣ, тѣмъ болѣе-что французско-прусская партія внушала на сеймикахъ, что идутъ переговоры объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и Польшею, почему въ разныхъ мѣстахъ и внесено въ инструкцію депутатамъ не допускать такого трактата. Потоцкіе уже поговариваютъ, что не желаютъ, чтобъ сеймъ состоялся. Пользуясь завистью къ Чарторыйскимъ новаго короннаго гетмана Браницкаго, Потоцкіе постарались привлечь его къ своимъ видамъ; и такъ какъ въ случаѣ замѣшательствъ онъ человѣкъ очень нужный, и со стороны Франціи и Пруссіи ему уже сдѣланы выгодныя предложенія, то ваше величество можете его при прежнихъ добрыхъ намѣреніяхъ удержать для общей пользы, если благоволите пожаловать ему какой-нибудь знакъ вашей милости, напримѣръ наградить его жену портретомъ, такъ какъ жена покойнаго гетмана Потоцкаго имѣла портретъ".

Изъ Варшавы Гроссъ поѣхалъ гостить въ Волчимъ, имѣніе Литовскаго канцлера, князя Чарторыйскаго. Хозяинъ разсказалъ ему, что дѣло объ избраніи наслѣдника при жизни королевской замышлено саксонскими министрами и, чрезъ тайнаго совѣтника посольства Саула и графа Флемминга, внушено польскому министерству и особенно ему, канцлеру Литовскому; онъ, поговоривъ съ братомъ, воеводою Русскимъ, и короннымъ канцлеромъ—Малаховскимъ, признали, что дѣйствительно наслѣдный принцъ Саксонскій есть лучшій кандидатъ для Польши. Но прежде всего надобно, чтобъ король и графъ Брюль имъ о томъ сказали и чтобъ король какъ въ раздачѣ вакантныхъ мѣстъ, такъ и въ другихъ мѣрахъ твердо слѣдовалъ ихъ совѣтамъ, чтобъ въ воеводствахъ могло быть все мало-по-малу приготовлено, а король старался бы между тѣмъ привлечь къ тѣмъ же видамъ и Русскую императрицу, и чтобъ они напередъ увѣрены были, что въ случаѣ нужды не будутъ оставлены Россіею.

Изъ Волчима Гроссъ ѣздилъ въ Бѣлостокъ, имѣніе гетмана Браницкаго, и оттуда отправился въ Гродно, гдѣ долженъ быть происходить сеймъ. Въ

Гроднѣ онъ получилъ изъ Петербурга рескриптъ, поставившій его въ очень затруднительное положеніе. „Къ крайнему удивленію увѣдомились мы", говорилось въ рескриптѣ, „что шляхетство курляндское на своемъ сеймикѣ большинствомъ голосовъ опредѣлило посылаемому на сеймъ депутату дать инструкціи, чтобъ онъ просилъ короля о доставленіи свободы герцогу Бирону. Оберъ-раты въ этомъ дѣлѣ умѣренно и осторожно поступили, но особенно хлопотали маршалъ земскихъ депутатовъ Гейкингъ, нѣкто Медемъ изъ Тительминда да Драхенфельсъ, который имѣетъ въ арендѣ нашъ секвестрованный амтъ Вальгофъ. Вы можете легко разсудить, въ какое удивленіе привело насъ это нечаянное и нашему намѣренію совсѣмъ противное происшествіе, тѣмъ болѣе-что до сихъ поръ большая часть тамошняго шляхетства не только не желала освобожденія Биронова, но и, домогательствамъ о томъ противной стороны, т.-е. оберъратской партіи, сопротивляясь, никогда не допускала произведенія ихъ въ дѣйство. И такъ какъ мы, по нашимъ интересамъ, никакъ не можемъ спокойно смотрѣть на порученное теперь курляндскому депутату домогательство объ освобожденіи бывшаго герцога, напротивъ того,—какъ прежде, такъ и теперь, желаемъ, чтобъ Курляндскія дѣла оставались въ томъ же положеніи, въ какомъ они по сіе время были, то прошеніе къ королю о Бироновомъ освобожденіи допустить не надлежитъ: поэтому повелѣваемъ вамъ употребить крайнее стараніе ваше и труды, чтобъ курляндскій депутатъ не прежде допущенъ былъ на аудіенцію предъ короля, какъ по окончаніи сейма, точно такъ, какъ это случилось съ такимъ же курляндскимъ депутатомъ Корфомъ".

„Не безъ великаго труда въ томъ предуспѣть возможно", отвѣчалъ Гроссъ, „потому что графъ Брюль и большая часть Поляковъ сильно интересуются освобожденіемъ герцога Бирона или, по крайней мѣрѣ, полученіемъ какого-нибудь рѣшенія вашего величества. Графъ Брюль, въ присутствіи коронпаго канцлера и англійскаго уполномоченнаго, говорилъ мнѣ въ сильныхъ выраженіяхъ, что подлинно король Прусскій возбуждаетъ Курляндцевъ, чтобъ они вновь обратились къ Польшѣ съ просьбою объ освобожденіи своего герцога; и что если попрежнему просьба ихъ не получитъ удовлетворенія, то, такъ какъ польское покровительство не приноситъ имъ никакой пользы, они могутъ выбрать въ герцоги брата его, принца Генриха, причемъ могутъ быть обнадежены въ сильной защитѣ Пруссіи. Съ другой стороны, Франція и Пруссія внушаютъ Полякамъ, что король Августъ намѣренъ сына своего, принца Ксаверія, назначить герцогомъ Курляндскимъ. Внушенія эти клонятся къ тому, чтобъ возбудить смуту въ Польшѣ и Курляндіи, чѣмъ Прусскій король воспользуется".—Но какъ скоро Гроссъ объявилъ канцлерамъ коронному и Литовскому и графу Брюлю о желаніи императрицы, чтобъ въ Курляндскихъ дѣлахъ не произошло никакой перемѣны, и чтобъ курляндскій депутатъ Шеппингъ прежде сейма не получилъ аудіенціи у короля, то всѣ трое безъ отговорки обѣщали свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Канцлеръ Малаховскій обѣщалъ, что рѣчь Шеппинга будетъ написана въ общихъ выраженіяхъ и будетъ сообщена Гроссу; что депутатская инструкція изъ канцлеровыхъ рукъ не выйдетъ и насчетъ отвѣта на нее канцлеръ напередъ условится съ Гроссомъ. „Но если сеймъ состоится", писалъ Гроссъ, „то предвижу, что опять будетъ предложеніе вашему величеству или объ освобожденіи Бирона, или объ окончательномъ рѣшеніи Курляндскаго дѣла, и предложеніе это, быть можетъ, сдѣлается чрезъ особое посольство, которое отправится съ извѣщеніемъ о признаніи Польшей императорскаго титула Русскихъ государей. Какъ я слышу, графъ Брюль хочетъ назначить въ это посольство зятя своего, надворнаго маршалка Мнишка. Оберъ-камергеръ, графъ Понятовскій, съ другой стороны, уже заявлялъ свое желаніе быть назначеннымъ въ это посольство, да бывшій, три года тому назадъ, въ Россіи оберъ-маршалъ графъ Огинскій усильно просилъ меня, чтобъ по указу вашего величества требовать его назначенія въ послы, какъ знакомаго человѣка, насчетъ котораго ваше величество могли-бы быть увѣрены, что онъ меньше всѣхъ будетъ настаивать на Курляндскомъ дѣлѣ. Графъ Мнишекъ будетъ больше всѣхъ домогаться окончательнаго рѣшенія Курляндскаго дѣла; а Понятовскаго, который небогатъ и властолюбивъ, да Огинскаго легче ласками и подарками можно было бы удовольствовать".

Относительно поведенія своего на сеймѣ, Гроссъ получилъ изъ Петербурга слѣдующія наставленія: 1) держаться партіи князей Чарторыйскихъ, но наблюдать, чтобъ эта партія не предпринимала ничего для нарушенія вольности республики и ея уставовъ; князей Чарторыйскихъ ласкать и ихъ держаться, но и другихъ не бросать и не раздражать. Всѣми силами не допускать уничтоженія вольнаго голоса (liberum veto). Если сеймъ состоится, то домогаться, чтобъ признаніе императорскаго титула Русскихъ государей внесено было въ конституцію. Если будутъ затрудненія относительно слова: „Всероссійская", то можно предложить, что императрица довольна будетъ и старымъ титуломъ—„всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи". Принять съ министрами республики достаточныя мѣры для прекращенія обидъ Греко-Россійскимъ церквамъ, задержанія бѣглыхъ и другихъ пограничныхъ жалобъ. Если польскіе вельможи станутъ отзываться о своемъ желаніи избѣжать замѣшательствъ послѣ смерти королевской, то отвѣчать въ общихъ выраженіяхъ, что они будутъ Россіею сильно защищены; что же касается тайнаго намѣренія польскихъ вельможъ совсѣмъ избѣжать междуцарствія избраніемъ напередъ преемника въ особѣ наслѣднаго принца Саксонскаго, то это предпріятіе является дѣломъ невозможнымъ, химерическимъ, ибо запрещено пактами, конвентами,

и едва ли кто осмѣлится сдѣлать подобное предложеніе на сеймѣ.

Сеймъ не состоялся по обычаю, и Гроссъ не могъ добиться никакого рѣшенія ни относительно выдачи бѣглыхъ, ни относительно возвращенія Православныхъ церквей и позволенія починять обветшавшія. Гроссъ предлагалъ своему Двору, чтобъ Греко-Русская Церковь въ Литвѣ имѣла искуснаго генеральнаго прокуратора, который защищалъ бы постоянно ея права во всѣхъ судахъ, а безъ этого можно опасаться, что эта Церковь мало-по-малу совсѣмъ исчезнетъ. „Одни представленія министровъ вашего величества", писалъ Гроссъ, „какъ бы ни были часты и сильны, желаемый покой вашимъ единовѣрцамъ доставить не могутъ, и теперь, по разорваніи сейма, очень сомнительно, захотятъ ли министры вступить со мною въ конференціи" [1]).

Любопытны отношенія русской политики въ Польшѣ къ политикѣ союзнаго Двора—Англійскаго и враждебнаго—Французскаго: англійскій посланникъ при Польско-Саксонскомъ Дворѣ, Уильямсъ, сблизился съ Чарторыйскими и потакалъ ихъ видамъ относительно преобразованій; французскій посланникъ, графъ Брольи, наоборотъ, хлопоталъ, чтобъ все оставалось попрежнему, и сблизился съ гетманомъ Браницкимъ; такимъ образомъ, Брольи дѣйствовалъ въ видахъ Русскаго Кабинета, который также прежде всего заботился о сохраненіи существующаго порядка, т.-е. безпорядка въ Польшѣ. Что касается непосредственныхъ сношеній Англіи съ Россіею, то король Англійскій приступилъ къ договору, заключенному между Россіею и Австріею въ 1746 году, причемъ Россія приняла даже секретную статью о защитѣ Ганноверскихъ владѣній въ томъ случаѣ, если-бъ они подверглись нападенію за приступленіе Георга II къ означенному договору. Русскому правительству, въ его финансовыхъ затрудненіяхъ, сильно хотѣлось, чтобъ морскія державы, Англія и Голландія, опять давали ей субсидію за содержаніе значительнаго корпуса войскъ на лифляндскихъ границахъ, для сдержанія Пруссіи. Но когда Чернышевъ началъ говорить объ этомъ герцогу Ньюкестлю, тотъ отвѣчалъ, что последняя война увеличила государственный долгъ Англіи тридцатью милліонами фунтовъ, и, потому, большихъ субсидій она выдавать теперь не въ состояніи, тѣмъ болѣе что рѣшено выдавать субсидіи Саксонскому Двору, именно по представленіямъ Русскаго же Двора. Чернышевъ возражалъ, что императрица въ требованіи субсидій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ общую пользу, общее дѣло европейскаго равновѣсія, собственно же русскій интересъ находится на второмъ планѣ и только въ связи съ общимъ интересомъ, субсидіи послужили бы только къ нѣкоторому облегченію въ содержаніи войска, находящагося постоянно въ готовности выступить за границу и стоящаго именно въ мѣстахъ, гдѣ все дороже, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ имперіи; было бы неестественно, чтобъ сопряженныя съ этимъ тягости падали на одну Россію. Не нужно говорить о томъ, что содержаніе такого корпуса необходимо для прекращенія злыхъ намѣреній относительно нарушенія европейскаго равновѣсія Что же касается до увеличенія государственнаго долга Великобританіи, то это явленіе всего лучше доказываетъ необходимость принимать мѣры для предупрежденія дорого стоящей войны; требуемыя субсидіи имѣютъ характеръ обезпеченія, и государства должны подражать умнымъ купцамъ, которые, для сбереженія своего капитала, отправляемаго на корабляхъ, застраховываютъ его, платя малый процентъ. Но эти представленія не имѣли никакого успѣха [2]).

Съ юга, изъ Константинополя, приходили извѣстія успокоительныя. По смерти Адріана Неплюева, въ Константинополь повѣреннымъ въ дѣлахъ былъ отправленъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, секундъ-маіоръ Алексѣй Обрѣзковъ, переименованный въ надворные совѣтники; въ докладѣ Иностранной Коллегіи о немъ говорилось: „Сей маіоръ Обрѣзковъ для того способнымъ къ тому признавается, что онъ уже былъ тамо при здѣшнихъ резидентахъ Вишняковѣ и Неплюевѣ около десяти лѣтъ и въ тамошнихъ поведеніяхъ довольное знаніе имѣетъ". Въ іюлѣ 1751 года Обрѣзковъ пріѣхалъ въ Константинополь и далъ знать своему Двору, что безъ дальнихъ его претензій получилъ отъ Порты такія почести, какихъ не давалось ни одному человѣку, бывшему въ его характерѣ, несмотря на внушенія французскаго посла Дезальера, который представлялъ Портѣ, какъ Россія ею пренебрегаетъ: прислала только повѣреннаго въ дѣлахъ, и пусть Порта не вѣритъ Обрѣзкову, что скоро пріѣдетъ резидентъ,—Россія никого не пришлетъ и Обрѣзкова не сдѣлаетъ резидентомъ, по своей безмѣрной гордости.

Въ началѣ 1752 года Обрѣзковъ получилъ письмо отъ Черногорскаго митрополита, Саввы Петровича, такого содержанія: „Послѣ Прутскаго мира аги подгорическіе держатъ земли церковныя, которыя принадлежали нашему каѳедральному монастырю Цетинскому, и земли прочихъ монастырей; аги говорятъ, что султанъ далъ имъ эти земли въ наказаніе Черногорцамъ за ихъ вѣрность къ Русскому Двору: за любовь Господа Іисуса подвигнись на оборону нашу, по обѣщанію великой государыни императрицы Елисаветы Петровны, во всей вселенной Православія надзирательницы, нашей милостивѣйшей патронки и защитницы; стань при Дворѣ Султанскомъ и освободи церковины (церковныя земли), потому что мы никоимъ образомъ безъ нихъ не можемъ жить, и если мы уйдемъ съ Черной Горы, то народъ сильно пострадаетъ, какъ овцы, неимущія пастыря. И за церкви нашего монастыря Цетинскаго мы даемъ агамъ подгорическимъ по 20

[1]) Дѣла Польскія, 1751 и 1752 гг.

[2]) Дѣла Англійскія 1751 и 1752 гг.

золотыхъ червонныхъ. Если прикажете, то мы пришлемъ къ вамъ родственника нашего съ описями захваченныхъ у насъ церковныхъ земель".—„Преосвященный владыко"! отвѣчалъ Обрѣзковъ: „изъ пріятнѣйшаго письма вашего, съ прискорбіемъ, я усмотрѣлъ ваши изнуренія, и чѣмъ сильнѣе во мнѣ желаніе оказать вамъ услугу, тѣмъ болѣе соболѣзную, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ ничего не могу сдѣлать въ вашу пользу, ибо изнуреніе вамъ дѣлается въ денежныхъ налогахъ, но всѣмъ и вездѣ то-же достается, и которые пріѣзжали сюда для поправленія дѣлъ,—только наибольшій вредъ себѣ получили, чему я многіе примѣры видѣлъ. Итакъ, по истинному усердію моему къ вашему преосвященству и всѣмъ вашимъ однородцамъ, совѣтую удержаться отъ посылки сюда вашего родственника и съ терпѣніемъ стараться удовольствовать изнурителей, ибо что вы въ вашемъ мѣстѣ двадцатью червонными сдѣлать можете, то здѣсь и двумя стами не успѣете. Я васъ покорнѣйше прошу содержать настоящее дѣло втайнѣ, также и посылаемымъ отъ васъ ко мнѣ наказывать, чтобъ никому не открывались: такая осторожность необходима для нашей переписки". Митрополичьяго посланнаго Обрѣзковъ устно увѣрилъ, что онъ имѣетъ повелѣніе императрицы стараться объ ихъ пользѣ, только теперь надобно потерпѣть и никого не присылать въ Константинополь. „Это я сдѣлалъ", писалъ Обрѣзковъ, „чтобъ ихъ безъ отвѣта не оставить и отказомъ не огорчить, но, сколько можно, держать усердными къ высочайшимъ вашего императорскаго величества интересамъ"

Греческое духовенство, и особенно митрополитъ Ираклійскій, нѣсколько разъ говорили Обрѣзкову, какъ бы полезно было учредить въ Россіи печатаніе греческихъ церковныхъ книгъ, а теперь подали слѣдующую записку: „Кромѣ оскорбленій и нападокъ отъ невѣрныхъ, терпимъ всегдашнее гоненіе отъ папистовъ, которые называются единовѣрными христіанами. Вселившаяся издавна въ сердцахъ ихъ ненависть противъ Восточной Церкви и понынѣ еще не миновалась, но возобновляется и въ цвѣтущемъ состояніи пребываетъ. Такъ какъ у насъ нѣтъ другого оружія, кромѣ книгъ отеческихъ и богослужебныхъ, то они злостно испортили эти наши книги, введя въ нихъ свои правила, несообразныя съ нашимъ Православнымъ обрядомъ, ибо книги наши печатаются въ ихъ типографіяхъ. Но мы, размысля, что Богъ еще не вовсе лишилъ насъ благодати Своей и облегчилъ наше иго богохранимою Россійскою монархіею, безпорочною въ церковныхъ обрядахъ, правилѣ и исповѣданіи, дщерію Восточной Церкви, усердно просимъ принять трудъ донесть Всероссійскому Двору, дабы ея императорское величество соизволила повелѣть въ какомъ-либо мѣстѣ своей имперіи установить печатаніе нашихъ книгъ".

23 марта Обрѣзковъ имѣлъ конференцію съ великимъ визиремъ. Послѣдній объявилъ, что миролюбивыя чувства султанова величества уже каждому извѣстны; его величество ничего такъ не желаетъ, какъ жить въ доброй дружбѣ съ императрицею Всероссійскою; но, къ сожалѣнію, усматривается, что между Запорожскими казаками и Татарами день-ото-дня распри умножаются, и казаки Татарамъ несносныя наглости и обиды дѣлаютъ вопреки освященныхъ договоровъ. Султанъ сильно желаетъ, чтобъ изыскано было пристойное средство для прекращенія этихъ распрей, и русскій повѣренный въ дѣлахъ приглашается къ этому богоугодному дѣлу. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что императрица питаетъ тѣ же самыя чувства, что и султанъ; а онъ, повѣренный въ дѣлахъ, давно уже хлопочетъ о прекращеніи пограничныхъ столкновеній: именно, еще въ сентябрѣ прошлаго года подалъ блистательной Портѣ извѣстіе о смертоубійствахъ, плѣненіяхъ и грабежахъ, производимыхъ Татарами у Запорожскихъ казаковъ. Онъ ласкалъ себя надеждою, что обиженные получатъ удовлетвореніе, но, вмѣсто того, ему сообщены татарскія претензіи, обсудить которыя самъ онъ не имѣетъ никакихъ средствъ, за дальностью мѣстъ, но думаетъ, что лучшимъ средствомъ будетъ, если визирь прикажетъ хану, снесшись съ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, учредить коммисію для разсмотрѣнія взаимныхъ претензій и доставленія удовлетворенія; а чтобъ впредь не было никакихъ столкновеній, для этого необходимо съ обѣихъ сторонъ выдавать бѣглыхъ, ибо тогда дурные люди могутъ удержаться отъ преступленій, зная, что нигдѣ не получатъ безопаснаго убѣжища. Визирь отвѣчалъ, что прежніе бѣглецы, которыхъ можно будетъ переловить, непремѣнно выдадутся, и впредь принимаемы не будутъ, и предложилъ съ своей стороны еще средство: чтобъ Татары и казаки изъ границъ въ границы входили только черезъ тѣ рѣчныя переправы, которыя назначатся съ общаго согласія обоихъ государствъ; застава турецкая будетъ противъ заставы русской, и никому нельзя будетъ перейти границу, не имѣя билета отъ офицера, находящагося на заставѣ. Обрѣзковъ возразилъ, что это средство не поведетъ къ желаемой цѣли, потому что границы тянутся почти на триста часовъ пути: на этомъ разстояніи хотя и много рѣкъ, но онѣ не могутъ служить ни малѣйшимъ препятствіемъ Татарамъ и казакамъ переходить границу, а между рѣками открытая степь; да и можно ли на такомъ разстояніи поставить столько заставъ, чтобъ можно было усмотрѣть, кто ѣдетъ съ билетомъ, или безъ билета Визирь сначала былъ сильно пораженъ этимъ замѣчаніемъ; но потомъ началъ утверждать, что не требуется разставить всюду заставы, но въ нѣкоторыхъ, неминуемо проѣзжихъ мѣстахъ, купцамъ и другимъ добрымъ людямъ по тропинкамъ ѣздить, и эти заставы миновать не для чего; а кто ихъ минетъ, то этимъ самымъ покажетъ, что ѣздилъ для воровства и другихъ шалостей; такихъ всѣхъ забирать подъ караулъ и отсылать къ офицерамъ, и если ихъ накажутъ, то прочіе поудержатся; если-же и послѣ

того казаки потерпятъ какой вредъ, то Порта обязывается отвѣчать. Обрѣзковъ счелъ минуту благопріятною добиться того, чего давно желало Русское правительство, именно—имѣть постоянно въ Крыму агента, подъ именемъ консула или другимъ какимъ-либо. „Лучшее средство прекратить всѣ распри есть слѣдующее", сказалъ онъ: „пусть безвыѣздно живетъ при Крымскомъ ханѣ офицеръ отъ Кіевскаго генералъ-губернатора, съ обязанностью защищать русскихъ подданныхъ, находящихся въ Крыму; другой офицеръ будетъ жить въ Сѣчи для защиты Татаръ отъ Запорожскихъ казаковъ. Оба эти офицера, имѣя между собою переписку, старались бы прекращать всѣ столкновенія между Татарами и казаками, и, будучи на мѣстѣ, легко могли бы изслѣдовать истину и доставлять удовлетвореніе—одинъ у хана, другой у кошевого, и блистательная Порта избавилась бы отъ докукъ". Но тутъ визирь, и особенно рейсъ-еффенди, начали, въ свою очередь, доказывать, что отъ присутствія русскаго офицера въ Крыму будетъ мало пользы, потому что всѣ безпорядки происходятъ въ степи, и офицеры такъ же мало о нихъ могутъ знать, какъ ханъ и Кіевскій генералъ-губернаторъ. Явно было, что Порта не прочь принять мѣры для прекращенія столкновеній между Запорожцами и Татарами; она поспѣшила отстранить столкновеніе съ Россіею по поводу Кабарды, предписавши хану немедленно вызвать оттуда своихъ сыновей. Въ Петербургѣ гораздо болѣе тревожились тѣмъ положеніемъ, какое Турція могла принять относительно Персіи, въ которой продолжалась смута и которая должна была укрощать возстанія Афганцевъ съ одной стороны, Грузинъ—съ другой. Въ рескриптѣ Обрѣзкову, въ апрѣлѣ 1752 года, говорилось: „По Персидскимъ дѣламъ трудовъ и издержекъ жалѣть вамъ не слѣдуетъ. Въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Порта по своимъ интересамъ и единовѣрію будетъ подъ рукою помогать Афганцамъ и не допускать усиливаться Грузинцевъ, которыхъ она съ Греками не различаетъ. Если мы сами въ Персидскія дѣла не вступаемся, то не можемъ не посовѣтовать и Портѣ слѣдовать нашему примѣру; вы должны внушить турецкимъ министрамъ, что Порта должна дать Персіянамъ самимъ уладить свои дѣла, ибо отъ нихъ, по ихъ слабости, турецкимъ границамъ никакой опасности быть не можетъ. Притомъ вы не должны подавать вида, что это насъ очень обезпокоиваетъ; мы только совѣтуемъ Портѣ, а приневоливать ее не хотимъ; повторите турецкимъ министрамъ, что мы до сихъ поръ Грузинцамъ помощи не подаемъ; что этотъ народецъ не заслуживаетъ вниманія такой знатной державы, какъ Порта; досадовать на нихъ ей не за-что. Эти ваши внушенія должны вызвать со стороны турецкихъ министровъ отвѣтъ, изъ котораго можно будетъ что-нибудь извлечь относительно рѣшенія Порты".

Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежняя горячность, съ какой хотѣли помогать Афганцамъ, прохладилась, и такъ какъ успѣхи Грузинцевъ не такъ велики, то и съ этой стороны подозрѣніе уменьшилось; народъ сильно ропщетъ, что единовѣрныхъ Афганцевъ оставляютъ безъ помощи, а Грузинцамъ даютъ усиливаться; но султанъ, несмотря на то, изъ принятой системы не выступаетъ. „Я", писалъ Обрѣзковъ, „предложу Портѣ совѣты высочайшаго Двора, когда достаточную нужду увижу, а безъ достаточной нужды вмѣсто пользы вредъ произойти можетъ, ибо все, что ни будетъ предложено съ нашей стороны, услышатъ неохотно; Порта не можетъ себѣ представить, чтобъ Грузинцы не получали помощи отъ Россіи, и мои внушенія только утвердятъ ее въ этомъ предположеніи".

Въ Россіи боялись, чтобъ Турція не приняла участія въ дѣлахъ Персидскихъ; со стороны же самой Персіи были совершенно покойны. Заведенный при шахѣ Надирѣ флотъ персидскій, который такъ безпокоилъ дочь Петра Великаго, теперь не существовалъ болѣе. Осенью 1752 года канцлеръ доложилъ императрицѣ, о награжденіи морскихъ офицеровъ и служителей которые въ 1751 году изъ Астрахани были посланы къ персидскимъ берегамъ и тамъ тайно сожгли два корабля, построенные Англичаниномъ Элтономъ. Елисавета велѣла повысить каждаго однимъ чиномъ и раздать имъ 3,000 рублей.

Между тѣмъ движеніе Православнаго народонаселенія въ Россію изъ австрійскихъ областей не могло не отозваться и въ областяхъ турецкихъ. Въ октябрѣ 1752 года отправленъ былъ Обрѣзкову рескриптъ слѣдующаго содержанія: „Нынѣшнимъ лѣтомъ изъ Молдавіи и пограничныхъ съ нею мѣстъ нѣкоторые Болгары, Греки и Волохи являлись къ генералъ-маіору Хорвату для освѣдомленія объ устройствѣ новаго поселенія и о полинности нашей высочайшей милости; одни остались; другіе, освѣдомясь, возвратились для объявленія своимъ соотечественникамъ. Между прочими, пріѣзжалъ изъ Молдавіи шляхтичъ Замфирановичъ съ обѣщаніемъ, что скоро переселятся къ намъ изъ Православныхъ народовъ—Болгаръ, Грековъ и Волоховъ—до тысячи семействъ. Надлежало бы за такую ревность не только имъ не отказывать, но принять съ милостью и награжденіемъ: только препятствіемъ служитъ то, что когда Волошскій господарь станетъ жаловаться Портѣ на такой ихъ своевольный переходъ и пріемъ, то не стала бы Порта требовать ихъ возвращенія, какъ перебѣжчиковъ, въ силу 8 параграфа мирнаго договора 1739 года, гдѣ именно условлено возвращать перебѣжчиковъ съ обѣихъ сторонъ. Потому вы должны освѣдомиться у надежныхъ людей, какимъ способомъ могло бы быть исходатайствовано у Порты ихъ увольненіе; не имѣютъ ли изъ тѣхъ народовъ нѣкоторые такихъ привилегій, по которымъ можно было бы имъ вступать въ чужестранную службу, слѣдовательно выѣзжать изъ отечества. Извѣстно, что не только изъ Волоховъ (которые, надобно думать, Турками не завоеваны, но

поддались добровольно и, можетъ быть, на какихъ-нибудь условіяхъ), но и многіе Греки въ иностранной службѣ и для купечества въ разныхъ мѣстахъ находятся и вовсе жить остаются съ семействами: надобно знать, на какомъ основаніи это бываетъ. До сихъ поръ еще не слышно было, чтобъ Порта за такихъ Волоховъ и Грековъ увязывалась и требовала ихъ назадъ. По этому примѣру можно надѣяться, что Порта не станетъ удерживать и требовать назадъ и выходящихъ къ намъ, какъ христіанъ, а не магометанъ; но прежде всего будемъ ожидать вашего разъясненія. Между тѣмъ этихъ выходцевъ принимать въ наши границы не велѣно; строеніе крѣпостей въ Новой Сербіи нынѣшнимъ лѣтомъ начато не будетъ; Сербы и другіе народы, по малому ихъ выходу, селятся только по границѣ съ Польшею—отъ Архангельскаго городка къ рѣкѣ Бугу, также по рѣкамъ Синюхѣ и Висѣ, гдѣ и прежде было малороссійское поселеніе; все это отъ турецкой границы отошло далеко, о чемъ вы можете повторить Портѣ, въ случаѣ какихъ-нибудь отзывовъ".

Обрѣзковъ отвѣчалъ 1-го декабря, что если Порта позволяетъ своимъ подданнымъ ѣздить за промыслами въ чужія земли и даже оставаться тамъ, то это происходитъ вовсе не на основаніи какихъ-нибудь привилегій, а по обычаю и нерадѣнію, тѣмъ болѣе-что такихъ и немного; и еслибы ея подданные стали выходить въ Россію безъ огласки и селиться не такъ близко къ ея границамъ, то едва ли бы стала требовать ихъ возвращенія, особенно не желая выдавать магометанъ, отъ времени до времени перебѣгающихъ къ ней изъ русскихъ владѣній. Но не можетъ быть никакого успѣха, если-бъ съ русской стороны было сдѣлано предложеніе Портѣ отпустить христіанъ добровольно. Выпускъ народа изъ государствъ дѣлается обыкновенно по двумъ причинамъ: или когда государство переполнено жителями, такъ-что земля прокормить не можетъ; или въ случаѣ появленія какой-нибудь ереси, когда выпускомъ или изгнаніемъ еретиковъ хотятъ предупредить опасность для вѣры. „Но въ Турціи области пусты, особенно Валахія и Молдавія: въ первой, исключая Бухарестъ, только около 40,000; во второй, исключая Яссы, только до 25,000 душъ считается. Лучшаго способу не нахожу, какъ—чтобы желающіе выселиться выходили въ небольшомъ количествѣ, безъ огласки, непремѣнно, и при поселеніи перемѣшивать ихъ съ другими народами, и мнѣ уже извѣстно, что Молдавскій князь, открывъ намѣреніе переселяться, устроилъ заставы по Днѣстру. Впрочемъ, для наполненія Новой Сербіи народомъ и чтобъ въ постройкѣ для охраны этой страны крѣпостей убытка не было, не благоугодно ли будетъ вызвать бѣжавшихъ изъ Россіи раскольниковъ, которыми наполнены многія превеликія деревни по польской границѣ и ниже по Днѣстру" [1]).

[1]) Дѣла Турецкія 1751 и 1752 гг.—Доклады 2 ноября 1752.

Мы видѣли, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили въ Петербургѣ за шведскими движеніями; какъ ждали здѣсь опаснаго для русскихъ интересовъ переворота по смерти королевской и готовились препятствовать ему вооруженною силою. Въ описываемое время туча разсѣялась.

Въ началѣ 1751 года Панинъ увѣдомилъ свой Дворъ, что медики и на однѣ сутки не ручаются за жизнь королевскую, и что малолѣтній сынъ кронпринца, Густавъ, помолвленъ на дочери Датскаго короля. „Не безъ основанія ожидать надобно", писалъ Панинъ, „что это новое соединеніе двухъ Дворовъ, которое производится французскою хитростью, просто не кончится однимъ мечтательнымъ младенческимъ сговоромъ, но, конечно, каждый Дворъ будетъ стараться этимъ средствомъ достигнуть своихъ дальнѣйшихъ видовъ. Хотя здравомыслящая часть здѣшняго народа не много себѣ обѣщаетъ выгоды изъ новыхъ обязательствъ съ Датскимъ Дворомъ, да и вожди господствующей партіи сами знаютъ, какъ мало имъ можно полагаться на этотъ Дворъ, однако они стараются увѣрить большинство, что Данія, при всѣхъ случайностяхъ, будетъ дѣйствовать съ Швеціею заодно, чтобъ положить предѣлы усиленію Россіи".

25 марта король умеръ рожею, окончившеюся антоновымъ огнемъ. На другой день сенатъ, собравшись въ комнаты покойнаго, привѣтствовалъ наслѣднаго принца королемъ, и графъ Тессинъ прочелъ актъ клятвеннаго обѣщанія, который новый король подписалъ. Обѣщаніе состояло въ томъ, чтобъ управлять по установленной формѣ и считать своими непріятелями и измѣнниками отечеству тѣхъ, которые будутъ, подъ какимъ-либо видомъ, стараться о возстановленіи самодержавія. Въ то-же утро графъ Тессинъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ иностранныхъ министровъ, назначивши Панину время часомъ ранѣе предъ другими. Объявивши о восшествіи на престолъ и присягѣ Адольфа-Фридриха, Тессинъ прибавилъ: „Хотя король не преминетъ своеручною грамотою увѣрить ея императорское величество въ своемъ полномъ признаніи ея высокихъ благодѣяній, однако проситъ и васъ предварительно удостовѣрить какъ ея величество, такъ и его высочество, своего ближняго родственника, въ совершенной своей признательности и преданности, и что не опуститъ ничего, что будетъ содѣйствовать усиленію доброй дружбы и тѣснаго согласія между высокими Дворами". Извѣщая объ этомъ разговорѣ, Панинъ прибавляетъ: „Основательно можно сказать, что мудрое вашего императорскаго величества въ здѣшнихъ дѣлахъ поведеніе достигло своей цѣли, ибо безъ этого такой точный актъ обнадеживанія при нынѣшнемъ случаѣ не явился бы. Опытъ показалъ, какъ прежде, особенно при окончаніи послѣдняго сейма, при всякихъ дѣлахъ мало заботились о напоминаніи правительственной формы и основныхъ правъ: такъ, въ установленныхъ тогда кавалерскихъ присягахъ трехъ шведскихъ орденовъ

нѣтъ ни одного слова о національной вольности и правахъ; всякій можетъ понять, что настоящій поступокъ вынужденъ внѣшнимъ страхомъ и не мало не соотвѣтствуетъ принципамъ здѣшняго правительства, или, лучше сказать, господствующей партіи". Панинъ доносилъ, что новый король не имѣетъ ни малѣйшей склонности къ государственнымъ дѣламъ, но все удовольствіе поставляетъ въ солдатскихъ обрядахъ: каждый день пополудни, запершись въ своемъ кабинетѣ съ нѣкоторыми командами и офицерами, забавляется приведеніемъ въ совершенство военной экзерциціи. „Я говорю забавляется", писалъ Панинъ, „для того, что тутъ не о распространеніи науки или искусства командующихъ генераловъ, но въ единыхъ мушкетныхъ пріемахъ упражняются, въ чемъ уповательно и впредь бо́льшая часть его царствованія обращаться будетъ, такъ-что смѣло сказать возможно, что сей государь своею персоною не будетъ страшнымъ сосѣдомъ".

На извѣщеніе о смерти королевской, Панинъ получилъ въ отвѣтъ изъ Петербурга рескриптъ, въ которомъ императрица предписывала ему: „Нашимъ именемъ дайте знать, что намъ весьма пріятно было увѣдомиться о томъ, какимъ образомъ его величество король въ началѣ своего государствованія о своей признательности и преданности къ намъ и нашему племяннику предварительныя увѣренія подать изволилъ, и что мы именно повелѣли вамъ наисильнѣйшимъ образомъ его величество увѣрить, что мы по толь ближнему свойству, какъ прежде, такъ и нынѣ въ благополучіи его величества и въ настоящемъ возвышеніи его въ королевское достоинство совершенное и истинное участіе имѣемъ и равномѣрно съ своей стороны все то поспѣшествовать охотно желаемъ, еже-бы токмо къ распространенію доброй дружбы и тѣснаго согласія обоихъ нашихъ Дворовъ служить могло. Впрочемъ, собою разумѣется, что вамъ довольно примѣчаніе имѣть надлежитъ на поведеніе и поступки новаго короля и министерства: въ какихъ сентиментахъ они пребудутъ въ разсужденіи нашего, также и другихъ Дворовъ, и не возымѣютъ ли тамошнія дѣла иного виду, ибо король, по сіе время коронпымъ наслѣдникомъ и подъ руковожденіемъ преданнаго Франціи и Пруссіи министерства будучи, хотя и не имѣлъ къ нашей сторонѣ должной аттенціи и соотвѣтственнаго нашимъ благодѣяніямъ поведенія, но можетъ быть нынѣ, при совершенномъ достиженіи короны, которую онъ нашимъ стараніемъ получилъ, одумается и внутренно побужденъ будетъ къ намъ свое признаніе возымѣть и стараться между обоими Дворами наилучшую дружбу и доброе согласіе содержать, отчего мы, съ своей стороны, не токмо не удалены, но и весьма бы того желали, яко же для того и вамъ при всякихъ случаяхъ, какъ съ министерствомъ, такъ и при Дворѣ королевскомъ, хотя съ потребною осмотрительностью, однакожъ такое обхожденіе имѣть надобно, какъ бы то наидружественнаго Двора министру принадлежало, и по всякой возможности стараться короля къ нашей сторонѣ приласкать; а когда удобные случаи къ тому подадутся, то какъ самому королю, такъ и министрамъ пристойнымъ образомъ внушить, что свойство и собственный королевства Шведскаго интересъ того требуетъ, чтобъ Швеція съ нами предпочтительно другимъ державамъ въ постоянной дружбѣ и добромъ согласіи пребывала; и что она же всегда болѣе отъ насъ, нежели отъ другихъ сторонъ, пользы себѣ ожидать можетъ, а генерально притомъ и Сѣверный покой тѣмъ наилучше содержанъ быть имѣетъ."

Панинъ передалъ эти заявленія графу Тессину, и тотъ чрезъ нѣсколько времени отвѣчалъ, что король слушалъ ихъ съ наичувствительнѣйшею радостью, и что каждый день его царствованія будетъ отмѣченъ новымъ попеченіемъ не только просто отвѣчать чувствамъ императрицы, но истреблять малѣйшіе остатки подозрѣнія насчетъ его чувствъ, подозрѣнія, которое нѣкогда внушено недоброжелательными людьми. Тессинъ увѣрялъ, что они не имѣютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ добрыхъ расположеніяхъ императрицы, что подтверждается и декларацією Панина и донесеніемъ шведскаго министра въ Петербургѣ, который писалъ, что, по поводу перемѣнъ въ Швеціи, канцлеръ отозвался къ нему очень благосклонно и откровенно. „Король", кончилъ Тессинъ, „не преминетъ стараться своимъ поведеніемъ подкрѣплять точность и силу договоровъ между Россіею и Швеціею. Намъ о распространеніи Земли своей помышлять нельзя: мы были-бы счастливы, если-бъ настоящую свою область настолько могли населить людьми, сколько пространство ея требуетъ.".

Въ началѣ іюня страшный, небывалый трехдпевневный пожаръ испепелилъ Стокгольмъ. Отчаянный народъ сталъ кричать о зажигателяхъ, причемъ начало повторяться имя русскаго министра, ибо въ толпѣ не знали о перемѣнѣ отношенія Россіи къ Швеціи, и недавно передъ тѣмъ схваченъ былъ Финляндецъ Викманъ, ведшій переписку съ русскимъ посольствомъ о состояніи Финляндіи и о выборѣ въ этой странѣ сеймовыхъ депутатовъ. Панинъ отправился къ Тессину, чтобъ указать на ту крайность, до которой злонамѣренные люди успѣли довести ненависть къ русскому имени, и не время ли уже министерству обратить вниманіе на происходящую оттого помѣху укрѣпленію дружбы, въ которой показывается теперь столько готовности, и стараться о перемѣнѣ направленія въ общественномъ мнѣніи. Тессинъ отвѣчалъ, что онъ совершенно раздѣляетъ мысли Панина, и предложилъ ему, не хочетъ ли онъ, по примѣру французскаго посла, имѣть караулъ при своемъ домѣ. Панинъ отвѣчалъ, что караулъ ему вовсе ненадобенъ; что онъ не имѣетъ причины опасаться народнаго противъ себя возмущенія, и отдаетъ справедливость народу, который, дѣйствительно, могъ-бы позволить себѣ какой-нибудь дерзкій поступокъ, если принять

во вниманіе силу тѣхъ враждебныхъ Россіи внушеній, какія дѣлались людьми, стоящими выше черни. „Меня одно огорчаетъ“, продолжалъ Панинъ, „что при моемъ личномъ расположеніи къ Швеціи и зная дружбу нашихъ государей, съ нѣкотораго времени нахожусь принужденнымъ видѣть себя министромъ между четырехъ стѣнъ; чѣмъ ближе дѣла приходятъ къ своему естественному состоянію, тѣмъ сильнѣе злые люди стараются марать меня въ обществѣ, и привели дѣло къ тому, что каждый Шведъ считаетъ простую учтивость со мною государственнымъ преступленіемъ. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы жаловаться или требовать какого-нибудь удовлетворенія, но представляю вамъ это частнымъ образомъ, зная вашу благонамѣренность.“ Тессинъ отвѣчалъ обѣщаніемъ стараться объ уничтоженіи непріязненныхъ къ Россіи внушеній. Возвратясь послѣ этого разговора домой, Панинъ не успѣлъ еще отобѣдать, какъ по всѣмъ площадямъ столицы раздались звуки трубъ: читали королевскій указъ, чтобъ никто не смѣлъ, подъ страхомъ смертной казни, обвинять иностранныхъ министровъ въ зажигательствѣ.

Вслѣдъ затѣмъ Панинъ донесъ о перемѣнѣ положенія шведскихъ партій: сенатъ началъ стремиться къ усиленію своей власти насчетъ королевской; главами этой сенатской партіи были — Гепкенъ, Палмстерна и графъ Гилленборгъ. Тѣ же, которые не находили своего интереса въ распространеніи сенатской власти и боялись, что пріобрѣтенныя ими милости отъ Двора останутся для нихъ безполезными, думали объ устройствѣ противоположной партіи; самымъ дѣятельнымъ между такими людьми явился генералъ-маіоръ графъ Ливенъ: онъ старался королевскимъ именемъ составить партію изъ военныхъ и изъ прежнихъ колпаковъ, съ цѣлію ограниченія сенатской власти въ пользу короля, особенно относительно назначенія въ чины и должности. Обѣ партіи старались привлечь къ себѣ французскаго посла, потому что обѣ во внѣшней политикѣ держались одинаково французской системы. Панинъ писалъ, что, по его мнѣнію, онъ долженъ держать себя тихо и уединенно, чтобъ своимъ движеніемъ не помѣшать злой партіи разодраться; онъ писалъ также, что не должно принимать предложенія Англіи подкупомъ доставить на будущемъ сеймѣ ландмаршальство Окергельму, для чего Лондонскій Дворъ давалъ 1,000 гиней: Панинъ утверждалъ, что это поздно и не будетъ имѣть никакого успѣха, тѣмъ болѣе что Окергельмъ считается отъявленнымъ врагомъ короля.

Начался сеймъ и вмѣстѣ борьба Гилленборговой - сенатской и Ливеновой — придворной партіи, причемъ французскій посолъ явно сталъ на сторону первой. Это возбудило къ нему холодность въ королѣ, а королева прямо упрекала его въ желаніи мѣшаться въ домашнія дѣла королевства и противополагала его поведенію образцовое поведеніе Панина. „Такая смута“, писалъ Панинъ, „могла бы подать надежду вырвать короля изъ французскихъ рукъ, если-бъ вокругъ его были все добрые люди и если-бъ тому не препятствовало особенное уваженіе короля, больше же всего — королевы, къ Пруссіи“. Въ декабрѣ 1751 года, Панинъ далъ знать, что на сеймѣ никакой опасности для настоящей правительственной формы не предвидится, что́ неоспоримо должно быть признано плодомъ мудраго раченія и твердости императрицы; теперь по его мнѣнію, интересы Россіи требуютъ только наблюденія надъ принимаемыми при Шведскомъ Дворѣ мѣрами въ политическихъ дѣлахъ. Изъ этихъ дѣлъ на первомъ планѣ было предложеніе французскаго посла Давранкура, чтобъ Швеція заключила союзъ съ Франціею и Пруссіею для возведенія на Польскій престолъ принца Конти. Объ этомъ сказалъ Панину австрійскій резидентъ и подтвердили два его пріятеля, одинъ — сенаторъ, а другой — членъ секретнаго комитета. Изъ ихъ рѣчей Панинъ увѣрился, что Франція и Пруссія домогались въ Стокгольмѣ новыхъ рѣшительныхъ обязательствъ противъ Россіи на нѣкоторый случай. Впрочемъ Панинъ успокоивалъ свой Дворъ тѣмъ, что королевская партія занята внутренними дѣлами и не намѣрена впутывать свою страну въ трудныя внѣшнія отношенія; король того же мнѣнія, а генералъ Унгернъ и другіе придворные фавориты внушаютъ королевѣ, что она прежде всего должна имѣть въ виду пользу своихъ дѣтей и потому не можетъ предпочитать прусскій интересъ — шведскому. Панинъ доносилъ, что горделивое поведеніе королевы возбуждаетъ всеобщее неудовольствіе, не исключая и главныхъ приверженцевъ ея мужа. Она дошла дотого, что начала предписывать имъ, какія рѣчи они должны произносить въ сеймовыхъ собраніяхъ; при всѣхъ оборачивалась спиною къ тѣмъ, о которыхъ узнавала, что говорили противъ желанія королевскаго; также обращалась и съ сенаторскими женами, и нѣкоторые сенаторы поручили ей прямо объявить, что если она будетъ продолжать такіе пріемы, то они будутъ принуждены запретить своимъ женамъ ѣздить ко Двору. Придворная партія не только не оскорбилась, но была очень довольна этимъ заявленіемъ сенаторовъ: она думала, что это отучитъ королеву отъ самовластныхъ обычаевъ Прусскаго Двора и пріучитъ къ шведской людскости.

Къ Панину пріѣхалъ полковникъ Штакельбергъ и, описавъ плачевное состояніе Швеціи, повелъ рѣчь, что король самъ признается, какъ онъ обманутъ сенаторами, и есть большая надежда вырвать его изъ французскихъ рукъ; что друзья прислали его, Штакельберга, просить Панина, чтобъ тотъ откровенно высказалъ чувства своего Двора относительно ихъ короля, свое собственное мнѣніе и подалъ бы нужные совѣты для перемѣны политической системы; по ихъ мнѣнію, прежде всего надобно ввести въ сенатъ старыхъ сенаторовъ, — но противъ нихъ такъ много голосовъ на сеймѣ и въ секретномъ комитетѣ. Панинъ отвѣчалъ, что чувства

императрицы къ королю тѣ же самыя, какія она имѣла при восшествіи своемъ на престолъ, и она съ радостью готова принять его дружбу, если только онъ самъ ее предложитъ. Графъ Тессинъ заставилъ теперь себя благодарить за то, будто бы спасъ націю отъ великой опасности, грозившей со стороны Россіи; но есть ли малѣйшая вѣроятность, что государыня, столько уважающая христіанскую кровь, что и преступниковъ смертью не казнитъ, захотѣла бы проливать кровь вѣрныхъ своихъ подданныхъ и невинныхъ Шведовъ. Императрица всѣми способами старалась открыть глаза націи; но, не получа никакого успѣха, все свое вниманіе обратила на одно — на сохраненіе шведской вольности и существующей правительственной формы. Императрица никогда не ожидала нарушенія этой формы отъ самого короля; но ей извѣстны злые замыслы и продажныя души людей, въ рукахъ которыхъ король до сихъ поръ находился. Теперь эти люди, не получивъ возможности попрать вольность и права государственныхъ чиновъ, стараются, по крайней мѣрѣ, присвоить себѣ преимущества королевскія. Императрица никогда не переставала смотрѣть съ сожалѣніемъ, что родственный ей государь находится въ рукахъ собственныхъ злодѣевъ—и злодѣевъ Швеціи, тѣмъ болѣе-что у нея нѣтъ другой фамиліи, кромѣ Голштинскаго Дома. „Что же касается моего мнѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ", сказалъ Панинъ, „то, признаюсь, не вижу ничего такого, что-бы клонилось не только къ перемѣнѣ, даже къ ослабленію настоящей системы. Между вами первый человѣкъ—генералъ Унгернъ, который показываетъ себя ревнителемъ правъ королевскихъ; но онъ при всякомъ случаѣ разномыслія старается склонить стороны въ пользу принциповъ французской партіи". — „Мы сами", отвѣчалъ Штакельбергъ, „вполнѣ признаемъ эту робость и медленность генерала Унгерна, тѣмъ не менѣе могу увѣрить честью и совѣстью, что онъ человѣкъ благонамѣренный, и теперь, чувствуя себя оскорбленнымъ и побѣжденнымъ, сильно желаетъ перемѣнить систему. Сходно съ своимъ кроткимъ характеромъ, онъ старался устроить дѣла спокойно— и тѣмъ легче вырвать короля изъ рукъ французской партіи; онъ долженъ былъ поступать тѣмъ осторожнѣе, что въ нашей теперь королевской партіи много людей, преданныхъ французскимъ принципамъ, и король къ этимъ людямъ питаетъ еще нѣкоторое довѣріе. Я долженъ открыть вамъ въ крайнемъ секретѣ, что имѣю порученіе именно отъ генерала Унгерна спросить васъ, можете ли вы, безъ потери времени, помочь намъ въ нашемъ добромъ начинаніи. Мы намѣрены на сихъ дняхъ отправить четверыхъ надежныхъ людей въ провинціи, чтобъ послѣ праздниковъ привезти на сеймъ благонамѣренныхъ людей, которые должны дать большинство въ нашу пользу; всѣмъ извѣстно, что посолъ французскій уже давно даетъ деньги и обѣщаетъ дать еще больше, чтобъ, закупивъ большинство, поскорѣе окончить сеймъ и предоставить всю власть преданному Франціи сенату. Я со стыдомъ и горестью долженъ признаться, что въ испорченномъ и развращенномъ отечествѣ моемъ даже и души покупаются; поэтому и въ нашемъ предпріятіи только этимъ способомъ можно достигнуть большинства голосовъ. Съ королемъ намъ нужно обходиться чрезвычайно деликатно: злодѣй Тессинъ, какъ хищникъ, овладѣлъ имъ съ самаго начала и все время упражнялъ его въ сержантской должности, въ изученіи подробностей солдатской службы, такъ-что этотъ государь, кромѣ полка гвардіи, ничего не видалъ своими глазами,—такъ мало могъ изслѣдовать сущность дѣлъ". Панинъ отвѣчалъ, что онъ сочтетъ себя счастливымъ, если будетъ въ состояніи содѣйствовать ихъ доброму намѣренію, но для этого ему необходимо видѣться съ генераломъ Унгерномъ. Штакельбергъ замѣтилъ, что велика опасность, чтобъ господствующая партія не окончила сейма прежде, нежели съ другой стороны примутся надлежащія мѣры. На это Панинъ сказалъ, что если-бъ съ такою серьезностью принялись за дѣло съ начала сейма, и короля къ тому же склонили, то, можетъ быть, теперь дѣло доведено было бы до конца. Впрочемъ, нельзя слишкомъ бояться короткости времени, ибо когда двѣ коронованныя главы станутъ дѣйствовать искренно и единодушно, то могутъ господствовать и надъ самимъ временемъ, и, въ случаѣ нужды, созвать и другой сеймъ.

На третій день, поутру, Штакельбергъ явился опять къ Панину съ извѣстіемъ, что они никакъ не могли уговорить Унгерна повидаться съ русскимъ министромъ: онъ съ ужасомъ представляетъ себѣ гибельныя слѣдствія этого свиданія, если противная партія о немъ узнаетъ, ибо каждый членъ секретнаго комитета даетъ присягу не видаться съ иностранными министрами. Впрочемъ Штакельбергъ увѣрялъ, что Унгернъ твердъ въ своемъ предпріятіи и, въ доказательство, показалъ собственноручную его записку, заключавшую пункты, которые должны быть предложены Панину: 1) о вспоможеніи деньгами для посылки по провинціямъ; 2) чтобъ безъ потери времени русскимъ полкамъ велѣно было придвинуться къ шведскимъ границамъ; 3) издать въ Швеціи декларацію, что это движеніе направлено не противъ Двора и народа, но противъ предосудительнаго союза Швеціи съ Франціею и Даніею. Унгернъ, по словамъ Штакельберга, увѣрялъ честью, что если посылкою по провинціямъ составится большинство голосовъ и въ то же время придвинутся русскія войска, то надъ пятью сенаторами—Тессиномъ, Гепкеномъ, Палмстерномъ, Эренпрейсомъ и Вреде—наряжена будетъ коммисія, и вдругъ перемѣнятъ систему. „Такія дѣла", возразилъ Панинъ, „въ одинъ день не дѣлаются. Правда, я не вижу для нихъ физической невозможности; но гдѣ же основанія и побудительныя причины, которыми можно было бы склонить Русскій Дворъ издать означенную декларацію? Данія въ союзѣ съ Россійскою имперіею, и Дворъ императорскій не имѣетъ никакого поня-

тія, въ чемъ состоитъ здѣшній союзъ съ Франціею и Даніею, гдѣ его предосудительность русскимъ интересамъ. Правда, ея величество предпочитаетъ шведскую дружбу датской; но важность дѣла требуетъ особыхъ переговоровъ, я же, во все пребываніе мое здѣсь, съ генераломъ Унгерномъ, кромѣ погоды, ни о чемъ не разговаривалъ, и хотя бы однажды имѣлъ честь слышать отъ его величества о желаніи возстановить тѣсную дружбу и согласіе между Россіею и Швеціею".

Въ началѣ 1752 года произошло сильное столкновеніе между королемъ и сенатомъ: сенатъ большинствомъ голосовъ не утвердилъ офицеровъ, назначенныхъ королемъ, а король не утвердилъ офицеровъ, избранныхъ сенатомъ. Королевская партія все болѣе и болѣе чувствовала необходимость сблизиться съ Россіею; чувствовалъ это и самъ король, и Панинъ замѣчалъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи находился Адольфъ-Фридрихъ всякій разъ, какъ съ нимъ встрѣчался: онъ почти всегда краснѣлъ, глядя на него. Наконецъ, въ апрѣлѣ, король назначилъ Панину секретную аудіенцію: „Не какъ король, но какъ частный человѣкъ и пріятель вашъ, прошу увѣрить ея императорское величество въ моей совершенной преданности. Мнѣ давно хотѣлось повидаться съ вами; но вы сами знаете, какъ здѣсь примѣчаютъ всѣ мои движенія, и мнѣ нельзя было этого сдѣлать, не возбудивъ подозрѣнія въ другихъ державахъ. Вслѣдствіе довѣренности, какую питаю къ вамъ, не могу не припомнить о дѣлѣ несчастнаго Гольмера. Быть можетъ, при Дворѣ императрицы думаютъ, что Гольмеръ, во время пребыванія своего при мнѣ, старался въ пользу французскаго интереса; но увѣряю васъ, что ничего подобнаго я въ его поведеніи не примѣтилъ. Я бы принялъ какъ новое благодѣяніе со стороны ея императорскаго величества, если-бы Гольмеръ былъ освобожденъ".—„Я говорю", отвѣчалъ Панинъ, „съ такимъ государемъ, который истину, правосудіе и честь предпочитаетъ всему, и я бы не оправдалъ довѣрія вашего величества, если-бы осмѣлился скрыть что-нибудь. Вотъ почему я заявляю предъ вашимъ величествомъ свое оскорбленіе, что вы Гольмерово дѣло поставили новою пробою отношеній ея императорскаго величества, тогда какъ эти отношенія обозначились не въ частныхъ дѣлахъ, а въ поступкахъ, касающихся благополучія и пользы всего Шведскаго народа. Вашему величеству извѣстно, что императрица не изволитъ вмѣшиваться въ Голштинскія дѣла, и въ моей инструкціи предписано ни подъ какимъ видомъ до нихъ не касаться, чтобъ нисколько не стѣснять его императорское высочество въ законномъ управленіи отеческимъ наслѣдіемъ". — „Я объ этомъ дѣлѣ говорилъ съ вами приватно", прервалъ его король, и, повторивъ увѣренія своей преданности къ императрицѣ, сказалъ: „Я знаю людей, которые всегда старались отвратить меня отъ дружбы къ ея величеству и хлопотали, чтобъ я французскій интересъ предпочиталъ моему собственному; но будьте увѣрены, что они меня не проведутъ. Впередъ я хочу имѣть съ вами дѣло непосредственно; но хотя я желалъ бы постоянно разговаривать съ вами такимъ образомъ, какъ теперь, однако многія, вамъ извѣстныя причины не позволяютъ мнѣ этого дѣлать часто, и потому прошу имѣть довѣріе къ сенатору Левенгельму, посредствомъ котораго я буду всегда въ состояніи съ вами изъясняться откровеннѣе, чѣмъ чрезъ министерство, а между тѣмъ время отъ времени и здѣсь, въ кабинетѣ, могу съ вами видѣться".

Панинъ счелъ своею обязанностью представить императрицѣ свое мнѣніе по поводу этого разговора: „Такіе отзывы и заявленія его величества могли бы убѣдить, что онъ уже совершенно вступилъ на истинный путь, если-бы мнѣ не было навѣрное извѣстно, какъ онъ еще мало изволитъ помышлять о своихъ существенныхъ выгодахъ; онъ только ищетъ, такъ сказать, своеволія въ мелкихъ дѣлахъ, какъ-то: въ раздачѣ нижнихъ чиновъ и должностей и тому подобномъ, гдѣ бы сенатъ ему не прекословилъ. По моему мнѣнію, его величеству надобно еще большія досады потерпѣть отъ сенаторовъ, чтобъ перемѣнить сущность своихъ чувствъ. Ваше императорское величество сами усмотрѣть изволите, какъ онъ самъ себя открылъ приплетеніемъ Гольмерова дѣла; онъ думалъ, что простого выраженія склонности съ его стороны достаточно для исходатайствованія всего того, что къ его выгодѣ служить можетъ; а если-бъ эта попытка ему удалась, то онъ сталъ бы считать позволенными себѣ всѣ прихоти, не чувствуя нужды заслуживать знаки расположенія своимъ поведеніемъ".

Осенью Панинъ доносилъ: „Король отъ всѣхъ дѣлъ отсталъ, и, уединясь въ Дротнингсгольмѣ съ малымъ числомъ придворныхъ, руководится болѣе страстнымъ упрямствомъ, нежели пристойностью и здравымъ разсужденіемъ; а противная партія этимъ пользуется къ его предосужденію и по провинціямъ указываетъ на его своеобычіе и упрямство, чтобъ публика поставляла свое спасеніе въ ней одной. Было бы гораздо приличнѣе и надежнѣе, если-бъ его величество внимательнѣе занялся дѣлами и противныя общей пользѣ сенатскія разсужденія обличалъ своими письменными голосами, которые потомъ предъ государственными чинами послужили бы важными обвиненіями противъ сенаторовъ. А теперь сенатъ свободно можетъ внушать: посмотрите, какъ король недоволенъ, что долженъ править государствомъ по совѣту сената, и предпочитаетъ совсѣмъ покинуть дѣла, чѣмъ вести ихъ съ сенаторскаго согласія. Правда, для правильнаго и послѣдовательнаго веденія дѣлъ необходимъ хорошій и твердый планъ, а около короля нѣтъ людей, которые бы помогли ему въ составленіи и въ приведеніи въ исполненіе такого плана. Старые люди уже такъ знатны чинами и должностями, что не могутъ надѣяться болѣе никакихъ выгодъ отъ короля; а тѣ, которые въ малыхъ чинахъ и ждутъ своего счастія отъ короля, стараются ему угождать,

льстить его страстнымъ желаніямъ, и боятся подавать полезные совѣты; да такихъ совѣтовъ отъ нихъ и требовать нельзя, потому что они люди молодые, неимѣющіе достаточнаго свѣдѣнія въ дѣлахъ, и не могутъ что-либо отъ себя представлять ни королю, ни королевѣ, которая еще своенравнѣе, чѣмъ мужъ, и думаетъ въ своемъ страшномъ гнѣвѣ на сенатъ, что такимъ королевскимъ удаленіемъ отъ дѣлъ не только сенатъ, но и всѣ дѣла чувствительно наказываются. Королева не можетъ преодолѣть своей ненависти къ французскому посланнику и его женѣ, и какъ ни старается прикрыть ее вынужденными привѣтствіями, однако глаза часто измѣняютъ".

Съ перемѣною въ шведскихъ отношеніяхъ со времени восшествія на престолъ Адольфа-Фридриха измѣнялись и отношенія датскія. 25-го мая 1751 года, датскому министру въ Петербургѣ, графу Линару, была сообщена нота, что до сихъ поръ всѣ старанія и представленія съ русской стороны при Шведскомъ Дворѣ имѣли единственною цѣлью сохраненіе тишины на Сѣверѣ; новый король издалъ обнадеживаніе насчетъ сохраненія существующей правительственной формы, и потому императрица спѣшитъ сообщить Датскому Двору въ союзнической откровенности, что она этимъ обнадеживаніемъ и дальнѣйшими изъясненіями съ шведской стороны вполнѣ довольна и успокоена. Линаръ хлопоталъ, чтобъ окончены были какимъ-нибудь соглашеніемъ споры между его королемъ и наслѣдникомъ Русскаго престола по Шлезвигъ-Голштинскому вопросу, и просилъ для этого посредничества императрицы. Въ іюнѣ сообщена была ему промеморія, что императрица съ совершенною благодарностью признаетъ союзническую надежду, которую Датскій король полагаетъ на ея посредничество; она съ немалымъ удовольствіемъ желала-бъ видѣть окончаніе переговоровъ о Голштинскомъ дѣлѣ; но великій князь призналъ нужнымъ отложить это дѣло до другого времени, и потому императрица можетъ только обнадежить короля Датскаго, что голштинскія распри ни теперь, ни въ будущемъ не будутъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на дружественныя отношенія ея величества къ Даніи и нисколько ихъ не измѣнятъ. Легко понять, какое впечатлѣніе долженъ былъ произвесть этотъ отвѣтъ въ Копенгагенѣ: датскіе министры говорили австрійскому посланнику, графу Розенбергу, что изъ неясности отвѣта можно вывести то заключеніе, что великій князь старается протянуть дѣло до того времени, когда вступитъ на Русскій престолъ и получитъ средства подкрѣпить свои претензіи оружіемъ. Печальныя слѣдствія такого положенія для спокойствія Сѣвера, да и великой части Европы можно предусматривать, и потому король Датскій почти принужденъ помышлять о системѣ, посредствомъ которой могъ бы привести себя въ безопасность отъ такой страшной грозы. Король увѣренъ, что императрица, какъ миролюбивая и о благѣ своихъ подданныхъ пекущаяся государыня, ничего болѣе не желаетъ, какъ чтобъ этотъ камень преткновенія поскорѣе былъ отстраненъ и разорительная для обоихъ государствъ война была предупреждена; но здѣсь извѣстно, что великій князь нѣкоторыми людьми утверждается въ личномъ нерасположеніи къ Датскому королю и, потому, остается нечувствителенъ ко всѣмъ предложеніямъ, сдѣланнымъ съ здѣшней стороны. Немалое участіе принимаетъ здѣсь Прусскій король, который ничего такъ не желаетъ, какъ чтобъ русскій и датскій интересы были всегда раздѣлены и чтобъ оставалась причина къ будущимъ ссорамъ между обоими Дворами [1]).

Заявленія о томъ, что императрица вполнѣ довольна декларацією новаго Шведскаго короля, были вручены одинаково министрамъ всѣхъ Дворовъ, находившимся въ Петербургѣ, и по этому случаю австрійскій посолъ, въ письмѣ къ канцлеру Бестужеву, выразился, что обнадеживаніе, данное Адольфомъ-Фридрихомъ, надобно приписать только твердымъ и мудрымъ распоряженіямъ императрицы Всероссійской, и Марія-Терезія велѣла ему поздравить Елисавету съ этимъ происшествіемъ, доставляющимъ безсмертную славу послѣдней.

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1753 годъ.

Отъѣздъ Елисаветы въ Москву и положеніе этой столицы.—Пожаръ въ Головинскомъ дворцѣ.—Постройка новаго дворца.—Заговоръ Батурина.—Крестьянскія волненія.—Осторожность относительно пытки.—Распоряженія по поводу отмѣны смертной казни.—Мѣры противъ проволочки дѣлъ.—Финансовыя мѣры.—Учрежденіе банка для дворянства.—Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ.—Заботы о шелковомъ производствѣ.—Дѣла на окраинахъ.—Сближеніе канцлера Бестужева съ великою княгинею.—Назначеніе новаго канцлера въ Вѣнѣ, графа Кауница, и отзывъ о немъ Кейзерлинга.—Затруднительное положеніе русскаго министра Гросса въ Дрезденѣ, вслѣдствіе ссоры Польско-Саксонскаго правительства съ князьями Чарторыйскими.—Дѣятельность Гросса по дѣлу о Православныхъ въ Польшѣ.—Переговоры по поводу наслѣдства Польскаго престола.—Переговоры относительно Пруссіи.—Отношенія шведскія отходятъ на второй планъ.—Начала переговоровъ съ Англіею о субсидіяхъ.—Дѣла Турецкія.

Проходитъ трехлѣтній срокъ, и, въ концѣ 1752 г., Елисавета начала собираться въ Москву. На этотъ разъ она хотѣла посѣтить и старый Кремль, почему лѣтомъ 1752 года въ немъ назначены были

[1]) Дѣла Шведскія 1751 и 1752 гг.

передѣлки и новыя постройки: архитекторы опредѣлили сломать палатки, которыя были придѣланы къ Столовой палатѣ и въ которыхъ сидѣли секретари и приказные служители Сенатской конторы. Но слѣдствіемъ этой сломки и вывода Сенатской конторы былъ цѣлый рядъ перемѣщеній: подъ канцелярію Сената велѣно было взять верхніе покои Вотчинной Коллегіи и конторы Главнаго Коммисаріата, а нижнія—подъ Коммисаріатскою конторою и подъ Юстицъ-Коллегіею—палаты взять подъ сенатскій архивъ съ Печатною конторою и типографіею; Вотчинную Коллегію перевести въ нижніе департаменты Бергъ и Мануфактуръ-Коллегіи; а Коммисаріатскую контору помѣстить въ тѣхъ покояхъ, гдѣ былъ Судный Приказъ; Судный Приказъ вывесть туда, гдѣ былъ Сыскной Приказъ, а послѣдній съ колодниками перевесть на Житный дворъ, у Калужскихъ воротъ; въ Кремлѣ острогъ и казармы въ Сыскномъ Приказѣ немедленно сломать и построить ихъ на калужскомъ Житномъ дворѣ, и впередъ, въ находящихся въ Москвѣ, въ Кремлѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и конторахъ колодниковъ отнюдь не держать,—отсылать ихъ въ новый острогъ на калужскомъ Житномъ дворѣ или держать въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ, кромѣ Кремля; Ямскую контору перевесть въ Охотный рядъ, въ палаты, гдѣ была полиціймейстерская канцелярія, и вмѣстѣ съ Ямскою конторою тамъ же умѣстить Раскольническую контору и школу, въ которой обучаются архитекторіи ученики; а въ тѣ покои, гдѣ была Ямская контора, перевесть Разрядный архивъ; находящихся при Сенатѣ офицеровъ геодезіи и геодезистовъ, также и школу, въ которой обучаются коллегіи юнкеры, перевесть въ палаты подъ Ивановскою колокольнею, гдѣ былъ глобусъ.

Но прежде всего нужно было очистить Кремль; подлѣ Успенскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, предъ Грановитою палатою и у Краснаго крыльца были накладены груды кирпича и другихъ припасовъ; но, кромѣ того, щебню, разбитыхъ колоколовъ и всякаго сора было такое множество, что съ большимъ трудомъ можно было проходить. Сенатъ предписалъ своей конторѣ распорядиться немедленно уборкою всего этого: „Исполнить самымъ дѣломъ, а не черезъ переписку“, иначе контора будетъ отвѣчать [1]).

Несмотря на свой печальный видъ, медленность, съ какою оправлялась послѣ пожаровъ, Москва, по центральности своего положенія, выгоднаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи, привлекла къ себѣ много людей, которымъ нужно было запастись и предметами роскоши, и хорошими и дешевыми съѣстными припасами, и полѣчиться у хорошаго медика, и купить книжекъ въ академической лавкѣ. Пудъ печенаго ржанаго хлѣба стоилъ въ Москвѣ 26 копѣекъ, пшеничнаго—64; пудъ масла коровья—2 рубля 14 копѣекъ, постнаго—19 копѣекъ ведро; пудъ говядины—12 копѣекъ; сажень дровъ березовыхъ трехъ-аршинныхъ—1 рубль 60 копѣекъ; пудъ оловянной посуды—12 рублей. Люди, которые не могли имѣть крѣпостныхъ служителей, платили работницѣ въ годъ по 3 рубля. Лучшее иностранное вино получалось въ погребѣ Маментофа; въ это время вмѣсто венгерскаго вина начало входить въ моду шампанское, котораго бутылка стоила въ Москвѣ 1 р. 30 к. Фунтъ чаю стоилъ 2 рубля; пудъ сахару—7 р. 50 к.; кожа—5 рублей; пудъ осетровъ—1 рубль; пудъ бѣлуги—80 к.; пудъ икры—2 р. 80 к.; пудъ меду—1 рубль 20 к.; воску—8 р. 50 к.; пудъ ветчины—50 к. Извѣстный докторъ Монси бралъ по 15 червонныхъ за лѣченіе серьезныхъ болѣзней [2]).

18 сентября 1752 года императрица изволила указать, что намѣрена въ будущемъ декабрѣ отправиться въ Москву, куда должны слѣдовать Синодъ, Сенатъ, Коллегіи Иностранная, Военная, Штатсъ-Контора, Главная Полиціймейстерская канцелярія, Дворцовая, Монетная, Ямская, Придворная и Конюшенная конторы и другія мѣста, которыя въ 1748 году ѣздили изъ Петербурга въ Москву. 16 декабря Елисавета выѣхала въ Москву, куда пріѣхала 19 числа. Въ Петербургѣ главноуправляющимъ остался сенаторъ, адмиралъ князь Мих. Мих. Голицынъ.

Къ Головинскому двору (т.-е. дому, ибо слово „дворецъ“ тогда еще не употреблялось), гдѣ, по обычаю, помѣстилась императрица въ Москвѣ, придѣланъ былъ осенью деревянный флигель для великаго князя и великой княгини. Флигель этотъ, состоящій изъ 12 большихъ комнатъ, оказался чрезвычайно сыръ и неудобенъ; напримѣръ, въ уборной комнатѣ великой княгини были помѣщены ея придворныя дѣвицы и дамы съ ихъ прислугою, всего 17 человѣкъ, у которыхъ былъ одинъ выходъ черезъ спальню великой княгини. Императрица, пришедши къ великой княгинѣ и увидя, что двери ея спальни безпрестанно то отворяются, то затворяются, служа единственнымъ выходомъ для 17 человѣкъ, велѣла сдѣлать въ ихъ комнатѣ дверь изъ окна съ лѣстницей на улицу, и бѣдныя дамы должны были за всякою бездѣлицею путешествовать по улицѣ. Отъ тѣсноты въ сосѣдней комнатѣ и спальня великой княгини была наполнена насѣкомыми разнаго рода, которыя не давали спать [3]).

Съ возстановленіемъ Кремлевскаго дворца было много хлопотъ; архитекторы—князь Ухтомскій и Евлашевъ—подали планы этого дворца при своихъ мнѣніяхъ, что нѣкоторые покои, которые находятся за золотой рѣшеткой, также площадки и подъ ними погреба такъ обветшали и большею частью

[1]) Журналы Сената, 3 іюня, 27 іюля, 19 октября 1752 г.

[2]) Розанова - Исторія Москов. епархіальн. управленія II, I, 171, Записки Марковича, II, 305, 306, 308, 313.

[3]) Mémoires de Catherine II, 183.

обвалились, что для осмотру въ тѣ мѣста войти нельзя, - надобно ихъ разобрать до самыхъ нижнихъ фундаментовъ, и на мѣсто разобраннаго строенія никакому уже не быть для предохраненія другихъ покоевъ, потому что строеніемъ такъ затѣснено, что въ нижніе покои и воздухъ проходить не можетъ. Оберъ-архитекторъ Растрелли, осмотрѣвъ дворецъ, согласился съ мнѣніемъ кн. Ухтомскаго и Евлашева.

Въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ запрещено было строить деревянныя зданія, и существующія велѣно сломать; но надобно было позаботиться о матеріалѣ для каменныхъ зданій. Генералъ-прокуроръ предложилъ Сенату отдать кирпичные заводы въ вѣдомство московской губернской канцеляріи, которая должна неослабно смотрѣть, чтобъ кирпича производили все больше и больше, и чтобъ дѣлали и обжигали его прочно, особенно же чтобы заводчики не возвышали цѣны. Вслѣдъ за этимъ предложеніемъ, архитекторъ кн. Ухтомскій донесъ, что лѣтомъ велѣно производить разныя казенныя строенія, въ Нѣмецкой слободѣ отстраивать для Сенатской канцеляріи Лестоковъ домъ, въ Кремлѣ — сенатское помѣщеніе, соборъ Николы Гостунскаго, Никитскій монастырь, для чего надобно кирпича 900,000; на кирпичныхъ заводахъ, что подъ Донскимъ монастыремъ, на лицо жженаго кирпича до милліона, необожженнаго—болѣе четырехъ милліоновъ; но завѣдывающій дворцовымъ строеніемъ, генералъ-маіоръ Давыдовъ, запретилъ трогать этотъ кирпичъ, какъ предназначенный на дворцовое строеніе, и къ заводамъ приставленъ караулъ. Ухтомскій просилъ на означенныя казенныя строенія взять кирпичъ отъ разобранныхъ стѣнъ Бѣлаго города. Сенатъ согласился.

Но прежде всего надобно было пообчистить древнюю столицу, въ которую, благодаря долговременному пребыванію Двора, поѣхали представители иностранныхъ державъ. Генералъ-прокуроръ объявилъ въ Сенатѣ, что самъ видѣлъ онъ въ Китаѣ-городѣ, близъ тріумфальныхъ Синодальныхъ воротъ, на Никольской улицѣ, пустыя каменныя лавки Иконнаго ряда, наполненныя счищеннымъ съ улицы навозомъ и грязью, отчего распространяется дурной запахъ. Сенатъ приказалъ очистить лавки. Затѣмъ тотъ же генералъ-прокуроръ объявилъ, что въ Кремлѣ, на Ивановской площади и при Коллегіяхъ также около Ивановской колокольни, страшная нечистота и грязь: послали указы съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобъ грязь была очищена немедленно и впредь не заводилась. Сама императрица приказала: тріумфальныя Синодальныя ворота, на Никольской улицѣ, разобрать, а украшеніями ихъ убрать Воскресенскія ворота, особенно сдѣлать пристойное украшеніе около того мѣста, гдѣ стоитъ образъ Богоматери (Иверскія); около Ивана Великаго саженъ до 20 сдѣлать плитную площадь и украсить приличными рѣшетками, чтобъ внутрь могли ходить только пѣшіе; деревянное строеніе около церкви Казанскія Богородицы (на Никольской) отобрать; примѣчать такія мѣста, гдѣ скрываются воры и тому подобные люди, очистить ихъ и сдѣлать ворота съ запорами; кабакъ, который стоитъ у Каменнаго моста (на рву) къ Никольскимъ въ Кремлѣ воротамъ, немедленно снять и поставить въ другомъ мѣстѣ.

Синодальныя тріумфальныя ворота, т.-е. построенныя Синодомъ ко дню коронаціи, велѣно сломать; но Красныя тріумфальныя ворота, сгорѣвшія въ пожаръ 1748 года, велѣно возобновить въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ мѣстѣ архитектору кн. Ухтомскому, для чего Штатсъ-Контора должна была отпустить 16,000 рублей. Гдѣ по улицамъ было старое каменное и деревянное строеніе и, за уступкою заборовъ во дворъ, выдалось на улицу велѣно сломать, а вмѣсто старыхъ, построенныхъ къ улицамъ заборовъ—сдѣлать хорошія рѣшетки. Находящіяся противъ Иконнаго ряда къ Спасскому монастырю каменныя лавки и ступени, которыми улица такъ стѣснена, что двумъ каретамъ едва проѣхать можно, велѣно сломать, а вмѣсто того сдѣлать каменную стѣнку насчетъ Синодальной экономической канцеляріи. Велѣно сломать у Пречистенскихъ воротъ каменныя лавки, которыя всѣ обветшали и набросала въ нихъ всякая нечистота и мерзость; по большимъ улицамъ въ лавкахъ наружно запрещено торговать гробами и прочею неприличностью, а пусть держатъ это внутри лавокъ.

Нижегородскій крестьянинъ, часовой мастеръ Семенъ Ивановъ, подалъ прошеніе, что часы на Спасской башнѣ ходятъ очень неисправно; онъ можетъ ихъ исправить, если его опредѣлятъ къ этимъ часамъ часовымъ мастеромъ, и обязывается всякія починки дѣлать изъ одного годового жалованья, почемъ прежнимъ мастерамъ давалось отъ губернской канцеляріи. Губернская канцелярія донесла, что, за неимѣніемъ часового мастера, держится часовщикомъ мастеровой Оружейной палаты мѣднаго дѣла—Паникадильщиковъ, который за неспособностью и пьянствомъ былъ и отрѣшенъ отъ этой должности, но, за смертью часового мастера, по необходимости опять опредѣленъ, а жалованья получаетъ по тридцати рублей въ годъ. Сенатъ приказалъ отдать часы Семену Иванову до будущаго усмотрѣнія.

Велѣли: засыпать колодези на большихъ улицахъ и вмѣсто нихъ вырыть на дворахъ; сломать лубье; запрещено крыть дома соломою. Печальное состояніе знаменитаго Покровскаго собора (Василія Блаженнаго) заставило императрицу дать указъ Синоду: такъ какъ въ Покровскомъ соборѣ усмотрѣна крайняя нечистота, иконостасы и Св. иконы всѣ обветшали, и съ иконъ лики Святыхъ послиняли, а можно думать, и въ прочихъ церквахъ такое же несмотрѣніе, то пусть Святѣйшій Синодъ пошлетъ всюду указы наблюдать въ церквахъ чистоту, поновлять иконостасы и Св. иконы [1]).

[1]) Журналы Сената, 8 января; 23 марта, 1, 7, 20 апрѣля; 11, 24 мая; 4, 20 іюня; 3 іюля, 4 ноября — Полн. Собр. Зак. № 10,150, 10,096, 10,103, 10,145.

Но въ то время, какъ старались очищать и украшать Москву, 1-го ноября огонь истребилъ обширный Головинскій дворецъ, единственное зданіе, способное для императорскаго помѣщенія, хотя мы видѣли, какъ удобно помѣщались въ немъ великій князь и великая княгиня. Зданіе, несмотря на свою обширность, было деревянное,—и въ три часа его какъ не было. Императрица переѣхала въ Покровскій дворецъ; великій князь и великая княгиня были помѣщены въ одномъ изъ большихъ домовъ Нѣмецкой слободы: этотъ большой, по тогдашнему, домъ состоялъ изъ девяти комнатъ, по которымъ вѣтеръ гулялъ свободно вслѣдствіе того, что рамы и двери наполовину сгнили, между половицами были щели отъ трехъ до четырехъ пальцевъ; клопы и тараканы царствовали повсюду [1]).

Рѣшено было немедленно же приступить къ построенію новаго дворца на мѣстѣ сгорѣвшаго. Строеніе было поручено генералъ-прокурору Трубецкому и сенатору Петру Ивановичу Шувалову. Сенатъ распорядился, чтобъ высланы были въ Москву, какъ можно скорѣе, на ямскихъ и уѣздныхъ подводахъ изъ Ярославля 300 плотниковъ, 70 каменьщиковъ, 30 печниковъ; изъ Галича—200 плотниковъ, съ выборомъ самыхъ лучшихъ мастеровъ; всѣ частныя плотничьи работы въ Москвѣ запрещены; плотники получали при дворцовомъ строеніи 25 копѣекъ, а лучшіе—30 на день; столяры—30 копѣекъ, а лучшіе—до 40; деньги выдавались понедѣльно безъ задержки, о чемъ и было публиковано. Для возки лѣсныхъ припасовъ велѣно собрать съ Московскаго уѣзда подводы—со ста душъ по лошади съ роспусками и по человѣку съ топорами. Чрезъ нѣсколько дней нашли, что можно удовольствоваться находящимися на лицо въ Москвѣ плотниками, и послали указы въ Ярославль и другіе города, что если плотники не высланы, то не высылать, а каменьщиковъ и печниковъ выслать; выслать также штукатуровъ изъ Ярославля и Костромы, по 50 человѣкъ изъ каждаго города; въ Владимірѣ велѣно заготовить доски сосновыя, вялыя и сухія [2]).

Пребываніе императрицы въ Москвѣ ознаменовано было еще другою непріятностью. Лѣтомъ, великій князь Петръ Ѳедоровичъ очень часто былъ на охотѣ. Однажды, въ разговорѣ, егеря сказали ему, что въ Бутырскомъ полку есть поручикъ Іоасафъ Батуринъ, который чрезвычайно преданъ его императорскому высочеству и говоритъ, что весь полкъ отличается тою же преданностью. Великому князю было очень пріятно это извѣстіе и онъ сталъ разспрашивать у егерей подробности о Бутырскомъ полку. Въ другой разъ егеря объявили великому князю, что Батуринъ проситъ позволенія представиться ему на охотѣ. Сначала великій князь колебался, но потомъ согласился, и однажды, когда великій князь на охотѣ въ лѣсу отъѣхалъ отъ свиты, является передъ нимъ Батуринъ, бросается на колѣни и клянется, что признаетъ его одного своимъ государемъ и готовъ исполнить все, что его высочество ему прикажетъ. Испуганный этими словами, великій князь пришпорилъ лошадь и скрылся изъ виду Батурина. Но чрезъ нѣсколько времени тѣ же егеря испугали его извѣстіемъ, что Батуринъ схваченъ и находится въ Тайной Канцеляріи [3]).

Еще въ 1749 году въ Военной Коллегіи подъ арестомъ содержался праздношатающійся подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка Іоасафъ Батуринъ [4]). Этотъ праздношатающійся подпоручикъ, игрокъ, обремененный долгами, вздумалъ выйти изъ своего затруднительнаго положенія государственнымъ переворотомъ, низверженіемъ съ престола Елисаветы и возведеніемъ на ея мѣсто великаго князя Петра Ѳедоровича. Любопытно, что въ это самое время начали распускаться обвиненія противъ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, съ цѣлью выставить великаго князя Петра жертвою злобнаго фаворита, и, такимъ образомъ, возбудить къ нему состраданіе въ народѣ. Разглашали, что: Разумовскій составилъ команду изъ своихъ Малороссіянъ, которые губили Русскихъ; вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отослалъ къ матери, которая отослала ихъ въ подарокъ въ Польшу; великаго князя Петра шесть разъ приводилъ къ смерти; держитъ при себѣ волшебниковъ Малороссіянъ (потому что у нихъ, въ Малой Россіи, много волшебниковъ), которые остудили наслѣдника съ императрицею. Начальники новой скопческой ереси также, съ своей точки зрѣнія, вооружались противъ Разумовскаго; сильныя выходки противъ него дѣлалъ въ своихъ писаніяхъ Кюменевскаго полка прапорщикъ Иванъ Поповъ, толковавшій, что великій князь Петръ возлюбилъ послѣдователей стараго благочестія; при немъ не будетъ войны; у Петра будетъ сынъ, также Петръ, воинъ сильный, который будетъ царствовать въ Мосохѣ, т.-е. въ Москвѣ, и будетъ называться князь Розгимосохъ; жена у него будетъ Елена, рожденная въ селѣ близъ моря-океана, въ сѣверной странѣ, изъ простого народа. Потомства у этого Петра не будетъ, потому что Елена не будетъ съ нимъ жить по брачному обычаю и скоро умретъ; а Петръ другой жены себѣ не возьметъ, станетъ ходить по заповѣдямъ Господнимъ. Петръ будетъ и въ Іерусалимѣ, но умретъ въ Россіи. При Елисаветѣ малое число избранныхъ гонимо будетъ едва не вконецъ. Если-бъ первый царевичъ (Алексѣй Петровичъ) не былъ убитъ, то благочестіе господствовало бы до конца свѣта.

Подобно прапорщику Попову, и подпоручикъ Батуринъ счелъ нужнымъ для своихъ цѣлей вооружиться противъ Разумовскаго. Онъ подговорилъ прапорщика Ржевскаго, вахмистра Урнежевскаго,

[1]) Mémoires de Catherine II. 195.

[2]) Журналы Сената, 7, 9, 10, 12 и 15 ноября 1753 г.

[3]) Mémoires de Catherine II, 120.

[4]) Журналы Сената, 18 іюля 1749.

подпоручика Тыртова, гренадеровъ Худышкина и Кетова, двухъ пикеровъ дворцовой псовой охоты и суконщика Кенжина; уговаривалъ пикеровъ доложить великому князю, что можетъ онъ, Батуринъ, подговорить къ бунту всѣхъ фабричныхъ, также находящійся въ Москвѣ Преображенскій батальонъ и Лейбъ-Кампанцевъ. „Только бы его высочество далъ намъ знатную сумму денегъ“, говорилъ Батуринъ, „то заарестуемъ весь дворецъ и Алексѣя Разумовскаго, гдѣ ни найдемъ съ его единомышленниками, всѣхъ въ мелкія части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ его высочеству; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока великій князь коронованъ не будетъ. И если на эту коронацію не согласятся архіереи, то мы принудимъ ихъ силою, вытащимъ, гдѣ бы они ни были; станутъ противиться,—то я самъ архіерею голову отрублю; а если бунтомъ нейти, то его высочеству коронаціи никогда не бывать, потому что Алексѣй Григорьевичъ не допускаетъ; поэтому я соберу хотя небольшое число людей, наряжу ихъ въ маски, и, поймавъ Разумовскаго на охотѣ, изрубимъ или другимъ способомъ смерти его искать будемъ. У меня уже собрано людей тысячъ тридцать, да и еще наготовѣ тысячъ съ двадцать; будутъ намъ помогать и большіе люди, графъ Бестужевъ, генералъ Апраксинъ“.

Суконщику Кенжину Батуринъ внушалъ, чтобъ тотъ подговаривалъ всѣхъ фабричныхъ къ бунту, шелъ съ ними во дворецъ, захватилъ государыню со всѣмъ Дворомъ, и графа Разумовскаго убилъ; при этомъ Батуринъ обнадеживалъ Кенжина выдачею суконщикамъ заработанныхъ денегъ и награжденіемъ; говорилъ, что онъ посланъ великимъ княземъ къ одному купцу взять 5,000 рублей денегъ и раздать фабричнымъ. Тыртову Батуринъ говорилъ, что у него фабричныхъ съ тридцать тысячъ, съ ними нагрянетъ ночью на дворецъ, государыню и весь Дворъ заарестуетъ, Разумовскаго публично убьетъ: „Есть у меня именной указъ великаго князя убить Разумовскаго“. Гренадерамъ Худышкину и Кетову Батуринъ говорилъ: „Вотъ мы хотимъ короновать его императорское высочество, будьте къ тому склонны и объявите своей братьи, гренадерамъ: которые будутъ къ тому склонны, тѣхъ его высочество пожалуетъ капитанскими рангами и будутъ на капитанскомъ жалованьи, какъ теперь Лейбъ-Кампанія“. Батуринъ, Урнежевскій, Тыртовъ и гренадеры прикладывались къ образу, клянясь, что если кто-нибудь изъ нихъ куда попадется, то не скажетъ ничего о заговорѣ.

Но прежде всего нужны были деньги, и Батуринъ съ Урнежевскимъ отправились къ купцу Ефиму Лукину. Батуринъ назвался оберъ-кабинетъ-курьеромъ и объявилъ, что присланъ отъ великаго князя съ приказомъ взять у него, Лукина, денегъ 5,000 рублей. Лукинъ отвѣчалъ, что недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, великаго князя не видалъ, а не видавъ его, денегъ не дастъ. Тогда Батуринъ написалъ къ великому князю записку латинскими буквами, гдѣ открывалъ о своемъ намѣреніи, хвалясь, что у него готово 50,000 людей. Суконщикъ Кенжинъ уже началъ подговаривать своихъ къ бунту, что, по его словамъ, было сдѣлать легко, потому что всѣ суконщики да и другіе фабричные были обижены своими хозяевами, которые не выплачивали имъ задѣльныхъ денегъ.

На докладъ о дѣлѣ Батурина резолюціи императрицы не послѣдовало. Худышкинъ и Кетовъ посланы были въ крѣпостную работу въ Рогервикъ; Тыртовъ и Кенжинъ – въ Сибирь на вѣчное житье; а Батурина велѣно содержать въ Шлюссельбургѣ [1]).

Между крестьянами продолжались волненія и въ этомъ году. Московскаго уѣзда, села Павловскаго крестьяне донесли на управителя Ивана и приказчика Алексѣя Матинскихъ, что они изъ-за взятокъ запустили доимку и отобрали сборщиковы книги. Назначенная по этому дѣлу коммисія донесла, что крестьяне жаловались напрасно: въ излишнихъ сборахъ виноваты ихъ выборные старосты и сборщики; Матинскіе виноваты только въ томъ, что взяли себѣ въ почесть 160 рублей. Сенатская контора на этомъ основаніи рѣшила: съ крестьянъ доимку взыскать, да и съ Матинскихъ взять 160 рублей въ счетъ этой доимки. Но когда былъ посланъ въ Павловское указъ объ этомъ, то изъ крестьянъ человѣкъ до 300, выслушавъ указъ, отреклись повиноваться и объявили, что у нихъ всѣ деньги на Матинскихъ, и не 160 рублей, а близъ 3,000; что судомъ они недовольны и пойдутъ всѣ поголовно въ Сенатъ, а деревни Чесноковой— крестьянинъ Еремѣевъ называлъ поручика, объявлявшаго указъ, разорителемъ, за что поручикъ посадилъ его подъ караулъ и на другой день, при собраніи всей волости, хотѣлъ наказать батогами. Но крестьяне не выдали Еремѣева, бранили поручика и команду, солдатъ всѣхъ по рукамъ разобрали и многихъ перебили; управителя и приказчика всячески ругали и хотѣли вытащить изъ сѣней и бить, также и земскому отъ вотчинныхъ дѣлъ отказали. Сенатская контора послала съ указомъ своего солдата; но крестьяне не допустили священниковъ росписаться въ пріемѣ указа, съ двора отъ приказчика согнали и закричали единогласно: „Мы по этому указу денегъ платить не станемъ до тѣхъ поръ, какъ дождемся изъ Петербурга посланныхъ отъ всей волости просителей“. Сенатъ велѣлъ старостъ и крестьянъ, главныхъ виновниковъ непослушанія, забрать въ Москву, изслѣдовать, и тѣхъ, кто явится заводчиками, бить кнутомъ, а прочихъ высѣчь плетьми нещадно. Оказалось по слѣдствію достойными кнута 17 человѣкъ выборныхъ старостъ и крестьянъ; для наказанія плетьми осталь-

---

[1]) Государств. Архивъ; дѣла Тайной Канцеляріи 1753 г.

ныхъ отправлена была команда во 100 человѣкъ, чтобъ не произошло „вящихъ какихъ противностей".

Сенатъ лишилъ всѣхъ чиновъ съ неопредѣленіемъ впредь ни къ какимъ должностямъ воеводу, уличеннаго въ понаровкѣ возмутившимся крестьянамъ: крестьяне села Сороколѣтова, приписные къ заводу тульскаго купца Лугинина, возмутились и, чтобъ быть безопасными со стороны мѣстныхъ властей, послали Бѣлевскому воеводѣ Жедринскому 5 рублей денегъ; но скоро отъ воеводы пріѣхалъ къ нимъ деньщикъ съ такими рѣчами: „Если дадите еще 6 рублей, то не опасайтесь". Крестьяне дали 6 рублей воеводѣ, да деньщику 2 рубля. Послѣ того староста ихъ съ другимъ крестьяниномъ, пріѣхавши въ Бѣлевъ, были у воеводы, объявили ему, что не слушаются Лугинина, на работу къ нему нейдутъ, и дали воеводѣ 2 рубля да 2 четверти овса, и онъ велѣлъ имъ подать доношеніе, а подъ караулъ не взялъ, хотя уже отъ Лугинина была подана просьба. Когда крестьяне уже прогнали посланную противъ нихъ команду, староста ихъ былъ у воеводы по дѣлу о выборѣ уѣздныхъ сотскихъ и пятидесятскихъ, принесъ денегъ рубль да барана: воевода и тутъ не задержалъ его.

Наказывая воеводу, который мирволилъ бунтовавшимъ крестьянамъ, Сенатъ въ то же время объявлялъ, что онъ знаетъ о притѣсненіяхъ, которыя дѣлаются крестьянамъ, и грозилъ наказаніемъ притѣснителямъ: „Понеже Сенату извѣстно учинилось, что въ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ, при дачѣ крестьянамъ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ, чинится великая волокита и берутъ взятки, того ради приказали подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ впредь нималой волокиты, приметокъ и задержекъ чинено не было, подъ опасеніемъ немалаго истязанія и штрафа. Понеже Сенату не безъизвѣстно, что, при взятіи съ крестьянъ подушныхъ денегъ, опредѣленные къ тѣмъ сборамъ чинятъ великія волокиты и берутъ взятки, то приказали подтвердить наикрѣпчайшими указами, чтобъ не дерзали такъ поступать".

Дѣйствуя въ духѣ времени, въ духѣ царствованія, Сенатъ при слѣдствіяхъ о крестьянскихъ возмущеніяхъ соблюдалъ осторожность относительно пытокъ. Подполковникъ Лялинъ, находившійся въ Брянскѣ у слѣдствія надъ бѣглыми крестьянами Гончарова, писалъ, что виновные крестьяне и прикосновенные къ дѣлу посадскіе и прочіе чины, зная, что, по указу Сената, розыска дѣлать не велѣно, правды не говорятъ и только время продолжаютъ; Лялинъ спрашивалъ, какъ съ такими поступать, пытать ихъ или пристращивать батогами. Сенатъ отвѣчалъ: кто именно по доказательствамъ въ противностяхъ оказались подлежащими пыткѣ и по какимъ подлиннымъ обстоятельствамъ и правильнымъ резонамъ,—о томъ, сдѣлавъ экстрактъ, показавъ о каждомъ человѣкѣ порознь съ выписками приличныхъ указовъ и съ приложеніемъ собственнаго мнѣнія, прислать въ Сенатъ на разсмотрѣніе, ибо безъ того точнаго рѣшенія положить нельзя [1]).

Любопытенъ также докладъ Сената императрицѣ по поводу знаменитаго указа 1744 года. „По этому указу", пишетъ Сенатъ, „всѣ натуральной и политической смерти экзекуціи остановлены и повелѣно о такихъ осужденіяхъ докладывать вашему имп. величеству. О такихъ колодникахъ присланы въ Сенатъ экстракты: объ осужденныхъ на натуральную смерть за смертныя убійства—о 110 человѣкахъ; за воровства, разбои и прочія вины—о 169 человѣкахъ, да объ осужденныхъ же за разныя вины съ вырѣзаніемъ ноздрей на каторгу вѣчно—о 151 человѣкѣ, итого—о 430 человѣкахъ. Да по присланнымъ же въ Сенатъ отъ прокуроровъ и изъ нѣкоторыхъ командъ и отъ ревизоровъ рапортамъ (кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ прокуроровъ не опредѣлено, и провинцій и приписныхъ городовъ и нѣкоторыхъ же воинскихъ командъ) показано содержащихся колодниковъ 3,579 человѣкъ, о которыхъ дѣла слѣдствіемъ и розысками еще не окончены, изъ которыхъ Сенатъ уповаетъ и осужденнымъ на натуральную и политическую смерть, и съ вырѣзываніемъ ноздрей вѣчно на каторгу быть немалому числу, да и всегда оные быть могутъ, которые всѣ собственному вашего имп. величества разсмотрѣнію подлежать будутъ. А понеже ваше имп. величество и кромѣ онаго какъ иностранными, такъ и внутренними о распорядкахъ государственныхъ и прочихъ дѣлами высочайшею свое персоною довольно утруждены; къ тому-жь ежели и о вышеписанныхъ колодникахъ, а именно о каждомъ вашему импер. величеству отъ Сената докладывать, то никакъ время къ тому доставать не будетъ, и колодники часъ-отъ-часу будутъ умножаться, и между тѣмъ чинить утечки и караульныхъ приводить къ пыткамъ и наказаніямъ, что уже дѣйствительно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дѣламъ и оказалось; вѣдая же Сенатъ совершенно высочайшее соизволеніе, чтобъ и за смертныя преступленія натуральною смертію никого не казнить: того ради всеподданнѣйше Сенатъ проситъ, не соизволитъ-ли ваше имп. величество высочайшій свой указъ единожды пожаловать, какое вышеозначеннымъ колодникамъ наказаніе чинить. Притомъ же Сенатъ пріемлетъ смѣлость и то донесть, ежели ваше имп. величество соизволите указать за смертныя убійства такое наказаніе чинить, какъ въ указѣ за убійство и грабежъ шведскихъ подданныхъ учинить повелѣно, а именно—отсѣчь по правой рукѣ и, вырѣзавъ ноздри, ссылать въ вѣчную работу, то такіе безрукіе ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо туне получать себѣ будутъ пропитаніе. Того ради, не соизволитъ-ли ваше импер. величество повелѣть подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое на-

---

[1]) Журналы Сената, 11, 16 марта; 1, 14 іюня 1753 г.

казаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу В, а на щекахъ, на одной—О, а на другой—Р, и, заклепавъ въ ножные кандалы, въ которыхъ быть имъ до смерти ихъ, посылать въ вѣчную тяжелую и всегдашнюю работу, а рукъ у нихъ не сѣчь, дабы они способнѣе въ работу употребляемы быть могли". На докладъ послѣдовала такая резолюція: „Быть по сему; токмо женамъ и дѣтямъ осужденныхъ въ вѣчную работу или въ ссылку и въ заточеніе, по силѣ указа отца нашего 1720 года августа 16 дня, давать свободу, кто изъ нихъ похочетъ жить въ своихъ приданыхъ деревняхъ; буде же изъ таковыхъ женъ пожелаетъ которая идти замужъ, таковымъ, съ соизволенія Синода, давать свободу, а для пропитанія ихъ и дѣтей ихъ давать изъ недвижимаго и движимаго мужей ихъ имѣнія указную часть" [1]).

Число арестантовъ усиливалось также проволочкою слѣдственныхъ коммисій вслѣдствіе того, что обвиняемые подавали безпрестанно подозрѣнія на лицъ, назначенныхъ къ присутствію въ коммисіяхъ, именно съ цѣлью протянуть слѣдствіе въ безконечность. Петръ Ив. Шуваловъ, поставивъ это на видъ Сенату, предложилъ навести справку: сколько, со вступленія на престолъ Елисаветы, учреждено слѣдственныхъ коммисій и сколько изъ нихъ приведено къ окончанію; въ тѣхъ, которыя продолжаются, сколько по подозрѣнію, подданному отъ обвиняемыхъ, перемѣнено слѣдователей; причина продолжительности коммисій откроется, окажется, что злодѣи вымышленными доносами не допускаютъ ихъ до окончанія; а когда откроется причина, то можно будетъ ее пресѣчь,—этимъ число ложныхъ доносителей уменьшится, а невинные будутъ свободны отъ напраснаго мучительства и разоренія. Сенатъ согласился.

По донесенію прокурора, въ Судномъ Приказѣ теченіе дѣлъ остановилось за несогласіемъ присутствующихъ. Сенатъ поручилъ Юстицъ-Коллегіи наблюдать надъ Суднымъ Приказомъ, чтобъ теченіе дѣлъ въ немъ не останавливалось. Сенатъ долженъ былъ вооружиться противъ преступленія, уже предусмотрѣннаго Уложеніемъ и послѣдующими указами, повелѣвавшими, чтобъ истцу и отвѣтчику передъ судьями искать и отвѣчать вѣжливо, смирно, не шумно, никого не злословить, не укорять какимъ бы то ни было касающимся чести оклеветаніемъ. Но теперь въ челобитной, поданной Юстицъ-Конторѣ, мичманъ Никита Пушкинъ назвалъ противника своего, коммисара Крекшина, извѣстнымъ воромъ и проклятымъ матерью сыномъ, а Крекшинъ Пушкина въ своей челобитной назвалъ воромъ и смертоубійцею, чего оба доказать не могли. Сенатъ приказалъ посадить обоихъ на мѣсяцъ въ тюрьму и публиковать во всенародное извѣстіе, чтобъ другіе не смѣли того же дѣлать [2]).

[1]) Полн. Собр. Зак., № 10,086.

[2]) Журналы Сената, 10 марта, 27 сентября, 29 ноября 1753 г.

Проволочка дѣлъ была невыгодна и въ финансовомъ отношеніи,—замедляла сборъ пошлинъ. Петръ Ив. Шуваловъ въ то же засѣданіе, когда жаловался на проволочку слѣдственныхъ коммисій, представилъ, что въ судебныхъ мѣстахъ полагаются съ исковъ пошлины; но всѣ ли онѣ взысканы или не взысканы и нѣтъ ли въ томъ какого упущенія—о томъ неизвѣстно: такъ не угодно ли будетъ изо всѣхъ находящихся въ Москвѣ судебныхъ мѣстъ собрать вѣдомости, сколько положено взыскать пошлинъ и сколько ихъ взыскано, и которыя остались невзысканными, — то зачѣмъ. Сенатъ, разумѣется, согласился.

Мы видѣли, какъ чрезъ отысканіе новаго источника добыванія соли уничтожено было затрудненіе относительно добыванія и доставки пермской соли. Теперь нашли возможность старорусскіе соляные заводы, на которые въ Новгородской губерніи дровъ готовилось по 120,000 саженъ, а соли вываривалось до 216,813 пудовъ въ годъ, для избѣжанія траты лѣсовъ, вовсе уничтожить, а Петербургъ, Кронштадтъ, Шлюссельбургъ, Новгородъ, Ладогу, Луки Великія, Торопецъ, Псковъ, Тихвинъ, Порховъ довольствовать одною пермскою солью, которая уже шла въ другія мѣста, довольствуемыя элтонскою солью. Но надобно было постоянно бороться съ препятствіями въ доставкѣ элтонской соли по общимъ условіямъ русской народной жизни и по мѣстнымъ условіямъ Восточной Украйны. Соляные подрядчики подали жалобу: наемные на соляные суда рабочіе, взявъ у нихъ напередъ задатки и не вступя въ работу, а другіе, оставя въ пути суда съ казенною солью и покинувъ свои паспорты, убѣгаютъ. Рабочіе выдумали такой способъ: договариваются они съ подрядчиками на все лѣто рублей за десять и больше, и въ то число, по тамошнему обыкновенію, непремѣнно берутъ напередъ въ задатокъ половину, а другая половина оставляется имъ на пищу, порукъ же по себѣ никакихъ не имѣютъ кромѣ того, что отдаютъ хозяевамъ печатные свои паспорты; а потомъ увидали они, что имъ, по окончаніи лѣта и по поднятіи тяжкой работы, изъ остальной половины въ домы свои уже принести нельзя столько, сколько напередъ задатку берутъ, и разсудили, что лучше сначала, ничего не работавъ, возвращаться домой съ пятью рублями, чѣмъ, пропустя лѣто,—съ малою прибылью; печатные же паспорты оставить у хозяевъ имъ никакого страха нѣтъ, ибо, когда возвращаются домой, никто у нихъ не спрашиваетъ, гдѣ они были и паспорты свои гдѣ оставили. Иные изъ нихъ пошли въ воровство, разбиваютъ суда и отнимаютъ у работниковъ паспорты; у одного человѣка паспорта по два и по три, съ которыми вторично и третично въ работы нанимаются для полученія нѣсколько разъ задатка. Подрядчикамъ отъ этого разоренье и соляному промыслу остановка, ибо рабочіе уже не по 5 и 10, а по 70 человѣкъ съ одного судна бѣгаютъ. Сенатъ приказалъ ловить бѣглыхъ, бить плетьми и опредѣлять на суда къ зарабаты-

вачію подрядной платы. Но легко ли было исполнить это приказаніе?

Не дѣйствительнѣе было распоряженіе Сената и по жалобѣ соляного элтонтскаго коммисарства, которое доносило: лѣтомъ вольные поставщики соли съ Элтонскаго озера въ саратовскіе и дмитровскіе магазины подвергались грабительству отъ кочующихъ по луговой сторонѣ Калмыковъ, которые отгоняли у нихъ лошадей, воловъ и дѣлали другія наглыя озорничества, и опасно, чтобъ этими грабительствами не отвратить охотниковъ отъ вывозки соли. Писали къ находящемуся у Калмыцкихъ дѣлъ полковнику Спицыну, а тотъ отвѣчаетъ, что, за непоказаніемъ, чьихъ именно улусовъ пограбившіе Калмыки, взыскать не безсумнительно, и для того бы впредь, развѣдавъ, писать обстоятельно, какого подлинно владѣльца Калмыки разбойничали. Но такой отвѣтъ Спицына никакой пользы принести не можетъ, ибо въ случаѣ воровства узнать никакъ нельзя, какому зайсангу принадлежатъ воры.—Калмыковъ по луговой сторонѣ кочуетъ множество; они Русскимъ людямъ, которыхъ грабятъ, о себѣ не скажутъ, а грабленнымъ, будучи отъ нихъ въ смертномъ страхѣ, о именахъ ихъ и о владѣльцахъ по рожамъ ихъ узнавать невозможно. Да хотя бы отъ Калмыковъ и грабительствъ не было, то не слѣдуетъ имъ кочевать вблизи той дороги, которою за солью ѣздятъ, потому что въ соляномъ сборѣ бываетъ множество воловъ и лошадей, которымъ надобенъ полевой кормъ, и отъ калмыцкаго кочевья и потравъ Русскіе люди, ѣздящіе за солью, терпятъ большую нужду. Сенатъ приказалъ написать намѣстнику Калмыцкаго ханства, чтобъ грабительствъ не было и пограбленное было возвращено; о томъ же, допускать ли Калмыковъ до кочевья, — рѣшить въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Съ другимъ казеннымъ товаромъ, виномъ, было немало заботъ по причинѣ корчемства. Ассесоръ Надѣинъ донесъ, что, по извѣстіямъ о находящихся близъ города Карачева винокуренныхъ частныхъ заводахъ, ѣздилъ онъ для искорененія корчемства съ командою, состоявшею изъ 12 человѣкъ гусаръ; но при осмотрѣ винокуренныхъ заводовъ напало на него человѣкъ болѣе 100 съ винокурнымъ заводчикомъ Морякинымъ, и одного гусара убили. Надѣинъ сталъ отстрѣливаться, но толпа все увеличивалась подходившими изъ лѣсу людьми; на помощь къ разбойникамъ пріѣхалъ и карачевской таможни выборный ларечный Бочаровъ съ цѣловальниками, человѣкъ болѣе 30; съ крайнею нуждою Надѣинъ ушелъ въ Карачевъ и немедленно потребовалъ отъ воеводы прибавочной команды, но тотъ не далъ.

Несмотря на затрудненія при продажѣ соли, въ 1753 году отчислено было прибыльныхъ денегъ въ пользу положенныхъ въ подушный окладъ 326,000 рублей, вслѣдствіе чего съ каждой души велѣно было сбирать пятью копѣйками менѣе. Къ концу года на монетныхъ дворахъ въ Москвѣ и Петербургѣ было золота и серебра 1,597,161 р. 84 коп.

Мы видѣли, что въ 1733 году императрица Анна велѣла Монетной конторѣ давать взаймы деньги всякаго чина людямъ за 8 процентовъ въ годъ, съ закладомъ въ золотѣ или серебрѣ. Послѣ, нѣкоторыя другія учрежденія начали дѣлать то же для увеличенія своихъ доходовъ; но, какъ видно, эти ссуды были незначительны и не ослабляли того зла, на которое жаловалась императрица Анна: заимодавцы продолжали давать деньги за такіе проценты, какихъ во всемъ свѣтѣ не платили, и неудивительно, ибо страховая премія, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія правосудія, не могла очень понизиться съ 1733 года, да и количество капиталовъ не могло очень увеличиться. 7 мая 1753 года императрица Елисавета велѣла Сенату, для уменьшенія во всемъ государствѣ процентныхъ денегъ, учредить Государственный банкъ изъ казенной суммы для дворянства, принявъ всѣ предосторожности, чтобъ деньги могли быть надежны къ возвращенію. Такъ какъ Сенату было извѣстно, что деньги отдаются въ проценты изъ Адмиралтейской Коллегіи, изъ Главнаго Коммисаріата, изъ канцеляріи Главной Артиллеріи и фортификаціи и изъ Монетной канцеляріи, то онъ прежде всего велѣлъ этимъ мѣстамъ подать вѣдомости:—по скольку въ годъ отдается денегъ изъ казны взаймы, изъ какихъ именно доходовъ, по какимъ указамъ, поскольку берется въ годъ процентовъ, какимъ чинамъ раздаются деньги и что берется въ закладъ.

Въ описываемомъ году Сенатъ разрѣшилъ любопытный расходъ: выдано было 3,000 ефимковъ ревельскому почтмейстеру Гофману, который билъ челомъ, что дѣдъ его, Фирштенъ, разорился, давая взаймы деньги содержавшемуся въ Ревелѣ въ плѣну фельдмаршалу, герцогу фонъ-Кроа, проигравшему Нарвскую битву. Сенатъ потребовалъ справокъ у Иностранной Коллегіи, которая представила переводы съ писемъ фонъ-Кроа къ Петру Великому, Меншикову и другимъ: между прочимъ въ одномъ письмѣ говорилось: „О случаѣ подъ Нарвою герцогъ не вѣдалъ, пока подъ самымъ окопомъ были (Шведы); Шереметевъ никакой вѣдомости не принесъ, какъ что чинится; а какъ Шведы пришли, то ушелъ онъ съ своею конницею и не пришелъ до боя: что-жъ могъ герцогъ вяще чинить, когда всѣ солдаты поушли“ [1]).

Сдѣланъ былъ другого рода расходъ: выдано было 30,000 рублей графу Петру Ив. Шувалову на изысканіе способа къ умноженію кабацкихъ и соляныхъ доходовъ. Неутомимый сенаторъ не успокоивался. Въ засѣданіи 16 марта онъ говорилъ своимъ товарищамъ, что еще 7 сентября прошлаго года подалъ въ Сенатѣ письменное предложеніе о пошлинахъ, собираемыхъ съ продажнаго крестья-

[1]) Журн. Сената, 14, 22 января; 9, 26 марта; 7, 25 мая; 7 октября 1753 г.

лами хлѣба и другого ихъ издѣлья, о собираніи съ нихъ мостовщины и о прочемъ, причемъ показано, какія крестьянство терпитъ отъ того обиды; предлагалось все это обдумать и сдѣлать другое положеніе, чтобъ крестьянство могло получить облегченіе и освободиться отъ обидъ, для чего и вѣдомости собраны. Такъ не соизволитъ ли Прав. Сенатъ теперь приступить къ разсужденію, чтобъ уничтожить всѣ внутренніе сборы въ таможняхъ и канцеляріяхъ, усиливъ портовые и пограничные таможенные сборы, отчего произойдутъ такія полезныя слѣдствія: чрезъ уничтоженіе множества сборовъ народъ освободится отъ излишняго отягощенія и задержекъ; во всѣ внутреннія таможни и къ канцелярскимъ сборамъ опредѣляется большое число купцовъ, которые во время бытности у сборовъ не имѣютъ возможности заниматься своею торговлею; благодаря этимъ сборамъ, происходятъ во всѣхъ мѣстахъ продолжительные счеты, отчего многіе люди несутъ крайніе убытки и разоренія, начинаются слѣдствія и многіе держатся подъ карауломъ. Сенатъ приказалъ сдѣлать краткую вѣдомость о сборахъ. 23 іюля Шуваловъ объявилъ, что онъ на время уволенъ императрицею отъ присутствія въ Сенатѣ для излѣченія болѣзни и хочетъ употребить это время на пересмотръ извѣстій о таможенныхъ доходахъ, и потому просилъ, если какія извѣстія присланы въ Сенатъ, то отправить ихъ къ нему. Сенатъ согласился [1]).

18 августа Шуваловъ сообщилъ Сенату результаты своей работы надъ таможенными извѣстіями. Разнаго званія внутреннихъ сборовъ по пятилѣтней сложности 903,537 рублей; изъ таможенъ пограничныхъ привозится и вывозится товаровъ на 8.911,981 рубль; если сумму 903,537 рублей разложимъ на означенный товаръ, то придется на рубль положить по 10 коп. $^1/_8$ съ дробями; если съ привозныхъ и отвозныхъ товаровъ брать по 13 копѣекъ съ рубля, то придетъ сверхъ желаемой суммы 255,020 рублей. „Чрезъ сей способъ", писалъ Шуваловъ, „неописанное зло и бѣдство, которое происходитъ крестьянству и купечеству такъ и многимъ, конецъ свой возьметъ, ибо ежели себѣ токмо представимъ приметки и грабежъ, который отъ сборщиковъ бываетъ въ разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, то довольно увѣряетъ тѣхъ бѣдствъ и зла пресѣченіе, не токмо неповинныхъ, кои съ правдою страждутъ, но и самыхъ злодѣевъ, склонныхъ и привычныхъ къ тому, отъ погибели ихъ за неимѣніемъ случая произвесть зла по склонности его избавляетъ, развѣ на другое какое зло обращеніе имѣть будетъ, то погибнетъ. Сколько-жъ освободятся всѣ мѣста отъ умноженныхъ бумагъ, слѣдствіемъ безконечныхъ, а судьи, хотя иногда иные и не съ умыслу, отъ непорядочныхъ приговоровъ, а тѣмъ отъ штрафовъ и наказанія освободятся-жь и самому Сенату великое число умаленія дѣлъ послѣдуетъ, которое весьма нужно. Главная государственная сила состоитъ въ народѣ, положенномъ въ подушный окладъ. Въ такомъ случаѣ уже самая необходимость оный народъ на планъ разсужденія (возводить?), ибо представить и прилежно разсмотрѣть (должно). дабы чрезъ что-либо не пришелъ къ крайнюю слабость, отъ чего и нынѣшнее его состояніе рушиться можетъ. Когда же сей народъ облегченъ будетъ въ разныхъ его обстоятельствахъ, а особливо отнять бы тѣ случаи, которые отъ сборщиковъ безчеловѣчными поступками при сборахъ съ крайнимъ отягощеніемъ и разореніемъ бываютъ, то онъ дѣйствительно много въ сильнѣйшее состояніе придетъ, что-жъ (чѣмъ) болѣе въ состояніи будетъ, то неоспоримо сугубая сила во время надобности готова. Примѣры: надлежитъ взять пошлинъ полушка или деньга, а цѣловальники берутъ вмѣсто полушки — деньгу, а за деньгу — три полушки или копѣйку, да и въ дробяхъ разчислить не можно; а буде давать не станутъ, то снимаютъ шапки и отбираютъ рукавицы и опояски. Крестьянинъ везетъ на продажу отъ Троицы въ Москву возъ дровъ, за который возьметъ 15 или 20 копѣекъ, и изъ того числа заплатитъ въ Москвѣ пошлины, въ оба конца мостовыя, да себя съ лошадью будетъ содержать, и затѣмъ едва-ли привезетъ домой половину, а зимнее время будетъ платить еще пролубное" [2]).

Выслушавши это предложеніе, Сенатъ приказалъ: подать ея императорскому величеству докладъ съ представленіемъ, что Сенатъ то его, г. сенатора, представленіе во всемъ наиполезнѣйшее признаваетъ и трудъ сего государственнаго дѣла безъ похвалы оставить не можетъ, и для того бы оное начать сбирать января съ 1-го числа 1754 года и о томъ заблаговременно публиковать [3]). 18 декабря императрица утвердила докладъ Сената объ уничтоженіи внутреннихъ таможенныхъ и всѣхъ семнадцати мелочныхъ сборовъ; товары должны были оплачиваться въ однѣхъ портовыхъ и пограничныхъ таможняхъ по 13 копѣекъ съ рубля, вмѣсто прежнихъ 5 копѣекъ [4]). Такъ произошло одно изъ важнѣйшихъ явленій въ русской жизни. Русская Земля была давно собрана, но внутреннія таможни разрывали ее на множество отдѣльныхъ странъ; уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ Елисаветою заканчивалось дѣло, начатое Иваномъ Калитою.

Въ то время какъ Петръ Ив. Шуваловъ проводилъ въ Сенатѣ дѣло объ уничтоженіи внутреннихъ таможенъ, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой хлопоталъ о поддержаніи и усиленіи шелковыхъ фабрикъ. По его предложенію, Сенатъ запретилъ пропускать изъ Астрахани шелкъ за границу, потому что русскія шелковыя фабрики терпятъ въ немъ недостатокъ. Мануфактуръ-Коллегія предста-

[1]) Журн. Сената, 16 марта, 17 апрѣля, 23 іюля.

[2]) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ 1753 г.

[3]) Журн. Сената, 18 августа 1753 г.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 10,164.

вила, что разными купцами привезено шелку въ Москву 1,306 пудъ, а отъ шелковыхъ фабрикантовъ объявлено, что имъ въ годъ шелку сырцу надобно 1,387 пудъ, а теперь у нихъ на лицо 338 пудъ: поэтому привозимый астраханскими мѣщанами и и персидскими Армянами шелкъ, сколько по подпискамъ фабрикантовъ нужно, купить весь, часть денегъ заплатить, собравши съ фабрикантовъ, остальное выдать изъ казны, ибо фабриканты всего шелку за готовыя деньги купить не могутъ, послѣ чего фабрикантамъ брать шелкъ изъ казны, сколько кому и когда потребно будетъ за готовыя деньги, а не въ долгъ. Сенатъ согласился. Потомъ Мануфактуръ-Коллегія донесла Сенату, что на шелковыхъ фабрикахъ въ рисовальныхъ и красильныхъ мастерахъ немалая нужда, ибо имѣющіеся рисовальщики сочиняютъ рисунки только съ вывозныхъ изъ-за моря образцовъ, а сами безъ образца рисунка сочинить не могутъ: не приказано ли будетъ мануфактуры дѣйствительными мастерами удовольствовать, отчего государству была бы слава, а фабрикантамъ польза, выбравши изъ находящихся въ школахъ учениковъ четыре человѣка, способныхъ къ рисованію, послать ихъ для изученія рисовальнаго и красильнаго мастерства въ иностранныя государства на казенный счетъ. Послѣдній пунктъ не понравился Сенату; онъ приказалъ: Мануфактуръ- Коллегіи призвать фабрикантовъ и объявить, чтобъ они выписывали мастеровъ изъ иностранныхъ государствъ сами на свой счетъ [1]).

Шелковыя фабрики нуждались въ иностранныхъ рисовальщикахъ и красильщикахъ; но были фабрики, которыя доставляли вещи, неизвѣстныя въ Европѣ. „Петербургскія Вѣдомости“ печатали извѣстія изъ Москвы, что Троицкихъ мѣдныхъ заводовъ содержатель и фабрикантъ Алексѣй Турчаниновъ представленъ былъ императрицѣ съ произведеніями этихъ заводовъ, металлическими сосудами и разными вещами голубого, пурпуроваго, малиноваго, зеленоватаго и померанцеваго цвѣтовъ, которыхъ въ Европѣ донынѣ не видано. Ея величество за такіе усердные въ пользу отечества труды и достохвальное искусство пожаловала Турчанинова въ титулярные совѣтники. Въ то-же время вошли въ моду фарфоровыя табакерки въ формѣ запечатаннаго пакета съ адресомъ. Бергъ-мейстеръ Виноградовъ объявилъ въ „Вѣдомостяхъ“ всѣмъ знатнымъ особамъ, а особливо придворнымъ обоего пола, которые желаютъ имѣть такія табакерки, присылать въ Петербургъ къ совѣтнику Монетной канцеляріи, Шлаттеру, формуляры, какую кто хочетъ подпись и на какомъ языкѣ; цѣна на табакерку съ надписью, кромѣ обдѣлки, 20 рублей.

На Восточной Украйнѣ, въ новой Оренбургской губерніи, богатой рудами, опредѣлено казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а стараться, чтобъ эти заводы размножались одними частными людьми [2]). Устроитель этого края, Неплюевъ, послѣ донесеній о сильномъ ходѣ торговли въ Оренбургѣ, долженъ былъ прислать жалобу, что этой торговлѣ начинаетъ грозить опасность, и именно отъ русскихъ купцовъ, которые, по его словамъ, по своему легкомыслію, приводятъ торгъ въ упадокъ, обманывая Азіятцевъ товарами; — Неплюевъ просилъ Сенатъ, чтобъ купцы не давали торговать своимъ именемъ пахотнымъ Татарамъ, крестьянамъ и подлому купечеству, и подложно не называли ихъ своими приказчиками. Неплюевъ дѣятельно очищалъ ввѣренную ему область и отъ другого рода лихихъ людей: онъ послалъ команду по Иргизу и другимъ рѣчкамъ по Самарской степи; посланные переловили воровъ, разбойниковъ, раскольниковъ и другихъ причинныхъ людей 484 человѣка мужескаго и женскаго пола, пристанища были всѣ разорены и сожжены; сопротивленія при поимкѣ ни отъ кого не было показано [3]).

На Дону, со временъ Петра Великаго, было спокойно. Старый атаманъ Данила Ефремовъ, опираясь на милость правительства, управлялъ самовластно войскомъ, хотя его управленіе и не всѣмъ въ войскѣ нравилось, что видно изъ доноса, поданнаго на него старшиною Серебряковымъ. „Войско Донское“, писалъ Серебряковъ, „пришло въ наибѣднѣйшее состояніе и крайнее разореніе отъ наглаго нападенія, неутолимаго лакомства и нестерпимаго насилія атамана Данилы Ефремова. Посылаемые отъ него старшины и прочіе его люди вверхъ по Дону, Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и во всѣхъ станицахъ дѣлаютъ великія притѣсненія; станичныхъ атамановъ и казаковъ немилосердно бьютъ понапрасну и берутъ большія деньги, которыя дѣлятъ съ атаманомъ, отчего почти всѣ станицы сильно задолжали, бѣдные казаки принуждены юрты свои, сѣнокосы и прочія угодья заложить у старшинъ съ большими процентами, и горько всѣ плачутъ, не имѣя ни откуда защиты. Старшины не только имѣніе, но и законныхъ женъ у бѣдныхъ казаковъ отнимаютъ. Жалованья государева присылается на все войско Донское ежегодно по 7,000 рублей, да хлѣба по 7,000 четвертей; изъ этой присылки атаманъ раздаетъ по малому количеству хлѣба, и то на половину войска, а 56 станицамъ ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья не производитъ. Рыбныя ловли атаманъ у казаковъ отнялъ и отдаетъ отъ себя на откупъ за большія деньги; лавки, гдѣ съѣстные припасы продаются, у всѣхъ отнялъ и продаетъ припасы, какою цѣною хочетъ. Отъ его злобы двое старшинъ— Котлюбанцевъ и Фальчинскій—съ Дону бѣжали невѣдомо куда. Атаманъ отдаетъ кабаки откупщикамъ. Сынъ его, Степанъ Ефремовъ, наказной атаманъ, атамана Терскаго въ тюрьмѣ уморилъ, и отъ этого страха восемь человѣкъ казаковъ на Кубань ушли; да онъ же, Степанъ, съ женою развелся безо

[1]) Журн. Сената, 22 января, 20 апрѣля, 16 іюля 1753 г.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 10,141.

[3]) Журналы Сената, 11 мая и 20 сентября 1753 г.

всякой вины и женился на другой, а первая его жена пропала. Почти во всѣхъ станицахъ бѣглыхъ бурлаковъ умножилось до нѣсколько тысячъ, и атаманъ даетъ имъ паспорты. Ежегодно въ верховыхъ станицахъ казаки заготовляютъ множество лѣса и водою сплавляютъ до Черкаска подъ предлогомъ, что тотъ лѣсъ надобенъ на городовое строеніе; но атаманъ употребляетъ его на свои постройки. Атаманъ войсковыхъ старшинъ въ тюрьму и на цѣпи сажаетъ, и моритъ безвинно и старшинство отнимаетъ, а другихъ сынъ его бьетъ смертельно. Атаманъ и сынъ его постовъ не содержатъ и надъ постящимися явно ругаются" [1]).

Данила Ефремовъ, за старостью, отказался отъ атаманства; императрица уволила его, но на его мѣсто назначила сына его, Степана. „А также", сказано въ указѣ, „Данила Ефремовъ, самъ желая ея императорскому величеству услугу показывать, представилъ себя въ случаяхъ, бываемыхъ по донскому пограничному мѣсту противъ непріятеля войскомъ Донскимъ командовать и во всякихъ нужныхъ приключеніяхъ распоряженія чинить, и для того ея императорское величество, видя его въ воинскихъ и пограничныхъ дѣлахъ искусство, которому долженъ онъ и сына своего, Степана, обучать, пожаловала его, Данилу Ефремова, за многія его и вѣрныя службы, чиномъ армейскаго генералъ-маіора, подъ котораго командою, доколѣ онъ живъ, долженъ быть сынъ его, войсковой атаманъ Степанъ Ефремовъ, со всѣмъ войскомъ Донскимъ, и въ нужныхъ дѣлахъ по его ордерамъ и наставленіямъ поступать, и о всемъ имъ обще обстоятельно доносить Военной Коллегіи Данилѣ Ефремову давать жалованье по чину генералъ-маіорскому съ раціонами и деньщиками изъ воинской суммы, а для отправленія секретныхъ дѣлъ дать ему писаря и адъютанта, также сто человѣкъ казаковъ изъ Донскихъ, кого онъ самъ выберетъ" [2]).

Войсковой донской атаманъ подчинялся генералъ-маіору. Иная честь была гетману Малороссійскому. Разумовскій воспользовался пребываніемъ Двора въ Москвѣ и уѣхалъ туда, надолго бросивъ скучную Малороссію. Генеральная старшина потянулась за нимъ; онъ представилъ ее императрицѣ—и Малороссіяне были трактованы у публичнаго стола: старшина сидѣла между генералъ-маіорами, полковники—ниже бригадировъ, бунчуковые—между подполковниками [3]). Кромѣ этой чести, трудно сказать, что выигрывала Малороссія отъ возстановленія гетманства.

Странная форма гетманскаго управленія была уже анахронизмомъ; тѣснѣйшее сближеніе Малой Россіи съ Великою готовилось, какъ увидимъ, уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ. Это знаменитое событіе было на первомъ планѣ въ концѣ 1753 и въ началѣ 1754 года. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано изъ Москвы отъ 27 декабря: „Отъ просвѣщенной ея императорскаго величества прозорливости не утаилось, что существительный ея прибытокъ состоитъ въ прибыткѣ всѣхъ ея подданныхъ. По сему премудрому разсмотрѣнію всемилостивѣйше соизволила ея императорское величество пользѣ подвластнаго къ счастію своему ей народа такіе великіе короны своей доходы посвятить, которые во всѣ времена, да и во всѣхъ, не исключая ни одного, государствахъ, какъ справедливыми, такъ и весьма важными почитаются. Однимъ словомъ сказать, ея императорское величество изволила всякіе внутреннихъ пошлинъ сборы отставить и всѣ внутреннія таможни уничтожить, такъ-что внутренно вся толь обширная сія имперія вольнымъ портомъ сдѣлана. Возбужденная чрезъ то въ народѣ радость такъ велика и примѣтна была, что Сенатъ обойтиться не могъ всенижайшее свое и должное за толикія благодѣянія благодареніе ея императорскому величеству засвидѣтельствовать. Почему въ навечеріе праздника Рождества Спасителя нашего, по окончаніи въ придворной церкви Божіей службы, канцлеръ, какъ старшій сенаторъ, обще со всѣми другими, именемъ Сената и всего обрадованнаго и одолженнаго народа, оное ея императорскому величеству всеподданнѣйше и приносили, на которое ея императорское величество всемилостивѣйше соизволила сама въ отвѣтъ сказать, что ея величеству всегда ко особливой радости и удовольствію служитъ возможность пользу своихъ подданныхъ, хотя-бъ то и съ собственнымъ ея убыткомъ было, поспѣшествовать".

23 января 1754 года купцы благодарили императрицу за уничтоженіе внутреннихъ таможенъ: они явились, подъ предводительствомъ магистратскаго оберъ-президента Зиновьева, и поднесли Елисаветѣ алмазъ въ 56 кратъ, цѣною въ 53,000 рублей, 10,000 червонныхъ, да рублевою монетою 50,000 рублей.

Канцлеръ Бестужевъ въ челѣ Сената благодарилъ императрицу за уничтоженіе внутреннихъ таможенъ. Можно догадываться, съ какими чувствами благодарилъ онъ за приведеніе въ исполненіе проекта врага своего, графа Петра Шувалова, проекта, благодѣтельности котораго оспаривать было нельзя. Страхъ предъ усиливающимся враждебнымъ вліяніемъ Шуваловыхъ заставилъ Бестужева съ восторгомъ пойти на-встрѣчу къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Будучи также не въ ладахъ съ Шуваловыми и Воронцовыми, она сдѣлала первый шагъ къ сближенію съ канцлеромъ, который, съ самаго пріѣзда ея въ Россію, до сихъ поръ былъ въ ея глазахъ заклятымъ врагомъ ея и ея родныхъ; вражда немедленно же превратилась въ самыя пріязненныя отношенія, причемъ Бестужевъ съ самаго начала сталъ оказывать великой княгинѣ услуги совѣтомъ и дѣломъ [4]).

---

[1]) Секретныя дѣла Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ.

[2]) Журналы Сената, 12 августа 1753 г.

[3]) Записки Марковича, II, 312.

[4]) Mémoires de Catherine, II, 185.

Эти новыя отношенія не измѣняли нисколько политической системы канцлера, которая попрежнему состояла въ томъ, чтобъ не допускать опаснаго сосѣда, Прусскаго короля, усиливаться и, окружая его цѣпью союзовъ, быть наготовѣ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, „сократить его силы", какъ тогда выражались.

Отъ 15-го марта Кейзерлингъ изъ Вѣны донесъ своему Двору о конференціи, которая у него была съ придворнымъ и государственнымъ канцлеромъ, графомъ Улефельдомъ, имперскимъ вице-канцлеромъ, графомъ Коллоредо, и государственнымъ секретаремъ Бартенштейномъ. Изъясненія австрійскихъ министровъ состояли въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Уже нѣсколько лѣтъ извѣстно въ Вѣнѣ о видахъ Франціи относительно возведенія на Польскій престолъ принца Конти, что и было сообщаемо отсюда отъ времени до времени союзнымъ Дворамъ. 2) Представлены интриги, которыя были производимы и еще производятся французскими министрами въ Польшѣ—Дезисаромъ, Брольи, Кастерою; также какія мѣры были приняты съ французской, прусской и шведской стороны для разорванія послѣдняго сейма. 3) Упомянуто было объ участіи короля Прусскаго во французскихъ видахъ относительно Польской короны; о тѣсномъ его обязательствѣ съ Франціею; объ опасности, которою грозитъ городу Данцигу прусское сосѣдство. 4) Открыто, что коронный маршалъ Бѣлинскій, палатинъ Равскій Яблонскій и госпожа Казановская, происходящая изъ фамиліи Потоцкихъ, служатъ главными орудіями Французскаго Двора; что корреспонденція съ Константинополемъ производится посредствомъ господарши Молдавской; что Брольи хвастаетъ составленіемъ большой партіи изъ мелкаго шляхетства; что о намѣреніи Конти и въ самой Франціи извѣстно очень немногимъ изъ министерства, въ Константинополѣ—никому, а въ Польшѣ—главнѣйшимъ приверженцамъ; что Франція раздаетъ въ Польшѣ большія денежныя суммы; палатинъ Равскій одинъ получилъ 100,000 ливровъ. 5) Изъ всего этого вытекаетъ необходимость для обоихъ императорскихъ Дворовъ и союзниковъ ихъ постановить мѣры для охраненія безопасности каждаго, чтобъ первое обнаруженіе враждебныхъ замысловъ нашло готовое сопротивленіе.

Донося объ этихъ представленіяхъ Вѣнскаго Двора, Кейзерлингъ настаивалъ, съ своей стороны, на опасность, которая будетъ грозить Россіи, если Франціи удастся сдѣлать своего принца Польскимъ королемъ, не говоря уже о ея союзникахъ, изъ которыхъ одинъ вздыхаетъ о возвращеніи потерянныхъ владѣній (Швеція), а другой—помышляетъ о новыхъ завоеваніяхъ (Пруссія), и каждый имѣетъ свою роль въ планѣ о коронѣ Польской. Въ апрѣлѣ Кейзерлингъ далъ знать о важной перемѣнѣ въ личномъ составѣ министерства императрицы-королевы: вмѣсто графа Улефельда Марія-Терезія назначила канцлеромъ графа Кауница-Ритберга, причемъ Кейзерлингъ писалъ: „Сколько я изъ прежняго моего знакомства съ графомъ Кауницомъ могъ его узнать, могу съ похвалою отнестись о его благонамѣренности, благоприличіи и правдивости; поэтому надѣюсь, что перемѣна принесетъ здѣшнимъ дѣламъ болѣе пользы, чѣмъ ущерба; а другіе, знающіе Кауница лучше меня, думаютъ такимъ же образомъ" [1]).

Иначе отозвался изъ Дрездена Гроссъ о тамошней перемѣнѣ; отъ 1-го марта онъ сообщалъ своему Двору о размолвкѣ Брюля съ Чарторыйскими въ такихъ выраженіяхъ: „Жаль, что графъ Брюль отмѣнилъ прежнюю довѣренность къ князьямъ Чарторыйскимъ, которые всегда подавали Двору благонамѣренные совѣты; причина та, что канцлеръ Литовскій отрекся приложить печать къ королевской привилегіи объ уступкѣ какого-то староства, признавая эту привилегію противозаконною. Первый министръ самъ мнѣ говорилъ объ этомъ съ сильнымъ раздраженіемъ противъ канцлера, и я съ надежной стороны увѣдомленъ, что онъ намѣренъ теперь опираться, главнымъ образомъ, на зятя своего, графа Мнишка, на короннаго крайчаго, на гетмановъ короннаго и Литовскаго и на другихъ завистниковъ дома Чарторыйскихъ; но такъ какъ эти князья и друзья ихъ имѣютъ гораздо болѣе кредита въ народѣ и превосходятъ своихъ соперниковъ благоразуміемъ, то болѣе желательно, чѣмъ уповательно, чтобъ эта перемѣна королю и Дому Саксонскому была полезна". Перемѣна, не полезная королю и Дому Саксонскому, ставила и Русскій Кабинетъ въ затруднительное положеніе: съ одной стороны, въ общихъ видахъ русской политики, надобно было поддерживать дружбу съ королемъ, втягивать его въ тѣснѣйшій союзъ, а для этого надобно было ласкать могущественнаго Брюля; съ другой стороны, нельзя было отстраниться отъ Чарторыйскихъ, которые признавались главами русской партіи и были очень нужны для русскихъ интересовъ въ Польшѣ. Эти интересы были прежніе.

Гроссъ долженъ былъ подать самому королю представленіе, что жалобы исповѣдующихъ Греко-Россійскую вѣру въ Литвѣ день-ото-дня умножаются, а представленія королевскаго министерства не производятъ никакого дѣйствія; епископъ Самогитскій завладѣлъ Зелецкимъ монастыремъ, выставивъ причину, что монахи не старались объ исправномъ содержаніи монастыря, хотя всѣмъ было извѣстно, что тотъ-же епископъ никогда не дозволялъ никакихъ починокъ въ монастырѣ; уніатскій митрополитъ, живущій въ Полоцкѣ, отнялъ у Русскихъ, въ Кричевѣ, три церкви и монастырь Соломерецкій; епископъ Виленскій не позволяетъ строить и чинить Заблудовскую Борисовскую и прочія церкви, также Тупичевскій монастырь въ Мстиславлѣ. По наущенію духовенства, Литовскій великій маршалъ, будучи старостою въ Борисовѣ, послалъ приказъ своему управляющему,

[1]) Дѣла Австрійскія 1753 г.

чтобъ тотъ тяжкими денежными налогами и тѣлесными наказаніями принуждалъ русскихъ жителей къ принятію уніи, съ угрозою, что ослушники будутъ выгнаны изъ города. Въ отвѣтъ на это представленіе, графъ Брюль и польскій подканцлеръ объявили Гроссу, что король приказалъ изготовить рескриптъ къ канцлеру Литовскому, гдѣ строго будетъ приказано оставить Русскихъ въ покоѣ относительно церквей и привилегій, по силѣ договоровъ, и ни подъ какимъ предлогомъ не препятствовать имъ починять свои церкви; рескриптъ будетъ за королевскою подписью. Потомъ подканцлеръ коронный далъ знать Гроссу о показаніи Литовскаго маршала Огинскаго, что Борисоглѣбская церковь взята въ унію по добровольному согласію всѣхъ русскихъ обывателей и самого священника: поэтому король рѣшилъ, для открытія истины, составить коммисію, въ которой долженъ быть знатный членъ и изъ Греко-Русскаго духовенства, напримѣръ архіерей Бѣлорусскій. По мнѣнію Гросса, эта коммисія могла быть полезна: католики не посмѣютъ такъ часто принуждать Православныхъ къ уніи подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдніе сами того хотятъ. Но Бѣлорусскій архіерей былъ противнаго мнѣнія: онъ утверждалъ, что отъ коммисіи никакого добра не будетъ, и требовалъ, чтобъ она была оставлена. „Поэтому я намѣренъ", писалъ Гроссъ, „на время не отзываться болѣе о коммисіи, уповая, что ваше величество благоволите меня наставить, если найдете нужнымъ, чтобъ я другимъ образомъ поступилъ, хотя истинно жаль, что обиженнымъ вашимъ единовѣрцамъ въ Польшѣ такъ долго въ претерпѣваемыхъ утѣсненіяхъ, по причинѣ ограниченной королевской власти и шиканства ихъ соперниковъ, невозможно доставить облегченія. Изъ представленныхъ Поляками оправданій съ сожалѣніемъ усмотрѣть можно, что приступленіе къ уніи церквей самимъ непостояннымъ въ своей вѣрѣ попамъ приписать должно. Почему необходимо при оставшихся въ Польшѣ и Литвѣ Греко-Русскихъ церквахъ опредѣлять священниковъ искусныхъ, смирныхъ и въ благочестіи твердыхъ, иначе надобно опасаться, что мало-по-малу Греко-Русская религія тамъ совсѣмъ искоренится" [9]).

Изъ Москвы Гроссъ получилъ отвѣтъ, что старанія его въ пользу единовѣрныхъ людей всемилостивѣйше апробуются и что назначеніе коммисіи очень пріятно императрицѣ, особенно если она будетъ поручена безпристрастнымъ людямъ, иначе, по извѣстной у Римскаго духовенства ревности къ истребленію Греко-Россійской вѣры, а у шляхетства—злобной ненависти, Православные едва-ли получатъ какую-нибудь пользу отъ этой коммисіи. Гроссу предписывалось приложить еще ревностное стараніе въ пользу единовѣрныхъ, причемъ доставлено ему слѣдующее сообщеніе Св. Синода въ Иностранную Коллегію: Бѣлорусскій епископъ Іеронимъ далъ знать Синоду, что въ его епархіи гоненія на Православіе производятся въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что Православныхъ церквей остается уже немного; ни погорѣлыхъ, ни обветшалыхъ строить и чинить не позволяютъ; свѣтскіе владѣльцы въ своихъ имѣніяхъ не даютъ ставленникамъ грамотъ на посвященіе къ церквамъ; въ самой экономіи могилевской королевскимъ универсаломъ запрещено ихъ посвящать для скорѣйшаго истребленія Православной вѣры; въ Борисовѣ староста Огинскій построилъ на свой счетъ уніатскую церковь, и замковые солдаты побоями гонятъ въ нее Православныхъ; Виленскій епископъ по всей Бѣлой Руси выдалъ запрещенія нигдѣ новыхъ Православныхъ церквей не строить и обветшавшихъ не чинить.

Между тѣмъ, по просьбѣ англійскаго посланника Уильямса, была между нимъ и графомъ Брюлемъ конференція, въ присутствіи Гросса. Уильямсъ открылъ конференцію объявленіемъ, что королю его со стороны Саксонскаго Двора внушено, чтобъ онъ постарался о доставленіи Польскаго престола наслѣдному принцу Саксонскому; онъ, Уильямсъ, долженъ поставить слѣдующіе, относящіеся къ дѣлу вопросы: 1) для возведенія на престолъ наслѣднаго принца дожидаться ли кончины королевской, или попытаться при жизни его величества насчетъ назначенія старшаго сына его наслѣдникомъ. 2) Какія до сихъ поръ сдѣланы по этому вопросу домогательства у обоихъ императорскихъ Дворовъ и какіе получены отъ нихъ отвѣты. 3) Можно ли безъ явнаго ниспроверженія польской конституціи приступить къ назначенію наслѣдника. 4) Какими способами можно достигнуть этой цѣли и какимъ образомъ отдалить всѣ препятствія внутреннія и внѣшнія.

Графъ Брюль отвѣчалъ, что относительно расположенія императорскихъ Дворовъ слегка освѣдомлялись, и получены отвѣты, что они съ удовольствіемъ видѣли бы Польскій престолъ въ Саксонскомъ Домѣ. Присутствовавшій въ конференціи графъ Мнишекъ прибавилъ, что, вслѣдствіе крайней зависти между польскими фамиліями, нельзя надѣяться доставить корону кому-нибудь изъ Поляковъ, и, по исключеніи французско-прусскихъ креатуръ, остается одинъ наслѣдный принцъ Саксонскій, который могъ бы быть пріятенъ и современемъ полезенъ королевскимъ союзникамъ. Брюль продолжалъ, что безъ сомнѣнія гораздо легче успѣть въ избраніи наслѣднаго принца при жизни королевской, чѣмъ по смерти: если король умретъ прежде назначенія преемника, то война неизбѣжна, и война жестокая, потому что вредные виды Прусскаго короля, согласные съ французскими, явны, а сила его болѣе прежняго грозна Польшѣ, ибо онъ, владѣя Силезіею, пріобрѣлъ средства съ разныхъ сторонъ утѣснять республику и отрѣзать отъ нея саксонское войско. Если же при жизни королевской назначенъ будетъ преемникъ, то сомнительно — будетъ ли война: теперь всѣ европейскія державы живутъ въ мирѣ, нарушить который

---

[9]) Дѣла Польскія 1753 г.

каждая опасается. Франція еще утомлена и истощена послѣднею войною, флота еще не возстановила, и странно, если-бы она явно стала сопротивляться назначенію родного брата своей дофины; при жизни настоящаго султана Турецкаго такъ-же нельзя опасаться движенія со стороны Порты; слѣдовательно, чѣмъ скорѣе принимать мѣры къ назначенію преемника Польской короны, тѣмъ лучше. Правда, по пактамъ, конвентамъ, королю не позволено предлагать себѣ преемника; но республика, которая постановила законъ, можетъ его и уничтожить для спасенія отечества, которое, при наступающемъ междуцарствіи, подверглось бы разоренію и, быть можетъ, было бы подѣлено между чужими державами.

Гроссъ замѣтилъ на это, что въ конституціи 1631 года объявленъ измѣнникомъ тотъ, кто при жизни короля предложитъ ему преемника: такъ найдется ли кто изъ членовъ республики, который бы посмѣлъ начать рѣчь о преемникѣ. Брюль отвѣчалъ, что лучше всего, если-бы министры союзныхъ державъ на сеймѣ испросили себѣ публичную аудіенцію, и отъ имени своихъ государей присовѣтовали назначить преемника. Надобно, чтобъ прежде всего Дворы—Русскій, Вѣнскій и Великобританскій въ глубочайшей тайнѣ согласились относительно необходимыхъ мѣръ, которыя должны состоять въ томъ, чтобъ, прежде собранія сейма, Русская императрица собрала на лифляндскихъ границахъ 60,000 войска, да подлѣ Кіева—40,000; то же бы сдѣлала императрица-королева на границахъ силезскихъ, а король Англійскій приготовилъ эскадру, чтобъ препятствовать, въ случаѣ нужды, французскимъ и шведскимъ транспортамъ. При этихъ мѣрахъ король Польскій внутри королевства чрезъ своихъ приверженцевъ будетъ ободрять благонамѣренныхъ людей и стараться, чтобъ только такіе были избраны на сеймикахъ въ депутаты на сеймъ, разрывая сеймики, на которыхъ можно было бы опасаться противнаго. При открытіи сейма король главнымъ образомъ будетъ домогаться, чтобъ въ маршалы былъ избранъ человѣкъ надежный и притомъ пріятный своимъ землякамъ. Главное дѣло маршала будетъ состоять въ томъ, что если дѣло нельзя будетъ провести единогласіемъ, то онъ долженъ обыкновенный сеймъ перемѣнить въ сеймъ конфедераціи при королѣ, называемый циркамаестатомъ: такъ какъ на этомъ сеймѣ рѣшеніе происходитъ по большинству голосовъ, то избраніе преемника королю можетъ совершиться въ одинъ день. Дѣло будетъ сдѣлано прежде, чѣмъ короли Французскій и Прусскій о немъ узнаютъ; если же они задумаютъ составить реконфедерацію, то союзникамъ надобно уговориться, какія мѣры принять къ ея ослабленію.

Гроссъ не ждалъ добра отъ движеній графа Мнишка, зятя Брюлева, который, мимо Чарторыйскихъ, старался составить новую придворную партію, включая въ нее и Потоцкихъ. „Потоцкіе часто его обманываютъ“, писалъ Гроссъ; „такимъ образомъ онъ прежнихъ друзей королевскихъ потеряетъ или заставитъ пребывать во вредномъ бездѣйствіи, а новыхъ надежныхъ друзей въ такихъ людяхъ, которые издавна привыкли королевской волѣ сопротивляться и поступать по французскимъ внушеніямъ,—не найдетъ. Мнишекъ непремѣнно хочетъ быть главою партіи и притѣснять тѣхъ, которые не вступаютъ въ его виды. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что когда недавно великій подскарбій Литовскій, графъ Флеммингъ, находился здѣсь, въ Дрезденѣ, и графъ Мнишекъ прямо предложилъ ему отстать отъ Чарторыйскихъ, и когда Флеммингъ не согласился, то послѣ этого его стали принимать при Дворѣ съ явною холодностію. Поэтому я опасаюсь, что если поведеніе Брюля и Мнишка не перемѣнится по возвращеніи короля въ Варшаву, то князья Чарторыйскіе со своими друзьями, чтобъ показать Двору силу свою въ королевствѣ, если не явно, то подъ рукою, станутъ сопротивляться Двору; я долженъ засвидѣтельствовать, что князья Чарторыйскіе и преданные имъ вельможи—люди самые умные и относительно европейской системы самые доброжелательные, да сверхъ того—самые богатые въ Польшѣ, такъ какъ приставшіе къ графу Мнишку гетманы коронный и Литовскій, да подканцлеръ и крайчій коронные, подобно самому Мнишку, люди средняго ума, а воеводы—Смоленскій и Бѣльскій съ крайчимъ короннымъ издавна преданы Франціи и Пруссіи“.

Въ началѣ ноября, Гроссъ получилъ отъ своего Двора рескриптъ, въ которомъ говорилось, что Кейзерлингу въ Вѣну послано приказаніе вытребовать отъ тамошняго Двора тайное обязательство такого рода: если Прусскій король нападетъ на Саксонію или Ганноверъ, то Австрія вмѣстѣ съ Россіею немедленно же подаютъ помощь подвергшейся нападенію странѣ; Гроссъ долженъ вытребовать такое же тайное обязательство у Дрезденскаго Двора, что, въ случаѣ нападенія Прусскаго короля на Ганноверъ, Саксонія будетъ дѣйствовать противъ Пруссіи вмѣстѣ съ Россіею и Австріею. Когда Гроссъ сдѣлалъ это предложеніе графу Брюлю, тотъ отвѣчалъ, что хотя нельзя довольно восхвалить императрицу за попеченіе объ общемъ интересѣ союзниковъ, однако у Саксоніи съ Пруссіею только-что заключена конвенція относительно прежнихъ споровъ, и потому нельзя ожидать со стороны Прусскаго короля скораго нападенія; также—пока англійскій парламентъ не понудитъ своего короля употребить мѣры противъ Прусскаго короля за удержаніе англійскихъ капиталовъ на Силезію, нельзя ожидать нападенія Фридриха II на Ганноверъ. Это нападеніе сомнительно и потому, что Франція страдаетъ недостаткомъ денегъ, несогласіемъ министровъ и опасною ссорою духовенства съ парламентами,—слѣдовательно не въ состояніи начать войну, а безъ ея помощи не вѣроятно, чтобъ король Прусскій отважился нарушить миръ. Притомъ изъ рескриптовъ императрицы къ Кейзерлингу и къ нему, Гроссу, не видно, обязался ли король Англій-

скій, какъ курфирстъ Ганноверскій, помогать Саксоніи въ случаѣ нападенія на нее: Саксонскому Двору надобно объ этомъ знать, прежде чѣмъ давать обязательство съ своей стороны; кромѣ того, надобно знать, какой отвѣтъ получится отъ Вѣнскаго Двора. Если-бъ генеральный оборонительный союзъ между обоими императорскими Дворами, Великобританіею, Голландіею, Ганноверомъ и Саксоніею былъ заключенъ, по которому эти Дворы, для сохраненія общей тишины, обязались бы дѣйствовать всѣми своими силами противъ нарушителя ея, кто бы онъ ни былъ, то въ частныхъ тайныхъ обязательствахъ нужды бы не было. Дрезденскій Дворъ проситъ императрицу всемилостивѣйше принять въ уваженіе, что если-бъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда у Саксоніи съ Пруссіею конвенція, когда между Ганноверомъ и Саксоніею никакихъ обязательствъ нѣтъ, Прусскій король провѣдалъ бы какимъ нибудь образомъ (а онъ хвастаетъ, что ему извѣстны самыя тайныя происшествія при Русскомъ Дворѣ) о данномъ здѣшнимъ Дворомъ обязательствѣ въ пользу Ганновера, то это подало бы ему случай немедленно напасть на Саксонію, нищую деньгами, войскомъ и крѣпостями, и разорить ее вконецъ, тѣмъ болѣе-что онъ уже разъ объявилъ, что въ случаѣ начатія войны его интересъ требуетъ прежде всего привести Саксонію въ бездѣйствіе.

„Но въ такомъ случаѣ", возразилъ Гроссъ, „въ силу тѣхъ самыхъ обязательствъ, о которыхъ идетъ рѣчь, Саксонія будетъ защищена обоими императорскими Дворами, и бо́льшей для себя безопасности никогда ожидать не можетъ; да и никакъ нельзя опасаться, чтобъ Прусскій король узналъ какъ-нибудь тайну соглашенія". Несмотря однако на эти возраженія, Брюль остался при своемъ; впрочемъ, Гроссъ писалъ своему Двору, что если Вѣнскій и Ганноверскій Дворы согласятся дать эти обязательства, то и Саксонскій легче будетъ уговаривать.

Отношенія шведскія видимо отходили на второй планъ. Панинъ писалъ изъ Стокгольма, что продолжительное пребываніе въ увеселительномъ дворцѣ, Ульрихсдалѣ, еще болѣе благопріятствуетъ удаленію королевскому отъ дѣлъ; а королева, видя, что ея нѣжность и красота наводятъ уныніе, упражняется изо всѣхъ силъ въ выдумываніи разныхъ забавъ, чтобъ хотя ими сохранить сердце и довѣріе короля. Такъ какъ слабость здоровья не позволяетъ ей участвовать въ охотѣ и другихъ забавахъ короля, сопровождать его всюду, то она теперь пристрастилась къ музыкѣ, которой прежде терпѣть не могла, и во дворцѣ съ утра до вечера—концерты: королева играетъ на клавицимбалахъ, а король—на скрипачномъ басѣ. Хотя графъ Тессинъ и не можетъ участвовать въ придворныхъ концертахъ, однако правленіе остается въ рукахъ господствующей партіи, и король, чувствуя свою безпомощность, скрывая внутреннее неудовольствіе, преклоняется предъ сенаторами, преданными Франціи. Кромѣ того, лучшіе приверженцы короля разъѣхались по своимъ мѣстамъ, и около него никого нѣтъ, кромѣ скомороховъ и лукавыхъ друзей; среди нихъ маіоръ Ливенъ, руководствуемый своей сестрою, упражняется въ одномъ: — чтобъ сдѣлать свои услуги драгоцѣнными французскому послу и его шайкѣ. Панинъ долженъ былъ признаться, что пока вліяніе королевы велико: она ласкала патріотовъ, надѣясь съ ихъ помощью усилить власть королевскую; но съ другой стороны внушала королю, что это люди неспособные и не могутъ идти въ сравненіе съ сенаторами французской партіи, чрезвычайно искусными въ политическихъ дѣлахъ, отчего король остается во всегдашнемъ недоумѣніи и, потому, слабости, и, сколько возможно, удаляется отъ государственныхъ дѣлъ, что, впрочемъ, соотвѣтствуетъ и его природѣ, ибо ни въ какомъ великомъ предпріятіи не можетъ найти себѣ столько удовольствія, какъ въ ничтожныхъ солдатскихъ подробностяхъ; когда онъ пріѣзжаетъ въ Стокгольмъ для присутствія въ сенатѣ, то, остановясь въ своихъ покояхъ, употребляетъ много времени на разсматриваніе солдатскихъ мелочей своей роты, и потомъ, зашедши въ сенатъ на полчаса, съ поспѣшностью возвращается къ супругѣ.

Въ іюнѣ Панинъ писалъ: „Члены придворной партіи стараются склонить короля къ перемѣнѣ системы, чему начальнымъ основаніемъ поставляютъ возобновленіе добрыхъ отношеній съ Англіею; они употребляютъ всѣ способы, чтобъ король сдѣлалъ объ этомъ предложеніе въ сенатѣ. Король много разъ имъ это обѣщалъ, но природная вялость не допустила исполнить обѣщаніе, а между сенаторами придворная партія не имѣетъ никого, кто бы могъ подать поводъ къ королевскому предложенію. Сенаторъ Левенгельмъ хотя согласенъ съ придворною партіею, но, будучи связанъ съ нею однимъ честолюбіемъ, не захочетъ сдѣлать себя предметомъ ненависти Версальскаго Двора. Я, сколько приличіе могло дозволить, старался подкрѣплять этого сенатора въ пользу благонамѣренныхъ друзей; но теперь прозорливость заставляетъ отъ этого отдаляться, ибо тому другой годъ, какъ я не получаю никакого наставленія о намѣреніяхъ вашего величества, а дѣла послѣ послѣдняго сейма, конечно, совсѣмъ иной видъ получили; ихъ молодое существо требуетъ, чтобъ съ ними поступали съ крайнею осторожностію, какъ съ нѣжными дѣтьми". На это онъ получилъ рескриптъ: „Мы на благоразуміе ваше совершенную надежду полагаемъ, что вы, при столь многочисленныхъ разныхъ въ Швеціи партіяхъ, ваше поведеніе такъ устроите, что оно характеру вашему и вашей особѣ честь и нашимъ интересамъ — пользу приносить будетъ. Вамъ и безъ того уже довольно извѣстно, что наши намѣренія главнымъ образомъ въ томъ состоятъ, чтобы между обоими Дворами возстановить сосѣдственную дружбу и доброе согласіе, и ничего противнаго тому, по возможности, не допускать, и стараться содержать миръ какъ собственно съ Шведскимъ Дворомъ, такъ и вообще на всемъ Сѣверѣ, кчему вы давно уже наставленія

отъ насъ получили, которыя остаются неотмѣнными: поэтому вы не можете опасаться быть въ чемъ-нибудь обвиненнымъ, если будете поступать согласно съ нашими намѣреніями; на всякій же случай посылать вамъ заблаговременно наставленія нельзя. Желательно было бы, чтобъ въ сенатѣ былъ хотя одинъ членъ, который бы подкрѣплялъ короля и его партію и дѣйствовалъ противъ французской системы, да чтобъ при королѣ безотлучно находился человѣкъ, который бы внушалъ ему основательнѣйшія мысли; но способы для достиженія этого отсюда вамъ предписаны быть не могутъ. Въ дальнѣйшее вамъ наставленіе можно написать одно:—чтобъ вы, не раздражая ни той, ни другой партіи, зорко смотрѣли на всѣ ихъ интриги и происки, и предостерегали наши интересы, которые состоятъ въ соблюденіи тишины на Сѣверѣ и въ неизмѣнности шведской правительственной формы".

Панинъ указалъ на Левенгельма, какъ на человѣка, способнаго играть означенную роль въ сенатѣ, и на генерала Дюринга, какъ на человѣка, который долженъ постоянно внушать королю добрыя намѣренія; но такъ какъ оба они должны дѣйствовать согласно съ русскими интересами, то необходимо обоимъ имъ давать пенсіи, именно: первому въ 1,000 червонныхъ, а графу Дюрингу—въ полторы тысячи рублей [1]).

Возстановленіе добрыхъ отношеній Швеціи къ Англіи принималось въ Россіи какъ дѣло въ высшей степени желанное, ибо Дворы Русскій и Англійскій сближались все тѣснѣе и тѣснѣе, что входило, какъ извѣстно, въ основаніе политики Русскаго канцлера. Отъ 20 іюля графъ Чернышевъ писалъ изъ Лондона: „Въ обыкновенную мою, въ прошлую среду, бытность у герцога Ньюкестля, какъ только онъ меня увидѣлъ, то спросилъ, имѣю ли я какое повелѣніе отъ своего Двора, и когда я ему отвѣчалъ, что нѣтъ, то онъ передразнилъ меня: „Нѣтъ, всегда нѣтъ,—очень жаль! и нашъ посланникъ, полковникъ Гюидикенсъ, почти то же „нѣтъ" къ намъ сюда по послѣдней почтѣ пишетъ; съ нѣкотораго времени всѣ письма его такъ между собою сходны, какъ будто скопированы одно съ другого".—„Я", продолжалъ Чернышевъ, „не былъ въ состояніи ничего на это отвѣтить; и такъ какъ другой матеріи для разговора не было, то вся конференція наша этимъ и кончилась, продолжаясь не болѣе двухъ минутъ. Такъ какъ съ нѣкотораго времени всѣ свиданія мои съ этимъ министромъ не были продолжительнѣе, то это меня не удивило; но я боюсь поврежденія интересовъ вашего величества въ томъ отношеніи, что самъ герцогъ высказалъ мнѣ свое мнѣніе, будто я не пользуюсь довѣріемъ своего Двора, ибо давно уже не представляю ему никакихъ сообщеній не только относительно новыхъ предложеній Лондонскаго Двора о содержаніи русскаго войска на лифляндскихъ границахъ, но и о другихъ предметахъ". Предложеніе о содержаніи русскаго войска на лифляндскихъ границахъ и о движеніи его въ прусскія владѣнія, въ случаѣ нападенія Фридриха II на Ганноверъ, было сдѣлано Гюидикенсомъ 27 апрѣля; посланникъ изъявлялъ надежду, что императрица дастъ требуемую помощь, тѣмъ болѣе—что и Вѣнскій Дворъ согласенъ дать ее. 7 мая канцлеръ читалъ императрицѣ по этому поводу свое слабѣйшее мнѣніе: „Происшествіе дѣлъ къ гремящей повсюду ея императорскаго величества славѣ гоказало, колико прямое соблюденіе европейскаго равновѣсія и тишины отъ ея повелѣній зависѣло, ибо пока ея величество, такъ сказать, нѣсколько индифферентнымъ окомъ на раздиравшія Европу замѣшательства взирать изволила,—всѣ видѣли, что военное пламя лишь больше разгоралось и натуральные ея императорскаго величества союзники до послѣдней крайности приходили. Франція гордилась даже и выслушать какія-либо предложенія, кромѣ тѣхъ, кои она другимъ повелительно налагать хотѣла. Король Прусскій тѣмъ же самымъ временемъ вышелъ изъ предѣловъ своея мѣры, и, охватя богатую и обширную Шлезію, но богатясь еще не меньше разореніемъ и пограбленіемъ Саксоніи, всѣмъ и наисильнѣйшимъ своимъ сосѣдямъ тягостенъ и опасенъ сдѣлался. Шведы хоть немощны, однакожъ наполнялись замыслами, а особливо о возстановленіи самодержавства. Напротивъ же того, сколь скоро соизволила ея императорское величество въ европейскія дѣла съ большею силою вступиться, поставя сперва за субсидіи (которыхъ въ два года безъ-мала милліонъ рублевъ чистыми деньгами въ казну ея император. величества получено, кромѣ тѣхъ, что помощный корпусъ ходилъ) знатный обсерваціонный корпусъ войскъ, и больше отправя потомъ и дѣйствительно другой на помощь морскимъ державамъ: тотчасъ все состояніе европейскихъ дѣлъ весьма другой видъ получило. Король Прусскій не учинилъ уже такого жъ въ Богемію впаденія, какимъ онъ въ 1743 году Францію изъ лабиринта вывелъ, и принца Карла изъ Эльзаса назадъ чрезъ Рейнъ перейти принудилъ. Франція, лишаясь чрезъ то дѣйствительной помощи сего сильнѣйшаго и подлинно нужнаго ей помощника, а паче увидя поспѣшающій противъ ея морскимъ державамъ на помощь корпусъ войскъ ея император. величества, гораздо умѣреннѣйшими свои запросы сдѣлала. Итакъ помянутый корпусъ не ходилъ больше, какъ только чтобъ славу оружія ея императорскаго величества по всей Европѣ разнести, ласкательный титулъ европейской миротворительницы монархинѣ своей, возвращаясь назадъ, въ даръ посвятить, и знатныя суммы денегъ какъ съ собою привезть, такъ и здѣсь отсутствіемъ своимъ въ казнѣ ея императорскаго величества сберечь. Все сіе признаваетъ уже цѣлый свѣтъ, и особливо нынѣ не признавать не можетъ, когда дальнѣйшее дѣлъ происшествіе подтвердило, что единственно мудрымъ ея императорскаго величества резолюціямъ предписывать надобно и дарованную на время

[1]) Дѣла Шведскія 1753 г.

Европѣ тишину и покой, въ которомъ король Прусскій самъ остался и своихъ сосѣдей оставилъ. Самыми настоящими дѣлами оное доказывать не трудно, но коротко и ясно сказать можно: что, какъ только начали въ прошломъ году изъ стоявшихъ въ Лифляндіи войскъ убавку дѣлать, король Прусскій тотчасъ поднялся Саксонцевъ даже нападеніемъ угрaживать; а какъ еще минувшею зимою помянутая войскъ убавка и знатнѣйшею учинена, то, ни мало затѣмъ не мѣшкавъ, завелъ онъ настоящую съ Великобританіею распрю, угрaживая притомъ атакованіемъ Ганновера. Что онъ и дѣйствительно на сіе поступить готовъ и въ состояніи, оное само собою доказуется прежнимъ и настоящимъ его поведеніемъ, предпріимчивымъ, отважнымъ и властолюбивымъ нравомъ, содержаніемъ во всегдашней къ походу готовости войскъ его, да и самою почти надобностію упражнять ихъ въ военныхъ трудахъ и подвигахъ, будучи число ихъ такъ велико, что превосходитъ нужное къ собственной его безопасности.

„Излишне бы толковать, коль вредительно интересамъ ея императорскаго величества усиленіе короля Прусскаго. Всему свѣту знакомая исторія то показуетъ: дѣдъ и отецъ его, не имѣвши толикихъ силъ, по близости къ Россіи, не гордиться и ссориться, но союза съ нею искать принуждены были; слѣдовательно и симъ союзомъ силы россійскія прирастали, по меньшей мѣрѣ съ той стороны опасаться нечего было. Напротивъ уже того, какая великая разность! Сей самый союзникъ, или, по меньшей мѣрѣ, для Россіи индифферентный или же, лучше сказать, отъ нея зависѣвшій Дворъ, сдѣлался ей такимъ сосѣдомъ, который всѣхъ опаснѣе, и толь больше, что, соединясь неразрывными и непремѣняемыми интересами съ Франціею, его всегдашнимъ и натуральнымъ Россіи непріятелемъ почитать должно. Льзя ли подумать, чтобъ онъ отъ Франціи отсталъ, когда ни та безъ него, ни онъ безъ нея устоять и себя сохранить не могутъ. Безъ Франціи давно уже отняли-бъ у него Шлезію назадъ; а и безъ него, при переходѣ принца Карла за Рейнъ, думать надобно, что въ Акенѣ заключенный миръ иногда внутри Франціи заключенъ былъ бы.

„Однимъ словомъ, чѣмъ сильнѣе онъ, тѣмъ нужнѣе Франціи, тѣмъ больше союзъ его съ нею твердъ и тѣмъ болѣе Россіи онъ вредителенъ и опасенъ. Да такимъ быть онъ желаетъ и ищетъ, правда и дѣйствительно такимъ уже есть; но чтобъ еще больше быть, то нѣтъ лучшаго пути и способу, какъ разореніе Ганновера. Область ему весьма сручная и смежная, съ его стороны открытая и никакихъ крѣпостей неимущая, а напротивъ того собою, а еще больше хранимымъ тамо великимъ короля Англійскаго сокровищемъ, такъ богатая, что ежели онъ находящіяся въ Ганноверѣ со сто милліоновъ наличныхъ денегъ схватитъ, то можно ему будетъ тѣми одними деньгами двадцать лѣтъ самую сильную войну производить. Куда-бъ онъ тогда оружіе свое ни обратилъ,—оное равно и всегда интересамъ ея императорскаго величества вредительно и опасно, а толь больше, когда дальновидные его съ Франціею замыслы уже довольно извѣстны. Проекты ихъ открыты и со всѣхъ сторонъ подтверждаются, чтобъ принца Контія на Польскій престолъ возвести. Королю Прусскому сіе дѣлать надобно; но станетъ ли онъ даромъ, не выговоря взаимныхъ себѣ выгодностей? Курляндія его брату, нечаятельно, чтобъ довольнымъ награжденіемъ показалась, и такъ конечно и польская Пруссія ему-жь предопредѣляется. Каковъ онъ тогда Россіи сосѣдъ будетъ,—оное всякому судить оставляется; но къ сохраненію себя при сихъ авантажахъ не надобно ли ему искать ближняго и достаточнаго союзника? Франція у него есть; но хороша она для Вѣнскаго Двора; а отъ Россіи, конечно, нужна имъ обоимъ, а ему больше, Швеція. Въ союзѣ съ ними она и находится, а къ Россіи по временамъ, то явнымъ, то внутреннимъ, а всегда постояннымъ и злобнымъ непріятелемъ есть. По сему непремѣняемому правилу, что всегда стараться надобно не токмо о сохраненіи, но и усиленіи своего союзника, дабы онъ не въ тягость, но полезенъ былъ, не станутъ ли они стараться — Швеціи потерянныя, и Россіи уступленныя провинціи доставить? Ручаться въ томъ никто не можетъ, только бы конъюнктуры имъ хотя мало способными къ тому показались. Когда-жь имъ лучшихъ и ждать, буде не тогда, какъ, разоря Ганноверъ, король Прусскій тамошнимъ сокровищемъ набогатится! Вся Европа видѣла, что онъ ни шлезскіе великіе доходы, ни съ Саксоніи собранные милліоны въ кладъ не клалъ, но восмьюдесятьми тысячами войска свои умножалъ, которыя одними шлезскими доходами, сколько извѣстно, содержатся.

„Что интересы и слава ея императорскаго величества неотмѣнно требуютъ скорою помощію спасать и защищать такого союзника, который ей толь натураленъ и надобенъ, какъ король Англійскій,—оное само собою понятно, а особливо, что подаваемая ему помощь всемѣрно столько-жь для Ганновера важна, сколько для самой Россіи нынѣ и для переду выгодна, когда токмо оная съ надлежащею поспѣшностію дана и негоціація до своего совершенства съ крайнимъ секретомъ производима будетъ. Почти ручаться можно, что сколь скоро заключаемая о семъ конвенція ратификуется и отправленіемъ указовъ о собраніи войскъ въ лагерь на лифляндскихъ границахъ и о приготовленіи къ походу лагеръ извѣстною сдѣлается, то, конечно, тотчасъ король Прусскій замыслы свои отставитъ, и Ганноверъ также въ покоѣ пребудетъ, какъ наконецъ въ послѣднюю войну Богемія и со всѣмъ войскомъ обнаженная отъ него однакожь въ покоѣ оставлена была, когда войска ея императорскаго величества на тѣхъ же лифляндскихъ границахъ собраны находились. Такъ не славно ли будетъ для ея императорскаго величества, что однимъ движеніемъ ея войскъ разрушаются всѣ противныхъ Дво-

ровъ замыслы и сохраняются ея союзники; меньше ли притомъ полезно, когда за сіе одно Англія пропорціональныя субсидіи платить станетъ? Пускай бы и дѣйствительно до того дошло, что король Прусскій Ганноверъ атакуетъ и войскамъ ея императорскаго величества, по силѣ заключенной о томъ конвенціи, въ Пруссіи диверсію сдѣлать надобно будетъ,—не усматривается и въ томъ отнюдь никакого несходствія. Усерднымъ и ревнительнымъ генераламъ желанный доставится случай къ оказанію и своего искусства и храбрости; офицерство, которое и въ послѣдній походъ другъ предъ другомъ наперерывъ идти искало, радоваться-жь будетъ случаю показать свои заслуги. Солдатство употребится въ благородныхъ и званію его пристойныхъ упражненіяхъ, въ которыхъ они всѣ никогда довольно ексерцированы быть не могутъ".

Императрица, выслушавъ предложеніе Гюидикенса и министерское мнѣніе, приказала: 1) Такъ какъ Вѣнскій Дворъ имѣетъ не меньше интереса въ защищеніи Ганновера, какъ и здѣшній, и хотя англійскій министръ предъявляетъ объ обнадеживаніи со стороны Вѣнскаго Двора, однако для лучшей надежности освѣдомиться въ конференціи съ барономъ Претлакомъ и англійскимъ министромъ, какимъ образомъ въ этомъ дѣлѣ Вѣнскій Дворъ хочетъ помогать Англійскому Двору. 2) Такъ какъ выставленное на лифляндскихъ границахъ войско можетъ быть употреблено на диверсію въ Пруссію, а на его мѣсто должно быть выставлено другое войско, то спросить у англійскаго посланника, что его Дворъ заплатитъ за это новое войско. 3) Потребовать внесенія въ договоръ, что если Пруссія, злобясь на Россію за помощь Ганноверу, нападетъ на нее, то Англія обязывается, во все время войны, платить Россіи по милліону голландскихъ ефимковъ ежегодно, и если въ то же время Швеція нападетъ на Россію, то Англія на помощь послѣдней высылаетъ свой флотъ; если же нападетъ одна Швеція, то Англія помогаетъ Россіи кораблями или деньгами.

Началась пересылка проектовъ и контръ-проектовъ конвенціи [3]).

Въ Петербургѣ происходили конференціи между русскимъ канцлеромъ и представителями Австріи и Англіи по поводу Пруссіи; на другомъ концѣ Европы, въ Константинополѣ, происходили совѣщанія представителей Россіи, Австріи и Англіи по поводу интригъ французскихъ. Французскій посланникъ предложилъ Портѣ, чтобъ она: во 1) договорилась съ Франціею о мѣрахъ для защиты польской вольности, и во 2) возобновила союзъ съ Прусскимъ королемъ; при этомъ Французъ выставилъ на видъ опасность, какая грозитъ Портѣ отъ новыхъ сербскихъ поселеній за Днѣпромъ. Послѣднее указаніе привело Обрѣзкова въ большую тревогу; но онъ былъ успокоенъ отвѣтомъ Порты, что она заботится о польской вольности и, по нѣкоторымъ причинамъ, должна отложить заключеніе союза съ Пруссіею [4]).

Глава IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1754 годъ.

Мѣры для составленія Уложенія.—Учрежденіе купеческаго банка.—Постановленіе о выдачѣ бѣглыхъ.—Уничтоженіе внутреннихъ сборовъ въ Малороссіи.—Коммисія объ Уложеніи.—Положеніе Суднаго Приказа.—Помѣщичьи усобицы.—Столкновеніе церковныхъ крестьянъ съ причтомъ.—Непріятная переписка между Синодомъ и Сенатомъ, между Сенатомъ и Адмиралтейскою Коллегіею.—Положеніе новоучрежденнаго купеческаго банка.—Продажа соли.—Мѣры относительно повивальныхъ бабокъ.—Обширный проектъ Петра Ивановича Шувалова о сохраненіи народа.—Рожденіе великаго князя Павла Петровича.—Письмо канцлера Бестужева къ брату, Михаилу Петровичу.—Послѣдній не перестаетъ сердиться на брата.—Дѣло о переселеніи Черногорцевъ въ Россію.—Затруднительные переговоры съ Польшею по дѣлу о выдачѣ бѣглыхъ, по Курляндскимъ дѣламъ и по дѣлу Чарторыйскихъ.—Продолженіе переговоровъ съ Англіею о субсидномъ трактатѣ.—Столкновеніе съ Турціею по поводу строенія крѣпости Св. Елисаветы.

Елисавета пробыла въ Москвѣ и первые четыре мѣсяца съ половиною 1754 года, и только 19 мая возвратилась въ Петербургъ. Но удобства зимняго пути заставили императрицу еще 3 января объявить, что сама она отправится въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ, а всѣ канцеляріи пусть отправляются послѣднимъ зимнимъ путемъ, также и изъ членовъ ихъ, кто пожелаетъ [1]). Послѣднимъ распоряженіемъ относительно Москвы было—приказаніе снести построенный близъ Красныхъ воротъ комедіальный нѣмецкій домъ [2]).

Если пребываніе въ Москвѣ 1753 года ознаменовано было знаменитымъ указомъ объ отмѣнѣ внутреннихъ таможенъ, то и пребываніе 1754 г. было ознаменовано также важными распоряженіями. Уже нѣсколько лѣтъ императрица не присутствовала въ Сенатѣ; но тутъ два раза посѣтила его. 11 марта собрались въ Сенатъ президенты коллегій, канцелярій и приказовъ, вице-президенты, главные судьи и члены, и подали мнѣнія о происходящихъ въ судахъ спорахъ о запискѣ

[1]) Журн. Сената, 8 января 1754 г.
[2]) Журн. Сената, 7 января.
[3]) Дѣла Англійскія 1753 г.
[4]) Дѣла Турецкія 1753 г.

спорныхъ рѣчей въ особыя тетради и о взятіи экстрактовъ изъ нерѣшенныхъ дѣлъ въ Юстицъ-Коллегію. Въ десятомъ часу въ Сенатъ вошла императрица, и эти мнѣнія слушаны были въ ея присутствіи. Во время слушанія этихъ мнѣній разсуждали: когда по суднымъ дѣламъ челобитчику или отвѣтчику дойдетъ до объявленія крѣпостей, то изъ нихъ нѣкоторые, особенно ябедники, чтобъ дѣло протянуть и къ рѣшенію не допустить, показываютъ, будто крѣпостей при нихъ нѣтъ, будто съ этими крѣпостями люди ихъ посланы для сыску бѣглыхъ крестьянъ въ Астрахань и другіе дальніе города; а иные объявляютъ, будто крѣпости у нихъ и вовсе пропали, или люди, бѣжавъ, покрали; другіе же сказываютъ, что во время пожаровъ сгорѣли.

Императрица, разсуждая съ немалымъ сожалѣніемъ о своихъ подданныхъ, что иные, при всей справедливости ихъ дѣла, чрезъ разные коварные и ябеднические вымыслы, должнаго себѣ удовлетворенія и скораго въ дѣлахъ своихъ рѣшенія получить не могутъ, а между тѣмъ есть и такіе, которые продолжаютъ время необъявленіемъ крѣпостей,—полагала, чтобъ всякаго чина люди хранили крѣпости, какъ самыя нужныя бумаги, и, въ случаѣ пропажъ и утратъ въ пожарное время, брали выписи изъ присутственныхъ мѣстъ, и впредь никакой отговорки не представляли.

Главный судья Суднаго Приказа, Юшковъ, упомянулъ, что бѣглыхъ крестьянъ велѣно отдавать по Уложенію, по писцовымъ и переписнымъ книгамъ 135, 136, 154 и 155 годовъ, а эти книги были составлены задолго до Уложенія, и теперь не только дѣтей и внучатъ, но и правнучатъ этихъ бѣглыхъ, но и дальше лѣтъ за сто и болѣе ищутъ, и одинъ помѣщикъ по своимъ, а другой по своимъ деревнямъ имена подбираютъ, и приводные, изъ страха, не зная кому достанутся, говорятъ такъ, какъ приводцамъ надобно, и кто сначала приведетъ, того и сказываются; а когда того-же бѣглаго приведетъ другой соперникъ, то станетъ называться его крестьяниномъ, и въ перемѣнныхъ рѣчахъ доходятъ до пытки и кровопролитія; а если бы самого истца или отвѣтчика спросить подъ присягою, подлинно ли это ихъ прадѣдовъ или дѣдовъ люди и крестьяне, то присягнуть бы не посмѣли.

Это замѣчаніе подало поводъ къ разсужденію, что сомнительно, чтобъ приведенные изъ бѣговъ, какъ подлые люди, могли помнить свою родословную, да и послѣ означенныхъ годовъ были новыя переписи, и потому надобно опредѣлить, по какимъ позднѣйшимъ переписямъ отдавать бѣглыхъ для избѣжанія затрудненій и пытокъ отъ разнорѣчій. При этомъ императрица прибавила, что не только подлые люди, но и знатные, оставшіеся послѣ отцовъ и матерей въ малолѣтствѣ, безъ справки не могутъ указать свою восходящую линію.

Тутъ сенаторъ, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ обратился къ императрицѣ съ такими словами: „Для совершеннаго пресѣченія продолжительности судовъ нѣтъ другого способа, кромѣ указаннаго уже вашимъ императорскимъ величествомъ, когда вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а которые съ настоящимъ временемъ не сходны, то повелѣли разобрать Сенату. Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся, но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанію вашего императорскаго величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣлъ зналъ въ такой же тонкости, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія, надъ которымъ велѣлъ работать Петръ Великій, для котораго, при императрицѣ Аннѣ, было собрано дворянство, но распущено, ибо не принесло никакой пользы. Ваше величество съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ; но, по несчастію нашему, мы не сподобились исполнить желаніе вашего величества: у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ, безъ излишку и недостатковъ, ясны и понятны были, и вѣрноподданные рабы ваши не могутъ пользоваться этимъ благополучіемъ“.

Выслушавъ это мнѣніе и выразивъ немалое сожалѣніе о своихъ вѣрноподданныхъ, которые страдаютъ отъ разныхъ ябеднических вымысловъ, императрица изъявила такое свое намѣреніе: что преимущественно предъ прочими дѣлами надобно сочинить ясные законы и тому положить немедленно начало. Потомъ разсуждала, что нравы и обычаи измѣняются съ теченіемъ времени, почему необходима и перемѣна въ законахъ; наконецъ замѣтила, что нѣтъ человѣка, который бы въ подробности зналъ всѣ указы, относящіеся ко всѣмъ департаментамъ и потому могъ бы отвратить всѣ излишки и дополнить все недостающее, развѣ бы имѣлъ ангельскія способности.

Съ этими словами императрица встала и вышла изъ собранія, въ первомъ часу пополудни. Послѣ нея Сенатъ опредѣлилъ приступить къ сочиненію ясныхъ и понятныхъ законовъ [1]).

Еще 23 февраля сенаторъ, графъ Петръ Шуваловъ предложилъ Сенату: „При Петербургскомъ портѣ нынѣ курсъ на россійскія деньги состоитъ высокій и чрезвычайные проценты давать должны для того, что во обращеніи въ Петербургѣ денегъ имѣется недовольное число, и россійскіе купцы наличныхъ денегъ мало-жь имѣютъ, отчего и коммерція можетъ въ упадокъ придти и въ платежѣ внутреннихъ пошлинъ по 13 копѣекъ съ рубля будетъ недостатокъ; а на монетныхъ дворахъ ка-

[1]) Журн. Сената, 11 марта.

питалъ состоитъ въ немалой суммѣ безъ всякаго плода: того ради для одного купечества банкъ до полмилліона, и на первый случай хотя до 200,000 рублевъ опредѣлить и отдавать торгующимъ въ Петербургѣ купцамъ изъ процентовъ не менѣе мѣсяца и не болѣе полугода". Въ мартѣ Сенатъ посвятилъ шесть засѣданій сужденію по поводу именного указа объ учрежденіи для дворянства Государственнаго банка и предложенія Шувалова объ учрежденіи для купечества банка. Рѣшено подать императрицѣ докладъ объ учрежденіи дворянскаго банка изъ денегъ, собираемыхъ съ вина, въ 750,000 рублей, а для купечества—изъ капитальныхъ денегъ, находящихся на монетныхъ дворахъ, въ 500,000 рублей: изъ перваго давать только русскимъ дворянамъ, а иностраннымъ такимъ, которые обязались быть въ вѣчномъ подданствѣ Россіи фазалами (вассалами) и владѣютъ въ Великой Россіи недвижимыми имѣніями; изъ второго—однимъ русскимъ купцамъ, торгующимъ при Петербургскомъ портѣ.

Въ маѣ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Сенатъ опредѣлилъ, чтобъ бѣглыхъ отдавать по сказкамъ съ 1719 года; разсмотрѣлъ межевую инструкцію, и рѣшено быть при Сенатѣ Главной Межевой канцеляріи, въ которой присутствовать генералъ-лейтенанту Фермору, дѣйств. стат. совѣтнику Петру Квашнину-Самарину и сенатскому оберъ-секретарю Александру Глѣбову. 12 мая императрица въ другой разъ присутствовала въ Сенатѣ и апробовала сенатское рѣшеніе о выдачѣ бѣглыхъ, межевую инструкцію, учрежденіе обоихъ государственныхъ банковъ. Въ томъ же засѣданіи Елисавета подписала указъ, служившій сильнымъ противоядіемъ возстановленію гетманства въ Малороссіи: соотвѣтственно уничтоженію внутреннихъ таможенъ въ Великой Россіи, уничтожены внутренніе таможенные сборы или, такъ называемыя, индукта и евекта въ Малороссіи—„для уравненія свободностію Малороссійскаго, равно подданнаго-жъ ея императорскаго величества народа". Такъ достойно, хотя и безсознательно, былъ отпразднованъ столѣтній юбилей присоединенія Малой Россіи къ Великой въ 1654 году [1]).

По возвращеніи въ Петербургъ, занялись возбужденнымъ въ Москвѣ вопросомъ объ Уложеніи. Сенатъ приказалъ: „Для лучшаго и скорѣйшаго разсмотрѣнія Уложенія и указовъ, по которымъ бы сумнительства пресѣчены, недостатки дополнены и излишки исключены были, учредить при Сенатѣ коммисію, и въ оной засѣдать—генералъ-маіору и генералъ-рекетмейстеру Дивову, Юстицъ-Коллегіи статскому дѣйствительному совѣтнику Эмме, стат. совѣтнику Безобразову, стат. совѣтнику Юшкову, коллежскому ассесору Ляпунову, десьянсъ-академіи профессору Штрубе и магистратскому бургомистру Вихляеву. Имѣть имъ разсужденіе о подлежащихъ дѣлахъ до Юстицъ и Вотчинной Коллегіи, до Суднаго и Сыскного Приказовъ и до порядочнаго произвожденія въ судахъ магистратскихъ, и ежели изъ того, что касаться будетъ къ духовенству, тогда къ общему положенію требовать отъ Синода духовныхъ персонъ, прочимъ же коллегіямъ и канцеляріямъ имѣть разсужденіе по тѣмъ однимъ дѣламъ, которыя до тѣхъ касаются, изыскивая, отчего по обстоятельствамъ нынѣшняго времени въ теченіи оныхъ происходитъ продолженіе, и обо всемъ томъ съ яснымъ описаніемъ довольныхъ резоновъ сочинить на всякую матерію одинъ указъ. Генералъ-маіору Степану Салтыкову, да полковникамъ, князю Григорію Мещерскому и Степану Языкову, имѣть разсужденіе какъ по дѣламъ, касающимся Военной Коллегіи, такъ о казакахъ, Калмыкахъ и о всѣхъ легкихъ войскахъ; о дѣлахъ же прочихъ коллегій и канцелярій сочинить о разныхъ матеріяхъ пункты: по Провіантской канцеляріи—полковнику Лукѣ Волкову, по Коммисаріату—тайному совѣтнику Кисловскому, по Кадетскому корпусу—полковнику Алексѣю Мельгунову, по Артиллеріи—подполковнику Корнилію Бороздину, по Инженерной канцеляріи—подполковнику Ельчанинову, по Ревизіонъ-Коллегіи—коллежскому совѣтнику Ивану Горчакову, по Каммеръ-Коллегіи—вице-президенту Козьмину, по Статсъ-Конторѣ — коллежскому совѣтнику, князю Егору Амилахорову, по Корчемной канцеляріи — коллежскому совѣтнику Алексѣю Өедорову, по Соляной Главной Конторѣ—коллежскому совѣтнику Алексѣю Сергѣеву, по Вальдмейстерской—статскому совѣтнику Макару Баракову, по Канцеляріи отъ строеній — коллежскому совѣтнику Дмитрію Лобкову, по Мастерской и Оружейной палатѣ — коллежскому совѣтнику Алексѣю Аргамакову, по Каммеръ-Коллегіи—коллежскому совѣтнику Сергѣю Меженинову, по Бергъ-Коллегіи—коллежскому совѣтнику Никифору Клеопину, по Мануфактуръ-Коллегіи—вице-президенту Геннингеру, по Монетной канцеляріи — статскому совѣтнику Василью Неронову, по конторѣ Потѣшной — коллежскому ассесору Дмитрію Ладыгину, по Полиціи—коллежскому совѣтнику Ивану Козлову, по Ямской канцеляріи—коллежскому совѣтнику Льву Василевскому, по Конфискаціи—коллежскому совѣтнику Өедору Нащокину, по Академіи Наукъ—коллежскому ассесору Тауберту, по Медицинской Канцеляріи — профессору Шрейберу, по Тайной Канцелярія—оберъ-секретарю Хрущову, по Раскольнической Конторѣ — коллежскому совѣтнику Алексѣю Яковлеву. Когда въ Сенатъ будетъ поданъ планъ упомянутой коммисіи, то во всѣ коллегіи и канцеляріи послать съ него для вѣдома точныя копіи, дабы уже по тѣмъ матеріямъ назначенныя по разнымъ коллегіямъ и канцеляріямъ персоны не имѣли нужды болѣе трактовать, а сочиняли-бъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не будетъ предписано. Губерн-

---

[1]) Журн. Сената, 23 февраля, 9 марта, 11 марта, 4, 10, 11 и 12 мая.

скимъ канцеляріямъ сочинять пункты по однѣмъ такимъ матеріямъ, которыя по состоянію тѣхъ губерній къ пользѣ общенародной быть могутъ" [1]).

Медленность въ судныхъ дѣлахъ возбуждала всеобщія и громкія жалобы, и вотъ Судный Приказъ подаетъ въ Сенатъ донесеніе: „Изъ неоконченныхъ судовъ сего января 14 имѣлось въ одинъ день сроковъ по 40 дѣламъ, а въ Приказѣ судебная палата длиною 8, а шириною 4 аршина, и 14 числа для записки въ оную палату вмѣстилось съ крайнею тѣснотою только 7 судовъ, а прежде записывалось въ одно время вдругъ судовъ по 20, сколько когда приказныхъ служителей случится. Во время записки этихъ семи судовъ, что истецъ и отвѣтчикъ въ судѣ говорятъ, — всѣхъ ихъ рѣчей судьямъ точно слышить не возможно; во время же тѣхъ судовъ записки между судящимися происходятъ споры, которые при той же запискѣ собраніемъ разбираются; за малымъ числомъ секретарей и приказныхъ служителей бываетъ у каждаго повытчика въ одинъ срочный день судовъ отъ трехъ до семи и болѣе, изъ которыхъ повытчики записываютъ по одному суду; теперь въ Приказѣ у дѣлъ секретарей четверо, а три человѣка въ Юстицъ-Коллегіи подъ слѣдствіемъ; всего приказныхъ 31 человѣкъ, въ томъ числѣ старые и дряхлые и къ дѣламъ неспособные; всѣ секретари и приказные служители безъ жалованья" [2]).

Недостатку въ приказныхъ служителяхъ въ нѣкоторой степени помогло уничтоженіе внутреннихъ таможенъ: приказные, употреблявшіеся здѣсь, немедленно были распредѣлены по другимъ мѣстамъ; но помочь другому злу,— назначить всѣмъ чиновникамъ жалованье,—было трудно по тогдашнему состоянію финансовъ. Нашли необходимымъ положить жалованье приказнымъ Сыскного Приказа, „чтобъ они могли содержать себя безъ всякихъ пристрастій" [3]). А дѣлъ въ Сыскномъ Приказѣ не могло уменьшиться. Пришли извѣстія, что въ Смоленскомъ уѣздѣ появились воры и разбойники отъ 50 до 100 человѣкъ; въ Арзамаскомъ, Алаторскомъ и Инсарскомъ уѣздахъ, въ разныхъ мѣстахъ, происходятъ разбои и смертныя убійства, такъ-что едва ли когда тамъ такъ много разбоевъ было. Крестьянскія и помѣщичьи междоусобія продолжались: когда крестьяне адмирала князя Голицына подмосковной вотчины села Яковлевскаго (Пехорка то-жъ) косили сѣно, то вотчины генеральши Стрѣшневой села Соколова дворовый человѣкъ Алексѣевъ, да деревни Леоновой староста Спиридоновъ, собравшись съ дворовыми людьми и крестьянами, человѣкъ до 70, съ ружьемъ, дубьемъ и палашами, напали на Голицынскихъ крестьянъ и, захватя 12 человѣкъ, привезли въ Соколово и посадили въ погреба. Въ Карачевскомъ уѣздѣ люди и крестьяне поручика Сафонова выѣхали косить сѣно, какъ напали на нихъ трое помѣщиковъ Львовыхъ,—одинъ совѣтникъ, другой ассесоръ, третій корнетъ,—да приказчики двоихъ другихъ Львовыхъ съ людьми и крестьянами, человѣкъ до 600, помѣщики и приказчики верхами, а крестьяне пѣшкомъ, напали тайно изъ лѣсу и начали бить и рѣзать; убито было 11 человѣкъ, смертельно ранено 45, безъ вѣсти пропало два человѣка. Львовы, выступая въ походъ, взяли съ собою двоихъ священниковъ и, отошедши съ версту отъ своего села Глыбочекъ, остановились подъ сосновою рощею у колодца, отслужили молебенъ съ водосвятіемъ; помѣщики и люди ихъ приложились къ образу, и Львовы начали увѣщевать своихъ, чтобъ стояли крѣпко противъ враговъ, „имѣли неуступную драку", не выдавая другъ друга; а кто не устоитъ,—того самимъ колоть до смерти. Послѣ всего этого помѣщики выбрали лучшихъ крестьянъ и, напоя ихъ виномъ, повели въ атаку. Сафоновъ подалъ просьбу на Львовыхъ въ сѣвскую канцелярію, потому что въ Карачевъ чрезъ львовскія деревни проѣхать ему было нельзя, да и Карачевскій воевода со Львовыми—въ свойствѣ. Тогда синодальный оберъ-прокуроръ Аѳанасій Львовъ, котораго приказчикъ участвовалъ въ побоищѣ, подалъ просьбу въ Сенатъ, что Сафоновъ поступилъ неправильно, затѣявъ дѣло въ чужой канцелярія, стакнувшись съ Сѣвскимъ воеводою. Но Сенатъ не обратилъ вниманія на эту просьбу и велѣлъ оканчивать дѣло въ сѣвской канцеляріи.

Крестьяне Суздальскаго уѣзда подали жалобу, что многіе помѣщики ѣздятъ въ чужія дачи со псовою охотою и мнутъ хлѣбъ; а когда они, крестьяне, станутъ запрещать имъ это, то ихъ бьютъ. Съ другой стороны, нижегородскій помѣщикъ, генералъ-маіоръ Каменскій, подалъ просьбу, что въ нижегородской губернской канцеляріи, при платежѣ крестьянами его подушныхъ и канцелярскихъ сборовъ, судьи, секретари и приказные служители берутъ съ нихъ сверхъ настоящихъ окладныхъ податей великія взятки, которыя превосходятъ суммою настоящіе платежи, и прислалъ этимъ взяткамъ расходныя записки старостъ своихъ [4]).

Синодъ жаловался, что крестьяне Муромскаго собора оказываютъ духовенству собора „озорническія продерзости, грабятъ его хлѣбъ, завладѣваютъ рыбными ловлями и покосами". Выборные крестьяне этихъ соборныхъ вотчинъ, съ своей стороны, подали въ Сенатъ просьбу, что по грамотамъ крестьяне работать на соборное духовенство не обязаны, обязаны только давать по пяти рублей съ выти, что и платили бездоимочно; но недавно протопопъ отнялъ у нихъ отъ каждаго двора по десятинѣ и принудилъ пахать; отъ этого и отъ другихъ насильствъ 22 семьи разбѣжались, а новый протопопъ Павелъ Ивановъ, сынъ стараго, притѣснялъ ихъ больше отцовскаго, отнялъ еще земли по три загона на тягло и эти сѣнные покосы от-

[1]) Журн. Сената, 28 іюля.
[2]) Журн. Сената, 27 января.
[3]) Журн. Сената, 8 февраля.

[4]) Журн. Сената, 4 и 19 іюля, 24 и 25 августа, 2 и 18 сентября.

далъ въ наемъ по 70 рублей въ годъ, отдалъ также въ наемъ рыбныя ловли, отнялъ у крестьянъ мельницу, и они должны на своей мельницѣ молоть хлѣбъ, платя деньги. Протопопъ отъ всѣхъ этихъ статей получаетъ въ годъ по 335 рублей; а ихъ привелъ въ конечное разореніе, еще 15 семей разбѣжались, за которыхъ подушныя деньги платятъ оставшіеся крестьяне; очередныхъ въ рекруты не отдаетъ, а у прочихъ крестьянъ дѣтей ловитъ и отцовъ и матерей забираетъ и бьетъ своими руками, а иныхъ и кнутьями, чтобъ они дѣтей своихъ поставили, и отдаетъ въ рекруты за одного по два, и беретъ въ складку отъ другихъ помѣщиковъ немалыя деньги. Крестьяне жаловались преосвященному еще въ 1739 году: тотъ назначилъ слѣдователя, духовныхъ дѣлъ старосту, попа Өедора Бокова; но попъ, по свойству съ протопопомъ, слѣдствія не произвелъ. Въ 1740 году жаловались въ Синодъ; но какъ только протопопъ узналъ объ этомъ, то, по согласію съ воеводою и подьячимъ, подалъ въ канцелярію прошеніе, что крестьяне ему ослушны, вслѣдствіе чего забрали ихъ человѣкъ 40 и били плетьми, приговаривая, чтобъ на протопопа нигдѣ не просили. Подали вторичную жалобу въ Синодъ, и опять ничего не сдѣлано; а протопопъ беретъ ихъ сыновей, женитъ насильно на купленныхъ своихъ женкахъ и держитъ у себя, какъ купленныхъ холопей; а подушныя платятъ за нихъ крестьяне; многихъ крестьянокъ мучитъ въ домѣ своемъ тяжкою работою, требуя взятокъ; а священникъ Василій Степановъ беретъ изъ деревень дѣвокъ и женокъ молодыхъ и держитъ у себя по мѣсяцу, забывъ страхъ Божій, имѣя законную жену.

Синодъ еще въ 1753 году освободился отъ своего оберъ-прокурора, князя Якова Шаховского, который былъ сдѣланъ генералъ-кригсъ-коммисаромъ, на мѣсто Степана Өедоровича Апраксина. Мѣсто Шаховского въ Синодѣ занялъ Аөанасій Львовъ, который такъ неловко вмѣшался въ дѣло своихъ родственниковъ и своего приказчика противъ Сафонова. Въ описываемомъ году Синодъ получилъ изъ Сената очень непріятную для него бумагу. Сенатъ потребовалъ вѣдомостей: 1) сколько въ каждомъ монастырѣ положено быть монаховъ и сколько на нихъ опредѣлено порцій. 2) Сколько изъ этого наличнаго числа монаховъ убыло, и притомъ сколько ихъ порцій осталось. 3) Нынѣ на тѣхъ порціяхъ отставныхъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ сколько содержится.—Синодъ отвѣчалъ, что вѣдомостей прислать не можетъ, ибо Положеніе о монахахъ, составленное въ прежде бывшемъ Монастырскомъ Приказѣ (если только такое Положеніе было), вмѣстѣ съ прочими дѣлами бывшей Коллегіи Экономіи сгорѣло въ московскій пожаръ 1737 года. За этимъ слѣдовала длинная жалоба на недостатокъ въ содержаніи монастырей; если и бываютъ остатки отъ доходовъ, то не всегда и не во всѣхъ монастыряхъ, истрачиваются въ другіе года въ случаѣ нужды, за хлѣбнымъ недородомъ: „и тако за онымъ винословіемъ тѣхъ остатковъ дѣйствительно и утвердительно, чтобъ всегда могли быть въ своемъ совершенно достаточномъ и единственномъ состояніи почитать отнюдь не должно и невозможно", говорилось въ отвѣтѣ Синода. Но Сенатъ, не тронувшись этимъ винословіемъ, приказалъ: написать въ Синодъ вѣдѣніе, что въ 1744 году, 13 апрѣля, въ общей конференціи Синода съ Сенатомъ, при слушаніи выписки о опредѣленіи отставныхъ военныхъ для пропитанія въ монастыри, члены Синода сообщили, что изъ нѣкоторыхъ епархій и монастырей къ сочиненію штатовъ вѣдомости присланы, а съ остальныхъ взыскиваются, и разсуждалось о томъ, чтобъ въ св. Синодѣ сочинить штаты о доходахъ денежныхъ, хлѣбныхъ и всякихъ во всѣхъ епархіяхъ и монастыряхъ, и расписать, сколько въ какой епархіи и монастырѣ надлежитъ содержать духовныхъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ; при томъ-же надобно надѣяться, что и о Положеніи прежде бывшаго Монастырскаго Приказа въ канцеляріи синодальнаго экономическаго правленія извѣстіе есть, ибо почему какихъ доходовъ въ ту канцелярію ежегодно собирать должно и сколько нужно оставлять въ домахъ архіерейскихъ и монастыряхъ,—для этого въ канцеляріи находятся окладныя книги, изъ которыхъ можно составить вѣдомости безъ дальняго затрудненія въ перепискѣ и продолженіи времени, что и благоволитъ св. Синодъ учинить въ непродолжительномъ времени [1]).

Адмиралтейская Коллегія также получила непріятный отвѣтъ отъ Сената. Эта Коллегія считала 700,000 рублей въ недосылкѣ съ 740 по 752 годъ изъ 1.200,000 рублей, положенныхъ на нее изъ таможенныхъ, кабацкихъ и канцелярскихъ сборовъ, и потребовала выдачи этихъ 700,000. Сенатъ приказалъ отказать, потому что въ 732 г. положено изъ отпускаемой на Адмиралтейство суммы строить Кронштадтскій каналъ, доки и прочее, но, вмѣсто того, съ 743 года понынѣ изъ другихъ государственныхъ доходовъ на это строеніе въ отпуску 1.243,738 рублей, чѣмъ недосылка и замѣняется.

Новое финансовое учрежденіе, купеческій банкъ, обратился къ Сенату за разрѣшеніемъ встрѣченнаго имъ затрудненія, которое грозило разрушить его въ самомъ началѣ: ему велѣно было брать въ годъ по шести процентовъ съ рубля; купецъ, требующій денегъ, долженъ объявить подъ закладъ привезенный имъ къ Петербургскому порту товаръ для удостовѣренія, что его больше четвертою долею противъ требуемой имъ суммы; когда онъ объявитъ о мѣстѣ, гдѣ лежатъ товары, то Коммерцъ-Коллегія должна освидѣтельствовать и, для лучшей вѣрности, другіе купцы должны засвидѣтельствовать съ рукоприкладствомъ, что товары эти подлинно принадлежатъ купцу, требующему

---

[1]) Журн. Сената, 12 января, 30 сентября.

денегъ изъ банка. Когда это все будетъ сдѣлано, то банкъ выдаетъ деньги съ выключенiемъ четвертой доли, и беретъ вексель съ самого купца или, въ его отсутствіе, съ приказчика, который объявитъ кредитное письмо хозяина; шесть процентовъ со всей заемной суммы вычитается впередъ. О выдачѣ денегъ дается знать Коммерцъ-Коллегіи и таможнѣ, которыя должны наблюдать срокъ платежа въ банкѣ, и, когда онъ наступитъ, взыскивать съ купца заемныя деньги, а безъ того не отпускать товаровъ.—До августа мѣсяца никто изъ купцовъ не явился съ требованіемъ денегъ изъ банка; тогда президентъ Коммерцъ-Коллегіи, Евреиновъ, которому порученъ былъ также и банкъ, желая узнать причину, призвалъ въ Коммерцъ-Коллегію нѣкоторыхъ купцовъ, и они ему объявили, что сомнѣваются брать деньги съ отдачею подъ закладъ товаровъ, чтобъ въ торгующихъ съ ними иностранныхъ купцахъ не возбудить подозрѣнія насчетъ ихъ кредита, да и въ полугодичный срокъ платежомъ денегъ исправиться они не могутъ. Купцы просили, чтобъ давали имъ деньги изъ банка безъ взятія въ закладъ товаровъ, а брать бы съ нихъ въ исправномъ платежѣ надежныхъ порукъ съ срокомъ на годъ, и продолжать срокъ на другой и третій годъ, съ перепискою векселей и съ перепорученіемъ. Сенатъ призналъ требованія купцовъ справедливыми и позволилъ отдавать деньги на годичный срокъ, не болѣе однако, и наблюдать, чтобъ деньги отдавались въ надежныя руки, въ чемъ полагался на президента Евреинова. Въ концѣ года контора купеческаго банка объявила, что въ число опредѣленныхъ для банка 500,000 рублей съ Монетнаго двора отпущено 200,000, изъ которыхъ въ раздачѣ 193,275 рублей и осталось на лицо 6,725 рублей, да интересныхъ, за употребленіемъ по той конторѣ въ расходъ, 10,067 рублей 88 копѣекъ съ половиною [1]).

Изъ двухъ финансовыхъ вопросовъ попрежнему часто занималъ вниманіе Сената вопросъ о соли. Въ началѣ года очевидно обнаружились слѣдствія соперничества элтонской соли съ пермскою: бароны Строгановы, архимандритъ Пыскорскаго монастыря и другіе соликамскіе промышленники объявили, что наряжаемыхъ отъ казны на ихъ суда работниковъ болѣе не надобно. Мы видѣли, что провозъ элтонской соли встрѣчалъ препятствія въ грабительствахъ Калмыковъ, и Сенатъ отнесся съ этимъ дѣломъ къ Иностранной Коллегіи. Послѣдняя теперь отвѣчала, что калмыцкое воровство происходитъ отъ застарѣлаго ихъ въ томъ обыкновенія, котораго, по обширности степей, пресѣчь невозможно; а соляные поставщики сами виноваты, зачѣмъ ѣздятъ безо всякой предосторожности въ малолюдствѣ, какъ будто ѣдутъ между русскими деревнями, а не въ пустыхъ степяхъ. Сенатъ приказалъ: солянымъ поставщикамъ на Элтонское озеро ѣздить большими компаніями и, въ случаѣ нужды, при нападеніи Калмыковъ, поступать съ ними какъ съ непріятелями, но отнюдь ихъ не задирать, и для того посылать съ такими партіями по офицеру съ пристойною командою. Нашлись еще Калмыки другого рода: получена была жалоба, что отъ находящихся близъ Саратова командъ для сыска воровъ солянымъ поставщикамъ, приказчикамъ и работникамъ почти проходу нѣтъ, привязываются ко всякому судну, берутъ къ себѣ приказчиковъ и рабочихъ, обираютъ и бьютъ, раздираютъ у рабочихъ печатные паспорты. Прапорщикъ Сомовъ въ безмѣрномъ пьянствѣ, собравъ команду и зарядя ружья, завелъ съ рабочими людьми бой и одного человѣка убилъ. Канцеляристъ солянаго правленія Абызовъ, при выдачѣ поставщикамъ на провозъ соли съ Элтонскаго озера денегъ, значительную часть ихъ удерживалъ у себя; по дорогѣ починилъ колодцы своимъ коштомъ и собиралъ съ соляныхъ поставщиковъ за водопой съ каждой пары воловъ по 10, и лошадей по 5 копѣекъ, да и срубы на эти колодцы въ степь заставилъ возить тѣхъ же соляныхъ поставщиковъ, Малороссіянъ; скупилъ соль подъ чужими именами; бѣжалъ изъ-подъ караула, когда началось слѣдствіе, и пойманъ въ Москвѣ. Ассесоръ Киселевъ не только не сдерживалъ Абызова, но и самъ притѣснялъ поставщиковъ, торговалъ хлѣбомъ и лошадьми безпошлинно.

Петръ Ив. Шуваловъ и тутъ, для устраненія неудобствъ провоза соли, подалъ проектъ: нельзя ли отъ Элтонскаго озера до города Дмитріевска на Волгѣ по прямой линіи провести трубы, которыми разсолъ текъ бы до Дмитріевска, и тамъ въ бассейнахъ садился въ соль: этимъ избѣжали бы расхода за провозъ соли отъ озера до Дмитріевска по $3^1/_2$ копѣйки за пудъ. Сенатъ приказалъ послать инженера освидѣтельствовать на мѣстѣ, возможно ли это. Тотъ же Шуваловъ сдѣлалъ предложеніе о дѣлѣ, болѣе нужномъ и болѣе удобоисполнимомъ: „Извѣстно" говорилось въ предложеніи, „въ какомъ холодномъ климатѣ находятся главныя мѣста державы ея императорскаго величества и какъ, поэтому, необходимо заботиться о лѣсахъ; мѣста же, лежащія въ болѣе тепломъ климатѣ, по большей части безлѣсныя, степныя, гдѣ кой-что и было, и то уже выведено, поэтому надобно постановить, въ какомъ размѣрѣ въ дачахъ оставлять земли подъ лѣса, чтобъ не остаться безъ лѣсу; надобно позаботиться и о вальдмейстерской инструкціи, потому что многія мѣста измѣнились: гдѣ были лѣса, тутъ почти ничего нѣтъ, и притомъ установить порядокъ относительно рубки, сѣчки и сѣянія лѣсовъ" [2]).

Медицинская канцелярія чрезъ своего президента, лейбъ-медика Кондоиди, представила проектъ о сохраненіи народа: надобно всѣхъ находящихся въ Москвѣ и Петербургѣ повивальныхъ бабокъ осви-

[1]) Журн. Сената, 18 августа, 7 декабря.

[2]) Журн. Сената, 3 и 23 марта, 20 апрѣля, 5, 7 и 14 іюля.

дѣтельствовать въ ихъ искусствѣ докторамъ, лѣкарямъ и присяжнымъ бабкамъ, и которыя окажутся достойны, тѣмъ давать отъ Медицинской Канцеляріи указы и публиковать о нихъ для всенароднаго извѣстія, привесть ихъ къ присягѣ и называться имъ присяжными бабками; число ихъ должно простираться въ Москвѣ до 15, а въ Петербургѣ до 10, и затѣмъ если будутъ лишнія,—опредѣлять по одной бабкѣ въ каждый губернскій городъ; а когда губернскіе города будутъ удовольствованы,—то опредѣлять въ каждый провинціальный городъ, дабы современемъ ими все государство удовольствовать. Для всякихъ же потребностей надобно въ Москвѣ и Петербургѣ содержать по двѣ бабки на казенномъ жалованьи. Каждой присяжной бабкѣ имѣть по двѣ ученицы; но въ Москвѣ и Петербургѣ надобно учредить по одной школѣ, въ которой опредѣлить по одному доктору и по одному лѣкарю на казенномъ жалованьи; этимъ докторамъ называться „профессорами бабичьяго дѣла", а лѣкарямъ —акушерами. Пожары продолжали истреблять не только строенія, но и людей: 27 іюля, въ Калугѣ былъ пожаръ; сгорѣло обывательскихъ 1,191 дворъ и ряды, причемъ погибло до 65 человѣкъ, потому что на 15 саженяхъ стояло по три и по четыре двора на жилыхъ подклѣтяхъ, улицы были не шире четырехъ, а переулки —двухъ саженъ [1]).

Для сохраненія людей Петръ Ив. Шуваловъ подалъ обширный проектъ. „Имперія", говорилось въ его предложеніи Сенату, „находится предъ прежнимъ временемъ въ благополучномъ состояніи; но существуетъ вредъ въ разсужденіи главной силы государственной. Вредъ происходитъ: во 1) отъ выбыванія народа за-границу; 2) отъ небреженія большого числа солдатскихъ дѣтей, которые, не будучи опредѣлены въ службу, безъ всякаго присмотра скитаются и пропадаютъ; 3) отъ сбора въ зачетъ съ обывателей провіанта и фуража подъ квитанцію; 4) отъ притѣсненій и обидъ, претерпѣваемыхъ поселянами отъ приходящихъ полковъ и тому подобныхъ приметокъ, грабительствъ и разореній; 5) отъ голода—при неурожаѣ и дешевизны хлѣба —при урожаѣ; 6) отъ неспособныхъ правителей въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, и отъ оскудѣнія чрезъ то правосудія". Средства предотвратить вредъ предложены слѣдующія: 1) учрежденіе надежныхъ форпостовъ; 2) сохраненіе народа, положеннаго въ подушный окладъ, отъ рекрутскихъ наборовъ; 3) порядочное снабженіе арміи провіантомъ и фуражомъ и прекращеніе вредныхъ подрядовъ; 4) охраненіе поселянъ отъ грабительствъ и притѣсненій; 5) полезное государству свободное познаваніе мнѣнія общества; экономія въ случаѣ недорода хлѣба и вспоможенія поселянамъ во время большого урожая возвышеніемъ цѣны на хлѣбъ безъ принужденія кого-либо въ покупкѣ и безъ ущерба казеннаго интереса; 6) приготовленіе людей къ управленію губерніями, провинціями и городами, а чрезъ то приготовленіе людей къ главному правительству, безъ принужденія ихъ къ тому.

Средства эти подробнѣе объяснялись такимъ образомъ:

„1) По государственной границѣ, вмѣсто смоленской шляхты и Рославскаго шквадрона, также Малороссійскихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ, которыми до сихъ поръ форпосты сдержатся, на каждомъ форпостѣ должно быть не менѣе пяти человѣкъ драгунъ при одномъ капралѣ или унтеръофицерѣ, смѣняя ихъ понедѣльно, чтобъ каждому драгуну во всю его бытность на форпостахъ болѣе недѣли на одномъ изъ нихъ не быть, но постоянно переводить ихъ изъ одной дистанціи въ другую, по той причинѣ, что драгунъ или унтеръ-офицеръ, стоя долговременно или безмѣнно, познакомится съ обывателями близъ лежащихъ деревень, и по знакомству изъ выгодъ станетъ пропускать за границу бѣглыхъ или купцовъ съ неявленными товарами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что безъ вожаковъ (которые обыкновенно бываютъ изъ живущихъ близъ границы людей) ни одинъ купецъ не отважится свои товары воровски провозить, не уговоря къ тому прежде форпостныхъ содержателей посредствомъ близъ живущихъ людей; такъ и бѣглый безъ провожатаго одинъ за-границу не пойдетъ.

„2) Исполнить повелѣніе императрицы Екатерины I-й—селить полки слободами при городахъ, которые прилегли къ границамъ, и гдѣ хлѣбъ дешевле и лѣсу достаточно, и разсужденіе имѣть, какимъ порядкомъ въ этихъ слободахъ содержать и обучать малолѣтнихъ солдатскихъ дѣтей и до какихъ лѣтъ.

„3) Учредить трояваго рода магазины: первые для удовольствованія полковъ; другіе капитальные для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства; третьи при портахъ,—дабы всегда, при случаѣ всякой надобности, особенно если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недородъ будетъ, имѣть надежный ресурсъ отъ запасныхъ магазиновъ и содержать цѣну хлѣба въ равновѣсіи, ибо извѣстно, въ какомъ изобиліи во многихъ мѣстахъ Россійскаго государства родится хлѣбъ, и какою дешевою цѣною бѣдные земледѣльцы должны его продавать для уплаты государственныхъ податей, такъ-что сами едва нужное пропитаніе имѣютъ; когда-жь хотя одинъ годъ случится недородъ, то, не имѣя запаснаго хлѣба, несносную нужду терпятъ.

„4) Во всякой губерніи надлежитъ быть генералъгуберніи-коммисару, при немъ въ помощь—по два оберъ-коммисара, въ провинціяхъ—по одному провинціалъ-коммисару; въ каждомъ же приписномъ городѣ—по одному уѣздному коммисару. Генералъ и оберъ-коммисаровъ опредѣляетъ Сенатъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ коммисаровъ выбираетъ мѣстное дворянство. Генералъ-коммисары должны стараться какъ можно скорѣе построить назначенные магазины изъ прибыльныхъ отъ винной продажи доходовъ и въ нихъ заготовить опредѣленное число провіанта и фуража. При движеніи войска

[1]) Журн. Сената, 15 апрѣля и 15 сентября.

Военная Коллегія даетъ знать объ этомъ генералъ-коммисару той губерніи, въ которую имѣютъ вступить полки; генералъ-коммисаръ пересылаетъ маршруты провинціальнымъ и уѣзднымъ коммисарамъ; провинціалъ-коммисары смотрятъ, чтобъ мосты и переправы были въ удовлетворительномъ состояніи, и какъ скоро полкъ къ границамъ прибудетъ, то провинціалъ-коммисаръ встрѣчаетъ его и провожаетъ безотлучно во все время движенія по провинціи, стараясь, чтобъ полки немедленно изъ магазиновъ довольствованы были провіантомъ и фуражемъ, также получали бы квартиры, причемъ смотрѣть, чтобъ обывателямъ не было никакихъ обидъ отъ солдатъ, и особенно отъ командировъ. Если же будетъ обида, то коммисаръ немедленно увѣдомляетъ объ этомъ главнаго командира и требуетъ, чтобъ въ тотъ же день дано было удовлетвореніе: для того, при выходѣ на границу каждаго уѣзда, провинціалъ-коммисаръ, провожающій полки, беретъ отъ военныхъ командировъ, и командиры отъ коммисара квитанціи въ чистой раздѣлкѣ и что нѣтъ никакихъ обидъ; эти квитанціи командиры отсылаютъ своему генералитету, а провинціалъ-коммисары—къ генералъ-коммисару. Провинціалъ-коммисары накрѣпко смотрятъ, чтобъ обывателямъ отъ переписчиковъ, ревизоровъ, межевщиковъ, отказчиковъ, сборщиковъ подушныхъ денегъ, сыщиковъ, вальдмейстеровъ, губернаторовъ, воеводъ и подьячихъ ни малѣйшихъ обидъ, особенно взятокъ, не было; если же будутъ обиды, а отъ коммисаровъ защиты не будетъ, то послѣдніе лишатся движимаго и недвижимаго имѣнія. Коммисары смотрятъ, чтобъ за подводы и работниковъ, какіе по указамъ употреблены будутъ, если добровольно нанять будетъ нельзя, платилось деньгами, а именно: въ лѣтнее время мужику съ лошадью—по 20 копѣекъ, а безъ лошади—по 10, въ зимнее съ лошадью—по 15, а безъ лошади—по 6 на день; коммисары смотрятъ, чтобъ отъ сотскихъ и десятскихъ никакихъ неуравнительствъ и не въ очередь посылокъ одному передъ другимъ, также и обидъ отнюдь не было. Коммисары во всѣхъ мѣстахъ вѣдомства своего должны заботиться, чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, а особливо правдѣ и подданнической вѣрности наставлены были, также чтобъ они и дѣтей своихъ въ помянутыхъ добрыхъ порядкахъ воспитывали и, сколько возможно, чтенію и письму обучали, никого до плутовства, кражи, обмановъ, богохульства и прочихъ богопротивныхъ дѣлъ не допускали, дабы чрезъ то всѣ погрѣшности искоренить, христіанство же и добродѣтели произведены и вмѣсто клятвы Божіей благословеніе надъ Всероссійскимъ государствомъ воспослѣдовало. Коммисары должны наблюдать, чтобъ по всѣмъ безгласнымъ дѣламъ надлежащее производство и исполненіе было безъ упущенія времени, въ противномъ случаѣ должны писать немедленно въ Сенатъ. Полки недостаточно упражняются въ военномъ искусствѣ преимущественно отъ частыхъ посылокъ для земскихъ дѣлъ въ разныя мѣста, отъ употребленія на караулы, особенно отъ посылокъ каждое лѣто на казенные луга для сѣнокоса, посылокъ изъ дальнихъ мѣстъ: коммисары обязаны пресѣчь это, отдавая луга обывателямъ изъ трети или половины, или нанимая работниковъ. Генералъ-коммисаръ съ оберъ-коммисарами попеременно всякій годъ, по крайней мѣрѣ два раза, должны объѣхать и осмотрѣть всю губернію, въ какомъ состояніи находятся магазины, и нѣтъ ли кому изъ поселянъ обиды; провинціалъ-коммисары должны смотрѣть, чтобъ всѣ дороги, мосты, гати и перевозы находились въ добромъ состояніи. Если между помѣщиками и крестьянами въ деревенскихъ обидахъ и ссорахъ произойдутъ словесныя или письменныя жалобы коммисарамъ, то послѣдніе должны немедленно удовлетворить обиженнаго, особенно во время ихъ объѣзда губерній, въ искахъ не свыше 30 рублей; объ уголовныхъ же дѣлахъ, какъ скоро узнаютъ, немедленно отсылаютъ для разсмотрѣнія и рѣшенія въ губерніи, провинціальныя и воеводскія канцеляріи, и смотрятъ, чтобъ такія дѣла рѣшены были безотлагательно.

„При Сенатѣ быть Конторѣ для государственной экономіи, которой обязанность не только стараться о приращеніи всякихъ государственныхъ доходовъ, но о пользѣ народа и его прибыткахъ. Въ эту контору позволить подавать всякаго званія людямъ проекты о внутреннихъ государственныхъ пользахъ, которые она разсматриваетъ, и, найдя дѣйствительную пользу, докладываетъ Сенату съ приложеніемъ своего мнѣнія. Ей же имѣть въ своемъ вѣдѣніи всю государственную неокладную денежную казну и изъ нея содержать хлѣбные магазины капитальные, переводя изъ нихъ въ портовые для заморскаго отпуску при С.-Петербургѣ, Ригѣ и Архангельскѣ такимъ образомъ: до наступленія новаго года за нѣсколько мѣсяцевъ собрать вѣрныя вѣдомости со всего государства объ урожаѣ въ каждомъ мѣстѣ и умолотѣ хлѣба и о торговыхъ цѣнахъ, и расположить на каждый уѣздъ хлѣбородныхъ мѣстъ, гдѣ магазины будутъ, кромѣ отдаленныхъ губерній, смотря по урожаю, умолоту и продажѣ, такую цѣну, которая-бъ могла крестьянству съ пользою быть и многотрудную крестьянскую работу наградить, и могли бы они безъ тягости подати оплатить. По установленной такимъ образомъ цѣнѣ цѣлый годъ производить покупку хлѣба въ магазины, и если покупаться будетъ больше положеннаго числа, то, чтобъ хлѣбъ не залеживался, отправлять его къ портовымъ магазинамъ.

„Изъ повседневныхъ обстоятельствъ видимъ, какое множество отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ и воеводъ происходитъ притѣсненій бѣднымъ поселянамъ и безгласнымъ помѣщикамъ; нѣкоторые дѣлаютъ это изъ корыстолюбія, а другіе—по совершенному недостатку, за неимѣніемъ жалованья, будучи отлучены отъ своихъ деревень. Для пресѣченія этого надобно губернаторамъ и воеводамъ и

всѣмъ канцелярскимъ служителямъ опредѣлить достаточное жалованье, и быть губернаторамъ и воеводамъ безсмѣнно, кромѣ случая преступленія закона. Въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ дѣла производятся всѣхъ департаментовъ, изъ чего можно правильно заключить, что губерніи суть училища для юношей, упражняющихся въ россійской юриспруденціи,— слѣдовательно надлежитъ учредить въ каждой губерніи изъ дворянства юнкеровъ, которые отъ самыхъ нижнихъ чиновъ, обращаясь всегда при своихъ должностяхъ, порядкомъ могли достигнуть до высшихъ степеней, смотря по ихъ поведенію и способностямъ; этимъ способомъ умножится число способныхъ судей и правителей. Установить, чтобъ въ губерніяхъ на губернаторскія мѣста производить изъ вице-губернаторовъ, на вице-губернаторскія — изъ губернаторскихъ товарищей, на мѣсто послѣднихъ — изъ губернскихъ совѣтниковъ по старшинству и достоинству, и такъ далѣе по порядку до воеводъ и до самыхъ нижнихъ чиновъ, въ секретари не изъ губернскихъ юнкеровъ никого не производить. При такомъ порядкѣ всякую акциденцію (взятки), подъ какимъ-либо предлогомъ ни была, вконецъ пресѣчь должно, и виновнаго, какъ вреднаго человѣка общему спокойствію, искоренить, паказавъ лишеніемъ имущества и чиновъ" [1]).

Проектъ былъ поданъ въ Сенатъ во время великихъ торжествъ въ Петербургѣ: 20 сентября великая княгиня Екатерина Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, Павломъ Петровичемъ, окрещеннымъ 25 сентября. „Петербургскія Вѣдомости" извѣщали, что императрица подарила на крестинахъ великому князю Петру Ѳедоровичу 100,000 рублей, великой княгинѣ 100,000 рублей, да бриллiантовый уборъ на шею и серьги. Въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ читали описаніе великолѣпнаго фейерверка, сожженнаго по этому случаю: Россія была представлена на колѣняхъ предъ жертвенникомъ съ надписью внизу: „Единаго еще желаю". Потомъ явилось съ высоты на легкомъ облакѣ великимъ сіяньемъ окруженное Божіе Провидѣніе съ новорожденнымъ принцемъ на пурпуровой бархатной подушкѣ, съ надписью: „Тако исполнилось твое желаніе". Надпись, обращенная къ Елисаветѣ, гласила:

И такъ ужъ Божія десница увѣнчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала.

Особенные послы спѣшили къ дружественнымъ Дворамъ съ извѣщеніемъ о рожденіи великаго князя. Посланники, постоянно тамъ пребывавшіе, попрежнему вели дипломатическую борьбу съ Пруссіею и Франціею, подготовляя союзы на случай войны, тогда какъ знаменитый канцлеръ настаивалъ внутри, чтобъ Россія была готова къ войнѣ, ибо Фридрихъ II всегда готовъ къ ней. Бестужевъ въ 1754 году получилъ, наконецъ, денежное вспоможеніе, о которомъ тщетно просилъ въ прошломъ году, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать шагъ къ примиренію съ братомъ, который жилъ въ Дрезденѣ безъ всякаго порученія. 21 марта онъ отправилъ брату письмо: „Увѣренъ о принимаемомъ вами во всемъ до меня касающемся участіи, не медлю я вамъ донести, что ея императорскому величеству всемилостивѣйше угодно было мнѣ 50,000 рублевъ на уплату моихъ долговъ пожаловать. Я хотя отнюдь никакой въ себѣ не чувствую отмѣны, ни въ должной брату любви и горячести, ниже въ совершенномъ къ вамъ почитаніи, но мнѣ крайне прискорбно видѣть, когда-бъ только наружно казалось, яко-бы мы въ несогласіи; а къ крайнему моему сожалѣнію и однакожь сію наружность не только самъ часто примѣтить принужденъ былъ, но есть еще и такіе безстыдные люди, кои у меня самого навѣдываются, правда ли, что между нами есть великая ссора. Мой такимъ людямъ отвѣтъ всегда одинъ, что отъ кого бы они о томъ ни слышали, всегда надобно, чтобъ тотъ человѣкъ былъ безсовѣстный лжецъ, или же такой, который можетъ быть несогласія между нами желаетъ. Да, конечно, я въ томъ и не ошибаюсь, ибо подлинно симъ злостнымъ слухамъ не отъ кого происходить, какъ отъ нашихъ доброхотовъ, которые, можетъ быть, хоть не равно намъ кажутся, однакожь всегда надежно ради бы были, какъ одного, такъ другого, буде можно, въ ложкѣ воды утопить. Что такіе люди равно намъ обоимъ ненавистники,— оное могу я сказать съ надежнымъ основаніемъ и по долговременному искусству (опыту); а что оные неравно намъ можетъ быть кажутся, то заключаю я одними только гаданіями; ибо я ихъ стараніямъ и подаваемой отъ васъ имъ вѣрѣ приписывать долженствую оказуемую отъ васъ мнѣ малую довѣренность, когда вы ко мнѣ, какъ брату, такъ сказать, ни съ чѣмъ и ни о чемъ не адресуетесь, умалчивая даже отвѣтомъ на собственныя мои оферты (предложенія) вамъ моихъ услугъ, и когда, съ другой стороны, посторонніе вашими письмами и коммисіями почти отягощены. Мнѣ прискорбно примѣчать ваше стареніе меня во всемъ обходить. Не завидую я и тѣмъ коммисіямъ, кои вы другимъ поручали разныя отъ васъ партикулярно присыланныя вещи ея императорскому величеству подносить; но я также не понимаю, для чего въ томъ брата вашего, хотя-бъ онъ только камеръ-юнкеромъ, а не канцлеромъ былъ, обходить. А прискорбнѣе при томъ мнѣ сіе, что такія дѣла, будучи публичными, въ цѣлой публикѣ и пустыя потому разсужденія причиняютъ, кои какъ бы неосновательны ни были, никогда однакожь въ похвалу намъ ни одному, ни другому быть не могутъ. Дивятся люди, когда и однофамильцы, будучи въ великомъ числѣ, межъ собою несогласны; такъ что-жь о насъ скажутъ по такимъ наружностямъ, когда насъ только двое, оба родные братья, въ совершенной старости и почти только одни во всей фамиліи, не имѣя ни деревенскихъ тяжбъ, ниже какихъ раздѣловъ, однакожь съ ссорѣ быть кажемся? Мнѣ видится, что истинные наши обоихъ

[1]) Журн. Сената, 7 октября.

друзья искренно о томъ сожалѣютъ, а напротивъ того—другіе тому радуются, а особливо тѣ, кои, конечно, въ томъ свой счетъ находятъ, да и старанія свои къ тому прилагали. Отпустите мнѣ, mon très cher frère, буде я симъ простосердечнымъ письмомъ вамъ согрублю, хотя я сего въ намѣреніи отнюдь не имѣю" [1]).

Но très cher frère никакъ не хотѣлъ признать простосердечія въ отношеніяхъ къ себѣ канцлера, что особенно видно изъ письмъ его не къ брату, а къ заклятому врагу его, Воронцову: „Ваши и мои непріятели не желаютъ меня ни въ отечествѣ видѣть, ни чтобъ я здѣсь (въ Саксоніи) опредѣленъ былъ, хотятъ меня отбоярить въ Англію, и для того выдумали, яко-бъ король Англійскій намѣренъ къ намъ посла послать, а именно—господина Вильямса, о котораго персонѣ описаніе къ вамъ уже послано было (Гроссомъ), которое совсѣмъ съ правдою не сходно, понеже онъ мужикъ трусъ, болтунъ и лгунъ, много говоритъ, а слушать нечего,—дабы токмо чрезъ то имѣть оказію представить, что уже третій посолъ отъ Англійскаго Двора къ намъ посылается,—учтивость и атенція требуютъ, чтобъ отъ насъ посолъ въ Англію посланъ былъ, и, такимъ бы образомъ, меня отъ отечества и отсюда для того отдалить старались и стараются, чтобъ Функа у насъ, а Гросса здѣсь удержать. Вотъ, милостивый государь, вся вамъ интрига экспликована, ибо у короля Англійскаго ниже на мысли было посла къ намъ посылать, но еще такого брульона, каковъ есть Вильямсъ... Все сіе отъ коварныхъ людей нарочно для вышепоказанныхъ резоновъ вымышлено. Какъ не стыдно подобныя лжи писать! Сіи люди ни на славу, ни государственный интересъ не смотрятъ, но единственно о своемъ интересѣ и консерваціи думаютъ и попеченіе имѣютъ. Да и сожалительно есть, что и отъ Вѣнскаго Двора толь скоро отозванъ былъ по причинѣ ложныхъ представленій, кои въ моемъ отзывѣ учинены были: ежели-бъ я тамо еще на годъ или на два оставленъ былъ, немалыя-бъ услуги въ Сербскомъ дѣлѣ оказать могъ. Сіятельнѣйшій графъ! Ежели вашими сильными стараніями ея императорское величество ради моей дряхлости и старости при Польскомъ Дворѣ меня опредѣлить всемилостивѣйше склонится, то я подлинно васъ увѣряю, что такимъ опредѣленіемъ не токмо вашъ собственный интересъ въ томъ будетъ, но и вашего сіятельства кредитъ при тѣхъ Дворахъ прославится, а другихъ слабость и безсиліе окажется, мнѣ же въ особливое удовольствіе, а непріятелямъ моимъ въ восчувствованіе будетъ [2])".—Но слабость другихъ, т.-е. канцлера, не оказалась на этотъ разъ: брату его не удалось замѣнить Гросса при Польско-Саксонскомъ Дворѣ.

Сербское дѣло было причиною отозванія Бестужева изъ Вѣны: понятно, какъ преемникъ его, Кейзерлингъ, долженъ былъ бояться этого дѣла. Въ началѣ года, Кейзерлингъ получилъ рескриптъ, въ которомъ ему повелѣвалось снова поднять тяжелое дѣло: сербскій выходецъ, генералъ-маіоръ Шевичъ писалъ, что жены, дѣти и прочіе близкіе родственники многихъ Сербовъ, вступившихъ въ русскую службу и находящихся подъ его начальствомъ, безъ всякой причины задержаны въ Австрійскихъ владѣніяхъ, и онъ, Шевичъ, отправляетъ двоихъ своихъ офицеровъ для вывода означенныхъ людей. Императрица требовала отъ Кейзерлинга, чтобъ онъ помогъ этимъ офицерамъ въ благополучномъ окончаніи этого дѣла. Кромѣ того, Шевичъ отправлялъ секундъ-маіора Петровича въ Черногорію для принятія въ русскую службу тѣхъ изъ тамошнихъ и окрестныхъ жителей, которые желаютъ переселиться въ Россію. Кейзерлингъ долженъ былъ вытребовать имъ свободный проѣздъ чрезъ Австрійскія владѣнія. На свои представленія по этому предмету, Кейзерлингъ получилъ отъ австрійскаго министерства такой отвѣтъ: „Императрица-королева не мало сожалѣетъ, что при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе г. посла,—послѣ тяжкой и долговременной войны она видитъ сильный недостатокъ въ народоселеніи своего государства, особенно когда дѣло идетъ не объ одномъ населеніи земель, но и о защитѣ границъ, и потому она никакъ не можетъ позволить выѣздъ Иллирійцамъ, поименованнымъ въ спискѣ посла, кромѣ женъ и безбрачныхъ дѣтей тѣхъ Иллирійцевъ, которые переселились въ Россію". Относительно Черногорцевъ отвѣчали, что имъ свободный проѣздъ чрезъ Австрійскія владѣнія будетъ дозволенъ; но выразили сомнѣніе, свободны ли эти народы: „Императрица-королева не можетъ скрыть сомнѣнія, что народы эти, по большей части, окружены Турками, и когда будутъ проходить въ Венгрію и далѣе—въ Россію, не миновать имъ Турецкихъ владѣній, а по вѣроятному извѣстію, они признаютъ верховную власть султана платежемъ нѣкоторой подати, слѣдовательно преимущества совершенно вольныхъ людей потеряли. Но если такъ, то отъ просвѣщеннаго проницанія императрицы Россійской укрыться не можетъ, какъ легко выѣздъ этихъ народовъ можетъ повести къ столкновенію съ Портою, что подастъ желанный случай Дворамъ, старающимся поднять Порту противъ императорскихъ Дворовъ, къ исполненію своихъ злобныхъ намѣреній, тогда какъ общая польза требуетъ, чтобъ оба императорскіе Двора тщательно сохраняли миръ съ Турками".

На донесеніе объ этомъ сомнѣніи Кейзерлингъ получилъ рескриптъ: „Хотя Черногорцы многими другими народами, находящимися подъ турецкимъ владычествомъ, окружены, однако сами они, по надежнымъ извѣстіямъ,—вольные люди, которые не только не признаютъ верховной власти Порты и не платятъ ей дани, но находятся въ постоян-

[1]) Письмо въ Государ. Архивѣ.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, II, 282.

ной борьбѣ съ Турками для своей защиты. Хотя въ договорѣ между Портою и Венеціею Черногорцы и уступлены Портѣ, но договоръ остается безо всякой силы, потому что вольнаго народа нельзя уступать безъ его согласія".

Но этимъ дѣло не кончилось. Черногорскій архіепископъ Василій Петровичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и представлялъ, что онъ будетъ уговаривать вступить въ русскую службу своихъ Черногорцевъ, которые находятся въ венеціанской службѣ, если только будетъ имъ свободный проѣздъ чрезъ Австрійскія владѣнія и посланъ будетъ въ Тріестъ вѣрный человѣкъ для ихъ пріема. Императрица поручила Кейзерлингу устроить все это дѣло, переговоривши съ архіепископомъ, который будетъ возвращаться домой чрезъ Вѣну. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что архіепископъ не говорилъ ему объ этомъ ни слова, чего-бы не могло быть, если-бъ онъ дѣйствительно хотѣлъ озаботиться переводомъ Черногорцевъ изъ венеціанской службы въ русскую, и что для двоихъ или троихъ Черногорцевъ не стоитъ тратиться посылать нарочнаго въ Тріестъ.

Важнѣе было содержаніе сношеній между русскимъ канцлеромъ и австрійскимъ посломъ, графомъ Эстергази. Мы видѣли, какъ Россія заботилась о томъ, чтобъ окружить Прусскаго короля цѣпью союзовъ для сокращенія его силъ при первомъ удобномъ случаѣ. Австрійскій Дворъ отвѣчалъ на русскія предложенія не совсѣмъ удовлетворительно, а именно: Марія-Терезія изъявила готовность, въ случаѣ нападенія Прусскаго короля на Саксонскія или Ганноверскія Земли, помочь подвергшимся нападенію державамъ силами, соотвѣтствующими обстоятельствамъ времени и достаточными для прекращенія замѣшательствъ въ самомъ ихъ началѣ. 23 марта Бестужевъ передалъ Эстергази промеморію, въ которой говорилось, что императрица, обнадеживъ своею помощью посланника великобританскаго въ случаѣ нападенія Прусскаго короля на Ганноверскія владѣнія, уже приказала ввести въ Лифляндію и держать тамъ наготовѣ къ походу 60,000 регулярнаго войска, сверхъ казаковъ и другихъ легкихъ войскъ. Императрица не сомнѣвается, что императрица-королева также благоволитъ, для общаго дѣла, объявить, что если Россія подвергнется нападенію отъ Прусскаго короля или отъ кого-бы то ни было, по злобѣ за помощь, обѣщанную ею курфюрсту Ганноверскому, то со стороны Вѣнскаго Двора это нападеніе будетъ признано за случай союза по договору 1746 года, и немедленно исполнятся всѣ обязательства, въ этомъ договорѣ постановленныя. Хотя движеніе русскихъ войскъ въ Лифляндію можетъ удержать Прусскаго короля отъ завоевательныхъ замысловъ, однако еще было-бы надежнѣе, если-бъ съ другой стороны императрица-королева приказала собрать знатный корпусъ войскъ къ силезскимъ границамъ.

4 іюля Эстергази передалъ Бестужеву отвѣтную промеморію, въ которой Марія-Терезія объявляла, что признаетъ случай союза, если Россія подвергнется нападенію откуда-бы то ни было за помощь, обѣщанную королю Англійскому, какъ курфюрсту Ганноверскому; что же касается корпуса войскъ на силезскихъ границахъ, то императрица-королева обязана содержать его по четвертому секретному артикулу договора 1746 года, и эта обязанность ею исполнена [1]).

Гроссъ, несмотря на дурные отзывы о немъ графа Михаила Бестужева, а слѣдовательно и Воронцова съ товарищи, оставался русскимъ министромъ въ Дрезденѣ, гдѣ его положеніе становилось все затруднительнѣе вслѣдствіе все болѣе и болѣе разгоравшейся вражды между главами русской партіи, Чарторыйскими, и придворною партіею Брюля и Мнишка. Въ огонь было подлито масла знаменитымъ дѣломъ объ острожской ординаціи. Послѣдній изъ знаменитой фамиліи князей Острожскихъ, Янушъ, въ 1609 году, изъ обширныхъ своихъ владѣній на Украйнѣ, Волыни и въ Подоліи устроилъ ординацію, которую, не имѣя сыновей, передалъ дочери своей, княгинѣ Заславской, въ случаѣ же угаснутія и этой фамиліи, изъ ординаціи должно было образоваться мальтійское командорство. Такъ какъ ординація должна была выставлять отрядъ изъ 600 вооруженныхъ людей для охраны республики отъ Турокъ и Татаръ, то республика была заинтересована въ поддержаніи ея благосостоянія и нераздѣльности. Въ описываемое время владѣлъ ординаціею Янушъ Сангушко, происходившій отъ князей Заславскихъ по женской линіи. Этотъ Сангушко былъ страшный мотъ, нажилъ множество долговъ и, чтобъ избавиться отъ кредиторовъ, рѣшился на сдѣлку съ нѣкоторыми сильными фамиліями, именно — подѣлилъ ординацію между ними, съ условіемъ, чтобъ они заплатили его долги и дали ему часть ординаціи въ пожизненное владѣніе. Актъ раздѣла былъ совершенъ, и однимъ изъ участниковъ подѣла оказался воевода Русскій, князь Августъ Чарторыйскій. Это незаконное дѣло возбудило сильное волненіе въ Польшѣ, особенно на Волыни, въ Подоліи и Галиціи; коронный гетманъ Браницкій вздумалъ беззаконіе поправить беззаконіемъ же, вооруженною рукою занялъ крѣпость ординаціи Дубно; получившіе участки по акту раздѣла готовились защищать ихъ такъ-же вооруженною силою.

При такихъ-то обстоятельствахъ долженъ былъ собраться сеймъ въ Гродно, куда приготовлялся ѣхать и русскій посланникъ.

Въ одномъ письмѣ своемъ къ Литовскому канцлеру Чарторыйскому, Гроссъ упоминалъ объ особенномъ благоволеніи императрицы къ нему и ко всему его дому. Чарторыйскій отвѣчалъ: „На повтореніе вашего обнадеживанія въ особенной милости императрицы ко мнѣ и фамиліи моей, я повторяю свое прошеніе доставить мнѣ дѣйствительные знаки этой милости и положительное письменное удостовѣреніе въ покровительствѣ, которое мнѣ

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1754 г.

будетъ оказано въ случаѣ нужды, чтобъ мнѣ можно было надежнѣе на него полагаться, чѣмъ на словесныя обѣщанія, ибо я уже испыталъ въ послѣднюю бытность при здѣшнемъ Дворѣ графа Бестужева-Рюмина, что обнадеживанія русскихъ министровъ могутъ быть измѣнчивы". По поводу этого отвѣта, Гроссъ писалъ: „Ваше величество изъ этихъ рѣчей можете примѣтить, что канцлеръ не перестанетъ ожидать присылки Андреевскаго ордена. Съ другой стороны, коронный канцлеръ, графъ Малаховскій, какъ самъ, такъ и чрезъ фаворита своего, совѣтника Алое, спрашивалъ у меня, не пришло ли изъ Россіи рѣшеніе о наградѣ ему, о которой подана ему мною надежда. При нынѣшней въ Польшѣ смутѣ, для поддержанія которой Франція и Пруссія денегъ не щадятъ, было бы очень нужно дать канцлеру хотя среднюю сумму для притягиванія къ русскимъ интересамъ польскихъ шляхтичей, ибо неоспоримо, что ежегодною раздачею небольшого числа денегъ ваше величество могли бы лучше подкрѣплять свою партію, нежели употребленіемъ милліоновъ при нуждѣ. Опасаюсь, что если отъѣду въ Польшу съ пустыми руками и не удовольствовавъ Малаховскаго и Чарторыйскаго, то при наступающемъ сеймѣ не буду имѣть успѣха въ порученныхъ мнѣ дѣлахъ".

Малаховскій передавалъ Гроссу, что Мнишекъ тайно далъ поводъ къ спору и замѣшательству по поводу острожской ординаціи, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить и тѣмъ подкрѣпить свою партію; „но", говорилъ Малаховскій, „онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ, ибо не только онъ самъ, Малаховскій, въ этомъ дѣлѣ искренно соединился съ князьями Чарторыйскими и примасомъ, но и Потоцкіе и другіе съ ними же согласны, такъ-что теперь партія Мнишка состоитъ только изъ обоихъ гетмановъ, воеводы Бѣльзскаго и нѣкоторыхъ ему подобныхъ враговъ общаго спокойствія, поэтому можно ее ослабить, если императрица, для подкрѣпленія своей партіи, опредѣлитъ небольшую годичную сумму, посредствомъ которой можно было бы господствовать на сеймикахъ и уничтожить всѣ франко-прусскія интриги".

28 апрѣля Гроссъ подалъ Брюлю промеморію, въ которой заключалось предложеніе:—если курфюршество Ганноверское подвергнется нападенію Прусскаго короля, то Польскій король дѣйствовалъ бы сообща съ обоими императорскими Дворами и далъ надлежащую помощь. Брюль обѣщалъ письменный отвѣтъ, а на словахъ сказалъ, что король его желаетъ болѣе всего самаго тѣснаго соединенія съ высочайшими союзниками, потому что гордое поведеніе Прусскаго короля становится невыносимо для Саксонскаго государя: такъ, недавно Фридрихъ II потребовалъ пошлины за проѣздъ чрезъ Силезію. Между тѣмъ приближалось время отправляться на сеймъ въ Варшаву, и Гроссъ собирался туда съ удовольствіемъ, потому что получилъ, наконецъ, отъ своего Двора извѣстіе, что примасу Комаровскому назначено по 5,000 рублей ежегодной пенсіи, коронному канцлеру Малаховскому—по 7,000 да на раздачу шляхтѣ 3,000, Литовскому канцлеру, князю Чарторыйскому—Андреевскій орденъ, коронному подканцлеру, графу Водзицкому—мѣхъ соболій въ 2,000 рублей; а наканунѣ отъѣзда Гросса изъ Дрездена онъ получилъ отъ 10 іюня письменный отвѣтъ королевскій на свою промеморію о соглашеніи насчетъ Прусскаго короля; въ отвѣтѣ говорилось, что Августъ III съ совершеннѣйшею благодарностью принимаетъ великодушную заботу императрицы о безопасности своихъ союзниковъ. Императрица можетъ надѣяться на совершеннѣйшую взаимную королевскую дружбу, преданность и полную взаимность касательно новыхъ предложеній, сколько силы Саксоніи могутъ это дозволить. Что же касается Ганноверскаго Двора, то его величество король ничего больше не требуетъ, какъ и съ нимъ быть въ оборонительныхъ обязательствахъ, отчего однако этотъ Дворъ уклонился, отказавшись возобновить трактатъ 1741 года; несмотря на то, его величество и теперь склоненъ помянутыя обязательства возобновить и поступать съ Ганноверскимъ Дворомъ съ совершенною взаимностью. Посылая этотъ отвѣтъ въ Петербургъ, Гроссъ писалъ: „Ваше величество изволите примѣтить, что отвѣтъ составленъ съ величайшею осторожностью, и графъ Брюль не скрылъ отъ меня, что принуждены были держаться такихъ общихъ выраженій изъ опасенія, чтобъ этотъ актъ какимъ-нибудь образомъ не попался въ руки Прусскому королю".

14 іюня въ Варшавѣ Гроссъ имѣлъ аудіенцію у короля, для поднесенія Андреевскаго ордена, назначеннаго Чарторыйскому. При этомъ случаѣ Гроссъ произнесъ рѣчь, что императрица жалуетъ орденъ Литовскому канцлеру за его постоянное доброе расположеніе и преданность общимъ обоихъ Дворовъ интересамъ, не сомнѣваясь, что и его величество, король, будетъ этимъ доволенъ: императрица увѣрена, что какъ онъ самъ, канцлеръ, такъ весь его домъ и друзья твердо пребудутъ въ прежнихъ своихъ добрыхъ чувствахъ для пользы общей; а съ другой стороны, императрица увѣрена, что его королевское величество будетъ продолжать къ нимъ свое высокое покровительство, какъ издавна искреннимъ, вѣрнымъ и благоразумнымъ слугамъ своимъ, которыхъ ревностное радѣніе объ общемъ благѣ хорошо извѣстно. Король отвѣчалъ: „Съ радостію возложу орденъ на канцлера; что же касается до продолженія къ нему моей милости, то оно будетъ зависѣть отъ его поведенія".

„Я такимъ образомъ къ его величеству изъяснился наиболѣе потому", писалъ Гроссъ, „что со стороны графа Брюля оказывается явное нерасположеніе къ князьямъ Чарторыйскимъ и ихъ сторонникамъ; зять его, графъ Мнишекъ, показываетъ себя во всемъ покровителемъ противной партіи. Мои представленія у графа Брюля въ пользу Чар-

торыйскаго не имѣли надлежащаго дѣйствія: онъ попрекаетъ Литовскаго канцлера въ непослушаніи королевскимъ указамъ".

15 іюля Гроссъ въ домѣ коронпаго канцлера имѣлъ съ польскими министрами конференцію: во 1) относительно выдачи русскихъ бѣглыхъ; 2) относительно пограничныхъ судовъ по столкновеніямъ между русскими и польскими подданными; 3) относительно обидъ, претерпѣваемыхъ Православными; 4) относительно назначенія коммисаровъ для опредѣленія границъ. Поляки признали единогласно справедливость требованій императрицы относительно выдачи бѣглыхъ; толковали, какъ всѣ Поляки должны чувствовать, что ихъ благосостояніе зависитъ отъ согласія съ Россіею, но выразили надежду, что императрица благоволитъ уважить состояніе республики, которое не позволяетъ ни королю, ни министерству поступать, какъ поступаютъ въ самодержавномъ государствѣ; что въ настоящемъ случаѣ они не знаютъ никакого способа, согласнаго съ здѣшними конституціями, какъ бы понудить шляхтичей къ выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ. Можно выдать воровъ и другихъ злодѣевъ, также— дезертеровъ; но нельзя выдать простыхъ крестьянъ и раскольниковъ, ибо, въ такомъ случаѣ, должно опасаться общаго бунта какъ отъ своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ, тѣмъ болѣе (прибавилъ канцлеръ Чарторыйскій), что шляхта хорошо помнитъ, какъ въ 1708 г., когда Карлъ XII пошелъ въ Украйну, Петръ Великій всѣхъ жителей польскихъ пограничныхъ областей отправилъ въ Россію, откуда, несмотря на частыя требованія, возвращены не были; если Россія не могла возвратить отвезенныхъ польскихъ подданныхъ, когда въ ней все зависитъ отъ воли государя, тѣмъ менѣе можно ожидать этого отъ республики—и республики испорченной, гдѣ законное исполненіе часто отъ воли каждаго шляхтича зависитъ. Когда Гроссъ говорилъ, что можно поручить выдачу бѣглыхъ пограничнымъ судамъ, то ему отвѣчали, что по уставамъ это дѣло пограничнымъ судамъ не подвѣдомственно; шляхтичи отговорятся, что оно подлежитъ сеймовому рѣшенію; что, съ другой стороны, поднятіе этого дѣла отняло бы кредитъ у нихъ,- министровъ, и передъ сеймомъ подало бы поводъ къ шуму и сильной ненависти противъ Россіи, и потому, какъ имъ, канцлерамъ, кажется, главное состоитъ въ заботѣ, чтобъ на будущее время предотвратить бѣгство крестьянъ. Съ этою цѣлью они составятъ въ сильнымъ выраженіяхъ рескриптъ королевскій, чтобъ впредь никто не смѣлъ принимать бѣглыхъ Русскихъ; если сеймъ не состоится, то сенатусъ-консиліумъ утвердитъ рескриптъ; если же сеймъ состоится, то будутъ стараться, чтобъ постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію. Канцлеръ Литовскій говорилъ, что отъ самой императрицы зависитъ, чтобъ впредь бѣглыхъ за рубежъ не было, да и прежніе возвратились: пусть только обнадежитъ раскольниковъ манифестомъ, что имъ впредь никакого утѣсненія въ Россіи не будетъ; объявитъ амнистію для всѣхъ, кто пожелаетъ возвратиться; опредѣлитъ жестокія казни противъ упорныхъ, когда они будутъ схвачены; обѣщаетъ возвратившимся на нѣсколько лѣтъ свободу отъ податей и построеніе слободъ для жительства; прикажетъ пограничнымъ командирамъ и форпостамъ никого не пропускать безъ паспорта, ибо недавно выданный имъ, Чарторыйскимъ, Кузьминъ возвратился изъ Кіева въ Гомель и объявляетъ себя свободнымъ, а покойный генералъ Леонтьевъ, четыре года тому назадъ, самъ къ нему писалъ, чтобъ нѣкоторому русскому купцу позволилъ поселиться въ Гомелѣ; форпосты же часто за малые подарки пропускаютъ. По донесенію полковника Панова, отправленнаго въ Польшу для сыску бѣглыхъ, ихъ тамъ было до милліона. Поляки соглашались выдать ему бѣглыхъ солдатъ, уголовныхъ преступниковъ и дворовыхъ людей, но никакъ не крестьянъ, толкуя, что крестьянинъ не есть дезертеръ. Пановъ возражалъ, что дезертеръ—слово не русское и не польское, а нѣмецкое, по-русски значитъ бѣглецъ всякій; дворовые люди у всѣхъ помѣщиковъ берутся изъ крестьянъ, а другіе отпускаются въ крестьяне; кромѣ того, многіе изъ русскихъ бѣглецовъ - уголовные преступники: у него самого, Панова, ушло 50 человѣкъ; одинъ изъ нихъ утопилъ жену, другой у родного брата жену увелъ, третій человѣка убилъ, другіе сожгли домъ покойнаго отца его, Панова; но эти возраженія не принимались Поляками. Въ Гроднѣ отдали ему шестерыхъ бѣглыхъ солдатъ, обобравши ихъ до рубашки. Пановъ подалъ объявленіе, что въ Бѣлостокѣ и другихъ мѣстахъ и въ самой Варшавѣ болѣе 200 бѣглыхъ солдатъ: обѣщали отдать, - и не отдали. Интересъ самихъ вельможъ требовалъ, чтобъ не отдавать русскихъ бѣглыхъ: за Чарторыйскимъ въ одномъ староствѣ Гомельскомъ жило нѣсколько тысячъ бѣглыхъ; въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ, и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, показывая приказъ канцлера Литовскаго, князя Чарторыйскаго, то подвоевода сказалъ: „Это только наша польская политика". Польская Лифляндія почти вся населена была русскими бѣглецами, преимущественно раскольниками. Когда Пановъ туда пріѣхалъ, то всѣ деревни опустѣли, жители бросились въ лѣса. Начальные люди пошлютъ ихъ ловить, приведутъ человѣкъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родственниковъ, чтобъ они возвратились; а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ,—тѣхъ начальные люди били постромками. У ксендза Аскирки было 40 деревень, населенныхъ русскими бѣглецами, и ксендзъ объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, и пока не возвратятъ ему забранныхъ русскими полками въ послѣднюю революцію 100,000 талеровъ, да

убѣжавшихъ въ Россію 90 душъ,—до тѣхъ поръ ни одного Русскаго не отдастъ, причемъ грозилъ дурно поступить съ Пановымъ.

Относительно пограничныхъ судовъ канцлеры обѣщали составить проектъ для внесенія съ сеймовую конституцію, или, по крайней мѣрѣ, для утвержденія въ сенатусъ-консиліумѣ. Представленія Гросса о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ Православными, канцлеры признали справедливыми, складывая всю вину на упрямство епископа Виленскаго, которому они сколько разъ писали, чтобъ унялся, а теперь еще напишутъ; если же онъ попрежнему будетъ утверждаться на непозволеніи строить и поправлять Православныя церкви, то они намѣрены позвать его на судъ къ папскому нунцію и даже къ самому папѣ, и увѣрены, что на этомъ судѣ онъ проиграетъ дѣло; если сеймъ состоится, то постараются внести въ сеймовую конституцію постановленія о правахъ Православныхъ; возвращеніе же вдругъ всѣхъ церквей и монастырей, взятыхъ по заключеніи вѣчнаго мира, зависитъ не отъ нихъ: о каждой церкви должно быть изслѣдовано предъ коммисіею, по какой причинѣ эта церковь попала къ уніатамъ. „Теперь передъ моимъ судомъ“, сказалъ Чарторыйскій Гроссу, „пять процессовъ виленскаго Православнаго монастыря о взятыхъ у него разныхъ монастыряхъ и церквахъ; вы увидите, что я окажу всякую желаемую справедливость единовѣрцамъ ея императорскаго величества; они впредь не будутъ жаловаться и на недостатокъ адвокатовъ, потому что, согласно съ уставами, я буду приказывать такому или такому защищать ихъ дѣла предъ судомъ; но я требую, чтобъ они, будучи польскими подданными, прежде обращались съ своими жалобами ко мнѣ, своему естественному судьѣ, а не обращались сейчасъ-же къ императрицѣ или вашимъ министрамъ, которые должны заступаться за нихъ только въ томъ случаѣ, когда въ Польшѣ и Литвѣ имъ не окажутъ справедливости“.

Но къ этимъ затруднительнымъ дѣламъ присоединились еще дѣло Курляндское. Графъ Брюль увѣрялъ Гросса, что Прусскій король имѣетъ на своей сторонѣ большинство курляндскаго дворянства и недавно представилъ Франціи проектъ, въ которомъ предлагаетъ, что, въ случаѣ если удастся подвинуть Порту противъ Россіи, въ то же время надобно дѣйствовать противъ послѣдней со стороны Курляндіи безъ поданія повода союзникамъ Россіи вступать на нее, и именно курляндское дворянство, оставленное Польскимъ королемъ безъ покровительства, обратится къ нему съ просьбою о помощи противъ Россіи, такъ долго удерживающей въ неволѣ Бирона; Фридрихъ II потребуетъ освобожденія Бирона; и такъ какъ Россія, по всѣмъ вѣроятностямъ, откажется исполнить это требованіе, то она явится зачинщицею войны, и союзники ея не будутъ имѣть права помогать ей. Брюль пѣлъ старую пѣсню, что рѣшеніемъ Курляндскаго дѣла всѣ прусскіе происки вдругъ уничтожились бы и много зла было бы предупреждено; по крайней мѣрѣ на многочисленныя промеморіи Польскаго правительства насчетъ рѣшенія Курляндскаго дѣла пусть дастся отвѣтъ, составленный хотя въ общихъ выраженіяхъ,—напримѣръ, что Россія, по важнымъ причинамъ, должна была до сихъ поръ промедлить отвѣтомъ, но что окончательное рѣшеніе объявлено будетъ. Во всякомъ случаѣ, Брюль обѣщалъ, по возможности, оттянуть аудіенцію у короля курляндскому депутату Гейкингу, избранному для представленія жалобъ курляндскаго дворянства. Канцлеръ Малаховскій и князь Чарторыйскій также обѣщали Гроссу стараться, чтобъ аудіенція Гейкинга была отложена до окончанія сейма; но при этомъ Чарторыйскій не скрылъ, что всякій шумъ объ этомъ предупредить нельзя, ибо въ инструкціяхъ, данныхъ своимъ посламъ разными польскими и литовскими повѣтами, внесенъ пунктъ — настоять у короля, чтобъ онъ исходатайствовалъ рѣшеніе въ пользу герцога Бирона; да и сенаторамъ запретить нельзя, чтобъ они не упоминали объ этомъ въ своихъ рѣчахъ; только до сеймоваго рѣшенія дѣло не дойдетъ, потому что, по всѣмъ вѣроятностямъ, тѣмъ или другимъ способомъ, сеймъ будетъ разорванъ.

Англійскій полномочный министръ Уильямсъ объявилъ Гроссу, что его король имѣетъ въ Польшѣ одинъ интересъ — споспѣшествовать видамъ Россійской императрицы, и прибавилъ, что король его признаетъ невозможнымъ стараться о томъ, чтобъ наслѣдный Саксонскій принцъ, при жизни отца, былъ назначенъ и наслѣдникомъ Польскаго престола, особенно теперь, когда Дворъ въ дѣлѣ острожской ординаціи старыхъ своихъ приверженцевъ, которыхъ преимущественно употреблялъ для приведенія въ дѣйствіе проекта о преемствѣ престола, оставилъ и началъ держаться членовъ французской партіи. Гроссъ отвѣчалъ, что императрица одного мнѣнія съ королемъ, и въ самомъ дѣлѣ, принимая во вниманіе настоящія обстоятельства, отношенія французскія, прусскія и турецкія, иначе и думать объ этомъ дѣлѣ нельзя.

Не имѣя надежды, чтобъ сеймъ состоялся, Гроссъ началъ хлопотать, нельзя ли въ сенатусъ-консиліумѣ провести дѣло о признаніи Польшею императорскаго титула Русской государыни. Канцлеръ и князь Чарторыйскій на его предложеніе отвѣчали, что дѣло возможное, если-бъ они напередъ были увѣрены въ значительномъ большинствѣ голосовъ въ сенатѣ и, особенно, въ чистосердечной помощи Двора и партіи графа Мнишка, ибо, въ противномъ случаѣ, они бы только понапрасну компрометтировали императрицу и подали поводъ врагамъ своимъ уменьшить кредитъ ихъ у шляхетства: враги ихъ стали бы толковать, что они, въ угожденіе чужой державѣ, рѣшили дѣло, принадлежащее сейму. Когда же Гроссъ предложилъ объ этомъ Брюлю и Мнишку, тѣ высказали недовѣріе къ князьямъ Чарторыйскимъ и пріятелямъ ихъ, прибавивъ, что изъ опасенія французско-прусскихъ

интригъ не надобно преждевременно разглашать о намѣреніи внести вопросъ о титулѣ на рѣшеніе сенатусъ-консиліума; а когда сеймъ разорвется, такъ должно совѣтоваться съ благонамѣренными сенаторами о возможности удовлетворить желаніе императрицы и о способахъ къ тому. Упоминовеніе о французско-прусскихъ интригахъ дало Гроссу возможность сказать Брюлю: „Какъ жаль, что съ нѣкотораго времени члены французской партіи льстятъ себя покровительствомъ самого Двора и прилагаются всякія старанія къ уменьшенію значенія магнатовъ, издавна преданныхъ королю и императрицѣ; дурныя слѣдствія этого оказываются явно въ дѣлѣ острожской ординаціи, во внушеніяхъ Франціи и Портѣ, которая наполнила Польшу эмиссарами въ предосужденіе чести королевской. Король не долженъ оставлять старыхъ общихъ пріятелей своихъ и Россіи, какъ людей испытанной честности и благонамѣренности; не долженъ позволять, чтобъ они были приведены въ безсиліе, но долженъ содержать ихъ въ прежней довѣренности, чтобъ, въ случаѣ нужды, пользоваться ихъ кредитомъ для общихъ интересовъ и сохраненія тишины въ Польшѣ; впрочемъ, императрица, давая этотъ добрый совѣтъ по союзнической дружбѣ съ королемъ, отнюдь не совѣтуетъ королю презирать всѣхъ другихъ магнатовъ, — напротивъ: надобно стараться всѣхъ вельможъ, не обращая вниманія, кто они—Чарторыйскіе или Потоцкіе,—приводить въ согласіе для единодушнаго содѣйствія общимъ интересамъ". Графъ Брюль, вмѣсто прямого отвѣта, сдѣлалъ печальный видъ и распространился въ жалобахъ противъ князей Чарторыйскихъ, противъ ихъ недовѣрчивости къ нему, Брюлю, и его зятю—Мнишку; говорилъ, что Чарторыйскіе и канцлеръ Малаховскій сами повредили своему кредиту у духовенства поведеніемъ своимъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ острожской ординаціи. Потомъ Брюль спросилъ: „чѣмъ Дворъ при настоящихъ обстоятельствахъ подкрѣпляетъ французскую партію?" Гроссъ отвѣчалъ: „Тѣмъ, что поддерживаетъ гетмана коронпаго, который поступаетъ по совѣтамъ главнаго французскаго сторонника, воеводы Бѣльзскаго." — „Никто", возразилъ Брюль, „такъ жестоко не попрекалъ за это коронному гетману, какъ я; вы сами видите, что король оказываетъ явно свое неудовольствіе воеводамъ Бѣльзскому и Брацлавскому, генералу Мокрановскому, Хоецкому и подобнымъ людямъ, изъ которыхъ однихъ и состоитъ теперь французская партія."

Когда Гроссъ говорилъ Мнишку о соглашеніи съ старинными приверженцами императрицы и короля, то Мнишекъ отвѣчалъ, что не хочетъ быть въ зависимости ни отъ кого, кромѣ короля и своего тестя. Гроссъ писалъ своему Двору, что въ партіи графа Мнишка нѣтъ ни одного умнаго человѣка изъ знатныхъ, а главные его совѣтники, коадъюторъ кіевскій Солтыкъ и братья Збоинскіе, неоднократно заявили свое корыстолюбіе и двоедушіе, и хотя, вслѣдствіе спора по Острожскому дѣлу, партія Мнишка и гетмана усилилась предъявленіемъ видовъ, угодныхъ шляхетству, однако партія князей Чарторыйскихъ не очень ослабѣла, чему доказательствомъ служитъ, что половина пословъ повѣтовыхъ или депутатовъ сеймовыхъ принадлежитъ къ ихъ партіи; и если Чарторыйскіе потеряли нѣкоторыхъ изъ знати, то пріобрѣли другихъ, какъ-то фамилію Любомирскихъ, и когда Острожское дѣло такъ или иначе прекратится, то настоящія отношенія между польскими вельможами могутъ снова измѣниться; да и, какъ бы то ни было, хотя-бы всѣ вакантныя мѣста раздавались по одному представленію графа Мнишка, котораго кредитъ будетъ великъ во все время министерства тестя его, однако партія князей Чарторыйскихъ никогда не придетъ въ презрѣніе, потому что, по признанію самихъ враговъ ихъ, канцлеръ Литовскій въ Литвѣ—человѣкъ всемогущій, а его братъ въ каждомъ воеводствѣ королевства имѣетъ маетности, съ которыхъ получаетъ до 120,000 червонныхъ годового дохода,—слѣдовательно всегда бо̀льшую часть шляхетства будетъ имѣть на своей сторонѣ. „Я думалъ", писалъ Гроссъ, „что ваше импер. величество главнымъ образомъ имѣете въ виду польское междуцарствіе, когда примасъ играетъ главную роль; извѣстно, сколько въ прошлое междуцарствіе надѣлалъ вреда примасъ Потоцкій, дѣйствовавшій противъ видовъ Россіи; настоящій же примасъ, Комаровскій, мнѣ недавно подтвердилъ прежнее свое обѣщаніе, что никогда не возложитъ короны на кандидата, непріятнаго вашему величеству". Гроссъ писалъ также, что если-бы онъ съ своими представленіями противъ партіи Мнишка обратился прямо къ королю, то это было бы безполезно и опасно: безполезно—потому, что король во всемъ привыкъ слѣдовать совѣтамъ графа Брюля; опасно же—потому, что этимъ онъ навлекъ-бы на себя ненависть перваго министра, что вредно отозвалось-бы на отношеніяхъ между двумя Дворами.

Сеймъ начался 19 сентября и находился въ бездѣйствіи, потому что въ первыхъ шести засѣданіяхъ не позволяли приступить къ выборамъ маршала, что, по уставу, должно было сдѣлаться въ первый день. Депутаты, преданные Чарторыйскимъ, настаивали, чтобъ прежде выборовъ маршала рѣшено было дѣло острожской ординаціи. Брюль королевскимъ именемъ обѣщалъ Чарторыйскимъ, что если они позволятъ на избраніе маршала, то ни одно дѣло не будетъ пущено прежде, чѣмъ состоится рѣшеніе насчетъ острожской ординаціи. Но Чарторыйскіе не полагались на обнадеживанія Брюля, потому что недавно были обмануты: король обѣщалъ, что при трибуналахъ не будетъ войска и никого изъ людей, не принадлежащихъ къ трибуналу,—и нарушилъ свое обѣщаніе.

Въ это время пріѣхалъ въ Гродно курляндскій адвокатъ Цигенгорнъ. Гроссъ предупредилъ Брюля, что этотъ Цигенгорнъ главный виновникъ того, что на курляндскомъ сеймикѣ въ одну ночь дѣла измѣнились явно ко вреду Россіи. Несмотря

на это предостереженіе, король пожаловалъ Цигенгорна въ надворные совѣтники. Это заставило Гросса выразить императрицѣ подозрѣніе, что самъ Польскій Дворъ желаетъ возобновленія Курляндскаго дѣла, хотя и не въ пользу Бирона, но только для того, чтобы императрица высказала, что не можетъ ни Бирона, ни фамилію его возстановить на Курляндскомъ престолѣ, а Польско-Саксонскій Дворъ воспользуется такимъ объявленіемъ, чтобы доставить Курляндію своему принцу. Подозрѣніе подтверждалось словами графа Мнишка Гроссу, что если императрица не желаетъ возстановленія Бирона, то лучше объ этомъ объявить и соглашаться съ королемъ о другомъ, пріятномъ для обоихъ Дворовъ, кандидатѣ; что королю естественно было-бы всего пріятнѣе, если-бы императрица согласилась видѣть герцогомъ Курляндскимъ одного изъ его сыновей; привести въ исполненіе это намѣреніе—всего легче потому, что Поляки согласятся изъ уваженія къ королевскому Дому, а въ Курляндіи множество шляхты этого желаетъ. Гроссъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сказать на это, не имѣя инструкцій, особенно когда императрица при нынѣшнихъ обстоятельствахъ признаетъ нужнымъ оставить дѣло въ совершенномъ молчаніи; притомъ религія будетъ служить препятствіемъ, ибо Саксонскіе принцы католики, а герцогъ Курляндскій долженъ быть лютераниномъ. Мнишекъ возразилъ, что тутъ нѣтъ никакого затрудненія, ибо въ курляндской конституціи о религіи герцога ничего не опредѣлено. Гроссъ замѣтилъ на это, что если-бъ и такъ, то король Прусскій не замедлитъ объявить, что отъ назначенія католика герцогомъ, религія страны находится въ опасности и вмѣшается въ дѣло, причемъ нѣкоторые Курляндцы къ нему непремѣнно пристанутъ. Мнишекъ не нашелся, что возразить на это.

Вторая недѣля сейма прошла точно такъ, какъ и первая: ежедневно въ посольской избѣ было собраніе; ежедневно старый маршалъ пытался приступить къ выбору новаго, и ежедневно со стороны преданныхъ Чарторыйскимъ депутатовъ не было на то позволенія, пока не будетъ рѣшена острожская тяжба. Брюль обвинялъ Чарторыйскихъ въ обманѣ, въ нарушеніи даннаго слова; Чарторыйскіе обвиняли въ томъ же короля; жаловались, что король, въ союзѣ съ гетманами, позволяетъ себѣ насилія; говорили, что если они позволятъ выборъ сеймового маршала до окончанія Острожскаго дѣла, то враги ихъ обратятъ сеймъ въ конфедерацію и постановятъ все, что имъ угодно на ихъ пагубу. Брюль два раза обращался къ Гроссу съ просьбою уговорить Чарторыйскихъ, чтобъ не сопротивлялись выбору маршала, угрожая, въ противномъ случаѣ, совершенною немилостью королевскою; но ни Чарторыйскіе, ни Малаховскій ни о чемъ не хотѣли слышать и ждали успѣха отъ одной своей твердости.

Вслѣдствіе этой твердости, сеймъ кончился ничѣмъ; но въ то же время Мнишекъ подалъ королю просьбу, подписанную нѣкоторыми сенаторами, о назначеніи казенной администраціи надъ острожскими имѣніями; король согласился, и это произвело сильное раздраженіе: начали толковать о стремленіи короля къ самодержавію. Гроссъ представлялъ такое положеніе дѣлъ крайне опаснымъ и деликатнымъ, ибо, съ одной стороны, Россія никакъ не можетъ позволить перемѣны въ польской правительственной формѣ, а съ другой, по европейскимъ отношеніямъ, должно сохранять дружбу короля. Обратившись снова къ своимъ, Русскимъ дѣламъ, именно къ выдачѣ всѣхъ бѣглыхъ, Гроссъ встрѣтилъ неодолимое сопротивленіе въ своемъ главномъ пріятелѣ, Литовскомъ канцлерѣ, князѣ Чарторыйскомъ, который объявилъ, что ни за что не возьмется проводить это дѣло, ибо оно можетъ лишить его всего кредита у шляхты: до сихъ поръ, противодѣйствуя внушеніямъ франко-прусской партіи, онъ внушалъ шляхтѣ, что необходимо держаться Россіи, которая одна въ состояніи оказать помощь республикѣ; а если онъ теперь станетъ проводить дѣло о выдачѣ бѣглыхъ, то эти внушенія вдругъ потеряютъ всякую силу. Когда Гроссъ сказалъ, что шляхта еще болѣе будетъ раздражена, если императрица силою велитъ забрать всѣхъ своихъ бѣглыхъ въ Польшѣ и Литвѣ, то Чарторыйскій отвѣчалъ съ сердцемъ, что отъ великодушія императрицы не опасается такого поступка, но все-же онъ лучше согласится на это, чѣмъ самому проводить такое дѣло, и скорѣе откажется отъ канцлерскаго чина и гомельскаго староства, лежащаго на русскихъ границахъ, чѣмъ внесетъ въ универсалъ требованіе выдачи бѣглыхъ, и если-бъ самъ король согласился выдать такой универсалъ, то онъ, канцлеръ, не приложитъ къ нему печати. А между тѣмъ разсужденіе о незаконности учрежденія казенной администраціи надъ острожскими имѣніями, поданное королю самимъ примасомъ, было публично сожжено, какъ пасквиль; типографія, гдѣ оно печаталось, была заперта; изъ боязни королевскаго гнѣва ни въ одномъ судѣ, вопреки обычаю, не приняли протеста князя Сангушки противъ администраціи, и посолъ французскій Брольи хвастался, что онъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ успѣлъ въ пораженіи русской партіи. Чарторыйскіе въ сильномъ безпокойствѣ обращались къ Гроссу съ вопросомъ, что думаютъ въ Петербургѣ о послѣднихъ польскихъ событіяхъ, прибавляя, что насильственные поступки новой придворной партіи, соединенной съ французскою, явно клонятся къ установленію мало-по-малу самодержавія, что русскимъ интересамъ такъ-же противно, какъ и самимъ имъ. Гроссъ отвѣчалъ, что обо всемъ увѣдомилъ императрицу, но еще не получалъ никакихъ наставленій.

По возвращеніи въ Дрезденъ, Гроссъ доносилъ, что графъ Брюль жаловался на англійскаго министра Уильямса, который, оставшись въ Варшавѣ, ободрялъ князей Чарторыйскихъ. Брюль при этомъ не иначе называлъ Чарторыйскихъ, какъ непріятелями короля, тогда какъ о Потоцкихъ отзывался

съ удовольствіемъ, говоря, что посолъ французскій уже попрекалъ ихъ преданностью Двору [1]).

Мы видѣли, что въ прошломъ году начались переговоры между Россіею и Англіею насчетъ субсидій для содержанія русскаго войска на границахъ. Дѣло затянулось оттого, что Русскій Дворъ, по мнѣнію Англійскаго, просилъ слишкомъ много денегъ. 21 марта 1754 года данъ былъ Гюндикенсу русскій контръ-проектъ, который англійскимъ министромъ принятъ былъ только на доношеніе: требуемая сумма 200,000 фунтовъ показалась ему чрезмѣрною. Канцлеръ подалъ императрицѣ новую записку: „Теперь отъ монаршаго соизволенія зависѣть будетъ рѣшеніе, надобно или нѣтъ сію негоціацію продолжать и совершить, и тѣмъ, конечно, короля Аглинскаго, яко союзника, въ безопасность привесть и для переду полезнымъ себѣ сохранить, или же, напротиву того, уничтожая сію негоціацію, неминуемо короля Прусскаго, и безъ того уже гордостью и жадностью къ бо́льшему еще усиленію дышущаго, въ бо́льшую знатность и силу допустить. Правда, что какъ первыя Англійскаго Двора генеральныя предложенія весьма податливыми казались, такъ и теперь, когда къ прямому дѣлу пришло, уже крайне скупы стали, правда-жь напротиву того, что и здѣшніе запросы весьма велики были. Какъ теперь первая опасность нѣсколько миновалась, а наступающею зимою обстоятельства еще много перемѣниться могутъ, наипаче же, что войска, по собственному ея императорскаго величества благоизобрѣтенію, и, правда сказать, для опасности отъ собиранныхъ тогда около Кенигсберга прусскихъ войскъ, уже дѣйствительно въ Лифляндію заведены да и содержаніе оныхъ тамо, какъ и новое искусство (опытъ) показало, и безъ того необходимо нужно: то, видится, и здѣшнія кондиціи нѣсколько облегчить надобно, дабы, во-первыхъ, ежели и ни до какого съ королемъ Прусскимъ прямаго дѣла не дойдетъ, то однако-жъ походъ и собраніе здѣшнихъ войскъ въ Лифляндіи не даромъ, да и содержаніе оныхъ тамо не въ убытокъ, но съ пользою было, ибо ежели разсудить, что и безъ всякихъ выгодностей, однако-жъ собственная безопасность, наипаче же соблюденіе пріобрѣтеннаго донынѣ въ Европѣ у всѣхъ Дворовъ почтенія и знатности, необходимо требуютъ великую часть армей въ Лифляндіи содержать, то собою окажется, что всякія субсидіи, какія бы отъ Англіи за сіе содержаніе только войскъ на границахъ получены ни были, чистою уже прибылью почитать надлежитъ. А второе и наиглавнѣйшее въ томъ состоитъ, что ежели теперь, полагаясь на нужду, въ каковой король Аглинской быть видится, въ здѣшнихъ первыхъ запросахъ непоколебимо стоять, то легко статься можетъ, что и король Аглинской, тщетно полагаясь иногда, что король Прусской одними угрозами удовольствуется и его не атакуетъ, на здѣшнія кондиціи склониться заупрямится; а какъ сіе никогда долго тайно быть не можетъ, то уже болѣе того имовѣрно, что король Прусской, пользуясь симъ расплохомъ, какъ то ему и обыкновенно, вдругъ на Ганноверъ нападаетъ и разграбленіемъ хранимаго въ немъ безчисленнаго, такъ сказать, сокровища обогатится и еще болѣе силенъ и, потому, опасенъ будетъ. Тогда уже поздно было-бъ и Аглинскому королю въ страстной его скупости раскаиваться и щедрымъ быть, ибо, потерявъ, такъ сказать, все, не о чемъ и заботиться будетъ; да безвременна-жъ была-бъ тогда и здѣшняя, хотя-бъ уже и вдвое посылаемая, помощь, ибо королю Прусскому, всегда ко всему готовому, предовольно одной кампаніи всѣ ганноверскія ему отверстыя и крѣпостей неимущія области овладѣть и разорить. Да еще на посылку тогда помощи и поступить едва-ль можно было-бъ: во-первыхъ, время уже не допуститъ о какихъ-либо предварительныхъ кондиціяхъ соглашаться, да хотя-бъ что̀ въ скорости и сдѣлано было, трудно уже въ исполненіи полагаться. Второе, здѣшнія войска, не ожидавъ скоропостижнаго походу, не будутъ въ состояніи въ оный тотчасъ вступить, за неимѣніемъ довольныхъ къ тому запасныхъ магазиновъ. Третіе же и главнѣйшее,—король Прусской, видя здѣшнюю атаку, съ королемъ Аглинскимъ тотчасъ примирится и, оставя ему Ганноверъ, всѣ силы свои противъ здѣшнихъ обратитъ, и толь отважнѣе на то поступитъ, что уже ганноверскіе милліоны добрымъ сукурсомъ при себѣ имѣть будетъ“ [2]).

Дѣла въ Швеціи въ началѣ года приняли болѣе тревожный характеръ. Панинъ писалъ, что Версальскій Дворъ, не усматривая успѣха предложеннаго имъ при Датскомъ Дворѣ четверного союза, поднялъ сильное движеніе въ Стокгольмѣ: французскій посланникъ, маркизъ Давранкуръ, открывъ переговоры и возобновленіе субсиднаго трактата, предложилъ тройной союзъ между Франціею, Швеціею и Пруссіею, причемъ домогался о посылкѣ корпуса войскъ въ Финлядію. „Я долженъ“, писалъ Панинъ, „отдать справедливость содѣйствію мнѣ благонамѣренныхъ королевскихъ приверженцевъ, но въ успѣхѣ ихъ—плохая надежда: вся власть у стороны противной; кромѣ того, въ сенатѣ будутъ бояться обвиненія, что если откажутъ Франціи въ возобновленіи союза, то Шведскій Дворъ останется безъ системы, оттолкнувши всѣхъ союзниковъ“ [3]). Но годъ проходилъ, и тревога оказывалась ложною.

Съ противоположной стороны, изъ Константинополя, Обрѣзковъ доносилъ, что французскій посолъ алчно желаетъ заставить Порту принять участіе въ Польскихъ дѣлахъ и заключить союзы съ Пруссіею и Швеціею для сдержанія Россіи; посолъ внушалъ миролюбивому султану, что отъ этого никакого безпокойства Турціи не будетъ; что она

[1]) Дѣла Польскія 1754 года;—донесеніе Панова въ дѣлахъ Сенатскаго Архива въ С.-Петербургѣ 1754 года.

[2]) Дѣла Англійскія 1754 г.

[3]) Дѣла Шведскія 1754 г.

сдѣлаетъ то же самое, что дѣлаетъ Россія, составляя союзъ между Австріею, Саксоніею, Англіею. Не имѣя успѣха въ своихъ внушеніяхъ, посолъ подалъ ноту, въ которой объявлялъ, что многіе польскіе вельможи, доброжелательные Франціи и Портѣ, обратились къ нему съ вопросомъ, что намѣрена сдѣлать Порта при движеніи приверженцевъ Россіи, набирающихъ войска, съ цѣлью установить наслѣдственное правленіе; это польскіе вельможи будто бы просили его, посла, уговорить Порту, чтобъ прислала къ нимъ довѣреннаго и благоразумнаго человѣка, который бы самъ на мѣстѣ удостовѣрился въ опасныхъ видахъ Россіи. Этою нотою посолъ принуждалъ Порту къ отвѣту, что было понято ея министрами и произвело раздраженіе между ними. „Надобно собакѣ кость бросить", рѣшили они и написали отвѣтъ: „Блистательная Порта сообщеніемъ французскаго посла довольна, содержаніе его ноты изрядно выразумѣла и въ свое время дастъ ему знать о своемъ намѣреніи".

Большее впечатлѣніе производили на Порту извѣстія о населеніи Новой Сербіи и построеніи тамъ крѣпости Св. Елисаветы. Когда Обрѣзковъ далъ знать, что императрица приказала строить крѣпость при верховьи рѣки Ингула, близъ устья впадающей въ нее рѣчки Туры, и что это мѣсто находится около тридцати часовъ пути отъ турецкой границы, то рейсъ-эффенди съ жаромъ сказалъ: „Это дѣло совершенно противно договору и, конечно, должно нарушить дружбу; если съ русской стороны на границахъ крѣпости строить начинаютъ, то и Порта, съ своей стороны, то же сдѣлаетъ". Обрѣзковъ послалъ ему карту для удостовѣренія, что крѣпость строится внутри Россійской имперіи, а не на границахъ, причемъ велѣлъ сказать, что ближе ея къ границамъ есть уже укрѣпленіе Архангельское: слѣдовательно нарушенія договора здѣсь нѣтъ никакого, и если Порта намѣрена въ земляхъ своихъ строить крѣпость, кромѣ означенныхъ въ договорѣ мѣстъ, то имѣетъ на то полное право, и Русскій Дворъ никогда этого права оспаривать не будетъ, ибо каждый государь воленъ въ своихъ государствахъ дѣлать то, что заблагоразсудитъ; сообщено было Портѣ о строеніи крѣпости только по сосѣдственной дружбѣ, а не въ смыслѣ испрашиванія позволенія на внутреннія распоряженія государства, ибо Русскій Дворъ, какъ самъ не любитъ мѣшаться въ чужія дѣла, такъ не терпитъ и въ своихъ дѣлахъ указчиковъ, слѣдовательно дѣло не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ изъясненіяхъ и отвѣтахъ со стороны Порты.

Самъ султанъ принялъ извѣстіе о построеніи крѣпости съ большимъ неудовольствіемъ и велѣлъ разсмотрѣть дѣло какъ можно внимательнѣе, нѣтъ ли нарушенія договора. Визирь собралъ совѣтъ и призвалъ какого-то Магметъ-эффенди, извѣстнаго своими географическими познаніями; долго разсматривали карту и рѣшили, что крѣпость строится въ противность договору, а потомъ прочли рѣшительное объявленіе Обрѣзкова, что дѣло кончено, что онъ никакихъ возраженій не приметъ, и не знали, что дѣлать. Наконецъ, придумали средство: обратиться за объясненіемъ къ министрамъ союзныхъ съ Россіею Дворовъ, Англійскому и Австрійскому.

Пенклеръ и Портеръ, по совѣщаніи съ Обрѣзковымъ, отвѣчали, что, по ихъ мнѣнію, мирный трактатъ не отнимаетъ права у обѣихъ сторонъ строить крѣпости въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Азова, и эта постройка не можетъ нарушить дружбы, потому что дѣло взаимное: Порта съ своей стороны тоже можетъ сдѣлать, когда заблагоразсудитъ. Рейсъ-эффенди не былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, говорилъ, что Пенклеръ и Портеръ или не поняли отзыва Порты, или понять не хотѣли, что построеніемъ крѣпости необходимо нарушается договоръ и правила въ отношеніяхъ между государями: во время мира вдругъ начинаютъ строить крѣпость въ недальнемъ разстояніи отъ границы. Порта просила Пенклера и Портера, чтобъ они склонили свои Дворы уговорить Петербургскій Дворъ отложить постройку крѣпости, потому что это сильно раздражаетъ Порту. Когда Портеръ сообщилъ объ этомъ Обрѣзкову, тотъ отвѣчалъ, что если Вѣнскій и Лондонскій Дворы исполнятъ желаніе Порты, обратятся съ своими представленіями къ Петербургскому Двору и не получатъ успѣха, то Порта еще болѣе раздражится и станетъ упрекать Вѣнскій и Лондонскій Дворы, что не усердно старались. Но Пенклеръ и Портеръ не остановились этимъ и рѣшили подробно сообщить своимъ Дворамъ все дѣло. При этомъ Пенклеръ внушалъ Обрѣзкову, что сомнительно, имѣетъ ли Россія право строить крѣпость; Обрѣзковъ сильно его оспаривалъ, указывая, что Турки построили крѣпость Харабатъ, которая къ Запорожской Сѣчи ближе, чѣмъ крѣпость Св. Елисаветы къ Очакову. Оба министра, и австрійскій и англійскій, были сильно опечалены этимъ дѣломъ и желали дружелюбнаго его окончанія: они боялись, чтобъ Порта въ своемъ раздраженіи на Россію не уступила домогательствамъ французскаго посла. Переводчикъ Порты говорилъ переводчику русскаго посольства, что новая крѣпость—это чирей на здоровомъ тѣлѣ, что отъ него антоновъ огонь можетъ прикинуться; стоитъ ли для прикрытія десяти казаковъ раздражать имперію, которая всегда старалась о сохраненіи мира. Турки только и желаютъ войны и сдерживаются единственно искусствомъ правительственныхъ лицъ, а теперь, какъ ихъ сдержать, особенно могущественное духовное сословіе. На это Обрѣзковъ велѣлъ замѣтить переводчику Порты, что правило Русскаго Двора—другихъ не стращать и самому никакихъ угрозъ не бояться. Извѣстно, что Россія содержитъ наготовѣ многочисленное войско, однако никому не внушаетъ, что не можетъ его сдерживать.

Между тѣмъ у министровъ Порты происходили частые совѣты и, наконецъ, рѣшили: не относиться прямо къ Русскому Двору въ надеждѣ, что онъ тро-

чется донесеніями Обрѣзкова и оставитъ постройку крѣпости. По словамъ Обрѣзкова, виновникомъ всего безпокойства былъ рейсъ-эффенди; другіе, видя его ярость, говорить не смѣли, а иные нарочно молчали, чтобъ ввесть его въ погибель, и хотя всѣмъ вообще построеніе крѣпости непріятно, однако бóльшая часть думаетъ, что оно не противно трактату, а только—дружбѣ. Войны, по миролюбію султана, бояться не должно, но непремѣнно произойдетъ большая холодность, а можетъ быть Порта склонится на домогательство французскаго посла. Послѣднее можетъ повести къ войнѣ, причемъ союзники могутъ отказать въ помощи, выставивъ Россію виновницею войны. Поэтому Обрѣзковъ совѣтовалъ оставить начатыя работы надъ крѣпостью, а для соблюденія достоинства заявить Портѣ, что постройка крѣпости оставляется не потому, что признана противною трактату, но единственно изъ дружбы къ султану, и чтобъ онъ пересталъ ссылаться на трактатъ; Обрѣзковъ совѣтовалъ сдѣлать это заявленіе какъ можно скорѣе, чтобъ отнять у Австріи и Англіи возможность хвастаться своимъ посредничествомъ.

Но въ Петербургѣ не считали возможнымъ остановить постройки крѣпости, и Обрѣзковъ долженъ былъ сообщить Портѣ объ увѣренности его Двора, что его не будутъ болѣе безпокоить такимъ невозможнымъ дѣломъ, какъ остановка крѣпостного строенія. Когда Обрѣзковъ сообщилъ Пенклеру и Портеру о содержаніи ноты, которую ему предписано подать Портѣ, то они пришли въ сильное безпокойство и стали упрашивать Обрѣзкова, чтобъ помедлилъ подачею ноты. Особенно горячился англійскій посолъ, который обнадежилъ Порту, что усерднымъ стараніемъ его короля и Римской императрицы это дѣло кончится къ удовольствію Порты. Обрѣзковъ имѣлъ слабость склониться на желаніе союзныхъ министровъ и отложить подачу ноты, и когда Порта начала спрашивать, какое же, наконецъ, принято въ Петербургѣ рѣшеніе, то онъ вмѣстѣ съ союзными министрами отвѣчалъ, что окончательнаго рѣшенія еще не принято. На донесеніе Обрѣзкова объ этомъ, вице-канцлеръ Воронцовъ замѣтилъ: „Мнѣ мнится, что весьма напрасно себя допустилъ уговорить союзнымъ министрамъ, чтобъ присланный отсюда отвѣтъ Портѣ сообщить поумедлить, понеже чрезъ собственное медленіе себѣ больше амбара (затрудненія) причинилъ, а турецкому дожиданію отвѣта вящую нетерпѣливость умножилъ, къ тому-жь изъ депеши ясно усмотрѣть могъ, что здѣшній отвѣтъ есть точный и никакой другой отмѣны ожидать не должно-бъ, слѣдовательно подачею онаго медлить не надлежало, дабы единожды навсегда отъ нескладнаго турецкаго требованія, чтобъ крѣпость не строить, отдѣлаться“.

По объявленію Портера, рейсъ-эффенди говорилъ англійскому переводчику именемъ султанскимъ, что если Порта получитъ изъ Петербурга рѣшительный отказъ, то, не колеблясь, пристанетъ къ противной сторонѣ, отчего можно опасаться и войны. На донесеніе объ этомъ Обрѣзкова, Воронцовъ замѣтилъ: „По моему мнѣнію, ежели-бъ сіи господа союзные министры, признавъ справедливость нашу о построеніи крѣпости, съ бóльшею твердостью въ пользу нашу на представленія турецкія отвѣтствовали, а не съ такою опасностью (боязливостью) и менажированіемъ требованія ея принимали, то, конечно бы (какъ и послѣдуетъ), горячность и угрозы турецкія давно-бъ въ ничто обратились. Слабѣйше мнится, что сіе дѣло однимъ или другимъ образомъ лучше между собою самимъ, безъ постороннихъ посредниковъ прекратить, а иначе скоро конца не дождаться“. Обрѣзковъ писалъ, что крѣпость Св. Елисаветы рано или поздно можетъ быть главною причиною разрыва съ Портою, ибо Турки считаютъ ее такъ же важною, какъ и Бѣлградъ, когда онъ находился въ австрійскихъ рукахъ, и спрашивалъ, польза отъ нея перевѣситъ ли этотъ вредъ. На это Воронцовъ замѣтилъ: „Человѣкъ въ мысляхъ своихъ, а еще болѣе въ гаданіяхъ, весьма ошибиться способенъ; напротивъ мнѣнія г. Обрѣзкова думаю, что построеніе крѣпости Св. Елисаветы будетъ для переду великимъ авантажемъ Россіи и Турковъ въ уздѣ содержать“.

Воронцовъ былъ совершенно правъ: дѣло было вздуто рейсъ-эффенди и боязливостью Пенклера, Портера и Обрѣзкова. Когда оно было спокойно представлено султану, тотъ далъ такое рѣшеніе: такъ какъ строеніе крѣпости производится въ Русской Землѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ турецкихъ границъ, то если дружественнымъ образомъ отклонить его нельзя,—отстать отъ всякихъ требованій. Это рѣшеніе было послѣднимъ въ жизни султана Махмуда: 2 декабря 1754 года онъ умеръ, и на престолъ вступилъ братъ его—Османъ [1])

---

[1]) Дѣла Турецкія 1754 г.

Глава V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1755 годъ.

Слушаніе статей новаго Уложенія.—Межевое дѣло.—Самоуправства.—Новый генералъ-кригсъ-коммисаръ князь Шаховской.—Башкирскій бунтъ и его утушеніе.—Продолженіе непріятныхъ сношеній съ польско-саксонскимъ правительствомъ по дѣлу князей Чарторыйскихъ и отозваніе саксонскаго посланника Функа изъ Петербурга.—Дѣло о конвенціи съ Англіею.—Реляція Панина о состояніи дѣлъ въ Швеціи и письмо къ нему канцлера Бестужева.—Уступка требованіямъ Турціи относительно строенія крѣпости Св. Елисаветы.

Главнымъ занятіемъ Сената въ продолженіи 1755 года было слушаніе статей новаго Уложенія. 11 апрѣля начали слушать Уложеніе, и выслушано первой части одиннадцать главъ и докладъ коммисіи о соединеніи нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій съ другими, а именно: вмѣсто Ревизіонъ-Коллегіи положено быть при Сенатѣ и Сенатской конторѣ счетнымъ экспедиціямъ; вмѣсто Мануфактуръ-Коллегіи — экспедиція при Главномъ Магистратѣ; Штатсъ-Контору соединить съ Камеръ-Коллегіею; дѣла Раскольничьей конторы и сборъ денегъ съ раскольниковъ поручить Камеръ-Коллегіи; дѣла Сибирскаго Приказа распредѣлить по другимъ мѣстамъ. 12 іюля приказали доложить императрицѣ, что новаго Уложенія сочинены двѣ части, судная и криминальная съ ихъ процессами, съ изъясненіемъ, на какомъ основаніи каждая глава и пунктъ сочинены; эти двѣ части Сенатомъ, а нѣкоторыя главы сообща съ Синодомъ,—одобрены и подносятся для высочайшей конфирмаціи [1]).

Разсмотрѣніе обширнаго Шуваловскаго проекта, поданнаго въ прошломъ году, Сенатъ въ нѣкоторыхъ частяхъ соединилъ съ дѣломъ новаго Уложенія: о форпостахъ велѣлъ разсмотрѣть коммисіи, учрежденной при Военной Коллегіи, а Военной Коллегіи, разсмотрѣвъ мнѣніе коммисіи,—подать съ своимъ мнѣніемъ въ Сенатъ; о смоленской шляхтѣ,—учредивъ въ Смоленскѣ особую коммисію; о построеніи солдатскихъ слободъ разсуждать коммисіи при Военной Коллегіи; о магазинахъ—разсмотрѣть въ особой коммисіи; о земскихъ коммисарахъ разсмотрѣть въ коммисіи объ Уложеніи; о конторѣ Государственной Экономіи разсмотрѣть въ особой коммисіи; о губернаторахъ и воеводахъ—въ коммисіи объ Уложеніи [2]). Шуваловъ, назначенный государственнымъ межевщикомъ, спѣшилъ исполненіемъ ввѣреннаго ему дѣла и предложилъ, чтобъ велѣно было производить межеванье во всѣ праздничные и воскресные дни, кромѣ высокоторжественныхъ, по окончаніи литургіи. Сенатъ согласился и назначилъ праздничными днями для межевщиковъ слѣдующіе шесть, съ весны до октября: Пасху, 21 апрѣля (рожденіе великой княгини), 25 апрѣля (коронація), 29 іюня (именины наслѣдника и его сына), 5 сентября (именины императрицы), 20 сентября (рожденіе великаго князя Павла Петровича). По представленію того же Шувалова, флотскій капитанъ Безобразовъ опредѣленъ опекуномъ при межеваніи: когда кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ потерпитъ несправедливость отъ межевщиковъ при размежеваніи, и въ межевой канцеляріи скораго удовлетворенія не получитъ, то жалуется опекуну, который ведетъ дѣло въ губернской межевой канцеляріи; если же послѣдняя замедлитъ, то переноситъ дѣло въ Главную Межевую канцелярію. Наконецъ Шуваловъ предложилъ не дѣлать астролябій для межеванія при Академіи Наукъ въ Петербургѣ, а выписывать ихъ изъ Англіи, потому что сдѣланныя при Академіи становятся почти вдвое дороже противъ англійскихъ [3]).

Коммисія и Сенатъ работали надъ новымъ Уложеніемъ. Между тѣмъ случаи самоуправства повторялись, и иногда въ страшныхъ размѣрахъ. Придворная заготовщица, Авдотья Кирова, пріѣхавшая изъ Архангельска, гдѣ покупала разные припасы и лебяжій пухъ для императрицы, подала въ Кабинетъ жалобу, что дорогою въ двухъ мѣстахъ подверглась она великимъ озорничествамъ: въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Власовѣ, крестьяне помѣщика Спасителева, собравшись многолюдствомъ, били кольями провожавшихъ ее солдатъ за то, что они требовали подводъ; Олонецкаго уѣзда, въ Вытегрскомъ погостѣ крестьяне, по многимъ требованіямъ, дали только три подводы, а остальныхъ четырехъ не дали и, собравшись съ кольями, хотѣли бить; увидавъ это, Кирова уѣхала съ солдатами на трехъ лошадяхъ, а припасы всѣ и пухъ на четырехъ возахъ остались въ погостѣ. Но Сенатъ зналъ, что подобныя явленія вызываются со стороны самихъ ѣдущихъ; онъ зналъ, какъ въ Петербургѣ разныхъ чиновъ люди нанимали для ѣзды въ городѣ и около города лежащихъ мѣстахъ ямщиковъ и разночинцевъ съ лошадьми; ѣздятъ такъ скоро, что лошади падаютъ; а если извозчикъ скоро не поѣдетъ, то ѣздокъ самъ и люди его немилостиво бьютъ извозчика; и по другимъ дорогамъ берутъ подводы лишнія противъ написаннаго въ подорожныхъ. Сенатъ своимъ указомъ запретилъ

[1]) Журналы и протоколы Сената означенныхъ чиселъ.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 1 февраля.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 4 и 16 мая, 8 іюня.

все это; но насколько сенатскій указъ подѣйствовалъ — это другое дѣло. Иверскій монастырь жаловался на ямщиковъ Зимнегорскаго яма, которые, въ числѣ трехъ сотъ, напали на монастырскихъ крестьянъ, убили до смерти шесть человѣкъ да ранили 44. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ, помѣщица Побѣдинская, собравшись съ людьми своими, изрубила двоихъ гренадеръ Лейбъ-Кампаніи, Фрязина и Леонтьева. На слѣдствіи Побѣдинская показала, что Фрязинъ сильно обижалъ ее и ея крестьянъ, была у нея съ ними ссора и жалоба въ пошехонскую канцелярію; 10 мая Фрязинъ и Леонтьевъ пришли па поле сельца ея—Сырнева, гдѣ люди ея боронили землю, и стали одного изъ боронившихъ немилостиво бить: другой бросился бѣжать въ сельцо и сказалъ ей объ этомъ. Тогда она съ людьми и крестьянами прибѣжала къ Фрязину и Леонтьеву, которые выстрѣлили по ней изъ двухъ ружей, и одинъ изъ людей ихъ ударилъ ее по лѣвой рукѣ; ея люди и крестьяне вступились за нее и начали драться, а она пошла домой. Но люди ея на пыткѣ показали, что она кричала: „Бейте, бейте до смерти! я въ отвѣтѣ", и сама била уже лежачаго Леонтьева кулаками. Побѣдинскую сослали на-вѣки въ дальній монастырь, людей наказали кнутомъ и сослали въ Нерчинскъ на вѣчную работу [1]).

Это дѣло было рѣшено съ изумительною скоростью—въ семь мѣсяцевъ!—тогда какъ другія тянулись по 15 лѣтъ. Только въ 1755 году рѣшено было дѣло юрьевскаго канцеляриста Коковинскаго, который, вмѣстѣ съ воеводою Тименевымъ, въ 1739 году замучилъ на пыткѣ крестьянина, и спустя полгода написалъ разспросъ и пыточныя рѣчи, въ которыя внесъ разныя воровства, чего крестьянинъ на себя не показывалъ. Воеводу за старостью и дряхлостью не пытали, и онъ во время слѣдствія умеръ; канцеляриста сослали въ Сибирь на вѣчную работу. Въ 1755 году кончилось тянувшееся съ 1746 года дѣло вдовы экипажъ-мейстера Зотова, которая обвинялась въ томъ, что, родивши мертвую дочь, объявила, что родила сына, котораго принесли ей отъ матросской жены; Зотова, наконецъ, повинилась въ застѣнкѣ, послѣ того какъ при ней попытали какую-то уголовную преступницу; вслѣдствіе того мальчику, котораго она называла сыномъ своимъ и которому уже былъ тринадцатый годъ, запрещено называться Кономомъ Зотовымъ, велѣно называться ему Александромъ Александровымъ, по крестному отцу Нарышкину, и опредѣлили его на шпалерную фабрику. Саму Зотову Сенатъ приговорилъ къ плетямъ и ссылкѣ [2]).

Относительно финансовъ Сенатъ успокоился на принятыхъ мѣрахъ, слѣдя внимательно за продажею соли и вина. Въ 1754 году продано было соли 6.789,633 пуда 31 фунтъ; изъ собранной прибыли, за исключеніемъ милліона, отослано въ Коммисаріатъ въ зачетъ подушнаго оклада на 1755 г. 304,802 рубля 47 копѣекъ. Винная продажа дала въ 1754 году 1.272,284 рубля [3]).

Сенатъ пріобрѣлъ хорошаго эконома въ новомъ генералъ-кригсъ-коммисарѣ, князѣ Шаховскомъ, хотя иногда не очень удобнаго для нѣкоторыхъ. Онъ нашелъ въ своей инструкціи: „Генералу-кригсъ-коммисару надлежитъ быть доброму эконому и пользу своего государя крѣпко хранить; военнымъ чинамъ жалованье по ихъ окладамъ производить за дѣйствительную службу, а въ отлучкахъ и излишнихъ прогулкахъ находящимся онаго не производить" — и рѣшился исполнять инструкцію буквально, вслѣдствіе чего вступилъ какъ съ Военною Коллегіею, такъ и съ высокимъ генералитетомъ въ великіе споры и несогласія. Графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ сообщилъ ему изустное повелѣніе императрицы, что одинъ офицеръ, для нуждъ его, уволенъ на годъ, а жалованье ему производить за все то время по его чину. Шаховской отвѣчалъ, что онъ, по своей инструкціи, исполнить этого не можетъ безъ точнаго указа, за собственноручнымъ ея величества подписаніемъ. Этотъ отвѣтъ возбудилъ негодованіе всего высокаго генералитета. Однажды, передъ конференціею при Дворѣ, генералы окружили Шаховскаго съ разными пенями, что отказываетъ имъ въ ихъ требованіяхъ относительно денегъ, а нѣкоторые съ насмѣшкою говорили ему: „Теперь твоя должность не такая, какую ты имѣлъ въ Синодѣ, и время нетерпящаго исполненія требуетъ и не можетъ всегда производима быть по письменнымъ указамъ; а ежели и во время военныхъ дѣйствій такъ все по точнымъ узаконеніямъ и указамъ производить и исполнять будешь, тогда великія остановки и невозвратимыя современемъ утраты приключать будешь".—„Конечно не иначе", отвѣчалъ Шаховскій, „и чтобъ вы заблаговременно о томъ знали и соизволили-бъ исходатайствовать мнѣ отъ ея величества такіе указы, дабы я во всякое время по всѣмъ вашимъ письменнымъ и словеснымъ требованьямъ исполнялъ, въ чемъ со тщаніемъ и повиноваться буду; буде же такихъ указовъ не будетъ, то-бъ не жаловались на меня и на мои въ томъ упорства, и безъ того не токмо по собственнымъ вашихъ разсудковъ требованьямъ, но ниже по словеснымъ, объявляемымъ чрезъ другихъ, именнымъ указамъ, излишняго сверхъ узаконенныхъ порядковъ исполнять не буду; а ежели вамъ удивительно такое въ томъ мое упрямство, такъ я такимъ быть отъ ея величества наученъ чрезъ многія дѣла въ бытность мою въ Синодѣ".

Шаховской не говоритъ въ своихъ запискахъ, чѣмъ кончилось его столкновеніе съ графомъ Петромъ Шуваловымъ по поводу невыдачи жалованья находившемуся въ отпуску офицеру. Военная Коллегія жаловалась Сенату на Коммисаріатъ: по силѣ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 9, 11 января, 2 іюня, 4 августа, 17 ноября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 25 мая, 24 октября. О Зотовѣ см. «Исторію Россіи» т. XXII.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 16 іюня, 3 августа.

именного указа, объявленнаго ей графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, Лейбъ-Кирасирскаго полка ротмистру, графу Вальдштейну, дозволено жить въ Москвѣ для женитьбы, съ удержаніемъ жалованья и раціоновъ; ротмистръ этотъ теперь въ Петебургѣ, и поэтому Коммисаріатъ послалъ въ свою контору указъ,—если Вальдштейнъ безъ исправленія должности живетъ въ Петербургѣ, то жалованья ему давать не слѣдуетъ. Военная Коллегія велѣла дать жалованье, потому что Вальдштейнъ находится въ Петербургѣ по соизволенію императрицы и бываетъ всегда видимъ въ ея присутствіи, только еще не женился, ожидая о женитьбѣ высочайшаго повелѣнія. Сенатъ согласился съ Военною Коллегіею [1]).

Шаховской чистосердечно разсказываетъ объ искушеніи, которому онъ подвергался, искушеніи взять большую взятку. Исходилъ срокъ контракта съ англійскимъ консуломъ и купцомъ Вульфомъ о поставкѣ на войско суконъ. Шаховской былъ того мнѣнія, что контракта возобновлять не нужно, можно довольствовать все войско сукнами съ русскихъ фабрикъ. Тогда Вульфъ обратился къ двоимъ пріятелямъ Шаховскаго, которые пріѣхали къ нему съ предложеніемъ со стороны Вульфа серебрянаго сервиза или, вмѣсто него, 25,000 рублей, причемъ пріятели объявили, что каждому изъ нихъ, въ случаѣ успѣха ихъ ходатайства, обѣщано по 5,000 рублей: отъ Шаховскаго за 25,000 рублей ничего не требовалось, кромѣ молчанія, Вульфъ бралъ на себя заставить другихъ говорить въ свою пользу. „Повѣрьте, благосклонный читатель“, пишетъ Шаховской, „что я, превозмогши оставить всѣ титулы и дѣла, теперь въ старости болѣе о приближеніи смерти помышляя, происходившее со мною по самой истинѣ описывать тщусь. И тако объявляю вамъ, что симъ моихъ добрыхъ пріятелей увѣдомленіемъ наипаче потому, что я тогда такихъ доходовъ къ содержанію съ домашними не имѣлъ, нѣсколько былъ тронутъ, а мои пріятели, то примѣтя по глазамъ моимъ, въ тотъ же мигъ не оставили прилежно штурмовать мою крѣпость наичувствительнѣйшими выраженіями, исчисляя моихъ непріятелей, а его (Вульфа) сильныхъ покровителей, и что я чрезъ то себѣ не статую, какъ описываютъ о римскихъ патріотахъ, но еще больше злодѣевъ получу, а онъ, конечно, чрезъ придворныя дороги, съ немалымъ мнѣ поврежденіемъ, о томъ свои происки въ дѣйство произвести можетъ. — Мысли о 25,000 рубляхъ, тогда въ недостаткахъ находящагося и имѣющаго тогда дочь невѣсту, для коей за недостатками ничего въ приданое приготовлено не было, сдѣлали въ духѣ моемъ колебаніе. Я отвѣтствовалъ онымъ моимъ пріятелямъ, что я имѣю нужду теперь ѣхать со двора и чтобъ они пріѣхали на другой день ко мнѣ обѣдать, тогда рѣшительный имъ отвѣтъ скажу. Оныя, соблазняющія и склоняющія къ согласію съ большимъ числомъ такъ поступающихъ людей, мысли весь тотъ день меня колебали. Но, напослѣдокъ, собравъ въ противоборствіе слабостей и въ подкрѣпленіе въ мысли моей примѣры прежде бывшихъ въ свѣтѣ патріотовъ, кои, предпочитая истинную добродѣтель всему, не токмо убожество, но и многія бѣдствія терпѣливо сносили и жизнь свою справедливости въ жертву посвящали, усчастливился я помощію Всевидящаго, изъ мыслей моихъ бродящія лакомства прогнать и твердое положилъ себѣ правило, чтобъ тѣмъ не опорочить мои до того къ справедливости устремленія“. На другой день Шаховской попросилъ пріятелей своихъ сказать Вульфу, что онъ „справедливость, славу монархини и пользу отечества ни за какую цѣну продать не намѣренъ“. Шаховскому удалось довести дѣло до свѣдѣнія императрицы, которая, выразившись прямо въ пользу мнѣнія генерала кригсъ-коммисара, заставила этимъ молчать покровителей Вульфа [2]).

Всѣ распоряженія относительно войска получили особенную важность, потому что въ воздухѣ пахло войной, несмотря на видимое спокойствіе. Сѣть союзовъ, которою государства старались окружить себя, производила то, что гдѣ бы ни упала искра,—пламя обхватывало всю Европу. Въ это время, когда въ Петербургѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніями въ Европѣ, готовясь принять въ нихъ дѣятельное участіе, вдругъ приходитъ извѣстіе съ Востока о возстаніи Башкирцевъ. Причина возстанія была религіозная: ревнители магометанства не могли переносить подчиненія христіанскому правительству. Виновникомъ возстанія было магометанское духовное лицо Батырша; почти всѣ другія духовныя лица дѣйствовали съ нимъ заодно, и возстаніе вспыхнуло повсюду почти въ одинъ часъ. Неплюевъ, какъ нарочно, сильно занемогъ въ это время; несмотря однако на болѣзнь, онъ сдѣлалъ нужныя распоряженія: разослалъ приказы въ крѣпости по линіи, чтобъ были готовы къ защитѣ и, по возможности, дѣлали поиски надъ бунтовщиками; велѣлъ немедленно выслать съ Яика тысячу казаковъ; двинулъ внутрь страны три полка, находившіеся подъ его командою; съ приказаніемъ не щадить ни людей, ни жилищъ для внушенія страха и уничтоженія зла въ самомъ началѣ; написалъ, чтобы присланы были четыре полка, находившіеся въ Казанской губерніи. Такъ какъ Башкирцы ждали помощи отъ Киргизовъ, то Неплюевъ написалъ намѣстнику Калмыцкаго ханства, Дундуку, чтобъ прислалъ тысячу Калмыковъ вслѣдствіе усиливающихся киргизскихъ дерзостей, ибо Калмыки питали страшную ненависть къ Киргизамъ; написалъ къ Донскому атаману, чтобъ прислалъ тысячу своихъ казаковъ; около тысячи Оренбургскихъ казаковъ и 500 ставропольскихъ крещеныхъ Калмыковъ отправилъ въ тѣ мѣста по линіи, гдѣ предвидѣлась

[1]) Журналы и протоколы Сената, 3 апрѣля.

[2]) Записки князя Якова Шаховского, стр. 74 и слѣд. по изданію 1872 г.

опасность отъ киргизскихъ нападеній; къ Киргизамъ отправилъ на Татарскомъ языкѣ листы отъ имени жившаго въ Оренбургѣ знатнаго магометанскаго лица, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ: здѣсь говорилось, что хотя онъ и радуется подвигу своихъ единовѣрцевъ, но такъ какъ Башкирцы народъ вѣроломный и непостоянный, то опасно, чтобъ Киргизы, оказавши имъ помощь, не сдѣлались первою ихъ жертвою. Между Башкирцами разбросаны были также листы отъ имени того же оренбургскаго духовнаго лица съ увѣщаніемъ прекратить бунтъ; въ грамотахъ отъ своего имени, Неплюевъ обѣщалъ тысячу рублей тому, кто поймаетъ и приведетъ Батыршу, и 500 рублей за поимку десяти лучшихъ его учениковъ.

Но, прежде чѣмъ войска правительства двинулись въ указанныхъ имъ направленіяхъ, Башкирцы побили много Русскихъ, причемъ отличались страшною свирѣпостью, рѣзали въ куски тѣло несчастнаго, попавшагося имъ въ руки. Сильное сопротивленіе бунтовщикамъ оказали Тептери и Мещеряки; когда же пришли русскіе полки, то бунтовщики принуждены были перебираться за Яикъ къ Киргизамъ, и перебралось ихъ съ женами и дѣтьми болѣе 50,000 душъ. Неплюевъ послалъ въ Киргизскую орду грамоты, въ которыхъ требовалъ, чтобъ Киргизы выдали бѣжавшихъ къ нимъ Башкирцевъ мужескаго пола или, по крайней мѣрѣ, выгнали ихъ изъ своей орды, а женъ, дочерей и все имѣніе взяли бы себѣ. Киргизы немедленно исполнили это требованіе; многіе Башкирцы, защищая своихъ женъ и дочерей, были побиты, причемъ погибло много и Киргизовъ; другіе Башкирцы прибѣжали въ прежнія свои жилища, и Неплюевъ велѣлъ пропускать ихъ, чтобъ они поразсказали своимъ, какъ полагаться на Киргизовъ. Толпа Башкирцевъ явилась послѣ того къ Неплюеву за позволеніемъ отомстить Киргизамъ. Неплюевъ позволенія не далъ; но переводчики внушили имъ, что „генералу нельзя вамъ позволить; но если вы безъ спроса разобьете Киргизовъ, то думаемъ, что взыску съ васъ не будетъ". Башкирцы отправились за Яикъ и начали опустошать киргизскіе улусы. „Сіе происшествіе", пишетъ Неплюевъ, „положило таковую вражду между тѣми мятежными народами, что Россія навсегда отъ согласія ихъ можетъ быть безопасна" [1]).

Прекращеніе смуты на Востокѣ давало возможность сосредоточивать вниманіе на Западѣ.

Въ Дрезденѣ, англійскій посланникъ Уильямсъ показалъ Гроссу королевскій рескриптъ, въ которомъ говорилось, что польскія происшествія, возвышеніе кредита французской партіи и уничтоженіе кредита партіи русской не могутъ побуждать его Великобританское величество къ возобновленію субсиднаго трактата съ его Польскимъ величествомъ, какъ Саксонскимъ курфюрстомъ. Уильямсъ предложилъ Гроссу, не заблагоразсудитъ ли онъ сдѣлать объ этомъ внушеніе графу Брюлю, чтобъ склонить его поступать умѣреннѣе съ Чарторыйскими. Брюль самъ заговорилъ съ Гроссомъ о субсидномъ договорѣ съ Англіею, причемъ жаловался на поведеніе Уильямса, дѣйствующаго явно заодно съ Чарторыйскими. Тогда Гроссъ прямо сказалъ ему о содержаніи рескрипта Англійскаго короля къ своему министру, и прибавилъ, что такъ какъ заключеніе субсиднаго трактата зависитъ отъ доношеній Уильямса, то онъ, Брюль, долженъ обходиться съ нимъ искреннѣе и дружественнѣе, чѣмъ въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго года. Брюль въ отвѣтъ началъ горячо оправдывать поведеніе Двора относительно Чарторыйскихъ; но послѣ этого разговора съ Гроссомъ онъ сталъ ласковѣе принимать Уильямса, который сообщилъ Гроссу о словахъ конференцъ-министра, графа Рекса, и совѣтника посольства Саула, что если возобновленіе субсиднаго трактата зависитъ только отъ примиренія Чарторыйскихъ съ Дворомъ, то послѣдній не прочь отъ этого.

24-го января у Брюля была конференція съ Уильямсомъ, въ присутствіи Гросса. Уильямсъ началъ прямо, что относительно заключенія субсиднаго трактата короля его останавливаютъ польскія отношенія, усиленіе французской партіи и притѣсненіе благонамѣренной и преданной Россіи партіи. Брюль въ сильномъ раздраженіи отвѣчалъ, что все, сдѣланное въ Польшѣ, сдѣлано справедливо, сдѣлано единственно для охраненія королевскаго авторитета противъ непристойнаго и досадительнаго упрямства неблагодарныхъ Чарторыйскихъ и друзей ихъ; Франція и Пруссія въ томъ никакого участія не имѣли. Король Августъ постоянно приносимыми Версальскому Двору жалобами на французскаго посла Брольи доказываетъ, что онъ твердо держится прежней системы; онъ, Брюль, тѣмъ болѣе удивляется такимъ рѣчамъ Уильямса, что самъ французскій посолъ жалуется на приступленіе къ придворной партіи Потоцкихъ, которые преданы королю больше, чѣмъ прежде были Чарторыйскіе, и, такимъ образомъ, Франціи теперь ни на кого полагаться нельзя. Уильямсъ сказалъ на это, что, напротивъ, Брольи хвастается произведеніемъ полной перемѣны въ Польшѣ, разрушеніемъ русской и поднятіемъ французской партіи, а король Прусскій, недавно за столомъ, публично отзывался, что онъ доволенъ ходомъ дѣлъ въ Польшѣ, изъ которыхъ словъ ясно, что ни Англійскій король, ни Русская императрица этимъ ходомъ дѣлъ довольны быть не могутъ. Брюль отвѣчалъ на это выдумками противъ Чарторыйскихъ, которые своимъ недовѣріемъ къ королю одни подали поводъ къ этой перемѣнѣ; Уильямсъ, съ своей стороны, складывалъ всю вину на Мнишка и окружающихъ его людей. Два часа продолжался между ними горячій споръ, и никакого соглашенія не послѣдовало. Ясно было, что Уильямсъ испортилъ дѣло нападками на Мнишка. Гроссъ во все время спора хранилъ глубочайшее молчаніе. Послѣ этой шумной конферен-

[1]) Записки Неплюева (Отечеств. Записки) 1825 г.

ціи Брюль говорилъ Гроссу, что Чарторыйскіе своимъ сопротивленіемъ въ Острожскомъ дѣлѣ продолжаютъ досаждать королю; что если исправятся, то король возобновитъ къ нимъ свои милости; но что Уильямсъ сильно ошибается, если думаетъ, что за субсидіи, какъ бы онѣ велики ни были, такой твердый государь, какъ ихъ король, пожертвуетъ своимъ авторитетомъ; король постоянно держится доброй системы — и потому до сихъ поръ отклонялъ предложенія о субсидіяхъ отъ французскаго посла, да и курфюрста Баварскаго недавно отвратилъ отъ принятія французскихъ предложеній. Противъ посла Брольи принесены жалобы его Двору, интриги его при Портѣ съ татарскимъ эмиссаромъ уничтожены; гетманъ Браницкій отправилъ своего эмиссара въ Константинополь, Малчевскаго,—и саксонскому резиденту при Портѣ велѣно объявить визирю, что Малчевскій человѣкъ не авторизованный и прямой шпіонъ: все это доказываетъ, что Польско-Саксонскій Дворъ французскую партію не ободряетъ; графъ Мнишекъ во всемъ противникъ этой партіи, а Потоцкіе заслужили милость совершенною преданностью королю. Гроссъ всѣ эти слова передалъ Уильямсу, и замѣтилъ ему, что Франція своими субсидіями привлекла къ своимъ интересамъ уже значительное число имперскихъ князей: такъ хорошо ли, если и Польско-Саксонскій Дворъ обяжется съ нею субсидпымъ трактатомъ. „Полноте", отвѣчалъ Англичанинъ: „все это хитрости Брюля;—Французскій Дворъ и не думаетъ предлагать Августу III субсидіи".

Между тѣмъ смерть Бѣлорусскаго епископа Волчанскаго налагала на Гросса новую трудную обязанность провести на это мѣсто русскаго кандидата. По рескрипту отъ своего Двора, Гроссъ просилъ Брюля доложить королю, что императрица, полагаясь на дружбу его, увѣрена, что его величеству не будетъ непріятна ея рекомендація кандидата на мѣсто Волчанскаго: этотъ кандидатъ— архимандритъ Кіевобратскаго училищнаго монастыря и ректоръ Кіевской академіи, Георгій Конисскій, природный шляхтичъ украинскій, человѣкъ ученый, честный и благонравной жизни. Гроссъ прибавилъ, что его величество покажетъ этимъ особенное вниманіе къ императрицѣ, которая при каждомъ удобномъ случаѣ взаимно заплатитъ такимъ же вниманіемъ. Брюль отвѣчалъ, что съ королевской стороны не будетъ никакого затрудненія въ назначеніи Конисскаго, но прежде всего король сообщитъ объ этомъ канцлеру Литовскому, князю Чарторыйскому, который долженъ прислать свое мнѣніе, нѣтъ ли законнаго препятствія. Гроссъ писалъ по этому случаю: „Такъ какъ опредѣленіе греко-русскаго епископа въ Литвѣ всегда было противно духовенству римскому и уніатскому, а теперь этому особенно противится митрополитъ Полоцкій, то Дворъ желаетъ всю ненависть за это дѣло сложить на одного канцлера Литовскаго, который при настоящемъ озлобленіи на него Двора, пожалуй, не захочетъ поступить вопреки уставамъ республики, запрещающимъ назначать въ епископы не изъ польскихъ и литовскихъ шляхтичей". Чрезъ нѣсколько времени Брюль объявилъ Гроссу, что, несмотря на письмо папы, не желающаго опредѣленія новаго греко-русскаго епископа, король намѣренъ, по прежнимъ примѣрамъ, на этотъ разъ подписать привилегію Конисскому. Гроссъ замѣтилъ, что по девятой статьѣ вѣчнаго мира Русскіе имѣютъ право не на этотъ разъ, но навсегда имѣть своего епископа въ Бѣлоруссіи, и потому сопротивленіе папы, который не можетъ уничтожить торжественные договоры, очень не кстати.

Нужно было чрезъ Брюля выхлопотать необходимое для русскихъ интересовъ утвержденіе Конисскаго и въ то же время говорить Брюлю очень непріятныя вещи. Отъ 24 февраля Гроссъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ говорилось: „Не безъ крайняго сожалѣнія усмотрѣно здѣсь изъ реляціи вашей, что въ конференціи у графа Брюля съ великобританскимъ министромъ, когда послѣдній много говорилъ въ защиту нашей партіи, т.-е. Чарторыйскихъ, вы простымъ свидѣтелемъ были, ибо вамъ наши намѣренія довольно извѣстны и нами никогда отмѣняемы не были, почему вы были въ состояніи достаточно подкрѣплять справедливыя разсужденія Уильямса и въ такомъ важномъ случаѣ прилагать старанія о нашемъ интересѣ. Наше намѣреніе—несмотря на разсужденіе и старанія графовъ Брюля и Мнишка, а можетъ быть на частный ихъ интересъ и пристрастіе къ новосоставленной ими партіи, всегда и неотмѣнно старыхъ благонамѣренныхъ патріотовъ князей Чарторыйскихъ съ ихъ партіею, какъ искуснѣйшихъ и надежнѣйшихъ для нашихъ и собственныхъ королевскихъ интересовъ, подкрѣплять и защищать, а притомъ и всѣхъ другихъ магнатовъ — явно не раздражать, но по удобности стараться приласкать. Въ такомъ намѣреніи мы повелѣваемъ вамъ, испрося нарочно конференцію, графу Брюлю, для донесенія королю, вновь представить, а если удобный случай будетъ и самому королю словесно повторить, что: во 1) мы весьма неохотно увѣдомились, что наши предъ симъ его величеству дружески поданныя присовѣтованія о сбереженіи старыхъ благонамѣренныхъ патріотовъ въ ихъ прежнемъ состояніи безъ утѣсненія и озлобленія никакого дѣйства не возымѣло, и что намъ сіе тѣмъ наипаче удивительно, понеже присовѣтованія наши токмо на дружбѣ къ его величеству и на общихъ обоихъ Дворовъ интересахъ основаны были. 2) Что мы какъ прежде, такъ и нынѣ присовѣтовать не хотимъ, чтобъ кромѣ помянутыхъ благонамѣренныхъ, между которыми главнѣйше князья Чарторыйскіе разумѣются, другихъ въ республикѣ знатность и кредитъ имѣющихъ магнатовъ пренебрегать и раздражать, но паче желаемъ, ежели возможно было-бъ, и всѣхъ ихъ воедино для единодушнаго поспѣшествованія обостороннихъ интересовъ привлекать и въ согласіе приводить, а чтобъ притомъ старыхъ друзей, которыхъ благонамѣрен-

ность давно уже испытана, вовсе оставить и въ безсиліе привесть, мы отнюдь за полезно признать не можемъ, да и самъ его величество король, по собственнымъ своимъ интересамъ, соглашаясь въ томъ съ нами, не изволилъ бы того допустить, ежели-бъ (какъ чаятельно) посторонніе и безъ вѣдома его величества чинимые происки иначе не подѣйствовали, какъ то нынѣ видно, что 3) вмѣсто прежней благонамѣренной и въ надежности довольными опытами засвидѣтельствованной, новая будто Двору королевскому преданная партія въ такихъ персонахъ состоящая избрана и возвышена, которыя въ самомъ дѣлѣ больше Французскому Двору всегда преданы были, и которому наипаче они впредь свои услуги дѣлать обязаны будутъ, когда имъ, по рекомендаціямъ французскимъ, отличная королевская милость и такія награжденія подаются, кои давно уже нѣкоторымъ изъ прежней благонамѣренной партіи персонамъ обѣщаны были, но сіи послѣдніе вмѣсто того нынѣ совсѣмъ утѣсняются. 4) Что хотя мы неизвѣстны о прямыхъ инако побудительныхъ причинахъ, кои бы его величеству королю въ такой перемѣнѣ системы въ королевствѣ поводъ подали, однако-жь то повсюду извѣстно, что Франція и Пруссія сею перемѣною весьма довольны, и потому сомнѣваться больше не можно, что онѣ по своимъ видамъ оною пользоваться не оставятъ, а изъ того слѣдуеть, что гдѣ и въ чемъ оба сіи Двора удовольство свое находятъ,— напротивъ того мы съ его величествомъ Польскимъ общихъ своихъ интересовъ, конечно, не находимъ. 5) Что ежели-бъ иногда князья Чарторыйскіе съ своими друзьями въ извѣстномъ Острожскомъ дѣлѣ и при сопряженныхъ съ тѣмъ обстоятельствахъ во время безплоднаго и несостоявшагося сейма его величеству королю нѣкоторую неугодность оказали (къ чему, быть можетъ, не безправильную причину имѣли); но когда, напротивъ того, въ разсужденіе возьмется, что и прежніе многіе сеймы, по развращенной и ничѣмъ непоправляемой польской вольности, до состоятельства своего не доходили, донынѣ стерпимы были, къ тому-жь и новоизбранной партіи глава— коронный гетманъ—какъ въ самомъ началѣ, такъ и въ продолженныхъ соглашеніяхъ о семъ спорномъ дѣлѣ сколь мало къ желаніямъ и указамъ его величества послушанія и угодности оказывалъ, то явственно будетъ, что князья Чарторыйскіе не столь много заслужили королевскаго гнѣва и утѣсненія; но со всѣмъ тѣмъ 6) что до помянутаго Острожскаго дѣла принадлежитъ,—мы, оное собственнымъ въ королевствѣ домашнимъ дѣломъ признавая, распоряженіе и окончаніе онаго королю съ республикой совершенно оставляемъ, и какъ уже въ прошломъ году чрезъ васъ объявить повелѣли, не намѣрены мы съ своей стороны въ оное вмѣшиваться, развѣ когда-бъ постороннія державы по поводу сего дѣла для своихъ дальновидныхъ намѣреній стараться стали внутреннія замѣшанія въ Польшѣ распространять, тогда уже и мы обойтиться не можемъ по древнимъ обязательствамъ съ республикою, пристойныя мѣры взять для содержанія въ Польшѣ тишины и ея цѣлости, а впрочемъ 7) и безъ того намъ принадлежитъ, особливо по трактату въ 1716 году соглашеннаго въ республикѣ примиренія, подъ медіаціею здѣшняго Двора заключенному, всегдашнее стараніе имѣть, чтобъ согласіе, вольность и древніе уставы республики съ королемъ ненарушимо содержаны и сохранены были, и понеже всякія противныя тому дѣйствія, напримѣръ одною королевскою властію или инако насильствомъ, или происки однихъ въ обиду и утѣсненіе другимъ персонамъ происходящія, благоустановленнаго примиренія, вольности и уставовъ ненарушимо содержать не могутъ, то и ожидать надобно потому слѣдствія нежелаемаго — внутренняго въ республикѣ замѣшанія и неспокойства, и въ такомъ случаѣ, мы, по силѣ вышеупомянутаго трактата, отъ подаянія правой сторонѣ нашего вспоможенія справедливо уклониться не можемъ, но принуждены были-бъ самой правдѣ по возможности содѣйствовать".

Гроссъ немедленно потребовалъ у Брюля конференціи, которая и была назначена 20-го марта, въ присутствіи Уильямса. Гроссъ сталъ читать записку, составленную изъ всѣхъ пунктовъ рескрипта. Выслушавъ первый пунктъ, Брюль вскричалъ: „Вѣрно поведеніе князей Чарторыйскихъ неправильно было представлено императрицѣ,— иначе она не стала бы заступаться за королевскихъ непріятелей".— „Императрица", отвѣчалъ Гроссъ, „заступается не за непріятелей королевскихъ, но за старыхъ благонамѣренныхъ партизановъ обоихъ нашихъ Дворовъ". Уильямсъ прибавилъ: „Наша Англія—не менѣе вольное государство, какъ и Польша, однако у насъ члены парламента, сопротивляющіеся Двору, не называются королевскими непріятелями". По выслушаніи второго пункта, Брюль опять распространился въ жалобахъ на Чарторыйскихъ, но въ общихъ выраженіяхъ, повторяя, что король предъ ними не преклонится (ne pliera pas devant eux). Когда же Гроссъ дочелъ до выраженія о чуждыхъ проискахъ, чинимымъ безъ вѣдома королевскаго, то Брюль горячо возразилъ: „Король все самъ дѣлалъ; это государь чрезвычайно прилежный, который все самъ изслѣдуетъ; онъ работаетъ болѣе всѣхъ другихъ монарховъ въ Европѣ". Когда въ третьемъ пунктѣ было прочтено, что новая партія состоитъ главнымъ образомъ изъ французскихъ приверженцевъ, то Брюль спросилъ: „Кто такіе?" И когда Гроссъ назвалъ гетмана Браницкаго и Потоцкихъ, то Брюль сказалъ: „Гетманъ только нѣсколько мѣсяцевъ, кажется, преданъ французскимъ интересамъ; за Потоцкихъ, кромѣ воеводы Бѣльзскаго, я поручусь; но я хорошо вижу, что подъ Потоцкими разумѣется зять мой, графъ Мнишекъ, какъ старый ихъ пріятель; но я могу подтвердить присягою, что Мнишекъ наичестнѣйшій человѣкъ и французскимъ интересамъ

противенъ, и что король никогда не оказалъ-бы своего благоволенія человѣку, извѣстному ему за французскаго приверженца".

На четвертый пунктъ Брюль замѣтилъ, что королю всѣ люди, ему преданные и общему благу доброхотствующіе, равно пріятны, и по рекомендаціи французской одно воеводство—Браплавское—отдано Яблоновскому, и то по желанію дофины, дочери короля, точно такъ, какъ и Русская императрица ожидаетъ, что по ея рекомендаціи какое-нибудь староство будетъ дано молодому графу Сапѣгѣ, хотя негодному человѣку. Противъ этихъ словъ, на депешѣ Гросса Воронцовъ написалъ: „Изъ сихъ словъ графа Брюля видно, что онъ былъ въ горячности, ибо, по извѣстной всѣмъ его учтивости, не токмо о рекомендованной отъ ея императорскаго величества къ королю, его государю, персонѣ такъ дерзостно предъ ея величества министромъ отозваться, но онъ обыкъ и по партикулярнымъ рекомендаціямъ особливое снисхожденіе и дѣйствительныя услуги оказывать; что молодой Сапѣга, правда, по вѣтреному своему нраву и недостоинъ бы былъ отъ ея величества призрѣнія, но оное—изъ великодушія, и для родни его сія рекомендація въ надеждѣ на дружбу королевскую учинена, и ежели по сему ея величества заступленію оному Сапѣгѣ королевская милость показана не будетъ, то не инако здѣсь приняться можетъ, что Саксонскій Дворъ весьма малую атенцію къ нашему имѣетъ, о чемъ господинъ Гроссъ можетъ, при случаѣ, графу Брюлю искусное и умѣренное внушеніе учинить, дабы высочайшая ея величества рекомендація безплодно и втуне не осталась".

По прочтеніи 5-го пункта, Брюль опять разсыпался въ горькихъ жалобахъ на поведеніе Чарторыйскихъ во время послѣдняго сейма и по поводу Острожскаго дѣла: „Они забыли должное уваженіе къ королю, да и прежде только пользовались королевскою милостью для собственныхъ видовъ, а его величеству мало услугъ оказывали; если-бъ императрица все подлинно знала, то не защищала бы людей, которые такъ нагло сопротивлялись авторитету королевскому; но, какъ бы то ни было, король не потерпитъ, чтобъ ему предписывались законы; король, узнавъ о непослушаніи князей Чарторыйскихъ, выразился, что если-бъ не сдерживала его присяга, то онъ отрекся бы отъ престола". Гроссъ на это замѣтилъ только, что императрица не намѣрена предписывать законы королю, но, полагаясь на дружбу его величества, справедливость и вниманіе къ общимъ интересамъ, предлагаетъ ему дружескіе совѣты.

Противъ 6-го параграфа Брюль не говорилъ ничего; но послѣ 7-го закричалъ съ яростью: „Надобно желать, чтобъ эта записка не обнародовалась, въ противномъ случаѣ могла бы возбудить волненія въ Польшѣ: и безъ того Чарторыйскіе и друзья ихъ уже хвастались русскою помощію; но если-бъ императрица приняла участіе въ польскихъ смутахъ, то вѣдь и Франція съ Пруссіею то же бы сдѣлали". — „Императрица", сказалъ Гроссъ, „принуждена была бы вмѣшаться по трактату 1716 года, тогда какъ у Франціи и Пруссіи нѣтъ никакого повода вмѣшиваться". — „Въ случаѣ нарушенія трактата одинъ король долженъ былъ бы употребить средства къ его возстановленію", возразилъ Брюль. Тутъ Уильямсъ замѣтилъ, что трактатъ заключенъ между королемъ и чинами республики: слѣдовательно король не можетъ быть въ одно время и стороною и судьею, почему Россія и приняла на себя гарантію трактата.

Эти слова Уильямса и слѣдующій восьмой параграфъ еще больше разсердили Брюля. Онъ объявилъ съ сердцемъ, что король хочетъ быть у себя господиномъ, а не подъ чужою опекою; король скорѣе откажется отъ престола; онъ никакъ не могъ ожидать такого обращенія отъ своихъ лучшихъ союзниковъ, которые, кажется, вознамѣрились подобными угрозами довести его до крайности. Обратясь къ Уильямсу, онъ спросилъ: „Что сдѣлалъ бы король Англійскій, если-бъ другая держава дала ему такіе совѣты насчетъ его домашнихъ дѣлъ"? Уильямсъ отвѣчалъ, не смутясь: „Мой государь всегда охотно слушаетъ совѣты своихъ вѣрныхъ союзниковъ". Взаключеніе конференціи, Брюль взялъ записку и обѣщалъ ее довести до свѣдѣнія короля, но сказалъ при этомъ, что отвѣтъ не можетъ быть благопріятнымъ, и что король не уступитъ Чарторыйскимъ.

За этою непріятностью слѣдовали другія: отъ 8 іюля Гроссъ получилъ рескриптъ императрицы, въ которомъ говорилось, что еще въ маѣ 1753 года отъ Русскаго Двора было предъявлено требованіе, чтобъ находящійся при немъ саксонскій посланникъ Функъ былъ отозванъ; но, вмѣсто отозванія Функа, король послалъ грамоту такого содержанія, что если императрицѣ надобно отозваніе Функа, то король, въ угодность ей, отзоветъ его; императрица отвѣчала, что остается при прежнемъ требованіи; но Функъ не былъ отозванъ и все остается въ Петербургѣ, несмотря на то, что послѣ перваго требованія прошло уже болѣе двухъ лѣтъ. Такъ какъ императрица имѣетъ причину быть очень недовольной такимъ страннымъ поведеніемъ Польско-Саксонскаго Двора, ибо не только между Дворами, находящимися въ тѣснѣйшемъ союзѣ, но и между вовсе недружными державами въ подобныхъ случаяхъ всегда взаимное снисхожденіе показывается, то императрица повелѣвала Гроссу немедленно объявить графу Брюлю, что такое невниманіе очень чувствительно императрицѣ, и если Функъ сейчасъ же не будетъ отозванъ, то министры императрицы не будутъ имѣть съ нимъ никакого сношенія.

На объявленіе Гросса объ этомъ рескриптѣ, онъ получилъ изъ королевскаго кабинета записку, въ которой его просили передать своему Двору, что когда было сдѣлано первое требованіе, то графъ Брюль отвѣчалъ тогдашнему русскому посланнику

въ Дрезденѣ, графу Бестужеву, что король исполняетъ желаніе императрицы; но при этомъ Брюль представлялъ ему, какое непріятное впечатлѣніе произведетъ это отозваніе Функа, какъ обрадуются этому державы, завидующія дружбѣ между Русскимъ и Саксонскимъ Дворами и, наконецъ, какъ трудно будетъ отыскать человѣка, который бы исполнялъ должность посланника съ такимъ же знаніемъ и достоинствомъ, какъ Функъ; по крайней мѣрѣ онъ, графъ Брюль, не знаетъ никого, кто бы былъ способенъ замѣнить его. Эти представленія были повторены въ грамотѣ королевской къ императрицѣ, и король надѣялся, что императрица уважитъ ихъ. Только по прошествіи цѣлаго года графъ Бестужевъ доставилъ отвѣтъ императрицы, что она остается при прежнемъ требованіи. Такъ какъ король не могъ думать, чтобъ это повторительное требованіе происходило отъ собственнаго соизволенія императрицы, ибо въ немъ не было объявлено, почему Функъ сдѣлался противенъ ея величеству, и полагалъ, что дѣло происходитъ отъ чьего-нибудь частнаго происка, то велѣлъ графу Брюлю писать объ этомъ къ русскому канцлеру; отвѣта не было, и явилась причина надѣяться, что ея величество изволила это дѣло оставить. Поэтому теперь съ крайнимъ удивленіемъ узнали о противномъ: ея величество непремѣнно требуетъ отозванія Функа, съ угрозою, что въ противномъ случаѣ будетъ прервано съ нимъ всякое сношеніе. Король Польскій, который находится въ наитѣснѣйшемъ союзѣ съ императрицею и ежедневно подаетъ опыты нелицемѣрной преданности и дружбы, никакъ не могъ ожидать такой угрозы. Быть можетъ, это былъ первый примѣръ прекращенія сношеній съ министромъ союзнаго Двора безъ объявленія причины неудовольствія. Крайне удивительно то, что объ этомъ непремѣнномъ намѣреніи императрицы требовать отозванія Функа, мы прежде еще узнали изъ Берлина, и потому легко можно разсудить, какъ сильно обрадуются этому Берлинскій и Французскій Дворы. — Король обѣщалъ отозвать Функа, и давалъ знать, что переводитъ на его мѣсто изъ Стокгольма барона Сакена; но такъ какъ послѣдняго неловко вызвать изъ Швеціи по случаю наступающаго тамъ сейма, то просилъ императрицу потерпѣть нѣсколько времени Функа въ Петербургѣ.

При Польско-Саксонскомъ Дворѣ думали, что виновникомъ этого дѣла былъ Мих. Петр. Бестужевъ, который сердился на Функа за то, что тотъ не оказалъ ему въ Петербургѣ никакой помощи по случаю его женитьбы.

Дѣйствительно, Бестужевъ донесъ своему Двору о словахъ Брюля, что Функъ назначенъ къ Петербургскому Двору болѣе по желанію императрицы, чѣмъ короля, и по поводу этого донесенія былъ также сдѣланъ запросъ, на какомъ основаніи были сказаны эти слова. Брюль заперся, что говорилъ ихъ. Когда оба эти отвѣта по дѣлу Функа были препровождены въ Петербургъ, то Гроссъ получилъ рескриптъ съ выговоромъ, зачѣмъ онъ велъ все это дѣло на бумагѣ; оба отвѣта возвращены съ приказаніемъ отдать ихъ назадъ саксонскому министерству, какъ такія піесы, какихъ императрица не привыкла принимать, и притомъ дать знать, что императрицѣ очень чувствительно мнѣніе Саксонскаго Двора, будто ея рѣшенія дѣлаются не по собственной ея волѣ, а зависятъ отъ чуждыхъ внушеній. Медленность отвѣта происходила оттого, что императрица въ такомъ маловажномъ дѣлѣ не хотѣла входить въ лишнюю переписку, считала достаточнымъ устное заявленіе своего министра о ея желаніи. Объявленіе, что съ Функомъ будутъ прекращены сношенія, не есть какая-нибудь угроза: этимъ объявленіемъ желалось показать Саксонскому Двору, какъ умѣренно поступаетъ императрица, ибо, видя такое отлагательство, она давно имѣла бы право сдѣлать это съ Функомъ, если-бъ ея не удерживала дружба къ королю. Императрицѣ кажется страннымъ, что Саксонскій Дворъ старается у союзнаго Двора удержать министра, который ему противенъ; удивительно и то, что Саксонскій Дворъ въ два года слишкомъ не могъ отыскать способнаго человѣка на смѣну Функу. На упрекъ, что императрица не упоминаетъ о винѣ Функа,—отвѣтъ: если-бъ она не имѣла достаточной причины въ неудовольствіи на Функа, то не приказывала бы такъ домогаться о его отозваніи. Императрица не понимаетъ, почему Пруссія и Франція могутъ обрадоваться отозванію Функа: онѣ будутъ гораздо довольнѣе тѣмъ, что Саксонскій Дворъ такъ долго проволакиваетъ отозваніемъ отъ Русскаго Двора непріятнаго императрицѣ министра. Рескриптъ оканчивался такъ: „Вы имѣете безъ отлагательства о всемъ вышеписанномъ графу Брюлю точно на словахъ изъяснить, присовокупя къ тому, что мы изъ всего онаго не можемъ иного заключать, какъ что его величеству королю знать по какимъ-либо консидераціямъ удержаніе здѣсь помянутаго Функа болѣе надобно, нежели наша дружба; что мы предаемъ на волю его величества прислать сюда на смѣну Функу барона Сакена или кого-нибудь другого, ибо по той кондиціи, съ которой баронъ Сакенъ сюда назначается, нетрудно понять, что отзывомъ Функа еще на долгое время проволочить хотятъ, а мы неотмѣнно желаемъ, чтобъ оный непріятный намъ министръ отъ нашего Двора дѣйствительно и безъ всякаго замедленія отозванъ былъ. Сія есть послѣдняя наша резолюція“ [1]).

Съ Англіею дѣло остановилось за деньгами: Россія въ послѣднемъ проектѣ союзнаго договора требовала 500,000 фунтовъ стерлинговъ, на случай дѣйствительной диверсіи русскимъ войскомъ, и 200,000 фунтовъ ежегодно за содержаніе корпуса на границахъ; Англія предлагала за диверсію 350,000 фунтовъ, а за содержаніе корпуса на границахъ только 50,000 фунтовъ. Канцлеръ въ своей запискѣ для императрицы говорилъ, что изъ

[1]) Дѣла Польскія 1753 г.

суммы, за дѣйствительный походъ платимой, едва-ли что можно убавить, но изъ суммы за содержаніе корпуса на границахъ можно убавить до половины, ибо содержать войска на границахъ и безъ того надобно.

Въ іюнѣ, на смѣну Гюидикенса, пріѣхалъ новый англійскій посолъ Уильямсъ, бывшій при Польско-Саксонскомъ Дворѣ. Новый посолъ въ конференціи 6 іюля объявилъ, что онъ торговаться не будетъ, и объявляетъ ультиматумъ: 1) конвенція должна распространяться и на всѣхъ союзниковъ короля Англійскаго; 2) сумма субсидій на случай диверсіи будетъ 500,000 фунтовъ; 3) сумма за содержаніе войска на границахъ будетъ 100,000 фунтовъ. 19 іюля императрица велѣла канцлеру и вице-канцлеру представить Уильямсу, только не ея именемъ, но отъ себя, что уменьшеніе субсидій за содержаніе войска на границахъ встрѣтитъ большія затрудненія, ибо императрица считаетъ послѣдній русскій проектъ за ультиматумъ. Когда Уильямсу сдѣлано было это внушеніе, то онъ отвѣчалъ, что не будетъ согласно съ его честью перемѣнить то, что̀ разъ онъ объявилъ, какъ ультиматумъ. Тогда императрица подписала 26 іюля проектъ конвенціи, согласной съ предложеніемъ Уильямса, а 19 сентября конвенція была заключена: за означенныя суммы Россія обязалась содержать на лифляндскихъ и литовскихъ границахъ корпусъ въ 55,000 человѣкъ, т.-е. 40,000 пѣхоты и 15,000 конницы, и на морскомъ берегу отъ 40 до 50 галеръ съ потребнымъ экипажемъ; этотъ корпусъ идетъ за-границу, какъ скоро на Англійскаго короля или кого-нибудь изъ его союзниковъ сдѣлано будетъ нападеніе, а король Англійскій высылаетъ свою эскадру въ Балтійское море. Конвенція продолжается четыре года. Ратификація замедлилась со стороны императрицы, а между тѣмъ 20 декабря канцлеръ пригласилъ пословъ—австрійскаго—Эстергази и англійскаго Уильямса,—одного послѣ другого, и читалъ имъ слѣдующую записку: „По обстоятельствамъ времени, которыя становятся день-ото-дня болѣе критическими, по причинѣ неизбѣжной войны между Англіею и Франціею, императрица повелѣла своему министерству просить посла откровенно и письменно изъясниться о мнѣніяхъ и мѣрахъ своего Двора на случай предстоящей въ Европѣ войны, особенно если-бы Прусскій король ее началъ или въ нее вмѣшался, т.-е. если Прусскій король нападетъ на кого-нибудь изъ общихъ союзниковъ, то съ какими силами Австрія и Англія намѣрены ему сопротивляться или съ какими силами напасть на него“. Эстергази принялъ записку на доношеніе своему Двору, увѣряя, что его государыня свято исполнитъ договоръ 1746 года. Потомъ Эстергази спросилъ: кончено ли съ Англіею дѣло о субсидномъ договорѣ, потому что его Дворъ сильно имъ интересуется, считая основаніемъ доброй системы, и по немъ распорядитъ дальнѣйшія свои мѣры. Когда ему сказали, что для окончанія дѣла все еще ожидается высочайшее повелѣніе, то онъ сильно задумался, а потомъ сказалъ: „Не знаю, какъ мнѣ эту записку послать къ своему Двору, не давши притомъ знать объ англійской конвенціи, какъ главномъ дѣлѣ, и какъ мнѣ уничтожить безпокойство, въ которое мой Дворъ непремѣнно будетъ этимъ приведенъ“.

Уильямсъ, выслушавъ записку, тотчасъ спросилъ: „А наша конвенція ратификована?“ Когда и ему сказали, что еще ожидается высочайшее повелѣніе, то онъ, совсѣмъ потупясь, отвѣчалъ: „Я надѣялся пріѣхать на конференцію совсѣмъ для другого дѣла, а не для принятія читанной мнѣ записки. Уже три недѣли, какъ я сообщилъ о полученныхъ мною изъ Лондона ратификаціяхъ; но я ни однимъ словомъ не докучалъ о скорой ихъ размѣнѣ, уважая время и покой ея императорскаго величества, особенно услыхавъ, что ея величество, чувствуя боль въ рукѣ, по несчастію ее снова повредила. Я давно терпѣливо и съ благоговѣніемъ ждалъ и буду ждать, только бы я былъ увѣренъ и могъ увѣрить свой Дворъ, что медленность въ размѣнѣ ратификацій не поведетъ къ разрушенію самого дѣла. Читанная мною записка собственно не заключаетъ въ себѣ ничего, противъ чего-бы можно было спорить, но принять я ее не могу прежде размѣна ратификацій, не приводя этимъ короля своего въ крайнее безпокойство и не подвергая себя его гнѣву и потерѣ всякаго довѣрія. Я уже и такъ несчастливъ, что въ Лондонѣ узнаютъ объ этомъ изъ Вѣны, куда Эстергази отправитъ записку.“

Послѣ того Уильямсъ не переставалъ жаловаться на медленность въ размѣнѣ ратификацій и, наконецъ, объявилъ, что больше не будетъ ѣздить къ Двору. Вице-канцлеръ увѣрялъ его, что императрица неизмѣнна въ дружескихъ чувствахъ своихъ къ Англійскому королю: „можетъ быть“, прибавилъ Воронцовъ, „сомнѣніе императрицы происходитъ оттого, что ея величеству нежелательно посылать свои войска такъ далеко въ Германію или Нидерланды, и желательно употребить ихъ только для диверсіи противъ короля Прусскаго, когда онъ вмѣшается въ войну“.—„Я“, отвѣчалъ Уильямсъ, „не могу по этому предмету вступать ни въ какое разсужденіе; только въ одномъ могу увѣрить, что когда ея величество изволитъ ратификовать трактатъ, то его величество, король, охотно исполнитъ желанія императрицы, о которыхъ я ему и донесу; но прежде ратификацій не можетъ быть ни о чемъ рѣчи. Дѣло понятное, что, прежде чѣмъ русскія войска придутъ въ Германію, Франція можетъ завоевать Нидерланды или Ганноверъ; русскія войска будутъ потребованы на помощь только въ крайнемъ случаѣ; при заключеніи договора, королевское намѣреніе было то, чтобъ сдержать Прусскаго короля, а союзниковъ своихъ, Австрію и Голландію, сохранить въ общей системѣ, ибо Вѣнскій Дворъ рѣшительно отказался посылать свои войска для защиты Нидерландовъ, чтобъ не обнажить свои Германскія владѣнія противъ Прусскаго короля; но въ слу-

*

чаѣ заключенія субсиднаго трактата между Россіею и Англіею обѣщалъ отправить войско въ Нидерланды, да и Голландцы, узнавъ о трактатѣ съ Россіею, примутъ рѣшенія болѣе полезныя для общаго дѣла".—„Не можете ли вы", сказалъ Воронцовъ, „дать письменную декларацію того, что вы сейчасъ сказали: это будетъ очень пріятно ея величеству". Но Уильямсъ отвѣчалъ, что прежде ратификаціи онъ ни во что вступать не можетъ; но если, при размѣнѣ ратификацій, ея величество изволитъ чрезъ свое министерство предложить объ этомъ, то онъ донесетъ своему Двору, и надѣется, что король сдѣлаетъ все возможное, чтобъ удовлетворить желаніе ея величества [1]).

Въ Швеціи продолженъ былъ на десять лѣтъ союзъ съ Франціею, но отклоненъ союзъ съ Пруссіею, и вообще положеніе партій въ Швеціи не могло грозить Россіи большою опасностью въ случаѣ европейскихъ замѣшательствъ. Панинъ такъ объяснилъ своему Двору положеніе дѣлъ въ Стокгольмѣ: по смерти короля Фридриха, на первомъ сеймѣ прежняя французская партія поссорилась съ новымъ королемъ и приняла названіе „сенатской партіи"; тогда многіе изъ ея членовъ отдѣлились отъ нея для собственныхъ выгодъ и объявили себя придворною партіею, а благонамѣренные (т. е. колпаки) подѣлились между этими двумя партіями. Вражда между королемъ и сенатомъ разгоралась все болѣе и болѣе, причемъ сенатъ старался поддержать себя распространеніемъ слуховъ, что шведской вольности грозитъ опасность отъ короля. Графъ Тессинъ пережилъ свои способности и удалился отъ дѣлъ, послѣ чего ни у одной партіи не оказалось вождя. Королева, разнуздавши свою гордость, самолюбіе и самовластіе, пріобрѣла всеобщую ненависть. Она немало содѣйствовала холодности между сенатомъ и Берлинскимъ Дворомъ, ибо хотя она и не чуждается французской системы, но боготворитъ одного своего брата, Прусскаго короля, одинъ его интересъ соблюдаетъ, а Фридрихъ II хочетъ посредствомъ нея управлять Швеціею безъ посредства Франціи. Приверженцы русскаго союза тѣсно соединились и такъ усиливаются, что король отъ нихъ ждетъ поправленія своимъ дѣламъ. Главнымъ между ними почитается графъ Браге; основанія ихъ программы—сохраненіе конституціи и союзъ съ Россіею. Дворъ, волею и неволею, ихъ ласкаетъ, и, чтобъ заставить ихъ болѣе войти въ свои виды, король хотѣлъ дать имъ 50,000 платовъ изъ своего ларца на издержки партіи по случаю наступающаго сейма; но они не хотятъ о томъ слышать, думая, что всякій добрый результатъ, достигнутый ими съ чистыми руками, будетъ считаться услугою при Дворѣ; а деньги дадутъ Двору право требовать отъ нихъ болѣе, чѣмъ они сами сдѣлать намѣрены; но такъ-какъ движенія партіи дѣйствительно требуютъ чрезвычайныхъ расходовъ, то они своего имѣнія не щадятъ. Французскій посолъ съ своею партіею слѣдитъ за каждымъ шагомъ благонамѣренныхъ. Главная цѣль французской партіи состоитъ теперь въ томъ, чтобъ не допустить графа Браге удержать въ своихъ рукахъ ландмаршальскій жезлъ, но выбрать въ ландмаршалы генералъ-маіора, графа Ферзена, который воспитанъ и служилъ во Франціи, душою и тѣломъ ей преданъ, и слыветъ очень умнымъ и способнымъ человѣкомъ. Графъ Браге съ своими друзьями очень хорошо понимаютъ, какъ имъ трудно преодолѣть противную партію и напасть на господствующую систему безъ русской помощи; но если партія Браге упадетъ, то останутся только двѣ—придворная и сенатская,—и сеймъ долженъ будетъ или усилить власть короля, давши ему право производить въ чины и должности, чѣмъ отворится дверь къ самодержавію; или ограничить власть короля въ пользу сената, отчего вліяніе Франціи еще болѣе усилится. Чтобъ помѣшать такимъ вреднымъ для Россіи слѣдствіямъ и не дать упасть партіи добрыхъ патріотовъ, нужна сумма отъ 20 до 30,000 рублей, которая должна пойти именно для доставленія ландмаршальскаго жезла графу Браге.

Въ отвѣтъ на эту реляцію, Панинъ получилъ отъ канцлера такое письмо: „Думая, что на реляцію вашего высокоблагородія отвѣтомъ изъ Коллегіи поспѣшено не будетъ, я за нужно нахожу подать вамъ на оную отъ меня нѣкоторыя объясненія. Кто бы въ оную ни заглянулъ, по справедливости признаться долженъ, что оная преисполнена прямою къ службѣ ревностью и усердіемъ; только же я вамъ откровенно признаюсь, что хотя оная больше злостныхъ, нежели разсмотрительныхъ критиковъ возбудила, я не могъ однакожъ ни оныя совершенно опровергать, ни васъ довольно защитить и оправдать. Чтобъ на раздачу Шведамъ сумму опредѣлить, о томъ здѣсь ниже слышать хотятъ. Правда, я и въ самомъ себѣ мало нахожу къ тому склонности, да ваше высокоблагородіе и припамятовать можетъ, что я уже предъ давнымъ временемъ мое мнѣніе откровенно и дружески объявилъ, что не остается болѣе какъ предавать намъ Шведовъ ихъ собственному жребію, довольствуясь одними безубыточными случаями вселять между ними собственно другъ къ другу недовѣренность и несогласіе. Образъ ихъ правительства самъ то по большей части или и единственно дѣлаетъ; а что до постороннихъ денегъ принадлежитъ, то сколько мнѣ лакомства ихъ и бѣдность ни свѣдомы, примѣръ неоднократныхъ издержекъ довольно однакожъ показуетъ, что сколько намъ волка ни кормить, онъ въ лѣсъ убѣжитъ, да правду сказать и признаться надобно, что, какія бы мы великія тамъ суммы ни истощили, Франція съ половинными издержками всегда больше нашего сдѣлаетъ; между нами сказать: сколько мы Шведамъ ни твердимъ, что прямой ихъ интересъ требуетъ во всегдашней дружбѣ и искреннемъ съ нами согласіи быть, я сего интереса никогда однакожъ найти не могу, да и на

[1]) Дѣла Англійскія 1755 г.

словахъ о немъ только говорится, а никогда еще предпріято не было его доказывать. Но, обращаясь и паки къ деньгамъ, я не вижу великой изъ того пользы, что графъ Браге ландмаршаломъ избранъ былъ бы. Мы никакихъ особливыхъ (дѣлъ) къ произведенію на сеймѣ не имѣемъ; да хотя бы и имѣли, то повѣрьте мнѣ, что и онъ—Шведъ, и не лучше будетъ, какъ баронъ Унгернъ-Стернбергъ, который вмѣсто признанія (благодарности) только намъ вредилъ. Болѣе того: я вѣрю, что всякій Шведъ, лишь бы случай получилъ, готовъ всегда злость свою къ намъ оказать и тѣмъ у себя рекомендоваться. Однимъ словомъ, я сожалѣю, что ваше высокоблагородіе, прежде присылки вашей реляціи, со мною о томъ не снеслись; но когда сіе уже прошло, то я только для васъ самихъ прошу объ оной въ послѣдующихъ не упоминать; также, ежели-бъ что особливаго и случилось,—сперва ко мнѣ писать, дабы я, сличая обстоятельства, могъ то или другое вамъ съ разсмотрѣніемъ присовѣтовать. Я уповаю, что ваше высокоблагородіе за противное не примете сіи примѣчаніи, паче же, изъ постскрипта усмотря новые знаки моей къ вамъ безпредѣльной откровенности, наиболѣе увѣритесь объ ней и объ моей къ вамъ искренной преданности". Въ постскриптѣ канцлеръ извѣщалъ о заключеніи субсиднаго договора съ Англіею, и въ концѣ замѣтилъ о шведскомъ посланникѣ, въ Петербургѣ, Поссе: „Баронъ Поссе, сколько наружность ни наблюдаетъ, есть однакожь внутренно клятвенный мнѣ и вамъ злодѣй, хотя къ тому другой причины и не имѣетъ, какъ только что онъ родился Шведъ, да такимъ и жизнь свою скончаетъ". Рескриптъ отъ имени императрицы Панину заключалъ отказъ въ деньгахъ на томъ основаніи, что прежде истраченныя на сеймахъ деньги не принесли никакой пользы [1].

Мы видѣли, какую тревогу надѣлало въ Константинополѣ построеніе крѣпости Св. Елисаветы; видѣли, что этой тревоги особенно испугались союзные Дворы—Англійскій и Австрійскій, которые, разсчитывая на помощь Россіи въ своихъ дѣлахъ, съ ужасомъ предусматривали возможность отвлеченія русскихъ силъ на югъ, вслѣдствіе войны Турецкой. Ихъ настоянія произвели то, что въ Петербургѣ рѣшились, въ случаѣ крайней необходимости, успокоить Порту объявленіемъ, что императрица согласна остановить дальнѣйшее построеніе крѣпости до тѣхъ поръ, пока дѣло не разъяснится, пока Порта не убѣдится, что никакой опасности ей отъ этого построенія нѣтъ. Въ концѣ 1754 года Обрѣзковъ успокоилъ-было свой Дворъ донесеніемъ, что этой крайней нужды, которая требовала бы упомянутаго объявленія, не оказывается; но въ началѣ 1755 года дѣла перемѣнились, рейсъ-еффенди взялъ верхъ. Чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли крайняя нужда въ объявленіи наступила, Обрѣзковъ обратился къ Пенклеру и Портеру съ объясненіемъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ крайней нужды уступать Портѣ и онъ намѣренъ отказать ей въ ея требованіяхъ; если же крайняя нужда окажется, то еще время будетъ объявить снисхожденіе императрицы. Пенклеръ и Портеръ отвѣчали, что если онъ намѣренъ всю Европу зажечь, то пусть отказываетъ; что теперь именно настаетъ крайняя нужда, какъ потому, что султанъ новый, такъ и потому, что Порта рѣшила дожидаться только до половины января,—а тамъ принимать свои мѣры. „Вы знаете", возражалъ Обрѣзковъ, „гордость и замашки турецкія: потому когда я снисхожденіе императрицы предъявлю, то, пожалуй, Порта станетъ требовать, чтобъ строеніе крѣпости было вовсе оставлено и даже чтобъ сдѣланное было разрушено". Англійскій посолъ обѣщалъ употребить все стараніе, чтобъ удержать порту отъ такихъ требованій. Но стараній его не понадобилось: Порта вполнѣ удовлетворилась и обѣщаніемъ пріостановить крѣпостныя работы [2].

Въ Петербургѣ рѣшились дать это обѣщаніе, потому что война между Франціею и Англіею уже началась, и эту войну считали благопріятнымъ обстоятельствомъ для „сокращенія силъ Прусскаго короля"; а послѣ этого сокращенія надѣялись легко справиться съ Турціею и со всѣми безпокойными сосѣдями.

Глава VI.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Состояніе образованности въ Россіи во второе семилѣтіе царствованія Елисаветы.

1749—1755.

Въ 1753 году въ Москвѣ появилось предписаніе тамошняго архіерея, Платона Малиновскаго, которое можетъ дать намъ понятіе объ образованности учителей народной нравственности, объ образованности духовенства: „Намъ извѣстно учинилось", говоритъ Платонъ, „что епархіи нашея при церквахъ священно-и-церковно-служители, какъ въ давнихъ, такъ и недавнихъ лѣтахъ произведенные, надлежащаго имъ по ихъ должности ученія (которое имъ предъ посвященіемъ по букварю и особливо изданной тетрадкѣ отъ экзаменаторовъ преподается) ничего не знаютъ, ибо по освященіи своемъ

[1]) Дѣла Шведскія 1755 г.

[2]) Дѣла Турецкія 1755 г.

совсѣмъ оное забываютъ, умышленно никакого раденія о содержаніи того въ памяти не прилагая. Понеже, по правиламъ Св. Отецъ, священникамъ вышеписанное ученіе не точію самимъ должно знать, но и паствы своея людей еженедѣльно оному обучать: но какимъ образомъ имъ обучать тому, чему они сами ничего не умѣютъ?—что чинятъ они совсѣмъ безсовѣстно, не страшась суда Божія". Архіерей требуетъ, чтобъ священники по воскресеньямъ и праздникамъ непремѣнно преподавали прихожанамъ по букварю и по особо изданной тетрадкѣ сущность христіанскаго ученія, грозя, въ противномъ случаѣ, отрѣшеніемъ отъ мѣстъ [1]).

Этимъ требованіемъ должно было ограничиться относительно большинства духовенства, состоявшаго изъ лицъ, не знавшихъ школы; отъ меньшинства ученыхъ священниковъ требовалось, чтобъ они говорили проповѣди, предики, назначавшіяся, какъ видно, и для особаго рода слушателей, потому что въ рапортахъ нужно было означать, говорена ли была проповѣдь въ установленные дни и кто изъ знатныхъ прихожанъ были при слушаніи проповѣди. Требованія эти отъ неученаго большинства и ученаго меньшинства духовныхъ лицъ были выставлены еще при Петрѣ Великомъ, и послѣ него повторяетъ ихъ каждый достойный архіерей, какимъ былъ Платонъ Малиновскій, жалуясь на ихъ неисполненіе. Главною помѣхою въ ихъ исполненіи была печальная обстановка духовныхъ лицъ, борьба съ нуждою, поглощавшая все вниманіе и заставлявшая его забывать то, чему выучился въ школѣ или у экзаменатора. При Елисаветѣ духовенство было освобождено отъ полицейскихъ повинностей, отъ хожденія на караулы къ рогаткамъ, на дежурство въ съѣзжіе домы, на пожары; но на немъ лежали еще разныя пошлины и дани, не говоря объ издержкахъ при поставленіи. При такихъ тягостяхъ доходы были недостаточны для человѣка, обязаннаго рано обзаводиться семействомъ. Петръ Великій принялъ самыя дѣйствительныя мѣры для поднятія матеріальнаго благосостоянія бѣлаго духовенства, постановивъ, чтобъ количество духовенства не превышало средствъ прихода для его содержанія, и постановивъ, чтобъ духовенство не было обязано покупать себѣ домы, которые должны покупаться на церковныя деньги. Но, подобно многимъ другимъ постановленіямъ Петра, и эти постановленія потеряли силу послѣ его смерти. Указы однако оставались, и потому всякій благонамѣренный архіерей могъ возстановить ихъ силу. Такъ и поступалъ въ описываемое время уже упомянутый прежде Московскій архіепископъ Платонъ Малиновскій: онъ строго наблюдалъ за исполненіемъ Петровскаго указа о домахъ и не позволялъ опредѣляться на духовныя мѣста сверхъ штата [2]). Но такъ какъ въ другихъ епархіяхъ этого не наблюдалось, а прежде не наблюдалось и въ Московской, то оставалось всегда извѣстное количество лишнихъ священниковъ, которые преимущественно стекались въ Москву; здѣсь они становились на Спасскомъ крестцѣ (между Спасскими воротами и Покровскимъ соборомъ) и нанимались отправлять церковную службу. Въ XIX вѣкѣ еще разсказывали старики, какъ попы стояли на крестцѣ съ калачемъ въ рукахъ, и когда нанимавшій ихъ служить обѣдню давалъ мало, то они кричали: „Не торгуйся, сейчасъ закушу" (т.-е. калачъ, послѣ чего священникъ уже не могъ служить обѣдню). Архіереи вооружились противъ этого явленія, посылали хватать этихъ „крестцовыхъ поповъ", бить ихъ плетьми,—но ничто не помогало.

Плети не помогали устраненію безобразныхъ явленій, укореняя грубость въ нравахъ. Это, какъ видно, понималъ Платонъ Малиновскій. Въ 1753 г. онъ издалъ предписаніе: „Нѣкоторые монастырскіе настоятели въ нашей епархіи наказываютъ монаховъ и монахинь очень жестоко, не по-монашески, сверхъ данной имъ власти; услыхавъ о проступкѣ, не удостовѣрясь подлинно, не только безъ совѣта, но и безъ вѣдома прочей братіи, не смиряя духомъ кротости, не какъ братію, но какъ злодѣевъ бьютъ, обнажа предъ мірскими людьми, въ противность обѣта своего и закона Божія. Чтобъ отнынѣ начальствующіе не смѣли наказывать тѣлесно порученныхъ имъ монаховъ и монахинь ни за что, безъ общаго разсмотрѣнія и согласія всей братіи, или, по крайней мѣрѣ, главныхъ изъ нея".

Число ученыхъ священниковъ было еще незначительно, да и не всѣ изъ нихъ окончили полный курсъ; нѣкоторые, получивъ уже мѣсто, продолжали посѣщать училище; а между тѣмъ недостатокъ въ людяхъ и школахъ заставлялъ отнимать у духовенства лучшихъ воспитанниковъ для свѣтской науки. Мы видѣли, какъ духовное начальство сильно отстаивало воспитанниковъ своихъ училищъ отъ требованій Медицинской канцеляріи. Но въ 1748 году явился въ Новгородѣ и Москвѣ знаменитый профессоръ элоквенціи, Тредіаковскій, отъ Академіи Наукъ, для набора студентовъ въ академическій университетъ, и выбралъ лучшихъ. Въ Петербургѣ въ Академіи экзаменовали ихъ Ломоносовъ, Браунъ и Фишеръ, и нашли, что 17 воспитанниковъ въ гуманіорахъ и школьной философіи довольный успѣхъ имѣютъ, такъ-что на академическія лекціи о чистотѣ штиля, здравѣйшей философіи и математикѣ допущены быть могутъ, а двоихъ изъ нихъ надобно послать на нѣсколько времени въ академическую гимназію Латинскому языку учиться. Дѣятельность Академіи Наукъ преимущественно выказывалась въ дѣятельности двоихъ ея членовъ—Ломоносова и Миллера. Темная сторона тогдашней ученой жизни выражалась въ борьбѣ этихъ знаменитостей другъ съ другомъ и въ борьбѣ ихъ съ людьми, которые, получивъ не по праву сильное вліяніе на судьбу науки въ Россіи, не могли выносить законныхъ представителей

[1]) Розанова—Исторія Москов. епархіал. управленія, II. I, 65.

[2]) Розанова. Исторія Москов. епархіальн. управленія стр. 47. 143.

науки потому, что последніе не могли спокойно подчиняться имъ. Затруднительное положеніе Академіи проистекало главнымъ образомъ оттого, что въ странѣ, какою была тогдашняя Россія, гдѣ наука не могла еще пустить сколько нибудь глубокихъ корней, нельзя было наполнить ученаго учрежденія все достойными членами: большинство подавало поводъ къ разнаго рода упрекамъ относительно исполненія обязанностей, и этимъ пользовались люди, желавшіе управлять Академіею; они выставляли на видъ, что ученые не способны, не достойны сами управляться; что ими нужно управлять другимъ, и достигали своей цѣли, причемъ, разумѣется, за грѣхи недостойнаго большинства платилось достойное меньшинство.

Профессоръ химіи, напечатавшій въ 1748 году риторику, первую на Русскомъ языкѣ, гдѣ всѣ примѣры сочинены или переведены имъ самимъ, въ 1749 году трудился въ лабораторіи, дѣлалъ химическіе опыты, до крашенія стеколъ надлежащіе, приготовлялъ простые матеріалы, разныя соли, водки, а потомъ старался искать и нашелъ способъ, какъ дѣлать берлинскую лазурь и баканъ веницейскій; онъ же дѣлалъ физическіе опыты и сочинялъ похвальную рѣчь императрицѣ на Россійскомъ языкѣ и переводилъ ее на Латинскій; участвовалъ въ составленіи Россійскаго лексикона. Похвальное слово императрицѣ Ломоносовъ произносилъ въ торжество восшествія на престолъ Елисаветы (Академія имѣла собраніе на другой день праздника, 26 ноября). Произнесеніе рѣчей на этомъ торжествѣ всего лучше было поручить двоимъ самымъ виднымъ членамъ Академіи, Ломоносову и Миллеру, ибо, кромѣ внутренняго достоинства, какое они могли дать своимъ рѣчамъ, оба ученые были богатыри физически, обладали громкимъ голосомъ и не смущались передъ публикою. Шумахеръ видѣлъ необходимость назначить ораторами Ломоносова и Миллера; но вотъ какъ по этому случаю завистливый пигмей выразилъ свою ненависть къ великанамъ. Шумахеръ писалъ Теплову: „Очень бы я желалъ, чтобы кто-нибудь другой, а не г. Ломоносовъ, произнесъ рѣчь въ будущее торжественное засѣданіе, но не знаю такого между нашими академиками. Ораторъ долженъ быть смѣлъ и нѣкоторымъ образомъ нахаленъ: развѣ у насъ есть кто-нибудь другой въ Академіи, который бы превзошелъ его въ этихъ качествахъ“? О Миллерѣ Шумахеръ выражается такъ же: „Онъ обладаетъ громкимъ голосомъ и присутствіемъ духа, которое очень близко къ нахальству“.

Для насъ въ знаменитомъ панегирикѣ, который такъ долго выставлялся образцомъ ораторской рѣчи, особенно замѣчательно указаніе Ломоносова на то, чего недостаетъ русской наукѣ, чѣмъ должно было заняться образующееся поколѣніе: „Представьте себѣ (россійскіе юноши) будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны; со благоговѣніемъ внимайте, что августѣйшая императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: обучайтесь прилежно,—я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣренія моихъ родителей, сего мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно производитъ, лежатъ потаенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ: прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію“.

Когда рѣчь стала извѣстна въ Москвѣ и за-границею, Шумахера начали терзать извѣстіями о ея успѣхѣ. Тепловъ писалъ ему, что рѣчь понравилась при Дворѣ; Эйлеръ писалъ ему изъ Берлина, что это—образцовое произведеніе въ своемъ родѣ. То же значеніе образца краснорѣчія имѣло и другое похвальное слово Ломоносова—Петру Великому, произнесенное въ 1755 году. Произнесши образцовую рѣчь, ораторъ опять уходитъ въ лабораторію, гдѣ занимался составленіемъ красокъ и стеколъ для мозаики: „По регламенту Академіи Наукъ“, писалъ онъ, „профессорамъ должно не меньше стараться о дѣйствительной пользѣ обществу, а особливо о приращеніи художествъ, нежели о теоретическихъ разсужденіяхъ; а сіе больше всѣхъ касается до тѣхъ, которые соединены съ практикою, каково есть химическое искусство. Того ради за благо я разсудилъ, вопервыхъ, изыскать такія вещи, которыя художникамъ нужны, а выписываютъ ихъ изъ другихъ краевъ и для того покупаютъ дорогою цѣною“. Что и другое требованіе регламента относительно теоретическихъ разсужденій не было забыто,—доказательствомъ служатъ извѣстныя изслѣдованія Ломоносова, принадлежащія описываемому времени: „О причинахъ теплоты и холода“, гдѣ авторъ выводилъ явленія теплоты изъ вращательнаго движенія частицъ въ тѣлахъ; „Объ упругости воздуха“, „О химическихъ растворахъ“; сюда же должно отнести „Слово о пользѣ химіи“ и „Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ“. Послѣднее сочиненіе особенно замѣчательно. Узнавши объ открытіяхъ Франклина относительно электричества, Ломоносовъ самъ повторилъ его опыты и составилъ цѣлую теорію воздушныхъ электрическихъ явленій, которая во многихъ пунктахъ сходится съ теоріею Франклина и во многихъ превышаетъ ее. Знаменитый ученый, современникъ Эйлеръ отозвался о сочиненіи Ломоносова, что оно „обнаруживаетъ въ авторѣ счастливое дарованіе къ распространенію истиннаго естествовѣдѣнія, чему образцы, впрочемъ, и прежде онъ представилъ въ своихъ сочиненіяхъ. Нынѣ таковые умы весьма рѣдки“. Отзывы такого авторитета, какъ Эйлеръ, заставляли даже Шумахера признаваться, что у Ломоносова „замѣчательный умъ и отличное предъ прочими дарованіе, чего не отвер-

гаютъ и здѣшніе профессора и академики. Только они не могутъ сносить его высокомѣрія".

Но если такіе отзывы были вынуждаемы у личныхъ враговъ и у людей, которые не имѣли причины радоваться появленію между Русскими такой знаменитости, то легко понять, какъ должны были смотрѣть на Ломоносова Русскіе люди, особенно тѣ, которые, вслѣдствіе бо́льшаго и бо́льшаго знакомства съ господствовавшимъ въ Западной Европѣ движеніемъ, считали науку могуществомъ и стремились прославить себя пріобрѣтеніемъ для Россіи этого могущества. Къ числу такихъ немногихъ людей принадлежалъ новый фаворитъ, Ив. И. Шуваловъ, котораго всегда видали съ книгою въ рукахъ. Шуваловъ очень рано сблизился съ первымъ русскимъ ученымъ и литераторомъ. У молодого Шувалова была книжка, куда онъ записывалъ свои мысли, извлеченія изъ разныхъ писателей, свои собственные опыты въ стихотворныхъ сочиненіяхъ и переводахъ. Стихотворное искусство имѣло тогда неотразимую прелесть; ученый, какъ Тредіаковскій, мучилъ и позорилъ себя, пиша стихи, не сознавая отсутствія въ себѣ всякаго таланта; императрица Елисавета Петровна писала стихи; писалъ ихъ и Шуваловъ. Стихи его выходили немного лучше стиховъ его высокой покровительницы; но ему хотѣлось сдѣлать ихъ лучше, хотѣлось выучиться писать стихи, и къ кому же ему было обратиться, какъ не къ человѣку, который первый сталъ писать красивые, звучные русскіе стихи. Шуваловъ учился у Ломоносова механизму стиха, какъ видно изъ его записной книжки; въ ней же написанъ рукою Шувалова конспектъ всей риторики Ломоносова.

Стихотворная дѣятельность самого Ломоносова продолжалась: въ одѣ его на рожденіе великаго князя Павла Петровича насъ останавливаетъ указаніе на внѣшнюю дѣятельность, какая можетъ занять достойно будущаго Русскаго государя: только варварскія страны Востока должны подчиняться цивилизующему вліянію Россіи; противъ Западной Европы у Россіи можетъ быть одна война— оборонительная. Но отъ гаданій о будущемъ поэтъ попрежнему любитъ обращаться къ прошедшему Россіи, не внося вражды между ними, а указывая тѣсную историческую связь. Можно сказать, что Ломоносовъ былъ историкъ въ своихъ одахъ и поэтъ или риторъ въ исторіи. Вотъ обращеніе поэта къ новорожденному:

Расти, расти, крѣпися,
Съ великимъ прадѣдомъ сравнися,
Съ желаньемъ нашимъ восходи.
Велики суть дѣла Петровы,
Но многіе еще готовы
Тебѣ остались напреди.
Когда взираемъ мы къ востоку,
Когда посмотримъ мы на югъ,
О коль пространность зримъ широку,
Гдѣ можетъ загремѣть твой слухъ.
Тамъ вкругъ облегъ драконъ ужасный
Мѣста святы, мѣста прекрасны,
И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
Весь свѣтъ чудовища страшится,
Единъ лишь смѣло устремиться
Россійскій можетъ Геркулесъ
И, множествомъ низверженъ ранъ,
Единъ сто острыхъ жалъ притупитъ,
Единъ на сто головъ наступитъ,
Возставитъ вольность многихъ странъ.
Пространными Китай стѣнами
Закрытъ быть мнится передъ нами.
Онъ гордымъ окомъ къ нимъ взираетъ:
Но въ нихъ ему надежды нѣтъ.
Внезапно ярость возгорится
И огнь, и месть между стѣной,—
Сіе все можетъ совершиться
Петрова племени рукой.
Въ своихъ увидишь предкахъ явны
Дѣла велики и преславны,
Что могутъ духъ природѣ дать.
Уже младаго Михаила
Была къ тому довольна сила
Упадшую Москву поднять,
И, послѣ страшной перемѣны,
Въ предѣлахъ удержать враговъ,
Собрать разсыпанные члены
Тако о множества градовъ.
Сарматъ съ свирѣпостью своею
Трофеи отдалъ Алексѣю.
Онъ судъ и правду положилъ,
Онъ войско правильное вскорѣ,
Онъ новый флотъ готовилъ въ морѣ;—
Но все то Богъ Петру судилъ.
Сего къ отечеству заслуги
У всей подсолнечной въ устахъ,
Его и кроткія супруги
Примѣръ зримъ въ нашихъ временахъ,—
Примѣръ въ его великой дщери:
Широки та отверзла двери
Наукамъ, счастью, тишинѣ;
Склоняясь къ общему покою,
Щедротой больше, чѣмъ грозою,
Въ Россійской царствуетъ странѣ.
Но ты, о гордость вознесенна!
Блюдися съ хитростью своей:
Она героями рожденна,
Геройскій духъ извѣстенъ въ ней.

Уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и работы по Уложенію отмѣчены Ломоносовымъ въ надписи на иллюминацію 5 сентября 1754 года:

Россія, вознося главу на высоту,
Взираетъ на своихъ предѣловъ красоту.
Чудится въ радости обильному покою,
Что въ оной утвержденъ, монархиня, тобою,
Считая многія довольства, говоритъ:
Коль сладкое меня блаженство веселитъ!
Противники къ моимъ предѣламъ не дерзаютъ,
И алчны мытари внутрь торгу не смущаютъ:
Сталъ тѣсенъ къ злобѣ путь коварникамъ въ судахъ.

О трудахъ Ломоносова ученыхъ и поэтическихъ, о томъ, что Ломоносовъ первый талантъ въ Россіи, ея честь, слава царствованія,—объ этомъ императрица знала черезъ Шувалова. Самъ Ломоносовъ говоритъ объ этомъ въ извѣстномъ стихотворномъ письмѣ своемъ къ Шувалову „О пользѣ стекла":

А ты, о Меценатъ, предстательствомъ предъ нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,

Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ ней воспоминаешь ты!

Но стоять на такой высотѣ, на какой стоялъ Ломоносовъ, очень тяжело въ обществѣ, гдѣ наука и литература въ младенчествѣ, гдѣ скудно воспитаніе таланта, гдѣ нѣтъ раздѣленія занятій, гдѣ человѣкъ, выдавшійся талантомъ, долженъ дѣлать много разныхъ дѣлъ. Самъ Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Елисаветы упомянулъ, чего дочь Петра Великаго должна требовать отъ русскихъ членовъ созданной имъ Академіи: „Не описаны еще дѣла моихъ предковъ и не воспѣта по достоинству Петра великая слава". Вотъ первыя требованія, которыя заявляетъ Елисавета у Ломоносова—написаніе „Русской Исторіи" и поэмы, содержаніемъ которой должна быть дѣятельность величайшаго героя Русской Земли. Но кто же исполнитъ эти требованія?—разумѣется первый литературный талантъ времени, Ломоносовъ: и Шуваловъ требуетъ, чтобъ Ломоносовъ занялся Русскою исторіею, и сама императрица изъявляетъ на то свою волю. Ломоносовъ сталъ добросовѣстно приготовляться къ новому труду, собиралъ по источникамъ древнѣйшія извѣстія о Славянахъ; Шуваловъ торопилъ. Въ маѣ 1753 года Ломоносовъ писалъ ему: „О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему старанія прилагаю, чтобъ онъ къ Новому Году письменный изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить,—отъ того я ничего больше требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось".

Проходилъ и 1754 годъ, а „Исторія Россійская" не появлялась. Шуваловъ напомнилъ о трудѣ, о его важности; писалъ, что если другія занятія мѣшаютъ, то ихъ можно и оставить. Ломоносовъ отвѣчалъ въ самомъ началѣ 1755 года: „Я бы отъ всего сердца желалъ имѣть такія силы, чтобы оное великое дѣло совершеніемъ своимъ скоро могло охоту всѣхъ удовольствовать: однако оно само собою такого есть свойства, что требуетъ времени. Коль великимъ счастіемъ я себѣ почесть могу, ежели моею возможною способностію древность Россійскаго народа и славныя дѣла нашихъ государей свѣту откроются,—то весьма чувствую. Могу васъ увѣрить въ томъ заподлинно, что первый томъ въ нынѣшнемъ году съ Божіею помощію совершить уповаю. Что-жь до другихъ моихъ въ физикѣ и въ химіи упражненій касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ успокоенія; для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія времени картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на собраніе и на сочиненіе „Россійской Исторіи" и на украшеніе Россійскаго слова полагаю, позволено будетъ въ день нѣсколько часовъ времени, чтобъ ихъ вмѣсто бильярду употребить на физическіе и химическіе опыты, которые мнѣ не токмо отмѣною матеріи вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто лѣкарства служить имѣютъ, а сверхъ сего пользу и честь отечеству, конечно, принести могутъ, едва меньше ли первой".

Шуваловъ помогъ Ломоносову въ полученіи значительнаго населеннаго имѣнія для заведенія и поддержанія фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, и когда Меценатъ по этому поводу высказалъ опасеніе, не ослабитъ ли обезпеченное состояніе многообъемлющей дѣятельности Ломоносова, то послѣдній отвѣчалъ ему: „Высочайшая щедрота несравненныя монархини нашея, которую я вашимъ отеческимъ предстательствомъ имѣю, можетъ ли меня отвести отъ любленія и отъ усердія къ наукамъ, когда меня крайняя бѣдность, которую я для наукъ терпѣлъ, добровольно отвратить не умѣла. Я всепокорнѣйше прошу ваше превосходительство въ томъ быть обнадежену, что я всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, которые мнѣ отъ усердія велятъ быть предосторожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, которые изъ недоброхотной зависти толкуютъ, посрамлены бы въ своемъ неправомъ мнѣніи были и знать бы научились, что они своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣрить не должны, и помнили-бъ, что музы не такія дѣвки, которыхъ всегда изнасильничать можно: онѣ кого хотятъ, того и полюбятъ. Ежели кто еще въ такомъ мнѣніи, что ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому я предлагаю въ примѣръ, съ одной стороны, Діогена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько остроумныхъ шутокъ, а съ другой стороны—Невтона, богатаго лорда Боила, который всю свою славу въ наукахъ получилъ употребленіемъ великой суммы; Вольфа, который лекціями и подарками нажилъ больше пяти сотъ тысячъ и сверхъ того баронство".

Къ Шувалову обращался Ломоносовъ и въ своихъ академическихъ горестяхъ. Онъ былъ попрежнему страстенъ и раздражителенъ, а раздражаться было чѣмъ, когда знаменитый ученый, достойно оцѣниваемый лучшими людьми, высоко стоящими, самою императрицею, долженъ былъ находиться въ зависимости отъ какого-нибудь Шумахера или Теплова; когда въ челѣ ученаго учрежденія стоялъ человѣкъ, недостойный этого положенія ни по способностямъ, ни по образованію, и, кромѣ того, человѣкъ нерадивый, исполнявшій свою должность чужими руками и руками нечистыми. Естественно, что Ломоносовъ искалъ выхода изъ своего тяжкаго, унизительнаго положенія, искалъ независимаго положенія въ Академіи, или, наконецъ, другого мѣста,

могшаго дать ему бо́льшую независимость и спокойствіе, необходимое для успѣшнаго занятія науками. „Хотя голова моя и много зачинаетъ", писалъ онъ къ Шувалову, „да руки однѣ, и хотя во многихъ случаяхъ можно бы употребить чужія, да приказать не имѣю власти. За бездѣлицею принужденъ я много разъ въ канцелярію бѣгать и подъячимъ кланяться, что я, право, весьма стыжусь, а особливо имѣя такихъ, какъ вы, патроновъ".

Узнавши отъ Шувалова, что нѣтъ надежды пріобрѣсти въ Академіи независимое положеніе, Ломоносовъ писалъ патрону: „Ежели невозможно, чтобы я былъ произведенъ въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій, то всеуниженно ваше превосходительство прошу, чтобы вашимъ отеческимъ предстательствомъ переведенъ я былъ въ другой корпусъ, а лучше всего въ Иностранную Коллегію, гдѣ не меньше могу принести пользы и чести отечеству, а особливо имѣя случай употреблять архивы къ продолженію „Россійской Исторіи". Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы Онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное сердце въ мою помощь и чрезъ васъ сотворилъ со мною знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіи мя и постыдятся: Господь помогъ ми и утѣшилъ мя есть изъ двухъ единымъ, дабы или всѣ сказали: камень, егоже не брегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, что она лишилась, потерявъ такого человѣка, который чрезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности".

Въ Иностранную Коллегію Ломоносовъ перемѣщенъ не былъ, а въ Академіи, въ началѣ 1755 года, онъ долженъ былъ выдержать сильную борьбу, потому что побранился съ двумя могуществами— Тепловымъ и Шумахеромъ. Брань произошла по поводу пересмотра академическаго устава, вслѣдствіе извѣстнаго намъ распоряженія Сената о составленіи Уложенія. Ломоносовъ высказывался за болѣе сильное участіе ученаго корпуса въ управленіи Академіею, съ ограниченіемъ власти президента. Шумахеръ, котораго Ломоносовъ называетъ Коварнинымъ и который очень хорошо понималъ, чью собственно власть Ломоносову хочется ограничить, говорилъ, что Ломоносовъ хочетъ отнять власть и полномочіе президентское. Ломоносовъ отвѣчалъ, что желаетъ снять съ президента бремя, которое выше силъ одного человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, но дѣла должны производиться по общему согласію, тѣмъ болѣе-что президентъ не полигисторъ; если владѣющій государь имѣетъ своихъ сенаторовъ и другихъ чиновныхъ людей, которыхъ совѣты онъ принимаетъ, несмотря на свое самодержавіе, то можетъ-ли быть иначе въ наукахъ. Споръ кончился бранью, послѣ чего Тепловъ, Шумахеръ и Миллеръ донесли президенту, что не могутъ присутствовать вмѣстѣ съ Ломоносовымъ въ академическихъ собраніяхъ. Разумовскій велѣлъ сдѣлать Ломоносову выговоръ и запретилъ ему являться въ собранія. „Я осужденъ", писалъ Ломоносовъ Шувалову: „Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ. Виноватый оправленъ, правый обвиненъ. Коварнинъ (Шумахеръ) надѣется, что онъ и со мною такъ поступитъ, какъ съ другими прежде. Президентъ нашъ—добрый человѣкъ, только ввѣрился въ Коварнина. Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только—не Теплова. И такъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ ваше превосходительство всепокорнѣйше прошу, чтобъ меня отъ такого поношенія и неправеднаго поруганія избавить; дабы чрезъ ваше отеческое предстательство всемилостивѣйшая государыня принять въ высочайшее свое собственное покровительство и отъ Теплова ига избавить не презрила, и отъ такихъ нападковъ по моей ревности защитить матерски благоволила. Чрезъ вашего превосходительства ходатайство отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ вскорѣ спасенъ быть ожидаю".

Ожиданіе сбылось; пришло приказаніе отъ Разумовскаго возвратить ему его ордеръ относительно Ломоносова и объявить послѣднему, чтобъ попрежнему присутствовать въ академическихъ собраніяхъ. Свою ученую дѣятельность за описываемый періодъ времени Ломоносовъ закончилъ изданіемъ „Грамматики". О ней остались въ его замѣткахъ слѣдующія слова: „Меня хотя другія мои главныя дѣла воспящаютъ отъ словесныхъ наукъ, однако, видя, что никто не принимается, я хотя не совершу, однако начну, что будетъ другимъ послѣ меня легче дѣлать" [1]).

Полезные почины относительно Русской исторіи и географіи дѣлалъ другой академикъ, Миллеръ. Такъ какъ Миллеръ пробылъ около десяти лѣтъ въ Сибири на двойномъ жалованьи, то, по мнѣнію академической канцеляріи, нельзя было потерять это иждивеніе, и она заключила съ Миллеромъ новый контрактъ, по которому онъ обязался: 1) быть при Академіи Наукъ профессоромъ въ университетѣ и для сочиненія генеральной „Россійской Исторіи"; къ тому же опредѣляется исторіографомъ, причемъ обѣщаетъ высокій ея императорскаго величества интересъ и Академіи честь и пользу всячески наблюдать. 2) Начатыя свои дѣла, на которыя уже столько иждивенія употреблено, а именно „Сибирскую Исторію", въ которой бы имѣть достовѣрное описаніе положенія всей Сибири географическаго, вѣры, языковъ всѣхъ тамошнихъ народовъ и древностей сибирскихъ, и, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Фишеромъ производить, чтобъ всякій годъ издать можно было по одной книжкѣ путешествія его. 3) Когда окончится „Сибирская Исторія", тогда онъ, Миллеръ, употребленъ будетъ къ сочиненію Исторіи всей Россійской имперіи въ департаментѣ, которой ему отъ Академіи показанъ будетъ, по плану, которой имъ самимъ сочиненъ въ то время быть имѣетъ и въ канцеля-

[1]) Сочиненія Ломоносова (Смирдинское изданіе); Билярскаго—Матеріалы для біографіи Ломоносова.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. II.

ріи апробованъ. 4) Понеже онъ, Миллеръ, отъ лекцій уволенъ, то, вмѣсто того, отправлять ему ректорскую должность при университетѣ.—Историческіе труды Миллера разсматривались въ особомъ историческомъ собраніи, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ академиковъ. Въ одномъ мѣстѣ „Сибирской Исторіи" было сказано, что Ермакъ позволялъ своимъ казакамъ разбойничать. Ломоносовъ и другіе члены историческаго собранія замѣтили, что „о семъ дѣлѣ должно писать осторожнѣе и помянутому Ермаку въ разсужденіи завоеванія Сибири разбойничества не приписывать". Миллеръ отвѣчалъ, что это обстоятельство не подлежитъ никакому сомнѣнію, измѣнить его нельзя, и потому лучше совсѣмъ выпустить.

Если историкъ обязывался осторожностью относительно Ермака, то мы не удивимся запросу, полученному Миллеромъ отъ президента Академіи, самъ ли собою онъ сочинялъ найденныя въ его дѣлахъ родословныя, или по чьему-нибудь приказу или прошенію; а потомъ Тепловъ объявилъ ему, именемъ Разумовскаго, чтобъ онъ такихъ родословныхъ впредь не сочинялъ, а трудился бы въ однѣхъ настоящихъ своихъ должностяхъ. Миллеръ отвѣчалъ, что составлялъ родословныя таблицы по должности историка, потому что исторія и генеалогія такъ между собою связаны, что одна безъ другой быть не можетъ. Но отмѣны приказанія не сочинять родословныхъ не послѣдовало, и Миллеръ показывалъ, что больше не сочиняетъ. Миллеръ написалъ предисловіе къ своей Исторіи, или къ „Описанію Сибирскаго царства": Шумахеръ настаивалъ, что предисловіе не нужно, ибо клонится больше къ распространенію суетной славы автора. Миллеръ просилъ позволенія помѣстить при своемъ трудѣ двѣ лѣтописи въ видѣ приложенія: Шумахеръ замѣчалъ, что Миллеръ и то безъ нужды наполнилъ свою книгу жалованными грамотами, изъ чего видно, что хотѣлъ только увеличить свою Исторію и время продлить. Академическая канцелярія объявила Миллеру, что „хотя, по разсужденію вашему, и потребны доказательства къ вашей „Сибирской Исторіи", однако находится при достопамятныхъ вещахъ немалое число въ оной-же лѣтописи лжебасней, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакимъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона. А хотя же бы что и до закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ; тѣмъ больше съ здравымъ разсужденіемъ не сходно такую книгу напечатать вмѣсто доказательства подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла. И, по опредѣленію главной канцеляріи Академіи Наукъ, велѣно показанную лѣтопись, для объявленныхъ и основательныхъ резоновъ, печатаніемъ оставить до того времени, когда оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства, чего ради и предисловіе къ „Сибирской Исторіи", которое вы прислали для апробаціи, перемѣнено".

Такимъ образомъ, первый томъ „Описанія Сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ" явился въ 1750 году безъ Миллеровскаго предисловія, въ которомъ, между прочимъ, говорилось, какъ полезно для читателей, когда они встрѣчаютъ въ книгѣ много выписокъ изъ древнихъ актовъ на древнемъ языкѣ, напоминающихъ о такихъ словахъ и выраженіяхъ чисто русскихъ, которыя утратились и замѣнены словами иностранными: „Должно", говоритъ Миллеръ, „обыкновенію временъ нѣсколько уступать, когда старинными словами и складами гнушаются; но сіе обыкновеніе не надлежитъ всегда почитать за узаконеніе и не должно отвергать всего старинняго только для того, что оно—старинное, а новое принимать для того, что—новое".

Это указаніе на необходимость поддержать новый Русскій языкъ въ тяжелой борьбѣ его съ наплывомъ новыхъ понятій и словъ, поддержать живымъ и сильнымъ языкомъ древнихъ грамотъ, тѣмъ языкомъ Посольскаго Приказа, на который при Петрѣ Великомъ заставляли писать и переводить книги,—это указаніе оставлено безъ вниманія, и относительно слѣдующихъ томовъ „Сибирской Исторіи" академическая канцелярія предписала: „Усмотрѣно, что въ первомъ томѣ „Исторіи Сибирской" бо̀льшая часть книги не что иное есть, какъ только копія съ дѣлъ канцелярскихъ, а инако бы книга надлежащей величины не имѣла: то черезъ сіе накрѣпко запрещается, чтобъ никакихъ копій въ слѣдующіе томы не вносить, а когда нужно упомянуть какую грамоту или выписку, то на сторонѣ цитировать, что оная дѣйствительно въ академической архивѣ хранится".

Это время, конецъ 1749 и 1750 годъ, было самое тяжелое въ служебной жизни Миллера. Мы видѣли, что Миллеру и Ломоносову поручено было въ 1749 году приготовить рѣчи для торжественнаго собранія Академіи 6 сентября. Мюллеръ написалъ свою рѣчь на Латинскомъ языкѣ: „О происхожденіи народа и имени Руссовъ", гдѣ развивалъ положеніе Байера о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси. Рѣчь была одобрена въ академическомъ собраніи; но коммисаръ Крекшинъ, выводившій изъ терпѣнія Сенатъ своими вздорными доносами, доносившій и прежде на Миллера, что тотъ дѣлаетъ выписки, унизительныя для Русскихъ великихъ князей, и теперь началъ распускать по городу слухи, что въ рѣчи Миллера много оскорбительнаго для чести Русскаго народа. Тогда Шумахеръ поручилъ шестерымъ членамъ Академіи, въ томъ числѣ Тредіаковскому и Ломоносову, разсмотрѣть рѣчь Миллера,—„не сыщется ли въ ней

что-нибудь предосудительное для Россіи". Тредіаковскій подалъ отзывъ, что „сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроятностію доказываетъ свое мнѣніе. Нѣтъ, почитай, ни единаго въ свѣтѣ народа, котораго первоначаліе не было бы темно и баснословно; слѣдовательно я не вижу, чтобы во всемъ авторовомъ доказательствѣ было какое предосужденіе Россіи. Все предосужденіе сдѣлалъ самъ себѣ сочинитель выборомъ столь спорныя матеріи". Но Ломоносовъ въ своемъ отзывѣ объявилъ, что диссертація Миллера „поставлена на зыблющихся основаніяхъ; опроверженіе мнѣній, что Москва происходитъ отъ Мосоха и Россіяне—отъ рѣки Росса, никакой силы не имѣютъ и притомъ переплетены непорядочнымъ расположеніемъ и темной ночи подобны". Ломоносовъ упрекаетъ Миллера, зачѣмъ онъ пропустилъ лучшій случай къ похвалѣ Славянскаго народа и не сдѣлалъ Скиѳовъ Славянами, ибо извѣстно, что Скиѳы не боялись царей Македонскихъ и самихъ Римлянъ; нападаетъ на Миллера, зачѣмъ онъ очень поздно ставитъ приходъ Славянъ въ здѣшнія мѣста; зачѣмъ о Несторѣ лѣтописцѣ говоритъ весьма продерзостно и хулительно такъ: „Ошибся Несторъ" Мнѣнія членовъ Академіи, большинство которыхъ было противъ диссертаціи, отосланы къ президенту въ Москву, откуда получено рѣшеніе дѣлу, написанное Тепловымъ: „Диссертацію профессора Миллера, собравъ черную и бѣлую рукописную, отдать въ архиву, а напечатанную и съ корректурами хранить до указу подъ особливою канцелярскою печатью, не выпуская ни подъ какимъ видомъ ни единаго экземпляра въ свѣтъ, дабы со столь многими сумнительствами и важными погрѣшностями не могъ себя подвергнуть авторъ дальнему толкованію, а исправя, при времени, оную могъ при подобной окказіи употребить". Въ Петербургѣ академическая канцелярія объявила Миллеру, что его диссертацію велѣно у н и ч т о ж и т ь. Миллеръ, раздраженный этимъ у н и ч т о ж е н і е м ъ, имѣлъ неосторожность написать президенту жалобу на пристрастіе своихъ судей, не сознавая справедливости замѣчанія Тредіаковскаго, что, все предосужденіе сдѣлалъ себѣ сочинитель выборомъ „толь спорныя матеріи". Президентъ предписалъ произвести разсмотрѣніе диссертаціи въ генеральномъ собраніи Академіи, въ присутствіи Миллера, который могъ бы защищаться противъ обвиненій. Начались экстраординарныя засѣданія, на которыхъ Миллеръ защищалъ свою диссертацію; засѣданія продолжались съ октября 1749 до марта 1750 г. Кромѣ устныхъ споровъ, поданы были опять и письменные отзывы. Тредіаковскій опять объявилъ, что „Миллерова диссертація есть вѣроятна, и вѣроятнѣе еще, кажется, всѣхъ другихъ системъ, понынѣ о началѣ имени Россіянъ вѣдомыхъ". Ломоносовъ остался такъ же при своемъ прежнемъ мнѣніи, что „оной диссертаціи никоимъ образомъ въ свѣтъ выпуститься не надлежитъ. Ибо кромѣ того, что вся она основана на вымыслѣ и на ложно приведенномъ въ свидѣтельство отъ г. Миллера Несторовомъ текстѣ и что многія явныя между собою борющіяся прекословныя мнѣнія и нескладныя затѣи Академіи безславіе сдѣлать могутъ, находятся въ ней еще немало опасныя разсужденія. Ибо 1) должно опасаться, чтобы не было соблазна Православной Россійской Церкви оттого, что г. Миллеръ полагаетъ поселеніе Славянъ на Днѣпрѣ и въ Новгородѣ послѣ временъ апостольскихъ; а Церковь Россійская повсягодно воспоминаетъ о приходѣ Св. апостола Андрея Первозваннаго на Днѣпръ и въ Новгородъ къ Славянамъ, гдѣ и крестъ отъ него поставленъ, и нынѣ высочайшимъ ея величества указомъ строится на ономъ мѣстѣ каменная церковь. 2) Изъ сего мнѣнія не воспослѣдовала бы нѣкоторая критика на премудрое учрежденіе Петра Великаго о кавалерскомъ орденѣ Св. апостола Андрея. 3) Происхожденіе первыхъ князей Россійскихъ отъ безымянныхъ Скандинавовъ въ противность Несторову свидѣтельству, который ихъ именно отъ Варяговъ-Руси производитъ, происхожденіе имени Россійскаго весьма не древнее, да и то отъ Чухонцевъ, въ противность же яснаго Несторова свидѣтельства; презрѣніе россійскихъ писателей, какъ преподобнаго Нестора, и предпочитаніе имъ своихъ неосновательныхъ догадокъ и готическихъ басней, наконецъ частыя надъ Россіянами побѣды Скандинавовъ съ досадительными изображеніями не токмо въ такой рѣчи быть недостойны, которую г. Миллеру для чести Россійской Академіи и для побужденія Россійскаго народа на любовь къ наукамъ сочинить было велѣно, но и всей Россіи предъ другими государствами предосудительны быть должны".

Канцелярія Академіи Наукъ, основываясь на томъ, что диссертація Миллера ни однимъ изъ членовъ Академіи не одобрена, а проф. Тредіаковскимъ за прямо основательную не признана, опредѣлила оную диссертацію совсѣмъ уничтожить.

Но этимъ бѣды не кончились. Подъ предлогомъ скорѣйшаго окончанія „Сибирской Исторіи", у Миллера отняли должность ректора университета, находившагося при Академіи Наукъ, и въ то же время заставляли читать лекціи по всеобщей исторіи. Тщетно Миллеръ представлялъ, что онъ уже 18 лѣтъ какъ не читалъ никакихъ лекцій, а посвятилъ всѣ свои труды Русской исторіи и географіи и не занимается всеобщею исторіею, — ему объявили приказаніе президента непремѣнно читать лекціи, иначе пойдетъ вычетъ изъ жалованья. Тогда, выведенный изъ себя, Миллеръ подалъ жалобу президенту на Теплова, какъ человѣка, который вредитъ ему во всемъ, дурно отзывается о его „Сибирской Исторіи", помѣшалъ посвященію этой книги и проч. Легко было предвидѣть слѣдствіе жалобы Разумовскому на Теплова. Президентъ прислалъ въ Академію бумагу, въ которой говорилось, что нѣкоторые члены Академіи препятствуютъ его стараніямъ на пользу этого учрежденія; Делиля и Крузіуса онъ за это прогналъ, но еще остался Миллеръ, кото-

рый девять лѣтъ пробылъ въ Сибири на большомъ жалованьи, а ничего оттуда не привезъ, кромѣ копій съ лѣтописей, грамотъ и другихъ канцелярскихъ дѣлъ, что можно было бы пріобрѣсти съ гораздо меньшими издержками, не посылая его, Миллера; студента Крашенинникова въ Сибири билъ батогами; клевещетъ на Теплова, на членовъ канцеляріи; самого президента признаетъ нечувствительнымъ и неосмотрительнымъ. За такія преступленія Миллера разжаловали изъ академиковъ въ адъюнкты. Скоро, впрочемъ, опомнились, конечно не безъ предстательства людей сильныхъ, и возвратили Миллеру прежнюю должность, вынудивши, однако, у него признаніе, что былъ достойно наказанъ. Нельзя было не опомниться, потому что другого такого способнаго труженика не было въ Академіи. Онъ былъ конференцъ-секретаремъ, велъ обширную переписку съ заграничными учеными и литераторами, составлялъ протоколы академическихъ засѣданій, наблюдалъ за изданіемъ трудовъ Академіи (Novi commentarii), и когда задумали издавать при Академіи первый учено-литературный журналъ, то некому было поручить и этого изданія, кромѣ Миллера, а изданіе такого журнала въ то время, по состоянію образованности вообще и по недостатку всякихъ средствъ, было дѣломъ крайне труднымъ. Въ декабрѣ 1753 года, Миллеръ прочиталъ въ академическомъ собраніи предисловіе къ первой книжкѣ журнала, который долженъ былъ выходить подъ названіемъ: „Санктпетербургскія академическія примѣчанія". Возраженій не было; но черезъ мѣсяцъ Ломоносовъ заявилъ, что „сей титулъ и предисловіе при Дворѣ ея императорскаго величества очень раскритикованы, и надлежитъ оба перемѣнить. А особливо о титулѣ", сказалъ онъ, „что хотя назвать книгу Санктпетербургскими штанами, то сіе таково жь прилично будетъ, какъ имя „Примѣчанія", потому что и стихи вноситься будутъ, а стихи не примѣчанія". Миллеръ жаловался, что во время этого спора ему досталось отъ Ломоносова много „безчестныхъ порицаній", и предлагалъ поручить изданіе журнала самому Ломоносову. Изданіе осталось за Миллеромъ, но онъ долженъ былъ назвать журналъ „Ежемѣсячными сочиненіями".

Въ предисловіи къ журналу издатель говорилъ: „Предлагаемы будутъ здѣсь всякія сочиненія, какія только обществу полезны быть могутъ, а именно: не одни только разсужденія о собственно, такъ называемыхъ, наукахъ, но и такія, которыя въ экономіи, въ купечествѣ, въ рудокопныхъ дѣлахъ, въ мануфактурахъ, въ механическихъ рукодѣліяхъ, въ архитектурѣ, въ музыкѣ, въ живописномъ и рѣзномъ художествахъ, и въ прочихъ, какое ни есть новое изобрѣтеніе показываютъ, или къ поправленію чего-нибудь поводъ подать могутъ. И какъ мы равномѣрно желаемъ, чтобъ и стихотворцы сочиненія свои намъ сообщали, между которыми быть могутъ и забавные, то мы надѣемся, что сочинители оныхъ ни до кого персонально касаться не будутъ. Коль великое множество имѣемъ мы еще другихъ матерій! Когда читателямъ нашимъ предвоспріимемъ сообщать экстракты изъ достовѣрнѣйшихъ россійскихъ лѣтописей, списки съ старинныхъ грамотъ и съ архивныхъ дѣлъ, описанія церемоніямъ и торжествамъ, при Дворѣ ея императорскаго величества происходящимъ, высочайшія узаконенія и указы, до всенароднаго благополучія касающіеся, которые потому что вѣчно въ силѣ своей остаться имѣютъ, паче другихъ достойны сохраненія, иногда при томъ еще объявлять будемъ о иностранныхъ и здѣшней печати новыхъ и полезныхъ книгахъ, также и о знатнѣйшихъ политическихъ каждаго мѣсяца приключеніяхъ. При томъ великомъ изобиліи не мнимъ мы, чтобъ когда могъ быть недостатокъ въ матеріяхъ, а еще меньше того опасаемся, чтобъ для ихъ различности оныя кому наскучили". По инструкціи президента Академіи, Миллеру въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" велѣно „убѣгать отъ всѣхъ богословскихъ и метафизическихъ матерій, стараться вносить въ оныя („Ежем. Сочин.") только такія вещи, которыя бы, сверхъ пріятности, и дѣйствительную пользу въ себѣ заключали".

На первый же годъ издатель далъ въ журналъ значительные вклады; онъ помѣстилъ любопытную статью: „О первомъ лѣтописателѣ россійскомъ, преподобномъ Несторѣ, о его лѣтописи и о продолжателяхъ оныя". Эта статья уже не похожа на ту, которую мы видѣли въ первомъ томѣ нѣмецкаго „Сборника": Миллеръ выучился понимать древнія сочиненія, самъ сталъ разбирать рукописи, познакомился съ трудами Татищева и, руководствуемый послѣдними, написалъ свое изслѣдованіе, которымъ, въ свою очередь, руководствовались позднѣйшіе изслѣдователи. Миллеръ спѣшитъ самъ указать на грубыя ошибки, которыя онъ сдѣлалъ въ первой статьѣ о лѣтописи, по собственному незнанію Русскаго языка и по невѣжеству своего переводчика; онъ отрицается отъ лѣтописи игумена Ѳеодосія и, вслѣдъ за Татищевымъ, объявляетъ въ самомъ началѣ статьи: „Всѣмъ извѣстно, что начало лѣтописаній россійскихъ приписать должно Кіево-Печерскаго монастыря монаху, преподобному Нестору". О начальной лѣтописи Миллеръ дѣлаетъ отзывъ, который перешелъ изъ XVIII и въ XIX вѣкъ: „Не беззнатное обстоятельство, для показанія важности Несторовой лѣтописи, есть то, что прочіе славянскіе народы подобной ей не имѣютъ, ниже чтобъ которая изъ ихъ лѣтописей либо древностію, либо обстоятельнымъ и внятнымъ объявленіемъ происшедшихъ дѣлъ сей нашей предпочитаема быть могла. Послѣдующіе россійскіе писатели повторяли въ продолженіяхъ своихъ описанное Несторомъ время по большей части собственными его словами. По крайней мѣрѣ они въ его описаніи не отважились учинить никакой знатной перемѣны. Такъ сильно удостовѣрены были они о вѣрности объявленныхъ Несторомъ приключеній; да какъ бы имъ таковымъ и не быть, когда и нынѣ никакихъ

знатныхъ недостатковъ въ его лѣтописи не видно, и когда точное согласіе перваго нашего Россійскаго лѣтописателя съ греческими тогдашнихъ временъ историками примѣчаемъ. Того ради, для Россійской исторіи весьма полезное бы дѣло было, и какъ отъ природныхъ Россійскихъ, такъ и отъ иностранныхъ, давно желаемое, ежели бы повелѣно было къ побужденію тѣхъ, кои Россійскую исторію основательно знать желаютъ или еще розысканіями своими больше изъяснить намѣрены, Несторову лѣтопись, купно съ продолженіями оной напечатавши, въ народъ издать... Но сколь нужна сама по себѣ есть Несторова лѣтопись съ продолженіями ея, чтобъ въ печать издана была, столько же не можно почесть за излишнее, если повелѣно будетъ и труды покойнаго господина тайнаго совѣтника Татищева такимъ же образомъ напечатать". Кромѣ этого важнаго въ исторіи нашей исторической литературы изслѣдованія, Миллеръ помѣстилъ въ томъ же году статью „О торгахъ сибирскихъ" [1]).

Въ тотъ самый годъ, когда Петербургская Академія Наукъ, „ничего такъ не желая, какъ чтобъ Россійскому государству и народу трудами своими приносить дѣйствительную пользу и, сколько возможно, возбудить во всѣхъ удовольствіе, какое производитъ знаніе наукъ", начала издавать первый учено-литературный журналъ на Русскомъ языкѣ, въ тотъ самый годъ основанъ былъ университетъ—въ Москвѣ. Мы уже замѣчали, какъ естественно и постепенно шло развитіе, раздѣленіе занятій между нашими учено-учебными заведеніями въ XVIII вѣкѣ. Въ проектированной Петромъ Великимъ Академіи Наукъ заключалось три учрежденія—и Академіи Наукъ, и университетъ, и гимназія. При Аннѣ учрежденъ кадетскій корпусъ, но и онъ не можетъ носить спеціально военный характеръ, характеръ его двойственный—военно-гражданскій, и въ приготовленіи молодыхъ людей къ гражданской службѣ корпусъ замѣняетъ собственно университетъ. Университетъ при Академіи Наукъ не ладился; чувствовалась потребность сдѣлать шагъ впередъ въ развитіи учебныхъ учрежденій, выдѣлить университетъ изъ Академіи Наукъ, учебное заведеніе—изъ ученаго. Но для удовлетворенія потребности извѣстнаго времени нужны люди, которые, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, способны приводить въ исполненіе требуемое дѣло. Конечно, Ломоносовъ, да и не одинъ Ломоносовъ, могъ внушать Ивану Ивановичу Шувалову, что университетъ при Академіи, вслѣдствіе безпорядочности ея управленія, не пойдетъ, и у Мецената, естественно, родилась мысль основать самостоятельный университетъ, увѣковѣчить этимъ свое имя и, взявши новое учрежденіе въ свое главное начальство, дать ему надлежащее устройство. Мысль эта могла быть прямо внушена Ломоносовымъ или поддержана имъ: по крайней мѣрѣ, Ломоносовъ говоритъ, что онъ „первый причину подалъ къ основанію" университета. Какъ видно, во время пребыванія Двора въ Москвѣ, въ 1754 году, было рѣшено дѣло объ основаніи университета въ этой столицѣ; Шуваловъ, по возвращеніи въ Петербургъ, объявилъ объ этомъ Ломоносову и вслѣдъ затѣмъ прислалъ ему черновое доношеніе въ Сенатъ объ основаніи университета. Ломоносовъ послалъ ему свое мнѣніе объ устройствѣ будущаго университета, наскоро набросанное, приписавъ слѣдующее: „Не въ указъ вашему превосходительству, совѣтую не торопиться, чтобы послѣ не передѣлывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я цѣлый полный планъ предложить могу непремѣнно" [2]).

19 іюля того же года Петръ Ивановичъ Шуваловъ предложилъ Сенату доношеніе дѣйствительнаго камергера и кавалера Ивана Ивановича Шувалова и притомъ учиненные имъ, г. камергеромъ, проектъ и штатъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета для дворянъ и разночинцевъ и двухъ гимназій, одной для дворянъ и другой для разночинцевъ, кромѣ крѣпостныхъ людей, по примѣру европейскихъ университетовъ, гдѣ всякаго званія люди свободно наукою пользуются. Приказали: доложить ея императорскому величеству и представить, что оный г. камергера трудъ Правительственный Сенатъ признаваетъ за весьма нужный и полезный государству; что же онъ, г. камергеръ, представляетъ на содержаніе того университета и гимназій ежегодно употреблять суммы до 10,000 рублевъ, то какъ оное дѣло весьма важное и потребное для пользы всего государства, того для Правительственный Сенатъ разсуждаетъ ежегодно на содержаніе онаго университета и двухъ гимназій отпускать по 15,000 рублевъ, дабы оный пріумноженіемъ достойныхъ профессоровъ и учителей толь наиболѣе въ лучшее состояніе приходилъ, нынѣ же на первый случай единожды на выписываніе профессоровъ, на покупку книгъ и на другія необходимыя нужды отпустить 5,000 рублевъ. Присутствовали въ Сенатѣ, кромѣ Шувалова, князь Алексѣй Димитріевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Щербатовъ [3]). 11 августа Петръ Ивановичъ Шуваловъ уже объявилъ Сенату именной указъ объ исправленіи для учреждающагося въ Москвѣ университета дома у Куретныхъ воротъ, гдѣ прежде была аптека, и о выводѣ находящихся теперь въ этомъ домѣ Ревизіонъ-Коллегіи, Главнаго Коммисаріата и Провіантской конторы. Это исправленіе дома подрядчикъ взялъ за 3,300 рублей [4]).

Если императрица приказала исправлять домъ для университета, то ясно, что она была согласна на его учрежденіе еще въ 1754 году; но указъ объ учрежденіи былъ подписанъ только 12 января

[1]) Статья Сер. Мих. Соловьева:—«Герардъ-Фридрихъ Миллеръ» въ Современникѣ 1854 г., № X.—Пекарскаго—Исторія Академіи Наукъ, т. I.

[2]) Билярскаго—Матеріалы, стр. 269.

[3]) Журналы Сената, подъ тѣмъ же числомъ.

[4]) Журналы Сената, 11 августа, 6 октября 1754 г.

1755 года [1]); въ немъ говорилось: „Когда безсмертныя славы въ Бозѣ почивающій, любезнѣйшій нашъ родитель и государь Петръ Первый, императоръ великій и обновитель отечества своего, погруженную во глубинѣ невѣжествъ и ослабѣвшую въ силахъ Россію къ познанію истиннаго благополучія роду человѣческому приводилъ, какіе и коликіе во все время дражайшей своей жизни монаршескіе въ томъ труды полагалъ, не токмо Россія чувствуетъ, но и большая часть свѣта тому свидѣтель; и хотя во время жизни столь высокославнаго монарха всеполезнѣйшія его предпріятія къ совершенству и не достигли, но мы, со вступленія нашего на Всероссійскій престолъ, всечасное имѣемъ попеченіе и трудъ какъ о исполненіи всѣхъ его славныхъ предпріятій, такъ и о произведеніи всего, что только къ пользѣ и благополучію всего отечества служить можетъ... Но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того,—зло искореняется, то, слѣдовательно, нужда необходимая о томъ стараться, чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе, чему подражая для общей отечеству славы и признавая за весьма полезное къ общенародному благополучію, Сенатъ всеподданнѣйше намъ доносилъ, что дѣйствительный нашъ камергеръ и кавалеръ Шуваловъ поданнымъ въ Сенатъ доношеніемъ, съ приложеніемъ проекта и штата объ учрежденіи въ Москвѣ одного университета и двухъ гимназій, слѣдующее представлялъ: какъ наука вездѣ нужна и полезна и какъ способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми, въ чемъ свидѣтельство видимъ нашего вѣка, отъ Бога дарованнаго къ благополучію нашей имперіи родителя нашего, императора Петра Великаго, доказываетъ, который божественнымъ своимъ предпріятіямъ исполненіе имѣлъ чрезъ науки, безсмертная его слава оставила въ вѣчныя времена разумъ превосходящія дѣла, въ столь короткое время перемѣна нравовъ и обычаевъ и невѣжествъ, долгимъ временемъ утвержденныхъ, строеніе градовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей,—все къ пользѣ общаго житья человѣческаго... Учрежденная родителемъ нашимъ Академія хотя и славою иностранною и съ пользою здѣшнею плоды свои и производитъ, но однимъ онымъ ученымъ корпусомъ довольствоваться не можемъ въ такомъ разсужденіи, что за дальностью дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ С.-Петербургъ многія имѣютъ препятствія, и хотя-жъ первые къ надлежащему воспитанію и наученію къ службѣ нашей, кромѣ Академіи, въ сухопутномъ и морскомъ кадетскихъ корпусахъ, въ инженерство и артиллерію открытый путь имѣютъ, но для ученія вышнимъ наукамъ желающимъ дворянамъ или тѣмъ, которые въ вышеописанныя мѣста для какихъ-либо причинъ не записаны, и для генеральнаго обученія разночинцамъ—упомянутый нашъ дѣйствительный камергеръ и кавалеръ Шуваловъ о учрежденіи въ Москвѣ университета изъяснялъ для таковыхъ обстоятельствъ, что установленіе онаго университета въ Москвѣ тѣмъ способнѣе будетъ: 1) великое число въ ней живущихъ дворянъ и разночинцевъ; 2) положеніе оной среди Россійскаго государства, куда изъ округъ лежащихъ мѣстъ способнѣе пріѣхать можно; 3) содержаніе всякаго не стоитъ многаго иждивенія; 4) почти всякій у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ; 5) великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ большая часть не только учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакого начала не имѣютъ и только чрезъ то младые лѣта учениковъ и лучшее время къ ученію пропадаетъ, а за ученье онымъ безполезно великая плата дается; всѣ же почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу нашу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или, по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парекмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали... Такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче-жъ когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная наша имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и ко исполненію начатыхъ предпріятіевъ и ко учрежденію впредь по знатнымъ россійскимъ городамъ россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣрія, расколы и тому подобныя отъ невѣжества ереси истребятся“.

Проектъ и штатъ состояли въ слѣдующихъ статьяхъ: 1) на содержаніе университета и гимназій довольно 10,000 рублей. 2) Нужно къ ободренію наукъ, чтобъ сама императрица взяла университетъ подъ свою протекцію, и поставила одну или двухъ знатнѣйшихъ особъ кураторами. 3) Чтобъ университетъ, кромѣ Сената, не былъ подчиненъ никакому присутственному мѣсту. 4) Чтобъ всѣ служащіе, безъ вѣдома и позволенія кураторовъ и директора, не становились ни передъ какимъ другимъ судомъ кромѣ университетскаго. 5) Чтобъ всѣ принадлежащіе къ университету чины въ собственныхъ ихъ домахъ свободны были отъ постоевъ и всякихъ полицейскихъ тягостей, также и отъ вычетовъ изъ жалованья и всякихъ другихъ сборовъ. 6) Надлежитъ быть особому директору, который бы, по предписуемой ему инструкціи, о благосостояніи университета старался и его доходами правилъ, съ

[1]) Полн. Собр. Зак., № 10,346.

профессорами науки въ университетѣ и ученіе въ гимназіи учреждалъ, со всѣми присутственными мѣстами по дѣламъ, касающимся до университета, переписку имѣлъ и о всемъ вышеписанномъ кураторамъ представлялъ и ихъ апробаціи требовалъ. 7) Хотя во всякомъ университетѣ, кромѣ философскихъ наукъ и юриспруденціи, должны такожде предлагаемы быть богословскія знанія, однако попеченіе о богословіи справедливо оставляется Св. Синоду. 8) Профессоровъ въ университетѣ будетъ въ трехъ факультетахъ 10: въ юридическомъ—1) профессоръ всей юриспруденціи, который учить долженъ натуральныя и народныя права и узаконенія Римской древней и новой имперіи; 2) профессоръ юриспруденціи россійской, который, сверхъ вышеписанныхъ, долженъ знать и обучать особливо внутреннія государственныя права; 3) профессоръ политики, который долженъ показывать взаимное поведеніе, союзы и поступки государствъ и государей между собою, какъ было въ прошедшіе вѣка и какъ состоятъ въ нынѣшнія времена.—Въ медицинскомъ—1) докторъ и профессоръ химіи долженъ обучать химіи физической особливо и аптекарской; 2) докторъ и профессоръ натуральной исторіи долженъ на лекціяхъ показывать разные роды минераловъ, травъ и животныхъ; 3) докторъ и профессоръ анатоміи обучать долженъ и показывать практикою строеніе тѣла человѣческаго на анатомическомъ театрѣ и пріучать студентовъ къ медицинской практикѣ. Въ философскомъ—1) профессоръ философіи обучать долженъ логикѣ, метафизикѣ и нравоученію; 2) профессоръ физики обучать долженъ физикѣ экспериментальной и теоретической; 3) профессоръ краснорѣчія для обученія ораторіи и стихотворства; 4) профессоръ исторіи для показанія исторіи универсальной и Россійской, также древности и геральдики.—Каждый профессоръ долженъ учить, по крайней мѣрѣ, два часа въ день, исключая воскресныхъ, табельныхъ дней и субботы; по субботамъ—собраніе для разсужденія о дѣлахъ университетскихъ. Никто изъ профессоровъ не долженъ по своей волѣ выбирать себѣ систему или автора, но каждый повиненъ послѣдовать тому порядку и тѣмъ авторамъ, которые ему профессорскимъ собраніемъ и отъ кураторовъ предписаны будутъ. Лекціи должны быть на Латинскомъ или на Русскомъ языкахъ, смотря какъ по приличеству матерій, такъ и по тому, иностранный-ли будетъ профессоръ или природный Русскій. Вакацій двѣ: зимою отъ 18 декабря по 6 января; лѣтомъ отъ 10 іюня по 1 іюля.

Въ обѣихъ гимназіяхъ учредить по 4 школы, въ каждой по 3 класса. Первая школа—россійская; въ ней обучать: въ нижнемъ классѣ грамматикѣ и чистотѣ стиля, въ среднемъ—стихотворство, въ вышнемъ - ораторіи. Вторая школа—латинская; въ ней обучать: въ нижнемъ классѣ первыя основанія Латинскаго языка, вокабулы и разговоры, въ среднемъ толковать нетрудныхъ латинскихъ авторовъ и обучать переводамъ съ Латинскаго на Россійскій и съ Россійскаго на Латинскій языкъ, въ верхнемъ толковать высокихъ авторовъ и обучать сочиненіямъ въ прозѣ и въ стихахъ. Третья школа—первыхъ основаній наукъ: въ нижнемъ классѣ обучать ариѳметикѣ, въ среднемъ—геометріи и географіи, въ вышнемъ—сокращенную философію. Четвертая школа—знаменитѣйшихъ европейскихъ языковъ: въ двухъ нижнихъ классахъ обучать первыя основанія и разговоры съ вокабулами Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, въ двухъ верхнихъ классахъ обучать чистотѣ стиля помянутыхъ языковъ.

Кураторами университета были назначены—Ив. Ив. Шуваловъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Лаврентій Блюментростъ, извѣстный лейбъ-медикъ Петра Великаго, первый президентъ Академіи Наукъ, подвергшійся опалѣ въ царствованіе Анны и жившій въ Москвѣ въ должности начальника гошпиталя. Блюментростъ, впрочемъ, недолго пользовался своимъ новымъ званіемъ куратора, потому что умеръ въ мартѣ того-же 1755 года. Директоромъ университета былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Алексѣй Аргамаковъ. Мы видѣли, что Аргамаковъ былъ назначенъ также членомъ въ коммисію объ Уложеніи и ему поручено составить проектъ устройства Оружейной палаты. Онъ поспѣшилъ въ началѣ же 1755 года представить этотъ проектъ, который дѣлаетъ ему честь и можетъ объяснить, почему его назначили директоромъ университета. По мнѣнію Аргамакова, освященныя вещи, хранившіяся въ палатѣ, короны, скипетры, державы должны быть положены въ лучшемъ порядкѣ, также курьезныя вещи древнихъ работъ и многимъ числомъ посуды серебряной и пребогатымъ конскимъ и оружейнымъ приборомъ могутъ составить славную галерею. Для этого надобно выстроить особое зданіе и разложить вещи съ украшеніемъ въ надлежащемъ порядкѣ; сдѣлать новую опись по расположенію вещей въ этой новой галереѣ, съ выставленіемъ цѣны и съ объясненіемъ значенія каждой вещи; съ лучшихъ вещей снять рисунки, и каталогъ этотъ напечатать на Русскомъ и на другихъ иностранныхъ языкахъ, „дабы столь богатыя и курьозныя вещи, которыя приносятъ славу имперіи, не преданы были забвенію". Одинъ день въ недѣлю назначить для публики, которая обозрѣваетъ палату въ присутствіи члена. Сенатъ приказалъ архитектору составить планъ и смѣту новаго зданія палаты [1]). Но планъ Аргамакова очень не скоро осуществился во всѣхъ частяхъ.

Важно было учрежденіе медицинскаго факультета, при всей его неполнотѣ. Гошпитальныя школы не могли доставлять достаточнаго количества лѣкарей, и прибѣгали къ средствамъ частнаго домашняго наученія; такъ, сенатскій лѣкарь, Вейнраухъ, долженъ былъ обучать лѣкарскому искусству учениковъ; ихъ было у него двое; они получали отъ казны денежное жалованье и про-

[1]) Журналы Сената, 6 февраля 1755 г.

віантъ. Но если, съ одной стороны, чувствовался сильный недостатокъ въ лѣкаряхъ, то былъ любопытный случай, когда лѣкарей отвергли, какъ ненужныхъ. Въ Казанской губерніи были учреждены четыре школы для новокрещенскихъ дѣтей, и къ этимъ школамъ опредѣлены два лѣкаря. Вдругъ получается приказаніе отъ Казанскаго епископа Луки запечатать въ этихъ школахъ всѣ медикаменты; лѣкаря отправляются къ преосвященному удостовѣриться, по его ли приказанію запечатаны медикаменты; епископъ отвѣчаетъ имъ: „Я самъ приказалъ запечатать, да и впредь вамъ лѣчить школьниковъ запрещаю, потому что эти школьники къ лѣченію не сродны". Сенатъ, узнавши объ этомъ изъ донесенія Медицинской канцеляріи, приказалъ дать знать въ Синодъ, чтобъ послалъ епископу указъ о допущеніи лѣкарей, ибо они опредѣлены по указу, и если не станутъ лѣчить, то жалованье будутъ получать понапрасну. Если же имъ тамъ почему-нибудь быть нельзя, то надлежало бы его преосвященству объ этомъ представить, отстранить же собственною властью и препятствовать имъ въ исполненіи ихъ должности не слѣдовало [1]).

Относительно средствъ спеціальнаго образованія нашли нужнымъ сдѣлать преобразованіе въ морскихъ школахъ. Со временъ Петра Великаго въ Адмиралтейскомъ вѣдомствѣ находились двѣ морскихъ Академіи—Петербургская и Московская (на Сухаревой башнѣ). Въ 1750 году Адмиралтейская Коллегія донесла Сенату, что въ 1731 году, по доношеніи адмирала Сиверса, Сенатъ приказалъ въ Навигацкой школѣ содержать учениковъ—въ Москвѣ 100, въ Петербургѣ—150, итого 250 человѣкъ; но по какимъ побужденіямъ адмиралъ Сиверсъ, безъ согласія съ Коллегіею, подалъ доношеніе, этого Коллегія показать не можетъ. Хотя комплектъ былъ положенъ съ большимъ сокращеніемъ числа учениковъ, однако и положеннаго числа никогда на лицо не имѣлось за неприсылкою учениковъ изъ недорослей и дворянскихъ дѣтей, тогда какъ содержаніе флота въ должномъ состояніи, съ хорошими офицерами зависитъ единственно отъ хорошаго состоянія Академіи, ибо ученики берутся въ гардемарины, изъ гардемариновъ возводятся въ мичманы и, по порядку, въ другіе чины, а изъ того малаго числа учениковъ флотовъ и Артиллерійскаго корпуса комплектовать некѣмъ. При жизни Петра Великаго опредѣлялись для обученія навигацкимъ наукамъ въ Академіи изъ знатнаго дворянства, и была большая часть такихъ, которые имѣли за собою значительныя деревни; а теперь присылаются изъ шляхетства малопомѣстные и безпомѣстные, жалованье въ Академіи получаютъ малое: которые въ ариѳметикѣ, тѣ—по рублю въ мѣсяцъ, и изъ такого малаго оклада должны имѣть пропитаніе, одежду, квартиру, тогда какъ и солдату жалованья больше, считая съ хлѣбомъ, мундиромъ и квартирою; случается, что нѣкоторые за босотою и въ Академію иногда не ходятъ; и по такой бѣдности приходится не о наукѣ промышлять, но о пропитаніи; нѣкоторые по бѣдности впадаютъ въ продерзости и исправляться имъ въ совершенныхъ лѣтахъ трудно. Для отстраненія всѣхъ этихъ неудобствъ, Коллегія представила штатъ Морского академическаго шляхетскаго корпуса: на содержаніе 500 учениковъ 56,674 рубля; кромѣ того, представила необходимость имѣть для корпуса особый домъ, потому что теперь ученики живутъ по отдаленнымъ квартирамъ, гдѣ подешевле, и въ Академію къ урокамъ поспѣвать не могутъ. Сенатъ рѣшилъ доложить это представленіе императрицѣ, и слѣдствіемъ было устройство Морского кадетскаго корпуса въ нынѣшнемъ его помѣщеніи, на Васильевскомъ острову. Большой глобусъ, находившійся на Сухаревой башнѣ въ Москвѣ и хранившійся прежде подъ Ивановскою колокольнею, переданъ Академіи Наукъ [2]).

Кромѣ государственныхъ учрежденій для образованія были еще—частныя. Вотъ, напримѣръ, какое объявленіе читалось въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1753 года: „Нѣкая иностранная фамилія шляхетнаго роду намѣрена принимать къ себѣ дѣтей учить основательно по-французски и по-нѣмецки, и по понятію и по лѣтамъ каждаго, за все ученіе о платѣ вдругъ договориться; а дѣвицъ, кромѣ Французскаго языка, обучать еще шитью, ариѳметикѣ, экономіи, танцованію, исторіи и географіи, а притомъ и читанію вѣдомостей".

Богатые купцы посылали сыновей своихъ учиться за-границу, что видно изъ просьбы архангельскаго купца Никиты Крылова: построилъ онъ при Архангельскомъ портѣ, на Быковской верфи, собственнымъ коштомъ корабельный заводъ, а сына своего, Петра, послалъ за-море для обученія иностраннымъ языкамъ и лучшему въ Европѣ обхожденію и знанію, гдѣ, нѣсколько лѣтъ будучи, Голландскому языку совершенно обучился, и въ строеніи кораблей частью весьма присмотрѣлся, и нынѣ обрѣтается при немъ въ произведеніи купечества и надзираніи надъ строеніемъ купеческихъ кораблей. За все это Крыловъ просилъ его и сына его освободить отъ всякихъ службъ. Сенатъ исполнилъ просьбу [3]).

Но школьнаго образованія было мало, являлась потребность продолжать учиться изъ книгъ, потребность развлекаться легкимъ чтеніемъ. Люди со средствами для удовлетворенія этихъ потребностей собирали библіотеки французскихъ авторовъ, которые умѣли тогда захватить монополію популяризованія серьезныхъ вопросовъ науки и общества и тѣмъ сдѣлать языкъ свой необходимымъ для образованныхъ людей,—языкомъ обще-европейскимъ. Но другіе охотники почитать, не имѣвшіе матеріаль-

[1]) Журналы Сената, 29 марта, 4 августа 1755 г.

[2]) Журналы Сената, 25 сентября 1749 г.; 26 іюня, 24 сентября, 18 декабря 1750 г.

[3]) Журналы Сената, 6 апрѣля 1755 г.

ныхъ средствъ для составленія библіотекъ, не имѣвшіе знанія Французскаго языка, гдѣ могли добывать книги и какъ пріобрѣтать знанія иностранныхъ языковъ?

До насъ дошли записки одного изъ тогдашнихъ Русскихъ людей, страстнаго къ чтенію книгъ, Болотова. Для пріобрѣтенія необходимыхъ для дворянина познаній, его привезли изъ деревни въ Петербургъ, гдѣ онъ помѣстился у дяди своего, ротмистра Конной-гвардіи, живущаго въ казенныхъ полковыхъ свѣтлицахъ. Квартира ротмистра состояла изъ четырехъ просторныхъ комнатъ: „Первая составляла переднюю или залу, отправляющую также должность столовой, вторая—спальню, и оба сіи покоя были обиты обоями и порядочно убраны, а изъ другихъ двухъ заднихъ одна была дѣтскою, а другая—и лакейскою, и дѣвичьею. Жена дяди съ пріятельницею своею препровождали время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя уже жизнь получила свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народѣ и тонкій вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема“.

Болотовъ такъ описываетъ своего французскаго учителя и свое ученье: „Г. Лаписъ былъ хотя и ученый человѣкъ, что̀ можно было заключить по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что̀ ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французскою академіею, и въ которомъ находилось только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненіе и толкованіе на Французскомъ же языкѣ, слѣдовательно были на большую часть намъ не вразумительны. Сіи статьи, и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ малѣйшей для насъ пользы“.

Эти полезныя занятія были прерваны отъѣздомъ молодого Болотова въ деревню по случаю смерти матери. Сначала онъ заѣхалъ въ Псковскую провинцію, въ деревню, къ сестрѣ своей, которая была замужемъ за достаточнымъ помѣщикомъ. У зятя своего мальчикъ нашелъ книгу: Квинта Курція „Жизнь Александра Македонскаго“. „Я не могъ устать, ее читаючи“, говоритъ онъ, „и прочелъ ее раза три надосугѣ“. Потомъ мальчикъ поселился въ своей собственной деревнѣ: „Здѣсь“, говоритъ онъ, „я со скуки бы пропалъ, если-бъ не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ читанію книгъ. Несчастіе мое только было, что книгъ для сего чтенія взять было негдѣ. Однако, противъ всякаго чаянія, узналъ я, что у дяди моего есть одна большая духовная книга „Камень Вѣры“. Я прочиталъ ее въ короткое время съ начала до конца, и получилъ чрезъ нее столь многія понятія о догматахъ нашей вѣры, что я сдѣлался почти полубогословомъ и могъ удивлять нашихъ деревенскихъ поповъ своими разсказами и разсужденіями, почерпнутыми изъ сей книги“. Одинъ изъ этихъ поповъ, пограмотнѣе, досталъ молодому барченку Четьи-Минеи. „Боже мой! Какая была для меня радость, когда получилъ я первую часть сей огромной книги. Какъ она была наиболѣе историческая, слѣд. для чтенія веселѣе и пріятнѣе, то я изъ рукъ ее почти не выпускалъ. Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно, столько же и полезно. Оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первыя сѣмена любви и почтенія къ Богу и уваженія къ христіанскому закону, и я, прочитавъ книгу сію, сдѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго. А знанія мои столько распространялись, что вскорѣ начали обо мнѣ вездѣ говорить съ великою похвалою, деревенскіе же попы почитали меня уже наиученѣйшимъ человѣкомъ; но что и неудивительно, потому что они сами ничего не знали. У дяди моего нашелъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ, печатныхъ и скорописныхъ, и тотчасъ началъ списывать и всѣ фигуры, разбирая, счерчивать и чрезъ самое то учиться симъ наукамъ. Третье упражненіе мое состояло въ писаніи. Не имѣя ничего лучшаго, списалъ я цѣлаго „Телемака“ съ печатнаго, которую книгу удалось мнѣ тогда достать“.

Съ такимъ приготовленіемъ Болотовъ поступилъ въ военную службу. По особеннымъ обстоятельствамъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о производствѣ въ первый офицерскій чинъ. „Ѣдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ Академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались. Въ особливости же хотѣлось мнѣ достать „Аргениду“, о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ, моимъ учителемъ, превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я и „Жилблаза“, которая книга тогда только-что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею. Обѣимъ симъ книгамъ былъ я такъ радъ, какъ нашедъ превеликую находку“.

Въ полку книги, привезенныя Болотовымъ изъ Петербурга, переходили изъ рукъ въ руки и доставили владѣльцу расположеніе товарищей. Одинъ сержантъ познакомилъ его съ новаго рода литературнымъ произведеніемъ. „Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи „Хорева“. Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть и умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актеръ. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ она

мнѣ полюбилась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія" [1]).

Кто же были эти люди, которые доставляли Болотову и ему подобнымъ такое наслажденіе?

Въ 1749 году вышелъ первый томъ книги, которая встарину составляла у насъ необходимую принадлежность всякой, сколько-нибудь значительной библіотеки: „Древняя Исторія, сочиненная чрезъ г. Роллена, бывшаго ректора Парижскаго университета, а нынѣ съ Французскаго переведенная чрезъ Василья Тредіаковскаго, профессора элоквенціи". Книга печаталась въ количествѣ 2,400 экземпляровъ, потому что „оная книга надлежитъ до историческихъ книгъ, котораго роду книги здѣсь, при Академіи, весьма скоро распродаются" [2]). Въ томъ же году трудолюбивый профессоръ элоквенціи представилъ въ академическую канцелярію переводъ „Аргениды". Подъ этимъ именемъ извѣстный сатирикъ, Шотландецъ Джонъ Барклай, издалъ на Латинскомъ языкѣ въ 1621 году романъ, въ которомъ аллегорически изображенъ Французскій Дворъ того времени; книга не утратила своей привлекательности спустя слишкомъ сто лѣтъ послѣ своего изданія, и переводъ Тредіаковскаго не былъ запоздавшимъ: нѣмецкій переводъ Гакена явился въ 1764 году. Трагедія „Хоревъ" была первымъ драматическимъ произведеніемъ „установителя русскаго театра"—Сумарокова. Мы привели извѣстіе Болотова, что „нѣжная любовь, подкрѣпляемая въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получила первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ привеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была не спускаема". Такими-то пѣснями пріобрѣлъ себѣ первую извѣстность воспитанникъ Кадетскаго корпуса, Александръ Петровичъ Сумароковъ. Пѣсни эти съ восторгомъ были приняты при Дворѣ и пѣлись самыми знатными дамами. Пѣсни эти не дошли до насъ, но дошли оды, которыя обѣщали въ кадетѣ усерднаго подражателя Тредіаковскому; вотъ для примѣра четыре стиха изъ кадетской оды Сумарокова:

Какъ теперь начать Анну поздравляти?
Не могу когда словъ такихъ сыскати,
Изъ которыхъ ей похвалу сплетати,
Иль неволей мнѣ будетъ промолчати.

Въ 1740 году Сумароковъ вышелъ изъ корпуса въ военную службу, а въ 1747 году явилось въ печати первое его драматическое произведеніе „Хоревъ", производившее на Русскихъ людей впечатлѣніе, описанное Болотовымъ. Между дѣйствующими лицами трагедіи находимъ имена, взятыя изъ преданій, занесенныхъ въ древнѣйшую нашу лѣтопись,—имена Кіевскаго князя Кія и брата его Хорева, но этими именами все и ограничивается, возсозданія русской старины мы здѣсь не найдемъ; это была трагедія, скроенная по французскимъ образцамъ; но „Хорева" заучивали наизусть и декламировали точно такъ же, какъ выучивали и не спускали съ языка пѣсни Сумарокова, потому что въ монологахъ и діалогахъ Хорева и его возлюбленной, Оснельды, находили выраженіе того-же нѣжнаго чувства, какъ и въ пѣсняхъ; но въ трагедіи впечатлѣніе было сильнѣе, потому что здѣсь изображалась борьба нѣжнаго чувства съ честью, долгомъ. Оснельда влюбилась въ Хорева, врага своего дома; она погибла отъ гнуснаго кова, и Хоревъ закалывается, не будучи въ состояніи перенести ея потери. Подражатель Вольтера, Сумароковъ заставлялъ дѣйствующихъ лицъ своихъ пьесъ высказывать мнѣнія, которыя начинали тогда распространяться въ обществѣ, и этому распространенію театръ особенно содѣйствовалъ. Князь Кій, въ которомъ бояринъ Сталверхъ возбуждаетъ подозрѣніе противъ Хорева, разсуждаетъ такъ:

Хочу равно и ложь и истину внимать,
И слѣпо никого не буду осуждать.
Мятусь, и лютаго злодѣя видя въ горѣ,
Князь—кормщикъ корабля, власть княжеская—море,
Гдѣ вѣтры, камни, мель препятствуютъ судамъ,
Желающимъ пристать къ покойнымъ берегамъ.
Но часто кажутся и облака горами,
Летая вдалекѣ по небу надъ водами,
Которыхъ кормщику не должно обѣгать,
Но горы-ль то иль нѣтъ искусствомъ разбирать.
Хоть всѣ-бъ вѣщали мнѣ: тамъ горы, мели тамо.
Когда не вижу самъ, плыву безъ страха прямо.

Хоревъ такъ вооружается противъ наступательной войны:

Колико въ снѣдь звѣрямъ отцовъ, супруговъ, чадъ
Повержено мечемъ? колико душъ взялъ адъ?
Когда на жертвы насъ злой смерти долгъ приноситъ,—
Помремъ; но жертвы сей теперь она не проситъ.
Когда народъ спасти не можно безъ нея,
Мы въ пропасть снидемъ всѣ, и первый сниду я.
Но нынѣ страха нѣтъ народу и коронѣ,
А мечъ дается намъ лишь только къ оборонѣ.
. . . .
Щедрота похвалы въ побѣдахъ умножаетъ.
И человѣчество въ душахъ изображаетъ.
Или подобиться во бранныхъ дѣйствахъ намъ
Въ пустыняхъ ужасно воюющимъ звѣрямъ,
Которы никакой пощады не имѣютъ?
Не ихъ примѣры намъ во браняхъ быть довлѣютъ,
Довольно въ варварствѣ мы кровь свою піемъ,
Когда по должности другъ друга мы біемъ,
И защищеніе съ отмщеніемъ мѣшаемъ.
Подъ видомъ мужества мы звѣрство возвышаемъ.
Какое имя ты, лесть груба, злу дала?
Убійство и грабежъ геройствомъ назвала!

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Хоревъ говоритъ:

Тѣ люди, коими законы сотворены,
Закону своему и сами покоренны [3]).

„Хоревъ" былъ напечатанъ, его учили наизусть и декламировали, но на сценѣ его не видали: въ Рос-

[1]) Записки Болотова, по изданію «Русской Старины».
[2]) Пекарскаго - Исторія Академіи Наукъ II, 143.

[3]) Сочиненія Сумарокова, изд. Новикова.

сіи еще не было русскаго театра. При Дворѣ была опера, гдѣ „пѣли дѣвки итальянки и кастратъ“; былъ нѣмецкій театръ. Въ 1749 году нѣмецкой комедіантской банды содержатель Пантолонъ Петръ Гильфердингъ просилъ, что бывшій той банды директоръ Сигмундъ умеръ, и банда осталась безъ директора, а содержитъ ее онъ, Панталонъ Гильфердингъ, выплачивая вдовѣ умершаго Сигмунда нѣкоторую часть собираемыхъ доходовъ, а она уже вышла теперь замужъ за офицера: и потому ему, Гильфердингу, дать привилегію, а жену Сигмундову отъ того отрѣшить и платы ей болѣе не производить. Сенатъ приказалъ Гильфердингу въ представленіи комедій и оперъ въ Москвѣ, Петербургѣ, Нарвѣ, Ревелѣ, Ригѣ и Выборгѣ дать привилегію на такомъ же основаніи, какъ дана была Сигмунду[1]).

Но нѣмецкій театръ съ его комедіями и операми не могъ удовлетворять. Нравились трагедіи и комедіи французскія или по образцу ихъ написанныя русскія; нравился „Хоревъ“. 29 января 1750 года канцеляристъ графа Алексѣя Григор. Разумовскаго въ канцеляріи Кадетскаго корпуса объявилъ, что ея императорское величество указала приготовиться кадетамъ, о которыхъ генералъ-адъютантъ (т.-е. главный адъютантъ Разумовскаго) Сумароковъ реестръ сообщилъ, представить на театрѣ двѣ русскія трагедіи, и чтобъ они для затвержденія рѣчей были отъ классовъ и отъ всякихъ въ корпусѣ должностей до Великаго поста уволены[2]).

Но кадетскія представленія были рѣдки и не всѣмъ доступны; большинство петербургской публики должно было услаждаться курьезными вещами Франца Сарге, который, по высочайшему повелѣнію, съ своею компаніею и ученою лошадью пріѣхалъ изъ Риги и давалъ представленія подъ дирекціею того же Пантолона Гильфердинга[3]).

Ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ русскаго театра не было; но былъ онъ въ Ярославлѣ, гдѣ въ зданіи, вмѣщавшемъ до 1,000 человѣкъ зрителей, играли разныхъ чиновъ люди подъ дирекціею купеческаго сына Ѳедора Григорьевича Волкова, человѣка, выдававшагося изъ ряда людей обыкновенныхъ по отзывамъ современниковъ, которымъ можно вѣрить[4]). Въ Петербургѣ узнали о ярославскомъ театрѣ, и 12 января 1752 года провинціальная ярославская канцелярія получила указъ Сената: во исполненіе высочайшаго именного указа, велѣно ярославскихъ купцовъ—Ѳедора Григорьева Волкова (онъ же и Полушкинъ) съ братьями, Гаврилою и Григорьемъ, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи, и кто имъ еще для того какъ изъ купечества, такъ изъ приказныхъ и изъ прочихъ чиновъ потребны будутъ, и принадлежащее къ игранію комедій ихъ платье отправить въ С.-Петербургъ съ присланнымъ съ тѣмъ указомъ Сенатской роты подпоручикомъ Дашковымъ, и для скорѣйшаго всего того привозу какъ подъ нихъ, такъ и подъ платья ямскія подводы и на нихъ прогонныя деньги, сколько надлежитъ, дать.—Волковъ (Полушкинъ) былъ призванъ въ канцелярію и показалъ, что, сверхъ братьевъ его, Гаврилы и Григорья, потребны къ комедіи ярославской провинціальной канцеляріи канцеляристы: Иванъ Иконниковъ, Яковъ Поповъ, писчикъ Семенъ Куклинъ, присланные изъ консисторіи для опредѣленія въ канцеляріи изъ церковниковъ—Иванъ Дмитревскій, Алексѣй Поповъ, Ярославецъ посадскій человѣкъ Семенъ Скачковъ, да живущіе въ Ярославлѣ изъ Малороссіянъ—Демьянъ Галикъ, Яковъ Шумскій; а подъ свозъ ихъ и платья надлежитъ ямскихъ 19 подводъ, шестеры сани болковни, 6 рогожъ, веревокъ 50 саженъ.

Нѣкоторые изъ ярославскихъ актеровъ найдены годными и для столичнаго театра; въ іюлѣ того же года генералъ-прокуроръ получилъ отъ оберъ-шталмейстера Петра Сумарокова письмо такого содержанія: „Ея императорское величество соизволила указать взятыхъ изъ Ярославля актеровъ—заводчика Ѳедора Волкова, писчиковъ Ивана Дмитревскаго, Алексѣя Попова оставить здѣсь, а канцеляристовъ—Ивана Иконникова, Якова Попова, заводчиковъ—Гаврилу да Григорья Волковыхъ, писчика Семена Куклина, Малороссійцевъ—Демьяна Галика, Якова Шумскаго, ежели похотятъ, отправить обратно въ Ярославль“. При этомъ Иконниковъ и Поповъ пожалованы въ коллежскіе регистраторы[5]). Есть извѣстія, что оставленныхъ въ Петербургѣ актеровъ приготовляли, давали имъ дополнительное образованіе, и, дѣйствительно, россійскій театръ въ Петербургѣ былъ учрежденъ, какъ увидимъ, только въ 1756 году.

А между тѣмъ число драматическихъ произведеній увеличивалось; Сумароковъ былъ неутомимъ: послѣ „Хорева“ онъ написалъ еще въ продолженіи немногихъ лѣтъ пять трагедій и двѣ комедіи. Трагедіи всѣ написаны по одному образцу, во всѣхъ нихъ дѣйствующія лица, добродѣтельныя и порочныя, похожи другъ на друга, откуда бы ни были взяты ихъ имена,—изъ Древне-Русской или Персидской исторіи, и такъ какъ Сумароковъ не обладалъ сильнымъ талантомъ въ изображеніи природы человѣческой и не могъ успѣшно бороться съ языкомъ, не вышедшимъ еще изъ хаотическаго состоянія, то и не предохранилъ своихъ произведеній отъ забвенія. Но мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ мѣстъ изъ первыхъ трагедій Сумарокова, ибо слова, произносимыя со сцены въ юномъ обществѣ, слова, которыя жадно хватались и заучивались, не могли не производить особаго впечатлѣнія, болѣе сильнаго, чѣмъ то, которое производятъ сухія нравоученія, напримѣръ, слова Гамлета:

---

1) Журналы Сената, 12 октября 1749 г.

2) Журналы Сената, 12 октября 1749 г.

3) Журналы Сената, 12 сентября 1750 г.

4) Новикова—Опытъ словаря о росс. писател. 40; Фонъ-Визина соч. по Смирдинск. изд., стр. 508.

5) Журналы Сената, 29 января и 18 іюля 1752 г.

Я бѣдствіемъ своимъ хочу себя явить,
Что надъ любовію могу я властенъ быть.
Люблю Офелію; но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть плѣнно, хоть свободно.

Или слова Гостомысла въ трагедіи „Синавъ и Труворъ“:

Гдѣ должность говоритъ, или любовь къ народу:
Тамъ нѣтъ любовника, тамъ нѣтъ отца, ни роду.

Или слова Семиры:

Отъ знатной крови я на свѣтъ изведена:
Должна-ль я тако быть страстьми побѣждена,
Чтобъ дѣлали они гремѣны тѣ въ Семирѣ,
Какія свойственны другимъ дѣвицамъ въ мірѣ?
Гдѣ жизни хвальные примѣры находить,
Коль въ княжескихъ сердцахъ пороки будутъ жить?
Иль преимущество имѣемъ предъ другими
Одними титлами лишь только мы своими?

Мы должны остановиться на комедіяхъ Сумарокова, потому что какой-бы чуждый образецъ ни имѣлъ передъ глазами авторъ, все же онъ, представляя будничную жизнь, не можетъ отрѣшиться отъ явленій окружающаго общества, тѣмъ болѣе что въ комедіи указанія на ближайшія неправильныя явленія, отъ которыхъ терпитъ общество, даютъ особенную силу, значеніе сочиненію, чѣмъ авторъ пренебречь не можетъ. Разумѣется, въ литературныхъ произведеніяхъ сатирическаго свойства, комедіяхъ и собственно сатирахъ, всего рѣзче выставляются тѣ явленія, которыя лично затронули самого автора, и въ первыхъ комедіяхъ Сумарокова мы видимъ педанта, каррикатуру ученаго, подъ которою современники легко могли узнать извѣстнаго профессора элоквенціи Василія Кирилловича Тредіаковскаго. Можно наполнить томы описаніемъ ссоръ и перебранокъ между русскими учеными и литераторами, начиная съ Ломоносова, Тредіаковскаго и Сумарокова. Явленіе это всегда способно было возбуждать глумленіе толпы надъ людьми, которые считали себя наставниками народа, а между тѣмъ подавали очень дурной примѣръ наставляемымъ. Но надобно было войти въ ихъ положеніе. Обыкновенный человѣкъ, въ продолженіи всего своего общественнаго поприща, могъ получать замѣчанія отъ начальствующихъ лицъ, и то рѣдко публично; пересудовъ же и насмѣшекъ отъ равныхъ себѣ онъ вблизи не слыхалъ, когда же приходилось слышать, то онъ равнодушнымъ не оставался; но эти перебранки обыкновенно не имѣютъ большой гласности. Но вотъ ученый или литераторъ передаетъ свое произведеніе публикѣ, которая начинаетъ поучаться изъ книги, наслаждаться поэтическимъ произведеніемъ, а тутъ раздается голосъ публично, во всеуслышаніе, что книга ученаго наполнена ошибками; что трагедія или ода наполнена неправильностями относительно языка, здраваго смысла, господствующей теоріи. Публика смущена, ждетъ отвѣта отъ автора, хочетъ присутствовать и судить въ спорѣ; раздраженіе человѣка, котораго изъ ученаго низводятъ въ невѣжды, изъ художника—въ человѣка бездарнаго,—раздраженіе автора доходитъ до высшей степени, которую рѣдко кто испытываетъ хотя разъ въ жизни, а несчастный авторъ долженъ испытывать каждый разъ при изданіи въ свѣтъ своего произведенія. Понятно, что при защитѣ, когда надобно поддержать свой авторитетъ противъ подкапывающихся подъ него соперниковъ, первое средство, за которое хватается въ раздраженіи защищающійся,—это подкапываніе подъ авторитетъ нападающаго: „Ты обличаешь меня, а самъ-то ты каковъ? И, будучи исполненъ такихъ недостатковъ, какое право имѣешь обличать другихъ?“ Тутъ насмѣшка, болѣе всего доступная и пріятная толпѣ, играетъ главную роль, но поэтому-то самому насмѣшка и болѣе всего раздражаетъ; несчастному автору кажется, что всякій встрѣчный улыбается при видѣ его.

Понятно, что такого раздраженія между авторами не можетъ быть въ странахъ, обладающихъ крѣпкимъ и широко распространеннымъ образованіемъ: здѣсь авторъ, сознающій несправедливость возраженій, спокоенъ, зная, что въ обществѣ много людей, которые не станутъ на сторону его противника потому только, что тотъ написалъ нѣсколько рѣзкихъ и насмѣшливыхъ замѣтокъ, зная, что въ обществѣ образованномъ нельзя поколебать авторитета одними криками, насмѣшками. Самая рѣзкость нападокъ изъ противнаго лагеря служитъ доказательствомъ важнаго значенія ученаго или литературнаго произведенія, потому успокаиваетъ автора вмѣсто раздраженія, и если авторъ чувствуетъ необходимость полемики для уясненія вопроса, то ему не нужно спѣшить,—онъ сдѣлаетъ это при полномъ спокойствіи, и, потому, съ полнымъ достоинствомъ, безъ личностей и брани.

Но не такъ бываетъ въ обществахъ юныхъ, гдѣ образованіе, недавно начавшееся, не пустило еще корней, а такимъ обществомъ именно было — русское въ описываемое время. Здѣсь автору не было никакого ручательства, что публика и безъ него справедливо разсудитъ его дѣло; общество было въ такомъ состояніи, что для рѣшенія дѣло требовало средневѣковаго доказательства, судебнаго поединка, присуждало поле, и авторъ долженъ биться публично со своимъ противникомъ. Мы уже замѣтили по поводу Кантемира, вооружившагося въ своихъ сатирахъ противъ самохвала, какъ состояніе тогдашняго общества развивало самохвальство. Разумѣется, этотъ порокъ можетъ корениться въ личности человѣка, но развивается преимущественно въ такомъ обществѣ, которое не можетъ дать ручательства, что на трудъ будетъ обращено вниманіе и онъ будетъ оцѣненъ по достоинству. Въ такомъ обществѣ авторъ считаетъ необходимымъ самъ объявлять о своемъ трудѣ, самъ его оцѣнивать. Если и теперь встрѣчаются люди, такъ называемые образованные, которые потому только знаютъ объ извѣстномъ авторѣ и его сочиненіяхъ, что авторъ съ ними знакомъ и даритъ свои произ-

веденія, о другихъ же не знаютъ; если и теперь для доставленія успѣха книгѣ прибѣгаютъ иногда къ такимъ мѣрамъ, которыя показываютъ недовѣріе къ публикѣ, къ ея вниманію и способности оцѣнить трудъ по достоинству; если и теперь иные авторы считаютъ нужнымъ напоминать о себѣ, очень любятъ поговорить о себѣ:—то мы должны быть снисходительны къ авторамъ XVIII вѣка, считавшимъ необходимостью говорить о своихъ трудахъ, о своихъ заслугахъ. Сумароковъ былъ самохвалъ, и Ломоносовъ былъ тоже самохвалъ. И самохвальство въ литературѣ не могло производить непріятнаго впечатлѣнія, когда каждый считалъ для себя позволительнымъ просить правительство о наградѣ, причемъ высчитывалъ свои труды и важное ихъ значеніе, не догадываясь какъ оскорбляетъ правительство, предполагая въ немъ неспособность обратить вниманіе и оцѣнить заслуги подданныхъ. Но дѣло въ томъ, что и само правительство не оскорблялось такимъ предположеніемъ и не относилось сурово къ самохвалу. Точно такъ же не оскорблялось и общество авторскимъ самохвальствомъ.

Столкновеніе Сумарокова съ тогдашними учеными авторитетами было неминуемо, вопервыхъ, потому, что эти ученые были также стихотворцами, и отсюда рождалось соперничество; вовторыхъ,—по отсутствію тогда раздѣленія занятій, ученому учрежденію, Академіи Наукъ, принадлежала цензура сочиненій, бывшая прежде у Сената. Нѣтъ сомнѣнія, что профессоръ элоквенціи Тредіаковскій не преминулъ сдѣлать замѣчанія и на первую трагедію Сумарокова „Хоревъ", что раздражало автора; а раздраженіе это не могло сдерживаться авторитетомъ Василія Кирилловича, котораго собственныя стихотворенія вызывали столько замѣчаній и насмѣшекъ. Какъ видно,—Тредіаковскій принадлежалъ къ людямъ, охуждавшимъ въ „Хоревѣ" то, что трагедія оканчивалась гибелью добродѣтельныхъ людей, главныхъ героевъ, что, по мнѣнію критиковъ, было противно нравственности, и мнѣніе это было такъ сильно, что Сумароковъ долженъ былъ иначе окончить вторую свою трагедію „Гамлетъ". Когда, въ 1748 году, эта трагедія была отдана оффиціально на судъ Тредіаковскаго и Ломоносова, то первый нашелъ ее „довольно изрядною", а именно потому, что авторъ не повторилъ погрѣшности первой своей трагедіи, въ которой „порокъ преодолѣлъ, а добродѣтель погибла". Тредіаковскій не утерпѣлъ и указалъ на неровность стиля: „индѣ весьма по славенски сверхъ театра, а индѣ очень по площадному ниже трагедіи"; замѣтилъ и грамматическія неисправности, наконецъ позволилъ себѣ передѣлать нѣкоторые стихи. Ломоносовъ ограничился чисто цензурною замѣткою: „Въ оной трагедіи нѣтъ ничего, что бы предосудительно кому было и могло бы напечатанію оной препятствовать".

Сумароковъ не могъ перенести замѣчаній, что въ его произведеніи повсюду видна неровность стиля и находятся многія грамматическія неисправности. Особенно разсердился онъ, когда ему были возвращены изъ Академіи для исправленія двѣ его стихотворныя эпистолы, въ которыхъ Тредіаковскій нашелъ „великое язвительство": Сумароковъ еще подбавилъ язвительства противъ Тредіаковскаго, который объявилъ, что „такихъ злостныхъ сатиръ апробовать не можетъ"; но другой цензоръ, Ломоносовъ, одобрилъ эпистолы, въ которыхъ находились такіе стихи:

И съ пышнымъ Пиндаромъ взлетай до небеси,
Иль съ Ломоносовымъ гласъ громкій вознеси—
Онъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ,
А ты, Штивеліусъ, лишь только врать способенъ.

Штивеліусъ (Тредіаковскій) явился въ 1750 г. въ комедіи Сумарокова подъ именемъ Тресотиніуса, педанта. Комедія начинается тѣмъ, что Клариса, на которой сватается Тресотиніусъ, говоритъ своему отцу: „Нѣтъ, батюшка, воля ваша, лучше мнѣ вѣкъ быть въ дѣвкахъ, нежели за Тресотиніусомъ. Съ чего вы вздумали, что онъ ученъ?—никто этого объ немъ не говоритъ, кромѣ его самого, и хотя онъ и клянется, что онъ человѣкъ ученый, однако въ этомъ никто ему не вѣритъ". *Тресотиніусъ* является къ Кларисѣ съ такимъ привѣтствіемъ: „Прекрасная красота, пріятная пріятность, попремногу кланяюсь вамъ". *Клариса:* „И я вамъ попремногу откланиваюсь, преученое ученіе". *Тресотиніусъ:* „Эта бумажка яснѣе вамъ скажетъ, какую язву въ сердцѣ моемъ пріятство ваше, т.-е. красота ваша мнѣ учинила, т.-е. сдѣлала". На бумажкѣ была написана пѣсня, сочиненная Тресотиніусомъ:

Красоту на вашу смотря, распалился я ей-ей!
Изволь меня избавить ты отъ страсти тѣмъ моей!
Бровь твоя меня пронзила, голосъ кровь зажогъ,
Мучишь ты меня, Климене, и стрѣлою сшибла съ ногъ, и т. д.

Затѣмъ приходитъ другой педантъ, Бобембіусъ, и заводятъ съ Тресотиніусомъ горячій споръ о литерѣ т в е р д о: „которое твердо правильнѣе,—о трехъ ли ногахъ или объ одной ногѣ"? *Тресотиніусъ:* „Я содержу, что твердо объ одной ногѣ правильнѣе, ибо у Грековъ, отъ которыхъ мы литеры получили, оно—объ одной ногѣ, а треножное твердо есть нѣкакой уродъ". *Бобембіусъ:* „Мое твердо о трехъ ногахъ и для того стоитъ твердо, ерго—оно твердо; а твое твердо не твердое, ерго—оно не твердо. Твое твердо слабое, ненадежное, а потому презрительное, гнусное, позорное, скаредное".

Въ другой комедіи Сумарокова „Чудовищи" является педантъ Критиціондіусъ, въ которомъ также легко было узнать Тредіаковскаго. Сумарокову хотѣлось осмѣять своего придирчиваго критика, и потому Критиціондіусъ говоритъ о „Хоревѣ": „Немного получше можно бы было написать. Кію подали стулъ, Богъ знаетъ на что, будто какъ бы онъ въ такомъ былъ состояніи, что ужъ и стоять не могъ. Отчего?—я не знаю... На пѣснь: „Про-

сти, мой свѣтъ" я сочинилъ критику въ двѣнадцати томахъ in folio. На трагедію „Хорева" сложилъ я шесть дюжинъ эпиграммъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и на Греческій языкъ перевелъ; противъ тѣхъ господъ, которые русскія представляли трагедіи, написалъ я на Сирскомъ языкѣ 99 сатиръ". Когда его спрашиваютъ, „что тебѣ въ томъ прибыли",—онъ отвѣчаетъ: „Я хочу вывесть изъ заблужденія любезное мое отечество, которое то похваляетъ, что похуленія достойно, и отнять честь у автора, которую онъ получаетъ неправедно; а паче всего для того я на него вооружаюсь, что онъ думаетъ обо мнѣ, будто я, все что ни есть, пишу нескладно. Да то мнѣ всего злѣе, что онъ въ томъ на весь народъ ссылается, а весь народъ за нескладнаго писца меня и почитаетъ, однако я противъ всего Русскаго народа сдѣлаю ювеналовымъ вкусомъ сатиру... Этотъ же авторъ сдѣлалъ комедію на ученыхъ людей. Хорошо ли это, что на ученыхъ людей дѣлать комедіи"?

Сумароковъ дѣлалъ комедіи на ученыхъ людей, потому что самъ не принадлежалъ къ нимъ; ученые люди, опираясь на свою ученость, указывали на недостатки его произведеній, и Сумароковъ боялся, что эти указанія, какъ указанія людей ученыхъ, должны имѣть вѣсъ и вредить ему,—и потому ему нужно было осмѣять, опозорить ученыхъ. Ему было легко сладить съ Тредіаковскимъ, стихотворныя произведенія котораго просились на насмѣшку; но когда извѣстность его стала рости все болѣе и болѣе; когда у него явились поклонники, которые стали величать его „открытелемъ таинства любовной лиры, россійскимъ Расиномъ, защитникомъ истины, гонителемъ, бичомъ пороковъ", то и дѣло легко дошло и до столкновенія съ Ломоносовымъ, который для многихъ оставался первымъ россійскимъ не только ученымъ, но и стихотворцемъ. Соперничество повело къ явной враждѣ, къ перебранкѣ въ стихахъ и въ прозѣ.

Кромѣ педантовъ, въ комедіяхъ Сумарокова являются и другіе люди, которыхъ онъ выставляетъ преимущественно на позоръ: это петиметры и приказные. Мы уже говорили, что въ это время господствовали въ Европѣ Французскій языкъ и французская литература. Русскіе люди, живя все болѣе и болѣе общею европейскою жизнью, разумѣется, должны были усвоивать себѣ общественный языкъ и знакомиться съ богатою литературою, такъ удовлетворявшею пытливости и вкусу тогдашнихъ образованныхъ людей. Разумѣется, не Ив. Ив. Шуваловъ „заставилъ насъ говорить нечестивымъ Французскимъ языкомъ", какъ выразился Растопчинъ, очень плохой знатокъ исторіи: еще прежде, чѣмъ Ив. Ив. Шуваловъ получилъ вліяніе, Русскіе люди со средствами заводили французскія библіотеки и выписывали французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ для дѣтей своихъ. Учиться говорить по-французски заставляла нужда, потребность образованія; кто могъ, учился и по-нѣмецки, но Нѣмцы подавали примѣръ подражанія Французамъ, говорили и писали по-французски, пренебрегая роднымъ языкомъ. Люди съ потребностью образованія, высшихъ наслажденій, жадно читали, учили наизусть творенія россійскаго Расина—Сумарокова; странно было-бы требовать отъ людей, могшихъ читать по-французски, имѣть французскія книги, чтобъ они не читали Расина въ подлинникѣ и довольствовались Сумароковымъ. Ив. Ив. Шуваловъ пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ исторіи русскаго просвѣщенія не тѣмъ, что любилъ Французскій языкъ и французскую литературу, но тѣмъ, что старался поднять русскую литературу, увеличить средства для образованія Русскихъ людей; Шуваловъ пишетъ конспектъ риторики Ломоносова, подъ руководствомъ Ломоносова пишетъ р у с с к і е стихи, и въ этихъ плохихъ русскихъ стихахъ—защита для него отъ упрековъ во французоманіи.

Но во всѣ времена, во всякомъ живомъ обществѣ есть люди слабые, люди мелкой природы, которые подчиняются извѣстному господствующему вліянію до рабства; по внутренней духовной слабости эти люди останавливаются на одномъ внѣшнемъ, доводятъ это подражаніе внѣшнему до обезьянства, ибо относятся къ дѣлу съ безсознательностью животнаго, возбуждаютъ смѣхъ и отвращеніе и всего больше содѣйствуютъ упадку извѣстнаго направленія, реакціи противъ него; по слабости природы своей, эти люди увлекаются до такой степени, что, кромѣ предмета своего обожанія, исключаютъ все другое, какимъ бы священнымъ именемъ это другое ни называлось,—у нихъ всегда на языкѣ бранная выходка противъ него. Французское вліяніе, господствовавшее во всей Европѣ въ описываемое время, имѣло у насъ въ Россіи такихъ поклонниковъ, и въ Россіи больше и долѣе чѣмъ гдѣ-либо, по молодости русскаго общества, слѣдовательно, по бо́льшей способности его членовъ къ увлеченію,—и къ увлеченію внѣшностью, а французская внѣшность очень способна своимъ блескомъ, изяществомъ увлекать слабыхъ. Сатира не могла не остановиться на этихъ людяхъ (п е т и м е т р а х ъ, какъ ихъ тогда называли), потому что они представляли такъ много смѣшного; впрочемъ, они возбуждали и не одинъ смѣхъ, потому что, рабствуя чужому, они совершенно отрекались отъ своего, дѣлали противъ него выходки, оскорблявшія патріотическое чувство.

Въ комедіи „Чудовищи" петиметръ является подъ именемъ Дюлижа. Дюлижъ презираетъ все нефранцузское. Когда хозяинъ дома, неимѣющій понятія объ иностранныхъ языкахъ, думаетъ, что фразы, которыя Дюлижъ вплетаетъ въ свою рѣчь нѣмецкія, то петиметръ страшно оскорбляется: „Что?—вы думаете, что я говорю по-нѣмецки? Quelle pensée, quelle impertinence! чтобъ я этимъ языкомъ говорить сталъ!" Услыхавъ объ Уложеньи, онъ спрашиваетъ: „Уложенье, что это за звѣрь?... Я не только не хочу знать русскія права, я бы Русскаго языка знать не хотѣлъ. Скаредный языкъ!..

Для чего я родился Русскимъ! о натура, не стыдно-ль тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца!" О своихъ достоинствахъ Дюлижъ говоритъ такъ: „Научиться этому, какъ одѣться, какъ надѣть шляпу, какъ табакерку открыть, какъ табакъ нюхать—стоитъ цѣлаго вѣку, а я этому формально учился, чтобъ могъ я тѣмъ отечеству своему дѣлать услуги". О своемъ соперникѣ, который выставленъ авторомъ въ противоположность ему, Дюлижъ отзывается: „Это будто человѣкъ! Кошелекъ носитъ такой большой, какъ заслонъ; на головѣ пуклей съ двадцать, тростку носитъ коротенькую, платье дѣлаетъ ему Нѣмчинъ; муфты у него и отъ-роду не было, манжеты носитъ короткія, да онъ-же еще и по-нѣмецки умѣетъ". Арлекинъ, который еще продолжаетъ являться въ комедіи, произноситъ приговоръ петиметру: „Этакое безобразіе, стыдъ роду человѣческому! Конечно, это обезьяна, да не здѣшняя".

Сатира, комедія не могли не вооружиться противъ явленія, завѣщаннаго древнею Россіею и противъ котораго новая истощалась въ безплодныхъ протестахъ, — противъ неправды, недобросовѣстности суда, противъ людей, которые для спокойствія, чести, имущества гражданъ были такъ-же вредны, какъ и разбойники. „Статное-ли это дѣло, чтобъ я дочь свою выдала за ябедника", говоритъ жена въ комедіи „Чудовищи". Мужъ отвѣчаетъ ей: „Мы люди разоренные, да ежели этакова человѣка у насъ въ роднѣ не будетъ, такъ мы и совсѣмъ пропадемъ". Мужъ съ женою поспорили, и жена дала сожителю своему пощечину. Вслѣдствіе этого является на сцену судъ. Мы видѣли, какъ графъ Петръ Шуваловъ жаловался на множество коммисій, которыя тянулись безконечно. Сумароковъ подсмѣивается надъ этими коммисіями: дама, давшая мужу пощечину, называетъ судъ „пощечинною коммисіею". Составъ суда характеризуется въ разговорѣ между судьями: „Я не знаю", говоритъ одинъ судья другому: „сильны ли вы въ дѣлахъ приказныхъ, а я все служилъ въ солдатствѣ и въ Приказъ посаженъ недавно: такъ я въ дѣлахъ-то не очень еще силенъ; развѣ вы въ нихъ знающи?" Товарищъ отвѣчаетъ: „Я вѣкъ свой изжилъ въ Приказахъ; только безъ этакова человѣка, каковъ нашъ протоколистъ, и я ничего не сдѣлаю, это не судейская должность, чтобъ знать права. Наше дѣло оговаривать и вершить дѣла; знать права—то дѣло секретарское". Судья, весь вѣкъ изжившій въ Приказахъ, показываетъ однако свою опытность, находитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ истца, который одинъ разъ сказалъ, что жена дала ему пощечину, въ другой разъ сказалъ, что оплеуху. Защитникъ истца, ябедникъ Хабзей, говоритъ судьѣ: „Въ этомъ разнствія не имѣется, понеже оплеуха и пощечина, такъ какъ помѣстье и вотчина, за едино пріемлются".—Въ комедіи „Тресотиніусъ" подъячій говоритъ офицеру Брамарбасу: „Я слышалъ, что у вашего благородія изъ вотчинъ пріѣхали". *Брамарбасъ:* „А тебѣ что до того дѣло?" *Подъячій:* „Я слышалъ, что и запасу къ вашей милости понавезли. Не имѣется ли и для нашего брата; а у меня жена родила". *Брамарбасъ:* „Когда вы рождаетесь, такъ радоваться нечему". *Подъячій:* „Я это заявлю и буду на васъ бить челомъ: такъ ты мнѣ заплатишь безчестье". *Брамарбасъ:* „Сержантъ, арестуй!" *Подъячій:* „Какъ, арестовать? Приказнаго служителя? Насъ и въ Приказахъ не арестуютъ, и весь намъ штрафъ только въ томъ, что насъ на цѣпь сажаютъ. А ты это въ противность правамъ дѣлаешь". *Брамарбасъ* указываетъ на свою шпагу: „Вотъ право офицерское!" *Подъячій,* указавъ на свое перо: „Это хоть и не такъ остро, однако иногда колетъ сильнѣе и шпаги".

Литературныя занятія Сумароковъ считалъ своею службою. Такъ онъ писалъ императрицѣ: „Вашего императ. величества человѣколюбіе и милосердіе отъемлютъ мою робость пасть къ стопамъ вашего императорскаго величества и всенижайше просить о всемилостивѣйшемъ помилованіи. Я девятый мѣсяцъ по чину моему не получаю заслуженнаго жалованья отъ Штатсъ-Конторы, и какъ я, такъ и жена моя почти всѣ уже свои вещи заложили, не имѣя кромѣ жалованья никакого дохода, ибо я деревень не имѣю, и долженъ жить только тѣмъ, что я своимъ чиномъ и трудами имѣю, трудяся сколько силъ моихъ есть по стихотворству и театру. Я въ такихъ упражненіяхъ не имѣю ни минуты подумать о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Дѣти мои должны пребывать въ невѣжествѣ отъ недостатковъ моихъ, а я терять время напрасно, которое мнѣ потребно для услугъ вашему императорскому величеству въ разсужденіи трудовъ моихъ къ увеселенію Двора, къ чему я всѣ силы прилагаю и всею жизнію моею съ младенчества на стихотворство и на театральныя сочиненія положился, хотя между тѣмъ и другія не въ должности и многія лѣта былъ при дѣлахъ Лейбъ-Кампаніи, которыя правлены мною безпорочно: свидѣтель тому его сіятельство графъ Алексѣй Григорьевичъ (Разумовскій), который вашему императорскому величеству о моей прилежности и безпорочности всеконечно представить можетъ. Труды мои, всемилостивѣйшая государыня, сколько мнѣ извѣстно, по стихотворству и драмамъ не отставали отъ моего въ исполненіи желанія, и сочиненіями своими я Россійскому языку никакого безславія не принесу и покамѣсть не совсѣмъ утухнутъ мысли мои, я въ оныхъ къ увеселенію вашего величества и впредь упражняться всѣмъ сердцемъ готовъ [1])".

Относительно другихъ искусствъ встрѣчаемъ извѣстіе о трудахъ ветерана русскихъ живописцевъ, Ивана Вишнякова, хотя и не можемъ обозначить въ точности эти труды. Въ 1752 году Вишняковъ, по представленію Канцеляріи отъ строеній и за добропорядочное порученныхъ ему дѣлъ исправленіе и за излишне понесенные его

---

[1]) Просьба въ Госуд. Архивѣ.

предъ прочими мастерами труды и за долговременную съ 721 года службу, произведенъ въ надворные совѣтники съ жалованьемъ по 700 р. [1]). Архитекторами въ Петербургѣ видимъ братьевъ Тразиныхъ, въ Москвѣ—Евлашева и князя Димитрія Ухтомскаго, въ Кіевѣ—Мичурина [2]). Въ 1752 году кн. Ухтомскій представилъ Сенату, что опредѣлено къ нему для обученія архитектуры цывилисъ учениковъ число довольное, только подлежащихъ для совершенства къ ихъ обученію казенныхъ архитектурныхъ книгъ не имѣется, въ чемъ состоитъ крайняя нужда, а именно: Витрувія — „О разсужденіи ординовъ съ фигурами". Серлія—„О препорціи ординовъ"; Палладія—„О разсужденіи ординовъ", Бароція на Русскомъ языкѣ въ полъ-листа шесть книгъ, Полусдекера, Девильера — „О разсужденіи ординовъ и о укрѣпленіи фундаментовъ", Поціи—„О прошпективѣ"; Штормовъ „Лексиконъ науки архитектурной", садовыхъ съ фигурами двѣ книги, книга древнихъ греческихъ статуй, машинныхъ и механическихъ на Русскомъ языкѣ. По запросу Сената, Академія Наукъ показала, что изъ вышеобъявленныхъ книгъ въ продажѣ находится только Полусдекера, цѣною три тома 16 рублей 50 коп., да „Механика" на Русскомъ языкѣ—20 коп. Сенатъ приказалъ: которыя есть—купить, а остальныя, когда при Академіи или у вольныхъ въ продажѣ будутъ, купить и отдать Ухтомскому [3])

Сохранимъ память о простомъ Русскомъ человѣкѣ, который въ описываемое время изобрѣлъ „самобѣглую коляску". То былъ крестьянинъ подгородной Яранской слободы, Леонтій Шамшуренковъ; коляска двигалась подъ закрытіемъ съ помощью двухъ человѣкъ и стоила 90 рублей; мастеру выдано было за нее изъ казны 50 рублей награжденія. Потомъ Шамшуренковъ объявилъ Сенату, что сдѣлалъ онъ коляску, а теперь можетъ сдѣлать сани, которыя будутъ ѣздить зимою безъ лошадей; можетъ сдѣлать также часы, которые будутъ ходить у коляски на задней оси и будутъ показывать на кругу стрѣлою до 1,000 верстъ, на всякой верстѣ будетъ бить колокольчикъ, и прежнюю коляску можетъ сдѣлать уборнѣе и на ходу будетъ скорѣе. Сенатъ велѣлъ спросить, сколько все это будетъ стоить [4]). Послѣдствія неизвѣстны.

[1]) Журналы Сената, 10 декабря 1752 г.
[2]) Журналы Сената, 2 марта 1749 г.
[3]) Журналы Сената, 29 апрѣля 1752 г.
[4]) Журналы Сената, 5 ноября 1752; 2 и 29 апрѣля 1753 г.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать четвертый.

Глава I.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1756 годъ.

Причины Семилѣтней войны.—Кауницъ.—Перемѣна политической системы на Западѣ: союзъ Англіи съ Пруссіею и Франціи съ Австріею.—Отношенія Россіи къ западнымъ державамъ.—Записка канцлера Бестужева о необходимости, какъ можно скорѣе, ратификовать субсидный договоръ съ Англіею.—Условная ратификація договора.—Англійскій посланникъ Уильямсъ объявляетъ о заключеніи Англо-Прусскаго договора.—Положеніе канцлера Бестужева послѣ этого объявленія.—Учрежденіе конференціи.—Опредѣленіе русской политики въ виду новыхъ европейскихъ отношеній.—Разсказъ Зубарева.—Австрія замедляетъ движеніе Россіи противъ Фридриха II.—Отношенія Русскаго Двора къ Польско-Саксонскому.—Нападеніе Фридриха II на Саксонію.—Переселеніе Августа III въ Варшаву.—Станиславъ Понятовскій.—Движенія въ Петербургѣ вслѣдствіе болѣзни императрицы.—Сближеніе Россіи съ Франціею.—Напрасныя старанія Англіи склонить Елисавету къ посредничеству между Австріею и Пруссіею.—Отношеніе Россіи къ Швеціи и Турціи.—Движенія войскъ къ прусскимъ границамъ.—Главнокомандующій Апраксинъ.—Финансовыя мѣры для поддержанія войны.—Слѣдствія передвиженія войскъ изъ внутреннихъ областей къ границамъ.—Разбои и возмущенія крестьянъ.—Мѣры относительно однодворцевъ.—Малороссія.—Восточная Украйна.—Похожденія башкирскаго возмутителя Батырши.—Сибирь.

Весною 1754 года, въ Сѣверной Америкѣ, между французскими и англійскими колонистами начались стычки, которыя въ Европѣ послужили поводомъ къ перемѣнѣ политической системы и къ Семилѣтней войнѣ. Говоримъ: „послужили поводомъ“ потому, что причина заключалась въ перемѣнѣ отношеній между европейскими государствами, которая обозначилась во время войны за Австрійское наслѣдство. Европа привыкла къ вѣковому соперничеству между Бурбонскимъ и Габсбургскимъ Домами; отъ того или другого исхода борьбы между ними зависѣло политическое равновѣсіе Европы, независимость другихъ, менѣе сильныхъ державъ ея. Франція воспользовалась смертью послѣдняго Габсбурга, императора Карла VI, чтобъ раздробить его наслѣдство и этимъ способомъ, по окончательномъ ослабленіи Германіи чрезъ размельченіе ея владѣній, окончательно утвердить свое первенство въ Европѣ. Какъ, прежде, такъ и теперь, благодаря политическому разъединенію Германіи, Франція нашла себѣ союзниковъ между ея владѣльцами, и между этими союзниками былъ король Прусскій. Но исходъ войны показалъ, что дѣла не могутъ идти попрежнему. Какъ, послѣ Великой Сѣверной войны, европейскія государства съ удивленіемъ увидали среди себя новаго могущественнаго сочлена, внезапно выросшаго,—Россію: такъ послѣ войны за Австрійское наслѣдство они увидали среди себя другое новое могущество,—Пруссію, предъ которою должны были посторониться. Франція жестоко обманулась въ своихъ надеждахъ: вмѣсто окончательнаго размельченія и ослабленія Германіи, здѣсь явилось государство, которое оказалось гораздо могущественнѣе Австріи, которое одно вышло съ выгодою изъ войны и употребило Францію орудіемъ для своихъ цѣлей, для своего усиленія, тогда какъ Франція надѣялась употребить его своимъ орудіемъ. Франція увидала, что главное препятствіе своимъ намѣреніямъ относительно Германіи будетъ она находить теперь въ Пруссіи, а не въ Австріи, которая сходила на второй планъ, переставала быть опасною, почему соперничество съ нею прекращалось, и вѣковая вражда естественно начала уступать мѣсто сближенію при видѣ общаго сильнаго врага. Съ своей стороны Австрія, обобранная Фридрихомъ II, потерявши Силезію, увидала, что главный врагъ ея теперь—не Франція, а Пруссія; что съ Франціей ей было бы легко сладить, если-бъ не Прусскій король; поэтому и въ Вѣнѣ естественно рождалась мысль прекратить вѣковую вражду съ Франціею, болѣе не опасною, и вступить съ нею въ союзъ противъ новаго могущества, одинаково страшнаго обѣимъ державамъ; естественно рождалась мысль, что только цѣною

союзовъ, и прежде всего союзомъ съ Франціею, можно ослабить Фридриха II, заставить его возвратить Силезію, какъ такою же цѣпью союзовъ было сокрушено въ началѣ вѣка могущество Людовика XIV. Обстоятельства слагались такъ, что необходимо должна была послѣдовать перемѣна въ европейской политикѣ, должно было послѣдовать сближеніе и союзъ между Австріею и Франціею. Не Кауницъ устроилъ этотъ союзъ съ помощью какой-нибудь Помпадуръ: знаменитый министръ Маріи-Терезіи только понялъ, что при извѣстныхъ условіяхъ сближеніе между Австріею и Франціею возможно и необходимо.

Весною 1749 года Марія-Терезія приказала своимъ министрамъ представить письменныя мнѣнія о политической системѣ, которой Австрія должна теперь слѣдовать. Кауницъ, перечисляя въ своемъ мнѣніи естественныхъ друзей и враговъ Австріи, первое мѣсто между первыми даетъ Англіи, которая для собственныхъ выгодъ должна быть въ союзѣ съ Австріею. Но при этомъ не должно забывать, говоритъ онъ, что, въ случаѣ войны съ Пруссіею, Австрія не можетъ разсчитывать на помощь Англіи. Король Георгъ, принцъ Валлійскій и ганноверское министерство, конечно, ненавидятъ Пруссію, но это еще болѣе усиливаетъ расположеніе къ Пруссіи Англійскаго народа, у котораго континентальныя владѣнія его собственнаго короля, какъ бѣльмо на глазу. Голландія, также, по своимъ интересамъ должна быть на сторонѣ Австріи; еще болѣе — Россія; но такъ какъ политика этого государства истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ его интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ, то невозможно строить на ней продолжительную систему. Четвертою естественною союзницею Австріи Кауницъ считаетъ Саксонію; но она, къ несчастію, не въ состояніи принять съ самаго начала непосредственное участіе въ борьбѣ съ Пруссіею. Враги Австріи—это Порта, Франція и Пруссія. Относительно первой ничего нельзя впередъ опредѣлить, потому что ея поведеніе основывается не на государственныхъ правилахъ, а зависитъ отъ случайности, какъ-то: возмущеній, серальскихъ интригъ, отставки миролюбиваго визиря и замѣны его воинственнымъ. Относительно Порты нечего больше дѣлать, какъ соблюдать постоянную осторожность и, съ своей стороны, не подавать ни малѣйшаго повода къ разрыву. Что касается Франціи, то Кауницъ охотно признаетъ всѣ грѣхи, содѣянные ею противъ Австрійскаго Дома въ продолженіи вѣковъ, а послѣдній грѣхъ горше всѣхъ прежнихъ: безъ малѣйшей причины взялась она за оружіе и составила планъ лишить короны дочь Карла VI,—это такой вѣроломный поступокъ, какому нельзя найти примѣра въ исторіи. И эта главная цѣль французской политики—сокрушеніе Австрійскаго Дома—достигнута въ томъ отношеніи, что Франціи удалось противопоставить Австріи новаго могущественнаго врага, который для Франціи полезенъ, ибо можетъ оттягивать отъ нея силы Англіи и Голландіи, и дѣлаетъ невозможнымъ соединеніе всей Германской имперіи противъ Франціи. Несмотря на то, связь Франціи съ Пруссіею не такъ тѣсна, какъ съ перваго взгляда кажется. Франція должна быть достаточно убѣждена, что на дружбу короля Фридриха полагаться нельзя, и что его постоянно возрастающая сила можетъ обратиться въ великій вредъ и самимъ его союзникамъ. Король Прусскій долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ естественныхъ враговъ Австріи, долженъ считаться самымъ злымъ и опаснымъ сосѣдомъ. Нечего распространяться о вредѣ, причиненномъ потерею Силезіи. Съ Силезіею отрѣзанъ не какой-нибудь второстепенный членъ, но главная, существенная часть государственнаго тѣла. Теперь Прусскому королю, имѣющему многочисленное и отличное войско, постоянно открыта дорога проникнуть въ сердце Австрійскихъ наслѣдныхъ земель и нанести монархіи послѣдній смертельный ударъ. Самъ Прусскій король не можетъ ни минуты сомнѣваться, что императорскій Домъ никогда не забудетъ потери Силезіи, никогда не пропуститъ ни одного удобнаго случая снова овладѣть ею. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что для сохраненія этого завоеванія прусская политика должна быть постоянно направлена къ бо́льшему ослабленію Австріи для отнятія у нея средствъ исполнить когда-либо свое намѣреніе, и, такимъ образомъ, оба Двора будутъ постоянно жить въ величайшемъ соперничествѣ и непримиримой враждѣ. Изъ сказаннаго ясна несостоятельность прежней политической системы и необходимость принять новую. Главнымъ основаніемъ послѣдней должно быть правило: напрягать всѣ усилія къ тому, чтобъ не только предохранять себя отъ враждебныхъ предпріятій Прусскаго короля, но и ослаблять его, ограничивать его господство и возвратить потерянное. Безъ союзниковъ нельзя воевать съ Пруссіею. Отъ морскихъ державъ нельзя ожидать никакой помощи,—остается, слѣдовательно, одно средство для достиженія великой цѣли: склонить Францію не только не противиться предпріятіямъ Австріи, но содѣйствовать имъ непосредственно, или, по крайней мѣрѣ, посредственно. Это можетъ произойти только тогда, когда Франція найдетъ болѣе выгоднымъ для себя паденіе прусскаго могущества, чѣмъ его сохраненіе. Поэтому надобно сдѣлать Франціи такое предложеніе, которое бы побудило ее поддерживать Австрію въ стремленіи возвратить себѣ Силезію.

Уничтожить вѣковыя привычки, вѣковые предразсудки—дѣло трудное; трудно было сближеніе Австріи съ Франціею; трудно было внушить людямъ привычки и предразсудки, что недавній союзникъ есть естественный соперникъ и врагъ, и извѣчный врагъ сталъ естественнымъ союзникомъ; надобно было вооружиться долготерпѣніемъ и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ. Осенью 1750 года Кауницъ пріѣхалъ во Францію въ качествѣ посланника, и въ маѣ 1751 г. увѣдомилъ свою госу-

дарыню, что слишкомъ мало надежды произвести разрывъ между Французскимъ и Прусскимъ Дворами. Кауницемъ овладѣло отчаяніе; онъ писалъ, что единственное разумное средство утвердить безопасность Австріи — это забыть потерю Силезіи, отнять у Прусскаго короля на этотъ счетъ всякое безпокойство и втянуть его въ союзъ Австріи съ морскими державами. Кауницъ охотно велъ долгіе разговоры съ фавориткою Людовика XV, маркизой Помпадуръ, и говорилъ ей разныя вещи, которыя, какъ онъ былъ увѣренъ, она передастъ королю; но видимо благопріятныхъ послѣдствій отъ этихъ разговоровъ не оказывалось.

Весною 1753 года, Кауницъ возвратился изъ Франціи и былъ назначенъ канцлеромъ. При Французскомъ Дворѣ онъ былъ замѣненъ графомъ Штарембергомъ, въ инструкціи которому говорилось, что, принимая во вниманіе тѣсную связь Франціи съ Пруссіею, жалобы при Французскомъ Дворѣ на Прусскаго короля или обнаруженіе ненависти и отвращенія къ нему скорѣй произведетъ вредное, чѣмъ благопріятное дѣйствіе. Вотъ какое горькое убѣжденіе вывезъ изъ Франціи новый канцлеръ, первый заявившій невозможность разрыва между Франціею и Пруссіею и сближенія Франціи съ Австріею! Распря между Англіею и Франціею за американскія колоніи не перемѣнила этихъ отношеній. Когда въ Европѣ стали думать, что американскія столкновенія поведутъ къ Европейской войнѣ, то не сомнѣвались, что Франція и Австрія, по обычаю, выступятъ враждебно другъ противъ друга. Точно также всѣ думали, что Пруссія станетъ на сторону Франціи, а морскія державы, Англія и Голландія, будутъ вмѣстѣ съ Австріею; что Франція начнетъ дѣло нападеніемъ на Австрійскія Нидерланды, а король Прусскій вторгнется въ Ганноверъ. Послѣднее, разумѣется, заставляло трепетать Англійскаго короля, какъ владѣтеля Ганноверскаго, и онъ требуетъ у Маріи-Терезіи, чтобъ она немедленно выслала въ свои Нидерланды отъ 25 до 30,000 войска; а если Ганноверъ подвергнется нападенію, то не только отправила бы туда войско, но и сдѣлала бы диверсіи противъ Прусскаго короля изъ своихъ ближайшихъ владѣній, и требованіе это было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, которыя Вѣнскій Дворъ счелъ для себя очень оскорбительными. Кауницъ отвѣчалъ англійскому посланнику Кейту, что если-бы австрійскія войска находились на жалованьи Англіи, а не своей государыни, то и тогда нельзя было бы съ бòльшею рѣзкостью въ тонѣ потребовать отъ императрицы, чтобъ она оставила безъ войска зерно своихъ владѣній и отправила его въ Нидерланды для защиты Голландіи, Англіи и Ганновера. Въ Вѣнѣ соглашались отправить въ Нидерланды отъ 10 до 12,000 человѣкъ, но съ условіемъ, чтобъ Англія и Голландія выставили соотвѣтствующее число войска, своего или наемнаго. Потомъ Вѣнскій Дворъ соглашался увеличить число своего войска въ Нидерландахъ до 30,000, но съ тѣмъ, чтобы Англія выставила 20,000 войска и Голландія 8,000. Англія продолжала требовать, чтобъ Австрія высылала какъ можно болѣе войска въ Нидерланды, отмалчиваясь насчетъ числа своего войска и давая только знать, что Прусскаго короля можно склонить къ нейтралитету.

Эти отношенія Вѣнскаго Двора къ Англіи и намеки послѣдней на свои отношенія къ Пруссіи дали Кауницу новыя побужденія приступить къ дѣлу сближенія Австріи съ Франціею. 21-го августа (н. с.) 1755 года курьеры поскакали въ Парижъ съ инструкціями для Штаремберга. Посланникъ Маріи-Терезіи долженъ былъ объявить Людовику XV, что „императрица охотно сохранила бы миръ и только необходимость можетъ принудить ее начать войну противъ Франціи. Но она имѣетъ причины думать, что Англія, чрезъ посредство протестантскихъ Дворовъ, старается войти въ союзъ съ королемъ Прусскимъ или, по крайней мѣрѣ, сдерживать его посредствомъ русскаго войска, чтобы, такимъ образомъ, для своихъ интересовъ, принести въ жертву интересы католицизма, равно какъ Австрійскаго и Бурбонскаго Домовъ. Это заставляетъ императрицу привести въ соглашеніе свои интересы съ интересами Бурбонскаго Дома. Только слѣпая страсть и старые предразсудки могли до сихъ поръ препятствовать дѣлу спасительному и желанному для охраненія католицизма и спокойствія Европы.

Штарембергъ обратился къ маркизѣ Помпадуръ съ просьбою о посредничествѣ, потому что она пользовалась наибольшимъ довѣріемъ короля, и потомъ, если-бы не сдѣлать ея участницею дѣла, то можно было опасаться препятствій ему съ ея стороны. Людовикъ XV назначилъ вести переговоры съ Штарембергомъ аббата Берни, любимца маркизы. Въ первомъ французскомъ отвѣтѣ на предложеніе Штаремберга говорилось, что король безъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ измѣны и безъ самыхъ важныхъ побужденій не можетъ разорвать съ своимъ союзникомъ, Прусскимъ королемъ; но надобно толковать о томъ, чтобъ предупредить разрывъ между Австріею и Франціею; прежде всего оба государства должны обязаться не помогать никому, кто сталъ бы дѣйствовать въ противорѣчіи съ Ахенскимъ договоромъ [1]).

Въ Вѣнѣ увидали, что Францію нельзя заставить отказаться отъ Прусскаго союза; но, по крайней мѣрѣ, Франція была не прочь отъ сближенія съ Австріею. Въ такомъ положеніи дѣло перешло изъ 1755 въ 1756 годъ, въ началѣ котораго во Франціи узнали, что Прусскій король дѣйствительно заключилъ союзъ съ Англіею.

Мы видѣли, что Англійскій Дворъ, безпокоясь за Ганноверъ и Голландію, требовалъ отъ Австріи сосредоточенія значительнаго числа войска въ Нидерландахъ. Англія опасалась въ этомъ случаѣ

[1]) Arneth. Maria-Theresia nach dem Erbfolgekriege, 272 и слѣд.; 330 и слѣд.; 358; 376 и слѣд.; 393 и слѣд.

сколько Франціи, столько же и ея союзника, короля Прусскаго, для отвлеченія котораго она такъ и хлопотала о субсидномъ договорѣ съ Россіею. Но если Вѣнскій Дворъ, въ виду борьбы на жизнь и на смерть съ Пруссіею, дошелъ до мысли о необходимости сблизиться съ извѣчнымъ врагомъ своимъ, Франціею, разорвать, во что бы то ни стало, союзъ между нею и Пруссіею, то и Дворъ Англійскій, по тѣмъ же побужденіямъ, долженъ былъ придти къ мысли сблизиться съ Пруссіею, разорвать союзъ между нею и Франціею, тѣмъ болѣе что дѣло казалось гораздо легче: между Англіею и Пруссіею не было вовсе застарѣлой вражды; напротивъ,—было большое сочувствіе и единство въ интересѣ религіозномъ. Обезопасить себя со стороны Пруссіи, а съ помощью старой союзницы, Австріи, сдержать Францію отъ нападеній на Голландію и Ганноверъ казалось въ Лондонѣ мастерскимъ дѣломъ; субсидный договоръ съ Россіею не считался вовсе лишнимъ и при новыхъ отношеніяхъ къ Пруссіи: русское войско можно было двинуть, какъ прежде, противъ Франціи, по крайней мѣрѣ, можно было испугать ее, и, такимъ образомъ, къ предстоящей войнѣ Англіи и Франціи всѣ сильнѣйшія государства Европы стали бы на сторонѣ первой противъ послѣдней.

Въ августѣ 1755 года англійское министерство сдѣлало предложеніе Фридриху II войти въ соглашенія относительно сохраненія спокойствія въ Германіи, для чего Прусскій король долженъ дать формальное обѣщаніе ничего не предпринимать противъ Нѣмецкихъ владѣній Великобританскаго короля, не подкрѣплять французскаго нападенія на нихъ, но препятствовать ему. Фридриху II понравилось предложеніе, потому что его сильно безпокоилъ субсидный трактатъ Англіи съ Россіею: если возобновить союзный договоръ съ Франціею, разсчитывалъ онъ, то надобно будетъ напасть на Ганноверъ, т.-е. поднять противъ себя Англію, Австрію и Россію; если заключить союзъ съ Англіею, то, вѣроятно, Французы не внесутъ войны въ предѣлы Германской имперіи, а Пруссія будетъ въ союзѣ съ Англіею и Россіею: —это заставитъ Марію-Терезію пребывать въ покоѣ, несмотря на все ея желаніе возвратить себѣ Силезію. Англійское министерство увѣряло его, что цѣль субсиднаго трактата между Англіею и Россіею состоитъ единственно въ защитѣ владѣній Англійскаго короля; что, по условіямъ договора, русскія войска двинутся только въ томъ случаѣ, когда какое-нибудь государство предприметъ открыто напасть на его владѣнія; англійское министерство увѣряло его, что между Англіею и Россіею господствуетъ совершенное согласіе; что король Георгъ твердо разсчитываетъ на дружбу императрицы Елисаветы. Не имѣя средствъ удостовѣриться въ этомъ прямо въ Петербургѣ, вслѣдствіе прерванія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Пруссіею, Фридрихъ освѣдомлялся въ другихъ мѣстахъ—и отовсюду получалъ удостовѣренія, что вліяніе Англіи въ Петербургѣ сильнѣе, чѣмъ вліяніе Австріи, потому что Англійское правительство—богато, а Марія-Терезія бѣдна [1]). Успокоясь на этотъ счетъ, Фридрихъ заключилъ союзъ съ Англіею, 16-го января 1756 года.

Извѣстіе объ этомъ союзѣ произвело страшное впечатлѣніе во Франціи, вслѣдствіе чего 2 мая 1756 года заключенъ былъ въ Версали оборонительный союзъ между Франціею и Австріею.

Англія увидѣла, что ошиблась въ своихъ разсчетахъ. Погруженная въ соображеніе однихъ своихъ интересовъ, она забыла, что и у другихъ державъ есть свои интересы; что если въ Лондонѣ былъ интересъ ганноверскій, то въ Вѣнѣ былъ интересъ силезскій. Англійскій посланникъ въ Вѣнѣ, Кейтъ, имѣлъ любопытный разговоръ съ Маріею-Терезіею по поводу Австро-Французскаго союза. Когда Кейтъ замѣтилъ, что этотъ союзъ есть нарушеніе прежнихъ дружественныхъ отношеній Австріи и Англіи, то императрица съ жаромъ отвѣчала: „Не я покинула старую систему, но Англія покинула и меня и систему, когда вступила въ союзъ съ Пруссіею. Извѣстіе объ этомъ поразило меня, какъ громомъ. Я и король Прусскій вмѣстѣ быть не можемъ, и никакія соображенія въ мірѣ не могутъ меня побудить вступить въ союзъ, въ которомъ онъ участвуетъ. Мнѣ нельзя много думать объ отдаленныхъ земляхъ, пришлось ограничиться защитою наслѣдственныхъ владѣній, и здѣсь я боюсь только двухъ враговъ: Турокъ и Пруссаковъ. Но при добромъ согласіи, которое теперь существуетъ между *обѣими императрицами*, онѣ покажутъ, что могутъ себя защищать, и что нечего имъ много бояться и этихъ могущественныхъ враговъ" [2]).

Послѣднія слова одной изъ императрицъ показывали, что Англія ошиблась и въ другой разъ: австрійское вліяніе въ Петербургѣ было сильнѣе англійскаго; ошибочны были полученныя Фридрихомъ II извѣстія, что англійское вліяніе здѣсь преобладаетъ, потому что Англичане могутъ дать больше, чѣмъ Австрійцы. Ошибочно было и мнѣніе Кауница, что политика Россіи истекаетъ не изъ дѣйствительныхъ ея интересовъ, но зависитъ отъ индивидуальнаго расположенія отдѣльныхъ лицъ: съ начала царствованія, при Дворѣ Елисаветы повторялось, что король Прусскій есть самый опасный врагъ Россіи, гораздо опаснѣе, чѣмъ Франція, и это было убѣжденіемъ самой императрицы. Петръ Великій оставилъ Россію въ самыхъ благопріятныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ: она была окружена слабыми государствами—Швеціею, Польшею; Турція была или, по крайней мѣрѣ, казалась болѣе сильною и опасною, и это условило Австрійскій союзъ по единству интересовъ, по одинакому опасенію со стороны Турціи; это же условило и

---

[1]) Mémoires de Frédéric II, 1, 412, 413.—Schaefer—Geschichte des siebenjährigen Krieges, I, 611.

[2]) Raumer—Beitraege zur neueren Geschichte, II, 329 и слѣд.

враждебныя отношенія къ Франціи, находившейся въ постоянной дружбѣ съ султаномъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: вблизи Россіи является новое могущество; Прусскій король обрываетъ естественную союзницу Россіи, Австрію; онъ сталкивается съ Россіею въ Швеціи, Польшѣ; отдаленность Турціи не мѣшаетъ ему искать ея дружбы и, разумѣется, не для выгодъ Россіи. Блестящія способности Фридриха II и неразборчивость средствъ при достиженіи цѣлей дѣлаютъ могущество Пруссіи еще болѣе опаснымъ, еще болѣе усиливаютъ раздраженіе, ибо заставляютъ быть въ натянутомъ положеніи, вѣчно готовиться къ какой-нибудь неожиданности, военной или дипломатической. Помнили хорошо, какъ были наказаны за оплошность нападеніемъ Фридриха на Саксонію; знали, что Швеція и Польша сами по себѣ неопасны; но когда будутъ соединены прусскими интригами:—тогда другое дѣло; вслѣдствіе могущества Пруссіи и характера ея короля боялись не только за Курляндію, но и за пріобрѣтенія Петра Великаго. Это постоянное опасеніе и раздраженіе сдѣлали господствующею мысль о необходимости окружить Прусскаго короля цѣпью союзовъ и сократить его силы при первомъ удобномъ случаѣ. Приняли предложеніе Англіи о субсидномъ трактатѣ, имѣя въ виду выставить на чужой счетъ большое войско противъ Прусскаго короля, и остановились только при мысли: а что, если Англія потребуетъ это войско не противъ Прусскаго короля, а противъ Франціи, потребуетъ выслать его въ Нидерланды? Австрія отказывается посылать туда свое большое войско,—требуетъ, чтобъ Англія послала свое или наемное! Но не одна эта мысль должна была удерживать Русское правительство отъ заключенія субсиднаго трактата. Если Австрія, на основаніи англійскихъ намековъ, давно уже внушала Французскому Двору о готовящемся союзѣ между Англіею и Пруссіею, то почему она могла скрывать это при Петербургскомъ Дворѣ? Эстергази не сообщалъ этого официально, могъ не сообщать этого канцлеру, извѣстному приверженцу Англійскаго союза,—но долженъ былъ внушать объ этомъ Воронцову, Шуваловымъ, долженъ былъ внушать объ этомъ изъ раздраженія противъ Англіи, изъ старанія оправдать сближеніе Австріи съ Франціею.

Мы видѣли [1]), что ратификація субсиднаго договора была остановлена въ концѣ 1755 года, и Воронцовъ объяснялъ Уильямсу медленность императрицы нежеланіемъ ея посылать свои войска далеко въ Германію или Нидерланды, и желаніемъ употреблять ихъ только противъ короля Прусскаго. 19 января 1757 года канцлеръ подалъ императрицѣ слѣдующую записку: „Англійская субсидная негоціація во время продолжительнаго своего теченія неоднократные подавала случаи утруждать ея императорское величество всенижайшими представленіями. Наблюденная тѣмъ должность получала всегда свое воздаяніе, ибо ея императорское величество, по своему просвѣщенному проницанію, тотчасъ усматривая, что всѣ оныя исполнены были искреннимъ усердіемъ и ревностію къ ея-жъ высочайшей славѣ и къ пользѣ ея интересовъ, всегда всемилостивѣйшею апробаціею ихъ удостоивать изволила. Теперь отъ исполненія вновь сея должности канцлеръ толь меньше уклониться можетъ, что оная ему наиважнѣйшею, нежели когда-либо, кажется, да можетъ быть и послѣднею его министерства есть. Во всей вышеупомянутой негоціаціи, не будучи учинено ни малѣйшаго поступка, о которомъ бы не было напередъ со всею ясностію и подробностію ея императорскому величеству всенижайше представлено, и на который бы паки точнаго имяннаго ея величества повелѣнія напередъ не воспослѣдовало, нельзя натурально доискиваться причины, для чего такъ медлится размѣна ратификацій на заключенную здѣсь съ англійскимъ посломъ Виліамсомъ по ея-жъ высочайшему указу конвенцію, ежели-бъ давно извѣстно не было, что всякое дѣло имѣетъ свои критики, такъ какъ каждый своихъ непріятелей, съ тою только разностію, что сколь дѣло больше, важнѣе и полезнѣе, столь больше зависть или и самая ненависть, ищутъ показать его вредительнымъ. По несчастію, ничего легче нѣтъ, какъ критиковать, по меньшей мѣрѣ гораздо беззаботнѣе, нежели прямое дѣло дѣлать. Цѣлый свѣтъ зараженъ нынѣ сею болѣзнію. Сіе есть канцлерово простое гаданіе, которому однакожь остановку ратификацій онъ еще приписывать не можетъ, ибо, какъ выше упомянуто, что ничего не учинено въ семъ дѣлѣ безъ высочайшей апробаціи, то всякая критика оскорбляла бы ея просвѣщенное проницаніе: а сверхъ того, хотя-бъ и такъ было, то ничего-жъ легче нѣтъ, какъ ту самую критику употребить къ доказательству, что оная происходитъ отъ людей, о прямомъ состояніи дѣла несвѣдущихъ, но самолюбивыхъ, или же завистію, а можетъ быть и самою ненавистію преисполненныхъ“.

Отклонивъ возраженія, которыя можно было сдѣлать противъ нѣкоторыхъ пунктовъ конвенціи, Бестужевъ продолжаетъ: „Ея императорское величество съ самаго своего на престолъ восшествія такую вдругъ пріобрѣла славу, каковою другіе государи ниже ласкаться могутъ. Шведы въ одну кампанію побѣждены,—цѣлая ихъ армія съ паспортами домой отпущена, вольному народу король данъ; цѣлая провинція, присягу въ вѣрности и подданства ея императорскому величеству давшая, подарена; миръ славно и съ новымъ приращеніемъ для имперіи возстановленъ. Всѣ въ Европѣ державы одна предъ другою спѣшили присылкою торжественныхъ посольствъ искать дружбы ея императорскаго величества; можно сказать, что еще никакой государь не имѣлъ удовольствіе быть толико почитаемымъ; были ли тогда къ славѣ ея императорскаго величества канцлеровы труды,—оное ея величеству лучше извѣстно, и, можетъ быть, еще памятно, что

[1]) Исторія Россіи, см. выше, кн. V. т. XXIII, стр. 838.

въ тогдашнее время Лестокъ, Бриммеръ, Шетарди и Мардефельдъ такія хитрыя сплетали сѣти, что безъ мудраго и просвѣщеннаго ея императорскаго величества проницанія канцлеровы усердныя старанія всегда ему-жъ погибелью угрaживали. Все оное однакожъ преодолѣно. Сколько Лестокъ ни кричалъ, чтобъ графа Кейзерлинга изъ Регенсбурга отозвать, доказывая, яко-бы того при государѣ Петрѣ Великомъ не бывало, а не памятуя, что тогда здѣшняго резидента тамо и принять не хотѣли; однакожъ продержаніемъ его тамо императорской титулъ отъ всей Римской имперіи полученъ. Болѣе того: тотчасъ потомъ весь сей корпусъ представилъ себя вступить въ союзъ съ ея императорскимъ величествомъ; но за многими тогда криками, сей германскій корпусъ и отвѣтомъ не удостоенъ, хотя онъ, напротивъ того, ни которой другой державѣ сей части не сдѣлалъ, чтобъ свой союзъ представить. Много было криковъ и движеній и противъ ходившаго на помощь морскимъ державамъ войска, однакожъ теперь сожалѣютъ только о томъ, для чего то ранѣе сдѣлано не было. Саксонія разорена бы не была, король Прусскій Шлезіи не удержалъ бы, и такъ опасенъ, какъ нынѣ, не сдѣлался бы. При семъ сожалѣніи, канцлеръ имѣетъ нѣкоторое утѣшеніе, что за представленіями его не стояло симъ несходствіямъ предупредить; но ему то несносно и крайне сокрушительно, ежели-бъ и нынѣ, искусясь въ томъ и другомъ, однакожъ до того допущено было, чтобъ послѣ сожалѣть надлежало.

„Донынѣ продолжающееся медлительство въ размѣнѣ ратификацій на заключенную конвенцію уже довольно имѣетъ, о чемъ послѣ сожалѣть заставитъ. Но буде, паче всякаго чаянія, все сіе дѣло и вовсе уничтожить разсудится, то, вмѣсто того, чтобъ весьма легкимъ образомъ, а именно—чужимъ именемъ и съ подмогою чужихъ денегъ сокращать короля Прусскаго, подкрѣпить своихъ союзниковъ, сдѣлать сего гордаго принца у Турковъ, у Поляковъ да и у самихъ Шведовъ презрительнымъ, а не такъ, какъ нынѣ, уважительнымъ, а чрезъ то самое и Турковъ и Шведовъ для здѣшней стороны не такъ опасными или вредительными, а Польшу больше преданною, и вмѣсто того, чтобъ повелительницею Европы и сохранительницею ея равновѣсія быть, оставятся только союзники ихъ собственному жребію, слѣдовательно непріятелями своими утѣснены и совсѣмъ обезсилены будутъ. Напротивъ того, усилится король Прусскій, и чрезъ него—и Шведы, большую пріобрѣтутъ они инфлюенцію и въ Польшѣ и у Турковъ; Россія останется одна противъ многихъ непріятелей, не имѣя ни одного союзника, и буде не нападена и не угрожаема, то однакожъ теряя все то почтеніе, которое понынѣ возбудило толико славы и зависти, ибо старые союзники, не полагаясь болѣе на здѣшнее защищеніе, а еще паче опасаясь усилившихся своихъ непріятелей, не посмѣютъ и требовать здѣшней помощи, да и принятіе ихъ тогда въ союзъ было бы только здѣшней сторонѣ тягостно; а усилившіеся непріятели, не имѣя ничего тогда опасаться, будутъ только о томъ пещись, что Россію буде не въ старые предѣлы привести, то по меньшей мѣрѣ инфлюенцію ея изъ генеральныхъ дѣлъ выключить, къ чему и великое уже начало сдѣлано будетъ, сколь скоро токмо часто помянутая заключенная конвенція уничтоженною объявится, ибо сколь скоро англійскія ратификаціи, подобно какъ бы вексель съ протестомъ, туда назадъ придутъ, то сіе для короля и націи безчестіе такъ велико, что коль ни драгоцѣнна имъ дружба ея императорскаго величества, однакожъ оная много холодности и корреспонденціи остановки претерпитъ. Показавъ, такимъ образомъ, вредительныя и крайне безславныя отъ разрушенія сего дѣла несходствія, канцлеръ съ радостію бы ожидалъ, ежели-бъ оныя ему кѣмъ-либо письменно оспорены, и ему на то паки отвѣтствовать повелѣно было-бъ.

„Со всѣмъ тѣмъ ежели-бъ однакожъ ея императорскому величеству всевысочайше угодно было часто помянутую конвенцію уничтожить, то онъ, по своей ревности и усердію о ея монаршей славѣ и достоинствѣ, скрыть не хочетъ, что къ наблюденію въ семъ случаѣ надлежащей благопристойности нѣтъ другого способа, какъ объявить велѣть, что канцлеръ и вице-канцлеръ возложенную на нихъ довѣренность во зло употребили, данныя имъ повелѣнія превзошли, и за то чиновъ своихъ и должностей дѣйствительно лишены. Ежели сей несчастливый жребій постигнетъ и одного канцлера, хотя онъ сей отличности предъ вице-канцлеромъ и не заслужилъ, то онъ найдетъ и притомъ свое утѣшеніе, что въ совѣсти ни предъ Богомъ, ни предъ ея императорскимъ величествомъ, ни предъ отечествомъ ничего не согрѣшилъ, но для того безъ вины виноватъ былъ и самъ быть хотѣлъ, дабы тѣмъ самымъ не допустить и малѣйшаго ущерба той славѣ, которая пятнадцатилѣтнимъ мудрымъ ея императорскаго величества государствованіемъ до толикаго градуса дошла. Будущіи по немъ и на его мѣстѣ могутъ съ лучшею благопристойностію, сваливая вину на несчастливыхъ, стараться о поправленіи, ежели только чтб пропущено или худо сдѣлано. Въ самое послѣднее и главное свое утѣшеніе, канцлеръ пріемлетъ смѣлость ея императорскому величеству, какъ суще вѣрный рабъ и подданный, и такъ, какъ бы онъ теперь на судѣ предъ самимъ Богомъ стоялъ всенижайше представить, что какъ бы сіе дѣло ни обратилось, нынѣ ли бы тотчасъ ратификовано, или бы послѣ другими передѣлано было, ея всевысочайшая служба и польза государства необходимо требуютъ управленіе онаго и всего къ нему принадлежащаго подъ своимъ монаршимъ руководствомъ поручить такой коммисіи, которая бы изъ такихъ и стольких людей составлена была, какихъ ея императорское величество сама избрать изволитъ, и которые бы наипаче ея высочайшую довѣренность къ себѣ имѣли и, имѣя свое собраніе и засѣданіе при Дворѣ,

могли тотчасъ на все получить монаршія ея императорскаго величества резолюціи и повелѣнія, и потому съ потребною скоростію и силою управлять и двигать такую великую махину, какова есть отправленіе корпуса 55,000 человѣкъ моремъ и сухимъ путемъ, удовольствительное онаго тамо содержаніе, предпріемлемыя имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей. Изъ того та польза будетъ, что обо всемъ спросится на однихъ, они обо всемъ и пещись должны будутъ, никакое дѣло въ долгихъ и излишнихъ между коллегіями перепискахъ не заволочится и одинъ другому портить не посмѣетъ для того, что всѣмъ равно поручено, на всѣхъ равно и спросится, по меньшей мѣрѣ не будетъ такого разнорѣчія, какъ нынѣ, а именно—въ держанныхъ въ Москвѣ, при Дворѣ, конференціяхъ всѣ единогласно кричали: надобно за усмиреніе короля Прусскаго приняться, несмотря, станутъ ли въ томъ союзники содѣйствовать или нѣтъ, только-бы здѣшняя армія умножена была. Теперь, когда сіе умноженіе сдѣлано, и дѣло идетъ не о томъ, чтобъ самимъ и однимъ короля Прусскаго атаковать, а только о томъ, чтобъ помогать противъ него союзникамъ, слѣдовательно приводить его подъ чужимъ именемъ и съ помощью чужихъ денегъ въ безсиліе:—то вдругъ тѣ-же самые противъ поданія помощи спорятъ, которые прежде совѣтовали и подписали, несмотря ни на что, самимъ атаковать. Напротивъ того, безъ подобной коммисіи ежели командующій генералъ будетъ вдругъ получать указы изъ Сената, Военной и Иностранной Коллегіи, и Адмиралтейская Коллегія въ то-жъ время галерами распоряжать будетъ, а напротивъ того, сіи мѣста между собою, вмѣсто согласнаго вспоможенія, будутъ только письменно переспариваться, и, протягивая время, вину одинъ на другого сваливать, то можно напередъ себѣ вообразить, коль печально будетъ тогда состояніе сего командующаго генерала. Можетъ быть, канцлеръ въ своей ревности и горячести много излишняго или излишне усерднаго здѣсь написалъ: но буде сіе имѣетъ быть послѣднимъ исполненіемъ его должности, то онъ никогда довольно твердо написать не могъ; а буде, напротивъ того, представленія его справедливы и основательны, то ея императорское величество толь великодушна и толь справедлива, что въ разсужденіи его ревности и усердія всемилостивѣйше отпуститъ ему неумѣренность, буде есть, его израженей".

Мнѣніе канцлера, продиктованное раздраженнымъ самолюбіемъ, было крайне слабо. Оно было наполнено выходками противъ недоброжелательныхъ людей, которые изъ личной вражды къ нему, канцлеру, останавливаютъ полезное для государства дѣло; указывалось на противорѣчіе этихъ людей, которые кричали о необходимости сократить силы короля Прусскаго, о необходимости выставить большое войско; а теперь, когда идетъ дѣло о томъ, чтобъ содержать это войско на чужой счетъ,— они не хотятъ. Но Бестужевъ, въ своемъ раздраженіи, билъ совершенно мимо: люди, которые раздумывали и внушали императрицѣ раздумье надъ субсиднымъ трактатомъ, были совершенно послѣдовательны; они готовы были сейчасъ подписать субсидный трактатъ, если бы они были увѣрены, что войско немедленно и непремѣнно двинется противъ Фридриха II; ихъ останавливало сомнѣніе, не должно-ли будетъ идти войско въ другую сторону. Канцлеръ своими требованіями, угрозами оставить должность заставлялъ ускорить ратификаціею трактата; но когда былъ поставленъ вопросъ – ратификовать безусловно, или съ условіемъ, чтобъ русское войско было употреблено только противъ короля Прусскаго, то канцлеръ, разумѣется, не могъ выставить ничего противъ этого условія, ибо оно вытекало прямо изъ сущности дѣла, его нельзя было не допустить, допуская въ предпріятіе высшую, государственную цѣль, а не простую продажу русскихъ солдатъ Англичанамъ.

1 февраля вечеромъ Уильямсъ былъ приглашаемъ къ канцлеру на конференцію, въ присутствіи вице-канцлера. Здѣсь сличены были ратификаціи на конвенцію и потомъ размѣнены „при взаимныхъ и обыкновенныхъ комплиментахъ". Лицо Уильямса сіяло удовольствіемъ; но это удовольствіе сейчасъ же исчезло, когда онъ прочелъ поданную ему Бестужевымъ секретную декларацію, въ которой говорилось: „Содержаніе самой конвенціи хотя довольно изображаетъ, что случай диверсіи не можетъ настоять инако, какъ только когда-бъ король Прусскій атаковалъ его Британское величество или кого-либо изъ его союзниковъ, такъ что о томъ всякое дальнѣйшее объясненіе излишнимъ казалось-бы, ибо въ противномъ случаѣ, а именно, буде-бы войскамъ ея императорскаго величества въ Нидерланды, на Рейнъ, или въ Ганноверъ идти надлежало, то не могла-бы ея императорское величество снять на себя пропитаніе оныхъ въ толь отдаленныхъ мѣстахъ, а особливо 15,000 человѣкъ конницы, въ которомъ числѣ много легкаго двуконнаго войска; не могло бы тогда упоминаемо быть о галерахъ, способомъ которыхъ ея императорское величество десантъ учинить обязалась; не было-бы нужды его Британскому величеству присылать въ Балтійское море эскадру своихъ кораблей, и, наконецъ, по меньшей мѣрѣ, надлежало-бы напередъ согласиться о свободномъ проходѣ чрезъ многія имперскія области, о чемъ въ конвенціи ни слова не упомянуто: однакожъ ея императорское величество для избѣжанія всякаго впередъ недоразумѣнія симъ и силою сего точно себѣ предоставляетъ и декларуетъ, что случай диверсіи, которую ея величество ратификованною нынѣ конвенціею учинить обязалась, не можетъ настоять инако, какъ только ежели-бъ король Прусскій атаковалъ области его величества короля Великобританскаго или его союзниковъ. Впрочемъ, повелѣваетъ ея императорское величество господина посла и паки наикрѣпчайше обнадежить, что сіе

предоставленіе ничѣмъ не уменьшитъ той точности, съ которою ея величество всѣ принятыя свои обязательства исполнить намѣрена; паче же дружба ея императорскаго величества къ своимъ высокимъ союзникамъ, а особливо къ его величеству, королю Великобританскому, такъ велика, что императрица удаленія не оказала бы и въ Нидерланды войска свои также отпустить, какъ они уже туда на помощь обѣимъ морскимъ державамъ ходили, ежели-бъ домашнія всегда и вездѣ всякимъ постороннимъ предпочитаемыя обстоятельства тому не препятствовали, ибо господину послу по союзнической откровенности не таится, что случившіяся съ сибирской стороны отъ разныхъ здѣшней имперіи подданныхъ народовъ, число которыхъ превосходитъ полумилліона, замѣшательства такого состоянія суть, что буде не великую часть здѣшнихъ армей упражняютъ, то однакожъ неминуемо заставляютъ во всякой въ запасъ готовности быть, слѣдовательно толь дальнымъ, какъ въ Нидерланды, походомъ себя не обезсиливать".

— „Я отправлю эту декларацію къ своему Двору", сказалъ Уильямсъ; „впрочемъ хотя мнѣ извѣстно, что при заключеніи конвенціи имѣлся единственно въ виду король Прусскій, да и теперь оный Дворъ отнюдь не помышляетъ заводить здѣшнія войска въ Нидерланды, однако я предусматриваю, что такія изъятія могутъ много убавить той пользы доброму дѣлу, которая ожидается отъ заключенія этой конвенціи, и особенно королю, моему государю, прискорбно будетъ точное, имянное исключеніе Ганновера. Смѣю также замѣтить, не какъ министръ, но какъ частный, Россіи преданный, человѣкъ, что приведенная въ концѣ причина—башкирскія замѣшательства — затмѣваетъ славу русскаго имени, такъ что я охотнѣе принялъ бы простой отказъ, чѣмъ прикрашенный такимъ предлогомъ".

На другой день Уильямсъ прислалъ канцлеру письмо, въ которомъ говорилъ, что, подумавши хорошенько, онъ не можетъ доставить своему государю бумагу, которая, по его мнѣнію, уничтожаетъ нѣкоторымъ образомъ смыслъ конвенціи, произведетъ безпокойство при Англійскомъ Дворѣ, горесть въ сердцахъ союзниковъ, радость и наглость у враговъ. Цѣль конвенціи — сдержать враговъ и придать мужества и дѣятельности союзникамъ; но декларація можетъ произвести дѣйствіе, діаметрально противоположное этой цѣли. 3 февраля отправился къ Уильямсу секретарь Иностранной Коллегіи, Волковъ, съ объясненіемъ, что императрица при заключеніи конвенціи была того мнѣнія, что требуемая диверсія можетъ быть только противъ короля Прусскаго, и потому съ ея стороны было бы поступлено неоткровенно, если-бъ она своего мнѣнія не объявила прямо королю Великобританскому. Уильямсъ отвѣчалъ, что декларація сама по себѣ его не опечалила-бъ, потому что Дворъ его не имѣетъ намѣренія требовать русскихъ войскъ въ Нидерланды; но онъ боится, что декларація помѣшаетъ постращать Францію русскимъ войскомъ.

Но скоро Уильямсъ нашелся въ тяжеломъ положеніи: онъ долженъ былъ признаться, что Русскій Дворъ былъ совершенно правъ, принимая свои мѣры,—Уильямсъ долженъ былъ объявить Бестужеву о союзѣ Англіи съ Пруссіею. 4 февраля онъ пріѣхалъ къ канцлеру и сообщилъ содержаніе договора, заключеннаго Англіею съ Прусскимъ королемъ. Посланникъ увѣрялъ при этомъ честью, что, кромѣ этого содержанія, не постановлено никакого тайнаго или сепаратнаго обязательства; что государь его приписываетъ оказанную королемъ Прусскимъ готовность къ союзу страху предъ англорусскою конвенціею; что король Георгъ не полагается нисколько на искренность чувствъ Фридриха II, и при заключеніи съ нимъ договора имѣлъ одну цѣль — отвратить Прусскаго короля отъ соединенія своихъ силъ съ французскими, а Французовъ удержать отъ нападенія на Германію. Уильямсъ внушалъ, что англо-прусскимъ договоромъ нисколько не нарушается англо-русская конвенція, ибо только благодаря ей государь его и можетъ надѣяться, что Фридрихъ II не посмѣетъ нарушить и свой договоръ. Король, его государь, надѣется, что въ исполненіе конвенціи императрица прикажетъ подвинуть свои войска ближе къ границамъ и содержать ихъ въ готовности къ походу, а слѣдующая на ихъ содержаніе денежная сумма готова [1]).

По донесенію Уильямса своему министерству, Бестужевъ поздравилъ его съ новымъ союзникомъ, но прибавилъ: „Императрицѣ не понравится, что этотъ договоръ сообщенъ прежде австрійскому министру при вашемъ Дворѣ, графу Коллореду, чѣмъ нашему—князю Голицыну, да и вообще новая связь между Англіею и Пруссіею будетъ ей очень непріятна". Уильямсъ отвѣчалъ: „Кромѣ Франціи, этотъ союзъ никого не можетъ оскорбить, развѣ кто уже готовъ чувствовать себя оскорбленнымъ. Я надѣюсь, что вы употребите все стараніе представить императрицѣ это дѣло съ настоящей точки зрѣнія". — „Но что скажетъ Вѣнскій Дворъ?" спросилъ канцлеръ. — „Если австрійское министерство", отвѣчалъ Уильямсъ, „дѣйствительно желаетъ продолженія мира, то оно не можетъ ничего сказать противъ" [2]).

Съ удивительною легкостью относились англійскіе дипломаты къ дѣламъ континентальныхъ державъ. Не было никакого труда узнать настоящія чувства Петербургскаго и Вѣнскаго Дворовъ, узнать, чего они хотятъ, войны или мира съ Пруссіею. Фридрихъ II могъ быть обманутъ донесеніями съ разныхъ сторонъ, потому что долго не имѣлъ своего министра въ Петербургѣ; но Англія не прерывала своихъ связей и связей самыхъ дружескихъ съ Россіею, слѣдовательно не могла оправдаться не-

---

[1]) Дѣла Англійскія 1756 года.
[2]) Raumer—Beitraege II, 308, 309.

возможностью получить вѣрныя свѣдѣнія. Уильямсъ отличался особенно неумѣньемъ вникать въ положеніе дѣлъ при Дворѣ, при которомъ находился; онъ далъ своему правительству самое ложное понятіе о Дворѣ Петербургскомъ, внушая, что здѣсь все продажное, что можно подкупить и того и другого; тогда какъ на повѣрку выходило, что нельзя было никого подкупить и заставить дѣйствовать вопреки основной политикѣ Двора; что съ Англіею сближались, когда это сближеніе соотвѣтствовало главному положенію; останавливались, когда подозрѣвали несоотвѣтствія, и, наконецъ, совершенно покидали дѣло, когда видѣли дѣйствительно несоотвѣтствіе. Уильямсъ не хотѣлъ подумать, какой ударъ Англо-Прусскимъ союзомъ наносится Англо-Русскому союзу, какой ударъ наносится канцлеру, который былъ всегда главнымъ поборникомъ Англо-Русскаго союза, какъ Бестужевъ выдается на жертву своимъ врагамъ. И послѣ Уильямсъ продолжалъ увѣрять свой Дворъ, что Англо-Русскій союзъ не произведетъ дурного дѣйствія въ Петербургѣ, что и Бестужевъ и Воронцовъ постараются уничтожить это дурное дѣйствіе.

Бестужевъ зналъ очень хорошо, что нѣтъ никакой возможности уничтожить дурное дѣйствіе Англо-Прусскаго союза, если только сама Англія не уничтожитъ союза. Никогда еще знаменитый канцлеръ не былъ въ такомъ печальномъ положеніи. Какъ нарочно, только-что передъ тѣмъ, съ необыкновенною горячностью, настаивалъ онъ на ратификаціи субсиднаго договора, выставляя свою непогрѣшимость и позоря враговъ ихъ ошибками:— и вдругъ такая страшная ошибка, такой позоръ передъ лицомъ этихъ самыхъ враговъ! Теперь уже нѣтъ болѣе возможности величаться всегдашнею вѣрностью своихъ сужденій: что если-бъ императрица послушала его и поспѣшила безусловно ратификовать субсидный договоръ? Эти враги, которыхъ онъ такъ безпощадно порицалъ, одержали полную побѣду, благодаря ихъ проницательности, Россія не далась въ обманъ, оставила за собою полную свободу дѣйствія. Хуже всего, Бестужевъ долженъ былъ чувствовать, какъ онъ упалъ въ мнѣніи императрицы: Елисавета никогда не любила его, но она считала его необходимымъ по его талантамъ и опытности и не выдавала врагамъ; но теперь это обаяніе необыкновеннаго искусства и предусмотрительности исчезло; ошибки молодости, неопытности извиняются легко, ибо считаются средствомъ къ пріобрѣтенію искусства; ошибки старости не прощаются, ибо могутъ только служить признакомъ паденія силъ. Съ паденіемъ Бестужева подымался Воронцовъ: Елисавета любила его, какъ стараго вѣрнаго слугу во время испытанія; потомъ обнаружила холодность, когда указаны были ей увлеченія вице-канцлера; но холодность не была продолжительна; самъ Бестужевъ отнялъ у Воронцова возможность грѣшить и навлекать на себя гнѣвъ императрицы, разорвавъ съ Пруссіею, удаливъ изъ Петербурга ея министровъ. Уликъ противъ вице-канцлера не было болѣе; онъ неуклонно шелъ по теченію, и Елисавета незамѣтно возвратила ему прежнюю благосклонность, а Шуваловымъ онъ былъ нуженъ, какъ покорное орудіе, какъ человѣкъ неопасный своею самостоятельностью. Воронцовъ все болѣе и болѣе захватывалъ себѣ участія въ дѣлахъ; остальные члены Иностранной Коллегіи были на его сторонѣ.

Бестужевъ въ своей запискѣ настаивалъ, что при важности обстоятельствъ необходимо учредить чрезвычайное собраніе, которое бы вѣдало дѣла политики и войны. Онъ требовалъ этого собранія для себя, чтобъ имѣть всегда передъ собою непріязненныхъ людей, заставлять ихъ высказываться явно въ присутствіи императрицы, громить ихъ въ этомъ присутствіи и тутъ же приводить Елисавету къ окончательнымъ рѣшеніямъ, однимъ словомъ,— отнять у враговъ великую выгоду дѣйствовать противъ него безъ него. Когда, 3 марта, императрица велѣла Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ подать свое мнѣніе по поводу Англо-Прусскаго союза, то канцлеръ написалъ записку, въ которой говорилъ: „Когда канцлеръ, по окончаніи пространнаго своего представленія отъ 19 января, упоминалъ вкратцѣ о надобности и пользѣ учредить нѣкоторую особливую изъ довѣренныхъ персонъ коммисію, которая бы подъ единымъ руководствомъ ея императорскаго в—ства поручаемое ей отправляла,—то онъ тогда подлинно не имѣлъ еще къ тому другой важнѣйшей причины, какъ только чтобъ удобнѣй и съ лучшимъ порядкомъ исполнить принятыя обязательства. Почему, ежели-бъ почитать, что заключенный въ Англіи съ королемъ Прусскимъ трактатъ разрушаетъ нѣкоторымъ образомъ здѣшнюю конвенцію, то вышепоказанное о учрежденіи нѣкотораго совѣта представленіе могло-бъ теперь уже прошедшимъ дѣломъ считаться. Но понеже, вмѣсто того, сей съ Пруссіею трактатъ, не разрушая нимало здѣшней конвенціи и обѣщая паче, что Англія нынѣ еще охотнѣе по сту тысячъ фунтовъ стерлинговъ на годъ давать будетъ за содержаніе здѣшнихъ войскъ въ Лифляндіи (для того-что инако не можетъ она полагаться на святость прусскаго обѣщанія, и единственно здѣшнія войска надежными сему трактату гарантомъ служить имѣютъ), перемѣняетъ однакожъ, по правдѣ сказать, весь видъ бывшаго донынѣ генеральныхъ европейскихъ дѣлъ состоянія: то скорѣй произведеніе въ дѣйство вышепоказаннаго представленія нынѣ паче, нежели когда-либо, нужно и полезно быть имѣетъ; надобно принятіе такой резолюціи, которая бы всѣхъ въ Европѣ державъ, такъ сказать, удивя и остановя каждую въ своихъ устремленіяхъ, обратила ихъ глаза и атенцію предпочтительно всѣмъ другимъ на здѣшній Дворъ, и чрезъ то, сдѣлавъ ихъ неотмѣнными искателями здѣшней дружбы, и избирать тогда, что лучшее. Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда-бъ ея императорское в—ство, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, учредило изъ нихъ при своемъ

Дворѣ Тайный Военный Совѣтъ, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда. Сія одна резолюція всѣхъ въ Европѣ Дворовъ на довольное время остановила-бъ, ибо каждый за нужно и необходимо для себя почтетъ обождать сперва, какія будутъ сего новаго Военнаго Совѣта упражненія и къ чему прямо опредѣленіе его клониться имѣетъ; а изъ того то произойдетъ, что, стараясь каждый ближае здѣшнія склонности распознать, натурально принужденъ будетъ свои тѣмъ больше обнажить, и всегда здѣшнему Двору оставитъ во власти рѣшеніе между ними дѣлать. Весьма много сему первому распоряженію важности прибавится, ежели-бъ притомъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей Тайный Военный Совѣтъ началъ исправленіе своей должности приведеніемъ генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобъ тотчасъ все въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ. Понеже теперь должность и упражненіе подобнаго Тайнаго Военнаго Совѣта почти генерально всю политическую систему въ себѣ заключать умѣютъ, то кого бы ея императорское в—ство и сколько членами онаго назначить ни соизволила, канцлеру и вице-канцлеру въ томъ числѣ быть нужно". .

Требованіе канцлера было исполнено: Совѣтъ былъ учрежденъ, только не подъ именемъ Тайнаго Военнаго. Но Бестужевъ не получилъ себѣ отъ него никакой пользы, потому что разъ уже сбился съ прямого пути, тогда какъ противники его шли твердо этимъ путемъ. 14 марта созвана была при Дворѣ конференція изъ слѣдующихъ особъ: великаго князя Петра Ѳеодоровича, графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, брата его, графа Михайлы (лѣтомъ 1755 года пріѣхавшаго въ Петербургъ), генералъ-прокурора князя Трубецкого, сенатора Бутурлина, вице-канцлера Воронцова, сенатора князя Михайла Голицына, генерала Степана Апраксина и братьевъ графовъ Шуваловыхъ, Александра и Петра. Въ конференціи присутствовала сама императрица и объявила, что для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ весьма важныхъ дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія ея повелѣній, призванныя лица должны собираться каждую недѣлю по два раза, а именно—по понедѣльникамъ и четвергамъ.

30-го марта конференція, въ исполненіе указа императрицы, постановила слѣдующее: 1) съ Вѣнскимъ Дворомъ немедленно приступить къ соглашенію и склонять его, чтобъ онъ, пользуясь нынѣшнею войной Англіи съ Франціею, напалъ на Пусскаго короля вмѣстѣ съ Россіею. Представить Вѣнскому Двору, что такъ какъ съ русской стороны для обузданія Прусскаго короля выставляется армія въ 80,000 человѣкъ, а въ случаѣ нужды употребятся всѣ силы, то императрица-королева имѣетъ въ рукахъ самый удобный случай возвратить завоеванныя Прусскимъ королемъ въ послѣднюю войну области. Если императрица-королева опасается, что Франція отвлечетъ ея силы въ случаѣ нападенія на короля Прусскаго, то представить, что Франція занята войною съ Англіею, и Австрія, не мѣшаясь въ ихъ ссору и не подавая Англіи никакой помощи, можетъ убѣдить и Францію къ тому, чтобъ она не вмѣшивалась въ войну Австріи съ Пруссіею, чему Россія будетъ содѣйствовать съ своей стороны сколько возможно, и для того—2) здѣшнимъ при чужихъ Дворахъ находящимся министрамъ приказать, чтобъ они съ французскими министрами ласковѣе прежняго обходились, однимъ словомъ—все къ тому вести, чтобъ Вѣнскому Двору безопасность со стороны Франціи доставить и склонить этотъ Дворъ къ войнѣ съ Пруссіею. 3) Польшу исподоволь приготовлять, чтобъ она проходу русскихъ войскъ чрезъ свои владѣнія не только не препятствовала, но и охотно бы на то смотрѣла. 4) Стараться Турокъ и Шведовъ держать въ спокойствіи и бездѣйствіи; оставаться въ дружбѣ и согласіи съ обѣими этими державами, чтобъ съ ихъ стороны не было ни малѣйшаго препятствія успѣху здѣшнихъ намѣреній относительно сокращенія силъ короля Прусскаго. 5) Послѣдуя симъ правиламъ, идти далѣе, а именно: ослабя короля Прусскаго, сдѣлать его для Россіи нестрашнымъ и незаботнымъ; усиливши Вѣнскій Дворъ возвращеніемъ Силезіи, сдѣлать союзъ съ нимъ противъ Турокъ болѣе важнымъ и дѣйствительнымъ. Одолживши Польшу доставленіемъ ей королевской Пруссіи, взамѣнъ получить не только Курляндію, но и такое округленіе границъ съ польской стороны, благодаря которому не токмо присѣклись бы нынѣшнія безпрестанныя объ нихъ хлопоты и безпокойства, но, быть можетъ, и полученъ былъ бы способъ соединить торговлю Балтійскаго и Чернаго морей и сосредоточить всю левантскую торговлю въ своихъ рукахъ.

Въ началѣ апрѣля въ конференціи было рѣшено такъ расположить войска и приготовить ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ, чтобъ, по требованію обстоятельствъ, могли немедленно выступить въ походъ. Для этого опредѣлено расположить около Риги въ Курляндіи и по Двинѣ 28 пѣхотныхъ полковъ, которые заключали въ себѣ всѣхъ чиновъ 73,132 человѣка. Шесть кирасирскихъ полковъ, четыре гусарскихъ, 4,000 Донскихъ казаковъ и Чугуевскую команду расположить при Кокенгаузенѣ и въ прочихъ близъ-лежащихъ мѣстахъ по Двинѣ и ко Пскову. Конногренадерскихъ пять полковъ и драгунскихъ четыре съ 4,000 Донскихъ и 4,000 Слободскихъ казаковъ, съ 4,000 волжскихъ Калмыковъ, 2,000 Мещеряковъ и Башкирцевъ и 1,000 казанскихъ Татаръ расположить отъ Чернигова, Стародуба, Брянска до Смоленска. Всего войска должно быть 111,563 человѣка, и войско это должно быть такъ всѣмъ снабжено и удовольствовано, чтобъ могло, по первому указу, не только въ походъ выступить, но и начать военныя операціи. Въ Ревель, для посаженія на галеры, отправить изъ Петергофа и Стрѣльны три пѣхотныхъ полка, со-

держащіе 7,887 человѣкъ, да до 500 Донскихъ казаковъ. Когда всѣ эти войска выступятъ за-границу, то въ Курляндію немедленно двинутся полки изъ Новой Ладоги, Старой Ладоги, Шлюссельбурга, Копорья, въ которыхъ 10,516 человѣкъ, да въ Курляндіи же останется нѣкоторое число казацкаго войска: этотъ Курляндскій корпусъ долженъ служить, во-первыхъ, резервомъ, а во-вторыхъ—поддерживать безпрепятственное сообщеніе съ войсками, которыя будутъ находиться за границею. Чтобъ армія имѣла въ запасѣ лишнихъ лошадей на всякій случай, нарядить 5,000 Украинскихъ казаковъ о двуконь. Внутри государства, кромѣ гвардіи и нерегулярныхъ войскъ, должно остаться полевыхъ, гарнизонныхъ и ландмилицкихъ полковъ 112, два эскадрона и пять батальоновъ, и въ нихъ людей всѣхъ чиновъ 161,795 человѣкъ. Иностранной и Военной Коллегіямъ предписано стараться умножать дезертированіе въ прусской арміи и привлекать дезертировъ въ русскую на томъ основаніи, что Прусскій король забиралъ тайно и насильно русскихъ подданныхъ и удерживалъ ихъ, а на сдѣланныя ему представленія отвѣчалъ, что между Россіею и Пруссіею нѣтъ картеля.

Такъ какъ въ Пруссіи нѣтъ русскаго министра, а свѣдѣнія оттуда получать необходимо, то Иностранной Коллегіи предписано отправить подъ именемъ курьеровъ надежныхъ и способныхъ офицеровъ въ Дрезденъ, Гамбургъ и Данцигъ съ такимъ наставленіемъ, чтобъ они, проѣздомъ туда и обратно, старались, сколько можно точнѣе, развѣдывать о военныхъ движеніяхъ и приготовленіяхъ въ Пруссіи; чтобъ каждый изъ нихъ ѣхалъ особливою дорогой: чего одному узнать не удастся, то отъ другого не утаится; важныхъ депешъ съ ними не посылать и наставленіе дать имъ изустно [1]).

Желанія сократить силы короля Прусскаго не могли ослабить показанія тобольскаго посадскаго Ивана Зубарева, который содержался по разнымъ дѣламъ въ Сыскномъ Приказѣ, бѣжалъ оттуда, жилъ за границею, возвратился и былъ схваченъ у раскольниковъ. Зубаревъ показалъ въ Тайной Канцеляріи, что, послѣ бѣгства изъ Сыскного Приказа, онъ жилъ у раскольниковъ въ слободѣ Вѣткѣ, откуда въ 1755 году поѣхалъ извозчикомъ въ Кенигсбергъ съ товарами русскихъ бѣглыхъ купцовъ раскольниковъ. Здѣсь прусскіе офицеры, по обычаю, начали вербовать его въ солдаты, въ гвардію, и когда онъ согласился, то его отвезли въ Потсдамъ. Чрезъ посредство Манштейна, бывшаго адъютантомъ у Миниха и, по воцареніи Елисаветы, перешедшаго въ прусскую службу, Зубареву было предложено ѣхать къ раскольникамъ и возмущать ихъ въ пользу Ивана Антоновича: „Послужи за отечество свое“, говорилъ Манштейнъ Зубареву, „съѣзди въ раскольничьи слободы и уговори раскольниковъ, чтобъ они сами склонились къ намъ и помогли вступить на престолъ Ивану Антоновичу; а мы, по ихъ желанію, будемъ писать къ патріарху, чтобъ имъ посвятить епископа; у насъ былъ ихъ одинъ попъ, да обманулъ насъ и уѣхалъ. А какъ посвятимъ епископа, такъ онъ отъ себя своихъ поповъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть раскольники, разошлетъ, и они сдѣлаютъ бунтъ. Ты подай только вѣсть Ивану Антоновичу, а мы въ будущемъ 756 году весною пошлемъ туда, къ Архангельску, корабли подъ видомъ купечества, чтобъ выкрасть Ивана Антоновича. А какъ мы его выкрадемъ, то чрезъ епископовъ и старцевъ сдѣлаемъ бунтъ, чтобъ возвесть Ивана Антоновича на престолъ, а Иванъ Антоновичъ старую вѣру любитъ; когда сдѣлается бунтъ, то и мы придемъ съ нашимъ войскомъ къ русской границѣ. А Донскіе казаки къ намъ совсѣмъ склонны, и у насъ они есть, которые бывали со мною въ походахъ, и мнѣ они надежны. Когда будешь въ Польшѣ, заѣзжай въ раскольничьи слободы опять и объяви тамошнимъ наставникамъ, чтобъ они безъ всякой боязни къ намъ были склонны“. Зубаревъ согласился принять оба порученія—ѣхать къ раскольникамъ и, согласясь съ ними, ѣхать въ Холмогоры дать знать Ивану Антоновичу, что за нимъ будетъ присланъ корабль изъ Пруссіи. Онъ былъ представленъ самому Фридриху II и получилъ 1,000 червонныхъ и двѣ медали, по которымъ принцъ Антонъ долженъ былъ ему повѣрить, ибо никакого письменнаго документа не хотѣли ему дать. Пріѣхавши въ раскольничьи слободы, Зубаревъ началъ исполнять свое порученіе. Игумны раскольничьихъ монастырей спрашивали его: „Да какъ же вы Ивана Антоновича посадите на царство?“—„Такъ же посадимъ, какъ и государыня сѣла“, отвѣчалъ Зубаревъ. Относительно архіерея, игумны говорили: „Лучше бы, если-бъ его величество изволилъ прислать сюда епископа Греческаго, а туда очень ѣхать далеко“. Наконецъ раскольники стали говорить ему: „Пора тебѣ ѣхать выручать Ивана Антоновича; и какъ васъ Богъ вынесетъ, то мы стоять готовы“. Но Зубаревъ вмѣсто Холмогоръ попалъ въ Петербургъ въ Тайную Канцелярію [2]). Показанія его имѣли слѣдствіемъ то, что, какъ мы видѣли, Ивана Антоновича перевезли тайкомъ изъ Холмогоръ въ Шлюссельбургъ.

Соглашенія съ Вѣнскимъ Дворомъ о Прусской войнѣ пошли не такъ успѣшно, какъ бы того желалось. Въ Вѣнѣ опасались, чтобъ Россія своею горячностью не подала Фридриху II повода предупредить Австрію и напасть на нее со всѣми своими силами. Эстергази въ донесеніяхъ своему Двору изображалъ черными красками состояніе русскаго войска, для командованія которымъ нѣтъ ни одного порядочнаго генерала. Съ одной стороны, мало надѣялись на успѣхи русскаго войска,—боялись, что Прусскій король, легко отдѣлавшись отъ послѣд-

---

[1]) Протоколы конференціи 1756 года въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Дѣло о Зубаревѣ, напечатано въ бумагахъ Арсеньева, изданныхъ Пекарскимъ, стр. 375.

няго, направитъ всѣ свои силы противъ Австріи, которая еще не вполнѣ готова; съ другой стороны, Франція рѣшительно отказывалась помогать войскомъ въ наступательной войнѣ Австріи противъ Пруссіи, почему Австрія и предпочитала дожидаться нападенія Фридриха II, ибо тогда Франція, по договору, будетъ обязана помочь ей войскомъ [1]). 29-го мая Эстергази объявилъ въ Петербургѣ, что императрица-королева не можетъ начать войны съ Пруссіею нынѣшнимъ лѣтомъ; тутъ же Эстергази открылся о заключеніи Версальскаго договора между Австріею и Франціею и выразилъ желаніе, чтобъ Россія употребила всѣ усилія склонить Францію смотрѣть спокойно на сокращеніе силъ Прусскаго короля. Вслѣдствіе этихъ сообщеній, въ конференціи 4-го іюня было постановлено: „Такъ какъ, несмотря на трудности, находимыя Вѣнскимъ Дворомъ, намѣреніе ея величества неотмѣнно, чтобъ во время нынѣшней между Англіею и Франціею войны, не упуская этого удобнаго случая, трудиться надъ сокращеніемъ силъ короля Прусскаго, то объявить Вѣнскому Двору слѣдующее: откровенное сообщеніе оборонительнаго договора, заключеннаго между Австріею и Франціею, и вниманіе, съ какимъ Вѣнскій Дворъ исключилъ ея величество изъ условія не сообщать этого договора никому до ратификацій, очень пріятны императрицѣ, тѣмъ болѣе-что это важное дѣло, согласное съ интересами императрицы-королевы, согласно со мнѣніями и ея императорскаго величества Всероссійскаго. Соглашеніе Вѣнскаго Двора съ Французскимъ призывать ея императорское величество формально къ приступленію къ упомянутому союзу ея величество почитаетъ новымъ опытомъ старанія Вѣнскаго Двора не удаляться отъ дружбы съ Россіею, почему и будетъ ожидать этого формальнаго приглашенія, дабы тогда на самомъ дѣлѣ показать готовность къ исполненію желаній императрицы-королевы. Ея величество согласна возобновить сношенія съ Французскимъ Дворомъ посредствомъ взаимнаго отправленія министровъ, но отнюдь не можетъ согласиться сдѣлать первый шагъ, тѣмъ болѣе — что Франція отозваніемъ своего министра первая подала поводъ къ прекращенію сношеній. Ея величество согласна на то, чтобъ французскій и русскій министры были назначены въ одинъ день. Хотя императрица признаетъ справедливость основаній, по которымъ Вѣнскій Дворъ считаетъ невозможнымъ начать войну нынѣшнимъ лѣтомъ, однако, по союзнической откровенности, не хочетъ и скрыть, что послѣ той горячности, съ какою сдѣланы объ этомъ дѣлѣ первыя сообщенія, и послѣ той серьезности, съ какою ея величество вступила въ виды императрицы-королевы и уже столько сдѣлала, что занесенный на короля Прусскаго съ ея стороны ударъ только опустить оставалось, — ей прискорбно, что успѣхъ не соотвѣтствуетъ еще общему желанію. Несмотря однако на сожалѣніе, что издержки на военныя приготовленія употреблены были нѣсколько рановременно, императрица соглашается съ желаніемъ Вѣнскаго Двора, чтобъ здѣшнія приготовленія и движенія не были такъ казисты, почему и отправлены указы остановить движеніе войскъ. Но ея императорское величество надѣется, что это новое распоряженіе не послужитъ къ уменьшенію оказанной до сихъ поръ ревности относительно сокращенія силъ Прусскаго короля; императрица-королева, конечно, приметъ въ уваженіе, что сколько русскіе интересы требуютъ обезпеченія со стороны короля Прусскаго, настолько же отъ сокращенія силъ его зависятъ благосостояніе и безопасность Австрійскаго Дома; не потерять времени при этомъ — особенно важно, ибо если теперь, безъ предварительнаго согласія Франціи, кажется труднымъ атаковать короля Прусскаго, то это будетъ уже совершенно невозможно, когда между Англіею и Франціею заключенъ будетъ миръ. Правда, необходимо надобно стараться склонить Францію, чтобъ она спокойно смотрѣла на сокращеніе силъ короля Прусскаго; но особенно надобно обратить вниманіе на то, надобно-ли открывать Франціи все, что здѣсь имѣется въ виду“.

2-го іюля конференція, въ присутствіи Елисаветы, постановила дать знать Эстергази, что медленность относительно принятія мѣръ противъ короля Прусскаго безпокоитъ императрицу. Благодаря этой медленности, онъ получаетъ время привести себя въ надлежащее оборонительное состояніе и укрѣпить себя еще какими-нибудь новыми союзами. Онъ началъ вдругъ дѣлать большія военныя приготовленія въ такое время, когда узналъ, что здѣшнія движенія остановлены; какъ видно, онъ хочетъ лучше предупредить, чѣмъ быть предупрежденнымъ. Прискорбно ея величеству видѣть, что дружбы ея почти со всѣхъ сторонъ ищутъ, и однако она принуждена оставаться въ нѣкоторой нерѣшительности относительно выбора. Натуральная ея величества склонность и интересы дѣлаютъ союзъ ея съ императрицею-королевою неразрывнымъ; поэтому ея величество соизволяетъ и на ближайшее соглашеніе съ Французскимъ Дворомъ; только надобно признаться, что основаніе этого соглашенія будетъ очень слабо, если все ограничится одною обсылкою министровъ и возстановленіемъ непосредственной корреспонденціи. Для этого не стоило-бы уничтожать всѣ обязательства съ Англіею и лишиться довольно значительныхъ суммъ, которыя слѣдовало получить отъ этой державы. Правда, поведеніе Англіи относительно короля Прусскаго заслужило справедливое негодованіе ея величества; но теперь раскаяніе Англійскаго Двора и готовность его удовлетворить всѣмъ желаніямъ императрицы не могутъ быть отвергнуты, если Французскій Дворъ съ своей стороны не вознаградитъ этой потери совершеннымъ покинутіемъ короля Прусскаго. Поэтому министерство ея величества проситъ господина посла постараться, чтобъ императрица-королева рѣшительнымъ объясненіемъ

[1]) Arneth, 459, 460, 468, 472.

привела, наконецъ, здѣшній Дворъ въ состояніе знать, чего держаться; а русскимъ сухопутнымъ и морскимъ силамъ вновь даны секретные указы находиться готовыми къ походу, такъ что, въ случаѣ надобности, еще нынѣшнимъ годомъ можно предпринять что-нибудь важное.

11 августа Эстергази сообщилъ опасенія своего Двора, чтобъ король Прусскій не напалъ нечаянно на Богемію или Моравію. Конференція постановила отвѣчать ему, что русскія войска до самаго расположенія на зимнія квартиры будутъ готовы къ походу, да и при расположеніи на зимнія квартиры будетъ сдѣлано такъ, чтобъ значительный корпусъ могъ собраться и предпринять что-нибудь важное [1]). Но опасенія являлись и насчетъ другой стороны, кромѣ Богеміи и Моравіи. Мы видѣли, что отношенія Русскаго Двора къ Польско-Саксонскому въ послѣднее время были не очень дружественны. Въ конференціи 26 марта были признаны необходимыми рѣшительныя мѣры для поддержки людей, которые называли себя членами русской партіи, противъ партіи придворной. Литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, далъ знать, что имѣющій быть въ Литвѣ трибуналъ или поправитъ дѣла, или кончится явнымъ возмущеніемъ всего королевства; поэтому рѣшили, что нельзя ожидать спокойно и равнодушно приближенія времени, когда откроется трибуналъ, и что надобно послать воеводѣ Русскому, князю Чарторыйскому, давно желанную имъ обнадеживательную грамоту императрицы съ увѣреніемъ, что ея величество не допуститъ никакой новизны въ Польшѣ, намѣрена сохранять польскія права и вольности, и защищать своихъ доброжелателей, особенно фамилію Чарторыйскихъ. Кромѣ этой грамоты, канцлеръ долженъ написать и къ остальнымъ членамъ русской партіи такого же рода письма, равно какъ и нѣкоторымъ другимъ значительнымъ лицамъ, не принадлежащимъ къ русской партіи; посланнику Гроссу велѣлъ сдѣлать Польско-Саксонскому Двору наисильнѣйшія представленія, чтобъ онъ старался сократить излишне данную гетманамъ власть, отвращать всякія насильства, могущія быть при трибуналѣ, и сохранять права королевства во всей ихъ цѣлости. Секретарю посольства Ржичевскому, завѣдывавшему собственно Польскими дѣлами въ Варшавѣ, велѣно было увѣдомить канцлера Малаховскаго, что, по его представленію, скоро пришлется къ нимъ другой министръ, *отличная персона*, главнымъ образомъ для подкрѣпленія ихъ партіи. Для развѣдыванія склонности Поляковъ относительно короля Прусскаго и о намѣреніи ихъ насчетъ престолонаслѣдія положено отправить генералъ-квартирмейстера-лейтенанта Веймарна, съ жалованьемъ по 200 рублей въ мѣсяцъ и 1,000 рублей на дорогу, да отправить съ нимъ къ Литовскому канцлеру 6,000 червонныхъ для нужнѣйшихъ расходовъ къ пользѣ высочайшихъ интересовъ.

[1]) Протоколы конференцій.

Ржичевскому велѣно было увѣдомить Малаховскаго о присылкѣ „отличной персоны": значитъ, Гроссомъ были недовольны, а это служило также признакомъ паденія силы канцлера Бестужева. Гросса вывелъ и поддерживалъ Бестужевъ; Ржичевскаго поддерживалъ Воронцовъ. Въ концѣ 1754 года, Кіевскій митрополитъ Тимоѳей писалъ канцлеру, что, по мнѣнію Слуцкаго архимандрита Козачинскаго, едва ли Ржичевскій, будучи самъ католикъ, можетъ сдѣлать что-нибудь въ пользу Православія, и не лучше ли назначить на его мѣсто капитана русской службы, Глинскаго, кальвиниста, который будетъ усерднѣе дѣйствовать въ пользу Православныхъ, потому что не будетъ бояться католическаго духовенства. На это Бестужевъ отвѣчалъ: „Хотя я и довольно понимаю, что написту противъ папистовъ дѣйствовать невозможно по русской пословицѣ: воронъ ворону глаза не выклюнетъ; но рѣшеніе сего дѣла отъ меня не зависитъ". Здѣсь находится замѣтка канцлера: „Подлинно имѣло бы зависѣть только отъ канцлера перевесть секретаря изъ одного мѣста въ другое; но теперь канцлеръ о Ржичевскомъ ниже упомянуть въ Коллегіи смѣетъ, по великому множеству пристрастныхъ ему патроновъ, коими донынѣ въ молчаніи оставленъ, а наименьше отправленъ указъ къ нему, Ржичевскому, хотя противъ справедливости онаго ничего предъявить не имѣли". Указъ заключалъ въ себѣ строгій выговоръ, какъ смѣлъ Ржичевскій накидывать подозрѣніе на Гросса за его тѣсную дружбу съ Брюлемъ и Мнишкомъ.

Гроссъ, вслѣдствіе рѣшенія конференціи, повторилъ Брюлю, что, по дружескимъ и благонамѣреннымъ совѣтамъ императрицы, королю надобно было бы возстановить прежній порядокъ возвращеніемъ своего довѣрія старымъ искуснымъ министрамъ и патріотамъ освобожденіемъ ихъ отъ гетманскихъ притѣсненій, а гетмановъ сдержать въ предѣлахъ, предписанныхъ Варшавскимъ трактатомъ, гарантированнымъ Россіею, ибо соблюденіе этого трактата во всѣхъ пунктахъ есть лучшій способъ для сохраненія тишины въ Польшѣ. Гроссъ заключилъ свою рѣчь словами, что повторяетъ объ этомъ вслѣдствіе новаго приказанія императрицы. — „Если бы вы сто разъ повторили эти представленія", отвѣчалъ Брюль, „то я все буду отвѣчать прежнее, что король никакихъ притѣсненій не желаетъ; что старается повсюду держать власть гетмановъ въ надлежащихъ границахъ; цѣлый годъ не исполняетъ ни одной изъ просьбъ гетмана Браницкаго, а при учрежденіи виленскаго трибунала то же сдѣлалъ относительно Литовскаго гетмана, князя Радзивила; король готовъ возвратить свою милость и князьямъ Чарторыйскимъ, если они перемѣнятъ свое поведеніе; но пусть императрица сама безпристрастно разсудитъ, можно ли ожидать отъ короля, чтобъ онъ возвратилъ свое довѣріе людямъ, которые не стыдятся письменно разглашать въ Польшѣ, что принудятъ къ тому своего государя силою русскаго оружія; которые безпрестанными

жалобами при вашемъ Дворѣ злостно стараются произвесть холодность между императрицею и королемъ; которые не только стараются возбудить смуту въ своемъ отечествѣ, но и вредятъ интересу самой императрицы въ Польшѣ, вселяя въ народѣ недовѣріе и страхъ предъ русскимъ оружіемъ и подавая поводъ французскимъ сторонникамъ кричать, что императрица хочетъ самодержавно управлять Польшею, принуждая короля отставлять однихъ министровъ и брать другихъ, какихъ ей угодно".

Когда донесеніе Гросса объ этомъ разговорѣ было прочтено въ конференціи 24 іюня, то здѣсь постановлено дать знать Иностранной Коллегіи, что такъ какъ она изъ реляціи Гросса, конечно, усмотрѣла, въ какихъ грубыхъ и непристойныхъ терминахъ отвѣчалъ ему графъ Брюль, и такъ какъ подобный поступокъ въ молчаніи и терпѣливо не можетъ быть перенесенъ, а выговоры чрезъ посланника Гросса поведутъ только къ большему огорченію и къ личной враждѣ между нимъ и Брюлемъ, и чрезъ то ко вредной холодности между Дворами безъ малѣйшаго исправленія дѣла: то положено дать знать секретарю саксонскаго посольства Прассу, какъ этотъ поступокъ былъ неожиданъ и впредь еще меньше ожидается, почему и оставляется безъ надлежащаго отвѣта для избѣжанія наималѣйшаго повода къ холодности, столько же вредной обоимъ Дворамъ, сколько дружба между ними естественна и полезна [1]).

Ссориться дѣйствительно было не-время. Мы видѣли, что Фридрихъ II, заключая союзъ съ Англіею, надѣялся не только предохранить себя отъ нападенія со стороны Россіи, но и войти съ нею опять въ дружественныя сношенія. Онъ говорилъ англійскому посланнику Митчелю: „Я хочу выполнить свои обязательства относительно вашего государя, и въ случаѣ, если покой въ Германской имперіи будетъ нарушенъ вслѣдствіе союза между Франціею и Австріею, то я буду дѣйствовать противъ этихъ державъ сообща съ Англійскимъ королемъ. Но увѣрены ли вы въ Русскихъ"?—„Король, мой государь, думаетъ, что можно быть увѣрену на ихъ счетъ", отвѣчалъ Митчель. Потомъ, поговоря нѣсколько времени о другомъ, король опять спросилъ: „Совершенно ли вы увѣрены въ Русскихъ"? Получивши отвѣтъ утвердительный, хотя и не безъ нѣкоторой сдержанности, Фридрихъ сталъ считать силы, какія могли выставить воюющія стороны: „У меня", говорилъ онъ, „100,000 войска; да если прибавить сюда еще 30,000 Русскихъ... Русскія войска могутъ сѣсть на суда въ лифляндскихъ и курляндскихъ гаваняхъ и выйти на берегъ въ Ростокѣ". Изъ повторенія вопроса насчетъ Россіи, Митчель догадался, что Фридрихъ получилъ изъ Петербурга не столь благопріятныя извѣстія, чѣмъ тѣ, которыми убаюкивалъ свое правительство Уильямсъ. Вотъ почему Митчель и рѣшился отвѣчать съ нѣкоторою сдержанностью. Въ маѣ мѣсяцѣ Фридрихъ высказалъ Митчелю новыя сомнѣнія относительно колеблющейся политики Русскаго Двора: „Если", говорилъ онъ, „на Германію нападутъ чужія войска, то я выполню свои обязательства относительно Англіи и облегчу высадку 30,000 русскаго войска въ Ростокѣ или Штетинѣ. Но, признаюсь, мнѣ будетъ очень непріятно видѣть чужое войско въ Германской имперіи, и я надѣюсь, что Русскіе не придутъ, если въ нихъ не будетъ настоятельной нужды. Впрочемъ, они могутъ тогда служить залогомъ вѣрности Россіи и препятствовать, чтобъ это государство не приняло сторону нашихъ враговъ". Въ іюнѣ Фридрихъ получилъ извѣстіе изъ Гаги, что Россія отказывается отъ своихъ обязательствъ съ Англіею; по этому случаю онъ писалъ: „Все это дѣло зависитъ отъ двухъ условій: если Англійскому королю удастся удержать при себѣ Россію,—Германія останется спокойною, и намъ нечего будетъ бояться. Въ противномъ случаѣ надобно обратиться къ Туркамъ и сыпать между ними деньги, чтобъ они сдѣлали отвлеченіе. Я думаю, что нельзя терять времени, и если не принять заблаговременно своихъ мѣръ въ Константинополѣ на случай, если намъ не удастся въ Петербургѣ, то всякія мѣры уже опоздаютъ". Въ половинѣ іюля Фридрихъ высказалъ Митчелю убѣжденіе, что Россія совершенно для нихъ потеряна, ибо Австрія приготовляется къ войнѣ въ Богеміи и Моравіи; о намѣреніяхъ своего Двора проговорились также нѣкоторые австрійскіе министры и генералы. „Для меня", говорилъ Фридрихъ, „нѣтъ другого спасенія, какъ предупредить врага; если мое нападеніе будетъ удачно, то этотъ страшный заговоръ исчезнетъ, какъ дымъ; какъ скоро главная участница такъ будетъ стѣснена, что не будетъ въ состояніи вести войну въ будущемъ году, то вся тяжесть падетъ на союзниковъ, которые, конечно, не согласятся нести ея". Король сталъ соображать предъ Митчелемъ всѣ извѣстія, имъ полученныя, и по его выходило, что Австрія хочетъ напасть на него. Митчель, не могши поколебать этого убѣжденія, предложилъ, что, прежде принятія рѣшительныхъ мѣръ, онъ можетъ потребовать объясненія, дѣйствительно ли Австрія хочетъ напасть на него. Сначала Фридриху очень не понравилось это предложеніе: „Изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго", отвѣчалъ онъ: „я получу только оскорбительный отвѣтъ".—„Чѣмъ высокомѣрнѣе будетъ отвѣтъ, тѣмъ лучше", возражалъ Митчель: „вы на немъ не успокоитесь; только Европа должна будетъ убѣдиться въ мирныхъ расположеніяхъ съ вашей стороны и враждебныхъ со стороны австрійской".—„Нѣтъ", съ горячностью говорилъ король, „это не поможетъ, а только испортитъ дѣло. Вы не знаете этихъ людей: они еще больше загордятся; а я имъ не уступлю". Такъ было говорено въ полдень; а вечеромъ Фридрихъ сказалъ Митчелю: „Я подумалъ о вашемъ совѣтѣ и послѣдую ему. Но

---

[1]) Протоколы конференціи и дѣла Польскія 1756 года. См. также Архивъ кн. Воронцова IV. 52.

объявляю вамъ заранѣе, что я не ожидаю ничего хорошаго, и, клянусь Богомъ, не уступлю этимъ людямъ“ [1]).

Прусскій посланникъ въ Вѣнѣ испросилъ аудіенцію у Маріи-Терезіи и отъ имени своего короля предложилъ вопросъ: движеніе войскъ въ Богеміи и Моравіи дѣлается съ цѣлью напасть на Пруссію или нѣтъ. Марія-Терезія отвѣчала: „Сомнительное положеніе европейскихъ дѣлъ заставило меня принять мѣры для собственной безопасности и для защиты союзниковъ; но эти мѣры не клонятся ни къ чьему вреду. Такъ и скажите королю, вашему государю“. Но Фридрихъ этимъ не удовольствовался; его посланникъ попросилъ другой аудіенціи для полученія болѣе опредѣленныхъ объясненій, ибо не владѣніямъ императрицы или ея союзниковъ, но владѣніямъ Прусскаго короля грозитъ нападеніе. Король навѣрное знаетъ, что императрица въ началѣ этого года заключила наступательный союзъ съ Россіею: положено съ 200,000 войска внезапно напасть на Пруссію; исполненіе договора отсрочено до будущаго года, потому что у русскаго войска недостаетъ рекрутъ, у флота—матросовъ, и для ихъ прокормленія нѣтъ хлѣба въ Финляндіи. Императорскій Дворъ отложилъ войну до весны будущаго года, и такъ какъ король получаетъ отовсюду извѣстія о сборѣ австрійскихъ войскъ, то онъ считаетъ себя въ правѣ требовать отъ императрицы формальнаго и категорическаго объявленія, что она не имѣетъ намѣренія напасть на него ни въ этомъ году, ни въ будущемъ, будетъ-ли это завѣреніе письменное или изустное, сдѣланное въ присутствіи посланниковъ французскаго и англійскаго – для короля все равно. „Надобно знать: въ войнѣ мы или въ мирѣ; если намѣренія императрицы чисты, то теперь самый удобный случай объявить ихъ; но если королю дадутъ отвѣтъ на языкѣ оракула, отвѣтъ нерѣшительный, изъ котораго нельзя будетъ ничего заключить, то на императрицу падетъ отвѣтственность за послѣдствія“ [2]).

У прусскаго посланника требовали этого запроса на письмѣ, и письменно отвѣчали: „Уже давно король Прусскій занимается военными приготовленіями въ широкихъ размѣрахъ, какъ вдругъ ему показалось нужнымъ потребовать у императрицы объясненія военныхъ приготовленій, которыя начались въ ея владѣніяхъ только вслѣдствіе прусскихъ приготовленій. Привыкши сохранять уваженіе, которымъ государи обязаны другъ къ другу, съ изумленіемъ узнала она содержаніе записки, поданной прусскимъ посланникомъ. По содержанію и по формѣ она такова, что императрица была бы принуждена перейти границы умѣренности, если бы стала отвѣчать на все, въ ней содержащееся. Но она объявляетъ одно, что извѣстія о наступательномъ союзѣ между нею и Россіею и условія этого союза ложны, выдуманы; что такого договора противъ Пруссіи не существуетъ и не существовало прежде“ [3]).

Изъ сличенія всѣхъ этихъ извѣстій съ ходомъ переговоровъ между Россіею и Австріею, какъ онъ представляется по нашимъ источникамъ, ясно видно, что Фридрихъ II имѣлъ ложныя понятія объ отношеніяхъ между двумя императорскими Дворами; эти отношенія представлялись ему въ превратномъ видѣ: ему казалось, что Австрія побуждаетъ Россію къ скорѣйшему начатію войны, а Россія оттягивала войну до будущаго года вслѣдствіе дурного состоянія своей арміи и флота, тогда какъ мы знаемъ, что дѣло было наоборотъ. Мы знаемъ, что у Фридриха были шпіоны въ Берлинѣ и Дрезденѣ, ибо онъ самъ на нихъ указываетъ [4]); но мы видимъ, что эти шпіоны сообщали ему невѣрныя извѣстія, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ получалъ эти невѣрныя извѣстія изъ Петербурга, прямо или посредственно, прямо—отъ великаго князя Петра Ѳедоровича [5]), или чрезъ посредство канцлера Бестужева, который будто бы открылъ всѣ тайны саксонскому повѣренному въ дѣлахъ Функу, тотъ донесъ своему Двору, а дрезденскій шпіонъ донесъ Фридриху II [6]).

Какъ бы то ни было, Фридрихъ, въ своей тревогѣ за Силезію, нашелъ, что отвѣтъ Маріи-Терезіи не удовлетворителенъ, и рѣшился начать войну. „Было вѣроятно“, говоритъ онъ самъ, „что въ этомъ году враги Пруссіи не начнутъ войны, ибо Петербургскій Дворъ хотѣлъ отложить ее до слѣдующаго года, и было очевидно, что императрица-королева будетъ дожидаться, пока всѣ ея союзники приготовятся напасть на Прусскаго короля соединенными силами. Эти соображенія повели къ вопросу: что выгоднѣе—предупредить непріятеля, напавши на него сейчасъ же; или дожидаться, пока онъ кончитъ свои великіе сборы. Какъ бы ни рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, война была одинаково вѣрна и неизбѣжна; и такъ надобно было разсчитать—выгоднѣе ли отложить ее на нѣсколько мѣсяцевъ, или начать сейчасъ же. Король Польскій былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ союза, который императрица-королева образовала противъ Пруссіи. Саксонское войско было слабо, въ немъ считалось около 18,000 человѣкъ; но было извѣстно (?), что въ продолженіи зимы это войско должно было увеличиться, и что хотѣли довести его до 40,000 человѣкъ. Что касается страшнаго названія зачинщика войны, то это пустое страшило, пугающее только робкіе умы. Не слѣдовало обращать на него никакого внима-

---

[1]) Раумеръ II, 335 и слѣд.

[2]) Шеферъ I, 631.

[3]) Арнетъ 483.

[4]) Mémoires de Frédéric II, t. I, p. 418.

[5]) Какъ думаетъ Шеферъ I. 188.

[6]) Какъ думаетъ Арнетъ, стр. 489. *Невѣрныхъ* извѣстій этими путями нельзя было получить; но можно было получить ихъ изъ Петербурга отъ другихъ людей, какъ напримѣръ отъ тѣхъ, съ которыми переписывался Кейтъ, какъ увидимъ впослѣдствіи.

нія въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, когда дѣло шло о спасеніи отечества, о поддержаніи Бранденбургскаго Дома. Задерживаться пустыми формальностями въ такомъ важномъ случаѣ было бы въ политикѣ непростительною ошибкой. При обычномъ теченіи дѣлъ, не надобно удаляться отъ этихъ формальностей; но нельзя подчиняться имъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нерѣшительность и медленность могли все погубить, и гдѣ можно было спастись только быстротою и силой" [1]).

Изъ этихъ словъ понятно, почему въ Петербургѣ называли Фридриха *скоропостижнымъ* государемъ и считали самымъ опаснымъ сосѣдомъ, силы котораго необходимо сократить.

Для нападенія на Австрію, Фридрихъ составилъ двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ фельдмаршала Шверина, должна была идти въ Богемію къ Кёнигсгрецу; другая должна была, подъ начальствомъ самого короля, вступить въ Саксонію, обезоружить тамошнія войска, если застанетъ ихъ разсѣянными по квартирамъ, или разбить ихъ, если найдетъ въ сборѣ, чтобы при движеніи въ Богемію не имѣть въ тылу непріятеля.

Въ концѣ іюня, австрійскій министръ въ Дрезденѣ, графъ Штернбергъ, получилъ отъ австрійскаго же министра въ Берлинѣ извѣстія о чрезвычайныхъ военныхъ приготовленіяхъ Прусскаго короля. О томъ же самомъ писалъ саксонскій министръ въ Берлинѣ къ графу Брюлю. Брюль, сообщая эти извѣстія Гроссу, сказалъ, что прусскія приготовленія, съ одной стороны, проистекаютъ изъ страха передъ движеніемъ русскихъ войскъ и передъ договоромъ, заключеннымъ въ Версали между Австріею и Франціею; но, съ другой стороны, можетъ статься, что Фридрихъ II захочетъ предупредить нападенія и первый нападетъ на Австрійскія владѣнія, именно—на Богемію и Моравію. Если, по примѣру 1744 года, онъ захочетъ вторгнуться въ нихъ чрезъ Саксонію, то Саксонское правительство, хотя по слабости своей арміи и не можетъ воспрепятствовать проходу Пруссаковъ, однако, въ исполненіе обязательствъ своихъ съ императрицею-королевою, соберетъ войско и станетъ ожидать удобнаго и безопаснаго случая, причемъ желаетъ знать, какое рѣшеніе приметъ Русскій Дворъ, ибо Польскій король во всемъ намѣренъ подражать Россіи.

Въ конференція 8 іюля положено было приказать Гроссу отвѣчать Брюлю, что русскія войска собраны въ Лифляндіи для немедленнаго поданія помощи вѣрнымъ союзникамъ и, особенно, для удержанія короля Прусскаго, какъ государя очень предпріимчиваго и *скоропостижнаго*, отъ нечаяннаго на нихъ нападенія, причемъ области его Польскаго величества включаются въ это великодушное намѣреніе. Гроссъ долженъ прибавить, что всякій другой государь при такихъ обстоятельствахъ оставилъ бы въ покоѣ сосѣдей и былъ бы радъ, что его самого въ покоѣ оставили; но не таковъ король Прусскій: если онъ дѣйствительно увѣрился, что императрица-королева хочетъ сдѣлать на него нападеніе, то хотя-бы онъ подлинно зналъ, что мы ей помогать будемъ или не будемъ,—въ обоихъ случаяхъ интересъ его требуетъ долго въ страхѣ не оставаться, но какимъ-нибудь сильнымъ и внезапнымъ ударомъ привести Вѣнскій Дворъ въ разстройство и безсиліе. Положеніе Дрезденскаго Двора при такихъ обстоятельствахъ чрезвычайно критическое: самая меньшая опасность ему—отъ насильственнаго прохода прусскихъ войскъ чрезъ Саксонію, потомъ возвращенія въ случаѣ неудачи, влекущаго погоню непріятельскихъ войскъ, вслѣдствіе чего Саксонія сдѣлается театромъ войны; и такъ какъ Саксонія однимъ своимъ средствомъ не можетъ препятствовать проходу прусскихъ войскъ, то отъ Польскаго короля зависитъ предупредить разореніе своихъ владѣній, взявши въ Саксонію отъ 30 до 35,000 русскаго войска, причемъ онъ долженъ довольствовать ихъ только квартирами, а провіантомъ и фуражемъ—на половину, за остальную же половину получить деньги [2]).

И тутъ поведеніе Австрійскаго Двора произвело сильное раздраженіе при Петербургскомъ: Эстергази уклонился отъ переговоровъ о введеніи русскаго войска въ Саксонію. Потомъ Эстергази старался оправдать поведеніе своего Двора тѣмъ, что, благодаря его умѣренности и осторожности, Франція приведена въ необходимость подать ему помощь по Версальскому договору, а король Прусскій лишается всякаго предлога требовать помощи отъ кого бы то ни было, будучи неоспоримо зачинщикомъ смуты. Въ конференціи 28 августа рѣшено было объявить Эстергази: императрица не можетъ вспомнить безъ сожалѣнія о чрезмѣрной умѣренности относительно Прусскаго короля, какъ такого государя, который самъ ея ни въ чемъ не имѣетъ; благодаря этой, достойной сожалѣнія умѣренности, Австрія требовала, чтобъ Россія не дѣлала никакого примѣтнаго вооруженія и движенія войскъ, и посолъ австрійскій отказался отъ переговоровъ о введеніи русскаго войска въ Саксонію. Если-бы императрица въ томъ и другомъ случаѣ не была удержана желаніемъ поступать во всемъ единодушно съ императрицею-королевою, то король Прусскій не рѣшился бы на такія нестерпимыя угрозы, какія онъ теперь себѣ позволилъ, Австрія не опасалась бы его нападенія, и, по меньшей мѣрѣ, русская многочисленная армія была бы готова слѣдовать за нимъ по пятамъ; Саксонія не была бы въ такой заботѣ, какъ теперь, по меньшей мѣрѣ—знала бы чего держаться, и знали бы оба императорскіе Двора, чего отъ нея надобно ожидать. Императрица съ сожалѣніемъ видитъ, что теперь дѣло уже въ томъ состоитъ, чтобъ опасность, грозящую ея дражайшей союзницѣ, только уменьшить, потому

[1]) Mémoires de Frédéric II, t. I, p. 420.

[2]) Протоколы конференціи и дѣла Польскія.

что король Прусскій, будучи въ совершенной готовности, воспользуется удобнымъ временемъ, когда наступающая осень воспрепятствуетъ походу русскихъ и французскихъ войскъ. Для уменьшенія этой опасности, вновь посланы указы войскамъ быть готовыми къ походу, и, несмотря на позднее годовое время, значительная часть ихъ придвинется къ прусскимъ границамъ и часть флота выйдетъ въ море для наблюденія за прусскими берегами и для содержанія съ этой стороны Прусскаго короля въ нѣкоторой тревогѣ [1]).

Мнѣнія конференціи оправдались. 2 сентября въ ней читалось донесеніе Гросса, отъ 18 августа, что прусскій посланникъ въ Дрезденѣ, Мальцанъ, выпросивши аудіенцію у короля Августа, объявилъ, что его король видитъ себя вынужденнымъ поступками Маріи-Терезіи напасть на нее въ Богеміи, куда войско его направится чрезъ Саксонію; для этого велѣно ему, Мальцану, требовать свободнаго прохода для прусскаго войска съ такимъ изъясненіемъ, что будетъ соблюдена добрая дисциплина и, сколько обстоятельства позволятъ, Саксонія будетъ пощажена, король и его фамилія могутъ обѣщать себѣ всякую безопасность, причемъ однако не слѣдуетъ удивляться, если его Прусское величество, помня событія 1744 года, приметъ свои мѣры, чтобъ они не повторились. Августъ III отвѣчалъ, что на такое неожиданное предложеніе онъ не можетъ ничего объявить безъ совѣщанія. Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ Гросса, пришло другое отъ 19 августа, что прусское войско уже въ Саксоніи, захватываетъ зàмки, арсеналы, магазины, обезоруживаетъ городовыхъ солдатъ, платитъ за все вмѣсто наличныхъ денегъ однѣми квитанціями, не позволяетъ Саксонцамъ вносить подати въ казну курфирста. Король Августъ удалился къ войску, расположенному между Пирною и Кёнигштейномъ, и твердо намѣренъ все претерпѣть и только заботиться о сохраненіи своего войска[a].

По полученіи этихъ извѣстій, 13 сентября конференція постановила ободрить короля Августа и отвратить замѣшательство въ Польшѣ:—для этого двинуть армію, которая должна подать помощь союзникамъ и въ то же время поддержать спокойствіе въ Польшѣ, а между тѣмъ Гроссъ долженъ увѣрить Саксонскій Дворъ въ возможно скорой по годовому времени помощи, и объявить, что императрица велѣла выдать королю Августу изъ своей казны 100,000 рублей. Самому Гроссу положено переслать 10,000 рублей на чрезвычайныя издержки. Находящимся въ Польшѣ Веймарну и секретарю посольства, Ржичевскому, предписать внушать Полякамъ, что они, согласно попеченіямъ императрицы о Польшѣ, должны пресѣчь всѣ несогласія между фамиліями и не руководиться частными интересами, когда идетъ дѣло о благосостояніи отечества, которое подвергается опасности больше, чѣмъ когда-либо. Король Прусскій хотя, повидимому, въ походѣ своемъ и удаляется отъ Польши, но это только для того, чтобъ тѣмъ надежнѣе нанести ей ударъ. Государь, который не задумался, безъ всякой причины, противъ всенародныхъ правъ, противъ собственныхъ обѣщаній, отнять Саксонію у природнаго государя,—легко покусится и лишитъ его короны. Кто знаетъ, не въ этомъ-ли безчеловѣчномъ намѣреніи рѣшился онъ на всѣ варварства, чтобъ жизнь короля Августа прекратилась отъ несносной печали! Политика его этого требуетъ, а поведеніе его всего опасаться заставляетъ. Очень легко можетъ быть, что онъ замышляетъ завести въ Польшѣ конфедерацію, Польшу противъ Польши поставить и занять Россію ея успокоеніемъ: иначе какъ-бы онъ рѣшился идти въ Саксонію, оставляя границы свои открытыми съ русской стороны? Если, къ общему сожалѣнію, король Августъ преставится,—императрица, главнымъ образомъ, будетъ заботиться о томъ, чтобъ республика не встрѣтила ни откуда препятствія въ свободномъ выборѣ новаго короля. При этомъ Веймарнъ и Ржичевскій должны только слегка, и то надежнымъ пріятелямъ, рекомендовать наслѣднаго принца Саксонскаго, чтобъ рановременно и напрасно не подать повода къ представленію многихъ другихъ кандидатовъ.

Движеніе русскаго войска не могло принести пользы Польскому королю. Войско его принуждено было сдаться Пруссакамъ; Дрезденъ былъ занятъ ими, и Августъ III покинулъ свое наслѣдственное владѣніе и уѣхалъ въ Варшаву.

Въ такой бѣдѣ наслѣдная принцесса Саксонская обратилась къ Елисаветѣ съ просьбою купить нѣсколько ея брильянтовыхъ вещей. Императрица, какъ сказано въ ея указѣ Иностранной Коллегіи, „такъ чувствительно это приняла", что приказала доставить принцессѣ 20,000 рублей, въ знакъ дружбы и истиннаго участія въ ихъ жалостномъ положеніи.

По пріѣздѣ въ Варшаву, король объявилъ Гроссу, что послѣ Бога онъ всю свою надежду полагаетъ на скорую помощь императрицы. Брюль увѣрялъ, что король не сдѣлаетъ ни одного шага безъ согласія и присовѣтованія императрицы, что будетъ объявлено чрезъ его посла, отправляемаго въ Петербургъ. На этотъ постъ король избралъ стольника литовскаго, графа Понятовскаго, какъ человѣка, который, будучи прежде въ Петербургѣ въ свитѣ англійскаго посла Уильямса, умѣлъ заслужить благоволеніе императрицы; выборъ этотъ сдѣланъ „для того, чтобъ доказать возвращеніе королевскаго благоволенія къ князьямъ Чарторыйскимъ, потому что Понятовскій—ихъ племянникъ". „Въ самомъ дѣлѣ", доносилъ Гроссъ, „не только самъ король очень милостиво и ласково принимаетъ князей Чарторыйскихъ и друзей ихъ, но и графы Брюль и Мнишекъ внѣшнимъ образомъ обходятся съ ними чрезвычайно дружески".

Противъ посылки Понятовскаго въ Петербургъ вооружился французскій министръ въ Варшавѣ.

---

[1]) Протоколы конференцій

Дюранъ, на томъ основаніи, что фамилія стольника враждебна Франціи, и самъ Понятовскій находится въ дружбѣ съ англійскимъ посломъ Уильямсомъ, что можетъ вредить возстановленному согласію между Россіею и Франціею. На донесеніе объ этомъ сопротивленіи Дюрана, Гроссъ получилъ удивившій его рескриптъ императрицы: „Такъ какъ присылка Понятовскаго и съ нашимъ желаніемъ не сходна, и допускается единственно потому, что не можетъ быть отвращена съ благопристойностью, то Гроссъ долженъ показывать себя въ этомъ дѣлѣ совершенно равнодушнымъ и дать знать Дюрану, что императорскій Дворъ такъ-же совершенно равнодушенъ и не отказывается принять Понятовскаго только потому, что не хочетъ опечалить короля, тогда какъ дѣло собственно не имѣетъ никакой важности".

Самымъ важнымъ вопросомъ въ Польшѣ по отношенію къ русскимъ интересамъ, былъ теперь вопросъ о свободномъ проходѣ русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики. Въ концѣ ноября Гроссъ, объявилъ королю, что императрица ему непремѣнно поможетъ—и сильно поможетъ, хотя, быть можетъ, и не такъ скоро; отъ него же желаетъ—одного, чтобъ его величество старался примирить польскія партіи, принуждая каждаго къ исполненію своей должности, и чтобъ проходъ русскихъ войскъ не встрѣтилъ препятствій. Король отвѣчалъ, что очень трудно привести столько головъ къ единомыслію; впрочемъ, не видитъ, чтобъ кто-нибудь имѣлъ намѣреніе препятствовать проходу русскихъ войскъ. Гроссъ замѣтилъ, что если самъ король серьезно предложитъ борющимся партіямъ о примиреніи, то это произведетъ сильное дѣйствіе. Король отвѣчалъ, что сдѣлаетъ все возможное.

Графу Брюлю Гроссъ открылъ въ высшемъ секретѣ настоящій взглядъ своего Двора на назначеніе Понятовскаго посломъ въ Петербургъ. Брюль отвѣчалъ, что король никогда бы его не выбралъ, если-бъ не полагалъ, что онъ будетъ пріятнѣе всѣхъ другихъ императрицѣ; что теперь, когда уже Понятовскій отправилъ свой багажъ, когда уже ему вручены инструкціи и кредитивъ, когда уже онъ простился съ королемъ,—отмѣнить дѣла нельзя. Впрочемъ, король прежде всего взялъ съ Понятовскаго обѣщаніе, что онъ, несмотря на свою прежнюю дружбу съ англійскимъ посломъ, будетъ прямо противъ него дѣйствовать и никакого подозрѣнія на себя не навлечетъ; если же онъ своимъ поведеніемъ окажется неугоднымъ императрицѣ, то король немедленно его отзоветъ. Потомъ зашла рѣчь о дядюшкахъ Понятовскаго, князьяхъ Чарторыйскихъ. Брюль говорилъ: „Императрица совѣтуетъ королю содержать всѣхъ вельможъ равно, не оказывать ни одному предпочтенія: король и самъ считаетъ это основнымъ правиломъ своего поведенія; но когда я стану говорить объ этомъ равенствѣ съ князьями Чарторыйскими, то они отвѣчаютъ, что тотъ, кто хочетъ имѣть всѣхъ пріятелями, ни одного пріятеля не имѣетъ; они хотятъ властвовать одни, по этимъ они, разумѣется, уничтожили бы власть королевскую". Гроссъ писалъ: „Я не могъ возражать Брюлю потому, что недавно, на конференціи у кастеляна Краковскаго, когда я сталъ говорить о необходимости равенства въ республикѣ, то князья Чарторыйскіе горячо противъ этого спорили, утверждая, что равенство подастъ только поводъ къ мятежамъ" [1]).

Чтобъ понять эти объясненія относительно Понятовскаго, надобно перенестись къ Петербургскому Двору, который во все это время находился въ чрезвычайномъ волненіи. Волненіе это происходило не вслѣдствіе нападенія Фридриха II на союзныя съ Россіею государства—Саксонію и Австрію, требовавшія вспоможенія по договорамъ оборонительнаго союза; Прусской войны давно ожидали, и давно желали случая сократить силы опаснаго сосѣда, этого *скоропостижнаго* короля. Случись это нападеніе Фридриха при прежнихъ отношеніяхъ, то канцлеръ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ не преминулъ бы въ длинной запискѣ напомнить императрицѣ о своей прозорливости, какъ онъ съ самаго начала указывалъ на Прусскаго короля, какъ на самаго опаснаго врага, какъ съ самаго начала требовалъ противъ него мѣръ предосторожности. Но теперь, канцлеръ не подавалъ больше длинныхъ записокъ съ тѣхъ поръ, какъ въ длинной запискѣ, написанной въ самомъ рѣзкомъ тонѣ, какого прежде онъ себѣ не позволялъ, онъ требовалъ немедленной ратификаціи субсиднаго договора съ Англіею, направленной противъ Прусскаго короля. Англія, тайкомъ отъ Россіи, заключила союзъ съ этимъ Прусскимъ королемъ; Австрія, наоборотъ, сблизилась съ Франціею и предлагала Россіи сдѣлать то же самое. Послѣдовательность требовала принять предложеніе: но чего же стоила Бестужеву эта послѣдовательность? Сколько трудовъ употребилъ онъ на то, чтобъ выжить изъ Петербурга представителей Франціи и Пруссіи, главнымъ дѣломъ которыхъ было веденіе интригъ противъ него, канцлера, въ союзѣ съ его врагами! Какъ было хорошо, покойно въ послѣднее время, когда канцлеръ имѣлъ преимущественно дѣло съ представителями дружественныхъ державъ, дѣйствовавшими съ нимъ заодно, видѣвшими въ немъ свою опору; когда канцлеръ не опасался ничего со стороны министровъ Англіи, Австріи, Саксоніи; когда не нужно было болѣе перлюстрацій! А теперь опять явится въ Петербургъ французскій посолъ,—и тогдашніе французскіе дипломаты имѣли славу самыхъ искусныхъ интригановъ; и этотъ французскій посолъ явится съ враждою къ канцлеру, съ пріязнію къ его врагамъ; Воронцовъ—старый пріятель Франціи; Шуваловы сильно стоятъ за сближеніе съ Франціею и, что всего хуже, и Воронцовъ, и Шуваловы вполнѣ послѣдовательны, дѣйствуютъ во имя здраваго смысла: если дѣйствовать противъ Прусскаго ко-

[1]) Дѣла Польскія.

роля, то надобно считать друзьями его враговъ, и врагами—его друзей. Бестужеву остается одно—внушать, что не надобно спѣшить разрывомъ съ Англіею,—что она можетъ одуматься, раскаяться въ союзѣ съ Фридрихомъ, да и во всякомъ случаѣ открытая вражда съ Англіею вредна для русскихъ интересовъ; и Петръ Великій, враждуя съ Англійскимъ королемъ, объявлялъ, что находится въ мирѣ съ Англійскимъ народомъ. Это внушеніе могло имѣть силу; но трудно было убѣдить въ ненадобности возобновленія сношеній съ Франціею, когда отъ сближенія съ нею зависѣлъ успѣхъ конвенціи противъ Фридриха; когда главный союзникъ, Вѣнскій Дворъ, настаивалъ на это, и Бестужевъ, дѣйствуя противъ сближенія съ Франціею, вооружалъ противъ себя австрійскаго посла, который необходимо становился на сторону его враговъ, и канцлеръ оставался одинокъ. Но пусть пріѣдетъ французскій посолъ; еще можно было бы какъ-нибудь помириться съ обстоятельствами и, въ случаѣ нужды, побороться съ какимъ-нибудь новымъ Шетарди, если-бы обстоятельства были прежнія; а то предстоитъ страшный переворотъ, при которомъ можно легко погибнуть, а для спасенія нужно выдержать сильную борьбу, и въ этой борьбѣ надобно мѣряться съ новымъ опаснымъ врагомъ, французскимъ посланникомъ. Еще осенью 1755 года иностранные министры при Петербургскомъ Дворѣ стали извѣщать своихъ государей о дурномъ состояніи здоровья императрицы Елисаветы: она харкала кровью, задыхалась, постоянно кашляла, у ней пухли ноги [1]). Въ 1756 году здоровье Елисаветы нисколько не поправлялось; начали ждать печальной развязки; но что-же будетъ въ случаѣ такой развязки?.. Наслѣдникъ престола есть—великій князь Петръ Ѳедоровичъ; его права безспорны и по происхожденію и по назначенію царствующей императрицы, согласно уставу Петра Великаго. Но ходили слухи, что императрица очень недовольна своимъ племянникомъ и что думаетъ перемѣнить назначеніе,—объявить наслѣдникомъ престола малолѣтняго великаго князя Павла Петровича.

Петръ Ѳедоровичъ былъ сынъ одного изъ мелкихъ владѣльцевъ Германіи—герцога Голштинскаго; но по матери онъ былъ родной внукъ Петра Великаго, а по бабкѣ—двоюродный внукъ Карла XII, былъ поэтому наслѣдникомъ двухъ престоловъ, Русскаго и Шведскаго. Столько правъ, столько наслѣдства не матеріальнаго только, но и духовнаго, столько славы легло тяжкимъ бременемъ на существо слабое, физически и духовно, человѣка, остановившагося рано въ своемъ развитіи, оставшагося ребенкомъ, когда дѣтскій возрастъ давно уже минулъ. Къ слабости физической и духовной присоединилось раннее сиротство и воспитаніе самое безпорядочное подъ руководствомъ человѣка совершенно неспособнаго. Мы видѣли [2]), какъ воспитывали Петра въ Килѣ. Если природа не вложила въ ребенка охоты къ пріобрѣтенію познаній, то люди сдѣлали все, чтобъ внушить ему отвращеніе къ ученію. Неспособный учитель внушилъ маленькому Петру такое отвращеніе къ Латинскому языку, что послѣ, когда уже Петръ былъ императоромъ, онъ запретилъ библіотекарю помѣщать хотя одну латинскую книгу въ библіотекѣ, устраиваемой внизу новаго Зимняго дворца. Когда, при императрицѣ Аннѣ, надежда быть Русскимъ императоромъ, казалось, совершенно исчезла для Петра, ребенка начали учить Шведскому языку и лютеранскому катихизису. Благодаря своему голштинскому воспитанію, Петръ, по пріѣздѣ въ Россію, удивилъ императрицу Елисавету совершеннымъ невѣжествомъ, а Елисавета сама не могла экзаменовать очень взыскательно. Надобно было пополнить пробѣлы и пополнить какъ можно скорѣе, и эта трудная обязанность была возложена на академика Штелина. Мы не станемъ упрекать выбиравшихъ новаго наставника за неудачный выборъ, ибо не имѣемъ для этого упрека никакихъ основаній. Штелинъ дѣлалъ все, что могъ, увидавши, съ какою природою имѣетъ дѣло. Все сколько-нибудь отвлеченное, все требовавшее соображенія, нѣкотораго напряженія мысли и живого представленія связныхъ явленій,—все это было недоступно и возбуждало отвращеніе; доступно было только наглядное, мелкое, отдѣльное, и Штелинъ употребляетъ наглядный способъ для успѣха своего преподаванія; онъ приносилъ въ классъ книги съ картинками; приносилъ старинныя русскія монеты и по нимъ разсказывалъ древнюю Русскую Исторію; приносилъ медали Петра Великаго и по нимъ разсказывалъ его исторію; два раза въ недѣлю Штелинъ читалъ Петру газеты и при этомъ проходилъ всеобщую исторію, *амюзируя* ландкартами и глобусомъ; потомъ исторія сосѣднихъ государствъ была *трактована прагматически*; текущія государственныя дѣла изложены по бумагамъ, сообщеннымъ канцлеромъ. Память у Петра была отличная, онъ пересчитывалъ по пальцамъ всѣхъ русскихъ владѣтелей отъ Рюрика до Петра Великаго; но этимъ все и ограничивалось: несмотря на наглядность преподаванія и *амюзированіе*, Петръ неохотно занимался исторіею, моралью, статистикою; охотнѣе занимался онъ тѣмъ, что было осязательнѣе,—фортификаціею, основаніями артиллеріи. Изученіе Шведскаго языка замѣнено изученіемъ Русскаго, лютеранскій катихизисъ замѣненъ Православнымъ: и Русскій языкъ и катихизисъ преподавалъ 4 раза въ недѣлю іеромонахъ Теодорскій, или Тодорскій. Но столько же разъ въ недѣлю учили и танцамъ. Вслѣдствіе неспособности гофмаршала Брюммера вести дѣло воспитанія, среди пустыхъ забавъ едва можно было спасать назначенные для занятія часы. Брюммеръ и въ Россіи продолжалъ обращаться со своимъ воспитанникомъ какъ нельзя хуже, презрительно, деспотически, бранилъ неприличными словами, —то выходилъ изъ себя, то низко ласкался. Однажды

---

[1]) Уильзонъ отъ 2 октября 1755 г., у Раумера II, 295.
[2]) Исторія Россіи, кн. V, т. XXII, Гл. II.

онъ дотого забылся, что подбѣжалъ съ кулаками къ Петру,— едва Штелинъ успѣлъ броситься между ними; Петръ вскочилъ на окно и хотѣлъ позвать часового на помощь: Штелинъ удержалъ его, представивъ, какія будутъ слѣдствія. Тогда Петръ побѣжалъ въ спальню, выхватилъ шпагу и сказалъ Брюммеру: „Если ты еще разъ посмѣешь броситься на меня, то я проколю тебя шпагою".

Защищаясь противъ несправедливыхъ и преувеличенныхъ упрековъ Брюммера, Петръ привыкалъ къ спору и къ сильнымъ выходкамъ, отъ которыхъ худѣлъ. Такимъ образомъ, дурное воспитаніе дѣйствовало разрушительно на здоровье Петра, и безъ того слабое. Кромѣ того, Петръ, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, въ продолженіи трехъ лѣтъ выдержалъ три сильныя болѣзни; наконецъ Петра женили рано, несмотря на отсовѣтованія медиковъ, требовавшихъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, подождали еще годъ. Съ женитьбою прекратились учебныя занятія, отъ которыхъ скоро осталось очень мало слѣдовъ [1]). Петръ обнаруживалъ всѣ признаки остановившагося духовнаго развитія, являлся взрослымъ ребенкомъ. Дѣтскость высказывалась въ страсти къ мелочамъ, къ игрушкамъ; отъ дѣла серьезнаго бралась одна внѣшняя сторона, сама по себѣ вовсе не серьезная; дѣло обширное было не по немъ,— онъ стремился дать ему маленькіе размѣры, низвести до дѣтской игрушки; всякій серьезный вопросъ, требованіе подумать были ему тяжки и непріятны; онъ подчинялся первому чувственному побужденію, подчинялся первой чужой мысли; но эти увлеченія, необдуманности, какъ обыкновенно бываетъ въ дѣтяхъ, уживались съ капризами и упрямствомъ, которое не имѣло ничего общаго съ мужскою твердостью; дѣтская говорливость и крикливость были ясными признаками остановившагося развитія. Отъ такого человѣка нельзя было требовать, чтобъ онъ понялъ свое положеніе, понялъ, что наслѣдникъ Русскаго престола долженъ быть прежде всего Русскимъ человѣкомъ, приладиться къ народу и странѣ, гдѣ ему суждено царствовать. Чтобъ найтись въ новой сферѣ болѣе широкой, опредѣлить свой образъ дѣйствій согласно съ новымъ положеніемъ, болѣе высшимъ, дорости до этого положенія, требовалась бóльшая сила, бóльшая способность къ развитію, какой именно и не было у Петра. Онъ сросся съ узенькою обстановкой мелкаго нѣмецкаго владѣльца,— она пришлась ему по природѣ, и тяжело, тоскливо было ему въ другой, болѣе широкой сферѣ, куда перенесла его судьба. Здѣсь дѣло идетъ не о любви къ родинѣ, къ своему, но о косности, мелкости природы, которыя не позволяютъ отрѣшиться отъ извѣстныхъ привычекъ и взглядовъ. Та же косность и мелкость природы, которыя не позволили сыну Петра Великаго, царевичу Алексѣю, сдѣлаться достойнымъ наслѣдникомъ Россійской имперіи, царевичемъ новой Россіи, заставляли его упираться противъ новой дѣятельности и оставаться Русскимъ царевичемъ XVII вѣка, — та-же косность и мелкость природы заставили внука Петра Великаго остаться Голштинскимъ герцогомъ на императорскомъ Русскомъ престолѣ, со всѣми привычками и взглядами мелкаго германскаго князька, со страстью экзерцировать свою маленькую гвардію и въ ея кругу упитываться симпатіями и антипатіями, совершенно чуждыми настоящему его положенію.

Очень рано иностранные министры при Русскомъ Дворѣ начинаютъ пересылать своимъ государямъ печальныя извѣстія о характерѣ и поведеніи великаго князя. Дальонъ писалъ въ мартѣ 1746 г., что Петръ дѣлаетъ всѣмъ непріятности, не исключая и жены, у которой разумъ превосходитъ лѣта; онъ склоненъ къ вину, водится съ людьми пустыми, и главная забава его—кукольный театръ. Въ августѣ 1747 года Финкенштейнъ доносилъ своему королю: „Надобно полагать, что великій князь никогда не будетъ царствовать въ Россіи; не говоря уже о слабомъ здоровьи, которое угрожаетъ ему рановременною смертью, онъ такъ ненавидимъ Русскими, что долженъ лишиться короны, если-бъ она и досталась ему по смерти императрицы. И надобно признаться, что поведеніе его вовсе не способно привлечь сердца народа. Непонятно, какъ принцъ его лѣтъ можетъ вести себя такъ ребячески. Нѣкоторые думаютъ, что онъ притворяется; но въ такомъ случаѣ онъ былъ бы мудрѣе Брута и своей тетки [2]). Къ несчастію, онъ дѣйствуетъ безъ всякаго притворства. Великая княгиня ведетъ себя совершенно иначе".

По удаленіи Брюммера, мѣсто его при великомъ князѣ занялъ князь Василій Репнинъ, а послѣ него Чоглоковъ; послѣднему дана была такая инструкція, написанная канцлеромъ Бестужевымъ: „Опредѣляемъ, дабы вы, вмѣсто насъ и именемъ нашимъ, неотступно при его императорскомъ высочествѣ были и ему дѣломъ и совѣтомъ во всѣхъ случаяхъ (кромѣ Голштинскихъ дѣлъ) помогали, особливо слѣдующіе пункты исполняли: 1) дабы его императорское высочество Бога и Святыя Его заповѣди всегда въ памяти своей имѣлъ и преданія Православной Греческой вѣры крѣпчайше наблюдалъ, наружно же оныя внутреннія мнѣнія оказывалъ, явной Божіей службѣ въ прямое время съ усердіемъ и надлежащимъ благовѣніемъ, гнушаясь всякаго небреженія, холодности и индиферентности (чѣмъ всѣ въ церкви находящіеся явно озлоблены бываютъ), присутствовалъ, членамъ Св. Синода и всему духовенству надлежащее почтеніе отдавалъ, особливо же своего духовника самого къ себѣ допущалъ и наставленія его въ духовныхъ вещахъ охотно и со вниманіемъ выслушивалъ. 2) Чтобъ его императорское высочество свое дражайшее здравіе сохранялъ, лейбъ-медиковъ почасту къ сему

---

[1]) Записки Штелина.

[2]) Указаніе на поведеніе Елисаветы въ царствованіе Анны.

допускалъ, о состоянiи здравiя своего обстоятельно увѣдомлялъ и на вопросы ихъ прямую отповѣдь давалъ. 3) Чтобъ между ихъ императорскими высочествами ни малѣйшее несогласiе не происходило; наименьше же допускать, чтобъ какое преогорченiе вкоренилось, или же бы въ присутствiи дежурныхъ кавалеровъ, дамъ и служителей, кольми меньше же при какихъ посторонних что-либо запальчивое, грубое или непристойное словомъ или дѣломъ случилось. 4) Нашимъ именемъ и представляя ему собственное его благополучiе и честь, склонять, дабы наиглавнѣйше утреннiе часы до полудня потребными и къ персональной его пользѣ клонящимися упражненiями препровождены были; вамъ же всемѣрно препятствовать надлежитъ чтенiю романовъ, игранiю на инструментахъ, егерями и солдатами или какими игрушками, и всякiя шутки съ пажами, лакеями или иными негодными и къ наставленiю неспособными людьми. Распредѣленiе занятiй: въ понедѣльникъ и пятницу съ своими голштинскими министрами совѣтъ держалъ и дѣла своего герцогства управлялъ; во вторникъ и четвергъ надворнымъ совѣтникомъ Штелинымъ новѣйшее изъ газетъ состоянiе и сопряженiе нынѣшнихъ дѣлъ въ Европѣ, трактаты, интересы и государственныя правила разныхъ державъ себѣ представлять велѣлъ, исканiемъ же въ ландкартахъ географiи и знанiе земель и коммерцiи народовъ и все, чему его высочество въ физикѣ, политикѣ и математикѣ обучился, или же начало учинилъ, при случаяхъ повторялъ и далѣе наукою въ томъ продолжалъ. Предъ полуднемъ, въ среду и субботу, можно специальнѣе географiею и новѣйшею исторiею о Россiи, чтенiемъ житiя Петра Великаго и генерально точнѣйшимъ спознанiемъ имперiи учрежденiй и уставовъ оной упражняться, причемъ неминуемо потребно, дабы его императорское высочество ежеденно, или хотя токмо въ среду и субботу, въ чтенiи печатныхъ и разными руками писанныхъ дѣлъ на Россiйскомъ языкѣ себя сильнѣе чинилъ, къ чему Россiйскiя Вѣдомости, Уложенiе и указы, всякiе письменные репорты и челобитныя служить могутъ. При всемъ же семъ его императорское высочество въ здравую и прiятную погоду иногда поутру въ манежъ ходить или же на часокъ верхомъ выѣхать можетъ, когда бъ токмо одѣванiемъ цѣлые часы не проходили, и, слѣдовательно, такихъ притомъ забавъ самъ себя лишить не хотѣлъ. Также можетъ его императорское высочество въ среду и воскресенье, до Божiей службы, хотя на самое малое время предъ полуднемъ нашимъ гражданскимъ и военнымъ служителямъ и инымъ знатнымъ персонамъ аудiенцiи давать, дабы его высочество тѣмъ болѣе знанiе людей и любовь нацiи себѣ прiобрѣсти могъ. 5) Но яко ни за кѣмъ болѣе не присматриваютъ, какъ за высокими главами, и съ наружныхъ ихъ оказательствъ наибольшая часть людей доброе или худое, почтительное или презрительное мнѣнiе себѣ сочиняютъ, то его высочество публично всегда серьезнымъ, почтительнымъ и прiятнымъ казался-бъ; при веселомъ-же нравѣ непрестанно съ пристойною благоразумностью поступалъ, не являя ничего смѣшного, притворнаго и подлаго въ словахъ и минахъ; всякаго по достоинству его принималъ, природнымъ (т.-е. Русскимъ) любовь и милость, а чужимъ учтивство и привѣтливость оказывалъ; болѣе слушалъ, нежели говорилъ; болѣе спрашивалъ, нежели разсказывалъ; изъ разговоровъ каждаго по наукѣ или ремеслу пользу получалъ, и тако съ мореплавателемъ не о рудокопныхъ дѣлахъ и съ рудокопнымъ мастеромъ не о мореплаванiи разговаривалъ; повѣренность свою предосторожно и не ко всякому употреблялъ, а молчаливость за нужнѣйшее искусство великихъ государей поставлялъ; за столомъ разумными разговорами себя увеселялъ; отъ шалостей надъ служащими при столѣ, а именно—отъ залитiя платей и лицъ и подобныхъ неистовыхъ издѣвокъ надъ бѣдными служителями вамъ его воздерживать надлежитъ. 6) Для соблюденiя должнаго себѣ респекта, всякой пагубной фамильярности съ комнатными и иными подлыми служителями воздерживаться имѣетъ, и мы вамъ повелѣваемъ ихъ въ пристойныхъ предѣлахъ содержать, никому изъ нихъ не позволять съ докладами, до службы ихъ не касающимися, и иными внушенiями или наущенiями къ его высочеству подходить и имъ всякую фамильярность, податливость въ непристойныхъ требованiяхъ, притаскиванiе всякихъ непристойныхъ вещей, а именно—палатокъ, ружей, барабановъ и мундировъ и прочее накрѣпко и подъ опасенiемъ наказанiя запретить, якоже мы едва понять можемъ, что нѣкоторые изъ оныхъ продерзость возымѣли такъ названный полкъ въ покояхъ его высочества учредить и себя самихъ командующими офицерами надъ государемъ своимъ, кому они служатъ, сдѣлать, особливые мундиры съ офицерскими знаками носить и многiя иныя непристойности дѣлать, чѣмъ его высочества чести крайнѣйшее предосужденiе чинится, военное искусство въ шутки превращается, а его высочеству отъ толь неискусныхъ людей противныя и ложныя мнѣнiя объ ономъ вселяются; по требованiю же его высочества, всегда для существительной его пользы такое распоряженiе учинено быть можетъ, что всѣ военныя экзерцицiи и то, въ чемъ прямая служба состоитъ, нашими офицерами покажется. 7) Мы не хотимъ препятствовать, чтобъ его высочество по полудни до ужина всѣми невредительными веселiями и забавами не пользовался, токмо чтобъ всякая чрезмѣрность въ забавахъ и въ употребленiи людей избѣгаема была".

Эта инструкцiя была написана уже тогда, когда до императрицы дошли слухи о продерзостяхъ, какiя она едва понять могла. Чоглоковъ и жена его были и опредѣлены къ молодому Двору для пресѣченiя этихъ продерзостей. Продерзостные комнатные служители были удалены; изъ нихъ особеннымъ расположенiемъ великаго князя и великой княгини пользовались трое братьевъ Черны-

шевыхъ (двое родныхъ и одинъ двоюродный); въ жалобахъ на фамильярность служителей императрица, какъ видно, намекаетъ на старшаго изъ Чернышевыхъ, Андрея, который великую княгиню называлъ не иначе, какъ „матушка", а та его называла „сынкомъ" [1]). Чернышевы очутились офицерами въ очень далекихъ гарнизонахъ. Двое, Алексѣй и Петръ, служили въ Кизлярѣ и говаривали тамъ: „Были они у его высочества при Дворѣ въ великой милости, а великій князь называлъ ихъ фаворитами и пріятелями, а великая княгиня такъ жаловала, что скрытно ихъ дарила; изъ ея подарковъ и до сихъ поръ у нихъ часы и шпага; о ихъ несчастіи она очень плакала. Хотя они, Чернышевы, теперь и малы, а другіе велики, но этимъ великимъ будутъ головы отрублены, а они, Чернышевы, будутъ знатны и высоки. Всѣхъ распыряли, кого жаловалъ его высочество; не однихъ насъ". Начальные люди въ Кизлярѣ обходились съ Чернышевыми ласково, въ чаяніи будущаго; на жалобы ихъ говорили: „Царь новый—и люди новые; вы тогда будете спесивы и на насъ глядѣть не станете, какъ ваше время придетъ" [2]).

„Продерзостные" были удалены отъ молодого Двора; Чоглоковы, мужъ и жена, старались, чтобы не явилось новыхъ продерзостныхъ [3]); но характеръ и привычка великаго князя отъ этого нисколько не измѣнились. Чоглоковы не могли исполнить и той статьи наказа, въ которой предписывалось наблюдать, чтобъ великій князь жилъ въ ладахъ съ своею супругой. Жена представляла совершенную противоположность мужу. Мужъ остановился въ своемъ развитіи, являлся ребенкомъ въ зрѣломъ возрастѣ: жена представляла необыкновенно быстрое развитіе, обнаруживала зрѣлость ума не по лѣтамъ; предоставленная очень рано самой себѣ, при крайне трудной обстановкѣ жизни, она развивала свои богатыя способности чтеніемъ, наблюденіемъ, прислушиваніемъ къ рѣчамъ людей, выдающихся изъ ряду обыкновенныхъ. Въ то время, какъ наслѣдникъ Русскаго престола велъ себя Нѣмецкимъ принцемъ и употреблялъ все, чтобъ оттолкнуть отъ себя будущихъ подданныхъ; въ то время, какъ нѣкоторымъ даже приходила мысль, не поступаетъ ли Петръ такъ нарочно, не желая возбудить подозрѣнія въ теткѣ: въ это время Екатерина употребила необыкновенную силу воли, чтобъ переродиться изъ Нѣмецкой принцессы въ Русскую великую княгиню и пріобрѣсти любовь Русскихъ людей. Уильямсъ такъ описывалъ Екатерину своему Двору въ октябрѣ 1755 года: „Какъ только она пріѣхала сюда, то начала всѣми средствами стараться пріобрѣсти любовь Русскихъ. Она очень прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ въ совершенствѣ (какъ говорятъ мнѣ сами Русскіе) [4]). Она достигла своей цѣли и пользуется здѣсь большою любовью и уваженіемъ. Ея наружность и обращеніе очень привлекательны. Она обладаетъ большими познаніями Русскаго государства, которое составляетъ предметъ ея самаго ревностнаго изученія. Канцлеръ говорилъ мнѣ, что ни у кого нѣтъ столько твердости и рѣшительности". Екатерина признается, что относительно своего самообразованія она обязана совѣтамъ шведскаго графа Гилленборга, котораго она знала еще въ дѣтствѣ въ Гамбургѣ. И тогда онъ говорилъ ея матери, что напрасно пренебрегаетъ она воспитаніемъ такого ребенка, который гораздо выше своихъ лѣтъ. Потомъ Екатерина увидала Гилленборга въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ съ извѣстіемъ о бракѣ наслѣднаго принца Шведскаго съ принцессою Прусскою. Тутъ Гилленборгъ спросилъ ее, какъ идетъ ея философія въ томъ вихрѣ, среди котораго она живетъ. Она ему разсказала свои занятія. Онъ замѣтилъ, что философка въ 15 лѣтъ не можетъ знать саму себя; что она окружена со всѣхъ сторонъ опасностями, для избѣжанія которыхъ надобно укрѣпить и возвысить духъ, что надобно питать его чтеніемъ лучшихъ книгъ, и указалъ „Жизнеописанія знаменитыхъ людей Плутарха", „Жизнь Цицерона" и „Причины величія и паденія Римской республики" Монтескье. Екатерина послала сейчасъ же купить эти книги; ей достали ихъ въ Петербургѣ, хотя съ большимъ трудомъ. Потомъ она написала „Портретъ философа въ 15 лѣтъ", гдѣ изобразила саму себя, и дала это сочиненіе Гилленборгу; тотъ возвратилъ его ей вмѣстѣ съ своими разсужденіями, въ которыхъ старался утвердить въ ней возвышенность духа, твердость и другія качества ума и сердца. Она перечитывала эти разсужденія, пропитывалась ими и дала себѣ обѣщаніе слѣдовать его совѣтамъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ", говоритъ Екатерина, „я только и знала, что читала. Цѣлый годъ я читала только одни романы, они начали мнѣ надоѣдать. Случайно я напала на письма Севинье, и это чтеніе меня заняло. Когда я ихъ проглотила, попались мнѣ подъ руки сочиненія Вольтера. Послѣ этого чтенія я искала книгъ уже съ большимъ выборомъ". Между прочимъ она выбрала „Исторію Германіи" отца Барра, девять томовъ въ четверку, каждый томъ оканчивала она въ 8 дней; потомъ прочла сочиненія Платона.

Природа молодой женщины, богатой силами фи-

[1]) Mémoires de Catherine II, 64 и слѣд.

[2]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1755 года.

[3]) Inde irae. Отсюда такія сильныя выходки противъ Чоглоковыхъ въ Mémoires de Catherine II; Екатерина не имѣла привычки быть умѣренною въ своихъ отзывахъ о людяхъ, которые навлекли на себя ея нерасположеніе, признавать въ нихъ какое-либо достоинство. Примѣромъ служатъ ея отзывы о Шуваловыхъ, что заставляетъ насъ быть осторожными и относительно отзывовъ ея о Чоглоковыхъ.

[4]) Это не были пристрастные отзывы приверженцевъ Екатерины. Русскіе, при тогдашнемъ состояніи своего языка, не могли быть очень взыскательны къ языку великой княгини. Языкъ Екатерины не отличался чистотою и правильностью, но она умѣла русить свою рѣчь чисто народными выраженіями, что и заставляло забывать часто очень странный синтаксисъ.

зическими и нравственными и не находившей въ семьѣ никакого занятія и удовольствія, требовала сильнаго движенія физическаго и умственнаго. „Я страстно любила ѣздить верхомъ", говоритъ Екатерина, „и чѣмъ шибче была ѣзда, тѣмъ пріятнѣе мнѣ было; когда лошадь уходила, я бѣжала за нею и приводила назадъ. Въ то же время у меня въ карманѣ была всегда книга, и первую свободную минуту я употребляла на чтеніе". На Русскомъ языкѣ прочтено было все, что только можно достать, и, между прочимъ, два громадныхъ тома церковныхъ лѣтописей Баронія въ русскомъ переводѣ. Въ то же время изучена была книга Монтескье—„Духъ Законовъ", и прочитаны „Анналы" Тацита, которыя произвели сильный переворотъ въ головѣ Екатерины, по ея признанію; она стала видѣть болѣе вещей въ черномъ свѣтѣ и отыскивать болѣе глубокія причины явленій, проходящихъ предъ ея глазами. Кромѣ вліянія Тацита, многое стало казаться Екатеринѣ въ черномъ свѣтѣ и вслѣдствіе горестей, которыя она испытывала, вслѣдствіе поведенія мужа, котораго она не могла любить и уважать. Но она никакъ не позволяла себѣ предаваться печали. „Гордость души моей и ея природа", говоритъ она, „дѣлали для меня невыносимою мысль быть несчастною. Я говорила сама себѣ: счастіе и несчастіе заключаются въ сердцѣ и душѣ каждаго; если ты чувствуешь несчастіе, поставь себя выше этого несчастія и сдѣлай такъ, чтобы твое счастіе не зависѣло ни отъ какого событія" [1]).

Характеръ и поведеніе племянника сильно огорчало императрицу; она не могла провести съ нимъ четверти часа спокойно, не почувствовавъ досады, гнѣва или печали; въ обществѣ близкихъ людей, когда рѣчь заходила о немъ, Елисавета съ горькими слезами жаловалась на несчастіе имѣть такого наслѣдника; будучи вспыльчива, она не разбирала словъ для выраженія своей досады на Петра [2]). Но что заставляло Елисавету раздражаться и плакать, то заставляло другихъ сильно задумываться насчетъ будущаго Россіи. Канцлеръ Бестужевъ не видалъ ничего хорошаго ни для Россіи, ни для себя въ этомъ будущемъ. Особенно, какъ видно, оттолкнулъ его отъ себя великій князь во время переговоровъ съ Даніею о Голштиніи. Постоянно враждебныя отношенія къ Швеціи требовали дружбы съ Даніею; но этой дружбѣ мѣшала Голштинія, по давней враждѣ ея герцоговъ съ Даніею, которая отняла у нихъ Шлезвигъ, а герцогъ Голштинскій былъ теперь наслѣдникомъ Русскаго престола. Для устраненія этого препятствія, Датскій Дворъ предложилъ Петру обмѣнъ Голштиніи на Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Императрица Елисавета, какъ мы видѣли, отказалась отъ участія въ этомъ дѣлѣ, и переговоры велись между голштинскимъ министромъ Петра—Пехлиномъ и датскимъ посланникомъ графомъ Линаромъ [3]). Бестужевъ, которому Пехлинъ былъ совершенно преданъ, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобъ помочь Линару устроить обмѣнъ; но Петръ не согласился разстаться съ Голштиніею, а канцлеръ предвидѣлъ, что Петръ, ставши императоромъ, не остановится ни предъ чѣмъ, принесетъ въ жертву русскіе интересы—голштинскимъ. Петръ сказалъ однажды Пехлину: „Я уже буду знать, какъ приняться за дѣло, чтобъ съ помощію Шведовъ возвратить отъ Даніи Шлезвигъ". Бестужевъ не сомнѣвался, что Петръ, какъ скоро сдѣлается императоромъ, возвратитъ Шведамъ часть завоеваній Петра Великаго, чтобъ только съ ихъ помощью завоевать у Даніи Шлезвигъ. Кромѣ этихъ голштинскихъ привязанностей, канцлера сильно безпокоили еще прусскія привязанности Петра, благоговѣніе къ Фридриху II. Бестужевъ говорилъ, что, кромѣ уступокъ Шведамъ, отъ Петра надобно ожидать, что онъ будетъ стараться снискать расположеніе Прусскаго короля насчетъ Австріи, слѣдовательно совершенно измѣнитъ политику, которую проводилъ Бестужевъ. „Великаго князя убѣдили", говоритъ канцлеръ, „что Фридрихъ II его любитъ и отзывается съ большимъ уваженіемъ; поэтому онъ думаетъ, что какъ скоро онъ взойдетъ на престолъ, то Прусскій король будетъ искать его дружбы и будетъ во всемъ помогать ему." Когда пришло извѣстіе о смерти Шведскаго короля и о восшествіи на престолъ Адольфа-Фридриха, то Петръ не удержался передъ Русскими въ самыхъ оскорбительныхъ для нихъ словахъ выразить свою грусть о потерѣ Шведскаго престола: „Затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ тогда какъ если-бы оставили меня на волѣ, то теперь я сидѣлъ бы на престолѣ цивилизованнаго народа" [4]).

Тревожимый опасеніями за будущее при такихъ выходкахъ наслѣдника престола, Бестужевъ, послѣ сближенія своего съ великою княгиней, составилъ планъ, въ которомъ прежде всего не забылъ самого себя. Планъ состоялъ въ томъ, чтобъ, по смерти императрицы, великій князь былъ провозглашенъ императоромъ, но въ то же время и Екатерина должна быть провозглашена участницею въ правленіи; онъ, Бестужевъ, получаетъ при этомъ чинъ подполковника четырехъ гвардейскихъ полковъ и президентство въ трехъ коллегіяхъ—Иностранныхъ Дѣлъ, Военной и Адмиралтейской. Въ послѣднее время канцлеръ написалъ уже и проектъ манифеста въ томъ смыслѣ и переслалъ его великой княгинѣ чрезъ графа Понятовскаго. Екатерина поручила Понятовскому устно благодарить Бестужева за его доброе расположеніе къ ней и сказать, что она не считаетъ дѣла легкимъ. Канцлеръ,

[1]) Mémoires de Catherine II.

[2]) Mémoires de Catherine II, стр. 328, 329. См. также замѣчаніе Екатерины на сочиненіе Денины (Essai sur la vie et le règne de Frédéric II) въ бумагахъ Храповицкаго въ Москов. Публич. Музеѣ.

[3] Младшимъ братомъ Линара, извѣстнаго по своимъ отношеніямъ къ правительницѣ Аннѣ.

[4]) Lynar—Hinterlassene Staatsschriften.

вслѣдствіе этого замѣчанія, нѣсколько разъ принимался за проектъ, дополнялъ, сокращалъ [1]). Екатерина говоритъ, что она вовсе не относилась къ дѣлу серьезно, но не хотѣла противорѣчить старику, упорному въ своихъ планахъ.

Здѣсь посредникомъ между канцлеромъ и великою княгинею, человѣкомъ вполнѣ довѣреннымъ у обоихъ, является графъ Понятовскій. Мы видѣли, что англійскій посланникъ Уильямсъ, когда былъ въ Польшѣ, находился въ большой дружбѣ съ фамиліею Чарторыйскихъ, и когда отправлялся въ Петербургъ, то взялъ туда съ собою, въ качествѣ секретаря посольства, племянника ихъ, молодого двадцатитрехлѣтняго графа Станислава Понятовскаго, одного изъ самыхъ привлекательныхъ, самыхъ блестящихъ людей своего времени. Секретарь англійскаго посольства немедленно появился въ высшемъ петербургскомъ кругу, былъ замѣченъ великою княгинею, очень понравился и великому князю, потому что безпощадно насмѣхался надъ графомъ Брюлемъ и надъ самимъ королемъ Августомъ, а Петръ ненавидѣлъ того и другого, какъ враговъ Фридриха II. Скоро Понятовскій сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ молодого Двора. Брюль, узнавши о поведеніи Понятовскаго въ Петербургѣ, отозвалъ его оттуда. Но молодой Дворъ не могъ обойтись безъ Понятовскаго, и великая княгиня настояла, чтобъ канцлеръ внушилъ Брюлю о необходимости назначить Понятовскаго польско-саксонскимъ посланникомъ при Петербургскомъ Дворѣ. Разумѣется, канцлеръ долженъ былъ сдѣлать это внушеніе тайно, и отсюда-то вышли противорѣчивые отзывы о Понятовскомъ, полученные въ Варшавѣ изъ Петербурга.

Уильямсъ, который называлъ Понятовскаго своимъ сыномъ, также хлопоталъ о его возвращеніи, вслѣдствіе настаиваній великой княгини. Въ своемъ затруднительномъ положеніи, англійскій посланникъ полагалъ всю надежду на Екатерину, которая, по его убѣжденію, должна была господствовать въ Россіи; это убѣжденіе, главнымъ образомъ, онъ долженъ былъ получить отъ пріятеля своего Бестужева. Это господство Екатерины должно было начаться скоро, потому что, по мнѣнію Уильямса, Елисавета не могла прожить болѣе полугода. При такихъ обстоятельствахъ Уильямсу захотѣлось принять на себя роль Шетарди, помочь Екатеринѣ получить власть точно такъ же, какъ Шетарди помогъ Елисаветѣ, и, съ помощью Екатерины, не допустить Россію до сближенія съ Франціею. Но при этомъ онъ могъ столкнуться съ французскимъ посланникомъ, который могъ скоро пріѣхать въ Петербургъ; у Англичанина было сознаніе, что съ французскимъ дипломатомъ ему не справиться; что Французъ дастъ сильную помощь своимъ, т.-е. Шуваловымъ и Воронцову, приверженцамъ Французскаго союза, котораго требовала теперь послѣдовательность. Бестужеву, разумѣется, тяжко было сознаться, что послѣдовательность на сторонѣ враговъ его, что она дастъ имъ силу, и онъ въ разговорѣ съ Уильямсомъ давалъ дѣлу такой видъ, что сближеніе съ Франціею не есть что-либо разумное, необходимое, но есть случайность, прихоть фаворита, которому нравится все французское и которому потому желательно имѣть въ Петербургѣ французскаго посланника: „Какое несчастіе", говорилъ канцлеръ, „что у насъ теперь молодой фаворитъ, который умѣетъ говорить по-французски, любитъ Французовъ и моды ихъ, и будетъ радъ, когда пріѣдетъ сюда французскій посланникъ съ многочисленною свитою" [2]). Конечно, ни самъ Бестужевъ, ни собесѣдникъ его не вѣрили, что дѣйствительно такова была причина сближенія Россіи съ Франціею; но имъ было пріятно и выгодно представлять дѣло такимъ образомъ; они должны были изо всѣхъ силъ хлопотать, чтобы французскій посланникъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Отъ 9-го іюня н. с. Уильямсъ далъ знать своему Двору, что имѣлъ секретный разговоръ съ великою княгинею: „Она", пишетъ Уильямсъ, „очень недовольна сближеніемъ Русскаго Двора съ Франціею и пріѣздомъ сюда французскаго посланника. Она предложила мнѣ сдѣлать все, что я придумаю для воспрепятствованія этому. Я уже напугалъ ее насчетъ пріѣзда французскаго посланника, показалъ ей, что присутствіе его здѣсь можетъ быть очень опасно для нея и для великаго князя. Она знаетъ, говорилъ я ей, что ея дружба съ канцлеромъ сдѣлала Шуваловыхъ ея тайнами врагами; что Шуваловы сами по себѣ не имѣютъ ни довольно благоразумія, ни храбрости, ни денегъ, чтобъ помѣшать ея наслѣдству [3]); но что пріѣздъ французскаго посланника можетъ перемѣнить сцену, и когда онъ увидитъ, какіе политическіе взгляды у ихъ императорскихъ высочествъ, то не пощадитъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ помѣшать имъ въ достиженіи власти. Я умолялъ ее вспомнить интриги Шетарди здѣсь и ихъ послѣдствія". Предложеніе Англичанина было ясно: французскій посланникъ дастъ Шуваловымъ денегъ, чтобъ помочь имъ въ ихъ замыслахъ; займите денегъ у меня, какъ заняла ихъ Елисавета у Шетарди, чтобъ ниспровергнуть замыслы Шуваловыхъ и не допустить пріѣзда французскаго посланника. „Она", продолжаетъ Уильямсъ, „усердно меня благодарила и сказала: я вижу опасность и буду побуждать великаго князя сдѣлать все возможное для ея удаленія; я сдѣлала бы еще болѣе, если-бъ у меня были деньги, потому что безъ денегъ здѣсь ничего сдѣлать нельзя; я должна даже платить императрицынымъ горничнымъ; мнѣ не къ кому обратиться въ этомъ случаѣ, моя собственная фамилія бѣдна; но если вашъ король будетъ такъ любезенъ и великодушенъ, что дастъ мнѣ взаймы

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 315, 316.

[2]) Раумеръ II, 346.

[3]) To her succession.

извѣстную сумму денегъ, то я дамъ росписку и заплачу долгъ при первой возможности, причемъ могу дать королю честное слово, что каждая копѣйка будетъ употреблена для нашей общей съ нимъ пользы, какъ я понимаю дѣло, и я желаю, чтобъ вы поручились его величеству за мой образъ мыслей и дѣйствій". По просьбѣ Уильямса, она назначила сумму—десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые и были даны [1]).

Между тѣмъ болѣзнь Елисаветы заставляла и Шуваловыхъ предложить Екатеринѣ свои услуги. Предложеніе было сдѣлано сперва чрезъ старика князя Никиту Юрьевича Трубецкого, потомъ черезъ племянника его, Ивана Ивановича Бецкаго, незаконнаго сына князя Ивана Юрьевича Трубецкого; Бецкій возвратился тогда изъ-за границы съ знаменитымъ кавалеромъ Эономъ, способнымъ играть то мужскую, то женскую роль, смотря по обстоятельствамъ. Екатерина отвѣчала, что согласна сблизиться съ Шуваловыми, если они вполнѣ будутъ содѣйствовать ея видамъ. Уильямсъ сильно обрадовался этому, все въ надеждѣ, что Шуваловы теперь откажутся проводить Французскій союзъ. Въ длинномъ письмѣ къ великой княгинѣ онъ опять представлялъ ей всю опасность отъ пріѣзда французскаго посла и упрашивалъ сойтись съ Шуваловыми; онъ представлялъ, что Шуваловы, боясь восшествія на престолъ Петра, который будетъ мстить имъ за дѣйствія противъ Пруссіи, и не любя Екатерины за ея дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ, будутъ хлопотать, съ помощью французскаго и австрійскаго пословъ, чтобъ наслѣдникомъ былъ провозглашенъ великій князь Павелъ, а родители его удалены изъ Россіи. Екатерина отвѣчала, что французскаго посла допускать не надобно, потому что съ его пріѣздомъ будетъ интриганомъ больше; но что все же опасность отъ его прибытія и Шуваловскихъ замысловъ преувеличивается: Елисавета при жизни своей не отстранитъ племянника отъ престола по своей нерѣшительности и въ виду династическихъ опасностей; а если захотятъ что-нибудь сдѣлать въ минуту ея смерти, то она, Екатерина, сумѣетъ разрушить замыселъ: „Или умру, или буду царствовать, а не поступлю какъ Шведскій король", писала Екатерина; тутъ же писала она, что склонить Шуваловыхъ къ перемѣнѣ политики невозможно.

Мы видѣли, что великій князь былъ назначенъ членомъ конференціи; Екатерина говоритъ, что она убѣдила его сказать Шуваловымъ о своемъ желаніи участвовать въ конференціи, и Шуваловы уговорили императрицу исполнить его желаніе. По этому случаю Екатерина разсказываетъ: „Онъ мнѣ говорилъ нѣсколько разъ, что онъ чувствуетъ, что не рожденъ для Россіи, что онъ не пригоденъ Русскимъ и Русскіе не пригодны ему, и убѣжденъ онъ, что погибнетъ въ Россіи. Я ему отвѣчала всегда на это, чтобъ онъ покинулъ изъ головы эту пагубную мысль, а старался бы изо всѣхъ силъ заставить себя полюбить въ Россіи и просилъ бы императрицу дать ему средства познакомиться съ дѣлами имперіи" [2]).

Какъ бы то ни было, Петръ въ конференціи былъ противъ сближенія съ Франціею, и когда графъ Александръ Шуваловъ принесъ къ нему протоколъ конференціи, гдѣ записано было рѣшеніе призвать французскаго посла въ Россію, то великій князь рѣшительно отказался подписать протоколъ. Тогда отправился съ протоколомъ генералъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, который былъ другомъ Бестужева и въ то же время хорошъ съ Шуваловыми и пользовался благосклонностью молодого Двора. Апраксинъ сталъ просить Петра подписать протоколъ, представляя, что иначе вся вина падетъ на него, Апраксина, ибо знаютъ, что онъ хорошъ съ молодымъ Дворомъ. Петръ отказалъ и Апраксину, но до конца не выдержалъ, согласился подписать протоколъ. Ив. Ив. Шуваловъ изъяснялся по этому случаю, что не пустилъ бы къ себѣ въ домъ французскаго агента Дугласа, если бъ зналъ, что возобновленіе сношеній съ Франціею такъ непріятно великому князю; впрочемъ, онъ рѣшительно не понимаетъ, почему это можетъ быть такъ непріятно, ибо отсюда произойдетъ только новая слава для императрицы, которая сдѣлается посредницею между Франціею и Англіею, чего давно добивался и канцлеръ; что же касается страха предъ французскимъ посломъ, то онъ рѣшительно его не понимаетъ. Но канцлеръ твердилъ, что примѣръ передъ глазами:—что сдѣлала Франція въ Швеціи для униженія королевы. Уильямсъ былъ въ отчаяніи, что великій князь подписалъ протоколъ: онъ говорилъ, что если-бъ не подписалъ, то дѣло было бы остановлено, по крайней мѣрѣ французской партіи нанесенъ былъ бы ударъ, и Петръ пріобрѣлъ бы уваженіе въ публикѣ.

Для успокоенія Уильямса, Екатерина сообщила ему свой планъ дѣйствія въ минуту смерти Елисаветы: „Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату; въ ту же минуту посылаю довѣреннаго человѣка дать знать пяти офицерамъ гвардіи, изъ которыхъ каждый приведетъ ко мнѣ 50 солдатъ, и эти солдаты будутъ слушаться только великаго князя или меня. Въ то же время я посылаю за Бестужевымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ, а сама иду въ комнату умирающей, гдѣ заставлю присягнуть капитана гвардіи и оставлю его при себѣ. Если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми". Екатерина имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ Кирилою Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея

---

[1]) Lord Mahon—History of England, IV, 381 лейпцигск. издан.—Раумеръ II, 348.

[2]) Mémoires de Catherine II, 270.

дѣла; увѣрялъ, что Измайловскій полкъ, гдѣ онъ былъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ поручился, что его братъ, въ предсмертныя минуты Елисаветы, возьметъ великаго князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду его съ Бестужевымъ, потому что всѣ ея друзья должны дѣйствовать заодно. Гетманъ же долженъ былъ склонять въ пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкого и даже Воронцова, который втайнѣ ненавидѣлъ Шуваловыхъ. Въ одномъ письмѣ къ Уильямсу Екатерина писала: „Іоаннъ Васильевичъ (царь) хотѣлъ уѣхать въ Англію; но я не намѣрена просить убѣжища у Англійскаго короля, потому что рѣшилась или царствовать, или погибнуть“. У нея были вѣрные люди, которые должны были ее увѣдомить, если Иванъ Шуваловъ вздумаетъ что-нибудь писать предъ императрицею. Сенаторъ Бутурлинъ обѣщалъ говорить въ конференціяхъ по ея внушеніямъ. „Хотя“, писала великая княгиня, „это человѣкъ слабаго характера и наклоненъ къ плутовству, однако можно и изъ него извлечь пользу“.

Но Уильямсъ былъ въ сильномъ раздраженіи, потому что дѣло о сближеніи Россіи съ Франціею шло безпрепятственно. Въ своемъ раздраженіи онъ срывалъ сердце на Бестужевѣ. Тщетно канцлеръ увѣрялъ, что не позволитъ разорвать съ Англіею, даже будетъ благопріятствовать Прусскому королю, и что русская армія, переправившись заграницу, не пойдетъ далѣе: Уильямсъ не вѣрилъ и постоянно жаловался на него [1]). Уильямсу хотѣлось, чтобъ вдругъ прерваны были сношенія съ Франціею, и чтобъ Шуваловы, изъ страха предъ Екатериною, отказались отъ своей системы. Онъ требовалъ, чтобъ Екатерина сказала Апраксину: „До сихъ поръ я щадила Шуваловыхъ для васъ и для канцлера; но теперь это мнѣ наскучило, потому что не вижу никакихъ доказательствъ ихъ благодарности; если они хотятъ получить что-либо отъ меня въ будущемъ, то должны заслужить это, повинуясь теперь моей волѣ“. Великая княгиня не сочла полезнымъ такъ круто повертывать дѣло; но когда Апраксинъ [2]) сталъ совѣтовать ей, чтобъ была поласковѣе съ Шуваловыми, то она отвѣчала, что великій князь такъ раздраженъ французскою интригою Шуваловыхъ и тѣмъ, что Петръ Шуваловъ формируетъ 30,000 войска, что она не можетъ ничего для нихъ сдѣлать, если они не отстранятъ этого камня преткновенія. — „Шуваловы“, отвѣчалъ Апраксинъ, „такъ затянулись въ это дѣло, что не могутъ высвободиться, и я не могу ничего сдѣлать, будучи принужденъ ѣхать черезъ два дня къ арміи“.

Уильямсъ видѣлъ, что нѣтъ успѣха въ его дѣлѣ, — и все больше и больше сердился на Бестужева, смотрѣлъ на него, какъ на измѣнника, писалъ великой княгинѣ, чтобъ она порвала связь съ канцлеромъ и перешла на сторону Шуваловыхъ. Екатерина прямо написала къ Ив. Ив. Шувалову, предлагая союзъ съ прежнимъ условіемъ: они должны дѣлать все для нея въ настоящемъ, она все для нихъ — въ будущемъ. Письмо повезъ одинъ изъ приближенныхъ къ молодому Двору людей, Левъ Нарышкинъ, и, возвратясь, разсказывалъ, что Шуваловъ, прочтя письмо, пришелъ въ восторгъ, бросился на колѣни предъ образомъ и долго оставался въ религіозномъ экстазѣ. Во сколько Нарышкинъ, по своему обычаю, позволилъ себѣ преувеличенія, чтобъ посмѣяться надъ фаворитомъ, это остается неизвѣстнымъ. Ив. Ив. Шуваловъ, по своему характеру, по своему стремленію облагородить значеніе фаворита, пріобрѣсти всеобщее расположеніе, въ борьбѣ партій играть роль примирителя, всюду подкладывать свою мягкую руку подъ жесткую часто руку родственника своего, графа Петра,—Ив. Ив. Шуваловъ, разумѣется, былъ очень радъ предложенію Екатерины и готовъ былъ сдѣлать для нея все возможное; но вопросъ заключался въ томъ: что́ могли сдѣлать Шуваловы! Конечно, не то, чего хотѣлось Уильямсу. Бестужевъ такъ же ничего не могъ сдѣлать для Уильямса, но онъ сдѣлалъ, что́ могъ, для Екатерины. Когда она спросила его [3]), пріѣдетъ ли Понятовскій, то онъ отвѣчалъ: „Если не пріѣдетъ, то можете называть меня злодѣемъ, а не Бестужевымъ“. Понятовскій пріѣхалъ и сталъ удаляться отъ Уильямса, утверждая, что долженъ это дѣлать для его же пользы.

Ни Бестужевъ, ни Шуваловы не могли, если-бъ и хотѣли, ничего сдѣлать изъ того, чего желалъ Уильямсъ, потому что этого не желала императрица. Всѣ описанныя движенія происходили въ ожиданіи ея кончины; но сильно обманулись относительно скорости этой кончины. Повидимому, Елисавета сильно страдала, жаловалась на страшный кашель и одышку; это уже не была прежняя красавица, отъ которой не хотѣлось отвести глазъ; на придворныхъ праздникахъ не ходила она безъ устали изъ комнаты въ комнату, не присаживаясь; но, при упадкѣ физическихъ силъ, душевныя не падали: Елисавета не переставала твердить, что хочетъ сама принять начальство надъ войскомъ. Бестужевъ разсказалъ великой княгинѣ [4]), что когда кто-то говорилъ при Елисаветѣ, что Фридрихъ II, если Русскіе нападутъ на него, выдастъ манифестъ въ пользу Ивана Антоновича, то она сказала: „Тогда я велю сейчасъ же отрубить Ивану голову“. 22-го октября въ здоровьи Елисаветы произошла рѣшительная перемѣна къ лучшему, и движенія, возбужденныя ожиданіемъ ея смерти, стали прекращаться, а съ ними исчезли и надежды Уильямса — помѣшать сближенію Россіи съ Франціею.

[1]) Еще бы вѣрилъ! Будетъ того, что теперь всѣ *финты* Бестужева принимаютъ за чистую монету.—Описываемое происходило въ октябрѣ.

[2]) 3 ноября.

[3]) 30 ноября. Числа эти означены по перепискѣ Екат. съ Уильямсомъ.

[4]) Черезъ повѣреннаго своего, золотыхъ дѣлъ мастера, Бернарди.

Мы видѣли, какъ въ конференціи было рѣшено сближеніе съ Франціею при извѣстныхъ условіяхъ; но тайныя попытки завязать снова сношенія съ Россіею сдѣланы были во Франціи еще въ 1755 году. По французскимъ извѣстіямъ [1]), неизвѣстно, когда отправленъ былъ въ Россію эмиссаръ Валькруассанъ который былъ схваченъ и заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость. По русскимъ безспорнымъ извѣстіямъ [2]), Валькруассанъ (Messonier de Valcroissant) былъ схваченъ въ Ригѣ въ февралѣ 1756 года; по его словамъ, коммисія его состояла въ томъ, чтобъ развѣдать, кто наиболѣе въ милости у императрицы и кто больше склоненъ къ французской, чѣмъ къ какой-нибудь другой сторонѣ; писемъ ни къ кому не имѣлъ, кромѣ одного отъ государственнаго секретаря Рулье къ Ив. Ив. Шувалову, которое сжегъ съ прочими бумагами. Вице-канцлеръ Воронцовъ и Петръ Ив. Шуваловъ подали мнѣніе, что Валькруассанъ „во многомъ несогласно съ вѣроятностью говорилъ и удалялся отъ истины. Когда коммисія его состояла въ томъ только, что онъ самъ объявилъ, то ни малѣйшей не имѣлъ причины письма свои жечь, а еще и того меньше въ Ригѣ и Ревелѣ пріискивать корреспондентовъ, гдѣ онъ извѣстій такихъ, каковыхъ его коммисія требовала, получить не могъ. Это доказываетъ, что онъ пріѣхалъ шпіономъ. Когда его окончательно увѣщевали сказать правду, то онъ утверждалъ во всемъ прежнее, прося только, что если еще хотя малое сомнѣніе остается, чтобъ позволено ему было отправить курьера съ письмами къ французскому министерству, которыя онъ напишетъ съ апробаціи графовъ Воронцова и Шувалова и, ежели угодно, въ нихъ внесетъ, что здѣшній Дворъ, будучи чрезъ него увѣдомленъ о добрыхъ намѣреніяхъ его короля къ Россіи и предая забвенію прошедшее (понеже доказательство есть, что Франція поступки бывшихъ своихъ здѣсь министровъ не апробовала), желаетъ прекратить между обоими Дворами несогласія. И ежели Французскій Дворъ получитъ отъ здѣшняго такія обнадеживанія, то оный пришлетъ сюда министра". Воронцовъ и Шуваловъ заключили свое мнѣніе такъ: „Сей Французъ прямой и не безопасный шпіонъ, потому что онъ самую подозрительную корреспонденцію подъ подложными именами производилъ и въ главныхъ приморскихъ городахъ пріискивалъ себѣ корреспондентовъ: того ради отнюдь его отсюда выпустить нельзя, а надлежитъ содержать въ крѣпкомъ мѣстѣ, однакожъ съ опредѣленіемъ пропитанія безъ нужды". Валькруассанъ былъ освобожденъ въ 1757 году, по просьбѣ Французскаго правительства.

Это приключеніе съ Валькруассаномъ, случившееся уже тогда, когда пріѣзжалъ въ Россію другой французскій агентъ, Дугласъ, показываетъ, что Валькруассанъ былъ отправленъ совершенно иными лицами, чѣмъ Дугласъ, и это именно бывало въ царствованіе Людовика XV, который чрезъ довѣренныхъ лицъ велъ свои сношенія, мимо министерства [3]). Дугласъ Макензи, шотландскій якобитъ (приверженецъ Стюартовъ), жившій во Франціи, былъ отправленъ въ 1755 году въ Россію съ инструкціею, написанною принцемъ Конти, который былъ тогда довѣреннымъ человѣкомъ у короля [4]) и которому очень хотѣлось попасть въ Польскіе короли, или если уже этого нельзя, то хотя въ герцоги Курляндскіе; не прочь онъ былъ и жениться на императрицѣ Елисаветѣ; во всякомъ случаѣ, онъ желалъ побывать въ Петербургѣ. Дугласъ долженъ былъ явиться въ Россію какъ дворянинъ, путешествующій для собственнаго удовольствія и для поправленія здоровья. Онъ долженъ былъ остановиться въ Курляндіи, подъ предлогомъ отдыха, а между тѣмъ провѣдать: въ какомъ положеніи находится это герцогство; что думаетъ курляндское дворянство о ссылкѣ своего герцога Бирона; въ какомъ положеніи финансы и правосудіе въ странѣ; сколько русскаго войска въ Курляндіи. Въ Петербургѣ Дугласъ долженъ былъ освѣдомиться: объ успѣхѣ переговоровъ Уильямса насчетъ субсиднаго трактата; о состояніи русскаго войска, флота, торговли; какъ расположенъ народъ къ настоящему министерству; какъ великъ кредитъ Бестужева, Воронцова, фаворитовъ императрицы; о вліяніи послѣднихъ на министровъ; о судьбѣ принца Ивана, бывшаго царя, и о судьбѣ отца его; о расположеніи народа къ великому князю Петру, особенно съ тѣхъ поръ, какъ у него есть сынъ; нѣтъ ли у принца Ивана тайныхъ приверженцевъ и не поддерживаетъ ли ихъ Англія; о видахъ Россіи на Польшу касательно настоящаго и будущаго; о видахъ на Швецію; о причинахъ, заставившихъ вызвать изъ Украйны гетмана Разумовскаго, и что думаютъ о вѣрности Малороссіянъ и какъ съ ними обходятся въ Петербургѣ. Свои наблюденія Дугласъ долженъ былъ доставить во Францію не прежде, какъ выѣхавъ изъ Россіи, или чрезъ шведское посольство въ Петербургѣ; и тутъ, въ своемъ отчетѣ, онъ долженъ былъ употребить иносказательныя выраженія; напримѣръ, если Уильямсъ имѣетъ успѣхъ, то писать: „черная лисица дорожаетъ"; если кредитъ Бестужева ослабѣваетъ, то писать: „собольи мѣха упадаютъ въ цѣнѣ" и т. п.

О первомъ пребываніи Дугласа въ Россіи, въ 1755 году, мы не имѣемъ извѣстій; только въ депешѣ Уильямса отъ 7 октября читаемъ: „Когда пріѣхалъ сюда какой-то господинъ Дугласъ изъ Парижа, то одержимый подозрительностью австрійскій посланникъ спросилъ его: „Чего онъ хочетъ въ Россіи". И тотъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ по со-

[1]) Correspondance secrète de Louis XV, par Boutaric I, 82.

[2]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1756 года.

[3]) Поэтому Бутарикъ сильно ошибается, говоря, что вздумали послать Дугласа, когда Валькруассанъ уже годъ какъ былъ забытъ въ Шлюссельбургской крѣпости.

[4]) Инструкція написана 1 іюля 1755. Бутарикъ I, 203.

вѣту врачей, чтобъ пользоваться благодѣяніями холоднаго климата" [1]).

Извѣстія, привезенныя Дугласомъ изъ Россіи, были такого рода, что его вторично туда отправили. Онъ долженъ былъ обратиться прямо къ вице-канцлеру Воронцову, съ которымъ велъ переговоры и въ первую свою поѣздку.

10 апрѣля 1756 года, въ девятомъ часу вечера, Воронцовъ получаетъ извѣщеніе отъ Дугласа, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и желаетъ видѣться съ вице-канцлеромъ немедленно. Воронцовъ согласился на это свиданіе, и Дугласъ подалъ ему письмо отъ завѣдывавшаго иностранными дѣлами, государственнаго секретаря Рулье. Письмо начиналось такъ: „Узнавши о благосклонныхъ обо мнѣ отзывахъ вашего сіятельства отъ особы, которой вы поручили отыскать библіотекаря и прислать образцы бургонскаго вина, я поручаю ей засвидѣтельствовать вашему сіятельству за это мою благодарность..." „Что это значитъ? Какой библіотекарь, какое вино?" спросилъ Воронцовъ.—„Библіотекарь—это я", отвѣчалъ Дугласъ, „а вина—это дѣла, назначеніе лицъ, которыя должны быть посланы съ обѣихъ сторонъ для возстановленія сношеній".—„Кажется, можно было бы и прямо объ этомъ написать", замѣтилъ Воронцовъ: „я донесу объ этомъ императрицѣ", продолжалъ онъ; „но такъ какъ теперь Страстная недѣля, то наврядъ я могу это сдѣлать прежде Пасхи, и потому прошу васъ сообщить мнѣ на письмѣ все, что поручено вамъ предложить здѣсь отъ Французскаго Двора, чтобъ я могъ сдѣлать обстоятельнѣйшее донесеніе ея императорскому величеству". Дугласъ согласился и подалъ слѣдующую записку: „Король, мой государь, отправилъ меня къ вашему сіятельству съ извѣщеніемъ, что если ея величество императрица дѣйствительно расположена къ соединенію съ Франціею, то его величество съ удовольствіемъ увидитъ установленіе дружескихъ сношеній, которымъ, для взаимныхъ интересовъ, не слѣдовало бы никогда прерываться. Мнѣ поручено васъ увѣрить, что когда императрица рѣшится назначить своего министра во Францію, то король, какъ только узнаетъ о происхожденіи и званіи этого министра, немедленно назначитъ своего министра въ Россію одинакаго происхожденія и званія. Такъ какъ взаимное отправленіе этихъ министровъ можетъ повести къ прямой торговлѣ Французовъ въ Россіи, то его величество назначитъ консула въ Петербургъ".

Отвѣтъ на эту записку былъ составленъ только 7 мая; въ немъ говорилось: императрица съ особеннымъ удовольствіемъ узнала о личныхъ чувствахъ короля къ ней, и такъ какъ она ожидала только случая увѣрить короля въ своихъ чувствахъ къ нему, неизмѣнно ею сохраненныхъ, то ея величество очень рада видѣть доброе расположеніе его величества къ возстановленію добраго согласія и тѣсной дружбы между обоими Дворами. Ея величество съ удовольствіемъ соглашается на взаимное назначеніе министровъ съ посольскимъ характеромъ; но императрица находитъ согласнымъ съ достоинствомъ и пользою обоихъ Дворовъ назначить ихъ одновременно и немедленно, и уже назначила, въ соотвѣтствіе присылки Дугласа, отправить во Францію г. надворнаго совѣтника Бехтѣева, и хотя Дугласъ недостаточно авторизованъ, однако его будутъ принимать съ отличіемъ и выслушивать какъ человѣка, дѣйствительно присланнаго его христіаннѣйшимъ величествомъ.

Бехтѣевъ былъ домашнимъ человѣкомъ у вице-канцлера Воронцова, пробылъ значительное время за-границею и считался способнымъ исполнить порученіе, *казавшееся деликатнымъ*. Бехтѣевъ долженъ былъ внушать французскому министерству, что императрица отвергнетъ англійскія субсидіи и пренебрежетъ всѣми выгодными предложеніями, которыя Англія до сихъ поръ не перестаетъ дѣлать, только въ уваженіе постоянно подаваемыхъ со стороны императрицы-королевы обнадеживаній, что Французскій король будетъ болѣе, чѣмъ Англія, готовъ вступить въ виды Россіи и дѣйствительно имъ помогать. Бехтѣевъ долженъ былъ стараться внушить Французскому Двору о необходимости скораго и ближайшаго соединенія, не говоря ничего о характерѣ этого соединенія, и если бы французское министерство его объ этомъ спросило, то онъ могъ прямо отвѣчать, чтобъ обратились за подробностями къ австрійскому министру, графу Штарембергу, которому Бехтѣевъ долженъ объявить, что ему запрещено дѣлать что-либо безъ его согласія и совѣта: „Надобно", говорилось въ наказѣ, „наблюдать крайнюю осторожность, чтобъ не дать Вѣнскому Двору повода думать, будто бы на его старанія не полагаются и мимо его хотятъ постановить что-то важное съ Франціею; часто случалось, что отъ малаго недоразумѣнія великія и знатныя дѣла портились" [2]).

Дѣло могло портиться отъ трудности примѣниться совершенно къ новой системѣ, забыть хотя на время старыя преданія и привычки. Такъ, Франція попрежнему считала для себя необходимымъ препятствовать усиленію русскаго вліянія въ Польшѣ, особенно имѣя въ виду смерть короля Августа и королевскіе выборы; Франція также считала необходимымъ не подавать вида, что можетъ пожертвовать турецкими интересами въ пользу Россіи. Вѣнскій Дворъ, дорожа болѣе всего Французскимъ союзомъ, поддерживалъ требованія Франціи и тѣмъ производилъ непріятное впечатлѣніе въ Петербургѣ. Россія, готовясь серьезно къ войнѣ, прежде всего стала хлопотать о склоненіи Поляковъ къ пропуску русскихъ войскъ чрезъ владѣнія республики и отправила Веймарна хлопотать объ этомъ. Веймарнъ доносилъ изъ Варшавы: „Не

[1]) Гаумеръ II, 297.

[2]) Дѣла Французскія 1756 года.

оставилъ я магнатамъ и прочему находящемуся здѣсь шляхетству внушать относительно прохода русскихъ войскъ, представляя выгоды, которыя могутъ имъ отъ этого послѣдовать. Отъ благонамѣренной партіи никакихъ затрудненій я не находилъ; противная же и Франціи преданная партія разсуждаетъ, что проходомъ русскихъ войскъ подастся предлогъ и прусскимъ войскамъ войти въ Польшу, и потому лучше было бы, если-бъ русскія войска, идущія на помощь Австріи и королю Польскому, вошли прямо въ Пруссію. Эти разсужденія происходятъ вслѣдствіе безпрестанныхъ внушеній французскаго министра Дюрана и прусскаго секретаря посольства Беноа". Секретарь русскаго посольства Ржичевскій, съ своей стороны, доносилъ: „Французскіе министры здѣсь воображаютъ себѣ, что свободный проходъ чрезъ Польшу русскимъ войскамъ можетъ быть позволенъ не иначе, какъ съ ихъ согласія; а теперь нечаянно вновь появились французскія штуки: вчера примасъ мнѣ и генералу Веймарну сказывалъ, что Дюранъ у него былъ и, объявя ему, что русскія войска изъ своихъ квартиръ 17 и 18 сентября уже выступили въ походъ, старался его, примаса, формально склонить къ твердому сопротивленію ихъ проходу чрезъ Польшу, представляя, что этотъ проходъ можетъ привести въ движеніе и Оттоманскую Порту. Такъ какъ объ этомъ разговорѣ сейчасъже распространились слухи по Варшавѣ, то Дюранъ поспѣшилъ объясниться съ примасомъ, говоря, что онъ, примасъ, его не понялъ; но примасъ отвѣчалъ, что хорошо понялъ" [1]).

Австрійскій посланникъ Эстергази также толковалъ въ Петербургѣ, что лучше было бы не касаться Польши; съ другой стороны представлялъ, чтобъ въ договоръ объ оборонительномъ союзѣ между Россіею и Франціею не вносить пункта объ обязательствѣ Франціи помогать Россіи противъ Турокъ. По этому поводу въ конференціи 26 сентября было постановлено: „Дугласу не въ видѣ жалобы, но какъ бы конфиденціально сообщить о происшедшемъ въ Варшавѣ между Дюраномъ и примасомъ, и прибавить, что хотя при Русскомъ Дворѣ этому и не вѣрятъ, однако, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и при начатіи важныхъ переговоровъ о союзѣ, интересъ и честь его Двора требуютъ происшедшее въ Варшавѣ поправить такимъ поступкомъ, который могъ бы между Поляками уничтожить мнѣніе, будто Дюранъ дѣйствительно склонялъ примаса противиться пропуску русскихъ войскъ; необходимо, чтобъ онъ, Дугласъ, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ, какъ мнѣнія императрицы согласны со мнѣніями его Двора, сдѣлалъ бы французскимъ министрамъ въ Константинополѣ и Варшавѣ внушенія, чтобъ они согласовались во всемъ съ русскими тамъ министрами. Австрійскому послу, графу Эстергази, канцлеръ долженъ объявить, что русскія войска дѣйствительно уже выступаютъ за границу; что же касается исключенія Порты изъ союзнаго договора между Россіею и Франціею, то это пунктъ самый важный въ цѣломъ трактатѣ и такое исключеніе было бы вредно Вѣнскому Двору, ибо если Порта будетъ благодарна за это Русскому и Французскому Двору, то тѣмъ болѣе будетъ раздражена противъ Вѣнскаго Двора, зачѣмъ она не исключена въ договорѣ между нимъ и Россіею. Это исключеніе будетъ имѣть такой видъ, что малѣйшее неудовольствіе Порты можетъ колебать самые торжественные трактаты, а это можетъ придать ей только больше гордости; тогда какъ, сохраняя твердость, можно было бы Портѣ прямо объявить, что простой оборонительный союзъ не можетъ быть никому никогда предосудителенъ и всякое противъ него огорченіе можетъ показывать только дурныя намѣренія. Что же касается прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу, то нельзя скрыть, что такое усильное домогательство, чтобъ русскія войска какъ можно менѣе или вовсе не захватывали Польши, возбуждаетъ здѣсь подозрѣніе, — не думаютъ ли, что русскія войска направятся на Краковъ или куда-нибудь вглубь Польши. Мнѣніе императрицы еще въ началѣ лѣта было предовольно объяснено; ея величество непоколебимо пребываетъ въ этомъ мнѣніи и до сихъ поръ; король Прусскій проходомъ своимъ, правда, предупредилъ, но нисколько не разрушилъ предложенныхъ мѣръ, напротивъ,—еще усилилъ ихъ необходимость. Опасеніе, чтобъ проходомъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу не возбудить тамъ смутъ, конфедераціи или не подать поводъ королю Прусскому самому дѣлать то же:—такое опасеніе можно сравнить съ опасеніемъ тѣхъ неудобствъ, какія могутъ явиться при проходѣ французскихъ войскъ чрезъ вольныя имперскія земли на помощь императрицѣ-королевѣ, но съ тою разницей, что король Прусскій съ большимъ правомъ могъ бы противиться этому проходу и возбуждать противъ него другихъ князей. Нельзя ручаться, чтобъ онъ, по примѣру русскихъ войскъ, не вступилъ въ Польшу; но для этого все равно, какую бы часть Польши здѣшнія войска въ походѣ своемъ ни захватили; если ему только предлогъ надобенъ, то къ этому и одной мили довольно. Наконецъ, сами Поляки только будутъ рады проходу русскихъ войскъ [2]).

Дѣйствительно, польскіе вельможи:—каштелянъ Краковскій графъ Понятовскій, гетманъ коронный графъ Браницкій, князья Чарторыйскіе—канцлеръ Литовскій и воевода Русскій, великій маршалъ коронный графъ Бѣлинскій и Литовскій—графъ Огинскій, воевода Мазовецкій Руджинскій, воевода Люблинскій князь Любомирскій, бискупъ Краковскій Залускій, бискупъ Кіевскій Солтыкъ—на формальное требованіе Веймарна о пропускѣ русскихъ войскъ объявили, что хотя такое дозволеніе можетъ быть дано не иначе какъ всею республикою, т.-е. на сеймѣ, и потому они, съ своей стороны, „ни

[1]) Дѣла Польскія.

[2]) Протоколы конференцій.

позволять, ни препятствовать не могутъ, однако каждый изъ нихъ, какъ частный человѣкъ, будетъ очень радъ проходу русскихъ войскъ, особенно при объявленномъ увѣреніи, что и при этомъ проходѣ, какъ при прежнемъ, будетъ соблюдаться строгая дисциплина и уплата за все наличными деньгами; и хотя области республики и находятся въ опасности, что при случаѣ такого прохода и прусское войско можетъ въ нихъ вступить, какъ объявилъ Беноа, однако они питаютъ твердую надежду, что императрица изволитъ принять мѣры, чтобъ польскія области не подверглись никакому вреду. Паны изъявили при этомъ глубочайшую благодарность за вниманіе, которымъ императрица почтила республику этимъ формальнымъ требованіемъ дозволенія, тогда какъ этого требованія не сдѣлано отъ Вѣнскаго Двора, на помощь которому и будутъ проходить русскія войска; паны заявили свое неудовольствіе противъ Вѣнскаго Двора и за то, что въ Варшавѣ нѣтъ отъ него ни министра, ни резидента, ни даже повѣреннаго въ дѣлахъ, но всѣ дипломатическія дѣла отправляются женщиною, вдовою умершаго резидента Киннера. Такъ какъ Вѣнскій Дворъ никогда не имѣлъ большого попеченія о Польскихъ дѣлахъ, то вся готовность, какую они рады показать въ случаѣ прохода русскихъ войскъ чрезъ Польшу, будетъ относиться не къ Вѣнскому Двору, но будетъ данью признательности къ Русской императрицѣ за ея милостивыя попеченія о республикѣ.

Почти въ то же время Ржичевскій писалъ, что сближеніе Россіи съ Франціею грозитъ въ Польшѣ паденіемъ русской партіи, потому что французская партія—самая сильная, и всѣ, кто держался русскихъ друзей, приступятъ къ ней, какъ скоро увидятъ сближеніе русскихъ министровъ въ Польшѣ съ французскими. Правда, что партіи при этомъ сольются и члены ихъ будутъ одинаково называться французскими и русскими друзьями, но только съ такимъ различіемъ, что они будутъ дѣлать не то, чего Россія отъ нихъ можетъ требовать спустя долгое или короткое время, а станутъ дѣлать то, что имъ Франція будетъ предписывать, да и Дворъ, естественно, принужденъ будетъ послѣдовать большинству и силѣ [1]).

Между тѣмъ Бехтѣевъ, пріѣхавшій во Францію въ срединѣ лѣта, встрѣтилъ здѣсь странное явленіе. Онъ началъ дѣло съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рулье; но принцъ Конти велѣлъ сказать ему, что онъ примется за его дѣло и станетъ докладывать королю, причемъ наказывалъ, чтобъ Рулье никакъ объ этомъ не узналъ, ибо если провѣдаетъ, то скажетъ маркизѣ Помпадуръ, съ которою у него, принца, вражда, и станутъ препятствовать дѣлу потому только, что не чрезъ ихъ руки пойдетъ. Бехтѣеву показалось это непорядочно—и онъ не согласился на предложеніе Конти. Сколько могъ Бехтѣевъ заключить изъ разговоровъ съ нимъ и министромъ Рулье, выходило, что министръ не зналъ о первой поѣздкѣ Дугласа въ Россію, а Конти выставлялъ себя прямо виновникомъ дѣла. Конти объявилъ Бехтѣеву, что онъ искренно желаетъ лично повергнуть себя къ стопамъ ея величества; соединеніе Россіи съ Франціею считаетъ нужнымъ и существеннымъ дѣломъ для прямой пользы обѣихъ державъ; намѣреніе его состоитъ не въ томъ только, чтобъ возобновить дружбу и заключить простой договоръ союзный или коммерческій: у него есть планъ самый полезный и достойный обѣихъ державъ. Если-бы графъ Воронцовъ отписалъ ему, что желаетъ осуществленія этого плана, то онъ предложилъ бы объ этомъ королю, и, получа отъ него приказаніе, тотчасъ принялся бы за дѣло и подъ этимъ предлогомъ поѣхалъ бы въ Россію. Бехтѣевъ отвѣчалъ, что императрицѣ очень пріятно было слышать о намѣреніи принца посѣтить Россію, гдѣ онъ будетъ принятъ съ достойною честью; но что касается его плана, то графъ Воронцовъ не можетъ ничего объявить заранѣе, не зная, въ чемъ состоитъ планъ. Когда разговоръ коснулся Польши и Бехтѣевъ сказалъ, что Россія обязана торжественнѣйшею гарантіею сохранить въ цѣлости ея права и вольности, то принцъ отвѣчалъ: „Этой гарантіи не можетъ быть противно, если кто-нибудь, по законамъ республики, народною любовью и щедростью доставитъ себѣ корону; но опытъ научилъ, что надобно заранѣе соглашаться съ Россіею. Я желаю соединить два Двора тѣснымъ союзомъ и составить такой планъ, чтобъ Россія на Сѣверѣ, а Франція здѣсь вліяніемъ своимъ внушали почтеніе всѣмъ другимъ державамъ". Принцъ высказалъ довольно ясно, что договоръ съ Вѣнскимъ Дворомъ ему не нравится,—онъ держался Пруссіи.

Съ одной стороны, Конти не желалъ скораго пріѣзда русскаго знатнаго посла во Францію и отъѣзда французскаго посла въ Россію, стремясь захватить дѣло о союзѣ въ свои руки и вести его согласно своимъ планамъ; съ другой стороны, австрійскій посолъ Штарембергъ хлопоталъ, чтобы Русскія дѣла съ Франціею шли черезъ его руки: „Я ни мало не оказываю, что о томъ догадываюсь", писалъ Бехтѣевъ, „но при случаѣ здѣшнему министерству не оставляю давать знать, что нашъ Дворъ не намѣренъ дѣла свои чрезъ третьяго, но прямо собою производить". Къ Воронцову Бехтѣевъ писалъ: „По моему слабому разсужденію, надобно смирить короля Прусскаго; но досадно то, что мы дѣла свои все подъ опекою отправляемъ".

Когда во Франціи узнали о вступленіи Фридриха II въ Саксонію, то Рулье выразилъ Бехтѣеву свое удивленіе, какъ Прусскій король отваживается на такія предпріятія, имѣя противъ себя три самыя сильныя державы, которыя его раздавятъ. — „Дѣйствительно", отвѣчалъ Бехтѣевъ, „Прусскій король не можетъ устоять противъ трехъ державъ, если онѣ соединятся. Конечно, онъ полагается на свое коварство и интриги, надѣясь съ

---

[1]) Дѣла Польскія.

помощью ихъ выиграть время и уничтожить силы императрицы-королевы прежде, чѣмъ Россія и Франція соберутся помочь ей". Тутъ Бехтѣевъ прочелъ Рулье экстрактъ изъ рескрипта, въ которомъ приказывалось ему поставить французскому министерству на видъ, что императрица тогда только отвергнетъ выгодныя англійскія предложенія, когда Французскій король одинаково или еще болѣе будетъ дѣйствовать въ русскихъ видахъ. Рулье отвѣчалъ на это въ общихъ выраженіяхъ, что король его радъ отвѣчать дружбѣ императрицы и ждетъ съ-часу-на-часъ извѣстія о приступленіи Россіи къ Австро-Французскому союзу, и при этомъ распространился о необходимости исключить Турцію изъ числа державъ, противъ которыхъ Франція должна помогать Россіи. Бехтѣевъ продолжалъ выставлять коварные поступки Прусскаго короля и какъ тремъ державамъ надобно спѣшить усмиреніемъ такого опаснаго государя. Ни одна держава не можетъ оставаться равнодушною при такихъ наглыхъ и несносныхъ поступкахъ его съ королемъ Польскимъ, а Франція болѣе другихъ должна принять здѣсь участіе, ибо оскорблена оказанною ей невѣрностью и обманомъ, а потомъ презрѣніемъ ея предложеній. Графъ Штарембергъ просилъ Бехтѣева сдѣлать французскому министерству внушеніе о необходимости отозвать французскаго посла изъ Берлина, потому что на внушенія съ русской стороны обратятъ больше вниманія, чѣмъ на внушенія австрійскія. Бехтѣевъ исполнилъ просьбу и сказалъ Рулье, что при такомъ явномъ пренебреженіи, оказанномъ Прусскимъ королемъ Франціи, удивительно, что французскій министръ до сихъ поръ не отозванъ изъ Берлина: это можетъ производить на публику очень дурное впечатлѣніе относительно общаго дѣла и очень полезное для короля Прусскаго; особенно при нѣмецкихъ Дворахъ подумаютъ, что Франція нѣсколько бережетъ Прусскій Дворъ. Рулье отвѣчалъ, что такъ какъ Франція не находится въ явной войнѣ съ Пруссіею, то приличіе не позволяло вдругъ отозвать посла; но чрезъ четыре дня пошлется ему указъ выѣхать изъ Берлина. Рулье сообщилъ Бехтѣеву, въ секретѣ, что нынѣшнимъ годомъ Франція не можетъ послать войска въ Богемію, а сдѣлается диверсія, которая Маріи-Терезіи еще будетъ полезнѣе.

Французскій посолъ былъ отозванъ изъ Берлина, Пруссакамъ во Франціи запрещено являться ко Двору; Рулье спрашивалъ у Бехтѣева, скоро-ли же Россія приступитъ къ Версальскому договору, но тотъ долженъ былъ ему сообщить извѣстіе, что французскіе министры въ Константинополѣ и Варшавѣ дѣйствуютъ вовсе не согласно съ русскими,—въ Польшѣ побуждаютъ Поляковъ противиться проходу русскихъ войскъ, раздаютъ деньги; графъ Брольи прямо сказалъ Гроссу въ Варшавѣ, что его Дворъ прежней своей системы въ Польшѣ перемѣнить не можетъ, и если русское войско пойдетъ черезъ Польшу, то онъ, Брольи, принужденъ будетъ пресѣчь доброе согласіе съ нимъ, Гроссомъ. Это сообщеніе привело Рулье въ большое замѣшательство; онъ не зналъ, что отвѣчать; давалъ знать, что послы вдругъ не могутъ перемѣнить рѣчи: „Мы не можемъ вдругъ назвать бѣлымъ то, что вчера называли чернымъ". Но, донося объ этомъ, Бехтѣевъ давалъ знать императрицѣ, что Французскій Дворъ поступаетъ безъ коварства. Маршалъ, графъ Белиль, увѣрялъ Бехтѣева, что французскіе министры при Портѣ и въ Польшѣ дѣйствовали такъ только по недоразумѣнію, и что къ нимъ уже послали точные указы внушать Полякамъ, чтобы они согласились на пропускъ русскихъ войскъ черезъ Польшу. То же подтвердилъ потомъ и Рулье. 31-го декабря Елисавета подписала актъ приступленія Россіи къ Версальскому договору между Франціею и Австріею съ слѣдующимъ условіемъ: императрица освобождаетъ короля Французскаго отъ поданія ей помощи въ случаѣ нападенія со стороны Турціи или Персіи; равномѣрно Французскій король не требуетъ помощи императрицы въ случаѣ нападенія на него въ Европѣ со стороны Англіи. Но и тутъ опять употребили тотъ же способъ, какой былъ употребленъ при заключеніи субсиднаго договора съ Англіею: подписанъ былъ актъ, гдѣ говорилось, что Франція не помогаетъ Россіи противъ Турціи, но къ нему присоединили секретную декларацію, что Россія обязывается помогать Франціи противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ, а Франція обязывается давать Россіи денежную помощь противъ Турціи. Дугласъ сначала не соглашался принять декларацію, но потомъ принялъ, когда австрійскій посолъ, графъ Эстергази, сталъ увѣрять, что ему, по желанію самого Французскаго Двора, поручено стараться о прінсканіи средства, какъ бы вознаградить Россію за исключеніе Порты изъ договора и для того именно предлагать денежную помощь [1]).

Итакъ Россія обязывалась даже помогать Франціи противъ Англіи, если послѣдняя нападетъ на Францію въ Европѣ. Мы видѣли, какія закулисныя средства употреблялъ Уильямсъ, чтобъ не допускать Россію до подобныхъ обязательствъ; теперь взглянемъ, какія употреблялись имъ явныя средства для этого.

27-го апрѣля Уильямсъ пріѣхалъ къ канцлеру и, въ присутствіи вице-канцлера, представилъ, что король, его государь, желаетъ только сохраненія мира въ Европѣ и, въ этихъ единственно видахъ, заключилъ договоръ съ королемъ Прусскимъ. Теперь, по извѣстіямъ о военныхъ приготовленіяхъ Франціи, Англія имѣетъ право опасаться, что въ Европѣ на нее нападутъ вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; есть извѣстіе, что Франція предложила Австріи напасть на Силезію, въ то время, когда она сама нападетъ на Ганноверъ и герцогство Клевское, принадлежащее Прусскому королю. Англійскій король, будучи

[1]) Дѣла Французскія.—См. также Архивъ кн. Воронцова, кн. III.

всѣми оставленъ, полагаетъ всю свою надежду на Русскую императрицу, и ему, Уильямсу, поручено просить изъясненія о мнѣніяхъ ея императорскаго величества относительно помощи ея на случай нападенія на Ганноверъ, и возвратить данную ему здѣсь секретнѣйшую декларацію, какъ противную ожиданію королевскому. Договаривая эти послѣднія слова, Уильямсъ положилъ декларацію на столъ, и сколько канцлеръ съ вице-канцлеромъ ни уговаривали его взять бумагу назадъ, онъ не согласился, объявивъ, что не хочетъ потерять головы за ослушаніе королевскимъ указамъ. Тогда Бестужевъ и Воронцовъ начали ему толковать, что русская декларація сходна съ прямымъ разумомъ конвенціи; напротивъ, ихъ поведеніе относительно Прусскаго короля совершенно съ нею несходно, и Англія не имѣетъ никакого права требовать русской помощи противъ Франціи, если хочетъ основывать это требованіе на конвенціи, а не на упованіи на дружбу императрицы. Уильямсъ перебивалъ почти каждое слово, стараясь объ одномъ, — чтобъ привесть въ жалость, выставляя бѣдственное положеніе Англіи, и, наконецъ, сказалъ почти со слезами, что если Россія не вступится, то Англія совсѣмъ пропала.

Такъ какъ Уильямсъ не взялъ деклараціи, то ее отправили къ русскому въ Лондонѣ посланнику, князю Александру Михайловичу Голицыну, смѣнившему графа Чернышева, чтобъ онъ отдалъ ее англійскому министерству. Голицынъ отъ 17 мая донесъ своему Двору, что въ Англіи чрезвычайное безпокойство по поводу союзнаго договора между Франціею и Австріею. Герцогъ Ньюкэстль встрѣтилъ его вопросомъ: „Можно ли было ожидать соединенія Вѣнскаго Двора съ Французскимъ, нашимъ открытымъ непріятелемъ?“ — „Не мнѣ судить объ этомъ дѣлѣ“, отвѣчалъ Голицынъ; „но, кажется, должно было его предвидѣть съ самаго дня заключенія вашего договора съ Прусскимъ королемъ; союзъ Австріи съ Франціею есть прямое слѣдствіе союза Англіи съ Пруссіею“.—„Неужели и ваша императрица“, спросилъ опять Ньюкэстль, „покинетъ древняго своего союзника, короля Великобританскаго, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ? Есть извѣстіе, что въ Петербургѣ находится посланная отъ Французскаго Двора особа, которая скоро приметъ на себя публичный характеръ“. Голицынъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, но что извѣстіе очень вѣроятно. Посланникъ воспользовался случаемъ, чтобъ внушить, какъ императрица оскорблена необыкновеннымъ поступкомъ Лондонскаго Двора, который безъ малѣйшаго предварительнаго сношенія заключилъ союзъ съ Прусскимъ королемъ. „Императрица надѣется“, говорилъ Голицынъ, „что, въ виду вредныхъ отъ этого послѣдствій, вашъ Дворъ постарается загладить это дѣло надлежащею между союзниками довѣренностію и, кромѣ Русскаго союза, не будетъ искать другихъ, быть можетъ, обманчивыхъ. Поступокъ Вѣнскаго Двора есть прямое слѣдствіе вашихъ обязательствъ съ Прусскимъ королемъ, на котораго никакъ нельзя полагаться по указанію опыта“. Тутъ Ньюкэстль перебилъ рѣчь посланника: „Нельзя думать“, сказалъ онъ, „чтобъ Русскій Дворъ былъ такого мнѣнія“.—„Позвольте увѣрить васъ“, отвѣчалъ Голицынъ, „что мои поступки всегда согласны съ принципами моего Двора“.

Послѣ этого Голицынъ имѣлъ разговоръ съ государственымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, Голдернесомъ, который началъ словами, что, по заключеніи Австро-Французскаго союза, его Британскому величеству остается одна надежда на вѣрность и великодушіе Русской императрицы, которая исполнитъ обязательства Англо-Русскаго союза, а союзъ этотъ Австрія съ Франціею будутъ стараться теперь разрушать; если Русская императрица оставитъ Англійскій Дворъ, то слѣдствіемъ будетъ его конечная погибель. Въ рукахъ Русской императрицы средства оживотворить Англійскій Дворъ. Хотя теперь и трудно разстроить Австро-Французскій союзъ, однако императрица можетъ предупредить его вредныя слѣдствія, сохраняя постоянную союзническую дружбу съ его Британскимъ величествомъ и притомъ исполнивъ всѣ принятыя съ нимъ обязательства; тогда Англія не будетъ бояться соединенныхъ силъ Австріи и Франціи. Есть извѣстія, что та и другая выставляютъ цѣлью своего союза поддержаніе Римской вѣры, которой грозитъ союзъ протестантскихъ державъ. Въ такихъ обстоятельствахъ союзъ Пруссіи очень не безполезенъ для Англіи, и если Вѣнскій Дворъ нападетъ на Прусскаго короля, то съ здѣшней стороны нельзя оставить послѣдняго безъ помощи. Поэтому очень важно знать, чью сторону приметъ Россія. Если она приметъ сторону Австріи и Франціи противъ короля Великобританскаго, то погибель Англійскаго Двора, конечно, неизбѣжна, ибо противъ соединенныхъ австрійскихъ, французскихъ и русскихъ силъ никто противиться не въ состояніи. Съ этихъ поръ Англія можетъ считаться въ Европѣ американскою державою; она лишится всякаго вліянія на твердой землѣ, будучи принуждена запереться на своихъ островахъ. Голицынъ отвѣчалъ, что все это передастъ своему Двору.

12 августа происходила конференція Уильямса въ домѣ вице-канцлера. Англійскій посланникъ объявилъ указъ своего короля предложить Русскому Двору уплату ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, по силѣ конвенціи, и прибавить, что Русскій Дворъ, по принятіи этихъ денегъ, отнюдь ни къ чему обязанъ не будетъ, а королю это будетъ особенно пріятно; отказъ же въ принятіи денегъ онъ приметъ за явное отреченіе отъ его дружбы, да и парламенту объ этомъ иначе объявить нельзя. Король надѣется, что онъ при нынѣшнихъ столь сомнительныхъ обстоятельствахъ оставленъ не будетъ, и потому предлагаетъ о вступленіи въ новыя обязательства особенно относительно защиты Ганноверскихъ его земель.

29 августа, по болѣзни канцлера, Уильямсъ явился опять къ вице-канцлеру съ письмомъ отъ англій-

скаго министра въ Берлинѣ, Митчеля. Въ письмѣ говорилось, что король Прусскій, не довольствуясь двукратнымъ отвѣтомъ Вѣнскаго Двора, велѣлъ министру своему потребовать отъ императрицы-королевы точнаго отвѣта,—въ мирѣ или войнѣ желаетъ она съ нимъ находиться, и что онъ, король, намѣренъ дожидаться этого отвѣта при арміи своей въ Силезіи. Въ то же время Фридрихъ II велѣлъ Митчелю чрезъ него, Уильямса, представить въ Петербургѣ, чтобъ Русская императрица соизволила принять на себя посредничество въ примиреніи Австріи съ Пруссіею и для того намѣренъ онъ, король, прислать въ Петербургъ своего министра, если ея величество изъявитъ на это свое согласіе. Воронцовъ отвѣчалъ, что онъ не въ состояніи дать отвѣта на это предложеніе, долженъ сказать только одно, какъ непонятны и несогласны другъ съ другомъ эти прусскіе поступки: съ одной стороны, Фридрихъ II оскорбляетъ и порицаетъ оба Императорскіе Двора заявленіями, что они заключили противъ него наступательный союзъ, и наступленіе съ русской стороны только затѣмъ не послѣдовало, что русская армія не снабжена людьми и флотъ не въ состояніи дѣйствовать; съ другой стороны—Вѣнскому Двору дѣлаетъ сильныя угрозы, и въ то же время здѣсь проситъ посредничества и позволенія прислать министра. Его Прусское величество могъ бы быть удостовѣренъ, что императрица такого порицанія отъ него равнодушно терпѣть отнюдь не будетъ и Римскую императрицу безъ помощи не оставитъ. Уильямсъ замѣтилъ на это, что онъ обязанъ былъ сообщить предложеніе, какъ посолъ государя, находящагося въ дружбѣ и съ Россіею и съ Пруссіею, но, какъ частный человѣкъ, онъ не можетъ похвалить поступокъ короля Прусскаго. Въ конференціи 2 сентября положено было дать такой отвѣтъ Уильямсу относительно Прусскаго предложенія: „Императрица, будучи сама оскорблена королемъ Прусскимъ и, въ то же время, пребывая въ наитѣснѣйшемъ союзѣ съ императрицею-королевою, находитъ несогласнымъ съ своимъ великодушіемъ и справедливостію принять посредничество между Австріею и Пруссіею. Ея величество оставляетъ прекращеніе этихъ ссоръ собственному рѣшенію обѣихъ державъ, а сама будетъ довольствоваться точнымъ исполненіемъ принятыхъ ею съ Вѣнскимъ Дворомъ обязательствъ“.

7 сентября Уильямсъ былъ приглашенъ на конференцію къ канцлеру, въ присутствіи вице-канцлера, гдѣ былъ ему сообщенъ этотъ отвѣтъ; что же касается до его предложенія принять субсидныя деньги, то ему дано знать, что пріемъ денегъ отлагается до того времени, пока князь Голицынъ не пришлетъ точнаго отвѣта англійскихъ министровъ: какого рода будутъ новыя,—предложенныя ими соглашенія съ Россіею. 30 октября Уильямсъ опять пріѣзжалъ къ канцлеру и сильно хвастался милостивымъ пріемомъ, который онъ получилъ отъ императрицы третьягодня, въ домѣ вице-канцлера; потомъ распространился о желаніи Прусскаго короля помириться съ Россіею. Вскорости послѣ его отъѣзда, пріѣхалъ къ канцлеру голландскій посланникъ, Шварцъ, только-что возвратившійся въ Петербургъ; Бестужевъ спросилъ у него, вѣрны ли извѣстія, будто прусскія войска намѣрены напасть на Курляндію. Шварцъ отвѣчалъ, что дѣйствительно дорогою слышалъ отъ многихъ прусскихъ офицеровъ, что еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ они вступятъ въ Курляндію, чтобъ овладѣть Либавою и захватить въ ней русскіе магазины; этотъ городъ имъ нуженъ и для того, чтобъ удобнѣе препятствовать проходу русскихъ галеръ; Шварцъ прибавилъ, что, по его наблюденіямъ, Курляндцы желаютъ вступленія Пруссаковъ въ ихъ Землю.

Черезъ день, 1 ноября, Уильямсъ пріѣхалъ къ вице-канцлеру и началъ говорить, что такъ какъ отъ войны между королемъ Прусскимъ и Римскою императрицею, кромѣ лютѣйшихъ бѣдствій, ничего ожидать нельзя, то для предупрежденія этого зла, угрожающаго всей Европѣ, остается одно средство: чтобъ императрица Елисавета—со стороны Маріи-Терезіи, а король Англійскій—со стороны Фридриха II явились посредниками въ примиреніи воюющихъ державъ. Это посредничество онъ, Уильямсъ, по указу своего Двора и съ согласія Прусскаго короля, снова предлагаетъ императрицѣ. Это посредничество, продолжалъ Уильямсъ, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ становится тѣмъ нужнѣе, что Прусскій король, опасаясь сильной диверсіи съ русской стороны, въ отчаяніи намѣренъ напасть на русскія области, какъ обстоятельно увѣдомился онъ отъ голландскаго посланника Шварца. Воронцовъ ему отвѣчалъ, что самъ вчера слышалъ отъ Шварца о враждебномъ намѣреніи Прусскаго короля; но въ Россіи нисколько этого не боятся; что же касается медіаціи, то онъ, по болѣзни своей, не можетъ самъ доложить императрицѣ, а сообщитъ канцлеру, причемъ Воронцовъ спросилъ посла: имѣетъ ли онъ отъ Прусскаго короля полномочіе для предъявленія порученной ему коммисіи. Уильямсъ отвѣчалъ, что теперь не имѣетъ, но можетъ очень скоро получить, какъ только увидитъ склонность Русскаго Двора къ начатію этого дѣла.

Отъ Воронцова посолъ отправился къ Бестужеву и объявилъ, что онъ сейчасъ былъ у вице-канцлера съ предложеніемъ медіаціи, принятіе которой послужитъ къ славѣ императрицы, потому что не она начинаетъ дѣло, а король Прусскій ищетъ ея дружбы. Канцлеръ сказалъ ему на это, что, послѣ недавняго и очень яснаго отвѣта императрицы на такое же его предложеніе, онъ, канцлеръ, не можетъ донести ей о повтореніи предложенія. Уильямсъ отвѣчалъ, что и онъ дѣлаетъ предложеніе не какъ министръ, ибо не хочетъ въ другой разъ получить такого же отказа. Такъ сообщилъ о своемъ разговорѣ канцлеръ; но вотъ какое письмо прислалъ на другой день Уильямсъ Воронцову: „Я готовъ сдержать свое слово во всемъ, что вамъ

вчера обѣщалъ. Отъ васъ поѣхалъ я къ канцлеру, и онъ меня обнадежилъ, что предложитъ императрицѣ о медіаціи. Перечитавъ опять вчера вечеромъ разныя письма Митчеля, я считаю долгомъ дать вамъ знать, что король Прусскій дерется только для полученія мира и для безопасности своихъ областей; я увѣряю васъ честнымъ словомъ и уполномоченъ объявить, что его Прусское величество ничего такъ не желаетъ, какъ возстановленія добраго согласія и искреннѣйшей дружбы съ вашею августѣйшею самодержицею. Такъ какъ теперь каждая минута важна; такъ какъ все находится въ движеніи, то я третьягодня отправилъ курьера въ прусскій лагерь; содержаніе моей депеши не совсѣмъ будетъ пріятно Прусскому королю, ибо я увѣдомляю его объ отъѣздѣ фельдмаршала Апраксина къ войску. Итакъ, если преблагій Богъ вдохнетъ мирныя чувства ея величеству, то по тысячѣ причинъ было бы полезно, чтобъ я былъ о томъ какъ можно скорѣе увѣдомленъ".

На предложеніе посредничества императрица велѣла дать Уильямсу такой отвѣтъ: „Когда уже на первое господина посла предложеніе о медіаціи оказано, что ея императорское величество такого поступка отъ его превосходительства не ожидала, то теперь легко ему самому разсудить, что усильное тогожъ предложенія министерству ея императорскаго величества вновь учиненное повтореніе еще удивительнѣе того ея императорскому величеству показалось, ибо ея величество справедливо ожидала бóльшаго къ оказанной своей единожды волѣ уваженія. Ея императорское величество повелѣваетъ потому его превосходительству объявить, что какъ въ прежнемъ отвѣтѣ объявленныя ея высочайшія намѣренія непоколебимы, такъ дальнѣйшее о медіаціи упоминаніе болѣе выслушивано не будетъ. Употребленныя-жъ его превосходительствомъ угрозы, что король Прусскій самъ войска ея императорскаго величества атакуетъ, служитъ токмо къ ослабленію его предложеній, къ утвержденію, буде можно, еще больше ея императорскаго величества въ своихъ намѣреніяхъ, ко оправданію оныхъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и къ обвиненію предъ онымъ короля Прусскаго" [1]).

Послѣ этого Уильямсу не оставалось ничего болѣе, какъ собираться къ отъѣзду изъ Россіи: здѣсь имъ были недовольны, и англійское министерство не могло получить высокаго понятія о его способностяхъ, когда онъ такъ долго вводилъ его въ заблужденіе, утверждая въ своихъ донесеніяхъ, что и канцлеръ, и вице-канцлеръ за Англійскій союзъ, что всѣхъ можно подкупить, и вообще доставлены невѣрныя извѣстія. Только въ концѣ года онъ увѣдомилъ, что ходъ дѣла зависитъ отъ одной воли, и эта воля непоколебима. „Въ конференціи", писалъ Уильямсъ, „великій князь началъ-было говорить противъ сближенія съ Франціею и приступленія къ Версальскому договору; но императрица сказала ему: „Что сдѣлано, — то сдѣлано по моему приказанію, и я не хочу, чтобъ объ этомъ разсуждали". — Великій князь отвѣчалъ: „Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только молчать и повиноваться" [2]).

Перемѣна отношеній къ Россіи Англіи и Франціи, разумѣется, должна была сильно отозваться въ шведскихъ отношеніяхъ.

Отъ 2 февраля Панинъ сообщилъ о впечатлѣніи, какое произведено было въ Стокгольмѣ извѣстіемъ объ англо-прусской конвенціи: „Великое изумленіе, въ какомъ вдругъ увидѣли министерство, возбудило во всей публикѣ крайнее любопытство. Невозможно описать дѣйствія этой новости въ преданныхъ Франціи людяхъ. Они цѣлый день по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ проклинали короля Прусскаго". Между тѣмъ господствовавшая на сеймѣ сенатская партія сильно дѣйствовала противъ короля и людей ему преданныхъ. Одинъ изъ послѣднихъ, молодой графъ Горнъ, былъ отправленъ королемъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о кончинѣ матери королевской, герцогини Голштинской, которая постоянно получала пенсію отъ Русскаго Двора. Сенатская партія начала повсюду разглашать, что Горнъ отправленъ просить помощи для введенія самодержавія. Съ изъявленіемъ соболѣзнованія о кончинѣ королевской матери отправленъ былъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ графъ Ягужинскій, по поводу котораго канцлеръ Бестужевъ писалъ Панину: „Вы, чаю, и безъ меня вѣдаете, что онъ зять его превосходительству Ив. Ив. Шувалову; я рекомендую и прошу ваше превосходительство показать ему тамъ вашу благосклонность, дружбу и всякія учтивости не только по тому одному, что Иванъ Ивановичъ мнѣ особливый пріятель, но наипаче для того, что когда вы ему о вашихъ собственныхъ нуждахъ и прошеніяхъ внушите, я, по возвращеніи его сюда, въ томъ для васъ съ лучшимъ успѣхомъ трудиться надѣюсь". На это Панинъ отвѣчалъ: „Графъ Ягужинскій живетъ въ моемъ домѣ и своею свитою оный преисполнилъ; по повелѣнію вашего высокографскаго сіятельства, я всевозможнѣйше стараюся его угостить, и, правда, онъ самъ по себѣ видится быть тихій и добрый; но, сколь притомъ примѣтить возможно, ему предписана противъ меня великая въ рѣчахъ скромность; и при первой почтѣ онъ мнѣ объявилъ, что самъ ко Двору доносить будетъ о своей коммисіи, послѣ чего ни о чемъ до того касающемся ко мнѣ не отзывался, и всю свою мнѣ неизвѣстную корреспонденцію производитъ переводчикъ Бартеломановъ, который предъ моими подчиненными часто показываетъ свое любопытство о моихъ здѣсь обращеніяхъ, а наипаче о корреспонденціи съ вашимъ высокографскимъ сіятельствомъ".

Вѣсть о возстановленіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею произвела въ Стокгольмѣ впечатлѣніе, какого, по словамъ Панина, описать было невозможно: „Одни чрезвычайно торжествуютъ",

[1]) Дѣла Англійскія.

[2]) Раумеръ II, 409.

а другіе съ такою же неумѣренностію упадаютъ; третьи боятся своимъ дѣламъ дальнихъ изъ того слѣдствій, всѣ же купно ни о чемъ другомъ не говорятъ ни въ публикѣ, ни приватно". Панинъ далъ знать Бестужеву, что сенаторъ Гепкенъ, ссылаясь на донесенія шведскаго посла въ Петербургѣ Поссе, внушаетъ королю и другимъ, что не канцлеръ, а вице-канцлеръ Воронцовъ ведетъ переговоры съ Дугласомъ, отчего въ конференціи противная Бестужеву партія получила верхъ; слѣдствіемъ будетъ выѣздъ Уильямса изъ Петербурга, обезсиленіе Бестужева и возстановленіе французскаго вліянія.

Отъ 14 іюня Панинъ сообщилъ объ открытіи въ Стокгольмѣ страшнаго заговора, слѣдствіемъ чего были аресты, пытки и сильное волненіе народа. Главами заговора оказывались члены придворной партіи, гофмаршалъ графъ Горнъ и графъ Браге. Король объявилъ въ сенатѣ, что онъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ; несмотря на то, приверженцы противной партіи кричали на площадяхъ, что надобно короля свести съ престола и возвести наслѣднаго принца или, по крайней мѣрѣ, выслать изъ государства королеву. По полученіи этого извѣстія, канцлеръ Бестужевъ, по приказанію императрицы, написалъ Панину, чтобъ онъ никоимъ образомъ не вмѣшивался въ дѣло; если же король или королева станутъ жаловаться на свое стѣсненное положеніе, то можетъ ихъ увѣрить, что императрица не оставитъ ихъ безъ помощи, лишь бы остались нетронутыми установленная форма правленія и вольность чиновъ государственныхъ. Горнъ и Браге погибли на эшафотѣ; такъ какъ они въ своихъ показаніяхъ оговорили королеву, то Упсальскій архіепископъ съ двумя епископами отправлены были къ ней для религіознаго увѣщанія. Королева на это увѣщаніе дала имъ письменный отвѣтъ: „Мнѣ пріятны ваши увѣщанія, на которыя, по вашимъ словамъ, подвигла васъ ревность къ Божіей славѣ, ко благу отечества и ко спасенію души моей; я постараюсь слѣдовать вашимъ совѣтамъ и надѣюсь успѣть въ томъ съ вышнею помощію, причемъ объявляю, что сильно осуждаю опасный заговоръ, недавно составленный и благовременно открытый милостію Божіею". Послѣ этого къ лежащему въ лихорадкѣ королю явилась депутація государственныхъ чиновъ съ сильными выговорами за его и супруги его поведеніе относительно сената и за послѣдній заговоръ, которымъ узелъ союза между королемъ и націею разорванъ, и можетъ быть возстановленъ только подписаніемъ новаго акта королевскаго обѣщанія.

Отъ смутъ въ Шведскомъ правительствѣ посланникъ долженъ былъ обращаться къ собственнымъ дѣламъ. „Ягужинскій", писалъ Панинъ канцлеру, „несумнѣнно подъ руководствомъ скареднаго Бартеломанова наставленъ былъ разсмотрѣть мои дѣла, яко единственно пристрастіемъ моей къ вамъ преданности производимыя, и доскональнo развѣдать о моей съ вами и съ барономъ Корфомъ корреспонденціи [непріятелемъ котораго Бартеломановъ себя и поручика Левашова объявляетъ, за то, что онъ (Корфъ) ихъ, яко Россійскихъ благородныхъ особъ, достойно не почиталъ], причемъ они оба себѣ ожидали скораго опредѣленія на мое мѣсто. Но какъ онъ, графъ Ягужинскій, послѣднимъ стереженъ ни былъ, чтобъ не далъ мнѣ свой довѣренности, однакоже, наконецъ, ощутительно увидѣлъ его черное сердце, мерзкое высокомѣріе и весьма малый смыслъ и способность, что ему открыло глаза во многихъ ему данныхъ предразсужденіяхъ, и теперь по послѣдней мѣрѣ, что до началъ дѣлъ вообще и особливо здѣсь касается, принялъ совсѣмъ столько другого понятія, сколько достанетъ силы его молодости, еже несумнѣнно ваше высокографское сіятельство примѣтить изволите изъ того, какъ онъ, возвратясь, отзываться будетъ. Правда, я въ немъ совсѣмъ истребить не могу предувѣренія, будто-бъ ваше высокографское сіятельство ему недоброжелательны; онъ на протекцію вице-канцлера больше, нежели на чью другую полагается; но притомъ нынѣ находится въ несказанномъ удивленіи, какъ его сіятельство съ своею прозорливостію столько допустилъ, по его слову, себя обморочить такимъ скареднымъ простякомъ, каковъ Бартеломановъ, котораго будто-бъ онъ, вице-канцлеръ, почитаетъ первымъ въ способности изо всѣхъ коллежскихъ служителей. Наконецъ, милостивый государь, онъ мнѣ въ конфиденцію открылъ, какъ вице-канцлеръ ему, приказавъ меня обнадежить о непремѣнной его ко мнѣ милости, поручилъ притомъ непримѣтно мнѣ дать выразумѣть, будто бы онъ причину имѣлъ сомнѣваться, что я его не счисляю между моими милостивцами, въ чемъ, можетъ быть, я другихъ допускаю себя проводить, и что онъ весьма желаетъ мнѣ служить, лишь бы я мои желанія ему показалъ. На такія милостивыя диспозиціи я учинилъ взаимное внушеніе, что я въ приватномъ моемъ поведеніи не имѣлъ и не имѣю случаевъ кого-либо противъ себя раздражить, слѣдовательно тѣмъ меньше могу сумнѣваться о доброжеланіи его сіятельства; милостивцевъ же себѣ одними мнѣ порученными дѣлами искалъ и ищу, и ежели въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я столько былъ несчастливъ, что его сіятельства апробаціи не удостоился, то и тутъ ожидаю отъ него справедливости, что онъ вину искать будетъ въ ошибкѣ моей доброй совѣсти, внутренняго удостовѣренія и чести, откуда всѣ мои началы и сентименты беру, и на нихъ до тѣхъ поръ твердо полагаюся, покамѣстъ инако увѣренъ найдуся, а мое въ свѣтѣ бытіе столь низко почитаю, что не могу себѣ представить, кому бы была нужда меня проводить. Впрочемъ, что мнѣ до услугъ касается, мои обстоятельства всѣмъ извѣстны, и ежели я чему достоинъ, то его сіятельство не погрѣшитъ предъ своею честію и меня того не лишитъ, я же въ себѣ такихъ достоинствъ не нахожу, чтобъ самому искать воспользоваться его ко мнѣ милостію".

Въ началѣ сентября Панинъ представилъ Ягужинскаго королю на прощальную аудіенцію.

Адольфъ-Фридрихъ, поручая Ягужинскому передать императрицѣ обычныя привѣтствія, сдѣлалъ это со слезами на глазахъ. Панинъ при этомъ счелъ „долгомъ человѣчества и благопристойности" увѣрить короля въ тепломъ участіи, какое принимаетъ императрица въ его печальномъ положеніи. Король послалъ сказать въ сенатъ, что намѣренъ пожаловать графу Ягужинскому свой портретъ равной цѣны съ тѣми, какіе даются министрамъ второго ранга, притомъ табакерку съ часами. Сенатъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ весь предметъ порученія Ягужинскаго не можетъ почитать государственнымъ дѣломъ, то и на подарки не можетъ употреблять коронной казны. Король опять послалъ сказать сенату, что у него не было намѣренія требовать денегъ изъ государственной казны, но только желалъ знать, одобряетъ ли сенатъ такой подарокъ. Сенатъ отвѣчалъ, что государство, не принимая участія въ дѣлѣ, по которому присланъ Ягужинскій, не имѣетъ причины давать тутъ совѣты его величеству. Панинъ писалъ императрицѣ, что, по его мнѣнію, надобно оказывать совершенное презрѣніе къ такимъ скареднымъ ухваткамъ злонамѣренной партіи.

Скоро, впрочемъ, Панинъ долженъ былъ отозваться съ удовольствіемъ о шведскомъ министерствѣ, именно по поводу вступленія Фридриха II въ Саксонію: „Надлежитъ", писалъ Панинъ, „здѣшнему министерству отдать справедливость, что оно внутренно совершенно признаетъ непорядокъ и несправедливость короля Прусскаго; сенаторъ Гепкенъ говорилъ мнѣ, смѣясь: „Чудный это государь! онъ увѣренъ, что и потомки будутъ съ удивленіемъ читать о его разумномъ, умѣренномъ и щедромъ поведеніи въ Саксоніи". Я", продолжалъ Гепкенъ, „сердечно желаю поскорѣе услыхать о вступленіи вашихъ войскъ въ прусскія области: это будетъ самый дѣйствительный способъ потушить военный огонь".

Между тѣмъ англійское министерство, по внушенію Фридриха II, представило князю Голицыну о надобности, со стороны Россіи, сдѣлать что-нибудь въ пользу утѣсненнаго сенатомъ Шведскаго короля; Прусскій король желаетъ знать, сдѣлаетъ ли что-нибудь Россія, и если сдѣлаетъ, то и онъ поступитъ по ея примѣру. Въ Петербургѣ посмотрѣли на это какъ „на вымыселъ и покушеніе" Прусскаго короля, который старается чѣмъ бы то ни было занять Россію, чтобъ самому быть безопаснѣе съ ея стороны. Въ то же время Дугласъ сообщилъ, что, если вѣрить слухамъ, король Прусскій имѣлъ большое участіе во всемъ, что происходитъ въ Швеціи, и что при такихъ обстоятельствахъ всего лучше рѣшеніе императрицы подать шведскимъ чинамъ совѣтъ не заводить дѣла далеко. Его король увѣренъ, что императрица не отступитъ отъ этого рѣшенія въ такомъ чисто домашнемъ Шведскомъ дѣлѣ. Дугласу отвѣчали, что если король Прусскій и не имѣлъ прежде участія въ шведскихъ событіяхъ, то можно съ увѣренностью сказать, что онъ желалъ совершенно другого окончанія этихъ событій. Императрица желаетъ удержать на Шведскомъ престолѣ короля, возведеніе котораго стоило ей цѣлой Финляндіи; но, въ то же время, она желаетъ, чтобъ это сосѣдственное и дружественное государство ненарушимо пользовалось всѣми своими правами; поэтому императрица, естественно, желаетъ, чтобъ тамошнее непріятное дѣло скоро и благополучно окончилось, и признаетъ полезнымъ, чтобъ и Французскій Дворъ, съ своей стороны, подалъ шведскимъ чинамъ такой-же совѣтъ, именно—дѣла далеко не заводить и, содержа королевскую власть въ ея законныхъ предѣлахъ, не пренебрегать личнымъ уваженіемъ къ королю. На этомъ основаніи, Панинъ получилъ указъ дѣйствовать согласно съ французскимъ министромъ, когда искусно вывѣдаетъ отъ него, что онъ получилъ отъ своего Двора указъ дѣйствовать заодно съ русскимъ министромъ. Но когда Панинъ началъ вывѣдывать объ этомъ у французскаго посла Даврэнкура,—тотъ отвѣчалъ, что послѣдовавшимъ заключеніемъ сейма дѣла совершенно окончены, почему онъ передаетъ на собственное разсужденіе Панина, могутъ ли они, съ приличіемъ и не имѣя никакой новой побудительной причины, начать говорить о такомъ предметѣ, котораго уже болѣе нѣтъ, тѣмъ болѣе-что шведскіе министры заклинали его не вмѣшиваться въ ихъ домашнія дѣла, если не хочетъ у государственныхъ чиновъ потерять своего и Двора своего кредита; по окончаніи сейма нѣтъ болѣе признаковъ, чтобъ король потерпѣлъ какія-нибудь непріятности, развѣ Прусскій король что-нибудь затѣетъ.

Въ концѣ года Панинъ имѣлъ съ Даврэнкуромъ другое объясненіе. Русскій Дворъ принялъ предложеніе Вѣнскаго Двора склонять Швецію сдѣлать диверсію, напавши на владѣнія Прусскаго короля, и Панину поручено было дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійскимъ и французскимъ министрами. На вопросъ Панина, получилъ ли онъ отъ своего Двора инструкцію по этому дѣлу, Даврэнкуръ отвѣчалъ, что не получалъ, и думаетъ, что едва ли Швеціи возможно напасть на Прусскаго короля, не рискуя потерять свою Померанію; что онъ настаиваетъ теперь на одно,—на объявленіе со стороны Швеціи на имперскомъ сеймѣ, что она будетъ стоять за сохраненіе Вестфальскаго договора въ пользу обиженныхъ Дворовъ, вмѣстѣ съ Франціею, которая поручилась за сохраненіе Вестфальскаго договора. „Этимъ объявленіемъ", говорилъ Даврэнкуръ, „Швеція будетъ принуждена принять вмѣстѣ съ союзными державами ближайшія мѣры" [1]).

Панинъ подчинялся новому положенію дѣлъ, происшедшему отъ сближенія съ Франціею; иначе поступилъ русскій министръ въ Копенгагенѣ, баронъ Корфъ, который, подобно канцлеру Бестужеву, не могъ сдружиться съ мыслью о Французскомъ союзѣ. Отъ 11-го декабря Коллегія Ино-

---

[1]) Дѣла Шведскія 1756 года.

странныхъ Дѣлъ получила такой указъ: „Изъ реляцій посланника нашего Корфа съ немалымъ удивленіемъ усмотрѣли мы нескладное его толкованіе и предъявляемыя странныя опасенія и слѣдствія, кои будто отъ намѣряемой Франціею и по трактатамъ должной посылки помощи императрицѣ-королевѣ и другимъ атакованнымъ имперскимъ чинамъ произойти, нынѣшнюю войну всеобщею учинить и европейское равновѣсіе совсѣмъ испровергнуть могутъ. Сіе наше удивленіе тѣмъ болѣе становится, что онъ еще притомъ выхваляетъ предосторожность тѣхъ Дворовъ, которые французскихъ предложеній о вступленіи съ сею короною въ тѣсныя обязательства неприняли, но трактаты свои съ древними союзниками исполняютъ, представляя притомъ некстати наитѣснѣйшее соединеніе трехъ Сѣверныхъ Дворовъ, дабы тѣмъ Францію отъ мнимаго имъ доставленія себѣ европейскаго перевѣса удержать, но въ то же время угрожая, что о семъ соединеніи до прекращенія Шлезвигъ-Голштинскихъ распрей и помышлять нельзя. А какъ ему о возстановленномъ между ними и Франціею добромъ согласіи, равно какъ и о назначенныхъ для вящаго того утвержденія взаимныхъ посольствахъ увѣдомленіе подано, болѣе же того,—учиненныя нами противу короля Прусскаго всѣмъ свѣтомъ справедливо выхваляемыя декларацiи извѣстны, слѣдовательно и о намѣреніяхъ нашихъ генерально при нынѣшнихъ обстоятельствахъ не скрыто, то Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ собою найдетъ, коль нужно помянутому посланнику нашему Корфу заслуженный его смѣлостію выговоръ учинить“ [1]).

Со стороны Сѣверныхъ державъ нельзя было ожидать помѣхи въ предстоящей борьбѣ; опаснѣе казалась Турція, на которую, какъ мы видѣли, Фридрихъ II обратилъ прежде всего вниманіе, ища средства отвлечь русскія силы отъ Пруссіи. Отъ 9-го марта Обрѣзковъ писалъ: „Неожиданное заключеніе оборонительнаго договора между Прусскимъ и Англійскимъ королями французскому послу и его шайкѣ смертельный ударъ нанесло; для уменьшенія горести нашли одинъ способъ—отрицаніе, что этому быть нельзя, а если что и постановлено, то только для невпущенія вспомогательнаго русскаго войска въ Германію; но здѣшняя публика на этотъ разъ въ обманъ не дается: турецкое министерство съ несказаннымъ удивленіемъ услыхало объ этомъ происшествіи и поздравляетъ себя, что не заключило союза съ Прусскимъ королемъ: если онъ такъ подшутилъ надъ Франціей, своей искренней пріятельницей, то чего бы не сдѣлалъ противъ Порты?“

Отъ 6-го іюля Обрѣзковъ писалъ, что когда Порта узнала о заключеніи союзнаго довора между Австріею и Франціею, то верховный визирь приказалъ рейсъ-эфенди принять сообщенія объ этомъ отъ посланниковъ съ полнымъ равнодушіемъ, не показывая ни удивленія, ни досады, ни удовольствія. Въ самомъ же дѣлѣ этотъ союзъ тревожилъ Порту, ибо она видѣла здѣсь измѣну со стороны Франціи, которая сближалась съ постояннымъ врагомъ Порты. Рейсъ-эфенди приказалъ переводчику Порты спросить у австрійскаго переводчика: куда дѣвались ихъ ежечастные отзывы, что Франція вѣроломная, злая и жаждущая только волненій держава, на которую ни въ чемъ положиться нельзя. Французскій посланникъ, замѣтивъ досаду Порты, началъ внушать турецкимъ министрамъ, что дружба съ Портою будетъ всегда у Франціи на первомъ планѣ, какіе бы договоры ни были заключены съ другими державами, и договоръ съ Вѣнскимъ Дворомъ нисколько не касается Порты, а только европейскихъ державъ. Несмотря на эти увѣренія, Порта не смягчилась и рѣшилась ласкать англійскаго посла, а если и Россія будетъ увлечена Австріею во Французскій союзъ, то искать дружбы съ Прусскимъ королемъ.

При такихъ натянутыхъ обстоятельствахъ считали нужнымъ соблюдать большую осторожность въ отношеніяхъ къ славянскимъ подданнымъ Порты. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вице-канцлеръ графъ Воронцовъ получилъ письмо отъ Черногорскаго митрополита Василія Петровича, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что въ 1755 году Турки и Венеціане напали съ двухъ сторонъ на Черную Гору, и хотя Черногорцы одержали надъ Турками побѣду, много ихъ побили, троихъ начальниковъ взяли живыхъ и повѣсили, однако на весну враги снова собираются войною на Черную Гору. „Мы“, писалъ митрополитъ, „ни откуда не чаемъ помощи, кромѣ Бога и сильнаго Россійскаго скипетра. Плачетъ бѣдная Сербія, Болгарія, Македонія, рыдаетъ Албанія въ страхѣ, чтобъ не пала Черная Гора; уже Далмація пала и благочестія лишается, будучи напоена уніатствомъ; Герцеговина стонетъ подъ ногами турецкими. Если Черная Гора будетъ освобождена, то всѣ къ намъ пристанутъ; если-же Турки Черною Горою завладѣютъ, то христіанство во всѣхъ упомянутыхъ земляхъ, конечно, исчезнетъ“.—„Отъ такихъ непріятелей“, отвѣчалъ Воронцовъ, „вашему обществу надобно быть всегда въ осторожности, не дѣлая имъ однако никакого озлобленія, чтобъ они не имѣли причины на васъ жаловаться Портѣ; что же касается защиты Черной Горы отъ турецкихъ войскъ, то при надежномъ случаѣ не оставимъ сдѣлать представленіе въ пользу Черногорскаго народа какъ Портѣ, такъ и Венеціанской республикѣ“. Къ Обрѣзкову былъ отправленъ секретнѣйшій рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Что касается защиты Черногорцевъ при Портѣ, то хотя въ нынѣшнее время, когда мы заняты на другой сторонѣ, формально и съ надлежащею твердостью приступить къ ней и нельзя, однако, чтобъ не привести Черногорцевъ въ отчаяніе, надобно вамъ хотя стороною сдѣлать все возможное въ ихъ пользу; напередъ посовѣтовавшись съ переводчикомъ Порты, какъ съ единовѣрнымъ, постарайтесь исходатайствовать облегченіе этому единовѣрному

[1]) Протоколы конференцій.

и усердному къ намъ народу, и давайте знать имъ тайно обо всемъ, что будетъ дѣлаться относительно ихъ при Портѣ, чтобъ они не были застигнуты врасплохъ. У венеціанскаго посла настойте, чтобъ онъ писалъ своему правительству о прекращеніи обидъ Черногорцамъ, а во взаимныхъ жалобахъ сдѣланъ былъ бы полюбовный разборъ, за что Россія будетъ очень благодарна Венеціанскому сенату".

Обрѣзковъ началъ разговоръ о Черногорцахъ съ переводчикомъ Порты, но тотъ отвѣчалъ, что ему вмѣшаться въ это дѣло безъ явной опасности никакъ нельзя, потому что, вслѣдствіе безпрестанныхъ нападеній Черногорцевъ на сосѣднія турецкія области, Порта твердо рѣшила наказать ихъ и поусмирить; еще менѣе можетъ онъ совѣтовать Обрѣзкову обратиться къ Портѣ съ заступничествомъ, ибо это заступничество ускоритъ гибель не только Черногорцевъ, но и всѣхъ Православныхъ, находящихся подъ игомъ турецкимъ; ничто не можетъ быть для Порты чувствительнѣе, а для бѣдныхъ Православныхъ опаснѣе, какъ если Русская императрица явится покровительницею послѣднихъ. Этимъ Турка, какъ заснувшаго льва, можно разбудить. „Я", продолжалъ переводчикъ, „по христіанству и справедливой ненависти къ варварамъ, долженъ объявить, что лучшій способъ къ ихъ ослабленію и искорененію—это не подавать имъ причины къ войнѣ; хотя бы война была для нихъ несчастна, однако военный духъ, который служитъ основаніемъ этой сильной имперіи, возбудится, и придутъ Турки въ прежнюю ярость и свирѣпство; тогда какъ, живя въ настоящей тишинѣ и безопасности, годъ-отъ-году ослабѣваютъ, потому что управленіе у нихъ самое оплошное и слабое, нѣтъ ни порядка, ни надлежащаго послушанія, и если еще нѣсколько лѣтъ такъ будетъ, то имперія эта, бывшая страшилищемъ всего свѣта, подломится и повалится отъ своей собственной тягости, какъ ветхая храмина. О Турціи нельзя судить по европейскимъ державамъ, которыя обыкновенно въ войнѣ разоряются, а въ мирѣ оправляются и усиливаются; у Турокъ діаметрально противоположное: они въ войнѣ оживляются, а въ мирѣ ослабѣваютъ, потому что начало и основаніе ихъ есть оружіе; выпустя его изъ рукъ, они не знаютъ, за что ухватиться, и бьются, какъ рыба на землѣ". Обрѣзковъ возражалъ, что между Греками и Черногорцами большая разница: Греки завоеванные, а Черногорцы народъ независимый, и потому заступничество за нихъ не можетъ возбудить подозрѣнія".—„Вы ошибаетесь", отвѣчалъ переводчикъ: „Турки и Черногорцевъ считаютъ своими подданными на томъ основаніи, что они зависѣли отъ Сербскаго королевства, завоеваннаго Турками; многіе изъ нихъ, признавая власть Порты, платятъ ей дань; остальныхъ же, которые живутъ въ неприступныхъ горахъ и до которыхъ добраться трудно, Турки считаютъ отпадшими, подобно Майнотамъ, съ которыми Порта ведетъ войны, иногда удачныя, иногда неудачныя, но никто ихъ независимыми не признаетъ. Если бы Россія имѣла дѣло съ какимъ-нибудь живущимъ въ ней магометанскимъ народомъ, а Порта стала бы за него вступаться, то, конечно, Русскому Двору было бы это непріятно". Описавъ этотъ разговоръ, Обрѣзковъ прибавляетъ: „По такому его, переводчика Порты, предъявленію, въ коемъ я, по скудоумному моему разсужденію, много основательности и резонабельности нахожу, я прямо отказываться удерживаюсь, подъ рукою же дѣлаю, сколько возможности моей есть, чтобъ имъ какое-нибудь вспоможеніе подать, имѣя однакожь притомъ надлежащую осторожность, чтобъ не открылось мое за нихъ заступленіе". Осенью движеніе русскихъ войскъ чрезъ Польшу повело къ объясненіямъ съ Портою, которая предъявила желаніе, чтобъ этого не было. Обрѣзковъ отвѣчалъ рѣшительно, что императрица непремѣнно подастъ помощь своимъ союзникамъ, и движеніе русскаго войска черезъ Польшу происходитъ не для завоеванія ея или отторженія нѣкоторыхъ ея областей, но единственно для поданія помощи союзникамъ. Избавленіе Польскаго короля не можетъ быть непріятно Портѣ, которая, конечно, не останется равнодушною, когда Польша достанется брату Прусскаго короля и Турція получитъ вѣроломнаго сосѣда, презирающаго всѣ самые торжественные договоры. Порта не отвѣчала на это ничего [1]).

Поведеніе Порты пока не подавало еще повода къ серьезнымъ опасеніямъ, и потому считали возможнымъ ограничиться приказаніемъ гетману Разумовскому выѣхать изъ Петербурга въ Малороссію, для наблюденія за безопасностью южныхъ границъ. Въ рескриптѣ къ нему изъ конференціи 12 ноября говорилось: „Малороссія, по причинѣ близкаго сосѣдства Оттоманской Порты и подвластныхъ ей Татаръ, особенно же своевольства Запорожскихъ казаковъ, которые всегда, вмѣсто укрѣпленія сосѣдственной дружбы и согласія, подаютъ поводъ къ непріятнымъ жалобамъ, заслуживаетъ наибольшаго вниманія".

Войска двигались не на югъ, а на западъ, чтобъ чрезъ Польскія владѣнія вступить въ Пруссію; но кто же будетъ ими предводительствовать?

5 сентября, въ день именинъ императрицы, пожалованы были: оберъ-егермейстеръ графъ Алексѣй Разумовскій, генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и генералъ-аншефы—Бутурлинъ и Апраксинъ въ генералъ-фельдмаршалы, адмиралъ князь Михайла Голицынъ – въ генералъ-адмиралы; Разумовскому и Трубецкому назначено оставаться въ прежнихъ должностяхъ, а Бутурлину и Апраксину—быть при арміи. Но главнокомандующимъ изъ нихъ двоихъ былъ назначенъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ. Объ этомъ человѣкѣ дошли до насъ дурные отзывы и отъ чужихъ, и отъ своихъ. Наружность Апраксина, его чрезмѣрная тучность, изнѣженность не говорили въ его пользу; его прямо упрека-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1756 года.

ли въ трусости, потому что, въ ссорѣ съ гетманомъ Разумовскимъ, тотъ сильно прибилъ его, и Апраксинъ не потребовалъ у него удовлетворенія по западному обычаю [1]). Ничтожное участіе въ Турецкой войнѣ, разумѣется, не давало ему права быть главнокомандующимъ въ войнѣ противъ перваго полководца времени, какимъ считался Фридрихъ II. Мы видѣли, что Вѣнскій Дворъ указывалъ на отсутствіе искусныхъ генераловъ въ русскомъ войскѣ, и это указаніе было справедливо. Причина заключалась въ томъ, что въ царствованіе Анны было забыто правило Петра Великаго воспитывать войною своихъ русскихъ генераловъ, не давая фельдмаршальскихъ мѣстъ иностранцамъ; вмѣсто Шереметевыхъ, Меншиковыхъ, Голицыныхъ и Долгорукихъ, явились Минихи и Леси. Какъ ни оправдывался Минихъ въ упрекѣ, что не давалъ хода Русскимъ людямъ, дѣйствительность подтверждаетъ упрекъ: его военная дѣятельность оказалась совершенно безплодною относительно образованія русскихъ генераловъ. Въ началѣ царствованія Елисаветы, въ Шведской войнѣ, пробавлялись иностранными генералами, оставшимися отъ царствованія Анны,—Леси и Кейтомъ. Леси умеръ въ 1751 году. Кейтъ, какъ мы видѣли, во время пребыванія своего въ Швеціи, возбудилъ противъ себя подозрѣніе въ не очень сильной поддержкѣ русскихъ интересовъ; но скоро явилась и другая причина столкновенія. Въ 1746 году Кейтъ обратился къ канцлеру Бестужеву съ просьбою исходатайствовать у императрицы позволеніе брату его жить въ Россіи. Но Бестужевъ, вмѣсто ходатайства, представилъ, что этотъ братъ Кейта главный заводчикъ шотландскаго возстанія въ пользу Стюартовъ, и если онъ найдетъ покровительство у императрицы, то это должно повести къ холодности между Россіею и Англіею, которая чрезъ это получитъ право давать убѣжище русскимъ измѣнникамъ. Притомъ подозрительно, не нарочно ли Кейтъ подосланъ Французами, чтобъ именно произвести охлажденіе между Россіею и Англіею, ибо странно, зачѣмъ ему ѣхать въ Россію, когда онъ могъ жить во Франціи или Испаніи. На этомъ основаніи Кейту было отказано въ просьбѣ о братѣ; онъ обидѣлся. Назначенъ былъ на помощь союзникамъ тридцатитысячный корпусъ—и начальство надъ нимъ было поручено князю Репнину. Кейтъ обидѣлся, почему не ему, и сталъ просить увольненія отъ службы. Тщетно канцлеръ писалъ ему, что обижаться нечѣмъ: Репнинъ моложе его, а ему, Кейту, и Леси поручается дѣло более важное,—защищать границы имперіи: Кейтъ въ 1747 году настоялъ на своемъ увольненіи, представляя, что онъ оставляетъ русскую службу вовсе не по неудовольствію, а потому, что ему необходимо переселиться въ Англію; но, вмѣсто того, онъ перешелъ въ службу къ Прусскому королю [2]).

[1]) Раумеръ II, 400.

[2]) Архивъ князя Воронцова II, 577 и слѣд.

11 октября въ „Вѣдомостяхъ", которыя были отданы подъ цензуру конференцъ-секретаря Волкова, появилось извѣстіе, что „приготовленія къ отправленію многочисленной арміи на помощь союзникамъ ея императорскаго величества съ необыкновенною ревностью продолжаются. Несмотря на то, что въ Ригѣ находится уже весьма знатная часть артиллеріи, отправлено туда еще изъ здѣшняго арсенала на мореходныхъ судахъ великое число осадной. Въ то же время съ крайнимъ поспѣшеніемъ на разставленныхъ нарочно по дорогѣ подводахъ везутъ изъ Москвы тридцать новыхъ гаубицъ. Главный командиръ сей арміи, его превосходительство, генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, къ отъѣзду своему въ Ригу находится совсѣмъ въ готовности, куда отправленный напередъ его полевой экипажъ уже прибылъ. Пребываніе же здѣсь (въ Петербургѣ) его превосходительства походу арміи ни мало не препятствуетъ. Оная теперь за границу уже дѣйствительно выступаетъ; а его превосходительство, будучи здѣсь на мѣстѣ ближе къ полученію всевысочайшихъ ея императорскаго величества резолюцій о всемъ, что къ лучшему тамъ многочисленной команды управленію принадлежитъ, разсылаетъ во всю оную ордеры съ столь большимъ поспѣшеніемъ, а самъ всегда довольно скоро къ оной прибыть можетъ, ибо нарочныя подводы по дорогѣ для его превосходительства разставлены. Прошедшаго понедѣльника имѣлъ честь сей фельдмаршалъ представить ея императорскому величеству находящихся здѣсь донынѣ господъ генераловъ для прощанія, кои потомъ немедленно каждый къ своимъ полкамъ отправились. Тоже и всему прочему генералитету и офицерамъ накрѣпко подтверждено немедленно при своихъ мѣстахъ быть. Ея императорское величество хотя исполняетъ уже такимъ образомъ сугубо принятыя съ высокими своими союзниками обязательства, однакожь въ предусмотрительномъ разсужденіи, дабы въ случаѣ надобности какъ отправляемую въ походъ армію усилить, такъ и обширныя границы прикрывать, указала ея величество формировать новый запасный корпусъ регулярнаго войска до 30,000 человѣкъ, и сіе весьма важное и великое дѣло ввѣрить и поручить въ полную диспозицію и управленіе его сіятельства генералъ-фельдцейгмейстера и кавалера графа Петра Ивановича Шувалова. Потребные о томъ указы уже во всѣ мѣста даны, и по учиненному къ тому дѣйствительно началу отъ ревности его сіятельства и извѣстной благоразумной диспозиціи несумнѣнно надѣяться можно, что сей новый изъ наилучшихъ войскъ составленный корпусъ будущею весною готовъ будетъ вездѣ употребленъ быть, гдѣ всевысочайшая ея императорскаго величества служба того потребуетъ".

Въ этихъ извѣстіяхъ любопытно выраженіе: „Пребываніе же здѣсь его превосходительства походу арміи ни мало не препятствуетъ". Хотѣли успокоить общество, прекратить толки о томъ, что ка-

кая же это война, когда главнокомандующій спокойно живетъ въ Петербургѣ. Апраксину дѣйствительно не хотѣлось ѣхать къ войску во время болѣзни Елисаветы, ибо, будучи хорошъ со всѣми, онъ зналъ какъ война непріятна молодому Двору и канцлеру. Апраксинъ даже присылалъ спрашивать великую княгиню—ѣхать ли ему къ арміи или оставаться, и получилъ въ отвѣтъ, что если останется, то это будетъ знакомъ его преданности къ ней. Апраксинъ жаловался императрицѣ на плохое состояніе войска; Елисавета была этимъ сильно взволнована и, обратясь къ Петру Ив. Шувалову, сказала: „Вы преувеличиваете мои силы въ моихъ глазахъ; Бога вы не боитесь, что такъ меня обманываете!“ Послѣ этого Петръ Ив. Шуваловъ цѣлую недѣлю не пускалъ Апраксина говорить съ императрицею, и Ив. Ив. Шуваловъ выговаривалъ ему, зачѣмъ напугалъ больную Елисавету [1]). Но когда императрица выздоровѣла, нельзя стало больше медлить.

26 октября Апраксинъ *съ фамиліею* обѣдалъ у императрицы, 28—у великаго князя; вечеромъ того же дня имѣлъ приватную аудіенцію у императрицы для принятія послѣднихъ ея повелѣній; 30 числа отправился въ Ригу къ войску; вслѣдъ за нимъ отправился пажъ, который вручилъ ему отъ императрицы дорогой соболій мѣхъ съ богатою парчею; потомъ посланъ былъ къ нему серебряный сервизъ въ 18 пудовъ вѣсомъ. Чтобъ Русскіе люди сочувствовали войнѣ, какъ справедливой, съ послѣднихъ нумеровъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ началось печатаніе „Писемъ отъ партикулярнаго человѣка къ другу своему о нападеніи короля Прусскаго на Саксонію“, гдѣ между прочимъ говорилось: „Можете ли вы мнѣ изо всей исторіи хотя одинъ такой примѣръ показать, чтобы самые горшіе варвары такихъ людей до смерти били и землю ихъ разоряли, которые имъ ни мало не противятся? Королю Прусскому можно, крайней хитрости слово выискавъ, такое имъ разумѣніе съ толкомъ дать, какое его величеству самому угодно, только ужь состояніе дѣлъ перемѣнить отнюдь нельзя. Цѣлый свѣтъ о дѣлахъ его не по краснымъ цвѣтамъ тѣхъ словъ, которыми онъ предпріятія свои застилаетъ, а по внутреннему качеству и добротѣ самыхъ дѣйствій разсуждать станетъ; а можетъ статься, что мы еще и такого времени доживемъ, когда всѣ европейскія державы устрашатся видѣть такого принца, который подъ ложными виды и закрытыми намѣряется вмѣсто праведныхъ законовъ такія отъ себя правила ввести, которыя, кромѣ ненасытнаго желанія и зависти, или кромѣ ложнаго мнѣнія о славѣ, другого основанія себѣ не имѣютъ. А сія страсть въ такомъ монархѣ крайне опасна, который свою власть и силу на зло употребляетъ. Эта пагубная страсть современемъ, всеконечно, къ погибели его приведетъ“.

[1]) Переписка Екат. съ Уильямсомъ.

Начинали войну, но очень хорошо знали, что „деньги суть нервъ войны“. На фейерверкѣ, сожженномъ 1 января, былъ представленъ храмъ, у обоихъ входовъ котораго стояли на-стражѣ—съ одной стороны Сила и Богатство, а съ другой—Героическое намѣреніе и Постоянство. Два послѣдніе стража представляли твердую рѣшимость Елисаветы подать помощь союзникамъ и сдержать властолюбивые, опасные и для Россіи замыслы Прусскаго короля. Сознавали, что для выполненія этого намѣренія необходимы были сила и богатство. Сила представлялась войскомъ, которое уже двинулось къ границамъ, и для пополненія его рядовъ назначенъ былъ рекрутскій наборъ. Оставался послѣдній и чрезвычайно важный стражъ храма—Богатство, финансовыя средства для веденія войны. Мы видѣли, какія мѣры были приняты для увеличенія доходовъ, именно на случай войны. Вычислили, что одна изъ этихъ мѣръ, касавшаяся винной продажи, круглымъ числомъ приносила прибыли 73,643 руб. Въ апрѣлѣ для предстоящихъ воинскихъ расходовъ выдача прибыльныхъ денегъ съ соляной продажи на уменьшеніе подушной подати была прекращена. Въ сентябрѣ Сенатъ приказалъ: для нынѣшней въ деньгахъ надобности наложить на соль по 15 копѣекъ на пудъ, а на вино—по 35 копѣекъ на ведро, и продавать соль вездѣ, кромѣ Астрахани и Краснаго Яра, по 50 копѣекъ пудъ, а вино вездѣ, кромѣ Остзейскихъ губерній, Малой Россіи и Слободскихъ полковъ, въ кружки и чарки по 2,33½ копѣйки ведро, а ведрами гривною дешевле. Но на другой день пріѣхалъ въ Сенатъ Петръ Ив. Шуваловъ, и при подписаніи журнала рѣшено дополнить: у Архангельска продавать промышленникамъ соль изъ казны по 35 копѣекъ пудъ. Чрезъ мѣсяцъ, по предложенію генералъ-прокурора, Сенатъ приказалъ: по нынѣшней надобности въ деньгахъ, собрать изъ всѣхъ городовъ и выслать въ Штатсъ-Контору наличную денежную казну, какихъ бы сборовъ ни было, кромѣ подушныхъ, соляныхъ, винныхъ и положенныхъ на Адмиралтейство. Камеръ-Коллегія доносила, что въ 1755 году было продано водки меньше противъ прежняго на 15,299 ведеръ, а простого вина—на 59,077 ведеръ, пива и меду больше на 139,084 рубля, вообще же противъ 1749 года выручено отъ продажи крѣпкихъ напитковъ больше на 1.402,569 рублей. Съ 1747 года подушной доимки оказалось 582,441 рубль 48¾ копѣйки; это по присланнымъ изъ коллегій и канцелярій вѣдомостямъ, а по вѣдомостямъ коммисаріатскимъ—431,764 рубля 86¼ копѣекъ. Кабацкихъ, конскихъ и другихъ пошлинъ въ недоборѣ съ 1730 года оказалось 3.268,297 рублей 57½ копѣекъ [2]).

Когда, *по настоящей надобности въ деньгахъ*, начали думать, какъ бы сократить расходы, то, вспомнивъ предложеніе Петра Ив. Шувалова на-

[2]) Журналы и протоколы Сената: 2 и 3 апрѣля, 3 и 4 сентября, 2 и 3 октября, 22 ноября.

счетъ безконечно тянущихся коммисій, имѣли разсужденіе въ Сенатѣ, что по разнымъ дѣламъ для слѣдствія во многихъ мѣстахъ учреждены коммисіи, которыя продолжаются чрезвычайно, отчего виноватые остаются безъ наказанія, а казна несетъ напрасный убытокъ, и приказали: коммисіямъ репортовать въ Сенатъ каждый мѣсяцъ о томъ, что въ нихъ происходитъ, и если изъ репортовъ хотя мало усмотрѣно будетъ напрасное продолженіе, то члены коммисіи подвергнутся штрафу. Вслѣдствіе этого приказанія, Коммисія о раскольникахъ донесла, что она до сихъ поръ продолжается за неполученіемъ резолюцій на посланные ею въ Синодъ представленія. Сенатъ постановилъ: требовать, чтобъ Св. Синодъ соблаговолилъ дать резолюціи [1].

Хлопотали, чтобъ не было проволочки дѣлъ въ коммисіяхъ, а тутъ генералъ-прокуроръ предлагаетъ Сенату донесеніе прокурора Вотчинной Коллегіи, что онъ почти ежедневно представляетъ Коллегіи о безволокитномъ рѣшеніи дѣлъ по подаванію голосовъ безъ замедленія, но его представленія не имѣютъ никакого дѣйствія; вице-президентъ Камынинъ не подаетъ голоса; а если голосъ и пришлетъ, то журналовъ не подписываетъ, отзываясь болѣзнью; безъ его же голоса присутствующіе дѣлъ не рѣшаютъ. По многимъ дѣламъ явныя секретарскія къ челобитчикамъ прицѣпки, а другимъ понаровки, при докладѣ слѣдующаго въ пользу челобитчика не доложитъ, и по представленіямъ прокурора отвѣта у секретаря не берется; журналы и опредѣленія долгое время не сочиняются; по одному дѣлу журналъ былъ написанъ и отданъ секретарю Цурикову; но тотъ, на вопросъ прокурора о журналѣ, отвѣчалъ, что и журналъ и дѣло все онъ потерялъ. Та же Вотчинная Коллегія чрезъ нѣсколько времени донесла, что въ ней приказныхъ служителей 107 человѣкъ, въ томъ числѣ престарѣлыхъ и дряхлыхъ 24, а за такимъ малолюдствомъ челобитчикамъ несносная волокита; служители эти содержатся безвыходно; въ 1728 году было ихъ болѣе 400 человѣкъ, и потому Коллегія требовала прибавить, по крайней мѣрѣ, еще 100 человѣкъ Сенатъ приказалъ: исправляться наличными приказными служителями, ибо ихъ изъ другихъ мѣстъ взять нельзя, чтобъ и тамъ въ дѣлахъ остановки не сдѣлать [2].

Позволили себѣ сдѣлать одну прибавку: по представленію Медицинской Канцеляріи, Сенатъ велѣлъ опредѣлить въ Москву, по немалой обширности города, двухъ докторовъ, одного—при губернской канцеляріи, а другого—при магистратѣ, и при губернской канцеляріи еще одного лѣкаря. Надобно было увеличить число медиковъ, потому что знахари морили народъ въ Москвѣ: такъ, было донесено, что священникъ отъ Троицы въ Серебряникахъ былъ боленъ лихорадкою; знахарь-крестьянинъ далъ ему порошокъ, отъ котораго священникъ умеръ; оказалось, что порошокъ былъ изъ мышьяка [3].

Два извѣстія относительно почты всего лучше покажутъ намъ положеніе бѣднаго и малолюднаго государства. Отъ Москвы до Саратова была учреждена почта; но указы въ Саратовъ приходили очень медленно; одинъ сенатскій указъ шелъ безъ трехъ дней два мѣсяца, а другой—полтора мѣсяца. Курьеры жаловались, что на почтовыхъ станахъ лошадей держатъ очень худыхъ, такъ-что иныя и до половины стана не доходятъ. Императрица приказала привезти изъ Москвы въ Петербургъ лучшихъ дьяконовъ въ середу или, по крайней мѣрѣ, въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, и баронъ Черкасовъ требовалъ, чтобъ на почтовыя подводы подорожныхъ никому ни для какихъ дѣлъ не давали до тѣхъ поръ, пока дьяконы будутъ привезены въ Петербургъ [4].

Кромѣ траты людей и денегъ, война имѣла еще ту невыгоду для малолюднаго государства, что какъ скоро войска очищали внутреннія области для заграничнаго похода, то немедленно усиливались разбои. Въ Петровскомъ и Пензенскомъ уѣздахъ разбойники шайками отъ 60 до 150 человѣкъ начали разбивать дома, жечь и рѣзать людей; въ Шацкомъ уѣздѣ, пріѣхавъ въ Моршу въ казачьемъ и драгунскомъ платьи, разбойники напали на Дворцовую контору и пограбили до 2,000 рублей. На Окѣ, выше Нижняго, появились въ двухъ лодкахъ разбойники до 80 человѣкъ съ шестью пушками; войско правительства схватилось съ ними и потеряло 27 человѣкъ убитыми, 5 ранеными, а изъ разбойниковъ убито было 6 человѣкъ; кромѣ этой шайки, плавали еще двѣ лодки съ 30 разбойниками, въ согласіи съ первою партіею; всѣ они хотѣли вмѣстѣ плыть до Астрахани и дорогою разбойничать. Алаторская провинціальная канцелярія доносила, что въ городѣ солдатъ 96 человѣкъ, изъ которыхъ большая часть стары, дряхлы и увѣчны, ружья—ни одного, пороху, свинцу, шпагъ также не имѣется, а въ мартѣ мѣсяцѣ ночью разбойники напали на провинціальный магистратъ и взяли казны 949 рублей. Такія же вѣсти пришли изъ шацкой канцеляріи. Осенью многочисленные разбойники разграбили вотчину Петра Ив. Шувалова въ Московскомъ уѣздѣ, деревню Чуваксину; крестьянъ били и жгли [5].

Кромѣ борьбы съ разбойниками, надобилось войско для исполненія печальной обязанности усмиренія монастырскихъ крестьянъ, которые возставали все чаще и чаще. Въ Шацкомъ уѣздѣ возмутились крестьяне Новоспасскаго монастыря; поѣхалъ къ нимъ драгунскій капитанъ съ командою. Когда драгуны расположились у монастырскаго двора, то подлѣ него стали крестьяне, человѣкъ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 18 іюля и 5 августа.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 4 марта и 1 іюля.
[3]) Журналы и протоколы Сената, 4 марта и 30 января.
[4]) Журналы и протоколы Сената, 7 марта и 5 апрѣля.
[5]) Журналы и протоколы Сената, 27 мая, 11 іюня, 8 августа и 3 октября.

*

100, и когда капитанъ объявилъ имъ указъ о забраніи ихъ подъ караулъ, то они сказали: „У васъ указъ воровской, вы наемщики, взяли деньги". Раздался крикъ: „Бей всѣхъ дубьемъ"! Ударили всполохъ, сбѣжалось крестьянъ болѣе 1,000 человѣкъ, бросились на драгунъ и начали ихъ бить дубьемъ; капитанъ вырвался и съ четырмя драгунами ушелъ въ избу; крестьяне начали къ ней приступать, бросать въ окно жердями и полѣньями; капитанъ выпалилъ изъ ружья: крестьяне закричали: „Пужаетъ! ломай избу и зажигай"! Капитанъ выпалилъ вторично въ окно и одного крестьянина убилъ наповалъ; но, видя, что избу ломають, испугался и вышелъ вонъ; крестьяне схватили его, били безъ милости и приковали къ ногѣ убитаго имъ мужика; остальныхъ драгунъ сковали и посадили при томъ же мертвомъ тѣлѣ; деревенскія бабы подходили къ драгунамъ и били ихъ по щекамъ, а мужчины кричали: „Хотя бы и два полка были присланы, и тутъ взять не дадимъ".

Команды надобились и для того, чтобъ удерживать раскольниковъ отъ самосожженія. Обыватели разныхъ деревень Чеускаго острога собрались въ деревню Мальцову *къ сожженію*. Для увѣщанія ихъ отправились Томскій воевода Бушневъ и Чеускаго острога управитель Копьевъ съ командою; они нашли девять избъ и вокругъ нихъ сажени въ три палисадникъ съ немалымъ укрѣпленіемъ. На увѣщанія воеводы и управителя раскольники, запершіеся въ этихъ избахъ, отвѣчали: „Мы за вѣру Христову и за крестъ двоеперстнаго сложенія собрались страдать и обратиться не желаемъ"; сказавши это, зажглись,—и сгорѣло мужского и женскаго пола 172 человѣка, да сверхъ того извѣстные злоучители Семенъ Шадринъ, Ѳедоръ Нѣмчиновъ и съ ними еще третій неизвѣстный злоучитель; только одинъ крестьянинъ—Кубышевъ—вылѣзъ черезъ заборъ едва живой, обгорѣлый [1]).

Надобность въ войскѣ заставила обратить особенное вниманіе на однодворцевъ, образовавшихся преимущественно изъ разнаго названія мелкихъ служилыхъ людей, испомѣщенныхъ на старыхъ украинскихъ, то-есть пограничныхъ съ степью мѣстахъ. Петръ Ив. Шуваловъ подалъ въ Сенатъ мнѣніе: „О безпорядкахъ, каковы происходятъ за неимѣніемъ объ однодворцахъ учрежденія". Однодворцы, говорилось въ мнѣніи, никому въ особливое смотрѣніе не поручены, а находятся въ вѣдомствѣ у воеводъ; а какимъ образомъ воеводамъ однодворцевъ содержать, попеченіе о нихъ имѣть и отъ обидъ защищать и о распространеніи ихъ экономіи стараться,—кромѣ генеральной воеводской инструкціи, ничего не предписано, и сами воеводы надлежащаго смотрѣнія за ними, какъ слѣдуетъ экономамъ, не имѣютъ, но содержатъ ихъ, какъ и прочихъ уѣздныхъ жителей, по ихъ поселеніямъ для осмотра и распоряженій не ѣздятъ, а нѣкоторые хотя и ѣздятъ, но болѣе для своихъ прихотей, отчего однодворцамъ отъ взятія подводъ и прочаго происходитъ болѣе разоренія, чѣмъ пользы. Прошлаго 1755 г., по просьбамъ однодворцевъ о защитѣ ихъ отъ обидъ и разореній, причиняемыхъ воеводскими канцеляріями, сыщиковыми командами и вальдмейстерами, Сенатъ велѣлъ опредѣлить къ нимъ и къ прочимъ государственнымъ крестьянамъ особенныхъ управителей, по примѣру устройства дворцовыхъ волостей; только во всѣ города Воронежской и Бѣлгородской губерній такихъ управителей на самомъ дѣлѣ еще не опредѣлено. Потому Шуваловъ предлагалъ поручить отправляющемуся въ тѣ губерніи генералу Ушакову во всѣхъ городахъ, по желанію и выбору однодворцевъ, опредѣлить управителей изъ штабъ и оберъ-офицеровъ надежныхъ и доброй совѣсти людей, а такихъ, которые прежде были въ губерніяхъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ и вышли изъ секретарей и другихъ чиновъ въ штабъ и оберъ-офицерскіе ранги, въ управители не опредѣлять, и кто теперь опредѣленъ изъ такихъ чиновъ,—отрѣшить, а въ помощь городовымъ управителямъ въ селахъ и деревняхъ назначить изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и капраловъ или изъ первостатейныхъ однодворцевъ, людей доброй совѣсти, съ общаго выбора. Сенатъ согласился [2]).

Малороссія съ своимъ казацкимъ войскомъ также должна была принять участіе въ войнѣ, хотя ея гетманъ намѣревался играть важную роль въ Петербургѣ не въ качествѣ предводителя казаковъ, а въ качествѣ гвардейскаго подполковника. Безсознательно, по личнымъ отношеніямъ, Кирилла Разумовскій потребовалъ уничтоженія неправильности въ отношеніяхъ Малороссіи къ Россійской имперіи: съ возстановленіемъ гетманства, Малороссія опять подчинена была Иностранной Коллегіи, подобно Калмыкамъ и Киргизамъ, имѣвшимъ своихъ владѣльцевъ. Вражда къ президенту Иностранной Коллегіи, великому канцлеру Бестужеву, заставила Разумовскаго просить, чтобъ его изъяли изъ вѣдомства Иностранной Коллегіи и перевели въ вѣдомство Сената; императрица исполнила его просьбу. Главную заботу правительства на Южной Украйнѣ составляли Запорожцы. Привыкнувъ къ степному приволью, не зная границъ своимъ владѣніямъ, они начали теперь жаловаться, что ихъ тѣснятъ. Сенатъ по поводу ихъ жалобъ приказалъ перенесть запорожскіе зимовники, находящіеся по сю сторону рѣчки Самоткани, куда-нибудь въ другое мѣсто въ запорожскихъ же дачахъ, чтобъ никакихъ ссоръ, особенно же гайдамацкаго воровства не было, ибо гайдамаки имѣли здѣсь пристанище: гетманъ, потребовавши объ этомъ отъ кошеваго мнѣнія и разсмотря его, представилъ бы о немъ въ Сенатъ, съ приложеніемъ собственнаго своего мнѣнія. Видя, что, вслѣдствіе неопредѣленности границъ, новые переселенцы придвигаются все ближе

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 19 сентября и 10 октября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 15 ноября.

и ближе къ Сѣчи, Запорожцы просили, чтобъ у старосамарскихъ жителей отнято было право владѣть мѣстами по рѣкѣ Самарѣ и чтобы даны были Запорожскому войску грамоты на всѣ владѣемыя имъ съ давнихъ временъ земли. Имъ отвѣчали, что въ Сенатѣ нѣтъ точнаго извѣстія и описанія этихъ земель, и что грамоты 1688 года и универсалъ 1655 года, на которые Запорожцы ссылались, не отыскались ни въ Малороссійскихъ дѣлахъ въ Петербургѣ, ни въ Архивѣ Иностранной Коллегіи въ Москвѣ. Запорожцы писали, что, когда гетманъ Богданъ Хмельницкій поддался подъ Русскую державу, въ то время войско Запорожское владѣло рѣкою Днѣпромъ отъ Переволочной и всѣми впадающими въ Днѣпръ рѣками, особенно же Самарью, и по ней лѣсами и степями. Это, отвѣчалъ Сенатъ, войско Запорожское представляетъ весьма напрасно, потому что когда гетманъ Хмельницкій пришелъ въ подданство, въ то время всѣ города, села и деревни и войско Запорожское состояло въ одной дирекціи гетманской, и между Малою Россіею и войскомъ Запорожскимъ границы не было; но гдѣ были пустыя земли, тамъ какъ Запорожскимъ, такъ и Малороссійскимъ казакамъ не запрещалось держать пасѣки, рыбу и звѣря ловить, а на Сѣчи Запорожской въ то время никакихъ мѣстъ и селеній особливыхъ не бывало. Сенатъ приказалъ, чтобъ гетманъ, комендантъ крѣпости Св. Елисаветы и Запорожское войско назначили особыхъ людей, которые должны сдѣлать описаніе всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ, положить на карту и представить въ Сенатъ. Въ то же время правительство давало чувствовать Запорожью, что полная независимость при выборахъ должностныхъ лицъ не будетъ имъ допущена. Гетманъ донесъ Сенату, что въ Сѣчи на сходкѣ атаманомъ опредѣленъ прежній Григорій Өедоровъ, а судья, писарь и есаулъ новые, и что эту перемѣну казаки сдѣлали, не давши знать ему, гетману; онъ велѣлъ кошевому и старшинѣ прислать отвѣтъ, на какомъ основаніи это сдѣлано. Сенатъ одобрилъ распоряженіе Разумовскаго [1]).

На Восточной украйнѣ, среди магометанскаго народонаселенія сочли нужнымъ сдѣлать такое распоряженіе: въ Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской и Сибирской губерніяхъ, гдѣ Татары-магометане живутъ особыми деревнями, если въ этихъ деревняхъ Русскихъ и новокрещенъ нѣтъ, а магометанъ по нынѣшней ревизіи написано мужескаго пола отъ двухъ до трехъ сотъ въ каждой, позволять въ нихъ строить мечети, гдѣ нѣтъ или были сломаны по указу 1744 года. Если въ татарской деревнѣ живутъ новокрещенные, которыхъ наберется десятая часть, то ихъ всѣхъ вывесть въ другія деревни и поселить вмѣстѣ съ крещеными; если же въ деревнѣ будетъ новокрещенъ больше десятой части, то ихъ не переводить, а въ этой деревнѣ мечети не строить. Попечитель надъ новокрещеными, статскій совѣтникъ Вячесловъ, писалъ, что въ Казанской губерніи во всѣхъ иновѣрческихъ деревняхъ новокрещеные живутъ съ некрещеными, и не только въ каждой деревнѣ, но и въ однихъ домахъ и семьяхъ при отцахъ некрещеныхъ — дѣти новокрещеныя, а въ иныхъ дворахъ отцы новокрещены, а дѣти иновѣрцы, отчего происходитъ немалый соблазнъ, да и священникамъ въ такіе домы для обученія христіанскому закону и со всякими требами входить нельзя. Сенатъ отвѣчалъ на это прежнимъ распоряженіемъ: крещеныхъ переселить въ другія деревни христіанскія; а если крещеныхъ больше десятой части, то вывесть некрещеныхъ въ деревни магометанскія [2]).

Позволеніе строить мечети при извѣстныхъ условіяхъ было слѣдствіемъ прошлогодняго бунта Башкирцевъ, которые поднялись подъ религіознымъ знаменемъ, выставляя основною причиною неудовольствія притѣсненія магометанской вѣрѣ; главнымъ возмутителемъ былъ мулла Батырша. Въ описываемомъ году Батырша былъ, наконецъ, пойманъ съ одиннадцатью учениками и отправленъ въ Тайную Канцелярію, гдѣ написалъ любопытный разсказъ о своихъ похожденіяхъ. „По окончаніи моей науки жилъ я около полутора года въ Каинской волости, въ деревнѣ муллы Илша, а потомъ во-свояси возвратился и въ деревнѣ Карышъ около шести лѣтъ жилъ, робятъ обучалъ и поповскую должность отправлялъ, о Законѣ Божіемъ толковалъ. Около здѣшнихъ мѣстъ россійскіе архіереи, попы и другіе насильствомъ, нападками, лукавствомъ въ христіанскій законъ обращаютъ; за обращенныхъ въ христіанство магометане должны ясакъ платить; изъ казны Господа Бога, изъ горъ и озеръ соль брать запретили, изъ городовъ покупать принудили. Когда нѣкоторые старшины объявили, что изъ городовъ брать соль не желаютъ, то командиры бранили ихъ, по щекамъ били, за бороду таскали. Въ городъ ѣхать суда просить народъ никакой уже надежды не имѣетъ; которое дѣло можно было въ одинъ день кончить, — мѣсяцъ таскали, а которое въ мѣсяцъ можно было кончить, — изъ взятокъ годъ продолжали. Нѣкоторые злые старшины съ народа взятки брали и, напившись пьяны, людей саблями рубили и много обижали; а когда на нихъ суда просили, то не получали. Во время проѣзда съ дѣлами Русскихъ людей битьемъ, мученіемъ, взятками, воровствомъ неизреченныя обиды показаны, излишнія подводы требованы, проводниковъ драгуны смертельно бьютъ. Бѣдный народъ никакой себѣ надежды не имѣетъ. Народъ негодовалъ, и разнесся слухъ, что Башкирцы Ногайской, Сибирской и Асинской дорогъ оружіе готовятъ, — а зачѣмъ? — Богу извѣстно. Чтобъ провѣдать о причинѣ, поѣхалъ я въ Исецкую провинцію, въ деревню старшины Муслима, будто въ гости. Жители деревни воздали мнѣ великую честь,

[1]) Журналы и протоколы Сената, 18 января, 1 апрѣля и 10 октября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 8 марта.

изъ окрестныхъ деревень муллъ и другихъ людей призвали, и всѣ, стоя на колѣняхъ, поученія мои слушали. Пріѣхали въ гости и Мещеряки; всѣ напились кумыса допьяна и начали толковать, что соль и звѣриныя ловли имъ запрещены, невѣрные Русскіе крестятъ мусульманъ въ свою вѣру, отъ командировъ и генераловъ никакой милости нѣтъ, и неизреченныхъ тягостей терпѣть больше нельзя; хуже что можетъ ли быть, когда изъ настоящей вѣры въ ложную обращаютъ, ибо каждый человѣкъ свою вѣру любитъ. Русскихъ, которые насильно изъ магометанства обращали и мечети разоряли, на вѣсахъ разума съ справедливымъ золотникомъ надобно судить такъ же, какъ и мусульманъ, которые бы христіанъ въ свою вѣру привели и церкви разорили, ибо всѣ мы—рабы императрицы; когда же государынина милость къ рабамъ неровна будетъ, то легкомысленные люди разсуждали, что впредь уже ожидать нечего: станемъ и мы вѣру ихъ ругать и въ свою обращать и имѣніе ихъ грабить. Тайкомъ старшинѣ Муслиму я говорилъ. „День-за-день добро ли умножается или зло?" Тотъ отвѣчалъ: „Самому тебѣ извѣстно, отъ мученія невѣрныхъ затылокъ у меня переломился, чтобъ Господь Богъ и у нихъ затылокъ переломилъ и упованіе ихъ пресѣкъ!" Выразумѣвъ эти происхожденія, началъ я писать наставительныя и разжигательныя письма по силѣ изображенія въ книгахъ нашихъ.

„Былъ у Мещеряковъ старшина Янышъ, который никогда Богу не маливался; каждый годъ съ своими сотниками не поочереди людей въ походъ писалъ, которые должны были откупаться; вора не судилъ, истца мириться принуждалъ; гдѣ-бъ ни увидалъ красивую женщину, насильствомъ блудъ чинилъ; билъ людей, которые не хотѣли идти къ нему подъ судъ, а требовали суда ахуновъ и муллъ, судящихъ по книгамъ; а если кого надобно было отослать къ мулламъ, то приказывалъ послѣднимъ рѣшить дѣло такъ, какъ ему хотѣлось. Я сужу праведнымъ судомъ, и за то ученые люди и народъ хотѣли меня сдѣлать ахуномъ надъ всѣми жителями Сибирской дороги; Янышъ противился, но не успѣлъ. День-за-день между народомъ вѣдомости и слова умножались, что, какъ лошадей откормятъ, народъ поднимется. Лѣто наступило, земля просохла и указъ пришелъ, чтобъ Янышъ съ командою скоро на коней садился, ибо Ногайской дороги Башкирцы встали, такъ шелъ бы на нихъ. Я пошелъ къ Янышу съ представленіемъ несчастнаго положенія народа, который, какъ птицы, испугавшись кречета, отлетѣть изготовились. „Все знаю", отвѣчалъ Янышъ, „нападки день-ото-дня умножаются: до сихъ поръ даромъ или за малыя деньги можно было доставать деготь, который для выдѣлки кожъ употребляли; теперь запретили употреблять деготь, велѣли изъ городовъ рыбій жиръ брать, и, вмѣсто двухъ рублей, двадцать издерживаемъ. Слухъ носится, что изъ правовѣрныхъ державъ должно прибыть войско: тогда и сдѣлаемъ дѣло; а теперь однимъ встать нельзя, будемъ задавлены множествомъ Русскихъ; Башкирцамъ же ничего не будетъ: тотчасъ съ женами и дочерьми сядутъ на лошадей и какъ вѣтеръ перелетятъ". Я говорилъ: „Если около насъ находящіеся степные и по лѣсамъ живущіе Башкирцы за вѣру возстанутъ, то мы, одни Мещеряки, изъ жилища нашего выйти способа не сыщемъ и драться съ многолюдными мусульманами не можемъ, также и кровь ихъ проливать въ книгахъ нашихъ правила не сыщемъ". — „Если мусульмане усилятся, то мы соединимся съ ними, а теперь лучше подождать", отвѣчалъ Янышъ. Я побранился съ нимъ за это, назвалъ его лисицею, наполненною коварствомъ: когда собака ее догоняетъ, то хвостомъ и направо и налѣво вертитъ. Янышъ говорилъ мнѣ на это: „Слова твои съ книгами и разумомъ сходны; но у старыхъ людей пословица есть, и та съ книгами не сходна, я тебѣ говорю: потерпи, безвременное дѣло непристойно бываетъ; ты своихъ рѣчей народу не разглашай, ибо народъ, что мухи, въ которую сторону вѣтеръ подуетъ, туда и летятъ". Я рѣшился потерпѣть и съѣздить въ Оренбургъ за вѣстями; пришелъ за паспортомъ къ писарю Кузьмѣ: тотъ въ старомъ паспортѣ выскребъ имя и, написавъ мое имя, отдалъ мнѣ; потомъ попотчивалъ крѣпкимъ медомъ и сказалъ: „Слухъ носится о прибытіи войскъ изъ правовѣрныхъ державъ, и что Россія опасность имѣетъ. На дорогѣ въ Оренбургъ встрѣтилъ я Башкирцевъ Бурзянской волости, которая вся бѣжала; они говорили: „Злой воръ, заводскій командиръ имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ. Волость, не стерпѣвъ, заводскаго командира убила и побѣжала. Неоднократно народъ нашъ на того заводскаго командира ѣздилъ съ жалобою къ дьяволу мурзѣ (генералу Тевкелеву); но никакой пользы не получали". По возвращеніи изъ Оренбурга, Батырша продолжалъ поджигать своихъ магометанъ къ бунту; ему дали знать, что Русскіе провѣдали объ этомъ и хотятъ его схватить. Батырша бѣжалъ съ женою, дѣтьми и учениками своими; потомъ долженъ былъ разстаться съ семействомъ, и только съ однимъ ученикомъ отправился въ Казанскій уѣздъ, питаясь милостынею и называясь ученикомъ; муллою его нигдѣ не принимали вслѣдствіе запрещенія отъ правительства; цѣлую зиму провелъ въ ямѣ; лѣтомъ опять пошелъ за милостынею по деревнямъ; наконецъ долженъ былъ разлучиться и съ послѣднимъ товарищемъ, возвратился одинъ домой, — и тутъ былъ пойманъ [1]).

Хотя, какъ мы видѣли [2]), Неплюевъ писалъ, что, благодаря произведенной имъ враждѣ между Киргизами и Башкирцами, Россіи нечего бояться ихъ связи, не всѣ однако Башкирцы ушли отъ

---

[1]) Дѣла Тайной Канцеляріи 1756 года.

[2]) См. выше, Исторія Россіи кн. V. т. XXIII, стр. 827.

Киргизовъ и нѣкоторые разбойничали съ ними вмѣстѣ; правительство положило срокъ ихъ возвращенію, и все болѣе и болѣе отдаляло этотъ срокъ—знакъ, что желательное возвращеніе было медленно. Мы видѣли жалобы Батырши на притѣсненія; въ широкихъ степяхъ русскихъ украйнъ дѣйствительно издавна разнуздывалось своеволіе всякаго сильнаго человѣка еще гораздо больше, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ; но Батыршѣ не слѣдовало бы очень жаловаться на Русскихъ, когда онъ такъ неосторожно выставилъ поведеніе туземнаго старшины Яныша. Что можно было дѣлать въ степяхъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ Уфимскомъ уѣздѣ явился неизвѣстный человѣкъ, который называлъ себя капитанъ-поручикомъ Преображенскаго полка, Александромъ Петровичемъ Шуваловымъ, крестникомъ графа Петра; при немъ была Татарка, съ которою жилъ какъ съ женою, солдатъ и деньщикъ; однимъ разглашалъ онъ, будто посланъ графомъ Петромъ Шуваловымъ для пріема земель подъ мѣдные и желѣзные заводы; другимъ—будто опредѣленъ въ Уфимскій уѣздъ ко всѣмъ иновѣрцамъ воеводою; иновѣрцы повѣрили и приходили къ нему съ жалобами другъ на друга; онъ ихъ судилъ и осужденныхъ билъ плетьми, какъ слѣдуетъ.

Средняя Киргизская орда казалась опасною для сибирскихъ границъ, и потому Сенатъ распорядился, что для успокоенія ея генералъ Тевкелевъ долженъ повидаться съ ея ханомъ, Аблай-салтаномъ, также съ тамошнею знатною старшиною, и дать доброжелательнымъ двоимъ старшинамъ, для приласканія ихъ, въ подарокъ изъ казенныхъ вещей каждому рублей на сто. Впрочемъ, онъ доженъ секретно присматривать, не найдетъ ли какой возможности съ русской стороны эту орду привести въ несостояніе, сколько для того нужно войска употребить и въ какое время удобнѣе произвести это въ дѣйствіе, чтобъ впредь отъ этой орды для Сибирскаго края могла быть отнята вся опасность.

Въ Сибири убѣдились печальнымъ опытомъ, что хлѣбопашество, заведенное по Иртышской, Колыванской и Кузнецкой линіямъ, служитъ только въ тягость и разореніе тамошнимъ городовымъ казакамъ, также и крестьянамъ въ убытокъ. Неплюевъ былъ согласенъ въ этомъ съ Сибирскимъ губернаторомъ, почему Иностранная Коллегія подала мнѣніе, чтобъ казаковъ содержать на жалованьи и казенномъ провіантѣ. Но Сенату жаль было затраченныхъ издержекъ и онъ постановилъ: хлѣбопашество вовсе уничтожить не слѣдуетъ, а чтобъ людямъ дальнѣйшаго отягощенія и разоренія не было, класть на каждаго человѣка не свыше полуторы десятины и не меньше десятины въ каждомъ полѣ, а сверхъ того—кто сколько можетъ.

Не упускали случая поближе познакомиться съ Китаемъ: поручикъ геодезіи Владыкинъ представилъ въ Сенатъ отъ директора Китайскаго каравана Алексѣя Владыкина и отъ себя составленную имъ ландкарту китайскихъ губерній и провинцій, также планъ Пекина; при этомъ директоръ Владыкинъ доносилъ, что ландкарта и планъ были получены для срисованія изъ ханской библіотеки, на что издержано серебра 1,500 рублей. Сенатъ велѣлъ выдать ему эти 1,500 рублей, а карту и планъ хранить въ Секретной Экспедиціи [1]).

Глава II.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1757 годъ.

Договоръ Россіи съ Австріею 22 января.—Договоръ Австріи съ Франціею 1 мая.—Людовикъ XV не ратификуетъ секретной русской декларации.—Столкновенія Россіи съ Франціею по поводу Польши.—Взглядъ Бехтѣева на отношенія союзныхъ Дворовъ.—Назначеніе М. П. Бестужева-Рюмина посломъ во Францію; письмо его изъ Варшавы; пріѣздъ его во Францію и первая дѣятельность.—Маркизъ Лопиталь, французскій посолъ въ Петербургѣ.—Начало военныхъ дѣйствій.—Прусскіе шпіоны.—Неудовольствія въ Петербургѣ на медленность Апраксина; письмо къ нему канцлера Бестужева.—Переходъ русскаго войска за границу.—Гросъ-Егерсдорфская битва.—Отступленіе Апраксина послѣ побѣды.—Онъ смѣненъ Фермором въ главномъ начальствѣ надъ арміею.—Сношенія съ Австріею по поводу гоненія на Православныхъ въ австрійскихъ областяхъ.—Сношенія съ Англіею, Швеціею и Польшею.—Внутреннія распоряженія относительно войска и финансовъ.—Крестьянскія волненія.—Состояніе дѣлъ на украйнахъ.

Зима мѣшала движенію войскъ; но не мѣшала дипломатическимъ приготовленіямъ къ войнѣ. 22-го января былъ заключенъ въ Петербургѣ новый договоръ между Россіею и Австріею. Этимъ договоромъ подтверждался майскій договоръ 1746 года, причемъ отдѣльная и секретная статья майскаго договора становилась основаніемъ настоящаго соглашенія. Марія-Терезія обязывалась выставлять противъ Пруссіи во все продолженіе войны не менѣе 80,000 регулярнаго войска; Елисавета—тоже 80,000 регулярнаго войска, кромѣ того отъ 15 до 20 линейныхъ кораблей и, по крайней мѣрѣ, 40 галеръ. Договаривающіяся державы будутъ сообщать другъ другу подробныя и точныя свѣдѣнія о состояніи своихъ войскъ,

[1]) Протоколы Сената по Секретной Экспедиціи, 3 апрѣля, 31 мая, 9 января, 25 января.

перешлются взаимно генералами, которые будутъ имѣть право присутствовать и подавать голоса на военныхъ совѣтахъ; относительно общаго плана военныхъ дѣйствій будетъ взаимное соглашеніе. Такъ какъ Прусскій король въ настоящее время употребляетъ бо́льшую часть своихъ силъ противъ арміи императрицы-королевы, то императрица Всероссійская обязывается какъ можно скорѣе двинуть свои войска въ его владѣнія, причемъ императрица-королева обязывается занимать прусскія войска для содѣйствія операціямъ русскихъ войскъ. Обѣ государыни обязываются не заключать ни мира, ни перемирія съ общимъ непріятелемъ, королемъ Прусскимъ, безъ взаимнаго согласія; онѣ будутъ вести войну до тѣхъ поръ, пока императрица-королева не получитъ въ спокойное владѣніе всей Силезіи и графства Глацъ. Спокойствіе Европы можетъ быть твердо установлено только тогда, когда у короля Прусскаго отнимутся средства возмущать его: обѣ императрицы употребятъ всѣ усилія для оказанія человѣчеству этой услуги, и онѣ будутъ сноситься объ этомъ со всѣми другими державами, которыя онѣ увидятъ къ тому расположенными. Въ отдѣльныхъ статьяхъ договаривающіяся державы обязывались призывать къ союзу другихъ государей и преимущественно Французскаго короля, потомъ Швецію и Данію, причемъ Швеція должна быть вознаграждена сотвѣтственно ея участію въ войнѣ. Россія и Австрія обязываются употребить всѣ средства не только для возвращенія Польскому королю Саксоніи, но и доставить ему насчетъ Пруссіи приличное вознагражденіе за его потери. Въ отдѣльной и секретной статьѣ Австрія обязывалась уплачивать ежегодно Россіи по милліону рублей. Договоръ былъ написанъ на Французскомъ языкѣ; но внесено въ условія, чтобъ этого обстоятельства не считать примѣромъ для будущаго. Договоръ подписали: Алексѣй, графъ Бестужевъ-Рюминъ; Михаилъ, графъ Воронцовъ; Николай, графъ Эстергази.

Чтобъ отвлечь великаго князя Петра Ѳедоровича отъ короля Прусскаго, Марія-Терезія сочла нужнымъ заключить съ нимъ особый договоръ, по которому Вѣнскій Дворъ выплачивалъ ему 100,000 флориновъ. Но Кауницъ былъ недоволенъ, и говорилъ, что эти деньги императрица бросила за окно, потому что великій князь не перемѣнится въ своихъ чувствахъ къ Прусскому королю. Маріи-Терезіи можно было согласиться на ежегодную уплату Россіи милліона рублей, потому что въ новомъ договорѣ, заключенномъ ею съ Франціею, 1 мая 1757 года, король обязался выплачивать ей по 12 милліоновъ гульденовъ. Король обязывался выплачивать императрицѣ-королевѣ деньги и помогать ей войскомъ, пока, вслѣдствіе мира съ Прусскимъ королемъ, она не пріобрѣтетъ Силезіи, графства Глацъ и княжества Кроссенъ; курфюрстъ Саксонскій получаетъ герцогство Магдебургское; Франція получаетъ отъ Австріи часть ея Нидерландовъ, а другая часть отдается зятю короля Людовика XV,—инфанту Испанскому Филиппу.

Въ договорѣ между Франціею и Австріею было опредѣлено, чтб обѣ державы должны получить, если принудятъ Прусскаго короля къ миру; но когда Россія въ особой декларація хотѣла заявить, что она желаетъ пріобрѣсти провинцію Пруссію, которую промѣняетъ Польшѣ на Курляндію, то Марія-Терезія сильно воспротивилась этой декларація. Эстергази представлялъ Воронцову, что императрица-королева готова доставить Россіи не только Пруссію, но и бо́льшія пріобрѣтенія, причемъ данное уже ею слово больше силы и дѣйствія имѣть будетъ, чѣмъ глухое постановленіе, въ общихъ выраженіяхъ заключающееся; если это постановленіе и секретъ выйдутъ наружу, то Франція станетъ подозрѣвать оба Двора и не довѣрять имъ, а Прусскій король, Польша и другія державы станутъ по всему свѣту распространять нареканія. Но дѣло въ томъ, что Вѣнскій Дворъ уже далъ знать Франціи о русскихъ требованіяхъ, и изъ Франціи пришелъ совѣтъ—отвѣчать Россіи, что еще не время дѣлать Франціи предложеніе о русскихъ требованіяхъ; причемъ французскій посолъ въ Вѣнѣ получилъ отъ своего Двора внушеніе, что Вѣнскій Дворъ ошибается, если благопріятствуетъ увеличенію Россіи въ сосѣдствѣ Германіи; Вѣнскій Дворъ, быть можетъ, первый будетъ въ этомъ раскаяваться. На своемъ донесеніи императрицѣ о внушеніяхъ Эстергази, Воронцовъ замѣтилъ: „По моему слабѣйшему мнѣнію, для нынѣшнихъ деликатныхъ и весьма сумнительныхъ обращеній дѣлъ, кажется можно безо всякаго предосужденія на сіе желаніе Вѣнскаго Двора поступить, ибо когда Богъ благословитъ оружіе россійское и завоевана будетъ Пруссія и другія области короля Прусскаго, то можно будетъ, при примиреніи общемъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, въ награжденіе убытковъ съ нашей стороны, Курляндію или городъ Данцигъ за собою удержать, или какіе другіе авантажи получить". Дѣло было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ [1]).

Мы видѣли, что въ самомъ концѣ 1756 года и Елисавета приступила къ первому Версальскому договору, но съ особеннымъ условіемъ относительно Турціи и Англіи. Бехтѣевъ долженъ былъ объяснить французскому министерству, что въ Россіи медлили приступленіемъ къ Версальскому договору, желая не только возстановить доброе согласіе, но и положить ему непоколебимое основаніе, и потому заботились именно объ этомъ, а не объ одной формѣ; если-бы въ договорѣ исключена была, съ одной стороны, Англія, а съ другой—Турція, то этотъ договоръ былъ бы просто возстановленіемъ дружбы, ибо Англія относительно Франціи, а Турція относительно Россіи суть единственныя державы, отъ которыхъ можно ожидать нарушенія мира.

[1]) Москов. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.—Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.—Шеферъ I, 648, 660, 661.

Но Бехтѣевъ далъ знать Воронцову, что нельзя описать, какъ секретнѣйшая декларація прискорбна Французскому Двору. Онъ считаетъ это дѣло нечестнымъ и подозрѣваетъ канцлера, что онъ нарочно его устроилъ, желая или поссорить Францію съ Портою, или произвести холодность между Франціею и Россіею. Рулье выразилъ опасеніе, чтобъ Бестужевъ не приказалъ нарочно сообщить декларацію Портѣ. „Вице-канцлеръ Воронцовъ, какъ честный человѣкъ, этого бы не сдѣлалъ", говорилъ Рулье. На Дугласа страшно раздражены, всю вину складываютъ на него. Рулье даже рѣшился сказать Бехтѣеву, что такимъ образомъ нельзя имѣть никакого дѣла съ Русскимъ Дворомъ.

Оффиціально Бехтѣевъ доносилъ 8 февраля 1757 года, что актъ приступленія былъ ратификованъ, но ратификовать декларацію не согласились. Король выразился, что „не можетъ согласиться на этотъ прекрасный секретный актъ, который Дугласъ имѣлъ глупость подписать". Рулье объявилъ Бехтѣеву рѣшительно, что и политическія причины, и собственный интересъ Франціи не позволяютъ этого: при нынѣшнихъ обстоятельствахъ надобно удержать Порту отъ соединенія съ Англіею и Прусскимъ королемъ, не потерять при ней своего кредита и не уничтожить французской торговли въ Левантѣ. Порта сильно встревожилась, узнавши о Версальскомъ договорѣ, и особенно о приступленіи къ нему Россіи; успокоить ее можно было однимъ обнадеживаніемъ, что она въ актѣ этого приступленія именно будетъ исключена, и обнадеживаніе было дано. Послѣ этого было бы противно обычаю и праводушію короля заключать вдругъ два акта объ одномъ дѣлѣ, прямо другъ другу противорѣчащіе, и какъ во Франціи ни увѣрены въ сохраненіи тайны (хотя рѣдко бываетъ, чтобъ самый секретный параграфъ не выходилъ наружу), однако такой поступокъ тайною оправданъ не будетъ; поэтому его величество, король, надѣется на извѣстное праводушіе и проницаніе императрицы: отъ нея не скроется справедливость причинъ, не дозволяющихъ ратификовать декларацію, какъ это ни прискорбно Французскому правительству.

„И подлинно", писалъ Бехтѣевъ, „Французскій Дворъ приведенъ въ великую печаль и смущеніе: съ одной стороны, онъ связанъ даннымъ Портѣ обнадеживаніемъ, съ другой—чувствуетъ непріятныя слѣдствія отказа въ ратификаціи. Министерство сильно досадуетъ на графа Эстергази, на Дугласа и графа Штаремберга: на перваго—за то, что принудилъ Дугласа къ подписанію деклараціи; на графа Штаремберга—за то, что не довольно точно истолковалъ мнѣнія Французскаго правительства, которое на него въ этомъ дѣлѣ положилось; о Дугласѣ Рулье отзывался съ великимъ неудовольствіемъ. Взаключеніе Рулье просилъ меня увѣрить Высочайшій Дворъ, что, несмотря на это непріятное происшествіе, король искренно желаетъ бо́льшаго утвержденія благополучно возобновленной дружбы и обнадеживаетъ, что происшедшая непріятность нисколько не воспрепятствуетъ ему, вмѣстѣ съ Россіею, принять мѣры для удовлетворенія Вѣнскаго и Саксонскаго Дворовъ относительно короля Прусскаго".

Но, кромѣ Турціи, Польша также представляла сильные поводы къ непріятностямъ, потому что Франція боялась, чтобъ русская партія въ Польшѣ не усилилась, благодаря вступленію русскаго войска въ эту страну; ясный признакъ усиленія русской партіи, т.-е. партіи Чарторыйскихъ, Французскій Дворъ видѣлъ въ назначеніи племянника Чарторыйскихъ и друга Уильямса, Станислава Понятовскаго, польскимъ уполномоченнымъ въ Петербургъ. Тщетно Августъ III успокоивалъ Французскій Дворъ; тщетно Бехтѣевъ увѣрялъ Рулье, что съ Понятовскаго взято честное слово держаться настоящей политической системы, и если въ поведеніи его окажется хотя что-нибудь противное, то король немедленно отзоветъ его: Рулье повторялъ одно,—что Понятовскій былъ другъ Уильямса. Рулье передалъ Бехтѣеву записку, въ которой говорилось, что Французскій король признаетъ необходимость похода русскихъ войскъ чрезъ Польскія земли, но необходимо предупредить могущія произойти изъ этого вредныя слѣдствія. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки, приверженные къ Россіи, замышляютъ конфедерацію, надѣясь на подкрѣпленіе ея со стороны русскихъ генераловъ, которые будутъ начальствовать войскомъ въ Польшѣ, надѣясь, что и одно присутствіе русской арміи, если-бъ она не принимала никакого участія въ Польскихъ дѣлахъ, доставитъ имъ большую силу; а противники ихъ, которые имѣютъ прибѣжище къ Французскому Двору, принуждены были бы созвать свою конфедерацію, а можетъ быть захотѣли бы и предупредить враговъ. Такъ какъ походъ русскихъ войскъ чрезъ Польшу имѣетъ цѣлью подать какъ можно скорѣе помощь королю Польскому вступленіемъ въ области его врага, то Французскій Дворъ признавалъ и признаетъ за лучшее, чтобъ русское войско шло въ Пруссію изъ Курляндіи, захвативъ малую часть Самогитіи; но если оба императорскіе Двора признаютъ необходимымъ, чтобъ русское войско шло другимъ путемъ чрезъ Польшу, то Французскій Дворъ, для сохраненія тишины въ Польшѣ и для успокоенія Турокъ, можетъ согласиться на это съ однимъ условіемъ, чтобъ русское войско шло черезъ Польшу со всевозможною поспѣшностью, съ наблюденіемъ наистрожайшей дисциплины и платя за все исправно. Потомъ Французскій Дворъ признаетъ необходимымъ, чтобъ, прежде вступленія русскихъ войскъ въ Польшу, русскіе министры въ Варшавѣ устно и письменно объявили, что войска императрицы, при проходѣ чрезъ Польшу, не намѣрены ни подъ какимъ видомъ мѣшаться во внутреннія дѣла республики, и что все будетъ оставлено какъ теперь, особенно дѣло острожской ординаціи. Россія должна употребить все свое вліяніе, чтобъ удержать

своихъ приверженцевъ отъ конфедераціи, и не должна ни подъ какимъ видомъ вступаться въ частныя ссоры польскихъ вельможъ. Французскій король, съ своей стороны, готовъ дать такую же декларацію для показанія Полякамъ, что они не могутъ ожидать отъ него никакой помощи для заведенія въ республикѣ смуты и для воспрепятствованія походу русскихъ войскъ.

Бехтѣевъ, возвращая записку Рулье и поблагодаря за предварительное ея сообщеніе, замѣтилъ, что излишне требовать обнадеживаній въ такомъ дѣлѣ, котораго императрица сама болѣе всего желаетъ, именно—сохраненія тишины въ Польшѣ. Записка эта служила бы только доказательствомъ, что коварныя внушенія недоброжелательныхъ людей, старающихся возбудить недовѣріе между двумя Дворами, взяли верхъ; что Французскій Дворъ подозрѣваетъ, будто императрица намѣрена подкрѣплять какую-то конфедерацію. Подобная записка была бы непріятна Русскому Двору, а можетъ быть подтвердила бы всѣ тѣ извѣстія о недружественныхъ поступкахъ и отзывахъ французскихъ министровъ въ Варшавѣ и Константинополѣ, чему до сихъ поръ императрица не вѣрила. Не только нѣтъ ни малѣйшей нужды въ требуемыхъ формальныхъ декларацiяхъ, но Французскій Дворъ и не имѣетъ никакой законной причины ихъ требовать; несогласно съ достоинствомъ обоихъ Дворовъ поступать такъ формально по желанію нѣсколькихъ безпокойныхъ Поляковъ, которыхъ ничѣмъ нельзя удовольствовать, и если Французскій Дворъ будетъ ихъ слушать, то часто принужденъ будетъ требовать подобныхъ декларацій, тогда какъ очень легко избѣжать всякихъ непріятностей и безъ декларацій: пусть только министры союзныхъ Дворовъ прилагаютъ общее стараніе содержать Поляковъ при доброй системѣ, поступая во всемъ согласно.

„Виновникъ всему этому дѣлу", писалъ Бехтѣевъ,—„это французскій министръ въ Варшавѣ графъ Брольи, слывущій здѣсь знатокомъ Польскихъ дѣлъ. Глава французской партіи въ Польшѣ—гетманъ коронный, почему и войска республики во власти этой партіи, и она сильнѣе всѣхъ, и если она будетъ знать, что никто за другихъ не вступится, то первая начнетъ всѣхъ другихъ притѣснять и тѣмъ заведетъ безпокойство въ республикѣ. Графъ Брольи—человѣкъ очень безпокойный, любитъ предписывать законы и все переворачивать по своимъ мыслямъ; по природной же своей остротѣ и быстротѣ разума, въ состояніи выдумать множество способовъ для подкрѣпленія своихъ мнѣній".

Бехтѣевъ, посланный въ Францію для установленія дружественныхъ отношеній между нею и Россіею, считавшихся естественными и необходимыми вслѣдствіе перемѣны политическихъ обстоятельствъ,— Бехтѣевъ не позволилъ себѣ однако увлечься своимъ положеніемъ, глядѣлъ трезво и осторожно. Онъ писалъ Воронцову: „Вся сила состоитъ въ маркизѣ Помпадуръ по чрезмѣрной милости и довѣренности къ ней королевской. То—безспорно, что она имѣетъ весьма проницательный и прехитрый разумъ. Маршалъ Белиль, невзирая на глубокую старость, имѣетъ свѣжій разумъ и память. Въ рѣчахъ болѣе сокращенъ, нежели плодовитъ, мысли весьма ясны, изображаетъ ихъ столь внятно и связно, что очень легко понять его мнѣніе; одну погрѣшность ему приписуютъ — страсть къ присовокупленію богатства, притомъ почитаютъ его за человѣка, который похлѣбству и лицемѣрію наилучше умѣетъ дать видъ искренности. Аббатъ Бернисъ—человѣкъ острый, воображеніе имѣетъ весьма живо, довольно ученъ и свѣдущъ въ дѣлахъ, сладкорѣчивъ, любитъ свѣтское житье и веселья; онъ былъ знакомъ маркизѣ, когда она была мадамъ Тирольи; онъ въ великой бѣдности дѣлывалъ для нея стишки и былъ соучастникомъ въ веселіяхъ. Достигнувъ благополучія, она произвела его мало-по-малу, такъ сказать, изъ ничего даже до чина статскаго министра Можно сказать, что онъ ея тайный совѣтникъ. По иностраннымъ дѣламъ сіи два министра, будучи въ великомъ кредитѣ у маркизы, наибольше силы имѣютъ, почему и всѣ чужестранные министры къ нимъ адресуются. Господину Рулье иногда сіе не мило, но не смѣетъ противъ того явно досадовать, опасаясь потерять первое мѣсто. По всему кажется, нельзя больше Дворамъ въ дружбѣ быть, какъ здѣшній и Вѣнскій. Сіе и нынѣшнее особливое здѣшняго Двора усердіе о интересахъ Вѣнскаго должно приписывать двумъ главнымъ причинамъ: кредиту маркизы и помянкѣ къ пріобрѣтенію новыхъ областей. Но только одна маркиза и аббатъ Бернисъ, поставляя себя творцами сея системы, стараются оную сутенировать; прочіе министры тому слѣдуютъ и, пока оныя двѣ особы въ силѣ будутъ, тому слѣдоватъ будутъ. Генерально же весь народъ понынѣ Аустрійцевъ не любитъ. Явнымъ негодованіемъ отзываются, что войска и иждивенія тратятся на вспоможеніе древнему ихъ непріятелю. Вѣнскій Дворъ думаетъ, что много здѣшній уловилъ. Кажется, здѣшнее министерство не прозорливо, но заведенная издревле машина такъ тверда, что трудно ее испортить. Въ самомъ дѣлѣ, Францiя великую пользу въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ находитъ. Ея видъ всегда былъ—обезсилить Аустрійскій Домъ и пріобрѣтать мало-по-малу Нидерланды; она, можетъ быть, то получаетъ, а за то даетъ ему Силезію, собственное его имѣніе. Итакъ Францiя всегда съ выигрышемъ остается. Притомъ сама неохотно уже видитъ силы короля Прусскаго, который, будучи протестантской вѣры, зачинаетъ собою въ Германіи властвовать и кредитъ ея (Франціи) раздѣлять, а современемъ ей столько же или еще больше опаснымъ быть можетъ, какъ и Австрійскій Домъ, котораго она по меньшей мѣрѣ Турками воздерживать могла.

„По всѣмъ обстоятельствамъ видно, что министерству здѣшнему внушаютъ, яко бы Франціи никакой пользы нѣтъ въ обязательстахъ съ Россіею, а только быть въ доброй дружбѣ. Министерство,

по слабости своей, однакожь, боясь и угождая маркизѣ, которая весьма склонна къ Вѣнскому Двору, оное мнѣніе здѣсь принимаетъ. Сего ради старался графъ Старенбергъ всю негоціацію окончить до прибытія пословъ, безъ содѣйствія и всѣхъ другихъ Дворовъ, хотя о нихъ интересахъ тутъ же трактовано; и такъ не оставлено имъ какъ единое приступленіе и принятіе. Сію политику Россія могла простить Вѣнскому Двору и попоречить ему не надобно было. Общее дѣло требовало, какимъ бы то ни было образомъ, Францію серьезно ввести въ игру противъ короля Прусскаго для приведенія сего государя въ настоящія границы, въ чемъ главный видъ Россіи состоитъ. Теперь она уже введена, и Россіи надлежитъ необходимо дѣйствовать самой у здѣшняго Двора.

„Всѣ нынѣ воюющія державы противъ короля Прусскаго, по побѣжденіи онаго, обнадежены о выигрышѣ, а именно: Аустрія, какъ неправо обиженная сторона, безспорно беретъ обратно Силезію и по праву завоеванія, и какъ отнятое у ней имѣніе. Франція спорить не будетъ получить за то Нидерланды, что она себѣ формально трактатомъ обѣщала. Швеція беретъ назадъ отъ непріятеля также землю, которая ей принадлежала и на которую она еще претензію имѣетъ. Сверхъ того, три главные союзника о томъ предупреждены и не токмо оное ей сами обѣщали, но и формально трактатомъ въ томъ обязались. Итакъ, сіи три пункта между союзниками предварительно рѣшены, и при генеральномъ примиреніи некому въ томъ спорить. Только будетъ затрудненіе одной Россіи въ одержаніи того, что она отъ нынѣшней войны себѣ обѣщаетъ, а именно—сверхъ обезсиленія короля Прусскаго, пріобрѣтеніе себѣ Курляндіи. Правда, постановлено о томъ съ Вѣнскимъ Дворомъ; но другіе союзники, кои, какъ главныя державы при замиреніи будутъ, о томъ не знаютъ. Правильно могутъ тогда говорить, что они чужимъ добромъ распоряжать права не имѣютъ и не должны, но паче, имѣя съ Польшею обязательства, всячески Россію отъ того отвращать станутъ. Можетъ Россія предъявлять, что она Польшѣ уступитъ за то Пруссію. На то нетрудно отвѣтствовать, что Россія на Пруссію и на завоеваніе областей короля Прусскаго права не имѣетъ, потому что она, яко ауксиліарная держава и по обязательствамъ съ Аустрійскимъ и Саксонскимъ Домами, войну производила. Всѣ тогда, наскучивъ войною, получая то, что всякій желалъ, а Вѣнскій Дворъ первый, выдадутъ Россію и не похотятъ для нея одной замиренія остановить, напротивъ того, ежели-бы Россія поупрямилась удержать Пруссію, то оставятъ ее одну; а по политическому резону надобно думать, что Швеція, которой не должно совсѣмъ довѣрять, явно противъ того деклароваться можетъ, да и для принужденія къ тому Россіи она въ состояніи противъ ея поднять Поляковъ и Турокъ, внушая имъ только, что Россія безъ всякаго права хочетъ завладѣть у республики Курляндіею, собственною ея землею. Необходимо надобно: первое, чтобъ Россія при добрыхъ успѣхахъ оружія сама объявила войну королю Прусскому, къ чему суть законныя причины. Второе, снестись съ Франціею и Швеціею и формально постановить, что ежели Россія завоюетъ Пруссію (провинцію), то по замиреніи обязуется ее отдать Польшѣ съ тѣмъ, чтобъ Россіи награждены были употребленные на войну иждивенія и убытки, о чемъ оставляется Россіи трактовать и соглашаться съ республикою".

10 іюня пріѣхалъ въ Версаль полномочный русскій посолъ, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ. Въ 1755 году дряхлый, больной Бестужевъ былъ вызванъ въ Петербургъ изъ Дрездена, гдѣ оставилъ жену въ сильной чахоткѣ. Несмотря на то, онъ самъ вызвался ѣхать посломъ во Францію письмомъ къ Воронцову: „Ваше сіятельство достойнымъ инструментомъ были примиренія нашего Двора съ Французскимъ, еже къ немалой вашей славѣ и чести приписуется; да соизволите же быть достойнымъ инструментомъ и въ назначеніи туда посла. Сія дистинкція во особливое удовольствіе мнѣ будетъ, и кредитъ вашъ при Французскомъ Дворѣ тѣмъ болѣе умножится, когда вашъ повѣренный другъ и слуга туда назначенъ будетъ".

Бестужева назначили, и легко понять, какъ долженъ былъ отнестись къ этому назначенію братецъ, канцлеръ. Братья соблюдали наружныя приличія, бывали другъ у друга; Михаилъ Петровичъ однажды обѣдалъ у канцлера; но по поводу этого обѣда Уильямсъ острилъ: „Можно себѣ представить, какъ былъ веселъ этотъ обѣдъ: если-бъ на столѣ было молоко, то оно бы свернулось отъ этихъ двухъ физіономій".

Бестужевъ поѣхалъ во Францію черезъ Варшаву и воспользовался случаемъ написать отсюда императрицѣ о непріятномъ ему Гроссѣ: „При прощаніи моемъ съ здѣшними вельможами и другими чинами, они почти единогласно и прямо мнѣ отзывались, что Русскій Дворъ много теряетъ, имѣя здѣсь посланникомъ своимъ Гросса, самаго чудного человѣка, который всѣ полезныя дѣла портитъ своими странными поступками, особенно неуваженіемъ къ магнатамъ, чему въ республикѣ быть вовсе не кстати, ибо тамъ надобно по наружности со всѣми пріятельски обходиться и стараться ласкою приклонить всякаго къ своей сторонѣ. Притомъ онъ вовсе не знаетъ здѣшней системы и держится однихъ князей Чарторыйскихъ, которые, злясь на графа Брюля, что они теперь не въ такой силѣ, какъ прежде были, что не отъ нихъ рекомендаціи зависитъ пожалованіе въ чины и награжденіе староствами, враждебно относятся къ своему Двору и, повидимому, передавшись тайно Прусскому Двору, дѣйствуютъ согласно съ повѣреннымъ Прусскаго короля въ Варшавѣ, Бенуа. Гроссъ, слѣпо приставъ къ ихъ сторонѣ, грозитъ ихъ непріятелямъ покровительствомъ Россіи, подъ которымъ находятся Чарторыйскіе, вслѣдствіе

чего великій гетманъ коронный и другіе вельможи пристали одни къ французской, а другіе къ прусской партіи. Видя неспособность Гросса и невоздержность въ рѣчахъ; видя, что онъ не можетъ хранить тайны,—никто не имѣетъ къ нему ни малѣйшей довѣренности, всѣ имъ гнушаются и избѣгаютъ его общества: а какое отъ этого безславіе Россіи, - изобразить нельзя".

Бестужеву было поручено склонить польскихъ пановъ, чтобъ Польша также объявила войну Фридриху II, вступившись за своего короля; но старанія его были напрасны, и онъ писалъ Воронцову: „Поляковъ я и самъ нынѣ возненавидѣлъ, и дѣльно, что вы ихъ не любите, я ихъ пикировалъ славою и честью и собственнымъ ихъ интересомъ, чтобъ они королю своему помогли: могутъ при семъ случаѣ всѣ Пруссы себѣ достать; представлялъ имъ примѣръ короля Яна Собѣскаго, когда онъ подъ Вѣну ходилъ противъ Турокъ,—какую тогда Польская нація славу и честь себѣ получила. Ничто не успѣваетъ, но только злости свои между собою продолжаютъ. И то имъ представлялъ, что когда король Прусскій въ намѣреніяхъ своихъ успѣхъ получитъ, то имъ первымъ достанется; отвѣтъ ихъ былъ: Россія сама дотого не допуститъ. Народъ чудной: для своихъ интересовъ всякія низости дѣлать готовъ, ноги обнимать и руки цѣловать".

На дорогѣ Бестужевъ съѣхался съ умирающею женою, выгнанною изъ Саксоніи прусскимъ нашествіемъ, и самъ, больной, привезъ ее умирать въ Парижъ. Несмотря на то, Бехтѣевъ такъ описывалъ поведеніе Бестужева на пріемѣ у короля: „Его сіятельство, невзирая на многія попытки отъ подводителя посольскаго, во всемъ по благоразсудку своему съ достоинствомъ, принадлежащимъ своему характеру, поступалъ, не давая себя оглушить многословіемъ здѣшнимъ. Впрочемъ, мнѣ казалось, что онъ шелъ на аудіенцію и говорилъ смѣлѣе самихъ тѣхъ прочихъ и съ такою осанкою, что нарадоваться довольно не могъ то видѣть и слышать при томъ разсужденія Французовъ".

Въ Версали Бестужеву было легче говорить о посольскихъ дѣлахъ, потому что онъ имѣлъ дѣло уже не съ Рулье, находившимся подъ вліяніемъ Брольи, а съ новымъ министромъ, извѣстнымъ уже намъ аббатомъ Берни. Бестужеву удалось убѣдить Берни, что нельзя вѣрить всѣмъ вѣстямъ изъ Польши, какъ по характеру Поляковъ, такъ и по характеру Брольи, и при настоящихъ отношеніяхъ нельзя мѣшать существеннаго съ несущественнымъ, Прусскаго дѣла—съ Польскимъ. Въ Петербургѣ Дугласу было рѣшительно объявлено, что требуемая его Дворомъ декларація нисколько не сходна съ достоинствомъ императрицы, что король самъ ясно усмотритъ, если отвергнетъ всякія коварныя внушенія безпокойныхъ людей и положится на добрую вѣру ея величества.

Въ соотвѣтствіе Бестужеву, одновременно былъ отправленъ въ Петербургъ посломъ маркизъ Лопиталь. Бехтѣевъ описывалъ его такъ: „Онъ роста виднаго, чаю за 50 лѣтъ; человѣкъ кажется предобрый, самъ просился въ сіе посольство и съ охотою ѣдетъ къ намъ". Но о дворянахъ посольства Бехтѣевъ отозвался къ Воронцову не очень лестно: „Когда мнѣ ихъ представляли, то я не зналъ, что дѣлать. Не можете повѣрить, какъ мало свѣдущи здѣсь о насъ. Причина тому, что мало или почти никого изъ дворянства здѣшняго у насъ не было, а только подлые или, по меньшей мѣрѣ, самые бѣдные, не выключая и тѣхъ, которые министрами были и которые за собственную досаду или въ оправданіе своихъ худыхъ поступковъ, сколько можно, худыя мнѣнія объ насъ подали, такъ-что, кромѣ ученыхъ и у дѣлъ находящихся (да и то не всѣ), прочіе Французы, особливо знатные, думаютъ, что Французу у насъ надобно умереть съ-голоду и съ-холоду. Трудно у нихъ изъ головы вынуть это затвердѣлое мнѣніе при роскошахъ, въ которыхъ дворянство здѣсь погружено, и при маломъ понятіи, которое оно вообще имѣетъ о другихъ земляхъ" [1]).

Между тѣмъ какъ немыслимый прежде союзъ трехъ великихъ континентальныхъ державъ, Россіи, Австріи и Франціи, затягивался въ Парижѣ и Петербургѣ, виновникъ этого союза, общій врагъ—Фридрихъ II—въ апрѣлѣ мѣсяцѣ открылъ кампанію вторженіемъ своихъ войскъ въ Богемію. Послѣ кровопролитнаго сраженія у Праги уронъ въ обоихъ войскахъ оказался одинаковъ; въ іюнѣ, въ битвѣ при Колинѣ, Фридрихъ потерпѣлъ пораженіе, вслѣдствіе чего принужденъ былъ очистить Богемію.

Австрійцы исполнили договоръ, заняли главное прусское войско; надобно было Русскимъ исполнить свое обязательство—войти въ это самое время въ Прусскія владѣнія. Въ февралѣ, къ фельдмаршалу Апраксину въ Ригу пріѣхалъ австрійскій генералъ С.-Андрэ, назначенный, по договору, состоять при прусскомъ войскѣ съ правомъ голоса на военныхъ совѣтахъ. Апраксинъ писалъ о С.-Андрэ: „Что касается до поступковъ сего пріѣзжаго, то оный изрядныхъ сентиментовъ, немалаго военнаго искусства и постоянный человѣкъ быть видится. Онъ мнѣ изъяснился, что по состоянію, въ какомъ нынѣ непріятель находится, его всемѣрно всею силою въ способное время атаковать надобно, и раздроблять армію отнюдь не надлежитъ, дабы ему надъ корпусами къ поиску способа не подать, ибо онъ привыкъ сперва разбитіемъ отдаленныхъ корпусовъ главную армію въ безсиліе приводить, присовокупя къ тому точно сіи слова, что съ симъ гордымъ непріятелемъ игрушки (разумѣя раздѣленіе корпусовъ) употреблять не надобно, но или силою дѣйствовать, или ничего не употреблять".

Апраксинъ тутъ же узналъ, что гордый непріятель употребляетъ и другія средства, кромѣ

---

[1]) Дѣла Французскія 1757 года; см. также Архивъ кн. Воронцова, книги II, III и IV.

разбитія отдѣльныхъ корпусовъ. При главнокомандующемъ въ Ригѣ для секретныхъ дѣлъ находился ассесоръ Веселицкій, родомъ Черногорецъ, который разобралъ шифрованныя письма подполковника, Лифляндца Блома. Бломъ вслѣдствіе этого былъ схваченъ и показалъ: въ 1753 году онъ хотѣлъ перейти въ прусскую службу и, для полученія отпуска, объявилъ, что въ Пруссіи его ждетъ наслѣдство. Онъ подалъ просьбу Фридриху II, но ему отвѣчали, что принять въ службу его нельзя по причинѣ старости, ибо ему уже 73 года. Когда онъ сбирался уѣхать изъ Потсдама, пришелъ къ нему извѣстный Манштейнъ и удержалъ его; а потомъ капитанъ Винтерфельдъ сдѣлалъ ему предложеніе—не покидая русской службы, быть прусскимъ шпіономъ съ жалованьемъ по 180 червонныхъ. Обязанность его состояла въ присылкѣ извѣстій о русскихъ полкахъ, о рекрутскихъ наборахъ, о разныхъ движеніяхъ войскъ. Письма адресовались въ Берлинъ на имя прокуратора Беренса, подъ видомъ, что переписка идетъ по поводу тяжбы о наслѣдствѣ, а вмѣсто Беренса получалъ ихъ Манштейнъ. Когда Бломъ былъ въ Потсдамѣ, то фельдмаршалъ Кейтъ, генералъ Винтерфельдъ и особенно Манштейнъ навѣдывались у него: гдѣ находится принцъ Иванъ, здоровъ ли онъ и не женатъ ли. Дѣйствительно ли принцесса Анна умерла, и не было ли вмѣсто нея выставлено тѣло какой-нибудь другой женщины. Живъ ли и здоровъ ли Биронъ; живъ ли Минихъ. Бломъ слышалъ, какъ Кейтъ, Винтерфельдъ, королевскій адъютантъ Будденброкъ и полковникъ Манштейнъ читали письмо на Французскомъ языкѣ, полученное Кейтомъ изъ Россіи, гдѣ говорилось, что между знатнѣйшими госпожами въ Петербургѣ происходятъ великія несогласія; что кредитъ канцлера очень упалъ; прибавлено было также извѣстіе о дѣлѣ полковника Олица съ крестьянами [1]). Кейтъ читалъ письмо, закрывши подпись рукою. Кейтъ, по увѣренію Блома, почти каждую почту получалъ письма изъ Россіи съ точными извѣстіями о всѣхъ происшествіяхъ. Бломъ въ своей перепискѣ употреблялъ условный языкъ: 50 овецъ означало 50,000 рекрутъ; подъ быками разумѣлась кавалерія и т. п. [2]).

Уже въ началѣ года въ Петербургѣ были недовольны медленностью Апраксина. Канцлера Бестужева очень безпокоило это неудовольствіе: значеніе его, видимо, понизилось, онъ былъ окруженъ сильными и торжествующими врагами; Апраксинъ оставался у него естественный другъ съ важнымъ значеніемъ; успѣхъ Апраксина на войнѣ былъ чрезвычайно выгоденъ для Бестужева; неудача Апраксина лишала канцлера послѣдней опоры; притомъ канцлеръ могъ бояться, что враги припишутъ его внушеніямъ медленность фельдмаршала. Все это заставляло Бестужева торопить Апраксина. Апраксинъ сердился: добрый человѣкъ и уже немолодой (54 лѣтъ), *мирный* фельдмаршалъ (хотя и казавшійся болѣе воинственнымъ, чѣмъ два другіе мирные фельдмаршалы — Разумовскій и Трубецкой), любившій со всѣми жить дружно и жить покойно, весело и роскошно, Апраксинъ вовсе не хотѣлъ торопиться походомъ. Онъ имѣлъ основаніе надѣяться, что дѣло не дойдетъ до настоящей войны, что все ограничится такимъ же походомъ, каковы были походы на Западъ вспомогательныхъ русскихъ отрядовъ при императрицѣ Аннѣ и недавно, при Елисаветѣ, прогулки для возбужденія страха и ускоренія мира. Кромѣ того, молодой Дворъ былъ противъ войны, а идти наперекоръ наслѣднику престола и его супругѣ далеко не входило въ планы Апраксина, да и пріятель, умница-канцлеръ, на сторонѣ молодаго Двора, и при прощаньи сказалъ, чтобъ въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все будетъ къ нему приготовлено. Апраксинъ думалъ, что далеко еще не все приготовлено, что надобно долго и много готовиться, чтобъ успѣшно биться съ первымъ полководцемъ времени и съ его образцово-устроеннымъ войскомъ. Хорошо, какъ Австрійцы его задержатъ; если онъ обратится съ главными силами противъ русскаго войска: помогутъ ли тогда Австрійцы? Ихъ медленность извѣстна, и теперь двигаются ли они? Съ чего же канцлеръ взялъ торопить русское войско къ выступленію въ походъ—зимою, не дождавшись, что тамъ будетъ у Прусскаго короля съ Австрійцами? 17 февраля Апраксинъ пишетъ къ Бестужеву въ сильномъ волненіи; говоритъ, что откажется отъ начальства войскомъ; жаловался на Австрійцевъ и оканчивалъ вопросомъ, не перемѣнилъ ли канцлеръ своихъ мнѣній, ибо въ Петербургѣ мнѣнія Бестужева были извѣстны ему, Апраксину, и во всемъ согласны съ его собственными. Это письмо Апраксинъ отправилъ съ довѣреннымъ человѣкомъ генералъ-квартирмейстеромъ Веймарномъ, чтобъ тотъ хорошенько развѣдалъ у канцлера, въ чемъ дѣло, зачѣмъ его такъ торопятъ. Бестужевъ отвѣчалъ съ Веймарномъ, что Апраксинъ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакихъ причинъ къ неудовольствію. „Понынѣ еще не отказано ни одно ваше представленіе. Были, правда, нѣкоторыя и отчасти строгія понужденія, но ваше превосходительство примѣтить изволите, что и то предавалось всегда въ ваше разсмотрѣніе и волю; а когда вы противу того представляли какія трудности или невозможности, то тотчасъ получали на то согласованіе. Справедливо, не можемъ мы отсюда все такъ видѣть, какъ ваше превосходительство, но сообщать свои мнѣнія тѣмъ не меньше должны. Истинно, не имѣетъ здѣсь никто такого кредита, чьи бы мнѣнія и представленія всегда такую скорую апробацію получали. На союзниковъ также жаловаться нельзя: они просятъ, какъ нищіе, милостыни; да, правду сказать, ихъ состояніе и жалостно. О, ежели-бъ мы на ихъ мѣстѣ были и такія-жь отъ нихъ обнадеживанія имѣли, какія еще при вашемъ превосходительствѣ

[1]) См. объ этомъ дѣлѣ въ Исторіи Россіи т. XXIII, кн. V. гл. II.

[2]) Дѣла по конференціи въ Гос. Архивѣ.

имъ даны, то я смѣло сказать могу, что мы съ ними уже поссорились бы. Но ихъ, напротивъ того, молчаніе намъ внутренно еще больше выговариваетъ и толь прискорбнѣе, что симъ молчаніемъ не даютъ намъ поводу ни изъясниться, ни оправдаться. А самимъ намъ вызываться истинно не съ чѣмъ. На другое-жь я не имѣю иного объявить, какъ крайнее мое прискорбіе, что ваше превосходительство о моихъ сентиментахъ сомнѣваетесь. Они неотмѣнны и прежде моей жизни не отмѣнятся. Поставьте ихъ на пробу. Я самую трудную для соблюденія драгоцѣнной мнѣ вашей дружбы выдержу. А между тѣмъ не буду спокоенъ, пока не увѣрюсь, что ваше превосходительство увѣрены о истинномъ усердіи и преданности, съ коими я есмь".

Вмѣстѣ съ своимъ письмомъ Бестужевъ послалъ еще письмо великой княгини, въ которомъ она также просила Апраксина не медлить болѣе. Веймарнъ долженъ былъ сказать фельдмаршалу, что письмо великой княгини подлинное, чтобъ онъ ни въ чемъ не сомнѣвался. Апраксинъ сильно разсердился: онъ надѣялся, что получитъ чрезъ Веймарна внушенія отъ Бестужева, согласныя съ его собственнымъ желаніемъ тянуть время,—и обманулся; письмо Екатерины отнимало послѣднюю надежду. Но съ надеждами разставаться тяжело человѣку: „Это все канцлеровы финты (выдумки)", сказалъ онъ въ сердцахъ, и вынулъ изъ шкатулки другое, прежнее письмо Екатерины, сличилъ—одна рука! Дѣлать было нечего больше. Въ отвѣтномъ письмѣ канцлеру онъ отстранялъ недоразумѣніе, происшедшее отъ употреблявшагося тогда иностраннаго слова: *„сентиментъ"*, которое означало и мнѣніе и чувство; Апраксинъ въ своемъ прежнемъ письмѣ подъ перемѣною сентиментовъ канцлера разумѣлъ перемѣну мнѣній, взглядовъ, а Бестужевъ счелъ это упрекомъ въ перемѣнѣ дружескихъ чувствъ [1]).

Только 17 мая Апраксинъ съ главнымъ корпусомъ перешелъ литовскую границу изъ Курляндіи подъ Ямышками и 20 числа былъ въ Шавлѣ. 18—вступилъ въ Литву генералъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ. Кавалерія шла подъ начальствомъ генераловъ Ливена и графа Румянцева. 4 іюня войска вошли въ Ковно и здѣсь оставались до 16 числа, потому что отъ сильныхъ жаровъ стало умножаться число больныхъ; кромѣ того, писалъ фельдмаршалъ, по причинѣ трудныхъ и узкихъ дорогъ, многое нужно исправить въ обозахъ и отчасти перемѣнить прежнія распоряженія. 19 іюня почти уже вся армія была за Нѣманомъ, 20 переправился самъ фельдмаршалъ.

Между тѣмъ еще прежде, 18 іюня, генералъ Ферморъ, шедшій изъ Либавы, гдѣ присоединились къ нему подвезенные моремъ полки, переступилъ прусскую границу, направляясь къ Мемелю, и 20 числа началъ обстрѣливать этотъ городъ; 24 числа Мемель сдался на условіи, чтобъ гарнизонъ былъ выпущенъ съ оружіемъ.

[1]) Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ и Апраксинѣ; Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

Въ Царскомъ Селѣ 6-го іюля праздновали взятіе Мемеля, отправляли благодарственный молебенъ „за дарованное отъ Всевышняго благословеніе въ самомъ началѣ здѣшнему оружію"; но это благословеніе послано было отряду войска, а главная армія съ фельдмаршаломъ Апраксинымъ не переступала за границы. 15-го іюля Бестужевъ опять долженъ былъ писать Апраксину: „Безпредѣльная моя къ вашему превосходительству откровенность не позволяетъ мнѣ отъ васъ скрыть, коимъ образомъ здѣсь генерально весьма сожалѣютъ, что недостатокъ провіанта вашему превосходительству воспрепятствовалъ въ непріятельскую землю и въ дѣло до сихъ поръ вступить, которымъ обстоятельствомъ господинъ Левальдъ (прусскій фельдмаршалъ) пользуясь, уже ретироваться началъ. Сіе сожалѣніе умножается еще и тѣмъ опасеніемъ, чтобъ онъ между тѣмъ и совсѣмъ изъ Пруссіи не ушелъ, что было бы такою утратою, которая завоеваніемъ Кенигсберга и цѣлой Пруссіи награждена быть не могла-бъ, и отъ чего Богъ знаетъ какія толкованія произошли-бъ. Совершенное мое къ вашему превосходительству усердіе побуждаетъ меня и то не утаить, что въ день конференціи на вечерѣ ея императорское величество, вышедъ въ залу, за отсутствіемъ другихъ, ко мнѣ, къ князь Никитѣ Юрьевичу (Трубецкому), къ Александру Борисовичу (Бутурлину) и къ князь Михаилу Михайловичу (Голицыну) съ великимъ неудовольствіемъ отзываться изволила, что ваше превосходительство такъ долго въ Польшѣ мѣшкаетъ".

18-го іюля идетъ новое письмо отъ канцлера къ фельдмаршалу: „Должность истинно-преданнаго друга требуетъ отъ меня вашему превосходительству хотя съ крайнимъ сожалѣніемъ и въ такой же конфиденціи не скрыть, что, несмотря на всю строгость изданнаго въ народѣ въ вашу пользу запретительнаго указа, медлительство вашего марша, слѣдовательно и военныхъ операцій начинаетъ здѣсь уже по всему городу вашему превосходительству весьма предосудительныя разсужденія производить, кои даже дотого простираются, что награжденіе обѣщаютъ, кто бы россійскую пропавшую армію нашелъ. Правда, подобныя превратныя толкованія чинятся отъ незнанія встрѣчающихся вашему превосходительству въ томъ затрудненій. Но какъ со всѣмъ тѣмъ они вашему превосходительству всегда вредятъ и вредить могутъ, то я совѣтовалъ бы, несмотря на подаваемые вамъ иногда съ какой другой стороны въ томъ успокоенія, преодолѣвая, по возможности, случающіяся трудности, вашими маршемъ и операціями ускорять, и тѣмъ самымъ выше-изображенныя толкованія пресѣчь и всѣмъ ротъ заперетъ" [2]).

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1750 года; Архивъ кн. Воронцова, кн. IV. Запретительный указъ, о которомъ упоминаетъ Бестужевъ, напечатанъ въ 46 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»: „Мы съ крайнимъ неудовольствіемъ увѣдомились, что многіе какъ изъ нашихъ подданныхъ, такъ и живущихъ здѣсь въ нашей службѣ и въ нашей

Наконецъ, отъ 19-го іюля было получено извѣстіе изъ главной арміи, что она съ 14-го числа находится при Вержболовѣ, въ полумили только отъ прусскихъ границъ, и дожидается остальныхъ войскъ, которыя за тѣснотою дорогъ вмѣстѣ идти не могли. При публикованіи этого извѣстія приложены были причины, почему армія двигалась такъ медленно: „Великія препятствія и трудности, кои замедлили походъ нашъ до Ковны, не могутъ никакъ въ сравненіи поставлены быть съ тѣми, кои намъ отъ Ковны до сего мѣста преодолѣвать надлежало. До того мѣста были у насъ съ великими иждивеніями запасенные магазины; а впереди благоразуміе и близость прусскихъ войскъ не дозволили учредить оные. Несносныя жары, кои собою походъ чинятъ труднымъ, лишили насъ еще способа получать провіантъ и фуражъ водою, ибо отъ того рѣки такъ обмелѣли, что суда проходить не могутъ. Необходимость была свозить къ арміи провіантъ на обывательскихъ подводахъ, что сколько труда, столько-жъ и времени требовало".

20-го іюля главная армія перешла прусскія границы—и немедленно начались небольшія стычки съ непріятелемъ, а между тѣмъ Ферморъ изъ Мемеля занялъ Тильзитъ и шелъ для соединенія съ фельдмаршаломъ; всего русскаго войска, вошедшаго въ прусскія границы, полагалось по спискамъ до 135,000 человѣкъ, но въ дѣйствительности было гораздо менѣе.

Наконецъ, 28 августа жители Петербурга были разбужены, въ четыре часа утра, пушечною пальбою, насчитали 101 выстрѣлъ: наканунѣ, въ 9 часовъ вечера, въ Царское Село, гдѣ жила императрица, прискакалъ съ трубящими почтальонами курьеръ, генералъ-маіоръ Петръ Ив. Панинъ, привезъ извѣстіе о большой побѣдѣ, одержанной 19-го августа русскимъ войскомъ надъ прусскимъ фельдмаршаломъ Левальдомъ, на берегахъ Прегеля, при деревнѣ Гросъ-Егерсдорфъ. Апраксинъ такъ описывалъ дѣло.

17-го числа непріятель занялъ лѣсъ не далѣе мили отъ русской арміи съ намѣреніемъ мѣшать дальнѣйшему движенію Русскихъ, и три дня сряду показывалъ видъ, что хочетъ напасть на нихъ. 19-го числа, въ пятомъ часу пополуночи, когда Русскіе начали выступать въ походъ и проходили черезъ лѣсъ, непріятель такъ же началъ выступать изъ лѣсу и приближаться къ русскимъ полкамъ въ наилучшемъ порядкѣ, при сильной пушечной пальбѣ, и, черезъ полчаса, приблизясь къ русскому фронту напалъ „съ такою фуріею сперва на лѣвое крыло, а потомъ и на правое, что писать нельзя". Огонь изъ мелкаго ружья безпрерывно съ обѣихъ сторонъ продолжался около трехъ часовъ. „Я признаться долженъ", писалъ Апраксинъ, „что во все то время, невзирая на мужество и храбрость такъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ, какъ и всѣхъ солдатъ, и на великое дѣйство новоизобрѣтенныхъ графомъ Шуваловымъ секретныхъ гаубицъ (которыя толикую пользу приносятъ, что, конечно, за такой его трудъ онъ вашего императорскаго величества высочайшую милость и награжденія заслуживаетъ), о побѣдѣ ничего рѣшительнаго предвидѣть нельзя было, тѣмъ паче что вашего императорскаго величества славное войско, находясь въ маршѣ, за множествомъ обозовъ не съ такою способностію построено и употреблено быть могло, какъ того желалось и постановлено было". Несмотря на то, непріятель разбитъ, разсѣянъ и прогнанъ легкими войсками чрезъ рѣку Прегель до прежняго его лагеря подъ Велау. Такой жестокой битвы еще не бывало въ Европѣ, по свидѣтельству иностранныхъ волонтеровъ, особенно австрійскаго фельдмаршала-лейтенанта С.-Андрэ. Съ нашей стороны уронъ еще не извѣстенъ; но считается между убитыми командовавшій лѣвымъ крыломъ генералъ Василій Лопухинъ, о которомъ Апраксинъ безъ слезъ вспомнить не могъ, генералъ-поручикъ Зыбинъ и бригадиръ Капнистъ; ранены, генералъ-лейтенанты —Юрій и Матвѣй Ливены и Матвѣй Толстой; генералъ-маіоры—Дебоскетъ, Вильбуа, Мантейфель, Веймарнъ и бригадиръ Племянниковъ; но всѣ не опасно. Непріятель потерялъ 8 пушекъ, три гаубицы и 18 полковыхъ пушекъ; плѣнныхъ у него взято болѣе 600 человѣкъ, въ томъ числѣ 8 оберъ-офицеровъ, дезертировъ приведено болѣе 300 человѣкъ. О присланномъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ генералъ-маіорѣ Панинѣ, Апраксинъ писалъ, что онъ былъ при немъ во все время похода дежурнымъ генераломъ, несъ великіе труды и много помогалъ ему, фельдмаршалу, вовремя сраженія: куда самъ фельдмаршалъ поспѣть не могъ, всюду—посылалъ Панина для уговариванія и ободренія людей, такъ что тотъ находился въ самомъ сильномъ огнѣ, „да и современемъ", прибавляетъ Апраксинъ, „и по смѣлости и храбрости его великимъ генераломъ быть можетъ; словомъ сказать, всѣ вашего императорскаго величества подданные въ ввѣренной мнѣ арміи при семъ сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ рабская должность природной ихъ государынѣ требовала. Волонтеры, а именно—князь Репнинъ и графъ Брюсъ и Апраксинъ, ревностью и неустрашимостью своею также себя отличали, и потому, повергая весь генералитетъ (особливо всѣхъ молодыхъ генераловъ, кои истинно весьма храбро поступали и въ такомъ огнѣ были, что подъ инымъ лошади по двѣ убито или ранено, а генералъ-маіоръ Вильбуа хотя и раненъ былъ въ го-

---

протекціи иностранцевъ, разглашая многія лживыя вѣдомости о нынѣшнихъ статскихъ, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ, присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ нескладныя разсужденія, съ столь большею продерзостью, сколь меньшее объ оныхъ имѣютъ они свѣдѣніе и понятіе; и для того запотребно разсудили мы чрезъ сіе для извѣстія каждаго объявить: что ежели кто отнынѣ, разглашая какія-либо извѣстія, или еще вымышляя оныя, о непринадлежащихъ до него особливо, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ превратныя толкованія и разсужденія дѣлать станетъ, а намъ о томъ донесется, такой неминуемо всю тягость нашего гнѣва почувствуетъ".

ловѣ, однако до окончанія всего дѣла съ лошади не сошелъ, и обрѣтающагося при мнѣ волонтеромъ голштинской его императорскаго высочества службы поручика Надастія, который такъ смѣлъ и храбръ и толикую къ службѣ охоту имѣетъ, что не токмо во всѣхъ партіяхъ и при авангардѣ находился, но и вездѣ отлично и неустрашимо поступалъ), такожь штабъ и оберъ-офицеровъ и все войско къ монаршескимъ вашего императорскаго величества стопамъ, препоручаю всевысочайшей материнской щедрости. Чужестранные волонтеры, вначалѣ римско-императорской, генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ С.-Андрэ съ находящимися при немъ штабъ и оберъ-офицерами весьма себя отличилъ; французскіе полковники Фитингофъ, особливо же Лопиталь и саксонскій полковникъ Ламсдорфъ съ ихъ офицерами такожь поступками своими храбрыми немалую похвалу заслужили. Что-жь до меня принадлежитъ, то я такъ, какъ предъ самимъ Богомъ, вашему величеству признаюсь, что я въ такой грусти сперва находился, когда съ такою фуріею и порядкомъ непріятель насъ въ маршѣ атаковалъ, что я за обозами вдругъ не съ тою пользою вездѣ дѣйствовать могъ, какъ расположено было, что я въ такой огонь себя отваживалъ, гдѣ около меня гвардіи сержантъ Курсель убитъ и гренадеръ два человѣка ранено, вахмейстеръ гусарскій убитъ и нѣсколько человѣкъ офицеровъ и гусаръ ранено-жь, такожь и подо мною лошадь, однимъ словомъ, въ толикой былъ опасности, что одна только Божія десница меня сохранила, ибо я хотѣлъ лучше своею кровію вѣрность свою запечатать, чѣмъ неудачу какую видѣть"[1]).

По характеру нашего сочиненія, мы не можемъ входить въ подробности военныхъ дѣйствій; но мы не можемъ не упомянуть о разсказѣ очевидца Болотова, гдѣ объясняется и пополняется реляція главнокомандующаго. Но при этомъ мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ разсказомъ девятнадцати-лѣтняго офицера, написаннымъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ дѣйствій Апраксина. Самъ Болотовъ предостерегаетъ читателей: „Я напередъ вамъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности всѣ при томъ бывшія обстоятельства не извѣстны, хотя я дѣйствительно самъ при томъ былъ и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я тогда былъ, знать всѣ подробности, происходившія въ арміи, и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно. Армію въ походѣ не инако, какъ съ великимъ и многонароднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается".

[1]) Военныя Прусскія дѣла 1757 года въ Московскомъ Арх. Мин. Ин. Д.

Несмотря на сознаніе, что ему, какъ маленькому человѣку, нельзя было всего видѣть и знать, Болотовъ охотно повторяетъ враждебные толки и слухи объ Апраксинѣ, да и вообще смотритъ непріязненно почти на всѣхъ *командировъ*. Особенно въ непріятномъ свѣтѣ выставляется одинъ изъ генералъ-аншефовъ, Георгій Ливенъ: „Ливенъ войсками не командовалъ и находился при свитѣ фельдмаршальской и приданъ былъ ему для совѣта и властно, какъ въ дядьки: странный поистинѣ примѣръ! Какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ передъ всѣмъ свѣтомъ, если-бъ не было при насъ сей умницы и сего мнимаго философа".

Болотовъ согласно съ реляціею разсказываетъ, что русская армія выступала въ дальнѣйшій походъ, ибо не было никакой надежды заставить непріятеля вступить въ битву; но Пруссаки воспользовались движеніемъ Русскихъ и соединеннымъ съ нимъ безпорядкомъ вслѣдствіе обоза и неровности почвы, и напали нечаянно, не давши Русскимъ времени выстроиться. „Непріятели", говоритъ Болотовъ, „имѣли несравненно болѣе выгодъ, нежели наши. Ихъ аттака ведена была порядочнымъ образомъ, лучшими полками и людьми и по сдѣланной напередъ и правильно наблюдаемой диспозиціи. Артиллерія ихъ дѣйствовала, какъ надобно; а весь тылъ у нихъ былъ открытъ и подкрѣпленъ второю линіею и резервами, изъ которыхъ имъ ничто не мѣшало весь уронъ въ первой сражающейся линіи вознаграждать ту же минуту свѣжими людьми; такую же возможность имѣли они снабжать дерущихся нужными припасами и порохомъ. Что касается нашихъ, то, во-первыхъ, диспозиціи напередъ никакой не было сдѣлано, да и некогда было дѣлать; во-вторыхъ, людей съ нашей стороны было гораздо меньше, чѣмъ съ непріятельской: у нихъ дралась цѣлая линія, а у насъ едва только одиннадцать полковъ могли вытянуться. Къ несчастью, и эти немногіе люди были связаны по рукамъ и ногамъ: во-первыхъ, съ нами не было нужной артиллеріи, кромѣ малаго числа полковыхъ пушекъ и Шуваловскихъ гаубицъ, и что можно было изъ нихъ сдѣлать, когда большую половину ихъ ящиковъ и снарядовъ за лѣсомъ провезти было нельзя? Во-вторыхъ, прижаты они были къ самому лѣсу такъ, что позади себя никакого простора не имѣли; въ третьихъ, помощи и на мѣсто убитыхъ свѣжихъ людей получить было неоткуда: большая часть арміи была хотя не въ дѣйствіи, но стояла за лѣсомъ и въ такихъ мѣстахъ, откуда до нихъ дойти было нельзя.

Несмотря на всѣ эти невыгоды, русскіе полки стояли твердо, какъ стѣна; цѣлые два часа удерживали они натискъ непріятеля. Наконецъ, большая часть ихъ была побита и переранена. Ряды рѣдѣли; офицеровъ почти никого не было, не стало и пороху. Въ такой крайности подвинулись они поближе къ лѣсу, но этимъ еще больше испор-

тили дѣло: непріятель подумалъ, что они отступаютъ и бросился на нихъ съ удвоеннымъ жаромъ. Генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, какъ ни уговаривалъ солдатъ къ храброй оборонѣ, не могъ ничего сдѣлать; израненый, онъ попалъ въ руки прусскихъ гренадеръ; но русскіе гренадеры бросились и выхватили начальника только для того, чтобъ онъ умеръ среди своихъ. Тогда русскіе полки, находившіеся за лѣсомъ, наскучивши стоять безъ дѣла въ то время, когда товарищи ихъ погибали, вздумали пойти *или, можетъ быть, посланы были* продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ. Густота лѣса была такъ велика, что съ нуждою и одному человѣку продраться было можно; несмотря на то, полки, покинувъ затруднявшіе ихъ пушки и патронные ящики, бросились на голосъ погибающихъ товарищей. Тогда все перемѣнилось: свѣжіе полки, давши залпъ, съ крикомъ бросились въ штыки на непріятеля, который дрогнулъ, хотѣлъ-было построиться получше, но уже было некогда: Русскіе сѣли ему на шею, по выраженію Болотова, и не дали ни минуты времени; Пруссаки, начавшіе-было сперва отступать правильно, скоро побѣжали безъ всякаго порядка.

Болотовъ упрекаетъ Апраксина за то, что фельдмаршалъ въ донесеніи своемъ хвалитъ однихъ волонтеровъ да иностранцевъ и умолчалъ о человѣкѣ, ведшемъ себя дѣйствительно погеройски,—полковникѣ Языковѣ, который, несмотря на раны, съ полкомъ своимъ выдержалъ весь огонь и удержалъ чрезвычайно важный постъ, отбивъ непріятеля. Мы видѣли, что Апраксинъ особенно выставилъ генерала Петра Ив. Панина; но въ разсказѣ самого Болотова останавливаетъ насъ любопытное мѣсто, гдѣ говорится, какъ нѣсколько полковъ продрались сквозь лѣсъ на помощь къ своимъ, не могшимъ болѣе выдерживать непріятельскій натискъ, и обратили въ бѣгство Пруссаковъ. У Болотова встрѣчаемъ странныя выраженія: „полки вздумали пойти или, можетъ быть, посланы были". Неужели нельзя было узнать самаго важнаго дѣла: кто первый вздумалъ, кто первый сдѣлалъ движеніе. Если авторъ нехотя сказалъ: „или, можетъ быть, посланы были", то почему не договорилъ, что послать ихъ и самъ съ ними идти долженъ былъ ихъ генералъ, графъ Румянцевъ. Сказать это, какъ видно, было очень тяжело „маленькому человѣку", который очень неосторожно высказываетъ свое стараніе отнять у *командировъ* всякое участіе въ успѣхѣ дѣла: „баталія была столь стѣсненная и спутанная", толкуетъ онъ, „что никому изъ командировъ ничего сдѣлать было не можно". Но одинъ командиръ погибъ, исполняя свою обязанность; а другой, двинувъ свѣжіе полки изъ лѣса, далъ побѣду. Неужели Болотовъ, освѣдомляясь о подробностяхъ битвы, не освѣдомился объ одномъ: гдѣ былъ генералъ Румянцевъ въ то время, когда его полки выигрывали Гросъ-Егерсдорфскую побѣду.

Любопытно, что Болотовъ, упрекая Пруссаковъ за невѣрныя описанія битвы, хвалитъ самого короля Фридриха II, который, по его словамъ, „говоритъ всѣхъ прочихъ справедливѣе и описываетъ баталію почти точно такъ, какъ она происходила", кромѣ уменьшенія потерь съ прусской стороны и показанія числа войска бывшаго у Левальда. Но Фридрихъ II вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ о Гросъ-Егерсдорфской битвѣ: „Левальдъ атаковалъ лѣсъ, гдѣ находились русскіе гренадеры; эти гренадеры были разбиты и почти всѣ истреблены; но имъ на помощь Румянцевъ двинулъ 20 батальоновъ второй русской линіи; онъ ударилъ во флангъ и въ тылъ прусской пѣхоты, которая принуждена была отступить".

Апраксинъ оканчивалъ свое донесеніе о побѣдѣ словами: „Теперь мнѣ болѣе не остается, какъ неусыпное стараніе приложить о вящихъ прогрессахъ для достиженія всевысочайшаго намѣренія". Но въ Петербургѣ не дождались отъ него извѣстій о вящихъ прогрессахъ.

Отъ 13 сентября Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ получила такой указъ: „Послѣ одержанной въ 19 день минувшаго мѣсяца надъ прусскою арміею побѣды, армія наша немедленно далѣе маршировала, и такъ, что къ Алленбургу приближалась въ такомъ намѣреніи, чтобъ вторичную дать баталію; но непріятель, несмотря на свое весьма выгодное и весьма крѣпкое за рѣкою Аломъ положеніе, не отважился обождать атаки, но паче скоропостижно подъ пушки Кенигсберга ретировался, оставляя всюду знаки крайняго и безпримѣрнаго свирѣпства надъ собственными своими подданными и лишая оныхъ послѣдняго пропитанія. А какъ потому нашей побѣдоносной арміи въ дальнемъ маршѣ недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ причиненъ, да отъ того и подвозъ онаго труденъ сталъ, то нашъ генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ за нужное разсудилъ вмѣсто того, чтобъ дальнѣйшимъ въ разоренную землю вступленіемъ извѣстному голоду подвергнуть армію, поворотиться на время ближе къ магазинамъ, лежащимъ по рѣкѣ Нѣману, дабы тамъ, оставя больныхъ и прочія въ походѣ обезпокоивающія тягости, вновь съ лучшимъ успѣхомъ продолжать свои операціи, какъ то самымъ дѣломъ вскорѣ доказано будетъ. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ имѣетъ сіе прямое состояніе дѣлъ въ Пруссіи какъ союзнымъ съ нами Дворамъ, такъ и вездѣ, гдѣ надлежитъ, толь паче дать знать, что съ прусской стороны, конечно, оставлено не будетъ тому совсѣмъ другое истолкованіе сдѣлать".

Отъ 25 сентября другой указъ: „Мы имѣли причину надѣяться, что генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ, конечно, не замедлитъ возобновить свои операціи; мы тогда-жь наикрѣпчайше подтвердили ему ускорить оными. Но, къ крайнему нашему сожалѣнію, получили мы новое отъ него доношеніе, что армія наша, прибывъ къ Тильзиту, хотя и снабдила себя двунедѣльнымъ провіантомъ, однакожь помянутый нашъ фельдмаршалъ тѣмъ не-

меньше припужденнымъ себя видѣлъ чрезъ рѣку Нѣманъ переправиться, дабы отъ такихъ мѣстъ ближе быть, гдѣ армію удобнѣе-бъ на зимнія квартиры расположить можно было. Причины, побудившія къ сему новому намѣренію, такъ важны, что непризнаваемы быть не могутъ. Армія наша, по претерпѣніи сперва въ походѣ такихъ великихъ безпрестанно жаровъ, какимъ въ здѣшнемъ климатѣ примѣра не бывало, вдругъ подвержена была въ весьма низкой землѣ претерпѣвать съ четыре недѣли и паки непрестанно продолжавшіеся дожди. Легко притомъ можно разсудить, что въ такомъ случаѣ болѣзни не могли какъ весьма умножиться, а число слабыхъ крайне и велико быть. Конница, которая съ начала весны ведена была съ Украйны и другихъ отдаленныхъ мѣстъ и такой маршъ сдѣлала, которому въ другихъ мѣстахъ, конечно, примѣра нѣтъ, имѣла уже и тѣмъ однимъ изнурена быть; но къ бо́льшему несчастію извѣстнымъ образомъ въ нынѣшнемъ году недостатокъ фуража и въ самой Польшѣ почти генеральнымъ былъ, и, по вступленіи въ Пруссію, сей недостатокъ столь умножился, что часто посыланными больше какъ за 20 верстъ фуражирами не найдено совсѣмъ ничего онаго. Легко потому разсудить, каково имѣетъ быть состояніе помянутой конницы, и что дальнѣйшее ея въ истощенной землѣ пребываніе было бы извѣстною ея только погибелью безъ всякой, напротивъ того, уповаемой пользы. Сверхъ всего того, хотя и нѣтъ недостатка въ провіантскихъ магазинахъ, однакожь, по мѣрѣ удаленія отъ оныхъ арміи становится крайне труднымъ или и весьма невозможнымъ подвозъ изъ оныхъ. При такомъ состояніи дѣлъ справедливо могъ нашъ фельдмаршалъ разсудить, что не токмо для насъ, но и для самихъ союзниковъ нашихъ несравненно полезнѣе сохранить къ будущей кампаніи изрядную армію, нежели напрасно подвергать оную такимъ опасностямъ, которыя ни храбростію, ни мужествомъ, ни человѣческими силами отвращены быть не могутъ. Мы знаемъ, что съ прусской стороны будетъ всему тому учинено другое истолкованіе, и, можетъ быть, самымъ индиферентнымъ не покажется сіе обыкновенно, что побѣдоносная армія оставляетъ побѣжденному непріятелю завоеванную у него землю; но вѣдая, напротивъ того, что прямая тому причина — недостатокъ фуража и крайняя трудность въ пропитаніи арміи, и что не оставляется непріятелю такихъ мѣстъ, откуда-бъ онъ могъ воспрепятствовать и паки въ землю его вступить, могли-бъ совершенно спокойны быть, какія бы при томъ съ прусской стороны разглашенія ни были, толь паче, что мы увѣрены, что союзники наши не будутъ притомъ сомнѣваться о непоколебимости нашихъ намѣреній и непремѣнномъ желаніи съ ними содѣйствовать. Но великодушіе наше и прямое союзническое о интересахъ ихъ попеченіе превышаетъ всѣ вышеизображенныя уваженія, почему мы, сколь скоро сіе послѣднее намъ непріятное извѣстіе получили, что нашъ фельдмаршалъ и Нѣманъ рѣку переходить намѣренъ, то еще повелѣли ему всевозможное въ дѣйство употребить, дабы удержать себя въ Пруссіи и, буде случай будетъ, непріятеля атаковать“ [1]).

Но повелѣніе не было исполнено. 28 сентября въ арміи держанъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено отступить за Нѣманъ. Посылая въ Петербургъ журналъ военнаго совѣта, Апраксинъ писалъ отъ 30 сентября [2]): „Суровость времени и недостатокъ въ здѣшней землѣ провіанта и фуража, равно какъ изнуренная совсѣмъ кавалерія и изнемогшая пѣхота суть важнѣйшими причинами, кои меня побудили, для соблюденія ввѣренной мнѣ арміи, принять резолюцію чрезъ рѣку Нѣманъ перебраться и къ своимъ границамъ приближиться. Сіе самое препятствіемъ было надъ побѣжденнымъ непріятелемъ дальнѣйшіе прогрессы производить. Онъ хотя по учиненной съ моей стороны при Алѣ рѣкѣ стратажемѣ въ лѣвую руку къ Аленбургу, не обождавъ ни перехода съ арміею чрезъ рѣку, ниже атаки, изъ виду и ретировался, однако не совсѣмъ побѣжалъ, но для того только сію ретираду учинилъ, чтобъ, опасаясь моего прямо къ Кенигсбергу чрезъ Аленбургъ слѣдованія, лучшее и крѣпчайшее мѣсто, каковыхъ у него отъ рѣки Алы до Кенигсберга нѣсколько заготовлено, занять и проходу моему тѣмъ болѣе препятствовать могъ. По такой его ретирадѣ, увѣдомясь заподлинно о положеніи укрѣпленныхъ до Кенигсберга мѣстъ, взятіе которыхъ много людей стоило-бъ, и явившееся оскудѣніе запаснаго провіанта, паче же недостатокъ фуража въ истощенной непріятелемъ землѣ, ибо въ Кенигсбергѣ шефель муки по семи талеровъ продавался, съ общаго согласія всего генералитета поворотъ учиненъ къ Тильзиту въ такомъ намѣреніи, чтобъ, исправясь тамо, паки впередъ подвинуться. Но нашедъ въ Тильзитѣ многія главнѣйшія и человѣческимъ разумомъ непреодолимыя препятствія, отъ рановременныхъ по здѣшнему климату ненастей и морозовъ, и не могучи волѣ Божіей противиться, съ наичувствительнѣйшимъ моимъ и всего генералитета сокрушеніемъ, не въ сходство высочайшаго вашего величества намѣренія и въ противность нашего искреннѣйшаго желанія поступить, и сіе къ границамъ приближеніе за лучшій къ соблюденію арміи способъ тѣмъ паче избрать принужденъ былъ, что, удержавъ Тильзитъ и рѣку Нѣманъ, также расположа армію въ сей завоеванной Пруссіи, такъ отъ недостатка провіанта и фуража, какъ и отъ раздѣленія по частямъ арміи для сбереженія завоеванныхъ мѣстъ, конечная погибель всему войску нанесена была-бъ. Невзирая на то, что въ Мемелѣ провіанта довольно, котораго доставленіе къ арміи невозможно ни гафомъ, ни сухимъ путемъ: гафомъ — потому, что на десяти галерахъ и прочихъ мелкихъ судахъ, кои къ тому способными найдены и во всей той сторонѣ собраны быть могли, умалчивая о

[1]) Протоколы конференцій.
[2]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

томъ затрудненіи, что чрезъ Шварцеръ-ортъ за мелью всякую галеру, выгрузя, перетаскивать надобно, не болѣе 1,500 четвертей уложиться можетъ, а сухимъ путемъ—за крайнею въ здѣшней землѣ и Жмуидахъ въ осеннее время, по низкости ситуаціи, распутицею ничего подвозить нельзя, рѣкою же Нѣманомъ—за кривымъ теченіемъ оной и многими мелями, по причинѣ которыхъ отъ бо́льшей части къ непріятельскому берегу вверхъ по рѣкѣ плыть и приставать должно,—весьма опасно. Что же принадлежитъ до добровольнаго здѣшнихъ обывателей подверженія въ подданство вашего величества, то принятое ими намѣреніе принужденнымъ почесть должно, какъ то дѣйствительно и оказалось, ибо многіе, только-что успѣли присягу принести и тѣмъ себя обнадежить, тотчасъ противъ насъ и вооружились, да иначе и ожидать нельзя, ибо должность къ природному государю натурально ихъ на то влечетъ, а сверхъ того всѣмъ обывателямъ, особливо же въ городахъ живущимъ, отъ начальства повелѣно, себя разоренію не подвергая, оружію вашему покориться, истолковавъ имъ притомъ, что чинимая по такой крайности присяга безъ угрызенія совѣсти всегда нарушена быть можетъ".

Сильные вопли французскаго и австрійскаго пословъ противъ Апраксина, жалобы на него генерала С.-Андрэ заставляли посылать къ нему грозные указы. Апраксинъ писалъ императрицѣ 6 октября: „Высочайшій указъ, мною вчерась полученный, что больше я читалъ, толь болѣе умножался во мнѣ трепетъ и отчаяніе. Севодни собранному для держанія совѣта всему генералитету я, при объявленіи того указа, принялъ дерзновеніе предложить, ежели они примѣчаютъ, что я есть настоящимъ препятствіемъ подачи ихъ свободныхъ въ совѣтахъ мнѣній или причиною къ неисполненію вашихъ высокихъ мнѣ повелѣній, то чтобъ они приговорили не только отъ меня главную команду кому принять, но и шпагу свою ихъ присутствію отдавалъ; но они во мнѣ никакого къ тому преступленія не нашли и отъ того отреклись".

Между тѣмъ генералу Фермору, которому болѣе другихъ довѣряли, послано было въ Мемель приказаніе отвѣчать откровенно по пунктамъ о положеніи арміи и о дѣйствіяхъ фельдмаршала. Ферморъ отвѣчалъ 14 октября: „Какъ предъ Богомъ, вашему импер. величеству по сущей правдѣ на повелѣнные пункты своеручнымъ письмомъ рабски доношу: 1) до баталіи за 12 дней армію людьми нашелъ я въ добромъ состояніи, а лошадей подъ кавалеріею и артиллеріею и полковыми тягостями уже въ слабомъ состояніи; по наступившимъ же дождямъ и великимъ грязямъ день-отъ-дня въ совершенную худобу пришли, а по прибытіи къ рѣкѣ Алѣ уже и валиться начали; нынѣ же отъ дальняго и труднаго похода и ненастливой погоды какъ люди бо́льшею частію въ немалой слабости, а лошади въ негодности находятся, и затѣмъ съ желаемымъ успѣхомъ военныхъ операцій произвесть невозможно. 2) Причины отступленія арміи къ ея магазинамъ суть слѣдующія: недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи, и хотя-бъ непріятель вторично разбитъ и Кенигсбергъ взятъ былъ, то, не имѣя готовыхъ магазиновъ, войска пропитать нечѣмъ было, а въ такомъ противномъ случаѣ, аще бы подъ закрытіемъ прусскаго войска блокада города продолжалась, то-бъ за недостаткомъ принуждены были отступить и тѣмъ полученную славу умалить. 3) Армію на зимнія квартиры въ непріятельской землѣ расположить, пока непріятельская армія совсѣмъ разбита или прогнана не будетъ, способовъ представить не можно, кромѣ предпринятыхъ по крайнему разумѣнію отъ всего генералитета" [1]).

Но вопли французскаго и австрійскаго министровъ противъ Апраксина не уменьшались, и, несмотря на объясненія Фермора, рѣшено было смѣнить фельдмаршала и отдать главное начальство тому же Фермору, который заявлялъ свое участіе и сочувствіе распоряженіямъ Апраксина, какъ сдѣланнымъ съ общаго согласія всего генералитета. 16 октября Иностранной Коллегіи данъ былъ указъ для сообщенія министрамъ союзныхъ Дворовъ: „Предпріятая единожды безъ указу нашимъ генераломъ-фельдмаршаломъ Апраксинымъ ретирада тѣмъ больше непріятныя произвела по себѣ слѣдствія, что мы оной предвидѣть, и потому и предупредить не могли; наступившее же нынѣ паче всѣхъ лѣтъ толь рано суровое и почти самое уже зимнее время дѣлаетъ безплодными всѣ наши усиленія поправить ихъ въ скорости. Сверхъ натурально великаго прискорбія видѣть такое предпріятіе замедленнымъ и на время весьма остановленнымъ, которое, казалось, не могло не имѣть пожеланнаго успѣха, мы чувствуемъ оттого еще большее огорченіе, что: 1) операція нашей арміи генерально не соотвѣтствовала нашему желанію, ниже тѣмъ деклараціямъ и обнадеживаніямъ, кои мы учинили нашимъ союзникамъ — замедлившееся окончаніе кампаніи наградить скоростію и силою воинскихъ дѣйствъ. 2) Что, положась на доношеніе нашего фельдмаршала, свѣту объявили, что поворотъ нашей арміи къ магазинамъ дѣлается только на время и операціи вновь съ лучшимъ успѣхомъ начнутся, и что, наконецъ, 3) рескриптомъ нашимъ отъ 25 числа минувшаго мѣсяца вновь подали мы союзникамъ нашимъ надежду, что армія наша всевозможное употребитъ въ Пруссіи себя удержать, и, если случай будетъ, непріятеля атаковать. Происшествіе показало, что ни то, ни другое сдѣлаться не могло. Какъ бы ни было, наше намѣреніе тѣмъ не менѣе—твердо и непоколебимо отъ соглашенныхъ мѣръ ни мало не отступать, и какъ къ сему наиглавнѣйше принадлежитъ испытать прямыя причины, отчего походъ нашей арміи сперва медлителенъ былъ, а потомъ оная и весьма ретироваться принуждена была, дабы потому толь надежнѣе по-

[1]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

требныя мѣры взять можно было, то мы за нужно разсудили команду, надъ арміею у фельдмаршала Апраксина взявъ, поручить оную генералу Фермору, а его (Апраксина) сюда къ отвѣту позвать" [1]).

Это заявленіе должно было успокоить Вѣнскій Дворъ; но въ концѣ года было еще непріятное объясненіе у Кейзерлинга съ Кауницемъ. Въ ноябрѣ, Кейзерлингъ получилъ рескриптъ императрицы, повелѣвавшей ему сообщить Австрійскому правительству жалобы Православныхъ Сербовъ на гоненія за вѣру. Кейзерлингъ началъ свой разговоръ съ Кауницемъ о томъ, что хотя Русская императрица всегда удаляется отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла чужихъ государствъ, однако она не можетъ не ходатайствовать за своихъ единовѣрцевъ, терпящихъ нужду и притѣсненія. Она увѣрена, что императрица-королева объ этомъ не знаетъ, и потому онъ, Кейзерлингъ, долженъ сообщить канцлеру: 1) въ 1754 году въ Кроаціи и прочихъ областяхъ публиковано, чтобъ всѣ исповѣдающіе Греческій законъ оставили его и приняли римско-католическую вѣру, въ противномъ случаѣ будутъ осуждены на висѣлицу и четвертованіе. 2) Греческій законъ и исповѣдающихъ его поносятъ самымъ безчестнымъ образомъ, называютъ ихъ невѣрными и отпадшими: но такъ называютъ язычниковъ, а не людей, вѣрующихъ во Христа и Его апостоловъ. 3) Командующій въ Кроаціи, Далмаціи и Трансильваніи графъ Петацы отнялъ у греческихъ прихожанъ Архангело-Михайловскій монастырь, отчего воспослѣдовало 4) что Сербы лишены исповѣди и Св. Причастія, и принуждены жить въ отчаяніи. 5) Неуваженіе къ святѣйшимъ вещамъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые католики, во время освященія Св. Евхаристіи, въ греческихъ церквахъ взлѣзаютъ на алтарь и дѣлаютъ всякія непристойности, а въ кадильницы кладутъ вовсе неблаговонныя вещи. 6) Службу Божію часто останавливаютъ, приходятъ въ церкви съ заряженными ружьями, стрѣляютъ и, такимъ образомъ, заставляютъ прихожанъ покидать храмы. 7) Оскверняютъ храмы, позволяя себѣ въ нихъ такія дѣла, которыя и въ законныхъ супружествахъ не дозволяются. 8) Стараются всякими мѣрами привлечь Православныхъ къ принятію уніи: тѣ, которые непоколебимы въ своемъ законѣ, принуждены оставить женъ, дѣтей, имѣніе или подвергнуться смертной казни, какъ государственные преступники.

Кауницъ отвѣчалъ на это письменно: „Мнѣніе господина посла о томъ, что жалобы на притѣсненія людей Греческаго исповѣданія не достигли къ престолу нашей государыни, совершенно справедливо; но по этой самой причинѣ означенныя жалобы подозрительны, потому что съ священнымъ между государемъ и подданными союзомъ согласнѣе, чтобъ обиженные прежде прибѣгали къ своему природному государю и отъ него ожидали прекращенія своимъ бѣдамъ. Императрица-королева велѣла развѣдать о дѣлѣ, и жалобы оказались совершенно ложными, такъ-что само Греческое духовенство пришло въ изумленіе и разсердилось. Безбожные люди утруждаютъ этими жалобами императрицу Всероссійскую только для того, чтобъ въ наслѣдныхъ земляхъ императрицы-королевы возбудить непослушаніе и безпокойство и, если возможно, разстроить тѣсный союзъ между обоими императорскими Дворами" [2]).

Въ началѣ года, англійское министерство все еще толковало о томъ, отчего бы Россіи не быть посредницею между Австріею и Пруссіею. Русскій посланникъ, князь Александръ Голицынъ, сообщилъ своему Двору о разговорѣ своемъ съ графомъ Голдернесомъ: „Я не могу надивиться", началъ Голдернесъ, „что при вашемъ Дворѣ такъ неблагосклонно принимается предложеніе взять на себя посредничество между Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами,—вѣдь этотъ поступокъ не можетъ означать ничего другого, кромѣ полнаго довѣрія къ вашей императрицѣ".—„Если ея императорское величество уже разъ объявила", отвѣчалъ Голицынъ, „что она намѣрена точно и вѣрно выполнить обязательства, заключенныя съ императрицею-королевою, то возобновленіе предложенія со стороны кавалера Уильямса, безъ сомнѣнія, должно было показаться при нашемъ Дворѣ гораздо страннѣе, чѣмъ отверженіе медіаціи должно было показаться при вашемъ. Ясно, что это предложеніе происходитъ не отъ дружескаго довѣрія Прусскаго короля, но отъ желанія выиграть время и чѣмъ-нибудь возбудить недовѣріе между союзными Дворами, причемъ употреблены и угрозы, что иначе король Прусскій немедленно нападетъ на русскія войска. Такія неприличныя угрозы чрезвычайно удивительны, если принять во вниманіе, съ одной стороны, благополучное состояніе Россійской имперіи, а съ другой, что эти угрозы получаются чрезъ великобританскаго посла".—Тутъ Голдернесъ перебилъ Голицына: „Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ", сказалъ онъ, „я съ вами совершенно согласенъ и могу прибавить, что Уильямсъ поступилъ такимъ образомъ не только не по указу отсюда, но въ послѣднихъ депешахъ своихъ запирается, что никогда никакихъ угрозъ не передавалъ. Впрочемъ, каждый Дворъ можетъ судить своихъ министровъ только по ихъ собственнымъ доношеніямъ, и такъ какъ Уильямсъ очень слабаго здоровья и петербургскій климатъ ему положительно вреденъ, то было бы безчеловѣчно держать его долѣе при Русскомъ Дворѣ".

Голицыну велѣно было распространяться при всякомъ удобномъ случаѣ о жестокостяхъ, которыя прусскія войска позволяютъ себѣ въ Саксоніи, и прибавлять, что Фридрихъ II современемъ можетъ въ этомъ раскаяться, ибо онъ грабительствами своими уже напередъ оправдалъ все то, что мо-

[1]) Протоколы конференцій.

[2]) Дѣла Австрійскія 1757 года.

жетъ случиться въ его владѣніяхъ отъ нерегулярныхъ русскихъ войскъ; впрочемъ, что бы ни случилось, едва ли казаки и Калмыки сравняются въ свирѣпости съ прусскими солдатами. По поводу этихъ повелѣній, Голицынъ писалъ въ Петербургъ: „Безъ сомнѣнія, здѣсь удивляться не будутъ, если русскія нерегулярныя войска сдѣлаютъ въ Пруссіи что-нибудь несогласное съ воинскою дисциплиною; здѣшняя публика мало заботится о разореніи прусскихъ областей, лишь бы только Прусскій король имѣлъ успѣхъ противъ Австрійцевъ, защищалъ Ганноверъ и, наконецъ, могъ дѣйствовать противъ Франціи; а для прусскихъ военныхъ успѣховъ гораздо важнѣе содержать войско насчетъ Саксоніи, чѣмъ сохранить отъ разоренія нѣкоторыя собственныя области".

Въ маѣ Голицынъ писалъ своему Двору, что успѣхи Прусскаго короля усиливаютъ гордость Англійскаго народа и ободряютъ Англійскій Дворъ, который начинаетъ почитать себя счастливымъ, что вступилъ съ Фридрихомъ II-мъ въ такой тѣсный союзъ и промѣнялъ на него своихъ прежнихъ союзниковъ; надѣются, что онъ, безопасный со стороны Австріи, съ такимъ же успѣхомъ будетъ дѣйствовать и противъ Франціи. Благонамѣренные и безпристрастные люди жалѣютъ, что слѣпое счастіе заставляетъ Англійскій Дворъ давать вѣру такимъ гаданіямъ. Несмотря однако на это, въ Англіи считали нужнымъ сохранять съ Россіею дружескія отношенія. По указу отъ своего Двора, кн. Голицынъ далъ знать графу Голдернесу, что хотя императрица никогда не жаловалась на посла Уильямса, однако скрыть не можетъ, что ей пріятно было увѣдомиться о королевскомъ намѣреніи отозвать его; но такъ какъ, вмѣсто ожидаемаго отъѣзда, Уильямсъ сталъ показывать видъ, что хочетъ пробыть въ Петербургѣ еще цѣлое лѣто, то императрицѣ также неугодно скрыть, что дальнѣйшее пребываніе его при высочайшемъ Дворѣ ни ей удовольствія, ни королевскимъ дѣламъ никакого успѣха не принесетъ, и развѣ только къ тому послужитъ, что заключеніе торговаго договора отложится на долгое время вслѣдствіе нежеланія имѣть дѣло съ такимъ министромъ, который болѣе старается оказывать некстати свое проворство, чѣмъ помогать дѣлу праводушіемъ и твердостью и сохранять доброе согласіе между Дворами. Взаключеніе Голицынъ прибавилъ, что, кого бы и съ какимъ бы министерскимъ характеромъ король намѣсто Уильямса ни прислалъ, императрицѣ каждый одинаково будетъ пріятенъ. Голдернесъ отвѣчалъ, что при его Дворѣ не сомнѣвались насчетъ дурного расположенія императрицы къ Уильямсу, когда узнали, что веденіе дѣла о торговомъ договорѣ поручено было вмѣсто него барону Вольфу: поэтому, равно какъ и по причинѣ его разстроеннаго здоровья, рѣшено было отозвать его изъ Петербурга; однако, не имѣя возможности до сихъ поръ сыскать достойнаго ему преемника, велѣли ему отложить свой отъѣздъ изъ Петербурга, чтобъ Дворъ императрицы не остался безъ англійскаго министра; но если у него, князя Голицына, имѣется указъ, да если бы даже и безъ указа сдѣлано было простое внушеніе, что пребываніе Уильямса никакого удовольствія императрицѣ не принесетъ, то изъ Лондона немедленно пошелъ бы къ нему указъ поспѣшить отъѣздомъ изъ Петербурга. Потомъ, увѣдомивъ Голицына, что ужъ посланъ Уильямсу указъ о немедленномъ выѣздѣ изъ Петербурга, Голдернесъ, отъ имени короля увѣрялъ, что его величество искренно желаетъ сохраненія дружбы съ императрицею, несмотря на то, что обстоятельства заставили оба Двора разрозниться въ своихъ дѣйствіяхъ. Но въ іюнѣ Голицынъ получилъ отъ Голдернеса такую декларацію: „Предъявленныя Всероссійскою императрицею при разныхъ Дворахъ угрозы противъ короля Прусскаго возбудили въ его величествѣ королѣ Великобританскомъ сильное прискорбіе. Императрица не можетъ сомнѣваться въ истинной дружбѣ короля. Его Великобританское величество возобновляетъ наисильнѣйшее обнадеживаніе въ этой дружбѣ и надѣется подать новый опытъ ея дружественнымъ представленіемъ о слѣдствіяхъ, которыя будутъ имѣть непріятельскіе поступки Россіи противъ Пруссіи. Его величество надѣется, что императрица прежде приступленія къ непріятельскимъ дѣйствіямъ обратитъ вниманіе на его обязанность защищать торговлю своихъ подданныхъ на Балтійскомъ морѣ и выполнить обязательства, заключенныя съ королемъ Прусскимъ. Эти обязательства состоятъ въ томъ, что Англія и Пруссія соединяютъ свои силы для воспрепятствованія какой бы то ни было державѣ ввести войска въ Германію". Въ іюнѣ Фридрихъ II потерпѣлъ неудачу, и въ Англіи произошла сильная тревога. Голицынъ писалъ, что соединенія англійскихъ войскъ съ прусскими бояться нечего по той простой причинѣ, что у Англичанъ нѣтъ войска, едва ли и англійскій флотъ явится въ Балтійскомъ морѣ, хотя слухи объ этомъ и ходятъ. Компанія торгующихъ съ Россіею купцовъ отправила къ графу Голдернесу депутацію съ представленіемъ, что отправленіе флота въ Балтійское море несогласно съ интересомъ Англійскаго народа, потому что можетъ окончательно разссорить его съ Россіею къ крайнему вреду для англійской торговли, котораго новые союзники Англіи вознаградить не въ состояніи. Голдернесъ отвѣчалъ, что онъ думаетъ совершенно согласно съ ними; король сильно желаетъ сохранить дружбу съ Россіею и намѣренъ вмѣсто Уильямса отправить въ Петербургъ Кейта, бывшаго до сихъ поръ посломъ въ Вѣнѣ; что же касается слуховъ объ отправленіи эскадры въ Балтійское море, то король окончательнаго рѣшенія по этому предмету еще не принялъ.

Между тѣмъ декларація, врученная Голдернесомъ Голицыну объ англійскихъ обязательствахъ относительно Пруссіи, вызвала такой рескриптъ императрицы, посланный 30 іюня въ Иностранную

Коллегію: „Декларація, данная нашему посланнику, князю Голицыну, удивила насъ болѣе формою своею, чѣмъ содержаніемъ. Еще очень недавно графъ Голдернесъ заявлялъ князю Голицыну, что хотя Англійскій Дворъ и будетъ помогать королю Прусскому, только не противъ Россіи. Причинъ такой внезапной перемѣны и нескладной смѣси увѣреній въ истинной дружбѣ и угрозъ, сносить которыя мы меньше всего привыкли, намъ нѣтъ нужды разсматривать. Если Англійскій Дворъ позволилъ себѣ эти угрозы, возгордившись побѣдою, одержанною Прусскимъ королемъ подъ Прагою, то теперь, быть можетъ, раскаивается, узнавши о перемѣнѣ дѣлъ въ Богеміи и Вестфаліи; если онъ надѣялся этою декларацією хотя не испугать насъ, но привести въ нѣкоторое размышленіе, то обманулся. Такъ какъ, вѣроятно, Англійскій Дворъ сообщитъ о своемъ поступкѣ Прусскому королю, а тотъ преувеличитъ его значеніе и употребитъ въ свою пользу, то повелѣваемъ предписать князю Голицыну дать такой отвѣтъ англійскому министерству: послѣ недавнихъ увѣреній въ дружбѣ со стороны Англійскаго правительства мы ожидали совершенно другихъ опытовъ этой дружбы, а не чего-либо въ родѣ помянутой декларацін. Если-бы Британское величество передъ началомъ войны приложилъ равное нашему стараніе о ея предотвращеніи, то теперь, быть можетъ, не было бы нужды упоминать о тѣхъ слѣдствіяхъ, которыми угрожаетъ декларація и которыя всегда будутъ приписаны королю Прусскому, какъ зачинщику нынѣшнихъ замѣшательствъ въ Германіи. Мы исполняемъ только наши обязательства, и если они теперь распространены, то это заранѣе оправдано опасностью для всѣхъ сосѣдей отъ предпріимчивости короля Прусскаго. Мы приказали войскамъ нашимъ дѣйствовать сухимъ путемъ и моремъ противъ войскъ и областей короля Прусскаго, ибо не оставалось другого средства подать помощь нашимъ союзникамъ, подвергшимся несправедливому нападенію. Блокировать съ моря такія мѣста, которыя преднамѣрено осадить съ сухого пути, такъ согласно съ военными правилами и всюду употребительно, что мы не видимъ, почему-бы его Британское величество могъ счесть своимъ долгомъ защищать мореплаваніе своихъ подданныхъ въ Балтійскомъ морѣ, когда формально обнадеженъ съ нашей стороны, что мы намѣрены особенно покровительствовать ихъ торговлѣ. Что же касается обязательства Англіи и Пруссіи противиться вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію, то предъявленіе его меньше всего можетъ удержать насъ отъ исполненія своихъ обязательствъ и оправдать поступокъ, который могъ бы быть сдѣланъ противъ этого съ англійской стороны. Главная цѣль договора, заключеннаго между Англіею и Пруссіею, состояла въ сохраненіи общей тишины въ Германіи; но это самое ни одною изъ договаривавшихся сторонъ не исполнено: король Прусскій первый началъ войну, а Англія не старалась удержать его отъ нея. А когда этотъ главный, важнѣйшій пунктъ пренебреженъ, то непонятно, какимъ образомъ стараются ввести новое право противиться вступленію иностранныхъ войскъ въ Германію, чтобъ дать возможность сильнѣйшему располагать въ ней по произволу и тѣснить слабыхъ, которые будутъ лишены всякой помощи. Мы ничего не измѣнимъ въ нашихъ намѣреніяхъ и объявляемъ прямо наши мнѣнія: такъ какъ мы до сихъ поръ усердно старались и стараемся отдѣлять англійскіе интересы отъ прусскихъ, то надѣемся, что Англія не пристанетъ къ недобрымъ желаніямъ Прусскаго короля противъ насъ. Въ противномъ же случаѣ, а именно: если-бъ съ англійской стороны, какимъ бы то ни было образомъ, оказано было хотя наималѣйшее дѣйствіе противъ нашего войска или флота, то мы примемъ это за нарушеніе всѣхъ донынѣ между нами и Англіею существующихъ договоровъ и за явный разрывъ мира со стороны Англіи, вслѣдствіе чего не оставимъ принять мѣры, сходственныя съ нашею честію и достоинствомъ". Когда эта декларація была передана Голицынымъ Голдернесу, тотъ объявилъ, что такъ какъ она служитъ отвѣтомъ на англійскую декларацію, то отвѣчать на нее теперь нечего, но король надѣется, что императрица останется съ нимъ въ такой дружбѣ, какую онъ питаетъ къ ней [1]).

Англіи нельзя было ничего сдѣлать для своего новаго союзника и въ Швеціи, которую Австрія, Франція и Россія увлекали въ войну противъ Пруссіи. Панинъ, по указу своего Двора, объявилъ сенатору Гепкену, что императрица съ особеннымъ удовольствіемъ услышитъ объ успѣхѣ негоціацій цесарскаго и французскаго пословъ въ Стокгольмѣ, и что Шведскій король не можетъ ничѣмъ больше усилить дружбу съ Россіею и укрѣпить на прочнѣйшемъ основаніи равновѣсія нарушенное спокойствіе Сѣвера, какъ согласіемъ на тѣ мѣры, которыя ему будутъ предложены отъ упомянутыхъ Дворовъ. Для того, чтобъ побудить Швецію согласиться на эти мѣры, императрица не только позволила вывезти 10,000 четвертей хлѣба изъ Россіи въ Швецію, но и подарила этотъ хлѣбъ королю, что было особенно важно, когда нѣкоторыя шведскія области страдали отъ голода. Но этотъ поступокъ произвелъ въ Стокгольмѣ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ какого ожидали въ Петербургѣ. Сенаторъ Гепкенъ объявилъ королю, что хотя русскій подарокъ сдѣланъ его величеству, но сенатъ не можетъ скрыть, что во 1) такой подарокъ дѣлаетъ короля должникомъ предъ императрицею въ тягость Швеціи, которая не въ состояніи отблагодарить Россію равнымъ образомъ. 2) При этомъ случаѣ надобно послѣдовать примѣру Португаліи, которая возвратила назадъ денежный подарокъ, присланный ей отъ Англійскаго Двора послѣ землетрясенія, и за доставленные

[1]) Дѣла Англійскія и протоколы конференцій.

тѣмъ же Дворомъ съѣстные припасы заплатила деньги. 3) Отказъ его величества принять подарокъ сенатъ приправитъ такимъ комплиментомъ, что императрица никакъ не разсердится. Король далъ знать объ этомъ Панину чрезъ одного пріятеля, заклявши посланника честнымъ словомъ не проговориться, чтобъ не испортить еще болѣе отношеній его, короля, къ сенату. Гепкенъ объявилъ Панину, не угодно ли ему испросить аудіенціи у короля для того, чтобъ извѣстить его о подаркѣ. Панинъ понялъ, что сенатъ хочетъ сложить всю вину отказа на короля, и потому сказалъ Гепкену: „Не могу скрыть удивленія, слыша какъ вы отдѣляете короля отъ короны. Мнѣ неприлично касаться внутреннихъ вашихъ постановленій относительно королевской власти: каждая свободная нація имѣетъ свои уставы; но государи, относительно другъ друга, требуютъ равныхъ правъ и преимуществъ. У васъ самихъ предписано, чтобъ всѣ публичныя дѣла, а особливо съ чужестранными Дворами, производимы были отъ одного королевскаго имени; а если-бъ было иначе, то сами легко поймете, сколько бы произошло отсюда непріятныхъ затрудненій. Англія представляетъ намъ такой же примѣръ: ея правительство такъ же составное, какъ и Шведское, но еще ни одинъ чужестранный Дворъ, не желая ей досадить, не показалъ различія между ея королемъ и короною. Вотъ почему и моя всемилостивѣйшая государыня препровождаетъ свой подарокъ королю, какъ главѣ націи, для раздачи бѣднымъ Шведамъ, нисколько не раздѣляя короля отъ короны Шведской. Что же касается аудіенціи, то я не имѣю никакого права ея требовать, ибо Дворъ мой извѣстилъ о подаркѣ прямо шведскаго посланника въ Петербургѣ, барона Поссе, о чемъ мнѣ только сообщено". Гепкенъ, выслушавъ все это съ пасмурнымъ видомъ, отвѣчалъ: „Все это правда; но припомните, что во многихъ актахъ говорится—„король и корона Шведская", а въ настоящемъ случаѣ записка съ сообщеніемъ одного знака государевой дружбы въ видѣ помощи сосѣдственному народу не имѣетъ достаточнаго значенія публичнаго акта". Сказавъ это, онъ завелъ рѣчь о постороннихъ дѣлахъ.

Два дня спустя послѣ этого разговора, Гепкенъ представилъ королю, что сенатъ не можетъ обсуждать дѣла о русскомъ подаркѣ, такъ какъ онъ сдѣланъ собственно королю, и потому зависитъ отъ одной королевской воли принять или не принять его. Тутъ король далъ ему собственноручную записку для внесенія въ сенатъ, въ которой говорилось, что, принимая во вниманіе такой великій хлѣбный недостатокъ въ государствѣ, король считаетъ своимъ долгомъ съ признательностью принять подарокъ; впрочемъ, передастъ свое мнѣніе на сенатское разсужденіе, и сдѣлаетъ такъ, какъ рѣшитъ большинство сенаторскихъ голосовъ. Извѣстія изъ областей о голодѣ и требованіе помощи у правительства заставили сенатъ согласиться на принятіе подарка, и король, пригласивъ Панина въ кабинетъ, сказалъ ему: „Я подарокъ ея императорскаго величества принимаю съ совершенною благодарностію; я радъ, что господинъ Гепкенъ не заблагоразсудилъ сюда войти; вѣроятно, по его мнѣнію, и въ этой моей благодарности Шведская корона не участвуетъ. Вамъ уже извѣстно, какіе пріемы употреблялись для того, чтобъ при этомъ, какъ и при всѣхъ другихъ случаяхъ, произвесть холодность между императрицею и мною; старались сложить на меня непріятность отказа; но я прямо сказалъ сенатору Гепкену, что безъ формальнаго сенатскаго рѣшенія отказа на себя не перейму; чтобъ они очувствовались, поняли, какъ непріятно можетъ быть императрицѣ, что они благоволеніе ея къ Шведскому народу такъ превращаютъ, проводя различіе между мною и государствомъ; этого различія императрица никогда не признаетъ, въ чемъ я увѣренъ, имѣвъ самые удостовѣрительные опыты ея материнскаго обо мнѣ попеченія".

Вслѣдъ затѣмъ Гепкенъ далъ отвѣтъ Панину на внушеніе его о принятіи Швеціею французскихъ и австрійскихъ предложеній. „Шведскій Дворъ", говоритъ Гепкенъ, „искренно желаетъ успѣха общему доброму дѣлу и охотно-бъ ему помогъ; но теперь принять дѣятельное участіе въ войнѣ король и сенатъ считаютъ невозможнымъ, не подвергая очевидной опасности своихъ Померанскихъ владѣній, находящихся, какъ извѣстно, безъ обороны; перевезти же за море войска для защиты Помераніи нѣтъ теперь физической возможности, хотя бы на то милліоны были употреблены. Какъ только Швеція теперь осмѣлится принять участіе въ войнѣ и объявитъ объ этомъ на германскомъ сеймѣ, такъ Прусскій король, по своему положенію и нраву, сейчасъ овладѣетъ Помераніею и подвергнетъ ее одинаковой участи съ Саксоніею". Послѣ этого Гепкенъ распространился о своемъ нерасположеніи къ Пруссіи: „Я", говорилъ онъ, „никогда Пруссакомъ не былъ; Фридриха II я считаю самымъ опаснымъ изо всѣхъ настоящихъ и бывшихъ европейскихъ государей. Извѣстный всѣмъ его образъ мыслей, крайность военныхъ началъ, безчеловѣчныя и ужасныя правила внутренняго управленія и варварскія истолкованія международныхъ правъ должны возбудить противъ него всю Европу".

Русскимъ посланникамъ было легко дѣйствовать противъ Фридриха II: они къ этому привыкли; но было очень трудно войти въ дружелюбныя отношенія къ Французскому Двору, котораго такъ давно привыкли не отдѣлять отъ Прусскаго въ ихъ враждебности противъ Россіи. Панинъ, подобно Корфу, не думалъ, чтобъ въ Петербургѣ такъ круто повернулось дѣло и, привыкнувъ сообразоваться со взглядами канцлера, писалъ, что декларація Франціи объ обязанности своей сохранить ручательство Вестфальскаго мира сдѣлаетъ войну всеобщею, а рѣшеніе дѣлъ само собою передастся въ руки Франціи, которая получитъ преобладающее положеніе вслѣдствіе ослабленія морскихъ державъ, не могущихъ болѣе поддерживать равновѣсіе. Въ от-

вѣтъ на это Панинъ получилъ гнѣвный рескриптъ, поправленный рукою Воронцова: „Мы не можемъ скрыть, что такія самопроизвольныя ваши разсужденія намъ весьма странными показались, тогда какъ вы о возстановленіи между нами и Франціею добраго согласія увѣдомлены, такъ-же какъ и о намѣреніяхъ нашихъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Наше высочайшее соизволеніе и точное вамъ повелѣніе есть, чтобъ вы, по всеподданнической должности вашей, впередъ съ бо́льшею осторожностію и согласно съ намѣреніями нашими о дѣлахъ разсуждали и поступали". Канцлеръ, по этому поводу, написалъ Панину: „Я вашему превосходительству уже остерегалъ, чтобъ вы въ реляціяхъ вашихъ разсужденія свои какъ возможно сокращали и доносили только объ исполненіи посылаемыхъ къ вамъ рескриптовъ, ибо при нынѣшнихъ премѣнившихся конъюнктурахъ весьма легко случиться можетъ, что министръ разсужденіями своими, кои иногда противными быть покажутся принимаемымъ здѣсь мѣрамъ, вмѣсто уповаемой апробаціи, заслужитъ себѣ великій выговоръ. Сіе недавно и дѣйствительно воспослѣдовало съ барономъ Корфомъ: онъ, распространяясь въ своихъ разсужденіяхъ о старой системѣ и выхваляя тѣхъ, кто оной еще держится, отправленъ къ нему рескриптъ съ такимъ жестокимъ за то выговоромъ, что жесточѣе того почти и написать нельзя было. Въ конференціи, въ которой я по болѣзни не былъ, состоялась резолюція вамъ такой же выговоръ учинить, какъ и барону Корфу; я всевозможнѣйше старался оный совсѣмъ отвратить, но въ томъ предуспѣть никакъ нельзя было. Совсѣмъ тѣмъ однакожь дотого довелъ, что оный гораздо легче сочиненъ. При сихъ обстоятельствахъ, для избѣжанія подобныхъ выговоровъ за такія единственно отъ ревности происходящія разсужденія, нѣтъ лучшаго средства, какъ только, исполняя точно посылаемые рескрипты, о томъ доносить, не вступая притомъ въ пространныя разсужденія. Правда, такимъ образомъ не могъ бы ревностный министръ и вѣрный сынъ отечества усерднѣйшіе свои сентименты изъявить и тѣмъ совѣсть свою предъ Богомъ и государемъ очистить; но есть тому способъ самый надежнѣйшій, по моему мнѣнію: когда-бъ по обстоятельствамъ, какія иногда важныя разсужденія въ голову вселялись, можно оныя не обинуясь въ реляціяхъ своихъ описывать со всѣмъ, давая имъ только такой видъ, якобъ они отъ третьяго происходили. Такимъ образомъ, какъ совѣсть своя очищена, такъ и опасность выговоровъ избѣжена была-бъ, хотя-бъ донесенныя разсужденія и не пріобрѣли здѣсь апробаціи". Панинъ отвѣчалъ Бестужеву жалобами на свои горькія и стѣсненныя обстоятельства. „Не знаю, что начать; боюсь сойти съ ума. Могу ли я сохранять твердость и противиться упадку духа, когда безпрестанно представляются глазамъ самыя горестныя послѣдствія, а домашнее разореніе уже грозитъ потерею чести? Все это происходитъ при такихъ обстоятельствахъ, когда я отъ всей Коллегіи вижу надъ собою ковы, и нѣтъ сомнѣнія, что они твердо рѣшились искоренить меня. Клянусь совѣстію, что счелъ бы себя счастливымъ, если-бъ представился случай честною смертію избавить себя отъ ихъ рукъ".

Панину было снова предписано содѣйствовать австро-французскимъ переговорамъ съ Швеціею объ отправленіи шведскаго войска въ Померанію для дѣйствія противъ Пруссаковъ. Вслѣдствіе этого, въ іюлѣ Панинъ представилъ Гепкену, какъ необходимо для Швеціи этою же осенью начать военныя дѣйствія, слѣдствіемъ которыхъ будетъ пріобрѣтеніе Прусской Помераніи, ибо Фридрихъ II занятъ съ Австрійцами, а фельдмаршалъ Левальдъ не можетъ помочь Помераніи, не поставивъ себя между двухъ огней,—между шведскимъ и русскимъ войскомъ. Гепкенъ отвѣчалъ, что для начатія военныхъ дѣйствій Швеція ждетъ только окончательныхъ извѣстій отъ Вѣнскаго и Версальскаго Дворовъ относительно субсидій, безъ которыхъ Швеція не можетъ вести войны. Въ началѣ августа Панинъ донесъ, что соглашеніе о начатіи Шведами войны состоялось, сдѣлано распоряженіе согласно съ операціями фельдмаршала Апраксина, и прусскій посланникъ Сольмсъ выѣхалъ изъ Стокгольма. По этому поводу канцлеръ Бестужевъ писалъ Панину, зачѣмъ тотъ не доноситъ о мнѣніяхъ короля и королевы относительно всѣхъ этихъ событій, тогда какъ въ Петербургѣ очень желаютъ знать объ этомъ, особенно о королевѣ, какъ она относится къ перемѣнѣ политики, къ войнѣ противъ ея брата. „Я совѣтовалъ бы вамъ", писалъ Бестужевъ, „какъ возможно о томъ развѣдывая, прямо въ вашихъ реляціяхъ доносить, избѣгая однакожь во всемъ, сколько возможно, иностранныхъ словъ, что здѣсь нѣкоторые критикуютъ". Панинъ отвѣчалъ: „У Шведскаго короля не осталось теперь ничего королевскаго, кромѣ имени, а въ публикѣ и имени величества почти ему не остается. Супруга его точно такъ же поражена, да и надобно признать, что едва ли кѣмъ-нибудь счастіе играло больше, чѣмъ ею. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ эта государыня выдержала внутреннюю борьбу между интересомъ своего мужа и наслѣдственными прусскими привязанностями, которыя соединились съ предубѣжденіемъ въ пользу Франціи, внушеннымъ ей графомъ Тессиномъ и его пріятелями. Но только-что она отреклась отъ Франціи и прусскихъ интересовъ и приняла твердое намѣреніе содѣйствовать возстановленію въ Швеціи старой системы морскихъ державъ, какъ братъ ея кинулся въ ту же сторону. Это снова возбудило ея нѣжность къ брату, тѣмъ болѣе-что Фридрихъ II сталъ въ холодныя отношенія къ Франціи, ненависть къ которой дошла въ ней до высшей степени, потому что, благодаря Франціи, вражда между шведскими вельможами и Дворомъ доведена была до крайности: сила и власть сенаторовъ въ народѣ подкрѣпляется теперь Франціею; французскій посолъ—

другъ вельможъ и гонитель Двора. Описать нельзя грубость, съ какою сенаторы ведутъ себя относительно королевы; довольно сказать, что со времени сейма они не входятъ въ ея комнаты, съ того же времени сенаторши—Тессинъ и Гепкенъ перестали ѣздить ко Двору, а прошлою зимой въ сенатѣ уговаривались, чтобъ и всѣ другія сенаторши послѣдовали ихъ примѣру, такъ-что ко Двору ѣздятъ только двѣ знатныя дамы—графиня Бонде и Цедеркрейцъ. Правда, королева подала къ тому поводъ холоднымъ пріемомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ или, точнѣе сказать, перемѣною своего обращенія съ ними, когда онѣ и мужья ихъ возстали противъ нея; но можно ли ее за это винить? Нѣтъ тѣхъ нелѣпостей, какихъ бы о ней въ публикѣ ни разглашали. Короля считаютъ совершенно неспособнымъ, и имени его въ дѣлахъ, кромѣ формы, нигдѣ не слышно. Вотъ истинное изображеніе здѣшняго Двора. Заразиться пристрастіемъ другихъ, и, не объясняя побудительныхъ причинъ, доносить о словахъ королевы, или вызванныхъ у нея ея непреклонною гордостію, или явно вымышленныхъ ея врагами,—не будетъ ли это поступкомъ подлымъ, непростительнымъ для добраго человѣка, и не повредитъ ли это чести вѣрнаго раба, особенно когда король и королева оказываютъ особенное уваженіе къ ея императорскому величеству, и наши дѣла съ другими не мѣшаютъ; европейскія перемѣны и усилившееся чрезъ нихъ значеніе ихъ личныхъ гонителей приписываютъ единственно собственному несчастію, ярости короля Прусскаго, тонкости французской политики и нетерпѣливому желанію Вѣнскаго Двора. Кромѣ того, собственная моя безопасность требуетъ, чтобъ, сколько честь и совѣсть позволяютъ, мои донесенія были согласны, или, по крайней мѣрѣ, явно не противорѣчили извѣстіямъ, которыя легко могутъ доходить со стороны французскаго посланника здѣсь, маркиза Даврэнкура, и австрійскаго - графа Гоеса. Отъ перваго я не могу ожидать никакого добраго расположенія ко мнѣ: доказательствомъ служитъ письмо его къ Дугласу, которое было ко мнѣ переслано отъ высочайшаго Двора; смѣю увѣрить, что этимъ письмомъ онъ желалъ только разставить мнѣ сѣти, которыхъ я тогда счастливо избѣжалъ. О графѣ же Гоесѣ пусть кто хочетъ скажетъ, есть ли въ немъ хоть одно качество благороднаго человѣка, что онъ не льстецъ, не лжецъ и не трусъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не преисполненъ гордостію, свойственною имперскому графу скареднаго воспитанія. Онъ издавна всѣми силами искалъ благоволенія французскаго посла, а теперь такъ къ нему привязался, что если бы Вѣнскій Дворъ здѣсь копіиста держалъ, то и тотъ не могъ бы предъ нимъ болѣе раболѣпствовать, отчего французскій посолъ теперь со всѣми нами обходится нестерпимо гордо, такъ-что испанскій министръ, бывшій всегда ревнителемъ французской системы, принужденъ былъ недавно замѣтить ему, что его диктаторскій голосъ обижаетъ представителей другихъ державъ".

Въ какихъ *сентиментахъ*, по тогдашнему выраженію, находился Панинъ къ новой системѣ, видно изъ слѣдующаго письма его къ канцлеру: „Вѣнскій Дворъ заразилъ у насъ натуральную нашу общую систему, посадя у насъ французскаго министра; время покажетъ, сколь долго при немъ графъ Эстергази фигурировать станетъ и не будетъ ли, наконецъ, самъ у него челобитчикомъ по дѣламъ своего Двора. Истинно непонятно Вѣнскаго Двора ослѣпленіе: какъ онъ видѣть не можетъ, что упадокъ Англіи подъ французскою силою ему впредь самому будетъ тягостнѣе, нежели потеряніе Шлезіи. Франція, послѣ худого успѣха послѣдней попытки разоренія германскаго корпуса, устремилась всѣми образы атаковать ту верховную силу, которою всѣ ея усилія въ ничто обращались и безъ которой ей впредь легче будетъ раздавить Аустрискои Домъ и присовокупя ему Шлезію, нежели теперь безъ оной" [1]).

Русскій министръ въ Польшѣ находился въ такомъ же затруднительномъ положеніи относительно французскаго министра, тѣмъ болѣе-что и Гроссъ, подобно Корфу и Панину, привыкъ къ старой антифранцузской политикѣ. Правительство требовало отъ Гросса чрезвычайно труднаго дѣла,—старанія о примиреніи польскихъ вельможескихъ партій. Французскій резидентъ Дюранъ поступалъ проще и легче: онъ стоялъ за своихъ противъ Чарторыйскихъ, объявляя, что всякая перемѣна въ Острожскомъ дѣлѣ будетъ очень непріятна противникамъ Чарторыйскихъ и что это подастъ поводъ Туркамъ вмѣшаться въ Польскія дѣла; князья Чарторыйскіе, съ своей стороны, никогда не могли примириться съ Дворомъ, если бы Острожское дѣло не было рѣшено по ихъ желанію. „Изъ этого можно заключить", писалъ Гроссъ, „въ какомъ затрудненіи находится король въ соглашеніи этихъ дѣлъ, и какъ могутъ нравиться мои увѣщанія къ уступкамъ и умѣренности".

Въ это время, Гроссъ былъ еще потревоженъ письмами, которыя сообщилъ ему посекрету львовскій почтмейстеръ. Малороссійскіе эмигранты, Мазепинцы-Нахимовскіе, Мировичи, Орлики, страдая общею эмигрантскою болѣзнью, еще мечтали, что для нихъ можетъ когда-нибудь наступить благопріятное время, что Малороссія освободится отъ ига Москалей. Пріѣхавъ изъ Крыма въ Яссы, Нахимовскій писалъ молодому Орлику, бригадиру французской арміи, величая его графомъ: „Дѣло нашего отечества начинаетъ поправляться, потому что кошевой съ Запорожскимъ войскомъ тайнымъ образомъ прислалъ къ Крымскому хану нарочнаго подъ видомъ купца, который живетъ въ Крыму уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, а у насъ почти ежедневно бывалъ въ Бакчи-сараѣ и клятвенно под-

[1]) Дѣла Шведскія

твердилъ о предпріятіи Запорожскаго войска. Ханъ уже согласился-было на принятіе Сѣчи въ Алешки, т.-е. въ то мѣсто, гдѣ она и прежде была, но еще окончательнаго рѣшенія не объявилъ: видно, сообщилъ объ этомъ дѣлѣ Портѣ. Я съ паномъ Мировичемъ представлялъ запорожскому посланцу, что русскія границы идутъ до Сѣвска, а не до Ингула и Ингульца. Я внушалъ ему больше всего, что на Микитиномъ Рогу теперь начали крѣпостцу починивать, на собственной Запорожской Землѣ, данной королями Польскими, отъ которыхъ у Запорожцевъ есть жалованныя привилегіи на вольность и права, которыхъ теперь Москаль отнялъ и самихъ васъ, Запорожцевъ, крѣпостями окружилъ и подъ карауломъ содержитъ, построивъ въ Сѣчи крѣпость. И многія другія внушенія о Россіи мы дѣлали, приводя разные примѣры, что она ничьихъ правъ своимъ вѣроломствомъ не пощадила".

Съ другой стороны, тревожилъ прусскій резидентъ въ Варшавѣ, Бенуа, который хвастался, что его король имѣетъ вѣрныя извѣстія изъ Петербурга, что русское войско ранѣе половины іюля не начнетъ своихъ дѣйствій противъ Пруссіи, а до того времени онъ, король, можетъ быть, принудитъ Австрійцевъ къ миру. Тотъ же львовскій почтмейстеръ, получивши отъ Гросса за свои услуги 300 червонныхъ, открылъ ему, что Бенуа прислалъ ему разныя прусскія деклараціи, манифесты и тому подобныя пьесы для распространенія между шляхтою; но онъ, почтмейстеръ, всѣ эти пьесы держитъ у себя и не распространяетъ.

Въ маѣ Дюранъ, по возвращеніи отъ гетмана Браницкаго изъ Бѣлостока, имѣлъ разговоръ съ Гроссомъ. „Что это значитъ", спрашивалъ Гроссъ, „что французскіе приверженцы въ Польшѣ до сихъ поръ продолжаютъ интриги при Портѣ противъ пропуска русскихъ войскъ чрезъ Польшу, тогда какъ имъ хорошо извѣстно, что состояніе европейскихъ дѣлъ совершенно перемѣнило видъ, и русскія войска идутъ единственно для вспоможенія ихъ государю, и что эти, такъ-называемые, французскіе партизаны одинаково подкрѣпляются какъ съ французской, такъ и съ прусской стороны, и Бенуа величаетъ ихъ истинными сынами отечества"?—„Всѣ здѣшніе магнаты", отвѣчалъ Дюранъ, „привыкли къ интригамъ и проискамъ, и теперь скоро отъ нихъ отвыкнуть не могутъ; — надобно ихъ побуждать къ этому мягкими средствами; я нарочно ѣздилъ въ Бѣлостокъ, чтобъ гетману и окружающимъ его людямъ внушить другія мысли, чтб, надѣюсь, будетъ имѣть доброе дѣйствіе".

Въ томъ же маѣ Гроссъ сообщалъ Брюлю о соглашеніи обоихъ императорскихъ Дворовъ доставить Польскому королю городъ Магдебургъ съ принадлежащимъ къ нему округомъ, также Сальскій округъ, а если будетъ возможно, то и больше, въ вознагражденіе понесенныхъ убытковъ въ Саксоніи. Брюль отвѣчалъ, что король не находитъ словъ для изъявленія своей благодарности, но просилъ довести до свѣдѣнія императрицы просьбу короля, нельзя ли доставить королю, кромѣ Магдебурга и Сальскаго округа, еще ту часть Силезіи, которая отдѣляетъ Саксонію отъ Польши, чтб должно помочь достиженію извѣстныхъ видовъ императрицы.

Въ іюнѣ Варшава была сильно встревожена проѣздомъ прусскаго генерала Лотума, который, пробывъ двое сутокъ у Бенуа и ни съ кѣмъ не видавшись, отправился въ Бреславль. Рѣшили, что генералъ проѣзжалъ для осматриванія дороги изъ Силезіи въ Пруссію чрезъ Польшу; театръ войны перенесется въ Польшу, гдѣ произойдетъ великое замѣшательство; королю Польскому нельзя будетъ болѣе оставаться въ Варшавѣ. Гроссъ, вмѣстѣ съ австрійскимъ и французскимъ министрами, уговаривали Брюля заранѣе подумать, куда въ такомъ случаѣ переѣхать королю; предлагали Гродно, прикрытое русскимъ войскомъ, Львовъ или Шебусъ—на венгерской границѣ. Положеніе короля было тѣмъ опаснѣе, что, по признанію Брюля, Дворъ не зналъ, кому изъ знатныхъ Поляковъ можно было довѣриться, ибо если князья Чарторыйскіе и друзья ихъ недовольны Острожскимъ дѣломъ и преобладаніемъ графа Мнишка, то и гетманъ Браницкій и совѣтники его считаютъ себя обиженными, потому что не все по ихъ волѣ дѣлается; иные, какъ Потоцкій, воевода Бѣльзскій, которымъ терять нечего, рады бѣдѣ, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить. Поводъ къ большимъ толкамъ подало заграничное путешествіе молодого Чарторыйскаго, сына воеводы Русскаго, путешествіе чрезъ Данцигъ, Берлинъ и Голландію въ Англію. Гроссъ представлялъ воеводѣ Русскому о несвоевременности такого путешествія; но тотъ отвѣчалъ, что слухи, распускаемые его врагами, не заставятъ его перемѣнить планъ воспитанія своего сына, котораго давно уже вознамѣрился отправить въ Англію для излѣченія — отъ вѣтрености; притомъ всѣмъ извѣстно, что ни онъ, ни друзья его Пруссіи не преданы. Гроссъ увѣрялъ свой Дворъ, что несогласно съ характеромъ и выгодами Чарторыйскаго, какъ перваго богача въ Польшѣ, поднимать въ ней безпокойство. Брюль внушалъ Гроссу, что для спасенія Польши отъ предстоящихъ ей бѣдъ фельдмаршалъ Апраксинъ долженъ ускорить свои операціи и прогнать изъ Пруссіи Левальда, ибо король Прусскій писалъ своей матери, что въ шесть недѣль надѣется овладѣть Богеміею и австрійскою арміею.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ Варшаву, также въ качествѣ полномочнаго министра, генералъ-маіоръ князь Михайла Никитичъ Волконскій, родной племянникъ Бестужевыхъ (сынъ знаменитой княгини Аграфены Петровны); Гроссъ остался вмѣстѣ съ нимъ въ прежнемъ характерѣ. Въ инструкціи Волконскому говорилось, что онъ отправляется вслѣдствіе просьбъ графа Малаховскаго, князей Чарторыйскихъ и прочихъ благонамѣренныхъ патріотовъ, не только для лучшаго отвращенія и предупрежденія

всякаго зла, но и для возстановленія старой системы, которую Петръ Великій положилъ въ основаніе тишины въ республикѣ и общаго интереса для Россіи и Польши. Прежде всего Волконскій долженъ былъ стараться о примиреніи противныхъ партій, о соединеніи всѣхъ вельможъ съ благонамѣренными, т.-е. съ членами русской партіи—дѣло чрезвычайно трудное, тѣмъ болѣе-что Франція, по извѣстному ея правилу, не перестанетъ сильно подкрѣплять своихъ приверженцевъ, а король Прусскій, особенно при нынѣшнихъ его великихъ суетахъ, естественно будетъ стараться во всей Польшѣ и Литвѣ возбуждать всякія замѣшательства. Волконскій долженъ былъ стараться пріобрѣсти у Поляковъ такой кредитъ, чтобъ они всегда, особенно во время безкоролевья, поступали по намѣреніямъ ея величества и чтобъ держались ея покровительства болѣе, чѣмъ другихъ державъ, равно какъ давали лучшее удовлетвореніе относительно единовѣрныхъ нашихъ въ Польшѣ, дѣлъ пограничныхъ и выдачи бѣглыхъ. Еще въ 1755 году канцлеръ, графъ Малаховскій, секретно представилъ Русскому Двору свои мнѣнія, что въ Польшѣ до сихъ поръ не имѣютъ о Россіи яснаго понятія, представляютъ ее шляхтѣ только какъ розгу, употребляемую въ наказаніе своевольнымъ людямъ, чѣмъ Франція воспользовалась; увеличила число своихъ друзей и привела Россію въ ненависть,—поэтому-то и нуженъ въ Польшѣ такой министръ, который бы смѣло опровергалъ подобныя внушенія о Россіи, какъ о розгѣ; этотъ посолъ не долженъ держаться никакой партіи, но долженъ быть посредникомъ и примирителемъ: такъ въ 1717 году водворено было спокойствіе посредничествомъ Петра Великаго. Гетманамъ поручено имѣть надзоръ надъ войскомъ при границахъ; но теперь гетманы чрезвычайно усилили свою власть, дѣлаютъ, что хотятъ, шляхтичи говорить не смѣютъ,—чего поправить нельзя безъ русскаго посредничества.

Такъ какъ всѣ эти сужднія графа Малаховскаго основательны, то Волконскій долженъ домогаться, чтобъ всякіе безпорядки и нарушенія правъ и вольностей въ Польшѣ были пресѣчены; чтобъ примасу королевства не дѣлалось никакаго препятствія въ исправленіи его должностей, также канцлерамъ—коронному и Литовскому, незаконная гетманская власть была сокращена; чтобъ на сеймикахъ, сеймахъ и главныхъ трибуналахъ не было никакихъ нарушеній законамъ и установленнымъ обычаямъ и порядкамъ; чтобъ дѣло Острожской ординаціи было какъ можно скорѣе успокоено. Если же кто станетъ представлять, что иностранная держава не должна вмѣшиваться въ домашнія дѣла республики,—отвѣчать, что вмѣшательство было бы тогда, если-бъ Россія принялась за рѣшеніе дѣла, настаивала, кому именно имѣнія ординаціи должны принадлежать; но Россія, предоставляя рѣшеніе королю и республикѣ, настаиваетъ только на скорѣйшее и удовлетворительнѣйшее окончаніе дѣла, подающаго поводъ къ такой враждѣ и смутѣ. Побуждая королевскій Дворъ къ прекращенію раздоровъ между фамиліями, Волконскій долженъ честь этого прекращенія предоставлять королю, а самъ долженъ только убѣждать каждаго къ податливости и умѣренности; долженъ также во всякомъ справедливомъ дѣлѣ подкрѣплять старыхъ русскихъ доброхотовъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ благонамѣренныхъ вельможъ, и особенно князья Чарторыйскіе, вѣроятно будутъ сильно докучать о денежномъ вспоможеніи, то хотя безъ него и нельзя обойтись, но не иначе какъ въ случаѣ безкоролевья, а теперь давать его было бы излишне, потому что нѣкоторымъ магнатамъ ежегодныя пенсіи даются, а именно: примасу Комаровскому—по 5,000 руб.; коронному канцлеру, графу Малаховскому,—по 7,000; Литовскому оберъ-шталмейстеру, князю Радзивилу,—по тысячѣ рублей, и Литовскому канцлеру, князю Чарторыйскому, доставлена значительная сумма. Такъ, когда къ послу будутъ обращаться съ просьбами, онъ можетъ въ общихъ выраженіяхъ обнадеживать высочайшею милостью, которою никогда не будутъ оставлены въ важныхъ и необходимыхъ случаяхъ. Относительно главнѣйшаго пункта—королевскихъ выборовъ,—надобно теперь же, заблаговременно, принимать мѣры, потому что нынѣшній король, при его старости и крайней печали о потерѣ наслѣдственныхъ земель, ненадеженъ. Такъ какъ король желаетъ избранія своего сына, и такъ какъ ему изъявлено на это согласіе ея величества чрезъ посланника Гросса въ крайнѣйшей конфиденціи, то Волконскій долженъ былъ осторожно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ревностно внушать объ этомъ знатнѣйшимъ Полякамъ и домогаться отъ нихъ согласія, ибо русскій интересъ требуетъ возведенія на Польскій престолъ Саксонскаго принца. Волконскій долженъ былъ прилагать крайнее стараніе, чтобъ не возбудилось дѣла объ освобожденіи Бирона.

Девятымъ артикуломъ договора вѣчнаго мира у Россіи съ Польшею выговорено, чтобъ Греко-Россійскаго закона четыремъ епископіямъ—Луцкой, Перемышльской, Львовской и Бѣлорусской,—монастырямъ, архимандріямъ, игуменствамъ, братствамъ и всѣмъ живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ людямъ имѣть свободное отправленіе Греко-Россійской вѣры безо всякаго утѣсненія и принужденія къ принятію вѣры Римской или уніи. Несмотря на то, первыя три епархіи уже давно привлечены Поляками въ унію, и теперь осталась одна Бѣлорусская и нѣсколько монастырей; но и эта послѣдняя претерпѣваетъ безпрестанно жестокія обиды: духовенство берутъ въ гражданскій судъ, другихъ бьютъ, церкви запираютъ и вовсе отнимаютъ, ветхихъ поправлять и новыхъ строить не позволяютъ, а представленія со стороны императорскаго Двора остаются безъ всякаго успѣха. На Волконскаго возлагалось на всѣ эти обиды, какъ старыя, такъ и новыя, словесно и письменно подать при Польскомъ Дворѣ сильнѣйшія жалобы и домогаться, чтобъ все привлеченное къ уніи было

возвращено Православію, дозволена была починка старыхъ и строеніе новыхъ церквей, и строжайше запрещено было приневоливать къ уніи, не принимая никакихъ отговорокъ. Границы между Россіею и Польшею до сихъ поръ не опредѣлены, а между тѣмъ оказывается, что Поляки захватили Русскихъ земель на 988 квадратныхъ верстъ: Волконскій долженъ былъ требовать назначенія коммисаровъ для опредѣленія границъ.

Князь Волконскій могъ сначала ласкать себя надеждою, что пріѣхалъ въ Варшаву въ благопріятное время: пришло извѣстіе о Гросъ-Егерсдорфской побѣдѣ Апраксина, и король, на радостяхъ, далъ Волконскому орденъ Бѣлаго Орла. Но скоро стали приходить извѣстія объ отступленіи русскихъ войскъ, а между тѣмъ французскія отношенія представляли сильныя затрудненія. Поляки французской партіи передавали французскому министру въ Варшавѣ свои жалобы на тягости, сопряженныя съ проходомъ русскихъ войскъ; французскій министръ въ Варшавѣ передавалъ жалобы французскому послу въ Петербургѣ, маркизу Лопиталю, который и предъявлялъ ихъ русскому министерству. Такое посредничество сильно оскорбляло Петербургскій Дворъ. Волконскій долженъ былъ хлопотать, чтобъ оно прекратилось; но этого трудно было достигнуть. Канцлеръ Малаховскій сообщилъ Волконскому и Гроссу въ-секретѣ, что у французскаго министра въ Варшавѣ сочиняютъ записку, гдѣ должны быть изложены всѣ жалобы Поляковъ на Россію за цѣлыя сорокъ лѣтъ. Волконскій замѣтилъ при этомъ, что лучшее средство уменьшить французское вліяніе—это прекратить острожскій споръ въ пользу членовъ русской партіи; но Малаховскій отвѣчалъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ, по причинѣ отступленія русскихъ войскъ и особенно вслѣдствіе зависимости, въ которой Саксонскій Дворъ находится отъ Французскаго, ожидая главнѣйшимъ образомъ отъ него освобожденія своихъ наслѣдственныхъ владѣній, нельзя ожидать такого шага, ибо французскій министръ истолковалъ бы его въ крайнее предосужденіе своему Двору.

Вслѣдъ затѣмъ Волконскій и Гроссъ обратились прямо къ графу Брюлю съ внушеніемъ, что поведеніе французскихъ министровъ—Брольи и Дюрана—и поноровки имъ со стороны Польскаго правительства могутъ произвести недовѣріе между союзными Дворами и уничтожить согласіе, возстановленное между Россіею и Франціею. Брюль признался, что, дѣйствительно, Брольи съ нетерпѣніемъ хватается за всякій случай, чтобъ сдѣлать Россію ненавистною; но что же дѣлать:—необходимость велитъ щадить французскихъ министровъ въ то время, когда русское войско совсѣмъ выступило изъ Пруссіи, австрійское же выпустило изъ рукъ случай овладѣть Бреславлемъ, и остается одна Франція, которая можетъ выручить Саксонскія земли отъ Пруссаковъ. Изъ увѣреній управляющаго иностранными дѣлами во Франціи, аббата Берни, какъ будто видно, что французскіе министры въ Варшавѣ поступаютъ не по приказаніямъ Людовика XV, а самовольно, и потому недурно было бы, если бы императрица прямо обратилась къ Французскому королю съ требованіемъ лучшихъ наставленій его министрамъ или даже ихъ отозванія. Когда Волконскій замѣтилъ о необходимости окончить острожскій споръ въ пользу русскихъ приверженцевъ, то Брюль отвѣчалъ, что теперь для этого время неудобное. Волконскій предложилъ начать примиреніе Чарторыйскихъ съ придворною партіею такою сдѣлкою: по кончинѣ короннаго маршалка Бѣлинскаго, на его мѣсто коронным маршалкомъ сдѣлать графа Мнишка, а на мѣсто послѣдняго—надворнымъ маршалкомъ князя Любомирскаго, зятя воеводы Русскаго, князя Чарторыйскаго; но Брюль и на это подалъ мало надежды.

Малаховскій и Чарторыйскій сообщили Волконскому, что французскій посолъ Брольи принудилъ графа Брюля исходатайствовать у короля чинъ брацлавскаго писаря шляхтичу Богатко, который не имѣлъ права на этотъ чинъ. Волконскій при первомъ свиданіи упрекнулъ Брюля за такой безпорядокъ; тотъ отвѣчалъ, что хотя не безъ особеннаго сожалѣнія онъ видѣлъ себя принужденнымъ къ такому поступку, но что же дѣлать, когда, при отступленіи русскихъ войскъ, единственная надежда королю остается на Францію, и потому ей должно во всемъ угождать. По поводу этого разговора съ Брюлемъ Волконскій писалъ въ Петербургъ: „Для пріобрѣтенія здѣсь кредита надобно либо раздавать большія деньги, либо располагать при Дворѣ вакантными чинами и староствами; Франція владѣетъ послѣднимъ изъ этихъ средствъ, но не перестаетъ пользоваться и первымъ, и тѣмъ чрезвычайно усиливаетъ свою партію. Не будучи и этимъ довольны, французскіе министры употребляютъ и третій, особенно вредный для русскихъ интересовъ способъ,—собирая и толкуя превратно всѣ жалобы Поляковъ на Россію, и своимъ заступничествомъ дѣлаютъ себя пріятными, а насъ—ненавистными. Такъ, графъ Брольи, въ присутствіи графовъ Брюля и Штернберга (австрійскаго посла), также въ присутствіи Гросса, съ крайнимъ негодованіемъ говорилъ противъ зимнихъ квартиръ, занимаемыхъ русскими войсками, предъявляя, что жители Литвы и безъ того разорены отъ прохода войска, отъ скупки съѣстныхъ припасовъ въ русскіе магазины, задержки судовъ въ Нѣманѣ, взятія подводъ. Графъ Брюль замѣтилъ, что ваше величество уже приняли намѣреніе назначить коммисаровъ для разсмотрѣнія и удовлетворенія всѣхъ этихъ жалобъ. Гроссъ прибавилъ, что до сихъ поръ ни ко мнѣ, ни къ кому никакихъ жалобъ не доходило, а находившійся при фельдмаршалѣ Апраксинѣ Забѣлло тому и другому засвидѣтельствовалъ, что всѣ обращенныя къ нему жалобы удовлетворены. Несмотря на то, Брольи продолжалъ говорить, что онъ получилъ множество жалобъ,

да и коммисія, обѣщанная вашимъ величествомъ, скоро не соберется, ибо ваши повелѣнія безъ исполненія остаются. Брольи распространился о жалобахъ Кіевскаго воеводы Потоцкаго и Брацлавскаго воеводы, князя Яблоновскаго. Гроссъ возражалъ, что жалобы перваго изслѣдованы и отвѣтъ на нихъ данъ; что же касается до жалобы Яблоновскаго относительно Чигирина, то тутъ никакого спору быть не можетъ, потому что границы Чигиринскаго староства опредѣлены договоромъ 1686 года. Гроссъ прибавилъ, что нѣтъ никакой нужды третьему со стороны мѣшаться въ пограничные споры между Россіею и Польшею: на это есть особенные коммисары съ обѣихъ сторонъ, и несогласно съ достоинствомъ посторонней державы вступаться во всѣ бездѣлицы, какія могутъ иногда произойти на границахъ другого отдаленнаго государства. Брольи разгорячился и сталъ говорить, что, заступаясь за Поляковъ, онъ поступаетъ по указу своего Двора; что неудивительно, если Поляки, не получая удовлетворенія отъ Россіи, ищутъ предстательства союзной державы; что между союзниками договоръ—во время прохода русскихъ войскъ черезъ Польшу не причинять жителямъ никакого убытка, и потому онъ, Брольи, имѣетъ полное право вступаться во всѣ жалобы Поляковъ, чтобы вслѣдствіе ихъ неудовлетворенія не нарушено было спокойствіе страны, и что безъ него и Дюрана давно бы уже произошли смуты". Волконскій и Гроссъ оканчиваютъ это донесеніе отъ 19 октября извѣстіемъ, что графъ Понятовскій отзывается изъ Петербурга вслѣдствіе письма Французскаго короля, а это доказываетъ, по ихъ мнѣнію, совершенную власть, какую Франція имѣетъ надъ Польскимъ Дворомъ.

На это донесеніе Волконскій и Гроссъ получили отъ своего Двора неожиданный отвѣтъ: „Мы признаёмъ, что Польскій Дворъ теперь ожидаетъ для Саксоніи всего отъ Двора Французскаго; но могъ бы Польскій Дворъ представить Французскому, что, какъ ни велика его признательность, однако онъ надѣется, что король Французскій никогда не потребуетъ, чтобъ эта признательность доказывалась нарушеніемъ правъ королевства Польскаго и слѣпымъ снисхожденіемъ на просьбы всѣхъ тѣхъ, которые, быть можетъ, не оказавъ отечеству никакихъ заслугъ и не содѣйствуя согласію между Дворами, имѣли только искусство угодить лично графу Брольи или резиденту Дюрану; вы не оставите объ этомъ нашемъ мнѣніи дать знать королю чрезъ графа Брюля. Правда, кто при Дворѣ чинами и староствами располагаетъ, тотъ бо́льшую партію себѣ составитъ, только не для чего объ этомъ безпокоиться; благодарность Поляковъ извѣстна: какъ скоро не французскій посолъ, а кто-нибудь другой будетъ располагать чинами, то о французскомъ послѣ будетъ совершенно забыто. Князья Чарторыйскіе изъ ничтожества Дворомъ выведены, и, располагая чинами, первенствовали въ Польшѣ, а теперь потеряли значеніе, потому что чинами не располагаютъ. Все имѣетъ свое время; надобно подождать, и, когда наступитъ наше время, пользоваться имъ. Что касается раздачи Полякамъ денегъ, то мы показали, что большой экономіи въ этомъ не наблюдаемъ, только вѣдь и наскучитъ слышать частыя объ этомъ напоминанія отъ всѣхъ нашихъ министровъ, кто бы туда посланъ ни былъ,—а никогда не видать никакой отъ этого пользы. Извѣстно, что за деньги можно пріобрѣсть пріятелей; но нельзя же ограничиться только тою пользою, что они наши деньги будутъ принимать. Съ Веймарномъ было отправлено въ Польшу 6,000 червонныхъ по точному требованію князя Чарторыйскаго, канцлера Литовскаго; но пользы эти деньги не принесли никакой, и этотъ богатый магнатъ принималъ ихъ не съ должнымъ уваженіемъ, а какъ будто бы ихъ ему навязывали. Если подлинно Франція раздаетъ деньги въ Польшѣ, то она можетъ получить отъ этого пользу, находясь въ такомъ отдаленіи отъ нея, не будучи въ состояніи ни прямо помогать Польшѣ, ни притѣснять ее. Безъ раздачи денегъ она могла бы быть совершенно неизвѣстна въ Польшѣ. Но съ нами—совсѣмъ другое дѣло; намъ нужно примѣчать французскія движенія, но во всемъ подражать имъ—излишне".

Въ концѣ года Волконскій и Гроссъ донесли, что Брольи и Дюранъ стали вести себя получше, продолжается только холодность, нежеланіе вступать въ разговоръ [1]).

Перемѣна въ поведеніи французскихъ министровъ произошла оттого, что нельзя было долго смѣяться надъ отступленіемъ Апраксина; послѣ того какъ отрядъ Австрійцевъ, подъ начальствомъ генерала Гаддика, захватилъ Берлинъ и поспѣшно оставилъ его, взявши только съ жителей 185,000 талеровъ контрибуціи,—французское войско, въ октябрѣ, потерпѣло отъ Фридриха II пораженіе при Росбахѣ, австрійское, въ ноябрѣ,—при Леутинѣ; шведское войско, вторгшееся въ Прусскую Померанію, было отброшено тѣмъ самымъ Левальдомъ, которому такъ не посчастливилось при Гросъ-Егерсдорфѣ. Фридрихъ II торжествовалъ надъ страшною коалиціею. Надобно было готовиться къ тяжелой и долгой войнѣ; надобно было готовить войско и деньги.

Въ мартѣ Сенатъ приказалъ изъ Военной Коллегіи подать вѣдомость, сколько теперь слѣдуетъ въ отставку солдатъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, потому что изъ разныхъ мѣстъ требуютъ ихъ для содержанія карауловъ и другихъ службъ, такъ какъ теперь въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ армейскихъ солдатъ и разсыльщики взяты въ военную службу. Война грозила стать и морскою,—ждали англійской эскадры въ Балтійское море, а потому флотъ требовалъ одинакого вниманія съ сухопутнымъ войскомъ; постановили: недорослей, являющихся къ опредѣленію въ кадетскіе корпуса, сухопутный и морской, раздѣлять пополамъ, чтобъ эти кор-

[1]) Дѣла Польскія.

пуса могли наполняться уравнительно. Въ концѣ года, Военная Коллегія подала вѣдомость о рекрутахъ; изъ этой вѣдомости оказалось, что послѣдняго набору рекрутъ въ сборѣ 43,088; офицерамъ отдано 41,374 человѣка, отъ нихъ отправлено 37,675, а къ полкамъ дѣйствительно приведено 23,571 человѣкъ. Сенатъ велѣлъ спросить Коллегію,—куда же дѣлось 19,517 человѣкъ. Нѣсколько прежде, Сенатъ слушалъ экстрактъ изъ протокола конференціи о предложеніи графа Петра Шувалова производить ежегодный рекрутскій наборъ не со всего государства, а съ одной только части, раздѣливъ для этого всю Россію на пять частей. Тотъ же Шуваловъ указалъ на вредную въ военное время медленность почты: рапортъ отъ командира перваго мушкетерскаго полка, отправленый 26 сентября, полученъ 14 ноября,—по дорогѣ отъ Смоленска до Петербурга находился мѣсяцъ и двѣнадцать дней [1]).

Мы уже упоминали о столкновеніи Шувалова съ генераломъ-кригсъ-комиссаромъ, княземъ Яковомъ Шаховскимъ. Шаховской въ своихъ Запискахъ даетъ намъ знать, куда дѣвались 19,517 человѣкъ рекрутъ, о которыхъ Сенатъ спрашивалъ Военную Коллегію. Въ описываемое время Шаховской находился въ Москвѣ при Главномъ Коммисаріатѣ. „Въ одно время, въ исходѣ зимы“, говоритъ Шаховской, „на половинѣ моего пути къ госпиталю, встрѣтились мнѣ нѣсколько дровней, наполненныя лежащими солдатами и рекрутами. Я остановился и спрашивалъ, куда ихъ везутъ. Бывшій при нихъ унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что для излѣченія отъ тяжкихъ болѣзней отправлены оные были въ генеральный госпиталь, но что ихъ въ оный за опасностью не приняли, и обратно велѣно ему отвезти ихъ въ команду. Я, увидя жалкое тѣхъ несчастныхъ состояніе, въ числѣ коихъ нѣсколько уже полумертвыми казались, приказалъ обратно везти за собою въ госпиталь, обнадежа, что ихъ тамъ помѣщу. Но какъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ тѣми страдальцами въ домъ госпитальный, то у большого крыльца увидѣлъ еще нѣсколько на дровняхъ же лежащихъ больныхъ. И какъ я только изъ моей кареты выходить сталъ, то докторъ и коммисаръ оба вдругъ спѣшно говорили мнѣ, чтобъ я далѣе крыльца не ходилъ, ибо чрезъ три дни, какъ я въ послѣднее у нихъ былъ, чрезвычайное множество изъ разныхъ командъ солдатъ и рекрутъ навезли больныхъ, а по большей части въ жестокихъ лихорадкахъ и прилипчивыхъ горячкахъ, и что уже болѣе 900 человѣкъ у нихъ въ вѣдомствѣ больныхъ, и тѣми не токмо всѣ покои въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ, но и сѣни наполнены, и отъ тѣсноты сдѣлалась великая духота, а для холоднаго времени отворять всегда окна не можно; и такъ не токмо они одинъ отъ другого заражаются, но и здоровые, призрѣніе и услуженіе имъ дѣлающіе, оттого впадаютъ въ болѣзни, а отъ командъ почти непрерывно еще присылкой такихъ умножаютъ, коихъ обратно въ ихъ команды отсылать принуждены, а для того и сихъ, лежащихъ на дровняхъ, обратно же въ команды отправить намѣрены, чтобъ они, насчетъ госпитальный, число мертвыхъ не умножали. Въ то же время присланные съ тѣми больными для отдачи унтеръ-офицеры просили меня о пріемѣ оныхъ, показывая изъ числа тѣхъ въ пути нѣсколько уже мертвыхъ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи на стужѣ дрожащихъ... Я собиралъ всѣ свои мысли, какъ бы сыскать онымъ страдальцамъ облегченіе, искалъ моими глазами по всѣмъ сторонамъ, не найду-ль способныхъ изъ близъ-находящихся строеній къ пространнѣйшему тѣхъ помѣщеній; спрашивалъ у коммисара и доктора, кто въ коихъ живетъ. Тамъ показывали мнѣ близъ-находящіяся строенія, въ коихъ жили разные госпитальные служители, изъ которыхъ я приказалъ немедленно тѣхъ жителей вывесть въ наемныя квартиры, а въ ихъ покои помѣстить больныхъ. Докторъ и коммисаръ мнѣ отвѣтствовали, что они вчерась уже то предпринимали, но способа не нашли, ибо по близости наемныхъ квартиръ нѣтъ, да и вдали вокругъ, по разнесшемуся о больныхъ нашихъ слуху, ни за какую цѣну въ наемъ въ госпитальное вѣдомство своихъ дворовъ не отдаютъ. Въ то же время свѣдалъ я, что есть неподалеку конюшеннаго вѣдомства нѣсколько порожнихъ покоевъ, и еще увѣдалъ неподалеку же отъ госпиталя, позади Дворцоваго сада, на берегу Яузы-рѣки, немалое деревянное строеніе, о коемъ сказали мнѣ, что то Дворцовой канцеляріи вѣдомства пивоваренный дворъ, и теперь, въ отсутствіе ея величества, весь пустъ, и живетъ въ немъ только коммисаръ, у коего оный въ смотрѣніи. Другіе же сказывали, что, за неприличностью мѣста и что онъ уже ветхъ, назначено все оное строеніе въ другое мѣсто перенесть, и о подрядѣ того къ сноскѣ и въ газетахъ напечатано“.

Въ этотъ-то пивоваренный дворъ Шаховской рѣшился перевести служащихъ при госпиталѣ, а въ ихъ квартиры помѣстить больныхъ. Это онъ сдѣлалъ, не дожидаясь разрѣшенія отъ Главной Дворцовой канцеляріи, находившейся въ Петербургѣ, и зная, что такимъ самовластнымъ распоряженіемъ можетъ возбудить неудовольствіе, написалъ письмо къ фавориту Ив. Ив. Шувалову съ просьбою защитить, если недоброжелатели заочно станутъ что-нибудь разглашать. Ив. Ив. Шуваловъ, который среди тогдашней знати, отличался мягкостью, людскостью обращенія, который прежде всего старался сохранить со всѣми добрыя отношенія, особенно же съ людьми, выдающимися заслугами и способностями, старался казаться совершенно безпристрастнымъ, свободнымъ отъ воззрѣній своихъ родственниковъ графовъ—Петра и Александра Шуваловыхъ, старался „благороднымъ учтивствомъ“ и услугами сдѣлать свой фаворъ пріятнымъ и желаннымъ,—Ив. Ив. Шуваловъ въ отвѣтномъ

[1]) Журналы и протоколы Сената 6 марта, 14 мая, 16, 23 и 31 декабря.

письмѣ своемъ хвалилъ человѣколюбивый поступокъ Шаховского и обнадеживалъ своею защитою. Но, въ то же время, Шаховской описалъ все дѣло пріятелю своему, маіору гвардіи Нащокину, и тотъ увѣдомилъ его, что въ знатныхъ домахъ у недоброжелателей Шаховского слышалъ выходки противъ него членовъ Главной Дворцовой канцеляріи, которые толкуютъ о неслыханной дерзости генералъ-кригсъ-коммисара, осмѣлившагося самовольно положить больныхъ съ прилипчивыми болѣзнями въ томъ мѣстѣ, гдѣ, во время пребыванія Двора, варятъ пиво и кислыя щи для собственнаго употребленія ея величества. Сенатъ потребовалъ отъ Шаховского объясненія, на какомъ основаніи онъ занялъ дворцовый пивоваренный дворъ безъ позволенія Главной Дворцовой канцеляріи; но генералъ-прокуроръ прислалъ ему дружеское письмо, въ которомъ поздравлялъ, что недоброжелатели, „не находя справедливыхъ резоновъ, коими бы васъ повреждать возмогли, склоняются къ примиренію, какъ то вчерась въ конференціи было, что графъ Петръ Ив. Шуваловъ, зная, что я васъ люблю, приближаясь ко мнѣ, всѣмъ въ-слухъ говорилъ, что сожалѣетъ о тѣхъ спорахъ и вздорахъ, кои онъ съ тобою по своей командѣ производилъ, и теперь, довольно познавъ, что ваши упрямства, по бо́льшей части, дѣльныя, всѣ въ томъ свои жалобы оставляетъ и предаетъ забвенію“.

Но Нащокинъ въ письмахъ своихъ твердилъ попрежнему, чтобъ Шаховской остерегался: жалобы Дворцовой канцеляріи все увеличиваются. Нащокинъ былъ правъ. Въ одно прекрасное утро является къ Шаховскому гвардейскій офицеръ, пріѣхавшій изъ Петербурга, и подаетъ бумагу отъ начальника страшной Тайной Канцеляріи, графа Александра Ив. Шувалова. Въ бумагѣ говорилось: „Ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что вы самовольно заняли въ дворцовомъ поваренномъ домѣ тѣ каморы, въ коихъ для собственнаго ея величества употребленія разливаютъ и купорятъ съ напитками бутылки, и помѣстили въ нихъ прачекъ, кои со всякими нечистотами бѣлье съ больныхъ моютъ; и для того, по высочайшему повелѣнію, посланъ къ вамъ изъ Тайной Канцеляріи нарочный, гвардіи поручикъ, коему повелѣно, ежели, по освидѣтельствованію его, въ тѣхъ покояхъ больные и прачки найдутся, то бы всѣхъ тѣхъ немедленно перевести въ домъ вашъ для жилья ихъ, не обходя ни единаго покоя въ вашихъ палатахъ, и точно въ вашей спальнѣ“.

Все это было справедливо: помощникъ Шаховского по управленію госпиталемъ, генералъ-маіоръ Комингъ, и госпитальный коммисаръ распорядились помѣщеніемъ больныхъ и прачекъ въ пивоварнѣ безъ вѣдома генералъ-кригсъ-коммисара; и потомъ Шаховской узналъ, что коммисаръ имѣлъ сношеніе съ присланнымъ изъ Петербурга чиновникомъ Дворцовой канцеляріи и, какъ нарочно, передъ самымъ пріѣздомъ гвардейскаго офицера ввелъ больныхъ и прачекъ въ пивоварню. Какъ бы то ни было, указъ былъ исполненъ, и Шаховской долженъ былъ двѣ недѣли содержать въ своемъ домѣ больныхъ и прачекъ, пока не пришелъ отвѣтъ на объяснительное письмо его къ императрицѣ [1]). Ив. Ив. Шуваловъ написалъ ему благосклонное письмо съ выраженіями глубокаго сожалѣнія о случившемся, и увѣрялъ отъ имени императрицы, что „ея величество, увидя его, Шаховского, оправданіе, сожалѣетъ, что такъ скоро и неосмотрительно съ нимъ учинено“. Когда потомъ Шаховской пріѣхалъ въ Петербургъ, то доброжелатели разсказали ему, какъ произошла эта неосмотрительность: по ихъ словамъ, члены Главной Дворцовой канцеляріи постарались отомстить Шаховскому съ помощью графовъ Шуваловыхъ—Петра и Александра, сердившихся на него за несогласіе удовлетворять ихъ требованіямъ по войскамъ, находившимся подъ ихъ начальствомъ. Вотъ какъ передаетъ этотъ разсказъ самъ Шаховской: „Графъ Петръ Ив. Шуваловъ, по обыкновенному искусству, чрезъ свою супругу, графиню Мавру Егоровну, которая тогда, въ великой у ея величества милости и довѣренности находясь, во дворцѣ жила, такъ какъ и прочія свои надобности по желанію произвелъ и хитро домогался отъ ея императорскаго величества мнѣ такого рѣшенія, употребляя еще къ тому своего услужника, тогда бывшаго при Дворѣ и въ милости у ея величества находящагося оберъ-мундшенка Бахтѣева. Такимъ образомъ, роли свои начали они при первомъ къ тому способномъ случаѣ: будучи во внутреннихъ покояхъ предъ лицемъ ея величества, отошедъ къ окну, умышленно начали съ важными и удивительными видами разговаривать; ея величество, то примѣтя, подошедъ къ нимъ спросила, о чемъ они такъ важно разговариваютъ. Они оба замолчали, дая видъ, якобы для опасности своей въ такія дѣла вмѣшиваться и донесть ея величеству не осмѣливаются. Она, такія ихъ скромности за нѣчто важное принявъ, повелительнымъ образомъ требовала, чтобъ они о всемъ томъ и коего они, больше ея боясь. скрываютъ, обстоятельно сказали. Графиня Шувалова отвѣтствовала: „О, боюсь, матушка, что сей удачливый въ своихъ предпріятіяхъ человѣкъ, которому всѣ, по большей части, трусятъ и уступаютъ, меня иными посредствами обругаетъ. Ежели-бъ такъ мужъ мой сдѣлалъ, много бы на него вашему величеству доносителей въ томъ было, а на этого смѣльчака никто не смѣетъ“,—и притомъ указала на оберъ-мундшенка Бахтѣева: „вотъ-де ему объ этомъ должно вашему величеству представить, да и онъ-де трусить“. Ея величество, то выслушавъ, уже съ большею нетерпѣливостью и восхищеніемъ гнѣва спросила: „Что то за дѣло, и кто такой вамъ паче меня страшенъ есть?“ Господинъ Бахтѣевъ (какъ сказывалъ мнѣ тотъ, которому при всемъ томъ быть случилось) съ робкимъ видомъ и какъ возмогъ увеличилъ въ мое

[1]) Это письмо отъ 1 мая находится въ Госуд. Архивѣ.

поврежденіе тотъ мой поступокъ о занятіи пивовареннаго двора, и яко-бы я въ тѣ каморы, гдѣ разливаютъ и купорятъ бутылки для ея величества въ употребленіе, помѣстилъ больныхъ съ гнусными болѣзнями и прачекъ для мытья, снимаемаго съ нихъ бѣлья. И тако сіи безсовѣстно злоковарные добродѣтельное сердце къ рѣшенію противу меня приготовили, что въ тотъ же моментъ ея величество проговоря: „Вотъ я вамъ докажу, чтобъ вы не боялись сего смѣльчака", призвавъ графа Александра Ив. Шувалова, который, какъ бы нарочно, на тотъ часъ неподалеку находился, соизволила повелѣть ему, ни мало не мѣшкавъ, нарочнаго офицера съ высочайшимъ ея ко мнѣ указомъ въ Москву отправить" [1]).

Вслѣдствіе всей этой исторіи, велѣно въ московскомъ госпиталѣ сдѣлать пристройку; но Шаховской представилъ, что госпиталь находится вблизи дворца и выше по теченію Яузы, поэтому нечистоты по рѣкѣ и дурной запахъ можетъ по вѣтру доходить и до дворца: такъ не лучше ли построить вновь каменный корпусъ на берегу Москвы-рѣки, недалеко отъ Новоспасскаго монастыря, или близъ дома Крутицкаго архіерея, и здѣсь помѣщать не только больныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, но и прочихъ чиновъ людей военныхъ и статскихъ, находящихся въ неизлѣчимыхъ болѣзняхъ и дряхлости, также сиротъ, оставшихся послѣ убитыхъ на войнѣ, и незаконнорожденныхъ младенцевъ. И на содержаніе, если госпитальныхъ доходовъ доставать не будетъ, брать изъ доходовъ съ синодальныхъ вотчинъ, также остатки отъ расходовъ въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, ибо относительно построенія при монастыряхъ госпиталей и страннопріимницъ многіе указы не исполнены; а хотя въ монастыри отставные офицеры и солдаты и посылаются для пропитанія, но они тамъ, по большей части, безъ надлежащаго призрѣнія и довольства содержатся, и отъ нихъ на монастырскія власти, и отъ властей на нихъ происходятъ частыя жалобы въ разныхъ приключеніяхъ и ссорахъ. Настоящій же госпиталь можетъ служить казармою для Лейбъ-Кампаніи или для другихъ дворцовыхъ надобностей. Когда это представленіе было прочтено въ Сенатѣ, то генералъ-прокуроръ князь Трубецкой и графъ Петръ Ив. Шуваловъ объявили, что на учрежденіе инвалидныхъ домовъ на такомъ же основаніи, какъ представляетъ Шаховской, уже есть высочайшее соизволеніе; поэтому приказали: принять мнѣніе князя Шаховскаго, а мѣсто для госпиталей и инвалидныхъ домовъ Сенатъ призналъ удобнымъ на берегу Москвы-рѣки, близъ Данилова монастыря, и архитектору, князю Ухтомскому, начертить планъ и составить смѣту [2]).

Но на приведеніе въ исполненіе такихъ обширныхъ построекъ было мало надежды по состоянію финансовъ во время войны. Графъ Петръ Шуваловъ представлялъ конференціи [3]): „Капитала запаснаго нѣтъ; тѣ милліоны, которые казнѣ пріобрѣтены,— издержаны; по установленному способу надбавка на цѣну вина и соли сдѣлана; умноженные доходы истощены, взаймы пожалованный милліонъ—также. Способъ пріобрѣсти деньги надежный: опредѣленную для копѣечной монеты по 8 рублей изъ пуда мѣдь, 437,500 пудовъ, передѣлать въ грошовую, копѣечную, денежную и полушечную монету по 16 рублей изъ пуда, и вмѣсто обращающихся въ народѣ мѣдныхъ денегъ 7.397,910 рублей будетъ обращаться по этому моему плану въ государствѣ 12.502,154 рубля. Подданные ту выгоду имѣть будутъ, что они шестнадцати-рублевою въ пудѣ монетою не такъ въ провозѣ будутъ отягощены, какъ теперь; прежняя монета такою низкою цѣною установлена съ цѣлію пресѣчь привозъ изъ чужихъ краевъ; но теперь эта предосторожность считается излишнею. Укажутъ, правда, другіе способы для собранія большого капитала по примѣру иностранныхъ государствъ, напримѣръ—лотереи или банкъ; но у насъ эти учрежденія не годятся, потому что такую большую лотерею, чтобъ получить шесть милліоновъ, не только скоро, но и едва ли вовсе набрать возможно, особенно когда у насъ самая идея лотереи неизвѣстна. Что же банка касается, то отъ поддѣлыванія банковыхъ билетовъ опасность, и бумажками вмѣсто денегъ народу не только дики покажутся, но и совсѣмъ кредитъ повредится, потому что при употребленіи банковыхъ билетовъ въ торгахъ всякія помѣшательства и обманы могутъ происходить"

Въ Сенатѣ Шуваловъ предложилъ, что, по его изобрѣтеніямъ, съ 1750 года до сихъ поръ казна получила прибыли болѣе пятнадцати милліоновъ рублей (15.671,171 рубля 53 копѣйки); изъ новыхъ доходовъ устроенъ Дворянскій банкъ; но это полезнѣйшее дѣло можетъ повести къ крайнему разоренію дворянскихъ фамилій, ибо для уплаты назначенъ только трехгодичный срокъ, и многіе дворяне не могутъ въ три года выплатить, занять же имъ негдѣ, особливо находящимся при арміи, и, такимъ образомъ, принуждены лишаться недвижимыхъ имѣній: нужно срокъ уплаты продолжить. Сенатъ согласился продолжить срокъ еще на годъ. Велѣно въ Штатсъ-Контору, подъ видомъ займа, отпустить съ монетнаго двора 275,000 рублей съ уплатою таможенными ефимками, которые приказано поскорѣе въ передѣлъ употреблять, чтобъ на монетномъ дворѣ не послѣдовало въ деньгахъ недостатка; изъ разныхъ другихъ мѣстъ велѣно выдать въ Штатсъ-Контору 39,490 рублей. Кромѣ военныхъ издержекъ, найдено необходимымъ производить безостановочно работы въ Кронштадтѣ: послѣ канала тамъ устроили купеческую и среднюю гавань, на что отпущено было 97,000 рублей. Смотрѣли, какъ бы сократить расходы, и опять

[1]) Записки кн. Шаховскаго, 87—106.
[2]) Журналы и протоколы Сената 3 октября.
[3]) Экстракты изъ протокол. конференц. въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ.

напали на безконечныя коммисіи. Генералъ-прокуроръ предложилъ: въ Ярославлѣ по корчемнымъ и прочимъ дѣламъ, а въ Новгородѣ о непорядочныхъ поступкахъ вѣрныхъ сборщиковъ учреждены коммисіи, но дѣла въ нихъ продолжаются немалое время за спорами и подозрѣніями на членовъ, а потому надобно раздать эти дѣла по соотвѣтствующимъ учрежденіямъ—въ Камеръ-Контору, Юстицъ-Коллегію, и если тамъ не смогутъ рѣшить, то—въ Сенатъ, чтобъ приказные понапрасну жалованье не получали, и виновные безъ наказанія не оставались. Сенатъ согласился.

Такъ какъ управленіе финансами сосредоточивалось въ Сенатѣ, то въ низшихъ учрежденіяхъ думали, что о всякомъ, самомъ мелочномъ распоряженіи въ области финансовъ должно доносить Сенату. Московскій магистратъ донесъ, что онъ наложилъ пятидесяти-копѣечный оброкъ на амбаръ, построенный купцомъ Ефимовымъ для торговли горшками; Сенатъ велѣлъ магистрату прислать отвѣтъ, зачѣмъ онъ утрудилъ Сенатъ такимъ неподлежащимъ дѣломъ. Но никто не находилъ неподлежащимъ дѣломъ, что разрѣшеніе открыть гербергъ, или гостиницу зависѣло отъ Сената. Въ Москвѣ былъ уже гербергъ, содержимый савояромъ Берлиромъ, въ Нѣмецкой слободѣ, а теперь позволено было основать другой—въ селѣ Покровскомъ, что въ Елоховѣ; позволеніе было дано петербургскому купцу Цыгинбейну, у котораго былъ гербергъ и въ Петербургѣ. Сенатъ позволялъ также московскому университету имѣть подъ собственнымъ своимъ смотрѣніемъ обержу, или герберъ для иностранныхъ профессоровъ, магистровъ и учителей [1]). Въ концѣ года запрещено было имѣть въ Петербургѣ болѣе 2,000 извозчиковъ по причинѣ дороговизны фуража [2]).

Изъ явленій областной жизни попрежнему особенное вниманіе возбуждали крестьянскія волненія. Евдокимъ Демидовъ опять жаловался, что для усмиренія его крестьянъ въ Алексинскомъ и Лихвинскомъ уѣздахъ посланъ былъ прапорщикъ съ командою; но крестьяне прапорщика не послушались, командѣ запрещали ходить въ село Русаново, грозясь бить до смерти; два священника и крестьяне сказали, что Демидова и дѣтей его слушать не будутъ. Противъ взбунтовавшихся крестьянъ Новоспасскаго монастыря, Шацкаго уѣзда, селъ—Спасскаго и Введенскаго отправился подполковникъ Хатунскій; вслѣдствіе сопротивленія спасскихъ крестьянъ онъ принужденъ былъ употребить артиллерію и ружья, и силою ворвался въ село; крестьяне разбѣжались; потомъ отыскано было въ селѣ и сами явились 62 человѣка, а въ селѣ Введенскомъ—только 10 человѣкъ; такъ какъ бунтъ произошелъ вслѣдствіе обидъ отъ монастырскихъ управителей и слугъ, то для изслѣдованія дѣла учреждена смѣшанная коммисія изъ членовъ Сенатской и Синодальной Конторы [3]).

Малороссійскаго гетмана успѣли, наконецъ, выпроводить изъ Петербурга въ Глуховъ; по всей дорогѣ, на каждомъ почтовомъ стану, велѣно было выставить по 200 подводъ; по примѣру пріѣздовъ гетмана Скоропадскаго, Разумовскому дано было, вмѣсто кафтана и запоны, 1,116 рублей 52 копѣйки, а чиновникамъ, бывшимъ при немъ, вмѣсто соболей и камокъ—генеральному судьѣ 250 рублей, другимъ по 60 рублей! Главную заботу со стороны Малороссійкой Украйны составляли попрежнему Запорожцы. Здѣсь атаманъ Минскаго куреня, Шкура, да Ирклеевскаго куреня атаманъ Кишенскій возмутили казаковъ разныхъ куреней, взяли насильно котлы и, ударяя въ нихъ полѣньями, собрали раду; набѣжало казаковъ больше 300 человѣкъ, подняли крикъ, ухватили двѣ палицы,—кошевого и судейскаго стола, и первую отнесли Шкурѣ, а вторую—Кишенскому, и Шкура сталъ кошевымъ, а Кишенскій—судьею; но потомъ собрались атаманы и опредѣлили быть попрежнему старому кошевому и войсковой старшинѣ. Гетманъ послалъ взять подъ караулъ Шкуру, Кишенскаго и другихъ зачинщиковъ и привезти въ Глуховъ. Но атаманское опредѣленіе, какъ видно, оказалось непрочно: старый кошевой и старшина сочли за нужное отказаться отъ своихъ должностей подъ предлогомъ старости, и выбраны были новые. Гетманъ, узнавши объ этомъ, писалъ въ Запорожье, что за такое дѣло войско Запорожское весьма достойно быть подъ истязаніемъ и штрафомъ, и чтобъ впредь не смѣли, подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва, сами собою увольнять кошевого и старшину и выбирать новыхъ. Гайдамаки оговорили кошевого и старшину, что они брали у нихъ въ подарокъ грабленныя вещи [4]).

Мы видѣли, что русскій министръ въ Варшавѣ, Гроссъ, получилъ извѣщеніе о надеждахъ малороссійскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Крыму. Когда это извѣщеніе было переслано въ Петербургъ, то отсюда, разумѣется, пошла грамота къ гетману, чтобъ удвоилъ вниманіе. Разумовскій испугался, но не эмигрантскихъ происковъ, могшихъ нарушить спокойствіе ввѣренной ему страны, а того, что въ Петербургѣ испугаются этихъ замысловъ и не позволятъ ему покидать Малороссію. Въ отчаяніи онъ писалъ вице-канцлеру Воронцову: „Вашему сіятельству, яко другу моему, открываюсь, что сіе дѣло есть совсѣмъ несбытное и неосновательное; я больше почитаю, что—вымышленное моими извѣстными пріятелями такого свойства, каковы были мнимые шпіоны отъ короля Прусскаго, единственно только для того, чтобъ сдѣлать мое присутствіе здѣсь нужнымъ, важнымъ и весьма необходимо полезнымъ, дабы чрезъ то вложить мнѣніе государынѣ, какая опасность отъ сего краю

[1]) Журналы и протоколы Сената, 24 января, 14 мая, 10 сентября, 2, 3 и 23 октября.

[2]) Государ. Архивъ, дѣла по конференціи.

[3]) Журналы и протоколы Сената 1 марта, 10 сентября.

[4]) Журналы и протоколы Сената 21 и 23 января, 28 февраля, 10 марта.

быть можетъ, въ наблюденіе чего, чтобъ меня засадить въ семъ скучномъ мѣстѣ и затворить бы путь къ моему возвращенію въ Петербургъ, ежели пожелаю".

Но малороссійскіе эмигранты были существа дѣйствительныя, а не мнимыя, и потому Разумовскій придумалъ средство противъ людей, которые могли помѣшать его поѣздкамъ въ Петербургъ: „Послѣдній рескриптъ", писалъ онъ Воронцову, „заставилъ меня думать, какимъ бы образомъ истребить сей каналъ, откуда сіи вѣсти приходятъ, которыя смущаютъ тѣхъ, которымъ дѣла сіи ввѣрены, а наводятъ на сей край недовѣренность въ то время, когда ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ, но, напротивъ того, всѣ пребываютъ въ непоколебимой вѣрности къ ея императорскому величеству, въ чемъ ваше сіятельство твердо увѣряю. Для пресѣченія сего мнѣ кажется можно способъ употребить, чтобъ двухъ или трехъ бездѣльниковъ истребить, которые въ Крыму изстари живутъ и, будучи заражены старинными мыслями, постаринному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украйна послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ, почитай, люди, слѣдовательно, не тѣ уже и мысли въ нихъ пребываютъ. Для успокойствія всего, мнѣ кажется, что можно сихъ плутовъ оттуда украсть или какимъ способомъ истребить, о успѣхѣ котораго увѣрить заподлинно васъ не могу, только стараніе удобовозможное употреблено будетъ. И такъ васъ прошу дать мнѣ знать, что вы о семъ думаете".

Воронцовъ отвѣтилъ, что „хотя весьма желательно бы было, дабы извѣстные два злодѣя, находящіеся въ Крыму, могли какимъ случаемъ истреблены или украдены быть, но какъ сей способъ есть весьма ненадежный, къ тому-жъ и можетъ за собою непріятныя слѣдствія нанести,—я думаю, что лучше бы было совсѣмъ въ презрѣніи оставить, толь болѣе-что никакого опасенія отъ ихъ каверзъ имѣть не можно, и они уже престарѣлые люди и скоро въ гробъ пойдутъ" [1]).

Изъ Новой Сербіи Хорватъ доносилъ, что населеніе идетъ быстро: въ три мѣсяца, отъ января до апрѣля, пришло обоего пола душъ 822. Но стали приходить доносы на Хорвата, что онъ населяетъ Новую Сербію непозволительными средствами. Гетманъ Разумовскій прислалъ въ Сенатъ копію съ допросовъ сотника Мовчана, да осадчика Новой Черноташлыкской слободки, Савранскаго: изъ допросовъ оказывалось, будто бы Хорватъ приказывалъ Савранскому собрать Запорожскихъ казаковъ охотниковъ, идти съ ними въ Польшу, перегнать силою тамошній народъ на эту сторону Буга и населить имъ новозаведенную слободу, почему Савранскій съ Запорожцами въ Польшѣ былъ и изъ села Вербовецъ, принадлежащаго Мнишку, пригналъ 35 семей въ свою слободу. Мовчанъ показалъ, что Хорватъ, въ присутствіи поручика Булацела, приказывалъ сотнику новопоселенной слободки Добрянки, Табанцу, который жаловался на обиду отъ Поляковъ, чтобъ онъ взялъ охотниковъ изъ запорожскихъ степей и попугалъ Поляковъ, только тайно, не разглашая, „а я", сказалъ Хорватъ, „въ томъ отвѣтчикъ", и руку Табанцу далъ; Табанецъ и былъ въ Польшѣ, на ярмаркѣ отбилъ больше 300 лошадей и зарѣзалъ 30 человѣкъ. Сенатъ приказалъ: гетману велѣть поступить съ Табанцомъ и Савранскимъ по ихъ винамъ, за разбой и переходъ за-границу; а показаніямъ на Хорвата не вѣрить, ибо эти показанія сдѣланы приличившимися въ воровствѣ [2]).

Далѣе на востокъ, въ украинныхъ мѣстахъ перемѣщеніе жителей происходило другимъ способомъ. Въ концѣ года правительство узнало, что изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ разныхъ помѣщиковъ крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе разглашаютъ, что эти бѣглые, собравшись въ Царицынѣ и переправясь черезъ Волгу, порыли себѣ землянки, живутъ въ нихъ и впредь будутъ принимать къ себѣ всякихъ прихожихъ людей; а нѣкоторые крестьяне бѣгутъ и явнымъ образомъ, объявляя, что идутъ для поселенія въ Царицынъ и въ Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ опредѣленъ маіоръ Парубучъ [3]).

Изъ Оренбургской украйны доходили отголоски борьбы между старыми жителями, Башкирцами и русскими насельниками, пришедшими на разработку рудныхъ богатствъ страны. Заводскія конторы жаловались на Башкирцевъ, будто тѣ притѣсняютъ заводы, останавливаютъ производство работъ на нихъ; мало того: кругомъ заводовъ пускаютъ пожары, на заводы и рудники наводятъ волшебные дымы, отчего происходитъ смертельный воздухъ, такъ что на Овзянопетровскомъ заводѣ почти всѣ больны, а немалое число и померло; также своею ложью остановили отмежеваніе земель, купленныхъ у Башкирцевъ съ лѣсомъ и угодьями; у находящихся при заводахъ крестьянъ немало лошадей отогнали. Неплюевъ по поводу этихъ жалобъ подалъ мнѣніе: „Въ Оренбургѣ, кромѣ этихъ извѣстій, не предвидится ничего, что-бы могло подать поводъ къ башкирскимъ волненіямъ; о пожарахъ и лошадиныхъ отгонахъ точнаго изслѣдованія сдѣлать нельзя, потому что никого не поймано, а что касается мнимыхъ волшебныхъ дымовъ, то ясно, что это отъ суевѣрія написано" [4]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 15 апрѣля и 4 ноября.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 13 ноября.

[4]) Журналы Сената по Секретн. Экспедиц. 27 окт.

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1758 годъ.

Паденіе канцлера Бестужева.—Отношенія великой княгини Екатерины Алексѣевны къ императрицѣ.—Сношенія съ Австріею насчетъ военныхъ дѣйствій.—Занятіе Восточной Пруссіи русскими войсками.—Движеніе Фермора къ Одеру.—Бомбардированіе Кистрина.—Битва при Цорндорфѣ.—Движеніе Фермора въ Померанію.—Замѣчанія конференціи насчетъ его распоряженій.—Письмо къ нему Воронцова.—Отступленіе Фермора къ Вислѣ.—Планъ кампаніи будущаго года.—Сношенія съ союзными Дворами, Австрійскимъ и Французскимъ.—Сношенія съ Англіею и Польшею.—Саксонскій принцъ Карлъ получаетъ герцогство Курляндское.—Дѣла Турецкія.—Распоряженіе относительно Черногоріи.—Поведеніе Черногорцевъ въ Москвѣ.—Внутренняя дѣятельность правительства—финансовыя распоряженія.—Торговля.—Волненія монастырскихъ крестьянъ.—Вопросъ объ управленіи церковными имѣніями.—Составленіе Уложенія.—Коммисіи объ однодворцахъ.—Дѣла на украйнахъ.

Начало 1758 года было ознаменовано важнымъ событіемъ, которое подготовлялось уже два года,—сверженіемъ великаго канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина.

Мы видѣли, въ какое затруднительное положеніе былъ поставленъ канцлеръ перемѣною европейской политики въ 1756 году, Англо-Прусскимъ союзомъ съ одной стороны и Австро-Французскимъ—съ другой. Самолюбіе, нежеланіе признать свою ошибку, отвердѣвшая въ старинѣ система, по которой Франція, вслѣдствіе противоположности интересовъ, никогда не могла быть союзницею Россіи, закоренѣлая ненависть къ Франціи и боязнь предъ ея посломъ—не позволили Бестужеву вдругъ перемѣнить своихъ отношеній, отвернуться отъ Англіи и стать ревностнымъ поборникомъ Французскаго союза. Онъ слишкомъ явно защищалъ Англію, слишкомъ неохотно соглашался на сближеніе съ Франціею, и этимъ сталъ подозрителенъ въ глазахъ императрицы: кредитъ его упалъ; вице-канцлеръ Воронцовъ, мимо его, производилъ самыя важныя сношенія; черезъ него послѣдовало сближеніе съ Франціею, и французскій посолъ пріѣхалъ въ Петербургъ, остереженный отъ своего Двора опасаться болѣе всего канцлера и его интригъ. Австрія враждебно относилась къ Бестужеву за его сопротивленіе Французскому союзу. Кауницъ, который считалъ этотъ союзъ своимъ дѣломъ и ждалъ отъ него безчисленной пользы,—Кауницъ выразился предъ французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, что не забудетъ тѣхъ затрудненій, которыя дѣлаетъ ему Бестужевъ [1]). Такимъ образомъ, кромѣ русскихъ враговъ, у Бестужева въ Петербургѣ было еще теперь два сильныхъ врага иностранныхъ,—Эстергази и Лопиталь, а помощи ни откуда.

Легко понять, какъ, при такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ осторожно дѣйствовать Бестужевъ. Мы видѣли, какъ обезпокоили его толки о медленности Апраксина, и какъ онъ старался побудить его идти какъ можно скорѣе. Еще болѣе должно было его обезпокоить отступленіе Апраксина послѣ побѣды, возбудившее бурю въ Петербургѣ. Отъ 13 сентября канцлеръ писалъ ему: „Я уже ваше превосходительство имѣлъ честь чрезъ Петра Ив. Панина поздравить одержанною надъ непріятелемъ побѣдою. А теперь на ваше писаніе ничего иного отвѣтствовать не имѣю, кромѣ того, что я крайне сожалѣю, что армія подъ командою вашего превосходительства, почти во все лѣто недостатокъ въ провіантѣ имѣя, наконецъ, хотя и побѣду одержала, однакожъ принуждена, будучи побѣдительницею, ретироваться. Я собственному вашего превосходительства глубокому проницанію предаю, какое отъ того произойти можетъ безславіе какъ арміи, такъ и вашему превосходительству, особливо-жъ когда вы непріятельскія земли совсѣмъ оставите“ [2]).

Но Апраксинъ отступалъ и ожесточеніе противъ него становилось все сильнѣе и сильнѣе. Изъ французскаго и австрійскаго посольства пошли слухи объ интригѣ,—и пошли по всей Европѣ. Бехтѣевъ писалъ Воронцову изъ Парижа 26 сентября: „Мы во всю сію недѣлю были въ великомъ безпокойствѣ; послѣ 19 августа писемъ мы изъ Петербурга не имѣли, а изъ Голландіи такія получали вѣдомости на двухъ почтахъ, что только объ нихъ подумать, такъ ужасъ беретъ. Однимъ словомъ, всѣ несчастія по тѣмъ вѣдомостямъ у насъ сдѣлались; по причинѣ оныхъ и армія пошла изъ Пруссіи съ великою торопостію, будто уже ретировалась, оставя множество пушекъ. Весь городъ наполненъ былъ симъ дурнымъ слухомъ“ [3]). Основаніемъ дурного слуха послужилъ припадокъ, случившійся съ императрицею. 8 сентября, въ праздникъ Рождества Богородицы, Елисавета, жившая въ Царскомъ Селѣ, пошла къ обѣднѣ въ приходскую церковь; въ началѣ службы почувствовала себя дурно и одна вышла изъ церкви, но, не дошедши до дворца, упала на землю и болѣе двухъ часовъ лежала безъ чувствъ [4]). Этотъ случай привели въ связь съ отступленіемъ Апраксина, начали догадываться, толковать, что Бестужевъ далъ знать о немъ Апраксину и потребовалъ воз-

[1]) Шеферъ I, 648.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IV.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VI.

[4]) Mémoires de Catherine II, 298.

вращенія его въ Россію съ войскомъ, которое было нужно канцлеру для приведенія въ исполненіе его намѣреній относительно престолонаслѣдія. Разумѣется, кто могъ внимательно и спокойно вникнуть въ дѣло, тотъ долженъ былъ понять, что догадка не имѣетъ никакого основанія; что припадокъ съ императрицею случился 8 сентября, а отступленіе рѣшено было на военномъ совѣтѣ 27 августа; что если бы была возможность остановиться и идти впередъ, то какъ могъ Апраксинъ не сдѣлать этого, по полученіи стольких строгихъ указовъ и узнавши, что императрица оправилась; что Апраксинъ ничего не дѣлалъ самъ собою, а только исполнялъ рѣшенія военнаго совѣта; и какъ было предположить, что изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, подававшихъ голоса на совѣтѣ, не было ни одного честнаго человѣка и патріота,—что всѣ они требовали отступленія, хотя и знали, что войско можетъ идти впередъ, не нуждаясь въ провіантѣ и фуражѣ. Но много ли было такихъ, которые могли вникнуть въ дѣло внимательно и, главное, спокойно? Извѣстно, какъ падка толпа на предположенія; что при каждомъ важномъ и непріятномъ событіи дѣйствовала интрига, злой умыселъ. А тутъ сколько было побужденій для подобнаго предположенія: иностранные союзники были озлоблены на Апраксина, отступленіе котораго разстроивало ихъ планы, облегчало Фридриха II, поднимало его духъ, освобождало отъ боязни русскаго нашествія, давало Левальду возможность перевѣдаться съ Шведами, а Русскіе вторили иностранцамъ вслѣдствіе оскорбленнаго патріотизма.

Апраксинъ во дворцѣ и въ конференціи нашелъ себѣ сильнаго защитника въ графѣ Петрѣ Ив. Шуваловѣ; но сильнѣе всѣхъ нападалъ на него канцлеръ Бестужевъ, во-первыхъ, изъ желанія прекратить толки о своемъ участіи въ отступленіи; во-вторыхъ, изъ враждебнаго чувства къ Апраксину, которое явилось въ немъ именно вслѣдствіе сильнаго заступничества Шувалова: канцлеру было ясно, что Апраксинъ очень близокъ и дорогъ Шувалову, слѣдовательно Шуваловъ считалъ его вполнѣ себѣ преданнымъ. Враги Бестужева толковали, что канцлеръ замѣшанъ въ дѣло объ отступленіи; а Бестужевъ толковалъ, что виноватъ во всемъ Шуваловъ: онъ такъ защищаетъ Апраксина передъ императрицею, что тотъ не боится никакой отвѣтственности и дѣлаетъ, что хочетъ [1]).

Шуваловъ, несмотря на всю свою силу, не могъ отстоять Апраксина, который долженъ былъ сдать начальство надъ арміею генералу Фермору. Мы видѣли, что новый главнокомандующій совершенно оправдывалъ стараго, и многіе были недовольны этимъ назначеніемъ: говорили, что дурные совѣты Фермора были виною отступленія Апраксина, и что гораздо лучше было бы дать главное начальство генералу Броуну [2]). Назначеніе Фермора объясняли единственно особенною милостью къ нему императрицы. Но, кромѣ милости, было и другое основаніе назначенію: первые военные успѣхи, занятіе Мемеля и Тильзита, были соединены съ именемъ Фермора.

18-го октября 1757 года Апраксинъ получилъ указъ ѣхать въ Петербургъ, и писалъ императрицѣ, что указъ этотъ „совершенно отчаянную жизнь вновь ему возвратилъ" [3]). Въ началѣ ноября Апраксинъ пріѣхалъ въ Нарву и получилъ чрезъ ординарца Лейбъ-Кампаніи, вице-капрала Суворова, высочайшее обнадеживаніе монаршею милостью, причемъ приказано ему отдать всѣ находящіяся у него письма [4]). Причиною этого отобранія писемъ были письма къ Апраксину великой княгини, о которыхъ провѣдали такимъ образомъ: Бестужевъ, получая ихъ отъ Екатерины для пересылки Апраксину, показывалъ ихъ саксонскому совѣтнику посольства, Прассе, и пріѣзжавшему въ Петербургъ австрійскому генералу Буккову, для успокоенія ихъ насчетъ добраго расположенія молодаго Двора къ общему дѣлу, потому что въ нихъ Екатерина убѣждала Апраксина спѣшить походомъ. Букковъ разсказалъ объ этихъ письмахъ Эстергази, и теперь, когда захотѣли повредить Апраксину и Бестужеву вмѣстѣ, Эстергази сообщилъ объ этой перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ самой императрицѣ, представивъ это дѣло очень опаснымъ [5]).

Прошло мѣсяца полтора послѣ отобранія писемъ; Апраксинъ все жилъ въ Нарвѣ. 14 декабря онъ рѣшился написать умилостивительное письмо императрицѣ: „Послѣднѣйшій вашъ рабъ, представя бѣдность моего состоянія, въ которомъ я, бѣдный, чрезъ шесть недѣль здѣсь пребывая, не только совсѣмъ своего лишился здоровья и потерялъ разумъ и память, но и едва поднесь мой духъ сдержаться во мнѣ могъ, и поднесь едва ногою владѣть могу, пріемлю дерзновеніе, не принося никакихъ оправданій, высочайшаго и милосерднѣйшаго помилованія просить. Какъ предъ Богомъ, вашему величеству доношу, что если мною что̀ погрѣшено, то, всеконечно, развѣ отъ невѣдѣнія и недостатка разумѣнія; причемъ и то могу донести, что во всей арміи не было ни одного такого человѣка, который бы не хотѣлъ пролить послѣдней капли своей крови за соблюденіе высочайшихъ интересовъ и во исполненіе воли вашего величества, и во всѣ совѣты, гдѣ только важность и обстоятельства требовали, призыванъ былъ весь генералитетъ, кот-

[1]) Депеши саксонскаго секретаря посольства Прассе (у Германа—Geschichte des russischen Staats, V, 218 и слѣд.). Эти депеши очень важны по тѣсной связи Прассе съ Бестужевымъ.

[2]) Депеши саксонскаго секретаря посольства Прассе (у Германа—Geschichte des russischen Staats V, 218 и слѣд.), стр. 220.

[3]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

[4]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

[5]) Прассе, у Германа, стр. 224.

рый, не исключая никого, всѣ свои старанія распространялъ къ пользѣ, и ничего мною въ противность примѣчено не было. Правда, что, до соединенія съ генераломъ Ферморомъ, генералъ Ливенъ, по испытанному знанію въ военномъ искусствѣ, во всѣхъ совѣтахъ былъ мнѣ довольнымъ совѣтникомъ; но, по соединеніи съ генераломъ Ферморомъ, съ коего времени пошли главныя дѣла, по особливой его ко мнѣ ласкѣ и ежедневному два раза ко мнѣ пріѣзду, паче же по извѣстной мнѣ вашего императорскаго величества къ нему особливой милости и довѣренности, я ничего не предпринималъ, не поговоря и не посовѣтовавъ напередъ съ нимъ, еже во многихъ генералахъ, какъ еще и генералъ Лопухинъ живъ былъ, немалую произвело зависть; но я, елико моего смыслу и разсужденія было, столько умѣривалъ, что не допустилъ ни до чего дальняго, и никакихъ ссоръ и неудовольствій не токмо не видалъ, ниже слышалъ. А въ наилучшее доказательство сего осмѣлюсь еще то донести, что и о возвращеніи нашемъ отъ Аленбурга я первому открылъ генералу Фермору и, посовѣтовавъ съ нимъ и не открывая никому, съ нимъ однимъ согласно сіе положа, созвавъ военный совѣтъ и приглася полковниковъ, уже сіе предложеніе сдѣлалъ, почему и согласно отъ всѣхъ положено поворотить къ Тильзиту. Я во всемъ томъ самимъ Ферморомъ свидѣтельствуюсь“ [1]).

Понятно, что ссылка на Фермора служила Апраксину лучшимъ оправданіемъ: нельзя было у одного отнять званіе главнокомандующаго за то самое, за что другого возводили въ это званіе. У Фермора не нужно было спрашивать, правду ли говорилъ Апраксинъ о согласіи его на отступленіе. Запискою 14 октября Ферморъ рѣшительно призналъ распоряженія Апраксина необходимыми, и тѣ, которые говорили противъ назначенія Фермора, были послѣдовательны. Но о послѣдовательности не могло быть рѣчи: Апраксинъ не подвергался опалѣ за отступленіе,—онъ былъ жертвою, принесенною для успокоенія союзниковъ, для поддержанія общаго дѣла; разумѣется, Апраксинъ былъ бы достаточно вознагражденъ за эту роль жертвы, если бъ все дѣло состояло въ отступленіи. Но дѣло состояло теперь въ перепискѣ великой княгини съ Апраксинымъ.

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IV. Въ архивѣ кн. Воронцова сохранилось любопытное письмо Веселицкаго, гдѣ онъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное отнятіемъ главнаго начальства у Апраксина: «Отбытіе генерала-фельдмаршала Степана Ѳеодоровича между солдатами къ разнымъ гаданіямъ поводъ подало. Они себѣ за крайпее несчастіе поставляютъ, что такого главнаго командира, котораго весьма любятъ и почитаютъ, лишились; они другъ къ другу сими экспрессіями прямо отзываются: «Въ кои-то вѣки Богъ насъ было-помиловалъ, одаривъ благочестивымъ фельдмаршаломъ, да за наши грѣхи опять его отъ насъ взялъ. А отъ нечестивыхъ Нѣмцевъ какого добра ждать? Вѣдь одновѣрцы: воронъ ворону глаза не выклюетъ; гдѣ имъ такъ радѣть и стоять, какъ наши природные!» Однимъ словомъ, внутреннее ихъ о томъ неудовольствіе, что при арміи первоначальныя особы иноземцы, весьма легко примѣтить можно».

Письма сами по себѣ не могли бы быть поставлены въ вину ни писавшей, ни получившему ихъ; но зачѣмъ сношенія, переписка между этими лицами? Не было ли какихъ-нибудь другихъ внушеній со стороны Екатерины? Канцлеръ, подозрительный канцлеръ—служитъ посредникомъ!

Въ январѣ 1758 года, начальникъ Тайной Канцеляріи, Александръ Ив. Шуваловъ, отправился въ Нарву поговорить съ Апраксинымъ насчетъ переписки; какъ видно, ничего особеннаго не вышло изъ этихъ разговоровъ; носился слухъ, что Апраксинъ далъ клятвенное заявленіе, что онъ никакихъ обѣщаній молодому Двору не давалъ и никакихъ внушеній въ пользу короля Прусскаго отъ него не получалъ [2]). На этомъ дѣло должно было остановиться. Императрица обходилась холодно съ великой княгиней, холодно—съ канцлеромъ. Противъ Бестужева, кромѣ переписки, были и другія причины неудовольствія. Польско-Саксонскій Дворъ, принимая въ соображеніе неудовольствіе императрицы и требованія Франціи и Австріи, рѣшился отозвать Понятовскаго изъ Петербурга; но Бестужевъ воспротивился этому и настоялъ на своемъ [3]); кромѣ того, Бестужевъ выхлопоталъ польскій орденъ Бѣлаго Орла для тайнаго совѣтника Штамке, завѣдывавшаго Голштинскими дѣлами при великомъ князѣ, и было извѣстно, что Штамке—довѣренный человѣкъ Бестужева. Разсказывали и о проектѣ канцлера относительно престолонаслѣдія; говорили, что конференцъ-секретарь Волковъ, бывшій долго довѣреннымъ человѣкомъ у Бестужева, открылъ теперь о существованіи этого проекта врагамъ канцлера. Но всѣ эти догадки, что Бестужевъ удержалъ Понятовскаго, выхлопоталъ Штамке Бѣлаго Орла; слухъ, что у Бестужева есть какой-то планъ относительно престолонаслѣдія:—все это еще не могло повести къ сверженію канцлера, все ограничивалось раздраженіемъ и непріятными толками. Но Англія, которая подкопала значеніе Бестужева въ 1756 году Прусскимъ союзомъ,—Англія должна была дать поводъ и къ окончательному низверженію главнаго ея доброжелателя въ Россіи. Пришло извѣстіе, что Англія не хочетъ оставить Петербургскій Дворъ безъ своего представителя, послѣ отъѣзда Уильямса, и назначила Кейта, бывшаго посломъ въ Вѣнѣ. Это извѣстіе, разумѣется, должно было страшно встревожить французскаго и австрійскаго пословъ въ Петербургѣ, особенно перваго; какъ прежде Уильямсъ волновался отъ пріѣзда французскаго посла, такъ теперь Лопиталь волновался отъ пріѣзда Кейта; помѣшать пріѣзду Кейта не было никакой возможности, потому что Россія не разрывала съ Англіею; надобно было готовиться къ ожесточенной борьбѣ; борьба не была бы такъ опасна, если бъ Кейтъ не встрѣтилъ въ Петербургѣ могущественнаго союзника въ главномъ лицѣ по дипло-

[2]) Прассе, у Германа, стр. 223.
[3]) Прассе, у Германа, стр. 223.

матическимъ сношеніямъ,—въ великомъ канцлерѣ. Нельзя освободиться отъ Кейта, да Кейтъ одинъ и не опасенъ,—надобно освободиться отъ Бестужева, возможность есть: онъ заподозрѣнъ; императрица не благоволитъ къ нему болѣе; онъ окруженъ могущественными врагами; враги сами не идутъ на явную борьбу, потому что не чувствуютъ въ рукахъ хорошаго оружія для вѣрнаго пораженія противника;—надобно ихъ заставить сковать оружіе, надобно ихъ напугать, заставить дѣйствовать по инстинкту самосохраненія. Нападеніе было сдѣлано удачно, потому что выбрано для него самое слабое мѣсто. Какъ только узнали въ Петербургѣ, что Кейтъ уже въ Варшавѣ, то Лопиталь ѣдетъ къ Воронцову и представляетъ ему необходимость нанести послѣдній ударъ Бестужеву; а если Воронцовъ не хочетъ принять въ этомъ участіе, то онъ, Лопиталь, ѣдетъ сейчасъ же къ Бестужеву, открываетъ ему все и соединяется съ нимъ для низверженія Воронцова. Испуганный Воронцовъ соглашается дѣйствовать вмѣстѣ, поддерживать у императрицы внушенія Лопиталя противъ Бестужева [1]). Такъ разсказываетъ Кейтъ въ донесеніи своему Двору. Но есть другое извѣстіе, въ сущности нисколько не противорѣчащее первому; по этому извѣстію, Лопиталь является къ Воронцову и говорить ему: „Графъ! вотъ депеша, только-что полученная мною отъ моего Двора; въ ней говорится, что если въ пятнадцать дней великій канцлеръ не будетъ замѣненъ вами, то я долженъ обратиться къ нему и не имѣть болѣе сношенія съ вами“. Это извѣстіе вѣроятнѣе въ своихъ подробностяхъ: Лопиталь попадалъ въ самое чувствительное мѣсто Воронцова, настаивая на дѣлѣ самомъ простомъ и понятномъ, не выставляя никакого личнаго отношенія, а защищая достоинство своего Двора, требуя для себя выхода изъ страннаго положенія: до сихъ поръ французскій посолъ долженъ былъ вести дѣло съ вице-канцлеромъ, а не съ канцлеромъ, что было неблаговидно, казалось чѣмъ-то подпольнымъ; временно можно было на это согласиться, въ ожиданіи перемѣны главнаго министра вслѣдствіе перемѣны политики; но если все останется попрежнему, то французскій посолъ долженъ вести дѣло съ канцлеромъ. Что же касается до угрозы открыть все (что все?) канцлеру и соединиться съ нимъ для сверженія Воронцова, то эта угроза слишкомъ груба. По второму извѣстію, Воронцовъ, задѣтый за-живое, отправился къ Ивану Шувалову и вмѣстѣ представили императрицѣ, что ея слава страдаетъ отъ кредита Бестужева въ Европѣ, т.-е., что канцлеру приписываютъ болѣе силы и значенія, чѣмъ самой императрицѣ. Но понятно, что это представленіе, ловко бившее на самолюбіе Елисаветы и подкрѣпленное указаніемъ на дѣло Понятовскаго, не могло быть одно. Надобно было убѣдить Елисавету, что противъ Бестужева существуютъ важныя подозрѣнія; удалить его отъ дѣлъ по однимъ подозрѣніямъ нельзя, но уличить его—можно, только арестовавши его, захвативши бумаги и довѣренныхъ людей. Арестъ канцлера и слѣдствіе надъ нимъ были рѣшены. Есть другое извѣстіе, показывающее, какимъ образомъ Елисавета была еще подготовлена къ этому рѣшенію, раздражена противъ Бестужева. Эстергази доносилъ своему Двору, что великій князь обратился къ нему съ жалобами на канцлера, и Эстергази далъ ему совѣтъ обратиться прямо къ императрицѣ. Елисавета была очень тронута, что племянникъ обратился къ ней породственному, съ полною, повидимому, откровенностью и довѣренностью; никогда она не была такъ ласкова съ нимъ, и Петръ, раскаиваясь въ прошедшемъ своемъ поведеніи, складывалъ всю вину на дурные совѣты,—а дурнымъ совѣтникомъ оказался Бестужевъ [2]).

Въ субботу вечеромъ, 14 февраля, Бестужевъ былъ арестованъ, когда явился въ конференцію, и отведенъ подъ карауломъ въ собственный домъ. Великая княгиня, проснувшись на другой день, получила записку отъ Понятовскаго: „Графъ Бестужевъ арестованъ, лишенъ всѣхъ чиновъ и должностей; съ нимъ арестованы—вашъ брилліантщикъ Бернарди, Елагинъ и Ададуровъ“. Первая мысль Екатерины, по прочтеніи записки, была та, что бѣда ея не минуетъ. Бернарди, умный, ловкій Итальянецъ, по своему ремеслу былъ вхожъ во всѣ дома; почти всѣ были ему что-нибудь должны; почти всѣмъ онъ оказалъ какую-нибудь маленькую услугу. Такъ какъ онъ постоянно бѣгалъ по домамъ, то ему давали порученія; записки, посланныя съ нимъ, доходили скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ отправленныя съ слугою; и великой княгинѣ онъ служилъ такимъ же коммисіонеромъ. Елагинъ былъ старый адъютантъ графа Алексѣя Разумовскаго, былъ другомъ Понятовскаго и очень привязанъ къ великой княгинѣ, равно какъ и Ададуровъ, учившій ее Русскому языку. Вечеромъ были двѣ знатныя свадьбы. На балу Екатерина подошла къ князю Никитѣ Трубецкому и спросила его: „Что это у васъ за новости,—нашли ли вы больше преступленій, чѣмъ преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, чѣмъ преступленій?“—„Мы сдѣлали то, что намъ приказано“, отвѣчалъ Трубецкой; „преступленія еще отыскиваютъ и до сихъ поръ неудачно“. Потомъ Екатерина подошла къ фельдмаршалу Бутурлину, который сказалъ ей: „Бестужевъ арестованъ, а теперь мы ищемъ причины, за что его арестовали“.

На другой день къ великой княгинѣ пришелъ Штамке и объявилъ, что получилъ записку отъ Бестужева, въ которой тотъ приказывалъ ему сказать Екатеринѣ, чтобъ она не боялась,—все сожжено: дѣло шло о проектѣ относительно престолонаслѣдія. Записку принесъ музыкантъ Бестужева,

---

[1]) Раумеръ II, 457.—Прассе у Германа V, 225, 226.

[2]) Mémoires de Catherine II; 310.—Депеши Эстергази въ дополненіяхъ ко 2 тому книги Шефера.

и было условлено на будущее время класть записки въ груду кирпичей, находившуюся недалеко отъ дома бывшаго канцлера. По порученію Бестужева, Штамке долженъ былъ также дать знать Бернарди, чтобъ тотъ при допросахъ показывалъ сущую правду и потомъ далъ бы знать Бестужеву, о чемъ его спрашивали. Но эта переписка арестантовъ скоро прекратилась: чрезъ нѣсколько дней, рано утромъ, входитъ къ великой княгинѣ Штамке, блѣдный, измѣнившійся, и объявляетъ, что переписка открыта, музыкантъ схваченъ, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, послѣднія письма—въ рукахъ людей, которые стерегутъ Бестужева [1]).

Штамке не обманулся: письма очутились въ слѣдственной коммисіи, наряженной по дѣлу Бестужева; она состояла изъ трехъ членовъ: фельдмаршаловъ—князя Трубецкого и Бутурлина и графа Александра Шувалова; секретаремъ былъ Волковъ. Слѣдственное дѣло о Бестужевѣ не имѣетъ полноты; нѣкоторыхъ отвѣтовъ подсудимаго нѣтъ; нѣтъ перваго допроса и отвѣтовъ. Изъ дѣла видно, что допросы уже сдѣланы были 26 февраля, и отвѣтами бывшаго канцлера императрица осталась недовольна, почему на другой день, 27 февраля, Бестужеву было объявлено: „Ея императорское величество твоими наканунѣ того учиненными отвѣтами такъ недовольна, что повелѣваетъ еще да и въ послѣднія спросить съ такимъ точнымъ объявленіемъ, что ежели малѣйшая скрытность и непрямое совѣсти и долга очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крѣпость взять и поступить, какъ съ крайнимъ злодѣемъ". 27 числа Бестужеву былъ предложенъ вопросъ: „Для чего онъ предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя, и скрылъ отъ ея императорскаго величества такую корреспонденцію (переписку Екатерины съ Апраксинымъ), о которой по должности и вѣрности донести надлежало"? Бестужевъ отвѣчалъ: „У великой княгини милости не искалъ, паче же старался, съ вѣдѣнія ея императорскаго величества, открывать ея письма, ибо тогда великая княгиня была предана королю Прусскому, Швеціи и Франціи по тогдашней системѣ; но какъ съ годъ тому времени или съ полтора перемѣнила ея высочество совсѣмъ свое мнѣніе и возненавидѣла короля Прусскаго и Шведовъ, кромѣ токмо-что короля, дядю своего, весьма любитъ, то канцлеръ старался не только утвердить въ томъ ея высочество, но и побуждалъ, дабы она и великаго князя на такія-жъ съ ея императорскимъ величествомъ согласныя мнѣнія привела, о чемъ великая княгиня и трудилася, но, сколько ему сказывала, что труды ея разрушаются, присовокупляя этому нѣмецкую пословицу: „Was ich baue, das reissen die andern nieder" (что я строю, то другіе разрушаютъ), и упоминая, что то дѣлаютъ наипаче полковникъ Броунъ, природный Пруссакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другіе около великаго князя находящіеся офицеры, о чемъ онъ, канцлеръ, и ея императорскому величеству въ то время доносилъ, но только о томъ не упомянулъ, что онъ всѣ сіи обстоятельства отъ великой княгини вѣдаетъ". На основаніи записки, посланной къ великой княгинѣ изъ-подъ ареста, былъ сдѣланъ вопросъ: „Совѣтуешь ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію, присовокупляя, что подозрѣніями ничего доказать не можно. Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особенно весьма много значатъ и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ изъясненіе паче всего потребно". Бестужевъ отвѣчалъ: „Великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію я совѣтовалъ, но только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали".

Въ допросахъ сильно настаивалось на частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ канцлера съ Штамке и Понятовскимъ. Бестужевъ клялся, что такихъ конференцій не бывало. Но его продолжали допрашивать: „Такъ какъ Штамбекъ и Понятовскій были въ безпрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ,—всемѣрно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и конфидентовъ было: и потому имѣешь безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намѣренія дѣлано быть не могло, то спрашивается: не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время?" Такъ какъ въ бумагахъ Бестужева не найдено никакихъ слѣдовъ проекта о престолонаслѣдіи, то хотѣли принудить его проговориться, настаивая на частыя свиданія съ Штамке и Понятовскимъ. Но Бестужевъ держался твердо, зная, что уликъ нѣтъ, а подозрѣніями ничего доказать не можно. Онъ отвѣчалъ даже прямѣе, чѣмъ былъ поставленъ вопросъ: „Ни съ Штамбекомъ, ниже съ Понятовскимъ и другими какими конфидентами, коихъ у меня и не было, не думывалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время, ниже на будущее, да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено".

Поставили странный вопросъ: „Ея императорскому величеству точно извѣстно, что когда случалось ея величеству разговаривать съ послами, то ты всегда великаго князя ободрялъ или научалъ туда же подходить, дабы такимъ разговорамъ мѣшать или останавливать оные. И потому желаетъ ея императорское величество только о томъ вѣдать, какое ты имѣлъ въ томъ намѣреніе или побужденіе".—„Богомъ свидѣтельствуюсь", отвѣчалъ Бестужевъ, „что того никогда не думывалъ; но статься можетъ, что однако не памятую, что какъ иногда великій князь удалялся, то я ему показывалъ, что такое удаленіе не прилично, а особливо, что великій князь, вступая иногда тѣмъ временемъ въ разговоры съ малыми людьми, оными совсѣмъ засланивался".

Отвѣтами, разумѣется, были недовольны, и 4

[1]) Mémoires de Catherine II.

марта Бестужеву именемъ императрицы повторено было требованіе, чтобъ признавался искреннѣе; повторена была и прежняя угроза. Спрашивалось: „Показалъ ты, яко бы великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію совѣтовалъ ты только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали; но понеже ты къ тому присовокупилъ точныя слова, что подозрѣніями ничего доказать не можно, то изъ сего ясно, что ты надежду свою только въ томъ полагаешь, якобы прямыхъ доказательствъ не будетъ, а впрочемъ уже признаешься, что къ подозрѣніямъ много причинъ подано: и такъ, имѣешь ты точно объявить, чего подозрѣніями доказать не можно, такожъ и то, противъ кого совѣтуешь ты поступать смѣло и бодро съ твердостію. Клятва твоя, яко бы ни съ Штамбкеномъ, ни съ Понятовскимъ не имѣлъ ты никакихъ въ необыкновенное и ночное время конференцій, возбуждаетъ *паче всего* праведный гнѣвъ ея императорскаго величества, обличаетъ твое упорство и наказанія достойную надежду—хитростію, коварствомъ и интригами загладить тѣ преступленія, въ коихъ ты уже страдаешь. Ея императорское величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Понятовскій и Штамбекъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время, и сиживали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хощетъ только, дабы ты, не обинуясь и не ища околичностей, прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо объ нихъ ея императорскому величеству такими записками доносимо не было, какъ ты доносилъ всегда о бытности у тебя другихъ министровъ. Чрезъ кого ты свѣдалъ, что великая княгиня вдругъ свои мысли перемѣнила и, возненавидя короля Прусскаго и Шведовъ, любитъ токмо весьма короля, своего дядю, и что́ за причина была такой скоропостижной перемѣны? Какимъ образомъ открылась тебѣ великая княгиня толь много, что именовала тебѣ всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, когда ты говоришь, что милости ея никогда не искалъ? Точно извѣстно ея императорскому величеству, что много курьеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украйну, и потому точно объявить имѣешь,—кто были тѣ курьеры, сколько ихъ всѣхъ было, съ чѣмъ и когда посыланы. Что кавалерію Бѣлаго Орла для Штамбкена выпросилъ ты у короля Польскаго, о томъ ея императорскому величеству точно извѣстно; и такъ, спрашивается только, по чьему отсюда прошенію ты то дѣлалъ и для чего? Сверхъ тѣхъ писемъ, о которыхъ ты уже винился, что получалъ отъ великой княгини чрезъ Бернардія, извѣстно ея императорскому величеству еще гораздо больше таковыхъ, какъ отъ ея высочества къ тебѣ, такъ и отъ тебя къ ея высочеству чрезъ того-жь Бернардія переносимо было, и потому надлежитъ тебѣ показать, въ чемъ точно состояла сія переписка; гдѣ теперь всѣ сіи письма; для чего пересылаемы были онѣ не прямымъ каналомъ, но толь непозволительнымъ образомъ, и для чего не доносилъ ты о томъ никогда ея императорскому величеству? Буде сжегъ, то для чего? Его высочеству великому князю говорилъ ты, что ежели его высочество не престанетъ таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возьмешь: имѣешь явственно изъяснить, какія ты хотѣлъ въ великомъ князѣ перемѣны и какія другія мѣры принять думалъ“.

Бестужевъ постарался какъ можно подробнѣе объяснить свои отношенія къ Польско-Саксонскому Двору, потому-что неискренность въ этомъ отношеніи *паче всего* возбуждала гнѣвъ императрицы: „Будучи графомъ Брюлемъ остереженъ о данной маркизу Лопиталю секретной инструкціи стараться здѣсь о моемъ низверженіи“, отвѣчалъ онъ, „искалъ я чрезъ Польскій Дворъ подать о себѣ лучшія мнѣнія Французскому и Вѣнскому Дворамъ и чрезъ то избавиться отъ ихъ гоненій. Посолъ графъ Эстергази открылся датскому здѣсь умершему министру Малцану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба ему (Бестужеву): 1) что онъ, Эстергази, своимъ кредитомъ и представленіями то сдѣлалъ, что соизволила ея императорское величество учредить при Дворѣ своемъ конференцію, дабы канцлеръ не имѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде. 2) Что будто ея императорское величество не принимаетъ никакой важной резолюціи, не посовѣтовавшись прежде съ нимъ, посломъ. 3) Что онъ представлялъ ея императорскому величеству, дабы при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ канцлеръ совсѣмъ исключенъ былъ, ибо-де на него полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, что онъ всякія препоны дѣлать будетъ по своей преданности Англіи. Сверхъ того, датскій посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ ко Двору своего предецессора Малцана и увѣдомилъ о томъ графа Понятовскаго, который послу графу Эстергазію и выговаривалъ, для чего онъ такъ канцлера гонитъ; но Эстергази Понятовскому во всемъ заперся, а сказывалъ, напротивъ того, что будто ея императорское величество ему отзывалася, что хочетъ канцлера исключить изъ негоціаціи съ Франціею, а онъ, Эстергази, будто, напротивъ того, представлялъ, что, конечно, надобно, чтобъ канцлеръ былъ еще при совершеніи всѣхъ тѣхъ негоціацій, кои къ твердому установленію нынѣшней системы потребны будутъ, или-де развѣ уже лучше его отъ всѣхъ дѣлъ отставить“.

Хотѣли подробностей, и Бестужевъ не поскупился на нихъ; но эти подробности могли быть непріятны только одному Эстергази, котораго бывшему канцлеру вовсе не нужно было щадить.

Отвѣтовъ Бестужева на другіе вопросы въ дѣлѣ нѣтъ. Мы уже замѣтили, что слѣдственное дѣло не имѣетъ полноты; впослѣдствіи, когда, по воцареніи Екатерины II, Бестужевъ снова находился въ приближеніи, то слѣдственное дѣло было въ его рукахъ, на что указываютъ оставшіяся на немъ

замѣтки его руки. Такъ, относительно вопроса о пересылкѣ съ гетманомъ Разумовскимъ, читаемъ двѣ замѣтки: 1) „Для примѣчанія и извѣстія, что о семъ секретѣ никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова: онъ единственно, зляся на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ". 2) „То же примѣчанія достойно, что о семъ, кромѣ Теплова, никому извѣстно не было; ежели онъ, подобно тому, въ новомъ Тайномъ Совѣтѣ (о чемъ еще примѣчателю неизвѣстно) поступать будетъ и всѣхъ пересорривать, то не нахальствомъ, но скромностью, чистою совѣстью и искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ". Но это обстоятельство, что слѣдственное дѣло было потомъ въ рукахъ Бестужева, не даетъ намъ право предполагать, что нѣкоторые отвѣты уничтожены въ дѣлѣ самимъ Бестужевымъ; скорѣе должно думать, что они не внесены секретаремъ Волковымъ, какъ потомъ именно жаловался Бестужевъ, что Волковъ многіе отвѣты его, служившіе къ оправданію, отрекался записывать и не принималъ ихъ. Это должно было именно случиться съ тѣми отвѣтами, которые обличали странность вопросовъ. Такъ, что могло быть страннѣе допытыванія: объяви, чего подозрѣніями доказать не можно и противъ кого совѣтовалъ ты великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостью? Разумѣется, Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать побѣдоносно, что все дѣло затѣяно по неосновательнымъ подозрѣніямъ, которыми ничего доказать нельзя, и что онъ совѣтовалъ великой княгинѣ сохранять бодрость для избѣжанія подозрѣнія, а не противъ кого-нибудь. Смѣшонъ также другой вопросъ: черезъ кого Бестужевъ узналъ, что великая княгиня перемѣнила мысли; какимъ образомъ она такъ много ему открылась? Отвѣтъ былъ ясенъ: узналъ отъ нея самой, а указала она на людей, которые препятствуютъ доброму дѣлу, желая заявить, что она этому дѣлу содѣйствуетъ; впрочемъ, Бестужевъ могъ и отказаться отвѣчать на подобные вопросы и потребовать, чтобъ о внутреннихъ побужденіяхъ Екатерины спрашивали у нея самой, а не у него.

Также не вносились отвѣты, которые подавали поводъ къ новымъ вопросамъ и повторялись въ нихъ. 7 марта Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать на новые вопросы: „Въ отвѣтѣ твоемъ въ 4 сего мѣсяца ты показалъ, яко бы только одинъ пакетъ, присланный къ тебѣ изъ гетманскаго дома, переслалъ ты къ нему въ Украйну съ почталіономъ, и то изъ Москвы. Но какъ ея императорскому величеству точно извѣстно, что больше отъ тебя къ нему отправленій было, и буде не нарочныхъ почталіоновъ, то эстафетъ, и притомъ ты уже признался, что вѣдалъ о прилагаемомъ великою княгинею стараніи Апраксина съ гетманомъ примирить, то, конечно, ты объявить долженъ, сколько всѣхъ отправленій отъ тебя къ гетману было, въ чемъ оныя состояли, откуда къ тебѣ пакеты для того приношены и чрезъ кого, также съ какимъ объ отправленіи ихъ прошеніемъ? Весьма разгнѣвана ея императорское величество, что ты продолжаешь запираться и въ такихъ дѣлахъ, коихъ признаніе не подвержено никакому слѣдствію и о коихъ ея императорское величество наилучше извѣстна. Ты показалъ, яко бы ни тебя никто не просилъ, ни ты въ Варшавѣ не домогался о присылкѣ кавалеріи Бѣлаго Орла Штамбкену. Ея императорскому величеству и то извѣстно, что по твоему наученію составленъ здѣсь и тотъ рескриптъ, на который ты ссылаешься, и который здѣсь Понятовскимъ о сей кавалеріи предъявленъ. И такъ изъ единаго милосердія хочетъ токмо хотя въ одномъ пунктѣ видѣть чистое твое признаніе. Повелѣваетъ ея императорское величество, дабы ты обстоятельно объявилъ, какимъ образомъ Апраксинъ вошелъ въ такой кредитъ у великой княгини и кто его въ оный ввелъ!"

И на эти вопросы отвѣтовъ не сохранилось. Въ одномъ признался Бестужевъ: на вопросъ, для чего онъ старался удержать въ Петербургѣ Понятовскаго, онъ отвѣчалъ: „Подлинно, послѣ полученія графомъ Понятовскимъ его отзыва, старался я чрезъ саксонскаго совѣтника посольства Прасса остановить его, Понятовскаго, здѣсь; но ни къ графу Брюлю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сіе исканіе происходило только для того, что, видя на себя гоненіе графа Эстергази и маркиза Лопиталя, желалъ, по меньшей мѣрѣ, одного благопріятнаго имѣть себѣ министра, а толь больше графа Понятовскаго, что увѣдомлялъ меня обо всемъ, что услышитъ отъ графа Эстергази и Лопиталя".

Въ дѣлѣ находится еще вопросъ зачеркнутый: „Извѣстно тебѣ, что 8 сентября минувшаго года въ Царскомъ Селѣ имѣла ея императорское величество нѣкоторый припадокъ болѣзни. А напротивъ того, памятно тебѣ, что Апраксинъ, стоя подъ Тильзитомъ, имѣлъ намѣреніе сіе мѣсто укрѣпить, такъ-что принятое потомъ вдругъ 14 и 15 чиселъ въ ночь намѣреніе, все бросая, съ поспѣшеніемъ назадъ идти, справедливую причину подаетъ не только подозрѣвать, но и, несомнѣнно, вѣрить, что, конечно, онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь ли ты, что кто-либо другой то сдѣлалъ". Понятно, что Трубецкой, Бутурлинъ и Шуваловъ не позволили Волкову предложить такого вопроса и велѣли зачеркнуть его въ дѣлѣ, ибо это значило заподозрить, привлечь къ суду всѣхъ генераловъ и полковниковъ, участвовавшихъ въ военныхъ совѣтахъ, особенно главнокомандующаго Фермора, который прямо заявилъ о необходимости отступленія.

Слѣдователи жаловались императрицѣ на отсутствіе искренности въ показаніяхъ Бестужева, на то, что онъ запирается съ клятвами и, для окончательнаго подтвержденія правды своихъ показаній, пріобщился Св. Таинъ, послѣ чего дальнѣйшее слѣдствіе — безполезно. Написали вины: 1) Клеветалъ ея императорскому величеству на ихъ высочествъ, а

въ то же время старался преогорчить и ихъ высочествъ противъ ея императорскаго величества. 2) Для прихотей своихъ не только не исполнялъ именные ея императорскаго величества указы, но еще потаенными происками противился исполненію оныхъ. 3) Государственный преступникъ онъ—потому, что зналъ или видѣлъ, что Апраксинъ не имѣетъ охоты изъ Риги выступить и противъ непріятеля идти, и что казна и государство напрасно истощеваются, монаршая слава страдаетъ, не доносилъ о томъ ея императорскому величеству. Оскорбитель онъ величества, что, вмѣсто должнаго о томъ донесенія, вздумалъ, что можетъ то лучше исправить собственно собою и вплетеніемъ въ непозволенную переписку такой персоны, которой въ дѣлахъ никакого участія имѣть не надлежало, и чрезъ то нечувствительно въ самодержавное государство вводилъ соправителей и самъ соправителемъ дѣлался. 4) Будучи въ арестѣ, открылъ письменно такія тайны, о которыхъ ему и говорить подъ смертною казнію запрещено было. За всѣ эти вины коммисія считала Бестужева достойнымъ смертной казни, но предавала все дѣло монаршему соизволенію и милосердію.

Рѣшенія долго не было; Бестужевъ все содержался подъ арестомъ въ собственномъ домѣ. 2 января 1759 года Бестужева вызывали въ коммисію для того, чтобъ показать ему золотую табакерку съ портретомъ великой княгини и спросить, откуда получилъ. Бестужевъ отвѣчалъ прямо, что табакерку подарила ему сама великая княгиня во дворцѣ на куртагѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста. Это было послѣднее, что оставалось у слѣдователей: въ апрѣлѣ дѣло кончилось ссылкою Бестужева въ одну изъ его деревень, именно—Горетово, Можайскаго уѣзда; все недвижимое имущество оставлено за нимъ, но были взысканы казенные долги. Фельдмаршалъ Апраксинъ былъ переведенъ изъ Нарвы поближе къ Петербургу, въ мѣстность, называемую Четыре Руки, и здѣсь ему были дѣланы допросы. Понятно, что въ ихъ числѣ мы не встрѣтимъ допросовъ о причинахъ возвращенія къ границамъ послѣ Гросъ-Егерсдорфской битвы: дѣло было окончательно рѣшено объясненіями новаго главнокомандующаго Фермора. Допросы касались переписки Апраксина съ Бестужевымъ и великою княгинею; изъ отвѣтовъ обнаруживалось одно: что и канцлеръ, и великая княгиня побуждали его идти скорѣе въ походъ, тогда какъ прежде въ Петербургѣ оба они были другого мнѣнія. Апраксинъ оказывался виноватъ въ томъ, что не имѣлъ охоты выступать изъ Риги и состоялъ въ непозволенной перепискѣ съ великою княгинею. Конечно, были рады и этимъ двумъ винамъ, иначе отнятіе у него начальства надъ войскомъ не имѣло бы оправданія. Апраксинъ умеръ внезапно 6 августа 1758 года. Другихъ причастныхъ къ дѣлу—Веймарна и Ададурова—наказали почетною ссылкою: перваго опредѣлили къ сибирской военной командѣ, второго—назначили въ Оренбургъ товарищемъ губернатора. Штамке былъ высланъ за-границу; Бернарди сосланъ на житье въ Казань; Елагинъ— въ казанскую деревню.

Но сильно причастна была къ дѣлу великая княгиня Екатерина; недозволенная переписка съ нею Апраксина и пересылка писемъ Бестужевымъ лежали въ основаніи допросовъ и бывшему канцлеру, и бывшему главнокомандующему. Хотя Екатерина не могла бояться важныхъ обвиненій, потому что подозрѣніями ничего нельзя было доказать, несмотря однако на то, положеніе ея было тяжко: подозрѣніями ничего нельзя было доказать, но подозрѣнія могли оставаться въ головѣ императрицы; да и, кромѣ подозрѣній, Екатерина знала, какъ Елисавету должно было раздражить ея вмѣшательство въ дѣла и значеніе, ею пріобрѣтенное: главнокомандующій, зная рѣшительныя намѣренія государыни, колеблется, сдерживается въ ихъ исполненіи противоположными желаніями великой княгини. Гнѣвъ императрицы—и сильный гнѣвъ—несомнѣненъ, и гдѣ искать защиты отъ этого гнѣва, кто преложитъ его на милость? Люди преданные пали, судятся какъ государственные преступники; враги торжествуютъ; великій князь настроенъ крайне враждебно, въ чемъ, по свидѣтельству Екатерины, виноватъ былъ приблизившійся къ Петру Голштинецъ Брокдорфъ: говоря о Екатеринѣ, Брокдорфъ выражался: „надобно раздавить змѣю". Эстергази доносилъ своему Двору, что великая княгиня два раза присылала къ нему Штамке за совѣтомъ и помощью, давая знать, что всѣ бѣды постигли ее за усердіе къ интересамъ Маріи-Терезіи. „Но такъ какъ", писалъ Эстергази, „императрица Елисавета горько жаловалась мнѣ на поведеніе Екатерины, и такъ какъ иностранный министръ не долженъ вмѣшиваться въ домашнія дѣла государей, то я отклонилъ отъ себя это дѣло, велѣвши сказать ей, что всего лучше, если она обратится къ посредничеству своего супруга, владѣющаго полною милостію и довѣренностію императрицы". Легко понять, какъ послѣ такого совѣта, походившаго на самую злую насмѣшку, должна была Екатерина относиться къ Эстергази. Будущее очень мрачно; одно средство выйти изъ тяжкаго положенія:—это обратиться прямо къ Елисаветѣ, которая очень добра, которая не переноситъ вида чужихъ слезъ, и которая очень хорошо знаетъ и понимаетъ положеніе Екатерины въ семьѣ. Разсказывали, что Ив. Ив. Шуваловъ увѣрилъ великую княгиню, что императрица скоро увидится съ нею, и если со стороны Екатерины будетъ оказана маленькая покорность, то все дѣло кончится очень хорошо: извѣстіе очень вѣроятное, потому что фаворитъ старался всюду быть примирителемъ [1]). Съ другой стороны, ходили слухи, что великую княгиню удалятъ изъ Россіи,—слухи несбыточные, потому что Елисавета никогда не рѣшится на такой скан-

[1]) Раумеръ II, 457. И сама Екатерина дѣлаетъ намекъ, что Шуваловы не желали ея удаленія изъ Россіи.

далъ изъ-за нѣсколькихъ писемъ къ Апраксину; но тѣмъ лучше,—можно отнять у враговъ эту угрозу и обратить ее противъ ихъ самихъ, перемѣнить оборону въ наступленіе: Екатерину безпрестанно оскорбляютъ; ей жизнь въ Россіи стала невыносима,—такъ пусть дадутъ ей свободу выѣхать изъ Россіи. Великая княгиня пишетъ императрицѣ письмо, въ которомъ, изображая свое печальное положеніе и разстроившееся, вслѣдствіе этого, здоровье, проситъ отпустить ее лѣчиться на воды и потомъ къ матери, потому что ненависть великаго князя и немилость императрицы не даютъ ей болѣе возможности оставаться въ Россіи [1]). Послѣ этого письма Елисавета обѣщала переговорить лично съ великою княгинею; посредничество духовника императрицы ускорило свиданіе.

Свиданіе происходило заполночь. Въ комнатѣ императрицы, кромѣ нея и великой княгини, находились еще великій князь и графъ Александръ Шуваловъ. Увидавши императрицу, Екатерина бросилась передъ нею на колѣни и со слезами стала умолять отправить ее къ роднымъ за-границу. Императрица хотѣла ее поднять, но Екатерина не вставала. Если Ив. Ив. Шуваловъ совѣтовалъ ей оказать немного покорности, то она употребила сильный пріемъ и тѣмъ скорѣе достигла своей цѣли. На лицѣ Елисаветы была написана печаль, а не гнѣвъ; на глазахъ блистали слезы. „Какъ это мнѣ васъ отпустить? вспомните, что у васъ дѣти!“ сказала она Екатеринѣ. Та ловко затронула другую нѣжную сторону человѣческаго сердца: „Мои дѣти“, отвѣчала она, „на вашихъ рукахъ, и лучшаго для нихъ желать нечего; я надѣюсь, что вы ихъ не оставите“.—„Но что же я скажу другимъ, за что я васъ выслала?“ спросила Елисавета.—„Ваше императорское величество“, отвѣтила Екатерина, „изложите причины, почему я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великаго князя“.—„Чѣмъ же вы будете жить у своихъ родныхъ?“ спросила Елисавета:—„Чѣмъ жила передъ тѣмъ, какъ вы меня взяли сюда“, отвѣчала Екатерина. Елисавета въ другой разъ велѣла ей встать,—и Екатерина послушалась.

Елисавета отошла отъ нея въ раздумьи. Она чувствовала, что потерпѣла пораженіе отъ женщины, которая стояла передъ нею на колѣняхъ; надобно было собрать силы для нападенія. Но это было трудно сдѣлать, и атака поведена была въ разстройствѣ, въ безпорядкѣ. Елисавета подошла къ великой княгинѣ съ упреками: „Богъ свидѣтель, какъ я плакала, когда, по пріѣздѣ вашемъ въ Россію, вы были при смерти больны; а вы потомъ не хотѣли мнѣ кланяться, какъ слѣдуетъ,—вы считали себя умнѣе всѣхъ; вы вмѣшивались во многія дѣла, которыя васъ не касались; я бы не посмѣла этого дѣлать при императрицѣ Аннѣ. Какъ, напримѣръ, смѣли вы посылать приказанія фельдмаршалу Апраксину?“—„Я“! отвѣчала Екатерина: „да мнѣ никогда и въ голову не приходило посылать ему приказанія“.—„Какъ“, возразила императрица, „вы будете запираться, что не писали къ нему? Ваши письма тамъ (она показала ихъ пальцемъ на туалетѣ). Вѣдь вамъ было запрещено писать“.—„Правда“, отвѣчала Екатерина, „я нарушила это запрещеніе и прошу простить меня; но такъ какъ мои письма тамъ, то они могутъ служить доказательствомъ, что никогда я не писала ему приказаній, и что въ одномъ письмѣ я извѣщала его о слухахъ насчетъ его поведенія“.—„А зачѣмъ вы ему это писали?“ прервала ее императрица.—„Затѣмъ“, отвѣчала Екатерина, „что очень его любила, и потому просила его исполнить ваши приказанія; другое письмо содержитъ поздравленіе съ рожденіемъ сына, третье—поздравленіе съ Новымъ Годомъ“.—„Бестужевъ говоритъ, что было много другихъ писемъ“, сказала на это Елисавета.—„Если Бестужевъ это говоритъ, то онъ лжетъ“, отвѣчала Екатерина. Тутъ Елисавета употребила нравственную пытку, чтобъ вынудить признаніе: „Хорошо“, сказала она, „если онъ на васъ лжетъ, то я велю его пытать“. Но Екатерина не испугалась и отвѣчала: „Въ вашей волѣ сдѣлать все то, что признаете нужнымъ, но я писала только эти три письма къ Апраксину“. Елисавета ничего не сказала на это.

Она, по своему обычаю, ходила по комнатѣ, обращаясь то къ великой княгинѣ, то къ великому князю, но всего чаще къ Шувалову. Весь этотъ разговоръ, длившійся полтора часа, производилъ на нее тяжелое впечатлѣніе, но не раздражалъ ея. Великій князь, напротивъ, высказалъ сильное ожесточеніе противъ жены. Онъ старался раздражить и Елисавету противъ нея, но не достигъ цѣли, потому что въ его словахъ слишкомъ рѣзко выражалась страсть. Наконецъ, императрица, подошедши къ Екатеринѣ, сказала ей тихонько: „Мнѣ много нужно было бы сказать вамъ; но я не могу говорить, потому что не хочу еще больше васъ поссорить“.—„Я такъ-же“, отвѣчала Екатерина, „не могу говорить, какъ ни сильно мое желаніе открыть вамъ мое сердце и душу“. Елисавета была очень тронута этими словами, слезы навернулись у нея на глазахъ, и, чтобъ другіе не замѣтили, какъ она растрогана, она отпустила великаго князя и великую княгиню, говоря, что уже очень поздно: дѣйствительно, было около трехъ часовъ утра. Вслѣдъ за Екатериною императрица послала Александра Шувалова сказать ей, чтобы не горевала, что она въ другой разъ будетъ говорить съ нею наединѣ. Въ ожиданіи этого разговора, Екатерина заперлась въ своей комнатѣ, подъ предлогомъ нездоровья. Она въ это время читала пять первыхъ томовъ „*Исторіи путешествій*“, съ картою на столѣ. Когда она уставала отъ этого чтенія, то перелистывала первые томы французской энциклопедіи. Скоро она имѣла удовольствіе убѣдиться, какъ удачно поступила она, потребовавши сама отпуска изъ Россіи: къ ней явился вице-канцлеръ Воронцовъ и отъ

[1]) Mémoires de Catherine II, 325 и слѣд.

имени императрицы сталъ упрашивать отказаться отъ мысли оставить Россію, ибо это намѣреніе сильно печалитъ императрицу и всѣхъ честныхъ людей, въ томъ числѣ и его, Воронцова. Онъ обѣщалъ также, что императрица будетъ имѣть съ нею вторичное свиданіе. Обѣщаніе было исполнено. Императрица потребовала прежде всего, чтобъ Екатерина отвѣчала ей сущую правду на ея вопросы, и первый вопросъ былъ: дѣйствительно-ли она писала только три извѣстныя письма къ Апраксину. Екатерина поклялась, что только три.

Окончаніе дѣла во дворцѣ между императрицею и великою княгинею, разумѣется, имѣло необходимое вліяніе и на дѣло Бестужева съ сообщниками, хотя и не спасло ихъ отъ ссылокъ, почетныхъ и непочетныхъ. До насъ дошла переписка Екатерины съ однимъ изъ сосланныхъ, Елагинымъ. Екатерина посылала ему деньги и ласкала надеждою скораго освобожденія изъ ссылки: „По тепершней перемѣнѣ", писала Екатерина, „иного предмета не имѣю, какъ наискорѣй васъ освободить, и покамѣстъ къ вамъ посылаю для перваго случая 300 черв. Надѣюсь получить благополучный успѣхъ, но въ первомъ моментѣ еще объ томъ упомянуть нельзя было. *Homme d'or* (золотой человѣкъ) здѣсь, и хорошій ему пріемъ, и мы всѣ не оставимъ о васъ упомянуть; будь здоровъ и увѣренъ, что невинность и усердіе твои вѣкъ изъ ума не выдутъ". Въ другомъ письмѣ Екатерина говоритъ: „*Неподвижимаго* рѣдко вижу, и канала почти нѣтъ, но совсѣмъ съ тѣмъ не препущу ему напомнить и подвигать ко всему тому, что вамъ полезно будетъ" [1]).

Среди этихъ дворцовыхъ событій распоряженіе о дѣятельномъ продолженіи войны не останавливалось. Неудачи, претерпѣнныя Австріею въ концѣ 1757 года, потеря Бреславля заставили Вѣнскій Дворъ домогаться въ Петербургѣ, чтобъ русское войско какъ можно скорѣе вступило опять въ Пруссію или отправленъ былъ бы тридцатитысячный отрядъ чрезъ Польшу, на помощь наслѣдственнымъ землямъ императрицы-королевы. Эстергази въ этомъ требованіи былъ подкрѣпленъ французскимъ посломъ Лопиталемъ и королевско-польскими министрами. На конференціи положено было отвѣчать, что, вмѣсто одного или другого, ея величество исполнитъ вмѣстѣ и то и другое желаніе императрицы-королевы: генералу Фермору уже велѣно какъ можно скорѣе привести въ движеніе войско, и онъ, несмотря на суровое время года, находится въ походѣ для занятія Пруссіи; но, кромѣ того, велѣно обсерваціонный корпусъ, состоящій изъ лучшихъ и отборныхъ людей, отправить въ походъ чрезъ Польшу, подъ начальствомъ генералъ-аншефа графа Салтыкова, и подъ нимъ будутъ начальствовать генералъ-поручики—графъ Чернышевъ и князь Долгорукій, изъ которыхъ первый выбранъ особенно потому, что императрица-королева удостоила его своимъ одобреніемъ. Австрійскій Дворъ долженъ какъ можно скорѣе дать знать, къ какому мѣсту долженъ идти этотъ союзный корпусъ, и принять мѣры, чтобъ онъ, прежде соединенія своего съ австрійскими войсками, не былъ настигнутъ и разбитъ Прусскимъ королемъ. Впрочемъ, такъ какъ Прусскій король не будетъ спокойно дожидаться соединенія русскихъ войскъ съ австрійскими, и первыя, какъ бы ни спѣшили, не придутъ въ назначенное мѣсто до начала кампаніи, то не лучше ли назначить такое мѣсто, гдѣ русскій корпусъ сдѣлалъ бы диверсію Прусскому королю чувствительнѣе, слѣдовательно—для императрицы-королевы полезнѣе. Это именно можетъ быть сдѣлано въ Силезіи или ниже, у Франкфурта-на-Одерѣ: тогда, во-первыхъ, походъ сильно бы сократился; во-вторыхъ, Прусскій король до послѣдней минуты не зналъ бы, куда идетъ вспомогательный корпусъ; въ третьихъ, генералъ Ферморъ, занявши Пруссію, будетъ распространять свои операціи до Помераніи, чтобъ подкрѣпить операцію шведской арміи; генералъ Броунъ, имѣя уже теперь указъ подвинуться до Вислы, можетъ еще прежде проникнуть въ самую Бранденбургію; а если-бы и третій корпусъ,—Салтыкова—устремляясь на Бреславль или Глогау, былъ съ нимъ въ равной линіи, то Прусскій король непремѣнно былъ бы приведенъ въ смущеніе. Атаковать короля Прусскаго въ этихъ мѣстахъ такими тремя корпусами, которые и сами по себѣ сильны и находятся въ такомъ другъ отъ друга разстояніи, что могутъ помогать одинъ другому, кажется единственнымъ или надежнѣйшимъ средствомъ раздѣлить силы Прусскаго короля и заставить его вести только оборонительную, а не наступательную войну. Марія-Терезія отказалась отъ вспомогательнаго корпуса. Между тѣмъ, отъ 3 января получено извѣстіе о занятіи Ферморомъ города Тильзита, амтовъ Руса и Кукернезена. Русское войско вступило въ Пруссію пятью колоннами, подъ начальствомъ генераловъ Салтыкова 2-го, Рязанова, графа Румянцева, принца Любомирскаго, Панина и Леонтьева. 10 числа, когда Ферморъ былъ въ городѣ Лабіо, пріѣхали къ нему депутаты отъ главнаго города Пруссіи, Кенигсберга, съ просьбою принять ихъ въ покровительство императрицы, съ сохраненіемъ привилегій, и на другой день русское войско вступило въ Кенигсбергъ, и встрѣчено было колокольнымъ звономъ по всему городу; по башнямъ играли въ трубы и литавры, мѣщане стояли впереди и отдавали честь ружьемъ. Ферморъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ королевства Прусскаго. Въ Вѣнѣ очень радовались занятію Прусскихъ земель русскими войсками, но сейчасъ же и высказали безпокойство. Эстергази получилъ приказаніе требовать, чтобъ дальнѣйшее занятіе Прусскихъ земель дѣлалось именемъ императрицы-королевы, „дабы не подать повода дру-

[1]) Сборникъ Русскаго Историч. Общ. т. VII. Подъ *золотымъ человѣкомъ* надобно, думаю, разумѣть гетмана Кириллу Разумовскаго; подъ *недвижимымъ*—брата его Алексѣя.

гимъ Дворамъ къ размышленію, а притомъ чтобъ можно было различить воюющую сторону отъ помощной". На это данъ былъ отвѣтъ: „Отношенія наши къ королю Прусскому вовсе, кажется, не требуютъ такихъ предосторожностей. Декларацію его, противъ насъ изданную, сочтутъ непрямымъ объявленіемъ войны только такіе люди, которые не захотятъ прямо ее разумѣть. Мы объявили при всѣхъ Дворахъ, что, для доставленія союзникамъ нашимъ надлежащей помощи, нѣтъ другого способа, какъ прямо дѣйствовать противъ Прусскаго короля, а потому всѣ Дворы, кажется, должны быть равнодушны къ тому, чьимъ бы именемъ Прусскія земли ни были заняты. Для насъ довольно имѣть убѣжденіе, что наши союзники, а императрица-королева особенно, зная наши чувства, отдадутъ намъ справедливость и не подумаютъ, чтобъ мы, подъ видомъ помощи имъ, пеклись только о своей пользѣ. Что касается присяги, къ которой приводятся жители Прусскихъ земель, покоренныхъ нашему оружію, то справедливость и надобность ея оказываются при первомъ взглядѣ, ибо мы требуемъ только, чтобъ жители ни тайно, ни явно не предпринимали противъ насъ ничего предосудительного".

Наступилъ май,—время приступать къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, и Вѣнскій Дворъ забилъ тревогу: „Общіе непріятели", писала Марія-Терезія Эстергази, „продолжаютъ обнадеживать, что русская армія и въ нынѣшнюю кампанію ничего существеннаго не предприметъ, потому что она малолюдна и претерпѣваетъ такой недостатокъ въ деньгахъ, что нечего и думать объ учрежденіи магазиновъ, покупкѣ фуража и доставленіи прочихъ военныхъ потребностей. Такимъ образомъ лучшее время для военныхъ операцій минетъ безплодно". На сообщеніе этихъ опасеній Эстергази отвѣчали: „Если обстоятельства не позволяли намъ до сихъ поръ столько въ пользу союзниковъ нашихъ сдѣлать, сколько бы мы желали, то можно однако сказать правду, что мы сдѣлали все то, что сдѣлать могли. Занятіе Пруссіи послѣдовало въ такое время, съ такими издержками и усиліями, что стоитъ намъ не менѣе цѣлой кампаніи. Сверхъ того, здѣсь готовы были и требованный корпусъ въ 30,000 человѣкъ отправить во владѣнія императрицы-королевы, и дѣйствительно онъ уже находился въ походѣ, когда произошла отмѣна согласно желанію ея величества. Теперь этотъ корпусъ уже близко къ остальному войску, съ которымъ долженъ соединиться, и надобно надѣяться, что скоро придетъ въ движеніе вся армія, которая и безъ того находится, по бо̀льшей части, за Вислою. И вешнее время никакъ нельзя почитать потеряннымъ, ибо дальнѣйшій походъ требуетъ безчисленныхъ приготовленій; сюда присоединились несчастія: неурожай хлѣба и фуража, и теперь, вслѣдствіе необыкновенно сухой и холодной погоды, трава еще изъ земли не показывается".

Въ іюнѣ Марія-Терезія снова торопила русское войско, и писала въ рескриптѣ своемъ къ Эстергази: „Теперь все зависитъ отъ того, чтобъ русскія войска долѣе въ бездѣйствіи не оставались, но скорыми своими дѣйствіями подкрѣпили и оживотворили движенія союзниковъ. Пріятели и непріятели съ нетерпѣніемъ этого ожидаютъ; и если обнадеживанія ея величества императрицы исполнятся, то непріятель придетъ въ сильное безпокойство и покинетъ свои дальновидные замыслы, и чрезъ это умножится бодрость какъ всѣхъ союзниковъ, такъ и насъ самихъ. Россія имѣетъ въ рукахъ возможность общему и ей столько же, какъ и намъ опасному непріятелю нанести смертельный ударъ, и сдѣлать это тѣмъ легче и надежнѣе, что Прусскій король не можетъ собрать достаточной арміи для отпора русскимъ силамъ, хотя бы онъ и получилъ успѣхъ въ Моравіи. Все это ты долженъ представить Петербургскому Двору въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: собственная его честь, слава и благополучіе зависятъ теперь отъ его совершенныхъ или несовершенныхъ операцій, и что̀ теперь упущено будетъ, то уже потомъ нельзя будетъ поправить" [1]).

Новый главнокомандующій русскою арміею, Ферморъ, зналъ, по печальному опыту предшественника, что при плохомъ устройствѣ провіантской части дѣлать быстрыя движенія нельзя, и зналъ, что, въ случаѣ медленности, онъ будетъ имѣть главныхъ враговъ въ Австрійцахъ, которые будутъ кричать противъ него въ Петербургѣ и по всей Европѣ и складывать на русское войско вину собственныхъ неуспѣховъ. Вотъ почему, принявъ начальство надъ войсками, Ферморъ заручался въ Петербургѣ милостивцами, которые бы защитили его въ случаѣ нужды; такъ онъ писалъ Воронцову: „Понеже оный главный постъ (главнокомандующаго) требуетъ великой асистенціи милостивыхъ патроновъ, того ради беру смѣлость вашего сіятельства просить:—меня и врученную мнѣ армію въ милостивый протекціи содержать и недостатки мои мудрыми вашими наставленіями награждать" [2]).

22 мая Ферморъ извѣщалъ, что готовъ къ выступленію изъ Восточной Пруссіи; 20 іюня онъ былъ у Познани, и 1 іюля выступилъ отъ этого города прямо на западъ, къ Бранденбургской границѣ, куда, именно къ мѣстечку Мезеричу, вся армія пришла 15 числа. Отсюда хотѣли-было прямо идти къ Франкфурту-на-Одерѣ, но недостатокъ провіанта и фуража и порча упряжки вслѣдствіе продолжительныхъ дождей заставили подумать, продолжать ли походъ въ этомъ направленіи. На военномъ совѣтѣ, австрійскій генералъ, баронъ С.-Андрэ, попрежнему находившійся при русскомъ войскѣ, былъ такого мнѣнія, что лучше всего австрійской арміи держаться около Лузаціи, а русской оставаться у Франкфурта-на-Одерѣ или

[1]) Дѣла Австрійскія и протоколы конференціи 1758.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VI.

у Кроссена и тамъ, по возможности, стараться перейти Одеръ для соединенія съ Австрійцами, чтобъ непріятель не могъ напасть на Русскихъ, не подвергая себя опасности подвергнуться съ тыла нападенію Австрійцевъ. Но главнокомандующій и генералъ-поручики — Салтыковъ, князь Голицынъ и Чернышевъ возражали, что въ указанной мѣстности нѣтъ нисколько фуражу, а лошади въ такомъ плохомъ состояніи, что не могутъ подвозить провіанта. Надобно потому перейти у Ландсберга черезъ рѣку Варту, потомъ, остановясь у Кистрина, послать одинъ корпусъ въ окрестности Швета, и учредить, какъ можно скорѣе, главный магазинъ въ Старгардѣ, давая между тѣмъ отдыхъ лошадямъ, чтобъ можно было пройти въ окрестности Франкфурта и подать помощь австрійской арміи. Если же шведское войско приблизится къ городу Швету, то русскому войску спѣшить къ Одеру, навести мосты и, соединясь съ Шведами, идти далѣе въ непріятельскія земли, чтобъ отвлечь Прусскаго короля отъ Силезіи. С.-Андрэ согласился съ этимъ мнѣніемъ. Поэтому армія приняла направленіе къ сѣверу и 28 іюля расположилась у Ландсберга. 4 августа Русскіе подошли къ Кистрину и калеными ядрами сожгли городъ; но крѣпость не сдалась: она защищалась двумя рѣками—Вартою и Одеромъ и каналами; чтобъ окружить ее, Русскимъ нужно было растянуть свое войско на большомъ пространствѣ, на что Ферморъ не могъ рѣшиться вблизи прусскаго корпуса, командуемаго графомъ Дона.

Въ отвѣтъ на донесеніе о бомбардированіи Кистрина Ферморъ получилъ такой рескриптъ: „Счастливо произведенное вами въ дѣйствіе предпріятіе противъ Кистрина не только пріобрѣтаетъ вамъ совершенную нашу похвалу и одобреніе и не только съ точностью соотвѣтствуетъ нашимъ предписаніямъ, нашимъ надеждамъ на ваше военное искусство, на ваше усердіе и ревность, но отчасти и превосходитъ наши ожиданія. Пусть крѣпость Кистринъ не взята, пусть и не будетъ принуждена къ сдачѣ переходомъ вашимъ черезъ Одеръ и пресѣченіемъ ей сообщенія съ прусскимъ корпусомъ графа Дона: довольно и предовольно того, что примѣрною храбростію нашего войска непріятельское войско устрашено, земскіе жители потерею своего свезеннаго въ городъ имѣнія научены полагаться больше на наши обнадеживанія и оставаться спокойно въ своихъ домахъ, чѣмъ полагаться на защиту своего войска, а истребленіемъ обширнаго магазина, содержавшаго слишкомъ 600,000 четвертей хлѣба, конечно, сдѣлано будетъ великое препятствіе непріятельскому плану, если Пруссаки будутъ принуждены позволить вамъ утвердиться въ тамошнихъ мѣстахъ на безопасныхъ зимнихъ квартирахъ“.

Отъ 24 августа посланъ былъ Фермору другой рескриптъ: „Теперь самое критическое время, въ которое нынѣшняя война, слава и благосостояніе государствъ рѣшиться могутъ. Съ одной стороны, фельдмаршалъ графъ Даунъ теперь уже глубоко въ Лузаціи, если еще не вступилъ въ Бранденбургію. Съ другой стороны, король Прусской употребитъ всѣ силы предупредить графа Дауна и воспрепятствовать вашему съ нимъ соединенію. Нельзя ручаться, не предприметъ ли король твердаго намѣренія во что бы то ни стало на васъ напасть и такъ разбить, чтобъ послѣ легко ему было противиться одному графу Дауну. Наконецъ, что́ менѣе всего вѣроятно, не вздумается ли королю, по примѣру чудного его во всемъ поведенія, обратиться въ Польшу, чтобъ тамъ завести смуту въ свою пользу и удалить театръ войны отъ собственныхъ земель. На всѣ эти три случая мы не можемъ теперь здѣсь подать вамъ пространнѣйшія наставленія; надѣемся, что вы будете всегда въ состояніи сдержать непріятельское стремленіе и утвердиться въ Помераніи на зимнихъ квартирахъ, однимъ словомъ,—совершить славную кампанію. Старайтесь только прилежно провѣдывать о непріятельскихъ движеніяхъ, почему одобряемъ, что вы Блезевскому аббату Іосифу Локу дали порученіе посылать вновь шпіоновъ“ [1]).

Надежда не исполнилась. Фридрихъ II находился въ Австрійскихъ владѣніяхъ, когда узналъ о вторженіи Русскихъ въ Бранденбургъ. *Скоропостижный* король немедленно двинулся съ войскомъ на защиту своихъ основныхъ владѣній. Во Франкфуртѣ-на-Одерѣ услыхалъ онъ громъ русскихъ пушекъ, обстрѣливавшихъ Кистринъ, и, неслышно отъ Фермора, въ одну ночь перешелъ Одеръ, нѣсколько верстъ ниже Кистрина, и отрѣзалъ Фермора отъ Румянцевскаго корпуса, находившагося внизъ по Одеру, по направленію къ Швету. Ферморъ узналъ о приближеніи короля, когда толпа казаковъ наткнулась на прусскихъ гусаръ; 20 казаковъ было взято въ плѣнъ, остальные ускакали и привезли въ главную квартиру извѣстіе, что Пруссаки—уже по сю сторону Одера. Ферморъ немедленно снялъ осаду Кистрина и расположилъ войско на выгодномъ мѣстѣ подлѣ деревни Цорндорфа. Русская армія была расположена по-миниховски,—большимъ каре, внутри котораго находились обозъ и конница.

14 августа, въ 9 часовъ утра, началось сраженіе нападеніемъ Пруссаковъ на правое крыло русской арміи. Здѣсь стоялъ новонабранный Шуваловымъ, такъ-называемый обсерваціонный корпусъ,—люди отличные, но никогда не бывавшіе въ огнѣ. Несмотря на то, они не дрогнули отъ прусской стрѣльбы и сдержали стремленіе прусскихъ гренадеръ, а русская конница разстроила ихъ и заставила податься назадъ, 26 непріятельскихъ пушекъ было уже въ русскихъ рукахъ. Но движеніе конницы произвело страшную пыль, которая вмѣстѣ съ дымомъ относилась вѣтромъ на вторую русскую линію, которая ничего не могла различить и стрѣляла по своей конницѣ сзади, а спереди

[1]) Прусскія военныя дѣла 1758 года.

явилась прусская конница подъ предводительствомъ генерала Зейдлица; русская конница была опрокинута на свою пѣхоту, въ пыли и дыму Русскіе перемѣшались съ Пруссаками - и началась страшная рѣзня, въ которой Русскіе солдаты удивили непріятелей своею стойкостью: разстрѣлявши всѣ патроны, они стояли, какъ каменные,—ихъ можно было перебить, но не обратить въ бѣгство. Но было и другое, печальное явленіе: часть солдатъ бросилась на маркитантскія бочки съ виномъ и начала ихъ опустошать; напившись, въ безпамятствѣ, били собственныхъ офицеровъ, бродили, ничего не понимая, и не слушались никакихъ приказаній. Полдневное солнце палило прямо въ лицо Русскимъ; пыль и дымъ ослѣпляли ихъ. Все это повело къ окончательному разстройству праваго крыла. Во второмъ часу дня король велѣлъ двинуться своимъ на лѣвое русское крыло; нападеніе было отбито, и Пруссаки обращены въ бѣгство. Но тотъ же Зейдлицъ съ конницею явился и тутъ на помощь своимъ - и возстановилъ равновѣсіе. Битва пошла отчаянная. Съ обѣихъ сторонъ пороху недоставало, дрались на шпагахъ и штыкахъ, и дрались до наступленія темноты. Оба войска, выбившись изъ силъ, ночевали на мѣстѣ битвы; ни то, ни другое не могло приписать себѣ побѣды. Но на другой день Ферморъ отступилъ первый и тѣмъ далъ Пруссакамъ поводъ приписать побѣду себѣ. Потеря съ русской стороны была страшная: слишкомъ 20,000 выбыло изъ строю, потеряно болѣе ста пушекъ, болѣе 30 знаменъ. Генералъ-поручики—Салтыковъ и графъ Чернышевъ, генералъ-маіоръ Мантейфель и два бригадира—Тизенгаузенъ и Сиверсъ—попались въ плѣнъ; старикъ генералъ-аншефъ Броунъ получилъ больше 17 ранъ по головѣ. У Пруссаковъ выбыло изъ строю 12,000 человѣкъ, да потеряно 26 пушекъ. Король не имѣлъ возможности преслѣдовать Фермора и отступилъ въ Кистринъ [1]).

25 августа пріѣхалъ въ Петербургъ полковникъ Розенъ съ извѣстіемъ о „генеральной и прежестокой баталіи", бывшей 14 числа. „Пополуночи въ 9 часу", доносилъ Ферморъ, „началась баталія безпрерывною пушечною пальбою и продолжалась полтора часа, а потомъ загорѣлся изъ мелкаго ружья огонь, который, пушечною-жь пальбою подкрѣпляемый, продолжался до самой ночи, въ которое время нѣсколикократно по перемѣнамъ одна сторона другую сбивала и мѣста своего не уступала, пока, напослѣдокъ, въ 10-мъ часу прусская армія россійской мѣсто баталіи уступила, гдѣ россійская чрезъ ночь собралась и не токмо въ виду прусской ночевала, но на другой день имѣла ростахъ, собирая своихъ раненыхъ и пушекъ, сколько непріятель допускалъ. Уронъ раненыхъ изъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ весьма знатенъ, токмо по краткости времени точно показать не можно. Я не въ состояніи вашему императорскому величеству о поступкахъ генералитета, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать, и аще бы солдаты во все время своимъ офицерамъ послушны были и вина потаенно сверхъ одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, то-бъ можно такую совершенную побѣду надъ непріятелемъ получить, какова желательна, и тако донести долженъ, что въ разсужденіи великаго урона, слабости людей и за неимѣніемъ хлѣба принужденъ сегодня (15 августа) до тяжелыхъ нашихъ обозовъ и хлѣба 7 верстъ до Гросъ-Камина слѣдовать, а потомъ до Ландсберга, гдѣ надѣюсь съ третьею дивизіею, при Шветѣ стоящею, соединиться и субсистенцію армій сыскивать по рѣкѣ Вартѣ. Денежная казна понынѣ почти вся сохранена, и дѣла Секретной Экспедиціи купно со всѣми цифирными ключами сожжены. Его высочество принцъ Карлъ (Саксонскій) и генералъ С.-Андрэ, не дождавшись совершеннаго окончанія баталіи, знатно заключая худыя слѣдствія, ретировались въ Шветъ. Я при семъ неудачномъ случаѣ, по моей рабской должности, всевозможныя мѣры употреблять не оставлю" [2]).

Дополненіемъ къ извѣстіямъ о Цорндорфской битвѣ служитъ дѣло, начатое по доносу волонтера русской арміи, польскаго шляхтича Казновскаго, на бригадира Стоянова. Казновскій показывалъ: 14 августа, послѣ битвы, вечеромъ, онъ и Стояновъ съѣхались вмѣстѣ, и Стояновъ сказалъ: „Какой-то лютеранинъ командующій генералъ поставилъ армію подъ вѣтеръ и всю погубилъ; только бы время пришло удобное, съѣхался бы съ нимъ и застрѣлилъ, а теперь куда намъ дѣваться? Мужики насъ прибьютъ! лучше сыскать трубача и ѣхать въ Кистринъ". Генералъ-маіоръ Панинъ вмѣстѣ съ Стояновымъ и многими другими дѣйствительно поѣхали въ Кистринъ; но Панинъ одумался и сталъ говорить Стоянову: „Поѣдемъ вмѣстѣ назадъ въ лагерь". Стояновъ отвѣчалъ: „Поѣзжайте, куда хотите, а я ѣду своею дорогою; жаль, что уже ночь наступила". Разговаривая такимъ образомъ, всѣ опять поѣхали лѣсомъ; тутъ же и Грузинскаго полка священникъ усильно просилъ, чтобъ въ Кистринъ не ѣздили. Изъ лѣсу пріѣхали въ прежній русскій лагерь при Кистринѣ; тогда одинъ пѣхотный подполковникъ опять началъ говорить, что выѣхали уже къ Кистрину, и потому надобно опасаться прусскихъ гусаръ, и Панинъ тотчасъ повернулъ налѣво отъ Кистрина, вмѣстѣ съ нимъ поѣхали и другіе; помедливъ немного и видя, что никто съ нимъ въ Кистринъ не ѣдетъ, поѣхалъ за ними же и Стояновъ, и ночью пріѣхали всѣ къ русскимъ обозамъ.

Стояновъ показалъ, что не помнитъ, говорилъ ли приводимыя Казновскимъ слова о Ферморѣ, только не имѣлъ намѣренія убивать его, иначе не отбивалъ бы Фермора отъ непріятеля: когда

[1]) Записки Болотова; ср. у Шефера II, 89 и слѣд. Также Архивъ кн. Воронцова, кн. IV и VI.

[2]) Прусскія военныя дѣла.

Пруссаки начали нашу армію обходить, то приказано было ему, Стоянову, атаковать ихъ съ сербскимъ Гусарскимъ полкомъ, что онъ и сдѣлалъ, и былъ въ самомъ непріятельскомъ фрунтѣ, но отъ превосходной силы непріятеля отступилъ и перешелъ на правый флангъ русской арміи. Потомъ опять съ Хорватовымъ полкомъ посланъ былъ атаковать непріятельскую артиллерію, что исполнялъ до того времени, какъ началась генеральная баталія, во время которой онъ былъ на лѣвомъ флангѣ. Когда непріятель усилился, фрунтъ нашъ сбили — и сперва правый флангъ пошелъ на ретираду, а потому и вся армія пошла къ лѣсу, то и онъ, Стояновъ, пріѣхалъ къ лѣсу; въ это самое время увидалъ онъ, что Фермора окружили непріятельскіе гусары и кирасиры, которыхъ онъ съ малымъ числомъ своихъ гусаръ отогналъ и Фермора избавилъ отъ смерти или плѣна. Потомъ поѣхалъ вдоль мѣста битвы, гдѣ увидѣлъ Панина со многими офицерами. Панинъ, держась за животъ, говорилъ, что жестоко раненъ, и бригада его вся пропала, просилъ, чтобъ Стояновъ сыскалъ ему мѣсто, гдѣ бы перевязать рану. Стояновъ отвезъ его въ деревню по близости отъ русскаго праваго фланга и, оставя его здѣсь, намѣренъ былъ ѣхать искать Фермора; но Панинъ говорилъ ему, что тутъ остаться нельзя,— опасно отъ непріятеля. Тогда Стояновъ, осердясь, сказалъ ему единственно въ шутку: „Куда мнѣ съ тобою дѣваться? такъ поѣдемъ въ Кистринъ!“ — и поѣхали; Стоянову хотѣлось отыскать обозъ и тамъ оставить Панина для перевязки раны. Между тѣмъ наступила ночь; Панинъ спросилъ: „Куда же мы ѣдемъ?“ Стояновъ опять въ шутку отвѣчалъ: „Въ Кистринъ“. Панинъ сказалъ на это: „Теперь въ Кистринъ ѣхать поздно, лучше поѣдемъ въ лѣсъ“; а Стояновъ говорилъ: „Въ лѣсу бѣда,— наѣдутъ мужики и насъ палками побьютъ“. Панинъ сказалъ: „Вотъ есть трубачъ!“ а Стояновъ въ шутку отвѣчалъ: „Поѣзжай трубить впередъ къ Кистрину и скажи, что ѣдутъ генералъ Панинъ и бригадиръ Стояновъ“. Между этими разговорами пріѣхали къ обозу.

Стояновъ былъ освобожденъ отъ всякаго наказанія по неосновательности доноса; но и Казновскому выдано 200 червонныхъ за ревность [1]).

На реляцію свою о „неудачномъ случаѣ“, Ферморъ получилъ такой рескриптъ отъ императрицы: „Черезъ семь часовъ сряду храбро сдѣланное превосходящему въ силѣ непріятелю сопротивленіе, одержаніе мѣста баталіи и пребываніе на ономъ даже на другія сутки, такъ-что непріятель, и показавшись, и начавъ уже стрѣльбою изъ пушекъ, не могъ однакоже чрезъ весь день ничего сдѣлать и ниже прямо атаки предпріять,— суть такія великія дѣла, которыя всему свѣту останутся въ вѣчной памяти къ славѣ нашего оружія, къ особливой похвалѣ генералитета и къ знаменитой вамъ, яко главному командиру, заслугѣ. Претерпѣнный великій уронъ признаваемъ мы съ должнымъ благоговѣніемъ соизволеніемъ Божіяго, вся во благое устроевающаго, Провидѣнія. Слѣдствія того состоятъ также въ святой Его власти, и мы съ равномѣрнымъ должнымъ благодареніемъ примемъ и самое отъ благодѣющей Его руки наказаніе, ежели будетъ Его на то воля. Но мы еще всегда на Его-жь неисчерпаемыя щедроты уповаемъ, что паче помилуетъ, опечаля, возвеселитъ и, ослабя, укрѣпитъ. Имѣйте вы и въ самомъ, ежели-бъ случилось, несчастіи равный съ нами духъ мужества и твердости, вселяйте его вашимъ подчиненнымъ и всему воинству; утѣшьте раненыхъ нашимъ матернимъ объ нихъ сожалѣніемъ и теплымъ желаніемъ о ихъ выздоровленіи, не меньше-жь и тѣмъ, что заслуги всѣхъ и каждаго будутъ у насъ въ незабвенной памяти и безъ достойнаго награжденія не останутся. Обнародуйте сей нашъ указъ во всей арміи, дабы всѣ видѣли, коль велико наше милосердіе къ достойнымъ онаго, и дабы, видя сію милость, тѣ, кои по малодушію или инако не совсѣмъ исполнили свою должность, чувствовали, колико имъ о поправленіи того стараться надобно, и коль несравненно благополучнѣе и завистливѣе жребій тѣхъ, кои съ толикою славою и съ вѣчною предъ Создателемъ заслугою жизнь свою скончали предъ тѣми, кто оказалъ безчестную робость“.

16 августа на разсвѣтѣ, въ виду непріятеля, русская армія выступила съ поля битвы и шла семь верстъ каре; артиллерію, какъ свою, такъ и взятую у непріятелей, солдаты везли на себѣ, за неимѣніемъ достаточной упряжки; раненыхъ казаки везли въ торокахъ, на заводныхъ лошадяхъ. Прусское войско не трогалось, и въ 9 часу Ферморъ благополучно прибылъ къ Гросъ-Камину, гдѣ на нѣсколько дней остановился въ крѣпкомъ лагерѣ. „18 числа“, доносилъ Ферморъ, „Всевышнему за Его милосердое помилованіе благодарный молебенъ пѣтъ, а по окончаніи онаго пушечная пальба производима была; непріятель также викторію праздновалъ, пальба онаго съ четверть часа нашу предварила“. Послѣ этого, Ферморъ двинулся далѣе къ Ландсбергу и соединился съ отрядомъ графа Румянцева: тутъ войска у него оказалось 40,000, кромѣ гусаръ и казаковъ. Въ Петербургѣ были довольны этимъ движеніемъ; довольны и рѣшеніемъ военнаго совѣта — не помышлять объ отступленіи, дѣйствовать оборонительно, пока окажется удобный случай перейти къ наступательному дѣйствію. Но въ великой и основательной заботѣ находилась императрица, какъ говорилъ ея рескриптъ, что не видала въ реляціяхъ Фермора никакого объясненія насчетъ будущаго, хотя позднее годовое время требовало принятія мѣръ рѣшительныхъ: „Въ бо́льшей мы заботѣ оттого“, говорилось далѣе въ рескриптѣ; „что видимъ васъ самихъ, несмотря на близость непріятеля, почти въ совершенномъ невѣдѣніи о его силѣ и положеніи, и что вы, прежде чѣмъ что-либо начать, ожи-

[1]) Дѣло въ Государ. Архивѣ.

даете нашихъ указовъ на отправленныя вами послѣ баталіи реляціи, хотя эти указы, по отдаленности, должны всегда опаздывать, да и не могутъ васъ удовлетворить, потому что въ отправленныхъ вами послѣ баталіи реляціяхъ находилось только самое краткое объ ней упоминаніе, причемъ ни мнѣніе вашего не представлено, ни сдѣлано такого тамошнихъ обстоятельствъ описанія, по которому бы здѣсь можно было распорядиться надежно и основательно. Хотимъ однако, сколько можно, на чрезвычайную краткость вашихъ реляцій подать вамъ пространное и обстоятельное объясненіе нашихъ мнѣній. Если-бъ корпусъ графа Дона, слабый до соединенія съ нимъ королевскаго войска, вами былъ атакованъ и хотя не совершенно разбитъ, однако въ слабость и разстройство приведенъ, то, конечно, король Прусскій не имѣлъ бы такой выгоды васъ атаковать и долженъ былъ бы привести гораздо больше войска, чѣмъ облегчилъ бы австрійскаго фельдмаршала, графа Дауна, и далъ бы ему больше возможности съ вами соединиться, или долженъ былъ бы возвратиться чрезъ Силезію въ Богемію, дабы отвлечь туда и Дауна. Такъ и теперь, если оставленный противъ васъ корпусъ будетъ вами разбитъ и за рѣку Одеръ прогнанъ, то вы останетесь въ полной свободѣ и безпечности, будете по своему произволу располагать непріятельскими землями по сю сторону Одера. Если же, напротивъ, корпусъ графъ Дона противъ васъ на этой сторонѣ рѣки останется, то надобно будетъ опасаться еще болѣе вредныхъ слѣдствій. Во-первыхъ, занятіе зимнихъ квартиръ будетъ подвержено бо́льшимъ затрудненіямъ; непріятель нарочно будетъ долго стоять въ лагерѣ, чтобъ дурною погодою изнурять нашу армію. Второе и важнѣйшее: если графъ Дона останется на этой сторонѣ Одера, то король опять можетъ придти къ нему и атаковать васъ соединенными силами. Намъ очень пріятно ваше заявленіе, что главное попеченіе ваше состоитъ въ занятіи зимнихъ квартиръ въ непріятельской Землѣ; но не скроемъ, что ваши упоминанія слегка, какъ бы мимоходомъ, о такихъ важныхъ предметахъ насъ очень безпокоятъ, а теперь еще больше, потому что время позднее. Что касается присланныхъ вами плановъ послѣдней баталіи, то по краткости присоединеннаго къ нимъ описанія нельзя не только сочинить обстоятельной реляціи, которой отъ насъ весь свѣтъ ожидаетъ, но и никакого яснаго для себя представленія сдѣлать. Планъ прошлогодней баталіи гораздо подробнѣе былъ: тамъ видно, который полкъ и когда дрался, и что послѣ чего происходило. Видно и здѣсь расположеніе полковъ, но о дѣйствіяхъ ихъ совершенно умолчено; а мы больше всего вамъ рекомендовали не держать насъ въ невѣдѣніи о томъ, которые полки и кто изъ генералитета наиболѣе отличились. Когда же ожидать намъ столь нужнаго свѣдѣнія, если не при этомъ великомъ и рѣдкомъ дѣлѣ? На одномъ изъ плановъ видимъ, что авангардъ прусской арміи стоитъ гораздо ближе къ вамъ, чѣмъ къ своему войску; и такъ какъ вовсе не видно, какія мѣры принимались вами вслѣдствіе такого обстоятельства, то насъ безпокоитъ это слишкомъ недостаточное свѣдѣніе ваше о состояніи непріятеля, вслѣдствіе чего вамъ надобно всегда опасаться нечаянныхъ отъ него нападеній. Мы всемѣрно желаемъ: 1) Чтобъ зимнія или кантониръ-квартиры для арміи нашей заняты были въ Бранденбургскихъ земляхъ и, буде можно, по рѣкѣ Одеру. 2) Чтобъ Кольбергъ, какъ мѣсто очень нужное для пропитанія нашей арміи, взятъ былъ какъ можно скорѣе. 3) Чтобъ корпусъ графа Дона былъ не только какъ можно скорѣе прогнанъ за Одеръ, но и совершенно былъ разбитъ. Избѣгайте такихъ резолюцій, какія во всѣхъ державныхъ въ нынѣшнюю кампанію военныхъ совѣтахъ были принимаемы, а именно—съ прибавленіемъ ко всякой резолюціи словъ: „если время, обстоятельства и непріятельскія движенія допустятъ“. Подобныя резолюціи показываютъ только нерѣшительность. Прямое искусство генерала состоитъ въ принятіи такихъ мѣръ, которымъ бы ни время, ни обстольятества, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли“.

Кромѣ этихъ жесткихъ замѣчаній, написанныхъ въ конференціи, Ферморъ получилъ отъ вице-канцлера, графа Воронцова, переводъ со статьи о состояніи русскаго войска, написанной какимъ-то иностранцемъ еще при Апраксинѣ. Воронцовъ писалъ при этомъ, что сочинитель статьи, должно быть, долго при нашей арміи былъ явнымъ шпіономъ, и предлагалъ главнокомандующему разсмотрѣть:— между многими лжами не указалъ ли онъ и дѣйствительнаго какого-нибудь недостатка въ арміи, чѣмъ можно и воспользоваться. „Я не могу отъ вашего сіятельства скрыть“, писалъ Воронцовъ, „что всѣ почти считаютъ великимъ недостаткомъ множество обозовъ въ нашей арміи, также и то, что мы иррегулярныхъ своихъ войскъ съ пользою употреблять не умѣемъ. Правда, трудно намѣсто принятыхъ и долгое время наблюдаемыхъ обыкновеній вводить новыя; я понимаю, что ваше сіятельство иногда и опасаетесь сами собою вводить новое; но, по состоянію нашего государства, съ нашимъ народомъ, разсуждая, что изъ него въ нынѣшнемъ только вѣкѣ сдѣлано, кажется, что нетрудно привести въ исполненіе все возможное, и скорѣе, нежели гдѣ-нибудь. Въ древнія времена мы одолѣли Турокъ со всею ихъ превосходною силою; во время Шведской войны, не имѣя почти никакого регулярства и будучи сперва побѣждены, успѣли мы усвоить шведскіе пріемы, научиться у непріятеля военному искусству и собственнымъ, такъ-сказать, оружіемъ побѣдили его. Теперь Прусскій король имѣетъ для насъ такое же значеніе, какое имѣли прежде Шведы. Намъ нечего стыдиться, что мы не знали нѣкоторыхъ полезныхъ военныхъ порядковъ и пріемовъ, которые введены у непріятеля; но было бы непростительно, если бы мы пренебрегли ими, узнавъ пользу ихъ на дѣлѣ. Смѣло можно народъ нашъ, въ разсужденіи его крѣ-

ности и узаконеннаго правительствомъ послушанія, сравнить съ самымъ добрымъ веществомъ, способнымъ къ принятію всякой формы, какую ему дать захотятъ. Я дружески совѣтую вашему сіятельству вмѣстѣ съ господами генералами прилежно изслѣдовать: въ чемъ состоятъ наши неисправности, и какими полезными учрежденіями и пріемами непріятельской арміи надобно воспользоваться безъ потери времени; а если чего сами собою никакъ сдѣлать не можете,—о томъ немедленно и серьезно представьте".

Въ „Письмѣ путешественника изъ Риги", присланномъ отъ Воронцова, говорилось, что „русскій пѣхотный полкъ, идущій въ бой, никогда не имѣетъ болѣе двухъ долей солдатъ, потому что никакая армія такъ не отягощена чрезвычайнымъ багажемъ, какъ русская; обозныхъ служителей множество; въ каждой ротѣ къ провіантскимъ телѣгамъ, къ возкѣ палатокъ и больныхъ, къ колыскамъ и аммуничныхъ фургонамъ приставлены солдаты, которые должны кормить лошадей, ибо малая ихъ часть пускается въ поля; сверхъ того, капитанъ, подъ именемъ государственныхъ дѣлъ, къ собственнымъ своимъ услугамъ употребляетъ отъ 10 до 12 человѣкъ. Экзерциціи очень медленны; первая шеренга остается всегда сидя на колѣняхъ; заряды очень плохи, и хотя строеніе фрунтомъ и введено, однако пѣхотный полкъ насилу въ часъ построится, причемъ всегда происходятъ безпорядки. Солдаты маршируютъ въ парадѣ далеко другъ отъ друга, въ четыре шеренги, такъ-что между каждымъ человѣкомъ остается мѣсто на шагъ; у каждаго полка везутъ на особенныхъ телѣгахъ множество рогатокъ для прикрытія ими всего фрунта полка: это дѣлается изъ предосторожности, чтобъ конница не могла ворваться въ пѣхоту.

„Главная сила арміи состоитъ въ гренадерскихъ полкахъ, и, дѣйствительно, всѣ гренадеры—люди плотные и сильные; но у нихъ нѣтъ ни проворства, ни живости; также и гренадерскіе офицеры—люди лучшіе, но только на русскую стать. Я видалъ при гренадерскихъ полкахъ весьма многихъ разумныхъ людей, которые въ службѣ другихъ государей бывали и которыхъ я спрашивалъ, для чего они не вводятъ у себя того, что́ въ другихъ арміяхъ находится хорошаго; на это мнѣ капитанъ Энгельгардъ отвѣчалъ, что онъ было-покусился сдѣлать начало тому въ своей ротѣ, но тѣмъ только навлекъ на себя недружбу бо́льшей части офицеровъ своего полка, и потому долженъ былъ проситься о переводѣ въ другой полкъ, и стало ему это больше ста рублей, особенно потому, что Нѣмцы теперь въ маломъ почтеніи. Прочая пѣхота чрезвычайно плоха, оберъ и унтеръ-офицеры имѣютъ ружья оборышъ. Я не могу ихъ пѣхотныхъ полковъ ни съ какими плохими войсками сравнять, ибо едва ли мѣщанскій полкъ у насъ не порядочнѣе дѣлаетъ экзерциціи, нежели ихъ пѣхотные полки, приведенные изъ Замосковья. Но всякій полкъ снабженъ рогатками, на которыя они полагаютъ всю свою надежду.

„При русской арміи везутъ многочисленную артиллерію, подъ вѣдомствомъ генералъ-лейтенанта Толстова. Мнѣ случалось часто съ нимъ разговаривать, и я замѣтилъ, что онъ искусный артиллеристъ. При стрѣльбѣ въ цѣль изъ тридцати выстрѣловъ только два не попали. Но этотъ генералъ не былъ еще ни въ одномъ сраженіи, только служилъ, при осадѣ Очакова, капитаномъ подъ фельдмаршаломъ Минихомъ. Толстой особенно жаловался на дурное состояніе артиллерійскихъ лошадей. Кирасирскихъ полковъ—всего шесть; пять должны идти въ Пруссію, а шестой, называемый Конною Гвардіею, оставленъ въ Петербургѣ. Первые два могутъ еще почитаться конными полками; лошади у нихъ посредственныя, и, по крайней мѣрѣ, нѣмецкія. Укомплектованы они людьми и лошадьми на походѣ въ городахъ—Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ, Дерптѣ, гдѣ у всѣхъ мѣщанъ казенныя лошади, съ платою по 60 рублей за каждую, взяты были, не разбирая лѣтъ и недостатковъ, только бы въ семь футовъ приходили и бродить могли; держатъ лошадь до тѣхъ поръ, пока съ ногъ свалится. Строеніе ихъ эскадроновъ очень медленно, а атака дѣлается не сильнѣе, какъ рысью. Когда командовали „Стой! оправься!" то въ иномъ мѣстѣ находилось болѣе 12 шеренгъ, а въ другомъ такіе промежутки, что въ нихъ можно было въѣхать цѣлымъ взводомъ. Пальба производилась цѣлыми шеренгами, но въ сильномъ безпорядкѣ; весь полкъ въ кучу съѣхался, многія лошади споткнулись и люди съ нихъ попадали. Не разумѣютъ они точности въ экзерциціи и все для нихъ равно, что одинъ рейтаръ направо, другой налѣво, а третій впередъ смотритъ. Что же принадлежитъ до прочихъ трехъ полковъ, то́ они теперь только преобразованы изъ драгунскихъ. Я завелъ особенную дружбу съ полковникомъ одного изъ нихъ—Шваненбургомъ, который разсказалъ мнѣ, что лошади у нихъ негодныя, всѣ русской породы, чрезвычайно пугливы, необъѣзжены и бѣшеннѣе гусарскихъ. Всадникъ не везетъ съ собою на лошади и епанчи, но все лежитъ на телѣгахъ, и конный полкъ имѣетъ еще болѣе телѣгъ, чѣмъ пѣхотный.

„Драгунскихъ полковъ при арміи—12, которые и названія конницы не заслуживаютъ, да и офицеры ихъ очень просты, такъ-что глупые русскіе офицеры другихъ полковъ завели у себя поговорку: „Онъ глупъ, какъ драгунскій офицеръ". Неисправности этихъ полковъ та главная причина, что они и въ десять лѣтъ вмѣстѣ не сводятся, но постоянно размѣщены по татарскимъ, турецкимъ и польскимъ границамъ. Гусары составляютъ лучшую кавалерію, хотя вообще у нихъ недостаетъ порядка, равенства, живости и ученья; офицеры ихъ очень мало разумѣютъ о патруляхъ, рекогносцировкахъ, засадахъ, ибо ихъ ничему этому не учатъ. Калмыки лучше всѣхъ изъ нерегулярныхъ войскъ. Казаки служатъ только для того, чтобъ

непріятеля безпрестанно тревожить, присматривать за нимъ и держать въ страхѣ. Командующій генералъ совсѣмъ о томъ не думаетъ, много или мало этого сброду пойдетъ въ походъ. Между казаками, Донскіе почитаются лучшими по искусству и храбрости. Всю надежду полагаютъ они на предводителя своего, бригадира Краснощекова; они говорятъ, что онъ колдунъ. Генералъ-аншефъ Лопухинъ увѣрялъ меня въ этомъ, и когда я сказалъ, что въ Германіи колдунамъ не вѣрятъ, то онъ отвѣчалъ: „Можетъ ли статься, чтобъ такому подлинному дѣлу не вѣрить". Я имѣлъ случай часто видаться и разговаривать съ этимъ знаменитымъ Краснощековымъ: вся его премудрость состоитъ въ томъ, что копьемъ или стрѣлою попадаетъ въ цѣль на пушечный выстрѣлъ, такъ же и въ томъ, что, по его словамъ, ни отъ кого пардона не приметъ. Знатности его больше всего способствовало свойство съ Разумовскимъ.

„Фельдмаршалъ Апраксинъ заботится преимущественно о томъ, чтобъ имѣть у себя какъ можно бо́льшій штатъ и экипажъ. Въ ежедневныхъ и продолжительныхъ моихъ разговорахъ съ нимъ я замѣтилъ, что онъ не имѣетъ необходимыхъ для фельдмаршала теоретическихъ познаній, практическихъ же и не можетъ имѣть, потому что, кромѣ Очакова, онъ нигдѣ не бывалъ. Вся его забота состоитъ въ томъ, чтобъ заставить людей своихъ храбро биться; о сохраненіи людей и лошадей онъ мало безпокоится. Водитъ его, какъ на веревочкѣ, генералъ Веймарнъ, человѣкъ искусный, находившійся постоянно адъютантомъ при генералѣ Кейтѣ; онъ имѣетъ обширныя теоретическія познанія въ военныхъ наукахъ, а Русскіе считаютъ его да генерала Ливена оракулами. Генералъ-аншефъ Лопухинъ въ военномъ дѣлѣ мало искусенъ. Главныя его занятія—ѣда, питье и карты. Генерала-аншефа Ливена нечего считать, потому что тяжкая болѣзнь мѣшаетъ ему имѣть разумныя мысли. По причинѣ долгой его службы, Русскіе считаютъ его божкомъ. Онъ великихъ дѣлъ не совершитъ, что я примѣтилъ изъ его разговоровъ съ генераломъ С.-Андрэ, который вралъ ему невѣроятную дичь, а тотъ всему вѣрилъ. Генералъ-аншефъ Броунъ—слабаго духа и нигдѣ не служивалъ, кромѣ Россіи. Генералъ-поручикъ князь Голицынъ никогда не помышлялъ о воинскомъ дѣлѣ: онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ находился при Дворѣ и потомъ былъ резидентомъ въ Гамбургѣ. Генералъ-поручикъ Ливенъ считается очень искуснымъ, но онъ не въ милости у Апраксина, съ родственникомъ котораго побранился. Генералъ-маіоръ князь Долгорукій слыветъ очень храбрымъ, но мало искуснымъ. Генералъ Вильбуа—молодой, но очень способный офицеръ; впрочемъ, онъ самъ мнѣ признался, что при нынѣшнихъ порядкахъ у него пропадаетъ охота: „Чортъ ихъ возьми", сказалъ онъ мнѣ,—„здѣсь надобно притворяться такимъ же дуракомъ, какъ и всѣ, иначе всѣхъ сдѣлаешь себѣ непріятелями". Графъ Румянцевъ—тоже молодой человѣкъ, употребившій много труда, чтобъ сдѣлать себя способнымъ къ службѣ, и дѣйствительно имѣетъ обширныя теоретическія познанія, однимъ словомъ—это самый искусный русскій генералъ; недостатокъ его—излишняя горячность. Генералъ-маіоръ Панинъ самъ мнѣ говорилъ: „Зачѣмъ меня въ генералы произвели? Я ихъ о томъ не просилъ; я доволенъ, когда могу полкъ обучать." Князь Любомирскій—пустой хвастунъ. Фельдмаршалъ всю свою надежду полагаетъ на полковника Бюлова, перешедшаго въ русскую службу изъ саксонской; объ немъ отзываются, что это вертопрахъ, но способный стравить между собою всѣхъ жителей земного шара" [1]).

Фермору писали, чтобъ онъ занималъ зимнія квартиры въ Бранденбургскихъ земляхъ и дѣйствовалъ наступательно противъ Дона; а онъ еще въ августѣ началъ внушать Воронцову, что необходимо пробираться на зимнія квартиры—къ Польшѣ! „Нынѣ", писалъ онъ 23 августа изъ-подъ Ландсберга,—„нынѣ въ арміи людей отъ 35, а съ легко ранеными до 40,000; но притомъ въ генералахъ и штабъ-офицерахъ—большой недостатокъ,—лучшіе выбыли. Полевая артиллерія находится въ хорошемъ состояніи, только зарядовъ и половиннаго числа противъ комплекта не будетъ; ктому же искусныхъ офицеровъ, бомбардировъ и фузелеровъ очень недостаточно. На полученіе впредь провіанта никакъ надѣяться нельзя, потому что, по переходѣ прусской арміи за Одеръ, какъ города, такъ и мужики являются ослушными, выбѣгаютъ изъ домовъ своихъ и по лѣсамъ отъ казаковъ отстрѣливаются, слѣдовательно тотъ же точно казусъ является, который въ прошломъ году настоялъ: легкое войско отъ разоренія Земли никоимъ образомъ удержать невозможно. Упряжки, какъ подъ артиллеріею, такъ и подъ обозомъ, по наступленіи осенняго времени, вседневно въ слабость приходятъ. А если рѣку Варту оставить, или и по ней, но на одномъ мѣстѣ стоять, то и вовсе лошадей поморить можно, а люди безъ лошадей какую службу отправлять могутъ?—артиллеріи и аммуниціи возить не на чемъ будетъ. Изъ этого милостиво заключить можете: не заставитъ ли меня и весь генералитетъ крайняя нужда подаваться небольшими маршами вверхъ по рѣкѣ Вартѣ или Нетцѣ къ магазинамъ нашимъ на Вислу, и тѣмъ сберечь армію и многочисленныхъ раненыхъ не оставить въ непріятельскихъ рукахъ" [2]).

Но на военномъ совѣтѣ, держанномъ 7 сентября, рѣшено было, что оставаться въ Бранденбургскихъ земляхъ нельзя, идти прямо къ Вислѣ—навлечь гнѣвъ императрицы, а потому надобно избрать среднее—идти въ Померанію, стать лагеремъ у Старгарда и послать отрядъ войска для захваченія Кольберга, приморской крѣпости, важной для подвоза войска и съѣстныхъ припасовъ изъ Россіи.

---

[1]) Прусскія военныя дѣла.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VI.

Рѣшеніе совѣта было приведено въ исполненіе: армія расположилась у Старгарда. Здѣсь, 23 сентября, держанъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ Ферморъ предложилъ на обсужденіе: такъ какъ мѣсяцъ октябрь уже наступаетъ и начинаются жестокіе осенніе вѣтры съ дождями; въ здѣшнихъ открытыхъ и подобныхъ степи мѣстахъ лѣсу нѣтъ,— дровъ достать негдѣ; люди, стоя въ лагерѣ, терпятъ немалую нужду, и лошади, по недостатку полеваго корма, приходятъ въ изнуреніе: то нужно ли армію держать непремѣнно въ этихъ мѣстахъ и какъ долго; не лучше ли податься къ рѣкѣ Драгѣ, около которой болѣе надежды къ полученію полевого корма и дровъ. Рѣшили: всѣ тяжелые обозы, худоконную регулярную и нерегулярную кавалерію, пѣшихъ гусаръ и казаковъ вмѣстѣ съ больными отправить къ Вислѣ, а съ арміею держаться на прежнихъ мѣстахъ, пока время и обстоятельства позволятъ. На требованія изъ Петербурга, чтобъ дѣйствовать противъ графа Дона, Ферморъ отвѣчалъ, что напасть на непріятеля, который держится всегда въ неприступныхъ лагеряхъ, имѣетъ превосходную кавалерію и артиллерію, убійственныя дѣйствія которой еще въ свѣжей памяти,— нельзя, не подвергая войска крайней опасности; да если бы даже и удалось его разбить или однимъ движеніемъ впередъ оттѣснить за Одеръ, то все же пришлось бы возвратиться въ Померанію, потому что около Одера, отъ Кистрина до Швета, нельзя найти никакого пропитанія. На упрекъ въ несостоятельномъ описаніи Цорндорфской битвы, Ферморъ отвѣчалъ, что за пылью и дымомъ нельзя было разсмотрѣть движенія полковъ и распоряженія ихъ командировъ. Относительно краткости донесеній отвѣчалъ, что нѣтъ времени писать подробнѣе вслѣдствіе безпрестанныхъ движеній арміи, ненастья, рекогносцировокъ; ни одна бумага не выходитъ изъ канцеляріи безъ его просмотра, ни одно входящее дѣло, кромѣ его, никѣмъ не распечатывается.

Въ началѣ октября недостатокъ въ лѣсѣ около Старгарда заставилъ Фермора перейти на берегъ рѣки Драги; отсюда армія двинулась далѣе къ Вислѣ, на зимнія квартиры. Въ Петербургѣ должны были помириться съ этимъ, хотя выражали сожалѣніе, что Дона не разбитъ, и, такимъ образомъ, кампанія кончилась безъ славы; еще болѣе жалѣли о томъ, что Кольбергъ не былъ взятъ: отправленный Ферморомъ генералъ Палмбахъ долго стоялъ подъ городомъ и принужденъ былъ возвратиться безъ успѣха. Относительно зимнихъ квартиръ Фермору предписывалось учредить кордонъ отъ Торна до Эльбинга, какъ было въ прошломъ году. На это предписаніе Ферморъ отвѣчалъ, что онъ не преминетъ его исполнить, хотя прежде, для сохраненія славы русскаго оружія, взялъ-было твердое намѣреніе расположиться съ арміею кордономъ въ Помераніи и ожидать приближенія шведской арміи; а такъ какъ Померанія сильно истощена пребываніемъ въ ней двухъ армій, то еще вскорѣ послѣ Цорндорфскаго сраженія заключилъ онъ контрактъ съ Жидомъ Борухомъ на поставку 25,000 четвертей хлѣба по рѣкамъ Нетцѣ и Вартѣ. На это позднее увѣдомленіе Ферморъ получилъ отвѣтъ: „Сожалѣніе наше о томъ тѣмъ больше умножается, что сіе ваше намѣреніе весьма поздно намъ открыто, и вы донынѣ всегда представляли, что въ Помераніи остановиться никакъ невозможно; иначе мы приложили бы все стараніе всячески облегчить вамъ это предпріятіе". Не были довольны и распоряженіемъ Фермора о покупкѣ хлѣба у данцигскаго купца Верника: „Мы", говорилось въ рескриптѣ, „твердое намѣреніе приняли снабжать нашу заграничную армію всякимъ хлѣбомъ и овсомъ изъ нашей имперіи, ибо какъ бы ни была высока ему здѣсь цѣна и какъ бы дорогъ провозъ за границу ни былъ, употребленныя на то деньги въ государствѣ останутся". Несмотря на то, 25 ноября, въ день восшествія на престолъ Елисаветы, Ферморъ получилъ Андреевскую ленту. Остались, повидимому, безъ дѣйствія и нареканія иностранцевъ. Послѣ Цорндорфской битвы, Саксонскій принцъ Карлъ прислалъ Воронцову длинное письмо съ обвиненіями противъ главнокомандующаго: гусары и казаки употребляются не такъ, какъ слѣдуетъ; держатъ ихъ при арміи, тогда какъ надобно разсылать ихъ въ разныя стороны для наблюденія за непріятелемъ и для содержанія его въ постоянной тревогѣ. Обозъ—огромный, который требуетъ 30,000 подводъ и отнимаетъ у арміи болѣе 4,000 солдатъ. Рядовые—очень трудолюбивы и въ работѣ неутомимы, но мало обучены военному дѣлу, и мало между ними дисциплины. Ферморъ сдѣлалъ великую ошибку, потерявши понапрасну много времени подъ Кистриномъ. Для сраженія выбралъ самое дурное мѣсто, несмотря на увѣщанія его, принца Карла. Послѣ сраженія слишкомъ поспѣшно отступилъ къ Ландсбергу, также несмотря на совѣты принца Карла и генерала С.-Андрэ. Ферморъ не умѣетъ распоряжаться учрежденіемъ магазиновъ, не имѣетъ твердости и рѣшительности, слишкомъ недовѣрчивъ; главное несчастіе его въ томъ, что ввѣрилъ себя молодому человѣку, полковнику Ирману, исправляющему должность генералъ-квартирмейстера.—Генералъ С.-Андрэ также жаловался на Фермора, что не призываетъ его на военные совѣты; шведскій маіоръ баронъ Армфельдъ такъ описалъ Цорндорфское сраженіе, что непріятель, по словамъ Фермора, злѣе выдумать не могъ. „Я нижайше прошу", писалъ Ферморъ Воронцову, „отъ сего злого человѣка армію избавить, а если бы возможно, и отъ всѣхъ господъ волонтеровъ, которые ничего другого въ минувшую кампанію не дѣлали, какъ только веселились и на охоту ѣздили: меньше было бы расхода и пустыхъ вѣстей. Можно бы больше вѣрить тому, кому вся армія ввѣрена и кѣмъ справедливый журналъ ведется. Мнѣ эти господа своими вѣтреными затѣями

и догадками въ минувшую кампанію столько безпокойства дѣлали, что я не зналъ, куда отъ нихъ дѣваться и какъ секретныя дѣла сохранить"

20 декабря былъ составленъ для Фермора планъ кампаніи будущаго года; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: дѣйствовать наступательно въ Помераніи и Бранденбургіи или Неймаркѣ; чѣмъ раньше начать кампанію,—тѣмъ лучше; ускорить занятіемъ Кольберга, такъ чтобы весною или первыми лѣтними мѣсяцами былъ тамъ такой запасъ провіанта и другихъ потребностей, который бы отнималъ всякое опасеніе насчетъ недостатка; Шведовъ склонить къ осадѣ Штетина и сильно помогать имъ при этомъ; по рѣкѣ Одеру дѣйствовать такъ, чтобъ только прикрывалась эта осада. Если мира заключено не будетъ, то будущія зимнія квартиры расположить по Одеру; занять Берлинъ, если время и случай позволятъ; главнѣйшее дѣло—скрыть этотъ планъ отъ непріятеля. „Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только вспоможеніе союзникамъ и ослабленіе короля Прусскаго, а не завоеваніе Помераніи или Неймарка, то если непріятель соберетъ на самыхъ границахъ своихъ большую армію,—съ насъ будетъ довольно приблизиться къ нему, держать его въ страхѣ и не допускать обратиться въ другую сторону. Напасть на него должно только въ такомъ случаѣ, когда онъ окажется слабъ или будетъ извѣстно, что ждетъ подкрѣпленія, и тогда самъ нападетъ. Начать кампанію нужно рано и быстро, чтобъ до прибытія прусскихъ силъ занять необходимыя мѣста и отвлечь короля Прусскаго и облегчить Вѣнскій Дворъ, если-бъ Фридриху II удалось въ самомъ началѣ кампаніи побѣдить фельдмаршала Дауна. Правда, Вѣнскій Дворъ или графъ Даунъ поворотомъ своимъ минувшаго лѣта въ Саксонію, вмѣсто обѣщаннаго похода къ Франкфурту-на-Одеръ или Берлину, не заслуживалъ бы такихъ заботъ о его сохраненіи; но надобно признаться, что если Вѣнскій Дворъ будетъ ослабленъ или принужденъ къ невыгодному миру, то дѣла наши и интересы потерпятъ столько же, какъ и его собственныя, и всѣ понесенные до сихъ поръ убытки и труды пропадутъ понапрасну. Занятіе Кольберга надобно почитать главнымъ предпріятіемъ всей кампаніи: безъ него нельзя ни помогать Шведамъ во взятіи Штетина, ни арміи нашей имѣть въ Помераніи надежное пропитаніе, ни занять тамъ зимнихъ квартиръ. Это единственный портъ, чрезъ который можно получать водою все потребное" [1]).

Кампанія 1758 года кончилась неудачно, и въ Петербургѣ не могли не досадовать на Австрійцевъ, которые не сдѣлали ничего для русскаго войска ни до Цорндорфской битвы, ни послѣ нея. Русскій Дворъ былъ недоволенъ Вѣнскимъ, а послѣдній складывалъ вину на Францію. Эстергази сообщилъ Воронцову рескриптъ Маріи-Терезіи отъ 19 октября, въ которомъ говорилось: „Бывшіе по сіе время въ воинскихъ дѣлахъ затрудненія и худые успѣхи преимущественно произошли оттого, что Франція искренняго совѣта нашего не послушала и, вмѣсто того, чтобъ послать отъ 30 до 40,000 войска въ наши наслѣдныя земли и нѣмецкіе Дворы содержать въ спокойствіи одною обсерваціонною арміею на Рейнѣ, опуталась войною съ Ганноверомъ и этою ошибкою не только истощила свои финансы, привела въ упадокъ флотъ свой и претерпѣла чувствительные уроны въ Америкѣ и Германіи; но и много потеряла относительно прежняго значенія своего внутри и внѣ Европы, не упоминая о томъ, что въ рѣшеніяхъ Французскаго Двора оказывается нѣкоторая робость и слабость. При такихъ обстоятельствахъ французское министерство думаетъ, что къ полученію ожидавшихся Франціею выгодъ мало и даже вовсе никакой надежды не остается, а торговля и флотъ подвергаются опасности совершеннаго разоренія; думаетъ оно, что когда для насъ, для Россіи и Саксоніи, война окончится благополучно и каждая изъ этихъ трехъ державъ вытащитъ занозу у себя изъ ноги,—Франція, напротивъ, останется съ своею занозою и не получитъ никакого вознагражденія за всѣ труды и расходы. Мы, съ своей стороны, находимъ, что такое опасеніе Французскаго Двора не безъ основанія, а для другихъ союзниковъ нашихъ оно могло бы имѣть опасныя слѣдствія. Съ начала нынѣшняго года Франція многократно представляла, что тягость войны становится для нея несносною, и потому надобно думать о мирѣ. Мы отвѣчали, что вопросъ не въ томъ, надобенъ ли миръ, но—какой миръ. Такъ какъ этотъ отвѣтъ не можетъ удовлетворить французское министерство, то наша обязанность прежде всего условиться съ нашею вѣрною союзницею, Россійскою императрицею, какими средствами удержать Французскій Дворъ отъ преждевременныхъ помышленій о мирѣ. Прусскія силы не такъ близки къ Россіи, какъ къ намъ; однако пока онѣ не уменьшатся, Россія будетъ находиться въ безпрестанной опасности, особенно когда Пруссія воспользуется Турецкою войною или уничтожитъ существующую форму правленія въ Швеціи и заключитъ съ этою державою тѣсный союзъ. Опытъ уже показалъ, что многія и великія державы совокупными своими силами ничего противъ Пруссіи сдѣлать не могутъ: какого же успѣха можно надѣяться въ одиночной борьбѣ съ нею? Сверхъ того, было бы крайне несправедливо, если-бъ Саксонія ничѣмъ не была вознаграждена за претерпѣнныя ею неслыханныя бѣдствія. Предосудительный миръ лишилъ бы насъ и союзниковъ нашихъ вліянія въ общей системѣ политическихъ дѣлъ, и все же въ мирное время мы были бы принуждены содержать многочисленныя войска. Такъ какъ Россійскій Дворъ нашему Эрцгерцогскому Дому—естественный союзникъ, то мы полагаемъ главную надежду на совѣтъ ея величества императрицы

---

[1]) Прусскія военныя дѣла.

и желаемъ быть увѣдомлены о намѣреніяхъ ея относительно будущаго замиренія". — „Правда, Франція сдѣлала большую ошибку", говорилось въ русскомъ отвѣтѣ; „но Франція же старалась и поправить свою ошибку: она отказалась отъ занятія Ганновера, тогда какъ это занятіе было бы ей очень выгодно при будущемъ замиреніи съ Англіею; ея стараніемъ Швеція вступила въ войну съ Пруссіею; по соглашенію съ Французскимъ же Дворомъ и Данія собрала значительное войско въ своихъ германскихъ областяхъ. Притомъ, своею ошибкою Франція еще болѣе затянулась въ войну, чѣмъ прежде думала. Ея императорское величество всегда полагала и полагаетъ, что Франція склонилась содѣйствовать ослабленію короля Прусскаго потому, что ей были обѣщаны пріобрѣтенія въ Нидерландахъ, которыя уравновѣшивали для нея усиленіе Австрійскаго Дома. Императрица-королева пожертвовала Нидерландами, чтобъ избавиться навсегда отъ опаснаго непріятеля, короля Прусскаго; съ тою же цѣлію императрица Россійская согласилась на приращеніе королевства Шведскаго. Эта цѣль такъ хорошо составлена, что чѣмъ больше Франція имѣла силы и кредита склонить Шведскій и Датскій Дворы, тѣмъ больше принуждена она неотмѣнно держаться обязательствъ своихъ съ императрицею-королевою и тѣмъ меньше помышлять о скоромъ примиреніи. Но пусть Франція не приметъ въ разсужденіе того, что заключеніемъ невыгоднаго мира она безвозвратно потеряетъ сдѣланныя ею военныя издержки; пусть найдетъ средство извинить себя предъ Шведскимъ и Датскимъ Дворами въ томъ, что вовлекла ихъ въ войну; но не можетъ же она не предвидѣть, что Англія безъ короля Прусскаго на миръ не согласится, и легко себѣ представить, каковы будутъ англійскія претензіи, и какъ силенъ станетъ король Прусскій, когда прежніе союзники Франціи, видя ея слабость, должны будутъ перейти на сторону Пруссіи, войти въ зависимость отъ нея. Изъ общихъ отзывовъ Французскаго Двора, что война становится тягостна, несносна, что надобно думать о скорѣйшемъ заключеніи мира,—нельзя еще непремѣнно заключать, чтобъ Франція имѣла рѣшительное намѣреніе настаивать на миръ. Впрочемъ, императрица, по особенной дружбѣ своей къ императрицѣ-королевѣ, беретъ на себя представить посильнѣе Французскому Двору причины, по которымъ миромъ торопиться ненадобно. Мнѣніе императрицы состоитъ въ томъ, что начатую королемъ Прусскимъ войну надобно продолжать до того времени, пока Всевышнему угодно будетъ праведное оружіе благословить совершенными успѣхами, и, низложа гордость, на одномъ самолюбіи основанную, дозволить всѣмъ обиженнымъ достойное воздаяніе. Что до военныхъ операцій принадлежитъ, то надобно смотрѣть, чтобъ та сторона, которой посчастливится, старалась пользоваться своими успѣхами, не оглядываясь на другую, ибо, какъ-бы ни было одинаково у всѣхъ намѣреніе, обстоятельства никогда одинаковы быть не могутъ, а король Прусскій тѣмъ пользуется, когда видитъ, что одна армія, одержавъ надъ нимъ побѣду, дожидается, чтобы и другая то же сдѣлала" [1]).

Во Франціи Бестужеву, въ началѣ года, приходилось выслушивать жалобы на отступленіе Апраксина. Когда онъ жаловался аббату Берни на поведеніе Брольи въ Варшавѣ, тотъ отвѣчалъ, что Брольи выѣдетъ изъ Польши,—и тѣмъ камень преткновенія отстранится, и что теперь надобно думать не о такомъ пустякѣ, но какимъ бы образомъ остановить успѣхи короля Прусскаго, ибо Австрійцы, потерявши въ послѣднюю кампанію около 45,000 лучшаго войска, теперь не въ состояніи противъ него дѣйствовать, однимъ словомъ—Фридрихъ II пришелъ въ такую силу, что не только союзникамъ, но и всей Европѣ сталъ опасенъ. Онъ, будучи очень уменъ, счастливъ и предпріимчивъ, можетъ при такихъ обстоятельствахъ легко завоевать Богемію и взять верхъ въ Германіи, также сдѣлать королемъ въ Польшѣ брата своего и предписывать всѣмъ законы по своему произволу, а съ Шведами управиться ему уже нетрудно будетъ,—только каково-то будетъ послѣ другимъ! Поэтому очень и очень жаль, что фельдмаршалъ Апраксинъ безо всякой законной причины отступилъ съ поспѣшностью и далъ возможность Левальду пройти въ Померанію, чѣмъ причиненъ общему дѣлу такой вредъ, что и поправить дѣло скоро нельзя.

Но отъ обвиненій скоро должны были перейти къ оправданіямъ: русская армія опять двинулась и заняла собственную Пруссію, а французская отступила за Везеръ. Людовикъ XV счелъ нужнымъ успокоить Елисавету собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ объяснялъ этотъ поступокъ также недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ; король увѣрялъ императрицу, что теперь онъ еще болѣе намѣренъ употребить всѣ силы, чтобъ принудить нарушителя всеобщаго покоя къ уваженію имперскихъ уставовъ и утвердить всеобщую тишину на твердомъ и справедливомъ основаніи, и что онъ, король, никогда не отступитъ отъ союза. Въ ноябрѣ опять жалобы аббата Берни Бестужеву на неудачныя дѣйствія русскихъ генераловъ: „Мнѣ непонятно", говорилъ аббатъ, „какимъ образомъ Кольбергъ не могъ быть взятъ; кромѣ неискусства и оплошности начальствующихъ, нѣтъ ли еще здѣсь какой тайной причины? Осаждавшія Кольбергъ войска никогда не имѣли у себя достаточнаго числа аммуниціи, присылалось ея къ нимъ всегда дня на три, много—на пять. Шведскій генералъ писалъ графу Фермору, что онъ отъ него находится только въ двухъ маршахъ разстоянія, и что онъ можетъ доставить русскому войску всякое продовольствіе: несмотря на то, графъ Ферморъ удалился отъ него. Мы ясно видимъ истинное желаніе императрицы подать помощь своимъ союзникамъ, можемъ полагаться и на храбрость русскихъ сол-

---

[1]) Дѣла Австрійскія.

дать; но жаль, что повелѣнія императрицы не всегда должнымъ образомъ исполняются".

Это было послѣднее заявленіе аббата Берни; въ концѣ года онъ былъ смѣненъ въ управленіи иностранными дѣлами герцогомъ Шуазелемъ. Первымъ дѣломъ новаго министра было – открыть Бестужеву, что, чрезъ Датскій Дворъ, сообщено было Англійскому, не захочетъ ли онъ заключить миръ съ Франціею безъ короля Прусскаго; но полученъ былъ рѣшительный отказъ. „Въ здѣшней казнѣ", доносилъ Бестужевъ, „примѣтенъ немалый недостатокъ въ деньгахъ; въ народѣ явна бѣдность; торговля и мануфактуры приходятъ въ упадокъ; мореплаваніе стѣснено; народъ сильно ропщетъ: несмотря на то, для нуждъ государственныхъ въ публикѣ кредитъ всегда есть". Лопиталь изъ Петербурга далъ знать своему Двору о нотѣ Эстергази относительно желанія Франціи заключить миръ. Шуазель объявилъ Бестужеву, по приказанію короля, что его величество будетъ свято и ненарушимо соблюдать всѣ обязательства съ своими союзниками и заключитъ миръ только съ общаго ихъ согласія. Австрійскій посолъ, графъ Штарембергъ, увѣрялъ Бестужева, что на Шаузеля положиться можно, потому что онъ склоненъ болѣе къ продолженію войны, чѣмъ къ заключенію какого-нибудь невыгоднаго мира [1]).

Относительно Англіи въ Петербургѣ не имѣли надежды, чтобъ она заключила отдѣльный миръ съ исключеніемъ короля Прусскаго; здѣсь больше всего заботились о томъ, чтобъ англійская эскадра не являлась въ Балтійское море на помощь Пруссіи противъ Россіи и Швеціи. Въ началѣ года Голицынъ, донося, что герцогъ Ньюкэстль не очень преданъ Пруссіи, прибавлялъ однако, что въ настоящее время въ Англіи трудно благонамѣренному министру „идти противъ быстроты фанатическаго всей почти націи пристрастія къ королю Прусскому"; прибавлялъ также, что основное правило англійской политики—кто врагъ Франціи, тотъ—другъ Англіи, и что намѣреніе Англійскаго Двора теперь ясно: стараться сдѣлать Пруссію сильнѣйшею державою въ Германіи, вмѣсто Австріи, союзъ съ которою расторгнутъ. Англіи нѣтъ дѣла дотого, какая держава будетъ сильнѣйшею въ Германіи,—лишь бы она была въ тѣсномъ союзѣ съ нею противъ Франціи; сюда должно присоединить и химерическій титулъ защитника протестантской религіи, присвояемый Фридриху II. Голицыну велѣно было потребовать отъ Лондонскаго Двора прямого отвѣта: не разумѣется ли Россія въ числѣ общихъ непріятелей, противъ которыхъ Англійскій Дворъ въ своей деклараціи обѣщаетъ помогать королю Прусскому постоянно и сильно. Но англійское министерство уклонялось отъ этого отвѣта подъ предлогомъ неполученія обстоятельныхъ свѣдѣній о русскихъ отношеніяхъ отъ своего посла въ Петербургѣ, Кейта: опасались высылать эскадру, не желая рѣшительнымъ разрывомъ съ Россіею повредить своей торговлѣ и притомъ раздражить Швецію и Данію; съ другой стороны, не хотѣли прямо сказать, что не пошлютъ эскадры, чтобы подержать Россію подолѣе въ страхѣ и тѣмъ оказать пользу Фридриху II. Занятіе русскимъ войскомъ собственной Пруссіи произвело впечатлѣніе въ Лондонѣ: здѣсь начали внушать датскому посланнику, что его Дворъ не долженъ равнодушно смотрѣть на такое усиленіе Россіи [2]).

Внушенія, дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ Полякамъ, имѣли послѣдствіемъ одни разговоры. 27 января князь Волконскій обѣдалъ у короннаго гетмана графа Браницкаго. Послѣ обѣда, хозяинъ отвелъ гостя въ сторону и началъ говорить: „Удивительно, сколько безпорядковъ произвело стоящее теперь въ областяхъ республики русское войско!"— „Если и въ самомъ дѣлѣ произошли какіе-нибудь безпорядки", отвѣчалъ князь Волконскій, „то Полякамъ жаловаться не-для-чего: императрица обѣщала неоднократно назначить нарочныхъ коммисаровъ, которые вмѣстѣ съ польскими коммисарами должны изслѣдовать все происшедшее и удовлетворить дѣйствительно обиженныхъ". Потомъ Браницкій распространился въ жалобахъ на свое правительство: „Здѣшній Дворъ въ Польшѣ правительствуетъ самодержавно", говорилъ онъ, „и хотя я самъ начинать ничего не намѣренъ, но надобно опасаться, чтобъ раздраженное шляхетство не составило конфедераціи".—„Если дѣйствительно такъ", отвѣчалъ Волконскій, „то надобно потребовать у Двора перемѣны поведенія, и мы, въ качествѣ министровъ императрицы Всероссійской, по гарантіи 1717 года, всячески будемъ стараться подкрѣплять справедливыя требованія". Этотъ отвѣтъ не понравился гетману, и онъ сказалъ: „Отецъ нынѣшней императрицы былъ только посредникомъ, а не порукою; но смертью короля Августа II договоръ 1717 года потерялъ силу".—„Если такъ", возразилъ Волконскій, „то и всѣ ваши права и вольности, утвержденныя прежними королями, потеряли силу". Браницкій оставилъ этотъ предметъ, но съ сердцемъ началъ говорить, что Россія вмѣшивается во внутреннія польскія дѣла: русскій канцлеръ прислалъ письмо къ Литовскому гетману Радзивилу относительно выборовъ въ будущій трибуналъ. Волконскій отвѣчалъ, что польскіе уставы нисколько не нарушаются, если сосѣдственная и дружественная держава даетъ добрые совѣты какому-нибудь благонамѣренному магнату.

7 февраля Волконскій и Гроссъ были приглашены на конференцію къ коронному маршалу, графу Бѣлинскому, у котораго нашли канцлера короннаго Малаховскаго, гетмана Браницкаго и надворнаго маршала графа Мнишка. Бѣлинскій представилъ списокъ обидъ, которымъ подверглись польскіе подданные отъ Русскихъ, особенно жители Брацлавскаго воеводства. Такъ какъ обиды были на-

[1]) Дѣла Французскія.

[2]) Дѣла Англійскія.

несены гайдамаками, то Волконскій отвѣчалъ: „Вы, господа министры, сами должны признаться, что гайдамацкія шайки составляются изъ разныхъ бѣглыхъ и преимущественно польскихъ подданныхъ, слѣдовательно сами Поляки должны смотрѣть, какъ бы ихъ воздерживать отъ разбоевъ. Гайдамакамъ легко разбойничать, потому что польское войско расположено въ 20 миляхъ отъ границы; а если его подвинуть къ самымъ границамъ, то это будетъ лучшимъ средствомъ къ прекращенію разбоевъ". Поляки должны были признаться, что гайдамацкія нападенія происходятъ не отъ однихъ Русскихъ жителей; но жаловались, что русскіе пограничные комисары уклоняются отъ слѣдованія дѣлъ. Волконскій возражалъ, что, напротивъ, литовскіе пограничные суды ни малѣйшей пользы не приносятъ, и потому неудивительно, если взаимныя жалобы ежедневно умножаются; вся вина на польскихъ комисарахъ, которые ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ въ дѣла не вступаютъ.—„Что же дѣлать", отвѣчали министры: „литовскіе комисары, не получая жалованья, должностей своихъ исправлять не могутъ. Дай Богъ, чтобъ будущій сеймъ состоялся: на немъ мы употребимъ всѣ старанія къ принятію такихъ мѣръ, которыми однажды навсегда пресѣкутся всѣ пограничныя жалобы".

Несмотря на то, что, послѣ паденія канцлера Бестужева, князь Волконскій получилъ удостовѣреніе, что преступленіе дяди нисколько не измѣнитъ милостиваго расположенія императрицы къ племяннику, безъ его вѣдома было улажено между Русскимъ и Польскимъ Дворами важное дѣло избранія королевскаго сына, принца Карла, въ Курляндскіе герцоги. 17 іюля Волконскій и Гроссъ писали, какъ удивились они, получивъ изъ Митавы извѣстіе, что секретарь канцлера Малаховскаго, Алое, хлопочетъ тамъ о выборѣ принца Карла въ герцоги. Зная Алое за интригана, оба министра обратились къ графу Брюлю съ вопросомъ, сдѣлано ли Алое такое важное порученіе. Брюль прямо отвѣчалъ, что сдѣлано,—и сдѣлано не безъ вѣдома и согласія Русскаго Двора. Волконскій и Гроссъ писали, что такъ какъ они наставлены домогаться, чтобъ въ Курляндіи все оставалось безъ перемѣны, то просятъ снабдить ихъ новымъ всемилостивѣйшимъ указомъ [1]). Этотъ новый искатель герцогства Курляндскаго былъ третій сынъ короля Августа. Мы его видѣли въ русской арміи, читали отзывъ Фермора о его поведеніи во время Цорндорфской битвы и отзывъ самого Карла о русской арміи и ея главнокомандующемъ. Но прежде отправленія своего въ армію, принцъ Карлъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ выпросить себѣ у императрицы герцогство Курляндское. 24 мая онъ присылалъ къ Воронцову напомнить о своей просьбѣ, причемъ объявлялъ, что „предаетъ себя совсѣмъ въ матернее призрѣніе ея императорскаго величества и отъ высочайшей ея щедроты ожидаетъ основанія будущаго своего благополучія, и всю свою надежду въ томъ полагаетъ, и что состоитъ единственно во власти ея императорскаго величества пожаловать его Курляндскимъ княжествомъ и учинить счастливымъ его самого и все его потомство". Воронцовъ подалъ относительно этой просьбы такое мнѣніе: если теперь прямо отказать принцу, то этимъ усилится печальное состояніе короля Польскаго, приведется Польско-Саксонскій Дворъ въ бо́льшее уныніе и уменьшится въ немъ надежда, какую онъ всегда питалъ на сильную помощь и покровительство императрицы. Съ другой стороны, нельзя предвидѣть, какъ кончится настоящая война: быть можетъ, при общемъ мирѣ, Курляндію понадобится употребить для достиженія какой-нибудь другой полезной цѣли [2]).

Первое соображеніе взяло верхъ, тѣмъ болѣе что второе не имѣло достаточной силы: при общемъ мирѣ хотѣли пріобрѣсти Восточную Пруссію съ тѣмъ, чтобъ промѣнять ее Польшѣ на Курляндію, но при этомъ принцъ Карлъ перемѣстился бы только изъ Митавы въ Кенигсбергъ. 29 августа Волконскій и Гроссъ сообщили королю, что императрица приказала находящемуся въ Митавѣ совѣтнику канцеляріи, Симолину дѣйствовать заодно съ Алое, для доставленія принцу Карлу герцогства Курляндскаго. Король съ радостнымъ лицомъ отвѣчалъ, что не находитъ словъ для выраженія своей благодарности, и что сынъ его обязывается вѣчною благодарностью императрицѣ [3]). Сильное неудовольствіе произвело это событіе въ Петербургѣ при молодомъ Дворѣ. Великій князь, по своимъ прусскимъ привязанностямъ, и безъ того ненавидѣлъ Саксонскій Домъ. Теперь онъ написалъ Воронцову, что императрицѣ слѣдовало бы прежде позаботиться о принцѣ его, Голштинскаго Дома, чѣмъ о принцѣ Карлѣ; что его третій дядя, принцъ Георгъ-Людвикъ, имѣетъ больше права на покровительство императрицы, и потому онъ, великій князь, предлагаетъ его въ герцоги Курляндскіе. Воронцовъ показалъ письмо императрицѣ, и та велѣла отвѣчать отказомъ. Великая княгиня, благодаря внушеніямъ Понятовскаго, также не любила Саксонскій Домъ, и въ отдачѣ Курляндіи принцу Карлу видѣла несправедливость (относительно Бирона),—и несправедливость, вредную для Россіи, ибо это усиливало только Польскаго короля насчетъ польской свободы. Разумѣется, такое мнѣніе было высказано Екатериною въ неспокойномъ состояніи духа, ибо трудно было себѣ представить, какъ бы умирающій Августъ III сдѣлался самодержцемъ потому только, что третій сынъ его сталъ герцогомъ Курляндскимъ. Но любопытно, что Прассе, въ донесеніяхъ къ своему Двору, по поводу Курляндскаго дѣла уже высказываетъ подозрѣніе, что Понятовскій, обнадеженный покровительствомъ будущихъ правителей Россіи, самъ могъ имѣть въ

---

[1]) Дѣла Польскія.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. IV,

[3]) Дѣла Польскія.

виду курляндскій престолъ, если не болѣе высшее мѣсто [1])!

Послѣ Цорндорфской битвы, оказался сильный недочетъ въ генералахъ, и князь Волконскій получилъ приказаніе немедленно отправиться въ дѣйствующую армію.

Гроссъ остался одинъ быть свидѣтелемъ сейма, который начался 21 сентября. Наканунѣ открытія сейма Гроссъ писалъ, что гетманъ Браницкій чрезъ своихъ эмиссаровъ нашелъ способъ тайно внести въ инструкціи посламъ—не позволять ни о чемъ говорить посламъ прежде выхода послѣдняго русскаго солдата изъ областей польскихъ, и депутаты воеводствъ—Бржескаго и Волынскаго—на публичныхъ аудіенціяхъ уже представили королю, чтобъ онъ постарался освободить польскія области отъ русскихъ войскъ и вытребовалъ вознагражденіе за причиненный ими убытокъ. Но коронный канцлеръ, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ имъ, что въ Польшѣ русскаго войска нѣтъ; для вознагражденія убытковъ императрица давно уже прислала коммисаровъ; отъ прохода русскихъ войскъ обыватели получили значительныя суммы, и дѣйствія этихъ войскъ служатъ для безопасности самой же Польши.

На четвертый день сейма, волынскій депутатъ Подгорскій объявилъ, что несогласенъ, чтобъ сеймъ приступалъ къ какимъ нибудь рѣшеніямъ, пока владѣнія республики не будутъ очищены отъ русскаго войска, послѣ чего уѣхалъ изъ Варшавы—и этимъ разорвалъ сеймъ. Никто не сомнѣвался, что это была продѣлка гетмана Браницкаго. Надобно было какъ-нибудь помирить его съ Дворомъ, и, наконецъ, въ этомъ успѣли; съ русской стороны было также сильное средство: безпокойному гетману дали орденъ Андрея Первозваннаго. По разорваніи сейма, для рѣшенія важныхъ дѣлъ оставался сенатусъ-консиліумъ. Тутъ хотѣли провести Курляндское дѣло; но Чарторыйскіе объявили, что конституція запрещаетъ сенатусъ-консиліуму вмѣшиваться въ государственныя дѣла; что они, Чарторыйскіе, по своей чести и совѣсти и для сохраненія своего кредита въ націи, никакъ на это позволить не могутъ, но что король для рѣшенія одного Курляндскаго дѣла можетъ созвать чрезвычайный сеймъ, успѣху котораго они всячески будутъ содѣйствовать. Но Дворъ, опираясь на согласіе двухъ третей присутствующихъ сенаторовъ, хотѣлъ провести Курляндское дѣло въ сенатусъ-консиліумѣ. 19-го октября собрался этотъ сенатусъ-консиліумъ изъ 20 сенаторовъ; 16 изъ нихъ объявили свое согласіе на возведеніе принца Карла въ герцоги Курляндскіе; но каштелянъ Краковскій, графъ Понятовскій, воевода Русскій—князь Чарторыйскій, гетманъ польный—князь Мосальскій и воевода Сендомирскій—Веленольскій предложили о необходимости чрезвычайнаго сейма. Тщетно имъ говорили, что при обычномъ срываніи сеймовъ откладывать до нихъ какое-нибудь дѣло или вовсе его уничтожить—все равно: они настаивали на своемъ, и каштелянъ Краковскій объявилъ, что и большинствомъ голосовъ въ сенатѣ Курляндское дѣло все же не получитъ законнаго рѣшенія. „Теперь еще никому подлинно не извѣстно“, писалъ Гроссъ, „почему эти сенаторы, на которыхъ мы особенно полагались, сопротивляются королевскому намѣренію, хотя вообще приписываютъ этотъ поступокъ ихъ зависти: по примиреніи графа Брюля съ гетманомъ Браницкимъ, первый министръ, посредствомъ брака сына своего съ дочерью воеводы Кіевскаго, соединяется съ фамиліею Потоцкихъ“. Явилось и другое затрудненіе: курляндскій делегатъ Шеппингъ предложилъ герцогскую корону принцу Карлу; но курляндскіе оберъ-раты прислали въ Варшаву протестъ, что делегатъ поступилъ противъ своей инструкціи, предложивъ кандидата-католика, тогда какъ въ инструкціи ему прямо написано, чтобъ онъ требовалъ въ герцоги лютеранина. Дворъ не хотѣлъ принимать этого во вниманіе, утверждая, что нѣтъ никакого устава, который бы опредѣлялъ исповѣданіе Курляндскаго герцога. Наконецъ, въ полномъ собраніи сенатусъ-консиліума, Курляндское дѣло прошло согласно съ королевскимъ желаніемъ,—не подписались только семь членовъ.

Послѣ этого и Гроссъ былъ отозванъ изъ Варшавы и опредѣленъ членомъ Иностранной Коллегіи. На его мѣсто чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Польшу назначенъ генералъ-поручикъ Воейковъ, бывшій Рижскимъ вице-губернаторомъ. Но до своего отъѣзда, Гроссъ имѣлъ любопытный разговоръ съ княземъ Чарторыйскимъ, канцлеромъ Литовскимъ. Чарторыйскій спросилъ Гросса, доносилъ ли онъ императрицѣ о причинахъ, почему они противились рѣшенію Курляндскаго дѣла въ сенатусъ-консиліумѣ; Гроссъ отвѣчалъ, что доносилъ, но императрица не считаетъ этихъ причинъ достаточными. „Жаль“, сказалъ Чарторыйскій, „современемъ императрица отдастъ мнѣ справедливость, когда увидитъ, что по этому примѣру Польскіе короли впредь могутъ пытаться всѣ важныя дѣла вершить въ сенатѣ безъ сеймовъ, чѣмъ вся польская конституція извратится“. 28 декабря принцъ Карлъ торжественно получилъ отъ отца инвеституру на Курляндское герцогство [2]).

Изъ Константинополя Обрѣзковъ въ началѣ года доносилъ, что всѣ старанія англійскаго посла, Портера, заставить Порту объявить войну Россіи, и особенно Австріи оказываются безуспѣшными. Вообще Обрѣзковъ былъ очень доволенъ состояніемъ дѣлъ въ Турціи, хвалилъ кротость новаго султана, распорядительность великаго визиря Раибъ-паши, даже благонамѣренность хана Крымскаго, за которую совѣтовалъ Кіевскому губернатору посылать ему подарки по примѣру Астрахан-

[1]) Прассе у Германа V, 229, 230; Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 91.

[2]) Дѣла Польскія.

скаго губернатора. О французскомъ послѣ—Верженѣ—Обрѣзковъ писалъ, что онъ такъ усерденъ къ общимъ высокимъ интересамъ, какъ только можно ожидать отъ истиннаго союзника. Но съ половины года Обрѣзковъ сталъ доносить объ открывшемся вдругъ у султана воинскомъ духѣ и о значительныхъ военныхъ приготовленіяхъ въ придунайскихъ областяхъ. При этомъ посланникъ успокоивалъ императрицу: „Опасность не такъ велика", писалъ онъ: „судя по свойству здѣшняго правленія и войска, можно, безъ всякихъ чрезвычайныхъ издержекъ и не ослабляя мѣръ, принятыхъ противъ короля Прусскаго, въ одну, много въ двѣ кампаніи привести Порту въ совершенное раскаянія и посрамленіе". Послѣ того Обрѣзковъ доносилъ, что султанъ, дѣйствительно, хочетъ войны съ Россіею, но визирь и муфтій, главы мирной партіи, противятся войнѣ всѣми силами.

Если султанъ искалъ предлога къ войнѣ, то Россія не должна была подавать ему его, и 18 мая подписанъ былъ рескриптъ Иностранной Коллегіи: „1) какъ митрополиту Василію Петровичу, такъ и прочимъ Черногорцамъ вообще объявить, что усердіе ихъ народа къ нашей имперіи и желаніе вступить къ намъ въ подданство заслуживаетъ оному всегдашнее наше благоволеніе и милость; но что какъ теперь всякая формалита моглабъ быть огласкою—и весьма бѣдственною, по великой близости окружающихъ ихъ непріятелей и по толикому нашей имперіи отдаленію, то сіе дѣло оставляется до будущихъ лучшихъ временъ, а теперь они удовольствоваться имѣютъ увѣреніемъ непремѣннаго нашего благоволенія. 2) Въ удостовѣрительный знакъ того отправить съ ними ко всему Черногорскому народу листъ за подписаніемъ нашего вице-канцлера, по примѣру тѣхъ, каковые напредь сего за подписаніемъ канцлера графа Головкина отправляемы были; въ ономъ листу изобразить токмо въ генеральныхъ терминахъ, что мы, чрезъ пріѣхавшихъ сюда какъ митрополита и прочихъ, такъ и чрезъ нашихъ—полковника Пучкова и премьера-маіора Степана Петровича—съ удовольствіемъ увѣдомясь о усердіи Черногорскаго народа къ нашей имперіи, паче же о твердости къ Православной вѣрѣ, захотѣли о томъ засвидѣтельствовать наше благоволеніе и увѣрить, что милость наша къ нему всегда будетъ неотъемлема, на знакъ которой и посылается отъ насъ притомъ ко всему народу тысяча нашихъ золотыхъ портретовъ. 3) На знакъ нашей особливой милости повелѣваемъ дать сердарю Вукотичу да воеводѣ Пламенацу золотыя коронованія нашего медали въ 50 червонныхъ каждому, да воеводы Юрашковича сыну Петру такую-жъ золотую медаль въ 35 червонныхъ. 4) На исправленіе возвратнаго пути выдать всѣмъ имъ на раздѣлъ двѣ тысячи рублевъ. 5) Что до митрополита Петровича принадлежитъ, то ему особливо дать 1,000 рублевъ" [1]).

Митрополитъ просилъ, что, для учрежденія между Черногорцами добраго порядка и приведенія ихъ въ единогласіе, необходимо давать ежегодно до 15,000 рублей; сверхъ того, чтобъ кто-нибудь изъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ отправленъ былъ для пребыванія въ Черную Гору. На первое императрица согласилась; но на вторую просьбу данъ былъ отвѣтъ, что нынѣшнія обстоятельства не дозволяютъ этого. Даже полковникъ Пучковъ, находившійся въ Тріестѣ для принятія и препровожденія выходившихъ въ русскую службу Черногорцевъ, отозванъ былъ въ Россію, чтобъ не подать подозрѣнія Туркамъ; а Черногорцы дорогу уже узнали,—могутъ и сами отправляться въ Россію. Митрополитъ Петровичъ просилъ назначить жалованье опредѣленнымъ въ кадетскій корпусъ дѣтямъ черногорскихъ бояръ, чтобъ они могли держать при себѣ людей и на другія издержки. Въ корпусѣ оказалось 13 Черногорцевъ, и Сенатъ приказалъ выдавать каждому по 15 рублей въ годъ.

Но изъ этихъ молодыхъ Черногорцевъ десять человѣкъ явились въ Сенатъ, и двое изъ нихъ—Рафаилъ и Иванъ Петровичи—подали челобитную, что съ ними вмѣстѣ въ реестрѣ написаны Филиппъ Петровичъ да Петръ Радоничъ, которые этими фамиліями назвались напрасно: одинъ изъ нихъ—Филиппъ Шаровичъ, а не Петровичъ, другой—Петръ Станишичъ, а не Радоничъ. Шаровичъ—изъ турецкаго города Подгорицы, а Станишича фамилія не первенствующая, какъ Петровича, а посредственная; Филиппъ Шаровичъ имѣетъ на себѣ портретъ Петра Великаго ложно,—надобно изслѣдовать, какъ онъ могъ достаться ему, бывшему турецкому рабу и художнику; просили противъ Петра Станишича дать старшинство и достоинство какъ Петровичевой, такъ и Вукотичевой фамиліямъ. Сенатъ велѣлъ изслѣдовать дѣло Иностранной Коллегіи [2]).

Со взрослыми Черногорцами было еще больше хлопотъ. Сначала ихъ отправили на поселеніе въ Оренбургскую губернію; но тамъ имъ не понравилось, и ихъ надобно было переводить на Юго-Западную украйну. На дорогѣ, въ Москвѣ, они стали буянить: однажды собрались 2 капрала да 81 человѣкъ рядовыхъ и пришли къ квартирѣ поручика Косецкаго; одинъ капралъ вошелъ въ комнату поручика, скинулъ съ себя платье, бросилъ его и, вышедъ на дворъ, закричалъ командѣ. По этому крику всѣ Черногорцы хотѣли броситься въ комнату къ Косецкому, но были удержаны находившимися у него при денежной казнѣ караульными; потомъ всѣ, снявши съ себя казенныя аммуничныя вещи, побросали и закричали „въ великомъ десператствѣ": „Больше служить въ Россіи не хотимъ, пойдемъ въ свою Землю"! Сенатъ приказалъ: поступить съ ними по воинскимъ регуламъ, потому что имъ уже неоднократно за прежнія ихъ про-

[1]) Дѣла Турецкія и протоколы конференціи.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 3 іюля и 18 августа.

дерзости было спущено по ихъ новости, но они, не чувствуя этого, впадаютъ еще въ бо́льшія продерзости [1]).

Изъ поступка Черногорцевъ видно, что они были недовольны аммуничными вещами. Воронежская губернская канцелярія приняла сукна у тамошнихъ фабрикантовъ—Горденина, Пустовалова и Тулинова; сукна явились ниже указныхъ образцовъ и потому расцѣнены дешевле указныхъ цѣнъ. Главный Коммисаріатъ представилъ: сукна, которыя оцѣнены ниже указныхъ цѣнъ отъ 3 до 10 копѣекъ, отпустить въ армейскіе полки, а которыя дешевле отъ 10 до 27 копѣекъ,—тѣ отпустить въ гарнизонные полки; деньги же, оставшіяся отъ пониженія цѣны, раздать полковымъ служителямъ, которые будутъ носить сукна, или сдѣлать сокращеніе срока носки мундира. Сенатъ согласился, но велѣлъ сумму, равную той, которая останется по расцѣнкѣ, взыскать съ Воронежскаго губернатора, его товарища и секретаря [2]).

Что касается подвозки провіанта къ заграничной арміи изъ Россіи, то въ концѣ года купецъ Анисимъ Абросимовъ и компанія взялись поставить въ Кенигсбергъ и другія заграничныя мѣста муку и овесъ по 2,59 копѣекъ, а крупу—по 5 рублей; купецъ Ямщиковъ спустилъ съ крупы по 5 копѣекъ. Конференція согласилась дать эту цѣну. Купцы ставили провіантъ на своемъ страхѣ, на иностранныхъ и русскихъ, собственныхъ и наемныхъ мореходныхъ ластовыхъ судахъ.

Но кромѣ этого подвознаго изъ Россіи провіанта, на армію закупали провіантъ и фуражъ на мѣстѣ, слѣдовательно нужно было отправлять деньги на этотъ предметъ, равно какъ и на жалованье войску. Въ половинѣ года конференція объявила Сенату, что главнокомандующій, генералъ Ферморъ, по посланному къ нему кредитиву для негоцированія до милліона ефимковъ, ни въ Данцигѣ, ни въ Варшавѣ охотниковъ найти не могъ; варшавскій банкиръ Ріокуръ прямо объявилъ, что такой суммы ссудить не въ состояніи; данцигскій банкиръ Веринкъ предложилъ такія условія, на которыя безъ значительнаго ущерба казнѣ согласиться нельзя; а голландскіе банкиры Пельсы въ переводѣ полумилліонной суммы такъ медлятъ, что до сихъ поръ не больше 40,000 червонныхъ въ Данцигъ къ резиденту Мусину-Пушкину перевели. Генералъ Ферморъ опасается, чтобъ отъ недостатка въ деньгахъ не произошло остановки въ заготовленіи нужныхъ магазиновъ, а потому конференція рекомендуетъ Прав. Сенату вновь приложить всѣ старанія, чтобъ деньги были доставлены къ арміи. Сенатъ отвѣчалъ: 1) на жалованье войску требуемая сумма почти уже вся отправлена, осталось на весь годъ дослать только 149,172 рубля. 2) На провіантъ и фуражъ теперь вдругъ, до окончанія года, вся сумма доставлена къ арміи быть не можетъ, а скорѣйшее выписываніе въ Данцигъ червонцевъ и ефимковъ, по нынѣшнему упадшему курсу,—убыточно. Сенатъ разсуждаетъ: 1) По причинѣ упадшаго здѣсь вексельнаго курса взять заимообразно, изъ наличнаго колывано-воскресенскаго золота и серебра, золота 30 пудъ да серебра 200 пудъ, и для возстановленія курса секретно послать въ Голландію; за это золото и серебро готовыя монеты могутъ быть высланы въ Данцигъ скоро. 2) Взятые заимообразно въ 1757 году изъ Коммисаріата 529,162 рубля заплатить изъ контрибуціи, наложенной на покорившіяся Прусскія земли. 3) Нельзя ли изъ синодальнаго вѣдомства и новгородскаго архіерейскаго дома, за оставленіемъ тамъ знатной суммы, взять заимообразно 350,000 рублей. Оказалось, что можно,—и взяли: изъ Экономической канцеляріи—126,000, изъ московской синодальной конторы—34,000, изъ Московской типографской конторы—20,000 рублей, изъ новгородскаго архіерейскаго дома—170,000.

По извѣстному намъ предложенію графа Петра Шувалова, мѣдная монета передѣлана была въ болѣе легкую и развезено ея по городамъ на два милліона рублей. По предложенію того же Шувалова, учреждены въ Москвѣ и Петербургѣ банковыя конторы, подъ именемъ „банковыхъ конторъ вексельнаго производства, для обращенія внутри государства мѣдныхъ денегъ и содержанія въ нихъ баланса". Купцамъ, помѣщикамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ выдавались мѣдныя деньги на векселя на годовой срокъ по 6 процентовъ, а при пріемѣ платежа четвертую часть принимали мѣдными деньгами и три—серебряною монетою. Капиталисты какъ въ этотъ новый банкъ, такъ и во всѣ другіе отдавали деньги для приращенія процентами, причемъ банкъ на свои расходы и страхъ получалъ одинъ процентъ, а остальные проценты шли капиталисту. Отъ купцовъ въ банкъ принимались мѣдныя деньги, которыя въ домахъ хранить трудно и опасно; объявляемая сумма записывалась на особливой страницѣ въ главную банковую книгу въ приходъ, вкладчику давалась росписка, и когда случится, что этотъ купецъ будетъ отдавать деньги другому купцу, то оба купца шли въ банковую контору или посылали приказчиковъ съ банковою роспискою, данною первому купцу, и контора столько на его страницѣ въ расходъ пишетъ, сколько онъ другому купцу долженъ заплатить, а на остатокъ даетъ новую росписку; другой купецъ, если мѣдную монету принять не желаетъ, беретъ такую же приходную и расходную страницу въ банковой книгѣ; точно такъ-же дѣлалось, когда купецъ изъ казеннаго мѣста не желалъ принимать мѣдныхъ денегъ: ему давалась ассигнація на банковую контору.

При военныхъ издержкахъ требовались другіе расходы, на которые не знали откуда взять денегъ. Директоръ Дворянскаго банка донесъ, что по указу Сената велѣно выдать изъ конторы банка содержателю Италіанской комической оперы, Лока-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 23 декабря.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 15 іюня.

телли, на выписку изъ Италіи компаніи и на содержаніе ея 7,000 рублей; но теперь имѣется въ банковой конторѣ на лицо только 3,000 рублей. Сенатъ велѣлъ остальные 4,000 рублей выдать изъ конторы Купеческаго банка. Канцелярія отъ строеній просила на постройку Зимняго дворца 130,000 рублей, а Сенатъ велѣлъ отпустить 20,000 рубл.; Канцелярія представила, что этихъ 20,000, по множеству мастеровыхъ и рабочихъ, очень недостаточно, и если ихъ не удовлетворить, то произойдутъ просьбы и утружденіе ея императорскаго величества. Приказали: отпустить еще до 40,000 рубл. Но въ слѣдующемъ мѣсяцѣ фельдмаршалъ Бутурлинъ объявилъ, что императрица соизволила указать Правительствующему Сенату сыскать сумму на строеніе ея Зимняго дома по 120,000 рублей въ годъ. Не отказывались и отъ мысли вывести изъ монастырей инвалидовъ и дать имъ особое помѣщеніе, только не въ Москвѣ, какъ предлагалъ Шаховской. Сенату былъ объявленъ высочайшій указъ отъ 6 января, что, вмѣсто отсылки отставныхъ военныхъ въ монастыри на пропитаніе, для лучшаго ихъ за службы и раны содержанія сыскать въ Казани и близъ нея какое-нибудь каменное зданіе; а такъ какъ извѣстно ея величеству, что есть въ Казани старый каменный дворецъ, то его поправить; если же не годится, то и вновь построить каменный домъ и содержать отставныхъ въ такомъ порядкѣ, какъ въ европейскихъ государствахъ содержатъ, особенно примѣняясь какъ—въ Парижѣ; а сколько было положено въ монастыряхъ на ихъ содержаніе денежнаго и хлѣбнаго жалованья,—ту сумму отсылать въ новый инвалидный домъ. Но гдѣ было взять денегъ на постройку этого инвалиднаго дома? Нужно было потребовать ее также отъ Синода [1]).

Изъ экономическихъ синодальныхъ доходовъ взято было 10,600 рублей серебряною монетою на достройку начатой въ Могилевѣ каменной церкви, на прибавочное для архіерейскаго дома жалованье и на учрежденіе вновь и содержаніе семинаріи; кромѣ того, Могилевскому епископу ежегодно отпускалось жалованья по 500 рублей [2]). Этотъ епископъ, Георгій Конисскій, изъявлялъ свою благодарность императрицѣ въ такомъ письмѣ: „Благочестивѣйшая и христолюбивѣйшая императрица, великая Елисаветъ! всемилостивѣйшая государыня! Получивши отъ вашего императорскаго величества высочайшую милость пожалованіемъ денежной суммы на достроеніе церквы, на содержаніе семинаріи и мнѣ зъ людьми въ добавку годового жалованья, когда дерзаю всеподлѣйшимъ писмецемъ раболѣпное вашему императорскому величеству донести благодареніе, приходятъ мнѣ въ память слова старецъ капернаумскихъ, которіе Іисуса тощно молили за сотника нѣкоего, глаголя: яко достоинъ есть, еже аще даси ему, любитъ бо языкъ нашъ и сонмище той созда намъ. И были тіи сказанніи резони къ преклоненію Христа не бездѣйствительни, и пойде бо со старци тѣми и благодѣтельствова сотнику. О сколько-жъ несравненно болши резони имѣю къ преклоненію тогожде Христа Господа, что ваше императорское величество не язикъ человѣчь, но самого того Спаса и Благодателя возлюбивши, на совершеніе Ему храма и не единаго, молитвеннаго бо купно же и мисленного, всемилостивѣйше оную сумму пожаловали! Всеподданнѣйшій рабъ и подножіе епископъ Бѣлорусскій Георгій" [3]).

Несмотря на повторительныя требованія, Сенатъ не могъ добиться полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о приходѣ и расходѣ. Ревизіонъ-Коллегія представила отчетъ: съ 1730 по 1757 годъ счетовъ рѣшено 33,335; начетовъ положено взыскать 263,459 рублей, въ то число взыскано 63,086 рублей, осталось къ 1757 году невзысканными 200,372 рубля; изъ того числа оказалось къ сложенію 21,911 рублей; счетовъ неоконченныхъ 17,711; о приходѣ же и расходѣ, объ остаткѣ и доимкѣ доходовъ во всемъ государствѣ подробной генеральной табели въ Коллегіи не сочинено за неполученіемъ въ нее изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ вѣдомостей.

Въ заботахъ объ увеличеніи доходовъ, разумѣется, не могла быть оставлена безъ вниманія торговля. Графъ Петръ Шуваловъ подалъ въ Сенатъ предложеніе, что для вспоможенія коммерціи должно: 1) при Сенатѣ учрежденную коммисію о пошлинахъ отставить, а вмѣсто нея—2) учредить коммисію о коммерціи, куда опредѣлить людей, знающихъ дѣло. 3) Велѣть имъ разсуждать, какимъ образомъ русскую коммерцію распространить въ чужестранныя области, напримѣръ, на какомъ основаніи учредить конторы при главныхъ нашихъ портахъ, особенныя для каждаго товара; какъ раздѣлить русскихъ купцовъ компаніями; какъ ихъ привлечь къ произведенію дѣйствительнаго торга выпискою чрезъ конторы на свои имена изъ другихъ государствъ товаровъ; какія взять предосторожности отъ конторъ иностранныхъ и отъ ихъ коммисіонеровъ, чтобъ они подрыву въ торгахъ не дѣлали, и какъ пріохотить иностранное купечество, чтобъ болѣе торгу съ нами производило. 4) Разсмотрѣть все русское купечество; какъ иностранныхъ купцовъ перевесть для торгу къ Петербургскому порту, какъ изъ купеческихъ дѣтей посылать въ чужіе края для коммерческихъ дѣлъ и кредиту; разсмотрѣть фабрики наши,—какія нужны для государства и о заведеніи новыхъ; какъ посылать консуловъ въ иностранныя государства; какъ строить купцамъ корабли и ими пользоваться; казеннымъ товарамъ оставаться ли въ казенномъ содержаніи или быть въ вольной продажѣ. Когда коммерція попра-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 8 декабря, 1 и 18 іюля (по Секрет. Экспед.), 2 и 25 іюня, 24 сентября, 16 октября, 12 января.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 13 февраля.

[3]) Письмо отъ 2 августа находится въ Госуд. Архивѣ.

влена будетъ, тогда всю прибыль отдавать каждый годъ въ Коммисаріатъ для замѣны подушнаго сбора, ибо народъ есть главная сила государственная, и потому надобно желать, чтобъ народъ, положенный въ подушный окладъ, отъ сего платежа совсѣмъ былъ свободенъ.—Сенатъ согласился на учрежденіе коммисіи [1]).

Тверской магистратъ прислалъ въ Сенатъ любопытное донесеніе, указывающее на положеніе торговаго сословія въ городахъ: всѣ купцы въ Твери вообще обѣднѣли вслѣдствіе плохой торговли въ этомъ городѣ, великихъ пожаровъ, безпрестанныхъ черезъ Тверь проходовъ и проѣздовъ и всегдашнихъ тягостныхъ постоевъ. Президентъ магистрата, два бургомистра и ратманъ платятъ одинакія подати вмѣстѣ со всѣми другими купцами и, находясь въ долговременной магистратской службѣ, за несвободною по купечеству отлучкою, несутъ крайнія тягости, отчего торговлѣ ихъ происходитъ большой вредъ. Поэтому магистратъ просилъ, чтобъ велѣно было президента и другихъ членовъ выбирать черезъ три года, и чтобъ вновь избранныхъ къ присягѣ приводить въ Твери, не высылая въ Москву, въ Главный Магистратъ. Сенатъ согласился. Печальное состояніе дорогъ даже между двумя столицами, разумѣется, не могло содѣйствовать успѣхамъ торговли. Генералъ-прокуроръ объявилъ въ Сенатѣ, что почта изъ Москвы приходитъ дней въ 12 и 13 отъ неисправности дороги.

Тверской магистратъ жаловался на пожары. Генералъ-прокуроръ прочиталъ въ Сенатѣ письмо Ростовскаго митрополита Арсенія (Мацѣевича) о пожарѣ, бывшемъ въ Ростовѣ на 29 окрября: сгорѣлъ домъ архіерейскій, церкви, другихъ домовъ 65, магистратъ и лавки. Для утушенія пожара отъ воеводской канцеляріи и отъ магистрата не было приложено никакого старанія: не только не понуждали обывателей съ барабаннымъ боемъ, – ни одной трещотки не было. Въ домѣ архіерейскомъ, за неимѣніемъ денегъ, исправить сгорѣвшаго строенія нечѣмъ; да содержаніе архіерейскаго дома съ церквами положено только 2,014 рублей въ годъ, а въ канцелярію Синодальнаго Экономическаго правленія изъ дому его епаршескихъ и вотчинныхъ доходовъ платится 4,395 рублей, и потому нельзя ли оставить эти доходы въ его домѣ на 5 лѣтъ. Сенатъ согласился [2]).

Старый хозяйственный бытъ монастырей и архіерейскихъ домовъ, владѣніе населенными землями, очевидно клонилось къ паденію: сознаваемая необходимость устроить благотворительныя учрежденія на болѣе прочныхъ и правильныхъ основаніяхъ съ одной стороны, и недовольство, частыя возстанія монастырскихъ крестьянъ—съ другой—были явными признаками этого паденія. Съ 1748 года, тянулось дѣло о вятскихъ крестьянахъ, которые, называя себя черносошными, отписались отъ архіерейскаго дома и монастырей въ количествѣ 11,582 душъ. Слѣдователь рѣшилъ дѣло въ пользу духовенства, и Сенатъ съ нимъ согласился. Но Сенатъ не могъ исполнить требованія Синода въ другомъ случаѣ,—въ дѣлѣ объ извѣстномъ уже намъ возмущеніи крестьянъ Новоспасскаго монастыря. Сенатъ велѣлъ назначить слѣдственную коммисію, въ которой должно было засѣдать и духовное лицо. Синодъ утверждалъ, что никакой коммисіи не нужно, ибо назначалась коммисія отъ Синода по жалобамъ тѣхъ же крестьянъ, но они къ слѣдствію не явились и, мимо Синода, осмѣлились утруждать императрицу жалобами: нужно ихъ наказать безъ всякой коммисіи. Сенатъ отвѣчалъ, что слѣдственная коммисія—необходима, потому что безъ нея нельзя узнать, кто пущіе заводчики; а что крестьяне не пошли въ синодальную коммисію,—въ томъ ихъ обвинять не слѣдуетъ, ибо коммисія была учреждена въ Новоспасскомъ монастырѣ, а крестьяне жаловались на управителя монастырскаго. Крутицкій епископъ жаловался, что крестьяне бѣлевскаго Преображенскаго монастыря своевольничаютъ, оброковъ не платятъ, посельскаго монаха посадили въ воду, а бѣлевская канцелярія норовитъ имъ, и Бѣлевскій воевода изъ-за взятокъ освободилъ 14 человѣкъ безъ наказанія.

Естественно, должна была явиться мысль освободить государство отъ печальной необходимости укрощать крестьянскія возстанія и монастыри освободить отъ неприличной имъ обязанности управлять крестьянами. Финансовыя нужды должны были также поддерживать эту мысль. Еще 30 сентября 1757 года императрица приказала Сенату и Синоду подумать о томъ, чтобъ монастырскія вотчины отдать въ управленіе офицерамъ и ввести большую правильность въ распредѣленіи доходовъ; въ Синодъ по этому дѣлу сообщенъ былъ экстрактъ изъ протокола конференціи. Синодальный копистъ, Ивановъ, далъ копію съ этого экстракта конференціи синодальному крестьянину Сумотчикову, а тотъ далъ копію крестьянамъ Троицкаго-Сергіевскаго монастыря—Давыду и Сидору Кононовымъ, Ивану Дороѳееву, Никитѣ Иванову, Конону Петрову. Крестьяне стали разглашать, что всѣ монастырскія вотчины отписаны на государыню; ихъ перехватили, какъ лжеразглашателей, и Юстицъ-Коллегія произнесла строгій приговоръ. Но Сенатъ смягчилъ его: кописта Иванова бить плетьми и написать въ солдаты, а не ссылать на галеры, какъ приговорила Юстицъ-Контора, потому что Ивановъ копію съ экстракта списалъ не изъ взятокъ, но по одному знакомству, простотою, и не зналъ о намѣреніи Сумотчикова отдать ее троицкимъ крестьянамъ. Крестьянъ—Кононова съ товарищами—не казнить смертью, потому что они ни въ какихъ вымышленныхъ дѣлахъ и затѣяхъ не оказались, а поступали по данной имъ копіи съ экстрактомъ конференціи и по словесному объявленію Сумотчикова, чего они, какъ народъ простой и неграмотный, выразумѣть не могли; а за то, что они не дали

[1]) Журналы и протоколы Сената, 5 мая и 18 сентября.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 21 августа, 16 октября, 11 декабря.

знать о копіи своимъ властямъ и приводили свою братью въ непослушаніе,—наказать ихъ и Сумотчикова плетьми [1]).

Надзиратель надъ Вышневолоцкими каналами, Сердюковъ, жаловался на ямщиковъ, что они били въ набатъ и три раза приступали къ его дому: коммисія нашла, что виноватъ самъ Сердюковъ, который озлобилъ ямщиковъ тѣмъ, что самовольно билъ ихъ плетьми, тогда какъ долженъ былъ отсылать ихъ къ ихъ начальству, и потому онъ долженъ былъ заплатить штрафу 100 рублей на госпиталь. Въ Тамбовскомъ, Шацкомъ, Козловскомъ и другихъ уѣздахъ продолжались возстанія между крестьянами; они поднимались цѣлыми деревнями и семьями, и бѣжали, причемъ грабили помѣщиковъ. Дѣло не обходилось и безъ кровопролитныхъ схватокъ; пойманные показывали, что идутъ на рѣчку Ахтубу и въ Астрахань для поселенія къ казеннымъ виноградным садамъ и къ шелковому заводу, гдѣ ихъ принимаютъ поручики Паробичъ и Цыплетевъ и берутъ за это съ нихъ по два и по три рубля; на Ахтубѣ поселились до 3,000 человѣкъ съ женами и дѣтьми, да въ Астрахани до 2,000. Намѣстникъ Калмыцкаго ханства, Дундукъ-Даши, прислалъ жалобу на поселившихся у Царицына на шелковыхъ заводахъ, что они строятъ городъ и сильно обижаютъ издавна живущихъ тамъ Калмыковъ, грабятъ ихъ; Низовая Соляная Контора донесла, что пріемъ и укрывательство бѣглыхъ происходитъ отъ подъячаго саратовской воевоеводской канцеляріи, Щербакова.

Петръ Ив. Шуваловъ думалъ, что крестьянскія возстанія можно предупреждать соблюденіемъ нѣкоторыхъ предосторожностей. Онъ говорилъ въ Сенатѣ: „Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ влечетъ недовѣріе поселянъ относительно посылаемыхъ къ нимъ указовъ! Два примѣра, о которыхъ я здѣсь намѣренъ упомянуть, заставляютъ изыскивать средства къ сохраненію людей отъ жестокихъ наказаній и пролитія крови, тѣмъ болѣе-что крестьяне подвергаются этимъ наказаніямъ не по злонамѣренности своей, а по простотѣ: первый случай представляетъ дѣло о крестьянахъ Демидова: кровопролитное позорище было слѣдствіемъ недовѣрія крестьянъ къ указу, находившемуся въ рукахъ начальника команды. Второй случай: Починковская поташнаго правленія контора представила въ Сенатъ, что изъ тамошнихъ крестьянъ нѣкоторые, считая фальшивыми письменные сенатскіе указы, приказывали работникамъ, наряженнымъ на машинныя суда, строящіяся для возки соли, требовать печатнаго указа; а такъ какъ его имъ не объявлено, то изъ нихъ 333 человѣка, прибивши конвойнаго унтеръ-офицера, бѣжали съ тѣмъ, чтобъ убить до смерти судью и земскаго старосту—перваго за нарядъ въ работу, а другого—за послушаніе этому наряду, и, прибѣжавши въ Починки, избили старосту смертельно, за что, по усмиреніи, подверглись жестокому наказанію. Но наказаніе не можетъ на будущее время предотвратить такихъ вредныхъ приключеній, тогда какъ дѣло требуетъ немногаго, т.-е. вмѣсто письменнаго указа,—объявлять печатный и соблюдать нѣкоторыя другія предосторожности“. Сенатъ согласился [2]).

Составленіе новаго Уложенія продолжалось, хотя, по мнѣнію Сената, шло медленно. Сенатъ требовалъ отъ коммисіи сочиненія Уложенія, чтобъ остальныя части оканчивались какъ можно скорѣе, и для того члены коммисіи присутствовали бы постоянно въ указанные часы. Коммисія отвѣчала, что она опредѣлила неоконченныя главы III-й части сочинять немедленно, и надъ приказными людьми имѣть надзоръ и взысканіе стат. совѣтнику Юшкову; а четвертой части главы сочинять профессору Штрубе вмѣстѣ съ бургомистромъ Вихляевымъ, а до окончанія этихъ главъ членамъ коммисіи не для чего собираться ежедневно. Сенатъ, получивъ этотъ отвѣтъ, приказалъ: коммисіи прилагать крайнее стараніе объ окончаніи остальныхъ частей и главъ Уложенія, и членовъ ея къ тому неослабно понуждать.

Продолжалась и другая коммисія—объ однодворцахъ. У однодворцевъ были дворовые люди и крестьяне, и по межевой инструкціи велѣно было ихъ положить въ такой же окладъ, какой платятъ и сами однодворцы, и называть ихъ однодворческими половниками. Коммисія представила, что, по ея мнѣнію, надобно этихъ половниковъ отрѣшать отъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій и быть имъ подъ вѣдѣніемъ однодворческихъ управителей, кромѣ уголовныхъ дѣлъ. Сенатъ согласился [3]).

На Юго-Западной украйнѣ, въ Малороссіи, гетманъ, который не зналъ какъ вырваться изъ Глухова въ Петербургъ, упорно однако защищался отъ всякаго общеимперскаго установленія, какъ бы оно полезно ни было. Въ началѣ года онъ прислалъ въ Сенатъ жалобу, что Главный Магистратъ опредѣлилъ въ малороссійскіе города для словеснаго суда между купцами по два человѣка великороссійскихъ купцовъ, да въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Ромнѣ и Борзнѣ для протеста векселей опредѣленъ публичный нотаріусъ, тогда какъ онъ, гетманъ, уже просилъ, чтобъ этого не было. Навели справку, и оказалось, что въ 1754 году присланы были въ Сенатъ изъ кіевской губернской канцеляріи на разсмотрѣніе сочиненные въ ней пункты къ пользѣ общенародной: 1) чтобъ малороссійскимъ и великороссійскимъ купцамъ о долговыхъ деньгахъ имѣть судъ по вексельному уставу, а не такъ, какъ теперь у нихъ дѣлается, а именно,—малороссійскій купецъ возьметъ деньги и дастъ по ихъ называемый обликъ, и если на срокъ не отдастъ, то производятъ въ малороссійскихъ канцеляріяхъ письмен-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 8 апрѣля, 26 іюня, 7 іюля, 9 сентября, 9 октября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 19 и 20 марта, 5 августа.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 19 января и 22 мая.

ные суды, которые затягиваются, и купецъ, давши деньги, принужденъ лишиться торгу или отстать отъ дѣла. 2) Для словеснаго суда избрать купцовъ. Пункты эти отосланы были Сенатомъ въ Иностранную Коллегію, въ вѣдомствѣ которой находилась тогда Малороссія, а Коллегія послала ихъ къ гетману, съ просьбою доставить о нихъ свое мнѣніе, и гетманъ прислалъ такое мнѣніе, что въ Малороссіи суду и расправѣ во всѣхъ претензіяхъ надлежитъ быть по силѣ малороссійскихъ правъ въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ, и потому проситъ объ освобожденіи малороссійскихъ обывателей отъ новаго учрежденія. Сенатъ приказалъ: новое учрежденіе уничтожить, купцовъ и нотаріуса изъ Малой Россіи выслать. Но потомъ Сенату было представлено о необходимости введенія словесныхъ судовъ въ Малороссіи, и онъ послалъ объ этомъ грамоту къ гетману. Разсерженный гетманъ отвѣчалъ, что часъ-отъ-часу раждается ему бо̀льшая темнота и затрудненіе въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ; виною тому неточное истолкованіе постановленій о Малороссійскомъ народѣ, на которыхъ гетманъ Богданъ Хмельницкій приступилъ подъ Всероссійскую державу, ибо въ статьяхъ Хмельницкаго смѣшиваются пункты, утвержденные царемъ, съ пунктами, которые упоминались только въ разговорѣ между боярами и гетманскими посланцами, отчего происходятъ противорѣчія. Сенатъ въ свою очередь разсердился и отвѣчалъ: „Какая темнота и затрудненіе раждаются ему, гетману, въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ и какая происходитъ неточность въ истолкованіи постановленій о Малороссійскомъ народѣ—того Сенатъ изъ гетманскаго листа не усматриваетъ, да и самъ онъ, господинъ гетманъ, въ томъ своемъ листѣ ни малѣйшаго о томъ изъясненія не прописываетъ и не упоминаетъ, кромѣ одного дѣла о словесныхъ между купцами судахъ. Но одного этого дѣла въ темноту по всѣмъ малороссійскимъ дѣламъ вмѣнять и въ затрудненіе въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ и въ неточное истолкованіе постановленій о Малороссійскомъ народѣ почитать весьма не надлежитъ, ибо всѣ конфирмованныя отъ ея императорскаго величества о Малороссійскомъ народѣ постановленія безъ наималѣйшей отмѣны въ своей силѣ по всѣмъ дѣламъ содержаны быть должны. А помянутое дѣло къ отмѣнности постановленій о Малороссійскомъ народѣ нималѣйше не принадлежитъ, наипаче же къ затрудненію въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ не касается, потому что дѣло состоитъ токмо о словесныхъ между одного купечества судахъ, которому, по учрежденіи по границѣ таможенъ и производимой чрезъ оныя не однимъ малороссійскимъ, но и великороссійскимъ и иностраннымъ купечествомъ государственной коммерціи, необходимо быть слѣдуетъ, и когда всѣ вышеупомянутые какъ разговорные, такъ и письменные пункты, во 1) при грамотѣ къ гетману Богдану Хмельницкому посланы; 2) тѣ-жъ разговорные пункты, за подписаніемъ Петра Великаго, еще въ 1722 году прописаны и утверждены, равно съ того и въ 1754 году о индуктѣ въ докладъ ея императорскому величеству внесены и подписаніемъ ея императорскаго величества руки комфирмованы, то затѣмъ и Правительствующій Сенатъ оныхъ разговорныхъ пунктовъ недѣйствительными почесть не можетъ, колми паче ему, господину гетману, недѣйствительными оные представлять и о непріемѣ оныхъ за основаніе просить не надлежало, а наконецъ между разговорными и письменными пунктами противорѣчія никакого нѣтъ“.

Гетманъ получилъ отъ Сената и другую непріятную грамоту, потому что предписанное въ ней трудно было исполнить. Сенатъ приказывалъ, чтобъ изъ Запорожья всѣ бѣглые Великорусскіе люди были высланы, куда слѣдуетъ, въ самой крайней скорости, и впредь не принимались подъ штрафомъ, ибо Военная Коллегія донесла, что пойманные изъ бѣговъ три драгуна показали, что они жили въ Запорожьи и еще такихъ-же бѣглыхъ полковыхъ служителей тамъ знали [1]).

На Восточной украйнѣ русскіе промышленники, не испуганные башкирскимъ бунтомъ, продолжали разрабатывать естественныя богатства. Императрицѣ было доложено, что содержатель мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, Иванъ Твердышевъ съ товарищемъ своимъ, Иваномъ Мясниковымъ, первый началъ искать руды и строить заводы въ пустыхъ, дикихъ, дальнихъ мѣстахъ внутри самой Башкиріи; невзирая на страхъ отъ башкирскихъ волненій, доставилъ государству великую прибыль и превзошелъ всѣхъ прежнихъ заводчиковъ, особенно выплавкою мѣди; заплатилъ въ казну пропадавшія деньги за разоренный Башкирцами казенный Табынскій заводъ, и при заводахъ своихъ, для безопасности отъ непріятеля, построилъ крѣпости, снабдилъ ихъ оружіемъ и порохомъ, и все это сдѣлалъ собственнымъ иждивеніемъ, не требуя приписки крестьянъ, безъ которыхъ почти ни одинъ изъ прежнихъ заводчиковъ обойтись не могъ. Сенатъ за это представилъ его изъ податного состоянія прямо въ коллежскіе ассесоры [2]).

[1]) Журналы и протоколы Сената, 9 января, 2 іюня, 15 декабря.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 7 апрѣля.

Глава IV.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1759 годъ.

Вызовъ Фермора въ Петербургъ.—Планъ кампаніи.—Выступленіе Фермора съ зимнихъ квартиръ.—Замѣчаніе ему изъ конференціи.—Назначеніе Салтыкова главнокомандующимъ.—Битвы при Пальцигѣ и Кунерсдорфѣ.—Отчаянное положеніе Фридриха II.—Бездѣйствіе союзниковъ.—Замѣчанія Салтыкову изъ конференціи.—Жесткія объясненія между обоими императорскими Дворами.—Мирныя предложенія со стороны Англіи и Пруссіи.—Объясненія по этому поводу между союзными Дворами.—Отношенія Россіи къ Швеціи, Польшѣ и Турціи.—Внутреннія распоряженія правительства.—Недостатокъ въ людяхъ и слѣдствіе его.—Недостатокъ въ деньгахъ.—Промышленность.—Помѣщики и города.—Сельское народонаселеніе.—Украйны.

Годъ начался военными приготовленія. 12-го января отправленъ былъ изъ конференціи рескриптъ Фермору, чтобъ онъ на самое короткое время пріѣхалъ въ Петербургъ, „дабы вы могли“, говорилось въ рескриптѣ, „наши соизволенія ближе слышать и ваши объясненія лучше подавать“. Генералъ-маіоръ Панинъ (Петръ Ив.) просился изъ арміи въ Москву для устройства домашнихъ дѣлъ. По этому случаю императрица писала Фермору, что она съ удивленіемъ узнала о такой просьбѣ, „когда служба его весьма нужна, и когда онъ ее, по должности къ намъ и по любви къ своему отечеству, предпочтительно партикулярности показать долженъ“. Ферморъ долженъ былъ объявить Панину отказъ именемъ императрицы, и если впередъ кто-нибудь обратится съ подобною-же просьбою,—отказывать съ выговоромъ. Недостатокъ въ людяхъ заставилъ предписать Фермору приглашать прусскихъ подданныхъ ко вступленію въ русскую армію; Ферморъ писалъ, что Пруссаки едва-ли согласятся идти на такое жалованье, какимъ довольствуются Русскіе, но получилъ отвѣтъ: „Такъ какъ и малѣйшая въ содержаніи сихъ принимаемыхъ людей, противъ нашихъ подданныхъ, отмѣна въ пользу первыхъ, конечно, съ нашею къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ монаршею матернею милостію не сходствуетъ, то мы на сіе никакъ поступить не можемъ“. Служба въ русской арміи дѣйствительно не могла быть привлекательна для иностранцевъ, если обратимъ вниманіе на просьбу Фермора: „Находящіеся съ начала нынѣшней войны при заграничной арміи генералы, штабъ и оберъ-офицеры въ разсужденіи дальнихъ походовъ, великой дороговизны и потому, что многіе въ бывшую 14 августа баталію всего, а другіе части своихъ экипажей лишились, теперь въ такую скудость пришли, что не только себя по чинамъ своимъ вести, и достаточно пропитаться не въ состояніи, и крайнюю во всемъ нужду терпятъ, особенно субалтернъ-офицеры“. Ферморъ просилъ, чтобъ изъ наличной въ Кенигсбергѣ контрибуціонной суммы хотя за одну треть выдано было генераламъ и офицерамъ не въ зачетъ жалованье. Просьба была исполнена.

Въ Петербургѣ продолжали сердиться на Фермора за неприсылку вѣдомостей. Въ армію отправленъ былъ генералъ-поручикъ Костюринъ съ требованіемъ отъ Фермора наискорѣйшей присылки слѣдующихъ вѣдомостей: 1) О дѣйствительномъ состояніи на лицо людей во всѣхъ полкахъ и корпусахъ, „изъ которыхъ объ артиллерійскомъ и инженеромъ мы“, говорилось въ рескриптѣ, „къ особливому нашему удивленію, никогда не имѣемъ рапортовъ“. 2) О числѣ наличныхъ лошадей, годныхъ къ службѣ, также о подъемныхъ. 3) Объ оружіи, сколько въ послѣднемъ сраженіи потеряно, сколько при полкахъ на лицо, сколько изъ Россіи въ добавокъ прислать надобно. 4) О мундирѣ. 5) Самый краткій счетъ наличнымъ деньгамъ. 6) Самый краткій коммисаріатскій счетъ. 7) Расписаніе о производствѣ на упалыя мѣста, нѣсколько разъ требованное. 8) Вѣдомость, сколько людей въ отлучкахъ и какихъ. 9) О всѣхъ магазинахъ и какія при нихъ команды, о которыхъ идутъ удивительные слухи, что терпятъ крайнюю нужду, не получая жалованья. 10) О числѣ всѣхъ прусскихъ плѣнныхъ, и гдѣ они находятся,—„вѣдомость, ожидаемая съ нетерпѣніемъ“, говорилось въ рескриптѣ.

По возвращеніи Фермора изъ Петербурга къ арміи, ему предписывалось въ мартѣ мѣсяцѣ имѣть главное стараніе о томъ, чтобъ армію комплектовать и снабдѣвать, причемъ сдѣлано было любопытное замѣчаніе: „До насъ дошло, что войска наши, стоя въ Пруссіи на квартирахъ, не имѣютъ ни одной изъ тѣхъ выгодъ, которыми прусскія войска обыкновенно въ квартирахъ пользуются. Подлинно, рекомендовали мы вамъ содержать въ арміи нашей строжайшую дисциплину, а жителей до обидъ и разореній не допускать; но мы въ тожъ время не сумнѣвались, что войска наши въ завоеванной Землѣ, конечно, имѣютъ тѣ же выгоды, коими прусскія пользуются, ибо что единожды въ обычай введено, то жителямъ отнюдь тягостію считаться не можетъ: и для того повелѣваемъ вамъ всегда, когда наши войска въ непріятельской Землѣ на квартирахъ или въ гарнизонѣ стоять будутъ, поступать точно такимъ образомъ, какъ прусскія войска дѣлаютъ“. И опять пошли выговоры за неприсылку точныхъ вѣдомостей; напримѣръ, въ рескриптѣ отъ 11 марта говорилось: „Изъ поданной

ками о числѣ ружья вѣдомости усматриваемъ мы съ великимъ сожалѣніемъ, что недостаетъ, особливо утраченнаго весьма много. Вы не изъясняете притомъ, по наличнымъ ли людямъ этотъ недостатокъ; и такъ какъ мы боимся, что и на наличное число людей ружья недостанетъ, то повелѣваемъ вамъ единожды прислать точный и ясный рапортъ,—насколько именно ружья и прочихъ муниціонныхъ вещей недостаетъ, чтобъ мы могли, смотря по тому, принимать наши мѣры".

Кенигсбергскій губернаторъ Корфъ обязанъ былъ доставлять отдѣльнымъ отрядамъ арміи все нужное, особенно провіантъ, фуражъ и подводы; но Корфъ писалъ въ Петербургъ, что, несмотря на его собственныя напоминанія, ни одинъ изъ командующихъ дивизіями и бригадами генераловъ не увѣдомляетъ его ни о движеніяхъ полковъ, ни о мѣстѣ ихъ пребыванія, такъ что онъ, наконецъ, не знаетъ, куда что̀ отправлять.

Планъ кампаніи, сочиненный въ присутствіи Фермора въ Петербургѣ, состоялъ въ томъ, чтобъ вся русская армія, разумѣя полки по двухбаталіонному числу, была готова къ походу еще до исхода апрѣля мѣсяца стараго стиля. Хотя въ началѣ мая трудно надѣяться хорошаго корму въ полѣ, однако тѣмъ не менѣе армія должна въ это время оставить зимнія квартиры и двигаться къ Познани, гдѣ, въ половинѣ или къ 20 числу мая, должно находиться уже значительное войско, именно не меньше 60,000, а съ офицерами, артиллеристами, инженерами и казаками—не менѣе 90,000. Эта армія не должна брать съ собою ни одного больного или слабаго, которые всѣ остаются при рѣкѣ Вислѣ для охраненія магазиновъ и для собственнаго ихъ поправленія, такъ чтобъ къ половинѣ лѣта нечувствительно собрать тамъ армію до 40,000 человѣкъ. Отъ Познани армія идетъ прямо къ саксонскимъ границамъ и до самой рѣки Одера. Гдѣ-бъ ни находилась армія императрицы-королевы,—вездѣ вступленіе русской арміи въ Силезію должно быть самымъ тяжелымъ ударомъ для короля Прусскаго. Ферморъ выступилъ изъ зимнихъ квартиръ и перешелъ Вислу 20-го апрѣля, и только 10 іюня достигъ Познани; 16 числа получены извѣстія о вступленіи прусскаго войска въ Польскія владѣнія, а 19 Ферморъ сдалъ главное начальство надъ арміею.

И, по возвращеніи его изъ Петербурга, не прерывались непріятныя объясненія между нимъ и конференціею, мнѣнія и требованія которой присылались въ видѣ рескриптовъ императрицы. Конференція не понимала изъ донесеній главнокомандующаго, на что онъ дѣлаетъ такіе большіе запасы провіанта и куда тратитъ такія огромныя суммы денегъ. „Вы приказали", говорилось въ рескриптѣ Фермору, „заготовить 70,000 четвертей хлѣба въ Познани; это число превосходитъ то, которое здѣсь, въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ вами полагалось достаточнымъ на всю кампанію; для чего же дѣлаются еще громадные запасы на Вислѣ, когда хлѣбъ идетъ моремъ изъ Россіи? Мы не видимъ изъ вашей вѣдомости, по какому контракту и за какой провіантъ надобно доплатить Жиду Боруху 56,000 рублей. Сколько мы до сихъ поръ видимъ, вся покупка идетъ на однихъ подрядахъ; но мы не можемъ себѣ вообразить, чтобъ подрядный хлѣбъ еще свозить надобно было. А когда далѣе мы стали разсматривать вашу вѣдомость, то пришли еще въ большее удивленіе: въ ней полагается на задатки по контрактамъ за покупной вновь и приготовленный прежде хлѣбъ и на перевозъ изъ Кенигсберга и Пиллау водою, по крайней мѣрѣ, 600,000 рублей. Не видимъ мы, за какой хлѣбъ и за какое его число назначается такая громадная сумма. Выходитъ, что мы за одинъ провозъ нашего хлѣба черезъ непріятельскую Землю должны заплатить тысячъ двѣсти; выходитъ, что мы Пруссію получили къ истощенію нашей казны и къ обогащенію Пруссаковъ! Повелѣваемъ: никакихъ на рѣкѣ Вислѣ вновь приготовленій и покупокъ провіанта не дѣлать, а полагаться твердо на привозимый изъ Россіи, и потомъ сдѣлать распоряженія, чтобъ привозъ получаемаго изъ Россіи хлѣба былъ прусскимъ жителямъ не разорителенъ, да и намъ не очень тягостенъ. Изъ вашей вѣдомости видно, что 27 января было на лицо 1.312,863 рубля, а теперь и съ везущимися изъ Кенигсберга остается только 276,281 рубль. Послѣ готоваго провіанта надобно было бы думать, что такое множество денегъ издержано на покупку лошадей и полкового исправленія; однако усматривается, что бо̀льшая часть денегъ употреблена въ платежъ кенигсбергскимъ купцамъ, да неизвѣстно кому другому за подрядный провіантъ, а именно—453,305 рублей. Если во время пребыванія въ непріятельской Землѣ, при подвозимомъ изъ Россіи хлѣбѣ, пропитаніе становится такъ дорого, а напротивъ того, по исчисленіи, цѣлая нынѣшняя кампанія и походъ чрезъ нейтральныя земли должны стать такъ дешево, то не можемъ не требовать объясненія какъ этому, такъ и тому, куда употреблено въ прошломъ году безъ малаго 4 милліона по одному провіантскому правленію, тѣмъ болѣе что въ 1757 году изошло съ небольшимъ только два милліона, хотя армія числомъ была почти вдвое и почти все время находилась въ нейтральныхъ земляхъ, и главнѣйшія издержки употреблены были на походъ конницы и легкихъ войскъ изъ Украйны чрезъ всю Польшу, да на заготовленіе магазиновъ, отъ которыхъ еще теперь видимъ значительные остатки".

Главнокомандующій оправдывался, что на привозимый изъ Россіи хлѣбъ не разсчитывалъ, потому что онъ придетъ въ Пиллау въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, и надобно его будетъ перегружать на суда, которыя Фришгафомъ ходятъ; въ Эльбингѣ опять надобно перегружать на плоскодонныя суда, которыя противъ теченія ходятъ, и потому, при всѣхъ стараніяхъ, магазиновъ, находящихся при Вислѣ, особенно Торнскаго, скоро наполнить нельзя,

ибо прежде шести недѣль въ Торнъ хлѣбъ не придетъ. Притомъ цѣна хлѣбу на Вислѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ такъ низка, что и съ провозомъ въ магазины дешевле петербургскаго подряда становится, если только въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ покупка на готовыя деньги упущена не будетъ. Изъ 4 милліоновъ рублей большими суммами расходовано въ Петербургѣ и Ригѣ оберъ-кригсъ-комисаромъ на формированіе третьихъ батальоновъ и отправленіе за арміею разныхъ припасовъ.

Но еще до полученія этихъ объясненій, 8 мая состоялся Фермору рескриптъ: „Заблагоразсудя нашего генерала, графа Салтыкова (Петра Семеновича) отправить къ находящейся за-границею нынѣ подъ командою вашею нашей арміи, вамъ чрезъ сіе о томъ знать восхотѣли съ тѣмъ, что какъ помянутый графъ Салтыковъ предъ вами старшинство имѣетъ, то натурально ему и главную команду надъ всею арміею принять надлежитъ, и потому вы имѣете оную ему сдать. Но притомъ мы твердо увѣрены, что вы тѣмъ не меньше службу вашу продолжать, особливо же помянутому генералу графу Салтыкову всѣ нужныя объясненія подать и въ прочемъ во всемъ ему дѣломъ и совѣтомъ вспомоществовать крайне стараться будете [1]“. Ферморъ отвѣчалъ: „Видя вашего императорскаго величества всемилостивѣйшее продолженіе материнскаго милосердія и довѣренность къ послѣднему рабу своему, не токмо себѣ сіе за обиду не почитаю, но, припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, рабское мое благодареніе приношу“ [2]). Въ учрежденной Ферморомъ провіантской походной канцеляріи членами были—генералъ-маіоръ Дицъ, бригадиръ Хомутовъ и полковникъ Масловъ: теперь Дицъ и Хомутовъ были отставлены и управленіе канцеляріею поручено генералъ-поручику князю Александру Меншикову, при которомъ изъ прежнихъ членовъ остался полковникъ Масловъ. Меншикову было наказано, чтобъ армія всегда имѣла съ собою продовольствія на мѣсяцъ; находясь въ непріятельской Землѣ, получала бы пропитанія съ нея выписываніемъ порцій, рацій и контрибуціи; если-бъ этого оказывалось недостаточно, то покупать въ сосѣдней Польшѣ, давая сверхъ обыкновенной цѣны по рублю и до двухъ рублей, только бы продавцы сами доставляли хлѣбъ. Солдаты не должны быть затрудняемы на походѣ печеніемъ хлѣба и сушеніемъ сухарей: для этого, взявши маршруты и вѣдомость о лежащихъ на дорогѣ мѣстечкахъ и деревняхъ, тотчасъ напередъ послать въ тѣ мѣста нарочныхъ офицеровъ съ прописаніемъ, гдѣ къ которому числу сколько хлѣба должно быть перепечено обывателями, чтобъ солдаты не только готовый хлѣбъ получали, но и съ собою до другого мѣста готовымъ брать могли [3]).

Перемѣна Фермора была неожиданная; не ожидали и такого назначенія ему преемника. Ферморъ почему-то славился искусствомъ военнымъ; Петръ Семеновичъ Салтыковъ—ничѣмъ не славился. По родственнымъ связямъ своимъ съ императрицею Анною и правительницею Анною Леопольдовною, онъ не могъ быть пріятенъ новому правительству, и потому былъ удаленъ изъ Петербурга для командованія украинскими ландмилицкими полками. Иностранцы и свои отзывались о немъ одинаково, что это предобрый, обходительный, ласковый человѣкъ, но простой солдатъ, никогда не командовавшій въ дѣйствующей арміи. Вотъ впечатлѣніе, произведенное Салтыковымъ въ Кенигсбергѣ и записанное очевидцемъ: „Старичекъ сѣденькій, маленькій, простенькій, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собою болѣе двухъ или трехъ человѣкъ. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпіямъ въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и, по всему видимому, ничего не значащему старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи и предводительствовать ей противъ такого короля, который удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, проворствомъ и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущею курочкою, и никто и мыслить того не отваживался, чтобъ могъ онъ учинить что-нибудь важное“ [4]). Новый главнокомандующій, по прибытіи своемъ къ арміи въ Познань, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ положено было искать непріятеля, выжить его изъ Польши и направляться къ Одеру. Это рѣшеніе было исполнено—и легкія русскія войска начали уже схватываться съ Пруссаками. Изъ Петербурга писали Салтыкову, что очень довольны его мужественнымъ и похвальнымъ намѣреніемъ. Прусская армія была подъ начальствомъ генерала Веделя, который долженъ былъ помѣшать соединенію русской арміи съ австрійскимъ корпусомъ генерала Лаудона. 12 іюля русская армія встрѣтилась съ прусскою при деревняхъ Пальцигѣ и Кай, недалеко отъ Одера, на бранденбургскихъ границахъ. „Непріятель“, какъ говорится въ донесеніи Салтыкова, „поворотясь вдругъ своимъ лѣвымъ крыломъ, на правое наше устремился, и пушечная пальба нанжесточайшимъ образомъ началась, которая безпрерывно болѣе часа продолжалась. Непріятель, между тѣмъ, сближась въ обыкновенную свою дистанцію, изъ мелкаго ружья пальбу началъ и напотважнѣйше на правое крыло наступалъ, но съ такою храбростію и мужествомъ встрѣченъ, что по насильнѣйшемъ съ обѣихъ сторонъ огнѣ назадъ отбитъ. Однако, имѣя онъ съ своей стороны во многихъ мѣстахъ удобные перелѣски, перемѣняясь новыми людьми, вновь насильнѣйшія атаки дѣлалъ, и тако, по троекратномъ праваго крыла атакованіи, но всегда съ равною жъ храбростью и мужествомъ отбитіи, старался кавалеріею

[1]) Прусскія военныя дѣла 1759 года.

[2]) Письмо въ Государ. Архивѣ.

[3]) Прусскія военныя дѣла

[4]) Прассе, у Германа V, 232.—Записки Болотова.

между Сибирскимъ и Пермскимъ, весьма много уже претерпѣвшими, однако ни пяди своего мѣста неуступившими полками, ворваться, и въ учинившихся отъ побитыхъ и раненыхъ интервалахъ прошедъ къ второй линіи, генераломъ-поручикомъ Деминику съ его высочества и Кіевскимъ кирасирскими полками, которые между линіями въ резервѣ стояли, тотчасъ прогнанъ, и тотъ интервалъ Низовскимъ пѣхотнымъ полкомъ заступленъ. Отъ которой непріятельской кавалеріи отдѣлясь, нѣсколько эскадроновъ устремились на первый гренадерскій полкъ, но скоро артиллеріею отбиты и прогнаны. Непріятель, не получа по симъ троекратнымъ на правомъ крылѣ толь злобнымъ атакамъ никакой удачи, къ лѣвому флангу устремился, гдѣ такожде двоекратно наиотчаяннѣйшимъ образомъ атаковалъ, а часть кавалеріи его къ деревнѣ Никенъ маршировала съ тѣмъ, чтобъ сквозь оную въ лѣвый флангъ арміи ворваться; но генералъ-маіоръ Тотлебенъ, который, услыша сильную пушечную пальбу, отъ обозу къ арміи уже прибылъ и у лѣваго фланга остановился, увидя непріятельское намѣреніе, оную деревню зажегъ, и тѣмъ его замыслъ уничтожилъ. Такимъ предупрежденіемъ, жесточайшимъ дѣйствіемъ новоинвентованныхъ разнаго рода орудіевъ и шуваловскихъ гаубицъ, проворствомъ всѣхъ артиллерійскихъ, такожъ храбростью солдатъ оный совсѣмъ въ бѣгство приведенъ; наши легкія войска его преслѣдовали, но наступившая вскорѣ ночь имъ въ ожиданномъ успѣхѣ препятствовала. Такимъ образомъ, гордый непріятель по пятичасной наижесточайшей баталіи совершенно разбитъ, прогнанъ и побѣжденъ. Ревность, храбрость и мужество всего генералитета и неустрашимаго воинства, особливо послушаніе онаго довольно описать не могу, однимъ словомъ,—похвальный и безпримѣрный поступокъ солдатства всѣхъ чужестранныхъ волонтеровъ въ удивленіе привелъ. Съ нашей стороны убитъ генералъ-поручикъ Деминику, штабъ-офицеровъ —2, капитановъ—2, субалтернъ-офицеровъ—11, нижнихъ чиновъ—878. Ранено—1 генералъ-поручикъ, 1 бригадиръ, 4 полковника, 4 подполковника, 6 маіоровъ, 35 ротмистровъ и капитановъ, субалтернъ-офицеровъ 101, нижнихъ чиновъ - 3,744. Непріятельскихъ тѣлъ погребено 4,228; въ полонъ взято 605 человѣкъ, въ которомъ числѣ одинъ полковникъ и 15 оберъ-офицеровъ, но бо̀льшая часть оныхъ ранена; дезертировъ пришло 1,406. Пушекъ отнято 14, знаменъ - 4, штандартовъ - 3; ружей собрано на мѣстѣ баталіи 2,222" [1]). „Побѣда сія", говоритъ современникъ, „произвела многія и разныя по себѣ послѣдствія, изъ которыхъ нѣкоторыя были для насъ въ особливости выгодны. Изъ сихъ наиглавнѣйшимъ было то, что всѣ войска наши симъ одолѣніемъ непріятеля ободрились и стали получать болѣе на старичка, своего предводителя, надежды, который имѣлъ счастіе съ самаго уже начала пріѣзда своего солдатамъ полюбиться; а теперь полюбили они его еще болѣе, да и у всѣхъ насъ сдѣлался онъ уже въ лучшемъ уваженіи" [2])

16 іюля Салтыковъ перешелъ съ арміею подъ Кроссенъ, и 18 писалъ императрицѣ: „Въ арміи все обстоитъ благополучно, только повозки портятся, да подъемныя и артиллерійскія лошади съ мѣста почти нейдутъ, а князь Меншиковъ, живучи въ Познани, доставленіемъ провіанта очень медлитъ и время въ однѣхъ только излишнихъ перепискахъ напрасно теряетъ, не желая подвергнуть себя моей командѣ; когда-бъ онъ съ провіантскимъ правленіемъ отправился къ арміи, то, будучи при ней, успѣшнѣе бы велъ дѣла по порученной ему коммисіи, чѣмъ оставаясь въ Познани, ибо зналъ бы всѣ обстоятельства, и потому предписывалъ бы своимъ подчиненнымъ только объ исполненіи приказаній, тѣмъ болѣе что провіантъ уже былъ заготовленъ въ Познани до его пріѣзда туда".

По прибытіи русской арміи къ Кроссену, на другой день, т.-е. 18 числа, Салтыковъ получилъ письмо отъ австрійскаго генерала Лаудона изъ Ротенбурга отъ 17 числа (ст. ст.). Лаудонъ писалъ, что онъ отправленъ главнокомандующимъ графомъ Дауномъ съ 20,000 войска къ Одеру и будетъ идти вмѣстѣ съ русскою арміею, что выступитъ изъ Ротенбурга 19 числа и черезъ четыре марша прибудетъ къ Одеру. 21 числа Салтыковъ выступилъ съ арміею въ походъ и, въ деревнѣ Карченъ, получилъ письмо отъ австрійскаго генерала Гаддика, что Прусскій король выступилъ изъ Сагана и идетъ очень скоро, на ночь придетъ въ Боберсбергъ, лежащій въ одной милѣ разстоянія отъ Кроссена: поэтому Гаддикъ просилъ Салтыкова навести понтоны черезъ Одеръ, противъ Фюрстенберга, чтобъ Австрійцы могли переправить свою пѣхоту, а конница, благодаря засухѣ, можетъ перейти въ бродъ. Салтыковъ отвѣчалъ, что мосты будутъ наведены ночью, и Австрійцы 22 числа могутъ переправляться. Но когда русская армія пришла въ деревню Ауеръ, то къ Салтыкову явился Лаудонъ съ большою свитою и объявилъ, что Фридрихъ II-й со всѣмъ войскомъ пошелъ назадъ противъ графа Дауна, и генералъ Гаддикъ повернулъ для соединенія съ нимъ же, а онъ, Лаудонъ, съ 20,000 войска остался, потому что соединеніе его съ арміею графа Дауна очень трудно. Послѣ этого извѣщенія, Лаудонъ, именемъ Дауна, началъ требовать у Салтыкова отправленія 30,000 пѣхоты на помощь графу Дауну. „Безъ особливаго указа", отвѣчалъ Салтыковъ, „я не могу исполнить вашего требованія, потому что въ постановленномъ операціонномъ планѣ ничего объ этомъ не говорится, и предписывается обѣимъ императорскимъ арміямъ соединиться на рѣкѣ Одерѣ и соединенными силами наступать на непріятеля; сверхъ того, лошади въ такомъ дурномъ состояніи, что безъ отдохновенія въ походъ выступить никакъ нельзя". Тогда Лаудонъ спросилъ, какимъ образомъ онъ будетъ полу-

[1]) Прусскія военныя дѣла.

[2]) Записки Болотова.

чать провіантъ и фуражъ, и объявилъ, что графъ Даунъ приказалъ ему взять съ Франкфурта милліонъ талеровъ контрибуціи и раздѣлить эти деньги пополамъ съ русскою арміею. „У насъ провіанта и фуража недостаточно“, отвѣчалъ на это Салтыковъ, „и городъ Франкфуртъ занятъ однимъ русскимъ войскомъ, слѣдовательно ни тѣмъ, ни другимъ съ вами подѣлиться не могу“. Этимъ разговоръ и кончился.

23 іюля Салтыковъ пріѣхалъ въ Франкфуртъ; его встрѣтилъ занявшій этотъ городъ генералъ Вильбуа, съ городскими ключами, и объявилъ, что австрійскій корпусъ стоитъ лагеремъ въ полумилѣ. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ австрійскій офицеръ съ просьбою, чтобъ его товарищамъ позволено было бывать въ городѣ для закупки нужныхъ вещей, и вмѣстѣ требовалъ на трое сутокъ 90,000 раціоновъ. Салтыковъ отвѣчалъ, чтобъ онъ завтра пріѣзжалъ опять и подалъ ему рапортъ о числѣ и состояніи австрійскаго войска, а о прочемъ, что ему надобно, представилъ бы письменно. „Я намѣренъ“, писалъ Салтыковъ императрицѣ, „послать генералъ-поручика графа Румянцева къ Берлину для взятія денежной контрибуціи, лошадей, быковъ и провіанта, ибо наши лошади и быки отъ жаровъ и песчаной дороги пришли въ крайнее истощеніе; бо́льшая часть повозокъ требуютъ починки, да и по артиллеріи послѣ сраженія безъ исправленій обойтись нельзя; провіанта при арміи очень уменьшилось, а князь Меншиковъ не присылаетъ. Поэтому я принужденъ, укрѣпясь въ здѣшнемъ выгодномъ лагерѣ, исправлять свои нужды и дожидаться, какой успѣхъ получитъ надъ непріятелемъ графъ Даунъ, дабы потомъ, исправя недостатки и отдохнувъ съ арміею, надлежащія мѣры къ произведенію дальнѣйшихъ военныхъ операцій принять могъ; а теперь въ дальній походъ идти не осмѣливаюсь тѣмъ болѣе, чтобъ арміи вашего величества какимъ непріятнымъ слѣдствіямъ не подвергнуть и пріобрѣтенную побѣдоноснымъ вашего императорскаго величества оружіемъ славу не помрачить“.

Въ Петербургѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, велѣно было сдѣлать графу Эстергази слѣдующее сообщеніе: „Главное содержаніе операціоннаго плана состоитъ въ томъ, чтобъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ быть въ Силезіи, и для того обѣимъ императорскимъ арміямъ сближаться къ рѣкѣ Одеру. Поэтому мы приказали нашему генералу перейти и самую рѣку Одеръ, если-бъ наша армія пришла туда ранѣе и переходомъ своимъ чрезъ рѣку Одеръ могла содѣйствовать сближенію обѣихъ армій. Мало того: мы предписали и въ такомъ случаѣ, если-бъ графъ Даунъ не въ состояніи былъ ни къ Кроналату, ни къ Кроссену приблизиться, и король Прусскій пресѣкалъ всякое сообщеніе,—непріятелю дѣлать сильную диверсію и болѣе такихъ мѣстъ держаться, гдѣ бы, при удобномъ случаѣ, можно было соединиться съ графомъ Дауномъ. Для доказательства искренности нашихъ намѣреній, эти рѣшенія наши были сообщены графу Эстергази запискою отъ 19 іюня, и мы не сомнѣвались, что знаніе ихъ будетъ служить графу Дауну побужденіемъ съ такимъ же усердіемъ исполнять условленный планъ, съ какимъ мы его исполнили. Но, къ крайнему для общаго дѣла сожалѣнію, произошло совершенно противное. Едва графъ Даунъ узналъ, что прусская армія вступила въ Польшу и приближается къ Познани,—тотчасъ усумнился, чтобъ планъ былъ исполненъ съ нашей стороны, и далъ знать, что хотя онъ былъ готовъ идти на короля Прусскаго, но это извѣстіе его остановило, тогда какъ это извѣстіе и должно было его побудить занять вниманіе Прусскаго короля, чтобъ наша армія въ Польшѣ имѣла меньше остановокъ и могла скорѣе подойти къ рѣкѣ Одеру. Когда наша армія преодолѣла всѣ препятствія въ Польшѣ, выгнавъ оттуда непріятельскую армію, наконецъ, разбивъ ее, пришла въ назначенное время къ рѣкѣ Одеру и тѣмъ сдѣлала то, что король Прусскій, оставляя графу Дауну свободныя руки, со всѣми почти силами обратился противъ нашей арміи, то графъ Даунъ, вмѣсто того, чтобъ сейчасъ же подкрѣпить наши операціи, повидимому, разсудилъ, что насталъ случай нашей арміи исполнить данное ей повелѣніе соединиться съ нимъ, и прислалъ графа Лаудона съ представленіемъ, чтобъ наша армія, покинувъ свои обозы, послала къ нему на помощь 30,000 пѣхоты въ такое время, когда, по увѣдомленіямъ генераловъ—Гаддика и Лаудона, Прусскій король съ крайнею поспѣшностію идетъ напасть на нашу армію“.

Вмѣстѣ съ копіею этой записки отправленъ былъ къ Салтыкову рескриптъ: „Вы такое хорошее и благоразумное намѣреніе приняли остаться въ выгодномъ при Франкфуртѣ положеніи, дать войскамъ нашимъ отдохновеніе, поправлять упряжки, съ непріятельской Земли собирать все нужное для нашей арміи, а притомъ и быть въ готовности къ храброму принятію непріятеля,—что, по справедливости, ничего лучше придумано быть не можетъ, и условленный планъ больше чѣмъ исполненъ, ибо отъ Познани выступили вы въ означенное время, несмотря на то, что для прогнанія васъ и оттуда приходила такая армія, о которой при сочиненіи плана и думано быть не могло; къ рѣкѣ Одеру пришли вы на срокъ, но побѣдя сперва непріятельскую армію и принудя чрезъ то короля Прусскаго почти всѣ свои силы противъ васъ обратить, а графу Дауну свободныя руки оставить. Пожалуй, вы могли бы еще сдѣлать одно—дойти до австрійской арміи и съ нею вмѣстѣ побѣдить на-голову короля Прусскаго, какъ въ австрійскомъ лагерѣ и была истолкована записка, данная Эстергази въ іюнѣ; но въ этой запискѣ не сказано, чтобъ между тѣмъ австрійской арміи ничего не дѣлать. Впрочемъ, объяснимъ вамъ наши мнѣнія: 1) Если графъ Даунъ подвинулся къ вамъ ближе или сдѣлалъ что-нибудь важное и полезное, такъ-что ваше содѣйствіе могло-бы ускорить рѣшеніе дѣла и увеличить уже пріобрѣтенныя выгоды, причемъ ар-

мія наша никакой излишней и видимой опасности не подвергалась бы, то, конечно, вы не упустите случая сдѣлать еще значительнѣе услугу нашу предъ страждущею отъ войны Европою и болѣе важными и обязательными дружбу и благодѣянія наши—предъ союзниками, ибо хотя настоящій ихъ поступокъ обнаруживаетъ въ нихъ сильный эгоизмъ и къ намъ неискренность,—однако мы сами подверглись бы справедливому нареканію, если-бъ, безвременно за это отплачивая, пропустили удобный случай окончить войну. 2) Если же дѣла графа Дауна съ королемъ Прусскимъ остаются нерѣшенными, или король Прусскій одержалъ надъ нимъ нѣкоторыя выгоды, то можете распоряжаться такъ, чтобъ наша армія не подверглась опасности. 3) Если-бъ, дѣйствительно, король Прусскій обратился противъ графа Дауна, то вамъ надобно дѣйствовать съ крайнею осторожностію, помня, что графъ Даунъ искусенъ выбирать себѣ неприступныя мѣста, а король Прусскій чрезвычайно проворенъ быстрые походы дѣлать. Вы должны дѣйствовать очень осторожно, хотя бы Прусскій король и не оставлялъ противъ васъ большого войска; въ случаѣ перехода за рѣку Одеръ, вы не должны удаляться отъ нея болѣе трехъ переходовъ, и если бы король Прусскій оставилъ противъ васъ небольшой корпусъ, то очень хорошо было бы вамъ на него напасть и разбить; но, разбивши, вы должны опять на эту сторону рѣки возвратиться. 4) А въ случаѣ, если-бъ король Прусскій, обратясь противъ графа Дауна, оставилъ противъ васъ значительный корпусъ, то вамъ слѣдуетъ прежде всего стараться о сохраненіи пріобрѣтенныхъ выгодъ, и какъ бы графъ Даунъ ни домогался присылки къ нему помощи или сильнѣйшаго съ вашей стороны дѣйствія, — вы прямо можете ему отвѣчать, что когда вамъ надобно было въ точности исполнить планъ, то въ этомъ никакія трудности вамъ воспрепятствовать не могли; но теперь, имѣя противъ себя знатную армію, вы не можете рѣшиться дать битву, выигравъ которую,—уже поздно ею пользоваться, а проигравъ,—надобно будетъ все потерять. — Вы не можете себѣ вообразить, какъ мы довольны всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ вами сдѣлано, особенно вашею твердостію въ отвѣтѣ на нескладные запросы съ австрійской стороны".

„Король Прусскій чрезвычайно проворенъ быстрые походы дѣлать", говорилось въ рескриптѣ, и Фридрихъ II спѣшилъ оправдать такое мнѣніе о немъ петербургской конференціи. *Скоропостижный* король рѣшилъ не допускать непріятельскихъ армій до соединенія и для того напасть на русское войско и разбить его: Цорндорфская битва подавала ему надежду исполнить это съ полнымъ успѣхомъ,—онъ надѣялся *уничтожить* русское войско. 1-го августа напалъ онъ на Салтыкова, расположившаго свое войско на возвышенностяхъ подлѣ деревни Кунерсдорфа. Русскій главнокомандующій такъ описывалъ битву въ своихъ донесеніяхъ.

„Русская армія была расположена на возвышенностяхъ, простирая свое правое крыло почти къ самой рѣкѣ Одеру, а лѣвое, мимо деревни Кунерсдорфъ, до того мѣста, гдѣ возвышенія и лѣсъ оканчиваются и, черезъ небольшой ручей, начинаются пашни и луга. Правое крыло составляли—первая дивизія, подъ командою генерала Фермора, и полки авангарднаго корпуса, подъ командою генералъ-поручика Вильбуа. Вторая дивизія, подъ командою генералъ-поручика графа Румянцева, составляла центръ арміи, а на лѣвомъ крылѣ поставленъ былъ новоформированный корпусъ, подъ командою генералъ-поручика князя Голицына. Австрійскій корпусъ, подъ командою генералъ-поручика графа Лаудона, поставленъ былъ позади праваго крыла. Пополуночи въ третьемъ часу непріятель въ маршъ вступилъ и, обходя лѣвое, совсѣмъ подался къ правому крылу и безпрестаннымъ маневрированіемъ показывалъ видъ армію вашего величества со всѣхъ сторонъ атаковать. Въ 9 часовъ, предъ полуднемъ, усмотрѣно, что онъ на горѣ противъ лѣваго фланга двѣ большія батареи устраиваетъ, подъ прикрытіемъ которыхъ нѣкоторое число кавалеріи и пѣхоты въ имѣвшуюся у лѣваго крыла лощину ввелъ. Въ 10-мъ часу непріятель подошелъ къ лѣсу, лѣвымъ своимъ предъ правымъ крыломъ нашей арміи въ ордеръ-баталіи строиться сталъ. Я, усмотря, что онъ правое крыло, которое по положенію мѣста такой сильной дефензіи, какъ наше лѣвое, не имѣло, атаковать намѣревается, для воспрепятствованія ему въ томъ графу Тотлебену велѣлъ имѣвшійся чрезъ болото большой мостъ зажечь. Непріятель, увидя себѣ пресѣченный такимъ образомъ путь и затрудненный переходъ, вдругъ совсѣмъ, кромѣ небольшой части кавалеріи, которая исподоволь за нимъ слѣдовала, къ нашему лѣвому крылу поворотилъ, и такъ, въ половинѣ 12 часа, при жестокой пушечной пальбѣ, на лѣвое крыло, во флангъ устремясь, наступать сталъ. Стоявшіе между тѣмъ въ началѣ 1 часа въ лощинѣ прусскіе полки, выходя, подъ пушки нашихъ батарей подошли и вдругъ во флангъ на гренадерскій формированнаго корпуса полкъ атаку колоннами повели, гдѣ, хотя съ нашей стороны сильнымъ образомъ и встрѣчены, но, по недолгомъ сопротивленіи, умножаясь непріятель новыми силами, гренадерскій полкъ съ мѣста сбилъ, въ кое время командующій симъ корпусомъ, генералъ-поручикъ князь Голицынъ, тотчасъ мушкатерскимъ того-жъ корпуса третьему и пятому полкамъ новую линію противъ непріятеля сдѣлать велѣлъ, а потомъ четвертому и первому то-жъ учинить приказано; но подновляемый непріятель свѣжими полками оныхъ сбилъ и двумя батареями завладѣлъ, да и, сдѣлавъ изъ всей своей арміи колонну, устремился со всею силою сквозь армію вашего величества до самой рѣки продраться, оставляя первую линію къ лѣвой рукѣ, и, такимъ образомъ наступая, со всѣхъ его батарей прежестокая пальба бомбами и ядрами изъ 200 пу-

шекъ производилась, такъ-что мѣста почти не было, гдѣ бъ пушки не вредили, отчего многіе у насъ ящики съ зарядами подорваны и у пушекъ лафеты повреждены. Но какъ скоро только я непріятельскій успѣхъ и толь сильное устремленіе усмотрѣлъ, то немедленно генералъ-поручику Панину приказалъ новыми полками колеблющіеся подкрѣпить, и оный, взявъ изъ второй линіи второй дивизіи, при бригадирѣ графѣ Брюсѣ, второй гренадерскій полкъ, а австрійскій генералъ-поручикъ графъ Компителли гренадерскихъ германскихъ полковъ роты на подкрѣпленіе подвели, а потомъ имъ же, генераломъ Панинымъ, Бѣлозерскій и Нижегородскій полки, ибо болѣе двухъ между ретраншементомъ, куда непріятельское главное стремленіе шло, установить было не можно. За сими Санктпетербургскій и Новгородскій подведены-жъ, которые наижесточайшій огонь претерпѣли и непріятеля въ успѣхахъ нѣсколько поостановили, а австрійскія гренадерскія роты подкрѣпляемы были того-жъ корпуса Лаудонскимъ и Баденъ-Баденскимъ полками, которые вблизости находились. Въ самое сіе время непріятельская кавалерія въ ретраншементъ вошла, которая нашею, подъ предводительствомъ генералъ-поручика графа Румянцева, и австрійскою, подъ командою генерала-поручика барона Лаудона, опровергнута и прогнана, а вслѣдъ затѣмъ генералъ-поручикъ князь Любомирскій съ Псковскимъ, Апшеронскимъ и Вологодскимъ полками, да генералъ-маіоръ князь Волконскій—съ первымъ гренадерскимъ и Азовскимъ—привели и пѣхоту непріятельскую нѣсколько въ замѣшаніе. Чтобъ сіе поправить, непріятель попытку сдѣлалъ провести свою колонну позади нашей второй линіи для отрѣзанія подкрѣпляющихъ полковъ: только идущій на сикурсованіе генералъ-маіоръ Бергъ съ бригадиромъ Дерфельдомъ, а при нихъ полкъ первой дивизіи второй линіи Сибирскій и баталіонъ Низовскаго поставлены противъ непріятельской колонны, которую они изъ единороговъ и шуваловскихъ гаубицъ, а стоящіе на пригоркѣ австрійскіе полки пушками съ батарей встрѣтя, врознь разбили и разсѣяли. Но до пятаго часа побѣда еще весьма сумнительна была; потомъ подведены генераломъ-поручикомъ Вильбуа и генералъ-маіоромъ княземъ Долгоруковымъ изъ авангарда Воронежскій и Нарвскій полки; за ними вдругое генералъ-маіоромъ Бергомъ второй Московскій полкъ, одна рота Низовскаго да Казанскій полкъ; съ вторымъ Московскимъ генералъ-маіоръ Бергъ непріятелю во флангъ ударилъ и, соединясь съ генераломъ-поручикомъ Вильбуа, уже ретироваться начавшаго непріятеля изъ ретраншемента выбили, батареи наши освободили, на которыхъ нѣсколько пушекъ уже непріятелемъ заклепаны были, и даже до лощины провожали, гдѣ, по королевскому повелѣнію, подполковникъ Лейбъ-Кирасирскаго полку фонъ-Бидербе съ двумя эскадронами на Московскій и Нарвскій полки ударилъ, точію Чугуевскими казаками разбитъ, а подполковникъ раненъ и плѣненъ. Тогда непріятельская армія въ совершенное бѣгство обратилась, и генералъ-поручикъ Лаудонъ—съ своею и съ нашею кавалеріею и бригадиръ Стояновъ съ своимъ полкомъ съ лѣвой, а генералъ-маіоръ Тотлебенъ съ прочими легкими войсками съ правой стороны непріятеля преслѣдовать стали, и тако сія въ полъ 12 часовъ начавшаяся и невступно до 7 часовъ продолжавшаяся жестокая и кровопролитная баталія совершеннымъ разбитіемъ и прогнаніемъ непріятеля кончилась". Русскіе потеряли убитыми 2,614 человѣкъ; раненыхъ было 10,863; непріятельскихъ тѣлъ похоронено на мѣстѣ 7,627; взято въ плѣнъ 4,542 человѣка, да 2,055 дезертировъ. Австрійскій корпусъ Лаудона потерялъ 389 человѣка убитыми, раненыхъ въ немъ было 1,398. Побѣдители взяли 28 знаменъ и 172 пушки [1]).

Фридрихъ II, который намѣревался уничтожить русское войско и, въ минуту успѣха на лѣвомъ крылѣ, уже послалъ въ Берлинъ гонца съ вѣстью о побѣдѣ,—Фридрихъ II едва спасся отъ смерти или плѣна, и этимъ спасеніемъ былъ обязанъ ротмистру Притвицу, который съ 40 гусарами успѣлъ отвезти его невредимымъ съ поля сраженія. Фридрихъ въ такихъ словахъ увѣдомилъ графа Финкенштейна о положеніи дѣлъ: „Наши потери очень значительны; отъ арміи въ 48,000 человѣкъ у меня въ эту минуту не остается и 3,000. Все бѣжитъ, и у меня нѣтъ больше власти надъ войскомъ. Въ Берлинѣ хорошо сдѣлаютъ, если подумаютъ о своей безопасности. Жестокое несчастіе: я его не переживу. Послѣдствія битвы будутъ хуже, чѣмъ сама битва: у меня нѣтъ больше никакихъ средствъ, и, сказать правду, считаю все потеряннымъ. Я не переживу погибели моего отечества. Прощай навсегда" [2]).

Фридрихъ, *на время своей тяжкой болѣзни*, сдалъ начальство надъ войскомъ генералу Финку, съ инструкціей: такъ какъ несчастная армія не въ состояніи биться съ Русскими, то пусть, по крайней мѣрѣ, нападетъ на Лаудона, если тотъ пойдетъ на Берлинъ [3]).

Елисавета, получивши въ Петергофѣ извѣстіе о „преславной" побѣдѣ, одержанной надъ самимъ Прусскимъ королемъ, поспѣшила въ Петербургъ, гдѣ въ церкви Зимняго дворца отправленъ былъ молебенъ, при пальбѣ изо всѣхъ пушекъ вкругъ крѣпости и адмиралтейства. Салтыковъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы; Фермору и Броуну даны земли въ Лифляндіи; князь Голицынъ произведенъ въ полные генералы, Волконскій—въ генералъ-поручики; другіе генералъ-поручики, въ томъ числѣ и Румянцевъ, получили орденъ Александра Невскаго; Панину и Лаудону даны шпаги, украшенныя брильянтами.

Марія-Терезія прислала Салтыкову брильянтовый перстень, табакерку, осыпанную брильянтами, и 5,000 червонныхъ; Фермору—перстень и 4,000

[1]) Прусскія военныя дѣла.
[2]) Oeuvres de Frédéric XXV, 306.
[3]) Oeuvres de Frédéric XXVII.

червонныхъ; графу Румянцеву—2,000, Вильбуа—столько же; Панину—1,500; генералъ-квартирмейстеру Штофелю—1,000.

5 августа русская армія перешла Одеръ по двумъ мостамъ, устроеннымъ близъ Франкфурта.

11 числа Салтыковъ ѣздилъ въ городъ Губенъ, для свиданія съ графомъ Дауномъ. Австрійскій фельдмаршалъ началъ разговоръ тѣмъ, что теперь русской арміи надобно отдохнуть, австрійской—работать: поэтому русская армія должна остаться нѣсколько времени подлѣ Франкфурта, а потомъ вмѣстѣ съ австрійскою идти въ Силезію. Салтыковъ согласился остаться подъ Франкфуртомъ недѣли двѣ или дней съ десять, смотря по тому, на сколько времени достанетъ фуражу. Въ фуражѣ скоро оказался недостатокъ, и Салтыковъ послалъ сказать Дауну, что принужденъ двинуться къ Мильрозену, а оттуда далѣе—къ Губену, для полученія провіанта и фуража изъ находившагося тамъ австрійскаго магазина, а между тѣмъ неугодно ли будетъ графу Дауну соединенными силами напасть на разбитаго Прусскаго короля. По прибытіи къ Рогенвальду, не доѣзжая версты три до Мильрозена, Салтыковъ послалъ опять къ Дауну съ тѣмъ же предложеніемъ, прибавивъ, что если русско-австрійская армія разобьетъ короля Прусскаго, то получитъ возможность идти, куда захочетъ—къ Берлину, въ Саксонію или въ Силезію на принца Генриха, и тѣмъ ускоритъ окончаніе войны; а онъ, Салтыковъ, оставя Франкфуртъ и не находя при Мильрозенѣ фуража, принужденъ будетъ идти къ Либрозену и этимъ удаленіемъ отъ рѣки Одера потерять сообщеніе съ Пруссіею, Познанью и рѣкою Вислою. Салтыковъ, дѣйствительно, двинулся къ Либрозену и расположился при немъ лагеремъ, когда получилъ извѣстіе, что Фридрихъ II, оправившись духомъ и собравшись съ силами, отошелъ отъ Фюрстенвальде и расположился по той сторонѣ рѣки Шпре, принудивъ австрійскіе форпосты перейти на эту сторону рѣки; съ другой стороны, изъ Губена отъ австрійскаго генерала получено было извѣстіе, что непріятель—въ Сорау. Салтыковъ понялъ изъ этого, что непріятель хочетъ напасть на русскую армію съ двухъ сторонъ—съ одной стороны самъ король, а съ другой — принцъ Генрихъ, и потому послалъ спросить Дауна, какія мѣры онъ принимаетъ; Салтыковъ находился въ большомъ безпокойствѣ насчетъ того, что Даунъ, какъ было видно, не хотѣлъ давать сраженія принцу Генриху. 20 августа австрійскій генералъ Гаддикъ, находившійся при русскомъ войскѣ съ своимъ отрядомъ, далъ знать Салтыкову, что непріятель, маршируя близъ его лагеря, перестрѣливается съ его людьми. Салтыковъ тотчасъ поѣхалъ туда со всѣмъ генералитетомъ и засталъ непріятеля, идущаго подъ прикрытіемъ конницы; русскіе и австрійскіе гусары съ Чугуевскими казаками безпокоили его до самыхъ сумерекъ, но до значительнаго дѣла не дошло. На другой день, въ третьемъ часу утра, Даунъ прислалъ сказать Салтыкову, что когда Прусскій король повернетъ въ Саксонію, то русская армія двинулась бы къ Либену, чтобъ удержать его шесть или семь дней отъ вступленія въ Саксонію; онъ, Даунъ, въ это время пойдетъ навстрѣчу къ принцу Генриху и дастъ ему битву, а не допуститъ соединиться съ королемъ. Салтыковъ отвѣчалъ, что за королемъ къ Либену не пойдетъ, ибо отдаленіемъ отъ Одера не хочетъ подвергнуть армію опасности быть отрѣзанною отъ сообщенія съ Познанью, откуда ожидается не только провіантъ, но значительная денежная сумма, нѣсколько полковъ, лошади и артиллерія; если же Прусскій король пойдетъ на Котбусъ, то русское войско станетъ препятствовать ему соединиться съ принцемъ Генрихомъ. 25 числа пріѣхалъ къ Салтыкову отъ Дауна генералъ Буковъ опять съ требованіемъ, чтобъ русская армія шла къ Пейцу для воспрепятствованія королю отправить войско въ Саксонію. Салтыковъ отвѣчалъ прежнее, что не пойдетъ къ Пейцу, чтобъ не потерять сообщеній съ Польшею и Пруссіею. „Непріятель," продолжалъ Салтыковъ, „уже занялъ мѣсто около Пейца, такъ развѣ мнѣ его атаковать и оттуда выгнать; на это я отважиться не хочу, ибо и безъ того ввѣренная мнѣ армія довольно сдержала непріятеля и не мало претерпѣла; теперь надобно бы намъ покой дать, а вамъ работать, потому что вы почти все лѣто пропустили безплодно". „Да", отвѣчалъ Буковъ, „благодаря вамъ, у насъ три мѣсяца руки были связаны", давая этимъ знать, что русская армія двигалась очень медленно. „Правда", возразилъ Салтыковъ, „насъ можно попрекать за то, что мы непріятеля изъ Польши выгнали, разбили его и на положенный планомъ срокъ пришли къ рѣкѣ Одеру. Умалчивая о второмъ пораженіи непріятеля, мы этимъ однимъ столько сдѣлали, что весь безпристрастный свѣтъ намъ хвалу приписать долженъ; однако я объ этомъ долѣе не распространяюсь, и, возвратясь къ главной матеріи, объявляю, что мнѣ долго здѣсь пробыть нельзя,—фуражу нѣтъ; буду стоять сколько можно, а потомъ пойду къ Губену и расположусь между рѣками Нейсомъ и Бобромъ, гдѣ еще фуражъ есть".

Между тѣмъ, 18 августа, написанъ былъ въ конференціи указъ Салтыкову: 1) графу Дауну представить, чтобъ онъ принца Генриха удалилъ отъ центра настоящихъ операцій и привелъ въ бездѣйствіе, къ чему онъ имѣетъ множество способовъ. 2) Отвлекши принца Генриха въ Верхнюю Силезію и удерживая его тамъ корпусомъ генерала Гарша, графъ Даунъ самъ отъ Лузаціи перерѣзалъ бы Силезію, завладѣлъ бы сперва Лигницомъ и Глогау, а потомъ старался бы взять и Швейдницъ, и тѣмъ принца Генриха навсегда отрѣзать отъ короля и заключить въ Верхней Силезіи. 3) Представить ему, что въ такомъ случаѣ онъ, графъ Салтыковъ, вмѣстѣ съ корпусами генераловъ Гаддика и Лаудона будетъ дѣйствовать противъ короля въ Бранденбургѣ, чтобъ отрѣзать его въ этой области точно такъ же, какъ принцъ Генрихъ

будетъ отрѣзанъ въ Силезіи. 4) Если графъ Даунъ все это исполнитъ, то графъ Салтыковъ, конечно, останется тамъ на зимнія квартиры, а именно: имѣя Глогау центромъ, а Кроссенъ впереди или на правомъ флангѣ, и распространяясь между рѣками Одеромъ и Бобромъ. 5) Если же графъ Даунъ этого не исполнитъ, то всѣ полученныя отъ побѣды выгоды уйдутъ изъ рукъ, и хотя бы мы на будущую кампанію могли собрать вдвое бо̀льшую армію и быть вдвое бо̀льшими побѣдителями, то всѣ эти побѣды послужатъ только къ истребленію рода человѣческаго и къ продолженію войны, потому что наша армія, при всѣхъ своихъ побѣдахъ, по отдаленію отъ своихъ границъ и магазиновъ, одна сама собою не можетъ утвердиться въ непріятельской Землѣ, и графу Дауну, по всей справедливости, должно, по крайней мѣрѣ, приготовить ей спокойныя и безопасныя квартиры; и какъ ни печально было бы графу Салтыкову не воспользоваться такими выгодами и не распространять своихъ побѣдъ далѣе или остановить операціи въ такое время, когда оставалось почти только покончить войну, и, по крайней мѣрѣ, положить тому прочное основаніе, однако онъ найдется принужденнымъ отступить къ такимъ мѣстамъ, гдѣ армія могла бы найти необходимое по такихъ трудахъ отдохновеніе.

3 сентября Салтыковъ отправилъ къ Дауну генералъ-поручика графа Румянцева—объявить ему, что русская армія терпитъ крайній недостатокъ въ фуражѣ, и потому пойдетъ отъ Либроза чрезъ Губенъ на Зоммерфельдъ, Христіанштадтъ и Фрейштадтъ, держась по близости рѣки Одера и Глогау, въ надеждѣ, что въ тѣхъ краяхъ, гдѣ еще значительнаго войска не бывало, можно найти достаточное количество фуража; но такъ какъ, въ исполненіе воли императрицы, надобно зимнія квартиры занять въ Силезіи, а не овладѣвъ ни одною крѣпостью, арміи въ непріятельской Землѣ расположить нельзя, то требовать отъ австрійскаго фельдмаршала вспомогательнаго корпуса, отъ 10 до 12,000 человѣкъ, осадной артиллеріи и обнадеживанія, что въ провіантѣ и фуражѣ недостатка не будетъ. Румянцевъ возвратился съ обѣщаніемъ, что всѣ эти требованія будутъ исполнены, и засталъ Салтыкова уже у Губена. Вспомогательный корпусъ, дѣйствительно, былъ присланъ; но когда русская армія подошла къ Христіанштадту, то, вмѣсто обѣщанныхъ 20,000 центнеровъ муки, въ магазинѣ этого города найдено было только 600 центнеровъ. Въ то же время получено было извѣстіе, что Фридрихъ II идетъ на соединеніе съ принцемъ Генрихомъ, а графъ Даунъ, вмѣсто того, чтобъ не допускать этого соединенія, или, допустивши, преслѣдовать прусскую армію; чтобъ поставить ее между двумя огнями, принялъ намѣреніе идти къ рѣкѣ Эльбѣ, въ Саксонію. Видя, что, чрезъ это удаленіе австрійской арміи, нѣтъ никакой возможности получить спокойныя зимнія квартиры въ Силезіи, Салтыковъ рѣшился перейти Одеръ.

Но оказалось, что Фридрихъ II съ принцемъ Генрихомъ не соединился, и Даунъ въ Саксонію не пошелъ, а сталъ преслѣдовать принца Генриха; несмотря на то, Салтыковъ доносилъ, что такъ какъ время позднее, да и трудно брать крѣпость Глогау, и такъ какъ въ непріятельской арміи считается еще до 30,000 человѣкъ, то онъ, Салтыковъ, переправляется черезъ Одеръ, и если Лаудонъ перейдетъ съ нимъ туда же, то останется въ Силезіи до 4 октября, а если Лаудонъ отъ русской арміи, отойдетъ, то послѣдняя и скорѣе станетъ отступать къ рѣкѣ Вислѣ. Тогда, 28 сентября, въ конференціи составленъ былъ такой рескриптъ къ Салтыкову: „Такъ какъ армія ваша, и кромѣ вспомогательнаго австрійскаго корпуса, сильно превосходитъ королевскую, то не скроемъ отъ васъ, что мы не ожидали такого рѣшенія, какое вы приняли. Правда, вы имѣете важное основаніе—недостатокъ хлѣба; но мы не можемъ не замѣтить, что и это основаніе становится очень слабымъ, ибо тотчасъ послѣ Франкфуртскаго сраженія этотъ же предлогъ предъявлялся, чтобъ держать нашу армію въ бездѣйствіи, и однакожь она пробыла въ тѣхъ мѣстахъ больше мѣсяца. Правда, что Лаудонъ взялъ на себя доставлять пропитаніе нашей арміи,—и не доставилъ; но, по крайней мѣрѣ, слѣдовало вамъ нѣсколько разсмотрѣть, было ли къ тому время и способы, а не требовать, чтобъ завтра же непремѣнно было исполнено то, о чемъ согласились сегодня, ибо этимъ легко можетъ возбудиться подозрѣніе, что ищутъ однихъ только предлоговъ, а мы вамъ не разъ объявляли, что искренностью хотимъ превосходить и убѣждать нашихъ союзниковъ, хотя-бъ они предъ нами нѣсколько и виноваты были. Подозрѣніе можетъ усилиться, ибо когда Лаудонъ 600,000 имперскихъ гульденовъ получилъ и съ ними для закупки провіанта въ Польшу послать хотѣлъ, требуя только отъ васъ позволенія командировать туда нѣсколько полковъ, то вы очень лаконически ему въ этомъ отказали, и точно такъ же лаконически отписали къ графу Дауну, такъ-что послѣдній, конечно, найдется къ большомъ затрудненіи, оставлять ли ему при васъ генерала Лаудона съ корпусомъ или къ себѣ взять, ибо вы относительно этого ему ничего не написали. Не скроемъ отъ васъ и того, что мы, къ сожалѣнію нашему, примѣчаемъ нѣкоторую внутреннюю холодность между вами и графомъ Дауномъ, которую, конечно, въ самомъ началѣ надобно было бы истреблять, а не усиливать. Было отъ насъ вамъ предписано—не подвергать напрасно нашу армію видимой опасности; но это предписаніе нельзя относить ко всѣмъ случаямъ. Вамъ даны и другія предписанія также общаго характера, но болѣе приложимыя къ настоящимъ обстоятельствамъ. Напримѣръ, вамъ сказано, что хотя и должно заботиться о сбереженіи нашей арміи, однако худая та бережливость, когда приходится вести войну нѣсколько лѣтъ вмѣсто того, чтобъ окончить ее въ одну кампанію, однимъ ударомъ. По-

томъ дано вамъ точное повелѣніе стараться объ уменьшеніи силъ короля Прусскаго и не упускать изъ рукъ такого случая, гдѣ можно заслугу нашу предъ всею Европою сдѣлать знаменитою и совершенною. Такимъ образомъ, и теперь мы надѣемся, что если вы, дѣйствительно, останетесь въ Силезіи до 4 октября, а король Прусскій далеко отъ брата своего и вблизи васъ находиться будетъ, и генералъ Лаудонъ отъ васъ не отдѣлится, слѣдовательно у васъ будетъ превосходное число людей и артиллеріи, то, конечно, вы приложите всѣ старанія напасть на короля и разбить его". Рескриптъ оканчивался приказаніемъ расположиться на зимнія квартиры около Познани и отступать къ Вислѣ только въ крайнемъ случаѣ, когда дѣла Дауна пойдутъ очень дурно, и Лаудонъ оставитъ русское войско.

Между тѣмъ Салтыковъ отъ 29 сентября переслалъ въ Петербургъ копію съ письма Лаудона, изъ котораго было видно, что маневрами Салтыкова король такъ сдержанъ въ Силезіи, что, опасаясь за Бреславль и Верхнюю Силезію, не можетъ отдѣлить отъ своей арміи ни одного отряда на помощь принцу Генриху, а это было очень полезно общему дѣлу, ибо давало графу Дауну возможность дѣйствовать. Но Лаудонъ въ письмѣ своемъ высказывалъ также мнѣніе, что русской арміи надобно остаться въ Силезіи до конца октября по новому стилю. „На это", писалъ Салтыковъ въ Петербургъ, „я никакъ не могу согласиться. Русская армія слишкомъ много сдѣлала для союзниковъ; отрицать этого никто не можетъ, и никто не можетъ отъ нея требовать бо́льшаго въ такое позднее годовое время. Конечно, пребываніе русской арміи въ Силезіи до конца октября доставило бы ту пользу, что Прусскій король не успѣлъ бы нынѣшнимъ годомъ продраться въ Богемію, и графъ Даунъ утвердился бы въ Саксоніи; но можетъ ли эта польза пересилить вредъ, который наносили русской арміи долгимъ изнурительнымъ пребываніемъ ея въ Силезіи, гдѣ она не имѣетъ магазиновъ для своего пропитанія, гдѣ она ежедневно должна вырывать фуражъ почти изъ непріятельскихъ рукъ. Послѣ губенскаго свиданія я предлагалъ графу Дауну соединенными силами напасть на короля и разбить его, потомъ вытѣснить принца Генриха изъ Силезіи и забрать тамошнія крѣпости для обнадеженія зимнихъ квартиръ. Тогда довольно оставалось для этого времени; перезимовавъ вблизи непріятеля, мы могли бы рано открыть кампанію, отнять у непріятеля Саксонію и преслѣдовать его въ Бранденбургѣ, чѣмъ можно было бы добыть скорый миръ. А теперь мнѣ больше ничего не остается, какъ заботиться о сохраненіи арміи и нынѣшнюю кампанію окончить съ неувядаемою славою. До конца октября арміи въ Силезіи продержать нельзя по недостатку хлѣба и фуража, епанечъ и обуви; но я готовъ додержать обѣщанный срокъ, т. е. остаться до 15 октября новаго стиля, и, пожалуй, еще нѣсколько дней сверхъ срока, а тамъ пойду къ Вислѣ на зимнія квартиры. И тако, всемилостивѣйшая государыня, уповаю, что высокіе союзники арміею вашего величества и моими поступками довольны быть могутъ. Позиція короля Прусскаго на сей сторонѣ Одера, около Геренштата, разстояніемъ отъ нашей арміи миляхъ въ двухъ, подаетъ поводъ къ ежедневному сраженію между легкими войсками. Если-бъ я и нашелъ случай напасть на короля, то и побѣда, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, была бы болѣе въ тягость, чѣмъ къ выгодѣ, умалчивая о томъ, что пришлось бы пожертвовать немалымъ числомъ храбрыхъ воиновъ, которые гораздо будутъ нужнѣе въ будущую кампанію. Сверхъ того, непріятель всегда въ такихъ крѣпкихъ и неприступныхъ мѣстахъ стоитъ лагеремъ, что никакимъ образомъ къ нему приступить нельзя". Оправдывая себя относительно Дауна, Салтыковъ писалъ: „Графъ Даунъ объявляетъ, что принялъ намѣреніе идти къ Саксоніи, и двинулся туда 9 (20) сентября, получивъ отъ меня извѣстіе, что я положилъ перейти рѣку Одеръ; но могъ ли графъ Даунъ 9 (20) сентября получить мои письма о переходѣ черезъ Одеръ, когда одно было отъ 15 (26) сентября, а другое—отъ 18 (29)?—не ясно ли, что онъ гораздо прежде не только полученія, но и отправленія моихъ писемъ рѣшился идти въ Саксонію и удалиться отъ русской арміи, что меня и побудило переходить за Одеръ и направляться къ Вислѣ".

Относительно указанія изъ Петербурга на Познань, какъ мѣсто, которое должно было выбрать для зимнихъ квартиръ, Салтыковъ писалъ, что Познань мѣсто ненадежное и неспособное, окрестность вся вытравлена, сѣна и стебля нѣтъ. Изъ Петербурга Салтыковъ извѣстился, что Эстергази, по указу императрицы-королевы, принесъ горькія жалобы не только на бездѣйствіе русскаго войска, но еще больше на то, что отъ него, Салтыкова, никогда ни о чемъ нельзя было получить ни рѣшительнаго, ни удовлетворительнаго отвѣта, такъ что письмо къ нему, Салтыкову, графа Кауница отъ 9 сентября нов. стиля почти цѣлый мѣсяцъ оставалось безъ отвѣта. Поэтому Эстергази требовалъ, чтобъ Салтыковъ съ Лаудономъ не только производили сильныя операціи въ Силезіи, но и старались остаться тамъ на зимнихъ квартирахъ; чтобъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствія русской арміи продолжались до тѣхъ поръ, пока австрійская армія останется въ полѣ, или бы Салтыковъ, соединя съ Лаудономъ русскій корпусъ отъ 20 до 30,000 человѣкъ, отправилъ его въ наслѣдственныя области Маріи-Терезіи.

Въ рескриптѣ отъ 7 октября, извѣщавшемъ Салтыкова объ этомъ, говорилось: „Что касается жалобъ, то мы старались отклонить ихъ и пресѣчь пристойнымъ образомъ по многимъ и очень важнымъ причинамъ, особенно, чтобъ по пословицѣ на дѣлежѣ не поссориться, и отъ такого великаго и славнаго союза, какого почти еще не бывало.

вмѣсто ожидаемой пользы и славы, не произошли однѣ досады, нареканія и вредная на будущее время холодность, которой тѣмъ болѣе слѣдуетъ избѣгать, что Прусскій король не только старается войти въ союзъ съ Портою, но и со стороны Порты оказывается къ тому большая податливость. Двумя нашими побѣдами Порта была приведена въ размышленіе и, почитая погибель короля Прусскаго неизбѣжною, остановилась входить съ нимъ въ обязательства; однако опасеніе наше не миновалось: бездѣйствіе побѣдителя, когда онъ былъ усиленъ новыми и свѣжими войсками, умалитъ его побѣды, а спасеніе короля Прусскаго, которое должно быть приписано не искусству его, но слѣпому счастью, составитъ его славу и, быть можетъ, еще болѣе подниметъ его въ глазахъ Турокъ, особенно если притомъ подастся подозрѣніе, что тѣсная дружба между нами и Вѣнскимъ Дворомъ обратилась въ холодность. Поэтому прилежнѣйше рекомендуемъ вамъ предать вѣчному забвенію все то, что бы вы ни имѣли къ неудовольствію противъ австрійскаго генералитета. Равнымъ образомъ, отклонили мы важными и доказательными резонами, *а не сухими и досадительными отказами*, всѣ прочія австрійскія требованія, и объяснили надобность и пользу того, чтобъ Лаудонъ остался зимовать при Познани".

Рескриптъ отъ 13 октября заключалъ въ себѣ еще бо́льшія жесткости. Въ немъ Салтыковъ нашелъ прямой выговоръ за дурное обращеніе его съ Лаудономъ, вслѣдствіе чего союзники, пожалуй, никогда больше не будутъ присылать къ намъ своихъ войскъ на помощь. Предлагалось взять въ образецъ адмирала Мишукова, который такъ хорошо обходился со шведскимъ флотомъ, отданнымъ ему въ команду, что Шведы и на другой годъ прислали свои корабли въ команду адмиралу Полянскому. Поставлялось на видъ, что дурное обращеніе съ Лаудоновымъ корпусомъ можетъ произвести злобу и въ нашихъ единовѣрцахъ (Славянахъ), находящихся въ этомъ корпусѣ. Далѣе говорилось: „Вы пишете, что ваши движенія по рѣкѣ Одеру произвели опасеніе короля насчетъ Бреславля и доставили льготу графу Дауну; движенія ваши вверхъ по рѣкѣ Одеру всякой похвалы достойны и приносятъ много пользы общему дѣлу; если-бы вы во время долгаго стоянія вашего при Мильрозѣ и Либрозѣ хотя малыми движеніями заставили Прусскаго короля чего-нибудь опасаться, то, и стоя на мѣстѣ, умножили бы свою побѣду. Вы думаете, что Лаудоновъ корпусъ надобно расположить около Познани и по Вартѣ до Калиша: это очень хорошо и согласно съ нашимъ намѣреніемъ; но не можемъ скрыть нашего удивленія, какимъ образомъ вы прежде представляли, что тамъ фуража и стебля нѣтъ, а теперь фуражъ нашелся, когда явилась надобность поставить тамъ Лаудоновъ корпусъ? Потомъ, въ реляціи вашей, конечно, канцелярскою ошибкою, вкралось неосторожное выраженіе,—упомянуто, что пребываніемъ Лаудона въ означенныхъ мѣстахъ армія наша прикроется съ силезской и бранденбургской стороны: такое своекорыстное и союзникамъ нашимъ крайне обидное объясненіе очень далеко *отъ нѣжности нашихъ сентиментовъ*, умалчивая о томъ, что безчестно для нашей арміи, чтобъ въ полѣ торжествующую и на квартирахъ за рѣкою Вислою отъ непріятеля весьма удаленную прикрывалъ слабый въ сравненіи съ нею австрійскій корпусъ. Вы пишете, что если-бы вы, напали на короля Прусскаго, и побѣдили его, то побѣда, по нынѣшнему времени, была бы больше въ тягость, нежели въ пользу. Объ этомъ мы сожалѣемъ по важнымъ причинамъ: во-первыхъ, такъ какъ король Прусскій уже четыре раза нападалъ на русскую армію, то честь нашего оружія требовала бы напасть на него хотя однажды, а теперь—тѣмъ болѣе, что наша армія превосходила прусскую и числомъ и бодростію, и толковали мы вамъ пространно, что всегда выгоднѣе нападать, чѣмъ подвергаться нападеніямъ. Во-вторыхъ, король Прусскій, несмотря на то, что побѣжденъ, не удалился отъ нашей арміи, но въ виду ея переходитъ малыми корпусами чрезъ рѣку Одеръ; а это происходитъ, конечно, отъ увѣренности, что на него не нападутъ: отсюда—крайнее зло, что онъ и разбитый не бѣжитъ, а безпокоитъ побѣдителя; а если бы онъ хотя однажды подвергнулся нападенію и былъ бы разбитъ, то впередъ съ малыми силами всегда отступалъ бы далѣе, а наша армія имѣла бы больше спокойствія и удобнѣйшее пропитаніе. Прусскій король только потому къ вамъ приближается, что не ожидаетъ на себя нападенія, и потому, безъ сомнѣнія, надобно полагать, что если-бъ онъ ожидалъ нападенія, то сейчасъ же отступилъ бы за Одеръ, и если-бъ вы предприняли наступательное движеніе, то до битвы не дошло бы, а между тѣмъ вы могли бы объявлять, какъ теперь дѣлаетъ графъ Даунъ, что вы рады были бы энергически дѣйствовать, но непріятель отъ васъ бѣгаетъ, и вамъ въ чужой Землѣ за нимъ угоняться нельзя" [1]).

Въ Петербургѣ Австрійскій Дворъ заявилъ три требованія: 1) чтобъ русская армія вмѣстѣ съ Лаудоновымъ корпусомъ продолжала военныя дѣйствія въ Силезіи и заняла тамъ зимнія квартиры, или 2) чтобъ, по крайней мѣрѣ, русская армія дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока австрійская останется; или 3) чтобъ корпусъ русской пѣхоты, отъ 20 до 30,000 человѣкъ, вмѣстѣ съ Лаудоновымъ корпусомъ отправленъ былъ въ наслѣдственныя земли Маріи-Терезіи. При этомъ Эстергази на конференціи съ Воронцовымъ позволилъ себѣ прибавить: „Публика и разные Дворы ставятъ графу Дауну въ вину, зачѣмъ онъ одинъ не преслѣдовалъ Прусскаго короля, видя, что русская армія побѣдами своими не пользуется; но Дворъ нашъ, сколько о славѣ своего оружія ни усердствуетъ, предпочитаетъ оставить генерала своего въ нареканіи, чѣмъ

---

[1]) Прусскія военныя дѣла.

открывать прямую причину бездѣйствія, заключающуюся въ поведеніи русскаго генералитета. Впрочемъ, изъ находящихся при арміяхъ иностранныхъ офицеровъ многіе начинаютъ порочить поступки русскихъ командировъ, приписывая выигрышъ послѣдней битвы больше отчаянному непріятельскому нападенію, чѣмъ ихъ искусству; говорятъ и то, что причина всему бездѣйствію—полученные графомъ Салтыковымъ тайные указы отъ своего Двора и скрытное согласіе Россіи съ Англіею". 8 октября данъ былъ Эстергази отвѣтъ: на первыя два требованія замѣтили, что удовлетворять имъ теперь уже поздно, когда русская армія перешла Одеръ. Относительно третьяго требованія данъ былъ пространный отвѣтъ: „Неужели при Дворѣ императрицы-королевы думаютъ, что корпусъ русской пѣхоты отъ 20 до 30,000 человѣкъ можетъ оказать общему дѣлу бо́льшую услугу, чѣмъ вся русская армія? Несчастію только приписывать надобно, что нельзя было пользоваться или не пользовались удобнымъ случаемъ, когда наибольшая часть прусскихъ силъ обращена была противъ нашей арміи, и когда потомъ непріятель былъ пораженъ нашей арміею. Очень было бы желательно имѣть возможность отправить требуемый корпусъ въ Австрійскія земли и затѣмъ съ меньшею силою дѣйствовать противъ короля Прусскаго; но это дѣло невозможное. По послѣднимъ донесеніямъ изъ нашей арміи, она простиралась до 60,000 человѣкъ всѣхъ чиновъ и всякаго войска, кромѣ находящихся въ Пруссіи и по рѣкѣ Вислѣ и кромѣ 15,000 больныхъ, а больше раненыхъ. Но въ этихъ 60,000, конечно, немного больше 30,000 человѣкъ такихъ пѣхотныхъ солдатъ будетъ, которые дѣйствительно быть подъ ружьемъ и сражаться могутъ, и какихъ мы хотѣли бы отправить на помощь австрійской арміи; поэтому надобно бы было отправить всѣ наши пѣхотные полки. Но этимъ мы навсегда разорили бы нашу армію, ибо отправленные пѣхотные полки, не имѣя возможности рекрутоваться въ Австрійскихъ владѣніяхъ, нечувствительно исчезли бы, а мы здѣсь, какіе бы наборы ни дѣлали, не могли бы скоро составить новыхъ полковъ и привести ихъ въ надлежащій видъ, умалчивая о томъ, что оставшееся войско подверглось бы неминуемой гибели; умалчивая и о томъ, что прибывающіе новые солдаты ободряются старыми и скоро получаютъ видъ старыхъ и надежныхъ къ побѣдѣ, тогда какъ совершенно новыхъ людей обучать побѣдѣ надобно пораженіями. Такимъ образомъ, отправить 30,000 пѣхоты въ Австрійскія владѣнія и не имѣя возможности поставить противъ непріятеля новую и страшную ему армію, мы были бы принуждены перевезти въ Россію магазины, больныхъ и артиллерію. Тогда-то всѣ имѣли бы полное право подумать, что мы наскучили войною; что посылкою тридцатитысячнаго войска хотѣли исполнить только союзныя обязательства, а въ прочемъ быть нейтральными. Тогда-то имѣли бы право приписывать намъ тайные виды и согласнія съ Англіею; но теперь нѣтъ никакой причины къ такому оскорбительному для насъ и недостойному для императрицы-королевы подозрѣнію. Мы никогда не подали повода упрекать насъ въ двоедушіи; мы ничего не обѣщали, чего бы ни постарались исполнить на самомъ дѣлѣ, и если бы когда-нибудь своекорыстнымъ поведеніемъ нашихъ союзниковъ мы были принуждены отстать отъ настоящей системы, то прямо предупредили бы объ этомъ нашихъ союзниковъ и возвратили бы наши войска, но не помрачили бы вѣроломствомъ славы, добытой драгоцѣнною кровію нашихъ подданныхъ. Дальнѣйшее объясненіе мы теперь оставляемъ, сожалѣя, что принуждены были и столько сказать, сколько сказано".

Не остались безъ отвѣта и жалобы Вѣнскаго Двора на Салтыкова; жалобы состояли въ томъ, что: фельдмаршалъ упускаетъ изъ рукъ всѣ случаи пользоваться полученными выгодами; не принимаетъ никакихъ представленій; изъясняется недостаточнымъ и двусмысленнымъ образомъ; не исполняетъ данныхъ обѣщаній и поступаетъ даже прямо вопреки имъ. „Мы", говорилось въ отвѣтѣ, „не будемъ здѣсь повторять того, что славнаго и полезнаго для общаго дѣла совершено нашею арміею, вслѣдствіе чего послѣдующее ея бездѣйствіе могло бы быть легко терпимо; согласимся сами, что осторожность нашего генералитета послѣ Франкфуртскаго (Кунерсдорфскаго) сраженія была черезчуръ велика; что побѣжденная прусская армія могла бы погибнуть вслѣдствіе нѣкоторыхъ движеній нашей арміи, и что при этомъ не слѣдовало бы бояться и третьей новой битвы. Но когда съ совершеннымъ безпристрастіемъ и съ меньшимъ вниманіемъ разобрать все происходившее до Франкфуртской битвы и послѣ нея, то, конечно, надобно, съ одной стороны, удивляться, какимъ образомъ могла наша армія такъ долго удерживать прусскую, а съ другой стороны, надобно крайне сожалѣть, что между прочимъ то, можетъ быть, было главною причиной вреднаго бездѣйствія, что не ожидали такихъ великихъ успѣховъ, какіе имѣла наша армія. Такъ, графъ Даунъ, получа извѣстіе о приближеніи прусской арміи къ Познани и опасаясь, что наша, быть можетъ, не придетъ въ положенный срокъ къ рѣкѣ Одеру, остановилъ свои успѣшно начатыя операціи и не принималъ тѣхъ мѣръ, которыя, конечно, принялъ бы, если-бъ не такъ много сомнѣвался въ точномъ исполненіи съ нашей стороны всего обѣщаннаго. Изъ этого видно, что уже тогда больше старались о томъ, чтобъ неисполненіе плана сложить на нашъ генералитетъ, нежели о томъ, чтобъ, исполняя его съ своей стороны, сдѣлать исполненіе его и для насъ удобнѣйшимъ. Нашъ фельдмаршалъ, графъ Салтыковъ едва прибылъ въ Познань для принятія команды надъ арміею, какъ принялъ такія мѣры, что непріятель не только принужденъ былъ возвратиться, но не успѣвалъ и отступать, чему доказательствомъ служитъ пресѣченіе ему пути къ Кроссену и побѣда

надъ нимъ при Пальцигѣ. Но фельдмаршалъ Салтыковъ во время своего похода получилъ отъ графа Дауна одно досадное выраженіе сомнѣнія, чтобъ наша армія могла тронуться отъ Познани; никакое со стороны графа Дауна предпріятіе не поощряло въ графѣ Салтыковѣ ни ревности, ни надежды исполнить свое намѣреніе, такъ-что графъ Салтыковъ, прибывши къ Кроссену, даже не зналъ, гдѣ находится армія графа Дауна, и, для провѣданія объ ней, долженъ былъ отправлять нарочныя партіи.

„Дѣйствительно, на встрѣчу къ нему явился генералъ Лаудонъ; но предложенія, съ какими онъ пріѣхалъ, могли истощить терпѣніе самаго большого флегматика: онъ пріѣхалъ увѣдомить, что король Прусскій съ большею частію силъ своихъ обратился противъ нашей арміи и соединился уже съ разбитою Веделевою арміею; но вмѣсто того, чтобъ, для ободренія нашей арміи, тотчасъ сообщить, какія графъ Даунъ принимаетъ мѣры, какъ хочетъ воспользоваться слабостью оставшихся противъ него прусскихъ силъ,—требовалъ, чтобъ немедленно отпущено было съ нимъ 30,000 нашей пѣхоты на помощь къ графу Дауну, и чтобъ позволено было ему взять съ Франкфурта, нашимъ войскомъ уже занятаго, милліонъ контрибуціи и раздѣлить его пополамъ съ нашею арміею.

„Графъ Салтыковъ далъ такую битву, которая если бы и не совсѣмъ была удачна, то ослабленіемъ силъ короля Прусскаго была бы полезна нашимъ союзникамъ, а въ случаѣ благословенія Божія—для всей войны рѣшительна. Такимъ образомъ, критика иностранныхъ офицеровъ на такую славную битву, которая, конечно, пребудетъ лучшимъ *эпокомъ* изъ жизни, совсѣмъ не складна; еще меньше можно было ожидать, чтобъ наилучшіе наши союзники употребляли ее къ обвиненію нашего генералитета, когда признаться надобно, что остановить пріобрѣтенные вначалѣ успѣхи непріятеля, всю армію въ кровопролитномъ и жесткомъ бою перестроить и, наконецъ, одержать совершеннѣйшую побѣду тамъ, гдѣ для многихъ другихъ армій пораженіе казалось бы неизбѣжнымъ,- служитъ доказательствомъ неустрашимаго мужества и присутствія разума. Показанъ почти новый въ войнѣ примѣръ, который, конечно, заставитъ короля Прусскаго послѣдовать другимъ правиламъ и меньше полагаться на свое счастіе и ярость нападеній.

„Легко себѣ вообразить, съ какимъ сожалѣніемъ мы теперь видимъ, что оканчивается почти безъ всякаго плода наилучшая кампанія; что обманывается весь свѣтъ въ несомнѣнномъ ожиданіи, и что, наконецъ, мы находимся въ непріятномъ положеніи слушать нареканія и входить въ самыя непріятныя объясненія въ то время, когда слѣдовало бы соглашаться о будущемъ благосостояніи Европы! Графъ Даунъ, послѣ Франкфуртскаго сраженія, дѣйствительно, присылалъ съ предложеніемъ, чтобъ заблаговременно подумать о зимнихъ квартирахъ, что очень справедливо и похвально было; но онъ избиралъ для того Верхнюю Силезію и предполагалъ предварительную осаду Нейса и Брига, столь отдаленныхъ отъ центра дѣйствій и отъ нашихъ границъ, что графъ Салтыковъ, конечно, могъ утвердиться во мнѣніи, что стараются сдѣлать изъ нашей арміи помощный для австрійской арміи корпусъ, вмѣсто того чтобъ сильнымъ дѣйствіемъ противъ принца Генриха и осадою Глогау и лучшія квартиры очистить и Саксонію освободить. Вмѣсто этого, ожидая сомнительныхъ происшествій и не принявъ достаточныхъ мѣръ къ пропитанію, наконецъ нашлись въ необходимости—австрійская армія прикрывать свои магазины, а наша—искать пропитанія и доставлять его еще Лаудонову корпусу, тогда какъ генералъ Лаудонъ долженъ былъ заботиться о пропитаніи нашей арміи; и такъ какъ недостатокъ продовольствія заставилъ и барона Лаудона переправиться на сю сторону рѣки Одера вмѣстѣ съ нашею арміею, то не можемъ понять, какимъ образомъ вся наша армія могла тамъ дѣйствовать съ желаемою ревностію.

„У насъ нѣтъ вовсе намѣренія ни жаловаться на графа Дауна, ни оправдывать излишнее неудовольствіе и неподатливость нашего генерала (хотя, быть можетъ, поводъ къ нимъ былъ поданъ сначала сомнѣніемъ въ его успѣхахъ, быть можетъ доходили до него и слухи, что его критикуютъ). Стараясь какъ можно исправить испорченное, мы нашему фельдмаршалу графу Салтыкову накрѣпко предписали все прошедшее предать вѣчному забвенію и стараться всѣми средствами, чтобъ довѣріе и согласіе между главнокомандующими вполнѣ соотвѣтствовали дружбѣ и довѣрію между обоими императорскими Дворами. Но для этого надобно, чтобъ императрица-королева дала такія же повелѣнія и своему генералитету, и чтобъ заслуженное нашимъ войскомъ довѣріе не было уменьшаемо таками сомнѣніями и гаданіями, которыя, быть можетъ, основаны на оскорбительномъ предубѣжденіи“ [1]).

Неудовольствія между двумя императорскими Дворами были тѣмъ опаснѣе, что ослабѣвала надежда на продолжительную и сильную помощь другой союзницы—Франціи. Въ началѣ года безпокойства императорскихъ Дворовъ насчетъ того, чтобъ Франція не заключила отдѣльнаго мира, были разсѣяны рѣшительнымъ объявленіемъ Людовика XV-го, что хотя для веденія двойной войны, на сухомъ пути и на морѣ, не получаетъ онъ отъ своихъ союзниковъ никакой помощи, хотя расходы на войну съ Англіею громадны, однако онъ всегда готовъ исполнить все, что можно ему сдѣлать въ пользу общаго дѣла; онъ возобновляетъ Россійской императрицѣ данныя ей на письмѣ обнадеживанія о твердомъ желаніи своемъ удалять всякое подозрѣніе, могущее повредить счастливому союзу между Франціею и Россіею; повторяетъ обѣщаніе и обнадеживаніе, что онъ, безъ согласія Россій-

[1]) Дѣла Австрійскія.

ской императрицы и императрицы-королевы, не вступить ни въ какіе переговоры съ общимъ непріятелемъ. Король готовъ подтвердить это новыми договорами, если обѣ императрицы ихъ пожелаютъ; онъ усугубитъ свои обязательства для сохраненія столь драгоцѣннаго ему Русскаго союза. Хотя король для общей пользы и для собственнаго интереса крайне желалъ бы, чтобъ государыня Россійская вступила съ нимъ въ особенныя обязательства противъ Англіи, главной виновницы настоящихъ въ Европѣ бѣдствій, однако если Россійская государыня думаетъ, что она не можетъ вступить по этому предмету въ соглашеніе съ королемъ, то онъ, несмотря на всю тяжесть Англійской войны, готовъ употребить всѣ свои силы противъ короля Прусскаго въ пользу своихъ союзниковъ, для показанія, что онъ обѣимъ императрицамъ и королю Польскому такъ-же усердствуетъ, какъ и самому себѣ.

Но истощенные финансы Франціи заставляли ее желать скораго мира, и герцогъ Шуазель обратился къ русскому послу съ упрекомъ: съ какой стати Россія такимъ неслыханнымъ образомъ доставляетъ выгоды Прусскимъ владѣніямъ, занятымъ ея войскомъ; съ какой стати берутся съ нихъ такія малыя обыкновенныя подати и чрезвычайныя контрибуціи, тогда какъ Прусскій король не только Саксонію и Мекленбургъ, но и всякую землю, какую только захватитъ или только мимо пройдетъ, вконецъ разоряетъ,—слѣдовательно нечего щадить и королевство Прусское,—надобно взыскивать съ Пруссаковъ такія большія деньги, которыя бы облегчили содержаніе русскаго войска, въ противномъ случаѣ королевство Прусское не только не истощается, но еще богатѣетъ деньгами, которыя оставляетъ въ немъ русское войско. Такой образъ дѣйствія нисколько не согласенъ ни съ русскими, ни съ общими интересами, потому что Прусскій король, видя свои земли въ такомъ прекрасномъ положеніи, не имѣетъ побужденія склониться на скорый миръ.—Воронцовъ замѣтилъ на этой депешѣ Бестужева: „По невѣдѣнію прямого состоянія доходовъ въ Пруссіи, всякъ можетъ о собираніи контрибуціи сравненіе полагать съ Саксоніею и Мекленбургіею, токмо мы нынѣ искусствомъ удостовѣрены, что наложенныя контрибуціи прусскіе жители не въ состояніи заплатить, какъ за неимуществомъ своимъ, такъ и за недостаткомъ ходячей монеты, которая изъ Земли королемъ Прусскимъ вывезена; а употребленныя отсюда великія суммы денегъ на содержаніе здѣшней арміи почти всѣ въ Польшѣ къ немалому обогащенію Поляковъ издержаны. Впрочемъ, худому примѣру короля Прусскаго послѣдовать не должно“. Въ августѣ Бестужевъ доносилъ, что во Франціи всѣ вообще удивляются, для чего фельдмаршалъ Даунъ до сихъ поръ ничего еще не предпринялъ; сильно ропщутъ на него за то, что онъ уже слишкомъ бережетъ свое войско и радъ тому, что другіе отдаютъ себя на жертву за Австрію. Герцогъ Шуазель далъ это понять австрійскому послу—графу Штарембергу, въ присутствіи Бестужева, расхваливая храбрость русскаго войска по поводу Кунерсдорфской битвы [1]).

Неудовольствія между обоими императорскими Дворами усиливали надежду на миръ въ Пруссіи и Англіи. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ Фридрихъ II писалъ Георгу II Англійскому, что всѣ усилія съ ихъ стороны разорвать непріятельскій союзъ остаются тщетными; что надобно кончить тяжкую и кровопролитную войну и, воспользовавшись первыми благопріятными событіями, объявить врагамъ, что въ Лондонѣ и Берлинѣ склонны къ открытію мирнаго конгресса. Въ Англіи это предложеніе было принято очень охотно; въ Лондонѣ составили декларацію, и ждали только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобъ дать ей ходъ. Но, вмѣсто благопріятныхъ обстоятельствъ, пришло извѣстіе о Кунерсдорфской битвѣ. Прусскій министръ Финкенштейнъ въ отчаяніи писалъ прусскому послу въ Лондонѣ, Книпгаузену: „Только чудо можетъ насъ спасти; поговорите съ Питтомъ, какъ съ другомъ, а не какъ съ министромъ; представьте этому великому человѣку грозную опасность, которой подвергается вѣрнѣйшій союзникъ Англіи,—быть можетъ, онъ въ состояніи устроить миръ“. Самъ Фридрихъ писалъ Книпгаузену: „Постарайтесь, какъ добрый гражданинъ, нельзя ли завязать мирные переговоры между Англичанами и Французами. Когда Англичане получатъ добрыя вѣсти изъ Америки, то это будетъ благопріятная минута. Многочисленные враги меня сокрушаютъ“. Дѣйствительно, скоро послѣ того начали приходить вѣсти о блестящихъ успѣхахъ Англичанъ на морѣ и въ Америкѣ, и дѣло о конгрессѣ пошло снова [2]).

23 октября, Кейтъ на конференціи съ Воронцовымъ внушалъ ему, что короли—Англійскій и Прусскій готовы возобновить съ Россіею прежнее согласіе, и что Русскому Двору можно бы начать объ этомъ дѣло и безъ союзниковъ своихъ. „Со стороны императрицы“, говоритъ Кейтъ, „больше сдѣлано, чѣмъ сколько обязательства ея простирались, и для Россіи нѣтъ никакой пользы быть въ союзѣ съ Франціею, которая всегда была завистницею Россіи и теперь имѣетъ свои замыслы относительно преемства Польскаго престола, чему у меня есть ясныя доказательства“.—„Канцлеръ“, говоритъ записка о конференціи, „удаляясь отъ вступленія въ дальнѣйшія изъясненія о сей матеріи, довольно понимая, въ какомъ намѣреніи, хотя и въ генеральныхъ терминахъ, сіи отзывы учинены, оказалъ удивленіе, что Французскій Дворъ замышляетъ о возведеніи кого либо на Польскій престолъ“. Чрезъ мѣсяцъ, 24 ноября, Кейтъ передалъ Воронцову копію съ деклараціи, которую положено было сдѣлать въ Гагѣ отъ имени Англійскаго и Прусскаго королей министрамъ—русскому, австрійскому

[1]) Дѣла Французскія.
[2]) Шеферъ II, 433 и слѣд.

и французскому. Въ декларации говорилось, что короли—Англійскій и Прусскій—готовывы слать своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о прочномъ и общемъ мирѣ съ уполномоченными воюющихъ сторонъ въ то мѣсто, которое сочтется удобнѣйшимъ для этого. На оба предложенія данъ былъ 1 декабря такой отвѣтъ: „Императрица приняла съ благодарностію вниманіе его Британскаго величества, выраженное въ предварительномъ сообщеніи декларации, которая имѣла быть сдѣлана въ Гагѣ. Такъ какъ эта декларація должна быть сдѣлана не ей одной, то она и не можетъ отвѣчать на нее съ точностію, пока не согласится съ своими союзниками. Между тѣмъ ея императорскому величеству донесено о словесныхъ внушеніяхъ г. посланника, сдѣланныхъ канцлеру 23 октября, и на это императрица въ отвѣтъ объявить повелѣла, что, конечно, всегда главнымъ ея стараніемъ было и будетъ—жить со всѣми державами въ добромъ согласіи, и весь свѣтъ знаетъ, что чѣмъ упорнѣе ведетъ она настоящую войну, тѣмъ неохотнѣе начала ее, и начала только тогда, когда всѣ ея деклараціи остались безъ дѣйствія при Берлинскомъ Дворѣ и союзники ея подверглись нападенію. Императрица сильно страдаетъ отъ пролитія столь многой невинной крови; но желаемый миръ еще очень далекъ, если нѣтъ на него другой надежды, какъ только надежда на миролюбивыя склонности ея величества. Императрица непоколебимо намѣрена свято и точно исполнить свои торжественныя заявленія—доставить обиженнымъ сторонамъ достойное и праведное удовлетвореніе, заключить миръ не иначе, какъ на честныхъ, прочныхъ и выгодныхъ условіяхъ и по соглашенію съ своими вѣрными союзниками, и отнюдь не допускать, чтобъ мнимою пощадою на время неповинной крови оставить спокойствіе Европы въ прежней опасности. Но если будутъ предложены условія удовлетворительныя для обиженныхъ и удобныя къ принятію, то императрица немедленно согласится на все то, что признано будетъ за благо ея союзниками".

Въ то же время дана была записка австрійскому и французскому послу: „Мы надежно увѣдомились, что король Прусскій, съ вѣдома и согласія Англіи, при нѣкоторыхъ Дворахъ внушалъ, будто Франція, не столько соскучась войною, сколько завидуя успѣхамъ нашего оружія, склонна къ примиренію съ Пруссіею и даже начала объ этомъ дѣло. Лондонскій Дворъ примѣтно старался довести это извѣстіе до нашего свѣдѣнія, изъ чего мы заключили, что такимъ коварствомъ хотѣли только союзниковъ своихъ въ Германской имперіи ободрить, а между нами и нашими союзниками произвести непріятныя объясненія. Мы хотѣли оставить это въ презрительномъ молчаніи, тѣмъ болѣе что увѣрены въ твердости и праводушіи своихъ союзниковъ, знаемъ, съ какимъ достоинствомъ его христіаннѣйшее величество отвергъ мирныя предложенія, сдѣланныя ганноверскимъ генералитетомъ. Но такъ какъ потомъ посланникъ Кейтъ внушалъ, что Россія могла бы заключить отдѣльный миръ съ королемъ Прусскимъ: въ то же время назначенный для размѣна плѣнныхъ прусскій коммисаръ, генералъ-маіоръ Виллихъ, объявилъ нашему генералъ-маіору Яковлеву, что графъ Финкенштейнъ увѣдомилъ его, будто съ Франціею начаты мирные переговоры, а съ другой стороны, въ Гагѣ, сдѣлана декларація объ общемъ мирѣ: то кажется, что Пруссія и Англія, внушая намъ и Франціи объ отдѣльномъ мирѣ, стараются вселить подозрѣнія между союзниками и ослабить великій союзъ; а какъ скоро одна держава заключитъ отдѣльный миръ, то и другія будутъ стараться о томъ же; деклараціею же, сдѣланною въ Гагѣ, только стараются показать свѣту свою готовность къ миру, а потомъ общіе переговоры проволочить и сдѣлать безплодными. Мы однако этимъ не хотимъ сказать и доказать, что не слѣдуетъ слушать о мирѣ, хотя бы Лондонскій и Берлинскій Дворы предложили самыя выгодныя условія; но мы находимъ, 1) что такой славный величайшихъ въ свѣтѣ державъ союзъ не принесетъ желаемой пользы и прочнымъ быть не можетъ, если эти державы не достигнутъ своего намѣренія и при будущемъ мирѣ взаимные ихъ интересы неравно соблюдены будуть. 2) Что этого нельзя достичь, если союзники не признаютъ единодушно, что слѣдуетъ заключить миръ честный, прочный и выгодный. 3) Что такой миръ бубудетъ заключенъ не скоро, если у Лондонскаго и Берлинскаго Дворовъ не отнимется всякая надежда произвести между союзниками несогласіе и когонибудь изъ нихъ преклонить къ отдѣльному миру.

„По нашему мнѣнію, надобно отвѣчать на декларацію, сдѣланную въ Гагѣ: что союзники не меньше Пруссіи и Англіи желаютъ скораго, но честнаго и прочнаго мира; что не будетъ затрудненія относительно выбора мѣста для переговоровъ и посылки уполномоченныхъ, когда будетъ ближе изъяснено, какимъ образомъ помышляется достигнуть прочнаго мира, ибо состояніе, въ какомъ находилось дѣло до нынѣшней войны, было неудобно къ сохраненію мира, и начатіемъ войны прежніе договоры нарушены. Въ то же время, кажется намъ необходимымъ сдѣлать особую декларацію на имперскомъ сеймѣ, при Датскомъ Дворѣ и въ Голландіи, что союзники съ большою непріятностью услыхали о разглашеніяхъ непріятеля, будто каждый изъ нихъ старается объ отдѣльномъ мирѣ; напротивъ того, теперь они больше, чѣмъ когда-либо, стараются союзъ свой сдѣлать неразрывнымъ и непоколебимымъ, и если до сихъ поръ они согласно воевали, то при будущемъ примиреніи еще единодушнѣе будутъ стоять, чтобъ не принимать другого мира, кромѣ честнаго, прочнаго и полезнаго, и доставить всѣмъ обиженнымъ сторонамъ достойное и праведное удовлетвореніе. Сильное и прилежное приготовленіе къ будущей кампаніи при этомъ всего нужнѣе. Также крайне нужно, чтобъ теперь союзники какъ можно скорѣе точно и рѣшительно согласились съ нами насчетъ всѣхъ условій буду-

шаго мира, ибо: во 1) самые мирные переговоры этимъ много облегчатся и, въ случаѣ успѣховъ оружія, тотчасъ могутъ быть окончены; если же Лондонскій и Берлинскій Дворы усмотрять при переговорахъ большое несогласіе между союзниками, то увидять въ этомъ возможность протянуть переговоры, а потомъ и совершенно раздѣлить союзниковъ и при заключеніи мира переговорами достигнуть того, чего силою оружія получить нельзя было. Предварительнаго и точнаго постановленія условій требуетъ принятое союзниками обязательство не заключать съ общимъ непріятелемъ ни отдѣльнаго мира, ни перемирія, ибо точное и строгое исполненіе этого обязательства затруднило бы миръ почти навсегда; а когда союзники насчетъ будущихъ условій мира напередъ согласны, то каждый можетъ выслушивать предложенія и сообщать ихъ другимъ, если они удобопріемлемы, или тотчасъ же отвергать, если они не сходны съ общими видами. 3) Если такимъ образомъ между союзниками будетъ полное соглашеніе, то не будетъ никакой нужды заключать вредныя перемирія. Что касается мѣста переговоровъ, то такъ какъ герцогъ Мекленбургскій неповиннымъ образомъ много претерпѣлъ въ нынѣшнюю войну, то было бы ему нѣкоторымъ вознагражденіемъ, если-бъ конгрессъ былъ собранъ въ одномъ изъ его городовъ; если же это невозможно, то всего лучше собраться конгрессу въ Гамбургѣ или Любекѣ; впрочемъ, мы будемъ согласны на всякое рѣшеніе союзниковъ".

Вѣнскій Дворъ сильно встревожился декларацією Англіи и Пруссіи, сдѣланною въ Гагѣ: онъ боялся, что Франція, истощенная войною, будетъ рада этому случаю какъ можно скорѣе заключить миръ, вслѣдствіе чего и другіе союзники будутъ принуждены то же сдѣлать, не получа отъ войны той пользы, какой ожидали. Марія-Терезія писала Эстергази, что возлагаетъ всю свою надежду на союзническую дружбу и непоколебимость Русской императрицы; просила, чтобъ при Русскомъ Дворѣ отложили всякое недовѣріе и частный интересъ, и ничего не скрывали отъ Вѣнскаго Двора для надежнаго достиженія великой цѣли; выражала желаніе, чтобъ Россія возобновила уже принятыя ею обязательства относительно ея и ея Дома; съ своей стороны—обѣщала свято исполнять свои обязательства и, кромѣ того, дать королевское слово какъ силою оружія, такъ и при мирныхъ переговорахъ употребить послѣднія свои силы для доставленія Россіи всѣхъ тѣхъ выгодъ и вознагражденія, какія она сама изберетъ и найдетъ возможными; требовала, чтобъ не было заключаемо никакого перемирія, но представляла, что должно согласиться на мирный конгрессъ, на которомъ стараться выиграть какъ можно болѣе времени, распознать прямыя намѣренія прочихъ Дворовъ и, пользуясь ими, ослабить дружбу между Англіею и Пруссіею; стараться, чтобъ между Англіею и Франціею былъ заключенъ такой миръ, при которомъ бы Австріи и Россіи оставалась свобода продолжать войну противъ короля Прусскаго.

Императрица на это велѣла дать такой отвѣтъ: „Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по домогательствамъ короля Прусскаго, Англія склонилась сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ декларацію о мирномъ конгрессѣ. Но не меньше вѣрно и то, что Англія не понимала бы своего существеннаго интереса, если-бъ не пользовалась нынѣшними обстоятельствами для заключенія выгоднаго мира и спасенія союзника своего, короля Прусскаго. Ей нельзя не видѣть, что какъ бы постоянно ни было счастіе ея оружія; бо̀льшихъ выгодъ ей получить уже нельзя, когда въ Сѣверной Америкѣ ей уже нечего опасаться отъ Франціи и, что еще важнѣе, флотъ и торговля Франціи долго не могутъ поправиться, а доходы совсѣмъ истощены, и, продолжая войну, можно только дождаться такого случая, что Франція какимъ-нибудь отважнымъ и удачнымъ предпріятіемъ перемѣнитъ положеніе дѣлъ. Англія, конечно, чувствуетъ, что если король Прусскій будетъ совершенно обезсиленъ, то она потеряетъ всѣхъ своихъ союзниковъ въ имперіи, слѣдовательно настоящіе успѣхи ея оружія не вознаградятъ утрату ея значенія въ европейскихъ дѣлахъ; уступкою самого выгоднаго мира Франціи Англія все же оставитъ ее въ настоящемъ бѣдственномъ положеніи, а спасая этимъ миромъ короля Прусскаго,—несравненно увеличитъ свое значеніе и вліяніе. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, болѣе желательно, чѣмъ надежно успѣть въ томъ, чтобъ Англія склонилась заключить съ Франціею миръ съ совершеннымъ исключеніемъ короля Прусскаго. Надобно имѣть крайнюю осторожность, чтобъ примѣтнымъ различеніемъ Англо-Французской и нашей съ Пруссіею войны не встревожить Францію и не повредить дѣлу. Мы считаемъ нужнымъ, чтобъ посолъ нашъ, графъ Бестужевъ-Рюминъ, и графъ Штаремберг согласно и внятно истолковали Французскому Двору, что нѣтъ нашего желанія и намѣренія исключить его христіаннѣйшее величество изъ войны противъ короля Прусскаго; напротивъ: съ благодарностію признавая сильное его въ ней содѣйствіе, усердно желаемъ, чтобъ при мирѣ съ этимъ государемъ интересы Франціи и всѣхъ союзниковъ, особенно Саксоніи и Швеціи, были наблюдены наравнѣ съ нашими собственными. Еще болѣе удалены мы отъ мысли, чтобъ, заключивъ особый миръ съ королемъ Прусскимъ, оставить ему свободу подавать какимъ бы то ни было образомъ помощь Англіи; что мы очень понимаемъ, для чего теперь Англія и Пруссія такъ спѣшатъ мирными предложеніями: Англія давно усмотрѣла, что мнимое превосходство силъ ея на морѣ только тогда станетъ дѣйствительнымъ, когда на твердой землѣ имѣетъ она сильное подкрѣпленіе. Поэтому казалось, что въ нынѣшней войнѣ заботилась она больше объ интересахъ короля Прусскаго, нежели о своихъ собственныхъ. Поэтому думать можно, что и при заключеніи мира станетъ усердствовать больше о

прусскихъ же интересахъ: можетъ быть, и вся ея надежда къ миру на томъ основана, чтобъ, жертвуя нѣкоторыми своими выгодами, сохранить въ полезной для нея силѣ короля Прусскаго. Россія и Австрія никогда не потребуютъ, чтобъ Франція хотя чѣмъ-нибудь для нихъ пожертвовала; но его христіаннѣйшее величество, конечно, усмотритъ, что какой бы теперь выгодный миръ съ Англіею заключенъ ни былъ, онъ будетъ всегда этой державѣ несравненно полезнѣе и Франціи вреднѣе, если въ то же время не будутъ сокращены силы короля Прусскаго, ибо Англія сохранитъ себѣ такого союзника, который ей всѣмъ обязанъ и съ помощію котораго она легко можетъ владычествовать во всей Германіи и на Сѣверѣ. Конечно, на нѣкоторое время прекратится настоящая тягостная война, но всегда нужно будетъ готовиться къ новой и тѣмъ болѣе тягостной, что партія короля Прусскаго несравненно усилится. Англія и король Прусскій предлагаютъ теперь вмѣстѣ объ общемъ мирѣ, думая успѣхами Англіи на морѣ наверстать то, что потеряно на твердой землѣ; а по нашему мнѣнію, усиленіемъ войны на сухомъ пути надобно съ избыткомъ наверстать то, что потеряно на морѣ; а способъ, кажется, есть и утраченное наверстать, и обязательства исполнить, и нигдѣ ничего не уступить,—надобно только послѣдовать такому совѣту: въ отвѣтной французской деклараціи должно быть сказано, что король готовъ помириться съ Англіею, если только миръ будетъ честный; что же касается войны, начатой королемъ Прусскимъ противъ Австріи, Саксоніи и Россіи, то такъ какъ король вступилъ въ нее только въ качествѣ помощника и ручателя Вестфальскаго договора, то онъ долженъ свято исполнять свои обязательства, помогая своимъ союзникамъ и стараясь при будущемъ примиреніи, чтобъ они получили справедливое вознагражденіе за всѣ убытки"[1]).

Была еще держава, которая вступила въ войну съ Пруссіею для сохраненія Вестфальскаго договора,—Швеція. Панинъ присылалъ печальныя извѣстія о причинахъ неуспѣха шведскаго войска: „Настоящая кампанія", писалъ онъ, „стоитъ Швеціи 20 милліоновъ талеровъ; сколько иностранныхъ субсидій на то получено,—всевысочайше извѣстно; если взять въ разсужденіе число шведской арміи и что она во все время дѣлала, лежавъ по іюль мѣсяцъ въ Штральзундѣ и потомъ перешедши взадъ и впередъ не болѣе пятидесяти миль, почти не видавъ непріятеля, то нетрудно доказать, что, по крайней мѣрѣ, третья часть этихъ милліоновъ разошлась по рукамъ. Какъ приготовиться къ будущей кампаніи,—этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ великія трудности; сенатская коммисія о вооруженіи уже нѣсколько времени не собирается за неимѣніемъ денегъ, не зная, чѣмъ удовлетворять подрядчиковъ и за тѣ многіе предметы, которые еще прошлымъ лѣтомъ были поставлены въ армію. Одинъ сенаторъ сказалъ мнѣ подъ секретомъ, что они не имѣютъ никакой надежды, чтобъ Версальскій Дворъ выплатилъ имъ субсидіи на нынѣшній годъ; извѣстная здѣшняя лотерея не имѣетъ желаемаго успѣха,—мало охотниковъ брать билеты, ибо требуютъ, чтобъ банкъ бралъ эти билеты подъ залогъ, а банкъ не соглашается".

1 іюня Панинъ писалъ: изъ военныхъ распоряженій и приготовленій здѣсь ничего новаго не видно, кромѣ сбора рекрутъ до 600 человѣкъ изъ разныхъ провинцій; говорятъ, что ихъ скоро отправятъ въ приморскія мѣста для посаженія на суда; другихъ отправленій къ арміи нѣтъ; всѣ войска остаются по своимъ провинціямъ и гарнизонамъ; причина всѣмъ извѣстна: она состоитъ въ совершенномъ истощеніи государственной казны и въ томъ, что недоимка чужестранныхъ субсидій остается невыплаченною, а что уплачивается, то идетъ на содержаніе наличной арміи въ Помераніи. Въ августѣ, говоря о положеніи дѣлъ по смерти вождя господствующей партіи, графа Гилленборга, Панинъ писалъ: „До сихъ поръ сенату оставалось мало времени думать о своей арміи, потому что онъ долженъ былъ управляться съ разными домашними партіями, и теперь, со смертію Гилленборга, внутреннія дѣла придутъ еще въ бо́льшее замѣшательство". Въ началѣ сентября Панинъ увѣдомилъ, что государственный банкъ далъ, наконецъ, коронѣ взаймы 30 бочекъ золота, съ объявленіемъ, что онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе помочь государственному недостатку. Изъ этихъ 30 бочекъ 20 бочекъ удержала штатсъ-контора на выдачу окладного жалованья на этотъ годъ статскимъ и военнымъ чинамъ, ибо это жалованье правительство взяло впередъ изъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и употребило на военные расходы; четыре бочки взяла военная коллегія на расплату съ подрядчиками за поставку вещей прошлаго и нынѣшняго года, и, такимъ образомъ, правительству остается только шесть бочекъ на его новыя военныя издержки. Панинъ считалъ своею обязанностью утверждать, что въ 1759 году не будетъ никакой отправки войска и рекрутъ въ Померанію, а только дѣлаются пустыя обнадеживанія для успокоенія союзниковъ и для поддержанія бодрости въ народѣ. Въ провинціяхъ никто не хочетъ повиноваться правительственнымъ приказаніямъ. Въ будущемъ году долженъ собраться сеймъ, и наверху заняты выборомъ ландмаршала. Придворная партія вмѣстѣ съ старыми *колпаками* ведетъ себя тихо и не мѣшается въ это дѣло; французская партія хочетъ провести въ ландмаршалы барона Шефера, который находится министромъ при Версальскомъ Дворѣ; но сенаторъ Гепкенъ съ своими приверженцами слышать объ этомъ не хочетъ, и проводитъ своего друга—отставного сенатора Вреде[2]).

Новый министръ русскій въ Варшавѣ, генералъ-поручикъ Ѳедоръ Воейковъ, долженъ былъ зани-

[1]) Дѣла Англійскія и протоколы конференціи.

[2]) Дѣла Шведскія.

маться старыми дѣлами. Онъ началъ свои донесенія извѣстіемъ, что первый министръ, графъ Брюль, зять его, маршалъ коронный графъ Мнишекъ, и при нихъ епископъ Краковскій Солтыкъ дѣлаютъ почти все по своему произволу; враждебная имъ партія имѣетъ своими вождями князей Чарторыйскихъ и каштеляна Краковскаго, графа Понятовскаго; отъ раздоровъ между этими двумя партіями происходятъ большіе безпорядки и неудовольствія между знатными Поляками. Къ Воейкову пріѣзжалъ коронный канцлеръ Малаховскій и, обнадеживая въ своей преданности русскимъ интересамъ, высказывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ сильное неудовольствіе на поступки Брюля и Мнишка, которые, вопреки конституціи и обыкновеніямъ польскимъ, вступаются во всѣ дѣла, находящіяся въ завѣдываніи другихъ сановниковъ, такъ-что онъ, Малаховскій, избѣгая дальнѣйшихъ оскорбленій, рѣшился на нѣсколько времени уѣхать въ свою деревню, что и дѣйствительно исполнилъ. „Я", писалъ Воейковъ, „о подобныхъ неудовольствіяхъ слышалъ и отъ другихъ знатныхъ Поляковъ; только мнѣ кажется, что неудовольствія эти возбуждаются Чарторыйскимъ и Понятовскимъ, имѣющими большое значеніе. Я могъ и то примѣтить, что по большей части изъ людей, принадлежащихъ явно къ партіи придворной, очень немного доброжелательныхъ, другіе же только наружно показываютъ себя пріятелями, чтобъ получать чины и другія выгоды. На мои поступки и обхожденіе очень внимательно смотрятъ, и каждый старается привлечь меня къ своей сторонѣ: поэтому я разсудилъ, при учтивомъ обхожденіи, наблюдать осторожность и скромность, выслушивать жалобы иногда и неосновательныя,—и вижу, что чрезъ это нахожусь у обѣихъ партій въ довольномъ уваженіи, и надѣюсь, что если бы въ подобныхъ случаяхъ сталъ чего-нибудь домогаться, то не встрѣтилъ бы большихъ препятствій". Послѣ этого Воейковъ писалъ: „Примѣтилъ я, что воевода Русскій, князь Чарторыйскій, очень дружески обходится съ англійскимъ посланникомъ, лордомъ Стормонтомъ, и съ прочими находящимися здѣсь Англичанами, которые почти ежедневно бываютъ у него въ домѣ; графъ Понятовскій оказываетъ имъ также особенную пріязнь. Такое поведеніе подаетъ справедливую причину къ наибольшему неудовольствію и подозрѣнію какъ со стороны короля, такъ и перваго министра. Можетъ быть, они дѣлаютъ это только въ досаду противной имъ придворной партіи, не имѣя никакихъ худыхъ намѣреній: однако, по моему мнѣнію, выдумка эта очень непохвальна".

На это донесеніе Воейковъ получилъ рескриптъ императрицы: „Недавно пріѣхавшій сюда молодой князь Чарторыйскій проситъ нашего заступленія у короля за епископа Каменецкаго Щептицкаго, чтобы доставлена ему была папская булла, да за аббата Мосальскаго, чтобъ сдѣлать его виленскимъ коадъюторомъ, чѣмъ русская партія получитъ немалое поощреніе. Хотя, подлинно, князья Чарторыйскіе и ихъ партія казались намъ преданными, за что и получили многія отъ насъ милости, однако время и опытъ показали, какъ мало они этому отвѣчаютъ, и, по частной злобѣ на графа Брюля и его зятя, являются враждебными не только нашимъ, но и собственнымъ королевскимъ интересамъ. Явный опытъ ихъ недоброжелательства показанъ въ томъ, что они не устыдились прямо сопротивляться королевскому предложенію—чрезъ депутацію отъ республики требовать у короля Прусскаго объясненія насчетъ враждебности его поведенія относительно Польши, и предложеніе это, по ихъ упорному настоянію, не принято. Изъ этого оказывается, чего королю и намъ впередъ ожидать отъ князей Чарторыйскихъ и ихъ партіи. Однако мы, въ надеждѣ, что они перемѣнятъ свое поведеніе, нисходимъ на прошеніе молодого князя Чарторыйскаго и повелѣваемъ вамъ нашимъ именемъ ходатайствовать за Щептицкаго и Мосальскаго, но прежде хорошенько разсмотрѣть, чтобъ такими рекомендаціями не причинить королю какого-нибудь неудовольствія и тѣмъ не компрометировать наше достоинство".

И Воейковъ, по примѣру всѣхъ своихъ предшественниковъ, долженъ былъ подавать жалобы на притѣсненія Православныхъ въ Польскихъ владѣніяхъ. Въ рескриптѣ императрицы къ нему отъ 10 августа говорилось: „По причинѣ происходящихъ отъ Поляковъ, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ, Греко-Россійскаго закона людямъ всякихъ препятствій въ возобновленіи и починкѣ обветшалыхъ церквей и въ постройкѣ новыхъ, хотя довольно рекомендовано было предмѣстникамъ вашимъ, чтобъ у короля исходатайствовать этимъ людямъ генеральную привилегію имѣть имъ въ этомъ дѣлѣ совершенную свободу, однако такой привилегіи до сихъ поръ еще не исходатайствовано, а нашего закона людямъ имѣть ее очень нужно, потому что Поляки, особенно епископъ Виленскій, не допускаютъ починивать и строить церквей". Воейковъ обратился къ Брюлю, и получилъ обычный отвѣтъ, что король сдѣлаетъ все, что можетъ. Воейковъ писалъ къ епископу Виленскому, и тотъ отвѣчалъ, что надобно отложить дѣло до сейма, потому что онъ, безъ рѣшенія всей республики, не можетъ давать позволенія строить и починять церкви чуждаго исповѣданія. „Эти пустыя отговорки показываютъ его недоброжелательство", писалъ Воейковъ, „ибо извѣстно, что всѣ почти польскіе сеймы разрываются". Въ то же время Поляки требовали немедленнаго вознагражденія за убытки, причиненные имъ отъ прохода русскихъ войскъ черезъ польскія земли; выбрали двоихъ депутатовъ, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, а другой—къ фельдмаршалу графу Салтыкову, домогаться удовлетворенія за убытки. Напрасно Воейковъ старался воспрепятствовать отправленію этихъ депутацій; напрасно спрашивалъ,—отчего это жалобы

происходятъ только на одно русское войско. Пруссаки ворвались въ Польскія владѣнія и опустошили ихъ,—и на это нѣтъ ни малѣйшей жалобы. Графъ Брюль отвѣчалъ, что хотя такое предпріятіе польскихъ магнатовъ королю было очень непріятно, однако онъ удержать его не могъ; Брюль прибавлялъ отъ себя, что дѣлать нечего, надобно удовлетворить упрямое и безразсудное польское шляхетство, чтобъ удержать его отъ какихъ-нибудь предосудительныхъ поступковъ, по причинѣ близости къ границамъ бранденбургскимъ и силезскимъ.

Въ октябрѣ Воейковъ получилъ рескриптъ съ новыми требованіями исходатайствовать генеральную привилегію Православнымъ, потому что епископъ Виленскій разсылаетъ своихъ миссіонеровъ, которые поступаютъ съ простымъ народомъ *малослыханнымъ* образомъ, и, по наущенію ихъ, самому епископу Бѣлорусскому—Георгію Конисскому—нанесено въ городѣ Оршѣ такое безчестіе и ругательство, что онъ опасается, можно ли будетъ ему и въ своемъ домѣ спокойно жить, и проситъ высочайшаго заступленія за всѣхъ единовѣрныхъ въ Польшѣ и Литвѣ. На свои представленія Воейковъ получилъ прежніе отвѣты и писалъ: „Духовенство здѣсь, въ Польшѣ, великую имѣетъ силу, отчего надуто такою гордостію, что не только не смотритъ на министровъ, но и королевскихъ повелѣній мало слушаетъ“ [1]).

Въ Польшѣ Фридрихъ II не имѣлъ надежды возбудить какое-нибудь движеніе, могшее отвлечь русскія силы; но онъ не терялъ надежды относительно Турціи. Въ началѣ года, Обрѣзковъ доносилъ изъ Константинополя, что тамъ все тихо; но отъ 3-го апрѣля далъ знать, что явился новый прусскій эмиссаръ, и 22 марта великій визирь, въ одномъ изъ загородныхъ султанскихъ дворцовъ, имѣлъ тайное свиданіе съ секретаремъ англійскаго посольства и первымъ переводчикомъ. Англійскій посолъ получилъ отъ своего Двора повелѣніе,—стараться всѣми способами устроить союзъ между Портою и Прусскимъ королемъ, и позволеніе въ нужномъ случаѣ истратить на это хотя до 100,000 фунтовъ стерлинговъ. Визирь соглашался на простой союзъ или трактатъ дружбы; но король требовалъ наступательнаго или, по крайней мѣрѣ, оборонительнаго союза, на что визирь никакъ не соглашался. „Между тѣмъ я и союзные министры“, писалъ Обрѣзковъ, „употребляли всѣ средства, чтобъ воспрепятствовать окончанію этого дѣла, и хотя замѣчаемъ, что вообще Турки удалены отъ Прусскаго союза, однако если визирь къ нему расположенъ и ихъ союзники не получатъ надъ Прусскимъ королемъ важной выгоды, то ни за что ручаться нельзя“.

Дѣйствительно, тотчасъ послѣ полученія ложнаго извѣстія, что Пруссаки одержали побѣду надъ русскимъ войскомъ при Пальцигѣ, визирь началъ дѣло съ прусскимъ эмиссаромъ, и тотчасъ же прервалъ его, когда было получено вѣрное извѣстіе о русскихъ побѣдахъ и подъ Пальцигомъ, и подъ Кунерсдорфомъ. „Прусскіе эмиссары“, писалъ Обрѣзковъ отъ 1 октября, „до сихъ поръ—здѣсь, и положеніе ихъ не улучшилось, ибо Порта постоянно имъ отвѣчаетъ, чтобъ имѣли терпѣніе и ждали удобнаго времени. Однако такое поведеніе Порты много безпокоитъ меня и союзныхъ министровъ: изъ него видимъ, съ одной стороны, хитрость Порты, которая хочетъ имѣть полную свободу принять или не принять прусскія предложенія, смотря по обстоятельствамъ; съ другой стороны, прусскіе эмиссары, живучи здѣсь тайно, могутъ потомъ держаться и явно, и дождаться своего времени. Поэтому я съ союзными министрами употребилъ всѣ усилія, чтобъ эти эмиссары были отсюда отпущены, но безъ успѣха, и впередъ, по склонности и твердости визиря, имѣемъ небольшую надежду къ успѣху, развѣ помогутъ новые успѣхи оружія нашего или нашихъ союзниковъ. Порта постоянно хлопочетъ о снабженіи пограничныхъ городовъ военными запасами. Султанъ желаетъ войны, но между знатью находитъ не много воинственности“ [2]).

По донесеніямъ прусскаго эмиссара въ Константинополѣ фонъ-Рексина, великій визирь объявлялъ ему, что Порта готова къ союзу съ Пруссіею, но съ условіемъ, чтобъ Англія вступила такъ-же въ этотъ союзъ и гарантировала его; три союзныя державы должны были заключить миръ только по взаимному соглашенію. Но англійское министерство объявило прусскому посланнику, что Англія заключала съ Портою только торговые договоры и никогда не заключала союзовъ; союзъ съ Турками возбудитъ негодованіе при католическихъ Дворахъ—Испанскомъ и Неаполитанскомъ, и въ самомъ Англійскомъ народѣ. Статью о заключеніи мира только по общему соглашенію нельзя принять: она будетъ противна Англійскому народу. Остается одно — отправить приказаніе англійскому посланнику склонять визиря въ пользу Пруссіи, не связывая себѣ рукъ [3]).

Надобно было позаботиться о сохраненіи мира на Югѣ, потому что война на Западѣ становилась очень дорога. Для пополненія войска перестали быть разборчивыми. Военная Коллегія доносила, что бывшаго въ вѣдомствѣ Бергъ-Коллегіи и присланнаго въ Военную Коллегію для опредѣленія въ полки и гарнизоны гинтерфервальтера Кривцова опредѣлить нельзя, ибо, по рѣшенію Военной Коллегіи 1756 года, велѣно въ арміи въ офицеры производить по вѣрнымъ аттестатамъ такихъ людей, которые были бы трудолюбивы, проворны, быстрой находчивости, о всемъ попечительны, памятливы, знающіе совершенно военныя правила, собою доброзрачны и расторопны; а Кривцовъ въ военной службѣ не былъ, а въ горной,—да изъ нея

---

[1]) Дѣла Польскія.

[1]) Дѣла Турецкія.

[2]) Шеферъ II, 427, 432.

за недостоинство присланъ, ктому-жъ и лѣтъ немолодыхъ. Но Сенатъ велѣлъ Кривцова опредѣлить, куда окажется способенъ; если же онъ не произведенъ въ горные офицеры за неспособностью, такъ это потому, что горные офицеры производятся по наукамъ, надобнымъ для горнаго искусства; Кривцову только 49 лѣтъ, и потому онъ можетъ еще службу продолжать, а кромѣ немолодыхъ лѣтъ, какія его еще неспособности, которыя бы препятствовали ему служить въ полкахъ,—этого Военная Коллегія не пишетъ. Медицинская Канцелярія переслала въ Сенатъ мнѣнія доктора Полетики, что больные въ госпиталѣ большею частью страдаютъ горячкою и поносомъ; причины: спертый воздухъ, дальняя и трудная дорога для рекрутовъ, скудная пища, тѣснота въ квартирахъ и нечистота, перемѣнная и мокрая зима, усталость отъ военныхъ упражненій; притомъ больные посылаются въ госпиталь поздно, гдѣ и помираютъ отъ тѣсноты и смрада. Необходимо госпиталь распространить и больныхъ въ палатахъ уменьшить, по крайней мѣрѣ на половину. Сенатъ велѣлъ пріискать новые дома для распространенія госпиталя. Для пополненія полковъ, послали указы главнымъ сыщикамъ: изъ находящейся при нихъ воинской команды, для крайней нынѣ въ полкахъ надобности, оставить только такое число людей, какое необходимо, безъ всякаго излишества, а прочихъ отпустить къ полкамъ [1]).

У сыщиковъ уменьшали команды—и слѣдствіе было извѣстно:—умноженіе разбоевъ. Появились разбойники близъ Москвы, по Владимірской дорогѣ, около звѣринца; пристань имѣли они въ Лефортовской части у разночинцевъ. Прежде у генералъ-полицеймейстера были двѣ роты драгунъ, а теперь это число уменьшили, и генералъ-полицеймейстеръ доносилъ, что по Московской дорогѣ и въ близости отъ Петербурга производятся явные разбои; разбойники вооружены тесаками и пистолетами. Послѣдовалъ именной указъ: опять учредить двѣ драгунскія роты. Скоро исполнить указъ было трудно, и изъ Кабинета пришло подтвержденіе о немедленномъ командированіи для полиціи двухъ драгунскихъ ротъ, потому что въ Петербургѣ не только оказывались домовыя кражи, но на Морскомъ рынкѣ, позади Мучного и Свѣчного рядовъ, найдена рогожа, въ которой завернутъ былъ горшокъ съ мѣхомъ и огнемъ, отчего рогожа уже обгорѣла. Императрица приказала такъ-же выгнать цыганъ изъ Петербурга и окрестностей. Пришли извѣстія, что въ Новгородскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ разбойники разорили много домовъ; разбои здѣсь увеличивались съ такою силою, что въ концѣ года принужены были для сыску разбойниковъ назначить всѣхъ воинскихъ служителей, находившихся при межеваньи, въ помощь имъ велѣли брать отставныхъ офицеровъ, а гдѣ нужно—и обывателей.

Любопытный именной указъ заслушалъ Сенатъ 13 декабря: „Ея величеству извѣстно учинилось, что многіе люди къ новоявленному чудотворцу Димитрію въ Ростовъ и въ Ахтырку къ чудотворному образу въ проѣздѣ чинятъ обывателямъ обиды и берутъ безденежно подводы, отчего ямщики и крестьяне разоряются“ [2]).

На денежныя требованія изъ конференціи Сенатъ въ началѣ года принужденъ былъ отвѣчать рѣшительными отказами: такъ, конференція требовала, чтобъ выдано было 8,400 рублей капитану князю Николаю Репнину, отправлявшемуся во Францію, и ротмистру графу Петру Апраксину, ѣхавшему въ шведскую армію. Сенатъ приказалъ сообщить въ конференціи, что отпустить теперь этихъ денегъ неоткуда, — во всѣхъ мѣстахъ въ деньгахъ крайній недостатокъ, почему многіе приказанные отпуски денегъ до сихъ поръ не исполнены. Давши такой отвѣтъ, на другой же день Сенатъ рѣшилъ послать нарочныхъ—необрѣтающихся у дѣлъ штабъ и оберъ-офицеровъ съ инструкціями въ губернскіе, провинціальные и городовые магистраты, чтобъ они выслали имѣющіяся въ магистратахъ и ратушахъ отъ разныхъ сборовъ деньги, сколько ихъ гдѣ есть, всѣ, не оставляя ничего. А тутъ подносится рапортъ Главнаго Коммисаріата: надобно къ заграничной арміи дослать въ годовой расходъ болѣе 600,000 рублей, и въ то число Правит. Сенатъ приказалъ отправить въ Кенигсбергъ мѣдною монетою 400,000 рублей, но въ наличности имѣется денежной казны разныхъ суммъ, въ томъ числѣ и госпитальной, только 289,276 рублей.

Таможеный сборъ былъ отданъ на откупъ оберъ-инспектору таможенъ — Шемякину и компаніи; но Шемякинъ въ концѣ года подалъ донесеніе: по малому числу таможенъ, во многихъ мѣстахъ отъ командъ происходятъ послабленія, а нѣкоторые командиры дѣлаютъ препятствіе въ сборахъ, таможенныхъ служителей немилосердо бьютъ и держатъ долгое время подъ карауломъ, а тайно проѣзжающихъ съ товарами людей изъ-за взятокъ пропускаютъ за границу; оговорныхъ къ слѣдствію не даютъ, нарочно посланныхъ въ разъѣздъ мучительски бьютъ, а на Колыбельскомъ форпостѣ и смертное убійство произошло. Отъ сосѣднихъ съ границею жителей никакой помощи нѣтъ, напротивъ:—сами они, по согласію съ Поляками и русскими купцами, собравшись человѣкъ по сту и больше, съ ружьями и копьями, безпрерывно провозятъ товары, а удержать ихъ нельзя по малочисленности команды на форпостахъ,—во многихъ мѣстахъ только по одному солдату находится, и всякая команда отговаривается, что увеличить число людей на форпостахъ некѣмъ. Генералъ-маіоръ Альбедиль пишетъ, что не только эти партіи прекратить, но и бѣгущихъ изъ Россіи въ Польшу многими семьями отвратить некѣмъ, и, кромѣ на-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 22 марта, 27 апрѣля, 11 мая.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 19 января, 25 мая, 22 іюня, 13 августа, 3 и 18 октября

стоящаго тракта, бѣглецы проложили нѣсколько другихъ дорогъ чрезъ границы [1]).

При безденежьи, порадовало извѣстіе изъ Сибири: Нерчинская Экспедиція представила о публикованіи въ газетахъ, для славы Россійской имперіи, о вновь сысканномъ богатомъ серебряномъ рудникѣ, названномъ Кадаинскимъ, какихъ прежде никогда не было отыскано. Сенатъ однако приказалъ удержаться на нѣкоторое время публикаціею. Въ области другихъ промысловъ происходили любопытныя явленія. Конференція переслала въ Сенатъ доношеніе таможеннаго оберъ-инспектора и откупщика Шемякина, который просилъ позволенія вывозить въ Россію шелкъ, золото и серебро безпошлинно, для снабженія русскихъ фабрикъ. Конференція давала знать, что разсмотрѣніе и окончаніе дѣла принадлежитъ подлинно Правительствующему Сенату, однако въ ней опредѣлено при посылкѣ этого доношенія сообщить, что представленія Шемякина основательны и усердіе его заслуживаетъ похвалу, и притомъ прилежно рекомендовать, чтобъ по важности этого дѣла окончаніемъ его было ускорено: для поправленія русскихъ мануфактуръ надобно поскорѣе воспользоваться настоящими почти во всей Европѣ замѣшательствами. Шемякинъ въ своемъ донесеніи писалъ, что хотя число шелковыхъ мануфактуръ очень умножилось, однако это производство далеко отъ совершенства и служитъ надежнымъ путемъ къ разоренію. Французскій фабрикантъ заботится только о рисункахъ и не думаетъ, откуда ему взять шелкъ и какъ его окрасить, потому что на то есть купцы и красильщики; у насъ же—наоборотъ: фабрикантъ долженъ быть и купцомъ и красильщикомъ, что разоряетъ, ибо требуетъ вдругъ затраты большихъ капиталовъ; каждый фабрикантъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, на 50,000 въ запасѣ шелку, если хочетъ обезпечить себя, чтобъ фабрика его не стала. Запасетъ фабрикантъ 40 пудовъ желтаго шелку и не удастся ему передѣлать изъ него въ цѣлый годъ и пуда, а по заказамъ нужно ему будетъ передѣлать въ одинъ мѣсяцъ 30 пудовъ фіолетоваго, котораго у него и золотника нѣтъ: что тутъ дѣлать? Перекрашивать — краска тратится и цвѣтъ выходитъ плохой, и матерія не имѣетъ чистоты и прочности. Шемякинъ обязывался содержать въ Петербургѣ и Москвѣ столько шелку и такихъ сортовъ и цвѣтовъ, какіе только понадобятся, чтобъ никакой остановки не было, для чего просилъ на 30 лѣтъ привилегіи и, кромѣ того, права вывозить одному за-границу бѣлку, мерлушки и бобровъ. Но оберъ-директоръ позументной фабрики, Роговиковъ, доносилъ, что требованіе Шемякина безполезно, изъ одной зависти нарекаетъ онъ на русскихъ фабрикантовъ напрасно, ибо многія фабрики пришли уже въ цвѣтущее состояніе; онъ, Роговиковъ, употребилъ на свою фабрику болѣе 100,000 рублей и довольствуетъ своимъ товаромъ съ похвалою; а Шемякинъ никакой фабрики не имѣетъ и хочетъ всѣхъ подорвать. Если угодно, онъ, Роговиковъ, возьметъ привилегію на тѣхъ же условіяхъ, но приметъ къ себѣ въ компанію и прочихъ фабрикантовъ; сверхъ того, обязывается платить ежегодно по 30,000 рублей въ казну. Сенатъ приказалъ: позволить Шемякину безпошлинный ввозъ одного шелку, но не золота и серебра; позволить и другимъ фабрикантамъ безпошлинный ввозъ шелку, но только для своихъ фабрикъ, а не на продажу; позволить Шемякину на вымѣнъ шелка отпускать за китайскую границу бобровъ, но съ пошлиною; также мерлушки и бѣлку за другія границы—съ пошлиною, а другимъ отпускъ ихъ запретить. Роговикова неосновательное представленіе отставить и объявить ему, чтобъ впредь такихъ не подавалъ.

Генералъ-лейтенантъ гофмаршалъ, баронъ фонъ-Сиверсъ, подалъ прошеніе ни-больше-ни-меньше, какъ объ уничтоженіи бумажной и картной фабрики петербургскаго купца Ольхина, потому что на его, Сиверсовой, красносельской фабрикѣ всякихъ сортовъ бумага дѣлается лучшимъ мастерствомъ и въ такомъ количествѣ, что не только всю Петербургскую губернію, но и близлежащія провинціи можетъ удовольствовать, и для того надобно отвратить видимый имъ себѣ отъ фабрики Ольхина подрывъ; въ 1754 году сенатскимъ опредѣленіемъ Ольхину запрещено распространять свою безполезную фабрику; притомъ Ольхинъ въ своемъ прошеніи назвалъ его, Сиверса, подрывателемъ своей фабрики, и за это онъ, Сиверсъ, требуетъ удовлетворенія. Сенатъ приказалъ: Мануфактуръ-Коллегіи освидѣтельствовать фабрику Ольхина и донести такъ, чтобъ можно было видѣть, размножена-ль эта фабрика противъ прежняго и какая именно сдѣлана прибавка; что же касается удовлетворенія, то пусть Сиверсъ бьетъ челомъ, гдѣ слѣдуетъ по указамъ, въ низшемъ мѣстѣ, а не въ Сенатѣ [2]).

Война затягивалась; землевладѣльцы, находясь при войскѣ за-границею, не имѣли возможности брать отпусковъ для личнаго надзора за имѣніями и выплачивать въ банкъ занятую сумму. Петръ Ив. Шуваловъ предложилъ отсрочить этотъ платежъ, чтобъ дворянство, „этотъ первый членъ государственный", не лишилось своихъ имѣній, особенно теперь, находясь на войнѣ за-границею. Помѣщикъ находился при войскѣ, а сосѣдъ пользовался его отсутствіемъ, нападалъ на его имѣніе, билъ крестьянъ: орловскій помѣщикъ Шамардинъ съ своими людьми и крестьянами напалъ на людей и крестьянъ маіора Шеншина и убилъ четырехъ человѣкъ, билъ и сыскную команду, отправленную противъ него [3]).

Города нужно было предохранять отъ пожаровъ,

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 22 и 23 марта, 3 мая, 8 декабря.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 29 іюля, 15 и 17 декабря.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 1 и 22 іюня.

отъ произвола Главнаго Магистрата и отъ воеводъ, которые, въ свою очередь, жаловались на купечество. Воеводская канцелярія Юрьева-Повольскаго доносила, что тамошнее купечество не исполняетъ полицейскихъ должностей, не имѣетъ пожарныхъ инструментовъ; по почамъ происходятъ многолюдныя собранія, озорничество и угрозы побоями воеводѣ и канцелярскимъ служителямъ. Ростовскій воевода Спиридовъ смѣненъ былъ за то, что не имѣлъ старанія о постройкѣ пожарныхъ инструментовъ. Главный Магистратъ донесъ Сенату, что онъ выбралъ въ свои ратгеры признанныхъ имъ достойными этого чина московскихъ купцовъ—Струговщикова и Серебреникова. Сенатъ приказалъ: по силѣ Регламента, велѣть московскому купечеству выбрать кандидатовъ и представить ихъ въ Главный Магистратъ, а тотъ долженъ представить ихъ Сенату, обозначивъ въ своемъ представленіи, кто, по его мнѣнію, достойнѣе; Главному Магистрату такъ и должно было поступить, а не представлять по одному своему удостоенію, имѣя передъ глазами Регламентъ и именной указъ 1757 года, съ выговоромъ за подобный неосмотрительный поступокъ, но все это было пренебрежено.

Относительно воеводъ любопытна просьба Юстицъ-Коллегіи, нельзя ли по дѣлу Пензенскаго воеводы Жукова назначить особую коммисію изъ постороннихъ лицъ, а ей вести это дѣло нѣтъ возможности за малочисленностью секретарей и приказныхъ людей. Надъ совѣтникомъ полиціи, Неплюевымъ, назначена же была особая коммисія, хотя о немъ было только 20 дѣлъ, а о Жуковѣ—223 дѣла! Сенатъ не согласился, а велѣлъ для разсмотрѣнія Жуковскаго дѣла назначить два дня въ недѣлю, въ которые никакими другими дѣлами не заниматься [1]).

Въ селахъ видимъ прежнее явленіе—возстаніе монастырскихъ крестьянъ. Синодъ прислалъ вѣдѣніе: архангельскаго Архангело-Городского монастыря архимандритъ Иринархъ жаловался на непослушаніе приписныхъ къ монастырю крестьянъ; крестьяне жаловались на отягощеніе излишними работами и поборами. Для окончанія дѣла крестьянамъ было объявлено съ подпискою, чтобъ они были послушны монастырю; но крестьяне не послушались, келаря столкнули съ крыльца, потомъ и архимандрита прогнали, толкая подъ бока кулаками; а губернская канцелярія съ этими противниками ничего не сдѣлала; Синодъ жаловался на понаровку крестьянамъ губернаторскаго товарища Черевина и въ должности секретаря—Иванова. Въ Шацкомъ уѣздѣ новокрещеная Мордва въ деревнѣ Тумаги отложилась отъ Савина-Сторожевскаго монастыря и не платила оброка съ 1753 года. Крестьяне тверского Калязина монастыря били челомъ, что архимандритъ и монастырскіе стряпчіе ихъ разоряютъ.

Мы упоминали о страшномъ дѣлѣ между Сафоновымъ и Львовыми, которые напали на его крестьянъ, убили 11 человѣкъ и смертельно ранили 45. Дѣло это тянулось съ 1754 года. Въ описываемое время Львовы съ Сафоновымъ помирились на томъ, что положили ему въ искъ дать денегъ 4,000 рублей, да въ Калужскомъ уѣздѣ недвижимое всѣхъ ихъ, Львовыхъ, имѣніе, и дать на то имѣніе въ 5,000 рублей купчую. Сенатъ позволилъ эту сдѣлку [2]).

На Южной, степной украйнѣ продолжались наѣзды Запорожскихъ казаковъ на Донскихъ. Донской атаманъ, извѣстный Ефремовъ, въ знакъ особенной милости ея императорскаго величества, за заграничный походъ пожалованъ былъ въ тайные совѣтники. Малороссійскій гетманъ выхлопоталъ вознагражденіе и Запорожцамъ, прибавку жалованья по причинѣ умноженія этого войска и потому, что оно стѣснено отъ Новой Сербіи и новаго Слободскаго полка въ рыбной и звѣриной ловлѣ; кромѣ того, казаки покинули соляные промыслы и прочую торговлю вслѣдствіе увеличенія пошлинъ въ пограничныхъ таможняхъ; гетманъ просилъ также дать Запорожцамъ артиллерію. Сенатъ приказалъ: жалованья прибавить 2,000 рублей, и съ прежнимъ производить по 6,660 рублей; вмѣсто трехъ пушекъ, оказавшихся негодными, отпустить три новыя.

Новосербскіе поселенцы начали попадаться въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: двое изъ нихъ пропустили гайдамаковъ изъ-за границы въ Россію изъ-за взятокъ; третій принималъ отъ гайдамаковъ пограбленныя вещи и давалъ имъ ружья, порохъ и пули для разбою. Военный судъ приговорилъ ихъ къ смертной казни, но Хорватъ выпросилъ помилованіе, чтобъ „не дать эха“ выходцамъ въ Новую Сербію и не остановить переселенія. Мы упоминали уже о буйствахъ Черногорцевъ. Въ началѣ описываемаго года въ Сенатъ прислано было сообщеніе изъ Кабинета: ея величеству стало извѣстно о происходящихъ отъ Черногорцевъ въ Москвѣ великихъ продерзостяхъ драками и явными грабительствами, и будто побуждаются они къ тому бѣдностью и недостаткомъ въ содержаніи. Сенатъ приказалъ отвѣчать: Черногорцы выходъ въ Россію въ вѣчное подданство имѣли для поселенія въ отведенныхъ имъ мѣстахъ въ Оренбургской губерніи; они сами осмотрѣли эти мѣста и выгодами ихъ остались сначала довольны, почему и отправились туда изъ Кіева; но скоро не только стали отрекаться отъ поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, но и, будучи въ Самарѣ, начали дѣлать великія продерзости и обиды обывателямъ, почему Сенатъ опредѣлилъ держать ихъ тамъ до указа, въ виду сформированія изъ нихъ гусарскаго полка, когда число ихъ увеличится. Потомъ, нѣкоторые изъ нихъ изъявили желаніе служить при арміи особымъ эскадрономъ и въ старыхъ гусарскихъ полкахъ, почему

[1]) Журналы и протоколы Сената, 19 января, 8 марта, 20 апрѣля, 3 іюня.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 3 марта, 7 и 20 октября, 2 декабря.

и велѣно отправить ихъ въ Москву для снабженія оружіемъ и мундиромъ; но въ Москвѣ они стали не только производить драки и обиды обывателямъ, но и непослушаніе командирамъ, и безъ воли Черногорскаго митрополита Петровича не хотѣли присягать. Въ сентябрѣ 1758 года отправленъ былъ въ Москву митрополитъ Петровичъ, чтобъ привести ихъ въ послушаніе и порядокъ, и велѣно ему наказать виновныхъ по обычаю ихъ страны. Но потомъ опять эти Черногорцы оказались въ частыхъ продерзостныхъ поступкахъ, дрались, били и грабили обывателей, почему велѣно поступить съ ними по военнымъ законамъ и немедленно отправить ихъ изъ Москвы въ армію; жалобъ на бѣдность ихъ въ Сенатъ никакихъ не было; жалованье выдается имъ, какъ и прочимъ въ государскихъ полкахъ — по третямъ. Между прочимъ, баронесса Марья Строганова жаловалась, что уже въ 1759 году, 7 января, Черногорцы толпою пришли къ ея дому съ обнаженными саблями, вломились въ ворота, изрубили рѣшетку, попадающихся имъ людей жестоко били, прибѣжали и къ ея покоямъ и рубили столбы у крыльца; тогда на колокольняхъ, близкихъ къ ея дому церквей, стали бить въ набатъ, сбѣжался народъ, — и Черногорцы должны были возвратиться [2]).

Глава V.

Продолженіе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1760 годъ.

Празднованіе Новаго Года.—Приготовленія къ кампаніи.—Свидѣтельствованіе артиллеріи.—Планъ кампаніи.—Движеніе Салтыкова.—Переписка его съ конференціею.—Отступленіе Салтыкова и болѣзнь его.—Онъ сдаетъ главное начальство надъ арміею Фермору.—Занятіе Берлина Русскими и оставленіе его ими.—Вторая неудача подъ Кольбергомъ.—Пріѣздъ къ арміи новаго главнокомандующаго, графа Бутурлина.—Отступленіе его къ Вислѣ на зиму.—Переговоры съ Австріею насчетъ вознагражденія Россіи за войну.—Отношенія къ Даніи.—Смерть Мих. Петр. Бестужева-Рюмина.—Смѣна Лопиталя въ Петербургѣ Бретейлемъ.—Сношенія съ Англіею о вознагражденіи Россіи за войну.—Отозваніе Панина изъ Стокгольма.—Назначеніе на его мѣсто графа Остермана.—Сношенія съ Польшею и Турціею.—Внутреннія распоряженія.—Затруднительное положеніе финансовъ.—Лотерея.—Состояніе городовъ.—Знаменитый указъ 16 августа.—Пополненіе Сената.—Новый генералъ-прокуроръ князь Шаховской.—Его столкновенія съ графомъ Петр. Ив. Шуваловымъ.—Важнѣйшія судебныя рѣшенія.—Крестьянскія возстанія.—Конференціи Сената съ Синодомъ объ управленіи церковными имѣніями.—Событія въ Тобольскѣ и Иркутскѣ.—Столкновеніе Сената съ конференціею.

Новый Годъ былъ начатъ воспоминаніемъ побѣдъ прошлаго года, побѣдъ, какихъ не было съ славныхъ временъ Петра Великаго, и потому имѣлось право сопоставить время отца съ временемъ дочери. Въ Петербургѣ сожженъ былъ великолѣпный фейерверкъ: представлено жестокое сраженіе при Франкфуртѣ и одержанная Россіянами преславная побѣда. Надъ мѣстомъ ужаснаго сраженія видно было раскаленное солнце съ именемъ Великія Елисаветы, а по сторонамъ—два великолѣпныя зданія, знаменующія двѣ великія побѣды. Потомъ представлена на воздухѣ Слава, внизъ подающая Вѣчности, сидящей на древнемъ камнѣ и описывающей дѣла ея величества, два лавровые вѣнца, означающіе двѣ побѣды — Пальцигскую и Франкфуртскую. Затѣмъ представленъ былъ великолѣпный храмъ славы Петра Великаго, какъ основателя нынѣшняго Россіи благополучія; сквозь двери, во внутренности храма видно было поясное изображеніе величайшаго монарха, Петра Великаго [1]).

Но преславныя побѣды Петра Великаго повели къ преславному миру, и главная забота дочери состояла въ томъ, чтобы хотя нѣсколько сравняться съ отцомъ въ этомъ отношеніи. Честный для Россіи и ея союзниковъ миръ могъ быть заключенъ только при совершенномъ сокрушеніи силъ Прусскаго короля, и Елисавета сказала Эстергази: „Я не скоро рѣшаюсь на что-нибудь, но если я уже разъ рѣшилась, то не измѣню моего рѣшенія. Я буду вмѣстѣ съ союзниками продолжать войну, если бы даже я принуждена была продать половину моихъ платьевъ и брильянтовъ“.

3 января послано было главнокомандующему графу Салтыкову приказаніе пріѣхать на малое время въ Петербургъ, а войско сдать въ команду графу Фермору. Призывъ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе донесенія Салтыкова, что онъ не знаетъ, въ какую сторону двинется армія въ будущую кампанію, и потому удерживается отъ посылки отрядовъ для нанесенія вреда непріятелю: если армія двинется вправо, т.-е. въ Померанію, то можно посылкою отрядовъ оголодить эту, еще нетронутую страну; если же посылать отряды влѣво, то эта сторона и такъ уже совсѣмъ истощена. Еще до отъѣзда Салтыкова въ Петербургъ, явился въ армію артиллерійскій генералъ-поручикъ Глѣбовъ для того, чтобъ, въ присутствіи фельдмаршала, всего генералитета, офицеровъ и даже солдатъ, хотя по небольшому числу съ роты, сдѣлать обстоятельное сравненіе новой артиллеріи съ старою и тѣмъ рѣшить всѣ сомнѣнія. Увѣдомляя о своихъ распо-

---

[1]) «С.-Петербургск. Вѣдомости» 1760 года, 4 января.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 8 и 19 января, 20 апрѣля, 18 и 22 іюня.

ряженіяхъ, сдѣланныхъ для производства этого сравненія, Салтыковъ писалъ: „Такъ какъ я принялъ въ разсужденіе тѣ худыя слѣдствія, каковыя отъ пересказовъ присутствовавшаго при томъ солдатства легко произойти могутъ, вмѣсто того, что ихъ въ безмолвномъ послушаніи приказываемому содержать, а отнюдь повода и случая къ разсужденіямъ о подобныхъ дѣлахъ имъ не подавать: то для сего, во всенижайшемъ уповаціи всевысочайшей апробаціи, смѣлость я принялъ командированіе къ свидѣтельству артиллеріи рядовыхъ солдатъ отмѣнить". Но всевысочайшей апробаціи не послѣдовало; въ отвѣтномъ рескриптѣ Салтыковъ прочелъ: „Мы сіе для того за нужно почитали, чтобъ тѣмъ скорѣе и точно о сильномъ преимуществѣ новой артиллеріи предъ старою рядовыхъ увѣрить; и нынѣ въ семъ намѣреніи, а паче уважая, что сколь ни вѣрно было помянутое свидѣтельство, и сколь ни доказано тѣмъ преимущество новой артиллеріи, можетъ быть не произведетъ той пользы, какая желательна, дабы вкоренившееся сумнѣніе о новой артиллеріи въ арміи, а особливо въ рядовыхъ солдатахъ уничтожить, если имъ ясно и навсегда преимущество оной доказываемо и толковано не будетъ ихъ командирами,—вамъ чрезъ сіе повелѣваемъ всему армейскому генералитету наставленіе подать, дабы тѣ штабъ и оберъ-офицерамъ,—и офицеры рядовымъ при всѣхъ случаяхъ толковать и внушать старались, для вкорененія въ нихъ большей на новую артиллерію надежды, и что оная дѣйствительно въ ихъ собственную пользу и по своему дѣйствію, конечно, превосходнѣе и сильнѣе непріятельской, подъ опасеніемъ за неисполненіе имъ строгаго взысканія".

Свидѣтельство артиллеріи началось въ Маріенвердерѣ 28 января и продолжалось 29, 30 и 31 чиселъ, послѣ чего отправленъ былъ въ Петербургъ подробный журналъ, подписанный всѣми присутствовавшими генералами, съ приложеніемъ такого общаго вывода: „Хотя новоизобрѣтенная артиллерія предъ старою натурально преимущества имѣла, когда трехфунтовая пушка съ двѣнадцатифунтовымъ единорогомъ, да потому-жь и прочія орудія сравниваемы были: но какъ между тѣмъ искусство (опытъ) минувшихъ кампаній доказало, что какъ одна, такъ и другая артиллерія въ своемъ родѣ нужна и полезна, слѣдовательно и впредь съ успѣхомъ употребляема быть можетъ, то въ семъ разсужденіи, равно какъ и по долговременной привычкѣ къ прежней артиллеріи не только артиллирійскихъ нижнихъ служителей, но въ случаѣ нужды и солдатъ, нижеподписавшіеся за полезно находятъ содержать при арміи какъ прежнія пушки и мортиры, такъ и новоизобрѣтенныя орудія".

Немедленно послѣ свидѣтельства артиллеріи, Салтыковъ отправился въ Петербургъ, гдѣ 7 марта подалъ свое мнѣніе о планѣ будущей кампаніи. По этому мнѣнію, слава русскаго оружія пріобрѣтена и утверждена побѣдами надъ такимъ непріятелемъ, который побѣждалъ всѣ другія арміи, кромѣ русской; эту славу надобно сохранять, и потому не должно вступать въ генеральную битву съ этимъ отчаяннымъ непріятелемъ, развѣ имѣя на своей сторонѣ гораздо превосходнѣйшія силы. Русская армія можетъ выступить въ кампанію, имѣя не болѣе 60,000 человѣкъ пѣхоты и регулярной кавалеріи; а такое войско не очень превосходитъ силы, которыя непріятель можетъ употребить противъ русской арміи, если будетъ допущенъ къ тому союзниками. Такъ какъ непріятель, находясь въ собственныхъ земляхъ, имѣетъ болѣе способовъ скрывать свои движенія, а быстрота движеній короля Прусскаго всѣмъ довольно извѣстна, то необходима большая предосторожность, чтобъ онъ не могъ тайкомъ съ превосходными силами приблизиться къ нашей арміи такъ, что безъ предосужденія нельзя будетъ уклониться отъ генеральнаго сраженія. Поэтому считается за полезнѣйшее, до приведенія прусской арміи союзниками въ большее изнеможеніе, не только не переправляться черезъ рѣку Одеръ, не только не предпринимать осады лежащихъ на ней крѣпостей, но даже и не приближаться къ этой рѣкѣ безъ великой предосторожности, а слѣдуя австрійскому примѣру, стараться приводить непріятеля въ изнеможеніе болѣе стѣсненіями, чѣмъ побѣдами, отъ которыхъ собственныя силы чувствительно убавляются.

На этомъ основаніи планъ будущей кампаніи можно было, по мнѣнію Салтыкова, начертать такимъ образомъ: 1) овладѣть всею Помераніею до крѣпостей по рѣкѣ Одеру и принять мѣры такъ въ ней утвердиться, чтобъ можно было остаться въ ней зимовать. 2) Занять въ самомъ началѣ кампаніи Данцигъ, какъ для собственной безопасности, такъ и для отнятія у непріятеля выгодъ, ибо онъ получаетъ изъ Данцига хлѣбъ, вербуетъ тамъ людей, покупаетъ лошадей и получаетъ хорошую монету для передѣлки въ свою. 3) По занятіи Данцига, идти внутрь Помераніи до рѣки Праги, устроить тутъ укрѣпленный лагерь и отправить корпусъ для осады Кольберга, прикрывая осаду главною арміею. 4) Можно надѣяться, что, во время осады Кольберга, союзники что-нибудь да сдѣлаютъ надъ непріятелемъ, что откроетъ лучшій способъ въ продолженіи военныхъ дѣйствій; но если даже они ничего значительнаго не сдѣлаютъ, то, взявши Кольбергъ, снабдя его небольшимъ гарнизономъ, устроивъ магазины и оставя позади себя всѣ большія тягости, двинуться къ рѣкѣ Одеру, показывая непріятелю видъ, что намѣрены перейти рѣкѣ Одеръ и овладѣть Берлиномъ. 5) Этимъ движеніемъ непріятель будетъ принужденъ отдѣлить значительныя силы для отвращенія грозящей ему опасности, чѣмъ должны воспользоваться союзники и напасть на него съ превосходными силами. 6) Если союзники разобьютъ непріятеля, то русское войско приступитъ къ осадѣ какой-нибудь крѣпости на Одерѣ. 7) Но если бы русскому

войску и не удалось овладѣть какою-нибудь крѣпостью на Одерѣ, то занятіемъ всей Помераніи сохранится слава оружія, сохранится армія и получится болѣе надежды на миръ, ибо непріятель потеряетъ значительную часть своихъ владѣній.

Но этотъ планъ не былъ принятъ. 30 апрѣля императрица подписала другой планъ кампаніи, въ предисловіи къ которому говорилось: „Если-бъ нынѣшнюю войну съ королемъ Прусскимъ производили мы одни, или если-бы дѣло состояло только въ томъ, чтобъ удержать за нами Пруссію въ тѣхъ границахъ, въ какихъ мы ею теперь владѣемъ, или если бы намъ надобно было вести оборонительную войну, то не было бы почти нужды много заботиться о планахъ операцій;—достаточно было бы только содержать армію въ хорошемъ состояніи, быть въ готовности на всякій случай и предпринимать только то, на что укажутъ сами обстоятельства. Но такъ какъ мы ведемъ войну вмѣстѣ съ императрицею-королевою, и дѣло идетъ не о томъ только, чтобъ удерживать въ нашемъ владѣніи Пруссію, но о томъ, чтобъ исполнить наши обязательства, возстановить короля Польскаго въ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ; сократить силы короля Прусскаго; исполнить то, что мы многократно обѣщали торжественными объявленіями, и не показать меньшаго усердія тогда, когда война приходитъ къ концу, и когда мы должны ожидать плодовъ войны по мѣрѣ нашего содѣйствія, когда должны ожидать признательности союзниковъ и всей Европы за доставляемую ей тишину и безопасность сокращеніемъ силъ короля Прусскаго: то нельзя иначе начертать планъ военныхъ дѣйствій нынѣшняго года, какъ съ согласія императрицы-королевы, тѣмъ болѣе - что какія бы многочисленныя силы Вѣнскій Дворъ ни собралъ противъ короля Прусскаго,— все же ихъ не будетъ достаточно, чтобъ положить конецъ войнѣ по желанію; такъ-же надобно признаться, что, какъ бы ни были славны успѣхи нашего оружія, нельзя пользоваться его успѣхами безъ содѣйствія австрійскихъ силъ. Послѣдняя, для нашего оружія и для вашего имени столь славная кампанія больше всего доказываетъ эту истину. Самое рѣшительное Франкфуртское сраженіе, гдѣ король Прусскій считалъ все потеряннымъ, конца войнѣ не положило, когда наша армія за отдаленностью мѣстъ не могла воспользоваться своимъ успѣхомъ, а графъ Даунъ подкрѣплять и снабжать ее по надобности не хотѣлъ или не могъ, о чемъ однако здѣсь распространяться не хотимъ, чтобъ не вспоминать всего того, что было въ этомъ дѣлѣ непріятнаго.

„Поэтому между нами и императрицею-королевою уже составленъ планъ общихъ дѣйствій нынѣшняго года, и состоитъ въ слѣдующемъ: 1) императрица-королева, сверхъ собранной въ Саксоніи арміи, соберетъ еще другую въ Лузаціи и будетъ стараться прогнать оттуда непріятельскія войска. 2) Наша армія должна двинуться къ рѣкѣ Одеру между Франкфуртомъ и Глогау. Конечно, планъ этотъ не согласенъ съ вашимъ; но, кромѣ того, что вамъ не были извѣстны настоящія намѣренія Вѣнскаго Двора, ваше собственное мнѣніе очень легко можетъ быть соглашено съ новымъ планомъ, если будутъ больше объяснены главныя основанія. Вы разсуждали, какъ искусный генералъ, пекущійся о сохраненіи арміи и пріобрѣтенной уже славы, и притомъ имѣли передъ глазами только прошедшіе примѣры. Мы, напротивъ того, принуждены брать въ уваженіе: сколько съ начала усиленія короля Прусскаго истощено наше государство рекрутскими поборами, умноженіемъ арміи и всегдашнимъ содержаніемъ великихъ силъ на лифляндскихъ границахъ въ готовности къ тому, чтобъ удерживать короля Прусскаго отъ вредныхъ его предпріятій; сколько разъ имперія наша находилась въ крайней опасности, если бы Оттоманская Порта вознамѣрилась объявить намъ войну, и мы были бы принуждены обороняться противъ нея и въ то же время опасаться со стороны Пруссіи. Необходимость заставляла насъ рано или поздно самимъ начать эту войну, если бы даже король Прусскій не началъ ея, ибо этотъ прежде отъ всѣхъ своихъ сосѣдей зависѣвшій государь захотѣлъ, наконецъ, всѣ Дворы привесть въ зависимость отъ себя; онъ всего отъ всѣхъ требовалъ, а самъ никого ни въ чемъ не хотѣлъ удовольствовать, и начатіемъ настоящей войны показалъ, что не позволитъ, чтобъ Вѣнскій Дворъ сдѣлалъ малѣйшее движеніе въ собственныхъ земляхъ своихъ. Если король Прусскій въ нынѣшнюю войну ослабленъ не будетъ, то значеніе его несравненно болѣе увеличится, ибо свѣтъ увидитъ, что онъ непобѣдимъ, а наше и союзниковъ нашихъ вліяніе много пострадаетъ, ибо мы и тогда ничего сдѣлать не могли, когда само Провидѣніе такъ устраивало всѣ обстоятельства, чтобъ дать намъ торжество. Въ такомъ случаѣ, имперія наша если-бъ и не подверглась большей, чѣмъ Вѣнскій Дворъ, опасности, однако гораздо болѣе была бы исключена изъ участія въ европейскихъ дѣлахъ, ибо король Прусскій, стоя на дорогѣ, пресѣкалъ бы навсегда намъ сообщеніе съ Вѣнскимъ Дворомъ, и мы оставались бы окружены или непріятелями, или ненадежными сосѣдями. Долговременное содержаніе въ готовности значительныхъ силъ на финляндскихъ границахъ, конечно, больше стоило нашему государству, нежели самая нынѣшняя война, а потому дальнѣйшее продолженіе войны станетъ несравненно дороже, чѣмъ окончаніе ея въ одну кампанію, какъ бы дорого эта кампанія ни обошлась.

„Мы были всегда того мнѣнія, что не слѣдуетъ отваживаться на безвременное и ненадежное сраженіе; но прошлогодніе примѣры научаютъ насъ, что теперь тѣмъ менѣе надобно опасаться генеральныхъ сраженій, чѣмъ кровопролитнѣе и отчаяннѣе они тогда были. Тогда король Прусскій имѣлъ совершенно другое понятіе о нашихъ войскахъ. Ему казалось невозможнымъ, чтобъ они могли

стоять противъ прусскихъ, потому что или давно въ настоящей войнѣ не были, или воевали больше съ необученными народами, тѣмъ болѣе-что австрійскія войска, бывшія въ постоянной войнѣ и часто побѣдителями, очень рѣдко однако стояли противъ прусскихъ. Поэтому, при началѣ войны, онъ не сомнѣвался, чтобъ одной Левальдовой арміи не было достаточно для сокрушенія всѣхъ нашихъ силъ. Какъ скоро Егерсдорфское сраженіе ему не удалось, то онъ принялъ другія мѣры, Пруссію покинулъ, и когда, въ 1758 году, армія наша вступила въ Померанію, покорила бо́льшую часть ея и обратила въ пепелъ Кистринъ, то та же Левальдова армія, подъ начальствомъ графа Дона, уже не смѣла въ близости показаться. Всегда съ огорченіемъ вспоминаемое Цорндорфское сраженіе внушило ему другую идею о нашей арміи. Онъ основательно по немъ заключилъ, что армія наша допускаетъ такъ на себя напасть, какъ непріятелю хочется; что есть множество способовъ причинить ей крайній вредъ, но трудно или невозможно одержать совершенную побѣду: такъ велика храбрость и разбитыхъ солдатъ; но тутъ же онъ могъ убѣдиться, что стоитъ только поставить противъ нашей арміи небольшой корпусъ,—и она не тронется съ мѣста, пока время года не принудитъ къ отступленію. Поэтому-то прошлаго года король Прусскій рѣшился Донову или Веделеву армію выслать къ Познани, вовсе не считая ея достаточно сильною, чтобъ побѣдить нашу или остановить тамъ, но будучи увѣренъ, что наша армія въ виду его не тронется, тѣмъ менѣе нападаетъ на его армію, и понапрасну, безславно простоитъ всю кампанію около Познани. Такъ бы и случилось, если-бъ вы не ускорили пріѣздомъ своимъ туда и не приняли благоразумнаго и мужественнаго намѣренія идти прямо въ непріятельскія земли.

„Теперь надобно, чтобъ король Прусскій получилъ о нашей арміи совершенно новое понятіе. Оставалось ему успокоить себя, что при Пальцигѣ было не генеральное сраженіе: довольно одной Франкфуртской битвы для увѣренія его и всего свѣта, что наша армія и тогда еще не побѣждена, когда получены надъ нею всѣ выгоды. Дѣйствительно, какая армія не пришла бы въ смятеніе и не обратилась въ бѣгство, когда и во флангъ взята, и знатная ея часть сбита, артиллеріи много потеряно, а наибольшая часть ея находится въ бездѣйствіи! При Франкфуртѣ вы доказали, что твердость и здравый разсудокъ повелѣвающаго и послушаніе солдатства одерживаютъ совершеннѣйшія побѣды и тогда, когда нельзя ожидать ничего, кромѣ гибели. Послѣ Цондорфа и Франкфурта король Прусскій убѣдился, что нападать на нашу армію безполезно, тѣмъ болѣе-что она сама никогда не нападетъ на его армію, слѣдовательно предупреждать нападеніе нѣтъ надобности: при наступленіи осени русская армія возвратится на рѣку Вислу, какую бы побѣду ни одержала,—зачѣмъ же отваживаться на битву съ нею? Вѣрьте намъ, что непріятельская смѣлость происходитъ наиболѣе оттого, что онъ никакъ не ожидаетъ нападенія, и что онъ такъ назойливо и нахально никогда не приблизился бы къ нашей арміи, если бы хотя однажды какой-нибудь его корпусъ подвергся нападенію. По нашему мнѣнію, теперь меньше, чѣмъ когда-либо, надобно ожидать такихъ сраженій, какихъ нельзя было бы избѣжать.

„Великая еще теперь, сравнительно съ прежними кампаніями, разность состоитъ въ томъ, что тогда армія наша ходила все по такимъ мѣстамъ, которыя ей совсѣмъ были незнакомы, теперь для похода нельзя сыскать такого мѣста, о которомъ бы не было полнаго свѣдѣнія. Прошлаго лѣта оставалось нѣкоторое опасеніе, не произвела ли Цорндорфская битва дурного впечатлѣнія на солдатъ. Но когда одинъ указъ нашъ и ваше прибытіе столько подѣйствовало, что солдатство уразумѣло, какъ бѣдственны ему были его ослушаніе и пьянство, то не больше ли несравненно чувствуетъ оно теперь нужду въ слѣпомъ повиновеніи, когда уже видѣло двѣ великія побѣды, одержанныя повиновеніемъ и твердостію? Кавалерія теперь гораздо многочисленнѣе, чѣмъ была прежде, и, по собственному вашему объявленію, никогда не была въ такомъ хорошемъ состояніи. Однимъ словомъ, мы увѣрены, что теперь вся армія съ крайнею нетерпѣливостью ожидаетъ вашего прибытія и начатія кампаніи, чтобъ подъ вашимъ предводительствомъ показать новыя отечеству услуги и пріобрѣтенную уже славу увѣнчать возстановленіемъ желаннаго мира, и что каждый съ нами почти завидовать сталъ-бы, если бы, и согласно желанію нашему, графъ Даунъ прежде васъ или безъ вашего содѣйствія сдѣлалъ что-нибудь важное и рѣшительное.

„Представленное вами мнѣніе очень основательно и планъ расположенъ по воинскимъ правиламъ. Мы жалѣемъ, что кампанію 1758 года мы не тѣмъ велѣли начать, а графъ Ферморъ не тѣмъ окончилъ и не только ни мало не старался уклониться отъ напрасной и принужденной битвы, но самъ еще шелъ почти ей на встрѣчу. Тогда война почти только-что начиналась, а потому надобно было на всякій случай приготовить себѣ отступленіе. Но теперь обстоятельства совершенно другія. Пускай сверхъ нашего желанія и ожиданія случится, что и еще надобно будетъ давать одну кампанію, и она будетъ сдѣлана; пускай надобно принимать къ тому свои мѣры: но ничто на свѣтѣ нашимъ интересамъ и общему дѣлу такъ не можетъ вредить, какъ увѣренность, что нынѣшнею кампаніею война еще не кончится, почему и нужно дѣлать приготовленіе еще на будущую кампанію. Война уже, дѣйствительно, приходитъ къ концу; Англія и Пруссія сдѣлали формальное предложеніе о конгрессѣ, и мы и союзники наши не могли съ приличіемъ отъ него уклониться. Будетъ ли на конгрессѣ между союзниками такое же согласіе, какое до сихъ поръ было,—предвидѣть нельзя; но видно то, что, въ случаѣ скораго ослабленія силъ короля Прусскаго,

энергическими дѣйствіями нашего и австрійскаго войска можно удержать при нашей сторонѣ и прочихъ союзниковъ; тогда какъ если мы станемъ въ нынѣшнюю кампанію дѣйствовать не такъ ревностно, медленно, то нѣтъ сомнѣнія, что истощенные уже союзники наши будутъ одинъ за другимъ отставать отъ насъ, каждый станетъ искать отдѣльнаго мира, будутъ входить въ обязательства съ королемъ Прусскимъ и, что всего хуже, за такую сильную нашу помощь, вмѣсто благодарности, можетъ быть еще станутъ насъ упрекать, что мы, дѣйствуя нерѣшительно или медленно, сами искали отдѣльнаго мира и хотѣли ихъ покинуть. Шведы тѣмъ только и крѣпятся, что королю Прусскому объ нихъ думать некогда. Французскій Дворъ прямо открылъ свое изнеможеніе, и если мы и императрица-королева не сдѣлаемъ чего-нибудь важнаго прежде начатія мирныхъ переговоровъ, то надобно опасаться, что онъ тотчасъ согласится на самыя невыгодныя условія. Императрица-королева, конечно, рада продолжать войну до послѣдняго истощенія, чтобъ возвратить Силезію; но изнеможеніе ея уже такъ велико, что развѣ только въ великихъ успѣхахъ нынѣшней кампаніи и въ несумнѣнной потому надеждѣ, что слѣдующая кампанія будетъ окончательная, найдетъ она новыя средства. Иначе, если мы станемъ дѣйствовать нерѣшительно, а другіе и совсѣмъ начнутъ отставать, то нельзя будетъ ее упрекать, если она возвращеніе Силезіи отложитъ до другого времени, или и совершенно оставитъ мысль о немъ. Однимъ словомъ, теперь одно изъ двухъ: или дѣйствовать въ нынѣшнюю кампанію со всею силою и ожидать честнаго мира; или уже лучше и короче, не входя въ новые убытки, принять такой миръ, какой непріятель дозволитъ. Но вы знаете, какъ далеки мы отъ такого малодушія; мы уже сожалѣемъ, что о томъ упомянули кстати. Да и никакой нужды нѣтъ воображать, что война будетъ долговременна. Нѣтъ никакого препятствія, сомнѣнія и опасенія къ походу нашего войска къ рѣкѣ Одеру между Франкфуртомъ и Глогау; а когда армія наша благополучно на рѣку Одеръ придетъ и двѣ австрійскія будутъ находиться по близости, имѣя съ вами сообщеніе, то, чтобъ положить войнѣ конецъ, ничего больше не надобно, кромѣ согласія командующихъ, принятія скорыхъ и полезныхъ рѣшеній и ревностнаго старанія объ ихъ исполненіи".

Съ этимъ рѣшеніемъ Салтыковъ и отправился назадъ къ арміи въ Маріенбургъ, куда пріѣхалъ только 31 мая. Съ іюня въ „Вѣдомостяхъ" начали появляться извѣстія о незначительныхъ успѣхахъ легкихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Тотлебена; потомъ появилось извѣстіе о побѣдѣ австрійскаго генерала Лаудона въ Силезіи надъ прусскимъ генераломъ Фукэ, причемъ весь непріятельскій корпусъ частью былъ истребленъ, частью попалъ въ плѣнъ. Наконецъ, прочтено было въ „Вѣдомостяхъ" извѣстіе, что 13 іюня фельдмаршалъ Салтыковъ выступилъ изъ Маріенбурга и 24 пріѣхалъ въ Познань. Пятнадцатитысячный отрядъ войска былъ отправленъ для вторичной осады Кольберга. Сначала Салтыковъ получалъ ободрительные рескрипты; но 15 іюля пошелъ къ нему такой рескриптъ: „Мы хотѣли-было пространно отвѣчать на ваши реляціи (отъ 27 іюня изъ Познани); но такъ какъ содержаніе этихъ реляцій крайне смѣшано, одна другую совсѣмъ опровергаетъ, и нѣтъ способа распознать, на которую больше надобно полагаться, ибо, кромѣ того что всѣ эти разницы отъ одного числа писаны, въ самыхъ послѣднихъ вы утверждаетесь на такихъ извѣстіяхъ, которыя по большей части или и совершенно миновались,—поэтому, чтобъ не войти съ вами въ какое противорѣчіе и чтобъ не привесть васъ въ смятеніе какими-либо точными предписаніями на такіе неподлинные и неясные случаи, мы сочли за лучшее сослаться на послѣдній нашъ рескриптъ, въ которомъ вамъ точно предписано предпринимать и приводить въ дѣйствіе все то, что общему дѣлу полезно и можетъ служить къ рѣшительному окончанію нынѣшней войны, и, напротивъ того, не вдавать нашу армію въ напрасную и видимую опасность. При этомъ замѣтимъ, что нѣтъ никакой надобности въ большомъ числѣ и пространствѣ вашихъ реляцій; для нашего удовольствія и спокойствія надобно вамъ стараться о томъ, чтобъ отправлять къ намъ какъ можно чаще порядочныя реляціи, наблюдая въ сочиненіи ихъ такой порядокъ: 1) коротко показать состояніе дѣлъ и арміи; 2) какія потомъ произошли перемѣны; 3) какъ теперь дѣла и арміи остаются; 4) что вы потому намѣрены предпринимать, или куда хотите направить походъ. Сожалительно и непонятно намъ видѣть такое въ наличныхъ деньгахъ оскудѣніе, что офицеры, за неполученіемъ жалованья, питаются однимъ провіантомъ съ солдатами, ибо изъ приложеннаго рапорта оберъ-кригсъ-коммисара вы усмотрите, что по 30 мая на жалованье переведено 758,000 рублей и еще отправляется; думаемъ, что и отправленныя изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 350,000 рублей къ вамъ уже довезены, и скоро и еще значительная сумма отправится. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ отъ васъ пріятныхъ доношеній, не сомнѣваясь, что вы будете смотрѣть не на мелочи, а на главное дѣло, и поревнуете умножить славу свою и нашего оружія, во время послѣдней кампаніи пріобрѣтенную".

Въ іюлѣ въ Петербургѣ сильно встревожились письмомъ генерала Шпрингера, находившагося съ русской стороны при австрійской арміи, и 18 числа посланъ былъ Салтыкову рескриптъ: „Къ удивленію нашему, мы никакого отъ васъ извѣстія не имѣемъ, а генералъ-маіоръ Шпрингеръ доноситъ отъ 6 числа, что король Прусскій и графъ Даунъ находятся теперь въ полномъ движеніи въ Нижней Лузаціи; что король Прусскій старается соединиться съ арміею брата своего, принца Генриха, а графъ Даунъ прилагаетъ всѣ силы воспрепятствовать этому намѣренію и сохранить сообщеніе со всѣми

своими корпусами. Мы спѣшимъ отправить къ вамъ курьера не потому, чтобъ опасались за нашу армію, но чтобъ нынѣшняя кампанія не сдѣлалась не только такою же нерѣшительною, какъ послѣдняя, но и менѣе славною для нашего оружія. Отъ настоящаго критическаго обстоятельства зависитъ теперь и пагубное продолженіе войны и благополучное ея окончаніе, ибо если Прусскому королю удастся соединиться съ принцемъ Генрихомъ, то надобно опасаться, чтобъ онъ соединенными силами не побилъ графа Дауна, или, если принимать въ соображеніе великую осторожность послѣдняго, не привелъ его въ такое же бѣдствіе, въ какомъ находился онъ до сихъ поръ, и это почти такъ же вредно, какъ и потеря сраженія, ибо если лѣтомъ ничего существеннаго сдѣлано не будетъ, то въ поздніе мѣсяцы уже ни чѣмъ нельзя будетъ этого вознаградить. Прямое и надежнѣйшее средство къ отвращенію зла состоитъ въ томъ, чтобъ генералъ Лаудонъ предпринялъ что-нибудь важное въ Силезіи, и вы ускорили походъ на Бреславль. Опасности тутъ не видимъ мы никакой, потому что не только Лаудонъ у васъ впереди и пресѣкаетъ путь принцу Генриху, но и всѣ австрійскія силы приблизились теперь къ Силезіи; а польза изъ того неописанная. Король Прусскій найдется въ необходимости себя раздѣлить, а вы, будучи прямою тому причиною, получите право управлять всѣми операціями нынѣшней кампаніи. Но пусть даже и послѣдуетъ соединеніе короля съ принцемъ Генрихомъ; пусть даже графъ Даунъ будетъ побитъ:—такъ какъ вы находились бы у него далеко за спиной и въ близости отъ Польши, то въ такомъ неожиданномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, отступленіе ваше не подверглось бы опасности или затрудненію".

По отправленіи этого рескрипта, получена отъ Салтыкова депеша отъ 6 іюля: „Я", писалъ фельдмаршалъ, „отнюдь такого мнѣнія не есть и не буду, чтобъ въ разсужденіи того, что Австрійцы въ минувшую кампанію не много сдѣлали, съ арміею вашего императорскаго величества нынѣ ничего не дѣлать, паче же за рабскую мою должность всегда поставлялъ, несмотря ни на какую въ томъ разность, всевысочайшее соизволеніе и повелѣніе точнѣйше и сколько возможно исполнять, а особливо нынѣ по дарованному отъ Всевышняго австрійскому оружію въ началѣ кампаніи толь знатному успѣху (истребленіе корпуса Фукэ), крайнее стараніе прилагаю походомъ отсюда ускорить. Впрочемъ, всенижайше донесть долженствую, что уже сюда прибывшія войска находятся, а особливо кавалерія, людьми и лошадьми въ наилучшемъ и, можно смѣло сказать, въ такомъ состояніи, въ какомъ еще никогда не бывали. Сейчасъ получилъ я отъ цесарскаго генерала барона Лаудона письмо съ росписью корпуса принца Генриха, изъ котораго усмотрѣть изволите, что онъ теперь съ своимъ корпусомъ находится вблизости города Лигница, что къ Бреславлю въ два или одинъ форсированный маршъ придти можетъ, и что, наконецъ, требуетъ, чтобъ впередъ корпусъ войскъ вашего императорскаго величества къ Бреславлю для занятія онаго и завладѣнія тамошними магазинами шелъ. Я ему немедленно отвѣтствовать буду, что и я, со всею ввѣренною мнѣ арміею, по прибытіи сюда остальной третьей дивизіи, и коль скоро только нѣкоторыми распоряженіями и пересушеніемъ сухарей исправиться можно, чрезъ нѣсколько дней прямо къ Бреславлю въ походъ вступлю и онымъ ускорять буду". Отъ 10 іюля Салтыковъ писалъ: „Хотя я въ повелѣнный походъ прямымъ путемъ тотчасъ вступить и онымъ ускорять не премину (дабы наградить то время, которое къ крайнему моему сожалѣнію упущено), но при томъ въ необходимости нахожусь представить, что за расходомъ на заготовленіе провіанта и за отпускомъ въ полки на удовольствованіе солдатства нѣкоторою малою частію ихъ жалованья, бывшихъ при арміи во всѣхъ департаментахъ небольшого числа денегъ, оныхъ теперь нигдѣ почти уже ничего на лицо нѣтъ, да и изъ ассигнованныхъ сюда-жь провіантскихъ, коммисаріатскихъ и другихъ суммъ ничего еще не привезено, и гдѣ они теперь находятся,—рапортовъ не имѣю, а напротивъ того, отъ неполученія солдатствомъ заслуженнаго жалованья, сверхъ ихъ умножающагося негодованія, начинаютъ они и дезертировать: въ минувшую недѣлю отъ всей арміи около пятидесяти, да и вчерашняго числа шесть человѣкъ. Я получилъ прусскій отъ принца Генриха въ Польшѣ разсѣянный манифестъ о намѣряемомъ имъ вступленіи въ сіе королевство; а съ другой стороны извѣстія до меня доходятъ, яко бы подлинно непріятель намѣренъ походомъ своимъ прямо на Вислу арміи вашего императорскаго величества диверсію сдѣлать и сообщеніе съ сею рѣкою пресѣчь. И хотя никоимъ образомъ вѣрить нельзя, чтобъ непріятель, не имѣя магазиновъ, предпріялъ на Вислу идти, паче же и съ имовѣрностію думать надобно, что онъ иногда удовольствуется только на здѣшнія мѣста въ тылъ за арміею вашего величества слѣдовать, и тѣмъ всякій съ Вислы подвозъ пресѣкать, а чрезъ то самое не токмо къ Силезіи не допускать, но паче и назадъ поворотить: однакожь все то, при моемъ отсюда съ арміею выступленіи, неминуемо наилучше объясниться имѣетъ. Но, между тѣмъ, полагая случай, ежели-бъ по вышепомянутому непріятельскому въ тылъ за нами слѣдованію арміи вашего величества назадъ обращаться надлежало, то, не имѣя еще заготовляемыхъ въ Калишѣ магазиновъ, а того меньше наличныхъ денегъ, неминуемо произошли-бъ для арміи вашего величества крайнія неудобства, столь наипаче, что на кредитъ здѣсь въ Землѣ ничего получить надежды не остается. А буде-бъ, напротивъ того, непріятель, по прошлогоднему примѣру, въ параллель съ нами къ Силезіи пошелъ, то я сего желаемаго случая отнюдь не пропущу всячески искать его атаковать и разбить, столь на-

иначе, что нынѣшнимъ обращеніемъ короля Прусскаго въ Саксоніи много къ тому и способствовать можетъ, ибо съ разныхъ сторонъ здѣсь до меня извѣстія дошли, что онъ опять къ Дрездену поворотился, слѣдовательно тѣмъ, буде сіе правда, вмѣсто соединенія съ принцемъ Генрихомъ, между двухъ огней себя заводитъ".

Этому донесенію сильно обрадовались въ Царскомъ Селѣ, и 22 іюля отправленъ былъ Салтыкову рескриптъ: „Мы съ крайнимъ удовольствіемъ и благоволеніемъ усмотрѣли, что мнѣнія ваши въ разсужденіи короля и принца Генриха съ нашими согласно встрѣчаются; что, по мѣрѣ приближенія вашего къ непріятельскимъ землямъ и къ непріятелю, обновляется и возрастаетъ надежда ваша и упованіе побѣдить непріятеля, умножить лавры ваши новыми и оружіе наше увѣнчать новою славою. Не меньше того пріятно намъ видѣть, что армія наша какъ людьми, такъ и лошадьми находится въ такомъ хорошемъ состояніи, въ какомъ едва ли когда бывала. Мы въ томъ справедливо признаемъ въ началѣ благословеніе Господне, и должное за то благодареніе воздаемъ, а потомъ ваши труды и смотрѣніе. Напротивъ того, весьма прискорбно намъ видѣть, что недостатокъ въ деньгахъ не только не пресѣкся еще ожиданнымъ нами подвозомъ разныхъ отсюда отправленныхъ суммъ, но и худыя слѣдствія имѣть начинаетъ. О сихъ худыхъ слѣдствіяхъ безпокойство наше не велико, потому что и усердіе нашихъ вѣрныхъ подданныхъ намъ извѣстно, и можемъ надежно полагаться на благоразуміе ваше и прочаго генералитета; но соболѣзнованіе наше и о томъ одномъ уже чрезвычайно велико, что солдатство и офицеры нужду нѣкоторое время претерпѣваютъ. Сего ради пишемъ мы съ симъ курьеромъ къ кенигсбергскому губернатору генералу-поручику Корфу, чтобъ онъ всѣ силы приложилъ, находящіяся еще въ пути суммы какъ наискорѣе къ вамъ доставить; ускоряемъ мы теперь новыми оныхъ отсюда къ вамъ отправленіями и уполномочиваемъ васъ негоцировать оныя у банкировъ Ріокура или Цимана, или гдѣ къ тому способъ найдете, позволяя вамъ и на такія кондиціи въ случаѣ нужды поступить, кои и не весьма для нашей казны выгодны быть могли-бъ, только не далѣе 300,000 рублевъ, а по крайней мѣрѣ полумилліона, ибо благосостояніе и безнуждное продовольствованіе нашей арміи предпочитаемъ мы всему другому".

Въ томъ же тонѣ былъ отправленъ рескриптъ и 26 іюля: „Мы изъ реляцій вашихъ съ великимъ удовольствіемъ усмотрѣли, что армія наша отъ Познани въ дальнѣйшій походъ выступать начала, а походъ учрежденъ такъ хорошо, благоразумно и съ военнымъ искусствомъ сходно, что можетъ быть и ускоренъ, и въ фуражѣ опасаться недостатка нельзя, и соединеніе на случай непріятельскаго приближенія произойдетъ скоро. Великую также радость доставляетъ намъ намѣреніе ваше атаковать принца Генриха, если-бъ онъ захотѣлъ препятствовать вашему движенію". Армія дѣйствительно 15 іюля выступила изъ Познани къ Бреславлю для соединенія съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона.

Но въ августѣ дѣла перемѣнились. Салтыковъ далъ знать о своемъ отступленіи, потому что Фридрихъ II быстро возвратился въ Силезію и успѣлъ соединиться или, по крайней мѣрѣ, возстановить безпрепятственное сообщеніе съ принцемъ Генрихомъ, и чрезъ это воспрепятствовать соединенію Лаудона съ русскимъ войскомъ. Фельдмаршалъ складывалъ всю вину на австрійскаго главнокомандующаго, графа Дауна, который пропустилъ Фридриха II на эту сторону Одера, вслѣдствіе чего онъ, Салтыковъ, не надѣясь получить никакой помощи отъ Австрійцевъ, не хочетъ подвергать свою армію явной опасности. Наконецъ Салтыковъ извѣщалъ о своей болѣзни. Отвѣтный рескриптъ на эти донесенія, отправленный 22 августа, обнаруживалъ сильное раздраженіе: „Все это ведетъ только къ непріятнымъ и безполезнымъ изъясненіямъ съ Вѣнскимъ Дворомъ; дѣло мало этимъ поправляется, а тратится только драгоцѣнное время. Что и вы начали такъ рановременно отступать и всѣ ваши намѣренія отмѣнились—и это пріятно намъ быть не можетъ, а еще меньше, что вы, испрашивая новыхъ указовъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, не только не представили при томъ съ своей стороны никакого разсужденія, но старались единственно только о томъ, чтобъ находить и показывать вездѣ трудности и препятствія. Мы хорошо понимаемъ, что ваше положеніе трудно; но согласитесь, что почти на всѣ могущіе быть случаи вы имѣете уже достаточныя наставленія. Однимъ словомъ, во все время нынѣшней войны, мы еще не были въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Несносно уже и то одно, что кампанія, такъ благополучно начатая и обѣщавшая несумнѣнно желаемый конецъ войнѣ, становится безплодною; а тутъ еще присоединяются другія разсужденія. Съ Вѣнскимъ Дворомъ рѣшительно согласились мы насчетъ ожидаемыхъ отъ этой войны выгодъ, и онъ призналъ насъ прямо воюющею противъ короля Прусскаго державою. Переставъ быть помощниками и избавясь отъ тягостныхъ и безполезныхъ намъ обязательствъ, естественно мы должны были усилить дѣйствія нашего оружія для славы нашей и для достиженія нашихъ намѣреній. Надобно еще склонять Францію и другія державы; но при худыхъ успѣхахъ французскаго оружія, если не показать Версальскому Двору и всему свѣту, что, по меньшей мѣрѣ, съ нашей стороны чистосердечно все то дѣлано, что было возможно, то всякое предложеніе о нашихъ выгодахъ будетъ не только не своевременно, но можетъ произвести при Французскомъ Дворѣ дурное дѣйствіе и, умножа отвращеніе отъ неудачной войны, понудить къ вредному для всего союза миру, такъ что мы и до сихъ поръ удерживались, дожидаясь, не подадите ли въ какимъ-нибудь счастливымъ событіемъ полезнаго подкрѣпленія на-

шей негоціаціи. Датскій Дворъ уже грозитъ соединиться съ Англіею и королемъ Прусскимъ, а худой успѣхъ нынѣшней кампаніи можетъ еще больше побудить его къ соединенію съ нашими врагами. Для невѣдущей всѣхъ подробностей публики можетъ показаться, будто наша армія предпринимала походъ въ Силезію только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ воспользоваться выгодами, которыя приготовятъ Австрійцы, а самой ничего не дѣлать, и какъ только король Прусскій получилъ сообщеніе съ принцемъ Генрихомъ, хотя и не соединился, тотчасъ въ нашей арміи принято рѣшеніе отступать къ Польшѣ. У насъ нѣтъ намѣренія уменьшать проступки австрійскаго генералитета; а что касается графа Дауна, то мы приказали принести на него почти формальную жалобу. Но отнюдь не довольно того, что происходящія отъ дурного хода дѣлъ нареканія можно свалить на одного графа Дауна; этимъ дѣло еще не поправляется, а надобно стараться о дѣйствительномъ его поправленіи. Мы увѣрены, что если до полученія этого нашего указа дѣла въ Силезіи получатъ хорошій видъ, то, конечно, вы и по прежнимъ нашимъ указамъ сами собою не оставили этимъ воспользоваться, особенно же приложили крайнее стараніе сдѣлать кампанію рѣшительною. Если, по полученіи этого указа, дѣла поправятся и вы усмотрите, что безъ дальней опасности вы можете ихъ еще улучшить и сдѣлать рѣшительнѣйшими, то, конечно, надобно вамъ употребить для этого всѣ усилія. Если же дѣла между Австрійцами и королемъ Прусскимъ останутся въ нерѣшительномъ положеніи, и если между тѣмъ Кольбергъ будетъ въ нашихъ рукахъ, то вамъ надобно помышлять о занятіи зимнихъ квартиръ въ Помераніи. Что касается похода туда изъ Силезіи, то это оставляемъ на ваше распоряженіе. Если-бы ни король, ни принцъ Генрихъ за вами не пошелъ, оба были бы задержаны австрійскими войсками,—въ такомъ случаѣ надлежало бы вамъ отправить небольшой корпусъ въ подкрѣпленіе къ осаждающимъ Кольбергъ, а самимъ исподоволь туда идти; а всего лучше было бы графа Тотлебена съ легкими войсками отправить другою дорогою на Берлинъ и велѣть, чтобъ онъ возвратился къ вамъ въ Померанію черезъ Шветъ. Но если дѣла не поправятся и армія наша будетъ находиться въ опасности, то не останется ничего болѣе, какъ заботиться о ея сохраненіи".

Салтыковъ продолжалъ доносить, что боленъ. 30 августа ему посланъ былъ рескриптъ: „Содержаніе вашихъ реляцій намъ очень прискорбно. Отъ болѣзни вашей армія, естественно, приводится въ нѣкоторое бездѣйствіе, по меньшей мѣрѣ рѣшенія не могутъ быть такъ быстро исполняемы, какъ надобно. И это дѣлается въ такое время, когда должно ожидать рѣшенія кампаніи, когда противъ нашей арміи никакого непріятеля нѣтъ, когда ничто не препятствуетъ принимать мѣры по благоусмотрѣнію, когда малѣйшія движенія нашего войска могли бы много значить, непріятеля въ великую заботу приводить, а австрійской арміи—сильную помощь доставлять. Изъ перехваченнаго собственноручнаго письма короля Прусскаго, да и по числу являющихся къ вамъ дезертировъ вамъ открыто, что непріятель находится въ крайне дурныхъ обстоятельствахъ, и однако изъ отчаянія замышляетъ что-то очень важное, именно—напасть со всѣми силами на графа Дауна. Вы однако, зная все это подлинно, не только не дѣлаете ничего для отвращенія или уменьшенія опасности, но даже не увѣдомили о ней графа Дауна, тогда какъ мы знаемъ, что это важное письмо короля Прусскаго безо всякой нужды многимъ въ нашей арміи извѣстно. Теперь въ точности сбылось то, о чемъ мы вамъ твердили, а именно—что король Прусскій не будетъ уже искать случая напасть на васъ такъ нахально, какъ прежде, но будетъ избѣгать всякаго къ тому случая; что для него гораздо важнѣе устремляться всѣми силами противъ австрійскаго войска: однако мы не видимъ, чтобъ прежнія ваши убѣжденія совершенно исчезли. Мы слышимъ стороною, что воинская дисциплина въ нашей арміи крайне ослабѣла; будто многіе, будучи совершенно здоровы, нарочно сказываются больными. Вы имѣете подъ собою такихъ генераловъ, что, благодаря ихъ усердію и въ случаѣ самаго вашего отсутствія, исполненіе нашихъ намѣреній не можетъ остановиться или замедлиться. Поэтому повелѣваемъ всѣмъ генераламъ именемъ нашимъ объявить, что если что-либо будетъ упущено, то болѣзнь ваша не послужитъ имъ въ оправданіе, а напротивъ—будетъ для нихъ обвиненіемъ. Для вашей болѣзни имъ и всей арміи ослабѣвать не надобно. Преодолѣйте ваше состояніе, отважьтесь исполнить нашу волю и заставить другихъ строго исполнять ее. Мы вамъ давно уже предписывали, что на хорошее намѣреніе будемъ больше смотрѣть, чѣмъ на самую удачу, и что заслуги подчиненнаго вамъ генералитета будутъ умножать ваше достоинство предъ нами. Уполномочиваемъ васъ, что если случится предпринять что-нибудь важное и полезное, то вы можете употребить того, кто способнѣе и усерднѣе, несмотря на старшинство. Вы должны соединить съ генераломъ Лаудономъ 25 или хотя 20,000 нашего войска для прикрытія осады Глогау, которую крѣпость вы должны осадить съ остальною нашею арміею. Теперь не сбылось ни одно изъ вашихъ опасеній,—король Прусскій на васъ не пошелъ: такъ увѣрьте себя хоть теперь, что нѣтъ для нашей арміи никакой такой опасности, какую вы себѣ воображаете" [1]). Указаніе на ослабленіе дисциплины въ войскѣ, встрѣчающееся въ этомъ рескриптѣ, объясняется докладомъ конференціи императрицѣ: „Ваше императ. величество изъ послѣдней реляціи генералъ фельдмаршала графа Салтыкова усмотрѣть изволили, что онъ, получая отъ одной болѣзни свободу, не только однакожъ въ

[1]) Прусскія военныя дѣла 1760 года.

крайней слабости и часъ-отъ-часу хуже себя находитъ, но едва ль не другую еще внутреннюю болѣзнь чувствовать начинаетъ. Къ сему непріятному обстоятельству присовокупляется другое еще непріятнѣйшее, а именно: генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ къ канцлеру пишетъ, что анархическое правленіе въ арміи продолжается; что фельдмаршалъ въ такой гипохондріи, что часто плачетъ, въ дѣла не вступаетъ и нескрытно говоритъ, что намѣренъ просить увольненія отъ команды; что послабленіе въ арміи возрастаетъ и къ поправленію почти надежды нѣтъ". Конференція тутъ же представила объ отправленіи главнокомандующимъ въ армію фельдмаршала, графа Александра Борисовича Бутурлина [1]).

Отъ 31 августа Салтыковъ увѣдомилъ, что болѣзнь его продолжается, и что онъ принужденъ сдать команду графу Фермору, причемъ просилъ позволенія отъѣхать въ Познань. Рескриптомъ отъ 18 сентября ему дано было это позволеніе, и тутъ же сообщалось, что главнымъ командиромъ надъ арміею назначенъ фельдмаршалъ, графъ Бутурлинъ [2]). Къ Фермору тогда же былъ отправленъ рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Хотя бы вы на одинъ день были главнымъ командиромъ, то вамъ надобно такъ думать, какъ будто вы всегда команду имѣли, и потому ничего не откладывать. Прусскій генералъ Гольцъ изъ слабаго своего и безъ того корпуса отправилъ еще генералъ-маіора Вернера къ Франкфурту. Зная о Кольбергской экспедиціи, вамъ нетрудно было догадаться, что это отправленіе сдѣлано для спасенія этой досадной намъ крѣпостцы; но, къ крайнему сожалѣнію нашему, не только не сдѣлано этому препятствіе и не взято въ разсужденіе, что слабый Гольцовъ корпусъ оттого сталъ еще слабѣе, но даже не послана легкая партія остеречь нашъ корпусъ, находящійся подъ Кольбергомъ, такъ-что теперь наилучшія мѣры разрушены и возобновится оружію нашему безславіе, происшедшее въ 1758 году отъ неудавшейся осады этого гнѣзда. Такъ какъ еще есть время поправить испорченное, то желаемъ, чтобъ генералъ Гольцъ потерпѣлъ чувствительное пораженіе, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ генералъ Вернеръ не возвратился изъ Помераніи хвастать своимъ счастіемъ, но былъ наказанъ за свое покушеніе".

Въ наказѣ новому главнокомандующему говорилось: „Порядокъ и строгая дисциплина есть душа и главная сила арміи; но вамъ извѣстно, что частію отъ продолжительной болѣзни графа Салтыкова, частію же отъ другихъ обстоятельствъ много произошло здѣсь упущенія и послабленія, такъ-что армія наша не получаетъ никакого пропитанія отъ плодоносной земли, которая совершенно разорена и жители разогнаны. Кромѣ того, мы съ крайнимъ огорченіемъ слышимъ, будто армейскіе обозы умножены невѣроятнымъ числомъ лошадей. Лошади эти, правда, взяты въ непріятельской Землѣ; но, кромѣ того-что у невинныхъ жителей не слѣдовало отнимать лошадей, лошади эти взяты не на армію, не для нашей службы, не для того, чтобъ облегчать войско и возить за нимъ все нужное: онѣ возятъ только вещи частныхъ людей въ тягость арміи, къ затрудненію ея движеній, къ лишнему расходу въ людяхъ, къ ихъ изнуренію, и, наконецъ, своимъ множествомъ оголаживаютъ ее. Повелѣваемъ, сокративъ собственный вашъ обозъ сколько можно, тотчасъ всѣхъ лошадей въ арміи переписать, у кого сколько, и, оставя каждому сколько рѣшительно необходимо, всѣхъ остальныхъ взять на насъ; изъ нихъ хорошими лошадьми снабдить казенныя повозки и артиллерію, а слабыхъ отослать на кормы въ Пруссію, дабы хотя та польза была, чтобъ для будущей кампаніи отсюда лошадей не гонять или въ Польшѣ на покупку ихъ великихъ денегъ не тратить. Что касается военныхъ дѣйствій, то теперь ничего предписывать нельзя, потому что и время коротко, и вы сами на мѣстѣ все лучше видѣть и учреждать можете. Если-бъ король Прусскій рѣшительно побитъ былъ Австрійцами, то мы очень желали-бы, чтобъ зимнія квартиры наши заняты были близъ рѣки Одера; почти равно были бы мы довольны, если-бъ это было сдѣлано въ Помераніи, а иначе, по нуждѣ, надобно возвратиться на рѣку Вислу, ибо въ Польшѣ зимовать крайне убыточно, а на рѣкѣ Вислѣ магазины уже устроены".

Между тѣмъ, на военномъ совѣтѣ, который держалъ Ферморъ, было рѣшено двинуться въ Бранденбургъ и привести въ исполненіе указъ императрицы о занятіи легкими войсками Берлина. 12 сентября армія находилась при Королатѣ, по сю сторону Одера, а корпусъ графа Чернышева и генералъ-маіоръ Тотлебенъ съ частью легкихъ войскъ—по ту сторону Одера при Бейтенѣ. 15 числа армія переправилась за Одеръ. Тотлебенъ съ легкими войсками шелъ впереди, за нимъ въ недальнемъ разстояніи—Чернышевъ. 22 числа главная армія была въ Губенѣ; того же самаго числа, въ 10 часовъ утра, Тотлебенъ явился подъ Берлиномъ съ гусарами и казаками, и занялъ всѣ три дороги отъ Котбуса, Кепеника и Бранденбургскихъ воротъ. Изъ послѣднихъ выѣхали прусскіе гусары, но почти всѣ были перебиты или взяты въ плѣнъ. Устроивъ между Котбусскими и Бранденбургскими воротами батарею, Тотлебенъ послалъ требовать сдачи города, и, получивъ отказъ, велѣлъ съ

[1]) Дѣла по конференціи въ Государ. Архивѣ.

[2]) Въ какомъ приближеніи находился Бутурлинъ къ императрицѣ, видно изъ его писемъ къ ней; напримѣръ: 1) «Матушка государыня. Позабылъ писать, какъ у насъ хорошо здѣсь: у полковника жена удала, а онъ старъ; она говоритъ, будто лучше всѣхъ, а я ей говорю: врешь! Есть лучше въ сорокъ разъ тебя у насъ... а кто?—вотъ дура! Сказывать ли ей?—умретъ съ печали, какъ свѣдаетъ, что вы, матушка, ея лучше. Остаюсь подлинно до гроба вѣчно вѣрный другъ и рабъ. 2) Государыня. Душа и сердце, и мысль, и желаніе мое въ Бозѣ и въ тебѣ всегда по смерть мою пребываютъ, и потому и дежурство съ радостію, и вѣрностію, и съ хотѣніемъ воспринимаетъ и нарицается послѣднимъ рабомъ А. Бутурлинъ».

означенной батареи стрѣлять по королевскому за́мку и литейному двору; хотя эта стрѣльба и производила въ городѣ пожары, но они немедленно были потушаемы жителями, и къ ночи Русскіе перенесли свои батареи и поставили у Бранденбургскихъ воротъ. Дезертиры говорили, будто въ городѣ только три батальона пѣхоты и небольшое число конницы, да и то все набрано изъ русскихъ, саксонскихъ и французскихъ военноплѣнныхъ, которые готовы сейчасъ же положить оружіе. На основаніи этихъ извѣстій, Тотлебенъ рѣшился ночью взять силою Бранденбургскія и Котбусскія ворота. Въ 10 часовъ ночи началось опять бомбардированіе; въ самую полночь гренадеры пошли на штурмъ воротъ, но были отбиты, а въ три часа пополуночи прекратилось и бомбандированіе, за недостаткомъ зарядовъ.

Послѣ этого къ Берлину подошелъ на помощь принцъ Фридрихъ Виртембергскій и генералъ Гильзенъ (Hülsen), а къ Тотлебену—русскіе генералы Чернышевъ и Панинъ и австрійскій графъ Леси. Начались ежечасныя сшибки, а 29 сентября Чернышевъ назначилъ на разсвѣтѣ напасть вдругъ на весь непріятельскій корпусъ, тогда какъ Тотлебенъ долженъ былъ сдѣлать приступъ къ городу. Но Гильзенъ не дождался нападенія, и ночью съ 28 на 29 число, пользуясь темнотою, выбрался въ близлежащій лѣсъ и скрылся. Узнавши объ этомъ на разсвѣтѣ, Чернышевъ отправилъ немедленно требовать сдачи города; но его посланный встрѣтился на дорогѣ съ офицеромъ, посланнымъ отъ Тотлебена объявить, что городъ сдается и онъ, Тотлебенъ, занимается составленіемъ условій сдачи. Условія состояли въ томъ, что всѣ военные, находившіеся въ Берлинѣ, получили свободный выходъ со всѣмъ имуществомъ; королевскій за́мокъ и другія публичныя зданія остались нетронутыми; Берлинъ долженъ былъ заплатить полтора милліона талеровъ контрибуціи и 200,000 талеровъ на войско. Два дня (29 и 30 числа) побѣдители занимались сборомъ контрибуціи, забраніемъ королевской казны и очисткою арсеналовъ и магазиновъ; чего забрать было нельзя, то все было истреблено; всѣ пороховыя мельницы около Берлина, литейные, пушечные дворы, потсдамскіе и близъ Шпандау находившіеся ружейные и шпажные заводы были разорены до основанія.

Когда извѣстіе о занятіи Берлина было получено въ Петербургѣ, то 11 октября пріѣхали къ канцлеру всѣ иностранные министры, кромѣ англійскаго, съ поздравленіями; они распространялись о томъ, какъ славно это событіе для царствованія Елисаветы, для ея министерства и арміи, причемъ особенно послы – австрійскій и французскій и саксонскій совѣтникъ посольства Прассе предлагали, какъ необходимо для чести русскаго оружія и общей пользы, чтобъ Берлинъ былъ удержанъ. Они говорили: что, сверхъ находящихся уже въ городѣ укрѣпленій, можно въ скоромъ времени укрѣпить его еще больше и привести въ такое состояніе, что будетъ совершенно безопасно въ немъ остаться; что, вѣроятно, тамъ найдены достаточные магазины провіанта и фуража, притомъ окрестности Берлина никакими войсками до сихъ поръ не были посѣщены, и, потому, можно надѣяться, что въ фуражѣ и хлѣбѣ недостатка не будетъ; что русская армія, владѣя Берлиномъ, можетъ занять зимнія квартиры въ Бранденбургіи и Новой Мархіи, имѣя для помощи себѣ всю Саксонію, изъ которой непріятель совсѣмъ уже изгнанъ, а если-бъ, паче чаянія, нельзя было всей арміи тамъ остаться, то хотя бы отпущенъ былъ русскій корпусъ отъ 20 до 25,000 человѣкъ для соединенія съ австрійскою арміею на содержаніе императрицы-королевы; что король Прусскій, сколько до сихъ поръ видно, больше всего думаетъ о сохраненіи Силезіи; а если-бъ покусился предпринять что-нибудь противъ находящихся въ Берлинѣ и Бранденбургѣ русскихъ войскъ, то въ этомъ предпріятіи можетъ найти только свою погибель, ибо, кромѣ того-что всѣ русскіе корпуса стоятъ одинъ отъ другого въ близости и могутъ подать другъ другу помощь, корпусъ графа Леси, соединившійся съ русскимъ войскомъ, можетъ подать немалую помощь; притомъ графъ Даунъ не оставитъ слѣдовать по пятамъ за королемъ. Итакъ, если эти представленія о сохраненіи Берлина и перезимовкѣ въ Бранденбургѣ и Новой Мархіи или объ отпускѣ въ Саксонію отъ 20 до 25,000 человѣкъ императрица соизволитъ принять, то Прусскій король со всѣхъ сторонъ можетъ быть такъ стѣсненъ, что должно ожидать совершеннаго окончанія войны. Но эти внушенія опоздали,—Берлинъ былъ занятъ съ финансовою цѣлью: контрибуціею съ него облегчить тяжесть военныхъ расходовъ, и потому, какъ только добыча была захвачена, съ 30 сентября на 1 октября Чернышевъ и Тотлебенъ оставили Берлинъ. Одновременно съ извѣстіями о занятіи Берлина обнародовано было извѣстіе о вторичной неудачѣ русскаго войска подъ Кольбергомъ: не было утаено, что, при вѣсти о приближеніи генерала Вернера на помощь городу, русскіе офицеры и солдаты бросились спасаться на суда, вслѣдствіе чего часть артиллеріи была оставлена въ добычу непріятелю.

Новый главнокомандующій, Бутурлинъ, пріѣхалъ къ арміи уже послѣ занятія и оставленія Берлина и послѣ вторичной неудачи подъ Кольбергомъ. Въ концѣ октября, Бутурлинъ донесъ изъ Аренсвальда, что съ главною арміею онъ выступаетъ къ рѣкѣ Вислѣ, а въ Помераніи оставляетъ корпусъ графа Чернышева (9 полковъ пѣхотныхъ и 4 драгунскихъ), который занимаетъ мѣстность отъ Ригенвальда до Румельсбурга, а легкія войска—отъ Кеслина до Рацебурга. Причиною тому онъ выставлялъ, что когда велѣно было переписать весь находившійся въ Помераніи хлѣбъ и фуражъ, то нашлось, что, безъ совершеннаго опустошенія этой области, запаса для всей арміи нестанетъ и на полмѣсяца; что въ Польшѣ цѣна на хлѣбъ не чрез-

мѣрно высока, но бывшими до сихъ поръ въ армію подвозами лошади такъ изнурены и такъ ихъ мало, что если теперь не дать имъ отдохнуть, то на будущее лѣто нельзя ожидать не только подвоза потребныхъ вещей, но и самой пашни; что магазины наши на рѣкѣ Вислѣ наполнены достаточно, но такъ какъ изъ нихъ подвозить иначе нельзя, развѣ на полковыхъ и артиллерійскихъ лошадяхъ, то, кромѣ того-что этотъ подвозъ не былъ бы достаточенъ на пропитаніе всей арміи, для нея была бы совершенная невозможность выйти въ поле будущею весною. Въ раскриптѣ въ Иностранную Коллегію, назначенномъ для сообщенія иностраннымъ министрамъ, императрица говорила: „При такомъ состояніи дѣлъ и по великому отсюда до арміи разстоянію, всякое противное этому распоряженію повелѣніе было бы поздно и неудобно къ исполненію. Поэтому мы и утвердили это распоряженіе, предписавъ: 1) чтобъ старались всѣми мѣрами корпусъ графа Чернышева подвигать хотя помалу впередъ, занимая мѣсто его другими полками. 2) Ввести въ предмѣстія Данцига столько войска, сколько тамъ помѣстить можно. 3) Легкія войска такъ расположить, чтобъ непріятель не только не могъ ничего получить изъ Помераніи, но не былъ спокоенъ и въ самой Бранденбургіи. 4) Готовиться всѣми силами къ самому раннему начатію будущей кампаніи и, даже стоя на квартирахъ, быть во всегдашней исправности къ походу.

„Мы увѣрены", говорилось далѣе въ рескриптѣ, „что союзники наши, принявъ все это въ зрѣлое разсужденіе, признаютъ, что на этотъ разъ мы ничего болѣе и иначе сдѣлать не можемъ. Какъ скоро нѣтъ возможности продовольствовать армію въ Помераніи, то въ Бранденбургѣ или Неймаркѣ хотя бы было неисчерпаемое изобиліе всѣхъ плодовъ, еще меньше можно занять зимнія квартиры. Пускай гарнизоны находящихся въ близости знатныхъ крѣпостей не могутъ много безпокоить армію,—но они крайне затруднятъ доставку къ ней мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, особенно же лошадей. Пускай король Прусскій занятъ теперь въ Саксоніи,—но есть достаточный примѣръ, что онъ и опять малымъ корпусомъ при Торгау можетъ надолго удержать за собою Саксонію и рѣку Эльбу, а тѣмъ временемъ дважды сходить къ рѣкѣ Одеру. Пускай не опасаемся мы его приближенія и даже сильно желали бы, чтобъ дѣло дошло съ нимъ до рѣшительнаго сраженія,—но когда совершенно непонятнымъ для насъ образомъ такъ вездѣ открыты ему дороги, такъ вездѣ готово для него пропитаніе, что онъ не только могъ поспѣшно войти въ истощенную совершенно Саксонію, но еще, прошедши между арміею графа Дауна и имперскою, не усумнился самъ себя отрѣзывать отъ всѣхъ своихъ областей и заключаться между горами и двумя непріятельскими арміями въ такой Землѣ, гдѣ никакого для него запаса быть не могло: — то нельзя не получить убѣжденія, что король Прусскій, будучи въ своей Землѣ, найдетъ всѣ способы, не подавая случая къ сраженію, такъ безпокоить нашу армію, что она всегда принуждена была бы стоять въ полѣ и подъ ружьемъ.

„Самое состояніе дѣлъ теперь ни такъ хорошо, чтобъ имъ тотчасъ можно было пользоваться, ни такъ худо, чтобъ надобно было отчаяваться. Такъ какъ вся выгода короля Прусскаго въ томъ состоитъ, что онъ дѣйствуетъ наступательно, и потому всѣ силы свои почти всегда имѣетъ вмѣстѣ, а графъ Даунъ, дѣйствуя оборонительно, принужденъ силы свои раздѣлять, – то, кажется, дѣло теперь только въ томъ и состоитъ, чтобъ перейти къ наступательному движенію, а короля Прусскаго заставить дѣйствовать оборонительно; а это можетъ быть всего скорѣе достигнуто слѣдующимъ образомъ: нашей арміи начать кампанію взятіемъ Кольберга, если ранѣе этого сдѣлать нельзя будетъ. Потомъ мы приложимъ стараніе перейти рѣку Одеръ, очистить путь шведской арміи и двинуться на Берлинъ, а въ то же время попробовать, нельзя ли схватить и Кистринъ. Пускай послѣднее не удастся: по меньшей мѣрѣ, можно быть увѣрену, что король Прусскій, оставя все, поспѣшитъ туда и рѣшится на главное сраженіе, котораго онъ, послѣ Франкфуртскаго, примѣтно избѣгаетъ, и къ которому иначе принудить его почти нельзя. Каковъ бы ни былъ исходъ этого сраженія, оно должно однако, во всякомъ случаѣ, уменьшить силы короля Прусскаго и доставить австрійскимъ арміямъ столько времени, что довольно будетъ и для очищенія Саксоніи, и для важныхъ завоеваній въ Силезіи. Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ должна о всемъ томъ дать знать послу графу Эстергази для представленія Двору его.

„Что касается короля Польскаго, то теперь надобно только сообщить ему, какимъ образомъ располагается наша армія, и обнадежить, что будущею весною наша армія предприметъ все то, что можетъ содѣйствовать избавленію Саксоніи и возстановленію желаннаго честнаго и прочнаго мира. Но чтобъ не оставить его при одномъ этомъ обѣщаніи и отвратить, сколько отъ насъ зависитъ, исполненіе прусскихъ угрозъ, то повелѣваемъ англійскому, находящемуся здѣсь министру прочитать записку (а если захочетъ, то и отдать ему ее), что хотя мы естественно удалены слѣдовать дурнымъ примѣрамъ и уже предали-было забвенію всѣ суровости, оказанныя королемъ Прусскимъ въ Саксоніи, Мекленбургѣ и другихъ мѣстахъ, но такъ какъ король Прусскій, вошедши теперь опять въ Саксонію, тотчасъ объявилъ угрозы, что за сдѣланный ему въ Берлинѣ убытокъ должна заплатить Саксонія и будетъ принуждена къ тому огнемъ и мечемъ:—то мы принуждены объявить, что съ этихъ поръ не будемъ равнодушно смотрѣть ни на какое новое нарушеніе военныхъ правъ и разореніе невинныхъ земель, и хотя мы далеки были слѣдовать дурнымъ примѣрамъ мщенія и безчеловѣчія, однако, если они не пресѣкутся, то, видя, что наша умѣренность и сожалѣніе о стра-

ждущихъ отъ войны областяхъ приноситъ только противные плоды, велимъ во всѣхъ непріятельскихъ земляхъ, куда только достигнетъ наше оружіе, послѣдовать примѣрамъ короля Прусскаго и, если можно, превзойти ихъ. Несогласно съ нашимъ достоинствомъ оправдывать наше поведеніе, человѣколюбивое среди самой свирѣпой войны; однако нельзя не упомянуть вкратцѣ: Саксонія прежде начала всякой войны захвачена вѣроломнѣйшимъ образомъ и была разоряема не какъ пріобрѣтенная оружіемъ, но какъ жертва свирѣпаго мщенія; Пруссія, напротивъ того, по праву оружія нами занятая, получила подтвержденіе всѣхъ своихъ правъ и узаконеній, и теперь ненарушимо ими пользуется и обогащается отъ пребыванія нашихъ войскъ и наличной за все платы. Изъ Саксоніи взято насильно великое число рекрутъ и множество другихъ жителей вывезено въ Бранденбургскія земли;— изъ Пруссіи, напротивъ, не взятъ ни одинъ человѣкъ, и жителямъ этого королевства изъ казны нашей раздаются деньги въ вознагражденіе за уронъ, претерпѣнный отъ скотскаго падежа, чтобъ они могли продолжать хлѣбопашество. Король Прусскій безчеловѣчными побоями и голодомъ принуждаетъ всѣхъ плѣнниковъ вступать къ нему въ службу;—мы, напротивъ, освобождаемъ этихъ невольниковъ и возвращаемъ законнымъ ихъ государямъ. Ожесточившее короля Прусскаго взятіе Берлина можетъ показывать только наше милосердіе и великодушіе. Сдѣланнымъ укрѣпленіемъ и обороною тамъ, гдѣ однако, наконецъ, сопротивляться нельзя было, этотъ городъ заслуживалъ наказанія: однако пощаженъ, ни въ одинъ домъ солдаты не поставлены на квартиры; Лейпцигъ никогда не сопротивлялся,- однако такой пощады не получилъ. Разорены въ Берлинѣ арсеналы, оружейный и пушечный заводы: но для этого и предпринята была экспедиція. Взята контрибуція:— но этимъ какъ бы исполнено было общепринятое обыкновеніе, а иначе объ этой контрибуціи и упоминать нечего, послѣ того-что съ Саксоніи и съ одного Лейпцига содрано".

Только-что было объявлено союзникамъ, что Чернышева корпусъ остается въ Помераніи, какъ Бутурлинъ прислалъ донесеніе, что этого сдѣлать нельзя, ибо отовсюду присылаются извѣстія, что нигдѣ ничего нѣтъ. Ему отвѣчали изъ Петербурга, отъ 4 декабря, что дѣлать нечего; но, по крайней мѣрѣ, корпусъ Тотлебена, состоящій изъ легкихъ войскъ и двухъ пѣхотныхъ полковъ, долженъ остаться въ Помераніи и распространяться въ этой области какъ можно далѣе. Кромѣ того, Бутурлинъ не долженъ былъ скрывать, что кампанія начнется осадою и взятіемъ Кольберга; должны быть заняты приморскія мѣста: Лебе, Ригенвальдъ и Столпеминде; гавани ихъ должно прочищать, употребляя для легкой работы солдатъ, а для трудной—жителей. Адмиралтейской Коллегіи было подтверждено, чтобъ весь флотъ былъ въ полной готовности къ первому вскрытію воды, а Военной Коллегіи велѣно приготовить всѣ находящіяся въ Петербургѣ и Ревелѣ полевые полки къ посаженію на суда, равно какъ и гвардейскую бомбардирскую роту. Этимъ надѣялись немедленно же раздѣлить вниманіе Фридриха II-го, и весною раздѣлить и силы его, чтобъ не искать далеко и безплодно непріятеля, не изнурять войско походами, а привлечь его въ Померанію и заставить драться.

Но Тотлебенъ, котораго хотѣли оставить въ Помераніи, просился уволить его отъ службы, разсерженный высочайшимъ выговоромъ. Выговоръ былъ сдѣланъ за то, что Тотлебенъ выдалъ на Нѣмецкомъ языкѣ извѣстіе о занятіи Берлина, причемъ прославилъ одного себя и дурно отнесся о другихъ. Бутурлинъ переслалъ экземпляръ этого извѣстія въ Петербургъ, и отсюда получилъ рескриптъ, что Тотлебенова реляція „сочинена крайне продерзостно, ибо онъ свою заслугу увеличиваетъ на иждивеніи почти всей арміи, особливо же явно поноситъ генералъ-поручика графа Чернышева съ его корпусомъ, и австрійскаго генерала графа Лессія съ его корпусомъ ругаетъ такимъ образомъ, какъ бы ненависть между двухъ союзныхъ войскъ и холодность между самими Дворами произвесть искалъ; дѣйство же нашей артиллеріи хотя и хвалитъ и преимущество ей предъ непріятельскою даетъ, но тѣмъ не меньше порочитъ ея состояніе, объявляя, что портится она сама при сильномъ дѣйствованіи; бо́льшая же продерзость еще въ томъ состоитъ, что, не подавъ главнокомандующему столь обстоятельнаго рапорта, ниже доставя его сюда, столь противно всѣмъ воинскимъ правиламъ осмѣлился обнародовать. Но понеже и то подлинно, что мы и заслуги памятовать и прегрѣшенія милосердіемъ нашимъ прикрывать обыкли, то заблагоразсудили мы, объявя ему нашъ праведный гнѣвъ и неудовольствіе, повелѣть, чтобъ онъ тотчасъ старался проступокъ свой загладить и паки нашу милость заслужить точнымъ всего того исполненіемъ, что ему отъ васъ приказано и впредь поручаемо будетъ, разумѣя, буде онъ прежде не отрекся или не отречется отъ сего сочиненія, ибо въ такомъ случаѣ сіе дѣло молчанію предано быть имѣетъ. Вамъ же, вслѣдствіе того, повелѣваемъ приказать ему: 1) чтобъ онъ у графа Чернышева просилъ прощенія въ вашемъ только присутствіи или при двухъ только свидѣтеляхъ, а по нуждѣ хотя письменно; 2) чтобъ всѣ экземпляры, сколько ихъ есть, конечно собралъ и вамъ представилъ; 3) чтобъ формально и письменно на Нѣмецкомъ языкѣ отрекся отъ сего сочиненія, присовокупляя къ тому, что оно происходитъ, конечно, отъ его непріятелей и такихъ людей, которые хотятъ сдѣлать подозрительнымъ его усердіе къ нашей службѣ и произвести холодность между двумя высокими союзными Дворами; 4) сіе отрицаніе имѣетъ быть напечатано въ кенигсбергскихъ газетахъ. Генералъ-поручикъ графъ Чернышевъ не будетъ уповательно доволенъ сею сатисфакцію; но вы ему объявить имѣете, что прощеніемъ въ показанной ему гра-

фомъ Тотлебеномъ обидѣ покажетъ онъ намъ новый опытъ своего безпредѣльнаго къ службѣ усердія, и что это вмѣнится ему отъ насъ въ заслугу".

Но когда, вслѣдствіе этого рескрипта, Тотлебенъ подалъ въ отставку, то къ нему былъ отправленъ другой рескриптъ: „Мы съ сожалѣніемъ усмотрѣли изъ доношеній графа Бутурлина, что слабое состояніе вашего здоровья и нѣкоторыя другія обстоятельства принуждаютъ васъ просить увольненія изъ нашей службы. Мы не обыкли кого-либо насильно удерживать; но какъ война приходитъ теперь почти къ окончанію, и мы въ продолженіи службы вашей, болѣе нежели когда-либо, имѣемъ надобность, а притомъ увольненіе ваше нынѣ воспослѣдовало бы при такихъ обстоятельствахъ, кои подвержены различнымъ истолкованіямъ, то, въ уваженіе чести и знатности вашей службы, въ милостивомъ напоминаніи всѣхъ вашихъ донынѣ показанныхъ ревностныхъ заслугъ, и всегда различая оныя отъ временныхъ случаевъ, не можемъ мы теперь согласиться на дозволеніе просимаго абшита (отставки); паче же столько увѣрены пребываемъ о похвальномъ вашемъ желаніи прямой и существительной славы и о вашемъ къ намъ усердіи, что повелѣли не токмо всѣ легкія войска и назначенные имъ въ подкрѣпленіе два пѣхотные полка такимъ образомъ въ команду вашу отдать, чтобъ вы зависѣли только отъ генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина, но и еще сей вашъ корпусъ столько умножить, сколько потребно будетъ для тѣхъ намѣреній, о которыхъ отъ него вамъ пространнѣе объявлено будетъ".

Тотлебенъ остался на службѣ, и въ письмѣ къ канцлеру графу Воронцову, „своему отцу и благодѣтелю", клялся употребить остальные дни жизни для того, чтобъ показать себя достойнымъ довѣрія и милости августѣйшей монархини [1]).

Думали, что война подходитъ къ концу; думали, что кампанія слѣдующаго года будетъ послѣднею, и потому спѣшили уговориться насчетъ мирныхъ условій. Русскій Дворъ предложилъ Австрійскому заключить новую конвенцію и „оною постановить тѣ мѣры и способы, кои къ прекращенію нынѣшней тягостной войны наилучше служить и справедливое за понесенные для оной убытки награжденіе на иждивеніи непріятеля и возмутителя общаго покоя доставить могутъ. А къ требованію и полученію сего награжденія ея императорское величество Всероссійская и ея величество императрица-королева имѣютъ толь большее право, что, во-первыхъ, похищенныя королемъ Прусскимъ области назадъ отобрать, а притомъ надлежитъ положить и достаточные предѣлы силѣ такого государя, котораго неправедные замыслы никакихъ предѣловъ не знаютъ". Въ конвенціи постановлялось, что обѣ державы во все продолженіе войны будутъ имѣть въ полѣ не менѣе 80,000 регулярнаго войска каждая и продолжать войну соединенными силами до тѣхъ поръ, пока заключеннымъ съ общаго согласія мирнымъ трактатомъ будетъ утверждена безопасность ихъ областей и достигнуты праведныя обѣихъ сторонъ намѣренія; обѣ державы не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока императрица-королева не вступитъ въ спокойное владѣніе всею Силезіею и графствомъ Глацкимъ, и пока императрица Всероссійская не получитъ во владѣніе королевства Прусскаго (Восточной Пруссіи), нынѣ ея оружіемъ дѣйствительно уже завоеваннаго. Такъ какъ европейскій покой никогда твердо установиться не можетъ, пока у Прусскаго короля означеннымъ образомъ не отнимутся средства смущать его, то ихъ императорскія величества употребятъ всѣ старанія оказать эту услугу человѣческому роду, и для того должны призывать къ этой конвенціи всѣ державы, особенно же Французскаго короля. Король Польскій, курфюрстъ Саксонскій не только долженъ быть возстановленъ въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, но и получить удовлетвореніе за обиды и убытки. Французскій языкъ, на которомъ написана конвенція, не долженъ служить примѣромъ для будущаго. Императрица-королева продолжаетъ платить императрицѣ Всероссійской по милліону рублей субсидій въ годъ. — На предложеніе этой конвенціи, Эстергази отвѣчалъ, что теперь дѣло идетъ не о заключеніи какихъ-нибудь новыхъ конвенцій, а о стѣсненіи короля Прусскаго сильными и рѣшительными военными дѣйствіями, которыя и могутъ привести его Дворъ въ состояніе исполнить принятыя уже на себя обязательства, состоящія въ томъ, чтобъ русскій интересъ почитать за собственный, перенимая на себя все, что будетъ возможно императрицѣ-королевѣ, равно какъ и удовлетвореніе Русскаго Двора за понесенные убытки. Въ этомъ онъ, Эстергази, обнадежилъ словомъ императрицы-королевы и теперь то же самое подтверждаетъ: слѣдовательно Русскому Двору нельзя сомнѣваться въ исполненіи этихъ твердыхъ обѣщаній. Эстергази внушалъ, что теперь всего важнѣе удержать Францію отъ отдѣльнаго мира, почему нужно поступать съ осторожностью относительно старыхъ и еще продолжающихся предубѣжденій. Успѣть въ этомъ легко, если оба императорскіе Двора будутъ приводить въ дѣйствіе свои намѣренія постепенно и своевременно. Какъ видно, Франція не очень сочувствуетъ тому, чтобъ Россія пріобрѣла Пруссію (Восточную): поэтому была бы вредна всякая такая конвенція, въ которой бы упоминалось о присоединеніи Пруссіи къ Россіи. Дѣло не въ самомъ дѣлѣ, а въ способѣ его дѣланія. Вмѣсто конвенціи, онъ, Эстергази, имѣетъ отъ своего Двора наставленіе дать декларацію, что императрица-королева принимаетъ на себя торжественнѣйшее обязательство употребить чистосердечно крайнія свои силы, чтобъ Россійскій Дворъ получилъ такія выгоды, какихъ самъ захочетъ.

Ему отвѣчали, что составленъ новый проектъ конвенціи, въ которомъ она сдѣлана гораздо удоб-

1) Прусскія военныя дѣла.

нѣе къ принятію, ибо къ ней присоединена такая декларація, которая должна отнять не только у Франціи, но и у другихъ Дворовъ всякое опасеніе насчетъ увеличенія Русской имперіи Пруссіею. Этою декларацiею предоставляется соглашаться о провинціи Пруссіи съ Польскою республикою и принять такія мѣры, которыя бы служили ко взаимному удовольствію обѣихъ сторонъ. „Здѣсь", говорилось далѣе въ отвѣтѣ, „очень понимаютъ, что Французскій Дворъ надобно щадить; но поставляемая конвенція не потревожитъ его ничѣмъ новымъ; особенно, по здѣшнему мнѣнію, надлежало бы опасаться, что если теперь ничего не постановить, или даваемую генеральную декларацію отъ Французскаго Двора скрыть, то этотъ Дворъ или подумаетъ, что онъ своимъ отвѣтомъ отнялъ у здѣшней стороны всю охоту къ полученію Пруссіи, или же станетъ подозрѣвать, что нѣтъ къ нему прямой довѣренности. Наконецъ, императрица знаетъ такъ-же очень хорошо, что все дѣло зависитъ отъ успѣха оружія, ибо если Всевышнему не угодно будетъ благословить его, то не только новая конвенція не доставитъ здѣшнему Двору королевства Прусскаго, но и ея величество императрица-королева, невзирая на многіе и старые трактаты, не получитъ Силезіи и графства Глацкаго, и эта временная конвенція будущимъ миромъ, каковъ бы онъ ни былъ, должна рушиться. Напротивъ того, если Провидѣніе опредѣлило, къ блаженству рода человѣческаго, сократить гордую и опасную силу короля Прусскаго, и императрица-королева вступитъ во владѣніе Силезіею и графствомъ Глацкимъ, то почти невозможно, чтобъ одно желаніе обоихъ императорскихъ Дворовъ и простое согласіе Французскаго не были достаточны для доставленія здѣшней имперіи Пруссіи. Король Прусскій, теряя сохраненную имъ еще до сихъ поръ Силезію, конечно, не продолжитъ войну за тѣмъ, чтобъ сохранить оставленную имъ самимъ Пруссію. Надобно быть только согласными въ этомъ и въ нынѣшнюю кампанію такъ дѣйствовать, чтобъ успѣхъ ея соотвѣтствовалъ ожиданію; поэтому-то такъ усердно и желается это дѣло однажды навсегда окончить, чтобъ все вниманіе обратить на одни военныя дѣйствія". 21 марта конвенція была подписана Эстергази.

За это онъ получилъ строгій выговоръ отъ Маріи-Терезіи. Конвенція была немедленно отправлена во Францію, потому что, по Версальскому договору, Австрія не могла заключать никакихъ договоровъ безъ вѣдома Французскаго Двора, и полученъ отвѣтъ, что Людовикъ XV никогда не можетъ приступить къ такой конвенціи, ибо въ ней говорится только о выгодахъ императорскихъ Дворовъ, о другихъ же союзникахъ говорится или въ общихъ выраженіяхъ, или вовсе ничего не говорится. „Въ договорѣ 1746 года", писала Марія-Терезія Эстергази, „именно было постановлено, что, въ случаѣ разрыва мира съ прусской стороны, Силезія и графство Глацкое отбираются назадъ Австріею, а Россіи завоеваній никакихъ не дѣлать, довольствоваться двумя милліонами гульденовъ;—теперь это торжественное постановленіе уничтожается и дѣлается новое постановленіе, по которому Россія получаетъ такія же выгоды, какъ и мы, хотя Пруссія разорвала миръ только съ нами да съ Саксоніею. Силезія—старая наша наслѣдная Земля, а Пруссія въ русскомъ владѣніи никогда не бывала, и мы относительно возвращенія Силезіи получили согласіе отъ всѣхъ союзниковъ и подвергались до сихъ поръ большимъ опасностямъ и убыткамъ. Несмотря на все это, мы уже давно Россійскую императрицу обнадежили, что вполнѣ соглашаемся на вознагражденіе ея убытковъ и объ ея интересѣ усердствуемъ столько же, сколько о своемъ собственномъ. Что же касается вообще вопроса, надобно ли съ нашей стороны королевство Прусское признать за завоеванное Россіею и въ томъ дать ручательство,—то здѣсь относительно насъ сомнѣнія быть не можетъ: только, по великодушію и великой проницательности Россійской императрицы, мы твердо можемъ надѣяться, что ея величество отнюдь не соизволитъ поступить въ противность нашему интересу, общему благополучію и собственному намѣренію, ибо отъ конвенціи, вмѣсто ожидаемой пользы, можетъ послѣдовать великій вредъ". Вредъ, по мнѣнію императрицы-королевы, заключался въ томъ, что Австрія и Россія могли быть оставлены всѣми другими союзниками. Впрочемъ, чтобъ не раздражить Русскій Дворъ, въ Вѣнѣ придумали такую сдѣлку: изъ конвенціи исключили параграфъ, въ которомъ говорилось о присоединеніи Пруссіи къ Россіи, а вмѣсто него составили отдѣльную секретную статью того же содержанія, но съ прибавкою, что обѣщаніе Австріи относительно присоединенія Пруссіи къ Россіи недѣйствительно, если, сверхъ ожиданія, Австрія не получитъ Силезіи и графства Глацкаго; секретная статья должна быть скрыта отъ Франціи. Елисавета приняла эти измѣненія.

Россія хотѣла пріобрѣсть Восточную Пруссію для того, чтобъ промѣнять ее на Курляндію или другія, болѣе подручныя польскія области; но Вѣнскій Дворъ и тутъ хотѣлъ сдѣлать свое измѣненіе. Его сильно безпокоило то, что Данія, не получивши до сихъ поръ отъ Россіи согласія относительно Голштинскаго дѣла, возьметъ англійскія субсидіи и выставитъ въ пользу Пруссіи свое свѣжее войско въ 20,000 человѣкъ. Эстергази отъ 27 іюля н. с получилъ отъ Маріи-Терезіи рескриптъ, гдѣ выражалась сильная тревога и желаніе прекратить голштинскія распри, „какъ всегдашній поводъ къ новому и опаснѣйшему воспаленію военнаго огня". Марія-Терезія требовала отъ Эстергази приложить ревностныя старанія, чтобъ датскія представленія не были совершенно отвергнуты въ Петербургѣ. Соглашеніе должно было состоять въ томъ, чтобъ великій князь Петръ Ѳедоровичъ отказался отъ Голштиніи и за это взялъ бы себѣ

Пруссія, что успокоитъ совершенно Данію и не возбудитъ въ другихъ державахъ зависти къ приращенію русскихъ силъ [1]).

Данія, дѣйствительно, сильно безпокоилась остановкою переговоровъ о Голштиніи и намѣреніями Россіи удержать за собою Восточную Пруссію. Французскій посолъ, маркизъ Лопиталь, сообщилъ канцлеру письмо датскаго министра, барона Бернсторфа къ французскому министру, герцогу Шуазелю. Въ письмѣ говорилось, что если Россіи достанется Пруссія, а наслѣдникъ Россійской имперіи не отречется отъ своихъ претензій и не оставитъ своей ненависти противъ короля Датскаго, то послѣдній найдется въ самомъ опасномъ и бѣдственномъ положеніи. Въ Даніи извѣстно, что великій князь постоянно думаетъ о ея разореніи; такъ какъ, вслѣдствіе этого, Датскій король убѣжденъ, что рано или поздно ему должно будетъ воевать съ Россіею, то, естественно, должна прійдти ему мысль, что не лучше ли начать эту войну теперь, чѣмъ въ такое время, когда у Россіи никакихъ другихъ непріятелей не будетъ. Во второмъ письмѣ своемъ къ герцогу Шуазелю, Бернсторфъ давалъ знать, что Данія, не желая нарушить дружбы съ Франціею, войдетъ въ соглашенія не съ Англіею, а съ королемъ Прусскимъ. Шуазель отвѣчалъ, что все равно: и соглашеніе съ Пруссіею будетъ такимъ же нарушеніемъ дружескихъ отношеній къ Франціи.

Знаменитый дипломатъ, представлявшій въ послѣднее время Россію во Франціи, графъ Михаилъ Петров. Бестужевъ-Рюминъ умеръ 26 февраля. При немъ для помощи находился въ Парижѣ князь Димитрій Мих. Голицынъ, которому и поручено было веденіе дѣлъ по смерти Бестужева, пока не пріѣхалъ во Францію новый посолъ, дѣйствительный камергеръ графъ Петръ Чернышевъ. Шуазель увѣрялъ Голицына, что онъ снова, именемъ королевскимъ, сдѣлалъ внушенія датскому министерству, чтобъ Данія молчала въ Петербургѣ о своихъ требованіяхъ относительно Голштинскаго вопроса, а послѣ найдется удобный случай кончить это дѣло полюбовно; что Франція вмѣшательствомъ въ такое дѣло никогда не согласится возбудить неудовольствіе Русской императрицы.

И въ Петербургѣ также смѣнился французскій посолъ. Лопиталя послали туда потому, что не было никого лучше. Людовикъ XV не имѣлъ къ нему довѣрія, не велъ съ нимъ переписки тайкомъ отъ министерства; Лопиталь не зналъ такъ-же, что король, мимо министерства, велъ тайную переписку съ императрицею Елисаветою. Тайной переписки съ королемъ удостоенъ былъ секретарь посольства, извѣстный кавалеръ Эонъ. Король находилъ, что Лопиталь становится очень дорогъ въ Петербургѣ; потомъ находилъ, что не умѣетъ вести дѣла, очень довѣрчивъ къ Русскому канцлеру Воронцову: „Ему велятъ“, писалъ король, „уяснить какое-нибудь дѣло, а онъ прежде всего открывается Воронцову“. Все затрудненіе состояло въ отысканіи ему преемника; наконецъ преемникъ былъ отысканъ — баронъ де-Бретейль, котораго король счелъ способнымъ къ веденію тайной переписки. Эонъ получилъ отъ Людовика XV приказаніе сообщить новому послу свѣдѣнія о характерѣ императрицы, ея министровъ и всѣхъ другихъ людей, употребляющихся для веденія иностранныхъ сношеній. Самому Бретейлю данъ былъ наказъ: „Особенно освѣдомиться насчетъ привязанности и видовъ великаго князя и великой княгини, и стараться о снисканіи ихъ благосклонности и довѣрія. Маркизъ Лопиталь пренебрегалъ молодымъ Дворомъ и особенно вооружилъ противъ себя великую княгиню участіемъ своимъ въ отозваніи изъ Петербурга графа Понятовскаго. Если, что не подлежитъ сомнѣнію, великая княгиня обратится къ барону Бретейлю съ жалобами на поведеніе его предмѣстника, то баронъ долженъ воспользоваться этимъ случаемъ и ловко внушить, что ему извѣстны чувства короля относительно великаго князя и великой княгини, и онъ можетъ увѣрить, что его величество будетъ очень радъ содѣйствовать исполненію ихъ желанія, и если бы имъ было пріятно увидѣть опять въ Петербургѣ графа Понятовскаго, то его величество не только не будетъ этому противиться, но будетъ еще содѣйствовать тому, чтобы король Польскій назначилъ его снова посланникомъ въ Россію“. Французскій Дворъ, дѣйствительно, началъ оказывать въ Варшавѣ свое содѣйствіе къ возвращенію Понятовскаго въ Петербургъ, но скоро долженъ былъ прекратить это содѣйствіе, испуганный сильнымъ нежеланіемъ императрицы видѣть въ третій разъ Понятовскаго при своемъ Дворѣ [2]).

Въ Лондонѣ были недовольны русскимъ отвѣтомъ на мирныя предложенія. Герцогъ Ньюкэстль говорилъ по этому случаю князю Александру Голицыну: „Здѣшній Дворъ, въ угожденіе и изъ особенной внимательности къ императрицѣ, сдѣлалъ вашему Двору предварительное сообщеніе о мирѣ, разсуждая, что императрица не мало отягощена продолженіемъ войны, тратя на нее большія деньги, безо всякой надежды получить достойное вознагражденіе; нашъ Дворъ надѣялся поэтому, что отвѣтъ императрицы будетъ составленъ въ такомъ же миролюбивомъ смыслѣ; но, напротивъ того, въ вашемъ отвѣтѣ находятся такія выраженія, которыя не обѣщаютъ съ стороны императрицы никакой склонности къ миру. Основные и естественные интересы требуютъ, чтобъ Россія и Англія находились всегда въ добромъ согласіи: такъ, можно было бы и теперь, не пренебрегая русскими интересами, помириться съ королемъ Прусскимъ и независимо отъ союзниковъ“. — „Императрица“, отвѣчалъ Голицынъ, „принимая съ благодарностью предварительное со-

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1760 года.

[2]) Дѣла Французскія того же года. — Correspondance secrète de Louis XV, I, 240, 262.

общеніе его Британскаго величества, не могла дать другого отвѣта, потому что не можетъ приступить къ заключенію мира иначе, какъ съ согласія всѣхъ своихъ союзниковъ. Постоянное сохраненіе тѣснаго союза между Англіею и Пруссіею должно служить примѣромъ и для другихъ государствъ. Союзъ Россіи съ Австріею есть самый естественный и необходимый; напротивъ того, нынѣшній союзъ между Англіею и Пруссіею имѣетъ очень слабое и ненадежное основаніе, ибо основанъ не на обоюдныхъ пользахъ Дворовъ, а на одинхъ личныхъ отношеніяхъ къ королю Прусскому; но Фридрихъ II—смертенъ, слѣдовательно этотъ союзъ кончится съ его жизнію. Честь, достоинство и безопасность Россіи требуютъ, чтобъ императрица не жалѣла издержекъ на эту справедливую войну, тѣмъ болѣе-что источники, необходимые для поддержанія войны, скорѣе могутъ изсякнуть у противниковъ ея величества, хотя бы императрица и не ожидала себѣ никакого вознагражденія: впрочемъ, въ ея волѣ получить и вознагражденіе, котораго, по справедливости, никто возбранить не можетъ". Тутъ Ньюкэстль прервалъ Голицына и спросилъ: „Что вы разумѣете подъ этими словами"?—„Это ясно и безъ моего толкованія", отвѣчалъ Голицынъ.

Послѣ этого разговора, другой министръ, знаменитый Питтъ, началъ вывѣдывать у Голицына, не намѣрена ли императрица удержать свои завоеванія въ Пруссіи: „Я", говорилъ Питтъ, „всегда приписывалъ Вѣнскому Двору властолюбіе и стремленіе распространять свои владѣнія; о вашемъ же Дворѣ я этого никогда не думалъ. Ваша государыня приняла участіе въ войнѣ единственно изъ великодушія, чтобъ защитить Польскаго короля, не имѣя въ виду какой-нибудь выгоды". Голицынъ отвѣчалъ, что намѣренія императрицы ему неизвѣстны; впрочемъ, всѣ безпристрастные люди должны признать право ея величества на достаточное вознагражденіе за такіе великіе военные убытки, утверждающіе вольность и безопасность Германіи. „Здѣсь", писалъ Голицынъ, „не только публика, но и Дворъ внутренно чувствуютъ справедливость и возможность, чтобъ ваше величество удержали Восточную Пруссію въ вѣчномъ владѣніи; здѣсь этого и ожидаютъ. Питтъ того же мнѣнія, и, твердя мнѣ о взаимныхъ естественныхъ интересахъ Россіи и Англіи, далъ мнѣ выразумѣть, что скоро можетъ придти время, когда настоящіе союзники Россіи, и особливо Вѣнскій Дворъ, будутъ завидовать благополучію и могуществу вашего величества больше, чѣмъ Англія" [1]).

Но когда въ Петербургѣ Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ Кейту, чтобъ вывѣдать у него мнѣніе Англійскаго Двора относительно присоединенія Восточной Пруссіи къ Россіи, то Кейтъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ война не скоро кончится, ибо король Прусскій скорѣе погребетъ себя подъ развалинами послѣдняго своего города, чѣмъ согласится на такія унизительныя условія; что присоединеніе Восточной Пруссіи къ Россіи возбудитъ всеобщую зависть и будетъ источникомъ безпокойствъ въ Европѣ, ибо при первомъ удобномъ случаѣ будутъ стараться выхватить эту область изъ рукъ Россіи. Шуваловъ отвѣчалъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ присоединеніе такой маленькой области можетъ возбудить всеобщую зависть, и если уже такъ, то можно, по крайней мѣрѣ, оставить Восточную Пруссію въ закладѣ у Россіи, пока не найдутъ другого средства удовлетворить послѣднюю. Кейтъ сказалъ на это, что ни то, ни другое не возможно, ибо всѣ государства увидятъ ясно намѣреніе Россіи захватить въ свои руки балтійскую торговлю и, черезъ это, торговлю всего Сѣвера [2]).

Изъ Стокгольма Панинъ былъ отозванъ и сдалъ дѣла совѣтнику посольства Стахіеву, который такъ описывалъ положеніе дѣлъ въ Швеціи передъ сеймомъ: „Будучи симъ (королевскимъ приглашеніемъ чиновъ на сеймъ) теперь отворены двери къ явному дѣйствію различныхъ, Шведскую націю раздѣляющихъ партій и факцій, предводители оныхъ несумнѣнно скоро распустятъ разнохатныя (?) свои знамена и начнутъ публично работать о умноженіи числа своихъ партизановъ. Тутъ главнаго примѣчанія достойны движенія обѣихъ партій—дворовой и сенатской: первая, яко утѣсненная и безсильная, до сихъ поръ ни малѣйшаго вида не подаетъ дѣйствованія; вторая, яко господствующая и сильнѣйшая, слѣдовательно многочисленная, заражена различными расколами и терзается разными факціями, изъ которыхъ двѣ первостепенныя состоятъ въ неутолимомъ соперничествѣ двухъ сенаторовъ—перваго министра барона Гепкена и гофмейстера королевскихъ дѣтей—барона Шефера. Каждый изъ сихъ двухъ соперниковъ особливо ищетъ пріобрѣсти себѣ доброжелательство дворовой партіи, чѣмъ надѣется возвысить каждый свою факцію; но по сей часъ ни одинъ, ни другой примѣтно въ томъ еще не успѣли въ разсужденіи дворовой неподвижности и удаленіи отъ дѣлъ. Разсуждая по наружности о движеніи обѣихъ факцій, сенаторъ баронъ Гепкенъ ищетъ соединить, по меньшей мѣрѣ, мечтаніе шведской независимости съ преданностію чужестраннымъ державамъ; напротивъ чего его суперникъ, баронъ Шеферъ, никакого посредства не допущая, слѣпо повинуется Франціи и боготворитъ все, что видитъ или слышитъ быть французскаго творенія, почему и въ земскихъ экономическихъ распоряженіяхъ во всемъ французскимъ послѣдуетъ; а какъ здѣшній духъ вольности въ такихъ дѣлахъ не сноситъ утѣсненія и строгости, такъ и сей сенаторъ оказаніемъ своего самоправія и запальчивости столкнулся со многими, и особливо съ мѣщанствомъ, гдѣ онъ ни малѣйшей довѣренности не имѣетъ, чѣмъ сенаторъ Гепкенъ, напротивъ того, много пользуется, наипаче сего лѣта

[1]) Дѣла Англійскія 1760 года.

[2]) La cour de la Russie il y a cent ans, 161.

будучи почти въ ежедневномъ обхожденіи съ мѣщанствомъ, слѣдовательно больше надежды имѣетъ на будущемъ сеймѣ ласкать себя покровительствомъ сего чина, ежели третья факція не схватитъ у него поверхность. Сія пылко поднимается теперь подъ предводительствомъ полковника барона Пехлина, который на послѣднемъ сеймѣ съ знатною отличностью поднятъ и служилъ господствующей партіи, чѣмъ надулся гордостію и, не довольствуясь даннымъ тогда за труды его денежнымъ награжденіемъ, взялъ себѣ въ голову къ будущему сейму доставить себѣ мѣсто управителя въ господствующей партіи, для чего и пріѣзжалъ сюда въ прошломъ году; но сенатъ, почитая его способнымъ токмо къ простому исполненію управительскихъ повелѣній, обратно прогналъ въ Померанію къ арміи, чѣмъ онъ жестоко раздражился противу сената, и теперь собираетъ собственную факцію, которую можно назвать, по древнему римскому примѣру, цензорскою факціею, ибо она началомъ своихъ дѣйствій полагаетъ— укротя на послѣднемъ сеймѣ дворовыя предпріятія, на будущемъ—подстричь крылья изъ предѣловъ выходящей сенатской власти. Здѣсь увядающая сенатора графа Тессина сѣдина много ласкательнаго для себя находитъ какъ для представленія себя еще одинъ разъ на сеймскомъ театрѣ, такъ и для уничтоженія оказаннаго на себя презрѣнія со стороны своихъ учениковъ, составляющихъ бо́льшую часть сената, съ показаніемъ имъ своего восчувствованія, почему сей, дряхлостію облекшійся старикъ подъ рукою далъ свое благословеніе новому управителю, и обѣщается, въ случаѣ успѣха, къ нему присовокупиться и показать Шведскому народу, что онъ еще въ состояніи находится принять отъ него благоуханную жертву и дары". На этой депешѣ Воронцовъ написалъ: „Надлежитъ Стахіеву предписать, чтобъ онъ весьма себя скромно содержалъ и ни къ которой партіи не приставалъ, отнюдь не мѣшаясь въ сеймовыя и домашнія Шведскія дѣла, держась нѣсколько стороны сенатора Гепкена, который, по всѣмъ оказательствамъ, къ намъ благосклоненъ быть является". Но въ рескриптѣ прибавили еще наставленіе краснорѣчивому Стахіеву: „Рекомендуется вамъ о всѣхъ тамошнихъ происхожденіяхъ и вѣдомостяхъ, которыя заслуживаютъ здѣсь обстоятельнаго свѣдѣнія, не вступая въ излишнее описаніе пороковъ или природныхъ страстей человѣческихъ, доношенія ваши сюда присылать, но въ оныхъ писать явственно и безъ всякихъ метафорическихъ и аллегорическихъ экспрессій, которыя не служатъ больше какъ къ затмѣнію содержанія оныхъ вашихъ доношеній, и слѣдовательно причиняютъ затрудненія въ снабдѣніи васъ потребными резолюціями".

Вмѣсто Панина, посланникомъ въ Стокгольмъ былъ назначенъ бригадиръ, графъ Иванъ Остерманъ. Но отъ 23 іюня Стахіевъ доносилъ: „Одинъ знатный и въ дѣлахъ обращающійся человѣкъ, мой надежный пріятель, на сихъ дняхъ мнѣ въ крайней конфиденціи сказалъ, что получаемыя здѣсь депеши изъ Парижа отъ шведскаго посланника наполнены завистливыми внушеніями со стороны французскаго министерства къ Русскому Двору; по словамъ шведскаго посланника, Французскій Дворъ отнюдь не намѣренъ позволить, чтобъ Россія оставила за собою завоеванныя ею у Прусскаго короля земли". На это Воронцовъ замѣтилъ: „Чиненныя внушенія Стахіеву отъ неизвѣстнаго здѣсь пріятеля имѣютъ нарочитый видъ искусно поссорить насъ съ Французскимъ Дворомъ". Далѣе въ депешѣ Стахіева говорилось: „Австрійскій посланникъ, графъ Гоесъ, говорилъ одному изъ своихъ пріятелей: „Невозможно, чтобъ Франція на шведскомъ сеймѣ помогала Россіи; интересы этихъ обоихъ Дворовъ въ Швеціи постоянно сталкиваются; Франція даетъ Швеціи значительныя субсидіи единственно для удаленія ея отъ Русскаго Двора, чтобъ въ случаѣ нужды выдвигать ее пугаломъ послѣднему". Гоесъ прибавилъ, что онъ не можетъ понять, для чего Русскій Дворъ такъ пренебрегаетъ шведскими дѣлами и не старается самъ непосредственно ими управлять, а спокойно позволяетъ Франціи окончательно истребить всѣхъ русскихъ приверженцевъ". На это Воронцовъ замѣтилъ: „Чтобъ Французскій Дворъ обратился въ пользу здѣшнихъ интересовъ въ Швеціи,—о томъ никогда надеждою себя не ласкали, да и никакого поступка съ нашей стороны въ содѣйствованіи Французовъ чинено не было, и мы въ томъ, конечно, обмануты не будемъ. Впрочемъ, никакого пренебреженія по шведскимъ дѣламъ съ нашей стороны не сдѣлано, но, напротивъ того, стараніе прилагали сохранить взаимную дружбу, развѣ симъ пренебреженіемъ разумѣется то, что съ нѣкотораго времени перестали отсюда для расточенія на сеймахъ пересылать многія тысячи рублевъ, и еже-ли-бъ нынѣ излишнія въ государствѣ были деньги, то можно бы, наудачу для покушенія на перевѣсъ и обращеніе тамошнихъ многихъ раздѣленныхъ партій и преклоненіе въ россійскіе виды, нѣсколько тысячъ рублевъ переслать; токмо о успѣхѣ въ томъ едва-ли кто поручится".

Депешъ Стахіева оканчивалась такъ: „Гоесъ говорилъ: истребленіе остатка русскихъ приверженцевъ, повидимому, совершится на будущемъ сеймѣ, если Петербургскій Дворъ не пришлетъ сюда познатнѣе характеромъ и побогаче собственнымъ капиталомъ министра, чѣмъ Остерманъ. Панинъ, въ какихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ ни находился, однако содержаніемъ хорошаго стола пріобрѣлъ себѣ любовь не только многихъ знатныхъ особъ, но и вообще большинство здѣшняго общества, которое сильно объ немъ жалѣетъ". На это Воронцовъ замѣтилъ: „Рановременное, весьма тщетное и продерзостное разсужденіе о графѣ Остерманѣ учинено" [1]).

Изъ Польши приходили старыя вѣсти. Пріѣхавъ

[1]) Дѣла Шведскія 1760 года.

однажды къ Литовскому канцлеру, князю Чарторыйскому, Воейковъ нашелъ у него и короннаго канцлера Малаховскаго. Чарторыйскій тотчасъ же сталъ говорить, что у канцлеровъ отняты почти всѣ дѣла, принадлежащія къ ихъ должности,—все дѣлаетъ, по большей части, надворный маршалъ графъ Мнишекъ, и съ помощію тестя своего, перваго саксонскаго министра, графа Брюля, раздаетъ чины, отчего произошло не мало смуты и огорченія между шляхтою, которая видитъ нарушеніе своей конституціи. Въ прошломъ году Мнишекъ позвалъ короннаго канцлера Малаховскаго въ Люблинъ предъ тамошній трибунальный судъ за то, что канцлеръ обвинялъ его по одному дѣлу въ ассесоріальныхъ королевскихъ судахъ, отъ которыхъ апелляцій никогда не бывало. Примѣръ неслыханный въ Польшѣ, и хотя, чрезъ посредство примаса и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, произошло между ними примиреніе, но съ такимъ условіемъ, что они лично другъ противъ друга никакой злобы не имѣютъ, но для удовлетворенія за обиду, нанесенную характеру и должности канцлерской, Мнишекъ долженъ письменно объявить, что все происшедшее на трибунальномъ судѣ уничтожается; но этого объявленія до сихъ поръ нѣтъ. Не имѣя возможности сносить болѣе подобныхъ обидъ, они положили просить короля, чтобъ не позволялъ никому вступаться въ ихъ должности и велѣлъ Мнишку дать удовлетвореніе Малаховскому. Потомъ оба канцлера начали просить Воейкова, какъ министра гарантирующей польскую конституцію державы, помочь имъ въ этомъ и донести обо всемъ своему Двору. Воейковъ отвѣчалъ, что давно слѣдовало бы прекратить частныя распри, что можетъ сдѣлаться благоразумною уступчивостью другъ другу. Но такъ какъ Чарторыйскій и Малаховскій настаивали, чтобъ Воейковъ вступился въ ихъ дѣла, то онъ поѣхалъ къ Брюлю переговорить о жалобахъ канцлеровъ. Тотъ отвѣчалъ, что король только того и желаетъ, чтобъ всѣ Польскія дѣла имѣли законное теченіе, а для этого канцлерамъ надобно быть прилежными; но князь Чарторыйскій около двухъ лѣтъ въ Варшавѣ не бывалъ, живетъ въ своихъ деревняхъ, отчего, вслѣдствіе переписки, въ его дѣлахъ проволочка и остановка. Малаховскій бываетъ въ Варшавѣ на короткое время; онъ человѣкъ добрый и не охотникъ до ссоръ и интригъ, былъ бы и теперь покоенъ, если-бъ не князь Чарторыйскій, человѣкъ безпокойный, гордый, горячій, неукротимый, который и подбиваетъ Малаховскаго; въ этомъ немало помогаетъ и стольникъ Литовскій, графъ Понятовскій, котораго Чарторыйскій употребляетъ въ интригахъ, какъ человѣка, чрезвычайно много о себѣ думающаго. Воейковъ въ донесеніи своемъ отозвался: „Сколько я могъ разсмотрѣть князя Чарторыйскаго въ кратковременное пребываніе его здѣсь, нахожу, что изображеніе его, сдѣланное графомъ Брюлемъ,—вѣрно; этому господину вѣрить во всемъ, кажется, нельзя, ибо хотя онъ человѣкъ и разумный, но въ высшей степени гордый, запальчивый и неукротимый. По пріѣздѣ своемъ сюда, въ Варшаву, не замедлилъ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, княземъ Адамомъ, воеводою Русскимъ, и племянникомъ, графомъ Понятовскимъ, быть у англійскаго посланника лорда Стормонта, у котораго просидѣли около двухъ часовъ".

На это канцлеръ графъ Воронцовъ отвѣчалъ ему въ своемъ письмѣ: „Съ одной стороны, желательно было бы, и для чести и кредита нашего Двора нужно и полезно, чтобъ чрезъ ваше посредство министерство польское возстановлено было въ его должномъ значеніи; но, съ другой стороны,—ясно усматривается, что графъ Брюль и Мнишекъ, имѣя безпредѣльную поверхность у короля и будучи такъ огорчены господами канцлерами, не могутъ склониться на увѣщанія нашего Двора, имѣя довольно отговорокъ, которыхъ постороннимъ опровергнуть нельзя, и объясненія по этому дѣлу могутъ завести въ непріятныя дальности; ктому же не покушеніе ли это только со стороны господъ канцлеровъ произвести нѣкоторую холодность между нами и Польскимъ Дворомъ! Итакъ, по моему мнѣнію, вашему превосходительству надобно поступать въ этомъ дѣлѣ очень осторожно и между этими матедорами содержать равновѣсіе, дабы, при нынѣшнихъ наипаче критическихъ временахъ, прямой экилиберъ былъ, тѣмъ болѣе-что мы едва ли можемъ себя ласкать, чтобъ черезъ перевѣсъ одной или другой партіи лучшую силу и пользу въ Польскихъ дѣлахъ пріобрѣли, и почти можно по нашей пословицѣ сказать: „Кто ни попъ, тотъ батька".

Приближался сеймъ, и Воейковъ узналъ, что въ инструкціяхъ депутатамъ внесены жалобы на тягости польскому шляхетству отъ прохода русскихъ войскъ. Когда Воейковъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ, то отсюда получилъ приказаніе внушить Брюлю, какъ это будетъ чувствительно для Россіи и вредно для общаго дѣла, и чтобъ онъ, Брюль, употребилъ тайно всѣ мѣры къ разорванію сейма въ самомъ началѣ. Воейковъ исполнилъ приказаніе, и Брюль отвѣчалъ ему увѣреніями, что сеймъ разорвется непремѣнно, потому что онъ не допуститъ до избранія маршала. „Опасно только одно", замѣтилъ Брюль, „что Англичане и король Прусскій стараются всѣми мѣрами довести польское шляхетство до конфедераціи и употребляютъ немалыя суммы къ возмущенію этого корыстолюбиваго и безразсуднаго народа. Недавно прусскій секретарь посольства, Бенуа, получилъ отъ своего короля много писемъ къ Полякамъ, между прочимъ—и къ князьямъ Чарторыйскимъ. Эта фамилія съ партіею своею не перестаетъ недоброхотствовать королю и явно угрожаетъ конфедераціею, приводя на то и короннаго гетмана Браницкаго". Донося объ этомъ своему Двору, Воейковъ замѣчалъ: „Мнѣ кажется, что Поляки не вдругъ рѣшатся на конфедерацію, видя вблизости русскую армію, а нѣкоторую часть ея и дѣйствительно въ Землѣ своей".

Сеймъ былъ разорванъ. Послѣ этого Воейковъ

потребовалъ отъ Брюля другой услуги,—чтобъ постарался изловить прусскихъ курьеровъ, которые безпрестанно ѣздятъ къ прусскому эмиссару въ Константинополь и оттуда обратно [1]). Обрѣзковъ доносилъ, что дѣло прусскихъ эмиссаровъ идетъ дурно въ Константинополѣ: Турція не хочетъ войны, хотя Крымскій ханъ и старается всѣми силами поссорить ее съ Россіею, подавая жалобы на грабительства Запорожцевъ. Въ октябрѣ Обрѣзковъ далъ знать, что неаполитанскій посланникъ получилъ извѣстіе о появленіи человѣка, который называетъ себя Русскимъ княземъ Иваномъ, свергнутымъ съ престола въ 1741 году. Самозванцу можно дать 25 лѣтъ или больше; онъ небольшого роста, лицо у него смугловатое, волосы черные, на лицѣ большія рябины, на шеѣ рана изъ пистолета. Онъ говоритъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки и нѣсколько разумѣетъ Датскій и Шведскій языки. Скрывалъ онъ себя подъ частными фамиліями, наблюдая крайнее молчаніе и притомъ учтивость, довольствуясь малымъ до полученія отвѣтовъ или векселей, которыхъ ожидалъ онъ изъ Копенгагена, Берлина и Брауншвейга; писалъ три письма къ Датской королевѣ и пересылалъ ихъ по почтѣ. Въ этихъ письмахъ разсказываетъ онъ, что убѣжалъ изъ Россіи въ 1754 году съ стороны Азова; былъ въ разныхъ странахъ Европы; въ 1757 году пріѣзжалъ инкогнито въ Петербургъ, откуда уѣхалъ въ Бранденбургъ, а отсюда—въ Копенгагенъ, гдѣ прожилъ зиму, между 1757 и 1758 годами, до прибытія въ іюнѣ мѣсяцѣ 1758 года русскаго флота, который, по его мнѣнію, назначался для вытребованія его отъ Датскаго Двора, почему отправленъ онъ изъ Копенгагена тайнымъ образомъ на островъ Самсое, откуда послѣ выпровоженъ изъ королевства для избѣжанія столкновеній съ Русскимъ Дворомъ. Изъ Даніи онъ отправился въ Германію къ принцу Фердинанду Брауншвейгскому, и былъ свидѣтелемъ Бергенскаго сраженія; во Франкфуртѣ его хотѣли схватить по приказу герцога Брольи, но онъ убѣжалъ въ Швейцарію и оттуда въ Италію. Прикрашиваетъ онъ свой разсказъ обстоятельствами, служащими для доказательства его справедливости, и ни въ чемъ себѣ не противорѣчитъ. Изъ письма датскаго министра Бернсторфа видно, что онъ обманщикъ и былъ бы арестованъ въ Даніи, если-бъ не успѣлъ убѣжать [2]).

Елисавета объявила, что будетъ упорно продолжать войну, если бы даже принуждена была продать половину своего платья и брильянтовъ [3]). Эти слова уже заключаютъ въ себѣ намекъ на то, какъ терпѣли отъ войны финансы имперіи. Въ началѣ іюня мѣсяца, генералъ-кригсъ-коммисаръ, князь Яковъ Шаховской, представилъ въ конференцію, что Главный Коммисаріатъ, если не будетъ ему возвращено долга, который имѣется на разныхъ направленіяхъ и простирается болѣе чѣмъ на пять милліоновъ, и если не будетъ пополнена доимка,—не надѣется, чтобъ на текущій годъ могла быть отправлена въ армію вся требуемая сумма сполна; представилъ, что военные чины удовольствованы жалованьемъ только за январь и февраль мѣсяцы, а за остальные два мѣсяца январской трети удовольствовать уже не-изъ-чего. Конференція препроводила это донесеніе въ Сенатъ; тотъ отвѣчалъ, что приняты мѣры къ собранію долговъ и доимокъ. Канцелярія отъ строеній донесла, что у нея на Штатсъ-Конторѣ долгу съ 1757 года 103,876 рублей; а у Канцеляріи отъ строеній были большія издержки на постройку Зимняго дворца. Рѣзная работа въ галереѣ этого дворца, по рисунку Растрелли, отдана была за 20,000 рублей мастерамъ—Жилету, Дункеру и Ролянду, которые обязались содержать на своемъ иждивеніи 50 человѣкъ иностранныхъ мастеровъ и 15 человѣкъ русскихъ рѣзчиковъ. Гвардейскій офицеръ поѣхалъ въ Московскую губернію набирать тысячу человѣкъ штукатуровъ, и велѣно штрафовать ярославскій магистратъ за укрывательство штукатуровъ и каменщиковъ, также старосту и крестьянъ вотчины князя Елецкаго, въ Любимскомъ уѣздѣ. Въ концѣ года Канцелярія отъ строеній требовала на постройку Зимняго дворца 60,495 рублей. Сенатъ велѣлъ навести справки, и оказалось, что въ 1755 году на строеніе дворца по смѣтѣ отпущено 859,555 рублей; потомъ отпущена прибавочная сумма въ 372,672 рубля, да на внутреннее строеніе по 1759 годъ велѣно отпустить 143,713 рублей; а съ 1759 года до окончанія постройки положено отпускать и отпускается по 120,000 рублей въ годъ; на этомъ основаніи Сенатъ приказалъ: въ отпускѣ суммы Канцеляріи отъ строеній отказать,—пусть довольствуется назначенною суммою въ 120,000 рублей. Посольская свита въ Парижѣ не получала жалованья не только за 1760 годъ, но было не доплачено и за прошлый годъ. На Иностранную Коллегію шло въ годъ 191,377 рублей, да на чрезвычайныя уплаты 29,822 рубля и 1,300 червонныхъ; на Штатсъ-Конторѣ числилось долгу 512,713 рублей и 1,300 червонныхъ. За таможеннымъ откупщикомъ Шемякинымъ явилась доимка въ 412,562 рубля; Сенатъ велѣлъ накрѣпко понудить къ уплатѣ.

По вѣдомостямъ за 1758 годъ, продано было вина 1.478,643 ведра, денегъ въ сборѣ было 1.731,675 рублей, противъ 1749 года, когда вино продавалось разными цѣнами, продано меньше 154,555 ведръ, а денегъ получено больше 1.465,924 рубля. Соли продано было 6.272,639 пудъ,—противъ всѣхъ прежнихъ годовъ меньше. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ предложилъ: извѣстно, что цѣловальникамъ на содержаніе въ кабакахъ разныхъ вещей—посуды, дровъ, свѣчъ, за провозъ питей и за прочее ничего не дается, слѣдовательно они должны на это тратить свое и впадаютъ въ вину

[1]) Дѣла Польскія 1760 года.

[2]) Дѣла Турецкія того же года.

[3]) Гаумеръ II, 469.

поневолѣ, утаивая казенные доходы; видя это, должно предостеречь, чтобъ люди подъ наказаніе приходить не могли, котораго имъ и миновать нельзя,—надобно давать имъ на содержаніе въ кабакахъ нужныхъ вещей. Сенатъ согласился. Четверо воеводъ было отрѣшено за слабое смотрѣніе ихъ въ кабацкомъ сборѣ. Тотъ же Шуваловъ объявилъ о приведеніи имъ артиллерійскаго корпуса въ желаемое состояніе, и чтобы впредь не могло послѣдовать недостатковъ въ деньгахъ, какъ прежде, предложилъ:—изъ вступающихъ изъ передѣла мѣдныхъ пушекъ въ деньги и остающихся за распредѣленіемъ отъ передѣла мѣдныхъ денегъ экономическихъ суммъ учредить банкъ собственный артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, который бы могъ представить знатный капиталъ на случай недостатка денегъ на будущіе времена. Сенатъ призналъ это дѣло очень нужнымъ и полезнымъ, и учрежденіе банка возложилъ на самого Шувалова.

Мы видѣли, что прежде изъ средствъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ, какіе употреблялись за-границею, лотерея не была признаваема полезною въ Россіи. Но теперь хотѣли испытать и это средство: оберъ-церемоніймейстеръ, баронъ Лефортъ, представилъ конференціи проектъ, какъ согласить большую государственную лотерею съ казенною пользою, чтобъ не было опасенія, что лотерея не наполнится или что, въ избѣжаніе безславія и потери кредита, надобно будетъ наполнить ее казенными деньгами. Конференція опредѣлила утвердить лотерею и генералъ-директоромъ ея назначить барона Лефорта, подъ покровительствомъ Сената; денежную лотерею, по рублю за билетъ, рѣшено учредить въ Петербургѣ, Москвѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Кенигсбергѣ.

Несмотря на необходимое по обстоятельствамъ стремленіе ко всевозможному ограниченію расходовъ, Сенатъ призналъ нужнымъ израсходовать значительную по тому времени сумму для награды сыну за отцовскія заслуги. Графъ Петръ Ив. Шуваловъ представилъ: „Чтобъ побудить человѣка употребить всѣ свои силы на службу отечеству,—необходимо увѣрить его въ вознагражденіи; заслуга является причиною воздаянія, а воздаяніе служитъ полнымъ поощреніемъ къ предпріятіямъ, опаснымъ для того, кто на нихъ отваживается, но полезнымъ для его государя и отечества, и видится заслуга съ воздаяніемъ такъ сопряжена, какъ душа съ тѣломъ. Довѣріе, которое оказываетъ намъ наша государыня, обязываетъ насъ ходатайствовать за людей, которые отваживались па предпріятія, оказавшіяся чрезвычайно полезными для отечества. Семейство Ивана Кириллова находится въ крайней бѣдности и, можно сказать, остается безъ пропитанія; а Кирилловъ оказалъ отечеству знатную услугу: доказательствомъ служатъ тѣ плоды, которые получаются отъ Оренбурга и его губерніи. Кирилловъ, будучи оберъ-секретаремъ въ Сенатѣ, въ 1734 году подалъ проектъ о построеніи на Орь-рѣкѣ города, и отправленъ былъ для приведенія его въ исполненіе. Вслѣдствіе построенія города, завелась торговля, доходы отъ этой торговли сначала были невелики, простирались только до 4,000 рублей, а теперь до 150,000 и больше въ годъ бываетъ, и, сверхъ того, имѣется тамъ пять мѣдныхъ заводовъ, на которыхъ выплавливается въ годъ мѣди до 26,000 пудовъ; четыре желѣзныхъ завода, на которыхъ выдѣлывается желѣза въ годъ до 180,000 пудовъ, а на виновникѣ этого богатства, Кирилловѣ, до сихъ поръ числится долгу 7,591 рубль, и этотъ долгъ надобно взыскать съ сына его, оберъ-аудитора Военной Коллегіи". Сенатъ рѣшилъ подать императрицѣ докладъ: просить о пожалованіи Кириллову 10,000 рублей, и въ то число зачесть долгъ [1]).

По предложенію того же Шувалова, возстановлена была Остермановская коммисія о коммерціи. Для распространенія торговли надобно было защищать купцовъ; Сенатъ приказалъ накрѣпко изслѣдовать объ обидахъ, причиненныхъ новоторжскому купечеству отъ рекрутъ; рекруты ограбили и избили купцовъ, изъ которыхъ одинъ, Тетюхинъ, на другой день отъ побой умеръ. Сенатъ послалъ указъ Канцеляріи отъ строеній: взять отвѣтъ отъ гвардіи капитанъ-поручика Шувалова, отправленнаго для набора штукатуровъ къ строенію Зимняго дворца,—для чего онъ членовъ Главнаго Магистрата задержалъ подъ карауломъ, и притомъ, не объявя никакого указа, повторялъ только, что поступаетъ по-солдатски, а Главный Магистратъ имѣетъ такое же преимущество, какъ и прочія коллегіи, и состоитъ подъ апелляціею Сената. Сенатъ имѣлъ право сажать магистратскихъ членовъ подъ караулъ. По жалобѣ Медицинской Канцеляріи, онъ приказалъ: въ тѣхъ городахъ, гдѣ по указу 737 года имѣются лѣкаря, магистратамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ этимъ лѣкарямъ жалованье и квартирныя деньги производимы были изъ магистратовъ по третямъ года безъ малѣйшаго удержанія и не продолжая, по прошествіи трети, больше трехъ дней и не принося никакихъ отговорокъ; Медицинская Канцелярія пишетъ, что лѣкаря, не получая жалованья, терпятъ великую нужду, а магистраты, несмотря на подтвердительные указы, жалованья не платятъ упрямствомъ, а потому канцеляріямъ тѣхъ городовъ взыскать это лѣкарское жалованье съ магистратовъ вдвое, не принимая никакого оправданія, и одну половину отослать на госпиталь, а другую—лѣкарямъ тотчасъ выдать, и пока магистраты двойного жалованья не заплатятъ, держать магистратскихъ судей подъ карауломъ въ магистратахъ, безъ выпуску. Оказалось, что въ Тамбовѣ лѣкарю не было выдано жалованья за 5 лѣтъ. Не вездѣ, какъ въ Торжкѣ, купцы позволяли себя бить рекрутамъ. Юстицъ-Коллегія донесла въ Сенатъ: тихвинскаго магистрата бургомистръ Солодовниковъ хотя въ на-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 13 января, 7 и 10 марта, 12 апрѣля, 10 мая, 5 и 12 іюня, 6 и 12 іюля, 8 и 24 августа, 22 и 27 сентября, 11 декабря.

ряженіи тихвинскихъ обывателей для бою офицеровъ — капитана Ив. Шувалова, адъютанта Якова Голинищева-Кутузова, обознаго Вас. Огибалова, и не признается, и потому надлежало бы тѣмъ Тихвинцамъ съ нимъ, Солодовниковымъ, произвесть пристрастные разспросы плетьми; но онъ, Солодовниковъ, совершенно изобличенъ, что онъ магистратскихъ ходаковъ для высылки тихвинскихъ посадскихъ и кузнецовъ для битья тѣхъ офицеровъ посылалъ, а Тихвинскаго монастыря служителю Щетинину и кузнецу Кирпичникову въ магистратскихъ сѣняхъ давалъ по дубинѣ, чтобъ ими проводить офицеровъ, собравши для драки человѣкъ тридцать: — пусть офицеры въ Петербургѣ не хвастаются; и тѣмъ, что Голенищева-Кутузова били, не удовольствовался, но еще велѣлъ поймать и бить капитана Шувалова, который, по его приказу, противъ магистрата на площади и битъ. Для отвращенія напраснаго кровопролитія и для прекращенія слѣдствія, которое тянется уже безъ малаго четыре года, и чтобы Тихвинцы, содержащіеся по этому дѣлу, торговъ и промысловъ не лишились, Юстицъ-Контора полагаетъ сдѣлать слѣдующее: 1) Солодовникова, за указанную вину и прочія продерзости, что онъ, во время содержанія его въ коммисіи, собравшись съ другими колодниками и вломясь въ судейскую камеру, кричалъ, что онъ производимымъ надъ нимъ слѣдствіемъ не доволенъ, и чтобъ ихъ повезли въ Петербургъ; за наглое отбывательство отъ слѣдствія; за двоекратный уходъ изъ коммисіи изъ-подъ караула; за битье караульнаго солдата и за угрозы, кто его будетъ брать—бить до смерти; за приходъ подъ его предводительствомъ тихвинскихъ обывателей въ Тихвинскій большой монастырь и за разломаніе келейныхъ дверей и за уводъ служительскаго сына Быкова изъ-подъ караула: — за все это наказать его кнутомъ, освободить, но впредь ни къ какимъ дѣламъ не опредѣлять. Тихвинцевъ, которые его слушались и били офицеровъ, наказать плетьми, хотя Щетининъ и показываетъ, что Тихвинцы и кузнецы вступились за кузнеца Шепелева, котораго Огибаловъ билъ, и стали его отнимать, отчего и драка произошла; кромѣ того, съ Солодовникова и Тихвинцевъ, которые били офицеровъ, взыскать деньги за безчестье послѣднихъ. Сенатъ велѣлъ наказать Солодовникова вмѣсто кнута плетьми.

Оказалось, что учрежденные при Петрѣ Великомъ въ городахъ цехи пришли въ разстройство; по этому поводу конференція разсудила: теперь было бы самое удобное время, по причинѣ военныхъ замѣшательствъ во всей Европѣ, получить въ здѣшнюю имперію хорошихъ ремесленниковъ; но всякое о томъ стараніе прилагалось бы тщетно, пока ни одинъ цехъ въ надлежащую силу и состояніе приведенъ не будетъ, но всѣ въ нынѣшнемъ ихъ разстройствѣ останутся; напримѣръ, великое здѣсь число портныхъ для вредной государству роскоши; но опытъ показалъ, что едва только нужда потребовала построить въ скорости на армію мундиры, то въ цѣлой Москвѣ нашлось записныхъ такъ мало, что о томъ и упоминать нечего; государство изобилуетъ лучшимъ желѣзомъ, но когда случились чрезвычайныя подѣлки для арміи, то лучшимъ желѣзомъ окованныя повозки рѣдко доходили до мѣста назначенія. Сенатъ, получивши эти замѣчанія конференціи, приказалъ подтвердить въ Главномъ Магистратѣ, чтобъ цехи содержаны были, и купцы торги производили по силѣ указовъ магистратскаго Регламента; что же касается вызова ремесленниковъ изъ-за границы, то безъ употребленія знатной суммы денегъ обойтись при этомъ нельзя, а конференціи извѣстно, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ и на самонужнѣйшія управленія въ деньгахъ крайній недостатокъ, — поэтому о вызовѣ ремесленниковъ Сенатъ теперь опредѣленія сдѣлать не можетъ, а чтобъ вызывать ремесленниковъ безъ казеннаго убытка, — о томъ должна разсуждать коммисія о коммерціи [1]).

Но могла ли коммисія о коммерціи дать торговымъ людямъ безопасность отъ грабежей всякаго рода? 24 августа Сенатъ получилъ именной указъ: „Ея императорскому величеству къ крайнему гнѣву и неудовольствію извѣстно, что Воронежскій губернаторъ Пушкинъ и Бѣлгородскій — Салтыковъ въ этихъ губерніяхъ дѣлаютъ великія разоренія и лихоимства и самыя грабительства, и потому повелѣваетъ строжайше о томъ изслѣдовать". Для улучшенія участи однодворцевъ ихъ освободили изъ-подъ власти губернаторовъ и воеводъ, и дали особыхъ управителей; но однодворцы Орловскаго уѣзда подали въ Сенатъ просьбу: опредѣленный не по желанію ихъ къ нимъ управитель, гвардіи прапорщикъ Глазовъ вмѣстѣ съ писаремъ разоряетъ ихъ, забираетъ ихъ женъ и дѣтей и, сковавши, держитъ въ тюрьмѣ, моритъ голодною смертью, бьетъ мучительски плетьми и батогами, отдаетъ однодворческихъ дочерей замужъ за помѣщичьихъ крестьянъ; посланные отъ него берутъ за проѣздъ большія деньги и отнимаютъ платье, хлѣбъ и прочіе домовые скарбы, убили до смерти двухлѣтняго ребенка на рукахъ у матери: поэтому однодворцы просятъ Глазову у нихъ не быть, а быть имъ подъ вѣдѣніемъ орловской провинціальной канцеляріи попрежнему. Сенатъ приказалъ: Глазова немедленно отрѣшить и на его мѣсто опредѣлить, кого сами однодворцы выберутъ. Сенатъ узналъ, что обыватели терпятъ обиды и излишнія притѣтки отъ вальдмейстеровъ, которые опредѣлены и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ и лѣсовъ, годныхъ для кораблестроенія: — поэтому приказалъ всѣхъ такихъ вальдмейстеровъ немедленно отрѣшить и потребовать отъ Адмиралтейской Коллегіи рапорта, кѣмъ они опредѣлены, давно ли и для чего. Наконецъ, Сенатъ постановилъ смѣнять воеводъ черезъ пять лѣтъ, оставляя только такихъ, которые окажутся

[1]) Журналы и протоколы Сената, 20 января, 17 мая, 8 іюня, 7 сентября, 22 ноября.

исправными и незаподозрѣнными, и объ оставленіи которыхъ будутъ просить помѣщики и граждане [1]).

Эти распоряженія Сената, происходившія въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, были слѣдствіемъ знаменитаго указа императрицы отъ 16 августа: „Съ какимъ мы прискорбіемъ, по нашей къ подданнымъ любви, должны видѣть, что уставленные многіе законы для блаженства и благосостоянія государства своего исполненія не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ, и равнымъ образомъ чувствовать, что вкореняющееся также зло пресѣченія не имѣетъ. Сенату нашему, яко первому государственному мѣсту, по своей должности и по данной власти, давно-бъ надлежало истребить многіе по подчиненнымъ ему мѣстамъ непорядки, безъ всякаго помѣшательства умножающіеся къ великому вреду государства. Несытая алчба корысти дошла дотого, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе—предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе—ободреніемъ беззаконникамъ. Въ такомъ достойномъ сожалѣнія состояніи находятся многія дѣла въ государствѣ, и бѣдные, утѣсненные неправосудіемъ люди, о чемъ мы чувствительно соболѣзнуемъ, какъ и о томъ, что наша кротость и умѣренность въ наказаніи преступниковъ такое намъ отъ неблагодарности приносятъ воздаяніе. Повелѣваемъ симъ нашему Сенату, какъ истиннымъ дѣтямъ отечества, воображая долгъ Богу, государству и законамъ государя императора, нашего любезнѣйшаго родителя, которые мы во всемъ своими почитаемъ, всѣ свои силы и старанія употребить къ возстановленію желаннаго народнаго благосостоянія: хотя нѣтъ челобитенъ и доносовъ, но, по самымъ обстоятельствамъ, Сенату извѣстнымъ, зло прекращать и искоренять. Всякій сенаторъ, по своей чистой совѣсти, долженъ представить о происходящемъ вредѣ въ государствѣ и о беззаконникахъ, ему извѣстныхъ, безъ всякаго пристрастія, дабы тѣмъ злымъ пощады, а невиннымъ напрасной бѣды не принесть, но какъ истинному сыну своего отечества, памятуя страхъ Божій и свою должность, и зная, что людямъ, возведеннымъ быть судьями другимъ, надлежитъ почитать свое отечество родствомъ, а честность дружбою; которыя представленія уважать, заблужденія въ мѣстахъ исправлять, подозрительныхъ судей смѣнять и изслѣдовать, и, паче всего, изыскивать причины къ достиженію правды, а не къ продолженію времени. Многія вредныя обстоятельства у всѣхъ передъ глазами: продолженіе судовъ, во многихъ мѣстахъ разоренія, чрезъ мѣру богатящіеся судьи, безконечныя слѣдствія, похищеніе нашего интереса отъ тѣхъ, кои сохранять опредѣлены, воровство въ продажѣ соли, при наборѣ рекрутъ и при всякомъ на народъ налогѣ въ необходимыхъ государству нуждахъ,—все оное неоспоримыя доказательства, открывающія средства къ пресѣченію вреда общаго".

Но Елисавета не хотѣла ограничиться одними словами; мы видѣли ея гнѣвный указъ насчетъ губернаторовъ—Салтыкова и Пушкина; кромѣ того, надобно было и Сенату дать средства къ исполненію обязанностей, какого требовала отъ него императрица. Сенаторовъ было немного, и часть ихъ засѣдала въ конференціи, слѣдовательно не всегда могла присутствовать въ Сенатѣ. Назначены сенаторами: генералъ-поручикъ Костюринъ, знаменитый Оренбургскій генералъ-губернаторъ Неплюевъ, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ и генералъ-поручикъ Жеребцовъ. Такимъ образомъ, Сенатъ составился изъ слѣдующихъ лицъ: князя Никиты Трубецкого, фельдмаршала Бутурлина, генералъ-адмирала князя Мих. Мих. Голицына, канцлера Воронцова (который, впрочемъ, подобно предшественнику своему Бестужеву, никогда не бывалъ въ Сенатѣ), графовъ—Александра и Петра Шуваловыхъ, князя Щербатаго, Костюрина, князя Алексѣя Димитр. Голицына, Жеребцова, князя Одоевскаго, графа Романа Воронцова, Неплюева, Хитрово и князя Мих. Ив. Шаховского. Но дѣло обновленія Сената не могло бы имѣть важныхъ результатовъ, если-бъ остался прежній генералъ-прокуроръ, сильно одряхлѣвшій фельдмаршалъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой; онъ былъ уволенъ отъ этой многотрудной должности, и на его мѣсто назначенъ человѣкъ, извѣстный своею дѣятельностью, правдивостью и неподкупностью,—генералъ-кригсъ-коммисаръ князь Яковъ Петровичъ Шаховской; вмѣсто него, должность генералъ-кригсъ-коммисара получилъ оберъ-прокуроръ Сената Глѣбовъ, а оберъ-прокуроромъ назначенъ графъ Иванъ Григор. Чернышевъ [2]).

[1]) Журналы и протоколы Сената, 24 и 28 августа, 4 и 27 сентября.

[2]) Отъ описываемаго времени до насъ дошелъ любопытный памятникъ, напоминающій «Слово Даніила Заточника»,—это жалоба сосланнаго маіора Колачева императрицѣ Елисаветѣ: «Въ Сенатѣ добрыхъ людей всячески мучатъ и разоряютъ, сенаторы ворамъ помогаютъ. Какое въ государствѣ чинится разореніе и людямъ неповиннымъ убійство, воровскія сенаторовъ самовольныя власти, чего и въ республикѣ не дѣлается! Князь Никита Трубецкой не хранитель,—это разоритель вашихъ законовъ; его мало написать: генералъ-воръ, онъ генералъ-фельдмаршалъ-воръ, столпъ въ государствѣ между воровъ. И жить было ему хоша бы не на колѣ и не на каменномъ столбѣ или бы милостиво въ ближней подмосковной вотчинѣ на Камчаткѣ; мы, вашего величества вѣрные рабы, въ тое вотчину по ихъ воровской измѣнѣ были посланы. А коли-бъ такое воровство было при отцѣ вашего величества, то бы ихъ къ казнѣ развѣ бы принесли, а не привели, указалъ бы ихъ жестокими розысками размучить. Бестужева жена будто бы одна приличилась къ воровству—тому нельзя статься, будто бы мужъ ея про то не вѣдалъ! а коли хоша и не вѣдалъ, такъ слово Господне надобно исполнить—Богъ сочетаетъ, а человѣкъ не разлучаетъ, такъ бы и ему надобно ѣхать съ нею вмѣстѣ. Волынскаго убивство и кровопролитіе, а не экзекуція, экзекуціею назвать грѣхъ. Намъ за наши вѣрности подмосковная вотчина Камчатка была пожалована по ихъ измѣническимъ совѣтамъ, а имъ надобно въ вознагражденіе большой первостатейный помѣстный окладъ съ придачами, а именно

Какъ видно, назначенію Шаховскаго въ генералъ-прокуроры всего болѣе содѣйствовалъ Ив. Ив. Шуваловъ. По крайней мѣрѣ, онъ первый открылъ Шаховскому о намѣреніи Елисаветы назначить его на это мѣсто. Шаховской, по его словамъ, отвѣчалъ Шувалову, что „сіе будетъ къ наибольшему его злополучію", и когда Шуваловъ сталъ уговаривать его принять назначеніе, которое показываетъ такую великую довѣренность къ нему императрицы, то Шаховской прямо сказалъ ему, что въ новомъ чинѣ онъ будетъ имѣть себѣ двоихъ главныхъ злодѣевъ—графа Петра Ив. Шувалова, который привыкъ, не разбирая путей, проводить свои планы во что бы то ни стало, и князя Никиту Трубецкого, котораго смѣнятъ противъ его желанія. Шуваловъ представлялъ на это, что Шаховской во всѣхъ нужныхъ случаяхъ найдетъ защиту у самой императрицы, а „что до того моего брата Петра Ивановича принадлежитъ,—я въ томъ васъ увѣряю, что онъ вамъ препятствіемъ въ полезныхъ вашихъ производствахъ не будетъ" [1].

Но столкновенія между Петромъ Шуваловымъ и Шаховскимъ были неминуемы. Шуваловъ, подобно многимъ благонамѣреннымъ людямъ, никакъ не хотѣлъ мѣшать другимъ благонамѣреннымъ людямъ въ ихъ „полезныхъ производствахъ", никакъ не думалъ мѣшать и новому генералъ-прокурору, когда тотъ будетъ хлопотать о введеніи порядка, быстроты и правды въ судахъ, будетъ соблюдать экономію въ государственныхъ расходахъ, *если только* онъ не будетъ касаться вѣдомствъ, управляемыхъ имъ, Шуваловымъ, не будетъ на нихъ распространять своего надзора. Новый генералъ-прокуроръ нашелъ, что изъ многихъ присутственныхъ мѣстъ не присылаютъ въ Сенатъ вѣдомостей и рапортовъ, и оберъ-секретарь говоритъ, что отъ нѣкоторыхъ мѣстъ и требовать отчетовъ нельзя, какъ напримѣръ—изъ Монетной Конторы и изъ Экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ, состоящихъ подъ управленіемъ графа Петр. Ив. Шувалова. Но Шаховской находитъ, что можно и должно требовать отчетовъ и изъ этихъ мѣстъ, и посылаетъ ихъ требовать. Шуваловъ, оскорбленный, пріѣзжаетъ въ Сенатъ и говоритъ: „Я ни отъ генералъ-прокурора, ни отъ господъ сенаторовъ, какъ отъ своихъ благосклонныхъ товарищей, никогда такихъ требованій не ожидалъ; если бы, по какимъ-нибудь сомнѣніямъ, и захотѣли посмотрѣть вѣдомость о наличныхъ деньгахъ, то можно бы приватно мнѣ сообщить, я бы велѣлъ ее вамъ показать".—„Монетная Контора", говоритъ Шаховской, „наравнѣ со всѣми другими коллегіями и канцеляріями, находится въ послушаніи Сенату, и потому я, по обязанности своей, потребовалъ и отъ нея отчета". Шуваловъ перемѣнился въ лицѣ. „Такъ это вы, сударь, приказали", сказалъ онъ. — „Я, сударь", отвѣчалъ Шаховской.

Такія же столкновенія—и въ конференціи, куда Шаховской также поступилъ членомъ. Ив Ив. Шуваловъ долженъ былъ вступиться. Учтиво, ласково говорилъ онъ Шаховскому: „Братъ мой, Петръ Ивановичъ со слезами жалуется, что вы его гоните". Шаховской проситъ назначить день для объясненій съ графомъ Петромъ Ив. въ присутствіи Ивана Ивановича, который долженъ рѣшить, кто правъ, кто виноватъ. Иванъ Ив. соглашается, и въ назначенный день оба соперника пріѣзжаютъ къ нему и садятся другъ противъ друга. Графъ Петръ Ив., привыкшій, по словамъ Шаховского, брать верхъ своимъ краснорѣчіемъ въ разсужденіяхъ и доказательствахъ [2]), первый началъ рѣчь, складывая всю вину на Шаховского. Изъ собственнаго разсказа послѣдняго выходитъ, что краснорѣчіе Шувалова сильно раздражило его, а можетъ быть, ему представился московскій его домъ, наполненный больными изъ госпиталя. Какъ бы то ни было, вмѣсто того, чтобы прямо отвѣчать на обвиненія Шувалова и представлять каждое дѣло въ свою пользу, Шаховской употребилъ дѣтскій пріемъ брани: „а самъ-то ты хорошъ!"—собралъ повторяемые врагами Шувалова слухи, объясненія корыстными побужденіями лучшихъ, полезнѣйшихъ плановъ Шувалова, и все это вылилъ вдругъ ему на голову. Вся Россія волнуется отъ недостатка соли вслѣдствіе невольной монополіи пермскихъ промышленниковъ; Шуваловъ предлагаетъ самое простое и дѣйствительное средство помочь бѣдѣ—добывать соль изъ другого источника, изъ Элтонскаго озера,—и бѣда прекращается. Заслуга безспорная! Какъ же представляетъ ему дѣло Шаховской: „Вы сдѣлали это для умноженія собственныхъ вашихъ доходовъ, дабы всѣхъ государственныхъ крестьянъ, которые промышляли поставкою на соляныя пермскія варницы дровъ, обратить на рудокопные заводы, изъ которыхъ лучшіе вы взяли себѣ". Шаховской не пропустилъ, не запятнавши, и полезнѣйшаго дѣла Шувалова,—уничтоженія внутреннихъ таможенъ: „Вы", говоритъ онъ Шувалову, „освободили чрезъ это и собственное желѣзо отъ внутреннихъ пошлинъ; да говорятъ, что, по вашему приказанію, купцы поднесли императрицѣ брильянтовыя вещи и вамъ самимъ брильянтовую Андреевскую звѣзду". Разумѣется, Шуваловъ не могъ унизиться до отвѣтовъ на такія рѣчи, не могъ унизиться до отвѣта, что нельзя ему

стрѣлецкія мѣста по зубцамъ, гдѣ древнія были стрѣлецкія мѣста въ дачахъ, о которыхъ дачахъ нынѣ спору и челобитья, кромѣ ихъ наслѣдниковъ, ни отъ кого не будетъ. Князь Александръ Куракинъ по вашей государской милости въ голубой лентѣ сенаторъ, Авраму Лопухину племянникъ родной; а ему съ чего быть вѣрну? Онъ воровской Лопухинской родни корень. Какая Грюнштейнова вина? За что разоряется?" (Государ. Архивъ).

[1]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, стр. 122 и слѣд.

[2]) Эти похвалы краснорѣчію Петра Ив. Шувалова любопытны. Трудно представить себѣ что-нибудь запутаннѣе, неуклюжнѣе, темнѣе письменныхъ его предложеній. Или Шуваловъ принадлежалъ къ числу людей, которые отлично говорятъ и дурно пишутъ (что бываетъ, какъ бываетъ и наоборотъ), или эта самая запутанность и темнота рѣчи и считалась краснорѣчіемъ.

было удержаться отъ предложенія благодѣтельной для страны мѣры, уничтоженія внутреннихъ таможенъ, потому только, что чрезъ эту мѣру и его желѣзо освобождалось отъ пошлинъ и т. п. Онъ всталъ и, учтиво поклонясь Шаховскому, сказалъ: „Покорно благодарствую за милостивую вашу мнѣ откровенность; а я уже довольно вижу, какъ ваше сіятельство имѣете особливый даръ своими доказательствами поверхность брать и слушателей къ своимъ мнѣніямъ склонять". Шаховской не понялъ ироніи послѣднихъ словъ, и простодушно описалъ въ своихъ Запискахъ это свиданіе, выдавши себя Шувалову головою передъ потомствомъ, передъ которымъ осталось скрыто, какъ оправдывалъ Шуваловъ свои столкновенія съ Шаховскимъ въ Сенатѣ и конференціи.

Новый генералъ-прокуроръ началъ опять настаивать, чтобъ члены присутственныхъ мѣстъ пріѣзжали въ указные генеральнымъ Регламентомъ часы. Но Канцелярія конфискаціи донесла, что хотя она и должна штрафовать всѣхъ воеводъ, которые пріѣзжаютъ не въ указные часы, однако къ наложенію штрафовъ имѣетъ сомнѣнія: 1) По генеральному Регламенту, велѣно съѣзжаться—въ самые короткіе дни въ шестомъ, а въ долгіе - въ восьмомъ часу; только по которое, именно, время короткіе и долгіе дни числить,- на то точнаго изъясненія нѣтъ. 2) Изъ разныхъ городовъ пишутъ, что воеводы въ канцеляріяхъ находились, а въ которомъ часу приходили и выходили,—о томъ, за неимѣніемъ въ тѣхъ городахъ часовъ, писать не съ чего. 3) Въ гремячевской воеводской канцеляріи во многихъ числахъ присутствія не было за неимѣніемъ судныхъ и разыскныхъ дѣлъ,—и за такія неприсутствія штрафъ взыскивать ли? Канцеляріи конфискаціи съ этимъ дѣломъ справиться нельзя за малоимѣніемъ секретарей и приказныхъ, ибо во всемъ государствѣ, кромѣ Остзейскихъ, Сибирскихъ и Оренбургской губерній, городовъ, пригородовъ и дискриктовъ—250, изъ которыхъ каждую треть по такому же числу и репортовъ вступать должно. Сенатъ по этому доношенію приказалъ: гдѣ часовъ нѣтъ,—тамъ держать песочные часы; гдѣ присутствія не было за неимѣніемъ дѣлъ,- тамъ штрафовъ не взыскивать; могутъ пріѣзжать и послѣ означеннаго въ Регламентѣ времени по неисправности часовъ, но чтобъ всѣ пріѣзжали непремѣнно въ одно время и оставались въ присутствіи столько времени, сколько назначено Регламентомъ, а по нуждѣ и сверхъ опредѣленныхъ часовъ, чтобъ въ дѣлахъ упущенія не было [1]).

Замѣтимъ важнѣйшіе случаи судебныхъ рѣшеній. Мы упоминали о самомъ крупномъ дѣлѣ изъ ряда помѣщичьихъ усобицъ и наѣздовъ,—о дѣлѣ Львовыхъ съ Софоновымъ, гдѣ погибло столько крестьянъ. Наряжена была особая коммисія по этому дѣлу; но Львовы съ Софоновымъ помирились и просили объ уничтоженіи коммисіи. Сенатъ отвѣчалъ: хотя они между собою и помирились, и Софоновъ Львовыми въ иску своемъ удовольствованъ, однако учиненныхъ ссоръ, дракъ и смертныхъ убійствъ безъ слѣдствія оставить нельзя, и кто по слѣдствію окажется виноватъ,—съ тѣмъ поступить по указамъ. Юстицъ-Коллегія прислала экстрактъ изъ дѣла: люди драгунскаго Воронежскаго полка, полковника Тимоѳеева, съ пытокъ показали, что они задавили полковничья человѣка Полякова, по приказанію полковника, за связь его съ женою послѣдняго, а полковница къ тому убійству согласія съ ними не имѣла; убійство они совершили въ то время, когда полковница пошла въ клѣть, гдѣ жилъ Поляковъ, и, вызвавъ изъ клѣти жену Полякова, ввела ее въ черную избу: они воспользовались этимъ временемъ, вскочили въ клѣть и задавили Полякова; это было въ полночь, что и навело подозрѣніе на барыню; кромѣ того, она приказала вырыть тѣло Полякова изъ омшенника и отнести въ лѣсъ. Полковница говорила, что она вызывала жену Полякова въ черную избу для хозяйственныхъ распоряженій и, узнавъ объ убійствѣ, приказала тѣло отрыть и похоронить при церкви; не донесла объ этомъ, боясь мужа, но сказала тайно духовнику. Воронежская губернская канцелярія и Юстицъ-Коллегія присудили полковницу пытать; но Сенатъ приказалъ: о пыткѣ мнѣніе Юстицъ-Коллегіи отставить, ибо въ Уложеніи доносамъ крѣпостныхъ людей вѣрить не велѣно, и полковницу Тимоѳееву, какъ много лѣтъ подъ карауломъ содержавшуюся, освободить безъ всякаго штрафа, ибо она наказана держаніемъ подъ карауломъ за то, что, зная объ убійствѣ, не доносила, да ей и сдѣлать этого не надлежало [2]).

Попрежнему изъ внутреннихъ дѣлъ больше всего безпокоили правительство крестьянскія волненія. Усмирены были крестьяне, приписные къ Шуваловскимъ желѣзнымъ заводамъ въ Казанскомъ уѣздѣ. Для охраненія крестьянъ Кадомскаго уѣзда, какъ безгласныхъ отъ обидъ и разореній, по ихъ собственному прошенію, Сенатъ назначилъ въ управители къ нимъ отставного прапорщика Жданова. Галицкой провинціи, въ селѣ Егорьевскомъ крестьяне перестали слушаться помѣщика своего Тараканова; посланъ былъ къ нимъ коммисаръ съ командою и понятыми, и читалъ печатный указъ въ церкви; но крестьяне объявили, что указъ состоялся по челобитной помѣщика ихъ, и потому они его и слугъ его и впередъ ни въ чемъ слушаться не будутъ; собралось въ Егорьевскомъ крестьянъ съ дубинами и длинными ножами до 300 человѣкъ, коммисара съ командою выслали вонъ— и больше объ указѣ говорить ему не велѣли. Въ Арзамасскомъ уѣздѣ возмутились крестьяне помѣщика Безсонова.

Но больше было дѣла съ монастырскими крестьянами: въ началѣ года поступили въ Сенатъ четыре

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 25 сентября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 10 марта, 5 октября, 20 декабря.

жалобы крестьянъ разныхъ монастырей на беззаконные поступки, разоренія и мучительство отъ монастырскихъ властей, управителей и служекъ; крестьяне писали, что били челомъ архіереямъ и въ Синодъ, но управы не получили. Потомъ изъ Кабинета пересланы были въ Сенатъ просьбы крестьянъ Кашинскаго уѣзда—вотчинъ Калязина монастыря, Шацкаго уѣзда вотчинъ Новоспасскаго монастыря, Бѣлевскаго уѣзда—вотчинъ Спасопреображеньева монастыря, Ярославскаго уѣзда вотчинъ Спасоярославскаго монастыря, Муромскаго уѣзда – вотчины соборной Муромской церкви. Отъ Кабинета было сообщено, что челобитчики, выборные отъ міра крестьяне, всѣ вмѣстѣ, должно быть отъ нестерпимыхъ обидъ, отважились съ великимъ крикомъ подать свои просьбы самой императрицѣ, и хотя запрещено подавать просьбы самой императрицѣ, однако она ихъ прощаетъ и приказываетъ немедленно окончить ихъ дѣла. Кромѣ того, поданы были жалобы отъ крестьянъ Іосифова монастыря Волоцкого и другихъ. Сенатъ объявилъ Синоду, что хотя жалобы этихъ крестьянъ безъ изслѣдованія прямо и нельзя признать справедливыми, однако если-бъ не было имъ излишняго отягощенія, то не стали бы жаловаться безъ причины. Крестьяне Іосифова монастыря сами просятъ, чтобъ по ихъ дѣлу была учреждена особая коммисія, и такъ какъ уже существуетъ коммисія по дѣлу крестьянъ Новоспасскаго монастыря, то рѣшено передать ей же и разсмотрѣніе жалобъ остальныхъ монастырскихъ крестьянъ. Въ коммисію назначено четыре свѣтскихъ члена, а Синодъ пусть назначитъ отъ себя членовъ, сколько заблагоразсудитъ.

Крестьяне Саввина-Сторожевскаго монастыря не ограничились подачею просьбъ: собравшись человѣкъ до 300, они пришли подъ монастырь съ дубьемъ и просились у сторожей, чтобъ ихъ пропустили къ казначею; ворота, разумѣется, заперли; тогда они стали въ нихъ ломиться, крича, чтобъ выдали имъ приказнаго, пѣвчаго да конюха, грозясь убить ихъ до смерти. Потомъ вторично собрались до 2,000 человѣкъ и расположились около монастыря по всѣмъ дорогамъ, осматривали проѣзжихъ, искали троихъ крестьянъ, взятыхъ подъ монастыремъ посланною отъ Синодальной Конторы военною командою; кричали, что если имъ не отдадутъ этихъ крестьянъ и требуемыхъ ими приказнаго, пѣвчаго и конюха, то они военную команду не только изъ монастыря не выпустятъ, но и перебьютъ. Посланъ былъ противъ нихъ капитанъ съ сотнею солдатъ. Синодъ доносилъ, что возмущеніе это произведено двоими бѣжавшими изъ монастыря монахами, и когда этихъ монаховъ поймали, то крестьяне отбили ихъ и осадили монастырь. Капитанъ не засталъ крестьянъ подъ монастыремъ, но уже за монастырскою слободкою; они напали на команду и двоихъ солдатъ ранили; команда должна была стрѣлять пулями, но отъ ярости нападающихъ крестьянъ отступила къ монастырю, причемъ изъ команды было ранено 30 человѣкъ. Сенатъ приказалъ отправить еще 200 человѣкъ солдатъ съ штабъ-офицеромъ и отъ Синода требовать, чтобъ велѣлъ священникамъ уговаривать крестьянъ смириться [1]).

Волненія монастырскихъ крестьянъ должны были двигать тяжелый вопросъ объ измѣненіи управленія церковными имуществами и доходами съ нихъ. 3 іюля Сенатъ, въ силу именного повелѣнія императрицы, имѣлъ разсужденіе о монастырскихъ крестьянахъ и собираемыхъ съ нихъ доходахъ и объ учрежденіи инвалидныхъ домовъ, причемъ призванъ былъ оберъ-прокуроръ Синода, князь Козловскій, и объявилъ, что Св. Синодъ имѣетъ намѣреніе на содержаніе инвалидовъ отпускать по 200,000 рублей въ годъ, а можетъ быть и больше. Затѣмъ, 6 октября была у Сената конференція съ Синодомъ. Вошелъ въ Сенатъ Димитрій (Сѣченовъ)—архіепископъ Новгородскій, Сильвестръ—Петербургскій, Веніаминъ—епископъ Псковскій, Порфирій—Коломенскій. Генералъ-прокуроръ князь Шаховской предложилъ, что 30 сентября 1757 года императрица приказала имѣть разсужденіе о монастырскихъ и архіерейскихъ доходахъ, и только 24 іюля 1760 года была по этому дѣлу конференція у Сената съ Синодомъ, однако никакого рѣшенія не утверждено и не подписано, почему онъ, генералъ-прокуроръ, видя, что именной указъ три года не исполняется, долгомъ своимъ считаетъ предложить общему собранію учинить точное исполненіе, изыскавъ ближайшія средства. Синодальные члены объявили, что они утверждаются на своемъ мнѣніи, высказанномъ 24 іюля, а именно: 1) если опредѣлить къ управленію и сбору доходовъ въ архіерейскія и монастырскія деревни офицеровъ, то отъ нихъ послѣдуетъ наибольшее деревнямъ разореніе, и оттого между офицерами и монастырскими властями будутъ всегдашнія безпокойства и затрудненія, какъ то и было, когда деревни вѣдались въ Монастырскомъ Приказѣ, почему, въ 1720 году, Петръ Великій обратно отдалъ ихъ въ монастыри. 2) За прошлые годы на учрежденіе инвалидныхъ домовъ и содержаніе отставныхъ взыскать денегъ нельзя, потому-что не было никакого расположенія на всѣ монастыри, поскольку гдѣ содержать отставныхъ, а всегда и ежегодно присылаемые на пропитаніе въ монастыри отставные принимались и отъ монастырей были довольствованы и довольствуются, и, сверхъ того, отсылаются нѣкоторые доходы въ экономію на указные расходы; извѣстій же о всѣхъ собираемыхъ доходахъ и сдѣланныхъ расходахъ, за неимѣніемъ вѣдомостей и записокъ, отыскать нельзя; если же производить счетъ и слѣдствіе, то настоящія власти за умершихъ отвѣта дать не могутъ. 3) Содержащіеся при монастыряхъ отставные жалуются на монастырскія власти, а власти—на отставныхъ въ излишнихъ требованіяхъ

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 21 января, 14 февраля, 8 марта, 11 апрѣля, 19 іюня, 12 іюля, 22 августа.

и неумѣренныхъ поступкахъ, и всего этого, по заочности и отдаленности, епархіальнымъ архіереямъ усмотрѣть и отвратить нельзя. Въ отвращеніе этого, Св. Синодъ полагаетъ, чтобъ отставныхъ при монастыряхъ вовсе не содержать, а вмѣсто того положить всѣхъ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ въ помѣщичій окладъ, и изъ этихъ денегъ Св. Синодъ будетъ отпускать ежегодно по 300,000 рублей, да сверхъ того въ экономію на указные расходы, какъ-то: на Синодъ, палестинскія дачи, содержаніе богадѣленъ, госпиталя и проч. до 60,000 рублей, наконецъ, съ вѣнечныхъ памятей и изъ типографскихъ доходовъ Св. Синодъ будетъ дополнять, чтобъ означенной суммы на тѣ расходы доставало, а вотчинамъ быть въ управленіи архіерейскихъ домовъ и монастырей попрежнему, съ обязанностью содержать архіерейскіе домы съ семинаріями, и въ монастыряхъ поддерживать всѣ тамошнія постройки. Если же всего вышеписаннаго ея императорское величество въ апробацію принять не соизволитъ, и какое высочайшее повелѣніе послѣдуетъ, по тому Св. Синодъ непремѣнно исполнять имѣетъ.

Но чрезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія, какъ нарочно, приходитъ извѣстіе объ усобицѣ между монастырями по поводу владѣнія вотчинами. Отставной поручикъ Кармановъ, гвардіи сержантъ Сукинъ и два солдата, находившіеся на пропитаніи въ Новоспасскомъ монастырѣ, донесли, что они посланы были отъ этого монастыря для присмотра надъ монастырскими крестьянами, косившими лугъ, находящійся въ Московскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Голедянкѣ; но когда, скося траву, они намѣрены были ее везти въ монастырскую конюшню, то намѣстникъ Андроньева монастыря Маркеллъ, собравшись многолюдствомъ съ монастырскими слугами и крестьянами, безо всякой причины, напалъ на служителей и крестьянъ Новоспасскаго монастыря, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ поломали руки и пробили головы и ограбили; Кармановъ съ товарищами били челомъ въ Синодальной Конторѣ и московской консисторіи, но ихъ прошеній не принято [1]).

Дѣло о притѣсненіяхъ Татаръ и Бухарцевъ тобольскимъ епархіальнымъ начальствомъ не было разыскано смѣшанною коммисіею изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, потому что члены коммисіи перессорились, и Сенатъ долженъ былъ закрыть коммисію, оштрафовавши ея членовъ, и передать дѣло на разсмотрѣніе новому Сибирскому митрополиту и губернской канцеляріи [2]).

Далѣе на востокъ, въ Иркутскѣ была также коммисія по дѣлу о расхищеніи купцами этого города питейныхъ сборовъ на сумму 150,000 рублей. Купцы повинились и прислали челобитную, что половину этихъ денегъ заплатятъ, но другой половины заплатить не могутъ, ибо, кромѣ домовъ и пожитковъ, у нихъ ничего не останется. Сенатъ рѣшилъ не взыскивать другой половины и не подвергать ихъ никакому наказанію. При слѣдствіи, вице-губернаторъ, генералъ-маіоръ Вульфъ, и товарищъ его, полковникъ Слободской, извинялись незнаніемъ приказныхъ дѣлъ. Но скоро нужно было наряжать особую коммисію для изслѣдованія поступковъ предсѣдателя этой Иркутской коммисіи, коллежскаго ассесора Крылова. Въ Сенатъ дано было знать, что этотъ Крыловъ позвалъ къ себѣ въ гости Иркутскаго вице-губернатора Вульфа, затащилъ его въ коммисію, отобралъ у него кортикъ, потомъ вытолкалъ оттуда и провозгласилъ себя управляющимъ губерніею. Сенатъ послалъ курьера привезти Крылова въ оковахъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Крыловъ прислалъ донесеніе, что былъ онъ съ Вульфомъ въ гостяхъ у купца Зайцева, и онъ, Крыловъ, секретаря иркутской канцеляріи Брусенцова за неучтивыя слова отъ себя оттолкнулъ, а Вульфъ, вскоча азартно, выдернулъ изъ ноженъ кортикъ и пokололъ его, Крылова, въ руку. Потомъ они всѣ вышли изъ дому, и Крыловъ потребовалъ отъ Вульфа, чтобъ тотъ шелъ съ нимъ въ коммисію, гдѣ Крыловъ спрашивалъ у Вульфа, для чего онъ такое злодѣйство надъ нимъ учинилъ, и Вульфъ отвѣчалъ, что онъ Пруссакъ; тогда онъ, Крыловъ, боясь, чтобъ Вульфъ его до смерти не закололъ, потребовалъ отъ него кортикъ, который Вульфъ и отдалъ. Сенатъ не перемѣнилъ своего рѣшенія, и мы услышимъ еще о другихъ дѣяніяхъ Крылова.

И въ Сибири не обошлось безъ крестьянскаго возстанія. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ крестьяне подали прошеніе, что они отъ казенной пахоты и отъ снятія хлѣбовъ отказываются. Посланъ былъ увѣщевать ихъ прапорщикъ съ командою, и когда зачинщиковъ начали брать, то крестьяне ударили на команду съ дубинами, отбили старосту и прочихъ зачинщиковъ, всю команду разбили, прапорщика дубиною по лицу ранили, причемъ у крестьянъ были ружья и штыки; дьяконъ Кургановской слободы, по выходѣ отъ заутрени, всенародно кричалъ, что зло зломъ и искоренять надобно, а попъ Іосифъ пускалъ крестьянъ на колокольню, объявляя, что она строена ими. Сенатъ приказалъ: объявить крестьянамъ, чтобъ были послушны, а губернатору размотрѣть, удобно ли имѣть пахоту земель, или вмѣсто того оброчный хлѣбъ сбирать съ крестьянъ; пущихъ заводчиковъ бить плетьми и сослать въ Нерчинскъ на работу; о попѣ и дьяконѣ послать вѣдѣніе въ Синодъ [3]).

Сибирь становилась все важнѣе и важнѣе по своимъ подземнымъ богатствамъ, которыя возбуждали большія надежды, особенно при тогдашнихъ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе затянувшейся войны. Эти обстоятельства заставили обратить вниманіе и на противоположную Западную окраину: нельзя ли изъ остзейскихъ

[1]) Журналы и протоколы Сената, 3 іюля, 6 и 16 октября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 25 сентября.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 2 и 9 марта, 15 сентября и 31 октября.

областей и Русской Финляндіи получить больше, чѣмъ сколько теперь получалось. По этому поводу вышло столкновеніе у Сената съ конференціею. Въ Сенатѣ полученъ былъ экстрактъ изъ протоколовъ конференціи о сборахъ съ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи; спрашивалось: какія эти области несли тягости прежде, подъ шведскимъ владычествомъ, и что̀ теперь съ нихъ получается. Взаключеніе требовалось, чтобъ Сенатъ, разсмотря все это и положа мнѣніе, подалъ въ конференцію. Сенатъ приказалъ отвѣчать: въ конференцію сообщить экстрактъ изъ протокола, что надобныя по этому дѣлу извѣстія и справки собраны, по которымъ Прав. Сенатъ разсужденіе имѣлъ, но рѣшеніе не состоялось, во-первыхъ потому, что собраніе сенаторовъ было неполное, а во-вторыхъ потому, что Прав. Сенатъ, какъ первое государственное мѣсто, кромѣ ея имиер. величества, не обязанъ никому свои мнѣнія подавать, ктому-жъ господа конференцъ-министры — всѣ сами присутствующіе въ Сенатѣ, слѣдовательно то дѣло, какъ государственное, должно рѣшить всему Сенату въ полномъ собраніи. Подписали: Неплюевъ, кн. Алексѣй Голицынъ, кн. Одоевскій, Жеребцовъ, графъ Романъ Воронцовъ, Костюринъ, кн. Михаилъ Шаховской [2]).

Глава VI.

Окончаніе царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

1761 годъ.

Желаніе мира, выраженное въ праздновапіи Новаго Года. — Денежные разсчеты для наступающей кампаніи. — Французскія предложенія о мирѣ и переговоры по этому поводу между союзниками. — Неудачныя дѣйствія Бутурлина. — Онъ отступаетъ, оставивъ корпусъ Чернышева дѣйствовать вмѣстѣ съ австрійскимъ корпусомъ Лаудона. — Взятіе Швейдница Лаудономъ при помощи Русскихъ. — Измѣна Тотлебена. — Разрывъ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею. — Перемѣна въ англійскомъ министерствѣ, благопріятная для союзниковъ. — Желаніе мира въ Швеціи. — Усиленіе французскаго вліянія въ Польшѣ. — Договоръ между Пруссіею и Турціею. — Выходка Датскаго Двора относительно Голштинскаго дѣла. — Отчаянное положеніе Фридриха II-го. — Взятіе Кольберга Румянцевымъ. — Болѣзнь и кончина Елисаветы. — Значеніе ея царствованія. — Внутреннія правительственныя распоряженія въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.

Сильное желаніе кончить тяжкую войну выразилось въ праздновапіи Новаго 1761 года: въ первомъ дѣйствіи фейерверка, сожженнаго 1 января передъ дворцомъ, изображался Новый Годъ въ видѣ крылатаго юноши, который, принося въ даръ вѣнецъ лавровый и *вѣтвь маслич ую*, стоялъ на завоеванныхъ непріятельскихъ оружіяхъ, штандартахъ и знаменахъ, а передъ нимъ лежали ключи и гербъ королевскаго Прусскаго и Бранденбургскаго столичнаго города Берлина. „Чрезъ сіе показуется", говорилось въ газетахъ, „что всемилостивѣйшая наша государыня одержанныя преславныя ея оружіемъ побѣды и славу пріобрѣтенную единственно только къ тому употребляетъ, дабы чрезъ оныя вожделѣнный миръ и тишину всемѣстную поспѣшить и возставить" [1]).

Но надобно было употребить еще новыя усилія для пріобрѣтенія желаннаго мира, и прежде всего надобно было позаботиться о деньгахъ для войска. За прошлый годъ не дослано было болѣе 300,000 рублей: подтверждено отправить ихъ какъ можно скорѣе. Жалованная сумма на 1761 годъ опредѣлена была въ Комисаріатѣ въ 1.465,728 рублей; Бутурлинъ требовалъ два милліона тридцать одну тысячу; ему отвѣчали: „Понеже и такого полнаго комплекта нѣтъ, какой вы полагаете, то и сего, конечно, довольно будетъ, когда токмо вся опредѣленная сумма исправнѣе прежняго доходить будетъ, о чемъ мы крайне стараться станемъ, тѣмъ паипаче, что вы въ тѣ-жъ два милліона положили до 300,000 на чрезвычайные расходы, кои изъ другой суммы взяты быть имѣютъ, дабы Коммисаріатъ толь больше оставался при строгомъ наблюденіи своихъ регулъ". На провіантъ для всей арміи Бутурлинъ положилъ 1.122,388 рублей; ему отвѣчали: „Отъ неполнаго комплекта людей и при упадающей иногда цѣнѣ надобно быть значительнымъ остаткамъ; но мы теперь дѣлаемъ исчисленіе не на годъ, а на кампанію. Сколько надобно съ выступленія арміи въ походъ, то въ вислянскихъ магазинахъ теперь почти столько есть; недостаетъ на содержаніе назначенныхъ въ Померанію полковъ, недостанетъ нѣсколько и на Вислѣ, особенно для того, чтобъ взять съ собою на мѣсяцъ и оставить еще на мѣсяцъ тамъ; но это не составитъ значительной суммы, и мы увѣрены, что вы исправитесь или забраніемъ подъ квитанціи, или подрядомъ и покупкою, употребляя во: 1) передѣлываемыя въ Кенигсбергѣ 200,000 рублей на прусскія деньги; 2) прочія теперь въ провіантскомъ правленіи находящіяся деньги; 3) взятыя недавно изъ Кенигсберга 60,000, и 4) выручаемыя за проданный въ Данцигѣ берлинскій вексель 150,000 талеровъ. Если вы успѣете этими деньгами пробиваться до выступленія арміи съ рѣки Вислы въ походъ, то никакого сомнѣнія нѣтъ, что во время кампаніи въ деньгахъ недостатка не будетъ, и военныя дѣйствія не будутъ подвержены никакимъ останов-

---

[1]) «Петербургскія Вѣдомости», 2 января 1761 года.

[2]) Журналы Сената по Секретной Экспедиціи, 21 октября.

камъ и промедленіямъ, потому что извѣстный здѣшній субсидный милліонъ рублей доставится вамъ весь сполна, а первая половина его — очень скоро: изъ нея надобно вамъ прежде всего отдѣлить достаточную сумму на заготовленіе впредь, по плану операцій, магазиновъ, а прочее употреблять на другіе провіантскіе расходы. Потомъ, изъ данныхъ нами тысячи пудъ серебра выйдетъ прусскихъ денегъ слишкомъ милліонъ рублей. Если положить шесть мѣсяцевъ кампаніи и на каждый 25,000 четвертей хлѣба, и каждую четверть положить по пяти рублей, то надобно только 900,000 рублей; нѣтъ тутъ крупъ, овса и сѣна, но никогда хлѣбъ и не становился такъ дорогъ и никогда его столько не было надобно; также не считается, что въ непріятельской Землѣ какъ бы то ни было можетъ быть получено. Но пусть и ровно въ милліонъ станетъ шестимѣсячная кампанія относительно провіанта и фуража, то все же остается у васъ еще милліонъ на прочіе расходы. Что касается гусарскихъ порцій, на которыя вы требуете теперь слишкомъ 600,000 рублей, то казна наша такихъ расходовъ никогда вынести не можетъ, да и крайне несправедливо было бы такія суммы понапрасну тратить, и потому надобно всегда содержать ихъ въ непріятельской Землѣ или принять такія мѣры, чтобъ они получали содержаніе свое изъ магазиновъ, да и вообще разсмотрѣть, не слѣдуетъ ли имъ быть на совершенно другомъ основаніи, ибо прежніе штаты составлены такъ, какъ будто имъ всегда въ Украйнѣ стоять, или только въ турецкихъ степяхъ воевать. Если не будетъ способа питать ихъ насчетъ непріятеля, то не останется ничего другого, какъ возвратить ихъ всѣхъ на Украйну, и вмѣсто ихъ умножить число казаковъ. На чрезвычайные расходы надобна вамъ значительная сумма: на это опредѣляемъ мы все то, что очистится отъ извѣстнаго берлинскаго милліона талеровъ да и всѣ будущія контрибуціи, если Всевышній благословитъ наше оружіе".

25 января отправленъ былъ Бутурлину *секретнѣйшій* рескриптъ: „Теперь миновались или скоро могутъ миноваться тѣ обстоятельства, для которыхъ мы были принуждены стараться о сохраненіи Пруссіи въ хорошемъ состояніи; наступаютъ такія обстоятельства, при которыхъ надобно заботиться только о томъ, чтобъ армія наша была снабдена всѣмъ потребнымъ и королю Прусскому была страшна. Поэтому повелѣваемъ вамъ: 1) собрать съ Пруссіи все нужное число извозчиковъ изъ людей домовитыхъ и съ поруками; конечно, въ 1759 году сборъ ихъ не много принесъ пользы; намъ доносили, что они разбѣжались; но, кромѣ того что теперь при хорошемъ надзорѣ и порядкѣ этого нельзя опасаться, мы знаемъ, что и тогда не столько разбѣжались, сколько были распущены изъ мерзкой корысти. 2) Если недостающее въ полкахъ число людей можно пополнить деньщиками, то и на ихъ мѣста надобно взять съ Пруссіи же изъ дѣтей такихъ отцовъ, которые живутъ домами, съ обнадеживаніемъ какъ деньщикамъ, такъ и извощикамъ, что по окончаніи кампаніи будутъ отпущены обратно по домамъ" [1]).

Какія же это были новыя обстоятельства, которыя не дозволяли болѣе щадить Восточной Пруссіи, т.-е. отнимали надежду оставить ее за Россіею?

11 января, вечеромъ, пріѣхалъ къ канцлеру французскій посолъ съ депешою отъ герцога Шуазеля, въ которой говорилось, что Французскій король, по состоянію своихъ владѣній, непремѣнно желаетъ мира; при этомъ посолъ представилъ слѣдующую декларацію съ требованіемъ скораго на нее отвѣта. „Достовѣрно извѣстно, что силы короля Прусскаго такъ истощены, что если бы не помогала ему Англія, то онъ принужденъ былъ бы дать всѣ тѣ удовлетворенія, которыхъ даетъ право требовать отъ него его несправедливое нападеніе; но и при англійской помощи изнеможеніе этого государя такъ очевидно, что державамъ, соединившимся для возстановленія тишины и сохраненія права, пока союзъ ихъ пребудетъ непоколебимъ, нечего опасаться, чтобъ король Прусскій осмѣлился послѣ мира возмутить покой и законы имперскіе новыми нападеніями. Король (Французскій) не предвидитъ возможности, чтобъ будущая кампанія могла привести союзниковъ въ лучшее предъ нынѣшнимъ состояніе. Не долженъ король скрывать отъ вѣрныхъ своихъ союзниковъ, что онъ принужденъ уменьшить свое вспомогательное войско и что продолженіе войны крайне истощаетъ доходы его государства, такъ что онъ не отвѣчаетъ за возможность точнаго исполненія принятыхъ съ союзниками обязательствъ. Король надѣется, что ея императорское величество принесетъ въ жертву этому великому дѣлу собственные свои интересы точно такъ, какъ и король намѣренъ жертвовать своими интересами" [2]).

На другой день, 12 января, Эстергази сообщилъ канцлеру рескриптъ Маріи-Терезіи отъ 1 января по поводу французской декларацiи, что необходимо стараться о заключеніи мира, если можно, нынѣшнею зимою. „Будущій миръ можетъ быть троякій", говорилось въ рескриптѣ императрицы-королевы: „1) *добрый*, когда мы и союзники наши достаточное удовлетвореніе получимъ, слѣдовательно опаснѣйшій нашъ непріятель будетъ приведенъ въ надлежащіе предѣлы; 2) *посредственный*, когда только нѣкоторая часть положеннаго удовлетворенія будетъ получена и непріятельская сила будетъ уменьшена только до нѣкотораго градуса; 3) *худой*, когда Прусскій король безъ потери земель и безъ значительнаго убытка выйдетъ изъ войны, начатой такимъ продерзостнымъ образомъ. Продолженіе войны продолжаетъ надежнѣйшій способъ для доставленія тишины и безопасности намъ

[1]) Прусскія военныя дѣла 1761 года.

[2]) Записки конференціямъ канцлера съ министр. иностранными 1761 года. (Москов. Арх. Мин. И. Д.).

и союзникамъ нашимъ, и легко разсудить, что оказываемая теперь податливость къ миру намъ очень прискорбна. Но дѣлать нечего: надобно обращать вниманіе и на положеніе союзниковъ, и мы готовы на миръ, если, разумѣется, миръ, по крайней мѣрѣ, посредственный, а не худой, и потому мы приказали объявить французскому послу, что въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ мы не настаиваемъ на пріобрѣтеніи всей Силезіи и графства Глацъ, но будемъ довольствоваться нѣкоторою частію, если бы чрезъ это, до наступленія кампаніи, могъ быть заключенъ миръ. Между тѣмъ, мы для заключенія порядочнаго мира почитаемъ необходимымъ учрежденіе конгресса, на которомъ не только съ непріятелями, но и съ пріятелями можно гораздо удобнѣе сговариваться, а притомъ и много времени будетъ выиграно" [1]).

30 января баронъ Бретейль сообщилъ, что, съ согласія римскаго императорскаго посла, герцогъ Шуазель поручилъ генуезскому министру Сорбе, отъѣзжающему въ Лондонъ для поздравленія отъ имени своей республики новаго Англійскаго короля Георга III съ восшествіемъ на престолъ, сдѣлать слегка англійскому министерству нѣкоторыя внушенія насчетъ возстановленія общаго мира; но Бретейль прибавилъ, что и самъ герцогъ Шуазель не очень надѣется на успѣхъ по неважности значенія Сорбе, а хочетъ только разузнать виды и склонности Англійскаго Двора. Король приказалъ ему, Бретейлю, представить ея императорскому величеству, не изволитъ ли приказать князю Голицыну въ Лондонѣ подкрѣпить сдѣланныя герцогомъ Шуазелемъ Англійскому Двору мирныя предложенія, вслѣдствіе чего герцогъ прямо отнесется письмомъ къ государственному секретарю по иностраннымъ дѣламъ Питту; но это письмо вручится прежде князю Голицыну, какъ министру державы, союзной съ Франціею и дружественной Англіи; а Голицынъ съ своей стороны какъ можно сильнѣе подкрѣпилъ бы содержаніе этого письма и постарался бы исходатайствовать скорый отвѣтъ, по которому можно было бы начать мирную негоціацію [2]).

1 февраля послѣдовалъ русскій отвѣтъ: „Конечно", говорилось въ немъ, „никто не будетъ спорить, что если надобно желать скораго мира, то заключить надобно только миръ честный, прочный и полезный. Безъ сомнѣнія, и его величество король Французскій одного съ нами мнѣнія. Если-бъ надобно было говорить объ одномъ прочномъ и честномъ мирѣ, то планъ былъ бы уже готовъ: надобно было бы доставить императрицѣ-королевѣ всю Силезію и графство Глацъ; Швеціи - Померанію, обѣщанную ей Французскимъ королемъ и Австріею въ Стокгольмской конвенціи 22 сентября 1757 года; Датскій Дворъ—утвердить въ системѣ союза насчетъ Прусскаго короля; Польскаго короля—не только достойно вознаградить, но и привести въ такое состояніе, чтобъ отовсюду открытыя его Земли не легко могли найтись въ обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ; Англію—не только принудить къ справедливой сдѣлкѣ въ Американскихъ дѣлахъ, но и уступить Франціи островъ Минорку, да и наши убытки—насчетъ общаго непріятеля такъ вознаградить, какъ того требуетъ наше достоинство, поданныя отъ Прусскаго короля причины къ жалобамъ, сильное наше содѣйствіе въ войнѣ и будущая нашихъ союзниковъ польза и безопасность. Но такъ какъ надобно разсуждать столько же о возможности и великихъ трудностяхъ, представляющихся для полнаго достиженія всего вышеозначеннаго, то, по меньшей мѣрѣ, необходимо стараться о томъ, чтобъ король Прусскій существенно былъ ослабленъ въ своихъ силахъ, и Англія чрезъ это потеряла сильное свое вліяніе въ дѣлахъ твердой земли, а союзники хотя бы въ томъ нашли вознагражденіе за свои убытки, что могли бы трудиться спокойно и безопасно надъ возстановленіемъ благосостоянія своихъ государствъ. Дѣйствительно, сила короля Прусскаго теперь уменьшена: нѣтъ уже у него тѣхъ армій, съ которыми онъ надѣялся стоять противъ всѣхъ. Но когда послѣ Пальцигской и Франкфуртской битвъ, послѣ потери Дрездена, послѣ Максенскаго дѣла и, наконецъ, проведя всю зиму въ полѣ подъ ружьемъ, нашелся однако онъ въ состояніи, потерявъ въ началѣ минувшей кампаніи цѣлый корпусъ генерала Фукета, не только показаться въ полѣ, но и опять дѣла свои поправить, и въ то время какъ дѣла его все же приходятъ день-ото-дня въ худшее состояніе, а наоборотъ—войска союзниковъ приходятъ въ лучшее и, по меньшей мѣрѣ, дошли дотого, что у послѣдняго солдата истребилось неосновательное мнѣніе о непобѣдимости прусскихъ войскъ,—когда при всемъ томъ встрѣчаются такія трудности въ достиженіи принятыхъ намѣреній, то легко заключить, что уменьшеніе силъ короля Прусскаго есть только кратковременное и такое, что если имъ не воспользоваться, то онъ усилится болѣе прежняго. Когда среди такой свирѣпой войны, когда при безпрерывномъ упражненіи всѣхъ его войскъ, когда почти всѣ его сосѣди—враги ему, находитъ однако онъ способъ ужасные уроны въ своихъ арміяхъ пополнять съ невѣроятною скоростью, то въ какое состояніе приведетъ онъ свое войско въ два года мира, если въ его рукахъ останутся тѣ же средства? Тогда будетъ зависѣть отъ его благоусмотрѣнія, съ кого начать изъ имперскихъ князей, принимавшихъ противъ него участіе въ нынѣшней войнѣ, чтобъ отомстить за это, показать всю свою силу и научить, чтобъ имперія не смѣла больше давать противъ него своихъ контингентовъ. Святость Вестфальскихъ договоровъ не могла воспрепятствовать нынѣшней войнѣ. Союзъ великихъ державъ его не устрашилъ, а впредь еще меньше устрашитъ можетъ. Вооруженныя и однимъ духомъ мужества и твердости руководимыя державы не положили достаточныхъ

[1]) Дѣла Австрійскія 1761 года.
[2]) Записки конференціямъ.

предѣловъ ему, приведенному въ слабость: могутъ ли онѣ обуздать государя, жертвующаго всѣмъ одной славѣ, когда Франція будетъ обращать все свое вниманіе на поправленіе флота и дѣлъ своихъ въ Америкѣ и, можетъ быть, сократитъ свои сухопутныя силы; когда императрица-королева будетъ принуждена сдѣлать то же самое,—иначе миръ ничѣмъ не различался бы отъ войны; когда король Польскій станетъ только собирать разбѣжавшихся своихъ подданныхъ, а мы свою армію расположимъ на обширныхъ пространствахъ имперіи? Мы можемъ чистосердечно сказать, что крайне трудно становится намъ продолженіе войны; но если-бъ, при нынѣшнемъ желаемомъ мирѣ, отъ поспѣшности или по другому несчастью, не было принято мѣръ противъ новой войны, которая, дѣйствительно, вскорѣ возгорѣлась бы, то мы чрезъ нѣсколько лѣтъ не будемъ въ состояніи опять такую же армію привести къ рѣкѣ Одеру, какая тамъ теперь была, хотя-бъ получили бо̀льшіе милліоны субсидій, ибо не всегда быть можетъ готовая армія въ Лифляндіи. Когда подробнѣе разсмотрѣть вопросъ объ ослабленіи короля Прусскаго, то, къ крайнему сожаленію, надобно признаться, что самыя къ небу вопіющія несправедливости и безчеловѣчія находятъ ему приверженцевъ и защитниковъ; что, при всемъ своемъ изнеможеніи и послѣ большихъ ошибокъ, сталъ онъ однако выше прежняго во мнѣніи людей, судящихъ по наружности; сталъ онъ великъ тѣмъ, что такъ долго могъ противиться такимъ сильнымъ державамъ, и станетъ несравненно выше, когда при мирѣ ничего не потеряетъ. О Датскомъ Дворѣ мы ничего упоминать не будемъ и оставляемъ его христіаннѣйшему величеству разсудить, въ какихъ обстоятельствахъ и склонностяхъ надобно быть этому Двору, если король Прусскій останется въ нынѣшнемъ состояніи силъ своихъ. Полезная благосостоянію Европы политика Оттоманской Порты—не мѣшаться въ дѣла воюющихъ между собою христіанскихъ державъ—ожидаетъ только минуты заключенія мира, чтобъ или тотчасъ съ презрѣніемъ отвергнуть предложенія короля Прусскаго, приведеннаго въ слабость, или съ радостью принять ихъ, если-бъ онъ сохранилъ всю свою силу и тѣмъ пріобрѣлъ новое значеніе. Думать объ этихъ предосторожностяхъ побуждаетъ насъ не собственный односторонній интересъ: наши границы обширны и окружены многими сосѣдями; однако положеніе ихъ таково, что можетъ причинять намъ только много досадъ и хлопотъ, но существенной опасности рѣдко можно ожидать. Совершенно иное положеніе нашихъ союзниковъ, особенно императрицы-королевы: она можетъ тотчасъ съ двухъ сторонъ подвергнуться нападенію въ самомъ сердцѣ наслѣдственныхъ владѣній и не получить ни откуда скорой помощи. Итакъ, существенный только интересъ нашихъ союзниковъ заставляетъ насъ съ такою ревностью говорить объ уменьшеніи силъ короля Прусскаго. Но Франція находится совершенно въ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ мы. Сколько бы Англія ни жертвовала для сохраненія короля Прусскаго,—всегда она этимъ больше пріобрѣтаетъ, чѣмъ теряетъ. Какъ бы Американскія и въ другихъ частяхъ свѣта дѣла хорошо и рѣшительно окончены ни были, но если Англія сохранитъ свое вліяніе на твердой землѣ Европы и не будетъ опасаться за свои Германскія владѣнія и за своихъ союзниковъ,—то она найдетъ довольно предлоговъ привести въ упадокъ исправляющійся французскій флотъ, отдаленныя колоніи и вообще торговлю. Такимъ образомъ, прочность будущаго мира и безопасность всѣхъ союзниковъ зависитъ отъ существеннаго ослабленія короля Прусскаго: это должно быть первымъ и главнымъ основаніемъ мира; но какъ достигнуть этого ослабленія?

„Императрица-королева не будетъ настаивать на пріобрѣтеніи всего того, на что она имѣетъ неоспоримое право; но такъ какъ она сдѣлала уже нѣкоторыя завоеванія въ Селезіи, и можно надѣяться, что въ будущую кампанію сдѣлаетъ еще больше, то нельзя, чтобъ непріятели, если искренно желаютъ мира, не сдѣлали ей здѣсь уступокъ; равно какъ можно смѣло надѣяться, что если-бъ миръ остановился за какою-нибудь малостію, то ея величество скорѣе уступитъ ее, чѣмъ рѣшится на продолженіе войны. Король Польскій, какъ курфюрстъ Саксонскій, подвергся такому несправедливому нападенію, и земли его такъ безчеловѣчно разорены, что сами непріятели не могутъ не признать справедливымъ доставить ему пристойное вознагражденіе. Это вознагражденіе не можетъ состоять въ однѣхъ деньгахъ, тѣмъ болѣе что нельзя ручаться, что деньги будутъ выплачены, особенно если ихъ будетъ много, и потому, сверхъ княжества Магдебургскаго и Прусскихъ владѣній въ Лузаціи, надобно доставить Польскому королю все, что только можно пріобрѣсти ревностнымъ и единодушнымъ стараніемъ всѣхъ Дворовъ. Швеція должна пріобрѣсти что-нибудь въ Помераніи, получить тамъ лучшее округленіе границъ.

„Мы, съ своей стороны, за лучшее пріобрѣтеніе отъ этой войны почтемъ то, если силы короля Прусскаго будутъ существенно уменьшены, и мы будемъ въ состояніи положиться, что война не скоро опять вспыхнетъ, будемъ покойны нѣсколько лѣтъ, не будемъ принуждены подавать нашимъ союзникамъ для насъ тягостную, а для нихъ иногда позднюю помощь. Мы уже прежде объявили, что желаемъ получить провинцію Пруссію, имѣя на нее полное право: она завоевана нами у такого непріятеля, который самъ намъ объявилъ войну, потомъ она не принадлежитъ къ Римской имперіи. Мы хотимъ получить эту провинцію вовсе не для распространенія и безъ того обширныхъ границъ нашей имперіи и не для вознагражденія за убытки, ибо владѣніе Пруссіею было намъ въ тягость, но единственно для того, чтобъ надежнѣе утвердить миръ, а потомъ, уступивъ ее Польшѣ, окончить этимъ многія взаимныя претензіи, несогласныя съ истиннымъ нашимъ желаніемъ, непа-

*

рушимо сохранять эту республику въ тишинѣ и при всѣхъ ея правахъ и вольностяхъ. Такое желаніе не можетъ быть отвергнуто, тѣмъ болѣе-что и королю Прусскому эта—озерами и болотами наполненная—провинція большой въ силахъ разницы не сдѣлаетъ. Могутъ возразить одно,—что король Прусскій, по своему упорству, скорѣе рѣшится на всѣ крайности, чѣмъ согласится на уступку ея: но на его упорство не обязаны мы отвѣчать всегдашнимъ снисхожденіемъ. Впрочемъ, если мирное дѣло пойдетъ по желанію, и главная цѣль—ослабленіе короля Прусскаго—будетъ достигаема, и если при этомъ оказалось бы, что доставленіе намъ Пруссіи крайне затруднительно, и если мы усмотримъ, что, жертвуя нашими правами на Пруссію, можемъ улучшить мирныя условія для всѣхъ союзниковъ, особенно же для Франціи, то мы уступимъ Пруссію; но тогда вѣрные союзники, разумѣется, должны доставить намъ равносильное вознагражденіе".

Иностранная Коллегія должна была сообщить копію съ этой деклараціи и графу Эстергази, присоединивъ къ ней слѣдующую записку: „Императрица-королева, по своей справедливости, признать изволитъ, что нынѣшній поступокъ мало соотвѣтствуетъ нашей искренности. Мы никогда и никакого дѣла не начинали съ Франціею, о которомъ бы напередъ не соглашались съ императрицею-королевою и котораго бы часто не оставляли совершенно ея руководству и благоизобрѣтенію. Къ намъ, напротивъ того, приходитъ все не только соглашенное уже предварительно съ Франціею, но часто въ такое время и такимъ образомъ, когда иныхъ рѣшеній и принимать уже некогда. Способствуетъ тому близкое разстояніе Дворовъ, и новость политическихъ и кровныхъ союзовъ съ Франціею обязываетъ ко многимъ *менажементамъ*, въ чемъ мы и не имѣемъ ни малѣйшей зависти; но дѣла, столько же и до насъ, сколько до Франціи касающіяся, могли бы, по меньшей мѣрѣ, въ одно время и намъ быть объявляемы. Довольно, что по разстоянію мѣстъ позже услышимъ и позже принять можемъ рѣшеніе. Пускай отвергнутыя предложенія прусскаго полковника Шверина ничего не значатъ, хотя и тѣ мѣсяцемъ ранѣе были сообщены Версальскому Двору; но что касается дѣйствительныхъ предложеній о мирѣ, то мы никогда не ожидали-бъ, чтобъ не только въ свое время отъ насъ это было скрыто, но и теперь, когда дѣло почти идетъ къ концу, только нѣкоторое неполное и такое свѣдѣніе намъ было подано, которое могло только насъ смутить, а не облегчить принятіе прямыхъ и самой императрицѣ-королевѣ полезныхъ рѣшеній. Никакія доказательства не принудятъ насъ повѣрить, что о главныхъ пунктахъ безъ насъ уже согласились или думаютъ привести насъ къ готовому уже мирному трактату: однако, если-бъ это, сверхъ нашего ожиданія, случилось, то мы напередъ объявляемъ, что хотя бы самыя лучшія и такія для насъ условія тамъ были внесены, какихъ только можно желать, то мы къ такому миру никогда не приступимъ, откажемся отъ всякихъ выгодъ и найдемъ случай заключить съ Прусскимъ королемъ особый миръ; пусть останется намъ хотя слава, что, бывши побѣдителями, побѣдами удовольствовались и побѣжденнымъ миръ даровали, а законовъ не приняли. Имперія наша, слава Богу, въ такомъ состояніи, что не можетъ много опасаться отъ мщенія короля Прусскаго, и онъ, конечно, первый будетъ искать нашей дружбы. Напротивъ того, если мирное дѣло пойдетъ надлежащимъ и съ достоинствомъ союзниковъ сходственнымъ порядкомъ, и съ нами будутъ поступать съ такою же искренностію, съ какою мы поступаемъ, то императрица-королева можетъ вѣрно полагаться, что ихъ труды, опасности, утраты, пріобрѣтенія—все охотно раздѣлять будемъ" [1]).

Получивъ эти двѣ бумаги, на другой день, 3 февраля, Эстергази явился къ канцлеру съ изъясненіями на ихъ счетъ. Онъ началъ изъявленіемъ величайшаго удовольствія относительно русскаго отвѣта на французское предложеніе: отвѣтъ, по его словамъ, основанъ на правилахъ здравой политики и вполнѣ согласенъ какъ съ достоинствомъ самой императрицы, такъ и всѣхъ ея союзниковъ. Вслѣдъ за этимъ посланникъ перемѣнилъ лицо, сдѣлавъ его выраженіе горестнымъ, и объявилъ, что какъ онъ обрадовался отвѣту, такъ точно опечалился запискою, назначенною для его Двора, потому что въ ней явно упрекается императрица-королева, будто бы съ ея стороны къ Русскому Двору показана неполная откровенность и безъ предувѣдомленія приняты съ Франціею тайныя постановленія. Въ запискѣ заключается и угроза, что императрица принуждена будетъ, жертвуя отъ войны и союза ожидаемыми выгодами, помышлять о другихъ мѣрахъ, тогда какъ онъ, Эстергази, имѣетъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства искренней дружбы своей государыни къ ея императорскому величеству, вслѣдствіе которой она никогда не скрывала и скрывать не будетъ отъ такой вѣрной союзницы не только поступковъ, но и видовъ своихъ, ибо на сильное содѣйствіе Всероссійской императрицы государыня его полагаетъ всю надежду будущаго мира и благополучія своихъ подданныхъ. Въ доказательство, какъ невиненъ его Дворъ въ приписываемыхъ ему русскою запискою поступкахъ, Эстергази прочелъ канцлеру двѣ промеморіи, поданныя въ Вѣнѣ французскимъ посломъ, и копію отправленной по этому поводу инструкціи въ Парижъ графу Штарембергу. Въ первой французской промеморіи изъяснялось,—почему надежнѣе и выгоднѣе производить мирные переговоры на двухъ конгрессахъ, въ Парижѣ и Лондонѣ; представлялись причины, почему никому изъ союзныхъ Дворовъ эти важныя дѣла поручить нельзя, а именно: Саксонія требуетъ себѣ черезъ-

[1]) Протоколы конференціи.

мѣру большихъ удовлетвореній и при несчастіяхъ своихъ не въ состояніи придать переговорамъ надлежащую силу. Швеція неспособна по образу своего правленія. Россія очень далеко, и, сверхъ того, дѣла касаются двойной войны, изъ которыхъ она участвуетъ только въ одной; сверхъ того, имѣя въ Петербургѣ англійскаго министра и торговый договоръ съ Англіею, Россія не могла бы взять на себя поддержку интересовъ Франціи противъ Британскаго Двора, не упоминая уже о томъ, что надобно было бы тратить драгоцѣнное время на объясненіе русскому министерству взаимныхъ англійскихъ и французскихъ претензій въ обѣихъ Индіяхъ. Австрійскій Дворъ, какъ и Россія, принимаетъ участіе въ одной Нѣмецкой войнѣ, Англія—въ одной морской. Въ разсужденіи этихъ обстоятельствъ Франція объявляетъ свою готовность принять на себя переговоры. Первое предложеніе непріятелямъ могло бы состоять въ томъ, чтобъ оставить дѣла въ настоящемъ ихъ положеніи. Шведскій народъ, какъ высокомѣрный, можно ласкать честью, что онъ исполнилъ ручательство Вестфальскихъ договоровъ, а Франція для возстановленія въ стокгольмскомъ банкѣ кредита дозволила бы субсидіи: этимъ и пресѣклось бы главное нареканіе на сенатъ, происходящее не столько отъ несчастной войны, сколько отъ государственнаго истощенія. Россія удержала бы свои завоеванія; а чтобъ отнять у нея охоту искать англійскихъ субсидій, король Французскій предложитъ ей свои субсидіи и, кромѣ того, поручится, что ея не будутъ безпокоить за нажитые въ Польшѣ въ нынѣшнюю войну долги, и что будетъ произведено въ дѣйствіе разграниченіе со стороны Украйны. О королѣ Польскомъ употребить общее стараніе при мирѣ, выговоря напередъ, чтобъ Саксонія тотчасъ была очищена отъ непріятеля, и отдавши ей въ вознагражденіе герцогство Клевское. Съ Австрійскимъ Домомъ Франція войдетъ въ сдѣлку о вымѣнѣ Гессенскихъ Земель и графства Ганау, оставляя Силезскія дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь. Франція будетъ жертвовать общему дѣлу всѣмъ тѣмъ, что она уже потеряла [1]).

Императрица была удовлетворена объясненіемъ Эстергази; раздраженіе утихло, особенно когда во французскомъ проектѣ мирныхъ условій увидали, что Россіи поставлена въ выгодное положеніе. Такъ какъ Эстергази просилъ взять обратно записку, которою, безъ всякой пользы общему дѣлу, императрица-королева будетъ только сильно опечалена, то записку велѣно у него взять и дать другую, „въ которой, при сохраненіи всего прежней (записки) разума, отмѣнены только тѣ слова, о коихъ посолъ представлялъ, что могли бы излишне оскорбить императрицу-королеву“. Въ новой запискѣ говорилось: „Считаемъ необходимымъ, чтобъ наши министры и министры императрицы-королевы пребывали въ Парижѣ не только въ тѣсномъ согласіи, но единодушно старались не допускать Французскій Дворъ ни до чего скоропостижнаго и всѣми средствами утверждать при принятой системѣ союза. Впрочемъ, легко предусматривать можно, что это великое дѣло не кончится безъ важныхъ перемѣнъ въ принятыхъ положеніяхъ; и такъ какъ императрица-королева ближе находится къ тому, чтобъ знать обо всемъ, касающемся мира и общихъ дѣлъ и, по соображенію обстоятельствъ, предусматривать, то, конечно, ея величество признаетъ за нужное, для своихъ и нашихъ интересовъ, давать намъ знать обо всемъ заблаговременно; и мы обнадеживаемъ нашимъ непремѣннымъ словомъ хранить всѣ эти сообщенія въ непроницаемой тайнѣ. Мы, съ своей стороны, открываемъ теперь ея величеству въ крайней довѣренности, что если-бъ, сверхъ всякаго ожиданія, случилось, чтобъ Франція захотѣла заключить такой миръ, къ которому союзники могли бы только приступить, то мы къ такому миру никогда не приступимъ, хотя бы внесены были самыя полезныя и желаемыя для насъ условія; мы увѣрены, что императрица-королева будетъ съ нами одинакого мнѣнія, что лучше отречься отъ всѣхъ выгодъ и, бывъ побѣдителями, удовлетвориться однѣми побѣдами, чѣмъ принять чужіе законы“ [2]).

Бретейлю дано было согласіе, чтобъ до главнаго конгресса начались переговоры между Франціею и Англіею посредствомъ письма герцога Шуазеля къ Питту, которое передастъ князь Голицынъ. Къ Голицыну велѣно было написать, что императрица почтетъ за верхъ его усердія къ службѣ и искусства, если онъ найдетъ способъ чрезъ какое бы то ни было посредство, только непримѣтно, довести дотого, чтобъ Англія сама сдѣлала Русскому Двору податливыя предложенія къ миру, и тѣмъ отдала ему въ руки окончаніе мирныхъ переговоровъ, ибо, повидимому, Франція ищетъ присвоить одной себѣ эту славу.

21 февраля баронъ Бретейль объявилъ канцлеру, что онъ получилъ отъ своего Двора новыя наставленія домогаться у Русскаго Двора непремѣнно, чтобъ представленный его Дворомъ проектъ деклараціи о миролюбіи союзниковъ принятъ былъ во всѣхъ частяхъ, и особенно послѣдній пунктъ, касающійся опредѣленнаго или неопредѣленнаго, по выбору непріятелей, перемирія. Проектъ состоялъ въ двухъ пунктахъ: первымъ для общаго конгресса назначался городъ Аугсбургъ, но притомъ оставлялось на волю Лондонскому и Берлинскому Дворамъ—быть ли общему конгрессу, или быть двумъ конгрессамъ, и на послѣднихъ ли оканчивать мирные переговоры, или приготовить на нихъ только прелиминаріи, а главное дѣло предоставить опять общему конгрессу. Вторымъ пунктомъ предлагалось перемиріе, и опять отдавалось на волю Англіи и Пруссіи—быть ли перемирію или нѣтъ, и назначить ему срокъ или нѣтъ.

[1]) Записки конференціямъ.

[2]) Протоколы конференціи.

Бретейль объяснялъ Воронцову, что перемиріе становится Франціи необходимымъ для спасенія остатковъ ея морской торговли въ обѣихъ Индіяхъ и колоній. Бретейлю отвѣчали, что императрица согласна на избраніе Аугсбурга мѣстомъ конгресса; согласна, чтобъ декларація объ этомъ подана была въ Лондонѣ чрезъ русскаго посланника князя Голицына, но съ условіемъ, чтобъ эта декларація составлена была въ Парижѣ министрами короля вмѣстѣ съ русскимъ посланникомъ; согласна и на два конгресса, но съ тѣмъ, чтобъ имя конгресса носилъ только общій и прежде былъ представленъ. Что касается перемирія, то императрица соглашается на него единственно изъ дружбы къ Французскому королю, для доказательства, что она интересы союзниковъ часто предпочитаетъ собственнымъ; но сама она считаетъ единственнымъ способомъ къ достиженію честнаго и прочнаго мира раннее начатіе кампаніи и сильное дѣйствіе. Всякое перемиріе полезно только непріятелю, который ведетъ войну въ своихъ собственныхъ Земляхъ; всякое перемиріе можетъ для всего союза имѣть самыя вредныя послѣдствія, если, по его истеченіи, о мирѣ ничего не будетъ постановлено и снова надобно будетъ начинать войну. Если позволить, чтобъ король Прусскій во все время перемирія спокойно высасывалъ изъ Саксоніи послѣдній сокъ, то, умалчивая уже о томъ, какъ онъ этимъ укрѣпится, трудно было бы найти передъ свѣтомъ оправданіе этому перемирію; а если вступать объ этомъ въ переговоры, то они были бы такъ же затруднительны, какъ и переговоры о самомъ мирѣ. Король Прусскій, по меньшей мѣрѣ, станетъ требовать, чтобъ наша армія съ рѣки Вислы не трогалась и не приближалась къ его Землямъ, чѣмъ онъ столько же выиграетъ, какъ и удержаніемъ Саксоніи, ибо надобно опасаться, что на Вислѣ въ лѣтнее время недостанетъ нашему войску фуража, слѣдовательно на зиму бо́льшую часть Пруссіи надобно было бы покинуть. Число лошадей при нашей арміи отнюдь не можетъ быть уменьшено, и содержаніе ихъ иное, чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Конечно, можно за большія деньги найти фуражъ въ Польшѣ, но польскими лошадьми и дорогами почти ничего привезти нельзя [1]).

Ясно было видно, какъ раздѣлялись интересы союзниковъ: Франція считала для себя перемиріе необходимымъ по отношенію къ ея заморскимъ владѣніямъ; Россія считала перемиріе крайне вреднымъ для союза, потому что считала его чрезвычайно полезнымъ для Прусскаго короля; съ нею естественно должна была соглашаться Австрія. Россія настаивала на раннее открытіе кампаніи и энергическое дѣйствіе; Франція, чтобъ охладить воинственный жаръ Россіи, внушала, что успѣха въ предстоящей кампаніи не будетъ; Австрія не въ состояніи энергически дѣйствовать. 31 марта баронъ Бретейль передалъ канцлеру въ-секретѣ извѣстія, присланныя французскимъ посломъ изъ Вѣны; графъ Кауницъ, виновникъ войны, старается всячески ее продолжить, и потому полагаетъ препятствія къ миру; но сама Марія-Терезія, напротивъ, крайне желаетъ мира, потому что не одна казна, но и всѣ средства страшно истощены, земскіе чины отказываются платить подати и ставить рекрутъ; за недостаткомъ денегъ армія можетъ быть доводена только до 110,000 человѣкъ, и потому фельдмаршалъ, графъ Даунъ, при отъѣздѣ своемъ прямо объявилъ, что никакъ не въ состояніи дѣйствовать наступательно противъ короля Прусскаго; притомъ генералы и солдаты не смѣютъ или охоты не имѣютъ драться съ Пруссаками. Онъ, Бретейль, знаетъ навѣрное, что графъ Кауницъ съ графомъ Эстергази въ несогласіи по случаю уничтоженія трактата 1746 года, который замѣненъ новымъ договоромъ, подписаннымъ Эстергази безъ полномочія и указа; поэтому теперь графу Эстергази не сообщаются больше секреты Вѣнскаго кабинета, да и самъ Кауницъ недолго останется министромъ. 11 апрѣля Бретейль опять требовалъ у канцлера, чтобъ русскій министръ въ Парижѣ уполномоченъ былъ дать согласіе на перемиріе. Воронцовъ повторялъ прежній отвѣтъ, что предлагать о перемиріи теперь вовсе не своевременно [2]).

Франція уступила. Въ ея деклараціи, посланной въ Англію, о перемиріи не было упомянуто; вслѣдствіе этого, императрица велѣла написать русскому министру въ Парижѣ, чтобъ онъ изъявилъ тамошнему Двору ея удовольствіе за это умолчаніе. При этомъ онъ долженъ былъ внушать, что король сдѣлалъ все, отъ него зависящее, для ускоренія мира, и теперь долженъ оказать непобѣдимую твердость въ принятыхъ намѣреніяхъ - заключить съ Прусскимъ королемъ только честный и прочный миръ, и доставить обиженнымъ сторонамъ достойное вознагражденіе. Для этого надобно продолжать нынѣшнюю кампанію съ такимъ же усердіемъ, какъ прежнія, и ни о какомъ перемиріи не упоминать, тѣмъ болѣе-что никогда обстоятельства не обѣщали лучшей кампаніи. Русскому министру въ Парижѣ было секретно предписано, что въ самомъ крайнемъ случаѣ, если Франція непремѣнно будетъ настаивать на перемиріи, не спѣшить соглашаться на него, но, не отказывая прямо и не обѣщая, продолжать дружескія представленія противъ перемирія, ожидая увѣдомленія графа Кейзерлинга изъ Вѣны; а Кейзерлингу предписать—уговаривать Кауница, чтобъ не соглашался на перемиріе; впрочемъ, императрица-королева лучше можетъ судить, можно ли Францію твердостью удержать или, теряя ея содѣйствіе, не подвергнуться никакой опасности.

Желаніе Петербургскаго Кабинета исполнялось: министрами союзныхъ Дворовъ въ Парижѣ было постановлено назначить срокъ конгресса между 1 и 15 числомъ іюля мѣсяца новаго стиля, а воен-

[1]) Протоколы конференціи.

[2]) Записки конференціямъ.

ныя дѣйствія со всѣхъ сторонъ начинать какъ можно скорѣе и съ большею силою. Вслѣдствіе этого, Иностранной Коллегіи было предписано сочинить планъ и наставленіе русскимъ министрамъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Въ этомъ наставленіи должно быть сказано: „Мы желаемъ, чтобъ конгрессъ скорѣе состоялся, но не для того, чтобъ и дѣйствительный миръ тотчасъ послѣдовалъ (ибо при такомъ смѣшеніи интересовъ опасно, чтобъ скорый миръ не былъ полезнымъ миромъ, или чтобъ война, прекратясь на время, не воспалилась бы съ большею свирѣпостью), но для того, чтобъ скорѣе видѣть прямыя склонности и мнѣнія Лондонскаго и Берлинскаго Дворовъ и чтобъ съ большею точностью принимать нужныя мѣры. Въ эту кампанію намѣрены мы дѣйствовать съ крайнею силою, дабы умножить непріятельскую податливость и не дать возможности полезной ему проволочки переговоровъ. Намъ кажется, что Французскому Двору остается одно: — покинувъ на время Азію и Америку, какъ можно больше воспользоваться настоящими выгодами въ Германіи, и, поправя здѣсь дѣла свои и своихъ союзниковъ, привязать послѣднихъ къ себѣ и славный союзъ сдѣлать вѣчнымъ, ослабленіемъ же короля Прусскаго ослабить и Англію, потому что король Прусскій, оставаясь въ силѣ, не допускалъ бы союзниковъ подавать другъ другу взаимной помощи, и Англія, имѣя на твердой землѣ себѣ подпору, для начатія новой морской войны, не стала бы дожидаться, пока французскій флотъ придетъ опять въ цвѣтущее состояніе. Для опроверженія этого взгляда можно выставить одно,—что главная сила Бранденбургскаго Дома заключается въ личности нынѣшняго короля Прусскаго. Правда, для составленія вредныхъ сосѣдямъ своимъ проектовъ и къ произведенію ихъ въ дѣйствіе онъ довольно способенъ; но извѣстно всему свѣту, что къ нынѣшней чрезмѣрной его силѣ всѣ пути приготовлены его предками; онъ пользовался только случаями, слѣдуя политическому плану, установленному въ этомъ Домѣ гораздо прежде Фридриха II. Совершенно военное, а не гражданское въ областяхъ его заведенное правительство не можетъ быть прилично долговременному миру.

„Почти увѣрены мы, что Франція не замедлитъ теперь отправить министра своего въ Лондонъ; мы и желали бы, чтобъ онъ успѣлъ заключить отдѣльный миръ съ Англіею и отдѣлить эту державу отъ Прусскаго короля, оставляя Франціи свободу дѣйствовать противъ него, по меньшей мѣрѣ, на основаніи Версальскаго союзнаго договора съ императрицею-королевою 1758 года. Англія, заключая свой миръ съ Франціею, обязалась бы ни прямымъ, ни косвеннымъ образомъ не помогать королю Прусскому, и рѣшеніе съ нимъ дѣлъ оставила бы намъ и Австріи. Но такъ какъ при многихъ Дворахъ можетъ произойти опасеніе, что эта, вначалѣ очень ограниченная, негоціація распространится нечувствительно далѣе и поведетъ къ миру, похожему на Ахенскій: то хотя и нельзя прямо противиться посылкѣ французскаго министра въ Лондонъ, но можно внушить, что, при нынѣшней перемѣнѣ въ англійскомъ министерствѣ, статскій секретарь Питтъ, великій поборникъ интересовъ короля Прусскаго и думающій, что надобно поблажать стремленіямъ своего народа, который возгордился военными успѣхами, старается забрать переговоры въ свои руки и продолженіемъ ихъ и войны продлить свое значеніе,—а это значеніе упадетъ, если дѣла пойдутъ не по южному, а по сѣверному департаменту, чрезъ руки новаго статскаго секретаря, графа Бюта. Поэтому-то Питтъ и отозвался, что не думаетъ, чтобъ въ нашихъ добрыхъ услугахъ могла быть нужда. Мы на это не досадуемъ и не хотимъ навязывать своихъ добрыхъ услугъ, и предложили ихъ единственно изъ дружбы къ Французскому королю. Не повредило бы нашимъ и союзниковъ нашихъ интересамъ внушить искуснымъ образомъ графу Бюту, что если отдѣльные переговоры съ Франціею распространятся далеко, то всю честь и славу получитъ одинъ его товарищъ Питтъ.

„Съ большими предосторожностями долженъ быть соединенъ этотъ поступокъ: однако когда подобнымъ же образомъ всѣ побѣды принца Евгенія и герцога Марльборо обращены были въ ничто и Франція при дурномъ состояніи своихъ дѣлъ получила выгодный миръ, то отчего бы не могло и теперь случиться, чтобъ англійское къ королю Прусскому усердіе вдругъ простыло, и онъ увидѣлъ бы себя оставленнымъ въ то время, когда всего больше надѣялся на помощь Англіи? Обнаруженное до сего времени нашимъ посланникомъ, княземъ Голицынымъ, искусство въ дѣлахъ и ревность къ нашей службѣ внушаютъ намъ увѣренность, что онъ, по меньшей мѣрѣ, сдѣлаетъ все возможное, не компрометируя себя и насъ. Францію надобно заставить, чтобъ посылаемый ею въ Лондонъ министръ получилъ повелѣніе ничего не скрывать отъ князя Голицына, былъ ему подчиненнымъ, по крайней мѣрѣ во всемъ дѣйствовалъ съ нимъ за-одно“ [1]).

Такъ какъ Россія настаивала на томъ, что честный миръ долженъ исключительно зависѣть отъ сильныхъ дѣйствій союзниковъ противъ Прусскаго короля, то естественно было ожидать, что ея военныя распоряженія будутъ соотвѣтствовать этому. Сначала составленъ былъ такой планъ кампаніи: овладѣть прежде всего крѣпостью Кольбергомъ и учредить тамъ главный магазинъ, а потомъ подвинуть армію къ Одеру и сдѣлать непріятелю диверсію осадою какой-нибудь важной крѣпости. Но теперь этотъ планъ былъ измѣненъ: Бутурлину велѣно было идти въ Силезію, соединиться тамъ съ австрійскою арміею, находившеюся подъ начальствомъ фельдцейхмейстера барона Лаудона, и наступить на непріятеля всѣми силами. Это *великодушное* намѣреніе возбудило сильную радость въ

---

[1]) Протоколы конференціи.

Вѣнѣ: „У насъ и у императрицы Всероссійской", писала Марія-Терезія, „нѣтъ недостатка въ силахъ для укрощенія опаснаго непріятеля; дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ эти силы въ надлежащее время и съ совершеннымъ согласіемъ употреблять" [1]).

„Принявъ за неопровержимое правило (говорилось въ рескриптѣ императрицы фельдмаршалу Бутурлину), что если въ нынѣшнюю кампанію не дѣйствовать со всѣхъ сторонъ съ крайнею ревностію, то надобно опасаться самыхъ вредныхъ слѣдствій, и что, напротивъ того, сильными и поспѣшными дѣйствіями всѣ опасности отвратятся и можно будетъ ожидать самыхъ полезныхъ плодовъ отъ нынѣшней войны,—мы не находимъ нужнымъ входить съ вами въ подробное разсмотрѣніе того, какимъ образомъ ускорить вашимъ походомъ и какъ сдѣлать ваши операціи важнѣйшими: мы увѣрены, что вы ни одного часу напрасно не упустите. Но такъ какъ генералъ Лаудонъ, при затруднительномъ его теперь состояніи, конечно, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ радостнаго извѣстія о вашемъ приближеніи, то не можемъ не посовѣтовать вамъ еще, чтобъ вы походомъ своимъ къ Силезіи какъ можно поспѣшили и часто его объ этомъ извѣщали. Приближеніе ваше ободритъ Лаудона, а король Прусскій увидитъ, чего ему отъ васъ надобно будетъ ожидать. Храбрость нашихъ войскъ онъ уже испыталъ: теперь надобно внушить ему уваженіе къ вашей особѣ".

Передъ самымъ началомъ кампаніи Тотлебенъ опять запросилъ увольненія изъ службы; думали, что онъ недоволенъ, зачѣмъ такъ долго остается генералъ-маіоромъ, и 19 апрѣля отправленъ былъ Бутурлину рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Доношеніе генералъ-маіора графа Тотлебена объ увольненіи его изъ нашей службы пріятно намъ быть не могло, тѣмъ болѣе-что оно такъ много разъ уже повторено, а теперь повторяется предъ самымъ началомъ кампаніи, слѣдовательно въ такое время, когда никому не позволяется просить увольненія. Вы хорошо дѣлаете, что отклоняете его отъ такого намѣренія, и вы можете его обнадежить, что при первомъ производствѣ онъ обойденъ не будетъ; но при этомъ внушите ему поискуснѣе, что мы хотимъ оказывать нашу милость по собственному нашему произволенію, а частое напоминаніе и усильное домогательство, даже требованіе увольненія замедляютъ только знаки нашей милости. Вы хорошо сдѣлали, что позволили графу Тотлебену видѣться съ прусскимъ генералъ-поручикомъ Вернеромъ. Мы почти увѣрены, что если до свиданія дойдетъ, то Вернеръ или будетъ о мирѣ предлагать, или будетъ стараться заподозрить предъ нами нашихъ союзниковъ. Надобно все выслушивать, и на первое, не отвѣчая ничего рѣшительнаго, намъ доносить, а на послѣднее—и тотчасъ можно отвѣчать, что мы вполнѣ увѣрены въ твердости и искренности нашихъ союзниковъ; да если-бъ и не такъ было, то мы согласимся лучше быть обманутыми, чѣмъ заподозрить ихъ и не устоять въ своихъ обязательствахъ; что всякое нечистосердечное покушеніе послужитъ только къ продолженію разорительной войны, а къ достиженію мира одинъ способъ—прямо предлагать и показать дѣйствительную готовность къ удовлетворенію обиженныхъ сторонъ".

[1]) Дѣла Австрійскія.

Вернеръ предложилъ Тотлебену не о мирѣ, а только о перемиріи на мѣсяцъ. Въ то же время Тотлебенъ прислалъ Бутурлину письмо своего пріятеля изъ Берлина, гдѣ говорилось, что миръ между Англіею и Франціею уже заключенъ. По этому случаю въ рескриптѣ къ Бутурлину отъ 30 апрѣля было сказано: „Нетрудно заключить, что старались только извѣдать, велика ли съ нашей стороны твердость и усердіе, и если-бъ получили согласіе на перемиріе, то разгласили бы объ этомъ съ прикрасами въ австрійской и французской арміяхъ, и письмо, полученное Тотлебеномъ изъ Берлина, служило только приготовленіемъ къ тому, чтобъ внушенія Вернера произвели свое полное дѣйствіе. Поэтому увѣдомьте графа Тотлебена, чтобъ онъ остерегался подобныхъ внушеній и не вѣрилъ имъ. Желаемъ мы, чтобъ теперь вы не имѣли никакихъ препятствій въ вашемъ походѣ, и о благополучномъ выступленіи въ походъ будемъ ожидать вскорѣ пріятнаго увѣдомленія.

Бутурлинъ выступилъ въ походъ для соединенія съ Лаудономъ, которому дали отдѣльный корпусъ, по настоянію Русскаго Двора. Марія-Терезія противъ воли уступила этому настоянію, ибо фаворитомъ ея былъ фельдмаршалъ Даунъ; но Дауна не любили въ Петербургѣ и имѣли на то право. Фридрихъ II находился въ Силезіи съ 50,000 войска; въ Саксоніи прусскій корпусъ, находившійся подъ начальствомъ принца Генриха, сдерживался Дауномъ; въ Помераніи Румянцевскій корпусъ шелъ осаждать Кольбергъ. Легко понять, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали въ Петербургѣ извѣстія отъ Бутурлина, что онъ соединился съ Лаудономъ въ Силезіи; что соединенная австро-русская армія раздавила Фридриха II и тѣмъ покончила тяжкую войну, приготовивъ для дипломатовъ легкое дѣло—заключить въ Аугсбургѣ *честный* миръ, какъ разумѣли его въ Петербургѣ и Вѣнѣ. И легко понять раздраженіе, какое было произведено донесеніями Бутурлина, жестоко обманывавшими ожиданія. Въ этомъ раздраженіи написанъ былъ рескриптъ императрицы, посланный къ главнокомандующему 14 августа: „Какъ при началѣ нынѣшней кампаніи и при сочиненіи плана военныхъ дѣйствій не вступали мы съ вами во всѣ мелкія подробности и довольствовались объясненіемъ главныхъ видовъ и намѣреній, оставляя прочее вашей распорядительности и ревности, старались мы только живо изобразить вамъ тѣ великія и неоспоримыя основанія, почему желали мы, чтобъ нынѣшняя кампанія была рѣшительною,—такъ и во все время кам-

паніи напоминали мы вамъ только тѣ же самыя основанія, а въ прочемъ съ нетерпѣніемъ ожидали мы пріятныхъ отъ васъ извѣстій, какихъ обѣщали мы себѣ отъ вашей ревности, отъ засвидѣтельствованнаго вами отличнаго состоянія арміи, отъ извѣстной храбрости нашихъ войскъ и отъ самыхъ обстоятельствъ, которыя много разъ были вамъ полезны, или ожидали описанія принятыхъ вами таких твердыхъ намѣреній, по которымъ бы мы движенія ваши сами здѣсь расчислять могли, слѣдовательно и въ состояніи были бы предписывать вамъ что-нибудь съ подлинностію. Но вы ни однажды не доставили намъ такого точнаго дѣлъ и обстоятельствъ изображенія, по которому бы мы вѣрно могли расчесть, въ какомъ состояніи, напримѣръ, этотъ указъ васъ застанетъ. Донесенія ваши хотя довольно часто получаются, но, во-первыхъ, рѣдко или никогда не изображается въ нихъ прямое положеніе непріятеля и генерала Лаудона, а потомъ, что касается васъ, — то или въ каждомъ донесеніи видимъ новое намѣреніе, когда не исполнено еще прежнее, и всегда прежнему противное, или же, наконецъ, простое ожиданіе нѣсколькихъ дней для припятія еще новаго рѣшенія.

„Все сдѣланное вами во время минувшей зимы для приведенія арміи въ готовность къ походу, во многихъ случаяхъ благоразумно наблюденная экономія, особенно же своевременное выступленіе въ походъ до Познани и прибытіе туда всей арміи еще въ маѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно ранѣе, чѣмъ когда-либо это случалось, пріобрѣтали вамъ совершенное наше одобреніе. Этимъ исполняли вы важный пунктъ плана и обнадеживали весь свѣтъ, что дѣйствія ваши будутъ, конечно, соотвѣтствовать тѣмъ увѣреніямъ, которыя поданы нами союзникамъ нашимъ. Этимъ сдѣлали вы, что Вѣнскій Дворъ такъ усилилъ и такъ уполномочилъ младшаго и иностраннаго генерала Лаудона, и все свое вниманіе обратилъ на васъ и на него. Вы должны были ясно усматривать, что отъ скорости похода вашего въ Силезію все зависѣло; что вамъ больше всего надобно было истребить предубѣжденіе союзниковъ и непріятеля относительно медленнаго движенія нашей арміи,—предубѣжденіе, по которому союзники несмѣло полагались на наши обѣщанія, а непріятель смѣло обращалъ свои силы въ другую сторону. Но вы, конечно, по избытку усердія и желанія — вмѣсто одного дѣла сдѣлать два, раздѣляли ваше вниманіе. По прибытіи вашемъ въ Познань, вы приняли-было рѣшеніе идти въ Померанію, надѣясь непріятеля оттуда выгнать, взятіе Кольберга ускорить и заблаговременно поспѣть въ Силезію, и къ намъ вы доносили о томъ, какъ о дѣлѣ непремѣнномъ. Но вы не приняли въ уваженіе, что хотя весьма похвально и славно вдругъ многія дѣла зачинать и съ одинакимъ успѣхомъ исполнять,—всегда однако надобно больше смотрѣть на главное, да не примѣтили того, что хотя взятіе Кольберга намъ на сердцѣ и лежитъ, но мы никоимъ образомъ не связывали его съ вашими дѣйствіями. Отъ этого, съ планомъ операцій несогласнаго намѣренія естественно произошло нѣкоторое упущеніе времени, а барону Лаудону сомнѣніе, крайне вредное въ началѣ кампаніи, особенно когда надобно было еще истреблять прежнія предубѣжденія. Но если-бъ вы тогда остались при этомъ намѣреніи и быстро стали его исполнять, то, можетъ быть, случилось бы что-нибудь рѣшительное; по меньшей мѣрѣ, генералъ Цитенъ былъ бы теперь въ Помераніи, не дѣлалъ бы Лаудону диверсіи въ Моравію и не разорилъ бы приготовленныхъ для васъ магазиновъ; король Прусскій не былъ бы такъ силенъ противъ Лаудона, а Лаудонъ зналъ бы, чего ему отъ васъ ожидать и какія мѣры свои принимать.

„Отмѣнили вы намѣреніе идти въ Померанію, какъ несходное съ планомъ; но, къ сожалѣнію, не вдругъ обратились къ главному дѣлу, т.-е. къ походу въ Силезію и прямо къ Бреславлю, но хотѣли сперва сдѣлать покушеніе противъ Глогау. Для этого вы потребовали у Лаудона, чтобъ онъ прислалъ вамъ туда осадную артиллерію, продовольствіе и нѣсколько войска; но легко было предвидѣть, что Лаудонъ не былъ въ состояніи этого сдѣлать, когда король Прусскій все свое вниманіе обратилъ на него и пришелъ въ Силезію съ немалыми силами, будучи самъ прикрытъ крѣпостями и прикрывая ихъ взаимно. Это ваше намѣреніе и требованіе должны были возобновить въ Лаудонѣ прежнія предубѣжденія, а намъ причинили тѣмъ сильнѣйшее сожалѣніе, что мы больше всего твердили еще предмѣстнику вашему, что отнюдь не надобно требовать невозможнаго, ибо это между союзниками рождаетъ недовѣріе и несогласіе, и беретъ много времени.

„Велико было, наконецъ, наше удовольствіе, когда вы, покинувъ предпріятіе на Глогау, вознамѣрились идти прямо на Бреславль чрезъ Миличъ, подавъ о томъ формальное обнадеживаніе Лаудону, слѣдовательно принявъ на себя новое обязательство. Когда силы Прусскаго короля были такъ умѣренны, что онъ могъ только съ нуждою удерживать барона Лаудона, то легко себѣ представить, на сколько частей нужно было бы ему раздѣлиться, если бы устремленіемъ вашимъ на Бреславль чрезъ Миличъ вы привели его въ необходимость и защищать этотъ важный городъ, складъ всѣхъ воинскихъ потребностей, и караулить, чтобъ и вы не перешли рѣку Одеръ, и Лаудонъ въ то же время не приблизился бы къ этой рѣкѣ съ которой-нибудь стороны.

„Но едва только генералъ Цитенъ выступилъ противъ васъ къ Костянамъ, какъ вы, послѣдуя всегда вашему усердію и желая вдругъ сдѣлать два дѣла, приняли намѣреніе выиграть у него нѣсколько маршей, отрѣзать его отъ Силезіи и для того, вмѣсто Милича, идти на Вартембергъ, и притомъ думали, что для главныхъ операцій въ Силезіи довольно еще будетъ времени. Но теперь, конечно, вы сами жалѣете, что и Цитена тотчасъ не

атаковали и тѣмъ не вывели Прусскаго короля и союзниковъ его изъ предубѣжденія, будто наша армія никогда не атакуетъ, и что походомъ на Вартембергъ привели себя въ необходимость искать соединенія съ Лаудономъ только въ окрестностяхъ Брига. Вы, въ письмѣ къ барону Лаудону на его жалобы, справедливо замѣчаете, что король Прусскій и прежде зналъ о желаніи вашемъ соединиться съ австрійскою арміею. Мы сами не дѣлали изъ этого большого секрета; но дѣло было въ томъ, чтобъ непріятель не зналъ, въ которомъ мѣстѣ должно было произойти ваше соединеніе, а это и сдѣлалось бы, если бъ вы прямо устремились на Бреславль. Пусть поставилъ бы тогда король генерала Цитена подъ Бреславлемъ защищать противъ васъ этотъ городъ: принцъ Бевернскій, въ 1757 году, подъ пушками этого же города и стоя въ крѣпкихъ ретраншементахъ, потерялъ значительную армію;— вы могли бы то же сдѣлать и съ Цитеномъ, а если бы даже и не сдѣлали, то, имѣя превосходныя силы, вы могли были, занявъ Цитена малымъ корпусомъ и маскировавъ ваше отступленіе отъ Бреславля, тотчасъ перейти Одеръ, гдѣ король всего меньше этого ожидалъ бы. Тогда Цитенъ принужденъ былъ бы бѣжать чрезъ Бреславль, и наше войско могло за нимъ по пятамъ войти въ этотъ городъ, а король, несмотря на всю свою изобрѣтательность, былъ бы принужденъ или безпрепятственно допустить соединеніе ваше съ Лаудономъ, или напасть на такія войска, которыя увѣрены въ побѣдѣ.

„Изъ реляціи вашей отъ 25 іюля мы увидали, что, несмотря на занятіе нашими войсками высотъ около Бреславля, несмотря на незначительность гарнизона и отсутствіе другихъ непріятельскихъ силъ поблизости, несмотря на то, что наши легкія войска свободно входили въ предмѣстіе до самыхъ воротъ и что нельзя было опасаться нечаяннаго непріятельскаго приближенія, ибо бригадиръ Краснощековъ былъ на той сторонѣ Одера,—несмотря на все это, вы держали военный совѣтъ, передъ которымъ выставили всѣ трудности покушенія на Бреславль. Военный совѣтъ, согласясь съ вами относительно трудностей, предоставилъ все вашему благоусмотрѣнію,—и вы рѣшили немедленно идти прямо на Лейбусъ и тамъ, или гдѣ удобнѣе, переходить рѣку Одеръ и, если окажется возможность, сдѣлать покушеніе на Бреславль и стараться о соединеніи съ Лаудономъ, если только не задержитъ на этой сторонѣ ожидаемый изъ Польши подвозъ провіанта и денегъ. Но здѣсь, гдѣ дѣло требовало мужественнаго рѣшенія, вамъ не очень надобно было распространяться въ совѣтѣ о трудностяхъ и опасностяхъ, сопряженныхъ съ предпріятіемъ на Бреславль, и тѣмъ ослаблять въ немъ охоту, да и для членовъ совѣта постыдно, что ни одинъ изъ нихъ не подумалъ, не хотите ли вы, преувеличивая трудности, вывѣдать, у кого изъ нихъ достанетъ мужества преодолѣть эти трудности. Впрочемъ, сказать по правдѣ, здѣсь вовсе не было надобности въ военномъ совѣтѣ. Безъ дальняго разсмотрѣнія мы и отсюда знаемъ, что формальная осада Бреславля не могла быть предпринята по недостатку осадной артиллеріи; да если-бъ и была артиллерія, то и тогда было бы опасно перешедъ рѣку Одеръ, очутиться взаперти между Бреславлемъ и всѣми силами короля Прусскаго. Надобно было взять городъ приступомъ, что требовало не совѣта, а распоряженія и твердости. Чѣмъ обширнѣе этотъ городъ, тѣмъ легче было взять его приступомъ. И посильнѣе крѣпости взяты такимъ образомъ. Кто, имѣвши свободныя руки подъ Бреславлемъ, ничего однако не сдѣлалъ, тотъ походомъ своимъ къ Лейбусу не можетъ угрожать Глогау или Лигницу. При первомъ взглядѣ на карту Силезіи ясно, что походомъ къ Лейбусу вы затрудняете переходъ свой черезъ Одеръ, а не облегчаете. Лейбусъ лежитъ противъ самого Лигница; генералъ Кноблохъ, конечно, поспѣшитъ стать подъ этимъ городомъ, и если вы, по переходѣ вашемъ, сперва не разобьете Кноблоха, а потомъ не возьмете Лигница, то вамъ отъ того мѣста, гдѣ вы перейдете Одеръ, нельзя будетъ никуда тронуться, а еще меньше можно будетъ генералу Лаудону пройти къ вамъ мимо Швейдница. Странно, что никто изъ генераловъ не примѣтилъ, что самое удобное мѣсто къ переходу чрезъ Одеръ—это ниже впаденія въ него рѣки Вейды. Оставляя на этой рѣкѣ небольшой отрядъ, вы прикрывали бы свой тылъ и сообщеніе съ магазинами въ Польшѣ, а переходя Одеръ гораздо выше Лейбуса,—не подвергались бы вышеозначеннымъ препятствіямъ, но ближе были бы и къ предпріятію на Бреславль, и къ соединенію съ Лаудономъ, и къ полученію продовольствія изъ графства Глацкаго и Богеміи, по обѣщанію Вѣнскаго Двора.

„Надобность, чтобъ оружіе наше въ нынѣшнюю кампанію отличилось важнымъ и общему дѣлу существенно полезнымъ подвигомъ такъ теперь возрасла, что Вѣнскій Дворъ, въ ожиданіи, какъ пойдетъ кампанія, не знаетъ, какія дать министрамъ своимъ наставленія на конгрессъ; а наши министры, имѣя указы поступать съ твердостію, побуждать къ тому же союзниковъ и подкрѣплять ихъ интересы, нашлись бы въ жалкомъ положеніи, если-бъ оружіе наше тому не соотвѣтствовало. Франція, съ потерею Пондишери, потерявъ всѣ свои владѣнія въ Восточной Индіи, а въ Германіи успѣвши только отбить нападеніе, принуждена теперь выносить всю гордость и высокомѣріе англійскаго министерства. Датскій Дворъ колеблется между двумя сторонами, и его поведеніе зависитъ отъ окончанія кампаніи. Если въ нынѣшнюю кампанію не будетъ сдѣлано ничего важнаго, то на будущую съ трудомъ будемъ мы въ состояніи привести къ Одеру армію, подобную настоящей, и найти скоро нужныя для этого деньги. Если вспомнить: что третьяго-года, одержавъ неслыханныя побѣды, не пользовались наилучшими обстоятельствами; что прошлаго лѣта не искали и случаевъ

къ тому, а нынѣшнее лѣто армія наша проходитъ также, не видавъ непріятеля,—то ясно представляется, что сохраненное до сихъ поръ важное значеніе при мирныхъ переговорахъ умалится, самыя неоспоримыя наши доказательства потеряютъ силу, и союзники наши, не считая болѣе наше содѣйствіе существеннымъ, будутъ поступать только согласно собственнымъ желаніямъ, а Прусскій король убѣдится, что безразсудно давалъ онъ сраженія нашимъ войскамъ, которыя сами собою вредить ему не могутъ, обратитъ всѣ свои силы противъ Австрійскаго Дома и, сдѣлавшись сильнѣе прежняго, исключитъ насъ изъ общаго европейскаго дѣйствія, не сомнѣваясь, что и безъ его требованія Пруссія возвратится къ нему скоро сама собою.

„Отступленіе ваше отъ Бреславля, когда и гарнизону тамъ было мало, и непріятель не находился въ близости, и когда пришедшій къ этому городу на помощь генералъ Кноблохъ не могъ противиться легкимъ нашимъ войскамъ, отступленіе ваше при такихъ условіяхъ—необходимо должно произвести такое дѣйствіе, что король Прусскій еще меньше склоненъ будетъ искать съ вами сраженія, и еще меньше можетъ ожидать или опасаться, чтобъ вы напали на него или на какой-нибудь его корпусъ, или взяли какую-нибудь изъ его посредственныхъ крѣпостей. Поэтому должно ожидать, что онъ во многихъ мѣстахъ ослабитъ свои гарнизоны и, усиля сколько можно свою армію, устремится съ нею противъ барона Лаудона. Такое непріятельское мнѣніе не очень будетъ лестно для нашего оружія; но нѣтъ худа безъ добра, и вамъ представляется случай тѣмъ большій получить надъ королемъ верхъ, чѣмъ больше онъ увѣренъ въ своихъ преимуществахъ надъ вами. При наступленіи такого случая вы должны живо изобразить генералитету и всей арміи, какъ позорно ей непріятельское презрѣніе, и какъ наша и государства нашего слава требуетъ отомстить ему за это презрѣніе пораженіемъ.

„Переписка ваша съ барономъ Лаудономъ была причиною нѣкоторой, хотя и скоро прекращенной холодности. Но такъ какъ съ того времени вы не исполнили ни одного изъ его требованій, не успѣли какою-либо диверсіею оказать ему никакой помощи, то надобно опасаться, что неудовольствія съ его стороны опять возобновятся и даже усилятся, а Дворъ его можетъ заподозрить, что наши указы къ вамъ были не таковы, какъ ему сообщались для свѣдѣнія. Въ другое время на это можно было бы и не обращать большого вниманія; но теперь, когда завязались общіе переговоры, Пруссія подружилась съ Портою, и мы принудили Вѣнскій Дворъ поручить главныя его силы Лаудону, и до сихъ поръ не можемъ сказать по справедливости, чтобъ онъ не исполнилъ того, чего отъ него требовано,—теперь больше всего надобно остерегаться, чтобъ не было ни малѣйшей холодности и несогласія,—надобно какимъ-нибудь знатнымъ предпріятіемъ доказать, что указы наши дѣйствительно были таковы, какъ сообщены Вѣнскому Двору".

Неудовольствіе на Бутурлина уменьшилось, когда онъ отъ 3 августа далъ знать, что благополучно перешелъ Одеръ со всею арміею, занялъ Лигницъ, видѣлся съ Лаудономъ и принялъ твердое рѣшеніе подвинуться еще далѣе впередъ. Фридрихъ II, не будучи въ состояніи ни помѣшать соединенію Бутурлина съ Лаудономъ, и тѣмъ менѣе будучи въ состояніи напасть на нихъ, устроилъ себѣ укрѣпленный лагерь почти подъ пушками Швейдница, и здѣсь рѣшился ожидать нападенія непріятеля или держать его въ бездѣйствіи до тѣхъ поръ, пока недостатокъ провіанта принудитъ его удалиться. Отъ 21 августа Бутурлинъ далъ знать въ Петербургъ, что 23 числа непремѣнно нападетъ на непріятеля; но отъ 22 августа писалъ, что нападеніе оставлено, а вмѣсто того принято намѣреніе движеніемъ на Швейдницъ принудить Фридриха II покинуть выгодное положеніе между Цейдлицемъ и Вирбеномъ, и въ тотъ же самый день послана другая реляція, что и движеніе на Швейдницъ отсовѣтовано барономъ Лаудономъ, и потому принято рѣшеніе—оставить при Лаудонѣ корпусъ графа Чернышева до окончанія кампаніи, а самому Бутурлину перейти Одеръ и двинуться къ Глогау или *куда-нибудь*. Въ отвѣтномъ рескриптѣ на эти реляціи говорилось: „Не скроемъ отъ васъ, что этими извѣстіями мы были больше опечалены, чѣмъ если бы съ войскомъ нашимъ случилось какое-нибудь несчастіе. Мы не будемъ теперь подробно разбирать, какъ много противорѣчія въ вашихъ реляціяхъ, какъ мало согласны съ ними многія, намъ извѣстныя обстоятельства и съ другихъ сторонъ доходящія извѣстія, ниже какія о томъ произойдутъ разсужденія и толкованія какъ у пріятелей, такъ и у непріятелей,—все это сами вы легко себѣ можете вообразить; однако нельзя оставить безъ примѣчанія, что когда уже въ разныхъ на походѣ отъ Познани промедленіяхъ такъ много было пропущено времени, то необходимо было надобно или за Одеръ не переходить и искать возможныхъ операцій на этой сторонѣ; или, перешедъ Одеръ и соединившись съ Лаудономъ, стараться тотчасъ пользоваться этимъ соединеніемъ, превосходствомъ силъ и больше всего непріятельскимъ смущеніемъ, вознаградить потерянное время, а не вновь тратить его на безплодныя и безконечныя совѣтованія. Но такъ какъ нельзя словами изобразить, какой вѣнецъ славы висѣлъ надъ вами и какъ безвозвратно вы его потеряли; какъ невозможно словами поправить прошедшее или уничтожить всеобщее теперь мнѣніе Европы, что во всю нынѣшнюю кампанію намѣренно думали только объ одномъ—какъ бы протянуть время и, ничего не сдѣлавъ, возвратиться домой, а еще меньше что-либо съ благопристойностію сказать нашимъ союзникамъ, зачѣмъ принудили мы Вѣнскій Дворъ отнять команду у графа Дауна и по-

ручить ее барону Лаудону; зачѣмъ принуждали Австрійцевъ дѣлать большіе убытки и заводить магазины для нашей арміи; зачѣмъ приходили на ихъ пропитаніе, слѣдовательно уменьшали его для нихъ самихъ. Короткое могло бы быть на все это объясненіе, а именно: что вы хотѣли напасть на непріятеля, да случая и возможности къ тому не было. Но мы сами, по одному сличенію обстоятельствъ и по собственнымъ вашимъ донесеніямъ, увѣрены въ противномъ, а союзники наши не только имѣютъ очевидныхъ свидѣтелей, но и письменное доказательство въ отвѣтной промеморіи вашей барону Лаудону, что не укрѣпленіе непріятельскаго лагеря помѣшало вамъ напасть на него. Тогда никакихъ еще не было укрѣпленій; но вы, перешедши 12 верстъ, требовали продолжительнаго отдыха; а потомъ, какъ уже непріятель и укрѣпился, русскимъ и австрійскимъ генералитетомъ признано было, что напасть можно, для чего не только день, но и часъ былъ назначенъ. Но какъ все это ни кчему теперь не служитъ, то мы и приступаемъ къ самому дѣлу.

„Повелѣваемъ вамъ: 1) на крѣпость Глогау напраснаго покушенія не дѣлать и времени не тратить; но 2) подвинувшись скорѣе къ Франкфурту, тотчасъ занять Берлинъ, по примѣру прошлаго года, съ тою только разницею, что взять больше контрибуціи съ Берлинцевъ за ихъ неблагодарность и воспользоваться всѣмъ, чѣмъ только можно. 3) Если принцъ Генрихъ для защиты Берлина вышлетъ противъ васъ корпусъ, то непремѣнно напасть на него, безъ разбора и безъ совѣта. Этихъ безплодныхъ совѣтованій въ нынѣшнюю кампанію столько было, что, наконецъ, самое слово „совѣтъ“ омерзитъ; а чтобъ наши войска не были способны къ атакамъ, то это толкованіе можетъ происходить только отъ завистниковъ славы нашего оружія, и потому наикрѣпчайше вамъ повелѣваемъ: если кто дерзнетъ сказать, что наши войска неспособны къ атакамъ, того не только тотчасъ на мѣстѣ арестовать, но какъ злодѣя въ оковахъ сюда прислать. 4) Надѣяться можно, что походомъ вашимъ къ Франкфурту прусскія въ Помераніи войска принуждены будутъ эту провинцію очистить: вамъ надобно стараться и этотъ корпусъ не упустить, а разбить и всего больше заботиться о занятіи зимнихъ квартиръ въ Помераніи. Что же касается графа Чернышева съ его корпусомъ, то мы опасаемся только того, что принятое и относительно его намѣреніе за какими-нибудь непредвидимыми приключеніями отмѣнится, и онъ при австрійской арміи оставленъ не будетъ, ибо дѣйствительно теперь нѣтъ другого способа поправить происшедшее и доказать свѣту, что, несмотря на худое согласіе операцій, оба Двора пребываютъ однако въ тѣснѣйшемъ единодушіи“.

Дальнѣйшія движенія Бутурлина подверглись такъ же выговорамъ, тогда какъ пріятная вѣдомость была получена отъ графа Чернышева, который извѣщалъ о взятіи Швейдница австро-русскими войсками. Въ рескриптѣ императрицы къ Бутурлину по этому случаю говорилось: „Немного было употреблено нашего войска съ этому мужественному предпріятію, только четыре гренадерскія роты; но мы рады, что доказана способность нашего войска нападать. Австрійскій генералитетъ и самъ непріятель приписываетъ имъ несравненную похвалу: они всходили на стѣны, какъ львы, и, вошедши въ городъ, такъ скоро построились, какъ будто для парада туда введены были“. Кромѣ Чернышева, Румянцевъ, отправленный для осады Кольберга, такъ-же безпокоилъ Бутурлина своимъ значеніемъ. Бутурлину предписывалось отдать въ команду Румянцева столько войска и такъ его всѣмъ снабдить, какъ онъ самъ потребуетъ, и отнюдь не затруднять его и не смущать своими ордерами: „ибо мы службою его и усердіемъ и всѣмъ въ нынѣшнюю кампанію распоряженіемъ совершенно довольны“. Бутурлинъ отвѣчалъ, что если онъ отправитъ бо̀льшую часть войска, то у него самого останется очень мало, и на это получилъ рескриптъ, гдѣ говорилось: „Примѣчаемъ мы со многимъ сожалѣніемъ, что вы оказываете нѣкоторую *жалузію* къ той довѣренности, какою удостоили мы графа Румянцева, какъ то явственнѣе всего усматривается изъ вашего короткаго и сухого къ нему ордера и изъ вашей реляціи, будто бы по усиленіи его вся армія только въ десяти полкахъ состоять будетъ. Наша милость оказывается только по заслугамъ и достоинству, а отнюдь не какъ слѣдствіе уменьшенія ея къ другому. Вы остаетесь главнымъ его командиромъ, а чинъ вашъ и наша персональная къ вамъ милость не могутъ вамъ и повода подавать къ жалузіи противъ подчиненнаго“.

Надѣялись, что Румянцевъ взятіемъ Кольберга хотя сколько-нибудь поправитъ дѣло, испорченное Бутурлинымъ. Современникъ (Болотовъ) говоритъ, что другого исхода дѣятельности Бутурлина и не ожидали въ арміи: „Характеръ сего престарѣлаго большого боярина былъ всему государству слишкомъ извѣстенъ, и всѣ знали, что неспособенъ онъ былъ къ командованію не только арміею, но и двумя или тремя полками. Единая привычка его— часто подгуливать и даже пить иногда въ кружку съ самыми подлыми людьми—наводила на всѣхъ и огорченіе, и негодованіе превеликое. А какъ, сверхъ того, онъ былъ неучъ и совершенный во всемъ невѣжда, то всѣ отчаявались и не ожидали въ будущую кампанію ни малѣйшаго успѣха, въ чемъ, дѣйствительно, и не обманулись“.

Къ печальному исходу кампаніи присоединилась еще измѣна генерала, котораго имя очень часто упоминалось въ журналѣ военныхъ дѣйствій русской арміи, и упоминалось обыкновенно при успѣшныхъ дѣйствіяхъ,—начальника легкихъ войскъ, Тотлебена. Еще отъ 21 іюня Бутурлинъ увѣдомилъ императрицу о странномъ происшествіи: генералъ-маіоръ Тотлебенъ на походѣ своемъ къ арміи въ Померанію, въ лагерѣ при Берштейнѣ, съ

общаго совѣта всѣхъ полковыхъ командировъ подчиненнаго ему корпуса, 19 числа арестованъ за открытую его, вредную службѣ переписку съ непріятелемъ. Причины, побудившія къ аресту, были слѣдующія: 1) подполковникъ Ашъ, находившійся при Тотлебенѣ для канцелярскихъ дѣлъ, перехватилъ Жида, отправленнаго Тотлебеномъ въ Кистринъ; у этого Жида въ сапогѣ нашли точный нѣмецкій переводъ съ секретнаго ордера главнокомандующаго, также съ сообщеннаго Тотлебену отъ Бутурлина маршрута арміи отъ Познани въ Силезію и съ собственноручной записки Тотлебена съ шифрами; всѣ эти бумаги были вложены въ неподписанный кувертъ, но за печатью Тотлебена. 2) У Жида былъ найденъ паспортъ, данный ему Тотлебеномъ. 3) Капитанъ Фафіусъ получилъ отъ Тотлебена собственноручное приказаніе препроводить Жида съ казаками въ Кистринъ. 4) У Тотлебена найдено запечатанное, но еще неотправленное письмо его въ Берлинъ къ банкиру Гоцковскому. Жидъ признался, что перевозилъ письма отъ принца Генриха Прусскаго къ Тотлебену и обратно; пакетъ, найденный у него въ сапогѣ, онъ долженъ былъ отдать или коменданту, или принцу Генриху, или самому королю Прусскому. По показанію Тотлебена, переписка его съ принцемъ Генрихомъ состояла въ томъ, что принцъ просилъ его не позволять своему корпусу такъ разорять королевскіе земли; а онъ, Тотлебенъ, отвѣчалъ, что если прусскіе чиновники сами будутъ выставлять требуемый провіантъ и фуражъ, то ни о какихъ солдатскихъ своевольствахъ слышно не будетъ. Къ этому онъ прибавилъ въ письмѣ къ принцу: „Что касается собственно меня, то принцъ можетъ быть увѣренъ, что я никакихъ грабительствъ не терплю, но по возможности отвращаю; что я не желаю никакого вознагражденія, но чтобъ принцъ, какъ старый пріятель, заступился за меня,—чтобъ возвратили мнѣ сына моего, который у меня одинъ только и есть, и котораго, ребенка 11 лѣтъ, силою взяли и въ солдаты записали; чтобъ также возвратили мнѣ деревни мои, которыя или вовсе отняты, или секвестрованы“. Спустя недѣли съ три, явился Жидъ Забадко и подалъ ему запечатанное письмо отъ короля: въ письмѣ говорилось, что король приказалъ всѣмъ ландратамъ и начальникамъ округовъ ѣхать къ своимъ мѣстамъ и ставить припасы на русское войско, и потому Тотлебенъ долженъ содержать въ своемъ войскѣ добрый порядокъ и щадить прусскія земли, а онъ, король, когда будетъ заключенъ миръ, не оставитъ просьбы его о сынѣ и деревняхъ. Тотлебенъ отправилъ Жида съ отвѣтомъ, что никакихъ жалобъ на разореніе отъ русскаго войска не будетъ, причемъ просилъ уволить сына для продолженія ученія. Черезъ три недѣли послѣ этого Жидъ возвратился, привезъ увольненіе сына Тотлебена и письмо къ отцу: король обнадеживалъ его всякою милостью, если прекратитъ опустошенія, производимыя его отрядомъ. Далѣе Тотлебенъ показывалъ: „Уже три года думалъ я о планѣ, какъ бы схватить короля при какомъ-нибудь случаѣ. Придумалъ я, что лучше всего будетъ, когда король вполнѣ довѣрится Жиду Забадкѣ: тогда можно было бы уговорить короля къ свиданію или развѣдать, когда и гдѣ онъ будетъ на рекогносцировкѣ съ малымъ числомъ людей. Потомъ пріѣхалъ Жидъ Забадка въ третій разъ съ двумя запечатанными кувертами: въ одномъ находилась цыфирная азбука, а въ другомъ—письмо отъ короля. Въ письмѣ говорилось: принципалъ радуется, что пріятель обнадеживаетъ насчетъ пощады его земель; желаетъ, чтобъ пріятель, для облегченія подданныхъ принципала, служилъ еще эту кампанію, и проситъ дать знать—оборонительно или наступательно русская армія будетъ дѣйствовать этотъ годъ; будетъ ли отправленъ корпусъ къ Лаудону, и завидуетъ ли пріятель, что идетъ новый претендентъ на Кольбергское дѣйство (Румянцевъ). Я отвѣчалъ, что пріятель письмо отъ принципала получилъ и при первомъ случаѣ будетъ отвѣчать. Жиду Забадкѣ приказалъ я сказать королю, что очень желаю съ нимъ видѣться. Забадко пріѣзжалъ еще разъ съ письмомъ отъ короля, исполненнымъ обнадеживаніями милости и съ требованіемъ, чтобъ написалъ отвѣтъ на прежніе вопросы. Чтобъ уклониться отъ отвѣта, я написалъ королю о моемъ новомъ назначеніи и сослался на приложенія, которыя къ нему отправилъ: эти приложенія и состояли въ ордерѣ и маршрутѣ, полученныхъ отъ фельдмаршала. „Если-бъ я“, говорилъ Тотлебенъ, „затѣвалъ что-нибудь опасное и противное долгу вѣрности, то я ордеръ и маршрутъ послалъ бы прежде, а не тогда, когда уже ордеръ пересталъ быть секретнымъ, потому что былъ исполненъ. Какъ скоро я цыфры въ запечатанномъ кувертѣ получилъ, показывалъ я ихъ подполковнику Ашу, говоря: вотъ принесъ мнѣ Жидъ и цыфры изъ королевскаго кабинета! Ашъ удивился, гдѣ онъ могъ ихъ достать. Я на то ему отвѣчалъ, что Жидъ, конечно, самъ бываетъ въ королевскомъ кабинетѣ; я, съ Божіею помощью, въ нынѣшнемъ году короля уже прямо заведу, а цыфры эти фельдмаршалъ имѣть будетъ. Ашъ, если въ немъ еще искра честности и христіанства есть, правду этого показанія самъ признать долженъ, такъ какъ я часто публично говаривалъ, что я въ нынѣшнемъ году прямой ударъ нанести надѣюсь. Гоцковскій, будучи у меня, навѣдывался, къ кому бы въ Петербургѣ адресоваться, чтобъ Дворъ склонить въ пользу короля; королю война наскучила и онъ охотно бы употребилъ милліонъ или два. Я отвѣчалъ, что съ петербургскими совершенно незнакомъ, но если-бъ прислано было письменное предложеніе, то я переговорилъ бы съ фельдмаршаломъ“.

Тотлебена отправили въ Петербургъ, послѣ чего перехвачено было еще одно письмо къ нему отъ Фридриха II; король писалъ, что не можетъ дать ему просимаго имъ имѣнія (гершафта Миличевскаго), но обѣщаетъ дать другое, равное тому;

отказывалъ ему и въ просьбѣ развести его съ женою, живущею въ Силезіи, объявляя, что для этого она сама должна подать прошеніе [1]).

Неудачный исходъ кампаніи былъ тяжелъ Русскому правительству особенно потому, что оно сильнѣе всѣхъ отвергало перемиріе и настаивало на энергическія дѣйствія, съ помощью которыхъ только и можно было принудить Фридриха II къ *честному* миру для союзниковъ. Мы уже видѣли, какъ въ рескриптахъ Бутурлину выставлялось затруднительное положеніе Россіи относительно главной союзницы—Австріи. Русскій посолъ въ Вѣнѣ, Кейзерлингъ, былъ назначенъ уполномоченнымъ на Аугсбургскій конгрессъ; на его мѣсто въ Вѣну былъ назначенъ князь Димитрій Мих. Голицынъ; но до его пріѣзда туда былъ опредѣленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ племянникъ канцлера, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ. Соотвѣтственно этой перемѣнѣ, Эстергази былъ отозванъ изъ Петербурга по причинѣ или подъ предлогомъ болѣзни, а на его мѣсто назначенъ графъ Мерси д'Аржанто. Отъ 21-го іюля молодой Воронцовъ писалъ дядѣ изъ Вѣны о разговорѣ своемъ съ Кауницемъ: „Графъ Кауницъ со мною долго говорилъ, не скрываясь, что ихъ немало удивляетъ медленность фельдмаршала графа Бутурлина; Кауницъ разсуждалъ, что часто, опоздавши только 24 часа, можно лишиться успѣховъ цѣлой кампаніи". Воронцовъ писалъ также къ дядѣ, что слышалъ стороною, будто Лаудонъ начинаетъ отчаиваться въ успѣхахъ кампаніи, видя такую медленность въ движеніяхъ русской арміи. Отъ 14-го августа Воронцовъ опять писалъ о неудовольствіи Кауница на операціи русскаго войска въ Силезіи; онъ разсуждалъ, что послѣ перехода чрезъ Одеръ много бы уже можно было предпринять, но время упущено. Кауницъ опасался, что русская армія, промедля, будетъ принуждена идти на Вислу къ зимнимъ квартирамъ, и кампанія останется безплодною. По словамъ Кауница, Лаудонъ предлагалъ Бутурлину, чего онъ хочетъ: самъ ли напасть на короля, или предоставитъ это нападеніе Австрійцамъ, съ уговоромъ, чтобъ каждый съ своей стороны подкрѣплялъ атаку двадцатью тысячами войска; но предложеніе это не произвело никакого дѣйствія. Отъ 25-го августа Воронцовъ писалъ, что Кауницъ сильно безпокоится бездѣйствіемъ войска, тѣмъ болѣе-что неуспѣхъ кампаніи возбудитъ противъ него всѣхъ доброжелателей фельдмаршала Дауна, ибо извѣстно, что императрица-королева почти противъ желанія своего уступила требованію Кауница — отдать бóльшую часть войска подъ команду Лаудона. Въ Вѣнѣ складывали всю вину на Фермора, который будто бы давно не скрывалъ своего недоброжелательства къ Австрійскому Дому, оказывая при всякомъ случаѣ нерасположеніе офицерамъ, присылаемымъ къ русской арміи изъ Вѣны, и жалуясь, что, благодаря Вѣнскому Двору, онъ лишенъ главнаго начальства.

Любопытны извѣстія Воронцова о томъ впечатлѣніи, какое было произведено на Марію-Терезію взятіемъ Швейдница: „Императрица", писалъ Воронцовъ, „сама уменьшаетъ важность этого дѣла и почитаетъ невозможнымъ удержаніе Швейдница зимою. Всѣ эти дни ея величество была очень невесела и причина тому—пристрастіе ея къ фельдмаршалу Дауну; раздражилъ ее императоръ, который воспользовался взятіемъ Швейдница, чтобъ превознесть Лаудона насчетъ Дауна; императрица съ яростію заступилась за своего фаворита и съ тѣхъ поръ сама уменьшаетъ важность дѣйствій Лаудона; въ собраніи при Дворѣ, разговаривая съ однимъ иностраннымъ министромъ, сама выразилась, что находитъ великія трудности въ расположеніи зимнихъ квартиръ въ Силезіи, и всѣ тѣ, которые имѣли съ нею въ этотъ день дѣла, говорятъ, что никогда не видывали ее такою сердитою".

Сильно занимались въ Вѣнѣ осадою Кольберга: боялись, что если этотъ городъ не будетъ взятъ и русская армія уйдетъ на зимнія квартиры къ Вислѣ, то прусское войско двинется изъ Помераніи въ Саксонію и помѣшаетъ здѣсь дѣйствіямъ австрійскаго войска [2]).

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ толковали о печальномъ исходѣ кампаніи, изъ Парижа и Лондона русскіе послы доносили о печальномъ исходѣ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею. Преемникъ Мих. Петр. Бестужева при Французскомъ Дворѣ, графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ доносилъ отъ 31-го августа, что у герцога Шуазеля была конференція со всѣми министрами союзныхъ Дворовъ. Разсказавъ подробно весь ходъ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею, Шуазель именемъ королевскимъ просилъ министровъ донести своимъ Дворамъ, что Франція вела переговоры съ согласія своихъ союзниковъ и по общему соглашенію, т.-е. не смѣшивая особую свою войну съ войною Германскою, о прекращеніи которой предоставлено вести переговоры на Аугсбургскомъ конгрессѣ; что для достиженія съ Англіею особаго мира съ французской стороны оказана была особенная уступчивость, было пожертвовано всѣмъ, чѣмъ только можно; но Англія неумѣренными, нескладно и умышленно спутанными требованіями и отвѣтами обнаружила свое нежеланіе мира. Король поэтому принялъ намѣреніе прервать эти безплодные переговоры и повелѣлъ увѣрить всѣхъ своихъ союзниковъ, что твердо намѣренъ пребывать съ ними въ союзѣ, свято соблюдая свои обязательства.

Чернышевъ доносилъ, что неудача въ Силезіи и уходъ Бутурлина отъ Лаудона не будутъ имѣть никакого вліянія на рѣшенія Французскаго Двора,

---

[1]) Прусскія военныя дѣла.

[2]) Дѣла Австрійскія.

хотя извѣщалъ, что герцогъ Шуазель съ большимъ огорченіемъ отзывался объ этихъ событіяхъ: именно выразился, что издержки, употребленныя на переходъ арміи, не соотвѣтствуютъ ея успѣхамъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что и двѣ французскія арміи, хотя было и соединились, но ничего не сдѣлали непріятелю, и, отступя съ урономъ, принуждены были безполезно разойтись. Разговоръ заключился тѣмъ, что нынѣшняя кампанія можетъ почесться неудачною для всѣхъ сторонъ, и, чтобъ поправить дѣло, надобно принять мѣры для успѣха будущей кампаніи. На этомъ донесеніи канцлеръ сдѣлалъ любопытное замѣчаніе для императрицы: „На продолженіе нынѣшней войны и пріемлемыхъ сильныхъ мѣръ для произведенія будущей кампаніи потребно великія суммы денегъ въ наличіи имѣть, которыхъ теперь въ казнѣ совсѣмъ нѣтъ. Ежели ваше императорское величество по поданнымъ отъ конференціи и Сената докладамъ не соизволите милостивою резолюціею снабдить, я истинно не понимаю, какимъ образомъ возможно будетъ съ пользою и начало будущей кампаніи учинить“ [1]).

Изъ Лондона, весною, князь Александръ Мих. Голицынъ доносилъ, что Англійскій Дворъ искренне желаетъ прекратить Германскую войну, какъ очень убыточную, и вовсе не столько старается о своемъ отдѣльномъ мирѣ съ Франціею; поэтому въ Англіи больше всего боятся, чтобъ предложеніе союзниковъ о мирѣ не сдѣлано было только съ цѣлью выиграть время. Голицынъ описывалъ свой разговоръ съ знаменитымъ Питтомъ, который увѣрялъ его, что Англія искренно желаетъ мира, но не можетъ покинуть Прусскаго короля. „Онъ“, писалъ Голицынъ, „старался мнѣ доказывать, по своему обыкновенію, чрезъ свои хитрыя и краснорѣчивыя израженія, необходимость для Англіи пребывать нераздѣльно и усердно съ означеннымъ монархомъ. Я только въ краткихъ словахъ старался прекословить, утверждая, что когда сей высокомысленный и дерзновенный государь истощенныя свои въ настоящей войнѣ силы паки современемъ исправитъ, — не примипетъ возстановленную тишину паки возмутить, развѣ Англія постановитъ себя охранительницею противъ покушеній сего монарха. Господинъ Питтъ въ своемъ отвѣтѣ старался дать мнѣ выразумѣть, что на такія гарантіи нельзя много полагаться и что, по его мнѣнію, достаточною гарантіею можетъ служить превосходство силъ, какимъ обладаетъ Россія. Прусскій король не осмѣлится нарушить ея покой, и слѣдовательно императрица, не имѣя причины опасаться предпріятій сего монарха, котораго силы истощены войною, не имѣетъ и побужденій желать раздробленія его государства“. Питтъ говорилъ также Голицыну, что въ Англіи очень благодарны императрицѣ за то, что такое полезное и Богу пріятное дѣло мира начато и основано въ Лондонѣ черезъ русскаго министра. „Я увѣренъ“, говорилъ Питтъ, „что возстановленіе европейской тишины отчасти или даже совершенно зависитъ отъ вашей государыни; по, моему мнѣнію, заключеніе Германскаго мира подвержено великимъ затрудненіямъ, ибо трудно соглашеніе столь великихъ государей, которые должны заключить миръ не по принужденію, а единственно изъ великодушія и миролюбія; напротивъ того, отдѣльный миръ Англіи съ Франціею можетъ быть скоро заключенъ. Франція такъ истощена, что не можетъ продолжать войну съ Англіею, слѣдовательно Англія должна пользоваться этими благопріятными обстоятельствами и требовать отъ своего непріятеля очень выгоднаго мира; а державы, у которыхъ нѣтъ ни флота, ни колоній въ другихъ частяхъ свѣта, не имѣютъ причины принимать какое-либо участіе въ этой войнѣ,—она до нихъ вовсе не касается“.—„По моему мнѣнію“, отвѣчалъ Голицынъ, „европейскіе государи должны обращать на колоніи такое же вниманіе, какъ и на европейскія владѣнія по примѣру Англіи, которая хотя никакихъ владѣній въ Германіи не имѣетъ, однако безпрестанно въ ея дѣла вмѣшивается“.—„Франція“, продолжалъ Питтъ, „не должна ласкать себя надеждою, чтобъ Ганноверъ служилъ ей дорогою въ Америку или Индію“.

Что касается ближайшаго интереса Россіи, то въ Петербургѣ хотѣли воспользоваться перемѣною въ англійскомъ министерствѣ, выходомъ изъ него графа Голдернеса и вступленіемъ на его мѣсто графа Бюта, любимца новаго короля Георга III. Воронцовъ отправилъ по этому случаю такое письмо Голицыну: „Понеже опредѣленный на мѣсто графа Голдернеса новый статскій секретарь натурально желать будетъ начало министерства своего знаменитымъ сдѣлать, то вашему сіятельству весьма нужно постараться, менажируя къ себѣ дружбу и повѣренность сего въ кредитѣ находящагося министра, искусно внушать ему, что союзъ и дружба между ея императорскимъ величествомъ и королемъ, его государемъ, будучи всегда натуральны, препятствуются токмо соединеніемъ ихъ (Англичанъ) съ королемъ Прусскимъ, отъ котораго они имѣли всегда справедливое опасеніе, а нынѣ одни безплодныя иждивенія или обманчивую помощь; что ея императорское величество, пребывая въ исполненіи своихъ обязательствъ твердо и непоколебимо, весьма удалены вы присовѣтывать неравномѣрное Англійскому Двору поведеніе, но деликатности его Британскаго величества въ наблюденіи своихъ обязательствъ ни малѣйшаго предосужденія быть не можетъ, если болѣе свои собственные интересы въ уваженіе возьмутся, и когда въ справедливое сравненіе постановлены будутъ твердость и польза прежнихъ союзниковъ и натуральное оныхъ паки сближеніе противу самокорыстныхъ видовъ такого союзника, который за сильное ему вспоможеніе и усердіе всей Великобританской націи благодаренъ единственно случаю, и, обнажа предъ нею теперь прямыя свои склонности,

---

[1]) Дѣла Французскія.

тоіь бо́льшимъ будетъ ей непріятелемъ, что благоволеніемъ ея ласкать себя не можетъ. И понеже оказывается, что Франція дѣйствительно хотѣла, по поводу своей войны съ Англіею, захватить всю мирную негоціацію въ свои руки, то съ большею справедливостію здѣсь могли бы теперь желать искуснымъ образомъ дотого довести, чтобъ Франція могла съ Англіею только сноситься о партикулярномъ своемъ мирѣ, пока конгрессъ собирается или продолжается, а Англія между тѣмъ трактовала-бъ съ здѣшнимъ Дворомъ о мирѣ короля Прусскаго прелиминарно для рѣшительнаго окончанія на будущемъ конгрессѣ. Сего ради ваше сіятельство особливое стараніе возъимѣете внушеніями своими нечувствительно до того доводить".

Для начатія дѣла въ Петербургѣ англійскому посланнику Кейту вручена была записка, въ которой говорилось, что такъ какъ императрица никогда не отмѣнитъ своего намѣренія искать для себя и для своихъ высокихъ союзниковъ мира прочнаго, честнаго и удовлетворительнаго, и такъ какъ союзники ея находятся въ такихъ же сентиментахъ, то теперь отъ его Британскаго величества зависитъ содѣйствовать справедливому миру Англіи съ Франціею и склонить короля Прусскаго къ справедливому удовлетворенію обиженныхъ сторонъ. Отъ 20-го іюля Голицынъ далъ знать своему Двору о впечатлѣніи, какое эта записка произвела въ Англіи: оба министра—графъ Бютъ и герцогъ Ньюкэстль—отозвались единогласно, что имъ очень нелегко и почти невозможно склонить къ тому Прусскаго короля, а потомъ сообщилъ инструкцію Фридриха II своимъ министрамъ въ Лондонѣ, въ которой говорилось, что онъ принялъ твердое намѣреніе не уступать непріятелямъ ни пяди земли, и что онъ согласенъ помириться на одномъ условіи, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ въ 1756 году. „Такое упрямство и несправедливость этого государя", писалъ Голицынъ, „нѣсколько безпокоятъ здѣшнее министерство, которое убѣждено, что безъ какого-нибудь справедливаго вознагражденія обиженнымъ сторонамъ покоя въ Германіи ожидать нельзя. Кампанія нынѣшняго года должна означить намѣренія и здѣшняго и Прусскаго Двора относительно Германскаго мира". Противъ этихъ словъ канцлеръ Воронцовъ сдѣлалъ замѣтку: „Къ немалому сокрушенію, нынѣшняя кампанія ни съ которой стороны къ благополучному окончанію сей проклятой войны надежды не подаетъ".

Отъ 7 сентября Голицынъ донесъ о разрывѣ мирныхъ переговоровъ между Франціею и Англіею; отъ 25 сентября увѣдомилъ о выходѣ Питта изъ министерства и о разговорѣ своемъ съ графомъ Бютомъ по этому случаю: „Хотя нельзя не жалѣть", говорилъ Бютъ, „что этотъ министръ, необыкновенно даровитый и оказавшій своему королю и отечеству великія услуги, оставилъ службу при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, однако, съ другой стороны, это было неминуемо по его крайнему честолюбію и властолюбію, по привычкѣ его въ продолженіи пяти лѣтъ всѣми повелѣвать и приводить въ исполненіе свои мнѣнія безъ малѣйшаго прекословія. Я, по вступленіи своемъ въ министерство, всячески старался быть съ нимъ въ согласіи; но, наконецъ, при послѣднихъ обстоятельствахъ, я принужденъ былъ не только поразниться съ нимъ въ мнѣніяхъ, но и съ крайнею твердостію держаться своихъ мнѣній. Видя, что остальные министры съ нимъ несогласны, и насчитывая мало друзей въ парламентѣ, Питтъ заблагоразсудилъ выйти изъ министерства". Донося объ этомъ разговорѣ, Голицынъ писалъ: „Выходъ изъ министерства Питта должно приписывать одному графу Бюту: онъ съ нетерпѣніемъ и немалою завистію смотрѣлъ на властолюбіе и блестящія качества Питта, и всѣ враги послѣдняго безпрестанно раздували пламя несогласія между ними. И я, въ силу высочайшаго наставленія, даннаго мнѣ, старался съ крайнимъ усердіемъ этому же содѣйствовать, внушая графу Бюту, что пока Питтъ будетъ оставаться въ министрахъ, то вся честь и слава за счастливыя для Англіи событія будетъ принадлежать ему одному, въ предосужденіе другимъ министрамъ. Я уже съ нѣкотораго времени могъ замѣчать добрый успѣхъ моихъ внушеній, однако никогда не могъ ожидать, чтобъ перемѣна могла произойти такъ скоро. Перемѣна эта важна и полезна для общаго дѣла потому, что: во 1) преемникъ Питта, графъ Эгремонтъ, не имѣетъ нисколько достоинствъ своего предшественника; во 2) извѣстное усердіе Питта къ интересамъ короля Прусскаго и непреодолимая ненависть его къ Франціи и ко всѣмъ тѣмъ, кто при настоящихъ обстоятельствахъ ей доброхотствуетъ, въ графѣ Эгремонтѣ не замѣчаются; въ 3) надобно ожидать безъ Питта въ парламентѣ большаго сопротивленія министерству: требованія денегъ на войну и на субсидіи встрѣтятъ большія препятствія".

Въ началѣ декабря, увѣдомляя свой Дворъ о предстоящей войнѣ Англіи съ Испаніею, Голицынъ изъявлялъ „раболѣпную радость", что, благодаря этой новой войнѣ, Англія уже не будетъ обращать большого вниманія на Германскую войну, и король Прусскій не получитъ отъ нея сильной помощи [1]).

Но, кромѣ Англіи, въ Петербургѣ береглись, чтобъ ближайшія державы—Швеція, Польша, Турція и Данія—не оказали какой-нибудь помощи королю Прусскому. Графъ Остерманъ началъ годъ донесеніями о шведскомъ сеймѣ: по этимъ донесеніямъ выходило, что нельзя было опасаться выхода Швеціи изъ союза, нельзя было опасаться и возстановленія въ Швеціи самодержавія, хотя члены противной сенату партіи толковали, что въ прошедшій сеймъ власть королевская была такъ ослаблена, что сенатъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ о превращеніи монархической формы въ ари-

[1]) Дѣла Англійскія.

стократическую; но это стремленіе наноситъ Швеціи страшный вредъ, и они при нынѣшнемъ сеймѣ намѣрены противиться ему всѣми силами, и будутъ стараться ввести сенатъ въ предписанные ему предѣлы. Когда французскій посолъ объявилъ Остерману о мирныхъ предложеніяхъ, сдѣланныхъ Франціею союзникамъ, въ томъ числѣ и Швеціи, то Остерманъ обратился къ Гепкену съ вопросомъ, не сдѣлано ли при этомъ намековъ и о мирныхъ условіяхъ. Гепкенъ отвѣчалъ, что пока еще не сдѣлано, но потомъ на словахъ посекрету сообщилъ ему, что если Швеція согласится на миръ, то посолъ уполномоченъ подать другой меморіалъ, гдѣ будетъ предложено, не заблагоразсудитъ ли Швеція отказаться отъ прежде обѣщаннаго земельнаго вознагражденія и удовольствоваться уплатою всѣхъ военныхъ убытковъ. Но любопытно, что, по донесенію Остермана, въ высшихъ стокгольмскихъ кругахъ указывали именно на тѣ мирныя условія, на какихъ впослѣдствіи дѣйствительно заключенъ былъ миръ всѣми воюющими державами, т.-е. что Прусскія владѣнія останутся нетронутыми, какъ было до начала войны. Какъ будетъ принято французское предложеніе, въ какой формѣ данъ будетъ отвѣтъ на него,—это, разумѣется, зависѣло отъ отношеній между партіями, которыхъ было четыре: первая, сенатская, преданная Франціи; вторая—партія полковника Пехлина, который, отставъ отъ первой партіи, соединилъ около себя всѣхъ тѣхъ, которые получили отъ правительства какое-нибудь неудовольствіе; Пехлинъ — человѣкъ хитрый и, будучи употребленъ въ прошедшій сеймъ французскою партіею для раздачи денегъ, знаетъ всѣ бывшія тогда интриги, и это знаніе употребляетъ онъ теперь противъ французской партіи. Третья, старая русская партія, извѣстная подъ именемъ Ночныхъ Колпаковъ. Четвертая—преданная Двору. Три послѣднія партіи на сеймѣ составляли одну, потому что всѣ одинаково дѣйствовали противъ сената и въ своемъ соединеніи представляли большинство, хотя во всемъ остальномъ онѣ между собою совершенно несогласны. Въ шведскомъ отвѣтѣ на французскую декларацію говорилось, что Швеція очень рада вступить въ мирные переговоры; король желаетъ скораго мира, если онъ можетъ его заключить согласно своему достоинству и вѣрности, съ какою постоянно сохраняетъ свои обязательства къ союзникамъ.

Между тѣмъ сенаторъ Гепкенъ, вслѣдствіе сильнаго неудовольствія противъ него на сеймѣ, долженъ былъ отказаться отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, что было очень непріятно Остерману, который надѣялся чрезъ него узнавать многое, тогда какъ преемникъ его, графъ Экеблаттъ, былъ въ полной зависимости отъ французскаго посла. Свой Дворъ Остерманъ опять долженъ былъ успокаивать относительно слуховъ о возстановленіи самодержавія въ Швеціи: эти слухи пришли въ Петербургъ отъ Корфа изъ Копенгагена. Остерманъ писалъ, что это дѣло—невѣроятное, и прежде всего—потому, что король не пользуется народною любовью, а королева, по ея нраву, еще менѣе, и всѣмъ извѣстно, что король во всемъ слушается королевы. Слухъ пущенъ нарочно французскимъ посломъ въ Стокгольмѣ, Даврэнкуромъ, и датскимъ—Шакомъ, которые вмѣстѣ употребляютъ всѣ средства, чтобъ спасти своихъ друзей, членовъ сенатской партіи, и распространили вѣсти, что придворная партія затѣваетъ что-то противъ шведской вольности.

Когда въ Стокгольмъ былъ доставленъ русскій отвѣтъ на французскую декларацію о мирѣ, то король поручилъ своему министру въ Петербургѣ, барону Поссе, обнадежить Русское правительство, что Швеція относительно мира не будетъ ничего дѣлать безъ общаго согласія и не оставитъ требовать совѣта императрицы; но Остерманъ далъ знать своему Двору, что въ будущую кампанію нельзя ожидать отъ Швеціи сильныхъ дѣйствій по недостатку денегъ, по неисправности платежа французскихъ субсидій, по явному неудовольствію народа — зачѣмъ начата была война, по сильному желанію прекратить убыточную войну, до начала которой армія состояла изъ 32,000 человѣкъ, а теперь въ Помераніи и съ больными было не болѣе 18,000; хотя наборъ рекрутъ и былъ рѣшенъ, и они собраны, но безъ денегъ нельзя было ихъ обмундировать и перевести въ Померанію.

Въ концѣ іюля Остерманъ сообщилъ объ усиленіи французской партіи, которой еще прежде удалось деньгами склонить Пехлина на свою сторону. Но дворянское собраніе выключило Пехлина изъ своей среды, несмотря на всѣ усилія и денежныя раздачи французской партіи. Споры о Пехлинѣ едва не повели къ дракѣ. Донося объ этомъ, Остерманъ писалъ: „Я, съ своей стороны, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, въ разговорахъ своихъ, не вступая въ ихъ распри, стараюсь имъ внушать тишину и доброе согласіе". На это Воронцовъ замѣчаетъ: „Чтобъ и впредь въ подобныхъ внутреннихъ Шведскихъ дѣлахъ разумную осторожность имѣлъ и отнюдь ни въ чемъ не мѣшался". Несмотря на то, Остерманъ предложилъ своему Двору пенсіею и обѣщаніемъ защиты привлечь на свою сторону сенатора Гепкена, какъ человѣка очень вліятельнаго по своему уму.

Отъ 21-го декабря Остерманъ увѣдомилъ, что Экеблаттъ объявилъ ему именемъ королевскимъ, что война становится для Швеціи страшно тяжка, и король желаетъ усугубить всѣ способы къ возобновленію общихъ мирныхъ переговоровъ. Къ этому Остерманъ прибавлялъ, что Шведскій народъ до такой степени наскучилъ войною, что Россія по крайней мѣрѣ письменными деклараціями не должна подавать вида, что хочетъ принудить Швецію къ продолженію войны, ибо въ противномъ случаѣ Франція всю ненависть Шведовъ обратитъ на Россію [1]).

[1]) Дѣла Шведскія.

Въ Польшѣ, русскій посланникъ Воейковъ попрежнему старался помѣшать сношеніямъ Пруссіи съ Турціею; въ январѣ онъ писалъ, что опять домогался у графа Брюля, нельзя ли какимъ-нибудь тайнымъ образомъ схватить прусскаго курьера; Брюль попрежнему обнадеживалъ, что употребляются для этого всевозможнѣйшіе способы, а зять его, графъ Мнишекъ, говорилъ: „Мы имѣемъ достовѣрныя извѣстія, что прусскіе курьеры, переодѣтые то въ польское, то въ волошское платье, препровождаются стараніями кастеляна Краковскаго, графа Понятовскаго, и воеводы Русскаго, князя Чарторыйскаго, чрезъ ихъ имѣнія, которыя доходятъ до самыхъ молдавскихъ границъ". Воейковъ заявилъ Брюлю, что у него 1,000 червонныхъ, назначенныхъ на перехватъ прусскихъ курьеровъ; но Брюль отвѣчалъ, что деньгами трудно что-нибудь сдѣлать, потому что преданные Прусскому королю вельможи посылаютъ провожать курьеровъ большіе отряды войска: не лучше ли для этого употребить русскіе отряды подъ предводительствомъ искуснаго офицера, который бы явился въ Польшу подъ предлогомъ закупки провіанта для арміи. Но этотъ способъ съ русской стороны признанъ еще болѣе труднымъ.

Относительно собственно Польскихъ дѣлъ, Воейковъ донесъ о любопытномъ разговорѣ своемъ съ епископомъ Краковскимъ Солтыкомъ. Епископъ объявилъ ему, что уѣзжаетъ изъ Варшавы и долго не возвратится, благодаря французскому послу, маркизу де-Поми, который мѣшается во всѣ дѣла и производитъ сильную смуту; графъ Брюль сначала противился ему, а потомъ ловкій Французъ, съ помощью дочери Брюля, графини Мнишекъ, успѣлъ совершенно овладѣть Брюлемъ, такъ-что тотъ началъ во всемъ его слушаться, несмотря на предостереженія зятя своего, Мнишка, и его, бискупа. Это, говорилъ Солтыкъ, очень вредно для республики на будущее время, въ виду старости короля. Французы хотятъ усилить свою партію, чтобъ доставить корону принцу Ксаверію, второму сыну короля Августа, вполнѣ преданному Франціи; графъ Брюль поддерживаетъ принца Ксаверія, потому что старшій сынъ короля, наслѣдный принцъ Саксонскій, къ нему нерасположенъ. Графъ Мнишекъ, въ дружескомъ разговорѣ съ Воейковымъ, также высказалъ свое неудовольствіе противъ французскаго посла, который успѣлъ обмануть и тестя его, графа Брюля. Воейковъ при этомъ давалъ знать своему Двору, что французскій посолъ ѣздилъ въ Пулавы, имѣніе князя Чарторыйскаго, для свиданія съ послѣднимъ; туда же ѣздилъ и датскій посланникъ Остенъ [1]).

Безпокойство Русскаго Двора относительно прусскихъ курьеровъ объясняется извѣстіемъ Обрѣзкова изъ Константинополя, что 20-го марта заключенъ дружественный и торговый договоръ между Пруссіею и Портою. Несмотря на характеръ договора, онъ произвелъ въ Петербургѣ очень непріятное впечатлѣніе, потому что могъ ободрить подданныхъ Прусскаго короля, сдѣлать его требовательнѣе при мирныхъ переговорахъ и давалъ ему возможность держать въ Константинополѣ открыто своего министра. Обрѣзковъ совѣтовалъ своему Двору остаться совершенно равнодушнымъ къ этому дѣлу, ибо если будутъ съ русской стороны сдѣланы какія-нибудь представленія, то Порта можетъ дать на нихъ суровый отвѣтъ, что поведетъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между двумя государствами. Совершенное молчаніе будетъ болѣе соотвѣтствовать достоинству и могуществу Русской имперіи, чѣмъ какія-нибудь представленія, изъ которыхъ Порта заключитъ, что договоръ ея съ Пруссіею имѣетъ важное значеніе въ глазахъ императрицы, и это умножитъ только ея азіатскую гордость и величанье. Совѣтъ былъ принятъ, и послѣдствія показали его пользу [2]).

Угроза войною пришла не съ юга, а съ сѣвера, и оттуда, откуда менѣе всего ея ожидали. 11-го іюля, въ 9 часовъ утра пріѣхалъ къ канцлеру датскій чрезвычайный посланникъ, графъ Гакстгаузенъ, и объявилъ, что ему велѣно отъ короля сдѣлать Русскому Двору словесное и дружественное внушеніе, что такъ какъ его Датское величество съ сожалѣніемъ принужденъ видѣть, какъ мало великій князь Всероссійскій и герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій оказываетъ склонности къ полюбовной сдѣлкѣ въ своихъ распряхъ съ короною Датскою и продолжаетъ пребывать въ прежнемъ своемъ недоброжелательствѣ къ Даніи, отъ котораго послѣдняя, въ разсужденіи будущаго времени, не можетъ никогда быть въ безопасности:—то его величество, по необходимой нуждѣ, въ послѣдній разъ требуетъ скораго и категорическаго на представленія свои отвѣта, поручивши, въ противномъ случаѣ, посланнику своему объявить формально, что его Датское величество будетъ уже почитать великаго князя явнымъ себѣ непріятелемъ, и потому станетъ принимать мѣры свои какъ противъ его высочества, такъ и Россійской имперіи. Канцлеръ отвѣчалъ, что угрозы употреблены совершенно некстати, и Русскій Дворъ ихъ не испугается.

Дѣйствительно, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ получила такой рескриптъ: „Ошибается Датскій Дворъ, если отъ своихъ угрозъ ожидаетъ желаемаго дѣйствія. Ошибается не потому, чтобъ мы почитали эти угрозы одними пустыми словами,—вовсе нѣтъ!—мы предполагаемъ болѣе того, на что, быть-можетъ, сама Данія отважится: мы уже воображаемъ себѣ, что она вступила съ непріятелями нашими въ тѣсный союзъ, отважилась, наконецъ, испытать свои силы, которыми столько лѣтъ парадировала и которыми друзей и сосѣдей своихъ то манила, то тревожила. Мы не презираемъ ея силъ: но чѣмъ важнѣе опасность и существен-

[1]) Дѣла Польскія.

[2]) Дѣла Турецкія.

нѣе,—тѣмъ больше мы поставимъ себѣ въ славу и тѣмъ больше найдемъ способовъ защищать утѣсненную невинность и честь и значеніе нашей имперіи. Но такъ какъ много уже пожертвовано нами для утвержденія спокойствія на Сѣверѣ, то и теперь не хотимъ удовольствоваться тѣми стараніями, которыя употреблены были нами до сихъ поръ для сохраненія дружбы съ Датскимъ Дворомъ, а слѣдовательно и тишины на Сѣверѣ. Мы хотимъ съ нашей стороны сдѣлать все, что можетъ или отвратить разрывъ съ Даніею, или неоспоримо доказать всему свѣту, что не отъ насъ зависѣло предупредить бѣдствія тамъ, гдѣ страсть превозмогаетъ надъ справедливостью и самымъ здравымъ разсудкомъ. Поэтому мы присовѣтовали его высочеству великому князю благополучіе Земель его предпочесть справедливому негодованію, и не только не прерывать переговоровъ съ Датскимъ Дворомъ, но по возможности и облегчать ихъ. И сами намѣрены мы, употребляя наше посредничество, прилагать все стараніе, чтобъ согласить толь различные интересы и справедливымъ удовлетвореніемъ обѣихъ сторонъ недовѣрки и подозрѣнія превратить въ доброе согласіе. Поэтому мы ласкаемъ еще себя надеждою, что дѣло не дойдетъ ни до какой печальной крайности. Однако, чтобъ не усыпить себя надеждою, повелѣваемъ нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ нашему министру въ Копенгагенѣ, Корфу, предписать, чтобъ онъ содержаніе этого рескрипта сообщилъ тамошнему Двору прочтеніемъ какъ бы экстракта изъ депеши, прибавивъ, что хотя выраженія рескрипта не очень ласкательны, но въ точности изъясняютъ прямыя наши намѣренія, да притомъ и самъ Датскій Дворъ употребилъ не великую умѣренность въ выраженіяхъ; далѣе прибавилъ бы, что если Датскій Дворъ начнетъ какимъ-нибудь образомъ приводить въ дѣйствіе свои угрозы, или нарушитъ настоящій свой нейтралитетъ и дастъ малѣйшую помощь нашимъ непріятелямъ, то онъ, Корфъ, имѣетъ въ запасѣ указъ тотчасъ оставить тамошній Дворъ; пусть онъ немедленно ѣдетъ въ Гамбургъ и тамъ ожидаетъ дальнѣйшаго нашего указа. Это мы предписываемъ въ томъ чаяніи, что Данія уже приняла свои мѣры, и потому съ какою бы твердостью ей говорено ни было, ничего этимъ испортить уже нельзя. Но такъ какъ можетъ случиться и противное нашему чаянію, а именно, что Датскій Дворъ жалѣетъ уже о сдѣланныхъ имъ угрозахъ, или, вслѣдствіе какого-нибудь счастливаго для союзниковъ событія, пришелъ на другія мысли, то на такой случай надлежитъ Корфу предписать, чтобъ онъ не читалъ Датскому Двору этого указа, но объявилъ бы, что такъ какъ съ нашей стороны не подано Датскому королю ни малѣйшаго повода къ жалобамъ, и не видимъ мы, по какому праву могъ бы Датскій король признавать великаго князя явнымъ себѣ непріятелемъ,—развѣ потому только, что великій князь неохотно уступилъ бы такую Землю, которая принадлежитъ ему по всѣмъ правамъ,—то и не могли мы увѣриться, чтобъ данные графу Гакстгаузену указы были точно таковы, какъ онъ ихъ предъявилъ, почему и не хотѣли подробно отвѣчать на нихъ".

Датскій Дворъ изъявилъ умѣренность и сталъ только хлопотать о томъ, чтобъ союзники Россіи взяли на свою медіацію полюбовное рѣшеніе Голштинскаго дѣла. Но союзники естественно стояли за Россію и не хотѣли усложнять свои отношенія Голштинскимъ вопросомъ: сама Англія объявила, что не приметъ участія въ этомъ вопросѣ [1]).

Выстрѣлъ былъ сдѣланъ понапрасну, потому что Россія не испугалась, а исполнить угрозу—на это Датскій Дворъ не могъ рѣшиться въ то время, когда единственный государь, могшій поддержать Данію, Фридрихъ II, находился въ отчаянномъ положеніи, покидаемый единственною союзницею своею, Англіею. Надежды, которыя князь Голицынъ соединялъ съ выходомъ Питта изъ министерства, исполнялись: Бютъ дѣйствовалъ явно противъ прусскихъ интересовъ. Послѣ Кунерсдорфа Фридрихъ II уже не могъ поправиться. Онъ долженъ былъ перемѣнить наступательную войну на оборонительную, но и для этой недоставало болѣе средствъ; страна была запустошена, войско потеряло духъ, лучшіе офицеры были побиты или взяты въ плѣнъ; Фридрихъ самъ говорилъ, что войско его уже не то, какимъ было въ началѣ войны,—годится только для того, чтобъ пугать имъ издали непріятеля; Фридрихъ видѣлъ ясно, что враги его, хотя медленно, но достигаютъ своей цѣли; что борьба для него становится невозможною; но какъ прекратить ее:—миромъ, какого требуютъ они, честнымъ для нихъ и позорнымъ для него; согласиться на раздробленіе того, что было собрано, сплочено съ такими усиліями; потерять Силезію, Померанію, саму Пруссію, ту область, по которой онъ былъ королемъ; изъ Прусскаго короля стать опять только Бранденбургскимъ курфюрстомъ?—съ этою мыслію, разумѣется, Фридрихъ не могъ помириться, и другая мысль о томъ, чтобъ уйти отъ позора насильственною смертью, все глубже и глубже западала въ его голову [2]).

Положеніе Фридриха становилось тѣмъ опаснѣе, что на будущій годъ нельзя было разсчитывать на медленность движеній русской арміи и безтолковость дѣйствій послѣдняго главнокомандующаго, Бутурлина. Это былъ четвертый главнокомандующій въ пять лѣтъ войны, и всѣ четверо отличались однимъ характеромъ и одинакимъ способомъ дѣйствій. Всѣ четверо достигли важныхъ военныхъ чиновъ *по линіи*; всѣ четверо не имѣли способности главнокомандующаго; они шли медленно на помочахъ конференціи, двигались въ указанномъ направленіи; встрѣтятъ непріятеля, выдержатъ его натискъ, отобьются, а иногда, послѣ сраженія,

[1]) Протоколы конференцій.
[2]) Раумеръ II, 472—489.

увидятъ, что одержали великую побѣду, въ пухъ разбили врага; но это нисколько не измѣнитъ ихъ взгляда на свои обязанности, нисколько не измѣнитъ ихъ способа дѣйствій, не дастъ имъ способности къ почину: они не сдѣлаютъ ни шагу, чтобъ воспользоваться побѣдою, окончательно добить непріятеля—попрежнему ждутъ указа съ подробнымъ планомъ дѣйствій. А тутъ еще сильное искушеніе — Австрійцы съ какимъ-нибудь Дауномъ - кунктаторомъ! Мы бились и разбили непріятеля, а что же Австрійцы?—пусть теперь они бьются, пусть и добьютъ непріятеля: мы имъ не будемъ завидовать, намъ надобно отдохнуть, позаботиться о главномъ,—о сохраненіи побѣдоносной арміи ея император. величества, о сохраненіи пріобрѣтенной ея оружіемъ славы; и какъ только придетъ обычное извѣстіе, что грозитъ недостатокъ провіанта и фуража, то и начинается движеніе назадъ, къ завѣтнымъ берегамъ Вислы, къ магазинамъ. Вотъ почему историкъ, внимательно изучившій весь ходъ Прусской войны, не станетъ повторять слуха, пущеннаго изъ французскаго посольства въ Петербургѣ, что Апраксинъ отступилъ къ границамъ послѣ побѣды потому, что получилъ отъ Бестужева извѣстіе о болѣзни императрицы: а всѣ преемники его по какимъ письмамъ дѣлали то же самое? Тутъ не было и тѣни военнаго искусства, военныхъ способностей и соображеній; война производилась первобытнымъ способомъ: войско входило въ непріятельскую землю, дралось съ встрѣтившимся непріятелемъ и осенью уходило назадъ. Въ Петербургѣ, въ конференціи, хорошо понимали это и писали: „Прямое искусство генерала состоитъ въ принятіи такихъ мѣръ, которымъ бы ни время, ни обстоятельства, ни движенія непріятельскія препятствовать не могли". Но этому искусству ни Апраксину, ни Фермору, ни Салтыкову, ни Бутурлину нельзя было выучиться изъ присылаемыхъ къ нимъ рескриптовъ.

Но въ Петербургѣ еще оставались преданія Петра Великаго, помнился взглядъ его на войну, какъ на живую практическую школу, въ которой всего лучше развиваются военные таланты; въ Петербургѣ сравнивали настоящую войну противъ искуснѣйшаго полководца времени съ войною противъ Карла XII; ждали тѣхъ же результатовъ— и не обманулись: изъ школы начали выходить хорошіе ученики. Въ самомъ началѣ войны, иностранецъ, опорочившій всѣхъ русскихъ генераловъ, съ уваженіемъ остановился предъ молодымъ графомъ Румянцевымъ, какъ человѣкомъ, употребившимъ много труда, чтобъ сдѣлать себя способнымъ къ службѣ, пріобрѣтшимъ обширныя теоретическія познанія. Къ этимъ теоретическимъ познаніямъ пятилѣтняя война прибавила еще практику; Румянцевъ выдается изъ ряду генераловъ, и ему поручаютъ поправить кампанію 1761 года, взять Кольбергъ, подъ которымъ уже два раза русское войско терпѣло неудачу. Иностранецъ находилъ въ Румянцевѣ одинъ недостатокъ — горячность; но старшіе русскіе генералы отличались до сихъ поръ такою холодностью, что противоположное качество могло быть почтено необходимымъ противуядіемъ. Фридрихъ II употребилъ всѣ усилія, чтобъ отстоять Кольбергъ; но 1 декабря Румянцевъ окончательно отбилъ герцога Евгенія Виртембергскаго, который старался доставить въ Кольбергъ съѣстные припасы, послѣ чего крѣпость принуждена была сдаться.

Посылая въ Петербургъ ключи Кольберга, Румянцевъ писалъ императрицѣ: „Благополучіе мое тѣмъ паче велико, что по времени считаю я сіе первое приношеніе сдѣлать къ торжественному дню рожденія вашего императорскаго величества, теплыя возсылая молитвы ко Всевышнему о цѣлости неоцѣненнаго вашего здравія, о долголѣтнемъ государствованіи и ежевременномъ приращеніи славы державѣ вашего императорскаго величества, толиками побѣдами увѣнчанной". Это донесеніе Румянцева о послѣднемъ дѣйствіи русскаго войска въ Семилѣтнюю войну было обнародовано 25 декабря, въ послѣдній день жизни Елисаветы.

Въ началѣ года уже встрѣчаемъ извѣстіе о болѣзненномъ состояніи императрицы, которая слушала доклады, лежа на постели [1]). Елисаветѣ очень хотѣлось пожить въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, и 19 іюня генералъ-прокуроръ, по ея указу, предложилъ Сенату употребить стараніе, чтобъ въ новостроящемся Зимнемъ домѣ хотя-бъ ту часть, въ которой ея императорское величество собственный апартаментъ имѣетъ, какъ наискорѣе отдѣлать; но апартаментъ не отдѣлывался, и для окончательной отдѣлки всего Зимняго дома Растрелли запросилъ 380,000 рублей, и на первый разъ 100,000 [2]). Между тѣмъ пошли большія непріятности. 29 іюня огонь истребилъ по Малой Невѣ въ пяти корпусахъ 83 амбара съ пенькою и льномъ, да на рѣкѣ много барокъ; купцы потерпѣли убытка слишкомъ на милліонъ рублей. Императрица велѣла Сенату придумать поскорѣе средство,—какъ помочь погорѣвшимъ. Обратились къ купеческому банку; въ немъ было денегъ только 729,539 рублей, и Сенатъ рѣшилъ употребить на помощь погорѣльцамъ 280,000 рублей; распредѣленіе ссуды возложено на коммисію о коммерціи [3]).

Сильно безпокоило стараніе Франціи о мирѣ и перемиріи; когда опасность исчезла съ этой стороны, стали приходить извѣстія о печальномъ ходѣ кампаніи, на которую возлагалось столько надеждъ. Нужно было готовиться къ новой кампаніи при крайне затруднительномъ положеніи финансовъ. Бутурлинъ оказывался совершенно неспособнымъ къ командованію войскомъ, генералъ-прокуроръ князь Шаховской просился въ отставку, выставляя

---

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 156. Для опредѣленія времени ср. нашъ разсказъ о переговорахъ съ Брейтелемъ относительно перемирія.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 19 іюня, 13 августа.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 3 и 31 іюля.

что изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ; графъ Мих. Ларіонов. Воронцовъ, великій канцлеръ съ конца 1758 года, нашелъ Бестужеское наслѣдство не по силамъ своимъ,—онъ постоянно жаловался на болѣзнь, просился въ отставку или требовалъ къ себѣ въ помощники князя Александра Мих. Голицына, бывшаго посланникомъ въ Лондонѣ, т.-е. требовалъ сведенія искуснаго дипломата съ самаго важнаго поста; графъ Петръ Ив. Шуваловъ былъ почти постоянно и опасно боленъ.

17-го ноября Елисавета почувствовала лихорадочные припадки, но, по принятіи лѣкарства, совершенно оправилась и занялась дѣлами. 3-го декабря вошелъ въ Сенатъ кабинетъ-секретарь Олсуфьевъ и объявилъ высочайшія повелѣнія: императрица приказала объявить Сенату свой гнѣвъ за то, что въ дѣлахъ и въ исполненіи именныхъ указовъ происходятъ излишніе споры и въ рѣшеніяхъ медленность, значитъ—или не хотятъ, или не умѣютъ рѣшить дѣлъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послѣдовала конфирмація объ отправленіи бригадира Суворова для управленія Нерчинскими заводами, и онъ до сихъ поръ еще не отправленъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, баронъ Лефортъ, безвыходно находится въ Сенатѣ и не слышитъ рѣшенія по своему дѣлу, тогда какъ приличнѣе было бы доносчика на него, Рубановскаго, арестовать: рѣшить дѣло немедленно, безъ всякаго отлагательства, чтобъ не было стыдно предъ иностранцами и государственный кредитъ не былъ поврежденъ. Императрица давно уже приказала опредѣлить при Петербургскомъ портѣ въ браковщики пеньки и льну купца Герасимова, но это приказаніе до сихъ поръ не исполнено. Разныя, присланныя въ Сенатъ изъ Кабинета челобитныя остаются безъ рѣшенія. Ея императорскому величеству извѣстно, что изъ сенаторовъ въ присутствіе не всѣ ѣздятъ, одни рѣдко, а другіе почти никогда, отчего въ дѣлахъ остановка: если кто ѣздить не будетъ,—доносить императрицѣ. О вспоможеніи погорѣвшимъ въ послѣдній большой пожаръ (29-го іюня) повелѣніе ея императорскаго величества было, но до сихъ поръ ничего не сдѣлано [1]).

12-го декабря Елисаветѣ стало опять дурно: началась жестокая рвота съ кровью и кашлемъ; медики—Монсей, Шилингъ и Крузъ—рѣшили отворить кровь, и очень испугались, замѣтивъ сильно воспаленное ея состояніе. Несмотря на то, чрезъ нѣсколько дней императрица, казалось, оправилась. 17-го декабря Олсуфьевъ опять вошелъ въ Сенатъ и объявилъ именной указъ: содержащихся во всемъ государствѣ и приличившихся по корчемству людей освободить, слѣдствія уничтожить, сосланныхъ возвратить, Сенату съ прилежаніемъ и немедленно изыскать способъ, какъ бы замѣнить соляной доходъ, потому что онъ собирается съ великимъ разореніемъ народнымъ и опредѣленные къ тому люди не поступаютъ прямо по должности своей [2]).

20-го декабря Елисавета чувствовала себя особенно хорошо; но на третій день, 22-го числа, въ 10 часовъ вечера, началась опять жестокая рвота съ кровью и кашлемъ; медики замѣтили и другіе признаки, по которымъ сочли своимъ долгомъ объявить, что здоровье императрицы въ опасности. Выслушавъ это объявленіе, Елисавета, 23-го числа, исповѣдывалась и пріобщилась, 24-го—соборовалась. Болѣзнь такъ усилилась, что вечеромъ Елисавета заставляла дважды читать отходныя молитвы, повторяя сама ихъ за духовникомъ. Агонія продолжалась ночь и бо́льшую половину слѣдующаго дня. Великій князь и великая княгиня находились постоянно при постели умирающей. Въ четвертомъ часу пополудни отворились двери изъ спальни въ пріемную, гдѣ собрались высшіе сановники и придворные: всѣ знали, что̀ это значило. Вышелъ старшій сенаторъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, и объявилъ, что императрица Елисавета Петровна скончалась и государствуетъ его величество императоръ Петръ III; отвѣтомъ были рыданія и стоны на весь дворецъ. Новый императоръ отправился на свою половину; императрица Екатерина Алексѣевна осталась при тѣлѣ покойной императрицы [3]).

При отсутствіи внимательнаго изученія Русской исторіи XVIII вѣка обыкновенно повторяли, что время, протекшее отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II, есть время печальное, недостойное изученія,—время, въ которомъ на первомъ планѣ видѣли интриги, дворцовые перевороты, господство иноземцевъ. Но при успѣхахъ исторической науки вообще и при болѣе внимательномъ изученіи Русской исторіи подобные взгляды повторяться болѣе не могутъ. Мы знаемъ, что въ древней нашей исторіи не Іоаннъ III былъ творцомъ величія Россіи, но что это величіе было приготовлено до него въ печальное время княжескихъ усобицъ и борьбы съ Татарами; мы знаемъ, что Петръ Великій не приводилъ Россіи изъ небытія въ бытіе; что такъ называемое преобразованіе было естественнымъ и необходимымъ явленіемъ народнаго роста, народнаго развитія, и великое значеніе Петра состоитъ въ томъ, что онъ силою своего генія помогъ своему народу совершить тяжелый переходъ, сопряженный со всякаго рода опасностями. Наука не позволяетъ намъ также сдѣлать скачекъ отъ времени Петра Великаго ко времени Екатерины II-й: она заставляетъ насъ съ особеннымъ любопытствомъ углубиться въ изученіе посредствующей эпохи,—посмотрѣть, какъ Россія продолжала жить новою жизнью послѣ Петра Великаго; какъ разбиралась она въ матеріалѣ пре-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 3 декабря.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 17 декабря.

[3]) Прибавленіе къ «Петербургск. Вѣдомостямъ» 28 декабря 1761 года, Антидотъ (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. IV, стр. 312).

образованія безъ помощи геніальнаго императора; какъ нашлась въ своемъ новомъ положеніи, при его свѣтлыхъ и темныхъ сторонахъ, ибо въ жизни человѣка и въ жизни народовъ нѣтъ возраста, въ которомъ бы не было и тѣхъ и другихъ сторонъ.

На Западѣ, гдѣ многіе безпокоились при видѣ новой могущественной державы, внезапно явившейся на Востокѣ Европы, утѣшали себя тѣмъ, что это явленіе преходящее, что оно обязано своимъ существованіемъ волѣ одного сильнаго человѣка и кончится вмѣстѣ съ его жизнью. Ожиданія не оправдались именно потому, что новая жизнь Русскаго народа не была созданіемъ одного человѣка. Поворота назадъ быть не могло, ибо ни отдѣльный человѣкъ, ни цѣлый народъ не возвращается изъ юношескаго возраста къ дѣтству, и изъ зрѣлаго возраста—къ юношеству; но могли и должны были быть частныя отступленія отъ преобразовательнаго плана вслѣдствіе отсутствія одной сильной воли, вслѣдствіе слабости государей и своекорыстныхъ стремленій отдѣльныхъ сильныхъ лицъ. Такъ, нѣкоторое противодѣйствіе Петровскимъ началамъ обнаружилось въ усиленіи личнаго управленія въ областяхъ, въ надстройкѣ лишняго этажа надъ Сенатомъ, то подъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, то подъ именемъ Кабинета. Но болѣе печальныя слѣдствія имѣло отступленіе отъ мысли Петра Великаго относительно иностранцевъ. Самая сильная опасность при переходѣ Русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, изъ возраста чувства въ возрастъ мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой въ жизнь общественную народовъ,—главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ поэтому надобно было учиться. Въ этомъ-то ученическомъ положеніи относительно чужихъ живыхъ народовъ и заключалась опасность для силы и самостоятельности Русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика съ свободою, самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія? Примѣромъ служили крайности подчиненія западныхъ европейскихъ народовъ своимъ учителямъ—Грекамъ и Римлянамъ, когда они въ эпоху Возрожденія совершали такой же переходъ, какой Русскіе совершили въ эпоху преобразованія, съ тѣмъ различіемъ, что опасность подчиненія уменьшилась для западныхъ народовъ тѣмъ, что они подчинялись народамъ мертвымъ, тогда какъ Русскій народъ долженъ былъ учиться у живыхъ людей. Тутъ-то Петръ и оказалъ великую помощь своему народу, сокращая сроки ученія, заставляя немедленно проходить практическую школу, не оставляя долго Русскихъ людей въ страдательномъ положеніи учениковъ, употребляя неимовѣрныя усилія, чтобъ относительно внѣшнихъ, по крайней мѣрѣ, средствъ не только уравнять свой народъ съ образованными сосѣдями, но и дать ему превосходство надъ ними, что̀ и было сдѣлано устройствомъ войска и флота, блестящими побѣдами и важными пріобрѣтеніями, ибо это вдругъ дало Русскому народу почетное мѣсто въ Европѣ, подняло его духъ, избавило отъ вреднаго приниженія при видѣ опередившихъ въ цивилизаціи народовъ. Петръ держался постоянно правила: поручать Русскимъ высшія мѣста военнаго и гражданскаго управленія, и только второстепенныя могли быть заняты иностранцами. Отъ этого-то важнаго правила уклонились по смерти Петра: птенцы его завели усобицы, начали вытѣснять другъ друга, ряды ихъ разрѣдѣли, а этимъ воспользовались иностранцы и пробрались до высшихъ мѣстъ; несчастная попытка 1730 года нанесла тяжкій ударъ русскимъ фамиліямъ, стоявшимъ на-верху, и царствованіе Анны является временемъ Бироновщины. Какъ бы ни старались въ отдѣльныхъ частныхъ чертахъ уменьшать бѣдствія этого времени, оно навсегда останется самымъ темнымъ временемъ въ нашей исторіи XVIII вѣка, ибо дѣло шло не о частныхъ бѣдствіяхъ, не о матеріальныхъ лишеніяхъ: народный духъ страдалъ, чувствовалась измѣна основному, жизненному правилу Великаго Преобразователя, чувствовалась самая темная сторона новой жизни, чувствовалось иго съ Запада, болѣе тяжкое, чѣмъ прежнее иго съ Востока, иго татарское. Полтавскій побѣдитель былъ приниженъ, рабствовалъ Бирону, который говорилъ: „Вы Русскіе" [1])...

Отъ этого ига избавила Россію дочь Петра Великаго. Россія *пришла въ себя*. На высшихъ мѣстахъ управленія снова явились Русскіе люди, и когда на мѣсто второстепенное назначали иностранца, то Елисавета спрашивала: „Развѣ нѣтъ Русскаго?—иностранца можно назначить только тогда, когда нѣтъ способнаго Русскаго". Народная дѣятельность распеленывается уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ; банки являются на помощь землевладѣльцу и купцу; на Востокѣ начинается сильная разработка рудныхъ богатствъ; торговля съ Среднею Азіею принимаетъ обширные размѣры; южныя степи получаютъ населеніе изъ-за границы, населеніе однородное съ главнымъ населеніемъ, поэтому легко съ нимъ сливающееся, а не чуждое, которое не переваривается въ народномъ тѣлѣ; учреждается генеральное межеваніе; вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи приготовленъ къ рѣшенію въ тѣсной связи съ благотворительными учрежденіями; народъ, пришедшій въ себя, начинаетъ говорить отъ себя и про себя, и является литература, является языкъ, достойный говорящаго о себѣ народа; являются писатели, которые остаются жить въ памяти и мысли потомства; является народный театръ, журналъ, въ старой Москвѣ основывается университетъ. Человѣкъ, гибнувшій прежде подъ топоромъ палача, становится полезнымъ работникомъ въ странѣ, которая,

[1]) „Вы, Русскіе, часто такъ смѣло и въ самыхъ винахъ себя защищать дерзаете",—сказалъ онъ молодому князю Шаховскому, защищавшему своего дядю отъ обвиненій Миниха.—Записки кн. Шаховского, стр. 6.

болѣе чѣмъ какая-либо другая, нуждалась въ рабочей силѣ; пытка заботливо отстраняется при первой возможности, и, такимъ образомъ, на практикѣ приготовляется ея уничтоженіе; для будущаго времени приготовляется новое поколѣніе, воспитанное уже въ другихъ правилахъ и привычкахъ, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ прежнія царствованія,—воспитывается, приготовляется цѣлый рядъ дѣятелей, которые сдѣлаютъ знаменитымъ царствованіе Екатерины II.

Но, говоря о значеніи царствованія Елисаветы, мы не должны забывать характеръ самой Елисаветы. Веселая, беззаботная, страстная къ утѣхамъ жизни въ ранней молодости, Елисавета должна была пройти черезъ тяжкую школу испытаній—и прошла ее съ пользою. Крайняя осторожность, сдержанность, вниманіе, умѣнье проходить между толкающими другъ друга людьми, не толкая ихъ,— эти качества, пріобрѣтенныя Елисаветою въ царствованіе Анны, когда безопасность и свобода ея постоянно висѣли на волоскѣ, эти качества Елисавета принесла и на престолъ, не потерявъ добродушія, снисходительности, такъ-называемыхъ патріархальныхъ привычекъ, любви къ искренности, простотѣ отношеній. Наслѣдовавъ отъ отца умѣнье выбирать и сохранять способныхъ людей, она призвала къ дѣятельности новое поколѣніе Русскихъ людей, знаменитыхъ при ней и послѣ нея, и умѣла примирять ихъ дѣятельность, держать въ приближеніи Петра Шувалова и въ то же время возвышать Шаховского. При этомъ, разумѣется, большую службу служила ей осторожность, заставлявшая ее не вдругъ рѣшать дѣла по внушенію того или другого лица, но выслушивать и другихъ, соображать ихъ мнѣнія, думать и долго думать. „Я долго думаю“, говорила Елисавета; „но если разъ на что-нибудь рѣшилась, то не оставлю дѣла, не доведши его до конца“. Эта-то медленность и явилась главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ Елисаветы. Но спрашивается: кто обвинитель?

Долгое время мы были въ самомъ печальномъ положеніи относительно нашей исторіи XVIII вѣка. Благодаря обширнымъ историческимъ трудамъ, обнимавшимъ исключительно древнюю Русскую исторію, мы могли знать подробности о великомъ князѣ Изяславѣ Мстиславичѣ и оставались въ совершенномъ мракѣ относительно лицъ и событій XVIII вѣка. Здѣсь главными источниками служили, во-первыхъ, анекдоты, постоянно искажавшіеся при переходѣ изъ устъ въ уста и дававшіе неправильное представленіе о лицѣ и дѣйствіи по отрывочности, односторонности, какой бы стороны ни касались, хорошей или дурной; во-вторыхъ, извѣстія иностранцевъ, которыя читались съ жадностью, именно за отсутствіемъ своихъ, и особенно донесенія пословъ. Какъ не вѣрить такому источнику: посолъ занимаетъ важный постъ, онъ въ сношеніяхъ съ государями и министрами; онъ знаетъ все, какъ было, долженъ знать, потому что обязанъ сообщать вѣрныя свѣдѣнія своему Двору. Дѣйствительно, это—источникъ важный: можно найти въ немъ чрезвычайно любопытныя извѣстія, подробности; но съ какою же осторожностью надобно относиться къ этимъ извѣстіямъ, къ этимъ подробностямъ! Нѣтъ свидѣтеля, который былъ бы менѣе безпристрастенъ и отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, старались бы болѣе скрывать правду, какъ иностранный посланникъ. Если онъ хвалитъ, то кого онъ хвалитъ?—человѣка, который ему поддается, часто съ нарушеніемъ интересовъ родной страны, и какъ скоро этотъ самый человѣкъ окажетъ менѣе податливости,—посолъ, не помня прежняго, начинаетъ бранить его. Если посолъ встрѣчаетъ препятствія въ проведеніи какого-нибудь нужнаго для его Двора дѣла, то препятствія эти, по его словамъ, не оттого, что дѣло это, въ цѣломъ или частяхъ, не согласно съ интересами страны,—нѣтъ; они происходятъ непремѣнно отъ интриги неблагонамѣренныхъ людей. Мы знаемъ теперь, откуда происходила медленность Елисаветы въ рѣшеніи важныхъ дѣлъ; но иностранные послы, которымъ нужно было рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, въ сильномъ раздраженіи доносятъ своимъ Дворамъ, что медленность происходила отъ безпечности Елисаветы, отъ страсти ея заниматься пустяками, причемъ важныя дѣла не двигались. Такъ смотрѣлъ на дѣло и Уильямсъ, сгаравшій отъ нетерпѣнія какъ можно скорѣе покончить дѣло о субсидномъ трактатѣ; но мы знаемъ, какое право имѣла Елисавета медлить ратификаціею этого трактата. Но, кромѣ естественнаго желанія каждаго посланника объяснять дурными побужденіями препятствія своему дѣлу, хвалить благопріятелей и порицать противниковъ, онъ былъ самъ вводимъ въ обманъ разсказами этихъ благопріятелей своихъ, ихъ объясненіями причинъ неудачи: при этомъ, разумѣется, все складывалось на интриги противниковъ и безпечность императрицы, къ которой нѣтъ доступа съ серьезнымъ дѣломъ. Бестужевъ чего ни наговорилъ Уильямсу въ оправданіе себя въ неудачѣ? Естественное и необходимое сближеніе Россіи съ Франціею, по его словамъ, произошло оттого, что Ив. Ив. Шуваловъ любилъ читать французскія книги. Это совершенно похоже на то, что Австро-Французскій союзъ произошелъ вслѣдствіе льстиваго письма Маріи-Терезіи къ Помпадуръ, какъ будто союзъ не долженъ былъ послѣдовать отъ перемѣны существенныхъ отношеній, благодаря Фридриху II, и какъ будто союзъ Англіи съ Пруссіею не долженъ былъ немедленно вести къ союзу Франціи съ Австріею?

Да и участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ объясняли личнымъ раздраженіемъ Елисаветы противъ Фридриха II, который позволилъ себѣ насмѣшки надъ нею! Но мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ, только повидимому легкимъ объясненіямъ. Мы знаемъ, какъ просты были основанія тогдашней внѣшней политики: онѣ состояли въ сохраненіи

политическаго равновѣсія Европы, особенно если это равновѣсіе нарушалось вблизи своего государства. Въ началѣ и срединѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX Европа вела самыя кровавыя войны для поддержанія этого начала политическаго равновѣсія: войною за Испанское наслѣдство она сдержала Людовика XIV; Семилѣтнею войною сдержала Фридриха II, точно такъ какъ въ началѣ нынѣшняго вѣка поборола стремленія Наполеона I; въ двухъ послѣднихъ борьбахъ Россія принимала самое сильное участіе и съ одинакимъ правомъ, хотя и во время Наполеоновскихъ войнъ были въ Россіи люди, которые толковали: „Зачѣмъ намъ биться съ Франціею? Она такъ далеко отъ насъ"! Пожаръ Москвы доказалъ этимъ господамъ, какъ далеко была Франція отъ Россіи. Вѣроятно, и во время Семилѣтней войны были люди, которые толковали: зачѣмъ это Россія вмѣшалась въ такую долгую и разорительную войну изъ-за Австріи и Саксоніи? Но не такъ думала дочь Петра Великаго, для которой скоропостижный Прусскій король, не разбиравшій средствъ для своего усиленія, былъ самымъ опаснымъ врагомъ Россіи. Елисавета относительно Востока не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сожжены корабли, построенные Англичанами на Каспійскомъ морѣ для Персіи; точно такъже относительно Запада она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не были сокращены силы Прусскаго короля, который нападеніемъ своимъ на Саксонію вполнѣ оправдалъ взглядъ на него Русскаго Двора. Силы Прусскаго короля были сокращены, благодаря твердости и энергіи Елисаветы, и если не были такъ сокращены, какъ бы она того желала, то достаточно были сокращены для того, чтобъ впослѣдствіи Екатерина II не встрѣтила въ нихъ препятствія для достиженія своихъ цѣлей; кромѣ этого важнаго значенія Семилѣтней войны для Россіи, она была школою, изъ которой вышли русскіе полководцы, сдѣлавшіе царствованіе Екатерины II столь блестящимъ въ военномъ отношеніи. Такимъ образомъ, воздавая должное Екатеринѣ II, не забудемъ, какъ много, внутри и внѣ, было приготовлено для нея Елисаветою.

Взаключеніе взглянемъ на внутреннія правительственныя распоряженія въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы.

Въ самомъ началѣ года Сенатъ такъ отвѣчалъ конференціи, которая требовала на разныя дачи 16,700 рублей да 600 червонныхъ: „Въ Штатсъ-Конторѣ изъ положенныхъ доходовъ каждый годъ оказывается недостатокъ, отчего многіе отпуски не исполнены и состоитъ на Штатсъ-Конторѣ великій долгъ; и теперь въ деньгахъ крайній недостатокъ, и Сенатъ не надѣется исполнить требованія конференціи. Штатсъ-Контора не можетъ отпустить даже всей суммы, назначенной на содержаніе Двора; и хотя Сенатъ имѣетъ попеченіе о наполненія Штатсъ-Конторы доходами, но до сихъ поръ еще не нашелъ къ тому способовъ. Штатсъ-Контора задолжала 8.147,924 рубля". Вслѣдъ за тѣмъ Штатсъ-Контора прислала докладъ: на наступившую январскую треть надобно внести къ ихъ высочествамъ да на содержаніе императорскаго Двора и Лейбъ-Компаніи за сентябрскую треть прошлаго года 144,897 рублей, а въ Штатсъ-Конторѣ денегъ ничего нѣтъ. За откупные таможенные сборы не получено за октябрь, ноябрь и декабрь прошлаго года ефимковъ 221 пудъ три фунта; а изъ Коммерцъ-Коллегіи объявлено, что принятые ею отъ Шемякина за октябрь мѣсяцъ 43,738 рублей хранятся для взноса въ комнату императрицы. Сенатъ приказалъ: эти деньги, назначенныя для комнаты императрицы, отдать въ Штатсъ-Контору, остальныя же взыскать съ Шемякина не позднѣе недѣли. Коммисаріату Сенатъ велѣлъ подтвердить, чтобъ доставилъ какъ можно скорѣе въ армію недосланную за 1760 годъ на жалованье сумму, болѣе 300,000 рублей, равно какъ и на 1761 годъ—1.465,728 рублей. Изъ Соляной Конторы милліонъ рублей отпускался въ комнату императрицы, и уже накопилось доимки 2.115,043 рубля; кромѣ того, Соляная Контора должна была взносить на военныя издержки 1.089,823 рубля. Контора просила, нельзя ли убавить сумму на военные расходы, чтобъ можно было уплатить доимку въ комнату императрицы; Сенатъ отвѣчалъ, что нельзя. Въ августѣ мѣсяцѣ Штатсъ-Контора доносила, что на самонужнѣйшіе отпуски надобно 2.119,135 рублей, и съ долгами на Конторѣ 2.686,831 рубль; теперь въ Штатсъ-Конторѣ на лицо 50,162 рубля, да за отданные на монетный дворъ ефимки слѣдуетъ получить 61,394 рубля, въ московской рентеріи 10,087 рублей, итого 121,644 рубля, недостаетъ 1.997,490 рублей, а съ долговыми суммами—2.565,186 рублей [1]).

Мы видѣли, что учреждена была лотерея. Доходы отъ нея должны были идти на содержаніе отставныхъ и раненыхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Лотерея состояла изъ 50,000 билетовъ, между которыми 37,500 выигрышей, раздѣленныхъ на четыре класса. Каждый билетъ положенъ былъ по 11 рублей за всѣ классы. Въ іюнѣ генералъ-прокуроръ объявилъ, что императрица велѣла ему предложить Сенату: учредить домъ, гдѣ содержать вдовъ и сиротъ, дочерей заслуженныхъ людей, бѣдныхъ, не имѣющихъ покровительства и пропитанія; на это ея величество нѣкоторую сумму пожалуетъ изъ собственныхъ доходовъ. Сенатъ приказалъ: требовать отъ Синода, чтобъ назначилъ для вдовъ и сиротъ московскій Ивановскій монастырь или другой подобный ему съ довольнымъ числомъ покоевъ и каменной оградой, а насчетъ регламента справиться въ библіотекѣ Академіи Наукъ, какъ такіе дома содержатся въ иностранныхъ государствахъ, также Иностранной Коллегіи собрать свѣдѣнія отъ министровъ, находящихся при иностранныхъ Дворахъ [2])

[1]) Журналы и протоколы Сената, 10, 12, 15 и 19 января, 31 августа.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 19 іюня.—Великая

Коммисія объ Уложеніи, въ которой присутствовали два сенатора, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ и князь Михаилъ Ив. Шаховской, окончила двѣ части Уложенія—судную и криминальную, и Сенатъ въ мартѣ мѣсяцѣ приказалъ: „Какъ оное сочиненіе Уложенія для управленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдовательно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ тому потребенъ: и потому всякаго сына отечества долгъ есть совѣтомъ и дѣломъ въ томъ помогать и къ окончанію съ ревностнымъ усердіемъ споспѣшествовать стараться. Въ сходство сего Правительствующій Сенатъ уповаетъ, что всякій, какова-бъ кто чина и достоинства ни былъ, когда будетъ къ тому избранъ, отрекаться не будетъ, но, пренебрегая всѣ затрудненія и убытки, охотно себя употребить потщится, чая, во-первыхъ, незабвенную въ будущіе роды о себѣ оставить память, да, сверхъ того, за излишніе труды и награжденіе получить можетъ. Того ради, по требованію коммисіи новаго Уложенія, къ слушанію того Уложенія изъ городовъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, т.-е. Остзейскихъ, Сибирской, Астраханской и Кіевской губерній) штабъ и оберъ-офицеровъ изъ дворянъ и знатнаго дворянства, не выключая изъ того и вѣчно отставныхъ отъ всѣхъ дѣлъ, токмо къ тому дѣлу достойныхъ, по два человѣка изъ каждой провинціи, за выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства; ежели же они кого изъ обрѣтающихся въ Петербургѣ у статскихъ дѣлъ къ означенному дѣлу выбрать пожелаютъ, то въ томъ дается имъ на волю; потому-жъ и купцовъ за такимъ же отъ купечества выборомъ по одному человѣку и высылать въ Петербургъ къ 1 января будущаго 1762 года“. Относительно Малороссіи Сенатъ приказалъ: „Малороссійскому гетману, опредѣляя особыхъ людей къ тому способныхъ, Литовскій статутъ разсмотрѣть, и какіе явятся въ немъ недостатки—пополнить, а излишки исключить, и прислать съ Сенатъ съ депутатомъ, который бы могъ дать обо всемъ подробное изъясненіе [1])“.

Кромѣ выбора депутатовъ въ коммисію объ Уложеніи, дворянство должно было заняться другими выборами: 5 іюня Сенатъ предоставилъ помѣщикамъ выбрать изъ среды себя воеводъ, которые бы имѣли деревни вблизи города и могли содержать себя доходами съ нихъ. Кромѣ того, Сенатъ полагалъ увеличить жалованье должностнымъ лицамъ изъ дворянъ, также и воеводамъ. Президенты и члены коллегій, губернаторы и губернаторскіе товарищи изъ русскихъ дворянъ, по большей части изъ заслуженныхъ, а не изъ богатыхъ, получали до сихъ поръ въ Петербургѣ половинное противъ армейскихъ окладовъ жалованье, а въ другихъ городахъ половинное противъ петербургскихъ окладовъ; губернаторъ и вицъ-губернаторы въ Остзейскихъ губерніяхъ получали двутретное, а во внутреннихъ губерніяхъ вполовину противъ Остзейскихъ: и такимъ малымъ жалованьемъ, полагалъ Сенатъ, по состоянію нынѣшнихъ поведеній, безъ крайней нужды содержать себя никакъ не могутъ, и потому надобно сравнять жалованье гражданскихъ и военныхъ чиновъ: президенты должны получать по 2,400 рублей, оберъ-прокуроръ—3,000, генералъ-гекетмейстеръ и герольдмейстеръ — по 2,500, вице-президенты—1,800, совѣтники—1,200, надворные совѣтники—800, ассесоры—600; во всѣхъ губерніяхъ губернаторы—2,500, вице-губернаторы—2,000, товарищи—800, провинціальные воеводы—800, ихъ товарищи—300, воеводы приписныхъ городовъ—400, пригородные—200; для покрытія этихъ новыхъ расходовъ положить на вино, пиво и медъ по 2 копѣйки на ведро, съ крѣпостей—по 25 копѣекъ, при справкѣ за владѣльцемъ земель—3 коп. съ четверти, съ исковъ при рѣшеніи дѣлъ—по 3 коп. съ рубля.

Извѣстія, приходившія изъ областей, убѣждали, что, дѣйствительно, надобно принимать мѣры противъ злоупотребленій областнаго управленія. Такъ, Сенатъ узналъ, что около города Царицына съ проѣзжающихъ по рѣкѣ Волгѣ разныхъ чиновъ людей берутся немалыя взятки. Генералъ-прокуроръ прочелъ въ Сенатѣ письмо къ нему отъ генералъ-маіора Лачинова, изъ Тамбова: Лачиновъ былъ на казанской ярмаркѣ въ Верхоломовскомъ монастырѣ 8 іюля; вблизи города Верхняго-Ломова есть степь, называемая Дуровская, на которой около ярмарочнаго времени собирается всегда много воровъ и совершаются большія грабительства и убійства; и въ 1761 году было то же самое; но приказчикъ дворянина Семенова, собравши своихъ крестьянъ и постороннихъ людей, сдѣлалъ надъ разбойниками поискъ, нашелъ ихъ, атамана и 11 человѣкъ положилъ на мѣстѣ, а двоихъ привелъ живыми въ воеводскую канцелярію, гдѣ они разсказали всѣ свои похожденія,—разсказали, что изъ ихъ шайки знаменитый разбойникъ Топкинъ, во время нападенія на шайку, захватилъ награбленныя деньги и ушелъ; воевода послалъ за нимъ въ погоню и разбойникъ былъ пойманъ. Лачиновъ, бывши у воеводы, самъ видѣлъ разбойника, но замѣтилъ, что содержали его очень слабо, не какъ злодѣя, а какъ приличившагося въ небольшомъ дѣлѣ; потомъ Лачиновъ услыхалъ, что разбойникъ уже ходитъ по ярмаркѣ на связкѣ, и, наконецъ, услыхалъ, что воевода его выпустилъ. Сенатъ приказалъ тамбовской провинціальной канцеляріи изслѣдовать, дѣйствительно ли Верхоломовскій воевода Бологовской слабо содержалъ и выпустилъ разбойника Топкина. Тамбовская канцелярія отвѣ-

---

княгиня Екатерина думала, что образцомъ должно было служить Сенсирское заведеніе, что надобно выписать оттуда классную даму, а домъ и деньги легко сыщутся; чтобъ невѣжды не кричали противъ французской монахини и ея ереси, надобно подъ видомъ частнаго воспитанія дать ей вначалѣ образовать одну или двухъ сиротъ, которыя потомъ сдѣлаются сами воспитательницами уже въ учрежденіи и, такимъ образомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ можно было бы обойтись безъ Француженокъ. Сборникъ Русск. Историч. Общ. VII, 82.

[1]) Журналы и протоколы Сената, 7 марта и 9 августа.

чала, что означеннаго воеводы Бологовскаго въ Верхнемъ-Ломовѣ не имѣется, должность воеводскую правитъ прапорщикъ Вышеславцевъ, а по какому указу и откуда,—о томъ въ тамбовской воеводской канцеляріи извѣстія нѣтъ. Сенатъ приказалъ: тамбовской воеводской канцеляріи слѣдствіе о Бологовскомъ окончить какъ можно скорѣе; а что касается рапорта ея о незнаніи, гдѣ Бологовской и по какому указу Вышеславцевъ исправляетъ воеводскую должность, то это можетъ быть причтено только къ ея слабому смотрѣнію, ибо ей объ отлучкѣ подчиненнаго воеводы и о вступленіи на его мѣсто другого всегда должно быть извѣстно, и впредь ей такихъ неосновательныхъ представленій въ Сенатъ отнюдь не дѣлать. Наконецъ, исчезнувшій воевода былъ отысканъ и подалъ въ Сенатъ объясненіе, что былъ уволенъ на два мѣсяца въ Воронежскую губернію губернскою канцеляріею, о чемъ далъ знать Тамбовскому воеводѣ; относительно Топкина заперся, что никуда его не пускалъ, а ушелъ онъ ночью нечаянно изъ-за караульнаго; Тамбовскаго воеводу обговорилъ въ пріязни съ Лачиновымъ. Дѣло перешло въ воронежскую губернскую канцелярію.

Заботы объ однодворцахъ продолжались. Думали облегчить ихъ, изъявши изъ вѣдомства воеводъ и давши имъ особыхъ выборныхъ управителей; но выборное начало, какъ въ древней, такъ и въ новой Россіи не приносило ожидаемой пользы, по недостатку въ обществѣ сплоченности и силы, по которымъ оно могло бы сдерживать своихъ выборныхъ чиновниковъ. Новые однодворческіе управители стали тягостнѣе воеводъ. Поэтому теперь Сенатъ отрѣшилъ всѣхъ однодворческихъ управителей, и однодворцы опять отданы въ вѣдомство губернскихъ и воеводскихъ канцелярій; а для лучшаго порядка велѣно быть изъ нихъ же сотникамъ, пятидесятникамъ и десятникамъ; по дѣламъ между ними выбирать имъ самимъ повѣренныхъ, людей совѣстныхъ и знающихъ; губернаторамъ же и воеводамъ наикрѣпчайше подтверждено, чтобъ имѣли объ однодворцахъ попеченіе и охраняли ихъ отъ обидъ, ибо Сенатъ будетъ зорко смотрѣть и посылать нарочныхъ для развѣдыванія, съ какимъ прилежаніемъ губернаторы и воеводы заботятся объ однодворцахъ [1]).

Относительно генеральнаго межеванія Сенатъ приказалъ: оканчивать межеванье земель въ Московскомъ уѣздѣ и въ Московской провинціи, также Новгородскомъ, Великоустюжскомъ и Вятскомъ уѣздахъ, а въ прочихъ мѣстахъ Московской и Новгородской губерніи на одно нынѣшнее военное время оставить, за недостаткомъ въ казнѣ денегъ [2]).

Изъ явленій городской жизни замѣтимъ доношеніе карачевскаго магистрата о купцѣ Морякинѣ, что, по причинѣ непорядочныхъ его поступковъ, тамошнее купечество имѣть его среди себя не желаетъ. Купечество города Вязьмы подало челобитную, что въ прошломъ году оно просило о перемѣнѣ бывшаго тогда въ вяземскомъ магистратѣ бургомистромъ Юдичева за непорядочные поступки и о преданіи его суду; также просило, чтобъ быть въ вяземскомъ магистратѣ, по примѣру другихъ городовъ, только по три человѣка членовъ и съ перемѣною черезъ два года, ибо въ вяземскомъ магистратѣ имѣется 6 членовъ, 2 бургомистра и 4 ратмана безъ перемѣны, отчего купечеству въ службахъ излишнее и напрасное отягощеніе. Тогда Сенатъ велѣлъ Юдичева отрѣшить и на его мѣсто выбрать купечеству другого, а по скольку быть членовъ въ магистратѣ и чрезъ сколько лѣтъ имъ перемѣняться,—о томъ Главному Магистрату представить въ Сенатъ. Но хотя Юдичевъ и отрѣшенъ, однако о непорядочныхъ его поступкахъ разсмотрѣнія не послѣдовало; не сдѣлано также опредѣленія объ уменьшеніи числа магистратскихъ членовъ и о сокращеніи срока ихъ службы, тогда какъ Главный Магистратъ въ московскомъ губернскомъ, калужскомъ провинціальномъ и въ прочихъ магистратахъ число членовъ самъ собою уменьшилъ и нѣкоторыхъ перемѣнить дозволилъ. Сенатъ приказалъ Главному Магистрату рѣшить это дѣло немедленно.

И прежде упоминалось о борьбѣ между двумя властями въ городахъ—воеводской и полицейской. И теперь коломенсккя полиція донесла, что Коломенскій воевода Иванъ Орловъ, пріѣхавши въ многолюдствѣ къ полиціймейстерской конторѣ верхомъ на лошадяхъ, стрѣлялъ въ контору изъ пистолетовъ, которые были у него въ обѣихъ рукахъ; въ тотъ же день воевода, ѣздя съ помѣщикомъ Крюковымъ и со псовою его охотою по самымъ тѣснымъ улицамъ, стрѣлялъ изъ пистолетовъ [3]).

Относительно жизни селъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ крестьянами помѣщика капитана Исакова съ женою и тремя дѣтьми; четвертый ребенокъ былъ пощаженъ по просьбѣ няньки. Изъ Казанской губерніи извѣщали о бунтѣ симбирскихъ крестьянъ противъ помѣщика Тургенева. Но Сенатъ не могъ не замѣтить, что преимущественно волновались крестьяне монастырскіе и приписные къ фабрикамъ и заводамъ. Евдокимъ Демидовъ подалъ просьбу на мастеровыхъ Овзянопетровскаго его завода, которые, всѣ перестали работать по ложному извѣстію, что пришелъ указъ объ освобожденіи ихъ отъ заводскихъ работъ. Крестьяне возмутились также на заводахъ Никиты Демидова, въ Оренбургской губерніи—на мѣдиплавильномъ заводѣ графа Сиверса, въ Пензенскомъ уѣздѣ—на красочной фабрикѣ графа Андрея Шувалова. Сенатъ, сдѣлавъ обыкновенно распоряженіе—сперва увѣщевать крестьянъ къ покорности, а въ случаѣ упорства, усмирить военными командами, распоря-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 5 и 22 іюня, 31 іюля, 28 августа, 7 и 22 ноября.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 8 іюня.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 11, 16 и 17 мая, 13 декабря.

дился однако—послать нарочныхъ добрыхъ и надежныхъ людей развѣдать, отчего крестьяне бунтуютъ, нѣтъ ли имъ какихъ обидъ и притѣсненій; кромѣ того, составить докладъ о припискѣ крестьянъ къ частнымъ заводамъ, чтобъ можно было однажды навсегда сдѣлать основательно опредѣленіе о всѣхъ заводахъ и приписныхъ къ нимъ крестьянахъ и тѣмъ отстранить всѣ затрудненія [1]).

Относительно *сходцевъ* по Восточной украйнѣ, въ Оренбургской губерніи, Сенатъ постановилъ: высылать на прежнее мѣсто жительства только тѣхъ, которые не завелись еще домами, особенно бѣглыхъ; тѣхъ же, которые обзавелись домами и занимаются хлѣбопашествомъ, оставить.

Извѣстное дѣло ассесора Крылова служило примѣромъ, дочего могло доходить чиновническое своеволіе на украинахъ, особенно въ далекой Сибири. Кромѣ другихъ его дѣяній, оказалось еще слѣдующее: на городовой башнѣ въ Иркутскѣ былъ двуглавый орелъ, какъ обыкновенно съ Св. Георгіемъ на груди; вмѣсто послѣдняго изображенія, Крыловъ велѣлъ вставить жестяную доску съ надписью: „Году 1760, мѣсяца сентября бытности въ Иркуцку начальника коллежскаго ассесора Крылова“; надъ надписью была выбита дворянская корона, а вокругъ надписи лавры. Сенаторы рѣшили, чтобъ Крылова судить въ особой коммисіи; одинъ только сенаторъ Жеребцовъ не согласился, говоря, что особой коммисіи не нужно,—надобно судить Крылова въ Юстицъ-Коллегіи, а за поступокъ съ гербомъ отослать въ Тайную Канцелярію. По этому поводу былъ сильный споръ; остальные сенаторы обидѣлись, зачѣмъ Жеребцовъ въ своемъ мнѣніи выставилъ такъ много указовъ, какъ будто они, сенаторы, указамъ противники. Но Жеребцовъ остался при своемъ мнѣніи. Тогда генералъ-прокуроръ объявилъ, что онъ останавливаетъ дѣло для донесенія императрицѣ. Елисавета приказала: судить Крылова въ особой коммисіи, чтобъ обиженные имъ получили какъ можно скорѣе удовлетвореніе; чтобъ въ коммисію были назначены люди совѣстливые и безпристрастные, и чтобъ съ такимъ злодѣемъ было поступлено по повелѣнію ея величества, несмотря ни на какія персоны [2]).

[1]) Журналы и протоколы Сената, 8 февраля, 6, 22 и 28 марта, 17 мая, 5 іюня.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 17 января, 7 марта, 24 апрѣля, 25 мая.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать пятый.

Глава I.

Царствованіе Императора Петра III Θеодоровича.

25 декабря 1761—28 іюня 1762 года.

Милости новаго государя.—Возвращеніе ссыльныхъ.—Новый генералъ-прокуроръ Глѣбовъ.—Новый совѣтъ.—Голштинскіе принцы и другіе вліятельные люди.—Первыя распоряженія въ Сенатѣ.—Манифестъ о вольности дворянской.—Уничтоженіе Тайной Канцеляріи.—Судный департаментъ въ Сенатѣ; раздѣленіе Юстицъ и Вотчинной Коллегіи и Суднаго Приказа на департаменты.—Рѣшеніе по дѣлу о церковныхъ имѣніяхъ.—Указъ о возвращеніи бѣжавшихъ раскольниковъ.—Крестьянскія волненія.—Состояніе финансовъ.—Военныя приготовленія.—Миръ и союзъ съ Пруссіею.—Столкновенія съ Даніею.—Сношенія съ Австріею, Франціею, Англіею, Швеціею, Польшею и Турціею.—Неудовольствіе въ Россіи на перемѣну внѣшней политики.—Затруднительное положеніе канцлера Воронцова и Ив. Ив. Шувалова.—Неудовольствіе самыхъ приближенныхъ лицъ.—Неудовольствіе духовенства и войска.—Признаки разстройства правительственной машины.—Общее неудовольствіе вслѣдствіе поведенія Петра III.—Опасенія прусскихъ министровъ относительно этого неудовольствія.—Переписка Фридриха II съ Петромъ III по этому поводу.—Румянцевъ и заграничная армія.—Иванъ Антоновичъ.—Тяжкое положеніе императрицы Екатерины.—Н. И. Панинъ; гетманъ Разумовскій.—Движенія въ гвардіи.—Княгиня Дашкова.—Орловы.—Ускореніе движенія въ пользу Екатерины.—Провозглашеніе ея самодержавною императрицею 28 іюня.—Походъ ея въ Петергофъ.—Неудачныя попытки Петра III; онъ отказывается отъ престола.

Большинство встрѣтило мрачно новое царствованіе: знали характеръ новаго государя и не ждали ничего хорошаго. Меньшинство людей, обѣщавшихъ себѣ важное значеніе въ царствованіе Петра III, разумѣется, должно было стараться разсѣять грустное расположеніе большинства, доказывать, что оно обманывается въ своихъ черныхъ предчувствіяхъ.

„Безконечна будетъ на-вѣки память въ Бозѣ опочивающей государыни императрицы. Безконечно и наше къ Подателю всѣхъ благъ благодареніе, когда видимъ, что его императорское величество, вступя на прародительскій престолъ, милосердіе и щедроты на всѣхъ изливаетъ, какъ милосердая Елисавета, и къ трудамъ въ государственномъ правленіи спѣшитъ и прилежитъ, какъ неутомленный Великій Петръ; а ея величество государыня императрица, непрестанно посѣщая тѣло любезнѣйшія своея тетки и смѣшивая свои слезы со слезами приходящихъ для прощенія, самое то бремя на себя снимать является, которое налагаетъ на насъ естество и усердная любовь къ имени и крови Петра Великаго".

Такъ окончилъ свое описаніе кончины Елисаветы конференцъ-секретарь Волковъ. Новый императоръ сравненъ здѣсь съ покойною теткою своею относительно милосердія и щедротъ. На какія же щедроты можно было указать? Отъ новаго правителя ждутъ обыкновенно милосердія къ опальнымъ прошедшаго царствованія. На другой день по вступленіи на престолъ Петра, 26 декабря, по именному указу, велѣно было прекратить слѣдствіе надъ губернаторами—Салтыковымъ и Пушкинымъ; но здѣсь могли видѣть заступничество сильныхъ людей за свою братью; только послѣ услыхали объ освобожденіи людей, долго страдавшихъ въ заточеніи, хотя и тутъ чуждыя и даже ненавистныя имена мѣшали впечатлѣнію. 17 января подписаны были указы о возвращеніи изъ ссылки сына Менгдена, жены, сына и дочери Лиліенфельда, Натальи Лопухиной, Миниха съ сыномъ; двое послѣднихъ могли возвратиться въ Петербургъ, остальнымъ запрещено было въѣзжать туда, гдѣ живетъ императоръ. Знаменитый сложностью и обширностью своего слѣдственнаго дѣла, Пензенскій воевода Жуковъ освобожденъ изъ-подъ ареста [1]). По указу 4 марта возвращенъ изъ Ярославля въ Петербургъ бывшій герцогъ Биронъ съ фамиліею. Легко себѣ представить, съ какимъ любопытствомъ и старые, и молодые смотрѣли на этихъ, когда-то заклятыхъ

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 7 февраля.

враговъ, Бирона и Миниха, появившихся во дворцѣ и обществѣ. Минихъ, несмотря на лѣта и несчастія, отличался большою живостью и умѣлъ стать однимъ изъ близкихъ людей къ императору. 6 мая состоялся указъ: вмѣсто взятаго у генералъ-фельдмаршала графа Миниха на Васильевскомъ острову каменнаго двора, въ которомъ теперь Морской корпусъ, купя изъ казны за 25,000 рублей у шталмейстера Нарышкина состоящій на Адмиралтейской сторонѣ, близъ Семеновскаго моста, каменный дворъ, отдать графу Миниху въ вѣчное и потомственное владѣніе [1]). Возвращены были Минихъ и Биронъ; этой парѣ соотвѣтствовала другая пара такихъ же заклятыхъ враговъ, сосланныхъ при Елисаветѣ, то были—Лестокъ и Бестужевъ-Рюминъ; о Лестокѣ было кому напомнить: въ первый же день восшествія на престолъ, 25 декабря, канцлеръ графъ Воронцовъ подалъ императору докладъ, въ которомъ между прочимъ находилась статья: „О помилованіи и освобожденіи изъ ссылки несчастнаго графа Лестока" [2]). Но понятно, что въ докладахъ Воронцова мы не найдемъ статьи о возвращеніи изъ ссылки несчастнаго графа Бестужева; да и кромѣ Воронцова никто изъ имѣвшихъ доступъ къ императору и вліяніе на него не имѣлъ побужденій просить за Бестужева; подлѣ Петра III не было ни одного человѣка, расположеннаго къ бывшему канцлеру, а самъ Петръ былъ сильно нерасположенъ къ нему. У иностранцевъ находимъ извѣстіе, будто Петръ объявилъ Воронцову, Волкову и Глѣбову относительно Бестужева: „Я подозрѣваю этого человѣка въ тайномъ соумышленничествѣ съ моею женою и, кромѣ того, держу въ памяти, что покойная тетушка на смертномъ одрѣ говорила мнѣ о Бестужевѣ: она мнѣ строго наказывала никогда не освобождать его изъ ссылки" [3]). Разумѣется, мы не можемъ вполнѣ успокоиться на этомъ извѣстіи, потому что свидѣтели подозрительны—Воронцовъ, Волковъ и Глѣбовъ; но, какъ бы то ни было, Лестокъ былъ возвращенъ, а Бестужевъ попрежнему остался въ ссылкѣ [4]). Впечатлѣніе, произведенное этимъ на безпристрастное большинство, представить легко: возвращенъ Лестокъ, возвращенъ Биронъ, возвращены другіе люди съ чуждыми именами;—не возвращенъ одинъ Русскій человѣкъ, такъ долго и дѣятельно служившій русскимъ интересамъ.

Но, быть можетъ, другія милости изглаживали непріятное впечатлѣніе; быть можетъ, радовались приближенію къ государю людей достойныхъ, удаленію отъ него людей, не слывшихъ благонамѣренными?

25 декабря, когда Елисавета находилась при послѣднемъ издыханіи, за двѣ комнаты отъ спальни умирающей помѣстились бывшій генералъ-прокуроръ, князь Никита Юр. Трубецкой, и бывшій оберъ-прокуроръ Сената, теперь генералъ-кригсъ-коммисаръ, Александръ Ив. Глѣбовъ. Здѣсь, расположась за письменнымъ столомъ, подзывали они къ себѣ то того, то другого изъ людей близкихъ къ наслѣднику, перешептывались съ ними, потомъ что-то писали и ходили, какъ будто съ докладами или для полученія наставленій къ великому князю, который, большею частью, находился передъ спальнею умирающей тетки. Тутъ же, между прочими придворными, въ страшномъ горѣ, какъ тѣни, шатались два старика: одинъ птенецъ Петра Великаго,—знаменитый сенаторъ и конференцъ-министръ Ив. Ив. Неплюевъ, другой—генералъ-прокуроръ князь Шаховской. Но присутствіе этихъ стариковъ было непріятно людямъ, ходившимъ съ докладами къ наслѣднику,—и Неплюеву съ Шаховскимъ, именемъ великаго князя, было сдѣлано внушеніе, чтобъ они удалились. Вскорѣ послѣ этого Шаховской долженъ былъ опять отправиться во дворецъ, потому что получилъ повѣстку о кончинѣ императрицы. Не ожидая для себя ничего хорошаго въ новое царствованіе, Шаховской обратился къ одному изъ приближенныхъ императора, Льву Александр. Нарышкину, чтобъ тотъ доложилъ Петру его просьбу объ увольненіи отъ всѣхъ дѣлъ [5]). Просьба была исполнена: того же 25 декабря Шаховской былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а генералъ-прокуроромъ назначенъ Глѣбовъ, оставшійся и генералъ-кригсъ-коммисаромъ, потому что не хотѣлось разстаться съ доходною должностью. Того же числа была оказана милость Воронцовымъ, одной изъ наиболѣе любимыхъ фамилій: родной братъ канцлера, дядя фаворитки, Елизаветы Романовны Воронцовой, Иванъ Ларіоновичъ былъ назначенъ сенаторомъ и отправленъ въ Москву на первенствующее мѣсто въ старой столицѣ, мѣсто управляющаго Сенатскою Конторою. Черезъ два дня, 28 декабря, узнали о другихъ милостяхъ: фельдмаршалъ князь Никита Юр. Трубецкой былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка (полковникомъ былъ самъ государь); Шуваловы, Петръ и Александръ, были произведены въ фельдмаршалы [6]). Графъ Петръ не долго пользовался почестями новаго званія, дни его уже были сочтены; но, несмотря на тяжкую болѣзнь, истощившую его силы, онъ жаждалъ государственной

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 7 февраля.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VII. 526.

[3]) Hermann, Geschichte des russ. Staats, V, 243.

[4]) Иностранцы говорятъ, будто при восшествіи на престолъ Петра III было возвращено изъ ссылки 20,000 человѣкъ! Эту цыфру можно было бы объяснить тѣмъ, что число ссыльныхъ при Елисаветѣ, дѣйствительно, увеличилось вслѣдствіе отмѣны смертной казни; но мы не имѣемъ извѣстій, чтобы при Петрѣ были возвращены изъ ссылки всѣ разбойники и смертоубійцы. Князь Щербатовъ («О поврежденіи нравовъ въ Россіи», стр. 54) считаетъ до 15,000 человѣкъ сосланныхъ за корчемство; но мы знаемъ, что они возвращены по указу Елисаветы. Екатерина II въ одной изъ записокъ своихъ говоритъ: «Хотя при смерти своей императрица Елисавета Петровна освободила до 17,000 колодниковъ, однако при коронаціи моей оныхъ еще до 8,000 было». (Записка въ Государ. Архивѣ).

[5]) Записки кн. Шаховского, 174.

[6]) Журналы и протоколы Сената

дѣятельности и велѣлъ перенести себя на рукахъ изъ собственнаго дома въ домъ своего пріятеля, выведеннаго имъ въ люди, новаго генералъ-прокурора Глѣбова, потому что Глѣбовъ жилъ ближе ко дворцу. Императоръ не только сносился съ нимъ черезъ Глѣбова, но и самъ часто пріѣзжалъ къ нему говорить о дѣлахъ; но такое умственное напряженіе, какъ думали тогда, ускорило смерть графа Петра, послѣдовавшую 4 января [1]). Ив. Ив. Шуваловъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе тремя корпусами—сухопутнымъ, морскимъ и артиллерійскимъ, и, оставаясь кураторомъ Московскаго университета, былъ такимъ образомъ какъ бы министромъ новорожденнаго русскаго просвѣщенія; только Академія Наукъ находилась попрежнему подъ президентствомъ графа Кирилла Разумовскаго. О старшемъ Разумовскомъ, графѣ Алексѣѣ, 6 марта былъ объявленъ указъ: „Генералъ-фельдмаршалу графу Разумовскому быть уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всей военной и гражданской службы съ тѣмъ, что какъ у Двора, такъ и гдѣ-бъ онъ жить ни пожелалъ, отдается ему по чину его должное почтеніе, обѣщая его императорское величество сами сохранить къ нему непремѣнную милость и высочайшее благоволеніе“ [2]).

На пятый мѣсяцъ царствованія обозначались лица, пользовавшіяся особеннымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора. 20 мая Сенатъ слушалъ указъ: „Чтобъ многія его императорскаго величества къ пользѣ и славѣ имперіи его и къ благополучію вѣрныхъ подданныхъ принятыя намѣренія наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли, то избрали его императорское величество трудиться подъ собственнымъ его императорскаго величества руководствомъ и призрѣніемъ надъ многими до того принадлежащими дѣлами его высочества герцога Георгія, его свѣтлость принца Голштейнъ-Бекскаго, генералъ-фельдмаршала Миниха, генералъ-фельдмаршала князя Трубецкого, канцлера графа Воронцова, генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа, генералъ-поручика князя Волконскаго, генералъ-поручика Мельгунова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника тайнаго секретаря Волкова“ [3]).

На первыхъ мѣстахъ въ этомъ совѣтѣ видимъ родственниковъ императора по отцу, принцевъ Голштинскихъ. Первый—дядя Петра III, принцъ Георгій, генералъ прусской службы, вызванный въ Россію тотчасъ по восшествіи на престолъ Петра, который былъ чрезвычайно къ нему привязанъ: онъ произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы и полковники Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, съ жалованьемъ по 48,000 рублей въ годъ. Другой принцъ, Петръ-Августъ-Фридрихъ Голштейнъ-Бекскій, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, командиромъ надъ всѣми полевыми и гарнизонными полками, находившимися въ Петербургѣ, въ Финляндіи, Ревелѣ, Эстляндіи и Нарвѣ [4]). Слѣдующіе три члена совѣта—Минихъ, Трубецкой и Воронцовъ—намъ извѣстны. Генералъ-поручикъ Вильбуа получилъ должность генералъ-фельдцейхмейстера, праздную по смерти графа Петра Ив. Шувалова; какъ видно изъ отзывовъ современниковъ, Вильбуа пользовался хорошею репутаціею. Князь Волконскій намъ извѣстенъ особенно какъ посланникъ въ Польшѣ. Генералъ-поручикъ Алексѣй Петр. Мельгуновъ выдвинулся съ помощью Ив. Ив. Шувалова и сблизился съ Петромъ при Елисаветѣ по управленію кадетскимъ корпусомъ, котораго великій князь былъ шефомъ. Наконецъ Волковъ пріобрѣлъ славу самаго искуснаго составителя рескриптовъ во время управленія своего канцеляріею конференціи; кромѣ того, могъ быть указанъ Шуваловыми и Воронцовымъ, какъ человѣкъ преданный, и занялъ мѣсто въ новомъ совѣтѣ, какое занималъ въ прежней, упраздненной теперь конференціи: съ 31 января Волковъ назывался тайнымъ секретаремъ.

Если къ этимъ членамъ новаго совѣта присоединимъ генералъ-прокурора Глѣбова и Ив. Ив. Шувалова, то исчерпаемъ кругъ людей, хотѣвшихъ и могшихъ имѣть вліяніе на важныя правительственныя рѣшенія въ началѣ царствованія Петра III, ибо люди близкіе, какъ-то: генералъ-адъютанты—Гудовичъ и Унгернъ-Штернбергъ и шталмейстеръ Левъ Нарышкинъ—этого вліянія имѣть не могли.

17 января императоръ прибылъ въ Сенатъ, гдѣ оставался отъ 10 до 12 часовъ. Тутъ онъ подписалъ указы о возвращеніи изъ ссылки Менгдена, Лиліенфельдовъ, Миниховъ, Лопухиной; потомъ соизволилъ указать: въ продажѣ соли цѣну уменьшить и положить умѣренную, если совсѣмъ вольною торговлею сдѣлать нельзя, о чемъ Сенату разсуждать. Кронштадтскую гавань, которая весьма повреждена, такъ-что съ трудностью корабли приставать могутъ, немедленно починить, углубя оную и обдѣлывая камнемъ. Сенату разсуждать, какъ бы Рогервицкую гавань додѣлывать вольными людьми, а каторжныхъ перевести въ Нерчинскъ. Тутъ же Петру доложено было предложеніе покойнаго графа Петра Ив. Шувалова о водяномъ сообщеніи отъ рѣки Волхова до Рыбной слободы; въ предложеніи говорилось: отъ слободы Рыбной чрезъ Тверь, Боровицкіе пороги, Новгородъ до Новой Ладоги суда ходятъ 1,120 верстъ, а есть отъ Рыбной слободы до Новой Ладоги другой водяной трактъ, а именно: отъ Рыбной—рѣками Волгою, Мологою, Чагодощею, Горюномъ, озеромъ Соминскимъ, рѣкою Соминою, рѣчкою Болчинкою, озеромъ Крупинымъ, рѣкою Тихвиною, Сясью, а изъ Сяси надобно быть каналу до рѣки Волхова и противъ Ладожскаго канала прямо на семи верстахъ;

[1]) Записки кн. Шаховского, стр. 181.
[2]) Журналы и протоколы Сената, 25 апрѣля, 6 марта.
[3]) Журналы и протоколы Сената. Сенатъ слушалъ указъ 20 мая; но какъ видно изъ перваго приложенія къ настоящему тому, совѣтъ уже собирался 18 мая.
[4]) Журналы и протоколы Сената, 4 марта.

этимъ трактомъ всего—592 версты. Сенатъ доложилъ при этомъ, что для освидѣтельствованія и описанія этого тракта отправленъ былъ генералъ-лейтенантъ Рязановъ, который уже исполнилъ свое порученіе. Императоръ разсмотрѣлъ планы, одобрилъ и приказалъ всю эту работу производить вольными людьми.

Въ то же засѣданіе императоръ приказалъ Сенату имѣть попеченіе о Петербургѣ, котораго строеніе происходитъ весьма обширно и, по большей части, деревянное: надобно стараться его ограничить и производить строеніе каменное, и хотя не очень пространно, но регулярно, и болѣе въ вышину, нежели въ широту. За этимъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о монастырскихъ крестьянахъ. Взаключеніе Петръ объявилъ свое рѣшеніе относительно дворянской службы: „Дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ, и когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается". На другой день, 18 января, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ словесно предложилъ: не соизволитъ ли Прав. Сенатъ, въ знакъ отъ дворянства благодарности за оказанную къ нимъ всевысочайшую милость о продолженіи ихъ службы по своей волѣ, гдѣ пожелаютъ, сдѣлать его императорскаго величества золотую статую, расположа отъ всего дворянства, и о томъ подать его императорскому величеству докладъ [1]). Докладъ не былъ утвержденъ; есть извѣстіе, что императоръ отвѣчалъ: „Сенатъ можетъ дать золоту лучшее назначеніе, а я своимъ царствованіемъ надѣюсь воздвигнуть болѣе долговѣчный памятникъ въ сердцахъ моихъ подданныхъ [2])". Только черезъ мѣсяцъ, 18 февраля, былъ обнародованъ манифестъ о вольности дворянской [3]); въ немъ императоръ говорилъ, что при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ нужно было принуждать дворянъ служить и учиться, отчего послѣдовали неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить—„благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность, а потому и не находимъ мы той необходимости, въ разсужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была". Всѣ дворяне, на какой бы службѣ они ни находились, на военной или на гражданской, могли продолжать ее или выйти въ отставку; но военные не могли проситься въ отставку и брать отпускъ во время кампаніи и за три мѣсяца до ея начатія. Неслужащій дворянинъ могъ безпрепятственно ѣхать за границу и вступать въ службу иностранныхъ государей, но обязанъ былъ возвратиться со всевозможною скоростью по первому призыву правительства. „Мы надѣемся", говорилось въ манифестѣ, „что все благородное россійское дворянство, чувствуя толикія наши къ нимъ и къ потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ намъ всеподданнической вѣрности и усердію, побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную, по крайней возможности, продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употреблять,—тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко Двору нашему пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ".

Здѣсь прежде всего останавливаетъ насъ то обстоятельство, что манифестъ о вольности дворянской явился спустя мѣсяцъ послѣ того, какъ императоръ объявилъ свою волю въ Сенатѣ. Зная характеръ Петра [4]), мы не удивимся этому. Люди приближенные, желавшіе удержать за собою важное значеніе въ новое царствованіе и естественно желавшіе сообщить этому царствованію блескъ и популярность, разсѣять мрачныя мысли тѣхъ, которые знали, въ чьихъ рукахъ теперь судьбы Россіи,—люди приближенные къ Петру постарались внушить ему о необходимости принять нѣкоторыя мѣры, которыя облегчатъ, обрадуютъ народъ,—въ числѣ этихъ мѣръ было и желанное многими освобожденіе дворянъ отъ обязательной службы. Императоръ заявилъ всѣ эти мѣры въ одно присутствіе въ Сенатѣ; но, заявивъ свою волю объ освобожденіи дворянъ отъ службы, онъ не поручилъ Сенату заняться дѣломъ, обдумать его хорошенько и поднести докладъ на высочайшее утвержденіе. Воля императора была заявлена; Сенатъ пошелъ съ докладомъ о золотой статуѣ, получилъ въ отвѣтъ не очень скромную фразу,—и все дѣло этимъ кончилось; императоръ занялся другими дѣлами. Понятно, что люди, которымъ дорога была слава царствованія и которымъ хотѣлось поскорѣе объявить и привести въ исполненіе популярную мѣру, очень безпокоились, видя, что о ней забываютъ. Князь Щербатовъ, въ извѣстномъ сочиненіи своемъ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи", передаетъ разсказъ, слышанный имъ отъ Димитр. Васил. Волкова, какъ императоръ, желая скрыть отъ фаворитки, графини Елисаветы Романовны Воронцовой, свои ноч-

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, означенныя числа.
[2]) Biographie Peter's III, II, 16.
[3]) Пол. Собр. Зак. № 11,444.

[4]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXIV.

ныя забавы, сказалъ при ней Волкову, что хочетъ провести съ нимъ всю ночь въ занятіяхъ важнымъ дѣломъ, касающимся государственнаго благоустройства. Ночь наступила, Петръ пошелъ веселиться, сказавши Волкову, чтобъ онъ къ утру написалъ какой-нибудь важный указъ, и Волковъ былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Несчастный секретарь не зналъ о чемъ писать, а писать надобно; наконецъ воспомнилъ онъ, о чемъ всего чаще твердилъ государю графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, именно—о вольности дворянской. Волковъ написалъ манифестъ, который на другой день былъ утвержденъ государемъ.

Ясно, что разсказъ Щербатова или Волкова относится къ написанію манифеста, а не къ первой мысли о вольности дворянства, ибо мысль была заявлена мѣсяцъ тому назадъ. Разсказъ этотъ важенъ для насъ потому, что открываетъ человѣка, который твердилъ императору о вольности дворянской: то былъ графъ Романъ Воронцовъ, особенно заинтересованный популярностью новаго царствованія по отношеніямъ своего семейства къ императору. Но представляются сомнѣнія насчетъ справедливости Щербатовскаго разсказа: говорятъ, что манифестъ былъ написанъ не Волковымъ, а Глѣбовымъ, и приводятъ объ этомъ свидѣтельство Штелина; но по какому праву мы будемъ вѣрить болѣе Штелину, чѣмъ Щербатову, или самому Волкову? Говорятъ, что тотъ же Волковъ въ оправдательномъ письмѣ своемъ, написанномъ по восшествіи на престолъ Екатерины II, ни полслова не говоритъ, что онъ былъ сочинителемъ манифеста о вольности дворянской въ томъ мѣстѣ письма, гдѣ хвалится произведеніями своего пера. Дѣйствительно, Волковъ не говоритъ, что написалъ манифестъ о вольности дворянской; но не говоритъ, что и не писалъ его, слѣдовательно нисколько не противорѣчитъ своему разсказу, приведенному Щербатовымъ. Волковъ говоритъ: „что-жь до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то главные моихъ трудовъ три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о Тайной Канцеляріи и 3) пространный указъ о коммерціи“ [1]; а что онъ не включилъ манифеста о вольности дворянской въ число главныхъ трудовъ своихъ, заблагоразсудилъ умолчать о немъ,— на то онъ имѣлъ важныя причины. Какъ человѣкъ очень умный, Волковъ не могъ не сознавать, что манифестъ написанъ плохо, да и трудно было написать лучше безъ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія такого важнаго дѣла. Съ одной стороны, слышались сильныя жалобы, что дворяне, обязанные вѣчною службою, не могутъ заниматься устройствомъ своихъ имѣній; съ другой стороны—недостатокъ въ людяхъ, необходимость для государства поддержать свое значеніе и выгоды многочисленнымъ регулярнымъ войскомъ, не позволяли ему освободить дворянъ отъ обязательной службы. Давно уже принимались мѣры для соглашенія интересовъ государства съ интересами землевладѣльцевъ: продолжительные отпуски при Екатеринѣ I, сокращеніе срока службы при Аннѣ. Манифестомъ 1736 года дворянинъ обязанъ былъ служить только 25 лѣтъ, начиная отъ двадцатилѣтняго возраста; но когда явилось слишкомъ много охотниковъ воспользоваться закономъ о двадцатипятилѣтнемъ срокѣ, то въ 1740 году правительство, въ виду войны, принуждено было всячески затруднять увольненіе въ отставку [2]), и потому, какъ видно, двадцатипятилѣтній срокъ остался только на бумагѣ, ибо Ив. Ив. Шуваловъ, въ предложеніи своемъ императрицѣ Елисаветѣ о фундаментальныхъ законахъ, говоритъ: „Дворянину служить 26 лѣтъ, считая отъ времени дѣйствительной службы его, т.-е. отъ 20 лѣтъ возраста“ [3]). Этотъ двадцатишестилѣтній срокъ, назначаемый Шуваловымъ, показываетъ намъ, съ какою осторожностью самые образованные и либеральные люди относились тогда къ вопросу о дворянской вольности относительно службы: ихъ пугала мысль, что множество дворянъ выйдетъ въ отставку,—нѣкоторые, дѣйствительно, для хозяйственныхъ занятій, но другіе для праздной жизни въ имѣніяхъ, и многія мѣста въ войскѣ останутся незанятыми, вслѣдствіе чего нужно будетъ наполнять ихъ иностранцами. Страхъ предъ усиленіемъ иностраннаго элемента въ войскѣ заставилъ того же Шувалова предложить, какъ фундаментальный законъ, чтобъ въ гвардіи, арміи и флотѣ три части генераловъ и офицеровъ были Русскіе, а четвертая—Лифляндцы, Эстляндцы и иностранные.

Въ манифестѣ 18-го февраля не только не было указано никакихъ мѣръ противъ слишкомъ большого выхода въ отставку и противъ нерадѣнія о воспитаніи дворянъ, но даже ничего не было упомянуто о томъ призывѣ дворянъ къ службѣ, на который указалъ императоръ въ Сенатѣ: „когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на томъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается“. Манифестъ 18-го февраля долженъ былъ очень обрадовать многихъ; но эту радость въ такой степени не могли раздѣлить дворяне, занимавшіе высшія должности, которые имѣли всѣ побужденія продолжать службу, дававшую имъ значеніе и выгоды. У этихъ людей гораздо больше на сердцѣ были другія льготы—освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія, уничтоженіе конфискаціи дворянскихъ имуществъ. Ив. Ив. Шуваловъ внесъ въ свой проектъ фундаментальныхъ законовъ: „Впадшее въ преступленіе дворянство теряетъ только конфискаціею собственно нажитое собою имѣніе, а не родовое. Отъ безчестной политической казни дворянство освободить“. Этихъ-то, наиболѣе желанныхъ льготъ дворянству не было дано, а безъ нихъ свобода отъ службы не имѣла особенно важнаго значенія, особенно для дворянъ, составляв-

[1]) Русская Старина, 1874, кн. XI.

[2]) См. выше: «Исторія Россіи», кн. IV т. XX, стр. 1409.

[3]) Русскій Архивъ 1867 г., № 1.

шихъ высшій петербургскій кругъ, предъ которымъ Волковъ и былъ въ отвѣтѣ. Здѣсь, въ этомъ кругу, хвалиться манифестомъ 18-го февраля было неудобно, и Волковъ ловко обошелъ его, не поставилъ его въ число главныхъ дѣлъ своихъ.

Въ числѣ этихъ трехъ главныхъ трудовъ, которыми хвалится Волковъ, былъ трудъ о Тайной Канцеляріи. 7-го февраля императоръ объявилъ въ Сенатѣ, что отнынѣ Тайной Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи быть не имѣетъ. 21-го февраля изданъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось: „Всѣмъ извѣстно, что къ учрежденію тайныхъ розыскныхъ канцелярій, сколько разныхъ именъ имъ ни было, побудили вселюбезнѣйшаго нашего дѣда, государя императора Петра Великаго, монарха великодушнаго и человѣколюбиваго, тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы. Съ того времени отъ часу меньше становилось надобности въ помянутыхъ канцеляріяхъ; но какъ Тайная Канцелярія всегда оставалась въ своей силѣ, то злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ подавался способъ или ложными затѣями притягивать вдаль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами обносить своихъ начальниковъ или непріятелей. Вышеупомянутая Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія уничтожается отнынѣ навсегда, а дѣла оной имѣютъ быть взяты въ Сенатъ, но за печатью къ вѣчному забвенію въ Архивъ положатся. Ненавистное выраженіе, а именно: „Слово и Дѣло“ — не долженствуетъ отнынѣ значить ничего, и мы запрещаемъ — не употреблять онаго никому; о семъ кто отнынѣ оное употребитъ, въ пьянствѣ или въ дракѣ, или избѣгая побоевъ и наказанія, — таковыхъ тотчасъ наказывать такъ, какъ отъ полиціи наказываются озорники и безчинники. Напротивъ того, буде кто имѣетъ дѣйствительно и по самой правдѣ донести о умыслѣ по первому или второму пункту, такой долженъ тотчасъ въ ближайшее судебное мѣсто или къ ближайшему же воинскому командиру немедленно явиться и доносъ свой на письмѣ подать или донести словесно, если кто не умѣетъ грамотѣ. Всѣ въ воровствѣ, смертоубійствѣ и въ другихъ смертныхъ преступленіяхъ пойманные, осужденные и въ ссылки, такъ-же на каторги сосланные колодники ни о какихъ дѣлахъ доносителями быть не могутъ. Если явится доноситель по первымъ двумъ пунктамъ, то его немедленно подъ караулъ взять и спрашивать, знаетъ ли онъ силу помянутыхъ двухъ пунктовъ, и если найдется, что не знаетъ и важнымъ дѣломъ почелъ другое, такъ тотчасъ отпускать безъ наказанія. Если же найдется, что доноситель прямое содержаніе двухъ первыхъ пунктовъ знаетъ, — такого спрашивать тотчасъ, въ чемъ самое дѣло состоитъ; когда же дѣло свое доноситель объявитъ, а къ доказательству ни свидѣтелей, ниже что-либо достовѣрнаго на письмѣ не имѣетъ, такого увѣщевать, не напрасно-ли на кого затѣялъ. Если доноситель не отречется отъ своего доноса, то посадить его на два дня подъ крѣпкій караулъ и не давать ему ни питья, ни пищи, но оставить ему все сіе время на размышленіе; по прошествіи же сихъ дней паки спрашивать со увѣщаніемъ, истиненъ ли его доносъ, и буде и тогда утвердится, — въ такомъ случаѣ доносителя подъ крѣпкимъ карауломъ отсылать, буде близко отъ Санктпетербурга или Москвы, то въ Сенатъ или Сенатскую Контору, буде же нѣтъ, — то въ ближайшую губернскую канцелярію, а того или тѣхъ, на кого онъ безъ свидѣтеля или письменныхъ доказательствъ доноситъ, подъ караулъ не брать, ниже подозрительными не почитать до того времени, пока дѣло въ вышнемъ мѣстѣ надлежаще разсмотрѣно будетъ и объ тѣхъ, на кого донесено, указъ воспослѣдуетъ. Буде же доказатель имѣетъ и доказательства и свидѣтелей, что доносъ его правъ, то и доносителя и свидѣтелей, и тѣхъ или того, на кого доносъ, забравъ подъ крѣпкій караулъ, тотчасъ доносить со всѣми обстоятельствами въ нашъ Сенатъ и ожидать указу. Если кто изъ дворянъ, офицеровъ или знатнаго купечества доносителемъ найдется и въ первомъ судебномъ мѣстѣ и въ томъ утвердится, — такого тотчасъ подъ крѣпкимъ карауломъ для изслѣдованія отсылать въ Сенатъ, но до указа изъ онаго однакожь отнюдь не забирать подъ караулъ и подозрительными не почитать тѣхъ, на кого доносъ будетъ. Что до резиденціи принадлежитъ, то свѣдѣніе дѣлъ, могущихъ касаться до двухъ первыхъ пунктовъ, нарочно намъ самимъ предоставляется, дабы показать и въ томъ примѣръ, какъ можно и надлежитъ кротостію изслѣдованія, а не кровопролитіемъ прямую истину раздѣлять отъ клеветы и коварства, и смотрѣть, не найдутся ли способы самимъ милосердіемъ злонравныхъ привести въ раскаяніе и показать имъ путь къ своему исправленію. Но какъ не всякій и съ справедливымъ своимъ доносомъ можетъ иногда такъ скоро до насъ дойти, какъ того нужда требовала бы, да притомъ и то отвращать надлежитъ, чтобъ позволеніемъ свободнаго каждому доступа не поощрить людей къ доносамъ, то повелѣваемъ, чтобъ каждый, кто имѣетъ намъ донести о дѣлѣ важномъ, справедливомъ и, дѣйствительно, до двухъ первыхъ пунктовъ принадлежащемъ, приходилъ съ онымъ безъ всякаго опасенія къ нашимъ генералъ-поручикамъ — Льву Нарышкину и Алексѣю Мельгунову, да тайному секретарю Дмитрію Волкову, кои для того монаршею нашею довѣренностью удостоены“ [1]).

Давно уже жаловались, что Сенатъ обремененъ судными дѣлами по апелляціямъ и не имѣетъ времени заниматься государственными дѣлами. Ив. Ив.

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,445. — По свидѣтельству Кастера (Histoire de Catherine II, I, 264), декларація о вольности дворянской и объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи были переданы канцлеромъ Воронцовымъ Гудовичу, а послѣднимъ — императору, который, не разсматривая ихъ, прочелъ въ Сенатѣ; Гудовичъ убѣдилъ Петра сдѣлать это, представивъ, какое вредное впечатлѣніе производитъ на народъ дурной образъ жизни его, Петра, и что надобно поправить дѣло, объявивъ важныя милости.

Шуваловъ предлагалъ императрицѣ Елисаветѣ: „Въ Москвѣ учредить въ Сенатской Конторѣ нѣсколько сенаторовъ, придавъ къ нимъ достойныхъ членовъ, дабы апелляціонныхъ челобитчиковъ дѣла вершались, а Сенату оставили время для дѣлъ государственныхъ“ [1]). Теперь эту мысль поспѣшили привесть въ исполненіе,—учредили особый департаментъ, только не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ. 29 января Сенатъ слушалъ именной указъ: „Его императорскому величеству извѣстно, что въ Сенатѣ, Юстицъ- и Вотчинной Коллегіи и въ Судномъ Приказѣ нерѣшенныхъ дѣлъ умножилось: такъ для лучшаго порядка и скорѣйшаго рѣшенія указовъ какъ въ Сенатѣ для рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ апелляціонныхъ дѣлъ учинить особый департаментъ, такъ и въ Юстицъ- и Вотчинной Коллегіяхъ и въ Судномъ Приказѣ учредить для челобитчиковыхъ дѣлъ въ каждомъ мѣстѣ по три департамента; въ Сенатѣ быть изъ сенаторовъ тремъ или четыремъ особамъ, а въ Коллегіяхъ и Приказѣ изъ членовъ тѣхъ мѣстъ, и правленіе дѣлъ въ этихъ департаментахъ росписать по губерніямъ; когда же департаментамъ чего-либо рѣшить собою нельзя будетъ,—съ такими дѣлами приходить въ полное собраніе“. Въ тотъ же день послѣдовалъ указъ—Конференціи не быть, и дѣла изъ нея принять въ Сенатъ и въ Иностранную Коллегію [2]); но мы видѣли, что 20 мая учреждено было что-то безъименное, „чтобъ намѣренія императора наилучше и скорѣе въ дѣйство произведены быть могли“. Въ члены этого безъименнаго учрежденія изъ сенаторовъ вошли только двое: канцлеръ, графъ Воронцовъ, и фельдмаршалъ, князь Никита Юр. Трубецкой. Сенатъ въ это время состоялъ изъ 13 членовъ, кромѣ генералъ-прокурора; эти члены были: графъ Михаилъ Лар. Воронцовъ, графъ Романъ Лар. Воронцовъ, князь Никита Юр. Трубецкой, князь Петръ Никитичъ Трубецкой, князь Мих. Мих. Голицынъ, кн. Алексѣй Димитр. Голицынъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Ив. Вас. Одоевскій, Ив. Ив. Неплюевъ, Александръ Борис. Бутурлинъ, Александръ Григ. Жеребцовъ, Петръ Спиридон. Сумароковъ, Ив. Ив. Кастюринъ.

Сенатъ спѣшилъ окончить дѣло, тянувшееся съ 1757 года,—дѣло о церковныхъ имѣніяхъ. 7-го января онъ пересмотрѣлъ дѣло и рѣшилъ имѣть съ Синодомъ общую конференцію, принявъ тѣ основанія соглашенія, чтобъ монастырскіе крестьяне платили по 50 копѣекъ въ казну и по 50 копѣекъ въ монастырь или архіерейскій домъ, которымъ принадлежали. 17-го января самъ императоръ приказалъ Сенату имѣть конференцію съ Синодомъ о крестьянахъ на положенномъ основаніи. Но это намѣреніе было отклонено; сочли нужнымъ повернуть дѣло покруче, и 16-го февраля данъ былъ именной указъ: „Какъ ея величество государыня императрица Елисавета Петровна, соединяя благочестіе съ пользою отечества и премудро различая вкравшіяся злоупотребленія и предубѣжденія отъ прямыхъ догматовъ вѣры и истинныхъ основаній Православныя Восточныя Церкви, за потребно нашла монашествующихъ, яко сего временнаго житія отрекшихся, освободить отъ житейскихъ и мірскихъ попеченій, и, вслѣдствіе того, присутствуя своею особою въ тогдашней конференціи, а именно 30 сентября 1757 года, сама такое полезное всему государству о управленіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ узаконеніе положить изволила, которое одно, независимо отъ прочихъ великихъ ея императорскаго величества дѣлъ и благодѣяній своему отечеству, достаточно было бы учинить славную ея память безсмертною: но хотя его императорское величество, присутствуя недавно самъ въ Сенатѣ, и повелѣли помянутое узаконеніе немедленно и обще съ Синодомъ въ дѣйствительное исполненіе привести, однакоже какъ въ разсужденіи важности сей матеріи, такъ и дабы паки въ безплодныхъ порѣшенныхъ толь справедливо и предусмотрительно дѣлу совѣтованіяхъ и сношеніяхъ не тратить напрасно время, восхотѣли его императорское величество чрезъ сіе точнѣе Сенату повелѣть, чтобы выше-изображенное узаконеніе императрицы Елисаветы Петровны какъ наискоряе по точному и прямому содержанію безъ всякаго изъятія самымъ дѣломъ въ дѣйство произведено и непремѣнно навсегда исполняемо было. За потребно еще его императорское величество находитъ указъ императора Петра Великаго о непостриженіи въ монастыри безъ особливыхъ именныхъ указовъ подтвердить чрезъ сіе во всемъ его содержаніи и силѣ“. По этому указу должна была выполниться и первоначальная мысль Елисаветы, чтобъ монастырскія имѣнія управлялись не монастырскими служками, но отставными штабъ и оберъ-офицерами, и Сенатъ приказали: 1) для управленія всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и къ церквамъ приписанныхъ вотчинъ быть Коллегіи Экономіи, въ которую опредѣлить президента съ членами и прокурора, наравнѣ съ другими коллегіями, и состоять ей подъ вѣдомствомъ Сената. 2) Крестьянамъ платить рубль, причемъ отдать имъ землю, которую они прежде пахали на архіереевъ, монастыри и церкви. 3) Доходъ собирать весь на монастыри, но употреблять изъ него въ расходъ только то, что по штатамъ положено, а остальное хранить, такъ чтобъ всегда, зная о числѣ сберегаемой суммы, раздавать изъ нея на монастырское строеніе. Коллегіи Экономіи стараться всѣмъ монастырямъ и пустынямъ, располагая ихъ по классамъ, сочинить штаты, послѣ чего платить: монахамъ денегъ—по 6 рублей, хлѣба по 5 четвертей; дьяконамъ—по 8 рублей и хлѣба по 7 четвертей; казначею—18 рублей и 8 четвертей; намѣстнику—24 рубля и 8 четвертей; проповѣднику—30 рублей и 30 четвертей; игумену—50 рублей и 8 четвертей; архимандриту—100 рублей и 8 четвертей; второго

[1]) Русскій Архивъ 1867 г., № 1.
[2]) Журналы и протоколы Сената 29 января.

класса монастыри получаютъ половинное противъ этого содержаніе. Находящихся въ монастыряхъ отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, которыхъ всѣхъ 1,358 человѣкъ, содержать Коллегіи на прежде опредѣленномъ жалованьи. Президентомъ въ Коллегію Экономіи опредѣленъ тайный сов. князь Василій Оболенскій [1]). Во всенародное извѣстіе это распоряженіе объявлено было въ указѣ 21-го марта: здѣсь троимъ архіереямъ—Московскому, Новгородскому и С.-Петербургскому—опредѣлено годовое содержаніе въ 5,000 рублей, остальнымъ архіереямъ въ 3,000, да на содержаніе семинарій по 3,000 рублей; архимандритамъ: „перваго класса ставропигіальнымъ десяти монастырямъ по 500 рублей, а прочимъ по половинѣ; второго класса— по 200 рублей, а послѣднимъ, третьяго класса,—по 150 рублей каждому въ годъ; противъ того-жь на три класса всѣ монастырскіе въ штатѣ опредѣленные расходы расположены быть имѣютъ“. Но когда еще не было ничего сдѣлано для того, чтобъ новое учрежденіе получило правильное движеніе, когда монастыри еще не были распредѣлены на классы, не были окончательно составлены штаты, 4-го апрѣля Сенату былъ объявленъ именной указъ—со времени высочайшихъ указовъ 16-го февраля и 21-го марта (съ какого же именно времени?), всѣ собранныя денежныя суммы возвратить и содержать впредь на опредѣленные тѣмъ епархіямъ по тому указу расходы; а съ крестьянъ во всѣхъ тѣхъ епархіяхъ никакихъ сборовъ не чинить и посланныхъ отъ нихъ (т.-е. отъ епархій) для того взысканія изъ тѣхъ вотчинъ выслать“ [2]).

Волковъ въ своемъ оправдательномъ письмѣ говоритъ: „Что-жь до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о Тайной Канцеляріи и 3) пространный указъ о коммерціи. На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливое, и радъ я былъ случаю—воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастію, перепорчена въ Сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія“. Какимъ образомъ однако исторія перепорчена была въ Сенатѣ,—объ этомъ Волковъ не говоритъ, и мы не знаемъ. Мы знаемъ, что Сенатъ долженъ былъ 1-го іюня поднести императору докладъ: положенный съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ годовой оброкъ по рублю съ души высочайше повелѣно сбирать со второй половины этого года, который сборъ не иначе, какъ въ исходѣ этого года начатъ будетъ, а между тѣмъ на монастырскія и жалованныя монашествующимъ и отставнымъ дачи производить не изъ чего, а какъ тѣ вотчины изъ владѣнія архіереевъ и монастырскихъ властей выбыли почти съ начала этого года, т.-е. отъ марта мѣсяца, къ тому-жь и земли крестьянамъ отданы: то не соизволитъ ли ваше импер. величество указать съ архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ окладъ по рублю взять на весь нынѣшній 1762 годъ при наступленіи перваго платежа подушныхъ денегъ“. Императоръ конфирмовалъ докладъ [3]).

Соперникъ Волкова по участію въ главныхъ трудахъ, по сочиненію манифестовъ, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ 29 января объявилъ Сенату именной указъ, что государь позволяетъ бѣжавшимъ въ Польшу и другія заграничныя страны раскольникамъ возвратиться въ Россію и поселиться въ Сибири, въ Барабинской степи и другихъ подобныхъ мѣстахъ, причемъ имъ не должно дѣлать никакого препятствія въ содержаніи закона по ихъ обыкновенію и старопечатнымъ книгамъ, ибо „внутри Всероссійской имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники—христіане, точію въ единомъ застарѣломъ суевѣріи и упрямствѣ состоятъ, что отвращать должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за-границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно“ [4]). Вслѣдъ за тѣмъ Сенатъ далъ указъ: развѣдать, нѣтъ ли гдѣ раскольническихъ для сожженія своего сборищъ, и если такія богомерзкія сборища гдѣ окажутся, то немедленно посылать туда достойныхъ людей и велѣть имъ всячески стараться чрезъ увѣщанія отъ такого пагубнаго намѣренія удерживать и спрашивать ихъ, для чего они хотятъ это дѣлать; если будутъ показывать, что такое намѣреніе приняли они отъ притѣсненій и забиранія подъ караулъ, то увѣрить ихъ, что производимыя о нихъ слѣдствія уже велѣно уничтожить, и дѣйствительно ихъ теперь оставить, и содержащихся подъ карауломъ тотчасъ отпустить по домамъ, и вновь никого не забирать“.—Въ Петербургъ явился Аѳанасій Ивановъ, повѣренный записныхъ раскольниковъ, разныхъ лѣсовъ келейныхъ жителей Нижегородской губерніи, Балахонскаго и Юрьевецкаго уѣздовъ. Ивановъ подалъ въ Сенатъ просьбу, въ которой раскольники жаловались, что терпятъ притѣсненія отъ духовныхъ правленій изъ-за взятокъ; что въ 1716 году въ Нижегородской губерніи по переписи было раскольниковъ обоего пола до 40,000 душъ, въ томъ числѣ келейныхъ жителей до 8,000; но отъ притѣсненій принуждены они были разойтись врознь, и теперь осталось не болѣе 5,000 душъ; раскольники просили, чтобы положенныя на нихъ деньги платить прямо въ Раскольническую Контору, а для защиты отъ обидъ приписать ихъ къ желѣзному Верхъ-Исетскому заводу графа Романа Лар. Воронцова на-вѣки. Сенатъ приказалъ для защиты этихъ раскольниковъ назначить изъ отставныхъ оберъ-офицеровъ опеку — на человѣка достойнаго, на котораго въ этомъ дѣлѣ можно было

---

[1]) Журналы и протоколы Сената, 19 февраля и 22 марта.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11481, 11493.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 11560.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 11420.

бы положиться, и деньги за расколъ платить имъ прямо въ Раскольничью Контору [1]).

Раскольники просили приписать ихъ къ заводу; но крестьяне, приписные къ заводамъ верхотурскаго купца Походяшина, подали жалобу на хозяина, и Сенатъ нарядилъ слѣдствіе; черезъ полтора мѣсяца подали челобитную крестьяне, приписные къ заводамъ графа Ив. Гр. Чернышева и Демидовыхъ—Николая и Евдокима: жаловались, что управители и приказчики притѣсняютъ ихъ, бьютъ, а нѣкоторыхъ и до смерти убили. Сенатъ поручилъ слѣдствіе генералъ-маіору Кокошкину и полковнику Лопатину. Такъ какъ до сихъ поръ волновались преимущественно крестьяне, приписные къ фабрикамъ и заводамъ, то запрещено было фабрикантамъ и заводчикамъ покупать деревни съ землями и безъ земель,— пока не будетъ конфирмовано новое уложеніе, велѣно имъ довольствоваться вольнонаемными людьми. Но скоро пришло извѣстіе и о волненіяхъ пашенныхъ крестьянъ. Въ вотчинахъ стат. совѣт. Евграфа Татищева (сына знаменитаго Василья Никитича) и гвардіи поручика Петра Хлопова, въ Тверскомъ и Клинскомъ уѣздахъ, крестьяне отложились отъ помѣщиковъ по наученію тверского отставного подъячаго Ивана Собакина, у Татищева хоромы срыли и разбросали, у Хлопова—домъ и житницы съ хлѣбомъ и оброчныя деньги разграбили, а помѣщикамъ своимъ приказывали сказать, чтобъ они къ нимъ не ѣздили, приказчиковъ и дворовыхъ людей хотѣли побить до смерти и изъ вотчинъ выбили вонъ. Вслѣдъ за тѣмъ поступили донесенія: отъ прокурора московской губернской канцеляріи Зыбина—о возмущеніи его бѣлевскихъ крестьянъ; отъ княгини Елены Долгорукой—о возмущеніи галицкихъ; отъ капитана Балкъ-Полева—каширскихъ; коллеж. совѣтн. Афросимова—тульскихъ и епифанскихъ; жены полковника Дмитріева-Мамонова—волоколамскихъ. У Татищева возмутилось 700 душъ, у Хлопова—800, у Зыбина—340, у кн. Долгорукой—2,000, у Балкъ-Полева—950, у Афросимова—650, у Дмитріева-Мамонова—400. Кромѣ того, въ Волокамскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Вишенкахъ, староста и крестьяне съ дубьемъ пришли въ домъ помѣщицы Эрчаковой, ругали ее и выгнали изъ сельца. Въ Сенатъ явилось четверо крестьянъ Татищева съ жалобою на помѣщика, что онъ немалое число изъ нихъ развелъ въ другія свои деревни и беретъ къ себѣ въ дворовые люди; остальные всегда на его работѣ, и взыскиваетъ съ нихъ оброкъ съ прибавкою и рекрутскія деньги. Сенатъ велѣлъ этихъ крестьянъ наказать нещадно плетьми, Собакина сыскивать всѣми способами, и противъ возмутившихся крестьянъ послать военную команду. Но крестьяне Татищева и Хлопова напали на команду, ранили одного офицера, солдаты были всѣ побиты или ранены, а 64 человѣка не явились, и гдѣ находятся—никто не зналъ. Послѣ получены были подробнѣйшія извѣстія: крестьяне разбили команду, разсвирѣпѣвъ оттого, что она убила у нихъ трехъ человѣкъ и переранила до двѣнадцати человѣкъ; крестьяне захватили 64 человѣка солдатъ и держали подъ карауломъ три дня, потомъ отправили въ Тверь съ постороннимъ сотскимъ, а съ лошадьми послали пятерыхъ крестьянъ съ женщинами и дѣтьми. По рѣшенію Сената, противъ нихъ отправлена была команда изъ 400 человѣкъ и съ четырьмя пушками; но, по указу императора, отправленъ былъ генералъ-маіоръ Виттенъ съ кирасирскимъ полкомъ. Наконецъ, въ вяземской Воскресенской волости 1,000 человѣкъ крестьянъ князей Долгорукихъ прибили и разграбили приказчиковъ, и послали въ Сенатъ съ просьбою приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ.

Волненіе обнаружилось и въ Москвѣ между фабричными рабочими. Содержатель главной московской суконной мануфактуры, Василій Суровщиковъ, донесъ, что мастеровые и рабочіе, согласясь съ находящимися на той фабрикѣ солдатскими дѣтьми, присланными изъ школъ по непонятности къ ученію, начали вольноваться, какъ прежде въ 1746 и 1749 годахъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля суконщикъ Ѳедоръ Андреевъ сказалъ за собою **важность**, почему и отосланъ въ Мануфактуръ-Контору; и въ то же время нѣкоторыя изъ солдатскихъ дѣтей подали доношеніе въ Главный Коммисаріатъ съ жалобою, что удерживаются у нихъ заработанныя деньги и дается на дѣланіе суконъ негодная шерсть. 22 февраля юнкеръ князь Мещерскій и два солдата привели суконщика Андреева изъ Мануфактуръ-Конторы съ тѣмъ, чтобъ наказать за ложную важность; но когда хотѣли наказывать при собраніи всѣхъ фабричныхъ, то суконщикъ сталъ противиться, а солдатскія дѣти подняли страшный крикъ и наказывать его не дали. Юнкеръ отвелъ Андреева назадъ въ Мануфактуръ-Контору безъ наказанія; а солдатскія дѣти прибили начальствующаго надъ ними сержанта и немалыми партіями стали своевольно отлучаться отъ суконнаго дѣла; нѣкоторыя стали разглашать, что посланные въ 1749 году въ ссылку возвращены, а содержатель Суровщиковъ, по прошенію ихъ, въ Петербургѣ подъ арестомъ [2]).

Но болѣе всего озабочивали Сенатъ финансы. Мы видѣли, что Волковъ хвалился „пространнымъ указомъ о коммерціи", какъ своимъ произведеніемъ. Указъ этотъ былъ написанъ по поводу просьбы Шемякина и Саввы Яковлева объ отдачѣ имъ на откупъ таможенныхъ сборовъ еще на 10 лѣтъ. Таможенный сборъ былъ имъ отданъ на откупъ; но тутъ же приказано вывозить хлѣбъ безпрепятственно изъ всѣхъ портовъ, не исключая лежащихъ на Каспійскомъ и Черномъ моряхъ, причемъ пошлину собирать половинную противъ той,

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,434, 11,435.

[2]) Журналы и протоколы Сената 11 января; 1, 11 и 22 марта; 30 мая; 3 и 20 іюня.

которая собирается въ рижскомъ, ревельскомъ и перновскомъ портахъ, по той причинѣ, что тамъ этотъ торгъ давно уже заведенъ, и привозъ и отпускъ хлѣба не такъ затруднителенъ. Также позволенъ отпускъ за море изо всѣхъ портовъ не только соленаго мяса, но и живой скотины. Изъ архангельскаго порта дозволенъ свободный вывозъ товаровъ, также и привозъ въ него съ равною противъ петербургскаго и другихъ портовъ пошлиною; нѣкоторые товары, которые сдѣланы безпошлинными натянутымъ истолкованіемъ прежнихъ указовъ, обложены пошлиною, напримѣръ—сахарный песокъ и хлопчатая бумага.

Выгоды отъ этихъ мѣръ были еще впереди, а между тѣмъ въ казнѣ денегъ не было.

8 мая Сенатъ принужденъ былъ принять зловѣщее рѣшеніе: начатіемъ новой водяной коммуникаціи отъ Рыбной слободы до Волхова до разсмотрѣнія удержаться, по случаю нынѣ въ деньгахъ крайней нужды. Государю было доложено: государственныхъ доходовъ состоитъ 15.350,636 рублей 93¼ копѣйки; изъ нихъ расходуется: 1) на войско 10.418,747 рублей 70¾ коп.; 2) въ комнату императора изъ соляныхъ и таможенныхъ доходовъ идетъ милліонъ сто пятьдесятъ тысячъ рублей; 3) на содержаніе Двора, придворные отпуски и на Канцелярію строеній 603,333 рубля 33¾ коп.; 4) Малороссійскому гетману 98,147 руб. 85 коп.; 5) на окладные и чрезвычайные по Штатсъ-Конторѣ отпуски и жалованныя дачи вмѣстѣ съ долгомъ, считающимся на Штатсъ-Конторѣ, 4.232,432 рубля, итого 16.502,660 р., слѣдовательно приходовъ въ расходъ недостаетъ на 1.152,023 рубля, а когда изъ винныхъ, соляныхъ и новоположенныхъ съ черносошныхъ крестьянъ, употребляемые теперь единовременно на удовлетвореніе заграничной арміи 1.400,000 руб. отданы будутъ въ Штатсъ-Контору, тогда въ ея расходахъ такого недостатка быть не можетъ [1]).

Сенатъ указывалъ, что дефицитъ происходитъ отъ содержанія арміи за-границею; но избѣжать этого расхода не предполагалось, и потому прибѣгли къ средству, котораго такъ остерегались при Елисаветѣ. На третій день послѣ доклада государю о дефицитѣ, 25 мая объявленъ былъ Сенату именной указъ объ учрежденіи банка: „По восшествіи нашемъ на престолъ, первое наше попеченіе было о тѣхъ дѣлахъ, кои по своей важности скорѣйшаго требовали исправленія и рѣшенія. Передѣлъ мѣдныхъ денегъ, ихъ облегченіе и умноженіе по составленному еще до того и Сенатомъ уже утвержденному проекту, казался однимъ изъ самонужнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ и таковымъ намъ отъ Сената представленъ, почему и не умедлили мы тогда-жъ наше на то соизволеніе дать; но какъ тогда-жъ предусматривали мы, что сіе по нуждѣ сысканное средство хотя и дѣлаетъ нѣкоторое облегченіи, но не отвращаетъ однакожъ всѣхъ сопряженныхъ съ тѣмъ несходствій, такъ искусство (опытъ) и время утвердили насъ и болѣе въ сей истинѣ; сего ради и не переставали мы помышлять о изобрѣтеніи легчайшаго и надежнѣйшаго средства хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить и въ самой коммерціи удобнымъ и полезнымъ сдѣлать. Учрежденіе знатнаго государственнаго банка, въ которомъ бы всѣ и каждый, по мѣрѣ своего капитала и произволенія, за умѣренные проценты пользоваться могли, и хожденіе банковыхъ билетовъ представилось тотчасъ, яко самое лучшее и многими въ Европѣ примѣрами извѣданное средство. Оставляя времени великую отъ банка всему государству пользу дать чувствовать и пріохотить, чтобъ партикулярными своими капиталами въ ономъ участвовали, хотимъ теперь собственно отъ насъ сіе важное всей имперіи, а паче купечеству и коммерціи показать благодѣяніе, и для того повелѣваемъ: надѣлать какъ наискорѣе банковыхъ билетовъ на пять милліоновъ рублей на разныя суммы, а именно—на 10, 50, 100, 500 и 1,000. По надѣланіи вдругъ сихъ пяти милліоновъ, будутъ оные тотчасъ раздѣлены по такимъ казеннымъ мѣстамъ, откуда наибольшая выдача денегъ бываетъ, съ тѣмъ, дабы оныя употребляли ихъ въ расходъ, какъ самыя наличныя деньги, ибо мы хотимъ и чрезъ сіе повелѣваемъ, чтобъ сіи билеты и въ самомъ дѣлѣ за наличную монету ходили. Отъ сего-жъ времени собственнымъ нашимъ капиталомъ государственный въ пяти милліонахъ рубляхъ состоящій банкъ учреждаемъ, который двумя равными, здѣсь и въ Москвѣ, конторами управляемъ быть имѣетъ. Симъ конторамъ ввѣряемъ мы теперь тотчасъ два милліона рублей, одинъ—въ серебряной, а другой—въ мѣдной монетѣ состоящіе, а прочіе три милліона рублей вступятъ въ оныя чрезъ три года, а именно—въ каждый годъ по милліону. Конторы и помянутый капиталъ къ тому только назначаются, чтобъ тѣмъ, кто съ билетами у нихъ явится и наличныя вмѣсто того деньги имѣть похочетъ,—тотчасъ наличными-жъ за пріемъ билетовъ деньгами выдавали безъ всякихъ росписокъ и письменнаго производства, а еще больше безъ всякаго задержанія и волокиты; или кто наличныя деньги принесетъ, а вмѣсто того на равную сумму билеты имѣть похочетъ, то и таковыхъ равномѣрно довольствовали“. Директорами конторы въ Петербургѣ назначались: оберъ-директоръ Роговиковъ, петербургскіе купцы—Барминъ и Ямщиковъ, тульскій купецъ — Пастуховъ, калужскій — Губкинъ, англійскій купецъ—Риттеръ; въ Москвѣ: тамошніе купцы—Земскій, Журавлевъ, Ситниковъ, тульскій—Лугунинъ, ярославскій—Иванъ Затрапезновъ, иностранный купецъ—Вольфъ. Въ концѣ указа о банкѣ говорилось: „Передѣлъ мѣдныхъ денегъ въ легчайшую монету изъ тяжелой по прежнему плану неотмѣнно продолжать, но вновь изъ мѣди не дѣлать и оной въ казну не брать, а велѣть, чтобъ заводчики отпускали оной больше

[1]) Журналы и протоколы Сената 8 и 23 мая. Полн. Собр. Зак. № 11,489.

за-море и продавали на ефимки". За день до конца царствованія, Сенатъ слушалъ именной указъ: „Въ розданныхъ взаймы изъ дворянскаго и купеческаго банковъ деньгахъ отсрочекъ больше не дѣлать, но всѣ неотложно собрать" [1]).

Деньги были нужны потому, что главныхъ расходовъ—расходовъ на войско — уменьшить было нельзя, напротивъ, они должны были увеличиться вслѣдствіе усиленныхъ военныхъ приготовленій. 6 марта Сенатъ слушалъ именной указъ: „Съ того времени, какъ регулярство и военная дисциплина дѣйствительно заведены въ войскахъ нашихъ, имперія наша и бо́льшую гораздо знатность, и новое расширеніе получила. Но какъ почти всѣ европейскіе государи, а особливо съ нѣкотораго времени, неутомленное прилагаютъ стараніе войска свои сколько можно въ лучшее состояніе приводить, и въ двухъ неоспоримыхъ истинахъ признаться надобно: первое, что военное званіе и ремесло во многомъ весьма перемѣнились и гораздо большаго достигли совершенства, и второе, что и долгъ насъ обязуетъ, и внутренно чувствуемъ мы превеликое, но справедливое удовольствіе, прилагая всевозможные къ тому труды и старанія, чтобъ, приводя имперію нашу въ цвѣтущее состояніе, поставить и военную нашу силу сколько можно въ лучшее еще и для пріятелей почтительнѣйшее, а для непріятелей страшное состояніе:—то за потребно разсудили мы, для достиженія сего намѣренія, учредить нарочную Военную Коммисію, а главную дирекцію оной на насъ самихъ снимаемъ, членами же оной опредѣляемъ: его высочество Голштинскаго принца Георгія, нашего любезнаго дядю, яко генералъ-фельдмаршала; генералъ-фельдмаршала князя Трубецкого, генералъ - фельдмаршала принца Гольштейнъ-Бекскаго, генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа, генералъ-прокурора и генералъ кригсъ-коммисара Глѣбова, генералъ-поручика Мельгунова и нашего генералъ-адъютанта барона Унгерна" [2]). Еще прежде, 16 февраля, по именному указу, учреждена была нарочная коммисія для приведенія флота въ надлежащее и съ безопасностью и честью имперіи сходственное состояніе [3]). По приказанію императора, данному 1 марта, флотъ должно было вооружить весь [4]). 11 мая императоръ приказалъ остановить всѣ публичныя каменныя работы и прочія сверхъ штатнаго положенія раздачи на то время, пока доходы паки умножатся, по причинѣ великаго числа доставляемой къ арміи суммы [5]).

Кромѣ русскаго войска, Петръ вознамѣрился составить особое голштинское войско,—и вербовщики отправились въ Лифляндію и Эстляндію съ наказомъ вербовать вольныхъ людей, а не изъ подданныхъ его императорскаго величества; отправились и въ Малороссію для набора изъ Волоховъ и Поляковъ, но никакъ не изъ Малороссіянъ [6]).

Для чего же нужно было усиленіе войска и флота и столько издержекъ на содержаніе заграничной арміи? Быть можетъ, это было нужно, чтобъ сдѣлать послѣднее усиліе для окончанія войны съ Пруссіею, для полученія себѣ и союзникамъ честнаго мира? Но мы уже видѣли [7]), что Петръ давно обнаруживалъ сильное уваженіе къ Фридриху II и несочувствіе къ политической системѣ, господствовавшей при его теткѣ. Мы считаемъ себя въ правѣ принимать съ большею осторожностью разныя извѣстія о таинственныхъ сношеніяхъ наслѣдника Русскаго престола съ Фридрихомъ II-мъ; объ этихъ сношеніяхъ заключали изъ собственныхъ словъ Петра; но мы знаемъ, какъ ребячески онъ могъ увлекаться въ своихъ разсказахъ, какія небывалыя вещи могъ себѣ приписывать. Слѣдующіе два разсказа княгини Дашковой, какъ нарочно одинъ за другимъ помѣщенные, всего лучше могутъ установить взглядъ на это дѣло. Однажды, говоритъ кн. Дашкова, Петръ III ужиналъ у канцлера Воронцова; Дашкова находилась подлѣ императора и слышала разговоръ его съ графомъ Мерси, австрійскимъ посломъ: Петръ разсказывалъ, какъ отецъ его, герцогъ Голштинскій, поручилъ ему экспедицію противъ цыганъ, и какъ онъ въ минуту разбилъ ихъ со своимъ отрядомъ. Вслѣдъ затѣмъ, кн. Дашкова разсказываетъ, какъ въ другой разъ, на праздникѣ во дворцѣ, долго разговаривая о своемъ любимомъ предметѣ, о королѣ Прусскомъ, Петръ вдругъ обратился къ Волкову съ вопросомъ: „Не правда ли, сколько разъ мы съ тобою смѣялись надъ секретными приказаніями, которыя императрица Елисавета посылала къ своему войску въ Пруссію?" Волковъ былъ сильно смущенъ этимъ обращеніемъ, и кн. Дашкова, въ своемъ нерасположеніи къ Петру и Волкову, считая разсказъ о цыганахъ сказкою, принимаетъ слова о сношеніяхъ съ Фридрихомъ II за правду и обвиняетъ Волкова, что тотъ, въ угоду великому князю, пересылалъ копіи секретныхъ рескриптовъ Прусскому королю. Но мы, отдаленные слишкомъ на сто лѣтъ отъ описываемыхъ лицъ и событій, не можемъ успокоиваться на этихъ противорѣчіяхъ и должны основываться только на доказательствахъ безспорныхъ [8]).

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11550, 11581. О банкѣ см. Прилож. 1.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11461.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 11442.

[4]) Полн. Собр. Зак. № 11458.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 11532.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 11,416.

[7]) Исторія Россіи, кн. V, т. XXIV,

[8]) Mémoires de la princesse Daschkoff, I, 56, 57, 58 (Bibliothèque russe et polonaise vol. IX). Есть одно указаніе на то, что въ началѣ Семилѣтней войны Петръ какъ-то успѣлъ дать знать Фридриху о своемъ желаніи, чтобъ тотъ не заключалъ союза съ королемъ Датскимъ. Это указаніе находится въ письмѣ Фридриха къ своему посланнику Гольцу, отправлявшемуся въ Петербургъ: «Vous lui (Петру III) direz, que j'avais décliné jusqu'ici soigneusement toutes les propositions d'alliance que le Danemark m'avait faites, comme l'Empereur l'avait souhaité de moi au commencement de la guerre». Приводя эту выдержку изъ письма, г. Щебальскій въ своемъ соч «Политическая система Петра III» говоритъ: «Это письмо

Но если мы и не имѣемъ права принимать на вѣру разсказы за обѣдомъ, подобные разсказамъ о разбитіи цыганъ въ Голштиніи, тѣмъ не менѣе мы должны признать, что прусскія привязанности Петра не уменьшились во время Семилѣтней войны, поддерживаясь особенно голштинскими офицерами, въ кругу которыхъ Петръ всего болѣе любилъ проводить время: нѣкоторые изъ этихъ Голштинцевъ сами служили въ прусскомъ войскѣ; а всѣ вообще, по сѣверо-германскому патріотизму, благоговѣли предъ своимъ національнымъ героемъ, Фридрихомъ II. Штелинъ разсказываетъ, что чѣмъ сильнѣе разгоралась Семилѣтняя война, тѣмъ сильнѣе становились выходки Петра противъ политической системы, которой слѣдовала Россія; онъ говорилъ, что императрицу обманываютъ относительно короля Прусскаго; что совѣтники ея подкуплены Австріею и проведены Франціею. Читая въ газетахъ извѣстія о побѣдахъ союзниковъ, смѣялся и говорилъ: „Это все неправда, мои извѣстія говорятъ иное“. Изъ этихъ словъ заключали, что Петръ получалъ свѣдѣнія изъ Пруссіи; если онъ самъ давалъ такой видъ дѣлу, что имѣлъ какія-то таинственныя сношенія, то разсказъ о цыганахъ невольно приходитъ на память; но всего скорѣе въ этихъ словахъ заключалась полная правда: Петръ получалъ прусскія газеты, вѣрилъ только извѣстіямъ, въ нихъ заключающимся, и потому называлъ эти извѣстія „своими“, въ противоположность извѣстіямъ, шедшимъ отъ враждебной ему стороны.

Въ этомъ отношеніи любопытно донесеніе саксонскаго совѣтника посольства Прассе своему Двору осенью 1758 года. Полковникъ Розенъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о Цорндорфской битвѣ. Слуга, пріѣхавшій съ нимъ, началъ разсказывать здѣсь и тамъ, что битва проиграна Русскими, за что былъ посаженъ на дворцовую гауптвахту. Узнавши объ этомъ, великій князь велѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ: „Ты поступалъ, какъ честный малый; разскажи мнѣ все, хотя я хорошо и безъ того знаю, что Русскіе никогда не могутъ побить Пруссаковъ“. Когда слуга Розена разсказалъ все, какъ умѣлъ или хотѣлъ, то Петръ, указывая ему на голштинскихъ офицеровъ, сказалъ: „Смотри! это все Пруссаки;—развѣ такіе люди могутъ быть побиты Русскими?“ Петръ отпустилъ разсказчика, подаривши ему пять рублей и обнадеживъ своимъ покровительствомъ [1]).

Послѣ этого легко понять, что̀ было въ головѣ Петра относительно войны и перемѣны политической системы во время кончины Елисаветы. Въ самый день кончины императрицы канцлеръ Воронцовъ подалъ докладъ, въ которомъ, между прочимъ, спрашивалось: „Не изволитъ ли его императорское величество указать отправить одного изъ придворныхъ кавалеровъ (къ родственникамъ) къ королю Шведскому, да гвардіи офицера къ владѣтельному принцу Ангальтъ-Цербстскому съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ; и какимъ образомъ отправить обвѣстительную къ королю Прусскому грамоту:—чрезъ генералъ-фельдмаршала графа Бутурлина, или чрезъ находящагося при австрійской арміи графа Чернышева, или же, по собственному сего государя примѣру, чрезъ обрѣтающихся въ Варшавѣ министровъ, россійскаго и прусскаго“. [2]).

Исполненіе по докладу не замедлило, только не чрезъ Бутурлина, не чрезъ Чернышева или русскаго министра въ Варшавѣ: въ тотъ же самый день, 25-го декабря, любимецъ новаго императора, бригадиръ и камергеръ Андрей Гудовичъ, отправленъ былъ къ принцу Ангальтъ-Цербстскому съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Петра, и вмѣстѣ повезъ грамоту императора къ Фридриху II-му. Послѣ извѣщенія о кончинѣ Елисаветы и о восшествіи на престолъ Петра, въ грамотѣ говорилось: „Не хотѣли мы умедлить чрезъ сіе ваше королевское величество увѣдомить, въ совершенной надеждѣ пребывая, что ваше величество, по имѣвшейся съ нашими императорскими предками дружбѣ, въ такомъ новомъ происшествіи не токмо участіе воспріять, но особливо въ томъ, что до возобновленія, распространенія и постояннаго утвержденія между обоими Дворами, къ взаимной ихъ пользѣ, добраго согласія и дружбы касается, съ нами единаго намѣренія и склонности быть изволите, якоже мы по отличнымъ къ вашему величеству мнѣніямъ съ своей стороны всегда особливое стараніе о томъ прилагать и ваше величество о нашей истинной и ненарушимой къ тому склонности вящше и вящше удостовѣривать всякими случаями съ удовольствіемъ пользоваться будемъ“ [3]).

Гудовичъ нашелъ Прусскій Дворъ и министра, завѣдывавшаго иностранными дѣлами, графа Финкенштейна, въ Магдебургѣ; но самъ Фридрихъ II-й былъ въ Бреславлѣ. Первое извѣстіе о смерти Елисаветы получилъ онъ изъ Варшавы 19-го января н. с. Легко понять, какія мысли и надежды возбудило въ немъ это извѣстіе при такомъ отчаянномъ положеніи, въ какомъ онъ тогда находился. Разумѣется, онъ не могъ надѣяться на полноту счастія, какое готовилось для него въ Петербургѣ; онъ не думалъ, что оттуда сдѣланъ будетъ первый шагъ къ начатію непосредственныхъ сношеній, и потому поручилъ англійскому послу въ Петербургѣ, Кейту, поздравить императора и императрицу отъ имени ихъ „стараго друга“. 31-го января получилъ Фридрихъ изъ Магдебурга извѣстіе о пріѣздѣ Гудовича и о привезенномъ имъ письмѣ Петра.

(отъ 7 февраля н. с.) находится въ Берлинскомъ государственномъ архивѣ, гдѣ его списалъ вмѣстѣ со многими другими любопытными документами и отдалъ въ мое распоряженіе почтенный изслѣдователь русскихъ архивовъ Г. В. Есиповъ. Эти документы приложены подъ № XV къ упомянутому сочиненію и состоятъ преимущественно въ депешахъ Гольца.

[1]) Прассе, у Германа, V, 229.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 525.—Фридрихъ II во время войны увѣдомлялъ Русскій Дворъ о событіяхъ въ своемъ семействѣ чрезъ министра своего въ Варшавѣ.

[3]) Дѣла Прусскія 1762 года.

„Благодареніе Небу“, написалъ король брату своему Генриху: „нашъ тылъ свободенъ“ [1]). „Голубица, принесшая масличную вѣтвь въ ковчегъ“ [2]),—Гудовичъ—былъ приглашенъ въ Бреславль и принятъ съ распростертыми объятіями.

28 января с. с. Фридрихъ отвѣчалъ Петру: „Особенно я радуюсь тому, что ваше императ. величество получили нынѣ ту корону, которая вамъ давно принадлежала не столько по наслѣдству, сколько по добродѣтелямъ, и которой вы придадите новый блескъ. Удовольствіе мое о помянутомъ происшествіи усугубляется тѣмъ, что ваше императорское величество благосклонно изволили меня обнадежить о непремѣнной дружбѣ вашей и склонности къ возобновленію и распространенію полезнаго обоимъ Дворамъ согласія. Я всегда ласкалъ себя надеждою, что ваше императ. величество не измѣнитесь въ склонности вашей ко мнѣ, и что я опять найду въ васъ прежняго и такого друга, къ которому я, съ своей стороны, имѣю неотмѣнно самое истинное и особенное высокопочитаніе и преданность. Увѣряю, что всего искреннѣе желаю соблюсти несказанно драгоцѣнную мнѣ дружбу вашу, и, возстановивъ прежнее, обоимъ Дворамъ столь полезное, доброе согласіе, распространить его и утвердить на прочномъ основаніи, чему я, съ своей стороны, всячески способствовать готовъ“ [3]).

Отъ словъ спѣшили перейти къ дѣлу. Плѣнные съ обѣихъ сторонъ были освобождены. Въ самый день восшествія своего на престолъ, Петръ освободилъ двоихъ значительнѣйшихъ прусскихъ плѣнниковъ,—генерала Вернера и полковника графа Горта (родомъ Шведа), которые явились при Дворѣ и стали въ число любимѣйшихъ собесѣдниковъ императора. 15 февраля Петръ писалъ Фридриху: „Не умедлилъ я ни мало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ и которой вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я далѣе здѣсь удерживать вашего генералъ-поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ Дворѣ. Я не могу безъ того обойтись, чтобъ не отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не преставали, такъ что первому изъ нихъ не усумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опытамъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Горту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ, премѣнивъ нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой въ арміи вашего величества будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есмь, господинъ мой братъ, вашего величества добрый братъ и другъ Петръ“. Фридрихъ отвѣчалъ: „Вы просите генерала Вернера: располагайте имъ; но такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и на рукахъ у меня сильная война, то не позволите ли ему остаться при мнѣ еще одну кампанію? Впрочемъ, если вамъ угодно взять его и ранѣе, то онъ будетъ у ногъ вашихъ къ назначенному вами времени“ [4]).

Генералъ князь Волконскій, находившійся въ Помераніи, увѣдомилъ императора отъ 28 января, что Штетинскій губернаторъ, герцогъ Бевернскій, предлагаетъ заключить генеральное перемиріе. Петръ немедленно приказалъ Волконскому исполнить желаніе герцога, и перемиріе было заключено 5 марта: Русскіе удержали свои квартиры въ Помераніи и Неймаркѣ; Одеръ до Варты составлялъ границу. Волковъ по этому случаю разсказываетъ слѣдующее: „Князю Михаилу Никитичу Волконскому предложилъ принцъ Бевернскій перемиріе, а онъ безъ указа на то не поступалъ. За то тотчасъ пожалованъ онъ былъ въ дураки и въ злонамѣренные. Но я, не устрашась его оправданія, сочинилъ ему въ отвѣтъ такія кондиціи перемирія, кои предъ всѣмъ свѣтомъ, къ чести нашего государства и оружія, служатъ, и коимъ не токмо дивились многіе, что я смѣлъ положить толь строгіе законы королю Прусскому, но между другими, помню я, сказалъ мнѣ князь Никита Юрьевичъ (Трубецкой), что онъ мнѣ за то статую поставилъ бы. Но, признаться надобно, что въ то время еще не весьма трудно было служить отечеству и исполнять свою присягу. Тогда не было еще здѣсь Гольца и Штебена, и не возвратилось еще громкое наше посольство изъ Бреславля. Пріѣздъ сихъ людей скоро далъ другую форму и дѣламъ, и моему состоянію“.

Кто же были эти люди, пріѣздъ которыхъ далъ другую форму дѣламъ?

Посольство Гудовича Волковъ называетъ въ насмѣшку „громкимъ“, указывая на ничтожность посланника. Но люди ничтожные дѣлаются сильными чрезъ подчиненіе страстямъ, слабостямъ сильныхъ. Гудовичъ былъ отправленъ къ Фридриху, какъ человѣкъ, вполнѣ раздѣлявшій симпатію

[1]) Oeuvres de Frédéric XXV, 307; XXVI, 236.

[2]) Oeuvres de Frédéric, XVII, 365. Письмо Фридриха II къ Годовичу отъ 22 мая: «Je vous regarde comme la colombe, qui porta la branche d'olivier à l'arche: vous êtes le premier instrument, dont la Providence s'est servie pour cimenter cette heureuse union avec ce cher et admirable empereur. Je vous en conserve une reconnoissance éternelle et. c».

[3]) Дѣла Прусскія 1762 года.

[4]) Русская Старина, 1871 годъ, кн. 8.

своего государя; пріемъ „голубицы“ въ Магдебургѣ, и особенно въ Бреславлѣ, былъ таковъ, что „голубица“, по возвращеніи, уже не знала мѣры своему усердію къ Прусскому королю, а усердіе было выгодно потому, что очень нравилось: за вѣрныя и усердныя службы Гудовичъ получилъ шесть слободъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ [1]). Гудовичъ пробылъ въ Бреславлѣ до 12 февраля; въ это время Прусскій король уже получилъ извѣстіе, что Чернышеву велѣно отдѣлиться отъ австрійскаго войска и идти къ Вислѣ, и потому въ письмѣ, которое повезъ Гудовичъ, Фридрихъ писалъ Петру: „Я узналъ, что корпусъ графа Чернышева получилъ приказаніе отдѣлиться отъ Австрійцевъ. Надобно быть совершенно безчувственнымъ, чтобъ не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству. Да угодно будетъ Небу помочь мнѣ найти случай доказать мою признательность на дѣлѣ; ваше величество можете быть увѣреннымъ, что чувство благодарности никогда во мнѣ не изгладится“.

Съ Гудовичемъ Фридриху нельзя было вести никакихъ переговоровъ, потому что онъ не имѣлъ никакихъ инструкцій. Чтобъ заключить миръ, а если можно, и союзъ съ Россіею, надобно было отправить въ Петербургъ своего посланника. Выборъ палъ на двадцатишестилѣтняго Гольца, адъютанта и камергера, котораго король передъ посылкою въ Россію произвелъ въ полковники. Гольцъ повезъ подарокъ Петру—прусскій орденъ, причемъ Фридрихъ писалъ: „Льщу себя надеждою, что вы примете его (орденъ) въ знакъ дружбы и искреннихъ отношеній, въ которыхъ желаю быть съ вами. Вы обязывали меня еще до вступленія вашего на престолъ, и несчетное число разъ обязали меня съ того недавняго времени, какъ вы на престолѣ. Льщу себя надеждой, что представится случай, и я на дѣлѣ докажу свою благодарность. Поступая столь благородно, столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ нашемъ вѣкѣ, вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями вашего величества; первыя же распоряженія вашего величества, по восшествіи на престолъ, привлекли на васъ благословеніе всѣхъ вашихъ подданныхъ и самой благомыслящей части Европы. Да будетъ царствованіе ваше долго и счастливо!“ Петръ отвѣчалъ: „Ваше величество, конечно, смѣетесь надо мной, когда хвалите такъ мое царствованіе, дивитесь ничтожностямъ, тогда какъ я долженъ удивляться дѣяніямъ вашего величества. Добродѣтели и качества ваши—необыкновенны: я вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ міра“.

Фридрихъ II, отправляя Гольца для заключенія мира, далъ ему слѣдующую инструкцію: „Существенная цѣль вашей посылки состоитъ въ прекращеніи этой войны и въ совершенномъ отвлеченіи Россіи отъ ея союзниковъ. Доброе расположеніе Русскаго императора позволяетъ надѣяться, что условія не будутъ тяжки. Я вовсе не знаю видовъ императора въ точности; все, что я о нихъ знаю, вращается около двухъ главныхъ пунктовъ, а именно: что дѣла Голштинскія, по крайней мѣрѣ, такъ-же близки къ сердцу императора, какъ и дѣла Русскія, и, во-вторыхъ, что онъ принимаетъ большое участіе въ моихъ интересахъ. Вы должны внушать голштинскимъ фаворитамъ, или императрицѣ, или, что еще лучше, самому императору, что я до сихъ поръ отклонялъ всѣ предложенія союза со стороны Даніи, такъ какъ императоръ желалъ этого отъ меня при началѣ войны, и такъ какъ я надѣялся, что это будетъ ему пріятно. Теперь разсмотримъ, какія мирныя предложенія могутъ намъ дѣлать эти люди. 1) Они предложатъ отвести свои войска за Вислу, возвратить намъ Померанію, но захотятъ удержать Пруссію или навсегда, или до заключенія общаго мира. На послѣднее вы соглашайтесь; но 2) если они захотятъ оставить за собою Пруссію навсегда, то пусть они вознаградятъ меня съ другой стороны. 3) Если они захотятъ очистить всѣ мои владѣнія, подъ условіемъ, чтобъ я гарантировалъ имъ Голштинію, то подписывайте сейчасъ же, особенно если вы успѣете выговорить у нихъ гарантію Силезіи. 4) Если императоръ захочетъ, чтобъ я обязался сохранять нейтралитетъ во время войны его съ Даніею,—подписывайте, но требуйте величайшей тайны, 5) Вы можете сказать, что я сильно бы желалъ, чтобъ императоръ помогъ Шведскому королю противъ преслѣдующей его партіи, и чтобъ русскій посланникъ объявилъ сенату о мирныхъ намѣреніяхъ своего государя: это объявленіе непремѣнно понудитъ Шведовъ къ миру, и такимъ образомъ императоръ сдѣлается умиротворителемъ всего Сѣвера и блестящимъ образомъ начнетъ свое царствованіе. 6) Старайтесь проникнуть въ виды Петербургскаго Двора: хочетъ ли окончить войну для устройства внутреннихъ дѣлъ или для приготовленія къ Датской войнѣ, или хочетъ играть роль посредника между воюющими державами. 7) Вы должны пользоваться всякимъ случаемъ для внушенія Петербургскому Двору недовѣрія къ Австрійцамъ и Саксонцамъ; если недовѣріе можетъ дойти до зависти, то тѣмъ лучше. Вы можете разсказывать, съ какимъ лукавствомъ Австрійцы выставляли русскія войска на опасность, чего сами вы были очевидцемъ въ нынѣшнемъ году; можете указывать коварство Австрійцевъ и недостойныя средства, какія они позволяютъ себѣ въ политикѣ для достиженія своихъ цѣлей“.

Фридрихъ самъ разсказываетъ, въ какомъ безпокойствѣ находился онъ относительно успѣха Гольцева порученія въ Петербургѣ. „На какомъ основаніи можно было предполагать, что переговоры въ Петербургѣ примутъ благопріятный оборотъ? Дворы Версальскій и Вѣнскій гарантировали Пруссію покойной императрицѣ; Русскіе спокойно владѣли ею; молодой государь, вступившій на пре-

[1]) Журналы и протоколы Сената, 6 мая.

столъ, откажется ли самъ собою отъ завоеванія, которое ему обезпечено союзниками? Любостяжаніе или слава, какую бросаетъ на начало царствованія всякое пріобрѣтеніе, не удержатъ ли его? Для кого, для чего, по какому побужденію онъ откажется отъ него? Всѣ эти трудные для разрѣшенія вопросы наполняли духъ неизвѣстностью относительно будущаго".

„Но", продолжаетъ Фридрихъ, „исходъ дѣла былъ болѣе счастливъ, чѣмъ какъ можно было ожидать. Такъ трудно угадать причины второстепенныя и распознавать различныя пружины, опредѣляющія волю человѣческую. Оказалось, что Петръ III имѣлъ превосходное сердце и такія благородныя и возвышенныя чувства, какихъ обыкновенно не бываетъ у государей. Удовлетворяя всѣмъ желаніямъ короля, онъ пошелъ даже далѣе того, чего можно было ожидать" [1]).

Гольцъ пріѣхалъ въ Петербургъ 21 февраля и прежде всего обратился къ англійскому посланнику Кейту, который оставался вѣренъ политикѣ прежняго Кабинета и отличался приверженностью къ Прусскому союзу. Кейтъ указалъ Гольцу вліятельныхъ людей, которые расположены къ Пруссіи, и тѣхъ, которые противъ нея. Оказывалось, что послѣднихъ гораздо болѣе, чѣмъ первыхъ; но собственный взглядъ императора и расположеніе людей самыхъ близкихъ къ нему ручались Кейту и Гольцу за успѣхъ; въ пользу Прусскаго дѣла служило и то, что послы—австрійскій, французскій и испанскій—раздражили императора, отказавшись сдѣлать визитъ самому любимому, самому близкому къ нему человѣку, принцу Голштинскому Георгію. Само собою разумѣется, что Гольцъ поспѣшилъ къ принцу Георгію съ привѣтствіемъ отъ своего короля, у котораго принцъ находился до того времени въ службѣ.

24 февраля Гольцъ представлялся императору. Едва только успѣлъ онъ выговорить поздравленіе съ восшествіемъ на престолъ и увѣреніе въ дружбѣ своего короля, какъ Петръ осыпалъ его самыми горячими увѣреніями въ дружбѣ и безконечномъ уваженіи своемъ къ Фридриху II-му, ясныя доказательства чему онъ надѣется представить, и потомъ сказалъ на ухо Гольцу, что у него много есть о чемъ съ нимъ переговорить. Послѣ аудіенціи Петръ пошелъ къ обѣднѣ, и Гольцъ послѣдовалъ за нимъ въ церковь. Во время службы императоръ все говорилъ съ нимъ то о Фридрихѣ II-мъ, то о прусской арміи, подробными свѣдѣніями о которой изумлялъ Гольца; не было полка, въ которомъ бы Петръ не зналъ трехъ или четырехъ послѣднихъ поколѣній шефовъ и главныхъ офицеровъ. Въ тотъ же день вечеромъ, во время карточной игры, Петръ показалъ Гольцу на своемъ пальцѣ перстень съ портретомъ Фридриха II и велѣлъ также принести большой портретъ Прусскаго короля. Послѣ ужина Петръ долго разговаривалъ съ Гольцемъ о томъ, сколько онъ терпѣлъ въ прошедшее царствованіе за привязанность къ Фридриху; о томъ, какъ онъ радовался, что былъ удаленъ изъ конференціи, ибо причиною тому было уваженіе его къ королю.

2 марта Петръ сказалъ Гольцу, что ему было бы очень пріятно, если-бъ король прислалъ проектъ мирнаго договора. Донося объ этомъ Фридриху, Гольцъ просилъ, чтобъ проектъ былъ присланъ какъ можно скорѣе, ибо противная партія, которая очень многочисленна, можетъ воспользоваться медленностью съ прусской стороны. Англійскій посланникъ при Берлинскомъ Дворѣ, Митчель, далъ знать Кейту въ Петербургъ, что Пруссаки перехватили депешу французскаго министра въ Петербургѣ, Бретейля, въ которой говорится, что нечего бояться переворота въ русской политикѣ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ все пойдетъ постарому, какъ было при Елисаветѣ, потому что Волковъ душою и тѣломъ преданъ старой системѣ. Гольцъ писалъ по этому поводу къ Фридриху, что за-одно съ Волковымъ Шуваловъ (Ив. Ив.) и Мельгуновъ, и что перехваченное письмо поможетъ сломить Волкову шею. Волковъ, въ извѣстномъ письмѣ своемъ, разсказываетъ, какъ и дѣйствительно старались сломить ему шею: „Штебенъ (капитанъ Штеубенъ, бывшій вмѣстѣ съ Гольцемъ въ Петербургѣ) явился на меня доносителемъ въ тайныхъ съ графомъ Мерсіемъ (австрійскимъ посломъ) свиданіяхъ, а король Прусскій, изъ особливой ко мнѣ атенціи, прислалъ перехваченное будто Бретейлево письмо, въ коемъ изъ всей силы превозносятъ мои таланты и усердіе. Потому взятъ я былъ въ допросъ какъ злодѣй, но допрашиванъ такъ, что обвинители мои были отъ меня скрыты. Императоръ самъ меня не спрашивалъ, но токмо Левъ Александровичъ (Нарышкинъ) и Алексѣй Петровичъ (Мельгуновъ) успокоивали меня обнадеживаніями, что когда миръ совершится, то и опасность моя минуется, давая мнѣ чувствовать, что я не долженъ ничего упоминать противъ желаній короля Прусскаго".

Фридрихъ, получивши отъ Гольца извѣстіе, что Петръ предоставилъ ему составленіе проекта мирнаго договора, не медлилъ этимъ дѣломъ, и, для большаго еще усиленія своего вліянія въ Петербургѣ, отправилъ туда съ проектомъ графа Шверина, хорошо извѣстнаго императору, потому что онъ былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками и жилъ извѣстное время въ Петербургѣ. Шверинъ повезъ письмо: „Вамъ угодно", писалъ Фридрихъ, „получить отъ меня проектъ заключенія мира,—посылаю его, потому что вашему императорскому величеству это угодно; но ввѣряюсь другу: распоряжайтесь этимъ проектомъ какъ угодно, я все подпишу; ваши выгоды — мои, я незнаю другихъ. Природа надѣлила меня чувствительнымъ и благодарнымъ сердцемъ; я искренно тронутъ всѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ императорскимъ величествомъ. Я никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ. Отнынѣ все, чѣмъ могу я васъ обязать, все, что вамъ нравится, все, что

[1]) Mémoires de Frédéric II, II, 224.

отъ меня зависитъ,—все будетъ сдѣлано, чтобъ убѣдить ваше императорское величество въ моей готовности предупреждать всѣ ваши желанія.— Посылаю графа Шверина; я долженъ былъ бы присылать къ вашему императорскому величеству лицъ высшихъ чиновъ; но если-бъ вы знали положеніе, въ которомъ нахожусь я теперь, то увидали бы, что мнѣ невозможно посылать такихъ лицъ: ихъ нѣтъ,—всѣ въ дѣлѣ. Въ теченіи этой войны я потерялъ 120 генераловъ, 14 въ плѣну у Австрійцевъ; наше истощеніе ужасно. Я отчаялся бы въ своемъ положеніи; но въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга: разсчетамъ политики онъ предпочитаетъ чувство чести".

29 марта императоръ сказалъ Гольцу, чтобъ онъ переговаривалъ о мирѣ съ тайнымъ секретаремъ Димитр. Васил. Волковымъ, потому что канцлеръ былъ боленъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Гольцъ писалъ Фридриху, что онъ употребитъ всѣ усилія для удовлетворительнаго окончанія дѣла, отстраняя, по возможности, препятствія, которыя противная сторона все болѣе и болѣе старается ему ставить. Для поясненія этихъ послѣднихъ словъ можетъ служить разсказъ Волкова: „Императоръ велѣлъ Гольцу, чтобъ присланный къ нему отъ короля мирный проектъ онъ мнѣ подалъ, и самъ часъ къ тому назначилъ, сказавъ мнѣ, чтобъ я его дожидался. Господинъ Гольцъ, знавши, что я живу во дворцѣ, поѣхалъ въ Семеновскій полкъ къ Андр. Андр. Волкову и, не заставъ его дома, тотчасъ отрапортовалъ, что меня нигдѣ найтить не могъ. Тутъ мой арестъ и совершенное несчастіе были рѣшены; но чудеснымъ образомъ весь тотъ день прокурилъ у меня табакъ баронъ Унгарнъ: и такъ онъ меня оправдалъ, а дѣло обратилось въ шутку надъ Андреемъ Андреевичемъ. Я, съ моей стороны, вѣдая, что война съ Даніею всегда была рѣшеннымъ дѣломъ, и противное тому упоминаніе могло бы стоить жизни, устремлялся къ тому: 1) чтобъ сію войну самыми къ ней приготовленіями, сколько можно, въ даль протягивать; 2) между тѣмъ и Пруссію, и Померанію за нами удерживать и оными пользоваться, и притомъ 3) смотрѣть, не будетъ ли способа, хотя похлѣбствуя королю Прусскому, вмѣшаться въ примиреніе Европы, и тѣмъ не такъ вѣчный свой стыдъ загладить, какъ паче обнадежиться, что, по замиреніи Европы, лучшій нашъ другъ и государь, король Прусскій, самъ не допуститъ насъ начать войну съ Даніею. Сего ради, пользуясь протекстомъ Датской войны, толковалъ я непрестанно, что пока наша армія останется внѣ границъ, намъ никакъ не можно возвратить его Прусскому величеству завоеванныя у него Земли, и тѣмъ дотого довелъ-было, что велѣно мнѣ, обще съ тайнымъ совѣтникомъ Вольфомъ, сдѣлать контрапроектъ. Черное сочиненіе найдется всемѣрно въ моихъ бумагахъ. Не совсѣмъ оно согласно съ моимъ желаніемъ; но кто зналъ тогдашнее время, стремительное желаніе бывшаго императора и мое состояніе,—тотъ удивится и едва-ль повѣритъ, чтобъ я смѣлъ столь много стоять за интересы и славу отечества, а тому— еще болѣе, что когда я съ чернымъ пришелъ, а тутъ были принцъ Георгій и баронъ Гольцъ, то господинъ Вольфъ, обробѣвъ и солгавъ своему слову, отперся отъ того, что онъ со мною согласенъ, сказавъ мнѣ въ пагубную похвалу, что онъ не успѣлъ въ окошко выглянуть, какъ у меня уже все готово было; я-жъ, напротивъ того, довольно имѣлъ не смѣлости, но вѣрно истиннаго усердія вооружиться не токмо противъ принца Георгія и барона Гольца, но и противъ самого бывшаго императора, такъ-что, наконецъ, первые молчать, а онъ мое сочиненіе опробовать принуждены были. Такой негоціаторъ не по вкусу былъ барона Гольца, потому онъ, выпрося съ моего проекта копію, чтобъ ее лучше высмотрѣть, сочинилъ новый проектъ по-своему".

Этотъ проектъ договора Гольцъ постарался прочесть императору одному, безъ свидѣтелей, и, получивъ согласіе Петра на всѣ статьи, отправилъ проектъ къ канцлеру при запискѣ: „Имѣю честь препроводить къ его сіятельству, г. канцлеру Воронцову, проектъ мирнаго трактата, который я имѣлъ счастіе вчера поутру читать его императорскому величеству и который удостоился его одобренія во всѣхъ частяхъ". По этому договору, подписанному 24 апрѣля, Прусскому королю возвращались всѣ его Земли, занятыя русскимъ войскомъ въ бывшую войну; оба государя соглашались включить въ свой миръ короля и корону Шведскую. Въ отдѣльномъ параграфѣ говорилось, что оба государя, искренно желая соединиться еще тѣснѣе для безопасности своихъ владѣній и для взаимныхъ выгодъ, согласились приступить немедленно къ заключенію союза.

Послѣ заключенія мира начали составлять проектъ союзнаго договора, „сходнаго съ нынѣшними конъюнктурами". Договоръ былъ оборонительный. Если сдѣлано будетъ нападеніе на одну изъ договаривающихся сторонъ, или и начатыя непріятельскія дѣйствія будутъ продолжаться, то другой союзникъ обязанъ отправить на помощь войско, состоящее изъ 12,000 пѣхоты и 4,000 конницы, и это войско не можетъ быть отозвано прежде, пока обиженная сторона не получитъ совершеннаго вознагражденія, или выплачиваетъ ежегодно по 800,000 рублей. Одинъ союзникъ не можетъ заключить ни мира, ни перемирія съ непріятелемъ безъ вѣдома и согласія другого. Въ первомъ секретномъ артикулѣ говорилось, что его королевское величество Прусское, будучи весьма доволенъ оказанными ему со стороны его императорскаго величества Всероссійскаго, какъ съ начала восшествія его величества на Всероссійскій престолъ, такъ и при заключеніи вѣчнаго мира,—великими весьма снисхожденіями и уступками, желаетъ въ знакъ своего за то признанія дѣйстви-

тельно и всѣми способами помогать, чтобъ его величество Всероссійское могъ получить отъ короля Датскаго герцогство Шлезвигское и удовлетвореніе во всѣхъ своихъ справедливыхъ и законныхъ притязаніяхъ: поэтому королевское величество Прусское обѣщаетъ и торжественнѣйше обязуется употребить сперва при Датскомъ Дворѣ всевозможныя представленія и сильнѣйшія увѣщанія, чтобъ Данія удовольствовала его императорское величество, а его императорское величество обѣщаетъ всякую съ своей стороны податливость показывать. Но если, несмотря ни на что, Датскій Дворъ будетъ упорствовать и Всероссійскій императоръ будетъ принужденъ доставать прародительскія наслѣдственныя свои владѣнія силою оружія, то королевское величество Прусское не только не будетъ тому препятствовать, но и отдастъ въ распоряженіе императора корпусъ своихъ войскъ, и если во время Датской войны Россія подвергнется нападенію, то король Прусскій обязуется послать ей на помощь выговоренное въ трактатѣ число войска, независимо отъ корпуса, отправленнаго для Датской войны, или выплачивать означенную сумму денегъ, если нападутъ на Россію Турки или Татары.

Во второмъ—секретномъ—артикулѣ Фридрихъ II обязался помогать избранію Голштинскаго герцога Георга-Лудвига въ герцоги Курляндскіе, а бывшему герцогу Бирону возвратить владѣніе Вартембергъ съ титуломъ княжества, амтъ Бигенъ, имѣнія Миличъ и Гаскичъ, такъ какъ Биронъ отрекся за себя и потомковъ своихъ отъ всѣхъ правъ на Курляндію. Въ третьемъ секретномъ артикулѣ союзники обязались не допускать никакой перемѣны въ формѣ польскаго правленія, и, въ случаѣ кончины нынѣшняго короля Польскаго, Фридрихъ II обязался всѣми силами содѣйствовать, чтобъ избрана была въ Польскіе короли особа, угодная императору Всероссійскому.

Въ первомъ сепаратномъ артикулѣ было постановлено, что Прусскій король не помогаетъ войскомъ Россіи въ войнѣ ея съ Персіею, Турціею и Татарами, а Русскій императоръ не помогаетъ Пруссіи войскомъ въ войнѣ ея съ Франціею или Англіею, а помогаютъ деньгами: по милліону двѣсти тысячъ рублей ежегодно. Во второмъ сепаратномъ артикулѣ говорилось: „Его императ. величество Всероссійское и его королев. величество Прусское, видя съ великимъ соболѣзнованіемъ тяжкое утѣсненіе, въ которомъ отъ многихъ лѣтъ находятся единовѣрные обѣихъ сторонъ въ Польшѣ и Литвѣ, между собою соединились и обязались помянутыхъ своихъ единовѣрныхъ, а именно: подъ именемъ диссидентовъ разумѣющихся Греческаго исповѣданія и реформатской и лютерской религіи обывателей Польши и Литвы наилучшимъ образомъ защищать и дружескими сильными представленіями у короля и республики Польской къ тому приводить, чтобъ помянутые диссиденты могли паки достигнуть отнятыхъ у нихъ правъ въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ; или, если этого тотчасъ получить нельзя, то чтобъ соблюдены быть могли въ томъ состояніи, въ какомъ теперь обрѣтаются, до лучшихъ временъ и конъюнктуръ“.

Полномочнымъ посломъ въ Пруссію былъ отправленъ генералъ-маіоръ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, который нашелъ Фридриха II въ лагерѣ, въ деревнѣ Зейтендорфѣ, недалеко отъ Бреславля. 29 іюня Репнинъ представился королю и поднесъ ему шарфъ и знакъ, присланные отъ Петра III. Репнинъ доложилъ, не соизволитъ ли король перемѣнить чего-нибудь какъ въ нихъ, такъ и въ мундирѣ; но Фридрихъ II изъявилъ свое удовольствіе и признательность за учтивость,—приказалъ, чтобъ все попрежнему осталось. Потомъ Репнинъ доложилъ, что императоръ требуетъ новаго доказательства дружбы и желаетъ, чтобъ король былъ посредникомъ на Берлинскомъ конгрессѣ между Россіею и Даніею и для этого отправилъ бы туда полномочнаго министра. Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ уже предупредилъ желаніе императора и отправилъ въ Берлинъ графа Финкенштейна, которому императоръ долженъ прямо приказывать, а онъ, король, велѣлъ ему повиноваться во всемъ императору. Король спросилъ объ отъѣздѣ императора въ армію; Репнинъ отвѣчалъ, что вѣрнаго ничего не знаетъ, но что при отъѣздѣ его изъ Петербурга императоръ имѣлъ это намѣреніе.

Репнинъ обѣдалъ у короля 29 и 30 іюня. Оба раза Фридрихъ пилъ здоровье Петра, говоря, что онъ „не можетъ довольно часто пить столь дражайшее здоровье“ [1]).

Фридриха не нужно было просить о томъ, чтобъ онъ былъ посредникомъ между Петромъ и Датскимъ королемъ; война Россіи съ Даніею ему очень не нравилась, во-первыхъ потому, что онъ долженъ былъ принять участіе, отдѣлить для нея часть своего войска, а во-вторыхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, онъ боялся удаленія Петра изъ Россіи для Датской войны. Мы видѣли, какъ Фридрихъ при первомъ извѣстіи о восшествіи на престолъ Петра разсчиталъ, что отношенія новаго императора къ Даніи могутъ имѣть самое полезное вліяніе на отношенія Россіи къ Пруссіи; но теперь, когда успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія, надобно было постараться, чтобъ Датской войны не было, или чтобъ началась она какъ можно позднѣе.

Извѣстіе о восшествіи на престолъ Петра III имѣло въ Даніи необходимымъ слѣдствіемъ усиленное вооруженіе, о которомъ русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Корфъ, и сообщилъ въ Петербургъ: „Все вниманіе императора“, доносилъ Гольцъ Фридриху отъ 25 февраля, „обращено на Голштинію“.—„Я знаю навѣрное, что Датчане меня атакуютъ“, сказалъ онъ Гольцу. Тотъ отвѣчалъ, что сомнѣвается: не захочетъ Данія нажить себѣ такого страшнаго врага, какъ Русскій императоръ; она, конечно, предпочтетъ дружественную сдѣлку, и, конечно, съ достоинствомъ великаго Русскаго мо-

[1]) Дѣла Прусскія 1762 года.

нарха гораздо сообразнѣе стать умиротворителемъ Сѣвера, чѣмъ отнимать силою оружія то, что Датчане, по всѣмъ вѣроятностямъ, отдадутъ добровольно, вслѣдствіе категорическаго требованія, сдѣланнаго со стороны Россіи. „Я подозрѣваю“, прибавилъ Гольцъ, „что извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ Датскаго Двора выдуманы непріязненными Дворами для запутанія дѣлъ, изъ боязни передъ готовящимся соглашеніемъ между Россіею и Пруссіею“.

1 марта отправленъ былъ Корфу рескриптъ, въ которомъ приказывалось объявить датскому министерству, что чѣмъ искреннѣе желаніе императора продолжать и увеличивать постоянную дружбу и доброе сосѣдство съ Датскимъ королемъ, тѣмъ прискорбнѣе видѣть противное съ датской стороны, именно—угрозы, вооруженія, и потому императоръ видитъ себя принужденнымъ требовать формальнаго объясненія: намѣренъ ли его величество король жить съ нимъ въ согласіи и удовлетворить справедливымъ его требованіямъ относительно герцогства Шлезвигскаго, ибо въ противномъ случаѣ, какъ по нуждѣ, такъ и для того, чтобъ дать силу неоспоримымъ правамъ своимъ, императоръ будетъ принужденъ принять такія мѣры, отъ которыхъ могутъ послѣдовать крайнія бѣдствія; но теперь еще бѣдствія эти могутъ быть предупреждены. На это объявленіе Корфъ получилъ отвѣтъ, что король ни мало не уклоняется формально объявить императору, что онъ съ его величествомъ готовъ жить не только въ мирѣ, но и въ согласіи и дружбѣ. Почему, если его величество Россійскій императоръ соизволитъ возобновить прежніе трактаты и, назнача кого-нибудь изъ своихъ министровъ, приметъ или предложитъ мѣстомъ конференціи удобный для обѣихъ сторонъ городъ, какъ напримѣръ Гамбургъ или Любекъ, то и король сдѣлаетъ то же.

Въ концѣ марта Гольцъ снова внушалъ Петру, что гораздо соотвѣтственнѣе его величію пожертвовать какими-нибудь ничтожными землями, какія онъ можетъ завоевать у Даніи, и пріобрѣсти славу умиротворенія Сѣвера. Датчане никогда не нападутъ первые, и всѣ ихъ движенія происходятъ отъ страха подвергнуться нападенію. 24-го мая отправленъ былъ въ Корфу такой рескриптъ: „Послѣдній отвѣтъ Датскаго Двора и усиленныя съ того времени приготовленія къ войнѣ на морѣ и сухомъ пути могутъ не только для насъ, но и для всего свѣта служить неопровержимымъ доказательствомъ, что Данія вовсе не имѣетъ никакой склонности раздѣлаться съ нами полюбовно, но, почитая долгое и спокойное владѣніе похищенными землями за право, видимымъ образомъ старается только выиграть время, въ надеждѣ, что не всегда армія наша будетъ въ близости къ Даніи, и, потому, въ состояніи доставить намъ справедливое удовлетвореніе, а тѣмъ временемъ обстоятельства могутъ измѣниться въ пользу Даніи. Поэтому Датскій Дворъ, не упоминая ничего въ своемъ отвѣтѣ о надлежащемъ намъ удовлетвореніи, коротко указываетъ на медленные переговоры. Намъ не оставалось бы другого рѣшенія, какъ, объявя извѣстную и безъ того свѣту справедливость нашего дѣла, воспользоваться слѣдующими обстоятельствами: 1) Что армія наша находится по большей части въ Помераніи, слѣдовательно въ близости отъ Голштиніи, и, по благополучномъ нынѣ заключеніи мира съ королемъ Прусскимъ, ничто ей не препятствуетъ оказать намъ въ Голштиніи новыя заслуги и возвратиться въ отечество съ новою славою. 2) Что не только можемъ мы выставить превосходныя противъ датскихъ силы, но надобно отдать справедливость нашимъ войскамъ, что они привыкли къ трудамъ и побѣдамъ, тогда какъ датскія войска уже много лѣтъ не знали войны. 3) Данія имѣетъ нѣкоторыя мѣстныя противъ насъ выгоды, потому что армія ея всегда будетъ находиться внутри своихъ областей и близко отъ своихъ крѣпостей. Но и наша армія, кромѣ того что не имѣетъ нужды щадить чужія области, имѣетъ и другія выгоды: тылъ ея будутъ окружать области или нейтральныя, или очень намъ дружескія; сверхъ того, король Прусскій, по особенной къ намъ дружбѣ, предоставилъ намъ одну изъ наилучшихъ своихъ крѣпостей, именно—Штетинъ, какъ плясдармъ; а если-бъ нужда потребовала, то мы увѣрены, что не откажетъ намъ и въ Кистринѣ. 4) Быть можетъ, Данія имѣетъ на своей сторонѣ много доброжелателей, ибо не много такихъ, которые желаютъ нашего усиленія на Балтійскомъ морѣ и въ Германіи; но затѣмъ нисколько не замѣчаемъ мы, чтобъ Датскій Дворъ имѣлъ прямыхъ союзниковъ, отъ которыхъ могъ бы ожидать существенной помощи. Мы имѣемъ, напротивъ, короля Прусскаго, государя для этой войны необходимаго, совершенно въ нашихъ интересахъ; а Швеція, если не въ состояніи воспользоваться этимъ случаемъ противъ Датчанъ, то тѣмъ менѣе можетъ намъ помѣшать, имѣя много побужденій желать намъ успѣха.

„Несмотря на то, намѣрены мы испытать послѣдній способъ, нельзя ли избѣжать этихъ крайностей, и потому положили: 1) Принять конгрессъ, предложенный Датскимъ Дворомъ. 2) Мѣсто ему назначить въ Берлинѣ. 3) Срокъ собранію положить первое число іюля. 4) Полномочнымъ на конгрессъ назначаемъ васъ и нашего конференцъ-совѣтника Сальдерна. 5) Предложенія наши на конгрессѣ должны служить ультиматомъ, и непринятіе ихъ разрушаетъ весь конгрессъ. 6) Король Прусскій будетъ посредникомъ.—Впрочемъ, пока эти переговоры будутъ производиться, было бы для насъ непростительно спокойно ожидать ихъ окончанія, тѣмъ болѣе что не съ большою надеждою ожидаемъ мы себѣ плода отъ нихъ, а потомъ, принявъ участіе въ войнѣ между королемъ Прусскимъ и императрицею-королевою и желая

участвовать въ будущемъ мирѣ, мы должны приготовить къ походу наши войска, находящіяся въ Помераніи" [7]).

Датскій Дворъ согласился на все, и въ Пруссіи были очень довольны. Гольцъ писалъ Фридриху: „Я почти увѣренъ, что война не начнется нынѣшнимъ годомъ. Съ какою бы поспѣшностью ни выслали съ обѣихъ сторонъ коммисаровъ въ Берлинъ, все они пріѣдутъ не ранѣе половины іюля (по новому стилю); прежде чѣмъ будутъ сдѣланы первыя предложенія и начнутся серьезные переговоры, наступитъ августъ, а тутъ уже будетъ поздно выступать въ походъ". Возлагали большія надежды на второго уполномоченнаго, Голштинца Сальдерна, человѣка вполнѣ преданнаго Пруссіи. Въ одномъ изъ рескриптовъ Фридриха Гольцу король предписываетъ послѣднему сойтись съ конференцъ-совѣтникомъ Сальдерномъ и объявить ему, что король существенными знаками докажетъ ему свою благодарность; Гольцъ долженъ былъ также удержать Сальдерна отъ возвращенія въ Голштинію, потому что онъ могъ быть еще полезенъ Фридриху въ Петербургѣ. По поводу назначенія Сальдерна уполномоченнымъ въ Берлинъ, Гольцъ писалъ королю, что онъ очень желалъ бы удержать Сальдерна въ Петербургѣ, но что онъ будетъ очень полезенъ и въ Берлинѣ для улаженія дѣла, если только есть возможность его уладить.

Фридрихъ II желалъ отклонить Датскую войну потому, что она мѣшала ему добить Австрію, покинутую Россіею. Тотчасъ по восшествіи Петра на престолъ, на представленіи дипломатическаго корпуса новому императору, австрійскій посолъ, графъ Мерси, игравшій до сихъ поръ первую роль въ Петербургѣ, поздравивъ Петра, выразилъ увѣренность, что новый императоръ будетъ слѣдовать славнымъ принципамъ своей покойной тетки и поддержитъ прежнія союзническія отношенія къ императрицѣ-королевѣ и ея супругу, Римскому императору. Петръ отвѣчалъ коротко и сухо: „Надѣюсь, что мы останемся друзьями съ ихъ величествами". Черезъ три дня послѣ этого, канцлеръ Воронцовъ объявилъ, что императоръ непремѣнно хочетъ мира, для достиженія котораго употребитъ всѣ свои старанія. Петръ не допускалъ къ себѣ болѣе Мерси, который, вслѣдствіе этого, потерялъ все свое прежнее значеніе: люди, которые прежде заискивали въ немъ, теперь заботливо избѣгали съ нимъ встрѣчи; изъ высшихъ сановниковъ никто не отваживался говорить съ нимъ о дѣлахъ. Отъ 9-го февраля былъ отправленъ въ Вѣну къ князю Димитрію Мих. Голицыну рескриптъ такого содержанія: „Сколь свято ни почитаемъ мы принятыя для настоящей войны обязательства блаженной памяти государынею императрицею, нашею любезною теткою, и сколь ни желали бы оныя во всей ихъ силѣ содержать,—но въ настоящемъ состояніи дѣлъ, по причинѣ несноснаго въ имперіи нашей истощенія денежной казны и людей, находимъ сіи обязательства весьма тягостными: и такъ для пользы и благосостоянія нашихъ вѣрноподданныхъ, при счастливомъ начатіи государствованія нашего, желая видѣть конецъ чрезъ толь долгое время продолжающемуся кровопролитію, не хотимъ умедлить объявить сіе участвующимъ съ нами въ сей войнѣ союзнымъ Дворамъ. Мы довольно предусматриваемъ, что такое наше, хотя и на самой справедливости основанное, намѣреніе сперва однакожь покажется союзнымъ Дворамъ, а паче Вѣнскому, страннымъ, и потому, конечно, будутъ происходить всякія противныя толкованія; но, предпочитая всему на свѣтѣ благосостояніе государствъ нашихъ, не можемъ мы инако поступать, и для того довольствуемся желать, чтобъ и союзники сію правду, въ разсужденіи собственныхъ ихъ Земель, равно признали: ибо по неизвѣстности военнаго жребія ничего точно предвидѣть и предопредѣлить не можно. Стараясь единственно о возстановленіи толь нужнаго всей Европѣ мира, и чтобъ доказать еще сколь безкорыстны наши въ томъ виды, повелѣваемъ мы вамъ ея величеству императрицѣ-королевѣ пристойнымъ образомъ дать знать, что со дня вступленія нашего на престолъ отступаемся мы отъ субсидій Вѣнскаго Двора; сверхъ того, можете вы, по усмотрѣнію обстоятельствъ, твердить, что, для способствованія сему общеполезному предмету, не жалѣемъ мы жертвовать и всѣми въ нынѣшнюю войну пріобрѣтеніями, которыя однако Россіи столь много крови и иждивенія стоили. Впрочемъ, надлежитъ вамъ Вѣнскому Двори при всѣхъ попадающихся случаяхъ внушать, что къ поспѣшествованію мирной негоціаціи лучше всего начать оную перемиріемъ"

Когда Голицынъ объявилъ содержаніе рескрипта графамъ—Коллоредо и Кауницу, тѣ отвѣчали, что Вѣнскій Дворъ вмѣстѣ съ союзниками своими давно уже доказалъ всему свѣту склонность свою къ миру, и Аугсбургскій конгрессъ не состоялся единственно по нежеланію Англійскаго Двора и союзниковъ его; что Вѣнскій Дворъ не можетъ отвѣчать на русскую декларацію безъ соглашенія съ союзниками, а между тѣмъ будутъ дожидаться отъ Русскаго Двора дополнительныхъ изъясненій, какимъ образомъ императоръ желаетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Потомъ они спросили, правда ли, что корпусъ Чернышева отозванъ отъ австрійской арміи и между русскимъ и прусскимъ войскомъ заключено перемиріе. Голицынъ отвѣчалъ, что не имѣетъ объ этомъ извѣстій.

Надобно было дать дополнительныя изъясненія, какимъ образомъ Петръ хочетъ способствовать возстановленію тишины въ Европѣ. Эти изъясненія заключались въ рескриптѣ отъ 9-го апрѣля. „Дожидаться такого генеральнаго мира, каковъ былъ Вест-

[7]) Дѣла Датскія 1762 года.—Собственноручный ультиматумъ Петра III относительно требованій отъ Даніи: «№ 1: die Restitution Schleswig, Femern und Heilingland. № 2 zur Wiedervergütung die danische Hälfte von Holstein mit allen Vestungen, die dazu gehören».

фальскій", говорилось въ рескриптѣ — „значить воевать безконечное время и притомъ быть увѣреннымъ, что постановляемый такимъ образомъ миръ не можетъ всѣхъ удовольствовать, слѣдовательно не можетъ быть и прочнымъ. На Вестфальскомъ мирѣ надобно было за каждымъ утвердить пріобрѣтенныя уже владѣнія, права и вольности; а теперь дѣло идетъ о томъ, чтобъ удовлетворить претензіямъ и желаніямъ, родившимся изъ самой войны; но эти претензіи такъ различны, что къ совершенному ихъ соглашенію почти нѣтъ способовъ, и надобно признаться, что въ началѣ нынѣшней войны прилагалось больше старанія о томъ, чтобъ вовлечь въ нее какъ можно болѣе державъ, а не разсуждалось, каково будетъ окончаніе столь многихъ, наскоро сдѣланныхъ трактатовъ и принятыхъ обязательствъ. Русскій Дворъ одинъ только всегда настаивалъ на томъ, чтобъ согласить разные интересы и желанія прежде, чѣмъ генеральный конгрессъ начнется, справедливо предусматривая, что безъ такого соглашенія конгрессъ скоро можетъ поссорить самихъ союзниковъ между собою и, вмѣсто мира, разжечь войну еще больше. Вѣнскій Дворъ и Франція чувствовали, кажется, то и другое, а именно, что и различныя претензіи согласить трудно, и отъ собираемаго конгресса мало плода ожидать должно. Потому, не отвѣчая никогда прямо на здѣшнія требованія и домогательства, Вѣнскій Дворъ коротко ссылался на постановленные въ пользу его договоры, и, оставляя притязанія другихъ въ молчаніи, всего успѣха ожидалъ, повидимому, отъ могущаго быть счастія въ оружіи; а Франція, отклоняя и болѣе притязанія другихъ, такъ хлопотала объ отдѣльномъ и самокорыстливомъ мирѣ, что Вѣнскій Дворъ о томъ только и думалъ, чтобъ не было чего-нибудь постановлено прямо противъ него: и, дѣйствительно, Вѣнскій Дворъ обязанъ освобожденіемъ отъ этой опасности только великимъ запросамъ съ англійской стороны. Съ другой стороны, Швеція, безъ всякой пользы и надежды, съ большимъ ущербомъ прежней славы, нынѣшнею войною истощенная, кажется, будто не смѣетъ ни продолжать, ни окончить ее. А Данія, напротивъ того, начавъ дѣлать превеликія вооруженія въ такое время, когда мы сами не удалены отъ переговоровъ, явно тѣмъ показываетъ, какого мы должны ожидать удовлетворенія въ справедливыхъ нашихъ притязаніяхъ. При этомъ ничего не было бы желательнѣе для Датскаго Двора, какъ если бы мы продолжали истощать силы наши и государственныя иждивенія на постороннюю войну. Мы навлекли бы на себя упреки цѣлаго свѣта, когда бы, защищаясь столько лѣтъ единственно правотою своего дѣла и не промѣнявъ ни на какія предложенія того, чѣмъ мы должны нашему достоинству и нашему Дому, теперь, когда мы вдвойнѣ обязаны заботиться о благосостояніи и знатности нашего Дома и когда имѣемъ дарованные намъ отъ Бога къ тому способы, не послѣдовали датскому примѣру и не приложили старанія подкрѣпить наши неоспоримыя права съ такою же готовностію, съ какою Датскій Дворъ думаетъ, повидимому, утвердить за собою свои пріобрѣтенія, хотя и намѣрены мы испытать всѣ пути и средства къ полюбовному соглашенію по Голштинскимъ дѣламъ прежде, нежели рѣшимся на какую-либо крайность.

„Всѣ участвующіе въ нынѣшней войнѣ Дворы, кажется, только выжидаютъ, кто сдѣлаетъ первый и самый важный шагъ къ достиженію мира; страждущіе народы ищутъ того, кого они должны благодарить за свое избавленіе и благополучіе; а мы, благоволеніемъ Божіимъ, одни теперь въ такомъ состояніи, что единственно изъ любви къ миру, изъ сожалѣнія о страждущемъ человѣчествѣ и изъ личнаго уваженія къ дружбѣ и оказываемымъ намъ угодностямъ отъ его величества короля Прусскаго, можемъ услужить роду человѣческому своимъ безкорыстіемъ: намъ, слѣдовательно, и надобно сдѣлать этотъ первый шагъ. Поэтому повелѣваемъ вамъ все вышеизображенное представить тамошнему Двору и прибавить отъ нашего имени совѣтъ—послѣдовать нашему примѣру и предупредить всѣ слѣдствія, могущія произойти отъ продолженія войны, а чрезъ это доставить намъ способъ безмятежно соблюдать и распространять давнюю дружбу между обоими императорскими Дворами".

На это сообщеніе Голицына Кауницъ отвѣчалъ, что Вѣнскій Дворъ считалъ и себя не менѣе другихъ полезнымъ союзникомъ Россіи, а имперскій вице-канцлеръ Коллоредо сказалъ, что его Дворъ и самъ очень радъ миру, но нельзя его заключить по упорству непріятелей, которые не дали состояться Аугсбургскому конгрессу. 2-го мая пошелъ къ Голицыну другой рескриптъ: „Доставя нынѣ имперіи нашей вожделѣнный миръ, могли бы мы удалиться вовсе отъ войны; но извѣстно, что покой государства не можетъ быть проченъ, когда окрестные народы находятся во враждѣ, и потому находимъ мы, что по вкоренившейся ненависти Австрійскаго Дома къ королю Прусскому, съ которымъ издавна соединяетъ насъ взаимная дружба, и по корыстнымъ этого Двора намѣреніямъ получить, во что бы то ни стало, Силезію и графство Глацкое, вся причина продоженія войны происходитъ отъ Австрійскаго Дома, и, по упорству его въ своихъ проектахъ, нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы императрица-королева, пока силы ея будутъ такъ знатны и велики, согласилась добровольно на возстановленіе мира: почему, предвидя, что употребленіе съ нашей стороны добрыхъ услугъ не только не принесло бы никакой пользы, но и отверженіе ихъ послужило бы къ предосужденію нашего достоинства, — соображая всѣ эти обстоятельства, къ сожалѣнію нашему, удостовѣряемся, что мы должны употребить послѣднее средство для возвращенія человѣчеству драгоцѣннаго покоя, именно—помочь его величеству королю Прусскому нашимъ войскомъ, ибо причину продолженія военныхъ бѣдствій должно предписывать одному только упорству Вѣнскаго Двора и извѣстному намѣренію

его отнять у короля Прусскаго то, что ему уступлено торжественнѣйшими трактатами".

На это сообщеніе Кауницъ отвѣчалъ: „Ея величество императрица-королева въ деклараціи русскаго посланника видитъ слѣдствіе сильнаго желанія со стороны его величества, императора Всероссійскаго, возстановить миръ между нею и королемъ Прусскимъ. Ея величество льститъ себя надеждою, что декларація дѣйствительно продиктована этимъ чувствомъ, и потому только рѣшилась отвѣчать дружелюбно. Ея величество, которая никогда не обнаруживала удаленія отъ справедливаго и разумнаго мира съ королемъ Прусскимъ, не знаетъ до сего дня самаго главнаго,—именно: расположенъ ли къ миру этотъ государь. Объ этомъ-то прежде всего и нужно увѣдомить императрицу. Предполагая согласіе на миръ короля Прусскаго, я имѣю приказаніе императрицы объявить, что она искренно расположена къ миру съ нимъ и, для ускоренія этого дѣла, готова заключить перемиріе и начать переговоры".

Въ Петербургѣ графъ Мерси, на конференціи съ канцлеромъ, далъ пространное объясненіе этого отвѣта: „Австрійскій Домъ", говорилъ онъ, „находясь такъ давно въ дружбѣ съ Россіею, привыкъ почитать эту державу своею постоянною и естественною пріятельницею, и потому, невзирая на недавно случившееся, въ Вѣнѣ не могутъ еще себѣ вообразить, что Петербургскій Дворъ перемѣнитъ самый существенный пунктъ своей политической системы,—именно нарушеніемъ союза съ Австрійскою монархіею. Хотя извѣстно все то, что настоящее поведеніе императора Всероссійскаго заключаетъ въ себѣ досадительнаго для древнихъ его союзниковъ, однако Римско-императорскія величества утѣшаютъ себя надеждою, что такой поступокъ только временный, и что, наконецъ, императоръ взглянетъ на дѣло другимъ, болѣе сходнымъ съ его интересами взглядомъ,—тогда убѣдится онъ, какъ необходимо ему предпочитать Австрійскій союзъ всякому другому. Вотъ что побудило императрицу-королеву дать такой умѣренный отвѣтъ. Было бы несправедливое и неслыханное дѣло, если-бъ императоръ Всероссійскій, думая, что къ исполненію его желанія находятся затрудненія, сталъ бы ихъ приписывать такой державѣ, которая съ самаго начала болѣе всѣхъ оказывала склонность къ примиренію, и къ примиренію съ такою державою, которая еще не заблагоразсудила о томъ изъясниться. Если императоръ Всероссійскій приметъ способы, сходные съ правосудіемъ, чистосердечіемъ и съ уваженіемъ, должными той державѣ, которая издавна была ему искреннею союзницею; если склонитъ онъ короля Прусскаго къ изъясненію его намѣреній и видовъ; если, наконецъ, употребитъ средства безпристрастныя, то можетъ быть увѣренъ, что скоро достигнетъ своей цѣли, и достигнетъ ея честнымъ образомъ, достойнымъ государя, на котораго теперь вся Европа обратила свои взоры, въ ожиданіи, какое мнѣніе она должна принять о его правилахъ и намѣреніяхъ" [1]).

Но эти объясненія не вели ни-къ-чему. Фридрихъ спѣшилъ пользоваться обстоятельствами и потребовалъ у Петра гарантіи не только Силезіи и Глаца, но и всѣхъ тѣхъ Земель, которыя онъ завоюетъ у Маріи-Терезіи до заключенія мира. Петръ отвѣчалъ: „Я въ восторгѣ и готовъ на все; но я буду просить ваше величество заключить такое же условіе со мной,—обезпечить за мной то, что я буду въ состояніи взять у Датчанъ, чтобъ разомъ заключить съ ними миръ, славный для моего Голштинскаго Дома". Фридрихъ писалъ ему: „Я не удовольствуюсь только гарантіей за вами всего того, что вы найдете нужнымъ; независимо отъ этого, я добиваюсь чести способствовать предпріятіямъ в. и. в. Распоряжайтесь Штетинскимъ портомъ и всѣмъ, что я имѣю, какъ вашей собственностью. Скажите; сколько нужно вамъ прусскихъ войскъ,—нисколько не стѣсняйтесь, и просто скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ. Хотя я старъ и изломанъ, но самъ пошелъ бы противъ вашихъ враговъ, если бъ зналъ, что принесу пользу, жертвуя собою для столь достойнаго государя, для такого и великодушнаго, и рѣдкаго друга. Вы великодушно предлагаете мнѣ вашу гарантію и ваши войска; будьте увѣрены, я вполнѣ чувствую всю цѣну столь благороднаго поступка. Если вамъ угодно дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14 съ тысячью казаковъ, то этого будетъ достаточно". Петръ отвѣчалъ: „Союзный договоръ будетъ готовъ чрезъ нѣсколько дней, и, чтобъ задержка его не могла помѣшать вашему величеству противъ вашихъ враговъ, которые также—и мои, я приказалъ генералу Чернышеву сдѣлать все возможное, чтобъ прибыть, по крайней мѣрѣ, въ началѣ іюня въ вашу армію съ 15,000 регулярнаго войска и тысячью казаковъ. Ему приказано состоять въ распоряженіи в. в. Чернышевъ лучшій генералъ послѣ Румянцева, котораго я не могу отозвать: онъ противъ Датчанъ. Но если бы Чернышевъ и ничего не смыслилъ, то онъ не можетъ худо дѣйствовать подъ командою такого великаго генерала, какъ в. в." [2]). Такимъ образомъ, въ Берлинѣ собирался конгрессъ съ цѣлью если не отвратить Датскую войну, то, по крайней мѣрѣ, оттянуть ее до будущей весны и не имѣть надобности посылать прусскаго войска на помощь Петру; а между тѣмъ 16,000 русскаго войска уже соединились съ прусскимъ, для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ Австріи.

Австрія употребила послѣднее средство:—предложила деньги и вспомогательное войско противъ Даніи. Императоръ отвѣчалъ: „Деньги мнѣ не нужны; я надѣюсь одинъ управиться со своими врагами; а понадобится помощь,—стану искать ее въ другомъ мѣстѣ, только не въ Вѣнѣ".

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1762 года.

[2]) Русская Старина, 1871 годъ, № 3.

Австрія, находившаяся въ крайне затруднительномъ положеніи, считала необходимымъ умѣрять тонъ своихъ протестовъ противъ перемѣны русской политики; но Франція не считала этого необходимымъ.

Когда Чернышевъ подалъ герцогу Шуазелю декларацію о заключеніи мира между Россіею и Пруссіею,—тотъ, съ трудомъ скрывая свое раздраженіе, отвѣчалъ: „Не могу скрыть, что эта декларація крайне насъ удивляетъ: какъ, безъ всякаго предварительнаго сношенія съ союзниками, система, казавшаяся такъ твердо установленною, вдругъ и до основанія разрушена! Иначе поступилъ третьяго и прошлаго года король, мой государь, хотя такъ-же сильно чувствовалъ надобность дать миръ своимъ подданнымъ,—во всѣхъ случаяхъ онъ предпочиталъ интересъ союзниковъ своему собственному. Вы должны отдать нашему Двору полную справедливость, потому что черезъ васъ шли тогда переговоры".—„Тогда были одни обстоятельства, а теперь другія", отвѣчалъ Чернышевъ и распространился о томъ, какъ поступокъ Петра доказываетъ попеченіе его о благѣ своего народа и вообще его человѣколюбіе. — „Однако", возразилъ Шуазель, „исполненіе принятыхъ обязательствъ надобно предпочитать всему другому".—„Нашъ разговоръ", замѣтилъ Чернышевъ, „начинаетъ касаться правъ; но такимъ образомъ мы можемъ далеко зайти, а все же другъ съ другомъ не согласимся". Этимъ разговоръ о русской деклараціи и кончился.

„Здѣшняго Двора обстоятельства теперь очень критическія", доносилъ Чернышевъ. „Сухопутное войско въ дурномъ состояніи, и мало надежды на его успѣхи въ будущую кампанію, а флотъ еще хуже. Англичане хватаютъ множество французскихъ судовъ, другія не смѣютъ отходить отъ берега, вслѣдствіе чего торговля страдаетъ. Въ казнѣ сильный недостатокъ, народъ обѣднѣлъ и съ крайнею нуждою взыскиваютъ съ него деньги, налагая налогъ на налогъ".

Отвѣтная декларація Французскаго короля была написана въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: „Его величество готовъ согласиться на предложенія прочнаго и честнаго мира, но онъ всегда будетъ поступать въ этомъ дѣлѣ съ совершеннаго согласія своихъ союзниковъ и будетъ принимать только такіе совѣты, которые будутъ продиктованы честью и честностью (par l'honneur et par la probité). Король счелъ бы себя виновнымъ въ измѣнѣ, если-бъ принялъ участіе въ тайныхъ переговорахъ; король помрачилъ бы свою и своего государства славу, если бы покинулъ своихъ союзниковъ; король увѣренъ, что каждый изъ нихъ съ своей стороны останется вѣренъ тѣмъ же принципамъ. Король не можетъ забыть главнаго закона, предписаннаго государямъ отъ Бога,—вѣрности договорамъ и точности въ исполненіи обязательствъ". Людовикъ XV пересталъ говорить съ Чернышевымъ на выходахъ.

А въ Петербургѣ, между тѣмъ, занимались важнымъ дѣломъ: отъ иностранныхъ министровъ потребовали, чтобъ они сдѣлали первый визитъ принцу Георгію Голштинскому. Бретейль, Мерси и министръ испанскій, маркизъ Алмодовара, отвѣчали, что сдѣлаютъ первый визитъ, если принцъ первый объявитъ имъ о своемъ пріѣздѣ. Принцъ не согласился, и канцлеръ, пригласивъ ихъ къ себѣ, именемъ императора объявилъ, что они не будутъ допущены на аудіенцію къ императору, пока не согласятся съ принцемъ Георгіемъ насчетъ визитовъ. Графъ Шуазель говорилъ Чернышеву, какъ странно и удивительно въ Петербургѣ смѣшиваютъ два разныя дѣла: одно—совершенно частное и никакой важности въ себѣ не заключающее, согласятся ли извѣстныя лица между собою насчетъ визитовъ или нѣтъ; такіе случаи при всѣхъ Дворахъ часто бываютъ; и ему самому, Шуазелю, случилось въ Вѣнѣ столкнуться насчетъ визитовъ съ принцемъ Карломъ Лотарингскимъ, братомъ императорскимъ,—не согласились, и до сихъ поръ визиты съ обѣихъ сторонъ не дѣлаются. Однако Вѣнскій Дворъ считалъ это дѣло постороннимъ для себя, а при Русскомъ Дворѣ приняло оно такое неожиданное и необыкновенное значеніе. Другое же дѣло, касающееся аудіенціи,—государственное: необходимо, чтобъ министры допускались къ государямъ, при которыхъ они аккредитованы, ибо безъ этого они не могутъ исполнять свою должность, и пребываніе ихъ при Дворахъ было бы совершенно лишнее. „Прошу васъ", окончилъ Шуазель, „донести объ этомъ ко Двору его импер. величества, представить о различіи, какое находитъ въ этомъ дѣлѣ здѣшній Дворъ, и о необходимости допустить нашего министра на аудіенцію безъ дальнѣйшаго отлагательства; странное смѣшеніе двухъ различныхъ дѣлъ можетъ объясниться развѣ тѣмъ, что нарочно ищутъ предлоговъ къ разрыву". На донесеніи объ этомъ Чернышева, Воронцовъ написалъ для императора: „Вчера баронъ Бретель, будучи у меня, равномѣрныя представленія чинилъ, на что ему вопреки довольные резоны сказаны были, и сей непріятный разговоръ съ горячестію съ обѣихъ сторонъ продолжался около часа съ заключеніемъ тѣмъ, что о представленіи его вашему импер. величеству мною донесено будетъ, но что я не надѣюсь, чтобъ ваше величество отмѣнили объявленное ему свое намѣреніе, какъ бы, впрочемъ, охотны ни были королю Французскому оказать знаки своей дружбы. Наконецъ, г. Бретель просилъ только о сообщеніи ему послѣдней резолюціи вашего величества; отозвался притомъ, что ежели бы оная не полезна для него послѣдовала, онъ съ первымъ курьеромъ просить станетъ своего рапеля".

Послѣ описаннаго разговора, Чернышевъ сообщилъ Шуазелю, что министры—шведскій, датскій и англійскій—имѣли уже аудіенціи у императора, потому что не сдѣлали никакого затрудненія относительно перваго визита принцу Георгію; но аудіенція барона Бретейля отложена, потому что онъ не

хочетъ слѣдовать примѣру другихъ министровъ. Императоръ надѣется отъ дружбы Французскаго Двора, что онъ уступитъ его требованію; впрочемъ, медленность въ допущеніи Бретейля на аудіенцію не можетъ быть вовсе причиною холодности между двумя Дворами, а уступчивость Французскаго Двора въ дѣлѣ визита императоръ признаетъ за новый знакъ дружбы, которую онъ, съ своей стороны, имѣетъ неотмѣнное намѣреніе соблюдать и еще болѣе утверждать. „Послѣдніе два пункта“, писалъ Чернышевъ, „принялъ онъ, графъ Шуазель, пристойнымъ образомъ и съ оказаніемъ удовольствія, что я примѣтивъ, нарочно повторилъ ему то же самое, въ такомъ точно разсужденіи, что здѣшній Дворъ, взявъ въ надлежащее уваженіе столь знатный для него пунктъ, легче склонится на рѣшеніе дѣла, касающагося до визиты его высочеству принцу Георгію, происшедшаго единственно отъ грубаго, упрямаго и малоразсудительнаго Бретелева права, и загладитъ тѣмъ нескладный его въ томъ поступокъ“.

Но Французскій Дворъ не склонился къ уступкѣ въ дѣлѣ визита. Отъ 27 мая Чернышевъ писалъ: „Здѣшній Дворъ самъ довольно видитъ неблагоразуміе свое въ этомъ дѣлѣ; но, зайдя такъ далеко, изъ гордости и упрямства своего отступить стыдится; итакъ опредѣлено: Бретейля изъ Петербурга отозвать и назначить его посломъ къ Шведскому Двору“. Шуазель объявилъ Чернышеву, что въ Петербургъ назначенъ будетъ повѣренный въ дѣлахъ или резидентъ, однимъ словомъ—министръ третьяго класса, который бы не былъ подверженъ никакому церемоніалу, вслѣдствіе чего Чернышевъ объявилъ, что отъѣзжаетъ изъ Франціи, оставляя въ ней повѣреннымъ въ дѣлахъ секретаря посольства, Хотинскаго [1]).

Въ Петербургѣ думали, что перемѣна политики, тѣсное сближеніе съ Пруссіею и удаленіе отъ Австріи и Франціи, сблизятъ Россію съ Англіею. Съ первыхъ минутъ воцаренія своего, Петръ обратился съ полнымъ довѣріемъ къ англійскому посланнику Кейту, какъ человѣку, который долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ сочувствовать его новой политикѣ. Гольцъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, также обратился къ Кейту за совѣтами и указаніями, и Кейтъ оказалъ ему самыя дружественныя услуги. Но Кейтъ въ Петербургѣ и Митчель въ Берлинѣ держались старой англійской политики,—политики Питта; а мы уже видѣли, что новое англійское министерство Бюта смотрѣло иначе на дѣло, и не желало тратиться, поддерживая Прусскаго короля въ войнѣ, теперь совершенно безполезной для Англіи. Но какъ Петръ не справился о взглядахъ новаго англійскаго министерства, взглядахъ, которые такъ сильно поддерживалъ русскій посланникъ въ Лондонѣ: такъ точно Бютъ не зналъ, что съ новымъ императоромъ рушатся всѣ прежнія политическія отношенія.

[1]) Дѣла Французскія 1762 года.

По полученіи извѣстія о восшествіи на престолъ Петра, графъ Бютъ выразился кн. Голицыну, что теперь единственно состоитъ въ волѣ императора дать миръ Европѣ. „У насъ“, говорилъ Бютъ, „довольно чувствуютъ, что Прусскій король, при настоящихъ своихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, не можетъ ласкать себя надеждою получить миръ безъ значительныхъ уступокъ изъ своихъ владѣній; почти уже шесть недѣль тому назадъ какъ я, по указу королевскому, поручилъ нашему министру при Берлинскомъ Дворѣ, Митчелю, объявить прусскому министерству, что давно уже пришло время серьезно о томъ подумать, и что здѣшній Дворъ не можетъ вѣчно воевать въ угоду его Прусскаго величества. По словамъ здѣшнихъ прусскихъ министровъ, король ихъ надѣется найти теперь больше къ себѣ расположенія при Русскомъ Дворѣ; но, конечно, надежда эта—химерическая; прусскимъ министрамъ естественно, какъ утопающимъ, хвататься за все и ласкать себя малѣйшею надеждою; но я не могу думать, чтобъ императоръ промѣнялъ своихъ естественныхъ союзниковъ на короля Прусскаго. Здѣшній Дворъ, стараясь о мирѣ, не можетъ притомъ сильно желать, чтобъ русскія войска, дѣйствовавшія противъ Пруссіи, были возвращены, какъ, быть можетъ, Прусскій король надѣется: ибо чрезъ это, вмѣсто мира, надобно ожидать продолженія войны; съ одною императрицею-королевою король Прусскій можетъ долго воевать, чего здѣшній Дворъ не желаетъ, а напротивъ,—старается, избавя короля Прусскаго отъ конечной гибели, склонить его пожертвовать Маріи-Терезіи своими областями, какъ требуетъ справедливость. Прошу васъ эти мои рѣчи содержать въ глубочайшей тайнѣ, ибо я съ вами говорилъ не какъ министръ королевскій, но какъ пріятель, вполнѣ на васъ полагающійся. Откровенность за откровенность: желалъ бы я отъ васъ узнать, какую часть изъ прусскихъ завоеваній государь вашъ хочетъ за собою удержать“.

„До сихъ поръ“, отвѣчалъ Голицынъ, „я не имѣю еще извѣстія о намѣреніяхъ государя, только изъ манифеста его могу заключить, что онъ хочетъ во всемъ подражать своимъ предкамъ, слѣдовательно хочетъ пребывать неразлучно съ своими естественными союзниками, именно съ Вѣнскимъ Дворомъ; потомъ, такъ же по примѣру предковъ, сохранять и утверждать дружбу съ его Британскимъ величествомъ. Мира мой государь искренно желаетъ, но мира честнаго, и, какъ вы, графъ, справедливо замѣтили, Прусскій король не иначе можетъ получить миръ, какъ жертвуя значительною частію своихъ областей, и невозможно ему ласкать себя надеждою, чтобъ императоръ, въ предосужденіе славы высочайшаго своего имени и пользы своей имперіи, промѣнялъ интересы своихъ главныхъ и полезныхъ союзниковъ на интересъ такого опаснаго сосѣда, какъ король Прусскій, чтобъ вывелъ свои войска изъ прусскихъ областей и возвратилъ ихъ Фридриху II-му, который самъ почитаетъ ихъ

невозвратно потерянными: такой поступокъ не былъ бы согласенъ ни съ славою, ни съ честію, ни съ безопасностію императора, который намѣренъ начало своего царствованія прославить присоединеніемъ къ имперіи всего королевства Прусскаго по праву завоеванія, тѣмъ болѣе что эта провинція никакой связи съ Германскою имперіею не имѣетъ; что же принадлежитъ до другихъ завоеваній, то они могутъ быть уступлены за какія-нибудь, не столь тягостныя для короля Прусскаго, вознагражденія".

Описавъ этотъ разговоръ, Голицынъ прибавлялъ: „Графъ Бютъ, казалось, былъ очень доволенъ моими отвѣтами. Я долженъ донести, что здѣсь теперь крайне скучаютъ союзомъ съ королемъ Прусскимъ и съ радостію воспользовались бы первымъ удобнымъ случаемъ оставить его; слѣдовательно, теперь въ волѣ вашего величества не только исходатайствовать высокимъ союзникамъ справедливое удовлетвореніе, но и Пруссію (провинцію) удержать въ вѣчномъ владѣніи: Англійскій Дворъ охотно на это согласится". Канцлеръ Воронцовъ написалъ на реляціи: „Сія реляція князя Голицына заслуживаетъ великой похвалы и апробаціи, на которую въ отвѣтъ гисторически ему отписать о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ и о высочайшемъ соизволеніи его императорскаго величества въ разсужденіи прежней системы, и что съ королемъ Прусскимъ, кромѣ дружеской обсылки, еще никакой негоціаціи здѣсь не начато, хотя повѣренная персона отъ его величества сюда и прислана". Реляція Голицына была отъ 26 января; императоръ читалъ ее 2 марта.

Голицынъ еще при Елисаветѣ получилъ указъ, что отзывается изъ Лондона на вице-канцлерское мѣсто. На мѣсто его былъ назначенъ извѣстный Гроссъ; но король Георгъ III велѣлъ объявить Голицыну, что онъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ принять Гросса: тогда назначенъ былъ полномочнымъ министромъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

Передъ отъѣздомъ Голицына, графъ Бютъ сообщилъ ему полученныя извѣстія изъ Магдебурга, гдѣ находился тогда Фридрихъ II, о посылкѣ Гольца въ Петербургъ. Бютъ выражалъ сильное неудовольствіе, что Фридрихъ не сообщилъ Лондонскому Двору инструкцій, данныхъ Гольцу. „Это значитъ", говорилъ Бютъ, „что инструкціи не могутъ быть намъ пріятны; здѣсь догадываются, что, во-первыхъ, Прусскій король будетъ всячески стараться поднять Россійскую имперію противъ Вѣнскаго Двора, къ немалому предосужденію европейской вольности; во-вторыхъ, для полученія себѣ выгоднѣйшихъ отъ Русскаго императора условій что-либо заключить съ Русскимъ Дворомъ противъ Датскаго короля".

Бютъ давалъ знать Голицыну, что разговоръ ихъ оставался въ величайшей тайнѣ; но Петръ иначе распорядился реляціею Голицына: онъ показалъ ее Гольцу, и не только позволилъ снять копію, но и прямо приказалъ переслать эту копію Фридриху. Получивши ее, Фридрихъ писалъ Петру: „Я былъ-бы самый неблагодарный и недостойный изъ людей, если-бъ не чувствовалъ и вѣчно не благодарилъ бы васъ за великодушные поступки. Ваше императорское величество открываете измѣну моихъ союзниковъ, помогаете мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ, и я единственно вашей особѣ обязанъ тѣмъ, что случается со мною счастливаго". Фридрихъ велѣлъ Финкенштейну показать голицынскую депешу англійскому посланнику въ Берлинѣ, Митчелю, и когда послѣдній увѣдомилъ объ этомъ свое правительство, то Бютъ отвѣчалъ, что русскій посланникъ или не понялъ его, или память ему измѣнила, или Голицынъ слишкомъ увлекся своею преданностію Австрійскому Дому, но что онъ, Бютъ, ничего подобнаго ему не говорилъ.

Новый русскій министръ, назначенный въ Англію, графъ Александръ Воронцовъ, получилъ отъ императора такую инструкцію: „1) Надлежитъ всѣми мѣрами стараться, чтобъ привесть короля Англійскаго въ такія же добрыя намѣренія касательно короля Прусскаго, въ каковыхъ онъ прежде сего находился. 2) Надлежитъ изыскивать случай, чтобъ открыть королю, а наипаче Англійскому народу, обманы фаворита его, графа Бюта, касательно короля Прусскаго, представляя имъ послѣдуемый изъ того для всей націи неописанный стыдъ, и особливо въ томъ, если Англія вознамѣрится, оставляя короля Прусскаго, заключить съ королевою Венгерскою особенный миръ. 3) Стараться всевозможнымъ образомъ объ истребленіи остальной королевской дружбы съ Даніею, и притомъ домогаться, чтобъ совершенно разрушить ихъ союзъ. 4) Всѣми-жъ силами стараться, чтобъ Англію вовлечь въ заключенный между королемъ Прусскимъ и мною союзъ, давая, съ одной стороны, разумѣть, сколь великую пользу касательно торговли получить они могутъ, а съ другой—доказывая происходимое въ противномъ случаѣ бѣдствіе. 5) А особливо примѣтить имъ надлежитъ, что если Россія слѣдующіе товары отниметъ у Англіи, а именно: пеньку, мачтовыя деревья, мѣдь, желѣзо и конопляное масло, безъ которыхъ Англичане не могутъ обойтись, то будутъ они приведены въ конечное разореніе. 6) Наблюдать доброе согласіе съ министромъ короля Прусскаго столь прилежно, что если услышите вы или отъ англійскаго министерства получите какія-либо его величеству предосудительныя піесы, то долженствуете его министру немедленно оныя сообщить, дабы могъ онъ о томъ къ своему Двору доносить" [1]).

Мы видѣли, что при первыхъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіею въ новое царствованіе, сношеніяхъ, отъ которыхъ находились въ зависимости

[1]) Дѣла Англійскія 1762 года.—Шеферъ, II, 463 и слѣд.

всѣ политическія дѣла, уже былъ вопросъ о Швеціи.

Остерманъ изъ Стокгольма писалъ новому императору, что бóльшая часть шведскихъ предпріятій много зависитъ отъ узнанія его воли. „Вся здѣшняя публика", доносилъ Остерманъ, „почитаетъ неизбѣжною войну между Россіею и Даніею, и толкуетъ о желаніи вашего величества заключить тройной союзъ между Россіею, Пруссіею и Швеціею". Послѣ толковъ Остерманъ сообщилъ сдѣланное ему министромъ иностранныхъ дѣлъ, Экеблаттомъ, заявленіе, что Швеція, будучи истощена войною, должна помышлять о честномъ соглашеніи съ королемъ Прусскимъ.

Императоръ былъ очень радъ этому соглашенію, которое дѣйствительно и послѣдовало; но онъ не обратилъ вниманія на побужденіе къ соглашенію, выставленное Экеблаттомъ, именно—истощеніе Швеціи, и потребовалъ, чтобъ Швеція приняла участіе въ войнѣ его съ Даніею.

4 іюля Остерманъ имѣлъ разговоръ съ Экеблаттомъ. Выслушавши предложеніе Остермана относительно совокупнаго дѣйствія Россіи и Швеціи противъ Даніи, шведскій министръ отвѣчалъ, что доложитъ объ этомъ королю, но потомъ объявилъ собственное мнѣніе не формальнымъ и не министеріальнымъ образомъ: онъ началъ рѣчь съ объявленія крѣпкой надежды короля, что императоръ, какъ по родству, такъ и по доброжелательству къ Швеціи, будетъ смотрѣть снисходительнымъ окомъ на настоящее положеніе Шведскаго Двора. Тѣ же самыя причины, которыя побудили этотъ Дворъ къ заключенію мира съ Пруссіею, понуждаютъ его не желать новой войны, и потому королю очень пріятно будетъ слышать о полюбовномъ соглашеніи Россіи съ Даніею; и какъ съ одной стороны уваженіе къ императору, такъ съ другой—уваженіе къ прежде принятымъ Швеціею обязательствамъ по гарантіи (Шлезвига Даніи) заставляютъ искать такого средства, которое никого не могло бы раздражить. „Обнадеживаю васъ", закончилъ Экеблаттъ, „что здѣшній Дворъ не склонится ни на какія лестныя предложенія Датскаго Двора, противныя интересу императора".—„Когда дѣйствительно ваше желаніе", возразилъ Остерманъ, „состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть полюбовное соглашеніе по нашему дѣлу съ Даніею, то мнѣ кажется, что пристойное внушеніе отъ вашего Двора Датскому, и въ случаѣ, если внушеніе не подѣйствуетъ, подкрѣпленіе претензій императора на самомъ дѣлѣ, равно какъ вспоможеніе русскому флоту въ шведскихъ гаваняхъ и русскому войску въ Помераніи—послужитъ лучшимъ средствомъ къ достиженію вашей цѣли". Экеблаттъ отвѣчалъ, что по такому деликатному дѣлу онъ не можетъ дать никакого формальнаго отвѣта.

Но изъ его словъ уже легко было догадаться, въ какомъ смыслѣ будетъ королевскій отвѣтъ, который былъ переданъ Остерману 18 іюня: „Король не можетъ оказать императору большей довѣренности, какъ повторить съ прежнею откровенностью объ изнурительномъ состояніи своего государства, не дозволяющемъ принимать никакихъ мѣръ, которыя бы могли дать малѣйшій поводъ къ разрыву дружбы съ какою-либо державою. Въ такомъ разсужденіи королю очень пріятно было слышать достохвальную миролюбивую склонность императора къ добровольному соглашенію съ Датскимъ Дворомъ, и сердечно онъ будетъ желать, чтобъ это дѣло совершилось, чему онъ, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать, сколько возможно. Что же касается желаемаго императоромъ вспоможенія русскимъ войскамъ въ Помераніи за справедливую уплату и входа русскихъ кораблей въ шведскія гавани, то король не преминетъ сдѣлать все то, что обыкновенно называется officia humanitatis (обязанности человѣчества), если какой-нибудь изъ русскихъ кораблей порознь принужденъ будетъ зайти въ шведскую гавань для полученія необходимой помощи; также и войску русскому за справедливую уплату показано будетъ всевозможное удовольствіе". Когда Экеблаттъ передалъ королевскій отвѣтъ Остерману, тотъ спросилъ: „Можно надѣяться, что officia humanitatis не будутъ распространяться на Данію?"—„Трудно будетъ", отвѣчалъ Экеблаттъ, „отказать въ нихъ Датскому Двору".

Остерманъ былъ отозванъ, и на его мѣсто назначили дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Миниха [1]).

Также отозванъ былъ и Воейковъ изъ Варшавы съ назначеніемъ къ арміи, по собственному его всегдашнему желанію, какъ видно изъ письма его къ Воронцову; на мѣсто Воейкова былъ назначенъ, бывшій уже въ Польшѣ и потомъ въ Вѣнѣ, графъ Кейзерлингъ.

Король Польскій-курфирстъ Саксонскій, какъ слабѣйшій, долженъ былъ болѣе всѣхъ другихъ союзниковъ сокрушаться перемѣною русской политики. По всей Польшѣ распространились тревожные слухи, что страшная опасность будетъ грозить этой странѣ, если Пруссія соединится съ Россіею, ибо нѣтъ сомнѣнія, что между этими обѣими державами произойдетъ соглашеніе насчетъ Польши: она непремѣнно потеряетъ нѣсколько областей, которыя пойдутъ на вознагражденіе Россіи за возвращеніе Пруссіи Фридриху II-му. Графъ Брюль началъ хлопотать о примиреніи Чарторыйскихъ со Дворомъ въ надеждѣ, что племянникъ Чарторыйскихъ, стольникъ Литовскій—Понятовскій, можетъ дѣйствовать въ пользу Польскаго Двора чрезъ новую императрицу, по ея благосклонности къ нему въ прежнее время въ Петербургѣ. Надежда эта очень скоро рушилась; но люди безъ надежды не живутъ, и, въ мартѣ, въ Варшавѣ стали надѣяться, что политика Петра, особенно отобраніе церковныхъ имѣній, произведетъ безпокойства въ Россіи [2]).

[1]) Дѣла Шведскія 1762 года.

[2]) Депеши прусскаго резидента въ Варшавѣ, Бенуа,

Надеждою этою питались до тѣхъ поръ, пока она осуществилась, а между тѣмъ переживали тяжелое время. Между Россіею и Пруссіею безпримѣрный въ исторіи тѣсный союзъ. Отъ Фридриха II ждать добра нечего; а Петръ III, по привязанности своей къ Фридриху, давно уже враждебно относился къ Саксонскому Дому, и вражда эта усилилась, когда императрица Елисавета согласилась на возведеніе въ Курляндскіе герцоги сына Августа III, принца Карла Саксонскаго, тогда какъ Петръ прочилъ на это мѣсто дядю своего, принца Георгія Голштинскаго. Великій князь обошелся очень холодно съ принцемъ Карломъ, когда тотъ явился при Дворѣ Елисаветы, и, узнавши чрезъ Шувалова, что императрица сердится на эту холодность, Петръ написалъ теткѣ, что онъ не можетъ лучше обходиться съ принцемъ, запятнавшимъ себя постыднымъ бѣгствомъ при Цорндорфѣ [1]. Разумѣется, одною изъ первыхъ мыслей Петра III-го, по восшествіи его на престолъ, была мысль о сверженіи принца Карла съ Курляндскаго престола и о возведеніи на его мѣсто принца Георгія. Сдѣлать это было легко: Курляндія была— Польша въ миніатюрѣ, подвергаясь вліянію перваго сильнаго, который считалъ нужнымъ заняться ею,—а сильнѣе всѣхъ былъ императоръ Русскій, вслѣдствіе чего Курляндцы давно привыкли смотрѣть на своихъ герцоговъ, какъ на губернаторовъ, назначаемыхъ въ Петербургѣ. Опираться при этихъ назначеніяхъ на волю шляхетства, на его избраніе было легко, ибо постоянно существовали партіи, преданныя тому или другому изъ кандидатовъ; партію легко было употребить для почина дѣла, а равнодушное большинство готово было признавать герцогомъ всякаго, кого поддерживало русское войско и кто обѣщалъ чины и аренды. Петръ не велѣлъ извѣщать о своемъ восшествіи на престолъ принца Карла, и тѣмъ заявилъ, что не признаетъ его законнымъ герцогомъ Курляндскимъ. Русскій уполномоченный въ Митавѣ, Симолинъ, старавшійся при Елисаветѣ объ избраніи въ герцоги принца Карла, теперь получилъ приказаніе дѣлать собственное дѣло и поддерживать партію, противную Карлу. Симолинъ схватился за главную причину неудовольствія противъ принца Карла въ протестантской Курляндіи,— именно, что принцъ былъ католикъ. Курляндской депутаціи, пріѣхавшей въ Петербургъ поздравить Петра съ восшествіемъ на престолъ, было объявлено сожалѣніе императора, „сколь мало съ фундаментальными правами герцогства Курляндскаго сходственно имѣть имъ католическаго принца своимъ герцогомъ, умалчивая о другихъ нарушеніяхъ ихъ правостей“. Сначала движеніе, направленное противъ принца Карла, шло во имя стараго Бирона, и только въ концѣ іюня Симолинъ выставилъ принца Георгія, которому Биронъ уступилъ свои права. Вслѣдствіе этого, образовались въ Курляндіи три партіи:—принца Карла, Бирона и принца Георгія [2]).

Перемѣна русской политики должна была отразиться и на отношеніяхъ къ Турціи.

Обрѣзковъ, не зная о рѣзкой перемѣнѣ политики своего Двора, отъ 19 февраля доносилъ новому государю о дѣйствіяхъ прусскаго посланника въ Константинополѣ и доносилъ, по привычкѣ, въ очень нелестныхъ выраженіяхъ. Онъ писалъ о сугубомъ стараніи посланника склонить Порту прежде весны прибавить къ дружественному и торговому трактату артикулъ союза; кромѣ „надмѣрныхъ посуловъ“, посланникъ старался доказать сановникамъ Порты, какой вредъ получитъ Порта, если она не соединитъ своихъ интересовъ съ интересами короля Прусскаго, причемъ превозносилъ могущество и необыкновенныя воинскія способности своего короля; но потомъ, увидя, что эти восхваленія ни къ чему не служатъ, и что взятіе Кольберга нельзя болѣе утаивать, перемѣнилъ, по выраженію Обрѣзкова, высокомѣрный языкъ даже до подлости, сталъ объявлять Портѣ, что безъ дѣйствительной и скорой помощи его государь непремѣнно будетъ стѣсненъ множествомъ непріятелей, вслѣдствіе чего принужденъ будетъ предаться Русскому Двору, ожидающему его съ отверстыми объятіями, а это не можетъ быть Портѣ полезно. Увидавъ, что Порта и отъ этихъ представленій его не приходитъ въ жалость и страхъ, прусскій посланникъ сталъ домогаться, чтобъ, по меньшей мѣрѣ, Порта сдѣлала какое-нибудь движеніе, которое принудило бы Петербургскій и Вѣнскіе Дворы выставить нѣсколько военныхъ силъ на южныхъ границахъ. Видя такія домогательства, Порта рѣшила попытать русскаго, австрійскаго и французскаго пословъ насчетъ состоянія европейскихъ дѣлъ. Къ Обрѣзкову явился секретарь Рейсъ-еффенди и, послѣ разныхъ разговоровъ, спросилъ, что онъ думаетъ о домогательствахъ прусского посланника, и какое,

---

извлеченныя изъ Берлинскаго архива Гейссеромъ и помѣщенныя въ изданіи Мюнхенской Академіи: Forschungen zur deutschen Geschichte.

[1]) Приводимъ это любопытное письмо въ подлинникѣ: «Madame, Vostre Majesté me permettra de lui adresser ces lignes, pour lui dire avec le plus profond chagrin que hier, ayant entendu par le comte Schuwaloff, qu'elle etoit faché contre moy par à port le prince de Saxe, j'ose lui répresenter les raisons qui m'ont forcé à estre avec lui si froid et que je ne lui parle presque pas. Vostre Majesté scaura dont que ce même prince s'est montré à la bataille de Zorndorff en lâche poltron. Mais ce gui est encore plus pis – c'est, que le prince par sa fuite indigne n'a pas seulement fait du tort à lui, mais plus encore à Vostre Majesté, parce que quelques régiments, voyant fuir le prince, coururent avec pensent: s'il le prince est déjà obligé à fuire, nous sommes tous perdues par ça. V. M. peut aisément elle même voir que je fletrirai trop mon honneur par ça, si j'aurais avec lui des grandes liaisons et plus que je ferai du tort au nom d'un neveu d'elle, si je ferai cette basesse.»

[2]) Дѣла Курляндскія 1762 года. Биронъ отрекся отъ Курляндіи въ пользу принца Георгія 16 апрѣля; нѣмецкій подлинникъ отреченія утвержденъ императоромъ чрезъ собственноручную подпись: «approbatur—Peter»; конференціи совѣтникъ Сальдернъ сообщилъ актъ канцлеру 21 апрѣля.

по его мнѣнію, должно быть рѣшеніе Порты. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что эти домогательства нисколько неудивительны: Прусскій король, обманувшись въ своихъ замыслахъ завоевать значительную часть Европы, угрожаемый совершеннымъ разореніемъ, ищетъ охотниковъ раздѣлить давящую его тяжесть, какъ обезьяна, видя разгорѣвшимися брошенные ею въ огонь каштаны, ищетъ кошкиной лапы, чтобъ ихъ вытащить. Что же касается рѣшенія Порты, то его нетрудно угадать, принимая въ соображеніе мудрость великаго визиря, который не захочетъ лишить Турцію покоя и подвергнуть опасностямъ войны, въ угодность королю Прусскому, другу Порты со вчерашняго дня, тѣмъ болѣе-что религія запрещаетъ ей вмѣшиваться въ раздоры христіанскихъ державъ. Секретарь соглашался вполнѣ съ Обрѣзковымъ, что Порта никогда не заключитъ союза съ Прусскимъ королемъ, но прибавилъ почти сквозь зубы: „Одно развѣ Порта можетъ сдѣлать,—предложить свои добрыя услуги для примиренія Россіи съ Пруссіею“.—„Это опять хитрости прусскаго посланника“, отвѣчалъ Обрѣзковъ: „онъ хочетъ другимъ путемъ достигнуть той же цѣли — охлажденія между Россіею и Портой, ибо держава, предлагающая свои добрыя услуги, обижается, когда ихъ не принимаютъ, а Россія не можетъ принять добрыхъ услугъ Порты, не желая оскорбить другія державы, предлагающія подобныя услуги и самое посредничество“. Чтобъ еще болѣе убѣдить секретаря, Обрѣзковъ на прощаніи подарилъ ему золотые часы въ 72 рубля. Но въ Петербургѣ хотѣли совсѣмъ другого.

28 апрѣля, любимецъ императора, Гудовичъ, пріѣхалъ къ канцлеру съ устнымъ указомъ императора предписать Обрѣзкову внушить Портѣ, что если она разсудитъ теперь начать непріятельскія дѣйствія противъ Австрійскаго Дома, то императоръ въ эту войну отнюдь вмѣшиваться не будетъ. Этотъ указъ внушенъ былъ Петру прусскимъ посланникомъ Гольцемъ, который 11 мая пріѣхалъ къ канцлеру навѣдаться, отправленъ ли указъ къ Обрѣзкову, потому что онъ, Гольцъ, уже писалъ о немъ своему государю. Воронцовъ отвѣчалъ, что въ Коллегіи готовится обыкновенная въ каждомъ мѣсяцѣ экспедиція, и указъ пошлется при ней; но такъ какъ въ Петербургѣ совершенно извѣстно о миролюбіи Порты, которая дала сосѣднимъ державамъ точныя увѣренія въ дружбѣ, то исполненіе упомянутаго указа подвержено будетъ весьма предосудительной огласкѣ безъ малѣйшей пользы: и такъ не лучше ли бы было съ русской стороны внушенія Портѣ не дѣлать до тѣхъ поръ, какъ прусскій посланникъ Рексенъ успѣетъ побудить Порту къ войнѣ съ Австріею;—пусть турецкое министерство само отзовется къ русскому резиденту о намѣреніи своемъ сдѣлать диверсію противъ Австріи въ пользу Пруссіи, и, въ такомъ случаѣ, русскій резидентъ объявитъ, что его государь въ предпринимаемой войнѣ участія имѣть не будетъ. Притомъ же Русскій Дворъ имѣетъ съ Вѣнскимъ особенный вѣчный трактатъ противъ Порты: оба Двора обязались взаимно помогать другъ другу противъ Турокъ. Гольцъ согласился съ канцлеромъ, что прежде долженъ дѣлать представленія Рексенъ, русскій резидентъ долженъ его подкрѣплять, а не мѣшать, и просилъ Воронцова отправить указъ въ этомъ смыслѣ. Воронцовъ отвѣчалъ, что такъ какъ это дѣло великой важности и должно быть содержано въ высшемъ секретѣ, то надобно остерегаться, чтобъ себя не компрометировать. Гольцъ съ этимъ согласился и обѣщалъ писать отъ себя къ Рексену. Это согласіе Гольца на представленія канцлера объясняется свидѣтельствомъ Волкова, что онъ съ другой стороны дѣйствовалъ въ пользу принятія предложенія Воронцова. Какъ видно, канцлеръ и Волковъ дѣйствовали въ этомъ случаѣ не безъ взаимнаго согласія. „Императоръ“, говорилъ Волковъ, „по домогательству принца Георгія и барона Гольца, приказалъ канцлеру отправить въ Константинополь къ Обрѣзкову указъ и велѣть, чтобъ онъ старался поднять Турокъ противъ Вѣнскаго Двора, и объявилъ бы, что наши съ онымъ обязательства разорваны. Каково коротко было приказаніе, не много пространнѣе того сочиненъ былъ и указъ въ Коллегію. Но коль скоро принесли ко мнѣ изъ Коллегіи протоколъ для подписанія, я не только въ Коллегію мнѣніе противъ того письменно послалъ, но осмѣлился и самому бывшему императору сдѣлать представленіе, и столько одержалъ, что не велѣно уже Обрѣзкову самому вызываться, но развѣ Турки спросятъ: будемъ ли мы Вѣнскому Двору помогать, то отвѣтствовалъ бы онъ собою, что, послѣ столь тягостной войны, конечно, не поступимъ мы на новую“.

А между тѣмъ Обрѣзковъ отъ 20 мая писалъ императору: „Принялъ я вольность вашему императ. величеству съ рабскимъ подтвержденіемъ всеподданнѣйше предложить о употребленіи старанія приклонить его величество короля Прусскаго на отзывъ пребывающаго здѣсь посланника его Рексена и вовсе уничтожить основанное при Портѣ министерство его, которое дерзновеніе принять не что иное побудило меня какъ всеподданнѣйшая рабская моя ревность къ службѣ и искренняя усердность къ высочайшимъ вашимъ интересамъ, по предусматриванію, что отъ продолженія при Портѣ прусскаго министерства для оныхъ вашихъ интересовъ впредь разныя неудобства быть могутъ, чему уже и неоспоримыя доказательства являться начинаютъ“. По донесенію Обрѣзкова, Фридрихъ II писалъ Портѣ, что, по причинѣ медленности ея заключеніемъ съ нимъ союза, онъ былъ принужденъ помириться съ Россіею; несмотря на то, однако, онъ имѣетъ истинное, точное и непоколебимое намѣреніе сохранять дружбу съ Портою и во всемъ поступать по ея совѣтамъ.

Получивъ указъ объясниться съ Портою относительно диверсіи ея противъ Австріи, Обрѣзковъ писалъ, что Порта не только не готова къ такому предпріятію, но и едва ли о томъ серьезно когда-

нибудь думала. При этомъ Обрѣзковъ увѣдомлялъ, что 20 мая у министровъ Порты было разсужденіе—заключать ли союзъ съ Прусскимъ королемъ, и рѣшено: заключить союзъ, но постановить, что его дѣйствіе не простирается на настоящую войну, а только на будущее время; узнавъ же о тѣсномъ союзѣ Пруссіи съ Россіею и о посылкѣ съ русской стороны на помощь Фридриху II вспомогательнаго корпуса, Порта отложила заключеніе союза и на этомъ условіи, принявъ выжидательное положеніе [1]).

Такъ произошла внезапная, рѣзкая, рѣшительная перемѣна въ политикѣ Россіи. Мы видѣли, какое впечатлѣніе произвела эта перемѣна въ различныхъ государствахъ Европы, смотря по тому, какъ она относилась къ ихъ интересамъ; теперь взглянемъ, какое впечатлѣніе она произвела внутри Россіи.

Послѣ Петра Великаго, послѣ сокрушенія могущества Швеціи, Русскіе люди привыкли считать себя безопасными со стороны Запада, гдѣ нечего было бояться ни отъ слабой Швеціи, ни отъ слабой Польши, гдѣ союзъ съ Австріею обезпечивалъ со стороны Турціи, гдѣ самымъ главнымъ врагомъ Россіи считалась отдаленная Франція, не могшая однако враждовать непосредственно, могшая вредить только интригами, подкупами: борьба съ Франціею ограничивалась борьбою дипломатическою. Но въ концѣ первой половины XVIII вѣка эта безопасность со стороны Запада исчезла: здѣсь вдругъ выдвинулась на первый планъ Пруссія, игравшая до тѣхъ поръ второстепенную роль; знаменитый король ея, искуснѣйшій полководецъ времени, не избиралъ средствъ для усиленія своего государства захватомъ чужихъ областей; Швеція, Польша, Турція вошли въ кругъ дѣятельности Фридриха II, и вездѣ интересы его необходимо сталкивались съ русскими. Россія приняла дѣятельное участіе въ союзѣ, составленномъ для сокращенія силъ Прусскаго короля. Война выказала еще болѣе эти силы, выказала вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость со стороны союзниковъ не уставать въ преслѣдованіи своей цѣли,—и Россія дѣйствовала неутомимо, несмотря на всѣ внутреннія и внѣшнія препятствія. Цѣль великихъ усилій и пожертвованій достигалась: Фридрихъ II доведенъ былъ до послѣдней крайности;—и въ эту самую минуту вдругъ все перемѣняется. Эта перемѣна не была торжествомъ извѣстной стороны, которая держалась совершенно противоположныхъ взглядовъ и теперь воспользовалась перемѣною царствующаго лица для проведенія этихъ взглядовъ; не было Русскихъ людей, которые сочувствовали Фридриху II и не сознавали необходимости сдержать его въ непосредственныхъ интересахъ отечества. Русскіе люди безспорно тяготились продолжительною войною и желали мира, но мира честнаго, и этотъ честный миръ былъ уже въ рукахъ, дожидаться его было не долго; награда за всю кровь, за всѣ пожертвованія были готовы. Новый императоръ возбудилъ бы къ себѣ полное сочувствіе въ Русскихъ людяхъ, если бы явился вооруженнымъ посредникомъ въ умиреніи Европы; если бы, признавая, по примѣру англійскаго министерства, необходимость для Фридриха II удовлетворить требованіямъ противниковъ, въ то же самое время умѣрилъ бы эти требованія. Самъ Фридрихъ сознавалъ необходимость уступокъ со своей стороны, что ясно видно изъ его инструкціи Гольцу; онъ готовъ былъ уступить Россіи Восточную Пруссію, заявляя желаніе получить вознагражденіе съ другой стороны (очень вѣроятно, что онъ имѣлъ въ виду западную Польскую Пруссію, которая дала бы ему возможность удержать титулъ Прусскаго короля, и понятно опасеніе, возникшее между Поляками, что соглашеніе между Россіею и Пруссіею произойдетъ насчетъ Польши); Фридрихъ II хотѣлъ стать въ то же положеніе, въ какое при концѣ своего поприща становился Карлъ XII относительно Петра Великаго, уступая Россіи всѣ ея завоеванія съ тѣмъ, чтобъ Россія помогла ему получить эквивалентъ въ другомъ мѣстѣ. Но что имѣлъ право сдѣлать Петръ I, раздраженный непріязненными поступками своихъ союзниковъ, на то не имѣлъ права Петръ III относительно союзниковъ Россіи въ Семилѣтнюю войну. На одно имѣлъ онъ право: въ случаѣ сильныхъ препятствій къ мирному соглашенію, отказаться отъ своей доли вознагражденія, отъ Пруссіи, ибо хотя великодушіе въ политикѣ обыкновенно не приноситъ плодовъ, но было бы удовлетворено чувство народа, нуждавшагося въ честномъ мирѣ, а не въ лишнемъ клочкѣ нерусской Земли. Но сдѣланное Петромъ III глубоко оскорбляло Русскихъ людей, потому что шло наперекоръ всеобщему убѣжденію, отзывалось насмѣшкою надъ кровью, пролитою въ борьбѣ, надъ тяжелыми пожертвованіеми народа для дѣла народнаго, праваго и необходимаго. Миръ, заключенный съ Пруссіею, никому не представлялся миромъ честнымъ; но, что всего было оскорбительнѣе,—видѣли ясно, что русскіе интересы приносятся въ жертву интересамъ чуждымъ и враждебнымъ. Всего оскорбительнѣе было то, что Россія подпадала подъ чужое вліяніе, чужое иго, чего не было и въ печальное время за двадцать лѣтъ тому назадъ, ибо и тогда люди, стоявшіе наверху, люди нерусскаго происхожденія,—Остерманъ, Минихъ, Биронъ были русскіе подданные и не позволяли посламъ чужихъ государей распоряжаться, какъ теперь распоряжался прусскій камергеръ Гольцъ. Прожили двадцать лѣтъ въ утѣшительномъ сознаніи народной силы, въ сознаніи самостоятельности и величія Россіи, имѣвшей могущественное, рѣшительное вліяніе на европейскія дѣла:—а теперь до какого позора дожили! Иностранный посланникъ заправляетъ русскою политикою, чего не бывало со временъ татарскихъ баскаковъ; но и тогда было легче, ибо рабство невольное не такъ позорно, какъ добро-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1762 г.

вольное. И хотя бы такою страшно дорогою цѣною купленъ былъ миръ? Но одна война кончалась для того, чтобъ начать другую,—какую, зачѣмъ?—затѣмъ, что Русскій государь не могъ рѣшиться быть только Русскимъ государемъ.

Къ чести тогдашнихъ Русскихъ людей, стоявшихъ наверху, надобно сказать, что они не могли помириться съ новымъ положеніемъ дѣлъ, исключая очень немногихъ ничтожностей, какъ напр. голубицы Фридриха II,—Андрея Гудовича. Затруднительнѣе другихъ было положеніе великаго канцлера, графа Мих. Лар. Воронцова, потому что, при перемѣнѣ внѣшней политики, на него были обращены глаза всѣхъ: его требовали къ отвѣту, зачѣмъ не противодѣйствуетъ своими совѣтами, представленіями; зачѣмъ соглашается, подписываетъ свое имя подъ актами, возбуждающими всеобщее негодованіе. Воронцовъ все это чувствовалъ, ему слышались эти страшныя вопросы; но, во-первыхъ, у него недоставало твердости характера и выдающихся способностей для борьбы; затрудняло его и разстройство денежныхъ дѣлъ, наконецъ болѣзненное состояніе, невозможность постоянно слѣдить за дѣлами, противодѣйствовать чуждымъ вліяніямъ. Несмотря на то, Воронцовъ боролся, сколько могъ. Въ запискѣ объ отношеніяхъ Россіи къ другимъ державамъ, поданной императору 23-го января, Воронцовъ говорилъ: „Россійскій императорскій Дворъ принялъ въ войнѣ противъ короля Прусскаго участіе по двумъ причинамъ: первая состояла въ томъ, чтобъ умножившуюся чрезъ мѣру силу сего государя, которая всѣмъ сосѣднимъ Дворамъ становилась страшною, возвратить для будущей безопасности въ умѣренные предѣлы и отворить себѣ въ европейскія, а особливо имперскія дѣла путь и ближайшую инфлюенцію, которыя, по натуральному своему интересу, старался король Прусскій затруднять явнымъ образомъ; наипаче же не допустить его до новыхъ завоеваній, слѣдственно, при уменьшеніи силъ сосѣдовъ его,—и до вящаго приращенія; а другая (причина) происходила отъ принятыхъ съ Вѣнскимъ Дворомъ общихъ обязательствъ". Взаключеніе записки, упомянувъ, что едва ли Аугсбургскій конгрессъ можетъ теперь повести къ миру, Воронцовъ продолжаетъ: „Вашему императорскому величеству предоставлена отъ Всевышняго Провидѣнія слава совершить къ общему благополучію сіе великое дѣло. Россія чувствуетъ тягость войны, но меньше другихъ: не претерпѣла она во внутреннихъ своихъ провинціяхъ опустошенія и не знаетъ, каковы бываютъ слѣды непріятельскаго нашествія. Отъ высочайшей вашего императорскаго величества воли зависитъ употребить къ поспѣшествованію мира тѣ способы, кои вы сами избрать изволите; но должности моей дѣло представить, что нужно весьма объявить союзнымъ Дворамъ о правилахъ, по коимъ ваше величество впредь систему имперіи вашей учредить намѣрены. Многажды оказывали они всѣ, что искренне желаютъ мира, да нельзя имъ онаго не желать, когда послѣдніе истощаются способы къ продолженію войны, но желаютъ прочнаго и удовлетворительнаго. Не меньше надобенъ миръ Англіи и королю Прусскому. Первая изнурила себя, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, жертвованіемъ ужасныхъ суммъ, отъ которыхъ народный кредитъ, все богатство ея составляющій, однимъ ударомъ невозвратно потрястись можетъ; а король Прусскій видитъ бо̀льшую часть Земель своихъ разоренными почти вконецъ. Трудность состоитъ въ томъ, какъ согласовать множество толь разнствующихъ интересовъ; но нужда заставитъ каждаго уменьшать свои требованія и довольствоваться чѣмъ ни есть малымъ вмѣсто того, чтобъ, гонясь за мечтами, доводить себя до крайности и совершеннаго изнеможенія".

Представленія канцлера не могли быть приняты: въ нихъ указывалось на необходимость для Россіи принять участіе въ Семилѣтней войнѣ для сдержанія Прусскаго короля; въ нихъ совѣтовалось принять вооруженное посредничество и склонить всѣхъ умѣрить свои требованія, тогда какъ было рѣшено заставить всѣхъ отказаться отъ своихъ требованій и удовлетворить требованіямъ одного—короля Прусскаго. Для достиженія этой цѣли мѣшала противная Елисаветинская Конференція, начавшая и поддерживавшая съ такимъ постоянствомъ борьбу противъ Фридриха II-го; ея члены и теперь не откажутся отъ своихъ мнѣній. 29-го января объявленъ указъ о небытіи Конференціи и о принятіи изъ нея дѣлъ частью въ Сенатъ, частью въ Иностранную Коллегію. Воронцовъ счелъ своею обязанностью представить о рановременности этой мѣры, облекая это представленіе въ самыя льстивыя формы: „Достойно и праведно превозносить съ благоговѣніемъ монаршее в. и. в. намѣреніе, прямо великаго самодержца достойное, чтобъ всѣ дѣла управлять собственнымъ вашимъ трудомъ и руководствовать вашимъ просвѣщеніемъ. Въ семъ разсужденіи не настоитъ, дѣйствительно, никакой надобности продолжать Конференцію или учредить другой совѣтъ, и я крайне удаленъ что-либо такое вашему величеству представлять, что бы противно было монаршему намѣренію всѣ дѣла своимъ трудомъ управлять. Но, почитая главною и существительною всеподданнѣйшею должностью содѣйствовать сему великодушному о пользѣ и славѣ имперіи вашей попеченію, обязаннымъ себя нахожу всеподданнѣйше представить: 1) что генеральныя дѣла Европы въ такую теперь кризу пришли, что систему или совсѣмъ новую принять, или же во многомъ перемѣнить надобно будетъ. Сію новую систему составить, ни одной пользы не пропустить, а все то предусмотрѣть, что слѣдствіи вреднаго произвести могутъ, и всѣ распоряженія согласно тому учредить не можетъ ни Сенатъ, ни Иностранная Коллегія. Паче же, 2) когда пойдутъ дѣла на перепискахъ между Сенатомъ и коллегіями, то секретъ подверженъ во многихъ рукахъ великой опасности, а дѣла—промедленію, а притомъ и то легко случиться

можетъ, что между разными мѣстами произойдутъ отъ неясности разныя мнѣнія, оттого—несогласія, а отъ несогласія—разногласные в. и. в—ству доклады". Изъ этого канцлеръ выводилъ необходимость или продолжить Конференцію, или учредить какой-нибудь тому подобный совѣтъ съ прежними или другими членами. Воронцовъ рѣшился даже защищать старую Конференцію: „Я почти напередъ увѣрить смѣю, что чрезъ краткое время конференція прилежными трудами и ревнительнымъ исполненіемъ монаршей вашей воли удостоится высочайшей апробаціи и довѣренности, какъ я и теперь предъ в. и. в. по чести и съ чистою совѣстію справедливо засвидѣтельствовать могу, что управленіе ея по сію пору дѣлами было всегда руководствовано истиннымъ и усерднымъ о пользѣ государственной попеченіемъ и патріотическою къ в. в. вѣрностію, да и не сдѣлано опять здѣшнему Двору ни отъ кого нареканія, но паче служило къ пріобрѣтенію оному у всѣхъ Дворовъ почтенія" [1]). Это патріотическое заявленіе о патріотической вѣрности Конференціи уничтожало дѣйствіе ѳиміама, воскуреннаго въ началѣ доклада; Конференція не была возстановлена, и совѣтъ съ самымъ неопредѣленнымъ характеромъ былъ учрежденъ только 20-го мая, а между тѣмъ новая система установлялась подъ руководствомъ прусскаго министра Гольца.

Уже было упомянуто, что разстройство въ денежныхъ дѣлахъ увеличивало печальное положеніе канцлера. Въ мартѣ онъ былъ принужденъ подать императору просьбу: „Я теперь болѣе 200,000 рублей долгу на себѣ имѣю, и не остается мнѣ другого способа, какъ всенижайше просить в. и. в., дабы изъ великодушія и особливой ко мнѣ милости высочайше повелѣть изволили домъ мой со всѣми уборами въ казну взять, съ заплатою изъ Монетной канцеляріи или мѣднаго банка 250,000 рублей (которые, по истинной цѣнѣ новой монеты, сочиняютъ только 62,500 рублевъ); а ежели неугодно будетъ домъ мой за оную цѣну взять, то повелѣть изъ мѣднаго банка безъ процентовъ выдать мнѣ взаймы 300,000 рублевъ. Довольно понимаю я, всемилостивѣйшій государь, что въ настоящихъ обстоятельствахъ казна в. в. великіе расходы имѣть должна; но когда нынѣ, при счастливомъ вашемъ царствованіи, Всемогущій Богъ Европѣ драгоцѣнный миръ ниспосылаетъ, слѣд. и всѣ чрезвычайныя въ государствѣ издержки прекратятся, а по возвращеніи арміи и расточенные многіе милліоны въ Россію возвратиться имѣютъ, то и полагаюсь я съ совершенною надеждою на сродное вашему императорскому величеству милосердіе, что сіе мое всеподданнѣйшее прошеніе милостиво услышать соизволите".

Затруднительныя денежныя обстоятельства заставляли Воронцова держаться своего мѣста, хотя онъ чувствовалъ, что со степени канцлера низошелъ на степень правителя Канцеляріи Иностранныхъ Дѣлъ, заготовляющаго бумаги по требованіямъ, объявленнымъ ему Гольцемъ или принцемъ Георгіемъ Голштинскимъ. Воронцовъ видѣлъ себя принужденнымъ подчиниться требованію Петра, чтобъ не смѣлъ поперечить ему въ Прусскихъ дѣлахъ. Но иногда горечь положенія становилась нестерпимою, и въ одну изъ такихъ минутъ Воронцовъ писалъ Петру: „Несчастное состояніе чрезъ продолженіе долговременной моей болѣзни и слабости лишаетъ меня удовольствія видѣть часто дражайшія очи вашего императорскаго величества и получать монаршія повелѣнія, равно какъ и, по званію чина и должности моей, имѣть счастіе по дѣламъ докладывать вашему величеству. Сіе несчастное для меня состояніе мнѣ крайнюю печаль приноситъ, что я, какъ по вѣрности и усердной моей ревности, такъ паче по преданности моей къ собственной персонѣ вашего величества и къ службѣ вашей, не могу надлежаще, какъ я желаю, должность мою исполнить и принужденъ чрезъ пересылку и чрезъ третьи руки вашему величеству доклады чинить, подвергаясь тѣмъ нѣкоторому непріятному истолкованію и гнѣву, какъ и въ самомъ дѣлѣ случилось, яко-бы вашему императорскому величеству чрезъ господина Волкова донесено, что я предпріятія ваши противъ Даніи химерическими поставлялъ, когда я говорилъ, что рановременнымъ походомъ нашей арміи безъ заготовленія довольныхъ магазейновъ въ пути въ Германіи и безъ готовыхъ въ наличности великихъ суммъ денегъ, безъ подкрѣпленія сильнаго флота и безъ помощи короля Прусскаго или какой-либо другой державы сей походъ былъ бы совсѣмъ безплоденъ и къ невозвратному убытку и безславію послѣдовалъ, что и нынѣ по совѣсти и вѣрности моей къ вашему величеству иного сказать не могу. Ваше императорское величество повелѣли мнѣ поступать согласно съ мнѣніемъ вашимъ въ разсужденіи склонности вашей къ его величеству королю Прусскому. Мое наиглавнѣйшее правило было и нынѣ есть, да и впредь будетъ—исполнять во всемъ волю моихъ самодержцевъ, въ чемъ я и ни малѣйше не преступаю. Ваше императорское величество соизволите быть совершенно увѣрены, что я ни къ какой державѣ ни малѣйшей предилекціи не имѣлъ и нынѣ не имѣю; а что касается до мирнаго трактата съ его величествомъ королемъ Прусскимъ, я донынѣ о содержаніи его никакого сообщенія и свѣдѣнія не имѣю и не знаю ни воли, ни намѣренія вашего, на какихъ кондиціяхъ оный постановленъ и заключенъ быть имѣетъ. Впрочемъ, я съ крайнею горестію слышалъ отзывъ вашъ, яко-бы я къ Франціи преданъ былъ. Сіе мнѣ смертельную печаль наноситъ; ежели ваше величество о вѣрности моей къ вамъ и отечеству сумнѣнія имѣть изволите, я, конечно, недостоинъ ни единаго часа въ званіи чина моего остаться: сего ради, припадая къ стопамъ вашимъ, всенижайше прошу отъ сего напраснаго нареканія и горестной печали

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII.

меня освободить, и буде, по несчастію и паче чаянія моего, какое-либо сомнѣніе, ненадежность или неугодность въ продолженіи моей службы ваше величество имѣть изволите, то всенижайше прошу пожаловать меня милостиво уволить и дать мнѣ свободу остальное время страждущей моей жизни въ тишинѣ и покоѣ препроводить, не лишая меня, но паче обнадежа монаршею вашего величества протекціею, которую я, при сохраненіи репутаціи моей, внутри и внѣ отечества, почту себѣ за верхъ благополучія моего, предпочитая всякому видимому награжденію и многимъ сокровищамъ. Я не могу и не умѣю лицемѣрить и льстить, а хочу и стараюсь вашему величеству служить съ честію и славою, равно какъ съ доброю вѣрою и правдою, и въ сихъ сентиментахъ до конца жизни моей пребуду; и ежели иногда завидующіе мнѣ и недоброжелательные какія-либо внушенія противъ меня вашему величеству учинили, всенижайше прошу для оправданія моего мнѣ немедленно дать знать. Что же касается до даннаго мнѣ вчера повелѣнія говорить англійскому министру Кейту о присылкѣ нынѣшнимъ лѣтомъ въ диспозицію вашу англинскаго флота, я при первомъ свиданіи съ г. Кейтомъ говорить буду; токмо ваше величество съ Англинскимъ Дворомъ союзнаго трактата не имѣете, и что Англія, будучи нынѣ въ двойной войнѣ противъ Франціи и Гишпаніи, не въ состояніи, да и безъ взаимныхъ себѣ отъ васъ авантажей не похочетъ прислать нѣкоторое число кораблей, къ тому же, сколько мнѣ извѣстно, Англія уже декларовала, что въ имѣющихся распряхъ между вашимъ императорскимъ величествомъ и королемъ Датскимъ участія принимать не будетъ, то сіе требованіе можетъ подвержено быть неріятному отказу, а о семъ дѣлѣ испрашиваю я дальнѣйшаго повелѣнія"[1]).

Подлѣ великаго канцлера видимъ и вице-канцлера, князя Александра Мих. Голицына, перемѣщеннаго въ послѣднее время Елисаветинскаго царствованія изъ Лондона; но если и канцлеръ не зналъ о важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики, то тѣмъ менѣе зналъ о нихъ вице-канцлеръ. Въ послѣднее время Елисаветинскаго царствованія канцлеру помогалъ Ив. Ив. Шуваловъ, котораго мы видимъ и участвующимъ въ конференціяхъ съ иностранными послами. Но при Петрѣ III Шуваловъ долженъ былъ потерять всякое вліяніе по противоположности тѣхъ началъ въ политикѣ, которыя онъ проводилъ въ свое время, съ началами, господствовавшими теперь. Ему предоставлена была скромная въ то время дѣятельность въ завѣдываніи учебными заведеніями; и тутъ онъ долженъ былъ обращаться къ Волкову за совѣтомъ, какъ ему лучше сдѣлать императору необходимыя по устройству ввѣренныхъ ему учрежденій представленія, причемъ долженъ былъ выставлять важное значеніе этихъ учрежденій: „Вы лучше меня знаете", писалъ онъ Волкову, „что счастіе государства состоитъ въ томъ, когда всѣ части, его образующія, направляются стройно и опредѣленно. Я поручаю вашей благосклонности двѣ изъ таковыхъ частей, которыя въ образованный вѣкъ составляютъ славу и честь народовъ, именно—науки и искусства. Въ моемъ завѣдываніи находится университетъ и Академія (Художествъ), и мнѣ нужны правила, мнѣ нужны инструкціи"[2]).

Ив. Ив. Шуваловъ призналъ необходимымъ для себя, для своей славы быть безкорыстнымъ и не искать почестей; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что отказался отъ званія вице-канцлера и отъ земель, которыя предлагалъ ему Петръ III; приводитъ въ свидѣтели Гудовича, какъ онъ, Шуваловъ, на колѣняхъ умолялъ императора избавить его отъ всѣхъ знаковъ милости[3]). Но онъ не могъ быть доволенъ, потерявши всякое вліяніе, на которое считалъ себя въ правѣ по своимъ нравственнымъ средствамъ; онъ не могъ быть доволенъ, когда система, которой онъ такъ ревностно служилъ, была ниспровергнута, когда все пошло такимъ образомъ, что бѣда грозила Россіи внутри и униженіе извнѣ. Шуваловъ высказалъ свое неудовольствіе: тогда съ нимъ перестали обращаться съ прежнею благосклонностью, — и Шуваловъ счелъ нужнымъ держать себя въ отдаленіи отъ Двора и отъ особы императора. Пруссаки, Гольцъ и Шверинъ, произвели Шувалова въ главы заговора. „Первый и самый опасный человѣкъ здѣсь", писалъ Шверинъ Фридриху II: „это —Ив. Ив. Шуваловъ, фаворитъ покойной императрицы. Этотъ человѣкъ, живущій интригами, хотя внутренно и ненавидимъ императоромъ, однако такъ хорошо умѣлъ уладить свои дѣла посредствомъ друга своего, генерала Мельгунова, любимца императора, что государь поручилъ ему кадетскій корпусъ и главный надзоръ за дворцомъ,—должности, которыя дѣлаютъ пребываніе его въ столицѣ необходимымъ, тогда какъ это самый вредный и опасный человѣкъ! Этотъ господинъ не умѣетъ притворяться и скрывать недостойные и позорные замыслы, питаемые имъ въ сердцѣ. Бѣшенство и негодованіе написаны на его лицѣ, и я готовъ прозакладывать что угодно, что у негодяя— страшные планы въ головѣ. Второй изъ этихъ вредныхъ людей есть генералъ Мельгуновъ; онъ, пожалуй, былъ бы еще опаснѣе перваго, если бы былъ такъ же уменъ. Императоръ совершенно ему

---

[1]) Письмо М. Л. Воронцова къ Петру III въ Госуд. Архивѣ; второе изъ приведенныхъ писемъ отъ 12 апрѣля.

[2]) Письмо на французскомъ языкѣ въ Государств. Архивѣ: «Vous savez, M-re, plus que moi, que le bonheur d'un état consiste que toutes les parties, qui le forment, soient dirigées avec l'ordre et l'exactitude. Je vous en recommende deux, qui font dans les siècles éclairés la gloire et l'honneur des nations: ce sont—les sciences et les arts. C'est l'université et l'academie, qui sont sous ma direction, il me faut des réglemens, il me faut des instructions. Je demande votre conseil, dois-je présenter à S. M. I. par écrit, ou vous me ferez de bouche. Ce que ma plume ne sauroit faire ni sitôt, ni si parfait.»

[3]) Русскій Архивъ 1867, № 1.

довѣрился; а между тѣмъ этотъ человѣкъ, вмѣстѣ съ господиномъ Иваномъ Ивановичемъ и еще однимъ — Волковымъ, самые главные враги и ждутъ только перваго удобнаго случая, чтобъ лишить его престола. Я пространно говорилъ объ этомъ съ императоромъ, и даже назвалъ имена опасныхъ лицъ; но его величество отвѣчалъ, что знаетъ о неблагонамѣренности этихъ людей, но онъ далъ имъ столько занятій, что у нихъ нѣтъ досуга думать о заговорахъ, и потому онъ безопасенъ съ этой стороны. Очень прискорбно, что этотъ государь такъ поблажаетъ этимъ господамъ, которые живутъ одною мыслію, какъ бы его погубить, а чрезъ удаленіе этихъ негодяевъ онъ могъ бы сидѣть на престолѣ совершенно покойно. Но, какъ нарочно, онъ готовъ дать имъ самый благопріятный случай, которымъ они, конечно, какъ можно скорѣе воспользуются: императоръ рѣшился принять лично начальство надъ войскомъ, назначеннымъ противъ Датчанъ".

Итакъ Ив. Ив. Шуваловъ—глава заговора, по увѣренію Гольца и Шверина; онъ ждетъ только удаленія Петра изъ Россіи, чтобъ свергнуть его: ясно, что если Петръ непремѣнно хочетъ уѣхать, то нельзя оставлять безъ него Шувалова въ Петербургѣ. Петръ самъ говоритъ Шувалову: „Прусскій король мнѣ пишетъ, что ни одинъ изъ подозрительныхъ мнѣ людей не долженъ оставаться въ Петербургѣ въ мое отсутствіе". Шуваловъ могъ подумать, что это къ нему вовсе не относится; но вслѣдъ за тѣмъ, Петръ чрезъ Мельгунова велѣлъ сказать Шувалову, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ армію въ качествѣ волонтера [1]).

Ив. Ив. Шуваловъ не могъ быть главою заговора, потому что не былъ способенъ къ этому по своей природѣ; но важно то, что Гольцъ и Шверинъ говорятъ о его сильномъ неудовольствіи, котораго онъ не могъ скрыть; говорятъ о бѣшенствѣ и негодованіи, написанномъ на его лицѣ. Но еще важнѣе то, что Гольцъ и Шверинъ считаютъ заговорщиками и Мельгунова съ Волковымъ, и этимъ вполнѣ подтверждаютъ показанія Волкова относительно ненависти къ нему Пруссаковъ и принца Георгія: „Принцъ Георгій", говоритъ Волковъ, „озлобился на меня столько-жь, какъ Гольцъ, буде не больше, будучи наущаемъ и съ другой стороны Хорватами и Глѣбовыми, и дотого дошелъ, что 9-го іюня, будучи пьянъ, слѣдовательно откровененъ и искрененъ, обвинилъ меня ненавистію къ Нѣмцамъ, угрживая доказать мнѣ, какъ дважды-два-четыре, что я тотъ человѣкъ, который составилъ проектъ выгнать изъ Россіи всѣхъ Нѣмцевъ, и сему странному происшествію, а моей на весь день горести, былъ весь Дворъ свидѣтель".

Пруссаки ничего не говорятъ о Глѣбовѣ, вѣроятно потому, что онъ не имѣлъ вліянія на иностранныя дѣла. Два главные дѣльца—Волковъ и Глѣбовъ—были въ ссорѣ и старались вредить другъ другу. Смотря по тому, что Глѣбовъ, при перемѣнѣ правительства, остался въ прежнемъ значеніи, нельзя думать, чтобъ его считали очень довольнымъ при Петрѣ; да трудно было кому-нибудь быть довольнымъ при анархіи, когда не было никакой силы, на которую можно было бы опереться; когда, захвативши удобную минуту, можно было провести какое-нибудь дѣло; но это дѣло раздѣлывалось другимъ въ слѣдующую минуту. Такимъ образомъ, люди, которые на первыхъ порахъ желали и могли поддерживать правительство Петра III, дѣлать его популярнымъ, очень скоро увидали, что ничего сдѣлать не въ состояніи, и съ отчаяніемъ смотрѣли на будущее отечества, находившееся въ рукахъ иностранцевъ бездарныхъ и министровъ чужого государя, наканунѣ бывшаго заклятымъ врагомъ Россіи.

Къ неудовольствію отдѣльныхъ лицъ присоединялось неудовольствіе могущественныхъ сословій — духовенства, войска. Рѣзкое, крутое рѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ возбудило сильное негодованіе духовенства. Гольцъ доносилъ своему государю 25-го мая: „Духовенство подало императору представленіе на Русскомъ и Латинскомъ языкахъ, гдѣ жалуется на насилія и странные поступки съ собою вслѣдствіе указа объ отобраніи церковныхъ имуществъ; такихъ поступковъ духовенство не могло ожидать и отъ варварскаго правительства, а теперь принуждено терпѣть ихъ отъ правительства Православнаго, и это тѣмъ горестнѣе, что духовные люди терпятъ насиліе потому только, что они суть служители Божіи. Эта бумага, подписанная архіепископами и многими изъ духовенства, составлена въ чрезвычайно сильномъ тонѣ: это—не просьба, а скорѣе протестъ противъ государя. Донесенія, полученныя вчера и третьяго-дня отъ воеводъ отдаленныхъ областей, говорятъ о стараніи духовенства подустить народъ противъ монарха. Въ донесеніяхъ говорится, что духъ мятежа и неудовольствія сталъ дотого всеобщимъ, что они, воеводы, не знаютъ, какія мѣры предпринять, а потому требуютъ наставленій отъ правительства". Мы знаемъ, что крестьянскія возстанія были сильныя и не въ однѣхъ отдаленныхъ областяхъ, но знаемъ такъ-же, что причины ихъ были другія, и потому можемъ не принимать второй половины Гольцева извѣстія; но первую не принять—трудно. Когда Петръ былъ великимъ княземъ, то выражалъ свое нерасположеніе къ русскому духовенству ребяческимъ образомъ, высовываніемъ языка священникамъ и дьяконамъ во время богослуженія [2]). Но теперь дѣло пошло серьезнѣе. 26-го марта былъ данъ императоромъ такой указъ Синоду: „Уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію, а къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ обыкновенно безъ всякаго рѣшенія къ тѣмъ же ар-

[1]) Русскій Архивъ 1867, № 1.

[2]) Mémoires de la princesse Daschkoff, I, 41.

хіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба, и потому въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или же и того хуже — дѣлается одна только потачка епархіальнымъ начальникамъ, такъ-что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и неповинныхъ. Приложенныя при семъ челобитныя Черниговской епархіи священника Бордяковскаго и діакона Шаршановскаго суть новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ, ибо, несмотря на данные Синоду еще съ 1754 года именные указы о рѣшеніи, ихъ дѣла не исполнены потому и донынѣ, а только отсылаютъ они на разсмотрѣніе въ ту же епархію. Мы видимъ, какія тому причины могутъ быть поводомъ, но оныя соблазнительнѣе еще самаго дѣла. Кажется, что равный равнаго себѣ судить опасается, и потому всѣ вообще весьма худое подаютъ о себѣ мнѣніе. Сего ради, повелѣваемъ Синоду чрезъ сіе стараться крайнимъ наблюденіемъ правосудія соблазны истребить и не только по симъ двумъ челобитнымъ немедленное рѣшеніе здѣсь сдѣлать, но и всегда по подобнымъ здѣсь же рѣшить, нашимъ императорскимъ словомъ чрезъ сіе объявляя, что малѣйшее нарушеніе истины накажется, какъ злѣйшее государственное преступленіе, а сей указъ не токмо для всенароднаго извѣстія напечатать, но въ Синодѣ къ настольнымъ указамъ присовокупить“ [1]). Для наблюденія, чтобъ не было неправильностей въ ходѣ дѣлъ, въ Синодѣ былъ оберъ-прокуроръ: оберъ - прокурору нужно было сдѣлать строгое внушеніе, смѣнить его, если онъ не исполнялъ своихъ обязанностей, или поддерживать его въ борьбѣ съ членами Коллегіи, когда онъ ратовалъ противъ „нарушенія истины“, въ оскорбительныхъ же указахъ не было никакой нужды.

Черное духовенство было раздражено внезапнымъ отнятіемъ монастырскихъ вотчинъ; бѣлое— повелѣніемъ брать въ военную службу священническихъ и дьяконскихъ сыновей; а тутъ раздраженнымъ дается средство передавать свое раздраженіе и другимъ. Упомянувъ о нѣкоторыхъ постановленіяхъ новаго царствованія, возбудившихъ удовольствіе, русскій современникъ говоритъ: „Но послѣдовавшія затѣмъ другія распоряженія императора возбудили сильный ропотъ и негодованіе въ подданныхъ, и болѣе всего то, что онъ вознамѣрился-было перемѣнить совершенно религію нашу, къ которой оказывалъ особенное презрѣніе. Онъ призвалъ первенствующаго архіерея (Новгородскаго)—Димитрія Сѣченова—и приказалъ ему, чтобъ въ церквахъ оставлены были только иконы Спасителя и Богородицы, а другихъ бы не было, также чтобъ священники обрили бороды и носили платье, какъ иностранные пасторы. Нельзя изобразить, какъ изумился этому приказанію архіепископъ Димитрій. Этотъ благоразумный старецъ не зналъ, какъ и приступить къ исполненію такого неожиданнаго повелѣнія, и усматривалъ ясно, что государь имѣлъ намѣреніе перемѣнить Православіе на лютеранство. Онъ принужденъ былъ объявить волю государеву знатнѣйшему духовенству, и хотя дѣло на этомъ до времени остановилось, однако произвело во всемъ духовенствѣ сильное неудовольствіе, содѣйствовавшее потомъ очень много перевороту“ [2]). Домовыя церкви были запечатны. Писатель иностранный, сочувствующій Петру, выставляетъ все неблагоразуміе распоряженія относительно выноса иконъ изъ церкви, прибавляя, что Димитрій Сѣченовъ за протестъ противъ этой мѣры былъ удаленъ, но скоро опять возвращенъ изъ страха предъ народнымъ неудовольствіемъ [3]).

Къ неудовольствію духовенства присоединялось неудовольствіе войска. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ новаго царствованія было распущеніе Елисаветинской Лейбъ-Кампаніи. Уничтоженіе этой „гвардіи въ гвардіи“, разумѣется, могло возбудить только удовольствіе, если бы на мѣстѣ старой русской Лейбъ-Кампаніи не увидали тотчасъ-же новой, только иностраннаго происхожденія,—Голштинской гвардіи, пользовавшейся явнымъ предпочтеніемъ императора, что и возбуждало сильнѣйшее неудовольствіе въ русской гвардіи. Первенствующее значеніе въ войскѣ получилъ иностранный принцъ, Георгъ Голштинскій, не имѣвшій никакихъ заслугъ и постаравшійся тотчасъ-же своимъ характеромъ и поступками возбудить противъ себя ненависть. Самъ Гольцъ долженъ былъ потомъ сознаться предъ Фридрихомъ II, что принцъ Георгій много содѣйствовалъ возбужденію сильной ненависти противъ Нѣмцевъ и ускорилъ паденіе своего государя [4]). Опять, какъ во времена Бирона, стали говорить, что гвардіи придетъ скоро конецъ, что ее распредѣлятъ по армейскимъ полкамъ; Петръ, будучи еще великимъ княземъ, часто говаривалъ, что гвардейцы, живя въ своихъ казармахъ съ семействами, точно держатъ резиденцію въ осадѣ и будутъ опасны правительству; Петръ называлъ гвар-

[1]) Указъ въ Государ. Архивѣ.

[2]) Болотовъ.

[3]) Castéra, Histoire de Catherine II, t. I, p. 273. — О сильномъ неудовольствіи духовенства говоритъ также Кейтъ въ своей депешѣ 7 іюня (La cour de la Russie, 184). — Что касается Кастера, то имъ надобно пользоваться съ большою осторожностью, но съ осторожностью же должно и отвергать сообщаемыя имъ извѣстія. Онъ слышалъ и читалъ много вѣрнаго и невѣрнаго, не имѣя возможности отнестись критически къ своему матеріалу, не записывалъ немедленно, а составлялъ потомъ по памяти свой разсказъ. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о судьбѣ Ивана Антоновича, наполненнаго невѣрностями, у Кастера сохранилось извѣстіе о бурѣ, застигшей Ивана при перевозкѣ его изъ Шлюссельбурга въ Кексгольмъ, извѣстіе вполнѣ вѣрное, какъ увидимъ; но и тутъ у Кастеры это извѣстіе отнесено къ другому времени.

[4]) «On peut dire que ce prince a beaucoup contribué à rendre les Allemands haïssables et à précipiter la chute de son maître».

дейцевъ янычарами [1]). При такихъ основныхъ причинахъ неудовольствія все не нравилось, все возбуждало ропотъ:—роптали на перемѣну формы, на частое и долгое ученье по новому прусскому образцу. Русскій современникъ-очевидецъ такъ говоритъ о неудовольствіи въ войскѣ и его причинахъ: „Негодованіе во многихъ произвелъ и число недовольныхъ собою увеличилъ онъ, Петръ, и тѣмъ, что съ самаго того часа, какъ скончалась императрица, не сталъ уже онъ болѣе скрывать той непомѣрной приверженности и любви, какую имѣлъ всегда къ королю Прусскому. Онъ носилъ портретъ его на себѣ въ перстнѣ безпрерывно, и другой, большой, повѣшенъ былъ у него подлѣ кровати. Онъ приказалъ тотчасъ сдѣлать себѣ мундиръ такимъ покроемъ, какъ у Пруссаковъ, и не только сталъ самъ всегда носить оный, но восхотѣлъ и всю гвардію свою одѣть такимъ же образомъ; а сверхъ того носилъ всегда на себѣ и орденъ Прусскаго короля, давая ему преимущество предъ всѣми россійскими. А всѣмъ тѣмъ не удовольствуясь, восхотѣлъ перемѣнить и мундиры во всѣхъ полкахъ, и вмѣсто прежнихъ, одноцвѣтныхъ—зеленыхъ, подѣлалъ разноцвѣтные узкіе, и такимъ покроемъ, какимъ шьются у Пруссаковъ оные. Наконецъ, и самымъ полкамъ не велѣлъ болѣе называться попрежнему, по именамъ городовъ, а именоваться уже по фамиліямъ своихъ полковниковъ и шефовъ; а сверхъ того, введя уже во всемъ наистрожайшую военную дисциплину, принуждалъ ихъ ежедневно экзерцироваться, несмотря, какая бы погода ни была, и всѣмъ тѣмъ не только отяготилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, и особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе [2])“.

Вельможи, старики, имѣвшіе почетное мѣсто въ гвардіи, должны были подчиниться новымъ порядкамъ, если не хотѣли навлечь на себя неудовольствія и насмѣшекъ императора. Извѣстный Болотовъ, пріѣхавшій въ это время въ Петербургъ, такъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него проходившимъ отрядомъ гвардіи: „Шелъ тутъ строемъ деташементъ гвардіи, разряженный, распудренный и одѣтый въ новые тогдашніе мундиры, и маршировалъ церемоніею. Но ни что меня такъ не поразило, какъ идущій предъ первымъ взводомъ низенькій и толстенькій старичекъ съ своимъ эспантономъ и въ мундирѣ, унизанномъ золотыми нашивками, со звѣздою на груди и голубою лентою подъ кафтаномъ, и едва примѣтною“.—„Это что за человѣкъ“? спросилъ я.—„Какъ! Развы вы не узнали?—это князь Никита Юрьевичъ Трубецкой!“—„Какъ же это? Я считалъ его дряхлымъ и такъ болѣзнью ногъ отягченнымъ старикомъ, что, какъ говорили, онъ затѣмъ и во дворецъ и въ Сенатъ по нѣскольку недѣль не ѣздилъ, да и дома до него не было почти никому доступа“!—„О“! отвѣчали мнѣ: „это было во-время-оно; а нынѣ, рече Господь, времена перемѣнились, нынѣ у насъ больные и небольные, и старички самые поднимаютъ ножки и, на-ряду съ молодыми, маршируютъ и такъ-же хорошохонько топчутъ и мѣсятъ грязь, какъ солдаты“ [3]). Старшій Разумовскій, Алексѣй Григорьевичъ, избавился отъ подобнаго положенія увольненіемъ отъ всѣхъ должностей; но младшій, гетманъ Кирилла, долженъ былъ держать у себя на-дому молодаго офицера, который давалъ ему уроки въ новой прусской экцерциціи [4]), и все же не спасался отъ выговоровъ и насмѣшекъ Петра III, и говорили, что императоръ находилъ особенное удовольствіе смѣяться надъ Разумовскимъ, неспособнымъ, по природѣ, къ военнымъ упражненіямъ [5]).

Много веселыхъ минутъ доставляли императору также придворныя дамы, которыхъ онъ заставилъ перемѣнить старый русскій поклонъ на французское присѣданіе; многія дамы, особенно старухи, никакъ не умѣли приловчиться къ присѣданью, и комическое положеніе ихъ при этомъ доставляло Петру величайшее удовольствіе; онъ наблюдалъ за ними и потомъ передразнивалъ [6]).—„Я была очень смѣшлива“, разсказывала потомъ одна знатная дама-современница: „государь, бывало, нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на государя“ [7]).

Сильное неудовольствіе распространялось въ Петербургѣ; но и въ мѣстахъ отдаленныхъ не могли не замѣтить, что въ правительственной машинѣ какое-то разстройство. Въ началѣ царствованія, государь велѣлъ перевести Мануфактуръ-Коллегію изъ Москвы въ Петербургъ; но потомъ опять указъ: „Хотя и повелѣли е. и. в. Мануфактуръ-Коллегію изъ Москвы взять сюда, а тамъ Контору оставить, но какъ всѣ фабрики или въ Москвѣ, или поблизости отъ оной, и здѣсь такъ мало, что и ни въ какое противъ того сравненіе поставить нельзя, слѣдовательно Мануфактуръ-Коллегія, будучи здѣсь, имѣла бы, такъ сказать, заочное за своею должностію смотрѣніе, то повелѣваетъ Коллегію паки немедленно къ Москвѣ возвратить; а здѣсь попрежнему Контору оставить“ [8]). 9-го января именнымъ указомъ уничтожены полицiймейстеры въ городахъ, полиція поручена губернскимъ провинціальнымъ и воеводскимъ канцеляріямъ; а 22 марта именнымъ же указомъ полиціймейстеры возстановлены [9]).

И въ мѣстахъ отдаленныхъ видѣли разстройство въ правительственной машинѣ; въ Петербургѣ видѣли, отчего происходитъ это разстройство. Вслѣдствіе дѣтской слабости характера, Петръ быстро

---

[1]) Herrmann, V, 251.—Записки Штелина въ Госуд. Архивѣ.

[2]) Болотовъ, II, ч. 8, письмо 92.

[3]) Болотовъ, II, ч. 8, письмо 92. — Подтвержденіе отзыва о Трубецкомъ см. у кн. Дашковой, I, 53.

[4]) Записки Штелина.

[5]) Herrmann, V, 265

[6]) Дашкова, I, 59.

[7]) Анекдоты Н. К. Загряжской въ примѣчаніяхъ къ сочиненіямъ Пушкина, изд. Исакова.

[8]) Журналы и протоколы Сената, 5 апрѣля.

[9]) Полн. Собр. Зак. № 11,401 и 11,477.

перенималъ все у людей, среди которыхъ обращался, къ которымъ привязался. Пристрастившись къ голштинскимъ офицерамъ, заключившись въ ихъ обществѣ, Петръ перенялъ казарменныя привычки, и грубый кутежъ сдѣлалъ своимъ любимымъ препровожденіемъ времени. При императрицѣ Елисаветѣ о табакѣ не было слышно во дворцѣ, потому что она терпѣть его не могла, и самъ Петръ сначала не могъ его терпѣть; но какъ скоро увидалъ, что Голштинцы, которыхъ онъ считалъ образцовыми людьми, героями, курятъ, то и началъ курить. Когда прежній наставникъ его, Штелинъ, изумился, увидавъ его въ первый разъ съ трубкою за пивомъ, то Петръ сказалъ ему: „Чему ты удивляешься, глупая голова! развѣ ты видалъ хотя одного настоящаго браваго офицера, который бы не курилъ?“ За пивомъ послѣдовало и вино [1]). „Всеобщія негодованія“, по словамъ современника-очевидца Болотова, „увеличились еще болѣе, когда стали разсѣиваться повсюду слухи и достигать до самаго подлаго народа, что государь не успѣлъ вступить на престолъ, какъ предался публично всѣмъ своимъ невоздержностямъ и совсѣмъ неприличнымъ такому великому монарху дѣламъ, и что онъ не только съ графинею Воронцовою, какъ съ публичною своею любовницею, препровождалъ почти все свое время, но сверхъ того, въ самое еще то время, когда скончавшаяся императрица лежала въ дворцѣ еще во гробѣ, цѣлыя ночи провождалъ съ любимцами, льстецами и прежними друзьями своими, въ пиршествахъ и питьѣ, приглашая иногда къ тому такихъ людей, которые ни мало не достойны были сообщества и дружескаго собесѣдованія съ императоромъ, какъ, напримѣръ, итальянскихъ театральныхъ пѣвицъ и актрисъ, вкупѣ съ ихъ толмачами; а что всего хуже, разговаривая на пиршествахъ таковыхъ въявь обо всѣхъ и обо всемъ, и даже о самыхъ величайшихъ таинствахъ и дѣлахъ государственныхъ... Голосъ у него былъ очень громкій, скоросый и непріятный, и было въ немъ нѣчто особое и такое, что отличало его такъ много отъ всѣхъ прочихъ голосовъ, что можно было его не только слышать издалека, но и отличать отъ всѣхъ прочихъ“. Болотовъ былъ адъютантомъ главнаго начальника полиціи, генерала Корфа (Николая), ѣздилъ съ нимъ во дворецъ и наблюдалъ издали, что тамъ происходило за обѣдами и ужинами. „Мы“, говоритъ онъ, „могли всегда въ растворенныя двери слышать, что государь ни говорилъ съ другими, а иногда и самого его и всѣ дѣянія видѣть. Но сіе было для насъ удовольствіемъ только сначала, а въ послѣдствіи времени скоро дошло дотого, что мы желали уже, чтобы таковые разговоры до нашего слуха и не достигали; ибо какъ рѣдко стали уже мы заставать государя трезвымъ и въ полномъ умѣ и разумѣ, а всего чаще уже до обѣда нѣсколько бутылокъ англинскаго пива, до котораго онъ былъ превеликій охотникъ, уже опорожнившимъ, то сіе и бывало причиною, что онъ говаривалъ такой вздоръ и такія нескладицы, что при слушаніи оныхъ обливалось даже сердце кровію отъ стыда предъ иностранными министрами, видящими и слышащими то и безсомнѣнно смѣющимися внутренно. Истинно, бывало, вся душа такъ поражается всѣмъ тѣмъ, что бѣжалъ бы неоглядкою отъ зрѣлища таковаго: такъ больно было все то видѣть и слышать. Но никогда такъ много не поражался я досадными зрѣлищами таковыми, какъ въ то время, когда случалось государю ѣзжать обѣдать къ кому-нибудь изъ любимцевъ и вельможей своихъ, и куда должны были послѣдовать всѣ тѣ, къ которымъ оказывалъ онъ отмѣнное свое благоволеніе, какъ напр. и генералъ мой, и многіе другіе, а за ними и всѣ ихъ адъютанты и ординарцы. Табунъ, бывало, цѣлый поскачетъ вслѣдъ за поѣхавшими, и хозяинъ успѣвай только всѣхъ угащивать и потчивать. Одни только трубки и табакъ приваживали мы съ собою изъ дворца свои. Ибо какъ государь былъ охотникъ до куренія табака и любилъ, чтобъ и другіе курили, а всѣ тому натурально въ угодность государю и подражать старались,—то и приказывалъ государь всюду, куда ни поѣдетъ, возить съ собою цѣлую корзину голландскихъ глиняныхъ трубокъ и множество картузовъ съ кнастеромъ и другими табаками, и не успѣемъ куда пріѣхать, какъ закурятся у насъ нѣсколько десятковъ трубокъ,—и въ одинъ мигъ вся комната наполнится густѣйшимъ дымомъ, а государю то было и любо, и онъ, ходючи по комнатѣ, только-что шутилъ, хвалилъ и хохоталъ. Но сіе куда бы уже ни шло, если-бъ не было ничего дальнѣйшаго и для всѣхъ Россіянъ постыднѣйшаго. Но то-то и была бѣда наша! Не успѣютъ, бывало, сѣсть за столъ, какъ и загремятъ рюмки и бокалы, и столь прилежно, что, вставши изъ-за стола, сдѣлаются иногда всѣ, какъ маленькіе ребяточки, и начнутъ шумѣть, кричать, хохотать, говорить нескладицы и несообразности сущія. А однажды, какъ теперь вижу, дошли дотого, что, вышедши съ балкона прямо въ садъ, ну играть всѣ тутъ на усыпанной пескомъ площадкѣ, какъ играютъ маленькіе ребятки; ну всѣ прыгать на одной ножкѣ, а другіе согнутымъ колѣномъ толкать своихъ товарищей. А по сему судите, каково-жь намъ было тогда смотрѣть на зрѣлище сіе изъ оконъ и видѣть симъ образомъ всѣхъ первѣйшихъ въ государствѣ людей, украшенныхъ орденами и звѣздами, вдругъ спрыгивающихъ, толкущихся и другъ друга на-земь валяющихъ! Хохотъ, крики, шумъ, біеніе въ ладоши раздавались только всюду, а бокалы только-что гремѣли“.

У Русскихъ людей сердце обливалось кровью отъ стыда предъ иностранными министрами. Эти иностранные министры въ донесеніяхъ своимъ Дворамъ оставили единогласныя свидѣтельства о неприличіи пирушекъ Петра III [2]), возбуждавшихъ

[1]) Записки Штелина.

[2]) Раумеръ, II. 517. La cour de la Russie, 185; Hermann, V, 257.

сильное неудовольствіе въ народѣ. Объ этомъ неудовольствіи приведемъ слова того же очевидца: „Ропотъ на государя и негодованіе ко всѣмъ дѣяніямъ и поступкамъ его, которые чѣмъ далѣе, тѣмъ становились хуже, не только во всѣхъ знатныхъ съ-часу-на-часъ увеличивалось, но начинало дѣлаться уже почти и всенароднымъ, и всѣ, будучи крайне недовольными заключеннымъ съ Пруссаками перемиріемъ и жалѣя о ожидаемомъ потерянiи Пруссіи, также крайне негодуя на безпредѣльную приверженность государя къ королю Прусскому, на ненависть и презрѣніе его къ закону, на крайнюю холодность, оказываемую къ государынѣ, его супругѣ, на слѣпую его любовь къ Воронцовой, и паче всего на оказываемое потому болѣе презрѣніе ко всѣмъ Русскимъ и даваемое преимущество предъ ними всѣмъ иностранцамъ, а особливо Голштинцамъ, — отваживались публично и безъ всякаго опасенія говорить, и судить, и рядить всѣ дѣла и поступки государевы. Всѣмъ намъ тяжелый народный ропотъ и всеобщее часъ-отъ-часу увеличивающееся неудовольствіе на государя было извѣстно, и какъ со всякимъ днемъ доходили до насъ о томъ непріятные слухи, а особливо когда извѣстно сдѣлалось намъ, что скоро съ Прусскимъ королемъ заключится миръ и что приготовляется уже для торжества мира огромный и великолѣпный фейерверкъ, то нерѣдко, сошедшись на-досугѣ, всѣ вмѣстѣ говаривали и разсуждали мы о всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ и начинали опасаться, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, и особливо отъ огорченной до крайности гвардіи".

Мы видѣли, что посланцы Фридриха II, Гольцъ и Шверинъ, скоро замѣтили сильное неудовольствіе и дали знать о немъ своему государю, выставляя самыми опасными для Петра людьми — Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова. Они были увѣрены и увѣряли короля, что эти люди воспользуются отъѣздомъ Петра къ арміи по поводу Датской войны и произведутъ возстаніе. Поэтому они стали уговариватъ императора не ѣздить, увѣряя, что его присутствіе въ Россіи необходимо для блага имперіи; но Петръ отвѣчалъ, что онъ изумляется ихъ словамъ, которыя доказываютъ ему только одно, что они его не любятъ. Тогда они обратились къ Фридриху II, и Шверинъ писалъ королю 8-го апрѣля: „Никто въ мірѣ, кромѣ вашего величества, не можетъ отвратить императора отъ этого опаснаго путешествія. Письмо отъ вашего величества, въ которомъ вы посовѣтуете ему остаться въ Россіи, заставитъ его перемѣнить намѣреніе. Онъ навѣрное послѣдуетъ вашему совѣту, потому что питаетъ къ вашему величеству совершенное довѣріе".

Гольцъ 2-го мая писалъ королю о томъ же, выставляя необходимость для Петра прежде похода короноваться. Но 4-го мая (н. с.) Фридрихъ уже писалъ Петру: „Признаюсь, мнѣ бы очень хотѣлось, чтобъ ваше величество уже короновались, потому что эта церемонія производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, привыкшій видѣть коронованіе своихъ государей. Я вамъ скажу откровенно, что не довѣряю Русскимъ. Всякій другой народъ благословлялъ бы Небо, имѣя государя съ такими выдающимися и удивительными качествами, какія у вашего величества (éminentes et admirables qualités); но эти Русскіе, — чувствуютъ ли они свое счастье, и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожнаго человѣка развѣ не можетъ побудить его къ составленію заговора или къ поднятію возстанія въ пользу этихъ принцевъ Браунгшвейгскихъ? Припомните, ваше императорское величество, что̀ случилось въ первое отсутствіе императора Петра I, какъ его родная сестра составила противъ него заговоръ! Предположите, что какой-нибудь негодяй съ безпокойною головой начнетъ въ ваше отсутствіе интриговать для возведенія на престолъ этого Ивана, составитъ заговоръ съ помощью иностранныхъ денегъ, чтобъ вывести Ивана изъ темницы, подговоритъ войско и другихъ негодяевъ, которые и присоединятся къ нему: — не должны ли вы будете тогда покинуть войну противъ Датчанъ, хотя бы все шло съ отличнымъ успѣхомъ, и поспѣшно возвратиться, чтобъ тушить пожаръ собственнаго дома? Эта мысль привела меня въ трепетъ, когда пришла мнѣ въ голову, и совѣсть мучила бы меня всю жизнь, если-бъ я не сообщилъ эту мысль вашему императорскому величеству. Я здѣсь — въ глубинѣ Германіи; я вовсе не знаю вашего Двора, ни тѣхъ, къ которымъ ваше величество можетъ имѣть полную довѣренность; ни тѣхъ, кого можете подозрѣвать: поэтому вашему высокому разуму принадлежитъ различить, кто преданъ и кто нѣтъ; я думаю одно: что если вашему величеству угодно принять начальство надъ арміею, то безопасность требуетъ, чтобъ вы прежде короновались, и потомъ чтобъ вы вывезли въ своей свитѣ за-границу всѣхъ подозрительныхъ людей. Такимъ образомъ в. в. будете обезпечены; для большей безопасности надобно заставить также всѣхъ иностранныхъ министровъ слѣдовать за вами: этимъ вы уничтожите въ Россіи всѣ сѣмена возмущенія и интриги; а чтобъ всѣ эти господа не были вамъ въ тягость, вы можете всегда ихъ отправить въ Ростокъ, или Висмаръ, или въ какое-нибудь другое мѣсто позади арміи, чтобъ они не могли передавать Датчанамъ вашихъ плановъ. Я не сомнѣваюсь также, что вы оставите въ Россіи вѣрныхъ надсмотрщиковъ, на которыхъ можете положиться, Голштинцевъ или Ливонцевъ, которые зорко будутъ за всѣмъ наблюдать и предупреждать малѣйшее движеніе".

Что же отвѣчалъ Петръ? „В. в. пишете, что, по вашему мнѣнію, я долженъ короноваться, прежде выступленія въ походъ, именно по отношенію къ народу. Но я долженъ вамъ сказать, что такъ какъ война почти начата, то я не вижу возможности прежде короноваться точно также по отношенію къ народу; коронація должна быть великолѣпна

по обычаю, и я не могу сдѣлать великолѣпной коронаціи, не имѣя возможности ничего въ скорости здѣсь найти. Что касается Ивана, то я держу его подъ крѣпкою стражею, и если бы Русскіе хотѣли сдѣлать мнѣ зло, то могли бы уже давно его сдѣлать, видя, что я не принимаю никакихъ предосторожностей, предавая себя въ защиту Господа Бога, ходя пѣшкомъ по улицамъ, что̀ Гольцъ можетъ засвидѣтельствовать. Могу васъ увѣрить, что когда умѣешь обходиться съ ними, то можно быть покойнымъ на ихъ счетъ. Ваше величество! что̀ подумаютъ обо мнѣ эти самые Русскіе, видя, что я сижу дома въ то самое время, когда идетъ война въ моей родной Землѣ,—Русскіе, которые всегда желали одного—быть подъ властію государя, а не женщины; двадцать разъ я самъ слышалъ отъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, чтобъ вы скорѣе были нашимъ государемъ, чтобъ не быть намъ больше подъ властію женщины“. Но, что всего важнѣе: я никогда не прощу себѣ этой подлой трусости, я умру съ тоски отъ мысли, что я, будучи первымъ принцемъ моего Дома, остался въ бездѣйствіи, когда велась война для возвращенія того, что было несправедливо отнято у его предковъ, и ваше величество много потеряли бы изъ своего уваженія ко мнѣ, если бы я это сдѣлалъ“.

Такимъ образомъ, отъѣздъ къ арміи былъ рѣшенъ, несмотря даже на отсовѣтованія Фридриха II-го. Послѣдній главнокомандующій арміею, графъ Бутурлинъ, былъ отозванъ въ Петербургъ еще при жизни Елисаветы. Онъ ѣхалъ оправдываться передъ государынею, которая хотя и была согласна съ конференціею насчетъ ошибокъ его, но все же онъ могъ разсчитывать на милостивый пріемъ, какъ видно изъ письма его къ Ив. Ив. Шувалову: „Я въ моей горести единое утѣшеніе имѣю, когда отъ вашего превосходительства милостивое письмо удостоюсь получить, какъ и сегодня, отъ 17-го сентября, принялъ съ моимъ вѣчнымъ благодареніемъ, а наипаче къ сердечному моему обрадованію, что я еще въ числѣ вѣрныхъ рабовъ у ея императорскаго величества нахожусь, и что по милости конференціи давно бы меня на свѣтѣ не было. Сперва не только величали меня и ублажали паче мѣръ моихъ, а нынѣ живого во гробъ вселяютъ и поютъ: „Святый Боже“! Моего промедленія нигдѣ и никогда промедленіе не было напрасное. Вступитесь за вѣрнаго раба ея величества: еще нынѣ получилъ къ обидѣ моей, чтобы и Ангюринова отдалъ графу Румянцеву, кой у меня одинъ и есть, и всѣ секретныя дѣла на него положены, а я остался одинъ писаремъ и копіистомъ. Я не чаялъ бы такой жестокой обиды отъ его высокородія Волкова“ [1]). Бутурлинъ не засталъ въ живыхъ Елисаветы; онъ на дорогѣ получилъ рескриптъ новаго императора, въ которомъ обнадеживался въ непремѣнной милости и благоволеніи [2]). Графъ Ферморъ 19 февраля былъ вовсе уволенъ отъ службы [3]). Главное начальство надъ заграничною арміею поручено было графу Петру Семен. Салтыкову. Но уже при Елисаветѣ, по распоряженіямъ относительно Бутурлина, было ясно видно, что старые главнокомандующіе не будутъ болѣе дѣйствовать, ибо Семилѣтняя (для Россіи пятилѣтняя) война выказала молодыя способности. Между ними первое мѣсто принадлежало покорителю Кольберга, графу Петру Александровичу Румянцеву. Понятно, что и Петръ, замысливъ Датскую войну, послѣдовалъ общему указанію и поручилъ ему кампанію. Февраль мѣсяцъ Румянцевъ пробылъ въ Петербургѣ, вызванный туда императоромъ; и въ началѣ марта, заручившись дружбою перваго дѣльца по всѣмъ частямъ, Волкова, отправился къ своему корпусу въ Померанію для приготовленій къ походу. 21-го мая отправлены были ему наставленія считать войну съ Даніей не только неизбѣжною, но и дѣйствительно объявленною, и потому спѣшить утвердиться въ Мекленбургѣ прежде, чѣмъ Датчане туда войдутъ [4]). Наставленіе было отправлено съ большою тайною; но одинъ пріятель показалъ копію съ него Гольцу, и тотъ остался очень недоволенъ, потому что Пруссаки надѣялись, что дѣло уладится или оттянется Берлинскимъ конгрессомъ. „Излишне указывать вашему величеству“, писалъ Гольцъ королю, „на коварство составителя этого указа относительно конгресса и непослѣдовательность, которая обнаруживается въ каждомъ словѣ; приказаніе устроить магазины въ Ростокѣ и Висмарѣ, и особенно ввести армію въ Мекленбургъ—въ высшей степени странно, по моему мнѣнію. Не надобно приписывать этого его императорскому величеству, потому что рѣшеніе состоялось иначе въ совѣтѣ; виноватъ г. Волковъ, который осмѣлился дать ему такую окончательную форму. Императоръ утаилъ отъ меня это приказаніе. Ваше величество усмотрите, какъ это мнѣ непріятно, что, при всѣхъ милостяхъ и довѣріи императора ко мнѣ, противная партія можетъ заставить его скрыть отъ меня самыя важныя дѣла, которыя ваше величество должны знать прежде всякаго другого“. Между тѣмъ принцъ Георгъ Голштинскій настоятельно убѣждалъ Гольца упросить Фридриха II, чтобъ тотъ уговорилъ Петра не ѣздить къ арміи. „Вамъ хорошо извѣстно“, сказалъ ему на это Гольцъ, „какъ его императорское величество отвѣчалъ королю на подобные совѣты: онъ отвѣчалъ, что лучше его знаетъ внутреннее состояніе своей страны, что увѣренъ въ преданности своихъ подданныхъ, и что его слава требуетъ отъѣзда къ арміи. Послѣ такого отвѣта, я, конечно, уже не рѣшусь просить короля, моего государя, повторить тѣ же самые свои совѣты императору. Зачѣмъ такъ поспѣшили обна-

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. IX, 509.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 448.
[3]) Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.
[4]) Москов. Отд. Военнаго Архива, Дѣла Румянцева: Щебальскаго—«Политическая система» Петра III, стр. 176 и слѣд.

родовать объ отъѣздѣ императора; зачѣмъ дали знать министрамъ иностраннымъ, чтобъ они слѣдовали за нимъ? Теперь я уже не вижу, какъ можетъ императоръ остаться безъ потери своего достоинства, послѣ всѣхъ этихъ разглашеній: въ Европѣ увидятъ, что причиною такой перемѣны намѣренія было опасеніе какихъ-нибудь волненій въ странѣ вслѣдствіе отсутствія государя". Принцъ продолжалъ толковать о дурномъ состояніи войска, назначаемаго въ походъ, о недостаткѣ денегъ и съѣстныхъ припасовъ. „Два мѣсяца", отвѣчалъ Гольцъ, „я толкую съ вами и съ самимъ императоромъ, что надобно принять мѣры противъ этого, если уже война казалась ему неизбѣжною; что нечего грозиться задавить Датчанъ, если еще нѣтъ увѣренности, что все готово; мнѣ постоянно отвѣчали, что всѣ приготовленія сдѣланы, тогда какъ я хорошо зналъ, что нѣтъ. Видя, наконецъ, что мои представленія ни къ чему не служатъ и могутъ только навлечь на меня гнѣвъ его императорскаго величества, я замолчалъ; теперь, зная дурное состояніе дѣлъ, надобно обречь себя на неудачную войну, которой можно было избѣжать переговорами".

До полученія инструкціи 21 мая, Румянцевъ находился въ сильномъ безпокойствѣ: его мучила мысль, что войны не будетъ, и что ему не удастся отличиться блестящимъ походомъ. Получивъ инструкцію, онъ писалъ Волкову изъ Кольберга 8 іюня: „Правда, что мое смущеніе не мало было и на время большое, что я отъ васъ, моего вселюбезнаго друга, не получалъ никакого отвѣта. Я уже отчаялъ вовсе быть для меня дѣлу каковому-либо; нынѣ же, получая всепріятнѣйшее ваше письмо со обнадеживаніемъ вашей дружеской милости продолженія и съ подтвержденіемъ мнѣ наибезцѣннѣйшей милости и благоволенія, я столь больше обрадованъ: вы знаете, что всякій ремесленникъ работѣ радъ. Дай Боже только, чтобъ всѣ обстоятельства соотвѣтствовали моему желанію и усердію, то не сумнѣваюсь, что я всевысочайшую волю моего великаго государя исполню. Въ полковники и штабъ-офицеры я докладъ подалъ. Правда, что умедлилъ маленько, да и разборъ мой великъ былъ, я все притомъ соблюлъ, что мнѣ только можно было для пользы службы; я тѣхъ, кои не изъ дворянъ и не офицерскихъ дѣтей, вовсе не произвелъ: случай казался мнѣ наиспособнѣйшій очиститься отъ проказы,—чрезъ подлые поступки вся честь и почтеніе къ чину офицерскому истребились" [1]).

Но вслѣдъ за этимъ письмомъ, выражавшимъ радость ремесленника, добывшаго себѣ работу, Румянцевъ принужденъ былъ посылать совсѣмъ другія донесенія императору; онъ писалъ, что недостатокъ съѣстныхъ припасовъ приводитъ его въ крайнее отчаяніе, а съ другой стороны, Пруссаки, вмѣсто помощи, затрудняютъ его своими требованіями возвращенія померанскихъ мѣстъ. Но послѣднія донесенія Румянцева уже не застали Петра на престолѣ [2]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ „время было шаткое и самое критическое;-опасались, чтобъ не сдѣлалось вскорѣ бунта и возмущенія, а особливо отъ огорченной до крайности гвардіи" [3]). Но въ чье же имя могло произойти возстаніе? Фридрихъ II указывалъ соперника Петру въ человѣкѣ, который прежде Петра носилъ титулъ императора Всероссійскаго и который теперь томился въ Шлюссельбургской крѣпости [4]). Петръ отвѣчалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею. Черезъ недѣлю послѣ своего восшествія на престолъ, 1 января, Петръ, командируя, на смѣну извѣстнаго намъ Овцына, капитана гвардіи, князя Чурмантѣева, „для караула нѣкотораго важнаго арестанта въ Шлюссельбургской крѣпости", далъ ему указъ: „Буде, сверхъ нашего чаянія, кто-бъ отважился арестанта у васъ отнять,—въ такомъ случаѣ противиться сколько можно и арестанта живого въ руки не отдавать". Въ инструкціи Чурмантѣеву, подписанной графомъ Александромъ Шуваловымъ, говорилось: „Если арестантъ станетъ чинить какіе непорядки, или вамъ противности, или же что станетъ говорить непристойное, то сажать тогда на цѣпь, доколѣ онъ усмирится, а буде и того не послушаетъ,—то бить по вашему разсмотрѣнію палкою и плетью". Вслѣдъ за тѣмъ, отъ 11 января Чурмантѣевъ получилъ секретнѣйшій указъ: „Безъ нашего указа того арестанта никуда не перевозить и никому не отдавать; а когда соизволеніе наше будетъ въ какое другое мѣсто арестанта перевезть, тогда присланъ будетъ нашъ генералъ-адъютантъ князь Голицынъ или генералъ же адъютантъ баронъ фонъ-Унгернъ съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной нашей руки, а окромѣ оныхъ, хотя бъ кто и съ именнымъ указомъ за подписаніемъ собственной руки нашей пріѣхалъ и сталъ требовать арестанта,—тому не вѣрить и, задержавъ подъ карауломъ, писать для донесенія намъ къ нашему генералъ-фельдмаршалу графу Шувалову". Того же числа отправленъ былъ секретнѣйшій указъ шлюссельбургскому коменданту Бередникову, чтобъ допустилъ Голицына или Унгерна, и если прикажутъ Чурмантѣеву съ арестантомъ и „его командою изъ крѣпости выѣхать, то не воспрещать".

Приведенное предписаніе прямо указываетъ на желаніе императора взять на нѣкоторое время Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга, и подтверждаетъ извѣстіе, что узникъ, дѣйствительно, былъ привозимъ въ Петербургъ, гдѣ Петръ его видѣлъ. Это свиданіе должно было происходить 22-го марта, потому что въ этотъ день Чурмантѣевъ получилъ указъ: „Къ колоднику имѣете тотчасъ допустить нашего генералъ-адъютанта барона Унгерна и съ

[1]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.

[2]) См. выше, Примѣч. 4-е, на 1314 страницѣ.

[3]) Слова Болотова.

[4]) См. выше: «Исторія Россіи» т. XXII, гл. II, стр. 388; т. XXIV, стр. 905 и 906.

нимъ капитана Овцына, а потомъ и всѣхъ тѣхъ, которыхъ баронъ Унгернъ пропустить прикажетъ". Между „всѣми тѣми" долженъ былъ находиться и самъ императоръ. 24-го марта—другой указъ Чурмантѣеву: „Арестантъ, послѣ учиненнаго ему третьяго-дня посѣщенія, легко получить можетъ какія-либо новыя мысли, и потому новыя вранья дѣлать станетъ. Сего ради повелѣваю вамъ примѣчаніе ваше и находящагося съ вами офицера Власьева за всѣми словами арестанта умножить, и что услышите или новаго примѣтите, о томъ со всѣми обстоятельствами и немедленно ко мнѣ доносите. Петръ. PS. Рапорты ваши имѣете отправлять прямо на мое имя".

1 апрѣля Унгернъ опять былъ допущенъ къ Ивану. 3 апрѣля завѣдываніе дѣлами Шлюссельбургскаго арестанта было взято отъ графа Александра Шувалова и поручено Нарышкину, Мельгунову и Волкову вслѣдствіе общаго распоряженія, по которому всѣ дѣла, вѣдавшіяся прежде въ Тайной Канцеляріи, переходили къ упомянутымъ тремъ лицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ узнику были приставлены новые офицеры: премьеръ-маіоръ Жихаревъ и капитаны—Уваровъ и Батюшковъ [1]).

Петръ писалъ Фридриху, что держитъ Ивана подъ крѣпкою стражею, и потому нечего опасаться; онъ могъ убѣдиться теперь, что несчастный Иванъ не можетъ быть опаснымъ соперникомъ и по состоянію своихъ умственныхъ способностей. То, что прежде извѣстно было очень немногимъ, сохранявшимъ глубочайшую тайну, то теперь, вслѣдствіе свиданія Петра при свидѣтеляхъ, должно было распространиться въ кругу болѣе обширномъ, и англійскій посланникъ Кейтъ имѣлъ возможность сообщить своему Двору совершенно вѣрныя извѣстія объ Иванѣ Антоновичѣ. „Императоръ", писалъ Кейтъ, „видѣлъ Ивана III-го и нашелъ его физически совершенно развитымъ, но съ разстроенными умственными способностями. Рѣчь его была безсвязна и дика. Онъ говорилъ между прочимъ, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ; что государь Іоаннъ давно уже взятъ на небо, но онъ хочетъ сохранить притязанія особы, имя которой онъ носитъ". [2]).

Поэтому попытка произвести переворотъ во имя правнука царя Іоанна Алексѣевича противъ внука Петра Великаго могла произойти только отъ людей темныхъ, не имѣвшихъ соприкосновенія съ высшими сферами; для другого же рода людей было одно средство:—не прерывая наслѣдственной линіи, замѣнить отца сыномъ, средство, съ одной стороны, легкое, ибо сынъ, великій князь Павелъ Петровичъ, былъ еще ребенокъ, и потому не могло быть никакихъ столкновеній съ его волею, съ его сыновними отношеніями; но, съ другой стороны, малолѣтство того, въ чье имя должно было происходить движеніе, отнимало вождя у движенія, отнимало у этого движенія единство, силу, стройность, отнимало твердость у его послѣдствій, ибо надобно было искать другого вождя, изъ подданныхъ, и какъ было его найти?—надобно было имѣть дѣло со многими, съ партіями. Поэтому естественно и необходимо вниманіе всѣхъ обращалось на императрицу Екатерину, которая уже давно была извѣстна и славна противоположностью своего поведенія съ поведеніемъ мужа, давно была извѣстна и славна своими блестящими способностями, своимъ обворожительно ласковымъ обращеніемъ, своимъ вниманіемъ ко всему достойному вниманія, своимъ уваженіемъ къ Русскимъ людямъ и ко всему, что имъ было дорого: только отъ ея вліянія на мужа можно было ожидать хорошаго, но этого вліянія не было; самое близкое лицо явилось самымъ далекимъ, супруга была отвергнута, отвергнутъ былъ совѣтъ и разумъ; Екатерина подвергалась явнымъ оскорбленіямъ; она страдала вмѣстѣ съ Русскими людьми, и крѣпкій союзъ образовался между ними и ею. Фридрихъ II, получавшій очень неудовлетворительныя извѣстія изъ Петербурга, думалъ сначала, что Екатерина будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла, и только 7-го марта прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Финкенштейнъ, писалъ Гольцу, что, по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ, Екатерина не имѣетъ никакого вліянія, и можетъ произойти только вредъ, если къ ней обращаться, притомъ она вовсе и не такъ благосклонна къ Пруссіи, какъ самъ императоръ [3]). Но французскій посолъ Бретейль еще съ 31-го декабря 1761 года началъ писать своему Двору о печальномъ положеніи Екатерины: „Въ день поздравленія съ восшествіемъ на престолъ", доносилъ онъ, „на лицѣ императрицы была написана глубокая печаль; ясно, что она не будетъ имѣть никакого значенія, и я знаю, что она старается вооружиться философіею; но это противно ея характеру.—Императоръ удвоилъ вниманіе къ графинѣ Воронцовой. Надобно признаться, что у него странный вкусъ; она не умная; что же касается наружности, то трудно себѣ представить женщину безобразнѣе ея; она похожа на трактирную служанку.—Императрица находится въ самомъ жестокомъ положеніи, съ нею обходятся съ явнымъ презрѣніемъ. Она неравнодушно переноситъ обращеніе императора и высокомѣріе Воронцовой. Трудно себѣ представить, чтобъ Екатерина (я знаю ея отважность и страстность) рано или поздно не приняла какой-нибудь крайней мѣры. Я знаю друзей, которые стараются ее успокоить; но, если она потребуетъ, они пожертвуютъ всѣмъ для нея.—Императрица пріобрѣтаетъ всеобщее расположеніе. Никто усерднѣе ея не выполнялъ обязанностей относительно покойной императрицы, обязанностей, предписываемыхъ Греческимъ исповѣданіемъ: духовенство и народъ этимъ очень тронуты и благодарны ей за это. Она наблюдаетъ съ точностію праздники, посты, все, къ чему императоръ относится легкомысленно и къ чему Русскіе не равно-

[1]) Дѣло о Брауншвейгской фамиліи въ Государственномъ Архивѣ.

[2]) Раумеръ, II, 509.

[3]) Письмо въ Forschungen zur deutschen Geschichte.

души. Наконецъ, она не пренебрегаетъ ничѣмъ для пріобрѣтенія всеобщей любви и расположенія отдѣльныхъ лицъ. Не въ ея природѣ забыть угрозу императора заключить ее въ монастырь, какъ Петръ Великій заключилъ свою первую жену. Все это, вмѣстѣ съ ежедневными униженіями, должно страшно волновать женщину съ такою сильною природою и должно вырваться при первомъ удобномъ случаѣ. — Императрица сильно предается горю и мрачнымъ мыслямъ; люди, ее видающіе, говорятъ, что она неузнаваема, что она чахнетъ и скоро сойдетъ въ могилу". Это послѣднее извѣстіе было написано въ началѣ апрѣля, и въ началѣ іюня Бретейль доносилъ: „Императрица обнаруживаетъ мужество; она любима и уважаема всѣми въ той же степени, какъ Петръ ненавидимъ и презираемъ" [1]).

Эта хроника вскрываетъ намъ лучше всего страшное положеніе Екатерины въ шесть мѣсяцевъ, отъ 25-го декабря 1761 до 28-го іюня 1762 года; она указываетъ намъ эти переходы отъ мрачныхъ мыслей къ отчаянію, разрушительно дѣйствующему на здоровье, и отъ отчаянія къ твердости, когда надежда на избавленіе усиливалась и когда надобно было ободрять своихъ приверженцевъ. Екатерина говоритъ, что эти приверженцы, со дня смерти императрицы Елисаветы, внушали ей о необходимости отстранить Петра и самой стать въ челѣ правленія, но что она начала склоняться на ихъ представленія съ того дня, когда Петръ публично нанесъ ей страшное оскорбленіе. Во время празднованія мира съ Пруссіею, за торжественнымъ обѣдомъ императоръ предложилъ три тоста: 1) здоровье императорской фамиліи; 2) здоровье короля Прусскаго; 3) за сохраненіе счастливаго мира, заключеніе котораго праздновалось. Когда Екатерина выпила за здоровье императорской фамиліи, Петръ велѣлъ Гудовичу, стоявшему сзади его креселъ, пойти спросить императрицу, зачѣмъ она не встала, когда пили первый тостъ. Екатерина отвѣчала, что императорская фамилія состоитъ только изъ троихъ членовъ: — изъ ея супруга, сына и ея самой, и потому она не понимаетъ, почему нужно вставать. Когда Гудовичъ передалъ этотъ отвѣтъ, Петръ снова велѣлъ ему подойти къ Екатеринѣ и сказать ей бранное слово, ибо она должна знать, что двое его дядей, принцы Голштинскіе, принадлежатъ такъ же къ императорской фамиліи; но боясь, чтобъ Гудовичъ не ослабилъ выраженія, императоръ самъ закричалъ Екатеринѣ бранное слово, которое и слышала большая часть обѣдавшихъ. Императрица сначала залилась слезами отъ такого оскорбленія, но потомъ, желая оправиться, обратилась къ стоявшему за ея кресломъ камергеру Александру Серг. Строганову и попросила его начать какой-нибудь забавный разговоръ для разсѣянія, что Строгановъ и исполнилъ [2]).

[1]) La cour de la Russie, 187 et sqn. Раумеръ, II, 508.

[2]) La cour de la Russie. 202; Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 68.

Но дѣло не кончилось однимъ оскорбленіемъ. Въ тотъ-же вечеръ императоръ приказалъ своему адъютанту, князю Барятинскому, арестовать Екатерину. Барятинскій, испуганный этимъ приказаніемъ, не торопился его выполнить и, встрѣтивъ принца Георгія Голштинскаго, разсказалъ ему о порученіи, полученномъ отъ императора. Тотъ бросился къ Петру и уговорилъ его отмѣнить приказаніе [3]). Приказаніе было отмѣнено; но никто не могъ поручиться, что оно не будетъ повторено, ибо приказанія отдавались по первой вспышкѣ, по первому внушенію, сдѣланному въ пользу или во вредъ извѣстнаго лица, и Екатерина начинаетъ слушать предложенія своихъ приверженцевъ. Кто же были эти приверженцы?

Мы видѣли, что Шверинъ и Гольцъ указывали на Ив. Ив. Шувалова, Мельгунова и Волкова, какъ на самыхъ опасныхъ людей, ждущихъ перваго удобнаго случая для отнятія у Петра престола. Но Фридрихъ II долженъ былъ убѣдиться, какъ обманулись его министры въ своихъ наблюденіяхъ: „Лица", пишетъ онъ, „на которыхъ смотрѣли, какъ на заговорщиковъ, всего менѣе были виноваты въ заговорѣ. Настоящіе виновники работали молча и тщательно скрывались отъ публики" [4]). Было однако время, когда Ив. Ив. Шуваловъ предлагалъ Екатеринѣ свои услуги. Въ одной изъ записокъ о событіяхъ своего времени Екатерина разсказываетъ, что предъ кончиною императрицы Елисаветы Ив. Ив. Шуваловъ обратился къ Никитѣ Ив. Панину, говоря, что „иныя клонятся, отказавъ и выславъ изъ Россіи великаго князя Петра съ супругою, сдѣлать правленіе именемъ сына ихъ Павла Петровича, которому былъ тогда седьмой годъ; что другіе хотятъ выслать лишь отца, а оставить мать съ сыномъ, и что всѣ единодушно думаютъ, что Петръ не способенъ. Панинъ отвѣтствовалъ, что всѣ сіи проекты суть способны къ междоусобной погибели; что въ одномъ критическомъ часу того перемѣнить безъ мятежа и бѣдственныхъ слѣдствій не можно, что двадцать лѣтъ всѣми клятвами утверждено. Панинъ", продолжаетъ Екатерина, „о семъ мнѣ тотчасъ далъ знать, сказавъ мнѣ притомъ, что больной императрицѣ если-бъ представили, чтобъ мать съ сыномъ оставить, а отца выслать, то большая въ томъ вѣроятность, что она на то склониться можетъ. Но къ сему, благодаря Богу, ея фавориты не приступили, но, оборотя всѣ мысли свои къ собственной безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предуспѣли" [5]).

Записка эта, написанная, разумѣется, позднѣе событія, можетъ быть и очень поздно, требуетъ нѣкотораго объясненія. Выраженіе „благодаря

[3]) Замѣчанія Екатерины II къ сочиненію Денины въ Москов. Публич. Муз.; напечат. въ Дневникѣ Храповицкаго, изд. Барсукова, стр. 482.

[4]) Mémoires de Frédéric II, изд. Бутарика, II, 227.

[5]) Записки въ Государ. Архивѣ.

Богу", очень понятно: если бы фавориты приступили къ удаленію Петра Ѳеодоровича отъ престола, то императоромъ былъ бы провозглашенъ великій князь Павелъ Петровичъ,—и Екатерина не царствовала бы; кромѣ того, неспособность Петра не была еще такъ очевидна, какъ послѣ шестимѣсячнаго его царствованія, и удаленіе его могло бы повести къ тому, что выставилъ въ своемъ отвѣтѣ Панинъ. „Фавориты не приступили" потому, что Шуваловъ отъ Панина услышалъ рѣшительный отказъ въ содѣйствіи великой княгини и ея приверженцевъ ихъ плану. Быть можетъ, отказъ этотъ былъ и неискренній; Панинъ счелъ нужнымъ обезопасить себя этимъ отказомъ, онъ могъ заподозрить предложеніе, исходившее отъ непріязненныхъ ему людей; что Панинъ не успокоился на своемъ отвѣтѣ,—доказательствомъ служитъ то, что онъ имѣлъ съ Екатериною разговоръ о предложеніи и внушалъ о возможности, со стороны Елисаветы, согласиться на удаленіе Петра. О своемъ отвѣтѣ Панину на это внушеніе Екатерина намъ не говоритъ. Можетъ быть, положено было ждать новаго предложенія отъ „фаворитовъ". Но послѣдніе, получивъ рѣзкій отказъ, не сочли болѣе нужнымъ и безопаснымъ повторять свое предложеніе, а можетъ быть не имѣли уже для того и времени и, отвергнутые Екатериною, должны были обратиться къ Петру. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они имѣли печальное удовольствіе видѣть, какія страданія должна была терпѣть Екатерина за отвергнутіе ихъ предложенія. Быть можетъ, теперь они ждали отъ нея предложенія. Но дѣло начато было безъ нихъ, было и кончено безъ нихъ.

Шуваловъ передъ смертью Елисаветы обращался къ Панину съ предложеніемъ измѣнить порядокъ престолонаслѣдія, и это показываетъ намъ важное значеніе Панина. Въ царствованіе Елисаветы мы имѣли часто случай говорить о его дѣятельности въ Швеціи, гдѣ онъ былъ посланникомъ. Носились слухи, что онъ былъ удаленъ въ Швецію вслѣдствіе придворной интриги,—удаленъ Шуваловыми, которые хотѣли отстранить въ немъ соперника Ив. Ив. Шувалову [1]). Если это правда, то, разумѣется, здѣсь должно было залечь основаніе вражды его къ Шуваловымъ и преимущественно къ Ив. Ивановичу. Но и безъ этого были другія сильныя причины вражды. Тѣсно связанный съ канцлеромъ Бестужевымъ, будучи, можно сказать, его воспитанникомъ, Панинъ, въ довольно долгое пребываніе свое въ Стокгольмѣ, ревностно проводилъ Бестужевскую систему, борясь дипломатически съ господствовавшимъ въ Швеціи французскимъ вліяніемъ. Панинъ воспитался, окрѣпъ въ этой борьбѣ, ненависть къ Франціи, необходимость борьбы съ нею стали его политическимъ символомъ вѣры. И вдругъ ему велятъ перемѣнить политику, собственно говоря, велятъ переродиться, дѣйствовать заодно съ французскимъ посланникомъ. Но мы знаемъ очень хорошо, что сдѣлать это русскому посланнику въ Стокгольмѣ было страшно тяжко: ему нужно было бросить своихъ друзей и подчиниться французскому посланнику, который, по своимъ средствамъ, теперь еще болѣе усилившимся, не хотѣлъ и не могъ уступить русскому посланнику равнаго съ собою значенія. Чѣмъ самостоятельнѣе, сильнѣе духовными средствами былъ русскій посланникъ,—тѣмъ тягостнѣе становилось ему его положеніе. Панинъ не вытерпѣлъ, протестовалъ; но мы видѣли, какой репримандъ получилъ онъ за этотъ протестъ. Оскорбленный выговоромъ, удрученный своимъ невыносимымъ положеніемъ, Панинъ приписывалъ всѣ эти бѣды Шуваловымъ, ихъ обвинялъ въ сближеніи съ Франціею. Скоро покровитель его, Бестужевъ, былъ сверженъ, что такъ-же Панинъ приписывалъ Шуваловымъ и Воронцову, котораго и прежде считалъ своимъ врагомъ. Теперь Воронцовъ, сталъ завѣдывать иностранными дѣлами при помощи, или, лучше сказать, подъ вліяніемъ Ив. Ив. Шувалова; Панину не было возможности болѣе оставаться на дипломатическомъ поприщѣ, и онъ былъ отозванъ изъ Швеціи. Но мы видѣли, что Елисавета не любила отнимать дѣятельность у людей, выдававшихся своими способностями и образованностью, и бывшій посланникъ въ Швеціи получилъ важное мѣсто воспитателя великаго князя Павла Петровича. Это-то новое значеніе Панина, предполагавшее необходимо большое довѣріе къ нему Елисаветы и въ то же время приводившее его въ сношенія съ Екатериною, которая не могла не сочувствовать ему, какъ близкому человѣку къ А. П. Бестужеву,—это-то значеніе Панина и заставило Шувалова обратиться къ нему по вопросу о возведеніи на престолъ великаго князя Павла, по удаленіи отца его изъ Россіи.

Обращеніе не имѣло послѣдствій; Петръ III вступилъ на престолъ и оправдалъ опасенія тѣхъ, которые не ждали отъ его правленія ничего хорошаго. Панину было тяжело болѣе другихъ. Правда, къ Франціи послѣдовало сильное охлажденіе; но дѣло шло не о французскихъ отношеніяхъ, когда внѣшнею политикою Россіи заправлялъ прусскій посланникъ Гольцъ, а гдѣ дѣло дѣлалось мимо Гольца, такъ это именно только тамъ, гдѣ желанія Гольца совпадали съ русскими интересами, т.-е. въ дѣлахъ Датскихъ. Кромѣ общихъ для всѣхъ Русскихъ людей причинъ къ неудовольствію, у Панина были особыя причины. Онъ не могъ поддерживать своего значенія, ибо, по своему образу мыслей, по своимъ привычкамъ, онъ не могъ быть въ приближеніи у Петра III, принимать участія въ его забавахъ; по своей флегматической, жаждущей физическаго спокойствія природѣ, Панинъ болѣе, чѣмъ кто-либо, не выносилъ капральства, введеннаго Петромъ, за что послѣдній рѣзко обнаружи-

[1]) Correspond. secrète de Louis XV; t. II, p. 25.

валъ противъ него свое неудовольствіе [1]). Въ донесеніи Гольца Фридриху II отъ 30 марта находится любопытное извѣстіе относительно Панина: „Е. и. в. съ удовольствіемъ соглашается на желаніе в. в—ства включить Швецію въ мирный договоръ. Онъ мнѣ сказалъ посекрету, что пошлетъ туда Панина, воспитателя великаго князя. Этотъ человѣкъ очень способный, и потому не можетъ быть сомнѣнія въ успѣхѣ переговоровъ". Итакъ Панину грозила опасность отправиться въ Швецію и хлопотать тамъ, согласно съ требованіемъ Пруссіи, о возстановленіи самодержавія, противъ чего онъ, находясь прежде въ Швеціи, ратовалъ всѣми средствами. Но дѣлать нечего, пришлось бы отправиться и въ Швецію, ибо въ Россіи онъ могъ потерять свое значеніе воспитателя великаго князя наслѣдника престола: громко говорили, что Петръ намѣренъ развестись съ женою, заточить ее, намѣренъ отвергнуть и сына. Отъ характера Петра и отъ слѣдствій образа жизни, который онъ велъ, всего можно было ожидать; разъ уже велѣлъ онъ арестовать Екатерину,—въ другой разъ заступничество принца Георга не поможетъ. Одинаковость интересовъ естественно сближала Панина съ Екатериною, которая могла разсчитывать на его согласіе на перемѣну, могла быть увѣрена, что при перемѣнѣ найдетъ въ немъ человѣка, готоваго служить ей добрымъ совѣтомъ, способнаго помочь ей въ трудныхъ обстоятельствахъ;—но этимъ все и должно было ограничиться: Панинъ, по своему характеру и образу мыслей, не могъ принять непосредственнаго участія въ движеніи, направленномъ къ перемѣнѣ, тѣмъ менѣе могъ стать во главѣ его.

Панинъ не былъ въ приближеніи у Петра III; но и между людьми, пользовавшимися особеннымъ расположеніемъ императора, Екатерина знала нѣсколько лицъ, на которыхъ могла положиться при движеніи, которыя, такъ или иначе, заявили ей о своей преданности. Это были: генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, генералъ-прокуроръ Глѣбовъ, князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, племянникъ бывшаго канцлера Бестужева, уже извѣстный намъ на дипломатическомъ и военномъ поприщѣ, директоръ полиціи Николай Корфъ. Одни изъ этихъ лицъ побуждались патріотизмомъ; другіе, видя, что при всеобщемъ неудовольствіи дѣло неминуемо должно кончиться дурно для Петра, спѣшили заранѣе стать подъ то знамя, которому принадлежало торжество. Но изъ тогдашней знати Екатерина болѣе всѣхъ должна была надѣяться на гетмана, графа Кирилла Разумовскаго, который жилъ тогда въ Петербургѣ и пользовался, повидимому, расположеніемъ императора. Но это расположеніе не препятствовало ему питать прежнюю преданность къ Екатеринѣ: если она такъ разсчитывала на эту преданность шесть лѣтъ тому назадъ [2]), то имѣла основаніе разсчитывать и теперь. Приближеніе къ Петру не могло повредить этой преданности, ибо, мимо всѣхъ другихъ побужденій, никто изъ приближенныхъ къ этому государю не могъ разсчитывать на слѣдующую минуту, и шелъ слухъ, что Петру хочется наградить Малороссійскимъ гетманствомъ своего любимца, Гудовича [3]). Вмѣстѣ съ гетманомъ Разумовскимъ, къ услугамъ Екатерины былъ и его наставникъ—Тепловъ, безнравственный, смѣлый, умный, ловкій, способный хорошо говорить и писать. Ревность Теплова въ пользу перемѣны правленія усиливалась еще тѣмъ, что онъ, по приказу императора, сидѣлъ уже въ крѣпости за нескромныя слова [4]). Изъ оффиціальнаго извѣстія объ отношеніяхъ Теплова къ правительству въ описываемое время до насъ дошелъ любопытный указъ Петра III отъ 23 марта: „Всемилостивѣйше пожаловали мы статскаго совѣтника и нашего Голштинскаго Двора камергера Григорья Теплова, за извѣстную намъ его къ службѣ ревность, въ наши дѣйствительные статскіе совѣтники, которому повелѣваемъ быть въ отставкѣ попрежнему" [5]).

Но понятно, что какъ бы ни было много людей, желавшихъ перемѣны, и какъ бы ни были сильны средства этихъ людей,—они не могли тронуться, начать дѣло безъ помощи гвардіи. Гвардія была недовольна; но надобно было сосредоточить и направить это неудовольствіе, сдѣлать его готовымъ выразиться при первомъ удобномъ случаѣ. Екатерина нашла два орудія, способныя дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, и однимъ изъ этихъ орудій была молодая восемнадцатилѣтняя женщина, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, урожденная Воронцова, родная сестра фаворитки. Лишившись въ младенчествѣ матери, графиня Екатерина Воронцова была воспитана въ домѣ дяди своего, канцлера Михаила Ларіоновича. Получивши средства въ изученіи иностранныхъ языковъ, преимущественно Французскаго, живая и способная дѣвочка бросилась пользоваться этими средствами тѣмъ болѣе, что въ окружавшихъ ее не находилось людей, которые бы заняли ея чувство и умъ, привлекли къ себѣ. Не находя по себѣ живыхъ людей, она со всею страстностью своей натуры предалась чтенію: Бэль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были прочитаны

[1]) Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 61. Дашкова разсказываетъ, что Петръ III произвелъ Панина въ генералы-отъ инфантеріи; Панинъ сказалъ Мельгунову, объявившему ему объ этомъ пожалованіи, что если онъ не можетъ уклониться отъ этой чести, которой онъ недостоинъ, то онъ немедленно удалится въ Швецію. Императоръ съ изумленіемъ услыхалъ объ этомъ отказѣ. «Я всегда думалъ», сказалъ онъ, «что Панинъ умный человѣкъ; но съ этихъ поръ я такъ думать не буду». Тутъ въ разсказѣ долженъ быть пропускъ: вѣроятно Мельгуновъ прибавилъ, что при новомъ чинѣ Панинъ долженъ будетъ принять участіе въ военныхъ упражненіяхъ, ибо Панинъ, будучи дѣйствительнымъ камергеромъ, имѣлъ и военный чинъ генералъ-поручика, и Петру III было естественно дать ему слѣдующій военный чинъ.

[2]) Исторія Россіи т. XXIV, гл. I.

[3]) Castéra, Hist. de Cather., I, 263.

[4]) Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 82.—Vie de Pierre, III, I,—230.

[5]) Указы Петра III въ Государ. Архивѣ.

что повело къ рановременному развитію. Эта образованность и страсть къ чтенію сблизили Екатерину Романовну съ другою образованнѣйшею женщиною въ Россіи, такою же усердною читательницею Бэля, Монтескьё и Вольтера,—великою княгинею Екатериною Алексѣевною. „Многіе изъ друзей моего дяди", говоритъ Дашкова, „описали меня великой княгинѣ молодою дѣвушкою, которая посвящала все свое время наукѣ; уваженіе, которымъ она удостоила меня впослѣдствіи, очевидно проистекло изъ этого пристрастнаго описанія; взаимно великая княгиня внушила мнѣ энтузіазмъ и преданность, заставившіе меня броситься въ сферу дѣятельности, о которой я такъ мало тогда думала, и имѣвшіе вліяніе на всю остальную мою жизнь Я не побоюсь утверждать, что въ то время, о которомъ говорю, въ цѣлой имперіи было только двѣ женщины, великая княгиня и я, которыя занимались серьезнымъ чтеніемъ, и такъ какъ ея восхитительное обращеніе производило неотразимое вліяніе на тѣхъ, кому она хотѣла нравиться, то легко понять, какъ сильно было это вліяніе на молодое созданіе, какъ я, имѣвшее едва пятнадцать лѣтъ и столь способное подчиниться ему" [1]).

Легко понять также, что на сколько великая княгиня производила обаянія надъ молодою Екатериною Романовною;—на столько великій князь отталкивалъ женщину, начитавшуюся Монтескьё и Вольтера. Тщетно онъ обращался къ сестрѣ своей фаворитки съ фразою, кѣмъ-нибудь ему продиктованною: „Вспомните, что гораздо лучше имѣть дѣло съ людьми грубыми, но честными,—какъ ваша сестра и я, чѣмъ съ умницами, которыя высасываютъ сокъ апельсина и потомъ бросаютъ корку". Екатерина Романовна не могла выносить общества и развлеченій Петра Ѳедоровича. „Любимое удовольствіе великаго князя", говоритъ она, „состояло въ томъ, чтобъ курить табакъ съ Голштинцами. Эти офицеры были большею частью капралами и сержантами въ прусской службѣ; это была сволочь, сыновья нѣмецкихъ сапожниковъ. Вечера оканчивались баломъ и ужиномъ въ залѣ, убранной сосновыми вѣтками и носившей нѣмецкое названіе въ соотвѣтствіе вкусу убранства и съ фразеологіею, бывшею въ компаніи; компанія эта въ своихъ разговорахъ примѣшивала столько нѣмецкихъ словъ, что необходимо было знаніе Нѣмецкаго языка для избѣжанія насмѣшекъ отъ нея. Иногда великій князь давалъ свои праздники въ маленькомъ загородномъ домѣ, недалеко отъ Ораніенбаума: здѣсь пуншъ, чай, табакъ и смѣшная игра campis служили развлеченіемъ. Какой поразительный контрастъ съ духомъ, вкусомъ, здравымъ смысломъ и приличіемъ, царствовавшими на праздникахъ великой княгини"!

Въ то страшное время, когда всѣ убѣдились, что Елисаветѣ осталось немного дней жизни, княгиня Дашкова является ночью къ Екатеринѣ съ вопросомъ: „Можно ли принять какія-нибудь мѣры предосторожности противъ грозящей опасности и отвратить гибель, готовую васъ постигнуть? Ради Бога, положитесь на меня; я докажу, что достойна вашего довѣрія. Составили ли вы какой-нибудь планъ? Обезпечена ли ваша безопасность? Благоволите дать мнѣ приказанія и научить меня, что дѣлать". — „Я не составила никакого плана", отвѣчала Екатерина; „я ничего не предприму, и думаю, что мнѣ остается одно: мужественно встрѣтить событія, какія бы они ни были. Поручаю себя Всемогущему и на Его покровительство полагаю всю мою надежду".

Новый императоръ скоро усилилъ безпокойство Дашковой, начавши однажды говорить съ нею тихо, отрывочными фразами, изъ которыхъ однако нетрудно было понять въ чемъ дѣло; дѣло шло о томъ, чтобъ удалить „ее", какъ выражался Петръ, разумѣя Екатерину, и на ея мѣсто возвести Романовну, какъ онъ обыкновенно называлъ Елисавету Воронцову: „Будьте къ намъ немножко повнимательнѣе", говорилъ онъ Дашковой: „придетъ время, когда вы будете жалѣть о томъ, что съ такимъ пренебреженіемъ обходились съ своею сестрою; ваши интересы требуютъ, чтобъ вы изучили мысли своей сестры и старались снискать ея покровительство".

У мужа Дашковой были товарищи, пріятели между гвардейскими офицерами, капитаны Преображенскаго полка, Пассекъ и Бредихинъ, маіоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ,—оба въ Измайловскомъ полку. Всѣ эти молодые офицеры были согласны съ княгинею въ необходимости произвести перемѣну въ правительствѣ, и пылкая молодая женщина уже начала смотрѣть на себя, какъ на главу заговора, долженствовавшаго рѣшить судьбу имперіи. Кромѣ Рославлевыхъ, она познакомилась еще съ третьимъ офицеромъ Измайловскаго полка, Ласунскимъ, о которомъ ей сказали, что онъ имѣетъ вліяніе на гетмана Разумовскаго: этого богача и любимца гвардіи за щедрость Дашкова хотѣла привлечь на свою сторону, не зная, что уже опоздала. Съ Никит. Ив. Панинымъ она могла сноситься непосредственно, потому что онъ доводился ей дядя; она заговаривала съ нимъ о необходимости перемѣны на престолѣ; Панинъ иногда соглашался съ нею и прибавлялъ, что недурно было бы также установить правительственную форму на началахъ Шведской монархіи; но Дашкова сама признается, что ей нельзя было надѣяться вдругъ пріобрѣсти довѣріе такого благоразумнаго и разсчетливаго политика, какъ Панинъ. Гораздо откровеннѣе съ нею былъ любимый племянникъ Панина, знаменитый впослѣдствіи князь Николай Васил. Репнинъ Однажды, послѣ пира въ новомъ Зимнемъ дворцѣ, Репнинъ является ночью къ Дашковой и съ отчаяніемъ говоритъ: „Все погибло, любезная кузина; ваша сестра получила Екатерининскій орденъ, и мнѣ предстоитъ опасность быть послану къ королю Прусскому ми-

[1]) Mémoires de la pr. Daschkoff, I, 18.

пистромъ, или, лучше сказать, лакеемъ". Мы видѣли, что опасенія Репнина оправдались: онъ долженъ былъ ѣхать къ Фридриху II-му.

Дашкова сознается, что когда, послѣ тревожнаго посѣщенія Репнина, она серьезно задумалась о своемъ дѣлѣ, то всѣ толки объ исполненіи дѣла, которые ей приходилось до сихъ поръ слышать отъ своихъ соумышленниковъ, показались ей или фантазіями, не могшими осуществиться, или замыслами безъ опредѣленнаго принципа, безъ твердости и безъ средствъ къ исполненію. Всѣ были согласны въ одномъ только,—что отъѣздъ императора къ заграничной арміи могъ служить сигналомъ къ движенію. Видя, что оставалось еще много сдѣлать, а рѣшительное время приближалось, она обратилась къ Панину, чтобъ добиться отъ него, наконецъ, чего-нибудь опредѣленнаго. Сцена была любопытная, потому что трудно себѣ представить большую противоположность, чѣмъ та, какая существовала между осторожнымъ и медленнымъ Панинымъ и его пылкою восемнадцатилѣтнею племянницею. Молодая женщина начала съ признанія, что составленъ заговоръ съ цѣлью произвести революцію. Панинъ выслушалъ внимательно и началъ настаивать на соблюденіи формъ при такомъ событіи, на необходимость участія Сената. Дашкова отвѣчала, что это было бы очень хорошо, да трудно сдѣлать. Потомъ Панинъ началъ настаивать, и Дашкова должна была ему уступить, чтобъ не выставлять правъ Екатерины на престолъ, а передать ей только регентство до совершеннолѣтія сына. Но болѣе всего Панинъ выражалъ свое безпокойство насчетъ дальнѣйшихъ слѣдствій переворота,—насчетъ возможности междоусобія. „Только начнемъ дѣйствовать", возражала Дашкова, „и не найдется ни одного человѣка изо ста, который бы не призналъ причиною событія гибельныхъ злоупотребленій, для уничтоженія которыхъ нѣтъ другого средства, кромѣ перемѣны царствующаго лица". Наконецъ Дашкова объявила имена соумышленниковъ: двое Рославлевыхъ, Ласунскій, Пассекъ, Бредихинъ, Баскаковъ, Хитрово, князь Барятинскій и Орловы. Нѣкоторыхъ изъ этихъ соумышленниковъ Дашкова никогда и не видывала [1]); но Панинъ встревожился, какъ далеко она зашла безъ предварительныхъ соглашеній съ императрицею. Дашкова отвѣчала, что она не могла сообщать Екатеринѣ своихъ плановъ, потому что исходъ дѣла былъ еще сомнителенъ; такое сообщеніе могло поставить императрицу въ затруднительное положеніе и подвергнуть безполезной опасности. Изъ своего разговора съ Панинымъ, Дашкова замѣтила, что въ немъ не было недостатка въ мужествѣ и въ охотѣ присоединиться къ нимъ, но его нерѣшительность происходила отъ незнанія, какъ они должны были дѣйствовать.

Изъ разсказа Дашковой ясно видно, какого рода былъ этотъ заговоръ, главою котораго она себя считала. Она знала о сильномъ всеобщемъ неудовольствіи, сама близко видѣла причины этого неудовольствія, сама раздражалась, и потому хорошо понимала раздраженіе другихъ; говорила нѣкоторымъ молодымъ офицерамъ о необходимости произвести перемѣну въ пользу императрицы, способной, по общему убѣжденію, дать ручательство въ лучшемъ будущемъ. Молодые офицеры совершенно соглашались, называли и нѣкоторыхъ другихъ офицеровъ, которые такъ же были согласны съ ними, говорили, что надобно непремѣнно исполнить замыслъ, какъ скоро императоръ уѣдетъ къ заграничной арміи. Дашкова говорила съ Панинымъ: и тотъ соглашался, что другого средства нѣтъ спасти Россію; но какъ сдѣлать, и какія будутъ послѣдствія? Дашкова постоянно употребляетъ слово „заговоръ"; но изъ ея разсказа прямо выходитъ, что заговора не было, а былъ одинъ разговоръ. Дашковой очень хотѣлось привлечь гетмана Разумовскаго въ единомысліе; для этого она то подговаривала офицера Ласунскаго, то внушала Панину, чтобъ тотъ сблизился съ Тепловымъ и посредствомъ послѣдняго дѣйствовалъ на гетмана; но о послѣдствіяхъ этихъ внушеній она ничего не знала. Репнинъ уѣхалъ въ Пруссію. По словамъ Дашковой, было извѣстно, что Новгородскій архіепископъ Димитрій Сѣченовъ раздѣлялъ ея мысли, хотя и не находился въ числѣ соумышленниковъ, чему препятствовало его высокое положеніе. Дядя мужа Дашковой, князь Михайла Никитичъ Волконскій, разсказывалъ, что и въ заграничной арміи господствовало всеобщее неудовольствіе: солдаты сердились, что ихъ заставляютъ теперь сражаться противъ старой союзницы, Маріи-Терезіи, въ пользу короля Прусскаго, на котораго они привыкли смотрѣть, какъ на заклятаго врага,—и для Дашковой было очевидно, что Волконскій вполнѣ готовъ помогать имъ. Мы не имѣемъ никакого основанія отвергать свидѣтельства Дашковой о собственной дѣятельности, ибо изъ нихъ выходитъ одно,—что она хотѣла перемѣны въ пользу Екатерины и, при удобномъ случаѣ, толковала о своемъ желаніи съ нѣкоторыми людьми; но этимъ все и ограничивалось. Ея свидѣтельства очень важны, ибо ей очень хочется преувеличить свою роль, выставить себя главою заговора, но изъ собственныхъ ея словъ выходитъ, что роль ея была очень не велика.

Иностранные описыватели іюньскихъ событій 1762 года преувеличили участіе въ нихъ Дашковой, точно такъ же, какъ преувеличили значеніе Одара, котораго дѣятельность тѣсно связали съ дѣятельностью Дашковой, не умѣя однако показать, въ чемъ собственно состояло участіе иностранца, не знавшаго по-русски. Одаръ былъ родомъ Пьемонтецъ; канцлеръ Воронцовъ опредѣлилъ его въ Коммерцъ-Коллегію; но здѣсь было ему служить неудобно по незнанію Русскаго языка, и Дашкова предложила императрицѣ взять его къ себѣ въ секретари, — и у иностранныхъ писателей онъ является въ этомъ значеніи. Но Дашкова говоритъ,

[1]) Mémoires de la pr. Daschkoff, стр. 102.

что Екатерина не взяла Одара въ секретари, во-первыхъ, потому, что иностранная переписка ея была очень ограничена, а главное потому, что, стараясь пріобрѣсть расположеніе Русскихъ, не хотѣла имѣть при себѣ секретаремъ иностранца, и Одаръ былъ сдѣланъ управителемъ одного небольшого имѣнія, принадлежавшаго собственно императрицѣ. Дашкова утверждаетъ, что Одаръ никогда не былъ ея повѣреннымъ, что она рѣдко его видала, и вовсе не видала три послѣднія недѣли передъ переворотомъ. Мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить словамъ Дашковой; но хотя сочиненія иностранцевъ о Россіи и русскихъ событіяхъ обыкновенно преисполнены ошибками, преувеличеніями и смѣшеніями всякаго рода, однако нѣтъ права предполагать, что участія Одара въ іюньскихъ событіяхъ не было никакого, что оно выдумано имъ самимъ, и съ его хвастливыхъ словъ повторено иностранцами: по всѣмъ вѣроятностямъ, ловкій Одаръ былъ употребляемъ для сношеній Екатерины съ преданными ей лицами, точно такъ, какъ въ 1758 году для подобнаго же дѣла служилъ Екатеринѣ Итальянецъ, брильянтщикъ Бернарди [1]); но Дашковой было не извѣстно, что императрица сносится, мимо ея, съ своими приверженцами.

Дашковой были не извѣстны непосредственныя сношенія Екатерины съ человѣкомъ, который больше всѣхъ хлопоталъ въ ея пользу въ войскѣ,—съ Григор. Григор. Орловымъ. Артиллерійскій офицеръ, Григорій Орловъ былъ воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и рѣзко выдавался изъ толпы товарищей красотою, силою, молодцоватостью, общительностью; сильная молодая природа (Орлову было въ описываемое время 27 лѣтъ) требовала сильной дѣятельности, и Орловъ всюду искалъ ей удовлетворенія,—и въ устройствѣ веселостей для товарищей, и въ масонской ложѣ [2]), и, наконецъ, въ возбужденіи возстанія въ защиту обожаемой императрицы, которой грозила бѣда, бывшая бѣдою и цѣлой Россіи. Кромѣ Орлова съ братьями, по свидѣтельству самой Екатерины, въ Конной гвардіи двадцатидвухлѣтній офицеръ Хитрово и семнадцатилѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ „направляли все благоразумно, смѣло и дѣятельно“ [3]).

Къ концу іюня, по словамъ Екатерины, между соумышленниками въ гвардіи считалось до сорока офицеровъ и около 10,000 рядовыхъ. Въ этомъ числѣ не оказалось ни одного измѣнника; соумышленники раздѣлялись на четыре группы, и вожди группъ собирались для рѣшеній; настоящимъ же секретомъ владѣли трое братьевъ Орловыхъ. Исполненіе замысла отлагалось до отъѣзда Петра къ заграничной арміи; но было рѣшено, въ случаѣ открытія умысла, собрать гвардію и провозгласить Екатерину царствующею императрицею.

Какъ въ 1741 году сверженіе Брауншвейгской фамиліи было ускорено приказомъ гвардіи выступить противъ Шведовъ въ Финляндію: такъ и теперь провозглашеніе Екатерины было ускорено нежеланіемъ гвардіи выступать въ походъ противъ Датчанъ. Солдаты волновались, и соумышленники, торопя дѣло, стали разглашать, что жизнь императрицы въ опасности. Императоръ уѣхалъ въ Ораніенбаумъ съ своею любимою компаніею; императрица жила въ Петергофѣ, куда къ 29 іюня, къ своимъ именинамъ, долженъ былъ пріѣхать и Петръ. 27 іюня волненіе въ гвардіи усилилось; рѣчи, что императрица въ опасности, раздавались громче; солдаты кричали, чтобъ ихъ вели въ Ораніенбаумъ противъ Голштинцевъ. Къ капитану Пассеку, главному въ одномъ изъ четырехъ отдѣловъ, входитъ солдатъ и объявляетъ, что императрица навѣрное погибла. Пассекъ отвѣчаетъ, что все это вздоръ; но солдатъ не успокаивается и прямо отъ него идетъ къ другому офицеру съ тѣми же рѣчами. Этотъ офицеръ не принадлежалъ къ числу соумышленниковъ; услыхавъ страшныя слова и узнавъ отъ солдата, что онъ былъ у Пассека, и тотъ отпустилъ его, офицеръ арестуетъ солдата и идетъ къ маіору Воейкову донести ему обо всемъ. Воейковъ арестуетъ Пассека и посылаетъ донесеніе императору въ Ораніенбаумъ. Вѣсть объ арестѣ Пассека привела въ движеніе весь Преображенскій полкъ, взволновала соумышленниковъ и въ другихъ полкахъ. Рѣшено было отправить Алексѣя Орлова въ Петергофъ къ императрицѣ и привезти ее въ Петербургъ, а Григорій Орловъ съ другимъ братомъ должны были приготовить все къ ея пріему. Гетманъ Разумовскій, князь Волконскій и Панинъ знали объ этомъ рѣшеніи, замѣчаетъ Екатерина.

Она ни упоминаетъ ни слова объ участи княгини Дашковой; напротивъ, она говоритъ о ней слѣдующее: „Княгиня Дашкова, младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хочетъ присвоить себѣ честь этой революціи; но, не говоря уже о ея родствѣ, девятнадцатилѣтній возрастъ не позволялъ никому имѣть къ ней довѣрія. Она говорила, что все доходило до меня чрезъ нее: но въ продолженіи шести мѣсяцевъ я сносилась со всѣми главами предпріятія, прежде чѣмъ она узнала первое слово. Правда, что она очень умна; но умъ ея испорченъ чудовищнымъ тщеславіемъ и сварливымъ характеромъ; главы предпріятія ее ненавидятъ, но она была въ дружбѣ съ пустыми людьми, которые и разсказывали ей, что знали, т.-е. мелочи“.

Это свидѣтельство, въ сущности, справедливо и подтверждается, какъ мы видѣли, разсказомъ самой Дашковой. Но, для полноты, слѣдовало бы прибавить, что Дашкова во всемъ этомъ дѣлѣ показала необыкновенное усердіе и самопожертвованіе,

---

[1]) Исторія Россіи XXIV, гл. III.

[2]) По свидѣтельству Болотова.

[3]) Письмо къ Понятовскому, въ Государ. Архивѣ.—Изъ Орловыхъ Екатерина указываетъ троихъ, не называя по именамъ; всѣхъ Орловыхъ было пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ.

за что Екатерина сочла своею обязанностью ее отличить и наградить. Екатерина умолчала объ этомъ, позабывъ о противорѣчіи, какое произойдетъ между ея словами и дѣлами. Знаменитая императрица иногда позволяла себѣ такія умолчанія подъ вліяніемъ раздраженія и предубѣжденія противъ непріятныхъ ей людей. Минута, въ которую она высказала приведенное свидѣтельство о Дашковой, не принадлежала къ числу покойныхъ минутъ въ жизни Екатерины: она была очень раздражена претензіями Дашковой и столкновеніями ея въ этихъ претензіяхъ съ людьми, принять сторону которыхъ Екатерина имѣла сильныя побужденія. Но выслушаемъ разсказъ Дашковой о событіяхъ 27 іюня.

У нея сидѣлъ Панинъ въ то время, когда пріѣхалъ къ ней Григорій Орловъ съ извѣстіемъ объ арестѣ Пассека. Дашкова встревожилась; но Панинъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ началъ разсуждать, что Пассекъ посаженъ за какой-нибудь безпорядокъ по службѣ. Дашкова просила Орлова поѣхать и освѣдомиться точнѣе о причинѣ ареста, и если онъ арестованъ за государственное преступленіе, то чтобъ возвратился къ ней съ подробнымъ извѣстіемъ, а брата своего послалъ бы съ тѣмъ же къ Панину. Послѣ отъѣзда Орлова, Дашкова выпроводила и Панина, подъ предлогомъ, что хочетъ успокоиться, а сама, накинувъ мужской плащъ, отправилась пѣшкомъ къ дому Рославлева. Отошедши немного отъ своего дома, она замѣтила всадника, быстро мчащагося по направленію къ ея дому; какъ-будто кто-то шепнулъ ей, что это долженъ быть Алексѣй Орловъ, ибо она не знала никого изъ братьевъ, кромѣ Григорья. Она громко выкрикнула эту фамилію,—всадникъ остановился, подъѣхалъ къ ней, и когда Дашкова назвала себя, сказалъ: „Я ѣхалъ васъ увѣдомить, что Пассекъ арестованъ за государственное преступленіе; четверо часовыхъ стоятъ у дверей, подвое у оконъ. Братъ мой отправился сообщить объ этомъ Панину, а я сію минуту былъ за этимъ же у Рославлева. Тогда Дашкова стала ему говорить, чтобы онъ велѣлъ Рославлеву и Ласунскому ѣхать немедленно въ свой Измайловскій полкъ, для принятія императрицы, когда она въѣдетъ въ Петербургъ, а самъ или кто-нибудь изъ его братьевъ мчался бы въ Петергофъ и упросилъ Екатерину отъ имени ея, Дашковой, сѣсть тотчасъ же въ карету и ѣхать въ Петербургъ, гдѣ Измайловскій полкъ уже готовъ принять ее и провозгласить государынею. Дашкова прибавляетъ, что карета, въ которой Екатерина должна была пріѣхать изъ Петергофа, была выслана съ четверкою лошадей, по ея же, Дашковой, письму, камеръ-лакеемъ императрицы Шкуринымъ. Дашкова распорядилась отправленіемъ кареты, предвидя затрудненія, какія могла встрѣтить Екатерина насчетъ экипажа въ Петергофѣ отъ людей, вовсе нерасположенныхъ помогать ей, и Панинъ смѣялся надъ этою предосторожностью, какъ лишнею.

Переговоривъ съ Алексѣемъ Орловымъ на дорогѣ, Дашкова возвратилась домой и въ страшномъ волненіи легла въ постель, чтобъ не возбуждать подозрѣнія въ прислугѣ. Вдругъ сильный ударъ въ дверь съ улицы заставилъ ее затрепетать. Она вскочила съ постели и велѣла впустить, кто бы ни стучался. Вошелъ неизвѣстный молодой человѣкъ и объявилъ, что онъ Ѳедоръ Орловъ. „Я пришелъ", сказалъ онъ: „спросить, не слишкомъ-ли рано ѣхать брату къ императрицѣ, полезно ли безпокоить преждевременнымъ призывомъ въ Петербургъ?" При этихъ словахъ Дашкова вышла изъ себя: „Вы потеряли самое дорогое время", закричала она; „что тутъ думать о безпокойствѣ императрицы! Лучше привезти ее въ обморокѣ въ Петербургъ, чѣмъ подвергать заточенію въ монастырь или возведенію на эшафотъ вмѣстѣ со всѣми нами". Молодой Орловъ ушелъ, увѣряя Дашкову, что братъ его немедленно поѣдетъ въ Петергофъ.

Можно сказать, что, принимая все это невыдуманнымъ, отчего не допустить догадку, что вожди предпріятія, не любя Дашковой и не довѣряя сестрѣ фаворитки, внутренно смѣялись надъ распоряженіями Дашковой, когда уже они давно были рѣшены между ними и Екатериною; что Григорій Орловъ пришелъ къ ней потому, что искалъ Панина; что встрѣча съ Алексѣемъ Орловымъ, возвращавшимся отъ Рославлева, была случайная; что, наконецъ, младшій Орловъ пришелъ ночью къ Дашковой за тѣмъ только, чтобъ узнать, что дѣлаетъ и думаетъ другая Романовна,—не затѣяла ли чего-нибудь въ пользу близкихъ родственниковъ, а если вѣрна императрицѣ, то не замыслила ли, незванная, непрошенная, вмѣшаться въ дѣло. Но оставимъ догадки и обратимъ вниманіе на свидѣтельства неоспоримыя: въ спискѣ наградъ за участіе въ событіи 28 іюня назначено: „гетману, князю Волконскому, Панину – по 5,000 пенсіона", и, непосредственно за ними, „Дашковой—12,000". Кромѣ того, отъ 5 августа сохранилась записка Екатерины: „Выдать княгинѣ Екатеринѣ Дашковой за ея ко мнѣ и къ отечеству отмѣнныя заслуги—24,000 рублей"[1]).

Екатерина занимала въ Петергофѣ павильонъ Монплезиръ. Въ шесть часовъ утра, 28 іюня, она была разбужена Алексѣемъ Орловымъ, который вошелъ въ ея комнату и сказалъ совершенно спокойнымъ голосомъ: „Пора вставать; все готово для вашего провозглашенія". — „Какъ? что?" спросила Екатерина.—„Пассекъ арестованъ", отвѣчалъ Орловъ. Екатерина болѣе не спрашивала, поспѣшно одѣлась кое-какъ и сѣла въ карету, въ которой пріѣхалъ Орловъ. Орловъ сидѣлъ на козлахъ, у дверецъ ѣхалъ верхомъ другой офицеръ, Вас. Ил. Бибиковъ. За пять верстъ отъ Петербурга они встрѣтили Григорія Орлова и младшаго князя Барятинскаго, который уступилъ свой

---

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 110, 132.

экипажъ императрицѣ, потому что ея лошади выбились изъ силъ. Она подъѣхала прямо къ казармамъ Измайловскаго полка. Здѣсь начинаютъ бить тревогу; солдаты выбѣгаютъ, кидаются къ императрицѣ, цѣлуютъ ея руки, ноги, платье, называютъ ее своею избавительницею. Двое солдатъ ведутъ подъ руки священника съ крестомъ—и начинается присяга. Потомъ просятъ императрицу сѣсть опять въ карету; священникъ съ крестомъ идетъ впереди; отправляются въ Семеновскій полкъ. Семеновцы выходятъ на встрѣчу съ крикомъ „ура"! Въ сопровожденіи Измайловцевъ и Семеновцевъ Екатерина поѣхала въ Казанскій соборъ, гдѣ была встрѣчена архіепископомъ Димитріемъ; начался молебенъ; на эктеніяхъ возглашали самодержавную императрицу Екатерину Алексѣевну и наслѣдника великаго князя Павла Петровича. Изъ Казанскаго собора Екатерина отправилась въ новоотстроенный Зимній дворецъ.

Между тѣмъ, въ Преображенскомъ полку, въ третьей ротѣ, часу въ восьмомъ, увидали скачущаго изъ Конной гвардіи рейтара, который кричалъ, чтобъ шли къ матушкѣ въ Зимній каменный дворецъ (новый). Въ Измайловскомъ полку былъ слышенъ барабанный бой, тревога, и въ городѣ повсюду движеніе. Солдаты выбѣжали на плацъ; прибѣжали и офицеры запыхавшись; изъ нихъ нѣкоторые были совершенно равнодушны, какъ будто знали о причинѣ тревоги. Такъ какъ всѣ офицеры молчали, то солдаты, безъ всякаго отъ нихъ приказанія, заряжая ружья, помчались къ полковому двору. На дорогѣ встрѣтился штабсъ-капитанъ Ниловъ, останавливалъ, но его не послушались и вошли на полковой дворъ. Тутъ нашли маіора Текутьева: ходилъ онъ въ задумчивости взадъ и впередъ и не говорилъ ни слова; его спрашивали, куда прикажетъ идти, но онъ ничего не отвѣчалъ; рота на нѣсколько минутъ пріостановилась; но увидала, что по Литейной идетъ гренадерская рота; маіоръ Воейковъ хотѣлъ ее остановить, подъѣхалъ верхомъ съ обнаженною шпагою и бранился; гренадеры не слушались; Воейковъ сталъ шпагою рубить ихъ по ружьямъ и шапкамъ: тогда они крикнули и бросились на него съ устремленными штыками; Воейковъ бросился скакать отъ нихъ во всю прыть, и боясь, чтобъ не захватили его на Семеновскомъ мосту, повернулъ направо и въѣхалъ въ Фонтанку по грудь лошади: тутъ только гренадеры отстали отъ него. Видя это, третья рота двинулась, а остальныя роты Преображенскаго полка бѣжали по другимъ мостамъ, одна за другой, къ Зимнему дворцу. Здѣсь поставили ихъ внутри дворца; а Семеновскій и Измайловскій полкъ, пришедшіе прежде, окружили дворецъ и всѣ выходы заставили своими караулами. Вышелъ архіерей съ крестомъ и привелъ Преображенцевъ къ присягѣ [1]). По словамъ Екатерины, Преображенцы кричали ей: „Просимъ прощенья въ томъ, что пришли послѣдніе; наши офицеры насъ задержали; но вотъ мы привели изъ нихъ четырехъ, чтобъ показать наше усердіе; мы того же хотимъ, чего и наши братья хотятъ". Конная гвардія обнаруживала необыкновенную радость. Императрица вспомнила, какую страшную ненависть питала эта гвардія къ своему начальнику, принцу Георгію, и потому отправила къ нему отрядъ пѣшей гвардіи съ просьбою, чтобъ принцъ, для избѣжанія бѣды, не выходилъ изъ дому. Распоряженіе опоздало: толпа Конногвардейцевъ уже побывала у принца, прибила его, разграбила домъ.

Въ новомъ Зимнемъ дворцѣ Екатерина нашла въ собраніи Сенатъ и Синодъ. Тепловъ наскоро составилъ манифестъ и форму присяги. Въ манифестѣ говорилось: „Всѣмъ прямымъ сынамъ отечества Россійскаго явно оказалось, какая опасность всему Россійскому государству начиналась самымъ дѣломъ, а именно: законъ нашъ Православный Греческій первѣе всего восчувствовалъ свое потрясеніе и истребленіе своихъ преданій церковныхъ, такъ что Церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась послѣдней своей опасности перемѣною древняго въ Россіи Православія и принятіемъ иновѣрнаго закона. Второе, слава Россійская, возведенная на высокую степень своимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, чрезъ многое свое кровопролитіе, заключеніемъ новаго мира съ самымъ ея злодѣемъ отдана уже дѣйствительно въ совершенное порабощеніе, а между тѣмъ внутренніе порядки, составляющіе цѣлость всего нашего отечества, совсѣмъ испровержены. Того ради, убѣждены будучи всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ таковою опасностію, принуждены были, принявъ Бога и Его правосудіе себѣ въ помощь, а особливо

[1]) Сочиненія Державина, по изданію Грота, VI, 429 и слѣд.—Кромѣ разсказа Державина, до насъ дошли нѣкоторыя извѣстія о событіяхъ въ Преображ. полку, въ автобіографической запискѣ графа Семена Романовича Воронцова, служившаго въ первой гренадерской ротѣ. Узнавши, что въ Измайловскомъ и Семеновскомъ полкахъ провозглашена Екатерина, графъ Семенъ поскакалъ въ свой полкъ, который нашелъ выстроеннымъ и готовымъ выступить. На выходки Воронцова противъ переворота, офицеры—Бредихинъ, Баскаковъ, кн. Ѳ. Барятинскій—ничего не отвѣчали, только переглядывались другъ съ другомъ. Полное сочувствіе нашелъ онъ въ капитанѣ Петрѣ Ив. Измайловѣ, вмѣстѣ съ которымъ они стали уговаривать гренадеръ сохранить вѣрность Петру III. То же дѣлалъ и второй маіоръ полка, Петръ Петров. Воейковъ. Гренадеры отвѣчали на увѣщанія: «Мы умремъ за него». Воейковъ повелъ ихъ къ Казанскому собору. Но на дорогѣ присоединился къ нимъ князь Меншиковъ и сзади колонны крикнулъ: «Vivat императрица Екатерина Алексѣевна, наша самодержица!»—и вдругъ вся колонна повторила этотъ крикъ. Старанія Воейковыхъ и Воронцова удержать ее были тщетны. Воейковъ (который?) бросилъ шпагу, крича изо всѣхъ силъ: «Ступайте къ чорту, канальи, е. м., измѣнники! Я съ вами не буду!» поворотилъ лошадь и поскакалъ къ себѣ домой. Воронцовъ бросился къ рѣкѣ, чтобъ нанять первую лодку и плыть въ Ораніенбаумъ, но былъ схваченъ. (Архивъ кн. Воронцова, кн. VIII, и слѣд.). Извѣстія Воронцова и Державина не противорѣчатъ другъ другу: Преображенцы, въ числѣ которыхъ находился Державинъ, встрѣтили гренадерскую роту на Литейной, послѣ того какъ та стала повторять крикъ Меншикова и когда Воейковъ, послѣ тщетныхъ попытокъ остановить ее, принужденъ былъ бѣжать.

видѣвъ къ тому желаніе всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ явное и нелицемѣрное, вступили на престолъ нашъ Всероссійскій и самодержавный, въ чемъ и всѣ наши вѣрноподданные присягу намъ торжественную учинили" [1]).

Манифестъ, дѣйствительно, былъ составленъ наспѣхъ (à la hâte). Дѣла было очень много. Императрица вышла изъ новаго Зимняго дворца и пѣшкомъ обошла войска, около него расположенныя: здѣсь было болѣе четырнадцати тысячъ какъ гвардіи, такъ и арміи. Потрясающіе крики войска и народа привѣтствовали государыню. Насчетъ этого войска и петербургскихъ жителей можно было успокоиться; но надобно было распорядиться относительно флота, приморскихъ мѣстъ и заграничной арміи. Для этихъ распоряженій императрица удалилась въ старый Зимній дворецъ, вмѣстѣ съ сенаторами и Тепловымъ, который исполнялъ должность секретаря въ этомъ чрезвычайномъ совѣтѣ. Въ Кронштадтъ отправленъ былъ съ полномочіемъ адмиралъ Талызинъ. Вице-адмиралу Полянскому посланъ былъ рескриптъ—объявить флотскимъ и адмиралтейскимъ воинскимъ людямъ о восшествіи на престолъ Екатерины, привести ихъ къ присягѣ и до дальнѣйшаго указа никакихъ военныхъ дѣйствій не производить. Въ заграничную армію посланъ былъ указъ генералъ-поручику Петру Ив. Панину, находившемуся въ Кенигсбергѣ, смѣнить Румянцева въ начальствѣ надъ померанскимъ корпусомъ, потому что Румянцева подозрѣвали въ приверженности къ Петру III; въ рескриптѣ Панину говорилось: „Мы вступили сего числа благополучно на самодержавный престолъ Всероссійскій, причемъ мы, вѣдая вашу ревность и усердіе къ намъ, жалуемъ васъ полнымъ генераломъ и повелѣваемъ вамъ принять корпусъ, состоящій подъ командою генерала Румянцева, въ свою полную команду, съ которымъ, получа сіе, немедленно въ Россію возвратиться имѣете. А понеже мы намѣреніе имѣемъ заключенный вновь вѣчный миръ съ его величествомъ королемъ Прусскимъ содержать, того ради вы всѣ осторожности принять имѣете, дабы его величества землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію, а генералу Румянцеву особливый указъ нашъ посланъ о сдачѣ вамъ команды и возвращеніи его къ намъ въ Россію". Еще имѣя причины думать, что войска могутъ понадобиться въ Россіи, желая сохранять поэтому миръ съ королемъ Прусскимъ, Екатерина не могла желать вести вмѣстѣ съ нимъ войну противъ Австріи, и потому отправленъ былъ указъ Чернышеву: „Намѣреніе наше было и нынѣ есть—всѣ средства употребить къ полученію общаго въ Европѣ мира; но тишина и благосостояніе нашего престола требуютъ того неотмѣнно, чтобъ вы немедленно возвратились со всѣмъ вашимъ корпусомъ въ Россію. Ежели же король Прусскій въ томъ препятствовать начнетъ, то вы имѣете со всѣмъ вашимъ корпусомъ соединиться съ арміею и ближайшимъ корпусомъ императрицы-цесаревы Римской; что же касается до заключеннаго въ послѣднее время мира съ его величествомъ королемъ Прусскимъ, то мы нашего императорскаго величества именемъ повелѣваемъ его величеству объявить торжественно, что мы оный миръ продолжать будемъ свято и ненарушимо, доколѣ его величество къ разрыву онаго, а особливо при нынѣшнемъ случаѣ, явныхъ къ тому видовъ не подастъ". Наконецъ, къ Рижскому генералъ-губернатору Броуну былъ посланъ рескриптъ: „Понеже, по желанію всѣхъ сыновъ отечества, мы вступили благополучно на престолъ Всероссійскій, того ради, вамъ чрезъ сіе всемилостивѣйше объявляя и уповая на ваше къ намъ усердіе, повелѣваемъ всѣ мѣры къ тому принять, чтобъ сіе народное желаніе, съ Божіимъ благословеніемъ начатое, споспѣшествовано было добрымъ вашимъ учрежденіемъ, и, въ противномъ случаѣ, всѣ силы и мѣры употреблять имѣете къ отвращенію какого-либо злого сопротивленія, невзирая ни на чье достоинство и ни отъ кого, кромѣ-что за нашимъ подписаніемъ, никакихъ повелѣній не принимать" [2]).

Но одними распоряженіями на бумагѣ ограничиться было нельзя; успѣхъ этихъ распоряженій главнымъ образомъ зависѣлъ отъ рѣшеній Петра III: онъ имѣлъ средство во имя своихъ правъ поднять внутреннюю борьбу, могъ поспѣшно удалиться къ заграничной арміи и найти поддержку у Фридриха II, который, „особливо при нынѣшнемъ случаѣ, могъ подать явные виды къ разрыву мира", какъ говорилось въ указѣ Чернышеву. Поэтому рѣшено было предупредить Петра III, и Екатерина, въ челѣ преданнаго ей войска, хотѣла сама выступить къ Петергофу. Сенатъ получилъ собственноручный указъ: „Господа сенаторы! Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ, оставляя вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію, подъ стражу—отечество, народъ и сына моего. Графамъ Скавронскому, Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову присутствовать съ войсками, и имъ, такъ какъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву, жить во дворцѣ при моемъ сынѣ" [3]).

Около 10 часовъ вечера, Екатерина верхомъ, въ гвардейскомъ мундирѣ Преображенскаго полка, въ шляпѣ, украшенной дубовыми вѣтвями, изъ-подъ которой распущены были длинные красивые волосы, выступила съ войскомъ изъ Петербурга; подлѣ императрицы ѣхала княгиня Дашкова, также верхомъ и въ преображенскомъ мундирѣ; но это были старинные мундиры, введенные при Петрѣ Великомъ, и потому слывшіе уже національными; ибо, какъ только Екатерина была провозглашена, гвардейцы, какъ будто по указу, сбросили съ себя новые мундиры, введенные Петромъ III, которые

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,582.

[2]) Сборникъ Русск Истор. Общ. VII, 101 и слѣд.

[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 101 и слѣд.

они называли иностранными, разодрали ихъ или продали за безцѣнокъ и надѣли старые [1]). При самомъ выступленіи изъ Петербурга, передъ императрицею явился великій канцлеръ Воронцовъ съ упреками за ея дѣйствія: вмѣсто отвѣта, говоритъ Екатерина, его повели въ церковь давать присягу. Иначе разсказываетъ Дашкова; по ея словамъ, Воронцовъ, видя, что его увѣщанія не дѣйствительны, удалился, отказываясь принести присягу: „Будьте увѣрены, ваше величество", сказалъ онъ, „что я никогда, ни словомъ, ни дѣломъ не буду вредить вашему правленію, и, для доказательства искренности моихъ словъ, прикажите одному изъ преданнѣйшихъ вашихъ офицеровъ наблюдать за моимъ домомъ; но никогда, при жизни императора, я не нарушу данной ему присяги". До насъ дошло письмо Воронцова Екатеринѣ отъ того же 28-го іюня: „Всемилостивѣйшая государыня! По неиспытаннымъ судьбамъ Всемогущаго, угодно было васъ на императорскій престолъ возвести; я за первую должность мою почелъ, припадая къ стопамъ вашего императорскаго („величества"—пропущено), всенижайше просить о милостивомъ увольненіи отъ настоящаго моего чина и пожаловать великодушно свободить меня отъ всѣхъ дѣлъ, дабы я могъ достальную жизнь мою въ тишинѣ и покоѣ препроводить и скончать. Не возмни, всемилостивѣйшая государыня, чтобъ я для какихъ-либо видовъ или охоты не имѣлъ жизнь мою въ службѣ вашего величества окончить, но единственно, призываю Всевышняго въ свидѣтельство, что я отнюдь не въ состояніи, за весьма изнуреннымъ моимъ здоровьемъ и ежедневно разными болѣзнями одержимъ будучи, не могу, какъ бы желалъ, должность мою исправлять. Равномѣрное мое прошеніе было вѣчно достойной памяти государынѣ императрицѣ еще въ прошломъ году и по вступленіи на престолъ его величества, токмо сея милости получить не удостоился, которую изъ щедрыхъ рукъ вашего императорскаго величества съ оказаніемъ сроднаго твоего милосердія ожидаю и повергаю себя къ стопамъ вашего величества; съ рабскимъ благоговѣніемъ пребываю вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ Г. Михаилъ Воронцовъ". Изъ этого письма никакъ нельзя догадаться, что писавшій его отказался принести присягу, притомъ послѣднее исключало надобность проситься въ отставку: не присягнувшій не могъ служить; но Воронцовъ остался на службѣ въ прежнемъ канцлерскомъ достоинствѣ. Пріѣхалъ изъ Петергофа князь Никита Трубецкой и графъ Александръ Шуваловъ: ихъ также повели къ присягѣ, причемъ Екатерина прибавляетъ, что они пріѣхали въ Петербургъ, чтобъ убить ее. Но Екатерина такъ хорошо знала этихъ людей, ихъ неспособность убивать, что могла сказать подобное только въ сильномъ раздраженіи.

Воронцовъ, Трубецкой и Александръ Шуваловъ пріѣхали въ Петербургъ за вѣстями, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, это былъ для нихъ только предлогъ, чтобъ ускользнуть изъ Петергофа отъ Петра. Мы видѣли, что императоръ жилъ въ Ораніенбаумѣ; съ нимъ были тамъ: канцлеръ Воронцовъ съ братомъ Романомъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ, графъ Александръ Шуваловъ, князь Никита Трубецкой, вице-канцлеръ князь Александръ Мих. Голицынъ, прусскій посланникъ Гольцъ, трое Нарышкиныхъ, Мельгуновъ, гофмаршалъ Измайловъ, генералъ-адъютанты—князь Ив. Өед. Голицынъ и Гудовичъ, тайный секретарь Волковъ, тайный кабинетскій совѣтникъ Олсуфьевъ, старый наставникъ Штелинъ и нѣсколько другихъ. Изъ дамъ были: графиня Елисавета Ром. Воронцова, графиня Анна Карловна Воронцова (жена канцлера) съ дочерью графинею Строгановою, графиня Разумовская (жена гетмана), княгиня Трубецкая (жена князя Никиты), графиня Шувалова (жена графа Александра), дочь принца Голштейнъ-Бекъ, графиня Брюсъ, Нарышкины и другія. 28-го іюня утромъ, въ то самое время, когда Екатерина провозглашалась самодержавною императрицею Всероссійскою въ Казанскомъ соборѣ, Петръ въ Ораніенбаумѣ дѣлалъ обычный парадъ голштинскимъ войскамъ, послѣ чего, въ 10 часовъ, отправился съ своею свитою въ шести экипажахъ въ Петергофъ. Гудовичъ поѣхалъ впередъ, и вдругъ возвращается встревоженный и тихонько разсказываетъ Петру, что императрицы съ ранняго утра нѣтъ въ Петергофѣ, и никто не знаетъ куда она дѣвалась. Императоръ выходитъ изъ себя при этой вѣсти, выскакиваетъ изъ экипажа и пѣшкомъ вмѣстѣ съ Гудовичемъ спѣшитъ черезъ садъ къ павильону Монплизиръ, входитъ туда—нѣтъ нигдѣ, лежитъ только ея бальное платье, приготовленное къ завтрашнему празднику. Когда Петръ, послѣ напрасныхъ розысковъ, выходилъ изъ Монплизира, подошло остальное общество. „Не говорилъ ли я вамъ, что она на все способна"! крикнулъ ему Петръ; съ его проклятіями смѣшался безсвязный говоръ и вопль женщинъ. Потомъ, въ отчаяніи, бросился онъ искать Екатерину по всему саду: во время этихъ поисковъ подошелъ къ нему крестьянинъ съ запискою отъ Брессона, котораго Петръ изъ камердинеровъ своихъ сдѣлалъ директоромъ гобелиновой мануфактуры; въ запискѣ заключалось извѣстіе о петербургскомъ переворотѣ. Тутъ-то Воронцовъ, Трубецкой и Шуваловъ отправляются въ Петербургъ за подробными извѣстіями. Въ три часа пріѣзжаетъ изъ Петербурга Голштинецъ-фейерверкеръ и разсказываетъ, что тамъ съ утра начались волненія въ Преображенскомъ полку. Такъ какъ, по слухамъ, вождемъ предпріятія былъ гетманъ Разумовскій, то послали за старшимъ Разумовскимъ, Алексѣемъ, который жилъ недалеко, въ имѣніи своемъ—Гостилицахъ; старикъ пріѣхалъ, но это нисколько не помогло дѣлу. Разумнѣе была другая мѣра: отправленіе адъютанта императорскаго, графа Девьера, въ Кронштадтъ для обезпеченія за Петромъ этого важнаго мѣста на всякій случай. Въ то время какъ въ Пе-

[1]) Дашкова, I, 110.—Прассе, у Германна, 29, VI.

тербургѣ, въ старомъ Зимнемъ дворцѣ, при Екатеринѣ Тепловъ писалъ рескрипты и указы, въ Петергофѣ Волковъ такъ же писалъ манифесты и указы. Три солдата, отправленные съ этими манифестами въ Петербургъ для распространенія ихъ въ народѣ, встрѣтили Екатерину по выѣздѣ ея изъ города и отдали ей всѣ бумаги, говоря, что очень рады быть заодно съ своею братіею. Петръ мѣнялъ свои намѣренія; сначала онъ хотѣлъ защищаться въ Петергофѣ и послалъ за голштинскимъ войскомъ въ Ораніенбаумъ. Въ 8 часовъ вечера пришло это войско; но потомъ взяли верхъ представленія Миниха: защищатся съ Голштинцами противъ большаго войска Екатерины найдено невозможнымъ, Голштинцы отправлены назадъ въ Ораніенбаумъ, и рѣшено плыть въ Кронштадтъ.

Въ 10 часовъ вечера Петръ со всѣми находившимися въ Петергофѣ лицами, мужчинами и женщинами, отправился въ Кронштадтъ на галерѣ и яхтѣ. Но въ Кронштадтѣ уже начальствовалъ Талызинъ именемъ императрицы Екатерины II-й, а Девьеръ, присланный Петромъ, сидѣлъ подъ арестомъ. Въ первомъ часу ночи галера и яхта приблизились къ Кронштадтскому рейду; но изъ крѣпости велѣно было имъ удалиться; на извѣщеніе, что пріѣхалъ самъ императоръ, отвѣчали, что въ Россіи нѣтъ больше императора, а императрица Екатерина II, и если суда сейчасъ же не уйдутъ, то начнется противъ нихъ пушечная стрѣльба. Гудовичъ, подговариваемый Минихомъ, представлялъ Петру, что не должно обращать вниманія на угрозы, стоитъ только ему втроемъ съ ними спрыгнуть на берегъ,—въ минуту крѣпость и флотъ признаютъ его власть. Но испуганный Петръ скрылся въ нижнюю часть корабля; между женщинами раздались рыданія и вопли, и суда поплыли назадъ. Тутъ Минихъ приступилъ съ новымъ планомъ: съ помощью гребцовъ доплыть до Ревеля, тамъ сѣсть на военный корабль и отправиться въ Померанію. „Вы примете начальство надъ войскомъ“, говорилъ Минихъ, „поведете его въ Россію, и я ручаюсь вашему величеству, что въ шесть недѣль Петербургъ и Россія опять будутъ у вашихъ ногъ“. Но другіе нашли этотъ планъ слишкомъ смѣлымъ и совѣтовали, возвратясь въ Ораніенбаумъ, войти въ переговоры съ императрицею: этотъ совѣтъ былъ принятъ.

Екатерина, отойдя десять верстъ отъ Петербурга, остановилась въ Красномъ Кабачкѣ, чтобъ дать нѣсколько часовъ отдохнуть войску, которое цѣлый день было на ногахъ. Екатерина вмѣстѣ съ княгинею Дашковою провела эти нѣсколько часовъ отдыха въ маленькой комнатѣ, гдѣ была одна грязная постель для обѣихъ. Нервы были слишкомъ возбуждены и сна не было. Безсонница однако не была тяжка: императрица и Дашкова были бодры, сердца ихъ были наполнены веселыми предчувствіями [1]).

Въ Красномъ Кабачкѣ настигъ войска Никита Ивановичъ Панинъ, и, въ третьемъ часу пополуночи, написалъ Сенату: „Имѣю честь чрезъ сіе увѣдомить Правительствующій Сенатъ, что ея императорское величество благополучно маршъ свой продолжаетъ, которую я со всѣми полками засталъ у Краснаго Кабачака на ростахѣ. Впрочемъ, ревность неописанную, нимало не умаляющуюся, къ намѣренію предпріятому во всѣхъ полкахъ вижу: о семъ и удостовѣряю“. На встрѣчу этому удостовѣренію шло донесеніе Сената, отправленное также въ 2 часа пополуночи: „Государь цесаревичъ въ желаемомъ здоровьи находится, и въ домѣ ея императорскаго величества, потому-жъ и въ городѣ, состоитъ благополучно, и повелѣнныя учрежденія исправны“. Повелѣнныя учрежденія состояли въ томъ, чтобъ не пропускать ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга ни людей, ни бумагъ. Такъ, секретарь Ямской канцеляріи представилъ Сенату записку, переданную ему старостою ямскихъ слободъ, а староста получилъ ее изъ Петергофа чрезъ почтаря; въ этой запискѣ, за рукою генералъ-поручика Овцына, заключался приказъ въ ямскія слободы: „Получа сей приказъ, выбравъ 50 лошадей самыхъ хорошихъ, прислать сюда въ Петергофъ съ выборнымъ и явиться на конюшнѣ; а ежели потребуетъ адъютантъ Костомаровъ пару лошадей, то дать ему безъ всякой отговорки“. Костомаровъ былъ арестованъ и па допросѣ отвѣчалъ: „Какъ его Мельгуновъ и Михайла Львовичъ Измайловъ посылали изъ Ораніенбаума, объявляя именной бывшаго императора указъ, въ Петербургъ, то приказывали ему, чтобъ онъ въ ихъ полкахъ сказалъ полковникамъ, дабы они съ полками своими слѣдовали въ Ораніенбаумъ“ [2]).

Въ пять часовъ утра Екатерина опять сѣла на лошадь и выступила изъ Краснаго Кабачка. Въ Сергіевской пустыни была другая небольшая остановка. Здѣсь встрѣтилъ императрицу вице-канцлеръ, князь Александръ Мих. Голицынъ, съ письмомъ отъ Петра: императоръ предлагалъ ей раздѣлить съ нимъ власть. Отвѣта не было. Затѣмъ пріѣхалъ генералъ-маіоръ Измайловъ и объявилъ, что императоръ намѣренъ отречься отъ престола. „Послѣ отреченія вполнѣ свободнаго я вамъ его привезу и такимъ образомъ спасу отечество отъ междоусобной войны“, говорилъ Измайловъ. Императрица поручила ему устроить это дѣло. Дѣло было устроено, Петръ подписалъ отреченіе, составленное Тепловымъ въ такой формѣ: „Въ краткое время правительства моего самодержавнаго Россійскимъ государствомъ самымъ дѣломъ узналъ я тягость и бремя, силамъ моимъ несогласное, чтобъ мнѣ не токмо самодержавно, но и какимъ бы то ни было образомъ правительство владѣть Россій-

---

[1]) Сочин. Державина VI, 864.—Castéra I, 375.—Дашкова, I, 113.—Письмо Воронцова къ Екатеринѣ въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

[2]) Бумаги о восшествіи на престолъ Екатерины II въ Сенат. Архивѣ, въ Петербургѣ.

скимъ государствомъ, почему и возчувствовалъ я внутреннюю онаго перемѣну, наклоняющуюся къ паденію его цѣлости и къ пріобрѣтенію себѣ вѣчнаго чрезъ то безславія: того ради, помысливъ я самъ въ себѣ безпристрастно и непринужденно, чрезъ сіе объявляю не только всему Россійскому государству, но и цѣлому свѣту торжественно, что я отъ правительства Россійскимъ государствомъ на весь вѣкъ мой отрицаюся, не желая ни самодержавнымъ, ниже инымъ какимъ-либо образомъ правительства на всю жизнь мою въ Россійскомъ государствѣ владѣть, ниже онаго когда-либо или чрезъ какую-либо помощь себѣ искать, въ чемъ клятву мою чистосердечную предъ Богомъ и всецѣлымъ свѣтомъ приношу нелицемѣрно. Все сіе отрицаніе написалъ и подписалъ моею собственною рукою".

Въ пять часовъ утра 29 іюня, гусарскій отрядъ, подъ начальствомъ поручика Алексѣя Орлова, занялъ Петергофъ; потомъ стали приходить полки одинъ за другимъ, располагаясь вокругъ дворца. Въ 11 часовъ пріѣзжаетъ императрица верхомъ въ гвардейскомъ мундирѣ, въ сопровожденіи одѣтой такимъ же образомъ княгини Дашковой; раздаются пушечная пальба и восторженные крики войска; въ первомъ часу Григорій Орловъ и Измайловъ привозятъ отрекшагося императора, вмѣстѣ съ Гудовичемъ, и помѣщаютъ въ дворцовомъ флигелѣ, а около вечера Петра отвозятъ въ Ропшу, загородный дворецъ, въ 27 верстахъ отъ Петергофа. Въ 9 часовъ вечера императрица отправилась изъ Петергофа и на другой день, 30 числа, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Фридрихъ II, разговаривая впослѣдствіи съ графомъ Сегюромъ, который ѣхалъ посланникомъ отъ Французскаго Двора въ Петербургъ, сдѣлалъ такой отзывъ о событіяхъ 28 — 29 іюня: „По справедливости, императрицѣ Екатеринѣ нельзя приписать ни чести, ни преступленія этой революціи: она была молода, слаба, одинока, она была иностранка, наканунѣ развода, заточенія. Орловы сдѣлали все: княгиня Дашкова была только хвастливою мухою въ повозкѣ. Екатерина не могла еще ничѣмъ управлять; она бросилась въ объятія тѣхъ, которые хотѣли ее спасти. Ихъ заговоръ былъ безразсуденъ и плохо составленъ; отсутствіе мужества въ Петрѣ III-мъ, несмотря на совѣты храбраго Миниха, погубило его: онъ позволилъ свергнуть себя съ престола, какъ ребенокъ, котораго отсылаютъ спать"[3]).

Несмотря на видимую мѣткость послѣдняго выраженія, мы не можемъ признать справедливости этого приговора. Фридрихъ не объяснилъ, какихъ бы условій онъ требовалъ отъ заговора, хорошо составленнаго. Мы видимъ одно, что, при всеобщемъ возбужденіи, людямъ энергическимъ было нетрудно достигнуть своей цѣли. Движеніе произошло въ гвардіи, но оказалось немедленно, что Екатерина точно такъ же опиралась на Сенатъ и Синодъ. Средства Петра III были истощены, когда сломлено было сопротивленіе ничтожнаго числа офицеровъ, хотѣвшихъ удержать полки. Мы не будемъ утверждать, что Петръ III отличался смѣлостью; но если бы онъ принялъ совѣтъ Миниха, то есть ли основаніе утверждать, что въ Ревелѣ и въ заграничной арміи онъ не испыталъ бы такого же пріема, какъ и въ Кронштадтѣ?

Какъ бы то ни было, ликованіе по поводу восшествія на престолъ Екатерины усиливалось и тѣмъ, что перемѣна произошла безъ пролитія капли крови; пострадали только винные торговцы. „День (30 іюня) былъ самый красный, жаркій", разсказываетъ Державинъ. „Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и боченки, что у кого случилось. Въ полночь на другой день, съ-пьянства, Измайловскій полкъ, обуявъ отъ гордости и мечтательнаго своего превозношенія, что императрица въ него пріѣхала и прежде другихъ имъ препровождаема была въ Зимній дворецъ, собравшись безъ свѣдѣнія командующихъ, приступивъ къ Лѣтнему дворцу, требовалъ, чтобъ императрица къ нему вышла и увѣрила его персонально, что она здорова; ибо солдаты говорили, что дошелъ до нихъ слухъ, что она увезена хитростями Прусскимъ королемъ, котораго имя всему Россійскому народу было ненавистно. Ихъ увѣряли дежурные придворные, Ив. Ив. Шуваловъ и подполковникъ ихъ, графъ Разумовскій, также и господа Орловы, что государыня почиваетъ и, слава Богу, въ вожделѣнномъ здравіи; но они не вѣрили и непремѣнно желали, чтобъ она имъ показалась. Государыня принуждена встать, одѣться въ гвардейскій мундиръ и проводить ихъ до ихъ полка. Поутру (на другой день) изданъ былъ манифестъ, въ которомъ хотя, съ одной стороны, похвалено было ихъ усердіе, но, съ другой, напоминалась воинская дисциплина, и чтобъ не вѣрили они разсѣваемымъ злонамѣренныхъ людей мятежничьимъ слухамъ, которыми хотятъ возмутить ихъ и общее спокойствіе: въ противномъ случаѣ впредь за непослушаніе они своимъ начальникамъ и всякую подобную дерзость наказаны будутъ по законамъ. За всѣмъ тѣмъ, съ того самаго дня пріумножены пикеты, которые во многомъ числѣ съ заряженными пушками и съ зажженными фитилями по всѣмъ мѣстамъ, площадямъ и перекресткамъ разставлены были. Въ таковомъ военномъ положеніи находился Петербургъ, а особливо вокругъ дворца, въ которомъ государыня пребываніе свое имѣла дней съ 8".

11 августа 1764 года Сенатъ слушалъ челобитную купца Дьяконова—о возращеніи ему за растащенныя у него, при благополучномъ ея и. в-ства на императорскій престолъ восшествіи, въ собственномъ его домѣ изъ погреба виноградные на-

[3]) Mémoires de Ségur. ed. Barrière, I, 292.

питки солдатствомъ и другими людьми по цѣнѣ на 4,044 рубля. Приказали: оную челобитную, по примѣру челобитной купца Медера о такомъ же растащеніи виноградныхъ напитковъ, отослать въ Камеръ-Контору для разсмотрѣнія. Въ концѣ года, Камеръ-Коллегія представила о поднесеніи ея императорскому величеству вновь доклада о растащенныхъ, при благополучномъ восшествіи ея императорскаго величества на престолъ, солдатствомъ и другими людьми съ кабаковъ напиткахъ. Приказали: какъ уже о томъ былъ докладъ 763 года іюля 9, то вновь другого не подавать, а ожидать конфирмаціи на прежній. Но въ іюнѣ 1765 года Сенатъ рѣшилъ подать докладъ о растащенныхъ 28 іюня 1762 года изъ погребовъ виноградныхъ винахъ на 24,331 рубль, сказать, что цѣны обозначены вѣрно, и что Сенатъ признаетъ справедливымъ удовлетворить за растащенное изъ кабаковъ простое вино зачетомъ откупщикамъ въ откупную сумму, а продавцамъ виноградного вина—въ пошлинный сборъ [1]).

Глава II.

Царствованіе Императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1762 годъ.

Награды участникамъ въ событіи 28 іюня.—Возвращеніе графа Бестужева-Рюмина и князя Шаховского.—Торжественное оправданіе Бестужева.—Ададуровъ и Елагинъ. — Судьба Гудовича, Волкова и Мельгунова. — Положеніе Ив. Ив. Шувалова.—Воронцовы.—Минихъ.—Екатерина въ Сенатѣ.—Кончина Петра III.—Мысль о монументѣ Екатеринѣ.—Финансовыя мѣры.—Мѣры: противъ взяточничества; противъ монополій.—Крестьянскія волненій.—Дѣло о церковныхъ имѣніяхъ.—Дѣло объ учрежденіи Императорскаго Совѣта. — Приготовленія къ коронаціи.—Переписка Теплова съ Панинымъ.—Пріѣздъ императрицы въ Москву.—Коронація.—Дѣло Гурьевыхъ и Хрущова.—Забота объ улучшеніи состоянія обѣихъ столицъ.—Отмѣна сыщиковъ.—Продолженіе крестьянскихъ волненій.—Коммисія о церковныхъ имѣніяхъ.—Вызовъ иностранныхъ колонистовъ.—Старапіе возвратить русскихъ бѣглецовъ.—Окончаніе дѣла объ Императорскомъ Совѣтѣ.—Общій характеръ внѣшней политики Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II.—Сношенія съ Пруссіею, Даніею, Швеціею, Польшею, Курляндіею, Турціею, Австріею, Франціею и Англіею.

Кончились заботы о пріобрѣтеніи власти, начинались болѣе тяжкія заботы—о ея сохраненіи. Нужно было наградить людей, помогшихъ достигнуть власти,—дѣло тяжелое, ибо каждый цѣнилъ свою услугу дорого и ревниво смотрѣлъ вокругъ, не получилъ ли кто больше за услугу меньшую; видѣлись только радостныя лица, слышались восторженные клики, а между тѣмъ бушевало цѣлое море страстей. Нужно было цѣнною, удовлетворяющею наградою закрѣпить старыхъ приверженцевъ, не возбудить между ними соперничества, не произвести между ними столкновенія, не произвести вражды между ними и собственнымъ ихъ дѣломъ; нельзя было, по крайней мѣрѣ, вдругъ, удалить людей, стоявшихъ наверху въ прежнее царствованіе и не участвовавшихъ въ перемѣнѣ, ибо и они, исключая очень немногихъ, не были довольны прежнимъ царствованіемъ и не были виновны въ томъ, чѣмъ возбуждалось всеобщее неудовольствіе. Нужно было показать, что никто изъ людей видныхъ, полезныхъ своею дѣятельностью, не потерялъ отъ перемѣны; нужно было сдѣлать такъ, чтобъ прошлое не напоминало о себѣ ничѣмъ добрымъ, не высказывалось ни въ одной силѣ, которая бы не осталась неупотребленною и которой не было бы дано лучшее направленіе въ настоящемъ. Въ прошлое царствованіе почти не было опалъ, потому что оно наступило спокойно, безъ переворота; новое царствованіе должно было показать свое превосходство тѣмъ, что не допускало опалъ, хотя и произошло вслѣдствіе переворота. Не желалось показать, что были люди, и люди видные, которые враждебны новому царствованію; нельзя было нарушить всеобщности признанія новаго, всеобщности сочувствія къ нему;—а между тѣмъ естественно рождалось соперничество между людьми, которые считались своими, и между чужими, которые введены были въ права своихъ. Нужно было неусыпными попеченіями о дѣлахъ внутреннихъ показать народу, что Россія дѣйствительно избавлена отъ страшнаго разстройства, происходившаго вслѣдствіе отсутствія разумной власти; а въ дѣлахъ внѣшнихъ нужно было дать народу требуемый миръ и, въ то же время, возстановить значеніе, славу имперіи, потерею которыхъ порицалось прошлое царствованіе.

Всѣ видные участники событій 28 іюня были щедро награждены повышеніями по службѣ: военные получили вмѣстѣ и придворные чины; кромѣ того, награждены населенными имѣніями, получили одни по 800, другіе—по 600, иные—по 300 душъ крестьянъ; нѣкоторые получили одновременныя денежныя награды по 24, 20 и 10,000 рублей; гетманъ Разумовскій, Никита Ив. Панинъ и князь Мих. Никит. Волконскій получили пожизненныя пенсіи по 5,000 рублей въ годъ. Кн. Дашкова пожалована въ кавалеры ордена Св. Екатерины и получила денежную награду. Григорій Орловъ сдѣланъ камергеромъ, Алексѣй Орловъ—секундъ-маіоромъ Преображенскаго полка, оба по-

[1]) Журналы Сената 10 августа и 2 декабря 1764 г.; 6 іюня 1765 года.—Записки Державина 433.

лучили Александровскія ленты; братъ ихъ, Өедоръ, сдѣланъ капитаномъ Семеновскаго полка; всѣ трое получили по 800 душъ крестьянъ; Тепловъ получилъ 20,000 рублей. Богатою наградою указано было на участіе въ событіи 28-го іюня двоихъ братьевъ, ярославскихъ купцовъ, извѣстныхъ основателей русскаго театра, Өедора и Григорья Волковыхъ: они получили дворянство и 700 душъ [1]).

Екатерина спѣшила возвратить двоихъ опальныхъ прежняго царствованія—бывшаго канцлера Бестужева-Рюмина и бывшаго генералъ-прокурора князя Якова Шаховского. Въ первые дни царствованія императрица пользовалась совѣтами преимущественно двухъ лицъ—Никиты Ив. Панина и стараго сенатора, птенца Петра Великаго, Ив. И. Неплюева; ей важно было имѣть подлѣ себя еще двоихъ людей, знаменитыхъ своею опытностью, одного—во внѣшнихъ, другого—во внутреннихъ дѣлахъ: Бестужева и Шаховского. 1 іюня князь Яковъ, пріѣзжавшій изъ деревни на короткое время въ Москву, уже сбирался ѣхать опять въ деревню, какъ вошелъ къ нему пасынокъ, гвардейскій офицеръ Лопухинъ, и съ тревожнымъ видомъ объявилъ, что встрѣтилъ на улицѣ двѣ дорожныя коляски; сидѣвшій въ первой изъ нихъ гвардейскій офицеръ Колышкинъ, увидавъ его, велѣлъ остановить лошадей, подбѣжалъ къ его каретѣ и въ восторгѣ сказалъ ему: „Поздравляю тебя съ новою императрицею, Екатериною Алексѣевною, которая на престолъ Богомъ возведена, и я теперь скачу, не останавливаясь, съ указомъ ея величества къ графу Алексѣю Петровичу Бестужеву, чтобъ онъ немедленно ѣхалъ въ Петербургъ". Послѣ этихъ новостей, Шаховской отложилъ отъѣздъ въ деревню, и на другой день получилъ изъ Сенатской Конторы экземпляръ манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины и извѣщеніе, что тотъ же князь Меншиковъ, который привезъ въ Москву манифестъ, привезъ также указъ, повелѣвающій ему, Шаховскому, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Большой колоколъ на Иванѣ Великомъ уже гудѣлъ, Успенскій соборъ и вся площадь наполнена была разнаго званія людьми, „которые съ радостными восторгами благодарили Всемогущаго за сію ко всеобщему благополучію содѣланную въ отечествѣ нашемъ перемѣну". Очутившись, вслѣдствіе этой перемѣны, опять въ Петербургѣ, Шаховской при первомъ представленіи услыхалъ изъ устъ императрицы самые лестные отзывы о прежней своей службѣ и желаніе, чтобъ онъ опять занялъ мѣсто сенатора. „День-отъ-дня оказываемые знаки милости ея императорскаго величества и особливо со мною о многихъ внутреннихъ дѣлахъ, къ свѣдѣнію ея потребныхъ, частые разговоры и являемыя довѣренности ободряли меня и дѣлали неутомленнымъ", говоритъ Шаховской [2]).

[1]) Сборникъ Русск. Истор. Общ. VII, 108 и слѣд.
[2]) Записки кн. Шаховского, стр. 192.

Въ половинѣ іюля пріѣхалъ изъ Горетова и старый Калхасъ, давно пророчествовавшій и составлявшій проекты о томъ, что теперь совершилось. Бестужевъ пріѣхалъ прямо во дворецъ и былъ принятъ императрицею, какъ старый другъ. Старикъ казался очень дряхлымъ. Никто не сомнѣвался, что онъ будетъ имѣть большую долю участія въ правленіи, хотя никто не могъ указать мѣсто, какое онъ могъ занять; никакихъ перемѣнъ не предвидѣлось. Воронцовъ оставался великимъ канцлеромъ, и Панинъ попрежнему считался довѣреннымъ лицомъ императрицы [3]). Екатерина не могла не возвратить Бестужева и считала его полезнымъ совѣтникомъ; старикъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что къ нему обращались за совѣтомъ въ важныхъ случаяхъ и обращались въ самыхъ лестныхъ формахъ. Екатерина обыкновенно писала ему: „Батюшка Алексѣй Петровичъ!" Но канцлерства она ему возвратить не хотѣла; она хорошо знала упрямство Бестужева въ проведеніи своей любимой, разъ принятой системы, въ поддержаніи разъ принятыхъ отношеній. Особенно такой канцлеръ былъ неудобенъ теперь, при запутанности европейской политики, когда и для Россіи должна была выработаться новая система; а главное—такой канцлеръ былъ неудобенъ для Екатерины, которая, по своей энергіи, хотѣла сама управлять внѣшнею политикою, причемъ, разумѣется, искала въ канцлерѣ собственно секретаря. Воронцовъ, несмотря на личное нерасположеніе къ нему Екатерины, былъ очень удобенъ теперь вначалѣ, въ переходное время, а потомъ имѣлся въ виду Панинъ, который хотя также былъ человѣкъ самолюбивый и пристрастный къ своей системѣ, но, по характеру своему, по своей медленности и осторожности, онъ уже былъ эластичнѣе, а главное—онъ былъ свѣжѣе, доступнѣе новому; съ нимъ было легче сойтись въ мысляхъ, чѣмъ съ Бестужевымъ, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ казаться пришельцомъ изъ другого міра.

Очень вѣроятно, что Бестужевъ мечталъ о возвращеніи канцлерства; но до него стали доходить слухи, что его считаютъ уже слишкомъ дряхлымъ для этой трудной должности. Но было еще другое важное препятствіе для полнаго возстановленія его значенія: если бы онъ подвергался опалѣ при Петрѣ III, то при перемѣнѣ, вслѣдствіе которой всѣ событія этого царствованія являлись въ черномъ цвѣтѣ, всѣ опальные того времени само собою являлись невинными и не нуждались въ оправданіи; но Бестужевъ подвергся опалѣ при Елисаветѣ, которая оставила по себѣ такую добрую память между Русскими людьми; теперь ея память стала еще дороже для нихъ послѣ шестимѣсячнаго царствованія ея племянника, и Бестужевъ чувствовалъ, что сильно нуждается въ оправданіи. Любопытно въ этомъ отношеніи письмо его къ племяннику, князю Мих. Никит. Волконскому: „Мнѣ про-

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. XII, 29.

симое оправданіе столь нужнѣйшимъ есть, что хотя многія отъ высочайшаго ея императорскаго величества милосердія неизреченныя милости получилъ, однакожь бы оное за верхъ своего благополучія и обрадованія при недолговременной своей жизни имѣлъ; а инако бы я въ прежнемъ поношеніи бывшимъ арестомъ, какъ преступникъ, остался къ великому оскорбленію и печали, которая прежде времени меня въ гробъ свести легко можетъ; да и безъ того уже слышу о себѣ изъ зависти за повѣренность ея императорскаго величества ко мнѣ разныя толкованія, будто я младенчествую и никакой памяти не имѣю, и ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Разсудите, ваше сіятельство: буде я за старостію и слабою памятію къ службѣ неспособнымъ почитаемъ, то хотя бы и другой кто и въ половинѣ 70 лѣтъ былъ, но въ гоненіяхъ и утѣсненіяхъ будучи полпята года, притомъ лишаясь наималѣйшаго свѣдѣнія о происхожденіяхъ и дѣлахъ въ Европѣ, едва ли возможетъ понятіе и разсужденіе объ оныхъ явственно и такъ скоро имѣть, какъ я сюда пріѣхалъ. Однакожь, при всегдашней отъ Бога помощи, въ дѣлахъ могъ бы еще нѣсколько и я, по своей обыкновенной ревности, службу показать, когда-бъ только состояніе мое нынѣшнее поправлено и отъ поношенія избавлено было. А впрочемъ, я незавидливъ, но, по пословицѣ, отдаю тому книги, кто лучше знаетъ, и ничего себѣ не желаю, ни славы въ великой знатности, ни богатства, будучи одною ногою почти во гробѣ, а только желаю оставить по себѣ честное имя" [1]).

Но именно побужденія, по которымъ Бестужевъ такъ сильно желалъ оправданія, и затрудняли дѣло: оправдать Бестужева—значило обвинить Елисавету. Желаніе Бестужева однако было исполнено: 31 августа изданъ былъ оправдательный манифестъ, въ которомъ Екатерина говорила: „Графъ Бестужевъ-Рюминъ ясно намъ открылъ, какимъ коварствомъ и подлогомъ недоброжелательныхъ доведенъ онъ былъ до сего злополучія, и тѣмъ возбудилъ въ насъ самихъ не токмо о немъ достойное сожалѣніе, но и крайнее удовольствіе, что наше ему освобожденіе нашлось соотвѣтствующее тому правосудію, съ которымъ мы царствовать начали. Паче всего, симъ подтвердилъ онъ намъ, что чѣмъ тягчайшее на кого-либо приносится обвиненіе, тѣмъ глубочае и осторожнѣе прежде въ изслѣдованіи поступить надлежитъ, а инако осужденіе безвинно быть можетъ; ибо хотя наша вселюбезнѣйшая тетка, императрица Елисавета Петровна, какъ намъ самимъ и всему свѣту извѣстно было, прозорливая, просвѣщенная и милосердая, и притомъ и правосудная монархиня была, но, кромѣ сердцевѣдца Бога, никому изъ смертныхъ въ человѣческія помышленія проникнуть невозможно, и потому несомнѣнно противу воли и намѣренія ея дѣло къ несчастію его, графа Бестужева-Рюмина, до сего времени обращалось. И такъ въ защищеніе ея имени и добродѣтелей, съ которыми она царствовала милосердо и человѣколюбиво, за истинную къ ней любовь и почтеніе, а паче за долгъ христіанскій и монаршій мы приняли его, графа Бестужева-Рюмина, всенародно показать паче прежняго достойнымъ покойной тетки нашей, бывшей его государыни, довѣренности и нашей особливой къ нему милости, яко симъ нашимъ манифестомъ исполняемъ, возвратя ему съ прежнимъ старшинствомъ чины генералъ-фельдмаршала, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалера, съ пенсіономъ по 20,000 рублей въ годъ" [2]). Какъ-нибудь соблюдено было приличіе относительно памяти императрицы Елисаветы; но съ какимъ чувствомъ должны были читать манифестъ живые люди:—Трубецкой, Бутурлинъ и Александръ Шуваловъ, члены слѣдственной коммисіи по дѣлу Бестужева; Воронцовъ, который считался главнымъ врагомъ послѣдняго; Ив. Ив. Шуваловъ, котораго считали отвѣтственнымъ за важнѣйшія явленія второй половины Елисаветинскаго царствованія! Но эти люди не считали теперь удобнымъ для себя быть очень обидчивыми.

Бестужевъ требовалъ и получилъ торжественное оправданіе; но было двое опальныхъ по его дѣлу, двое людей, бывшихъ близкими къ Екатеринѣ,—Ададуровъ и Елагинъ. Эти не домогались торжественнаго оправданія, они просто были возвращены и щедро награждены. Ададуровъ изъ статскихъ совѣтниковъ былъ пожалованъ въ тайные, получилъ мѣсто президента Мануфактуръ-Коллегіи; полковникъ Елагинъ былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ тѣмъ, чтобъ ему быть у кабинетныхъ дѣлъ императрицы [3]). Въ письмѣ къ Понятовскому Екатерина такъ упоминаетъ о людяхъ, извѣстныхъ послѣднему: „Тепловъ оказалъ мнѣ большія услуги; Ададуровъ бредитъ; Елагинъ у меня" [4]).

Изъ лицъ, близкихъ или считавшихся близкими къ бывшему императору, вначалѣ подверглись кратковременному аресту—Гудовичъ, Волковъ и Мельгуновъ [5]), какъ видно изъ предосторожности, чтобъ они не стали дѣйствовать въ пользу Петра III; точно такъ сначала боялись Гольца и сильно старались узнать содержаніе его переписки, даже, мелькала мысль захватить бумаги Гольца и сложить вину на солдатъ; но мысль эта только мелькнула и исчезла [6]). Гудовичъ вышелъ въ отставку

[1]) Письмо отъ 27 августа, хранится въ Государственномъ Архивѣ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,659.

[3]) Сбор. Русск. Истор. Общ. VII, 128, 131.

[4]) Teplow m'a servi beaucoup. Adadourof radote, Elagin est près de moi.—Въ чемъ состоитъ бредъ Ададурова? Бредилъ ли онъ отъ восторга, или въ этомъ словѣ высказался не очень лестный взглядъ Екатерины на Ададурова.

[5]) Депеша Кейта въ Сборн. Русск. Истор. Общества XII, 12.

[6]) См. бумаги, относящ. къ восшествію на престолъ Екатерины II, въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

и удалился въ свою черниговскую деревню. Волкова, какъ человѣка даровитаго и могшаго быть очень полезнымъ, въ отставку не пустили, а отправили вице-губернаторомъ въ Оренбургъ, поступили съ нимъ точно такъ же, какъ Елисавета поступила съ Неплюевымъ при своемъ воцареніи; но мы увидимъ, что Волковъ не останется такъ долго на Средне-Азіатской украйнѣ, какъ Неплюевъ; извѣстныя оправдательныя письма его могли произвести впечатлѣніе, особенно когда ничего не было найдено ему въ обвиненіе. Мельгуновъ былъ такъ же временно удаленъ на Южную украйну. Имя Мельгунова тѣсно соединялось съ именемъ Ив. Ив. Шувалова. Послѣднему легко было оправдаться въ своихъ невольныхъ сборахъ сопровождать Петра III въ заграничную армію; онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ признаніи новаго правительства; но его не любила Екатерина, не любили его люди къ ней близкіе: онъ имѣлъ слишкомъ большое значеніе при Елисаветѣ, большое вліяніе на судьбу всѣхъ, начиная съ Екатерины, былъ слишкомъ крупенъ, нравственно силенъ, безпрестанно попадался на глаза, и потому сильно мѣшалъ. Онъ имѣлъ извѣстность заграницею, переписывался съ людьми, мнѣніемъ которыхъ очень дорожили тогда въ Европѣ. Екатеринѣ передали, что Шуваловъ въ письмѣ Вольтеру неуважительно отозвался о событіи 28-го іюня, приписавъ его молоденькой женщинѣ Дашковой. Масло было подлито въ огонь; задѣта была самая живая струна, потому что Екатерина приписывала себѣ направленіе движенія, другіе были только орудіями [1]): сильное раздраженіе ея противъ Шувалова высказывалось въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ [2]). Шуваловъ нашелся въ самомъ непріятномъ положеніи, изъ котораго, чрезъ нѣсколько времени, могъ выйти только отъѣздомъ заграницу.

Кратковременному удаленію должна была подвергнуться графиня Елисавета Романовна Воронцова по тому значенію, какое она имѣла въ бывшее царствованіе: 29-го іюня она возвратилась въ домъ къ отцу своему, который, по словамъ другой своей дочери, княгини Дашковой, вовсе не радъ былъ этому возвращенію, во-первыхъ потому, что никогда очень не любилъ Елисаветы, а во-вторыхъ потому, что Елисавета, будучи во времени, не подчинялась его вліянію въ той степени, въ какой бы онъ хотѣлъ. До насъ дошла записка Екатерины Елагину насчетъ Елисаветы Воронцовой: „Перфильевичъ, сказывалъ ли ты кому изъ Лизаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она во дворецъ не размахнулась, а то боюсь къ общему соблазну прилетитъ" [3]). Для предотвращенія этого соблазна Елисавету отправили въ отцовскую подмосковную, а послѣ коронаціи, когда Дворъ уѣхалъ изъ Москвы, Елисавета поселилась въ этомъ городѣ, гдѣ и жила до своего выхода замужъ за бригадира Полянскаго, послѣ чего переѣхала въ Петербургъ. На Елисавету сердились родственники за то, что при Петрѣ III она ничего для нихъ не сдѣлала; теперь сердились за то-же на Екатерину Романовну (Дашкову). Канцлеръ Воронцовъ въ августѣ писалъ въ Лондонъ племяннику своему, графу Александру Романовичу: „О сестрѣ вашей, княгинѣ Дашковой, увѣдомить имѣю, что мы отъ нея столько же ласковости и пользы имѣемъ, какъ и отъ Елисаветы Романовны, и только-что подъ именемъ ближняго свойства слывемъ, а никакой искренности, ни откровенности, и еще менѣе какого-либо вспомоществованія или надежды, чтобъ въ пользу нашу старанія прилагала, отнюдь не имѣемъ; и она, сколько мнѣ кажется, имѣетъ нравъ развращенный и тщеславный, больше въ суетахъ и мнимомъ высокомъ разумѣ, въ наукахъ и пустотѣ время свое проводитъ. Я опасаюсь, чтобъ она капризами своими и неумѣреннымъ поведеніемъ и отзывами столько не прогнѣвала государыню императрицу, чтобъ отъ Двора отдалена не была, а чрезъ то наша фамилія въ ея паденіи напраснаго порока отъ публики не имѣла. Правда, она имѣла многое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать; да когда поведеніе и добродѣтели не соотвѣтствуютъ заслугамъ, то не иное что послѣдовать имѣетъ, какъ презрѣніе и уничтоженіе. Я истинно на нее сердца или досады не имѣю и желаю ей имѣть всякое благополучіе; только индифферентность ея къ намъ чувствительна и по свойству несносна, тѣмъ болѣе что отъ благополучія ея не имѣемъ пользы, а отъ паденія ея можемъ претерпѣть напрасное неудовольствіе. Вы, сіе знавъ, должны имѣть въ перепискѣ съ нею всякую осторожность. Что же касается до мужа ея, то онъ намъ непремѣнно прежнюю ласковость и учтивость оказываетъ и ведетъ себя скромно и разумно. Господинъ Одаръ имѣлъ также участіе въ счастливой перемѣнѣ и, какъ весьма разумный человѣкъ, поведеніе свое осторожно

[1]) «Le tout se passait sous ma direction très particulière», говоритъ она въ письмѣ къ Понятовскому.

[2]) Ivan Schouvalow, le plus bas et le plus lâche des hommes, a écrit, dit on, à Voltaire qu'une femme de dix-neuf ans avait changé le gouvernement de cet empire: détrompez, je vous prie, ce grand écrivain.

[3]) Эту записку можно отнести къ первымъ мѣсяцамъ царствованія Екатерины, но никакъ не слѣдующія двѣ: 1) «Иванъ Перфильевичъ! съѣзди къ Роману Ларіоновичу и скажи ему, что я даю позволеніе дочери его, Елисаветѣ Романовнѣ, дабы она въ его домѣ на Москвѣ жила до тѣхъ поръ, покамѣстъ у ней свой будетъ; также скажи ему, чтобъ онъ непремѣнно отдѣлилъ ее, дабы она имѣла съ чѣмъ жить, и вы сами видѣли, что онъ не такъ бѣденъ, какъ притворяется. Дай ему также знать, чтобъ она на Москвѣ жила въ тишинѣ, не подавая людямъ много причинъ о себѣ говорить; но сіе ты какъ отъ себя скажешь». Во второй запискѣ говорится о покупкѣ дома въ Москвѣ для Елисаветы Романовны. Ясно, что обѣ записки относятся къ 1763 году, когда, послѣ отъѣзда императрицы изъ Москвы, дѣло шло о переводѣ Воронцовой изъ деревни въ этотъ городъ. Всѣ три записки напечатаны въ Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 149, 150; но издатель невѣрно отнесъ всѣ три къ первымъ мѣсяцамъ Екатерининскаго царствованія. Мы не хотимъ настаивать, что и первая непремѣнно принадлежитъ къ этому времени

имѣетъ и къ намъ преданность и благодарность свою оказываетъ. Онъ получилъ позволеніе отъѣхать въ Италію, для привезенія сюда своей фамиліи; уже съ мѣсяцъ времени, какъ отъѣхалъ; понынѣ онъ не получилъ еще награжденія, какъ токмо 1,000 рублевъ для проѣзду своего".

Графъ Александръ Романовичъ, узнавъ о возвышеніи одной сестры и паденіи другой, сталъ въ своихъ письмахъ осыпать упреками первую, зачѣмъ не помогаетъ второй. „По всѣмъ извѣстіямъ изъ Петербурга", писалъ онъ Дашковой, „ея императорское величество оказываетъ вамъ великія милости, и потому я не могу оправдать вашего равнодушія къ судьбѣ нашей сестры Елисаветы; я не знаю даже, что съ нею сдѣлалось. За ваши заслуги вы должны были бы просить одной награды—помилованія сестры, и предпочесть эту награду Екатерининской лентѣ: вы бы тогда не измѣнили проповѣдуемымъ вами философскимъ убѣжденіямъ, которыя заставляли меня думать, что вы равнодушны къ величію человѣческому". Графъ Александръ прямо обратился къ императрицѣ съ просьбою о милости къ сестрѣ—и получилъ отвѣтъ: „Вы не ошиблись, вѣря, что я не измѣнилась относительно васъ. Я съ удовольствіемъ читаю ваши донесенія и надѣюсь, что вы будете продолжать вести себя такъ-же похвально. Вы должны успокоиться насчетъ судьбы вашего семейства, о которомъ я видѣла все ваше безпокойство. Я улучшу положеніе вашей сестры какъ можно скорѣе".

Но эта возможность представилась нескоро, и нетерпѣливый графъ Александръ не переставалъ колоть Дашкову въ своихъ письмахъ. Онъ кололъ ее дошедшими до него слухами, будто она отобрала у сестры все ей принадлежавшее и даже не дала ей самыхъ необходимыхъ вещей при отправленіи въ деревню. Графъ Александръ писалъ, что не только родственная привязанность, но и благодарность заставляетъ его заступиться за сестру Елисавету. Дашкова хотѣла его поймать на этомъ и, отвергая слухи о завладѣніи сестриными вещами, писала, что она не позволила бы себѣ такъ поступить съ сестрою, которую любитъ искренно. „Вы, конечно, знаете", писала она, „что я ничѣмъ не обязана ни ей, ни кому-либо изъ моей родни; я ее люблю и забочусь о ней искренно, не будучи принуждаема къ тому благодарностію, поэтому чувства мои проистекаютъ изъ источника болѣе чистаго". Графъ Александръ еще больше разсердился: въ отвѣтѣ своемъ онъ съ злою ироніею повторялъ извѣстія о болѣе чѣмъ человѣколюбивомъ способѣ, какой употребила Дашкова для утѣшенія своей несчастной сестры,—писалъ, что такой способъ утѣшенія будетъ служить памятникомъ ея безкорыстія въ потомствѣ; что этотъ поступокъ ея будутъ приводить въ назиданіе. „Вы благоразумно поступаете", писалъ онъ, „желая уменьшить достоинство благодарности, потому что не имѣете этого чувства въ значительномъ количествѣ, и, чтобъ совершенно отъ него освободиться, говорите, что ничѣмъ не обязаны всей своей роднѣ. Позвольте напомнить вамъ, что вы ошибаетесь. Во-первыхъ, вы обязаны своей сестрѣ тѣмъ, что мужъ вашъ былъ посланъ въ Константинополь [1]), и множествомъ другихъ мелкихъ услугъ; она, по вашему желанію, удержала отправленіе ваше въ Москву и предложила вамъ домъ, ей тогда подаренный. Относительно отца нашего я не распространяюсь объ обязанностяхъ, которыя вы къ нему имѣете. Всѣмъ извѣстны также заботы дяди и тетки о вашемъ воспитаніи и объ устройствѣ вашей судьбы" [2]).

Императрица, разумѣется, не сочла позволительнымъ для себя не быть великодушною относительно человѣка съ европейскою извѣстностью,—Миниха, безопаснаго по своей старости и иностранству, дѣлавшему его одинокимъ; притомъ старикъ могъ еще быть полезенъ. При Петрѣ III Минихъ просилъ или сдѣлать его Сибирскимъ губернаторомъ, по знанію тамошнихъ обстоятельствъ, или поручить ему главную дирекцію надъ Ладожскимъ каналомъ [3]). При Петрѣ онъ не получилъ ни того, ни другого; при Екатеринѣ онъ сдѣланъ генералъ-директоромъ надъ портомъ Балтійскимъ, портомъ Нарвскимъ, надъ Кронштадтскимъ и Ладожскимъ каналами и надъ Волховскими порогами [4]).

Люди, содѣйствовавшіе перемѣнѣ, были награждены; противники были прощены или наказаны очень легко сравнительно съ наказаніями, сопровождавшими прежнія перемѣны; оставалось дѣятельностью неутомимою и серьезною показать противоположность новаго правленія съ прежнимъ.

Между бумагами Екатерины II-й находится [5]) собственноручная ея записка на Французскомъ языкѣ: въ этой запискѣ говорится, что на пятый или на шестой день по своемъ восшествіи на престолъ императрица присутствовала въ Сенатѣ, которому приказала собираться въ Лѣтнемъ дворцѣ, чтобъ ускорить теченіе дѣлъ. Сенатъ началъ съ представленія о крайнемъ недостаткѣ въ деньгахъ; представилъ также, что цѣна хлѣба въ Петербургѣ поднялась вдвое противъ прежняго. На первое Екатерина отвѣчала, что употребитъ на государственныя нужды собственныя комнатныя деньги; что, „принадлежа сама государству, она считаетъ и все принадлежащее ей собственностію государства, и на будущее время не будетъ никакого различія между интересомъ государственнымъ и ея собственнымъ". Сенаторы встали и со слезами на глазахъ благодарили императрицу за такія чувства. Екатерина велѣла выдать изъ комнатныхъ денегъ, сколько было нужно на государственныя потребности. Для пониженія же цѣнъ

[1]) Съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III, но возвратился съ дороги вслѣдствіе событій 28 іюня
[2]) Архивъ кн. Воронцова, кн. V.
[3]) Архивъ кн. Воронцова, кн. VII, 573.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 133.
[5]) Въ Государ. Архивѣ.

на хлѣбъ въ Петербургѣ, она запретила временно вывозъ хлѣба за-границу, что въ два мѣсяца произвело дешевизну всѣхъ припасовъ. Потомъ на очереди было дѣло о позволеніи Евреямъ въѣзжать въ Россію, и это дѣло привело императрицу въ большое затрудненіе: „Не прошло еще осьми дней", думала она, „какъ я вступила на престолъ и была возведена на него для защиты Православной вѣры; я имѣю дѣло съ народомъ религіознымъ, съ духовенствомъ, которому нечѣмъ жить вслѣдствіе отобранія имѣній,—мѣры необдуманной; умы въ сильномъ волненіи, какъ обыкновенно бываетъ послѣ такого важнаго событія; начать царствованіе указомъ о свободномъ въѣздѣ Евреевъ было бы плохимъ средствомъ къ успокоенію умовъ; признать же свободный въѣздъ Евреевъ вреднымъ было невозможно". Изъ этого затрудненія вывелъ Екатерину сенаторъ князь Одоевскій, который всталъ и сказалъ ей: „Не угодно ли будетъ вашему величеству, прежде рѣшенія дѣла, взглянуть, что императрица Елисавета собственноручно написала на поляхъ подобнаго же доклада". Екатерина велѣла принести дѣло и прочла: „Отъ враговъ Христовыхъ не желаю корыстной прибыли". Прочитавши, Екатерина обратилась къ генералъ-прокурору Глѣбову и сказала ему: „Я желаю, чтобъ это дѣло было отложено".

Въ журналахъ и протоколахъ Сената мы не найдемъ тѣхъ извѣстій и подробностей, какія находимъ въ запискѣ Екатерины. Изъ нихъ видимъ, что со дня вступленія на престолъ до 1-го сентября, когда императрица отправилась въ Москву для коронаціи, она присутствовала въ Сенатѣ 15 разъ. Въ первый разъ ея присутствіе записано 1-го іюля. Въ это засѣданіе Сенатъ доложилъ императрицѣ, что 27 іюня полученъ имъ былъ указъ бывшаго императора о построеніи къ будущей кампаніи 1763 года девяти или, по крайней мѣрѣ, шести кораблей и о забраніи для того всѣхъ лѣсовъ, чьи бы то ни были; Сенатъ представилъ, что отъ этого произойдетъ обывателямъ разореніе; для такого чрезвычайнаго строенія и особенно вооруженія—денегъ и людей нѣтъ, да и нужды въ такомъ строеніи не признается. Екатерина не велѣла исполнять этотъ указъ, равно какъ и другіе: указъ 27-го же іюня, чтобъ не дѣлать отсрочекъ платежамъ въ банки, и указъ 24 мая—объ учрежденіи банковыхъ билетовъ. На другой день, 2 іюля, Екатерина также присутствовала въ Сенатѣ и отмѣнила всѣ нововведенія, сдѣланныя въ полкахъ въ царствованіе Петра III; 4 іюля вышло распоряженіе, чтобъ гетманъ Малороссійскій, графъ Разумовскій, имѣлъ въ командѣ всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположенные, и гарнизоны—Петербургскій и Выборгскій, а графу Бутурлину имѣть команду надъ полками кавалерійскими, около Петербурга стоящими.

6 іюля Екатерина вошла въ Сенатъ, въ началѣ одиннадцатаго часа, и объявила подписанный ею манифестъ съ обстоятельнымъ описаніемъ своего восшествія на престолъ. „Отечество вострепетало", говорилось въ манифестѣ, „видя надъ собою государя и властителя, который всѣмъ своимъ страстямъ прежде повиновеніе рабское учинилъ и съ такими качествами воцарился, нежели о благѣ ввѣреннаго себѣ государства помышлять началъ". Слѣдуютъ обвиненія Петра III-го въ томъ, что онъ неприлично велъ себя при гробѣ покойной императрицы: „Радостными глазами на гробъ ея взиралъ, отзываясь притомъ неблагодарными къ тѣлу ея словами". Потомъ „коснулся перво всего древнее Православіе въ народѣ искоренять своимъ самовластіемъ, оставивъ своею персоною Церковь Божію и моленіе, такъ-что когда добросовѣстные изъ его подданныхъ, видя его иконамъ непоклоненіе и къ церковнымъ обрядамъ презрѣніе или паче ругательство, приходя въ соблазнъ, дерзнули ему о томъ напомянуть съ подобострастіемъ въ осторожность, то едва ли могли избѣгнуть тѣхъ слѣдствій, которыя отъ самовольнаго, необузданнаго и никакому человѣческому суду неподлежащаго властителя произойти бы могли. Потомъ началъ помышлять о разореніи и самихъ церквей, и уже нѣкоторыя и повелѣлъ-было разорить самымъ дѣломъ; а тѣмъ, которые, по теплотѣ и молитвѣ къ Богу, за слабымъ иногда здоровьемъ, не могли отъ дому своего отлучаться, вовсе законъ предписалъ никогда церквей Божіихъ въ домѣхъ не имѣть. Презрѣлъ онъ и законы естественные и гражданскіе: ибо, имѣя онъ единаго Богомъ дарованнаго намъ сына, при самомъ вступленіи на престолъ, не восхотѣлъ объявить его наслѣдникомъ престола, оставляя самовольству своему предметъ, который онъ въ погубленіе намъ и сыну нашему въ сердцѣ своемъ положилъ, и вознамѣрился или вовсе право, ему преданное отъ тетки своей, испровергнуть, или отечество въ чужія руки отдать, забывъ правило естественное, что никто большаго права другому дать не можетъ, какъ то, которое самъ получилъ. Законы въ государствѣ всѣ пренебрегъ, судебныя мѣста и дѣла презрѣлъ и вовсе объ нихъ слышать не хотѣлъ; доходы государственные расточать началъ вредными государству издержками; изъ войны кровопролитной начиналъ другую—безвременную и государству Россійскому крайне безполезную; возненавидѣлъ полки гвардіи, освященнымъ его предкамъ вѣрно всегда служившіе, превращать ихъ началъ въ обряды неудобоносимые. Армію всю раздробилъ такими новыми законами, что будто бы не единаго государя войско то было, но чтобъ каждый въ полѣ удобнѣе своего поборника губилъ, давъ полкамъ иностранные, а иногда и развращенные виды, а не тѣ, которые въ ней единообразіемъ составляютъ единодушіе". Относительно отреченія Петра III въ манифестѣ сообщены нѣкоторыя подробности: „Онъ два письма, одно за другимъ, къ намъ присылалъ: первое чрезъ вице-канцлера нашего князя Голицына, въ которомъ просилъ, чтобъ мы его отпустили въ отечество его, Голстинію; а другое

чрезъ генералъ-маіора Мих. Измайлова, въ которомъ самъ добровольно вызвался, что онъ отъ короны отрицается и царствовать въ Россіи болѣе не желаетъ, гдѣ притомъ упрашиваетъ насъ, чтобъ мы его отпустили съ Елисаветою Воронцовою да съ Гудовичемъ также въ Голстинію. И какъ то, такъ и другое письмо, наполненныя ласкательствами, присланы были нѣсколько часовъ послѣ того, что онъ повелѣніе давалъ дѣйствительно насъ убить, о чемъ намъ тѣ самые заподлинно донесли съ истиннымъ удостовѣреніемъ, кому сіе злодѣйство противу живота нашего препоручено было дѣломъ самимъ исполнить". Манифестъ оканчивался обѣщаніемъ: „Наше искреннее и нелицемѣрное желаніе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь мы хотимъ быть достойны любви нашего народа, для котораго признаваемъ себя быть возведенными на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ нашимъ императорскимъ словомъ узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденію добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость имперіи и нашей самодержавной власти, бывшимъ несчастіемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрно-усердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынія и оскорбленія" [1]).

По прочтеніи этого манифеста, императрица „изволила Правительствующему Сенату отдать въ конвертѣ бывшаго императора Петра III собственноручное и за подписаніемъ его объ отрицаніи отъ правительства Россійскимъ государствомъ удостовѣреніе въ оригиналѣ, повелѣвая оное, прочтя и запечатавъ всѣмъ сенаторамъ своими печатьми, хранить въ Сенатѣ, которое тогда жъ въ собраніи Правительствующаго Сената читано и гг. сенаторами запечатано" [2]).

Но того же 6 іюля случилось событіе, которое потребовало новаго манифеста: пришло извѣстіе о смерти бывшаго императора въ Ропшѣ,—смерти насильственной. „Я нашла императрицу", говоритъ Дашкова, „въ совершенномъ отчаяніи; видно было, подъ вліяніемъ какихъ тяжкихъ думъ она находилась. Вотъ что она мнѣ сказала: „Эта смерть наводитъ на меня невыразимый ужасъ; этотъ ударъ меня сокрушаетъ" [3]). 7 іюля былъ изданъ манифестъ: „Въ седьмой день послѣ принятія нашего престола Всероссійскаго, получили мы извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ III, обыкновеннымъ прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморроидическимъ впалъ въ прежестокую колику. Чего ради, не презирая долгу нашего христіанскаго и заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего, тотчасъ повелѣли отправить къ нему все, что потребно было къ предупрежденію слѣдствъ изъ того приключенія, опасныхъ въ здравіи его, и къ скорому вспоможенію врачеваніемъ. Но, къ крайнему нашему прискорбію и смущенію сердца, вчерашняго вечера получили мы другое, что онъ волею Всевышняго Бога скончался. Чего ради мы повелѣли тѣло его привезти въ монастырь Невскій, для погребенія въ томъ же монастырѣ, а между тѣмъ всѣхъ вѣрноподданныхъ возбуждаемъ и увѣщеваемъ нашимъ императорскимъ и матернимъ словомъ, дабы безъ злопамятствія всего прошедшаго съ тѣломъ его послѣднее учинили прощаніе и о спасеніи души его усердныя къ Богу приносили молитвы. Сіе же бы нечаянное въ смерти его Божіе опредѣленіе принимали за промыслъ Его Божественный, который Онъ судьбами Своими неисповѣдимыми намъ, престолу нашему и всему отечеству строитъ путемъ, Его только Святой волѣ извѣстнымъ" [4]).

На другой день послѣ изданія этого манифеста, 8 іюля, въ собраніи Сената всталъ и началъ говорить сенаторъ Никита Ив. Панинъ: „Извѣстно мнѣ, что ея императорское величество намѣреніе положить соизволила шествовать къ погребенію

---

[1]) Сборн. указовъ им. Екатерины 1764 года; перепечатано въ «Осмнадцатомъ Вѣкѣ», кн. IV.

[2]) Журналы и протоколы Сената, 6 іюля.—По возвращеніи изъ Сената, Екатерина писала генералъ-прокурору Глѣбову: «Пришлите ко мнѣ списокъ: 1) Сколько у меня въ Лифляндіи мызъ? 2) И кому онѣ отданы на аренды? 3) И есть ли порожнія или нѣту? Велите табель сдѣлать и принести ко мнѣ. *Благодарствую за ваше давишное поведеніе въ Сенатѣ*». Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 120.

[3]) Фридрихъ II говорилъ Сегюру: «Catherine couronnée et libre a cru, comme une jeune femme sans expérience, que tout était fini; un ennemi si pusillanime ne lui paraissait pas dangereux. Mais les Orloff, plus audacieux et plus clairvoyants, ne voulant pas qu'on fit contre eux de ce prince un étendard, l'ont abattu. L'impératrice ignorait ce forfait et l'apprit avec un désespoir qui n'était pas feint; elle pressentait justement le jugement que tout le monde porte aujourd'hui contre elle; car l'erreur de ce jugement est et doit être ineffaçable, puisque; dans sa position, elle a recuelli les fruits de cet attentat et s'est vue obligée, pour avoir des appuis, non seulement de ménager, mais même de conserver près d'elle les auteurs du crime, puisqu'eux seuls avaient pu la sauver. Je vous conseille, pour approfondir ce fait, de voir un vieillard très estimable, qui est, je crois, à présent à Mittau; c'est M. de Kaiserling. Il a tout vu, tout su; il a été à cette époque l'intime confident des chagrins secrèts de l'impératrice». Mémoires de Ségur, I, 292. Надобно замѣтить, что Фридрихъ II въ это время былъ сердитъ на Екатерину.— Въ мемуарахъ кн. Дашковой (I, 146) читаемъ слѣдующее извѣстіе о письмѣ, присланномъ императрицѣ отъ Алексѣя Орлова изъ Ропши: «Cette lettre importante fût conservée avec grand soin par Catherine II, parmi d'autres documents précieux, dans une cassette, dont Paul, après la mort de l'impératrice, confia l'examen au prince Besborodko. Le prince lisait ces papiers en présence du nouvel empereur. Quand il eût achevé la lecture de la lettre d'Alexis Orloff, Paul, faisant le signe de la croix, s'écria. «Dieu soit loué! Les quelques doutes, que j'avais sur ce sujet relativement à ma mère, sont maintenant dissipés!» L'impératrice et M-elle Nelidoff étaient présentes et l'empereur ordonna que la lettre eût lue aussi aux grands-ducs et au comte Rostoptschin».

[4]) Полн. Собр. Зак. № 11,599.

императора Петра III въ Невскій монастырь; но какъ великодушное ея величества и непамятозлобивое сердце наполнено надмѣрною о семъ приключеніи горестію и крайнимъ соболѣзнованіемъ о столь скорой и нечаянной смерти бывшаго императора, такъ-что съ самаго полученія сей нечаянной вѣдомости ея величество въ непрерывномъ соболѣзнованіи и слезахъ о таковомъ приключеніи находится: то хотя я, почитая за необходимый долгъ, обще съ г. гетманомъ, графомъ К. Г. Разумовскимъ, и представляли, чтобъ ея величество, сохраняя свое здравіе, по любви своей къ Россійскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ изволила-бъ намѣреніе свое отложить; но ея величество на то благоволенія своего оказать не соизволила, и потому я за должное призналъ потомъ Правительствующему Сенату объявить, дабы весь Сенатъ, по своему усердію къ ея величеству, о томъ съ рабскимъ своимъ прошеніемъ представилъ".—„Сенатъ, уважа всѣ учиненныя г. сенаторомъ Панинымъ справедливыя изъясненія, тотчасъ пошелъ во внутреннія ея величества покои и раболѣпнѣйше просилъ, дабы ея величество шествіе свое въ Невскій монастырь отложить соизволила, и хотя ея величество долго къ тому согласія своего и не оказывала, но напослѣдокъ, видя неотступное всего Сената рабское и всеусерднѣйшее прошеніе, намѣреніе свое отложить благоволила". Петръ III былъ погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Неизвѣстно, по чьему внушенію Сенатъ нашелъ нужнымъ показать новый знакъ своего усердія къ Екатеринѣ и своего сочувствія къ дѣлу 28 іюня. 17 іюля былъ призванъ въ Сенатъ генералъ-поручикъ Бецкій и услышалъ такое предложеніе: „Такъ какъ ея императорское величество принятіемъ императорскаго престола толико изліяла всѣмъ ея вѣрноподданнымъ матернихъ щедротъ, что оныя до позднихъ временъ въ сердцахъ искреннихъ сыновъ Отечества въ незабвенной памяти остаться долженствуютъ, то Сенатъ за рабскую должность признаваетъ въ безсмертную ея императорскаго величества славу сдѣлать монументъ, къ чему вы, по вашему добровольному къ подобнымъ знаніямъ искусству, избраны, и потому Сенатъ на ваше разсужденіе предаетъ, какой вы заприличнѣе столь славнымъ дѣламъ ея императорскаго величества монументъ сдѣлать найдете, о томъ бы Сенату свое мнѣніе съ планами статуямъ, обелискамъ и медалямъ подали". Бецкій отвѣчалъ, что онъ „порученіе ему столь великаго дѣла признаваетъ за особливое для себя счастье, и хотя онъ къ исполненію того находитъ себя недостаточнымъ, однако-жъ, по долговременной своей бытности въ чужихъ краяхъ и получа тамъ знакомство съ многими учеными и искусными людьми, надѣется съ помощью ихъ сіе къ удовольствію Правительствующаго Сената исполнить".

Но среди этихъ движеній, порожденныхъ событіями 28 іюня и 6 іюля, въ Сенатѣ шла сильная дѣятельность, показывавшая, что новое правительство хочетъ сдержать свои обѣщанія. 3 іюля, присутствуя въ Сенатѣ, императрица приказала сбавить съ соли по гривнѣ съ пуда, и Сенатъ долженъ былъ стараться какъ можно скорѣе отыскать средства сбавить еще больше. Сбавка гривны составляла 612,021 рубль; надобно было ихъ замѣнить въ доходѣ, и 12 іюля состоялся именной указъ брать изъ милліонной комнатной суммы, вносимой къ императрицѣ изъ солянаго же сбора, по 300,000 рублей въ годъ, а остальныя брать изъ передѣла мѣдныхъ денегъ. Этимъ указомъ объясняются слова Екатерины о пожертвованіяхъ для государства изъ комнатной суммы. 23 іюля Сенатъ получилъ указъ: „Понеже въ бывшее предъ симъ правительство государственная казна истощена, излишнихъ расходовъ пріумножено, отчего неисчислимыя приключаются въ государствѣ неполезности, и для того надлежитъ Правительствующему Сенату стараться: 1) розданныя изъ казны взаймы деньги взыскать; 2) бывшія засѣки и, гдѣ есть порожнія, а дворянамъ надобныя земли—продать, чрезъ что многимъ помѣщикамъ въ размноженіи экономіи прибавятся способы, а казнѣ, при нынѣшнихъ недостаткахъ, къ исправленію государственныхъ надобностей спомоществованіе; 3) военные и гражданскіе штаты разсмотрѣть и, что къ полезнѣйшему тѣхъ впредь состоянію потребно, представить ея императорскому величеству; 4) тщиться, чтобъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ судейскія мѣста достойными наполняемы были, и чтобы справедливая служба награжденной была, и малоимущіе не имѣли причинъ къ лихоимству склоняться, назначить каждому пристойное жалованье, изыскавъ на то деньги не вновь налагаемыми съ народа сборами, но другими благопристойнѣйшими способами, и подать ея императорскому величеству немедленно; 5) потщиться къ пресѣченію ябедническихъ происковъ, и къ скорѣйшему обидимыхъ удовольствію сыскать пристойные способы [1]).

Относительно лихоимства Екатерина въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ повторила указъ Елисаветы 16 августа 1760 года, причемъ прямо указала на вынесенное изъ древней Россіи зло и на привычку смотрѣть на службу, какъ на кормленіе: „Мы уже отъ давняго времени слышали довольно", говоритъ именной указъ 18 іюля, „а нынѣ и дѣломъ самымъ увидѣли, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возрасло: ищетъ ли кто мѣста—платитъ; защищается ли кто отъ клеветы - обороняется деньгами; клевещетъ ли на кого кто—всѣ происки свои хитрые подкрѣпляетъ дарами. Напротивъ того: многіе судящіе освященное свое мѣсто, въ которомъ они именемъ нашимъ должны показывать правосудіе, въ торжище превращаютъ, вмѣняя себѣ ввѣренное отъ насъ званіе судіи без-

---

[1]) Журналы и протоколы Сената означ. чиселъ.

корыстнаго и лицепріятнаго за пожалованный будто имъ доходъ въ поправленіе дома своего, а не за службу, приносимую Богу, намъ и отечеству, и мздоприимствомъ богомерзкимъ претворяютъ клевету въ праведный доносъ, разореніе государственныхъ доходовъ—въ прибыль государственную, а иногда нищаго дѣлаютъ богатымъ, а богатаго—нищимъ. Таковымъ примѣрамъ, которые вкоренились отъ единаго безстрашія въ важнѣйшихъ мѣстахъ, послѣдуютъ наипаче въ отдаленныхъ находящіеся и самые малые судьи, управители и разные къ досмотрамъ приставленные командиры, и берутъ съ бѣдныхъ самыхъ людей не токмо за дѣла беззаконныя, дѣлая привязки по силѣ будто указовъ, но и за такія, которыя не инако, какъ нашего благоволенія достойны, такъ-что сердце наше содрогнулося, когда мы услышали отъ нашего Лейбъ-Кирасирскаго вице-полковника, князя Михайла Дашкова [1]), что новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Рёнберъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ, котораго Ребнера мы и повелѣли сослать на вѣчное житье въ Сибирь на работу, и никто, обвиненный въ лихоимствѣ, яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали“ [2]).

Въ упомянутой запискѣ своей Екатерина жалуется, что до нея „почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію“. Поэтому съ самаго же начала мы должны ожидать распоряженій, направленныхъ противъ монополій. 31 іюля изданъ былъ указъ о торговлѣ; принятыя въ ея пользу мѣры были слѣдующія: 1) хлѣбомъ торгъ производить изо всѣхъ портовъ съ половинною пошлиною противъ той, которая собирается въ Ригѣ, Ревелѣ и Пернау; но возобновляется постановленіе Петра Великаго, что хлѣбъ отпускается за-границу только тогда, когда онъ дешевле внутри Россіи; 2) изо всѣхъ портовъ отпускать соленое мясо и самую скотину съ тѣми же условіями; 3) портъ Архангельскій снабдить всѣми тѣми выгодами, какими пользуется Петербургскій; лишнюю пошлину отставить, да и генерально всѣ порты и таможни такими сдѣлать, чтобъ все то привозимо и отпускаемо быть могло, что сюда (въ Петербургъ) привозится и отсюда отпускается; 4) ревеню быть въ вольной торговлѣ; 5) поташъ и смольчугъ оставить казеннымъ товаромъ для сбереженія лѣсовъ, по мысли Петра Великаго; 6) смолу отдать въ вольную торговлю; 7) узкій холстъ и хрящъ вольно вывозить за-границу; 8) льняную пряжу за-границу не выпускать; 9) выписываніе шелку и выпускъ бобровъ сдѣлать вольнымъ, отнявъ у Шемякина привилегію; 10) китайскую торговлю сдѣлать вольною; 11) тюлени и рыбные откупа уничтожить; 12) табачный откупъ уничтожить. Чрезъ нѣсколько дней велѣно было взять у Шемякина и таможенный откупъ, который онъ держалъ съ 1758 года, платя въ казну два милліона ежегодно; откупъ отнимали за безпорядочное правленіе и нарушеніе контракта.

Сенатъ, исполнивъ порученіе, возложенное на него 3 іюля, представилъ, что съ соли можно еще сбавить гривну и продавать се во всей Россіи по 30 коп. пудъ, въ Астрахани и Красномъ Яру, гдѣ производилась обширная солка рыбы,—по 10 коп., въ Архангельскѣ, однимъ рыбнымъ промышленникамъ—по 15 коп. Такъ какъ элтонская соль въ провозѣ до Нижняго становится казнѣ дорого, притомъ черна и не очень хорошаго качества, а есть лучше ея, соль илецкая, то стараться вмѣсто элтонской ставить илецкую; продавать соль изъ казны, но позволить и вольную торговлю, продавая вольнымъ торговцамъ изъ магазиновъ также по 30 коп.; нечего бояться, что они станутъ продавать соль дорого, обвѣшивать, мѣшать съ пескомъ и соромъ, потому что покупатели, замѣтивъ это, станутъ брать соль изъ казны. Вслѣдствіе сбавки другой гривны, убудетъ изъ дохода 604,027 рублей въ годъ, и для пополненія этого недостатка Сенатъ думалъ наложить: 1) во всемъ государствѣ за продаваемое изъ кабаковъ горячее вино по 30 коп., за пиво и медъ по 5 коп. на ведро. Этихъ прибавочныхъ денегъ отъ вина, по сложности съ 1760 и 1761 годъ, должно быть 352,565 рублей; отъ пива и меду—182,559 рублей, итого 635,122 рубля; установить этотъ налогъ можно потому, что въ кабакахъ напиткамъ продажа вольная и народнаго отягощенія не производящая. 2) Съ явки пивъ и полпивъ, вмѣсто прежнихъ пяти коп., брать съ четверти хлѣба по 20 коп. 3) Отдать герберги (гостиницы) на откупъ, кто больше дастъ. 4) Позволить брать соль по продажной цѣнѣ изъ казны и отвозить за-границу. 5) Со всѣхъ протестованныхъ векселей брать въ казну по два процента [3]).

Еще не исполнено было приказаніе покойной императрицы Елисаветы о вспоможеніи купцамъ, сильно пострадавшимъ отъ пожара 29 іюня 1761 г., когда сгорѣли пеньковые и другіе амбары. Екатерина потребовала отъ Сената, чтобъ поднесенъ ей былъ докладъ объ этомъ дѣлѣ. Сенатъ отвѣчалъ, что 21-го марта бывшимъ императоромъ утверждено было выдать купцамъ половину той суммы, которую они потеряли отъ пожара, изъ мѣднаго банка на 10 лѣтъ безъ процентовъ; но эта выдача до сихъ поръ не сдѣлана, потому что изъ мѣднаго банка назначено взять деньги на самые нужные расходы, да и впредъ нельзя надѣяться, чтобъ можно было взять изъ мѣднаго банка такую большую сумму, и потому Сенатъ возвращается къ докладу, заготовленному для покойной императрицы Елисаветы, но не конфирмованному

[1]) Мужа извѣстной Екатерины Романовны.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,616.
[3]) Журн. и прот. Сената, 7 августа.

по случаю ея смерти; докладъ состоялъ въ томъ, чтобъ зачесть купцамъ половину потерянной ими суммы въ пошлину съ ихъ товаровъ при Петербургскомъ портѣ въ продолженіи пяти лѣтъ. Императрица утвердила этотъ докладъ, а для предотвращенія подобнаго несчастія приказала Сенату составить планы каменныхъ амбаровъ; если же Сенатъ не сыщетъ суммы, нужной для этой постройки, то она дастъ ее отъ себя взаймы [1]).

Описывая печальное состояніе имперіи во время своего вступленія на престолъ, Екатерина говоритъ: „Заводскіе и монастырскіе крестьяне почти всѣ были въ явномъ непослушаніи властей, и къ нимъ начали присоединяться мѣстами и помѣщичьи. Заводскихъ крестьянъ непослушаніе унимали посланные генералъ-маіоры: Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, разсмотря на мѣстѣ жалобы на заводосодержателей; но не однажды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ, и не унялось возстаніе сихъ людей, дондеже Гороблагодатскіе заводы за двухмилліонный казнѣ долгъ графа Петра Ив. Шувалова возвращены въ казенное управленіе, также Воронцовскіе, Чернышевскіе, Ягужинскіе и нѣкоторые другіе заводы по таковымъ же причинамъ паки въ казенное поступили вѣдомство. Весь вредъ сей произошелъ отъ самовластной раздачи Сенатомъ заводовъ сихъ съ приписными къ онымъ крестьянами. Сіи заводскія безпокойства пресѣклись не прежде 1779 года манифестомъ моимъ о работахъ заводскихъ крестьянъ“. Здѣсь, разумѣется, мы должны принять что-нибудь одно: или волненіе заводскихъ крестьянъ прекратилось вслѣдствіе передачи заводовъ отъ частныхъ людей въ казну, или вслѣдствіе манифеста о рабочихъ. Если принять послѣднее, то нельзя будетъ приписать всего зла тому, что Сенатъ роздалъ заводы частнымъ лицамъ.

9-го августа, въ присутствіи императрицы въ Сенатѣ, былъ поданъ ей докладъ о собираніи въ казну впредь десятой доли съ мѣди, желѣза, чугуна и со всего выдѣлывающагося на частныхъ заводахъ, но со вновь устраивающихся заводовъ этотъ платежъ взыскивать только по прошествіи десяти лѣтъ. Екатерина подписала: „Быть по сему, а о розданныхъ казенныхъ заводахъ и о приписныхъ крестьянахъ разсмотрѣніе сдѣлать“. Въ томъ же присутствія она дала Сенату два приказанія: 1) опредѣлить, „какіе достаточные способы къ весьма нужному размноженію и сбереженію лѣсовъ для переду принять надлежитъ; 2) для разсмотрѣнія гражданскихъ штатовъ быть особой коммисіи при сочиненіи Уложенія, и въ оной быть главнымъ князю Якову Петр. Шаховскому“.

Относительно крестьянскихъ волненій Екатерина еще 3-го іюля подписала указъ: „Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ, чтобъ всѣ и каждый при своихъ благонажитыхъ имѣніяхъ и правостяхъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ имѣніяхъ и владѣніяхъ ненарушимо сохранять, и крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать“. Но приходили извѣстія о новыхъ крестьянскихъ волненіяхъ. 19 іюля, въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читали просьбу генераль-маіора Тевкелева на возмутившихся крестьянъ въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ.

9-го іюля Екатерина велѣла распечатать домовыя церкви, запечатанныя въ предшествовавшее царствованіе; но предстоялъ трудный вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. 3-го іюля, присутствуя въ Сенатѣ, Екатерина приказала имѣть ему разсужденіе о духовенствѣ, какъ бы ему учинить удовольствіе къ его содержанію. Духовенство не дожидалось и подало прошеніе объ отдачѣ ему во владѣніе вотчинъ, и 5 іюля императрица передала это прошеніе Сенату съ приказаніемъ—имѣть разсужденіе и мнѣніе свое ей донести [2]). Опять разсужденіе! а между тѣмъ Ростовскій митрополитъ Арсеній (Мацѣевичъ), въ письмѣ къ графу Алексѣю Петр. Бестужеву-Рюмину, такъ описывалъ положеніе, произведенное распоряженіями по указу Петра III: „Не надлежало бы мнѣ утруждать теперь ваше высокографское сіятельство просьбою. Однако крайняя нужда влечетъ, яко за отобраніемъ нынѣ отъ дома архіерейскаго и отъ монастыря вотчинъ приходится съ голоду умирать: понеже хлѣбъ у насъ весь былъ по вотчинамъ въ житницахъ, а при себѣ, въ самомъ домѣ архіерейскомъ, не держалъ, кромѣ какъ только на пищу—молотый. А какъ указъ застигъ, то воевода Ростовскій тотчасъ по всѣмъ вотчинамъ житницы опечаталъ и, скотъ и птицы описавши, въ свою команду взялъ, оставивъ меня со всѣмъ духовенствомъ и мірскими служителями безъ пропитанія, и не токмо будетъ ѣсть нечего, когда смолотое и лежавшее въ сушилахъ пріѣдимъ, но и литургіи святой служить нечѣмъ и некому: всѣ принуждены идти съ нищими въ міръ. Всепокорно прошу показать милость къ домамъ Божіимъ, дабы стараніемъ вашимъ возвращены вотчины были попрежнему. Лошадей хотя малое число очень оставлено у насъ, да и тѣхъ будетъ нечѣмъ кормить: не жаль того, что лошади у насъ, всѣ съ кобылицами и малыми жеребятами, нарочнымъ полковникомъ, изъ Военной Коллегіи присланнымъ, отобраны и въ Петербургъ сведены,—только жаль того, что заводъ, отчасти славный въ государствѣ, совсѣмъ переведенъ и отъ насъ не въ прислугу высокомонаршей власти, но какъ бы за вину нѣчто конфискованное отобрано. Въ Ро-

[1]) Журн. и прот. Сената, 11 іюля, 12 и 19 августа.

[2]) Журн. и прот. Сената, означенныя въ текстѣ числа.

стовѣ у насъ воеводою надворный совѣтникъ Петръ Протасьевъ: невозможно ли постараться его отсюда перемѣнить" [1]).

Преосвященные, пораженные указомъ Петра III, передавали другъ другу въ письмахъ свои сѣтованія. Московскій митрополитъ Тимоѳей писалъ Арсенію Ростовскому: „Что же касается до упомянутой въ писаніи вашего преосвященства печали, то теперь не только вашу святость, но и всѣхъ насъ коснулась эта скорбная метаморфоза, которая жизнь нашу приводитъ къ стенаніямъ и горестямъ (nunc non solum vestram sanctitatem, sed omnes nos dolenda ista tetigit metamorfosis, quae vitam nostram ad gemitus et dolores ducit). Архіепископъ Амвросій писалъ тому же Арсенію 15-го іюля: „Поздравляю общею радостію со вступленіемъ ея императорскаго величества на престолъ: слава Богу, что мы всѣ отъ мысленнаго ига избавленіе получили, и теперь, какъ изъ манифеста (о коронаціи) изволите усмотрѣть, къ сентябрю мѣсяцу просимъ и ваше преосвященство къ намъ въ Москву пожаловать и намъ о извѣстномъ дѣлѣ помогать". Митрополитъ Тимоѳей 2-го августа писалъ Арсенію: „Августа 1-го принялъ я писаніе вашего преосвященства всепріятно, въ коемъ объявленныя въ прошедшемъ времени послѣдовавшія несчастныя приключенія читалъ не безъ сожалѣнія. У насъ въ отдаленныхъ только мѣстахъ такимъ образомъ поступлено и скотъ по описи весь взятъ, а въ Москвѣ ихъ наглостей не видѣли. Лошади хотя всѣ описаны, однако и понынѣ не отобраны и остались подъ вѣдѣніемъ нашимъ; но и намъ сія отрада не велика, ибо съ другой стороны не безъ жалости видѣть можно, что въ вотчинахъ отъ тѣхъ же нашихъ крестьянъ невозвратныя подѣланы разоренія, лѣса порублены, сѣно расхищено, мелкій скотъ и птицы индѣ прежде описи еще побраны, а индѣ при описи искоренены, въ прудахъ рыба выловлена, и какія только вообразить можно надѣлали какъ при описи бывшіе офицеры, такъ и сами крестьяне опустошенія. Да и при Москвѣ, въ Черкизовскомъ моемъ прудѣ не однажды описатели дерзостно рыбу ловили, однако же не единожды за то и смѣняемы были. Въ такихъ-то смутительныхъ обстоятельствахъ одна только суть отрадою надежда". Но митрополитъ оканчиваетъ письмо печальными словами: „Надежду истребляетъ рознь между братьями (spem mutat discordia fratrum)" [2]).

16 іюля Сенатъ составилъ докладъ по поводу просьбы духовенства объ отдачѣ ему отобранныхъ имѣній: 1) имѣнія возвратить; 2) со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, брать рубль, изъ которыхъ 50 коп. пойдутъ въ казну на содержаніе инвалидовъ, а 50 — архіереямъ, въ монастыри и прочія мѣста, куда крестьяне будутъ возвращены; 3) крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которыхъ будутъ выбирать сами крестьяне съ перемѣною погодно. По поводу этого доклада, 18-го іюля у Сената съ Синодомъ была конференція. Преосвященные объявили, что первымъ пунктомъ доклада довольны; но относительно платежа 50 коп. въ казну, Аѳанасій Тверской объявилъ, что это будетъ крестьянамъ тягостно, другой же половины на содержаніе монастырей и семинарій мало; по его мнѣнію, надобно было возвратиться къ рѣшенію Синода, состоявшемуся при императрицѣ Елисаветѣ, именно: духовенство будетъ вносить ежегодно по 300,000 рублей; а что касается сбора на архіереевъ и монастыри, то это оставить на ихъ усмотрѣніе. Къ мнѣнію Тверскаго преосвященнаго пристали Гедеонъ Псковской и Веніаминъ Петербургскій; а Палладій Рязанскій соглашался съ сенатскимъ мнѣніемъ, равно какъ и Димитрій Сѣченовъ Новгородскій, въ чемъ и обнаружилась „рознь между братьями", которую оплакивалъ Тимоѳей Московскій. Димитрій Новгородскій прибавилъ, что необходимо учредить коммисію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ для сочиненія монастырямъ, архіерейскимъ домамъ и семинаріямъ штатовъ. Насчетъ управленія крестьянъ выборными всѣ архіереи согласились съ Сенатомъ [3]).

Надобно было принять мнѣніе Димитрія Сѣченова о коммисіи для составленія штатовъ, ибо только послѣ этого составленія можно было опредѣлить, достаточно или недостаточно 50 коп., и тѣмъ прекратить споры и жалобы. Но коммисія, разумѣется, должна была затянуть дѣло, и раждался вопросъ: чѣмъ же до ея рѣшенія будутъ содержаться монастыри и архіерейскіе дома; отдать до окончанія дѣла монастырямъ имѣнія или не отдавать. Екатерина находила вопросъ труднымъ, что̀ видно изъ письма ея къ Бестужеву отъ 8-го августа: „Батюшка Алексѣй Петровичъ, прошу васъ приложенныя бумаги разсмотрѣть и мнѣніе ваше написать; дѣло въ томъ, коммисію ли учинить нынѣ, не отдававъ деревень духовнымъ, или отдавать ли нынѣ, а послѣ сдѣлать коммисію. Въ первой бумагѣ написано — отдавать, а въ другой только, чтобъ они вступили во владѣніе до коммисіи. Пожалуй, помогай совѣтами" [4]). Какъ видно, вслѣдствіе совѣтовъ Бестужева, на которые могло имѣть вліяніе письмо Ростовскаго архіерея, 12-го августа состоялся именной указъ объ отдачѣ всѣхъ синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній, для благопристойнаго духовнаго чина содержанія, имъ въ управленіе, и объ отставленіи Коллегіи Экономіи и небытіи посланнымъ для управленія церковныхъ вотчинъ офицерамъ.

Такова была внутренняя дѣятельность Екатерины въ два первые мѣсяца ея царствованія. Время была тяжелое для нея. Перемѣна 28-го іюня не

[1]) Письмо отъ 12 іюля, хран. въ Государ. Архивѣ.
[2]) Архивъ Синода, дѣло объ Арсеніи Мацѣевичѣ.
[3]) Журналы Сената.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 135.

могла остаться безъ нравственныхъ послѣдствій, безъ извѣстной нравственной разнузданности. Екатеринѣ нужно было много лѣтъ искуснаго, твердаго и счастливаго правленія, чтобъ пріобрѣсти тотъ авторитетъ, то обаяніе, которое она производила въ Россіи и въ цѣлой Европѣ, чтобъ заставить признать законность своей власти. Въ первое время царствованія это признаніе не было всеобщимъ, и въ Европѣ не было еще увѣренности, что Екатерина удержится на престолѣ. Такія отношенія заставляли Екатерину стараться объ удержаніи при себѣ своихъ старыхъ приверженцевъ, объ увеличеніи ихъ числа, заставляло сдерживаться, уступать, идти на сдѣлки. Екатерина писала Понятовскому, что ей необходима величайшая осторожность, что за нею наблюдаютъ. „Меня принудятъ", писала она, „сдѣлать еще тысячу странностей; если я уступлю,—меня будутъ обожать; если нѣтъ,—то не знаю, что́ случится". Предположимъ въ этихъ словахъ преувеличеніе, преувеличеніе намѣренное; предположимъ, что Екатерина хотѣла выставить всю затруднительность своего положенія, чтобъ отвратить Понятовскаго отъ пріѣзда въ Петербургъ; но за этимъ преувеличеніемъ все же останется что-то вѣрное. Разумѣется, Екатерина не думала, что ее заставятъ сдѣлать ровно тысячу странностей; но въ числѣ странностей она считала настаиваніе нѣкоторыхъ сильныхъ людей на учрежденіи постояннаго Совѣта, казавшагося для Екатерины очень неудобнымъ, особенно по извѣстнымъ взглядамъ человѣка, болѣе другихъ толковавшаго о необходимости совѣта,—Никиты Ив. Панина. Тѣ самые люди, которые хотѣли, по отстраненіи Петра III, возвести на престолъ малолѣтняго сына его, Павла, и Екатерину провозгласить только правительницею до совершеннолѣтія императора,—тѣ самые люди, послѣ неудачи своего замысла, настаиваютъ на учрежденіи постояннаго Совѣта. Зачѣмъ это настаиваніе? Хотятъ оградить себя отъ вліянія фаворитовъ? Раздражающее, оскорбительное побужденіе! Предполагаютъ въ Екатеринѣ такую слабость, что она будетъ руководиться въ дѣлахъ управленія волею фаворитовъ. Но, и при постоянномъ Совѣтѣ, при надстройкѣ этого верхняго этажа надъ Сенатомъ, вліяніе фаворитовъ можетъ быть преобладающимъ. При Петрѣ II Верховный Тайный Совѣтъ не спасалъ отъ вліянія Долгорукихъ. Значитъ, есть какой-нибудь другой умыселъ, и постоянный Императорскій Совѣтъ будетъ служить только средствомъ къ достиженію чего-нибудь другого.

Дѣло не нравилось, возбуждало подозрѣніе, а между тѣмъ считалось нужнымъ уступать, соглашаться хотя на-время, изыскивать способы впослѣдствіи уклониться отъ него. Въ оправдательномъ манифестѣ Бестужеву, написанномъ или переписанномъ рукою самой Екатерины, находимъ слѣдующія слова: „и сверхъ того, жалуемъ его (Бестужева) первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при Дворѣ нашемъ Императорскаго Совѣта". Но удалось исключить эти слова въ печатномъ манифестѣ.

Для обезпеченія себя отъ разныхъ странностей, надобно было поспѣшить коронаціею, и выѣздъ императрицы для этого въ Москву назначенъ былъ на 1-е сентября. Распоряженія по торжеству коронаціи были поручены князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому. Князь Никита долженъ былъ устроить для императрицы помѣщеніе въ Кремлѣ, и по этому случаю писалъ къ завѣдывавшему Кабинетомъ—Олсуфьеву: „Я, всячески разсматривая положеніе покоевъ въ Кремлѣ, въ которыхъ нынѣ резидовать изволитъ всемилостивѣйшая государыня, не нахожу мѣста, гдѣ-бъ можно было быть церкви; а зная же великое благоговѣніе ея императорскаго величества къ Богу, разсуждая, что безъ церкви, дабы она въ близости была, обойтиться нельзя, нашелъ средства тому помочь, то есть, чтобъ съ церковію Срѣтенскаго собора, которая въ самой близости отъ апартаментовъ ея величества состоитъ—и церковь изрядная,—сдѣлать изъ покоевъ ея величества покрытую и съ окончинами деревянную коммуникацію, и какъ очень церковь холодная, то изъ находящейся около нея паперти—теплые покои". Это распоряженіе было одобрено Екатериною [1]).

Приготовленіе короны было поручено И. И. Бецкому. По этому случаю кн. Дашкова разсказываетъ любопытное происшествіе, изъ котораго ясно видно, какъ событіе 28-го іюня кружило головы. На четвертый день послѣ переворота, когда императрица находилась вдвоемъ съ Дашковою, Бецкій испрашиваетъ позволенія войти: входитъ, бросается на колѣни и начинаетъ умолять императрицу признаться, чьему вліянію она приписываетъ свое воцареніе. „Я обязана своимъ воцареніемъ", отвѣчаетъ Екатерина, „Богу и избранію моихъ подданныхъ".—„Въ такомъ случаѣ", говоритъ отчаяннымъ тономъ Бецкій, „я не имѣю болѣе права носить этотъ знакъ отличія", и, при этихъ словахъ, начинаетъ снимать съ себя Александровскую ленту. Екатерина спрашиваетъ его, что это значитъ.—„Я самый несчастный человѣкъ", отвѣчаетъ Бецкій, „потому что ваше величество не признаете во мнѣ единственнаго виновника своего воцаренія!—развѣ не я настроилъ къ этому умы гвардейцевъ? развѣ не я бросалъ деньги въ народъ?" Императрица и Дашкова обѣ пришли въ безпокойство, подумавши, что Бецкій сошелъ съ ума; но Екатерина скоро нашла средство успокоить Бецкаго. „Я признаю", сказала она, „сколько я вамъ обязана; и такъ какъ я вамъ обязана короною, то кому же лучше, какъ не вамъ поручить приготовленіе всего того, что я должна буду надѣть во время моей коронаціи. И такъ позаботь-

[1]) Письмо отъ 13 августа, наход. въ Государств. Архивѣ.

тесь объ этомъ: всѣ брильянтщики имперіи будутъ въ вашемъ вѣдомствѣ". Бецкій пришелъ въ восторгъ и разсыпался въ благодарностяхъ [1]).

Изъ 25 сенаторовъ 20 отправлялись въ Москву на коронацію, именно: гр. Бестужевъ, гр. Разумовскій, кн. Трубецкой, Бутурлинъ, канцлеръ гр. Воронцовъ, гр. Александръ Шуваловъ, Сумароковъ, Петръ Чернышевъ, кн. Одоевскій, кн. Алексѣй Голицынъ, гр. Петръ Шереметевъ, кн. Шаховской, Никита Панинъ, гр. Скавронскій, кн. Волконскій, гр. Романъ Воронцовъ, гр. Иванъ Воронцовъ, кн. Мих. Голицынъ, Суворовъ, Брылкинъ. Пятеро осталось въ Петербургѣ: Неплюевъ, Николай Андр. Корфъ, Жеребцовъ, Ушаковъ и Костюринъ. По этому случаю Панинъ подалъ записку: „Когда адмиралъ Голицынъ былъ оставленъ здѣсь членомъ Сенатской Конторы (во время коронаціи Елисаветы), яко одинъ сенаторъ, тогда въ указѣ ему велѣно было имѣть надъ всѣми гражданскими и военными дѣлами главную команду. Нынѣ оставляется здѣсь цѣлый департаментъ сенатскій, состоящій въ пяти сенаторахъ: такъ не соизволено ли будетъ повелѣть главному изъ нихъ,—что хотя все правленіе должно производимо быть въ Сенатской Конторѣ купно со всѣми сенаторами, однакоже попеченіе о неупущеніи и добромъ порядкѣ болѣе ему принадлежитъ. Старшій сенаторъ Неплюевъ, по бѣдности своей, не имѣетъ здѣсь такого дома, гдѣ-бъ пристойно жить могъ; да къ тому же, яко главному въ городѣ, надлежитъ ему имѣть караулъ какъ для чести, такъ и для случающихся надобностей. Не меньше долженъ онъ принимать у себя въ домѣ знатныхъ чужестранныхъ проѣзжающихъ и праздновать торжественные дни: того ради не соизволено ли будетъ указать ему, по прежнимъ примѣрамъ, переѣхать жить въ деревянный Зимній дворецъ и имѣть караулъ, а на столъ опредѣлить по 500 рублей на мѣсяцъ. Въ разсужденіе важной новости общаго положенія и оставляемаго столь люднаго столичнаго города, въ которомъ такъ свѣжо еще остается въ памяти великое происшествіе, требуетъ наипаче штатскій резонъ, чтобъ сей распорядокъ соображаемъ былъ съ зрѣлою политикою, которая должна быть приведена въ пристойную знатность предъ публикою. Слѣдовательно, пристойно-бъ было, если бы соизволено при самомъ отъѣздѣ пожаловать голубую ленту ему, Неплюеву, чѣмъ публика, слѣдовательно, и общее послушаніе къ нему вящше въ респектъ приведены будутъ. А сей публичный знакъ высокой повѣренности не можетъ быть никому въ предосужденіе, потому что онъ не токмо всѣхъ тѣхъ старѣе, кои его не имѣютъ, но и большая часть имѣющихъ его моложе. Онъ же служитъ 50 лѣтъ и обращался всегда въ отличныхъ дѣлахъ съ пользою" [2]).

Панинъ поручилъ Теплову передать эту записку императрицѣ, а самъ, 27-го августа, выѣхалъ съ наслѣдникомъ престола въ Москву. Выѣхалъ онъ, какъ видно, не очень довольный отношеніями своими къ Екатеринѣ; его безпокоило вліяніе Григорія Орлова, безпокоило и то, что учрежденіе Императорскаго Совѣта было отложено. Не такъ дѣйствовалъ Бестужевъ; хитрый старикъ помнилъ, какую силу при Елисаветѣ давала ему дружба Алексѣя Разумовскаго; онъ заискалъ и теперь у Орлова; не настаивалъ на томъ, что было непріятно, выказывалъ преданность безграничную, и былъ за то „батюшка Алексѣй Петровичъ". Дашкова и Тепловъ были такъ же недовольны. Относительно первой исполнилось предсказаніе дяди, канцлера: выставкою своего участія въ событіи 28-го іюня она раздражила Екатерину; раздраженіе усилилось ея столкновеніями съ Орловыми. Тепловъ жаловался, что не пользуется прежнею довѣренностью императрицы,—что Елагинъ перебиваетъ у него дорогу. Екатерина могла охладѣть къ Теплову за его тѣсную связь съ Панинымъ и Дашковою; но могъ повредить ему и Бестужевъ. Мы видѣли [3]), что, по своемъ возвращеніи, стремясь къ торжественному оправданію себя, Бестужевъ пересмотрѣлъ слѣдственное дѣло, по которому онъ былъ осужденъ, и сдѣлалъ свои замѣчанія, конечно, не оставшіяся тайною для Екатерины. Эти замѣчанія указывали на Теплова, какъ на измѣнника, который донесъ о перепискѣ Екатерины съ гетманомъ Разумовскимъ: „О семъ секретѣ", писалъ Бестужевъ, „никому извѣстно быть не могло, кромѣ Теплова; онъ, единственно злясь на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ; ежели онъ подобно тому въ новомъ Тайномъ Совѣтѣ поступать будетъ и всѣхъ перессоривать, то не нахальствомъ, но скромностію, чистою совѣстію и искусствомъ Ададуровъ превосходить будетъ".

Какъ бы то ни было, Тепловъ былъ недоволенъ, что видно изъ писемъ его къ уѣхавшему Панину [4]). Отъ 29-го августа онъ писалъ: „Того момента, какъ вы поѣхали, я, потуживши о вашемъ отъѣздѣ съ любезною нашею княгинею (Дашковою), пошелъ къ ея величеству и имѣлъ счастіе подать ваше запечатанное письмо. Ея величество, прочитавши оное, думая, что матерія мнѣ письма вашего извѣстна, сказать изволила: „Я не знаю, гдѣ тотъ указъ, вить-де есть у тебя черный, принеси мнѣ копію"! Услышавши отъ меня, что содержанія письма не знаю и что о какомъ указѣ изволитъ говорить—я разумѣть не могу, тогда изволила сказать: „О Неплюевѣ". Это было поутру, до обѣдни. Пополудни въ $3^1/_2$ часа я принесъ вторично чисто переписанный и подалъ ея величеству, послѣ чего изволила мнѣ показать одну резолюцію своеручную на докладѣ, кажется, о Перфильевѣ, а подлинно не разсмотрѣлъ: нѣтъ ли-де противъ языка ошибки. Я счастіе имѣлъ объ одной только самой малой пред-

---

[1]) Mémoires, I, 137.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 151.

[3]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXIV, стр. 1040 и 1041.

[4]) Въ Государ. Архивѣ.

ставить; впрочемъ очень правильно написана была. Потомъ я о Тотлебенѣ доложилъ, и ея величество очень сожалѣть изволила, что запамятовала о немъ: надобно-де дѣло его до отъѣзда кончить; и когда я доложилъ, что въ прежнихъ дѣлахъ сентенція оригинальная объ Тотлебенѣ находится, то ея величество повелѣть мнѣ изволила оную принести, съ чѣмъ я и отошелъ. Скоро послѣ того ея величество прислать ко мнѣ изволила Миниховo письмо съ цедулкою и параллелями между порта Балтицкаго и Ревельскаго, съ тѣмъ повелѣніемъ, чтобъ я, когда буду писать къ вашему превосходительству, то-бъ оныя отослалъ, что я при семъ и исполняю. Содержаніе письма Минихова показываетъ, что ея величество для забавы вамъ оное посылаетъ. И подлинно экспрессіи больше, нежели всѣ прежнія, смѣха достойны. Къ вечеру я подалъ сентенцію о Тотлебенѣ. Взаключеніе поговоримъ о княгинѣ Дашковой, которая, кажется мнѣ, въ большомъ горѣ послѣ вашего отъѣзда. Я почти постоянно у нея. Духъ ея, хотя и въ безпокойствѣ обрѣтающійся, порождаетъ постоянно идеи, отъ которыхъ я ротъ разѣваю. Наши уединенныя бесѣды съ сею дамою, добродѣтельною и разума исполненною, составляютъ единственное утѣшеніе для моего духа, удрученнаго безпокойствомъ. Я имѣлъ честь обѣдать съ нею. Напитала она меня обильно. Моя одна порція составила бы четыре вашихъ обѣда. Мы ужинали въ сообществѣ съ княгинями Куракиною и Репнинoю. Смѣхъ содѣйствовалъ много нашему пищеваренію, тѣмъ болѣе-что наша любезная хозяйка подбавляла соли. Я теряю терпѣніе, но я привожу себѣ на память, что человѣкъ солидный не долженъ помрачать свою добродѣтель простыми предположеніями, и что два мѣсяца недостаточны, чтобъ сказать, что имѣешь довольно опытности при Дворѣ. Императорскій Совѣтъ рѣшитъ все. Когда я въ Москвѣ, то, по крайней мѣрѣ, могу сказать, что я ближе къ моимъ украинскимъ пенатамъ. Вѣрно то, что не станутъ удерживать силою того, отъ кого хотятъ отдѣлаться. Служить, не имѣя довѣренности государя,—все равно, что умирать отъ сухотки. Ради Бога, берегите ваше здоровье и успокойтесь отъ тѣхъ волненій въ крови, которыя причинили вамъ дѣла Петербургскія. Это единственное средство для вашего превосходительства, для княгини и для того, который всю свою жизнь не перестанетъ васъ любить" и проч.

1-го сентября Тепловъ писалъ: „Ив. Ив. Неплюеву ея величество вчерашняго вечера указъ сама изволила отдать. Я прилагаю точную копію того, который подписанъ для вашего прочтенія, а притомъ и нашъ первый концептъ, дабы вы изволили сами сличить, въ чемъ состоитъ отмѣна. По моему мнѣнію, различіе главное состоитъ въ томъ, что прописка указа о Сенатской Конторѣ выставлена, чѣмъ сей новый и укороченъ. Впрочемъ, сила и содержаніе все прежнее оставлены; но какъ всякій стилистъ любитъ больше себя авторомъ видѣть, нежели другого, то и тутъ во многомъ поправщикъ слова первыя назадъ, а заднія напередъ переставилъ, и тѣмъ великую будто поправку нашего концепта доказалъ. Гораздо труднѣе дать идею сочиненію въ его созданіи, чѣмъ перемѣнять слова. Но человѣкъ безъ кредита, какъ я, долженъ все проглатывать. Г. Елагинъ—мой другъ; но, я думаю, онъ самъ признается, что не ему меня учить языку, тѣмъ больше-что его „можите", которое вы найдете въ указѣ вмѣсто „можете", служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ моего честолюбія, которое не совсѣмъ неумѣстно. Прилагаю манифестъ печатный о графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ. Оригинальный написанъ рукою мнѣ неизвѣстною. Всѣ любопытствуютъ знать, кѣмъ онъ сочиненъ, говоря, что очень хорошо составленъ. Но такъ какъ я объ этомъ ничего не знаю, то мнѣ нетрудно отвѣчать. Мой отвѣтъ: „не знаю и первый разъ вижу и слышу" заставляетъ нѣкоторыхъ думать, что вы его авторъ".—Панинъ имѣлъ удовольствіе узнать, что его представленіе о Неплюевѣ исполнено.

Въ назначенный день, 1 сентября, Екатерина выѣхала въ Москву, и 9 числа остановилась въ подмосковномъ селѣ гетмана Разумовскаго, Петровскомъ (Разумовскомъ). 11 числа въ Петровскомъ собрались члены Синода и высшее духовенство, придворныя дамы, кавалеры, генералитетъ и прочія знатныя обоего пола особы для поднесенія всеподданнѣйшихъ поздравленій. Первымъ выступилъ Новгородскій архіерей Димитрій, какъ первый членъ Синода; не о надеждахъ въ будущемъ говорилъ ораторъ,—онъ прославлялъ совершенный уже подвигъ: „Се царствующій градъ Москва, вмѣсто возженныхъ свѣтильниковъ, съ горящими любовію сердцами усрѣтаетъ вожделѣнную матерь и государыню свою, преславная дѣла и заслуги Отечеству и Церкви показавшую. Гряди, защитница Отечества, гряди, защитница благочестія, вниди во градъ твой и сяди на престолѣ предковъ твоихъ". Явился и Запорожскій кошевой атаманъ съ старшиною, и писарь говорилъ императрицѣ рѣчь отъ всего войска. Запорожецъ началъ съ того, что выставилъ необходимость власти и повиновенія ей: „Вся премудростію сотворивый Господь", говорилъ писарь, „вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту—сѣверъ, тучѣ—востокъ, солнцу—западъ, намъ же человѣкамъ—учрежденную надъ собою власть. Сей нашъ всеобщій и непремѣнный долгъ такъ насъ крѣпко понуждаетъ и къ наблюденію своему влечетъ, что аки-бы онъ на скрижаляхъ сердца нашего былъ написанъ. Чего всего въ разсужденіи, когда Царь Небесный в. и. в. на престолъ Всероссійскій всесильною Своею десницею возвелъ, и мы всѣ, сыны и питомцы Низоваго Днѣпровскаго Запорожскаго коша, какъ дѣти и птенцы орляго твоего гнѣзда, не могли отъ несказанной радости не вострепетать и слѣдующаго привѣтствія не возгласить: Богъ духовъ и всякія плоти вашего императорскаго величества духъ жизни, которымъ вся Россія живетъ, движется и процвѣ-

таетъ, въ священнѣйшемъ ковчезѣ августѣйшаго тѣла дражайшимъ здравіемъ и свѣтозарнымъ долгоденствіемъ да оградитъ"! и проч.

13 сентября происходилъ торжественный въѣздъ въ Москву: „По улицамъ убрано было ельникомъ, наподобіе садовыхъ шпалеръ, обрѣзаннымъ разными фигурами; а для смотрѣнія народу обыватели, каждый предъ своимъ домомъ, имѣлъ построенныя преизрядныя галереи, по которымъ снаружи, также въ домахъ, изъ оконъ и по стѣнамъ, свѣшены были ковры и другія разныя матеріи". Въ Успенскомъ соборѣ, когда императрица, приложившись къ иконамъ и мощамъ, стала на своемъ мѣстѣ, а наслѣдникъ—на мѣсто царицъ, то Димитрій Новгородскій началъ говорить проповѣдь: „Красуйся, царствующій градъ, и удивляйся, глаголя: откуду мнѣ сіе, яко пріиде мати Отечества ко мнѣ? Виждь въ Св. храмъ сей, аки въ сердце всего Россійскаго царства, благочестно входящую. Пріиде къ намъ благочестивыя Вѣры защитница, Церковь и Отечество матернимъ покровомъ покрывшая и сохранившая; пріиде всѣхъ скорбей и печалей нашихъ окончаніе, всѣхъ радостей нашихъ вина. Видѣла матерь свою, Св. Церковь, бѣдствуему и озлобляему,— восхотѣла отъ страха и вредныхъ перемѣнъ избавити; не допустила Отечеству прійти въ наглое расхищеніе, въ горесть и воздыханіе; не дала Россіи отъ супостатовъ быти въ посмѣхъ, въ стыдъ и поношеніе. Да какъ ужасно слышати: мечемъ-ли, оружіемъ ли или кровопролитіемъ?— Никако: и, презря животъ свой, не боясь смерти, съ единымъ на Бога упованіемъ".

Коронація произошла съ обычными церемоніями 22 сентября. И тутъ Новгородскій митрополитъ говорилъ рѣчь, величая событіе 28 іюня, какъ дѣло Божіе: „Господь положилъ на главѣ твоей вѣнецъ. Знаетъ Онъ благочестивые отъ напасти избавляти; зналъ предъ Собою чистое сердце твое, зналъ непорочные пути твои, зналъ въ несносномъ терпѣніи твоемъ ни откуду помощи ищущую, на Него единаго уповающую. Знаемъ и всѣ единодушно скажемъ, что ни глава твоя царскаго вѣнца, ни рука твоя державы поискала славы ради, или снисканія высокой власти, или пріобрѣтенія временныхъ сокровищъ: но едина матерняя ко Отечеству любовь, едина вѣра къ Богу и ревность къ благочестію, едино сожалѣніе о страждущихъ и утѣсняемыхъ чадѣхъ Россійскихъ понудили тебе пріяти великое сіе къ Богу служеніе. Видѣла озлобленіе людей твоихъ; видѣла все—и воздыхала, яко близъ паденія Церковь, близъ опасности все благосостояніе Россійское, но ты едина, ревнуя, поревновала еси. Господи Боже Вседержителю, и сіе чудное строеніе не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судебъ и Его премудраго совѣта. Будутъ чудо сіе восклицать проповѣдники; напишутъ въ книгахъ историки; прочтутъ съ охотою ученые; послушаютъ въ сладость некнижные; будутъ и послѣдніе роды повѣствовать чадомъ своимъ и прославлять величія Божія. Нынѣ, когда, по мрачныхъ тучахъ оныхъ, наступило ведро и самая осень претворилася въ красную весну, начиная лѣто, Господеви пріятно. Поздравляемъ и тебе, дражайшій Всероссійскаго престола наслѣдниче, Богомъ вѣнчанною нынѣ, вселюбезною матерію твоею. Что нынѣ самодержавная матерь твоя воспріяла, тое и тебѣ понести иногда должно будетъ; помышляй, яко ея корона — твоя корона; вся, елико имать, дастъ тебѣ; ея престолъ — твой престолъ, твой синклитъ, твое воинство, твое Всероссійское царство".

На медаляхъ, выбитыхъ въ честь коронаціи, на лицевой сторонѣ изображенъ былъ бюстъ императрицы, а на оборотѣ—„Православіе и Россійское Отечество, спасенныя геройскимъ духомъ ея императорскаго величества отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій, радостно возносятъ украшенный дубовыми листьями щитъ съ именемъ ея величества, на который провидѣніе Божіе императорскую корону налагаетъ; передъ ними стоитъ курящійся жертвенникъ съ изображеніемъ знаковъ духовнаго, военнаго и гражданскаго чина, на который Россійское Отечество сыплетъ ѳиміамъ, во изъявленіе всенародныхъ молитвъ и усердныхъ желаній о долгоденствіи и благополучномъ государствованіи вседражайшія ихъ монархини и избавительницы, съ подписаніемъ, вверху: „За спасеніе Вѣры и Отечества"; внизу: „Коронована въ Москвѣ, сентября 22 дня 1762 года".

Великороссійскій архіерей повторялъ о благодѣтельномъ значеніи событія 28 іюня для Церкви и Отечества; но къ торжеству коронаціи пріѣхалъ въ Москву Православный архіерей изъ чужого государства: онъ такъ-же въ своей рѣчи прославилъ восшествіе на престолъ Екатерины, какъ событіе спасительное для Русской Церкви, но указалъ для новой императрицы новыя обязанности, о которыхъ не упоминалъ митрополитъ Новгородскій. 29 сентября, въ послѣдній день коронаціонныхъ торжествъ, говорилъ Екатеринѣ рѣчь извѣстный Георгій Конисскій, епископъ Могилевскій или Бѣлорусскій. Въ самомъ началѣ рѣчи Конисскій не усомнился назвать себя и весь Бѣлорусскій народъ подданными Русской императрицы: „Между подданными народами вашего императорскаго величества, о всерадостнѣйшей коронаціи торжествующими, приноситъ и Бѣлорусскій народъ чрезъ меня, подданника вашего величества, всеподданнѣйшее поздравленіе. Знаю, какъ далече отстоитъ Богомъ благословенная Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую —людей, предѣлами россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ. Здѣ свѣтильникъ вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ, доселѣ потрясенъ былъ нечаянно, но опять утвержденъ: у насъ свѣтильникъ тотъ свирѣпо дышущіе отъ Запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣ храмы

Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ; замолкло-было пѣніе [1]), но опять возгремѣло: у насъ храмы Господни множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатлѣны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣ чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе; пришло-было благочестіе въ нечесть, но опять на первое достоинство возвратилось: у насъ благочестивымъ именоватись въ студъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а нерѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ. Однакъ, и въ толикихъ египетскихъ озлобленіяхъ и столько отстоя отъ благополучія подданныхъ вашего величества, не хотимъ уступити имъ въ разсужденіи радости настоящей. Смѣемся и сквозь слезы утѣшаемся и въ горести души торжествуемъ и въ послѣднемъ утѣсненіи. А для чего такъ? Надежда избавленія нашего веселитъ насъ; надежда не въ травѣ, какъ говорятъ, ниже въ одномъ цвѣтѣ, но и въ самомъ плодѣ состоящая. Тобою, благочестивѣйшая государыня, свѣтильникъ Вѣры, бывшій въ Россіи потрясенный, сталъ утвержденъ. Тобою храмы Господни и красоту и гусли своя съ псалтирью удержали. Тобою благочестивые и вѣрные подданные твои въ первую честь и достоинство приведены. Сіи тобою въ едино лѣто принесенные плоды обнадеживаютъ насъ крѣпко, что и намъ подобные принесеши въ грядущее время. Или бы не можеши сего сотворити намъ, или не соблаговолиши? Могла въ немощи, - можеши въ силѣ; могла, престола лишаема, —можеши, на престолѣ Богомъ посажденна; могла, въ страсѣ и опасности житія пребывая, — можеши, страхомъ и угрожаніемъ смерти непріязненныхъ исполняя. Могла и соблаговолила тогда, когда животъ твой за Вѣру и Отечество въ жертву Богу предала,—можеши и соблаговолиши теперь, когда Богъ тебѣ животъ твой для Вѣры и Отечества, еще же и для покровительства единовѣрныхъ вмѣстѣ со скипетромъ возвратилъ. Молимъ же ваше императорское величество: не посрами насъ, надежда наша, въ чаяніи нашемъ, спаси насъ десницею твоею и мышцею твоей покрый насъ“ [2])!

Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ не хотѣлъ предоставить однимъ архіереямъ прославленіе подвига Екатерины 28 іюня. За четыре дня до коронаціи императрица получила отъ него проектъ предложенія его Сенату. Приводя въ примѣръ Петра Великаго, получившаго по случаю Шведскаго мира названіе „Великаго и Отца Отечества“, Бестужевъ говорилъ въ проектѣ: „Не можетъ справедливѣе и одолжительнѣе случай быть нынѣ благополучно государствующей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, избавительницѣ Россіи отъ неизбѣжной почти опасности имперіи сей разрушенія, погубленія нажитой славы, предвидимаго уже ига и низложенія, достойный принесть знакъ благодарности. Я должности моей быть нахожу Правительствующему Сенату, почтеннымъ собратіямъ моимъ, какъ старшій между ими членъ, предложить, чтобы, призвавъ Св. Синодъ и прочихъ главныхъ, положить согласіе, по совершеніи коронаціи, ея величеству, именемъ всего Россійскаго народа, при благодареніи за ея попеченіе и труды, не только оберегая, но не щадя собственной своей всевысочайшей особы для пользы вѣрноподданныхъ своихъ, принесть торжественно титло и именованіе „Матери Отечества“. Екатерина написала на проектѣ: „Видится мнѣ, что сей проектъ еще рано предложить, потому что растолкуютъ въ свѣтѣ за тщеславіе; а за ваше усердіе благодарствую“ [3]).

Екатерина была совершенно довольна пріемомъ, какой сдѣлали ей московскіе жители. На третій день послѣ коронаціи, 25 сентября, она писала посланнику своему въ Варшавѣ, графу Кейзерлингу: „Невозможно вамъ описать радость, какую здѣсь безчисленный народъ оказываетъ при видѣ меня: стоитъ мнѣ выйти или только показаться въ окнѣ,— и клики возобновляются“ [4]). Но, въ то же время, между нѣкоторыми офицерами повторялось имя Иванушки (Ивана Антоновича). Мы видѣли, что Петръ III имѣлъ свиданіе съ Шлюссельбургскимъ заточникомъ, участь котораго не была послѣ этого облегчена. Екатерина, на другой же день своего царствованія, 29 іюня, уже сдѣлала распоряженіе насчетъ немедленнаго свиданія своего съ Иваномъ. Генералъ-маіоръ Силинъ отъ этого числа получилъ указъ изъ Петергофа: „Вскорѣ по полученіи сего имѣете, ежели можно, того же дни, а по крайней мѣрѣ на другой день, безыменнаго колодника, содержащагося въ Шлюссельбургской крѣпости подъ вашимъ смотрѣніемъ, вывезти сами изъ оной въ Кексгольмъ; а въ Шлюссельбургѣ, въ самой оной крѣпости очистить внутренней крѣпости самые лучшіе покои и прибрать, по крайней мѣрѣ, по лучшей опрятности, оные, которые, изготовивъ, содержать до указу“. 4 іюля изъ деревни Мордя, лежащей въ 30 верстахъ отъ Шлюссельбурга, Силинъ доносилъ, что ихъ разбило на озерѣ бурею и они съ арестантомъ находятся въ означенной деревнѣ, дожидаясь новыхъ судовъ изъ Шлюссельбурга, на которыхъ и поплывутъ въ Кексгольмъ. При личномъ свиданіи своемъ съ Иваномъ, Екатерина убѣдилась, какъ нелѣпы были толки людей, невидавшихъ Ивана и думавшихъ, что Екатерина можетъ скрѣпить свои права на престолъ, выйдя замужъ за правнука царя Іоанна Алексѣевича. Иванъ былъ отвезенъ обратно въ Шлюссельбургъ въ прежнее помѣщеніе, приготовленное-было для Петра III. Арестантъ былъ порученъ надзору двоихъ офицеровъ, Власьева и Чекина, а коменданту Шлюс-

[1]) Указаніе на запечатаніе домовыхъ церквей при Петрѣ III.

[2]) «Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія на императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и освященнѣйшаго коронованія ея августѣйшаго в—ства, всепресв., держав., великія госуд. имп. Екатерины Вторыя, самодержицы Всероссійскія, матери и избавительницы Отечества».

[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 157.

[4]) Письмо въ Госуд. Архивѣ.

сельбургскому, Бередникову, не велѣно было вмѣшиваться въ ихъ дѣла; Власьевъ и Чекинъ должны были непосредственно обращаться къ Никитѣ Ив. Панину, который далъ имъ инструкцію: „Разговоры вамъ употреблять съ арестантомъ такіе, чтобъ въ немъ возбуждать склонность къ духовному чину, т.-е. къ монашеству, и что ему тогда имя надобно будетъ перемѣнить, а называть его будутъ, вмѣсто Григорья—Гервасій. Ежели случится, чтобъ кто пришелъ съ командою или одинъ, хотя-бъ то былъ и комендантъ, безъ именнаго повелѣнья или безъ письменнаго отъ меня (Панина) приказа и захотѣлъ арестанта у васъ взять, то онаго никому не отдавать и почитать все то за подлогъ или непріятельскую руку. Буде же такъ оная сильна будетъ рука, что опастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его въ руки не отдавать“. На увѣщанія Власьева и Чекина Иванъ отвѣчалъ: „Я въ монашенскій чинъ желаю, только страшусь Св. Духа, притомъ же я безплотный“. Потомъ сказалъ, что ему позволено постричься, образамъ молиться и кланяться, но Гервасіемъ называться не хочетъ, а пусть назовутъ его Ѳеодосіемъ [1]).

Но все это содержалось въ глубочайшей тайнѣ; о неспособности Ивана къ правленію знали очень немногіе, и его имя являлось въ устахъ каждаго недовольнаго. Къ графу Григорію Григ. Орлову [2]) явился капитанъ Московскаго драгунскаго полка Побѣдинскій съ извѣстіемъ о существованіи партіи, которая считаетъ между своими членами Ив. Ив. Шувалова и которая хочетъ возвести на престолъ Ивана Антоновича; что онъ, Побѣдинскій, слышалъ объ этомъ отъ поручика Петра Чихачева, а Чихачевъ—отъ капитанъ-поручика Измайловскаго полка Ивана Гурьева. Орловъ сказалъ, чтобъ Побѣдинскій съ товарищами безъ боязни вступали въ это дѣло для подробнѣйшаго развѣдыванія. Вслѣдствіе этого развѣдыванія, нѣсколько офицеровъ были допрошены и показали: Семеновскаго полка подпоручикъ Вепрейскій показалъ, что сержантъ Левъ Толстой, до коронаціи дней за семь, сказывалъ ему, что онъ слышалъ отъ поручика Семена Гурьева, будто собирается партія, къ которой и Толстой отъ Гурьева приглашенъ. Толстой сказывалъ Вепрейскому, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ; что Семенъ Гурьевъ приглашенъ Александромъ Гурьевымъ, знаетъ о томъ Ив. Ив. Шуваловъ, князь Иванъ Голицынъ, да нѣтъ ли тутъ Измайловыхъ также. Въ день коронаціи Вепрейскій разсказалъ объ этомъ Димитрію Измайлову и предлагалъ на другой день ѣхать и объявить Григ. Григ. Орлову; но Измайловъ сказалъ, что не-съчѣмъ ѣхать,—все это вранье, и если оговоренные запрутся, то доносчикамъ придется терпѣть истязаніе. Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Иванъ Гурьевъ на допросѣ показалъ: говорилъ Петру Чихачеву, что Иванъ Шуваловъ и съ нимъ четыре знатныя особы, а прочихъ до 70 человѣкъ въ согласіи, чтобъ быть государемъ Ивану Антоновичу; только скоро дѣлать этого нельзя, потому что солдаты любятъ государыню, а современемъ можетъ быть великое кровопролитіе; съ Шуваловымъ называли и князя Никиту Трубецкого.

Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Домогацкій показалъ: своякъ его, Степанъ Бибиковъ, сказывалъ ему, что слышалъ отъ Петра Хрущова бранныя слова противъ ея императорскаго величества; Петръ же Хрущовъ, прощаясь съ Бибиковымъ, говорилъ: „Чего трусншь? насъ въ партіи около 1,000 человѣкъ“! Михайла Шиповъ, разговаривая съ Семеномъ Гурьевымъ, жаловался, что онъ несчастливъ: другіе произведены, а онъ не произведенъ. Гурьевъ его утѣшалъ; „Слышно“, говорилъ онъ, „что сбирается партія противъ государыни,—можете быть въ хорошей партіи: тутъ Иванъ Шуваловъ, Александръ Гурьевъ, князь Иванъ Голицинъ“. Михайла Шиповъ замѣтилъ, что тутъ и Никита Ив. Панинъ. Гурьевъ отвѣчалъ: „Это правда, что Никита Ив. Панинъ тутъ; но есть еще другая партія, въ которой Корфъ,—онъ сбирается возстановить Иванушку; наша партія гораздо лучше, мы стоимъ за то, для чего цесаревичъ не коронованъ, а теперь сомнѣніе у Панина съ Шуваловымъ, кому правителемъ быть“. Семенъ Гурьевъ показалъ, что говорилъ о нѣкоторыхъ противныхъ партіяхъ, къ чему и солдаты армейскіе нѣкоторыхъ полковъ распалены; ихъ сержантовъ въ ту партію приглашалъ и сказывалъ имъ, что посланъ Лихаревъ за принцемъ Иваномъ, чтобъ привезти его къ оному дѣлу; обо всемъ этомъ слышалъ отъ Петра Хрущова, а о посылкѣ Лихарева самъ выдумалъ съ досады, что 28 іюня былъ въ караулѣ въ Петергофѣ, обѣщаны были награды, но ничего не получилъ. Петръ Хрущовъ, на очной ставкѣ съ Гурьевымъ, показалъ, что дѣйствительно все это говорилъ, а о князѣ Трубецкомъ и Шуваловѣ имъ объявлялъ по одной эхѣ,—слышалъ на дорогѣ, идучи съ батальономъ, а подлинно отъ кого слышалъ, показать не можетъ [3]).

Екатерина поручила изслѣдовать дѣло безъ пытокъ. Изъ приведенныхъ показаній открыто было оскорбленіе величества и умыселъ къ общему возмущенію. Сенатъ въ полномъ собраніи, вмѣстѣ съ президентами коллегій, приговорилъ: Петру Хрущову и Семену Гурьеву отсѣчь головы, Ивану и Петру Гурьевымъ каторжную работу, а имѣніе ихъ оставить дѣтямъ и наслѣдникамъ. Императрица перемѣнила смертную казнь на вѣчную ссылку въ Камчатку, а каторжную работу—на вѣчную ссылку въ Якутскъ. Въ манифестѣ объ этомъ говорилось: „Мы можемъ, не похвалившись, предъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли Всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы

¹) Дѣло о Брауншвейгской фамиліи.

²) Въ коронацію всѣ Орловы получили графскій титулъ.

³) Дѣло въ Государ. Архивѣ.

Его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Къ сему достохвальному намѣренію мы приступили не словомъ, но истиннымъ дѣломъ, и о добрѣ общемъ ежедневно печемся. Но, при сихъ нашихъ чистосердечныхъ намѣреніяхъ, нашлись такіе неспокойные люди, которые покусилися дѣлать умыселъ къ ниспроверженію Божія о насъ Промысла и къ оскорбленію нашего величества, и тѣмъ безумно вознамѣрились похитить Богомъ врученнаго намъ народа общее блаженство, о которомъ мы безпрестанно трудимся съ матернимъ попеченіемъ" [1]).

Дѣло было ничтожное; Димитрій Измайловъ сказалъ справедливо, что „все это вранье". Но изъ этого вранья обозначилось, что̀ можетъ быть предметомъ вранья: возстановленіе Ивана Антоновича и то, зачѣмъ не коронованъ цесаревичъ. По отношенію къ первому, Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: „Мы его одного намѣрены теперь освободить и выпустить въ его отечество съ благопристойностью, а дѣтей его для государственныхъ резоновъ, которые онъ, по благоразумію своему, понимать самъ можетъ, до тѣхъ поръ освободить не можемъ, пока дѣла наши государственныя не укрѣпятся въ томъ порядкѣ, въ которомъ они, къ благополучію имперіи нашей, новое свое положеніе теперь приняли. И ежели онъ, принцъ, пожелаетъ быть свободенъ одинъ, а надежду на насъ положитъ, что мы дѣтей его въ призрѣніи своемъ до времени оставимъ, содержа ихъ не токмо въ пристойномъ довольствѣ, но и, какъ скоро поводъ къ свободѣ ихъ усмотримъ, выпустимъ и къ нему пришлемъ: то онъ можетъ искренне свое точное желаніе объявить. Ежели съ дѣтьми своими на обѣщанное нами время разлучиться не похочетъ, то бы принялъ на себя терпѣніе до тѣхъ поръ остаться въ нынѣшнемъ его состояніи, доколѣ и въ свободѣ дѣтей его ту-же удобность увидимъ, которая теперь для него только одного открылась" [2]). Принцъ Антонъ не согласился быть свободнымъ безъ дѣтей.

Дѣло Хрущова и Гурьевыхъ было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатлѣніе на Екатерину. Это было первое искушеніе. При всемъ ея стараніи представить своею дѣятельностью противоположность бывшему царствованію, при всемъ стараніи показать, что „о добрѣ общемъ ежедневно печемся", при первомъ личномъ неудовольствіи уже толкуютъ объ Иванѣ Антоновичѣ, или, что еще хуже, о томъ, зачѣмъ цесаревичъ не коронованъ, рѣшаются распалять солдатъ, прямо указываютъ на знатныхъ людей, какъ на соумышленниковъ, и это болѣзненное настроеніе есть слѣдствіе событія 28-го іюня: однимъ удалось тогда,—отчего намъ не можетъ удасться теперь? Даже коронація не прекратила этого настроенія.

Екатерина, несмотря на все свое умѣнье владѣть собою, не могла въ октябрѣ 1762 года скрыть тяжелаго состоянія своего духа: печаль была написана на ея лицѣ. Она призналась англійскому посланнику, графу Бекингаму, что въ обществѣ она все больше и больше становится разсѣянною, сама не зная отчего [3]). Тотъ же посланникъ такъ описываетъ положеніе Екатерины: „Императрица по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ. Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми до сихъ поръ она должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ окружающихъ ея людей, которыхъ характеръ и способности она должна презирать. Въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія довѣрія и любви подданныхъ; если она успѣетъ въ этомъ,—то воспользуется пріобрѣтенною властью для чести и пользы своей имперіи" [4]).

Съ этимъ отзывомъ сходенъ и отзывъ французскаго посланника Бретейля. „Кромѣ Панина, который скорѣе имѣетъ привычку къ извѣстному труду, чѣмъ большія средства и познанія, у этой государыни нѣтъ никого, кто бы могъ помогать ей въ управленіи и въ достиженіи величія, и однако она должна выслушивать и въ большей части случаевъ слѣдовать мнѣніямъ этихъ отъявленныхъ Руссаковъ (vieux Russes), которые, чувствуя выгоду своего положенія, осаждаютъ ее безпрестанно то для поддержанія своихъ предразсудковъ относительно государства, то по своимъ частнымъ интересамъ. Въ большихъ собраніяхъ при Дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какою императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какими всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ. Зная характеръ этой государыни и видя, съ какою необыкновенною ласковостью и любезностью она отвѣчаетъ на все это, я могу себѣ представить, чего ей это

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 171.—Сохранился приказъ Екатерины о наградахъ людямъ, показавшимъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ; роль Мих. Шипова видна изъ этого документа: «Ротмейстеру Конной Гвардіи Ямпинскому 3,000 рублей; капитану Измайловскаго полка Гриневу 3,000 рублей; капитану-поручику того же полка Михаилу Шипову 1,000 червонныхъ, да табакерку по моему выбору. Сержанту Преобр. полка Толстому 600 червонныхъ, Побѣдинскому 2,000 рублей, Ивану Хрущову 2,000 рублей. Объ Шиповѣ, Побѣдинскомъ и Толстомъ поговорить съ графомъ Григорьемъ Орловымъ, онъ ихъ сыщетъ, а Ивана Хрущева Василій Шкуринъ знаетъ. Чихачеву 1,000 рублей». Тамъ же, стр. 178. Въ Госуд. Архивѣ сохранилось письмо Екатерины къ Кейзерлингу: «M. le comte Kayserling, je vous envoye par le sergent de mes gardes Tolstoi (c'est le même, qui a decouvert le complot des Chruschow et Gouriew)».

[2]) Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова, приложенія стр. 5.

[3]) Депеша Бекингама отъ 25 октября н. с. въ Сборникѣ Русск. Истор. Общ. XII. 46.

[4]) Депеша Бекингама отъ 25 октября н. с. въ Сборникѣ Русск. Истор. Общ. стр. 52.

должно стоить; значитъ, сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобъ переносить это. Въ одно изъ послѣднихъ собраній, когда она была утомлена болѣе обыкновеннаго разговорами съ разными лицами и особенно съ пьянымъ Бестужевымъ, съ которымъ у нея былъ долгій и живой разговоръ, несмотря на ея старанія избѣгать его,—императрица подошла ко мнѣ и спросила, видалъ ли я охоту за зайцемъ. Когда я отвѣчалъ, что видалъ, то она сказала: „Такъ вы должны находить большое сходство между зайцемъ и мною,—меня поднимаютъ и гонятъ изо всѣхъ силъ, какъ я ни стараюсь избѣжать представленій, не всегда разумныхъ и честныхъ. Однако я отвѣчаю, сколько могу удовлетворительно, и если не могу исполнить чье-нибудь желаніе, то объясняю—почему...“ Въ другомъ донесеніи Бретейль пишетъ: „Императрица высказывала мнѣ высокое мнѣніе о величіи и могуществѣ своего положенія. Она повторила, быть можетъ, разъ тридцать: „Такая обширная, такая могущественная имперія, какъ моя“. Она мнѣ говорила о многихъ предположеніяхъ относительно внутренняго благосостоянія Россіи. Она мнѣ сказала, что, по прибытіи въ эту страну, ее не покидала мысль, что она будетъ здѣсь царствовать одна. Императрица мнѣ призналась, что она не совершенно счастлива, что она должна управлять людьми, которыхъ нельзя удовольствовать; что она старается всѣми средствами сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но чувствуетъ, что надобны года да и года, чтобъ они привыкли къ ней. Выставляя свои успѣхи и блескъ своего положенія, она обнаруживала вмѣстѣ безпокойство, что ей не по-себѣ. Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ Дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе, — недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ, потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности; во-вторыхъ—потому, что такой тонъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ“ [1]).

Но какъ бы ни было затруднительно, тяжело положеніе Екатерины, необыкновенная живость ея счастливой природы, чуткость ко всѣмъ вопросамъ, царственная общительность, стремленіе изучить каждаго замѣчательнаго человѣка, исчерпать его умственное содержаніе, его отношенія къ извѣстному вопросу, общенія съ живыми людьми, а не съ бумагами, не съ оффиціальными докладами только,—эти драгоцѣнныя качества Екатерины поддерживали ея дѣятельность, не давали ей ни на минуту упасть духомъ, и эта-то невозможность ни на минуту сойти нравственно съ высоты занятаго ею положенія и упрочила ея власть; затрудненія всегда заставали Екатерину на ея мѣстѣ, въ царственномъ положеніи и достойною этого положенія, потому,—затрудненія и преодолѣвались.

Послѣ коронаціонныхъ торжествъ, Дворъ оставался въ Москвѣ послѣдніе три мѣсяца 1762 года и первую половину 1763. Состояніе обѣихъ столицъ одинаково возбуждало опасенія и заботы правительства, что мы видѣли относительно Петербурга и въ предшествовавшее царствованіе. Теперь учреждена была коммисія изъ генералъ-аншефа Чернышева, генералъ-поручика Бецкаго и Лейбъ-Кирасирскаго полка вице-полковника князя Дашкова: коммисія эта должна была представить въ Сенатъ, какимъ образомъ ограничить распространеніе города Петербурга, чтобъ жители его избавились отъ затрудненія въ сообщеніяхъ, производимаго безмѣрною обширностью города; предполагалось необходимымъ назначить предѣлъ, за которымъ поселенія уже составляли предмѣстья; равнымъ образомъ, коммисія должна была представить свои соображенія о Москвѣ, которая, по древности строенія своего, въ надлежащій порядокъ не пришла, жители терпятъ разореніе отъ частыхъ пожаровъ вслѣдствіе тѣснаго деревяннаго строенія [2]). Въ обѣихъ столицахъ запрещено было вновь строить фабрики и заводы [3]). Мы видимъ, что Екатерина въ своей запискѣ помѣстила въ первое или въ одно изъ первыхъ присутствій своихъ въ Сенатѣ распоряженіе о прекращеніи дороговизны хлѣба въ Петербургѣ, именно—временное запрещеніе вывозить хлѣбъ за-границу, и тутъ же говоритъ о полномъ успѣхѣ этой мѣры: въ два мѣсяца наступила дешевизна всѣхъ припасовъ. Но изъ протоколовъ Сената мы узнаемъ, что 20 ноября въ Москвѣ императрица присутствовала въ Сенатѣ и объявила о донесеніи изъ Петербурга директора Полиціи, Корфа, о цѣнахъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ въ этой столицѣ: оказывалось, что съ сентября мѣсяца цѣна хлѣба возвысилась на 20 коп. По этому поводу Екатерина приказала Сенату стараться объ учрежденіи казенныхъ магазиновъ, также изыскивать способы, какъ бы сдѣлать провозъ съѣстныхъ припасовъ въ Петербургъ дешевле, ибо купцы объявляютъ, что и при такой дорогой цѣнѣ барыша мало получаютъ.

Кромѣ извѣстія о дороговизнѣ, изъ Петербурга

[1]) La cour de la Russie, 224, 225, 226.

[2]) Журналы Сената, 18 ноября.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 11,689.

приходили другого рода непріятныя извѣстія: отъ 20 ноября фельдмаршалъ Минихъ рапортовалъ, что въ Петербургѣ происходятъ такіе грабительства и разбои, что ночью безъ конвоя никто изъ своей квартиры отлучиться не можетъ. Сенатъ переслалъ это донесеніе въ свою петербургскую контору; здѣсь приказали: въ Сенатъ сообщить вѣдѣніе, что были безпорядки, о которыхъ старшій сенаторъ Неплюевъ доносилъ императрицѣ; сдѣланы распоряженія о ихъ прекращеніи, нѣсколько подозрительныхъ людей и злодѣевъ переловлено, послѣ чего, съ 21 ноября, водворилась полная тишина; что же касается рапорта фельдмаршала Миниха, что безъ конвоя нельзя никому ночью выходить, то объ этомъ никакого свѣдѣнія ни отъ кого контора не имѣетъ [1]). Приходили извѣстія о разбояхъ и изъ другихъ мѣстъ: изъ Новгородскаго уѣзда доносили, что разбойники грабятъ и жгутъ помѣщичьи домы; послана была противъ нихъ драгунская команда изъ 15 человѣкъ; но разбойники убили изъ нея двоихъ да ранили 5 человѣкъ, сами всѣ ушли—и производятъ разбои попрежнему, присылаютъ въ помѣщичьи домы съ требованіемъ денегъ, угрожая поджогомъ.

17 сентября Екатерина приказала отмѣнить сыщиковъ и обязанности ихъ возложить на губернаторовъ и воеводъ, причемъ каждому губернатору и вице-губернатору велѣно прислать въ Сенатъ мнѣніе, какіе они въ своихъ губерніяхъ находятъ лучшіе способы къ искорененію воровъ. Но скоро опять пришло извѣстіе, что воровскіе люди напали на ярославскую монетную фабрику. Потомъ пришло извѣстіе о разбояхъ по дорогамъ Шлюссельбургской, Ладожской, Нарвской; а на юго-востокѣ, въ Троицкій Битюцкій монастырь пріѣхала разбойничья шайка въ 27 человѣкъ: монастырскихъ казначея и ключника били плетьми, прочихъ монаховъ жгли и вымучили монастырскихъ денегъ 1,630 рублей и прочія вещи пограбили [2]).

Крестьянскія волненія продолжались. Крестьянинъ Азебаевъ принесъ въ казанскую губернскую канцелярію копію съ манифеста, будто бы состоявшагося 7 іюля, о восшествіи на престолъ Екатерины; въ манифестъ вписаны были „самыя пасквильныя рѣчи“, напримѣръ: которые собственные ея императорскаго величества крестьяне отданы были въ прежнихъ годахъ архіереямъ и монастырямъ и которые подписаны подъ заводы,—такимъ отнюдь на этихъ заводахъ не работать и быть попрежнему ясачными. Открылось, что бумагу писалъ Казанскаго уѣзда, села Красной Горки дьячекъ Кузьминъ, который признался, что сочинилъ ее умышленно, въ бытность свою подъ карауломъ въ казанской духовной консисторіи, вмѣстѣ съ содержащимся въ ней подъ карауломъ заводскимъ крестьяниномъ графа Шувалова, Куликовымъ. Азебаевъ объявилъ, что заводскіе крестьяне Шувалова списали копіи съ мнимаго манифеста и, ѣздя по своей братіи, возмущаютъ и берутъ подписки не работать на заводахъ, а желающихъ работать бьютъ, разоряютъ и выгоняютъ изъ домовъ. Въ ноябрѣ Сенатъ слушалъ донесеніе Канцеляріи Главнаго Правленія заводовъ, что приписанные къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ единогласно состоятъ въ упорствѣ и со многихъ заводовъ отъ работъ насильно ушли и, по неоднократнымъ посылкамъ изъ Канцеляріи, ни въ какія работы нейдутъ; по мнѣнію Канцеляріи, крестьянъ этихъ, кромѣ строгости военныхъ командъ, ничѣмъ другимъ усмирить нельзя, и Бергъ-Коллегія была согласна въ этомъ. Изъ донесенія Канцеляріи ясно, что и приписанные къ казеннымъ заводамъ крестьяне волновались точно такъ-же, какъ и приписанные къ частнымъ заводамъ [3]).

Для усмиренія заводскихъ крестьянъ отправленъ былъ генералъ-квартирмейстеръ, князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, въ инструкціи которому говорилось, что прежде всего долженъ привести крестьянъ въ рабское послушаніе и усмирить, потомъ сыскивать подстрекателей; исполнивши это,—изслѣдовать насчетъ притѣсненій, которымъ они подвергались. Если не будетъ подъ руками приказчиковъ, на которыхъ они жалуются, то, для скорѣйшаго прекращенія дѣла, крестьянъ заставить работать, если они правильно принадлежатъ къ заводу, а съ приказчиковъ взять подписки, чтобъ они отнюдь съ крестьянъ ничего лишняго не требовали, особенно же удерживались отъ мучительства, какое оказалось на Петровскомъ заводѣ Евдокима Демидова. Если, несмотря на увѣщанія и угрозы, крестьяне не придутъ въ повиновеніе, то смирить ихъ оружіемъ, однако къ дѣлу не приступать безъ самой крайности. При изслѣдованіи ихъ жалобъ поступать такимъ образомъ: взять отъ крестьянъ повѣренныхъ, по ихъ добровольному выбору, или самому Вяземскому опредѣлить къ нимъ депутата и, забравши отъ него или повѣренныхъ всѣ ихъ жалобы съ доказательствами, изслѣдовать безпристрастно, выслушивая обѣ стороны, „ибо какъ крестьянская продерзость всегда вредна, такъ и человѣколюбіе наше терпѣть не можетъ, чтобъ порабощали крестьянъ свыше мѣръ человѣческихъ, особенно съ мучительствомъ“. И если дѣйствительно найдется, что приказчики виноваты, то наказать ихъ, причемъ надобно брать предосторожность, чтобъ крестьяне не возмечтали, что ихъ начальники и тогда должны ихъ бояться, когда имъ не понравится и правильная работа. Если кто изъ приказчиковъ уличится въ крайнемъ безчеловѣчіи, такого можно наказать и публично; а если кто требовалъ работы сверхъ должнаго, такого можно наказать секретно, не подавая повода простому народу выходить изъ надлежащей покорности. Окончивъ это дѣло,

[1]) Дѣла въ Сенатскомъ Архивѣ въ Петербургѣ 1762 г.

[2]) Журналы и протоколы Сената 20 августа, 17 сентября, 9 октября, 14, 22 и 26 ноября.

[3]) Журналы и протоколы Сената, 30 октября, 7 и 15 ноября.

Вяземскій долженъ былъ разсмотрѣть состояніе заводовъ; освѣдомиться, не лучше ли горныя работы производить вольнонаемными работниками, чтобъ этимъ, если можно, отвратить на будущее время всѣ причины къ безпокойствамъ и работу сдѣлать прочнѣе и полезнѣе [1]).

7 ноября Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, объявила, что государственные крестьяне, живущіе въ Казанской, самой лучшей губерніи, приведены въ великую бѣдность и безъ дозволенія мѣстныхъ смотрителей не смѣютъ завести ни одного поросенка, будто для того, чтобъ эти животныя не ѣли дубовыхъ желудей, которыхъ однако ни одного не было посажено. Императрица приказала для освидѣтельствованія всѣхъ этихъ безпорядковъ послать туда надежнаго чиновника. Выбранъ былъ вице-президентъ Штатсъ-Конторы Швебсъ.

Оставались крестьяне церковныхъ имѣній. Предположенная коммисія объ этихъ имѣніяхъ составилась только въ концѣ ноября; членами ея были: митрополитъ Новгородскій Димитрій, архіепископъ Петербургскій Гавріилъ, епископъ Переяславскій Сильвестръ, сенаторъ графъ Иванъ Воронцовъ, гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ, шталмейстеръ князь Сергѣй Гагаринъ, прокуроръ Синода князь Алексѣй Козловскій, дѣйств. стат. совѣт. Григорій Тепловъ. Коммисія состояла подъ единственнымъ вѣдѣніемъ императрицы; она должна была руководствоваться Духовнымъ Регламентомъ и указами Петра Великаго: „Яко ничего лучшаго уже опредѣлить намъ невозможно“, говорила Екатерина въ инструкціи коммисіи. Поэтому коммисія должна была распредѣлить доходы съ церковныхъ имѣній: 1) на содержаніе домовъ архіерейскихъ, монастырей и церквей; 2) на учрежденіе училищъ; 3) на учрежденіе инвалидныхъ домовъ. Въ началѣ инструкціи говорилось: „Св. Синодъ самъ довольно вѣдаетъ, что познаніе слова Божія есть первое основаніе благополучія народнаго, и что изъ сего источника истекаетъ вся народная добродѣтель. Но мы съ прискорбіемъ видимъ, что народъ нашъ простой весьма удаленъ еще отъ должнаго исправленія, такъ-что и самые многіе священники не токмо не вѣдаютъ истиннаго пути къ просвѣщенію народному, но и, будучи сами часто малограмотные, нерѣдко простому народу служатъ собственными примѣрами къ поврежденію. Св. Синодъ вѣдаетъ и то, сколь великій соблазнъ въ законѣ, а паче въ нашемъ Православномъ, когда имущество церковное расточается иногда на временныя житейскія попеченія, а вѣчныя и богоугодныя дѣла остаются въ забвеніи или и вовсе въ уничтоженіи“ [2]).

Коммисія должна была спѣшить своимъ дѣломъ: 12 декабря, въ присутствіи императрицы, въ Сенатѣ читалось донесеніе, что монастырскіе крестьяне, въ числѣ 8,539 душъ, не дали подписокъ, что будутъ послушны монастырскимъ властямъ.

Въ одной изъ записокъ своихъ Екатерина говоритъ, что заводскихъ крестьянъ въ явномъ возмущеніи было 49,000 человѣкъ, а монастырскихъ и помѣщичьихъ—до 150,000. Въ другой запискѣ императрица говоритъ, что заводскихъ крестьянъ посланы были унимать генералы—князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій и Александръ Ильичъ Бибиковъ, которые „не единожды принуждены были употребить противъ нихъ оружіе и даже до пушекъ“.

Въ инструкціи князю Вяземскому былъ поставленъ вопросъ: нельзя ли замѣнить приписныхъ къ заводамъ крестьянъ вольнонаемными работниками. Вопросъ долженъ былъ рѣшиться отрицательно, по малочисленности народонаселенія сравнительно съ пространствомъ. 15 октября Сенатъ получилъ указъ императрицы: „Такъ какъ въ Россіи много непоселенныхъ мѣстъ, а многіе иностранцы просятъ позволенія поселиться: поэтому ея императорское величество дозволяетъ Сенату при принимать въ Россію безъ дальняго доклада всѣхъ желающихъ поселиться, кромѣ Жидовъ“. Несмотря однако на исключеніе Жидовъ, многимъ могло не понравиться позволеніе селиться иностранцамъ иновѣрцамъ, и потому въ указѣ было прибавлено: „Ея императорское величество надѣется современемъ чрезъ то умножить славу Божію и его Православную Греческую вѣру и благополучіе здѣшней имперіи“. Надобно замѣтить, что наканунѣ, 14-го октября, надворный совѣтникъ Андрей Шелигъ объявилъ въ Сенатской Конторѣ, въ Петербургѣ, что онъ подалъ Никитѣ Ивановичу Панину доношеніе на имя императрицы, съ секретнымъ проектомъ о поселеніи въ Оренбургской губерніи на пустой землѣ иностранныхъ народовъ, и что Панинъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву [3]).

Если рѣшено было пригласить иностранныхъ поселенцевъ, то тѣмъ болѣе должны стараться о возвращеніе русскихъ бѣглецовъ и удержаніи отъ побѣговъ. Семнадцать раскольничьихъ стародубскихъ и черниговскихъ слободъ подали челобитную: эти слободы построили предки ихъ, перешедшіе изъ-за границы; они, поселясь въ лѣсныхъ мѣстахъ, распахали немалыя поля и раскосили сѣнокосы. Въ правленіе императрицы Елисаветы три слободы отданы Кіево-Печерскому монастырю, а бывшимъ императоромъ отдано шесть слободъ Андрею Гудовичу, въ которыхъ состоитъ болѣе 4,000 душъ. Чрезъ это выѣздъ изъ-за рубежа и вовсе прекратится, ибо уже не можетъ быть свободной жизни во владѣльческихъ рукахъ: поэтому жители слободъ просятъ перевести ихъ въ дворцовое вѣдомство. За „голубицу“ Фридриха II теперь не было заступниковъ, и Сенатъ приказали: подать императрицѣ докладъ, что слободы къ отдачѣ Гудовичу во владѣніе не слѣдуютъ, потому что населены бѣглыми, и если-бы онѣ ему отданы были,

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 188.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,706

[3]) Дѣла 1762 года въ Сенатскомъ Архивѣ, въ Петербургѣ.

то прежніе помѣщики, чьи эти бѣглые были, имѣли бы право требовать ихъ назадъ или просить за нихъ вознагражденія [1]).

Имѣя въ виду, чтобъ какъ можно менѣе было недовольныхъ, Екатерина съ очень непріятнымъ чувствомъ просмотрѣла поданный ей Сенатомъ длинный реестръ казенныхъ должниковъ, которые, безъ потери своего состоянія, не могли удовлетворить требованіямъ казны: однихъ дворянскихъ домовъ было около 50, а съ людьми другихъ сословій болѣе 100. Императрица послала Сенату указъ, что хотя она и не можетъ похвалить людей, которые впали въ долги вслѣдствіе неумѣренныхъ и только роскоши служащихъ расходовъ, и никогда не согласится дать такимъ людямъ средства къ расточительности, а воздержнымъ людямъ соблазнъ: однако желаетъ сдѣлать нѣкоторое облегченіе впадшимъ въ долги до ея царствованія, чтобъ невинныя дѣти расточительныхъ отцовъ не страдали въ нищетѣ и горести; но это облегченіе не должно быть въ ущербъ казнѣ. Коммисія изъ Петра Ивановича Панина, Елагина, Еропкина и Яковлева должна была разсмотрѣть состояніе дѣлъ каждаго должника и подать императрицѣ мнѣніе, какъ удобнѣе избавить ихъ отъ разоренія [2]).

Извѣстія о взяточничествѣ областныхъ правителей не прекращались. 23 октября, въ присутствіи императрицы въ Сенатѣ, слушалась челобитная слободскаго Острогожскаго полка сотника Коновецкаго, что отъ генералъ-поручика князя Кантемира отяготителямъ тамошнаго народа, полковнику Тевяшову и прочимъ, оказывается великое послабленіе, за что онъ получилъ отъ нихъ въ собственность, подъ видомъ перепродажи, немалое количество казенной земли, которую онъ населилъ казаками изъ слободскихъ полковъ,—построено было до 300 дворовъ. Екатерина приказала назначить коммисію на мѣстѣ, и сама назначила предсѣдателемъ ея секундъ-маіора Измайловскаго полка Щербинина [3]).

Съ сентября до конца года Екатерина присутствовала въ Сенатѣ одиннадцать разъ. Въ первое изъ этихъ присутствій, въ Москвѣ, было опредѣлено: сенаторамъ быть въ Сенатѣ отъ половины девятаго до половины перваго часа и постороннихъ рѣчей отнюдь не говорить [4]). Между тѣмъ дѣло объ Императорскомъ Совѣтѣ въ связи съ преобразованіемъ Сената не прекращалось. Главнымъ двигателемъ дѣла былъ попрежнему Никита Ив. Панинъ, желавшій обезопасить правленіе отъ вліянія фаворитовъ. Мы видѣли отношенія его къ царствованію Елисаветы, противъ котораго у него сильно накипѣло на сердцѣ: послѣ несбывшихся надеждъ играть первую роль, удаленіе въ Стокгольмъ и здѣсь крайне затруднительное и унизительное положеніе, вслѣдствіе перемѣны политики, которую онъ приписывалъ ненавистному сопернику, Ивану Шувалову, и его родственнику, графу Петру Ивановичу,—вотъ какія воспоминанія вынесъ Панинъ изъ царствованія Елисаветы, и потому неудивительно, что, въ докладѣ своемъ о необходимости Императорскаго Совѣта, онъ отозвался въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ объ этомъ царствованіи. „Сенатъ", говорилъ Панинъ въ докладѣ, „имѣетъ подъ управленіемъ всѣ коллегіи, канцеляріи, конторы, яко центръ, у котораго все стекается; но онъ подъ государевою державною властію не можетъ имѣть права законодавца, а управляетъ по предписаннымъ законамъ и уставамъ, которые изданы въ разныя времена и, можетъ быть, по большой части въ наивредительнѣйшія, то-есть тогда, когда при настояніи случая что востребовалось. Слѣдовательно, какія бы предписанія Сенатъ ни имѣлъ о попеченіи, чтобъ натуральная перемѣна временъ, обстоятельствъ и вещей всегда были обращены въ пользу государственную,—ему, въ разсужденіе его существительнаго основанія, невозможно сего исполнить, ибо его первое правило—наблюдать теченіе дѣлъ и производить ему принадлежащія по силѣ выданныхъ законовъ и указовъ; въ противномъ случаѣ, Сенатъ выйдетъ изъ своей границы и теченіе дѣлъ въ правленіи государства часто будетъ останавливаться, и, вмѣсто скорыхъ резолюцій, будутъ нескончаемыя разсужденія и споры о новыхъ законахъ, умалчивая, что физическій и моральный резоны не дозволяютъ трактовать о законоданіи въ такомъ людномъ собраніи. Сенаторъ и всякій другой судья пріѣзжаетъ въ засѣданіе такъ, какъ гость на обѣдъ, который еще не знаетъ не токмо вкусу кушанья, но и блюдъ, коими будетъ подчиванъ. Изъ сего само собою заключается, что главное, истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государсвой. Онъ же никакъ инако и въ полезное дѣйство произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ.

„Если-бъ одна простая рѣчь указа сочиняла одно прямое дѣло, чтобъ генералъ-прокуроръ могъ быть почтенъ такимъ общимъ попечителемъ, которому все приказано. Въ инструкціи онъ названъ государевымъ окомъ; но самодержавный государь, оставляя при себѣ право законоданія, конечно, не можетъ чрезъ одно око разсматривать всѣ разныя въ управленіи государства надобности по перемѣнамъ временъ и обстоятельствъ, почему въ существѣ генералъ-прокуроръ остается только тѣмъ окомъ, которое въ Сенатѣ порядокъ производства дѣлъ и точность законовъ наблюдать долженъ. Согласиться можно, что Ягужинскій и Трубецкой распространяли гораздо далѣе свое званіе; но то надлежитъ примѣтить, что первый былъ въ то время ближайшій совѣтникъ того государя, который тогда самъ имперію и правительство установлялъ, а изъ какихъ людей и какими средствами,—о томъ извѣстно. Къ чему довольно одно то напамятовать,

[1]) Журналы и протоколы Сената 30 сентября.
[2]) Журналы и протоколы Сената 6 ноября.
[3]) Журн. и проток. Сената, означ. числа.
[4]) Журн. и проток. Сената 16 сентября.

что вице-канцлеръ былъ положенъ на плаху, чтобъ только научить тогдашнихъ новыхъ сенаторовъ, какъ съ благопристойностью сидѣть и разсуждать въ Сенатѣ. Взявъ эпокъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, князь Трубецкой тогда первую часть времени своего прокурорства производилъ по дворскому фаверу, какъ случайный человѣкъ,—слѣдовательно не законы и порядокъ наблюдалъ, но все могъ, все дѣлалъ и, если осмѣлиться сказать, все прихотливо развращалъ, а потому самъ сталъ быть угодникомъ фаворитовъ и припадочныхъ людей. Сей эпокъ заслуживаетъ особливое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ посторонпимъ, малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ. Образъ восшествія на престолъ покойной императрицы требовалъ ея разумной политики, чтобъ, хотя сначала, сообразоваться сколько возможно съ неоконченными уставами правленія великаго ея родителя, вслѣдствіе чего тотчасъ былъ истребленъ учрежденный до того во всей государственной формѣ Кабинетъ, который, особливо, наконецъ, когда Биронъ упалъ, принялъ-было такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе. Ея величество вспамятовала, что у ея отца-государя былъ домовый Кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ, и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю. Вредное государству—потому, что стали изъ него выходить всѣ сюрпризы и обманы, развращающіе государственное правосудіе, его уставы, его порядокъ и его пользу, подъ формою именныхъ указовъ и повелѣній во всѣ мѣста; вредное самому государю—потому, что и тѣ сами, кои такія коварныя средства употребляютъ для прикрытія себя предъ публикою, особливо стараются возлагать насчетъ собственнаго государеваго самоизволенія все то, что они такимъ образомъ ни производили, ибо въ такомъ безгласномъ и въ основаніи своемъ несвойственномъ правительству государственному мѣстѣ опредѣленная персона для производства дѣлъ можетъ себя почитать неподверженнымъ суду и отвѣту предъ публикою. Ласкатели же государю говорятъ: „Вѣдьде у васъ есть свой Кабинетъ—извольте чрезъ него приказывать". Вредное различеніе! Будто-бъ всѣ мѣста правительства не равно собственныя были самодержавнаго государя, когда и государство все его быть должно. Да только разница въ томъ, что когда государевы дѣла выходятъ изъ сихъ мѣстъ правительства,—всякій сюрпризъ и ошибку публика приписываетъ министрамъ государевымъ, которые особливымъ побужденіемъ обязаны оное предостерегать, и сами такъ дерзко не могутъ взлагать то на государя, будучи честью и званіемъ также обязаны къ отчету въ ихъ поведеніи не токмо предъ своимъ государемъ, но и передъ публикою.

„Въ такомъ положеніи государство оставалось, подлинно, безъ общаго государскаго попеченія съ теченіемъ только обыкновенныхъ дѣлъ по однимъ указамъ всякаго сорта. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Прихотливые и припадочные люди пользовались Кабинетомъ, развращали форму и порядокъ, и хватали отовсюду въ него дѣла на безконечную нерѣшимость пристрастными изъ него указами и повелѣніями. Сего недовольно: они тутъ родили еще новое мѣсто, страннѣе уже перваго, и по дежурству отъ генералъ-адъютантства не военными командами распоряжали, но государственные распорядки дѣлали и ими правили; въ наслѣдство и дѣлежъ партикулярныхъ людей безъ законовъ и причинъ мѣшались; домы ихъ печатали; у одного отнимали,—другому отдавали. Между тѣмъ большіе и случайные господа предѣловъ не имѣли своимъ стремленіямъ и дальнимъ видамъ, государственныя оставались безъ призрѣнія; все было смѣшано; всѣ наиважнѣйшія должности и службы претворены были въ ранги и въ награжденія любимцевъ и угодниковъ; вездѣ фаверъ и старшинство людей опредѣляло; не было выбору способности и достоинству. Каждый по произволу и по кредиту дворскихъ интригъ хваталъ и присвоивалъ себѣ государственныя дѣла, какъ кто которыми думалъ удобнѣе своего завистника истребить или съ другимъ противъ третьяго соединиться. Если, кромѣ самоизвольства, оставались еще какія штатскія правила, то, конечно, они были тѣ, по которымъ внутреннее государства состояніе насильствовано и жертвовано для внѣшнихъ, политическихъ дѣлъ, чѣмъ, наконецъ, и едва не взаимными ли сюрпризами зависти между собою, завелася война въ то самое время, когда дошло до высочайшей степени безстрашіе, лихоимство, расхищеніе, роскошь, мотовство и распутство въ имѣніяхъ и въ сердцахъ. Увидѣли скоропостижную войну, требующую дѣйствительныхъ ресурсовъ. Нужно стало собрать въ одно мѣсто раскиданныя части, составляющія государство и его правленіе. Сдѣлали Конференцію,—монстръ, ни на что не похожій: не было въ ней ничего учрежденнаго, слѣдовательно—все безотвѣтственное, и, схватя у государя законъ, чтобъ по рескриптамъ, за подписаніемъ Конференціи, вездѣ исполняли, отлучили государя отъ всѣхъ дѣлъ, слѣдовательно—и отъ свѣдѣнія всего ихъ производства. Фаворитъ остался душою животворящею или умерщвляющею государство; онъ, вѣтромъ и непостоянствомъ погруженъ, не трудясь тутъ, производилъ однѣ свои прихоти; работу же и попеченіе отдалъ въ руки

дерзновенному Волкову. Сей, подъ видомъ управленія канцелярскаго порядка, котораго тутъ не было, исполнялъ существительную роль перваго министра, былъ правителемъ самихъ министровъ, избиралъ и сочинялъ дѣла по самохотѣнію, заставлялъ министровъ оныя подписывать, употребляя къ тому или имя государево, или, подъ маскою его воли, желанія фаворитовы. Таково истинное существо формы или, лучше сказать, ея недостатки въ нашемъ правительствѣ. Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію. А мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское правило: „Была бы милость, всякова на все станетъ".

„Спасительно нашему претерпѣвшему отечеству матернее намѣреніе в. и. в—ства, чтобы Богомъ и народомъ врученное вамъ право самодержавства употребить съ полною властью къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ. Во исполненіе всевысочайшаго в. и. в. мнѣ повелѣнія, я всеподданнѣйше здѣсь подношу о томъ проектъ въ формѣ акта на подписаніе вашему величеству. Осмѣлюсь себя ласкать, что въ семъ проектѣ установляемое формою государственною верховное мѣсто лежисляціи, или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и изъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя. Впрочемъ, я долженъ съ подобострастіемъ примѣтить, что есть, какъ вамъ извѣстно, между нами такія особы, которымъ для извѣстныхъ и имъ особливыхъ видовъ и резоновъ противно такое новое распоряженіе въ правительствѣ. И потому невозможно в. и. в—ству почесть совсѣмъ оконченнымъ къ пользѣ народной единое ваше всевысочайшее соизволеніе на сей ли предложенный проектъ, или на что другое, но требуетъ еще оно вашего монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобъ совѣтъ в. и. в. взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ бы былъ въ теченіе, ибо почти невозможно сумнѣваться, чтобы, при самомъ началѣ, тѣ особы не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или, по послѣдней мѣрѣ, къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать. Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе теперь по ней сдѣлать установленіе, нежели допустить такъ, какъ прежде бывало, развращать единожды установленное".

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе на Екатерину долженъ былъ произвесть этотъ докладъ. Екатерина сама имѣла слабость относиться несправедливо къ популярному правленію Елисаветы; рѣзко выставлять на видъ недостатки его и умалчивать о достоинствахъ; но въ своемъ глазу не видно и бревна, а сучокъ въ глазу другого очень замѣтенъ: тутъ же бревно въ глазу автора доклада было такихъ размѣровъ, что не могло не поразить и не возбудить подозрѣнія; какъ ни непріязненно была расположена Екатерина къ Шуваловымъ, все же картина правленія Елисаветы, начертанная Панинымъ, не могла не показаться ей пасквилемъ, продиктованнымъ крайнею личною враждою: но человѣкъ, который позволяетъ себѣ такъ увлекаться, не можетъ разсчитывать на то, что онъ возбудитъ уваженіе и вниманіе къ своему совѣту, тѣмъ болѣе что у того, кому подавался совѣтъ, имѣлось побужденіе смотрѣть на него подозрительно. Панинъ билъ мимо, потому что вооружалъ противъ своего дѣла самолюбіе Екатерины: при Елисаветѣ, представлялъ онъ, дѣла находились въ ужасномъ положеніи; недостойные люди, похитивъ довѣріе государыни, дѣлали, что хотѣли; для того, чтобъ при Екатеринѣ не было того же, необходимо учредить Императорскій Совѣтъ: значитъ, умъ, способности Екатерины не внушали никакого довѣрія, ея фавориты уже обозначались, и противъ нихъ надобно было поскорѣе прибѣгнуть къ единственному средству спасенія,—къ учрежденію Совѣта! Но дѣйствительно ли это средство? При императрицѣ Аннѣ былъ такой Совѣтъ подъ именемъ Кабинета, и это было время Бироновщины. Кабинетъ, по словамъ Панина, принялъ „такую форму, которая могла произвесть государево общее обо всемъ попеченіе"; слѣдовательно эта чудодѣйственная форма, къ которой Панинъ взывалъ, какъ къ средству противъ всѣхъ золъ, средству противъ п р и п а д о ч н ы х ъ людей, была вовсе не такъ дѣйствительна, не могла предохранить Россію отъ Бироновщины. И это-то недѣйствительное средство предлагается съ такою настойчивостью: есть люди, которые не одобряютъ учрежденія Совѣта, такъ императрица не должна обращать вниманія на ихъ мнѣнія, не должна, прежде рѣшенія важнаго дѣла, выслушивать различныя мнѣнія о немъ, только при учрежденіи Совѣта должна отказаться отъ совѣта, подписать, не думая, поданный проектъ!

Въ проектѣ Совѣта, поднесенномъ Екатеринѣ Панинымъ для подписанія, говорилось: „Задолго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто, при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и, наконецъ, всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя, государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частью оттого, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же—и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли... Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частью и въ

томъ еще злоупотребленія, наконецъ, привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало".

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками. „Въ числѣ семъ должны быть нѣкоторые департаментовъ государственныхъ статскими секретарями, и потому мѣсто свое въ тѣхъ департаментахъ для засѣданія имѣть, яко то: 1) статскій секретарь иностранныхъ дѣлъ и членъ того департамента, т.-е. Иностранной Коллегіи; 2) статскій секретарь внутреннихъ дѣлъ, который не токмо сенаторъ, но и мѣсто имѣетъ во всѣхъ коллегіяхъ, принадлежащихъ къ тому департаменту; 3) статскій секретарь военнаго департамента, который въ Военной Коллегіи, въ Коммисаріатѣ и въ Провіантской, въ Артиллеріи, въ Инженерномъ и Кадетскомъ корпусахъ мѣсто имѣетъ; 4) статскій секретарь морского департамента, который и членъ Коллегіи Адмиралтейской. Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то: взносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ—все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о приращеніи и исправленіи государственномъ, имѣетъ быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно. Императорскій Совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣляемы между тѣми статскими секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, намъ въ Совѣтѣ предлагать, а по нихъ отправленія чинить нашимъ резолюціямъ и повелѣніямъ. Въ присутствіи нашемъ каждый статскій секретарь по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ докладу и высочайшему императорскому рѣшенію; а совѣтники императорскіе своими мнѣніями и разсужденіями оные оговариваютъ, и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію". Взаключеніе проекта говорилось о раздѣленіи Сената на шесть департаментовъ.

Екатерина не вдругъ подписала проектъ. Она прежде сама сдѣлала замѣчанія на нѣкоторыя выраженія. Такъ, противъ выраженія во введеніи: „и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ", она замѣтила: „Правда, что жалѣть было о томъ должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже Татаръ и Калмыковъ; а хотя-бъ и были таковы, то и притомъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственной славѣ, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю націю и на самихъ предковъ нашихъ указующее поношеніе". Въ проектѣ статскіе секретари были названы министрами; Екатерина замѣтила: „Слово „министры" не можно-ль переименовать Русскимъ языкомъ и точную дать силу?" Екатерина не замѣтила или не хотѣла замѣтить еще странности: во введеніи находилась жалоба, что всѣ безпорядки происходили оттого, что дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, и дошло дотого, что при возведеніи на престолъ Анны Іоанновны даже потрясена была самодержавная власть; но всѣ знали, что въ это время Россія управлялась Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Слово „министръ" не сумѣли перевести по-русски и дать ему точную силу, и просто выпустили, ровно какъ и выраженіе „варварскія времена". Проектъ переписали; Екатерина и тутъ перемѣнила: вмѣсто шести членовъ Совѣта написала:—„до осьми". Написаны уже были имена членовъ: графъ Бестужевъ, гетманъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, князь Яковъ Шаховской, Панинъ, гр. Захаръ Чернышевъ, кн. Мих. Волконскій, гр. Григорій Орловъ. Статскими секретарями назначались: Панинъ—внутренняго департамента, Воронцовъ—чужестраннаго, Чернышевъ—военнаго. Наконецъ, 28 декабря, Екатерина подписала манифестъ,—и все же онъ не былъ обнародованъ, Императорскій Совѣтъ не былъ учрежденъ [1]); въ важныхъ случаяхъ, какъ увидимъ, попрежнему созывался совѣтъ или конференція изъ лицъ по назначенію императрицы. Екатерина поступила и тутъ съ тою робостью, нерѣшительностью, внимательностью ко всѣмъ мнѣніямъ, что порицаютъ въ ней министры иностранные въ это время, иностранные министры, смотрѣвшіе и на поведеніе Екатерины тѣми же полузакрытыми глазами, какими смотрѣли прежде на поведеніе Елисаветы, упрекая ее въ медленности и нерадѣніи. Екатерина не послушалась Панина, собрала мнѣнія: нѣкоторые ограничились замѣчаніями второстепенными, одинъ совѣтовалъ возстановить прежнее названіе—Верховный Тайный Совѣтъ. Но, конечно, любопытнѣе другихъ для Екатерины были замѣчанія, сдѣланныя генералъ-фельдцейхмейстеромъ Вильбуа: „Я не знаю", писалъ Вильбуа, „кто составитель проекта; но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ скло-

[1]) Бумаги, относящіяся къ этому дѣлу, находятся частью въ Государственномъ Архивѣ, въ Петербургѣ, частью въ Архивѣ Мин. Ин. Д.—въ Москвѣ.

няется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ, только здравіе ея требуетъ облегченія отъ невыносимой тяжести необработанныхъ и восходящихъ къ ней дѣлъ. Но для этого нужно только раздѣленіе ея частнаго Кабинета на департаменты съ статсъ-секретаремъ для каждаго. Такъ-же необходимо и раздѣленіе Сената на департаменты. Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю, и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ“ [1]).

Мы видѣли, что французскій посланникъ Бретейль, приписывая Екатеринѣ слабость и нерѣшительность въ дѣлахъ внутреннихъ, жалуется на ея гордый и высокомѣрный тонъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и объясняетъ это, во-первыхъ, тѣмъ, что здѣсь не было личной опасности, а во-вторыхъ,—тѣмъ, что такимъ тономъ въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ Екатерина хотѣла понравиться своимъ подданнымъ. Мы не станемъ отвергать послѣдняго объясненія; но замѣтимъ, что положеніе Россіи, благодаря дѣятельности Елисаветы въ Семилѣтнюю войну, было очень выгодно. Всѣ державы выходили изъ этой войны съ крайнимъ истощеніемъ, Россія чувствовала его меньше всѣхъ, и значеніе, пріобрѣтенное ею въ Семилѣтнюю войну, было таково, что ея движеніе въ ту или другую сторону рѣшало судьбу главныхъ воюющихъ державъ. Елисавета довела Фридриха II до края погибели, Петръ III спасъ его: теперь отъ Екатерины зависѣло или снова повергнуть его въ отчаянное положеніе, или спасти; все затрудненіе состояло въ выборѣ.

Разумѣется, можно было ожидать, особенно по словамъ манифестовъ, что Екатерина возвратится къ Елисаветинской политикѣ,—опять двинетъ свои войска на помощь Австріи и заставитъ Фридриха II-го мириться на всей волѣ союзниковъ, причемъ Восточная Пруссія отойдетъ къ Россіи. Такъ понялъ дѣло и старый фельдмаршалъ Салтыковъ; тотчасъ по полученіи извѣстія о событіи 28 іюня, онъ занялъ войскомъ очищенныя-было прусскія области. Но Салтыковъ получилъ указъ снова ихъ очистить; императрица объявила, что будетъ соблюдать миръ съ Пруссіею. Конечно, она не поступила бы такимъ образомъ, если-бъ была увѣрена, что войско и народъ непремѣнно хотятъ возобновленія войны съ Пруссіею; но она знала, что раздраженіе происходило не отъ прекращенія наскучившей всѣмъ, дорого стоившей войны, а отъ того подчиненія прусскимъ интересамъ, какое позволилъ себѣ Петръ III, отъ того значенія, какое прусскій министръ получилъ въ Петербургѣ; раздраженіе происходило оттого, что такимъ униженіемъ покупался союзъ Пруссіи для войны, совершенно безполезной для русскихъ интересовъ, для войны, къ которой чувствовалось полное отвращеніе. Поэтому Екатерина не опасалась никакого неудовольствія, если не нарушала заключенный миръ съ Пруссіею, если при этомъ отстраняла Датскую войну и поддерживала достоинство Россіи, не тратя русской крови и денегъ: за всѣ нравственныя невыгоды, за всю неловкость Прусскаго мира отвѣчало предшествовавшее правительство. Миръ былъ нуженъ Екатеринѣ по неупроченности ея положенія, по желанію заняться внутренними дѣлами, улучшить положеніе народа, пріобрѣсти этимъ право на его привязанность, оправдать событіе 28 іюня:—для всего этого нужны были деньги, и важно было прекратить расходы на заграничную армію. На войну можно было рѣшиться только въ крайнемъ случаѣ;—но предстояла ли эта крайность; надобилось ли охранять цѣлость имперіи и значеніе ея въ Европѣ; нужно ли было сдержать сосѣда сильнаго и не разбиравшаго средствъ для достиженія честолюбивыхъ цѣлей? Этотъ упорный сосѣдъ былъ уже сдержанъ; Фридрихъ II выходилъ изъ Семилѣтней войны безъ внутреннихъ средствъ начать другую, безъ союзниковъ, со страхомъ затронуть Россію, увеличить ею число своихъ враговъ, съ желаніемъ всѣми средствами пріобрѣсть ея дружбу. Было ли согласно теперь съ интересами Россіи обезсиливать окончательно Пруссію, приносить ее въ жертву Австріи и Франціи, преимущественно первой, которая получала тогда преобладающее вліяніе въ Германіи? Но нужна ли была поэтому Пруссія для сохраненія политическаго равновѣсія въ Европѣ? Конечно, могутъ сказать, что, пестрая по своему составу, Австрія никогда не могла быть такъ опасна для Россіи, какъ Пруссія; но мы не имѣемъ права отъ вѣковъ предшествовавшихъ требовать тѣхъ взглядовъ, которые опытъ и вліяніе новыхъ началъ и явленій дали вѣкамъ послѣдующимъ. Для Екатерины и ея совѣтниковъ прежде всего представлялся вопросъ: такъ какъ Россіи нечего болѣе бояться Фридриха II, которому притомъ недолго остается жить, то слѣдуетъ ли для окончательнаго сокрушенія Пруссіи, въ угоду Австріи, для возвращенія ей Силезіи, нарушить миръ, начать войну, которая можетъ затянуться при личныхъ средствахъ Фридриха, при истощеніи Австріи и Франціи?

Миръ былъ нуженъ по отношенію къ Польскому вопросу, приближавшемуся къ рѣшенію; со-дня-на-день ждали смерти короля Августа III. Въ Европѣ было тогда признано и подтверждено въ знаменитомъ сочиненіи Монтескьё (Духъ Законовъ) [2]), что

[1]) Blum—Ein russischer Staatsmann (Сиверсъ), I, 144 и слѣд.

[2]) См. подроб. соч. С. М. Соловьева курсъ «Новой Исторіи», II, 168.

для государствъ выгоднѣе сосѣди слабые: отсюда— стремленіе поддерживать слабость сосѣднихъ державъ, поддерживать правительственныя формы, которыя условливали эту слабость, заключать между собою договоры о поддержаніи этихъ формъ, отсюда— договоры между Россіею, Пруссіею, Австріею, Даніею о поддержаніи извѣстныхъ правительственныхъ формъ въ Польшѣ и Швеціи. Но съ признанною въ наукѣ и практикѣ выгодою соединены были и большія затрудненія. Государство слабое не могло сохранять своей самостоятельности, должно было подвергаться вліянію сильныхъ сосѣдей; эти вліянія сталкивались, слабое государство становилось ареною для борьбы сильныхъ, которые такимъ образомъ теряли выгоду имѣть безопасныя границы, ибо боролись другъ съ другомъ по поводу слабаго, не раздѣлявшаго, но сталкивавшаго ихъ. Такъ, слабая Польша представляла изъ себя открытую арену для борьбы Россіи, Пруссіи, Австріи, Турціи, Швеціи, Франціи; борьба производилась съ особенною силою при королевскихъ выборахъ, и къ этой-то борьбѣ надобно было теперь готовиться. Могъ быть выбранъ или иностранный принцъ, или придворный Полякъ, какъ говорилось тогда, Пястъ. Интересъ Россіи требовалъ такого короля, который былъ бы избранъ исключительно по ея вліянію, былъ бы ей одной обязанъ престоломъ, и потому могъ бы служить ей за это удовлетвореніемъ ея требованіямъ, которыхъ было три: облегченіе участи Православныхъ Русскихъ, опредѣленіе границъ, возвращеніе бѣглыхъ. Польша была слаба, а между тѣмъ сильная Россія не могла отъ нея добиться ничего относительно этихъ требованій, что производило сильное раздраженіе, ибо нарушало существенные интересы и достоинство Россіи. Понятно, какъ важно было для Екатерины, чтобъ эти требованія получили удовлетвореніе въ самомъ началѣ ея царствованія; особенно первое, чтобъ она для Русскихъ людей явилась защитницею Православія, отвѣтила дѣломъ на призывъ Конисскаго въ его знаменитой рѣчи послѣ коронаціи, а въ глазахъ европейскихъ философовъ явилась защитницею свободы совѣсти, укротительницею католическаго фанатизма. Первымъ искателемъ Польскаго престола былъ сынъ Августа III, наслѣдный принцъ Саксонскій; но онъ не удовлетворялъ главному условію,—не могъ быть возведенъ на престолъ исключительно съ помощью Россіи: его поддерживали Австрія и Франція, подъ преимущественнымъ вліяніемъ которыхъ онъ и долженъ былъ находиться. При Елисаветѣ это былъ и русскій кандидатъ, ибо тогда основаніемъ политики было сдерживаніе Пруссіи въ союзѣ съ Австріею, Франціею и Саксоніею; но теперь миръ съ Пруссіею перемѣнилъ основаніе политики. Миръ Россіи съ Пруссіею, даже и не сопровождаемый союзомъ, наносилъ тяжкій ударъ Австріи и Франціи, особенно первой, которую принуждалъ къ невыгодному миру съ Пруссіею, слѣдовательно велъ необходимо къ охлажденію между Австріею и Россіею, а при такихъ обстоятельствахъ нельзя было поддерживать австро-французскаго кандидата, надобно было противодѣйствовать ему всѣми силами, что еще болѣе увеличило охлажденіе Австріи и Франціи къ Россіи. Этого мало: при Елисаветѣ, когда борьба съ Пруссіею была на первомъ планѣ, послѣдовательно было поддерживать враждебный Пруссіи Саксонскій Домъ, вознаграждать его за ущербъ, нанесенный Пруссіею, послѣдовательно было дать Курляндію одному изъ сыновей Августа III; но теперь, когда найдено необходимымъ не допускать Саксонскаго принца до Польскаго престола, непослѣдовательно было оставлять брата его Курляндскимъ герцогомъ,— надобно было прогнать его изъ Курляндіи, что вело прямо къ враждѣ съ Саксонскимъ Домомъ и покровительствующими ему державами—Австріею и Франціею. Эта вражда естественно и необходимо вела къ сближенію съ Пруссіею. Фридрихъ II, благодаря окончательному выходу Россіи изъ войны, пріобрѣталъ возможность заключить выгодный миръ, удержать Силезію; но онъ хорошо зналъ, что Австрія именно за это будетъ питать къ нему постоянную вражду; сблизиться съ Франціею не было надежды, съ Англіею была болѣе чѣмъ холодность, и потому Фридрихъ долженъ былъ заискивать дружбы съ Россіею, для чего надобно было предложить содѣйствіе въ Курляндскомъ и Польскомъ дѣлѣ. Фридриху было, разумѣется, выгодно отстраненіе принца изъ враждебнаго ему Саксонскаго Дома; онъ соглашался на Пяста, соглашался именно на того, кого избрала Екатерина. Она избрала своего стараго знакомаго, Станислава Понятовскаго. Мы видѣли, что еще при Елисаветѣ толковали, будто Понятовскій имѣетъ въ виду достигнуть Польскаго престола съ помощью великой княгини Екатерины; теперь ему легко было этого достигнуть съ помощью императрицы Всероссійской.

Екатерина говорила Бретейлю: „Обо мнѣ нельзя судить до истеченія нѣсколькихъ лѣтъ; мнѣ надобно, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ для возстановленія порядка, а между тѣмъ со всѣми государями Европы я веду себя, какъ искусная кокетка“ [1]). Екатерина хотѣла мира, не хотѣла вступать ни съ кѣмъ въ союзныя обязательства, которыя могли иногда и противъ воли заставить воевать, и когда всѣ государи заискивали ея расположенія, ея союза,—она хотѣла отдѣлываться, какъ искусная кокетка: не отказывать, не лишать надежды и не давать рѣшительныхъ обѣщаній. Она хотѣла, говоримъ, вести себя такъ; но это было трудно.

Россія выходила изъ войны и отказывалась отъ союзовъ; но при такомъ положеніи державѣ трудно сохранить важное значеніе. Для поддержанія своего вліянія, Екатерина хотѣла быть посредницею мира; но воюющія державы не хотѣли принимать ея по-

---

[1]) «Alexis de S. Priest—Le partage de la Pologne», 87.

средничества, ибо не видали въ этомъ никакой пользы для себя; притомъ Пруссія была недовольна перемѣною русской политики и угрозами, которыми Екатерина понуждала ее къ миру; Австрія была еще недовольнѣе тѣмъ, что Екатерина, своимъ выходомъ изъ войны, принуждала ее отказаться отъ Силезіи, разрушала всѣ ея надежды. Со стороны Петербургскаго Кабинета было заявлено, что Россія относительно Польши и другихъ державъ будетъ держаться Пруссіи, но что это не помѣшаетъ ей относительно Турціи держаться Австріи, имѣть съ нею одинакіе интересы; въ Вѣнѣ не хотѣли признавать такой двойственности и, сердясь на Россію за союзъ съ Пруссіею, тѣмъ тѣснѣе соединялись съ Франціею и вмѣстѣ съ нею дѣйствовали противъ Россіи въ Константинополѣ. Точно такъ-же Россія должна была выдерживать сильную борьбу съ Франціею въ Стокгольмѣ. Наконецъ, Россія не могла долго сохранить свободное положеніе. Фридрихъ II соглашался содѣйствовать России по дѣламъ Польскимъ, но онъ не хотѣлъ дѣлать этого даромъ. Боясь вражды Австріи и Франціи, находясь въ разладѣ съ Англіею, Фридрихъ нуждался въ союзѣ съ Россіею, въ формальномъ оборонительномъ союзѣ, которымъ бы онъ могъ стращать своихъ враговъ: Семилѣтняя война доказала, какъ опасно бороться съ державою, на сторонѣ которой Россія. Напрасно Петербургскій Кабинетъ медлилъ, уклонялся отъ вступленія въ нежеланныя обязательства: Фридрихъ II настаивалъ, и, чтобъ имѣть помощь его въ дѣлахъ Польскихъ, должны были заключить съ нимъ союзъ.

Обратимся къ подробностямъ.

Извѣстіе о событіи 28-го іюня поразило Фридриха II, какъ громомъ, по его собственному признанію [1]); хотя донесенія Гольца и возбуждали сильныя опасенія въ самомъ Фридрихѣ и министрахъ его, однако все же не ожидали такой скорой развязки. Министръ Финкенштейнъ писалъ Гольцу: „Я желаю одного, — чтобъ этотъ государь (Петръ III), котораго мы имѣетъ столько причинъ любить, и который, кажется, рожденъ для счастія Пруссіи, жилъ и держался на Русскомъ престолѣ“ [2]). Тяжело было лишиться могущественнаго государя, который, по словамъ Фридриха, служилъ Пруссіи, какъ ея министръ [3]). Но дѣлать нечего: надобно было покориться обстоятельствамъ. Чернышевъ первый объявилъ королю о восшествіи на престолъ Екатерины и о приказаніи ему отдѣлиться отъ прусской арміи. Король сталъ упрашивать его подождать три дня, и Чернышевъ позволилъ себѣ согласиться; этими тремя днями Фридрихъ воспользовался для того, чтобъ начать наступательное движеніе противъ Австрійцевъ: онъ не могъ разсчитывать на успѣхъ, если-бъ отступленіе Чернышева ободрило Австрійцевъ; разсчетъ былъ вѣренъ, движеніе Пруссаковъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Швейдницъ опять перешелъ въ ихъ руки. Вслѣдъ затѣмъ начали приходить успокоительныя для короля извѣстія, что Екатерина не намѣрена разрывать съ нимъ мира, и хотя удаленіе Чернышева было для него очень чувствительно, но онъ могъ утѣшаться тѣмъ, что не будетъ обязанъ отдѣлять части своихъ войскъ на помощь Русскимъ въ Датской войнѣ. Противъ однихъ Австрійцевъ можно было съ успѣхомъ вести войну и между тѣмъ наблюдать, что дѣлалось въ Петербургѣ. 29-го іюня подписанъ былъ Екатериною рескриптъ къ князю Репнину въ Берлинъ: „Какимъ образомъ мы, по всеобщему и единогласному нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желанію и прошенію, Всероссійскій императорскій престолъ восріять и тѣмъ государство и имперіумъ нашъ отъ всякихъ безпокойствъ и разореній освободить и прежнее благополучіе и порядокъ въ ономъ возстановить за благо и потребно разсудили, — оное усмотрите вы изъ приложеннаго при семъ манифеста. Мы умедлить не хотимъ о семъ Божескимъ справедливымъ и непостижимымъ руковожденіемъ и благословеніемъ воспослѣдованномъ важномъ происшествіи чрезъ сіе вамъ знать дать со всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, чтобъ вы предварительно тамошнему Двору чрезъ министерство о томъ сообщили, обнадеживая о непремѣнномъ нашемъ намѣреніи сохранять добрую дружбу“. Къ рескрипту приложена была также нота ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ въ Петербургѣ отъ 28-го іюня; въ этой нотѣ императрица увѣряла ихъ, что она имѣетъ непремѣнное намѣреніе сохранять добрую дружбу съ ихъ государями. 1-го іюля написанъ былъ Репнину другой рескриптъ: „Не можетъ вамъ быть безызвѣстно, что, во время послѣдняго правленія, корпусъ генерала графа Чернышева въ диспозицію королю Прусскому посланъ былъ безъ всякаго однако соглашенія ни о времени его при семъ государѣ пребыванія, ни о взаимныхъ, напротивъ того, съ прусской стороны выгодахъ. Хотя и не имѣемъ мы еще точнаго извѣстія, соединился ли тотъ корпусъ съ королемъ или нѣтъ, однако, гдѣ бы оный ни былъ, повелѣли графу Чернышеву, не только отъ прусской арміи отдѣлиться, но и прямо въ Россію назадъ идти. Нѣтъ однако намѣренія нашего разрушать нововозстановленный съ симъ государемъ миръ и согласіе, но паче, пока не подастъ онъ съ своей стороны явныхъ къ разрыву причинъ, склонны мы сохранять заключенный въ 24-й день минувшаго апрѣля мѣсяца трактатъ. Увѣдомляя васъ о сей нашей резолюціи, повелѣваемъ мы вамъ не таить оной въ вашемъ мѣстѣ, но паче при всякомъ случаѣ именно изъяснять, что по человѣколюбію ничего мы столько не желаемъ, какъ видѣть и поспѣшествовать скорѣйшему прекращенію военнаго пламени, отъ котораго народы толико уже пострадали“. 4-го іюля передана была Гольцу нота, что императрица не считаетъ нужнымъ Берлинскій

[1]) Mémoires de Frédéric II, II, 258.
[2]) Forschungen zur deutschen Geschichte.
[3]) Mémoires, II, 226.

конгрессъ для улаженія Голштинскихъ дѣлъ, а слѣдовательно становится ненужнымъ и посредничество короля Прусскаго.

Въ первой депешѣ своей новой императрицѣ, отъ 12-го іюля, изъ лагеря при Бегендорфѣ, Репнинъ описывалъ, какъ онъ извѣстилъ Фридриха II о событіи 28-го іюня, когда король еще не зналъ, что распоряженія Салтыкова не одобрены въ Петербургѣ. Во все продолженіе разговора король, по словамъ Репнина, „весьма былъ смутенъ, опасаясь чрезвычайно, чтобъ не разрушилось какъ настоящее согласіе между нимъ и императрицею". Вечеромъ король опять призвалъ къ себѣ Репнина и разспрашивалъ, не можетъ ли онъ дознаться, что подало поводъ сдѣланнымъ въ Пруссіи объявленіямъ (по поводу обратнаго движенія русскихъ войскъ), не сомнѣніе-ли какое, чтобъ онъ, по прежнимъ обязательствамъ, хотѣлъ какимъ-нибудь образомъ препятствовать царствованію императрицы; при этомъ Фридрихъ увѣрялъ, что такъ какъ бывшій императоръ самъ письменно отрекся отъ престола, то противъ такого обнародованнаго доказательства никому идти нельзя, и что онъ, хотя-бъ и хотѣлъ, но собственныя его дѣла къ тому бы его не допустили; наконецъ онъ тотчасъ и призналъ Екатерину царствующею императрицею. Фридрихъ требовалъ также, чтобъ Репнинъ доложилъ императрицѣ, угодно ли будетъ, чтобъ баронъ Гольцъ остался министромъ при ея Дворѣ.

Гольцъ не могъ оставаться въ Россіи. 10-го іюля онъ писалъ королю: „Императрица питаетъ ко мнѣ отвращеніе за мою тѣсную связь съ покойнымъ (Петромъ III), предполагая, хотя и очень несправедливо, что я одобрялъ поведеніе покойнаго относительно ея. При моемъ видѣ она невольно должна припоминать дурное обращеніе, какое Петръ позволялъ себѣ съ нею въ моемъ присутствіи. Я и секретарь мой, Дитель, имѣемъ противъ себя и Дворъ и народъ. Стоитъ намъ поговорить съ кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ, чтобъ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ другихъ". Но еще Гольцъ могъ увѣдомить короля, что въ будущемъ представляется возможность союза между нимъ и преемницею Петра III. Въ Петербургѣ въ это время находился графъ Кейзерлингъ, назначенный при Петрѣ III посломъ въ Варшаву. Кейзерлингъ, пріятель Бестужева (Алексѣя), подобно Корфу и Панину, былъ заклятымъ врагомъ Франціи и сильно охладѣлъ къ Австріи, когда та сама вошла въ союзъ съ Франціею и ввела въ него Россію. Въ послѣднее время пребыванія Кейзерлинга въ Вѣнѣ охлажденіе превратилось во вражду, ибо онъ потерялъ прежнее значеніе, когда важнѣйшія дѣла во время Семилѣтней войны производились австрійскими послами въ Петербургѣ, и когда пріятелямъ падшаго канцлера Бестужева не оказывалось большого довѣрія. Екатерина, наслышавшись отъ Бестужева о способностяхъ Кейзерлинга, была рада пріѣзду послѣдняго въ Петербургъ, желая посовѣтоваться съ нимъ вообще о внѣшнихъ дѣлахъ и особенно о Польскихъ. Кейзерлингъ, считая необходимымъ для Россіи союзъ съ Германіею противъ Франціи, и не желая теперь видѣть представительницу Германіи въ Австріи, явился въ Петербургъ съ мыслію о необходимости Прусскаго союза, особенно по отношеніямъ къ Польскимъ дѣламъ, веденіе которыхъ поручалось ему. Онъ объявилъ Гольцу: „Хотя теперь и не въ интересахъ Русскаго Двора заключать оборонительные союзы съ сосѣдними державами, ибо эти союзы могутъ впутать его въ чуждыя ему распри, безо всякой прибыли, такъ какъ Россія не имѣетъ притязаній на какія-либо части сосѣднихъ владѣній, — однако я не думаю, чтобъ императрица была далека отъ вступленія съ вашимъ государемъ въ связи болѣе тѣсныя, чѣмъ въ какихъ они теперь, а именно — можетъ быть заключенъ союзный договоръ, въ которомъ можно постановить мѣры относительно Польши".

Но пока будущіе союзники вели не очень дружественные переговоры.

Репнинъ опять писалъ, что Фридрихъ все еще не довѣряетъ миролюбнымъ намѣреніямъ императрицы, и когда онъ, Репнинъ, старался его успокоить, то король потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ свои увѣренія на бумагѣ, которую можно показать иностраннымъ министрамъ; но Репнинъ на это не рѣшился. Скоро, впрочемъ, успокоило короля письмо Екатерины (отъ 24-го іюля), гдѣ императрица увѣдомляла его о посылкѣ своего указа исправить въ Пруссіи слѣдствія недоразумѣній, возникшихъ отъ „излишней ревности", разумѣя ревность Салтыкова. Послѣ этого Фридрихъ началъ толковать, что начинается несогласіе между Австріею и Турціею, и дѣло идетъ къ разрыву; но Репнинъ писалъ, что не совсѣмъ вѣритъ словамъ короля. Въ августѣ Репнинъ имѣлъ съ Фридрихомъ разговоръ. Король началъ говорить, что между Французскимъ и Англійскимъ Дворами начатые переговоры, какъ ему кажется, успѣха не имѣютъ, и это ему удивительно, ибо онъ увѣренъ, что обѣимъ сторонамъ война сильно наскучила. — „Я думаю", сказалъ Репнинъ, „что и всѣмъ воюющимъ державамъ война въ тягость". Когда король съ этимъ согласился, то Репнинъ продолжалъ: „Графъ Чернышевъ доносилъ уже императрицѣ о миролюбивыхъ склонностяхъ вашего величества, которыя сходны и съ желаніями императрицы, и ея величество не отречется употребить и посредничество свое для достиженія мира". — „Я этому очень радъ", отвѣчалъ король, „но безъ согласія своихъ союзниковъ не могу приступить къ такому важному дѣлу, — впрочемъ отъ нихъ препятствій не предвижу; опасаюсь Вѣнскаго Двора, который, видя возвращеніе вашихъ войскъ, не такъ будетъ согласенъ на русскую медіацію". — Видя двоякость его мысли", Репнинъ отвѣчалъ, что русская армія находится еще такъ близко, что можетъ „содѣйствовать къ сокращенію безразсудныхъ препятствій къ спокойствію свѣта". — „Вышедъ изъ войны", воз-

разилъ король, „непріятно опять въ нее вступать, а между тѣмъ войска могутъ быть нужны и въ отечествѣ“.—„Россія“, сказалъ на это Репнинъ, „не имѣетъ, кажется, причины чего-нибудь бояться, а хотя бы и была причина безпокойства, то войско ея величества такъ многочисленно, что часть его можетъ возвратиться для умиротворенія Европы, а другая остаться для безопасности отечества“. Король не отвѣчалъ ничего.

Въ концѣ іюля Екатерина дала своимъ совѣтникамъ 8-мь собственноручно написанныхъ пунктовъ: 1) что мнѣ надлежитъ дѣлать въ теперешнія конъюктуры, клонящіяся во всей Европѣ къ миру, по сообщеніямъ аглинскаго министра Кейта? 2) Послать ли въ Аугсбургъ на конгрессъ министровъ и съ какими инструкціями? 3) Надлежитъ ли сообщать другимъ державамъ пропозиціи о медіаціи, которую король Прусскій мнѣ чрезъ генерала Чернышева оферировалъ? 4) Надлежитъ ли нашимъ войскамъ въ Россію повернуться по теперешнимъ обстоятельствамъ? 5) Имѣемъ ли мы причины, давъ слово о содержаніи мира съ королемъ Прусскимъ, оный миръ за полезный почитать, и, въ противномъ случаѣ, оный посвоему передѣлать, къ чему намъ можетъ ли служить сепаратный артикулъ онаго мира? 6) Надлежитъ ли возобновительный трактатъ союзный съ Вѣнскимъ Дворомъ содержать въ своей силѣ или что въ немъ поправить? 7) Надлежитъ ли нынѣ королю Прусскому представить, чтобъ разоренную Саксонію отъ войскъ своихъ очистилъ и возвратилъ въ прежнее владѣніе? 8) Не подается ли поводъ къ непринятію здѣшней медіаціи тѣмъ, что войска въ Россію возвращены быть имѣютъ, и не ослабѣютъ ли такія же здѣшнія негоціаціи на конгрессѣ?

10-го августа старикъ Бестужевъ представилъ свои отвѣты при слѣдующемъ письмѣ: „По даннымъ отъ вашего императорскаго величества собственноручно писаннымъ осьми пунктамъ, сколько я могъ, не будучи у дѣлъ чрезъ полпята года, также при настоящей старости и отъ понесенныхъ печалей слабости и короткой памяти, въ разсужденіе взять и примыслить, о томъ всеподданнѣйше приношу при семъ же мое слабѣйшее мнѣніе, и понеже оное не столь обширно сдѣлано, какъ я за 17 лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1745 году, будучи тогда непрестанно при дѣлахъ и въ лучшей памяти, обстоятельное свое мнѣніе имѣлъ честь поднести ея величеству блаженной памяти любезной теткѣ вашей, государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ: того ради дерзаю толь пространнымъ приложеніемъ онаго ваше императорское величество утруждать по причинѣ, что ваше величество изволили ко мнѣ отзываться, что той ли я былъ системы, дабы короля Прусскаго ослабить въ его силахъ. И ваше величество изъ онаго усмотрѣть изволите, что я подлинно такимъ былъ, да и нынѣ при той же системѣ пребываю неотмѣнно, предоставляя, впрочемъ, высочайшему и просвѣщенному вашему величеству разсужденію и повинуясь всегда къ раболѣпному исполненію монаршихъ вашихъ повелѣній“.

На первый пунктъ Бестужевъ отвѣчалъ, что Россія должна побуждать воюющія державы къ миру. На второй: надобно стараться, чтобъ русскіе министры были приглашены на конгрессъ, хотя и трудно теперь этого достигнуть вслѣдствіе заключенія отдѣльнаго мира Россіи съ Пруссіею. Когда русскіе министры приглашены будутъ на конгрессъ, то имъ должно дать инструкцію, чтобъ прежніе русскіе союзники получили, сколько возможно, умѣренное вознагражденіе за ихъ убытки и разоренія, и чтобъ тѣмъ отчасти сокращены были многія силы короля Прусскаго, какъ весьма опаснаго для сосѣдственныхъ державъ на будущія времена, а особливо дабы не въ состояніи онъ былъ за нынѣшнюю войну отомстить Россіи, и чтобъ присутствіемъ на конгрессѣ русскихъ министровъ императрица получила не только славу, но и могла быть ручательницею договора, не допуская ничего противнаго русскимъ интересамъ. На третій: сообщить другимъ державамъ прусское предложеніе о посредничествѣ неприлично, ибо король упомянулъ о немъ графу Чернышеву только въ разговорѣ, и хотя повторилъ то же и князю Репнину, но такія предложенія обыкновенно дѣлаются на письмѣ. На четвертый: полезнѣе было бы всей русской арміи остаться еще въ завоеванныхъ у Пруссіи земляхъ; но когда уже дано повелѣніе арміи возвратиться, то надобно до 30,000 войска оставить въ Польшѣ, по рѣкѣ Вислѣ, и сверхъ того на границахъ содержать до 50,000 войска, и тѣмъ заставить желать русскаго посредничества и заставить уважать его. На пятый: когда государственная казна истощена, то и худой миръ надобенъ; но такъ какъ миръ съ Пруссіею заключенъ въ ущербъ славѣ и чести Русскаго Двора и безъ вѣдома союзниковъ, то полезнымъ считаться не можетъ и лучше было бы его передѣлать, какъ только будетъ къ тому справедливая причина. На шестой: такъ какъ прежній договоръ съ Вѣнскимъ Дворомъ ослабленъ миромъ съ Пруссіею, то надобно его возобновить, какъ съ естественнымъ союзникомъ по отношенію къ Турціи и прочимъ сосѣдямъ. На седьмой: надобно требовать отъ Пруссіи и Австріи, чтобъ вывели свои войска изъ Саксоніи. На осьмой: если всѣ русскія войска возвратятся внутрь Россіи, то, разумѣется, у воюющихъ державъ не будетъ побужденія требовать русскаго посредничества.

Неплюевъ утверждалъ, наоборотъ, что содержать русскую армію въ Польшѣ на Вислѣ, въ мѣстахъ уже опустошенныхъ, будетъ страшно дорого, и потомъ этимъ возбудится подозрѣніе въ сосѣднихъ державахъ, ибо чѣмъ объяснить такую остановку войска. Наконецъ, Поляки станутъ волноваться.

Князь Волконскій подалъ мнѣніе, почти буквально сходное съ мнѣніемъ дяди своего, Бестужева.

Вице-канцлеръ, князь Голицынъ, подалъ мнѣніе, что когда русскіе министры будутъ приглашены къ конгрессу, то должны домогаться, чтобъ умножившуюся чрезъ-мѣру силу короля Прусскаго привести въ умѣренные предѣлы удовлетвореніями въ пользу прежнихъ русскихъ союзниковъ, для будущей безопасности его сосѣдей и для германскаго равновѣсія. Это тѣмъ полезнѣе для Россіи, что уменьшится сила единственнаго, теперь опаснаго для Россіи сосѣда; а сила эта должна увеличиться Барейтскою и Анспахскою областями, которыя отойдутъ къ Бранденбургскому Дому вслѣдствіе бездѣтной кончины ихъ маркграфовъ. Не возвращать хотя часть войскъ изъ прусскихъ областей для общаго мира, для сдерживанія этимъ смѣлаго и предпріимчиваго нрава короля Прусскаго. По словамъ графа Мерси, Вѣнскій Дворъ съ радостью сталъ бы продолжать субсидію, если-бъ только русскія войска остались на Вислѣ. Нужно возобновить оборонительный договоръ съ Вѣнскимъ Дворомъ, какъ съ естественнымъ союзникомъ.

Воронцовъ такъ-же полагалъ, что хорошо бы оставить корпусъ русскихъ войскъ въ Пруссіи и Польшѣ; но „должно въ разсужденіе принять, что для благосостоянія имперіи нужно сохранить миръ, каковъ онъ ни есть, ибо и счастливые успѣхи воинскіе изнуряютъ довольно силы государства, умалчивая о несчастныхъ приключеніяхъ всякаго рода. Миръ съ королемъ Прусскимъ не можетъ быть почтенъ полезнымъ; но не остается почти способа передѣлать его“.

Рѣшено было сохранять миръ и выводить войска изъ прусскихъ областей, а между тѣмъ понуждать Прусскаго короля къ миру съ Австріею и Саксоніею: но, разумѣется, послѣдняго трудно было достигнуть при первомъ.

Къ Репнину былъ отправленъ такой рескриптъ: „Изъ реляціи вашей усматриваемъ мы къ сожалѣнію нашему, что король Прусскій, по мѣрѣ удаленія войскъ нашихъ изъ Земель его, сталъ все больше открывать предъ вами свое отвращеніе къ миру. Не такъ удивителенъ, какъ непріятенъ намъ его поступокъ, ибо изъ него не безъ основанія можно заключить, что онъ намѣренъ продолжать войну, можетъ быть, въ той надеждѣ, что мы, оставя разъ войну, не захотимъ скоро опять ее начать; съ другой стороны, взятіе Швейдница приводитъ его въ состояніе дѣйствовать наступательно противъ Австрійскаго Дома и принудить императрицу-королеву силою оружія къ такому миру, которымъ бы онъ могъ на будущее время сохранить и утвердить перевѣсъ свой и Бранденбургскаго Дома въ Германіи. Такъ какъ наше желаніе и стараніе совсѣмъ другія, а именно: чтобъ скорымъ окончаніемъ войны установить въ Германіи столь нужное для интересовъ нашей имперіи равенство силъ, и для того способствовать императрицѣ-королевѣ въ удержаніи того, что ею уже дѣйствительно завоевано, то не можемъ мы теперь оставаться спокойны, пока не узнаемъ прямо и точно мысли его Прусскаго величества, дабы, примѣняясь къ нимъ, располагать и собственныя наши мѣры. Вы поэтому должны сыскать удобный случай внушить королю въ разговорѣ, будто отъ себя, что примѣтная его склонность къ продолженію войны отнюдь не можетъ намъ быть пріятна по миролюбію нашему и принятымъ правиламъ, и потому вы опасаетесь, чтобъ она не удержала насъ отъ вступленія съ нимъ въ бо́льшую дружбу и короткость, хотя и есть между обоими Дворами нѣкоторые общіе интересы. Когда рѣчи и поступки короля Прусскаго и впредь будутъ обнаруживать упорство его въ продолженіи войны, то вы должны выказывать нашу склонность и доброжелательство къ Вѣнскому Двору; по требованію обстоятельствъ вы должны отзываться, что, по естественнымъ интересамъ обоихъ императорскихъ Дворовъ, мы не можемъ оставить вовсе императрицу-королеву. Если бы король Прусскій былъ убитъ въ какомъ-нибудь сраженіи, что̀ на войнѣ случиться можетъ, то повелѣваемъ вамъ преемнику его формально и немедленно предложить нашу медіацію, съ обѣщаніемъ несомнѣннаго чрезъ посредство наше мира“.

Репнинъ увеличивалъ безпокойство императрицы, донося, что Фридрихъ имѣетъ намѣреніе овладѣть Саксоніею, и что когда онъ, Репнинъ, сталъ представлять ему объ очищеніи этой страны, то онъ сталъ обходиться съ нимъ холодно, такъ-что Репнинъ просилъ у императрицы позволенія уѣхать изъ лагеря въ Берлинъ, чтобъ не подвергнуть неучтивости свой посольскій характеръ. Когда Репнинъ представилъ Фридриху о миролюбіи Вѣнскаго Двора и о согласіи его вступить въ мирные переговоры и заключить перемиріе, то король отвѣчалъ, что онъ не отрекается отъ выгоднаго мира, но на невыгодный никогда не согласится, и, прежде постановленія прелиминарныхъ пунктовъ, перемиреніе заключено быть не можетъ; Вѣнскій Дворъ, если желаетъ, можетъ сдѣлать предложеніе, но онъ, съ своей стороны, не имѣетъ сдѣлать никакихъ предложеній и на конгрессъ никогда не согласится; военныя заботы не оставляютъ ему времени для мирныхъ переговоровъ, тѣмъ болѣе-что министерства своего при себѣ не имѣетъ. Репнинъ замѣтилъ: „Зима приближается и даетъ вашему величеству свободное время; о мѣстѣ и способѣ переговоровъ нечего говорить, лишь бы было желаніе мира.“ — „На конгрессъ никакъ не соглашусь“, отвѣчалъ Фридрихъ, „предложеній никакихъ дѣлать не имѣю, и оставляю на волю Вѣнскаго Двора ихъ сдѣлать“.— „Ваше императорское величество“, доносилъ Репнинъ, „изволитъ усмотрѣть, что негоціаціями способу нѣтъ короля къ миру склонить, развѣ ему оставить всѣ тѣ же владѣнія, которыя прежде войны имѣлъ, и никакой индемнизаціи никому не требовать; ежели же Вѣнскій Дворъ какіе-либо ни есть авантажи получить желаетъ, то оные инако достать не можетъ, какъ твердостью своего оружія. Кампанія нынѣшняго года совсѣмъ въ пользу короля обратилась, чѣмъ еще болѣе его мысли

возвысились, и если сверхъ того, какіе авантажи еще получитъ, то боюсь, чтобъ самъ не задумалъ хотѣть индемнизацію за убытки сей войны".

Екатерина настаивала, чтобъ прежде всего Фридрихъ вывелъ свои войска изъ Саксоніи, и далъ ея курфюрсту, королю Польскому, вознагражденіе за разореніе его Земли. „Мы предусматриваемъ", говорилось въ рескриптѣ императрицы Репнину, „что сія матерія непріятна будетъ королю, но справедливость тѣмъ не меньше требуетъ, чтобъ обидчикъ сдѣлалъ обиженному удовольствіе, и для того надобно вамъ при всякомъ случаѣ пристойно напоминать, что безъ удовлетворенія королю Польскому, какъ Саксонскому курфюрсту, миръ прочно установленъ быть не можетъ".—„Король", писалъ Репнинъ, „когда я чуть коснусь этой матеріи или возстановленія мира, прерываетъ разговоръ и съ неудовольствіемъ отъ меня уходитъ. Такъ, получа извѣстіе, что Австрійцы покушались напасть на принца Генриха, сказалъ мнѣ: „Я вижу, какъ они намѣрены оставить Саксонію; они только стараются всячески меня оттуда выбить". Я замѣтилъ ему, что Австрійцы безъ его согласія не могутъ оставить Саксонію; но сами они вполнѣ на это готовы, лишь бы онъ показалъ такую же готовность. — „Я уже давно знаю, чему вѣрить и чему не вѣрить", отвѣчалъ король. Репнинъ писалъ, и, конечно, слова его должны были произвести непріятное впечатлѣніе, показывая вредъ, происшедшій отъ измѣненія Елисаветинской системы относительно Фридриха II-го: „При восшествіи вашего величества на престолъ, графъ Чернышевъ и я доносили, что король не прочь отъ мира. Но обстоятельства съ тѣхъ поръ совсѣмъ перемѣнились; страхъ оружія вашего величества миновался съ возвращеніемъ русскихъ войскъ въ отечество; Швейдницъ взятъ, Австрійцевъ захвачено въ плѣнъ до 15,000 человѣкъ, а у нихъ только отъ 2,000 до 3,000 прусскихъ плѣнныхъ. Помянутыя преимущества возвысили здѣсь желанія и совершенно перемѣнили мнѣнія, и сверхъ того и природный нравъ короля много участія въ томъ имѣетъ".

Екатерина собственноручно написала Иностранной Коллегіи для передачи Репнину: „При пристойномъ случаѣ князю Николаю Репнину въ разговорѣ внушить королю Прусскому, будто бы отъ себя, что видимая его склонность къ войнѣ можетъ удержать меня отъ вящей дружбы съ нимъ, королемъ, хотя и нѣкоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевскія рѣчи кажутся склонны къ войнѣ, тогда посланнику подавать виды склонности къ Вѣнскому Двору, а когда къ миру покажетъ желанье,—тогда на его сторону говорить, показывая при всякомъ случаѣ крайнее мое желанье видѣть миръ и тишину. Еще секретнѣйшее наставленіе князю Репнину дать: если король, въ его, князя, бытность, убитъ бы былъ,—чтобъ онъ тогда формально наслѣднику медіацію нашу офрировалъ съ обѣщаніемъ неизмѣннаго мира". Наконецъ, Репнинъ долженъ былъ внушить Фридриху, что въ случаѣ продолженія войны Россія принуждена будетъ всѣми способами помогать Вѣнскому Двору. „Сомнѣваюсь", отвѣчалъ Репнинъ, „чтобъ можно было склонить короля къ какой-нибудь уступкѣ, развѣ сдѣлать это силою оружія, а иначе невозможно". Представленія посланника подкрѣплялись письмомъ самой государыни: „Я была бы очень рада", писала Екатерина Фридриху, „устранить все то, что можетъ вредить доброму согласію между нами; но я не вижу къ тому средства, если ваше величество не выйдете изъ настоящей войны. Я вамъ скажу просто: нѣтъ ли возможности заключить миръ? Я бы могла дѣйствовать иначе, у меня были средства въ рукахъ и теперь еще есть. Я пожертвовала существенными выгодами войны любви къ миру; надобно надѣяться, что другіе послѣдуютъ этому примѣру, тѣмъ болѣе что до сихъ поръ они могутъ имѣть въ виду выгоды еще идеальныя только. Вся трудность состоитъ въ вознагражденіи Саксонскому Двору: можно устроить какое-нибудь помѣщеніе для одного изъ принцевъ этого Дома". Письмо оканчивается угрозою: „Я знаю, что Вѣнскій Дворъ склоненъ къ миру. Я могла бы сообщить вамъ его предложенія, если бы со стороны вашего величества могла ожидать того же; но, къ несчастью, вы отказались отъ этого, и я боюсь, что, наконецъ, мои лучшія намѣренія не исполнятся, и я буду принуждена принять мѣры, противныя моимъ желаніямъ, склонностямъ и чувству дружбы".

26 ноября Репнинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Финкенштейномъ. Репнинъ представилъ рѣшительно о необходимости очищенія Саксоніи и вознагражденія ей, безъ чего прочный миръ невозможенъ. Финкенштейнъ отвѣчалъ: „Правда, Саксонія страдаетъ, но гнѣвъ королевскій на нее происходитъ отъ увѣренности, что она была причиною войны, на что есть и письменныя доказательства. Прежде съ русской стороны упоминалось только объ очищеніи Саксоніи, а теперь пошло дѣло уже и о вознагражденіи".—„Секреты кабинетовъ остаются втайнѣ между государями", сказалъ Репнинъ, „и я о нихъ ничего не знаю, а извѣстно мнѣ и всему свѣту, что король Прусскій первый вошелъ въ Саксонію, и съ тѣхъ поръ какія страданія она терпитъ! Вознагражденіе же Саксоніи справедливо слѣдуетъ по натуральному праву: обиженный долженъ получить удовлетвореніе отъ обидчика. Удаленіе его величества отъ очищенія Саксоніи и отъ мира приводитъ меня въ страхъ, чтобъ отъ этого упорства не послѣдовала холодность между нимъ и ея императорскимъ величествомъ; боюсь, чтобъ ея величество не была принуждена совершенно обратиться къ Вѣнскому Двору".—„Холодности съ нашей стороны никогда не будетъ", отвѣчалъ Финкенштейнъ: „король твердо намѣренъ охранять дружбу съ императрицею". Во все время разговора, доносилъ Репнинъ, Финкенштейнъ былъ въ вели-

кой торопости, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ и самъ дрожалъ.

21 декабря Финкенштейнъ объявилъ Репнину именемъ королевскимъ, подъ крайнимъ секретомъ, что Вѣнскій Дворъ сдѣлалъ мирныя предложенія чрезъ посредство Саксонскаго Двора, и король отвѣчалъ, что онъ не удаленъ отъ мира, лишь бы условія были разумныя. вслѣдствіе чего съ обѣихъ сторонъ назначены повѣренные въ дѣлахъ. Вѣнскій Дворъ требовалъ, чтобъ дѣло велось тайно; но король, будучи обязанъ истинною дружбою съ Русскою императрицею, признавая съ благородностью человѣколюбивое желаніе ея относительно возстановленія общей тишины, также и въ доказательство, что онъ отъ мира не удаляется, не хотѣлъ этого скрыть. Репнинъ отвѣчалъ, что императрица, конечно, съ удовольствіемъ услышитъ объ этомъ началѣ къ прекращенію бѣдствій человѣчества и по возможности будетъ способствовать къ отвращенію всякихъ тому препятствій, если только король откровенно и точно изъяснится. Финкенштейнъ отвѣчалъ королевскимъ именемъ, что король немедленно отправитъ прямо къ императрицѣ свои мирныя условія.

А между тѣмъ преемникъ Гольца, графъ Сольмсъ, пріѣхавши 18 декабря къ канцлеру на вечеръ, вступилъ съ нимъ, подъ видомъ разговора, въ подробныя сужденія о дѣлахъ. Король, его государь, удивляется, началъ Сольмсъ, какъ сильно ея величество изволитъ интересоваться Саксонскимъ Дворомъ, когда тотъ поступками своими не только не заслуживаетъ заступленія ея величества, но болѣе достоинъ мести за радость, оказанную имъ при извѣстіи о заговорѣ (Хрущевскомъ) противъ ея величества. Онъ, графъ Сольмсъ, можетъ увѣрить, что при этомъ случаѣ Дрезденскій Дворъ вездѣ разглашалъ въ Польшѣ, что хотя первое покушеніе было и неудачно, однако новое покушеніе, которое послѣдуетъ въ ноябрѣ, непремѣнно произведетъ перемѣну въ правленіи. Если-бы король, въ угодность императрицѣ, захотѣлъ очистить Саксонію, то какъ бы онъ могъ увѣриться, что не подвергнется нападенію въ сердцѣ своихъ владѣній, имѣя столько опытовъ вражды и ненависти Дворовъ—Вѣнскаго и Дрезденскаго, которые до войны думали уже о раздробленіи областей его. Король готовъ заключить миръ съ Австрійскимъ Домомъ, если только тотъ отстанетъ отъ своихъ требованій и захочетъ удовольствоваться тѣмъ, чѣмъ каждый владѣлъ до войны. Такъ какъ Великобританскій Дворъ, при заключеніи мира съ Франціею, въ противность торжественныхъ обнадеживаній, вовсе пренебрегъ интересами его Прусскаго величества и вообще началъ оказывать къ нему большую холодность, то король опасается, чтобъ Лондонскій Дворъ, скрывая несправедливость своего поступка, не захотѣлъ распространить своихъ вредныхъ для короля внушеній и при здѣшнемъ Дворѣ, тогда какъ король, напротивъ, употребляетъ всевозможное стараніе сохранить дружбу съ ея величествомъ.—Канцлеръ отвѣчалъ, что ея величество заступается за Польскаго короля по дружбѣ къ нему, по его усильнымъ домогательствамъ, и особенно по принятому однажды навсегда правилу—стараться по возможности о скорѣйшемъ прекращеніи народныхъ бѣдствій. Ея величество не безъ причины ожидала со стороны Прусскаго короля большей податливости и снисхожденія къ ея заступленію, тѣмъ болѣе что Саксонія и безъ того уже почти вконецъ разорена. Опасеніе австрійскаго нападенія чрезъ Саксонію на прусскія земли не можетъ служить отговоркою, ибо въ русскомъ предложеніи точно обозначено, что Саксонія будетъ немедленно занята войскомъ своего курфюрста, который во всю войну будетъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ. Внушеніе о странной радости, будто-бъ оказанной Польскимъ Дворомъ по поводу заговора, тѣмъ удивительнѣе, что объ этомъ не было извѣщенія ни отъ русскаго министра въ Польшѣ, ни отъ кого другого; наконецъ, мнимый раздѣлъ прусскихъ земель, въ которомъ обвиняются теперь Дворы Вѣнскій и Дрезденскій, никогда не былъ доказанъ, хотя съ прусской стороны весь саксонскій архивъ силою взятъ и многія бумаги изъ него изданы. На это Сольмсъ замѣтилъ, что у короля въ рукахъ находятся явныя доказательства замысла о раздѣлѣ его владѣній.

Фридрихъ не думалъ, чтобъ Екатерина при тогдашнихъ обстоятельствахъ рѣшилась начать войну, и особенно войну съ нимъ изъ-за Австріи и Саксоніи. Въ декабрѣ онъ писалъ Финкенштейну: „При настоящихъ обстоятельствахъ надобно выигрывать время и идти потихоньку (à pas mesurés). До сихъ поръ я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ мы съ Россіею; я имѣю важныя причины думать, что тамъ не захотятъ разорвать съ нами; императрица уводитъ свои войска внутрь страны, и я не думаю, чтобъ Австрія имѣла большое вліяніе въ Петербургѣ“ [1]).

Какую печаль произвело событіе 28 іюня въ Пруссіи, такую же радость возбудило оно въ Даніи.

29 іюня уже былъ отправленъ къ Корфу рескриптъ, что если онъ находится на дорогѣ въ Берлинъ, то пусть возвращается туда, гдѣ находится Датскій король, и удостовѣритъ его въ искреннемъ желаніи императрицы ненарушимо сохранять и продолжать союзническую дружбу; внушить, что императрица съ сожалѣніемъ видѣла, какъ доходили до крайности несогласія съ Даніею по Голштинскимъ дѣламъ, и всѣ предпріятія противъ Даніи признавала за несходныя съ интересомъ своего государства, благополучіе котораго предпочитала всѣмъ постороннимъ видамъ. Теперь императрица желаетъ оставить все на прежнемъ основаніи, полагая за правило, что Голштинскія дѣла не могутъ служить поводомъ къ нарушенію добраго согласія Россіи съ Датскимъ Дворомъ.

[1]) Дѣла Прусскія 1762 года. -Forschungen zur deutschen Geschichte.

Корфъ былъ уже въ Берлинѣ, когда получилъ этотъ рескриптъ; онъ немедленно отправился въ Копенгагенъ и оттуда въ загородный королевскій замокъ Фриденбургъ, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ и приняли съ великою радостью. Король не находилъ словъ для выраженія своей благодарности императрицѣ за ея увѣренія въ дружбѣ, и распространился о своемъ уваженіи къ Русскому народу: „Вы свидѣтель", говорилъ онъ Корфу, „какъ я всегда почиталъ Русскій народъ; это почтеніе усилилось вслѣдствіе храбрыхъ дѣйствій русскихъ войскъ въ настоящей войнѣ; мнѣ было жаль вступить въ кровопролитную борьбу съ народомъ, котораго я ничѣмъ не оскорбилъ".—„Не только Дворъ", писалъ Корфъ, „но всѣ жители датскихъ провинцій, чрезъ которыя я проѣзжалъ, до послѣдняго крестьянина, обнаруживали радость вслѣдствіе нечаянной перемѣны въ ихъ судьбѣ; да исполнитъ Всевышній все то, чего эти бѣдные люди желали вашему величеству. Совершенно другое обнаружилось въ Берлинѣ и Бранденбургскихъ Земляхъ, когда тамъ узнали о вступленіи на престолъ вашего величества: ужасъ былъ такъ великъ, что королевскую казну ночью отвезли въ Магдебургъ".

Но въ Даніи слишкомъ много разсчитывали на равнодушіе Екатерины къ Голштиніи. Датскій король объявилъ, что по договору между нимъ и Шведскимъ королемъ, какъ принцемъ Голштинскаго Дома, послѣдній отказался въ его пользу отъ опекунства въ случаѣ малолѣтства герцога Голштинскаго. Теперь, по мнѣнію Датскаго короля, этотъ случай насталъ по малолѣтству великаго князя Павла Петровича, и онъ, король Датскій, долженъ вступить въ опекунство, слѣдовательно и управленіе герцогствомъ. Но Екатерина собственноручно написала Иностранной Коллегіи: „Тѣмъ наипаче, что при вступленіи моемъ на Всероссійскій престолъ всѣмъ державамъ объявлено, сколько я желаю миръ и тишину, нынѣ удивленія достоинъ поступокъ короля Датскаго, который объявилъ мнѣ, будто онъ права имѣетъ обще со мной опекунство сына моего въ Голштиніи на себя взять. Я оныя права признать не могу. Въ Римской имперіи младшій принцъ безъ вѣдома старшаго своего Дома не можетъ въ поврежденіе того заключить трактатъ. Бывшій императоръ не вѣдалъ и никогда не апробовалъ трактатъ короля Шведскаго, младшаго принца Голштинскаго Дома, съ королемъ Датскимъ, въ предосужденіе своихъ братьевъ и наслѣдника Петра III. Мать, по всѣмъ Римской имперіи правамъ, имѣетъ опекунство сына своего, и король Датскій самъ подкрѣплялъ въ Саксенъ-Веймарскомъ Домѣ недавно случившійся случай. Сколько наиболѣе при всего умнаго свѣта (т.-е. по признанію всѣхъ умныхъ людей) права самодержавной императрицы подкрѣпляетъ повѣренность цѣлаго обширнаго народа,— всякому на разсужденье отдается. Съ королемъ Датскимъ же въ негоціацію отнюдь вступать не буду до тѣхъ поръ, что всѣ его войска изъ Голштиніи не выведены". Екатерина назначила администраторомъ извѣстнаго принца Георгія, въ награду за его родственное заступничество за нее при Петрѣ III-мъ. Разумѣется, Данія должна была уступить, и министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Бернсторфъ, объявилъ Корфу, что намѣреніе короля въ этомъ дѣлѣ было самое невинное: онъ хотѣлъ только съ своей стороны дѣйствительно доказать участіе въ интересѣ, въ приращеніи Германскихъ владѣній великаго князя,— слѣдовательно получить болѣе случаевъ къ изъявленію его высочеству опытовъ своей искренности, дабы пріобрѣсть будущую этого государя дружбу, которая королю и Землямъ его очень нужна; но, усмотря, что императрица относительно соопекунства и администраціи Голштинскихъ Земель не одного мнѣнія съ королемъ, послѣдній не преминетъ отказаться отъ своего права, для показанія высокопочитанія и самой искренней дружбы своей, какую только ея величество вообразить себѣ изволитъ" [1]).

Событіе 28 іюня, возвратившее Корфа изъ Берлина въ Копенгагенъ, удержало Остермана въ Стокгольмѣ. 29 іюня отправленъ былъ къ нему рескриптъ съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины и съ приказаніемъ увѣрить короля въ намѣреніи новой императрицы непремѣнно содержать добрую дружбу съ Шведскимъ Дворомъ. Король велѣлъ отвѣчать, что хотя не могъ безъ сожалѣнія услышать, по ближнему родству съ бывшимъ императоромъ Петромъ III, о наведенномъ имъ самимъ на себя приключеніи, однако, принявъ въ уваженіе важныя причины, принудившія императрицу предаться материнскому попеченію о благѣ Россійской имперіи, и еще ближайшее родство съ нею, съ наичувствительнѣйшимъ удовольствіемъ услышалъ о счастливомъ ея восшествіи на престолъ и о намѣреніи сохранять дружбу со Швеціею: король съ своей стороны не преминетъ утверждать эту дружбу всѣми силами. Это Адольфъ-Фридрихъ доказалъ немедленно совершеннымъ отстраненіемъ своимъ отъ участія въ дѣлѣ по претензіямъ Датскаго короля на голштинскую администрацію.

Относительно новой инструкціи графу Остерману канцлеръ Воронцовъ подалъ императрицѣ докладъ: „Графу Остерману въ началѣ еще послѣдняго правленія данъ былъ указъ – Шведскаго короля и королеву, также и партію ихъ подкрѣплять вездѣ и при всякомъ случаѣ; но такъ какъ это безпредѣльное повелѣніе можетъ касаться и ниспроверженія установленной въ Швеціи формы правленія, то не соизволено-ль будетъ его отмѣнить." — Екатерина отвѣчала собственноручно: „Ограничивая форму правленія, подкрѣплять партію, противную господствующей".

Въ сентябрѣ Остерману удалось добыть и переслать въ Петербургъ донесеніе шведскаго послан-

[1]) Дѣла Датскія 1762 года.

ника при Русскомъ Дворѣ, Поссе, о состояніи Россійской имперіи. Поссе начинаетъ ближайшимъ къ себѣ дѣломъ—отношеніями Россіи къ Швеціи, о которыхъ пишетъ, что было бы желательно, если-бъ они навсегда остались такими, какъ теперь. Затѣмъ Поссе переходитъ къ военной силѣ Россіи: „регулярное войско простиралось до 304,953 человѣкъ, нерегулярное—до 32,000; но изъ этого числа въ поле не можетъ быть выведено болѣе 100,000 человѣкъ; полки никогда въ комплектѣ не находятся,—такъ въ пѣхотномъ полку слѣдуетъ быть 2,637 человѣкамъ, но въ немъ постоянно недостаетъ отъ 600 до 700 человѣкъ, ибо Военная Коллегія старается имѣть сколько возможно порожнихъ мѣстъ, чтобъ остающимся жалованьемъ обогащать свою казну. Кромѣ того, отъ безпрестанныхъ переходовъ армейскихъ полковъ по такому обширному государству изъ одной провинціи въ другую много людей пропадаетъ; сюда же должно присоединить природную ненависть Русскихъ къ военной службѣ и трудность въ наборѣ и пересылкѣ рекрутъ. Въ счетъ людей въ полкахъ входятъ офицеры, унтеръ-офицеры, капралы, лѣкаря, попы, писаря, музыканты, плотники, кузнецы, деньщики, погонщики, что составляетъ отъ 600 до 700 человѣкъ въ каждомъ полку. Русскій солдатъ питается дурною пищею, находится постоянно въ тяжелой работѣ, лишенъ хорошихъ лѣкарей и лѣкарствъ; по этимъ причинамъ четвертая доля полка лежитъ въ госпиталѣ, а больного солдата можно почитать пропадшимъ по дурному за нимъ уходу, такъ-что въ каждомъ полку остается только отъ 800 до 900 человѣкъ. Русскіе къ солдатству неспособны и не имѣютъ искусныхъ генераловъ, исключая нѣкоторыхъ иностранцевъ. Во время настоящей войны находившіеся въ русской службѣ чужестранцы и Лифляндцы обойдены и пренебрежны, и въ послѣдніе годы нѣсколько тысячъ способныхъ и искусныхъ иностранныхъ офицеровъ принуждены были просить увольненія, и получили его безъ всякаго затрудненія. Сухопутный и морской кадетскій корпуса могутъ почитаться плодовитымъ садомъ, доставляющимъ способныхъ офицеровъ. Флотъ состоитъ изъ 31 линейнаго корабля, а съ судами другихъ названій число военныхъ кораблей 42; галеръ 99. Старшіе корабли въ плохомъ состояніи и такъ гнилы, что едва можно ихъ починить; вообще флотъ въ дурномъ состояніи, потому что корабли строятъ неискусно: 99-ти-пушечный корабль „Елисавета", построенный въ 1745 году, не могъ быть употребляемъ на морѣ, потому что набокъ валится; казанскій дубовый и архангельскій сосновый лѣсъ, употребляемые для кораблестроенія, мягки и неплотны; Кронштадтская гавань не имѣетъ соляной воды; семимѣсячное въ году окруженіе корабля снѣгомъ и льдомъ очень много вредитъ имъ. Русскій флотъ будетъ всегда въ посредственномъ состояніи по недостатку искусныхъ матросовъ: этотъ недостатокъ будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока Россія не будетъ употреблять для своей торговли собственныхъ морскихъ судовъ.

„Если бы Россія умѣла пользоваться выгодами, которыми такъ богато одарила ее природа, то она могла бы довести свою торговлю до высшей степени процвѣтанія; но у Русскихъ нѣтъ для этого ни достаточной вольности, ни достаточнаго знанія и кредита, ни достаточнаго количества денегъ; ихъ знатнѣйшіе купцы суть только коммисіонеры купцовъ иностранныхъ, преимущественно англійскихъ. Въ Россію ввозится иностранныхъ товаровъ на три милліона 2,715 рублей, а вывозится на четыре милліона 700,000 рублей; но, для избѣжанія тяжкой пошлины, привозимые товары по меньшей мѣрѣ объявляются третью ниже истинной цѣны, а сверхъ того, мимо таможенъ, тайнымъ образомъ провозится множество товаровъ, такъ-что большой разницы между вывозомъ и ввозомъ быть не можетъ. Торговля сильно страдаетъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ; можно положить, что всѣ товары платятъ по 40 процентовъ пошлины. Не мало способствовало уменьшенію русской торговли на нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и навсегда, запрещеніе отпуска изъ государства нѣкоторыхъ произведеній. Пока лифляндскіе закромы были отворены, Швеція ежегодно брала оттуда по нѣскольку тысячъ ластовъ хлѣба; но когда вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ запрещенъ, то Швеція нашла внутри себя средство помочь этой бѣдѣ: запрещено было безразсудное винокуреніе и введена лучшая система въ земледѣліи. Монополіи принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ причинъ, умаляющихъ торговлю; сюда же должно отнести проволочку времени, обиды, безконечныя хлопоты и взятки, берущіяся во всѣхъ таможняхъ. Когда таможни были у короны, то купцы платили пошлины въ концѣ года оптомъ, и капиталъ былъ у нихъ свободенъ цѣлый годъ; но когда таможни были отданы на откупъ, то купцы принуждены очищать таможенную пошлину тотчасъ по выходѣ товара изъ таможни. Таможенные откупщики обязались платить въ годъ 3.000,000 рублей; но такъ какъ вслѣдствіе повышенія пошлинъ торговля уменьшилась, то они оказались несостоятельными.

„О фабрикахъ правительство не заботится надлежащимъ образомъ, а частные люди не имѣютъ достаточно денегъ и кредита, и потому фабрики или совершенно упадаютъ, или не совершенствуются; русскіе ремесленники не въ состояніи добыть себѣ лучшихъ инструментовъ и матеріаловъ, и потому работаютъ дурно; хотя работа ихъ и дешево продается, но по добротѣ никакъ не можетъ сравняться съ иностранною".

Остерманъ съ своей стороны доносилъ императрицѣ о печальномъ состояніи Швеціи, недостаткѣ денегъ, страшной дороговизнѣ, всеобщемъ ропотѣ на правительство, о мысли созвать чрезвычайный сеймъ. Остерманъ писалъ, что, вслѣдствіе всеобщаго неудовольствія, можетъ быть возстановлено самодержавіе, ибо никогда еще не слыхалъ онъ

такихъ ожесточенныхъ выходокъ противъ настоящей формы правленія. Противники придворной партіи утверждали, что она имѣетъ цѣлью возстановленіе самодержавія, указывая на то, что ею управляетъ королева, и самый вліятельный членъ партіи, полковникъ Синклеръ, вполнѣ преданъ королевѣ. Остерманъ при случаѣ завелъ съ Синклеромъ рѣчь о его намѣреніяхъ: тотъ отперся отъ намѣренія ввести самодержавіе, объяснилъ, что единственная его цѣль—уничтоженіе извѣстныхъ безпорядковъ, а это не можетъ быть сдѣлано безъ пересмотра существующей формы правленія, безъ отстраненія заключающихся въ ней противорѣчій, установленія фундаментальнаго закона, котораго нельзя было бы перемѣнять при каждомъ сеймѣ, и безъ точнаго опредѣленія границъ королевской и сенатской власти. На вопросъ Остермана, какимъ способомъ онъ можетъ этого достигнуть при такой силѣ французской партіи, которая до этого не допуститъ, Синклеръ отвѣчалъ, что безъ денегъ что-либо сдѣлать трудно, и если-бъ онъ могъ получить только третью часть того, что издерживаетъ Французскій Дворъ въ Швеціи, то могъ бы достигнуть большихъ результатовъ. На вопросъ:— а если онъ этихъ денегъ не получитъ, что предприметъ въ такомъ случаѣ,—Синклеръ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ надобно потерпѣть до времени, пока народъ не откроетъ, наконецъ, глазъ и самъ не подумаетъ о своемъ спасеніи. Послѣдній сеймъ, писалъ Остерманъ, кончился безъ рѣшительнаго перевѣса ни придворной, ни французской партіи [1]).

Важнѣе были Польскія дѣла. Мы видѣли, что при Петрѣ III, вмѣсто Воейкова, русскимъ посломъ въ Варшаву былъ назначенъ графъ Кейзерлингъ; Екатерина не перемѣнила этого назначенія, но оставила Кейзерлинга на нѣсколько времени въ Петербургѣ для совѣщаній, и дѣлами посольства въ Варшавѣ управлялъ резидентъ Ржичевскій. Мы видѣли, что королевскій Дворъ, повергнутый въ отчаяніе перемѣною русской политики и тѣснымъ союзомъ Петра III съ Фридрихомъ II, утѣшался слухами, что въ Петербургѣ произойдетъ скоро переворотъ. Въ депешѣ отъ 16-го іюня прусскій министръ Бенуа доносилъ своему королю, что пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ, какъ императрица любима Русскимъ народомъ. Слухи оказались справедливыми: въ Россіи произошла перемѣна; но Польско-Саксонскій Дворъ ничего отъ нея не выигралъ,—выиграла враждебная ему партія Чарторыйскихъ. Ржичевскій не умѣлъ или не хотѣлъ отстать отъ старыхъ Елисаветинскихъ инструкцій, по которымъ русскіе министры въ Польшѣ должны были держать себя безпристрастно относительно тамошнихъ партій и не раздражать Двора изъ-за Чарторыйскихъ; притомъ же Ржичевскій теперь могъ бояться Бестужева, извѣстнаго приверженца Польско-Саксонскаго Двора, а посломъ въ Польшу былъ назначенъ Кейзерлингъ, пріятель Бестужева.

[1]) Дѣла Шведскія 1762 года.

Но Чарторыйскіе послали жалобу на Ржичевскаго, который вслѣдствіе этого получилъ выговоръ отъ канцлера: „Изъ полученныхъ мною отъ вашего высокоблагородія писемъ, также изъ отправленныхъ вами къ высочайшему Двору реляцій съ непріятностію усмотрѣно здѣсь о невоспослѣдовавшемъ согласно здѣшнимъ видамъ успѣхѣ въ порученныхъ вамъ дѣлахъ. Вамъ точно предписано, чтобъ вы въ разсужденіи сеймовыхъ дѣлъ въ Польшѣ съ князьями Чарторыйскими, яко благонамѣренными, въ крайней конфиденціи о здѣшнихъ намѣреніяхъ изъяснились и, до пріѣзда господина посла графа Кейзерлинга, въ семъ пунктѣ по присовѣтованіямъ ихъ поступки ваши учредили, такожъ, чтобъ вы со стороны высочайшаго нашего Двора у его Польскаго величества домогались, дабы на прошеніе канцлера, князя Чарторыйскаго, пожалованіемъ обоихъ литовскихъ писарей въ порожніе чины воеводы Виленскаго и гетмана Литовскаго снизойти соизволилъ, и что король самъ себѣ обяжетъ такую фамилію, которая прежде много усердія и преданности къ интересамъ его величества оказывала, и только обстоятельствами отъ продолженія оныхъ отведена была, и напослѣдокъ чтобъ вы увѣдомили онаго канцлера и обоихъ кандидатовъ о здѣшнемъ заступленіи, требуя взаимно при всякомъ случаѣ содѣйствованія ихъ для поспѣшествованія здѣшнихъ интересовъ, кои толь тѣсно соединены съ благосостояніемъ ихъ отечества. Но содержаніе сихъ рескриптовъ вы весьма худо поняли и совсѣмъ противное здѣшнимъ намѣреніямъ исполненіе сдѣлали, ибо вы, вмѣсто того, чтобъ согласное и откровенное сношеніе съ фамиліею князей Чарторыйскихъ имѣть, совсѣмъ другое имъ, какъ о томъ здѣсь увѣдомлено, внушали, хотя всего больше надлежало вамъ стараться, чтобъ, по довольно извѣстнымъ тамошнихъ разныхъ партій распрямъ и интригамъ графа Бриля и прочихъ, ссоры ихъ до крайности не доводить, преклоняя ихъ къ умѣреннымъ поступкамъ и прекращенію вражды, тѣмъ болѣе что ея императорскаго величества намѣренія отнюдь нѣтъ, чтобъ чрезъ здѣшнюю протекцію фамиліи князей Чарторыйскихъ малѣйшее огорченіе королю Польскому учинить. А когда вы принуждены были для разрыва сейма подкупить посла Цехановскаго, то не должно было ему дозволить внести въ манифестацію укорительныя для Россіи дѣла. Впрочемъ, имѣю еще примѣтить, чтобъ вы воздержались по внушеніямъ другихъ писать неправильно въ предосужденіе дознанной здѣсь благонамѣренности фамиліи князей Чарторыйскихъ, но впредь по точному содержанію отправляемыхъ къ вамъ отсюда наставленій поступали, и вообще въ поступкахъ вашихъ наблюдали здѣшніе виды и сопряженные съ оными интересы высочайшаго нашего Двора".

Ржичевскій оправдывался въ письмѣ къ канцлеру: „Упомянутое мною злоупотребленіе князьями Чарторыйскими высочайшаго покровительства состоитъ въ томъ, что когда я ихъ объ этомъ покро-

вительствѣ увѣдомилъ, то они совѣтовали мнѣ ѣхать къ примасу, коронному гетману и прочимъ, давъ имъ знать о новыхъ отношеніяхъ Русскаго Двора къ нимъ, Чарторыйскимъ, склоняя упомянутыхъ вельможъ войти съ ними въ соглашеніе и держаться ихъ, и, прежде чѣмъ я успѣлъ переговорить съ примасомъ и гетманомъ, Чарторыйскіе уже разгласили объ императорскомъ покровительствѣ, ибо нѣкоторые сенаторы и министры на другой же день спрашивали меня, правда-ли, что императрица готова одобрить все сдѣланное Чарторыйскими и во всемъ ихъ подкрѣплять. На мой вопросъ,—откуда они это взяли, я получилъ отвѣтъ, что сами Чарторыйскіе хвастаются полученіемъ такого объявленія отъ Русскаго Двора черезъ меня. Тогда я принужденъ былъ объявить, что подобной декларацін Чарторыйскимъ не дѣлалъ, а объявилъ имъ только желаніе императрицы доставить имъ своимъ ходатайствомъ у короля тѣ чины, которыхъ имъ хотѣлось. Правда, князья Чарторыйскіе люди великіе, только не составляютъ же здѣсь бóльшую часть республики,—много еще есть сильныхъ и къ Россіи расположенныхъ домовъ, которые также за честь себѣ почитаютъ получить высочайшую благосклонность, хотя бы съ князьями Чарторыйскими и находились въ несогласіи: слѣдовательно поступаю я такъ, какъ за лучшее разсуждаю, т. е. чтобъ не только князей Чарторыйскихъ подкрѣплять, но и другихъ не раздражать. Князья Чарторыйскіе сами жалѣютъ теперь о своей поспѣшности, которая имъ никакой чести не приноситъ, и по которой они съ графомъ Брилемъ такъ разсорились, что нѣтъ никакого средства ихъ примирить. Они предъявили мнѣ, что у шляхетства имѣютъ кредитъ, но тотчасъ оказалось, что онъ былъ на другой сторонѣ: подъ изданнымъ ими манифестомъ подписались гораздо менѣе, чѣмъ подъ манифестомъ графа Бриля. Какъ старыхъ друзей, ихъ нельзя покинуть, чтобъ и другіе имѣли на Россію добрую надежду; но дѣйствовать противъ графа Бриля и Двора, особенно въ нынѣшнемъ дѣлѣ, было бы предосудительно".

Оправданіе не помогло, что видно изъ собственноручной замѣтки Екатерины: „Тѣсная голова Ржичевскаго не могла понять, что если ему приказано было у Двора рекомендовать къ произвожденіямъ тѣ персоны, о которыхъ Чарторыйскіе просили, онъ могъ ихъ также рекомендовать и у примаса и прочихъ; лучше всего видится, дабы впередъ тамъ не думали, что мы двоякую роль играемъ, приказать ему по наставленьямъ Кейзерлинга; я, сверхъ того, вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Бриля, а я желаю, чтобъ не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было. Въ силѣ сего, однакожь безъ выговора и умѣряя слова, наставленіе ему дать надлежитъ для переду".

Самое тяжелое порученіе, которое долженъ былъ выполнить Ржичевскій, состояло въ подачѣ польскому министерству грамоты, извѣщавшей о рѣшеніи Екатерины возстановить на Курляндскомъ престолѣ Бирона. Ржичевскій долженъ былъ внушить, что такъ какъ исчезли причины, по которымъ нельзя было герцога Бирона выпустить изъ Россіи, то нѣтъ никакихъ затрудненій возстановить его въ герцогскомъ достоинствѣ, на которое онъ уже разъ навсегда получилъ инвеституру; справедливость требуетъ возвратить ему всѣ имѣнія, подаренныя ему императрицею Анною и купленныя имъ самимъ на собственныя деньги. „Натурально думать", говорилось въ рескриптѣ Ржичевскому, „что хотя король, какъ великодушный государь, съ одной стороны и признаетъ наше правосудіе относительно пострадавшей фамиліи, которая никогда ни въ чемъ не погрѣшила ни передъ нами, ни передъ его короною,—съ другой стороны, какъ отецъ, не можетъ онъ не почувствовать горести. Желая сколь возможно утѣшить короля въ печали и притомъ доказать, что мы дружески заботимся о благосостояніи его и всего его Дома, повелѣваемъ вамъ подать обнадеживаніе, что такъ какъ есть надежда на скорое прекращеніе военныхъ бѣдствій, то мы будемъ содѣйствовать не только справедливому удовлетворенію Саксоніи за претерпѣнныя ею разоренія, но содѣйствовать также и вознагражденію принца Карла за потерю Курляндіи посредствомъ секуляризаціи какихъ-либо епископствъ или доставленіемъ другихъ выгодъ, напримѣръ, можно было бы доставить ему епископство Минстерское или городъ Ерфуртъ, за который Маинцкій епископъ получитъ еквивалентъ: Прусскій король въ секретныхъ мирныхъ предложеніяхъ 1757 года выражалъ свою склонность къ этому".

Августъ III потребовалъ, чтобъ Биронъ представилъ прямо ему свои требованія. На это Ржичевскій получилъ рескриптъ: „Нѣтъ нужды разсматривать здѣсь, справедливо или нѣтъ такое желаніе его величества, и обязанъ ли герцогъ Эрнестъ-Іоганнъ просить о томъ, чего у него никто и ни по какимъ правамъ отнять не могъ. Мы обращаемъ ваше вниманіе на одно,—что королевская отвѣтная грамота написана въ саксонской канцеляріи, которая по дѣламъ Польши, а слѣдовательно и Курляндіи никакого участія имѣть не можетъ, и потому впредь по Курляндскимъ и Польскимъ дѣламъ вы не должны принимать никакихъ бумагъ изъ саксонской канцеляріи".

Отъ 14-го августа Ржичевскій далъ знать, что онъ еще не примѣтилъ, чтобъ кто-нибудь изъ польскихъ вельможъ вступался за герцога Бирона, но всѣ говорятъ, что такъ какъ король и республика такъ долго не могли допроситься освобожденія герцога Бирона и получили отъ императрицы Елисаветы декларацію, что Биронъ съ своимъ семействомъ никогда освобожденъ не будетъ, то былъ бы нанесенъ большой ущербъ власти короля и республики, если-бъ теперь король лишилъ сына своего, принца Карла, княжества Курляндскаго, ибо онъ

далъ ему это княжество вслѣдствіе декларацій Русскаго Двора и по усильнымъ прошеніямъ Курляндцевъ. Обстоятельство, что отвѣтная королевская грамота императрицы была написана въ саксонской канцеляріи, Ржичевскій объяснялъ тѣмъ, что такъ какъ Поляки не даютъ Русскимъ государямъ императорскаго титула, и въ коронной канцеляріи поэтому грамота была бы написана безъ этого титула, то боялись, что Ржичевскій не возьметъ ея, и потому рѣшились написать въ саксонской канцеляріи. „Не могу утаить", писалъ Ржичевскій, „что король находится въ большомъ горѣ, боится, чтобъ сынъ не потерялъ герцогства Курляндскаго въ пользу Бирона, и весь Дворъ опасается, чтобъ здоровье короля не пострадало отъ этой печали, говорятъ: потерпѣвъ великое разореніе въ Саксоніи, король возлагалъ всю свою надежду на великодушіе Русской императрицы, а теперь и съ русской стороны терпитъ притѣсненія по Курляндскому дѣлу".

Между тѣмъ Кейзерлингъ въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, занимался разными дѣлами по порученію императрицы. Относительно Курляндскаго дѣла существуетъ любопытная записка Бестужева отъ 29-го августа: „Присланная реляція Ржичевскаго для сочиненія по Курляндскимъ дѣламъ отвѣтовъ, за неимѣніемъ графу Кейзерлингу времени, прежде окончаемы быть не могли, какъ сегодня въ седьмомъ часу пополудни (ибо онъ упражненъ былъ Голштинскими дѣлами), которые (т. е. отвѣты) при семъ и съ тою реляціею прилагаются на всевысочайшую апробацію. Что же принадлежитъ до письма принца Карла къ ея императорскому величеству, которое графъ Кейзерлингъ ему, Бестужеву-Рюмину, сообщилъ, то онъ, припамятуя ему, что по примѣру, какъ нынѣшній король Прусскій въ 1746 году своеручное письмо императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (безъ предварительной прежде копіи) писалъ, и по повелѣнію ея величества, чтобъ на то письмо отмстительный отвѣтъ сочинить, представлено было ея величеству по русской пословицѣ: „Доброе молчаніе ни о чемъ отвѣтъ", а по-нѣмецки „Keine Antwort ist auch eine Antwort", что ея величество въ тогдашнее время и апробовать соизволила, на чемъ графъ Кейзерлингъ и согласился, чтобъ, не вступая съ нимъ въ переписки, безъ отвѣта оставить" [1]). Бестужевъ достигалъ, наконецъ, исполненія давняго и сильнаго желанія своего—возстановить своего благодѣтеля, Бирона, на Курляндскомъ престолѣ, чего, какъ мы видѣли, онъ напрасно добивался при Елисаветѣ, будучи великимъ канцлеромъ. Но, съ другой стороны, тотъ же Бестужевъ былъ преданъ Саксонскому Дому; чтобъ не измѣнить и этой своей преданности, Бестужевъ настаивалъ на требованіе отъ Пруссіи, чтобъ Саксонскій Домъ, при заключеніи общаго мира, былъ вознагражденъ въ Германіи посредствомъ секуляризаціи.

Но вознагражденіе въ Германіи—дѣло невѣрное; Россія, отказавшаяся отъ войны, теряла право предписывать условія мира; а между тѣмъ эта самая Россія отнимала Курляндію у Саксонскаго Дома.

Несчастный Августъ III хотѣлъ удержать своего сына въ Курляндіи посредствомъ польскаго сейма; но сеймъ, какъ мы видѣли, былъ разорванъ вслѣдствіе предписанія Екатерины отъ 28-го августа: „Писать къ Ржичевскому, дабы онъ всевозможное старанье приложилъ разорвать нынѣ собираемый сеймъ и отнюдь не допустилъ бы до выбиранья маршала во что оное бы ни стало, и объ ономъ сообщась съ фамиліею Чарторыйскихъ и посовѣтовався съ ними, поступалъ по сему еще до пріѣзда гр. Кейзерлинга". Тогда король потребовалъ, чтобъ сенатъ и министерство озаботились о принцѣ Карлѣ: 7-го октября (н. с.) примасъ созвалъ къ себѣ до сорока сенаторовъ на конференцію и королевскимъ именемъ предложилъ, чтобъ они совѣтовались о средствахъ не допустить Бирона на герцогство Курляндское, освободить Курляндію, какъ польскую область, отъ русскихъ войскъ, представить жалобу на русскаго министра въ Митавѣ, Симолина, будто онъ поступалъ въ Курляндіи самовольно, и отправить въ Митаву двоихъ сенаторовъ на помощь принцу Карлу. Но нѣкоторые сенаторы, выслушавъ предложеніе примаса, начали говорить, что такая конференція должна происходить въ присутствіи короля, которому они прямо будутъ открывать свои мысли. Во время этихъ разсужденій нѣкоторые сенаторы сидѣли, другіе ходили по комнатѣ, и, наконецъ, между ними произошли великія ссоры, „которыми безъ всякаго совѣта оная конференція и счастливо кончилась", писалъ Ржичевскій.

Австрійскій посолъ въ Варшавѣ, графъ Штернбергъ, пріѣзжалъ къ Ржичевскому и сильно заступался за принца Карла, говоря, что никакой Дворъ не можетъ быть надеженъ въ своихъ рѣшеніяхъ, когда государи ниспровергаютъ то, что предки ихъ обѣщали. Графъ Брюль неоднократно давалъ знать Ржичевскому, что при будущемъ конгрессѣ всѣ союзные Дворы, безъ сомнѣнія, вступятся за принца Карла. Все это было передаваемо Ржичевскимъ въ Петербургъ—и не производило тамъ никакого впечатлѣнія. Не произвело дѣйствія и письмо, которое король писалъ Бестужеву, по извѣстнымъ намъ причинамъ. Впрочемъ, по Польскимъ дѣламъ Бестужевъ долженъ былъ разойтись съ своимъ прежнимъ

[1]) Письмо Бестужева къ им. Екатеринѣ отъ 29 авг. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Тамъ же другое письмо, показывающее продолженіе отношеній Бестужева къ Бироньамъ: «Всемилостивѣйшая государыня, мать отечествія, всенародная радость. Припадая къ стопамъ в. и. в., всенижайше прошу по всевысочайшему вашему ко мнѣ милосердію и издавна особливому благоволенію сіе мое дерзновеніе всещедрѣйше отпустить, что всенижайшее герцога Курляндскаго прошеніе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи герцогинѣ его ордена Св. Екатерины на всевысочайшее ваше соизволеніе и великодушіе осмѣлился представить, не соизволено-ль будетъ всемилостивѣйше при отпускѣ оный наложить для кредиту герцогу у короля и республики Польской и для его тамъ подкрѣпленія».

пріятелемъ—Кейзерлингомъ: мы видѣли, что послѣдній вошелъ совершенно въ виды Екатерины возвести на престолъ Пяста, и именно Понятовскаго, причемъ предвидѣлась необходимость въ Прусскомъ союзѣ. Панинъ держался того же мнѣнія, чѣмъ и пролагалъ себѣ дорогу къ будущему значенію главнаго совѣтника Екатерины по всѣмъ дѣламъ, хотя временно и было между ними охлажденіе вслѣдствіе настаиванія на учрежденіе Императорскаго Совѣта. Бестужевъ, несмотря на всѣ его забѣганія и кажденія, проигрывалъ тѣмъ, что упорно держался своихъ прежнихъ взглядовъ, постоянно твердилъ о необходимости удержать Саксонскую династію на Польскомъ престолѣ. Отсюда толки, что бывшій канцлеръ устарѣлъ, потерялъ способности; съ другой стороны—толки, что онъ упрямъ, никакъ не можетъ сообразоваться съ новыми обстоятельствами. На это обвиненіе въ упрямствѣ и на столкновеніе между двумя старыми пріятелями, Бестужевымъ и Кейзерлингомъ, указываетъ письмо Бестужева къ Екатеринѣ отъ 29-го августа: „Всемилостивѣйшая государыня! позвольте мнѣ припамятовать о тайномъ совѣтникѣ Гросѣ, что я, какъ уже одною ногою въ гробѣ стою, не похлѣбствуя ему, да изъ всеглубочайшаго моего усердія къ вашему величеству, что онъ весьма при существующемъ здѣсь случаѣ былъ бы вамъ потребенъ, на всѣхъ трехъ языкахъ, на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ равномѣрно, а притомъ на Латинскомъ, наипаче же римско-имперскія права не меньше графа Кейзерлинга знающъ, и притомъ дѣйствительно искусный министръ, буде же кто его оклеветалъ упрямымъ, то и я такимъ бывалъ у государыни въ Бозѣ почившей императрицы въ томъ, что я прекословилъ, что Французскій Дворъ домогался между Россіею и Швеціею въ послѣдней войнѣ быть медіаторомъ, да меня въ тогдашнее время оправдали россійскаго при Французскомъ Дворѣ посла князя Кантемира реляціи, находящіяся въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которыя тому свидѣтельство подадутъ, что Французскій Дворъ, дружескую медіацію къ примиренію съ Шведами представляя, въ то же время Турковъ возбуждалъ противу Россіи войну объявить, я же потомъ и при многихъ случаяхъ называемъ былъ упрямымъ, что я не привыкъ жить по пословицѣ: „не говори правды,—не теряй дружбы", такъ и нынѣ, при моей глубокой старости, до послѣдняго моего издыханія вашему величеству вѣрнымъ рабомъ и сыномъ отечества пребуду" [1]).

Кейзерлингъ поѣхалъ въ Варшаву съ полною милостью императрицы. „Прошу васъ подавать мнѣ совѣты издалека, какъ вы мнѣ подавали ихъ вблизи", писала къ нему Екатерина [2]). Къ Понятовскому она писала: „Я не могу отпустить къ вамъ Волконскаго; у васъ будетъ Кейзерлингъ, который вамъ будетъ отлично служить". По извѣстію, сообщенному Англійскому Двору посломъ его въ Петербургѣ, Бекингамомъ, Екатерина тотчасъ послѣ своего восшествія на престолъ послала сказать Понятовскому, чтобъ онъ не пріѣзжалъ въ Петербургъ, но что дружба ея къ нему неизмѣнна, и, въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ, она постарается доставить престолъ ему, а въ случаѣ невозможности,—одному изъ членовъ фамиліи Чарторыйскихъ.

Непріятности между Дворами усиливались. 10-го декабря Екатерина писала Воронцову: „Велите внушить графу Брилю, что если по Курляндскимъ дѣламъ онъ единаго противнаго моей волѣ шага сдѣлаетъ, я велю покинуть всѣ мои старанія у короля Прусскаго объ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всѣмъ, чѣмъ только вздумать онъ можетъ, всѣ тѣ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану, покамѣстъ его изъ Польши не выгоню. Сіе внушеніе г. канцлеръ разговоромъ, съ которымъ изъ здѣсь резидующихъ министромъ чужестраннымъ онъ за способнаго къ тому выберетъ,—имѣть, а мнѣ кажется датскій или шведскій способнѣе, и то начинавъ индиферентно и разговориться съ великимъ уничтоженіемъ о мнимомъ стараньѣ графа Бриля по Курляндскимъ дѣламъ и что онъ хотѣлъ выбрать польскихъ двухъ сенаторовъ и посылать въ Митаву, и что такой и всякой иной его Бриля поступокъ меня доведетъ сутенировать всѣ тѣ, которые стараются о его погибели, и то всѣмъ тѣмъ, чѣмъ силу имѣю; и такъ стараться, чтобъ сіе до Прасса дошло, дабы знали мои намѣренія, а графъ Бриль блудливъ какъ кошка, а труслив какъ заяцъ".

Въ концѣ ноября пріѣхалъ въ Варшаву Кейзерлингъ и началъ „отлично служить". Увѣдомивъ императрицу о страшныхъ раздорахъ между придворною партіею и „нашими друзьями", Кейзерлингъ ставилъ вопросъ: „Намѣрена ли Россія друзей и сообщниковъ своихъ въ Польшѣ оставить въ упадкѣ или нѣтъ. Если ихъ не оставлять въ упадкѣ, какъ этого требуетъ честь и польза Россіи, то надобно заблаговременно предупредить все, что можетъ привесть ихъ въ безсиліе, ибо что утратятъ русскіе друзья, то утратитъ Россія. Если и впредь исполняемъ будетъ планъ, чтобы нашихъ друзей въ важные чины не допускать, а опредѣлять въ нихъ или непріятелей Россіи, или людей, неимѣющихъ никакихъ заслугъ, кромѣ малаго разума и большаго богатства да склонности къ насиліямъ,—тогда число нашихъ друзей мало-по-малу будетъ уменьшаться и совсѣмъ они исчезнутъ, и въ случаѣ нужды намъ некѣмъ будетъ приняться. Для отвращенія такихъ непріятныхъ послѣдствій, не разсудите ли, ваше императорское величество, прислать мнѣ рескриптъ слѣдующаго содержанія для показанія всѣмъ, именно,—что ваше величество ничего столько не желаете, какъ непремѣннаго продолженія дружбы и прежняго добраго согласія съ королемъ Польскимъ,—только требуете, чтобъ дѣла въ Польшѣ также приведены были въ преж-

[1]) См. предыдущее примѣчаніе на 1417 стр.
[2]) Письмо въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

нее состоянiе; а прежде друзья Россiи никогда не были отличены отъ друзей Двора, и тѣхъ и другихъ всегда почитали за одну партiю, за общихъ друзей; ваше величество надѣетесь, что король Чарторыйскихъ, Понятовскихъ и друзей ихъ изволитъ признать за достойныхъ его милости при раздачѣ чиновъ; что они вѣрные слуги своему королю; что стараются они о пользѣ и благополучiи своего отечества; что изъ усердiя къ отечеству они друзья Россiи, зная, что ваше величество, по примѣру предковъ своихъ, намѣрены охранять благополучiе республики, ея вольность и права; что ваше величество никогда не были намѣрены рекомендовать королю никого другого, кромѣ людей ему вѣрныхъ и полезныхъ; что ваше величество будете всегда слѣдовать сему правилу, всегда будете поддерживать въ Польшѣ патрiотовъ, не допуская ихъ до притѣсненiя". Императрица на этой реляцiи подписала: „Быть по сему". Кромѣ того, она писала Воронцову: „Графу Кейзерлингу наставленiе дать, дабы, не переписавшись сюда, онъ при ваканцiяхъ рекомендовалъ у Польскаго Двора всѣхъ тѣхъ, которыхъ онъ за Россiйскихъ партизановъ признаетъ, дабы не утратить иногда въ такихъ ваканцiяхъ время чрезъ переписку, по причинѣ великаго разстоянья Варшавы отъ здѣшнихъ мѣстъ. Также графъ Кейзерлингъ имѣетъ сказать графу Брилю, что я съ великимъ удивленiемъ вижу, что моимъ друзьямъ всѣ чины и милости отказываются, тогда когда я вседневно о Саксонiи и прочихъ удовлетворенiяхъ его королю стараюсь, и что чрезъ такой непрiятельскiй (и много иныхъ) поступокъ меня принудитъ онъ иныхъ мѣръ брать".

Кейзерлингъ переслалъ императрицѣ двѣ промеморiи, поданныя ему обоими братьями Чарторыйскими 3 и 4 декабря. Въ первой говорилось о необходимости составить конфедерацiю, потому что обыкновенныхъ средствъ недостаточно для уничтоженiя зла, которымъ страдаетъ Польша. Многiе молодые люди владѣютъ важными мѣстами и ведутъ себя на нихъ такъ, что считаются бичами народа, а король не имѣетъ права отнимать мѣста, разъ данныя. Страшное искаженiе монеты требуетъ ея перелитiя, что можетъ быть опредѣлено только сеймомъ. Такъ какъ на успѣхъ сейма надѣяться нельзя, то необходимо прибѣгнуть къ конфедерацiи: чтобъ замѣстить важныя мѣста людьми достойными, отстранить потери денежныя и торговыя; чтобъ дать лучшую форму нацiональнымъ совѣщанiямъ (conseils de la nation); чтобъ дать Всероссiйской императрицѣ титулъ, достойный ея могущества и личныхъ качествъ; чтобъ установить навсегда доброе согласiе между обоими государствами. Но для конфедерацiи нужны деньги и огнестрѣльное оружiе. Помощь, какую Русскiй императорскiй Дворъ окажетъ вождямъ благонамѣренныхъ, должна соотвѣтствовать ихъ намѣренiямъ. Они не могутъ ни за что приняться до тѣхъ поръ, пока не будутъ съ точностiю увѣдомлены и удостовѣрены на этотъ счетъ. Непродолжительная революцiя есть наименѣе бѣдственная для страны; чѣмъ сильнѣе она,—тѣмъ менѣе нуждается въ продолжительномъ времени для достиженiя своей цѣли; но она не будетъ сильна, если существенныя средства будутъ слишкомъ урѣзаны вначалѣ и потомъ доставляемы медленно.

Во второй промеморiи говорилось: „Если желательно, чтобъ русская партiя усилила свое значенiе въ странѣ, то важнѣе всего—не ошибиться въ выборѣ средствъ для этого. Одно изъ главныхъ средствъ, безъ сомнѣнiя, состоитъ во влiянiи на раздачу должностей и милостей. Но это средство не должно быть никогда куплено насчетъ общественнаго уваженiя. Мы потеряемъ это уваженiе, если торжественно помиримся съ графомъ Брюлемъ. Вотъ причины. Всякое примиренiе по своей натурѣ предполагаетъ забвенiе и прекращенiе обидъ; но такъ какъ предметы нашихъ взаимныхъ жалобъ не должны и не могутъ кончиться, то не можетъ быть и примиренiя. Они не могутъ окончиться съ нашей стороны, потому что честные люди не берутъ назадъ того, что они предъявили публично на основанiяхъ твердыхъ и законныхъ и могутъ доказать. Они не могутъ кончиться со стороны графа Брюля, потому что его прошедшiя ошибки заставили его продолжать маневры, которые мы всегда будемъ порицать и опровергать. Всѣ эти маневры Брюля имѣютъ цѣлiю сохраненiе своего положенiя, а главное средство, для этого употребляемое,—деньги. Ему постоянно нужно много денегъ: 1) для подкупа мелкихъ людей, окружающихъ короля, и для содержанiя шпiоновъ во всѣхъ частныхъ домахъ, чтобы король ни съ какой стороны не довѣдался о настоящихъ причинахъ своихъ несчастiй. 2) Для удовлетворенiя своей безграничной роскоши, которая удовлетворяетъ не одной собственной его наклонности, но и желанiю королевскому: Августу III нравится представительность фаворита, которую считаетъ знакомъ собственнаго величiя. 3) Для доставленiя королю средствъ къ любимымъ удовольствiямъ, Брюль продаетъ милости съ аукцiона и портитъ монету съ громадною для себя прибылью. Но такъ какъ скандалъ этихъ злоупотребленiй заставляетъ его бояться общаго неудовольствiя, то онъ старается прiобрѣсть себѣ защитниковъ, наполняя всѣ мѣста низкими и корыстолюбивыми душами, какими всякая страна наполнена во всякое время. Отсюда происходитъ порча сената, который представляетъ не иное что, какъ органъ ласкательства и невѣжества. Отсюда судебныя мѣста продажныя, составленныя насилiемъ, готовыя притѣснять всякаго, кто осмѣлится возстать противъ беззаконiя Брюля или главныхъ его потворщиковъ. Отсюда, наконецъ, эти сеймы, на которыхъ невозможно провести ничего хорошаго, ибо требуемое единогласiе постоянно прерывается кѣмъ-нибудь, котораго подкупилъ Брюль. Вотъ связь между ошибками и потребностями графа Брюля. Если онъ перестанетъ имъ удовлетворять, то потерясть

фаворъ, слѣдовательно онъ не исправится, и потому мы не можемъ сдѣлаться его друзьями. Сдержать алчность Брюля можетъ одинъ страхъ предъ юридическими доказательствами, что онъ не польскій шляхтичъ и, слѣдовательно, не по праву пользуется имѣніями и почестями въ Польшѣ. Нападеніе на Брюля съ этой стороны, хотя чрезвычайно опасное для насъ, если бы мы не были увѣрены въ поддержкѣ Россіи, съ поддержкою Россіи доставитъ намъ столько же явныхъ сторонниковъ, сколько уже сдѣлано тайныхъ друзей. Но такъ какъ надобно испомѣстить и обогатить этихъ сторонниковъ, то должно держаться середины. Не беря назадъ того, что уже мы предъявили противъ правъ Брюля на польское шляхетство, безъ примиренія съ нимъ, мы можемъ пріостановить процессъ противъ Брюля относительно польскаго шляхетства; Брюль будетъ находиться между страхомъ и надеждою, и будетъ раздавать милости, какъ намъ надобно, если только Русскій Дворъ и его посланникъ станутъ употреблять тонъ, приличный съ такимъ министромъ, настаивая сухо, чтобъ каждая милость давалась намъ и нашимъ" [1]).

Чарторыйскіе высказались. Они потребовали отъ Екатерины, чтобъ она или дипломатическимъ путемъ заставила Августа III и Брюля отдаться имъ во власть, дать имъ возможность составить себѣ могущественную партію, въ челѣ которой они могли отважиться на все, или послать имъ деньги и оружіе для вооруженнаго возстанія. Цѣль въ томъ и другомъ случаѣ одна—преобразованія для усиленія Польши, прежде всего преобразованіе сейма, уничтоженіе liberum veto. Россія должна употребить всѣ средства, чтобъ помочь Польшѣ усилиться,—а въ награду Екатерина получитъ императорскій титулъ, и водворится согласіе между Россіею и Польшею! Съ перваго раза поражаетъ дерзость подобныхъ предложеній; но изумленіе предъ поступкомъ Чарторыйскихъ исчезаетъ, когда узнаемъ, что Кейзерлингъ не только переслалъ императрицѣ ихъ промеморіи, но и прямо былъ за конфедерацію, предлагаемую ими: для чего же послѣ того Чарторыйскимъ было церемониться?

Съ другой стороны Кейзерлингъ и въ Варшавѣ продолжалъ хлопотать о Прусскомъ союзѣ: онъ говорилъ Бенуа, что самое спасительное дѣло—это тѣсная связь, одинаковость видовъ между императрицею и королемъ Прусскимъ, особенно когда возникнетъ вопросъ о замѣщеніи Польскаго престола. Бенуа, разумѣется, согласился съ этимъ; но онъ былъ несогласенъ съ русскимъ посломъ во взглядѣ на дѣйствія Чарторыйскихъ. Онъ трубилъ тревогу, писалъ королю, что надобно посредствомъ подкупа сорвать сеймъ, если захотятъ на немъ провести противные Пруссіи планы — умноженіе войска и рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ, ибо планы насчетъ умноженія войска и рѣшенія большинствомъ голосовъ пріобрѣли много приверженцевъ, благодаря книгѣ объ этомъ отца Конарскаго [2]).

Между тѣмъ въ Курляндіи дѣйствовали противъ принца Карла.

5-го іюля отправленъ былъ къ Симолину рескриптъ, что всѣ насланные ему въ минувшее правленіе указы о наложеніи на герцогскіе доходы ареста, о сопротивленіи распоряженіямъ принца Карла, о раздраженіи противъ него Курляндцевъ, о склоненіи ихъ въ пользу принца Георга—отмѣняются, и что ему должно подъ рукою болѣе всѣхъ другихъ партій покровительствовать партіи Бироновой. 22-го іюля Екатерина писала канцлеру Воронцову: „Дать знать г. Симолину, дабы онъ отъ часу сильнѣе подкрѣплялъ партію герцога Бирона по причинѣ справедливости его правъ". Симолинъ доносилъ, что когда Биронъ прислалъ свои протестаціи уполномоченному своему, барону Книге, и тотъ разослалъ ихъ по кирхшпилямъ, то глава партіи принца Карла, оберъ-гауптманъ Гейкингъ, собралъ всѣхъ герцогскихъ офицеровъ и солдатъ и разодралъ передъ ними, и выбросилъ за окно копію съ этихъ протестацій. Принца Карла въ это время не было въ Митавѣ,—онъ находился у отца въ Варшавѣ; но приверженцы его, Гейкингъ съ сыномъ и другіе, сильно дѣйствовали въ его пользу, разглашая, что сама императрица поддерживаетъ принца Карла, а нѣкоторые министры только, безъ ея вѣдома, поддерживаютъ Бирона. Симолинъ подалъ правительству промеморію съ требованіемъ запретить Гейкингу продолжать такія разглашенія. Въ началѣ августа пріѣхалъ въ Митаву принцъ Карлъ; Гейкингъ, считавшійся комендантомъ Митавы, приказалъ праздновать день этого счастливаго прибытія молебствіемъ по церквамъ и иллюминаціею всего города, съ объявленіемъ, что кто не иллюминуетъ свой домъ,—тотъ будетъ признанъ за противника. Несмотря однако на это, бóльшая часть жителей иллюминаціи не сдѣлали. Принцъ Карлъ объявилъ, что не признаетъ Симолина русскимъ министромъ, потому что онъ къ нему не аккредитованъ, запретилъ придворнымъ ѣздить къ нему въ домъ и имѣть какое-либо сношеніе. Въ отвѣтъ явился изъ Риги въ Митаву батальонъ русскаго войска, и Симолинъ объявилъ, что батальонъ присланъ для потушенія бываемыхъ иногда при настоящихъ обстоятельствахъ безпорядковъ. Принцъ Карлъ велѣлъ раздать своему войску (котораго считалось 180 человѣкъ) патроны съ пулями и вылить нѣсколько пушечныхъ ядеръ, грозясь поступить какъ съ бунтовщиками съ тѣми, которые обнаружатъ склонность къ герцогу Бирону; во дворцѣ удвоенъ былъ караулъ.

Биронъ пріѣхалъ въ Ригу, и многіе курляндскіе дворяне стали туда къ нему ѣздить; а принцъ Карлъ отправилъ въ Варшаву молодого Гейкинга съ прошеніемъ въ пользу принца, составленнымъ

[1]) Дѣла Польскія 1762 года.

[2]) Forschungen zur deutsch. Geschichte.

отъ имени всей Курляндіи. Симолинъ писалъ своему Двору, что нельзя болѣе держать эту страну въ такомъ междоумочномъ положеніи, тѣмъ болѣе-что въ Курляндію вошли русскіе полки, возвращавшіеся изъ Пруссіи, и принцъ Карлъ дѣлалъ всякія препятствія относительно ихъ продовольствія. Тогда рескриптомъ изъ Москвы отъ 17-го октября ему было приказано объявить о своемъ аккредитованіи при герцогѣ Биронѣ. Въ концѣ рескрипта говорилось: „Имѣете вы стараться тамошніе кирхшпили довести если не до чрезвычайнаго сеймика, то, по меньшей мѣрѣ, до какихъ-либо братскихъ собраній, въ которыхъ бы могло произойти явное раздѣленіе въ земскомъ правленіи и мы бы приглашены были къ ихъ соединенію по той протекціи, которую мы всей Курляндіи всегда обѣщали, дабы мы, какъ призванные, могли прямо въ дѣла ихъ вмѣшаться и утвердить тамъ стараго герцога Эрнеста-Іоганна“. Симолинъ вызвалъ изъ кирхшпилей по нѣскольку человѣкъ; съѣхались они къ нему въ числѣ 30 человѣкъ и, въ присутствіи присланнаго Бирономъ гофмаршала, разсуждали, какъ бы исполнить волю ея императорскаго величества, не тая истинной любви и преданности къ его свѣтлости, герцогу Эрнесту-Іоганну; они говорили, что при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя думать ни о чрезвычайномъ сеймикѣ, ни о братской конференціи, когда правленіе продолжается именемъ принца Карла, и когда онъ все въ рукахъ своихъ имѣетъ. Они сочли возможнымъ сдѣлать одно: написать императрицѣ письмо, гдѣ поздравить ее съ благополучно совершившеюся коронаціею и благодарить за освобожденіе стараго ихъ герцога, чѣмъ ясно покажется ихъ склонность къ нему; они обѣщали склонить всѣ кирхшпили къ подписанію этого письма. Биронъ писалъ Симолину, что переговорами съ Польшею ничего нельзя достигнуть: Польскій Дворъ будетъ тянуть время, чтобъ долѣе продержать принца Карла въ Курляндіи на ея доходахъ; но если императрица рѣшилась возстановить его, Бирона, въ Курляндіи, то и возстановляла бы немедленно и безъ церемоніи. Симолинъ, донося объ этомъ, прибавлялъ отъ себя, что почти все шляхетство и все мѣщанство, лучше сказать, почти вся Земля нетерпѣливо желаетъ возстановленія Бирона.

13-го декабря Симолинъ получилъ рескриптъ, въ которомъ приказывалось ему наложить секвестръ на всѣ доходы принца Карла, на томъ основаніи, что онъ, пренебрегая правомъ добраго сосѣдства, отказалъ русскимъ войскамъ въ зимнихъ квартирахъ и продовольствіи. Принцъ Карлъ запретилъ арендаторамъ и сообщникамъ обращать вниманіе на объявленіе Симолина о секвестрѣ; но Симолинъ разослалъ, куда нужно, русскихъ офицеровъ для исполненія секвестра. По новому рескрипту императрицы, Биронъ долженъ былъ пріѣхать въ Курляндію, а принцу Карлу Симолинъ долженъ былъ внушить, что императрица неотмѣнно намѣрена возстановить герцога Эрнеста-Іоганна на Курляндскомъ престолѣ, и потому онъ, принцъ Карлъ, выѣхалъ бы изъ Митавы, а ея величество не оставитъ заботиться о его пристроеніи; если же онъ упорно будетъ сопротивляться намѣреніямъ императрицы, то легко можетъ статься, что и собственную особу подвергнетъ непріятностямъ. Принцъ отвѣчалъ, что не зависитъ отъ себя, но отъ своего государя-родителя, къ которому посылалъ за рѣшеніемъ; а между тѣмъ Карлъ уже отослалъ большую часть своего экипажа изъ Митавы и распродалъ почти всю свою мебель. 30-го декабря пріѣхалъ въ Митаву Биронъ съ сыномъ Петромъ и былъ принятъ ожидавшими его дворянами, которыхъ было до 200; но изъ правительственныхъ лицъ былъ тутъ только одинъ оберъбургграфъ, остальные же члены правительства не явились вслѣдствіе запрещенія принца Карла. Биронъ, пообѣдавши и поужинавши у Симолина, подписалъ универсалы, которыми назначалось публичное собраніе на 10 февраля н. с. 1763 г., и уѣхалъ назадъ въ Ригу [1]).

Восшествіе на престолъ Екатерины произвело непріятное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Обрѣзковъ писалъ (отъ 27-го августа), что въ то время, когда Порта находилась въ самыхъ пріятныхъ мысляхъ, видя Вѣнскій Дворъ въ крайнемъ ослабленіи, извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины поразило ее, какъ громомъ. Переводчикъ Порты, приходившій къ Обрѣзкову съ поздравленіемъ, навѣдывался: какія будутъ теперь отношенія между Русскимъ и Австрійскимъ Дворами; сохранится ли заключенный съ Прусскимъ королемъ мирный договоръ; Датское дѣло дойдетъ ли до крайности или полюбовно уладится. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежнія отношенія между императорскими Дворами нисколько не прекращены, и если союзъ ослабѣлъ по личному пристрастію бывшаго императора, то теперь получитъ прежнюю силу, чему служитъ доказательствомъ возвращеніе Чернышевскаго корпуса. Мирный договоръ съ Пруссіею будетъ соблюденъ ненарушимо, если самъ король Прусскій его не нарушитъ. Въ Датскомъ дѣлѣ ни до какой крайности не дойдетъ, но все дружелюбнымъ образомъ уладится. Все это говорилось съ тою цѣлью, чтобъ заставить Порту отложить всякіе враждебные замыслы противъ Австріи. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ знать Портѣ, что его вліяніе при Дворѣ Екатерины II такъ же сильно, какъ было при Дворѣ Петра III. Переводчикъ Порты ходилъ поэтому къ французскому и русскому посламъ провѣдать, что они думаютъ объ этихъ увѣреніяхъ Прусскаго короля. Французскій посолъ отвѣчалъ, что сильно сомнѣвается въ справедливости этихъ увѣреній, и потому совѣтуетъ Портѣ быть осторожною. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что это новыя хитрости Прусскаго короля; въ доказательство, что прусскаго вліянія въ Петербургѣ нѣтъ, Обрѣзковъ представлялъ,

[1]) Дѣла Курляндскія 1762 г.

какъ выражался о Прусскомъ королѣ манифестъ Екатерины о восшествіи ея на престолъ и возвращеніи Чернышевскаго корпуса [1]).

Константинополь отсталъ относительно новостей; въ Вѣнѣ скорѣе узнали, что событіе 28-го іюня не принесетъ большихъ выгодъ Австріи. Марія-Терезія собственноручнымъ письмомъ поздравила Екатерину съ восшествіемъ на престолъ: „По моему мнѣнію“, писала императрица-королева, „послѣ покойной императрицы Елисаветы, никто не могъ быть достойнѣе престола и никто не могъ достойнѣе замѣнить ее въ моемъ сердцѣ, какъ ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я такъ много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мнѣ дружбу, что надѣюсь отъ нея всего, чего только требуютъ наши общіе интересы и чего можно ожидать отъ вашего великодушія“. Екатерина отвѣчала также собственноручно: „Я всегда преисполнена была отличнѣйшимъ почтеніемъ къ особѣ вашей; сердечно интересуюсь всѣмъ тѣмъ, что до васъ касается, и въ этомъ поступаю по примѣру дражайшей моей тетки, покойной императрицы Елисаветы, которой память намъ обѣимъ такъ драгоцѣнна. Ничто не можетъ быть для меня пріятнѣе, какъ получить отъ васъ предложеніе дружбы, и я надѣюсь подать вамъ опытъ такой же дружбы и съ моей стороны, тѣмъ болѣе-что дружба эта утверждается нашими общими интересами“. 6-го іюля австрійскій посолъ, Мерси д'Аржанто, находясь на конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ, освѣдомился, угодно ли императрицѣ сохранить силу прежнихъ обязательствъ Россіи съ Австріею и великодушно объявить свѣту, что не перестанетъ заботиться о пользѣ древнихъ союзниковъ. Ему отвѣчали, что хотя ея величество, по истощенію своего народа отъ долговременной войны, и не изволитъ принимать въ ней теперь участія, однако склонна подавать императрицѣ-королевѣ всевозможные опыты истинной своей дружбы, яснымъ доказательствомъ чему должно служить отозваніе Чернышевскаго корпуса отъ прусской арміи; впрочемъ, императрица не имѣла еще времени разсмотрѣть прежнія обязательства Россіи съ императрицею-королевою.

Послѣ разсмотрѣнія этихъ обязательствъ, Мерси были предложены добрыя услуги Россіи для заключенія мира между Австріею и Пруссіею, съ которою у Россіи миръ подтверженъ. Мерси по этому случаю позволилъ себѣ выходку, которая могла произвести только лишнее раздраженіе. Въ конференціи 20-го августа онъ объявилъ, что между данною ему запискою и манифестомъ, опубликованнымъ при восшествіи на престолъ императрицы, находится противорѣчіе, именно: подтвержденъ съ Пруссіею такой миръ, о которомъ въ манифестѣ всенародно объявлено, что онъ заключенъ съ самымъ опаснымъ для Россіи непріятелемъ съ ущербомъ славы русскаго оружія. Мерси объявилъ, что императрица-королева охотно воспользуется предложеніемъ добрыхъ услугъ для ускоренія мира, но навѣдывался, какъ далеко намѣрена императрица распространить эти добрыя услуги. Ему отвѣчали, что ея величество не уклонится и отъ принятія на себя медіаціи, если усмотритъ, что она обѣимъ сторонамъ будетъ угодна. Относительно требованія Россіи объ очищеніи Саксоніи войсками обѣихъ воюющихъ сторонъ, Мерси объявилъ, что императрица-королева немедленно исполнитъ это требованіе, какъ только Прусскій король исполнитъ его.

На конференціи 14-го октября, въ Москвѣ, Мерси обратился съ просьбою о разъясненіи, намѣрена ли императрица исполнять всѣ обязательства относительно Австріи, какъ они опредѣлены при императрицѣ Елисаветѣ, или съ какимъ-нибудь ограниченіемъ; Вѣнскому Двору нужно знать объ этомъ тѣмъ болѣе, что заключенный въ бывшее правленіе договоръ съ Пруссіею теперь подтвержденъ и Вѣнскому Двору еще не сообщенъ, а какъ извѣстно одною статьею этого договора постановлено всѣ прежнія обязательства Русскаго Двора уничтожить.

Отвѣтъ послѣдовалъ только 7-го ноября; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: война, которая еще ведется съ королемъ Прусскимъ и изъ которой Россія вышла по обстоятельствамъ и государственнымъ причинамъ, война эта представляетъ такой кризисъ въ Европѣ, что никакое государство не можетъ составить себѣ опредѣленной системы, ни обозначить своихъ интересовъ относительно будущаго мира. При такихъ обстоятельствахъ всего вѣрнѣе искать утвержденія дружбы и добраго согласія въ пользѣ дѣйствительной, въ интересѣ общемъ, основанномъ на положеніи государствъ. Хотя внутреннія дѣла и государственныя причины потребовали, чтобъ императрица не участвовала болѣе въ войнѣ, однако она доказала Вѣнскому Двору, что смотритъ на его благосостояніе, какъ на свой истинный интересъ, и сердечно желаетъ имѣть съ нимъ дружбу и тѣсную связь. Такъ какъ Вѣнскій Дворъ уже знаетъ, что императрица не намѣрена участвовать въ настоящей войнѣ, то ея величество думаетъ, что ея стараніе объ общемъ мирѣ будетъ имѣть гораздо больше значенія, если противная сторона положительно знаетъ, что Русскій Дворъ не вышелъ изъ центра своей системы, и что, стараясь доставить выгоды своему естественному союзнику, онъ сохранилъ себѣ свободныя руки и держитъ значительную армію на границахъ.

Но Мерси не хотѣлъ удовольствоваться этимъ отвѣтомъ; онъ указывалъ на его неясность, ибо въ немъ не означено, намѣрена ли императрица Екатерина исполнять обязательства императрицы Елисаветы всѣ или съ какою-нибудь перемѣною, ибо эти обязательства, будучи уничтожены послѣднимъ договоромъ съ Пруссіею, даютъ причину думать, будто Русскій Дворъ въ настоящую минуту

[1]) Дѣла Турецкія 1762 года.

не имѣетъ никакихъ союзныхъ договоровъ, кромѣ упомянутаго прусскаго. Если императрица смотритъ на благополучіе Вѣнскаго Двора, какъ на свой существенный интересъ, то этотъ Дворъ долженъ бы ласкать себя надеждою, что императрица объявитъ это его непріятелямъ и будетъ на самомъ дѣлѣ стараться, чтобъ Вѣнскій Дворъ не пришелъ въ крайній упадокъ и истощеніе отъ настоящей войны. Заключенный съ Прусскимъ Дворомъ договоръ и неподтвержденіе съ Вѣнскимъ прежнихъ обязательствъ не только Русскому Двору не оставляетъ свободныхъ рукъ, но напротивъ—связываетъ ихъ. Простое содѣйствіе Русскаго Двора Вѣнскому при общемъ мирѣ предвозвѣщаетъ мало пользы послѣднему. Прусскій король, несмотря на великія благодѣянія, оказанныя ему Русскою императрицею, выведшею его изъ совершенной гибели, не обращаетъ никакого вниманія на русскія представленія и заступничества. Слѣдовало бы, по по крайней мѣрѣ, королю Прусскому объявить, что русскія войска изъ его владѣній прежде не выйдутъ, пока онъ не исполнитъ требованій императрицы. На это канцлеръ отвѣчалъ, что при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ Вѣнскій Дворъ самъ долженъ признать, что Русскій Дворъ не можетъ вступить въ новую войну съ королемъ Прусскимъ. Въ то время, какъ шли эти непріятныя объясненія въ Петербургѣ и Москвѣ, въ Вѣну отправленъ былъ къ князю Димитрію Голицыну рескриптъ, которымъ предписывалось повыпытать у австрійскаго министерства искуснымъ образомъ, не приметъ ли Марія-Терезія русскую медіацію въ примиреніи съ Пруссіею, и, усмотрѣвши склонность къ принятію этого предложенія, открыть, что онъ, Голицынъ, можетъ принять медіацію и выслушать условія, на какихъ Австрія желаетъ заключить миръ. Голицынъ отвѣчалъ, что хотя Вѣнскій Дворъ очень благодаренъ императрицѣ за попеченіе о его пользѣ и очень хвалитъ человѣколюбивое намѣреніе принять на себя посредничество въ прекращеніи войны, но не хочетъ прежде времени откровенно высказать свои мысли, чтобъ Прусскій Дворъ не возгордился и не приписалъ такого съ австрійской стороны поступка слабости и недостатку силъ къ продолженію войны; притомъ обязательства и тѣсная дружба Вѣнскаго Двора съ Французскимъ не позволяютъ первому лишней откровенности ни съ какою другою державою иначе, какъ по согласію съ Франціею. „Здѣшній Дворъ", писалъ Голицынъ, „изъявляя искреннѣйшую свою благодарность за посредничество, считаетъ однако себя въ правѣ быть осторожнымъ, видя, къ своему сожалѣнію, что Россія хочетъ дѣйствовать заодно съ Австріею только по дѣламъ, касающимся Оттоманской Порты".

Голицынъ внушалъ Кауницу, что и одинъ видъ тѣсной дружбы между Россіею и Австріею достаточенъ къ достиженію выгоднаго для послѣдней мира. Но Кауницъ отвѣчалъ, что главная цѣль Прусскаго Двора всегда состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ уменьшить силы Австріи; поэтому Пруссія хочетъ продолженія войны, которая не прекратится до тѣхъ поръ, пока Прусскій король не будетъ принужденъ желать мира, и для этого одного вида тѣсной дружбы между Россіею и Австріею мало. „При семъ", доносилъ Голицынъ, „не могу обойтись, чтобъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше не донесть, что графъ Кауницъ все мною ему преставленное принялъ отъ меня съ особливою скромностію, и ничего въ немъ не можно было примѣтить, кромѣ прискорбія и сожалѣнія, что издавна установленный между императорскими Дворами союзъ остается на одной дружбѣ и согласіи".

25-го декабря Голицынъ извѣстилъ свой Дворъ о началѣ мирныхъ переговоровъ между Австріею и Пруссіею въ Губертсбургѣ (между Дрезденомъ и Мейсеномъ). „Начало сей негоціаціи", писалъ онъ, „происходитъ отъ Саксонскаго Дома, который, не надѣясь уже себѣ никакого удовлетворенія за понесенные имъ въ нынѣшнюю войну убытки и желая скорѣе получить во владѣніе свои Земли и возвратиться изъ Варшавы въ Дрезденъ, убѣдилъ здѣшній Дворъ къ примиренію съ Прусскимъ. На это съ здѣшней стороны тѣмъ охотнѣе согласились, чѣмъ меньше осталось способовъ къ продолженію войны, такъ что въ будущую кампанію не иначе, какъ оборонительнымъ образомъ, и то съ трудомъ, могли бы дѣйствовать, когда не только оставлены союзниками, но и того ожидать должны, что имперскіе штаты не въ состояніи будутъ подавать помощь войскомъ" [1]).

Франція должна была естественно раздѣлить съ Австріею непріятность обманутыхъ надеждъ. „Восшествіе ваше на Всероссійскій престолъ", писалъ Чернышевъ Екатеринѣ, „здѣсь не только при Дворѣ, но и во всемъ народѣ причинило неизреченную радость; ибо, признавая силу и инфлюенцію имперіи вашего императорскаго величества въ европейскихъ обращеніяхъ, ласкаютъ себя надеждою, что ваше императорское величество наилучше соблюсти изволите согласіе съ симъ Дворомъ, нежели какъ то предъ симъ было, и почитай уже къ явному разрыву клонилось, также и желая нетерпѣливо скораго мира, въ которомъ необходимую во всѣхъ частяхъ сея монархіи имѣютъ нужду, и не могутъ болѣе продолжать войну безъ совершеннаго разоренія, — ожидаютъ, что ваше императорское величество въ томъ способствовать соизволите". Къ радости примѣшивалась досада, что французскій посланникъ, баронъ Бретейль, слишкомъ рано оставилъ Петербургъ; на Бретейля сердились тѣмъ болѣе, что ему было извѣстно о готовившемся переворотѣ. Бретейля возвратили въ Петербургъ съ выговоромъ за то, что слишкомъ поспѣшилъ оставить этотъ городъ, и за то, что, узнавши въ Варшавѣ о событіи 28 іюня, не поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, а поѣхалъ далѣе въ Вѣну.

---

[1]) Дѣла Австрійскія 1762 года.

Людовикъ XV призналъ въ Екатеринѣ женщину, способную начать и совершить великія дѣла; такое выгодное мнѣніе она внушила ему о себѣ своею скрытностью до 28 іюня и мужествомъ, оказаннымъ въ этотъ день. Но король признавалъ трудность ея положенія. „Нѣтъ сомнѣнія", писалъ онъ Бретейлю, „что память Петра III будетъ имѣть мало защитниковъ, и потому нельзя предполагать смутъ вслѣдствіе желанія мщенія; но императрица, иностранка по происхожденію, не связанная ничѣмъ съ Россіею, и племянница короля Шведскаго, — должна прибѣгать къ постояннымъ усиліямъ для удержанія себя на престолѣ, которымъ не обязана ни любви подданныхъ, ни уваженію ихъ къ памяти отца, какъ покойная императрица. Какъ бы осторожно она себя ни вела, всегда будутъ недовольные. При твердости духа, у Екатерины слабое сердце. У нея будетъ фаворитъ, наперсница. Кто будетъ именно,—намъ до этого дѣла нѣтъ; надобно только знать тѣхъ, которые будутъ преимущественно пользоваться ея довѣренностью, и заискивать ихъ расположенія. Княгиня Дашкова, разумѣется, должна пользоваться большими милостями императрицы; но можно ли отвѣчать, что эта молодая женщина содѣйствовала перевороту изъ одной любви къ отечеству и привязанности къ государынѣ? Страсть царя къ Воронцовой могла возбудить ея ревность. Если эта причина прекратилась со смертью этого государя, то княгиня Дашкова, съ романическою головой и ободренная успѣхомъ, можетъ подумать, что она не довольно награждена, что къ ней не имѣютъ достаточной довѣренности, наконецъ, по какому бы то ни было побужденію, снова заведетъ волненіе. Императрица, открывши кое-что, можетъ ее наказать, что опять перемѣнитъ видъ Двора. Надобно ожидать много партій, особенно если будетъ фаворитъ". Относительно политическихъ видовъ Людовикъ XV требовалъ отъ своего посланника, чтобъ онъ не давалъ усиливаться австрійскому вліянію въ Петербургѣ, ибо король боялся, что Мерси воспользуется отсутствіемъ Бретейля и станетъ на первомъ планѣ. Что касается Россіи, то Людовикъ XV высказался прямо: „Вы уже знаете, и я повторяю здѣсь самымъ яснымъ образомъ, что цѣль моей политики относительно Россіи состоитъ въ удаленіи ея, по возможности, отъ европейскихъ дѣлъ. Не вмѣшиваясь лично, чтобъ не возбудить противъ себя жалобъ, вы должны поддерживать всѣ партіи, которыя непремѣнно образуются при этомъ Дворѣ. Только при господствѣ внутреннихъ смутъ Россія будетъ имѣть менѣе средствъ вдаваться въ виды, которые могутъ внушить ей другія державы. Наше вліяніе въ настоящую минуту можетъ быть полезно въ томъ отношеніи, что дастъ благопріятный оборотъ всѣмъ Польскимъ дѣламъ и перемѣнитъ тонъ, съ какимъ Петербургскій Дворъ обращается къ этой республикѣ. Будущее вліяніе должно воспрепятствовать Россіи принимать участіе въ войнѣ противъ меня, противъ моихъ союзниковъ и особенно противиться моимъ видамъ въ случаѣ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ. Вы знаете, что Польша есть главный предметъ моей секретной переписки, и слѣдовательно вы должны обращать вниманіе на все, что касается этой страны".

Бретейль былъ очень хорошо принятъ Екатериною; она не могла отказать себѣ въ удовольствіи поговорить съ французскимъ дипломатомъ, который блестѣлъ среди представителей другихъ державъ, какъ блеститъ столичный житель среди грубыхъ провинціаловъ; но разговорами все и ограничивалось. Герцогъ Шуазель съ самаго начала долженъ былъ отказаться отъ надежды удержать Россію при прежнемъ Австро-Французскомъ союзѣ.

Чернышевъ изъяснилъ Шуазелю, что Русская императрица способнѣе всѣхъ другихъ государей къ установленію мира, потому что ея величество будетъ дѣйствовать безъ всякаго пристрастія, имѣя единственно въ виду благо человѣчества. Шуазель замѣтилъ на это, что если дойдетъ до прямого дѣла, то Французскій Дворъ ласкаетъ себя, по крайней мѣрѣ, надеждою, что все же императрица будетъ болѣе склоняться на сторону своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что такъ и непремѣнно быть должно, впрочемъ необходимо употреблять слово „безпристрастіе" во всѣхъ изъясненіяхъ по этому дѣлу, дабы пріобрѣсть довѣріе всѣхъ Дворовъ. Шуазель замѣтилъ опять, что было бы всего лучше, если-бъ императрица, для усиленія своего посредничества, оставила свои войска въ завоеванныхъ у Пруссіи Земляхъ. Чернышевъ отвѣчалъ, что когда миръ съ Пруссіею уже былъ разъ заключенъ, то императрица, въ интересахъ своей имперіи и по человѣколюбію, признала за лучшее сохранить его и въ настоящей войнѣ не принимать участія, развѣ будетъ къ тому снова принуждена, и хотя русскія войска и возвратятся внутрь имперіи, однако до возстановленія мира въ Европѣ всегда будутъ готовы, въ случаѣ надобности, исполнить данное имъ повелѣніе [1]).

Но въ то время, какъ Версальскій Дворъ внушалъ Русскому, что всего лучше было бы занятіемъ прусскихъ областей принудить Фридриха II къ миру, Лондонскій Дворъ также возбуждалъ Россію противъ Фридриха, утверждая, что скоро Франція сблизится съ Пруссіею, и потому необходимъ старый Елисаветинскій союзъ между Россіею, Англіею и Австріею.

Мы видѣли, что англійскій посланникъ въ Петербургѣ, Кейтъ, послѣ Гольца пользовался особенною благосклонностью Петра III; это, разумѣется, дѣлало его положеніе затруднительнымъ при Екатеринѣ, и онъ просилъ свое правительство отозвать его, ибо хотя императрица приняла его ласково,

---

[1]) Дѣла Французскія 1762 года.—Correspondance secrète de Louis XV, I, 279.

но онъ знаетъ изъ вѣрнаго источника, что особа его ей противна даже болѣе, чѣмъ онъ самъ думалъ. Преемникомъ Кейта былъ графъ Бекингамъ; въ Лондонѣ русскимъ министромъ остался попрежнему графъ Александръ Ром. Воронцовъ. Сначала, видя несогласіе Фридриха II на миръ, въ Москвѣ хотѣли дѣйствовать заодно съ Англіею. 21 сентября Екатерина написала канцлеру Воронцову: „Писать къ графу Александру Воронцову, дабы онъ въ разговорѣ отозвался, сколь велико мое желанье видѣть миръ; но съ немалымъ прискорбіемъ понимаю несклонность короля Прусскаго къ такому полезному для рода человѣческаго предмету и что столь несходственные сентименты весьма отдаляютъ меня отъ сего государя, слѣдовательно всѣ тѣ мѣры, которыя пресѣченію войны полезны, весьма мнѣ пріятны, а почитаю за немалый способъ пресѣчь войну неплатежемъ субсидіи (отъ Англіи Пруссіи) и согласіе между Россіею и Англіею, которое я умножить и утвердить охотно себя склонною покажу“.

Отъ 8 ноября Воронцовъ писалъ императрицѣ: „Позвольте мнѣ изъявить вамъ рабскую мою усердность и радость о томъ справедливомъ и мужественномъ намѣреніи покой въ Германіи установить, понудя всѣми способами короля Прусскаго властолюбивые свои виды оставить. Европа вамъ надолго обязанною будетъ, и честь и поверхность Россійской имперіи достиженіемъ сего толь желаемаго предмета немалымъ умножится въ европейскихъ дѣлахъ подъ счастливымъ царствованіемъ толь великой государыни. Самые Берлинскаго Двора здѣсь друзья весьма не похваляютъ короля Прусскаго, что столь мало податливости съ своей стороны оказывалъ на вашего императорскаго величества о мирѣ предложенія: но нравъ его таковъ оказывался во всякомъ случаѣ, и безъ самой крайности предпріятій и намѣреній своихъ онъ не отлагалъ. Но кто опять можетъ способнѣе оныя въ ничто обратить и равновѣсіе въ Германіи непремѣнно соблюсти, какъ толь сильная держава, какова есть Россія подъ скипетромъ такой самодержицы, которая знаетъ источника силы ея къ общему благосостоянію и чести подданныхъ своихъ употреблять. Не скрылъ я отъ статскаго секретаря (по Сѣвернымъ иностраннымъ дѣламъ графа Галифакса), что ваше императорское величество съ справедливостію было-ожидали болѣе податливости отъ Прусскаго короля на мирныя предложенія, княземъ Репнинымъ ему учиненныя, и что противность онаго не можетъ инако какъ весьма васъ удалить отъ сего государя. По возможности и непримѣтнымъ образомъ не оставляю я, конечно, во всякомъ случаѣ, недовольство здѣшнихъ на Берлинскій Дворъ не уменьшать; но и то опять можно сказать, что никакія внушенія дѣйствительнѣе быть не могутъ для совершеннаго разрыва между сими Дворами, какъ самое продолженіе поступковъ его Прусскаго величества и неумѣренные въ томъ его, здѣсь резидующихъ министровъ отзывы; имъ предоставить можно совершенство всего того начатаго здѣсь ими“.

Отъ 12-го ноября Воронцовъ писалъ, что настоящая политическая система Англіи состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла твердой земли, и потому нельзя ожидать содѣйствія Лондонскаго Двора въ принятіи твердаго рѣшенія принудить Фридриха II къ миру. Прежнія неудачи отбили къ тому охоту у англійскаго министерства, потому что Фридрихъ принималъ здѣшнія предложенія безъ всякаго уваженія.

Лондонскій Дворъ хотѣлъ принять твердое рѣшеніе относительно Пруссіи не иначе, какъ вмѣстѣ съ Русскимъ Дворомъ. 19-го декабря у канцлера и вице-канцлера была конференція съ англійскимъ посломъ, графомъ Бекингамомъ. Бекингамъ объявилъ, что его государь, будучи твердо намѣренъ не только сохранить, но и распространить прежнюю дружбу съ Россіею, положилъ сообщить Русскому Двору въ откровенности, до какихъ непріятныхъ изъясненій принужденъ онъ былъ дойти напослѣдокъ съ королемъ Прусскимъ. Король желаетъ знать мнѣніе императрицы относительно короля Прусскаго, чтобъ согласить съ нимъ собственныя свои мнѣнія и единодушнымъ стараніемъ скорѣе и надежнѣе достигнуть желаемаго обоими Дворами возстановленія общаго покоя. За этимъ вступленіемъ, Бекингамъ распространился о томъ, что естественные интересы Русскаго, Лондонскаго и Вѣнскаго Дворовъ требуютъ тѣснаго между ними соединенія, а польза Франціи сопряжена съ сохраненіемъ короля Прусскаго. Бекингамъ считалъ за вѣрное, что въ короткое время между Дворами Вѣнскимъ и Версальскимъ, по разногласію интересовъ, произойдетъ холодность, чѣмъ надобно воспользоваться и сдѣлать Вѣнскому Двору пристойныя внушенія для возобновленія старой и единственно натуральной системы. Что касается до отношеній между Франціею и Пруссіею, то эти державы, по мнѣнію Бекингама, могли одно время порозниться, но современемъ, а можетъ быть и скоро, онѣ должны вступить въ прежнія тѣсныя обязательства: недаромъ бывшій въ Петербургѣ прусскій министръ, баронъ Гольцъ, дружественно обходился съ барономъ Бретейлемъ, а съ нимъ, Бекингамомъ, холодно и даже не простясь уѣхалъ; а при самомъ отъѣздѣ своемъ имѣлъ онъ, Гольцъ, съ Бретейлемъ длинный и, безъ сомнѣнія, важный разговоръ. Канцлеръ и вице-канцлеръ довольствовались съ своей стороны отвѣтомъ послу въ генеральныхъ отзывахъ, располагая ихъ по внушеніямъ его, потому что еще 1-го ноября канцлеръ Воронцовъ получилъ такую инструкцію отъ императрицы относительно Англіи: „При настоящемъ нерѣшимомъ состояніи европейскихъ дѣлъ осторожность въ новыхъ аліанціяхъ и доброе внутреннее состояніе должны быть нашимъ политическимъ правиломъ. Нѣтъ политическаго положенія, котороебъ воспрещать могло производить возможные для пользы коммерціи распорядки, потому и съ

Австріею такой трактатъ, яко полезный, должно негоцировать безъ потерянія времени. Но притомъ особливо наблюдать, чтобъ не отнять у себя способности вступать въ подобныя обязательства и съ другими державами, какъ для конкурсу, такъ и для умноженія вывоза нашихъ продуктовъ. Чтобъ поступки наши во всемъ были откровенны и тверды, надлежитъ Англійскій Дворъ увѣрить, что мы признаваемъ полезнымъ и, конечно, охотно возобновимъ съ нимъ аліанціи, и притомъ въ конфиденціи ему объявить, что теперь оное отлагаемъ только для того, что мы на настоящее время отклонились отъ возобновленія старыхъ обязательствъ съ Вѣнскимъ Дворомъ и довольствуемся наблюдать съ нимъ наше доброе согласіе и дружбу на основаніи натуральныхъ и непоколебимыхъ нашихъ съ нимъ общихъ интересовъ, пока увидимъ въ какомъ политическомъ положеніи система сего Двора останется послѣ возстановленія мира".

Бекингамъ напомнилъ о печальномъ событіи прошлаго царствованія, по поводу меморіала графа Финкенштейна, что Прусскій король имѣетъ въ рукахъ подлинную русскую депешу, изъ которой видно, какимъ образомъ Англійскій Дворъ старался препятствовать прусскимъ переговорамъ въ Петербургѣ при Петрѣ III. Канцлеръ и вице-канцлеръ донесли императрицѣ, что подъ этою депешею разумѣется реляція вице-канцлера, князя Голицына, бывшаго тогда министромъ въ Лондонѣ; реляція содержитъ въ себѣ откровенный разговоръ графа Бюта о прусскихъ отношеніяхъ. Прусскій король напрасно утверждаетъ, что у него въ рукахъ подлинная депеша: подлинная находится въ цѣлости здѣсь, въ Петербургѣ, и очень разнится отъ выраженій, употребленныхъ въ прусскомъ меморіалѣ. Канцлеръ и вице-канцлеръ замѣтили объ этомъ Бекингаму, хотя и не скрыли, что, можетъ быть, бывшій императоръ, по слѣпой своей къ королю Прусскому преданности, сообщилъ ему въ собственномъ письмѣ или словесно передалъ Гольцу содержаніе реляціи. Императрица отвѣчала Воронцову: „Объ депешѣ увѣрить можно послѣ, что ни единая оригинальная не бывала и не есть въ рукахъ Прусскаго короля, а что страсть бывшаго императора такъ велика была, что онъ иногда невинныя слова, какъ будто вредныя, королю Прусскому толковалъ и такъ ему сообщалъ, и то не въ оригиналѣ. Сіе можетъ служить графу Бютѣ въ оправданіе противъ великаго множества его злодѣевъ, которые ищутъ ему кримъ (преступленіе) дѣлать изъ его разговора съ нынѣшнимъ вице-канцлеромъ" [1]).

Глава III.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны.

1763 годъ.

Отставка старыхъ вельможъ.—Непріятности Ив. Ив. Шувалову по университетскому управленію; отъѣздъ его за-границу.—Отъѣздъ за-границу канцлера графа Воронцова.—Н. И. Панинъ—старшій членъ Иностранной Коллегіи.—Распоряженіе императрицы по этой Коллегіи.—Захаръ Чернышевъ и Румянцевъ.—Волковъ—Оренбургскій губернаторъ.—Тотлебенъ вывезенъ за-границу.—Столкновеніе Бестужева и Панина.—Дѣло Арсенія Мацѣевича.—Путешествіе Екатерины въ Ростовъ.—Дѣло Хитрово.—Возвращенія Двора въ Петербургъ.—Раздѣленіе Сената на департаменты.—Злоупотребленія въ областяхъ.—Окончаніе дѣла иркутскаго слѣдователя Крылова.—Паденіе генералъ-прокурора Глѣбова.—Донесенія кн. Вяземскаго о состояніи восточныхъ областей.—Смуты между купечествомъ.—Ограниченіе пытки и конфискаціи.—Неудачный исходъ коммисіи о правахъ дворянства.—Дѣло о раскольникахъ.—Крестьянскія волненія.—Мнѣніе Петра Ив. Панина о крестьянскихъ побѣгахъ.—Ревизія.—Новые штаты.—Распоряженія о соли.—Мѣры относительно торговли.—Основаніе Воспитательнаго Дома.—Учрежденіе Медицинской Коллегіи.—Пожары.—Русскія поселенія на Востокѣ.—Иностранныя поселенія.—Паденіе Хорвата.—Дѣла Киргизскія и Калмыцкія.—Движеніе въ Малороссіи для установленія наслѣдственнаго гетманства.—Вопросъ объ избраніи Польскаго короля по смерти Августа III.—Сношенія по этому вопросу съ иностранными державами.

Новый 1763 годъ Дворъ встрѣтилъ въ Москвѣ съ обычными торжествами. Въ новой приморской столицѣ 1-го января происходило торжество особаго рода: морской и сухопутный генералитетъ, штабъ и оберъ-офицеры пировали въ домѣ вице-адмирала, князя Мещерскаго, пушки палили при питьѣ за высочайшія здоровья, вечеромъ сожженъ былъ фейерверкъ, по окончаніи котораго начался балъ. Причиною торжества было назначеніе наслѣдника цесаревича Павла Петровича генералъ-адмираломъ. Императрица сдѣлала это, говорилось въ указѣ, имѣя ревностное и неутомимое попеченіе о пользѣ государственной, съ которою неразрывно цвѣтущее состояніе флота, и желая въ нѣжныя еще младенческія лѣта вперить въ великаго князя знаніе государственныхъ дѣлъ съ подражаніемъ Петру Великому. Старый генералъ-адмиралъ, князь Мих. Мих. Голицынъ, за шестидесятилѣтнюю службу, былъ уволенъ въ вѣчную отставку, съ удержаніемъ по смерть генералъ-адмиральскаго жалованья (7,000 рублей) [2]).

Вслѣдъ за извѣстіемъ объ отставкѣ Голицына пришло извѣстіе объ отставкѣ графа Александра Шувалова, съ утвержденіемъ за нимъ 2,000 душъ, пожалованныхъ ему на выборъ „при бывшемъ по-

[1]) Дѣла Англійскія 1762 года. Сборн. Русск. Истор. Общ. т. XII.

[2]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1763 года, № 3.

слѣднемъ правленіи"[1]) Ив. Ив. Шувалову не хотѣли дать вѣчной отставки, ибо такая отставка могла считаться наградою только при условіи долговременной службы; Ив. Ив. Шуваловъ остался на службѣ, но получилъ отпускъ за-границу, потому что положеніе его при Дворѣ и въ столицѣ стало невыносимо. Императрица оказывала къ нему нерасположеніе; его имя было въ устахъ недовольныхъ, какъ имя главнаго недовольнаго; ему не могли быть неизвѣстны выходки противъ него людей, недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы, когда онъ имѣлъ такое важное значеніе, а эти недовольные—Панинъ, Бестужевъ—были главными совѣтниками Екатерины. Ив. Ив. Шуваловъ долженъ былъ испытать слѣдствія паднаго величія. Вторымъ кураторомъ московскаго университета былъ назначенъ извѣстный Ададуровъ, принадлежавшій къ числу очень недовольныхъ послѣднимъ временемъ царствованія Елисаветы. Еще 17 декабря 1762 года, въ присутствіи императрицы, Сенатъ слушалъ доношеніе Ададурова, который прописывалъ всѣ уплаты и выдачи, заимообразно сдѣланныя Шуваловымъ изъ университетскихъ суммъ не въ силу указовъ. Ададуровъ жаловался, что отданныя взаймы деньги не взысканы до сихъ поръ, несмотря на то, что сроки пришли. Деньги истрачены не въ силу указовъ, а между тѣмъ служащимъ въ университетѣ не-изъчего заплатить жалованья за сентябрскую треть, равно какъ нечѣмъ заплатить и долговъ, числящихся на самомъ университетѣ. Ададуровъ требовалъ указа, чтó ему дѣлать; требовалъ также, чтобъ Шуваловъ отдалъ въ университетскую канцелярію по описи все безъ остатка, что находится у него изъ принадлежащаго университету, какъ-то: письменныя дѣла, инструменты и прочее. По выслушаніи донесенія, императрица приказала взять отвѣтъ отъ Шувалова.

Черезъ мѣсяцъ читали этотъ отвѣтъ: въ немъ всѣ затраты были перечислены и оказались необходимыми. Шуваловъ указывалъ, что на проектѣ объ учрежденіи университета императрица Елисавета подписала собственноручно: „Дополненіе штата отдается въ волю кураторовъ", вслѣдствіе чего всѣ дѣла университетскія правились высочайшею довѣренностію къ его кураторскому чину, да иначе и быть не могло по причинѣ недостатка штата, регламента и за неимѣніемъ на всѣ случаи указовъ, особенно по новости мѣста, когда онъ, Шуваловъ, прилагалъ болѣе старанія для его основанія и распространенія, чѣмъ для подробнаго наблюденія канцелярскаго порядка, — иначе дѣлать было нельзя. Канцелярія при университетѣ учреждена не для управленія университетомъ, который исключительно отданъ на попеченіе кураторовъ. Шуваловъ представлялъ, до какого совершенства приведенъ имъ университетъ, какъ достаточно снабженъ всѣмъ нужнымъ; имѣетъ библіотеку, состоящую почти изъ 5,000 томовъ, не считая тѣ книги, которыя употребляются ежегодно для раздачи въ классы ученикамъ, и кромѣ тѣхъ, которыя ежегодно раздаются прилежнымъ ученикамъ въ награжденіе: такихъ книгъ считается почти на 12,000 рублей; университетъ имѣетъ богатый минеральный кабинетъ, доставленный имъ, Шуваловымъ, и стоящій не менѣе 20,000 рублей, лабораторію, довольное число нужныхъ и лучшихъ математическихъ инструментовъ; типографія, стоящая не меньше 25,000 рублей, находится въ изрядномъ состояніи. Но наибольшая польза та, что съ основанія университета вышло изъ него 1,800 учениковъ, изъ которыхъ только 300 разночинцевъ, остальные всѣ дворяне, и большая часть выпущена съ хорошими аттестатами; изъ нихъ девять человѣкъ служатъ въ кадетскомъ корпусѣ достойными учителями, преподаютъ математику, Латинскій, Французскій и Нѣмецкій языки; также находящіеся въ чужихъ краяхъ студенты своими знаніями и прилежаніемъ обѣщаютъ быть полезными своему отечеству; притомъ еще и недавно заведенная гимназія въ Казани начинаетъ приносить довольные плоды. Наконецъ, относительно состоятельности университета, Шуваловъ указывалъ, что университетъ получаетъ доходу 35,000 рублей, а расходъ въ 1761 году простирался до 31,675 рублей. Деньги, данныя взаймы — генералъ-маіоршѣ Племянниковой 6,000 рублей, гвардіи подпоручику Дебриньи—1,000 рублей, графу Ягужинскому — 2,500 и совѣтнику Хераскову — 500 рублей,—пропасть не могутъ, потому что имѣются заклады, обязательства и поруки. Бывшій директоръ университета Аргамаковъ далъ взаймы Екатеринѣ Корфъ 500 рублей; она умерла — и взыскать этихъ денегъ не-съ-кого; тотъ же Аргамаковъ взялъ себѣ 2,000 рублей и умеръ, не заплативши; но за то Аргамаковъ много и своего въ университетъ отдалъ; данныя комедіанту Серини на вексель 4,744 рубля за смертью его взыскать не-съ-кого. Взаключеніе Шуваловъ жаловался, что Ададуровъ представленіемъ своимъ нанесъ ему обиды и огорченія, стараясь объ одномъ, чтобъ ему повредить. Сенатъ рѣшилъ: данныя комедіанту Серини деньги взыскать съ Шувалова, зачѣмъ отдалъ безъ поруки и заклада. Взятыя Аргамаковымъ деньги взыскать съ его наслѣдниковъ, впрочемъ, на основаніи представленія Шувалова, что Аргамаковъ много отдалъ своего въ университетъ, Сенатъ предаетъ это дѣло на соизволеніе ея императорскаго величества. Что же касается жалобы Шувалова на Ададурова, то она написана съ обстоятельствами несходно, ибо Ададуровъ сдѣлалъ свое представленіе только для возстановленія порядка. Екатерина на докладъ Сената отвѣчала собственноручнымъ указомъ: „Указомъ императрицы Елисаветы университетъ отданъ въ правленіе генералъ-поручику Ивану Шувалову, на котораго, какъ всѣмъ извѣстно, можно смотрѣть какъ на основателя онаго мѣста, и, повидимому, онъ

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1763 года, № 9.

больше добра установилъ, нежели худова находится по новости мѣста какой недостатокъ въ порядкѣ; 4,000 рублей, отданные Серинію, не взыскивать на немъ, Шуваловѣ, по причинѣ, что онъ столько, если не болѣе, своего иждивенія употребилъ въ новое сіе мѣсто; также и съ Аргамакова не взыскивать по той же причинѣ. А куратору Ададурову приказать, взявъ въ разсужденіе приходъ, заготовить для университета планъ и штатъ къ апробаціи, а если онъ, хотя сверхъ положенной суммы, усмотритъ за полезное къ порядку и приведенію въ лучшее состояніе университета, то и оное представить, дабы для большаго добра малыя издержки не препятствовали" [1]).

Шуваловъ отправлялся за-границу, оставаясь кураторомъ университета, котораго былъ основателемъ; въ кругу, котораго императрица считала себя представительницею, въ кругу образованныхъ людей, Шуваловъ слылъ меценатомъ; въ томъ же значеніи онъ былъ извѣстенъ и за-границею; онъ велъ переписку съ главною литературною силою Европы,—съ Вольтеромъ. Взглядъ на Шувалова нѣкоторыхъ изъ толпы долженъ былъ возбуждать къ нему еще большее уваженіе въ людяхъ, которые смѣялись надъ взглядами этой толпы и считали своею обязанностью противоборствовать имъ. Какого рода были эти взгляды, видно изъ разсказа Державина, который, будучи тогда солдатомъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, находился съ нимъ въ Москвѣ, а услыхавъ, что Шуваловъ ѣдетъ за-границу, вздумалъ подать ему просьбу, чтобъ тотъ взялъ его съ собою для образованія. Но у Державина была въ Москвѣ тетушка, которая считала Шувалова главою масоновъ,—а масоновъ считали отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, людьми, которые заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, умерщвляютъ своихъ непріятелей. Тетушка дала Державину сильный нагоняй и запретила накрѣпко ходить къ Шувалову, съ угрозою написать къ матери, если не послушается. Державинъ послушался [2]).

Въ то время, какъ представитель новаго образованія, Ив. Ив. Шуваловъ, почетно удаленъ былъ за-границу, членъ старой „ученой дружины" Ѳеофана Прокоповича, другъ Кантемира, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой уволенъ былъ въ полную отставку съ полнымъ жалованьемъ вмѣсто пенсіи и съ выдачею единовременно 50,000 рублей [3]). Канцлеръ Воронцовъ, относительно Трубецкого еще молодой, отправился за-границу на два года по нездоровью. Воронцовъ никогда не пользовался вполнѣ плодами своего торжества надъ Бестужевымъ, потому что честолюбію его не соотвѣтствовали духовныя средства: при Елисаветѣ дѣятельное участіе въ иностранныхъ дѣлахъ принималъ Ив. Ив. Шуваловъ; при Петрѣ III распоряжался Гольцъ, а гдѣ не Гольцъ,—тамъ Волковъ; наконецъ, при Екатеринѣ II, Воронцовъ видѣлъ, что не пользуется вовсе довѣріемъ императрицы; что главными ея совѣтниками по иностраннымъ дѣламъ были двое людей, ему враждебныхъ,—Панинъ и Бестужевъ, которые хотя скоро и вступили въ соперничество другъ съ другомъ, но это нисколько не облегчило положенія Воронцова. Слабый здоровьемъ по природѣ, не могшій укрѣпить его при постоянномъ недовольствѣ своимъ служебнымъ положеніемъ, недостаткомъ въ средствахъ къ жизни, требовавшей слишкомъ большихъ расходовъ, при семейныхъ непріятностяхъ, вслѣдствіе неудачнаго брака единственной дочери съ гр. Строгановымъ,—Воронцовъ могъ постоянно выставлять нездоровье причиною, побуждавшею его оставить службу. Такъ какъ Воронцовъ уѣзжалъ на два года, оставляя за собою званіе канцлера, то управленіе иностранными дѣлами было временно поручено Панину: „По теперешнимъ не безтрудным обстоятельствамъ", говорилось въ указѣ, „разсудила ея императорское величество за благо во время отсутствія канцлера препоручить дѣйств. тайн. совѣтн. Панину исправленіе и производство всѣхъ по Иностранной Коллегіи дѣлъ и присутствовать въ оной Коллегіи старшимъ членомъ, поколику дозволятъ ему другія его должности". Объ отношеніяхъ императрицы къ Иностранной Коллегіи въ это время свидѣтельствуетъ любопытная записка ея отъ 21-го августа: „Министры наши при чужестранныхъ Дворахъ жалуются, что на многія ихъ реляціи отвѣтовъ и резолюцій нѣтъ; а мнѣ одной, прочитавъ реляціи, нельзя столько прилежности имѣть за множествомъ дѣлъ, чтобъ всегда придумать все то, что къ доброму успѣху дѣлъ принадлежитъ: и тако симъ приказывается Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ членамъ каждые два мѣсяца, по крайней мѣрѣ, прочитавъ сряду всякаго министра реляціи, положить на мѣрѣ, соображая съ прямыми нашими интересами и съ собственными нашими приказаніями все то, что онымъ министрамъ въ отвѣтъ и въ наставленіе служить можетъ, чрезъ которую апликацію нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ мы надѣемся весьма изряднаго успѣха въ дѣлахъ ей порученныхъ, а намъ о томъ подастся докладъ для апробаціи. А нынѣ изъ Коллегіи иначе отвѣта не бываетъ, какъ только что получены реляціи и ждутъ отъ меня резолюціи, которая всегда за вышеписанными резонами послѣдовать не можетъ" [4]).

Уволенъ былъ въ отставку генералъ, вышедшій вторымъ изъ школы Семилѣтней войны, графъ Захаръ Чернышевъ,—уволенъ былъ по причинѣ неизвѣстной. Какъ видно, Чернышевъ думалъ, что его станутъ удерживать, и обманулся,—отставку дали; онъ сталъ просить представиться императрицѣ, думая поправить свое дѣло при личномъ

[1]) Журналы Сената 16 января, 19 февраля 1763 г.
[2]) Соч. Державина, VI, 437.
[3]) Журналы Сената, 9 іюня.
[4]) Журналы Сената, 5 августа, 5 ноября.—Записки Екат., въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

свиданіи, надѣясь привести на память прежнюю благосклонность къ нему Екатерины, когда еще она была великою княгинею; но и въ этомъ было ему отказано. Тогда Чернышевъ написалъ покорное письмо, просилъ прощенія и высказалъ готовность вступить снова въ службу. Онъ былъ принятъ въ службу въ слѣдующемъ году [1]),—получилъ прежнее мѣсто вице-президента Военной Коллегіи.

Не такъ было съ генераломъ, котораго считали первымъ въ выпускѣ изъ школы Семилѣтней войны. Румянцевъ, думая, что его поприще кончено при Екатеринѣ вслѣдствіе благосклонности къ нему Петра III, подалъ просьбу объ отставкѣ, но получилъ отъ императрицы слѣдующее письмо: „Господинъ генералъ Румянцевъ! Я получила письмо ваше, въ которомъ пишете и просите объ отставкѣ. Я разсудила, что необходимо мнѣ пришло съ вами изъясниться и открыть вамъ мысли мои, которыя вижу, что совсѣмъ вамъ неизвѣстны. Вы судите меня по стариннымъ поведеніямъ, когда персоналитетъ всегда превосходилъ качества и заслуги всякаго человѣка, и думаете, что бывшій вашъ фаверъ нынѣ вамъ въ порокъ служить будетъ, непріятели же ваши тѣмъ подкрѣплять себя имѣютъ. Но позвольте сказать: вы мало меня знаете; пріѣзжайте сюда, если здоровье ваше вамъ то дозволитъ; вы приняты будете съ тою отмѣнностію, которую ваши отечеству заслуги и чинъ вашъ требуютъ. Не думайте же, чтобъ я противъ желанія вашего хотѣла сама принудить васъ къ службѣ: мысль моя отъ того отдалена. Не токмо заслуженный генералъ, но и всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и отставкѣ своей, и не то, чтобъ я убавить оный прерогативъ хотѣла, оный паче при всякомъ случаѣ подкрѣплю, а сіе единственно пишу, дабы мы другъ друга разумѣли, и вы могли бы ясно видѣть мое мнѣніе. Если тогда, какъ вамъ на смѣну другой былъ присланъ, обстоятельства казалися и были дѣйствительно конфузны, что, можетъ быть, и вамъ поводомъ служило къ подозрѣнію о моей къ вамъ недовѣренности, то оное приписать должно случаю тѣхъ временъ, кои уже миновались и которыхъ и слѣду въ моихъ мысляхъ не осталось“ [2]). Румянцевъ остался на службѣ.

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 637. Можно догадываться, что Чернышеву оказано было неудовольствіе по поводу дѣла Хитрово (см. ниже), что и заставило его подать въ отставку.

[2]) Письмо собственноручное изъ Москвы, 13 января 1763 г. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Письмо оканчивается такъ: «И такъ въ ожиданіи другова отъ васъ письма, въ которомъ имѣете мнѣ знать дать, исполните ли вы жадное желаніе всей вашей фамиліи видѣть васъ, или остаетесь ли вы при силѣ вашего послѣдняго письма. Въ томъ и въ другомъ случаѣ я неотмѣнно остаюсь вамъ доброжелательная Екатерина».—Это второе письмо императрицы къ Румянцеву; сохранилось въ томъ же Архивѣ первое письмо, не собственноручное, а только подписанное, отъ 5 августа 1762 г., гдѣ Екатерина въ отвѣтъ на письмо Румянцева, извѣщавшаго о своей болѣзни, позволяла ему для излѣченія жить въ деревнѣ или ѣхать на воды.

Екатерина не забыла и о пріятелѣ Румянцева, Волковѣ, не забыла о блестящихъ дарованіяхъ этого человѣка. Къ ней стали приходить частыя жалобы на Оренбургскаго губернатора Давыдова; она рѣшилась смѣнить его и назначить на этотъ важный постъ Волкова, причемъ особенно важно было довѣріе къ нему императрицы, выраженное въ указѣ: „Оренбургскаго вице-губернатора Волкова туда же въ губернаторы съ тѣмъ полномочіемъ, что ея императорское величество ему довѣряетъ по его въ дѣлахъ способности къ ея императорскому величеству отъ себя самого всякія представленія дѣлать и присылать проекты“ [3]). Третье лицо, о которомъ часто упоминалось „въ бывшее правленіе“, Гудовичъ, не отличался ничѣмъ, что бы заставило о немъ помнить и удерживать на службѣ. Мы видѣли, что Сенатъ указывалъ на необходимость отнять у него слободы, пожалованныя Петромъ III; Екатерина согласилась со мнѣніемъ Сената,—слободы были взяты, и въ вознагражденіе Гудовичъ получилъ 10,000 рублей! [4]). Старый слуга, который пользовался особеннымъ расположеніемъ Екатерины, когда она еще была великою княгинею, и пострадалъ за это расположеніе [5]), Андрей Чернышевъ, оказался безполезнымъ на службѣ, былъ отставленъ, но получилъ генералъ-маіорскій чинъ [6]).

Только въ этомъ году было покончено съ Тотлебеномъ. Военный судъ приговорилъ его къ смерти; но императрица, принимая во вниманіе, что злой его умыселъ никакихъ вредныхъ слѣдствій для государства еще не имѣлъ и преступникъ около трехъ лѣтъ сидѣлъ подъ арестомъ, приказала вывезти его за-границу подъ крѣпкимъ карауломъ, отнявъ всѣ чины и ордена [7]).

Исчезали совершенно или только на время дѣятели прошлыхъ царствованій, другіе изъ ихъ же среды выступали впередъ послѣ кратковременной опалы; но людей новыхъ еще не было, тѣхъ людей, которыхъ Екатерина называла своими воспитанниками и къ которымъ была такъ пристрастна. На первомъ планѣ стояли Бестужевъ и Панинъ: первый – знаменитый канцлеръ Елисаветинскаго времени, другой—его воспитанникъ относительно внѣшней политики. Но теперь, когда они стали рядомъ предъ развалинами старой системы, между воспитателемъ и воспитанникомъ возникло несогласіе, соперничество. Въ одномъ они оба были согласны—въ отвращеніи къ всякому сближенію съ Франціею; но сильно разнились въ томъ, что старикъ Бестужевъ не хотѣлъ слышать ни о Франціи, ни о Пруссіи, хотѣлъ возстановленія старой системы, стараго союза между Россіею, Австріею, Англіею и Саксоніею съ тѣмъ, чтобы кур-

[3]) Журналы Сената, 13 іюня; Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 278.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 282, 283.

[5]) См. выше: «Исторія Россіи», т. XXIV, кн. V, стр. 927.

[6]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 298.

[7]) Журналы Сената, 2 апрѣля

фюрстъ Саксонскій попрежнему царствовалъ въ Польшѣ; но Панинъ совершенно порвалъ со стариною и думалъ о новой системѣ, о Сѣверномъ союзѣ, Сѣверномъ концертѣ, или аккордѣ, по тогдашнему выраженію, союзѣ между Россіею, Пруссіею, Польшею, Англіею и Скандинавіею, противопоставленномъ Южному союзу—между Франціею, Испаніею и Австріею. Упрямый Бестужевъ не уступалъ своему воспитаннику,—и между ними произошелъ явный разрывъ. Панинъ объявилъ прусскому посланнику Сольмсу: „Я разсчитался съ графомъ Бестужевымъ, я заплатилъ ему за всѣ прежнія обязательства, я ему не долженъ ничего, и онъ не въ числѣ моихъ друзей“ [1]). Вѣроятно, Панинъ разумѣлъ свои хлопоты по дѣлу объ оправданіи Бестужева; оправдательный манифестъ былъ написанъ имъ. Спустя слишкомъ полгода послѣ этого разговора, Панинъ жаловался Сольмсу на свое положеніе и высказывалъ желаніе удалиться отъ дѣлъ вслѣдствіе вліянія Бестужева [2]). Это вліяніе понятно: Екатерина видѣла, что Бестужевъ уже не прежній великій канцлеръ и не можетъ снова завѣдывать иностранною политикою; знала, что онъ упрямъ, чувствовала непріятныя слѣдствія этого упрямства, но не могла не чувствовать уваженія къ старику, хотя бы даже за это самое упрямство; она помнила хорошо, что этотъ самый Бестужевъ былъ заклятый врагъ ея вліянія, преимущественно вліянія ея матери, когда это вліяніе было вредно интересамъ имперіи; но онъ обратился къ ней и былъ самымъ вѣрнымъ ея союзникомъ, когда этого потребовали тѣ же интересы имперіи, угрожаемой страшною будущностью. Екатерина съ негодованіемъ опровергала клеветы на Бестужева, котораго иностранцы выставляли человѣкомъ продажнымъ: „Это ложь“, говорила она: „Бестужевъ обладалъ упорною твердостію, и никто никогда не могъ подкупить его“. Другого мнѣнія она была о соперникѣ Бестужева, Воронцовѣ: „Гипокритъ, какого не бывало; вотъ кто продавался первому покупщику; не было Двора, который бы не содержалъ его на жалованьи“ [3]). Наконецъ, Бестужевъ могъ брать верхъ предъ Панинымъ и тѣмъ, что не настаивалъ на учрежденіи Императорскаго Совѣта.

Не умѣя жертвовать своими убѣжденіями; зная, что досаждаетъ своимъ упрямствомъ, Бестужевъ, для уничтоженія этой досады, считалъ необходимымъ прибѣгать ко всевозможной лести и угодничеству. Легко себѣ представить, какъ встревожился старикъ, когда въ мартѣ мѣсяцѣ совершенно неожиданно возбудилъ противъ себя гнѣвъ императрицы. Мы видѣли, какъ Екатерина считала необходимымъ показывать свое милосердіе къ людямъ, болѣе или менѣе виновнымъ противъ нея. Удаленіе,—и удаленіе, по большей части, съ почетомъ, съ наградою,—было наказаніемъ для людей, нерасположеніе къ которымъ императрицы было извѣстно. Тѣмъ съ бóльшимъ удивленіемъ должны были узнать, что Екатерина поступила чрезмѣрно строго, обнаружила личное раздраженіе, можно сказать, личную злобу въ преслѣдованіи лица, которое, по своему сану, казалось, требовало болѣе внимательнаго къ нему отношенія. Это лицо былъ Ростовскій архіерей Арсеній Мацѣевичъ.

Мы видѣли, какой трудный вопросъ наслѣдовала Екатерина отъ предшествовавшихъ царствованій,—вопросъ о церковныхъ имуществахъ, поднятый вслѣдствіе непереставашихъ волненій монастырскихъ крестьянъ. Имѣнія, отобранныя при Петрѣ III подъ свѣтское управленіе, были возвращены Екатериною: архіереи и монастырскія власти успокоились, но не хотѣли успокоиться крестьяне, и своими волненіями торопили учрежденіе коммисіи для рѣшенія этого вопроса. Коммисія была учреждена, и первымъ дѣломъ ея было, разумѣется, собраніе самыхъ полныхъ и подробныхъ свѣдѣній о церковныхъ имѣніяхъ, что могло быть сдѣлано только посредствомъ описи, производимой людьми посторонними, которые не имѣли никакихъ побужденій къ неточнымъ показаніямъ. Опять коммисія, опять явились офицеры,— переписываютъ все церковное имущество: признаки зловѣщіе; опять неудовольствіе, ропотъ. Объявлено было, что этого не будетъ, что для уничтоженія этого престолъ и былъ принятъ, а теперь начинается то же самое! Одни роптали тихо, между собою; но нашелся человѣкъ, который, по характеру своему, былъ способенъ подать громкій голосъ,—и подалъ.

Арсеній Мацѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ малороссійскихъ монаховъ, которые начали вызываться въ Великую Россію при Петрѣ I-мъ для замѣщенія архіерейскихъ каѳедръ, нуждавшихся въ пастыряхъ образованныхъ, способныхъ наблюдать за школьнымъ дѣломъ. Но Арсеній не былъ похожъ ни на одного изъ двухъ главныхъ представителей этой ученой дружины; не имѣлъ ни высокихъ духовныхъ стремленій Димитрія Ростовскаго, ни ловкости, уклончивости, умѣнья жить „въ свѣтѣ“ Ѳеофана Прокоповича; Арсеній отличался отсутствіемъ сдержанности, болѣзненною раздражительностью, которая вела его къ очень непріятнымъ столкновеніямъ; кромѣ того, сохранились преданія о его необыкновенной жестокости. Извѣстія о его жизни до вступленія на престолъ Елисаветы отличаются краткостію и темнотою, но можно видѣть, что онъ былъ въ постоянной опалѣ, его удаляли изъ столицы, отъ высшихъ степеней духовной іерархіи, посылали въ Камчатскую экспедицію. Эта судьба нѣсколько объясняется приверженностью его къ направленію Стефана Яворскаго: такому человѣку трудно было подняться въ царствованіе Анны. Изъ Камчатской экспедиціи онъ вынесъ цынготную болѣзнь, которая не могла

[1]) Депеша Сольмса отъ 9 января. Forschungen zur deutsch. Geschichte.

[2]) Депеша Сольмса отъ 12 августа. Forschungen zur deutsch. Geschichte.

[3]) Замѣтка Екатер. на книгу Денины, рукоп. Моск. Публ. Муз., № 1,350.

успокоительно дѣйствовать на его характеръ. Только въ правленіе Анны Леопольдовны онъ былъ посвященъ въ митрополиты въ Тобольскъ, причемъ нельзя не обратить вниманія на его слова въ послѣдующемъ доношеніи императрицѣ Елисаветѣ, что онъ отказался присягнуть Бирону, какъ регенту. Къ началу царствованія Елисаветы, которая постоянно ему покровительствовала, Арсеній былъ переведенъ изъ Тобольска въ Ростовъ и назначенъ членомъ Синода; но въ Синодъ не вступилъ, потому что завелъ споръ относительно текста присяги для членовъ Синода. Арсеній уѣхалъ въ свою Ростовскую епархію и отсюда, по поводу синодскаго указа о пріемѣ въ монастырь одного колодника, показаннаго въ нездравомъ умѣ, написалъ доношеніе, въ которомъ синодское опредѣленіе называлъ неосмотрительнымъ, продерзостнымъ и противнымъ указамъ Петра Великаго и Елисаветы. Синодъ послалъ ему строгій выговоръ съ угрозою, что если впередъ осмѣлится писать такія дошенія, то будетъ лишенъ не только архіерейства, но и монашества. Это было въ 1743 году, а въ 1745 Арсеній подалъ въ Синодъ просьбу объ увольненіи его на покой въ Спасовъ новгородосѣверскій монастырь, вслѣдствіе **скорбутичной** болѣзни, пріобрѣтенной на морѣ, къ которой въ настоящемъ году присоединилась еще головная боль. Синодъ подалъ докладъ, что, по его мнѣнію, Арсенія уволить надлежитъ; но увольненія не послѣдовало. Въ 1753 году Арсеній поднесъ Елисаветѣ двѣ книги: 1) „Обличеніе на книгу раскольническую олонецкую"; 2) „Возраженіе на пашквиль лютеранскій, на книгу Камень Вѣры сочиненный". Елисавета послала ему венгерскаго вина, и Арсеній писалъ, что вино, по ея приказанію, началъ употреблять, по совѣту лекаря, **съ салволятилемъ**. Мы упоминали о перепискѣ Арсенія съ духовными лицами, недовольными указомъ Петра III о церковныхъ имуществахъ, о письмѣ его къ Бестужеву о томъ же предметѣ уже при Екатеринѣ II. Въ это время Ростовъ получилъ особенное значеніе: въ него стекались толпы богомольцевъ для поклоненія мощамъ новоявленнаго чудотворца—Св. Димитрія митрополита. Мощи были открыты еще при Елисаветѣ, но только теперь сдѣлана была рака; Екатерина хотѣла непремѣнно сама присутствовать при переложеніи мощей въ новую раку и, зная характеръ Арсенія, очень безпокоилась, чтò видно изъ письма ея къ Олсуфьеву: „Понеже я знаю властолюбіе и бѣшенство Ростовскаго владыки, я умираю боюсь, чтобъ онъ не поставилъ раки Димитрія Ростовскаго безъ меня; извѣстите меня какъ вы ее отправили, съ какимъ приказаньемъ и подъ чьимъ смотрѣніемъ она находится, и если не взяты, то возьмите всѣ осторожности, чтобъ оная рака безъ меня отнюдь не поставлена была". Олсуфьевъ успокоивалъ ее, писалъ, что, вслѣдствіе письма его къ митрополиту, такого дерзновенія чаять не можно; что маіоръ, который повезъ раку, до такого самовольства не допуститъ; надобно, чтобъ у его преосвященства была непонятная смѣлость, если бы онъ осмѣлился прикоснуться къ ней.

Переписка эта шла въ концѣ февраля, а въ началѣ марта Арсеній удивилъ другого рода смѣлостью. Онъ прислалъ въ Синодъ, находившійся тогда въ Москвѣ, одно за другимъ, два доношенія, гдѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ вооружался противъ новыхъ распоряженій относительно церковныхъ имуществъ. По поводу разсылки изъ Синода по архіерейскимъ домамъ и монастырямъ шнуровыхъ книгъ для записыванія приходовъ и расходовъ Арсеній писалъ: „Которое одолженіе присланныхъ ко мнѣ книгъ кажется сану архіерейскому не безъ уничиженія, понеже въ той силѣ имѣются, яко архіереи о пользѣ Церкви всѣ не старатели; присланныя отъ Св. Синода книги по архіереямъ и монастырскимъ настоятелямъ, аки-бы къ приказчикамъ,—тяжесть не токмо архіереямъ, но и всему духовному чину несносная и никогда же слыханная". Отъ временъ апостольскихъ, по словамъ Арсенія, церковныя имущества не подчинялись никому, кромѣ апостоловъ, а послѣ нихъ—архіереямъ: оставались въ ихъ единственной волѣ и разсмотрѣніи. Никто не долженъ церковныя имѣнія отбирать и употреблять для другихъ цѣлей; отобранное должно непремѣнно возвратить; но теперь не только не думаютъ возвращать, но хотятъ и послѣднее взять, какъ уже и видѣли въ бывшее правленіе. „Первый началъ отнимать церковныя имѣнія царь Іуліанъ Отступникъ; у насъ же отъ временъ князя Владиміра не только во время царствованія благочестивыхъ князей, но и во времена татарской державы церковныя имѣнія оставались свободными. При Петрѣ Великомъ Мусинъ-Пушкинъ сдѣлалъ постановленіе относительно доходовъ съ церковныхъ имѣній и управленія ими. Это постановленіе Мусина-Пушкина превосходило не только турецкія постановленія, но и уставы нечестивыхъ царей Римскихъ, идолослужителей: Св. Кипріанъ Карѳагенскій, приведенный на мѣсто казни, велѣлъ домашнимъ своимъ выдать палачу 25 золотыхъ; но если бы тогда имѣло силу **заопредѣленіе** Мусина-Пушкина, то такого благодѣянія оказать было бы не-изъ-чего. Но хоть заопредѣленіе Мусина-Пушкина превосходило и поганскій обычай, однако Церковь и бѣдные архіереи поневолѣ привыкли терпѣть такую нужду, потому что не допрашивали у нихъ, по крайней мѣрѣ, о томъ, чтò было дано. А теперь, когда началось такое истязаніе, то узники и богадѣленные стали счастливѣе бѣдныхъ архіереевъ, и такое мучительство терпимъ не отъ поганыхъ, но отъ своихъ, которые выставляютъ себя овцами правовѣрными; въ манифестѣ о восшествіи на престолъ императрицы сказано, что она вступила на престолъ для поддержки Православія, которому въ прежнее правленіе предстояла опасность. Сказано о пастыряхъ „Аще слово воздати хотяще, да съ радостію сіе творятъ, а не съ воздыханіемъ"; но какъ теперь не вздыхать и при самой безкровной жертвѣ отъ

такого ига мучительскаго, которое лютѣе ига турецкаго? Чтобы архіереи изъ своихъ доходовъ заводили академіи,— объ этомъ нигдѣ не написано; да если-бы это и не было противно, то на какіе доходы заводить, когда послѣднее отнимаютъ? Да и приходскіе священники находятся, по большей части, въ крайней бѣдности: обложены податями не меньше мужиковъ; для своего пропитанія принуждены воздѣлывать землю; будь священникъ богословъ или астрономъ,—больше доходовъ не получитъ. Дѣйствительно нужны и школы, и академіи, по надлежащимъ порядкомъ, какъ встарину бывало въ Греціи и теперь на Западѣ, т.-е. по мѣстамъ знатнымъ, въ царствующихъ городахъ, на иждивеніи государственномъ, по значительнымъ городамъ, а не по грязямъ и болотамъ. Надобно прежде всего церкви умножить и порядочно содержать; но у насъ въ нынѣшній вѣкъ объ этомъ и въ мысль не приходитъ, когда многіе предпочитаютъ кормить собакъ, а не священниковъ и монаховъ, и смотрятъ, чтобъ за церквами и монастырями имѣнія лишняго отнюдь не было; подъ видомъ излишества и послѣднее отнимаютъ; церкви и монастыри многіе пусты стоятъ, остальные въ крайней бѣдности, и все же возбуждаютъ завистъ. И теперь охотниковъ до постриженія насилу сыскать, а послѣ негдѣ будетъ и взять; безъ монашества неоткуда быть архіереямъ, а безъ архіереевъ какое наше благочестіе и какая наша Церковь? Сохрани Богъ отъ такого случая, чтобъ нашему государству быть безъ архіереевъ: тогда произойдетъ отъ древней Апостольской Церкви отступленіе; сначала еще будетъ поповщина, а потомъ безпоповщина, и государство наше со всѣми своими академіями сдѣлается раскольническимъ, лютеранскимъ, атеистическимъ. Говорятъ, что имѣній у церквей не отнимутъ, но штаты сдѣлаютъ, будто бы отсѣкая излишество: но и этому образецъ Іуда Искаріотскій, который, желая продать Христа и видя Его помазуема отъ жены многоцѣннымъ муромъ по теплотѣ вѣры и любви, говорилъ: „Чесо ради муро сіе не продано бысть на трехъ стахъ пенязь и дано нищимъ?“ Какая же тому штатнику похвала тамъ въ Евангеліи,—можетъ всякій знать и дочитаться. Какова-то и наша будетъ молитва предъ Богомъ: „да святится имя Твое“! И каковы мы будемъ желатели, чтобъ имя Божіе святилось въ насъ и въ государствѣ нашемъ, когда не нами, но другими данное на прославленіе имени Божія будемъ штатовать какъ ненужное“?—Вслѣдъ за тѣмъ Синодъ получилъ второе доношеніе отъ Арсенія, отъ 15 марта, написанное въ томъ же духѣ, по поводу пріѣзда офицеровъ для составленія описей церковному имуществу.

Синодъ представилъ первое доношеніе императрицѣ, прописывая, что, по его мнѣнію, оно заключаетъ въ себѣ оскорбленіе величества, за что авторъ подлежитъ суду; но онъ, Св. Синодъ, безъ вѣдома императрицы приступить къ дѣлу не смѣетъ, а предаетъ его въ ея благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. Какъ видно, Синодъ, принимая въ соображеніе осторожное и снисходительное поведеніе Екатерины относительно непріятныхъ и враждебныхъ ей лицъ, принимая также въ соображеніе деликатность вопроса и званіе Арсенія, разсчитывалъ, что императрица не дастъ сильнаго хода дѣлу, велитъ ограничиться выговоромъ, внушеніемъ проситься на покой и т. п. Но Синодъ ошибся въ своемъ разсчетѣ: Екатерина обнаружила небывалое до сихъ поръ раздраженіе,—и причина понятна: чѣмъ яснѣе въ сознаніи трудность какого-нибудь дѣла, чѣмъ яснѣе представляются возраженія противъ него, чѣмъ эти возраженія, не имѣя въ основаніи дѣйствительной правды, доступнѣе для толпы,—тѣмъ болѣе происходитъ раздраженіе, когда эти затрудненія и возраженія являются на самомъ дѣлѣ. Сильно раздражало указаніе на манифестъ, изданный при восшествіи на престолъ, желаніе поставить въ противорѣчіе, желаніе запугать: ты хочешь слыть защитницею Православія и, въ то же время, хочешь сдѣлать то, чѣмъ сравнишься съ Іуліаномъ Отступникомъ, съ Іудою. Не забудемъ и литературнаго вліянія, подъ которымъ находилась Екатерина вмѣстѣ со всѣми читавшими тогда людьми, вліянія господствовавшей тогда темы въ разсужденіяхъ заправителей литературныхъ, темы о фанатизмѣ, сословномъ эгоизмѣ духовенства, монаховъ, которымъ нужно положить преграду для благосостоянія общества.

Екатерина написала собственноручно: „Святѣйшій Синодъ! Въ поданномъ вашемъ вчерась мнѣ докладѣ представлено, что архіерей Ростовскій Арсеній прислалъ доношеніе отъ 6-го дня марта въ Синодъ, въ которомъ все, что ни есть написано, слѣдуетъ къ оскорбленію величества императорскаго, за что его признаете подлежательнымъ сужденія, но безъ вѣдома моего приступить къ тому не смѣете, и предаете въ мое благоразсмотрѣніе и снисхожденіе. А какъ я уповаю, что и Св. Синодъ, безъ сумнѣнія, признаетъ, что власть всѣхъ благочестивыхъ монарховъ, въ числѣ коихъ и я себя включаю и дѣлами моими, вами свидѣтельствуемыми, доказую, не для нихъ единственно, но паче для общаго всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества благосостоянія, сохраняема и защищаема быть должна, также что въ его, архіерея Арсенія, присланномъ ко мнѣ отъ васъ для прочтенія оригинальномъ доношеніи, которое я при семъ къ вамъ обратно посылаю, усмотрѣла превратныя и возмутительныя истолкованія многихъ словъ Св. Писанія и книгъ святыхъ, того ради впредь (для) охраненія моихъ вѣрноподданныхъ всегдашняго спокойства, онаго архіерея Арсенія, такимъ преступникомъ отъ васъ признаннаго, Св. Синоду на справедливый, законами утвержденный судъ предаю; а какая по суду сентенція ему назначена будетъ,—оную представить намъ для конфирмаціи, причемъ еще будетъ имѣть мѣсто мое снисхожденіе и незлобіе“.

Получивъ извѣстіе о грозящей бѣдѣ, Арсеній испугался и подалъ просьбу объ увольненіи отъ епархіи опять въ Спасскій новгородъ-сѣверскій

монастырь на обѣщаніе; но уже было поздно: его взяли подъ стражу и отвезли въ Москву на синодскій судъ. Еще прежде взятія подъ стражу, Арсеній отправилъ копію съ своихъ доношеній Синоду къ духовнику Ѳедору Яковлевичу Дубянскому и графу Алексѣю Петровичу Бестужеву-Рюмину. Неизвѣстно, что сдѣлалъ съ этими бумагами духовникъ, но Бестужевъ рѣшился ходатайствовать за Арсенія и внушать императрицѣ о необходимости покончить непріятное дѣло какъ можно тише и скорѣе; 31-го марта онъ писалъ императрицѣ: „Какъ содержаніе доношеній въ Синодъ (Арсенія) наполнено не только дерзостями, но и чувствительнѣйшими оскорбленіями, за которыя ея императорское величество справедливо на него прогнѣвана, — графъ Бестужевъ, не вступая отнюдь ни въ малѣйшее за сего архіерея заступленіе, осмѣливается токмо по долгу къ ближнему, въ преступленіе впадшему, рабски просить о показаніи ему монаршаго и матерняго милосердія въ томъ приговорѣ, который по суду, конечно, ему тягостенъ будетъ, а притомъ не въ указъ свое слабѣйшее разсужденіе присовокупить, не соизволитъ ли ея императорское величество въ его явномъ и никакого уже изслѣдованія не требующемъ преступленіи скорѣе сентенцію на монаршую конфирмацію сочинить и тѣмъ сіе дѣло кончить въ предупрежденіе разныхъ о семъ и безъ того въ публикѣ происходящихъ толкованій“.

Мягкія формы не помогли. Бестужевъ, которому въ прошломъ году писалось: „Батюшка Алексѣй Петровичъ, пожалуй, помогай совѣтами!“ теперь получилъ на свое внушеніе грозный отвѣтъ: „Я чаю, ни при которомъ государѣ столько заступленія не было за оскорбителя величества, какъ нынѣ за арестованнаго всѣмъ Синодомъ митрополита Ростовскаго, и не знаю, какую я бъ причину подала сумнѣваться о моемъ милосердіи и человѣколюбіи. Прежде сего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали, и не знаю, какъ бы я могла содержать и укрѣпить тишину и благоденствіе народа (умолча о защищеніи и сохраненіи мнѣ отъ Бога данной власти), если бы возмутители не были-бъ наказаны“.

Конечно, Бестужевъ и никто другой никакъ не могли бы припомнить, когда преосвященнымъ не по столь еще важнымъ дѣламъ головы сѣкали безо всякой церемоніи и формы; но повѣрка этихъ словъ Екатерины могла только показывать Бестужеву всю степень раздраженія императрицы, и онъ спѣшилъ успокоить это раздраженіе: „Во всенижайшій отвѣтъ всеподданнѣйшій рабъ доноситъ, что какъ онъ прежде за Ростовскаго архіерея никогда не заступался, но паче въ С.-Петербургъ присланную отъ него цыдулку представилъ съ своимъ примѣчаніемъ,—такъ и нынѣ по его подлинно великимъ преступленіямъ не дѣлалъ заступленія, а токмо о скоромъ рѣшеніи упомянулъ, дабы чрезъ то пресѣчь излишнія толкованія и разсужденія въ народѣ, который о точности дѣла не вѣдаетъ; но ежели въ чемъ старикъ погрѣшилъ, то токмо отъ одного усердія, чѣмъ теперь отъ неповинности своей и сокрушается“. На этой же запискѣ Екатерина написала: „Сожалѣю, что сокрушается; я писала съ тѣмъ, чтобъ вы имѣли, что отвѣтствовать тѣмъ, кто васъ просьбою мучитъ. Желаю вамъ спокойно опочивать“.

7-го апрѣля Синодъ подалъ докладъ: „Святѣйшій Правительствующій Синодъ, довольно имѣя разсужденія, что оный митрополитъ Арсеній въ оскорбленіи ея императорскаго величества безъ всякаго извиненія виновнымъ оказуется, тѣмъ именно, что онъ, въ противность слова Божія и апостольскихъ правилъ и преданій, и презря свою архіерейскую и генеральную присягу, и въ противность же государственныхъ узаконеній, на именные ея императорскаго величества, въ 1762 и 1763 годахъ состоявшіеся о церковныхъ имѣніяхъ указы, присланными въ Синодъ своими, — первымъ отъ 6, а потомъ и вторичнымъ отъ 15-го марта, доношеніями таковыя учинилъ возраженія, которыя единственно до оскорбленія ея императорскаго величества слѣдуютъ, приводя въ оныхъ изъ многихъ словъ Св. Писанія и изъ нѣкоторыхъ книгъ превратныя отъ себя толкованія, съ самымъ оныхъ словъ разумомъ и силою отнюдь несходственныя, а именно (слѣдуютъ извѣстныя мѣста изъ доношеній). Хотя то доношеніе и окончено тѣмъ, что якобы все то писать и отъ слова Божія и закона предлагать не иная причина его привела, токмо ревность по Бозѣ и законѣ Божіемъ, ея императорскаго величества довольно въ манифестахъ и указахъ ея монаршихъ изображенная, аще же возымѣется въ томъ его быти погрѣшность, проситъ о прощеніи. Но онаго ни за каковой резонъ почесть не можно, ибо не токмо на высочайшіе указы, но и на повелѣнія своей команды никаковыхъ, а кольми паче язвительныхъ представленій и возраженій чинить подъ наижесточайшимъ штрафомъ запрещено, да и таковой причины, чтобъ вышеозначенное возраженіе съ такою дерзостною отвагою выдумывать и, дѣйствительно, яко бы подъ образомъ своей ревности, представлять ему, митрополиту, и никому отнюдь не было и нѣтъ. Хотя онъ въ допросѣ и показалъ, что якобы онъ въ тѣхъ своихъ доношеніяхъ къ оскорбленію ея императорскаго величества ничего быть не уповалъ, все то писалъ по ревности и совѣсти, чтобъ не быть двоедушнымъ, а сочинялъ-де онъ все то не для возраженія на указы, но на представленія другихъ, по коимъ представленіямъ и тѣ указы послѣдовали, что-де разумѣется на представленія коммисіи, и въ чаяніи томъ, что какъ тѣ представленія не отвержены, такъ де и оное его представленіе отвержено не будетъ, и, по крайней мѣрѣ, за то не воспослѣдуетъ оскорбленія ея императорскаго величества, но понеже оное вошло во оскорбленіе ея и. в—ства, — того ради, всепокорнѣйше и всеподданнѣйше припадая къ ногамъ ея

сать все то, что онъ отъ камеръ-юнкера Ѳедора Хитрова слышалъ и, по важности его показанія, пошлите за Хитровымъ, и если придетъ (ся) арестовать его, Хитрова, тогда, для дальнѣйшаго производженія онаго дѣла, призовите себѣ въ помощь князя Мих. Болконскаго и князя Петра Петр. Черкасскаго, и рапортуйте ко мнѣ, какъ часто возможно. Я при семъ рекомендую вамъ поступать весьма осторожно, не тревожа ни городъ и, сколь можно,—никого, однакожь такимъ образомъ, чтобъ досконально узнать самую истину, и весьма различайте слова съ предпріятіемъ. Впрочемъ, по полкамъ имѣете уши и глаза".

Заявленіе князя Несвижскаго состояло въ слѣдующемъ: возвратясь изъ деревни, онъ встрѣтился съ Хитрово, который спросилъ его, что новаго. „Какія у меня новости, когда я былъ въ деревнѣ", отвѣчалъ Несвижскій.—„А у насъ много новыхъ вѣстей, только дурныхъ", сказалъ Хитрово: „первая новость—государыня поѣхала въ Воскресенскій монастырь для того, чтобъ старый чортъ Бестужевъ удобнѣе могъ въ ея отсутствіе произво дить начатое дѣло. Онъ написалъ прошеніе къ государынѣ, чтобъ вышла замужъ за Григорья Орлова, и къ этому прошенью духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались; а какъ дошло до Панина и Разумовскаго, то Панинъ спросилъ государыню, съ ея ли позволенія это дѣлается, и получилъ въ отвѣтъ, что нѣтъ. Однако Панинъ могъ примѣтить изъ лица и поступковъ ея, что все происходило по ея повелѣнію, и согласился съ гетманомъ и Захаромъ Чернышевымъ уничтожить дѣло; для этого они пригласили къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Барятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ—Петра и Сергѣя, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, и разсуждали, что дѣло нехорошее, отечеству вредное, всякій патріотъ долженъ вступиться, искоренить. Этого ничего не было бы", продолжалъ Хитрово, „потому что Григорій Орловъ глупъ, но больше все дѣлалъ братъ его, Алексѣй:—онъ великій плутъ и всѣму дѣлу причиной".—„Правда-ль это"? спросилъ Несвижскій, „я хочу у Орловыхъ это высмотрѣть".—„Это очень и для насъ полезно", сказалъ Хитрово: „ѣзди почаще къ Орловымъ и присматривай, а мы на собраніи своемъ положили просить государыню, что если намѣрена выйти замужъ, то у Иванушки есть два брата; а если не согласится за нихъ, то, схватя Орловыхъ, всѣхъ отлучить,—въ то время уже можно отвлечь ее отъ этого дѣла; она сама намъ будетъ благодарна, что мы нарушителя покоя отъ нея оторвемъ. Когда я былъ на караулѣ при покойномъ бывшемъ государѣ, то случилось мнѣ говорить о порядкѣ восшествія на престолъ государыни съ Алексѣемъ Орловымъ. Орловъ сказывалъ, что Панинъ сдѣлалъ-было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею, и она на то согласилась; а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то несогласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею, и велѣли солдатамъ кричать ура.—Если можно", продолжалъ Хитрово, „то и скорѣе при первомъ удобномъ случаѣ Орловыхъ погубить. Меня въ этотъ заговоръ привела княгиня Дашкова, Глѣбовъ также нашей партіи и денегъ будетъ давать сколько надобно".

Хитрово на допросѣ 27 мая показалъ: недѣли двѣ тому назадъ зять его двоюродный, Василій Брылкинъ, говорилъ ему: слышалъ онъ отъ своего родного брата—Ивана Брылкина, что пріѣзжалъ къ нему Бестужевъ съ подпискою, чтобъ просить государыню идти замужъ, выбравъ изъ своихъ подданныхъ, кого ей угодно, потому что государь цесаревичъ слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ; духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались. Николай Рославлевъ говорилъ ему: слышалъ онъ о подпискѣ, и какъ скоро дошло до Панина, гетмана и Чернышева, то они сказали, что не подпишутъ, и Панинъ государынѣ доложилъ, съ ея ли позволенія такая подписка у Бестужева. Государыня сказала, что она про то не знаетъ, на что Панинъ представилъ: если Бестужевъ тому причиною, такъ надобно его предать суду, и на то государыня промолчала, и тѣмъ та подписка уничтожена. Услыхавъ объ этомъ отъ Рославлева, онъ, Хитрово, поѣхалъ къ княгинѣ Дашковой спросить, правда ли это; Дашкова разсказала ему все такъ, какъ говорилъ Рославлевъ, и удивлялась не мало такому дурному предпріятію.

Екатерина была недовольна этими показаніями и, между прочимъ, писала Суворову: „Нельзя, чтобъ онъ (Хитрово) не къ чему-нибудь вздумалъ, будто я обѣщала Панину быть правительницею; нельзя статься, чтобъ онъ ложь такую отъ Ал. Гр. Орлова, какъ онъ сказываетъ, слышалъ. Прикажите освѣдомиться, арестованіе Хитрово тревожитъ ли любопытныхъ или еще не вѣдаютъ въ городѣ." Результаты допросовъ находятся въ слѣдующей запискѣ Екатерины Суворову: „Хитрово двухъ человѣкъ уговаривалъ, чтобъ они въ его партію вошли, которая, по его разсказу, намѣрена была, если я соглашусь на извѣстный проектъ Алексѣя Петровича, собравшись придти ко мнѣ и представить мнѣ худобу онаго дѣла, и если я не соглашусь на ихъ мнѣнія, тогда убить графовъ Орловыхъ—всѣхъ четырехъ. Въ семъ Хитрово обличенъ и, по многомъ запирательствѣ, наконецъ, самъ мнѣ признался и просилъ о томъ прощенія, признавая себя и сообщниковъ въ томъ виновными. А хотя онъ тѣмъ двумъ, которыхъ онъ приглашалъ, и называлъ многихъ персонъ—Н. П. (Никиту Панина), Ал. Глѣб. (Глѣбова), Гр. Теплова, двухъ Рославлевыхъ, двухъ Барятинскихъ, двухъ Каревыхъ, двухъ Хованскихъ, Пассека, кн. Дашкова, но онъ въ томъ тѣхъ двухъ персонъ на него показательствѣ отпирается, а мнѣ признался, что онъ только съ двумя Рославлевыми да съ Ласунскимъ согласіе имѣлъ, и Николай Рославлевъ ему сказалъ, что всѣ оныя

персоны въ томъ согласны, но онъ самъ, какъ дѣло уже утихло, думаетъ, чтобъ нынѣ отложить ихъ предпріятіе. Но вѣрить не можно, что, знавъ, что то ихъ предпріятіе мнѣ будетъ въ огорченіе и, какъ они сами положили, противъ моей воли, чтобъ у нихъ не были взяты мѣры спастись отъ моего гнѣва, и посему, кажется, отдалить или арестовать надобно двухъ Рославлевыхъ да Ласунскаго. Когда же Хитрово арестовали, тогда Пассекъ и Барятинскій пріѣхали къ Орловымъ и сказали, что будто говорятъ по городу, что Орловыхъ убить хотятъ, а меня свергнуть; а когда я объ томъ ихъ спрашивала, отъ кого они такія рѣчи слышали, тогда сказали—отъ сержанта, а тотъ—отъ гренадера, и сей—отъ незнакомаго дворника, и изъ сего видно, что они дѣло супцонировали (подозрѣвали) или, лучше сказать, знали" [1].

Такъ какъ „дѣло уже утихло", то предпріятіе не имѣло смысла, и все ограничивалось отголосками старыхъ рѣчей; поднимать дѣло о несостоявшемся замыслѣ противъ Орловыхъ было неудобно, потому что его надобно было поднять въ связи съ другимъ дѣломъ. Оставалось подозрѣніе насчетъ того, какъ хотѣли соумышленники спастись отъ гнѣва императрицы, замышляя дѣйствовать противъ ея воли, и только вслѣдствіе этого подозрѣнія считалось нужнымъ, кромѣ Хитрово, удалить Рославлевыхъ и Ласунскаго. Хитрово одинъ былъ сосланъ въ свое имѣніе Орловскаго уѣзда; Ласунскій уволенъ въ отставку генералъ-поручикомъ въ 1764 году, а Рославлевъ Александръ - тѣмъ же чиномъ въ 1765. Но чѣмъ тайнѣе велось дѣло, чѣмъ менѣе оно имѣло явныхъ и ясныхъ результатовъ,—тѣмъ болѣе толковали о немъ, и, въ началѣ іюня, по московскимъ улицамъ съ барабаннымъ боемъ читали манифестъ „о молчаньи". Въ манифестѣ говорилось: „Воля наша есть, чтобъ всѣ и каждый изъ нашихъ вѣрноподданныхъ единственно прилежалъ своему званію и должности, удаляясь отъ всякихъ продерзкихъ и непристойныхъ разглашеній. Но противу всякаго чаянія, къ крайнему нашему прискорбію и неудовольствію, слышимъ, что являются такіе развращенныхъ нравовъ и мыслей люди, кои не о добрѣ общемъ и спокойствіи помышляютъ, но какъ сами заражены странными разсужденіями о дѣлахъ, совсѣмъ до нихъ не принадлежащихъ, не имѣя о томъ прямого свѣдѣнія, такъ стараются заражать и другихъ слабоумныхъ... Если сіе наше матернее увѣщеваніе и попеченіе не подѣйствуетъ въ сердцахъ развращенныхъ и не обратитъ на путь истиннаго блаженства, то вѣдалъ бы всякъ изъ таковыхъ невѣждей, что мы тогда уже поступимъ по всей строгости законовъ" [2].

О стараніи Екатерины предупреждать народные толки видно изъ слѣдующаго: архіепископъ Амвросій писалъ Бестужеву отъ 12 марта: „Объявилъ намъ синодальный г. оберъ-прокуроръ высочайшее повелѣніе, чтобъ мы по бывшемъ императорѣ Петрѣ III панихиды и публичныя поминовенія отправляли, что предъ днемъ рожденія его въ Архангельскомъ соборѣ и исполнено. Не соблаговолите ли о семъ паки доложить, ибо ежели намъ отправлять панихиды, то въ народѣ о немъ инако, нежели въ манифестахъ изображено, могутъ толковать; да и Церковь Святая отъ раскольниковъ не безъ поношенія останется". Бестужевъ доложилъ, и Екатерина написала на докладѣ: „И объ злодей Богъ приказалъ молиться, наипаче о заблужденной душѣ, а о непоминовеніи въ народѣ толки были-бъ, что онъ живъ". Но толки послышались;—Молдавскаго гусарскаго полка прапорщикъ Войновичъ показалъ, что 7 сентября, въ бытность его въ крѣпости Св. Елисаветы, зашелъ онъ въ квартиру подполковника Ездемировича, который говорилъ: „Былъ у меня вчера Мельгунова камердинеръ Иванушка и сказывалъ: у Мельгунова въ гостяхъ былъ маіоръ гвардіи Рославлевъ и съ Мельгуновымъ говорилъ, что бывшій императоръ живъ и посланъ въ Шлюшинъ (Шлюссельбургъ), и для того его послали, что Орловъ хочетъ съ государынею вѣнчаться" [3].

Екатерина окончила свое путешествіе Ярославлемъ, о которомъ писала: „Городъ Ярославль весьма всѣмъ нравится, и я почитаю его третьимъ городомъ изъ тѣхъ, которые я видала въ Россіи" [4]. Послѣднимъ дѣломъ ея пребыванія въ Москвѣ было учрежденіе Павловской больницы, по просьбѣ, какъ сказано въ указѣ, цесаревича Павла Петровича. Больница названа въ указѣ свободною; для ея помѣщенія купленъ загородный домъ генералъ-прокурора Глѣбова [5]. 14 іюня императрица выѣхала изъ Москвы, и 19 числа вечеромъ прибыла въ Царское Село, откуда, въ годовщину своего восшествія на престолъ, 28 іюня, имѣла торжественный въѣздъ въ Петербургъ.

Въ продолженіи описываемаго года Екатерина восемь разъ присутствовала въ Сенатѣ: четыре раза въ Москвѣ и четыре раза въ Петербургѣ. Москву Сенатъ оставилъ, выслушавъ слѣдующій указъ императрицы: „Гг. сенаторы! Я не могу сказать, чтобъ вы не имѣли патріотическаго попеченія о пользѣ моей и о пользѣ общей, но съ соболѣзнованіемъ должна вамъ сказать и то, что не съ

[1]) Госуд. Архивъ.—Переписка Екатер. съ Суворовымъ напечатана въ Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 289 и слѣд.—Дашкова (I, 169) вмѣсто Панина заставляетъ объясняться съ императрицею дядю своего, Воронцова, говоритъ, что Ржевскій сообщилъ Орлову о замыслѣ.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,8143.

[3]) Письмо и дѣло въ Госуд. Архивѣ. – Въ Моск. Арх. Мин. Ин. Д. сохранилось письмо Николая Рославлева изъ крѣпости Св. Елисаветы отъ 12 августа 1763 года, къ Елагину: «Государь мой братецъ, Иванъ Перфильевичъ! Если, братецъ, хочешь, помочь бѣднѣйшему и несчастливѣйшему человѣку, такъ единаго ради человѣколюбія прошу, чтобъ меня отсюда вывесть хотя умереть поближе къ Москвѣ, а я очень боленъ, кровь изъ горла идетъ и съ постели не встаю, лѣчить же некому, худой самый лѣкарь; жена бѣдная также больна да притомъ брюхата» и проч.

[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 292.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 11,855.

такимъ успѣхомъ дѣла къ концу своему приходятъ, съ какимъ желательно. Причины единственно въ томъ только и состоятъ, что присутствующіе въ Сенатѣ имѣютъ междоусобное несогласіе, вражду и ненависть, и одинъ другого дѣлъ не терпитъ, а потому и раздѣляются на партіи и стараются изыскать одинъ другому причины огорчительныя. Что-жь отъ того рождается?— одна только безпредѣльная злоба и раздоръ. Не послѣдняя причина и сія къ несогласію, что нѣкоторые порочатъ дѣла другихъ, хотя-бъ они и полезны были, для того только, что не ими сдѣланы, хотя сами однакожь ихъ никогда не сильны сдѣлать. Но въ такомъ случаѣ здраво разсудить должно, что не всѣ люди равные таланты имѣютъ"[1]). Еще раньше, въ мартѣ мѣсяцѣ, сенаторы должны были выслушать наставленіе насчетъ неприличія нѣкоторыхъ занятій для нихъ. Слушалось дѣло по злоупотребленіямъ виннаго откупа въ Иркутскѣ, и сенаторы объявили одному изъ своихъ сочленовъ, Сумарокову, что ему нельзя присутствовать при разсужденіи объ этомъ дѣлѣ, ибо онъ самъ имѣетъ винный откупъ въ Бахмутской провинціи,— на основеніи закона Петра Великаго: ежели судья равное дѣло имѣетъ съ челобитчикомъ или отвѣтчикомъ,—напримѣръ, если ищетъ кто въ обидѣ отнятаго двора, и такое же равное дѣло имѣетъ судья въ другомъ мѣстѣ, то ему не судить, чтобъ для своего примѣра дѣло не испортилъ.—Сумароковъ обидѣлся и подалъ жалобу императрицѣ, что отстраненъ несправедливо, указъ до него не касается, ибо на него никто не жалуется въ притѣсненіяхъ по откупу. Екатерина написала такое рѣшеніе на просьбу Сумарокова: „Откупъ винный въ городѣ Иркутскѣ и откупъ винный въ Бахмутской провинціи разнствуютъ тѣмъ межъ собою, что одинъ въ Сибири, а другой въ Россіи. По партикулярнымъ спорнымъ дѣламъ сенаторы выходятъ, по силѣ Петра Великаго указа, безъ огорченія изъ Сената. А если по откупнымъ дѣламъ огорчительно, то способъ оставаться въ Сенатѣ въ ихъ рукахъ"[2]), т.-е. не заниматься откупами.

Въ Петербургѣ Сенатъ получилъ указъ: „Ея и. в--ство усмотрѣла изъ поднесенной генералъ-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ, со вступленія на престолъ по 5 сего августа, состоявшихся именныхъ указахъ, что изъ оныхъ многіе, не токмо по партикулярнымъ челобитчиковымъ, но и по государственнымъ дѣламъ, еще не исполнены, по инымъ еще разсматривается. Сего ради, а паче желая, чтобъ собственные ея императорскаго величества о пользѣ государственной и о безостановочномъ правосудія теченіи неусыпные труды не оставались безъ желаемаго ея величествомъ успѣха, повелѣваетъ Сенату, исключая только свободные отъ засѣданія дни, съѣзжаться пополудни по трижды въ недѣлю до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣла исполнены будутъ". Указъ былъ объявленъ 20 августа, а 4 сентября Екатерина, присутствуя въ Сенатѣ, объявила: такъ какъ много дѣлъ уже разсмотрѣно, то съѣзжаться пополудни только разъ въ недѣлю вмѣсто трехъ, такъ какъ канцелярскіе служители, какъ она слышала, несутъ немалый трудъ[3]). Въ ноябрѣ императрица опять жаловалась на „ужасную медлительность" Сената[4]). Но она не хотѣла ограничиться жалобами. Еще 17 апрѣля данъ былъ указъ „Собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянской", о раздѣленіи Сената на департаменты, „дабы тѣмъ способомъ не одно дѣло въ Сенатѣ и въ одинъ день трактовалось, но столько производимо ихъ было, коликое число департаментовъ опредѣлится, а каждый бы департаментъ опредѣленные роды себѣ дѣлъ въ отправленіи узаконеніемъ имѣлъ"[5]). 15 декабря былъ изданъ манифестъ: „Правило неоспоримое, что всякаго государства благосостояніе основано на внутреннемъ спокойствіи и благоденствіи обитателей, и что тогда только обладатели государствъ прямо наслаждаются спокойствіемъ, когда видятъ, что подвластный имъ народъ не изнуренъ отъ разныхъ приключеній, а особливо отъ постановленныхъ надъ нимъ начальниковъ и правителей; но нельзя инаково сего достигнуть, какъ только добрымъ учрежденіемъ внутреннихъ распорядковъ и всѣхъ государственныхъ и судебныхъ правительствъ, которыя въ имперіи нашей, по состоянію нынѣшняго времени, весьма недостаточны, что можно наиболѣе всего усмотрѣть въ нашемъ Сенатѣ, въ который не только апелляціонныя, но и всякаго рода дѣла изо всего государства съ требованіемъ резолюціи вступаютъ, и который столь отягченъ множественнымъ числомъ оныхъ, что превосходитъ силы человѣческія всѣ оныя дѣла рѣшить въ надлежащее время". Вслѣдствіе этого, Сенатъ раздѣлялся на 6 департаментовъ, изъ которыхъ четыре должны были находиться въ Петербургѣ, и два въ Москвѣ, вмѣсто бывшей тамъ Сенатской Конторы. 1-й департаментъ занимался государственными внутренними и политическими дѣлами; 2-й—судными 3-й—дѣлами Малороссіи, Остзейскихъ провинцій, Финляндіи, академіи наукъ, университета, академіи художествъ, полиціи и проч.; 4-й—дѣлами военными и морскими; 5-й московскій—отправлялъ всякія государственныя текущія дѣла, какія исправляла прежде Сенатская Контора; 6-й московскій—вѣдалъ судныя дѣла, соотвѣтственно второму петербургскому. При первомъ департаментѣ оставался генералъ-прокуроръ, во всѣхъ другихъ—по оберъ-прокурору въ каждомъ. Дѣла рѣшались единогласіемъ. При невозможности соглашенія, оберъ-прокуроръ объявляетъ генералъ-прокурору, съ объясненіемъ, въ чемъ сенаторы не соглашаются, или въ чемъ самъ сомнѣвается. Тогда генералъ-прокуроръ, взявши дѣло въ первый департаментъ и созвавши всѣхъ

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,845.
[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 235.
[3]) Журналы Сената означ. чиселъ.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 324.
[5]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII 279.

наличныхъ сенаторовъ отъ прочихъ департаментовъ, предлагаетъ на общее разсужденіе. Если и сенаторы перваго департамента не будутъ согласны, то дѣло предлагается въ общемъ собраніи. Если и тутъ сенаторы не согласятся, или по дѣлу точнаго закона не будетъ, то генералъ-прокуроръ все дѣло съ сенаторскими мнѣніями и съ своимъ разсужденіемъ представляетъ императрицѣ. По тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ раздѣленъ былъ Сенатъ, раздѣлены были на департаменты Юстицъ, Вотчинная и Ревизіонъ-Коллегія и Судный Приказъ. Ревизіонъ-Коллегія была раздѣлена на 5 департаментовъ, потому что въ ней до такой степени умножилось число неревизованныхъ счетовъ, что многіе милліоны государственной казны были въ неизвѣстности. Ревизіонъ-Коллегіи было предписано имѣть главнымъ правиломъ, при свидѣтельствѣ счетовъ, смотрѣть не на одно только то, чтобъ приходъ съ расходомъ былъ вѣренъ, но смотрѣть особенно за тѣмъ, всѣ ли денежныя и прочія выдачи произведены по силѣ законовъ. Сибирскій и Розыскной Приказы и Раскольническая Контора были уничтожены [1]).

20 августа состоялся именной указъ: камеръ-юнкеру, графу Ѳедору Орлову повелѣваетъ ея императорское величество быть безпрерывно въ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ, и особливо при собраніяхъ, и мѣсто свое имѣть за генералъ-прокурорскимъ столомъ, дабы онъ слушаніемъ дѣлъ и разсужденій сенаторскихъ, также чтеніемъ и собственнымъ иногда сочиненіемъ текущихъ резолюцій и всего того, что̀ для лучшаго пріобрѣтенія себѣ знанія дѣлъ за потребно найдетъ, навыкалъ бы быть искуснымъ и способнымъ впредь къ службѣ ея императорскаго величества по сему мѣсту [2]).

Екатерина требовала особенной и согласной дѣятельности Сената въ искорененіи злоупотребленій въ областномъ управленіи, въ искорененіи взяточничества. Въ приведенномъ выговорѣ Сенату за несогласіе она выставляла въ примѣръ дѣло о Калужскомъ воеводѣ Мясоѣдовѣ. По этому дѣлу сохранилась любопытная записка императрицы къ генералъ-прокурору Глѣбову: „По Мясоѣдову дѣлу, кой часъ пріѣду въ городъ, соберу Сенатъ и сама господъ сенаторовъ въ полномъ собраніи намѣрена согласить и всякаго выслушавъ, а инако скажутъ, что тотъ или другой по клочкамъ меня рвутъ“ [3]). Екатерина боялась слуховъ, что сенаторы стараются наединѣ представлять ей свои мнѣнія и склонять на свою сторону. Изъ этого уже видно, какой сильный интересъ возбуждало это дѣло. Мясоѣдовъ, товарищъ его, секретарь и канцеляристъ были уличены и сами признались во взяткахъ по подрядамъ; Мясоѣдовъ и товарищъ его были лишены чиновъ и сосланы въ деревни; секретаря—написали вѣчно въ копіисты и сослали въ отдаленный городъ: канцеляристъ — высѣченъ плетьми и отданъ въ солдаты въ отдаленный гарнизонъ [4]).

Не менѣе заботъ стоило Екатеринѣ дѣло о Смоленскомъ губернаторѣ Аршеневскомъ, обвиненномъ во взяткахъ. Опять несогласіе между сенаторами, опять толки, которые вызвали такую записку Екатерины къ Глѣбову: „Когда не накажешь людей, говорятъ: „послабленіе“; когда же накажешь, тогда говорятъ: „строго“. Пускай Аршеневскій останется до моего пріѣзда безъ чиновъ, и тогда въ Сенатъ пріѣду съ вышеописанными рефлекціями, да облечу сентенцію. Я чаю, порочатъ оный поступокъ или тѣ, у кого совѣсть нечиста, или тѣ, которые не сочиняли, или мнѣ не совѣтовали въ резолюціи. Есть у насъ родъ людей, которые все то порочатъ, гдѣ они не признаны были вмѣсто оракула, а оракула дѣло опять порочатъ генерально все“ [5]). Мысль, что у многихъ совѣсть не чиста, не оставляла Екатерину; такъ, узнавши, что Тверь выгорѣла, она писала къ Глѣбову: „Старайтесь о вспоможеніи симъ несчастнымъ людямъ; я думаю, многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли“ [6]).

Сенаторы, князь Яковъ Шаховской и графъ Скавронскій, объявили въ Сенатѣ письма, полученныя ими отъ Коломенскаго епископа Порфирія: епископъ жаловался на Коломенскаго воеводу Ивана Орлова, что онъ дни и ночи проводитъ въ пьянствѣ, въ канцеляріи мало бываетъ, да и то приходитъ пьяный же; что колодниковъ въ тюрьмѣ больше ста человѣкъ, а рѣшенія нѣтъ никакого; онъ же, Орловъ, оставя канцелярію и городъ никому не приказавъ, самовластно уѣхалъ въ Москву на маскарадъ [7]).

Это были дѣла новыя; но было еще старое дѣло,—о знаменитомъ иркутскомъ слѣдователѣ Крыловѣ [8]). Мы видѣли, что по слѣдствію, произведенному Крыловымъ, иркутскіе купцы повинились въ расхищеніи 150,000 рублей казенныхъ денегъ. Но когда началось дѣло о насильственныхъ поступкахъ самого Крылова, купцы стали показывать, что повинныя ихъ были вымучены пытками, причемъ Крыловъ дѣйствовалъ въ интересахъ бывшаго тогда оберъ, а теперь генералъ-прокурора Глѣбова. Глѣбовъ взялся ставить вино въ Иркутскѣ: купцы представили, что цѣна, по которой онъ договорился ставить вино, гораздо дороже той, какая оказывается по десятилѣтней сложности. Кромѣ того, купцы оцѣнили казенные винные заводы гораздо дороже, чѣмъ Глѣбовъ хотѣлъ ихъ взять за себя; такимъ образомъ посылка Крылова оказывалась личною местью Глѣбова иркутскимъ купцамъ. Кромѣ Глѣбова, оказался виновнымъ и весь Сенатъ, который позволилъ вести дѣло неправильнымъ образомъ: отдалъ кабацкіе

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,989.
[2]) Журналы Сената.
[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 11,869.
[5]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 286.
[6]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 285.
[7]) Журналы Сената, 8 января.
[8]) См. выше «Исторія Россіи» т. XXIV, кн. V, стр. 1182, 1237 и 1238.

сборы Глѣбову на откупъ, безъ всякихъ должныхъ справокъ. Когда Глѣбовъ донесъ о злоупотребленіяхъ иркутскаго купечества и присоединилъ свои частныя жалобы на него, то Сенатъ назначилъ слѣдствіе, тогда какъ оберъ-прокуроръ не имѣлъ никакого права мѣшаться въ частныя дѣла, а какъ обиженный долженъ былъ искать суда въ опредѣленныхъ закономъ мѣстахъ. Крыловъ былъ отправленъ изъ Сенатской Конторы, и доношенія свои присылалъ прямо въ Сенатъ; за такой безпорядокъ Сенатъ наградилъ его тысячью рублями и тѣмъ поощрилъ его къ дальнѣйшимъ беззаконнымъ поступкамъ. Прошеніе, присланное вице-губернаторъ Иркутскимъ, Вольфомъ, на имя императрицы Елисаветы, Сенатъ удержалъ и не велѣлъ изслѣдовать, такимъ образомъ печать на прошеніи оказалась подрѣзанною. Когда иркутскіе купцы повинились въ растратѣ казенныхъ денегъ, то самовольно простилъ имъ знатную сумму денегъ. Такъ какъ сенаторы, причастные этимъ безпорядкамъ, одни умерли, другіе вышли въ отставку, то императрица простила оставшихся въ живыхъ, подведя ихъ подъ милостивый манифестъ по случаю ея коронаціи, предавая ихъ единственно угрызеніямъ совѣсти.

Относительно генералъ - прокурора Глѣбова императрица усмотрѣла, какъ мало онъ имѣлъ старанія о правильномъ производствѣ дѣлъ и о казенномъ интересѣ, и ко всему беззаконному производству этого дѣла единственно подалъ поводъ своимъ неправильнымъ доношеніемъ и принадлежавшее казнѣ при откупѣ приращеніе обратилъ на собственный прибытокъ, за что и подлежалъ не только лишенію всѣхъ чиновъ, но и большему наказанію; однако, вслѣдствіе того же милостиваго манифеста, онъ былъ только удаленъ навѣки отъ всѣхъ должностей съ чиномъ генералъ-поручика. Крыловъ, за долговременное содержаніе въ оковахъ, освобожденъ отъ смертной казни, высѣченъ кнутомъ въ Иркутскѣ и сосланъ на вѣчную каторгу. Но сама императрица объявила, что эти приговоры послѣдовали тогда, какъ слѣдствіе къ законному окончанію не приведено: „Однако", говоритъ она, „мы нашли въ немъ довольно обстоятельствъ, ясно открывающихъ истинное состояніе сего дѣла, чего ради за справедливое почли рѣшить оное по видимымъ въ немъ окрестностямъ (обстоятельствамъ), нежели входить въ законный порядокъ, и тѣмъ вновь начинать слѣдствіе, а чрезъ то и такъ уже много претерпѣвшимъ иркутскимъ купцамъ призывомъ ихъ сюда, для улики и очныхъ ставокъ, сдѣлать еще болѣе отягощенія" [1]).

Оказались также слѣды стараго дѣла о злоупотребленіяхъ Воронежскаго губернатора Пушкина, которое велѣлъ потушить Петръ III. Капитанъ Кара повинился, что въ 1758 году регистраторъ Савиновъ далъ ему знать, что Пушкинъ приказываетъ ему, Кара, объявить бирюченскимъ обывателямъ, чтобъ они собрали 1,000 рублей денегъ ему, губернатору, и за то съ ними благосклонность учинена будетъ; обыватели добровольно деньги собрали и съ нимъ въ Воронежъ послали. Потомъ Пушкинъ приказалъ, чтобъ Бирюченцы отдали поклонъ вице-губернатору Кошелеву,—и бирюченскіе уполномоченные подарили Кошелеву 300 рублей. Наконецъ Пушкинъ потребовалъ съ той же Бирючьей слободы 500 рублей, чтобъ отъ проѣзжающихъ командъ разоренія не было. Ассесоръ Вельяминовъ повинился, что изъ получаемыхъ имъ при лѣсномъ смотрѣніи денегъ далъ Пушкину 300 рублей, да адъютанту его 100 рублей [2]).

Князь Александръ Алекс. Вяземскій, отправленный для усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ и имѣвшій также порученіе присматриваться къ ходу управленія, доносилъ: „Выѣхавъ изъ Казани, старался я въ разнородныхъ деревняхъ развѣдать о поведеніяхъ казанской канцеляріи; вездѣ я нашелъ не только подтвержденіе донесенному уже о мздоимствахъ, но нашелъ еще и то, сколько собираемо было съ каждой души ясачныхъ крестьянъ для поднесенія приказнымъ служителямъ за поданныя въ прошедшемъ году къ будущей ревизіи сказки, и сколько собирается на вальдмейстеровъ при каждомъ ихъ посѣщеніи. Въ татарской деревнѣ, называемой Агрызы, два сотника увѣряли, что за поданныя сказки разошлось по 9 и 10 коп. съ души; а съ Вотяковъ, какъ съ людей очень простыхъ и добросовѣстныхъ,—и болѣе. Вальдмейстеру, въ каждый его пріѣздъ, собирается по 3 и 4 коп. съ души, а съ Вотяковъ—по 4 и 5 коп. Когда я спросилъ, за что же они такіе большіе подарки даютъ, то получилъ въ отвѣтъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ поупрямились они своею сотнею и не дали ничего вальдмейстеру, который за то репортовалъ, что они рубятъ заповѣдный дубовый лѣсъ, и губернская канцелярія, не принимая ихъ оправданія, взыскала штрафа 800 рублей;—такъ они теперь уже и даютъ подарки, потому что, хотя никакого дубоваго лѣса вальдмейстеръ не найдетъ, то смотритъ сани и, найдя дубовыя полозья, репортуетъ въ губернскую канцелярію о порубленномъ дубѣ. По прибытіи моемъ изъ Сибирской губерніи въ Оренбургскую, развѣдалъ я, что лихоимство нижнихъ губернскихъ чиновъ не менѣе прочихъ: главный между ними надворный совѣтникъ Каптяжевъ, который, по слухамъ, не давалъ безъ взятки жалованья нижнимъ чинамъ. Въ Симбирскѣ нынѣшнимъ воеводою подовольнѣе, но сильно негодованіе дворянства на бывшаго воеводу, князя Назарова, который самъ старался заводить между дворянствомъ ссоры и послѣ безпримѣрными взятками пользовался; по воровскимъ и разбойническимъ дѣламъ приметывался и разорялъ до самой крайности съ мучительствомъ" [3]).

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. I, 218; неудачное оправданіе Глѣбова см. тамъ же, VII, 340.

[2]) Журналы Сената, 13 ноября.

[3]) Донесеніе въ Гос. Архивѣ.

При изложеніи Русской исторіи XVIII вѣка мы имѣли возможность замѣтить, что не отъ однихъ воеводъ страдали города. Сильный своимъ богатствомъ обыватель, „мужикъ горланъ", по старому выраженію, не считалъ себя обязаннымъ сдерживаться относительно слабѣйшихъ, особенно когда достигалъ главнаго мѣста въ городѣ,—мѣста магистратскаго президента; онъ составлялъ себѣ сильную партію и надѣялся, что она его поддержитъ. Но случалось, что онъ встрѣчался въ городѣ съ другимъ мужикомъ-горланомъ, который такъ-же имѣлъ сильную партію и не хотѣлъ уступить: тутъ-то начиналась ожесточенная борьба между этими Борецкими XVIII вѣка, причемъ и вооруженныя нападенія одной партіи на другую усиливали сходство съ явленіями изъ жизни Великаго Новгорода. Замѣчается и еще сходная черта: въ борьбѣ видны партіи лучшихъ и меньшихъ людей. Въ описываемое время мы не можемъ обойти одного любопытнаго явленія въ этомъ родѣ.

Въ Орлѣ магистратскимъ президентомъ былъ богатый купецъ Димитрій Дубровинъ. По жалобамъ гражданъ на его насилія, Главный Магистратъ смѣнилъ Дубровина. Противная партія, которая, какъ видно, устроила все дѣло, воспользовалась своимъ торжествомъ и вынесла въ президенты своего вождя, Кузнецова. Но Дубровинъ и его партія не хотѣли уступить. Сынъ Дубровина, Михайла, человѣкъ извѣстный, портовыхъ таможенъ директоръ, отъ имени отца своего, подалъ въ Сенатъ челобитную на неправое рѣшеніе Главнаго Магистрата въ отрѣшеніи отца его отъ президентства, по доносу орловскаго купца Николая Кузнецова, который показывалъ, что онъ, Михайло Дубровинъ, содержалъ въ Орлѣ кружечный дворъ; а самъ онъ, Николай Кузнецовъ, въ бытность брата его, Степана, президентомъ, вмѣстѣ съ нимъ обижалъ и разорялъ все купечество, въ доказательство чего Мих. Дубровинъ приложилъ отъ орловскаго купечества челобитную, за подписью 142 человѣкъ. Въ этой челобитной президентъ Дубровинъ одобрялся, о Кузнецовѣ же говорилось, что онъ какъ прежде, такъ и теперь производитъ безпокойства и купечество разоряетъ, отчего они, купцы, не желаютъ, чтобъ онъ и оставался между ними, тогда какъ Дубровинъ и прежде купечество защищалъ и теперь защищаетъ; показываемое Кузнецовымъ на него подозрѣніе, будто сынъ его содержитъ кружечный дворъ, недѣйствительно, потому что Мих. Дубровинъ отъ того отрекся. Вь заключеніе купцы просили доносу Кузнецова не вѣрить, и его изъ купечества выключить, а быть президентомъ Димитрію Дубровину. Но въ слѣдъ затѣмъ явилась въ Сенатъ челобитная 150 человѣкъ орловскихъ купцовъ, которые писали о Кузнецовѣ, что онъ человѣкъ добрый и первостатейный купецъ, и не только за себя, но и за прочихъ неимущихъ и умершихъ платитъ поборы бездоимочно, въ чемъ имѣетъ квитанціи: потому просятъ не исключать его изъ купечества и показанію Дубровина не вѣрить, потому что его челобитная неправильная, руки къ ней приложены безъ совѣта первостатейныхъ купцовъ по дворамъ, рядамъ и улицамъ, не давая прочитывать, а объявляя обманомъ, что въ пользу купечества. Получивши такія противорѣчивыя челобитныя, Сенатъ приказалъ послать въ Орелъ оберъ-офицера и съ нимъ члена московскаго магистрата: пріѣхавши въ городъ, они должны собрать на сходъ все наличное орловское купечество первой и второй статьи, кромѣ Дубровина и Кузнецова, и взять съ нихъ подписки, кто кого желаетъ въ президенты —Дубровина или Кузнецова [1]).

Какъ видно, эта посылка почему-то не состоялась, и орловскіе соперники управлялись сами. Дубровинъ опять сдѣлался президентомъ, и о Кузнецовѣ поднято было дѣло прошлаго 1762 года: 5 февраля этого года человѣкъ 200, собравшись разбоемъ къ однодворческому правленію, били караульныхъ смертно и отводили въ домъ орловскаго купца и суконнаго фабриканта Кузнецова; потомъ приходили опять ночью, выломали ворота и изъ караульной избы увезли рекрута, а прочихъ колодниковъ распустили. Въ этомъ разбоѣ участвовали фабричные и приказчикъ Кузнецова; а орловскіе однодворцы объявляютъ, что прочіе ихъ братья однодворцы, отбывая очередныя службы, укрываются у Кузнецова, будто заживаютъ долги по векселямъ [2]). Но въ концѣ года печальная участь постигла торжествующаго, повидимому, Дубровина. Генералъ-прокуроръ представилъ Сенату въ пакетѣ прошеніе его, написанное на трехъ разныхъ лоскуткахъ; Дубровинъ жаловался на орловскую провинціальную канцелярію, которая безо всякой причины, какъ видно только по проискамъ купцовъ Кузнецовыхъ, захватя его, держитъ подъ карауломъ, не давая ни бумаги, ни чернилъ, такъ-что онъ и эту челобитную едва могъ написать въ 8 дней, собирая бумагу по лоскуткамъ. Сенатъ приказалъ Сенатской Конторѣ потребовать отъ орловской провинціальной канцеляріи отвѣта, для чего Дубровина такъ крѣпко держатъ, что бумаги и чернилъ не даютъ [3]). Дѣло объяснилъ Московскій генералъ-губернаторъ, графъ Салтыковъ, въ вѣдомствѣ котораго находилась и Орловская провинція. По доношенію Салтыкова, отъ 17 ноября, Дубровинъ „производилъ въ Орлѣ притѣсненія, грабежи, смертоубійства, расхищенія казны, за что Главнымъ Магистратомъ и былъ отрѣшенъ отъ присутствія, но, несмотря на то, правилъ президентскую должность своевольно; во время этого нахальнаго правленія, фабрика купца Кузнецова товарищами Дубровина разграблена и разорена, бывшіе на ней работники разогнаны, избиты и переувѣчены. Кузнецовъ жаловался въ Сенатскую Контору, которая и послала указъ къ находящемуся тамъ полковнику кирасирскаго полка, Давыдову,

[1]) Журналы Сената, 25 февраля.
[2]) Журналы Сената, 2 іюня.
[3]) Журналы Сената, 17 ноября.

изслѣдовать все дѣло вмѣстѣ съ Орловскимъ воеводою и съ депутатомъ отъ Главнаго Магистрата, а Дубровина съ сообщниками взять подъ караулъ; для пресѣченія непорядковъ и для возстановленія тишины разставить въ городѣ частые пикеты, почему онъ, Дубровинъ, и взятъ подъ караулъ. А какъ между тѣмъ кирасирскій полкъ въ походъ выступилъ, то мятежники ходятъ и понынѣ, такъ какъ и прежде, въ великомъ множествѣ съ заряженными ружьями и дубьемъ, бьютъ смертно и увѣчатъ всѣхъ тѣхъ, которые съ ними не согласны А сынъ Дубровина, Михайла, съ шестью человѣками приходилъ къ воеводѣ въ домъ и требовалъ отъ него, угрожая побоями, чтобъ освободилъ отца его. Получивъ отказъ, бѣжалъ въ Москву, гдѣ, по приказанію моему, былъ взятъ въ полицію съ пятью сообщниками. Но вчера, поутру, пріѣхалъ ко мнѣ генералъ-полицїймейстеръ Юшковъ и сказалъ, что третьяго-дня, 15 числа, будучи въ гостяхъ у сенатора Воронцова (Ив. Лар.), видѣлъ Дубровина тамъ же въ компаніи; а вчера вечеромъ генералъ-полицїймейстеръ мнѣ донесъ, что Дубровинъ изъ полиціи бѣжалъ" [1]).

Въ то же время императрица приказала учредить особую коммисію для изслѣдованія по жалобамъ, пришедшимъ изъ Мценска. Тамошній воевода Емельяновъ жаловался на азартные поступки съ нимъ купцовъ; Муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Овиновъ жаловался, что его и съ нимъ гренадеръ его въ мценскомъ магистратѣ били и отняли шпаги; а магистратъ, въ свою очередь, жаловался, что Овиновъ приходилъ въ магистратъ съ командою и вытащилъ бургомистра изъ магистрата, причемъ солдаты едва не порубили магистратскихъ судей обнаженными шпагами и столъ судейскій съ зерцаломъ и дѣлами повалили [2]).

Неудивительно было, что грубость нравовъ производила такія явленія въ отдаленныхъ областяхъ, когда та же грубость нравовъ высказывалась рѣзко и въ указахъ коллегій. Дворянинъ Прокофій Демидовъ жаловался императрицѣ, что въ указѣ, данномъ ему изъ Бергъ-Коллегіи, сдѣлано ему напрасное поношеніе бранными словами: названъ онъ „душевредникомъ и непримиримую злобу имѣющимъ человѣкомъ". Екатерина приказала разсмотрѣть въ Сенатѣ, правильно ли рѣшено дѣло Демидова въ Коллегіи, а за неприличную брань сдѣлать Коллегіи выговоръ, приказавъ ей возвратить всѣ разосланные въ поношеніе его указы, и во всѣ судебныя мѣста подтвердить, чтобъ отнюдь въ указахъ и повелѣніяхъ никогда не было употребляемо брани и словъ поносныхъ [3]).

Правительство именно могло содѣйствовать смягченію этой грубости нравовъ, преслѣдуя ея проявленія въ сферахъ административной и судебной. Мы видѣли, какъ при Елисаветѣ старались ограничить случаи пытки. При Екатеринѣ, которая такъ внимательно прислушивалась къ тому, что говорила европейская наука, разумѣется, движеніе въ этомъ смыслѣ не могло остановиться. Въ первое присутствіе свое въ Сенатѣ въ этомъ году Екатерина повелѣла: преступниковъ обращать къ чистому признанію больше милосердіемъ и увѣщаніемъ, особенно же изысканіемъ происшедшихъ въ разныя времена околичностей, нежели строгостію и истязаніями; стараться, какъ возможно, при такихъ обстоятельствахъ, уменьшить кровопролитіе; если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать; однако въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить,—отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, и тутъ поступать съ крайнею осторожностію, чтобъ какъ-нибудь вмѣстѣ съ виновными и невинные не потерпѣли напраснаго истязанія. Всѣхъ тѣхъ, которые дойдутъ до пытокъ, прежде увѣщевать ученымъ священникамъ, чтобъ признались; а такъ какъ по инымъ городамъ ученыхъ священниковъ нѣтъ, то для увѣщанія сочинить особенную книжку [4]).

„Чтобъ какъ-нибудь невинные не потерпѣли вмѣстѣ съ виноватыми", говорила императрица. Но невинные постоянно страдали вмѣстѣ съ виновными; невинныя жена и дѣти преступника наказывались конфискаціею имущества, осуждались ходить по міру. Екатерина смягчила и эту жестокость закона. Въ описываемое время рѣшено было еще печальное для Сената дѣло, кромѣ Глѣбовскаго. Оберъ-секретарь Сената, Брянчаниновъ, и секретарь Веймарнъ уличены были въ утаеніи алмазныхъ вещей и золотой табакерки графа Алекс. Петр. Бестужева-Рюмина во время его опалы. Императрица утвердила такой приговоръ преступникамъ: Брянчанинова, лиша чиновъ, вывесть на площадь предъ Сенатомъ и Коллегіями съ надписью на груди: „Преступникъ указовъ и мздоимецъ", и поставить у столба на четверть часа, потомъ заключить въ тюрьму на полгода и впередъ ни къ какимъ государственнымъ дѣламъ, ни къ дѣлу народному, ни къ партикулярному не допускать; секретаря Веймарна, въ уваженіе достоинствъ и службы генералъ-поручика того же имени, лиша чиновъ, посадить на двѣ недѣли на хлѣбъ и на воду, потомъ заключить на полгода въ тюрьму, послѣ чего никуда не принимать, а имѣніе ихъ отдать женамъ и дѣтямъ, раздѣля по закону [5]).

Въ данномъ случаѣ конфискаціи не послѣдовало, имѣніе преступниковъ отдано было ихъ семействамъ, но только въ данномъ случаѣ. Желали отмѣны конфискаціи навсегда,—закономъ; желало этого дворянство, которое не могло успокоиться на манифестѣ о вольности дворянской Петра III, по неполнотѣ и неопредѣленности дарованнаго.

Между записками Екатерины Н. И. Панину сохранилась одна, въ которой императрица говоритъ о ропотѣ дворянства на то, что вольность его

[1]) Донесеніе въ Госуд. Арх.
[2]) Журналы Сената, 7 ноября.
[3]) Журналы Сената, 31 іюля.

[4]) Журналы Сената, 15 января.
[5]) Журналы Сената, 23 октября.

не конфирмована, и потому, пишетъ она, „надлежитъ о томъ не позабыть приступъ сдѣлать".

Приступъ былъ сдѣланъ назначеніемъ коммисіи о дворянствѣ, членами которой были: фельдмаршалъ графъ Бестужевъ-Рюминъ, гетманъ графъ Разумовскій, канцлеръ графъ Воронцовъ, сенаторы—князь Як. Петр. Шаховской и Панинъ, генералъ-аншефы—графъ Захаръ Чернышевъ и князь Мих. Волконскій и генералъ-адъютантъ графъ Григорій Орловъ; дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ. 11 февраля коммисія была созвана во внутренніе покои ея императорскаго величества; Екатерина вышла и передала Теплову свой собственноручный указъ, который онъ прочелъ вслухъ предъ собраніемъ: „Бывшій императоръ Петръ III-й", говорилось въ указѣ, „далъ свободу благородному россійскому дворянству. Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ ту свободу, нежели общая Отечества польза и наша служба теперь требовать могутъ, при перемѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества, то мы вамъ повелѣваемъ: собравшись вмѣстѣ у Двора нашего, оный актъ разсмотрѣть и, для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло-бы получить въ потомки свои изъ нашей руки новый залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія. А чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ, при распоряженіи правъ свободы дворянской, учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго Отечества" [1]).

Изъ мнѣній членовъ коммисіи до насъ дошло мнѣніе старика Бестужева. Чтобъ заставить дворянина служить, Бестужевъ полагалъ дворянамъ, служившимъ не менѣе семи лѣтъ, дать преимущество предъ вовсе неслужившими: послѣднимъ запретить покупать недвижимое имѣніе и заставить ихъ уступать мѣсто послѣднему оберъ-офицеру, дабы дворяне не пришли въ нерадѣніе о произведеніи себя и въ древнюю лѣность. Между правами дворянства Бестужевъ полагалъ: не брать дворянина подъ караулъ безъ предварительнаго судебнаго приговора; освободить его отъ пытки и конфискаціи имѣнія; дозволить ему на судѣ выбрать адвокатомъ другого дворянина; дать дворянамъ безпредѣльную власть надъ крестьянами и крѣпостными людьми; отъ крестьянъ и холопей не принимать никакихъ прошеній и доносовъ на господъ и не допускать въ свидѣтели. Чтобъ уволенное изъ службы дворянство, живя въ своихъ деревняхъ, не проводило время въ вредной праздности и безпечности,—полезно сдѣлать такое постановленіе: пусть эти дворяне избираютъ попремѣнно между собою ландратовъ, которые, по представленіи ихъ отъ общества Сенату и по полученіи отъ Сената подтвержденія, должны имѣть въ своемъ вѣдомствѣ принадлежащіе тому дворянскому обществу уѣзды и въ нихъ исправлять все потребное какъ для службы государственной, такъ и для пользы дворянства, разбирая притомъ между дворянами споры и ссоры. Такіе ландраты были бы своему обществу во всемъ опекунами и ходатаями по судебнымъ земскимъ мѣстамъ въ причиняемыхъ иногда дворянамъ утѣсненіяхъ и обидахъ; а чтобъ еще болѣе уволенное дворянство отвратить отъ праздности, то можно-бъ было дать ему волю избирать между собою достойныхъ людей къ замѣщенію мѣстъ губернаторскихъ товарищей, воеводъ и воеводскихъ товарищей.

Бестужевъ понялъ смыслъ Наказа, даннаго Екатериною коммисіи, -пріискать средство для привлеченія дворянъ къ службѣ при уничтоженіи обязательной службы: „чтобъ благоразумная политика была всему основаніемъ, то надлежитъ при распоряженіи правъ свободы дворянской учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли ихъ честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго Отечества". Но коммисія, взявъ въ основаніе требованія Бестужева относительно правъ дворянскихъ, отстранила въ своемъ докладѣ все то, что онъ говорилъ о необходимости выборной службы для дворянъ, живущихъ по деревнямъ, и распространилась о томъ, что не должно стѣснять дворянской вольности ничѣмъ другимъ, кромѣ **вкорененнаго уже** воспитаніемъ честолюбія: „Дворянство", говорилось въ докладѣ, „любочестіемъ столь много уже движется, что нѣтъ ни малаго сумнѣнія, чтобъ просвѣщеніе увидѣвшіе дворяне, или уже и родившіеся въ томъ, обратились къ прежнему нерадѣнію о службѣ, но всякъ самъ старается сына своего и сродника въ оную вмѣстить, такъ-что едва ли и мѣста довольно желающимъ службы остается. Всякъ за милость признаваетъ, когда онъ только къ службѣ допущенъ, а особливо въ нынѣшнее премудрое правленіе вашего императорскаго величества, столь трудолюбивой и пекущейся объ отечествѣ всемилостивѣйшей государыни, достойный дворянинъ и старающійся объ отличеніи своемъ коснѣть къ службѣ не можетъ". Но льстивая фраза не могла успокоить раздраженія Екатерины, когда она увидала такое явно невѣрное представленіе о тогдашнемъ дворянствѣ. Раздраженіе высказалось въ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя мѣста доклада. Напримѣръ, коммисія, настаивая на необходимость для русскаго дворянина выѣзжать за-границу и вступать въ службу иностранныхъ государствъ, говорила: „Ничто такъ не приводитъ военнослужащаго въ совершенное знаніе его должности, ничто такъ не вкореняетъ въ него храбрость и честолюбіе, какъ многіе добрые примѣры, подражаніе и экспересіенція". Екатерина написала на полѣ. „NB: А ничто такъ, какъ въ Парижѣ по спектаклямъ и въ вольныхъ домахъ шататься". Далѣе коммисія говоритъ. „Безпреко-

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 232.

словно всѣ согласуютъ, что дворянинъ, во многихъ арміяхъ (иностранныхъ) служа, почитается за генерала искуснаго". Екатерина написала: „Есть бродяга".

Недовольная докладомъ коммисіи, императрица оставила дѣло безъ рѣшенія до 1785 года; а между тѣмъ извѣстія, которыя она получала изъ-за границы о поведеніи тамъ русскихъ дворянъ, утверждали ее въ мнѣніи, что коммисія слишкомъ зашла впередъ. Такъ, между прочимъ, она писала вице-канцлеру кн. Голицыну: „Князь Александръ Михайловичъ, меня просятъ, дабы я вывезла изъ Парижа Димитрія Мих. Матюшкина, который тамъ во всемъ разорительную и развращенную жизнь ведетъ. Я все оное напередъ пророчествовала, но меня не послушали. Прикажите писать, чтобъ онъ сюда безъ замедленія ѣхалъ" [1]). Этотъ примѣръ не былъ единственнымъ.

Кромѣ постановленія о вольности дворянской, требовавшаго пересмотра, отъ Петра III оставалось постановленіе о раскольникахъ 29 января, утверждавшее за ними свободное отправленіе вѣры, съ указаніемъ на магометанъ и идолопоклонниковъ, не терпящихъ никакого притѣсненія въ ихъ вѣрѣ. Указъ возбудилъ сильныя надежды раскольниковъ, которые обращались теперь къ Екатеринѣ съ новыми требованія. Дѣло было передано въ Синодъ; но Синодъ медлилъ по важности и трудности дѣла. Отъ 28 февраля сохранилась записка императрицы къ Глѣбову: „Александръ Ивановичъ, разбуди преосвященныхъ Новгородскаго и Псковскаго объ раскольническомъ дѣлѣ, что они хотѣли написать: я отъ оныхъ людей (т.-е. отъ раскольниковъ) еще сегодня просительное письмо получила" [2]). Преосвященные — Димитрій Новгородскій и Гедеонъ Псковскій—подали мнѣніе: „Пастыри Россійской вѣры крайнее стараніе прилагали и прилагаютъ о единствѣ вѣры не только относительно догматовъ и обрядовъ, и многія книги ими сочинены на показаніе самой истины; но кроткіе способы не великое возъимѣли дѣйствіе. Тогда, также ревностію приведены, пастыри стали устранять клятвою и отсѣченіемъ отъ Церкви совершеннымъ; но и это средство не помогло. И такъ, по примѣру искусныхъ врачей, которые, когда одно лѣкарство не пользуетъ, другимъ цѣлить болѣзнь стараются, и намъ слѣдуетъ теперь помышлять о другомъ способѣ собрать заблудшихъ овецъ. Теперь хотятъ они возвратиться, но требуютъ сохраненія нѣкоторыхъ только своихъ обрядовъ, семи просвиръ, двуперстнаго сложенія и проч., обѣщая во всемъ другомъ повиноваться Церкви и принимать нашихъ священниковъ. Первый вопросъ здѣсь: можемъ ли мы это позволить, когда эти обряды на Соборахъ прокляты? Отвѣчаемъ: не обряды, но больше содержащіе ихъ сей клятвѣ подвергаются, и то не за обряды точно самые, но за сопротивленіе ихъ Св. Церкви и отторженіе самовольное отъ нея, а паче еще за произносимыя отъ многихъ изъ нихъ на оную хулы и ругательства разныя, въ чемъ и мы правильную находимъ причину; если же бы за одни обряды проклятіе то было положено, то была-бъ причина почитать оное за недѣйствительное и отъ непомѣрной не по разуму ревности происходящее. По апостолу Павлу, по нуждѣ и закону примѣненіе бываетъ, то уже примѣненіе обрядовъ или обычаевъ не больше ли измѣненія въ вѣрѣ причинять не должно? Пусть только они во всемъ, хотя кромѣ обрядовъ, будутъ съ Православною нашею Церковію единомысленны, то въ такомъ случаѣ и нѣтъ сомнѣнія, что ихъ принять и присоединить православному нашему обществу, а прочее устроитъ Богъ. И сіе есть мнѣніе наше. Уповаемъ, что и прочіе братія наши и сопастыри Св. Церкви по сей причинѣ согласны въ томъ быть имѣютъ, а когда и соборное разсужденіе приложится къ сему нашему разсужденію, то какъ ему придастся твердость, такъ и восторжествовать имѣетъ несумнѣнно вся Церковь о спасеніи отлученныхъ чадъ своихъ".

Но двое другихъ преосвященныхъ, Гавріилъ Петербургскій и Амвросій Крутицкій, подали особое мнѣніе: „Принять раскольниковъ и содержать безъ всякаго притѣсненія можно только на такомъ основаніи, какъ здѣшніе записные раскольники содержатся. А чтобъ позволить имъ на все то, чего они требуютъ, а именно: допустить имъ строить церкви особыя, держать поповъ своихъ, имѣть старопечатныя книги и при тѣхъ же обрядахъ жить, какъ они понынѣ за рубежемъ живутъ,—того дозволять предосудительно. Синкретизмъ, или допущеніе разныхъ вѣръ, въ самодержавное государство отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, потому что ничто такъ не обовязуетъ подданныхъ къ своему государю, какъ единовѣріе съ нимъ; вопреки же, разность въ вѣрѣ за весьма опасную поставляется. Чего избѣгая, многіе государи у себя возникшихъ разновѣрцевъ всячески истребляли и истребляютъ. Ежели дозволить имъ церкви особыя строить и поповъ особыхъ имѣть, то архіереевъ особыхъ же дозволить слѣдуетъ, которые не захотятъ отъ насъ святиться, и потому раскольники начнутъ или бѣглыхъ изверговъ нашихъ принимать, или сами ставить. И такъ Церковь въ Россіи можетъ раздаться надвое. Еще въ разсужденіе приходитъ и сіе: не кроется ли здѣсь какой обманъ, и не подаютъ ли поводу имъ заграничнымъ наши домашніе раскольники домогаться такихъ кондицій и привилегій? Ибо чтобъ заграничнымъ возвращаться въ Россію нужды крайней не предвидится для того, что они тамъ всякую свободу имѣютъ и какъ хотятъ, такъ вѣруютъ и живутъ. Правда, что въ Россійской имперіи инославнымъ христіанскимъ религіямъ кирхи публичныя, такъ и магометанамъ свои мольбища имѣть позволяется: но то раскольникамъ не въ примѣръ, ибо отъ тѣхъ нашимъ Пра-

[1]) Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письмо къ Голицыну отъ 5 іюня 1763 г.

[2]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.

вославнымъ никакого повреждения не происходитъ" [1]).

Трудное дѣло остановилось; но путь къ такъ называемому „единовѣрію" уже былъ проложенъ 15 сентября Сенатъ и Синодъ имѣли общую конференцію по вопросу, изложенному въ именномъ указѣ: такъ какъ въ указѣ о ревизіи не опредѣлено о потаенныхъ раскольникахъ, какой имъ платить окладъ,—для того имѣть Сенату разсужденіе въ общей конференціи съ Синодомъ. Синодъ объявилъ, что опредѣленіе оклада для раскольниковъ есть дѣло свѣтское, и потому предоставляется Правительствующему Сенату, съ тѣмъ однако, что тѣхъ, которые Православной Церкви не чуждаются и принимаютъ таинства отъ православныхъ священниковъ, а только крестятся двоеперстнымъ сложеніемъ,—отъ входа церковнаго и таинствъ не отлучать [2]).

По докладу коммисіи о духовныхъ имѣніяхъ учреждена была снова Коллегія Экономіи духовныхъ имѣній, которая должна была: управлять духовными вотчинами, устраивать хозяйство, увеличивать доходныя статьи, собирать денежные и хлѣбные сборы, содержать утвержденные штаты архіерейскимъ домамъ, монастырямъ и прочимъ духовнымъ мѣстамъ, содержать штаты большимъ— по епархіямъ и малымъ—по монастырямъ училищнымъ дворамъ, довольствовать деньгами и хлѣбомъ инвалидные дома, поскольку куда опредѣлено, и самихъ инвалидовъ содержать въ послушаніи. Президентомъ новой Коллегіи назначенъ гофмейстеръ князь Борисъ Куракинъ [3]).

Мы видѣли, что одинъ изъ Орловыхъ, графъ Ѳедоръ, былъ назначенъ въ Сенатъ навыкать тамошнимъ дѣламъ; другой видный дѣятель въ событіи 28 іюня, Григорій Александровичъ Потемкинъ, былъ назначенъ съ тою же цѣлью въ Синодъ [4]).

Переводомъ монастырскихъ крестьянъ въ управленіе Коллегіи Экономіи надѣялись прекратить волненія между ними. Думали, что подобная же мѣра,—переводъ горныхъ заводовъ съ приписными крестьянами изъ частнаго въ казенное владѣніе, также прекратитъ волненія; но здѣсь это труднѣе было сдѣлать: нельзя было отобрать всѣ заводы у частныхъ владѣльцевъ, и потому надобно было употреблять и другія мѣры, тѣмъ болѣе-что волновались не одни заводскіе крестьяне. По доношеніямъ князя Вяземскаго, оказалось, что приписка крестьянъ къ заводамъ производилась пристрастно, въ угоду владѣльцамъ заводовъ: крестьянъ приписывали на выборъ не по селамъ и деревнямъ, но по домамъ и выборнымъ людямъ, включая однихъ годныхъ къ работѣ, отчего произошло великое неравенство и отягощеніе крестьянамъ. Расчисленіе дней рабочихъ со днями, оставляемыми для землedѣлія на прокормленіе крестьянамъ себя и семей своихъ, такъ худо уравнено, что крестьянамъ произошла отсюда наибольшая тягость: работы такъ велики, что крестьянинъ въ одинъ день никакъ не можетъ отработать своего урока, ни пѣшій, ни конный; плата крестьянамъ должна производиться зачетомъ въ подушный окладъ за всѣ въ перепись положенныя души, а производится только написаннымъ годными въ работу, отчего крестьянамъ великое неуравненіе, страшная тягость и разореніе; наконецъ, приписные крестьяне живутъ иногда очень далеко отъ заводовъ, верстахъ въ 400, и въ нарядахъ изъ такихъ далекихъ мѣстъ работникамъ круглый годъ великая потеря времени, заводамъ прибыли нѣтъ, а крестьянамъ крайнее разореніе. Поэтому Бергъ-Коллегіи велѣно было объявить всѣмъ заводчикамъ, что крестьяне не сами собою возмутились, но, по простотѣ своей, повѣрили людямъ злоумышленнымъ, которые и наказаны; а такъ какъ и крестьянамъ было большое отягощеніе, такъ-что равенство между работою и платою за нее совсѣмъ потеряно, то они, содержатели заводовъ, не могутъ теперь взыскивать съ крестьянъ всѣхъ своихъ убытковъ, а должны съ ними войти въ нѣкоторый примирительный договоръ, потому что и для самихъ содержателей заводовъ не полезно, чтобъ крестьяне, приписанные къ заводамъ, совершено были разорены [5]).

Мы видѣли, что волновались не одни заводскіе крестьяне и не на одной Восточной украйнѣ. Весною пришло извѣстіе, что въ Уфимскомъ уѣздѣ взбунтовались крестьяне Тевкелева; они были усмирены; были указаны 14 человѣкъ главныхъ возмутителей изъ крестьянъ и одинъ отставной, жившій въ тѣхъ мѣстахъ солдатъ. Сенатъ велѣлъ этихъ возмутитетелей наказать по волѣ помѣщика и отдать ему опять въ крестьянство, а солдата бить плетью публично и нещадно [6]). Но въ срединѣ года узнали, что въ Новгородскомъ уѣздѣ, Бѣжецкой пятины, крестьяне духовника ея и. в. Дубянскаго, князей Мещерскихъ и другихъ помѣщиковъ, числомъ до 600 человѣкъ, возмутились и въ послушаніе не приходятъ, вступаютъ въ бой противъ посланной на нихъ команды [7]). Мы видѣли изъ донесеній Вяземскаго, какъ чиновники наживались насчетъ крестьянъ, особенно инородцевъ. Но, кромѣ Вяземскаго, имѣвшаго порученіе непосредственно отъ государыни навѣдываться о лихоимствѣ и прямо доносить ей, въ Казанскую губернію отправленъ былъ подполковникъ Свѣчинъ для осмотра дубовыхъ рощъ, и доносилъ Сенату, что государственные крестьяне терпятъ обиды и разоренія отъ вальдмейстеровъ, канцелярій и отъ посылаемыхъ по разнымъ дѣламъ чиновниковъ. Эти обиды и разоренія состояли въ томъ: 1) вальдмейстеры

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д.
[2]) Собр. Постанов. по части раскола, I, 598.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 11,814, 11,844.
[4]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 316.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 11,790.
[6]) Журналы Сената, 14 апрѣля.
[7]) Журналы Сената, 1 іюля.

сбирали ежегодно отъ 3 до 6 коп. съ души, а лѣсные сотники—по рублю съ деревни; 2) посылаемые отъ канцелярій приказные и солдаты для сбора во время урожаевъ хлѣба, для взятія сказокъ и объявленія разныхъ указовъ – брали по копѣйкѣ и по двѣ съ души. а съ деревни – по рублю и больше; 3) при подачѣ сказокъ въ канцеляріяхъ во время платежа подушныхъ денегъ, о наблюденіи за корчемствомъ, ворами и разбойниками, каждая сказка становилась по два и по три рубля съ деревни, а безъ того подушныхъ денегъ не принимали; 4) во время подушнаго сбора на офицеровъ и приказныхъ собирается на каждую треть по 10 и 15 коп. съ души; 5) за печатные паспорты берутъ по 50 коп. съ каждаго; 6) на идущія вверхъ по Волгѣ съ мѣдью суда берутся люди въ работу по большому числу безплатно; 7) посланные изъ канцеляріи берутъ подводы и харчевой припасъ безплатно, а хотя этимъ проѣзжимъ до обывателей никакого дѣла нѣтъ, однако объявляютъ на того или другого записки, стращаютъ слѣдствіемъ,—и такъ какъ обыватели неграмотные, ничего не понимаютъ, то отплачиваются деньгами. Сенатъ приказалъ: для чего это дѣлать допускается, о томъ для положенія штрафа казанской губернской канцеляріи прислать отвѣтъ, и показать особливымъ экстрактомъ, отъ кого именно жалобы на обиды въ канцелярію вступили въ прошломъ и нынѣшнемъ году, и чѣмъ просители удовольствованы; если же нѣтъ рѣшенія, то зачѣмъ дѣло остановилось [1]).

На западѣ крестьяне попрежнему стремились на польскій рубежъ. Новгородскіе помѣщики подали доношеніе, что изъ деревень ихъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, по подговору бѣглаго рекрута Гаврюшки, выходящаго изъ-за польскаго рубежа, бѣжало немалое число крестьянъ ихъ и дворовыхъ людей; а въ нынѣшнемъ 1763 году, по его же подговору, ушло не менѣе ста семей, въ которыхъ было до 500 душъ обоего пола. Сенатъ приказалъ назначить 300 рублей награды тому, кто найдетъ Гаврюшку [2]). Мѣра была частная, успѣхъ ненадеженъ. Хотѣли изслѣдовать причины зла и указать надежныя средства противъ него. Петръ Ив. Панинъ подалъ мнѣніе о средствахъ пресѣчь побѣги за-границу; онъ указывалъ слѣдующія причины: 1) строгось духовенства и разныя какъ отъ него, такъ и отъ свѣтскаго начальства корыстныя приметки къ раскольникамъ; 2) рекрутскіе поборы изъ ближнихъ границамъ селеній и привычка у нѣкоторыхъ помѣщиковъ продавать въ рекруты отъ цѣлыхъ семей за постороннія, а не за свои уже деревни и безъ всякаго вниманія къ огорченію и разоренію остающихся семействъ, въ которыхъ отдачу въ рекруты почитаютъ за убійство и вѣчную разлуку; 3) чрезвычайно дурное содержаніе рекрутъ до отправленія къ полкамъ и тяжкія корыстныя къ нимъ придирки: вмѣсто того, чтобъ этихъ людей, огорченныхъ разлукою съ своими, всячески приманивать къ службѣ, ихъ обираютъ и употребляютъ въ частныя работы; въ самыхъ столицахъ зимою прежде набирали рекрутъ, чѣмъ приготовляли имъ квартиры, и набираемые рекруты зимою принуждены были день проводить на дворѣ въ стужѣ, а ночь—въ торговыхъ баняхъ въ жару, а семействамъ ихъ было это горестнѣйшимъ зрѣлищемъ и примѣромъ, что готовится ихъ дѣтямъ при будущихъ наборахъ; 4) ничѣмъ неограниченная помѣщичья власть, причемъ неумѣренная роскошь заставляетъ сбирать съ подданныхъ подати и употреблять въ работы не только болѣе тяжкія, чѣмъ за ближайшей границей, но и превосходящія силы человѣческія; 5) возвышеніе цѣнъ соли и вина и затрудненія при продажѣ ихъ безъ обращенія вниманія на то, что заграницей эти предметы дешевле и продажа вольная; 6) отъ вкоренившагося лихоимства неправосудіе и нерадѣніе къ общему дѣлу, особливо въ отдаленныхъ областяхъ; 7) выборъ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда особъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ дѣлъ. Изданъ манифестъ о прощеніи бѣглыхъ и о призывѣ ихъ къ возвращенію, о вызовѣ иностранныхъ поселенцевъ, о вызовѣ раскольниковъ. Но въ сосѣднихъ государствахъ довольно разгласилось, что въ русскихъ судебныхъ мѣстахъ приходящимъ съ пустыми руками двери не отворяются: такъ для привлеченія переселенцевъ надобно отдать ихъ въ особенное попеченіе кого-нибудь изъ министровъ или сенаторовъ — одному—иностранцевъ, другому—раскольниковъ, и объ этихъ лицахъ объявить въ иностранныхъ земляхъ, чтобъ желающіе переселиться могли прямо къ нимъ обращаться за помощію и защитою. На возвращающихся раскольниковъ положить по 2 рубля 70 коп. въ годъ, раздѣляя платежъ по третямъ. За нежелающихъ возвратиться къ помѣщикамъ платить по 100 рублей за мужскую душу, и то только за тѣхъ, которые сами бѣжали, а не отцы ихъ и дѣды. Съ деревень и городовъ, лежащихъ близъ границы не далѣе 70 верстъ, рекрутъ въ натурѣ не брать, но брать за каждаго рекрута по 100 рублей и употреблять эти деньги на вербованіе въ гусарскіе полки вольныхъ людей. Запретить варварскій обычай продавать помѣщикамъ своихъ крестьянъ въ рекруты за чужія деревни для ненасытной роскоши: позволить продавать крестьянъ только цѣлыми семьями. Издать новый государственный законъ съ наиспособнѣйшими распоряженіями для совершеннаго приласканія вновь набирающихся поселянъ въ солдатскую службу и къ лучшему утѣшенію разлучающемуся съ ними ихъ семейству. Сочинить примѣрное на все государство Положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ и податямъ не для изданія къ содержанію того во всемъ государствѣ, но ради секретнаго предписанія всѣмъ губернаторамъ: въ случаѣ, когда крестьяне побѣгутъ отъ помѣщика цѣлыми

[1]) Журналы Сената, 12 сентября.
[2]) Журналы Сената, 21 іюля.

селеніями или семьями, или возмутятся, то команды для усмиренія и сыску крестьянъ по требованію помѣщиковъ безпрекословно отправлять, но губернаторы при этомъ должны надежнымъ людямъ поручать развѣдывать въ тѣхъ мѣстахъ, какъ эти помѣщики владѣли своими крестьянами, и, соображая полученныя извѣстія съ упомянутымъ генеральнымъ примѣрнымъ Положеніемъ и съ обыкновенною надлежащею строгостью въ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, если найдутъ, что помѣщики вышли изъ предѣловъ умѣренности,—такихъ призывать въ губернскія канцеляріи и объявлять, чтобъ они впередъ отнюдь не выступали изъ примѣрныхъ положеній, и если отъ ихъ подданныхъ дойдутъ до правительства жалобы, то деревни у нихъ будутъ взяты подъ коронное управленіе; а потомъ губернаторы должны за такими неумѣренными помѣщиками особенно надзирать и о невоздержныхъ представлять Сенату. Помѣщики не должны требовать отъ крестьянъ болѣе четырехъ рабочихъ дней въ недѣлю, и въ сутки взыскивать съ крестьянина, чтобъ онъ или вспахалъ доброй земли десятину, или накосилъ сѣна три копны, или нарубилъ однополѣнныхъ дровъ полторы сажени,—не болѣе; величина же оброка не должна превышать двухъ рублей. Наконецъ, когда будутъ избираться люди въ пограничные градоначальники, то, кромѣ особенныхъ способностей, надобно обращать вниманіе и на хорошее по европейскому обычаю воспитаніе [1]).

Мнѣнія эти не могли облегчить разрѣшеніе тяжелаго вопроса. Екатерина знала причины печальнаго явленія и напряженно, какъ увидимъ, думала о ихъ устраненіи; но помощи не находила. Легко было сказать, что надобно издать постановленіе о томъ, какъ бы приманить рекрутъ къ службѣ и для семействъ ихъ сдѣлать разлуку съ ними не столь тяжкою: но въ чемъ должно было состоять это постановленіе—не говорилось. Люди, которые считали себя образованными и требовали этого образованія отъ другихъ, должны были знать, что, еще по указу Петра Великаго, у помѣщиковъ, притѣснявшихъ и разорявшихъ своихъ крестьянъ, отнимали ихъ. Дѣло было не въ указахъ, а въ ихъ исполнителяхъ, которыхъ не было, образованія которыхъ надѣялись еще въ будущемъ, а между тѣмъ комисія о вольности дворянства отстраняла вопросъ о содѣйствіи дворянъ правительству, объ обязанностяхъ неслужащихъ землевладѣльцевъ, толкуя о необходимости для русскаго дворянина служить въ разныхъ иностранныхъ государствахъ, служить, по словамъ старой пѣсни, „въ семи ордахъ семи королямъ", толкуя, что, благодаря воспитанію, честь такъ развита, что заставляетъ служить и безъ другихъ побужденій, тогда какъ воспитаніе было только въ зародышѣ и ничего еще развить не могло; а между тѣмъ старшій членъ комисіи требовалъ безпредѣльной власти помѣщика надъ крестьянами, да и въ мнѣніи Панина, который рѣзко выставлялъ вредъ этой безпредѣльной власти, рекомендовалось секретное примѣрное постановленіе о томъ, чего долженъ требовать помѣщикъ отъ крестьянина!

Екатерина выслушивала всѣ мнѣнія и убѣждалась все болѣе и болѣе, что полезныя мѣры для улучшенія народнаго быта могутъ быть приняты только въ связи другъ съ другомъ, при общемъ устройствѣ государственнаго организма, причемъ должны быть выслушаны не отрывочныя мнѣнія того или другого отдѣльнаго лица, но мнѣнія всѣхъ заинтересованныхъ частей. Но пока этотъ планъ всесословной коммисіи новаго Уложенія зрѣлъ въ головѣ воспитанницы европейской политической науки XVIII вѣка, самолюбіе владычицы могущественнаго государства не могло переносить того, что сосѣднее слабое государство безнаказанно позволяло себѣ постоянно уводить часть населенія у сильнаго сосѣда, издѣваясь надъ его жалобами и требованіями. Въ августѣ Сенатъ получилъ указъ императрицы: въ Польшѣ многіе Русскіе укрываются и въ областяхъ ея императорскаго величества производятъ великіе разбои; Поляки на наши жалобы не обращаютъ никакого вниманія, подговариваютъ къ побѣгу, насильно удерживаютъ бѣглыхъ и не выдаютъ разбойниковъ. Сенатъ въ Москвѣ подавалъ докладъ, чтобъ въ Польшу и Литву послать нарочно и скрытно воинскія команды для забранія разбойниковъ и бѣглыхъ. Подобное представленіе сдѣлано было ея императорскому величеству и прежде; но тогда императрица велѣла обождать, чтобъ не разорвать сосѣдственную дружбу; теперь же ея императорское величество видитъ, что снисхожденіе и умѣренность обращаются во вредъ и разореніе подданныхъ ея, и потому соизволяетъ на посылку команды [2]). По этому указу, отправился за польскую границу генералъ-маіоръ Масловъ съ отрядомъ; 7 октября онъ возвратился и привелъ бѣглыхъ мужескаго пола 1,015, женскаго—512, всего—2,027 душъ [3]). Но въ томъ же мѣсяцѣ внутри Россіи былъ пущенъ въ народъ фальшивый указъ императрицы въ Сенатъ: „Время уже настало, чтобъ лихоимство искоренить, что весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако весьма наше дворянство пренебрегаютъ Божій законъ и государственныя правы и въ томъ много чинятъ Россійскому государству недобро. Прадѣды и праотцы Россійскаго государства—монархи ихъ жаловали вотчинами и деньгами награждали, и они въ томъ забыли, что воистину дворянство было въ первомъ классѣ, а нынѣ дворянство вознеслось, что въ послушаніи быть не хотятъ, тогда впредь было въ Россіи, когда любезный монархъ Петръ Великій царствовалъ, тогда весьма предпочитали законъ Божій и государственныя правы крѣпко наблюдали. А нынѣ

[1]) Мнѣніе въ Госуд. Арх.

[2]) Журналы Сената, 5 августа.

[3]) Журналы Сената, 23 октября.

правду всю изринули да и изъ Россіи вонъ выгнали, да и слышать про нее не хотятъ, что Россійскій народъ осиротѣлъ, что дѣти малыя безъ матери осиротѣли. Или онымъ дворянамъ не умирать, или имъ предъ Богомъ на судѣ не быть? Такой же имъ судъ будетъ, его же мѣру мѣрите возмѣрится и вамъ. Екатерина" [1]).

Съ конца 1761 года шло дѣло о новой ревизіи. Екатерина такъ разсказываетъ о рѣшеніи этого дѣла: „Возвратясь въ Петербургъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1763 года, спустя нѣсколько времени поѣхала я въ Сенатъ. Слушали дѣло о новой ревизіи, которой двадцатилѣтній срокъ настоялъ; потребовали отъ меня повелѣнія нарядить ревизоровъ по всей имперіи и безсчетныя воинскія команды; считали, что менѣе 800,000 рублей ревизія не станетъ. Сенаторы въ разговорахъ между собою упоминали: о безчисленныхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, которыя ревизія за собою повлечетъ; о побѣгахъ въ Польшу и заграницу ревизскихъ душъ; объ ущербѣ имперіи отъ всякой ревизіи, почитая однакожъ всѣ ревизію за нужную вещь. Я слушала весьма долго все, что говорили. Господа Сенатъ, наконецъ, уставъ говорить, замолчали; тогда я спросила: „На что таковой нарядъ войскъ и тягостныя суммы для казны? Нельзя ли инако?" Мнѣ сказали: „Такъ дѣлывалось прежде". Я на сіе отвѣтствовала: „А мнѣ кажется вотъ какъ: публиковать по всей имперіи, чтобъ каждое селеніе послало о наличномъ числѣ душъ реестръ въ свою воеводскую канцелярію; чтобъ канцеляріи прислали въ губерніи, а губерніи—въ Сенатъ". Человѣка четыре сенаторовъ встали, представляя мнѣ, что прописныхъ будетъ безъ числа. Я имъ сказала: „Поставьте штрафъ на прописныхъ". Паки представляли, что, за всѣми уже положенными жестокими наказаніями, многое множество прописныхъ есть. Тогда я имъ говорила: „Простите всѣхъ до днесь прописныхъ по моей просьбѣ и велите селеніямъ прописныхъ донынѣ внести въ нынѣшнія ревизіонныя сказки". Здѣсь князь Я. П. Шаховской, разгорячася, сказалъ: „Тутъ правосудіе нарушается и винные будутъ наравнѣ съ невинными. Я ревностно объявлялъ, и у меня прописныхъ нѣтъ, а кто пользовался прописными, тотъ станетъ со мною наравнѣ". Генералъ-прокуроръ былъ тогда Александръ Ив. Глѣбовъ. Онъ, слыша у своего стола сей разговоръ и видя горячность князя Шаховского, вскочилъ съ своего стула и, пришедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я ему сказала, какъ мнѣ угодно, чтобъ ревизія сдѣлана была, что мнѣ весьма легко было. Онъ все то записать велѣлъ и выработать взялся, что и выполнилъ, и доднесь ревизіи такъ дѣлаются въ каждомъ уѣздѣ безъ наряда и убытка, - прописныхъ нѣтъ и объ нихъ не слышно" [2]).

Въ сенатскихъ протоколахъ дѣло записано подъ 10 февраля, слѣдовательно въ Москвѣ, а не по возвращеніи Двора изъ нея. Въ присутствіи императрицы слушано о начатой вновь въ 1761 году ревизіи дѣло, по коему значится, что въ 1761 году, декабря 20, публикованными отъ Сената во всемъ государствѣ указами велѣно о числѣ душъ собрать сказки по посланнымъ изъ Сената при указахъ формамъ въ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцеляріяхъ при платежѣ подушныхъ денегъ отъ публикованія тѣхъ указовъ въ 5 мѣсяцевъ, а **нарочныхъ ревизоровъ не посылать**, которыхъ сказокъ нѣсколько уже и собрано. А какъ потомъ Правительствующему Сенату извѣстно стало, что въ городахъ отъ канцелярій происходили непозволительныя великія сказкоподателямъ приманки, затрудненія и тягости, то, въ уваженіе сихъ обстоятельствъ, 1762 г. іюля 31 Сенатъ взятье сказокъ съ тѣхъ, кто еще не подалъ, остановилъ впредь до указу. Но какъ окончаніе ревизіи весьма есть нужно, то ея императорское величество повелѣла подачу сказокъ оканчивать и учинить слѣдующее: 1) чтобъ сказкоподатели ни малѣйшей тягости не чувствовали, то вольно, написавъ сказку, подать самому или послать, запечатавъ и написавъ на пакетѣ на имя губернатора или воеводы; и, чтобъ не было ошибки, разослать печатные листы безденежно по всѣмъ церквамъ для раздачи обывателямъ, и кто пожелаетъ купить по 8 листовъ на копѣйку,—тѣ деньги священники могутъ употреблять на церковныя потребы; 2) кто утаитъ,—съ таковымъ поступать наистрожайшимъ образомъ: помѣщика лишать всѣхъ чиновъ и изъ числа честныхъ низвергнуть; съ приказчиками и старостами поступать по указамъ.

Не выпустить платящаго и рабочаго человѣка за-границу, не пропустить въ ревизіи, возвратить бѣглаго, призвать добровольнаго колониста — все это для того, чтобъ увеличить число плательщиковъ, наполнить скудную казну государственную. Въ февралѣ императрица писала Глѣбову: „Въ Ригѣ генералитетъ не имѣетъ уже мѣсяцевъ десять жалованья; рядовые солдаты иные по осьми, а иные по шести мѣсяцевъ ничего не получали. Жалобы происходятъ великія; да и хорошаго послушанія требовать не можно, если солдатъ служитъ безъ жалованья. Многіе офицеры, отправленные къ отставкѣ въ Россію, не получивъ ни полушки заслуженнаго жалованья, уѣзжать оттуда принуждены" [3]).

Не получали стараго жалованья, а между тѣмъ признано было необходимымъ увеличить жалованье чиновникамъ, чтобъ не было оправданія лихоимству. Сенатъ получилъ указъ: сыскать на штаты денегъ полтора милліона рублей. Прежде было рѣшено сбавить еще по гривнѣ съ пуда соли, и Сенатъ придумалъ, чѣмъ вознаградить этотъ убытокъ; но теперь эти новые доходы пошли на штаты, а соль должна была продаваться по прежней цѣнѣ, по 40 коп. пудъ. Кромѣ того, Сенатъ опредѣлилъ на штаты слѣдующіе сборы: 1) съ продаваемаго изъ

---

[1]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 322.
[2]) Записка Екатер. въ Госуд. Архивѣ.
[3]) Сборн. Русск. Истор. Общ. VII, 234.

кабаковъ вина—по 30 коп., съ пива и меда—по 5 коп. на ведро, что по сложности съ 1750 по 1761 годъ должно было составить 452,565 рублей, отъ пива и меду—182,557 рублей, итого 635,122 рубля, ибо „та продажа", говорилъ Сенатъ, „вольная, къ народному отягощенію не касающаяся"; 2) съ поборовъ при явкѣ крѣпостей, съ земли—по 3 коп. съ четверти; также съ пошлинъ при письмѣ и совершеніи крѣпостей; 3) съ явки пивъ и полпивъ; 4) съ герберговъ (гостиницъ); 5) съ векселей; 6) съ челобитенъ; 7) съ переоброченія вновь по высшимъ цѣнамъ амбаровъ, лавокъ, кузницъ и прочихъ оброчныхъ мѣстъ; 8) съ фабричныхъ становъ; 9) съ заводскихъ домовъ; 10) съ увеличенной пошлины съ покормежныхъ паспортовъ; 11) съ патентовъ; 12) съ дипломовъ; 13) съ вѣнечныхъ памятей; 14) съ заклейменія кубовъ; 15) съ переоброченія мельницъ; 16) съ прибылыхъ пошлинъ съ потаенныхъ раскольниковъ; 17) со взятія клея въ казенную продажу; 18) двѣ копѣйки съ рубля, платимыя при отдачѣ подушныхъ денегъ на жалованье находящимся при сборѣ лицамъ, должны идти также на штаты; 19) съ увеличенія цѣны на гербовую бумагу, которая должна продаваться вдвое дороже [1]).

Вслѣдствіе этихъ указаній Сената, 15 декабря изданъ былъ манифестъ о новыхъ штатахъ: „Къ крайнему нашему огорченію и прискорбности, изъ повседневныхъ обстоятельствъ принуждены мы видѣть, что многіе наши вѣрноподданные отъ разныхъ судебныхъ правительствъ, а особливо въ отдаленныхъ отъ резиденціи нашей мѣстахъ, не только не получаютъ въ дѣлахъ своихъ скораго и справедливаго по законамъ рѣшенія, но еще отъ насилія и лихоимства или, лучше сказать, отъ самыхъ грабежей во всеконечное разореніе и нищенство приходятъ. Правда, хотя къ прекращенію сего еще съ самыхъ временъ государя Петра Великаго дѣланы были по состоянію тогдашнихъ обстоятельствъ нѣкоторыя учрежденія, и потому и всѣ строгости законовъ употребляемы были, но недовольно произошли желаемые успѣхи. Частію видится оттого, что не всегда съ надлежащимъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ опредѣлялись судящіе къ мѣстамъ безъ всякаго знанія и способности, коими потому и дѣйствовали ихъ подчиненные, частію-жъ и оттого, что совсѣмъ люди не только съ нѣкоторымъ достаткомъ, но ниже имѣя дневное пропитаніе, отсылались къ дѣламъ, не получая притомъ никакого жалованья, и немного лучше, какъ бы неимущіе въ богадѣльнѣ,—для одного только пропитанія, а не для исправленія дѣлъ; и поистинѣ сказать, казалось, что всякій живетъ только для себя, не помышляя о добрѣ общемъ. Мы находимъ ко истребленію упомянутой гибели справедливѣйшее и ближайшее средство: всѣ судебныя мѣста наполнять достойными въ знаніи и честными людьми; а чтобъ прямо таковыхъ имѣть, то необходимо нужно дать имъ къ безбѣдному пропитанію по мѣрѣ каждаго довольное жалованье; вслѣдствіе чего мы не только коллегіямъ и канцеляріямъ, но губерніямъ, провинціямъ и городамъ по состоянію каждаго мѣста и входящихъ въ оныя дѣлъ постановили и утвердили штаты" [2]).

Новые штаты не позволили уменьшать цѣну соли, относительно которой Сенатъ подалъ докладъ, что пермская соль въ казну приходитъ дешевле, да и народъ охотнѣе ее употребляетъ, чѣмъ элтонскую; баронамъ Строгоновымъ и Пескорскому монастырю въ Нижнемъ выдается $8^1/_{10}$ коп., и болѣе изъ казны никакихъ расходовъ не бываетъ, содержится соль въ ихъ магазинахъ за ихъ усышкою и утечкою, а элтонская соль ставится и содержится совершенно на казенномъ коштѣ, и по сложности за поставку до Нижняго—элтонская и илецкая соль пришлись по 17 коп. пудъ. Поэтому пермскимъ промышленникамъ платить по 10 коп. за пудъ съ тѣмъ, чтобъ они построили пильныя мельницы своимъ коштомъ и возили соль на судахъ, сдѣланныхъ изъ пильнаго, а не изъ топорнаго тесу, и ставили бы соль, не опредѣляя количества, а сколько могутъ. Соляная Контора умножаетъ поставку той соли, которая обходится дешевле; и когда Контора усмотритъ, что поставку пермской соли надобно уменьшить или вовсе прекратить, то даетъ знать промышленникамъ за годъ до наступленія новаго завара; равно, если промышленники пожелаютъ уменьшить поставку, то должны объ этомъ давать знать въ Контору за годъ, чтобъ можно было запастись другою солью. Здѣсь, подлѣ элтонской соли, поставлена илецкая. Медицинская Канцелярія объявила, что, по испытаніи въ соленіи мяса и рыбы, илецкая соль оказалась хорошаго качества. Оренбургскій губернаторъ Волковъ представилъ, что эта соль считается лучшею въ мірѣ; но Главная Соляная Контора донесла, что илецкая соль явилась въ большихъ и мелкихъ глыбахъ вся въ пыли, а на нѣкоторыхъ глыбахъ грязь и соръ и часть песку, который и отдѣлить начисто отъ соли нельзя, и изъ мелкой соли выбрать сору также нельзя. Сенатъ потребовалъ, чтобъ соль была прислана къ нему на пробу, и приказалъ Волкову ѣхать на то мѣсто, гдѣ соль ломается, и осмотрѣть, въ какомъ она состояніи: сама ли собою нечиста, или дурной видъ ея произошелъ на пути отъ небреженія [3]).

Въ тѣсной связи съ финансовыми вопросами находился вопросъ о торговлѣ. Взглядъ свой на торговлю Екатерина высказала въ письмѣ къ Ив. Ив. Неплюеву изъ Москвы отъ 10-го іюня: „Таможенные откупщики жалобу приносятъ на стат. сов. Яковлева о вомышляемомъ притѣсненіи не токмо имъ, откупщикамъ, но и всей коммерціи: которому (т. е. Яковлеву) однако-жъ съ товарищи не инако

[1]) Журналы Сената, 16 сентября.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 11,988.

[3]) Журналы Сената, 21 августа и 15 октября.

надсмотръ надъ ними порученъ, какъ съ тѣмъ нашимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ поступалъ, не разрушая благосостоянія коммерціи. Вы сами знаете, что коммерція, по большей части, процвѣтаетъ вольностію и свободою, и что нашего никогда намѣренія не было такія строгости въ сіе откупное коммерческое дѣло вводить, чтобъ одни тутъ приказные порядки наблюдаемы были; но главный предметъ нашъ—тотъ, чтобъ, такимъ или другимъ образомъ, только-бъ интересъ нашъ, положенный на откупщиковъ, въ казну нашу доходилъ, а въ порядкахъ, каковые оными откупщиками учреждаются для сборовъ, отнюдь имъ, яко знающимъ торгъ и купечество, помѣшательства не дѣлать. Коммерція есть дѣло по натурѣ своей такое, что одного часа непорядочнымъ учрежденіемъ кредитъ ея повреждается, который многими годами трудно напослѣдокъ бываетъ возстановить. Сего ради изволите сіе дѣло въ Конторѣ Сенатской немедленно разсмотрѣть" [1]). Но, несмотря на то, что въ данномъ случаѣ Екатерина считала необходимымъ оказать защиту таможеннымъ откупщикамъ, вообще она была противъ откупной системы. Сенатъ доложилъ о карачевскомъ купцѣ Суловѣ, что онъ желаетъ взять на 6 лѣтъ на откупъ продажу иностранныхъ и русскихъ игральныхъ картъ, съ платежемъ въ казну каждый годъ по 60,000 рублей. Екатерина замѣтила: „Чортъ его возьми съ откупомъ: всѣхъ купцовъ стревожите и скажутъ, что въ Сенатѣ есть склонность къ откупамъ" [2]). Въ концѣ года данъ былъ указъ Неплюеву, князю Якову Шаховскому и графу Миниху, чтобъ они разсмотрѣли коммерцію Россійскаго государства и купечество; а такъ какъ по важности этой коммисіи и сама императрица въ ней бывать будетъ, то коммисія должна состоять въ единственномъ вѣдѣніи и покровительствѣ ея императорскаго величества. Дѣлопроизводителемъ былъ назначенъ Тепловъ [3]). Нашли нужнымъ назначить консула въ Польшу, и Сенатъ опредѣлилъ смоленскаго мѣщанина Давыдова; по примѣру консуловъ, назначаемыхъ въ Персію, Сенатъ назначилъ Давыдову жалованья 500 рублей въ годъ, да въ прибавокъ съ купечества 1,500 рублей. Екатерина написала на докладѣ: „Помнится, что купечество астраханское само консуламъ въ Персіи опредѣлило жалованье, къ-тому отъ насъ прибавкою 500 рублевъ, а тако и нынѣ купечеству на волю отдать, сколько оно Давыдову опредѣлить похочетъ, а надобны ли ему два или только одинъ подъячій?—чтобъ миновать напрасныхъ убытковъ". Консуломъ въ Персію назначенъ былъ, по просьбѣ московскаго и астраханскаго купечества, симбирскій купецъ Илья Игумновъ; другого консула туда же Сенатъ велѣлъ также выбрать московскому и астраханскому купечеству [4]). Въ Сенатѣ происходилъ споръ: хотѣли увеличить число мѣдныхъ денегъ, но князь Яковъ Шаховской былъ противъ этого увеличенія. Императрица написала: „Я не могу согласиться съ мнѣніемъ князя Шаховского о мѣдной монетѣ, и не могу признать, чтобъ описанныя имъ вредности столь важны были, для которыхъ бы мѣдную монету не умножать вѣсомъ по 16 рублей изъ пуда, а до надлежащей пропорціи по числу обитателей въ нашей имперіи, понеже всѣмъ извѣстно, сколь мало еще въ народѣ денегъ, а особливо мѣдныхъ, хотя-бъ исчислить и со временъ царя Алексѣя Михайловича, то ни по пяти рублей на всякаго человѣка, живущаго въ имперіи нашей, не придетъ. И то не великая бѣда, буде бы изъ города въ городъ партикулярные люди перестали деньги возить возами, а переводили-бъ чрезъ вексели, къ чему потребны по разнымъ мѣстамъ большіе государственные банки, банковъ же безъ большого числа денегъ учредить не можно, и банкъ не что иное, какъ вѣрное хранилище денегъ. Дурное же предъ симъ учрежденіе въ государствѣ нашемъ мѣдныхъ банковъ не можетъ служить примѣромъ, понеже худой примѣръ—не законъ, но законы должны истреблять оный, а Прав. Сенатъ, какъ хранилище законовъ, не допуститъ до вреда, сверхъ того и я еще жива" [5]).

Затруднительное положеніе финансовъ заставило съ особеннымъ удовольствіемъ принять проектъ Бецкаго объ основаніи въ Москвѣ Воспитательнаго Дома, какъ учрежденія, которое должно было содержаться на доброхотныя пожертвованія. Князь Як. Шаховской, Панинъ и графъ Минихъ (дѣйств. тайн. совѣт.), разсматривавшіе и одобрившіе проектъ, прежде всего выставили, что „основаніе и содержаніе онаго дома учреждается на единомъ самоизвольномъ подаяніи отъ публики, и потому не можетъ быть ни въ малѣйшее отягощеніе штату в. и. в—ства, ниже подданнымъ вашимъ" [6]). При заботѣ о дѣтяхъ, надобно было позаботиться и о взрослыхъ. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ объявилъ Сенату, что въ петербургскомъ генеральномъ гошпиталѣ больныхъ 671 человѣкъ, и между ними болѣе двухъ частей одержимы францъ-венеріею, которую получаютъ отъ непотребныхъ женщинъ. По мнѣнію Глѣбова, надобно было ко всѣмъ воинскимъ командамъ послать указы: — которые изъ воинскихъ чиновъ въ этой болѣзни найдутся, такихъ допрашивать, отъ кого ее получили, и тѣхъ женщинъ велѣть сыскивать, осматривать, и если найдутся одержимы тою болѣзнью, лѣчить ихъ на казенный счетъ, а по излѣченіи отсылать въ Нерчинскъ на поселеніе или въ другое мѣсто, солдатскихъ женъ отдавать мужьямъ съ росписками и подтвержденіемъ, чтобъ ихъ содержали и до непотребства не допускали, а помѣщичьихъ и про-

---

[1]) Сенатскій Архивъ въ С.-Петербургѣ.

[2]) Сенатскія меморіи въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

[3]) Журналы Сената, 9 декабря.

[4]) Журналы Сената, 18 апрѣля и 4 ноября.

[5]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 11,908. Мысли Бецкаго о воспитаніи будутъ изложены въ 3-й главѣ слѣдующаго тома: «Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Моск. университета до кончины Ломоносова» (1755—1765 г.).

чихъ посылать къ ихъ владѣльцамъ. Сенатъ согласился съ этимъ мнѣніемъ, прибавивъ о крѣпчайшемъ наблюденіи, чтобъ женщины не были напрасно оклеветаны [1]). Для усиленія медицинскихъ средствъ, въ концѣ года учреждена была особая Медицинская Коллегія, первымъ президентомъ которой былъ отставной гвардіи капитанъ баронъ Александръ Черкасовъ [2]).

Обычное русское бѣдствіе не замедлило потребовать заботъ отъ новаго царствованія. 22-го апрѣля сгорѣла Старая Русса. 12-го мая пожаръ истребилъ Тверь: сгорѣло обывательскихъ дворовъ 852, людей 33 человѣка, сгорѣли — канцелярія, дворецъ, острогъ, архіерейскіе и воеводскіе дома. Сенатъ распорядился выдать погорѣвшимъ 100,000 рублей на десять лѣтъ безъ процентовъ, да на 100,000 рублей заготовить изъ казны же матеріаловъ для каменнаго строенія; эту сумму — 200,000 рублей—надѣлать мѣдною монетою въ прибавку къ прежде опредѣленному числу по 16 рублей изъ пуда, отчего казнѣ никакого убытка не послѣдуетъ. Подушныхъ денегъ съ погорѣвшихъ не взыскивать три года; кто работать не въ состояніи, тѣмъ выдать хлѣба безденежно; въ городѣ строить дома каменные только по плану, а въ предмѣстьи и деревянные, только чтобъ между домами были сады, огороды или переулки; какъ въ городѣ, такъ и въ предмѣстьи оставить пустыя мѣста для площадей. Для распоряженія по этому возобновленію Твери отправился туда Бецкій. 25-го іюня сгорѣла Устюжна [3]).

Большихъ заботъ требовали украйны. Жалобы на притѣсненія, претерпѣваемыя сибирскими инородцами, не переставали въ продолженіи 150 лѣтъ: почти въ каждое царствованіе въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ заявлялось объ этихъ притѣсненіяхъ. Такое же заявленіе получилъ Сенатъ 6-го февраля въ именномъ указѣ: „Извѣстно намъ, что во всей Сибирской губерніи и Иркутской провинціи положенный ясакъ съ тамошнихъ жителей съ крайнимъ отягощеніемъ и безпорядкомъ сбираютъ, или, справедливѣе сказать, посылаемые для сбора ясака сибирскіе дворяне, казаки и дѣти боярскіе не настоящіе положенные ясаки въ казну нашу сбираютъ, но безсовѣстнымъ образомъ всѣхъ таковыхъ безгласныхъ и беззаступныхъ ясачныхъ, какъ-то: Якутовъ, Тунгусовъ, Чукчъ, братскихъ казаковъ (Бурятъ) и прочихъ народовъ грабятъ и до конца разоряютъ“. Для отвращенія всѣхъ упомянутыхъ вредностей, Сенату повелѣвалось отправить въ Сибирь гвардейскаго капитана Щербакова [4]).

Съ 1736 года введена была римская система, учреждено поселеніе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ Казанской губерніи по Закамской линіи и въ пригородкахъ: Новошашминску, Заинску, Тіинску. Въ описываемое время оказывалось, что поселенцевъ было 1,477 человѣкъ, при нихъ дѣтей одного мужескаго пола 3,489 душъ; поселенцы жили на выгодныхъ, плодородныхъ земляхъ, пользуясь ими безъ всякихъ податей. Теперь на тѣхъ, которые жили тамъ болѣе 5 лѣтъ, наложена была обязанность: каждые десять дворовъ должны были построить дворъ для новоприбывающихъ поселенцевъ, для большаго пріохочиванія послѣднихъ, чтобъ они по приходѣ не бродили праздно и не тратили время. Въ каждой слободѣ не должно быть болѣе 100 дворовъ; новоприбывшему отводится земля въ количествѣ отъ 20 до 30 четвертей и два первые года дается солдатскій провіантъ, кромѣ того, для обзаведенія дается рожь, овесъ и по 8 рублей денегъ; но деньги въ руки не давались, а велѣно было изъ поселенцевъ же быть выборнымъ надежнымъ людямъ, которые и должны покупать все нужное для обзаведенія. Дѣтей поселенцевъ не велѣно было брать въ рекруты и вносить въ подушный окладъ, „чтобъ въ поселеніи своемъ лучше укрѣпиться и экономію свою утвердить могли“. На томъ же основаніи рѣшено было устроить поселенія въ Сибири; и такъ какъ тамъ еще никого не было, то домы для поселенцевъ велѣно строить отъ казны [5]).

Мы видѣли, что Екатерина рѣшила вызвать иностранныхъ поселенцевъ, и видѣли, что Петръ Ивановичъ Панинъ совѣтовалъ назначить особыхъ довѣренныхъ людей для завѣдыванія устройствомъ колонистовъ, иначе будетъ мало охотниковъ переселяться вслѣдствіе дурныхъ слуховъ о правосудіи въ Россіи. Именнымъ указомъ Сенату отъ 22 іюля учреждена была „Канцелярія опекунства иностранныхъ“, и президентомъ ея былъ назначенъ генералъ-адъютантъ и дѣйствительный камергеръ графъ Орловъ (Григорій) Иностранные поселенцы, пріѣхавъ въ Россію, должны были явиться въ эту канцелярію и объявить,—хотятъ ли записываться въ купцы, мѣщане и цеховые, или селиться колоніями и мѣстечками на свободныхъ и выгодныхъ для хлѣбопашества земляхъ. Всѣ они имѣютъ свободное отправленіе вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ; въ своихъ отдѣльныхъ колоніяхъ могутъ строить церкви и колокольни, имѣть потребное число пасторовъ и прочихъ церковнослужителей, только не могутъ строить монастырей. Они ни подъ какимъ видомъ не могутъ привлекать къ своему исповѣданію другихъ христіанъ, живущихъ въ Россіи, но могутъ обращать въ христіанство магометанъ и дѣлать ихъ себѣ крѣпостными. Поселенцы свободны отъ всякихъ податей, службъ и налоговъ: земледѣльцы—на 30 лѣтъ, горожане, записавшіеся въ Петербургѣ и мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ по Ништадтскому миру, также въ Москвѣ, -на пять лѣтъ, а въ другихъ городахъ — на 10 лѣтъ. Каждому давалось вспоможеніе деньгами безъ процентовъ, съ уплатою въ три года и то по проце-

[1]) Журналы Сената, 13 мая.
[2]) Журналы Сената, 19 ноября.
[3]) Журналы Сената, 15 и 29 мая, 6 іюня, 9 іюля.
[4]) Полн. Собр. Зак. № 11,749.
[5]) Журналы Сената, 15 апрѣля.

ствіи 10 лѣтъ. Поселившимся особыми колоніями и мѣстечками оставлялась внутренняя юрисдикція въ ихъ благоучрежденіе; русскіе начальники во внутреннихъ распорядкахъ колонистовъ никакого участія не имѣли [1]).

Въ то время какъ учреждалась Канцелярія опекунства иностранныхъ, надобно было измѣнить управленіе славянскими колонистами, населившими при Елисаветѣ Новую Сербію. Знаменитый выводчикъ колоніи, Хорватъ, позволилъ себѣ разнуздаться на украйнѣ. Мы видѣли, что сначала жалобамъ на него не хотѣли вѣрить въ Петербургѣ, но еще при Елисаветѣ должны были нарядить слѣдствіе. При Петрѣ III, 21-го марта учреждена была коммисія по дѣлу Хорвата [2]); разсказываютъ, что въ это время большими подарками знатнымъ лицамъ онъ успѣлъ остановить дѣло [3]); но при Екатеринѣ оно опять началось. Нашли, что онъ употребилъ въ противные указамъ расходы 64,999 рублей казенныхъ денегъ [4]), и деньги эти велѣно возвратить въ казну чрезъ продажу его имѣнія; отъ управленія дѣлами новосербскихъ поселеній Хорвата, разумѣется, отрѣшили: на мѣсто его былъ назначенъ, какъ мы видѣли, генералъ-поручикъ Мельгуновъ, на помощь которому былъ приданъ бригадиръ Зоричъ, какъ человѣкъ, знающій нравы и обычаи поселенцевъ. Мельгуновъ былъ поставленъ однако подъ главное начальство Кіевскаго генералъ-губернатора; что же касается военныхъ дѣлъ, то Новосербскому корпусу, какъ людямъ воинскаго званія, велѣно быть подъ вѣдомствомъ Военной Коллегіи. Такъ какъ число выходцевъ изъ указанныхъ народовъ (Сербскаго, Болгарскаго, Волошскаго и Македонскаго) оказалось невелико, то велѣно принимать возвращающихся изъ Польши бѣглыхъ, какъ Малороссіянъ, такъ Великороссіянъ и всякой народности людей, „дабы тамошнія пустыя мѣста, какъ по пограничности нужныя, сколько возможно, настоящимъ кордономъ заселить и умножить“ [5]).

Запорожье и Донъ были спокойны; но старая казацкая жизнь съ ея обычаями и притязаніями видимо отливала отъ запада къ востоку,—и начинались движенія на далекомъ Яикѣ. Въ самомъ началѣ года, въ Яицкомъ городкѣ, подъ дирекціею генералъ-маіора Брахвельта, учреждена коммисія для изслѣдованія о поступкахъ атамана Бородина, который обвинялся въ излишнихъ денежныхъ сборахъ съ казаковъ и въ удержаніи у нихъ денежнаго жалованья, пороха и свинца; коммисія должна была изслѣдовать также о своевольствахъ старшины Логинова, который позволялъ себѣ развратныя и непристойныя толкованія посылаемыхъ къ Яицкому войску указовъ. Дѣло началось вслѣдствіе жалобы, поданной казаками императрицѣ на Военную Коллегію. Но въ то же время султанъ меньшей Киргизской орды прислалъ просить канцлера, нельзя ли смѣнить Бородина и на его мѣсто позволить Яицкому войску выбрать добраго и умнаго человѣка. Когда въ степяхъ узнали о смѣнѣ Бородина, то въ Москву явилось двое Яицкихъ казаковъ съ письмомъ къ канцлеру отъ того же Киргизскаго султана. „Нѣкоторыя просьбы наши“, писалъ султанъ, „приняты, Андрей Бородинъ отставленъ, чѣмъ я много доволенъ; но слышу, будто полученъ изъ Военной Коллегіи указъ быть атаманомъ одному старшинѣ изъ команды мужика и пришлеца атамана Могутова; но Яицкое войско, съ зачатія Яицкаго городка отъ 40 казаковъ, выбирало атамана всегда между собою; казаки за великую себѣ обиду и поруганіе будутъ считать, если ихъ отдадутъ въ команду Могутову, да и братъ мой, и я, и весь Киргизъ-Кайсацкій народъ будутъ этимъ недовольны. Я, услыша о разореніи Яицкаго войска и о горькихъ слезахъ его, не могъ не донести вашему сіятельству, дабы оное войско удовольствовано было“. Когда канцлеръ препроводилъ письмо къ императрицѣ, то она написала: „Отъ оныхъ казаковъ мнѣ подана челобитна, въ которой прописываютъ нарушенья ихъ правъ и вольностей отъ Военной Коллегіи, и я о семъ уже писала къ президенту: только сумнительно весьма, что Киргизцы объ нихъ просятъ“.

Екатерина думала, что русскихъ силъ на Восточной украйнѣ недостаточно, чтобъ страхомъ держать степные народы въ повиновеніи, и потому писала канцлеру: „Михайла Ларіоновичъ! Оренбургскій губернаторъ между прочимъ ко мнѣ пишетъ о чинимыхъ въ пути до Оренбурга иностраннымъ купцамъ отъ Киргизскаго народа остановкахъ и притѣсненіяхъ: и тако прикажите Коллегіи, чтобъ она не умедля употребила съ онымъ Киргизскимъ народомъ пристойныя средствы, коими бы такія чинимыя обиды и притѣсненія отвращены были“. А потомъ прибавила: „Всего лучше бы съ ними договариваться, дабы они хоть за деньги проводили безопасно караваны“.

Кромѣ Киргизовъ, безпокоили и Калмыки. Вдова извѣстнаго намъ хана Дундука-Омбы въ царствованіе Елисаветы приняла крещеніе съ троими сыновьями, и названа Вѣрою. Въ 1762 году она стала проситься въ родныя степи, выставляя свою старость и нездоровье; но прямо въ степи ее не отпустили, а позволили жить съ сыномъ Алексѣемъ въ Енотаевскѣ, причемъ надзиравшему надъ Калмыками бригадиру Бехтѣеву было приказано не пускать ее въ калмыцкіе улусы, также смотрѣть, чтобъ она не сносилась съ калмыцкими попами и не держала ихъ при себѣ. Бехтѣевъ донесъ, что калмыцкіе попы находятся при княгинѣ съ самаго ея пріѣзда въ Енотаевскъ, и, судя по калмыцкимъ обрядамъ, которые происходятъ въ ея домѣ, онъ сомнѣвается, твердо ли она держитъ Православную христіанскую вѣру; хотя на первой

[1]) Полн. Собр. Зак. № 11,879, 11,880.
[2]) Указы Петра III, въ Гос. Арх.
[3]) Mémoires de la pr. Daschkoff. I, 90.
[4]) Извѣстія изъ бумагъ Госуд. Арх.
[5]) Полн. Собр. Зак. № 11,861.

недѣлѣ Великаго поста она и говѣла, но со второй недѣли и даже на Страстной недѣлѣ ѣла мясо. Екатерина написала на донесеніи: „Когда княгиня Дундукова жила въ Кадетскомъ корпусѣ съ сыновьями, она всегда ѣла мясо, и докторы того корпуса знаютъ, что она рыбы ѣсть не можетъ: и такъ надлежитъ весьма осторожно быть, чтобъ не конфондировать законъ съ тою политикою, которую они, можетъ быть, употребляютъ для приласканія Калмыкъ“. Но когда Бехтѣевъ далъ знать, что изъ Енотаевска распущенъ слухъ, будто князь Іона Дундуковъ скоро привезетъ указъ — быть матери его, княгинѣ Вѣрѣ, главною правительницею всего Калмыцкаго народа, сыну ея Алексѣю — ханомъ, а настоящій намѣстникъ ханства,—Убаша,—останется только при своемъ наслѣдственномъ улусѣ; что кабардинскій владѣлецъ Касай съ сотнею Черкесъ намѣренъ пріѣхать къ княгинѣ Вѣрѣ въ Енотаевскъ,—то императрица написала: „Видно, что ея интриги далеко простираются. Енотаевскому начальнику или коменданту приказать за матерью и за сыномъ Дундуковымъ смотрѣть, дабы они не ушли, какъ уже и прежде отъ нихъ случилось“. Княгинѣ Вѣрѣ отправлена была грамота съ угрозою, что она будетъ взята въ Москву, если не успокоится. Иностранная Коллегія подала докладъ, что Дундуковыхъ надобно взять изъ Енотаевска и помѣстить въ Москвѣ, княгинѣ давать жалованье по двѣ тысячи рублей въ годъ, а сыну ея, Алексѣю,—по тысячѣ; кромѣ того, за улусы, отошедшіе къ намѣстнику ханства, дать имъ русскихъ деревень каждому душъ по тысячѣ.

Мы видѣли, что Екатерина назначила Оренбургскимъ губернаторомъ Волкова, облекая его полною своею довѣренностью; несмотря на то, Волковъ сначала отказывался отъ этого мѣста, выставляя свою несостоятельность при сильномъ соперникѣ, генералъ маіорѣ Тевкелевѣ, магометанинѣ, имѣвшемъ важное значеніе среди инородцевъ. Тевкелевъ былъ въ это время въ Петербургѣ. Императрица велѣла вице-канцлеру посовѣтоваться съ нимъ о Киргизскихъ дѣлахъ; но Тевкелевъ объявилъ, что онъ не можетъ подать никакого мнѣнія, пока не будетъ знать, угодно ли императрицѣ послать его на Восточную украйну; если будетъ посланъ,—то подастъ мнѣніе, какимъ образомъ онъ думаетъ поступать, а иначе для другого человѣка мнѣнія написать не можетъ, причемъ превозносилъ прежнія свои службы. Коллегія доносила: „Примѣчено изъ его словъ, что онъ охотно бы поѣхалъ туда; можетъ быть захочетъ онъ получить главную команду въ Оренбургѣ, но, кажется, въ разсужденіи его магометанскаго закона, то было бы не весьма прилично“. Императрица сказала вице-канцлеру, чтобъ оставилъ Тевкелева въ покоѣ, о Волковѣ же затѣтила, что ему даны достаточныя средства держаться на своемъ мѣстѣ[1]).

[1]) Журналы Сената, 23 января. — Моск. Арх. Мин. Ин. Д.—См. прилож. 3.

Въ самомъ концѣ года, именно 27-го декабря, пришли непріятныя извѣстія изъ Кіева: доносили, что въ среднихъ числахъ декабря пріѣзжалъ туда старшій канцеляристъ генеральной войсковой канцеляріи Туманскій (родной братъ генеральнаго писаря) по магистратскимъ дѣламъ; но по отъѣздѣ его узнали, что онъ дѣлалъ нѣкоторыя представленія Кіевскому митрополиту и Печерскому архимандриту. Послѣдній разсказалъ, что дѣло шло о челобитной, которую хотѣли подать отъ всего общества, объ избраніи и утвержденіи новаго гетмана изъ сыновей настоящаго гетмана Разумовскаго. Архимандритъ отказался подписать челобитную, а митрополитъ сказалъ: „Кажется, гетману и тою высочайшею милостію, которую имѣетъ, довольнымъ быть должно“. Старшины, кромѣ генеральнаго писаря Туманскаго, не согласились и не подписали; но полковники подписались всѣ, кромѣ Черниговскаго—Милорадовича. Сочинили челобитную Туманскій да два полковника, Горленко и Хованскій. Содержаніе челобитной было такое: въ прежнее время, съ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ гетманы все выбирались новыя лица, вслѣдствіе чего были безпорядки; поэтому нашли полезнымъ, какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ ея и. в. и всей имперіи интересовъ, такъ и для всегдашняго утвержденныхъ малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій сохраненія и для избѣжанія народу разорительныхъ трудностей, имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей ко Всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена. За этимъ слѣдовала похвала Разумовскому: онъ имѣетъ высочайшую довѣренность, владѣетъ столькими же имѣніями въ Великой Россіи, какъ и въ Малороссіи, сыновья его будутъ подражать въ качествахъ и въ благоповеденіяхъ родителю своему: поэтому послѣ нынѣшняго гетмана просятъ объ избраніи въ гетманы его сыновей, по примѣру Юрія Хмельницкаго, избраннаго послѣ отца въ благодарность за услуги послѣдняго Россійской имперіи. По гетманскимъ посылкамъ, полковники и полковая старшина съѣхались въ Глуховѣ и слушали челобитную въ генеральной канцеляріи. Выслушавъ, нѣкоторые сказали: „Хорошо“; но большинство молчало. Тутъ генеральный судья Дублянскій объявилъ: „Теперь-то хорошо, а впредь что будетъ,—узнать не можно, и для того подписывать не буду“. Только-что онъ это сказалъ, всѣ одинъ за другимъ ушли изъ канцеляріи. На слѣдующій день приказано было опять собраться; собрались и подписались полковники, кромѣ Черниговскаго, а полковая старшина и старшина генеральная, кромѣ писаря, не подписались. Обозный Кочубей сказалъ: „Мнѣ нельзя подписываться по свойству“. Есаулъ Скоропадскій сказалъ: „Хотя онъ мой шефъ, только я не подпишусь“. Хорунжій Апостолъ объявилъ: „Есть старше меня, пускай они подписываются“. Бунчуковый Тарновскій сказалъ: „Я

согласенъ съ Скоропадскимъ". Послѣ этого собраніе разошлось [1]).

Эти явленія на Юго-Западной украйнѣ были тѣмъ болѣе непріятны, что Польскія дѣла требовали особеннаго вниманія.

11-го января Симолинъ описывалъ императрицѣ торжественный въѣздъ Бирона въ Митаву; за каретой герцога ѣхало больше пятидесяти каретъ курляндскаго дворянства. Когда Биронъ поравнялся съ русскимъ батальономъ, то встрѣченъ былъ барабаннымъ боемъ, музыкою и пушечными выстрѣлами. „И можно выговорить", писалъ Симолинъ, „что такой радости и толь великаго удовольствія здѣшній городъ никогда не видалъ, ибо все то, что слухъ въ движеніе приводитъ, употреблено при семъ случаѣ столь много, что нельзя было другихъ разговоровъ разумѣть, понеже ко всѣмъ прочимъ упомянутымъ военнымъ инструментамъ и орудіямъ присовокупилось народное восклицаніе и звонъ колокольный съ церквей, хотя и сіе звонарямъ отъ принца Карла прещено было". Но полной радости мѣшало то, что Биронъ долженъ былъ остановиться въ домѣ купца Фермона, потому что дворецъ былъ занятъ прежнимъ герцогомъ. Число дворянъ, представлявшихся Бирону, простиралось до 500 человѣкъ обоего пола; не явились только оберъ-раты и члены придворной партіи, число которыхъ простиралось до 20 человѣкъ. Симолинъ послалъ сказать оберъ-ратамъ, что императрицѣ пріято будетъ, если и они покажутъ своему государю уваженіе любовь и послушаніе. На это они отвѣчали, что очень чувствуютъ милость императрицы къ ихъ отечеству, и крайне жалѣютъ, что не могутъ явиться къ герцогу Эрнесту-Іоганну, потому что это имъ наикрѣпчайше запрещено принцемъ Карломъ, къ которому они, какъ его служители, привязаны присягою, и еще сегодня отъ короля, родителя его, полученъ на имя ихъ и всей Земли рескриптъ, которымъ строжайше повелѣвается оставаться вѣрными его сыну и не имѣть никакого сообщенія съ герцогомъ Эрнестомъ-Іоганномъ и съ чужимъ Дворомъ, подъ лишеніемъ имущества и жизни; а принцу Карлу предписано отъ короля отнюдь не трогаться изъ Митавы. Остальные дворяне просили Симолина представить императрицѣ, нельзя ли какъ-нибудь заставить принца Карла выѣхать изъ Митавы до начала, такъ-называемой, братской конференціи, которая назначена на 30-е января, ибо его присутствіе въ это время причинитъ только препятствія и замѣшательства,—у оберъ-ратовъ и земскихъ служителей будутъ связаны руки относительно ихъ присяги.

Для борьбы съ Симолинымъ за принца Карла пріѣхалъ въ Митаву королевскій коммисаръ, кастелянъ Липскій, и ожидался другой—воевода Платеръ. Симолинъ далъ знать оберъ-ратамъ, чтобъ они не имѣли сношенія съ польскими коммисарами, и такъ какъ императрица не признаетъ другого Курляндскаго герцога, кромѣ Эрнеста-Іоганна, то не будетъ признавать и тѣхъ оберъ-ратовъ, которые будутъ служить кому-нибудь другому, а не Эрнесту-Іоганну. Угроза подѣйствовала, и оберъ-бургграфъ Оффенбергъ немедленно явился на поклонъ къ Бирону, а другіе пошли къ принцу Карлу и объявили, что если онъ защитить ихъ не въ состояніи, то они не смѣютъ производить земскія дѣла въ противность Бирону и намѣрены отложить ихъ до сейма; но принцъ застращалъ ихъ королемъ и велѣлъ исполнять должность. Тогда несчастные оберъ-раты обратились къ Симолину съ просьбою засвидѣтельствовать передъ Бирономъ непоколебимую ихъ преданность и вѣрность въ исполненіи его повелѣній, какъ скоро они освободятся отъ присяги и не увидятъ причины опасаться гнѣва и наказанія отъ короля; что они ждутъ только прямаго приказанія императрицы оставить принца Карла; хорошо было бы также, по ихъ мнѣнію, если-бъ принцъ поскорѣе уѣхалъ изъ Митавы.

Потомъ Симолинъ уѣхалъ къ коммисару Липскому и объявилъ ему, что императрица не признаетъ въ Курляндіи никакого другого герцога, кромѣ Эрнеста-Іоганна. Липскій сталъ говорить: что не понимаетъ, какое право имѣетъ Россія на Курляндію, въ которой онъ, Липскій, находится теперь уполномоченнымъ у настоящаго герцога-принца Карла; что, по прибытіи сюда, провѣдалъ онъ, что какой-то Биронъ въѣхалъ въ городъ съ великимъ торжествомъ; что видитъ въ Митавѣ такъ много русскихъ солдатъ, и что съ русской стороны все дѣлается силою, а онъ, кромѣ законовъ, не привезъ съ собою никакого другого оружія. Симолинъ отвѣчалъ, что пріѣхалъ къ нему не требовать отвѣта въ его поведеніи, но объявить волю императрицы, а воля эта состоитъ въ соблюденіи правъ и преимуществъ Польской республики и здѣшнихъ герцогствъ.—„Я не оспариваю", продолжалъ Симолинъ, „что у васъ нѣтъ никакихъ орудій, кромѣ законовъ, нарушенныхъ съ вашей стороны, которые императрица, въ силу трактатовъ, по сосѣдству и по примѣру своихъ предковъ, обязана охранять; поэтому не будетъ вамъ позволено ни малѣйшаго поступка въ предосужденіе здѣшней Земли и ея правъ, и когда на дружескія представленія императрицы при Польскомъ Дворѣ не оказано никакого вниманія, то остаются способы, какіе употребляются въ крайнихъ случаяхъ для доставленія справедливости обиженной сторонѣ". Но эти слова не успокоили Липскаго, который повторилъ, что будетъ исполнять свои инструкціи.

Чтобъ отнять у коммисара средство исполнять его инструкцію, Биронъ, по совѣту преданнаго ему дворянства, велѣлъ запечатать герцогскую судебную камеру и канцелярію, чѣмъ правительство приведено было въ совершенное бездѣйствіе.

Къ назначенному сроку съѣхалось въ Митаву много дворянъ для братской конференціи. Утромъ того самаго дня, когда началась конференція, Липскій приказалъ на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ

---

[1]) Донесеніе въ Гос. Арх.

прибить копіи королевскаго рескрипта, запрещавшаго всякія сношенія съ Бирономъ. Пріѣхавшій въ Митаву Литовскій оберъ-егермейстеръ Забѣлло и генералъ Левицкій намѣрены были въ церкви, куда дворянство должно было собраться предъ началомъ конференціи, протестовать противъ всего, что было сдѣлано въ послѣднее время съ русской стороны. Но Симолинъ, опасаясь, какъ писалъ, „непостоянства и трусости нѣкоторыхъ дворянъ", велѣлъ снять со всѣхъ мѣстъ прибитые рескрипты, а къ Липскому послалъ напомнить декларацію императрицы и потребовать, чтобъ онъ не вмѣшивался въ Курляндскія дѣла, которыя совершенно до него не касаются. Эти распоряженія ободрили дворянство, которое въ церкви, безъ обычнаго крика и шума, выбрало въ директоры преданнаго Россіи человѣка—Гейкина изъ Дурбена, а на другой день отправилось на поклонъ къ Бирону. Симолинъ приказалъ выпроводить изъ Митавы въ Литву Левицкаго за то, что онъ вручилъ инстигаторскіе позывы къ суду въ Польшу, которые пугали дворянъ. Такъ какъ для конференціи необходимы были оберъ-раты, то собранное дворянство послало звать ихъ, какъ старшихъ братьевъ. Но они, кромѣ оберъ-бургграфа Оффенберга, не пріѣхали, отговариваясь болѣзнью, впрочемъ дали знать дворянству, что не смѣютъ присутствовать въ конференціи, когда принцъ Карлъ еще въ Митавѣ, и, по ихъ мнѣнію, лучше было бы, если-бъ дворянство послало къ королю челобитную съ описаніемъ послѣднихъ событій и съ просьбою разрѣшить Землю отъ присяги принцу Карлу. Часть дворянства требовала, чтобъ поступлено было такимъ образомъ; но Симолинъ, который, по его словамъ, не оставлялъ конференцію при всякихъ трудныхъ ея задачахъ, устроилъ такъ, что составлена была манифестація, гдѣ дворянство, объявляя, что Курляндія желаетъ остаться при Польской республикѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ объявляло, что не желаетъ имѣть герцогомъ никого другого, кромѣ Бирона. Изъ оберъ-ратовъ только одинъ не соглашался признать Бирона; а такъ какъ по законамъ дѣла могли отправляться и тремя оберъ-ратами, то считали, что Биронъ вступилъ въ дѣйствительное обладаніе Курляндіею.

Но принцъ Карлъ жилъ во дворцѣ, а Биронъ—въ частномъ домѣ, и какъ ни старался послѣдній вмѣстѣ съ Симолинымъ уговорить дворянство, чтобъ оно потребовало у принца Карла очищенія дворца и въ то же время обратилось къ императрицѣ съ просьбою о защитѣ,—дворянство никакъ не соглашалось: „поелику", писалъ Симолинъ, „вперены у нихъ законы ихъ, прямымъ нарушеніемъ которыхъ они и сей пунктъ разумѣютъ". 15 апрѣля собрались къ принцу Карлу изъ деревень его приверженцы, человѣкъ 18; вечеромъ онъ со всѣми ними ужиналъ у старостины Корфъ, гдѣ и простился съ ними, увѣряя въ скоромъ своемъ возвращеніи и уговаривая остаться ему вѣрными: а на другой день, рано утромъ, выѣхалъ въ Варшаву со всѣмъ Дворомъ, оставя для охраненія своихъ интересовъ двоихъ польскихъ сенаторовъ—Платера и Липскаго. Какъ только Симолинъ узналъ объ отъѣздѣ принца Карла, то немедленно послалъ подполковника Шредера занять дворецъ, что и было исполнено; а 14 іюля уѣхали сенаторы Платеръ и Липскій. Мѣсто для Бирона было совершенно очищено [1]).

Разумѣется, эти явленія производили все большее и большее раздраженіе между Русскимъ и Польскимъ Дворами. 21 февраля Екатерина писала Воронцову: „Надлежитъ писать къ графу Кейзерлингу, что я при теперешнихъ обстоятельствахъ съ великимъ удивленіемъ слышу, что при польскихъ близъ Курляндіи и Лифляндіи границахъ собирается войско; что на то я индеферентными глазами смотрѣть не буду, и терпѣть не могу, чтобъ присвоилъ себѣ оный Дворъ выйтить изъ узаконеній своего королевства, которыя королю не позволяютъ безъ сейма собирать на чужой границѣ войско; а если оное собраніе войскъ цѣлитъ обезпокоить законнаго Курляндскаго герцога Эрнеста-Іоганна, то я имъ объявляю, что я королевскую власть безъ сейма надъ онымъ не признаю, и все, что безъ республики сдѣлано будетъ въ ономъ дѣлѣ, пріиму, какъ нарушеніе польской вольности, которой гарантію я имѣю и защищать намѣрена, а герцога Эрнеста-Іоганна въ свое покровительство принимаю, какъ беззаконно утѣсненнаго владѣтеля".

Августъ III прислалъ въ Москву уполномоченнаго для ходатайства за сына у императрицы; но этому уполномоченному—Борху—не позволили ни представиться императрицѣ, ни вступать въ переговоры съ канцлеромъ или вице-канцлеромъ. Курляндскія дѣла были дѣла чисто Польскія; но Борхъ не могъ быть допущенъ въ качествѣ уполномоченнаго Августа III, какъ Польскаго короля, ибо у Россіи съ Польшею не было непосредственныхъ сношеній вслѣдствіе того, что республика не признавала императорскаго титула Русскихъ государей; въ качествѣ же саксонскаго министра, Борхъ не могъ быть допущенъ до переговоровъ о Курляндскихъ дѣлахъ, ибо Саксонскому курфирсту не было никакого дѣла до Курляндіи. 24 февраля Екатерина писала Воронцову: „Можно г. Борху сказать, что всѣ оные труды лишни: что я не перемѣню своихъ сентиментовъ по Курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; что его (Борха) персона пріятна мнѣ, а его коммисія весьма не такова; что удивительна слѣпость его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, что того удивительнѣе, вездѣ упоминаетъ, будто по наученіямъ чьимъ-либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходитъ моему достоинству противно оное дѣло болѣе трактовать en avocat, и что твердо намѣрена сутенировать то, что я начала, всѣми отъ Бога мнѣ данными способами".

Кейзерлингъ доносилъ, что хотятъ предать суду

[1]) Дѣла Курляндскія 1763 г.

герцога Бирона, Литовскаго канцлера Чарторыйскаго и стольника Литовскаго Понятовскаго,—послѣдняго за то, что при Елисаветѣ велъ переговоры о допущеніи русскихъ войскъ въ Польскія владѣнія. Екатерина, получивъ это извѣстіе, написала: „Неужели Польской Дворъ въ горячкѣ; если стольника судить, что онъ домогался россійской арміи въ Польшѣ ввести, такъ и короля судить надо, что онъ ему такія для саксонской интересъ наставленія давалъ". Въ началѣ февраля Кейзерлингъ писалъ: „По нынѣшнимъ обстоятельствамъ необходимо умножить число нашихъ друзей; а такъ какъ видно, что здѣшній Дворъ не намѣренъ намъ въ этомъ помогать раздачею чиновъ и наградъ, то мы должны сами изыскивать къ тому способы. Примасъ въ государствѣ—первая особа по королѣ, особенно онъ важенъ во время междуцарствія, и я всячески буду стараться пріобрѣсть его склонность и дружбу. Прежде примасъ Потоцкій получалъ пенсіи въ годъ по 15,000 рублей, и если вашему императорскому величеству будетъ угодно, то можно эту пенсію раздѣлить такъ, чтобы примасъ и Литовскій гетманъ Масальскій получали въ годъ по 8,000 рублей. Сколько мнѣ извѣстно, еще никто изъ нихъ ни къ какой иностранной державѣ не привязанъ; а чтобъ этого сдѣлаться не могло, то не угодно ли будетъ вашему императорскому величеству надлежащіе указы о пенсіяхъ прислать ко мнѣ немедленно". Канцлеръ сдѣлалъ на этой реляціи замѣтку: „Извѣстное дѣло, что безъ раздачи въ Польшѣ денегъ и пенсіоновъ невозможно по намѣреніямъ своимъ съ успѣхомъ достигнуть: не соизволите ли ваше величество указать г. Кейзерлингу изъ посланной къ нему суммы денегъ представленнымъ отъ него персонамъ нынѣ выдать по 3,000 червонныхъ, съ обнадеживаніемъ ежегодныхъ впредь пенсіоновъ, и чтобъ графъ Кейзерлингъ постарался и гетмана Браницкаго въ наши интересы преклонить, представя ему знатную сумму денегъ". Императрица написала: „Быть по сему и отдать на разсмотрѣніе графу Кейзерлингу. Извѣстно, что онъ попустому не раздастъ". Отъ 4 февраля Кейзерлингъ доносилъ: „Время созваннаго къ 23 числу этого мѣсяца сенатусъ-консиліума приближается, и уже нѣкоторые сенаторы находятся здѣсь; думаютъ, что это собраніе будетъ очень многочисленно, потому что всячески стараются большинствомъ голосовъ достигнуть въ сенатѣ по Курляндскому дѣлу того, чего нельзя достигнуть законами и справедливостію. По нынѣшнему состоянію республики, Дворъ въ этомъ собраніи можетъ всегда имѣть большинство голосовъ, ибо чины и награды, которые по pacta conventa должны доставаться только заслуженнымъ и искуснымъ людямъ, слишкомъ 12 лѣтъ получали только такіе, которые соглашались на все угодное Двору; слѣдовательно слѣпое послушаніе заступаетъ теперь мѣсто всѣхъ заслугъ. Легко поэтому разсудить можно, сколько нынѣшнее правленіе этой вольной республики отступаетъ отъ перваго своего учрежденія и походитъ почти на аристократію: отъ этого, наконецъ, мало-по-малу можетъ произойти и неограниченная власть. Если-бъ нынѣшній король былъ другихъ мыслей, и если-бъ министерство имѣло болѣе разума, искусства и силы, то было бы легко королевскую власть распространить. Шляхта можетъ о правахъ своихъ говорить только на сеймахъ; а такъ какъ сеймы постоянно разрываются, то не остается ей способа оспаривать то, что противно законамъ и вольности. Состоятельность сеймовъ есть защита вольности; но кажется, что шляхта этого не примѣчаетъ, ибо она слишкомъ 20 лѣтъ привыкла видѣть, какъ сеймы разрываются и чрезъ это вырывается у нея изъ рукъ случай говорить о своихъ правахъ. Шляхетская вольность есть одно только пустое имя; власть, подкрѣпляющая государственную вольность, роздана теперь такимъ, которые слѣдуютъ желаніямъ Двора и совершенно пренебрегаютъ уставами государственными. Доказательствомъ служитъ отдача Курляндіи принцу Карлу безъ согласія сейма, что прямо запрещено конституціей 1607 года. Противная партія оспорить этого не можетъ, и только заявляетъ, что рѣшеніе Курляндскихъ дѣлъ принадлежитъ королю и республикѣ, а не Россіи. Я имъ отвѣчаю на это, что въ Россіи не намѣрены ничего рѣшать; что дѣло рѣшено конституціею 1736 года, когда Курляндія отдана герцогу Бирону, а ваше величество никогда не допустите, чтобъ рѣшеніе всей республики было ниспровергнуто частію ея; а что рѣшено, того нечего рѣшать. Говорятъ, что послѣ нынѣшняго сенатусъ-консиліума созванъ будетъ въ маѣ мѣсяцѣ чрезвычайный сеймъ. Не безполезно было бы, если-бъ ваше императорское величество указать соизволили стоящимъ по польской границѣ войскамъ вашимъ быть въ готовности къ походу".

Въ сенатусъ-консиліумѣ изъ 60 сенаторовъ 48 признали принца Карла законнымъ герцогомъ Курляндскимъ и рѣшили начать уголовный процессъ противъ Бирона и его приверженцевъ. Получивши объ этомъ извѣстіе, Екатерина написала Воронцову: „Пошлите г. Борху сказать, что, видя отъ его короля не иное, какъ крайнее мнѣ оскорбленіе и его собственный (Борха) поступокъ по Двора его наставленію (равно сослаться на декларацію объ императорскомъ титулѣ), я повелѣваю ему въ 48 часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить. И прибавить къ тому, что результатъ сенатусъ-консиліума тому причиною, изъ которой видится, что они хотятъ меня принудить изъ пріятельскаго поступка выходить, хотя въ семъ случаѣ саксонская министерія не болѣе благопристойныхъ мѣръ взяла какъ и во всемъ, и столь республику оскорбила, сколь и меня. Чтобъ они знали, что я герцога Эрнеста-Іоганна и вольности польской защищать буду всѣмъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ".

Этимъ раздраженіемъ пользовались Чарторыйскіе. Приведенное донесеніе Кейзерлинга показы-

ваетъ, что старикъ находился подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ; подъ ихъ вліяніемъ онъ натолковывалъ своему Двору, какъ опасно единогласіе на польскихъ сеймахъ: Чарторыйскимъ нужно было мало-по-малу склонить Русскій Дворъ къ поданію помощи въ нужныхъ имъ преобразованіяхъ. Между тѣмъ, Чарторыйскіе попрежнему настаивали на необходимость конфедераціи. Въ промеморіи, поданной ими Кейзерлингу, они писали: „Въ актахъ конфедераціи будетъ говориться отъ имени короля Августа III, которому можно сказать то же, что Граммонъ сказалъ Людовику XIV-му: „Мы вели войну съ Мазариномъ, исполняя свои обязанности къ вашему величеству". Для успѣха конфедераціи Чарторыйскіе требовали, чтобъ Екатерина назначила коммисію для вознагражденія Полякамъ, потерпѣвшимъ въ послѣднюю войну, для чего: коммисія должна была имѣть 50,000 дукатовъ; учредить въ Смоленскѣ складъ оружія и приготовить экипажи, на которыхъ оно должно быть перевезено въ Шкловъ, имѣніе князя Чарторыйскаго, воеводы Русскаго, а другой складъ учредить въ Кіевѣ, изъ котораго оружіе должно быть перевезено въ Меджибожъ, другое имѣніе Чарторыйскихъ; чтобъ сто человѣкъ русскихъ артиллеристовъ и 400 гусаръ поступили въ команду начальниковъ конфедераціи. „Кромѣ 50,000 дукатовъ", писали Чарторыйскіе, „нужно сдѣлать еще многія подобныя же выдачи, но", прибавляли они, „мы далеки отъ того, чтобъ предписывать что-нибудь великой душѣ, которая никогда ничего не предпринимаетъ безъ исполненія и которая такъ хорошо знаетъ, что сила средствъ сокращаетъ трудъ".

Но „великой душѣ" не нравилась эта крутая мѣра, особенно потому, что требовала много русскихъ денегъ. Раздраженная безсильными хотѣніями и угрозами Польскаго Двора, Екатерина писала Кейзерлингу 1 апрѣля: „Разгласите, что если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кёнигштейнъ кого-нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отмстить за оскорбленія, наносимыя мнѣ королемъ Польскимъ" [1]). Но въ другомъ тонѣ было написано письмо къ Кейзерлингу 14 іюля: „Я вижу, что наши друзья очень разгорячились и готовы на конфедерацію; но я не вижу, къ чему поведетъ конфедерація при жизни короля Польскаго. Говорю вамъ сущую правду: мои сундуки пусты и останутся пусты до тѣхъ поръ, пока я не приведу въ порядокъ финансовъ, чего въ одну минуту сдѣлать нельзя. Моя армія не можетъ выступить въ походъ въ этомъ году,—и потому я поручаю вамъ сдерживать нашихъ друзей, а главное—чтобъ они не вооружались, не спросясь со мною: я не хочу быть увлечена далѣе того, сколько требуетъ польза моихъ дѣлъ". Отъ 26-го іюля дополнительное распоряженіе: „Въ послѣднемъ моемъ письмѣ я приказывала вамъ удерживать друзей моихъ отъ преждевременной конфедераціи; но въ то же время дайте имъ самыя положительныя удостовѣренія, что мы ихъ будемъ поддерживать во всемъ, что благоразумно; будемъ поддерживать до самой смерти короля, послѣ которой мы будемъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, въ ихъ пользу". Какъ берегла въ это время Екатерина деньги,—видно изъ записки ея къ вице-канцлеру, по поводу просьбы какого-то барона Линзингена: „Уладьте дѣло по его претензіямъ къ моему и его удовольствію, дабы волки были сыты и овцы цѣлы, а овцы—червонные".

Екатерина считала всякую сильную мѣру преждевременною до смерти короля. Въ началѣ года она была встревожена извѣстіемъ объ опасной болѣзни Августа III-го; немедленно созвана была конференція: Бестужевъ настаивалъ, что всего лучше возвести на престолъ сына Августа III-го, будущаго курфюрста Саксонскаго; но его мнѣніе не было принято, и рѣшено, что при будущихъ выборахъ надобно дѣйствовать въ пользу Пяста (природнаго Поляка), и именно—стольника Литовскаго, графа Станислава Понятовскаго; если же его нельзя,- то двоюроднаго брата его, князя Адама Чарторыйскаго, сына князя Августа, воеводы Русскаго (т.-е. Галицкаго); хранить это втайнѣ, держать 30,000 войска на границѣ и еще 50,000 наготовѣ.

Отъ 8-го февраля пошелъ къ Кейзерлингу рескриптъ: „Какъ старость лѣтъ, такъ и настоящее болѣзненное состояніе короля Польскаго великую подаютъ намъ причину заблаговременно принять надлежащія мѣры, дабы, въ случаѣ кончины его величества, возведенъ былъ на Польскій престолъ такой король, отъ котораго государственные наши интересы не токмо бы никакого ущерба не претерпѣли, но паче вящшее приращеніе возымѣть могли-бъ. Изъ Саксонскихъ принцевъ не находимъ мы никого, ктобы съ пользою интересовъ нашихъ въ сіе достоинство возведенъ быть могъ: нынѣшняго курь-принца Поляки, конечно, не похотятъ имѣть своимъ королемъ, по причинѣ слабаго его сложенія; принцъ Ксаверій, будучи преданъ совсѣмъ Франціи, а принцъ Карлъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будучи огорченъ противъ насъ,—много отъ нихъ ожидать нельзя, какъ явнаго недоброжелательства къ имперіи нашей; изъ прочихъ же чужестранныхъ принцевъ не знаемъ никого къ тому способнымъ, почему надобно избрать къ тому и въ готовности содержать достойную особу изъ Піастовъ. По совершенному знанію, которые вы чрезъ долговременное искусство пріобрѣли о всѣхъ княжескихъ Домахъ, также и добродѣтеляхъ всѣхъ польскихъ вельможъ, имѣете вы какъ наискорѣе намъ донесть обстоятельно: кто бы, по вашему разсужденію, наиспособнѣйшимъ къ тому быть могъ, изъ чужестранныхъ ли принцевъ, или изъ Піастовъ, и на кого бы мы, въ разсужденіи государ-

---

[1]) Французское письмо оканчивается нѣмецкою фразою: «die Haidamaken werden in Pohlen geliebt»

ственнаго нашего интереса, больше надежду имѣть могли. Мы думаемъ, что хотя республика Польская, при избраніи въ короли чужестраннаго принца, и находились бы при нынѣшнемъ же своемъ раздѣленіи и слабости, кои для интересовъ нашихъ не инако какъ полезны, и сверхъ того отъ Германскаго принца, въ разсужденіи инфлюенціи въ Германскихъ дѣлахъ, больше надежности въ обязательствахъ ожидать надлежитъ, да и такой принцъ, имѣя собственныя свои области и достаточные доходы, не имѣлъ бы слѣдовательно нужды желать отъ какой иностранной державы субсидей, и потому отъ оной зависѣть, и мы бы также не были принуждены въ тягость нашей казны оныя субсидіи ему давать,—но понеже способнаго къ тому избрать не можемъ, то лучше было-бъ, когда-бъ назначенъ былъ къ тому благонамѣренный къ намъ Піастъ; однакожь въ ожиданіи доношенія вашего отлагаемъ принять конечную въ томъ резолюцію. Между тѣмъ, дабы, въ случаѣ дѣйствительной кончины нынѣшняго короля, можно было ревностно подкрѣплять преставляемаго кандидата, мы учинили уже потребныя распоряженія, чтобъ какъ корпусъ войскъ нашихъ до 30,000 человѣкъ въ готовности находился по первому указу вступить въ Польшу, такъ и знатная денежная сумма въ наличіи содержима была. Равномѣрно-жъ не оставите вы и съ вашей стороны стараніе прилагать примаса регии и другихъ инфлюенцію имѣющихъ знатныхъ Поляковъ приласкать, обнадеживая ихъ императорскою нашею протекціею и вспоможеніемъ, чтобъ, когда случай настоять будетъ, могли мы отъ содѣйствованія ихъ ожидать успѣха въ нашемъ намѣреніи, которое, конечно, деньгами и оружіемъ сильно подкрѣплять не оставимъ. А какъ всѣ сіи предпринимаемыя запасныя мѣры имѣютъ единственно въ виду пользу интересовъ нашихъ и сопряжены съ великимъ истощеніемъ казны нашей, то справедливость требуетъ обнадежиться напередъ отъ новаго кандидата полученіемъ нѣкоторыхъ для имперіи нашей выгодностей; а оныя, какъ и вамъ довольно извѣстно, состоятъ въ томъ, чтобъ въ исполненіе мирнаго трактата между обоихъ государствъ точныя границы установлены и захваченныя Поляками у нашихъ подданныхъ земли возвращены были, также чтобъ живущіе въ Польшѣ и Литвѣ многія тысячи нашихъ подданныхъ людей бѣглыхъ назадъ въ Россію выданы, а впредь бы такіе бѣглецы тамо отнюдь не принимаемы и не укрываемы были, и чтобъ собственные польскіе и литовскіе обыватели Греческаго исповѣданія купно съ ихъ монастырями и церквами отъ приключаемаго имъ донынѣ несноснаго утѣсненія въ вѣрѣ и отправленіи службы Божіей совершенное избавленіе получили, а отнятое у нихъ имѣніе и превращенныя на унію церкви возвращены-бъ были, и чтобъ все сіе стараніемъ такого новаго короля вновь накрѣпко узаконено и въ дѣйствительность приведено быть могло".

Кромѣ этого рескрипта, отправленъ былъ еще секретнѣйшій, въ которомъ предписывалось, въ случаѣ королевской смерти: „Имѣете вы обнадеживать вообще всѣхъ Поляковъ именемъ нашимъ о дружбѣ и доброжелательствѣ нашемъ къ республикѣ Польской, что мы, о сохраненіи ея вольностей и конституціи всегдашнее попеченіе имѣя, пріемлемъ истинное участіе въ ихъ благополучіи; что мы для собственнаго блага республики желаемъ, чтобъ королемъ выбранъ былъ собственный ихъ патріотъ, талантъ и достоинство къ тому имѣющій, къ чему мы съ своей стороны назначиваемъ стольника Литовскаго, графа Понятовскаго, или князя Адама Чарторыйскаго, который, по нашему разсужденію, кажется одаренъ всѣми достоинствами и добродѣтелями, государю надлежащими, и о преданности котораго къ нашей имперіи мы извѣстны, и для утвержденія его на Польскомъ—престолѣ употребимъ всѣ отъ Бога дарованные намъ силы, и что, впрочемъ, республика сама признать должна, какой существительный интересъ и участіе имѣемъ мы въ избраніи короля Польскаго, и для того не подвергала бы отечество свое бѣдствіямъ, кои неминуемо послѣдуютъ, ежели рекомендація наша въ надлежащее уваженіе принята не будетъ".

Но Кейзерлингъ отъ 9-го марта увѣдомилъ, что слухъ о смертельной болѣзни короля разглашенъ съ французской стороны нарочно для того, чтобъ вывѣдать намѣренія Русскаго Двора относительно избранія новаго Польскаго короля. Король оправился; а такъ какъ онъ живетъ умѣренно, то можетъ протянуть еще нѣсколько лѣтъ, и если въ это время будетъ продолжаться въ Польшѣ существующій порядокъ, то Франціи, конечно, удастся сдѣлать по своему при будущихъ выборахъ, особенно если въ это время и дофинъ вступитъ на престолъ отца своего, а съ русской стороны не употребятся всѣ старанія безъ потери времени, чтобъ Прусскій король былъ выхваченъ изъ рукъ и сѣтей французскихъ и былъ привлеченъ къ русскому интересу, который здѣсь съ прусскимъ одинаковъ; а въ Вѣнѣ уже установлена французская система: за эрцгерцога выдана принцесса изъ Бурбонскаго Дома, и пока Кауницъ дѣлами правитъ,—до тѣхъ поръ тамъ не можетъ быть никакой другой системы, кромѣ нынѣшней.

Касательно особы будущаго короля Кейзерлингъ писалъ, что Саксонскаго принца допустить опасно еще и потому, что многіе въ Польшѣ склонны установить у себя наслѣдственное правленіе вмѣсто избирательнаго. Сильный Польскій король никогда не будетъ полезенъ Россіи; если онъ богатъ, то можетъ жить собственными средствами; если наслѣдныя его Земли далеко отъ русскихъ границъ, то онъ о Польшѣ мало, а о Россіи вовсе не будетъ заботиться, хотя и чрезъ нее получитъ корону. Благодарность теперь стала рѣдкою добродѣтелью. Вообще иностранный принцъ, который съ великими и сильными Домами въ Европѣ состоитъ въ родствѣ и обязательствахъ, не можетъ никогда быть полезенъ Россіи на Польскомъ престолѣ, и потому изъ

иностранныхъ принцевъ онъ, Кейзерлингъ, не знаетъ ни кого, кто бы достоинъ былъ польской короны въ разсужденіи русскаго интереса. Всѣ эти препятствія исчезаютъ при избраніи Пяста, и именно изъ русскихъ друзей.

Екатерина отвѣчала на эти донесенія, что она очень рада королевскому выздоровленію и возможности продлиться его жизни еще нѣсколько лѣтъ, ибо въ противномъ случаѣ могли бы произойти для нея великія и почти неминуемыя трудности, особенно при вмѣшательствѣ другихъ державъ. „Мы“, писала Екатерина, „согласно съ вами, признаемъ нужду присоединить въ этомъ дѣлѣ короля Прусскаго къ нашему интересу, отводя его отъ Франціи, и, конечно, не оставимъ о томъ помышлять, къ чему есть довольное время по нынѣшнему состоянію здоровья короля Польскаго“.

Кейзерлингъ сильно ошибался въ своихъ обнадеживаніяхъ относительно продолжительности королевской жизни. 6 октября Екатерина получила отъ него извѣщеніе о смерти Августа III-го. „Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о смерти короля Польскаго: король Прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услыхалъ“, писала потомъ Екатерина Панину. Немедленно во внутреннихъ покояхъ императрицы собралась конференція изъ графа Бестужева-Рюмина, Неплюева, Панина, графа Григорія Орлова, вице-канцлера князя Голицына, тайнаго совѣтника Олсуфьева и вице-президента Военной Коллегіи графа Чернышева. Бестужевъ опять началъ исчисленіемъ причинъ, которыя заставляютъ предпочитать курфюрста Саксонскаго: первая причина та, что на него указано уже при императрицѣ Елисаветѣ и объявлено Дворамъ — Вѣнскому, Французскому и самому Саксонскому; вторая — всякій природный Полякъ, или Пястъ, какъ бы знатенъ и богатъ ни былъ, безъ помощи иностранныхъ государствъ содержать себя не въ состояніи и, получивъ больше денегъ отъ какой-нибудь враждебной намъ державы, будетъ дѣйствовать противъ Россіи; третья—опасенъ для Россіи и какой-нибудь принцъ иностранный, особенно изъ усилившагося Бранденбургскаго Дома; четвертая — Петръ Великій старался объ удержаніи польской короны въ Саксонскомъ Домѣ (?); пятая — избраніе курфюрста Саксонскаго совершится легко, ибо, безъ сомнѣнія, Поляки приготовлены уже къ этому, слѣдовательно не нужно будетъ тратить много денегъ. Извѣстно, что Поляки уже обращаютъ свои взоры на двоихъ иностранныхъ принцевъ,—на принца Карла Лотарингскаго и ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, изъ которыхъ за перваго хлопочетъ Вѣнскій, а за послѣдняго Берлинскій Дворъ; но избраніе того или другого изъ этихъ принцевъ не можетъ быть полезно русскимъ интересамъ, вслѣдствіе ихъ зависимости отъ упомянутыхъ Дворовъ, а потому необходимо немедленно назначить изъ другихъ иностранныхъ принцевъ или изъ Пястовъ такого кандидата, на котораго бы Россія совершенно могла полагаться, который бы своимъ возвышеніемъ былъ обязанъ единственно императрицѣ и отъ нея одной зависѣлъ. Если ея императорскому величеству не угодно будетъ назначить своимъ кандидатомъ курфюрста Саксонскаго, то выборъ изъ другихъ иностранныхъ Домовъ и даже изъ Саксонскаго равенъ будетъ по невыгодѣ выбору Пяста, потому что и ему, для удержанія при себѣ, надобно будетъ платить ежегодныя субсидіи. Что же касается Пястовъ, то ему, Бестужеву, извѣстны только двое способныхъ къ коронѣ и надежныхъ для Россіи людей: это—князь Адамъ Чарторыйскій и стольникъ Литовскій, графъ Понятовскій. Но такъ какъ первый очень богатъ, то не захочетъ быть въ полной зависимости отъ Россіи, а потому Понятовскій будетъ гораздо надежнѣе.

Хотя Бестужевъ, выставляя, повидимому, и выгоды избранія Понятовскаго, такъ искусно билъ въ больное мѣсто, настаивая на томъ, что только избраніе Саксонскаго курфюрста избавитъ Россію отъ большихъ денежныхъ издержекъ, конференція однако не согласилась и теперь назначить послѣдняго русскимъ кандидатомъ.

Подтвердивъ прежнее рѣшеніе относительно особы новаго короля, конференція постановила: въ разсужденіе старости графа Кейзерлинга и частыхъ болѣзненныхъ припадковъ, отправить въ Варшаву ему на помощь полномочнаго министра, къ чему императрица тутъ же опредѣлила генералъ-маіора князя Репнина, бывшаго прежде министромъ при Прусскомъ Дворѣ. Императрица объявила, что хотя, по частной перепискѣ съ королемъ Прусскимъ, она обнадежена, что онъ по дѣламъ Польскимъ намѣреніямъ ея препятствовать не будетъ, однако для лучшаго его утвержденія напишетъ собственноручно къ его величеству и также для приласканія и къ Римской императрицѣ писать будетъ. Содержать войско на польскихъ границахъ въ такой готовности, чтобъ могло выступить по первому указу. Но если производить такіе наряды обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, то тайна не сохранится, и потому императрица приказала графу Чернышеву заготовить указъ, которымъ повелѣно будетъ производить это дѣло ему одному. Наконецъ, въ конференціи читанъ поднесенный государынѣ графомъ Чернышевымъ секретный проектъ о присоединеніи къ Россіи, для лучшаго округленія и безопасности границъ рѣками Днѣпромъ и Двиною, нѣкоторыхъ польскихъ Земель. И хотя великую для Россіи пользу этого проекта, по многимъ обстоятельствамъ и уваженіямъ, болѣе желать, нежели дѣйствительнаго исполненія легко надѣяться можно, однако положено, чтобъ, не выпуская этого проекта изъ виду, первымъ движеніямъ здѣшнихъ войскъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ немъ показано. Проектъ Чернышева заключался въ томъ, что необходимо „сдѣлать нашимъ границамъ окруженіе по рѣкѣ Двинѣ, и, соединя оную отъ

Полоцка на Оршу съ Днѣпромъ къ Кіеву, захватить по сю сторону Двины Крейцбургъ, Динабургъ и всю Польскую Лифляндію, Полоцкъ и Полоцкое воеводство, Витебскъ и Витебское воеводство, по сю сторону отъ мѣстечка Ула къ Оршѣ, и оное мѣстечко включая, отъ Орши, Могилевъ, Рогачевъ, изъ Мстиславскаго воеводства все лежащее по сю сторону Днѣпра и по Днѣпру до нашихъ нынѣшнихъ границъ". Средствомъ къ занятію этихъ областей Чернышевъ считалъ движеніе русскихъ войскъ по поводу избранія королевскаго; право на это онъ видѣлъ въ нарушеніи договоровъ и неисполненіи справедливыхъ требованій Россіи съ польской стороны. На другой же день отправленъ былъ Кейзерлингу рескриптъ, въ которомъ повторялось прежнее наставленіе, чтобъ избранъ былъ въ короли Пястъ, обязанный престоломъ единственно Россіи, вполнѣ ей преданный и готовый исполнить извѣстныя уже требованія. Екатерина писала: „Чтобъ графъ Кейзерлингъ, во что ни стало, примаса къ намъ сдѣлалъ преданнымъ; если менѣе не можно, хотя до ста тысячъ рублевъ дать можно". Кейзерлингъ далъ знать, что для приведенія въ исполненіе русскаго намѣренія надобно сдѣлать слѣдующія распоряженія и приготовленія: 1) согласиться съ Берлинскимъ Дворомъ и поступать съ нимъ сообща; 2) иностранныхъ кандидатовъ лишить надежды на корону еще прежде избирательнаго сейма, что можно сдѣлать, когда на сеймикахъ и созывательныхъ сеймахъ постановится исключеніе иностранцевъ; 3) сильно стараться о приведеніи въ согласіе Чарторыйскихъ и Потоцкихъ,—иначе будетъ раздѣленіе въ избраніи, и противная партія передастся иностранной державѣ; 4) такъ какъ во время междуцарствія бываютъ разорительныя для Земли безпокойства, то надобно Полякамъ внушать, что имъ никакой пользы не будетъ, если они изъ своихъ выберутъ стараго человѣка, которому недолго царствовать; такимъ образомъ коронный гетманъ, воевода Кіевскій и многіе другіе старики, близкіе къ могилѣ, исключаются изъ списка кандидатовъ; 5) между Поляками ходятъ слухи о намѣреніи изъ республики сдѣлать державу; но такъ какъ эта перемѣна для безопасности сосѣдей будетъ не выгодна, то не надобно ли будетъ по этому дѣлу сдѣлать соглашеніе съ королемъ Прусскимъ, и Полякамъ дать знать, что Россія и Пруссія не допустятъ такой перемѣны. Императрица на это изъявила согласіе.

Для ясности послѣдующаго разсказа намъ надобно здѣсь привесть нѣкоторыя подробности относительно партій, на которыя дѣлилась польская шляхта въ минуту смерти Августа III.

Мы знаемъ, что „фамилія", какъ называли князей Чарторыйскихъ съ родственниками ихъ, стояла въ челѣ партіи, имѣвшей въ виду преобразованіе польской конституціи, уничтоженіе liberum veto, усиленіе королевской власти, ея наслѣдственность, однимъ словомъ—все то, что могло бы усилить Польшу, спасти ее отъ страшнаго безнарядья, отнимавшаго у нея всякое значеніе среди другихъ державъ. Но масса шляхты была противъ преобразованія; она хотѣла сохранить нетронутыми свои старыя права и вольности; поэтому вельможи, враждебныя фамиліи, всегда могли найти сильную подпору. Старшими въ фамиліи были двое братьевъ: князь Михаилъ, канцлеръ Литовскій, и Августъ, воевода Русскій (Галицкій); третье мѣсто занималъ сынъ Августа, князь Адамъ, генералъ Земель подольскихъ; за нимъ слѣдовало четверо его двоюродныхъ братьевъ, Понятовскихъ: Казиміръ, подкоморій коронный; Андрей, генералъ, находившійся въ австрійской службѣ; Михаилъ, бывшій въ духовномъ званіи, и знаменитый Станиславъ, стольникъ Литовскій. Къ фамиліи же принадлежалъ писарь Литовскій Огинскій, зять Михаила Чарторыйскаго; Масальскій, гетманъ Литовскій, съ сыномъ, епископомъ Виленскимъ; Флеммингъ, подскарбій Литовскій, Мостовскій воевода Поморскій, Андрей Замойскій, воевода Иновроцлавскій, Станиславъ Любомирскій—стражникъ коронный. Эта партія была сильна своимъ единствомъ и, главное, тѣмъ, что Чарторыйскіе умѣли отыскивать людей даровитыхъ и образованныхъ: между послѣдними особенно выдавался Замойскій, первый обратившій вниманіе на необходимость улучшенія участи сельскаго народонаселенія. Относительно королевскихъ выборовъ, Чарторыйскіе хотѣли провести одного изъ своихъ, чтобъ тѣмъ легче осуществить свой преобразовательный планъ.

Въ челѣ другой партіи стоялъ Янъ Браницкій, великій гетманъ коронный; эта партія хотѣла выбора одного изъ Саксонскихъ принцевъ, а если бы это не удалось, то самого Браницкаго, разсчитывая на помощь Австріи и Франціи. Эта партія была не прочь отъ реформъ, лишь бы онѣ были проведены не Чарторыйскими.

Многочисленная партія безъ опредѣленнаго политическаго характера сосредоточивалась около богачей Потоцкихъ; но, несмотря на свою многочисленность, эта партія не имѣла значенія, не имѣя среди себя способныхъ людей. Въ томъ же родѣ была партія, во главѣ которой находился князь Радзивиллъ, воевода Виленскій, первый богачъ Литвы. Простотою и ласковостью обращенія способный привлекать къ себѣ толпу, Радзивиллъ ни по чему другому не былъ способенъ руководить партіею: это былъ человѣкъ недалекій, совершенно необразованный и поддававшійся первому впечатлѣнію; избалованный своимъ положеніемъ и богатствомъ, онъ не зналъ предѣловъ своимъ порывистымъ желаніямъ, постоянно готовъ былъ предпринять насильственныя мѣры.

Краковскій воевода Вацлавъ Ржевускій, желавшій умноженія войска, но не позволявшій и думать о какомъ-нибудь нарушеніи священной польской старины, находился, по своимъ способностямъ, во главѣ остатковъ прежней придворной саксонской партіи, къ которой принадлежали—ве-

ликій маршалъ коронный Бѣлинскій, надворный маршалъ Мнишекъ, Краковскій епископъ Солтыкъ, Каменецкій епископъ Красинскій.

Легко было понять, что на королевскихъ выборахъ должна была взять верхъ та партія, которая отличалась наибольшею сплоченностью и считала между своими членами наиболѣе способныхъ людей, понимавшихъ, что дѣло не обойдется безъ вмѣшательства чуждыхъ державъ; что отъ Франціи и Австріи нечего ждать ни помощи, ни помѣхи; что только Россія хочетъ и можетъ провести своего кандидата. Такою партіею была партія Чарторыйскихъ. Главное лицо въ республикѣ во время междуцарствія, примасъ Владиславъ Любеньскій, какъ ни старался сначала показывать свое беспристрастіе, долженъ былъ пойти одною дорогою съ Чарторыйскими.

По смерти короля, къ Кейзерлингу пріѣхалъ Литовскій гетманъ Мосальскій вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Виленскимъ епископомъ, съ Литовскимъ референдаремъ и генераломъ Сосновскимъ. Они прямо спросили у посла, кого императрица имѣетъ въ виду при королевскихъ выборахъ, ибо за того и они будутъ стоять; угодно ли императрицѣ видѣть на Польскомъ престолѣ курфюрста Саксонскаго или болѣе желаетъ Пяста, и есть ли соглашеніе о Пястѣ съ королемъ Прусскимъ. Кейзерлингъ отвѣчалъ, что императрица желаетъ избранія Пяста, и съ Прусскимъ королемъ объ этомъ соглашено, причемъ обѣщалъ сильную помощь всѣмъ тѣмъ, которые, какъ прямыя дѣти отечества, будутъ способствовать намѣреніямъ ея величества для собственнаго и отечества своего благополучія. Тогда гости подали промеморію, гдѣ говорилось, что для Литвы, по причинѣ наступающихъ сеймиковъ и созывательнаго сейма, требуется 50,000 червонныхъ, да для арміи 20,000 червонныхъ; на избирательный сеймъ нужно 100,000 червонныхъ; этими деньгами они станутъ распоряжаться вмѣстѣ съ русскими друзьями, раздавать мелкому шляхетству для пріобрѣтенія большинства голосовъ. Увѣдомляя объ этомъ свой Дворъ, Кейзерлингъ писалъ, что, по его мнѣнію, такъ много денегъ имъ давать не слѣдуетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что если русскіе друзья на созывательномъ сеймѣ, гдѣ все опредѣляется большинствомъ голосовъ, одержатъ перевѣсъ, то этимъ дѣло избранія облегчится.

Новый курфюрстъ Саксонскій объявилъ себя кандидатомъ на Польскій престолъ и писалъ къ Русской императрицѣ, прося согласиться на его избраніе, но получилъ отказъ. Кейзерлинъ доносилъ отъ 17 ноября: „Изъ отвѣтныхъ вашего величества грамотъ курфюрсту и курфюрстинѣ Саксонскимъ ясно видно, какъ мало ваше императорское величество намѣрены способствовать имъ къ достиженію короны Польской; несмотря на это, приверженцы ихъ говорятъ, что хотя изъясненіе Русской императрицы и не соотвѣтствуетъ желанію Саксонскаго Двора, однако есть надежда еще пріобрѣсть согласіе Россіи“. Панинъ замѣтилъ на донесеніи: „Въ подчеркнутыхъ линейкахъ и состоитъ несумнѣнно вся настоящая Саксонскаго Двора и его союзниковъ система, на которой они теперь работаютъ“. Екатерина приписала тутъ же: „Тщетно льстятся“.

Кейзерлингъ имѣлъ свиданіе съ гетманомъ Браницкимъ, причемъ объявилъ ему, что императрица отказала въ помощи курфюрсту Саксонскому и желаетъ избранія Пяста. Браницкій отвѣчалъ, что прославляетъ намѣренія императрицы, но желаетъ, чтобъ имъ не навязывали ни одного кандидата. На донесеніи объ этомъ Кейзерлинга Панинъ написалъ: „Самому несумнѣнно хочется“. Екатерина прибавила: „А я часто въ непріятныхъ хлопотахъ не желаю быть“. Панинъ сдѣлалъ еще другое замѣчаніе: „Пускай онъ о своемъ кандидатствѣ работаетъ: оно не опасно, лишь бы тѣмъ сдѣлалъ шизму въ партіи саксонской и ея союзниковъ. Графъ Кейзерлингъ разумно повелъ его на уду“.

Курфюрстъ Саксонскій поручилъ Браницкому начальство надъ саксонскимъ войскомъ, оставленнымъ для охраны королевскихъ вещей и дворцовъ: такимъ образомъ, онъ сталъ не только гетманомъ коронной арміи, но и генераломъ саксонскихъ войскъ. Это обстоятельство, равно какъ поведеніе Кіевскаго воеводы Потоцкаго и военныя приготовленія князя Радзивилла въ Литвѣ побудили фамилію Чарторыйскихъ обратиться къ Кейзерлингу съ просьбою исходатайствовать у императрицы присылку для ихъ безопасности русскаго войска отъ 800 до 1,000 человѣкъ. Чарторыйскіе основывались на томъ, что если коронный гетманъ и Кіевскій воевода, явно вопреки законамъ, могли принять иностранныя войска подъ видомъ, будто они у нихъ состоятъ на жалованьи и въ службѣ, то и русскихъ друзей нельзя винить за то, что они воспользуются иностранною помощью не для обиды другихъ, но для собственной защиты. Между тѣмъ, нужно было издать отъ имени Русской императрицы декларацію относительно ея желанія видѣть на Польскомъ престолѣ Пяста, ибо нѣкоторые Дворы старались увѣрять Поляковъ, что между Россіею и Пруссіею уже заключенъ договоръ о раздѣлѣ Польши.

Присланный на помощь Кейзерлингу, князь Репнинъ привезъ съ собою наставленіе—говорить съ Кейзерлингомъ едиными устами и поступать во всемъ согласно. Между прочимъ, Репнинъ долженъ былъ, по своимъ инструкціямъ, всѣми силами стараться, чтобъ преданные Россіи Поляки а всего лучше если-бъ между ними и самъ примасъ, прислали къ императрицѣ—къ ней одной—формальное прошеніе о покровительствѣ свободному выбору королевскому. „Чрезъ это“, говорилось въ инструкціи, „кромѣ собственныхъ нашихъ интересовъ, получимъ мы нѣкоторое право мѣшаться прямымъ образомъ въ сіе толь важное дѣло“. Кандидату на Польскій престолъ, Понятовскому, на-

значено было императрицею 3,000 червонныхъ ежегодной пенсіи; кромѣ того, Кейзерлингу было приказано заплатить всѣ его долги въ три срока такъ, чтобы къ концу 1764 года не оставалось на немъ никакого долга. Но Понятовскій долженъ былъ знать заранѣе, чѣмъ онъ впослѣдствіи долженъ заплатить за эти милости. Въ инструкціи Репнину говорилось: „При удобныхъ случаяхъ не оставите вы ему (Понятовскому) искуснымъ и пристойнымъ образомъ внушать, что когда мы, по особливому нашему къ нему благоволенію, не жалѣемъ жертвовать въ пользу его множество денегъ, и когда опять, если бы онѣ однѣ не были достаточны, непремѣнное имѣемъ намѣреніе, для доставленія ему высшей чести, какую партикулярный человѣкъ едва ли когда ожидать могъ, употребить въ самомъ дѣлѣ всѣ, намъ отъ Бога дарованныя силы, что натурально не можетъ быть безъ отягощенія вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, слѣдовательно и безъ огорченія матерняго нашего къ нимъ сердца: то и имѣемъ справедливѣйшую причину ожидать и требовать отъ благодарности и честности его, что онъ какъ нынѣ, въ нѣкоторое благодѣніямъ нашимъ соотвѣтствіе, точно обнадежитъ насъ о сильнѣйшемъ съ своей стороны по возвышеніи на престолъ стараніи, дабы многія между нами и Поляками пограничныя дѣла къ совершенному нашему удовольствію окончены были, такъ и во все время государствованія своего интересы россійскіе собственными своими почитать и остерегать и имъ всѣми силами, по возможности, поспѣшествовать будетъ, и нелицемѣрную и непремѣнную сохранить къ нимъ преданность, и во всякомъ случаѣ намѣренія наши подкрѣплять не отречется; всякими способами, на основаніи вѣчнаго мирнаго трактата, стараться будетъ возвратить намъ бѣглецовъ нашихъ, пресѣчь попускаемые отъ Поляковъ воровства и разбои, защищать единовѣрныхъ нашихъ при ихъ правахъ, вольностяхъ и свободномъ отправленіи Божіей службы по ихъ обрядамъ, а особливо не только не допускать впредь отнятія церквей и монастырей съ принадлежащими имъ землями и другими имѣніями, но и возвратить при первомъ удобномъ случаѣ всѣ, прежде у нихъ отнятыя; исходатайствовать отъ республики какъ нынѣ на сеймѣ коронаціи признаніе нашего императорскаго титула и подтвержденіе герцога Курляндскаго Эрнеста-Іоганна въ княжествахъ его съ засвидѣтельствованіемъ, буде бы можно, въ самой конституціи, что республика одолжена Россіи за охраненіе въ семъ случаѣ законовъ и вольности ея отъ нарушенія, а при томъ еще, что намъ всего нужнѣе, и съ точнымъ въ оной же (конституціи) опредѣленіемъ просить торжественно отъ ея стороны нашей гарантіи на всегдашнее время для соблюденія установленной законами формы правительства, вольности и цѣлости всей республики“.

Первымъ донесеніемъ Репнина по пріѣздѣ его въ Варшаву было донесеніе о смерти главнаго соперника Понятовскому, новаго курфюрста Саксонскаго, умершаго отъ оспы. „Этотъ случай“, писалъ Репнинъ, „можетъ только благопріятствовать намѣреніямъ вашего величества; саксонскіе приверженцы будутъ совершенно сбиты съ пути“. Далѣе онъ писалъ: „Самое счастливое обстоятельство—это раздѣленіе саксонской партіи между принцемъ Ксавье и Карломъ (братьями покойнаго курфюрста); ожидаютъ, что они начнутъ драться. Гетманъ Браницкій также думаетъ о коронѣ, и если принцъ Ксавье потеряетъ надежду на успѣхъ, то будетъ поддерживать гетмана, потому что послѣдній старъ,—можетъ скоро умереть“. А между тѣмъ Кейзерлингъ далъ знать, что саксонскіе приверженцы находятся не въ одной Варшавѣ; онъ писалъ императрицѣ: „Въ величайшемъ секретѣ примасъ сказалъ (ему и Репнину), что Мерси открылся ему о своей перепискѣ съ Бестужевымъ, который совершенно противенъ намѣреніямъ императрицы относительно Польши“. Екатерина написала на донесеніи: „Переловить бы здѣсь или тамъ писемъ ихъ“ [1]).

Мосальскій прежде всего допытывался у Кейзерлинга, существуетъ ли насчетъ ихъ королевскихъ выборовъ соглашеніе между Россіею и Пруссіею, и получилъ въ отвѣтъ, что соглашеніе существуетъ. Какъ же произошло это соглашеніе?

Въ началѣ года между обоими Дворами отзывалась еще прошлогодняя горечь. Берлинскій Дворъ еще безпокоило заступничество Екатерины за Саксонію. Воронцовъ старался успокоить Сольмса на этотъ счетъ: „Лично“, говорилъ онъ, „императрица вовсе не такъ расположена въ пользу Саксоніи, чтобъ изъ-за нея объявила войну вашему государю; но я боюсь, что Бестужевъ, который все такъ же продолжаетъ ненавидѣть вашего короля и который сохраняетъ еще большое вліяніе на императрицу, не осилилъ современемъ ея миролюбиваго расположенія“. Сольмсъ началъ ободрять Воронцова, уговаривать его, чтобъ онъ не покидалъ своего мѣста до окончательнаго улаженія дѣлъ между Россіею и Пруссіею. Сольмсъ представлялъ Воронцову, что если онъ, канцлеръ, соединится съ Панинымъ, то соединенными силами они одолѣютъ Бестужева, ибо Панинъ хотя и обязанъ послѣднему, однако не доведетъ своей благодарности до того, чтобъ жертвовать ему собственной мирной системой. Воронцовъ обязался не просить объ увольненіи этою зимою.

Заключеніе мира между Пруссіею, Австріею и Саксоніею положило конецъ непріятнымъ объясненіямъ между Русскимъ и Прусскимъ Дворами. Началось сближеніе, котораго такъ сильно желалъ Фридрихъ. „Пруссія“, пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, „очутилась послѣ войны въ одиночествѣ безъ союзниковъ: прежній союзъ съ Англіею смѣнился враждою и ненавистью; правда, что никто не нападалъ на короля (Фридриха) но не было

[1]) Дѣла Польскія 1763 г.

такъ-же никого, кто бы его защитилъ. Такое положеніе не должно было продолжаться... Начались переговоры съ Россіею о союзѣ"...

Поводомъ къ сближенію была Польша.

Отъ 8 февраля изъ Москвы къ русскому послу въ Берлинѣ, князю Владиміру Долгорукому, пошелъ рескриптъ, что императрицѣ и королю Прусскому надобно поступать взаимно съ откровенностью и дѣйствовать въ Польшѣ чрезъ своихъ министровъ единогласно, положа за правило сохраненіе тишины и возведеніе на престолъ пріятнаго обѣимъ сторонамъ короля. Долгорукій долженъ былъ представить Фридриху II, что у императрицы нѣтъ намѣренія стѣснять свободу избранія, но охранять и защищать ее по силѣ принятой Россіею гарантіи въ 1716 году. „Сихъ представленій", говорилось въ рескриптѣ, „кажется, на первый случай довольно будетъ, ибо дальнѣйшія наши резолюціи будутъ зависѣть отъ обстоятельствъ и отъ знанія, которое будемъ мы имѣть о намѣреніяхъ короля Прусскаго, о распознаніи которыхъ надлежитъ вамъ всевозможное употреблять стараніе, а особливо, не думаетъ ли онъ котораго изъ братьевъ своихъ или изъ другихъ ему преданныхъ германскихъ принцевъ возвысить на престолъ Польскій". Фридрихъ II только этого и ждалъ. Долгорукій отвѣчалъ: „Король, выслушавъ мои рѣчи, показалъ очень довольный видъ, что узналъ намѣренія вашего императорскаго величества, и сказалъ мнѣ, что теперь самое время принять мѣры касательно Польши, потому что по послѣднимъ письмамъ извѣстился онъ, что король Польскій отчаянно боленъ, и въ жизни его надежды никакой нѣтъ; онъ къ тому прибавилъ, что ему все равно, кто ни будетъ королемъ Польскимъ, и въ томъ онъ легко можетъ согласиться съ вашимъ императорскимъ величествомъ, лишь бы выключены были всѣ принцы Австрійскаго Дома, въ чемъ онъ надѣется, что и ваше императорское величество сами согласны будете; впрочемъ, онъ думаетъ, что лучше будетъ, ежели въ короли выбранъ будетъ природный Полякъ, а не кто-нибудь изъ чужестранныхъ принцевъ. Король потомъ сказалъ, что какъ ваше императорское величество имѣете партизановъ въ Польшѣ, такъ и онъ имѣетъ своихъ, которые, соединясь, могутъ и королевство все склонить, что весьма полезно будетъ для того, что, окончивъ нынѣ долгую и многокроволивную войну, онъ бы очень не желалъ начинать новую. Я на то королю доносилъ, что ваше императорское величество, не желая такъ-же ничего другого, кромѣ мира и добраго согласія, находите нужнымъ съ нимъ о томъ совершенно согласиться посредствомъ партикулярной и персональной переписки, на что король сказалъ, что онъ самъ думаетъ, что этимъ способомъ дѣло скорѣе и надежнѣе къ концу привесть можно. Предъ тѣмъ, какъ я пошелъ отъ короля, онъ еще мнѣ сказалъ, что нѣкоторыя мысли имѣетъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ заключить такой союзъ, чтобъ отъ того могло быть на долгое время спокойствіе во всей Европѣ".

Переписка началась. Фридрихъ сообщалъ Екатеринѣ извѣстія изъ Вѣны, что тамъ думаютъ, какія имѣютъ подозрѣнія относительно видовъ Россіи на Польшу; просилъ не тревожиться мнѣніями и подозрѣніями Вѣнскаго Двора, потому что въ Вѣнѣ нѣтъ денегъ, и Марія-Терезія вовсе не въ такомъ выгодномъ положеніи, чтобъ могла начать войну. „Вы достигнете своей цѣли", писалъ Фридрихъ, „если только немножко прикроете свои виды и накажете своимъ посланникамъ въ Вѣнѣ и Константинополѣ опровергать ложные слухи, тамъ распускаемые: въ противномъ случаѣ ваши дѣла пострадаютъ. Вы посадите на Польскій престолъ короля по вашему желанію и безъ войны, и это послѣднее во сто разъ лучше, чѣмъ опять низвергать Европу въ пропасть, изъ которой она едва вышла. Крики Поляковъ — пустые звуки; короля Польскаго бояться нечего: онъ едва въ состояніи содержать семь тысячъ войска. Но они могутъ заключить союзы, которымъ надобно воспрепятствовать; надобно ихъ усыпить, чтобъ они заранѣе не приняли мѣръ, могущихъ повредить вашимъ намѣреніямъ". Фридрихъ писалъ, что желалъ бы видѣть на Польскомъ престолѣ Пяста; Екатерина отвѣчала, что это и ея желаніе, только бы этотъ Пястъ не былъ старикъ, смотрящій въ гробъ, ибо, въ такомъ случаѣ, сейчасъ же начнутся новыя движенія и интриги съ разныхъ сторонъ въ ожиданіи новыхъ выборовъ.

Въ апрѣлѣ Долгорукій доносилъ о второмъ разговорѣ своемъ съ Фридрихомъ: „Императрица пишетъ", сказалъ король, „что не желаетъ избранія на Польскій престолъ кого-нибудь изъ Бурбонской фамиліи; помоему, ни Вѣнскому, ни Версальскому Двору въ томъ помогать не надобно, а впрочемъ, какъ я уже писалъ императрицѣ, я на все соглашаюсь, только думаю, что лучше будетъ природный Полякъ. Въ этомъ дѣлѣ надобно имѣть великую осторожность и стараться, чтобъ до времени намѣреніе императрицы не могло открыться; и въ этомъ я сильно сомнѣваюсь: когда я былъ въ Саксоніи и имѣлъ свиданіе съ королевскою фамиліею, то наслѣдная принцесса мнѣ говорила, что императрица старается объ избраніи въ Польскіе короли князя Чарторыйскаго; я ей отвѣчалъ, что все пустое, что король еще здоровъ, и—пока онъ живъ—думать не-для-чего о его преемникѣ, и что я, равно какъ императрица, не намѣрены лишать Поляковъ свободы въ королевскихъ выборахъ". Потомъ Фридрихъ началъ говорить о союзѣ, который онъ намѣренъ заключить съ Россіей. „Такой союзъ", говорилъ онъ, „не можетъ быть противенъ императрицѣ, ибо извѣстна склонность ея къ миру, и ничто не можетъ такъ способствовать миру, какъ нашъ союзъ: хотя Вѣнскій Дворъ теперь со мною и заключилъ миръ, однако какъ скоро поправитъ свои внутреннія дѣла, то вступитъ въ новую войну;

а этого не осмѣлится сдѣлать, когда узнаетъ о союзѣ между мною и Россіею. Мнѣ уже отъ Версальскаго и Стокгольмскаго Дворовъ сдѣланы предложенія вступить съ ними въ союзъ, но я отвѣчалъ въ учтивыхъ и нерѣшительныхъ выраженіяхъ, ожидая рѣшенія императрицы".

Фридрихъ прямо объявлялъ, что ему нуженъ союзъ съ Россіею—и для чего нуженъ; соглашеніе въ дѣлахъ Польскихъ будетъ слѣдствіемъ этого союза. Фридрихъ желалъ Пяста; но его министръ въ Варшавѣ, Бенуа, былъ опытнѣе и внимательнѣе Кейзерлинга; онъ хорошо зналъ, что Чарторыйскіе воспользуются своимъ торжествомъ для проведенія преобразованій, несогласныхъ съ интересами Россіи и Пруссіи. „Я", писалъ Бенуа своему королю, „твержу постоянно графу Кейзерлингу, что у Россіи и Пруссіи одинакія отношенія къ Польшѣ, и потому ихъ существенный интересъ требуетъ не позволять, чтобъ республика стала значительною державою, пришла въ такое состояніе, въ которомъ могла-бы быть опасна обоимъ Дворамъ. Онъ далъ мнѣ честное слово, что не допуститъ до этого". Но для Бенуа было ясно, что не допускать до этого—значитъ раздѣлывать собственное дѣло; что Россія и Пруссія будутъ теперь усиливать людей, съ которыми послѣ неминуемо должны будутъ вступить въ борьбу. Онъ писалъ королю: „У Чарторыйскихъ, и особенно у стольника Понятовскаго, только и въ головѣ, что преобразованіе польской конституціи; они приступятъ къ реформѣ, какъ только образуется конфедерація, которую, какъ они надѣются, будетъ поддерживать Россія". И, въ самомъ дѣлѣ, Кейзерлингъ, по крайней мѣрѣ, былъ за конфедерацію. Бенуа былъ противъ нея, боясь всеобщей войны и совѣтуя своему королю быть нейтральнымъ: иначе, при согласномъ дѣйствіи Россіи съ Пруссіею, вся Европа увидитъ, что дѣло идетъ объ увеличеніи этихъ державъ насчетъ Польши. Фридрихъ отвѣчалъ, чтобъ Бенуа держалъ себя страдательно среди этихъ движеній, но чтобъ не давалъ Россіи ни малѣйшаго повода подозрѣвать, что Пруссія дѣйствуетъ противъ нея.

26 сентября князь Долгорукій пріѣхалъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Финкенштейну, и былъ встрѣченъ извѣстіемъ о смерти короля Польскаго. „Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ", сказалъ Финкенштейнъ, „я бы очень желалъ, чтобъ союзный трактатъ между Россіею и Пруссіею былъ заключенъ, чтобъ король имѣлъ оправданіе предъ другими государями, почему онъ поступаетъ въ Польшѣ согласно съ императрицею". Долгорукій отвѣчалъ, что проектъ оборонительнаго союза, присланный королемъ императрицѣ, разсматривается ею, и скоро заготовленъ будетъ съ русской стороны контръ-проектъ. „Хотя договоръ еще и не заключенъ", прибавилъ Долгорукій, „однако я надѣюсь, что король не откажется отъ своихъ словъ, что относительно выбора короля Польскаго во всемъ будетъ согласенъ съ императрицею; король сказалъ это мнѣ и то же самое написалъ императрицѣ".—„Король", отвѣчалъ Финкенштейнъ, „остается при прежнемъ намѣреніи; только желательно, чтобъ союзный договоръ могъ быть заключенъ поскорѣе".

11 октября у Долгорукаго былъ новый разговоръ съ Финкенштейномъ о союзѣ, по поводу Польскихъ дѣлъ. Министръ объявилъ, что новый курфюрстъ Саксонскій писалъ королю, что явится кандидатомъ на Польскій престолъ, и надѣется не встрѣтить этому препятствія со стороны Пруссіи, ибо Польша будетъ гораздо сильнѣе, имѣя королемъ Пяста; Марія-Терезія также ходатайствуетъ въ пользу Саксонскаго курфюрста. Такъ какъ нѣтъ сомнѣнія, что еще станутъ приставать къ королю съ этимъ, то онъ проситъ императрицу какъ можно скорѣе дать ему знать о своей резолюціи, и поскорѣе привести къ концу заключеніе союзнаго договора, чтобъ дать королю право прямо отвѣчать державамъ насчетъ Польскаго дѣла.

Дѣйствительно, едва Августъ III испустилъ духъ, какъ невѣстка его, новая курфюрстина Саксонская, отправила письмо къ Фридриху II съ просьбою помочь ея мужу въ достиженіи Польскаго престола и быть посредникомъ между нимъ и Россіей, предлагая сдѣлать для послѣдней всевозможныя удовлетворенія. Фридрихъ, отправляя копію этого письма въ Петербургъ, писалъ Екатеринѣ: „Если ваше императорское величество подкрѣпите теперь свою партію въ Польшѣ, то никакое государство не будетъ имѣть права этимъ оскорбиться. Если образуется противная партія, то велите только Чарторыйскимъ попросить вашего покровительства; эта формальность доставитъ предлогъ, въ случаѣ нужды, отправить войско въ Польшу; мнѣ кажется, что если вы объявите Саксонскому Двору, что не можете согласиться на избраніе курфюрста въ короли Польскіе, то Саксонія не двинется и не запутаетъ дѣла".

Навстрѣчу этому письму шло письмо изъ Петербурга въ Берлинъ: „Получивши извѣстіе о смерти короля Польскаго, мнѣ было естественно обратиться къ вашему величеству", писала Екатерина Фридриху; „такъ какъ мы согласны насчетъ избранія Пяста, то слѣдуетъ намъ теперь объясниться, и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, я предлагаю вашему величеству между Пястами такого, который болѣе другихъ будетъ обязанъ вашему величеству и мнѣ за то, что мы для него сдѣлаемъ. Если ваше величество согласны, то это—стольникъ Литовскій, графъ Станиславъ Понятовскій, и вотъ мои причины. Изъ всѣхъ претендентовъ на корону онъ имѣетъ наименѣе средствъ получить ее, слѣдовательно наиболѣе будетъ обязанъ тѣмъ, изъ рукъ которыхъ онъ ее получитъ. Этого нельзя сказать о вождяхъ нашей партіи: тотъ изъ нихъ, кто достигнетъ престола, будетъ считать себя обязаннымъ сколько намъ, столько же и своему умѣнью вести дѣла. Ваше величество мнѣ скажете, что Понятовскому нечѣмъ будетъ жить; но я думаю, что Чарторыйскіе, за-

интересованные тѣмъ, что одинъ изъ родственниковъ будетъ на престолѣ, дадутъ ему приличное содержаніе. Ваше величество, не удивляйтесь движеніямъ войскъ на моихъ границахъ: это въ связи съ моими государствѣнными правилами. Всякая смута мнѣ противна, и я пламенно желаю, чтобы великое дѣло совершилось спокойно".

Фридрихъ отвѣчалъ, что согласенъ и немедленно же прикажетъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать заодно съ Кейзерлингомъ въ пользу Понятовскаго: по варшавскимъ извѣстіямъ, Французы и Саксонцы интригуютъ изо всѣхъ силъ, чтобъ внушить Полякамъ отвращеніе къ Пясту; но онъ не боится этихъ интригъ, ибо твердо увѣренъ, что если русскій и прусскій министры вмѣстѣ объявятъ главнымъ вельможамъ о желаніи своихъ государей, то сейчасъ согласятся. Вѣнскій Дворъ не вмѣшается въ выборы, лишь бы соблюдены были формальности. Относительно Порты онъ предупредилъ желанія императрицы: приказалъ своему министру въ Константинополѣ дѣйствовать согласно съ желаніями обоихъ Дворовъ; въ Берлинъ ожидаютъ пріѣзда турецкаго посланника, которому внушится, что избраніе Пяста въ короли Польскіе вполнѣ согласно съ интересами султана. „Я, съ своей стороны", писалъ Фридрихъ, „не пощажу ничего, что бы могло успокоить умы; употреблю всѣ усилія, чтобы все прошло спокойно и безъ кровопролитія, и заранѣе поздравляю ваше императорское величество съ королемъ, котораго вы дадите Польшѣ". Король не упускалъ случая утверждать, что смотритъ на мирное избраніе Понятовскаго, какъ на дѣло рѣшенное. Екатерина послала ему въ подарокъ астраханскихъ арбузовъ. Фридрихъ отвѣчалъ на эту любезность (7 ноября): „Кромѣ рѣдкости и превосходнаго вкуса плодовъ, безконечно дорого для меня то, отъ чьей руки получилъ я ихъ въ подарокъ. Огромное разстояніе между астраханскими арбузами и польскимъ избирательнымъ сеймомъ: но вы умѣете соединить все въ сферѣ вашей дѣятельности; та же рука, которая разсылаетъ арбузы, раздаетъ короны и сохраняетъ миръ въ Европѣ".

Вся эта податливость и любезность оказывалась въ ожиданіи скораго заключенія союза. Но въ Петербургѣ хотѣли извлечь всевозможныя выгоды изъ этого ожиданія и заключить союзъ только въ крайности. Въ октябрѣ Панинъ говорилъ Сольмсу на маскарадѣ: „Только императрица да я стоимъ за прусскую систему; я поддерживаю эту систему не изъ-за какихъ-нибудь выгодъ, но потому, что вижу въ ней самыя большія выгоды для моего Двора и самую громкую славу для моей государыни. Вѣнскій Дворъ имѣетъ здѣсь столько друзей, которые стоятъ за старую систему. Я одинъ противъ нихъ и требую поддержки. Одинъ король, вашъ государь, можетъ меня поддержать полнымъ соглашеніемъ съ видами моей государыни".

„Дѣйствуйте съ нами заодно въ Польшѣ и въ награду ожидайте союза", говорили въ Петербургѣ.—„Прежде заключите союзъ, и тогда мы будемъ дѣйствовать заодно съ вами въ Польшѣ", говорили въ Берлинѣ...

А союза заключать не хотѣлось въ Петербургѣ. Сольмсъ писалъ Фридриху: „У императрицы обычай каждаго выслушивать, и чрезъ это она подчиняется различнымъ вліяніямъ. Люди неблагонамѣренные нашли слабое мѣсто, которымъ пользуются при каждомъ случаѣ: они увѣряютъ Екатерину, что въ томъ или другомъ случаѣ она не угодитъ народу. Страхъ потерять любовь націи вкоренился въ ней и дѣлаетъ ее робкою". Екатерина не хотѣла союза ни съ одною державою, считая это преждевременнымъ; тѣмъ болѣе она должна была останавливаться предъ союзомъ съ Пруссіею, который слишкомъ бы сблизилъ ея царствованіе съ царствованіемъ предшествовавшимъ. Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было сажать на Польскій престолъ Понятовскаго?

Въ Берлинѣ никакъ не хотѣли допустить, чтобъ Россія въ дѣлахъ Польскихъ дѣйствовала заодно съ Пруссіею, т.-е. чтобъ Пруссія подчинялась здѣсь желаніямъ Екатерины, а въ дѣлахъ Турецкихъ дѣйствовала заодно съ Австріею. По поводу заявленія такой политики была любопытная сцена у князя Долгорукаго съ Финкенштейномъ.

Турецкій посланникъ, о которомъ писалъ Фридрихъ, наконецъ, пріѣхалъ въ Берлинъ, и Финкенштейнъ сообщилъ Долгорукому, что по требованію посланника самъ король хочетъ написать проектъ союзнаго договора между Пруссіею и Портою. Долгорукій поблагодарилъ за такую откровенность, но замѣтилъ, что о союзѣ между Портою и Пруссіею узнаютъ въ Петербургѣ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, ибо хотя онъ будетъ заключенъ только съ цѣлью обороны противъ Австріи, однако со многихъ сторонъ можетъ коснуться и Россіи, которая должна быть тѣсно связана съ Вѣнскимъ Дворомъ относительно Порты, для общей безопасности обѣихъ странъ и для охраны всего христіанства. Поэтому императрицѣ будетъ очень пріятно, если король уклонится отъ Турецкаго союза въ виду общеевропейскаго интереса, ибо это будетъ союзъ съ непримиримымъ врагомъ всѣхъ христіанскихъ народовъ: нужды же для Пруссіи въ этомъ союзѣ нѣтъ никакой, а произойдетъ предосужденіе славѣ короля и подозрѣніе насчетъ вредныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ имъ противъ христіанскихъ государей, особенно сосѣднихъ, тогда какъ уклоненіе отъ Турецкаго союза будетъ вполнѣ соотвѣтствовать настоящимъ обстоятельствамъ, чести и значенію Прусской державы и настоящей откровенной дружбѣ съ императрицею. Уклоненіе это послужило бы для императрицы несомнѣннымъ опытомъ соглашаемаго теперь между Россіею и Пруссіею союза. Финкенштейнъ перебилъ дальнѣйшую рѣчь Долгорукаго, сказавши, вовсе не кстати, что получено извѣстіе объ арестованіи Гессенскимъ ландграфомъ агента Голландской республики. Изъ этого, болѣе чѣмъ безцеремоннаго поступка князь Долгорукій убѣдился, что король

и его министерство не захотятъ слушать объ уклоненіи отъ Турецкаго союза, почему и далъ знать о союзѣ австрійскому посланнику, барону Риду, съ тѣмъ чтобъ Вѣнскій Дворъ дѣйствовалъ противъ него въ Константинополѣ [1]).

Но въ Вѣнѣ никакъ не могли помириться съ русскою политикою, ни до, ни послѣ Губертсбургскаго мира.

Отъ 2 января отправленъ былъ рескриптъ въ Вѣну къ князю Димитрію Мих. Голицыну: „Находящійся здѣсь прусскій министръ, графъ Сольмсъ, къ нашему министерству отзывался, что король его собственно желаетъ мира и никакихъ конкетовъ имѣть не хочетъ; что очищеніе Саксоніи охотно по присовѣтованію нашему произведетъ, если за тѣмъ послѣдуетъ и миръ съ Вѣнскимъ Дворомъ при условіи, что Прусскій король удерживаетъ всѣ свои владѣнія, какія имѣлъ до войны, а иначе, не заключивъ мира, не отдастъ Саксоніи Польскому королю. Объ этихъ отзывахъ прусскаго министра повелѣваемъ вамъ сообщить тамошнему Двору чрезъ министерство словеснымъ разговоромъ въ дружеской конфиденціи, и навѣдаться при этомъ, захочетъ ли Вѣнскій Дворъ заключить миръ на этомъ условіи". Канцлеръ отвѣчалъ Голицыну, что Прусскому королю нечего толковать о завоеваніяхъ, когда онъ долженъ хлопотать о возвращеніи у него завоеваннаго. Этимъ и ограничились всѣ объясненія. На внушеніе Голицына, что императрица готова быть посредницею въ мирныхъ переговорахъ между Австріею и Пруссіею, былъ отвѣтъ, что переговоры должны скоро кончиться или миромъ, или разрывомъ. Переговоры кончились миромъ. Начались сношенія по поводу Польскихъ дѣлъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, по указу императрицы, Голицынъ сдѣлалъ Кауницу внушеніе о Польскихъ дѣлахъ, потребовавъ прежде сохраненія непроницаемой тайны: такъ какъ надобно ожидать скорой кончины короля Польскаго, то императрица уже начала помышлять о назначеніи ему преемника, и хотя выборъ не опредѣленъ, а предоставленъ вольнымъ голосамъ, однако хорошо имѣть въ запасѣ достойнаго кандидата, и потому императрица спрашиваетъ у императрицы-королевы въ дружеской откровенности о тѣхъ особахъ, которыя были бы способны для взаимныхъ интересовъ обоихъ императорскихъ Дворовъ, а всего нужнѣе, чтобъ австрійскому министру въ Варшавѣ велѣно было поступать съ русскимъ министромъ единодушно. Графъ Кауницъ въ своемъ отвѣтѣ увѣрялъ Голицына, что Маріи-Терезіи очень лестно и пріятно будетъ услышать о такой дружеской откровенности со стороны императрицы Екатерины, причемъ объявилъ, что съ австрійской стороны не было еще относительно Польши никакихъ намѣреній и распоряженій, слѣдовательно ничего въ отвѣтъ сказать не можетъ; но спросилъ, не имѣетъ ли Русскій Дворъ въ виду какого-нибудь кандидата; Голицынъ отвѣчалъ, что кандидата еще нѣтъ, и императрица желаетъ одного — чтобъ выборъ произошелъ вольными голосами, и не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣло, пока не представится опасность нарушенія вольности и законовъ польскихъ.

Между тѣмъ въ Вѣнѣ были сильно встревожены слухомъ, что между Россіею и Пруссіею заключенъ союзный договоръ, и Мерси сдѣлалъ запросъ объ этомъ въ Петербургѣ. Голицыну велѣно было увѣрить Кауница, что извѣстіе ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидуя доброму согласію между обоими императорскими Дворами, стараются ихъ поссорить; что не только нѣтъ такого трактата на дѣлѣ, но и предложенъ онъ никогда не былъ. Когда Голицынъ потребовалъ у Кауница копіи мнимаго договора и указанія, откуда она получена, то Кауницъ отвѣчалъ, что копіи нѣтъ, и слухъ дошелъ изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и самъ король Прусскій давалъ знать о союзѣ нарочными знаками и примѣчаніями.

Относительно Польскаго дѣла Кауницъ увѣдомилъ, что Марія-Терезія желаетъ избранія одного изъ Саксонскихъ принцевъ, если только выборъ можетъ произойти свободно. Этимъ дѣло пока и кончилось въ виду выздоровленія Августа III; но когда послѣдовала его кончина, Голицынъ 12-го октября имѣлъ аудіенцію у Маріи-Терезіи, на которой, между другими разговорами, императрица-королева упомянула партикулярнымъ образомъ, что ей было бы очень пріятно, если-бъ императрица Екатерина заступилась за новаго курфюрста Саксонскаго, чтобъ онъ могъ быть выбранъ Польскимъ королемъ, причемъ она желаетъ и надѣется, что выборъ новаго короля будетъ произведенъ спокойнымъ образомъ и на основаніи законовъ польскихъ. Изъ дальнѣйшихъ объясненій и переписки между обѣими императрицами оказалось, что Вѣнскій Дворъ прежде всего желалъ свободнаго выбора; въ случаѣ, если-бъ австрійскій кандидатъ, курфюрстъ Саксонскій, при вполнѣ свободныхъ выборахъ не былъ предпочтенъ другому кандидату, то императрица-королева согласна, чтобъ король былъ выбранъ изъ Пястовъ, но только такой, который бы подавалъ несомнѣнную надежду, чтобъ при немъ не было и помышленія о раздѣлѣ Польши; наконецъ, сборъ русскаго войска на польскихъ границахъ въ Вѣнѣ не признавали необходимымъ и считали опаснымъ, потому что это обстоятельство можетъ подать поводъ къ безпокойству другимъ интересующимся державамъ.

Голицынъ писалъ, что въ Вѣнѣ опять сильно обезпокоены извѣстіями о союзномъ договорѣ между Россіею и Пруссіею,— извѣстіями, что между Екатериною и Фридрихомъ II-мъ производится непосредственная переписка и часто пересылаются курьеры. Панинъ сдѣлалъ на донесеніи Голицына свое замѣчаніе: „Ваше величество, конечно, дать изволили опыты познанія общаго натуральнаго интереса съ Австрійскимъ Домомъ; а союзъ съ Прусскимъ Дво-

[1]) Дѣла Прусскія 1763 года.—Переписка им. Екатерины съ Фридрихомъ II въ Госуд. Архивѣ.—Forschungen zur deutsch. Geschichte.

ромъ развѣ тогда Вѣнскій можетъ безпокоить, когда оный насъ своими конфискованными сдѣлать похочетъ: инако же тотъ союзъ съ Пруссіею дѣло есть совсѣмъ не новое, а при настоящемъ и толь важномъ для Россіи дѣлѣ безпомѣшательнаго избранія Польскаго короля—уже и необходимо нужное". Когда Голицынъ донесъ, что Кауницъ настаивалъ на одинаковой необходимости для обоихъ императорскихъ Дворовъ сохраненія правъ и преимуществъ Польши, то Панинъ сдѣлалъ такую замѣтку: „Господинъ Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіе Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ треть своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости" [1]).

Чтобъ помѣшать сближенію Россіи съ Пруссіею, Вѣнскій Дворъ указывалъ Петербургскому на опасность сношеній Пруссіи съ Турціею. Императрица замѣтила насчетъ этого указанія: „Все сіе не иное, какъ одна ревность, а время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся".

До конца года Екатерина надѣялась справиться съ Польскимъ дѣломъ безъ заключенія союза съ Пруссіею, хотя Панинъ и внушалъ о его необходимости. Надежду императрицы особенно поддерживало то, что со стороны Австріи и Франціи не предвидѣлось большихъ препятствій.

Еще въ февралѣ Екатерина поручила повѣренному въ дѣлахъ при Французскомъ Дворѣ, князю Димитрію Алексѣевичу Голицыну, спросить министерство слегка, нѣтъ ли у нихъ уже кандидата на Польскій престолъ. Голицынъ отвѣчалъ, что, какъ онъ могъ замѣтить, во Франціи прочатъ Польскій престолъ одному изъ Чарторыйскихъ. Тогда, 4-го апрѣля, пошелъ къ нему рескриптъ: „Ваше извѣстіе нѣкоторымъ образомъ согласно съ тѣмъ, что донесъ намъ графъ Кейзерлингъ изъ Варшавы, а именно, что съ французской стороны обнадеживали фамилію Чарторыйскихъ въ добромъ расположеніи къ ней христіаннѣйшаго короля, который готовъ ей во всемъ способствовать, если только она окажетъ къ Франціи чистосердечную довѣренность и не допуститъ усиливаться въ Польшѣ русскому вліянію. Такое внушеніе съ французской стороны сдѣлано было не однимъ Чарторыйскимъ, но и Понятовскимъ, изъ чего естественно заключить можно, что Франція старается, чтобъ будущій король Польскій былъ преданъ ей одной, а Россіи недругъ". Вслѣдствіе выздоровленія Августа III, Голицыну предписано было не вызываться самому о Польскомъ вопросѣ, но прилежно развѣдывать о прямыхъ склонностяхъ и намѣреніяхъ Французскаго Двора по этому важному дѣлу.

Во французскихъ извѣстіяхъ мы не находимъ подтвержденія словъ Голицына о Чарторыйскихъ. Надобно думать, что онъ принялъ выраженіе желанія содѣйствовать замыслу Чарторыйскихъ относительно преобразованій за желаніе видѣть одного изъ Чарторыйскихъ на Польскомъ престолѣ. Дѣйствительно, Бретейль предлагалъ своему правительству содѣйствовать преобразованію польской конституціи въ видахъ усиленія Польши. „Страшно подумать", писалъ онъ, „что должность или земля, данная одному, а не другому, дѣлаетъ почти всѣхъ Поляковъ врагами общаго блага и сохраненія свободы. Я знаю, сколько подобное поведеніе имѣетъ отвратительнаго (dégoûtant) для державъ, заботящихся о поддержаніи этого республиканскаго государства. Чѣмъ болѣе я обращаю вниманія на Россію и на честолюбіе ея правительницы, тѣмъ болѣе склоняюсь къ мысли, что необходимо сжалиться надъ ослѣпленіемъ Поляковъ и вывести знать изъ корыстнаго застоя". Въ этомъ смыслѣ могъ дѣйствовать и представитель Франціи въ Варшавѣ; но иначе смотрѣли на дѣла въ Версали. Вотъ что писалъ Людовикъ XV 17 марта (н. с.): „Относительно будущихъ королевскихъ выборовъ въ Польшѣ, я прежде всего желаю, чтобъ Поляки были свободны въ своемъ выборѣ; потомъ желаю, чтобъ выбранъ былъ одинъ изъ братьевъ дофины (одинъ изъ Саксонскихъ принцевъ), преимущественно Ксаверій. Если Поляки возьмутъ принца Конти, я противиться не буду. Другіе принцы нашего Дома не пригодны". Но еще прежде король писалъ о положеніи Франціи вообще и относительно Польскаго вопроса въ частности: „Никто лучше меня не знаетъ, что мы заключили невыгодный и безславный миръ; но при нашихъ несчастныхъ обстоятельствахъ лучшаго заключить было нельзя, и я отвѣчаю, что если бы мы продолжали войну, то въ будущемъ году заключили бы худшій миръ. Пока я живъ, я не отстану отъ союза съ императрицею (Маріею-Терезіею) и никогда не войду въ тѣсную связь съ этимъ Прусскимъ королемъ. Будемъ поправляться собственными средствами; будемъ готовиться, чтобъ настоящіе наши враги насъ не поглотили. Для этого не должно возобновлять войну. Жаль, что Польскій тронъ становится празднымъ въ эту минуту; къ счастію, королю лучше послѣ операціи. Будемъ содѣйствовать, по возможности, новому выбору; но съ такимъ ничтожнымъ количествомъ денегъ, какое у насъ остается, я не начну войны изъ-за Польскаго престола".

8-го мая (н. с.) въ королевскомъ совѣтѣ читался министерскій докладъ о Польскихъ дѣлахъ. „Надобно изслѣдовать", говорилось здѣсь, „имѣетъ ли Франція политическій интересъ вмѣшиваться въ Польскія дѣла. Одной отдаленности Польши отъ Франціи уже довольно, чтобъ рѣшить вопросъ отрицательно во всякое время. Настоящая система предписываетъ такое рѣшеніе еще настоятельнѣе. Напрасно толкуютъ о раздѣлѣ Польши. Интересъ державъ, которыя могли бы произвести раздѣлъ, охраняетъ Польшу отъ этой опасности. Польша находится между Австріею, Пруссіею, Россіею и Турціею: эти четыре державы, смотрящія другъ на друга глазами зависти и соперничества, болѣе охраните-

[1]) Дѣла Австрійскія 1763 года.

ли Польши, чѣмъ враги ея. Каждая изъ нихъ имѣетъ прямой и существенный интересъ защищать ее, потому что каждая больше всего боится усиленія другой насчетъ Польши. Такимъ образомъ, Франція можетъ сложить на эти четыре державы заботу блюсти за сохраненіемъ Польши. Раздѣлъ этого государства долженъ произойти только вслѣдствіе особенныхъ событій, послѣ кровопролитныхъ войнъ, въ которыхъ королю незачѣмъ принимать участія. Наконецъ, если даже предположить, противъ всякаго вѣроятія, что эти четыре державы согласятся раздѣлить Польшу, или, вслѣдствіе какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ, одна изъ нихъ овладѣетъ какою-нибудь польскою областью, то еще сомнительно, чтобъ это событіе могло интересовать Францію. Теперь боятся, чтобъ Россія и король Прусскій не согласились овладѣть пригодными имъ польскими землями; но такой раздѣлъ будетъ одинаково противенъ интересамъ Австріи и Турціи, и должно положиться на ихъ бдительность; но если бы, по нерадѣнію, онѣ не могли помѣшать этому, то и тутъ Франціи нечего тревожиться. Согласіе, установленное между Россіею и Пруссіею съ цѣлью увеличенія ихъ владѣній, не можетъ быть продолжительно. Это увеличеніе, приближая ихъ другъ къ другу, заставитъ ихъ болѣе бояться другъ друга; оно возбудитъ между ними зависть, которая скоро перейдетъ во вражду, и эти двѣ державы сами образуютъ равновѣсіе силъ на сѣверо-востокѣ Европы. Раздѣлъ Польши — это широкое поле, по которому могутъ разгуливать праздные мечтатели, но на которомъ мудрые политики не должны рисковать заблудиться. Надобно держаться простого, вѣрнаго и вѣроятнаго, и, кажется, достаточно доказано: что польскія революціи не касаются Франціи; что она можетъ получить отъ нихъ или выгоду, или вредъ очень отдаленные. Поэтому имѣется право заключить, что не существуетъ никакого прямого отношенія между Франціею и Польшею, а если и есть, то такое темное, невѣрное, зависящее отъ такихъ необыкновенныхъ и отдаленныхъ обстоятельствъ, что неразумно заниматься ими предпочтительно предъ другими предметами, заслуживающими все вниманіе короля и его министерства и требующими издержекъ, дѣйствительно полезныхъ и необходимыхъ для сохраненія Французской монархіи. Не должно скрывать, что если король рѣшится доставить Польскій престолъ какому-нибудь кандидату, то надобно пожертвовать для этого значительными суммами. Издержки не ограничатся одними выборами: надобно будетъ еще поддерживать избраннаго короля. Итакъ предстоитъ опасность понапрасну пожертвовать достоинствомъ короля и деньгами для такого дѣла, въ которомъ, даже при употребленіи самыхъ сильныхъ средствъ, успѣхъ, по меньшей мѣрѣ, очень невѣренъ. Притомъ нельзя поручиться, чтобъ дѣло, вовсе не касающееся Франціи, не возбудило новыхъ волненій въ Европѣ и не воспламенило всеобщей войны, которую съ трудомъ потушили и возобновленія которой необходимо избѣгать".

Этотъ докладъ объясняетъ намъ вполнѣ поведеніе Франціи въ Польскихъ дѣлахъ описываемаго времени.

Отъ 2-го октября Голицынъ написалъ: „Заподлинно могу донести, что прямого и основательнаго намѣренія относительно новаго Польскаго короля здѣшній Дворъ еще не принялъ. Если ваше императорское величество заблагоразсудите нынѣ въ томъ благовременно съ нимъ согласиться, то время къ тому весьма способное по многимъ резонамъ: 1) Франція находится вслѣдствіе недавней войны и слабости правительства въ изнуренномъ состояніи; 2) казна ея совершенно истощена и долги чрезвычайные, а источники доходовъ до сихъ поръ еще не найдены; 3) несмотря на то, неестественно, чтобъ она осталась спокойною по Польскому дѣлу,—она будетъ интригами своими перечить всѣмъ намѣреніямъ вашего величества; но, 4) чувствуя, какъ мало ей надежды пересилить ихъ, она теперь, не болѣе какъ для одного виду, нѣсколько, можетъ быть, и поспоритъ, а наконецъ съ радостью согласится на все, чего ваше величество ни пожелаете, дабы показать, что она имѣетъ въ Польшѣ большое вліяніе и безъ ея согласія ничто въ Европѣ не дѣлается". На этомъ донесеніи Панинъ приписалъ: „Представленіе князя Голицына разумно, и, основавъ систему здѣсь, конечно, требуетъ достоинство политики знатной имперіи вашего величества, чтобъ открытымъ образомъ въ дѣлахъ дѣйствовать, не примѣшивая персоналитетовъ; а Франція, конечно, сіе приметъ съ удовольствіемъ и будетъ беречь и уважать насъ для переду".

Герцогъ Пралэнъ, при свиданіи съ Голицынымъ послѣ полученія извѣстія о смерти Августа III, сказалъ дружески, а не министеріально: „Я не вѣрю слуху, будто императрица договорилась съ королемъ Прусскимъ отнять у Польши нѣкоторыя провинціи и раздѣлить между собою: въ такомъ случаѣ Франція не можетъ остаться спокойною, потому что она гарантировала Оливскій договоръ. Но, кромѣ этого случая, вы можете быть увѣрены, что король, мой государь, желаетъ одного только,—чтобъ дана была Польской республикѣ полная власть выбрать самой себѣ короля, а для насъ все равно, будетъ ли онъ Полякъ или иностранецъ". 21 октября Пралэнъ объявилъ Голицыну оффиціально, что „король не будетъ вмѣшиваться въ Польскія дѣла, кромѣ случая нарушенія правъ республики другими державами, ибо онъ, король, не можетъ тутъ остаться равнодушнымъ, какъ порука за Оливскій договоръ; и что хотя естественно желаніе короля видѣть на Польскомъ престолѣ Саксонскаго курфюрста по ближнему родству и союзу, однако онъ отнюдь не станетъ принимать сильныхъ къ тому мѣръ и способовъ, а желаетъ, чтобъ выборы были свободные". Голицынъ, пере-

давая слова Пралэна Двору, прибавилъ: „Дофинъ и дофина употребляютъ всѣ старанія, чтобы здѣшній Дворъ принялъ болѣе горячее участіе въ интересахъ брата ихъ, курфюрста Саксонскаго; но заподлинно могу донести, что никакого успѣха въ томъ не имѣютъ, и что до сихъ поръ настоящее намѣреніе Версальскаго Двора — не мѣшаться сильно въ дѣло, а оставаться почти нейтральнымъ, къ чему Франція понуждается дурнымъ внутреннимъ своимъ состояніемъ“. Панинъ на этомъ донесеніи сдѣлалъ замѣтку: „На сіе просто совсѣмъ положиться нельзя; отсюду до время избранія Польскаго короля остается почти цѣлый годъ; между тѣмъ Франція будетъ размѣривать Польскія дѣла прогрессами, а можетъ быть и нѣкоторыми перемѣнами своей политической системы, и ея въ Польшѣ посолъ безмолственнымъ не будетъ, а имѣвъ общую съ курфюрстомъ партію и своихъ собственныхъ партизановъ, коихъ, конечно, совсѣмъ не кинетъ, можетъ, согласясь съ курфюрстомъ, кинуть милліона два или три ливровъ, чтобъ или сюрпризомъ, или занѣшательствомъ сдѣлать своего короля, а потомъ негосировать, особливо если между тѣмъ усмотритъ какую-либо слабость въ мѣрахъ, имъ противныхъ, и въ томъ Поляковъ—своихъ друзей—удостовѣритъ“.

9 декабря Голицынъ объявилъ французскому министерству конфидентно, что императрица приняла намѣреніе помогать избранію Пяста, надѣясь, что и Французскій король не откажется приказать своимъ министрамъ въ Варшавѣ и Дрезденѣ дѣйствовать согласно съ Русскими. Пралэнъ обѣщалъ донести объ этомъ королю, но замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ у Польши отнимается свобода выбрать себѣ короля, какого хочетъ; а декларація посла, графа Кейзерлинга, гдѣ онъ совершенно исключаетъ изъ кандидатовъ Саксонскаго курфюрста, противна заявленному желанію сохранять права Польской республики, тогда какъ Франція желаетъ, чтобъ выборы были совершенно отданы на волю республики, все равно—выберетъ ли она Пяста или иностраннаго принца.

Пришло извѣстіе о кончинѣ курфюрста Саксонскаго; но это нисколько не перемѣнило рѣшенія Французскаго Двора; Пралэнъ сообщилъ Голицыну отвѣтъ королевскій: король не можетъ содѣйствовать избранію Пяста съ исключеніемъ иностранныхъ кандидатовъ, ибо такое избраніе уже не будетъ свободное. Отвѣчая довѣрію императрицы, король не скрываетъ, что его желаніе было и есть, чтобъ избранъ былъ Саксонскій курфюрстъ, а такъ какъ онъ умеръ,—то кто-нибудь изъ его братьевъ; но король обѣщаетъ, что никакихъ насильственныхъ мѣръ къ тому не употребитъ, а станетъ дѣйствовать одними увѣщаніями и добрыми услугами, если только другія державы своими насиліями не заставятъ его дѣйствовать иначе.— Панинъ, на донесеніи Голицына объ этомъ отвѣтѣ, сдѣлалъ замѣтку: „Франція подлинно такъ говоритъ, какъ думаетъ, и, слѣдовательно, кромѣ большихъ интригъ и нѣкоторой суммы денегъ для препятствія намъ не употребитъ, а оное однако же распространитъ несумнѣнно противъ насъ и тогда, когда будетъ выборъ и между однихъ Піастовъ, дабы не исключить себя изъ участія въ Польскихъ дѣлахъ“.

Отношенія Россіи къ Франціи, какъ онп уже достаточно опредѣлились въ первый годъ царствованія Екатерины, не требовали, чтобъ Франція держала въ Россіи знатнаго представителя, тѣмъ болѣе-что значеніе русскаго представителя при Версальскомъ Дворѣ, кн. Голицына, не соотвѣтствовало значенію барона Бретейля, и послѣдній былъ перемѣщенъ въ Швецію. Весною, въ Москвѣ онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у императрицы. „Вы будете моимъ врагомъ въ Швеціи“, сказала емуЕкатерина: „вы будете моимъ врагомъ,—въ этомъ я увѣрена“. Посланникъ изъ учтивости началъ увѣрять, что напрасно императрица такъ думаетъ, что съ этого времени Европа станетъ жить въ мирѣ, подъ покровительствомъ Русской государыни.—„Такъ вы думаете“, сказала Екатерина, „что Европа теперь смотритъ на меня? Такъ я имѣю какое-нибудь значеніе въ Кабинетахъ? Дѣйствительно, я думаю, что Россія заслуживаетъ вниманія. У меня лучшая армія въ цѣломъ мірѣ; у меня есть деньги, и чрезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ ихъ много. Если бы я слѣдовала моимъ склонностямъ, то война приходилась бы мнѣ больше по вкусу, чѣмъ миръ; но человѣколюбіе, справедливость и разсудокъ меня удерживаютъ. Я надѣюсь постоянно сохранять миръ. Однако меня не надо подталкивать, какъ императрицу Елисавету, чтобъ я начала войну: я буду воевать, когда это будетъ необходимо; буду воевать по убѣжденіямъ разума, а не изъ угодливости“. Потомъ императрица склонила разговоръ на неспособность своихъ министровъ. „Къ счастію“, сказала она, „молодые люди утѣшаютъ меня надеждою; а я не пренебрегаю ничѣмъ, что можетъ нравиться моему народу“. Дошла очередь до Турціи. Бретейль замѣтилъ, что на Востокѣ вліяніе Франціи можетъ быть полезно для Россіи.—„Такъ вы думаете“, гордо возразила императрица, „что въ диванѣ у васъ больше вліянія, чѣмъ у меня?“ Бретейль выставилъ на видъ старую дружбу у Франціи съ Портою, дружбу, основанную на дальнемъ разстояніи одного государства отъ другого; онъ упомянулъ объ услугахъ, оказанныхъ Франціею Россіи, при заключеніи послѣдняго мира съ Турціею при императрицѣ Аннѣ.—„Война“, отвѣчала Екатерина, „велась Россіею блистательно, миръ былъ бы еще болѣе блистателенъ, если-бъ Австрійцы вели себя добросовѣстно. Но они насъ завязили тамъ. Петръ III отплатилъ имъ. Мы поквитались“.

Беранже, оставшійся въ Россіи повѣреннымъ въ дѣлахъ, по отъѣздѣ Бретейля, успокоилъ свой Дворъ относительно замысловъ Россіи и Пруссіи увеличить свои владѣнія насчетъ Польши. Онъ писалъ въ декабрѣ: „Теперь нѣтъ больше вопроса

о раздѣлѣ Польши: долженъ ли я вѣрить словамъ русскихъ министровъ, что у нихъ никогда и не думали посягать на цѣлость Польши, или единогласно высказанное рѣшеніе всѣхъ державъ—воспротивиться такому намѣренію—остановило ихъ, вѣрно одно, что Россія въ эту минуту не предприметъ завоеваній. Я разговаривалъ объ этомъ съ вице-канцлеромъ, и онъ объявилъ, что интересъ Россіи требуетъ поддержанія Польскихъ владѣній во всей ихъ цѣлости и не допускать ни одну державу усиливаться на ея счетъ. Этотъ министръ выставлялъ мнѣ чистоту намѣреній императрицы въ этомъ отношеніи; онъ прибавилъ, что со стороны Прусскаго короля возможны менѣе безкорыстные виды, но что Россія будетъ имъ противодѣйствовать, какъ только они обнаружатся"[1]).

Можно было успокоиться со стороны Пруссіи, Австріи, Франціи. Опаснѣе была Турція, которую могли возбудить другіе.

Обрѣзковъ началъ свои донесенія обнадеживаніями въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Порты. Въ апрѣлѣ прислалъ онъ любопытное донесеніе о Черногорскихъ дѣлахъ: „Многія бѣдствія и притѣсненія настоящія и впредь быть могущія отъ Турокъ и Венеціанской республики Черногорскому народу, предъявленныя въ доношеніи въ Св. Синодъ митрополитовъ Саввы и Василія Петровичевъ, по большей части рождаются въ непокойномысліи послѣдняго изъ оныхъ преосвященныхъ, и которое не допускаетъ его съ нѣкоторымъ сосѣдомъ жить въ добромъ согласіи. Я имѣлъ случай съ разными людьми, какъ Латинскую, такъ и Грекороссійскую Православную вѣру исповѣдующихъ, да и самими Черногорцами разговаривать, и отъ всѣхъ единогласно слышу сколько похвалы о преосвященномъ Саввѣ, толико хуленія о Василіи, съ таковымъ предреченіемъ, что ежели перваго смерть застигнетъ,— послѣдній, по бѣглому разуму и неспокойному его духу, Черногорскій народъ всемѣрно чрезъ непродолжительное время въ совершенное разореніе приведетъ, почему данный имъ совѣтъ въ письмѣ государственнаго канцлера, въ отвѣтъ на оное ихъ доношеніе писанномъ,—имѣть мирожитіе со всѣми сосѣдями—былъ весьма ко времени, который и впредь для собственной Черногорскаго народа пользы подтверждать не безнужно есть. Да и предъявленія ихъ касательно происковъ Венецкой республики со употребленіемъ нарочитаго иждивенія ввести въ окрестныя ихъ мѣста архіерея-уніата—также сомнѣнію подвержены, ибо, какъ каждому извѣстно, что между всѣми державами, латынскую вѣру исповѣдующими, Венецкая республика наименѣе заботится преклонять народы къ признанію папы за главу Церкви, но совершенно терпитъ во владѣніи ея вольность совѣсти, чему жители острововъ Корфу, Цанте и Цефалоніи, исправляющіе Православную вѣру безъ наималѣйшаго притѣсненія, явнымъ доказательствомъ служить могутъ; однако-жъ я, изыскавъ случай, не премину съ св. Константинопольскимъ патріархомъ о семъ поизъясниться, хотя поистинѣ сказать, по извѣстнымъ его качествамъ и который за деньги все сдѣлать въ состояніи, изъ того невеликой пользѣ быть уповаю".

Но съ половины года начинаютъ приходить изъ Константинополя тревожныя извѣстія. Въ іюлѣ Обрѣзковъ добылъ инструкцію Порты посланнику, отправлявшемуся въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіею. Въ инструкціи говорилось: во время пребыванія въ Польшѣ дать знать Полякамъ, что Оттоманская Порта не лишитъ Польской республики помощи и покровительства, и отнюдь не позволитъ нарушенія ея древнихъ правъ и вольностей. Съ прусскими министрами совѣщаться о Польскихъ дѣлахъ въ случаѣ смерти настоящаго короля, и дать имъ знать о точномъ намѣреніи Порты, что она никогда не потерпитъ на Польскомъ престолѣ Австрійскаго принца. На этой инструкціи, сообщенной Обрѣзковымъ въ Петербургъ, Панинъ написалъ: „Какъ пріемлемое Портою въ Польскихъ дѣлахъ участіе происходитъ наипаче по проискамъ и жалобамъ Поляковъ чрезъ хана Крымскаго, при ней Портѣ производимымъ и отъ представленій хана Крымскаго, на которыхъ она совершенно утверждается, то консулу Никифорову указомъ предписано уже, да и впредь подтверждено будетъ, дабы онъ употребилъ прилежное стараніе преклонить хана въ здѣшнюю сторону, а черезъ него и Порту удалить отъ всякаго заступленія за Поляковъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и въ другихъ будущихъ происшествіяхъ въ Польской республикѣ, въ чемъ нынѣ можно предуспѣть болѣе при ханѣ, нежели при Портѣ, и безъ дальнихъ иногда издержекъ въ разсужденіи посланныхъ уже къ нему съ консуломъ подарковъ". Изъ этой замѣтки узнаемъ, что исполнилось, наконецъ, давнее желаніе Русскаго Двора имѣть консула при ханѣ Крымскомъ. 20 февраля Кіевскій генералъ-губернаторъ Глѣбовъ далъ знать Иностранной Коллегіи, что онъ посылалъ къ Крымскому хану съ письмами поручика Баставика, которому ханъ объявилъ, что согласенъ имѣть при себѣ русскаго консула, но требовалъ, чтобъ объ этомъ русское правительство прямо къ нему написало, ибо тогда только онъ будетъ имѣть возможность представить Портѣ объ этомъ дѣлѣ. Потомъ Баставикъ обратился къ придворнымъ ханскимъ старшинамъ съ вопросомъ, чѣмъ генералъ-губернаторъ можетъ поблагодарить хана за его благосклонность, и они продиктовали ему реестръ подаркамъ, которые состояли въ тысяцѣ червонныхъ, мѣхахъ и каретѣ съ лошадьми. 9 апрѣля императрица писала канцлеру: „Для Бога, скорѣе назначьте кандидата для крымской посылки; можете обнадежить, что кто добровольно поѣдетъ,—можетъ себя ласкать великихъ авантажей впередъ, и дѣйствительно я ничто не пожалѣю за такую знатную и нужную услугу". Не раньше какъ

---

[1]) Дѣла Французскія 1763 г.—Correspondance secrète de Louis XV; I, 288—290.—Alexis de S. Priest—Etudes diplomatiques. I, 73, 95.

черезъ мѣсяцъ былъ отысканъ кандидатъ, и 9 мая императрица пишетъ опять Воронцову: „Михайло Ларіоновичъ, пожалуй поспѣшите поѣздкою Никифорова и, сколько можно, снабдите его всѣми подарками, что они требуютъ, дабы для бездѣлицы не испортились столь великія и важныя дѣла. Я не могу довольно Бога благодарить за столь счастливый во всѣхъ дѣлахъ успѣхъ. Продолжи Богъ милость свою далѣе!"

20 октября пришло въ Константинополь извѣстіе о кончинѣ Августа III, и въ тотъ же день былъ свергнутъ великій визирь, и на его мѣсто назначенъ былъ Мустафа-паша, бывшій два раза прежде визиремъ. Въ 1756 году Обрѣзкову велѣно было стараться о его сверженіи и прислано было для этого 10,000 червонныхъ; деньги тогда остались цѣлы, потому что Мустафа былъ свергутъ и безъ Обрѣзкова. Мустафа, по отзывамъ резидента, былъ не только преисполненъ злостью и хитростью, но изо всѣхъ Турокъ самый способный къ командованію войскомъ. На донесеніи Обрѣзкова объ этихъ событіяхъ Панинъ замѣтилъ: „Новый визирь можетъ быть теперь не столько противъ насъ пойдетъ, когда узнаетъ перемѣну нашей системы въ разсужденіи Вѣнскаго Двора и съ нимъ сопряженныхъ Польскихъ дѣлъ". Обрѣзкову послано было приказаніе: 1) доказывать Портѣ ея собственную выгоду въ раздѣленіи Польскими дѣлами нашего интереса отъ интереса австрійскаго; 2) въ разсужденіи тѣснаго союза Вѣнскаго Двора съ Франціею, Испаніею и со всѣми итальянскими державами, отступленіе отъ него Россіи по Польскимъ дѣламъ также полезно Туркамъ; 3) внушенія эти должны быть умѣренны и клониться только къ тому, чтобъ удержать Порту въ покоѣ, а деньги употреблять именно съ этою цѣлью; 4) если не удастся удержать Порту въ покоѣ, то стараться тѣми же деньгами низвергать визиря, если онъ свои безпокойныя намѣренія оказывать станетъ.

Въ Константинополѣ началась дипломатическая борьба: французскій посланникъ Верженъ представилъ Портѣ необходимость для нея вмѣшаться въ Польскія дѣла и не позволять Россіи господствовать въ Польшѣ; прусскій посланникъ Рексенъ выставилъ соглашеніе Россіи и Пруссіи по Польскимъ дѣламъ за самое полезное для Польши и требовалъ, чтобъ Порта не допустила уловить себя французскими и другими внушеніями, клонящимися къ тому, чтобъ доставить Польскую корону въ третій разъ Саксонскому Дому и такимъ образомъ сдѣлать ее наслѣдственною. Обрѣзковъ обѣщаніемъ хорошаго подарка уговорилъ переводчика Порты сдѣлать ей заявленіе, будто онъ узналъ, что между Франціею и Австріею положено: если не удастся возвести на Польскій престолъ Саксонскаго принца, то стараться возвести герцога Пармскаго, тестя эрцъ-герцога Іосифа, близкаго родственника и Французскому королю; такимъ образомъ, всѣ католическія державы и папа со всѣмъ духовенствомъ и іезуитами станутъ притѣснять вольность Польской республики. Вслѣдствіе обоихъ этихъ представленій, Порта объявила прусскому посланнику, что ей пріятно согласіе Пруссіи съ Россіею относительно предоставленія Полякамъ свободы выбрать себѣ короля изъ своихъ. За три тысячи червонныхъ Обрѣзкову удалось побудить Порту дать и французскому посланнику отвѣтъ въ томъ же смыслѣ, и послать указы Крымскому хану, господарямъ Молдавскому и Волошскому, чтобъ они сообразовались съ рѣшеніемъ Порты, ибо при Дворахъ этихъ владѣтелей велись всякаго рода интриги противъ Россіи [1]).

Сильная дипломатическая борьба между Россіею и Франціею должна была происходить такъ же на другомъ, сѣверномъ полуостровѣ Европы. 28-го марта Остерманъ доносилъ: „По нынѣшнимъ здѣшнимъ изнурительнымъ обстоятельствамъ, нельзя думать, чтобъ Шведскій Дворъ покусился вмѣшаться въ Польскія дѣла, развѣ будетъ побужденъ къ тому Франціею, которая заплатитъ ему допмочныя субсидіи и будетъ продолжать свое прежнее ремесло, подкупать шведскіе государственные чины". 26 августа Остерманъ далъ знать, что Франція предложила Швеціи новый десятилѣтній оборонительный союзъ на такихъ условіяхъ: Франція въ 1763 году заплатитъ Швеціи милліонъ ливровъ, потомъ съ будущаго года во все время союза будетъ платить по полтора милліона ливровъ въ годъ, а Швеція за это отдастъ во французскую службу шесть линейныхъ кораблей и шесть фрегатовъ вооруженныхъ, которые Франція возвратитъ по минованіи союза натурою или по оцѣнкѣ деньгами. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: „О представленіи Французскаго Двора Шведскому можно, кажется, въ конфиденцію Аглинскому Двору чрезъ его здѣсь посла и здѣшняго министра въ Лондонѣ дать знать, дабы чрезъ то, съ одной стороны, возбудить атенцію и жалюзію Аглинскаго Двора къ Французскому пріумножить; съ другой стороны, уваженіе, нужду и склонность онаго вступить съ здѣшнимъ въ тѣснѣйшее содруженіе и тѣмъ кондиціи по мѣрѣ полагаемаго союзнаго оборонительнаго и коммерціи трактатовъ выгоднѣе и полезнѣе для здѣшняго Двора учинить". Но шведскій сенатъ постановилъ — требовать отъ Франціи уплаты субсидныхъ допмокъ, простиравшихся до четырехъ милліоновъ ливровъ, и прежде этого не входить ни въ какія новыя соглашенія; Шляпы и Колпаки соединились въ общемъ негодованіи на Францію. Одинъ благонамѣренный сенаторъ говорилъ по этому поводу Остерману: „Положеніе нашихъ дѣлъ дошло до крайности; Франція, повидимому, не въ состояніи удовлетворить нашимъ требованіямъ, и мы принуждены будемъ созвать чрезвычайнымъ сеймъ; французская партія сама этого хочетъ, а между народомъ сильное неудовольствіе вслѣдствіе принятыхъ государственными чинами на послѣднемъ сеймѣ против-

---

[1]) Дѣла Турецкія 1763 года.

рѣчивыхъ мѣръ; начинаютъ говорить о пересмотрѣ и поправкѣ основныхъ законовъ. Благонамѣренные патріоты находятся при этомъ безъ всякой подпоры, ибо съ Англійскимъ Дворомъ, за неимѣніемъ здѣсь его министра, они не могутъ имѣть прямого сношенія; а Россія, по всѣмъ примѣтамъ, не хочетъ мѣшаться въ наши внутреннія дѣла. Слѣдовательно имъ не остается другого способа, какъ въ видахъ самосохраненія повиноваться времени и слѣдовать безпрекословно случайнымъ обстоятельствамъ, которыя не много добраго обѣщаютъ. Я не могу скрыть, что дѣйствительное оказаніе нѣкоторой малой подпоры и покровительства со стороны вашей императрицы много бы помогло благонамѣреннымъ и для отстраненія новыхъ обязательствъ съ Французскимъ Дворомъ, и для возстановленія своего значенія въ народѣ. И если-бъ императрицѣ угодно было предложить Шведскому Двору 300,000 рублей, или хотя меньше, то я могу честью своею обнадежить, что нація обратитъ свою довѣренность къ совѣтамъ императрицы, а министерство съ французскою партіею не посмѣютъ принуждать народъ къ наложенію на себя новаго французскаго ига". Остерманъ, донося объ этомъ внушеніи со стороны благонамѣреннаго сенатора, прибавилъ: „При настоящемъ движеніи здѣшней національной мысли, открытіе чрезвычайнаго сейма очень деликатно. Во-первыхъ, съ нѣкотораго времени Шведы, отъ мала до велика, приписываютъ всѣ свои непорядки фундаментальнымъ законамъ, почему желаютъ ихъ пересмотрѣть и переправить. Къ этому стремятся трое важныхъ лицъ: генералъ—графъ Ферзенъ, государственный секретарь—баронъ Германсонъ и полковникъ Синклеръ, которые находятся въ самомъ тѣсномъ согласіи другъ съ другомъ и явно хвалятся безпредѣльною къ себѣ довѣренностью королевы. Вовторыхъ, окончательное истощеніе государственныхъ доходовъ: недостаетъ денегъ на необходимыя государственныя потребности. Въ-третьихъ, при настоящихъ вексельныхъ замѣшательствахъ, къ немалому государственному разоренію служитъ остановка въ торговлѣ иностранной. Въ-четвертыхъ, явная ненависть между дворянскимъ и мѣщанскимъ чинами, и, въ-пятыхъ, несносная дороговизна необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Вину всего этого народъ возлагаетъ на несовершенство правительственной формы и нарушенія равновѣсія между тремя властями: королевскою, сенаторскою и государственныхъ чиновъ. Съ основаніемъ можно полагать, что первымъ и главнымъ дѣломъ на сеймѣ будетъ возстановленіе этого равновѣсія, и тутъ нельзя угадать, которая сторона перетянетъ. Мнѣ предписано сохранять равновѣсіе между партіями посредствомъ внушеній; но теперь однихъ внушеній недостаточно: когда французской партіи не будетъ большой денежной подпоры изъ Франціи, то она соединится съ придворною партіею, и тогда старинные Боннеты (Колпаки) останутся яко овцы безъ пастыря, и мало-по-малу исчезнутъ, а придворная партія получитъ всю силу въ свои руки, и на чемъ она остановится,—это предсказать трудно".—Панинъ замѣтилъ: „Трудно ожидать, чтобъ Шведская нація обратила свою любовь и довѣренность къ здѣшней сторонѣ, имѣя во-вѣки чувствовать и Россійской имперіи приписывать потерю своей консидераціи и инфлюенціи въ европейскихъ дѣлахъ, и особливо настоящее свое весьма изнурительное состояніе. Все сіе однакожъ не мѣшаетъ Швеціи чувствовать всю тяжесть французскаго ига и, вслѣдствіе того, стараясь онаго избавиться, послѣдовать здѣшнимъ видамъ"

Изъ Франціи пришло извѣстіе, что тамъ опредѣлено заплатить Швеціи 3 милліона ливровъ съ разсрочкою, послѣ чего Людовикъ XV открылъ Шведскому правительству свое намѣреніе относительно Польскихъ дѣлъ по смерти Августа III: король желаетъ возведенія на Польскій престолъ Саксонскаго курфюрста, но предоставляетъ дѣло свободнымъ выборамъ, и если жребій падетъ на Пяста, то препятствовать этому не будетъ. Если же кѣмъ-нибудь будетъ принято намѣреніе раздробить Польскую республику по частямъ, то онъ будетъ противиться этому всѣми силами и будетъ просить содѣйствія въ этомъ дѣлѣ у всѣхъ своихъ союзниковъ: поэтому желаетъ знать, какъ думаетъ объ этомъ Шведское правительство, правительство такой державы, которой собственный интересъ требуетъ сохраненія въ цѣлости Польской республики. Изъ Швеціи отвѣчали, что взгляды Шведскаго короля вполнѣ согласны съ французскими. Король достаточно чувствуетъ важность сохраненія вольности республики Польской, конституціи и ея цѣлости, и потому нимало не намѣренъ препятствовать вольнымъ выборамъ, и если курфюрстъ Саксонскій получитъ корону, то это будетъ очень пріятно королю Шведскому. Панинъ замѣтилъ: „Шведскій отвѣтъ весьма цѣломудренъ"

Между тѣмъ въ Петербургѣ почли необходимымъ выдать Шведскому правительству 300,000 недоплаченныхъ субсидій. Получивъ объ этомъ извѣщеніе отъ своего Двора, Остерманъ обратился къ извѣстному благонамѣренному сенатору, и тотъ отвѣчалъ, что надобно сдѣлать это предложеніе не прежде открытія сейма, иначе министерство воспользуется возможностью удовлетворить финансовымъ нуждамъ, возьметъ деньги и сейма не созоветъ. Вслѣдъ за тѣмъ пришло изъ Петербурга объявленіе императрицы, что она намѣрена поддерживать въ Польшѣ избраніе Пяста; Шведскій король отвѣчалъ, что вопросъ о королевскомъ избраніи въ Польшѣ возникъ такъ недавно, что трудно относительно него принять какое-нибудь рѣшеніе; королевскіе выборы есть собственно дѣло Польскаго народа, который и долженъ рѣшить кто ему лучше—свой или чужой [1]).

[1]) Дѣла Шведскія 1763 года.

Относительно участія Даніи въ Польскомъ вопросѣ Корфъ писалъ, что это государство войскомъ никому не поможетъ, какія бы большія субсидіи ни были предложены. Финансы въ печальномъ положеніи. Гораздо ближе были дѣла Шведскія. Министръ иностранныхъ дѣлъ Бернсторфъ говорилъ Корфу: „Видно, что Франція противъ прежняго уже не такъ много занимается Шведскими дѣлами; поэтому польза сосѣднихъ Дворовъ требуетъ принять въ уваженіе ту опасность, въ которой, повидимому, Швеція теперь находится; благоразуміе требуетъ принимать предосторожности противъ готовящейся бури. Для спокойствія Европы нѣтъ ничего вреднѣе самодержавія въ Швеціи. Исторія доказываетъ, что безпрестанныя и кровопролитныя войны надобно приписывать самодержавнымъ шведскимъ королямъ". Корфъ замѣтилъ, что если такъ, то между Россіею и Даніею должно быть заранѣе сдѣлано соглашеніе на этотъ счетъ.—„Мы уже думали объ этомъ", отвѣчалъ Бернсторфъ, „но какъ начать? Изъ всѣхъ мѣстъ и изъ самаго Стокгольма получили мы извѣстія, что Шведская королева сыскала способъ войти въ сильную дружбу съ императрицею Россійскою и вовлечь ее въ интересъ своего Дома; я не буду изслѣдовать—вѣрно это или нѣтъ; но такъ какъ разглашеніе уже сдѣлано, то, при такихъ деликатныхъ обстоятельствахъ, можемъ ли мы, не повергнувъ себя отвѣтственности, предложить своему государю объ установленіи такого соглашенія, которое императрица тѣмъ легче отклонитъ, что по своимъ большимъ силамъ не можетъ такъ много опасаться отъ Швеціи, какъ Данія; что же выйдетъ, если мы сдѣлаемъ первое предложеніе о такомъ соглашеніи?— только то, что навлечемъ на своего короля непримиримую злобу Шведскаго Двора!"—„Страхъ совершенно напрасный", отвѣчалъ Корфъ: „императрица поступаетъ по правиламъ, основаннымъ на существенныхъ интересахъ своей имперіи. Если вы хотите узнать мнѣніе императрицы по Шведскимъ дѣламъ, то пусть вашъ посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Остенъ, предложитъ войти въ соглашеніе по этимъ дѣламъ при условіи глубочайшей тайны". Бернсторфъ обѣщалъ посовѣтоваться съ товарищами, и въ слѣдующую конференцію объявилъ, что король далъ предложенное Корфомъ порученіе Остену, причемъ Бернсторфъ далъ знать, что король велѣлъ своему министру въ Варшавѣ дѣйствовать согласно съ русскими министрами относительно королевскихъ выборовъ [1]).

Англійскій посолъ, графъ Бекингамъ, сильно хлопоталъ о скорѣйшемъ заключеніи союзнаго и коммерческаго трактата; но мы видѣли, съ какою осторожностью относились въ Россіи къ заключенію союзовъ. 15-го февраля Екатерина писала канцлеру: „Мнѣ кажется, послу англійскому отвѣтствовать удобно на сіе домогательство о союзномъ трактатѣ, что желательно было-бъ напередъ согласиться о мѣрѣ въ случаѣ выбора будущаго короля Польскаго, такъ какъ я уже не однажды оному послу внушить приказала, но еще мнѣніе его Двора неизвѣстно; а если онъ на то скажетъ, что они на все согласны, что̀ я по онымъ дѣламъ предпріиму, тогда можно отвѣтствовать, что сіи генеральные термины не довольны, если они не въ инструкціи англійскаго министра въ Варшавѣ, дабы онъ согласно могъ поступать съ моимъ посломъ". На конференціи съ канцлеромъ и вице-канцлеромъ въ Москвѣ 8-го марта, Бекингамъ жаловался, что Дворъ его сердится на него, будто бы онъ съ своей стороны не довольно старается о союзѣ. Воронцовъ и Голицынъ отвѣчали ему, что онъ самъ можетъ быть свидѣтелемъ, какъ много императрица уважаетъ дружбу Англійскаго короля; и если до сихъ поръ не начато дѣло о возобновленіи обоихъ трактатовъ, то всю вину надобно приписать множеству нужнѣйшихъ внутреннихъ дѣлъ, которыми теперь занята императрица и которыя, повидимому, до возвращенія Двора въ Петербургъ, не оставятъ ей свободнаго времени заняться внѣшними дѣлами. 22-го апрѣля Бекингамъ объявилъ, что король, его государь, отправилъ въ Варшаву къ своему резиденту указъ, чтобъ онъ во всѣхъ случаяхъ, и особенно въ случаѣ смерти королевской, дѣйствовалъ согласно съ русскимъ посломъ.

8-го іюля Бекингамъ подалъ записку: „Король, мой государь, отложилъ свои домогательства о возобновленіи союза на томъ основаніи, что Дворъ не долго пробудетъ въ Москвѣ. Теперь же, разсчитывая, что Дворъ долженъ уже находиться въ Петербургѣ, приказалъ мнѣ самой императрицѣ и министрамъ ея изъявить свое прискорбіе о томъ, что еще не начато дѣло, столь нужное для сохраненія европейскаго мира и для выгодъ обоихъ народовъ, между которыми сама природа опредѣлила союзъ. Желательно было бы, чтобъ Россія это дѣло разсмотрѣла внимательно, ибо союзу уже давно надлежало быть постановленнымъ. Медленность въ заключеніи союза умалила кредитъ обоихъ Дворовъ; а прочія державы, имѣющія виды, противные видамъ Англіи и Россіи, этимъ временемъ воспользовались. Англійскій Дворъ ни о какомъ другомъ союзѣ такъ не старается, какъ о Русскомъ: онъ знаетъ, какъ важенъ этотъ союзъ для обоихъ народовъ не только въ разсужденіи ихъ самихъ, но и въ разсужденіи обязательствъ, постановляемыхъ ими съ прочими державами, и потому королю мало понятна политика Русскаго Двора, отлагающая возобновленіе оборонительнаго союза во время всеобщаго мира въ Европѣ; и для чего бы такъ-же не заключить коммерческаго трактата, который болѣе важенъ для Россіи, чѣмъ для Англіи. Короля ни въ чемъ нельзя упрекнуть, ибо онъ подалъ всевозможные опыты своего почтенія къ императрицѣ удовлетвореніемъ ея желаній относительно Польскихъ дѣлъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Искренній союзъ съ Россіею необходимо почитается первымъ и лучшимъ основаніемъ поли-

---

[1]) Дѣла Датскія 1763 года.

тики, и когда разъ онъ будетъ установленъ, то легко можемъ установить систему мудрую и правильную, согласную съ нашими собственными интересами и съ сохраненіемъ спокойствія въ Европѣ. Когда мы будемъ дѣйствовать согласно и говорить однимъ языкомъ, то будемъ говорить съ другими Дворами вѣско и съ достоинствомъ, и на наши слова будутъ обращать вниманіе".

Такое сильное представленіе побудило составить проектъ союзнаго договора. Если съ такою неотвязчивостью требуютъ союза; если прямо говорятъ, что союзъ съ Россіею считается въ Англіи первымъ и лучшимъ основаніемъ политики: то не должны скупиться на удовлетвореніе русскимъ требованіямъ. Финансы имперіи не въ завидномъ положеніи; выборы Польскаго короля потребуютъ большихъ издержекъ,— богатая Англія должна помочь. Еще больше побужденій для Англіи помочь Россіи въ Швеціи, ибо тамъ будетъ борьба противъ Франціи, а эта борьба для Англіи всегда на первомъ планѣ. Въ такомъ смыслѣ составлены были двѣ секретныя статьи русскаго проекта союзнаго договора съ Англіею. Въ первой говорилось, что, въ случаѣ смерти Августа III-го, англійскій министръ въ Варшавѣ долженъ дѣйствовать сообща съ русскимъ министромъ и употреблять всѣ усилія для возведенія на Польскій престолъ такого лица, относительно котораго оба Двора согласились между собою; и такъ какъ при этомъ нельзя обойтись безъ издержекъ, то Англійскій король обѣщаетъ имѣть въ Польшѣ значительную денежную сумму для достиженія этой общей цѣли; императрица сдѣлаетъ то же съ своей стороны. Но если дѣла въ Польшѣ дойдутъ до такой крайности, что Русская императрица, по сосѣдству, будетъ принуждена оружіемъ поддерживать виды обѣихъ договаривающихся державъ, въ такомъ случаѣ Англійскій король обѣщаетъ прислать императрицѣ 500,000 рублей, какъ скоро русскія войска вступятъ въ Польшу. Во второй секретной статьѣ говорилось, что и въ Швеціи русскій и англійскій министры должны дѣйствовать сообща для ослабленія партіи, поддерживаемой другими государствами, и для сохраненія равновѣсія между этою партіею и другою, ей противоположною.

Въ Англіи обѣ эти статьи нашли совершенно невозможными. Бекингамъ долженъ былъ представить русскому министерству, какъ неудобно для Англіи входить въ споры по поводу выборовъ Польскаго короля съ опасностью вовлечься въ новую войну. Кромѣ того, была еще третья статья, на которую посолъ никакъ не соглашался, именно— на включеніе Турціи въ число державъ, противъ которыхъ, въ случаѣ ихъ нападенія на Россію, Англія должна помогать послѣдней.

„Наше министерство", говорилъ Бекингамъ, „не можетъ принять этого пункта, не подвергнувъ себя великому негодованію торгующей въ Левантѣ компаніи: какъ скоро Порта услышитъ о такомъ союзѣ, то совершенно уничтожитъ англійскую торговлю въ своихъ владѣніяхъ". Вице-канцлеръ возражалъ ему, что если съ одной стороны исключить Турцію, то съ другой—надобно будетъ исключить Францію, и тогда нечего будетъ заключать безполезный для обѣихъ сторонъ союзъ. Бекингамъ хлопоталъ, чтобъ одновременно шли переговоры о торговомъ трактатѣ; но съ русской стороны было рѣшено сдѣлать союзный договоръ условіемъ для заключенія торговаго, чтобъ принудить Англію къ большей податливости относительно перваго.

Легко понять, какъ, вслѣдствіе этой медленности въ заключеніи договоровъ, было непріятно положеніе русскаго министра въ Лондонѣ, графа Александра Воронцова. Англійскіе министры говорили ему, что при европейскихъ Дворахъ толкуютъ о неуспѣхѣ Бекингама въ заключеніи договоровъ, приписывая этотъ неуспѣхъ вліянію Франціи, и что эти толки вредятъ значенію Англіи. Эти толки подтверждались газетными извѣстіями объ отличіяхъ, какими пользовался при Русскомъ Дворѣ французскій посланникъ Бретейль. Статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, графъ Галифаксъ, объявилъ Воронцову что, по заключеніи союзнаго договора между Россіею и Англіею, можно допустить къ нему и Берлинскій Дворъ, который присоединится съ охотою по затруднительности своего положенія, ибо Дворы Вѣнскій и Версальскій остаются въ союзѣ; наконецъ, отъ императрицы будетъ зависѣть допустить въ союзъ и другіе Дворы, потому что Лондонскій Дворъ будетъ во всемъ сообразоваться съ ея намѣреніями.

Къ этой непріятности для графа Александра Воронцова присоединилась еще другая: дядя его, графъ Михаилъ Ларіоновичъ, пересталъ завѣдывать иностранными дѣлами и уѣхалъ за-границу. Но передъ оставленіемъ иностранныхъ дѣлъ, канцлеръ столкнулся съ Бекингамомъ: послѣдній прислалъ ему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что король назначилъ ему, Воронцову, двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ вознагражденія за убытки, причиненные ему англійскими каперами, которые овладѣли принадлежавшими ему вещами; но при этомъ Бекингамъ далъ знать, что такая щедрость оказана на такой именно случай, когда между Россіею и Англіею постановленъ и подписанъ будетъ торговый договоръ на выгодныхъ для Англіи условіяхъ. Воронцовъ закричалъ объ оскорбленіи, безчестіи. Бекингамъ заявилъ канцлеру свое сильное сожалѣніе о случившемся, приписалъ все своей излишней горячности и самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его забыть дѣло, которое этимъ и кончилось. Графъ Александръ писалъ дядѣ отъ 3-го іюля: „Ваше сіятельство легко себѣ представить можете, съ какимъ восчувствованіемъ увидѣлъ я неожиданность поступка лорда Букингама; сколь малую идею ни имѣлъ я о талантахъ сего посла, не могъ я себѣ вообразить, чтобъ его безразсудность до такой превратности и безумности простираться могла, какъ онъ теперь явно оказалъ симъ страннымъ своимъ письмомъ. Я заподлинно

вашему сіятельству донесть могу, сколь Дворъ его за то съ справедливостію на него негодуетъ. Его величество король, подошедъ сегодня ко мнѣ, говорить изволилъ, сколь онъ имѣетъ причину быть недовольнымъ поступкомъ своего посла, особливо въ разсужденіи его къ вамъ письма, который (поступокъ) ни мало не основанъ на данныхъ ему повелѣніяхъ; что онъ меня проситъ вашему сіятельству о томъ донесть и притомъ увѣрить, что, зная честность вашего характера, никто здѣсь не могъ бы когда-либо осмѣлиться съ успѣхомъ вамъ толь странную пропозицію, какъ онъ—посолъ—то учинилъ, уповательно отъ своего незнанія".

Наконецъ, положеніе графа Воронцова въ Лондонѣ ухудшилось вслѣдствіе поднятія Польскаго вопроса по смерти Августа III. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Англія энергически содѣйствовала видамъ Россіи въ Польшѣ; въ Лондонѣ были очень далеки отъ сколько-нибудь энергическихъ мѣръ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ интересы Англіи вовсе не затрогивались: слѣдовательно всѣ представленія русскаго министра должны были оставаться безуспѣшными. Доносить императрицѣ о своихъ неуспѣхахъ было очень непріятно для Воронцова, особенно когда теперь иностранными дѣлами сталъ прямо завѣдывать человѣкъ, сильно къ нему нерасположенный. Панинъ выражалъ это нерасположеніе въ замѣткахъ, которыя онъ дѣлалъ на донесеніяхъ Воронцова. Такъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній Воронцовъ писалъ, что всѣ его представленія со времени смерти Польскаго короля не имѣли большаго успѣха у англійскаго министерства. Панинъ замѣтилъ: „Можно было бы загодя биться объ закладъ, что эти представленія останутся безъ успѣха, потому что они были необдуманы и дурно ведены". Тамъ, гдѣ Воронцовъ употребилъ обычную извинительную фразу, что при всей ревности къ службѣ императрицы у него недостаетъ надлежащаго знанія и искусства, Панинъ замѣтилъ: „Ничто не можетъ быть справедливѣе этого". Воронцовъ извѣщалъ, что онъ ѣздилъ въ деревню къ бывшему министру и теперь главѣ оппозиціи, знаменитому Питту, чтобъ поговорить съ нимъ о дѣлахъ, и особенно вывѣдать его мысли о Польшѣ, о томъ, чего можно ожидать отъ Англіи въ вопросѣ, долженствующемъ интересовать всѣ великія державы Европы. Питтъ, по словамъ Воронцова, отвѣчалъ ему съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, но осторожно. Панинъ замѣтилъ: „Бьюсь объ закладъ, что онъ говорилъ съ нимъ какъ говорятъ съ мальчикомъ, не заслуживающимъ уваженія". Впрочемъ, смыслъ словъ Питта былъ тотъ, что такъ какъ по всему видно, что при королевскихъ выборахъ въ Польшѣ Прусскій король будетъ дѣйствовать заодно съ Россіею, то, по его мнѣнію, Англія должна съ жаромъ поддерживать требованія этихъ двухъ государствъ, которыхъ дружба для нея очень дорога; но что трудно опредѣлить съ точностью, въ чемъ должно состоять содѣйствіе Англіи, ибо оно зависитъ отъ множества обстоятельствъ, которыя не могутъ быть ему извѣстны, какъ человѣку, уже два года находящемуся внѣ дѣлъ. Воронцовъ писалъ, что одинъ общій пріятель Питту и ему увѣрялъ его, что Питтъ выражалъ крайнее удивленіе, почему настоящее министерство ничего не дѣлаетъ по Польскому вопросу; почему оно, послѣ полученія извѣстія о смерти Августа III, не отправило немедленно курьера въ Петербургъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и съ увѣреніемъ, что если Франція вмѣшается въ дѣло, то Англія не только употребитъ всѣ средства воспрепятствовать этой державѣ въ исполненіи ея намѣреній, но постарается совершенно уничтожить ихъ. Питтъ прибавилъ, что если министерство будетъ и впередъ вести себя такъ въ Польскомъ дѣлѣ, то онъ выскажетъ свое мнѣніе въ палатѣ общинъ, выразитъ свое удивленіе, что Лондонскій Дворъ обнаруживаетъ такое равнодушіе въ такомъ важномъ дѣлѣ. На это Панинъ замѣтилъ: „Онъ обманываетъ, онъ лжетъ. Никогда человѣкъ со смысломъ не скажетъ, что извѣстный Дворъ долженъ отправить курьера къ другому Двору съ предложеніемъ услугъ. Дворы предлагаютъ другъ другу добрыя услуги только въ случаѣ несчастія; здѣсь это великодушіе, тогда какъ въ другомъ случаѣ это низость и подлость".

Воронцовъ долженъ былъ потребовать отъ англійскаго министерства, чтобъ оно перевело своего резидента Ратона (Wroughton) изъ Дрездена въ Варшаву. Воронцовъ въ письмѣ къ графу Галифаксу имѣлъ неосторожность прибавить, что исполненіе этого желанія императрицы можетъ ускорить желанное заключеніе союзнаго договора съ Россіею. За это онъ получилъ отъ императрицы такой рескриптъ: „Какъ мы вообще имѣемъ причину довольными быть ревностію и тщаніемъ вашимъ къ службѣ,—такъ, напротивъ того, не хотимъ нынѣ скрыть удивленія нашего по поводу французской піесы, которую прислали вы сюда, по сообщеніи оныя статскому секретарю графу Галифаксу. Вы не можете сами не признаться, что весьма неумѣренно и неприлично окончаніе помянутой піесы, когда въ замѣну переведенія аглинскаго резидента изъ Дрездена въ Варшаву полагается нѣкоторымъ образомъ кондиціею съ нашей стороны ускореніе трактуемыхъ между нами и Англіею трактатовъ. Мы требовали отъ Англійскаго Двора такой угодности, которая сама по себѣ ничего не значитъ и не можетъ имѣть слѣдствій, ибо весьма равно для Англіи содержать министра своего въ Дрезденѣ или Варшавѣ, потому что въ одномъ и другомъ мѣстѣ можетъ онъ ей равныя показывать услуги, а въ соотвѣтствіе сей малой угодности обязали вы насъ въ такомъ дѣлѣ, которое интересуетъ пользу и честь имперіи нашей, когда мы не инако съ Англіею или съ другою какою державою намѣрены заключать трактаты, какъ съ равною для обѣихъ сторонъ выгодою. Сверхъ того вышепомянутое важное, но по всѣмъ обстоятельствамъ крайне излишнее прибавленіе въ французскомъ переводѣ вами пере-

дѣланнаго рескрипта не только не имѣетъ основанія правды, но съ собственнымъ вашимъ графу Галифаксу торжественнымъ увѣреніемъ, что вы неправды сказать ни для чего на свѣтѣ не въ состояніи, совсѣмъ не согласно, когда о такомъ кондиціальномъ требованіи къ вамъ не писано, да и писать о томъ невозможно было. И такъ вы, объявя оное за истину, подвергли, какъ собственный свой, такъ и Дворовый кредитъ безвременно явному предосужденію. Примѣчая вамъ такимъ образомъ справедливое наше по сему случаю удивленіе, удостовѣрены мы, что ошибка ваша произошла отъ избытка усердія, и для того довольствуемся только въ запасъ подтвердить вамъ, дабы вы, впредь осторожнѣе поступая, не дѣлали безъ нужды письменныхъ сообщеній, а особливо въ такихъ дѣлахъ, гдѣ и одни словесныя изъясненія достаточны быть могутъ".

Воронцовъ оправдывался, но противорѣчилъ себѣ въ своихъ оправданіяхъ: выставлялъ, что сдѣланная имъ прибавка ни къ чему не обязываетъ Россію, представляя голый комплиментъ, и въ то же время утверждалъ, что безъ этого прибавленія Англійскій Дворъ не рѣшился бы исполнить требованіе Русскаго,—перевесть Ратона изъ Дрездена въ Варшаву, по своей холодности къ Польскимъ дѣламъ.

Въ концѣ ноября Воронцовъ писалъ, что Англія долго не приметъ никакого участія въ общихъ дѣлахъ Европы. Но въ Петербургѣ, кромѣ Польскихъ дѣлъ, считали нужнымъ содѣйствіе Англіи еще въ Шведскихъ дѣлахъ. По поводу субсиднаго трактата, предложеннаго Франціею Швеціи, Екатерина приказала Воронцову въ дружеской откровенности обратить вниманіе англійскаго министерства на это французское предложеніе и побудить его къ скорой посылкѣ своего посланника въ Стокгольмъ. Воронцовъ отвѣчалъ, что это было бы совершенно согласно и съ англійскими интересами, ибо, несмотря на заключеніе мира между Франціею и Англіею, британскіе министры не могутъ не понимать, что союзъ между Испаніею и Франціею имѣетъ цѣлью одну Англію, чтобъ современемъ, при первомъ удобномъ случаѣ, нанести ей ударъ. Несмотря на то, онъ, Воронцовъ, долженъ сказать, что хотя бы Лондонскій Дворъ и держалъ въ Швеціи своего министра, то никакъ не помѣшаетъ союзу этой державы съ Франціею, развѣ только обѣщаніемъ субсидій; но извѣстно, что Англія никому въ мирное время субсидій не даетъ, а еще менѣе при настоящемъ министерствѣ, которое не посмѣетъ потребовать у націи ни малѣйшей суммы. Туча, собирающаяся отъ оппозиціи, страшитъ министровъ болѣе, чѣмъ всѣ политическіе въ Европѣ приключенія и союзы, противъ Англіи заключенные. На этомъ донесеніи Екатерина написала: „Когда другія виднѣйшія политическія консидераціи не дозволяютъ распространить свое стараніе, чтобъ совсѣмъ того не допустить, или другимъ, подобнымъ перебить то, что заключается въ предосужденіе интересовъ,—тогда благоразуміе требуетъ старанія изыскивать и положить такія антравы тому заключенному дѣлу, дабы оно въ слѣдствіяхъ своихъ оставалось безъ всякаго дѣйства. Таковой надлежитъ теперь быть нашей съ Англійскимъ Дворомъ общей политикѣ въ разсужденіи шведской съ Франціею новой аліянціи. Ибо совсѣмъ ея не допустить къ заключенію, намъ надобно употребить такую корюбцію (коррупцію), которая-бъ произвела чрезвычайный сеймъ и революцію въ правительствѣ Шведскомъ, а Англія-бъ дала столько субсидей, чтобъ та держава могла себя искупить изъ всѣхъ своихъ нуждъ и недостатковъ. Но какъ ни то, ни другое не можетъ согласоваться съ нашими другими настоящими дѣлами, то и надлежитъ соединенно стараться, при тамошнемъ Дворѣ сочинить и содержать такую партію, которая-бъ своимъ перевѣсомъ въ дѣлахъ національныхъ приводила въ слабость помянутую аліянцію и не допускала-бъ ея дѣйствія. Я о семъ пространно разсуждала съ посломъ англинскимъ, а и на случай пріѣзда въ Стокгольмъ англинскаго министра то же можетъ служить новыми инструкціями графу Остерману".

16 декабря Воронцовъ увѣдомилъ свой Дворъ о разговорѣ, который онъ имѣлъ съ графомъ Сандвичемъ, преемникомъ Галифакса по Сѣверному департаменту иностранныхъ дѣлъ. Сандвичъ именемъ короля объявилъ ему, что къ англійскому резиденту въ Варшавѣ посылаются указы, чтобъ онъ при избраніи новаго Польскаго короля наблюдалъ двѣ вещи: свободу голосовъ при выборахъ и непремѣнное сохраненіе областей Польской республики, чтобъ онѣ никѣмъ не были захвачены. Воронцовъ отвѣчалъ, что никакъ не ожидалъ такого сообщенія, и что касается сохраненія въ цѣлости Польскихъ владѣній, то предписаніе на этотъ счетъ излишне послѣ объявленія Россіи, что она не имѣетъ намѣренія раздроблять Польшу. На этомъ объявленіи дѣйствительно основана цѣлость всѣхъ частей Польши, ибо если бы Русская императрица намѣрена была отнять у Польши какую-нибудь область, то какимъ бы образомъ англійскій резидентъ, господинъ Ратонъ, могъ спасти отъ этого республику. Этотъ отвѣтъ очень понравился Екатеринѣ,—она написала на депешѣ: „Сей отвѣтъ похвалы достоинъ, лучше сказать было невозможно" [1]).

[1]) Дѣла Англійскія 1763 годъ.

Приложенія къ XXV тому.

1) *Протоколъ учрежденнаго при Дворѣ Собранія.* 1762 года, 18-го мая. Тайный секретарь Волковъ вручилъ Собранію подписанное его императорскимъ величествомъ оному повелѣніе, въ томъ состоящее, чтобъ: 1) стараться получить отъ Даніи наслѣдныя его величества земли силою, и къ тому не токмо все потребное тотчасъ пріуготовить, но и дѣйствительно за дѣло приниматься; 2) чтобъ армія всегда въ хорошемъ состояніи содержана была и никакого недостатка не претерпѣвала; 3) чтобъ потребныя для того денежныя суммы имѣть и въ готовности содержать, и о всѣхъ государственныхъ доходахъ попеченіе возымѣть, а излишніе расходы сократить; 4) чтобъ въ будущемъ примиреніи принять участіе, и 5) чтобъ не оставлять въ небреженіи и прочія обширныхъ здѣшнихъ областей границы. И, вслѣдствіе того, онъ же, тайный секретарь, словесно объявилъ, что начатіе войны противъ Даніи почитаетъ его импер. в—ство толь нужнымъ и справедливымъ, а нынѣшнее время въ разсужденіи пребыванія здѣшнихъ войскъ въ Германіи и генеральной почти всюду войны толико къ тому удобнымъ, что подобнаго, можетъ быть, никогда не случится, что потому пропущеніе онаго бы во всемъ непростительно. Потому его и. в—ство и хощетъ, чтобъ данныя его о томъ повелѣнія, какъ наискорѣе возможнѣйшимъ образомъ и по лучшему разумѣнію самимъ дѣломъ исполняемы, а никакія, къ затрудненію онаго клонящіяся представленія его в—ству подаваемы не были. И наконецъ, что буде потребныхъ на то денежныхъ суммъ, яко главнѣйшихъ и необходимыхъ способовъ на лицо нѣтъ, а прінсканные Сенатомъ четыре милліона рублевъ на чрезвычайные расходы не такъ скоро получены быть могутъ, какъ того настоящая нужда требуетъ, то его и. в—ство находитъ удобное и ближайшее къ тому средство въ дѣланіи банкоцеттелей. По выслушаніи всего этого, предъявленный способъ къ скорому полученію денегъ найденъ основательнымъ.

2) *Записка графа А. П. Бестужева-Рюмина императрицѣ Екатеринѣ II.*

„Для всевысочайшаго ея и. в—ства извѣстія и на всемилостивѣйшее благоизобрѣтеніе. Ея импер. в—ству безъ сумнѣнія отъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ донесено о заступленіи здѣшняго голландскаго посланника за нѣкотораго купца Рейнгольда по дѣлу заключеннаго Коммерцъ-Коллегіею контракта (на полѣ собственноручная замѣтка Бестужева: „Которые во всемъ свѣтѣ свято содержатся") о смолѣ: но какъ помянутый посланникъ нѣсколькократно просилъ о томъ графа Алексѣя Бестужева-Рюмина, а напослѣдокъ и приложенную при семъ записку прислалъ, то графъ Бестужевъ обойтиться не можетъ оную при семъ всенижайше представить въ такомъ намѣреніи, что не соизволитъ ли ея импер. в—ство Сенату повелѣть, по разсмотрѣніи сего дѣла, непродолжительную резолюцію и, буде можно купцу удовольствованіе учинить, на основаніи того, что онъ проситъ".

Замѣчаніе императрицы. „Я видела опая прозьба и она отослана въ Сенатъ монополіи признали за вредни и не одинъ городъ разаренъ всѣ exclusions служить другимъ въ примеръ и много такихъ примеръ будетъ есть ли одному дадутъ въ прочемъ я услышу сенатская разсужденія. Гдѣ общество выгриваетъ тутъ на партикулярной ущербъ не смотрютъ".

3) *Записка императрицы Екатерины II* (1-го іюня 1763 г.). „Мнѣ кажется легкоможно отвѣтствовать Киргисъ-касацкому хану на его домогательствы о дозволеніи перейтить съ своимъ скотомъ Яика. Онъ признается за подданной Россіи, слѣдовательно онъ послушенъ будетъ и не найдетъ съ своимъ скотомъ гдѣ имъ заказано понеже всякой Россійской подданной не смѣетъ переходить гдѣ ему не позволено, а естьли у нихъ корма для скота не довольно, то покупаютъ за деньги или вымѣняютъ на товаръ, или запасаютъ на зиму, чего имъ совѣтуется дѣлать, и естьли бы они хотѣли порядошно селиться, то бы имъ удобнѣе было всего нужное для человѣческой жизни имъ имѣть, о семъ Тевкелевъ имѣетъ идеи кажется изрядные. Онъ савѣтуетъ пригласить ихъ, дабы они дали одну крѣпость построить и берется на то самъ оныхъ внутреннихъ народовъ склонить, и какъ бы онъ интриговъ не дѣлалъ противъ Давыдова не худо бы было, естьлибъ вице-канцлеръ князь Голицынъ позволя (должно быть: позвавъ) его Тевкелеву къ себѣ и объявилъ бы ему, что я приказала съ ними посовѣтовать о вышеписанномъ, а князю Александру Михаиловичу надобно въ ту свиданія имѣть великую терпѣнію понеже Тевкелевъ нѣсколько радотироваетъ, и дабы онъ болѣе гаварилъ надобно ему показать податливость входить въ его представленіи, онъ многово полезного знаетъ и весьма великая вѣра тѣ народы къ нему имѣютъ, а послѣ того разговора желаю знать мнѣнія вице-канцлера и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ дабы можно было установить систематическая обхожденія съ ними что служить опослѣ можетъ и съ прочими похожими народами, а по сю пору не видно, чтобъ инако ихъ вели какъ du jour à journée".

4) *Реляція Кейзерлинга изъ Варшавы отъ 26 марта 1763 года.* „Дѣлалъ я нѣкоторыя покушенія, чтобъ литовскаго гетмана Мосальскаго къ принятію пенсіи склонить, токмо тщетно, ибо онъ всегда стоялъ на томъ, дабы ничего не принимать. О благонамѣренности же его, такъ и сына

его, епископа Виленскаго, я удостовѣренъ, что послѣ подтвердилъ и поступокъ ихъ на послѣднемъ Сенатусъ-Консиліумѣ. Результата никто изъ нихъ не подписалъ, и гетманъ еще до окончанія сенатусъ-консиліума въ Вильну отъѣхалъ, а епископъ всѣмъ покушеніямъ и понужденіямъ твердо противился. Я знаю, что фамилія Мосальскихъ охотно желала бы за справедливую цѣну купить маетности Домбровенскія, принадлежавшія прежде сего князю Меншикову, а нынѣ состоящія за фамиліею Сапѣговъ Процессъ о томъ еще не рѣшенъ, да и быть этому сумнительно, потому что дѣло принадлежитъ до трибунала, котораго судьи избираются. Еслибъ князя Меншикова склонить, чтобъ онъ притязанія свои на сіи маетности уступилъ Мосальскому за справедливую цѣну, тобъ я уступательное письмо къ нему для подписанія переслалъ. (Здѣсь замѣтка императрицы Екатерины: „О семъ гг. канцлеры могутъ говорить съ княземъ Меншиковымъ; однако я никакъ его къ тому принудить или приневолить не желаю, но, кажется, сумма денегъ лучше, нежели пустыя претензіи".)—Я и самъ помышлялъ, не надобно ли гетмана Браницкаго пенсіею къ интересу вашего императорскаго величества преклонить. Токмо его кредитъ не столь великъ, и не больше силы его, какову онъ по своему чину при арміи имѣетъ, которая изъ шляхетства состоитъ. Онъ непостояненъ, нескрытенъ и находится совсѣмъ въ рукахъ жены старосты Торжинскаго, такъ и его самого да нѣкотораго духовнаго, коихъ преданность Франціи весьма извѣстна. По такимъ обстоятельствамъ сумнительно его на нашей сторонѣ имѣть, къ тому же нельзя ему и тайности нашего дѣла ввѣрить. Изъ пересланныхъ денегъ я безъ нужды ничего не употреблю, токмо и предусмотрѣть не могу же, будетъ ли отъ того всегда польза, такъ какъ пахарь не знаетъ, всѣ ли посѣянныя имъ сѣмена взойдутъ".

5) *Письмо Фридриха II къ императрицѣ Екатеринѣ изъ Бреславля, отъ 7 февраля 1762 года.*

Madame ma soeur. Je félicite votre majesté imperiale de tout mon coeur sur son avénement au trône, vous pouvez être persuadé, Madame, que j'y prens une très sincère part, je ne puis m'empêcher de vous regarder ainsi que l'Empereur comme mes vrais amis, je ne puis m' expliquer plus librement sur ce sujet, mais je me flatte que votre majesté imperiale sera persuadé que mes sentimens repondent entièrement au siens et que je ne desire que de vous donner, Madame, ainsi qu'a l'Empereur des marques de ma haute estime et de mon attachement, étant avec la plus grande considération Madame ma soeur de v. m. i. le fidèle et bon frère Frédéric.

6) *Собственноручная инструкція императрицы Екатерины II полковнику Пучкову* (1763 года).

Секретная инструкція полковнику Пучкову: 1) Надлежитъ вамъ ѣхать въ Вильну въ Литву; 2) изъ Иностранной Коллегіи вамъ даны будутъ восемь тысячъ рублей; 3) канцлеръ графъ Воронцовъ вамъ письмо отдастъ отъ себя къ графу Флеммингу, великому подскарбію Литванскому, сей послѣдній вамъ поможетъ дѣйствомъ и совѣтомъ; 4) а коммисія ваша состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Потому что королевская польская партія старается во всѣхъ мѣстахъ республики усилиться, то и ищетъ она и нынѣ въ будущемъ въ Литвѣ трибуналѣ учинить, чтобъ отъ ея воли и желаній оный зависѣлъ, воевода Виленскій признаетъ по ихъ обстоятельствамъ чрезъ допущеніе или недопущеніе къ присягѣ избранныхъ депутатовъ, въ которомъ намѣреніи молодому князю Радзивиллу оное мѣсто дано, чтобъ чрезъ него на свою сторону перевѣсъ сдѣлать; а потому что большая часть дворянства къ $^{4}/_{15}$ апрѣля въ Вильну сберется такъ мы разсудили, чтобъ для лучшаго исполненія намѣренія нашего, а Польскому Двору противные по курляндскимъ пограничнымъ распрямъ между нами и внутреннимъ польскимъ обстоятельствамъ, по которымъ надлежитъ нашей россійской партіи перевѣсъ имѣть васъ отправить и дать вамъ восемь тысячъ рублей, дабы вы тѣмъ могли себя подкрѣплять по обстоятельствамъ и посовѣтовавъ съ графомъ Флеммингомъ; и какъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ оскорбительныя и вымышленныя противъ Россіи всѣваютъ между мелкимъ дворянствомъ мысли, такъ слѣдовательно, чтобъ оныя во всѣхъ мѣстахъ сколь можно отвращать стараться надлежитъ. Екатерина.

7) *Собственноручное письмо императрицы Екатерины II къ графу Кейзерлингу.*

Monsieur le comte Kayserling, je vous fait cette lettre, pour savoir votre avis; l'Angleterre me presse extrêmement pour conclure un traité de commerce et d'alliance avec moi, j'ai voulu voir avant que d'y entendre quel tour les affaires de l'Europe prendroient, c'est à cet effet que j'ai éludé sous different prétexte de même entrer dans les propositions qu'on me faisoit, à présent que je n'ai plus de bons prétextes à alléguer, j'ai ordonné d'entendre les propositions de l'ambassadeur d'Angleterre, le collége des affaires étrangères a fait un projet pour un traité d'alliance et defensive, mai avant que d'y entrer je voudrais savoir ce que vous en pensez, j'ai ordonné de declarer à la cour de Vienne et celle de Prusse en confidence que l'Angleterre me faisoit des propositions de traité d'alliance que je n'y avois pas voulu entrer avant que de leur en faire part, j'ai fait cela afin que les deux cours ne prennent point d'ombrage et puissent me faire des propositions de traité d'amitié de quoi j'ai écrit au roy de personne il y a huit jours. Je vous dirai tout net que mon but est d'être liée d'amitié avec toutes les puissances et même jusqu'à la defensive afin de pouvoir toujour me ranger du côté du

plus opressé et être par la l'ârbitre de l'Europe; je vous prie de me dire, si je me trompe et cela très librement je vous envoye cijoint le projet fait au collége.

8) *Отъ той же къ тому же.*

A Peterhof 6 juillet 1763. Monsieur le Comte Kayserling. Ensuite de vos rapports secrèts addressés à moi en propre, je vous ai fait connaître mes intentions que je ne veux ni ne puis statuer d'autre époque que la mort du roy de Pol. pour donner la main à la confédération de ce pais là. Je ne m'étonne pas cependant de l' impatience que mes amis font voir par leurs demarches empressées, afin d'amener les affaires à ce dénouement avant le terme, leur intérêt est si grand et leurs vues sont si importantes que s'ils y parviennent, ils seront excusables aux yeux du publique dans tous les moyens. Il n'en est de même à mon égard, ma vraie gloire souffrira sans doute si je vais contribuer au détrônement d'un prince voisin et ami et cela pour aucune autre cause que sa trop grande confiance peut-être dans un ministre fourbe et faible (qui est même au bord du tombeau) qui est autant téméraire dans les entreprises que lâche dans leur execution. Mais commencer la confèderation et la faire durer jusqu'à sa mort, se tems indeterminé ne pourra-t-il pas absorber chez moi des sommes d'argens si considérables et altérer et varier tout mon crédit et l'influence chez les autres, que sûrement on aura de la peine à évaluer le prix de l'un et de l'autre par cet avantage que mon empire doit se promettre par la suite de l'élection d'un roy national, au reste je ne crois pas avoir besoin à vous parler ici de la nature politique relative à mon empire d'une confèderation courte qui se termineroit par le retablissement du bon ordre dans les affaires intérieures du payx (si tout est que cet ordre en effet peut avoir lieu dans un gouvernement comme celui-la) je vous connais trop. M-r le comte Kayserling pour un ministre éclairé et fidèle pour que je puisse douter un instant de votre zèle et votre pénétration pour l'intérêt autant principal que permanent de mon empire; car ce n'est pas sans doute cette sorte de despotisme casuelle d'un parti soutenu par des intrigues et des ressources de sa cour que puisse se former à la fin un gouvernement monarchique qui est un objet d'alarmes seul et vrai pour des voisins, ainsi ne doit-on point regarder ce despotisme présent plutôt comme la perpetuité d'une anarchie fondée dans le principe de leur forme de gouvernement que comme un acheminement réelle à un état régulier de la nation. J'ai voulu vous indiquer ces considérations primitives uniquement pour votre propre direction afin que vous puissiez reconnoître mes principes sur lesquels je vous ai envoyé les derniers ordres de ma main, de retenir mes amis de la confédération prématurée en leur donnant en même tems des assurances des plus positives que nous les soutiendrons fidélement en tout ce qui est raisonnable jusqu'au terme de la mort du roy, auquel terme nous agirons sans doute en leur faveur. J'ai cru d'autant plus nécessaire de vous faire cette lettre que j'ai vue dans votre dépêche adressée au collége sous № 47 du 9/20 de ce mois que le parti mal intentionnée se donne beaucoup de mouvement pour exiger un armement entre eux et dans leurs troupes, quand je confronte cet avis avec celui que vous m'aviez donné dans votre dernière relation, adressée à moi en propre et qui est que nos amis s'arment et enrôlent le monde avec autant d'ardeur et d'empressement comme s' ils avoient déjà mon consentement positif à former la confèderation sur le champ, je trouve assez vraisemblable que les premiers ayent cru y être agacé d'avantages par cette ardeur inconsiderée des nôtres. L'entrée présente en Pol de mes quatres regimens peut occasionner encore plus de fermentation dans les esprits, surtout relativement aux marches et à la conduite de ces troupes que vous avez à diriger en conséquence de mes ordres. Ainsi je trouve bon de vous préscrire que vous ayés à diriger l'un et l'autre avec toute la prudence et la sagacité que je vous connais, en vous contentant d'adoucissement de ceux qui peuvent se trouver véritablement insupportables pour les bien intentionnés dans la conduite du tribunal de Vilna, afin que cet expédient que nous avons accordé à leur sollicitation n'excède point notre intention qui est de ne point laisser venir leurs affaires a une rupture ouverte avant notre terme, et pour cette fin je veux que vous abregiés le sejour de mes regimens dans ce pays-là autant, qu'il vous sera possible et que vous leur fassiés prendre le chemin le moin affecté pour leur retour dans leur quartier. Vous sentirés bien vous même que tout ce que je vous prescris ici n'est que pour prévenir une confédération contraire à mes intérêts.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ тому XXIII:

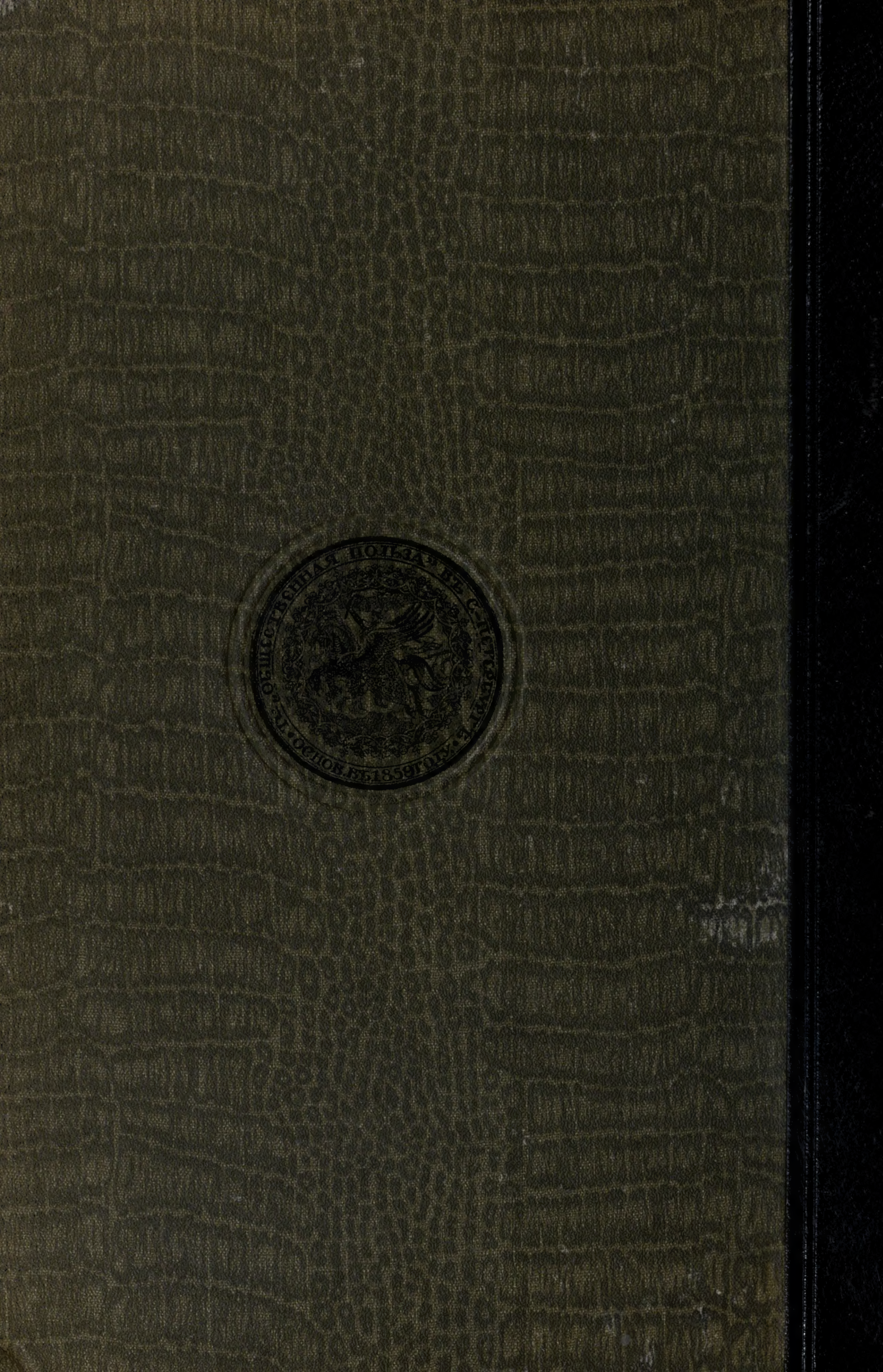
Показаніе графа Чернышева Захара. „1753 года, января 11, будучи въ компаніи съ г. полковникомъ Левонтьевымъ, скоро послѣ обѣда соглашались мы съ прочими, бывшими въ оной компаніи, ѣхать въ гости, а Левонтьевъ, не соглашаясь съ онымъ, привелъ меня ему сказать, что онъ мудреный человѣкъ и своенравный, что съ нимъ никогда ни въ чемъ согласиться нельзя, на что онъ въ отвѣтъ сказалъ, что „я-де Шотланецъ, и слова своего не перемѣню; ужъ я вамъ сказалъ, чтобъ вы ко мнѣ ѣхали, такъ противъ и остаюсь"; то я ему сказалъ, что „ты не великая диковинка, а буде желаешь, чтобъ мы къ тебѣ ѣхали, то надлежитъ тебѣ просить, ибо тебѣ честь дѣлаютъ, кто пріѣзжаетъ, а не ты имъ, что ихъ у себя принимаешь", на что онъ мнѣ сказалъ: „Ты врешь и ну къ чорту"; то я ему сказалъ: „Увидимъ, кто у насъ къ чорту пойдетъ"; и я вышелъ вонъ и, помѣшкавъ немного въ другой горницѣ, увидѣлъ, что онъ съ великою прыткостью изъ той горницы, гдѣ мы сидѣли, бѣжитъ, то я хотѣлъ въ другую горницу отойтить, но онъ сзади меня въ щеку ударилъ, то я, для опасенія своего обнаживъ шпагу, оборотился на него и увидѣлъ и у него въ рукахъ обнаженную шпагу, и въ самое то время онъ меня ею по головѣ ударилъ, отъ чего и теперь на оной рана есть; я же въ дѣйствительную оборону свою покололъ его въ бокъ; но онъ, брося свою шпагу изъ рукъ, кинулся на меня и съ ногъ сшибъ; и какъ услышали оное въ другой горницѣ, то г. полковникъ Панинъ, прибѣжавъ, его съ меня снялъ". — Леонтьевъ показалъ: какъ онъ Чернышеву сказалъ: „врешь", то Чернышевъ сказалъ: „ступай", и самъ вышелъ; Левонтьевъ за нимъ сунулся, но держалъ его князь Василій Долгорукій и не пускалъ минутъ съ семь, однакожъ онъ вырвался, Чернышевъ уже стоитъ съ обнаженною шпагою и пошелъ на него и поколол; онъ, выхватя, своею — Чернышева въ голову порубилъ, который упалъ, онъ сѣлъ ему на груди и тутъ его сволокли. (Изъ Государ. Архива).

Къ тому XXIV:

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1761 года, въ № 97 (4 декабря), напечатано слѣдующее заявленіе: „Коллежскій совѣтникъ Андрей Володиміровъ сынъ Удаловъ изъ покупного его Нижегородскаго уѣзда, села Фроловскаго, изъ деревень бѣжавшимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ отъ какихъ-либо несносныхъ непорядковъ,—а гдѣ нынѣ они живутъ неизвѣстно, — чрезъ сіе даетъ знать свое намѣреніе въ пользу ихъ и свою, чтобъ они возвращались на прежнее свое жилище, или-бъ здѣсь являлись у него въ С.-Петербургѣ: онъ будетъ принимать ихъ со всякимъ къ нимъ вспомоществованіемъ, такъ какъ ихъ помѣщикъ, и содержаны будутъ впредь въ добромъ порядкѣ безъ отягощенія, и тѣмъ были бъ неизмѣнно увѣрены"

Къ тому XXV:

Примѣч. 1, на 1441 стр. Въ Шведскихъ дѣлахъ 1768 г. есть переводъ записки шведскаго посланника въ Петербургѣ, Дюбена, гдѣ сказано: „Генералы— графъ Захаръ Чернышевъ, Румянцевъ и Панинъ за великую обиду себѣ ставили, что главная команда надъ назначеннымъ въ Польшу корпусомъ поручена была младшему генералу, князю Волконскому, почему Чернышевъ просился въ отставку, и какъ тотчасъ онъ въ томъ удовольствованъ и о такой его отставкѣ обнародовано было весьма унизительнымъ для него указомъ, то онъ въ немалой заботѣ находился и всевозможнымъ образомъ старался опять въ службу принятымъ быть, что, наконецъ, хотя и не безъ великихъ затрудненій, графы Орловы ему исходатайствовали".


Т-ВО «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» ВЪ С-ПЕТЕРБУРГѢ
ОСНОВ. ВЪ 1859 ГОДУ